

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II**

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ
И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА

МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Анварь ~ Май

Под общей редакцией
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых
Митрополита Крутицкого и Коломенского
Ювеналия

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БУЛАТ

ТВЕРЬ 2002

Издание подготовлено под руководством и общей редакцией
Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия,
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых

Над сбором и изучением архивных материалов работали:

игумен Дамаскин (Орловский),

клирик города Москвы, Председатель регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»,
член Синодальной Комиссии по канонизации святых;

священник Максим Максимов,

клирик Московской епархии, секретарь Синодальной Комиссии по канонизации святых,
секретарь Московской епархиальной Комиссии по канонизации святых;

священник Олег Митров,

клирик Московской епархии, член Московской епархиальной Комиссии
по канонизации святых;

Романова Светлана Николаевна, кандидат исторических наук;

Иноземцева Зинаида Петровна, кандидат исторических наук;

Злых Наталья Владимировна;

Первозванская Татьяна Николаевна;

Гринь Галина Николаевна

Особая благодарность

руководителю Федеральной Архивной службы России, члену-корреспонденту
Академии Наук Российской Федерации, доктору исторических наук

Козлову Владимиру Петровичу,

сотрудникам Росархива, дирекции и сотрудникам Государственного архива Российской
Федерации (ГАРФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА),
Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ)

Издание осуществлено

благодаря финансовой поддержке регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

ISBN

Редактор – *Новикова Галина Васильевна*

Художник – *Новиков Николай Михайлович*

© Региональный общественный Фонд «Память мучеников
и исповедников Русской Православной Церкви». 2002

© Текст – составители житий. 2002

© Макет и оформление – Новиков Н. М. 2002

Возлюбленные о Господе служители Алтаря Господня, дорогие братья и сестры!

Все мы являемся свидетелями великого чуда рождения Русской Православной Церкви. Многие из нас знают не понаслышке о тех испытаниях, которые пережила наша Русская Церковь в ушедшем XX веке. Невиданные по масштабу гонения обрушились на Нее, неисчислимые жертвы принесены Ее чадами ради Христа.

Какой урок можем вынести мы из пережитого Церковью Христовой в XX веке? Ответить за нас может священномученик Иларион, архиепископ Верейский: «В эти годы лишь окрепла моя вера в Церковь и утвердилось сердце мое в надежде на Бога... Когда очень многое из дел человеческих оказалось построенным на зыбучем песке... Церковь Божия стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багрянницею и виссом, кровью новых мучеников. Что мы знали из церковной истории, о чем читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят... Не веруем только, но и видим, что врата адовы бессильны пред вечным Божиим созданием. Среди ветров лжеучений, среди мутных яростных волн злобы, лжи и клеветы неистовых врагов как скала стоит Церковь...»

Канонизация новомучеников и исповедников Российских XX века, осуществленная Архиерейским Юбилейным Собором в августе 2000 года, бесспорно, является одним из величайших событий за всю историю бытия Русской Православной Церкви. Нам, очевидцам этого события, может быть, еще не вполне ясно, какие духовные перспективы открываются для нас в узнавании подвига неисчислимого сонма подвижников веры.

Среди трудностей современной жизни российского общества, в окружении безбожия, иноверия и сектантства, расколов и ересей, вопреки пропаганде зла, насилия, стяжательства, небывалого разврата и новых, ранее немислимых соблазнов, перед лицом еще неведомых испытаний наступившего XXI века – Русская Православная Церковь подвела итог своему духовному опыту за XX столетие. Кровью своих мучеников Русская Церковь приготовила себя к вступлению в III тысячелетие.

Благодарное принятие нами этого опыта святости может вновь объединить нас. Указывая на сонм святых новейшего времени и призывая искать их молитвенного заступничества, Церковь исполняет свой материнский долг по отношению к народу, который ждет от Нее освящения.

«Прославляя подвиг новомучеников, Русская Православная Церковь уповает на их предстательство и молится, да пробавит Господь милость Свою на нас и даст всем нашим соотечественникам время на покаяние, зажжет в их сердцах огонь веры, ревность о возрождении Руси Святой, нашего земного Отечества»*.

Желаю всем читателям воспламениться ревностью о спасении, надеждой на помощь Божию в тесных обстоятельствах нашего жития. По молитвам новомучеников и исповедников Российских XX века да даст нам Господь потрудиться во славу Божию и Церкви Христовой для спасения вечного.

С любовью о Господе

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Гавриил', with a cross symbol above the first letter. The signature is written in a cursive, flowing style.

МИТРОПОЛИТ КРУТИЦКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ
Председатель Синодальной Комиссии по канонизации святых

---

* Деяние Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века. Москва, Храм Христа Спасителя, 13–16 августа 2000 года.

В первую книгу многотомного издания «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии» вошли жизнеописания 62 подвижников, прославленных в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

Порядок, в котором расположены жития в сборнике, определен древней агиографической традицией. Все жития помещены в хронологическом порядке по дням памяти подвижников. Данный том включил в себя жития тех, чья память пришлось на месяцы январь — май включительно.

Внутри каждого месяца жития распределены по числам — датам памяти, которые указаны по старому стилю, а в скобках указывается гражданский новый стиль. День памяти может не совпадать с фактическим днем кончины подвижника в том случае, если кончина случилась в день двенадесятого или другого великого праздника. В этом случае память святого перенесена на другой день.

Память каждого подвижника, согласно Определению Юбилейного Архиерейского Собора о канонизации новомучеников и исповедников Российских XX века, совершается в день кончины и в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских 25 января (7 февраля), если этот день совпадет с воскресным днем, а если этот день не совпадет с воскресным днем, то в ближайшее воскресенье после 25 января (7 февраля).

У некоторых мучеников и исповедников пока не удалось установить точный день кончины, поэтому их память совершается только в день Собора новомучеников и исповедников Российских.

Некоторые подвижники объединены в одном житии по причине того, что служили в одном храме или благочинии и (или) были арестованы по одному делу. Они также могли пострадать не в один день, однако память их, согласно церковной традиции, совершается вместе в один день.

В большинстве случаев удалось найти фотографии мучеников и исповедников. Они публикуются в данном сборнике вместе с житием. Поскольку труд создания икон еще

ждет своих усердных делателей-иконописцев, составители сборника выражают надежду, что данный материал явится для них неоценимым подспорьем.

Работа по выявлению новых имен новомучеников и исповедников Российских продолжается. Архиерейский Юбилейный Собор 2000 года определил: «В послесоборное время поименное включение в состав уже прославленного Собора новомучеников и исповедников Российских совершать по благословению Святейшего Патриарха и Священного Синода, на основании предварительных исследований, проведенных Синодальной Комиссией по канонизации святых» (пункт 14 Деяния о Соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских). Этот сборник включил в себя жития тех из них, кто был прославлен на Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 года, а также вошедших в Собор новомучеников и исповедников Российских в послесоборный период на основании решений Священного Синода в 2000 и 2001 годах.

В конце книги в качестве приложения помещен список святых, чьи жития вошли в этот сборник, с указанием времени включения их имени в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века.

Свои замечания, предложения и дополнения Вы можете присылать по адресу: 119 435 Москва, Новодевичий проезд 1, Синодальная Комиссия по канонизации святых.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМП – Архив Московской Патриархии
- ГАКО – Государственный архив Костромской области
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
- ПСТБИ – Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ
- ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области
- ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
- ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы

Января 4 (17)

Священномученик Павел (Фелицын) <i>Составитель С. Н. Романова</i>	14
---	----

Января 18 (31)

Священномученик Николай (Красовский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	16
---	----

Января 23 (5 февраля)

Преподобномученица Евдокия (Кузьминова) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	20
Преподобномученица Екатерина (Черкасова) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	23
Мученица Милица (Кувшинова) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	28

Января 25 (7 февраля)

Преподобномученик Евтихий (Качур) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	31
Преподобноисповедницы Афанасия (Лепешкина) и Евдокия (Бучинева) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	34
Мученик Михаил (Новоселов) <i>Составитель Е. С. Полищук</i>	41

Февраль 4 (17)

Священномученик Иоанн (Артоболевский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	52
Священномученик Николай (Кандауров) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	59
Священномученик Александр (Соколов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	64

Священномученик Николай (Поспелов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	66
Священномученик Евстафий (Сокольский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	74
Священномученик Алексей (Лебедев) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	77
Священномученик Алексей (Шаров) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	80
Священномученик Сергей (Соловьев) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	82
Священномученик Александр (Минервин) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	86
Священномученик Иоанн (Алешковский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	89
Преподобномученик Феодосий (Бобков) <i>Составитель С. Н. Романова</i>	92
Мученик Иоанн (Шувалов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	94

Февраля 6 (19)

Священномученик Василий (Надеждин) <i>Составитель И. И. Ковалева</i>	97
--	----

Февраля 8 (21)

Священномученик Симеон (Кульгавец) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	106
---	-----

Февраля 13 (26)

Священномученик Леонтий (Гримальский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	109
Священномученик Иоанн (Покровский) и преподобномученица Анна (Корнеева) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	114
Священномученик Николай (Добролюбов) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	122
Священномученик Василий (Горбачев) <i>Составитель священник Игорь Бычков</i>	125
Преподобномученица Вера (Морозова) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	131
Мученик Павел (Соколов) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	135

Февраля 15 (28)

Преподобномученица София (Селиверстова) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	138
--	-----

Февраля 16 (1 марта)

Священномученик Павел (Смирнов) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	141
--	-----

Февраля 21 (6 марта)

Священномученик Константин (Пятикрестовский) <i>Составитель И. Г. Менькова</i>	143
--	-----

Февраля 22 (7 марта)

Священномученик Виктор (Моригеровский) и мученица Ирина (Смирнова) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	149
---	-----

Февраля 26 (11 марта)

Священномученик Сергей (Воскресенский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	156
---	-----

Марта 1 (14)

Священномученик Петр (Любимов) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	164
---	-----

Священномученик Иоанн (Стрельцов) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	169
--	-----

Священномученик Василий (Никитский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	171
--	-----

Преподобномученица Анна (Макандина) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	177
--	-----

Мученица Надежда (Аббакумова) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	181
--	-----

Марта 7 (20)

Преподобномученик Нил (Тютюкин) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	184
--	-----

Преподобномученицы Мария и Матрона (Грошевы) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	187
---	-----

Марта 9 (22)

Священномученики Сергей (Лебедев), Дмитрий (Гливенко), Алексей (Смирнов) и Сергей (Цветков) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	193
Священномученик Михаил (Маслов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	209
Священномученик Николай (Горюнов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	212
Преподобномученик Иоасаф (Шахов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	215
Преподобномученица Наталия (Ульянова) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	219

Марта 12 (25)

Преподобномученик Владимир (Волков) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	222
--	-----

Марта 23 (5 апреля)

Священномученик Василий (Коклин) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	226
Преподобномученица Анастасия (Бобкова) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	229
Мученик Алексей (Скоробогатов) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	233

Апреля 17 (30)

Священномученик Феодор (Недосекин) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	236
---	-----

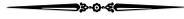
Мая 13 (26)

Священномученики Василий (Соколов), Христофор (Надеждин) и Александр (Заозерский), преподобномученик Макарий (Телегин) и мученик Сергей (Тихомиров) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	243
Письма священномученика Василия (Соколова)	269

ПРИЛОЖЕНИЕ	286
-------------------------	-----

ЖИТИЯ

Январь ~ Май

Января 4 (17)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Павел (Фелицын)

Священномученик Павел родился в 1894 году в семье священника Иоанна Фелицына. В то время они жили в селе Карпово Дмитровского уезда Московской губернии.

После окончания школы и ремесленного училища Павел Иванович был призван в армию, где служил рядовым с 1915 по 1916 год. В 1916 году он попал в австрийский плен и находился там до 1918 года.

В 1923 году многое изменилось в жизни Павла Ивановича. Умер его отец, и в том же году, несмотря на разворачивавшиеся гонения на Церковь, он стал священником.

Первоначально местом служения отца Павла было село Горки Дмитровского района Московской области, а с 1931 года он стал служить в селе Леоново Ростокинского района (сейчас это территория Москвы) в храме Ризоположения. У отца Павла не было своей семьи, своего дома, он снимал квартиру у вдовы священника села Леоново Смирновой Александры Ивановны.

Священник Павел был арестован 15 ноября 1937 года по обвинению в антисоветской агитации и заключен в Таганскую тюрьму. На допросе следователь спросил:

- Церкви какого направления принадлежите вы?
- Я принадлежу к Тихоновской Церкви.
- Следствию известно, что вы на квартире у Смирновой... проводили контрреволюционную агитацию... признаете, что это было так, или нет?

— Нет этого не было... никакой контрреволюционной агитации против советской власти я не проводил, — отвечал священник.

5 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила священника Павла Фелицына к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере, где он и скончался 17 января 1941 года. Место его смерти и захоронения неизвестно.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-30358.

Января 18 (31)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Красовский)

Священномученик Николай родился 7 мая 1876 года в селе Воинова Гора Московской губернии в семье священника Константина Красовского и его супруги Надежды, дочери священника Симеона Малинина, предки которого более столетия служили священниками в этом храме. Николай Константинович окончил Владимирскую Духовную семинарию и до 1914 года был учителем в Городищевской школе при станции Усад, в нескольких километрах от родного села. В связи с началом Первой мировой войны он был взят в армию и служил санитаром в 10-м сводном госпитале в Москве. После окончания войны вернулся работать в школу в село Городищи. В 1922 году храм в селе Городищи был закрыт и превращен в клуб, и власти заставляли учителей водить туда учащихся. За отказ вести детей в устроенный из храма клуб Николай Константинович был в 1922 году уволен из школы.

В 1924 году Николай Константинович был рукоположен в сан диакона к Успенскому храму в селе Воинова Гора. Священником в храме служил его брат, протоиерей Александр Красовский. В 1931 году он тяжело заболел и вскоре скончался. Этим воспользовались обновленцы. Православный архиерей назначил священником в храм отца Николая Поспелова, но власти по совету обновленца отказали ему в регистрации, и обновленцы захватили храм. Дякон Николай, несмотря на угрозы обновленцев заключить его в Соловецкий концлагерь, отказался с ними служить и

Священник Николай Красовский

был направлен в храм великомученика Никиты в село Кабаново, где служил благочинный церковью Орехово-Зуевского района протоиерей Василий Максимов.

В 1932 году диакон Николай по послушанию архиерею был рукоположен в сан священника к той же церкви. В 1936 году отец Николай был назначен в храм великомученика Никиты в село Дровосеки Орехово-Зуевского района.

Священник Николай Красовский жил один, проводя от дней юности целомудренную жизнь. Это был инок без пострига, исполнявший монашеские правила без внешних обетов. Он с особым усердием прилежал к молитвенным трудам, украшая свою душу постом и бдением. Но особенно украшали его душу любовь к людям, сострадание к бедствующим и нуждающимся, поспешение в оказании благодеяний. В это время множество людей были лишены властями средств к существованию, так как им не выдавались хлебные карточки. Многим из них отец Николай оказывал помощь.

18 января 1938 года отец Николай отслужил всенощную под Богоявление и в ту же ночь был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

— Обвиняемый Красовский, следствие располагает данными о том, что вы среди населения и верующих проводили антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий советской власти. Вы признаете это? — спросил следователь.

— Нет, этого я не признаю, — ответил священник.

— Вы показываете неправду. Следствию известно о том, что вы летом 1937 года агитировали против новой конституции, распространяя о ней клевету.

— Нет, этого я также не признаю.

— Вы опять показываете неправду. В июне 1937 года вы распространяли клевету о колхозах, о якобы плохой жизни в колхозах.

— Этого я также не признаю.

— Следствию также известно, что вы вели повстанческую агитацию среди жителей села Воинова Гора. Признаете ли вы это?

— Этого также не было. И вообще никакой антисоветской агитации я не вел, — ответил священник.

На этом допросы были закончены, а через день и само следствие. 25 января 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Священник Николай Красовский был расстрелян 31 января 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19698.

Января 23 (5 февраля)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Евдокия (Кузьминова)

Преподобномученица Евдокия родилась 17 августа 1884 года в городе Истре Московской губернии в семье мещанина Петра Кузьминова. После открытия в 1909 году в Москве Марфо-Мариинской обители, которую возглавила великая княгиня Елизавета Федоровна, Евдокия поступила туда и несла послушание сестры милосердия. После закрытия обители она вернулась на родину в Истру. За пребывание в Марфо-Мариинской обители ее лишили гражданских прав. В 1934 году Евдокия подала заявление о восстановлении в правах, но власти ей в этом отказали.

Во время гонений на Церковь в конце тридцатых годов соседи по улице, где жила Евдокия, по требованию сотрудников НКВД подписали против нее лжесвидетельства, в которых, в частности, сообщалось, что та говорила: «Заклученных в лагерях заставляют работать день и ночь, по пояс стоять в воде, хлеба им дают по двести граммов, люди умирают сотнями от голода и холода, вот вам демократия и сталинская конституция, а людей арестовывают больше, чем когда бы то ни было». На основании подобного рода свидетельств, а также того, что она до последнего времени является «яркой церковницей», НКВД принял решение об аресте Евдокии, и 19 января 1937 года она была арестована и заключена в Бутырскую тюрьму в Москве.

Допросы начались сразу же после ареста.

— Следствием точно установлено, что вы, являясь яркой церковницей, среди населения города Истры проводили контрреволюционную деятельность. Подтверждаете вы это?

Посадница Евдокия Кузьмина

Москва. Тюрма НКВД. 1938

– Да, я являюсь яркой церковницей, но контрреволюционной деятельностью я не занималась.

– Вы лжете, в октябре 1937 года вы высказывали контрреволюционные террористические настроения по адресу руководителей партии и советского правительства. Требуем прекратить запарительства и дать правдивые показания.

– Повторяю, контрреволюционных террористических настроений я нигде не высказывала.

– Вы также обвиняетесь в том, что высказывали гнусную клевету по адресу советского правительства и советских законов.

– Никакой клеветы по адресу законов и советского правительства я не высказывала.

Допросы продолжались без перерыва в течение двух суток, сопровождаясь угрозами и, по-видимому, пытками, и потому неоднократно прерывались. Но на все попытки следователей заставить Евдокию признать себя виновной она неизменно отвечала: «Не признаю».

26 января 1938 года Тройка НКВД приговорила ее к расстрелу. Сестра Марфо-Мариинской обители Евдокия Кузьминова была расстреляна 5 февраля 1938 года и погребена в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19714.

Января 23 (5 февраля)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Екатерина (Черкасова)

*П*реподобномученица Екатерина родилась 4 декабря 1892 года в селе Кашино Волоколамского уезда Московской губернии в семье крестьянина Михаила Черкасова. Окончив сельскую церковноприходскую школу, в 1915 году Екатерина поступила в Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь, располагавшийся неподалеку от деревни Акатово в Клинском уезде Московской губернии. Обитель была создана в 1890 году сначала в виде общины, а в 1898 году переименована в монастырь. В обители было два храма и около ста сестер. Послушница Екатерина подвизалась там до 1922 года, а затем поселилась в селе Мокруша Истринского района, где в то время стали жить многие сестры из обители.

Оказавшись вне стен монастыря, осиротевшие сестры держались тем, что продолжали хранить уставной образ жизни, пребывая в единомыслии, при одном лишь желании спастись. Как драгоценный бисер с разорванной нити строго-уставного монашеского жития, рассыпались сестры по миру, став идеалом для множества мирян и украшением церковным для верных христиан. Подвизались сестры при храмах и на мирских службах, одних они своим примером укрепляли в вере, других — приводили ко Христу.

Во время гонений в декабре 1937 года были оформлены с помощью лжесвидетелей показания, обвиняющие послушницу Екатерину, на основании которых начальник районного отделения НКВД города Истры выписал справку на арест послушницы.

В этой справке он, в частности, писал, что «Черкасова, являясь ярой церковницей, проводит среди населения города Истры активную контрреволюционную деятельность, высказывая пораженческо-террористические настроения».

Сразу после праздника Богоявления, в ночь на 20 января 1938 года, послушница Екатерина была арестована и заключена в камеру при районном отделении НКВД в городе Истра. Допросы начались сразу же после ареста и продолжались непрерывно.

— Следствие располагает материалами о том, что вы в прошлом являлись монашкой.

Послушница Екатерина подтвердила, что она действительно до 1922 года находилась в Акатовском монастыре.

— Каким репрессиям вы подвергались? — спросил следователь.

— С момента закрытия монастыря и до 1936 года я была лишена права голоса, — ответила Екатерина.

Следователь допрашивал ее до утра следующего дня, пытаясь добиться от нее признания вины, но несколько не преуспел, и на следующий день пришел другой следователь.

— Следствием установлено, что вы, являясь ярой церковницей, среди населения города Истра проводили активную контрреволюционную деятельность и высказывали пораженческо-террористические настроения. Дайте показания.

— Да, я действительно была «монашкой», но контрреволюционной деятельностью я не занималась и пораженческих настроений не высказывала.

— Следствием установлено, что в октябре 1937 года вы распускали провокационные слухи о войне и о падении советской власти.

И следователь зачитал показания лжесвидетеля.

— Я никогда провокационных слухов о войне и гибели советской власти не распускала и террористических настроений не высказывала, — ответила Екатерина.

— Следствием установлено, что в ноябре 1937 года вы среди группы жителей выражали сожаление об известных расстрелян-

Пос.гвиница Екатерина Церкасова

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

ных врагах народа.

И следователь снова зачитал показания лжесвидетеля.

— Такого разговора я никогда не вела, — ответила Екатерина.

— Следствие предлагает вам быть правдивой и дать следствию правдивые показания о вашей контрреволюционной деятельности.

— Я говорю правду, что никогда никакой контрреволюционной деятельности не вела.

Поскольку и этот следователь потерпел неудачу, то пришел третий следователь.

— Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Дайте показания! — потребовал он.

— Контрреволюционной деятельностью я не занималась.

— Признаете себя виновной в предъявленном вам обвинении?

— В предъявленном мне обвинении виновной себя не признаю.

Наступил третий день непрерывных допросов, и третьего следователя сменил четвертый.

— Дайте показания о вашей антисоветской деятельности! — потребовал он.

— Антисоветской деятельностью я не занималась, — ответила послушница.

— Вы также уличаетесь в том, что, будучи ярой церковницей, распускали провокационные слухи о войне и падении советской власти.

— Я действительно являюсь ярой церковницей, но провокационных слухов я не распускала.

— Следствию точно известно, что, будучи ярой церковницей, вы высказывали свое недовольство и сожаление об известных контрреволюционерах, ныне расстрелянных. Это вы признаете?

— Никогда я не высказывала недовольство и сожаление о расстрелянных врагах партии и советской власти.

Вслед за этим следователем к концу третьего дня пришел пятый следователь. И началось все сначала с теми же вопросами. Но как бы ни угрожали следователи, сколько ни допрашивали, какие

показания лжесвидетелей ни зачитывали, послушница Екатерина на все вопросы отвечала, что виновной себя в контрреволюционной деятельности не признает.

После допросов в Истре Екатерина была перевезена в Бутырскую тюрьму в Москве. 26 января 1938 года Тройка НКВД приговорила ее к расстрелу. 4 февраля тюремный фотограф сделал с нее фотографию для палача. В ту же ночь ее повезли на полигон Бутово под Москвой на расстрел. Послушница Екатерина была расстреляна 5 февраля 1938 года и погребена в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19716.
Православные монастыри России.
Краткий справочник. Новосибирск, 2000.

Января 23 (5 февраля)

М У Ч Е Н И Ц А

Милица (Кувшинова)

Мученица Милица родилась 23 ноября 1891 года в селе Улиновка Кобелянского уезда Полтавской губернии в семье чиновника, служившего на железной дороге, Ивана Кувшинова. Милица окончила пять классов гимназии. В начале тридцатых годов она поселилась в городе Истре Московской области. Жила одиноко и вела отношения лишь с монахинями, которые поселились в городе Истре после закрытия монастырей. Она была человеком глубоко церковным, почему, собирая о ней сведения для ареста, НКВД и охарактеризовал ее как бывшую монашку и ярую церковницу, однако на следствии Милица Ивановна сказала, что в монашеском постриге никогда не была.

Допрошенный 15 января 1938 года лжесвидетель показал, будто Милица Ивановна говорила: «Это не советская власть, а изверги, закрыли все церкви, полное гонение на верующих, всех верующих арестовывают ни за что. Вот вам и сталинская конституция!»

22 января 1938 года Милица Ивановна была арестована, заключена в Бутырскую тюрьму в Москве, и в тот же день следователь допросил ее.

- Вы арестованы за контрреволюционную агитацию, дайте показания по этому вопросу.
- Контрреволюционной агитацией я никогда не занималась.
- Следствие предлагает вам быть правдивой и дать ваши показания о контрреволюционной агитации.

Мученица М. М. Кувшинова

Москва. Тюрма НКВД. 1938

— Повторяю, что я контрреволюционной агитацией не занималась.

Допрос продолжался весь день и всю ночь, только следователи сменялись.

— Следствием установлено, что вы в октябре 1937 года высказывали террористические настроения по адресу партии и руководителей советского правительства. — И следователь стал зачитывать показания лжесвидетеля. — Дайте показания по этому вопросу.

— Я такого разговора не вела.

— Следствие предлагает вам быть правдивой и дать правдивые показания о вашей контрреволюционной деятельности.

— Контрреволюционной деятельностью я не занималась и показания я даю правдивые.

23 января следствие было закончено, и 26 января Тройка НКВД приговорила Милицу Ивановну к расстрелу. За день до расстрела сотрудники НКВД сфотографировали ее. Милица Кувшинова была расстреляна 5 февраля 1938 года и погребена в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19713.

Января 25 (7 февраля)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Евтихий (Качур)

Преподобномученик Евтихий (в миру Евфимий Викторович Качур) родился 26 декабря 1891 года в слободе Алексеевка Алексеевского района Воронежской области в день памяти священномученика Евфимия, епископа Сардийского, который долгие годы в изгнании противостоял ереси иконоборчества.

До революции Евфимий принял монашеский постриг с именем Евтихия и вступил в число братии одного из киевских монастырей (в следственном деле монастырь назван «Церковщина»). Рукоположение в иеромонаха состоялось, видимо, после 1917 года.

Место служения иеромонаха Евтихия в 20-ые годы неизвестно, но, как свидетельствует удостоверение о награждении его наперсным крестом, выданное в апреле 1929 года епископом Винницким Варлаамом (Козулей), управляющим Каменец-Подольской епархией, в это время он уже был настоятелем Маркиановского скита Винницкого округа этой епархии. В документе отмечалось, что иеромонах Евтихий награжден «за усердное исполнение священно-пастырских обязанностей и твердое стояние во Святом Православии». Спустя некоторое время иеромонах Евтихий был возведен в сан игумена.

Власти всюду преследовали ревностного пастыря. Его дважды арестовывали (в 1924 и в 1931 годах) и держали под стражей (45 дней в первый раз и 2 месяца во второй).

К моменту ареста в 1937 году игумен Евтихий проживал в городе Зарайске Московской области и работал садовником-цвето-

водом на фабрике «Москож». Его арестовали 22 ноября 1937 года по обвинению в антисоветской агитации и содержали под стражей в тюрьме Коломенского района.

— Следствию известно, что вы среди населения города Зарайска вели активную контрреволюционную деятельность, признаете ли вы это? — спросил следователь.

— Я это не признаю, так как никакой контрреволюционной деятельности не вел.

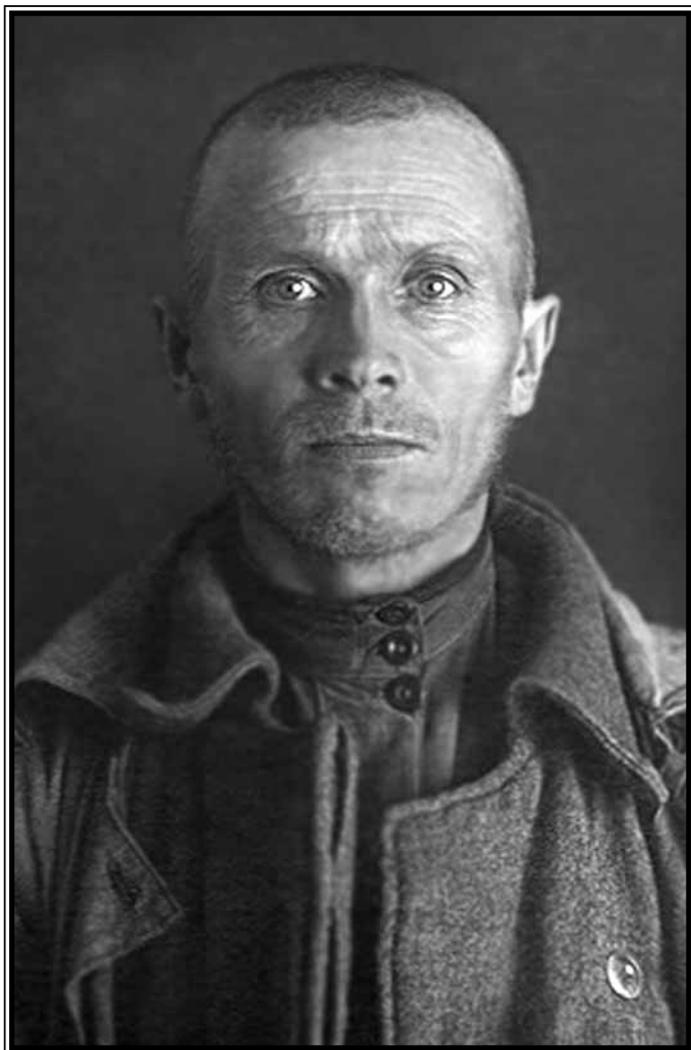
Отец Евтихий не признал себя виновным и в других надуманных преступлениях.

27 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила игумена Евтихия (Качура) к расстрелу. Спустя некоторое время приговор был приведен в исполнение. Место его погребения неизвестно.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19411.

Узунчен Евгений (Качур)

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

Января 25 (7 февраля)

ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИЦЫ

Афанасия (Лепешкина)

Евдокия (Бучинева)

*П*реподобноисповедница Афанасия (в миру Александра Васильевна Лепешкина) родилась 15 марта 1885 года в городе Москве в семье служащего торгового предприятия. У родителей ее, Василия Николаевича и Александры Григорьевны Лепешкиных, было двенадцать детей, но все они умирали в юном возрасте, и из всех детей остались только три дочери. Детям родители старались дать наилучшее по тем временам образование. Александра Васильевна окончила Усачевский институт в Москве и в совершенстве знала французский и немецкий языки. Образование стоило в то время немалых денег, и за обучение ее в институте платили родственники – богатые фабриканты Лепешкины.

Семья купцов и фабрикантов Лепешкиных была издавна известна в Москве своим благочестием и церковной благотворительностью. Брат прадеда игумении Афанасии, Семен Лонгинович Лепешкин, был строителем Троице-Одигитриевской обители, основателем которой был преподобный Зосима (Верховский). Он принимал деятельное участие в строительстве каменного Троицкого храма в монастыре, выстроил каменную ограду вокруг обители, большой каменный корпус для жительства сестер и два каменных небольших, а также каменные погребя. Он купил для обители огорода вблизи Москвы, которые приносили

Узы.иення Афанасия (Ленеуклина)

хотя и небольшой, но постоянный доход. Его отец, Лонгин Кузьмич, был возобновителем и строителем храма преподобного Марона Исповедника в Старых Панех в Москве, который был разрушен почти до основания во время нашествия французов в 1812 году. Он стал и первым же старостой этого храма. После его смерти старостой и благотворителем храма стал его сын, Василий Лонгинович, а после смерти последнего в 1840 году – его сын, Николай Васильевич. В книге о храме писалось о нем: «В буквальном смысле не перечесть жертв и заслуг его для храма! Всё – за самым небольшим разве исключением – все драгоценное, что видит глаз в Мароновском храме, – все это дар, жертва приснопамятного Николая Васильевича Лепешкина: священные сосуды, из которых одни приобретены даже с выставки, на престольные кресты и Евангелия, ценные массивные сребропозлащенные ризы на иконах, таковые же хоругви и лампы, вся церковная утварь, ценные священнические облачения и прочее».

После смерти Николая Васильевича заботы по храму взял на себя его старший сын Василий Николаевич, который был старостой до времени своего отъезда с территории Мароновского прихода в 1895 году, после чего его заменил его брат Иван Николаевич. Главной святыней храма является чудотворный образ преподобного Марона, к которому обращаются страдающие от горячки и лихорадки.

Во время обучения в Усачевском институте, как впоследствии рассказала игумения Афанасия на допросе у следователя в тюрьме, она жила хорошо, всем была довольна, много веселилась и многие студенты относились к ней с большим уважением, много было среди них и поклонников.

Но неожиданно для многих, после окончания в 1902 году института, молодая девушка ушла в монастырь – Троице-Одигитриевскую Зосимову пустынь. В 1904 году игумения Зосимовой пустыни София (Быкова) послала Александру Васильевну в Понетаевский монастырь для обучения живописи. Полгода Александра Васильевна обучалась художеству и, вернувшись в Зосимову пустынь, стала исполнять послушание иконописки. В 1920

году она была пострижена в мантию с именем Афанасия и избрана игуменией Зосимовой пустыни.

В это время монастырь по требованию властей был преобразован в сельскохозяйственную артель, и игумении пришлось часто сталкиваться с представителями властей, ведя с ними переговоры относительно хозяйственной деятельности монастыря. Игумению как главу артели приглашали на заседания уездного исполнительного комитета. Заседания эти проходили в местном клубе. Все члены исполкома рассаживались в этих случаях вокруг поставленного на сцене стола. Появление игумении, сопровождаемой послушницей, вызывало среди членов исполкома неловкость, и однажды один из них, решив пошутить, показал на висящий на стене портрет Маркса и сказал:

— А вот, матушка игумения, Маркс. Он является, собственно, учеником первого социалиста — Христа.

— Вот портрет «ученика» вы поместили здесь, а почему же нет портрета Учителя? — спросила игумения.

В то время, когда игумении пришлось управлять обителью, к трудностям от преследования властями прибавились скорби от болезней, так как уже больше двадцати лет мать Афанасия страдала малярией. Ее часто лихорадило, она не лечилась, и хроническое заболевание в конце концов разрушило ее здоровье. На пасхальной неделе в 1925 году сестры послали за врачом в Алабинскую больницу. Вот как описывает свое посещение игумении врач Михаил Михайлович Мелентьев: «Монастырский двор-кладбище был необширен, тих и пустынен. В центре стоял небольшой белый храм, окруженный намогильными крестами, кое-где с горящими лампадами. По мосткам прошли к игуменскому корпусу, где меня встретила маленькая, согбенная старая монахиня, ласковая и приветливая. В корпусе стоял какой-то давний, уютный запах древней мебели, печеного хлеба, ладана. Тикали часы, и стояла ничем не нарушаемая тишина. Монахиня пригласила меня к столу откусать, а сама пошла доложить игумении о моем приезде...

Держалась она [игумения] величаво-спокойно, говорила чуть-чуть нараспев, с низкими контральтовыми нотами. Ближайший угол и стена были заняты образами. У большого распятия горела лампада и стоял аналой.

Здоровье игумении оказалось в очень плохом состоянии. Я сказал ей, не скрывая, о ее положении и предложил на ближайшее лето выехать в другое место и попытаться подлечиться там. Обстановка с монастырем была сложна и внешне, и внутренне. В монастыре было до трехсот человек сестер, в том числе шестьдесят беспомощных старух. Всех их нужно было прокормить, отопить, одеть, обусть. Поплакала игумения, погоревала, и все это сдержанно, с ясным сознанием огромной ответственности за триста душ, и отпустила меня, не дав ответа. Однако в дальнейшем ухудшение здоровья заставило ее смириться. Я взял на себя ответственность поднять ее на ноги. Это была трудная задача, но Бог помог мне, и моя больная к концу лета настолько поправилась и окрепла, что могла вернуться к себе и приняться за свои дела».

В 1928 году власти закрыли обитель, и игумения Афанасия переехала в село Алабино Наро-Фоминского района, где поселилась вместе со старой монахиней Антонией, которая была с ней с первых дней ее монастырского жития, и послушницей Евдокией Бучиновой. Врач Михаил Мелентьев пишет в своих воспоминаниях об этом времени: «Игумения Афанасия правила всю дневную службу и являлась умственным центром этой маленькой общины. Она же, вместе с матерью Антонией, стегала одеяла. Дуня выполняла более тяжелую работу и служила для сношения с внешним миром. На первую и последнюю недели Великого поста двери их жилища закрывались для всех. Это были дни молитвенного труда и молчания. Но зато и праздник Воскресения был праздником истинно Воскресшего Христа.

К ним ходили за помощью, за советом, за утешением, но ходили в сумерки, вечером, ночью, чтобы меньше видели, меньше сказали. Они же ни к кому не ходили, потому что боялись с собою принести и подозрения, и кару на ту семью, где бы они побывали.

В первый день Троицы 1931 года я пришел к игумении Афанасии, зная, что у нее праздник, что она по-праздничному бездельна и что она будет рада мне. Нашел я ее в десяти шагах от ее дома в небольшом перелеске. Она только что пережила очередное воспаление легких, была слаба, и все ее радовало в ее возвращении к жизни. Стоял чудесный день, жужжали пчелы, пахло лесом. Божий мир стоял во всей своей красе. А через час, когда я ушел, пришла грузовая машина, привезла оперативных работников НКВД, те перевернули жилище, обыскали его, ничего не нашли, конечно, и забрали игумению Афанасию с собой в районный центр, Наро-Фоминск».

Это произошло 25 мая 1931 года. Игумению обвинили в активной антисоветской деятельности и агитации, направленной на срыв мероприятий советской власти в деревне, в особенности коллективизации. Отвечая на вопросы следователя, игумения сказала: «В 1920 году я была избрана игуменией и была ею до 1928 года. Во время моего игуменства был полный порядок и все мне подчинялись. В результате все было хорошо. Во время пребывания моего в монастыре я крепко была предана Богу и так же предана Ему в настоящее время и готова за Бога и за Христа жизнь положить. Больше показать ничего не могу».

Через несколько дней после ареста состояние здоровья игумении резко ухудшилось и ее отправили в больницу, откуда она 30 мая написала врачу: «Многоуважаемый Михаил Михайлович! Шлю Вам привет из Наро-Фоминской больницы. Лежу в заразном бараке. Чувствую себя плохою. Все болит, а особенно левый бок. Температура повышена. Просила дать мне бумагу о моей болезни и нетрудоспособности, но мне ответили — «пока полежите». Сердце мое истерзалось. Осталась я одна. Дуню, наверное, пока я в больнице, угонят, как угнали уж многих. Боюсь я, как бы Антонию без меня не взяли. Войдите в мое положение! Что буду я делать одна, когда не в состоянии понести и пяти фунтов. Хотя бы Вы что-нибудь мне написали и с кем-нибудь ручно передали. Письма и посылки в больницу передают, но личного свидания не разрешают. Может быть, Вы увидите Антонию. Скажите ей, что-

бы она прислала мне молитвенник и Часослов маленького формата. Неизвестность хуже всего. Буду ждать от Вас какого-нибудь слова. Не забывайте меня, находящуюся в большом горе и всегда Вас уважающую».

Вместе с игуменией Афанасией была в то время арестована и послушница Евдокия.

Преподобноисповедница Евдокия (Евдокия Тимофеевна Бучинева) родилась в 1885 году в деревне Дубовицы Спасского уезда Рязанской губернии в крестьянской семье. До 1907 года она работала на фабрике в Москве, а затем поступила в Зосимову пустынь, где подвизалась до закрытия монастыря. Будучи арестованной вместе с игуменией, она так ответила на вопросы следователя: «После ликвидации монастыря мы с игуменией поселились в поселке Алабино Наро-Фоминского района, и я до сего времени состою при игумении. Проживая в поселке Алабино, мы с игуменией занимались рукоделием, на что и существовали, а также к игумении приезжали неизвестные мне люди и привозили продукты. Что касается предъявленных мне обвинений в антисоветской агитации, то я таковой никогда не вела и виновной себя в этом не признаю».

10 июня 1931 года Тройка ОГПУ приговорила игумению Афанасию и послушницу Евдокию к пяти годам ссылки в Казахстан. В ссылку им не разрешили ехать свободно, в соответствии с приговором отправили этапом. На второй день по приезде на место ссылки скончалась игумения Афанасия, а на следующий день послушница Евдокия.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 10035, д. П-37123.
 Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги. М., 1994.
 Основы православия. 2000. Март, № 3 (20).
 Православная Москва в начале XX века. Сборник документов и материалов. М., 2001.
 Русский паломник. Валаамское общество Америки.
 USA. 2000, №№ 21, 22.

Января 25 (7 февраля)

М У Ч Е Н И К

Михаил (Новоселов)

*М*ученик Михаил родился в 1864 году в селе Бабье Тверской губернии, в семье, корнями своими тесно связанной с сельским православным духовенством. Его мать Капитолина Михайловна была дочерью священника Михаила Васильевича Зашигранского; отец Александр Григорьевич (1834—1887) также был сыном священника села Заборовье Вышневолоцкого уезда той же губернии — Григория Алексеевича Новоселова, но избрал для себя светскую стезю — окончил Петербургский университет и стал известным педагогом, директором тульской, а затем и 4-й московской классической гимназии.

Получив под руководством отца прекрасное образование в гимназии, Михаил Новоселов продолжил его затем на историко-филологическом факультете Московского университета. К этому времени относится его горячее увлечение идеями Л. Н. Толстого, с которым он был знаком через своего отца еще с детских лет. Искренний, идеалистически настроенный юноша решил на практике осуществить пропагандируемое Толстым учение — жить на земле трудом своих рук. На деньги, оставшиеся после смерти отца, он покупает землю в селе Дугино Тверской губернии и создает одну из первых в России толстовских земледельческих общин. Эта коммуна просуществовала всего два года: интеллигенты не были приспособлены к физическому труду и не могли себя прокормить крестьянским трудом.

Но не только крах толстовских идей на практике повлиял на отход Новоселова от своего учителя. В мировоззрении Толстого

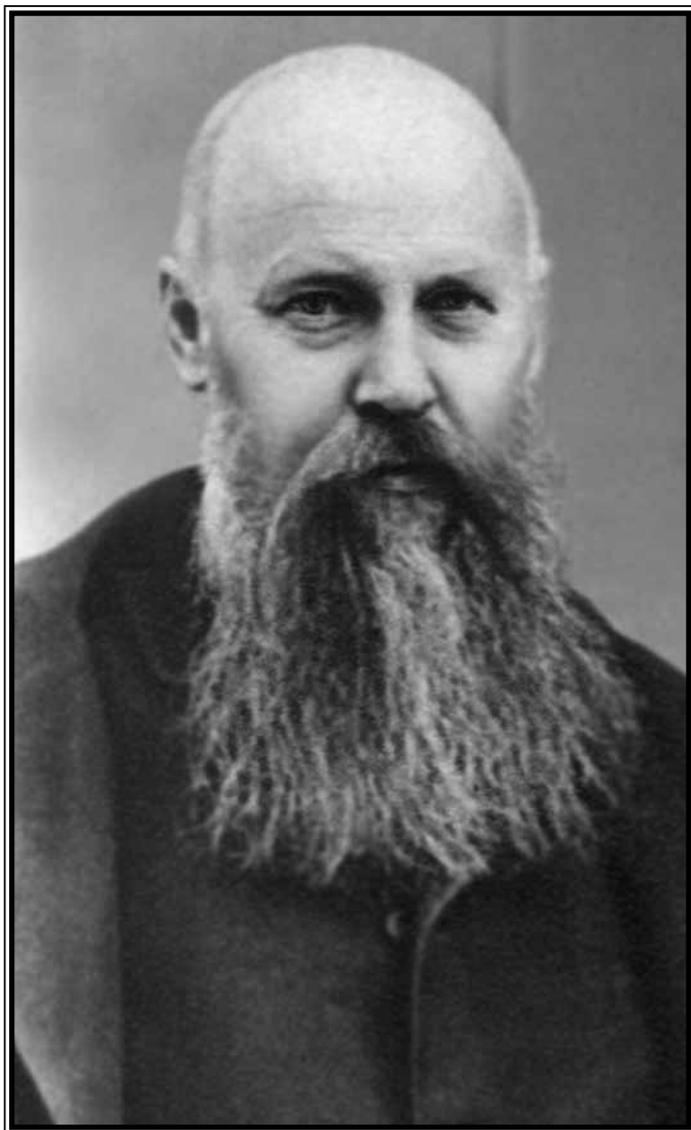
имелся пункт, принять который юноша не мог и в период своего самого горячего увлечения религиозными идеями писателя. Пункт этот — непризнание последним божественности личности Иисуса Христа. Согласиться с этим и жить в пустом и холодном мире нравственного долга ввук священников никак не мог.

Новоселов задумался об истоках духовной крепости народа, позволяющей безропотно выносить тяжелую жизнь, о вере, дающей силы переносить ниспосылаемые Богом испытания. Внимание Новоселова стало все более привлекать православие, испокон веков бывшее для русских людей духовной поддержкой во всех бедствиях.

В итоге трудной и мучительной внутренней борьбы к тридцати годам Новоселов преодолел соблазн толстовства и вернулся в Церковь. Памятником этого возвращения является «Открытое письмо», с которым он обратился к своему бывшему учителю. С горечью он писал Толстому о его учении: «Слова все хорошие: Бог, Дух, любовь, правда, молитва, а в душе пустота получается по прочтении их... Служить вы хотите не Господу, Которого знает и признает вселенское христианство... а какому-то неведомому безличному началу, столь чуждому душе человеческой, что она не может прибегать к нему ни в скорбные, ни в радостные минуты бытия своего».

Со временем Новоселов сближается с отцом Иоанном Кронштадтским, со старцами Оптиной и Зосимовой пустынь, изучает творения Отцов Церкви и постепенно превращается в твердого в своих убеждениях, сознательного и ясно мыслящего православного христианина. Его жизнь наполняется неустанной деятельностью, связанной с оказанием конкретной практической помощи людям. «Очень верующий, безгранично преданный своей идее, очень активный... участливый к людям, всегда готовый помочь, особенно духовно. Он всех хотел обращать. Он производил впечатление монаха в тайном постриге», — так характеризует Новоселова современник.

Обретя — после долгих лет исканий — истину в лоне Православной Церкви, Михаил Александрович посвятил ей всю свою

Михаил Александрович Новоселов

дальнейшую кипучую деятельность. В 1902 году в Вышнем Волочке, где он тогда жил, Новоселов публикует брошюру «Забытый путь опытного Богопознания», посвященную выяснению важности личного религиозного опыта в деле богопознания. В послесловии к ней он писал: «Идя навстречу пробуждающемуся в нашем обществе интересу к вопросам религиозно-философского характера, группа лиц, связанных между собою христианским единомыслием, приступила к изданию под общим заглавием “Религиозно-философская Библиотека” ряда брошюр и книг, дающих посильный ответ на выдвигаемые жизнью вопросы».

Этим выпуском началось издание новоселовской Библиотеки, книжки которой вскоре стали известны по всей России. Уже название первого выпуска говорило о программе и направлении будущего издательства, желающего привлечь внимание к великим духовным сокровищам, добытым святыми отцами и подвижниками, но забытым и не востребованным потомками.

Главная особенность новоселовских духовно-просветительных брошюр заключалась в том, что они были свободны от пороков рационалистического или протестантского школьного богословия и обращались к первоисточкам христианства, выводя читателя на просторы церковного познания через благодать. Словно живой водой брызнули на сухие богословские схемы, будто в душную атмосферу начетнически отвлеченной богословско-философской мысли ворвалась вдруг струя свежего и чистого воздуха — такими словами передавал свое впечатление от новоселовской Библиотеки один из современников.

Новоселовские книги не ограничивались некоей вневременной проповедью, но отвечали на насущные духовные запросы, которые Михаил Александрович хорошо понимал.

Издательская деятельность Новоселова продолжалась до революции — вначале в Вышнем Волочке, а затем в Москве и в Сергиевом Посаде. Заслуги Новоселова в деле духовного просвещения и христианской апологетики были столь несомненны, что в 1912 году он был избран почетным членом Московской Духовной академии. В течение ряда лет он был членом Училищного Совета

при Святейшем Синоде. Когда в 1918 году на Поместном Соборе Православной Всероссийской Церкви был учрежден Соборный отдел духовно-учебных заведений, который должен был изыскать новые пути развития духовного образования в стране, Новоселов получил приглашение принять участие в его работе.

События, последовавшие после 9 января 1905 года, показали Новоселову, что Россия идет к краху. Видя рост радикализма в обществе, он писал 26 октября 1905 года Федору Дмитриевичу Самарину — известному государственному, общественному и религиозному деятелю: «Свобода создала такой гнет, какой переживался разве в период татарщины. А — главное — ложь так опутала всю Россию, что не видишь ни в чем просвета. Пресса ведет себя так, что заслуживает розог, чтобы не сказать — гильотины. Обман, наглость, безумие — все смешалось в удушающем хаосе. Россия скрылась куда-то: по крайней мере, я почти не вижу ее. Если бы не вера в то, что все это — суды Господни, трудно было бы пережить сие великое испытание. Я чувствую, что твердой почвы нет нигде, всюду вулканы, кроме Краеугольного Камня — Господа нашего Иисуса Христа. На Него возвергаю все упование свое».

24 марта 1905 года в собрании частного кружка православных ревнителей Церкви, на котором присутствовало около 60 человек, он сделал доклад «О воссоздании живой церковности в России». Всесторонне охарактеризовав ситуацию в Русской Церкви и признав реформы жизненно необходимыми, Новоселов отметил, что «возрождение требуется произвести правильными путями» и недопустимо начальственное введение «соборности... в 24 часа». Он предложил собрать мнения епископов Русской Церкви по вопросу о характере необходимых преобразований, но чтобы не затянуть дело, немедленно образовать Соборное Подготовительное Совещание из нескольких епископов, духовенства и мирян. Именно таким образом и развивались далее события: уже летом того же года император Николай II издал указ, повелевающий архиереям дать к 1 декабря подробные ответы по всем проблемам будущего церковного переустройства, а через год откры-

лись заседания высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия, деятельность которого, продолжавшаяся с 6 марта по 15 декабря 1906 года и нашедшая свое отражение в четырех объемистых томах, всесторонне подготовила Собор.

Когда первая революционная волна схлынула, настоящего успокоения в обществе так и не наступило, и Новоселов трезво отдавал себе в этом отчет. «Силы очень нужны, — писал он 3 августа 1909 года Ф. Д. Самарину, — так как работы всякой по горло. Мне последнее время все кажется, что нужно спешить делать добро, как выражался д-р Гааз. То есть и всегда это знаешь, да не всегда чувствуешь. Кругом слишком сумрачно, и громы многие слышатся, и волны вздымаются, — а ковчег наш не устроен и требует внимательной, упорной и энергичной работы. Не знаю, как Вы, а я, видя, что “пашни много”, в то же время чувствую, что “дня немного впереди”, что впереди, как хорошо о себе в последние годы жизни выразился Владимир Соловьев, впереди “прочее время живота”. Если бы Вы спросили, около чего вращается теперь моя мысль по преимуществу, если не исключительно, я твердо бы ответил: около души и Церкви. В сущности эти вещи неразъединимы. Так, по крайней мере, у нас в православии. И это — душа и Церковь — есть то единое на потребу, к чему приложится все прочее, чему приложиться положено волей Божией. Окружающее нас — близкое и далекое — особенно и ценно, и значительно, и поучительно со стороны своего отношения к этому сокровищу, ради которого стоит продать все прочее, чтобы получить его. И хотя нависают тучи и слышны раскаты грома, я все больше и больше, — если хотите — в меру усиления грозы, — чувствую всю несокрушимость того Ковчега, непоколебимость Коего обещана нам Истинным Свидетелем, но тем ответственнее чувствуешь себя за ковчег своей души и за ковчег своей Церкви, которые тогда только могут быть в безопасности, когда прикреплены надежно к Ковчегу вселенскому. Довольно тесное общение, в течение почти 1,5 лет, с протестантствующей молодежью и встреча с заграничными представителями англиканства и баптизма еще больше внушили мне уверенность в несравненной истин-

ности нашей Церкви, несущей в себе предание Духа Истины, и сознание исключительной важности всестороннего служения Церкви. Вот на этом предмете и следует нам всем сосредоточить главные силы».

Для реализации этой цели в 1907 году был организован хорошо известный впоследствии в московской церковной среде «Кружок ищущих христианского просвещения». Конечно, это было в духе времени: широкое распространение различных религиозно-философских объединений (кружков, обществ, братств) было одной из характерных форм духовной жизни предреволюционного десятилетия. На заседаниях этих объединений горячо обсуждались всевозможные проблемы христианского вероучения, а их смешанный состав (духовенство, философы, богословы, ученые, писатели) давал возможность непосредственного диалога между Церковью и интеллигенцией, позволял выдвинуть задачу воцерковления последней. Новоселов придавал большое значение такого рода деятельности и участвовал в ней, начиная с заседаний самого первого из таких объединений – Петербургских «Религиозно-философских Собраний» (1901–1903 гг.), неизменно выступая на них со строго церковных позиций в противовес Мережковскому и Розанову. Участвовал он и в работе Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева (1905–1918 гг.), возле которого сосредоточились в то время основные силы русской религиозной философии.

Заседания новоселовского кружка проходили на квартире Михаила Александровича, жившего напротив Храма Христа Спасителя. Главное, что отличало «Кружок ищущих христианского просвещения», – его строго церковное направление: он принципиально ставил себя внутрь церковной ограды, пользовался покровительством ректора МДА епископа Феодора (Поздеевского) и духовно окормлялся старцами Зосимовой пустыни. На его заседаниях царил подлинно православная атмосфера. Здесь не ставилась задача выработки «нового религиозного сознания», агитации и распространения своих взглядов. Руководящей для деятелей кружка была мысль, что внешними мерами – реформами, новыми уставами и т. п. – ничего не достичь, если не

будет внутреннего изменения человека. А достичь такого внутреннего изменения можно было лишь в ходе совместного продуцирования основ православной веры, изучения Писания и Предания. Люди, собиравшиеся на новоселовских «четвергах», стремились реализовать хомяковскую идею соборного богопознания. Цель эта постоянно и сознательно «держалась в уме» — какой бы вопрос ни возникал перед членами кружка.

Центром духовной жизни Новоселова была молитва. В письме к Ф. Д. Самарину от 3 августа 1909 года он писал: «Сердечнейшее Вам спасибо за молитвы обо мне. Мы как-то обычно мало придаем значения этой сфере общения и взаимослужения, а между тем что важнее этого, если оно совершается не формально, а по сердечному влечению. Со времени возникновения нашего “Кружка” я поминаю членов его, лучше сказать, братьев своих, в ежедневной молитве. Кроме того, временами о каждом из них молюсь особо, испрашивая ему у Господа той милости, которая, по моему рассуждению, нужна ему преимущественно... Будем продолжать молитву друг о друге».

Когда в конце 1911 года распространились слухи о возможном рукоположении Григория Распутина, Новоселов выпустил в своем издательстве брошюру «Григорий Распутин и мистическое распутство». Эта брошюра была запрещена и конфискована еще в листах в типографии, а за опубликование выдержек из нее газетой «Голос Москвы» на последнюю был наложен большой штраф.

Приход большевиков к власти знаменовал начало новой эпохи в жизни Русской Православной Церкви — эпохи притеснений, гонений, преследований. Михаил Александрович Новоселов был одним из тех, кто встал на защиту Церкви в это трудное для нее время. Так, он был членом Временного Совета объединенных приходов города Москвы, и мы встречаем его имя на выпущенном этим Советом в начале февраля 1918 года воззвании, которое призывало верующих защищать храмы от посягательств богоборной власти, рекомендуя в случае посягательств власти на церковное имущество «тревожным звоном (набатом) созвать прихожан

на защиту церкви. При этом Совет считает безусловно недопустимым, чтобы прихожане в этом случае прибегали к силе оружия. Если есть поблизости другие храмы, то желательно войти с ними предварительно в соглашение, чтобы и в них раздался тревожный звон, по которому население окрестных приходов могло бы прийти на помощь и своей многочисленностью дать отпор покушению на церковь».

Понятно, что подобные призывы к сопротивлению власти не могли остаться безнаказанными для их авторов. Для Новоселова, в частности, еще и потому, что он продолжал активно работать на ниве духовного просвещения, предоставив свою квартиру для занятий Богословских курсов, открывшихся весной 1918 г. с благословения Святейшего Патриарха Тихона. «Курсы ставили целью приблизить православных мирян к сокровищам благодатной жизни Церкви, знакомя их с проявлениями церковного духа по первоисточникам (Слово Божие, жития святых, творения святых отцов, богослужебные книги и т. д.), и подготовить их к деятельному служению Церкви». На этих курсах Новоселов преподавал и сам. Многие из того, что было подготовлено Михаилом Александровичем для занятий на курсах, было затем использовано им в главном труде его жизни — в «Письмах к друзьям».

Эта непрекращающаяся активность Новоселова неизбежно должна была привлечь к нему внимание органов ГПУ. После распространения весной 1922 года в церковных кругах Москвы резкого воззвания против обновленцев, озаглавленного «Братское предостережение чадам истинной Церкви Христовой», отпечатанного типографским способом в виде листовок и подписанного: «Братство ревнителей Православия. Издание друзей истины», чекистам нетрудно было догадаться о причастности Новоселова к его составлению. Чекисты нагрянули к нему с обыском в ночь на 12 июля, но предполагаемого арестанта дома не оказалось. Однако возвращаться домой Новоселову было уже нельзя, и он переходит на нелегальное положение, «затерявшись» на бескрайних просторах еще помнящей Бога России.

Но и в новых условиях своего существования Новоселов не перестал работать на ниве церковной — вплоть до своего ареста в

1928 году. Памятником этой работы являются его «Письма к друзьям», которые он писал с 1922 по 1927 год — время, когда за горячее слово о христианской вере можно было заплатить не только свободой, но и жизнью. Письма эти предназначались для распространения среди православных, они переписывались и перепечатывались.

Делясь с друзьями по их просьбе мыслями по поводу текущих церковных событий и христианского вероучения, Михаил Александрович писал им письма, беседуя о вере и Церкви. Откликаясь на «злобу дня», он, однако, в своих письмах постепенно переходит к систематическому рассмотрению общего учения о Церкви, ее сущности, ее роли в Божественном Домостроительстве. «Письма к друзьям» — церковно-исторический памятник, спасенный от гибели и дошедший до нас сквозь годы безвременья благодаря подвижническим усилиям и мужеству многих православных верующих.

Последнее письмо, а с ним и вся книга Новоселова завершается следующими возвышенными словами: «Блажен, кто не отступит от Христа среди тяжких искушений, постигающих Церковь, воодушевляясь участием в ее всемирном торжестве, имеющем открыться по скончании мира». К этим блаженным мы, безусловно, должны отнести и самого М. А. Новоселова: вскоре после написания этих строк он был арестован и вступил на крестный путь истинного последователя Христа — Христова исповедника и мученика.

В конце 1928 года Новоселов был арестован. 17 мая 1929 года Особым Совещанием при коллегии ОГПУ он был приговорен к 3-м годам лагеря по статье 58, п. 10 и отбывал срок в тюрьме города Ярославля. Уже в тюрьме 12 сентября 1931 года он получил новый срок — 8 лет, а 7 февраля 1937 года — еще 3 года за контрреволюционную деятельность.

От одного из заключенных, Ахмета Ихсана, чудом вырвавшегося на волю, имеются сведения о пребывании Новоселова в тюрьме. Этот заключенный был турком, обращенным Михаилом Александровичем в православие и ставшим его духовным чадом. Среди своих союзников Новоселов пользовался большим уваже-

нием как человек твердый в вере, его почтительно называли аввой и богословом, — против последнего именованя Новоселов неизменно возражал. В тюрьме Михаил Александрович продолжал отмечать все православные праздники, память святых. Множество людей тянулись к нему, жаждали его духовного руководства, хотя он и не был священником, просили его молить.

26 июня 1937 года Новоселова перевели из Ярославской тюрьмы в Вологодскую, где возбудили против него новое уголовное дело за «систематическое распространение среди сокамерников клеветнических сведений по адресу руководителей ВКП(б) и Советского Правительства с целью вызвать недовольство и организованные действия против установленных тюремных правил и [продолжение?] борьбы в условиях тюрьмы». Как и ранее, Михаил Александрович держался спокойно и твердо, предъявленного ему обвинения не признал и 17 января 1938 года был приговорен Особым совещанием к расстрелу.

ИСТОЧНИКИ:

ОР РГБ. Ф. 265, 195/25—26.

ВЧК. Архивно-следственное Дело № 30819 (Р-25733).

ЦА ФСБ. Арх. № Н7377, т. 2, т. 8.

Таврический церковно-общественный вестник. 1909, № 8.

Новоселов М. А. Письма к друзьям. Предисловие, комментарий и научная подготовка текста Е. С. Полищука.

ПСТБИ, М. 1994.

Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

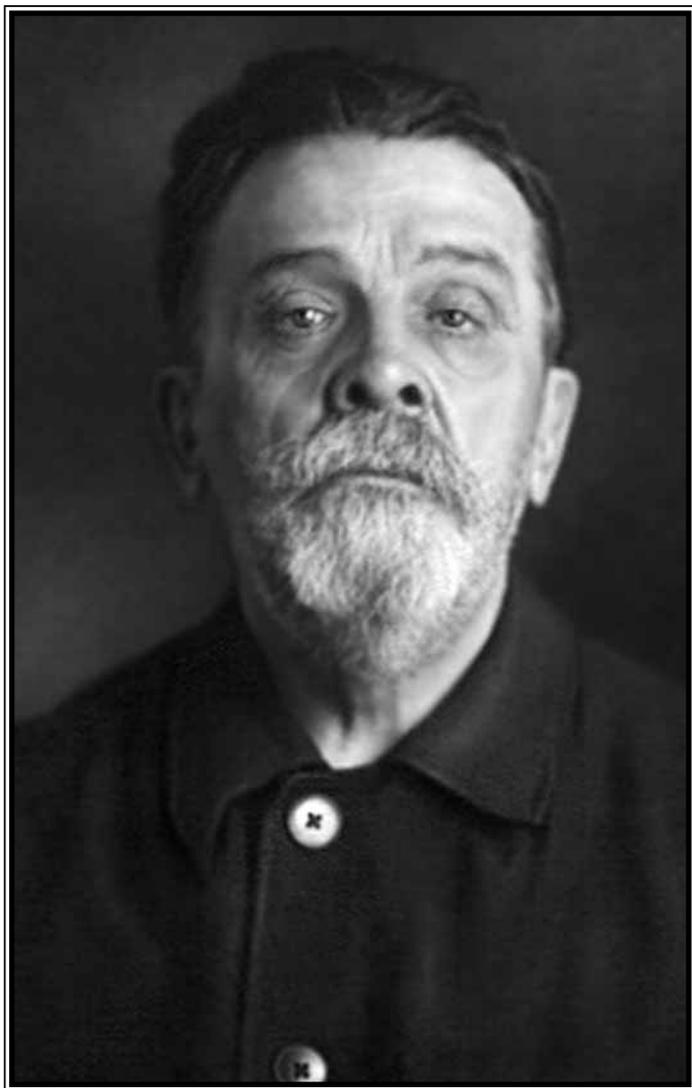
Иоанн (Артоболевский)

Священномученик Иоанн родился 9 января 1872 года в селе Проказна Лунинской волости Мокшанского уезда Пензенской губернии в семье священника Алексея Артоболевского. Иван Алексеевич окончил духовное училище и Пензенскую Духовную семинарию. В 1891 году как лучший ученик семинарии он был послан продолжить образование в Московскую Духовную академию, которую окончил в 1895 году.

Иван Алексеевич уже в студенческие годы был талантливым проповедником, и одна из его проповедей обратила особенное внимание на учившегося тогда же в академии Ивана Васильевича Успенского, впоследствии архиепископа Фаддея*, ревностного подвижника, закончившего жизнь мученически, который записал в своем дневнике, что Артоболевский произнес проповедь о призвании апостолов, «которое явилось важнейшим событием в их жизни. Каждому из нас также предстоит призвание, но так ли мы настроены, как были настроены апостолы при призвании. Апостол Петр, который был опытен в своем деле, в лове рыбы, после чудесного лова, будучи призван, сознал полное свое бессилие. Мы при призвании слышим два голоса — голос разума и голос сердца. Первый говорит о нашей силе: мы изучили не одну лишь внешнюю сторону жизни, изучая историю, но и внутреннюю, изучая психологию, историю педагогики, предохраняющую от ошибок воспитания. Голос сердца говорит нам о нашем

---

* Священномученик Фаддей Тверской (Успенский; 1872–1937).

Протоиерей Иоанн Артоболевский

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

бессилии: готовы ли мы к самоотвержению, к признанию неважными интересы собственной личности, а важными дела других. Выходит разлад, который поможет разрешить Священное Писание. Подобно апостолу Петру мы должны оставить мысль подольше остаться в воспитанном в нас неведении, уяснить себе, что книги не вечное наше достояние: необходимо удовлетворить голосу сердца — развивать в себе самоотвержение, любовь и сострадание».

В 1896 году Иван Алексеевич стал помощником секретаря Совета и Правления Московской Духовной академии и преподавателем Священного Писания и еврейского языка в Вифанской Духовной семинарии. В 1899 году он был удостоен звания магистра богословия за работу «Первое путешествие апостола Павла с проповедью Евангелия». В 1905 году Иван Алексеевич был рукоположен в сан священника ко храму Марии Магдалины при московском Императорском коммерческом училище; в храм он был сразу же назначен настоятелем, а в училище — законоучителем.

В 1911 году отец Иоанн получил звание профессора богословия и был назначен заведующим кафедрой богословия при Петровской сельскохозяйственной академии, а также настоятелем домового академического храма святых апостолов Петра и Павла. В 1916—17 годах читал лекции по богословию студентам Рижского политехнического института, эвакуированного в то время в Москву.

В 1917 году епархиальный съезд избрал отца Иоанна членом Поместного Собора от Московской епархии. На Соборе он принимал активное участие в отделах богослужения и преподавания богословия в высших учебных заведениях.

После революции, в 1918 году, кафедра богословия была упразднена; отец Иоанн продолжал служить священником в храме при академии. В 1919 году он был возведен в сан протоиерея. В ночь с 16 на 17 августа 1922 года отец Иоанн был арестован и заключен во Внутреннюю тюрьму ГПУ. 18 августа состоялся допрос, и на вопросы следователя священник ответил: «В православном кружке христианской молодежи-студентов бывал около

пяти раз в качестве гостя в конце 1921 года и начале 1922 года. Руководителем его я не был. В одно из воскресений Великого поста, перед изъятием ценностей, мною было без всяких комментариев прочитано послание Патриарха Тихона. Считаюсь преданным суду Революционного Трибунала по обвинению в агитации против советской власти. Сознательно я никогда во время проповедей не касался политических тем, но возможно, что иногда приходилось указывать на тяжелое положение страны, голод и прочее».

Следователь, по-видимому, сказал ему, что за содеянное он может быть выслан за границу, и отец Иоанн написал заявление, что просит разрешить ему добровольный выезд в город Ригу за свой счет.

19 августа следователь составил заключение по делу и написал: «Рассмотрев дело о гражданине Иване Алексеевиче Артоболовском, бывшем профессоре Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии по кафедре богословия, обвиняемом в использовании своего положения священнослужителя с целью контрреволюционной агитации во время проповедей в храме и в частном быту, в организации в Петровской сельскохозяйственной академии кружков христианской молодежи, в руководстве и придании им черносотенного характера, в разлагающей деятельности среди студенчества в виде постоянной антисоветской и антикоммунистической пропаганды, облеченной в религиозную форму, в распространении и чтении в церкви провокационного послания Тихона перед изъятием ценностей, то есть в пассивном сопротивлении изъятию, и в том, что с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение пяти лет рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних затруднений для РСФСР он свою контрреволюционную деятельность усиливал, — нашел, что всё вышеизложенное материалами, имеющимися в деле, подтверждается. И посему, на основании статьи 2 литер Е положения о ГПУ от 6.02.1922 года, полагаю: в целях пресечения

разрушительной антисоветской деятельности гражданина Артоболевского Ивана Алексеевича выслать его из пределов РСФСР за границу, но, принимая во внимание его заявление с просьбой о разрешении добровольного выезда за свой счет, из-под стражи освободить, обязав его подпиской о выезде за границу в семидневный срок».

21 августа 1922 года Коллегия ГПУ постановила выслать священника «из пределов РСФСР за границу... Освободить на семь дней с обязательством явки в ГПУ по истечении указанного срока».

На основании этого постановления отец Иоанн был освобожден. Однако 22 августа следователь Революционного Трибунала составил свое заключение, написав, что, «как видно из заявления обвиняемого Артоболевского, он, Артоболевский, подлежит высылке из пределов РСФСР как являющийся опасным для общественного правопорядка и могущий причинить ущерб диктатуре рабочего класса», что «по настоящему делу Артоболевскому грозит тяжелое наказание», что «поэтому пребывание его на свободе является общеопасным» и необходимо «заключить Артоболевского, священника церкви Петра и Павла в Петровском-Разумовском, под стражу в Таганской тюрьме».

На следующий день священник был арестован. 7 октября было составлено окончательное заключение по делу, в котором писалось, что священник «в период изъятия церковных ценностей оглашал в церкви с амвона во время богослужения послание бывшего Патриарха Тихона, призывающее к сопротивлению изъятию церковных ценностей, что с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России рабоче-крестьянской властью, но остался ее врагом... Материал в отношении Артоболевского достаточно полный, и следственных действий более производить не требуется... Материал о священнике представить в Московский Революционный Трибунал на предмет приобщения к имеющемуся делу по обвинению Артоболевского в контрреволюционной деятельности».

Дело было передано в Революционный Трибунал. На процессе, проходившем в Москве в ноябре—декабре 1922 года, отец Иоанн виновным себя не признал. 13 декабря 1922 года Революционный Трибунал приговорил отца Иоанна к трем годам тюремного заключения. 17 января 1923 года постановлением ВЦИК священник был освобожден.

Вернувшись из заключения, отец Иоанн в 1924 году был награжден митрой и включен в состав членов Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне. В Москве он служил в Петропавловском храме при академии до его закрытия в 1925 году, после чего был назначен настоятелем Введенского храма в Черкизове.

28 января 1933 года власти снова арестовали священника и заключили в Бутырскую тюрьму в Москве. Вместе с ним было арестовано тринадцать человек. Все они обвинялись в том, что собирались для бесед на религиозные темы, на которых будто бы вели антисоветскую пропаганду. Следователи, однако, не сумели выдвинуть против них никаких сколько-нибудь основательных обвинений, за исключением тех, которые содержались в показаниях лжесвидетелей, данных ими по приказу следователей. Отец Иоанн на вопрос следователя ответил, что в 1922 году он участвовал в собраниях союза христианской молодежи, которые проходили в помещении Тимирязевской академии. «Беседы велись на церковно-философские темы», — написал следователь. Основной задачей кружка являлось воспитание молодежи в религиозно-нравственном духе. «Участниками кружка являлись студенты высших учебных заведений, но фамилий их я не помню», — сказал отец Иоанн. Когда следователь предложил подписать протокол, написанный со слов священника, отец Иоанн написал: «В христианском кружке молодежи никаких бесед на церковно-философские темы я не вел, да там их и вообще не было. Все дело там сводилось к истолкованию Слова Божия (отдельных мест и отрывков), совокупному обмену мыслями по поводу прочитанного стиха или отрывка. В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю».

15 марта 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Иоанна к трем годам ссылки в Северный край, которую он был отправлен отбывать в Вологодскую область. По окончании ссылки он вернулся в Москву.

22 января 1938 года власти снова арестовали священника, и он был заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

На допросе следователь спросил отца Иоанна:

– Что такое академический день?

– Постановлением советского правительства была закрыта Московская Духовная академия; мы, воспитанники пятидесятого курса академии, живущие в Москве, в память о Духовной академии собирались на молитвенные собрания и товарищеские обеды, – ответил отец Иоанн.

– Какие обсуждались вопросы на ваших собраниях? – спросил следователь.

– На наших собраниях мы делились воспоминаниями из академической жизни и обменивались мнениями по вопросам церковной жизни, службы и так далее.

– Для какой цели вы хранили антиминс?

– Антиминс я хранил как память об отце-священнике, а, кроме того, возможно, и мне пришлось бы служить на нем литургию, – ответил священник.

На этом допрос был закончен. 14 февраля Тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу. Протоиерей Иоанн Артоболовский был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-51948.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-33186.

АМП.

Архив УФСБ РФ по Москве и Московской обл. Арх. № 11013. Т. 3.
Сергий Голубцов, протодиакон. Московское духовенство в преддверии
и начале гонений 1917–1922 гг. М., 1999.

Февраля 4 (17)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Кандауров)

Священномученик Николай родился 21 января 1880 года в станице Барсуковской на Кубани в семье военного Андрея Кандаурова. Со стороны матери, Анны Александровны, многие из предков были священниками. Все предки со стороны отца были военными, большей частью офицерами, почти все были участниками сражений во время многочисленных войн, которые вела Россия, защищая свою независимость. Андрей Кандауров дослужился до офицерского звания и за участие в военных действиях был награжден двумя орденами. Отслужив свой срок, он вышел в отставку и был назначен инспектором народного образования по Северо-Кавказскому округу. В конце XIX — начале XX века по России прокатилась волна революционного террора, когда были убиты многие государственные деятели, офицеры полиции и армии; от террористов страдали и случайные люди. В 1898 году террористами был убит и Андрей Кандауров. Террористы признали, что это убийство было бессмысленным и случайным, и пришли к Анне Александровне предложить ей в качестве компенсации материальную помощь, так как ее муж убит по ошибке, но та только сказала: «Господи, да какая там помощь! Прости вас, Господи, вы не знаете, что творите!»

Это время характеризовалось не только разгаром террора, но и не удерживаемой ничем пропагандой безбожия; дело доходило до того, что дети из семей священнослужителей под давлением общественного мнения отказывались принимать священный сан. Воспитанный в глубоко верующей семье военных, Николай Андреевич был человеком долга, и распространившиеся в обществе трусость и малодушие только укрепили в нем решимость ид-

ти наперекор обстоятельствам, избрать поприще наиболее трудное. «Кому-то надо же быть священником», – сказал Николай своей матери, решив избрать путь служения Богу и народу на пастырском поприще. Он поступил в Ставропольскую Духовную семинарию, которую окончил в 1907 году. Еще будучи семинаристом, он женился на Елене, дочери священника Иоанна Карагачева. Впоследствии у них родилось три сына и три дочери.

В 1908 году Николай Андреевич был рукоположен в сан священника и затем служил в храмах на Северном Кавказе – в станицах Воздвиженская, Новоалександровская, Усть-Лабинская и Рождественская Армавирского округа.

Во время Гражданской войны он служил на Северном Кавказе, когда там проходили активные военные действия. Не обращая внимания на то, занималась ли территория, где был расположен его приход, красными или белыми, он говорил тем и другим, что смотрит на гражданскую войну как на самоубийство нации. Бывало, что после такого рода проповедей офицеры белой армии подходили к нему и просили не говорить подобных проповедей.

После ухода белых и утверждения на Северном Кавказе советской власти начались гонения, разгар которых пришелся на 1922 год – время изъятия церковных ценностей. Местные власти, однако, относились с большим уважением к священнику, и их представители не раз приходили к нему домой и предупреждали о готовящемся аресте: «Николай Андреевич, готовятся документы на ваш арест, уезжайте, мы дадим вам лошадей, берите и уезжайте». Приходили и встревоженные прихожане и также уговаривали священника на время покинуть село. Но отец Николай остался. И по-прежнему бесстрашно говорил проповеди о том, что его волновало, – о всё истребляющем безбожии, о поругании православной России. Проповеди его были настолько созвучны настроению прихожан, – в большинстве своем прошедшим несколько войн казаков, – что, слушая своего пастыря, многие из них плакали. Когда священнику говорили, что его проповеди контрреволюционны и он может быть за них арестован, отец Николай отвечал: «В моих проповедях ничего контрреволюционного нет, я говорю о судьбе нашей России».

Отца Николая арестовали в 1930 году и приговорили к двум годам исправительно-трудового лагеря. В заключении отец Ни-

Священник Николай Кандауров

колай работал сначала грузчиком торфа, а затем кладовщиком на Шатурской электростанции. Во время его заключения дома умерла от голода жена Елена. Голод был в то время такой, что если где умирала на дороге от истощения лошадь, то уже через несколько часов от нее не оставалось ни костей, ни копыт. В станицах на Кубани не осталось ни собак, ни кошек.

Когда отец Николай освободился из заключения, ему был предложен приход в селе Высочерт в Белоруссии. Он был назначен в храм настоятелем и возведен в сан протоиерея. Во время служения отца Николая в Высочерте разразился голод. Семья спаслась от голодной смерти благодаря помощи директора маслозавода; это была глубоко верующая женщина, она оставляла семье священника бидон молока, за которым дети священника шли семь километров.

В 1935 году протоиерей Николай был назначен настоятелем Введенского храма в селе Подлесная Слобода Луховицкого района Московской области. Когда отец Николай приехал в село, то община была рассеяна, а власти приняли твердое решение закрыть храм. Через некоторое время отец Николай собрал вокруг храма крепкую общину, храм был отремонтирован, а крест обновлен. Храм отец Николай содержал в идеальном порядке, это был дом Божий, куда люди шли на праздник. Несмотря на то, что у священника были больные ноги и порок сердца, он пешком обходил свой большой приход. Во время богослужений в храм приходило молиться столько народа, что он не вмещал всех, и люди стояли на улице. Для любого человека, проживающего в округе и попавшего в бедственное положение, священник стал последней опорой и надеждой. Никогда он не отказывал в просьбах нуждающимся. Зачастую, приходя домой, он говорил матери: «Мама, я сегодня вам на еду ничего не дам, у меня нет сейчас денег, все, что было, я отдал больным». Мать не возражала и не роптала, будучи уверенной, что Господь никогда не оставит того, кто оказал помощь ближнему.

Сестра отца Николая, преподававшая пение, не раз говорила брату, что у него замечательные певческие способности. Видя, какие пришли времена, и опасаясь за судьбу брата, она не раз указывала ему на его исключительный слух и хорошо поставленный голос и уговаривала оставить священническое служение:

«Надо тебе спастись, у тебя семья, подумай о семье, переходи петь в театр, у тебя всё будет — и слава, и деньги». Но он всегда отказывался от подобных предложений, говоря, что он уже взял свой крест, который донесет до конца.

Вечером 25 января 1938 года вся семья сидела в комнате после богослужения. Было темно, горела всего лишь одна свеча, топилась печь, на которой готовилась еда, рядом расположились дети. Отец Николай помешивал кочергой угли в печи и рассказывал им что-то радостное. Вдруг раздался громкий стук в дверь, она распахнулась, свеча погасла. Кто-то из детей зажег лампу, и все увидели в проеме двери человека в шинели, подпоясанной ремнем, на котором висела кобура с пистолетом.

— Кандауров здесь проживает? — грубо выкрикнул он.

— Дети, это всё! — сказал отец Николай, и хотя стал сосредоточенно серьезным, но прежний его мирный и ласковый настрой не изменился, и, уходя, он тепло попрощался со всеми.

Во время обыска отец Николай держался спокойно, и, несмотря на то, что стоял январь и на дворе было холодно, из теплых вещей он взял лишь телогрейку.

После ареста священник был заключен в тюрьму в городе Коломне, а затем в Москве. На следующий день состоялся допрос. Протоиерея Николая обвиняли в том, что он будто бы вел антисоветскую агитацию и распространял контрреволюционные слухи. Священник не признал себя виновным. В тот же день «дело» было закончено, следовательно составил обвинительное заключение и отправил его на рассмотрение Тройки. 2 февраля Тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Кандауров был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19762.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001.
Кандауров Ростислав Николаевич. Воспоминания. Рукопись.

Февраля 4 (17)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Александр (Соколов)

Священномученик Александр родился 8 августа 1881 года в селе Раменье Волоколамского уезда Московской губернии в семье священника Павла Соколова. В 1892 году Александр окончил сельскую школу, в 1898 году – Волоколамское Духовное училище, а в 1904 году – Вифанскую Духовную семинарию, после чего год работал учителем.

В 1905 году Александр Павлович был рукоположен в сан диакона, в 1907 году – в сан священника и с тех пор служил в храмах Московской епархии, в Москве и Московской области. Возведен в сан протоиерея. В 1934 году протоиерей Александр был назначен настоятелем Спасской церкви в селе Павельцово Дмитровского района.

26 января 1938 года власти арестовали священника, и он был заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

Один из лжесвидетелей показал на допросе, что священник организовывал хождения с молебнами по селу Павельцово и другим селам, чем отвлекал колхозников от уборки урожая.

На допросах отец Александр виновным себя не признал. 11 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Протоиерей Александр Соколов был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19885.

Дубинский А. Ю. Вифанская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). «Прометей», М. 1999.

Протоиерей Александр Соколов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

Февраля 4 (17)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Поспелов)

Священномученик Николай родился 28 февраля 1885 года в селе Песьяны Владимирской губернии в семье Василия Владимировича Поспелова и его жены Екатерины Антоновны; она была дочерью священника Антония Иовича Крылова и его жены Феодосии Яковлевны, урожденной Никольской. У них было пять дочерей, четырех они выдали замуж за выпускников семинарии, и те приняли сан священников, а пятую, Екатерину, Феодосия Яковлевна решила выдать замуж за мирского человека, так как та была слабого здоровья. У нее часто бывали сердечные приступы, и мать опасалась, что она может умереть и в этом случае священник останется вдовцом, а если это будет мирской человек, то он женится вторично и жена может стать помощницей в воспитании детей.

Василий Владимирович работал в государственном казначействе и имел звание коллежского асессора. 15 января 1888 года, через несколько дней после рождения дочери Марии, умерла Екатерина Антоновна, оставив троих маленьких детей: Александра, Николая и Марию. Воспитывать детей одному было трудно, и Василий Владимирович женился на девице Екатерине Сперанской. Она была молодой и неопытной, и первое время ему самому пришлось ухаживать за новорожденным младенцем. Это было очень трудное для него время: дни он проводил на службе, а ночь — с ребенком, и чаще всего без сна. В конце концов он обратился к Феодосии Яковлевне с просьбой помочь ему. Он написал ей в письме, что его положение в настоящий момент самое тяжелое, так

Обязанник Николы Покров

как днем ему приходится сидеть с бумагами, а ночью — с ребенком, и он стал слепнуть. Феодосия Яковлевна жила в то время вместе с мужем — священником, который был за штатом, так как болел суставным ревматизмом и почти не мог ходить. С ними жила домашняя работница по имени Матрона. И однажды Феодосия Яковлевна сказала ей: «Матрена, пойди за ребенком-то». Матрона пошла к Василию Владимировичу и вернулась с девочкой, которой было всего три месяца. Феодосия Яковлевна подвесила к потолку люльку, протянула от нее веревку к креслу, где обычно сидел ее муж, священник Антоний, и он стал качать люльку, а Феодосия ходила на заработки. Кормили девочку коровьим молоком, а когда она подросла, отец Антоний стал учить ее Закону Божию. Сыновья Александр и Николай остались жить с отцом и мачехой. Между тем семья их все увеличивалась, у Василия Владимировича и Екатерины родилось пятеро детей, средства их были весьма ограничены, так что в это время им пришлось испытать и голод, который облегчали оказывавшие им помощь соседи.

В 1898 году скончался Василий Владимирович, и дальнейшее попечение о сиротах взяли на себя сестры и брат их покойной матери. Благодаря их заботам Николай окончил Муромское Духовное училище, а затем, в 1907 году, Владимирскую Духовную семинарию. На каникулы Николай ездил к своему дяде — священнику Михаилу Антоновичу Крылову и там познакомился с Анной Константиновной Красовской; она была подругой жены отца Михаила, с которой они были дружны еще с епархиального училища. Анна Константиновна была дочерью священника Константина Красовского, служившего в Успенском храме в селе Воинова Гора Московской губернии. Она была на семь лет старше Николая, и все его родственники поначалу воспротивились их браку, но через некоторое время все же дали согласие и никогда о том не жалели. Материально им нелегко было жить, особенно в то время, когда начались гонения, но все скрашивало единство в вере. Сначала Николай работал учителем в школе на станции Усад, где до свадьбы работала учительницей и его жена. У них родилось восемь детей — четыре мальчика и четыре девочки, четве-

ро детей умерли в младенчестве. Сохранилось семейное предание, что первые роды у Анны Константиновны были очень тяжелые, родившийся ребенок оказался нежизнеспособен и его едва успели в больнице окрестить, дав ему при крещении имя Николай. После этого Анна Константиновна в течение нескольких месяцев тяжело болела, и Николай Васильевич дал обет в случае выздоровления жены посвятить свою жизнь служению Богу. Обет он исполнил не сразу, а только в 1914 году, когда был рукоположен в сан диакона ко храму Рождества Христова в селе Заколпье Меленковского уезда Владимирской губернии и в сан священника в том же году к тому же храму.

С 1922 по 1930 год отец Николай служил в храме великомученицы Параскевы в селе Житенино Орехово-Зуевского района Московской области, — это было небольшое село, домов семь. Незадолго до того, как власти приступили к изъятию имущества у крестьян и священнослужителей, отец Николай в 1928 году продал свой дом под школу в соседнее село, а сам вместе с семьей перешел жить в дом просфорни по ее приглашению.

Отец Николай был ревностным пастырем, никому никогда не отказывал в просьбах. Он следил за благочинием в приходе и благоукрашением храма, был внимательным к тому, чтобы за богослужением все читалось ясно и четко.

Время было тяжелое, при всех искушениях отец Николай обращался с молитвой к Богу и заступничеству святых. Во всех трудных случаях он шел в храм и служил молебен с акафистом преподобным Сергию или Серафиму, не видя иного способа избежать неприятностей, как только с помощью усердной молитвы. День его тезоименитства приходился на память сорока мучеников, и отец Николай, бывало, говорил: «Сорок мучеников, сорок мучеников, сорок первый я».

Каждый год власти требовали от священника уплаты все больших налогов, но в 1930 году сумма налогов стала столь высока, что отец Николай вынужден был продать все свое имущество и перейти служить в другой храм в селе Воскресенском Киржачского района Владимирской области, где незадолго перед этим

арестовали служившего там протоиерея Дмитрия Вознесенского. Супруга отца Дмитрия, Вера, пустила к себе семью отца Николая. В селе Воскресенском священника почти каждый день стали вызывать в райисполком и там демонстративно вручали бумагу с запрещением служить молебны в домах прихожан ввиду карантина. От священника и псаломщика стали регулярно требовать выполнения так называемых «твердых заданий» — обычно это были общественные работы, например пилка дров. Принуждали также покупать облигации государственных займов и выплачивать дополнительные налоги. Раз в две недели вызывали в райисполком в Киржач. Здесь держали какое-то время и отпускали, не утруждаясь объяснениями, зачем вызывали.

В 1931 году отец Николай был направлен служить в Успенский храм в селе Воинова Гора Орехово-Зуевского района, где в это время тяжело заболел священник. Однако местные власти отказались его зарегистрировать, дав регистрацию обновленцу. На праздник Успения ко всенощной приехал обновленческий архиерей и духовенство и со своими сторонниками силою захватили храм. Священник Николай Пospelов и диакон Николай Красовский вынуждены были эту службу справлять дома.

Отец Николай направился в патриархию и в 1932 году был назначен служить в храм в село Пустое Поле Шатурского района.

В 1933–1934 годах отец Николай служил в храме Рождества Пресвятой Богородицы в городе Орехово-Зуево. В это время он был возведен в сан протоиерея.

В 1935 году протоиерей Николай стал служить в Троицком храме в селе Каменки Ногинского района Московской области. Здесь ему пришлось перенести много скорбей. Образовалась враждебная священнику группа, которая стала жаловаться, что будто бы он израсходовал за Великий пост шестнадцать литров вина. Отец Николай знал, что это неправда, что жалобщики приписали ему чего не было. В присутствии благочинного состоялось разбирательство обстоятельств дела. Разбирательство происходило в храме на клиросе. Священник сидел на скамейке у стены и молчал, решив ни в чем не оправдываться. После разби-

рательства отца Николая перевели служить в церковь Чуда Архистратига Михаила в село Былово Подольского района. Впоследствии выяснилось, что жалобщики обвиняли отца Николая напрасно, и отец благочинный попросил у него прощения.

27 января 1938 года отец Николай, отслужив Божественную литургию, направился в соседний приход, куда его позвали на отпевание, так как местный священник был арестован. Певчих не было, со священником поехала его супруга Анна Константиновна. После отпевания она вернулась домой раньше, и вслед за ней пришел сотрудник НКВД и спросил, где священник. Вскоре возвратился отец Николай, а за ним вошли сотрудники НКВД, которые предъявили ордер на обыск и арест. Во время обыска забрали Библию, ключи от церкви и деньги. После обыска священник, его супруга и сын встали помолиться. После молитвы отец Николай благословил супругу и сказал ей: «Поручаю тебя святому архистратигу Михаилу». Анна Константиновна, прощаясь с мужем, заплакала и сказала: «Иди страдать за Христа».

Три дня священник содержался при районном отделении НКВД, а затем был перевезен в Таганскую тюрьму в Москве. Через два дня после ареста состоялся допрос.

— Следствию известно, что вы проявляли некоторое несогласие с политикой советской власти и коммунистической партии относительно проводимых ею мероприятий. Дайте ваши показания, относительно каких мероприятий вы с ней не согласны? — спросил следователь.

— С политикой советской власти и коммунистической партии я не согласен по вопросу, касающемуся притеснения церковнослужителей, когда от них требуют уплаты больших налогов, тем самым насильственно заставляя их отказаться от службы, так как верующих мало и налоги платить нечем. В других каких-либо вопросах у меня разногласий нет, — ответил священник.

— Следствию известно, что вы в июле 1937 года в доме Клавдии Простовой проявили пораженческие настроения, касающиеся событий в Испании, и восхваляли фашизм. Дайте показания по этому поводу.

— В доме Клавдии Простовой я действительно иногда бывал, но об Испании и фашизме я никогда не говорил.

— Следствию известно, что вы занимались антисоветской агитацией, для чего использовали толкование конституции в своих интересах, в интересах врагов народа. Дайте показания по этому поводу.

— Действительно, относительно новой конституции я имел частные разговоры с верующими, что сейчас и нам, священнослужителям, дано право голосовать, занимать гражданские должности, какие сам захочешь, и ходить с молебнами, чего при старой конституции не было. Других разговоров я не вел.

— Следствию известно, что вы занимались антисоветской агитацией против займа обороны. Дайте показания по этому поводу.

— Относительно займа я никогда и ни с кем не говорил, а потому и показать ничего не могу.

— Признаете себя виновным в антисоветской агитации?

— Виновным себя в антисоветской агитации я не признаю. Я не согласен с политикой советской власти в части притеснения священнослужителей в совершении религиозных обрядов путем наложения непосильных налогов.

Через два дня следователи снова допросили отца Николая.

— Следствием полностью установлено, что вы систематически среди населения занимались контрреволюционной деятельностью. Дайте показания по этому поводу, — потребовал следователь.

— Да, я говорил, что советская воля хуже всякой тюрьмы, что русский народ ходит под ярмом агентуры, куда ни пойдешь, всюду за тобой следят агенты. Кроме того, я говорил, что по новой конституции священники имеют право ходить с молебнами. Сам я не согласен с политикой коммунизма и советской власти в вопросе о религии, говорил, что священнослужителей репрессируют и утесняют налогами, для того чтобы насильно заставить их отказаться от церковной службы.

В тот же день следствие было закончено. 8 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Поспелов был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

В 1940 году сын протоиерея Николая Кронид, которому было тогда восемнадцать лет, направил запрос в НКВД с просьбой пересмотреть дело отца и получил ответ, что его просьба о пересмотре оставлена без удовлетворения. В 1956 году супруга отца Николая, Анна Константиновна, и его сын Кронид снова попросили о пересмотре дела. На этот раз стали вызываться свидетели. Все вызванные свидетели, несмотря на опасения неприятностей от репрессивных органов, дружно свидетельствовали, что все были священником довольны за его христианское обращение, за то, что он вел скромную и трезвенную жизнь. Что касается антисоветской агитации, то никакой агитации он не вел. На основании этих свидетельских показаний протоиерей Николай тогда же был властями оправдан.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-44056.

Февраля 4 (17)

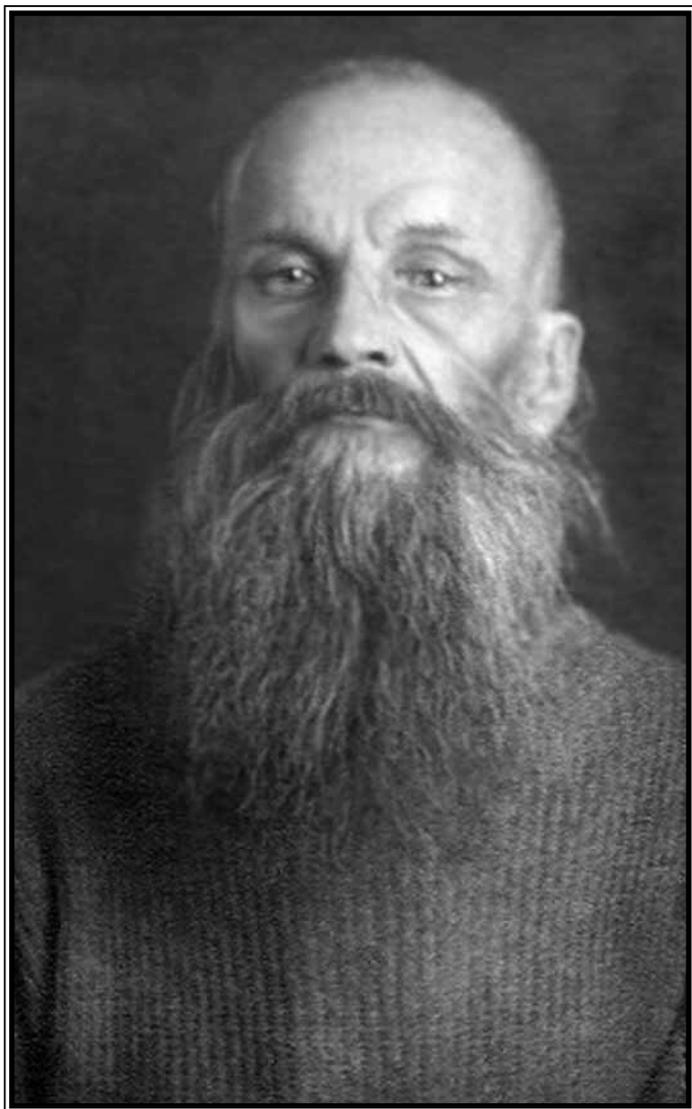
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Евстафий (Сокольский)

Священномученик Евстафий родился 20 февраля 1874 года в селе Рождество Медынского уезда Калужской губернии в семье диакона Петра Сокольского. В 1895 году Евстафий Петрович окончил Духовную семинарию и в течение года служил сельским учителем. В 1896 году он был рукоположен в сан священника к Никольской церкви в селе Каменском, относящемся ныне к Наро-Фоминскому району Московской области. Это одна из древнейших церквей Московской епархии, которая была построена, предположительно, во второй половине XIV века. В начале XVII века село числилось в составе вотчин московского Архангельского собора.

1 декабря 1927 года власти арестовали священника, и он был заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Отцу Евстафию предъявили обвинение «в произнесении антисоветских проповедей и распространении среди крестьян воззвания монархического содержания». Однако, несмотря на все усилия следователей, доказать виновность священника им не удалось, и 29 февраля 1928 года он был освобожден.

Вторично отец Евстафий был арестован 27 января 1938 года во время массовых арестов духовенства. Произошло это следующим образом. В Наро-Фоминское управление НКВД позвонил один из начальников Московского управления, который спросил сотрудников в Наро-Фоминске, сколько человек они наметили к аресту. Была названа цифра, и начальство в Москве предложило ее «исполнить». Для ареста сотрудники НКВД выбрали тех, на

Священник Евстафий Сокольский

Москва. Тюрма НКВД. 1938

кого уже имелись доносы, а также и тех, кому по происхождению или роду занятий не было места в новом социальном устройстве и кто был чужд безбожной идеологии, а это были в первую очередь священноцерковнослужители. Сотрудниками НКВД в то время составлялись протоколы, которые затем подписывались «дежурными свидетелями», затем вызывался на допрос обвиняемый; ему также предлагали подписать протокол допроса, где он признавал себя виновным. Если обвиняемый не соглашался себя оговаривать, его жестоко избивали. В условиях подобного следствия оказался и отец Евстафий, но он не признал себя виновным и не согласился подписать протокол, где его обвиняли в контрреволюционной деятельности.

По окончании предварительного следствия отец Евстафий был переведен в Таганскую тюрьму в Москве. 11 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Евстафий Сокольский был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-64373.
ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-13960.
Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999.

Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Алексий (Лебедев)

Священномученик Алексий родился 2 октября 1876 года в селе Астафьево Подольского уезда Московской губернии в семье священника Николая Лебедева. Он окончил Московскую Духовную семинарию и в 1902 году был рукоположен в сан священника. Некоторое время отец Алексей служил в храме села Косяково недалеко от города Воскресенска. Затем он был переведен в храм в селе Абакшино Бронницкого уезда Московской губернии.

Первый раз отец Алексий был арестован, когда служил в селе Косяково. Его обвинили в том, что он допустил сбор денег на ремонт церкви, и по решению суда оштрафовали на двести пятьдесят рублей. Вторично священника арестовали за то, что отпел покойника в храме без документа о регистрации смерти, и снова оштрафовали на двести пятьдесят рублей.

В конце тридцатых годов во время самых жестоких гонений на Русскую Православную Церковь Бронницкий отдел НКВД принял решение об аресте священника Алексия Лебедева. Бронницкий горсовет составил справку для НКВД с компрометирующими, как он считал, сведениями о священнике, где говорилось, что тот «является попом, нигде не работает, живет на нетрудовые доходы от религиозного культа, за что был лишен избирательных прав до 1936 года, до принятия сталинской конституции». Были вызваны лжесвидетели, среди которых оказался и священник.

Отец Алексий был арестован в ночь с 25 на 26 января 1938 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. 29 января следователь допросил священника.

— Следствию известно, что вы занимались антисоветской агитацией. В чем признаете себя виновным?

— Антисоветской агитацией я не занимался и ни в чем не признаю себя виновным.

— Вы говорите неправду. Следствие располагает точными данными, что вы в июле 1937 года распространяли антисоветские настроения, высказывали недовольство советской властью. Дайте по этому вопросу показания.

— Могу пояснить одно. Партия и советская власть борются с религией, угнетают ее, называя опиумом, но я по своим убеждениям в это не верю, потому что я воспитан в религиозных убеждениях. Хотя и не будет церковей — я буду верить.

— В октябре 1937 года вы агитировали о возможности предстоящей войны и распространяли пораженческие настроения. Подтверждаете это?

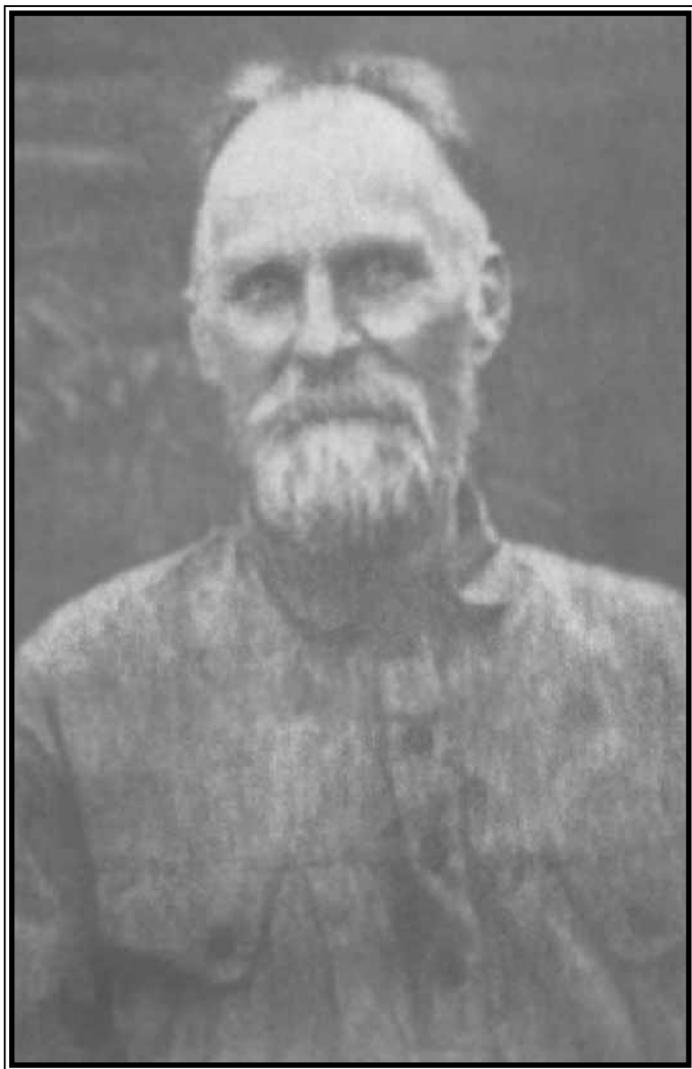
— В отношении войны и пораженческого настроения — я никогда и нигде не говорил.

На этом допросы были закончены, и 8 февраля следственные материалы переданы начальником отделения НКВД Бронницкого района Ратнером на рассмотрение Тройки. 11 февраля Тройка НКВД приговорила отца Алексея к расстрелу. Священник Алексей Лебедев был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19880.

Облагодетель Александр Лебедев

Февраля 4 (17)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Алексий (Шаров)

Священномученик Алексей родился 5 февраля 1882 года в селе Ирнинском Подольского уезда Московской губернии в семье почетного гражданина Дмитрия Филаретовича Шарова. Дмитрий Филаретович скончался, когда Алексей был еще во младенческом возрасте, и его взял на воспитание дедушка, служивший в храме псаломщиком.

В 1900 году Алексей окончил Донское Духовное училище, а в 1906 году – Московскую Духовную семинарию, после чего до 1908 года работал учителем церковноприходской школы.

В 1908 году Алексей Дмитриевич был рукоположен в сан священника к Крестовоздвиженскому храму Дмитровского погоста Клинского уезда, где он прослужил всю свою жизнь.

В 1916 году отец Алексей был награжден набедренником, в 1921 – скуфьей, в 1923 – камилавкой, в 1927 – наперсным крестом, в 1930 – саном протоиерея и палицей.

В 1930 году отец Алексей был занесен в список людей, намеченных к раскулачиванию и выселению, но затем выселение было отменено, и власти ограничились тем, что отобрали корову и стали взимать больший налог.

23 января 1938 года был вызван на допрос один из лжесвидетелей, который на вопрос, что он знает о священнике Алексии Шарове, сказал: «Зимой в 1936 году, числа и месяца не припомню, Шаров ехал из Москвы в поезде вместе с попом Зверевым. Народа в вагоне было немного. Шаров обратился к Звереву с вопросом: “Ты получил распоряжение от владыки о сборе денег на-

шим опальным и томящимся в советских казематах братьям?” На ответ Зверева, что он принял все меры к сбору денег, Шаров добавил: “Ты знаешь, что при этой власти никто не гарантирован от того, что не попадет в тюрьму; а в особенности нашему брату, духовенству, раньше или позже в тюрьме сидеть. Мы должны противопоставить этому дикому произволу свою организованность и помочь безвинно томящимся по советским казематам”».

Через несколько дней, 26 января, власти арестовали священника, и он был заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

— Знали ли вы о контрреволюционной деятельности активных церковников братьев Федотовых и церковного старосты Ключкина, ныне арестованных органами НКВД? — спросил следователь.

— Братьев Матвея и Григория Федотовых и церковного старосту Ключкина я знал хорошо, как людей весьма религиозных, и был с ними в хороших отношениях. Но об их контрреволюционной деятельности я ничего не знал, и в присутствии меня никакой антисоветской агитации они не вели.

— Следствие предъявляет вам обвинение в том, что вы, являясь служителем религиозного культа, высказывали антисоветские суждения против политики партии и советской власти. Подтверждаете ли вы это?

— Виновным в предъявленном мне обвинении в ведении антисоветской агитации себя не признаю. Никаких контрреволюционных суждений я нигде никогда не высказывал.

На этом допросы были закончены. 8 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Алексия к расстрелу. Священник Алексей Шаров был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 20865.
АМП.

Февраля 4 (17)

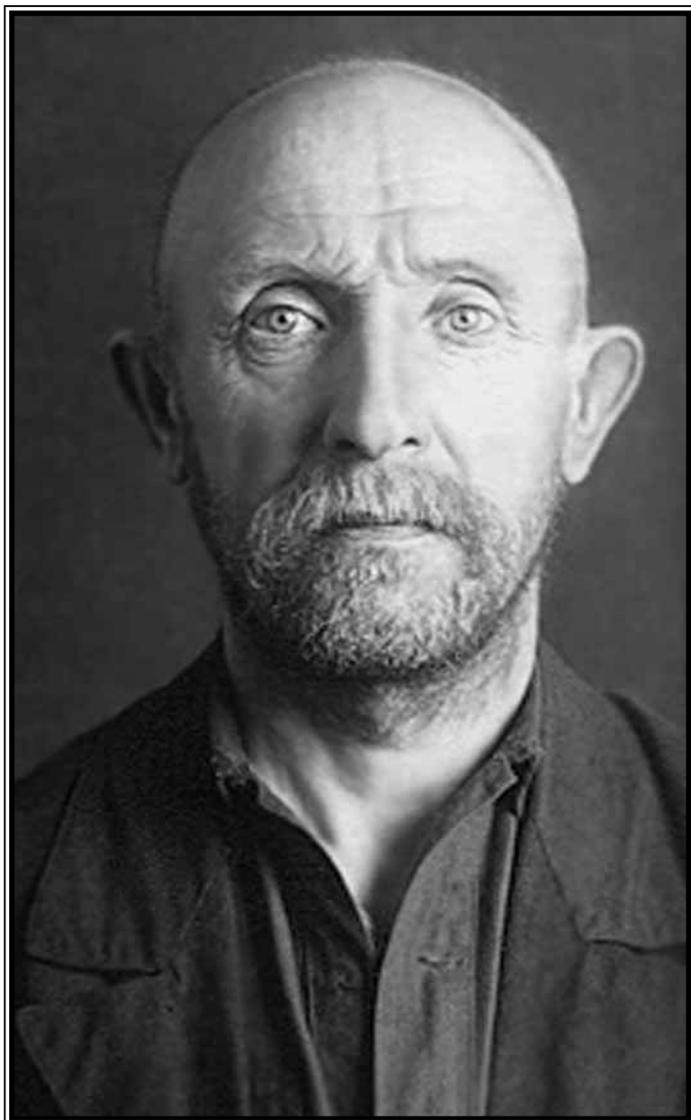
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Сергий (Соловьев)

Священномученик Сергей родился 26 сентября 1883 года в селе Шубино Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Успенского храма Михаила Константиновича Соловьева. Михаил Константинович был рукоположен во священника в 1876 году и тогда же назначен на это место. Всю жизнь он отдал Успенскому храму, трудам по его благоукрашению — его стараниями храм был расписан, поставлены иконостасы в боковых приделах, закуплена вся утварь. Кроме того, отец Михаил много сделал для распространения народного образования в уезде. Его ревностное служение было оценено священноначалием, он имел многие награды, а в 1893 году его назначили благочинным Бронницкого уезда. У отца Михаила и его супруги, Екатерины Дмитриевны, было десять детей. Они создали большую, крепкую и благочестивую семью. Все братья в разные годы окончили Московскую Духовную семинарию.

В августе 1894 года десятилетний Сергей Соловьев поступил в 1-й класс Донского Духовного училища, которое он успешно окончил в 1899 году и был удостоен перевода без экзаменов в 1-й класс Московской Духовной семинарии, которую он окончил в июне 1906 года. С 1906 по 1910 год Сергей Михайлович состоял учителем в двухклассной церковной школе Николо-Угрешского монастыря, а также был законоучителем монашествующих того же монастыря.

17 октября 1910 года Преосвященным Трифоном (Туркестановым), епископом Дмитровским, викарием Московской епар-

Священник Сергей Соловьев

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

хии он был рукоположен во священника и определен настоятелем храма Успения Пресвятой Богородицы в селе Шубино — того самого храма, где его крестили, где он делал свои первые шаги, где впервые познал красоту православного богослужения, храма, которому посвятил столько трудов его отец.

Священник Сергей стал не только духовно окормлять свой приход, но и продолжил преподавать в церковной и земской школах. За усердную пастырскую деятельность и труды по народному образованию он был награжден набедренником (в 1912 г.) и камилавкою (в 1919 г.).

Революция 1917 года, война, начавшиеся гонения не обошли стороной и это село. Храм с его многочисленными иконами, богатой утварью был объявлен народным достоянием. 5 марта 1922 года власти заключили с общиной храма договор «о передаче в бесплатное пользование прихожан Успенской церкви села Шубино».

Похожий договор от 27 мая 1926 года содержит подробную опись всего церковного имущества, а кроме того, список всех прихожан. В это время, когда уже очень многие перестали посещать храм Божий, приход отца Сергея насчитывал 279 прихожан. Он оказался достойным преемником своего отца и сумел в это тяжелое для Церкви время сохранить свою паству.

21 февраля 1923 года священноначалие возложило на его плечи новые обязанности — отец Сергей был назначен благочинным 4-го округа Бронницкого уезда.

Непросто складывалась личная жизнь отца Сергея. Он рано постиг горечь утраты близкого человека — умерла его жена, и в те трудные годы ему приходилось одному растить дочь Зою.

Около 1930 года Успенская церковь села Шубино на какое-то время закрывалась, но сильной общине во главе с настоятелем чудом удалось отстоять свой храм до следующей волны гонений.

Начиная с 1917 года отец Сергей как священнослужитель был лишен избирательных прав и оставался «лишенцем» до 1936 года. В 1929 году хозяйство отца Сергея было подвергнуто раскулачиванию, у него отняли 10 десятин земли, корову и лошадь. При

этом отцу Сергию надо было продолжать платить немалый налог и как-то кормиться самому.

Арестовали отца Сергия 26 января 1938 года по обвинению в систематической антисоветской агитации. Во время недолгого следствия его держали в Коломенской тюрьме. На единственном допросе 31 января следователь тщетно пытался добиться от отца Сергия признания в различных антисоветских высказываниях, взятых из показаний трех лжесвидетелей. Ни в одном из предъявленных обвинений он себя виновным не признал.

11 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу. 17 февраля священник Сергей Соловьев был расстрелян. Место его захоронения неизвестно.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 10035, д. У-19882.
ЦИАМ. Ф. 203, оп. 744, д. 2542. Ф. 234, оп. 1, д. 2114, д. 2207.
ЦМАМ. Ф. 1215, оп. 3, д. 113; оп. 1, д. 369.
ЦГАМО. Ф. 66, оп. 11, д. 220; оп. 25, д. 116, д. 178.
РГИА. Ф. 831, д. 279, д. 236.
Бронницкий городской архив. Ф. 64, оп. 1, д. 33. Ф. 8, оп. 1, д. 54.
Памятники архитектуры Московской области. Выпуск 1. Стройиздат, М., 1999.
Дубинский А. Ю. Московская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). «Прометей», М. 1998.

Юнваря 4 (17)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Александр (Минервин)

Священномученик Александр родился 22 мая 1888 года в селе Петровском Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Петра Павловича Минервина. В 1904 году Александр Петрович окончил Коломенское Духовное училище, а в 1912 году – Московскую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. Во время гонений от безбожных властей в 1930-х годах отец Александр служил в храме Рождества Христова в селе Варварино Подольского района.

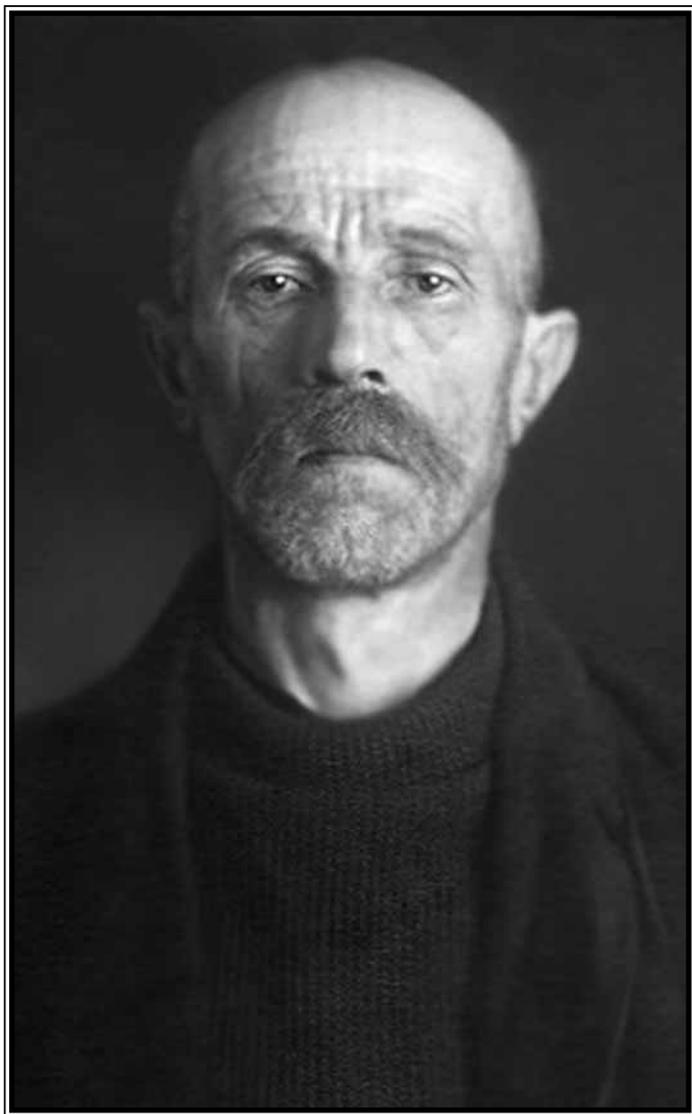
До 1930 года он, как почти все сельские священники, имел небольшое крестьянское хозяйство, которое в 1930 году было властями конфисковано. В этом же году отец Александр был привлечен к судебной ответственности и приговорен к пятидесяти рублям штрафа за то, что отпелал почившего, о смерти которого не было получено документов из загса.

21 января 1938 года власти арестовали священника и заключили в Таганскую тюрьму в Москве.

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении в антисоветской агитации? – спросил отца Александра следователь.

– Виновным в предъявленном мне обвинении я себя не признаю, – ответил священник.

На следующем допросе следователь спросил его, во всем ли он согласен с политикой, которая проводится советской властью, и отец Александр ответил:

Священник Александр Милервин

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

— Основное расхождение у меня во взглядах с советской властью и коммунистической партией заключается в том, что я не согласен с той их политикой, которая касается массовых репрессий священнослужителей, насильственного закрытия церквей и навязывания верующим антирелигиозных взглядов.

— Признаете ли вы себя виновным в систематическом проведении среди верующих контрреволюционной деятельности?

— Виновным себя в проведении контрреволюционной деятельности не признаю.

2 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. Священник Александр Минервин был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19778.

Февраль 4 (17)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Иоанн (Алешковский)

Священномученик Иоанн родился 13 февраля 1888 года в селе Новое Ракитино Лебедянского уезда Воронежской губернии в семье священника Григория Алешковского. Окончив в 1909 году Духовную семинарию, он был рукоположен в сан диакона. В 1915 году Иван Григорьевич был рукоположен в сан священника и направлен в один из приходов в Финляндии, где прослужил до 1918 года, а затем после отделения Финляндии от России вернулся на родину. Впервые он был арестован в 1929 году, но вскоре освобожден. В том же году у него был отобран дом и все имущество за неуплату налогов.

В 1930-х годах отец Иоанн служил в Никольском храме в селе Малышево Раменского района Московской области.

20 и 21 января 1938 года сотрудники НКВД допросили двух священников, которые согласились лжесвидетельствовать об отце Иоанне и подписали показания, в которых говорилось, будто он систематически вел антисоветскую агитацию и был готов в случае переворота в стране расстреливать коммунистов.

26 января власти арестовали отца Иоанна по обвинению в контрреволюционной деятельности и заключили в Таганскую тюрьму в Москве.

— Следствию известно, что вы, выражая свое недовольство советской властью, вели агитацию против советской власти... собирались принять репрессивные меры против коммунистов. Дайте по этому поводу показания! — потребовал следователь.

– Агитацией против советской власти я не занимался и не занимаюсь, – ответил священник. – Каких-либо репрессивных мер против коммунистов я не собирался принимать, этого факта не было.

Не зная, в чем обвинить священника, следователь спросил:

– Скажите, по каким вопросам вы не согласны с мероприятиями, проводимыми партией и советской властью?

– С проводимыми партией мероприятиями я не согласен по следующим вопросам. Во-первых, что нашим детям не предоставляют одинаковых прав в учебе, а во-вторых, я считаю незаконной изоляцию духовенства, – ответил священник.

– Признаете ли себя виновным в антисоветской агитации? – спросил следователь.

– Виновным себя в антисоветской агитации я не признаю, – ответил священник.

11 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу. 17 февраля 1938 года священник Иоанн Алешковский был расстрелян и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-50910.

Священник Иоанн Пешковский

Москва. Тюрма НКВД. 1938

Февраля 4 (17)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Феодосий (Бобков)

Преподобномученик Феодосий (в миру Федор Петрович Бобков) родился 7 февраля 1874 года в бедной крестьянской семье в селе Новое Ивановского уезда Тульской губернии. Федор окончил Московскую городскую школу и школу при Чудовом монастыре, где и служил регентом с 1914 по 1918 год. Семьи не имел.

Став иеромонахом, отец Феодосий в 1920 году поступил на приход в село Одинцово Каширского уезда. В 1923 году он был вызван в Москву в Новоспасский монастырь на должность регента и в том же году направлен служить в село Заразы Каширского района. С 1930 года вплоть до ареста служил в храме Рождества Богородицы села Вихорна Михневского района.

Отец Феодосий был награжден набедренником и наперсным крестом.

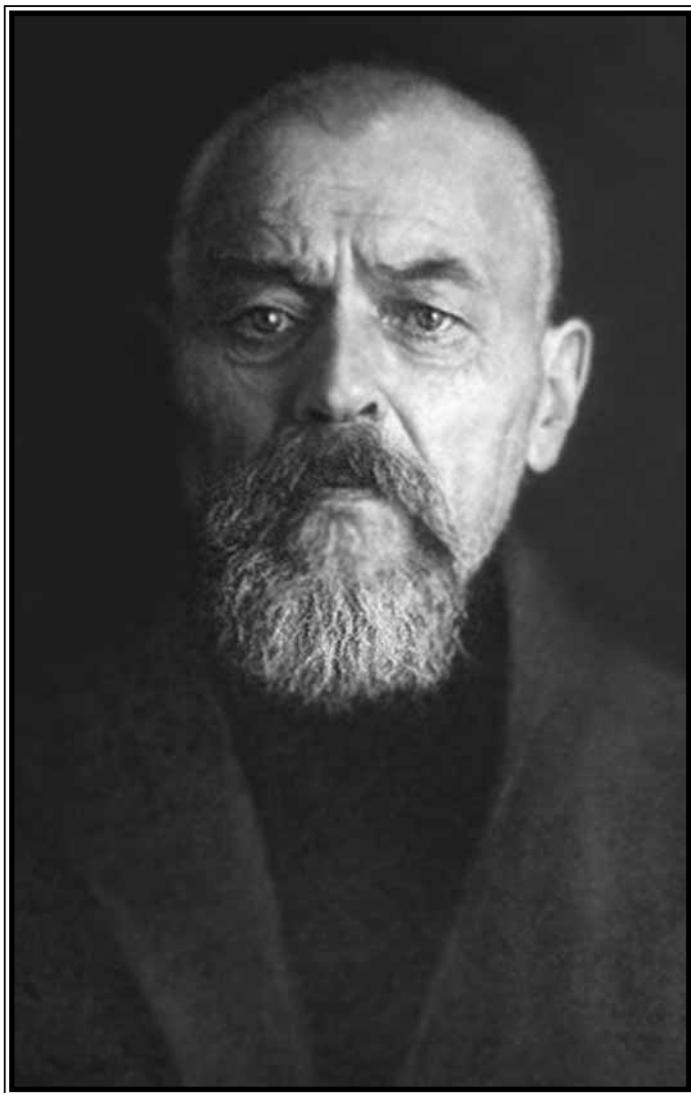
29 января 1938 года власти арестовали священника, и он был заключен в Каширскую тюрьму. На допросах по поводу предъявленного обвинения и показаний свидетелей отец Феодосий отвечал: «Я этого не говорил и виновным себя не признаю».

8 февраля 1938 года отец Феодосий был приговорен к расстрелу. 17 февраля иеромонах Феодосий (Бобков) был расстрелян и погребен в общей безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 19819.
АМП.

Цер.ионах Феодосий (Жобков)

Москва. Тюрма НКВД. 1938

Февраля 4 (17)

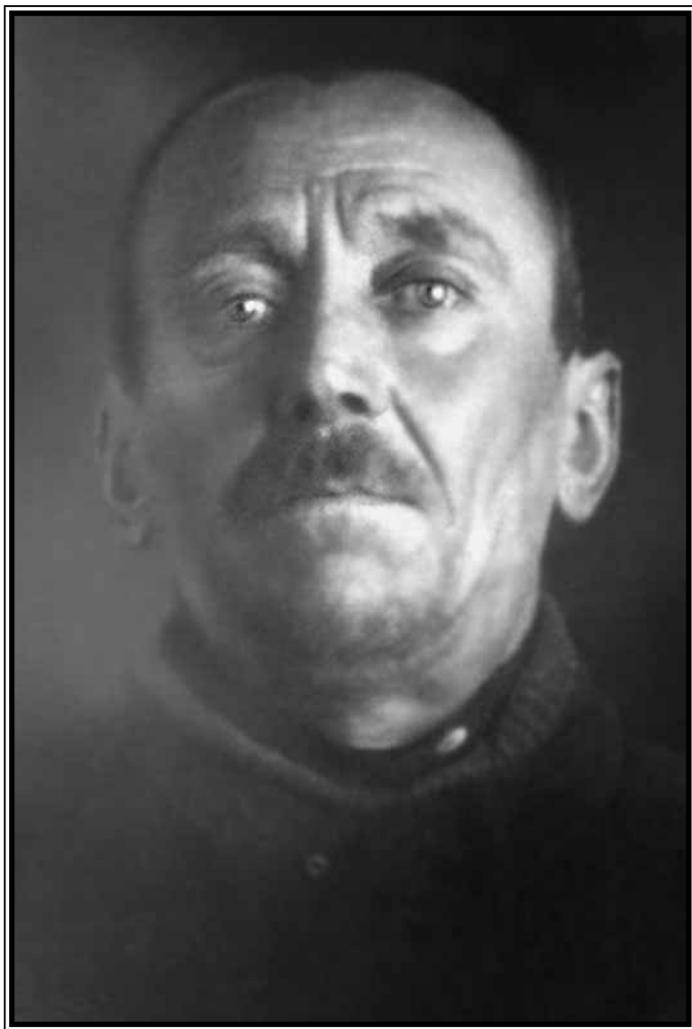
М У Ч Е Н И К

Иоанн (Шувалов)

*М*ученик Иоанн родился в 1884 году в селе Купелицы Вере́йского уезда Московской губернии в благочестивой семье крестьянина Семена Шувалова, почти все родственники которого в той или иной степени участвовали в церковных службах в качестве псаломщиков или певчих. Иван Семенович окончил церковноприходскую школу и с 1910 года, кроме занятия крестьянским хозяйством, нес в Покровском храме села Купелицы послушание псаломщика.

В 1918 году в Вере́йском уезде произошло восстание крестьян, протестовавших против жестокостей новой власти. После этого прошли аресты. Среди других был задержан и Иван Семенович; но вскоре выяснилось, что в восстании он не участвовал, и его освободили.

7 января 1930 года он снова был арестован и заключен в тюрьму в городе Вере́е по обвинению в том, что не донес на диакона, которого власти обвинили в контрреволюционной деятельности. С диаконом Николаем Богаевым у Ивана Семеновича издавна были плохие отношения. Отсутствие любви породило страх и малодушие и привело к тому, что псаломщик признал себя виновным и дал следующие показания: «Я хорошо знал о том, что диакон Богаев в 1928 году летом во время жатвы вел агитацию и пропаганду среди крестьян, которая явно была направлена против советской власти... Зная, что священник Зачатейский тоже хорошо знал об этом, я судебным властям не сообщал об этом, потому что боялся, что меня лишат места работы. Я лишен прав и не имею средств прокормить семью из шести человек, притом думал, что этот факт не смогу подтвердить. Виновным себя в недонесении о пропаганде Богаева судебным властям признаю».

Псаломщик Иоанн Шувалов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

3 марта 1930 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило псаломщика к шести месяцам тюремного заключения.

Спустя некоторое время после происшедшего Иван Семенович тяжело заболел; болезнь продолжалась много лет и была такова, что он почти не мог передвигаться. Однако это не остановило гонителей, и 26 января 1938 года он был арестован по обвинению в активной контрреволюционной и антисоветской деятельности и заключен в тюрьму в городе Можайске. Лжесвидетели обвиняли Ивана Семеновича в антисоветской агитации и говорили, что псаломщик высказывал среди колхозников неудовольствие существующим строем, говоря, что раньше люди жили как люди, все ждали Рождества Христова и все радовались, чувствовался праздник, а теперь все ходят как зачумленные; раньше: умрет человек — его похоронят с честью, а теперь: родится — не крестят, а умрет — закопают, как собаку, без отпевания.

— Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Требуем от вас правдивых показаний о вашей контрреволюционной работе, — заявил следователь.

— Никакой контрреволюционной работы я не вел и не веду, — ответил Иван Семенович.

— Следствием установлено, что вы в ноябре 1937 года вели агитацию против советской власти.

— Никакой контрреволюционной агитации я никогда не вел, а в ноябре я был болен.

И далее на все вопросы следователя Иван Семенович отвечал, что не согласен со всем, что говорит следователь, и отрицает свою вину.

2 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Псаломщик Иоанн Шувалов был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-49462, д. 19794.

Юнваря 6 (19)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Василий (Надеждин)

Священномученик Василий родился 12 января 1895 года в Москве в семье служащего Дворцового управления Федора Алексеевича Надеждина и его супруги Софии Павловны и был во святом крещении наречен Василием в честь святителя Василия Великого. У Федора Алексеевича было три мальчика и три девочки, Василий был пятым ребенком в семье.

По семейному преданию, как-то отрок Василий проводил до дома старого больного священника, который, благословив мальчика иконой святителя Николая, предсказал ему, что он станет священником, что впоследствии и сбылось.

Примером веры и благочестия для отрока Василия были родители, со всей полнотой ответственности относившиеся к христианскому воспитанию своих детей. Федор Алексеевич Надеждин, уже в преклонных годах, писал своей невестке Елене Сергеевне Надеждиной: «В старину я слышал изречение: “Дети — благословение Божие”. Оглядываясь на прожитое мною долголетие и припоминая виденное мною в течение этого долголетия, конечно, я непререкаемо убедился в великой правде этого изречения. И меня лично не раз спасало от многих житейских искривлений сознание о моем долге и обязанностях перед детьми, в чем и видел благословение Божие».

Федор Алексеевич многие годы был старостой Покровской церкви, находившейся в Большом Левшинском переулке. Так судил о нем Господь, что кончина его последовала 14 октября 1935 года, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

В 1910 году, по окончании Заиконоспасского Духовного училища, Василий Надеждин поступил в Московскую Духовную семинарию. С четырнадцати лет он пел в церковном хоре Покровского храма, а впоследствии и регентовал, организовав хор из прихожан.

Большое участие в жизни Василия принимал его родственник по отцу архиепископ Анастасий (Грибановский). В мае 1914 года Владыка Анастасий получил назначение на Холмскую кафедру. По его приглашению летом того же года Василий посетил Холм; май 1915 года он также провел в Холмской епархии. Вместе с владыкой Анастасием он ездил в Леснинский Богородицкий монастырь. Несколько дней в мае 1915 года Василий Федорович прожил в Яблочинском Онуфриевском мужском монастыре. Делясь с родителями своими путевыми впечатлениями, он писал: «Я теперь очень сблизился и подружился с архимандритом Сергием*... Мы с ним не расставались, ходили пешком в их Белозерский скит, и я пришел в восторг, когда увидел Белое озеро... переплыли его на лодке...

Обратно ехали на лошадях. Это было в субботу. Веношная продолжалась с шести до десяти с половиной часов, но она была настолько хороша и благолепна, что я выстоял ее всю без особого утомления. Был за монастырской трапезой. Едят здесь очень скромно. Я все любовался, как мой отец Сергей превращался в торжественного архимандрита в трапезной и церкви. Я ему сказал это; он рассмеялся: «А то как же! А Вы думаете, мы только босиком умеем ходить!..» (Он шел лесом в скит и там ходил босым.) Мы с ним много говорили об идеальном пастырстве...»

В 1916 году Василий Федорович успешно окончил семинарию. Он жаждал знаний и хотел поступить на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета, а окончив его, продолжать образование в Духовной академии. В письме к владыке Анастасию Василий писал: «...я хочу окончить Духовную академию и быть священником — это решение подсказывает мне моя душа, которую привлекает пастыр-

* Архимандрит Сергей (Королев), впоследствии архиепископ Казанский († 18.12.1952).

Священник Василий Негежгин

ская деятельность. Я знаю (и это бесспорно), что чем солиднее, обширнее и значительнее будет мое образование, тем ценнее для дела Церкви и интереснее для меня самого будет моя деятельность как пастыря».

Приняв решение о поступлении после семинарии в Московскую Духовную академию, Василий Федорович в начале июня 1916 года выехал из Москвы в Кишинев. Владыка Анастасий, переведенный к тому времени на Кишиневскую кафедру, брал его с собой в поездки по епархии. Живя в Молдавии, Василий Федорович готовился к вступительным экзаменам в академию.

Поступив в Московскую Духовную академию, Василий Федорович на первом курсе записался в группу, изучавшую историю и обличение западных вероисповеданий. Из-за тяжелого экономического положения в академии, вызванного Первой мировой войной, осенний семестр 1916–1917 учебного года закончился 1 ноября, а весенний должен был начаться 20 февраля. В конце ноября 1916 года Василий Федорович был приглашен семейством графа Медем в их имение – село Большую Федоровку, находившееся в Хвалынском уезде Саратовской губернии, преподавать Закон Божий Федору и Софии Медем. Вскоре и дети, и взрослые искренно привязались к молодому учителю.

В дни, предшествовавшие празднику Рождества Христова 1917 года, и в самый день праздника Василий Федорович много читал и пел с певчими в усадебной церкви и сказал маленькую проповедь за Божественной литургией. Он говорил о том, что, несмотря на переживаемые Россией потери (шла война), православные русские люди должны иметь радость во Христе, ибо защитники Отечества приняли на себя иго Христа и исполняют Его заповедь: любить до смерти.

В конце февраля 1917 года Василий Федорович для продолжения учебы возвратился в Московскую Духовную академию. Это были дни начала революции. Известие об отречении Государя Императора Николая II от престола и образовании республики многими студентами академии было встречено с ликованием. Василий Федорович, разделявший общее оживление из-за насту-

пивших в России государственных и социальных перемен, имел более трезвый настрой. «Бог даст, республики и не будет. Она нам мало к лицу», — писал он в эти дни.

После окончания весеннего семестра и сдачи экзаменов он вновь уехал в Саратовскую губернию в имение графа Медем и возобновил занятия с Федей и Софьей.

В праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла Василий Федорович произнес за обедней в сельской церкви проповедь о том, что «многие... не в состоянии оценить подвигов апостолов Петра и Павла, узнать внутреннюю историю их подвижничества... Все происходящее: неповиновение властям, грабежи, захваты, самосуды-убийства (в Сызрани толпа... разорвала на куски двух братьев купцов, совершенно не повинных ни в чем) и успехи проповеди социалистов и анархистов, явно антихристианской, — свидетельствует о том, что большая часть русского народа совершенно не просвещена христианством», и о приближении «к последним временам, как их описывает апостол Павел».

К началу нового учебного года Василий Федорович возвратился в Сергиев Посад. В академии было «холодно, голодно и неуютно», условия содержания студентов еще более ухудшились, сократилось число лекций и зачетов, но была введена новая программа — лекции по Новому Завету читал архимандрит Иларион (Троицкий).

Весной 1919 года, на пятой неделе Великого поста, Московская Духовная академия была закрыта. В Москве был голод и эпидемия сыпного тифа. Чтобы поддержать овдовевшую сестру Екатерину с тремя ее малолетними сыновьями, Василий Федорович вынужден был уехать вместе с нею к своему другу — священнику Иоанну Козлову в село Никольский Поим, находившееся в Чембарском уезде Пензенской губернии. В Поиме он был принят на работу учителем математики в гимназию.

С начала 1919 года в России повсеместно вскрывались и изымались мощи святых угодников. В Поиме Великим постом было получено известие о поругании святых мощей в Воронеже. На Божественной литургии 23 марта отец Иоанн Козлов сказал про-

поведь, обличающую действия безбожной власти по отношению к святым мощам. В тот же день за вечерней Василий Федорович сказал слово о святыне Креста. Вечерня вышла очень торжественная, собралось много народу, интеллигенция и молодежь, пел добровольно собравшийся хор певчих, после вечерни три священника читали акафист Божественным Страстям Христовым.

В апреле 1919 года Василий Федорович приехал в Москву. 27 апреля, в Фомино воскресенье, он обвенчался с Еленой Сергеевной и вместе с нею возвратился в Поим, где жил и учительствовал до 1921 года. В эти годы, не оставляя намерения послужить Богу в священном сане, самоотверженно трудясь, неся тяготы и скорби своих близких, он укреплялся духом и созревал для служения духовной семье – своей будущей пастве. После скоропостижной кончины в Поиме сестры Василия Федоровича – Анны, также оказавшейся на его попечении, отец их, Федор Алексеевич Надеждин, в письме к сыну писал: «Бедный наш мальчик, как много жизненных осложнений свалилось на твою милую головку! Утешаюсь мыслью, что, может быть, Господь Бог испытует Своего избранника. А все-таки, несмотря ни на какие личные невзгоды и напасти, следует спешить делать добро».

Для завершения академического образования Василий Федорович в июле 1920 года приехал в Москву; экзамены выпускники академии сдавали на квартире отца Владимира Страхова. В марте 1921 года Василий Федорович переехал ближе к Москве и устроился счетоводом в Построечном управлении узкоколейки города Орехово-Зуево. Вскоре вместе с Еленой Сергеевной и сыном Даниилом они поселились в Петровско-Разумовском у тестя Сергея Алексеевича Борисоглебского.

24 июня 1921 года Василий Федорович был рукоположен во диакона, а 26 июня, в неделю Всех святых, – во иерея к церкви во имя святителя и чудотворца Николая у Соломенной Сторожки*.

Никольский храм – единственное место священнического служения отца Василия до дня его ареста в 1929 году – был пост-

---

* Соломенной Сторожкой в Петровско-Разумовском называлась остановка ходившего здесь трамвая.

роен усердием офицеров расквартированной в Петровско-Разумовском 675-й пешей тульской дружины и освящен епископом Можайским Дмитрием (Добросердовым) в 1916 году. Церковь была построена на земле Сельскохозяйственного института и приписана к институтской Петропавловской церкви. Институтский храм, как и все храмы при учебных заведениях, после революции был закрыт, и прихожане его перешли в Никольскую церковь. К 1924 году в южной части летнего неотапливаемого храма был устроен теплый придел.

Приход Никольской церкви в основном составляла научная интеллигенция, жители поселка при Сельскохозяйственном институте. Группа профессоров института после закрытия институтского храма обратилась к отцу Василию Надеждину с просьбой заняться христианским просвещением их детей. Отец Василий с радостью принял это предложение. Он сумел привлечь к участию в богослужении приходскую молодежь, и таким образом из юношей и девушек составил прекрасный церковный хор. Вел с духовными детьми беседы об основах православного вероучения, посещал с ними концерты классической музыки, разбирал литературные произведения. Просветительскую деятельность среди молодежи вели по благословению отца Василия и некоторые члены приходской общины.

За год до ареста у отца Василия началось обострение туберкулеза, и ему пришлось летом уехать в Башкирию на лечение кумысом. В отсутствие отца Василия в Никольском храме по его просьбе служил священник Владимир Амбарцумов, впоследствии мученической смертью засвидетельствовавший верность Христу. Находясь на лечении, отец Василий молился за богослужением в местной церкви и сблизился со служащими в ней священниками Иоанном и Сергием. Как пастырь, он не мог обойти вниманием особенностей местной церковной жизни. «Служат здесь хорошо. Уставнее нашего. Это очень приятно, когда духовенство на высоте... Местный архиерей обязал священников всякое Таинство предварять объяснительным поучением... Вот это правильно, а мы еще не додумались до этого...»

Служения и проповеди отца Василия, активная пастырская деятельность не остались незамеченными гонителями Церкви. 28 октября 1929 года отец Василий был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму. 1 ноября он был допрошен. На вопросы следствия о посещающей его молодежи батюшка ответил: «О близкой ко мне молодежи могу сказать следующее: пришла ко мне она сама. Все лица, впоследствии бывавшие у меня, были связаны между собой еще школой, где они вместе учились. Вероятно, поэтому они также всей группой и перешли ко мне... Сама молодежь была неактивна в изучении хотя бы церковной истории, поэтому я сам читал им иногда на темы по истории Церкви выдержки из церковных писателей Болотова и Лебедева, читал им некоторые подлинники сочинений церковных писателей (Василия Великого, Григория Богослова и др.). Делал доклад о впечатлениях от моей поездки в Саровскую пустынь, о тех сказаниях, которые связаны с Дивеевым монастырем и Серафимом Саровским. Были у меня беседы, посвященные юбилеям Первого Вселенского Собора, Григория Богослова и Василия Великого. Собственно, проповедь в церкви была по этим вопросам, а дома молодежи я читал только некоторые документы той эпохи.

Специальных вопросов по поводу существующего социального порядка и по поводу отдельных моментов взаимоотношения Церкви и государства, равно и чисто политических вопросов, мы никогда не обсуждали. Последние, то есть политические вопросы, иногда только, и то вскользь, в бытовательском разрезе, трактовались у нас; говорили, например, что жестока политика власти по отношению к детям лишенцев и к лишенцам вообще. Специально вопросов о лишенцах не разбирали. В вопросах об арестах церковников я придерживаюсь той точки зрения, что трудно провести грань между церковным и антисоветским и что поэтому со стороны власти возможны перегибы. Только в таком разрезе я и касался этого вопроса в беседах с молодежью, не ставя, конечно, этот вопрос специальной темой для беседы...

Когда у нас затрагивался вопрос об исповедничестве, то есть о возможности примирения верующих с окружающими условия-

ми, то здесь я проводил такую точку зрения: есть пределы (для каждого различные), в которых каждый христианин может примириться с окружающей его нехристианской действительностью; при нарушении этих пределов он должен уже примириться с возможностью и неприятных для него лично изменений условий его жизни, иначе он не есть христианин. Христианином надо быть не только по имени...»

В Бутырской тюрьме отец Василий встретился с отцом Сергием Мечевым, которого хорошо знал; их беседа продолжалась несколько часов и была очень значительной для обоих. Отец Сергей засвидетельствовал впоследствии, что отец Василий был уже готов предстать пред Господом.

По приговору Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 20 ноября 1929 года священник Василий Надеждин был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, но, ввиду того что навигация была уже закрыта, оставлен до весны в Кемь. В лагере отец Василий заболел сыпным тифом. В санчасти ему сделали укол и внесли инфекцию — началась гангрена.

Матушке Елене Сергеевне разрешили приехать к умирающему мужу в Кемь. Батюшку остригли, он сильно исхудал, мучительные для больного перевязки изнурили его.

Перед своей кончиной, последовавшей 19 февраля 1930 года, отец Василий сподобился принятия Святых Христовых Тайн. Последние слова его были: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны». Начальник лагеря разрешил матушке Елене Сергеевне молиться ночью рядом с умершим мужем и предать его тело погребению в Кемь. Со временем место могилы отца Василия было утрачено и сейчас неизвестно.

ИСТОЧНИКИ:

- ЦА ФСБ РФ. Д. Р-41202.
Архив ПСТБИ. Фонд Надежных.
Надежда. Душеполезное чтение. Вып. 16. Базель—М. 1993.
Московский журнал. 1992. № 10.

Февраля 8 (21)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

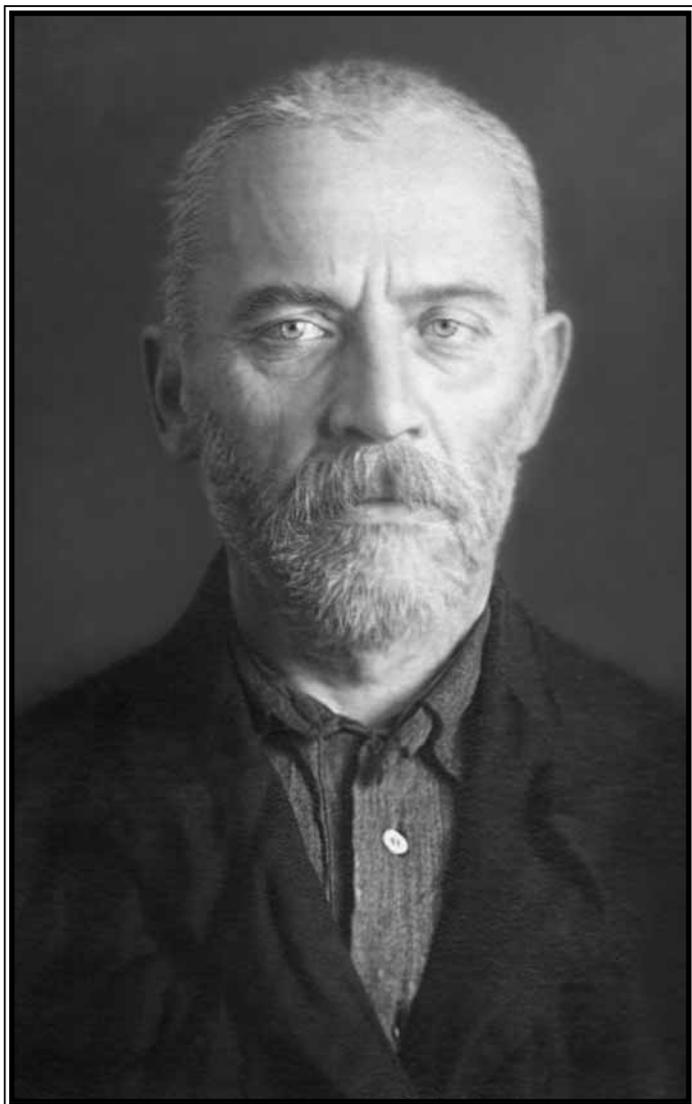
Симеон (Кульгавец)

Священномученик Симеон родился 2 февраля 1882 года в городе Посадо-Ломазы Бельского уезда Холмской губернии в семье крестьянина Демьяна Кульгавца. Отец умер, когда Семену было три года. Семья была бедная, средств после отца не осталось, и мать стала работать по найму. Семен окончил школу псаломщиков и служил псаломщиком в церкви в Бельском уезде.

В 1915 году, при занятии немцами Холмской губернии, Семен Демьянович выехал в центральную Россию и был принят как беженец в Николо-Пешношский монастырь Дмитровского уезда Московской губернии и прожил здесь год. С 1917-го по 1922 год он служил в Москве милиционером, был женат на дочери крестьянина села Куликово Гавриила Ивановича Густарева – Марии.

В 1922 году Семен Демьянович подал прошение архиерею и был определен псаломщиком к храму в селе Дулово Корчевского района Тверской области, а в 1925 году – переведен псаломщиком в церковь села Орудьево Дмитровского района Московской области. В 1930 году рукоположен в сан диакона и в том же году – в сан священника к храму Рождества Пресвятой Богородицы в селе Якоть Дмитровского района Московской области.

18 января 1938 года власти арестовали священника по обвинению в антисоветской агитации, и он был заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Лжесвидетели показали, будто отец Симеон говорил: «Вышла новая конституция, а на Церковь гонения не прекратились, опять закрывают церкви и ни за что забирают попов;

Вязанник Симеон Кульгавец

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

говорят, Церковь отделена от государства, а налоги советская власть с попов берет».

— Какую цель вы преследовали, выезжая из Польши в Россию в 1915 году? — спросил священника следователь.

— У меня никакой цели не было, пришлось выехать по необходимости, так как наша местность была оккупирована немцами, и я оттуда выехал как беженец.

— Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Виновным в предъявленном мне обвинении я себя не признаю, — ответил священник, и на этом допросы были закончены.

11 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Священник Симеон Кульгавец был расстрелян 21 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19856.
АМП.

Февраль 13 (26)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Леонтий (Гримальский)

Священномученик Леонтий родился 10 июля 1869 года в селе Лодыженка Уманского уезда Киевской губернии в семье псаломщика Стефана Гримальского. В 1892 году Леонтий Стефанович окончил Киевскую Духовную академию и поступил учителем в церковноприходскую школу в селе Русаловка Уманского уезда. В 1893 году женился. 31 июля 1894 года он был рукоположен в сан священника ко храму в селе Песчаново Звенигородского уезда Киевской губернии. В 1914 году был переведен в храм в селе Роги Уманского уезда Киевской губернии, где служил до 1931 года. В 1922 году отец Леонтий был возведен в сан протоиерея, в 1928 году – награжден палицей. В 1931 году он переехал в село Жигалово Московской области, где его зять, священник Николай Хорьюзов, служил в Никольском храме. Здесь отец Леонтий исполнял должность псаломщика с правом священнослужения.

4 апреля 1932 года отец Леонтий был назначен в храм святых апостолов Петра и Павла в село Лыткарино Ухтомского района Московской области. В 1935 году протоиерей Леонтий был награжден наперсным крестом с украшениями. В июле 1937 года он был переведен служить в храм в село Ильинский погост Солнечногорского района. 31 октября назначен служить в Успенский храм в село Гжель Раменского района, где в то время был арестован незадолго перед этим переведенный сюда служить священник Николай Хорьюзов.

26 января 1938 года протоиерей Леонтий был арестован и заключен в тюрьму в городе Коломне. 30 января следователь допросил священника.

— Где сейчас находится ваш зять — Хорьюзов? — спросил он.

— Мой зять, Хорьюзов, арестован месяц тому назад органами НКВД. За что он арестован, я не знаю.

— Какая у вас была с ним связь?

— Я был с ним в дружеских отношениях, мы часто навещали друг друга и оказывали друг другу материальную помощь. После ареста Хорьюзова его жена живет у меня.

— Следствие располагает сведениями о том, что вы имеете сан протоиерея. Скажите, в каком году вы получили данный сан?

— В сан протоиерея я возведен в 1922 году, и по настоящее время я состою в данном сани. В протоиереи я возведен за долготлетнюю службу.

— Какие суждения вы имели с гражданами о выборах в Верховный Совет?

— Разговоров на эту тему я не имел. Ко мне с вопросами на эту тему никто не обращался, и я лично советов своих никому не давал.

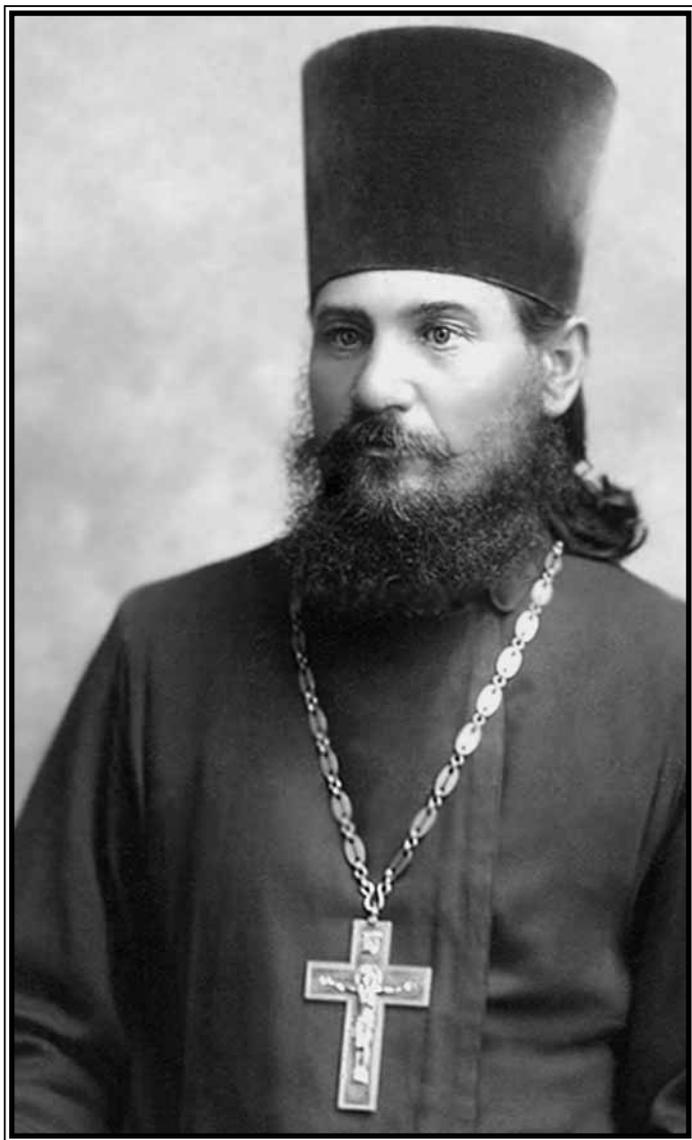
— Какие вы вели разговоры о международном положении и, в частности, об опасности войны?

— Разговоров о международном положении и вообще на политические темы я не вел, потому что ко мне никто не обращался с такими разговорами, а я еще и умышленно уклонялся от этих разговоров.

8 февраля следователи допросили некоего свидетеля.

— Что вам известно о контрреволюционной деятельности Леонтия Степановича Гримальского? — спросил следователь.

— Я часто посещал квартиру Гримальских и замечал, что к ним приезжали неизвестные мне люди, из них некоторые были служителями культа, кроме них приезжали двое из Москвы, один рекомендовался художником, а второй якобы работник НКВД. С какой целью указанные лица посещали Гримальского, я не знаю, так как во время моего посещения они никаких разговоров меж-

Протоиерей Леонтий Три.иа.льскій

ду собой не вели, а сам священник, как только я приходил, уходил в каморку. Приезжие жили у Гримальского не более суток и уезжали. Из разговоров Гримальского я только один раз слышал недовольство по адресу советской власти – по поводу мясоставок. Разговор его сводился к тому, что власть незаконно берет мясоставки, подлинных сказанных им слов я сейчас не помню. Священник, находясь на службе где-то в другой церкви, летом часто приезжал в село Гжель, где до него служил его зять Хорьюзов и диакон Воскресенский. Оба они сейчас арестованы органами НКВД. Гримальский с ними поддерживал тесную связь. Арестованный диакон Воскресенский, будучи на службе при нашей церкви, открыто компрометировал советскую молодежь, называя ее шпаной. При исполнении религиозных треб говорил речи, не относящиеся к религии.

9 февраля следователь допросил отца Леонтия.

– Дайте показания о проводимой вами контрреволюционной агитации.

– Контрреволюционной агитации я никакой не вел.

– Следствие располагает данными о том, что вы внушали верующим недоверие к советской власти, партии и конституции.

– О конституции я никогда никому не говорил, а также не внушал верующим недоверия к партии и советской власти.

– Следствие располагает данными о том, что вы запугивали колхозников предстоящей войной и большими бедствиями.

– О войне и больших бедствиях я никому ничего не говорил, и запугивать колхозников какими-либо другими способами не запугивал.

– Говорили ли вы о неправильных действиях советской власти по взиманию государственных поставок?

– О государственных поставках я никому ничего не говорил. Взимаемые с меня налоги и государственные поставки я считаю законными.

– Дайте показания о ваших знакомых и связях с ними.

– Я имел тесную связь с Николаем Хорьюзовым, до меня служившим священником в селе Гжель, также имел связь с диаконом церкви села Гжель Воскресенским. Оба они сейчас арестова-

ны и осуждены органами НКВД. Их я часто навещал летом 1937 года, когда я еще жил и служил в селе Ильинский погост.

— С какой целью вы навещали Хорьюзова и Воскресенского?

— Я приезжал к Хорьюзову как к зятю, Воскресенский виделся со мной как со священнослужителем.

— Следствие располагает данными о том, что в момент посещения вами села Гжель приезжали лица, не имевшие отношения к служителям культа.

— Да, действительно, когда я приезжал из Ильинского погоста к зятю Хорьюзову, то одновременно со мной приезжали два человека из города Москвы; одного из них я знаю по имени Борис, таковой где-то работает и одновременно учится. Мне он знаком не был. Второго я совершенно не знаю.

— Скажите, Гримальский, с какой целью приезжал указанный вами Борис?

— Цели приезда этого Бориса я не знаю. Разговоров при мне о цели его приезда не было.

— Что вам известно о контрреволюционной деятельности Хорьюзова и Воскресенского?

— О контрреволюционной деятельности Хорьюзова и Воскресенского я совершенно ничего не знаю. Знаю только то, что они оба осенью 1937 года были арестованы органами НКВД.

— Что можете еще показать по существу предъявленного вам обвинения?

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю и показать ничего не могу.

После допроса следователь дал отцу Леонтию подписать документ об окончании следствия.

21 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Леонтий Гримальский был расстрелян 26 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-78609.

Февраля 13 (26)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Иоанн (Покровский)

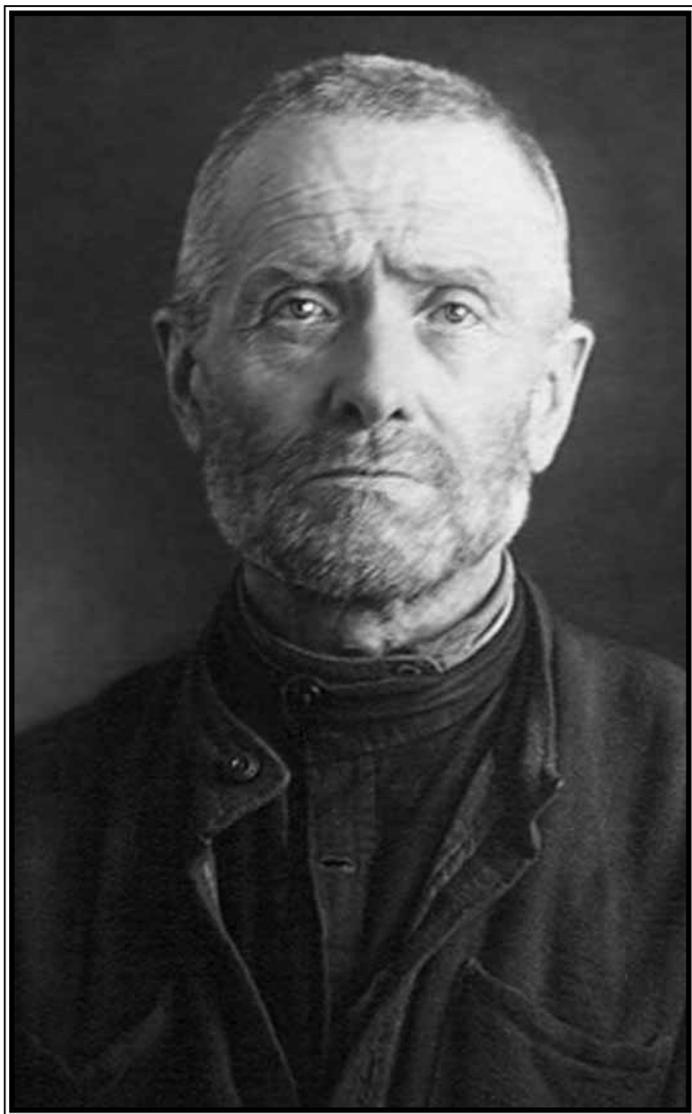
П Р Е П О Д О Б Н О М У Ч Е Н И Ц Я

Анна (Корнеева)

*Н*амереваясь арестовать священника Иоанна Покровского, служившего в Покровской церкви в селе Чиркино Малинского района (ныне Ступинский район) Московской области, и помогавших ему в церкви верующих, сотрудники НКВД допросили всех, кто, по их мнению, мог согласиться подписать лжесвидетельства.

Учитель местной школы в селе Чиркино показал: «В сентябре 1937 года около школы Покровский, не подозревая себя в пропаганде религиозных убеждений, говорил детям: “Молитесь Богу, тогда и уроки у вас будут усваиваться хорошо, не будьте поклонниками сатаны”. Разговоры Покровского среди детей я замечаю часто; это видно из того, что дети во время перемены в религиозные праздники ходят в церковь и ставят свечи. Школа находится в десяти метрах от дверей церкви; в летнее время, когда поют в церкви, слышно в школе; сейчас церковь угрожает школе тем, что хотят из дома, где помещается школа, ее выгнать, так как этот дом принадлежит церкви, и второе то, что купол церкви треснул и немного покачнулся на школу, весной может завалиться».

Один из жителей села показал: «В августе 1937 года на проработке сталинской конституции Покровский говорил, что консти-

Протоиерей Иоанн Покровский

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

туция только для большевиков, а не для бедного класса, который ограблен советской властью; в конституции записано, что свобода, а какая свобода, когда только и знают, что грабят крестьян, колокола и те сняли; это получается гонение на православных крестьян».

В соответствии с показаниями лжесвидетелей была выписана справка на арест священника Иоанна Покровского, подписанная руководителями НКВД Московской области Якубовичем, Персицем, Нусиным и Овчаровым. В ней говорилось, что «в селе Чиркино проживает Иван Семенович Покровский, который до, после революции и до настоящего времени работает попом. В 1937 году возведен в протоиереи и назначен благочинным. Будучи недоволен существующим в нашей стране строем, среди населения ведет антисоветскую агитацию и особенно обнаглел после опубликования конституции и положения о выборах в Верховный Совет СССР. Гнусно клеветает на советское правительство и руководителей ВКП(б), а также на колхозное строительство. Его дом в селе Чиркино посещают бродячие церковники не только Малинского района, но и Коломенского, Озерского и других. В результате в колхоз занесли заразную болезнь на лошадей и свиней, а также три лошади недавно из конюшни были украдены. Поп в разговорах среди колхозников по этому вопросу говорит, что это Божье наказание, нужно ходить всем в церковь и молиться Богу».

27 января 1938 года власти арестовали протоиерея Иоанна, а 13 февраля — помогавшую ему в церкви послушницу Анну Корнееву, заключив их в тюрьму в городе Кашире.

Священномученик Иоанн родился в 1874 году в селе Аксиньино Коломенского уезда Московской губернии в семье священника Семена Покровского. Окончил Московскую Духовную семинарию и в 1897 году был рукоположен в сан священника. Более четверти века до своей мученической кончины служил в Покров-

ской церкви в селе Чиркино. За безупречное служение возведен в сан протоиерея и назначен благочинным Малинского района.

На следующий день после ареста священника состоялся допрос.

— Следствие располагает материалами о том, что вы среди населения высказывали враждебность к советской власти.

— Я не могу припомнить разговоров, в которых были бы слова, враждебные советской власти, за исключением слов, обращенных к верующим, чтобы они молились за невинных людей, заточенных в тюрьму советской властью.

— Вы среди верующих говорили, что советская власть притесняет Церковь и служителей культа, при этом гнусно клеветали на советское правительство.

— Я говорил верующим, что по приходу ходить не разрешают, а раньше было свободно. С одной стороны, пишут, что религиозные отправления свободны, а с другой стороны — этой свободы мы не видим.

— Привожу вам выдержки из показаний свидетелей о вашей контрреволюционной антисоветской деятельности. Признаете, что вы это говорили?

— Я это отрицаю, так как я ни с кем и ни при каких обстоятельствах этого не говорил.

— Следствием установлено, что вы группировали вокруг себя бродячих церковников и монашек Малинского и других районов. Признаете это?

— Признаю, что ко мне часто приходили церковники Малинского, Коломенского и других районов.

16 февраля следователи снова допросили священника.

— Кто посещал вашу квартиру?

— Мою квартиру посещали жена священника села Бортниково Орлова, которая приходила ко мне 18 января 1938 года и говорила, что ее мужа Сергея Андреевича Орлова арестовали органы НКВД; священник села Мещерино Фоминцев приходил два-три года тому назад; Михаил Покровский, священник села Федоровского, посещал мою квартиру осенью 1937 года.

— Какие у вас были разговоры во время посещений вашей квартиры служителями культа?

— Во время посещений моей квартиры священниками у нас бывали разговоры; со священником Фоминцевым говорили, что по конституции должно быть свободное отправление религиозных обрядов, но на самом деле советская власть запрещает хождение по приходу под предлогом заразных заболеваний. Мы считаем это совершенно неправильным. Со священником Покровским никаких разговоров о советской власти не было.

— Кого вы лично посещали из церковников и служителей культа?

— Я посещал квартиры Фигуриной, Котовой, Корнеевой, священников Фоминцева, Михаила Покровского, с которыми разговаривал о церковных обрядах, как посещается церковь верующими. Были разговоры о том, что советская власть запрещает ходить по приходам. Фоминцев мне сказал: «Очень тяжело стало жить, советская власть зажимает хороших людей». Дальше Фоминцев добавил, что надо терпеть и переносить все тяжести. Других разговоров против советской власти не было.

— Следствие располагает данными, что вы среди колхозников села Чиркино и Щербинино высказывали враждебность к советской власти.

— Никакой антисоветской агитации среди колхозников с моей стороны не было; я лишь каждую службу в церкви говорил, чтобы верующие молились за лучших людей, которые заключены советской властью в тюрьму.

— Признаете ли вы себя виновным в антисоветской агитации среди колхозников и в организации контрреволюционной группы в селе Чиркино?

— Никакой антисоветской агитации среди колхозников не было, я был лишь недоволен тем, что советская власть не разрешает ходить по приходу.

На этом допросы были закончены. Уже после того, как священник подписал протокол, следовательно в том месте, где отец Иоанн говорил, что священник Фоминцев сказал: «Надо терпеть

и переносить все тяжести, придет время, станем жить лучше», от себя надписал: «когда придет Гитлер».

Преподобномученица Анна родилась в 1880 году в селе Щербинино Коломенского уезда Московской губернии в семье крестьянина Алексея Корнеева. В 1895 она поступила послушницей в Решемский Макарьевский монастырь Костромской епархии, где пробыла до 1902 года, а затем вернулась на родину. 13 февраля 1938 года послушница Анна была арестована и сразу же допрошена.

— Какую вы имели связь со священником Покровским?

— Я имела тесную связь со священником Покровским, который часто посещал мою квартиру, я лично посещала квартиру Покровского редко.

— Следствие располагает материалами о том, что вы среди колхозников высказывали враждебность к советской власти.

— Никакой антисоветской агитации я никогда не вела.

— В мае 1937 года вы колхозникам говорили, что коммунисты загнали крестьян в колхозы и хотят устроить крепостное право.

— Таких разговоров с моей стороны не было, за исключением того, что я говорила, что раньше крестьяне жили лучше.

— В начале декабря 1937 года вы говорили колхозникам села Чиркино, что скоро будет война, придет Гитлер и тогда православные крестьяне станут жить лучше.

— Разговоров о войне и о приходе Гитлера с моей стороны не было; был случай, когда во время разговора я сказала колхознику, что раньше крестьяне жили лучше, сейчас советская власть стала преследовать честных людей — расстреливать хороших людей ни за что.

— Что вы говорили весной 1937 года колхозникам о советской власти?

— Во время разговоров с колхозниками села Чиркино я говорила, что всякая власть от Бога. Это мною повторялось часто.

— Вам предъявляется постановление о привлечении вас в качестве обвиняемой в антисоветской агитации среди населения.

— Виновной себя в агитации среди населения не признаю.

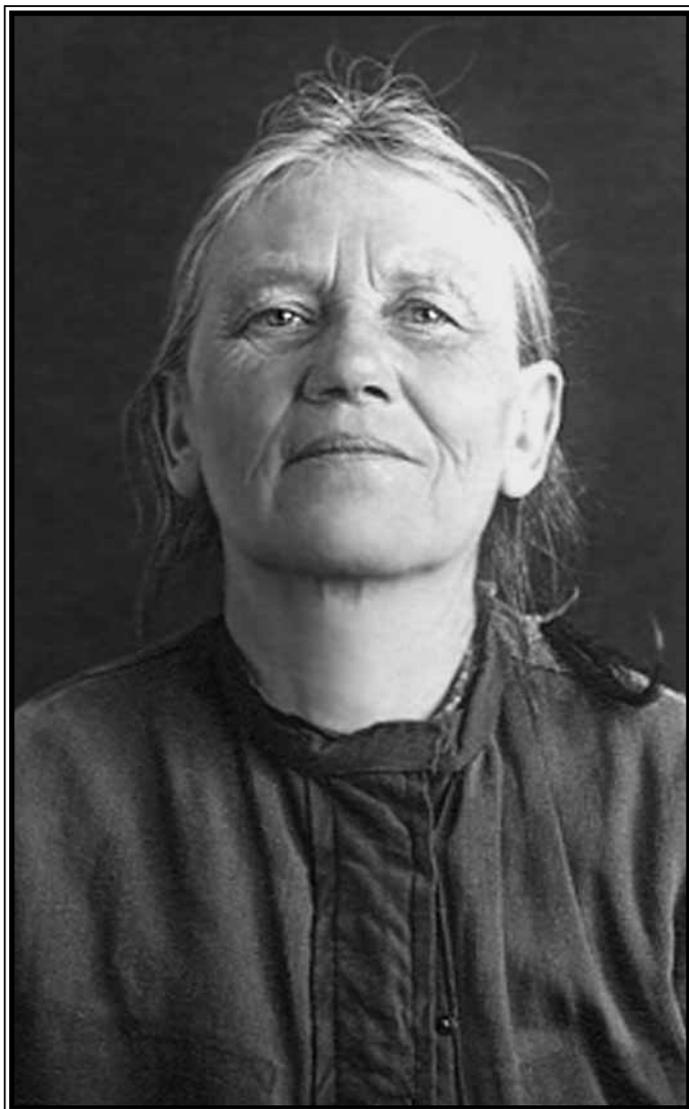
5 февраля 1938 года, то есть еще до ареста Анны Корнеевой, следствие по делу протоиерея Иоанна и послушницы Анны было закончено, в обвинительном заключении о протоиерее Иоанне Покровском говорилось, что он в антисоветской деятельности виновным себя частично признал, это выражалось в том, что священник за каждой службой в церкви говорил верующим, «чтобы они молились за лучших, которые заключены советской властью в тюрьмы... Допрошенная в качестве обвиняемой Корнеева в антисоветской контрреволюционной деятельности виновной себя не признала, за исключением того, что она говорила колхозникам села Чиркино, что раньше крестьяне жили лучше, сейчас советская власть стала преследовать честных людей, которых расстреливает».

21 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Иоанна и послушницу Анну к расстрелу. Протоиерей Иоанн Покровский и послушница Анна Корнеева были расстреляны 26 февраля 1938 года и погребены в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23056.

Послушница Анна Коротева

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

Февраля 13 (26)

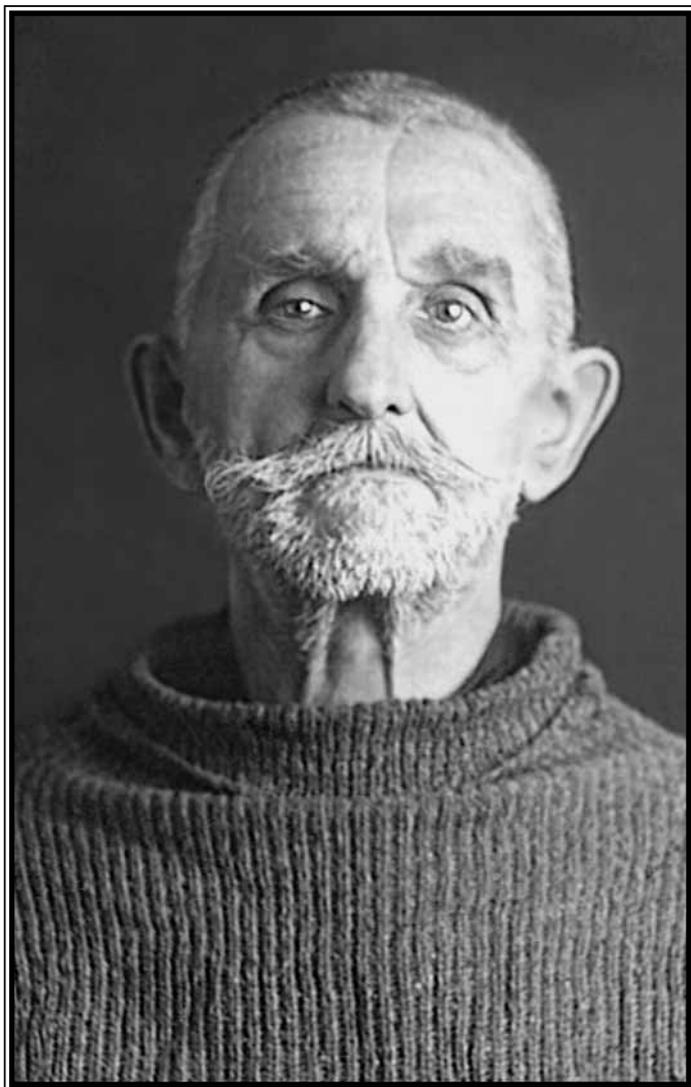
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Добролюбов)

Священномученик Николай родился 20 апреля 1875 года в селе Маврино Богородицкого уезда Московской губернии в семье священнослужителя. Окончив два класса духовного училища, в 1902–1903 годах Николай Алексеевич работал учителем начальной школы, а с 1904 по 1920 год служил чиновником почтового ведомства в Москве.

Господь призвал его к служению в 1920 году. Тогда, в самый разгар Гражданской войны, голода, во всю силу развернутых гонений на Церковь, чиновник почтового ведомства в возрасте 45 лет стал диаконом. Очевидно, что при таких обстоятельствах вступление в клир гонимой Церкви означало добровольное избрание мученического пути. Место служения отца Николая в 1920-ые годы точно неизвестно. В 1930–1931 годах он был диаконом в храме великомученика Димитрия Солунского в Москве. В это время он был арестован органами ОГПУ и отпущен в тот же день, а через шесть месяцев выслан из Москвы в Подольский район.

В начале 1930-х годов диакон Николай Добролюбов был рукоположен во священника и примерно в 1933 году стал настоятелем Борисоглебского погоста Подольского района Московской области, где в 1910-х годах служил псаломщиком его брат – Петр Алексеевич Добролюбов. В приход храма входило семь деревень, достаточно удаленных друг от друга, кроме того, отцу Николаю приходилось окормлять те села, в которых к тому времени храмы были уже закрыты.

Священник Николай Добролюбов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

В те годы он и его жена, Анна Ивановна, поселились в уединенной сторожке при храме. Жили они очень бедно, никакого имущества, кроме домашней обстановки, у них не было, Анна Ивановна не работала. В 1930-е годы семью Добролюбовых облагали непосильными налогами. Пожилые бездетные люди, они могли рассчитывать только на помощь своих прихожан.

Арестовали отца Николая 24 января 1938 года по обвинению в контрреволюционной агитации. Во время следствия его держали в Серпуховской тюрьме.

На допросах следователя особенно интересовала связь отца Николая с благочинным Подольского района протоиереем Николаем Агафонниковым, который был расстрелян 5 ноября 1937 года. Отец Николай Добролюбов мужественно держался на допросах и не отрицал, что разделял взгляды своего благочинного на богоборческую власть, но не соглашался с обвинением в контрреволюционной агитации среди населения.

— Агафонников показал себя... истинно верующим Православной Церкви, — сказал следователю отец Николай. — Должен признать, что я... разделял его взгляды... и говорил, что власть устраивает гонение на Православную Церковь... Как Агафонников, так и я, Добролюбов, являлись последователями тихоновской ориентации.

Отец Николай не отрекся от расстрелянного священномученика, и одного этого, даже без показаний лжесвидетелей, было достаточно для вынесения смертного приговора.

19 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. 26 февраля священник Николай Добролюбов был расстрелян. Место его захоронения неизвестно.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 21336, л. 18809.

Дубинский А. Ю. Московская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). «Прометей», М. 1998.

Февраля 13 (26)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Василий (Горбачев)

Священномученик Василий родился в 1885 году в селе Нарышкино Сердобского района Саратовской губернии (ныне Пензенская область) в семье крестьянина Григория Горбачева.

Из детства батюшки известен такой случай: господам понравился маленький Василий и его сестра, потому что оба они были белокуры и кудрявы. Они захотели взять их себе на воспитание, но родители отказались, несмотря на то, что в семье было пятеро детей.

Василий окончил церковноприходскую школу, полюбил пение в церковном хоре и охотно прислуживал в храме. Он обладал музыкальными способностями: имел хороший слух и голос.

Когда скончалась мать, отец захотел женить сына против его воли, так как в семье не хватало женских рук. Василий покинул родной дом и ушел в Иверский Страстной монастырь города Саратова, а оттуда попал в Москву – в Свято-Данилов монастырь, где был сначала певчим, а потом послушником.

В 1908 году в саратовской обители иеромонах Таврион подарил ему небольшое Евангелие и надписал: «Читать каждый день по главе или по десять стихов». Это Евангелие отец Василий всю жизнь носил с собой.

В 1913 году епископ Верненский Иннокентий (Пустынский) взял Василия к себе в город Верный (ныне Алма-Ата) в качестве эконома архиерейского дома. Здесь он в совершенстве овладел церковным пением и стал руководителем большого церковного хора.

Во время Первой мировой войны Василий Горбачев служил в

армии, был псаломщиком в полковой церкви, а также выполнял хозяйственные поручения.

Однажды, в 1917 году, он ехал по церковным делам в поезде, который был остановлен какими-то военными, по-видимому местными бандитами, и его, как служителя Церкви, повели на расстрел, но вдруг налетел отряд регулярной армии, и он остался жив. Отец Василий вспоминал: «Я помолился Богу, и ничего со мной не случилось». Видимо, не настал еще час Василию пострадать за Христа. Бог сохранил его для служения в священном сане.

В 1918 году Василий женился на Вере Афанасьевне Трофимовой и был рукоположен во диакона.

Жизнь в большом городе была тяжелой: нехватка питания, очереди, ожидалось рождение первенца. Поэтому супруги приняли решение уехать в село Ванновское Черняевского района Сыр-Дарьинской области. Здесь они завели свое небольшое хозяйство. У них родилось трое детей.

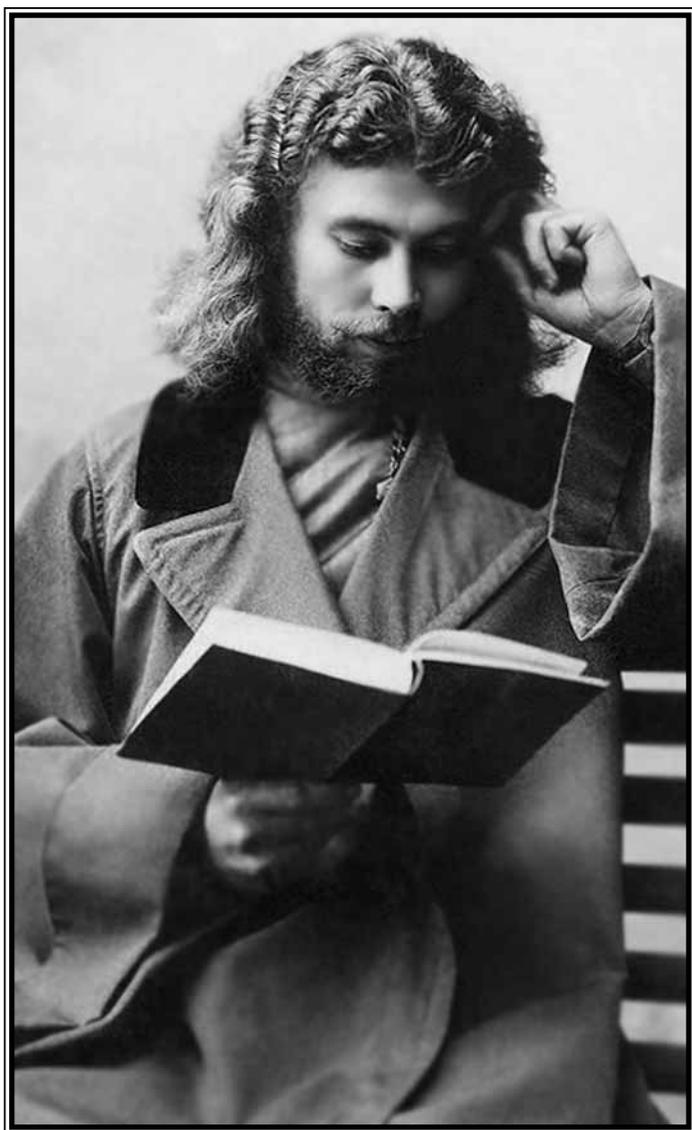
В 1923 году отец Василий переехал с семьей в Саратов, где служил диаконом – сначала в соборе Петра и Павла, а затем в храме Рождества Христова.

А в стране полным ходом шло строительство советского государства, ломались все старые устои. Служащие Церкви лишались права голоса, объявлялись «лишенцами». Многим служителям Церкви предлагали публично отречься от Христа, но это было невыносимо для отца Василия.

Вскоре началась коллективизация, в Поволжье наступил голод. Вводились хлебные карточки, которых «лишенцы» не получали. Семью из пяти человек нужно было кормить. Доходы в церкви становились мизерными, зато налоги с «церковников» брали большие.

По воспоминанию дочерей, отец Василий брался за любую работу: клал печи, чинил часы, крыл крыши – благо с детства руки были приучены к труду, да и смекалки хватало.

Однажды налоговый агент, пришедший с бумагами по оформлению, застал отца Василия за перетягиванием пружинного матраса. Это его удивило, ведь «церковники» преподносились обществу как лодыри и тунеядцы. Чиновник спросил, почему он не бросит Церковь в такое-то тяжелое время при таких-то золотых руках. На это отец ответил, что посвятил себя служению Бо-

Обязательник Василии Торбачев

гу по глубокому убеждению и никогда не отступит: «Пока будет открыт хотя бы один храм, я буду в нем служить».

Детей своих он воспитывал согласно Закону Божию, радовался, когда они приходили в храм на службу и участвовали в таинствах.

В январе 1924 года умер старший сын — Виктор. В 1926 году родился четвертый ребенок, которого тоже назвали Виктором. С трех лет отец часто брал его с собой в храм на службу и умилялся, когда мальчик, не шелохнувшись, стоял со свечой у Царских Врат во время архиерейской службы.

Сам отец Василий показывал детям пример христианской любви к ближним. По воспоминанию дочерей, где бы они ни жили, куда бы ни переезжали, у него везде находились друзья. Все его любили.

Однажды в Саратове он как-то привел в дом одного незнакомого человека. Покушали они, поговорили. Проводил он гостя, а супруга ему заметила, что он ее без обеда оставил. Отец ответил: «Ну, ты знаешь, это такой человек! У него никого здесь нет знакомых. Ты бы мне сказала потихоньку, я б не стал обедать».

Никто не слышал от отца Василия ни одного бранного слова, а когда, бывало, обидит кто его или раздражит, он скажет только: «Ах, искушение!»

В 1930-е годы голод вынудил семью покинуть Саратов и переехать в Московскую область.

Сначала диакон Василий получил назначение в село Марково на границе с Владимирской областью. Там была только начальная школа. Детям негде было учиться, поэтому через несколько месяцев он попросил перевести его в другой район.

Его назначили в церковь села Ильинский Погост Куровского района. Рядом была деревня Беззубово с семилетней школой. Там и обосновалась семья. В этой деревне они прожили полтора года. В 1936 году отца Василия перевели в Никольскую церковь села Парфентьево рядом с Коломной.

К этому времени многие храмы в Коломне были уже закрыты. Среди немногих действовавших оставалась церковь Петра и Павла. Здесь отец Василий неожиданно встретил друга своей юности из Алма-Аты — диакона Григория Самарина. Вскоре друга арес-

товали.

Отец Василий с юности любил рисовать, и в Парфентьеве он не только служил диаконом, но и занимался реставрацией настенных росписей в храме.

Осенью 1936 года арестовали священника в Парфентьеве и под этим предлогом хотели закрыть храм. Тогда по просьбе прихожан диакон Василий решил стать священником. Он знал, на что шел. Его рукоположили, и церковь открыли на короткое время. Но затем храм был вновь закрыт: священника Василия Горбачева перевели в церковь села Большие Вяземы под Звенигородом.

15 февраля 1938 года вечером за ним пришли уполномоченные НКВД. Отца Василия не было дома, день был праздничный – Сретение Господне, и он совершал требы на дому у прихожан. Накануне этого дня к нему приехала жена (семья жила в Парфентьеве), и она стала свидетельницей ареста мужа.

Священник сразу понял, зачем к нему пришли. В доме затеяли обыск. У него было только несколько богослужебных книг, ноты церковных песнопений и акварельный автопортрет.

В то время священнослужители вне храма обычно ходили в гражданской одежде. И когда жена по привычке предложила ему одеться в светское, он ответил: «Нет, я пойду в рясе. Я этому посвятил всю свою жизнь». Перед выходом из дома отец Василий надел скуфью, зимнюю рясу и сказал матушке, чтобы нигде его не искала – если жив будет, даст о себе весточку.

О причине ареста жена спросила сотрудников НКВД, когда те еще ожидали отца Василия. Ей ответили, что в этом районе он человек новый и никак себя не проявил, а обвинение пришло из Коломны.

На самом деле все было не так. В 1938 году уже почти не оставалось священнослужителей на приходах, и все, отказавшиеся сотрудничать с безбожной властью, подвергались репрессиям. В обвинении по «делу» отца Василия нет упоминания о Коломне. Нашлась одна лжесвидетельница в Звенигородском районе, которая согласилась оклеветать священника, обвинив его в контрреволюционной деятельности. По ее словам, 26 января 1938 года на поминках по случаю годовщины смерти местного священника

его вдова Антонина Соловьева стала плакать и обижаться на жизнь, говоря: «Это не власть, а грабители, жить невозможно». На это отец Василий якобы ответил: «Вы будьте осторожны и не называйте в других местах их грабителями, а то ведь знаете, как сейчас: моментально заберут. Я вполне согласен с вами, что это грабители. Но нам надо терпеть».

Лжесвидетельница также утверждала, что прихожане восхищались новым священником Василием Горбачевым, считали его одним из лучших среди тех, кто служил в их храме, говорили, что он хорошо читал проповеди и часто со слезами на глазах призывал верующих к терпению.

На допросах волю его не сломали. Он не признал несправедливого обвинения в контрреволюционной агитации.

— С кем вы поддерживаете связь? — спросил следователь.

— Я лично прибыл в Большие Вяземы только в январе месяце и не смог познакомиться ни с кем из граждан указанного прихода. В настоящее время связи ни с кем не поддерживаю, знаю одного старосту Сержина, ныне арестованного НКВД.

— Вы занимаетесь контрреволюционной деятельностью и распространяете клевету против советского правительства. Требую от вас правдивых показаний по предъявленному обвинению.

— В предъявленном обвинении в контрреволюционной деятельности и распространении клеветы в отношении советского правительства виновным себя не признаю.

19 февраля 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Священник Василий Горбачев был расстрелян 26 февраля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Семья ничего не знала о судьбе отца Василия. Дети, ожидая его возвращения, часто смотрели на дорогу. Иногда им казалось, что идущий по ней старичок их папа. Они подбегали ближе, но видели, что это не он. О его судьбе они узнали лишь в 1989 году.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035. д. П-78029.

Февраля 13 (26)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Вера (Морозова)

Преподобномученица Вера родилась в 1870 году в городе Торжке Тверской губернии в семье портного Семена Морозова. Когда ей исполнилось двадцать лет, она поступила послушницей в Страстной монастырь в Москве, где подвизалась до его закрытия в начале двадцатых годов. После того как монастыря не стало, она вместе с монахинями и послушницами стала снимать комнату в доме на Тихвинской улице, где они продолжали сохранять монастырский устав, зарабатывая рукоделием. Послушница Вера работала санитаркой в туберкулезном институте.

28 октября 1937 года осведомитель, член коммунистической партии и одновременно «дежурный свидетель», живший в том же доме, что и монахини с послушницами, подписал на них документ с лжесвидетельствами. О послушнице вере там было написано, будто она говорила: «У власти стало замешательство, выпустили конституцию, в которой говорится, что совершение религиозных обрядов допускается свободно, а нам теперь на самом деле приходится собираться в подвалах, чтобы никто не знал. Священников всех пересажали и скоро будут арестовывать верующих. Поэтому надо нам чаще собираться и усерднее просить Бога, чтобы Он скорее большевикам послал конец».

На основании этого лжесвидетельства начальника Свердловского районного отделения НКВД города Москвы Бельшев 14 января 1938 года испросил санкции заместителя начальника НКВД по Московской области Якубовича на арест Веры Семеновны Морозовой и получил ее на следующий день. Послушница Вера была арестована 16 января и сразу же допрошена.

– В каком году вы были лишены избирательных прав?

– Я была лишена избирательных прав в начале революции и восстановлена в 1932 году после моего ходатайства во ВЦИК.

– Кто из монашек Страстного монастыря в данное время проживает в Москве?

– Кто в данное время проживает в Москве из монашек Страстного монастыря, я не знаю.

– Вы обвиняетесь в антисоветской деятельности. Признаете себя в этом виновной?

– Я виновной себя в антисоветской деятельности не признаю.

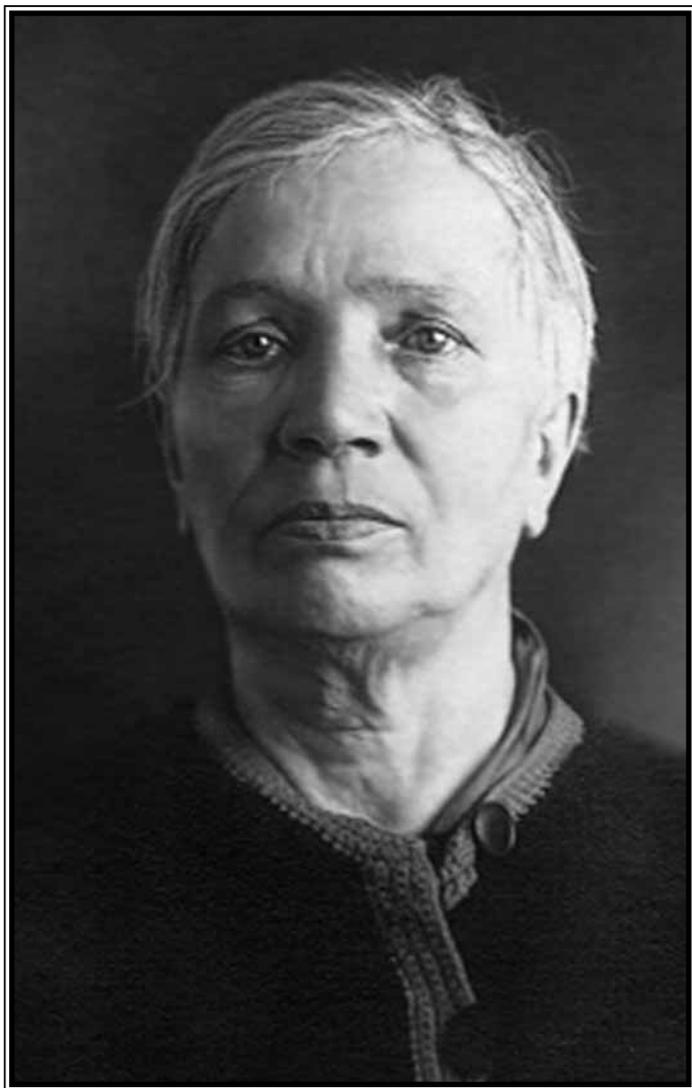
– Следствие располагает данными, что вы среди окружающих вели антисоветскую агитацию. Признаете себя в этом виновной?

– Я никогда и нигде антисоветской агитации не вела.

– Вы высказывали враждебное отношение к руководству партии и правительства. Вы подтверждаете это?

– Нет, я враждебного отношения к руководству партии не высказывала.

Поскольку послушница Вера категорически отказывалась признавать себя виновной, то в качестве лжесвидетельницы была привлечена рабкор, в тридцать девять лет заслужившая от советской власти персональную пенсию, жившая на Тихвинской улице в том же доме, где жили монахини и послушницы. Она показала, что «к Морозовой ходило много людей социально чуждых, а именно попы. Неоднократно собираясь вместе, вели какие-то разговоры, для меня неизвестные. Морозова неоднократно в моем присутствии заявляла, что к ней много людей приезжает из колхозов, которые все недовольны коллективизацией. Это и понятно, сейчас везде крестьяне голодают. Вообще жить стало народу тяжело, в магазинах ничего нет, кругом стоит дороговизна. Но это все так и должно быть по Божьему Писанию. Бог нам послал такую власть за грехи, совершенные народом. После ареста группы монашек, проживавших вместе с ней, она ходила и распускала слухи, что ни за что арестовывают».

Послушница Вера Морозова

Москва. Тюрма НКВД. 1938

21 января следствие было закончено. 21 февраля Тройка НКВД приговорила послушницу к расстрелу. Послушница Вера Морозова была расстреляна 26 февраля 1938 года и погребена в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф.10035, д. 21386.

Февраль 13 (26)

МУЧЕНИК

Павел (Соколов)

*М*ученик Павел Сергеевич Соколов родился 3 марта 1892 года в уездном городе Руза Московской губернии. Его отец — Сергей Гаврилович служил псаломщиком в храме великомученика Димитрия Солунского, а мать — Екатерина Степановна занималась воспитанием пятерых детей. Позднее, в 1912 году, Сергей Гаврилович стал диаконом, а в 1917 году был рукоположен во священника и служил до глубокой старости (в 1938 году, когда ему было уже 75 лет, он служил в селе Дуброво Рузского района).

Оба брата Павла Сергеевича — старший Александр и младший Николай в разные годы окончили Вифанскую Духовную семинарию (Александр в 1911 году, а Николай в 1915 году).

Сам Павел окончил Волоколамское Духовное училище и в августе 1906 года также поступил в Вифанскую Духовную семинарию, где обучался до мая 1914 года. В марте 1914 года вместе с другими воспитанниками 6-го класса он был посвящен в стихарь. По окончании курса семинарии он заявил о своем желании служить по духовному ведомству, добавив: «Жительство буду иметь в доме родителя своего диакона Дмитровской города Рузы церкви Сергея Соколова».

Там он и прослужил псаломщиком до самого ареста в 1938 году, неся на себе все тяготы служителя гонимой Церкви — нищету, поборы, преследование властями. Павел Сергеевич исполнял это послушание, несмотря на то, что был слеп на один глаз.

Арестовали Павла Сергеевича 10 февраля 1938 года по обви-

нению в проведении активной контрреволюционной агитации и держали под стражей при КПЗ Рузского районного отделения милиции. Обвинение в контрреволюционной деятельности он категорически отрицал.

Решением Тройки НКВД от 16 февраля 1938 года Павел Сергеевич Соколов был приговорен к расстрелу. Псаломщик Павел Соколов был расстрелян 26 февраля 1938 года. Место его захоронения неизвестно.

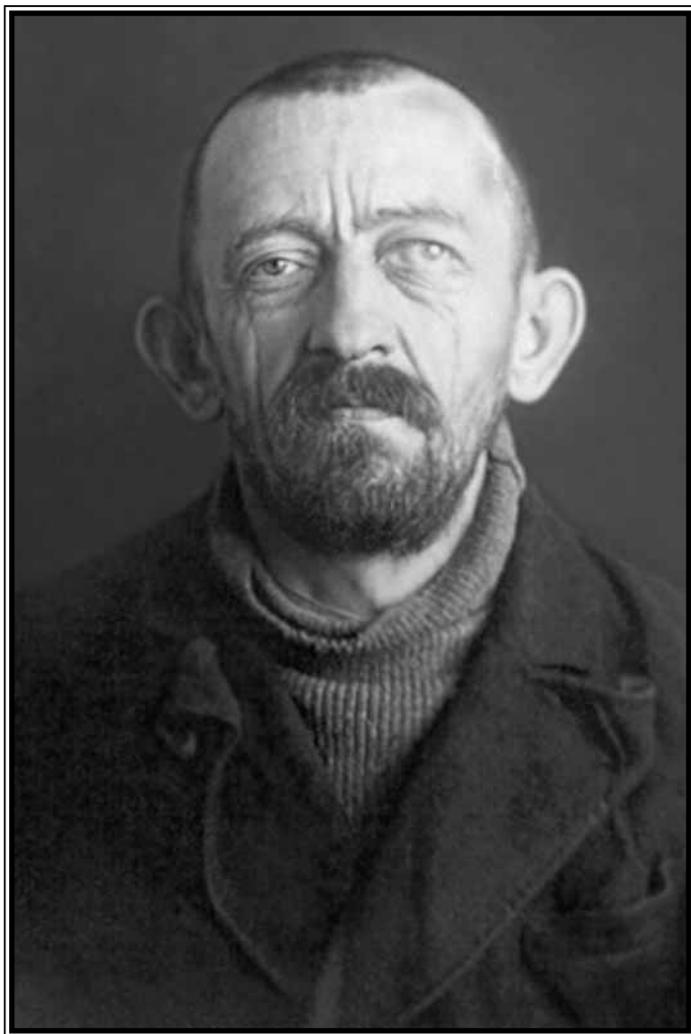
ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-62731.

ЦИАМ. Ф. 427, оп. 1, д. 4305.

Дубинский А. Ю. Вифанская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). «Прометей», М. 1999.

Псаломщик Павел Сокolов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

Февраль 15 (28)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

София (Селиверстова)

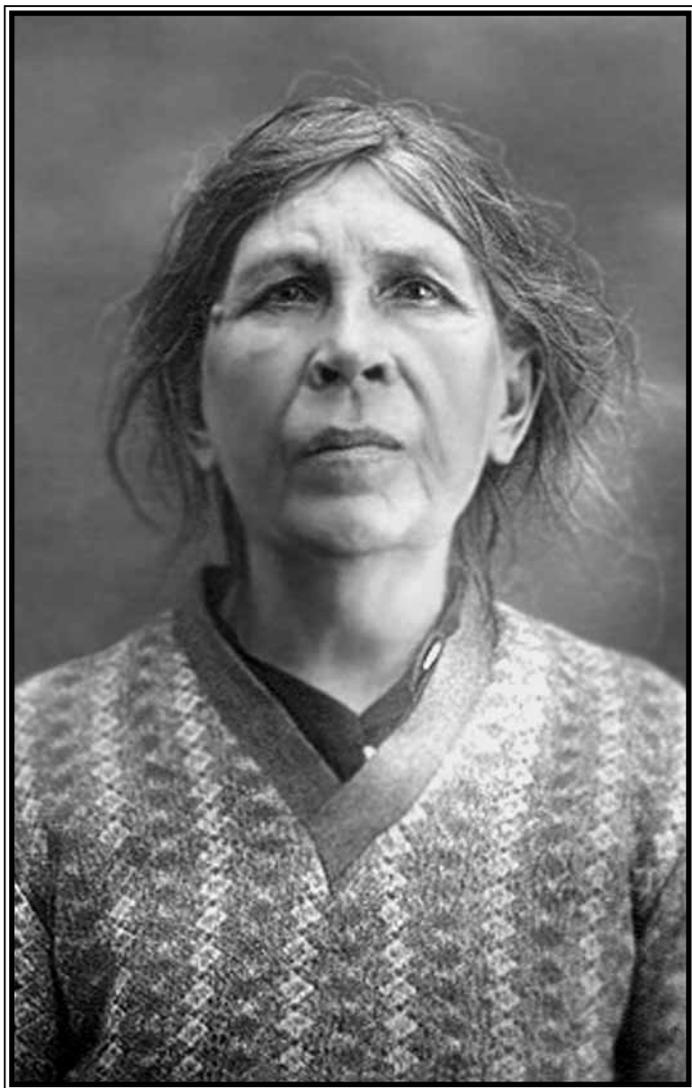
Преподобномученица София родилась 17 сентября 1871 года в селе Изноира Сердобского уезда Саратовской губернии в семье крестьянина Памфила Селиверстова. Когда Софии исполнилось десять лет, семью постигло несчастье — умерла мать, и отец девочки отдал ее в приют в селе Краюшкино, который существовал в то время при женской общине, преобразованной затем в монастырь. В приюте она прожила до двадцати лет, а затем уехала в Санкт-Петербург, поступила в прислуги и одновременно обучалась на дому рисованию. В этом искусстве София достигла заметных успехов.

В 1898 году София встретила знакомую монахиню, которая к тому времени уже двадцать два года подвизалась в Страстном монастыре в Москве, и та порекомендовала ее монастырю. Здесь послушанием Софии стало обучение монахинь рисованию.

В 1921 году София была лишена избирательных прав за то, что жила в монастыре, хотя и не была монахиней. Впоследствии, в 1933 году, она обратилась с жалобой во ВЦИК и была в правах восстановлена.

В 1926 году Страстной монастырь был закрыт, и София с тремя монахинями отремонтировали себе под жильем подвальное помещение в доме на Тихвинской улице, где и прожили до ноября 1937 года, когда сотрудники НКВД арестовали монахинь. Хотели арестовать и Софию, но ее в это время не оказалось дома.

В феврале 1938 года осведомители, жившие в этом же доме, направили в НКВД донесение, будто София говорила: «Честных тружеников большевики ссылают и всех пересажали по тюрьмам, а у руководства власти поставили мошенников и лодырей. Но это всё нам Бог послал за грехи. За нас теперь больше всех приходит-

Пос.ушница Софья Селиверстова

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

ся страдать нашим защитникам — священникам, на которых сейчас идет гонение». Они написали, что такие контрреволюционные разговоры София ведет среди окружающих открыто и на одном из соборных монахинь говорила: «Выпустили конституцию, в которой говорится, что совершение религиозных обрядов допускается свободно, а на самом деле нам теперь приходится собираться в подвальных помещениях, чтобы никто не знал».

Вызванные на допрос осведомители подтвердили свои показания и в качестве свидетелей.

22 февраля 1938 года послушница София была арестована и заключена под стражу в 13-е отделение милиции города Москвы. На следующий день она была допрошена.

— На одном из соборных арестованных монахинь вы говорили, что честных тружеников большевики ссылают и всех пересажали по тюрьмам, а у руководства власти поставили мошенников и лодырей и что священникам приходится страдать, на них сейчас гонение. Признаете ли вы себя в этом виновной? — спросил следователь.

— Не признаю. Никакой контрреволюционной деятельности я не вела.

— До ареста в 1937 году монахиня Страстного монастыря Павлова, жившая вместе с вами, проводила контрреволюционную агитацию, говоря, что в колхозах умирают с голода, и вы в этом разговоре ее поддержали. В момент процесса над бандой троцкистов вы сожалели, что их расстреляли, и при этом высказывали антисоветские настроения, что невинные люди погибают. Признаете ли себя в этом виновной?

— Таких разговоров я не слышала от Павловой. Сожаления по поводу расстрела банды троцкистов не высказывала и виновной себя не признаю.

На этом допрос был закончен. 25 февраля Тройка НКВД приговорила ее к расстрелу. Послушница София была расстреляна 28 февраля 1938 года и погребена в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 22836.

Февраля 16 (1 марта)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Павел (Смирнов)

Священномученик Павел родился 6 декабря 1877 года в селе Тишково Серпуховского уезда Московской губернии в семье священника Феодора Константиновича Смирнова. Позднее его отец служил в Борисоглебской церкви села Генино.

В августе 1893 года по окончании курса в Перервинском Духовном училище Павел Смирнов поступил в Московскую Духовную семинарию, которую окончил в июне 1899 года. После окончания семинарии Павел Федорович женился на Клавдии Николаевне, впоследствии у них родилось четверо детей.

10 ноября 1901 года он был определен к Ильинскому храму села Ильинское Серпуховского уезда Московской губернии и 22 января 1902 года рукоположен во священника. С 1 февраля 1902 года отец Павел стал также и законоучителем церковноприходской школы.

За ревностное служение Церкви отец Павел был награжден многими церковными наградами и возведен в сан протоиерея.

Отец Павел и его семья разделили судьбу многих священнослужителей того времени. Они были лишены избирательных прав, во время коллективизации их выгнали из дома, отняли землю и домашний скот. По воспоминаниям знавших их людей, отца Павла с матушкой несколько раз забирали органы ОГПУ–НКВД, но потом отпускали.

В 1930 году отец Павел был осужден Тройкой ОГПУ по обвинению в активной контрреволюционной деятельности и приговорен к трем годам ссылки. После отбывания ссылки он несколь-

ко месяцев жил в Кашире, а затем по рекомендации священника Голубева, который переходил служить из села Карачарово Можайского района в село Глазово, и по благословению епископа Волоколамского Иоанна (Широкова) с марта 1934 года стал священником села Карачарово.

29 ноября 1937 года отца Павла Смирнова арестовали по обвинению в активной контрреволюционной деятельности и содержали под стражей в Можайской тюрьме. На допросе отец Павел виновным себя не признал.

7 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила отца Павла к 10 годам исправительно-трудового лагеря. Протоиерей Павел Смирнов умер 1 марта 1938 года (день памяти святого мученика Павла Кесарийского) в Новосибирской области и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-18808.

ЦИАМ. Ф. 234, оп. 1, д. 2049, д. 2095, д. 2116. Ф. 203, оп. 763, д. 77.

ЦГАМО. Ф. 66, оп. 11. д. 235; оп. 25, д. 130, д. 190. Ф. 2458, оп. 1, д. 57.

Февраля 21 (6 марта)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Константин (Пятикрестовский)

Священномученик Константин родился 31 мая 1877 года в Москве в семье Михаила Пятикрестовского. Свою фамилию Пятикрестовские получили от прадеда Степана, первого священника в их роду. Он был крестьянином, уроженцем погоста Пяти Крестов под Коломной (на этом месте сейчас построен поселок Цемгигант). По преданию, кресты были поставлены в память пяти братьев, погибших в Куликовской битве. При поступлении в Коломенское Духовное училище Степана спросили: «Чей ты? Откуда?» Он отвечал, что Яковлев, а живет в Пяти Крестах. Поскольку в тот год уже двое Яковлевых были зачислены в училище, решили назвать Степана Пятикрестовским.

Отец Стефан имел пятерых сыновей, трое из которых – Сергей, Василий и Михаил – стали священниками. Отец Сергей служил в церкви Рождества Богородицы в Путинках, отец Василий – в церкви Рождества Богородицы на Кулишках, отец Михаил – в церкви Космы и Дамиана на Покровке, сначала диаконом, а с 5 января 1902 года священником. Он отличался особым усердием в служении. В голодные 1918–1919 годы (до самой кончины, последовавшей 6 сентября 1919 года) батюшка неукоснительно служил по воскресеньям и праздникам, исполняя обязанности и священника, и диакона, и псаломщика, и даже звонаря. В том же духе ревности по Бозе он воспитывал и своих детей.

У него было три сына, Александр, Константин и Иван, и три дочери – Евгения, Наталья и Мария. Александр и Иван учились в Московской Духовной академии*, а Константин, окончив 11

* После окончания академии Александр был рукоположен во священный сан и служил в церкви Спаса Нерукотворного в женском Спасском (позже Скорбященском) монастыре.

июня 1897 года курс Московской Духовной семинарии по 2-му разряду, образование не продолжил.

8 октября 1897 года он поступил учителем в Георгиевскую двухклассную церковную школу и служил там до принятия священного сана.

11 июля 1899 года Высокопреосвященнейшим Владимиром (Богоявленским), митрополитом Московским Константин Михайлович был определен во священника к Михайло-Архангельскому храму села Коробчеево Коломенского уезда Московской епархии.

10 сентября 1899 года он женился на Людмиле Сергеевне Митропольской, старшей дочери отца Сергия Митропольского, священника Никольского храма на Болвановке (близ Таганской площади). Людмила Сергеевна окончила Мариинское епархиальное училище и два года преподавала в Московском приюте имени Тарлецкой в Сыромятниках.

Вскоре Константин Михайлович был рукоположен во диакона, а спустя месяц – во иерея. Иерейская хиротония была совершена в Елоховском Богоявленском соборе Преосвященным Парфением (Левецким), епископом Можайским.

Через несколько дней молодой священник с супругой выехали на приход. Преподавательский опыт отца Константина пригодился: он сразу же начал занятия по Закону Божию в Коробчеевской земской школе.

Главным для отца Константина стало его служение. Он был усердным и заботливым пастырем. Своей отзывчивостью батюшка снискал уважение и известность не только в Коробчееве, но и в окрестных деревнях. Жители села Троицкое-Кайнарджи приглашали его перейти служить в свой храм, а жители села Чанки звали настоятелем в свою церковь.

Дом, отведенный священнику Никольской церкви для жилья, был плохо утеплен. Зимой там было очень холодно, все болели, и матушка Людмила с маленьким сыном надолго уезжала в Москву под родительский кров. Принятие любого предложения перейти на лучшее место избавило бы отца Константина от крайней неус-

---

ре. Отец Александр был автором нескольких книг. В 1922 году он имел сан протоиерея и был преподавателем пастырско-богословских курсов. В 1935 году арестован и осужден на пять лет концлагеря. Сослан в деревню Алгайск Пировского района Красноярского края. 7 мая 1938 года расстрелян.

Протоиерей Константин Пятикрестовский

троенности его личной жизни, обеспечило пригодным жильем и достаточными средствами. Но он остался на приходе, вверенном ему Богом, и облегчения креста своего не искал, безропотно терпел все неудобства и трудности. Условия же его жизни не улучшались, и на третий год служения в Коробчееве он так сильно заболел, что 8 августа 1902 года ему пришлось уйти за штат.

27 декабря 1903 года по решению Высокопреосвященнейшего Владимира (Богоявленского) священник Константин Пятикрестовский был определен к Николаевской церкви в село Лето-во Подольского уезда. Он прослужил там около десяти лет. Все это время он преподавал в Летовской школе грамоты, до самого ее закрытия. С 1910 года по 30 мая 1911 года отец Константин состоял членом благочиннического совета, а с 30 мая 1911 года по 18 сентября 1913 года был духовно-судебным следователем.

В марте 1912 года он выдержал экзамен в Московской Духовной семинарии и получил аттестат 1-го разряда. 18 октября 1913 года Высокопреосвященнейшим Макарием (Невским), митрополитом Московским священник Константин Пятикрестовский был переведен настоятелем в храм Введения Пресвятой Богородицы в Конюшенной слободе близ Дмитрова (сейчас это окраина Дмитрова, именуемая Заречьем). 19 ноября он переехал на новое место служения и с первых же дней стал законоучителем во Введенской земской школе.

Супруги Пятикрестовские приобрели у вдовы отца Петра Лебедева, прежнего священника Введенской церкви, старый дом напротив храма, завели крестьянское хозяйство: имели сад, огород, держали коз. Жили в непрестанном труде. Семья у них росла, родилось четверо сыновей: Кирилл, Пантелеимон, Севастьян и Виталий.

Годы, прожитые в Дмитрове, принесли много скорбей. В 1915 году скончалась мать отца Константина. В 1916 году погибла его сестра Евгения Михайловна с мужем, протоиереем Николаем Скворцовым, настоятелем Духосошестввенской церкви на Лазаревском кладбище. Их в собственном доме зарубили топором грабители. В 1919 году умерли его отец и тесть. Отец Константин стал замкнутым, немногословным.

Средоточием жизни священника остается его служение Богу и людям. Шла война, жизнь становилась труднее, и он чем мог

помогал нуждающимся, подчас кормил их плодами своих крестьянских трудов.

После революционных перемен, сам терпя нужду, батюшка устраивал обнищавших крестьян на работу — кого в мастеровые, кого в домработницы к своим многочисленным родственникам и знакомым. Его заботы не остались безответными. По мере сил и прихожане старались заботиться о своем батюшке. Один из них, Федор Иванович Кудрявцев, в 1919–1921 годах, спасаясь от голода, переехал в поселок Белогородню Вольского района Саратовской области. Там жилось легче, и Федор Иванович стал посылать отцу Константину посылки с продуктами.

В 1918 году священник Введенской церкви Константин Пятикрестовский был награжден фиолетовой скуфьей.

В отношениях с людьми отец Константин отличался исключительной мягкостью. Но когда вставал вопрос о вере, о православии, оставался непреклонным. Он не поддавался давлению обновленческого ВЦУ, сохраняя верность Патриарху Тихону и послушание епископу Дмитровскому Серафиму (Звездинскому), за что имел от обновленцев неприятности. В документах живоцерковного Московского Епархиального Управления он назван первым среди пяти наиболее твердых «тихоновцев» Дмитровского уезда.

26 апреля 1926 года отец Константин был награжден золотым наперсным крестом. 12 мая 1932 года в Покровском храме на Красносельской улице Москвы епископ Подольский Иннокентий (Летяев) возвел священника Константина Пятикрестовского в сан протоиерея. К празднику Пасхи 1936 года он был награжден палицей. В храме Введения отец Константин прослужил двадцать четыре года.

Он был арестован ночью 26 ноября 1937 года. Одновременно были арестованы четырнадцать священников и диакон Дмитровского собора. В тринадцати селах Дмитровского района были закрыты церкви. И только Введенскую церковь приход отца Константина сумел отстоять, ее так и не закрыли.

Священнику предъявили обвинения в антисоветской деятельности, в распространении контрреволюционной клеветы против существующего строя, в высказываниях враждебных

взглядов против коммунистов, агитации населения против выборов в советы.

Весь этот вымысел отец Константин отвергал. В конце допроса сказал: «Виновным в антисоветской агитации я себя не признаю. В частных беседах я говорил: “Православная вера и вообще вера в Бога с арестами священников и закрытием церквей не прекратится, не прекратится она, эта вера, в силу того, что бессмертна”».

5 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила Константина Михайловича Пятикрестовского к заключению на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь.

В один из дней, когда матушка Людмила пришла с сыном к тюрьме с передачей, ей сказали, что ночью «всех попов» увезли. После войны вернулся из лагеря бывший соборный диакон и рассказывал: «После ареста всех заключенных собрали в милиции, явились молодцы с ножницами и бритвами и, глумясь, издеваясь, всех обстригли, побрили, сорвали со всех рясы. Ни следствия, ни суда не было, повезли в Сибирь». Отправили в Мариинские лагеря, на лесоповал.

Семья не знала, где находится отец. Но однажды от него пришло письмо — маленький бумажный квадратик: «Дорогая Люда! Пишу из г. Мариинска Сиб. распредел. лаг. НКВД. Привет моим дорогим деткам и внучатам... Если о чем желаешь известить меня, то пиши по означенному адресу. Если отсюда вскоре и возьмут, то твое письмо все равно дойдет до меня чрез Сиб. распредел. лаг. НКВД».

В июне получили извещение, что отец Константин скончался 6 марта 1938 года. 6 июля 1938 года во Введенской церкви Дмитрова состоялось заочное отпевание ее бывшего настоятеля.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035. д. П-16750.

ЦИАМ. Ф. 2128, оп. 1, д. 322. Ф. 2303, д. 15.

Московские Церковные Ведомости. 1918. № 12.

Письма священника Константина Пятикрестовского разным лицам. Рукопись.

Пятикрестовский П. К. Все в прошлом. Альманах № 2. Рукопись. 1966.

Голицын М. М. Записки уцелевшего. М. Орбита. 1990.

Февраля 22 (7 марта)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Виктор (Моригеровский)

М У Ч Е Н И Ц А

Ирина (Смирнова)

Священномученик Виктор родился 17 апреля 1872 года в селе Минеево Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника Иоанна Моригеровского. Окончил Духовную семинарию и в 1901 году был рукоположен в сан священника к Никольской церкви села Черленково Волоколамского уезда Московской губернии. В XVI веке в этом селе был мужской монастырь, приписанный к Иосифо-Волоколамскому монастырю, построенный на его средства. Впоследствии приписной монастырь был обращен в приходскую церковь.

В 1931 году отец Виктор был арестован по обвинению в отказе от выполнения общегосударственных повинностей и приговорен к двум годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Не согласившись с обвинением, он подал кассационную жалобу в суд и был оправдан. В 1933 году власти снова арестовали священника по обвинению в контрреволюционной агитации. Тройка ОГПУ приговорила его к трем годам ссылки в Казахстан. В июне 1934 года отец Виктор вернулся домой и вновь стал служить в Никольском храме.

Во время гонений на Церковь в конце тридцатых годов власти стали собирать сведения о тех, кого предполагали арестовать. 22 января 1938 года следователь допросил священника Петра

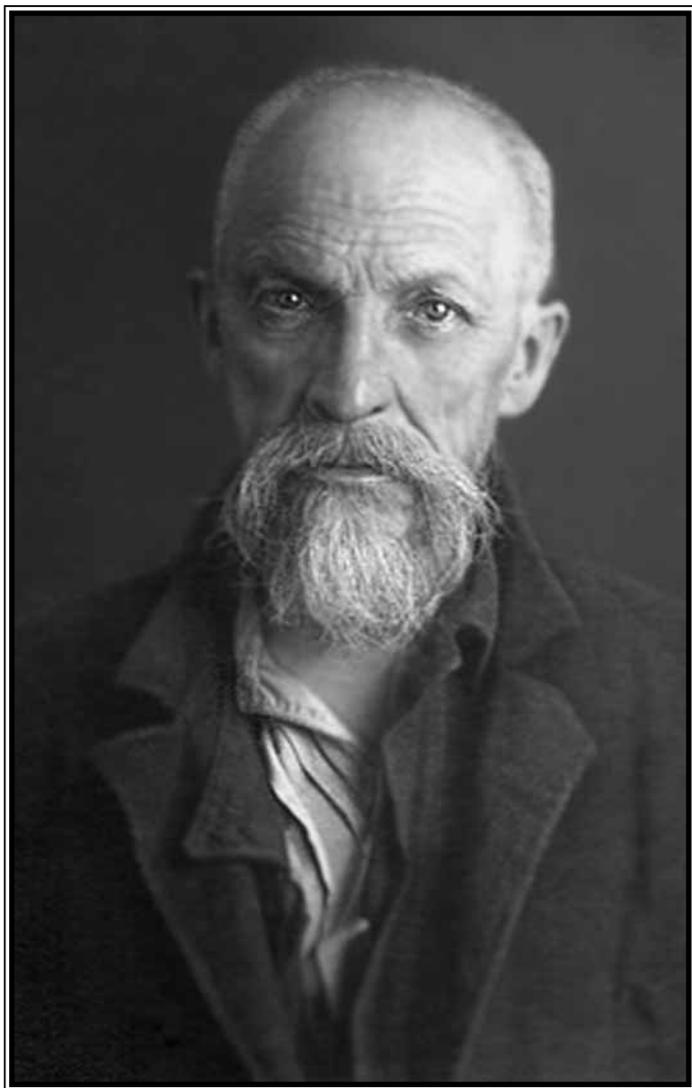
Павловича Розова, который служил в Никольской церкви, но в 1937 году оставил служение и поступил работать в контору «Союзплодоовощ».

Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Из фактов контрреволюционной деятельности Виктора Ивановича Моригеровского мне известно следующее. 27 декабря 1937 года в доме Моригеровского был священник из села Поречье Уваровского района Василий Никитский; последний хотел поступить священником в село Левкоево Шаховского района. В разговоре с Никитским о переходе его в Шаховской район Моригеровский сказал: “Советская власть в нашем районе никакого житья не дает духовенству. Налогами нас, видать, не осилили, так начали пачками арестовывать”.

12 декабря 1937 года в доме Моригеровского в разговоре об аресте за контрреволюционную деятельность некоторых священников Шаховского района он говорил: “Большевики сейчас, как видно, окончательно озверели на духовенство, никакого житья не стало нам от советской власти. В конституции о религии пишут одно, а на деле делают другое. Забирают всех подряд ни за что. Вот и в нашем районе несколько священников пошли страдать. А за что? Совершенно ни за что забрали”.

19 декабря 1937 года священник Моригеровский в помещении черленковской церкви с амвона читал верующим проповедь и призывал их всячески оказывать помощь духовным лицам, арестованным за контрреволюционную деятельность. Моригеровский говорил: “Православные, советская власть сейчас многих лиц из высшего духовного звания заключила под стражу. Святые отцы наши пошли страдать ни за что. Исключительно только за то, что они поддерживали православную веру, сохраняли наши храмы. И мы должны им оказать помощь и поддержку. Эта помощь даст возможность сохранить нам православную веру и храмы на многие лета”.

В январе 1937 года в разговоре со мной о новой конституции священник Моригеровский говорил: “Сейчас все радуются и хвалят новую конституцию, а что нам дала новая конституция? Ничего хорошего. По приходу нам не давали ходить с молебнами, так и сейчас не дают. В новую конституцию я не верю и жду еще большего нажима на духовенство со стороны советской власти,

Священник Виктор Морозеровский

Москва. Тюрма НКВД. 1938

так как, кроме издевательств над нами, мы ничего от советской власти не видели и не увидим”».

11 февраля 1938 года была составлена справка на арест священника, в которой среди прочих лжесвидетельств были такие: «В мае 1937 года Моригеровский около церкви говорил верующим: “Православные, советская власть сейчас требует от церкви уплаты налога, а средств таких, которые на нас возложены в уплату, у церкви нет, и вот у меня к вам большая просьба. Надо будет организовать сбор в помощь церкви и духовенству, только так мы и сохраним свою православную веру, не дадим ей погибать от слуг антихриста – большевиков”».

21 января 1938 года в помещении Черленковского сельсовета в разговоре с гражданином Чухровым об оплате гособязательств Моригеровский сказал: “Хоть вы меня и вынуждаете под давлением непосильных налогов отказаться от службы, но я в помощь церкви и для сохранения православной веры мобилизую все силы верующих своего прихода и буду служить православной вере до последних дней своей жизни”».

16 февраля 1938 года отец Виктор был арестован и заключен в Волоколамскую тюрьму.

– 21 января 1938 года вы в помещении сельсовета в Черленково высказывали злобу на советскую власть, что духовенство обложили непосильными налогами? – спросил следователь.

– Я действительно был при Черленковском сельсовете, куда меня вызывал инспектор Райфо по вопросу учета доходов, но я ничего там не говорил, – ответил священник.

– В мае 1937 года вы вели среди верующих контрреволюционную агитацию против советской власти, высказывали недовольство существующим строем?

– По этому вопросу я также ничего не говорил. Показания против меня считаю ложными, – ответил священник.

– Вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю.

Вместе с ним была арестована староста Никольского храма Ирина Алексеевна Смирнова.

Мученица Ирина родилась 16 апреля 1891 года в селе Рамешки Волоколамского уезда Московской губернии в семье крестьян Алексея и Матроны Петровых.

В справке, составленной на ее арест, сотрудники НКВД написали: «Поддерживает тесную связь со священником Виктором Ивановичем Моригеровским. Они концентрируют вокруг себя верующих, организуют сборы в помощь церкви и духовенству».

В январе 1938 года Смирнова говорила: «По конституции советская власть Церковь от государства отделила, а сами к Церкви придираются и с религией ведут борьбу. Сейчас вот двух священников арестовали; жаль бедных, ни за что страдать пошли, но мы тоже не уступим, одних взяли, других призовем».

В ноябре 1937 года в разговоре около церковного сарая на тему о жизни при советской власти Смирнова говорила: «Никогда хорошей жизни при советской власти не было и не будет, потому что все руководители советской власти и коммунисты — жулики. Всюду и везде все растаскивают. Вот, например, церковь нашу всю обобрали, задавили непосильными налогами. Несчастное железо и то сейчас украли. А кто? Все вы, коммунисты, тащите. Все вам мало, и все равно у вас ничего не было и нет»».

На допросе, как это часто бывало, следователь попросил ее рассказать о себе. Ирина Алексеевна стала рассказывать, что с малолетства до 1912 года она проживала с родителями, которые имели в то время дом с надворными постройками, два сарая, ригу, молотилку, веялку, конную льнопрядку, имели земли на три души, помимо этого, арендовали землю от четырех до пяти десятин у помещика. Для уборки урожая нанимали рабочую силу. Имели лавку с мануфактурными и бакалейными товарами. Хозяйство родителей подверглось при советской власти раскулачиванию, они были лишены избирательных прав, а затем за невыполнение твердого задания был выслан на три года отец. После отбытия срока он стал жить у нее. Прожил три года и в сентябре 1937 года скончался. Она рассказала, что в 1912 году вышла замуж в деревню Сутоки за Николая Алексеевича Смирнова, с которым прожила полтора года. В хозяйстве у них был дом с надворной постройкой, два сарая, амбар, рига, молотилка, две лошади, две коровы. В 1913 году муж выстроил лавку, в которой открыл бака-

лейную торговлю. Спустя четыре месяца он был арестован за убийство торговца-дегтярника и приговорен к пятнадцати годам каторги. Ирина осталась жить у свекра, в наследство от мужа ей досталась бакалейная лавка. Имея на иждивении двоих детей, она не смогла торговать, и торговала ее сестра. Впоследствии она построила дом, ригу и сарай, имела лошадь, корову, три-четыре овцы. С 1931 по 1936 год она состояла в колхозе, откуда ушла по болезни.

— Следствие располагает данными, что вы имеете дружескую связь с Моригеровским, организовывали массы верующих на сборы в помощь церкви и духовенству, часто посещали дом Моригеровского, вели контрреволюционную агитацию против проводимых мероприятий, дискредитировали руководителей советской власти, — сказал следователь.

— Я с Моригеровским поддерживала дружескую связь по службе, то есть взаимоотношения между нами были религиозные. Сборов в помощь духовенству я не организовывала. Я посещала дом Моригеровского по служебным делам в воскресные дни. Контрреволюционной агитацией против советской власти не занималась, — ответила Ирина Алексеевна.

— Вам предъявляется обвинение в занятии контрреволюционной агитацией против проводимых мероприятий советской власти на селе. Признаете себя виновной?

— В предъявленном мне обвинении виновной я себя не признаю.

На этом допросы были закончены. 27 февраля Тройка НКВД приговорила отца Виктора и Ирину Смирнову к расстрелу. Священник Виктор Моригеровский и староста храма Ирина Смирнова были расстреляны 7 марта 1938 года и погребены в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23028.
Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999.

Ирина Алексеевна Свиринова

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

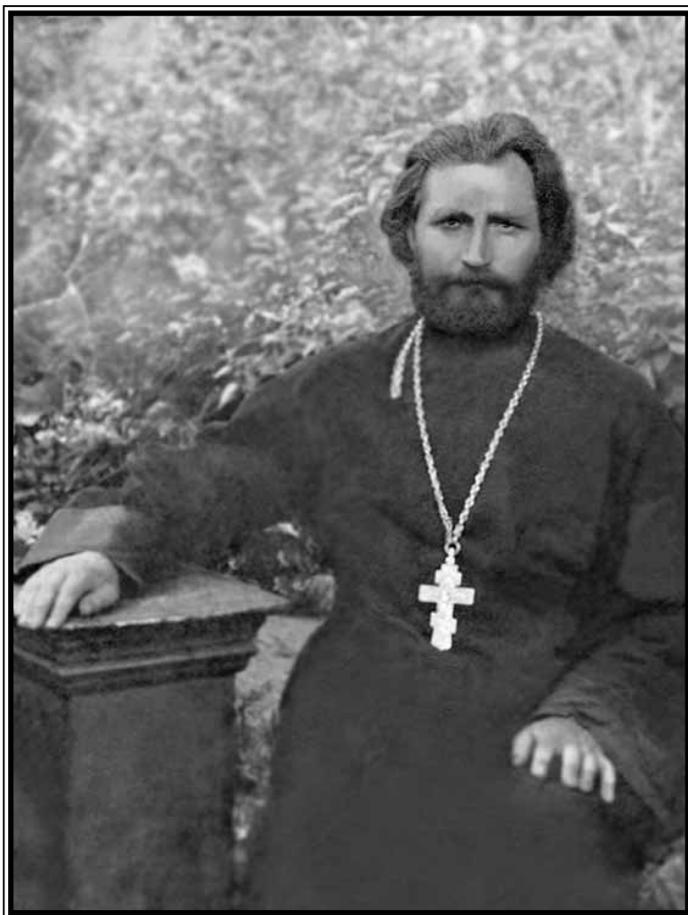
Февраля 26 (11 марта)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Сергий (Воскресенский)

Священномученик Сергий родился 29 июля 1890 года в селе Дьяковское (ныне это село Коломенское в черте города Москвы) Московского уезда Московской губернии в семье священника Сергия Воскресенского и его супруги Евдокии Сергеевны. Отец Сергий был настоятелем Иоанно-Предтеченской церкви в селе Дьяковском. При нем была сооружена церковная ограда, уложена мостовая от храма до моста через реку, построена церковноприходская школа, но открыть ее уже не успели — произошла революция и начались гонения на Русскую Православную Церковь.

Сергей был крещен в день своего появления на свет священником храма иконы Казанской Божией Матери Симеоном Наумовым в присутствии диакона Василия Смирнова и псаломщика Иоанна Нарциссова. В 1907 году Сергей поступил в Перервинское Духовное училище, а затем в Московскую Духовную семинарию. В 1915 году по окончании семинарии он поступил учителем словесности в школу при женском Князе-Владимирском монастыре в Подольском уезде. Обитель была основана в 1890 году при селе Филимонках и располагалась на возвышенном месте среди густого елового леса. В 1916 году Сергей Сергеевич женился на девице Александре, дочери священника Николая Никольского, который служил в Подольске. В том же году Сергей Сергеевич был рукоположен в сан диакона и до 1920 года служил в монастыре. В 1920 году скончался его отец, и диакон Сергий был ру-

Священник Сергей Воскресенский

коположен в сан священника ко храму Иоанна Предтечи в селе Дьяковское.

В 1918 году власти издали декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», который послужил поводом для закрытия многих храмов, — в частности, расположенных в селах Коломенское и Дьяковское.

8 декабря 1923 года власти города Москвы постановили отнять храм Иоанна Предтечи у верующих: поскольку «здание церкви является исключительным памятником архитектуры XVI века и реставрируется на государственные средства, предложить Московскому уездному исполнительному комитету договор с общиной верующих расторгнуть и передать церковное здание отделу музеев и охраны памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению».

После закрытия храма отец Сергей перешел служить в храм Казанской иконы Божией Матери в селе Коломенском. Церковный народ любил священника, среди прихожан у него было много доброжелателей. Если надо было крестить или идти срочно причащать, он никому не отказывал. Крестьяне в Коломенском были достаточно обеспечены, они держали большие сады и зарабатывали тем, что продавали ягоды и фрукты на базаре, находившемся тогда на Болотной площади в Москве неподалеку от Кремля. Чтобы прокормить семью, и отец Сергей вместе с крестьянами возил на базар малину, яблоки, вишню.

Властям было ненавистно наличие благочестивого большого села вблизи Москвы, крестьяне которого, несмотря на притеснения властей, жили самостоятельно и в достатке, и при усилении гонений они решили арестовать тех, кто не шел на сделку с совестью и не соглашался на полное послушание ОГПУ. Некоторые из сочувствующих священнику предупреждали его о начале широкомасштабных гонений, в результате которых он может быть арестован, и предлагали ему уехать, но отец Сергей отказался.

В ночь с 15 на 16 марта 1932 года ОГПУ арестовало отца Сергия. Тогда же было арестовано семь крестьян. Первое время их содержали в концентрационном лагере в селе Царицыно рядом с Москвой вместе с сотнями других арестованных. Отца Сергия и

крестьян обвиняли в распространении антисоветских слухов, источником которых явился тринадцатилетний мальчик. Он рассказал, что ему однажды пришлось ехать на телеге на базу. Близ Перервы, у местечка, которое называется Иоанн Богослов, ему повстречался неизвестный старик, который попросил подвезти его до Перервы. Сев на телегу, он дорогой предложил мальчику оглянуться назад в сторону Москвы. Обернувшись, он увидел: по дороге течет кровь, а над Москвой мчится конница. Старик предложил посмотреть в левую сторону. Там была группа работающих крестьян-единоличников. Он посмотрел направо. Здесь стояли колхозники, одетые в похожие на саваны желтые халаты, а впереди шла толпа с музыкой. Оглянулся кругом мальчик, а старика уже не было. Вызванный на допрос в ОГПУ, мальчик подтвердил все виденное. «Что это был за старик, я совершенно не знаю», — сказал он. «Кто тебя научил распускать подобные слухи?» — спросил следователь. «Никто меня не учил», — ответил подросток.

На следующий день после ареста уполномоченный ОГПУ по Московской области Шишкин написал: «Рассмотрев агентурное дело “Теплая компания” антисоветской группировки селения Дьяковское, по которому проходит кулацко-зажиточный элемент... который под руководством попа Воскресенского на протяжении 1931 года и последующего времени ведет антисоветскую работу, направленную к срыву мероприятий партии и советской власти в деревне, принимая во внимание, что для ареста и привлечения их к ответственности имеется достаточно материала, постановил: агентурное дело “Теплая компания” ликвидировать путем ареста проходящих по нему граждан».

Допрошенные лжесвидетели показали, что священник «часто ходит на дом... к гражданам, по селу делает поборы. Среди верующих говорил, что придет время, когда народ будут хоронить без отпевания, старые попы умирают, а новых не учат, и проповедовать слово Божие некому. Скоро и у нас под Москвой устроят голодную степь, всех лучших крестьян советская власть раскулачивает, арестовывает, ссылает, работать некому. А за что угоняют? Лишь за то, что они не хотят идти в колхоз. Весь этот гордиев узел, который завязали большевики, может разрубить лишь война. Взяли меня, спрашивали в ОГПУ о моем хозяйстве, могут ска-

зять, что я вел агитацию против советской власти и колхозов. Мне, как священнику, часто приходится ходить с требами как к колхозникам, так и к единоличникам. Конечно, они спрашивают меня: “Как, отец Сергей, ты мыслишь насчет колхозов — вступать или нет?” Что же мне остается отвечать? Конечно, я отвечал так, как представлял себе, и говорил: “Колхоз, как видите вы и я, ничего хорошего не принесет, сейчас мужика согнули в бараний рог, а когда пройдет сплошная коллективизация, то тогда совсем пропало дело”. Ну разве это агитация? Я только высказывал свое мнение...

Поп Сергей Сергеевич Воскресенский родился и вырос в селении Дьяковском, где его отец также был попом. Среди верующих пользуется авторитетом. Воскресенский говорил: “Советская власть — это красные помещики, которые притесняют трудовое крестьянство, разоряют и закрывают храмы. Но мы должны со своей стороны не примиряться с этими гонениями, а действовать, как первые христиане”. Воскресенский часто говорил проповеди, в которых призывал крестьян крепиться, говоря: “Наступило тяжелое время для верующих, всюду на нас гонение, нам нужно крепко держаться за Церковь. Наступило последнее время, но Церковь останется непобедимой”. Будучи у меня в доме и увидев у меня разукрашенные портреты Ленина и членов реввоенсовета, выйдя из дома, смеялся надо мной, говоря: “Вместо икон портреты стала украшать”».

Среди других свидетелей был вызван священник Казанской церкви в селе Коломенском Николай Константинович Покровский. «Сергея Сергеевича Воскресенского, — показал он, — знаю с детского возраста. В своей работе мне часто приходилось с ним соприкасаться. Последний, будучи священнослужителем, использовал свое положение для антисоветской работы, обрабатывая в этом направлении и верующих, подбирая из их среды группу единомышленников и через них проводя дальнейшую работу. Воскресенский антисоветскую работу проводил также и при исполнении треб. Так, например, осенью прошлого года я и Воскресенский ехали на похороны, и крестьянин села Чертаново, который вез нас, сказал нам: “Смотрите, отец Сергей, было пустое место, а сейчас большое строительство”. На что Воскресен-

ский ответил: “Нет ничего удивительного — работы в Советском Союзе производятся принудительным трудом из-под палки, полуголодным народом”. В момент изоляции кулачества Воскресенский в присутствии верующих, фамилии которых я забыл, говорил: “Получил я письмо от наших узников. Пишут они, что живут плохо, в землянках. Все их имущество пропало в дороге, получили лишь свои топоры и лопаты, а ценности правители взяли себе. Не удалось здесь обобрать — так в дороге обобрали до последней рубашки”. Осенью 1931 года при подведении итогов хозяйственного года была устроена выставка работы колхозов. Я, проходя по селу Коломенскому с Воскресенским, попросил у него посмотреть выставку, на что последний ответил: “Что там смотреть? Если бы это была собственность крестьян, тогда другое дело, а то все колхозное, а у крестьянина осталась одна голова собственная и скоро с плеч долой полетит”».

20 марта следователь Шишкин допросил отца Сергия. На вопросы следователя священник ответил: «Я и арестованные со мной колхозники вели разговор о высланных кулаках, об их семьях, оставленных в районе, об их материальном обеспечении, моральном состоянии. Я до своего ареста в селении Дьяковском служил в Казанской церкви. Сельсовет Дьяковского в 1929 году произвел изъятие у меня части имущества — стульев, столов, шкафов и так далее. Часть из них мне была возвращена, часть не возвратили. Я облагался в индивидуальном порядке налогом. По ягодам мне было дано твердое задание, часть моего дома сельсовет использовал под жительство рабочим овощного комбината, вынудив мою семью проживать в тесноте. При реализации займа мне было предложено подписаться на заем в 200 рублей, я предложил 50. В результате я на заем не подписался. Все это вызывало во мне недовольство советской властью и ее представителями на местах — сельсоветом. Сдавая ягоды советской власти по твердым ценам, я был лишен возможности получить за сданную продукцию хлеб и промтовары, так как продукты питания приходилось покупать на рынке, платя за них по рыночным ценам. Поселив в моем доме рабочих, принудили меня с семьей ютиться на площади, не удовлетворяющей мою семью. Но, несмотря на все это, я со своей стороны имеющееся у меня недовольство окружа-

ющим не передавал и агитацией не занимался. Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю».

26 марта 1932 года следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь написал: «Село Дьяковское в прошлом, как до, так и после революции, являлось кулацким селом, имевшим прямые связи в торговой деятельности с московскими рынками. Это село в прошлом выбрасывало на московские рынки огромное количество овощной и ягодной продукции, и вместе с этим зажиточная часть этого села занималась скупкой товаров в окружающих селениях района, а также завозом из других районов для переработки и последующей реализации на московских рынках.

В период проведения мероприятий партии и советской власти в части колхозного строительства деревни село Дьяковское под влиянием кулацко-зажиточной прослойки села оказалось в стороне от колхозной жизни, за исключением некоторой бедняцко-батрацкой части села, которая к организации колхоза приступила в конце 1929 года, организовав колхоз из нескольких хозяйств. В последующее время колхоз разрастался за счет бедняцко-средняцких масс и кулачества, и уже в 1930 году село Дьяковское было коллективизировано на 90%. Однако в него с целью разложения и скрытия своей кулацкой физиономии вошли в подавляющем большинстве элементы кулачества.

В результате полной засоренности дьяковского колхоза кулацко-зажиточным элементом, благодаря антиколхозной деятельности его, разложения, явного срыва колхозных мероприятий, колхоз распался и в нем оказалось только 17 бедняцко-средняцких хозяйств (из числа имевшихся 186 хозяйств).

В период перевыборов сельсоветов в 1931 году село Дьяковское подвергалось неоднократному переизбранию совета вследствие того, что кулацко-зажиточный элемент всячески старался ввести и поставить у руководства «своих людей», внося дезорганизацию в систему перевыборов, наряду с этим усиленно выступая против кандидатур бедняков-колхозников и коммунистов.

В данное время село коллективизировано на 24 %. Планы заготовок селом не выполнены. По поступившим в Ленинское районное отделение сведениям, группа из кулацко-зажиточного элемента

под руководством местного попа Воскресенского вела антисоветскую агитацию, направленную к срыву мероприятий партии и советской власти, с использованием религиозных предрассудков масс.

Руководитель антисоветской группировки, обвиняемый Воскресенский, являясь служителем культа и будучи авторитетным среди верующих, обходя их, внушал им, что организация колхозов убьет религию и религиозные чувства верующих.

В качестве одного из методов борьбы с мероприятиями советской власти в деревне обвиняемые по делу с целью дискредитации советской власти распространяли слухи о гибели советской власти и нелепые провокационные слухи о том, что один из колхозников села Дьяковское якобы видел видение, заключающееся в том, что он при возвращении из Москвы в село на дороге встретил старца, который предложил ему посмотреть назад, в правую и левую стороны, и когда он посмотрел, то сзади увидел армию и кровь, слева — замученных и оборванных колхозников, а справа — единоличников в хороших костюмах, сытых и жизнерадостных».

6 апреля обвиняемых перевезли в Бутырскую тюрьму в Москве. 4 августа 1932 года Тройка ОГПУ приговорила отца Сергия к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Он был заключен в лагерь на Беломорско-Балтийском канале на станции Медвежья Гора. В начале марта следующего года отца Сергия посадили в камеру с уголовниками. Они сняли с него полушубок, затем остальную одежду и выставили на мороз, который в то время был весьма жесток. Не перенеся издевательств, священник Сергей Воскресенский скончался 11 марта 1933 года и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76357. т. 1, т. 2.

РГИА. Ф. 831, д. 189.

Из истории музея «Коломенское». М., 1998.

Православные монастыри России. Краткий справочник. Новосибирск, 2000.

Марта 1 (14)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Петр (Любимов)

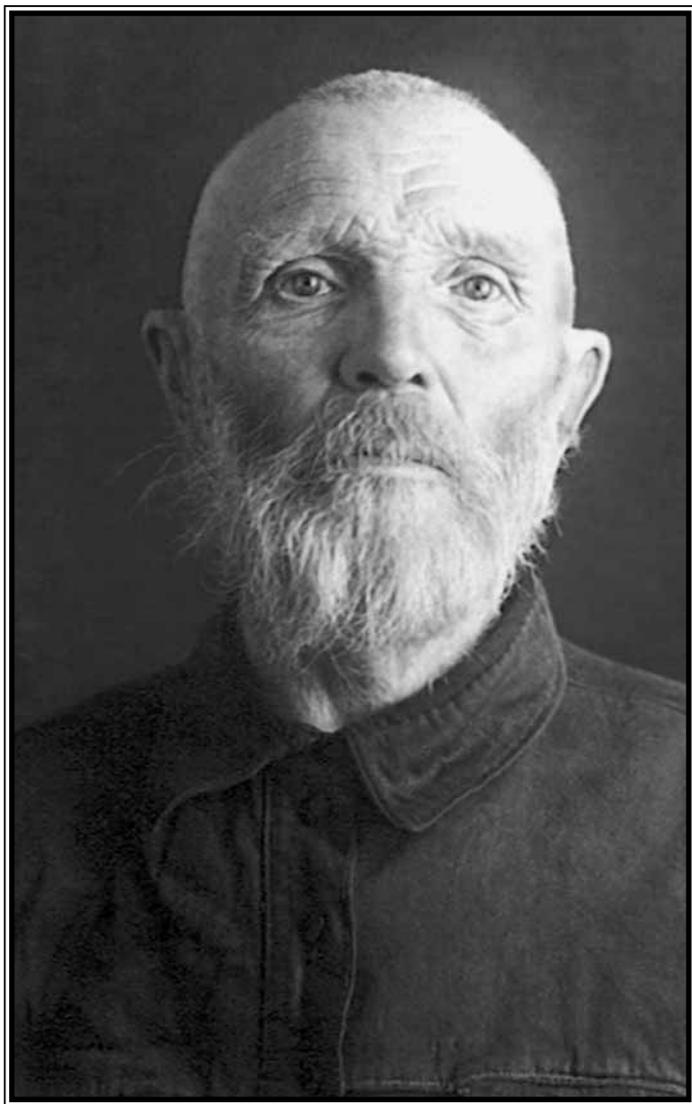
Священномученик Петр родился 6 января 1867 года на праздник Крещения Господня в селе Свитино Подольского уезда Московской губернии в семье псаломщика – Любимова Павла Петровича. У него было две сестры – Олимпиада и Наталия и брат Иван.

В августе 1877 года десятилетний Петр пошел в подготовительный класс Перервинского Духовного училища, которое успешно окончил в 1882 году, после чего поступил в Московскую Духовную семинарию. Курс семинарии он окончил в 1888 году. Затем Петр Павлович состоял учителем Ваниловской церковно-приходской школы Бронницкого уезда. В сентябре 1893 года он перешел в церковноприходскую школу села Вертково того же уезда, где и прослужил до 1900 года. Его педагогическая деятельность была отмечена двумя медалями: в 1897 и в 1900 годах.

В 1900 году в возрасте 33 лет Петр Павлович оставил светскую карьеру и стал псаломщиком в храме святителя Николая в Плотниках на Арбате. К этому времени Петр Павлович уже был женат на Татьяне Петровне (1869 года рождения), а вскоре, в 1902 году, у них родилась дочь Клавдия.

26 сентября 1903 году Петр Павлович Любимов был рукоположен во священника и определен настоятелем Успенской церкви села Кишкино Бронницкого уезда Московской губернии.

О том, что отец Петр был человеком деятельным, красноречиво свидетельствует тот факт, что при его непосредственном участии на пожертвования благодетелей в начале 1910-х годов

Протоиерей Петр Любимов

Москва. Тюрма НКВД. 1938

в селе Кишкино был построен новый каменный храм. 22 мая 1908 года он направил прошение Преосвященному Трифону (Туркестанову), Епископу Дмитровскому, викарию Московской епархии с просьбой разрешить постройку нового храма, объясняя это тем, что «настоящий храм во имя Пресвятой Богородицы ныне стал ветх и грозит разрушением». Вскоре совместными трудами всей паствы храм был отстроен и украшен резным иконостасом и новыми иконами. Новый храм был освящен 29 июля 1912 года.

Все это время отец Петр не прекращал свою педагогическую деятельность, с утверждения епархиального начальства он состоял, с 1903 по 1919 год, законоучителем Кишкинского начального земского училища.

В 1917 году мирная жизнь этого прихода, как и многих других, оборвалась. У храма отняли землю, а все церковное имущество, включая и само здание храма, стало «народным достоянием». 4 марта 1926 года приход храма заключил договор с Бронницким уездным Исполкомом о принятии в пользование «здания культа... с предметами культа». 57 прихожан разделили со священником и приходским советом ответственность за храмовое имущество, поставив свои подписи под этим документом. К тому времени часть церковного имущества (все имевшиеся у прихода серебряные предметы, напрестольные кресты, Евангелие) уже была изъята в пользу голодающих. Ограбив храм, новая власть не могла не тронуть его священнослужителя. В 1923 году отец Петр был лишен избирательных прав и оставался «лишенцем» вплоть до 1937 года. Кроме того, в 1930 году его хозяйство подверглось раскулачиванию. У него отобрали корову и другое имущество.

В начале 20-х годов отца Петра постигла тяжелая утрата — умерла его верная спутница жизни Татьяна Петровна.

В очередную волну гонений в начале 30-х годов власти закрыли многие соседние храмы, и отцу Петру, тогда уже пожилому священнику, приходилось много ездить и служить по окрестным деревням. Когда в середине 1930-х годов был выслан, а затем и арестован священник ближайшего села Мартыновское отец Петр Кедров, обездоленный приход своего друга стал окормлять отец

Петр Любимов. В это время его надежной опорой стала староста – Аббакумова Надежда Петровна. Она не только помогала ему в приходских делах, но и неоднократно организовывала сбор денег и продуктов для отца Петра. Это было необходимо для уплаты налогов и выполнения обязательств по поставке продуктов, чего советская власть требовала даже от 70-летнего старика. Так, в мае 1937 года отцу Петру сельсовет вручил обязательство на поставку картофеля, несмотря на то, что в семье был всего один работоспособный человек – дочь Клавдия, а на иждивении находились старшая сестра его жены – Пелагея и внучка Антонина.

Среди всех этих испытаний отец Петр являл своим служением образец истинного пастыря. Священноначалие высоко оценило заслуги отца Петра. Он был награжден набедренником (1907 г.), скуфьею (1913 г.), камилавкою (1916 г.), золотым наперсным крестом (1920 г.), а позже – возведен в сан протоиерея и награжден палицею и митрою.

Стойкость отца Петра, его горячая проповедь и дар объединять вокруг себя людей раздражали власти, и при новой волне репрессий он был арестован как «организатор антисоветской контрреволюционной организации на территории Михневского и Малинского районов». Дело против отца Петра было сфабриковано на основании показаний лжесвидетелей. Власти решили любым способом избавиться от мужественного священника, который не ушел за штат, а продолжал нести слово Божие, несмотря на немощи, нищету и притеснения.

Его арестовали 2 марта 1938 года. Судя по ордеру на арест и протоколу обыска, органы рассчитывали изъять у отца Петра, как у «руководителя крупной организации», оружие и переписку, но так как ничего не было найдено, они забрали приготовленные для уплаты налога деньги, паспорт и кресты. После ареста отца Петра держали под стражей в Каширской тюрьме. В тюрьме его и без того подорванное здоровье ухудшилось.

На допросах 5-го и 6-го марта следователя интересовала связь отца Петра со старостой храма Аббакумовой Н. П., а также причины высылки брата отца Петра – Ивана Павловича Любимова,

который до ареста служил псаломщиком на родине — в селе Сви-
тино Красно-Пахорского района. Обвиняли отца Петра Любимо-
ва в «систематической антисоветской контрреволюционной дея-
тельности, распространении гнусной клеветы против советской
власти, партии, колхозов и проч.». Ни в одном из предъявленных
обвинений отец Петр виновным себя не признал.

9 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Петра к
расстрелу. 14 марта 1938 года протоиерей Петр Любимов был рас-
стрелян. Место его захоронения неизвестно.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 10035, д. 23163.
ЦИАМ. Ф. 234, оп. 1, д. 1976, д. 1868. Ф. 203, оп. 480, д. 600.
ЦМАМ. Ф. 1215, оп. 3, д. 113.
ЦГАМО. Ф. 66, оп. 11, д. 220; оп. 25, д. 116, д. 178.
РГИА. Ф. 831, д. 236.

Марта 1 (14)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Иоанн (Стрельцов)

Священномученик Иоанн родился 21 мая 1872 года в селе Гридно Богородского уезда Московской губернии в семье псаломщика Лаврентия Ивановича Стрельцова.

В августе 1888 года по окончании курса в Коломенском Духовном училище Иван Стрельцов поступил в Московскую Духовную семинарию, которую окончил в июне 1894 года. После окончания семинарии он женился на Елене Васильевне (1880 года рождения). У них в семье родилось трое детей: Евгений – в 1911 году, Михаил – в 1913 году и Николай – в 1917 году.

24 августа 1898 года Иван Лаврентьевич был рукоположен во священника и направлен в храм Рождества Пресвятой Богородицы села Кузовлево Бронницкого уезда Московской губернии. В 1922 году отец Иоанн был переведен в Вознесенскую церковь села Рыблово того же уезда, где и служил до самого ареста в 1937 году.

Как и все священнослужители того времени, отец Иоанн был лишен избирательных прав, облагался непосильными налогами. В 1929 году он был судим за контрреволюционную деятельность и приговорен к трем годам ссылки. Хозяйство семьи Стрельцовых было разорено – у них конфисковали весь домашний скот. После отбытия срока отец Иоанн вернулся в Рыблово и продолжил нелегкий пастырский труд.

28 ноября 1937 года 65-летнего отца Иоанна Стрельцова арестовали по обвинению в контрреволюционной агитации погромного характера и содержали под стражей в Таганской тюрьме.

— Следствие располагает данными, что вы, живя и работая священником церкви села Рыблово, систематически среди верующих проводили контрреволюционную клеветническую агитацию против ВКП(б) и советской власти. Вы подтверждаете это? — спросил следователь.

— Нет, не подтверждаю. Никакой революционной агитации против партии и советской власти не проводил и ни с кем об этом никогда не разговаривал.

— Следствию известно, что вы, будучи враждебно настроены к партии и советской власти, систематически проводили тайные сборища у себя в доме, на которых обсуждали вопросы вашей контрреволюционной деятельности. Следствие требует от вас сказать, кто посещал вашу квартиру, как часто и какие обсуждались вопросы?

— Никаких тайных сборищ у меня в доме никогда не собиралось...

— В чем вы признаете себя виновным? — не отступал следователь.

— Виновным себя ни в чем не признаю, — отвечал отец Иоанн.

3 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила отца Иоанна к 10 годам исправительно-трудового лагеря. Священник Иоанн Стрельцов умер 14 марта 1938 года в местах лишения свободы в Амурской области и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-17223.

ЦИАМ. Ф. 203, оп. 744, д. 2542. Ф. 234, оп. 1, д. 2062, д. 2063. Ф. 1215, оп. 3, д. 113.

РГИА. Ф. 831, д. 279.

Марта 1 (14)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Василий (Никитский)

Священномученик Василий родился 3 января 1889 года в селе Александровском Волоколамского уезда Московской губернии в семье псаломщика Петра Никитского и его жены Екатерины, у которых было девять детей. Семья жила бедно, все имущество состояло из дома, коровы и трех десятин земли. В 1905 году Петр поехал в Москву навестить брата и с этого времени пропал; все попытки его отыскать ни к чему не привели. После исчезновения отца вся семья оказалась на иждивении матери и старшего брата. Положение семьи было самое отчаянное, и мать, спасая малолетних детей от голода, отдала их в приют и сама пошла туда работать кухаркой. Глубоко верующая женщина, проводя время в трудах и молитве, с помощью Божией смогла дать детям образование.

В 1904 году Василий окончил Волоколамское Духовное училище, а в 1913 году – Вифанскую Духовную семинарию и поступил работать учителем в школу при Павлово-Посадской фабрике в Богородском уезде. Вскоре он женился на дочери священника Екатерине Михайловне Нечаевой, которая работала учительницей в той же школе. Впоследствии у них родилось трое детей.

В декабре 1915 года Василий Петрович был рукоположен в сан священника ко храму Рождества Богородицы в селе Поречье Можайского уезда. Церковь была возведена на средства владельцев села – графов Разумовского и Уварова.

В 1920 году власти мобилизовали отца Василия в тыловое ополчение, в котором он пробыл полгода, а затем в связи с болез-

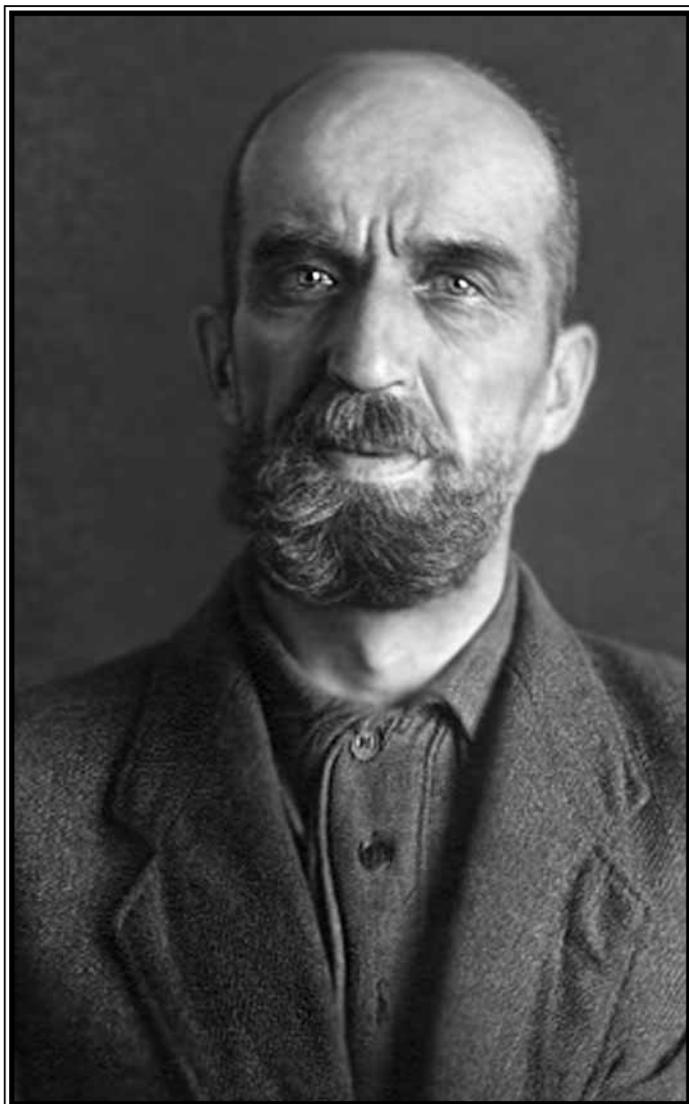
ню был освобожден от дальнейшей службы в армии и вернулся служить в храм в село Поречье.

Священник пользовался большим авторитетом среди прихожан, и многие из них приходили к нему домой за советами. У отца Василия была большая библиотека, много духовных книг, которые он давал читать всем желающим. В селе он оказывал помощь бедствующим прихожанам. Когда в семействе Капаевых умер кормилец-отец и вдова осталась с пятью детьми без средств к существованию, отец Василий и его жена Екатерина сразу пришли ей на помощь. Приход был бедным, и священник и его семья вынуждены были заниматься сельским хозяйством, сами косили и запасали сено для коровы, возделывали огород и ухаживали за садом.

В 1929 году власти предприняли попытку закрыть храм в селе, с чем священник не согласился. 30 августа 1929 года секретное отделение Московского окружного отдела ОГПУ пришло к выводу, что священник, «выступая на собраниях, “обрабатывал” общественное мнение против закрытия церкви». В результате этой «деятельности собрано до тысячи подписей и крайне возбуждено настроение верующих. На собрании, где обсуждался вопрос о закрытии церкви, слышались антисоветские и антикоммунистические выкрики. Принимая во внимание, что дальнейшее нахождение на свободе может повлечь за собой последствия, которые вредно отразятся на работе местных организаций и на настроении населения», ОГПУ приняло решение арестовать священника.

Отец Василий был арестован 4 сентября 1929 года и заключен в Бутырскую тюрьму. 7 сентября следователь допросил священника. Отвечая на его вопросы, отец Василий сказал: «Свое положение священника в целях антисоветской агитации я не использовал. Среди крестьян или верующих прихода я никогда ничего антисоветского не говорил».

Через три с половиной недели после допроса священника ОГПУ стало вызывать свидетелей. Первым был вызван секретарь местной ячейки комсомола, который дал следующие показания: «Будучи секретарем ячейки, я замечал, что Никитский агитирует родителей беспартийной молодежи не бросать религиозный

Священник Василий Филитский

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

предрассудок, в смысле богопоклонства и посещения храма. В феврале этого года на волостном съезде было вынесено предложение со стороны крестьян о закрытии Порецкой церкви. Никитский через своих поклонников, в частности Никанора Гавриловича Ивкина, устроил собрание в доме Ивкина, где было много беспартийных, особенно девушек и женщин, где постановили провести подписку против закрытия церкви. Комсомольцы на данное собрание не были допущены».

Затем был допрошен член церковного совета, который сказал: «Храм наш нужно удержать во что бы то ни стало. Построить храм стоило больших трудов графу Разумовскому и впоследствии Уварову. Никитский, для того чтобы храм удержать, предложил регистрацию верующих против закрытия храма».

Был вызван на допрос и Никанор Гаврилович Ивкин, который сказал: «Всю инициативу по делам церкви Никитский брал на себя. Церковный совет работает целиком под его руководством. По его инициативе церковный совет провел работу по регистрации всех верующих, причем он указал, что нужно эту работу провести как можно шире, так как чем больше подписей, тем смелее мы будем требовать от власти оставить церковь в покое. Никитский человек умный и хитрый, и знать его мысли в отношении власти в частном разговоре не удастся. В проповедях же проскальзывают выпады против советской власти, касающиеся политики воспитания детей и молодежи, например: советская власть развращает их и делает их моральными калекками, не знающими ничего святого». В конце допроса, подписывая протокол, Никанор Гаврилович написал: «Лично этого выражения не слышал».

15 ноября следствие было закончено и священнику было вменено в преступление, что он «обрабатывал общественное мнение против закрытия церкви». 18 ноября Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило его к трем годам ссылки в Северный край. Он был сослан в Вологодскую область, и здесь ему пришлось работать на лесозаготовках.

Вернувшись домой, отец Василий снова стал служить в храме в селе Поречье, а затем был переведен в храм в село Ильинское Волоколамского района. В 1934 году священника направили слу-

жить в храм, расположенный в Талдомском районе; здесь он прослужил до 1937 года. Когда, в связи с многочисленными арестами священнослужителей, некоторые храмы остались без службы, он был переведен в храм в селе Борисово Можайского района, где прослужил полгода. Власти заявили священнику, что храм будет в обязательном порядке закрыт за неуплату налогов, и священноначалие направило отца Василия в храм в селе Теряево Волоколамского района, где он начал служить с 18 января 1938 года.

Шли гонения на Русскую Православную Церковь; от представителей местных властей стали требовать, чтобы они составили «соответствующие» характеристики на священноцерковнослужителей. 12 февраля 1938 года председатель Теряевского сельсовета составил на отца Василия характеристику для НКВД. В ней он писал, что священник распускает слухи, будто ему советская власть не дает служить, не разрешает отпевать людей на кладбище, заставляя их хоронить, как собак. В сельском магазине, где продавались в это время галоши, стоя в очереди, священник говорил, что советской власти нечем торговать. Коммунисты взялись за дело, а фактически у них ничего не получается, в очереди стоит 150 человек, а галош привезли только 20 пар.

В тот же день некий человек отправил докладную записку участковому инспектору милиции, в которой доводил до его сведения, что в Теряево имеется поп, который ведет антисоветскую пропаганду. 7 февраля поп стоял около церкви и говорил, что 15 февраля будет служба и в храме будет сказана проповедь, о чем он предлагал оповестить все население. «Прошу участкового инспектора милиции, — писал далее заявитель, — примите срочные меры к попу. Вы хорошо знаете, что скоро будут выборы в Верховный Совет. Поповская агитация будет нашу массовую работу на селе тормозить».

14 февраля сотрудники НКВД допросили лжесвидетелей, которые показали, что священник в храме произносит контрреволюционные и антисоветские проповеди, но в чем они заключались, они сказать не смогли; они показали также, что в магазине в очереди, стоявшей за галошами, священник вел антисоветскую пропаганду, призывая стоявших в очереди посещать церковь. Одна из лжесвидетельниц показала, что отец Василий «по вечерам

собирает у себя в доме неизвестных лиц из окружающих сел. 9 февраля 1938 года в 23 часа ночи я пыталась подслушать, о чем там вели разговор, но слышно не было».

Этим и ограничивались показания лжесвидетелей. 26 февраля власти арестовали священника, и он был заключен в тюрьму в Волоколамске. 2 марта состоялся первый допрос.

— Вы арестованы за контрреволюционную и антисоветскую деятельность, которую вы проводили среди населения и окружающих лиц в селе Теряево. Дайте показания по этому вопросу! — потребовал следователь.

— Контрреволюционной и антисоветской деятельности я не вел, — ответил священник.

— 3 февраля вы, Никитский, стоя в очереди за галошами в магазине Теряевского сельпо, высказывали недовольство советской властью и партией ВКП(б). Признаете ли себя в этом виновным?

— Да, действительно, за галошами я в очереди стоял, но контрреволюционных и антисоветских выступлений с моей стороны не было.

— Следствием установлено, что ваш дом посещали посторонние лица, среди коих вы проводили контрреволюционную деятельность. Дайте правдивые показания по этому вопросу, кто персонально вас посещал и какую работу вы с ними проводили?

— Мою квартиру посещали диакон Спиоровской церкви, фамилию которого я не знаю, один гражданин из деревни Валуйки Волоколамского района и бывшая церковная староста Мария Болдина, с которой я повстречался в Москве в патриархии, она меня позвала служить в село Теряево. Контрреволюционной деятельности среди посетителей я не вел.

4 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Священник Василий Никитский был расстрелян 14 марта 1938 года и погребен в общей безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-51802, л. 21429.
Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999.

Марта 1 (14)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Анна (Макандина)

*П*реподобномученица Анна родилась 5 ноября 1892 года в селе Константиново Александровского уезда Владимирской губернии в семье крестьянина Алексея Макандина. Окончила сельскую школу.

В 1914 году Анна Алексеевна поступила послушницей в Алексеевский монастырь в Москве, располагавшийся в то время на Верхней Красносельской улице. Во все время жизни в монастыре она исполняла послушание на кухне. В 1924 году монастырь был безбожной властью закрыт, и послушница Анна поселилась вместе с монахинями монастыря на квартире; они сохраняли монашеские правила и устав. Зарабатывали на жизнь шитьем одеял.

В 1930 году власти приняли решение об аресте всех насельников и насельниц закрытых монастырей, и 28 декабря 1930 года послушница Анна была арестована. На вопросы следователя о том, состояла ли она в политических партиях, с кем живет и чем занимается, послушница Анна ответила, что в политических партиях она не состояла и не состоит. Права голоса лишена как монастырская. Вместе с ней живет ее родная сестра и еще три монастырских сестры. Все они занимаются шитьем одеял. «Занимаемую нами квартиру никто не посещал, — сказала она. — Знакомства ни с кем не веди. Добавить к показаниям ничего не могу».

После окончания допроса следователь объявил Анне Алексеевне, что она привлекается к ответственности в качестве обвиняемой в антисоветской агитации.

11 января было составлено обвинительное заключение по делу, в котором сотрудник ОГПУ написал: «Привлеченные по данному делу обвиняемые, бывшие монахи ликвидированных монастырей и подворий... живя скопищами, занимались активной антисоветской деятельностью, выражающейся в организации нелегальных антисоветских “братств” и “сестричеств”, оказании помощи ссыльным единомышленникам... антисоветской агитации о религиозных гонениях, чинимых советской властью, и распространении всевозможных провокационных слухов среди населения; квартиры их являлись убежищем для всякого рода контрреволюционного элемента».

Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило poslужницу Анну к трем годам ссылки в Архангельскую область. В 1934 году, по окончании ссылки, она вернулась на родину в село Константиново.

22 февраля 1938 года Анна Алексеевна была арестована по обвинению «в распространении провокационных слухов о скором падении советской власти» и заключена сначала в тюрьму в городе Загорске, а потом в Москве.

Лжесвидетели показали, будто она говорила, что это Господь так наказывает: коммунисты организовали колхозы, православных ограбили, и теперь они работают день и ночь задаром, все идет в пользу коммунистов, — наказывает за то, что люди отреклись от Бога и веруют антихристу. Православные, лучше бросьте работать и идите в церковь молиться Богу.

— Обвиняемая Макандина, за что вы агитировали население в октябре 1937 года? — спросил следователь.

— В октябре я работала на поденной работе. Я вспоминаю случай, когда мы вместе несколько человек шли с работы домой. Разговор был о том, что в колхозах стало жить лучше, что советская власть дала колхозникам счастливую жизнь. Это была частная беседа, но против советской власти я никогда не говорила.

— Обвиняемая Макандина, вы признаете себя виновной в антисоветской агитации, которую вели в декабре 1937 года среди колхозников?

Поэтушка Анна Макаровна

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

— В декабре я работала вместе с другими. Мы рубили капусту. Разговор был о войне. Я говорила, что на нас идет японец, но так как советская власть стала сильна, то войны не допустят; но что касается разговоров против советской власти, то я их не вела.

— Обвиняемая Макандина, что вы говорили в ноябре 1937 года колхозникам, стоя у своего дома?

— Я точно не помню, в каком месяце, но с колхозниками вечером у моего дома был разговор. Говорили, что теперь, против царизма, стало жить всем лучше, налоги стали небольшие, всего стало больше. А кроме этого ничего не говорили, а я большую часть времени нахожусь дома.

— Обвиняемая Макандина, признаете ли вы себя виновной в том, что опошляете вождей партии и правительства?

— Я к советской власти враждебно не настроена, я довольна советской властью... и виновной себя в антисоветской агитации не признаю.

На этом допросы были закончены. 8 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила ее к расстрелу. Послушница Анна Макандина была расстреляна 14 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в общей безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23851.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-6656. Т. 3.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 5. Тверь, 2001.

Марта 1 (14)

М У Ч Е Н И Ц А

Надежда (Аббакумова)

*М*ученица Надежда Петровна Аббакумова родилась в 1880 году в селе Мартыновское Коломенского уезда Московской губернии в крестьянской семье. Ее судьба складывалась, как у большинства крестьянок того времени. С раннего детства ей приходилось много работать по хозяйству, поэтому образование она не получила. Вышла замуж, и у них с мужем Василием родилось четверо детей.

Революция и последовавшие за ней события резко изменили жизнь этой простой женщины. Она овдовела, и ей пришлось одной поднимать четверых детей в условиях голода, постоянных конфискаций и продразверсток. Одновременно с этим начались гонения на Церковь, которые ясно показали, кто исповедовал православие только по паспорту, а кто был готов «претерпеть до конца», но не отречься от Христа. Отстаивая храм, в 1925 году Надежда Петровна стала членом церковного совета. Известно, что старостой в это время был ее родственник Андрей Петрович Аббакумов. А вскоре, в 1928 году, обязанности старосты легли на плечи Надежды Петровны. В те годы церковный староста, кроме обычных хозяйственных дел (ремонт храма, покупка свечей и т. д.), должен был общаться с властями, регистрировать приход, собирать деньги на уплату налогов и пошлин, помогать священнику. Конечно, все это требовало много времени, и все меньше и меньше его оставалось для ведения своего хозяйства.

Когда власть провозгласила курс на коллективизацию, Надежда Петровна открыто выступила против организации колхозов. Числясь крестьянкой-единоличницей, она должна была пла-

тить налог, который был непосильным для их семьи, поэтому Надежда Петровна четыре раза была судима народным судом Малинского района за неуплату налогов и невыполнение хлебопоставок. Так как задолженности после этого так и не были покрыты, в 1935 году сельсовет изъял у Надежды Петровны единственную корову.

Судя по всему, примерно в середине 30-х годов священник села Мартыновское отец Петр Кедров был выслан из Московской области, а затем и арестован. В это время сблизилась приходы сел Мартыновское и Кишкино. Настоятель Успенского храма села Кишкино протоиерей Петр Любимов стал окормлять осиротевший приход, а Надежда Петровна всеми силами помогать ему в этом служении. Надежда Петровна принимала активное участие в отправлении службы в церкви деревни Кишкино. В 1936 году и в мае 1937 года она организовала и сама провела сбор денежных средств и продуктов питания для священника деревни Кишкино, не имея на то разрешения сельсовета.

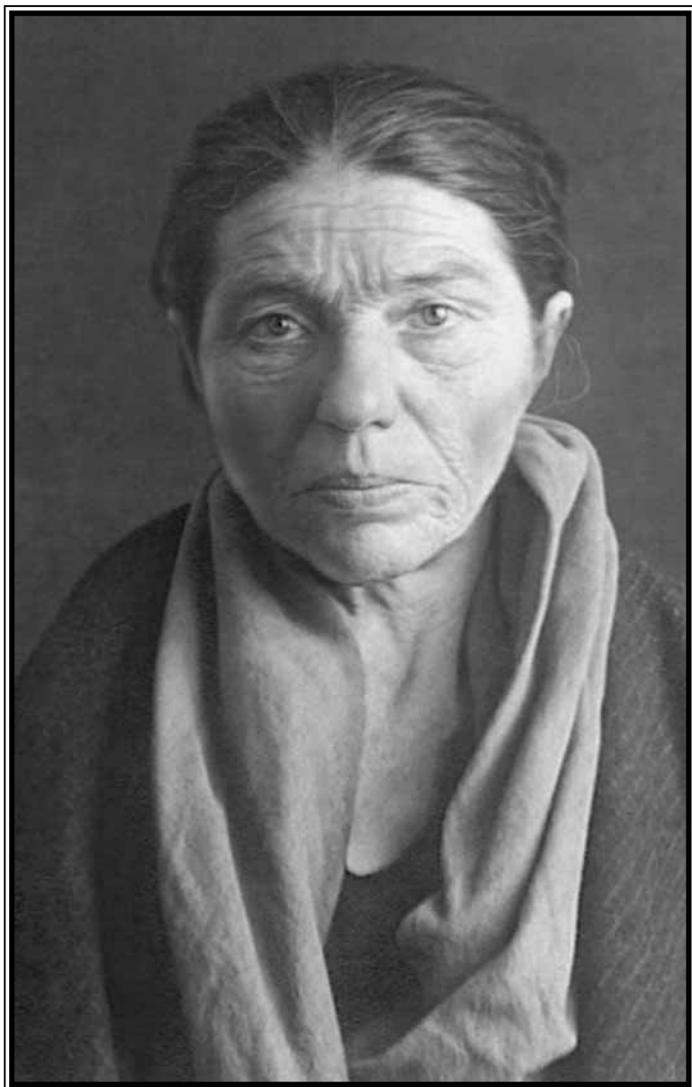
К этому времени все дети Надежды Петровны жили и работали в Москве, хозяйство ее было разорено, и она полностью посвятила себя служению Церкви. Ее самоотверженность и вера, которую она бесстрашно проповедовала в эти годы, не осталась незамеченной органами НКВД. Ее и отца Петра Любимова арестовали 2 марта 1938 года по обвинению в антисоветской и контрреволюционной агитации. После ареста Надежда Петровна находилась под стражей при Каширской тюрьме. На допросах 5 и 6 марта следователя интересовала прежде всего ее связь со священником села Кишкино отцом Петром Любимовым. Виновной в антисоветской агитации Надежда Петровна себя не признала.

9 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила Аббакумову Надежду Петровну к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 14 марта 1938 года. Место захоронения мученицы неизвестно.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23163.
ЦГАМО. Ф. 66, оп. 25, д. 122.

Надежда Петровна Аббакумова

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

Марта 7 (20)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

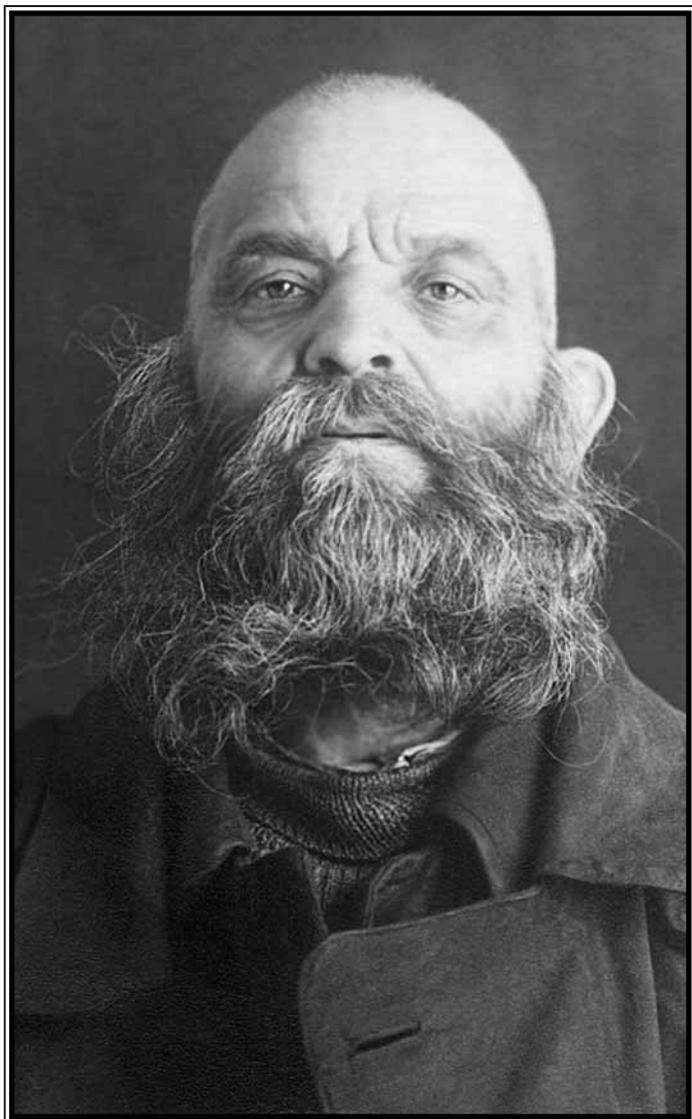
Нил (Тютюкин)

Преподобномученик Нил (в миру Николай Федорович Тютюкин) родился 4 мая 1871 года в селе Ольявидово Дмитровского уезда Московской губернии. Родители его, Федор и Анна, были крестьянами. Николай окончил сельскую школу и поступил на фабрику Позднякова в городе Дмитрове – сначала учеником, а затем ткачом. Позднее работал в Орехово-Зуеве на ткацкой фабрике Зимина. В 1901 году он уехал в Москву и стал прислуживать в одной из церквей, а позже избрал монашеский путь.

В 1904 году Николай поступил в Иосифо-Волоколамский монастырь и через два года был принят в него послушником. В 1907 году он был пострижен в мантию с именем Нил. В 1909 году назначен на должность эконома. В 1910 году монах Нил был рукоположен в сан иеродиакона, в 1913-м – назначен исправляющим должность благочинного. В том же году он был рукоположен в сан иеромонаха и утвержден в должности благочинного.

В 1920 году Иосифо-Волоколамский монастырь был закрыт. Первые годы после закрытия обители отец Нил служил в храмах Волоколамского района, а с 1925 года стал служить в Богородице-Рождественском храме в селе Тимошево Волоколамского района Московской области.

В 1931 году он был переведен в церковь Нерукотворного Спаса в селе Киево Дмитровского района Московской области. В его приход входили деревни Горки, Нестериха, Букино, Сумароково, Абакумово, Еремино, а также поселок при железнодорожной станции Лобня.

Серо.ионах Нил (Плютокин)

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

21 февраля 1938 года председатель сельсовета составил для НКВД характеристику на священника, в которой писал: «Священник Нил Федорович Тютюкин все время вел антисоветскую работу среди населения. За последнее время рассказывал, что колхозы — это старая кабала, как у помещиков. Когда сельсовет и партиячка стали проводить собрание на тему антирелигиозной пропаганды, то тут Тютюкин послал весь церковный совет отбирать подписи от населения, чтобы не закрывать церковь. Сельсовет со своей стороны считает, что в колхозе изо дня в день слабеет дисциплина благодаря руководству Тютюкина, а посему сельсовет считает, что его, как опасного элемента, необходимо изолировать с территории Киевского сельсовета».

В этот же день НКВД открыл «дело» против священника. 28 февраля 1938 года иеромонах Нил был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности.

— На почве чего вы среди колхозников распространяли свое влияние с предложением массового выхода из колхозов, говорили, что все наработанное колхозниками у них отберут? — спросил следователь.

— Среди колхозников, а также и среди верующих я никогда о выходе из колхозов, а также чтобы колхозники не работали в колхозах не говорил, — ответил священник.

Следователи устроили очную ставку с одним из лжесвидетелей, но отец Нил отвел все возводимые на него обвинения. Не признал он себя виновным и на всех последующих допросах.

11 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Иеромонах Нил (Тютюкин) был расстрелян 20 марта 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 23095.
ЦИАМ. Ф. 1371, оп. 1, д. 77.

Марта 7 (20)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ

Мария и Матрона (Грошевы)

*П*реподобномученица Мария родилась в 1876 году, а преподобномученица Матрона — в 1882 году в селе Варюковка Московской губернии в семье крестьянина Наума Грошева. У него было три дочери — Мария, Матрона и Пелагия. Как-то в молодости они посетили некоего старца в Рязанской губернии, которого многие почитали за подвиги и прозорливость, и спросили его, как им жить. Марии и Матроне старец сказал: «В монастырь», а Пелагии: «В нечестивую семью, в нечестивую семью, замуж».

В 1909 году Мария вместе с сестрой Матроной поступили послушницами в монастырь, где пробыли до его закрытия после революции 1917 года, а затем вернулись на родину и поселились при храме великомученицы Параскевы в селе Туголес Шатурского района Московской области. Сестры жили в небольшом деревянном доме. У них был огород и корова. Они пекли для храма просфоры, были алтарницами во время богослужений, убирались в храме перед службами, а в оставшееся время молились и подрабатывали рукоделием — стегали одеяла.

Сестер в селе все любили за ласковое и приветливое обращение. Своих племянниц они с детства приучили молиться и помогли им полюбить богослужение и храм. Одну из племянниц они научили читать Псалтирь, и впоследствии, когда все храмы в округе были закрыты, она читала Псалтирь по умершим.

В ноябре 1937 года были арестованы священники храма великомученицы Параскевы в селе Туголес — протоиерей Георгий

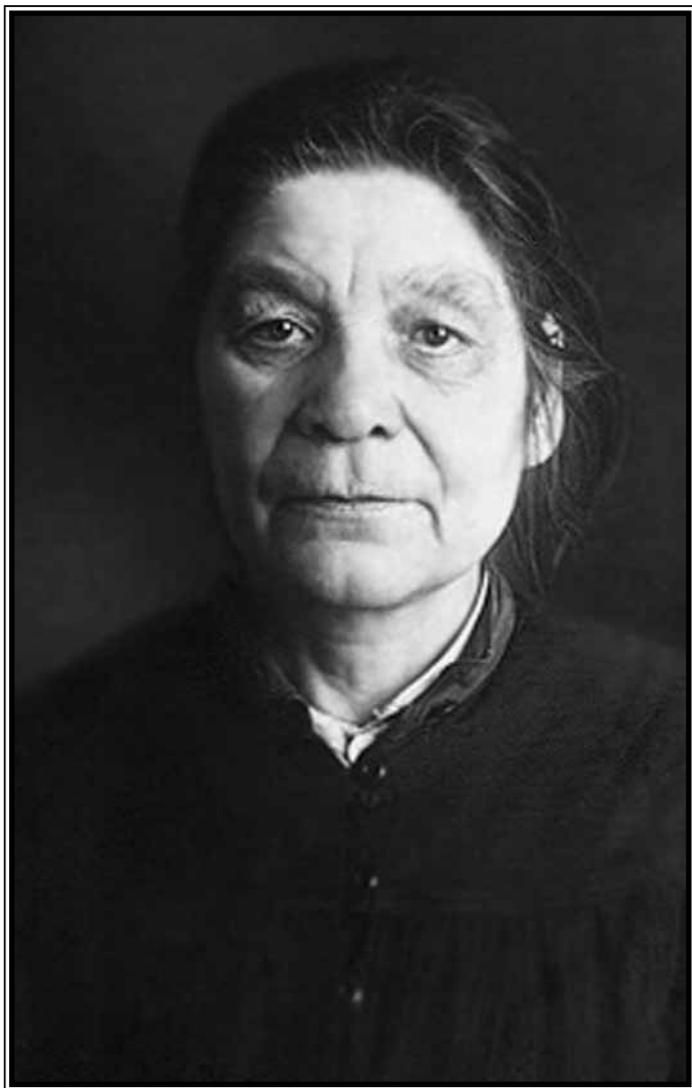
Колоколов и Назарий Грибков и псаломщик Петр Царапкин, и храм был закрыт. С этого времени сестры остались единственными в округе «церковницами», кто мог почитать Псалтирь по умершему родственнику и наставить в вере и исполнении церковных правил и молитв.

В феврале 1938 года власти возобновили аресты. Священников почти не осталось, и арестовывались уже миряне. 15 февраля 1938 года председатель сельсовета согласился лжесвидетельствовать о послушницах. Он написал, что они враждебно настроены к советской власти и коммунистической партии. На религиозные праздники сестры ходят по домам колхозников и в некоторых домах совершают «богослужение». Явившись в один из домов, они говорили колхозникам: «Завтра Господский праздник, лучше идти в церковь молиться Богу, а не в колхозе работать». Колхозницы в количестве восьми человек вместо того, чтобы работать в колхозе, ходят в церковь в село Петровское Шатурского района за 15 километров молиться Богу. А на вопрос, почему они не работают в колхозе, колхозницы отвечают: «Богу лучше молиться, а то Он нас всех накажет». В церковь с колхозницами ходят и сами монашки. В дома колхозников монашки приносят церковные книги и читают колхозникам о рождении Иисуса Христа, о сотворении Богом мира, о рае, о Страшном Суде.

26 февраля 1938 года власти арестовали послушниц и заключили в тюрьму в городе Егорьевске. Арестовали с такой поспешностью, что не дали им толком одеться.

— Скажите, — спросил следователь послушницу Марию во время допроса, — бывали ли случаи, когда вы вместе с Матроной Грошевой созывали к себе на дом колхозниц и устраивали у себя богослужения, особенно под религиозные праздники?

— Таких случаев не было, — ответила Мария, — но бывали случаи, когда колхозники заходили к нам поспорить, поговорить о чем-либо или взять какую-нибудь вещь, необходимую для покойника, например покрывало. Я лично читаю Псалтирь над умершими.

Послушница Мария Трошева

Москва. Тюрма НКВД. 1938

— Скажите, бывали ли случаи, когда вы ходили по домам колхозников и вместе с религиозной пропагандой занимались антисоветской деятельностью, направленной на срыв работы в колхозе?

— Я специально для указанной цели по домам колхозников не ходила, но в отдельных случаях ходила в дома читать Псалтирь, но никакой подрывной работы против колхозов я не веду и против власти ничего не говорю.

— Вспомните случай, происшедший в ноябре, когда вы вместе с сестрой Матроной Грошевой совершали в домах богослужение и высказывали свое недовольство советской властью, называя большевиков антихристами.

— Этого я не помню, и случай антисоветских высказываний я отрицаю.

— Вы говорите, что у себя на дому вы богослужений не совершали, а между тем при обыске в вашем доме были обнаружены церковные книги, кресты, чаши, ризы и другие принадлежности религиозного культа. Почему же вы не говорите истины?

— Да, я подтверждаю, что у меня указанные предметы были обнаружены, но они принадлежат церкви, у меня хранятся с момента ареста священника и закрытия церкви, но ни я, ни моя сестра на себя выполнение обрядов не брали, за исключением чтения Псалтири.

— Скажите, признаете вы себя виновной в антисоветской деятельности и агитации, направленной на подрыв советской власти и колхоза?

— Нет, в этом я себя виновной признать не могу.

Тогда же была допрошена и ее сестра Матрона.

— Расскажите, чем вы сейчас, проживая при церкви села Туголес, занимаетесь? — спросил следователь.

— Вот уже двадцать лет, как я и моя сестра Мария прислуживаем во время богослужений в церкви и живем на церковные средства.

— Бывают ли у вас в доме колхозники и какие у вас с ними идут разговоры?

Пос. гуляшница Матрона Трошчева

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

— В дом к нам иногда заходили разные лица, приезжающие издалека, и оставались у нас ночевать. Но вот уже три месяца, как закрыта церковь по случаю ареста священника, и потому на ночлеге у нас никого не бывает. Между нами ведутся разговоры на религиозные темы.

— Вам предъявляется обвинение в том, что вы вместе с Марией Грошевой занимаетесь антисоветской агитацией. Признаете ли вы себя в этом виновной?

— Контрреволюционной агитацией я не занималась и виновной себя в этом не признаю, но разговоры на религиозные темы мы ведем.

— Скажите, вы совершаете у себя на дому богослужение? Кто к вам ходит? И ходите ли вы по домам колхозников с целью совершения богослужений? И высказываетесь ли против колхозов и советской власти?

— Богослужений на дому у меня не бывает, но колхозникам или кто приходит я рассказывала о Христе. По домам колхозников для совершения церковных обрядов я не ходила и недовольства советской властью не высказывала. О том, что в праздничные дни нужно молиться, я говорила, и что работа в колхозе пойдёт, это верно, но в этом я никакой агитации не усматриваю. Имея цель помолиться Богу, я после закрытия церкви у нас в селе Туголес ездила в церковь села Петровского Шатурского района. Со мной ездили и другие лица, в том числе и колхозники.

11 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила послушниц Марию и Матрону Грошевых к расстрелу. Они были расстреляны 20 марта 1938 года и погребены в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-78606.

Марта 9 (22)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К И

Сергий (Лебедев)
Димитрий (Гливенко)
Алексий (Смирнов)
Сергий (Цветков)

В январе 1938 года власти арестовали священников Ухтомского благочиния Московской епархии.

Священномученик Сергий родился 16 июля 1875 года в Москве в семье диакона Павла Лебедева, служившего в Екатерининском храме на Большой Ордынке. Семья с семидесятых годов XIX века жила в Замоскворечье и поддерживала тесные отношения с диаконом Феодором Соловьевым, который служил тогда в церкви святителя Николая в Толмачах, — будущим затворником Смоленской Зосимовой пустыни иеросхимонахом Алексием.

В 1896 году Сергей Павлович окончил Московскую Духовную семинарию и поступил преподавателем Закона Божия в Московскую Мароновскую церковноприходскую школу. Кроме того, с 1897 года состоял надзирателем Перервинского Духовного училища. В 1898 году он был рукоположен в сан священника ко храму Смоленской иконы Божией Матери Новодевичьего монастыря. С этого времени отец Сергий стал преподавать Закон Божий в одноклассной церковной школе при монастыре. С 1900 года он был законоучителем в воскресной школе Хамовнического попечительного училища, с 1902 года — помощником заведующего церковноприходской монастырской школой, а с 1910 года — за-

коноучителем в детском приюте. С 1911 года являлся почетным членом Совета детских приютов. Отец Сергей был отмечен церковными наградами: в 1905 году – набедренником, в 1911 году – скуфьей, в 1914 году – камилавкой.

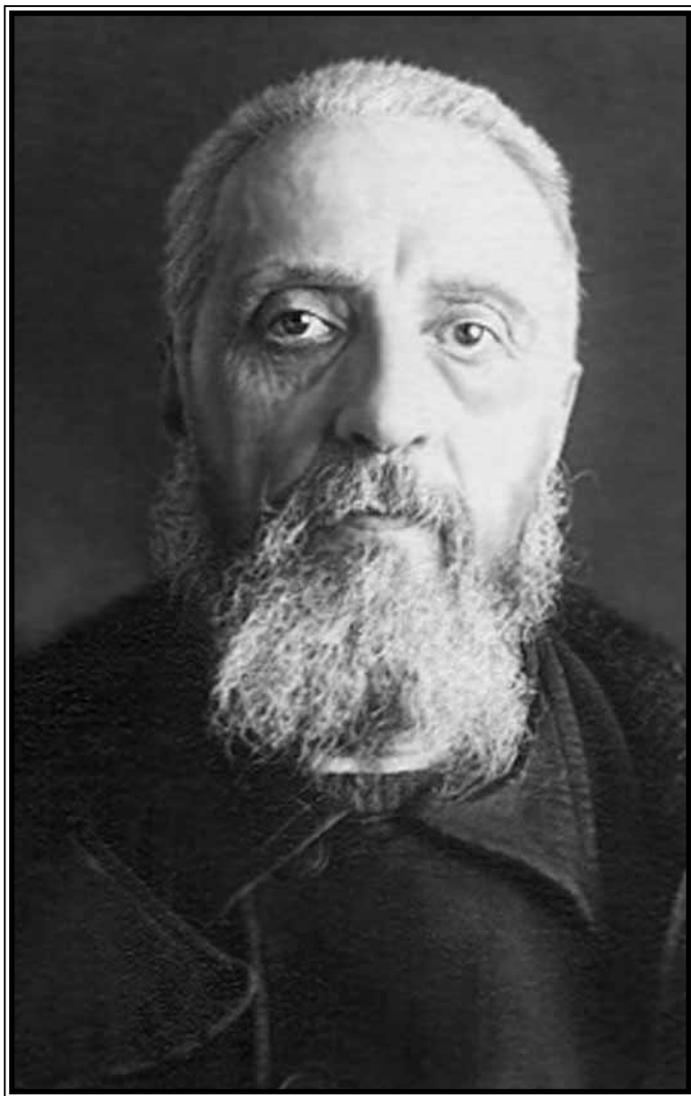
В 1901 году скоропостижно скончалась супруга отца Сергия София, с которой они прожили около четырех лет, и он остался с трехлетним сыном Борисом. В дом, где жил отец Сергей, близ Новодевичьего монастыря, переехали его сестры Екатерина и Прасковья, а чуть позднее его мать, Мария Павловна, которая, похоронив мужа, взяла на себя заботы о воспитании внука.

После смерти жены отец Сергей поехал в Зосимову пустынь к своему духовному отцу иеромонаху Алексию, чтобы посоветоваться, как жить дальше: остаться ли духовником в женской обители (в то время в женских обителях, как правило, были женатые священники) или перейти в другое место. Отец Алексий сказал ему: «Оставайся в монастыре, лучше быть среди голубиц, чем среди волков».

Иеромонах Алексий помог отцу Сергию преодолеть тяжелые переживания, которые охватили его после смерти жены. Отец Сергей так вспоминал об этом. Однажды он приехал к отцу Алексию в Троице-Сергиеву Лавру. После долгой беседы старец оставил его на ночь помолиться вместе с ним в Троицком соборе Лавры. Уже перед рассветом, перед началом полунощницы, отец Алексий приоткрыл раку и дал священнику приложиться к мощам преподобного Сергия. Приложившись к мощам, тот отошел со слезами на глазах и долго стоял сосредоточенный. Старец спросил его:

- Сережа, что ты чувствовал, когда прикладывался к мощам?
- Мне показалось, что я опустил лицо в цветущий куст роз... и радость пришла в душу.
- Счастлив ты, ведь немногим дано пережить такое.

С этого момента для отца Сергия начался новый этап духовной жизни. Устройство его жизни стало подобно монашескому. Мать, заметив в нем перемены, просила при ее жизни не принимать монашество. Отец Сергей исполнил ее просьбу, но жизнь свою ограничил только духовными и церковными интересами,

Протоиерей Сергей Лебедев

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

так что она состояла теперь исключительно из келейной молитвы, изучения трудов святых отцов, попечения о пастве, богослужения и законоучительства.

Глубокое знание богослужебного устава, благоговейность и молитвенность служения отца Сергия были отмечены священноначалием, и ему было поручено обучать недавно рукоположенных священников, которых направляли на стажировку в Новодевичий монастырь.

Отец Сергий был хорошим проповедником, и его проповеди и внебогослужебные собеседования вызывали большой интерес у слушателей. Священник в них разъяснял, каким должен быть христианский взгляд на современные обстоятельства жизни. «Как мало в нашей современной жизни радости! — писал отец Сергий. — Как много уныния не только среди обездоленных, но и среди взысканных судьбою людей! Как никогда изошрились и разнообразились теперь житейские удовольствия. Каким-то блестящим, безостановочным калейдоскопом идет теперь жизнь не только в столичных центрах, но и в провинциальных городах. Сколько захватывающих интересов! Сколько выставок промышленности, художественных, исторических, разных отраслей труда; какие громадные горизонты открыты новейшими применениями электричества. Мы слышим за тысячи верст говорящих с нами людей и вскоре у телефонного аппарата будем видеть их образы. Почти уже завоеван воздух... Словом, как интересна и разнообразна теперь жизнь. А между тем среди этого разнообразия какое-то общее недовольство, сознание какой-то своей нищеты, тоска, уныние, скука, отчаяние. Почему так?

Да потому, что наряду с прогрессом в жизни нашего общества наблюдается полнейшее равнодушие к тайнам и радостям веры. Русло жизни все более и более отходит от нежных, согревающих лучей христианского Солнца Правды. И наука и искусство, и государственная и общественная жизнь со всеми ее многообразными разветвлениями — все это отклонилось от освежающей человеческое творчество благодати Христовой. От Бога бегут. Исповедывать Его стыдятся. Диво ли после этого, что наш прежде крепкий православно-русский быт сошел со своих вековых усто-

ев, осложнился, обогатился новыми, враждебными христианскому духу, обычаями и привычками и получил прямо-таки полужызычский, богоборный характер?!

Люди становятся все более и более рабами внешних условий жизни, непрерывно усложняющихся ее форм и соединенной с ними жестокой борьбы за существование, за влияние, за власть, борьбы страстей и самолюбий, борьбы всего мелочного и узкозлобного... Несомненно, что раздвоение нравственных идеалов христианства и хода действительной жизни представляет из себя нечто полное великих мук и всяких печальных злоключений. И причина всего этого заключается в том, что благодатная сила Святых Таинств, сила возрождения Духом Святым перестала служить для сознания современного человека источником его нравственной жизни и деятельности... Люди полагаются на свои естественные силы и соображения, думают залечить зло своей жизни самоизмышленными лекарствами и мерами. Понятно, что из этого никогда и ничего не может выйти надежно доброго, — перед нашими глазами неизбежные последствия такого ложного пути: все распространяющееся недовольство жизнью и все усиливающиеся страдания. И как больно смотреть на страдания людей, как горько и тяжело сознавать, что ничто *извне* не может помочь им! Почему не может? Да потому, как это признано было одним просвещенным народом еще до пришествия Христова в мир (древними римлянами), что зло мира заключается в самом корне человеческой жизни; оно неизлечимо никакими частными, земными, человеческими усилиями — оно может быть излечено только радикальным средством, то есть должен быть обновлен самый корень жизни... Конечно, такое коренное обновление человечества могло быть совершено только всемогущей и всесозидающей силой Божественной. И оно действительно совершено Сыном Божиим, Господом нашим Иисусом Христом, Который силен Своими искупительными страданиями и смертью уврачевать греховный струп человечества, уничтожить зло мира и через ниспослание Святого Духа дать людям новую жизнь, обновить самый корень ее, положить в людях новое семя к ее дальнейшему разви-

тию: *Послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли (Пс. 103, 30)*».

Пророчески звучали слова отца Сергия, когда он учил своих духовных детей хранить веру Христову «и в час испытания в темнице, среди гонения, среди голода и холода, в бедах от братий и лжебратий, и под мечом палача... Вспомните весь собор мучеников, перечитайте их жития, и вы увидите, изнемогло ли Христово слово, оставлял ли Господь в полной беспомощности Своих верных служителей?.. Нет, все с такой радостью ощущали близость Христа к себе, что лобызали орудия мучения и смерти... которые приближали их еще более к Тому, Кто, по вознесении Своем на небо, с отеческой любовью приготовил им там многие светлые обители».

26 сентября 1920 года отец Сергий был возведен в сан протоиерея. Весной 1922 года он был арестован по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Его обвиняли в том, что он препятствовал проведению в жизнь постановления ВЦИК от 26 февраля 1922 года, «вошел в преступное сообщество, организованное представителями высшего духовенства и возглавляемое бывшим Патриархом Тихоном». Его обвиняли также в распространении послания Патриарха Тихона и в распространении заведомо ложных сведений «о деятельности должностных лиц, администрации советской власти и отдельных членов местных комиссий Помгола... сведений, возбуждающих у населения враждебное к ней отношение».

13 декабря 1922 года Московский Революционный Трибунал приговорил протоиерея Сергия к полутора годам заключения. В соответствии с проведенной властями амнистией он был освобожден досрочно — 11 июля 1923 года. Новодевичий монастырь был закрыт, и протоиерей Сергий стал служить в московской церкви Живоначальной Троицы в Зубове.

14 апреля 1931 года священник был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Его обвинили в контрреволюционной деятельности — в связи с появлением его фотографии в газете «Нью-Йорк таймс». На фотографии был запечатлен момент, когда отец Сергий, идя по двору Новодевичьего монастыря, благословлял

прихожан. Под ней была подпись: «Знаменитый отец Сергей Лебедев, один из священников, честно выполняющих свой долг».

На следствии отец Сергей показал: «В каноническом общении состою с митрополитом Сергием. Никакой антисоветской агитацией я не занимался и собраний нелегальных не устраивал. В 1929 году мой портрет появился с какой-то статьей в иностранной газете. Я совершенно никакого участия в этом не принимал и не знал, когда меня засняли».

30 апреля Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило его к трем годам ссылки в Северный край. Первое время он находился в Великом Устюге, где условия жизни были не тяжки. Затем был переведен вместе с другими священниками в село Кичменский Городок, а потом в еще более глухое село. В письмах к родным отец Сергей называет этот переезд «прогулкой при полном воздержании от пищи и отдыха». В начале 1932 года он жил в деревне Макарово. «Чтобы избежать праздности, письмописание считаю своим рукоделием, занимающим у меня ежедневно известную часть дня и вечера... С письмами да ежедневным занятием словом Божиим и духовно-нравственным чтением совершенно не видишь свободного времени», — писал он в марте 1932 года.

Каждый свой поход в районное село для отметки в ОГПУ он использовал, чтобы побывать на богослужении в храме. В остальное же время молился дома вместе с другим ссыльным священником, с которым отец Сергей поселился в одном доме. В начале Великого поста 1932 года также молились дома: «У нас имелись почти все богослужебные книги под руками, и мы имели полную возможность править все положенное по уставу церковному у себя дома. И Господь помог все совершить без всякой помехи, в самой мирной обстановке».

В 1933 году отец Сергей был переведен в деревню Сорокино, куда приезжали к нему духовные дети. В 1933 году «день славного Успения встретил и провел в мире, здравии и полном благополучии... Причащался в алтаре Святых Тайн, предварительно сам исповедовавшись и исповедав кое-кого из своих духовных чад... Чтение есть, занятия тоже ежедневно находятся, остается только лишь всей душой благодарить Господа за все Его милости и мо-

лить Его за вас и всех благодетелей своих и твердо верить в Его Промысл, бодрствующий надо мною... и передвигающий меня, если это будет нужно и полезно для меня и для вас».

В то время, когда он был в ссылке, его мать и сестра ходили к заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) с просьбой, чтобы тот похлопотал перед гражданскими властями об освобождении протоиерея Сергия. Узнав об этом, протоиерей Сергей писал им: «Глубоко чту я и Владыку Митрополита Сергия за его крестonosный подвиг возглавления Церкви в наше лютое время. Я совершенно не льщу себя надеждой, что Владыка может помочь мне в моем деле. Это сверх его сил... Он со своей стороны рад бы все сделать для нашего освобождения, но непреодолимые препятствия стоят на пути его добрых намерений».

В 1934 году по окончании срока ссылки протоиерей Сергей был освобожден. Вот как писал он об этом родным: «В преддверии праздника иконы Божией Матери, именуемой Нечаянная Радость, я получил неожиданную для себя радость: после категорического отказа в досрочном освобождении на поруки Бори мне сегодня выдали документ о свободном проживании во всех городах СССР за отбытием полного срока ссылки».

После возвращения в Москву протоиерей Сергей был некоторое время секретарем заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, который назначил его на эту должность, чтобы материально поддержать: на попечении священника были мать и две сестры. Служил отец Сергей в это время в храме Петра и Павла в поселке Малаховка Люберецкого района Московской области.

Ко времени служения протоиерея Сергия секретарем у митрополита относится одно событие, которое сохранилось в воспоминаниях его духовных чад. Проездом из северных лагерей во Владимирскую ссылку в Москве находился архиепископ Филипп (Гумилевский); он зашел в канцелярию митрополита Сергия в Бауманском переулке, надеясь увидеть Владыку, но тот был в отъезде. Тогда архиепископ Филипп оставил митрополиту Сергию письмо, в котором были такие строки: «Дорогой Владыко,

когда я думаю о Вас, стоящем на ночных молитвах, — я думаю о Вас, как о святом праведнике; когда же я размышляю о Вашей повседневной деятельности, то я думаю о Вас, как о святом мученике...» На следующий день митрополит Сергей прочитал письмо, растроганно прижал его к груди и сказал: «С таким письмом и на Страшный Суд предстать не страшно». Потом подал письмо отцу Сергию Лебедеву и сказал: «Подшей-ка, Сережа, в мое личное дело. Много будут судить обо мне, пусть хоть эти добрые слова прочтет кто-нибудь».

Отец Сергей свидетельствовал перед своими духовными детьми о тех страданиях, которые выпали на долю митрополита Сергея. Надо было продолжать служение, отстаивать храмы, чтобы совершалась литургия, и в то же время не было никакой возможности защитить ни иерархов, ни священников, которых власти беспрестанно арестовывали и ссылали в самые отдаленные места. Не всегда можно было даже и проследить, кто и куда был сослан.

21 января 1938 года протоиерей Сергей был арестован. Прощаясь с матерью, он поклонился ей в ноги и сказал: «Матушка, в этой жизни мы уже не встретимся».

На допросе следователь спросил отца Сергея:

— Следствием установлено, что вы получали задания от благочинного — протоиерея Воздвиженского вести контрреволюционную деятельность против советской власти и проводили это среди населения. Почему вы это отрицаете?

— Я это отрицаю потому, что никаких контрреволюционных заданий от благочинного Владимира Федоровича Воздвиженского я не получал.

Была устроена очная ставка со священником Знаменской церкви в селе Перово Сергием Сахаровым, согласившимся давать нужные следствию показания, который сказал:

— Сергей Павлович Лебедев является активным членом контрреволюционной группы духовенства, руководителем которой являлся благочинный Владимир Федорович Воздвиженский, который давал нам задания, чтобы мы среди надежного узкого круга вели активную борьбу против советской власти и готовились к ее свержению с помощью капиталистических стран.

— Подтверждаете ли вы показания Сахарова? — спросил следователь протоиерея Сергия.

— Нет, я показания Сахарова отрицаю, так как никакой контрреволюционной деятельности я не вел.

Священномученик Дмитрий родился 1 января 1879 года в городе Таганроге в семье служащего государственного банка Павла Гливенко. Окончил Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. Во второй половине тридцатых годов он был настоятелем храма в селе Карачарово Ухтомского района Московской области. В январе 1938 года отец Дмитрий был арестован и допрошен.

— Следствием установлено, что вы являетесь членом контрреволюционной группировки, возглавляемой благочинным Воздвиженским. Признаете ли это?

— Нет, я это не признаю.

— Следствию известно, что вы, состоя членом контрреволюционной группировки, вели среди населения активную контрреволюционную деятельность. Признаете ли это?

— Нет, я это отрицаю, так как этого не было.

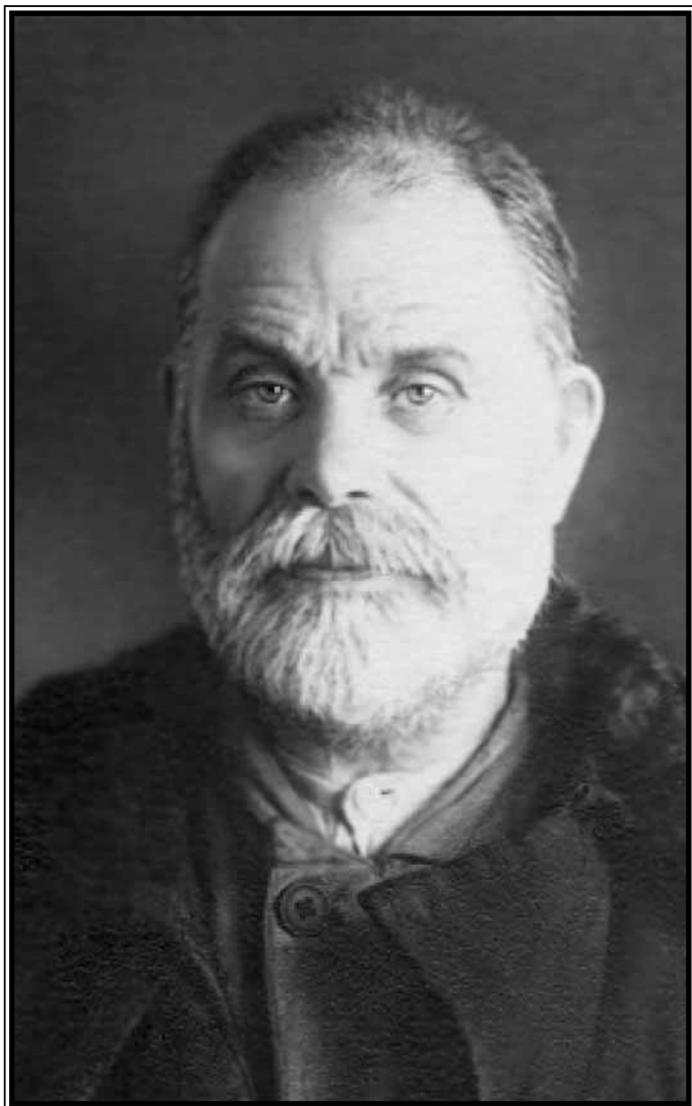
— Следствию также известно, что вы высказывали террористические настроения относительно социализма. Признаете ли вы это?

— Нет, я это отрицаю и виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю.

Через неделю отцу Дмитрию была устроена очная ставка со священником Сергием Сахаровым.

— Дайте следствию показания о принадлежности Гливенко к контрреволюционной группе духовенства и о его контрреволюционной деятельности, — потребовал следователь от отца Сергия.

— Дмитрий Павлович Гливенко является активным членом контрреволюционной группы духовенства, руководимой Владимиром Федоровичем Воздвиженским, которая ставила своей целью свержение советской власти с помощью капиталистических стран. Гливенко присутствующим говорил: «Мы можем рассчитывать на свержение советской власти только при помощи ино-

Священник Дмитрий Тивенко

Москва. Тюрма НКВД. 1938

странного капитала, в особенности Германии, Японии, Италии, Польши, Румынии и Венгрии».

— Подтверждаете ли вы показания Сергея Николаевича Сахарова, — спросил следователь отца Димитрия.

— Нет, я показания Сахарова отрицаю, так как я к контрреволюционной группировке не принадлежал и никакой контрреволюционной деятельности не вел.

Священномученик Алексей родился в 1870 году в селе Голубово Московской губернии в семье священника Сергия Смирнова. Окончил духовную семинарию. В тридцатых годах служил в храме Успения Пресвятой Богородицы в селе Косино Ухтомского района. Это древнее село «издавна славилось своим превосходным местоположением и тремя озерами. Находившиеся здесь святыни — чудотворные иконы Божией Матери Косинской (Моденской) и святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца, исстари привлекали сюда столько народа, что в продолжение летних месяцев по всем дорогам в Косино пройдет и проедет по крайней мере до ста тысяч богомольцев», — писал очевидец, живший в первой половине XIX века.

В январе 1938 года отец Алексей был арестован и допрошен.

— Знаете ли вы благочинного Владимира Федоровича Воздвиженского и встречались ли с ним? — спросил следователь.

— Да, с благочинным Воздвиженским я хорошо знаком и часто посещал его квартиру, — ответил священник.

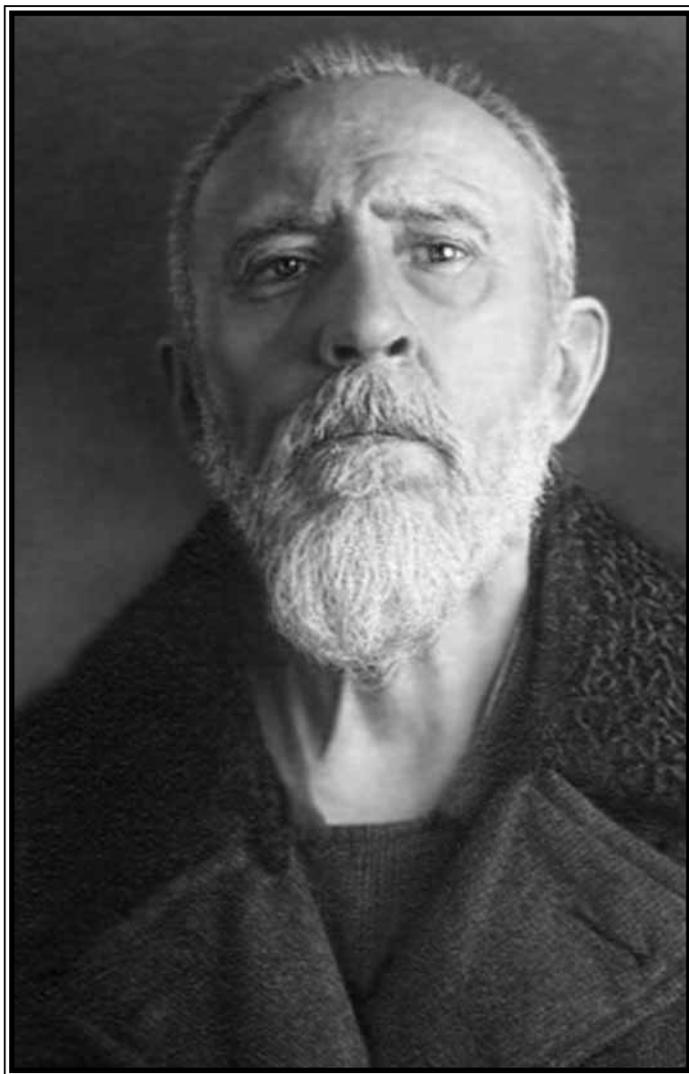
— Следствием установлено, что вы являлись членом контрреволюционной группировки, руководимой Воздвиженским. Признаете ли это?

— Нет, это я отрицаю. Членом контрреволюционной группировки я не состоял.

— Следствию известно, что вы, состоя членом контрреволюционной группировки, вели контрреволюционную деятельность. Признаете ли это?

— Нет, это я отрицаю.

— Следствием также установлено, что вы высказывали террористические настроения по отношению к коммунистам. Призна-

Священник Алексей Смирнов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

ете ли это?

— Нет, я это отрицаю и виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю.

Поскольку отец Алексей отказывался лжесвидетельствовать, ему была устроена очная ставка со священником Сергием Сахаровым, который подтвердил показания, необходимые следователям. Но отец Алексей их все отверг, сказав: «Показания Сахарова я отрицаю, так как контрреволюционной деятельности я не вел».

Священномученик Сергей родился в 1869 году в городе Москве в семье священника Никанора Цветкова. В 1892 году окончил Московскую Духовную семинарию и в том же году определен диаконом в Воскресенскую церковь села Вешняки Московского уезда. Рукоположен в сан священника в 1902 году. С 1893 года состоял законоучителем в Выхинской церковноприходской школе и в Люберецком земском училище, с 1910 года — в 4-м мещанском городском, в земском начальном и в Смоленском женском городском училищах. У отца Сергея и его жены Александры Андреевны (1874 г. р.) родилось двое дочерей: Елена — в 1902 году и Лидия — в 1908-м.

В 1917 году отец Сергей назначен духовником благочиния. За усердное служение был награжден набедренником (1905 г.), скуфьей (1909 г.), камилавкой (1915 г.), наперсным крестом (1918 г.). В сан протоиерея возведен в 1920 году. В тридцатых годах служил в Успенском храме поселка Вешняки* на окраине Москвы.

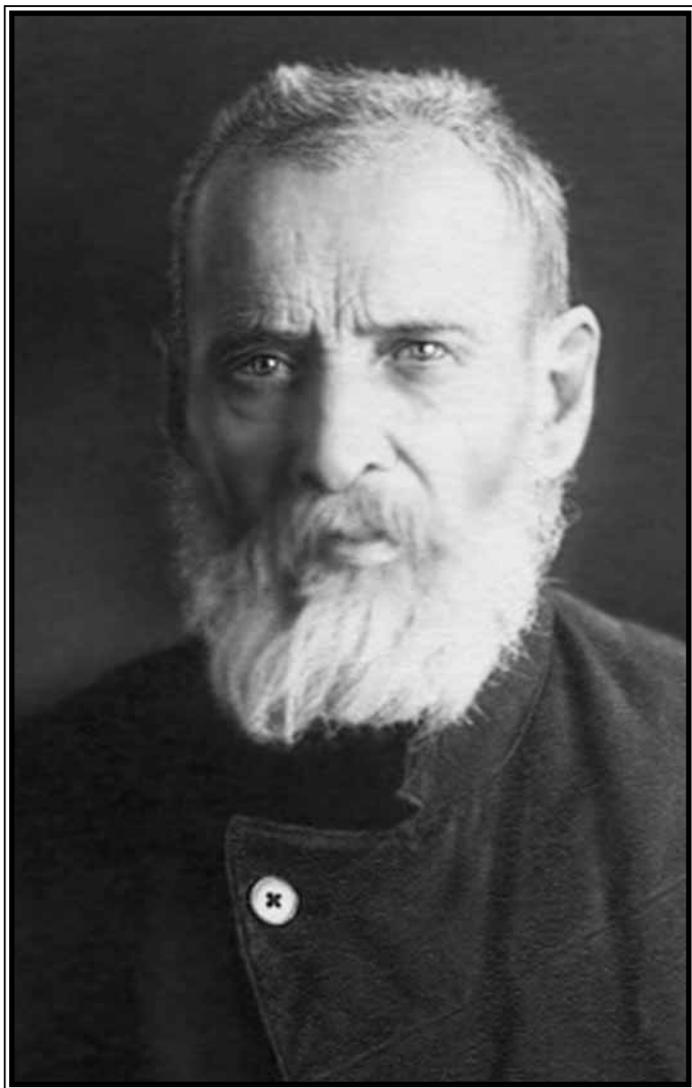
Первый раз отец Сергей был арестован ВЧК в 1919 году вместе со своим сыном Николаем — офицером царской армии, который был расстрелян. Отца же Сергея продержали в тюрьме три недели и освободили. Но в январе 1938 года власти снова арестовали его.

— Знаете ли вы благочинного Владимира Федоровича Воздвиженского и часто ли его посещали? — спросил следователь.

— Владимира Федоровича Воздвиженского я знаю хорошо и часто посещал его квартиру, — ответил отец Сергей.

---

* Так была переименована Воскресенская церковь по названию престола нижнего этажа.

Священник Сергей Устков

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

– Следствием установлено, что вы являлись членом контрреволюционной группировки, руководимой Воздвиженским. Признаете ли вы это?

– Нет, я это отрицаю.

– Следствию известно, что вы, состоя членом контрреволюционной группировки, вели среди населения контрреволюционную деятельность. Признаете ли вы это?

– Нет, я это отрицаю.

– Следствием установлено, что вы высказывали контрреволюционного характера клевету против советской власти и поразительные настроения. Признаете ли вы это?

– Нет, я это отрицаю, виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю.

Снова был вызван в качестве свидетеля обвинения священник Сергей Сахаров, который дал необходимые следователям показания, но отец Сергей все их отверг.

5 марта 1938 года следствие было закончено. Всех священников обвиняли в том, что они «осенью 1937 года организовались в контрреволюционную группу, которую возглавил Воздвиженский, и, проводя среди населения Ухтомского района контрреволюционную агитацию, поставили своей целью проповедовать монархический строй, оказывать противодействие политике партии и советской власти, создание среди населения недовольства и проведение подготовки населения к приходу новой капиталистической власти».

15 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила священников Сергея Лебедева, Дмитрия Гливенко, Алексея Смирнова и Сергея Цветкова к расстрелу. 22 марта 1938 года протоиерей Сергей Лебедев и священники Дмитрий Гливенко, Алексей Смирнов и Сергей Цветков были расстреляны и погребены в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-56688.

ЦИАМ. Ф. 2303, д. 182, л. 12 об., д. 261, л. 1 об.

История Косинских храмов Москвы. М., 2001.

Погребник С. Н. Житие священномученика Сергея Лебедева. Машинопись.

Марта 9 (22)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Михаил (Маслов)

Священномученик Михаил родился 8 июля 1874 года в селе Щеглятьево Тверской губернии в семье псаломщика Григория Маслова. Михаил окончил церковноприходскую школу и один год учился в духовном училище. До двадцати одного года он помогал отцу в крестьянском хозяйстве, а в 1895 году был призван в армию и отправлен служить в город Белосток. По окончании в 1899 году срока военной службы Михаил Григорьевич вернулся на родину и стал служить псаломщиком в храме в селе Козьмодемьянском Тверской губернии. В 1907 году он был рукоположен в сан диакона ко храму в селе Мелково Тверской губернии, где прослужил до 1924 года, а затем направлен в храм в село Никулино Лотошинского района Московской области.

В 1930 году диакон Михаил был рукоположен в сан священника ко храму села Гурьево. С 1935 года он стал служить в храме родного села Щеглятьево Лотошинского района Московской области.

11 ноября 1937 года местный парторг отправил в районный НКВД докладную записку, в которой писал, что священник Михаил Маслов говорил, что жизнь при советской власти и руководстве Сталина стала тяжелой, ничего нет, даже несчастной картошки колхозники и то не получают, а если и получают, то гнилую. Насчет страховки помещений говорил, что советской власти только деньги плати, а если сгоришь, получишь кукиш. Не то что построить, а несколько деревьев не купишь. Раньше, при старом строе, погорелец идет собирать, ему и штанов, и рубах, и денег, и продуктов дадут, сгорело меньше того, что он получит.

1 февраля 1938 года председатель сельсовета составил справку о священнике и представил ее в районный НКВД. В ней он писал, что священник влиял на трудовую дисциплину колхозов «путем беседования со старушками у окошек и на дому», сроки государственных поставок не выполнял и был антисоветски настроен. В тот же день следователь допросил одного из лжесвидетелей, который сказал: «Знаю то, что Маслов агитирует колхозников, чтобы они ходили в церковь и молились Богу. Лично мне говорил, чтобы я ходил в церковь, Бог за это даст здоровье».

10 марта 1938 года отец Михаил был арестован, заключен в тюрьму в городе Волоколамске и в тот же день допрошен. На вопросы следователя он ответил, что его антисоветская деятельность заключается в том, что он недоволен советской властью, почему и говорил, что при советской власти нет обуви, нет одежды, раньше, при царе, всего было много и все было дешево, а теперь нет ничего. Всех нас сделали нищими, картофеля и того вдоволь нет.

— Гражданин Маслов, во время выборов в Верховный Совет вы вели антисоветскую агитацию и говорили: «Коммунисты говорят, что при советской власти будет демократия; она есть только на словах, а на деле ее нет; ишь как хитро Сталин написал, что нет теперь лишенных избирательных прав, а в действительности это живой обман, демократии при советской власти нет и не будет никогда». Следствие предлагает вам дать искренние показания по этому вопросу.

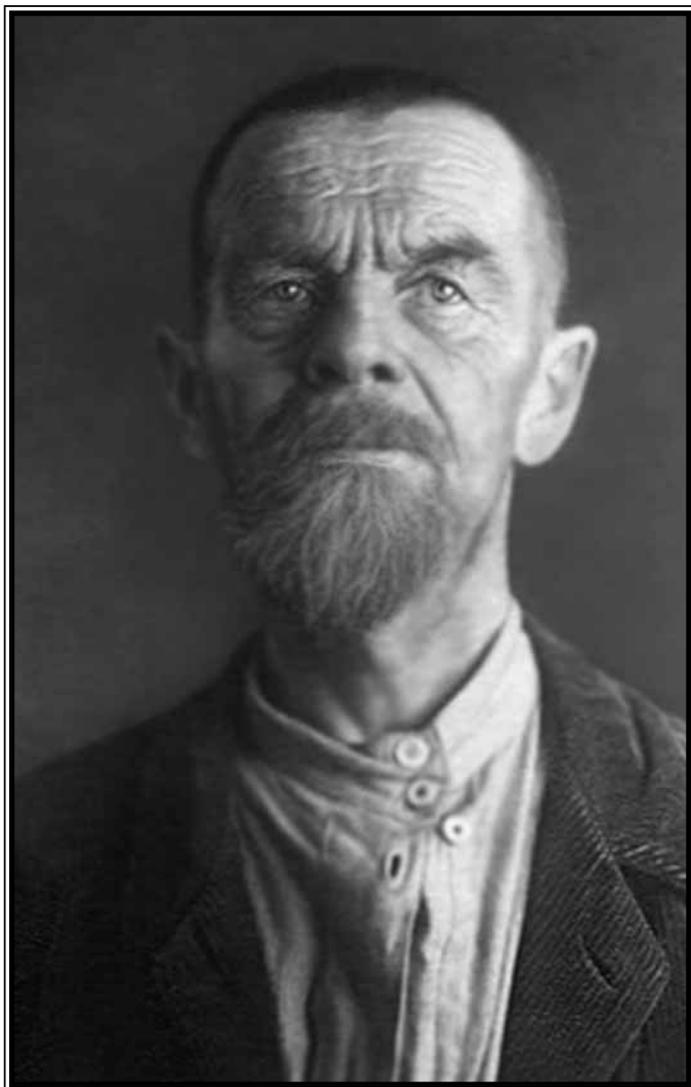
— В этом виновным я себя не признаю. Больше показать ничего не могу.

15 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Михаила к расстрелу. Священник Михаил Маслов был расстрелян 22 марта 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-66473.

Священник Михаил Маслов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

Марта 9 (22)

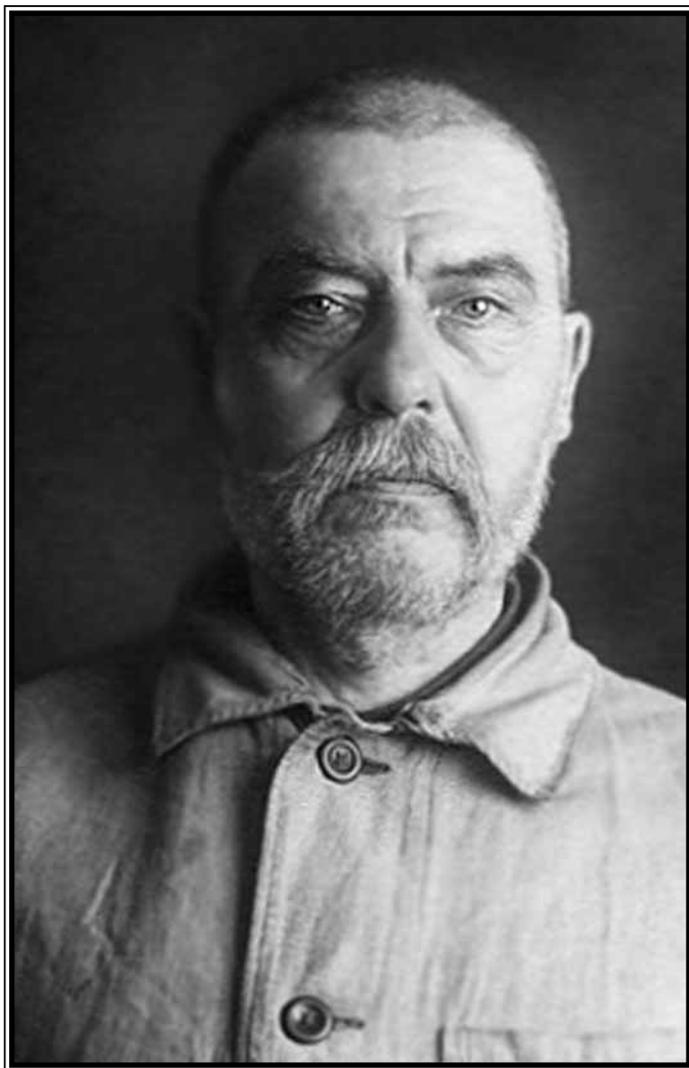
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Горюнов)

Священномученик Николай родился в деревне Обухово, расположенной неподалеку от села Солнечная гора Московской губернии, в семье крестьянина Василия Горюнова. Когда Николаю исполнилось двенадцать лет, он окончил сельскую школу и с этого времени стал работать вместе с отцом в своем крестьянском хозяйстве. В 1902 году Николай Васильевич был призван в армию, но получил освобождение от службы, так как был единственным сыном у родителей — кормильцем семьи. После этого он выехал в Москву в поисках заработка.

Будучи воспитан в благочестивой семье, он желал, чтобы его работа была так или иначе связана с верой. В Обществе трезвости в Москве требовались официанты, и он пошел официантом в одну из чайных, организованных Обществом, и проработал здесь два с половиной года. После этого он устроился сторожем и алтарником в домовый храм при Первой градской больнице. Здесь он проработал пять лет. Затем он устроился алтарником в храм Ризоположения на Донской улице, где и состоял им около шести лет. Некоторое время Николай Васильевич работал слесарем на цементной базе в Подольске, где его усилиями был организован кооператив, члены которого плодотворно и успешно трудились, но все это было уничтожено с приходом к власти большевиков.

В 1919 году Николай Васильевич вернулся в родную деревню и здесь в приходской церкви стал служить псаломщиком. В 1920 году он был рукоположен в сан диакона, а в 1924 году за беспорочную службу и примерное поведение был возведен в сан протодиакона. Протодиакон Николай служил в храме до 1929 года, ког-

Протоиакон Николай Торонов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

да власти назначили непосильный налог, и он вынужден был из храма уйти и далее работал пожарником и рабочим на одном из заводов.

В начале марта 1938 года власти составили обвинение, в котором писали, что Николай Горюнов является протодиаконом и, будучи враждебно настроен к советской власти и коммунистической партии, систематически среди населения деревни Обухово проводит контрреволюционную агитацию и высказывает террористические настроения против руководителей партии и правительства. 11 марта сотрудники НКВД арестовали отца Николая.

Были вызваны несколько свидетелей, каждого из которых спрашивали, знает ли он протодиакона Николая, и поскольку все они знали его, то так и ответили. Затем следователь попросил их расписаться в конце страницы, которая была заполнена показаниями только наполовину, и уже в их отсутствие написал все, что ему было нужно.

12 марта 1938 года следователь НКВД допросил протодиакона:

— Вы признаете себя виновным в контрреволюционной деятельности, в том, что говорили, что советская власть не дает жить служителям культа, троцкистов сажают и расстреливают за то, что они борются за хорошую жизнь, и в случае войны вы будете бить коммунистов?

— Виновным себя в контрреволюционной деятельности и агитации против советской власти и коммунистической партии я не признаю. Подобных разговоров я не вел.

15 марта Тройка НКВД приговорила протодиакона Николая к расстрелу. Он был расстрелян 22 марта 1938 года и погребен в неизвестной могиле.

Спустя два года те же свидетели были допрошены вновь, была установлена истина, и дело по вымышленному обвинению протодиакона Николая было прекращено.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-70544.

Марта 9 (22)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Иоасаф (Шахов)

Преподобномученик Иоасаф (в миру Иосиф Иванович Шахов) родился в 1870 году в селе Ильинском Ярославского уезда Ярославской губернии в крестьянской семье. Окончил церковноприходскую школу. Решив выбрать жизненный путь воина Христова, он в 1896 году поступил послушником в Николо-Пешношский монастырь Московской губернии, где проходил различные послушания до 1904 года.

В 1904 году началась Русско-японская война, и настоятель монастыря игумен Савва благословил послушника ехать на фронт, чтобы ратным подвигом послужить Церкви и Родине. Перед отправкой на фронт был отслужен молебен. Игумен Савва сказал в напутственном слове, чтобы Иосиф, как и подобает воину Христову, защищал Веру, Царя и Отечество. На фронте послушник Иосиф пробыл рядовым полтора года. После заключения мира с Японией он вернулся в обитель, был пострижен в монашество с именем Иоасаф и рукоположен в сан иеродиакона, а в 1910 году – в сан иеромонаха.

Началась Первая мировая война, стали создаваться дополнительные армейские части, для духовного окормления которых потребовалось увеличить число полковых священников; они особенно были нужны на передовой, где страдания и смерть становились повседневными. В условиях тяжелых боев лишь вера в жизнь вечную помогала преодолеть страх смерти. Многие из числа монашествующих пожелали добровольно отправиться в район боевых действий полковыми священниками.

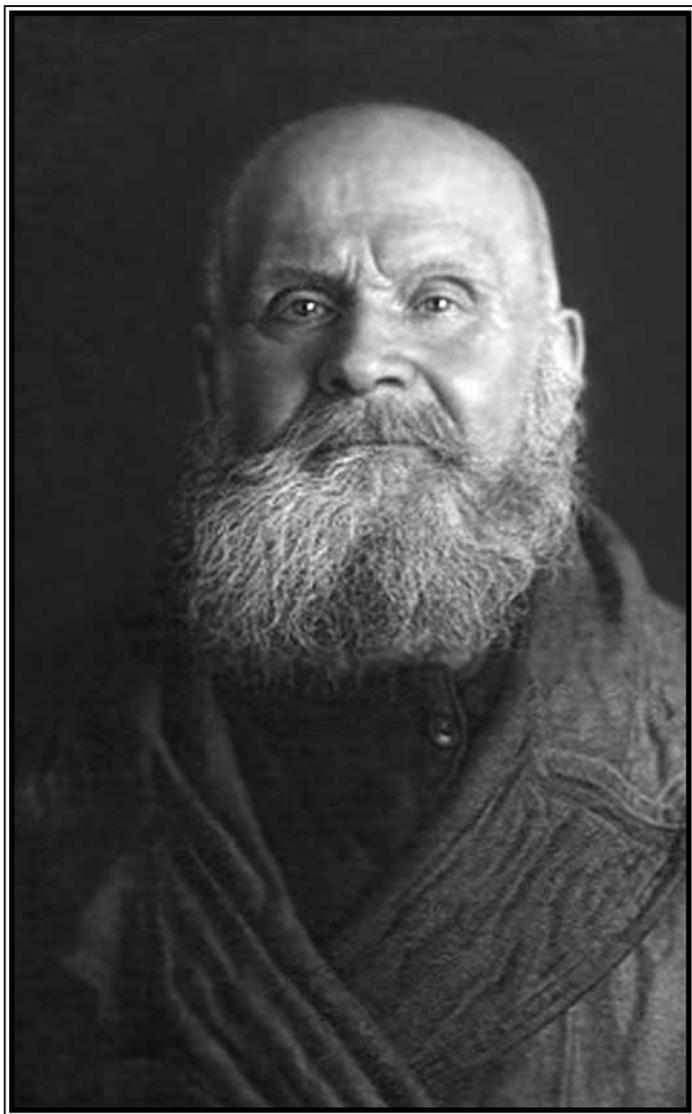
В 1915 году настоятель Николо-Пешношского монастыря игумен Иувеналий командировал иеромонаха Иоасафа на германский фронт священником 461-го полка. Иеромонах Иоасаф не скрывался от опасности в тылу или при штабе, он ходил вместе со своей паствой — солдатами в бой, выносил с поля боя раненых, исповедовал и причащал их, погребал убитых.

Весной 1917 года антирусская пропаганда, разлагавшая армию, достигла окопов, и солдаты все чаще стали спрашивать священника: «Батя, когда же кончится война, кому она нужна, долго ли мы будем страдать?» И священник отвечал так, как повелевал ему голос совести и долг православного пастыря: «Мы страдаем за одно общее дело, это прежде всего — за Веру! во-вторых — за Царя! и в-третьих — за наше Отечество! Его мы должны защищать не щадя своей крови».

Иеромонах Иоасаф пробыл на фронте до лета 1917 года, когда монастырское начальство отозвало его в обитель. Несмотря на происшедшие в стране перемены и захват власти безбожниками, монастырь закрыт был не сразу, и отец Иоасаф подвизался в нем до 1928 года, когда воинствующие безбожники разогнали братию и закрыли обитель.

Иеромонах Иоасаф приехал в город Коломну с намерением поступить в Голутвинский монастырь, но настоятель монастыря архимандрит Никон, зная, что дни обители сочтены, благословил его служить на приходе. Епископ Егорьевский, викарий Московской епархии Павел (Гальковский) направил его в единоверческий храм Живоначальной Троицы в село Поповка Коломенского района Московской области. В состав прихода входило тридцать деревень.

Начав служить в храме, ревностный пастырь увидел, что дела в приходе находятся в самом плачевном состоянии, в районе проживает много сектантов, которым не оказывается ни малейшего противодействия со стороны православных. И в то самое время, когда безбожное государство беспощадно преследовало Православную Церковь, иеромонах Иоасаф энергично взялся за миссионерскую деятельность, стараясь просветить заблудших, и на

Узун-хен Уосаф (Ухов)

Москва. Тюръма НКВД. 1938

этом поприще достиг немалых успехов, люди стали отходить от сект и возвращаться в Православную Церковь. В этом приходе иеромонах Иоасаф прослужил десять лет. В 1930 году он был возведен в сан игумена.

8 марта 1938 года власти арестовали его и заключили в тюрьму в городе Коломне. Допросы начались сразу же после ареста. На вопросы следователя отец Иоасаф отвечал, что по существу своей священнической присяги и по долгу совести он не может быть солидарным с идеалами советской власти; ему не нравится и эмблема, которая принята как государственная, — серп и молот, ему хотелось бы видеть вместо нее на государственных стягах образ Спасителя. До революции он был воспитан в идеалах защиты веры и помазанника Божия и остается при этих идеалах.

— Вы изобличаетесь в том, что неоднократно призывали колхозников к защите веры, — сказал следователь.

— Да, — ответил игумен, — я требовал от верующих, чтобы они ходили в церковь, молились Богу и защищали от поругания веру.

— Следствием установлено, что вы в проповеди на праздник Рождества Христова высказали мысль о пришествии Христа, который поведет борьбу с врагами.

— Да, в моей проповеди было сказано о Втором Пришествии Христовом, и я говорил верующим, что им нужно быть готовыми встретить Христа. И в этой связи я напоминал им о Страшном Суде.

13 марта Тройка НКВД приговорила отца Иоасафа к расстрелу. Игумен Иоасаф (Шахов) был расстрелян 22 марта 1938 года и погребен в общей безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23114.
АМП.

Марта 9 (22)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Наталия (Ульянова)

*П*реподобномученица Наталия родилась в 1889 году в городе Ельце Орловской губернии в семье столяра Николая Николаевича Ульянова.

В 1910 году Наталья приехала в Москву и поступила в Новодевичий монастырь и подвизалась в нем на различных послушаниях до его закрытия в 1922 году. После закрытия обители она, как и многие насельницы, осталась жить в одной из монастырских келий, которые были превращены властями в коммунальные квартиры, и к монахиням были подселены люди, настроенные к вере враждебно.

До 1930 года послушница Наталья подвизалась в качестве певчей и псаломщицы в московских храмах, а в 1930 году поступила на государственную службу – курьером и уборщицей в Московский городской банк, находившийся на Ильинке. Ей пришлось нести все тяготы, которые выпали на долю народа, и нести все трудовые повинности: ее мобилизовывали на все общественные работы – то на очистку снега на железной дороге, то на торфоразработки.

9 марта 1938 года лжесвидетели подписали против нее составленные следователем показания, и в частности, что Наталья враждебно настроена к существующему строю, говорит, что в колхозах плохо живется и пользы в дальнейшем от колхозов не будет, что крестьяне голодают, раздеты и разуты. На полянке, во дворе закрытого монастыря, против окон бывших келий она будто бы вела разговоры против колхозного строя, говоря о том, что

крестьяне работают день и ночь, а сами холодные и голодные.

На следующий день, 10 марта, послушница Наталья была арестована и заключена под стражу в 7-е отделение милиции Фрунзенского района города Москвы.

11 марта следователь допросил послушницу.

— Вы арестованы за клеветнические провокационные измышления о жизни колхозного крестьянства в СССР, которые распространяли среди населения вашего дома. Признаете ли в этом себя виновной? — спросил следователь.

— Не признаю. Так как я среди населения Новодевичьего монастыря агитации, касающейся жизни колхозного крестьянства, не вела, — ответила она.

— Вы уличены в контрреволюционной деятельности, которую проводили среди жителей вашего дома. Летом 1936 года вы во дворе бывшего Новодевичьего монастыря говорили, что «при советской власти крестьян загнали в колхозы и тем самым разорили, крестьяне ходят голодные, разутые, раздетые, работают день и ночь, а получать в колхозах ничего не получают». Признаете ли себя в этом виновной?

— Не признаю, так как среди населения своего дома я никакой агитации не вела и о том, что крестьяне живут плохо, никому не говорила.

13 марта следователи провели очную ставку послушницы Натальи со лжесвидетелями, которые показали всё, что требовали от них следователи. Выслушав их, послушница отказалась подтвердить лжесвидетельства.

15 марта Тройка НКВД приговорила ее к расстрелу. Послушница Наталия Ульянова была расстреляна 22 марта 1938 года и погребена в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 22770.

Послушница Наталия Гьянова

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

Марта 12 (25)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Владимир (Волков)

Преподобномученик Владимир родился 21 апреля 1878 года в селе Малые Палатки Смоленской губернии в семье крестьянина Нила Волкова.

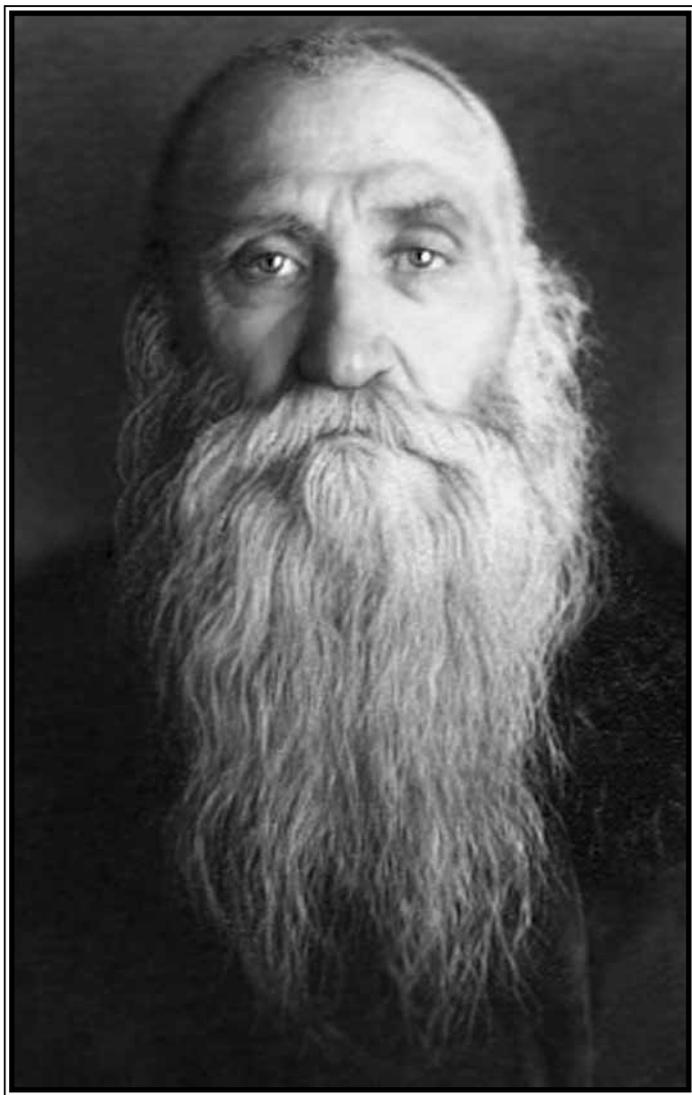
До 21 года юноша воспитывался в семье родителей, помогал отцу по хозяйству. В 1899 году Владимира призвали в армию, он был зачислен в канцелярию Гжатского уездного воинского начальника писарем, где и прослужил до 15 февраля 1905 года. Перед увольнением в запас он выдержал экзамен на звание военного чиновника в военное время.

В 1906 году юноша поступил в приписанную Свято-Троицкой Сергиевой Лавре пустынь Параклит, пробыв в ней послушником до 1909 года. Приняв в 1909 году монашеский постриг, он до 1912 года продолжал подвизаться в пустыни.

В 1912 году монаха Владимира перевели в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, где он пребывал до ее закрытия в 1921 году. В 1920 году монах Владимир был рукоположен во иеродиакона.

После закрытия Лавры иеродиакон Владимир был определен на служение в церковь села Клушина Смоленской губернии. В начале 1921 года власти закрыли этот храм, и в апреле иеродиакон Владимир был назначен в храм великомученика Димитрия Солунского в селе Шиманово Можайского района Московской области.

В 1930 году иеродиакон Владимир был рукоположен во иеромонаха.

Архимандрит Владимир (Волков)

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

В 1931 году, одновременно с назначением по просьбе прихожан священником Спасской церкви в селе Иславское Звенигородского района Московской области, отец Владимир был принят техническим сотрудником в редакцию «Журнала Московской Патриархии». Власти запретили издание журнала в 1935 году, и отца Владимира назначили счетоводом Московской Патриархии. Он отвечал за продажу крестиков, погребальных молитв и венчиков, ладана и прочих обиходных церковных предметов.

9 июля 1931 года иеромонах Владимир был возведен в сан игумена с возложением палицы, а 14 апреля 1932 года – в сан архимандрита. 2 апреля 1936 года ему было преподано благословение совершать Божественную литургию с открытыми Царскими вратами до Херувимской песни.

В 1936 году он был уволен с должности счетовода и служил в храме вплоть до ареста. Со времени назначения на этот приход архимандрит Владимир проживал в церковной сторожке. Сам храм, построенный во второй половине XVIII века на крутом берегу Москвы-реки, был освящен в честь Нерукотворного Образа и имел два придела: в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и великомученика Георгия Победоносца.

21 февраля 1938 года викарий Московской епархии архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) предложил отцу Владимиру быть его духовником, а также духовником Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского).

Архимандрит Владимир был арестован 27 февраля 1938 года и во время следствия содержался в Можайской тюрьме. На первом допросе, состоявшемся 2 марта, следователь подробно расспросил отца Владимира о его жизни до и после революции 1917 года. Следователя интересовало, какие отношения отец Владимир имел с арестованными в 1937 году служащими Московской Патриархии: управляющим делами протоиереем Александром Лебедевым, келейником митрополита Сергея архимандритом Афанасием (Егоровым) и архимандритом Гавриилом (Яциком).

— Заданий я от них никаких не имел, — ответил отец Владимир, — и связи какой-либо особой не имел, а были как только знакомые по службе, и никаких известий я от них не получал, и за какие действия они арестованы, я не знаю.

На следующий день отца Владимира допросили вновь. Допрос*, продлившийся шесть часов и закончившийся в половине одиннадцатого вечера, был записан следователем и уместился всего на одной странице.

— Вы обвиняетесь в контрреволюционной деятельности путем высказывания клеветы к руководителям партии и советской власти. В 1937 году в августе среди колхозников высказывали контрреволюционную клевету к руководителям партии и советской власти. В 1937 году в момент выборов в Верховный Совет СССР высказывали контрреволюционную клевету к членам правительства и руководства ВКП(б). В 1938 году в январе среди населения распространяли клевету и террористические настроения к руководителям правительства.

— В предъявленном мне обвинении в контрреволюционной деятельности и клеветы к руководителям ВКП(б) и советской власти виновным себя не признаю.

В этот же день следствие было закончено.

7 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Владимира к расстрелу. Архимандрит Владимир (Волков) был расстрелян 25 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в общей безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23173, 56009.

---

* Ниже текст допроса приведен полностью, без сокращений и стилистических изменений.

Марта 23 (5 апреля)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Василий (Коклин)

Священномученик Василий родился 20 января 1883 года в Москве в семье купца Павла Коклина, имевшего посудо-хозяйственный магазин. Окончил четырехклассное городское училище и стал помогать отцу в торговле. Во время Первой мировой войны с 1915-го по 1918 год служил в армии рядовым. По возвращении с фронта Василий Павлович продолжал заниматься торговлей, в 1922–1927 годах имел палатку на Зацепском рынке. В 1927 году он был рукоположен в сан священника и служил в Знаменской церкви в селе Перово*.

Отец Василий был арестован 21 января 1938 года вместе с группой духовенства, служившего в храмах Ухтомского района Московской области. Сразу же после ареста власти допросили священника.

— Следствием установлено, что вы, состоя членом контрреволюционной организации, руководителем которой являлся благочинный Воздвиженский, вели активную контрреволюционную деятельность. Признаете ли вы это?

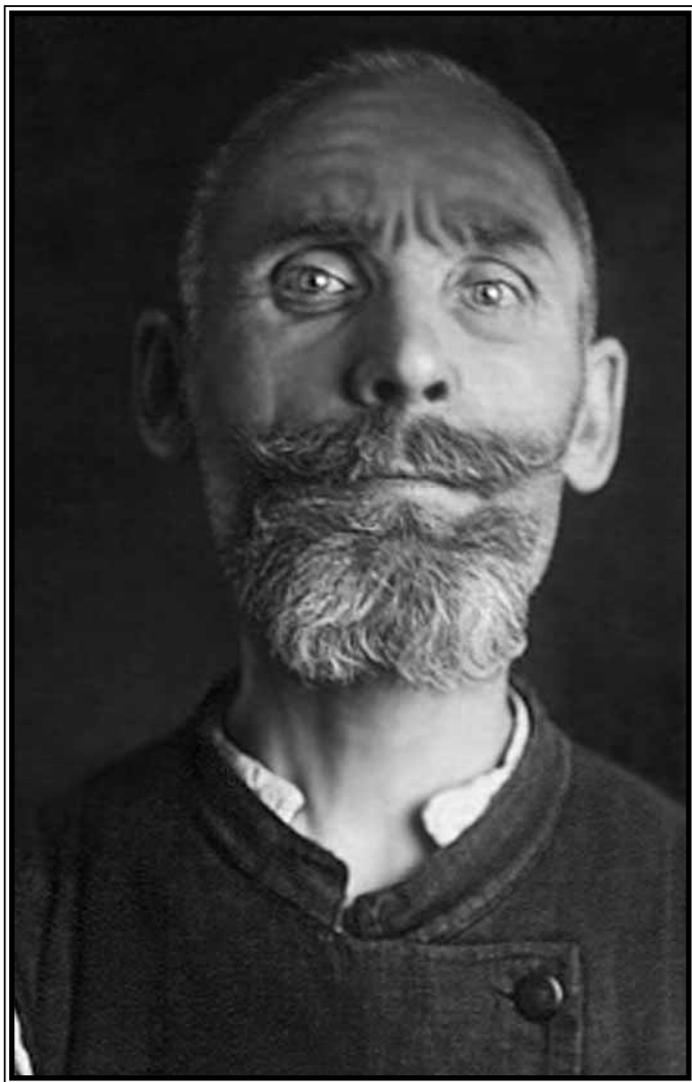
— Нет, это я отрицаю.

— Следствием установлено, что вы выражали пораженческие настроения по отношению к советской власти. Признаете ли вы это?

— Нет, это я отрицаю и виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю.

---

* Ныне район Москвы.

Священник Василий Коктин

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

Поскольку отец Василий отказывался признать себя виновным, ему устроили очную ставку со священником той же церкви Сергием Сахаровым, также арестованным и согласившимся давать нужные следствию показания.

— Сергей Николаевич Сахаров подтверждает, что вы являетесь членом контрреволюционной группы духовенства, руководителем которой был Владимир Федорович Воздвиженский, и вели активную борьбу против советской власти. Признаете ли вы это?

— Нет, это я отрицаю.

На этом допросы и очные ставки были закончены.

15 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Священник Василий Коклин был расстрелян 5 апреля 1938 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-56688.

Марта 23 (5 апреля)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Анастасия (Бобкова)

*П*реподобномученица Анастасия родилась 16 декабря 1890 года в селе Кузьево Волоколамского уезда Московской губернии в семье крестьянина Степана Бобкова. В 1920 году родители Анастасии умерли, и она поступила в Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь, находившийся вблизи деревни Акатово Клинского уезда Московской губернии. В монастыре Анастасия пробыла до его закрытия в 1927 году, после этого она переехала в деревню Занино Волоколамского района. Она прислуживала при храме в селе Шестаково, а также по приглашению верующих ходила читать Псалтирь по умершим.

В 1930 году власти вознамерились закрыть храм в селе Шестаково. По поводу закрытия храма состоялось церковное собрание, где обсуждался вопрос о незаконности закрытия церкви. Во время собрания пришли комсомольцы, женщины стали энергично их выгонять, так что один из них упал. За «сопротивление представителям власти» были арестованы пять человек, из них три послушницы монастырей, и среди них Анастасия. Она была приговорена к трем месяцам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Вернувшись из заключения, Анастасия поселилась в той же деревне. 13 февраля 1938 года власти допросили председателя Покровского сельсовета Шустову. Она дала о послушнице Анастасии следующие показания: «В декабре 1937 года я в селе Покровском Волоколамского района проводила агитационную ра-

боту по выборам в Верховный Совет СССР в доме гражданки Василисы Будкиной. В это время в дом пришла Анастасия Бобкова и стала вести среди нас контрреволюционную и антисоветскую агитацию, говоря: «Советская власть ни за что забирает попов, так как последние трудятся только для народа и по конституции они равны. Где же тут справедливость? У советской власти она только на бумаге». На заданные ей вопросы по выборам в Верховный Совет она меня обругала, заявив: «Вы ничего не понимаете. Вас закружила советская власть»».

В тот же день был допрошен секретарь Шестаковского сельсовета, который показал, что Анастасия имеет связи с монахинями, они собираются вместе, у них в доме бывают неизвестные люди и, «по моему мнению, последние проводят контрреволюционную антисоветскую деятельность».

2 марта 1938 года послушница Анастасия была арестована и заключена в тюрьму в Волоколамске. На следующий день состоялся допрос, и далее допросы длились в течение трех дней.

— Следствие располагает достаточным материалом, который уличает вас в контрреволюционной антисоветской деятельности. Дайте показания по этому вопросу.

— Контрреволюционной антисоветской деятельности я не вела.

— В декабре 1937 года в доме Василисы Будкиной вы проводили контрреволюционную антисоветскую деятельность?

— Действительно, в доме Будкиной я была. Это было в начале декабря 1937 года. Там же была председатель Покровского сельсовета Шустова, которая принесла какие-то листки по части выборов в Верховный Совет. Шустова стала ругать попов. Тогда мною на это ей было сказано: «Советская власть ни за что сажает попов, они плохого никому ничего не делают; были попы, мы жили хорошо, а сейчас при советской власти мы живем плохо». Эти слова были сказаны мною, и я их подтверждаю. Кроме того, по части выборов в Верховный Совет в доме Будкиной я говорила: «Нам не нужна советская власть. Кому она нужна, тот пускай

Пос.ушница Анастасия Собокова

Москва. Тюрма НКВД. 1938

и голосует. Нам выборы не нужны». Одновременно я ей заявила: «У нас есть своя, Небесная власть».

9 марта 1938 года Тройка НКВД приговорила ее к расстрелу. Послушница Анастасия Бобкова была расстреляна 5 апреля 1938 года и погребена в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23964.

Марта 23 (5 апреля)

М У Ч Е Н И К

Алексий (Скоробогатов)

*М*ученик Алексей родился в 1889 году в селе Средняково Солнечногорского уезда Московской губернии. Его отец Семен Скоробогатов был садовником, мать — крестьянкой. После окончания второклассной учительской школы Алексей Семенович работал учителем церковноприходской школы в деревне Воронцово Рузского уезда. В 1909 году он сдал экстерном экзамен, получил педагогическое образование и был назначен в Ащеринскую церковноприходскую школу, где проработал с 1910 по 1911 год. Затем Алексей Семенович был переведен в Алексинскую школу, где преподавал до 1915 года. Оттуда он был мобилизован на военную службу и во время Первой мировой войны, с 1915 по 1918 год, служил в армии в чине подпоручика. Затем, с 1918 года до апреля 1921 года, — в Красной армии при штабе 15 стрелковой Инзинской дивизии. Сначала — переписчиком, затем — делопроизводителем. Позднее его назначили младшим помощником начальника штаба дивизии по хозяйственной части. После демобилизации в 1921 году он проживал в Рузском районе Московской области. Алексей Семенович был женат на Голубевой Наталье Сергеевне (1890 г.р.), и у них было трое детей: Валентина (1922 г.р.), Анна (1926 г.р.) и Иван (1929 г.р.).

О его дальнейшей судьбе после 1921 года известно немного. С 1921 по 1923 год Алексей Семенович служил псаломщиком при Ащеринском храме. В конце 1920-х годов в ходе коллективизации у него отобрали дом, лошадь и корову. В 1935 году Алексей Семенович переехал в поселок Иваново Рузского района Московской

области. Здесь он работал заведующим Ивановской школой.

Алексей Семенович был арестован 22 января 1938 года по обвинению в проведении активной контрреволюционной агитации и содержался под стражей в Бутырской тюрьме города Москвы.

— Следствие настойчиво требует от вас правдивых показаний о вашей контрреволюционной деятельности, — сказал следователь.

— Подтверждаю... что я в прошлом был офицером царской армии... а после революции, с 1921 по 1923 год, был дьячком Ащеринской церкви, но контрреволюционную деятельность... не проводил.

Дело было настолько поспешно сфабриковано, что вышестоящие органы НКВД вернули его на доработку. «Дополнительно допросите 1-2-х свидетелей в разрезе выявления к/р деятельности Скоробогатова, т.к. допрошенные свидетели дали слабый материал», — говорилось в инструкции.

Решением Тройки НКВД от 8 марта 1938 года Алексей Скоробогатов был приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 5 апреля 1938 года. Предполагаемое место захоронения мученика Алексия — полигон Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-65776.

Алексей Семенович Скоробогатов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

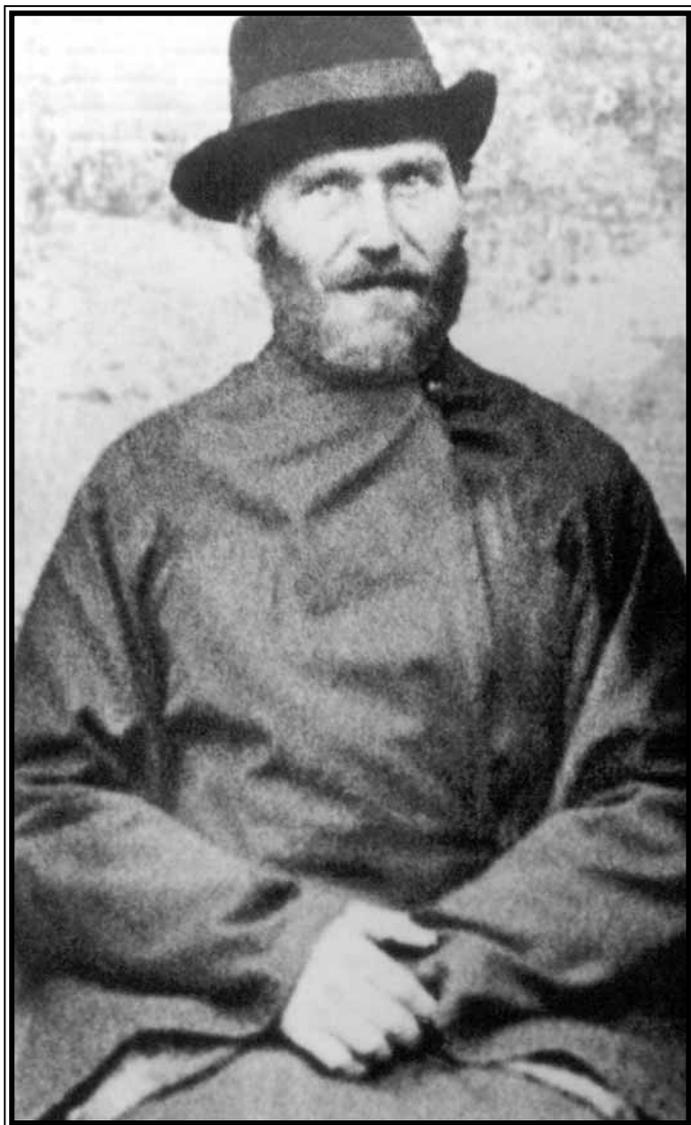
Апреля 17 (30)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Феодор (Недосекин)

Священномученик Феодор родился 10 ноября 1889 года в селе Новоселки Рославльского уезда Смоленской губернии в семье священника Георгия Петровича Недосекина. Окончил учительскую семинарию и в течение многих лет работал учителем, а затем окружным инспектором школ. В 1913 году Федор Георгиевич женился на дочери протодиакона, служившего в селе Спасском, Зинаиде Ивановне Мухиной. Впоследствии у них родилось восемь детей — пять мальчиков и три девочки. В 1905 году Зинаида Ивановна окончила епархиальное училище и работала учительницей в селе Новоселки. В школе, кроме других предметов, она преподавала пение, и ее школьный хор постоянно участвовал в церковных богослужениях.

После революции 1917 года Федор Георгиевич в течение нескольких лет оставался учителем Новоселковской школы. В 1919 году председатель сельсовета дал ему такую характеристику: «Новоселковское Сельское Общество удостоверяет, что учитель Новоселковской школы Федор Георгиевич Недосекин, будучи одновременно председателем Новоселковского культурно-просветительного кружка и председателем школьного совета, проявил себя полезным и энергичным работником по народному образованию: поступив в нашу школу учителем, он немедленно организовал культурно-просветительный кружок, в котором работал не покладая рук до сего времени в качестве председателя кружка, за что неоднократно получал искреннюю благодарность от населения... Организовав кружок, он всеми способами старался под-

Облагодетель Георгий Негоцкий

нять культурный уровень местных граждан: читал лекции... вел беседы по сельскому хозяйству... организовал при школе читальню, приобрел... разные книги и составил библиотеку, организовал школу для взрослых и сам учил их грамоте и, наконец, организовал в нашей деревне хор... Стараясь как можно больше дать развития нашим детям, он устраивал с детьми экскурсии, литературно-вокальные вечера... и организовал при школе выставку ученических работ и картин. Чтобы больше развить детей и принести им пользы, он вел занятия с учениками не только днем, но и вечером».

В 1921 году Федор Георгиевич был рукоположен в сан диакона, а в 1922 году епископ Гжатский, викарий Смоленской епархии Феофан (Березкин) рукоположил его в сан священника к Введенскому храму в селе Семеновском Гжатского уезда. В конце двадцатых годов, когда усилились гонения на Русскую Православную Церковь, власти потребовали от отца Феодора уплаты большого налога. Когда он его уплатил, налог удвоили, и его уже отец Федор не смог уплатить. За это он был приговорен к заключению и отправлен на каторжные работы в Камскую исправительно-трудовую колонию № 2. Администрация колонии писала о нем: «Находясь на участках Березники и Чуртан, он относился к работе на производстве вполне сознательно... выполняя тяжелые физические работы, что служило примером для других заключенных».

После ареста отца Феодора все его имущество, включая дом, было отобрано; семья осталась без крова и поехала вслед за ним. Местные власти поселили семью священника в «красном уголке». Отец Федор вскоре был оправдан судом, и вся семья вернулась в Семеновское, но дом их был занят, а храм закрыт.

Отец Федор отправился в патриархию, чтобы получить место в одном из храмов Московской епархии, и был направлен служить в храм Казанской иконы Божией Матери в село Иванисово Ногинского района, куда вместе с ним переехала и его супруга с детьми. Прихожане отремонтировали принадлежавшие церкви нежилые постройки, и здесь поселилась семья священника. Жи-

ли они в то время очень бедно, но духовная и церковная жизнь, которую они вели, делала их счастливыми.

Прихожане сразу полюбили священника за истовое совершение богослужений, за проповеди и нестяжательность. У него не было никакой установленной платы за требы — кто мог, давал сколько хотел, а для бедных отец Феодор совершал требы бесплатно. Куда бы и в какое время дня или ночи его ни позвали причастить больного, он никогда не отказывался, а сразу собирался и ехал, а чаще всего шел пешком. В его приход входили тогда села Иванисово, Афанасово, Бабеево, Степаново, Есино и начинающийся строиться город Электросталь, который возводился в основном силами заключенных. В 1932 году в концлагере, занимающемся строительством города, скончался священник — Георгий Николаевич Левицкий. Благочестивые прихожане, жившие тогда в городе, выхлопотали у лагерного начальства разрешение отпеть священника и похоронить его по-православному. Верующие привезли тело отца Георгия в село Иванисово, отец Феодор сам его облачил и отпел священника. Могилу для него копали отец Феодор и певчие. Когда страдалец был погребен, отец Феодор сказал: «Вот счастливый пастырь, удостоился погребения такого, какое положено, похоронен по-человечески. А других бросят в яму как попало, кверху ногами, и могилу сровняют с землей».

В 1937 году гонения на Русскую Православную Церковь усилились. Некоторые стали говорить священнику: «Батюшка, смотрите, всех священников забирают вокруг, может быть, вам оставить служение?» Но он на подобного рода предупреждения и угрозы всегда отвечал одинаково: «Хоть день, да мой — и пред престолом Божиим!»

26 октября 1937 года ночью кто-то постучал в дверь сторожки, где жил священник с семьей, и из-за двери раздался голос: «Это я, Василий Васильевич!» Это был председатель колхоза.

Зинаида Ивановна открыла дверь, и все увидели, что за спиной председателя стоят военные в форме. Отец Феодор все понял и сказал: «Вы, очевидно, за мной. Прошу детей не будить».

На столе лежали тетрадки, учебники, они полистали их, затем предъявили ордер на обыск. Взяли серебряный наперсный крест отца Феодора; увидев на божнице еще два наперсных креста, которые принадлежали его отцу, протоиерею Георгию, взяли и их. Удовлетворившись этим, сказали священнику: «Собирайтесь, одевайтесь, пойдём».

Отец Феодор подошел к детям, всех благословил, а кто из маленьких спал, тех благословил спящих. Затем надел теплую рясу и ушел из дома под конвоем сотрудников НКВД.

После ареста священника власти приказали сбросить колокола с храма. Прислали рабочих. Вокруг храма собрались верующие, многие плакали, видя, как сбрасывают и уничтожают колокола, столько лет призывавшие на молитву не только их, но и их отцов и дедов.

На время следствия отец Феодор был заключен в тюрьму в городе Ногинске. Власти обвинили его в контрреволюционной и антисоветской деятельности.

— Контрреволюционной деятельности я не вел, — ответил священник.

— Следствием установлено, что вы после богослужения произносили с амвона проповеди антисоветского характера, — сказал следователь.

— Проповеди мной произносились редко. В отдельных из них я действительно говорил: «Православные, надо укреплять веру в Бога, самим чаще посещать храм Божий и других привлекать к церкви...»

— Следствию известно, что вы в беседах с верующими при их обращении к вам с просьбами совершить те или иные обряды вели с ними беседы антисоветского характера.

— При обращении ко мне верующих с просьбами совершить обряд крещения или похорон, когда рождение или смерть еще не были зарегистрированы в загсе, я отвечал, что совершить обряд не могу, так как надо смерть или рождение зарегистрировать в загсе. Если же этого не будет сделано, то меня могут привлечь к ответственности.

— Следствие располагает данными, что вы вместе с церковным советом вели активную контрреволюционную деятельность, направленную на срыв проводимых мероприятий.

— Членами церковного совета велась активная работа, направленная на то, чтобы вернуть обратно изъятую у нас церковную сторожку, которая оборудована под «красный уголок» Ивановского колхоза. Я в этом деле никакого участия не принимал, но, наоборот, удерживал их от этой борьбы.

15 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила священника к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Приговоренных к длительным срокам заключения отправляли со станции Ногинск. К поезду был прицеплен тюремный вагон. Всех заключенных, среди которых было много духовенства, посадили рядом с путями на снег, долго пересчитывали и только после этого посадили в вагон.

Отец Феодор был отправлен в концлагерь неподалеку от станции Медвежья Гора, там он работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

Из лагеря отец Феодор в августе 1938 года писал сыну Федору, которому было тогда двенадцать лет: «Вот уже десять месяцев исполнилось сегодня, как я с вами расстался. Как хочется теперь мне всех вас видеть!.. За это время ты, наверное, подрос и развился и поумнел еще более... Меня постоянно удивляет, что наш географ Юринька не мог на карте найти те места, где я находился и нахожусь. Теперь я поручаю это сделать тебе. Это просто. Возьми обыкновенную карту железных дорог, а у нас такие были, и смотри линию железной дороги от Ленинграда к северу до самого Северного Ледовитого океана и Мурманска. Потом рассмотри в том же направлении Великий Сталинский Беломорско-Балтийский канал — при железной дороге есть Медвежья Гора (там же и канал). Эта Медвежья Гора недалеко (километров тридцать-сорок) от почтового отделения Морская Масельга, там же около канала к северу, где теперь я нахожусь. Бываю и на канале. Будь здоров, счастлив и хорошо учись».

Работая на лесоповале, отец Феодор сломал ногу и был переведен на работу в бондарную мастерскую — делать бочки, ушаты и тому подобное. Здесь, несмотря на большие нормы, работать было полегче. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, и с ее началом содержание заключенных в лагере резко ухудшилось, иногда их почти совсем не кормили. Из лагеря вблизи Медвежьей Горы отец Феодор был отправлен в Онежский лагерь Архангельской области. Невыносимо тяжелые условия заключения оказались для него непосильными. Он скончался 30 апреля 1942 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 17699.

Мая 13 (26)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К И

Василий (Соколов)
Христофор (Надеждин)
Александр (Заозерский)

П Р Е П О Д О Б Н О М У Ч Е Н И К

Макарий (Телегин)

М У Ч Е Н И К

Сергий (Тихомиров)

*В*есной 1922 года началось новое гонение на Православную Церковь, которое по замыслу безбожных властей ради устрашения духовенства и паствы должно было окончиться казнями. Поводом должно было послужить изъятие церковных ценностей, а те, кто менее всего имел отношение к сопротивлению изъятию, должны быть расстреляны, ибо ничто не действует так устрашающе, как казнь невиновных, каковыми и были обвиняемые — священномученики Василий, Христофор, Александр, преподобномученик Макарий и мученик Сергий. Промыслом Божиим более всего сведений сохранилось о священномученике Василии.

Священномученик Василий родился в 1868 году в селе Старая Слобода Александровского уезда Владимирской губернии в семье диакона Александра Соколова. Он окончил Спасо-Вифанскую Духовную семинарию и с 1 октября 1888 года по 4 декабря 1890 года был учителем церковноприходской Закубежской школы Александровского уезда. 16 декабря 1890 года он был рукоположен в сан священника к Христорожественской церкви села Пустого Переяславльского уезда Владимирской губернии. Во все время служения в селе — с 1891 по 1906 год — отец Василий был заведующим и законоучителем церковноприходской школы.

Далее расскажем о жизни отца Василия его собственными словами*.

«Хорошо жилось батюшке отцу Василию, священнику села Пустого Владимирской епархии, так хорошо жилось, что лучше и быть не надо. Первое дело, благословил его Господь счастливым супружеством. Второе же дело, благословил Бог отца Василия служебными успехами и материальным достатком. Немного послужил во иереях отец Василий в своем маленьком приходе, но многого достиг он. Довольные прихожане говорили: “И нет-то лучше нашего батюшки; что проповеди скажет, что порядки ведет, да по всему!” Храм Божий при неусыпных заботах священника содержался всегда в подобающем благолепии и непрерывно поновлялся и благоукрашался.

Не обидел Господь счастливых супругов и потомством. За двенадцать лет супружества они имели шестерых детей. Детки росли здоровые, хорошие, радуя и утешая своих родителей, души в них не чаявших. Понятно, что много и забот, и хлопот задавали дети батюшке с матушкой, но последние не унывали и не роптали на свою долю. Подбодряя один другого в трудах, они не щадили ни сил, ни здоровья, лишь бы дети были во всех отношениях довольны и исправны.

---

* Рассказ отца Василия Соколова, основанный на автобиографическом материале, был опубликован в журнале «Странник» (январь, 1904 г.).

Священник Василий Сокосов

Быстро и незаметно, как вода в широкой многоводной реке, текла их жизнь по заведенной колее житейской суеты, тревог и забот, в постоянной смене радостей и печалей. Сознавал отец Василий, что не может так гладко жизнь идти. Сказано: “В мире скорбны будете”, и не даром, конечно, сказано. Не миновать скорбей, как спокойному морю не миновать бури. Опасна и страшна буря после долгого благоприятного затишья. Тяжки и скорби для непривычных к ним, особенно после долгой безмятежно-счастливой жизни. Хоть бы крест какой послал нам Господь на испытание, втайне молился батюшка, не очень бы тяжелый, а чтобы не забывались мы, помнили о земном уделе человеческом.

Осень двенадцатого года священнослужения отца Василия выдалась весьма благоприятная, но в доме отца Василия все были настроены далеко не на веселый лад. Слезы стояли у всех в глазах. Дело в том, что сам домохозяин заболел тифом, такой болезнью, с которой шутики плохи. Конечно, это в доме хорошо понимали, тем более что и местный врач не скрывал серьезности положения больного. Расчеты на организм отца Василия были сомнительны. Потому и обратились все с сердечной мольбой к Господу, да воздвигнет силою Своею больного со смертного одра. Молились прихожане о своем болящем отце духовном, искренне прося избавления от смертной опасности: ярко сказалась окрепшая уже привязанность пасомых к своему душепастырю. Молились крепко родственники отца Василия, сочувствуя всем сердцем трудному его положению и положению его семьи и внутренне содрогаясь при мысли о печальном конце болезни. Молились дети-малыши, выстроившись перед божницей и усердно кланяясь в землю.

Но тяжелее всех пришлось матушке Иларии. Не жалость, а ужас какой-то охватил и сжал ее сердце, как тисками. Нет и слез, и молитва не идет на ум, не находит она ни в чем облегчения, успокоения.

— Господи, да что же это будет с нами, — в отчаянии говорила матушка отцу Василию. — Хоть бы маленько пожалел ты меня и детей. Смотри-ка, ведь мы, как мухи осенние, бродим по дому.

— Что же я поделаю, — отвечал батюшка. — Видно, того стоим,

того заслужили, чтобы страдать. Может, и умереть придется, не скрою: мне очень трудно.

— Зачем же ты думаешь о смерти? Ты думай о жизни, — попробовала вдохновить матушка мужа. — Кто же растить, кормить детей будет? Что я одна с ними поделаю!

— А ты погоди еще сокрушаться раньше времени. Вот умру, так наплачешься, нагорюешься. Кому-нибудь да надо начало делать, не сговоришься умереть в один час. А жить-то как без меня? Проживешь, Бог даст: станешь просвирней здесь, ну и прокоришься.

— Бог с тобой, что ты это говоришь.

Больше и духу не хватило разговаривать с больным у матушки. Не вышла, а выбежала она от больного и залилась горячими, неутешными слезами.

Но вдруг среди самого плача матушку осенила какая-то мысль, точно пришло ей на ум верное средство помочь беде своей. Она направилась к божнице, склонилась там на колени пред образами и стала горячо-горячо молиться. Не обыкновенными, заученными молитвами молилась она, но сама слагала свою скорбную молитву, как умела.

“Господи, подними же его, — говорила она, — даруй ему исцеление. Знаю, что я не стою Твоей милости, не заслужила ее. Помоги мне по милосердию Своему, по человеколюбию. Ты, Господи, видишь мою беспомощность, знаешь лучше меня горе мое и нужду мою. Не оставь меня горькой вдовой, а детей сиротами. Что с ними буду делать я? Куда денусь, чем пропитаю и как устрою? Неужели для того Ты дал нам детей, чтобы они век свой плакались на нищету и попрекали нас, родителей? Сохрани же для блага их жизнь отца-кормильца. И если уж нужно по правосудию Твоему кого-нибудь из нас взять отсюда, то возьми меня. Возьми меня за него, Господи! И я умру с радостью, умру спокойная, что не без хлеба, не без призора остались дети мои. Матерь Божия, Святая Заступница! Принеси за меня Свою матернюю молитву к Сыну Своему, чтобы внял Он гласу моления моего!”

Глубокие вздохи, прерываемые несдерживаемыми рыданиями, дошли до слуха больного.

— Что ты там делаешь? — спросил он.

— Молюсь, — отвечала матушка. — Одно, видишь сам, оста-

лось — молиться. Не на кого надеяться больше, а Бог все может. Я, знаешь ли, что просила у Господа, чтобы уж лучше мне умереть, чем тебе. Ведь не правда ли, так лучше будет?

— Напрасно ты об этом просила. Сказано: не искушай. И просила, да не получишь, если не изволит Господь: Он и без нас хорошо видит и знает, что сделать с нами и что нужно нам.

— Я вот потому и просила, — возражала матушка, — что ведь, без сомнения, для детей будет лучше тебе остаться, а мне умереть. Не так ли?

— Не так, не так, — нетерпеливо заговорил батюшка. — Оставь и думать об этом. Что мне, что тебе умирать — одинаково плохо и не время. Но это по-нашему, а по-Божьи это, может быть, и есть самое лучшее для нас и для наших детей.

Господу Богу угодно было внять неотступному молению о болящем иерее Василии. Благополучно миновал кризис болезни, и с начала октября ясно обнаружился поворот на выздоровление. Силы восстанавливались, больной быстро поправлялся. Матушка Илария ног не чуяла под собой от охвативших ее радостных чувств по случаю избавления от грозившей опасности. “Не выздоровел, а воскрес мой отец Василий, — весело хвалилась она всем, — не знаю, как и Бога благодарить за это”. Снова водворился в доме прежний порядок.

Прошел год, и опять наступила осень. Но какую противоположностью была она предыдущей! У отца Василия заболела не на шутку жена его, матушка Илария, заболела как-то неожиданно, сперва не шибко, а там и совсем слегла. Больная больна была телом, но духом бодра, и этой бодростью вселяла в окружающих надежду, что скоро поправится и поднимется. Но надежды все не сбывались. Наоборот, болезненные приступы стали тяжелее. Матушка причастилась и просила мужа пособоровать ее.

После соборования больная почувствовала себя значительно лучше, к общему удовольствию всех. На другой день после соборования прибыл врач из уездного города, приглашенный отцом Василием на консультацию с местным врачом. Справедливость требовала сказать настоящий диагноз болезни без всяких прикрас. “У вашей жены, батюшка, мы с товарищем нашли болезнь печени, все другие ревматические явления происходят от этой главной болезни. Лечить ее мы, признаться вам, затрудняемся.

Так мы решили предложить вам немедленно поехать в клинику для совета с более сведущими медиками”.

В клинике, куда приехал отец Василий, его встретили сочувственно и благожелательно. Пошли торопливые расспросы, осмотры, выслушивания. Пришел и профессор, посмотрел, послушал, покачал головой и сказал священнику, отведя его в сторону:

— Тяжкое заболевание, батюшка, у вашей жены, может быть, рак, может, и другое что, но только едва ли излечимое. Думается, напрасно вы и ее, и себя мучили приездом сюда. Впрочем, духом-то не падайте. Мы еще поглядим. Дай Бог, если бы иначе оказалось.

Прав был профессор в своих догадках. Совет клинических докторов констатировал рак печени у больной, о чем на третий день и было объявлено отцу Василию.

— Ничем мы не можем помочь вашей супруге, примиритесь со своим положением. Рак неизлечим, оперировать в печени нельзя. Исход один — смерть.

Помолившись у московских святых в Успенском и Покровском соборах, в часовнях Иверской и Пантелеимоновской, отец Василий тронулся в обратный путь.

“Да будет воля Твоя, Господи, да будет воля Твоя!” — мысленно твердил батюшка, со страданием смотря на любимую жену, которая лежала перед ним как прекрасный, но увядший, побитый осенним морозом цветок. “Только не лиши меня, Господи, Своей последней милости и помощи — довести ее живую домой, избавь от терзания видеть умирающей в дороге”.

И Господь, богатый милостью, сотворил по прошению отца Василия. Без особых приключений, даже без больших трудностей добрался он домой в свое село.

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Торжественно справляется служба Божия в храме села Пустого при множестве молящихся. И видят, и слышат прихожане, что больно невесел их батюшка, отец духовный, глубокой печалью омрачено его лицо, дрожит, замирает, прерывается то и дело его обычно звучный голос, и поневоле все настраиваются на непраздничный лад. Помолившись, все разошлись по домам. Только отец Василий долго еще не выходил из храма в тот день. В молитве перед Божиим престолом он искал утешения своему смятенному сердцу. В мо-

литве к Богу искал он утоления своим горестям, которые теснили душу. Он сознавал, что только тем и можно облегчить свое тяжелое иго — искренно, усердно молиться и с детской доверчивостью предать себя всеблагодатной воле Божией, помощи и заступлению святых угодников. Все земные доступные средства к отвращению нависшей беды были исчерпаны. Горькое вдовство для себя и тяжелое сиротство для детей предстояло в самом, очевидно, близком будущем.

На другой день Покрова к отцу Василию приехали тесть с тещею, приехала и сестра его.

— Да, — рассуждали у постели больной ее родители, — видимое дело, что развязка близка. Нечему жить. Вся высохла, куда что девалось, только что дышит, и то еле-еле. И отчего этот рак у нее завязался, странное дело. Разве уж не от прошлогоднего ли ее горевания во время Вашей болезни он привязался к ней?

— Все может быть, конечно, — отвечал отец Василий. — Это я и сам хорошо помню, каких мучений стоила ей моя болезнь. Чего уж? Молилась Господу, чтобы взял ее к Себе за меня. Ведь только крайнее отчаяние, руководимое самоотверженной любовью, могло подвигнуть на такую молитву и просьбу. И что удивительно: то было 2 октября, в нынешний, значит, день. Неужели же Господь и судит быть по ее прошению и возьмет ее к Себе? Тогда все станет понятно: это перст Божий, это она умолила и за меня свою жизнь положила.

Вечером в тот же день не стало матушки Иларии: отошла с миром ко Господу. Лишился отец Василий горячо любимой жены, семья — заботливой матери, родные — радушной, ласковой хозяйки, а прихожане — услужливой, приветливой матушки. Потеря была велика равно для всех.

Много народа собрало погребение матушки Иларии, несмотря на то, что день был будний. Всем непритворно жаль было, что так рано угасла столь нужная жизнь, жаль было оставшихся детей-сирот, из которых половина не понимала значения понесенной утраты, жаль было и батюшку отца Василия, овдовевшего в такие еще молодые годы, жаль было разрушения всего семейного счастья и благополучия этого дома, на который многие указывали как на достойный подражания пример».

Спустя четыре года отец Василий поступил в Московскую Духовную академию и окончил ее в 1910 году со степенью кандидата богословия, которую получил за работу «Леонтий Византийский (его жизнь и литературные труды)». В своем отзыве на работу отца Василия ректор академии епископ Феодор (Поздеевский) писал: «Автор сделал своим сочинением ценный вклад в церковно-историческую науку и проявил громадную научную работоспособность, так что хочется от души пожелать ему не бросать научных занятий, хочется, чтобы он попал в обстановку, благоприятную для его ученых работ или, по крайней мере, для того, чтобы означенное сочинение вышло в свет в виде магистерской диссертации».

29 июля 1910 года Совет Московской Духовной академии под председательством епископа Феодора принял решение просить Святейший Синод о разрешении оставить отца Василия Соколова при академии третьим сверхштатным профессорским стипендиатом. 28 сентября Святейший Синод отклонил ходатайство Совета из-за «крайней ограниченности в настоящее время средств духовно-учебного капитала».

26 ноября распоряжением епархиального начальства отец Василий был определен в Николо-Явленскую церковь на Арбате. С 9 августа 1911 года он состоял членом Совета Братства Святителя Николая при Николо-Явленском храме.

В 1922 году советские власти, используя как предлог голод в Поволжье, начали гонение на Православную Церковь. Когда комиссия по изъятию церковных ценностей пришла в храм Николы Явленного, отец Василий просил ее не изымать предметов, необходимых в богослужении, отсутствие которых создаст трудности при причащении. Комиссия ему в этом категорически отказала. Чувство горечи и скорби овладело сердцем священника. Мы «не должны скорбеть... о материальной потере, — сказал он в проповеди 7 апреля, — тем более что вещи предназначены на нужды голодающих. Но прихожане не могут не скорбеть о том,

что изъятые церковные сосуды могут быть превращены в предметы домашнего обихода... Положение верующих ныне подобно положению в Вавилонском плену. Иудеи обращались к Богу в надежде, что Он накажет тех, кто их пленил, за причиненное им зло, и прихожане могут надеяться, что Бог, попустивший изъятие церковных ценностей из храма, если таковые будут употреблены во зло, также воздаст тем, кто это сделал».

Агент властей плохо расслышал проповедь и записал так, как считал нужным. Отец Василий был арестован. Всего было арестовано и привлечено к суду пятьдесят четыре человека, в том числе священники Христофор Надеждин, Александр Заозерский, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергей Тихомиров.

С 26 апреля по 8 мая в Московском Революционном Трибунале происходил суд. Обвиняемые держались мужественно и с достоинством. Многократно судьи пытались их соблазнить облегчением участи в обмен на показания против других, но они не соглашались.

Священномученик Христофор родился в 1871 году в селе Нижний Белоомут Зарайского уезда Рязанской губернии в семье священника Алексея Надеждина. В 1889 году окончил Рязанскую Духовную семинарию и был определен учителем пения и чистописания в Донское Духовное училище. 20 ноября 1891 года он был назначен на должность надзирателя училища.

В 1892 году Христофор Алексеевич поступил в Московскую Духовную академию; ему была предоставлена стипендия Высокопреосвященного Макария, архиепископа Донского и Новочеркасского. Усиленное занятие учебными предметами, а также желание глубокого их изучения и одновременно изучение материалов для кандидатской диссертации, начатое им почти сразу же после поступления в академию, привели к резкому расстройству здоровья, и врач академии настоял на том, чтобы Христофор Надеждин был отправлен на лето 1895 года в Самарскую губернию для лечения кумысом.

Николай Александрович Казанский

В 1897 году Христофор Алексеевич окончил Московскую Духовную академию и защитил сочинение на степень кандидата богословия. Исполняющий должность доцента Московской Духовной академии Илья Михайлович Громогласов писал в отзыве на эту работу: «Обращаясь к оценке рассматриваемого сочинения, нельзя не отозваться с большой похвалой прежде всего о замечательном научном трудолюбии автора: его интерес и усердие к делу далеко превышают мерку обычных требований, предъявляемых к кандидатской диссертации... Признавая необходимым дать своему исследованию возможную полноту в подборе изучаемого материала, он не только собрал и обследовал в библиографическом отношении все известные в печати полемические памятники взятой эпохи... но и успел отыскать частью в академической библиотеке, а главным образом в различных книгохранилищах Москвы и Петербурга, иногда в нескольких списках, немалое число новых источников, доселе остававшихся совершенно неизвестными исследователям».

Учась в академии, Христофор Алексеевич подружился с Иваном Васильевичем Успенским*, взгляды которого на аскетический подвиг, на непрестанную борьбу с помыслами, на ревностное служение Богу были близки ему.

По окончании академии ее ректор, епископ Феодор, предложил Христофору Алексеевичу место миссионера в Новочеркасске, но престарелые родители, обеспокоенные возможной разлукой, настояли на том, чтобы их сын получил место служения в непосредственной близости от них. 10 февраля 1899 года Христофор Алексеевич поступил на должность законоучителя земской школы в родном селе Нижний Белоомут, а через год был определен на священническое место к Преображенской церкви того же села. 23 февраля 1900 года он был назначен заведующим школьными религиозно-нравственными чтениями по воскресным и праздничным дням. 22 апреля того же года он получил назначе-

---

* Священномученик Фаддей Тверской (Успенский; 1872–1937).

ние на должность заведующего женской церковноприходской школой села Нижний Белоомут.

10 июля 1900 года епископ Рязанский Полиевкт (Пясковский) рукоположил Христофора Алексеевича в сан диакона, а на следующий день в сан священника к Преображенской церкви села Нижний Белоомут.

10 июля 1906 года отец Христофор был назначен ко храму Иоанна Воина в Москве, в котором прослужил до своей мученической кончины. Кроме священнических обязанностей, кои он исполнял ревностно, неустанно проповедуя слово Божие, отец Христофор нес послушание законоучителя, сначала в женской гимназии Ломоносовой, а впоследствии в женской гимназии Гельбик.

В течение 1915–1916 годов отец Христофор проводил внебогослужебные беседы с народом, на которых присутствовало иной раз до трехсот человек. Всего приход храма Иоанна Воина насчитывал в то время около двух тысяч человек.

3 января 1921 года отец Христофор был назначен благочинным. 23 марта 1922 года безбожные власти арестовали священника, обвинив в том, что 4 марта он произнес в храме проповедь, в которой сказал, что наступившая разруха есть следствие нравственного падения народа, а также в том, что в марте он прочел в храме воззвание Патриарха Тихона, касающееся изъятия церковных ценностей, и распространил его в храмах своего благочиния. Через три дня после ареста отец Христофор был допрошен.

Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Виновным себя в агитации против постановления ВЦИКа об изъятии церковных ценностей не признаю. Моя проповедь 4 марта 1922 года за всеобщим бдением – это объяснение церковного названия наступающего воскресного дня – Недели Православия. Мы с вами заурядные чада Православной Церкви... К чему приводит практически непослушание Церкви? К разрухе, которую мы и наблюдаем в нашей современной жизни. До такой степени мы упали нравственно теперь, что справедливо грядет на нас суд Божий,

этот суд выражается, может быть, и в предполагаемом ВЦИКом изъятия церковных ценностей для оказания помощи голодающим, и в том, что изъятые вещи могут не попасть на помощь голодающим...

Воззвание Патриарха Тихона в моей приходской церкви и в церквях благочиния читалось, в моей церкви мною лично — 12 марта после литургии... Воззвание Патриарха было мне доставлено до двух раз. В первый раз в четырех экземплярах, во второй раз в двух экземплярах: в том и другом случае через неизвестных мне лиц, но, несомненно, от высшей церковной власти, то есть или от Патриарха, или от архиепископа Никандра. Мною через верующих воззвание было разослано по церквям благочиния».

На вопросы обвинителей в зале суда отец Христофор отвечал: «Воззвание Патриарха Тихона я огласил и считаю его религиозным. Контрреволюционного в нем ничего не вижу. 4 марта в церкви я произнес проповедь религиозного характера, в которой говорил, что мы пришли к упадку и что изъятие ценностей есть грядущий суд Божий за наши грехи».

7 мая отец Христофор произнес последнее слово: «По моему мнению, человек, который бывает в храме, слышит слово Божие, должен помогать бедным... Я считал своим святым долгом призывать свою паству к этой священной обязанности, и не проходило ни одного большого праздника, чтобы я не призвал помогать голодающим; я принимал пожертвования; по отношению к приходу я не позволял себе получать плату за требы... Отделение Церкви от государства я приветствую... приветствовал всегда. В ту минуту, когда Церковь отделяется от государства, священник становится свободнее... Я никогда не старался возбуждать мою паству, я старался внести успокоение».

Священномученик Александр родился 20 июля 1879 года в семье священника города Москвы Николая Заозерского. Окончил Московскую Духовную семинарию. В 1903 году окончил Мос-

ковскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и был определен митрополитом Владимиром (Богоявленским) на должность псаломщика к Троицкой церкви на Арбате. В 1908 году он был рукоположен в сан священника к Девятинской церкви на Пресне, а через год назначен к Александро-Невскому храму при Мещанских училищах и богадельне. В 1919 году новые безбожные власти закрыли храм как домовый, и отец Александр был назначен в церковь Параскевы, что в Охотном ряду, где и прослужил до своей мученической кончины.

С 1910 по 1917 год отец Александр состоял помощником благочинного, а 5 июля был выбран на должность благочинного. 1 января 1921 года вновь переизбран на ту же должность. В 1920 году награжден саном протоиерея. Во все время своего священнического служения – с 1908 по 1918 год – состоял законоучителем средних учебных заведений и церковноприходских школ. С 1914 по 1916 год состоял лектором Московских Пастырских курсов по догматическому богословию и ведению практических занятий по проповедничеству. С 1914 по 1918 год был преподавателем Московской Духовной семинарии на кафедре гомилетики. Был секретарем Общества Любителей Духовного Просвещения и товарищем председателя отдела распространения религиозно-нравственных книг.

В 1913 году отец Александр овдовел и ему было предложено принять сан епископа, но он отказался, мотивируя свой отказ желанием учить народ и быть к нему ближе.

Власти арестовали священника 8 апреля 1922 года. Будучи допрошен, отец Александр виновным себя не признал и сказал: «Я был на собрании в храме Христа Спасителя. Архиепископ Никандр пригласил меня на собрание, которое должно было состояться 28 февраля. Пришедший на собрание архиепископ Никандр говорил о церковной дисциплине, он указывал, что в кругу священнослужителей стали замечаться новшества, он остановился на священнике Борисове, который сдал без разрешения церковных властей церковные ценности и сделал объявление в газете «Известия ВЦИК» и призывал других священников следовать

его примеру. Такое явление, говорил архиепископ Никандр, недопустимо. После этого архиепископ Никандр ознакомил собравшихся с декретом и инструкцией ВЦИК об изъятии церковных ценностей и прочел послание Патриарха Тихона. Через некоторое время ко мне пришел незнакомый мне гражданин и принес несколько экземпляров воззвания Патриарха. Все воззвания Патриарха я разослал по церквям по долгу своей службы, подчиняясь распоряжению высших церковных властей. Я также в первый же воскресный день прочел воззвание Патриарха Тихона в своей приходской церкви. С воззванием Патриарха Тихона я согласен и считаю его религиозным, а не контрреволюционным».

4 мая в трибунале состоялся допрос привлеченных к суду благочинных. Среди других был допрошен и отец Александр. Обвинитель спросил:

— Официальная сторона дела показывает, насколько у вас развита конспиративная сторона. Чем можно объяснить, что вы совершенно единодушно отвечаете?

Отец Александр ответил:

— Вы не знакомы с нашими церковными правилами. Мы, священники, не можем рассуждать о том, что нам предлагается главой Церкви... Нам предложили, мы как священники должны были передать верующим.

— Вы считаете себя распорядителем церковного имущества? — спросил обвинитель.

— Я сам не подписывался под актом принятия имущества, но я себя считаю не посторонним человеком в этом деле. Этот вопрос был затронут самой властью, она просила Патриарха высказаться в воззвании о помощи голодающим, можно ли пользоваться освященными вещами, поэтому он написал это воззвание.

— Священники почему-то по долгу христианства должны подчиняться Патриарху, даже в том случае, если Патриарх толкает вас на контрреволюционный шаг, а не делать этого вы стесняетесь.

— Мы должны стесняться, потому что Церковь для нас самое дорогое и состоит из умных людей, а во-вторых, в этом воззвании

я ничего контрреволюционного не вижу. Все, что там сказано о святотатстве, имеет отношение к людям из комиссии по изъятию ценностей, чтобы они осторожнее обращались с сосудами.

— Если священник не высказывает своих мыслей, потому что он думает, что это стеснение, то, по вашему мнению, это не есть шкурничество?

— Смотря в каком случае.

— Во всех тех случаях, когда священник расходится с Патриархом, он все-таки должен исполнять то, что ему приказано. Как вы считаете, это шкурничество или стеснение?

— Я это шкурничеством назвать не могу. И даже в том случае, когда они убеждены, что этого исполнить нельзя, я вполне уверен, что Патриарх ничего противохристианского исполнить не прикажет, и потому священники должны исполнить свой долг повиновения.

В последний день процесса допрошенным было позволено сказать последнее слово. Протоиерей Александр сказал: «Граждане судьи, прежде чем покинуть этот зал и уйти, может быть, в вечность, я хотел бы реабилитировать себя... Христианин должен любить ближних и Бога... В 1913 году на мои личные средства кормилось село... Нижегородской губернии... Мне бы еще хотелось сказать, что мы здесь, попавшие на скамью подсудимых, далеко не составляем той сплоченной тесной организации, которую хотел бы видеть обвинитель. Поверьте, что многие из священников по недоразумению здесь. Ведь и все благочинные читали воззвание, а на скамье оказалась небольшая группа людей. Я думаю, что весь наш процесс, который совершается здесь, — громадное недоразумение... Наши мысли и мы далеки от той политической жизни, которую нам пытаются навязать. Мы не иезуиты, мы не католическое духовенство, нет, мы действительно пришли и строим только одну духовную жизнь, которая нам подведена, все другое — политика, тем более контрреволюция — нам чужды совершенно. Поэтому если я и совершил какое-либо преступление, в том смысле, что, прочитав контрреволюционное воззвание (хотя это не доказано), возбудил этим толпу, если мы дейст-

вительно что-либо совершили, то это плод нашего незнания ориентации в новой обстановке... Для меня лично смерть не страшна, я, как верующий, верую, что Господь каждому шлет умереть тогда, когда надо, но нам жизнь нужна, чтобы реабилитировать себя не здесь, а на деле, мне хотелось бы послужить своему народу, который я люблю».

Преподобномученик Макарий родился в 1876 году в семье крестьянина Николая Телегина в селе Летниковском Бузулукского уезда Самарской губернии. В раннем детстве мальчику было чудесное явление, после которого он принял решение уйти в монастырь. Все мирское его перестало интересовать, и, еще будучи подростком, он нашел пещеру и удалялся в нее для молитвы. Придя в возраст, он окончил церковноприходскую школу, а затем на семнадцатом году жизни отправился в паломничество в Киев. Здесь, у святынь Киево-Печерской Лавры, созрело окончательное решение уйти в монастырь. По исполнении семнадцати лет он поступил послушником в Гефсиманский скит недалеко от Троице-Сергиевой Лавры, где проходил последовательно все послушания и около 1909 года принял монашеский постриг, был рукоположен в сан иеромонаха и определен в число братии Чудова монастыря в Москве.

С началом Первой мировой войны иеромонах Макарий был направлен в действующую армию. Первое время он служил в госпитале на Австрийском фронте, а затем священником в штабе 1-й Донской казачьей бригады. После окончания военных действий отец Макарий вернулся в Москву. Чудов монастырь был закрыт, и он стал служить в храме на патриаршем подворье. 3 апреля 1922 года сюда пришла комиссия по изъятию церковных ценностей. Изъятие происходило нарочито грубо и кощунственно. Отец Макарий, обращаясь к безбожникам, назвал их грабителями и насильниками, за что тут же был арестован и заключен в тюрьму.

На допросах в судебном разбирательстве, устроенном лукавыми и беспощадными безбожниками, отец Макарий отвечал открыто и прямо.

— Вы себя виновным признаете? — спросил председатель суда.

— Не признаю.

— А в тех фактах, которые изложены?

— Да, в тех фактах я признаю.

— Вас в чем обвиняют, вы знаете?

— Знаю. Я при изъятии церковных драгоценностей назвал комиссию грабителями и насильниками, за это меня арестовали. А что меня побудило, я вам скажу — мое религиозное чувство и пастырский долг, потому что светские люди не имеют права даже входить в алтарь. Но когда они коснулись святыни, то для меня это было очень больно, я ввиду этих обстоятельств действительно произнес эти слова, что вы — грабители, вы — насильники, ибо они преступность сделали, святотатство и кощунство...

— Значит, будем так считать, что вы считаете, что комиссия действовала, как грабители?

— Грабители. Действительно, это кощунственно для верующих, тем более для служителей престола. Как же это так? Я прихожу в ваш дом и начинаю распоряжаться. Скажите, что это, не то же самое?

— Где вы высказывали эти взгляды? Около храма?

— Зачем около храма? Я это говорил на подворье Патриарха.

— Где вы, говорите, оскорбили комиссию?

— У Святейшего Патриарха в храме, при изъятии.

— У него есть храм?

— Да, домовый.

— Там много было изъято ценностей?

— Я когда был, были венчики на горнем месте. Поставили стол и, опираясь на престол ногой, начали снимать. Тут меня арестовали. Я вижу, тут сила и воля, зашли с револьверами, поставили стражу, кавалерию, и что я могу тут сделать?

— Вы считаете, что при монархизме духовенству лучше было?

— Как то есть лучше? Жизнь была лучше. Значит, хорошо.

– Сейчас тяжелее?
– Да, теперь все тяжелее.
– Значит, при монархизме было лучше?
– Да, всем было хорошо, потому что было изобилие, а теперь мы видим, к чему страна идет и к чему пришла. Что об этом говорить.

– Вы монархист?
– Да, по убеждению.
– Скажите, точка зрения христианская с точкой зрения монархической совпадает?

– При чем тут монархизм и христианство? Христианство своим порядком, монархизм своим порядком.

– Вы можете ответить на вопрос? С точки зрения христианской допустимо быть монархистом?

– Допустимо.
– Значит, из всех видов властей вы сочувствуете только монархической?

– Я всем сочувствую хорошим.
– Советская власть – хорошая власть?
– Если где хорошо делает – хорошая, а плохо – плохая. Что же мы будем рассуждать. Мое убеждение такое, а ваше другое, и ничего не получится.

– Что значит, что вы остались монархистом?
– Что мои такие убеждения, и я в настоящее время противно-го не агитирую, а живу, как все смертные живут на земле.

– Что же тогда вы представителей советской власти ругаете?
– Это при условии, когда затронули чувства религиозной святыни.

– Вам известно, что Патриарх считает существующие власти как бы от дьявола? Известно это? Вы его послания читаете, послания 19-го года, где он сказал, что власть советская есть исчадие ада?

– Я теперь понимаю и вижу, что вы люди неверующие.
– Отвечайте на вопрос, если хотите. Если не можете, то скажите: от Бога или от дьявола?

- От Бога.
- Как же вы говорите, что признаете только монархическую власть, как это примирить?
- Ведь я вашей власти ничего оскорбительного не делаю.
- Нет, вы уже нанесли оскорбление.
- Я при условии нанесения оскорбления святыни.
- Вы знаете, что монархисты — это враги? Вы считаете себя принадлежащим к шайке врагов рабочего класса?
- У меня врагов нет, я за них молюсь. Господи, прости их.
- Не очень вы, кажется, молились за советскую власть.
- Нет, я и сейчас молюсь. Господи, дай им прийти в разум истины. Все люди стремятся к хорошему... И я смотрю на вас, что желания ваши — устроить по-хорошему, и мне это нравится, но я вижу, что вы стремитесь собственными силами, и я не вижу здесь Бога. А раз нам Бог сказал, что без Меня невозможно...

Но здесь обвинитель прервал отца Макария:

- Вы мне читаете лекцию, а я вам задаю вопрос: вы считаете монархизм врагом трудящихся?
- Я вам говорю — у меня врагов нет.
- Вы историю знаете, что у монархизма были и дурные стороны?
- Да, известно.
- Если бы власть такого дурного монархизма учинила бы кошунство... и изъятие святыни, вы бы промолчали?
- Я все равно не промолчал бы, святыня выше всей власти. Такие чувства самые дорогие.

В день окончания процесса в последнем своем слове, предавая свою жизнь в руки Божии, иеромонах Макарий сказал: «Аще имеете вы судить по вашим законам, то судите».

Одним из обвиняемых, абсолютно непричастным к сопротивлению изъятию церковных ценностей, был **Сергей Федорович Тихомиров**, прихожанин Богоявленской церкви в Дорогомилове.

Мученик Сергей родился в 1865 году в Москве в семье купца второй гильдии Федора Дмитриевича Тихомирова; образование получил в церковноприходской школе, а затем по примеру отца стал купцом. Но дела практические, видимо, шли не очень успешно, и в 1910 году он вместе с супругой переехал с Арбата на Большую Дорогомилловскую улицу, где поселился напротив Богоявленского храма, став с этого времени его постоянным прихожанином. Лишь обремененность различными делами и тяжелая болезнь супруги не позволяли ему стать членом приходского совета.

Во время изъятия ценностей из Богоявленского храма, когда перед ним собралась огромная толпа, Сергей Федорович не выходил на улицу и находился в лавке напротив храма, где был арестован и препровожден в тюрьму вместе с другими арестованными. На допросе следователь задал ему только один вопрос:

— В каком месте вы принимали участие в избиении красноармейцев?

— Никакого участия в избиении красноармейцев я не принимал, — ответил Сергей Федорович.

На этом следствие было закончено, а когда дело стало разбираться в трибунале, то не нашлось ни одного красноармейца, который подтвердил бы обвинение, и сами судьи не решились публично допрашивать Тихомирова, зная, что он не виновен.

В последнем своем слове Сергей Федорович сказал: «Я не могу себя признать виновным; меня увели четыре агента... я вовсе там не был».

На третий день процесса, 28 апреля, был допрошен протоиерей Василий Соколов.

— Признаете ли вы себя виновным? — спросил председатель суда.

— Я признаю, что в день Благовещения я произнес проповедь, но не в том духе, в каком мне это приписывается.

— Вы читали воззвание?

— Нет, я произнес проповедь.

– Может быть, вы дадите объяснения по этому поводу?

– Я прошу выслушать мою проповедь, потому что здесь обвине-нием учтены только отдельные фразы и выражения, совершенно упускающие из виду самое содержание проповеди. Когда я собрался произнести проповедь в день Благовещения, то меня перед обедней спрашивали, о чем я буду говорить, и я ответил, что буду говорить о христианской радости, потому что Благовещение является для нас главным образом праздником радости. Мне задали вопрос: «Но почему же вы не будете говорить об изъятии ценностей?» Я ответил, что изъятие уже прошло и не надо поэтому затрагивать этот вопрос. Когда я вышел на церковный амвон и стал говорить проповедь, я начал говорить о радости, причем причиной такой радости является праздник Благовещения... так как с этого дня началось наше спасение. Мне хотелось возбудить эту радость в моих слушателях, но, наблюдая собравшихся, я убеждался в том, что на их лицах нет отпечатка этой радости. Вот я и счел нужным переменить тему моей проповеди и поворотить на такую, которая в данный момент является наиболее желательной... Что, может быть, наша скорбь является следствием изъятия церковных ценностей? Это не должно служить причиной нашей скорби. Я говорил, что нам не нужно скорбеть об этих ценностях, тем более что эти ценности пойдут на помощь голодающим. Нужно еще больше радоваться этому, потому что через это будет утолен голод умирающих людей... На этих ризах, которые украшали наши иконы, покоятся заботы и труды многих миллионов людей, которые из года в год вносили в церковь свои гроши... Мы отдаем из нашего храма священные сосуды, которых было четыре. Нам оставили один, и, конечно, для потребностей нашего храма этого недостаточно. И мы хотели просить комиссию дать нам еще один из сосудов, но, к сожалению, наши старания успеха не имели: наше предложение – переменить эти сосуды на вещи домашние из золота и серебра – было отклонено.

Я знаю, что для вас это прискорбно, что мы лишились священных сосудов, но мы не должны предаваться этой скорби безгранично, мы должны знать, что священные сосуды все-таки

принесут ту пользу, которую они должны принести, в смысле помощи голодающим. Вы печалитесь, и конечно же не без основания, что эти священные сосуды могут быть превращены в деньги или какие-нибудь изделия... Конечно, это равнодушно не может перенести наше христианское сердце. Мы можем смело надеяться, что Бог, который является нашим хранителем, если эти священные вещи пойдут на цели недостойные, воздаст тем, кто это совершил. Мы знаем это из исторического факта, некогда имевшего место в истории иудеев. Когда иудеи попали в плен в Вавилон, их святыни были недостойно употреблены, за что вавилоняне были наказаны. Затем я сказал прихожанам, что... ничего не было осквернено из того, что мы считаем святым... Но самая главная радость — это то, что самая главная икона Николая Чудотворца осталась неприкосновенной; это самое радостное сообщение в наш радостный праздник. Вот те мысли, которые я проводил в своей проповеди. Мне незачем было проводить мысли о том, что власть поступает не совсем законно, отбирая ценности, так как факт изъятия ценностей уже свершился, моя задача — примирить слушателей с этим фактом, избежать той горечи, которая была после случившегося, — вот мое понимание настоящей проповеди.

В своем последнем слове протоиерей Василий сказал: «Так как в этот последний раз я стою перед лицом Революционного Трибунала, разрешите сказать, что проповедь, которая привела меня сюда, на скамью подсудимых, не заключала в себе ничего преступного, она была проповедью чисто религиозной... Свидетели недавно здесь, перед вами, говорили ясно, что я хвалил корректное поведение изымавшей у нас ценности государственной комиссии, что я выразил им публичную благодарность за оставление нам чудотворной иконы Святителя Николая в неприкосновенности. Какой бы был смысл в сих словах, если бы я имел в виду в этой проповеди какую-нибудь политическую агитацию. Я говорил свою проповедь к водворению мира и успокоению в душах моих слушателей и думаю, что достиг этого в своей проповеди... В моей проповеди есть одно место, которое в особенности

подало повод обвинителю нападать на меня. Это место из псалма 136-го. Обвинение хотело из этого места сделать вывод, что я клонил свою проповедь к дискредитированию советской власти. Я совершенно... искренне заявлял и заявляю, что это... было мною приведено не для характеристики современности... тем более советской власти, а для иллюстрации того настроения, какое имели иудеи во время нахождения в плену вавилонском. Только и всего. Может быть, тут сыграло роковую роль слово «окаянная», которое малограмотный человек мог истолковать и сам объяснить в совершенно ложном смысле. «Окаянный»... значит несчастный, и никакой мысли о проклятии и ругательстве даже быть не может, и христиане даже себя охотно называют окаянными, и в песнях церковных оно очень часто слышится, никто из нас не обижается... Таким образом, может быть, это место дало повод неправильно истолковать мою проповедь... Я не хотел бы утруждать внимание Революционного Трибунала изложением той деятельности моей, которая указала бы на мое отношение к вопросу о голодающих. Достаточно взойти на Арбат и спросить любого обывателя, что такое «Милосердный самарянин», и там скажут вам, что это есть братство, руководимое мною, которое свою благотворительность раскинуло не только по Арбату, но довело ее до вокзала, до тюрем, где сидят заключенные. Мне об этом говорить не хотелось бы, благотворение — дело интимное, и мы, пастыри, проповедуем делать это без шума. Итак, я еще раз и с полной искренностью свидетельствую перед Революционным Трибуналом, что я не сделал никакого вреда или зла моей проповедью ни моим слушателям, ни тем более советской власти».

8 мая 1922 года был зачитан приговор трибунала: священников Александра Николаевича Заозерского, Александра Федоровича Добролюбова, Христофора Алексеевича Надеждина, Василия Павловича Вишнякова, Анатолия Петровича Орлова, Сергея Ивановича Фрязинова, Василия Александровича Соколова, Ма-

кария Николаевича Телегина и мирян Варвару Ивановну Брусилову, Сергея Федоровича Тихомирова, Михаила Николаевича Роханова подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять.

В тот же день все приговоренные к расстрелу были доставлены в одиночный корпус Бутырской тюрьмы, размещены в камерах по одному и лишены прогулок. После того, как 12 мая стало известно о приостановлении исполнения смертного приговора, осужденные, получив на то разрешение начальника тюрьмы, подали ходатайство о смягчении условий содержания, но оно было отклонено.

Сразу же после окончания судебного процесса властям стали подаваться многочисленные прошения о помиловании, причем первым почти во всех прошениях стоял протоиерей Александр Заозерский. Власти решили прошения удовлетворить только частично, оставив приговор в силе по отношению к пяти обвиняемым: священникам Христофору Надеждину, Василию Соколову, иеромонаху Макарию и к мирянам Сергею Тихомирову и Михаилу Роханову. Однако в окончательном приговоре в последнюю минуту Михаил Роханов был заменен на протоиерея Александра Заозерского.

30 мая 1922 года Московский Революционный Трибунал получил извещение, что советское правительство отклонило ходатайство о помиловании пяти осужденных. Были расстреляны священники Василий Соколов, Христофор Надеждин, Александр Заозерский, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергей Тихомиров. Тела их были погребены на Калитниковском кладбище, но точное место захоронения осталось неизвестным.

ПИСЬМА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

Василия (Соколова)

Из тюрьмы на протяжении двух недель, предшествовавших казни, священномученик Василий (Соколов) писал письма своим кровным и духовным детям. Эти письма являются драгоценнейшим свидетельством исповедничества нового времени.

* * *

19/V. Всем любящим и помнящим меня! Насилу прожил эту бесконечную ночь. Воистину эта была ночь под многострадального Иова. Нервы до того натянуты, что не мог уснуть ни одной минуты. Каждые шаги за дверью казались походом за мной, чтобы вести меня на Голгофу. И вот уже утро, а сна нет, нет и позывов к нему. Среди ночи причастился. Это утешило, конечно, духовно, но телесно ничего не изменилось. Сколько раз просил я и Господа, и угодников святых послать мне естественную смерть. Завидую Розанову, который заболел тяжело в тюрьме и умер дома. Даже такого, кажется, не очень большого счастья и то уже получить нельзя. Остается, видно, повторять одно и то же: да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли!

Вспомнил вчерашнюю записку Тони при посылке продуктов. Пишет: многие участвуют в передаче и просят благословения. Шлю вам это мое пастырское благословение, не мое, собственно, а Божие через меня, недостойного. Как я рад был бы вас благословить лично, усты ко устом побеседовать. Анна Васильевна и Владимир Андреевич, наверное, исстрадались по мне, грешному, и ты, Анна Георгиевна, наверное, заплакалась, меня вспоминаячи! Да и все вы: Евдокия Ивановна, Оля, Катя, Паня, Маня, Таня, Матреша и другие все — изгоревались о своем батюшке, с которым завязались, как на грех, такие теплые, дружеские отношения. Глубоко скорблю я о вас в разлуке с вами. Хоть глазком бы взглянуть на вас, хоть где-нибудь в щелочку увидеть вас! Но ничего не видно из моей камеры, только небо да стены тюремные. Утешимся тем, что всякое страдание на пользу человеку, на пользу его бессмертной душе, которая только и имеет значение. Для

меня страдание тем более необходимо, что жизнь прожита среди постоянного забвения о душах, вверенных моему пастырскому попечению. Время было трачено на всякие дела и меньше всего на те, на которые нужно было, на пастырский подвиг. Жаль, что прозревать приходится после того, как беда стряется, как даже и поправить ничего нельзя. И вот вам всем, кто хочет и будет помнить меня, урок от моей трагической судьбы: оглядываться назад вовремя и не доживать до таких непоправимых ударов, до каких дожил я. Имейте мужество сознать неправильность пути, которым идете, и сумейте поворотить туда, куда нужно. А куда нужно, об этом каждому говорит прежде всего совесть его, а потом Христос в Его Святом Евангелии. Идите за совестью и за Христом, и никогда ни в чем не потерпите урона. Может быть, потеряете во мнении общества, в материальном достатке, в служебных успехах, все это, в конце концов, не большая потеря. «Хватайтесь за вечную жизнь»*, — пишет апостол Павел Тимофею. И вы прежде всего и больше всего пекитесь о вечной жизни, о небе, о душе, служении Христу, о помощи братьям меньшим, о любви к ближним и т. п., и тогда проживете жизнь свою без потрясений, без катастроф.

Я часто теперь ставлю себе этот вопрос: для чего стряслась надо мной такая непоправимая беда? Прежде всего, конечно, для меня самого, а затем и для вас, моих дорогих духовных детей, моих милых самарян и самарянок, прихожан и прихожанок, для вас, братьев и сестер! Ведь мы все должны сойти в могилу в разное время, а вашему пастырю суждено и в смерти быть поучительным, и именно потому, что он не умел быть поучительным в жизни своей. Если эта судьба моя произведет на вас достаточно образумливающее впечатление, если скорби мои научат и вас примиряться с теми многими скорбями, без коих нельзя войти в Царство Небесное, — тогда будет оправдана тяжелая участь моя, легко будет смотреть с того света на благодетельные перемены, какие произойдут в жизни вашей. Иначе мне и там несладко будет чувствоваться, глядя на вас, не вынесших ничего духовно полезного из постигшего вас испытания.

---

* *Подвизайся добрым подвигом веры, держись вечной жизни, к которой ты и призван* (1 Тим. 6, 12).

Боже мой! Как много мыслей роится в голове, чувств в сердце, которые хотелось бы передать вам, моим дорогим братьям и сестрам, моим духовным чадам! Я знаю, что вы крепко молитесь Богу обо мне, и я молитвенно вспоминаю вас. Не расслабляйтесь в молитве из-за того, что не по вашему хотению творит Господь, а по Своей святой воле. Так и должно быть. Наша воля слишком недалновидна и неустойчива, чтобы на нее полагаться. Воля Божия одна может привести нас к истинному счастью. Устраивайте же себя так, как угодно Богу, не ропщите на то, что не выходит по-вашему. Тогда Господь мира всегда будет с вами. Благословляю вас, обнимаю и лобзаю лобзанием святым!

Грешный протоиерей Василий

* * *

19/V. Немного уснул после бессонной ночи, и самочувствие стало значительно лучше. Правда, сердце не перестает ныть, как бы в предчувствии нависшей беды, но состояние организма покойное, уравновешенное. К тому же слухи распускают (я думаю, что распускают для настроения) хорошие, будто предreshено вообще отменить смертные приговоры по нашему делу, заменить другими наказаниями. Какие бы ни были эти наказания, несомненно, их предпочтешь расстрелу, но верится с трудом в такую благонамеренность судей. Почему же ее не было у них раньше?

Скоро все узнается. Уже, наверное, дело пересматривается, и окончательный приговор не замедлит вступить в силу. Господи! Что тогда! Неужели так и придется расстаться с белым светом? Вот когда организм крепнет, тогда и жажда жизни увеличивается. Потому-то, я думаю, подвижники и изнуряли и не щадили тела, чтобы эту жизненность в нем ослабить, чтобы возбудить жажду другой, небесной, духовной жизни. Две эти жажды не могут вместиться в настроение человека. И потому мудрый не дает возобладать животнo-телесной чувственной жажде в своем организме, а старается о доминанте духовной.

В отношении себя должен я сказать, что духовная жажда не была моим постоянным и устойчивым настроением и в прежнее время. Так остается и теперь, даже в эти единственные в своем роде дни, когда вопрос о жизни здесь и жизни там стоит на самой первой очереди, когда надежды на здешнюю жизнь телесную

почти утрачены и предстоит неизбежная встреча с жизнью потусторонней, загробной. Даже и теперь настроение остается колеблющимся, и вспышки чувственной, земной жизни несколько не ослабевают, а только разве замирают на время, чтобы немного погодя дать о себе знать еще сильнее.

Однако, думаю, не может пройти бесследно такое душевное напряжение в борьбе за то, что же должно предпочесть — земное или небесное, телесное или душевное, настоящее или будущее. Во всяком случае, весы решения склоняются в сторону последнего выбора. И этот результат является самым важным плодом переживаемого времени. Что бы ни случилось потом, все-таки вопрос является решенным окончательно: держись за вечную жизнь, за небо, за душу. Остальное все преходит и не стоит серьезного внимания. Для меня, как уже вообще перешедшего во вторую половину жизни, давно следовало бы остановиться на таком выборе и направить все усилия к его проведению в жизнь. Этого не было по доброй воле. Теперь это приходится признать и начать осуществлять по необходимости.

Да, тюрьма великая учительница и строгая наставница. Она не любит шуток и половинчатости. Здесь надо решаться окончательно и бесповоротно. В свободной жизни к этому себя никак не принудишь, до этого сознания никак не дойдешь. Вот она, эта тюрьма, теперь окончательно убедила меня, что отдаваться со всем жаром и исключительностью мирской, житейской суете — чистое безумие, что настоящее занятие для человека должно состоять в служении Богу и ближнему и меньше всего в заботах о себе. Что дала мне, в конце концов, эта моя многопечительность о земных стяжаниях, о честолюбивых, служебных и иных преимуществах, о покое и довольстве телесной жизни? Я признаю, что эта неправильная постановка жизни и довела меня до тюрьмы. Правда, я в последнее время (и только в последнее) стал по-добре, позаботливее в отношении к бедным и к ближним вообще, но именно только чуть-чуть. Нет, надо в корне все это перестроить и жить по-христиански, а не по-язычески, как это велось доселе. Но придется ли, Господи, придется ли хоть попробовать жить по-Божьи? И сможешь ли жить по-Божьи на свободе?! В тюрьме да в грядущем страхе смерти решимость не пропадает и крепнет, а на свободе среди шума жизни и всяких соблазнов —

там, пожалуй, и не выдержишь такого благого решения. Да, да, и во всяком зле есть свое добро, и даже большое добро. Так и в тюрьме много добрых переворотов совершается в душах людей. И они уходят отсюда во многом очищенными от старых плевелов, от прежней грязи. Уйду ли я таким, и вообще уйду ли?!

прот. В. Соколов

* * *

20/V. Как бесконечно длинен и бесконечно мучителен тюремный день! Не знаешь, когда встаешь, когда что делаешь. Часов не полагается, и все считается только по оправкам: их три — утренняя, обеденная и вечерняя. Скоро ли, долго ли до той или другой оправки, узнать не по чему, а ночь — так это чистая вечность, особенно для меня, часто просыпающегося или вовсе не засыпающего. Недаром на стенках есть разные отметки теней — тень обеда, тень ужина и т. д. Но тут очень мало точности, а потому так часто и слышишь из окон переклички, сколько времени, скоро ли то и то. Летом, конечно, можно перекликнуться, а как-во зимой сидеть в таком положении. Ночью огня тоже нет, и смотришь поэтому с особой радостью на светила небесные. «Звезда, прости, пора мне спать...» — каждый вечер звучат в душе моей эти слова, дорогая Тоничка*. Думала ли ты, когда пела, и думал ли я, когда слушал, что эти мысли, эти чувства, какие заложены в эту песню, будут реально переживаться самим мною. От тюрьмы, как от сумы, не отрекайся. Пословица оправдалась с самой беспощадной правдивостью.

Сегодня встал, думаю, часов в пять. Какое-то движение за дверью, какие-то торопливые шаги, иногда возгласы, а ведь ты заперт, как в сундуке, и не можешь проверить, что делается кругом тебя. Оттого-то так и напрягаются нервы — от этой неизвестности происходящего вокруг тебя. Но нынче я как будто спокойнее отношусь ко всему не потому, что страх смертный пропал, а потому, что, по сведениям, дело наше еще стоит на мертвой точке. Вот когда сдвинется и пойдет к концу, тогда уж придется поволноваться как следует. Пока же живешь часами: то полегче, то потяжелее. Иногда набежит такая мутная волна на сознание, что

---

* Тоничка — дочь отца Василия.

ничему не рад и готов хоть на стену лезть. И только именно то, что у тебя отняты всякие средства к тому, чтобы выкинуть какую-нибудь штуку, только это избавляет от эксцессов.

Предлагают читать книги, есть люди, даже выписывающие их из дому и занимающиеся наукой. У всякого свои нервы и свой характер. Но у меня не такой, чтобы в виду смерти думать о каких-то научных интересах.

Пробую сосредоточиться, читать. И через каждые пять минут отрываюсь, чтобы думать все об одном и том же — о своей настоящей и будущей участи. И когда снова обратишься к книге, то забываешь, о чем читал. Какой же может быть толк из такого прерывистого чтения? Вот если бы была какая-нибудь физическая работа, какое-нибудь рукоделие, это было бы истинным счастьем. За ним скоротал бы время и избавился от докучающих дум. Жаль, ничего такого я не умею, да и мало кто из нас умеет что-нибудь в этом роде. Опять, нет никаких материалов, никаких орудий. Голыми руками ничего не поделаешь. Остается почти единственное, но зато и самое утешительное занятие в настоящем положении — это молитва. Уж где-где, а здесь можно и должно, по Апостолу, непрестанно молиться. В словах молитвы, при углублении в их смысл и значение, постепенно открываются новые и новые источники ободрения и радования. Иногда повергаешься в самоосуждение, в сознание глубины своей греховности, в сознание своей прежней немощи. Но затем это настроение вытесняется более властными словами надежды, утешения. Для огорченного, страдающего сердца молитва не только дает отдых и покой, но и вливает в него струю жизни, силы для примирения с безотрадностью действительностью, для перенесения постигших несчастий. Без молитвы прямо можно было бы пропасть, впасть в безысходную тоску, в смертную агонию.

Пока держу свое правило — вычитываю все дневные службы по молитвослову. Не думал я, чтобы эта книга так могла быть полезной мне в жизни, как вообще ведь не думал и попасть в настоящее печальное положение. О, если бы эти молитвы были благоприятны пред Спасителем нашим Богом! Если бы долетели эти скорбные вздохи до небесных за нас молитвенников и подвигли их на умоление за нас! Но на свои молитвы надежды не только

мало, но и совсем нет. Каждый, кто тонет, тот стонет и взывает... Я больше возлагаю надежды на ваши молитвы, мои близкие моему сердцу дети кровные и дети духовные. Ваши молитвы добровольные и самоотверженные, они могут больше значить для умилоствления Владыки Христа. Некогда молитвы верных извели из темницы Петра апостола. Не случится ли хоть что-нибудь подобное с нами, грешными, по вашим святым молитвам?!

Прот. В. Соколов

* * *

21/V. День за днем все прибавляет нам Господь жизни. Все медлит Господь с призывом нас к Себе, ожидая нашего покаяния, нашей душевной подготовки. И смотря по тому, что мы из себя покажем в это критическое время, какие задатки, добрые или плохие, в себе обнаружим, то и будет нам. Ибо у Праведного Мздовоздаятеля ничего не делается не по заслугам.

К сожалению, мы в настроении своем расслабляемся. По разным причинам. И потому, что гроза смерти еще не вблизи, и потому, что вторгаются в наши мысли и переживания острые вопросы злободневной жизни. Вот, например, вопросы о переустройстве Церкви. Ведь это такие дорогие сердцу нашему вопросы, которые не забудешь и в минуту смерти. Да, что будет с тобой, родная наша Православная Церковь?! Как будто нарочно именно этим судом над нами был поставлен такой роковой вопрос. Тысячу лет не поднималось таких вопросов. Куда же, в какую сторону возьмешь ты направление свое, Мать наша родная? Верим в Божественный Покров Небесной Главы Твоей, верим во Христа Господа, Который возлюбил Церковь Свою и предал Себя за нас и не может оставить ее на произвол судьбы, верим, что Он выведет ее на истинный и светлый путь. Но это — в конце концов, а что предстоит испытать ей до тех пор? Что готовится для чад Церкви, пока все это не образуется, не благоустроится?! Одному Господу известно это, но, судя по нам самим, много скорбей и страданий должно выпасть на долю христиан православных, пока не достигнут они тихого пристанища. И как жаль, как обидно, что в такое важное время ты отстранен от всякого участия в совершающихся событиях. Конечно, может быть, ничего мы и не внесли бы в эти события от себя лично, но все же мы могли бы

помочь окружающим нас разобраться в них, переварить их. В душе встает страх за свою паству, оставшуюся без руководства, без духовного присмотра, что может повлечь за собой колебания в вере, падение в нравственности и отчуждение от Церкви. А это верный шаг к духовной гибели. Господи! Не поставь еще и этих, могущих быть тяжелыми, последствий для наших пасомых нам же, пастырям, в счет, не вмени нам же в ответ и, яко благ, прости ради нашей собственной беспомощности, невозможности не только другим, но и себе ничем помочь в настоящем бедственном состоянии!

Как будешь существовать и управляться при данных условиях ты, наша Николаявленская церковь? Кто и как поведет тебя в наше отсутствие? Невольно приходят в голову эти мысли ныне, накануне праздника 9 мая*. Что станут предпринимать вследствие пастырского кризиса наши церковные попечители? Удовлетворятся ли наемными священниками или станут хлопотать о новом, постоянном священнике? Возможно то и другое, и найдутся, думаю, сторонники и того, и этого. Меня интересует это постольку, поскольку будет на своем месте тот, кто явится моим заместителем. Обидно и грустно будет, если таким явится неподвижный или бездарный человек, который не только не подвинет дальше нами начатого, но не поддержит его и в настоящей степени развития. Тогда зачем мы трудились, зачем мы так всем рисковали? Конечно, там остались еще люди со старым закалом, с ревностью о пользе и славе храма и прихода. Но чего не бывает в нынешнее время, каких превращений и неожиданностей? Так и тут. Сказано: *«Поражу пастыря, и разыдутся овцы»**.*

Дорогая Николаявленская паства! Как бы хотелось видеть тебя в эти ответственные и чреватые всякими событиями дни на высоте своих задач, в полном сознании серьезности переживаемого момента. Как бы хотелось, чтобы ты удержалась в прежней роли хранительницы чистого православия, заветных традиций, строгого устава службы, настроенности богослужбной постановки! Как бы хотелось, чтобы продолжалось среди тебя религи-

---

* 9/22 мая празднуется перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар.

** Мф. 26, 31.

озное просвещение, разгоралось молитвенное вдохновение, расширялось благотворительное дело. Хочется верить и надеяться, что небесный хозяин храма и руководитель паствы — святитель Христов Николай не даст заглохнуть посеянному семенам, не даст погибнуть уже обнаружившимся всходам и пошлет на ниву свою надлежащих делателей, чтобы довершить начатое. Буди сие, буди!

Прот. В. Соколов

* * *

22/V. Николин день! Наш светлый храмовый праздник! Слышу давно — звонят к ранним. За сердце хватает этот звон. Звонят и у нас, конечно. Но тебе нельзя ни звона послушать, ни на службу взглянуть. Вот до чего можно дожить! Знать, велики наши грехи, что лишили нас всего-всего, даже самого невинного и для всех возможного. Это, несомненно, воздаяние за грехи собственно пастырские, за неумение, за нежелание пасти как следует стадо Христово. Нам указано пасти — не господствуя над наследием Божиим, но душу свою полагая за него, а мы, как раз наоборот, все пасение полагаем во внешнем владычестве над пасомыми, в получении с него скверных прибытков, в достижении себе почета и славы и проч., и проч. Одним словом, мы извратили самый смысл духовного пастырства и превратили его во владычество мирское. За это, несомненно, и казнить приходится. Думаешь, что ведь не один я такой, — и все таковы, но разве это оправдание? Вор не может оправдаться тем, что многие другие воруют, и даже больше его, а попался, так терпи заслуженное. Так вот и я — попался, и на пустяках, можно сказать, попался, всего на одной проповеди, и вот неси эту страшную кару. А кара действительно ужасна, для меня по крайней мере. Приходится каждый день умирать, ибо каждый день ждешь, что тебя позовут на расстрел. Не знаешь, в какой стадии находится судебный процесс, вот, может быть, приговор подписан и срок его истек. Сейчас придут приводить в исполнение. И мечешься в этом ожидании нависшей над тобой кары, и не знаешь, чего даже просить у Господа, того ли, чтобы продлилась еще жизнь, или чтобы скорее она окончилась и прекратились эти мучения, эти ежедневные умирания. Представляешь себе, как тебя поставят к стенке, как объявят

приговор, как наведут на тебя ружья, как почувствуешь смертельный удар, — все это уже по несколько раз переживаешь в своем воображении, а сердце все дрожит, все ноет, и нет ему ни минуты покоя. Разве это жизнь?!

Встал, по обычаю, рано. Уже помолился и причастился. Вспоминаю, что теперь служил бы в церкви своей, теперь учил бы своих прихожан, говорил бы им о святителе Николае и сам бы утешился и других утешил и ободрил. А там стал бы ходить по приходу и делиться со всеми своими мыслями и чувствами. В свою семью, своим деткам принес бы праздничную радость и утешение. Теперь без меня им и праздник не в праздник. Хоть и не умер их папа, но его нет с ними, а может быть, он даже и умер, могут они думать, и от этого еще больше омрачаться и расстраиваться. Да, сколько всяких страданий и лишений наделал я этой своей историей и ближним, и дальним. Разве нельзя было заранее учесть всего этого? Так нет, как бы нарочно все это было игнорировано и сделано так именно, как не надо было делать. Позднее раскаяние! Сколько было таких раскаяний и какой был прок от них! Если иногда эти раскаяния и приводили к возврату прежнего благополучия и положения, то много ли служили они делу нравственного исправления и обновления? Немного, а потому и истощилось Божие долготерпение и навис над головой этот страшный и роковой удар. Таким образом, теперь поставлен вопрос о том, могу ли я быть истинным пастырем, в состоянии ли осуществить, хотя относительно, пастырский идеал или уже безнадежен. От этого и будет зависеть судьба моей жизни. Господь сохранит и продолжит ее, если по всеведению Своему знает, что еще могу я исправиться, могу быть добрым пастырем. Если нет, то Он прервет эту жизнь, чтобы ни себе не приносила, ни другим не делала лишнего зла и вреда. Твори же, Господи Сердцеведче, волю Свою! У меня же ныне на душе одно: умоли, угодниче Божий Николае, за меня недостойного Господа Бога, дабы мне скончать жизнь на службе при святом храме твоём, дабы не погибнуть злостью, насильственной смертью, а сподобиться христианской безболезненной и мирной кончины. Надеюсь на молитвы, веруя в предстательство твое, с терпением буду ждать конца этой мучительной трагедии, этого ежедневного умирания.

Прот. В. Соколов

* * *

23/V. Повидался с вами, детки мои дорогие. Слава Богу! Как будто просветлело на душе. А теперь опять уже пошли печальные думы, не в последний ли раз я повидался с вами? Жизнь висит на волоске. Тяжело, невыносимо тяжело жить в таком положении.

Итак, ты, Боря, окончательно уже женишься; по-граждански женился, осталось по-церковному. Ну, и дай Бог получить это Божие благословение на семейную жизнь. Да утвердит оно твой брачный союз и да подаст вам мир и благопоспешение во всех ваших начинаниях и делах. Да умножит Господь плоды трудов ваших и да благоустроит потомство ваше. Да будет союз ваш не телесным, но больше всего духовным союзом, связью душ, единением мысли, чувств и желаний. Старайтесь все переживать вместе, быть искренними друг перед другом. Одним словом, живите душа в душу, сердце в сердце, живите не в себя только и не для себя только, но не забывайте окружающих вас меньших ваших братьев, требующих вашего внимания и участия. Тогда будете иметь всегдашними своими помощниками в жизни и делах своих Господа Бога и Его Пречистую Матерь и святителя Николая Чудотворца, покровительству которого вручением вам особой иконы я и вверяю вас.

Не весела будет ваша судьба. И как будто я виноват в этом. Конечно, я виноват до некоторой степени. Что делать? Простите и за это, как и вообще простите за все, что я причинил вам этой страшнейшей надо мной бедой. Все-таки постарайтесь чем-нибудь скрасить этот единственный день своей жизни настолько, насколько, по крайней мере, хватит ваших ресурсов. Не велики они у вас, на немногих гостей хватит вам. Не входите в долги. Лучше скромнее, но на личный счет. Нет хуже путаться с долгами, как путы они связывают человека. Я лично никогда в долгах не бывал и предпочитал всегда претерпеть скудность, недостатки в чем-либо, чем быть богатым чужим добром. Впрочем, я не имею никаких оснований делать эти предостережения, ибо твое прошлое, Боря, безупречно в этом отношении.

Хотелось бы, ах, как хотелось взглянуть, как вы живете, что поделяваете, хотелось бы пройтись по огороду, обревизовать его своим хозяйским глазом. Но об этом даже и думать не приходится, думаешь скорее о том, увидишь ли вообще свой дом и своих

дорогих деток когда-нибудь. Никогда не падал так духом, как в эти дни, потому ли, что надломились нервы, что эта напряженная в думах и чувствах жизнь стала убивать всякую бодрость в душе, или потому, что действительно чувствуется большая опасность в отношении моей жизни. Пожалуй, и то и другое. Удручающе повлияло на настроение сообщение о присуждении к смерти шуйских священников, участников тамошнего возмущения. Такой прецедент ничего хорошего не сулит. Затем образование нового церковного управления с отставкой Патриарха — тоже неблагоприятный момент. Мы тоже сопричастны старому направлению, и ясно, что за нас среди новых не найдется защитников. Скорее в лице их мы встретим себе недоброжелателей, и это, конечно, может отразиться на решении судей по нашему делу.

Есть люди и среди нас неунывающие и живущие так, как бы им ничего не грозило. Конечно, большинству из нас и действительно ничего не грозит, кроме заключения, потому что обвинения совсем не тяжки. Но я думаю, что, даже и принадлежа и к таким, я чувствовал бы себя очень дурно. Как бы то ни было, все-таки ты смертник, как здесь нас зовут, а это клеймо — тяжелое, несмываемое.

Утро все-таки приносит некоторую бодрость духа и рождает оптимизм во взглядах. Хочется смотреть на будущее в розовые очки, хочется поверить, что все обойдется без крайней жертвы. О, если бы так и устроил Господь! Век бы славил Его богатую милость! Век бы воспевал перед престолом Его снисхождение! Всегда прославлял бы и твое заступление, святителю Николае, ибо тебе в особенности свойственно оказывать помощь в темнице сущим и избавлять от смерти напрасно осужденных.

Прот. В. Соколов

* * *

24/V. Ночь под святых Кирилла и Мефодия, отдание Пасхи. Отовсюду несется звон церковный. Везде празднуют, молятся, радуются. А ты сидишь и думаешь только одну свою думу — скоро ли придут по твою душу. Господи, какая безотрадная доля! Трудно удержаться, чтобы не просить, не молить: «Изведи из темницы душу мою, внимли гласу моления моего». Истомилось, изболелось сердце в этом мучительном ожидании. И я не знаю, ес-

ли даже «мимо идет меня чаша сия»*, буду ли я когда-нибудь на что-нибудь годен. Я превращусь в болезненного инвалида. Теперь я желаю одного, чтобы меня сослали куда-нибудь. Это невольное путешествие, оно, может быть, оживило бы меня, подняло бы мой дух, укрепило бы мои силы. А без этого все равно едва ли я буду в состоянии перенести этот тяжелый удар.

Боюсь и за вас, мои дорогие детки, боюсь, как бы и вы с горя да слез не нажили себе чего-нибудь. Печаль для думчивого человека вещь очень опасная. Хорошо то, и это поможет вам, что у вас много забот и трудов, и все разнообразных. За ними все-таки рассеетесь, развлечетесь. А потом, около вас люди, которые все-таки отвлекают ваше внимание от больного места и дают передышку. Вот в этом отношении наше положение здесь — самое ужасное. Сиди день и ночь один-одинешенек. Поневоле в голове как клин вбит — одна только эта ужасная мысль о предстоящей тебе смерти и о безнадежности твоего положения. Как рад бываешь, когда кто-нибудь в волчок (маленькое отверстие в двери для контроля начальством) спросит или скажет что-нибудь. И это уже готов считать великим событием и счастьем. А как медленно ползет здесь время! День, начинающийся в 6 часов, кажется прямо бесконечным. А ночь для меня, мало спящего, и еще длиннее. Я даже боюсь этих ночей, потому что по ночам здесь приезжают и забирают для отправления к праотцам.

Отслужил последнюю службу пасхальную. Придется ли еще петь Пасху на земле? Ты Один веси, Господи! Но если нет, то удостоить меня причаститься вечной Твоей Пасхи в невечернем дне Царствия Твоего.

Прот. В. Соколов

* * *

25/V. Вот и Вознесение Господне, чудесный конец чудеснейшего начала (Воскресения). Этими чудесами стоит вся вера наша, на них она зиждется, как на своем гранитном фундаменте. Что бы ни измышляло неверие против христианства, оно всегда будет сильно и устойчиво на этом непоколебимом основании, какое дано в воскресении и вознесении Христовом. Для меня, сейчас в

---

* *Аще возможно есть, да мимоидет от мене чаша сия* (Мф. 26, 39).

особенности, является отрадным и полным надежды этот праздник Вознесения Господня. Зачем Он вознесся? Иду, сказал Он, чтобы приготовить место вам. Стало быть, и мне, грешному, Ты, Господи, приготовишь местечко, хотя самое последнее местечко в Царствии Твоем. Стало быть, не безнадежна наша участь при этом переселении в ту загробную жизнь, стало быть, смерть не есть уничтожение, не есть начало нового мучительного существования, она есть начало новой, лучшей жизни, есть перемена от печали на сладость, по выражению церковной молитвы. Если бы так, то и не следует тужить о прекращении этой земной жизни, тужить о приближающейся смерти: для верующего христианина это переход в лучшую жизнь, это начало его блаженства со Христом. Эти мысли дают мне ныне великое успокоение, и я нынешнюю ночь провел много легче, чем все предшествующие. Но вот утро опять принесло расслабление духа. Несется с Москвы радостный звон. Мысленно вижу наш храм, текущую в него ленту нарядных богомольцев. Вижу наполненный храм внутри, многих чад своих, стоящих по своим излюбленным местам. И горько становится, что тебя там нет, что ты не только не можешь там служить и говорить, но даже и присутствовать в числе богомольцев. Переживания тяжелые, но когда вспомнишь, что, живя на свободе и пользуясь всеми благами ее, прежде ты совершенно не ценил их, ни во что не ставил, а принимал как должное, как обычное, то поймешь, что эти переживания вполне заслужены и для будущего очень поучительны. Вообще, это заключение заставляет невольно на многое смотреть иными, чем тогда, глазами, переоценить старые ценности и многое повысить, а иное и понизить в значении, повысить все духовное, идеальное, и понизить все материальное, чувственное, ибо первое всегда живет и действует, а второе только до известного предела.

Прот. В. Соколов

* * *

26/V. Прошло и Вознесение Господне. Какая стоит чудесная погода! Как хорошо в мире Божиим даже из тюремного окна! Какое тепло, какой воздух, какое чудное голубое небо с редкими перистыми облачками! А как теперь хорошо, наверное, в поле, в лесу, у нас в огороде! Наверное, расцвела сирень. Боже мой, как

рвется душа туда, в родные места! И вот среди этакой благодати ты не можешь мечтать ни о чем, кроме смерти, кроме приближающегося конца и расставания с этим прекрасным миром... Но, с другой стороны, если здесь так хорошо, если здешний мир может быть так прекрасен и привлекателен, то как несомненно еще более прекрасен и привлекателен тот невидимый небесный мир, где пребывает в славе Своей Господь со святыми небожителями! Какая там должна быть радость, какое восхищение, какое блаженство! Апостол Павел говорит по своему опыту, что и передать нельзя красоты небесного мира, что нельзя выразить того восторга, какой обнимает душу вступающих в этот мир. Если это так, а это ведь так несомненно, то что же, собственно, жалеть об этом здешнем мире, который прекрасен только изредка, да и в этой временной красоте всегда таит в себе множество всяких страданий и всякого физического и нравственного безобразия. Потому-то и Христос говорит в Святом Евангелии: *Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить**. Значит, просто только малодушие наше заставляет трепетать сердце в виду этой телесной смерти. И только этот момент, этот миг исхождения души из тела, только он и труден, и страшен. А там и сейчас же покой, вечный покой, вечная радость, вечный свет, свидание с дорогими сердцу, лицемерие тех, которых здесь уже любили, которым молились, с которыми жили в общении. И больше не будет тревог, не будет предательств, происков, не будет зла, грязи всякой, мелких и крупных самолюбий, не будет ничего, что отравляет нам здесь даже минуты и самой чистой радости. Как все, теперь загадочное и таинственное, раскроется для освобожденного духа, как все сразу будет понятно, к чему стремился ум, чего желало сердце!.. Все это, безусловно, так заманчиво, так увлекательно, что действительно стоит перетерпеть этот неизбежный, все равно рано или поздно, конец жизни. И вопрос, какой конец лучше в смысле трудности: такой ли насильственный или медленный естественный. В первом случае есть даже некоторое преимущество – это насилие, эта пролитая кровь может послужить в очищение многих грехов, в оправдание многих зол перед Тем, Кто и Сам претерпел насилие и пролил кровь Свою за очищение наших грехов. Моя совесть го-

---

* Мф. 10, 28.

ворит мне, что, конечно, я заслужил себе свою злую долю, но она же свидетельствует, что я честно исполнял долг свой, не желая обманывать, вводить в заблуждение людей, что я хотел не затемнять истину Христову, а прояснять ее в умах людей, что я стремился всякую пользу, а никак не вред принести Церкви Божией, что я и думать не думал повредить делу помощи голодающим, для которых всегда и охотно производил всякие сборы и пожертвования. Одним словом, пред судом своей совести я считаю себя неповинным в тех политических преступлениях, какие мне вменяются и за которые я казнюсь. А потому Ты, Господи, прими эту кровь мою в очищение грехов, которых у меня и лично, и особенно как у пастыря очень много. И если бы я знал и твердо был в этом уверен, что Ты, Господи, это временное страдание мое вменил мне хотя частию в оправдание вечное, то я не стал бы просить, не стал бы и желать изменения предстоящей участи. Вот этой твердой уверенности у меня еще не хватает. Мятежным умом своим я все колеблюсь, не лучше ли еще пожить, еще потрудиться, еще помолиться и подготовиться для вечной жизни. Дай, Боже, мне эту твердую мысль, эту непоколебимую уверенность в том, что Ты взглянешь на меня милостивым оком, простишь мне многочисленные вольные и невольные прегрешения, что Ты сочтешь меня не как преступника, не как казненного злодея, а как пострадавшего грешника, надеющегося очиститься Твоею Честною Кровию и удостоиться вечной жизни во Царствии Твоем! Дай мне перенести и встретить бестрепетно смертный час мой и с миром и благословением испустить последний вздох. Никакого зла ни на кого нет у меня в душе моей, всем и всё от души я простил, всем желаю я мира, равно и сам земно кланяюсь всем и прошу себе прощения, особенно у вас, мои дети духовные, мои дети родные, перед которыми больше всего мог быть виноватым. Дайте и вы все мир душе моей, дабы я спокойно мог сказать теперь: ныне отпускаеши, Владыко, раба Твоего с миром.

Благословение Господне на всех вас да пребывает во веки. Аминь.

Прот. В. Соколов

Спустя много лет произошло событие, которое все близкие отца Василия сочли за знамение попечения о них священномученика. В семье сына отца Василия, Бориса, долгое время хранился большой портрет священномученика. Когда начались новые гонения на Православную Церковь, портрет повернули лицом к стене, а обратную его сторону заклеили картиной, которая называлась «Дедушкина радость». Во время Великой Отечественной войны Борис Васильевич был призван на фронт, дома остались жена и двое детей – внуки отца Василия Соколова. Во время воздушных налетов все они укрывались в траншее неподалеку от дома. 13 ноября 1941 года они вернулись после очередного налета из траншеи и сели пить чай. Молитвами священномученика Господь внушил им намерение в случае очередного воздушного налета остаться дома. Ночью они услышали воздушную тревогу, но в укрытие не пошли. Вскоре раздался близкий грохот – бомба упала в ту самую траншею, где они обыкновенно укрывались. Их деревянный, двухэтажный дом содрогнулся, воздушной волной вдавило внутрь переднюю стену и разрушило печь. Но никто не пострадал. В момент взрыва портрет повернулся, и на детей смотрел священномученик Василий.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. А-353, оп. 4, д. 409.
 ЦИАМ. Ф. 203, оп. 744, д. 2612, л. 116-134. Ф. 1215, оп. 3, д. 80. Ф. 2303, д. 224.
 ОР РГБ. Ф. 172, к. 390. ед. хр. 12. Ф. 26, к. 18, ед. хр. 24.
 ЦГАМО. Ф. 5062, оп. 3, д. 102 а, д. 102 б, д. 102 в, д. 102 г.
 Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск. Москва. 1997.
 Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 2. Тверь. 1996.
 Богословский вестник. 1895, Июль. 1900, Декабрь. 1910, Ноябрь. 1911, №№ 1, 4.
 Московские церковные ведомости. 1916. № 45–46.
 Рязанские епархиальные ведомости. 1900, № 13.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 года прославлены
в лике новомучеников и исповедников Российских XX века:

Священномученик Петр (Любимов)
Священномученик Иоанн (Артоболевский)
Священномученик Александр (Соколов)
Священномученик Николай (Кандауров)
Священномученики Василий (Соколов), Христофор (Надеж-
дин) и Александр (Заозерский), преподобномученик
Макарий (Телегин) и мученик Сергей (Тихомиров)
Священномученик Евстафий (Сокольский)
Священномученик Виктор (Моригеровский) и мученица
Ирина (Смирнова)
Священномученик Алексей (Шаров)
Священномученик Сергей (Соловьев)
Священномученик Александр (Минервин)
Священномученик Иоанн (Алешковский)
Священномученик Василий (Надеждин)
Священномученик Феодор (Недосекин)
Священномученик Михаил (Маслов)
Священномученик Николай (Добролюбов)
Священномученик Симеон (Кульгавец)
Священномученик Николай (Горюнов)
Преподобномученик Иоасаф (Шахов)
Преподобномученик Нил (Тютюкин)
Преподобномученик Феодосий (Бобков)
Преподобномученицы Мария и Матрона (Грошевы)
Преподобномученица Анна (Макандина)
Преподобноисповедницы Афанасия (Лепешкина) и Евдокия
(Бучинева)
Мученик Михаил (Новоселов)
Мученик Иоанн (Шувалов)
Мученик Алексей (Скоробогатов)
Мученик Павел (Соколов)
Мученица Надежда (Аббакумова)

В Собор новомучеников и исповедников Российских XX века
в послесоборное время были включены

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 27 декабря 2000 года:*

Священномученик Константин (Пятикрестовский)
Священномученик Василий (Никитский)
Преподобномученик Евтихий (Качур)

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 22 февраля 2001 года:*

Священномученик Павел (Смирнов)
Священномученик Иоанн (Стрельцов)
Преподобномученица София (Селиверстова)
Преподобномученица Евдокия (Кузьмина)
Преподобномученица Наталия (Ульянова)

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 17 июля 2001 года:*

Священномученик Николай (Поспелов)
Священномученик Павел (Фелицын)
Священномученик Николай (Красовский)
Священномученик Василий (Горбачев)

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 6 октября 2001 года:*

Священномученики Сергей (Лебедев), Дмитрий (Гливенко),
Алексий (Смирнов) и Сергей (Цветков)
Священномученик Алексей (Лебедев)
Священномученик Василий (Коклин)

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 26 декабря 2001 года:*

Священномученик Леонтий (Гримальский)
Священномученик Иоанн (Покровский) и преподобно-
мученица Анна (Корнеева)
Священномученик Сергей (Воскресенский)
Преподобномученик Владимир (Волков)
Преподобномученица Вера (Морозова)
Преподобномученица Анастасия (Бобкова)
Преподобномученица Екатерина (Черкасова)
Мученица Милица (Кувшинова)

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Январь—Май

Издательство «Булат»
при участии регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

Редактор – Новикова Г. В.
Художник – Новиков Н. М.

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II**

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ
И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА

МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Учюнь ~ Август

Под общей редакцией
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых
Митрополита Крутицкого и Коломенского
Ювеналия

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БУЛАТ

ТВЕРЬ 2003

Издание подготовлено под руководством и общей редакцией
Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия,
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых

Над сбором и изучением архивных материалов работали:

игумен Дамаскин (Орловский),

клирик города Москвы, Председатель регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»,
член Синодальной Комиссии по канонизации святых;

священник Максим Максимов,

клирик Московской епархии, секретарь Синодальной Комиссии по канонизации святых,
секретарь Московской епархиальной Комиссии по канонизации святых;

священник Олег Митров,

клирик Московской епархии, член Московской епархиальной Комиссии
по канонизации святых;

Романова Светлана Николаевна, кандидат исторических наук;

Иноземцева Зинаида Петровна, кандидат исторических наук;

Злых Наталья Владимировна;

Гринь Галина Николаевна;

Канурская Ирина Николаевна;

Зверев Геннадий Владимирович

Особая благодарность

руководителю Федеральной Архивной службы России, члену-корреспонденту
Академии Наук Российской Федерации, доктору исторических наук

Козлову Владимиру Петровичу,

сотрудникам Росархива, дирекции и сотрудникам Государственного архива Российской
Федерации (ГАРФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА),
Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ)

Издание осуществлено

благодаря финансовой поддержке регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

ББК 86

Ж74

Редактор – *Новикова Галина Васильевна*

Художник – *Новиков Николай Михайлович*

© Региональный общественный Фонд «Память мучеников
и исповедников Русской Православной Церкви». 2003

© Текст – составители житий. 2003

© Макет и оформление – Новиков Н. М. 2003

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

Июля 14 (27)

Священномученик Николай (Виноградов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	8
Священномученик Александр (Парусников) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	12
Священномученик Николай (Запольский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	24

Июля 18 (1 июля)

Священномученик Сергий (Кротков) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	28
Священномученик Василий (Смирнов) <i>Составитель священник Александр Короленков</i>	34
Священномученик Василий (Крылов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	38
Священномученик Александр (Крутицкий) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	41

Июля 21 (4 июля)

Преподобноисповедник Георгий (Лавров) <i>Составление – издательство «Даниловский благовестник»</i>	45
Священномученик Павел (Успенский) <i>Составитель С. Н. Романова</i>	70

Июля 6 (19)

Преподобномученик Феодор (Богоявленский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	72
---	----

Июля 21 (3 августа)

Священномученик Петр (Голубев) <i>Составитель Н. М. Новиков</i>	104
---	-----

Августа 7 (20)

Преподобномученик Афанасий (Егоров) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	109
Священномученик Алексий (Воробьев) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	112
Священномученик Димитрий (Миловидов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	117

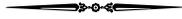
Священномученик Елисей (Штольдер) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	121
<i>Августа 13 (26)</i>	
Священномученик Серафим (Звездинский) <i>Составитель И. Г. Менькова</i>	126
<i>Августа 23 (5 сентября)</i>	
Священномученик Иоанн (Восторгов) <i>Составитель священник Афанасий Гумеров</i>	152
Мученик Николай (Варжанский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	173
<i>Августа 26 (8 сентября)</i>	
Священноисповедник Роман (Медведь) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	184
<i>Августа 27 (9 сентября)</i>	
Преподобномученик Мефодий (Иванов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	249
Священномученик Иоанн (Смирнов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	254
Священноисповедник Димитрий (Крючков) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	262
<i>Августа 30 (12 сентября)</i>	
Преподобномученик Игнатий (Лебедев) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	268
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	286

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМП – Архив Московской Патриархии
 ГАКО – Государственный архив Костромской области
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
 ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 ПСТБИ – Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ
 ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области
 ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
 ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы

ЖИТІЯ

Улонь ~ Август

Июня 14 (27)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Виноградов)

Священномученик Николай родился в 1871 году в селе Архангельском Звенигородского уезда Московской губернии в семье диакона Константина Виноградова. Предки Николая Константиновича Виноградова на протяжении более ста лет служили в приходе церкви Архангела Михаила села Архангельского. Его прадед, Андрей Николаевич Виноградов, происходил из семьи дьячка. В 1832 году он окончил курс Московской Духовной семинарии и в апреле 1833 года по указу святителя Филарета получил место диакона в этом храме. В семействе Андрея Николаевича и его жены Анны Яковлевны было семеро детей: четыре сына и три дочери, в их числе сын Константин, родившийся в 1846 году. Дьякон Константин Виноградов скончался в 1894 году в возрасте сорока восьми лет от туберкулеза.

Начальное образование Николай Константинович получил в училище при Московском Синодальном хоре. Здесь он проучился четыре года и в 1888 году поступил в Московскую Духовную семинарию, но вскоре перешел в Вифанскую семинарию, которую окончил в 1894 году.

После окончания семинарии Николай Константинович Виноградов женился на дочери диакона Феодора Покровского — Надежде, и 1 ноября 1894 года в соответствии с указом митрополита Московского и Коломенского Сергия (Ляпидевского) он

был рукоположен в сан священника к церкви Михаила Архангела в родном селе.

С самого начала своего служения отец Николай проявил себя как деятельный пастырь. В 1897 году он был удостоен медали за труд по проведению первой всеобщей переписи населения. В 1902–1906 годах он был награжден «за отлично усердное служение» набедренником и скуфьей, в 1913 году – камилавкой. Начиная с 1910 года отец Николай состоял членом благочиннического совета. В январе 1915 года он был назначен помощником благочинного; в мае 1916 года награжден наперсным крестом.

На средства прихода содержались деревянные часовни в деревнях Захаркове, Воронках и Раздорах. Большое внимание настоятель уделял церковному образованию и воспитанию молодежи. В декабре 1894 года он был назначен законоучителем архангельской четырехгодичной земской школы, в которой обучалось более ста крестьянских детей. В 1914 году отец Николай преподавал Закон Божий в земской школе в деревне Гальево.

В 1911 году скончалась от туберкулеза в возрасте тридцати шести лет супруга отца Николая Надежда Федоровна, и он остался с пятью детьми. Дочери, Екатерина и Лидия, получили специальное образование и впоследствии стали учительницами. Сын Михаил поступил в Московскую Духовную семинарию, которую окончил в 1917 году. Второй сын, Виктор, учился в Московском промышленном училище. Младший сын, Николай, родился в 1908 году и впоследствии был отдан учиться в архангельскую земскую школу.

18 мая 1921 года в соответствии с указом Святейшего Патриарха Тихона епископ Верейский Иларион (Троицкий) в храме святого великомученика Димитрия Солунского в селе Дмитриевском на Истре за усердную пастырскую службу возвел отца Николая в сан протоиерея. В 1927 году протоиерей Николай был награжден крестом с украшениями, в 1929 году – палицей.

В 1929 году протоиерей Николай был арестован по обвинению в сокрытии церковных ценностей, не внесенных в опись

церковного имущества. С начала ареста и во время суда отец Николай находился в тюрьме «Матросская тишина». Суд приговорил священника к одному году и шести месяцам лишения свободы с конфискацией имущества. В марте 1930 года обвиняемый подал кассационную жалобу и, доказав, что сокрытые ценности были его личным имуществом, добился отмены приговора с освобождением из-под стражи с прекращением дела.

Вернувшись в село Архангельское, отец Николай продолжил служение в храме. В 1933 году он был награжден митрой.

В 1933 году власти арестовали протоиерея Николая по обвинению в агитации против колхозного строя и приговорили к трем годам ссылки в Восточный Казахстан.

В 1936 году отец Николай был досрочно освобожден по инвалидности и поселился в Волоколамске, где жил его сын Виктор, работавший в районной МТС. Приехав в Волоколамск, отец Николай поселился в Солдатской слободе. Здесь он прожил недолго, так как в начале 1937 года арестовали его сына Виктора и приговорили к заключению в исправительно-трудовой лагерь.

В 1936 году протоиерей Николай обратился к епископу Иоанну (Широкову), викарию Московской епархии с прошением назначить его священником в храм Рождества Богородицы на Возмище или кладбищенской церкви Покрова Богородицы в Волоколамске, так как по просьбам верующих ему уже приходилось служить в этих храмах.

1 ноября 1937 года он получил назначение на должность настоятеля храма Покрова Божией Матери в селе Тимошево Волоколамского района, но по неизвестным причинам он не отправился на место, а переехал в поселок Волоколамск неподалеку от железнодорожной станции.

5 марта 1938 года власти арестовали отца Николая, и он был заключен в тюрьму в Волоколамске.

— Скажите, вы были награждены повышением по службе — саном протоиерея? — спросил следователь.

— Да, я был возведен в сан протоиерея в 1921 году.

— Будучи протоиереем, вам приходилось говорить верующим проповеди, а если приходилось, то часто ли вы говорили и на какую тему?

— Да, мне приходилось говорить проповеди в церкви. Проповеди я говорил исключительно на тему праздника, когда поминается память того или иного святого. В заключение проповеди я всегда призывал верующих сохранять веру и не оставлять посещение храма.

— Проживая на станции Волоколамск, вы среди верующих вели разговоры, проявляя недовольство существующим строем и дискредитируя работников совета? — спросил следователь.

— Никакими антисоветскими разговорами я не занимался ни где и никогда, — ответил священник.

— Вам зачитывается ряд свидетельских показаний, где вы уличаетесь в дискредитации работников совета и антисоветских высказываниях.

— Зачитанные мне показания я слышал, — ответил священник, — но таковые я отрицаю, ничего подобного я не говорил.

2 июня 1938 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Виноградов был расстрелян 27 июня 1938 года и погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23974.
ЦИАМ. Ф. 203, оп. 744, д. 2335; оп. 780, д. 729, д. 2290. Ф. 1371, оп. 1, д. 19.
ЦГАМО. Ф. 66, оп. 18, д. 296.

Июня 14 (27)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

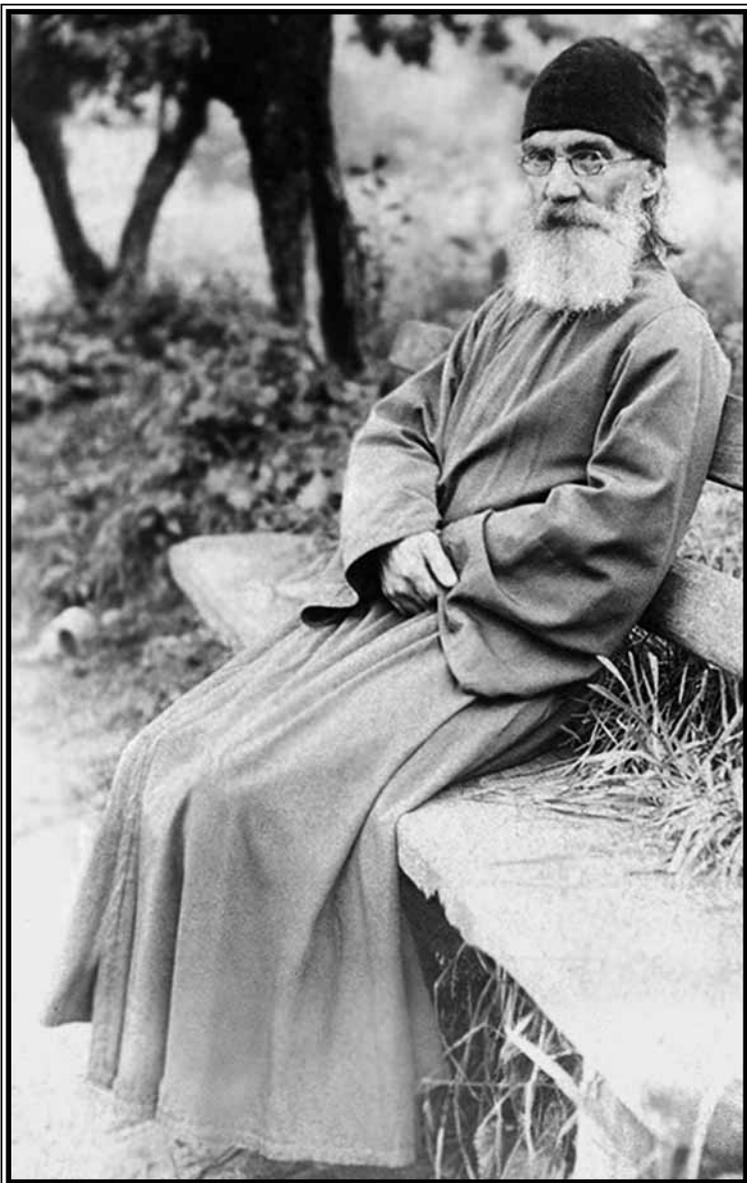
Александр (Парусников)

Священномученик Александр родился в 1879 году в селе Троицко-Раменском* Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Сергия Парусникова, служившего в церкви Живоначальной Троицы этого села. Церковь была выстроена в 1852 году на средства владельцев бумагопрядильной фабрики братьев Малютиных при поддержке местной помещицы княгини Анны Александровны Голицыной. В 1889 году были пристроены приделы и возведена колокольня. Церковь имела приделы: во имя Успения Божией Матери, Архистратига Михаила, первоверховных апостолов Петра и Павла и святителя Николая Чудотворца. В приход Троицкой церкви входило село Раменское, деревни Клешево, Дергаево, Игумново, Дементьево, Донино и Поповка.

Священник Сергей Алексеевич Парусников родился в 1831 году, окончил Вифанскую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым), им же позднее был возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем Троицкой церкви, в которой прослужил до самой кончины. С 1864 года он безвозмездно обучал грамоте детей, родители которых работали на раменской бумагопрядильной фабрике.

---

* Ныне город Раменское.

Протоиерей Александр Парусников

Прихожане любили протоиерея Сергия и к 25-летию его служения, 4 марта 1887 года, преподнесли ему образ святителя Николая Чудотворца со следующим адресом: «Его Высокоблагословению, отцу благочинному, священнику Троицкой, что при озере Борисоглебском, церкви.

Добрый наш Батюшка!

25 лет тому назад Всеблагову Богу угодно было призвать Вас на служение Своей Святой Церкви, избрав Вас нашим молитвенником и ходатаем пред Своим престолом и назначив Вас руководителем и учителем нашим в деле нашего спасения. И Вы с кротостью и ревностью в течение четверти века исполняли Ваши тяжелые обязанности, удовлетворяя наши религиозные потребности и наставляя нас и детей наших истинам христианской веры и нравственности, которым Вы учили нас не только словом, но и делом. Всегда благоговейно совершая богослужение, таинства и священные обряды, Вы вызывали и в присутствующих молитвенное настроение, своим благоговением помогали им отрешиться от всего мирского и таким образом наглядно учили их, как следует молиться. Точно так же, поучая нас истинам христианской нравственности, Вы собственной жизнью подавали пример любви и смирения, этих краеугольных основ христианского нравоучения.

Движимые искренней любовью и признательностью к Вам, нашему любимому отцу, пастырю и учителю, мы сегодня, в память 25-летнего священнослужения Вашего, от всей души приносим Вам икону святителя и чудотворца Николая.

Усердно молим его, как великого угодника Божия, да исходитает он Вам пред престолом Всевышнего долгие, долгие годы, преисполненные всевозможного земного счастья и благополучия, и, как святитель, да наставит Вас и поможет Вам преуспевать в деле руководства духовных чад Ваших к вечному спасению, дабы на Страшном Суде Вам с честью предстать пред Пастыреначальником Господом нашим Иисусом Христом и удостоиться от Него вечной награды на небесах».

У отца Сергия и его супруги Александры Герасимовны родилось тринадцать детей, Александр был двенадцатым ребенком. Александра Герасимовна скончалась от туберкулеза в возрасте сорока шести лет, и их старшая дочь Ольга помогала отцу растить младших детей. Ольга была человеком глубокой веры; не выходя замуж, она всю свою жизнь посвятила Богу и ближним, занимаясь воспитанием не только своих братьев и сестер, но впоследствии и племянников, детей отца Александра.

Александр Сергеевич, не намереваясь становиться священником, поступил в Высшее техническое училище в Москве. До окончания училища оставался один год, когда отец сообщил ему, что предполагает выйти за штат, и призвал сына принять сан священника и занять его место. Александр Сергеевич согласился и, оставив техническое училище, сдал экстерном экзамены за весь семинарский курс.

В Раменском он познакомился со своей будущей женой, Александрой Ивановной Пушкаревой. Она родилась 9 апреля 1886 года. Отец Александры умер рано, и она жила с бабушкой Варварой и матерью Надеждой Алексеевной, которая работала на бумагопрядильной фабрике Малютиных. Сестра хозяина фабрики преподавала в школе в деревне Дергаево, в которой училась Александра. Она обратила внимание брата на способную девочку, сказав ему: «У меня в классе есть хорошенькая девочка и очень способная. Хотелось бы, чтобы она продолжила свое образование». Брат согласился, и при поддержке Малютиных Александра Ивановна окончила Филаретовское епархиальное училище в Москве, после чего получила место учительницы начальных классов в сельской школе неподалеку от Раменского.

Однажды она была приглашена директором фабрики на Рождественский бал, который проходил в одной из школ в Раменском. Там ее увидел Александр Сергеевич, ему она очень понравилась, и он поспешил к ее матери свататься. Та сначала не хотела отдавать за него свою дочь и говорила: «Она из простонародья, вы будете ее обижать». Но потом согласилась, и впоследствии

зять стал для нее лучшим другом. У Александра Сергеевича и Александры Ивановны родилось десять детей.

В 1908 году Александр Сергеевич был рукоположен во священника к Троицкой церкви, в которой прослужил до своей мученической кончины. Кроме служения в церкви, он преподавал Закон Божий в частной гимназии Гроссет в Раменском.

Прихожане полюбили отца Александра за его доброту и отзывчивость. Он никому не отказывал в исполнении треб, его нестяжательность вызывала всеобщее уважение. Бывало, уже в советское время, когда он уезжал на потребу в деревню, Александра Ивановна говорила ему:

— Отец, ты уезжаешь в деревню. Если тебе что-нибудь подадут, ты же знаешь, что у нас в доме ничего нет.

— Ладно, — ответит отец Александр.

А приезжал пустой. Александра Ивановна взглянет на него и спросит:

— Ничего нет?

— Как я там возьму, когда там то же, что и у нас, — говорил он.

В церкви, когда служил отец Александр, всегда стояла тишина, с ним люди любили молиться. С детьми он был ласков, никогда их не наказывал, только говорил: «Не ссорьтесь, не ссорьтесь». Священник был глубоко и широко образован, и к нему любила приходить молодежь, с которой он вел беседы на самые разные темы, чаще всего о вере и Боге.

Когда с пришествием советской власти начались гонения на Русскую Православную Церковь, семье священника стало жить особенно тяжело, и если бы не помощь прихожан, то было бы трудно и выжить. Все члены семьи в это время были лишенцами, им не полагались продуктовые карточки, значит, все государственные магазины были закрыты для них, а частные были редки, и в них все было дорого.

Один из эпизодов тех лет. Сочельник перед Рождеством Христовым, завтра великий праздник, а у них в доме нет ничего, даже хлеба. Александра Ивановна сидит за пустым столом грустная.

Отец Александр собирается идти в храм ко всенощной. Он открыл дверь на крыльцо и закричал: «Мать, мать, иди сюда!» Она вышла, и видит — на крыльце стоят два мешка, а в них хлеб, крупа и картофель. «Вот тебе и праздник», — сказал отец Александр жене. Это им благодотворила Агашкина, которая, любя семью священника и будучи достаточно обеспеченной, по возможности им помогала.

В эти годы в Троицком храме кроме отца Александра служили священник Сергей Белокуров и иеромонах Даниил. Они жили дружно, помогали друг другу выплачивать налоги, которые зачастую бывали непосильными. Крошечные пожертвования, состоявшие в основном из медной мелочи, приносились в дом, пересчитывались и отдавались поочередно одному из священников для уплаты налогов.

В конце двадцатых годов у отца Александра отобрали полдома, поселив туда начальника местной милиции Михаленко. Сын его работал в НКВД — на Лубянке. Сам Михаленко болел туберкулезом в открытой форме, от чего и скончался. Обычным его занятием было ходить по дому, в особенности в той половине, где жила семья священника, и плевать. Александра Ивановна не раз становилась перед ним на колени и, умоляя его не делать этого, говорила:

- Мы виноваты, но пощадите детей.
- Поповская сволочь должнадохнуть, — отвечал тот.

Вскоре в семье священника заболел туберкулезом сын, затем другой, затем заболела дочь, потом другая дочь... Так не проходило и года, чтобы Александра Ивановна не хоронила кого-то из своих детей.

Поскольку дети, живущие с родителями-лишенцами, и сами считались лишенцами, теряя право на получение продуктовых карточек, Александра Ивановна попробовала распределить детей по знакомым и родственникам. Но трудно им было жить у чужих людей без родителей, которых дети горячо любили, и они ночами возвращались домой и спали на сеновале. Мать, бывало, глядя на

них, обливалась слезами. Как-то раз одного из сыновей представители властей застали дома и за это выслали за пределы Московской области. Александра Ивановна при всевозможных проверках прятала его в сундуке, а сверху заваливала тряпьем. В этом сундуке он и был обнаружен.

В школе детей отца Александра преследовали как детей священника, демонстрируя их неравноправие с другими в каждой мелочи. Если дома они что-нибудь и поедят, то в школе уже сидят весь день голодные. Других детей администрация школы накормит, им завтрак дадут, а этих на отдельную лавку в стороне посадят — как детей священника и лишенцев.

Один из обычных случаев тех лет. Отец Александр идет по улице с дочерью, держа ее за руку, а прохожие оборачиваются и плюют священнику вслед. Дочь сжимает его руку крепче и думает: «Господи, да он же самый хороший!» Отец, чувствуя, каковы в этот момент переживания дочери, спокойно говорит ей: «Ничего, Танюша, это всё в нашу копилку».

Семья священника держала корову, которая, как и во многих семьях тогда, была кормилицей. Однажды представители властей увели ее со двора. Отец Александр был в это время в храме. Вернувшись домой, он увидел пришедших в смятение близких и спросил, что случилось. Александра Ивановна сказала:

— Корову увели у нас со двора.

— Корову увели? Пойдемте быстренько, все детки, вставайте на коленочки. Давайте благодарственный молебен отслужим Николаю Чудотворцу.

Александра Ивановна с недоумением посмотрела на него и воскликнула:

— Отец?!

— Сашенька, Бог дал, Бог взял. Благодарственный молебен давайте отслужим.

С тех пор как у них не стало коровы, каждый день на крыльце появлялась корзинка с бутылкой молока и двумя буханками хлеба. Старшие дети долгое время дежурили у окна, выходящего на

крыльцо, чтобы узнать, кто приносит им хлеб и молоко. Бывало, до глубокой ночи высматривали, но так им и не удалось увидеть благотворителя. Это чудо помощи Божией по молитвам святителя Николая Чудотворца продолжалось в течение довольно долгого времени.

По ночам отца Александра часто вызывали в НКВД и однажды сказали:

— Уходи из церкви, ведь у тебя десять детей, а ты их не жалеешь.

— Я всех жалею, но я Богу служу и останусь до конца в храме, — ответил священник.

Бывало, он ночь в НКВД проведет, а наутро идет служить в храм. Прихожане уже и не чаяли его видеть на службе. За долгое и безупречное служение отец Александр был возведен в сан протоиерея и награжден митрой.

Во время гонений на Русскую Православную Церковь в конце тридцатых годов были последовательно арестованы все священники Троицкого храма; последним, 24 марта 1938 года, арестовали отца Александра. Незадолго до его ареста лжесвидетелями были даны необходимые следователям показания. 26 марта начальник районного НКВД Элькснин допросил отца Александра.

— Как часто вы собирались в церковной сторожке, с кем и какие вели разговоры?

— В церковной сторожке мы собирались довольно часто, почти ежедневно, — начал обстоятельно отвечать отец Александр. — Собирались после службы я — Парусников, изредка присутствовал настоятель церкви священник Фетисов, который очень часто уезжал в Москву, теперь он арестован органами НКВД; иногда присутствовал священник Белокуров, тоже арестованный органами НКВД. Еще присутствовали псаломщики: Соловьев, Ларионов, Рождественский; бывал председатель церковного совета Замотаев и бывали верующие, которых фамилии я не помню, так как каждый день были новые лица. В первую очередь разговоры велись служебного характера, а иногда и обсуждали вопросы те-

кушей политики. Я лично вел разговор о Пятакове и других, никак не мог понять, чего они хотели и что им было нужно. Однажды священник Белокуров в церковной сторожке сказал: «Вот папанинцы, как видно, погибнут ни за что, ничего не сделав».

Следователя такой ответ не удовлетворил, и он спросил:

— Какие во время сборищ в церковной сторожке велись контрреволюционные разговоры и кем?

— Конечно, разговоры контрреволюционного антисоветского характера были, но кто говорил, что говорил, я не помню.

Следователь тогда спросил прямо:

— Какие разговоры контрреволюционного антисоветского характера велись лично вами?

— Я лично контрреволюционных антисоветских высказываний не делал. Были с моей стороны разговоры, что в связи со вскрытием антисоветских групп трудно разобраться, где враги и где хорошие люди.

— С кем вы поддерживаете связь?

— Связь я имел со священниками Фетисовым и Белокуровым до их ареста органами НКВД, других связей я не имею.

— Признаете ли вы себя виновным в клевете на руководство партии и правительства?

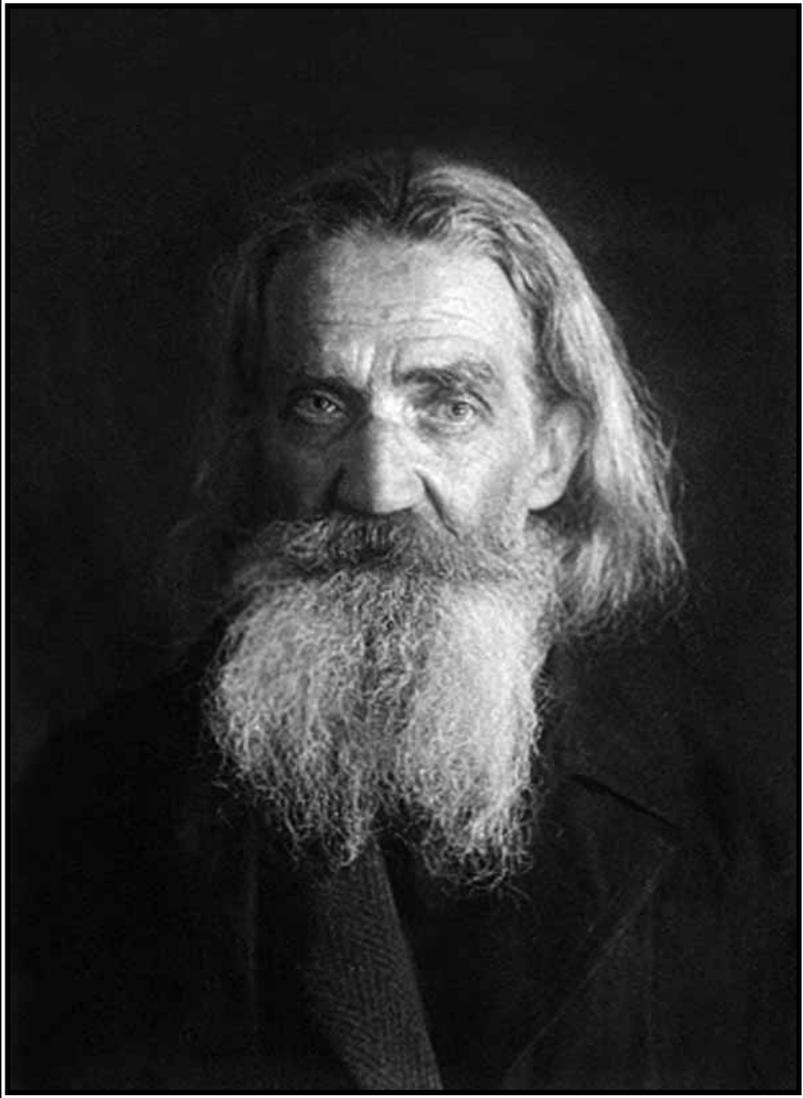
— Виновным себя не признаю.

13 мая священник был снова допрошен.

— Скажите, признаете ли вы себя виновным в проведении вами контрреволюционной деятельности среди местного населения города Раменское?

— Я в предъявленном мне обвинении в проведении контрреволюционной деятельности виновным себя не признаю, а посему поясняю: контрреволюционную деятельность я нигде, никогда не проводил и ни с кем никогда не разговаривал и не беседовал на эти темы.

В тот же день отцу Александру были устроены очные ставки со лжесвидетелями. Все лжесвидетельства он категорически отверг, а одно счел нужным пояснить: «Показания на очной ставке

*Протоиерей Александр Парусников.
Москва. Таганская тюрьма. 1938 год*

Потакар я совершенно отрицаю, а посему поясняю: контрреволюционную деятельность в момент проведения политической кампании государственного займа обороны я не проводил. На заем подписалась моя жена; когда она подписывалась, меня в этот момент дома не было, и по вопросу о займе я ни с кем не разговаривал и не беседовал».

Во все время следствия протоиерей Александр содержался в камере предварительного заключения при Раменском отделении милиции. Среди милиционеров был один по фамилии Плотников. В его обязанности входило водить священника на допросы и в баню. Накануне того дня, когда он должен был вести отца Александра в баню, он глубокой ночью приходил к Александре Ивановне и говорил: «Завтра я вашего батюшку поведу. Приходите к мосту и спрячьтесь под мост. Я к вам его туда приведу».

Александра Ивановна собирала чистое белье, что-то из еды, с учетом того, что после пыток у отца Александра были выбиты зубы. Отец Александр и Александра Ивановна садились под мостом и разговаривали до тех пор, пока не подходил милиционер со словами: «Вы меня простите, батюшка, но пора уже идти». Они прощались, отца Александра уводили в баню, а матушка шла домой.

Из тюрьмы отец Александр передал несколько написанных им на папиросной бумаге записочек, которые пронес один из освободившихся заключенных в каблуке сапога. В них священник писал жене и детям:

«Дети мои, всех вас целую и крепко прижимаю к сердцу. Любите друг друга. Старших почитайте, о младших заботьтесь. Маму всеми силами охраняйте. Бог вас благословит».

«Дорогая Саша, спасибо тебе за то счастье, которое ты мне дала. Обо мне не плачь, это воля Божья».

«Мой дорогой Сережа, прощай. Ты теперь становишься на мое место. Прошу тебя не оставлять мать и братьев и сестер, и Бог благословит успехом во всех делах твоих. Госкую по вас до смерти, еще раз прощайте».

В конце мая следствие было закончено, и отца Александра под конвоем повели на вокзал. Дочь Татьяна в это время на улице играла с детьми. Увидев, что ведут отца, она подбежала к нему, обняла и через рясу почувствовала, как он в тюрьме исхудал, а отец положил ей руку на голову и ласково сказал: «Танюша, какая ты стала большая». В это время конвоир ее отогнал, и девочка поспешила к матери рассказать, что видела отца. Александра Ивановна тут же выбежала из дома, догнала отца Александра с конвоиром и вместе с ними вошла в электричку. Милиционер, войдя в вагон, освободил от пассажиров одно купе, посадил туда священника и сел сам. Александра Ивановна села позади мужа. В середине пути конвоир разрешил ей сесть рядом с отцом Александром, и они смогли о многом поговорить. Это была их последняя встреча.

2 июня 1938 года тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. В это время он находился в Таганской тюрьме в Москве. Здесь 5 июня его, по установленному порядку, сфотографировали для палача, чтобы при множестве осужденных был казнен именно приговоренный к казни. Протоиерей Александр Парусников был расстрелян 27 июня 1938 и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23976.
Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999.

Июня 14 (27)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Запольский)

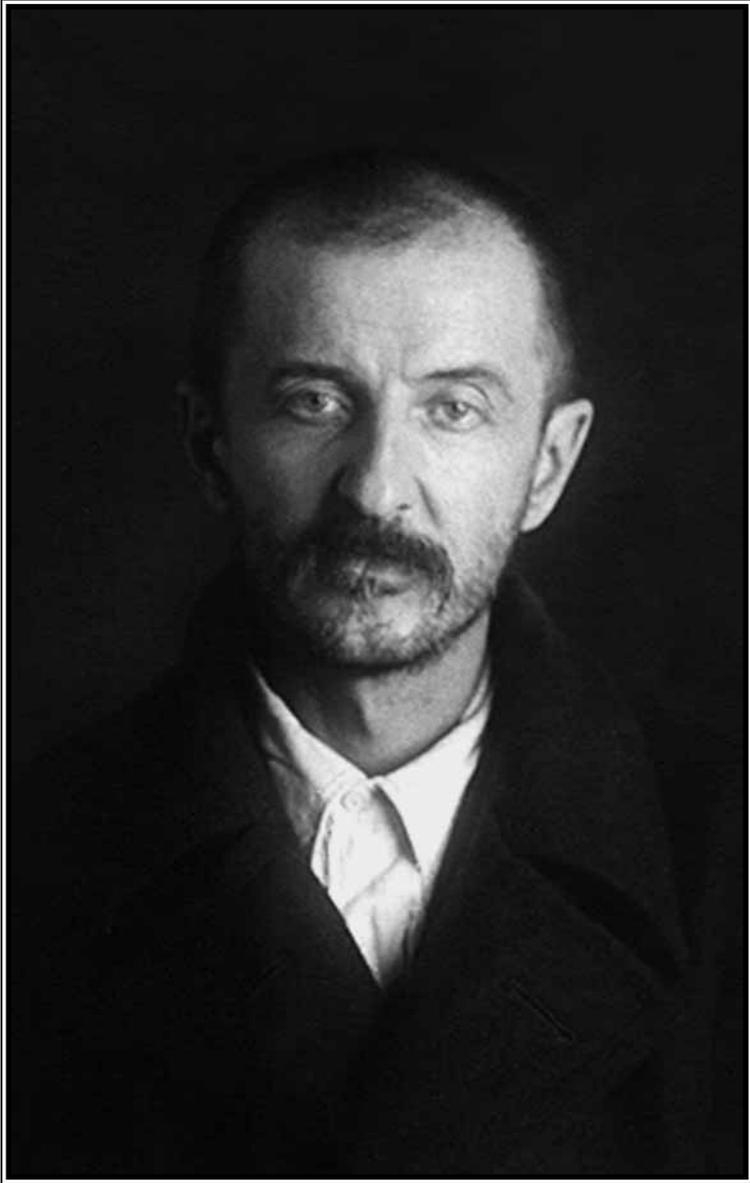
Священномученик Николай родился в 1889 году в селе Сивково Можайского уезда Московской губернии в семье священника Александра Запольского. В 1907 году Николай окончил духовное училище и в 1910 году поступил псаломщиком в храм села Лисицино неподалеку от Наро-Фоминска. Тогда же он женился на Марии, дочери священника; впоследствии у них родилось шестеро детей. В 1920 году Николай Александрович был рукоположен во диакона к тому же храму. В 1925 году он был переведен в Преображенскую церковь села Большие Вяземы Звенигородского района Московской области.

В 1929 году диакон Николай был обвинен в порубке леса и приговорен судом к двум годам ссылки, но приговор был заменен на штраф в триста рублей. В 1930 году диакон Николай был арестован за невыполнение государственных древозаготовок и приговорен к шести месяцам принудительных работ.

В феврале 1938 года следователи допросили «дежурных свидетелей», которые подписали нужные следствию показания. 21 марта 1938 года диакон Николай был арестован и заключен в одну из тюрем в Москве. Допросы длились полтора месяца, и на последнем допросе, 8 мая, следователь заявил диакону:

— Вы обвиняетесь в клевете на советскую власть, которую вы высказывали в феврале 1938 года.

— Виновным себя в высказывании клеветы в отношении со-

Диакон Николай Занозский

Москва. Тюрма НКВД. 1938

ветской власти в феврале 1938 года я не признаю, — ответил диакон Николай.

— Вы обвиняетесь в контрреволюционных высказываниях в отношении советской власти в декабре 1937 года.

— Виновным себя в контрреволюционных высказываниях в отношении советской власти я не признаю.

В тот же день диакону Николаю была устроена очная ставка со лжесвидетелями. Один из них, Степанов, показал, будто диакон говорил, что «советская власть всех попов арестовала, но скоро будет конец советской власти; скоро из Италии придет папа Римский, он установит свою власть и всех коммунистов в ад загонит».

На эти «показания» диакон Николай ответил:

— Со Степановым я никаких антисоветских разговоров не вел, он лжет.

Лжесвидетельница Панова на очной ставке показала, будто она в феврале 1938 года была в церкви и просила у диакона разрешения взять золу на удобрение для колхоза, на что тот ей ответил: «Что власти помогаешь, хотите выполнить восемь миллиардов пудов хлеба? В 1938 году это вам не удастся, скоро советской власти не будет, скоро придет папа Римский, он покажет, как крестьян мучить. Хотя вы и взяли попов, но скоро царь будет и коммунистов скоро вешать будем за этих попов».

Диакон Николай решительно отверг эти обвинения и сказал: «В феврале 1938 года с Пановой я не встречался в церкви и ничего ей не говорил. И в церкви Панова никогда не была».

2 июня тройка НКВД приговорила диакона к расстрелу. Диакон Николай Запольский был расстрелян 27 июня 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

В 1939 году все работники Звенигородского управления НКВД были арестованы и решением Военного Трибунала войск НКВД приговорены к разным срокам лишения свободы за фальсификацию следственных дел. Дело диакона Николая Заполь-

ского было приобщено как вещественное доказательство такой фальсификации, и на основании решения Военного Трибунала требовался пересмотр постановления тройки НКВД. Однако, «учитывая социальное лицо осужденного», то есть то, что он служил в храме диаконом, решение тройки было сочтено тогда правильным.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23981.

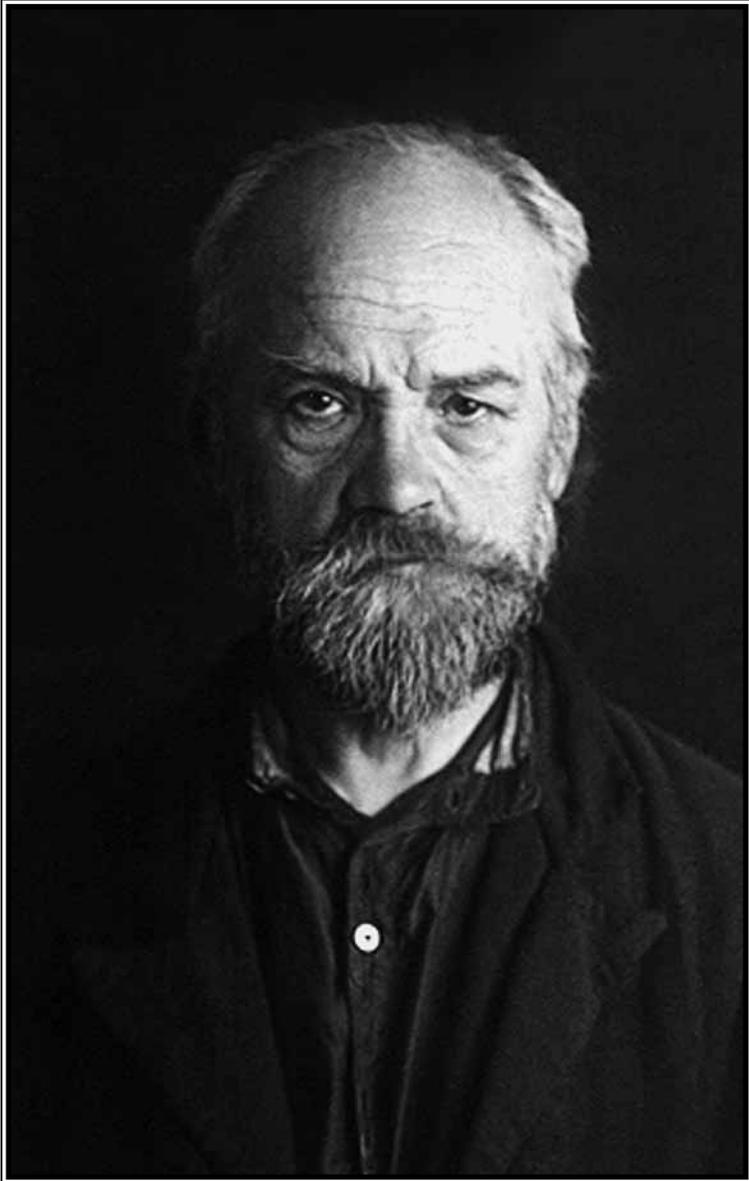
Июля 18 (1 июля)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Сергий (Кротков)

Священномученик Сергей родился в 1876 году в селе Подлесная слобода Луховицкого уезда Рязанской губернии в семье священника Михаила Кроткова. Отец его умер, когда мальчику исполнилось три года, и с этого времени Сергей стал жить у родственников. И хотя они были людьми материально состоятельными, годы детства, проведенные у них, остались в его памяти как время тяжелое и безрадостное. Как сирота Сергей был отдан в Рязанскую Духовную семинарию для обучения на казенный счет. По окончании семинарии Сергей Михайлович был определен преподавателем Закона Божия в церковноприходской школе. Сочетавшись браком с девицей Марией, дочерью протоиерея Палладия Афанасьевича Орлова, служившего в городе Луховицы в Рязанской епархии, он был назначен на его место и рукоположен в сан священника в 1903 году.

Когда началась Первая мировая война, отец Сергей был направлен полковым священником в 139-й Моршанский полк, который воевал на Австрийском фронте; он прошел всю войну вместе с частью, занимавшей позиции на передовой. За безупречное пастырское служение во время военных действий отец Сергей был награжден орденом Анны 3-й степени, Георгиевским крестом и возведен в сан протоиерея. Отец Сергей прослужил полковым священником до большевистского переворота в 1917 году, и лишь после того, как полк был расформирован, он уехал в Воро-

Протоиерей Сергей Кротков

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

нежскую губернию, где получил место настоятеля в храме в селе Валуйчики. Перед его отъездом с фронта епископ Кременецкий Дионисий (Валединский) предложил священнику не возвращаться в Россию, где в то время начинала бушевать революция, и поселиться в Западной Европе, но тот отказался.

В 1922 году протоиерей Сергей был назначен настоятелем Никольской церкви в селе Царево Пушкинского района Московской области, где прослужил до 1930 года. Это было тяжелое время для православных, но священник был непоколебим в своем пастырском служении, которое было в те времена исповедничеством. Даже внешняя бытовая сторона жизни была нелегка. Чтобы истопить, например, печь, нужно было искать дрова, а их не было. Отец Сергей шел на реку Талицу, нырял в холодную воду и вылавливал тяжелое мокрое бревно. И ныряя, бывало, говорил: «Благодать-то какая!»

Прихожане любили пастыря за благочестие, за серьезное отношение к богослужению, которое и всех присутствующих в храме настраивало на сосредоточенную молитву. Ко всем, и верующим и неверующим, отец Сергей относился ровно, с христианской любовью и приветливостью встречая каждого проходящего к нему. По мере своих небольших возможностей он старался помочь всем нуждающимся, иногда отдавая свои последние деньги. Кто не имел средств, с тех отец Сергей денег за требы не брал.

Храм святителя Николая был одним из самых посещаемых в округе, здесь всегда было много молящихся, что и послужило причиной возникновения для отца Сергея неприятностей. Неподдалеку в селе Нагорном служил священник Николай Веселовский; он, преследуя свои цели, часто бывал у гостеприимного отца Сергея, и в конце концов решил попытаться занять его место. Ему удалось склонить на свою сторону двух певчих из Никольского храма и выхлопотать себе назначение в этот храм. Однажды из окна своего дома отец Сергей увидел сани, в которых рядом с купелью сидел отец Николай, получивший назначение на его

место*.

В 1930 году отец Сергей был назначен в храм Покрова Божией Матери в село Покровское Московской епархии рядом с Царицыном, находящемся ныне в черте Москвы. Отец Сергей с семьей жить остался в своем доме в селе Царево, и добираться до нового места служения ему было крайне неудобно. Нужно было доехать по железной дороге от Красноармейска до станции Софрино, от Софрино до Москвы, от Москвы до станции Царицыно, а затем пешком до села Покровского. От Красноармейска до станции Софрино в те годы ходил паровоз-«кукушка», к нему прицеплялся небольшой состав, на котором возили хлопок для Красноармейской текстильной фабрики. Состав состоял из маленьких голубых вагончиков и таких же маленьких открытых платформ; на них перевозили пассажиров, которые задолго до подхода «кукушки» старались занять себе места. Отец Сергей вместе с другими ехал на такой открытой платформе, нахлобучив изрядно изношенную шапку-ушанку, прижав к груди сплетенную из камыша сумку.

Однажды на платформу вскочили лихие молодчики и остановились напротив священника. Один из них, криво улыбнувшись, сказал: «Смотрите, поп сидит». Все притихли. Отец Сергей только посмотрел на них, но ничего не сказал, и они, смутившись его открытого, решительного взгляда, отошли.

В Покровском храме отец Сергей прослужил более семи лет. Одна из женщин, знавшая его в то время, вспоминала о нем: «Мы знали о материальных трудностях батюшки и старались ему помочь, предлагали деньги, но батюшка говорил, что ему ничего не нужно, а деньги просил опустить в кружку, висящую на стене. На исповеди хотелось все рассказать отцу Сергию, хотя он никогда не настаивал, чтобы мы были откровенны. Совершая требы, он

---

* В 1938 году, в то время, когда протоиерей Сергей находился под арестом, отец Николай, переходя железную дорогу вблизи станции Софрино, был задавлен наехавшим на него поездом.

никогда не просил денег, и если видел, что человеку трудно заплатить, совершал требы бесплатно. Так мы и остались ему должны за крестины, венчания и отпевания».

В конце 1937 года власти приняли решение храм закрыть. Один из жителей села по распоряжению сельсовета стал собирать подписи под заявлением о закрытии храма, но ему не удалось собрать много подписей. Вскоре после этого, в конце февраля 1938 года, отца Сергия вызвали в НКВД, где предупредили о готовящемся закрытии храма, а также намекнули на то, что и его собственное положение представляется в данный момент угрожающим. Несмотря на предупреждение о грозящем ему аресте, отец Сергий не оставил служения в храме. «Что же, — сказал он своим домашним, — прихожане придут молиться, а я окажусь дезертиром, предавшим Бога и паству».

2 марта 1938 года, отслужив литургию, отец Сергий вышел из храма; на улице его ждал извозчик, который отвез священника в районное отделение НКВД, а затем в Таганскую тюрьму.

— Следствие располагает данными, что вы вместе с офицерством выступали против красных? — спросил следователь.

— Во время восстания генералов наш полк из Бессарабии был двинут против красных войск под Петроград. Я был за генералов, но солдаты скоро обольшевизировались и против красных не пошли. Полк расформировали, и я уехал в Воронежскую губернию, — ответил отец Сергий.

— Следствие располагает данными, что вы активно вели среди населения контрреволюционную деятельность.

— Вся моя контрреволюция заключалась в церковной службе. В религиозной вере я воспитан с малых лет, вера вошла в мою плоть и кровь, и поэтому я — противник партии и правительства и тех мероприятий, которые они проводят. Открыто контрреволюции среди населения я не вел, но недовольство свое советской властью я высказывал среди некоторых верующих. Говорил о тяжелой жизни, о налогах, которые на меня и на других налагают.

Другой политики я не касался.

— В какой вы церкви служили?

— Я служил в Покровской церкви в селе Покровском, а живу в Пушкинском районе. Налогами я не облагался, декларации в Райфо* не подавал, за что был оштрафован. Штраф с меня был взят в Пушкинском Райфо. В Покровском храме я служил нелегально, так как не был зарегистрирован в Райфо. Так как я здесь не жил, то и предложил зарегистрироваться по месту жительства.

14 июня 1938 года тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу. Протоиерей Сергей Кротков был расстрелян 1 июля 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-78018.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001.

---

* Районный финансовый отдел.

Июля 18 (1 июля)

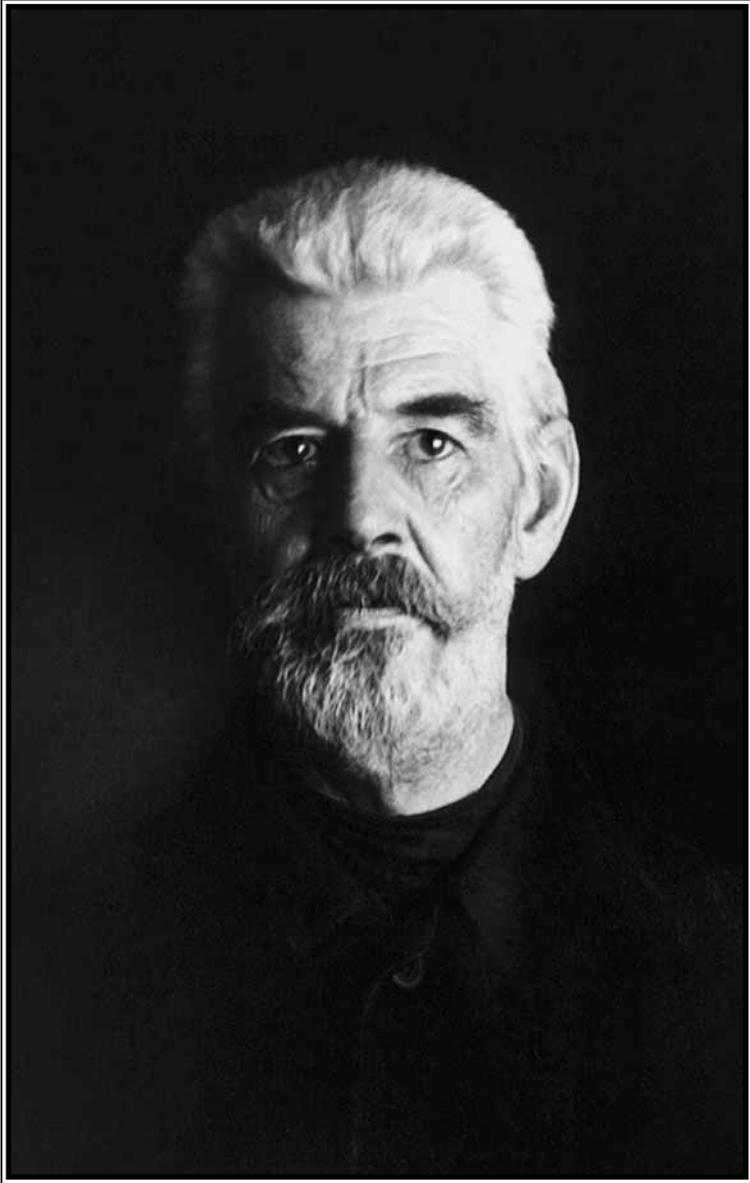
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Василий (Смирнов)

Священномученик Василий родился 29 марта 1870 года в селе Казанском Богородского уезда Московской губернии в семье священника Павла Смирнова. Его отец впоследствии был настоятелем Крестовоздвиженского храма села Алтуфьево (ныне оно находится в черте Москвы).

Василий Павлович учительствовал и состоял членом Общества педагогов средних учебных заведений Москвы. В 1892 году он вступил в духовное звание, — «по призванию», как писал в анкете. Долгое время служил псаломщиком в московском храме Святителя Николая в Заяицком и в 1910-х годах в Кремле был рукоположен во иерея к тому же храму. После 1921 года он окончил Московскую Духовную семинарию.

В 1929 году отец Василий стал настоятелем Николо-Заяицкого храма. По воспоминаниям Александры Николаевны Соколовой, жившей с ним в одном доме, батюшка «до последнего дня ходил в черной одежде с крестом... люди говорили, что он хлопотал перед властями, чтобы церковь осталась». После закрытия Николо-Заяицкого храма в 1933 году отец Василий служил в Москве в храме святителя Григория Неокесарийского, также до его закрытия. Последнее место служения, с 1933 года до ареста в 1938 году, — храм Знамения Пресвятой Богородицы села Знамен-

Протоиерей Василий Свиридов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

ского Кунцевского района Московской области. Протоиерей Василий Смирнов был награжден митрой.

После революции на вопросы анкеты для служителей религиозного культа он отвечал так: «В каких организациях состоите теперь или каким сочувствуете?» — «Ни в каких, кроме религиозных, коим и сочувствую». — «Ваше отношение к декрету об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». — «Первому сочувствую, а второму нет». — «Ваше отношение к советской власти». — «Подчиняюсь».

22 марта 1938 года отца Василия арестовали по обвинению в антисоветской агитации, и он содержался в Таганской тюрьме. На основании показаний четырех свидетелей ему инкриминировались следующие высказывания: «Всякая власть должна быть от Бога, а большевики самовольно захватили власть»; «Из Священного Писания видно, что власть, захваченная самозванцами, долго существовать не может, так и советской власти скоро придет конец»; «Большевики говорят, что не хотят войны, а вооружаются»; «При старом строе люди жили лучше»; «Советская власть гонит Церковь, арестовывает и расстреливает православных»; «Скоро опять откроют все церкви, потому что большевики чувствуют гибель своей власти. Придет управлять страной Царь, тогда опять будем жить хорошо» и другие.

На допросах и очной ставке отец Василий виновным себя не признал. Подтвердил лишь, что говорил: «Раньше жили лучше, а теперь, при советской власти, везде и всюду создаются очереди... Большевики только говорят, что всего много, а на самом деле ничего нет».

Из материалов следственного дела видно, что отец Василий, помимо служения в храме, окормлял прихожан на дому. Свидетели показали, что у него на квартире часто бывали верующие, с которыми он беседовал и для которых «устраивал религиозные обряды».

7 июня 1938 года тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Протоиерей Василий Смирнов был расстрелян 1 июля 1938 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 24042.

Июня 18 (1 июля)

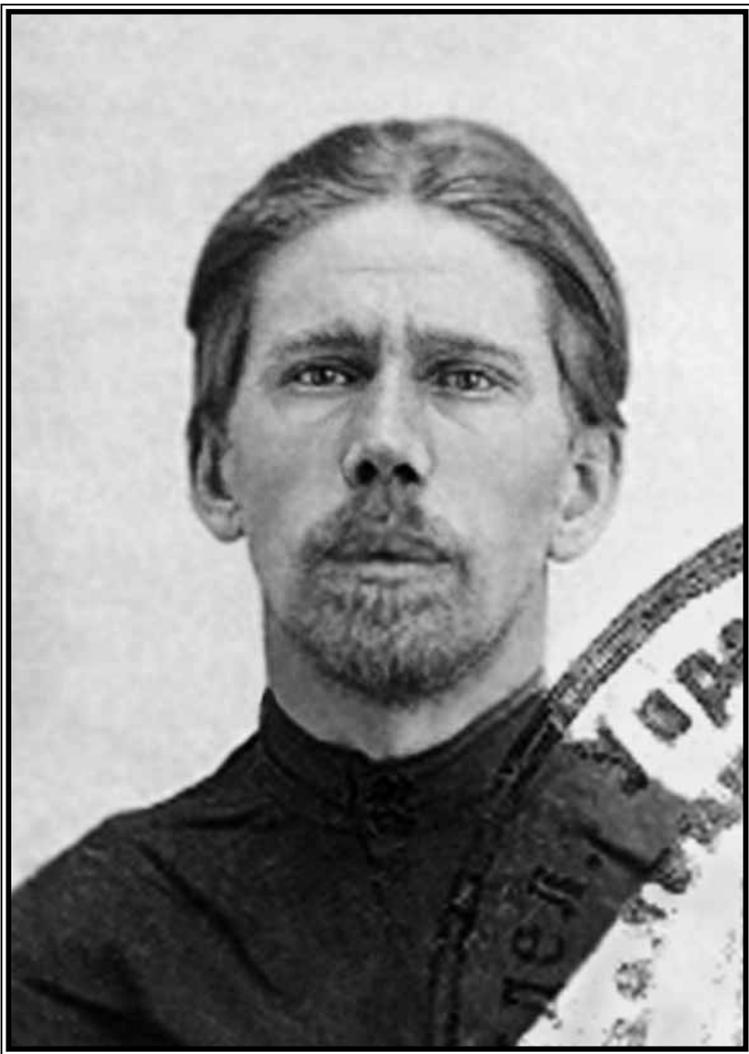
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Василий (Крылов)

Священномученик Василий родился в 1899 году в селе Ассаурово Дмитровского уезда Московской губернии в семье псаломщика Александра Крылова. В 1918 году Василий окончил Вифанскую Духовную семинарию и был мобилизован в Красную армию в резервный полк города Москвы.

В 1922 году он был демобилизован, вернулся домой и женился на дочери священника села Спас-Коркодино Клинского района Наталии. В том же году епископ Клинский Иннокентий (Летяев) рукоположил Василия Александровича во диакона к Преображенской церкви села Спас-Коркодино.

В 1925 году епископ Клинский Гавриил (Красновский) рукоположил диакона Василия во священника к той же церкви, где он и прослужил до закрытия храма в 1930 году. После этого отец Василий устроился работать сторожем и счетоводом в совхоз «Динамо» Клинского района. Но поскольку он не скрывал, что он верующий человек и священник, руководство совхоза уволило его. В 1933 году епархиальный архиерей направил его служить в храм в селе Покровский погост Константиновского района. Через четыре года храм закрыли и отца Василия перевели в храм в село Сурмино Дмитровского района, а через полгода, когда и здесь храм был закрыт, — в Покровскую церковь села Андреевского Дмитровского района. Прихожане знали отца Василия как доброго, тихого и скромного человека.

Священник Василий Крылов

13 апреля 1938 года власти арестовали священника и заключили в тюрьму в городе Дмитрове. На допросах отец Василий виновным себя не признал. 14 июня 1938 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Василий Крылов был расстрелян 1 июля 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 24025.

Июля 18 (1 июля)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Александр (Крутицкий)

Священномученик Александр родился в 1898 году в селе Салтыково Бронницкого уезда Московской губернии в семье псаломщика Сергея Крутицкого, который умер, когда Александру исполнилось пятнадцать лет. Александр Сергеевич окончил Перервинское Духовное училище и поступил в Московскую Духовную семинарию. Окончив ее в 1917 году, поступил псаломщиком на место почившего отца. В 1919 году Александр Сергеевич женился на уроженке села Образцово Щелковской волости Пелагее Петровне Цыгановой. Впоследствии у них родилось трое детей, два сына и дочь, и семье пришлось во всей полноте пережить тяжесть гонений.

С 1919 года Александр Сергеевич служил псаломщиком в храме Рождества Пресвятой Богородицы в селе Образцово. В 1929 году Александр Сергеевич был арестован по обвинению в срыве сельскохозяйственных заготовок, но судом был оправдан и освобожден. Несмотря на все усиливающиеся гонения, конца которым не было видно, Александр Сергеевич решил свою жизнь всецело посвятить служению Богу и Церкви и, подав правящему архиерею прошение, был рукоположен во диакона, а в 1933 году — во священника к Покровской церкви в селе Хомутово.

Прихожане любили священника за кроткий нрав и бескорыстие. В селе жили три вдовы, потерявшие мужей в Первую мировую войну. Священник всегда помогал им; прежде чем вспахать землю себе, пахал и засеивал им. Хотя помогали вдовам и другие, но в самой тяжелой работе помогал один отец Александр.

Отца Александра арестовали в час ночи 3 марта 1938 года. Он был готов к аресту и воспринял готовящийся ему жребий спокойно. При обыске забрали не только книги, но и все вещи, которые, с точки зрения сотрудников НКВД, представляли материальную ценность. Дошло до того, что у жены священника Пелагеи одну серьгу из уха вынули, а другую вырвали.

Сначала отца Александра отвезли в тюрьму в город Щелково, а затем – в Москву. 5 марта ему было предъявлено обвинение, что он, «будучи враждебно настроен, среди окружающих проводит контрреволюционную деятельность». Ознакомившись с обвинением, отец Александр отказался подписываться под текстом постановления, так как был с ним не согласен.

– В каком году вы были лишены избирательных прав? – спросил следователь.

– Я был лишен избирательных прав в 1918 году и не восстановлен в них и доныне, – ответил священник.

– Было ли ваше хозяйство раскулачено?

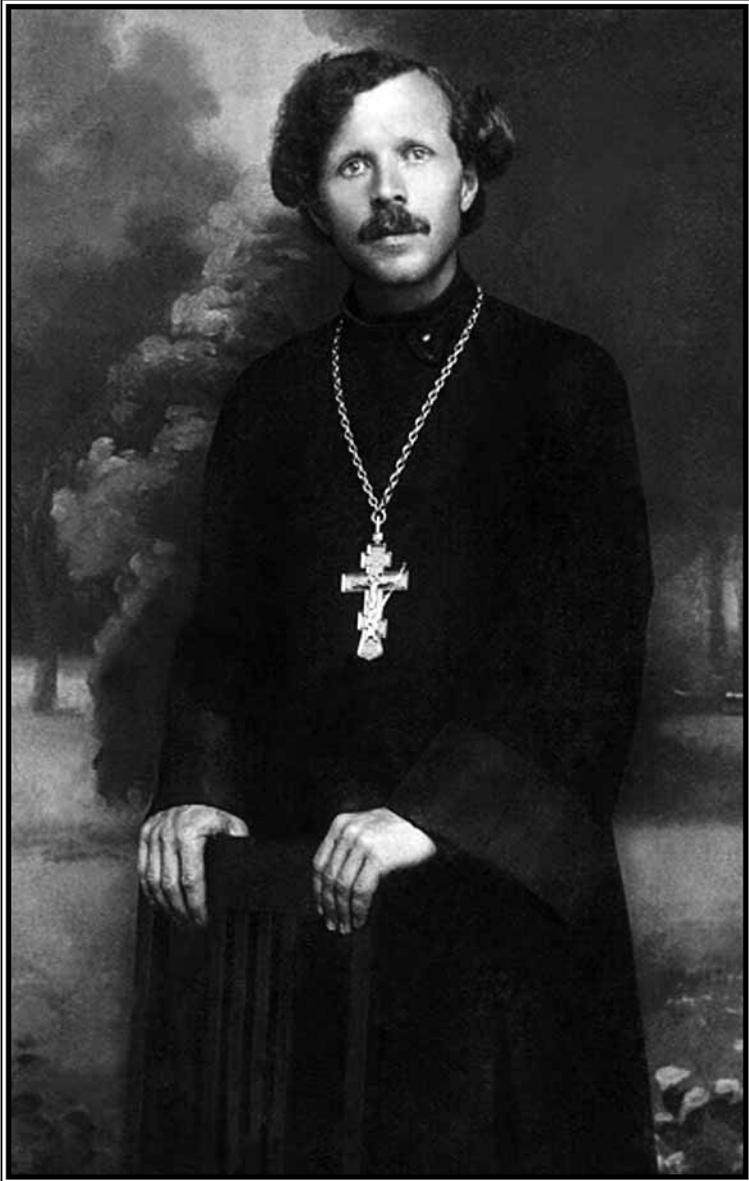
– Нет. Мое хозяйство раскулачено не было.

– Подвергался ли кто из ваших родственников репрессиям со стороны советской власти?

– Из моих родственников репрессиям со стороны советской власти никто не подвергался.

– Следствие располагает достаточными данными о том, что вы занимались антисоветской деятельностью. Признаете ли себя в этом виновным?

– Нет, виновным я себя в этом не признаю, – ответил священник, и на этом следствие и допросы были окончены.

Священник Александр Крымский

14 июня 1938 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Александр Крутицкий был расстрелян 1 июля 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 24026.
РГИА. Ф. 831, д. 235, л. 204 об.—205 об.
Крутицкий Е. А. Воспоминания. Рукопись.

Июля 21 (4 июля)

ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИК

Георгий (Лавров)

Преподобноисповедник Георгий (в миру Герасим Дмитриевич Лавров) родился 28 февраля 1868 года в деревне Касимовка Ламской волости Елецкого уезда Орловской губернии в крестьянской семье. Отца звали Дмитрием Абрамовичем, мать — Феклой Архиповной, старших братьев — Алексеем и Петром.

Семья, очевидно, была небольшого достатка, денег на учение не хватало, и Герасим окончил только три класса сельской школы. Родители воспитывали своих детей в благочестии, и из родного дома Герасим вынес глубокую веру в Бога и любовь к Святой Церкви. Всем семейством они ездили на богомолье в московские монастыри и храмы, в Троице-Сергиеву Лавру, в другие святые места. В одну из поездок в Лавру Герасим молился у святых мощей преподобного Сергия о даровании ему счастья. В ответ на детскую молитву он услышал в душе слова: «Иди в Оптину». Это святое повеление совпадало с заветным желанием матери Герасима видеть в ангельском чине одного из своих сыновей. В юности Фекла Архиповна хотела уйти в монастырь, но родители выдали ее замуж, и она молилась о том, чтобы ее дети исполнили то, что не удалось ей самой. В семье нередко велись разговоры на эту тему, и Герасим, будучи мальчиком резвым, весело шутил: «Ишь ты какая, сама не пошла, а нас — в монастырь!» Фекла Архиповна отвечала: «От тебя, озорника, я этого не жду».

Напутствие, полученное у гроба преподобного, мальчик хранил в сердце и однажды упросил родителей поехать в Оптину Пустынь. Герасиму было одиннадцать или двенадцать лет, когда он

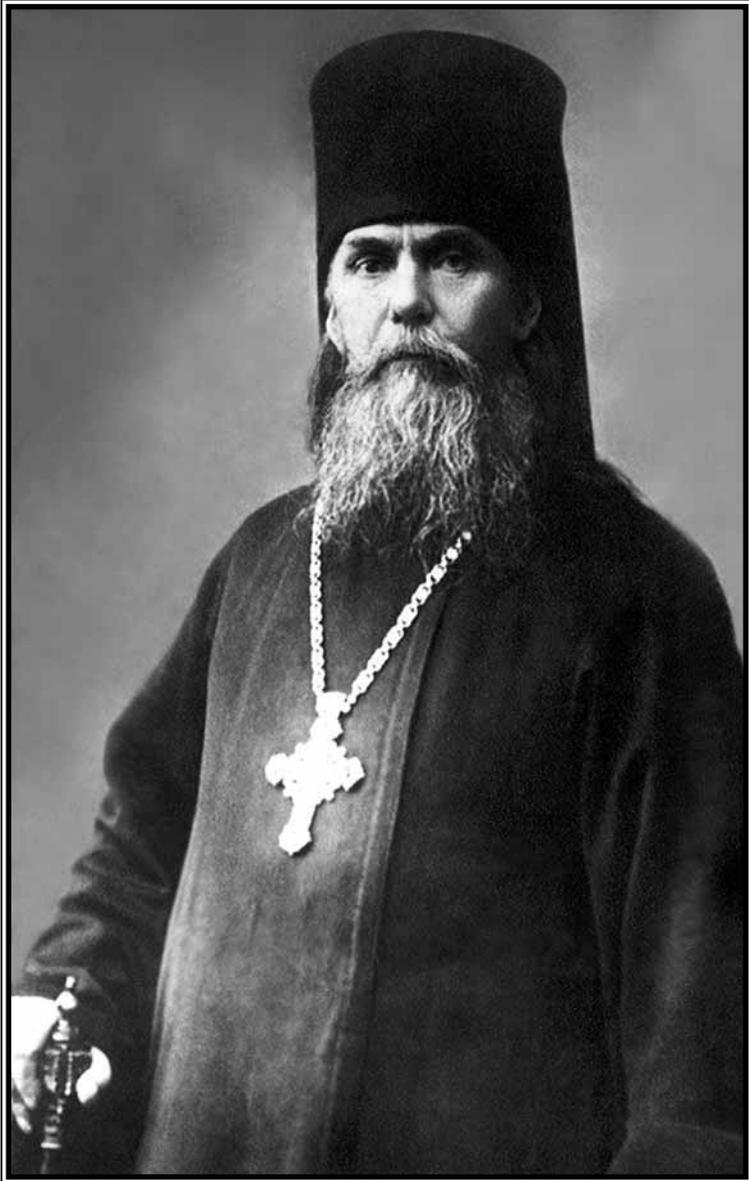

впервые вошел в Святые врата обители. По обычаю, прибывшие богомольцы направились к преподобному старцу Амвросию за благословением. Когда мать с сыном в толпе других подошли к старцу, то он обнял отрока за голову, благословил и особо отметил его как будущего инока.

Оптина произвела глубокое впечатление на Герасима. Он вернулся в свою деревню, радостно вспоминая обитель. Постепенно у него созревало желание поступить туда для иноческого жительства, и спустя десять лет Герасим навсегда покинул родительский дом ради дома Отчего. Это было в 1890 году, уже после смерти отца. Фекла Архиповна горячо переживала разлуку с сыном, но с любовью собрала его в дорогу и благословила иконой Пресвятой Богородицы. Материнское благословение, образ Божией Матери, отец Георгий принял в свое сердце, всю жизнь почитал Царицу Небесную, веряя Ее предстательству себя и своих духовных детей. Любовь же к матери святой старец пронес через всю жизнь и всегда учил чтить матерей и исполнять их благословения.

Ранним летним утром, с котомкой за спиной и с посошком в руке, Герасим вышел из дома. Было время сенокоса. За первый день он прошел 15 верст и очень устал. В лежащих на пути деревнях знакомые давали ему ночлег и приют. Однако чем дальше от дома, тем становилось труднее. Он вышел на большой тракт, вдоль которого встречались крупные села. В избы уже не пускали: разного люда много шло и ехало через эти селения, а Герасима и его родителей здесь не знали. Приходилось ночевать где придется.

Через две недели он прибыл в Москву и устроился на ночь у знакомого купца на Даниловском рынке. Тот приветливо его принял, уговаривал вернуться к матери. Однако решение свое Герасим не изменил и на следующее утро поспешил в Оптину. При выходе из Москвы он попал не на ту дорогу и только через две недели, проделав крюк в несколько десятков верст, уставший, прибыл в Свято-Введенскую Оптину Пустынь. Здесь Герасим был принят на добровольное послушание.

Архимандрит Георгий (Павлов)

Поначалу Герасим трудился по хозяйственной части — на кухне, в пекарне, на свечном заводе, в поле, занимался рыбной ловлей; в 1894 году проходил послушание при казначее, затем был помощником ризничего.

10 октября 1898 года он был определен в число братии монастыря; 23 июня 1899 года пострижен в монашество с наречением имени Георгий (в честь святого великомученика Георгия).

24 октября 1902 года он был рукоположен во иеродиакона. Поручали ему и ответственные послушания, приходилось ездить в Москву, Петербург, Калугу. Все отец Георгий стремился исполнять внимательно, тщательно, стараясь не погрешать ни в какой мелочи.

Внешние труды сочетались с духовным деланием, с непрестанной борьбой со страстями. И во всем — всецелое, не рассуждающее послушание старцам. «Послушание — те же курсы, которые изучают в духовных академиях. У нас тоже своя академия... Там сдают экзамены профессорам, а здесь — старцам», — говорили в Оптиной Пустыни.

Господь Сам назидал братию обители, и иногда происходили чудесные случаи. Однажды отец Георгий, тогда еще молодой послушник Герасим, спешил на сенокос, впереди шел старичок-схимник, по немощи еле передвигавший ноги. Легко обогнав старца, Герасим подумал: «И куда только плетется такой старик, чем он поможет на сенокосе?» Между тем надо было переправляться через речку. Герасим прыгнул в лодку, взял весла... а лодка ни с места. Как он ни старался, ничего не мог поделывать до тех пор, пока не подошел схимник. Спокойно перекрестясь и взойдя в лодку, старец благословил отчаливать, и лодка послушно пошла к другому берегу.

24 года прожил отец Георгий в благословенной обители. На протяжении многих лет наблюдая сотни людей, текущих со своим страданием и горем к духоносным оптинским старцам, он сердцем постигал, что более всего человеку необходимы любовь, милость, доброта.

2 января 1914 года иеродиакон Георгий был переведен в Мещовский Георгиевский монастырь и Указом Святейшего Синода

от 31 октября 1915 года назначен на должность настоятеля с рукоположением в сан иеромонаха. Хиротонию совершал Преосвященный Георгий, епископ Калужский и Боровский в архиерейской Крестовой церкви в Калуге 1 января 1916 года. 3 января того же года иеромонах Георгий был награжден набедренником.

В трудные годы мировой войны и первых лет революции руководил Мещовской обителью новый настоятель. Голод, бытовые неурядицы, крушение привычного уклада жизни — таковы были знамения времени. Но умение рачительно хозяйствовать, приобретенное в крестьянской юности, практический опыт, полученный на послушаниях в Оптиной Пустыни, доброта и мудрость в отношениях с людьми позволили отцу Георгию, несмотря на трудности, успешно справляться с управлением вверенного ему монастыря.

Не только о хозяйственных нуждах обители имел попечение его игумен. Не оставлял он своей отеческой заботой и монастырскую братию. За свои настоятельские труды 2 ноября 1917 года отец Георгий был награжден наперсным крестом. В том же году Мещовскому Георгиевскому монастырю было «преподано благословение Святейшего Синода с выдачей о сем грамоты... за заслуги... обители по обстоятельствам военного времени».

В сорока верстах от Мещовска располагалась деревня Мамоново. Из этой деревни в монастырь приходил блаженный Никифорушка — Никифор Терентьевич Маланичев. Отец Георгий заметил в нем не просто человека, а истинного раба Божия и называл его «един от древних». Он любил Никифорушку за его чистую душу, почитал за прозорливость. У них сложились духовно близкие отношения. Часто они беседовали на непонятном для посторонних приточном языке. Никифорушка предсказал многие события из жизни отца Георгия.

Взаимную любовь исповедник Христов Георгий и блаженный Никифорушка пронесли через всю жизнь. С благословения старца Никифорушка подолгу жил у его духовных детей в Москве и в домике батюшки в Загорске.

Отцу Георгию часто приходилось ездить в Калугу по монастырским делам. Однажды с ним произошел случай, вскоре забы-

тый им. На одной из калужских улиц к нему подошла женщина и попросила напутствовать ее умирающего мужа, купца, Святыми Тайнами. Отец Георгий причастил больного, и тот рассказал ему свое горе: он умирает, а семье грозит полное разорение, так как дом пришлось заложить, и уже через два дня должны состояться торги. С помощью Божией и своих духовных чад отцу Георгию удалось предотвратить несчастье.

Наступил 1917 год. С революцией начались гонения на Церковь. Духовные бедствия усугублялись голодом на местах. Бывали дни, когда в обители не было хлеба. Отец Георгий прилагал усилия к тому, чтобы прокормить не только братию, но и голодающих крестьян близлежащих сел. С послушниками шил мешочки, в них насыпали муку, затем запрягали лошадку и отвозили эти мешочки бедным крестьянам. Подъедут ко двору, положат мешочек и направляются дальше. Доброго и милосердного настоятеля любили жители Мещовска и окрестных деревень.

9 декабря 1918 года в Мещовский монастырь ворвались большевики, обыскали все помещения, произвели разгром обители, осквернили святыни. Иеромонах Георгий был арестован.

Эти события были предсказаны блаженным Никифорушкой. Незадолго до случившегося он гостил в монастыре и однажды ранним утром, пока отец Георгий еще отдыхал, всюду расстелил ковры, разбросал облачения, на себя надел что-то из ризницы, препоясался дорогим орарем и в таком виде важно разгуливал по комнатам настоятеля. Отец Георгий, увидев его «работу», удивленно спросил: «Никифорушка, что это ты наделал?» Блаженный в ответ только рассмеялся.

Первое время после ареста иеромонах Георгий содержался под стражей в городе Мещовске; 13 марта 1919 года был помещен в Калужскую губернскую тюрьму; 30 мая вновь переведен в Мещовск, где состоялся суд Ревтрибунала. Настоятеля обвинили в хранении оружия, в принадлежности к «тайному заговору», и в среду 4 июня 1919 года он был приговорен к расстрелу. На суде выступали лжесвидетели. Находился в зале и блаженный из тех мест — Андрей. Он курил и время от времени выпускал дым в ок-

но. Отец Георгий это заметил, и у него явилась надежда, что подобно дыму рассеется страшный приговор и он останется жив.

Между тем из любви к своему пастырю верующие Мещовска послали телеграмму на имя главы советского правительства с просьбой пересмотреть дело. Документы затребовали в Москву, но приговор отменен не был. В камере смертников, куда поместили отца Георгия, стоял такой холод, что замерзала вода. Мучил голод и насекомые. Заключенным удалось из проволоки сделать кипятильник, и так они грели воду. Вначале здесь находилось тридцать семь узников, почти каждую ночь забирали на расстрел пять-шесть человек, пока не осталось семеро приговоренных. Отец Георгий ждал своей очереди и готовился. Самообладание не оставляло его, он много молился и черпал в молитве силы. Союзники его отчаивались, и он старался всех ободрить; одному безутешному дьячку говорил: «Что ты скорбишь, выйдем еще с тобой из тюрьмы, вместе будем гурьеву кашу варить, и как жить-то будем хорошо!» Утешал также молодого адвоката, который вел его дело и переживал, что ничего не может сделать для батюшки; отец Георгий просил не огорчаться о его судьбе, так как она в руках Божиих. Мещовская паства поддерживала настоятеля обители; так, одна старушка постоянно передавала ему с воли цветы.

Время шло. Однажды к отцу Георгию подошел тюремный сторож и незаметно предупредил: «Батюшка, готовьтесь, сегодня я получил на всех вас список. Ночью уведут». «Нужно ли говорить, что поднялось в душе каждого из нас? — вспоминал позже старец. — Хотя мы знали, что осуждены на смерть, но она все стояла за порогом, а теперь собиралась его переступить... Не имея сил оставаться в камере, я надел епитрахиль и вышел в глухой, без окон, коридор помолиться. Я молился и плакал так, как никогда в жизни, слезы были до того обильны, что насквозь промочили шелковую вышивку на епитрахили, она слиняла и растеклась разноцветными потоками. Вдруг я увидел возле себя незнакомого человека. Он участливо смотрел на меня, а потом сказал: “Не плачьте, батюшка, вас не расстреляют”. — “Кто вы?” — удивился я. — “Вы, батюшка, меня забыли, а у нас здесь добрые дела не за-

бываются. Я тот самый купец, которого вы в Калуге перед смертью напутствовали”. И только этот купец из моих глаз исчез, как вижу, что в каменной стене коридора брешь образовалась. Через нее я увидел опушку леса, а над ней, в воздухе, свою покойную мать. Она кивнула мне головой и сказала: “Да, сынок, вас не расстреляют, а через десять лет мы с тобой увидимся”. Видение окончилось, и я опять очутился возле глухой стены, но в душе у меня была Пасха! Я поспешил в камеру и сказал: “Дорогие мои, благодарите Бога, нас не расстреляют, верьте слову священника”. Я понял, что купец и матушка говорили обо всех нас. Великая скорбь в нашей камере сменилась неудержимой радостью. Мне поверили и... кто целовал мои руки, кто плечи, а кто и сапоги. Мы знали, что будем жить».

Вскоре пришел надзиратель и приказал всем собираться с вещами для отправки в Калугу, так как пришло запрещение о проведении расстрела на месте из-за нежелательного влияния его на местное население. Всех посадили в вагон, в Тихоновой Пустыни он должен был быть перецеплен к поезду, шедшему из Москвы в Калугу. Волею Божией поезд из Москвы пришел вовремя, а поезд, шедший с вагоном заключенных, опоздал. Конвой, не имея распоряжений, прицепил вагон к поезду, шедшему на Москву, и там заключенных препроводили в Таганскую тюрьму. Пока шло выяснение обстоятельств, была объявлена амнистия, и все остались живы. Шестеро же союзников стали духовными детьми отца Георгия.

По прибытии в Москву отец Георгий перенес операцию и, находясь на излечении в хирургическом отделении тюремной больницы, 30 сентября 1919 года подал прошение в Политический Красный Крест с просьбой принять его дело для защиты в кассационном отделе. По амнистии ВЦИК от 5 ноября 1919 года расстрел был заменен пятью годами заключения, которое иеромонах Георгий отбывал в Бутырской и Таганской тюрьмах.

Камеры Таганской тюрьмы были переполнены, более всего уголовниками, но много было и политических, в том числе — духовенства. Одновременно с отцом Георгием здесь находились

митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) и настоятель Московского Данилова монастыря епископ Феодор (Поздеевский). Оба архиерея заметили иеромонаха Георгия среди прочих узников, и это имело большое значение для его дальнейшей жизни. Митрополит Кирилл благословил отца Георгия на старчество, архиепископ Феодор в 1922 году принял в Данилов монастырь, взяв из тюрьмы на поруки.

Был в Таганской тюрьме еще один человек, с которым иеромонах Георгий близко познакомился, – М. А. Жижиленко, тюремный врач-терапевт, вскоре назначенный главным врачом тюрьмы (принявший тайный постриг с именем Максим, он в 1928 году был хиротонисан во епископа Серпуховского). Михаил Александрович научил отца Георгия простейшим медицинским навыкам: перевязкам, промываниям, компрессам, и старец был поставлен на должность тюремного санитаря, благодаря чему мог встречаться со многими людьми, имел доступ даже в камеры смертников. Некоторые из таганских узников стали его духовными детьми.

Старец не щадил себя, облегчая телесные и душевные недуги страждущих, омывая их раны, исповедуя и причащая желающих. Он не гнушался никакой грязной работой. Один союзник вспоминал: «Небольшая чистая камера в Таганской тюрьме. Посреди нее стоит иеромонах, исполняющий должность санитаря. Вереница больных проходит через комнату. Большинство страдает экземой, язвами на ногах... Отец Георгий... как милосердный самарянин, обмывает гнойные раны. Каждого старается утешить бодрым словом, шуткой-прибауткой». «Не тужи, золотце мое, все будем свободны... Веруй всегда в милость Божию», – часто говорил он заключенным.

К отцу Георгию шли за советом, за утешением в предсмертной тоске. Если кто из приговоренных хотел исповедаться и причаститься у него, то делалось все возможное, чтобы старец мог дать церковное напутствие. Были случаи, когда сами тюремщики приводили смертника в перевязочную комнату к батюшке. На собственном опыте переживший близость смерти, он умел гово-

речь с таким человеком о Божией правде и о Божием милосердии. Умел «устроить подкуп любви», как сказал один из возрожденных отцом Георгием к жизни, уже готовый было на самоубийство, но после разговора со старцем отложивший это намерение (а через два дня освобожденный).

Сохранился рассказ отца Георгия о его пребывании в Таганской тюрьме. Беседа эта состоялась летом 1923 года на хуторе Московского Зачатьевского Алексеевского монастыря в деревне Барвиха Звенигородского уезда.

«Рассказывал батюшка стоя, причем лицо его преобразилось, оно все сияло: “Вот где я желал бы провести всю свою жизнь. Там так много скорбящих, болящих, заброшенных жизнью людей... Сначала я сидел в отдельной камере, которую открывали только при выносе “параши”, — ее выносили двое молодых людей, всегда веселых, радостных, сияющих, как ангелы. Мне приходилось наблюдать их при свиданиях с матерями, которые приносили им скопленный свой хлеб; они же отдавали им свой, уверяя, что их здесь хорошо кормят. Такая умирительная картина!”

Вспоминал батюшка и другие эпизоды из своей тюремной жизни: “Мимо камеры проходили арестанты, которые всегда меня ругали и всячески поносили... Одного из них я подозвал к себе. — “Чего тебе?” — “Голубчик, возьми у меня табачок, ведь я не курю, а тебе он нужен. Только прошу тебя не ругаться матерными словами”. Парень смутился, взял табак и ушел. Другой раз пришел, видимо, его приятель, который был весь исцарапан, чесался, и я видел, как по нему ползали вши. Тогда я ему сказал: “Сними-ка рубашку, я промою тебе ранки и смажу вазелином”. Для этого я разорвал свою чистую рубашку и перевязал его. Наградив его табаком, отпустил с той же просьбой — не ругаться. Вскоре мне разрешили ходить по камерам и оказывать помощь всем нуждающимся арестантам. Бинты, йод, вазелиновое масло и другое приносили мне при передачах... Вот откуда я бы никогда не хотел уходить, вот бы где с радостью и жизнь свою скончал, вот где я нужен! Тут-то, на воле, каждый может получить утешение — кто в храм сходить, кто причаститься, а ведь там — не так. Там одни скорби, одни скорби...”

Батюшка в тюрьме заболел, заразившись тифом, и находился месяц в больнице. Рядом с ним лежал какой-то человек, уже бредил, ужасно ругал советскую власть. Батюшка и говорит ему: “Голубчик, поисповедайся у меня, ведь ты плох, вдруг умрешь? Что же ты так останешься?” — “А-а-а... на что ты мне нужен? Не хочу я”. — “Ну, скажи хоть имя свое, и я за тебя помолюсь”. — “Нужен ты мне! Они, такие-сякие, отняли у меня все!” — “Кто они? Кто тебе все это дал, они что ли? Господь тебе дал, Он и взял. Кого же ты ругаешь?.. Смирись, смирись, прошу тебя, поисповедайся мне”. — А сам начал молиться: “Господи, сохрани его жизнь! Что же он идет к Тебе с таким озлоблением, с таким злом...” Потом больной постепенно успокоился и наконец промолвил: “Ну, слушай, батюшка”. И начал свою исповедь. “Я его выслушал, — рассказывал дальше отец Георгий, — разрешил, и он уснул, а утром встал здоровым. С той поры это самый близкий мой духовный сын. Он вышел из тюрьмы, живет, работает, и все как следует. Вообще-то все они хорошие люди, но они загубели и отошли от Бога».

В 1922 году по ходатайству архиепископа Феодора (Поздеевского) иеромонах Георгий был освобожден и тогда же стал насельником Московского Данилова монастыря. В детстве он не раз бывал в Данилове; рассказывал, как однажды горько плакал здесь без всякой видимой причины; вспоминал и о том, как прыгал по ступенькам одного из даниловских храмов, не ведая, что когда-то будет старцем и братским духовником древней обители.

Архиепископ Феодор с любовью принял отца Георгия в монастырь, хотя батюшка не принадлежал к числу ученой братии, которая собиралась вокруг настоятеля. Поселив батюшку вначале в братском корпусе, что напротив Троицкого собора, владыка Феодор вскоре предоставил ему келию в нижнем этаже древнего храма в честь Святых Отцов Семи Вселенских Соборов, справа от входа в Покровскую церковь. Напротив келии находился небольшой домовый храм святых праведных Захарии и Елизаветы. В этой крошечной церкви отец Георгий, возведенный в сан архимандрита, в будние дни принимал приходящих на исповедь и на

совет. В благодатной тишине храма умягчались сердца людей, и всякая душа располагалась довериться мудрому старцу. В праздники архимандрит Георгий исповедовал в Троицком соборе в левом приделе, за ракой с мощами святого благоверного князя Даниила, к тому времени уже перенесенной из храма Святых Отцов.

Имея очищенное от страстей сердце и духовный разум, отец Георгий ясно и трезво воспринимал современную жизнь, проникал в душу каждого человека, и это давало ему возможность безошибочно руководить своей многочисленной паствой. Праведность жизни, глубокое смирение и необыкновенный дар любви притягивали к себе тех, кто искал духовной опоры. К старцу приходили отягощенные грехом, страстями, душевной смятенностью — и уходили облегченные, просветленные, нашедшие выход из жизненного тупика и — главное — обретшие веру в милосердие Божие.

На исповедь к архимандриту Георгию обычно выстраивалась большая очередь. Старец благословлял людей учиться, приобретать специальности по своим способностям и возможностям, развивать данные Богом таланты и не обращать внимание на неустройство быта, столь обычное в то время. Некоторые питомцы старца, тогда еще студенты, впоследствии стали видными учеными.

Келию архимандрита Георгия посещали и архиереи, жившие в то время в Данилове; одного из них, священномученика Фаддея (Успенского), он называл «всеблаженным архиереем». Многие духовные дети старца испытали гонения за верность Христу, стали мучениками и исповедниками.

Ко всем отец Георгий относился по-доброму, и мягкая улыбка, шутивное, веселое слово, которым была пересыпана его речь, ласковые обращения — «золотце», «золотой мой», «деточка» — обнаруживали в нем избыток любви.

Архимандрит Георгий имел ясное церковное сознание и умел дать людям правильную ориентацию в современной церковной жизни. Он осуждал все виды расколов и самовольных течений. В вопросе о поминовании властей за церковной службой советовал

поддерживать митрополита Сергия (Страгородского), оказавшегося у кормила церковного в столь трудное время. Отец Георгий говорил, что разногласий здесь быть не может. Вопрос об отношении Церкви к гражданской власти определен еще в первые века христианства и пересмотру не подлежит. Для подтверждения этого взгляда он обращался к преданию Церкви, к древним христианским свидетельствам. Старец был уверен, что сила христианской любви более действенна, чем ненависть гонителей, и что любовь всегда побеждает, если она соединена с молитвой и терпением.

Церковные начала жизни отец Георгий почитал святыми и требовал от своих духовных детей постоянства в вере. Ежедневную домашнюю молитву, посещение церковных богослужений, знание служб считал обязательными. Чтением Слова Божия, и в первую очередь Святого Евангелия, рекомендовал заниматься постоянно; говорил, что чтение святых отцов «согревает душу». «Беготню» по разным церквям ради праздного любопытства осуждал, так как Церковь Божия едина и молиться можно в любом православном храме, смотря по обстоятельствам жизни. Время тогда было сложное, и соблазны часто подстерегали еще не укрепившиеся души. Были случаи, когда люди по малодушию отрекались от веры, но потом раскаивались. Таких отец Георгий не отторгал, но накладывал на них строгую епитимию. Вместе с тем он никогда не поощрял и кичливой похвальбы своей верой. Призывал своих пасомых свидетельствовать о верности Богу делами, говорил, что можно и нужно быть подвижником в повседневной жизни.

Доброта и мягкость старца Георгия не мешали ему быть требовательным к исполнению духовными детьми его благословений. Непослушание, как правило, приводило к неприятным, а иногда и тяжелейшим последствиям. Одному своему духовному сыну, тогда еще некрепкому в церковной жизни, он настоятельно советовал причаститься. Тот медлил, затягивал и исповедь, и причастие. Внезапно он заболел: лицо покрылось гнойной коркой. После причастия все прошло. Другого сына старец не благо-

словил на монашество. Тот отверг послушание, ушел от своего духовного отца, уехал в монастырь и затем трагически погиб.

Все дела, все наставления и советы отец Георгий предварял молитвой. Старец многое провидел. Предсказывал, что настанет время, когда его духовным детям негде будет приклонить голову, — и вот тогда их приютом станет домик на Красюковке в Сергиевом Посаде. Этот дом был батюшке подарен, в нем он иногда отдыхал по нескольку дней. После смерти отца Георгия в этом доме находили кров и кусок хлеба его гонимые духовные дети и их братья и сестры по вере.

С начала 1930-х годов до открытия Троице-Сергиевой Лавры в 1946 году в мезонине дома на Красюковке, а потом в саду под вишнями хранились драгоценные святыни — антиминсы Лавры, которые преподобномученик Кронид (Любимов), опасаясь ареста, передал на хранение Т. Т. Пелиху, будущему протоиерею Тихону.

Нередко благословения архимандрита Георгия были неожиданны для спрашивающего, но, тем не менее, они исполнялись. Милосердный батюшка был очень сострадателен к людям и помогал им в трудную минуту не только советом; нередко он проявлял находчивость, чтобы разрешить ту или иную житейскую ситуацию. Так, он помог мужу своей духовной дочери, у которого при ревизии обнаружилась крупная растрата по его вине. Собрав у духовных детей деньги для погашения части долга, отец Георгий спас жизнь этого отчаявшегося человека, решившегося было на самоубийство.

В то беспокойное время многие люди оказывались не у дел, без крова над головой и куска хлеба. Преподобный старец помогал таким не потеряться в жизни. Будучи в ссылке, он познакомился с 14-летним мальчиком Андреем Утешевым. Вернувшись в Москву и не имея жилья, юноша жил и воспитывался у духовных детей старца. Его родителей, живших в деревне недалеко от Козловска, в годы коллективизации отец Георгий, сам будучи в ссылке, спас от раскулачивания и отправки в Сибирь, благословив устроиться в домике в Загорске. Так святой праведник заботился о людях, порой ему незнакомых, даже находясь в изгнании.

Исключительное внимание архимандрит Георгий уделял молодежи. «Путь человека складывается смолоду, и потом трудно его изменить», — говорил он. О самых младших, еще не укрепленных своих «детках» старец особенно тревожился. Из ссылки он писал духовному сыну: «Прошу тебя, убереги мои цветочки от этого Вавилона».

С детьми отец Георгий был всегда добр и ласков. «Все ко мне идут, несут свои скорби, а вы у меня как пташечки, легкие, все у вас хорошо, и я отдыхаю с вами», — бывало, говорил он. Он подолгу беседовал с детьми, участливо и серьезно интересовался их проблемами: отношениями с домашними, школьными делами, играми, а с девочками мог обсудить и фасон будущего платья. В карманах его рясы всегда имелись конфеты, пряники, другие сладости, которыми можно было одарить малышей. И малыши платили ему своей детской преданностью и любовью. Не забывали они щедрых даров тепла и любви отца Георгия до конца своих дней.

Многих юношей и девушек старец ставил на твердый и ясный путь, с которого свернуть уже было невозможно. У молодежи всегда было много самых разных вопросов к старцу. Так, юноши нередко спрашивали, можно ли служить в Красной армии. Отец Георгий отвечал, что Красная армия служит Родине, а христианин не только обязан служить Родине, но, если нужно, то и умереть за нее, и это — смерть праведника. Поэтому в Красной армии служить можно.

Многие молодые люди горели желанием уйти в монастырь, но батюшка благословлял на это редко, в большинстве случаев рекомендовал учиться. Он считал, что в наше время в монастырь могут идти лишь проверенные жизнью, уже имеющие большой жизненный опыт. Тяжелобольным разрешал постригаться в любом возрасте. Некоторых из своих молодых духовных детей он благословлял принимать тайный постриг. Человека, которому Господь уготовал монашеский путь, он видел сразу и отрывал от рассеивающей мирской жизни.

Часто старец давал своим «деткам» наставления, облеченные в легко запоминающиеся образные формы. Бережно записанные

ими, некоторые из его «поговорок» сохранились: «Берегите дорогое, золотое время, спешите приобрести душевный мир»; «Жизнь наша не в том, чтобы играть милыми игрушками, а в том, чтобы как можно больше света и теплоты давать окружающим людям. А свет и теплота — это любовь к Богу и ближним»; «Ласка от ангела, а грубость от духа злобы»; «После бури — тишина, после скорби — радость»; «Не будь обидчивой, а то станешь, как болячка, до которой нельзя дотронуться». На вопрос, можно ли узнать, где проявляется воля Божия, а где и от человека зависит, он отвечал: «Можно, только нужно внимательно вглядываться в жизнь, а то большей частью мы невнимательны». Еще он говорил: «Нет, дочка, сейчас, смолоду, надо прокладывать жизнь правильно, а к старости уже не вернешь времени. Одного мудреца спросили: “Что дороже всего?” — “Время, — отвечивал мудрец, — потому что по времени можно приобрести все, а самого времени нельзя купить ни за что». Тех, кто много спит, батюшка назидал: «Проспишь Царство Небесное». Если духовные дети отца Георгия постом излишне беспокоились, в достаточной ли мере постно купленное ими яство, он весело пресекал это «буквоедство»: «Э, дочка, да кто же его оскоромил?»

«Вот и хорошо, что благодать всегда с нами», — говорил отец Георгий своим «деткам», учил их хранить эту благодать и всегда, в самых тяжелых обстоятельствах уповать на Господа. Из ссылки он писал духовной дочери: «Зачем унываешь и скорбишь, что ты одинока, вспомни Евангельские слова Господа, как Он сказал Своим ученикам: *Вы... Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною**. Да и мы не одиноки, с нами и внутрь нас живет Божественная сила, всегда борющаяся против жизненного зла. Береги это сокровище».

Арестовали архимандрита Георгия 19 мая 1928 года. Блаженный Никифорушка вновь предсказал грядущие испытания, на этот раз в поэтической форме: «Не в убранстве, не в приборе, все разбросано кругом... Поминай как звали. Там трава большая, сенокосу много... Скука-мука... Березки качаются...» Эти загадоч-

---

* Ин. 16, 32.

ные слова, произносимые то со смехом, то сопровождаемые прыжкой, тогда были непонятны, но позднее их значение проявилось. При обыске в келии отца Георгия все было перерыто. Затем была ссылка в далекие степи. И «скука-мука» — как для отца, так и для его духовных детей. Березки же появились в конце жизни старца, много их и на кладбище, где он был похоронен...

Незадолго до ареста архимандрит Георгий видел сон: едет он по незнакомой степной местности, и вокруг стоит множество огромных стогов сена. Сон повторился, и отец Георгий теперь знал, что ошибки быть не может: пора ему снаряжаться в дорогу. Он дал своим духовным детям советы и благословения. Наказал не собираться большими компаниями, не стремиться к организации каких-либо группировок на религиозной основе, а свидетельствовать о своей вере жизнью.

Арестовывать пришли батюшку как чуть забрезжил рассвет. Предъявили ордер на арест, начали обыск. Келейница, духовная дочь батюшки, начала плакать. А батюшка, совсем спокойный, говорит ей: «Ну вот, Марусечка, давай-ка мы с тобой помолимся вместе». И встали на молитву. Арестовывающие с удивлением на батюшку озираются, а он вдруг поворачивается, да и говорит, и так спокойно, словно это прихожане его: «А вы скажите-ка мне имена ваши». — «Это еще зачем?» — «А я помолюсь за вас, вы ведь не по своей воле сейчас эту тяжелую работу выполняете». Один усмехнулся и говорит: «Помолись, помолись».

Увезли архимандрита Георгия в Бутырскую тюрьму. Старцу вменено было в вину, что он «среди многих находившихся под его влиянием верующих вел работу в направлении использования религиозных предрассудков в антисоветских целях». 12 июня 1928 года было составлено обвинительное заключение по ст. 58 / 10 УК, сформулированное следующим образом: «Лавров играл роль “старца” в черносотенном Даниловском монастыре, причем обслуживаемый им контингент состоял главным образом из интеллигентов, быв. людей, торгашей и т.д. Количество “духовных детей” Георгия Лаврова достигало 1000, причем иногда они собирались у него большими массами, до 300 (человек). Лавров среди

них вел антисоветскую пропаганду, призывал к пожертвованиям в пользу высланных за антисоветскую деятельность Церкви, как и сам жертвовал денежные суммы для той же цели и т.д.» (из «Постановления» ОГПУ от 12.06. 1928 г.).

Находясь в одиночной камере тюрьмы, архимандрит Георгий прибегал к спасительной молитве. На допросах держался спокойно и мужественно, не поддаваясь на провокационные вопросы следователя, которые могли бы дать повод к ложным обвинениям или привести к обвинению других.

— Сколько к вам на дом народа ходит?

— Число не припомню.

— Вы принимали участие в посылке материальной помощи высланным и заключенным за антисоветскую деятельность церковникам?

— Нет... Никакого участия не принимал.

— Отношение к существующей советской власти?

— Сочувствую советской власти во всем, исключая ее атеистичность.

Старца тяготила разлука с духовными детьми. Позже, из ссылки, он пишет им «всем вкупе» письмо, в котором со свойственной ему сердечностью и искренностью делится тем, что пережил в Бутырьках, конспиративно и не без иронии называя одиночную камеру «отдельной комнатой»: «Я был помещен в отдельную комнату, чтобы никто меня не беспокоил... Времени было много и для молитвы, но были минуты, когда я изнемогал, хотел молиться, но не было сил, хотел заснуть — грусть и тоска по вас отнимали у меня сон. Я становился на молитву и молил Пресвятую Владычицу Владимирскую Матерь Божию: “Владычица, дай мне сил не ради меня, грешного, но ради святых молитв духовных чад моих”, — и мне становилось легко, появлялись силы, бодрость для молитвы и дальнейшего пребывания здесь. Да, в настоящее время и впредь крепко верю и надеюсь на ваши святые молитвы и христианскую любовь...»

15 июня 1928 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать архимандрита Георгия в Казахстан, в

Уральск, сроком на три года. В ссылку батюшка отправился не этапом, а «за свой счет», — это облегчение выхлопотали его духовные дети. Добравшись до Уральска, он получил новое назначение, в глушь — в поселок Кара-Тюбе, находящийся примерно в 100 километрах от районного центра Джамбейты, в юго-восточной части Уральской области.

Изгнанническую долю архимандрита Георгия разделила его преданная духовная дочь Татьяна Борисовна Мельникова, сопровождавшая батюшку в ссылку и бывшая с ним до последнего его часа. Спустя некоторое время в Кара-Тюбе приехала Елена Владимировна Чичерина (монахиня Екатерина). Время от времени старца навещали его духовные дети.

В Джамбейты поселились также ученики отца Георгия, молодые специалисты, окончившие медицинский институт в Москве и выбравшие этот далекий край, зараженный бытовым сифилисом и трахомой, чтобы быть рядом со своим старцем. Главным врачом Джамбейтинской больницы был Сергей Сергеевич Утешев, с ним — еще два врача, санитарка. Через них передавались почта, посылки, организовывались приезды к батюшке его чад.

В Кара-Тюбе отец Георгий и его послушницы поселились вначале в довольно благоустроенном доме, почти в центре поселка, но вскоре пришлось переехать в убогий, находящийся на краю селения. Прямо за домом начиналась необозримая полынная полупустыня. Зимой приходилось бороться со снежными заносами и буранами, летом — с нестерпимой жарой, с проникающим во все щели песком. Отец Георгий должен был в определенный срок ходить в город к уполномоченному отмечаться, что было нелегко, особенно летом, когда идти приходилось по сыпучему песку.

Жили в основном тем, что присылали духовные дети из Москвы, и тем, что давала корова, которую завели вскоре после поселения, благо что это не стоило слишком больших средств. Трудности с едой возникали во время Великого поста, когда все молочное исчезало со стола, а взамен ничего не появлялось: весной бывала распутица, надолго задерживавшая сообщение, и по-

сылки застревали в дороге. Порой не было ни крошки хлеба, ни муки. Тогда употреблялись старые сухари, в которых уже завелись черви. Послушницы старца не могли их есть, он же ел и приговаривал: «Деточка, не тот страшен червь, которого мы едим, а тот, который нас будет есть».

Понемногу устроился быт. Все надо было делать своими руками: заготавливать топливо, корм для коровы, ухаживать за ней. Отец Георгий любил в хозяйстве порядок и постоянно пребывал в трудах. Сарай, где находилась корова, убирал сам, и там всегда было чисто. Он проделал особые стоки, менял подстилку, сам переводил корову на дневное время под навес. Любил что-нибудь мастерить: то ворота подправит, то переборочку в комнате. Но очень скучал среди песка и глины о дереве. Бывало, говорил: «У нас в Оптиной кругом были леса, а тут и прутика не увидишь».

Он близко познакомился с жизнью казахов и искренно полюбил этот простой, добродушный и трудолюбивый народ. Казахи отвечали ссыльному русскому батюшке доверием и любовью. Зная о православных праздниках, они приходили поздравлять старца с Рождеством и Пасхой, помогали в трудную минуту. Отец Георгий вникал в их хозяйственную жизнь и иногда давал рекомендации из своего крестьянского детства, из настоятельской практики в Мещовском монастыре.

В доме гонимого исповедника Христова не прекращалась молитва. Ритм жизни старца, послушниц и гостей, если таковые были, определялся церковным уставом и богослужебным кругом. Домовый храм устроили в главной комнате, где жил отец Георгий и, за стенкой, послушницы. Престол был изготовлен отцом Георгием из посылочных ящиков; в антиминсе находились частицы святых мощей равноапостольных Константина и Елены.

Богослужения совершались во все праздничные дни, а Великим постом ежедневно, и утром и вечером. Хор образовался из духовных детей старца, а также из местных ссыльных. Службы не отменялись ни по какой причине, и даже в дни тяжелой болезни отец Георгий, уже с трудом говоривший, не оставлял церковной молитвы. Постоянно читалось дневное житие.

Бывали в Кара-Тюбе и крестины. Тогда же было положено начало христианскому кладбищу в Кара-Тюбе: скончавшуюся ссыльную монахиню Акилину похоронили не на мусульманском кладбище, а за поселком. Отец Георгий с местным кузнецом смастерили металлический длинный крест и поставили его на могилу умершей. Так крест увенчал Кара-Тюбе, и стали служить здесь панихиды.

За годы пребывания отца Георгия в Кара-Тюбе было несколько происшествий, грозивших обернуться бедой, но по милости Божией закончившихся благополучно. Однажды разбушевался пожар. Отец Георгий оставался в комнате-храме, молясь о том, чтобы беда миновала, и не заметил, что кругом всё в огне; старца вынесли на руках через окно. Огонь многое повредил, но дом остался цел. В другой раз не заметили, как их корова Буренка отелась в степи, и новорожденный теленок затерялся. Его нашли на следующий день; много потом было толков и удивления в поселке: такого еще не случалось, чтобы, пробыв всю ночь в степи, теленок остался невредим. Однажды в дом ворвалась толпа киргизов с целью «раскулачить попа». Когда один из них потянулся к дарохранительнице, решив, что она золотая, отец Георгий загородил ее собою и заявил, что готов умереть, но до святыни не допустит. Дарохранительницу не тронули, но корову увели, правда, через несколько дней вернули, что по тем временам было чудом. После этих событий казахи уважительно говорили: «Русский мулла Богу молился, и теленок в степи не пропал, и корову вернули, и фанза от пожара уцелела».

Как-то летом на дом напали мокрицы, проникавшие всюду: в кастрюли с пищей, в воду, в одежду, в постель; земля во дворе была сплошь усыпана ими. Спрашивали у соседей, что это за явление и что делать, но те удивлялись: у них мокриц не было. Отец Георгий отслужил водосвятный молебен, после которого мокрицы пропали.

Старец Георгий тревожился за своих детей-врачей, живших в Джамбейты: их положение было опасным. Однажды Елена отдыхала за перегородкой и внезапно проснулась от того, что старец

горячо молился вслух. Молитва его состояла из повторяющегося обращения к святителю Николаю и перемежалась перечислением имен всех живущих в Джамбейты. Он говорил очень быстро и порывисто: «Святителю Отче Николае, святителю Отче Николае!..» — и так много раз; затем перебирал имена, и опять все сначала. Старец умолял Святителя всей силой своей души. Окончив молитву и выйдя из комнаты, он прошел во двор мимо Елены, но не заметил ее. Лицо его сияло радостью. По молитвам отца Георгия живших в Джамбейты врачей не коснулась рука гонителей, и они не были ни в тюрьмах, ни в лагерях.

Однажды Господь послал утешение насельникам дома на окраине Кара-Тюбе. Было это в Преображение, вечером. Старец и его послушница вышли подышать воздухом. Внезапно отец Георгий указал на небо. Там плавно двигалась яркая звезда, разгоравшаяся все ярче и ярче; все небо вокруг сильно освещалось. Длилось это долго. Старец радостно смотрел вверх и говорил: «Вот это и есть Фаворский Свет». Потом добавил: «Господи, пошли нам Свет Твой присносущный!» На другой день Елена спрашивала в поселке, видел ли кто звезду, — никто ничего не видел.

Отец Георгий тяжело переживал оторванность от участия в церковной жизни. Более всего он тревожился о своей пастве, оставшейся без духовного руководства. Но и находясь вдали от духовных детей, он не переставал оставаться их добрым и отзывчивым отцом. Со многими из них вел переписку, отвечая на вопросы, поддерживая, выправляя пути, подавая им радость и мир, в то время как сам находился в тесноте.

В ссылке архимандрит Георгий тяжело заболел. Вызванная из Джамбейты врач С. М. Тарасова (монахиня Агапита) определила рак гортани. Необходимо было клиническое лечение и немедленная операция — следовательно, возвращение в Россию. Стали ходатайствовать о поездке в Москву. Незадолго до назначенного срока освобождения архимандрит Георгий послал в Москву, митрополиту Сергию, телеграмму: «Благий архипастырь, отец. Я заболел серьезно горлом. Пищи принимать никакой нельзя, чайную ложку глотаю [с] трудом. Лежать, спать минуты не могу, за-

дыхаюсь. Дальнейшее пребывание [в] таком положении — голодная смерть. Я вновь прошу Вашего ходатайства [на] разрешение приехать. Срок мой кончится 19 мая 1931». Однако телеграммы из мест ссылки вряд ли доходили до места назначения, и изнуренный болезнью старец не только не вернулся в Россию раньше положенного срока, но и пробыл в Казахстане еще один, лишний, год, так как власти затягивали его освобождение и разрешение на выезд вовремя получено не было.

Тяжел был этот последний год пребывания исповедника Христова в Кара-Тюбе. К зиме надо было готовиться с осени, но отец Георгий, в ожидании освобождения, раздал все, что не могло понадобиться в России. Истошились все запасы — топливо, сено. Эти новые лишения окончательно подорвали его здоровье. К страданиям физическим прибавлялись нравственные — ответственность за участь верных послушниц. Часто в бреду он говорил, словно обращаясь к властям: «Прошу вас, отпустите меня, ведь мой срок кончился, а со мной мучаются еще две девочки».

Весной 1932 года пришли, наконец, документы, и отец Георгий был освобожден без права проживания в Москве и 12 других городах, с прикреплением к определенному месту жительства в течение трех лет. Татьяна Мельникова вновь обратилась к митрополиту Сергию с просьбой ходатайствовать, чтобы архимандриту Георгию разрешили въезд в Москву, «если нельзя совсем, то хотя бы для операции и лечения». Но разрешение получено не было, и из возможных для жительства городов старец выбрал Нижний Новгород, сказав при этом: «Спасение из Нижнего», — вспоминающая о Минине и Пожарском.

Смертельно больной, архимандрит Георгий отправился в обратный путь, в Россию. Ему не говорили о том, что у него рак, но он обо всем догадался и воспринял болезнь как посещение Божие. На пароходе, а потом в Нижнем Новгороде находил в себе силы то и дело повторять сложенную им поговорку: «Рак не дурак, ухватит клешнями — и прямо в Царство Небесное».

Возвращение было трудным. По попущению Божьему в Нижнем отца Георгия и его спутниц никто не встретил. Жилье при-

шлось искать самим. Годы были тревожные, и гонимого исповедника мало кто осмеливался приютить. За очень недолгое время жизни в Нижнем отец Георгий переменил три пристанища. Вначале устроились под храмом, в каменном сыром помещении, где жили несколько монахинь; потом — в каморке рядом с храмом, пожертвованной опальному батюшке милосердной старушкой. Наконец, для умирающего старца нашли хорошую светлую комнату в пригороде Кунавино, в небольшом домике, стоявшем среди рощи белоствольных берез, ветви которых качались прямо перед его окном. Увидев их, отец Георгий сказал: «Вот они где, Никифорушкины березки...»

Оставались последние дни исповеднической жизни старца. Из Москвы приехали близкие духовные дети. Встреча с ними оживила отца Георгия, и, насколько хватало сил, он поговорил с каждым в отдельности. 4 июля отец Георгий долго разговаривал со своим духовным сыном архимандритом Сергием (Воскресенским), интересовался церковными делами. Утомившись беседой, задремал. В комнате возле батюшки осталась только Татьяна Мельникова. Заметив, что дыхание батюшки изменилось, она позвала отца Сергия. Он тотчас пришел со Святыми Дарами. Старец взял Чашу, принял Святые Дары и так, с Чашей в руках, представился Богу.

Блаженная кончина преподобного старца Георгия была тихой и мирной. Умирая странником, в чужом доме, но в окружении духовных детей, он до последнего часа исполнял свое пастырское призвание; последней была беседа о делах Церкви.

О смерти батюшки сразу же сообщили в Москву, и кто мог, поехал в Нижний. Митрополит Сергей, лично знавший отца Георгия, спросил, в какой день он скончался, и, услышав, что в понедельник, задумавшись, сказал: «День ангелов».

Отпевание было назначено на 6 июля, день Владимирской иконы Божией Матери, особо чтимой старцем. За неделю перед кончиной он сказал духовному сыну, что вверил свою судьбу Царице Небесной, Которой непрестанно молится.

Совершал отпевание архимандрит Сергей в сослужении множества духовенства. Пели монахини и духовные дети отца Георгия. Погребли батюшку на Бугровском кладбище.

Духовные чада собирали сведения о жизни своего духовного отца, записали воспоминания о нем; долгие годы хранили как драгоценные святыни его портреты и личные вещи, фотографии могилки, рисунки с изображением батюшки и его домика в далеком Казахстане. После смерти батюшки его чада с благоговением исполняли заветы и благословения своего наставника. В любых обстоятельствах и испытаниях они не забывали главного, чему учил старец, – быть верными Христу, полагаться во всем на волю Божию и уповать на Его великое милосердие.

Верный служитель Божий преподобноисповедник Георгий, сотворив подвиг любви в своей земной жизни, и по смерти продолжает это служение. Он как добрый отец предстательствует у Престола Божия за всех, кто обращается к нему с теплой молитвой веры.

28 сентября (11 октября) 2000 года состоялось обретение мощей преподобноисповедника, которые перенесены в Москву и покоятся в Покровском храме Свято-Данилова монастыря.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 8419, оп. 1, д. 207.
 ОР РГБ. Ф. 203, к. 1, д. 3.
 РГАЛИ. Фонд И. К. Фортунатова.
 ГАКО. Ф. 33, оп. 2, д. 2159, д. 2210.
 Ф. 1267, оп. 2, д. 393; оп. 1, д. 4. Архивное дело Р-2, оп. 1, д. 1137.
 Калужский церковно-общественный вестник. 1915, № 32. 1916, № 2. 1917, № 35–36.
 У Бога все живы. Воспоминания о даниловском старце архимандрите Георгии (Лаврове).
 «Даниловский благовестник», М. 1996.

Июля 21 (4 июля)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Павел (Успенский)

Священномученик Павел родился 23 мая 1888 года в селе Чернево Московского уезда Московской губернии в семье священника Дмитрия Ивановича Успенского.

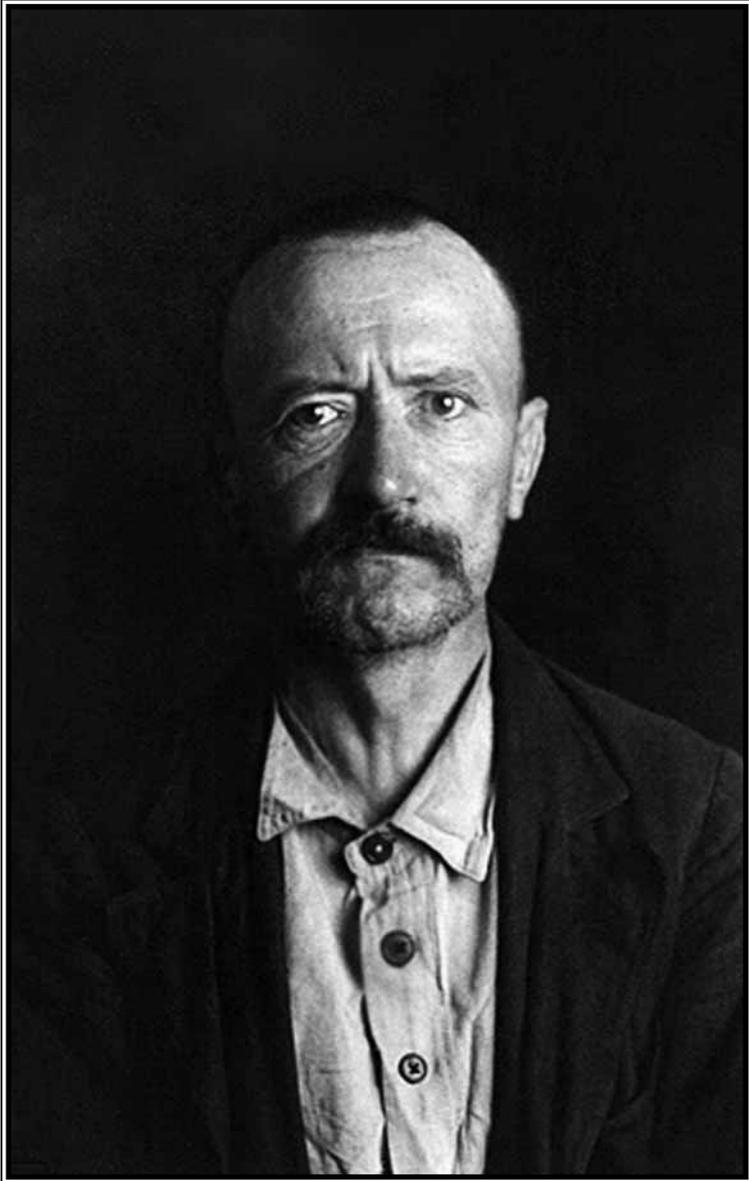
В 1904 году Павел Дмитриевич окончил Перервинское Духовное училище, в 1911 году – Московскую Духовную семинарию. Два года он был учителем Каменковской церковноприходской школы Богородского уезда Московской губернии, а в 1913 году был рукоположен во священника к Троицкой церкви села Сапроново, где прослужил до 1930 года. В 1929 году отец Павел был награжден наперсным крестом. С 1930 года он служил в Воскресенском храме в селе Васильевское, с 1932 года – в селе Чашниково. В том же году он был переведен в храм Космы и Дамиана в селе Большево Мытищинского района, а затем в храм во имя Живоносного Источника села Царицыно. С 1933 года отец Павел стал служить в Михаило-Архангельском храме села Нехорошево Серпуховского района, а с 23 июня 1936 года – в храме Рождества Богородицы в селе Рудня Куровского района*. 19 марта 1938 года священник Павел Успенский был арестован Михневским районным отделением НКВД и заключен в Каширскую тюрьму. Еще за несколько дней до ареста – 15 марта следователем были вызваны на допрос несколько жителей села Сапроново. Один из них впоследствии рассказал, что следователь допрашивал ночью и очень быстро, протокол допроса прочитать не дал, потребовал, чтобы скорее подписывал, потому что «духовенство надо ликвидировать, давай наговаривай больше».

На допросах отец Павел себя виновным не признал – на все вопросы следователя отвечал отрицательно. 7 июня 1938 года тройка НКВД приговорила отца Павла к расстрелу. Священник Павел Успенский был расстрелян 4 июля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-41556. АМП. Послужной список.
Дубинский А. Ю. Московская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). «Прометей», М. 1998.

* Ныне Орехово-Зуевский район.

Священник Павел Изенчик

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

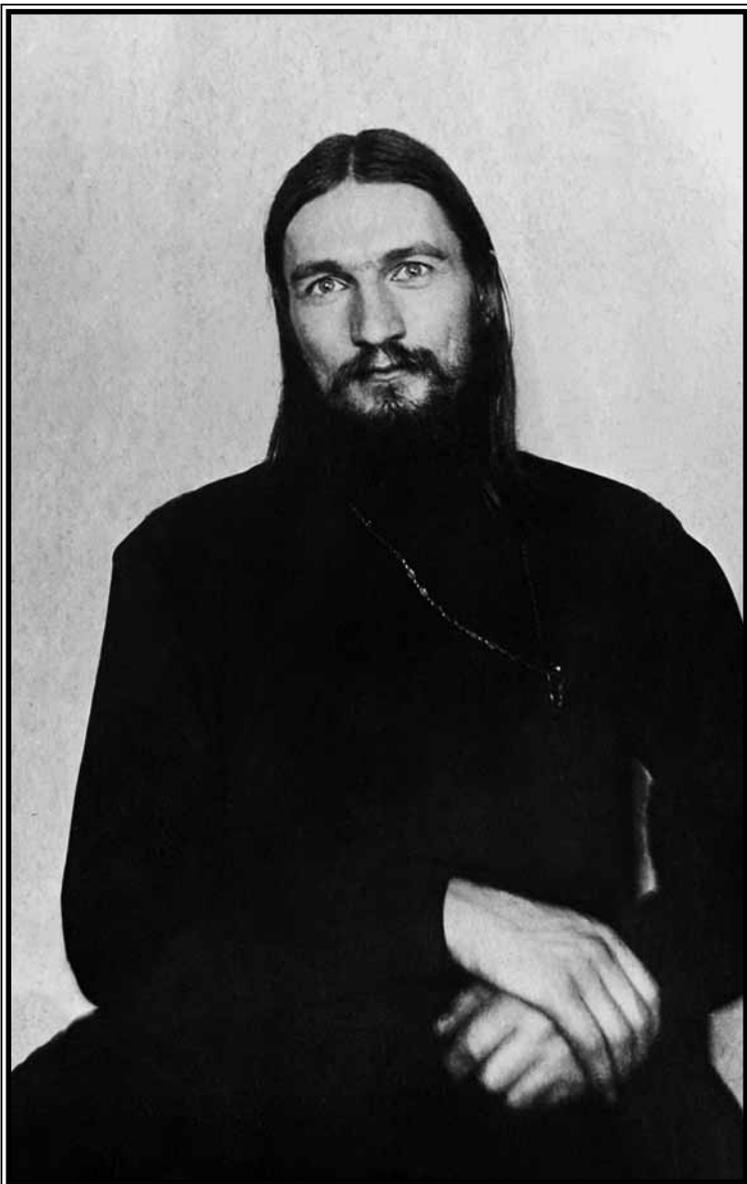
Юлия 6 (19)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Феодор (Богоявленский)

Преподобномученик Феодор (в миру Олег Павлович Богоявленский) родился 26 декабря 1905 года в Тегеране в благочестивой семье русского консула в Персии Павла Георгиевича Богоявленского. 19 января 1911 года Павел Георгиевич был убит персами, и его жена Ольга Петровна с тремя малыми детьми вернулась в Санкт-Петербург. Семья жила на пенсию, получаемую от правительства; жили хотя и не богато, но в достатке. Олег в это время учился в ремесленном училище. После революции семья осталась без средств к существованию. Ольга Петровна была пианисткой и некоторое время зарабатывала на жизнь уроками музыки. Но когда в Петрограде начался голод, она лишилась уроков. Выйти из этого бедственного положения им помог брат Ольги Петровны – профессор Александр Петрович Нечаев. В 1920 году ему предложили занять должность ректора института в Саратове, куда он взял и семью сестры. В 1921 году голод начался и в Саратове, и Ольга Петровна поменяла все свои вещи на ржаную муку. Олегу удалось поступить на работу, и он стал получать паек, что явилось значительной поддержкой для семьи. Но это продолжалось недолго, он заболел суставным ревматизмом, и работу пришлось оставить. Это было время, когда голод в Саратове усилился настолько, что люди умирали прямо на улицах.

В 1921 году Александра Петровича перевели в Москву, а семья Ольги Петровны еще некоторое время оставалась в Саратове, где существовала на скудный паек, получаемый ею за преподава-

Церковник Георгий (Богоявленский)

ние музыки в школе, который состоял из небольшого количества растительного масла, обычно льняного, конины и патоки вместо сахара.

В 1922 году по приглашению Александра Петровича они выехали в Москву, и Ольга Петровна устроилась преподавательницей музыки в средней школе. Они получили комнату. Посреди комнаты стояла печка-временка. Жили более чем скромно. Белый хлеб был только по праздникам, и часто приходилось ходить обедать к дяде-профессору. По приезду в Москву Олег окончил курсы по подготовке в высшее учебное заведение и в 1923 году поступил на медицинский факультет Московского университета. В это время в университете был организован литературно-философский кружок, в котором Олег принял деятельное участие. Но занятий в университете и литературном кружке оказалось для него недостаточно, он искал чем послужить людям и стал принимать самое активное участие в борьбе с беспризорностью. Ольга Петровна очень беспокоилась за него, но, будучи сама человеком глубоко религиозным, не могла противиться христианскому подвигу сына. Она воспитывала детей в покорности воле Божией. «Что бы ни случилось, — говорила она детям, — никогда не забывайте, что на все воля Божия». С детства она приучила их ходить в храм. Переехав в Москву, они стали прихожанами храма Грузинской иконы Божией Матери, настоятелем которого был священник Сергей Голошапов, человек высокообразованный и прекрасный проповедник*. Олег с сестрой Ольгой пели на клиросе, а младший брат Георгий был в храме чтецом и прислуживал в алтаре. Основную часть прихожан составляла молодежь. Свечного ящика в храме не было, свечи раздавались бесплатно. С тарелками для сбора пожертвований по храму не ходили, но у дверей при входе стояла большая кружка, куда верующие могли опустить свою лепту. Богослужения совершались истово и строго по уставу. После праздничных всенощных отец Сергей объяснял тексты Священного Писания, смысл праздников и богослужения. После

* Прославлен на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2000 года.

праздничной литургии устраивалась общая трапеза.

В 1926 году Ольга Петровна тяжело заболела. Олегу пришлось уйти с 4-го курса университета и поступить на работу делопроизводителем в Народный Комиссариат Просвещения. В 1927 году Ольга Петровна скончалась. В том же году Олега взяли на военную службу. Он был зачислен в полк связи. Служа в армии, Олег не скрывал своих христианских убеждений и всегда, прежде чем сесть за стол, про себя молился, а затем крестился. Это было замечено начальством, и его посадили на пять суток на гауптвахту. Образовалось много свободного времени, и он решил описать свои впечатления о поездке в Саровский монастырь. Состояние человека, не тревожимого никакими внешними заботами, возродило такие чувства, мысли и переживания, которые, далеко отодвинув смятение настоящего времени, гражданской войны и гонений, вернули ему ощущение мирного времени с его покоем и мельчайшими, кажущимися чрезвычайно важными подробностями, когда становится дорог каждый камешек и былинка этой драгоценной земли, богосозданного нашего дома.

«17 декабря 1927 г.

...Рядом с проезжей дорогой вьется узкая тропинка, иногда пропадая в начинающей уже желтеть ржи и в высоких сочных овсах. Далеко позади белеет Арзамас. А впереди — поля и холмы; и чудится мне, что эти поля должны кончиться за ближайшим холмом, и тогда откроется совсем другой мир. Какой? Я и сам не знаю, только представляется он мне глубоко отличным от того, который остался позади. Но вот дорога поднимается на холм, открываются новые дали, а другого мира все еще нет.

Медленно, очень медленно движемся мы. На нашей телеге, свесив большие сапоги и седую бороду, сидит дед. Вскидываются и борода, и сапоги на ухабах, и изредка охает он. Не первый раз он в этих местах, и поэтому не глядит он внимательно вдаль, не ловит солнца светлого луч и чудесного мира появление; да и по сторонам он мало смотрит, а сидит на телеге, уставив бороду в землю, и терпеливо ждет конца пути, раздумывая о своей крестьян-

янской доле. Знает он и провалившийся мост, и красный гостиный двор, и мелочную лавку у самой монастырской стены, и монахов — тех же окрестных крестьян. Все это знает он, и все же трясется дед на телеге семьдесят верст в надежде, что там, в монастыре, он все найдет, что нужно для его души... Загорелась ярким светом белая колокольня, а впереди уже — сумрак полей, и бежит этот сумрак все быстрее и быстрее. Вдруг в глаза бросился яркий солнечный свет и окутал все теплом. Застрекотали и запрыгали кругом кузнечики, закружились мошки, и воспрянула к жизни всякая тварь. Сбежала и у меня усталость с лица. Глаза радостью засветились. Я снял засохшие от грязи сапоги и в легких туфлях устремился вперед, вниз и вверх по холмам. Уже стало темнеть, и мало-помалу все покрылось звездным небом. Потянулись кустарники, зацарапали ветви по ободьям колес, и на корнях тряско подкидывало телегу. А дальше дорога вдруг повернула в тень, где только звезды мигали сквозь молодую лесную чашу...

Пять дней вынужденного бездействия оживили во мне эти воспоминания. Несмотря на все мытарства, настроение у меня бодрое и спокойное. Много думаю о своих, но и за них я спокоен, так как верю, что о них не забудут, как не забудут и обо мне, красноармейце второй кабельной роты первого полка связи».

Оканчивал Олег службу в санитарном отделе Московского военного округа.

По возвращении из армии Олег стал посещать Высокопетровский монастырь, настоятелем которого был в то время архиепископ Варфоломей (Ремов). Владыка благословил Олега обращаться для руководства в духовной жизни к архимандриту Никите (Курочкину), насельнику Зосимовой пустыни, человеку, приобретшему долгим подвигом истинное смирение и любовь к людям. Летом 1929 года храм в Петровском монастыре был закрыт и монахи перешли в храм преподобного Сергия на Большой Дмитровке. С появлением в приходском храме монашеской братии богослужения в нем стали совершаться по монастырскому уставу. Здесь Олег принял твердое решение — всю жизнь свою посвятить

только Господу, не разделяя своих душевных устремлений ни с чем земным, встать на путь монашеского подвига и идти по нему до самой смерти. Грозным предупреждением звучали в его душе слова Господни: *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62).

4 ноября 1930 года Олег принял монашеский постриг с именем Феодор в честь преподобного Феодора Студита и был рукоположен в сан иеродиакона ко храму преподобного Сергия. В это время он жил в маленькой комнатке на колокольне. В 1933 году художником Павлом Кориным с него был написан портрет — эскиз к картине «Русь уходящая», названный им «Молодой монах». Приняв монашеский постриг, он всей душой устремился ко Христу и подвижнической жизни и, воспринимая отношения с приходской общиной и знакомыми как имеющие в значительной степени человеческий, пристрастный характер, постарался отстраниться от них; не нарушая заповедей Христовых, он стремился отсечь то, что было всего лишь душевным и земным, что было утешительно, но не вечно. Живя среди города и людей, он ушел как бы во внутреннюю пустыню, чтобы, закалившись в подвигах самоограничения, вернуться в мир мужественным воином Христовым и уже тогда послужить всякому ближнему — и любящему, и ненавидящему, и равнодушному. Такое его умонастроение породило некоторое непонимание между ним и близкими друзьями.

Среди братии Высокопетровского монастыря был в то время молодой архимандрит Алексей (Сергеев). Он не любил монашеского образа жизни и не стремился к духовному подвигу. ОГПУ предложило ему сотрудничество, на что он дал согласие и стал время от времени составлять списки прихожан и монахов и сообщать о них сведения, необходимые для их ареста. Все в монастыре, а также близкие к монастырю прихожане знали о его злодейской роли и сторонились его. В начале 1933 года архимандрит Алексей подал в ОГПУ сведения о том, что при храме преподобного Сергия созданы нелегальный монастырь и Духовная акаде-

мия, и во время следствия выступил свидетелем обвинения против братии и прихожан Сергиевского храма. Он показал на следствии: «Сергиевская церковь, по существу, является нелегальным монастырем, где группируются контрреволюционные антисоветские элементы... Руководящую роль в контрреволюционной деятельности нелегального монастыря занимают, кроме епископа Варфоломея (Ремова)... (далее он перечислил восемь священников и среди них иеродиакона Феодора. — *И. Д.*). Контрреволюционная деятельность означенного нелегального монастыря проводилась в направлении активной борьбы с властью путем вербовки и обработки в антисоветском духе молодежи с целью создания контрреволюционных кадров тайного монашества в советских учреждениях, путем нелегальных богослужений на квартирах с целью подготовки перехода в подполье, организации нелегальной академии, организации нелегальной помощи сосланным за контрреволюционную деятельность церковникам. Контрреволюционная организация в процессе деятельности успела обработать в контрреволюционном духе молодежь, завербовав в тайные послушники следующих лиц... (далее он перечислил имена четырнадцати человек. — *И. Д.*). Молодежь обрабатывалась таким способом, чтобы не только ее оторвать от общественной жизни и общественных организаций, но и внушалась мысль, что общественные организации развращают молодежь... Монастырем завербовано в тайное монашество шестьдесят человек, фамилий всех не знаю, но некоторые из них мне известны... Монашки руководились иеромонахами через ежедневное писание рапортчек-помыслов о повседневной жизнедеятельности, на которые они получали от иеромонахов руководящие указания. Руководящую роль в контрреволюционной деятельности нелегального монастыря выполнял вернувшийся из ссылки бывший князь Ширинский-Шихматов, который лично мне рассказывал о творящихся ужасах и издевательствах над заключенными, что он всегда готов вести борьбу с ненавистной ему советской властью. Я участия в этой контрреволюционной деятельности не принимал, просто в

силу служебных обязанностей по монастырю пришлось быть свидетелем означенных контрреволюционных действий, о чем чистосердечно сообщаю».

28 марта 1933 года иеродиакон Феодор был арестован. Всего по этому «делу» было арестовано двадцать четыре человека — священнослужителей и мирян. Среди других был арестован и иеромонах Никола (Ширинский-Шихматов).

1 апреля 1933 года следователь допросил иеродиакона Феодора. Побеседовав с ним, он составил протокол ответов на интересующие следствие вопросы. «Я, как бывший дворянин, не имея перспектив, решил посвятить свою жизнь служению культуре. Служа в Красной армии в 1927—1928 годах, я ходил в красноармейской одежде в церковь и помогал в богослужении, читая Евангелие, Псалтирь и прочее. После окончания службы в Красной армии я перешел в нелегальный, бывший Петровский, монастырь, который существовал при церкви Сергия на Дмитровке. Мне известно, что в этом монастыре производились тайные постриги в монахи и в монахини. Постригались люди из числа верующих — проверенных ревнителей Церкви. Мне известны два пострига — Прокофьева Григория (Сергия) и Николы, служащего священником в селе Никольском. Кроме тайных постригов, при церкви Сергия на Дмитровке существовал нелегальный монастырь, куда собирались монахи и монашки из разных закрытых монастырей. Количество собирающихся я указать не могу, но предполагаю, что их было более пятидесяти. Нелегальный монастырь, в котором я состоял, был озабочен тем, чтобы подготавливать квалифицированные кадры. Помимо того, что я получал опыт от старых монахов, я старался получить богословское образование. Мне известно, что при нашем нелегальном монастыре существовала нелегальная духовная академия, преподавателями которой были протоиерей Смирнов и профессор Четвериков. У Смирнова лично я прослушал несколько лекций, которые он читал у себя на колокольне».

Прочитав написанное следователем, отец Феодор написал:

«Содержание данного протокола считаю НЕ соответствующим действительности». Слово «не» отец Феодор написал большими буквами и подчеркнул жирной чертой. На этом допрос был закончен. И сколько впоследствии ни допрашивал его следователь, отец Феодор отказался давать какие бы то ни было показания, о чем следователь вынужден был сделать соответствующую запись. «Не ведают, что творят», – говорил о них впоследствии отец Феодор, жалея их.

9 апреля 1933 года следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, в котором, в частности, говорилось: «ОГПУ стало известно о существовании контрреволюционной организации церковников... Практическая контрреволюционная работа организации выражалась: в насаждении в советских учреждениях тайных монахов, занимающихся пропагандой контрреволюционных идей и обработкой в антисоветском духе служащих, главным образом молодежи; в создании нелегальных монастырей, являющихся очагами развернутой антисоветской агитации среди населения; в создании специальной нелегальной духовной академии для подготовки кадров контрреволюционного актива; в распространении монархической литературы (дореволюционного издания) и создании спецфонда помощи ссыльным за контрреволюционную деятельность церковникам».

27 апреля 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило иеродиакона Феодора к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. 7 мая он был отправлен этапом в Новосибирск. Перед этапом ему дали свидание с сестрой. Он вышел к ней радостный и бодрый. Благодать Божия давала силы быть стойким и мудрым; узы, которые пришлось переносить ради Христа, не были омрачены малодушием и тем более предательством и устроили мирное состояние духа.

В мае 1934 года он был отправлен во Владивосток, в 1-е отделение Дальлага. Во время посадки заключенных на пароход у него отнялись ноги. Несмотря на жесточайшие побои, он не смог встать, и конвой вызвал врача. Осмотрев его, врач убедился, что

перед ним действительно больной, которому нужна неотложная помощь.

Впоследствии врач выяснил, что отец Феодор имеет неоконченное высшее медицинское образование, и взял его к себе помощником. Иеродиакону Феодору пришлось ассистировать более чем при ста операциях аппендицита, удалять зубы и даже принимать роды, так как в лагере, кроме врача и иеродиакона Феодора, медицинского персонала не было. Желая как можно больше принести пользы страждущим, он являлся для них врачом не только телесным, но и духовным, укрепляя словом больных и умирающих.

Попав в исправительно-трудовой лагерь, отец Феодор имел намерение не сообщать о месте своего нахождения и никому не писать. Ему хотелось в заключении, которое явилось для него подвигом сугубым, пожить, полагаясь только на Бога, не надеясь ни на материальную помощь близких ему людей, ни на согревающее душу слово их поддержки. В брани против духов злобы поднебесной ему не нужны были ни излишки одежды, ни пищи, а только чистое сердце и душа, не преклоняющаяся на грех, о спасении которой воинствовали ангелы небесные. Но когда летом 1934 года одно из писем членов общины достигло лагеря, где он находился, он переменял свое решение и ответил на него. В ответах он везде, когда писал слово «семья», имел в виду общину, с которой был тесно связан по храму Грузинской иконы Божией Матери. В это время его сестра Ольга ушла из общины, почувствовав потребность в руководстве опытного духовника-монаха, и стала окормляться у священноиноков Высокопетровского монастыря; некоторые из них, как, например, схиархимандрит Игнатий (Лебедев), в то время еще не были арестованы.

В письме монаху Сергию (Савельеву) отец Феодор писал:
«Владивосток, 8 октября 1934 г.

Дорогой мой брат и все родные! Поздравляю вас всех с сегодняшним радостным днем, который мне так же дорог, как и вам...

Новые обстоятельства моей жизни уничтожили много внеш-

них и внутренних препятствий к нашему общению, и это общение теперь могло бы проявиться во всей возможной при данных условиях полноте...

С какою радостью я получал и читал письма родных, в которых находил все новые пути, связующие нас. Я видел, что эти годы, когда мы росли вдаль друг от друга, возрастили в нас одни и те же плоды, потому что почва и семена были одни и те же. Я понимал, что любовь к семье, чудесно укрепляющая жизнь, — выражение высшей и большей любви, соединяющей всех верующих в одну семью — святую Церковь. Если бы не любовь к Богу рождала любовь к семье и друг другу, то мертва была бы семья и взаимная любовь.

Теперь каково же мое место в этом? Могу ли я быть членом вашей семьи, связав себя с другой семьей самым неразрывным образом 24 ноября 1930 года?..

14 октября. Поздравляю вас с праздником и продолжаю свое письмо, которое мне тоже не сразу дается. Меня затрудняет не боязнь написать что-нибудь лишнее, а стремление высказаться как можно проще и откровеннее.

Итак, когда я увидел, что жизнь Олюни (его сестры. — *И. Д.*) в семье не оправданна и не содействует ее внутреннему росту, а, скорее, задерживает его, и когда она сообщила мне о своем не решении, а уже уходе из семьи, тогда я принял это как неизбежный в данный момент положительный вывод из всей жизни последних лет. Мне было ясно, что в условиях ее жизни в семье ее внутренний кризис не находит разрешения, и в то же время я знал, что “петровские” условия могут очень помочь ей, и я совершенно искренне, по-братски, написал это вам, имея в виду прежде всего душевную пользу Олюни, с одной стороны, и всей семьи в целом — с другой.

Я был очень удивлен и огорчен, что не получил тогда никакого отклика на то письмо, которое не могло остаться безразличным для родных, но я объяснял ваше молчание неполучением вами того письма и никак не полагал, что вы могли отнестись к не-

му так, как показало твое письмо. Конечно, можно возразить, что тут дело идет о самом существенном, а именно о любви и верности семье, но повторяю, что семью я понимаю как жизненное выражение нашей веры, и если она для кого-нибудь из нас перестанет им быть, то весь смысл ее для него пропадет. Правда, меня можно упрекнуть в том, что я не верю в силу любви родных. Да, это, пожалуй, верно...

А теперь, если время для нашего плодотворного общения еще не наступило, будем молиться и трудиться раздельно. Для меня одна лишь память о вас служит постоянным источником радости и ободрения. Да хранит вас Господь».

27 февраля 1935 года иеродиакон Феодор писал сестре отца Сергия, рукоположенного к тому времени в сан иеромонаха:

«Сейчас, сидя в тишине больничной ночи, нарушаемой иногда стоном больного или шумом проходящего невдалеке поезда, я мысленно прохожу последние годы. Да, много приобретено доброго, но много и растрачено, особенно за последнее время.

С одной стороны — петровская школа, начало проникновения в службу, в режим и строй монашеской жизни. Затем — масса новых впечатлений от жизни в совсем других условиях. Свобода от уз монашеской дисциплины и, как следствие этого, — рост страстей.

К этому надо прибавить стремление облегчить себе жизнь, все большее погружение в повседневные заботы, увлечение медициной, и над всем этим — сознание полного несоответствия своей жизни со своим званием и недостаток решимости и умения это изменить. Но, несмотря на это, в общем — бодрость и радостно-спокойное состояние, которое всегда отношу за счет молитв своих близких.

Вот, родная, что написалось мне в этот раз. Да хранит вас Господь и Его Пречистая Матерь. Приветствую всех, как люблю».

Иеродиакон Феодор вернулся из лагеря, пробыв там полных три года. Первое время он жил в Егорьевске, а затем переехал в Тверь. 11 апреля 1936 года отец Феодор писал из Твери:

«Родные мои! Поздравляю вас всех с наступающим Светлым Праздником и желаю встретить его в духовной радости и единении. Я, слава Богу, провел это время как нельзя более мирно и содержательно, чем вполне был вознагражден за лишения прошлых лет.

За время поста много передумал, и как-то впервые по приезде сюда совершенно спокойно, не будучи отвлекаем ничем посторонним. Теперь моя жизнь и перспективы на будущее явились в новом свете. Но об этом поподробнее, если Бог благословит, побеседуем по моем приезде в Москву. Я предполагаю к вам выехать в ближайшие дни».

При освобождении отца Феодора из заключения врач снабдил его документами и характеристикой, в которой отмечал его исключительную добросовестность и редкие способности к медицине, и приложил ходатайство о предоставлении ему возможности завершить медицинское образование.

Нужно было решить вопрос: воспользоваться ли этими документами и стать врачом телесным или идти дальше по тесному и скорбному пути священноинока, который в те годы неизбежно вел на голгофу. Его духовный отец и восприемник при постриге архимандрит Никита, который к тому времени вернулся из ссылки, предоставил ему самому свободно решить этот вопрос. Отец Феодор обратился за советом к сестре: «А как ты думаешь, что ты посоветуешь делать?» Ольга стала молиться перед Казанской иконой Божией Матери, которой благословила их мать, и вдруг, словно голос, ясно услышала: «Вземшийся за орало да не зрит вспять». Она повторила эти слова вслух. Отец Феодор внимательно выслушал их и, кротко улыбувшись, сказал: «Спасибо тебе, одна только ты меня поддержала, мне так это было нужно».

После этого он уже не сомневался в выборе пути и пошел в патриархию, заявив, что хочет служить и принять священство. Священноначалие направило его иеродиаконом в большое село Амельфино Волоколамского района Московской области в помощь старому протоиерею. Тот был вначале недоволен его появ-

лением и говорил, что ему диакона не нужно, так как в храме мало дохода. Впоследствии он полюбил отца Феодора, как родного сына. Своей кротостью, скромностью и полной нестяжательностью отец Феодор сумел победить недоброжелательное отношение к себе. Священник жил вдвоем с супругой, детей у них не было, он страдал страстью винопития, и дело доходило до запоев. Когда он приходил в храм в неподобающем состоянии, отец Феодор кротко уговаривал его прилечь на лавке в алтаре. Затем выходил к народу и говорил: «Братья и сестры, помолитесь, наш батюшка очень заболел, служить не сможет, расходитесь с миром по домам до следующего воскресенья». И так бывало не раз. Затем священник был сослан, а храм закрыт. Отец Феодор почти до самого своего ареста материально поддерживал супругу священника.

12 мая 1937 года отошел ко Господу духовник и наставник отца Феодора архимандрит Никита, служивший в храме села Ивановского неподалеку от Волоколамска. Смерть духовника стала большой потерей для отца Феодора, и он говорил: «Я готов еще раз пережить заключение, лишь бы был жив батюшка».

Прихожане храма в селе Ивановском предложили отцу Феодору занять место почившего священника, на что он дал свое согласие. После этого отец Феодор и председатель церковного совета отправились в Москву к архиепископу Сергию (Воскресенскому) с ходатайством о рукоположении иеродиакона Феодора в сан священника ко храму мученика Иоанна Воина в селе Ивановском.

Архиепископ Сергий ходатайство удовлетворил, рукоположив иеродиакона Феодора в сан иеромонаха. Рукоположение состоялось в храме апостолов Петра и Павла на Преображенской площади в Москве. Первую свою службу иеромонах Феодор совершил на сороковой день после кончины архимандрита Никиты.

С великой ревностью и самоотверженностью исполнял отец Феодор свои пастырские обязанности. Когда нужно было причастить больного, он отправлялся из дома в любую погоду — в

дождь, в сильный мороз и в распутицу, идя по топкой от грязи дороге. Денег за требы он не брал, а когда видел нищету, то сам по мере возможности старался помочь. Своим усердием и милосердием он стяжал любовь всех своих прихожан.

В это время власти закрывали храмы, требуя уплаты непосильных налогов. Если священник не мог заплатить, то власти лишали его регистрации, — значит, и возможности служить, — а храм закрывали. Так произошло и с иеромонахом Феодором. Он не смог уплатить налог, и храм в селе Ивановском был закрыт. Тогда староста Троицкого храма в селе Язвище, Мария Васильевна, продала корову и лошадь и уплатила налог за священника. Он снова стал служить, но уже в селе Язвище, где незадолго до этого был арестован настоятель храма — протоиерей Владимир Медведюк.

Иеромонах Феодор прослужил здесь около года, так же ревностно исполняя свои пастырские обязанности. В декабре 1940 года власти потребовали от него собрать и уплатить заведомо завышенную сумму налога. Средств у священника не было, и дело передали в суд, куда он был вскоре вызван и где его встретили представители властей.

— Вот что, — сказал один из них, — будем говорить прямо. Мы тебе зла не желаем, ты еще молодой, может быть, опомнишься. Дадим тебе такой хороший приход, что всегда будешь сыт. Налог с тебя будет снят вовсе. За это с тебя потребуется очень немного: подпиши вот эту бумажку, что когда будешь служить на этом приходе, то будешь держать нас в курсе дел и записывать наблюдения о своих прихожанах. Внимательно смотри, что там делается, и передавай нам.

Выслушав предложение, отец Феодор встал во весь свой высокий рост и резко ответил:

— Я не воспитан доносчиком!

В ответ на это один из них вырвал из его рук паспорт, разорвал и с ненавистью закричал:

— Ах, ты отказываешься! Ну так нигде больше и никогда не

будешь служить! Вон из Московской области!

Все эти угрозы сопровождались непристойной бранью. Затем отцу Феодору был выдан паспорт с пометкой, запрещающей ему проживание в Московской области как человеку, отбывавшему срок в исправительно-трудовых лагерях.

Иеромонах Феодор уехал в село Завидово Тверской области, где снял маленькую комнату. Но большей частью он бывал в Москве у своих духовных детей или за городом у сестры Ольги в поселке Востряково, где ей принадлежала половина дома, состоявшая из трех комнат.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Въезд и выезд из Москвы сразу стал затруднен, везде проверялись документы, участились аресты. С большим трудом отец Феодор добрался до дома сестры в Вострякове и сказал ей:

— Я узнал, что игумена Митрофана арестовали, значит, и меня должны скоро взять. Ты знаешь, как я тебя люблю, как ты мне близка по духу и дорога! Я понимаю, какой опасности я тебя подвергаю, но все-таки, несмотря на это, прошу тебя, позволь мне пожить у тебя некоторое время, чтобы подготовиться к смерти. Я знаю, что меня скоро возьмут, и знаю, что второй раз я уже не смогу пережить то, что пережил. Можно я поживу здесь так, чтобы об этом никто не знал, даже соседи?

— Зачем ты меня спрашиваешь об этом, когда знаешь, что мой дом всегда был твоим домом? — ответила сестра.

Отец Феодор поселился в маленькой комнате, ставшей его кельей. Уезжая в Москву на несколько дней, сестра снабжала его продуктами (это были хлеб и вода, так как от всего другого он отказался) и вешала на наружную дверь замок, что должно было показывать, что в доме никого нет. В тишине и уединении отец Феодор сурово постился и много молился, готовясь к смерти.

Незадолго перед этим последним приездом отца Феодора к сестре его посетила в Вострякове одна из его духовных дочерей, постриженная им в монахини, у которой он часто находил приют, когда бывал в Москве. Вскоре после визита к священнику ее

арестовали и при обыске нашли в сумке железнодорожный билет с указанием станции, где жила сестра отца Феодора. Затем были арестованы еще три духовные дочери отца Феодора. В самый день начала войны, 22 июня, власти выписали ордер на арест иеромонаха Феодора, предполагая предъявить ему обвинение в том, что он «является одним из руководителей антисоветской подпольной организации церковников... устанавливает широкие связи с антисоветски настроенными церковниками в Москве и Московской области... создал в Москве пять домашних церквей на квартирах активных участниц организации: Давыдовой, Сольдиной, Грошевой и Афанасовой...»

В течение двух недель власти не могли найти отца Феодора и арестовали его только 8 июля 1941 года. Произошло это так. Около двенадцати часов ночи раздался стук в дверь. В эту ночь Ольга Павловна была дома. Отец Феодор уже лег спать, но еще не уснул и слышал этот стук. Сестра подошла к нему и тихо сказала: «Это, наверное, пришла милиция с проверкой».

В доме был прописан под видом мужа Ольги Павловны их двоюродный брат, младший сын профессора Нечаева. Выйдя на веранду с домовою книгой в руках, Ольга Павловна увидела четырех человек, из них двое были одеты в солдатскую форму. Она протянула им домовую книгу и сказала:

— Вот, видите, здесь все в порядке, вот записана я, а вот мой муж. Он только недавно приехал из Москвы с работы, очень устал и сразу лег спать, пожалуйста, не беспокойте его.

— Нет, мы должны войти, зажгите свет, — сказали они.

Войдя в комнату, она начала зажигать керосиновую лампу, руки у нее невольно задрожали, на что они сразу обратили внимание.

— Бери лампу и веди нас на чердак, — приказали они.

Ольга Павловна взяла лампу и пошла вперед. Двое сотрудников НКВД пошли за нею, а двое остались внизу.

— Не надо, здесь он! — закричал один из оставшихся.

Все вернулись в комнату, и Ольга Павловна увидела, что в ке-

лье отца Феодора около его кровати стоят двое военных и расталкивают его. Когда он встал во весь рост, они невольно отступили. Он стоял перед ними светлый, в белом подряснике, с очень бледным, но спокойным лицом, крайне исхудавший за время своего затворничества и постничества.

Повернувшись к Ольге Павловне, один из сотрудников НКВД выхватил револьвер и, направив на нее, закричал:

— А ты еще укрывательством занимаешься! Знаешь, как по военному времени ответишь за это?!

Но Ольга Павловна не испугалась и закричала на них:

— Как?! Вы отнимаете у меня моего родного брата, да еще смеете на меня кричать?! Что же, я не имею права принимать его у себя, если я ему обязана всем... даже своим образованием?!

После этих слов сотрудник НКВД опустил револьвер, а другой, обратившись к отцу Феодору, выкрикнул:

— Ах ты!.. Сколько я машин загонял, разыскивая тебя!

Затем они стали обыскивать отца Феодора; выворачивая карманы, они нашли у него исписанный мелким почерком листок бумаги. Отец Феодор вырвал у них из рук этот листок и на их глазах разорвал его на клочки и, раскидав по полу, сказал:

— Это вам нельзя читать, это переживания человека, которые, кроме меня, никто не должен знать.

Сотрудники НКВД пришли в ярость и выхватили револьверы. Ольга Павловна стала их успокаивать и увещевать, что это исповедь, которую священник обязан сохранить в тайне.

Они попросили ее выйти из комнаты, так как решили приступить к личному обыску и раздеть священника донага. Перед уходом Ольги Павловны отец Феодор тихо сказал ей:

— Ты ничего не знаешь.

Обыскав священника, они разрешили ему одеться. Ольга Павловна вошла в комнату, и начался обыск дома, который продолжался до пяти часов утра. Сотрудники НКВД перелистывали и трясли каждую книгу.

— Вот сколько икон повесили, моя мать давно выбросила из

своей хаты все иконы, хоть и старая уже, — сказал один из офицеров НКВД.

Отец Феодор сказал на это:

— Ну что же, остается ее только пожалеть, что на старости лет она потеряла разум.

Это услышал сотрудник НКВД и, перехватив сочувствующие взгляды молодых солдат, обращенные на священника, с яростью закричал:

— Ты что тут пропагандой занимаешься! Как смеешь еще разговаривать!

Отец Феодор на это спокойно ответил:

— Я не разговариваю, а отвечаю на то, что вы говорите.

Они стали обыскивать нижние ящики книжного шкафа. В одном из них хранился в футляре наперсный деревянный крест с распятием из золота. Он принадлежал другу отца Феодора иеромонаху Косме, который, перед тем как отправиться в ссылку, отдал его Ольге Павловне на хранение. Увидев крест, сотрудник НКВД, не говоря ни слова, положил его в карман и протянул руку к серебряной дарохранильнице, стоявшей на столике у окна рядом с кроватью отца Феодора. Заметив это движение, отец Феодор сказал:

— К этому вы не смеее прикасаться, это Святые Дары!

Он сказал это таким решительным тоном, что рука того невольно опустилась.

Затем они перешли в комнату Ольги Павловны и стали что-то искать в стоявшем под образами шкафчике. На его верхней полке они увидели маленький золотой крестик, который Ольга Павловна не носила из-за того, что оборвалась цепочка. К нему уже протянулась рука, но она сурово сказала, что в этом шкафу все вещи принадлежат ей, и они прекратили обыск и расхищение.

Затем они вывели иеромонаха Феодора на веранду и стали осматривать содержимое шкафа, откуда вынули и забрали все фотографии, все письма отца Феодора из заключения, зарисовки, сделанные им в лагере, его студенческую фотографию, две фото-

графии отца Космы. В шкафу находились также разные портреты совершенно незнакомых Ольге Павловне людей. Она объяснила им, что изучала фоторетушь и этим подрабатывала, но они все же вытащили все портреты и положили на большой стол, за которым сидел отец Феодор. Ольга Павловна увидела в руках сотрудника НКВД, несшего эти портреты, большой конверт оранжевого цвета, которого у них раньше не было. Сотрудник НКВД с отвратительной усмешкой вынул из него портрет Гитлера с немецкой надписью.

— А что это такое? — спросил один из них отца Феодора.

— Я не знаю и никогда в жизни этого не видел.

Ольга Павловна поняла, что они решили устроить провокацию и, не найдя при обыске ничего предосудительного, подсунули этот конверт.

Сестра предложила отцу Феодору покормить его, но он отказался и попросил их, чтобы ему дали возможность помолиться перед уходом.

— Только смотри, чтобы это недолго было, — согласились они.

Но вскоре, собравшись все в одну комнату, грубо сказали:

— Ну, собирайся, шевелись, пойдём!

Ольга Павловна в ответ твердо заявила, что они обязаны выполнить данное обещание и позволить брату помолиться. Они нехотя согласились, но прибавили:

— Только по-быстрому.

Отец Феодор надел полумантию и отслужил в комнате молебн перед Казанской иконой Божией Матери, перед которой когда-то Ольга Павловна молилась, чтобы дать ответ на вопрошение брата, по какому пути идти. Двери в этой комнате не было, и сотрудники НКВД наблюдали за ним из соседней комнаты.

Помолившись, отец Феодор подошел к платяному шкафу, достал из него свою зимнюю ватную рясу, скуфью, которые хранились у Ольги Павловны, так как ему все время приходилось ездить в штатском, чтобы не подводить людей, у которых он бывал, и надел. При виде этого один из сотрудников НКВД закричал:

– Это еще что за маскарад?

На это отец Феодор с достоинством спокойно ответил:

– Это не маскарад, я счастлив, что могу наконец надеть одежду, мне подобающую.

Затем он подошел попрощаться с сестрой, которая горько заплакала, поцеловал ее и сказал:

– Глупенькая, ну что ты плачешь, радоваться надо, а не плакать!

Услышав эти слова, она открыла глаза и увидела перед собой светлое, совершенно преображенное, сияющее радостью его лицо.

Отца Феодора вывели из дома, перед крыльцом стояла легковая машина. Прежде чем сесть в нее, он обернулся, перекрестил широким крестом сестру и весь дом, потом сел в машину и его повезли в тюрьму.

Допросы начались на следующий день после ареста.

– За какие преступления вы были арестованы органами ОГПУ в 1933 году? – спросил следователь.

– В 1933 году я был арестован по обвинению в принадлежности к церковной группировке. Но виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признал, – ответил иеромонах Феодор.

– Кто, кроме вас, в 1933 году был привлечен к судебной ответственности из числа ваших сообщников в антисоветской церковной группировке?

– Как на следствии, так и на суде мне не были предъявлены материалы обвинения, а поэтому я абсолютно не знаю, кто привлекался вместе со мной и были ли такого рода привлечения.

– Чем вы занимались в Завидове и на какие средства жили?

– В период своего проживания в Завидове я выезжал к своей сестре и получал у нее чертежно-художественную работу. Несколько раз я ездил в Волоколамский район, где я проживал по несколько дней у своих знакомых в селах Гряды, Амельфино, Лысово и в самом Волоколамске. Мои знакомые поддерживали ме-

ня материально.

— Назовите ваших знакомых, у которых вы останавливались в селах Волоколамского района и в Волоколамске после того, как вам было запрещено пребывание в Московской области.

— Я считаю невозможным называть этих людей и впутывать их в свое следственное дело и поэтому называть их не хочу.

— Несмотря на то, что вы разоблачены как враг народа и советской власти, вы вместо откровенных признаний своей вины решили следствию оказывать сопротивление. Мы предупреждаем вас, что это бесполезная затея, так как вы будете разоблачены.

Затем допрос был прерван; по-видимому, были применены пытки, после чего следователь спросил:

— Состояли ли вы на учете как военнообязанный?

— До декабря 1940 года, а затем с военного учета я был снят по болезни. В декабре в Завидове я проходил переучет и был признан годным к несению нестроевой службы, и мне был выдан на руки военный билет, который отобрали во время обыска и ареста.

— Вам было известно, что, согласно указу Президиума Верховного Совета Союза ССР, 1905 год, в котором вы родились, мобилизуется на войну с фашистской Германией?

— Да, это мне известно было.

— Явились ли вы в военкомат, в котором состояли на учете как военнообязанный?

— Нет, не явился.

— Значит, вы уклонились от мобилизации и службы в Красной армии и стали дезертиром?

— Живя в Завидове до 24 июня 1941 года, я никакого мобилизационного листка не получил и поэтому выехал в город Волоколамск, договорившись со своей хозяйкой, что в случае вызова меня по мобилизации в военкомат она мне об этом сообщит.

— Сообщили ли вы в местный военкомат, на учете которого состоите как военнообязанный, куда и по каким делам вы выез-

жаете?

— Нет, такого сообщения я не сделал.

— Значит, зная, что ваш год подлежит мобилизации и что вы, может быть, будете также мобилизованы, вы без разрешения военкомата уехали с прежнего места жительства, правильное поведение, дезертировали от военной службы в военное время?

— Злого умысла у меня не было, и поэтому дезертиром я себя не считаю.

— Как вы можете так нахально врать, отрицая свое дезертирство? Ведь мобилизация началась 23 июня, а вы из Завидова уехали 24 июня 1941 года. Разве это не дезертирство?

— Я отрицаю свое умышленное уклонение от службы в Красной армии. Уезжая из Завидова на несколько дней, я предполагал вернуться, но, приехав в Волоколамск, не мог выехать из-за создавшихся трудностей.

— Куда вы выехали из Волоколамска?

— Из Волоколамска я выехал в город Каширу.

— Сколько времени вы прожили в Кашире?

— В Кашире я был только один день — 27 числа. Из Каширы уехал к своей сестре Ольге Павловне Богоявленской, проживающей в Востряково. 29 июня 1941 года я прибыл в Москву и пытался достать билет на проезд в Завидово, но билет я не достал и вернулся к сестре.

— Назовите фамилии, имена и отчества лиц, у которых вы проживали в Волоколамске, Кашире и Москве.

— Я считаю для себя нравственно невозможным называть следствию лиц, у которых я проживал, и на этот вопрос давать ответ отказываюсь.

— Вы после того, как вам было запрещено пребывание в Московской области, приезжали в город Москву?

— Да, после того как получил запрет на проживание в Московской области, я раз десять приезжал в Москву и каждый раз жил два-три дня.

— Зачем вы ездили в Москву?

— В Москву я заезжал проездом и останавливался у своих московских знакомых, некоторых из которых я исповедовал у них на дому.

— Назовите этих ваших знакомых.

— На этот вопрос я давать показания отказываюсь и называть своих знакомых, у которых я в Москве останавливался, не буду.

— Вы арестованы за проводимую вами организованным путем антисоветскую работу, и по этому вопросу на следующем допросе вам придется давать развернутые показания, а сейчас допрос прерывается.

Следствие велось сначала в Москве, а затем, когда немцы стали стремительно приближаться к столице, иеромонах Феодор вместе с другими заключенными в московских тюрьмах в конце июля 1941 года был перевезен в Саратов. Отца Феодора ежедневно в течение долгого времени вызывали на допросы ночью, не давали спать, а на допросах беспощадно избивали и топтали ногами. Однажды его приволокли с допроса в камеру с лицом, превращенным в одну кровавую массу, у него была вырвана часть бороды вместе с кожей. От него требовали, чтобы он назвал всех своих духовных детей и людей, с которыми близко общался. Понимая, какой вред это может им принести, отец Феодор отказался называть их имена.

— Вам предъявлено обвинение в том, что вы, находясь на нелегальном положении, являлись одним из руководителей контрреволюционной организации церковников и проводили антисоветскую пораженческую агитацию. Вы признаете себя в этом виновным? — спросил следователь.

— В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, так как выдвинутое мне обвинение является необоснованным, — ответил священник.

— Вы напрасно пытаетесь скрыть от следствия свою преступную деятельность. Следствие располагает вполне проверенными неопровержимыми материалами, изобличающими вас в антисоветской работе. Намерены ли вы после этого говорить правдиво

следствию о своей преступной работе?

— Никакой преступной антисоветской деятельности я не вел, и, следовательно, никакие материалы, свидетельствующие о такой деятельности, мне неизвестны.

8 сентября закончился отведенный законом срок следствия, и следователи испросили у прокурора разрешение на его продление, мотивируя тем, что «по делу необходимы дополнительные допросы арестованного с целью вскрытия его антисоветской работы и связей». Затем допросы с применением избиений и пыток возобновились.

— Какие связи вы имеете по Москве и по другим городам Советского Союза?

— Связей у меня никаких нет, но в Москве и в других местах у меня имеются знакомые.

— Назовите фамилии и адреса ваших знакомых.

— Поскольку эти знакомства носят личный характер, я называть их фамилии и адреса не считаю возможным.

— Вы не желаете назвать фамилии и адреса ваших знакомых, потому что они являются вашими соучастниками по контрреволюционной деятельности. Так ведь?

— Нет, не так. Я не хочу, чтобы в моем следственном деле фигурировали знакомые, которые даже не принадлежат к священнослужителям.

— При вашем аресте вы уничтожили какую-нибудь записку?

— Да, во время моего ареста я разорвал одну записку, которую мне прислала одна из моих знакомых.

— Назовите фамилию этой знакомой.

— Фамилию этой знакомой я также назвать не могу.

— Следствие вас предупреждает, что за провокационное поведение на следствии, выражающееся в отказе назвать свои связи, вы понесете большее наказание. Поэтому еще раз предлагаем назвать этих лиц.

— Я не считаю провокационным поведением то, что не желаю назвать своих знакомых.

За время, дополнительно отведенное для ведения следствия,

следователи ничего не добились, и следствие было продлено еще на месяц.

— Когда вы встали на путь борьбы с советской властью? — спросил следователь.

— Я никогда не вел борьбы с советской властью и считаю это несовместимым с моими религиозными убеждениями, — ответил священник.

— Вы говорите неправду. В марте 1933 года вас судили за контрреволюционную деятельность, значит, сама деятельность началась значительно раньше. Вот вас и спрашивают, с какого времени вы ведете борьбу с советским государством.

— Я не вел борьбы с советской властью, и судили меня в 1933 году неправильно.

— Следствию известно, что вы после выхода из лагеря вновь возобновили работу по созданию контрреволюционной организации под видом создания в Москве и Московской области так называемых домашних церквей.

— Я утверждаю, что и до первого своего ареста, а также и после выхода из лагеря я никакой контрреволюционной работы не проводил и никаких домашних церквей не создавал.

— Вы были знакомы с Давыдовой?

— Да, Давыдову Елизавету Никифоровну я знаю.

— При каких обстоятельствах вы познакомились с Давыдовой?

— С Давыдовой я познакомился в селе Ивановском Московской области Волоколамского района, где я был священником и куда приезжала Давыдова.

— Зачем приезжала Давыдова в село Ивановское?

— Зачем приезжала Давыдова в село Ивановское, я не знаю. Могу сказать только, что она заходила несколько раз в церковь, где я с ней познакомился.

— Вы бывали на квартире Давыдовой в Москве?

— Да, у Давыдовой я бывал раза два-три. К Давыдовой я заходил потому, что ее отец портной и он мне переделывал пальто.

- А Сольдину вы знали?
- Да, Евгению Алексеевну Сольдину я знаю.
- При каких обстоятельствах вы познакомились с Сольдиной?
- С Сольдиной я познакомился в 1938 или 1939 году в селе Ивановском, куда она приехала к знакомому священнику, но, узнав, что этот священник уже в церкви не служит, обратилась ко мне с просьбой отслужить панихиду по умершему отцу. На этой почве у меня и возникло знакомство с Сольдиной.
- Вы в Москве бывали у Сольдиной?
- Да, к Сольдиной на квартиру я заходил несколько раз.
- Зачем?
- Приезжая в Москву за продуктами, я иногда заходил к Сольдиной отдохнуть, попить чаю.
- Давыдова с Сольдиной знакомы?
- Да, знакомы.
- Они приезжали к вам в село Ивановское вместе?
- Не помню.
- А как часто ездили Давыдова и Сольдина в село Ивановское?
- Как Давыдова, так и Сольдина приезжали в село Ивановское два-три раза.
- Зачем?
- Давыдова и Сольдина приезжали молиться, других причин я не знаю.
- На каком расстоянии находится село Ивановское от Москвы?
- От Москвы до Волоколамска сто двадцать километров и от Волоколамска до села Ивановского километров пять.
- Так какой же смысл ехать молиться за сотни километров, когда и в Москве есть достаточное количество церквей?
- Я лично думаю, что в силу большой загрузки московских священников они не могли уделять каждому достаточно времени, а у меня они могли отслужить панихиду и другие религиозные об-

ряды.

— Бывая на квартирах Давыдовой и Сольдиной, кого вы там встречали?

— Не помню, чтобы кого-нибудь встречал.

— Вы говорите неправду. Следствию известно, что, бывая на квартирах Давыдовой и Сольдиной, вы там встречались с другими лицами и проводили с ними контрреволюционные совещания. Теперь вспомнили?

— Я утверждаю, что никаких контрреволюционных совещаний я на квартирах Давыдовой и Сольдиной не проводил. Что же касается встреч с другими лицами на указанных квартирах, то я таких случаев не помню.

— Следствие рекомендует вам «вспомнить», с кем вы встречались на квартирах Давыдовой и Сольдиной.

— Я не помню, чтобы на квартирах Давыдовой и Сольдиной были посторонние лица.

— Вы намеренно скрываете лиц, с которыми встречались у Давыдовой и Сольдиной, потому что связаны с ними по контрреволюционной деятельности. Так ведь?

— Нет, не так. Никого я не скрываю. Я просто не помню, встречался ли с кем-либо на квартирах Давыдовой и Сольдиной, так как не придавал этому никакого значения.

— Когда вы официально остались без места?

— В декабре 1940 года мне выдали новый паспорт с запрещением проживать в пределах Московской области, таким образом, я должен был выехать из села Язвище, где я был священником.

— С декабря 1940 года по день вашего ареста чем вы занимались?

— Через своих знакомых, проживавших в Москве, а также через свою сестру я получал работу по графике, ретушировке портретов и тому подобному, этим и занимался.

— А церковной деятельностью вы в этот период занимались?

— Нет, не занимался.

— Значит, вы утверждаете, что с декабря 1940 года по день ва-

шего ареста занимались художественной работой, которую получали через своих знакомых?

— Да, это именно так.

— Назовите ваших знакомых, которые давали вам художественную работу.

«На этот вопрос обвиняемый дал столь контрреволюционный ответ, что я его не записал», — написал в протоколе следователь и продолжил допрос.

— Вы отказываетесь назвать своих знакомых, которые вам якобы давали художественную работу, потому что таких знакомых не существует в природе.

— Нет, такие знакомые есть, но говорить о них я не могу.

— Вы были знакомы с Грошевой?

— Больше никаких своих знакомых я следствию называть не буду, потому что они знали, что я являюсь священником и что мне был запрещен въезд в Москву, а они, зная об этом, тем не менее, меня принимали и давали мне возможность ночевать. Я прекрасно понимаю, что их за это могут привлечь к ответственности, и поэтому фамилии их назвать отказываюсь. Но одновременно с этим я утверждаю, что никакой контрреволюционной деятельностью я с ними связан не был.

В течение месяца шли допросы, и 9 ноября 1941 года был составлен очередной протокол.

— Вы намерены рассказывать о своей антисоветской деятельности?

— У меня никакой антисоветской деятельности не было, и поэтому мне нечего рассказывать.

— Вы намерены назвать своих соучастников по антисоветской деятельности?

— У меня не было антисоветской деятельности, и поэтому соучастников никаких нет.

— В 1933 году, когда вас арестовали в первый раз, вы на следствии назвали своих соучастников?

— Мне тогда такого вопроса не ставили.

- Хорошо. Тогда назовите их сейчас.
- Так как антисоветской деятельностью я не занимался, поэтому и никаких соучастников у меня не было.
- Вы как и в 1933 году, так и сейчас пытаетесь скрыть своих соучастников по контрреволюционной деятельности. Еще раз предлагаем назвать таковых.
- Больше ничего показать не могу.
- Следствию известно, что одним из видов вашей контрреволюционной работы была агитация против службы в Красной армии.
- Я это отрицаю. Никогда такой агитации не проводил.
- Вы должны были явиться в призывной пункт, когда фашистская Германия напала на Советский Союз?
- Так как мой год подлежал призыву, то в военкомат я должен был явиться.
- Почему же вы выехали с места призыва?
- С места призыва я выехал потому, что желал справить свои христианские обряды, а именно исповедаться и причаститься.
- Ну, а потом почему не явились на место призыва?
- Потому что не давали билетов из Москвы до Завидова.
- Сколько километров до Завидова?
- От Москвы до Завидова сто двадцать километров.
- Почему же вы не пошли пешком?
- Мне и в голову этого не пришло.
- А почему же вы не обратились в первый попавшийся военкомат, чтобы он вам помог выехать к месту призыва?
- Я боялся идти в военкомат, потому что не имел права проживать в Москве и Московской области.
- Вы читали воззвание Московского митрополита Сергия, в котором он призывал верующих идти служить в Красную армию?
- Да, такое воззвание я читал.
- Значит, по закону вы должны были явиться на призывной пункт, плюс к этому же вас призывала и Церковь, и все-таки вы не явились.
- Да, не явился и в этом признаю себя виновным.

— Почему же все-таки вы не явились?

— На призывной пункт я не явился по причинам, изложенным выше.

— Ваши доводы неявки в военкомат для призыва слишком неубедительны. Вы не явились на призыв, потому что, являясь врагом, не хотели защищать Советский Союз, так ведь?

— Нет, это не так. Справив свои христианские обряды, я готов был явиться на призыв, но не смог, так как не мог достать билета для проезда к месту призыва.

Следствие по делу иеромонаха Феодора продолжалось около двух лет. К февралю 1943 года благодаря его стойкой позиции были освобождены все, кто привлекался по делу вместе с ним и у кого он останавливался, бывая в Москве, и начальство НКВД, ознакомившись с материалами дела, предложило начать новое следствие — на этот раз по обвинению в дезертирстве.

3 февраля 1943 года следователь вызвал иеромонаха Феодора на очередной допрос.

— Вам предъявляется дополнительное обвинение в том, что вы с целью уклонения от призыва в Красную армию по мобилизации проживали на нелегальном положении, то есть совершили преступление, предусмотренное статьей 193-й, пункт 10 «а» УК РСФСР. Признаете ли себя виновным в этом?

— Виновным я себя в уклонении от призыва в Красную армию не признаю. Могу признать себя виновным только в том, что я в период мобилизации без разрешения Завидовского райвоенкомата, в котором состоял на учете, выезжал к сестре, чтобы повидаться, зная о том, что мой год призывной и я могу быть призван в Красную армию. У сестры я рассчитывал пробыть дня два, а потом возвратиться обратно к месту, где состоял на воинском учете. Ввиду того, что билета для проезда я достать не смог, не смог и выехать на место жительства. В результате чего я прожил у сестры на станции Востряково дней семь или восемь, где и был арестован.

— Ваш ответ неубедительный, стараетесь скрыть от следствия

действительность! Намерены ли вы давать правдивые показания по поводу уклонения от призыва в Красную армию, так как к сестре вы поехали не с целью повидаться, а с целью уклониться от призыва в Красную армию? Так ли это?

— Уклониться от призыва в Красную армию я цели не имел, а к сестре ездил, чтобы повидаться, где и задержался ввиду того, что не мог достать билет для проезда. А потому повторяю, что виновным себя в предъявленном обвинении в уклонении от призыва в Красную армию по мобилизации не признаю.

В начале июня 1943 года следствие было закончено и составлено заключение, в соответствии с которым отец Феодор обвинялся в том, что «вел антисоветскую агитацию и уклонился от службы в Красной армии... виновным себя не признал. Изобличается специальными материалами». Следователи предполагали приговорить иеромонаха Феодора к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Но когда документы поступили на заключение руководства НКВД и прокуратуры, мнения разделились. Прокурор предложил ограничить наказание пятью годами ссылки. 26 июня Особое Совещание при НКВД постановило приговорить иеромонаха Феодора к пяти годам ссылки в Красноярский край. После приговора священника перевели из Саратовской тюрьмы № 1 в город Балашов Саратовской области в тюрьму № 3. Суровые условия длительного тюремного заключения и пытки сокрушили здоровье священника. Иеромонах Феодор (Богоявленский) скончался в тюрьме в городе Балашове 19 июля 1943 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-17172.

Богоявленская Ольга Павловна. Воспоминания. Рукопись.

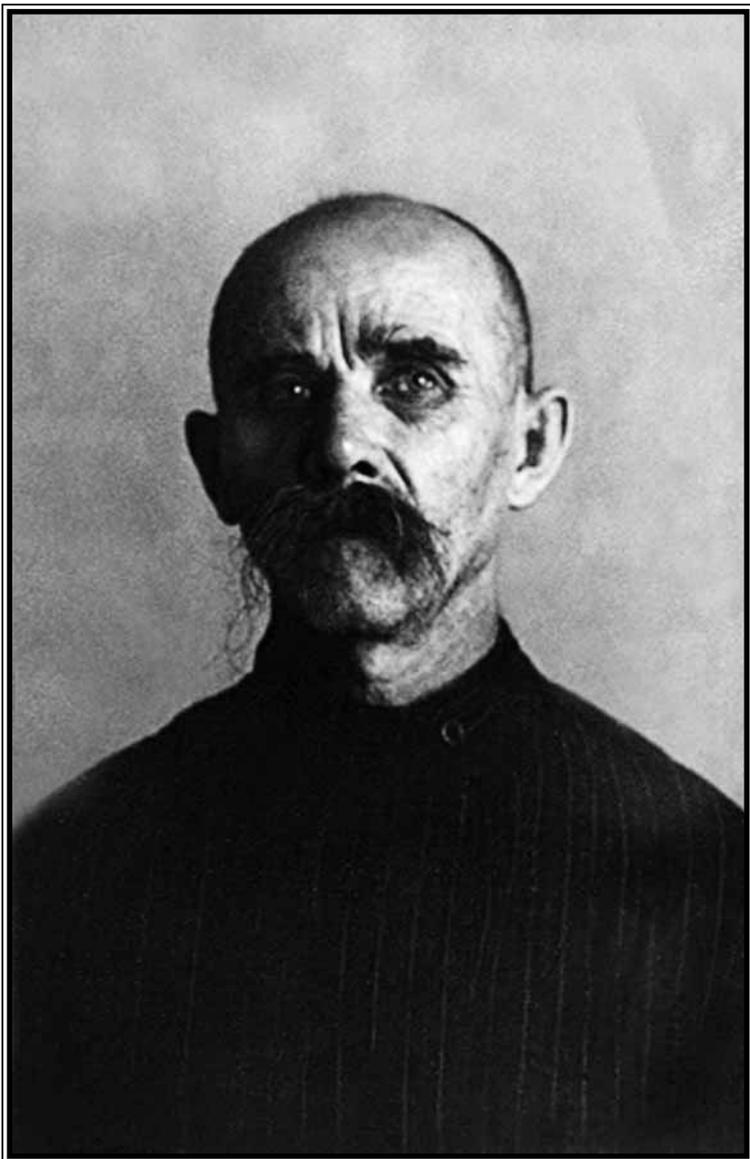
Июля 21 (3 августа)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Петр (Голубев)

Священномученик Петр родился 12 января 1880 года в селе Коледино Подольского уезда Московской губернии в семье Григория и Пелагии Голубевых. Его отец был псаломщиком в Троицком храме в селе Коледино и умер, когда мальчику исполнилось три года. До восьми лет Петр жил с матерью, а затем был отдан в подготовительный класс Перервинского Духовного училища, которое окончил в 1894 году и как примерный учащийся был зачислен в первый класс Московской Духовной семинарии без сдачи приемных экзаменов. В 1900 году, по окончании Духовной семинарии, Петр Григорьевич был определен на должность учителя в церковноприходскую школу в село Старое Коломенского уезда. В 1904 году он был рукоположен во диакона к Покровской церкви в селе Покровское на Городне и определен законоучителем церковноприходской школы в этом селе, а также земской школы в деревне Чертаново. В 1914 году диакон Петр был рукоположен во священника ко храму в селе Шебанцево Подольского уезда, в 1925 году переведен в Успенскую церковь в село Петрово-Дальнее Красногорского района, на место своего брата, который зимой 1924 года расшибся во время гололеда и не мог служить. Отец Петр прослужил здесь до своего ареста.

Отец Петр служил все праздники и воскресные дни, часто служил молебны в домах прихожан и во время крестных ходов по селу. Прихожане любили священника за приветливость и доброту, которая сказывалась в том, что он помогал всем бедным, ста-

Священник Петр Трубев

Москва. Тюрьма НКВД. 1938

рикам, привечал детей, всегда одаривая их какими-нибудь подарками, и в особенности, конечно, на Пасху. Переехав в Петрово-Дальнее, отец Петр сначала снимал комнату, так как дома для священника в селе не было, а в 1931 году он по разрешению местных властей выстроил дом. В 1935 году власти запретили священнику крестить, и отец Петр стал крестить дома. Положение священника в селе стало особенно тревожным с того времени, когда его племянник поступил в сельсовет помощником председателя; он неоднократно, ходя по селу, говорил: «Я своего дядю уберу, надо мной насмешничают».

В конце тридцатых годов сотрудники НКВД предложили председателю местного сельсовета доносить на тех, кого они предполагали арестовать, и в частности – на священника. Председатель старался добросовестно исполнить данное ему поручение и всячески вызывал отца Петра на откровенный разговор. Впрочем, и разговаривая с председателем, священник не сказал ничего такого, в чем его можно было бы обвинить. Впоследствии, вызванный на допрос, председатель сельсовета показал, что будто бы священник ему говорил: «Трудно верить теперь коммунистам из вышестоящих работников, так как все они оказываются подлецами. Борьба за власть приносит в жертву и правых и виноватых». А о выборах отец Петр будто бы сказал: «Все равно выборы пройдут односторонние; партия большевиков проведет своих людей, а кого хочет выбрать народ, тот выбран не будет».

Другой лжесвидетель показал, будто священник жаловался ему, что его советская власть ободрала налогами, и говорил: «Неужели все это так будет продолжаться? Нет, советская власть не может долго существовать». Лжесвидетель также сказал, что летом встретился со священником на дороге и отец Петр говорил ему, что он не верит в советский суд и считает, что Тухачевского расстреляли потому, что «это промеж себя руководители партии и правительства не поделили мягких кресел», никакого заговора против власти не было. «Летом 1937 года Голубев говорил мне о своем племяннике, называя его дураком, что он лезет в коммуни-

сты. Я понял его слова так, что Голубев чужд советской власти».

22 марта 1938 года священник был арестован и первое время содержался в камере предварительного заключения при Красногорской милиции. На следующий день после ареста следователь допросил его.

— Признаете ли вы себя виновным в том, что систематически среди окружающего населения проводили контрреволюционную агитацию против советской власти, высказывали суждения о расстрелянных врагах народа?

— В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, — ответил священник.

— Весной 1937 года вы говорили, что советская власть обобра-ла вас налогами, неужели так будет продолжаться, и сами себе ответили: нет, не может так продолжаться.

— Таких разговоров я никогда не вел, так что виновным себя в этом не признаю.

— Летом 1937 года вы высказывали суждение о расстрелянных врагах народа. Заявили, что враги народа, такие как Тухачевский и другие, расстреляны как невинные и что руководители партии и правительства не поделили мягких кресел.

— Разговор о расстрелянных врагах народа и о Тухачевском был, но с кем и когда, не помню.

— Следствию известно, что вы систематически среди окружающего населения проводите контрреволюционную агитацию, высказываете сожаление о расстрелянных врагах народа.

— В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

— Что вы еще можете сказать по данному делу?

— На стороне врагов советской власти я никогда не был, политическими вопросами не занимаюсь, недовольств по отношению к советской власти не высказываю, — ответил священник.

По окончании следствия отец Петр был перевезен в Таганскую тюрьму в Москве. 16 июля тройка НКВД приговорила отца Петра к расстрелу. Священник Петр Голубев был расстрелян 3

августа 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

На следующий день после ареста священника храм, где служил отец Петр, был разграблен. Вскоре вслед за этим приехала бригада татар, которые сбросили колокола и свалили купол церкви. Примерно через год после расстрела священника председателем колхоза стал Аарон Львович Альперович. Задумав использовать кирпич храма для строительства теплиц, он приказал взорвать церковь. После взрыва храм обратился в груды щебня, в которой не было ни одного целого кирпича.

ИСТОЧНИКИ:

ЦИАМ. Ф. 234, оп. 1, д. 2060, л. 29–30, 366.

Там же. Д. 2129, л. 9.

РГИА. Ф. 831, д. 237, л. 144–145.

ЦГАМО. Ф. 66, оп. 25, д. 128, л. 20.

Там же. Д. 146, л. 23.

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-34713.

Августа 7 (20)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Афанасий (Егоров)

Преподобномученик Афанасий (в миру Алексей) родился 7 марта 1884 года в селе Сурушино Новоторжского уезда Тверской губернии в семье крестьян Егора Иларионовича и Агафии Ефремовны Егоровых. Окончил церковноприходскую школу.

18 января 1908 года Алексей поступил в Валаамский монастырь. 19 октября 1911 года он был зачислен в послушники обители, а 21 февраля 1914 года – пострижен в мантию с именем Афанасий. Послушание он проходил на монастырском подворье в Петрограде, при иконно-книжной лавке. С 1917 года он нес послушание на Валаамском подворье в Москве.

В 1921 году митрополит Сергей (Страгородский) пригласил монаха Афанасия к себе в качестве келейника, так как хорошо знал его еще с 1913 года, когда был архиепископом Финляндским, а тот был заведующим архиерейскими комнатами Валаамского монастыря в Финляндии. Монах Афанасий пробыл келейником митрополита Сергея до своего ареста, и владыка всегда относился к нему с исключительным доверием.

24 апреля 1921 года монах Афанасий был рукоположен в сан иеродиакона и вскоре после этого – во иеромонаха. Через некоторое время он был возведен митрополитом Сергием в сан игумена. Служил игумен Афанасий в храме села Измайлово Реутовского района Московской области.

26 июня 1937 года игумен Афанасий был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Его обвинили в террористической агитации и оказании материальной помощи находящемуся в заключении за антисоветскую деятельность духовенству. На состоявшемся через день допросе следователь, выяснив, сколько долго был игумен Афанасий келейником митрополита Сергия, спросил:

— Таким образом, вы являетесь приближенным митрополита Сергия Страгородского?

— Да, митрополит Сергей относился ко мне хорошо, но все же он рассматривал меня в известной степени как своего слугу. Состоя при митрополите, я ведал хозяйственными вопросами, иногда помогал ему на службах в церкви и выполнял другие поручения митрополита.

— По поручению митрополита Сергия вы оказывали материальную помощь репрессированным за антисоветскую деятельность церковникам?

— Да, оказывал — как по поручению митрополита Сергия, так и по своей собственной инициативе.

— Как практически было организовано дело помощи репрессированным?

— Митрополит Сергей оказывал материальную помощь довольно значительному кругу священнослужителей, причем деньги отправлялись обычно почтовыми переводами. Не желая, чтобы это дело получило огласку, митрополит отправлял переводы не от своего имени, а от разных лиц из своих близких, и в частности от моего имени.

13 августа следствие было закончено. Поскольку делу придавалось чрезвычайное значение, его разбирала Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе трех судей и секретаря. Заседание проходило 19 августа. После краткого рассмотрения дела судьи вышли для совещания и вскоре вернулись с написанным приговором — «к расстрелу с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. Приговор окончательный и на основа-

нии постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года в исполнение приводится немедленно». В тот же день, 19 августа 1937 года, игумен Афанасий (Егоров) был расстрелян и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-11471.

Архив Валаамского монастыря. Ф. 3, оп. 5, д. 21 за 1910 г.

Там же. Оп. 8, послужной список за 1917–1918 гг.

Августа 7 (20)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

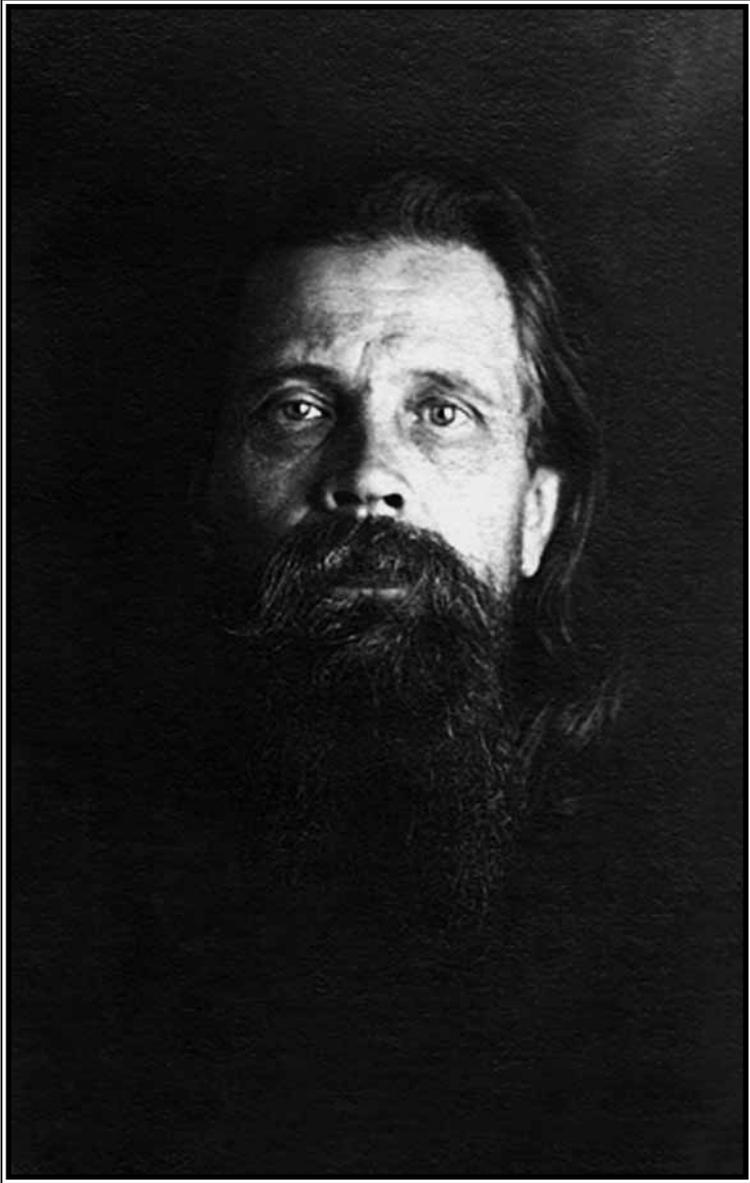
Алексий (Воробьев)

Священномученик Алексей родился 6 февраля 1888 года в деревне Антонково Уржумского уезда Вятской губернии в семье крестьянина Константина Воробьева. В 1900 году у него умерла мать, и Алексей и его младшая сестра Ольга, которой было два года, были взяты на воспитание в семью старшего брата Василия.

В Антонкове Алексей окончил земскую школу. Испросив разрешение отца, он перебрался в Казань и устроился на работу в магазин. В 1905 году Алексей уехал в город Свияжск, где его тетка монахиня Васса устроила племянника в Иоанно-Предтеченский мужской монастырь в Казани. В монастыре Алексей нес послушание канонарха и прислуживал в монастырской гостинице.

В Иоанно-Предтеченский монастырь из Седмиезерной пустыни под Казанью приезжал великий подвижник и молитвенник схиархимандрит Гавриил (Зырянов) и нередко беседовал с молодыми иноками. Послушник Алексей вначале по робости избегал встреч со старцем. «Возьму благословение, — рассказывал он, — да и в лес!» Потом вдруг спохватился: «Что ж я ухожу и не слушаю его поучений?!»

Преподобный Гавриил обратил внимание на благочестивого юношу, приблизил его к себе и взял под свое духовное попечение. Другим воспитанником старца был инок Илия, друг и сверстник Алексея. Отец Гавриил сказал о них: «Илюшу-то не возьмут в армию, а тебя, Алеша, возьмут».

Протоиерей Алексей Воробьев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

В 1911 году Алексея призвали на военную службу, и до 1914 года он состоял рядовым 9 пехотного имени Петра Великого полка, размещавшегося в городе Калуге. Во время Первой мировой войны он служил ездовым в 24 пехотной дивизии, а после октябрьского переворота 1917 года – в дивизионном обозе 161 дивизии. В 1918 году Алексей Воробьев уехал в Антонково, где прожил два года. В 1920 году Алексей Константинович приехал в Москву и устроился работать кладовщиком. Тогда же он поступил на пастырские богословские курсы при церкви святого мученика Трифона в Москве.

26 июня 1921 года он был рукоположен во священника в Александро-Невский храм в Москве, а через год переведен в Преображенский храм в селе Селинское Клинского уезда Московской губернии.

В мае 1922 года возник обновленческий раскол. Епископ Клинский Иннокентий (Летяев) признал власть обновленческого Высшего Церковного Управления. Обновленцы предлагали отцу Алексию присоединиться к ним, но он твердо стоял в православии и преданности законному главе Русской Православной Церкви – Святейшему Патриарху Тихону. «Как же я брошу православие и уйду в раскол?» – отвечал отец Алексий на вопросы прихожан.

13 марта 1923 года обновленческое Московское епархиальное управление утвердило решение обновленческого епископа Клинского Игнатия об увольнении отца Алексия и запрещении его в священнослужении, а в Преображенский храм в село Селинское был назначен другой священник.

До ухода обновленцев из Преображенского храма отец Алексий непродолжительное время служил в Виннице и Астрахани. Впоследствии святитель Тихон лично выразил ему благодарность за стойкость и твердость в православии.

В конце сентября 1924 года священники Алексий Воробьев и Алексий Никонов были арестованы по обвинению в том, что «без разрешения местной власти устроили в церкви города Клина со-

брание верующих, на котором произносили агитационные речи о гонении советской властью православия».

Отец Алексей был перевезен для допросов в комендатуру ОГПУ на Большую Лубянку в Москву. 16 октября отца Алексея допросили.

— Говорите вы проповеди, направленные против советской власти? — спросил следователь.

— Никогда не говорю.

— Скажите, что вы подразумеваете под вопросами на исповеди: не ходил ли на собрания, митинги, не читал ли развратных книг, против Церкви? (Эти вопросы следователь нашел в записной книжке отца Алексея, изъятой у него при обыске во время ареста.)

— На этот вопрос ответить не могу.

— Не есть ли эти вопросы скрытая агитация против советской власти?

— Эти вопросы действительно есть агитация против советской власти, но я не руководствовался этим вопросом в жизни.

До вынесения приговора отец Алексей находился в Бутырской тюрьме в Москве. 27 февраля 1925 года священник Алексей Воробьев был приговорен к заключению в концлагерь сроком на два года. Отбывать наказания его отправили на Соловки.

7 мая 1927 года отец Алексей был освобожден. В течение трех лет ему было запрещено проживать в шести главных городах и областях СССР. В июле отец Алексей прибыл в Уфу и получил назначение служить в церкви Собор Пресвятой Богородицы в селе Быково Благовещенского уезда.

В ноябре 1930 года отец Алексей был назначен в Воскресенский собор города Павловский Посад. В 1931 году возведен в сан протоиерея, в 1935 году — назначен благочинным Павлово-Посадского округа.

27 марта 1935 года Воскресенский собор был передан советской властью обновленцам. Священноначалие перевело отца

Алексия в Троицкую церковь в селе Хотееичи, а в августе 1936 года – в Вознесенскую церковь в селе Городок в пригороде Павловского Посада. Православные жители города, лишившиеся соборного храма, перешли молиться в Вознесенскую церковь. Духовными чадами отца Алексия стали и некоторые монахини закрытого в Павловском Посаде Покровско-Васильевского монастыря. В Вознесенской церкви отцом Алексием был организован церковный хор из молодежи.

8 августа 1937 года протоиерей Алексей отслужил вечерню накануне дня памяти святого великомученика Пантелеимона и в ту же ночь был арестован сотрудниками НКВД и заключен в тюрьму города Ногинска.

– Вы признаете себя виновным в том, что среди верующих и своих сослуживцев по церкви вели систематическую антисоветскую агитацию? – спросил следователь.

– Антисоветскую агитацию я никогда не вел, виновным себя в этом не признаю, – ответил отец Алексей.

19 августа 1937 года тройка НКВД приговорила отца Алексия к расстрелу. Протоиерей Алексей Воробьев был расстрелян 20 августа 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

- АМП. Послужной список.
Архив УФСБ по Москве и Московской области. Д. № Р-40944.
ГАРФ. Ф. 10035. № 18460.
ЦИАМ. Ф. 2303, оп. 1, д. 5, л. 49; д. 4, л. 20.
Тернистым путем к небу. // Сост. П.Г. Проценко. М., 1996.

Августа 7 (20)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Димитрий (Миловидов)

Священномученик Димитрий родился 14 октября 1879 года в селе Троицкие Борки Луховицкого уезда Рязанской губернии* в семье священника Василия Миловидова. В 1903 году Дмитрий Васильевич окончил Рязанскую Духовную семинарию и вскоре обвенчался с Антониной, дочерью священника Алексия Хитрова, служившего в селе Княжево неподалеку от города Егорьевска. Впоследствии у них с женой родилось девять детей; из них четверо умерли в младенческом возрасте, а двое сыновей были убиты во время Великой Отечественной войны. В 1911 году, после рукоположения в сан священника, отец Димитрий был назначен в Троицкий храм в село Троицкие Борки, где прослужил до мученической кончины в 1937 году.

Троицкий храм во все воскресные дни был полон молящихся, а на большие праздники люди съезжались из самых дальних деревень. Отец Димитрий служил с большой сосредоточенностью, и богослужения проходили очень торжественно. В храме и в алтаре у него был идеальный порядок. Об алтаре священник говорил: «Это наш кусочек рая».

В общении с народом священник был прост, он отчетливо и ясно объяснял верующим прочитанное из Евангелия. Во время исповеди он для каждого был любящим отцом, переживая нужды и горести каждого, как свои собственные. Бывало, оставаясь в

---

* Ныне Луховицкий район Московской области.

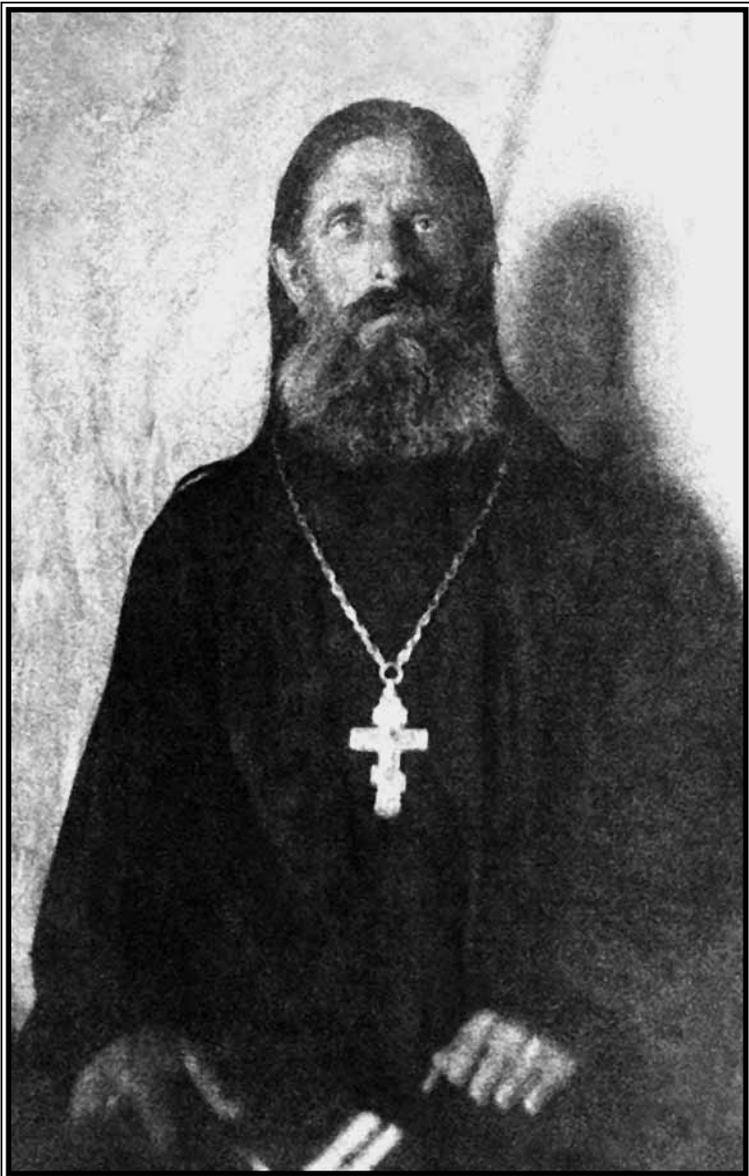

храме, он плакал, стоя на коленях перед престолом. Уходя рано утром в храм, он по окончании богослужения шел исполнять требы, и домашним редко когда удавалось уговорить его зайти домой пообедать, а приходил он домой поздно вечером. Он служил и исполнял требы даже тогда, когда бывал болен.

В большие праздники, когда в храм сходилась много народа, отец Димитрий давал в своем доме приют всем, кто оставался без ночлега, а неимущим никогда не отказывал в милостыне. В селе священник обучал детей Закону Божию, а тех, кто проявлял музыкальную одаренность, – церковному пению. Кроме того, Господь наделил его врачевными талантами, и он собирал травы и пользовал приготовленными из них лекарствами больных.

Первый раз священник был арестован в 1930 году по обвинению в неисполнении государственных повинностей и приговорен к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере, несмотря на то, что по закону он мог быть приговорен к сроку, не превышающему двух лет. Отец Димитрий был выслан в Красноярский край, но власти все же разобрались в незаконности его осуждения на столь длительный срок, и в 1933 году он был освобожден и вернулся в родное село, где снова стал служить в Троицком храме.

К этому времени обстановка в селе изменилась – уstraшенные угрозами преследований, люди стали бояться приходить в храм, и за службами, бывало, молилось всего лишь несколько человек, а иногда и никого не было, но отец Димитрий все равно совершал богослужения, говоря: «Это мой дом, я священник, я должен служить и молиться». Храм не отапливался, но отец Димитрий, одеваясь потеплее, служил и зимой в любую погоду. Со временем жители села, завидев на улице священника, старались обойти его стороной, а некоторые и открыто высказывали свое пренебрежительное к нему отношение. Представители местных властей все чаще стали приходить к священнику домой и настойчиво предлагать оставить служение в церкви и уехать, но священник отказался последовать их требованиям.

Священник Димитрий Милослов

Иногда священника вызывали в НКВД и здесь, запугивая и угрожая, принуждали отказаться от служения в храме. Отец Димитрий, вернувшись домой, рассказывал родным: «Было страшновато, когда они начинали кричать и пытались заставить выполнить их требования. Я в это время старался их не слушать, прося помощи у Бога и Царицы Небесной».

Во второй раз отец Димитрий был арестован 8 августа 1937 года и заключен в тюрьму в городе Рязани, где его сразу же начали допрашивать, требуя, чтобы он согласился с обвинениями в контрреволюционной работе и террористических настроениях. Отец Димитрий виновным себя не признал и все выдвинутые против него обвинения категорически отверг.

19 августа 1937 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Димитрий Миловидов был расстрелян 20 августа 1937 года и погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-58486.
Агеева Н. Д. Воспоминания. Рукопись.
«Православная Москва». 1997. № 35.

Августа 7 (20)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Елисей (Штольдер)

Священномученик Елисей родился 14 июня 1883 года в городе Смоленске в благочестивой семье помощника ревизора контрольной палаты Федора Штольдера. В связи со служебной деятельностью отца семья переехала из Смоленска в Ташкент, а затем в Москву. Елисей Федорович в 1902 году окончил Ташкентское училище, а по переезде в Москву стал работать бухгалтером в отделе сборов в управлении Александровской железной дороги.

Во время гонений на Русскую Православную Церковь Елисей Федорович решил посвятить свою жизнь служению Церкви. 20 октября 1920 года он был назначен псаломщиком в храм Рождества Христова в поселке Немчиновка, а через несколько дней, 25 октября, митрополит Крутицкий Евсевий (Никольский) рукоположил его во диакона к этому храму.

Службу в храме он продолжал совмещать со светской работой. Но в 1924 году начальство узнало, что он является священнослужителем, и уволило его. В 1934 году власти закрыли храм в поселке Немчиновка, и настоятель храма Алексей Соколов вместе с диаконом Елисеем Штольдером перешли служить в Никольский храм в селе Ромашково. Здесь отец Елисей прослужил до ареста в 1937 году.

В это время власти стали собирать сведения обо всех священноцерковнослужителях для их последующего ареста. Осведоми-

тели по требованию НКВД донесли, что Елисей Штольдер служит диаконом в ромашковской церкви, занимается просветительской деятельностью и ведет среди верующих антисоветскую агитацию. Верующих он вербует среди населения окружающих сел.

В июле 1937 года были вызваны на допрос лжесвидетели. Один из них показал, что, когда в 1933 году было решено закрыть церковь в Немчиновке, Штольдер вел агитацию среди жителей, чтобы они воспрепятствовали закрытию церкви; что диакон Елисей не простым был служителем, а убежденным церковником. Другой лжесвидетель сказал, что диакон Елисей перед праздником 1 мая в 1936 году посоветовал им этот праздник не отмечать, а лучше сходить в церковь.

8 августа 1937 года власти арестовали отца Елисея, и он был заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

— Что вас заставило стать церковнослужителем? — спросил его следователь.

— Первая причина — это мое собственное желание, а во-вторых, я еще с детства ощущал в себе призвание быть церковнослужителем и любил богослужение.

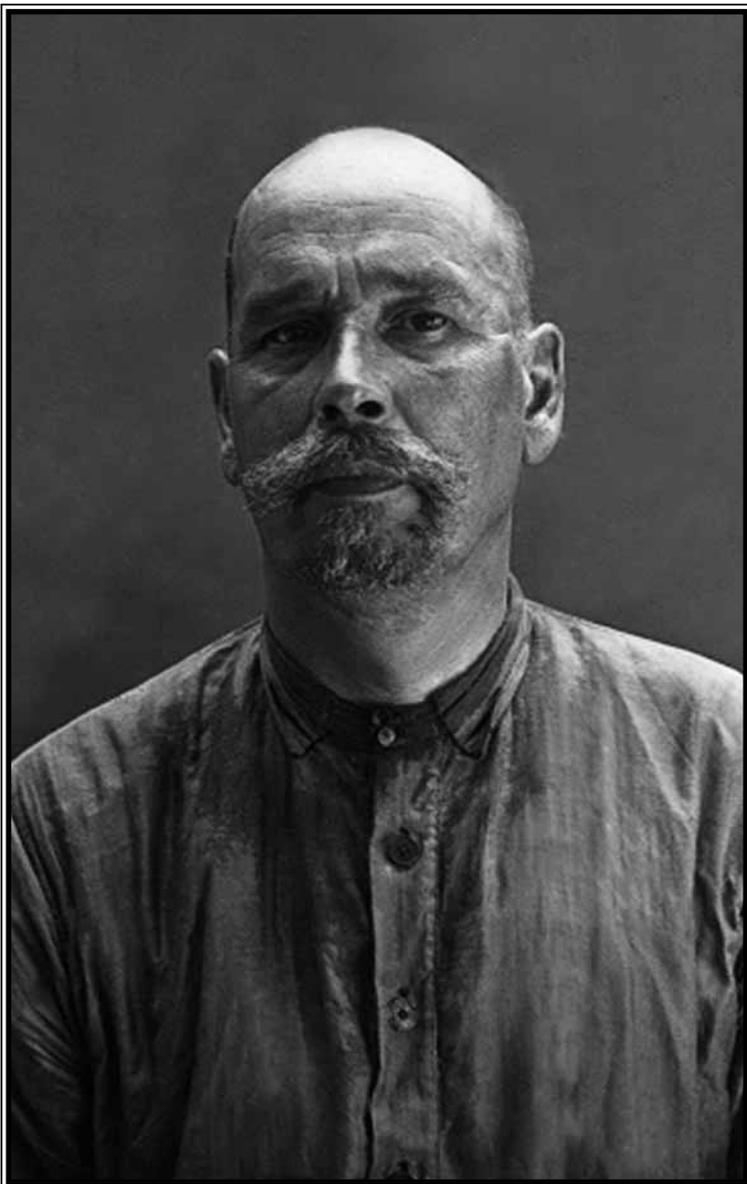
— Какие политические соображения у вас имелись при перемене вами образа и рода службы?

— При открытии церкви в поселке Немчиновка я по просьбе прихожан стал церковнослужителем, так как я и раньше был религиозен, и хотя и был в то время на советской работе, а дал свое согласие служить в церкви, так как это соответствовало моему желанию.

— Следствием установлено, что вы занимались контрреволюционной агитацией, дайте по этому поводу показания.

— Хотя я человек не вполне лояльный к советской власти, но антисоветской агитацией не занимался.

— Следствием установлено, что вы в 1933 году при закрытии церкви в поселке Немчиновка оказывали активное сопротивление. Дайте по этому поводу свои показания.

Диакон Е.исей Штольгер

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

— В период закрытия церкви я никакой агитации не вел, а действовали мы вполне организованно, проводя собрания верующих, на которых обсуждался вопрос сохранения церкви; ходатайствуя перед Моссоветом, мы в течение двух недель церковь не закрывали.

— Свидетель обличает вас в том, что вы в беседе с ним в декабре 1936 года вели контрреволюционную агитацию, предрекая гибель советской власти. Почему вы это скрываете от следствия?

— В декабре 1936 года я с этим свидетелем не встречался и каких-либо контрреволюционных разговоров не вел.

— Какие у вас имелись разговоры в отношении политики существующего строя?

— Вопросы политики меня не интересуют, и каких-либо разговоров политического характера я ни с кем никогда не вел.

— Свидетель уличает вас в том, что вы в его присутствии высказывали свое мнение о несостоятельности советского строя в августе 1936 и в июле 1937 года. Почему вы это скрыли от следствия?

— С этим свидетелем у меня таких разговоров не было, хотя я с ним и встречался, но эти встречи были в 1933 году.

— Другой свидетель показал, что вы агитировали его в день 1 мая не ходить на Первомайскую демонстрацию, а идти лучше в церковь.

— Этого свидетеля я знаю, встречи у меня с ним были, но каких-либо разговоров с ним у меня не было.

— Тот же свидетель уличает вас в том, что вы в его присутствии вели пораженческую агитацию, предсказывая гибель советской власти.

— Опять повторяю, что бесед у меня с ним никогда не было, в частности и тех, о которых он показывает.

— Признаете ли себя виновным в контрреволюционной деятельности? — в заключение допроса спросил следователь.

— Виновным себя в каком-либо контрреволюционном преступлении я не признаю, — ответил диакон Елисей.

19 августа 1937 года тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Диакон Елисей Штольдер был расстрелян 20 августа 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-56812.
РГИА. Ф. 831, оп. 1, д. 233, л. 58.

Августа 13 (26)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

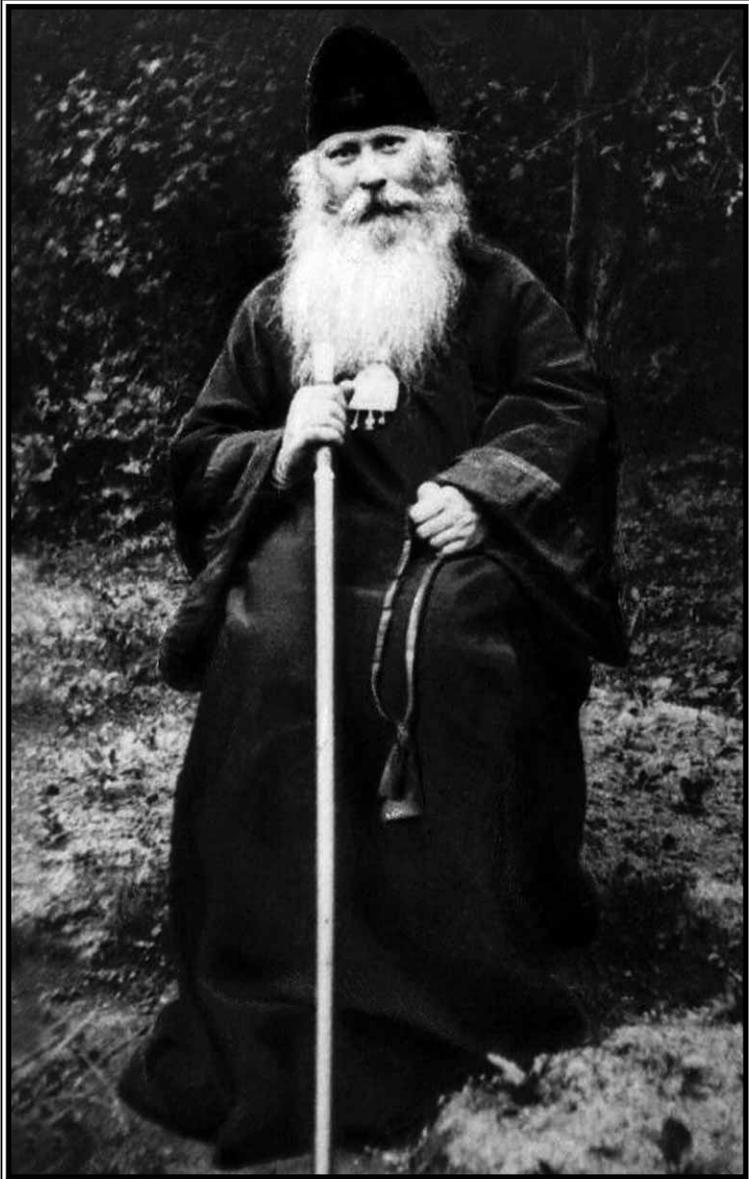
Серафим (Звездинский)

Священномученик Серафим (в миру Николай Иванович Звездинский) родился 7 апреля 1883 года в семье единоверческого священника Иоанна Звездинского. Начало свое Звездинские берут от рода Бонефатьевых, старообрядцев-беспоповцев. Иван Гаврилович Бонефатьев, будущий отец владыки Серафима, горя желанием просвещения, пешком отправился из Солигалича в Петербург и подал прошение на Высочайшее имя о своем причислении к Православной Церкви. Он был принят в единение с Российской Православной Церковью, наименован Звездинским и определен на должность чтеца при храме на Волковом кладбище в Петербурге, где у него обнаружили редкие музыкальные способности и прекрасный голос.

В Петербурге он женился на дочери единоверческого священника Евдокии Васильевне Славской, принял духовный сан и получил место священника во Ржеве. С начала 80-х годов отец Иоанн служил в Москве. Состоя настоятелем Троицкой церкви, отец Иоанн Звездинский заслужил всеобщую любовь и уважение и вскоре был назначен благочинным всех единоверческих храмов.

В 1885 или 1886 году скончалась совсем молодая супруга отца Иоанна, и трехлетний Николай остался без матери.

Рассказывая о своем детстве, владыка отмечал, что его, маленького, неопустительно будили в церковь к ночной службе под праздники. Утренняя по единоверческой традиции совершалась

Енуковъ Серафимъ (Звездинскій)

ночью. И в холод, и в непогоду его вели в храм, где он часто засыпал, но присутствие на богослужении считалось необходимым для воспитания.

Отец приучал Колю любить церковную службу, храм, пение и чтение. На клиросе Коля читал охотно и четко. Чтобы он мог видеть лежащий на аналое Часослов, подставляли скамеечку. Однажды маленький Коля вошел в алтарь через царские врата. Видевшие выразили уверенность, что младенец станет служителем Престола Божия.

Взирая на отца, совершавшего литургию, Коля с трепетом внимал его пламенной молитве. «Видно, папа за меня молился в то время, — говорил потом владыка. — Может быть, он испросил у Бога и эту милость, что я пошел по пути служения Церкви Божией».

Учиться Колю отдали в церковное училище при единоверческой церкви, а по окончании ее, в 1895 году, — в Заиконоспасское Духовное училище, что на Никольской улице.

С 1899 года Николай Звездинский — учащийся Московской Духовной семинарии.

В комнате Коли висел образ святителя Николая во весь рост, перед которым он ежедневно молился о даровании способности говорить слово Божие — поучения и проповеди. И Господь наградил его этим даром.

В храме Христа Спасителя в Москве епископом Парфением (Левицким), бывшим незадолго до этого ректором семинарии, совершено было посвящение Николая в чтеца и иподиакона.

В 1902 году, на втором курсе семинарии, когда Коле было 19 лет, он тяжело заболел лимфангоитом, болезнью, тогда практически неизлечимой, но чудесным образом был исцелен по молитве перед привезенным игуменом Саровской пустыни Иерофеем образом еще не прославленного старца Серафима. В Саров отец Иоанн послал заверенное врачами свидетельство об исцелении и благодарственное письмо отцу Иерофею. Образ кроткого старца навсегда стал семейной святыней и сопровождал владыку Серафима почти всю его жизнь. Через год после этого Коля стал сви-

детелем и участником торжеств прославления преподобного Серафима Саровского. Исполненный благодарности за исцеление сына, отец Иоанн написал службу преподобному Серафиму.

Семинарию Николай Иванович Звездинский окончил в 1905 году одним из лучших учеников и поступил в Московскую Духовную академию.

За годы учения в академии Николай утвердился в выборе монашеского пути. У раки преподобного Сергия вместе со своим другом Виталием Ставицким (будущим епископом Филиппом) дал он обет принять постриг.

В это же время стал он духовным сыном старца Зосимовой пустыни иеромонаха Алексия (Соловьева).

В канун Крещения 1907 года скончался отец Николая, протоиерей Иоанн Звездинский. Единоверцы обратились к Московскому митрополиту Владимиру (Богоявленскому) с просьбой поставить Николая Ивановича настоятелем на место отца. Но владыка, видя в Звездинском яркие духовные дарования, их желание не исполнил.

Вероятно, в Зосимовой пустыни Николай познакомился с архимандритом Чудова монастыря Арсением (Жадановским) и вскоре стал частым его посетителем. Отец Арсений полюбил скромного, духовно настроенного студента. Беседовал с ним как с другом, живо интересуясь его жизнью.

Однажды отец Герасим (Анциферов), имевший послушание стоять у раки святителя Ионы в Успенском соборе Кремля, взял Николая с собой в гости к духовным чадам и, прибыв к ним, рекомендовал его:

– Я привел вам нашего Чудовского архимандрита.

– Отец архимандрит, – говорил отец Герасим про Николая отцу Арсению, – это наш будущий настоятель, архимандрит Чудовский.

Решившись на постриг, Николай испросил благословения и молитвенной помощи у своего старца – отца Алексия и у архимандрита Арсения. Отец Арсений благословил его образом Воскресения Христова.

По дороге в Лавру, в день пострига, Николай Иванович попросил сопровождавшего его игумена Зосимовой пустыни отца Германа (Гомзина) сказать свое наставление. «Будь воином Христовым, — сказал отец Герман, — чувствуй себя всегда стоящим в строю перед лицом Начальника твоего, Спасителя Бога. Не видишь, а сердцем чувствуй, зри Его близ себя. Весь будь в струнку, всегда неопустительно. Знаешь, солдат стоит в строю, начальник отошел... воин не видит его, но чувствует его присутствие и стоит на чеку, так и ты не забывай, что Бог всегда с тобой!»

26 сентября 1908 года после всенощного бдения совершился монашеский постриг Николая Ивановича с именем Серафим в честь преподобного Серафима Саровского. Небесным миром сияло его лицо, когда после пострига подходили к нему монахи, спрашивая: «Что ти есть имя, брате?»

В день Казанской иконы Божией Матери, 22 октября 1908 года, в академическом Покровском храме ректор посвятил монаха Серафима в иеродиакона, а 8 июля, на Казанскую следующего, 1909 года, совершилось его посвящение во иеромонаха. В этом же году он окончил Духовную академию со званием кандидата-магистранта богословия и вскоре получил назначение преподавать историю Церкви в Вифанской семинарии.

«Я молился за каждого своего ученика, — вспоминал потом владыка. — Вынимал за каждого частицу на проскомидии, и это, видимо, чувствовали они своими душами».

Жил он строго, много молился и постился: супа 8 ложек, по числу слов молитвы Иисусовой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Маленькие порции обеда делил пополам.

21 сентября 1912 года отца Серафима перевели в Московскую Духовную семинарию на должность преподавателя гомилетики и соединенных с нею предметов.

8 июня 1914 года архимандрит Арсений (Жадановский) был хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии, с оставлением в должности заместника кафедрального Чудова монастыря, а 10 июня иеромонах Серафим был возведен

в сан архимандрита, назначен помощником наместника монастыря и освобожден от должности преподавателя Московской Духовной семинарии.

С августа 1914 года по август 1915 года он исполнял обязанности столичного наблюдателя церковноприходских школ. В 1914 году он был избран председателем общества хоругвеносцев кафедрального Чудова монастыря.

Исполняя обязанности настоятеля монастыря, архимандрит Серафим был строг к себе и другим в соблюдении уставов монашеского жития. «Миряне несут тяготу на фабриках, заводах, в трудах, — говорил он братии, — поэтому монахам должно со смирением являться на молитвенное бдение в урочный час». Все вопросы управления монастырем отец Серафим согласовывал с епископом Арсением: «Как владыка, так и я».

В Чудовом монастыре пережил отец Серафим обстрел Кремля в 1917 году.

Мощи святителя Алексия, главную Чудовскую святыню, с начала обстрела 27 октября/9 ноября 1917 года перенесли в деревянном гробе в пещерную церковь, в подземелье, где 300 лет назад томился в заключении священномученик Патриарх Ермоген. Здесь, под нескончаемый грохот орудий, дено и ношно молились о России архимандрит Серафим со всей братией и гостями Чудова монастыря, делегатами Поместного Собора — будущим священномучеником митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским), архиепископом Гродненским Михаилом (Ермаковым), архиепископом Новгородским Арсением (Стадницким), епископом Белостокским Владимиром (Тихоницким) и с Зосимовским старцем иеросхимонахом Алексием (Соловьевым).

Представители новой власти закрыли Кремль, с весны 1918 года начали поступать распоряжения о выселении монахов. Осложнилась и внутренняя жизнь братии. 26 июля 1918 года, в день празднования Собора Архистратига Гавриила, епископ Арсений и архимандрит Серафим навсегда покинули Чудов монастырь*.

---

* Окончательно Чудов монастырь был закрыт по приказу от 9 октября 1918 г. Оставшейся братии было предписано удалиться в Новоспасский монастырь.

Погостив в Зосимовой пустыни, владыка Арсений и архимандрит Серафим переехали в августе 1918 года в Серафимо-Знаменский скит к схиигумении Фамари (Марджановой), любящей духовной дочери владыки. Матушка окружила изгнанников заботой; имея в лесу близ скита маленький домик, устроила для них киновию. Здесь, в полном уединении, они молились и трудились: копали грядки, рубили дрова. Отец Серафим читал Священное Писание по правилу преподобного Серафима: за неделю — четыре Евангелия, Деяния Апостолов и Послания. Ежедневно он сослужил епископу Арсению в киновийном храме во имя святителя Иоасафа.

Ежедневное совершение Божественной литургии навсегда сроднило их. Всю жизнь они считали потерянными дни, в которые не служили литургию без какой-либо основательной причины: тяжелая болезнь, путешествие или заключение.

В конце лета 1919 года архимандрит Серафим был вызван Святейшим Патриархом Тихоном в Москву. Помолившись, проводил владыка Арсений своего друга и брата. Патриарх объявил, что имеет в нем нужду и желает видеть в епископском сане. Старец Алексей благословил отца Серафима на архиерейское служение.

3 января 1920 года, в день святителя Петра, митрополита Московского, в храме Троицкого подворья Святейший Патриарх Тихон совершил епископскую хиротонию архимандрита Серафима в сослужении митрополита Владимирского Сергия (Страгородского), архиепископа Харьковского и Ахтырского Нафанаила (Троицкого), епископа Вятского Никандра (Феноменова) и епископа Аляскинского Филиппа (Ставицкого).

Вручая посох новопоставленному епископу, Святейший сказал: «Господь призвал тебя быть епископом и сподобил сего великого сана в день празднования первого святителя Московского Петра. Сказано в тропаре сему святому, что он был утверждением граду Москве. Желаю, чтобы ты был для града Дмитрова тем же, чем был святитель Петр для Москвы. Будь и ты утверждением граду Дмитрову».

Во время праздничного обеда митрополит Сергей (Страгородский), взяв свою столовую ложку, заметил: «Советую, владыка, запастись ложкой, придется Вам в тюрьму идти. Не забывайте этого предмета, он там будет очень нужен».

Патриарх Тихон, напутствуя епископа Серафима на труды архиерейские, сказал: «Иди путем апостольским... где придется пешком – пешком иди. Нигде ничем никогда не смущайся. Нудобств не бойся, все терпи. Как ты думаешь, даром разве кадят архиерею трижды-по-трижды? Нет, недаром. За многие труды и подвиги, за исповеднические его болезни и хранение до крови вены Православной».

25 января 1920 года, в день святой мученицы Татианы, владыка Серафим прибыл в Богом данный ему удел. Еще в 1915 году, будучи Чудовским архимандритом, он проезжал Дмитров, когда вместе с епископом Арсением возвращался в Москву из Пешношского монастыря. Возле собора лошади стали и отказывались двигаться с места. Владыка и архимандрит пошли в собор и приложились к главной святыне города – Животворящему Кресту. Епископ Арсений сказал тогда, что событие это, видимо, не случайное, есть в нем указание на какое-то Божие изволение. И теперь владыка Серафим, в сане епископа прибыв в Дмитров, прежде всего совершил благодарственный молебен.

Три года, проведенные им в Дмитрове, остались для жителей города незабываемыми. Пламенная молитва, приобщение отпавших, взыскание заблудших, утешение старцев, воспитание подростков, непрестанное поучение словом Божиим – таким было его служение.

Дмитровцы полюбили трогательное и вдохновенное служение владыки и старались не упускать возможность с ним молиться. После окончания службы они с пением молитв провожали его до самого дома. Вечерами после всенощной, в темноте, стоя на высоком крыльце, подолгу не расставался епископ со своими чадами, продолжавшими пение акафиста.

Спустя много лет, в 1930 году, находясь уже в изгнании в Меленках, владыка Серафим в письме к своей дмитровской пастве

вспомнил это время: «Чада мои, зело о Господе возлюбленные, с ними же разлучен телом, но соединен духом в молитве, премного благодарствую за ваше приветствие моего недостойнства с десятилетнего моего странствия. Премного вспоминал вас всех, больших и малых, когда читал житие святителя Григория Акрагантского, — в сем житии про вас написано: когда епископ вышел из церкви, весь бывший у утрени народ пошел за ним, ибо у акрагантцев таков был обычай — всегда провожать своего епископа от храма до самого дома. Дошедши до своих дверей, святитель Григорий обращался к провожавшим, давал им разные наставления и благословлял их.

Когда прочитал я эти слова в житии, так и вспомнилась мне служба в Подлипецком храме, как вы меня всегда провожали до дома, и я своими грешными руками благословлял вас всех.

Так и теперь издалека благословляю вас всех сим библейским благословением. Да благословит вас Господь. Да сохранит вас. Да просветит Господь лице Свое на вас и помилует вас. Да воздвигнет Господь лице Свое на вас и да даст нам мир. Аминь».

В годы служения в Дмитрове владыка учредил братство Животворящего Креста Господня, имевшее целью «в молитвенном единении почерпать духовные силы к созиданию своей жизни по заветам Господа нашего Иисуса Христа — служить Христу и во Христе и ради Христа ближнему». Сыновняя преданность святой Православной Церкви и послушание всем ее узаконениям утверждалась уставом как прямой долг братчиков. Особенно должны стараться братчики проводить в жизнь самую главную евангельскую заповедь: «Любите друг друга».

Архипастырское служение епископа Серафима было утверждением и претворением в жизнь горячей любви ко Христу, христовой любви к ближнему и верности Православной Церкви. Паству свою воспитывал он в духе благоговейного отношения ко всем церковным уставам, а от священнослужителей требовал их неопустительного соблюдения. Как и в Чудове монастыре, строгим к исполнению обетов и уставов, неустанным, любящим и заботливым наставником стал епископ Серафим для монашеству-

ющих своей епархии. Обѣзжая приходы, вверенные его управлению, он непременно навещал монастыри, посещая их во все престольные праздники. В его викариатстве находились такие известные обители, как древний Николо-Пешношский и Спасо-Влахернский монастыри. Владыка особенно ценил чинность, благообразие и стройность богослужения, отличавшие Влахернскую обитель, почитал подвизавшуюся в нем старицу-схимонахиню Серафиму (Кочеткову). В Николо-Пешношском монастыре, «Второй Лавре», по слову митрополита Платона (Левшина), епископ Серафим по благословению Святейшего Патриарха Тихона возвел настоятеля отца Ксенофонта в сан архимандрита, а в начале 1921 года постриг его в схиму с именем Онуфрий.

Однажды, когда епископ Серафим приехал к своему старцу Алексию, тот благословил его прозрачным темно-красным, как кровь, крестом и прочитал тропарь свяennemученический: «И нравом причастник, и престолом наместник апостолом быв, деяние обрел еси, богодухновенне, в видения восход: сего ради слово истины исправляя, и веры ради пострадал еси даже до крове».

В один из приездов в Зосимову пустынь, 17 июля 1922 года, накануне праздника преподобного Сергия, исповедавшись у отца Алексия и побеседовав с ним, владыка вышел из келии. Здесь приступили к нему старшие из братии с поклоном и просьбою: «Владыка святой, отец настоятель наш, старец схиигумен Герман, ослаб, управлять почти не может, просим заменить его. Желаем отца Феодорита настоятелем. Хороший хозяин, растит овощи на сельскохозяйственную выставку». — «Забыли, — ответил архипастырь, — что отец Герман пришел в дремучий лес, воздвиг обитель, в которой вы живете. Все создано его трудами и заботами: собор, колокольня, вся обитель. Он великий за вас молитвенник, его молитвами все живете здесь. Но скажу вам: как только охладет рука схиигумена Германа и не будет перебирать с молитвою четки, все вы рассыпетесь и никого здесь не останется. Господу ваша капуста не нужна».

На праздничной всенощной все ждали, что владыка Серафим выйдет на величание, но после этого разговора с братией он сел в экипаж и уехал в Дмитров.

Всего через полгода, 1 февраля 1923 года, скончался схиигумен Герман. Отпевал его епископ Варфоломей (Ремов). После отпевания духовные чада старца увидели у святых ворот две тройки.

— Что случилось? — спросили богомольцы.

— Приехали, грозят пустынь закрыть*... Поскорее бы зарыть могилу отца Германа.

На Пасху 1922 года епископа Серафима вызвали в Дмитровский исполком. Собрался народ, требовал его возвращения: «Отдайте нам нашего владыку!» Власти разрешили ему выйти на балкон, однако и после этого народ не успокаивался, кричал. Тогда владыку отпустили. Народ с торжественным пением «Христос воскрес!» вернулся в собор со своим пастырем. В конце года пришла повестка — епископа вызывали в Москву. В день Знамения Пресвятой Богородицы, 10 декабря 1922 года, владыка Серафим в последний раз служил в Дмитрове торжественное богослужение.

12 декабря, прибыв в Москву, направился на Лубянку, где был арестован. После окончания допросов его перевели в Бутырскую тюрьму. Обильным потоком потекли передачи. Владыка Серафим делился всем, что получал. Утешал соузников словами сострадания, молитвой, любовью. Совершал здесь Божественную литургию, исповедовал тех, кто никогда не был на исповеди, причащал, ободрял, утешал отчаявшихся и безнадежных. Устройство его сердца в это время хорошо характеризуют строки из письма 1923 года, посланного из Бутырской тюрьмы духовным чадам: «Мир вам и радость от Источника радости Христа Господа, все дорогие, родные дети мои, непрестанно в темничной молитве моей поминаемые: благослови вас Господь, слава Богу за все — и за тюрьму, слава Ему, что не обошел Он меня своею милостию... Благодарю вас всех за вашу любовь ко мне. Милость Божия и Покров Царицы Небесной да будет над всеми вами. Ваш богомolec Е. Серафим.

---

* Окончательно обитель была закрыта 6 мая, в день памяти вмч. Георгия.

Кто со слезами
Свой хлеб не едал,
Кто никогда от пелен до могилы
Ночью на ложе своем не рыдал,
Тот вас не знает, небесные силы.
Это поют у нас».

Тело владыки, изъеденное вшами, покрылось струпиями, и врач не мог приложить трубку, приходилось подкладывать бумагу. Начались сердечные приступы. Владыку перевели в «околоток», где был полубольничный режим, больше воздуха, прогулки и – духовенство храма Христа Спасителя, но приехавший прокурор, заметив у кровати епископа Серафима образы Скоропослушницы, преподобного Серафима и других святых, прилепленные хлебом к стене, приказал перевести владыку в общую камеру.

В Бутырках сложил епископ Серафим акафист Страждущему Христу Спасителю: «В несении креста спасительного, десницею Твоею мне ниспосланного, укрепи меня, вконец изнемогающего».

30 марта 1923 года, в день Алексия, человека Божия, епископу Серафиму вынесли приговор: «Два года ссылки в Зырянском крае». Духовные чада просили у властей разрешения владыке ехать без конвоя, но получили отказ. В апреле епископа Серафима перевели из Бутырской в Таганскую тюрьму. В полночь под праздник иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», 14 мая 1923 года, поезд увез владыку в ссылку этапом в Усть-Сысольск*. Прощаясь с духовными детьми, владыка писал: «Слава Богу за все. Праздную, светло торжествую четвертый месяц душеспасительного заключения моего. Благодарю Господа, благодарю и вас, во Христе Иисусе родные мои, любимые и приснопоминаемые дети и детки мои, за все ваши участливые заботы о мне, грешном. Господь да воздаст вам сторицею в сем веке и наипаче в будущем».

---

* В 1930 г. Усть-Сысольск переименован в Сыктывкар.

Епископ Арсений и схиигумения Знаменского скита матушка Фамарь благословили послушницу Анну Патрикееву следовать за ссыльным епископом и быть во всем ему помощницей. Послушницу Клавдию Ляшкевич настоятельница Дмитровского Борисоглебского монастыря игумения Сергия благословила быть второй помощницей Пресвященного Серафима. В Вятке была пересадка, затем около двух недель ждали отправки в Котлас. Епископ так обносился, что даже заключенные смеялись: «Владыка, ваш подрясник вороне на гнездо не годится». А в Бутырках у него было все: и белье, и три подрясника, но он их раздал.

Прибыли в Котлас. Арестантов расконвоировали. Была Троицкая суббота – и духовенство решило пойти в церковь. Три епископа: Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров) и Николай (Ярушевич) – вошли в храм, но оказалось, что храм обновленческий. Ссыльные архиереи вышли.

Далее – путь пароходом по Вычегде. На третий день прибыли ссыльные к берегам Усть-Сыольска.

Первую литургию в ссылке владыка служил 2 июня в день святителя Алексия, митрополита Московского. Просфор не было, для литургии взяли чистую постную баранку. Но уже 7 июня епископа Серафима, Чудовского игумена Филарета (Волчана) и Дмитровского благочинного отца Иоанна Муравьева срочно отправили пароходом в Визингу, куда прибыли утром на третий день. Долго искали пристанища, так как принять в свой дом никто не хотел. Говорили: «Опасно: люди преступные, близко закрома с хлебом. Запоры у нас плохие, не можем»... В Визинге дома так и не нашли и поселились в селе Средний Кольель.

На первый месяц денег и продуктов хватило, дальше пришлось менять что было. Но к этому времени дмитровцы узнали адрес владыки и снарядили посланницу Таню. В июле она приехала, привезла подарки и письма, а епископ Серафим писал в ответном письме:

«1923 г. Июля 19 дня, батюшки преп. Серафима.

Мир вам и благословение, дорогие мои, верные во Христе

возлюбленные дмитровцы. Спаси вас Господи за гостинцы, которые привезла мне Таня. Цветите для Царствия Божия, завяньте совсем для ада. Будьте Божии, а не вражды. Друг друга любите, друг друга прощайте, не укоряйте, не судите, гнилых слов не говорите. В мире со страхом Божиим живите, смертный страшный час вспоминайте и суд Христов нелицеприятный никогда не забывайте, храм Божий усердно посещайте, в грехах кайтесь. Св. Христовых Тайн причащайтесь. Милость Божия и Покров Царицы Небесной да будет со всеми вами отныне и до века. Аминь. Е.С.»

Отбывая ссылку в Зырянском крае, владыка Серафим не оставлял своего архипастырского попечения о дмитровцах в меру тех полномочий, которые в то время предоставлялись Московскому викарию. Сообщение осуществлялось через письма: «Молюсь за вас, — писал он дмитровцам, — с воплем крепким и слезами, чтобы Господь оградил Церковь от вторжения лжеучителей... Молитесь за Архипастыря вашего, перед Животворящим Крестом молившегося».

В ссылке Божественную литургию владыка совершал ежедневно, весь круг богослужебный вычитывал неопустительно. Днем он уединялся на молитву в ближний лес. Здесь у него была пустынька и круглый холмик-кафедра. В праздники — соборное богослужение: епископ, четыре сослужащих протоирея, игумен и священник. Владыка обычно за всенощной читал канон. Сделали орлец, митру, панагию с камушками, дикирий и трикирий деревянные, работы зырян.

В пасхальную ночь молились вместе, для торжественности сын хозяев стрелял в 12 часов. Даже соседи приходили, но власти скоро запретили посещать богослужение ссыльных.

Келия владыки стала церковью во имя иконы Божией Матери «Скоропослушница»; у него был антиминс и образочек на бумаге, висевший в изголовье его нар во время заключения в Бутырках.

Как-то на Рождество 1925 года пришел с иконой местный священник отец Стефан.

– Вы к какой Церкви принадлежите, к Православной? – спросил владыка.

– Да, Ваше Преосвященство, к живой православной церкви.

– Как это? – спросил владыка. – Одно дело к православной, другое – к живой.

– Вам, должно быть, известно.

– Если хотите, чтобы я вас принял, должны отказаться от ложной церкви, покаяться и присоединиться к Православной Церкви вновь. Желаете?

– Желая, Ваше Преосвященство, – ответил убежденный седмиами протоиерей и перед Крестом и Евангелием покаяться и дал обет быть верным Православию.

Однажды, посещая больного ребенка в Визинге, послушница Анна заразилась дифтеритом. Врач зырянской больницы сказал: «Я сейчас без лошади. Завтра приеду и заберу ее в больницу. Заболевание инфекционное, дома оставить не могу». Владыка, видя, что у Анны высокая температура, беспокоился: «Завтра пораньше, до приезда врача, пособорую тебя и причащу». Пособоровал послушницу и причастил. Через несколько часов приехал врач, измерил температуру – нормальная. Осмотрел дыхательные пути: «Теперь незачем брать, дома будет поправляться». Вскоре она совсем выздоровела.

Весной 1925 года окончился срок ссылки. В день Благовещения Пресвятой Богородицы пришла бумага об освобождении, и в это же утро пришла телеграмма о кончине Патриарха Тихона. Епископ Серафим пишет в Дмитров срочное послание:

«Всем, всем, оставшимся верным дмитровцам. Мир вам, утешение в скорбях ваших, исцеление в болезнях ваших, терпение в долгой разлуке нашей, родные мои, возлюбленные о Господе Иисусе, дорогие приснопоминаемые в недостойных молитвах моих, дмитровцы мои, Бога любящие и Богом любимые чада мои, мир и благословение.

Давно не видал я уже вас, давно не молился с вами, давно не причащал вас Чашей вечной Жизни, давно не беседовал с вами усты ко устам, лицом к лицу, давно...

Дмитровцы мои верные, дмитровцы мои родные, скорбит мое сердце вместе с вашим сердцем и за Ангела Хранителя нашего, веси, нивы наши благословлявшего всегда. Не стало его, ушел он. Словно не выдержало сердце его всей горечи, всей боли, всей скорби, всей неправды, измены евангельской правде церковной. Не выдержало, разбилось.

Помоги вам, Господи, это лишение с терпением понести и утерянное сокровище паки увидеть. Умоляю вас, яко детей своих родных: бойтесь волков в овечьей шкуре, живцов. Они полны дьявольской гордыни, самочиния, бесчиния, они сладко говорят, но горько их слушать, на языке у них мед, а на сердце лед. Яд аспидов под устами их, гроб отверст — гортань их, и, когда они говорят, говорят ложь, яко чада отца лжи — дьявола. Блюдитесь от них, не молитесь с ними. Они лишают души спасения. Храни вас Господь в вере православной тверды и незыблемы — о сем ежедневно молитвы мои к Пастыреначальнику Христу возсылаю.

Благослови вас Господь, укрепи, утверди. Видеть вас хочу, беседовать, петь Господу вместе хочу, стосковался уж по вас.

Болящие, не унывайте, ибо болезнями спасаетесь, бедные, не ропщите, ибо нищетою богатство нетленное приобретаете, плачущие, не отчаивайтесь, ибо утешение ожидает Духа Утешителя вас.

Не гневайтесь, не сетуйте друг на друга, не злобьтесь, не бранитесь, не гневайтесь, а злобьтесь только на грехи, на беса, к греху влекущего: гневайтесь на еретиков, с ними не мирствуйте, а между собой, верные в мире, в любви, в согласии живите.

Имущие, помогайте неимущим, богатый, больше давай, убогий, по силе своей милосердствуй... По сему уразумеют все, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.

Мир посылаю вам, мир Христов даю вам. Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами. Аминь. Отец».

Весенняя распутица задержала отъезд до 9 мая, когда в день просветителя зырян святителя Стефана Пермского тронулись,

наконец, в путь из ссылки. К вечеру неожиданно нагнала тройка лошадей с сотрудниками НКВД, которые, остановив возчиков, долго убеждали их бросить епископа с послушницами в лесу, достали бурак с водкой и стали их угощать. «Мы честные, — возразили зыряне, — много всего возим и почту столько лет. Бросить их на съедение волкам и медведям мы не согласны». В Усть-Сысольске пересели на пароход... В Москве поселились в Даниловском монастыре. У владыки начались приступы каменной болезни печени. Несмотря на боли, необходимо было срочно явиться в дмитровское НКВД. Утренним поездом прибыли в Дмитров, но начальство объявило: «Ошибка! Немедленно на Лубянку! Срочно уезжайте в Москву!»

На Лубянке: «придите завтра», «послезавтра», «через пять дней» — в течение двух месяцев! «Значит, можно не ходить», — решил владыка.

Аносинская игуменья Алипия, которую епископ Серафим знал еще будучи архимандритом, предложила пожить в их обители. Матушка была заботлива, приветлива и сама искала себе и сестрам своим духовной поддержки. Под праздник Тихвинской иконы Божией Матери, вечером 8 июля 1925 года, прибыли в Борисоглебскую Аносину пустынь. У святых ворот встретили сестры.

В пустыни владыка ежедневно совершал Божественную литургию в храме великомученицы Анастасии. Вскоре у него возобновились приступы каменно-печеночной болезни, случавшиеся по два раза в месяц. Иногда боли, доводившие его до потери сознания, продолжались в течение девяти часов. Утром 25 февраля, в день святителя Алексия, начался сильнейший приступ. Думали, что он умирает. Долго был без памяти, затем стало легче. Сестры вышли и через полуоткрытую дверь слушали его дыхание. Вдруг владыка громко позвал: «Кто сейчас прошел по моей комнате в алтарь маленькой церкви за перегородкой?» Никто не входил. — «Это святитель Христов Алексей посетил меня, снимите грелку, встану». Оделся и — за перегородку в домашнюю церковь в честь

Саввы Сторожевского. К общему удивлению, на престоле в алтаре горела лампада. Владыка надел малый омофор и начал служить молебен святителю Алексию. При последнем возгласе лампада вдруг сама угасла, в ней не было ни капли масла.

13 июля 1926 года владыку вызвали на Лубянку. В полдень он вернулся на Влахернское подворье и сказал: «Требуют выезда из Москвы. Предложили Новгород, я попросил Дивеев. Получил назначение выехать на шесть месяцев в Дивеев или Саров. Сказали: “Будем организовывать Синод, а вы помешаете”».

Приехали в Дивеево в канун дня преподобного Сергия, 17 июля 1926 года. В течение долгого времени Дивеевская игумения Александра не разрешала ссыльному владыке служить в храме. После его упорных просьб наконец согласилась — очистили подвальный храм во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали» под Тихвинской церковью. Здесь епископ Серафим стал служить раннюю литургию. Обычно он старался успеть закончить ее прежде, чем начнется служба наверху, для чего начинал литургию в четыре часа утра. После литургии шел на «канавку», обходя ее по завету преподобного Серафима, читая полтораста «Богородице Дево, радуйся». Заходил в келейку преподобного Серафима, перевезенную в Дивеево из ближней пустыньки в Саровском лесу. Потом молился у алтаря Преображенской церкви.

1 августа 1926 года, в день прославления преподобного Серафима, епископ Серафим вместе с епископом Зиновием ездил на праздник в Саров. Народу было множество. При выносе мощей злоумышленники пытались опрокинуть гроб преподобного, но Господь не допустил. В день Успения Пресвятой Богородицы, на престольный праздник, владыка вновь, уже один, молился в Сарове. Это было последнее торжество в Сарове и последнее архиерейское служение епископа Серафима. Когда он вернулся в Дивеево, приехал представитель нижегородского НКВД и объявил: в Дивееве служение разрешается, в Саров въезд запрещен.

Эту зиму епископ Серафим жил в комнатах Елены Ивановны Мотовиловой, в корпусе за «канавкой». 14 февраля 1927 года, по-

сле всенощной под Сретение, которую совершали дома в келии, он вдруг бросился к окну, к одному, к другому, с молитвенными восклицаниями: «Пречистая Дева Богородица идет по канавке. Не могу зреть пречудной Ее красоты и неизреченной милости!»

Бывало, владыка делился своими скорбями с блаженной Марией Ивановной. сетовал, что брат Михаил все собирается принять священство, но это ему не удастся. «Так дьячком и помрет», — заметила блаженная. Беспокоило владыку и то, что нет у них с игуменией Александрой надлежащего духовного общения. «На одной лошади из Дивеева вывезут», — ответила блаженная Мария Ивановна.

В Дивееве стал владыка свидетелем того, как из Сарова 30 марта 1927 года увезли мощи преподобного Серафима.

Осенью 1927 года приехали представители власти и объявили о закрытии Дивеевской обители. Пришли к владыке. «Куда хотите выехать?» — спрашивали. «На место своего служения — в Дмитров. И больше никуда». Незваные гости зачастили. Святыни пришлось убрать, поделили частички от келии, от лычка, от вещи преподобного. Мать игумения дала епископу часть мощей от главы преподобного Серафима.

Рождество Пресвятой Богородицы, престольный праздник обители, прошел благополучно. В ночь под 22 сентября были арестованы епископы Серафим и Зиновий, игумения Александра, старшие сестры и духовенство. Владыка выехал из Дивеева в одном с игуменией тарантасе, за кучера — владыка Зиновий и милиционер. Всех заключили в Арзамасскую тюрьму.

26 сентября, вечером под Воздвижение, когда во всех храмах выносили Животворящий Крест Христов для поклонения, заключенных этапом отправили в Нижний Новгород. Вскоре из Нижегородской тюрьмы пришли известия, что у владыки Серафима опять начались приступы каменной болезни. 8 октября 1927 года епископов Серафима и Зиновия, игумению Александру освободили, но 17 октября 1927 года епископов неожиданно вызвали в Москву. В Москве они искали пристанища, и владыка

сказал: «Легче упокоиться навеки, чем так скитаться». На другой день отправились в главное управление ОГПУ. Их пригласил Тучков, принял вежливо. Предложил:

– Кого будем вам посылать для посвящения – посвящайте. Вот Вы, епископ Зиновий, и Вы, епископ Серафим, поезжайте, управляйте епархиями. Побывайте у митрополита Сергия, приходите, договоримся и поедете.

– Я морально не могу, – отвечал владыка Зиновий.

– Я монах, при посвящении во епископы давал обет управлять по каноническим правилам, – сказал епископ Серафим.

– Тогда в 24 часа выезжайте из Москвы подальше.

– Я – в Муром, – решил епископ Зиновий.

– А я – в Меленки, – сказал владыка Серафим.

– Ну что же, езжайте, только живите тихо, – предостерег Тучков.

Епископ Серафим подал митрополиту Сергию прошение об увольнении за штат. Такое же прошение подал и епископ Зиновий.

В город Меленки Владимирской губернии перебрались к концу октября. Дмитровцы, узнав новое местопребывание епископа, навестили его. Приезжало духовенство, дмитровское и московское, монашествующие и миряне. Извозчики, выезжая за архиерейскими гостями, сами указывали его место жительства. Шли пешком странники, богомольцы к владыке Серафиму, и «никто же тощ и неутешен от него отыде». Владыке говорили, что начальству не нравятся частые посетители, как бы не забрали. «Пусть поездят, все равно ведь заберут», – отвечал владыка. На первой неделе поста он просил никого не приезжать. Уединялся в келии, с домашними до пятницы не говорил, ничего не вкушал, даже Святые Тайны не запивал теплотой. Ночью ежедневно в два часа служил полунощницу. Иногда случалось так: среди ночи, когда он читал правило, дверь келии отворялась от ветра. Послушницы подходили, полагая, что он отворил дверь сам, приглашая войти. Заглянув в нее, видели владыку, в молитве лежащим

ниц на полу, повергшегося перед иконами, крестообразно раскинув руки...

Размеренно текла жизнь в Меленках около пяти лет. Все пять лет владыка за ворота не выходил.

В декабре 1931 года нагрянули с обыском сотрудники ОГПУ. Дочь хозяйки дома, где жил владыка, Марию Лаврентьевну в полночь увезли в Иваново, и вернулась она лишь через два месяца. В разговорах она намекала, что всех ждет тюрьма.

Наступила Лазарева суббота. После всенощной, когда ужинали, раздался стук и вошли трое. Во время придирчивого обыска взяли паспорта, а ранним утром 11 апреля, в Вербное воскресенье 1932 года, послушниц повели в ОГПУ. Бледный от болезни владыка просил следователя, когда уводили послушниц: «Не обижайте их, и вас Господь помилует. Не забудьте моей о них к вам просьбы, а я вас не забуду». Из раскрытого окна он благословил арестованных девушек.

«Не надейтесь на своего Бога, — говорили тюремщики. — Он вас не освободит, из наших рук никто не освободит вас». Но... из Москвы пришло распоряжение об освобождении.

После ареста послушниц епископа Серафима оставили под домашним арестом. В тюрьму его взяли 23 апреля во время приступа желчной болезни. 25 апреля владыку отконвоировали в Москву на Лубянку и поместили во внутреннем изоляторе, где уже находился епископ Арсений (Жадановский); его вскоре отпустили, а епископ Серафим остался в заключении. В июне с Лубянки перевели в Бутырскую тюрьму, и 7 июля 1932 года был вынесен приговор — три года ссылки в Казахстан.

В Алма-Ату владыка с послушницами прибыли 1 августа и поселились на терраске в чуланчике. Разреженность воздуха действовала на сердце, вызывая тяжелые приступы. Чуть ли не каждые два дня бегали за врачом: казалось, владыка умирает... На террасе осенью стало холодно: начались нарывы, ревматизм, зубная боль, малярия... Отец хозяйки собирал милостыню. Вернувшись домой, доставал лучшие куски и прянички из мешочка, делился с

владыкой. Епископ брал и благодарил: «Спасибо, дедушка». — «Богу Святому спасибо, а не мне». 10 ноября 1932 года владыку вызвали в ОГПУ и приказали отправиться в город Гурьев.

Зима в Гурьеве прошла в скудости и нищете. Анна рисовала и вышивала, кормились, продавая ее изделия, но на праздник иконы Божией Матери «Живоносный Источник» вдруг посетила ссыльных милость Божия — телега посылок с крупой и сухарями.

17 июля 1933 года, во время совершения литургии, явился представитель ОГПУ — владыку перевели в Уральск.

1 августа, в день памяти преподобного Серафима, началась в Уральске новая жизнь в маленькой хатке. Здесь устроили келию-церковь, снова стали постоянно служить, но вскоре владыка заболел малярией. Страшные приступы повторялись ежедневно, хина не помогала. Он терял сознание и приходил в себя лишь через несколько часов. Врач каждый раз предупреждал о возможности смертельного исхода в ближайшую ночь. Исцеление пришло неожиданно в день празднования памяти святого Иоанна Тобольского. С 23 июня, после двух месяцев болезни, приступы прекратились. По совету врача подали прошение переменить место ссылки, но ответа не последовало.

Наступила зима. Рамы в доме были одинарные, на окнах — лед, кругом снег и темнота. Листья деревьев и хворост из государственного сада запасали на дрова, а верблюжий навоз — для самовара. Голодно, цены высокие, не было ни хлеба, ни картофеля. Собирали в полях зеленый капустный лист и рубили в маленькую кадочку. В дни получения посылок был праздник, чувствовали помощь Божию и любовь духовных чад.

В Крещенский сочельник, когда епископ Серафим готовился к водосвятию, пришел представитель ОГПУ и объявил, что ссыльного переводят на жительство в Омск.

23 января 1935 года, в 35 градусов мороза, выехали из Уральска, но, к счастью, через Москву. После трехлетнего отсутствия в Москве на Павелецком вокзале встретили духовные чада. Утром владыка причастил пришедших, и после молитвы все собрались

вокруг владыки, а он поучал с теплой, отеческой любовью свою московскую паству в последний раз. 28-го вечером провожали в Омск с Ярославского вокзала, принесли на дорогу денег и гостинцев, чем очень поддержали.

30 января прибыли в Омск. После пяти дней пребывания в Омске ОГПУ приказало немедленно выехать в Ишим. Прибыли туда 3 февраля 1935 года ночью. До апреля, когда оканчивался срок ссылки, оставалось три месяца. Здесь нашелся старичок Александр Павлович, который пригласил владыку на жительство в дом с палисадником и квартирой на втором этаже. «Горницею устланною, яко красная палата», показалась комната ссыльным. Прежде всего устроили домашнюю церковь, и жизнь пошла обычным порядком: молитва утром, Божественная литургия, чай, отдых, чтение Священного Писания, чай, вечерняя служба, небольшой ужин, вечерние молитвы — и затворялся владыка, соединяя с отдыхом молитву и чтение даже и ночью. Прошла Пасха, наступило лето 1935 года. Срок ссылки закончился, но освобождения владыка не получил. Только осенью пришли бумаги. На предложение выбрать место жительства (минус шесть городов) епископ Серафим ответил, что решил остаться в Ишиме, где ему дали паспорт на жительство.

Добираться из Москвы до Ишима можно было без пересадок; не близко, но доступно всем. Духовные чада приезжали каждый месяц, привозили исповеди от всех и вопросы — владыка всем отвечал.

Во время частых болезней и сердечных приступов владыка говорил: «Умираю, прощайте, мои дорогие. Кто-то меня отпевать будет?» 1 июля 1936 года пришло сообщение о смерти брата Михаила. «Я остался один из семьи, моя очередь», — сказал владыка и даже отслужил по себе отпевание. В конце 1936 года епископ Серафим хотел принять великую схиму, но постриг устроить не удалось.

В Ишиме Анна заболела тропической малярией. Три дня была без сознания, температура — выше сорока. Врач сказал, что та-

кая форма малярии смертельна, но, когда владыка причастил Святых Христовых Тайн, – температура стала нормальной и больше не повышалась. Только тогда ей сказали, что ее считали безнадежной.

С Рождества 1937 года в Москве начались массовые аресты духовенства. Всю зиму владыка Серафим каждое воскресенье, произнося отпуст, добавлял: «Воскресый из мертвых Христос, истинный Бог наш... помилует и спасет нас. Слышишь: не только помилует, но и спасет, непременно помилует, непременно спасет».

Еще осенью хозяина вызывали в НКВД и обязали немедленно сообщить, если он заметит у владыки какие-либо приготовления к отъезду. Последнее время какие-то лица следили за каждым шагом ссыльных.

23 июня, в день памяти святителя Иоанна Тобольского, покровителя Сибири, владыка после службы и чая вышел в садик; возвращаясь, пропел дома «вечную память». Окончив вечерние молитвы, владыка ушел к себе. В это время через палисадник в дом вошли работники НКВД. Начался обыск, проверили все и увезли владыку в 5 часов утра 24 июня 1937 года. С Ишимской тюрьмы начался последний этап земной жизни владыки Серафима.

В ночь с 23 на 24 июня 1937 года в Ишиме арестовали 75 священноцерковнослужителей. Владыка был еле жив, вновь начались сердечные приступы, добавилось кишечное заболевание, температура 40°. В ответ на передачи писал дрожащей рукой, прося помощи, но тюремные стражи говорили, что температура не избавляет от этапа... 18 июля разрешили свидание, предупреждая: «Прощайтесь навсегда. Больше никогда его не увидите».

28 июля Анна и Клавдия, принесшие передачу, увидели, что во дворе тюрьмы идет переключка и заключенные стоят рядами. Когда пересчитали всех, владыку с вещами посадили на повозку. «Прощайте, мои дорогие, больше не увидимся», – успел сказать он. У вагонов конвой обыскивал заключенных. Душно было, как

перед грозой, и узники попросили попить. Послушницы умоляли конвоиров дать воды, но те отказали: нет разрешения, воду можно передать только кипяченую и с печатью врача.

Епископа Серафима поместили в товарном вагоне. Когда поезд уходил из Ишима, владыка трижды перекрестился и осенил обеими руками по-архиерейски остающихся. «Никто из наших попов не перекрестился, — заметили жители Ишима, — только владыка сам перекрестился трижды и всех нас благословил». Различие это бросилось в глаза, потому что в Ишине было много обновленцев.

На следующий день Анна и Клавдия встретили поезд на железной дороге близ Омского вокзала. «Вот началась моя схима», — успел сказать им владыка. Путники изнемогали от жажды — прошли сутки без питья в июльскую жару. Говорили, что в тюрьме теперь всем остригают волосы, и владыка просил Анну: «Пхлопочи, чтобы меня не стригли». Анна побежала хлопотать, и в прокуратуре распорядились: «московского архиерея не стричь»...

Стражники выводили арестованное духовенство, сажали в «черный ворон» и везли в тюрьму. Потом из набитой заключенными зловонной тюремной камеры узников отправили на кирпичный завод, превращенный в лагерь.

Передачу не брали, справок не давали: «У нас такого нет». Служащие признавались: «Хотя он и здесь, но иначе говорить не приказано. Находится там, куда передачи не допускаются». В Омской тюрьме епископ Серафим пробыл в камере-одиночке девять дней, затем — снова в переполненной камере, где были обновленцы, духовенство, снявшее с себя сан, и уголовники. Владыка страдал от камней в почках, мучился болями. Возле него на пол положили заключенного, избитого уголовниками до полусмерти. Епископ Серафим утешал его, подавал пить, кормил, и бедняга растрогался: «Никто не жалел. А Вы, сам больной, ухаживаете за мною». Владыка отвечал: «Есть душа, которая еще больше меня страдает».

В одной из записочек он написал: «Я светел, бодр и радостен. Господь подкрепляет и окрыляет сознанием своей правоты, не смотря на тяжкие условия».

23 августа 1937 года тройка при Управлении НКВД по Омской области приговорила епископа Серафима (Звездинского) к расстрелу. 26 августа 1937 года приговор был приведен в исполнение.

ИСТОЧНИКИ:

Иоанна (Патрикеева), схимонахиня. Епископ Серафим (Звездинский). Рукопись.

ЦА ФСБ. Д. 123373.

ЦА ФСБ. Д. 9315.

РГА ДА. Ф.1207. Чудов монастырь, ех. 953.

Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М., ПСТБИ. 1995.

Августа 23 (5 сентября)

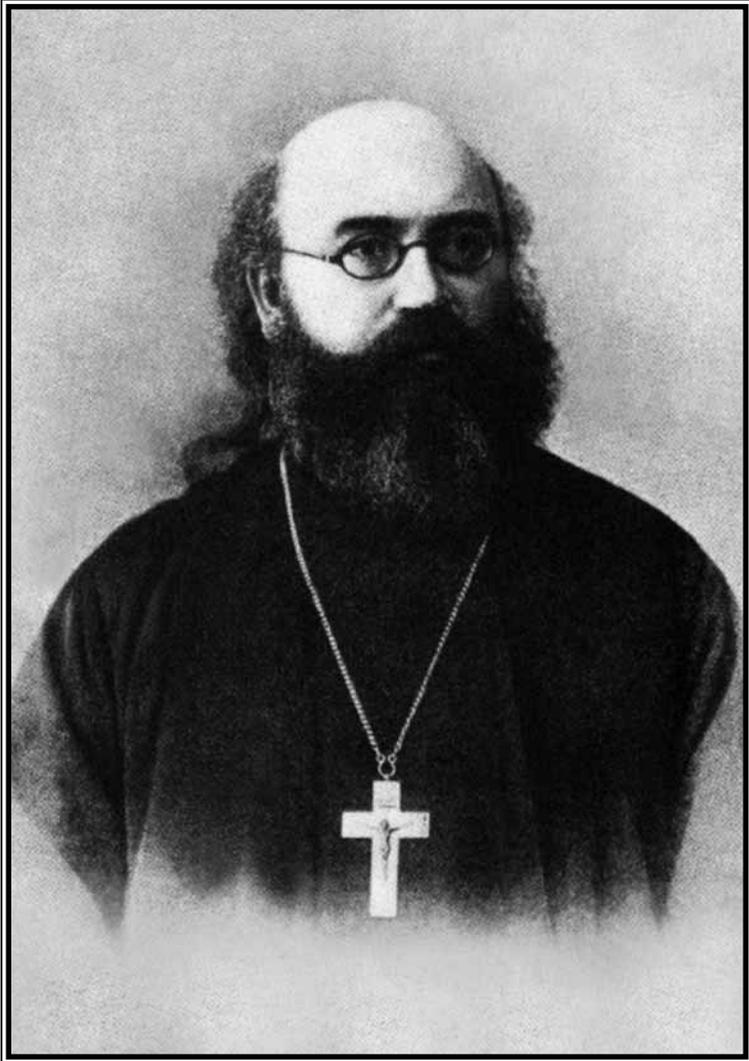
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Иоанн (Восторгов)

Священномученик Иоанн родился 30 января 1864 года в станице Кавказская Кубанской области. Отец его, священник Иоанн Восторгов, был сыном магистра богословия, профессора Владимирской Духовной семинарии Александра Восторгова, мать звали Татьяной Ксенофонтовной.

В марте 1868 года семья переехала в станицу Ново-Александровская*. Здесь прошло детство и отрочество Иоанна. О рано умершем отце протоиерей Иоанн вспоминал как о добром и мягком человеке, пользовавшемся большой любовью прихожан. Посетив в 1908 году родную станицу и совершив Божественную литургию, протоиерей Иоанн в проповеди вспомнил свое детство: «Смиряюсь перед Божиим Промыслом, что вывел меня из этой когда-то глухой и заброшенной станицы, из горького сиротства и нищеты на широкий путь жизни и службы Богу, Царю и родному народу, — слезы благоговейного смирения невольно льются из очей пред Богом моего детства и отрочества. Стою перед вами и не стыжусь признать и благодарно исповедать, что здесь, среди простого верующего народа... заложены были мне в душу первые и самые сильные чувства преданности Богу, Царю и нашему русскому царству, — те чувства, которыми дышали тогда здесь все от мала до велика: не стыжусь я признать и поведать трепетную бла-

* Ныне г. Новоалександровск Ставропольского края.

Протоиерей Иоанн Восторгов

годарность этому народу, во дни сиротства моего и лишений спасшему мне жизнь и укrywшему от голода и гибели».

Иоанн Восторгов по окончании в 1887 году Ставропольской Духовной семинарии по первому разряду (под первым номером, со званием студента) был определен 15 августа того же года надзирателем в Ставропольское Духовное училище, а 30 сентября назначен штатным учителем русского и церковнославянского языков в то же училище. К 1887 году относится и самое раннее дошедшее до нас сочинение Иоанна Восторгова — «Раскольническая австрийская иерархия с точки зрения церковных канонов». Эта работа, посвященная опровержению мнения старообрядцев-раскольников о канонической законности белокрыницкой иерархии, показывает, как рано определились церковно-апологетические устремления будущего блестящего защитника Церкви от различных противоцерковных течений. Заметны в ней и зачатки дарований, так ярко проявившиеся в последующие годы: глубокое понимание предмета, убедительность аргументации, ясность слога.

Преподавал молодой учитель недолго. Епископ Ставропольский Владимир (Петров)* 1 августа 1889 года в праздник Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня рукоположил Иоанна Восторгова во диакона Михайло-Архангельской церкви села Кирпильское Кубанской области, а 6 августа, в двенадцатый праздник Преображения Господня, Иоанн Восторгов был возведен в сан иерея.

При первом своем служении (20 августа 1889 года) он сказал, как страшно ему, совсем еще юному, стоять в священнических одеждах перед людьми, убежденными сединами, учить и управлять каждую вверенную ему душу к Царствию Небесному. «Но совершается воля Божия, — и рождением, и воспитанием, и призванием церковной власти, и желанием моего сердца пришел я на эту

---

* Епископ Владимир (Петров), 1828–1894 гг. — выдающийся миссионер. Закончил жизнь архиепископом Казанским.

высоту и тяготу священства и готов повторить пред призывающим Богом то, что говорят при этом высшие священноначальники: приемлю, ничесоже вопреки глаголю».

Молодому пастырю предстояло священство в необычайно трудных условиях: большую часть населения составляли раскольники, около ста лет здесь не было православного священника. Надо было сначала создать и духовно воспитать приход. Но даже сам храм батюшке пришлось устраивать самому. «Этот храм мною построен, освящен и наполнен утварью», — говорил он через 14 месяцев после своего рукоположения, прощаясь с прихожанами.

За год служения 25-летний священник добился ощутимых результатов. Люди стали более богобоязненными, привыкли ходить в храм. Более ста человек из старообрядцев присоединились к Православной Церкви. Отец Иоанн на свои собственные деньги открыл церковноприходскую школу. Им же было основано в селе общество трезвости.

В этой деятельности молодого священника уже заметны те свойства его личности, которые так ярко проявились в его дальнейшем служении: жертвенность, ревность в трудах и любовь к учительству, к которому он, несомненно, имел особое призвание.

12 мая 1890 года решением Епархиального Училищного совета отец Иоанн был поставлен наблюдателем всех церковноприходских школ 12-го благочиннического округа Кубанской области.

15 сентября 1890 года он получает новое назначение — законоучителем Ставропольской мужской гимназии, а с 21 августа 1891 года становится настоятелем церкви этой гимназии.

6 декабря 1891 года епископ Ставропольский и Екатеринодарский Евгений (Шерешило) наградил отца Иоанна набедренником, как изъяснено в указе Консистории, «за ревностное исполнение обязанностей, за проповедование слова Божия, усердное преподавание Закона Божия, открытые им собеседования с пансионерами гимназии».

Состоявшийся 24 августа 1893 года Епархиальный съезд духовенства Ставропольской епархии избрал отца Иоанна членом Совета Ставропольского Епархиального женского училища на три года. 2 октября того же года он становится членом Правления Ставропольской Духовной семинарии.

В 1894 году в жизни отца Иоанна совершилась перемена: с согласия Высокопреосвященнейшего архиепископа Владимира (Богоявленского), Экзарха Грузии, Попечитель Кавказского учебного округа телеграммой от 29 сентября назначает его законоучителем гимназии в г. Елисаветполе*.

Как и в Ставрополе, отец Иоанн, наряду с богослужением, воспитанием и обучением гимназистов, ведет в Елисаветполе разнообразную общественно-административную работу: 7 сентября 1895 года он назначен членом Елисаветпольского отделения Грузинского Епархиального Училищного совета, 11 августа 1896 года избран на три года секретарем Педагогического совета гимназии.

С 1897 года отец Иоанн Восторгов живет и служит в Тифлисе: 17 июля он перемещен законоучителем Тифлисской 1-ой женской гимназии Великой княгини Ольги Феодоровны. Архиепископ Владимир (Богоявленский) утверждает его в должности настоятеля домово́й гимназической церкви во имя святой равноапостольной княгини Ольги. В августе 1898 года ему поручают преподавание Закона Божия в 1-ой Тифлисской мужской классической гимназии.

В 1900 году, благодаря деятельности Тифлисского миссионерского братства, в одном из самых неблагоустроенных районов Тифлиса, населенного сектантами, открылись три церковноприходские школы, в которых училось до трехсот человек. Вскоре число школ возросло до восьми. Заведующим школами был поставлен отец Иоанн. Он не только руководил занятиями, но и совершал богослужения (сначала в классах, а затем в устроенной

---

* Ныне г. Гянджа в Азербайджане.

его усилиями домово́й церкви), а также проводил беседы о воспоминаемых Церковью лицах и событиях, о поведении в храме, в школе и дома. Число учащихся через несколько месяцев достигло пятисот человек, двадцать процентов из них составляли дети сектантов. «Пусть они сближаются с Православной Церковью, — писал отец Иоанн, — пусть видят любовь к ним и заботливость о них. Не может быть, чтобы потом на любовь они не ответили любовью».

В декабре 1900 года Святейший Синод утвердил отца Иоанна в должности Наблюдателя церковноприходских школ и школ грамоты Грузинской епархии с возведением в сан протоиерея.

Среди множества трудов в должности руководителя церковно-школьного дела в Грузинском Экзархате отец Иоанн находил силы и время участвовать в жизни общественных организаций. 18 декабря 1903 года он был избран членом Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. В том же году утвержден секретарем Тифлисского отдела Православного Императорского Палестинского общества. Кавказское окружное управление Красного Креста 25 января 1905 года присваивает ему звание пожизненного члена Общества и избирает членом Комитета Кавказского окружного Управления Красного Креста.

Отмечены наградами и священнические труды отца Иоанна. Святейший Синод 6 мая 1904 года наградил его палицею.

Дважды обер-прокурор Святейшего Синода посылает его в ответственные командировки: 16 декабря 1904 года на Северный Кавказ (в Ставропольскую и Владикавказскую епархии) для обозрения инородческих церковноприходских школ и для ознакомления с делами местных Епархиальных Училищных советов, а 6 июля для выявления нужд и положения Ардонской Духовной семинарии*. Протоиерей Иоанн вновь безупречно выполнил порученные ему дела. По особому представлению Святейшего Синода от 27 августа 1905 года «Всемиловитвейше сопричислен за от-

---

* Город Ардон сейчас находится в Северной Осетии.

лично-усердную и полезную службу к ордену Святой Анны 2-й степени». За два дня до этого указа о награждении обер-прокурор Святейшего Синода направил его в продолжительную и крайне трудную поездку для ознакомления с нуждами духовно-учебных заведений Иркутской, Забайкальской и Приамурской епархий.

Особо значимым в жизни отца Иоанна был день 25 января 1906 года. Указом Святейшего Синода он назначается на должность проповедника-миссионера. Начинается последний – московский – период его жизни. Протоиерею Иоанну было тогда 42 года. Яркие и многообразные дарования, соединившись с опытом жизни, созрели для новых выдающихся трудов. Богатые силы своей незаурядной личности он всегда отдавал служению любимой им Церкви. «В Церкви наше спасение, – писал он. – В Церкви – мир, радость, счастье и жизнь; без нее не стоит работать, не к чему стремиться, без нее – скажем дерзновенно – не стоит жить, ибо бессмысленно жить. Итак, будем в послушании Церкви. Пусть послужит нам в этом руководством прекрасное слово древнего библейского мудреца: “Подставь послушанию плечо твое и, неся его, не тяготись узами его. Пути его будут тебе крепкою защитою, и цепи его славным одеянием (см. Сир. 6, 30–31).

Последние двенадцать лет жизни были отданы отцом Иоанном Восторговым святому делу миссионерского служения. Его кипучая энергия, блестящий дар слова, творческий ум и высокое чувство долга вполне соответствовали требованиям этого важнейшего общецерковного дела.

25 августа 1906 года митрополит Московский Владимир (Богоявленский), как Председатель Всероссийского Миссионерского общества, ввел отца Иоанна в состав Совета Общества. Трудился он и в миссионерском Братстве Св. Петра Митрополита, членом Совета которого был назначен еще 25 января 1906 года.

Святейший Синод также возложил на отца Иоанна ряд ответственных поручений. С 1 июня 1906 года он – член Предсоборного Присутствия при Святейшем Синоде. В сентябре 1906 года он посещает Самарскую и Симбирскую епархии, знакомясь с состо-

янием там церковных школ. В августе 1907 года участвует в работе Миссионерского съезда в Нижнем Новгороде. 22 августа 1907 года обер-прокурор Святейшего Синода посылает его в командировку для изучения состояния миссионерского дела в 24-х епархиальных городах: Твери, Рязани, Тамбове, Воронеже, Ярославле, Вологде, Вятке, Калуге, Казани, Ставрополе, Харькове, Туле, Орле и др.

6 декабря 1906 года отец Иоанн был награжден митрой.

К этим годам относится сближение его и дружеское общение со святым праведным Иоанном Кронштадтским. В день памяти святителя Николая — 6 декабря 1907 года отец Иоанн Восторгов в Кронштадтском Андреевском соборе произнес взволнованное слово о великом нашем праведнике: «Здесь, в этом святом храме, полвека трепетал самый воздух его от гласа молитв и воздыханий всероссийского пастыря и молитвенника... Он зажег священный огонь в тысячах душ; он спас от отчаяния тысячи опустошенных сердец; он возвратил Богу и в ограду Церкви тысячи погибших чад; он увлек на служение пастырское столько выдающихся людей, которые именно в личности отца Иоанна успели увидеть, оценить и полюбить до самозабвения красоту священства...»

Святой праведный Иоанн Кронштадтский высоко ценил отца Иоанна Восторгова. Известен отзыв его о нем, записанный в дневнике духовной дочери Иоанна Кронштадтского: «Похвалил священника Восторгова, сказав, что это дивный человек, обладающий необыкновенным красноречием, что это Златоуст, что он может великую пользу принести России».

Отец Иоанн был одним из организаторов 4-го Миссионерского съезда, проходившего в Киеве с 12 по 26 июля 1908 года. Общим собранием съезда он был избран председателем Отдела по организации мер борьбы с социализмом, атеизмом и противощерковной литературой.

Он сделал доклад съезду о нарастающей опасности сектантства. Все 15 предложенных им тезисов были приняты общим собранием участников съезда. Другой его доклад: «Проповедь социа-

лизма и успех ее среди учащейся молодежи и, главным образом, среди рабочих». Отец Иоанн Восторгов с обостренным и тревожным вниманием следил за деятельностью социалистов в России и за успехами их пропаганды. Многочисленные его работы о социализме показывают, насколько точным было его видение сущности происходивших общественных процессов. Никто из церковных писателей того времени не посвятил столько усилий раскрытию богоборческой природы социализма и коммунизма. «Обманные, пагубные речи и тайно и явно раздаются теперь всюду в России. Они заманивают в свои сети людей часто искренних и хороших, но не понимающих того, как ими пользуются враги веры, Церкви и России. Таковы простые люди – крестьяне, рабочие, которым ложные учителя ложно обещают всякие блага; таковы часто люди молодые, неопытные, увлекающиеся, из образованных и полубразованных, думающие, что они самоотверженно жертвуют собою для общего блага, а на самом деле служащие только общей смуте, беспорядку, гибели родины». Отец Иоанн указывает на богоборческую природу социализма, который пытается приобрести все внешние черты религии и стать на место христианства. «Раз социализм отрицает Бога, душу, бессмертие, свободу духовную в человеке, постоянные правила нравственности, то он должен обратиться к единственному средству воздействия на человека – к насилию». Последующая история нашего отечества это полностью подтвердила.

Столь трезвое и вдумчивое отношение ко всем проявлениям «освободительного движения», умение видеть в них богоборческую природу и разрушительные цели (чаще всего прикрытые словами об общем благе) являются главной причиной участия отца Иоанна в патриотических союзах. Человек не только мысли и слова, но и дела, отец Иоанн был убежден, что все, кто видел в монархическом государстве защитника и охранителя православия, должны объединиться. Он яснее других понимал, что с падением царской власти жесткие удары будут направлены против святой Церкви. «Патриотические русские союзы, ставя правосла-

вие во главу угла своего политического исповедания, делают это не по “тактическим соображениям”, а по глубокому убеждению в истине, спасительности и исключительной духовно-культурной силе религии».

Беспредельно преданный Церкви, покорявший силой своего необычайно сильного и яркого слова сердца и умы многих людей, отец Иоанн посвящал свое время общественно-монархической деятельности, видя в патриотических союзах средство к внешней защите Церкви и святого православия. «Народ русский есть народ православно-христианский, составляющий царство христианское, имеющее мировое призвание, указанное Промыслом, — призвание сохранить и распространить святую истину православия; народ наш входит в Церковь, гибель его есть потрясение Церкви, следовательно потрясение мира и человечества, есть умаление истины... Служить в этом смысле народу — значит служить Богу, Христу, Церкви, истине, православию, спасению мира и человечества. Патриотизм и национализм тогда — не цель, а средство для высшей цели, для служения вечной истине». В 1912 году он вышел из всех монархических союзов, когда увидел, что их руководители стали национально-политические цели ставить выше религиозных.

Горячая ревность отца Иоанна Восторгова о благе святой Церкви, мужественная защита православия от клеветы, искренняя любовь к царю и, несомненно, активное участие в патриотических организациях навлекали на него нападки тех, кто, напитавшись «прогрессивными» идеями, испытывал явную или скрытую вражду к православию и вековым отечественным традициям. «Тяжкая тревога закрадывается в сердце при виде этой зияющей бездны ненависти, окружающей Церковь и истинно церковных людей, — писал отец Иоанн. — Мы видим опасность: все эти рассуждения, таящие ненависть к Церкви, однако прикрытые и замаскированные общелиберальными и прогрессивными фразами то о свободе, гуманности и прочих приманках современности, то о свободе и силе самой Церкви, делают свое пагубное дело».

Отец Иоанн, все свои колоссальные силы и время отдававший церковному делу, почти не участвовал в полемике. На выпады против себя отец Иоанн старался не отвечать. Лишь однажды, когда Н. Н. Дурново выпустил брошюру, в которой отца Иоанна Восторгова обвиняли в блуде и присваивании казенных денег, он выступил с опровержением. Упомянутое сочинение и аналогичные публикации побуждают задуматься об умственном и душевном здоровье авторов. Так, Дурново писал: «Русская революция выдвинула чуть не на высоту расстриг: архимандрита Михаила-Жидовина, попа Георгия Гапона, Огнева, Тихвинского, Бриллиантова, Григория Петрова и о. Иоанна Восторгова». В своем опровержении отец Иоанн писал: «Полагаю, что для многих и, особенно, для меня – совершенная новость, что я будто бы “расстрига”. Кто и когда и за что с меня снял сан и расстриг, не знаю и не помню. Но я ведь состою на службе, совершаю богослужения, проповедую, имею должность при Святейшем Синоде, получаю различные поручения, и в формуляре у меня не значится, что я лишен сана».

Ложные печатные обвинения, несмотря на их фантастичность, подхватывали недоброжелатели и распространяли повсюду. В проповеди, произнесенной 24 августа в станице Ново-Александровской, в которой прошло детство отца Иоанна, он говорил: «Вы знаете, что по рассказам ваших смутьянов, усердно распространяемым здесь, на моей родине, и я будто бы за что-то сослан в Сибирь, совершал преступления, убил жену, бежал даже в Америку. Все это клеветают за то одно, что я остался верен долгу и присяге, Богу, Царю и отечеству и, как ныне перед вами, везде, куда Бог привел меня учить, я обличал смутьянов, бунтовщиков и лжеучителей. Но вы видите, вот я пред вами, не сослан, не обвинен и не был никогда и никем обвиняем в преступлениях». С сожалением нужно признать, что и среди людей, находившихся в церковной ограде, в том числе священников, были те, кто, поддавшись настроениям социально-общественного обновления

или будучи теплохладными в вере, питали к отцу Иоанну неприязнь.

Он глубоко печалился от этого, но утешался тем, что люди, которые его знали и были едины в общем деле служения Церкви, его горячо любили. Принимая в августе 1912 года по завершении пастырско-миссионерских курсов в дар Албазинскую икону Божией Матери, он сказал: «Святыня эта будет знаком нашего духовного с вами общения. Ведомо вам и то, что мне приходится идти часто над зияющей бездной ненависти человеческой. Страшно заглядывать в нее, и нередко сердце сжимается от боли и естественных страхований. В эти минуты ваш святой дар будет у меня перед глазами — укреплением и утешением. Он мне будет говорить о том, что на пути моем встречал я не одних врагов, но встречал и друзей, не одну ненависть, но и любовь».

Указом Святейшего Синода от 16 февраля 1908 года отец Иоанн Восторгов был назначен членом Особого Совещания при Святейшем Синоде о миссионерском деле для разработки мер к наилучшему устройению внутренней и внешней миссий и к оживлению их деятельности.

1909 год прошел для отца Иоанна, как и предшествующий, в напряженных делах и многотрудных поездках. Митрополит Московский Владимир утверждает его 4 января в звании Товарища Председателя Братства Воскресения Христова в Москве.

В конце 1909 года Государь Николай Александрович поручает ему совершить поездку по восьми переселенческим епархиям (включая Владивостокскую) для определения порядка открытия в них новых приходов и школ, построения церквей и школьных зданий. Святейший Синод сделал эту поездку еще более насыщенной, поручив отцу Иоанну: 1) обозрение состояния и дел Пекинской духовной миссии в Китае; 2) рассмотрение на месте вопроса о епархиальном управлении церквями Северной Манчжурии в связи с возникшими разногласиями между Пекинским и Владивостокским епархиальными начальствами; 3) обозрение

духовных семинарий, духовных мужских и женских епархиальных училищ в восьми епархиях Зауралья. Кроме того, Совет Православного Миссионерского общества поручил ему ознакомиться с состоянием миссионерского дела в Японии и Корею с обозрением местных миссионерских учреждений.

В течение многих месяцев он совершал путешествие по обширным просторам Сибири, Китая, Кореи, Манчжурии и Японии. Исполнение такого множества поручений было под силу лишь недюжинному по своим духовным и физическим силам человеку. Дневниковые записи, сделанные отцом Иоанном в этой поездке, свидетельствуют о его высоком чувстве долга и самоотверженности ради блага святой Церкви и своего отечества. К примеру, такая запись: «Проехал Китай и Японию, посетил Сеул, Чемульно, а оттуда прорезал всю Корею к северу с большими неудобствами и лишениями через реку Ялу и горы Манчжурии, мимо знаменитого Тюринчена. Посетил всюду могилы русских воинов, совершил везде панихиды».

Понаблюдав за жизнью переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке и очень хорошо поняв их духовные нужды, отец Иоанн пришел к мысли организовать в Москве пастырско-миссионерские курсы по подготовке священников и учителей для создаваемых в переселенческих районах приходов и школ. Он издал пособие «Народно-Миссионерские и Катехизаторские курсы» с подробными программами занятий, с указанием учебников и руководящими статьями по этому вопросу.

Московские курсы, проходившие с 15 октября 1909 по 15 февраля 1910 года, менее всего походили на просветительский лекторий. Они оживотворялись участием слушателей в пастырской практике: слушатели четыре раза в неделю посещали богослужения, произносили проповеди, вели в различных местах Москвы миссионерские беседы с сектантами и раскольниками, проводили совместные собрания с церковнопросветительскими обществами (Миссионерским обществом, Православным Палестин-

ским обществом, Братством Петра-митрополита и др.), совершали паломнические поездки в Тоице-Сергиеву Лавру, в Ново-Иерусалимский монастырь и др. Работа курсов оказалась успешной: 105 слушателей было рукоположено для переселенческих приходов в Сибири и на Дальнем Востоке.

«Этот человек незаурядного ума и огромной энергии, — писал об отце Иоанне протопресвитер Михаил Польский, — отлично справился с этой трудной задачей, избирая в священники способных псаломщиков и сельских учителей и подготавливая их на специальных курсах. Особенно поразительны были результаты обучения проповедничеству. В год по его методу ученики совершенно овладевали церковным ораторским искусством. Коллективно разработанные его учениками проповеди печатались и раздавались после произнесения их по церквям». Сам отец Иоанн писал: «Я могу сказать собратьям-пастырям одно: попробуйте только раз завести народно-катехизические или народно-миссионерские курсы, возьмите хоть несколько человек для обучения, проведите чрез 4—6 месяцев правильного обучения — ручаюсь, что потом от этого святого дела и радостного труда сами уже не отойдете. Вы увидите преданных прихожан, отличных и осведомленных сотрудников по миссии, воистину чад духовных, любовью преданных Церкви и пастырю. Вкусите и видите, прииди и виждь — вот единственно путь к тому, чтобы убедиться в пользе курсов. Надо собирать чад Церкви, скреплять их, единить пасомых, вооружать духовным оружием, и тогда мы будем пастырями, а не требоисполнителями, не формальными лекторами-проповедниками с церковной кафедры, а будем стоять в центре живого дела, окруженные живыми людьми, близкими нам, верующими и ревностными, — и тогда посрамится всякое сектантство. Тогда будет успешна борьба с тем, что, может быть, опаснее открытого сектантства: с сектантствующим настроением, с сомнениями и недоумениями, которые часто долго живут среди членов Церкви, постепенно охлаждая их преданность православию».

Отец Иоанн широко создавал народно-миссионерские курсы на уровне приходов. «Такие курсы теперь ведутся во многих местах Москвы... и имеют до 8 тысяч слушателей, которые объединяются в «Братстве Воскресения», имеют свою газету «Церковность», — писал он.

В 1910 году отец Иоанн предпринял еще одну поездку для изучения духовных нужд переселенцев. На этот раз он объехал Туркестан от персидской границы до северных пределов Сырдарьинской области, посетил Семиреченскую и Семипалатинскую области. В этом же году он участвовал в работе Общесибирского Миссионерского съезда, проходившего в Иркутске с 24 июля по 5 августа 1910 года. Общим собранием съезда отец Иоанн был избран Товарищем Председателя.

К мысли о проведении такого съезда отец Иоанн пришел еще в 1908 году во время поездки по Сибири в качестве синодального проповедника-миссионера. Предложение это было поддержано Иркутским епархиальным начальством и одобрено Святейшим Синодом.

Отцу Иоанну было поручено сделать при открытии съезда доклад, в котором он, в частности, сказал: «Собрались здесь миссионеры под небесным благодатным покровом у раки святого миссионера святителя Иннокентия, жизнь которого, от земных утеснений и скорбей до небесной славы, есть как бы символ пути всякого миссионерского делания... Здесь пройдут пред нами, как ободрение и живое поучение миссионерам, величавые образы двух современных апостолов: одного — архиепископа Николая, полстолетия подвизавшегося в Японии и создавшего там из ничего Церковь из язычников, его представитель здесь — преосвященный Киотский Сергей; другой, среди нас находящийся, апостол Алтая архиепископ Макарий. Каждый из них полстолетия горит на свещнице Церкви, каждый перейдет в историю, каждый примером своей жизни и деятельности показывает нам, как много может сделать ревность, молитва и благочестие в святом апостольском деле».

По возвращении в Москву неутомимый синодальный миссионер участвует в организации Высших Богословских женских курсов в Москве. Митрополит Владимир назначает его 5 октября 1910 года руководителем курсов. Через два дня он возлагает на отца Иоанна еще одну обязанность – Председателя Совета по управлению Московским епархиальным домом.

С 15 ноября по 15 декабря 1910 года отец Иоанн руководит первыми Московскими епархиальными миссионерскими курсами. В январе 1911 года по благословению Святейшего Синода отец Иоанн посетил Рим и город Бари, где приобрел земельный участок для строительства православного храма и странноприимного дома для паломников, приезжающих из России поклониться мощам святителя и чудотворца Николая. В августе 1911 года с соизволения Государя Николая Александровича он становится членом комитета по строительству в городе Бари храма и странноприимного дома.

Определением Святейшего Синода протоиерей Иоанн Восторгов был направлен в Белгород для произнесения проповедей в дни праздничных торжеств в связи с открытием святых мощей святителя Иоасафа Белгородского.

В 1912 году отец Иоанн организовал для Сибири и Дальнего Востока выездные пастырско-миссионерские курсы: в июле в Тобольске и в августе в Хабаровске.

25 ноября 1912 года митрополитом Московским стал Высокопреосвященный Макарий (Невский). Он, как и его предшественник по кафедре, высоко оценил деятельность отца Иоанна и опирался на него как на одного из ближайших своих помощников, прежде всего в делах миссионерских.

В 1913 году протоиерей Иоанн Восторгов был назначен настоятелем Покровского собора на рву (Собора Василия Блаженного). Для отца Иоанна это было очень значимым событием. Он, несомненно, имел особое призвание к священству: человек глубокой церковности, обладавший огромными пастырско-педагогическими дарованиями, выдающийся проповедник, неутоми-

мо-ревностный в служении и послушаниях христианин. Лишь один год приходского служения молодого батюшки в селе Кирпильское принес замечательные плоды. Хотя большая часть его дальнейшей жизни была посвящена исполнению важнейших общецерковных послушаний, священство свое он всегда считал самым драгоценным достоянием. В слове на праздник Сретения Господня (2 февраля 1901 года) в церкви Тифлисской Духовной семинарии он сказал: «Священство, подобно царству и пророчеству, не есть сословие, оно выше этого обычного деления общественной жизни. Если же мы, носители священства, говорим о нем как о духовном первородстве, то, как видите, говорим с чувством трепетного смирения и сознания своего недостойнства... И доньше, и до конца времен, и на вечные веки священство во Христовой Церкви имеет значение, подобное первородству Иакова: оно есть первенец духовный, оно есть залог жизни духа, оно есть семя мира, оно есть жертва Богу всенародная, всемирная».

Свое священство отец Иоанн сознавал как великую милость Божию к себе и стремился до последнего дня своей земной жизни быть верным и достойным этого дара. Принимая 21 мая 1900 года от своих чад наперсный крест, он сказал: «Вы подчеркиваете мою любовь к долгу моего звания. И в эти минуты и пред этим крестом не могу я отречься от того, что действительно люблю его больше жизни».

Протоиерей Иоанн обладал высоким даром проповедника. Исключительная сила его поучения и назидания заключалась и в кристальной ясности творческой мысли, и в красоте выразительного слога, и в удивительной цельности его духовно-нравственного облика, насквозь пронизанного духом церковности, и конечно в чуткости и отзывчивости ко всем нуждам современной ему жизни. Все его слова, беседы, поучения и статьи исполнены стремления на все жизненные вопросы пролить свет высшей евангельской правды. Проповеди его производили на современников сильное и благодатное воздействие.

В начале 1915 года умерла жена протоиерея Иоанна — Елена Евпловна (урожденная Маковкина). Сколь велико было его переживание, известно из письма отца Иоанна к митрополиту Макарию: «Возлюбленный и незабвенный Владыко, отец мой и архипастырь! От всей души благодарю Вас за слово участия и соболезнование моему горю. Тяжело оно, несказанно тяжело, но да будет и совершится воля Божия. Теперь уже нет у меня ничего на земле, в смысле земных плотских привязанностей: пусть безраздельная любовь к Святой Церкви и служение ей совершенно заполнят мою жизнь».

Митрополит Макарий, ценивший протоиерея Иоанна Восторгова как выдающегося церковного деятеля, специальным Представлением от 22 апреля 1916 года предложил Святейшему Синоду возвести отца Иоанна по принятии монашества в сан епископа, викария Московской епархии, с целью объединения в митрополии всего миссионерского дела. Владыка Макарий закончил Представление надеждой найти в лице Иоанна Восторгова умелого и верного пособника во всяком добром и церковном деле, особенно в деле миссии и организации приходской жизни.

Предложение это вызвало новую волну клеветнических выступлений против отца Иоанна. В связи с промедлением Святейшего Синода в решении вопроса о епископстве отца Иоанна владыка Макарий 23 мая направил дополнительное Представление. Касаясь публикаций против отца Иоанна, он писал: «Заметки и статьи не сообщают ровно ничего нового и повторяют старые клеветы на протоиерея Восторгова, давно и документально опровергнутые, пишутся его недоброжелателями — личными завистниками, охотно печатаются на страницах противоправительственных и противоцерковных газет, очевидно, потому, что в протоиерее И. Восторгове они справедливо опасаются найти сильного и опасного для них борца за Святую Церковь и за государственный порядок, чем он доселе и отличается. Для доказательства неправды всех изветов прилагаю несколько экземпляров его бро-

шюры, составленной в ответ на обвинения некоего Н. Дурново, давнего и известного хулителя русских архиереев и церковных деятелей».

В Представлении митрополита Макария приводятся факты, характеризующие отца Иоанна как настоятеля Покровского собора и священника-проповедника: «В соборе св. Василия Блаженного, где настоятельствует о. Восторгов и где прежде не было богомольцев, в настоящее время, благодаря его служению и постоянной миссионерской проповеди, такое множество богомольцев и такое религиозное усердие, что собор сей по количеству продаваемых свечей занял... одно из первых мест в епархии – 615 пудов в год». Закрытым голосованием о. Иоанн был избран председателем Московского столичного Совета благочинных. «Он постоянно получает приглашения служить и проповедовать в самые многолюдные церкви столицы и епархии, причем его служения всегда привлекают особый прилив богомольцев... Все это говорит за то, что в сане епископа деятельность его будет еще плодотворнее».

Революционную смуту 1917 года протоиерей Иоанн встретил, когда ему было 53 года. Несмотря на огромные труды, совершенные им на ниве священства, духовного просвещения и миссионерства, дух его был исполнен свежих и бодрых сил. Его жизненное настроение не изменилось со дня, когда в храме Троицкого подворья в Санкт-Петербурге он сказал: «В общей борьбе добра и зла, непрерывно совершающейся в мире, бывают особые времена и сроки, когда такая борьба наиболее усиливается и обостряется, когда мы наблюдаем как бы некоторые особо напряженные духовные битвы, необыкновенно ожесточенные духовные сражения... И если борцам за правое дело, за Бога и Его закон, за религиозно-нравственные устои и основы жизни сынам воинствующей на земле православной Христовой Церкви нужен теперь ободряющий призыв, поднимающий дух... то мы можем найти его именно в словах нынешнего Евангелия: “Не бойся, только веруй!” О, не бойся, не бойся, верный!.. Брось малодушие и страх

пред врагами истины, взявшими засилье только потому, что кругом их не видится отпора, нет смелого сопротивления... Наше дело — бороться со злом, в окрылении веры и любви; наше дело — творить свой долг. А победу даст Сам Господь. Таково Его обетование. Его сила в нашей немощи совершается (2 Кор. 12, 10). Не бойся, малое стадо: Отец благоизволил даровать вам царство (Лк. 12, 32). Аминь».

Первые вести из Петрограда о начале событий, закончившихся Февральской революцией, отец Иоанн воспринял крайне тревожно: «Неужели “времена исполнились”? Чудилось мне, что Москва не спит, а чует день расплаты за грехи свои и грехи отцов... Что камень уже сорвался с горы, и только Творец один может сдержат падение его на виновные и невинные головы...»

Протоиерей Иоанн был арестован 31 мая 1918 года и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Его обвинили в попытке незаконной продажи епархиального миссионерского дома. На следствии он убедительно доказал, что возводимые на него обвинения не только клевета, но являются заранее спланированной провокацией самой ЧК. В начале июня 1918 года протоиерей Иоанн обратился к начальнику Бутырской тюрьмы с просьбой разрешить ему совершить богослужение в тюремной церкви, тогда еще не закрытой. Заявление было передано в ЧК, откуда 25 июня последовал ответ: «Применить высшую меру наказания».

4 сентября 1918 года Следственная комиссия Революционного Трибунала при ВЦИКе постановила ликвидировать дело отца Иоанна во внесудебном порядке. Протоиерей Иоанн Восторгов был расстрелян 5 сентября 1918 года и погребен на Ходынском поле в Москве.

Очевидцы рассказывали: «По просьбе отца Иоанна палачи разрешили всем осужденным помолиться и попрощаться друг с другом. Все встали на колени, и полилась горячая молитва... А затем все простились друг с другом. Первым бодро подошел к могиле протоиерей Восторгов, сказавший перед тем несколько слов остальным, приглашая всех с верою в милосердие Божие и скорое

возрождение Родины принести последнюю искупительную жертву. “Я готов”, — заключил он, обращаясь к конвою. Все встали на указанные места. Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнул отца Иоанна в могилу».

ИСТОЧНИКИ:

- Восторгов И. И.* Просвещение народа. ПСС. СПб., 1995. Т.1.
Восторгов И. И. ПСС. СПб., 1995. Т. 4; 1998. Т. 5.
 Послужной список протоиерея Иоанна Иоанновича Восторгова. Составлен к 1 января 1912 года. РГИА. Ф. 796, оп. 436, ед. 1526.
Восторгов И. И. Клевета Н. Дурново. М., 1909.
Польский М., протопресвитер. Новые мученики российские. Джорданвилл., 1949–1957.
 ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-21, т. 6.
 РГИА. Фонд 796, оп. 202., д. 418.
Восторгов И.И. Не бойся! ПСС. Т. 3.
 Шествие. Воспоминания протоиерея Иоанна Восторгова о начале Февральской революции в Москве 1917 г. // Русский Вестник. 1993, № 34–35.
Духонина Е. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери). М., 1998.

Августа 23 (5 сентября)

МУЧЕНИК

Николай (Варжанский)

*М*ученик Николай родился 25 ноября 1881 в Овручском уезде Волынской губернии в семье чиновника Георгия Варжанского. Как и многие выходцы из западных губерний России, испытывавшие на себе всю изощренность воздействия разного рода сект и инославия, Николай Юрьевич всем сердцем устремился к православию, понимая, что вне его нет спасения и что если делом своей жизни избирать служение народу, то оно должно быть связано с проповедью слова Христова. Поэтому он поступает в Духовную семинарию, а затем в Московскую Духовную академию, которую оканчивает в 1907 году со степенью кандидата богословия.

В 1907 году Николай женился на девице Зинаиде, дочери протоиерея Неофита Любимова, настоятеля Воскресенской церкви на Ваганьковском кладбище в Москве. Протоиерей Неофит Любимов был известным в Москве миссионером и проповедником и имел свое издательство, выпускавшее миссионерскую и апологетическую литературу. Общие устремления сблизили впоследствии Николая Юрьевича с его тестем протоиереем Неофитом, а их миссионерская, просветительская деятельность и исповеднический подвиг были увенчаны мученическим венцом*.

---

* Протоиерей Неофит Любимов был расстрелян в Москве в 1918 году.

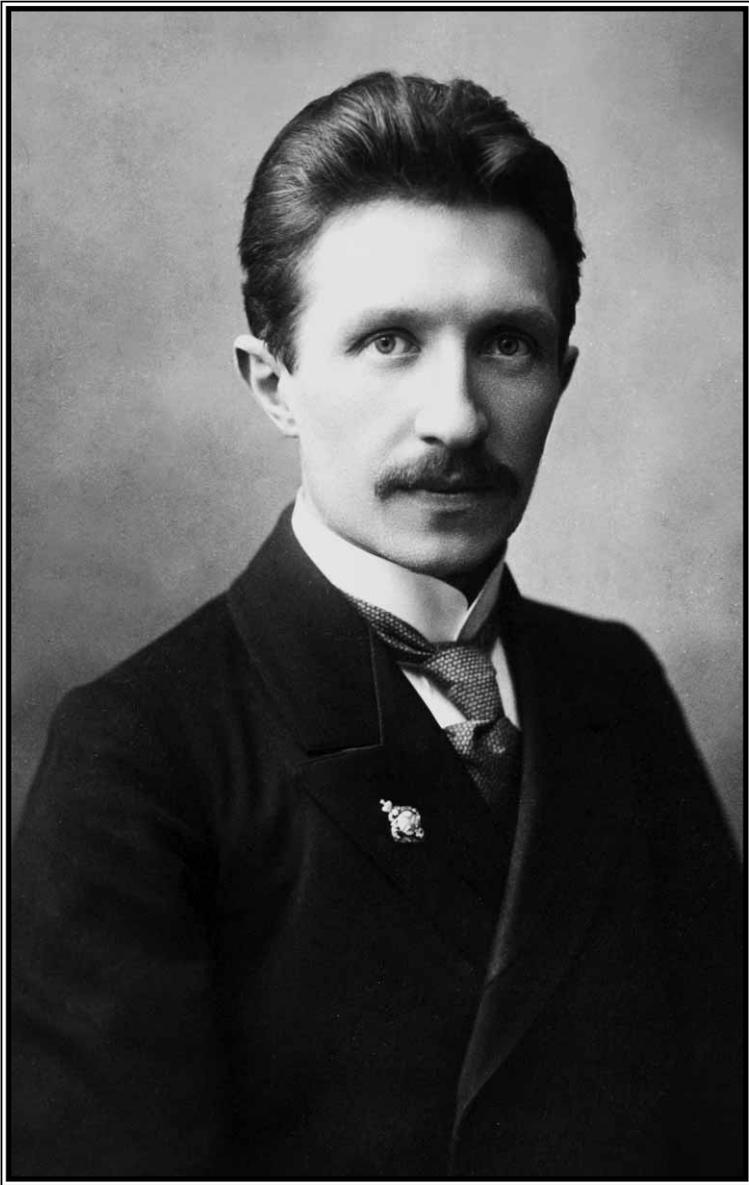

В 1908 году Николай Юрьевич был назначен сначала на должность помощника противосектантского миссионера Московской епархии, а затем – московского епархиального миссионера. С 1911 года, не оставляя миссионерской деятельности, он служил в канцелярии Святейшего Синода; кроме того, он преподавал в Московской Духовной семинарии. В 1912 и в 1914 годах он был награжден орденами Станислава и Анны 3-й степени.

В начале XX столетия одним из самых часто встречающихся пороков стало пьянство, распространившееся особенно широко среди рабочих. Пьянство доводило людей до отчаяния и самоубийства, разрушало семью и основы государства, сокрушало веру и заглушало добрые семена, посеянные Господом в сердцах людей. Как мужественный воин Христов вступил Николай Юрьевич в борьбу с этим страшным пороком. Им было организовано за Семеновской заставой в Лефортове, населенном в основном рабочими, Варнавинское общество трезвости, которое имело свое помещение и свой храм. В качестве лекторов Николай Юрьевич приглашал известных профессоров, и лекции собирали до тысячи человек. Вскоре ревностный и самоотверженный борец за души людей – Николай Юрьевич стал хорошо известен в среде рабочих. Но чем больше освободившиеся от пьянства рабочие привязывались к мужественному миссионеру, тем сильнее ненавидели его те, кто был заинтересован в распространении этого порока в народной среде.

За десять лет неутомимых миссионерских трудов Николаем Юрьевичем было написано и издано около сорока книг и брошюр на темы, касающиеся борьбы с сектами, как старыми, так и новыми, подобными толстовцам. Николай Варжанский, приводя примеры из сочинений Льва Толстого, убедительно показал, что Лев Толстой, по существу, пантеист, отрицающий Бога Творца.

Одним из выдающихся явлений просветительской деятельности того времени было издание написанной Николаем Юрьевичем книги «Доброе исповедание. Православный противосектантский катехизис», вышедшей в 1910 году.

Николай Юрьевич Барсканский

В предисловии к книге Николай Юрьевич писал: «Несколько народных противосектантских курсов, проведенных мною, показали крайнюю необходимость особого катехизаторского общедоступного учебника, который раскрывал бы по возможности полное христианское мировоззрение, указывал бы, что спасительная христианская вера Божия — только одна, а ереси суть антихристовы погибельные измышления, а не христианство, давал бы удобное оружие для отражения сектантской лжи и отличался бы ясностью изложения.

У нас есть много противосектантских книг, разбирающих отдельные положения нашего упования, отвергаемые сектантами; есть довольно бессистемные сборники текстов; есть катехизисы, или безразличные к православию, или хотя и хорошие, но очень краткие; есть, наконец, ученые сочинения, мало пригодные для народа. Народного же, православного, дающего христианское мировоззрение, катехизаторского учебника я не нашел, но зато твердо верю, что Господь чрез сорадующихся Истине людей поможет его иметь, если не в настоящем издании, то впоследствии».

Книга быстро разошлась, и в 1912 году вышло второе издание, которое автор посвятил «искренно любимым православным московским рабочим» и в предисловии к ней написал: «Многочисленные добрые отзывы о моей книге и теплое отношение к моему труду сотен церковных деятелей вызывают мою искреннюю признательность им за их снисходительное внимание. Первые 5000 экз. “Доброго исповедания” давно уже разошлись, не давши изданию пробывать у меня 10 месяцев. И так как спрос на книгу продолжается, то я приступаю ко 2-му изданию. В предисловии к 1-му изданию я усердно просил указать мне недостатки книги, на случай нового издания. Частные письма не указывали мне недостатков, а лишь одобряли и поддерживали книгу в данном ее содержании. Из печатных отзывов только один, принадлежащий анонимному автору в газете “Русское Знамя”, называл мою книгу “Злым исповеданием”, советовал рвать книгу, и главным обра-

зом за то, что в ней признана за священнодействием монашеского пострижения благодать Божия.

Действительно, в моей книге сказано, что “монашеством мы называем христианский подвиг безбрачной жизни, с целью соблюдения целомудренного воздержания и более удобного, чем в супружестве, прохождения земной жизни, совершенствования и достижения спасения” и что “Церковь благословляет этот подвиг особым священнодействием и испрашивает принимающему монашество благодать Божию, помогающую ему успешно проходить этот подвиг христианского совершенствования”. Казалось бы, что здесь неправильно? Если женившийся *нуждается* в благодати Божией *и получает* ее в таинстве брака, то неужели *не нуждается* в помощи Божией ищущий целомудрия и неужели *не получает* ее в священнодействии “ангельского чина”?! *Я не могу признать ни одного христианского священнодействия безблагодатным*, иначе получится, что у нас учреждены какие-то “комедийные действия”, только изображающие что-то, но не благодатствующие, не приближающие человека к Богу и спасению. Зачем же такие безблагодатные “действия” и возможны ли они в Церкви? Таковых не может быть! Посему я, при выяснении христианского мировоззрения, определенно указал, что благодать Божия получается в Церкви между другими средствами и чрез священнодействия христианские, а затем перечислил и обосновал Откровением особенно те из православных священнодействий, которые хотя и отвергаются неистово сектантами, но и обличают сектантов, а именно: 7 таинств и священнодействия монашества, водоосвящения, погребения, крестного знамения. Во всех сих священных действиях испрашивается благодать Господня и дается людям. Изложенные основания побудили меня не выбрасывать ни одной строки из соответствующих сим предметам глав, но оставить их в прежнего издания мотивировке».

Николай Юрьевич получил множество отзывов на свою книгу. Диакон Антоний Романенко писал: «Ознакомившись с Ваши-

ми руководствами, я пришел к заключению, что это превосходит все написанное донныне... Опыты по Вашим руководствам в школе, в которой я состою законоучителем, дали прекрасные результаты и, можно сказать, превзошли все мои ожидания».

Выдающийся миссионер и исповедник православия – епископ Прилукский Сильвестр (Ольшевский) писал Николаю Юрьевичу: «Сердечно благодарю Вас за присланные мне Вами Ваши прекрасные миссионерские книжки. Вашими трудами мы понемногу пользуемся, так как они очень по сердцу пришлись моим сотрудникам по миссионерскому делу. Укрепи Вас Господь продолжать свое святое дело!»

Николай Юрьевич был одним из активных участников миссионерских съездов, включая 5-й съезд, проходивший летом 1917 года в Бизюковском монастыре в Херсонской губернии. После Февральской революции и прихода к власти безбожного правительства просветительскую деятельность Николаю Юрьевичу становилось вести все труднее.

24 апреля 1917 года в помещении Варнавинского общества трезвости за Семеновской заставой проходили лекций известных миссионеров и профессоров. Председателем чтений был Николай Юрьевич, в президиуме сидели известные профессора и священники. В зале присутствовало около тысячи слушателей – мужчин и женщин, в основном рабочих. Перед началом лекций Николай Юрьевич предложил помолиться Богу, затем, обратившись к собравшимся, сказал: «Братья и сестры, сейчас будет лекция профессора Кузнецова по вопросу объединения Церкви».

Лектор, коснувшись истории Русской Православной Церкви, призвал православных объединяться вокруг Церкви. Он говорил об объединении и новом общественном строе, заметив, что он вряд ли народу принесет много хорошего. После доклада начались прения и было много выступавших, некоторые из которых весьма откровенно высказывали свои мнения о происходящих событиях. Иногда из зала раздавались громкие протесты, но вся-

кий раз Николай Юрьевич вставал и весьма миролюбиво старался успокоить аудиторию.

Председатель местного Совета рабочих и солдатских депутатов Степанов, присутствовавший в зале, решил, что на чтениях проводится агитация за возвращение старого строя, и послал за нарядом милиции. Во время речи четвертого оратора в зал ворвался вооруженный наряд милиционеров; наставив револьверы на членов президиума, они закричали: «Ни с места, вы арестованы!» Степанов вскочил на стол и зачитал бумагу, что помещения Варнавинского общества трезвости реквизированы для культурно-просветительских целей. В это время раздались крики: «Уходите! Будут стрелять!» В зале началась паника. Часть людей, давя друг друга, бросилась на лестницу, но большинство перешло в соседний домовый храм и, опустившись на колени, стало молиться. Стража, окружившая арестованных миссионера Варжанского и профессора Кузнецова, заявила им, что они против лекции по существу ничего не имеют, но она отвлекает народ от его главного дела — от революции. «Вы зовете народ в беспартийные церковные организации, — сказал один из них, — а народу нужно заниматься политикой. Когда Россия будет устроена, тогда и можете это делать».

При объяснении со стражей Варжанский и Кузнецов заметили, что прежний государственный строй препятствовал свободе слова и Церкви, но, как это неудивительно, это повторяется и теперь. «Мы никакого насилия не совершаем», — возразили стражники, только что разогнавшие слушателей и державшие арестованных под дулами револьверов. Вскоре все арестованные были освобождены.

Во время Поместного Собора 1917 года Николай Юрьевич исполнял обязанности делопроизводителя Отдела о внешней и внутренней миссии и о церковной дисциплине.

В октябре 1917 года большевики захватили Кремль. В эти дни они обстреляли Никольские ворота, повредив снарядами чудо-

творный образ святителя Николая. 1 мая, которое новая власть потребовала праздновать как интернациональный праздник, пришлось в 1918 году на Страстную среду. Власти повелели закрыть чудотворный образ святителя Николая на Никольских воротах красным полотнищем с надписью «Да здравствует первомайский интернациональный праздник!». Но случилось чудо — образ сам собой освободился от красного полотнища.

Николай Варжанский описал это в выпущенном им листке, который назывался «Сказание о чудотворном образе святого Угодника Божия святителя Николая над Никольскими воротами в Москве». Впоследствии власти публикацию об этом чуде поставили Николаю Юрьевичу в вину. В этом листке он писал: «Всю ночь со Страстного вторника на Страстную среду Красная площадь охранялась и никто не мог сюда подойти. Утром в Страстную среду заметили, что повешенное целое красное полотнище прорвалось так, что чудотворный образ Угодника Божия Николая стал виден для всех и сделался, по замечанию многих, несравненно светлее, чем был доселе. Красное полотнище начало рваться частями, кусками, лентами и упало совсем. Сначала хотели объяснить, что полотнище разорвано ветром, а потом было напечатано, что будто полотнище повешено прорезанное, хотя тысячи народа видели, что оно было целое, не прорезанное. Как бы ни было, но Господь не попустил покрытия багрянницею чудотворных образов. Разлетелось красное полотнище, которым прикрыта была чудотворная икона святого Угодника Николая.

Спас Чудотворец Николай некогда от татар, спасет и теперь, если только будем усердно молиться ему и будем стоять за святую Веру Православную и за святыни наши даже до смерти».

31 мая 1918 года Николай Юрьевич зашел на квартиру протоиерея Иоанна Восторгова, где в это время шел обыск и где присутствовали некоторые другие гости отца Иоанна, и был здесь арестован и затем заключен в Бутырскую тюрьму. Ордер на его арест был выписан лишь на следующий день.

Обвинения Николаю Юрьевичу собирались из публикаций газет, выходивших после Февральской революции. В частности, в газете «Вечерние новости» от 14 июня 1917 года было опубликовано такое сообщение: «В одном из последних заседаний реквизиционной комиссии при исполнительном комитете московских общественных организаций обсуждался вопрос о реквизиции Варнавинского общества, где в начале революции был арестован во время доклада профессор Духовной академии Кузнецов. В заседании реквизиционной комиссии была допущена депутация от Варнавинского общества во главе с миссионером Варжанским, представившим свои соображения о недопустимости реквизиции.

Сторонники реквизиции указали, что Варнавинское общество является очагом контрреволюции — местом, откуда исходит открытая погромная пропаганда, почему и настаивают на закрытии общества. Один из членов комиссии предлагал прежде разрешения вопроса о реквизиции поручить комиссии по обеспечению нового строя проверить заявления о погромной деятельности общества. В результате голосования вопрос о реквизиции Варнавинского общества был решен отрицательно».

На основании этой публикации следователь ЧК вывел следующее обвинение Николаю Юрьевичу: «Реакционер чистой воды, ведет всегда погромную и черносотенную агитацию. Главным ему гнездом явилось Варнавинское общество трезвости».

7 июня следователь ЧК допросил Николая Юрьевича. Отвечая на его вопросы, исповедник сказал, что ему 37 лет, что он является московским епархиальным миссионером, сектоведом. После окончания академии все время занимался сектоведением и проповедованием православия. «Выступая с проповедью, — сказал Николай Юрьевич, — я никогда не касался политических вопросов, за исключением тех пунктов, которые соприкасаются с церковной жизнью. С Восторговым я познакомился еще будучи студентом, когда он был московским епархиальным миссионе-

ром, интересуясь религиозными вопросами. В каких политических партиях в это время состоял Восторгов, меня мало интересовало. Листовку “Сказание о чудотворном образе святого Угодника Божия святителя Николая Чудотворца” редактировал я. Издавая листовку, я преследовал цели осведомительного характера и поддержания религиозных чувств в народе».

Почти сразу после ареста Николая Юрьевича в следственную комиссию стало обращаться множество людей и организаций с просьбой о его освобождении. В ЧК обратились ректор и члены Правления Московской Духовной семинарии, Союз церковно-приходских общин, объединившихся при московской Преображенской, что в Преображенском, церкви, Совет объединенных приходов, Совет Варнавинского народного общества трезвости. К этим многочисленным просьбам об освобождении невиновного исповедника присоединился и Патриарх Тихон. Но всем просителям от лица членов следственной группы ЧК Розмировича и Цейтлина был один ответ — отклонить. 14 августа в Верховный Революционный Трибунал обратилась супруга арестованного, Зинаида Неофитовна, с просьбой предоставить ей личное свидание с мужем, но ей в этом было отказано.

20 июня следователь ЧК Косарев, ведший дело, предложил всех обвиняемых по делу, связанных с протоиереем Ионом Восторговым, включая Николая Варжанского, расстрелять.

23 июля 1918 года Коллегия следственного отдела ЧК постановила: дело Варжанского прекратить и сдать в архив. 8 сентября следственная комиссия обратилась во ВЦИК за разрешением ликвидировать дела внесудебным порядком, и дело из ведения Революционного трибунала вернулось в ЧК. 3 декабря 1918 года Президиум коллегии отдела по борьбе с контрреволюцией приговорил Николая Варжанского к расстрелу.

Почти сразу после ареста Николая Юрьевича, 6 июня 1918 года, ему была послана в тюрьму икона Божией Матери «Взыскание погибших» с надписью: «Усердно молимся за дорогих страстотерпцев». Узнав, что приговорен к расстрелу, Николай Юрье-

вич передал образ Божией Матери супруге, написав на другой его стороне: «Да сохранит тебя и заступит Своим Матерним Покровом Пречистая Заступница Матерь Света. Молись, дорогая Зиночка, голубка моя, Богородице, Она покроет твое вдовство раннее и сироток. Прости меня, дорогая моя, и за меня молись».

Николай Юрьевич Варжанский был расстрелян, а затем погребен на пустыре за оградой Калитниковского кладбища в Москве. На могиле родственниками был установлен металлический крест с надписью, но впоследствии крест был сломан, место захоронения утрачено.

ИСТОЧНИКИ:

Николай Варжанский. Доброе исповедание. М., 1912.
ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-21. Т. 10.

Августа 26 (8 сентября)

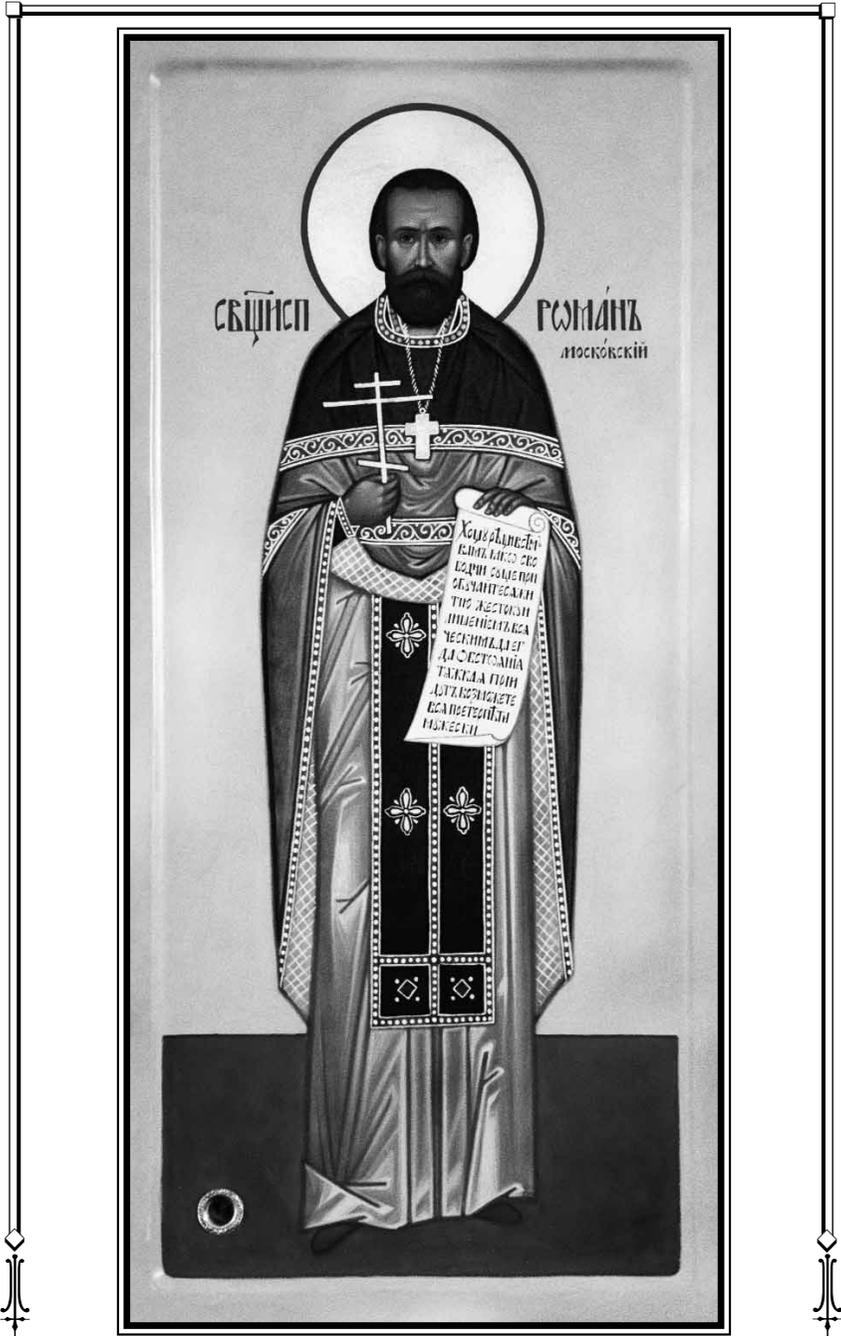
С В Я Ш Е Н Н О И С П О В Е Д Н И К

Роман (Медведь)

Священноисповедник Роман родился 1 октября 1874 года в местечке Замостье Холмской губернии в семье учителя прогимназии Ивана Иосифовича Медведя и Марии Матвеевны, работавшей акушеркой. В семье было семеро детей – пять сыновей и две дочери. Роман был вторым ребенком в семье. Отец его умер рано, когда Роману исполнилось двенадцать лет.

Роман, как и его братья, учился в Холмской Духовной семинарии в то время, когда ректором ее был архимандрит Тихон (Белавин), будущий Патриарх, оказывавший им впоследствии свое покровительство и помощь. Окончив в 1892 году семинарию первым учеником, Роман Иванович поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую окончил в 1897 году со степенью кандидата богословия. Во время обучения в академии Роман Иванович познакомился с протоиереем Иоанном Кронштадтским и, став его духовным сыном, ничего впоследствии не предпринимал без его благословения. Духовное окормление отца Иоанна оказало большое влияние на Романа Ивановича – став пастырем, он центром своей деятельности сделал литургическое служение, и бывали годы, когда он служил ежедневно.

По окончании академии Роман Иванович был назначен помощником инспектора, затем инспектором Виленской Духовной семинарии и прослужил в этой должности до 1900 года. 7 января 1901 года Роман Иванович по благословению отца Иоанна Кронштадтского сочетался браком с Анной Николаевной Невзоровой,

СВЯТЫЙ

РОМАНЪ

москвитин

Хочу я иже бы
исполню се
всехъ свѣтъ
въ умѣхъ
и въ дѣлахъ
и въ словесахъ
и въ житии
и въ помысли
и въ сердци
и въ воли
и въ власти
и въ слави
и въ чести
и въ величии
и въ богатии
и въ почестии
и въ уваженіи
и въ почитаніи
и въ уваженіи
и въ почитаніи
и въ уваженіи
и въ почитаніи

Священник Роман. 1901 год

которая училась вместе с сестрой Романа Ивановича Ольгой на медицинских курсах. Отец Анны Николаевны служил священником в Старорусском уезде Новгородской губернии. Это был благочестивый священник, сподобившийся праведной, мирной кончины. Он умер в день своего Ангела после причащения Святых Христовых Таин во время служения литургии.

3 марта 1901 года епископ Черниговский и Нежинский Антоний (Соколов) рукоположил Романа Ивановича в сан священника ко храму Воздвижения Креста Господня, находившемуся в имении помещика Неплюева, возглавлявшего в то время Крестовоздвиженское братство, в основу деятельности которого были положены скорее коммунистические идеалы, нежели христианские. В братстве ограничивалось вмешательство приходского священника в жизнь братчиков, в результате чего он становился здесь исключительно требоисполнителем. Руководителем духовной жизни братчиков был сам помещик Неплюев, что приводило к конфликтам между священниками и помещиком. Неприемлемым для священников было и то, что основой материального благосостояния братства было производство и продажа спирта. Увидев, что существующих в братстве порядков он никак не сможет изменить, отец Роман послал обстоятельный доклад епархиальному архиерею. Одновременно он подал в общее собрание членов братства свое суждение о религиозно-нравственной стороне жизни братства, где ставил на вид принципиально нехристианское отношение ко многим людям, не состоящим в братстве. «В отношениях к “не братьям”, — писал он, — рекомендуется жесткость и бесчувственность через принципиальное отвержение необходимости для себя частной благотворительности... Это показывает, что “высшая систематическая благотворительность” братства — мертвая умственная выкладка для замаскирования своего эгоизма и скупости, а не составляет истинной потребности братства на основе жалости к человеческому горю... Отсекать от себя частную благотворительность — значит... отсекал от себя питающие соки живого чувства, значит застраховать себя от воз-

можного сознания своих ошибок и мертвости своего дела через встречу с истинною человеческою бедою».

Отец Роман заметил руководителю братства, что тот сознательно держит членов братства в состоянии невежества. «Усвоения православного учения почти нет, — писал он. — Первоначальное научение в начальной школе и то же первоначальное научение в низших сельскохозяйственных школах при одном-двух уроках в неделю и только — этого времени для приобретения полноты учения Церкви крайне недостаточно. Так дело обстоит в школах. В братстве еще хуже... Учредитель братства не желает большого умственного развития для членов братства; он прямо боится его и считает излишним...»

Все эти принципы и установки братства создавали тяжелые отношения между членами братства и священниками — ни один из них не смог прослужить в братстве в течение сколько-нибудь продолжительного времени. Столкновения с жесткими принципами братства привели к тому, что отец Роман вынужден был определить для себя, каким он видит образ христианского пастыря, что считает идеалом и от каких принципов считает невозможным отказаться. Его церковные представления о месте пастыря в приходе и принципы, которыми руководствовалось братство, оказывались в непримиримом конфликте. Отец Роман писал по этому поводу в своем письме братству: «Братство доселе еще не стало на путь чистого, святого добывания хлеба. Этому мешают винокуренный завод и смешение помещичьего хозяйства с братским. Настоящая экономическая организация братства грозит обратить его в коллективного помещика, весьма тяжелого для округа, поскольку всякая частная благотворительность является запрещенной по уставу. Получается самая жесткая форма капиталистического строя, без всякого приражения не только христианских, но и просто человеческих чувств. Труд братства потерял нравственно-оздоровляющее значение, следовательно, по своему жизненному принципу братство неуклонно стремится в самоуслаждение... По вопросу о постах у братства существует грустный софизм. Не со-

блюдавший их истово блюститель странно переиначил слова Апостола о ядении мяса, говоря, что по нашему времени их надо бы понимать так: не буду поститься вовек, чтобы не соблазнить брата моего – соседнюю крестьянскую округу, твердо соблюдающую посты... Братство принципиально закрывает себе дорогу, ведущую к самоотречению и смерти для мира и греха.

Могут ли после этого быть у братства чистыми отношения к главному условию духовного развития – Церкви и ее служителям. Есть в братстве ходячий принцип о предпочитающих торговать своим трудом и духовными силами вместо того, чтобы состоять членом трудового братства. По этому принципу священник, получающий от братства жалованье, есть лицо, продающее ему свой труд и духовные силы. Уж не покупает ли у него братство и благодать таинств за платимое ему жалованье? Едва ли благоразумно ставить себя в такое странное положение в отношении таинств.

Исторические отношения братства к православному священнику ненормальны. Братство постоянно разделяло в священнике нравственную личность и носимый им сан и через то открыло себе широкую дорогу для осуждения и попирания священства. Согласно этому разделению, все в пастырском руководстве неприятное для овцы и стада может быть относимо к личности священника, не имеющей никакого отношения к носимому им сану. Пастырь должен пасти овец, как того желают овцы. Если же, согласно указаниям своей совести и долга, пастырь станет призывать овец к покаянию в сладких для них грехах, овцы назовут это недостойным сана православного священника стремлением к духовному деспотизму и попиранием прав мирян православной Церкви на устроение жизни согласно их личным убеждениям.

Священство – не колдовство, таинства – не шаманские действия. Возможно, и бывают священники, сана недостойные, когда необходимо отделять личность от священства, так как Господь может действовать и через недостойное посредство. Но общая норма – не такова. Священство есть сила нравственно-мистическая. Огульное разделение между священным саном и личностью

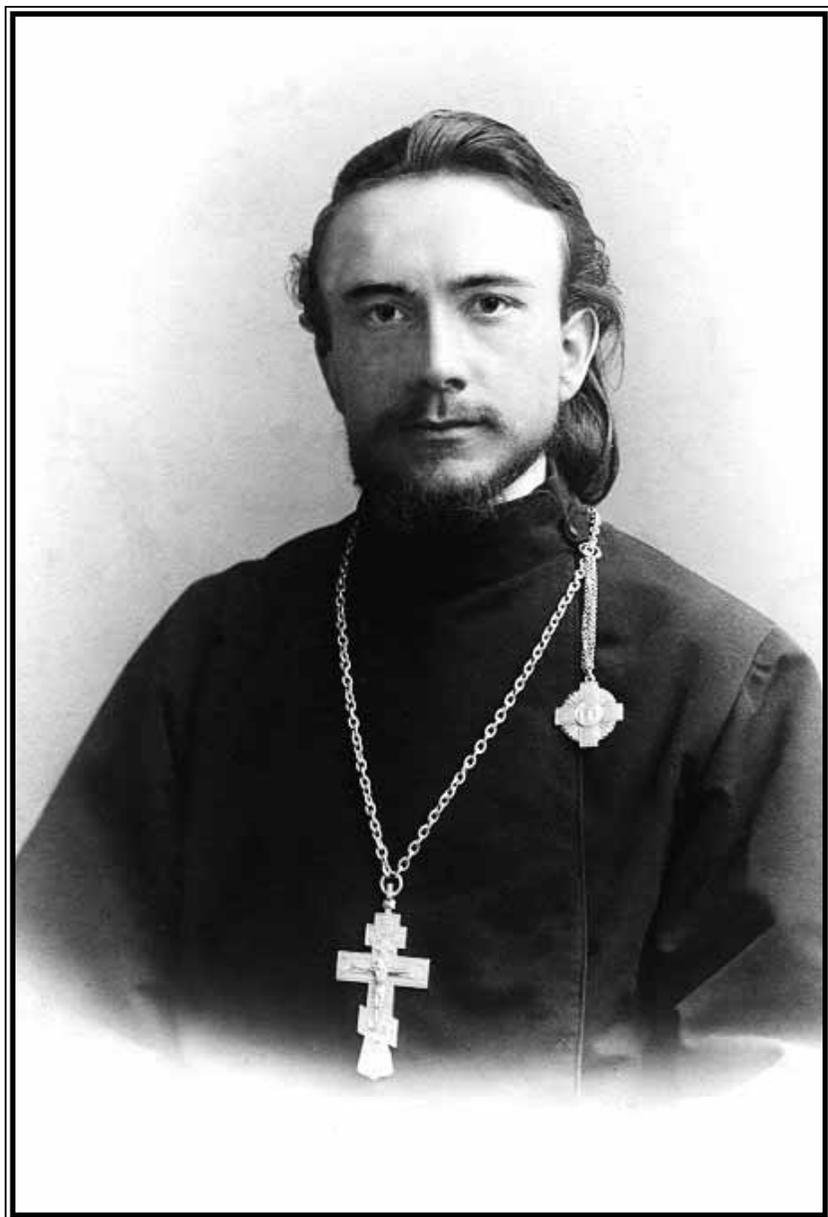
священника вносит разделение смерти в основную церковную жилу. Презирать священника как личность и получать от него Святые Тайны — не дело доброго мирянина. Добрый мирянин, если увидит болезнь в пастыре, отнесется к ней по примеру Сима, а не несчастного его брата, будет болеть от мысли, как прикрыть отчую наготу, сам пойдет во священники и покажет, каким должен быть истинный пастырь. Если же братство этого не сделало даже на одном примере, то пусть убоится предаваться осуждению священства... В противном же случае пусть вспомнит об участи третьего сына Ноева».

В 1902 году отец Роман получил назначение в храм Марии Магдалины в Санкт-Петербурге. Здесь во время его служения образовалась многочисленная духовная община и было организовано общество трезвенников. Священник всего себя посвятил приходской деятельности, и эти несколько лет напряженной жизни сказались на состоянии здоровья: он и его жена заболели туберкулезом, и дальнейшее пребывание в климате Санкт-Петербурга было сочтено врачами опасным для них. Но была и иная причина переезда отца Романа из Петербурга. В 1907 году на квартиру к нему пришел Григорий Распутин, и отец Роман, будучи человеком прямым, счел нужным в лицо высказать пришедшему свое мнение о нем. В гневе и раздражении покинул тот священника и вскоре ему отомстил. Через две недели последовал указ Святейшего Синода о переводе отца Романа полковым священником в город Томашов Польский, на границу Польши с Германией.

Перед тем как туда отправиться, отец Роман с женой поехал к отцу Иоанну Кронштадтскому и рассказал о случившемся.

— Это все кратковременно, все будет хорошо, скоро он о тебе забудет, — сказал отец Иоанн.

И действительно, уже через несколько месяцев пришел указ о назначении отца Романа настоятелем Свято-Владимирского адмиралтейского собора в Севастополе и благочинным береговых

Священник Роман. Санкт-Петербург. 1905 год

Протоиерей Роман. Севастополь. 1915 год

команд Черноморского флота. В его подчинении были Свято-Владимирский собор и храмы Покрова Божией Матери, Архистратига Михаила на Екатерининской улице и святителя Николая на Братском кладбище на Северной стороне и около пятидесяти священников.

Летом 1912 года произошло восстание матросов на линкоре «Святой Иоанн Златоуст». Для оздоровления нравственной обстановки среди моряков отец Роман предложил командованию флота употребить духовное средство — индивидуальную исповедь, дабы с помощью таинства покаяния поднять дух моряков. Командование согласилось.

После ликвидации восстания командующий флотом обратился к протоиерею Роману с вопросом — нужно ли вводить во флоте тайную полицию для выявления настроения моряков? Отец Роман заверил командующего, что настроение моряков здоровое, и тайная полиция введена не была. По поручению командующего протоиерей Роман написал и выпустил книгу «Дисциплина и товарищество».

Многие послушания в Свято-Владимирском соборе несли в то время сами матросы, на них же был возложен и тарелочный сбор. Некий моряк по фамилии Докукин решил этим воспользоваться и стал красть церковные деньги. Вскоре он был уличен и по распоряжению отца Романа отправлен на корабль. После февральской революции 17-го года был организован солдатско-матросский революционный комитет, и Докукин стал его председателем. В декабре 1917 года комитет постановил арестовать и расстрелять протоиерея Романа, но из-за того, что священник был весьма известен и очень любим народом и отсутствие его на Рождественском богослужении могло вызвать возмущение верующих, решили исполнение постановления отложить до святок. Один из матросов предупредил супругу священника о готовящейся расправе, и она купила билет на поезд, который отходил в самый день Рождества. Отслужив Рождественскую службу, отец Роман, не заходя домой, отправился на вокзал. Хорошо знако-

мый ему начальник вокзала посадил его в вагон еще до того, как состав был подан к перрону. Все вещи Анна Николаевна отвезла накануне, и они были заблаговременно отнесены в купе. Во время посадки пассажиров на перроне дежурила революционная стража на случай, если бы отец Роман решил уехать, и ночью члены революционного комитета пришли арестовывать священника. Они перерыли весь дом, допросили Анну Николаевну, которая во все время обыска держала на руках шестимесячную дочь Ирину. Анна Николаевна держалась мужественно, сказала ничего не знающей о местонахождении мужа, и матросы ушли, но затем приходили с обысками еще несколько раз.

Протоиерей Роман благополучно добрался до Москвы и направился к Патриарху Тихону, который благословил его служить и проповедовать в московских храмах.

В мае 1918 года ВЧК арестовала настоятеля храма Василия Блаженного протоиерея Иоанна Восторгова, и в сентябре того же года он был расстрелян. Когда об этом стало известно, Патриарх Тихон назначил настоятелем храма протоиерея Романа. В это время при храме уже существовала большая община, и отец Роман с усердием поддержал сделанное его предшественником — вдохновенными проповедями, беседами на евангельские темы, неспешно проводимой исповедью. Вот как описывает свое первое впечатление от проповеди священника одна из его духовных дочерей: «Это было в 1918 году, когда я... переселилась в Москву и квартировала сначала вблизи Красной площади... В одно из воскресений меня потянуло в знаменитый храм Василия Блаженного. Войдя в храм, я встала впереди, непосредственно к амвону, и когда вот этот наш самый батюшка вышел на амвон с проповедью, я по-детски не отрывалась от него глазами, слушала, как говорится, раскрыв рот животворящие глаголы... По окончании службы батюшка стоял у раки мощей блаженного Василия, на которой лежали чугунные вериги святого... Когда приблизилась моя очередь к ним приложиться, батюшка положил руку мне на затылок и крепко прижал голову к одному из крестов чугунных

вериг. Под этой тяжестью его руки мое сердце всколыхнулось необъяснимым чувством счастья на земле, такой в то время страшной, всесторонне мучительной по своему неустройству и неопределенности».

25 февраля 1919 года власти закрыли храм Василия Блаженного, и Патриарх Тихон назначил протоиерея Романа настоятелем храма святителя Алексия, митрополита Московского, в Глинищевском переулке. Храм святителя Алексия был построен в 1690 году, позже были пристроены два придела – святителя Николая, Мирликийского чудотворца, и иконы Матери Божией «Всех скорбящих Радость». Во время кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 году представители властей забрали из храма почти все сосуды, необходимые для совершения литургии. Были оставлены одна серебряная позолоченная чаша с диском, лжица и маленький серебряный крест. В том же году, восполняя утраченное, община, окормляемая протоиереем Романом, приобрела деревянный потир со вставленным в него стеклянным стаканом. В 1921-м и в 1924-м годах община произвела ремонт куполов и крыши храма.

Еще в самом начале церковной деятельности отца Романа в Москве власти не раз его арестовывали, впервые – в 1919 году. Во время одного из арестов его допрашивал председатель ВЧК Дзержинский, который предложил священнику покинуть советскую Россию и уехать на родину в бывшую Холмскую губернию, которая отошла к Польше. Священник отказался и убедил представителя власти, что его отношение к советскому государству вполне лояльное и находится в пределах, определенных апостолами, которые заповедали молиться о властях римских, относившихся в то время к христианской Церкви не менее враждебно, чем советская власть.

В 1919 году по благословению Святейшего Патриарха Тихона протоиерей Роман организовал Братство ревнителей православия в честь святителя Алексия, митрополита Московского. С этого времени для отца Романа начался особый период жизни, про-

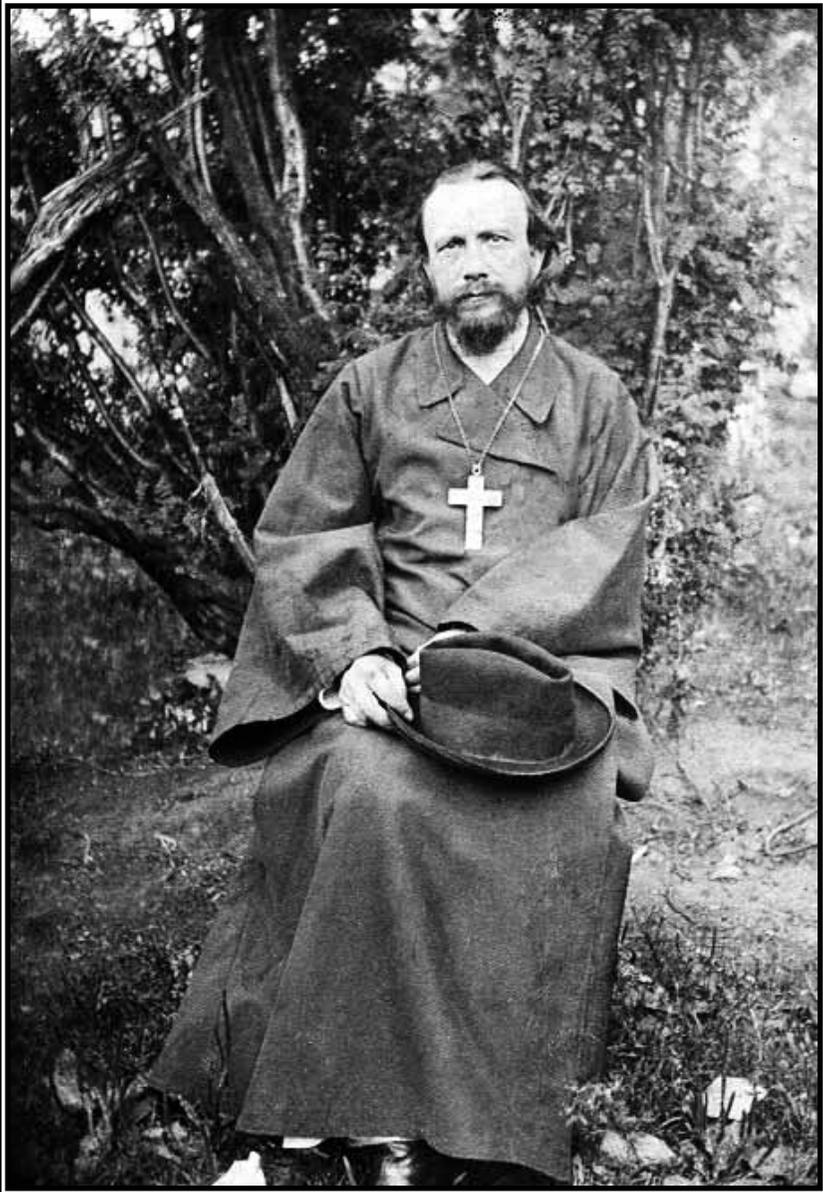
должавшийся более десяти лет, — период духовного старческого окормления. Многие благодаря чрезвычайным трудам протоиерея Романа нашли путь к Церкви и обрели твердую почву под ногами. Автор книги «Оптина пустынь и ее время» Иван Михайлович Концевич, состоявший в братстве отца Романа, вспоминал: «В этот год, благодаря мудрому руководству Святейшего Патриарха Тихона, церковная жизнь в Москве чрезвычайно оживилась. Москва покрылась сетью братств, кружков и союзов, так как Патриарх отменил границы приходов и разрешил образование междуприходских братств. К деятельности этих братств, руководимых наиболее ревностными пастырями, были широко привлечены и миряне: они пели, читали на клиросе, проводили беседы и даже выступали с проповедями. По вечерам совершались акафисты с общенародным пением и беседами после них. Для детей, лишенных уроков Закона Божия, устраивались беседы с «туманными картинами»* из Священной истории, молодежь собиралась отдельно и занималась изучением церковного устава, Евангелия и т. п.

Я принимал близкое участие в братстве Святителя Алексия, митрополита Московского, во главе которого стоял протоиерей Роман Медведь... К братству были приписаны еще несколько приходских церквей в разных концах Москвы, где вели работу члены братства. В самом храме братства ежедневно совершалась ранняя литургия, и члены могли посещать ее еще до своей службы... По вечерам были вечерние богослужения с беседами, члены братства старались ежемесячно приступать к святому причастию и активно участвовали в работе... Я имел возможность посвящать свои силы работе в братстве, а потому это время принесло мне громадную духовную пользу; здесь я окреп духовно и начал жить в ограде Православной Церкви».

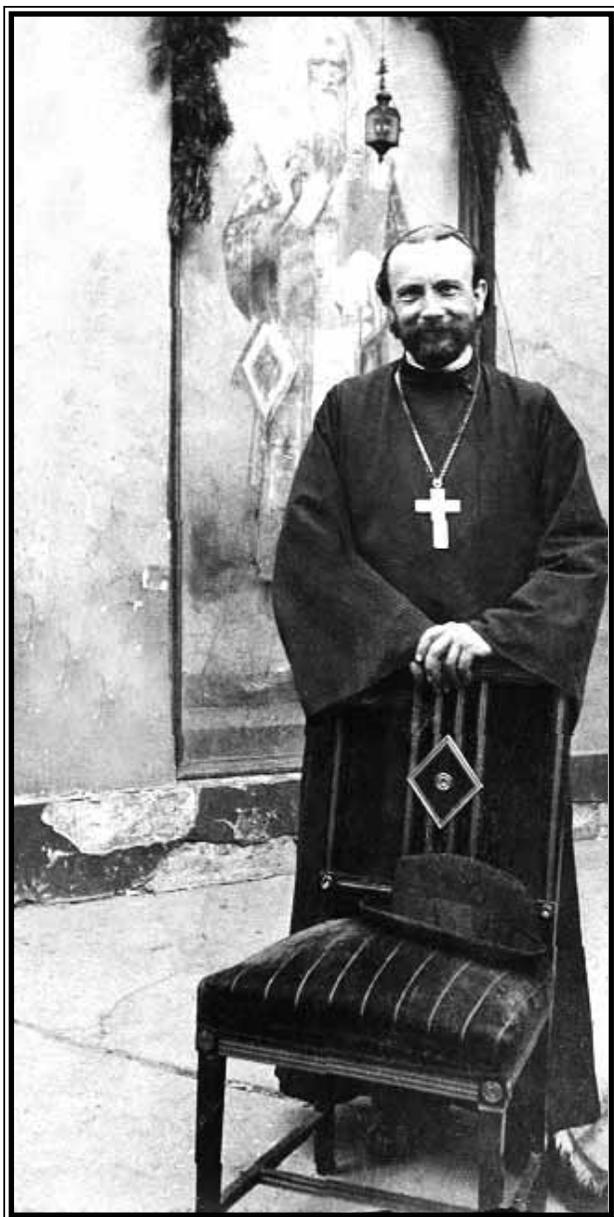
Воспоминания современников отца Романа сохранили детали жизни братства: «Шли 1919–1921 годы и все, что с ними было

---

* Туманные картины — диапозитивы.

Протоиерей Роман. Москва. 1920-е годы

Протоиерей Роман у храма святителя Алексия. 1920-е годы

связано: голод, холод, безработица, темнота на улицах — полное неустройство жизни, а в храме святителя Алексия в Глинишевском переулке шла глубокая, интенсивная жизнь, налаживавшаяся... отцом Романом Медведем.

Богослужения в храме святителя Алексия совершались ежедневно утром и вечером, а по четвергам и ночью — полунощница с пением “Се Жених грядет в полунощи”. По воскресеньям и утром и вечером после богослужений растолковывалось Евангелие... читалась святоотеческая литература, проводились беседы, в которых объяснялось богослужение. Каждый из присутствующих мог задать вопрос и сам поделиться своими мыслями, после всех говорил отец Роман. Он призывал к решительному покаянию за всю жизнь, сознательному повторению обетов крещения... к обращению ко Христу как к своему личному Спасителю. Отец Роман вводил нас в спасительное лоно Православной Церкви.

Не могло устоять ищущее и тоскующее по Богу человеческое сердце — и потянулись ко Христу Спасителю жаждущие Бога души. Исповедь в храме святителя Алексия проводилась частная. Многие откликнулись на призывы доброго пастыря, принесли покаяние за всю жизнь, повторили обеты крещения и встали на путь послушания Церкви... В храме все делалось бесплатно, руками предавшихся Богу людей: мыли полы, зажигали паникадила, лампы, звонили на колокольне, продавали свечи, читали каноны, шестопсалмие и прочее, пели, регентовали — все это делали члены братства. Отец Роман в храме святителя Алексия воплотил в жизнь все, что так долго носил в своем сердце.

Давшие обет послушания приносили ежедневное исповедание своих помыслов и деяний через дневники, которые передавались батюшке раз в неделю, и получали наставления по всем вопросам... Шла глубокая духовная работа каждого человека над собственной душой.

В то время в Церкви большим авторитетом пользовался старец протоиерей Алексей Мечев*. Он очень уважал отца Романа за

---

* Праведный Алексей Московский (Мечев; 1859—1923), причислен к лику святых в 2000 г.

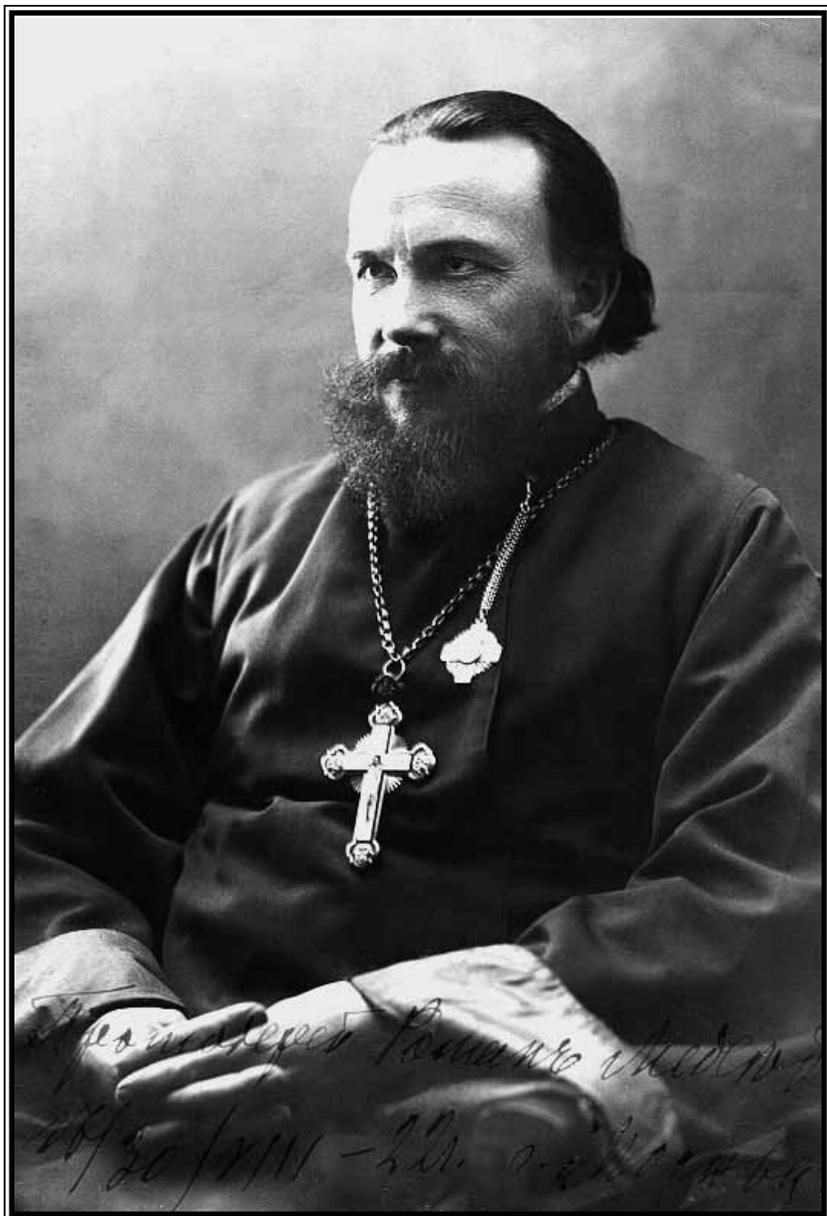

его ревностную углубленную работу, а когда сам лично побывал в храме святителя Алексия... сказал отцу Роману: “У тебя стационар, а у меня только амбулатория”».

Другая духовная дочь отца Романа так вспоминала о жизни общины и подвижнической деятельности священника в те годы: «Одаренный организаторскими способностями, он мудро очищал свою ниву... С его стороны давались исчерпывающие возможности для духовного роста... Знакомился он с духовным состоянием своих пасомых посредством приема в течение недели на частную исповедь. Из этих откровенных с ним бесед он узнавал духовные нужды, болезни и немощи каждого. По прошествии недельного труда, когда у него накапливался материал, он образно с духовным состоянием исповедовавшихся на частной исповеди... каждую субботу после всенощной проводил уже общую исповедь, в которой касался всего, что требовало исправления, преподавал соответствующие наставления...

Его труд этих первых лет в одиночку можно назвать титаническим, обзрев и перечислив основные моменты его деятельности: ежедневная литургия с вечерним богослужением накануне, прием большинства [духовных чад] в течение недели на откровение помыслов, многочисленные причастники каждое воскресенье, в тот же воскресный день, после вечерни, обширная проповедь на евангельскую тему... Трудно себе представить, как мог он “тащить такую мрежу” один без помощников. Не сверхъестественно ли то, что он выдерживал, причем выдерживал, оставаясь всегда спокойным, доступным и... ангельски кротким. Чему учил, тому был и примером».

Первое время отец Роман служил в храме один и весь труд богослужения, окормления паствы нес сам. В 1921 году Патриарх Тихон рукоположил в сан священника духовного сына отца Романа — Петра Степановича Степанова, которому было тогда пятьдесят пять лет, и назначил вторым священником. Другим по-

Протоиерей Роман. Москва. 1922 год

мощником протоиерея Романа в двадцатые годы стал регент храма Сергей Владимирович Веселов, который также был рукоположен в сан священника. Он был сыном благочестивых родителей, особенно любил и почитал преподобного Серафима Саровского и часто посещал обители Сарова и Дивеева. Отцу Сергию недолго пришлось быть помощником отца Романа. Вскоре после рукоположения врачи обнаружили у него заболевание крови, от которого он и скончался.

В 1927 году была опубликована декларация митрополита Сергия, по поводу которой в церковной среде возникли разногласия, причем высказывались самые противоположные суждения. Протоиерей Роман счел нужным написать письмо к священнослужителям и мирянам, в котором увещевал не разрывать канонических отношений с митрополитом Сергием и не становиться жертвой козней врага нашего спасения.

Некоторые из девушек-прихожанок после нескольких лет пребывания в братстве изъявляли желание принять монашеский постриг. Отец Роман получал в этих случаях благословение Патриарха Тихона, а после его кончины заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия.

Чрезмерные труды, которые пришлось нести отцу Роману в это время, подорвали его здоровье, и он стал часто и тяжело болеть. Один из его духовных детей, врач-терапевт, зная реальное состояние здоровья священника, говорил: «Если бы мне как врачу пришлось быть ответственным за здоровье в таком состоянии, как у батюшки, другого больного, я бы приказал ему не сходить с постели. Но разве отцу Роману можно предписать режим, на который он не способен». Отец Роман хотя и болел, но болезни, перемогаясь, переносил на ногах, а на слова заботы о его здоровье отвечал: «Ведь детки-то кушать просят».

В конце двадцатых годов власти стали преследовать семью священника, и духовный собор Высокопетровского монастыря, в который входили игумен Митрофан и иеромонах Агафон, единодушно решил: чтобы избавить от преследований семью протоие-

рея Романа, ему необходимо оформить официальный развод. Подчинившись духовному авторитету наставников, супруги оформили развод, и впоследствии, когда отец Роман писал письма, он адресовал их на имя дочери Ирины.

В 1930 году власти выселили священника из церковной квартиры. Стараниями духовных детей была выстроена небольшая дача в деревне Ольгино вблизи станции Железнодорожная, неподалеку от Москвы, куда отец Роман переехал жить, а семья его переехала в город Пушкино к его духовной дочери Маргарите Евгеньевне Ветелевой. В Ольгино стали приезжать духовные дети отца Романа на исповедь и за советом в те дни, когда не было служб или когда он не мог служить по болезни.

К этому времени жизнь в приходе, которым руководил протоиерей Роман, стала весьма заметным явлением. ОГПУ установило усиленный надзор за храмом святителя Алексия, ставя своей целью его закрытие. Среди членов общины оказались люди, которые были сломлены психологическим террором и угрозами сотрудников ОГПУ и согласились давать любые показания. На аресте священника настаивал и бывший председатель революционного совета в Севастополе Докукин, который к тому времени переехал в Москву (впоследствии он стал заведующим кафедрой общественных наук в одном из институтов).

Власти приступили к проведению очередной кампании по закрытию храмов и арестам церковнослужителей. Отец Роман чувствовал, что на этот раз арест не минует и его. Своих духовных детей он предупредил о предстоящих испытаниях, чтобы каждый взвесил, сможет ли перенести арест и не впасть в пагубное искушение. Прихожане настолько любили своего пастыря, что никто не захотел покинуть его и перейти в другой храм. Духовная дочь протоиерея Романа Зинаида Борютинна поехала к дивеевской блаженной Марии Ивановне и рассказала ей о трудностях, которые возникли в приходе. Мария Ивановна внимательно ее выслушала и, ничего не отвечая, стала бушевать, все рвать, швырять, разбрасывать и настолько разошлась, что испугала да-

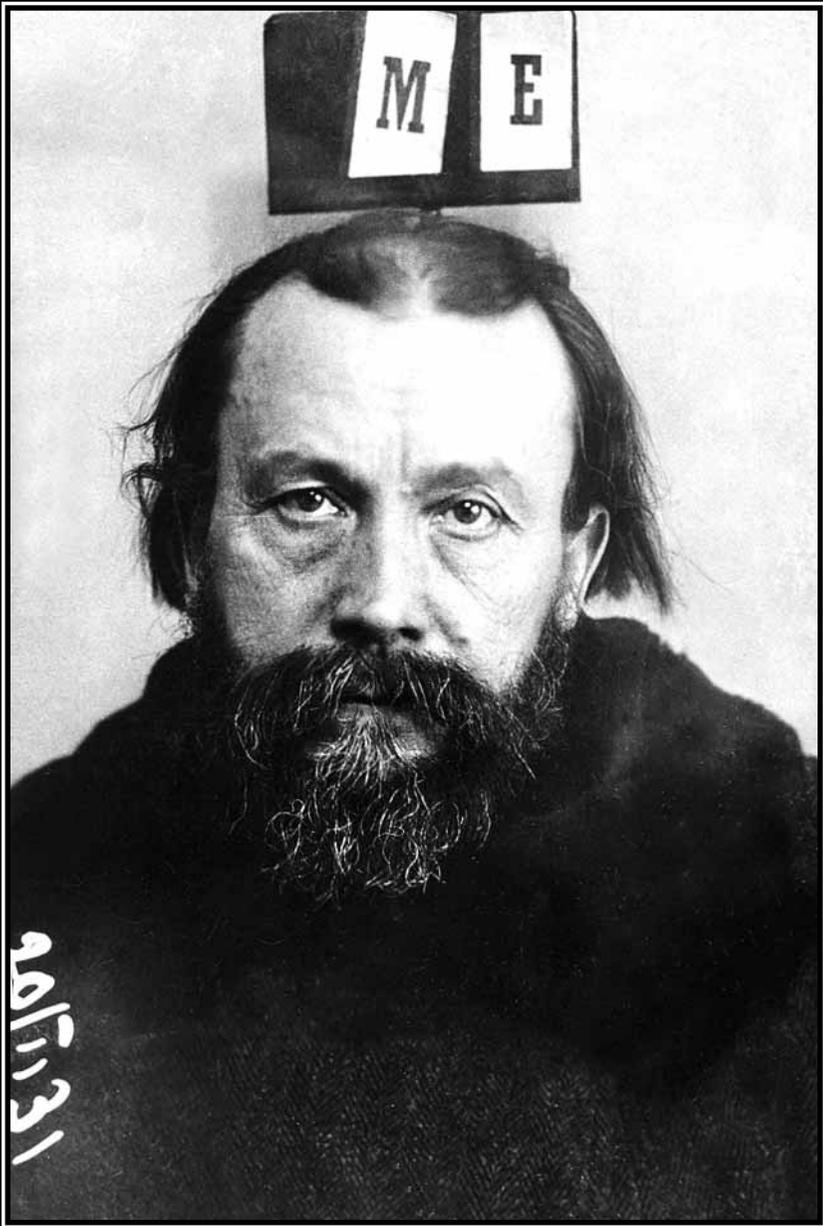

же келейницу. Зинаида ее действия поняла так, что наступает время испытаний, в результате которых братство будет разрушено.

На следующий день после праздника Сретения, 16 февраля 1931 года, ОГПУ арестовало протоиерея Романа и около тридцати членов братства святителя Алексия. Когда прихожане утром пришли в храм, он был заперт и уже было известно об арестах.

Вскоре после ареста священника и прихожан храм был закрыт и вскоре же разрушен. Сразу же после ареста начались допросы. Арестованные держались мужественно, показав себя твердыми в вере и благородными в ответах. Если отвечали, то лишь о религиозной жизни прихода, которая была далека от какой бы то ни было политической деятельности.

Один из обвиняемых показал: «Когда отец Роман Медведь пригласил меня на службу, у него при храме уже было очень много народа. Службу он отправлял ежедневно (утром литургия, вечером – всенощная) при участии певчих из молящихся. Им было устроено братство... Так как члены братства были люди разных профессий, то им вменялось посещение больных, уход за ними, медицинская помощь, помощь бедным, утешение скорбящих. Отец Роман три раза в неделю устраивал в храме беседы: один раз с юношами и два раза со взрослыми, причем с обменом мнениями относительно текста из главы Евангелия... Сестры приняли на себя обязанности по храму: у каждой сестры была та или иная икона, подсвечник, лампада, они протирали иконы, чистили подсвечники, наливали в лампады масло, мыли в храме полы, чистили ковры, продавали свечи... Цель воспитания членов общины – это жизнь по Евангелию... Немалое влияние на народ оказывали исповеди и соборование, перед которыми протоиерей Роман произносил слово. Влияние его было настолько велико, что некоторые из слушателей, членов братства, приняли священство (Петр Степанович Степанов, Иван Васильевич Борисов) или монашество... Немалое влияние на прихожан оказывало то, что отец

Протоиерей Роман. Москва. Бутырская тюрьма. 1931 год

Роман, в дни именин и в другие дни, приглашал к себе на квартиру на чай, где опять же велись беседы. К тому же летом, когда отец Роман жил на даче, у него поочередно гостили сестры».

Следователи обвиняли протоиерея Романа в том, что он, будучи священником в Севастополе, будто бы выдал участников революционного мятежа, воспользовавшись исповедью. Отвечая на это обвинение, отец Роман сказал: «Я был благочинным береговых команд Черноморского флота. Летом 1912 года в городе Севастополе было восстание матросов. В то время я был на даче в пятнадцати километрах от Севастополя. По возвращении в Севастополь я для поднятия духа матросов предложил командиру полужкипажа Сильману провести индивидуальную исповедь матросов, что мною и было сделано. Так как команда была в то время безоружна, после исповеди командир полужкипажа спрашивал меня, можно ли доверить команде оружие, на что я ответил, что настроение среди матросов вполне здоровое и оружие доверить можно...»

Следователи добивались, чтобы отец Роман назвал всех, кто был тайно пострижен в монашество, и рассказал, где и когда это происходило. Назвав только тех, кто сам рассказал о принятии ими монашеского пострига, отец Роман далее сказал: «О происходивших других тайных постригах из числа членов моего братства показывать по своим религиозным убеждениям отказываюсь».

У властей не было никаких данных о контрреволюционной деятельности священника, и на допросах следователи не спрашивали о характере его проповедей или бесед. Арест отца Романа обосновывался тем фактом, что священник, несмотря на гонения на Церковь и вопреки очевидно враждебному отношению властей к православию, проводил активную церковную деятельность, воспитывая прихожан своего храма в церковном духе, научая их быть сознательными последователями Христа и просвещенными исповедниками веры. Отец Роман и арестованные члены общины были заключены в Бутырскую тюрьму. Следствие было завершено через два месяца, и 26 апреля 1931 года было составлено обвинительное заключение, в котором отец Роман и прихожане

храма святителя Алексия обвинялись в том, что они являлись «членами контрреволюционной организации... Участниками организации проводились нелегальные собрания под руководством Медведя, на которых велась работа по воспитанию членов организации в антисоветском духе. Участниками организации были в большинстве советские служащие; некоторые из них занимали большие должности в советских учреждениях. Кроме того, из числа особо активных участников организации Р. И. Медведь организовал орден “тайных монахов”. Участники ордена, как правило, должны были выполнять все поручения своего руководителя... самый факт монашества тщательно скрывался. Участники ордена продолжали оставаться на советской службе и носить светскую одежду. Р. И. Медведь обвиняется в том, что он организовал и руководил контрреволюционной организацией... А. И. Туманова, А. С. Соколова, А. А. Диче, З. П. Берзинь, Л. Ю. Бергман, Е. Ю. Бергман, В. В. Рейнберг, М. Н. Малыгина, Н. В. Кавыршина обвиняются в том, что они были активными членами контрреволюционной организации... тайных монахов, все остальные обвиняемые обвиняются в том, что они были активными участниками контрреволюционной организации “Братство ревнителей православия”, посещали нелегальные собрания и вели антисоветскую агитацию».

30 апреля 1931 года Коллегия ОГПУ приговорила двадцать четыре члена общины храма святителя Алексия к различным срокам заключения и ссылки; 10 мая того же года протоиерей Роман был приговорен к десяти годам заключения в концлагерь.

2 июня состоялось свидание с родственниками, на следующий день протоиерей Роман был отправлен в один из лагерей Беломорско-Балтийского управления и 9 июня прибыл в город Кемь. С этого времени между ним и его духовными детьми в течение многих лет могла существовать лишь переписка, которая велась через его дочь Ирину. Так как заключенные могли посылать не больше одного письма в месяц, все пожелания и советы нужно было уместить в одном письме. В своем первом письме по прибытии в Кемь отец Роман писал:

«Кемь. Соловецкий лагерь. 1 отделение.

12 июня 1931 года.

Дорогая Ирочка!..

Здесь я с 9 июня. Долго ли здесь буду, не знаю... За прошедшее время здоровье мое, конечно, было не лучше; теперь прихожу в себя. Погода здесь хорошая, воздух вроде севастопольского, только значительно холоднее. Трудны мне здесь всякие перемены, когда наступит полная определенность, тогда, надеюсь, все пойдет лучше и легче, организм и душа приспособятся. Сожители мои хорошие, но не хватает тишины и уединения. А при моей старости и болезнях они мне крайне нужны. Как старик, да и по настроению, живу старым, прежним. Духом всех родных помню и с ними не разделился, потому что для духа расстояния не существует. Передай это и всем родным и скажи еще, что духом я бодр; прошу и всех бодриться, меня никогда не забывать, как не забываю и я их; в этой памяти я очень нуждаюсь, потому что по человечеству нередко ощущаю глубокое одиночество. Хотя по существу этого не должно быть... Передай привет маме и родным, а также моей квартирной хозяйке и ее жильцам. Скажи ей, что я ей очень признателен за хранение моих вещей и всякое содействие, благодарю и всех помнящих меня, любящих и сочувствующих. Скажи им, что ни время, ни место, ни переживания меня не изменили, я тот же, как и был ранее. И нахожу большое утешение в устремлении к своему идеалу. Верю, что таковы и они, конечно, и ты; если нам придется встретиться в этой жизни, то радость нашего общения превзойдет прежнюю, потому что и я и вы в это время будем неизменно трудиться над своим усовершенствованием.

Твой отец Роман Иванович Медведь

Карелия. Почтовое отделение Попов остров.

3 июля 1931 года.

Дорогая Ирочка!..

Я попал на новое место вследствие болезни, но не тяжелой...

В больнице я около двух недель и отдыхаю и телом и душой. Должно быть, меня скоро выпишут и направят, по всей вероятности, в Соловки, а может быть, и нет. Предвидеть это трудно. Сидя под арестом в 21-м году в Кисельном, я чувствовал себя очень хорошо, потому что был много здоровей; было немного людей в моей камере, при относительной тишине можно было находить время, чтобы оставаться с самим собой наедине. Здесь, в больнице, хотя и много народу, но я стал чувствовать себя наподобие этого «кисельного» времени. Я почти все время пребываю в молчании, и это много помогает и здоровью, и настроению. Я не скажу, что мое здоровье значительно хуже, чем в прежние годы, иногда мне кажется, что даже и лучше... Успокаиваю себя тем, что должны мы жить так, чтобы каждый новый день считать последним в своей жизни (ожидая смерти) или же первым (в движении к совершенству). Напоминаю себе, что мы здесь, в этой жизни, странники, а посему не надо огорчаться временными трудностями пути. Идти все равно надо, а отечество наше — на небесах. Не огорчаюсь и тем, что приходится жить не по своей воле, а так, как здесь приказывают, потому что и по вере моей отречение от своей воли есть первое условие для движения к совершенству... Ежедневно, то раз, то два, а то и более, перебираю в памяти всех близких мне лиц. Особенно последнего времени. Прошу и тебя и их по силе и меня вспоминать, потому что верю, что через это я получаю духовную поддержку, в которой, конечно, по немощи своей очень нуждаюсь... Погода у нас неустойчивая и часто холодно, теплых дней мы почти не видели. По мере возможности бываю на воздухе, люблюсь видами моря и соседними лесистыми и скалистыми берегами... Привет маме и мой глубокий поклон. Целую тебя и всех родных.

Твой отец Роман Иванович Медведев

3 августа 1931 года.

Дорогая Ирочка!..

24-го получил твою первую посылку, сегодня получу вторую...

Спасибо тебе и всем родным, не забывающим меня. Посылка пришла очень кстати, потому что после выписки из лазарета 9 июля я более недели прохворал кровавым поносом. Лечился главным образом голодом, очень отошал, в моих запасах не оставалось ни жиринки, и купить было негде... При переходе в роту из лазарета меня обокрали: вытащили из кармана бумажник с деньгами и квитанции на остальные деньги, крестик, сорвавшийся незакрепленный ключ от чемодана и еще кое-что. Денежные затруднения продолжались недолго. С моего личного счета мне дали определенную часть денег и без квитанции, а вместо утерянных хлопочу новые. Теперь я в другой роте, где нет воровства. И соседями, и помещением я вполне удовлетворен. Клопов почти вывели, но сплю плохо и очень недостаточно, потому что состою ночным сторожем каждую ночь с 12 часов ночи до 8 часов утра. Сначала это было очень трудно, теперь привыкаю. Получил выходную ночь, и еще обещают облегчение. Стороживство при моей старости и болезни занятие самое подходящее. Когда на посту, в помещении можно оставаться в одиночестве, в котором я так нуждаюсь для того, чтобы и душу приводить в порядок, и думать, и прочее. Высыпаюсь до 12 часов ночи, а потом днем. Лето у нас хорошее, но ночи бывают холодные, и моей одежды мне только впору теперь... Я получил кое-что из казенного обмундирования, но сдаю обратно, главным образом потому, что боюсь при своей старческой рассеянности растерять его, и за это — карцер. Ты спрашиваешь о порядке моей жизни. Завтрак у нас — каша и чай от 6 до 8 часов утра. Обед с 12 до 3—4. Вечером с 7 до 8 поверка, потом вечерний чай. Питание при здоровье было бы, пожалуй, достаточное, а при болезни очень недостаточное, хлеб только черный, на обед только одно блюдо — щи, часто и копченая рыба, даже почти ежедневно...

Дорогая Ирочка!..

Благодарю тебя и родных за заботы обо мне, доселе я получил от тебя пять посылок, упаковка вполне удовлетворительная, а

корзина очень пригодилась, так как я оброс вещами и хранить их все труднее при отсутствии места, тары, времени и сил. Со сном у меня, конечно, неважно, и это задерживает мою медленную поправку, но иной подходящей для моих сил работы не найти, еще более потому, что с 1 августа за каждые шесть лет работы срок заключения заключенным моей категории сокращается на полтора года... Хочу и надеюсь еще пожить, но мои болезни и старость постоянно напоминают об очень возможной смерти здесь. О смерти заключенных учреждение родных вообще не извещает, а оставшиеся от умерших вещи хранятся шесть месяцев, по истечении срока хранения поступают в продажу. В случае моей смерти пришли заявление в управление по месту смерти о твоих правах на наследство оставшихся вещей и проси об отправке их по твоему адресу наложенным платежом... Рад за Людмилу и Леву, привет им. Очень хорошо, что Лева стал врачом. За Зину радуюсь и соскорблю ей. Спасибо за письма. Рад я всякой строчке, но прошу всех, пишущих мне, помнить мой принцип – никому не делать никогда (не только физического, но и духовного) насилия, а потому прошу не писать о других никаких подробностей, только с их согласия.

Сколько мне надо сухарей, денег и прочего – стараюсь по одежке протягивать ножки и чтобы на случай болезни оставался какой-либо запас, но иногда при болезни и слабости нужно побольше, да и делиться-то кое с кем необходимо. Помню, что ваши ресурсы очень неважные, сыты ли вы хотя бы с мамой, одеты ли, имеете ли комнату и прочее?.. Не огорчайся, что пишу о возможности моей близкой смерти, благоразумие требует подготовиться и к худшему концу, хотя я и верю, что доживу и до воли. Прошу всех не забывать меня, а я стараюсь помнить всех. По-прежнему ни на кого здесь не имею неудовольствия, всем доволен. Если имею претензии, то только к самому себе, и постоянно требую от себя стремиться непрерывно к совершенству...

Целую тебя, твой отец Роман Иванович Медведь

2 октября 1931 года.

Дорогая Ирочка!..

Отвечаю на письмо от 12–17 сентября. Мое здоровье, надеюсь, станет лучше, и главное, мое ночное сторожничество кончилось 30 сентября. Отсыпаюсь и временно отдыхаю, а то я ощущал большую слабость – и изнурение было, и голодноват иногда. Теперь я получил доплатной стол и сыт... В общем я чувствую себя довольно хорошо, много лучше, чем ранее. Картина здешней жизни для меня стала ясной, и мои нервы менее боятся неожиданностей, которые я теперь переношу, хотя они действуют на меня, как удары, постоянно напоминающие, что со мной и вообще могут быть удары с параличом и прочее. По трудоспособности меня определили ко второй категории с отдельными работами, то есть почти инвалидное состояние, и на тяжелые работы меня не отправят... Прошу благодарить старика Василия Гурьяновича за его письмо, память и подарок. Еще много хотелось бы мне написать и тебе и всем. Скажи нашим родным, что я радуюсь каждой строчке и грущу, что не имею долго от них вестей, скажи моей бывшей хозяйке Валентине Альбертовне, что я получил ее письмо и благодарю за все, и готов и ей и всем писать, но письмо могу посылать только один раз в месяц, поэтому прошу не обижаться, что многие не получают от меня ответа или получают очень кратенькие ответы через тебя в виде благодарности. Знаю, что их любовь ищет большего, но, видно, такова воля Божия, чтобы нам терпеть отсутствие взаимного единения. Внутреннее-то через Бога для нас не закрыто, надо только в себе уничтожить всякое семя разделения, помня, что воля Христова в том, чтобы ученики Его были едины и во взаимной любви. Всякое разделение между близкими моими для моего сердца очень тягостно. На этом я кончаю письмо, потому что чувствую внутреннее побуждение не отлагать его отсылку на более долгое время. Всем, всем привет и благодарность. Прошу помнить и поддерживать мою немощь молитвами, а какими – сердце каждого указывает... Еще и еще повторяю – здесь я всем доволен, вижу к себе доброе отно-

шение со стороны всех, хотя, конечно, душа моя очень часто тоскует и ощущает душевное одиночество. Еще раз привет, привет, привет всем, всем, всем, очень вспоминаю слова: сами себе, друг друга и весь живот наш... Мир всем.

Твой отец Роман Иванович Медведь

Дорогая Ирочка!..

Я хотел бы, чтобы ты знала и усвоила мои подлинные убеждения и свойства; примерно с 20–24-летнего возраста я сознательно уважаю и ценю всякого человека, и всю жизнь боялся сделать кого-либо своим рабом, и внешне и внутренне боюсь кому-либо причинять боль, насилие. Убеждать мое дело, принуждать не могу. Дерзаю сказать, что я любил свою свободу, никогда никому не делался рабом, а посему, думаю, и ценю свободу других: пусть живут по своему уму и по своей совести, и стараюсь никого не осуждать... лучше уйти в сторону... Я могу молчать, научился много терпеть и претерпевать, но, невзирая ни на что, я в своей глубине все тот же, люблю свою свободу, лелею и свободу других; предпочитаю разделение свободных – единению рабов. Впрочем, прости мою философию, мое самохвальство. Почитаю нужным прибавить, что я сознательно склонил свою голову, сердце и всю свою жизнь перед Вечною Истиною и Правдою. И Они дороже для меня и меня самого, и всего мира... Скоро полгода, как я здесь, наступает время, когда разрешают подавать заявление о пересмотре дела. Думаю, хотя и не решил окончательно, просить об этом...

Целую тебя, привет маме и всем родным, помните меня, как я вас.

Твой отец Роман Иванович Медведь

8 декабря 1931 года.

Дорогая моя Ирочка и все мои милые, дорогие, родные!

Третий раз уже сажусь за письмо, начиная с 30 ноября, но не посылал обоих писем, недоволен ими. Один раз в месяц – сколь-

ко за это время наберется всего, что бы можно сказать и что следовало написать! А времени и сил не хватает... Пусть не скорбят те из вас, кого лично я не назову или не назвал, я всех не только ношу в своем сердце, но всех и каждого я ощущаю как один с собою организм. Это не преувеличение, я подлинно живо всех ощущаю; часто более глубоко, чем живя среди вас, невзирая на то, что мы разбросаны в разные стороны... Взаимная любовь должна учить покрывать даже различные свидетельства совести, и любовь всегда должна ставиться выше личного знания. Разделение, но не рассечение; разделение, но не в основном, которое у всех едино, а посему разделения временны и преодолимы... Едва ли я следующее письмо напишу отсюда, а посему хочется подвести итог здесь пережитому. Я благодарю Провидение, что благодаря тому, что я это время пробыл на одном месте, моя связь с детьми восстановилась довольно скоро, это было большим утешением для моего духа, а посылки поддержали мое здоровье, которое в июле и августе находилось в критическом положении. С октября мое быстрое исхудание закончилось, силы мои стали восстанавливаться, я себя сравнительно в общем чувствую довольно прочно... Иной раз жить мне очень трудно... бороться за жизнь мне помогает моя любовь и привязанность к вам и моя ненасыщенная вера в необходимость исполнения обетований еще здесь, на земле. Если бы не моя любовь к вам, я бы спокойно смотрел, как догорает свеча моей жизни... и удовлетворился бы тем, что Бог мой судил мне быть исповедником... Конечно, и здесь я имею немало утешений, и одно из главных это то, что я постоянно живо ощущаю всех вас, как ощущаю самого себя, как свое второе тело, ощущаю, невзирая на рассеяние, а то и разделение. Для меня все едины и все близки, и это единение за отсутствием шума внешнего общения я ощущаю даже крепче, чем будучи физически близко от вас. Когда я только ухожу от шума своих внешних обстоятельств, после Единого Вечного я живо ощущаю вас или, вернее, и Его ощущаю в единении со всеми вами и со всеми верными...

2 февраля 1932 года.

Дорогая моя доченька Ирочка!..

Я переменял место работы, перешел в Кустпром, раскрашиваю деревянные куклы; легче здесь, и нет вечерних занятий, но трудно просидеть 8 часов. К концу работы после болезни усилились головокружения и начались сердечные припадки; но надеюсь скоро оправиться... Спрашиваешь о внешней стороне моей жизни. Сплю на общих сплошных деревянных нарах, подстилаю войлок и плед, одеваюсь теплым ватным одеялом и часто еще и полушубком, стриженная голова постоянно в шерстяной шапочке (надо бы и вязаную бумажную), иногда еще и в шлеме. Сил мало, на чтение и тому подобное времени почти нет, иначе приходится мало спать, а это плачевно отражается на моих силах... Мало отдыха, все делаю сверх моих сил. В тишине приходится быть очень редко, об одиночестве приходится мечтать, все на людях, а душевно очень одиноко. Временно помещался в общем бараке, очень там устал от шума и забот, чтобы не потерялись вещи. Моей каракулевой шапки нет уже, но новой и никакой не шлите, здесь все становится предметом зависти и очень часто исчезает... Моя новая работа — мне по силам, но угнетает норма, мне она не по силам, хотя я работаю почти не отрываясь... Школа здесь для нас, и не скажу, что легкая. Но Провидению угодно, чтобы мы и это все испытали, чтобы и опытнее быть, а может быть, подобно Лазарю на гноище, здесь страдаем, чтобы там радоваться, здесь за грехи получить возмездие, чтобы там от него свободными быть и просто перейти на лоно Авраамово. Если так, да будет имя Господне благословенно; потому что самые тяжкие здешние условия несравнимы с ужасными муками ада. Так говорил, например, преподобный Серафим, которому было дано испытать муки ада очень недолго. А вообще об аде я часто вспоминаю... и часто приходится говорить себе по опыту, что сами люди друг для друга и для себя здесь еще устраивают ад. Нередко побаиваюсь, что я плохо прохожу свою новую школу, потому что не всегда тишина и радость наполняют душу, а нередко — шум и суета, спешка и

уныние закрадываются в сердце, заполняют его, и не скоро дождешься изгнания их или ухода их. Но когда нет их, хорошо. Ведь Бога нигде, никто и никакими условиями не может отнять от меня. А если Он со мною, что для меня все внешние тягости?! Что моя нищета и бессилие? Когда в Нем бесконечное море Силы и богатства. Он — мое бытие, Он — моя жизнь и сознание. В Нем я всех нахожу, до всех достигаю, всем владею... Прошу не унывать тебя и всех. Прошу молиться о себе, о мне и обо всех. А в молитвах чаще и чаще я вспоминаю слова Иоанна Златоуста и Василия Великого о том, что надо не о маленьком просить, а дерзать молиться о великом, а также и о непрерывности в молитве. Конечно, это я прежде всего говорю самому себе и от себя требую исполнения припомненного, вопреки всяким внешним вероятиям и тяжким условиям, как-то: физическим болезням, моим согрешениям и тому подобному. Чаще и чаще останавливаюсь на своих грехах, больше и больше познаю свои немощи духовные и ничтожество, прошу о прощении согрешений и очищении моего сердца от всякой скверны — потому что в чистоте сердца ключ ко всем духовным благам...

Дорогая Ирочка!..

Я вполне понимаю твоё желание знать подробности о моей внешней жизни. Кое-что сообщаю. С 8 января по 26 февраля я был раскрасчиком кукол, а с 26 февраля я счетовод-табельщик. Новое место пока очень трудное, и посему я запаздываю со своим очередным письмом. Спим мы здесь на сплошных нарах, постилаем на них кто что может, у кого матрас, у кого полушубок, у меня войлок и сложенный в четыре раза старый черный плед. Одевался зимою теплым одеялом и полушубком. Белье нательное носу казенное и переменяю его в бане каждую неделю почти, за редким исключением. От постельного белья пока еще не отказался, но возможно, что придется пока обходиться без него, как и большинство из нас. В последние дни и вся наша одежда вольная сдается, и мы все облакаемся в казенное платье. Для меня это

огорчение, потому что я очень зябок и мое платье гораздо теплее казенного... Прошу всех не забывать Божьего пути, всем желаю духовного возрастания. Маме привет, тебя целую, письма твои получаю, Господь с тобой и всеми вами.

Твой отец Медведь Роман Иванович

26 апреля 1932 года.

Дорогая Ирочка и все мои родные!..

Пишу письмо дополнительное, разрешено мне за работу, времени чуточку больше. Сдаю свою должность ввиду предстоящего переезда на другое место, где, по-видимому, придется служить в подобной же должности... Когда у меня улучится свободный часок, когда нет хронического недосыпа, когда не болит голова, я чувствую себя великолепно. Вы все знаете — почему. Стою на Твердом Камне и не боюсь никаких волн. Это настроение бывает нередко, если ничто не смущает совесть, о чем я постоянно забочусь. Я имею дерзновение и всех вас и чувствую и ощущаю, тогда ничто и время и расстояние; в немощи своей и болезнях ощущаю силу, ясно, что не свою. Для меня ничто и заключение и узы, мне ничего не надо, у меня всё есть, я всем обладаю, я радостен и счастлив, и всех встречаю с радостью и приветствием, а в жизни нашей это очень важно, потому что мы все здесь угнетенные и подавленные и своим несчастьем, и горем своих соседей, так все ищут ободрения, ласковой улыбки, бодрости духа. С переменой места, конечно, надо будет привыкать к новым людям, к новой обстановке, но если это нужно, то что против этого, хотя бы и внутренне, протестовать. Источник всякой жизни ведь всегда с нами и около нас, значит, и нечего страшиться и беспокоиться. Он с нами и в здоровье и в болезни, и в жизни и в смерти. Важно при всех условиях сохранять ясность сознания. Я уже несколько лет боюсь вообще всяких волнений, спешки и тому подобного, они омрачают сознание, и я уже понял давно, что отдаваться им почти то же, что впасть в грех. Болезни, конечно, мешают, и очень мешают, но мы очень хорошо знаем, что в немощи совер-

шается сила Божия. А посему — не смущаться. Но вывод все-таки делаю: блажен тот, кто в сравнительном благополучии в строгости содержал свой организм и приучил себя ко всяким лишениям. Служба нисколько не может мешать, как изъяснил в свое время преподобный Варсонофий, лишь бы проходить ее для Высшей Совести по своей чистой совести. Прошу прощения, что пишу, может быть, тебе и другим не интересное, но живу-то я этим. Знаю, что вас постоянно интересуют мои внешние обстоятельства, но говорю искренне — они вовсе не дурны и вполне благополучны. Уже прошло время, когда моя душа всего боялась, всего ужасалась, ждала всякой беды и несчастья... Грущу за тебя, Ирочка, и за маму, что так трудно вам живется и что я еще свалился грузом на вас, вместо того чтобы помогать вам, но, видно, такова Высшая Воля. Еще раз привет всем, с праздником Христова Воскресения... Всех прошу не забывать меня, привет Зине Борютиной, Елене и всем уехавшим*. Слава Богу за все.

Твой отец Роман Иванович Медведь».

Родные стали хлопотать о сокращении срока его заключения. Дело было вновь рассмотрено ОГПУ, которое посчитало, что протоиерей Роман, как бывший начальник духовенства Черноморского флота, руководитель православного братства и воспитатель православной молодежи, сумевший организовать монашескую общину, не может быть освобожден и приговор — десять лет заключения — должен быть оставлен в силе. Однако состояние здоровья отца Романа стало к тому времени настолько тяжелым, что руководство ОГПУ сочло возможным сократить срок заключения на одну треть по болезни.

Вскоре отец Роман написал своим близким:

«21 июня 1932 года.

Дорогая Ирочка и все мои близкие, родные, дорогие!..

1 июня мне под расписку объявлено, что постановлением

---

* Имеются в виду те, кто был арестован вместе с отцом Романом.

ВЦИК от 19.4.32 года срок моего заключения сокращен на 1/3, а посему его конец теперь — 16.10.37 года; кроме того, за работу пока имею уменьшение на 29 дней, то есть срок еще сократился. Что-то Господь пошлет еще по твоему ходатайству?.. Мир и радость оставил нам Пастыреначальник, и никто их не в силах отнять от нас. Радостно ощущать, что среди людей нет и не может быть у нас врагов, а есть только несчастные братья, достойные сожаления и помощи даже тогда, когда они (по недоразумению) становятся нашими врагами и воюют на нас. Увы! они не понимают, что враг-то находится прежде всего в нас самих, что его вначале нужно изгнать из себя, а потом помогать и другим сделать это. Один враг у нас общий — это диавол и его духи злые, а человек, как бы низко ни пал, никогда не теряет хотя бы нескольких искорок света и добра, которые могут быть раздуты в яркое пламя. А нам нет никакой выгоды воевать с людьми, хотя бы они били нас не только в правую ланиту, но постоянно осыпали бы нас всякого рода ударами и поношениями. Одно важно: твердо держаться нам своего пути и через войну с людьми не сходить со своей дороги. Воевать с людьми — это значит становиться на их ложную позицию. Даже в случае успеха эта война нам бы ничего не дала, а отвлекла бы надолго от нашей задачи...

Ирочка, холодно у нас. С весны было теплых не более 2-х дней. Пришли мне перчатки, потому что мои у меня украли... Трава около нас, где нет камней, все-таки пробивается, деревьев и кустов вообще нет. Хотелось бы мне сбежать со своей службы в сторожа, но боюсь и холодов, и дождей, и ветров и, особенно, боюсь своеволия, как бы не попасть из огня в полымя... Привет маме и пожелание ей от Бога терпения, здоровья и всего доброго.

Целую тебя, моя дорогая, твой отец Роман Иванович Медведь

8 сентября 1932 года.

Дорогая Ирочка и все родные!..

Через десять дней уже будет месяц, как я на новой, еще более сложной службе, но еще доселе я ее не охватил как следует, и, ко-

нечно, это меня тяготит. Мой канцелярский опыт все увеличивается, многое я делаю гораздо скорее, чем это было в начале моей канцелярской карьеры, но все же я канцелярист еще неважный, а посему и много работаю, а результаты слабые; мешают болезни, кроме неопытности и непривычки... А так я стараюсь проходить свою школу с терпением; если она мне дана, то, очевидно, для моей пользы, для большего моего смирения, для укрепления в терпении, как новое поприще для самоотвержения, для обретения опытности и многого другого, что мне и неизвестно. Живу и не ропщу; по поводу своих страданий и оставленности размышляю так: если они за мои грехи, то по поводу себя и тех, кто не забывает меня, я припоминаю притчу о милосердном самарянине и теперь вместе с законником говорю, что тот мне близкий, кто оказывает милость ко мне; припоминаю слова, которые и ранее я повторял нередко, слова оптинского старца Амвросия — иной от меня за десятки, сотни верст, а на деле ближе живущего со мной рядом. Если же мои страдания — Голгофа, то вспоминаются слова Христа в Гефсиманском саду о тех, кто и одного часа не мог пободрствовать с Ним; припоминаю и то, что после бегства учеников при Кресте стояли Мария Магдалина, кроме Матери Его, Иоанна, и еще десятка полтора других жен... Конечно, действительность заставляет меня постоянно не забывать о моих немощах и физических и духовных. Я стараюсь бодриться и бодрюсь, часто бываю и радостен, но особенно утром до работы. Знаю, что это не от меня и не от моих достоинств, эта радость... Иногда, и нередко, ощущаю и торжество в сердце, и силу, и полноту... но изношенный старый организм постоянно напоминает о несчастной зависимости моей от достаточного сна и достаточного питания... Не подает нам Провидение быть искушенными более, чем мы можем понести, а так вообще я никак не могу отделаться от сознания, что по человечеству и гражданству я страдаю совершенно безвинно, потому что принадлежу к типу тех верующих, которые проявляли и проявляют по отношению к нашей современной власти максимум благожелательности и за это достойны

не наказания, но самого энергичного поощрения. Уже целый год я собираюсь написать ходатайство о пересмотре моего дела, многократно его начинал, но доселе для этого серьезного дела у меня не хватало времени. Когда позволят силы, буду урывать у ночей, чтобы это дело все-таки сделать...

Твой отец Медведь Роман Иванович

8 ноября 1932 года.

Дорогая Ирочка и все мои родные!..

Давно душа моя ощущает долг и потребность ответить всем, кто вспомнил день моего рождения. Прежде всего, благодарю вас, мои родные, доселе вы крепко поддерживали меня в моем испытании, прошу и впредь не оставлять меня, потому что часто здесь озираешься кругом, чтобы найти среди людей кого-либо сочувствующих и понимающих, но не нахожу их доселе... В моем положении нет ничего существенно нового. Стараюсь проходить свою школу с терпением, много она смиряет меня, постоянно давая мне удостоверение в том, что работник я неважный, делаю много промахов, за них мне достается, и приходится пить поношение как воду... Есть, конечно, немало и утешительных моментов, о них я поведаю подробнее через Ирочку, если она придет на свидание... Вчера вечером, то есть 7 ноября, я несколько отдался воспоминаниям о своей жизни и особенно остановился на пережитых происшествиях или, вернее, как я был свидетелем, что человек с неочищенным сердцем не в состоянии правильно воспринять окружающие обстоятельства и передать о них, и невольно против своего желания извращает действительность, и постоянно против своего желания является и лжецом и клеветником. Припоминалось, как это было еще в Воздвиженске с умершим Николаем Николаевичем Неплюевым и прочими. Еще раз ощутилось, что неочищенное сердце не может стать высоким жилищем... истинной любви. Любовь подлинная может быть только там, где сердце освободилось от пристрастий... Возвращаюсь еще к 1 октября, я весь день чувствовал себя прекрасно и чувствовал,

что это оттого, что в этот день вы меня вспоминаете. К ночи я себя чувствовал очень хорошо, ощущал глубокий покой, он и теперь со мной. Я жив, ощущаю жизнь, и этого довольно с меня. Если центр жизни своей постоянно переносишь внутренне в этот Вечный Единый Центр, то не будет обстоятельств, когда можно будет ощущать себя плохо. Вездесущий и Всепроницающий никогда нас не оставляет и оставить не может ни в каких обстоятельствах и ни в каких переживаниях. Если об этом не забывать никогда, тогда наше счастье на земле обеспечено даже в тяжелых болезнях и в самой смерти... Целую тебя крепко.

Отец твой Медведь Роман Иванович».

Вскоре протоиерею Роману было разрешено свидание с родными. На свидание в декабре 1932 года поехали жена Анна Николаевна и дочь Ирина. Они добрались до Попова острова, где находился лагерь, и объяснили часовому, зачем приехали. Солдат пустил их внутрь и проводил в контору, а затем вызвал отца Романа.

Анна Николаевна сняла на три дня угол в бараке, и все это время отец Роман жил здесь и только утром и вечером ходил отмечаться в лагерь, откуда он приносил в котелке полагавшийся ему обед. Здесь Анне Николаевне и Ирине пришлось впервые увидеть, как возят умерших заключенных на кладбище. Их заранее предупредили, что если они заметят эту процессию, идущую всегда под охраной часовых, то во избежание могущих быть неприятностей надо прятаться. И вот они увидели, как везли на дровнях гору умерших на островок, который был весь обращен в одно большое кладбище. Несколько впряженных в дровни заключенных, таща их, не переставая пели: «Со святыми упокой...»

«16 декабря 1932 года.

Дорогая Ирочка и все мои родные!.. — писал протоиерей Роман в первом письме после свидания. — В здоровье после вашего

отъезда я заметил вначале значительное улучшение, но вскоре и головокружения, и боли сердца, и общая немощь вновь напомнили мне, что моя телесная машина изнашивается, и этого никогда не надо забывать; при малейшем ухудшении условий, при случайных даже недосыпаниях все приходит в полную расшатанность. Теперь вновь все стало на место. Но по сравнению себя с другими нахожу, что я сравнительно еще и бодр и силен. Вокруг меня немало гораздо более слабых, немощных и калек, притом забытых, одиноких и обижаемых своими же сотоварищами по беде – молодыми. Конечно, оттого что другим плохо, нам не становится лучше, но при подступах уныния всегда можно укорить себя, сравнивая свое положение с положением их, причем среди них, хотя и редко, попадаются люди крепкого духа, неунывающие... Школа моя, слава Богу – прохожу ее по-прежнему; если на свободе у меня не хватало детального послушания и самоотречения в мелочах, то теперь этих условий с избытком, обо всем, до всякой пустяковины включительно, приходится спрашиваться, иначе неладно получается. Это нисколько не трудно, а поношений и укорений очень и очень достаточно. Все это приучает и к терпению, и к смирению, и к послушанию, а от них на душе становится все тише и тише. Более и более замечаю, как всякие волнения и спешка разоряют и душу, и телесные силы, а при моем здоровье они положительно губительны, и борьба с ними – моя боевая задача в настоящее время, как это было и ранее... Блажен тот, кто закалил себя, приучив с юности к суровой жизни, к малому сну, к голоду, холоду и всяким лишениям. При перемене внешних условий к худшему он сохранит покой; недурно поступает и тот, кто выучивает священные тексты на память; при отсутствии книг он прибегнет к памяти и прочтет, что ему надо... Кончаю письмо, скоро Рождество Христово, накануне память преподобномученицы Евгении. Поздравь от меня Женю с предстоящим днем Ангела. Кругом мрачно, но на душе у меня светло. Кругом шумно, а в сердце у меня тихо, ибо где бы ни был я, в каких бы обстоятельствах ни находился, со мной Мой Единствен-

ный Сладчайший Христос. Кланяйся от меня маме, еще привет всем, всем, кто не забыл меня. Целую тебя, прошу всех помнить меня, как и я стараюсь помнить каждого.

Твой отец Роман Иванович Медведь

Дорогая Иринка!..

В связи с моим инвалидством в недалеком будущем возможна перемена в моей судьбе, и даже довольно скорая. Кажется, на этот раз я не ошибусь, хотя в прошлые разы ошибался неоднократно. По старости и немощам, конечно, боюсь переездов и перемены мест и особенно этапов. Но уповаю на Милостивое Провидение и постоянно призываю себя к мужеству, подобающему верующему человеку... Закончил я свое последнее письмо замечанием, что мало людей, ищущих истины, мало могущих ее принять и еще менее по истине и живущих. К сожалению, это приходится относить и ко многим священникам, которых здесь достаточно и с которыми у меня не создалось близости. Уж видно, такова судьба, что почти всю жизнь в моих исканиях и стремлениях я менее всего находил сочувствия среди сопастырей. Казалось бы, общие узы должны были раскрыть сердца ко взаимному пониманию, но, увы, глухие и слепые прежде через заключение не стали слышащими и зрячими. Не в этом ли причина, что душевные люди не могут воспринимать духовного. Но боюсь самопревозношения и осуждения других... Относительно возможных перемен в моей участи, Ирочка, мне думается уместно хлопотать и от вас; я принял во внимание и то, что говорила мама по этому вопросу. Говоря по-человечески, хотелось бы как инвалиду, по возрасту приходящему в большую немощь, доживать свой век на чьем-либо иждивении, но да совершается со мною воля Божия, потому что она для нас всегда самая лучшая... По-прежнему я все в работе сверх сил; по сравнению с тем временем, когда ты была здесь, работы вдвое, а то и втрое больше. А при немощах и трате времени для самообслуживания все отлагаю писание писем, для которых нужна некоторая собранность и покой. Привет маме,

привет всем, целую тебя крепко, прошу всех не забывать меня и не ослаблять своей памяти обо мне... Даст Бог, до свидания.

Твой отец Медведь Роман Иванович

27 февраля 1933 года.

Дорогая Ирочка и все мои родные!..

Вот уже третье, последнее в этом месяце письмо пишу, пользуясь до конца разрешением на дополнительные письма за ударничество. Дни у нас стали больше, солнышко светит чаще, зима борется с летом, ночью небо глубокое, темное, звезды светят ярко, точно в бархатной оправе, тихо и морозно... Понедельник чистый... он даже и здесь чувствуется... Иногда забываешь о своей инвалидности, а иногда особенно ее ощущаешь и видишь, что по существу дела ты уже не работник, а старик беспомощный, наподобие ребенка, нуждающегося в уходе... Но в общем духовно бодр. Пробегаю прошедшие годы, особенно начало 31 года, то есть время ареста и следствия. Много дум по этому поводу, и дум грустных. Ведь уже третий год пошел. За время ареста и следствия я особенно плохо себя чувствовал... Продолжаю учить себя, пользуясь каждым поводом. Учю себя, как себя вести, чтобы всегда быть готовым спокойно и с достоинством встретить всякие обстоятельства, как бы трудны они ни были... и умереть достойно своего звания. Учю себя никогда не сходить с крепкой скалы нашей веры. Учю себя не поддаваться природной иллюзии почитать свое "я" центром вселенной, хотя с этой больной позиции начинают свою жизнь все люди. Как неверно, что солнце ходит около земли, так неверно и это самосознание. Учю себя свое "я" утвердить в Едином Великом "Я", Которого мое "я" только луч и слабое отражение, а посему без Него и живой связи с Ним оно обречено на неизбежное умирание. В Нем же — и в самой смерти жизнь бесконечная...

Еще раз целую тебя, моя Иринка.

Папа

15 марта 1933 года.

Дорогая Иринка!..

Последние дни от нас уезжают на свободу инвалиды, все едут свободно, по отдельным литерам в места, которые они сами себе избирают. Меня пока это не коснулось, а коснется ли и скоро ли, наверняка сказать не могу, живем (в этом отношении) слухами и предположениями, которые противоречивы. Я покоен относительно того, случится ли то или другое, потому что без воли Божией ничто не случается; а наша воля — нечто погибельное (если оторвана от Единой, Премудрой, Всеблагой Воли), и посему я не позволяю себе предаваться мечтаниям в ту или другую сторону, хотя мысленно спокойно обсуждаю всякие возможности...

Карелия Мурманской ж. д. Станция Кузема. 4 лагпункт.

24 мая 1933 года.

Дорогая Ирочка и все родные!..

Уведомляю о перемене в моей жизни. Как видишь, я уже на другом месте. Сюда прибыли на днях, вчера была еще одна врачебная комиссия, после которой окончательно решится судьба; говорят о достоверности благоприятного исхода. Эти дни были трудные, мою провизию значительно обчистили в дороге, а две последние посылки (думаю, к лучшему) мною еще не получены, хотя и пришли во 2-й ОЛП, последуют за мною в 4-й ОЛП, но, может быть, меня и не застанут и тогда возвратятся в Москву. Прошу от всех вас на это время особой духовной поддержки, потому что физически тяжело, и это будет продолжаться не знаю сколько дней. Духовно я бодр и в глубоком покое...

Целую тебя крепко.

Папа

22 июня 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные, дорогие!..

Очень сильно ощущаю вашу духовную помощь. Благодаря ей злые дни для меня очень скоро сократились. С 26 мая мне пред-

ложили быть делопроизводителем на том местечке в двух километрах от Куземы, где мы помещались. Уходил на свободу инвалид-делопроизводитель, спешно его надо было заменить, жребий пал на меня, — и вот до 20 июня я был в этой новой должности. Работы было немного, и атмосфера благоприятная, а посему я работал не сверх сил, как было раньше, а потихоньку, так что было время и для отдыха. Воздух — свежий, кругом — лес, река и взморье. Жилищные условия также изменились к лучшему, я поселился в канцелярии, где кроме меня проживало не более 5 человек... С 20 июня я проживаю там же, но уже в сторожах, вследствие закрытия прежней должности. В смысле трудности и досуга стало еще легче и еще менее ответственно. Продолжаю ожидать решения своей участи. Кроме меня в таком же ожидании и еще немало людей, а большинство уже освобождено, и почти все на полную свободу... Был труден переезд, потому что ехали со мною в этапе нечистые на руку, которые в дороге обворовали меня и изрезали ножами мои сумки. Спустя три дня, как я писал, бесследно исчезли с места нашей высадки — мой чемодан с бельем, корзина с платьем и сундучок с провизией... Я писал, что эти пропажи нисколько не смутили меня и не нарушили моего внутреннего покоя...

Папа

Дорогая Иринка и все родные!..

Я все там же, все в ожидании, внешние условия за последние 10 дней изменились, я стал жить ближе километра на два, в положении лучшем. Я было вновь заделался делопроизводителем с работой, для моего инвалидства трудною, но с передвижением поближе устроился по силам — в качестве дневального и курьера при одном из учреждений ЛП — и благодушествовую. Находится и свободное время, и время, когда могу быть один с собою самим. Голову и душу не обременяют разные ответственные заботы, а посему дух покоен, а физическая работа — посильная: 2 раза (иногда 3) в день уборка служебного помещения, разнос бумаг, разные небольшие поручения, иногда — небольшая работа по

канцелярии... Учусь по-прежнему жить настоящим, ни к чему не привязываясь (пользуясь миром сим, как бы не пользуясь им). Условия постоянно напоминают о том, что мы странники в этой жизни, которые должны быть готовы каждый момент и с места тронуться, и попасть домой за пределы этой жизни. К этим мыслям особенно располагает наблюдение над нашим братом инвалидом — и при нашем передвижении с места на место, и, особенно, при оставлении этой жизни, что наблюдать приходится нередко: ведь все-то мы — одною ногою в могиле, долго ли до другой? Чуть побольше усилий или ухудшение условий — и... конец... Я как-то особенно ярко ощутил, что всякие обстоятельства в жизни — и происшествия, и испытания, и неожиданности — дело второстепенное. Основа — это постоянная связь с Единым и Вечным. Есть она, тогда все происходящее, хотя бы и самое тяжелое, можно переносить равнодушно или, вернее, — покойно. Главное-то ведь имеется, а все прочее — преходящее. В Главном же и Едином, как в Полноте, все есть, и все в Нем, а посему никакие утраты этой жизни не страшны. От понимания до осуществления, конечно, далеко, но понимание все-таки 50 процентов; по пониманию можно себя приучить и жить... Невзирая на всякого рода тягости, будем мужественны и благодущны.

Господь со всеми нами!

Папа

30 июля 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Сегодня день твоего рождения, поздравляю тебя и маму и шлю пожелания такие, какие для тебя будут самыми лучшими и какие я бы мог придумать для тебя. Мое положение без перемен. Все не перестают говорить, что всех нас, активированных инвалидов, может быть за малым исключением, все-таки вскоре отправят, хотя стали отправлять и лиц нашей категории, но до меня, видимо, очередь не дошла. Пока еще лето, мне на последнем месте хорошо — дневальным, курьером и немного по канцелярии.

Но к осени, когда придется и дрова пилить, колоть, и печи топить, при моих грыжах и сердечной слабости будет много тяжелее. Но, может быть, до этого времени отсюда и отправят, по большей части отправляют вчистую. Все утверждают, что вопрос в нескольких днях, но они уже растянулись на месяцы. Конечно (по своему хотению), я желал бы освобождения; если оно сейчас для меня необходимо, то, конечно, Провидение мне его предоставит. Хотя я избегаю мечтаний, но мысли разные приходят, что я буду делать после освобождения? Чего я желал бы для себя? А ответ постоянно у меня всегда готов: хочу покоя, хочу отдохнуть, в себя прийти, собой заняться... Хочется уединения и молчания, того, что с ними может быть связано для верующего человека. Теперь у меня нет постоянных забот, ум мой и сердце ими не обременены, но некоторое беспокойство есть. Это — постоянно оберегать от воров и учреждение, при котором я состою, и свое имущество; на этой почве, может быть в силу своего вообще заботливого или беспокойного характера, я и недосыпаю, и имею лишние волнения, но в общем мне по-прежнему хорошо... Многое увидел я, многому научился, во внешнем я уже не такой беспомощный, как ранее, многое сам научился делать. А вам всем хотел бы сказать, хотя и ранее писал об этом, как важно, живя на свободе, приучать себя к жестокому житию и всяким лишениям, чтобы, когда придут тяжелые обстоятельства, все переносить с мужеством и полным самообладанием. Чувства, чувства — как они разоряют нас, если не находятся в полном подчинении разуму! Когда догорают силы, видишь, как много их истрачено напрасно... Чувства — огонь души, надо хранить [их] только для Первостепенного, а ко всему прочему надо научиться относиться спокойно, почти безразлично (покупающе, яко не приобретающе, пользующеся миром сим, яко не пользующеся). Эту мораль прописываю прежде всего себе и требую, чтобы у меня было именно такое отношение к моим внешним обстоятельствам, и в частности к моему заключению... Всем желаю всего доброго. Не взыщите, что сравнительно редко пишу, по инвалидству я уже не ударник и не могу иметь

прежнего количества писем. Не взывайте за содержание писем, если оно кажется вам скудным, от скудного и убогого чего же ожидать. Целую тебя крепко, Ирочка...

Папа

14 августа 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Всё те же ожидания. От более или менее компетентных лиц слышал, что еще, может быть, придется отсидеть месяц-другой, а я опасаясь, может быть, и более. Уж не навести ли справки тебе в Москве? Мое дело за Коллегией ОГПУ, от этого, говорят, и задержка, коллегиальных стали освобождать только в последнее время... Я писал, что живу среди отрицательного элемента, и масса энергии уходит на оберегание казенного и своего имущества. Всё налеты, меня вновь обокрали среди бела дня, сделали пробой замком от двери, я был в отсутствии не более десяти минут, правда, удалось немедленно напасть на след похитителей и возвратить бóльшую часть ворованного, но кое-что пропало, например очки, часть провизии, кое-какие вещи...

За это время все-таки находилось время и для чтения, и для размышления. Основные мысли о нашей вере всегда очень утешительны. Но когда оглядываюсь на окружающее, для себя отрадного нахожу очень и очень мало... Всех вас помню, всех ношу в сердце, всех люблю, всех приветствую, все для меня живы. Но и видеть всех вас очень бы хотелось, и, конечно, не однократно, а так, чтобы насытилась душа. Привет маме, целую тебя крепко.

Папа

1 сентября 1933 года.

Дорогая Ирина и все родные!..

Живу я на том же месте и в той же должности — дневального и курьера. По существу дела — должность легкая, а для моих сил, в последнее время в особенности, очень нелегка... Тело и душа ищут тишины и покоя, но здесь их трудно иметь. Часто ощущаю

нужду и в свежем воздухе, почти все время я прикован к помещению, охраняю и казенное, и наше частное имущество... При всех усилиях все-таки тяжело жить оторванному от привычной обстановки и своих близких. О, как начинаешь здесь ценить те условия, в которых живете хотя бы и вы все. Условия, условия — как зависит от них личность человеческая! Как сама по себе она слаба в немощах, в старости! Это время снова чаще меня посещали мысли о смерти. Конечно, она уже не за горами, я уже докатился до пределов жизни, а все же хочется кончить свои дни не здесь, не на чужбине, а среди родных. Но будет так, как распорядится Провидение, и приму безропотно то, что Оно пошлет. Здешние условия наталкивают на мысль о том благе, которое достигается при общности имущества, когда личное имущество сводится к минимуму. Припоминаю подобное в организациях IV века у Пахомия Великого. Да! Хорошо там было, очень хорошо потому, конечно, что все собравшиеся были единомысленны и единокоренны, одного настроения; и, кроме того, свои физические потребности они научались сводить к минимуму, а посему для своего экономического обеспечения они тратили очень мало времени — имели много досуга и пользовались им так, как находили это нужным в соответствии со своими убеждениями. Физически они были нищие, но духовно очень богатые. Я ощутил великую правду в том, что по существу дела праведная собственность может быть только там, где она не личная, а общая. Справочка о Пахомии очень уместна. Вообще же напоминаю себе, что и в этом вопросе, как и вообще во всех вопросах нравственности, кроме резкого различения добра и зла, на деле в жизни, в истории — много ступеней, по которым и личность и общество выбираются из крайнего зла к высшему добру, и каждая промежуточная ступень носит характер относительный, то есть она добро с точки зрения низшей ступени морали, но она не может расцениваться и как зло с точки зрения высшей ступени. А все дело, конечно, в том, подымается ли человек и все общество к высшему или же, наоборот, опускается к низшему. Я ублажаю того нищего, о котором пишет Димитрий

Ростовский: старый, больной, в рубище, в холоде и голоде, он был всегда счастливым. Я верю этому, он не имел никакого своего личного имущества и не был к нему прикован. С этой точки зрения и для меня благо, когда здесь расхищали неоднократно мое имущество, но зато я делался свободным от его хранения... Передай привет всем нашим родным, поименно их не упоминаю, но сам про себя, конечно, их всех называю и помню. Всех приветствую, всех благодарю, привет маме, целую тебя крепко, посылки получаю, хотя теперь и реже, нужду ощущаю в сахаре. Если сумеешь найти, пришли еще раз. Еще раз всем привет.

Папа

25 сентября 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Не писал вам уже целый месяц. За это время много пережито, было очень трудно. Несколько дней я совмещал обязанности дневального и счетовода-табельщика, потом меня от дневальства освободили, и я был счетоводом-табельщиком более 3 недель. Было очень тяжело, работа была запущена, я работал очень много, сверх сил, правда, привел все в порядок, но сильно исхудал, моя плоть заметно тает... Вновь была врачебная комиссия, и я уже в 4-й раз признан инвалидом: грыжа, порок сердца с отеком ног и преждевременная старческая дряхлость... Очень сожалею, что не могу вас обрадовать добрыми вестями о себе, как было месяца два тому назад, когда я писал, что мне очень хорошо. Конечно, мне неплохо и теперь, но уж очень много зла вокруг. Очень жалко мне злых, потому что от злобы плохо и хуже самому злецу — что он носит в себе? какую беду? и разве с ней он может быть покойным и счастливым? — конечно нет. Гложет и сушит его злобность... кроме злых есть много измученных и изможденных... все нуждаются в утешении и поддержке, но почти никто не в силах дать их другому, потому что сам удручен и изможден... здесь грустная картина, здесь редко кто делится тем, что получает, с другими, потому что самому не хватает или только в обрез. Все это вместе

взятое наполняет душу скорбью и ощущением крайнего одиночества... Привет маме и пожелание ей доброго здоровья...

Привет... всем, твой папа

8—9 ноября 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Погода плохая, как в тот день, когда вы приехали ко мне в прошлом году на свидание, сильный ветер, снег и потом мороз. Комната, в которой я занимаюсь, угловая, вторые окна еще не вставлены, ветер гуляет, печь не топится, мучаемся напрасно, в дыму целый день, ветер через трубу выдувает дым обратно в помещение, дым заел и очи и горло. Но 9-го уже хорошо, мороз, ветер переменялся, в помещении делается теплее и теплее, печь топится хорошо. Давно не писал тебе, было недосуг, надо было кончать к месячному отчету срочную работу, да и прихворнул я... доселе еще не вполне поправился, болел на ногах, потому что нельзя было прервать работу и через то подвести моего непосредственного начальника, теперь зато легче... Из твоих последних писем я вычитываю (может быть, и неправильно), что Красный Крест обо мне ходатайствовать не будет, а посему ты написала о советующих подать прошение об амнистии... Что же касается амнистии, то я лишен возможности о ней ходатайствовать, потому что это ходатайство означало бы признать себя виновным по примененной ко мне статье 58-й, пункты 10, 11. Но виновным я себя признать не могу, потому что эта статья политическая, а я в области политической против советской власти нисколько не виновен. Смело говорю: наоборот, моя позиция относительно советской власти всегда была максимумом благожелательности... Я работал исключительно на религиозной почве, принцип отделения Церкви от государства мною был провозглашен и осуществляем за 9 месяцев до выхода декрета об отделении Церкви от государства и до появления советской власти... Я постоянно стоял за мирный договор церковников с советской властью... и сознательно принял и защищал примирительную политику митрополита

Сергия, за что также перенес немало, а посему мне не в чем признавать себя виновным. Я виновен лишь в том, что я верующий, но и эта вина отпадает, поскольку конституция СССР признает свободу религий. А посему осуждение меня по 58-й статье есть чистое недоразумение. Я могу ходатайствовать только о пересмотре моего дела, доселе я этого не сделал по своим болезням, крайней перегруженности работой, которые не оставляли мне ни времени, ни сил для написания этого ходатайства, а также из-за ожидания освобождения по инвалидности. Если меня не освободят по инвалидности в скором времени, тогда постараюсь написать наконец и это ходатайство...

Твой папа

Кузема. 3 лагпункт Беломорско-Балтийского Комбината.

23 ноября 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Что-то последние дни у меня очень скорбно на сердце; из случайных обстоятельств, которыми полна наша жизнь, я убеждаюсь, что делаюсь все больше немощным стариком, я дряхлею все сильнее, мысли о смерти все более меня посещают, мечтаю о том, чтобы, в тишине пребывая, оплакать грехи свои и приготовиться к смерти, а потом и принять ее в спокойствии сердца. А в канцелярии, где едва ли мне придется работать, штат, как и везде, у нас постоянно сокращается и остаются только работники сильные, а нам, старикам, останутся только легчайшие работы на производстве, как, например, переборка картофеля и овощей, шитье стелек в сапожной, а может быть, плетение корзин из дранки и плетение лаптей, а у меня на это нет сил и нет сил на случайные мелкие перемены в нашей жизни. С весны, как я оставил Морсплав, я очень сдал. Благодаря вашим посылкам я питаюсь вполне хорошо, но уже, видно, и корм не в коня. Годы и болезни берут свое, правда, я еще на ногах, в больнице не лежу... но не закрываю глаз на свое дряхление... Часто вспоминаю об аде и его муках, начи-

наю прозреть, как там худо... Привет всем, всем и каждому в отдельности. Привет маме...

Твой папа

24 мая 1934 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Уведомляю вас, что по своему делу я написал два заявления: одно краткое во ВЦИК с ходатайством об освобождении меня по инвалидности, а другое длинное верховному прокурору с просьбой о пересмотре моего дела или, по меньшей мере, об освобождении меня по инвалидности. Во втором заявлении в качестве оснований для пересмотра я указал на отсутствие в следственном материале фактов, доказывающих мою виновность в пунктах 10 и 11 статьи 58 УК, и, во-вторых, на то, что следствие не производилось... В силу своих религиозных воззрений я всегда был корректен, но не раболепен как к прежней государственной власти, так равно и к советской. Самая моя работа при советской власти была обусловлена моим соглашением с управляющим делами совнаркомом и с ВЧК — этим соглашением была установлена возможность и пределы моей работы в пределах СССР. В силу этого соглашения я остался в СССР, хотя и имел легальную возможность уехать на свою родину в бывшую Холмскую губернию. Условий, данных мне, я ни в чем не нарушил, а между тем уже четвертый год томлюсь в лагере. В силу изложенного я и прошу о пересмотре моего дела... Привет и низкий поклон... всем...

30 августа 1934 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Действительно, я давно не писал вам, очень много работы, и кроме того командировки, в которых в общем я провел 12 дней. А здоровьем я держусь по милости Божией, хотя и трудновато подчас... С самого прибытия в лагерь в 31-м году я целую свои узы и знаю, что они мне во благо, и все время держусь того же убеждения, правда, мне тоскливо в разлуке с родными, но ведь я их все-

таки живо ощущаю, невзирая на расстояние. И убивающего одиночества не знаю, потому что Единый Вездесущий всегда с нами и в нас, — в общем, в душе моей покой, а будущее я отдал в руки Того, Кто лучше всех распоряжается, а пока по совести работаю и исполняю свои обязанности... И всегда, когда я не пишу в отдельности привета, а всем вообще, переводите этот привет и на каждого в отдельности. Я всех, всех помню, все у меня глубоко в моем покойном, незасушенном сердце (не замученном массой всякого рода забот, здесь их почти нет, а многие заботы по службе совсем иного свойства, и я их переживаю покойно)... Мое ходатайство во ВЦИК направлено с Медгоры 10.8.34 за № 41008, а в направлении другого ходатайства — главному прокурору — отказано. Предполагаю еще сделать попытку о его направлении, потому что это ходатайство — о пересмотре дела, то есть другого характера, чем первое. До свиданья!

Папа

Кемь. Вечеракша.

1 лагпункт 9 отделения Беломорско-Балтийского Комбината.
8 октября 1934 года.

Дорогие мои Иринка и все родные!..

О чем я предупреждал тебя, Ирочка, то со мною и произошло. Я уже третий день нахожусь на новом месте по той же Мурманской ж. д. в городе Кеми... Переезд совершился очень хорошо, без неприятных приключений и даже с удовольствием, хотя, конечно, пришлось потаскать свои вещи с большими усилиями и едва переносимым напряжением. Но спутники на этот раз помогли, была и лошадь и к железной дороге, и оттуда. Новое помещение хорошее и светлое, высокое, но пока без печи холодно, обещают на днях построить печь. Работа у меня такая же, как и на прежнем месте, но здесь во много раз увеличится. И это бы еще не беда, к своей работе я привык, а то беда, что у меня дело было поставлено очень четко, а здесь пока я не могу войти в курс дела. Придет-

ся много потрудиться... Крепко целую тебя и всех вас. Жду вестей.

Папа

8 декабря 1934 года.

Дорогие мои Иринка и все родные!..

На этот раз не порадуя я вас добрыми вестями о себе. Уже более месяца у меня боли в верхней половине грудной клетки над сердцем и в самом сердце. Сначала я думал, скоро пройдет, результат временного переутомления, но чем дальше, тем хуже. Теперь и в левом плече боль, и в левой руке. Положение напоминает 26-й год, когда я четыре месяца пролежал в деревне и едва выправился; возможно, скоро придется лечь в больницу. Я уже было получил туда направление, но временно был удержан по службе, хожу и работаю, но немощь часто одолевает... Кругом скорби и скорби, как много теперь требуется мужества, терпения и особенно веры, но что бы ни было, нам не следует унывать и падать духом. Все идет так, как этому должно быть, не по нашей воле, значит, так, как надо... Письмо заканчиваю, крепко тебя целую, Иринка, и всех. Всем всего доброго.

Папа

Кемь. 1 лагпункт. Центральный лазарет.

17 декабря 1934 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Уже неделю я нахожусь в лазарете. Прекрасное помещение с электричеством и всеми удобствами, высокое, светлое; палата, в которой я, — на 10 человек, врачебное отношение, уход и питание очень хорошие. Попал я в лазарет очень вовремя, иначе, говорит доктор, со мною был бы удар...

Кузема. Мурманская ж. д. 2 лагпункт 9 отделения Беломорско-Балтийского Комбината. Почтовый пункт Сеннуха.

25 января 1935 года.

Дорогая Иринка и все родные, дорогие!

Вчера я переехал из Кеми в Кузему. Переезд мой или, вернее, возвращение в Кузему совершилось довольно неожиданно. За неделю до этого я не мог о нем и мечтать, так сильно я был связан с Вечеракшей, и вдруг эти связи заколебались, и я вновь в сравнительно тихой Куземе. Я писал вам, что в связи с моей болезнью меня освободили от ответственной службы, мне стало легче работать, и мое здоровье также стало улучшаться. Казалось бы, и достаточно, но внезапно около меня, и для меня сначала непонятно, атмосфера сгустилась, и в результате я очутился вновь в Куземе... Кстати, об условиях переезда сюда... Он совершился так просто и легко, как будто кто-то с любовью позаботился о нем. Я был послан свободно, без конвоя, на переезд к вокзалу мне дали лошадь, случайно со мною ехал один из куземских сослуживцев, он помог мне и билет купить, и перенести мои вещи на поезд и потом с поезда. В Куземе с вещами я тоже не имел затруднения, их перевезла возвращающаяся назад подвода, я только прошел пешком по снежным сугробам. Доселе тихая и теплая погода стала морозной, ветреной, снежной, но для моего переезда выпали очень благоприятные промежутки...

Папа

14 февраля 1935 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

К моему утешению, я опять в Сеннухе на своей прежней работе и снова в бытовых условиях, для меня благоприятных. На Поповом острове я находился только 10 дней, там жизнь кипит ключом и работа весьма интересная, но количество работы и ее условия были не по моим силам. Надолго меня бы там не хватило; как видишь, я пробыл там очень короткое время, не буду вам описывать подробности, одно скажу, было нелегко во многих отношениях, однако все переносилось благодушно, в глубине сердца все время был покой, он регулировал мои действия, и самочувствие было хорошее. До таких переутомлений, которые рождали бы и

поддерживали уныние, я не доходил. Переброски с вещами и эти два раза были нетрудными, все проходило удобно и удачно. Здесь я уже отдохнул, пришел в себя и поскорее спешу написать вам, чтобы у вас не было обо мне излишних беспокойств. Еще не прошло и месяца, как я пережил четыре переброски, я не задаюсь вопросом, почему и для чего все это, и говорю себе постоянно, раз так происходит, значит, так и нужно, и все происходящее есть самое лучшее для меня в настоящее время. А посему какие-либо колебания, недоумения, огорчения неуместны. Ведь весь секрет жизни в том, чтобы все совершалось не по моей мелкой воле и не по моему жалкому умишку. Единая Премудрая и Благая Воля должна царить во всем, а наше дело не мешать ей осуществляться и в нас, и через нас. Прочее все понятно. Завтра кончаются четыре года моего заключения, кто бы мог думать, что я их переживу, а вот пережил и, если говорить о своей воле, еще хочу жить, дожить до освобождения и повидать всех вас, может быть, и пожить с вами. Впрочем, оговариваюсь, и этого я желаю, как писал вам не раз, для оправдания своей веры и славы Всевышнего... Крепко целую вас всех, моих дорогих...

Папа

6 марта 1935 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Стал я получать от вас весточки уже на Сенную и отсюда узнал, что вы мои письма тоже уже получили... За все присылаемое я всем вам очень признателен, хватает не только для меня, а можно кое с кем и делиться, что мне доставляет истинное удовольствие... Вы бы, конечно, хотели знать о моей жизни и о моем самочувствии... Как-то все тяжелее переношу и малые недомогания и отсюда заключаю, что годы берут свое, я слабею, иногда на этой почве у меня развиваются грустные размышления. Работа моя нетрудная и не такая большая, но частенько и она мне тяжела, хотелось бы получить передышку. Два раза я здесь был у врача, и в первый же раз он сказал мне, что поставит вопрос о моем инва-

лидстве вновь. Я поблагодарил его, но пока еще числюсь в прежней категории... Спасибо за добрые чувства, будем надеяться, что мы еще проживем вместе, и я отдохну с вами на кончике моей жизни. У меня ведь только одна дума — это как бы дожить до конца моего заключения, повидать всех вас и умереть не здесь одиноким, а там, среди вас, моих родных и близких... Ирочка, ты пишешь, что я сам виноват, что так долго сижу, потому что долго сам не подавал о себе заявлений. Может быть, и так, оправдываться я не буду. Скажу только, что разделяют мою участь и многие другие, подававшие не одно заявление. Конечно, я в первые два года не подавал заявлений. Все казалось, что мое инвалидство выведет меня на свободу, как вывело очень многих. Но вышло по-иному. Скажу тебе, что подавать заявления нам разрешено только один раз в год и спустя полгода после прибытия в лагерь. Вообще же всю жизнь я был человеком непрактичным, что и здесь чувствуется на каждом шагу. Это сказало и с моими заявлениями... Привет всем-всем и каждому в отдельности, привет маме. Прошу простить, если кого-либо я не вспомнил на этот раз, а вообще помню, не забываю. Крепко целую тебя, Ирочка, и всех.

Папа

29 марта 1935 года.

Дорогие мои Иринка и все родные!..

Кажется, и вам давно писал, и от вас давно писем не получал. Наконец пришли две открытки... Беспокоитесь и спрашиваете о моем здоровье. Оно улучшилось, значительно улучшилось... Среди условий, в которых приходится жить, конечно, не всё розы, есть и неблагоприятное, — и не много его, а переживается оно очень трудно. Я на себя поражаюсь, удивляюсь и очень собой недоволен — сущие пустяки, а для меня настоящая болезнь. Вот и задаюсь вопросом, что делать, чтобы не нервы мною владели, а я ими. Кажется, все хорошо, день, другой, третий, забываешь о нервах, вдруг — какой-либо случай, а мало ли их всюду, и все загуляло, точно по голове ударит, и долго не можешь прийти в нор-

му. И бранишь себя, и увещаешь, а факт остается фактом. Да! — нагрузки Вечеракши и Поньюмы мне были не по силам, и от результатов этих перенапряжений я еще не освободился...

Папа

18 апреля 1935 года....

Дорогие мои Иринка и все родные!..

Подходят великие дни. Приветствую всех вас и посылаю лучшие пожелания. Хорошо бы в это время быть вместе, как это было ранее. Но если не физически, то мысленно будем вместе, будем посвящать на мысленное общение то или иное время. Здесь это лучше делать утром, до работы, тем более что ночи у нас укорачиваются все более, и скоро наступят белые, а тогда сон бежит... Мое здоровье укрепилось, работа — по моим силам, условия — благоприятные, и я готов в подобных условиях досидеть до конца своего срока. Но это не от меня зависит; всегда возможны переброски, которых вы вместе со мною боитесь...

Эти дни у нас прекрасная погода — воздух чудный, живительный... Могу сообщить вам несколько успокаивающую новость. Сегодня на медкомиссии я вновь признан инвалидом, о чем и составлен акт. Для меня — это хорошо, потому что более меня защищает от перебросок. Снова от нас двинулись на свободу инвалиды, но я не надеюсь на освобождение. Мой акт запоздал, да и не всех отпустят. Мое самочувствие — хорошее. Посылки от вас идут хорошо. На прошлой неделе получил я одну, завтра или послезавтра получу вторую — большую... За это время немало всяких мыслей, все более неутешительного характера. Но основное, конечно, — одно и то же, оно прочно и не может поколебаться. Вечное — нерушимо. Только бы научиться все более и более глубоко входить в него. Какая мудрость — уметь отходить от своего “я” и опираться на “Я” Великое, Единое. Всем этого желаю, особенно в эти дни. Что бы ни было, а вечность за нами и в этой жизни, и в будущей. Временные страдания — неизбежны для находящихся в странствовании. Но кроме страданий, сколько еще и здесь радос-

тей и счастья! Всех-всех трижды целую...

Вас постоянно помнящий и любящий папа и дядя

2 мая 1935 года.

Дорогие мои Иринка и все родные!..

Множественно всех вас целую и взаимно поздравляю с праздниками. Получил я все ваши открытки, Иринка и Зина, получил и обе посылки. Сусанна, и яички, и сухарики твои пришли в очень хорошем виде, не разбилось ни одно яйцо, Зиночка, и бабушка нисколько не пострадала. Балуете вы меня. Мое здоровье утратилось — то есть держится на уровне заметного улучшения. Погода и у нас неважная. Завернули холода, и вместо весны у нас недели две держится настоящая зима с морозами, метелями и сильными ветрами. Но это сильно не действует на настроение, оно держится устойчиво. Ожидаю конца своего заключения, который уже теперь не за горами, то есть в конце, а может быть, и несколько ранее, 36-го года. Конечно, я учитываю и другие возможности и к лучшему и к худшему, замечая и некоторые признаки, по которым об этом сужу, то есть улучшения и ухудшения, сокращения и удлинения срока. На свое ходатайство об освобождении, написанное в июне или мае 34-го года, доселе я еще не получил ответа. Подумываю о его повторении. Может быть, в настоящее время и вам что-либо предпринять... Много дум, много размышлений, иногда помыслишь, хоть здесь я вдали от вас, но зато в одном положении, уж дальше мне некуда; а был бы на воле, разве был бы гарантирован от всяких тревог и плачевных неожиданностей? А посему, может быть, и лучше, что я еще здесь. Посему пусть течет поток моей жизни так, как течет теперь. Все равно к чему-либо придет. Сохранялся бы покой духа. Я хотел бы только такого здоровья и сил, чтобы хранился этот покой, при нем воля или неволя — вещь второстепенная. Иметь бы свободу внутри от всякого зла и всякой скверны. Два дня мы празднуем. Кончается второй день. Креплюсь я, креплюсь, но какое громадное значение имеют внешние условия, это могут оценить только те, кто по-

бывал в подобной обстановке. Для известного состояния духа очень важно одиночество, но одиночество полное, то есть вдали от людей. Но одиночество среди людей тягостно, потому что очень трудно среди шума войти в свою душу. Я не жалею, мои условия сравнительно очень хороши. Мысленное общение я с вами имею — и непосредственное, получая от вас письма. Но в дни отдыха я очень ощущаю недостаток личного общения с вами — и голодно душевно, и одиноко.

Однако терпел годы, потерплю и еще. Конечно, очень мешает собственная никчемность, которую всегда ношу с собой. Со-знаю, что надо делать мне в настоящее время, а не делаю, все от-лагаю до будущей перемены условий. Это самая большая причи-на недовольства собою. Очень всех вас благодарю за вашу непре-станную любовь и заботы обо мне. Как бы мне хотелось еще в этой жизни воздать вам за нее в личном общении. Верю, что это возможно и что это будет. Крепко еще раз целую всех вас в общем и каждого в отдельности.

Папа».

---

26 июля 1936 года окончился срок заключения, протоиерей Роман был освобожден из лагеря и поселился в окрестностях Во-локоламска. Затем его перевезли под Москву в поселок Валенти-новку к духовной дочери, Маргарите Евгеньевне, муж которой, Александр Андреевич Ветелев, впоследствии стал священником. Здесь отец Роман прожил три месяца. Но туберкулез, которым он болел еще в молодости, за время его заключения усилился на-столько, что стал угрожать его жизни, а здешний климат оказался неподходящим для такого рода больных.

Один из друзей священника, с которым он несколько лет де-лил заключение, позвал его к себе в город Черкассы Харьковской области, куда отец Роман и переехал. Но здоровье его и здесь

ухудшалось, а отсутствие родных и отдаленность духовных детей создавали дополнительные трудности и беспокойства. Здесь он прожил несколько месяцев. Анна Николаевна в это время подыскивала место, где отец Роман мог бы поселиться, и с помощью протоиерея Зосимы Трубачева такое место было найдено в Малоярославце, где отец Зосима после возвращения из концлагеря был благочинным и служил в Казанском храме. 25 мая 1937 года отец Роман оступился на крыльце домика в Черкассах и сломал пораженную туберкулезом ногу, что до конца жизни лишило его возможности передвигаться самостоятельно. Анна Николаевна перевезла отца Романа в Малоярославец. Здесь за ним ухаживала одна из его духовных дочерей, время от времени приезжали помогать Анна Николаевна с дочерью Ириной, духовные чада отца Романа. Об этом периоде жизни священноисповедника известно из записей его духовной дочери.

5 июля 1937 года отец Роман просил написать старцу Зосимовой пустыни игумену Митрофану, которого он особенно почитал, и поблагодарить за его святые молитвы.

22 июля отец Роман попросил духовную дочь записать под его диктовку заветные и дорогие ему мысли о Церкви. Диктовал, несмотря на то, что боли все это время не прекращались. «Вокруг постели тишина и мир, — отметила она, — поразительна кротость батюшки и его покорность воле Божией».

Почти сразу же по поселении в Малоярославце протоиерей Роман, несмотря на болезнь, стал служить литургию, которая была для него великим утешением.

27 июля его духовная дочь записала в дневнике, что батюшка говорил ей: «Я хотел бы достичь чистоты в молитве полной, чтобы она зажигалась сразу как пламя и была бы чистой, но сейчас такие боли у меня, что я молюсь с перерывами. Боли останавливают молитву, не дают покоя. Иисусова же молитва по милости Божией всегда со мною непрестанно. Литургия — это моя единственная услада и утешение. Я не могу без нее жить. Не могу себя лишить ее».

На следующий день «после утренних молитв и литургии батюшка просил отложить еду и чаепитие, ему хотелось побыть в тишине и молчании. Днем батюшка сказал, что сегодня после литургии чувствовал себя особенно хорошо, радостно и покойно».

Летом 1937 года гонения на Церковь усилились и власти приняли решение о массовом аресте священнослужителей. В июле двое сотрудников НКВД пришли в дом к протоиерею Роману и предъявили Анне Николаевне ордер на арест мужа. В это время у отца Романа открылось легочное кровотечение, и Анна Николаевна сказала им:

— Вы видите, он умирает. Ну, берите, мне еще лучше будет, не надо будет его хоронить.

Сотрудники НКВД посмотрели на священника, и один из них недовольно пробормотал:

— Там своих покойников хватает.

И они развернулись и ушли.

Вскоре состояние здоровья протоиерея Романа ухудшилось настолько, что он уже не мог совершать литургию. Накануне праздника Преображения, 18 августа, он попросил призвать к нему протоиерея Зосиму, чтобы исповедаться и причаститься Святых Христовых Таин. Когда тот пришел, батюшка долго исповедовался и горько плакал, затем приобщился Святых Христовых Таин и, со слезами поблагодарив отца Зосиму, поцеловал его руку. Спустя десять минут после ухода священника приехал к отцу Роману игумен Митрофан. Их встреча была исполнена искренней взаимной любви. Игумен Митрофан предложил ему принять монашеский постриг. Отец Роман согласился, и игумен спросил: «В какой чин?» — «В первоначальный», — ответил отец Роман. В тот же день протоиерей Роман был пострижен в рясофор с наречением ему имени Иосиф. Прощаясь, игумен Митрофан поклонился батюшке в ноги, и затем они обнялись, обливаясь слезами.

Постриг отец Роман хотел сохранить в тайне и просил ухаживавших за ним не рассказывать о нем, но об этом все же стало известно через келейниц игумена Митрофана. Во все последующие

дни протоиерей Зосима ежедневно причащал отца Романа. 6 сентября протоиерей Роман сказал ухаживавшей за ним духовной дочери: «Смерть на расстоянии двух дней, и тогда конец. Остались последние денечки. Я поставлен Господом быть ответчиком — и буду, как пример для других».

В этот же день отец Роман продиктовал Анне Николаевне письмо духовным детям: «Дорогие, все бывшие духовные дети мои! Я тяжело болен, и дни мои сочтены. Христиане перед смертью прощаются и примираются друг с другом. Прошу простить меня во всем, в чем я согрешил перед вами: делом, словом, помышлением. Со своей стороны, во всем, в чем вы согрешили против меня, я властью, мне данной от Господа нашего Иисуса Христа, прощаю и разрешаю во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Недостойный протоиерей Роман Медведь».

Ночью отец Роман сказал: «Свет Божественный здесь... — и указал рукою вверх. — Расчеты сводятся к концу... Давайте скорее кончать...» В четыре часа отец Роман успокоился и сказал: «Слава Богу, хорошо!...»

8 сентября в шесть часов утра пришел протоиерей Зосима; отец Роман причастился и успокоился. Весь день он лежал почти не шевелясь, с закрытыми глазами. Около пяти часов вечера он открыл глаза, протянул обе руки вперед и его лицо озарилось сердечной и кроткой улыбкой. Затем он откинулся на подушку и впал в полузабытье. Вскоре у него стали холодеть руки и ноги. Одна из его духовных дочерей стала читать молитвы на исход души. Отец Роман открыл глаза и посмотрел высоко вверх, потом повел глазами вправо и склонил голову к плечу. Затем вздохнул еще несколько раз... В семь часов вечера 8 сентября 1937 года душа священноисповедника отошла ко Господу.

В девять часов вечера пришел протоиерей Зосима облачить почившего, он же и отпевал его. Протоиерей Роман был погребен на городском кладбище в Малоярославце.

Храм Покрова Божией Матери на Лыщиковой горе в Москве, где находится рака с мощами священноисповедника Романа

3 августа 1999 года по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II были обретены мощи священноисповедника Романа и перенесены в Москву в храм Покрова Божией Матери на Лыщиковой горе.

Еще при жизни священноисповедника были случаи, когда люди по его молитвам получали исцеления. Весной 1932 года тяжело заболела духовная дочь отца Романа Ксения Александровна Калошина, которой было тогда двадцать пять лет. Врачи поставили диагноз: воспаление подъязычной железы. В течение пяти суток она не могла ни есть, ни пить, температура держалась все время около 40 градусов. Шею раздуло, и она стала шире головы, язык опух и стал синим; врач, чтобы как-то облегчить страдания,

капал на язык воду. Ксения Александровна почувствовала, что умирает, и послала своей матери, Марии Яковлевне, записку, прося ее прийти проститься. Но ее не пустили в палату, опасаясь, что заболевание инфекционное, и заведующий больницей сказал: «Если Николай Александрович Семашко подпишет разрешение, то я пушу». В тот же день Мария Яковлевна нашла доктора Семашко и рассказала ему об умирающей дочери, он тут же написал записку, чтобы ее немедленно пропустили.

Все это время Мария Яковлевна обращалась с молитвенной просьбой к отцу Роману. Придя к дочери, она застала ее выздоравливающей. Ксения Александровна рассказала, что в предыдущую ночь ей явился отец Роман. Он шел по воздуху в священническом облачении красного цвета с чашей в руках. Приблизившись, он благословил ее и причастил Святых Таин. С этого времени к ней стали возвращаться силы, и она выздоровела.

ИСТОЧНИКИ:

- ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-42304. Л. 63, 81, 90, 95, 99, 108, 192–194, 198, 363.
Иванова М. А. Воспоминания. Рукопись.
 В общее собрание всех полноправных и приемных братьев Крестовоздвиженского трудового братства священника Романа Медведя заявление о религиозно-нравственной стороне жизни братства. Рукопись.
Борютина З. Братская община при храме святителя Алексия в Глинищевском переулке на Большой Дмитровке в Москве, возглавляемая отцом Романом в 20–30-х годах нашего столетия. Рукопись.
Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. ТСЛ, 1995.
Протоиерей Николай Доненко. Московский журнал. М., 1996. № 3.
Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 4. Тверь, 2001.

Августа 27 (9 сентября)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Мефодий (Иванов)

*П*реподобномученик Мефодий (в миру Николай Михайлович Иванов) родился в 1899 году в городе Симбирске в семье священника. Окончил церковноприходскую школу. По окончании Духовного училища в городе Алатыре он поступил в Симбирскую Духовную семинарию, окончить которую не успел из-за государственного переворота, происшедшего в России; завершал образование уже в советской школе. С 1920 года Николай Михайлович стал работать преподавателем в городе Саранске, а с 1921 года — в городе Пензе, в художественно-техническом училище.

В том же году он переехал в Москву и стал здесь преподавать в одной из высших школ. Однако преподавание в советской школе по программе, основанной на безбожной идеологии, было несовместимо с религиозными убеждениями глубоко верующего человека, и в 1923 году он ушел из школы и поступил послушником в Покровский монастырь в Москве, где в том же году был пострижен в мантию с именем Мефодий и рукоположен в сан иеродиакона. Здесь он познакомился с епископом Алатырским, викарием Симбирской епархии Гурием (Степановым), который когда-то был настоятелем этого монастыря, а ныне жил в нем, так как ему был запрещен выезд из Москвы; с ним отец Мефодий поддерживал близкие отношения в течение всей жизни.

В 1925 году иеродиакон Мефодий был рукоположен в сан иеромонаха. В 1929 году монастырь был закрыт, и иеромонах Мефодий перешел служить в храм Иерусалимской иконы Божией Матери за Покровской заставой.

В 1929 году власти арестовали его, обвинив в контрреволюционной деятельности. На вопрос следователя о его отношении к советской власти отец Мефодий ответил: «Я недоволен советской властью по причине закрытия ею учебных духовных заведений, запрещения духовной литературы, закрытия церквей и вообще сурового отношения к духовенству и верующим».

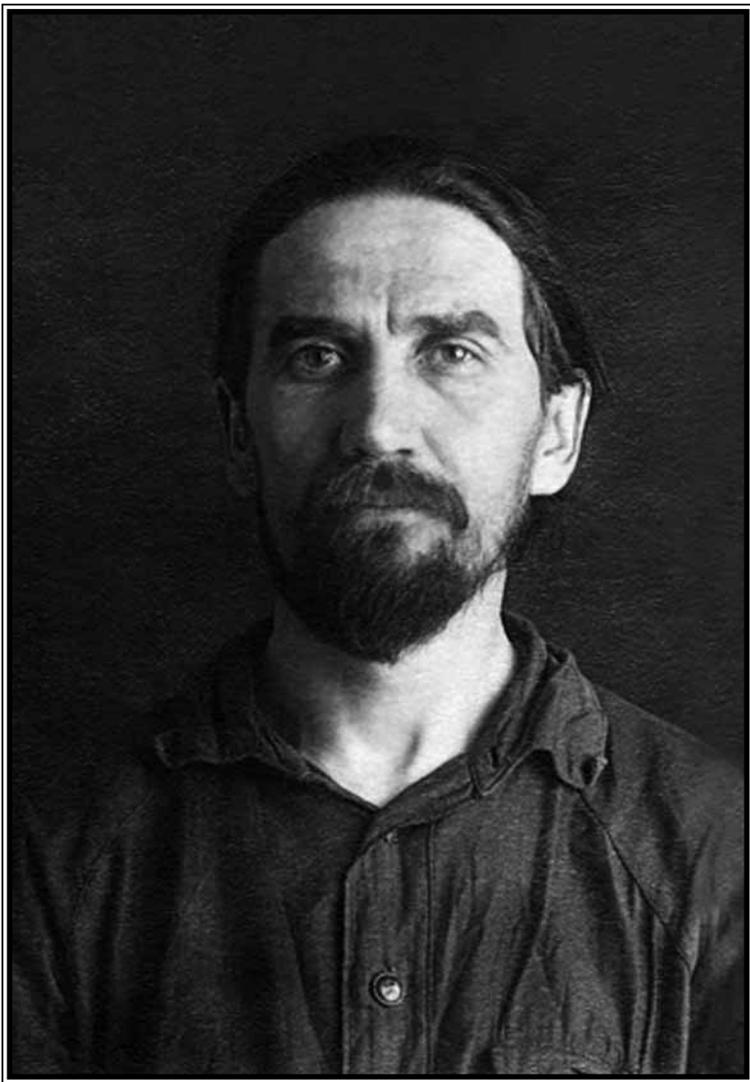
Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Мефодия к трем годам ссылки, которую он был отправлен отбывать в Пинежский район Архангельской области.

Вернувшись из ссылки в 1933 году, он поселился в городе Кашире, так как в Москве ему жить запретили. Из Каширы отец Мефодий переехал в село Суково Каширского района, где стал служить в храме; здесь вокруг него собралась небольшая монашеская община.

В 1936 году иеромонах Мефодий был возведен в сан игумена, о чем он сообщил епископу Гурию, находившемуся в то время в ссылке. В ответ владыка поздравил его с наградой и написал: «...Но так как тебе игуменствовать (за неимением монашеской братии) не над кем, то придется заняться усиленным игуменствованием над самим собой, то есть трезвением над своим сердцем и всей вообще своей жизнью, чего я от души молитвенно и желаю».

Начиная новое беспощадное гонение, Сталин 3 июля 1937 года распорядился, чтобы главы областей в течение пяти дней представили ему списки всех подлежащих аресту и расстрелу «в порядке административного проведения их дел через тройки».

Одними из первых, кто подлежал уничтожению, стали священнослужители. 26 июля руководство НКВД по Московской области отправило распоряжение начальнику Каширского районного отделения НКВД, требуя немедленного ареста игумена Мефодия. Причем предполагалось только в процессе следствия

Азгу.иен Мэфогий (Уванов)

Москва. Тюръма НКВД. 1937

доказать его контрреволюционную деятельность, а также его связи «с антисоветским элементом из числа церковников», проживающих в Каширском районе и в Москве.

28 июля власти арестовали отца Мефодия и стали допрашивать о его знакомствах. Отец Мефодий назвал монахинь, с которыми он познакомился в ссылке и которые теперь прислуживали при храме, и монахиню, у которой он жил некоторое время, когда вернулся из ссылки, а также сказал, что знаком с диаконом, служившим в Кашире. На вопрос о том, вели ли они антисоветские разговоры, отец Мефодий ответил отрицательно.

10 августа были допрошены монахиня, хозяйка дома в Кашире, где он некоторое время жил, и диакон. Хозяйка свидетельствовала, что отец Мефодий устроил в ее доме монастырские порядки, поскольку в доме проживало несколько монахинь, от которых он требовал выполнения монастырского устава. Допрошенный следователем диакон сказал, что 2 июля он ехал в поезде вместе с игуменом Мефодием в Москву и на его вопрос, как он живет, отец Мефодий ответил, что устроился очень хорошо, так как место попало глухое, и народ очень верующий, и он сам находится в очень хороших отношениях с председателем сельсовета. Сначала председатель относилась к нему настороженно, думая, что он красный, но затем увидела, что отец Мефодий подлинный служитель Бога, и с тех пор стала своим человеком и уже не скрывала, что она и сама человек верующий и ей самой не нравится эта власть, что приходится до времени играть эту роль. Затем свидетель стал рассказывать о контрреволюционных и антисоветских высказываниях игумена.

После этих показаний следователь снова допросил отца Мефодия и спросил, какая антисоветская деятельность проводится группой монашек, которых знает игумен.

Мне ничего об этом не известно, — ответил отец Мефодий.

Допросы продолжались в течение месяца. На последнем допросе, 31 августа, следователь сказал:

— Вы изблечены следствием в том, что проявляли контрре-

волюционное враждебное отношение к руководителям ВКП(б) и членам советского правительства. Вы признаете себя в этом виновным?

— Нет, не признаю, — ответил отец Мефодий.

— Вы признаете, что до последнего времени были террористически настроены?

— Нет, этого я также не признаю.

8 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Мефодия к расстрелу, и он был перевезен в Москву в тюрьму НКВД. Игумен Мефодий (Иванов) был расстрелян 9 сентября 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20921.
ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-6656. Т. 5.

Августа 27 (9 сентября)

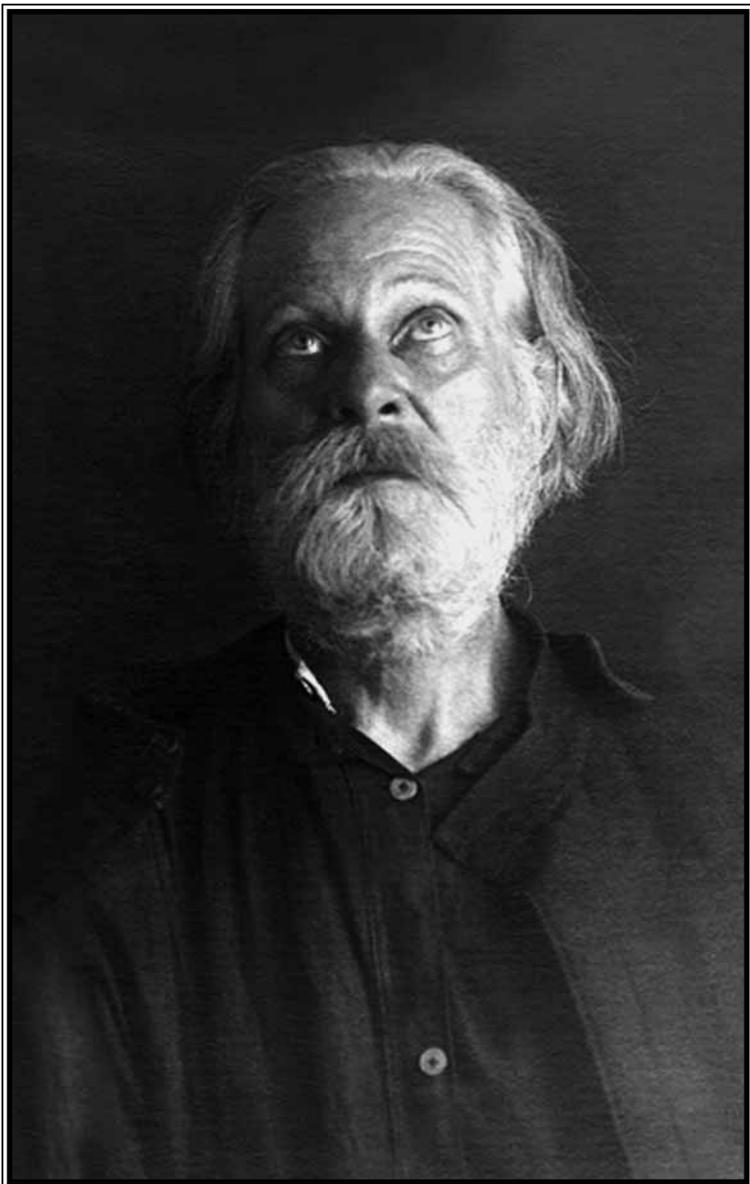
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Иоанн (Смирнов)

Священномученик Иоанн родился 20 марта 1873 года в селе Высоком Михайловского уезда Рязанской губернии в семье псаломщика Алексея Смирнова, все пятеро сыновей которого стали священниками.

Иван Алексеевич окончил Рязанскую Духовную семинарию и в 1904 году был рукоположен во священника к Зарайскому Никольскому собору. В Зарайске отец Иоанн поселился с семьей в деревянном доме на территории городского кремля. В соборе в то время находилась знаменитая чудотворная икона Николы Зарайского. Прославленная многочисленными чудесами, она привлекала к себе множество богомольцев со всех концов России. В храм стекались щедрые пожертвования благодарных почитателей великого угодника Божия. Здесь хранились старинные рукописные и старопечатные богослужебные книги, серебряная и золотая утварь — вклады великих князей, знатных воевод и бояр. В теплое время года отец Иоанн служил в летнем Никольском соборе, в холодное — в зимнем Иоанно-Предтеченском храме. На торжественные богослужения собиралось до тысячи богомольцев. Отец Иоанн, явивший себя ревностным пастырем, был назначен настоятелем Никольского собора, возведен в сан протоиерея, назначен благочинным церковью Зарайского округа и награжден в 1930 году митрой.

В 1922 году из церковей города были изъяты многие ценные ве-

Протоиерей Иоанн Смирнов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

щи и иконы. Некоторые из них тогда удалось спасти от уничтожения. По предложению директора краеведческого музея и члена церковного совета И. П. Перлова часть драгоценной церковной утвари и древние рукописные и печатные книги были переданы на хранение в музей.

В 1928 году по распоряжению властей были закрыты Никольский собор и Иоанно-Предтеченская церковь. Протоиерей Иоанн был назначен служить в Спасо-Преображенскую церковь в том же городе и стал хлопотать об открытии собора, начав сбор подписей верующих под ходатайством об оставлении собора в качестве действующей церкви. Власти эти хлопоты священника и прихожан представили в обвинительном заключении таким образом: «В Коломенский окружной отдел ОГПУ поступили сведения о том, что группировка церковников, бывших людей и торговцев распространяла среди населения города и деревни контрреволюционные слухи о скорой гибели советской власти и подготавливала массовое выступление против закрытия собора.

Контрреволюционная деятельность вышеуказанной группы берет свое начало с момента закрытия собора в городе Зарайске. Вопрос закрытия собора обсуждался на всех собраниях предприятий, и было вынесено решение ходатайствовать перед высшей властью о предоставлении собора под клуб. Просьба рабочих ВЦИКом была удовлетворена, и собор подлежал изъятию.

Незначительная отсталая часть рабочих в связи с закрытием собора стала проявлять недовольство властью. Этим моментом воспользовались церковники, повели среди верующих антисоветскую агитацию за удержание собора. По инициативе попа Смирнова несколько раз созывался церковный совет. Еще не имея точных сведений о его закрытии, решили на первом собрании верующих общины, в которую входили исключительно бывшие люди, бывшие и настоящие торговцы города Зарайска, женщины и мужчины окружающих деревень престарелых возрастов, сделать информацию.

Сделав информацию о предполагаемом закрытии собора, вы-

шеупомянутая группа стала проводить закрытую контрреволюционную агитацию среди городского и деревенского населения, например: в мае 1928 года по инициативе попа Смирнова и церковного совета в соборе была проведена антисоветская агитация за удержание собора путем бесплатной раздачи портретов Николая Чудотворца, с указанием, сколько лет иконе и сколько времени она находится в соборе.

Для лучшей агитации среди населения в летние месяцы 1928 года по инициативе попа Смирнова и членов церковного совета соборная икона чудотворца Николая носилась по всем деревням бывшего Зарайского уезда с совершением богослужений, где поп Смирнов говорил: “Чудотворная икона Николая святая, ее нужно чтить, она творит чудеса”. Об этом же он неоднократно говорил в соборе во время проповеди. Такая агитация среди населения проводилась до 1929 года.

В феврале 1929 года вопрос о закрытии собора ВЦИКом был решен окончательно в пользу рабочих. Узнав об этом из газет, церковники повели открытую контрреволюционную агитацию среди населения, для чего созвали собрание членов общины (присутствовало до ста человек), на котором объявили верующим решение ВЦИКа, что собор подлежит закрытию, и обратились с воззванием ко всем присутствующим принять активное участие в недопущении закрытия собора путем агитации среди рабочих и крестьян, призывая их к защите собора и даче своих подписей, заявляя: “Чем больше будет подписей, тем больше будем иметь шансов на выигрыш, так как высшая власть с этим посчитается и оставит собор за нами”.

Эта агитация среди несознательной отсталой части рабочих и крестьян нашла свое отражение. В результате этой агитации община, насчитывающая в себе около ста пятидесяти членов, выросла в несколько раз».

В феврале 1930 года сотрудники ОГПУ арестовали протоиерея Иоанна Смирнова и вместе с ним членов церковной общины, всего одиннадцать человек. Все они были заключены в тюрьму в

городе Коломне. На допросе следователи стали спрашивать священника о его отношении к советской власти и к закрытию ею собора. Причем вопросы были поставлены так, что и положительными ответами и отрицательными следователи могли воспользоваться для обвинения священника, и потому отец Иоанн решил отвечать как можно более уклончиво.

«С июня 1904 года я проживаю в городе Зарайске непрерывно, — сказал священник, — и выполняю обязанности священнослужителя Спасо-Преображенской церкви. В 1917 году и по настоящее время к партийным течениям не примыкал и никакого участия в их работе не принимал. Происхожу из духовного звания, из имущества ничего никогда не имел, кроме домашней обстановки и одежды.

В религиозном отношении я примыкаю к староцерковникам (тихоновцам). К изъятию церковных ценностей в 1922 году отношусь безразлично — не был за то, чтобы церковные ценности были изъяты, и не был за то, чтобы их оставляли. К закрытию собора в Зарайске я также относился безразлично. К советским мероприятиям отношусь сочувственно, так как это вызывается ходом исторических моментов, и против таких мероприятий я не шел и считаю их вполне нужными и необходимыми. Против мероприятий советской власти я никогда не шел и контрреволюционных агитаций не проводил. Виновным себя я ни в чем не признаю».

30 апреля 1930 года тройка ОГПУ приговорила протоиерея Иоанна к трем годам ссылки в Северный край.

После ареста священника власти в Никольском соборе сначала разместили музейную экспозицию, но затем бесценная церковная утварь и древние рукописи были вывезены и в храме разместился архив НКВД. Иоанно-Предтеченская церковь была обращена в кинотеатр.

Жена священника, Зинаида Ивановна, с пятью детьми была выселена из церковного дома. Первое время они скитались по городу, находя лишь временное пристанище. Она просила милостыню, а дети, чтобы выжить, выполняли самые разные работы.

Однажды утром Зинаида Ивановна открыла дверь и увидела на пороге узелок с продуктами, к которому не было приложено никакой записки. То же самое повторилось и на второй день, и на третий, и в последующие дни, до тех пор, пока одной из дочерей не удалось получить постоянную работу, что несколько облегчило их положение. Им так и не удалось узнать, кто был их благодетелем, но Зинаида Ивановна всегда считала, что это помощь угодника Божия святителя Николая.

По возвращении из ссылки отец Иоанн был назначен настоятелем Спасо-Преображенского храма в Зарайске. В 1937 году усилились гонения на Русскую Православную Церковь. По требованию властей секретные осведомители стали собирать сведения о возвратившихся из ссылки священниках. Один из них писал об отце Иоанне, будто тот в разговоре с ним говорил: «Всему тому, что пишут в советской печати, верить нельзя. Советская власть только что и живет за счет обмана, иначе ее давно бы свергли. Кричат, что народу весело и хорошо живется, а в магазинах в городе сахара нет, тогда как в старое время им скот кормили. На что только смотрит народ, ведь это нужно иметь адское терпение, чтобы переносить такие муки и терзания, неужели они не образуются?»

«11 августа в Спасской церкви в Зарайске состоялась так называемая торжественная служба, на которую собралось шесть попов, — писал осведомитель. — До начала службы Смирнов, обращаясь к попам, сказал: “Советская власть опять возвращается к арестам 1930 года; в городе Москве арестовали архиерея Иоанна и много священников. Вот вам и конституция, вот вам и неприкосновенность личности... мы репрессий бояться не должны, а должны стоять твердо на своем посту”».

В середине августа 1937 года следователь допросил лжесвидетелей, которые подписали показания, им составленные. 20 августа сотрудники НКВД арестовали отца Иоанна, и он был заключен в одну из тюрем Коломенского района. Его обвинили в том, что он «высказывает гнусную контрреволюционного характера

клевету на советскую власть, призывает население при выборах в советы голосовать против коммунистов, высказывает пораженческие настроения против советской власти, террористические настроения против коммунистов». Во время допроса следователь сказал отцу Иоанну:

— Следствию известно, что вы среди населения города Зарайска вели контрреволюционную работу, доказывали, что в Советском Союзе жизнь тяжела...

— Верующие сами неоднократно обращались ко мне с жалобами на тяжелую жизнь. Я верующим разъяснял, что они терпят все муки и тяжести сами от себя и что Господь Бог послал им это для испытания, как православным, — ответил священник.

— Следствию известно, что вы 11 августа 1937 года в помещении Спасской церкви говорили присутствующим о репрессиях в городе Москве против духовенства в связи с предстоящими выборами в советы. Признаете это?

— Действительно, 11 августа в Спасской церкви я говорил присутствовавшему духовенству, что в городе Москве начались аресты духовенства, в частности арестован протоиерей Лебедев, и говорил, что опять начались аресты, как в 1930 году. Этим самым я хотел предупредить духовенство, чтобы они были осторожнее.

— Следствию известно, что вы среди населения города распространяли гнусную контрреволюционную клевету на советскую печать. Признаете вы это?

— Нет, это я отрицаю. Я говорил лишь о репрессиях против духовенства и тяжелой жизни населения.

— Вы намерены дать откровенные показания по существу предъявленного вам обвинения в контрреволюционной агитации и выказывании повстанческих и террористических настроений?

— Нет, виновным себя в этом я не признаю. Я лишь рассказывал в кругу зарайского духовенства об аресте ряда священников и утверждал, что советская власть и коммунисты опять начали гонения на Церковь, на нас, ее служителей.

На этом допросы были окончены, и священник был переве-

зен в Москву в одну из тюрем НКВД. 8 сентября тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу. Протоиерей Иоанн Смирнов был расстрелян на следующий день, 9 сентября 1937 года, и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 49342, л. П-61389.
Архив Московской Патриархии.

Августа 27 (9 сентября)

С В Я Ш Е Н Н О И С П О В Е Д Н И К

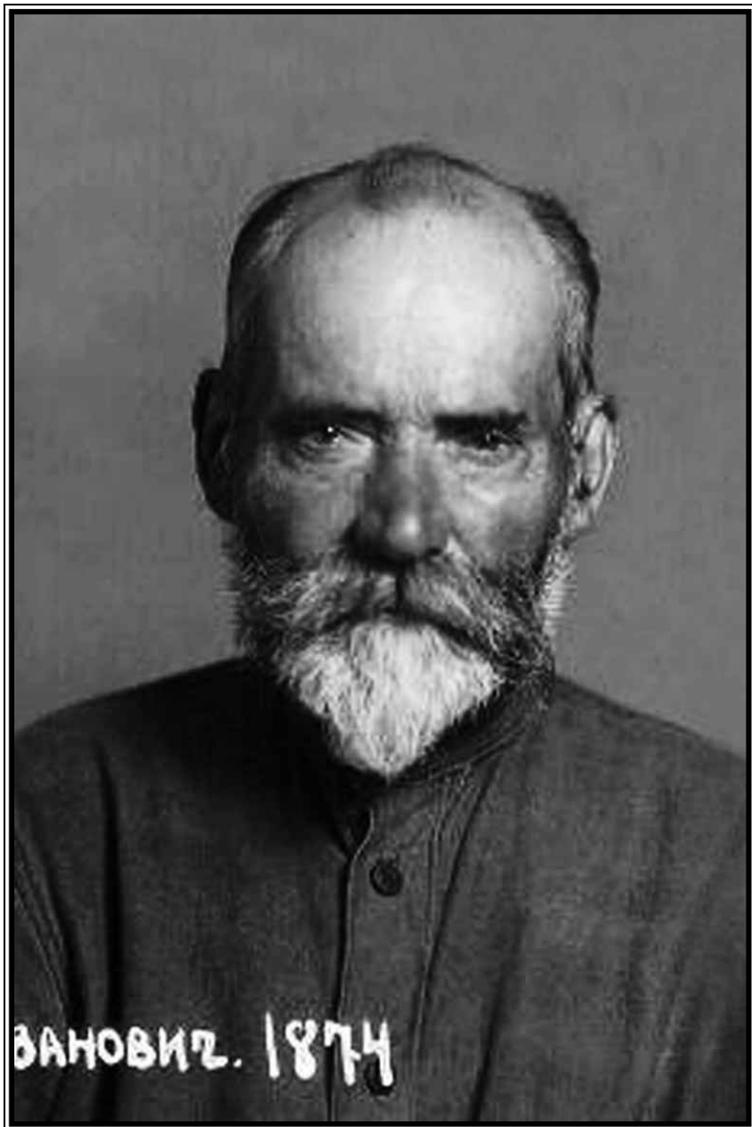
Димитрий (Крючков)

Священноисповедник Димитрий родился 10 сентября 1874 года в селе Ляховка Глуховского уезда Черниговской губернии в семье крестьян Ивана и Евдокии Крючковых.

В 1882 году вместе с другими малоземельными крестьянами семья Крючковых выехала в Омскую губернию и поселилась в деревне Рождественка неподалеку от города Татарска. Но восьмилетний Дмитрий не поехал с родителями: в день их отъезда он убежал и спрятался. Для того, чтобы прокормиться, он устроился работать к помещику Ратченко в село Зарудское ухаживать за пчелами и проработал там около пяти лет.

В тринадцать лет Дмитрий перешел работать к помещику Трофименко в город Глухов, где обучился садоводству. У этого помещика он пробыл около шести лет и девятнадцатилетним юношей в 1893 году из Глухова выехал в Москву, где предполагал учиться.

Так как средств к существованию у него не было, он был вынужден их зарабатывать и с этой целью устроился в церковный хор. К 1908 году он поступил псаломщиком в храм села Краскова под Москвой. В этом же году он женился на Анастасии Семеновне, родом из Смоленской губернии. Брак их оказался бездетным. Псаломщиком Дмитрий Иванович прослужил семь лет. В 1915 году его рукоположили во диакона к той же церкви.

Священник Дмитрий Крочков

Москва. Тюрьма НКВД. 1932

В 1917 году отца Димитрия перевели в Москву в церковь Воздвижения на Вражке (на Плющихе). Лето 1918 года стало памятным для него – тогда он обрел своего духовного отца. Случилось так, что в церковь Воздвижения приехал отпеть свою племянницу священник Владимир Богданов. Отец Димитрий сослужил с ним как диакон. По ходу богослужения отец Владимир сделал ему несколько замечаний. Это первое краткое молитвенное общение с отцом Владимиром произвело на отца Димитрия очень глубокое впечатление. По окончании отпевания отец Димитрий попросил разрешения бывать на квартире у отца Владимира, чтобы поучиться проведению богослужения и не делать впредь ошибок. Отец Владимир дал согласие, и очень скоро отец Димитрий стал его регулярным посетителем, а впоследствии и духовным сыном.

В 1920 году отец Димитрий был рукоположен во иерея к тому же храму, в котором служил диаконом. В 1922 году, по ходатайству клира церкви во имя преподобного Саввы Освященного (в Саввинском переулке), отец Димитрий был переведен туда. Это был год, в который проводилось изъятие церковных ценностей. Массовые аресты коснулись и клира церкви преподобного Саввы: было арестовано все ее духовенство, в том числе и отец Димитрий. Священнослужителей обвинили в антисоветских действиях, выразившихся в чтении с амвона воззвания Святейшего Патриарха Тихона. Отец Димитрий был приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Имея навык работы с восьмилетнего возраста, в заключении он занимался сапожным ремеслом и пчеловодством. Из тюрьмы он был освобожден досрочно – в 1924 году.

В 1925 году, совершая панихиду по протоиерею Алексею Мечеву, он познакомился с его сыном – священником Сергием Мечевым, впоследствии засвидетельствовавшим верность Христу мученическим подвигом.

В 1927 году из-за неурядиц со старостой храма отец Димитрий был уволен за штат. Отец Димитрий тяжело заболел, и болел в течение года.

В 1928–1929 годах отец Димитрий был приглашен неофициально «временно послужить» внештатным священником в церковь во имя святых мучеников и бессребреников Кира и Иоанна, что на Солянке (Сербское подворье).

В ноябре 1931 года скончался протоиерей Владимир Богданов. Отец Димитрий отпевал его и ездил на кладбище служить панихиды. В такое тяжелое время, накануне новых испытаний, он потерял духовного отца.

5 мая 1932 года отец Димитрий был арестован вторично. Отец Димитрий вместе с другими арестованными священниками содержался в Бутырской тюрьме. Он оказался привлеченным к следствию по делу епископа Дмитровского Серафима (Звездинского). Виновным себя он не признал. «Политических взглядов, – сказал он, отвечая на вопросы следователя, – не имею. Почти ни с кем не знаком, интересуюсь только внутренней жизнью».

Согласно приговору Особого Совещания при Коллегии ОГПУ СССР от 7 июля 1932 года отец Димитрий был на три года выслан этапом в Западную Сибирь, в село Тимск Нарымского края. После отбытия срока, в 1935 году, он поселился в городе Гжатске и устроился работать лесорубом.

С начала нового периода репрессий в конце 1937 года шестидесятитрехлетним старцем отец Димитрий переехал ближе к Москве – в поселок Томилино Московской области. Здесь он сам построил на заработанные деньги дом в семь квадратных метров, который знакомые называли сарайчиком, и устроился работать садовником при детском саде. В Москве жили его духовные дети и друзья; с риском быть арестованным принимал теперь отец Димитрий на свои плечи их духовное окормление. Он регулярно бывал в Москве и поселках Подмосковья, на квартирах и дачах служил литургию, исповедовал и причащал, крестил, отпевал. Репрессии этого периода чудом не коснулись его. Господь хранил его.

В 1941 году при наступлении немцев на Москву детский сад, в котором работал отец Димитрий, эвакуировался из Томилина, но

директор сада не предложила отцу Димитрию поехать с ними, хотя он желал этого.

Во время войны на месте прежнего хозяйства разместились военные госпитали, при которых отец Димитрий был оставлен садовником. Он выращивал рассаду капусты, помидоры, свеклу, морковь и цветы. Когда госпиталь выехал из Томилина, он был оставлен садовником при детских яслях завода Семашко.

Новая волна арестов началась в 1946 году. Отец Димитрий никогда бы не был найден, если бы не был предан теми, ради которых рисковал жизнью в 1937–1939 годах.

Он был в третий раз арестован 17 мая 1946 года в возрасте семидесяти двух лет и заключен во Внутреннюю тюрьму МГБ СССР. Здесь ему пришлось убедиться в том, что почти все знакомые ему арестованные отцы, братья и чада его предали. Например, одна из духовных дочерей отца Димитрия сообщила следствию: «...священник Димитрий, начиная с 1936 по 1941 год включительно, систематически проводил нелегальные богослужения».

Другая рассказывала: «...в 1945-1946 годах я с Крючковым встречалась у нашей знакомой, где также исповедовалась и причащалась. Последний раз это имело место в марте...»

Во всех случаях, при самых убедительных показаниях, когда следствие уже считало его «изобличенным», отец Димитрий неизменно говорил, что он обвинения не подтверждает: «Я все это отрицаю». На вопросы о целях приезда к нему посетителей отвечал: за семенами для огорода, за цветами... О целях своих приездов в Москву говорил: «По хозяйственным делам... в связи с необходимостью отремонтировать имевшийся у меня примус, других разговоров не было... я заходил на квартиру, чтобы она оказала мне помощь получить куст смородины у ее знакомого...»

Следствию не удалось запутать его сетью повторяющихся вопросов. За время заключения ему пришлось пережить двадцать допросов, длившихся от двух до восьми часов. «Я никогда не при-

знаюсь в каких-либо политических преступлениях», — сказал он на одном из последних допросов.

К моменту подписания обвинительного заключения он был переведен в Лефортовскую тюрьму. 30 сентября 1946 года отец Дмитрий был приговорен к пяти годам ссылки.

Священник Дмитрий Крючков скончался в ссылке 9 сентября 1952 года и был погребен в ныне безвестной могиле в окрестностях города Абакана.

ИСТОЧНИКИ:

За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956:
Биографический справочник. ПСТБИ. М., 1997. С. 654–655.
ЦА ФСБ РФ. Д. № Р-39811, л. № Н-18691.

Августа 30 (12 сентября)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Игнатий (Лебедев)

*П*реподобномученик Игнатий (в миру Александр Александрович Лебедев) родился 28 мая 1884 года в городе Чухломе Костромской губернии в благочестивой семье Александра Константиновича и Марии Философовны Лебедевых. Мать его была дочерью секретаря земского суда, отец — секретарем съезда мировых судей города Чухломы. За ревностное и безупречное исполнение своих обязанностей Александр Константинович был произведен в надворные советники и награжден тремя орденами.

Александр Александрович окончил Солигаличское Духовное училище, Костромскую Духовную семинарию и в 1903 году поступил в Казанский ветеринарный институт. Наряду с занятиями в институте Александр стал регулярно посещать богослужения в Спасском монастыре в Казани, настоятель которого, архимандрит Варсонофий, стал первым духовным наставником благочестивого юноши. Живя в Казани, Александр познакомился со схиархимандритом Гавриилом (Зыряновым), которому он поведал о своем желании стать иноком. 25 апреля 1905 года отец Гавриил благословил его на иночество, сказав, что «его желание монашества есть звание Божие».

Схиархидиакон Уриантій (Лебедев)

Углубляясь в чтение духовной литературы, Александр делал выписки из наиболее для него близкого и поучительного. По упадку благочестия, по обращению интересов образованного общества к материальному это время духовно чуткими людьми стало ощущаться как последнее, и потому юношу особенно интересовало то, что святые отцы говорили об этом, как советовали спастись в этих условиях.

Александр, читая Патерик, отмечал для себя: «Преподобный Пахомий, узнав, какое в последние дни будет среди иноков небрежение, леность, и помрачение, и падения и что наружность только в них будет иночества, рыдал о том горько. Явился ему Господь Иисус Христос и сказал: “Дерзай, Пахомий, и крепись, ибо семя твое духовное не оскудеет до скончания века, и многие из тех, кто придет после тебя, из глубины мрачного рва Моею помощью спасутся и явятся выше нынешних добродетельных иноков.

Ибо нынешние наставляются примером твоего жития и просвещаются добродетелями, а те, кто будут после тебя, которых видел ты во мрачном рве, не имеющие наставников, способных вывести их из мрака, собственным своим произволением отскочив от тьмы, усердно пойдут светлым путем Моих заповедей и угодными Мне явятся. Иные же напастьями и бедами спасутся и сравняются великим святым. Истинно говорю тебе: они получают то же спасение, что и нынешние иноки, проводящие совершенное и непорочное житие”».

Летом 1905 года Александр попросил родителей благословить его на иноческий путь, на что и получил благословение. После этого он посетил Свято-Смоленскую Зосимову пустынь, расположенную неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры, и попросил настоятеля обители игумена Германа (Гомзина) принять его в число братии, но отец Герман благословил юношу сначала окончить институт, а затем приезжать в обитель. За послушание Александр вернулся в Казань для продолжения образования. Имея

твердое намерение оставить мир, он и в Казани жизнь свою строил так, чтобы она стала приготовлением к иночеству, всем прочим интересам предпочитая интересы духовные.

Об этом периоде своей жизни он писал впоследствии игуменнии Казанского монастыря Варваре: «Как Вам известно, начатки монашества и даже самое понятие о духовной жизни я получил в Казани, во дни моего студенчества. Батюшка отец Гавриил, матушка Аполлинария, батюшка Варсонофий — вот мои земные руководители и наставники, а невидимые и небесные наставники были и есть: Царица Небесная, ко святой иконе Которой — Казанской — я всегда имею особую любовь и во дни казанского жития всегда притекал к ней; затем — святитель Варсонофий, святая обитель которого была как бы домом для души и тела моего.

В храме у святых мошей его я пережил лучшие часы и минуты моей жизни, которые не знаю, когда повторятся; службы в сей обители, за которыми я постоянно бывал, — это было воспитание моей души, моя трапеза; при одном воспоминании о них я и сейчас еще чувствую как бы некоторую духовную сытость, так они напитали меня! Еще притекал я за помощью и к святителю Гурию. Вот с кем, главным образом, и каким духовным родством связана душа моя в богоспасаемом граде Казани».

Сдав последние экзамены в институте, не дожидаясь получения диплома и не заезжая к родителям, Александр отправился в Зосимову пустынь, войдя в нее 4 мая 1908 года. «В сей день, — записал он впоследствии, — в 1908 год многогрешный Александр во исполнение своего давнего и нетерпеливого желания пришел в Смоленскую Зосимову пустынь и принят отцом игуменом Германом». Отец Герман, принимая его в обитель, сказал: «Вы исполнили послушание — окончили институт, и мы исполним наше слово — примем вас в число братии».

Зосимова пустынь славилась своим уставным богослужением. Игумен Герман считал, что только тогда монахи будут иметь успех в делании духовном, когда будет налажено истовое право-

славное богослужение. Служба в обители была центром жизни всех ее насельников. Она совершалась без сокращений, неспешно, с хорошим пением.

«Зосимовский инок тих и незлобив, – писал автор брошюры о пустыни, – с любовью и приветливостью встречает он каждого проходящего, не различает он бедного и богатого. Не разговорчив, не многоречив пустынный инок, но он уже одним видом своим много скажет тебе без слов. Тиха и проста по виду благословенная обитель. Дух этой великой простоты особенно запечатлен в богослужении, составляющем средоточие зосимовской жизни. Тихо и мерно идет служба. Медленно и плавно чтение и пение. Все проникнуто духом глубокого смирения и покаянного умиления. Все так благочинно и, вместе, так просто. Зосимовское богослужение сильно и неотразимо действует на душу: в нем звучит искренний голос любви к Господу и ко всем людям, как братьям о Господе».

Сразу же по поступлении в обитель Александр был определен на свое первое послушание – пасти скот. Старцем он избрал себе игумена Германа. В августе 1908 года Александр был одет в подрясник. Ему был поручен уход за скотом и лечение всех монастырских животных. Постепенно он проходил все монастырские послушания: пел на клиросе, работал в аптеке, продавал книги и иконы в монастырской лавке, выполнял полевые работы, трудился в просфорне. Конный двор также был в ведении Александра, и игумен Герман сказал однажды одному из своих духовных детей-архипастырей о смиренном послушнике: «Какое у меня золото на конюшне сокрыто!»

17 марта 1910 года Александр был пострижен игуменом Германом в рясофор. По благословению старца он значительную часть своего времени посвящал чтению духовных книг, изучая труды преподобных Симеона Нового Богослова и Исаака Сирина в переводе преподобного Паисия Величковского, о котором Александр впоследствии говорил, что он наиболее точен в сохранении духа преподобных отцов. Особой любовью пользовались у

Александра труды святителя Игнатия (Брянчанинова). В писани-ях святителя он находил ответы на волнующие его вопросы подвижничества своего времени, в нем он видел подвижника близкого своим взглядам и переживаниям.

В начале 1915 года отец Герман представил митрополиту бумаги на пострижение в мантию Александра и других из братии. В письме схиархимандриту Гавриилу Александр писал: «Приближается день вступления в тот подвиг, на который Вы меня благословили еще десять лет тому назад. Поэтому у Вас прошу Вашего отеческого благословения и святых молитв, да укрепит Господь меня, многонемошного и многострастного, начать новую жизнь в обновленном духе с неугасающей ревностью о Господе».

В Великую среду Александр был пострижен в мантию с именем Агафон, в честь преподобного Агафона подвижника Египетского, память которого празднуется святою Церковью 2 (15) марта. В этот день он записал: «18 марта 1915 года. День пострига. Родители! И есть сын у вас — и нет его, и умер он — и жив он! (Господи! Всегда бы таким себя чувствовать!) Охватит сердце твое злора — хватайся руками за сердце... а там на Кресте Сама Любовь — Христос распятый. Все хороши, все добры зело».

Перед исповедью отец Герман сказал постригаемому: «Если хочешь, чтобы я тебя принял от Евангелия, так вот тебе мои заповеди; если согласишься их выполнить, то я приму тебя». — «Я, конечно, согласился, — вспоминал Александр. — Заповеди: 1) не ездить на станцию, 2) не выходить без дела за ворота, 3) не читать газеты, 4) не празднословить».

Вскоре после пострига отец Агафон тяжело заболел гриппом, который осложнился энцефалитом. Последствия этой болезни в виде паркинсонизма остались у него на всю жизнь. В это время кроме обычных своих послушаний он исполнял обязанности письмоводителя при игумене.

2(15) декабря 1918 года епископ Феодор (Поздеевский) в Троицком соборе Данилова монастыря рукоположил монаха Агафона в сан иеродиакона, а 9 октября 1920 года в храме Троицкого

Патриаршего подворья Патриарх Тихон рукоположил его в сан иеромонаха.

На каких бы послушаниях отцу Агафону ни приходилось трудиться, он никогда не прерывал внутренней духовной работы. Внимательный ученик строгого старца, он воспитывал себя в нищете духовной, находя удовлетворение душе своей в строгом иноческом делании. После рукоположения в сан иеромонаха он первое время старался сторониться людей, посетителей монастыря, ограничиваясь лишь краткими ответами на задаваемые вопросы.

30 января 1923 года скончался игумен Герман, и вскоре Зосимова пустынь была закрыта. Отец Агафон по благословию иеросхимонаха Алексия (Соловьева) переехал в Москву. Его приютили духовные дети отца Алексия, жившие на Троицкой улице, неподалеку от Патриаршего подворья. Хотя семья, в которой он поселился, была многодетной, ему дали отдельную комнату, которая стала на несколько лет его кельей.

«Келья была маленькая, в одно окошечко, выходящее в сад бывшего Патриаршего подворья. Туда не проникала уличная суета. В переднем углу справа от окна стоял киот с иконами. Вдоль стены была убогая постелька, покрытая куском полосатого ситца. Кроме киота, были две большие иконы: Господа Вседержителя с Евангелием и Божией Матери Черниговской. Над постелькой висели портреты старцев. Из других святынь у батюшки были очень почитаемые им мощи святых мучеников, лежавшие в верхнем отделении киота, часть пояса Пресвятой Богородицы, мощи преподобного Сергия Радонежского в небольшом серебряном медальоне и большой медный крест — благословение из Казани», — вспоминала духовная дочь отца Агафона.

В октябре 1923 года епископ Варфоломей (Ремов) пригласил отца Агафона и некоторых других из братии Зосимовой пустыни в создаваемое им братство в Высокопетровском монастыре. 18 мая 1924 года епископ Варфоломей возвел отца Агафона в сан ар-

химандрита и назначил наместником монастыря. Главным делом отца Агафона в монастыре стала исповедь монашествующих и приходящих в монастырь богомольцев. Владыка Варфоломей предоставил ему просторный левый клирос храма во имя преподобного Сергия Радонежского. Вначале отца Агафона ожидало два-три человека, но со временем людей становилось все больше и больше; он был очень внимательным духовником, и скоро вокруг него собралась самая большая паства в Петровском монастыре. Его духовническая деятельность не у всех, однако, находила сочувствие. Были прихожане, которые говорили, что он рано начал старчествовать, были скорби и от братии.

В середине 1924 года Петровский монастырь был закрыт и монашествующие нашли прибежище в одной из московских церквей на Антиохийском подворье.

Вскоре епископу Варфоломею удалось отхлопотать стоявший в то время закрытым большой холодный Боголюбский собор, находящийся неподалеку от входа в монастырь. Здесь братия подвизалась в течение нескольких лет. В это время архимандрит Агафон совершал литургию лишь в воскресные дни, в остальные дни он исповедовал на отведенном ему владыкой левом клиросе. По воспоминаниям очевидцев, отец Агафон исповедовал, сидя в маленьком креслице. Он внимательно слушал говорящего, иногда ненадолго закрывал глаза, сам говорил очень мало, лишь иногда задавая какой-нибудь необходимый вопрос; иногда только разрешит грехи, ничего не говоря, иногда скажет слово, которое точно насквозь пронзит душу. Молодых девушек, которые приходили к нему, отец Агафон старался подготовить к монашеству. Некоторые из них, наиболее решительные, сразу разрывали связи с миром и принимали монашество, другие продолжали жить в семье, учиться и работать, не оставляя намерения принять в будущем монашеский постриг.

Духовная дочь отца Агафона вспоминала впоследствии: «Руководство к монашеству не было поспешным, не было делом од-

ного дня, оно не было и внешним; напротив, оно было как сама жизнь: постепенным, простым, повседневным, действующим во всяком случае и событии...

Основой духовного руководства, особенно для идущих по монашескому пути, было искреннее, всестороннее, без утайки откровение всех своих поступков, мыслей и даже начатков этих мыслей. Только после этого откровения батюшка принимал душу и вел ее.

Батюшка считал важным, чтоб мы следили за своими чувствами, мыслями, поступками, за своей душой, чтобы, начиная с того момента, как мы встали, мы отдавали себе отчет в том, что было не как должно.

Приходящий к старцу должен был говорить все, что он переживает, называть вещи своими именами, пусть эти помыслы были некрасивые и пусть было очень трудно их исповедовать. Но чем бывало труднее исповедовать, тем батюшка серьезней становился. Некоторым он говорил: “Я могу хоть день сидеть, слушать, как ты доберешься до главного. Вот ты показала наружность-то, а серединку-то не показала. Орешек надо расколоть, показать, что в орешке, а не только снаружи – скорлупку показать”.

Если не было возможности рассказать отцу весь свой день, мы должны были записать все свои поступки и движения сердца. Иногда это не была настоящая вражда или настоящий грех, а было только мысленное приражение: “Такой-то смутил, на того-то подумала, тем-то огорчилась, на того-то посмотрела не так”. Как встал, как помолился, как пошел, где рассердился, где покричал – все нужно было писать.

Одни писали кратко, другие подробно, кто как умел. Батюшка не требовал, чтобы помыслы были мудреными, напротив, он предостерегал от этого. Больше всего он любил, чтобы после каждого поступка или худой мысли было написано “простите”. “Почаще это слово пиши – это самое полезное”, – учил отец.

В 1926 году батюшка счел, что пришло время положить начало и монашеству. Постепенно, по благословению владыки, он

начал совершать тайные постриги в рясофор. Большого батюшка не благословлял. Мы были молодые, но он говорил так: “В ряске проскочишь, — то есть справишься с искушениями в миру: ты же в миру живешь, — а в мантии — запутаешься”.

Батюшка постригал очень избирательно. Постепенно подготавливал человека, тщательно выбирал имя и всегда говорил: “Так как вы без стен монастырских и без одежды монастырской, надо менять вам имя в рясофоре, чтобы у вас был новый представитель, чтобы вы чувствовали страх перед своим новым святым и радость, что у вас есть новый заступник”. Батюшка хотел, чтобы новая жизнь была более реальна и ощутима в условиях монашества без стен и одежды...

“Батюшка, — бывало, спрашивал его кто-нибудь, — и Вы не устаете с народом?” — “Нет, — односложно ответит он, — никогда не устаю». — “Батюшка, а Вы не боитесь, — к Вам ведь приходят люди всяких профессий: и ученые, и инженеры, и артисты — как Вы им ответите на все их вопросы?” Здесь уж батюшка молчал или только улыбался.

Он говорил мне позднее, что перед тем, как принимать народ, он всегда читал молитву о том, чтобы ему говорить людям не свои слова, а то, что угодно Богу и что им может пойти во спасение. “Прочту молитву, — говорил батюшка, — и бываю всегда покоен”.

Служение батюшки душам человеческим было глубоко самоотверженным. Когда человеку трудно давалось откровение, батюшка готов был положить последние свои силы. “Я готов всю ночь сидеть, — говорил он, — лишь бы ты все мне до конца открыл”.

Батюшка требовал очень усердного исполнения послушания в церкви, у кого оно было, требовал не только честного, но даже ревностного отношения к светским служебным обязанностям, вменяя их во святое послушание. И жизнь наполнялась до краев. Протекая в тех же внешних формах, она получала вдруг иное содержание, все делалось теперь уже во имя Бога и ради Бога — так учил батюшка. Не было великих и малых дел, так как во всем ба-

тышка учил хранить свою совесть. Он не мог спокойно относиться к тому, когда люди делали что-то спустя рукава, и любил во всем порядок...

Все годы службы в Боголюбском храме батюшка еще ходил пешком к себе на Троицкую, правда, уже с провожатым — батюшка как бы падал вперед, его надо было поддерживать — иногда же вынужден был брать извозчика.

Большая загруженность делами наместника монастыря, а еще более — обременение народом, которого становилось все больше и больше, понуждали батюшку в летнее время искать хотя бы малого отдохновения в тишине под Москвой. Ему было необходимо почитать духовные книги, побыть наедине с Господом.

Летом 1927 года появилась такая возможность. В Загорянском (под Москвой, по Северной железной дороге) в небольшом домике над рекой поочередно жили владыка и батюшка...

В Загорянском батюшке пришла мысль устроить скит в Москве, там, где жили старшие сестры, чтобы тем самым положить начало своему городскому монастырю. Насельницами скита становились мать Евпраксия и мать Ксения, во главе со старшей монахиней Евфросинией. Икона Божией Матери “Знамение” освящала тогда комнаты загорянской дачи. Батюшка и благословил учреждаемый скит этой святой иконой, назвав его “Знаменским”.

По мысли батюшки, в скиту должны были находить приют, духовный и телесный отдых все сестры, которые вступали на путь иноческой жизни. Таких, вместе с живущими в скиту постоянно, было уже семь человек...

Батюшка очень любил скит, хотя по болезни ему было трудно часто туда подниматься. Это был чердак... высокого семиэтажного дома, стоящего к тому же на высокой горке. Скит находился в Печатниковом переулке на Сретенке, недалеко от Петровского монастыря. Когда батюшка объяснял путь в скит, он говорил: “Сначала будет широкая лестница — это мир, а потом узенькая дорожка на чердак — это монашеский путь: там и дверь скита”».

Летом 1929 года храм во имя Боголюбской иконы Божией Матери был закрыт и братия Петровского монастыря перебралась в храм преподобного Сергия Радонежского на Большой Дмитровке.

В это время болезнь отца Агафона усилилась и ему стало трудно возвращаться к себе на Троицкую между утренней и вечерней службой. Бедная вдова, которую звали Александра, — она работала дворником и жила неподалеку от храма, — предложила ему свою комнату для отдыха. Александра устроила маленькую нишу, в которой отец Агафон мог полежать и отдохнуть между службами. Когда приходили духовные дети отца Агафона, то она им служила за столом. Впоследствии отец Агафон постриг ее в рясофор и назвал в честь преподобного Иоанна Многострадального. Она скончалась в больнице не старой еще женщиной до ареста отца Агафона.

Рождественским постом 1929 года здоровье отца Агафона резко ухудшилось, и он подал прошение архиепископу Филиппу (Гумилевскому), викарию Московской епархии, о пострижении в схиму. 30 января в день памяти игумена Германа (Гомзина) во Владимирском приделе храма преподобного Сергия Радонежского архимандрит Агафон был пострижен в великую схиму с именем Игнатий в честь священномученика Игнатия Богоносца и в память святителя Игнатия (Брянчанинова), труды которого он издавна и глубоко полюбил.

В середине декабря 1931 года отец Игнатий был арестован. В тюрьме его продержали десять дней. Хозяева квартиры, где он жил, стали настаивать, чтобы он прекратил прием духовных детей дома, и он был вынужден переехать жить в другое место, в Никоновский переулок. Монахиня Афанасия (Давыдова) и Вера Вишвякова обменяли свои квартиры на одну, и получилось три комнаты, в одной из которых поселился отец Игнатий.

В октябре 1933 года был закрыт храм преподобного Сергия на Большой Дмитровке и монахи перешли служить в храм Рождества Богородицы в Путинках. В 1934 году, перед праздником По-

кровя Божией Матери, священноначалие под давлением НКВД запретило схиархимандриту Игнатию прием народа в церкви, и он был отправлен на покой. Отец Игнатий сказал тогда, что поскольку для него все дети духовные равны, то он больше никого принимать на исповедь не будет. Смирясь перед постановлением церковной власти, отец Игнатий, тем не менее, болезненно переносил невозможность принимать духовных детей; некоторое время он тяжело хворал, сильно страдая от головной боли. В это время батюшка углубился в чтение святоотеческих книг, находя в них ответ и поддержку.

10 апреля 1935 года схиархимандрит Игнатий был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Тогда же были арестованы иеромонах Косма (Магда), монахини Афанасия (Давыдова) и Агафона (Комарова), Анастасия Печникова и Агриппина Дворецкая, духовная дочь протоиерея Романа (Медведя).

Обосновывая необходимость ареста старца, сотрудники НКВД написали: «Архимандрит Агафон, разыгрывая из себя юродивого (искусственно трясет руками), среди верующих пользовался авторитетом прозорливца и блаженного, имеет большое количество последователей (духовных детей), которые находятся под его полным влиянием, систематически посещают его квартиру, где он обрабатывает их в религиозном и контрреволюционном духе. При этом архимандрит Агафон внушает своим почитателям о необходимости систематического посещения церкви, и в случае невозможности ходить в церковь из-за работы в советских учреждениях он советует уволиться с работы.

Последовательница архимандрита Агафона тайная монахиня Агапия (Агриппина Емельяновна Дворецкая) по его указанию у себя на квартире производит прием верующих, которым она предсказывает будущее и дает советы, проводя при этом антисоветскую агитацию.

Часть последователей архимандрита Агафона по возвращении из ссылки, не получив московского паспорта, по его указанию поселились под Москвой, где под его руководством прово-

дят антисоветскую агитацию. Так, проживающая в городе Можайске монахиня Анастасия Печникова проводит среди населения систематическую антисоветскую агитацию, распространяет ложные слухи о войне и скором падении советской власти».

Во время ареста схиархимандрита Игнатия у него находилась монахиня Агафона (Комарова) и была задержана вместе с ним. 17 апреля сотрудники НКВД выписали ордер на ее арест, в котором писали: «В ночь с 10 на 11 апреля 1935 года, в момент операции по ликвидации контрреволюционной группировки монахов и церковников, в квартире руководителя группировки архимандрита Агафона Лебедева была обнаружена и задержана ночующая там без прописки тайная монахиня Евгения Викторовна Комарова, которая при допросах заявила, что она является духовной дочерью архимандрита Агафона, помогает материально и прислуживает ему, бывая у него в квартире почти ежедневно и часто ночуя там без прописки». Этого было достаточно, чтобы выдвинуть против нее обвинение в контрреволюционной деятельности.

На следующий день после ареста отец Игнатий был допрошен. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Служа в церкви в Петровском монастыре, затем преподобного Сергия и Рождества в Путинках, я имел около двухсот человек духовных детей, почитателей, которые поддерживают со мной тесную связь, систематически приходя ко мне на исповедь за советами и благословением. Когда я бывал в церкви Рождества в Путинках, туда являлось значительное число верующих, желающих поговорить со мной и получить от меня совет и благословение».

В следующий раз отец Игнатий был допрошен незадолго перед окончанием следствия.

— В предъявленном мне обвинении по статье 58, пункт 10 уголовного кодекса виновным себя не признаю. Действительно, меня на квартире ежедневно навещали мои знакомые, которые делились со мной своими переживаниями, просили у меня советов. Беседы между мной и моими знакомыми обычно были на религиозные темы. Посетители приносили мне продукты и деньги, так

как я не имел средств к существованию по увольнении меня за штат в октябре 1934 года, — сказал отец Игнатий.

— Следствие располагает данными, что вы распространяли среди своих почитателей ложные слухи о якобы проводимых советской властью гонениях на религию и верующих; объясните, что именно вы говорили по этому вопросу? — спросил следователь.

— Церкви являются имуществом государства, поэтому советская власть может распоряжаться ими как угодно. При закрытии церковью верующие бывают недовольные этими мероприятиями советской власти, но должны подчиняться, хотя бы и были недовольны. Я верующих, высказывающих недовольство закрытием храмов, призывал к терпению и указывал, что молиться можно еще в других незакрытых храмах.

4 июня 1935 года в больнице Бутырского изолятора врачи освидетельствовали схиархимандрита Игнатия и пришли к заключению, что он «страдает органическим поражением центральной нервной системы в форме энцефалита, выражающемся в скованности, резкой заторможенности движений, маскообразности и затруднении речи... По своему физическому состоянию к труду не годен».

8 июня 1935 года Особое Совещание при НКВД приговорило схиархимандрита Игнатия к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. 16 октября он был отправлен в Саровский лагерь. Из лагеря он писал духовным детям: «Наконец, после долгого странствования, я на месте, которое указал нам Господь: я в Сарове, в стенах бывшей обители! Слава Богу за все случившееся — это одно можем сказать! С Ним везде хорошо, и на Фаворе, и на Голгофе! После прочитанного мне в день рождения приговора... и после 2-х попыток (1-я — в середине, в день, когда я был выведен на свидание и на которое никто из вас не пришел к 2-м часам, а лишь с вещами поздно вечером; 2-я — 10/VII ст. ст.), и после ночного приноса сухарей в день отдания праздника Воздвижения Креста я наконец, в день памяти блаженного Анд-

рея, без четверти семь вечера был вывезен из места своего пребывания* тремя военными и через двое суток довольно утомительного путешествия водворен на месте. И паки – слава Богу!»

Весной 1936 года схиархимандрит Игнатий был переведен в лагерь на станцию Сухобезводная под Нижним Новгородом, но вскоре отправлен в лагерь для инвалидов, находившийся неподалеку от города Алатыря.

17 июля, накануне дня памяти преподобного Сергия, отец Игнатий получил свидание с монахиней Евпраксией. Он очень ослабел, «сильно изменился и похудел, но все же двигался, старался рассказать о себе, очень много тихо плакал. Все узнавал батюшка, как живет возвращенный им виноград. Узнав, что все дружны, живут как жили, батюшка со слезами завещал: “Господа надо любить всем сердцем, Господь должен быть на первом месте, от веры не отрекаться”; “Господь всех краше, всех слаще, всех дороже, спасение в ваших руках – пользуйтесь, пока возможно”; “Он единая сладость, Он единая радость”».

18 апреля 1937 года отец Игнатий писал: «...Справляетесь ли вы в кресте** и где надо, – это полезно делать чаще: “царство Божие силою берется”...»

В это время состояние здоровья отца Игнатия резко ухудшилось и появились первые признаки пеллагры. Питание в лагере было плохим, а посылки, которые посылались духовными детьми, частью раскрадывались, частью раздавались, батюшке доставалось немного.

30 мая 1938 года отец Игнатий писал духовной дочери, монахине Евпраксии: «Сейчас 1-я и необходимая нужда – это видеть тебя; ведь 9 месяцев не видались, и это при моих неисчислимых немощах! Запроси-ка ты поскорее начальника колонии заказным письмом о разрешении свидания, на ответ приложи марки. Вре-

---

* Из Бутырской тюрьмы.

** Имеется в виду Красный Крест, где духовные дети старца пытались добиться его освобождения как инвалида.

менами теряется голос от сердечной слабости, adonilen подбадривает, а то и руки плохо владеют. Вот и хочется чего-нибудь (вроде облегчения участи) достигнуть, пока не развалился — помолитесь. Попросите за меня. Простите».

Расстройство здоровья от пеллагры все усиливалось, и в последующих письмах отец Игнатий писал: «...Уже около 10 дней сижу с завязанными руками — получил ожог (с нарывами) от солнца 13/VI в 11 часов дня — во время пути остановился 2 раза минуты на 2, на 3 — лечу примочками перекиси марганца — воспаление еще есть... Простите».

«Радуюсь, что ты поправилась своим здоровьем, что же — в твои года и неудивительно, вот в мои года здоровье восстанавливается уже труднее: так, солнечный ожог 2 рук с 13/VI не может зажить до сих пор. За последнее время (в последнюю жару) стало делаться кружение головы при более или менее продолжительном стоянии — стремление падать назад, а вот при ходьбе — через 30 шагов падаю вперед...

Все это расстройства питания — наконец-то на 4-м году жизни в заключении — объявляя меня, и как удастся справиться с ними — не знаю. Руки горят, во рту тоже горит с кружением головы...»

«Что-то от тебя долго не было письмеца, жива ли ты и здорова? Я нахожусь на старом месте, я никуда с него не трогался. Здоровье мое как прежде, еще прибавилось две болезни: сердце и кишки не в порядке. Помяните моя болезни. Жду твоего приезда, если возможно. Простите».

5 сентября 1938 года отец Игнатий продиктовал последнее свое письмо из лагеря, так как сил писать самому уже не было: «Я жив, но здоровье мое слабовато, страдаю кишками, упадком общего питания. Чем дело кончится — не знаю. Но пути человеческая Исправляй — вся весть. Помяните в скорбях, нуждах, в болезнях и помолитесь. Простите».

Схиархимандрит Игнатий умер в тюремном лазарете на рассвете воскресного дня, 11 сентября 1938 года, в три с половиной часа утра, в день Усекновения главы святого Иоанна Предтечи. Спустя несколько дней монахиня Евпраксия приехала в Алатырь, и ей показали небольшой могильный холмик на лагерном кладбище, под которым был погребен схиархимандрит Игнатий.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-77067.

По воспоминаниям мон. Игнатия П. Монашество последних времен.

Жизнеописание схиархимандрита Игнатия (Лебедева). М., 1998.

Монахиня Игнатия. Старчество в годы гонений. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) и его духовная семья. М., 2001.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 года прославлены
в лике новомучеников и исповедников Российских XX века:

- Священномученик Николай (Виноградов)
- Священномученик Сергей (Кротков)
- Священномученик Василий (Смирнов)
- Священномученик Василий (Крылов)
- Священномученик Александр (Крутицкий)
- Преподобноисповедник Георгий (Лавров)
- Священномученик Павел (Успенский)
- Преподобномученик Феодор (Богоявленский)
- Священномученик Петр (Голубев)
- Священномученик Алексей (Воробьев)
- Священномученик Димитрий (Миловидов)
- Священномученик Елисей (Штольдер)
- Священномученик Серафим (Звездинский)
- Священномученик Иоанн (Восторгов)
- Мученик Николай (Варжанский)
- Священноисповедник Роман (Медведь)
- Преподобномученик Мефодий (Иванов)
- Священномученик Иоанн (Смирнов)

В Собор новомучеников и исповедников Российских XX века
в послесоборное время были включены

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 27 декабря 2000 года:*

Священноисповедник Димитрий (Крючков)
Преподобномученик Игнатий (Лебедев)

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 22 февраля 2001 года:*

Преподобномученик Афанасий (Егоров)

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 6 октября 2001 года:*

Священномученик Александр (Парусников)
Священномученик Николай (Запольский)

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Июнь—Август

Издательство «Булат»
при участии регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

Редактор – Новикова Г. В.
Художник – Новиков Н. М.

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II**

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ
И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА

МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Сентябрь ~ Октябрь

Под общей редакцией
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых
Митрополита Крутицкого и Коломенского
Ювеналия

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БУЛАТ

ТВЕРЬ 2003

Издание подготовлено под руководством и общей редакцией
Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия,
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых

Над сбором и изучением архивных материалов работали:

игумен Дамаскин (Орловский),
клирик города Москвы, член Синодальной Комиссии по канонизации святых,
Председатель регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»;

священник Максим Максимов,
клирик Московской епархии, секретарь Синодальной Комиссии по канонизации святых,
секретарь Московской епархиальной Комиссии по канонизации святых;

священник Олег Митров,
клирик Московской епархии, член Московской епархиальной Комиссии
по канонизации святых;

Романова Светлана Николаевна, кандидат исторических наук;

Иноземцева Зинаида Петровна, кандидат исторических наук;

Злых Наталья Владимировна;

Гринь Галина Николаевна;

Канурская Ирина Николаевна;

Зверев Геннадий Владимирович

Особая благодарность
руководителю Федеральной Архивной службы России, члену-корреспонденту
Академии Наук Российской Федерации, доктору исторических наук
Козлову Владимиру Петровичу,
сотрудникам Росархива, дирекции и сотрудникам Государственного архива Российской
Федерации (ГАРФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА),
Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ)

Издание осуществлено
благодаря финансовой поддержке регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

ББК 86
Ж74

Редактор – *Новикова Галина Васильевна*
Художник – *Новиков Николай Михайлович*

ISBN

© Региональный общественный Фонд «Память мучеников
и исповедников Русской Православной Церкви». 2003
© Текст – составители житий. 2003
© Макет и оформление – Новиков Н. М. 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Сентября 3 (16)

Священномученик Алексей (Зиновьев)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....10

Сентября 10 (23)

Священномученик Василий (Максимов)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....16

Сентября 14 (27)

Священномученик Иоанн (Бороздин)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....24

Священномученик Николай (Цветков)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....32

Сентября 19 (2 октября)

Священномученик Константин (Голубев)

и иже с ним два мученика

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....50

Сентября 30 (13 октября)

Священномученик Петр (Соловьев)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....75

Священномученик Леонид (Прендкович)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....80

Священномученик Петр (Пушкинский)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....86

Священномученик Вячеслав (Занков)

Составитель священник Олег Митров.....94

Мученик Алексей (Серебренников)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....98

Октября 1 (14)

Священномученик Александр (Агафонилов)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....101

Священномученик Георгий (Архангельский)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....109

Октября 5 (18)

Преподобноисповедник Гавриил (Игошкин)

Составитель священник Максим Максимов.....112

Октября 8 (21)

**Священномученик Димитрий (Добросердов),
преподобномученики Амвросий (Астахов),
Пахомий (Туркевич) и Варлаам (Ефимов),
священномученик Иоанн (Хренов),
преподобномученица Татиана (Бесфамильная),
мученик Николай (Рейн),
мученицы Мария (Волнухина)
и Надежда (Ажгеревич)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....129

Священномученик Иона (Лазарев)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....150

Священномученик Павел (Преображенский)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....154

Священномученик Петр (Озерецковский)

Составитель священник Олег Митров.....159

Священномученик Василий (Озерецковский)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....162

Октября 17 (30)

Священномученик Неофит (Любимов)

Составитель священник Афанасий Гумеров.....165

Октября 18 (31)

Священномученик Андрей (Воскресенский)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....173

Священномученик Сергей (Бажанов)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....178

Октября 23 (5 ноября)

Священномученик Николай (Агафоников)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....184

Священномученик Николай (Архангельский)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	191
Священномученик Александр (Соловьев)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	194
Священномученик Емилиан (Гончаров)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	199
Священномученик Созонт (Решетиллов)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	202
Священномученик Владимир (Амбарцумов)	
<i>Составитель священник Максим Максимов</i>	206
<i>Октябрь 31 (13 ноября)</i>	
Священномученик Всеволод (Смирнов)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	217
Священномученик Александр (Воздвиженский)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	221
Священномученик Василий (Колоколов)	
<i>Составитель священник Максим Максимов</i>	225
Священномученик Сергей (Розанов)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	229
Мученик Иаков (Блатов)	
<i>Составитель С. Н. Романова</i>	233
ПРИЛОЖЕНИЕ	236

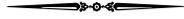
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМП – Архив Московской Патриархии
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГАПО – Государственный архив Пензенской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Самарской области
ГАТО – Государственный архив Тамбовской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСТБИ – Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ
ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы

ЖИТИЯ

Сентябрь ~ Октябрь

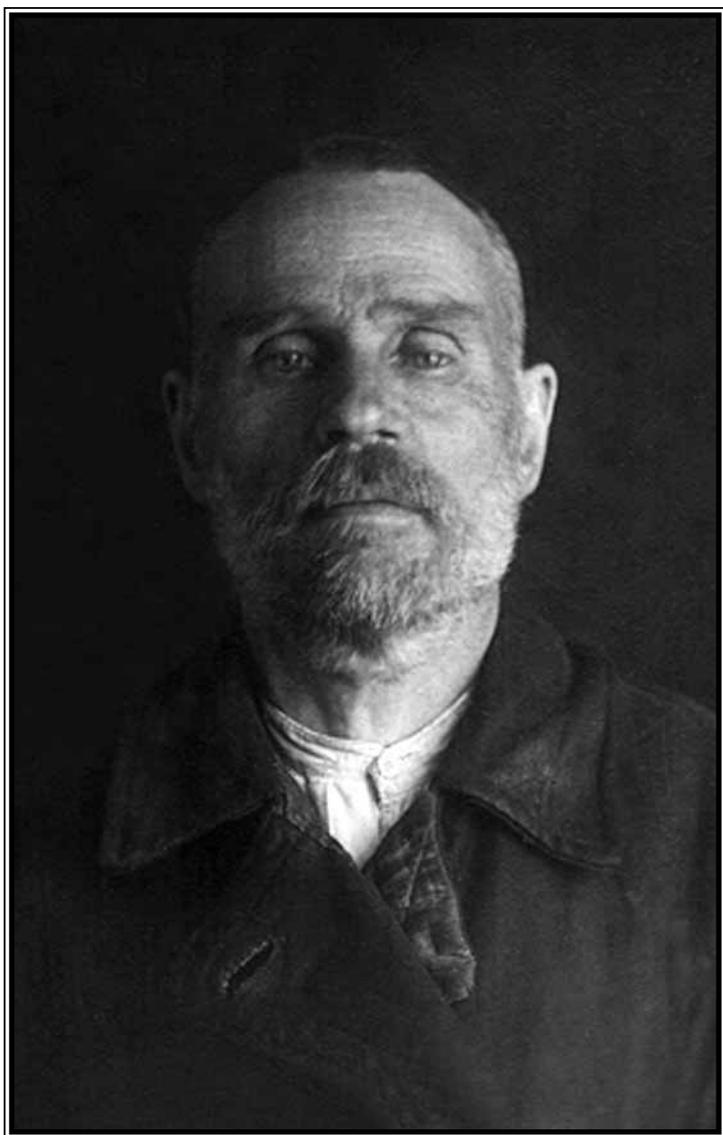
Сентября 3 (16)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Алексий (Зиновьев)

Священномученик Алексей родился 1 марта 1879 года в селе Греково-Казанское Воронежской губернии в семье священника Иоанна Зиновьева. С 1898 по 1904 год Алексей учился в Тульской Духовной семинарии, по окончании которой был рукоположен во священника ко храму села Воскресенского Чернского уезда Тульской губернии. В 1914 году он был переведен в храм в городе Ефремове.

С 1917 года отец Алексей служил в храме в селе Сторожа Московской губернии. За тринадцать лет, что прослужил здесь священник, православные полюбили доброго и ревностного пастыря. Когда в 1930 году, во время очередных гонений, он был арестован по обвинению в том, что будто бы создавал в селе антисоветские группы, прихожане дружно выступили в защиту священника — почти все жители села Сторожа пришли к сельсовету и потребовали освобождения ни в чем не повинного пастыря. Власти, однако, не освободили отца Алексия и препроводили его под конвоем в тюрьму в город Ефремов, где он находился под стражей около пяти недель, а затем все же был освобожден, вернулся в село и стал служить в храме по-прежнему.

Священник Алексей Зиновьев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

В начале тридцатых годов в связи с коллективизацией, разрушением крестьянских хозяйств, насильственным образованием колхозов и отобраением у крестьян всего наличного хлеба крестьяне стали его скрывать, чтобы не умереть от голода. План, по которому крестьяне должны были сдать хлеб государству, превышал их возможности и обрекал на смерть от голода. Видя, что власти в селе проводят повальные обыски с целью изъятия хлеба, псаломщик Федор Кананыхин упросил отца Алексия до времени сложить принадлежащее ему зерно и муку на колокольне. Священник, хотя и предчувствовал, что дело может окончиться для них арестом, не смог отказать.

В 1932 году в ОГПУ стали поступать сведения, что в селе Сторожья план по хлебозаготовкам выполнен на 8,9% и будто бы виноваты в том священник Алексей Зиновьев, псаломщик Федор Кананыхин и крестьяне, часто посещавшие храм, — Иван Попов, Василий Разенков и Андрей Береговский. 2 декабря 1932 года все они были арестованы и заключены в тюрьму в городе Ефремове.

4 и 6 декабря власти произвели обыски в церкви и обнаружили два мешка ржи, мешок пшеницы и пятнадцать пудов муки, которые отобрали в счет хлебозаготовок.

На допросе священник, отвечая на вопросы следователя, сказал, что встречался с псаломщиком и крестьянами и говорил, что единоличников советская власть задушила, не дает им жить, что раньше жилось лучше.

Вызванный на допрос псаломщик сказал: «Обнаруженный в церкви хлеб частично принадлежал мне. Прятать хлеб меня заставляло то, что вижу, что при советской власти проходит отбор хлеба, и хотя мне никакого задания не было, все же хлеб я свой спрятал. Для меня вообще при советской власти новое дело — чтобы производить у крестьян отбор хлеба, в прежнее время при царе этого не было и, во всяком случае, хлеб бы никто прятать не стал. А сейчас, конечно, нет ничего удивительного, что крестьяне начинают прятать хлеб». Кроме того, он сказал, что доказывал

крестьянам, что колхозы – это барщина и разорение и ничего им не дают.

Подобные же показания дали и крестьяне, за исключением Ивана Попова, который сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, но не отрицаю того, что действительно встречался с кулаками Береговским и Разенковым, но связь эта была чисто товарищеская. Не отрицаю того, что хозяйство моего отца было кулацкое. Из обнаруженного в церкви хлеба мне ничего не принадлежало».

19 февраля 1933 года тройка ОГПУ приговорила священника Алексея Зиновьева к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен на каторжные работы на строительстве Беломорско-Балтийского канала. К трем годам заключения были приговорены псаломщик Федор Кананыхин и крестьяне Андрей Береговский и Василий Разенков, которые были отправлены на Беломорско-Балтийский канал. Только Иван Попов был приговорен к одному году принудительных работ и освобожден из-под стражи. Тяжелые работы настолько расстроили здоровье священника Алексея Зиновьева, что он был признан инвалидом и через полгода пребывания в концлагере освобожден. Он вернулся в село Сторожа и стал служить в храме.

В 1935 году власти захватили храм и начали использовать его под зернохранилище; с этого времени отец Алексей стал служить молебны в домах благочестивых прихожан. Так продолжалось до новой волны гонений в 1937 году.

16 августа представители НКВД допросили одного из лжесвидетелей, крестьянина села Сторожа. Он показал, что священник будто бы являлся одним из активнейших организаторов контрреволюционного восстания в селе Сторожа и будто бы говорил, что в колхоз вступать не нужно, колхозное строительство противно Богу, в колхозном строительстве будет процветать безбожие, Бога забудут; в единоличном хозяйстве сами себе хозяева, а там будут подневольными, рабами. «В результате его деятельности и

агитации кулаков колхозы организовывались слабо. Имея тесную связь с кулачеством в селе Сторожа, по возвращении в село по отбытию наказания Зиновьев восстановил связь с кулаками, бывшими участниками контрреволюционного восстания, и продолжает ее по сие время. В их домах он часто служит молебны и всенощные. Осенью 1935 года, после постановления граждан о засыпке зерна в церковь, Зиновьев говорил верующим: “Грешно засыпать зерно в церковь, для зерна должны быть зернохранилища. Церковь — это дом Божий, где проповедуется слово Божие. Нужно церковь освободить и служить в ней. Господь накажет вас за богохульство”. В июне 1936 года Зиновьев говорил: “Вот Господь Бог вас наказывает за то, что вы богохульствуете. Нужно сейчас устраивать молебны, чтобы Господь дал дождя”. В результате члены церковного совета пришли в сельсовет просить разрешения на проведение в поле молебна о дожде. В июне в одном из домов в селе было богослужение, а после этого происходили антисоветские разговоры о выборах в сельские советы, и поп Зиновьев говорил: “Нужно в советы выбирать людей богобоязненных, хороших”».

24 августа 1937 года отец Алексей был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. На допросе следователь сказал священнику:

— Следствие располагает материалами о том, что вы в 1935 году систематически проводили церковные богослужения в домах верующих.

Отец Алексей подтвердил, что действительно он такие богослужения проводил и на них собирались верующие села Сторожа.

— Вы после богослужений вели контрреволюционные разговоры? — спросил следователь.

— Церковные службы я проводил, но никогда никаких антисоветских разговоров не вел.

Следователь обвинил священника в том, что он, устраивая богослужения в домах верующих, вел разговоры о создании колхозов и выказывал недовольство явлениями окружающей жизни.

Священник ответил, что в частных домах он служил и, оставаясь после богослужения, вел различные разговоры и, в частности, говорил: «Сейчас жизнь тяжелая, и особенно для меня».

15 сентября тройка НКВД приговорила отца Алексия к расстрелу. Священник Алексей Зиновьев был расстрелян на следующий день, 16 сентября 1937 года, и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 21010.

Архив УФСБ РФ по Тульской обл. Арх. № П-3003.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Сентября 10 (23)

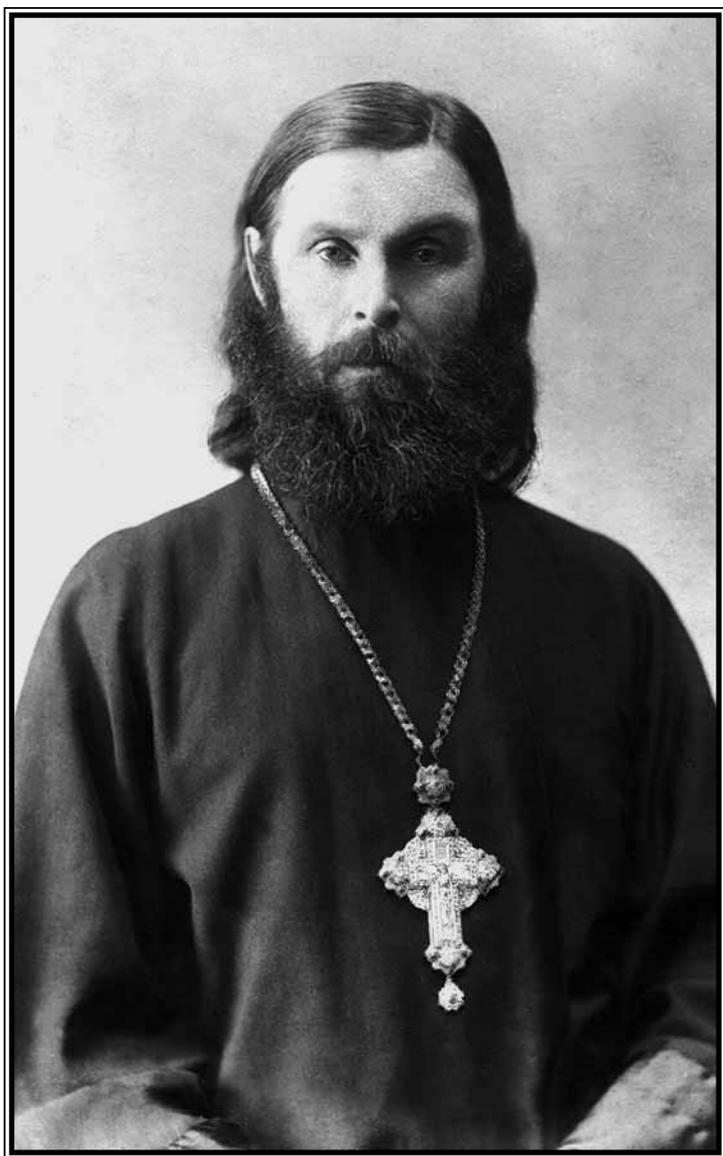
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Василий (Максимов)

Священномученик Василий родился 28 января 1887 года в селе Бабка Павловского уезда Воронежской губернии в семье крестьянина Никиты Максимова. Семья жила бедно, а кроме того, Никита тяжело заболел и ослеп. Василий рос мальчиком благочестивым и послушным, и местный священник благословил его прислуживать в алтаре. Однажды в престольный праздник службу в храме совершал приезжий архиерей; ему понравился благочестивый, одаренный музыкальными способностями мальчик, и он взял его с собой к месту своего служения в Шадринск и определил в духовное училище. Василию было тогда четырнадцать лет.

В Шадринске он познакомился со своей будущей женой Юлией, которая училась в то время в музыкальном училище. Ее отец, священник Александр Конев, служил в храме на станции Мысовая Иркутской губернии.

В 1914 году Василий Никитич был рукоположен в сан священника к одному из храмов города Шадринска, затем переведен в храм в городе Петропавловске. В 1923 году отец Василий переехал в Москву и был назначен в храм великомученика Никиты в селе Кабаново Орехово-Зуевского уезда Московской губернии. За безупречное и ревностное служение Церкви отец Василий был возведен в сан протоиерея и впоследствии награжден митрой и назначен благочинным.

Протоиерей Василиѣ Макариовъ

В Кабанове было несколько домов, принадлежащих церкви: дома священника и диакона, церковноприходская школа и небольшая сторожка, где жила благочестивая девица Евфимия Вишнякова со своим отцом-сторожем. К ним в комнату была протянута веревка с колокольни, чтобы в случае проникновения в храм воров сторож мог звонить в колокол. Из церковных зданий к 1923 году за церковь остались только дом священника и сторожка.

Протоиерей Василий поселился с семьей в большом священническом доме. Служил отец Василий часто; за каждой службой он говорил проповеди, к которым всегда накануне тщательно готовился, пользуясь своей большой библиотекой. Отец Василий знал, что его проповеди достигают сердца прихожан и посему не нравятся гражданским властям, но он считал просвещение паствы своим неотъемлемым долгом. Народ понимал, что священник находится в опасном положении, и ценил, что он не устает проповедовать истины Христовы. Прихожане доверяли своему батюшке и знали, что в это трудное время они не одиноки и не оставлены и всегда могут обратиться к нему за помощью и поддержкой. И он в свою очередь старался всецело служить церковному народу и по каждой просьбе шел соборовать и причащать тех, кто не мог прийти в храм.

В 1927 году священника постигло несчастье — 10 июня скончалась его жена Юлия, которой исполнилось всего лишь тридцать два года. Она скovyрнула на подбородке прыщик, началось заражение крови, и, не проболев недели, она умерла. Отец Василий остался с тремя детьми — дочерьми Марией и Ниной десяти и четырех лет и сыном Николаем, которому не исполнилось и двух лет. Для отца Василия это явилось тяжелым испытанием, потому что с женой они жили душа в душу и она была ему первым помощником. Первое время после смерти жены он не мог спать и, бывало, как только дети засыпали, шел на могилу жены и подолгу молился. Случалось, проснутся дети, а отца нет, он на могиле матери. Эти переживания тяжело сказались впоследствии на здоровье священника.

В конце двадцатых годов в селе случился пожар, сгорело сразу несколько домов. Отец Василий уступил большой церковный дом семьям погорельцев, а сам перешел в небольшой домик на окраине села, хозяева которого пригласили к себе священника с детьми. Впоследствии он перешел жить в церковную сторожку, где на одной половине жила Евфимия с отцом, а на другой поселился отец Василий с детьми. Евфимия взяла на себя попечение о детях и старалась заменить им мать.

В 1934 году отец Василий писал своей племяннице в Алматы: «Прислали нам налогу 360 рублей, и 55 рублей платить к 15 марта. Только половину уплатил. Спасибо помогают, а иначе плохо было бы. Как-нибудь и вторую заплачу. Теперь пост, народ ходит, и нужно удовлетворить его. Сегодня пели певчие. И говеющих было шестьдесят человек. Очень трудно, и устаю я, но зато и чувствую себя хорошо: все-таки люди остаются довольны. Они любят и помогают мне, и я все свои силы отдаю им».

Труды и переживания медленно подтачивали здоровье священника. В 1935 году отец Василий выехал по церковным делам в Москву с двумя прихожанами, алтарниками Василием и Николаем, которые много помогали ему в работах по храму. Все они остановились у его дочери Марии, которая жила в то время в Москве недалеко от Даниловского кладбища. Здесь у отца Василия открылось кровохарканье, и стало ясно, что состояние его здоровья скоро может стать критическим. Он отправился в больницу, и ему сказали, что у него туберкулезный процесс в легких и ему нужно немедленно лечиться. Врачи объяснили, что нужно делать, и священник уехал домой. Надежды на то, что каверны зарубцуются и он вылечится, было немного.

Отца Василия спасла любовь прихожан. Как только они узнали, что священник тяжело болен, его завалили продуктами, в селе даже установилась очередь — кому какие продукты нести, прихожане снабжали его всем необходимым, только бы отец Василий выздоровел. Благодаря ли этим продуктам, поддержавшим физические силы священника, или благодаря той любви, которая об-

наружилась у прихожан к своему батюшке, — он исцелился от туберкулеза совершенно.

Наступил 1937 год. Отовсюду стали приходить известия об арестах священников и мирян. Нависла угроза ареста и над протоиереем Василием. Власти не раз предлагали священнику уйти из храма и, зная, что у него красивый и сильный голос, предлагали ему устроиться артистом в театре, но отец Василий отверг эти предложения как нелепые. Он стал готовиться к аресту и сжег самое дорогое для него — дневник своей покойной жены.

Глубокой ночью с 22 на 23 августа 1937 года в дверь той половины сторожки, где жила семья священника, постучали. Отец Василий открыл. В дом вошли сотрудники НКВД и велели священнику собираться и следовать за ними. Дети проснулись. Отец Василий стал собираться. Обыска не устраивали.

Выйдя вместе со священником из дома, один из сотрудников НКВД закрыл входную дверь на палку, чтобы дети не могли выйти вслед за отцом. Машина стояла далеко от дома, и к ней надо было идти. Прежде чем уходить, отец Василий попросил разрешения пройти на могилу жены и помолиться. Ему разрешили. Он помолился и направился к машине.

За всем происходящим наблюдала из своей половины Евфимия; как только она увидела, что все ушли, тут же прошла на другую половину к детям и начала их успокаивать и утешать. Впрочем, они были слишком малы, чтобы понять, что их любящий отец ушел от них навсегда. С этого времени Евфимия взяла на себя попечение и заботу о детях.

Протоиерея Василия заключили в тюрьму в Орехово-Зуеве, и здесь в первый раз он был допрошен. Лжесвидетели по должности и страха ради дали необходимые следствию показания, и следователь задавал вопросы священнику в соответствии с их показаниями.

— Следствию известно, — заявил он, — что вы в конце 1936 года среди верующих села Кабаново вели контрреволюционную агитацию против стахановского движения. Подтверждаете вы это?

– Разговор о стахановском движении мог быть, но отрицательного освещения я ему не придавал, – ответил протоиерей Василий.

– Вы среди верующих в конце 1936 года вели разговор, в котором объясняли, что старые хозяева фабрик, то есть капиталисты, больше заботились о рабочих, чем сейчас заботится о рабочих советская власть. Признаете вы это?

– Да, такой разговор мог быть, но я содержание его не помню, – ответил священник.

– Следствию известно, что вы в своих проповедях агитировали против вступления в колхозы. Подтверждаете вы это?

– Нет, в своих проповедях я никогда не касался политических вопросов.

– У гражданки Дарьи Емельяновны Федосеевой, жительницы села Кабаново, иногда происходят собрания с участием лиц – Варвары Молошковой, Марии Бабкиной и других. В этих собраниях принимали активное участие и вы, обсуждая на них различного рода политические вопросы. Подтверждаете ли вы это?

– Означенные личности мне известны как богомольцы нашего храма, но проживают все в селе Дулево. Останавливаются они под тот или иной праздник на ночлег в доме Федосеевой. Но я никогда на этих собраниях не был, за исключением случаев поминок по Ольге Прохоровой. Бывали ли у них какие беседы и о чем, мне не известно. В моем присутствии никаких политических вопросов в беседах затронуто не было.

– Следствию известно, что вы неоднократно разрешали отправлять религиозные обряды в церкви в Кабаново без соответствующей регистрации посещающим вас священникам – Перову и Овчинникову. Подтверждаете ли вы это?

– Да, такие случаи имели место. Священник Овчинников служил несколько раз, а Перов для выполнения личных потребностей принимал участие в службе один раз. Это было, когда разрешения для службы посторонним священнослужителям не требовалось. После специального циркуляра Синода, запрещающе-

го отправлять службы посторонним священнослужителям, я этого больше не разрешал.

— Вы разрешали иногда проживать у себя в квартире Перову и оказывали ему материальную помощь?

— Священник Перов у меня не проживал. В моем доме был один раз. Материальной помощи я лично от себя не оказывал.

— Вы знали, что Перов многократно арестовывался за контрреволюционную деятельность, и поддерживали его материально?

— Что Перов был арестован, я знал. Но причины его ареста мне не известны. Поддержки материальной я не оказывал.

— Следствию известно, что вы, будучи благочинным, требовали точного ведения метрических записей по правилам, существовавшим до революции, мотивируя эту необходимость на случай свержения существующего строя. Подтверждаете ли вы это?

— Да, я требовал точности записей, но только с точки зрения аккуратности учета и только для надобностей церкви. Никакой политической мотивировки я этому требованию совершенно не давал.

Несмотря на то, что отец Василий не признал себя виновным, в обвинительном заключении, составленном следователем 10 сентября, были воспроизведены все показания лжесвидетелей.

В начале сентября Евфимия и дети собрали отцу Василию передачу. В записке, перечислив все вещи, дочь Нина написала отцу: «Пальто, шарф, кепка, два полотенца, зубная щетка, мыло простое и духовое и мыльница, зубной порошок, футляр для щетки, две пары белья, вязаная рубаха, калоши.

Папочка! Мы здоровы. Мы учимся хорошо, о нас не беспокойся.

Папочка, мы тебя все целуем — Нина, Коля, Маруся. Ото всех поклон».

В тюрьму в Орехово-Зуево поехала Евфимия. Ей удалось передать священнику вещи и записку, на оборотной стороне которой он написал: «Дорогие мои и милые! Обо мне не беспокойтесь. Я здоров. Все в порядке. Дело еще не окончено. Учитесь хоро-

шенько. Кто назначен на мое место или нет? Живите тут, никуда не уходите. Евфимий спасибо. Пошлите черную рубаху верхнюю и белую. Целую всех. Благословляю. Бог да хранит вас. 12 сентября 1937 года».

Вскоре после этого отца Василия перевезли в тюрьму в Москву. 20 сентября следователь коротко допросил священника.

— Вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

22 сентября тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Протоиерей Василий Максимов был расстрелян 23 сентября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

После ареста и смерти отца Василия, о чем, впрочем, его дети тогда не знали, старшая дочь Мария продала оставшийся от родителей сервиз на двадцать четыре персоны, который когда-то отцу Василию сделали по его заказу на Дулевской фабрике, и на эти деньги купила комнату в Вешняках в Москве. Переехав в нее, она взяла к себе брата и сестру. Библиотека отца Василия была подарена. Все светские книги, большую часть которых составляла русская классика, подарили усердному прихожанину Василию, дочь которого училась в институте и стала потом учительницей. Духовные книги отдали церковной певчей, а она передала их некоему молодому человеку, который, читая их, просвещался и был впоследствии рукоположен в сан священника.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 22889.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Сентября 14 (27)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Иоанн (Бороздин)

Возрождение и нравственное преображение христианской души всегда связано с верой и молитвой, а преображение общества зависимо от возрождения монастырской и приходской жизни. Тяжелое время пережила Россия в начале XVII столетия — гражданские смуты, нравственное шатание народа, упадок веры. Но в конце концов, несмотря на всю тяжесть гонений петровского и послепетровского времени, к началу XX века стала духовно и материально обустраиваться.

В слободе Мстере Вязниковского уезда Владимирской губернии во второй половине XVII века был образован мужской Богоявленский монастырь. В 1722 году, в период владения этими землями графом Головиным, в Мстере среди местных жителей зародилось занятие иконописью, которое принес сюда московский иконописец А. Алексеев. В 1844 году мстерские земли вместе с населяющими их крестьянами и художниками-иконописцами перешли во владение графа Панина. К этому времени мстерские иконописцы получили широкую известность и их стали часто привлекать к работам по реставрации росписей храмов и монастырей, и в особенности древних икон. В начале XVIII столетия они занимались реставрацией соборов Московского Кремля и московских монастырей.

Протоиерей Иоанн Бороздкин

1861 год положил конец крепостному праву, но мстерские иконописцы не удовлетворены были получением только личной независимости и решили всем обществом выкупить Мстерское владение у графа. В течение двадцати пяти лет мстерцы выкупали владение и наконец, уплатив всю сумму в 167 200 рублей, получили полную независимость.

По традиции мастерские в Мстере были семейными – Брагинных, Клыковых, Кутягиных, Бороздиных. Последняя была организована в Мстере Петром Кузьмичом Бороздиным. В ней работали члены его семьи: семь сыновей и пять дочерей. Иконы его мастерской пользовались известностью и ценились за искусство письма даже старообрядцами. В семье мстерского иконописца Петра Кузьмича и родился в 1878 году Иван Бороздин.

С раннего детства благодатный, но нелегкий труд стал основой его религиозного воспитания в семье. К шести годам, когда мальчик поступил в церковноприходскую школу, он уже освоил начала иконописного дела – мог готовить самостоятельно краски, грунтовать доски, делать прориси. В одиннадцать лет Иван поступил в мстерскую школу иконописания, которую успешно окончил в 1894 году и получил звание мастера-иконописца. Как и большинство жителей Мстеры, семья Бороздиных была единоверческой. В 1899 году мстерское единоверческое братство направило Ивана в Московское Духовное училище, существовавшее при Всехсвятском единоверческом монастыре, которое он окончил с отличием и был оставлен при монастыре псаломщиком. В 1905 году он женился на Ирине, дочери Михаила Ивановича Отарина, известного священника-миссионера и проповедника из села Вармалеи Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Вскоре Иван Петрович был рукоположен в сан диакона ко храму Всехсвятского единоверческого монастыря. Здесь он прослужил до его закрытия в 1921 году.

В 1923 году Святейший Патриарх Тихон направил диакона Иоанна в храм бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, что в Гончарной слободе в Москве. Храм был известен выдающи-

мися настоятелями. До 1919 года настоятелем храма был профессор Московской Духовной академии протоиерей Востоков. Проповеди его были просты, убедительны, со многими живыми примерами, понятные для слушателей всех сословий. По его настоянию в храме было введено общее пение всех прихожан. Для этого всем присутствующим раздавались тексты. Он говорил: «Вы пришли в храм, дом Божий, соединиться в молитве с Богом, – молитесь! Спасение России – в соединении с Богом».

В 1919 году настоятелем в храме стал священник Сергей Закастов. Еще будучи семинаристом, он участвовал в археологических раскопках, проводившихся князем Щербатовым, создателем исторического музея в Москве, который предлагал ему после окончания семинарии поступить в археологический институт. Он послушался совета, после семинарии окончил археологический институт, затем был рукоположен в сан священника и совмещал свои пастырские обязанности с преподаванием в археологическом институте. После захвата власти большевиками отца Сергея стали вызывать на Лубянку, требуя, чтобы он оставил служение в храме, но священник не согласился. В 1928 году власти заявили, что храм Космы и Дамиана будет разрушен. Отец Сергей вступил в борьбу за храм, отстаивая его от закрытия и разрушения. Доказывая комиссии Моссовета культурную и историческую значимость древнего храма и показывая постройку XVI века, отчетливо видную в верхней части храма, отец Сергей упал с балки. В результате полученных травм он тяжело заболел и в том же году скончался.

Отец Иоанн, который к тому времени был рукоположен в сан священника, был назначен настоятелем храма Космы и Дамиана. С верой и убежденностью в правоте своего дела он мужественно сопротивлялся закрытию храма. Он писал многочисленные протесты властям, собирал подписи верующих, не согласных с решением властей, но все было напрасно. В 1930 году храм Космы и Дамиана был закрыт и вскоре разрушен. Тяжело переживая это событие, отец Иоанн заболел. В это время он был назначен на-

стоятелем в единоверческий храм святителя Николая на Рогожском кладбище и возведен в сан протоиерея.

Время по отношению к Церкви было разбойное, она была лишена каких бы то ни было прав. Место расположения храма на кладбище было глухим, и отец Иоанн, чтобы уберечь храм от грабителей, поселился при нем, выбрав для жилья небольшую холодную комнату на колокольне, где хранились старые иконы. Комната была не приспособлена для жилья; чтобы обогреться зимой, отец Иоанн поставил в ней железную печку. Неподалеку от храма жили глубоко верующие и преданные церкви люди — псаломщик Федор, из отставных моряков, и его жена Варвара.

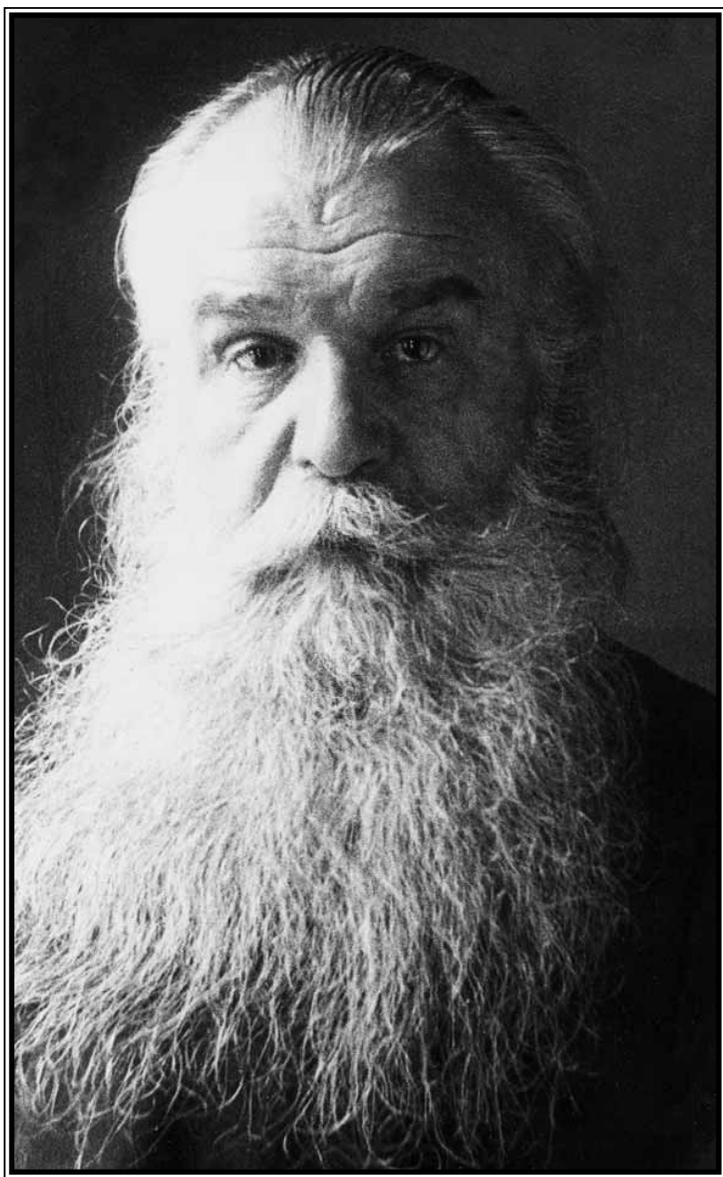
Беспокоясь об отце, сыновья священника Василий и Петр очередно оставались с ним на ночь.

Шел декабрь 1931 года. Отец Иоанн отслужил всенощную и по обыкновению вместе с псаломщиком Федором обошел храм, затем поднялся на колокольню в свою комнату, где в это время сын Василий топил печь и готовил на ней скудный ужин. Поужинав и подбросив дров в печь, они легли спать.

Около часа ночи псаломщик Федор встал и еще раз обошел храм; не заметив ничего подозрительного, он вернулся домой и уснул. И видит во сне, как к нему подходит отец Иоанн Кронштадтский, портрет которого у него висел на стене, и говорит: «Чадо Федор, пойдя, помоги своему священнику, ему плохо!» А немного погодя к нему подошла жена Варвара и, растолкав его, говорит: «Федя, вставай, мне сейчас видение было, пришел Батюшка Кронштадтский и наказывал: “Разбуди Федора, идите, помогите вашему священнику”».

Они быстро оделись и побежали к колокольне. Двери были на запоре, они стали стучать, и этот их стук придал сил Василию, он добрался до двери, открыл ее и упал, только и успев сказать: «Идите скорее к отцу, я его вытащил на площадку — мы угорели».

Господь хранил Своего пастыря. Протоиерей Иоанн прослужил в Никольском храме семь лет; за каждой службой он проповедовал, объяснял смысл церковных молитв, убеждал молиться

Протоиерей Иоанн Бороздин

прилежней, чему сам был примером. Так продолжалось до осени 1937 года. В ночь с 5 на 6 сентября отец Иоанн был арестован в комнате на колокольне. Пришедшие утром сыновья обнаружили, что все вещи в комнате перевернуты, а постель и подушка — в крови.

Протоиерей Иоанн был заключен в Бутырскую тюрьму. Все обвинения и вопросы были стандартными.

— Следствие располагает материалами, что вы... будучи анти-советски настроены, воспитывали верующих в антисоветском духе...

— Не могу вспомнить, когда бы это я занимался воспитанием верующих во враждебном духе... — ответил отец Иоанн.

— Вы говорили окружающим о якобы существующем гонении на религию в СССР...

— Я допускаю, что мог бы сказать... но... без специальной цели...

День за днем шли допросы. Следователи упрямо склоняли священника к признанию своей вины и, вероятно, прибегали для этого к пыткам. 14 сентября состоялся последний допрос.

— Следствие располагает данными, что вы среди окружающих... выражали недовольство советской властью.

— Я действительно выражал недовольство... я отрицательно отношусь к действиям советской власти относительно церковных вопросов, считаю, что храмы закрываются без согласия верующих, ссылаются священнослужители, которые обрекаются на вымирание.

— В результате чего сложились ваши антисоветские убеждения?

— Мои убеждения относительно советской власти сложились в первые годы революции, так как советская власть ухудшила условия жизни духовенства, я и сам начиная с 1928 года вынужден жить в отрыве от семьи, и в этом, я считаю, виновата советская власть.

В тот же день было составлено обвинительное заключение, где священнику было поставлено в вину, что он «распространял ложные слухи о якобы существующем в СССР гонении на религию». 26 сентября тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу. Протоиерей Иоанн Бороздин был расстрелян на следующий день – 27 сентября 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-32110.

Бороздин Петр Иванович. Воспоминания. Рукопись.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 5. Тверь, 2001.

Сентября 14 (27)

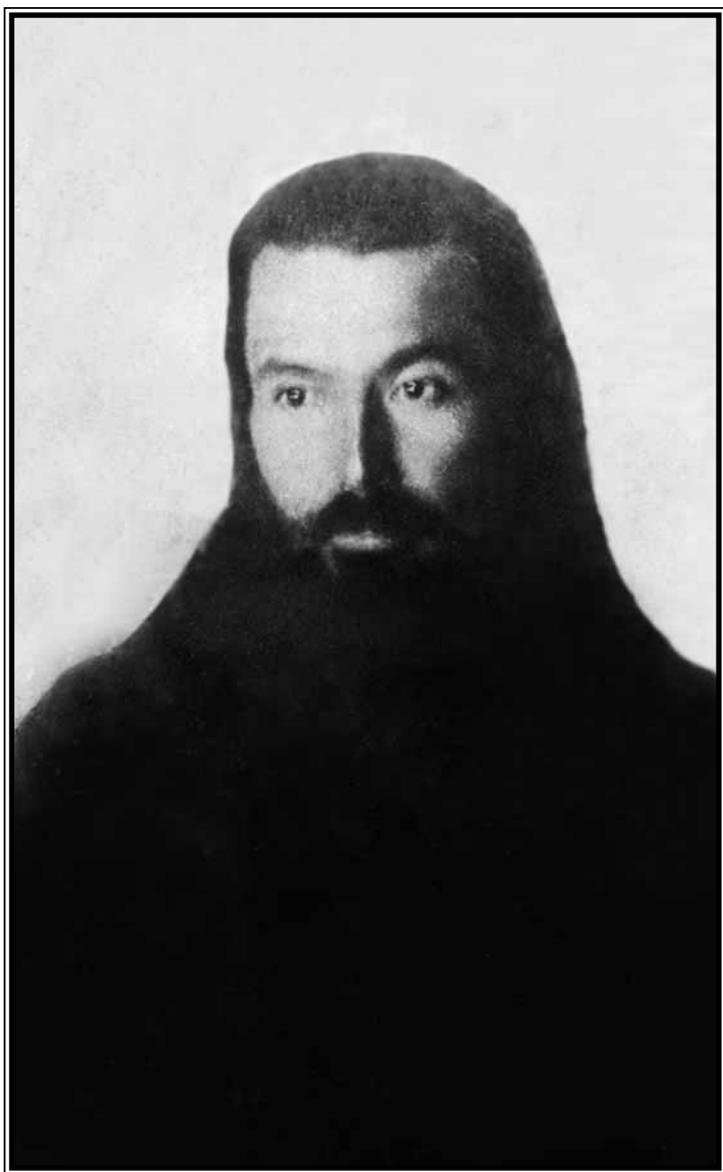
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Цветков)

Священномученик Николай родился 8 марта 1879 года в селе Никольском Звенигородского уезда Московской губернии в семье диакона Иоанна Глебовича Цветкова. Хозяйство диакона Иоанна состояло из дома, коровы и участка земли в 14 десятин, но из-за того, что он страдал страстью винопития, семья, в которой было четверо детей, постоянно бедствовала. Землю он не мог и не хотел обрабатывать и сдавал ее в аренду крестьянам, а деньги пропивал.

Николай рос мальчиком благочестивым, и с детства его мечтой стало служение Церкви. Уже с раннего возраста он уделял серьезное внимание своему духовному настрою, и, чтобы вполне отдавать себе отчет в том, каков он в тот или иной момент жизни, Николай вел дневник, в который записывал не только внешние события, но и различные помыслы, а также делал заметки о церковном богослужении, смысл которого он всегда старался уяснить для себя поточней. Поскольку семья из-за страсти отца жила бедно, то в дневник попал и рисунок первых сапог, которые купили ему довольно поздно, когда пришла пора отдавать его учиться.

Николай Иванович окончил духовное училище и поступил в

Протоиерей Николай Успенков

Вифанскую Духовную семинарию, которую окончил в 1900 году. В 1901 году в волоколамский собор потребовался диакон с хорошими певческими данными. Выбор пал на Николая Ивановича, как только что окончившего Духовную семинарию и имевшего прекрасный голос. Его посватали девице Анне; она была сиротой и воспитывалась у дяди. Они обвенчались, и вскоре после этого он был рукоположен в сан диакона к волоколамскому собору.

Начав служить в соборе, отец Николай взял к себе в дом престарелых родителей; отец продолжал пить, в нетрезвом состоянии вел себя буйно, и сыну пришлось через страсть отца потерпеть многие скорби, так как это расстраивало мирное течение жизни глубоко религиозной семьи. Несмотря на все усилия диакона Николая удержать отца от винопития, они не увенчались успехом — диакон Иоанн страдал от этой страсти до самой смерти и скончался в 1908 году в нетрезвом состоянии. Такая смерть отца явилась ударом для благочестивого сына; с этого момента он совершенно переменял образ жизни и, уже не удовлетворяясь исполнением предписанных церковным уставом молитв, поселился в отдельной келье на колокольне и повел жизнь постническую и сугубо молитвенную, иногда проводя в молитве всю ночь. Свою маленькую комнатку он всю заставил иконами, превратив ее в моленную. Было невозможно земными средствами изменить участь почившего, не прибегая к молитве сугубой и к делам благочестия, не ревнуя о том, чтобы превзойти праведность «книжников». Смерть священнослужителя — отца, ведшего образ жизни, не достойный своего звания, побудила диакона Николая с удвоенной силой устремиться к жизни праведной и святой. Он стал помогать всем неимущим и страждущим. В округе не было ни одной вдовы, ни одного бедняка и попавшего в беду, которым он бы не помог. Кому пошлет воз дров, кому одежду, кому сапоги. Все духовенство в соборе было ему обязано своим материальным достатком. Видя нужду кого-либо из священников в продуктах или в одежде, он неизменно восполнял замеченный недостаток. Весь

доход духовенства откладывался в кружку и потом делился на всех. Получая свою часть, отец Николай никогда не доносил ее до дома, раздавая все по дороге. Так продолжалось до тех пор, пока его супруга Анна Николаевна не договорилась, чтобы отдавали все деньги ей, так как у нее уже были две маленьких дочери. Среди окружающих он стал вести себя подобно юродивому. На многие вопросы, которые ему задавали, отвечал загадками и поговорками. Когда с кем-нибудь встречался и разговаривал, то часто держал в руке цветок и делал вид, будто нюхает его, летом — это были живые цветы, а зимой — искусственные. Даже находясь в тюрьме, он всегда, когда ему давали свидания, выходил к пришедшему с цветком в руке.

В то время каждое лето духовенство ходило с крестными ходами по окружающим Волоколамск селам со скульптурным образом Николая Чудотворца, который ныне находится в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Спирово. Священники ходили по очереди, а из диаконов чаще всего сопровождал чудотворный образ отец Николай. Крестный ход проходил расстояние в десятки километров, и в нем принимали участие люди из самых отдаленных приходов, куда с крестным ходом не доходили. Собиралось по несколько тысяч человек, которые с пением молитв и акафиста Николаю Чудотворцу шли по селам, останавливаясь в каждом для служения молебнов. Основное торжество бывало в Иосифо-Волоколамском монастыре. Из-за этих крестных ходов во всей округе знали чудного диакона — молитвенника и подвижника. Такие шествия, жизнь среди народа, изливавшего в молитвах свои беды, нужды и чаяния, хорошо познакомили отца Николая с жизнью простого народа, он радовался его радостями и печалился его печальями и не раз был свидетелем чудес, совершавшихся по горячей молитве страждущих.

За безупречное и ревностное служение отец Николай был возведен в сан протодиакона. Подвижническая жизнь, глубокое смирение, многочисленные дела милосердия, творимые им, воз-

водили его душу от силы в силу, и в конце концов Господь наделил его дарами прозорливости и чудотворений, и люди в еще большем числе стали приходить к отцу Николаю, прося его молитвенной поддержки и помощи.

Однажды пришла к нему солдатская вдова Пелагия. Муж ее попал в плен в 1914 году и там умер; она осталась с тремя маленькими детьми и жила вместе с двумя братьями, у которых были свои семьи. Некая старушка предложила Пелагии перейти к ней в дом и до смерти опекать ее, чтобы после смерти дом перешел к Пелагии. Она пошла посоветоваться к отцу Николаю и спросила его, хорошо ли будет, если она так поступит.

— Пелагеюшка, хорошо-то хорошо, — сказал отец Николай, — очень хорошо. Но ты воздержись с неделку! Воздержись, подожди! Само дело покажет.

— С неделку? Батюшка, как много! — воскликнула она.

Но все же послушалась. А через несколько дней дом старушки сгорел. Сгорело бы и все имущество вдовы, успеи она перейти в этот дом.

Жила в тех местах некая благочестивая девица, которую звали Елена. Она пела в церковном хоре и была очень набожна. Однажды она с хором пропела литургию и молебен и вышла на церковный двор. И вдруг услышала, как ей с колокольни отец протодьякон кричит: «Елена, вернись, я забыл тебе подарок дать в дорогу. Только ты сейчас не разворачивай, а когда придешь домой, разверни». И он дал ей сверток, в котором было все необходимое для погребения и свечи. Через три дня Елена скоропостижно скончалась.

Одной семье явилась необходимость ехать за хлебом в Нижегородскую губернию. Спросили у отца Николая, ехать или нет. Он ехать не посоветовал. Они, однако, поехали. Поезд дошел до Нижнего Новгорода, а им надо было ехать дальше, но как они ни пытались проехать дальше, им это не удалось и пришлось вернуться ни с чем.

Один из жителей Волоколамска поехал по делам в город Ржев

и не вернулся. Прошло уже довольно времени, а его все не было. Пришла жена пропавшего к отцу протодиакону и попросила:

- Помолись, пропал муж, не знаю, что и случилось!
- Он в пятницу приедет, — ответил отец Николай.

И действительно, в пятницу прибежала эта женщина сказать, что ее муж вернулся.

Некая девушка попросила отца протодиакона благословить ее на замужество. Отец Николай не благословил, но вместо того подарил ей обертку от конфеты «Раковая шейка». Обиделась девушка: «Что я маленькая что ли, картинку мне подарил?» Не послушалась отца Николая и вышла замуж. А через два года она умерла от рака.

Пришла к отцу Николаю некая Анна Ивановна Сурикова, которая тяжело страдала от припадков. Отец Николай дал ей святой воды и какой-то травы и велел выпить. Она выпила и совершенно исцелилась, припадки не повторялись до конца жизни, и умерла она, когда ей было далеко за восемьдесят лет.

Однажды принесли к отцу Николаю девочку пяти лет, у которой был паралич ног. Врачи отказались ее лечить, заявив, что они бессильны и ничем помочь ей не могут. Отец Николай послал мать с ребенком в собор отслужить молебен перед иконой Божией Матери «Взыскание погибших». После молебна девочка выздоровела.

Слава о подвижнике, молитвы которого угодны Богу, стала расходиться все шире, и с каждым годом все больше людей приходило к отцу Николаю. В округе его почитали как святого и праведника.

Но пришли к власти безбожники, и начались гонения. В 1918 году власти арестовали отца Николая и заставили чистить уборные в городе; они запрягали его вместо лошади, и он вывозил из города бочки с нечистотами. Им хотелось опозорить того, кого народ почитал святым, но для него это была слава и честь — пострадать за Христа. Праведник со смирением переносил все издева-

тельства. В дьявольской ненависти к Церкви безбожники однажды арестовали икону-скульптуру святителя и чудотворца Николая и заключили ее в сарай под замок, а с ней вместе поместили в тот же сарай протодиакона Николая.

Но и этого безбожникам показалось мало. Вблизи Волоколамска в деревне Андреевской жил сочинитель рассказов на тему крестьянского быта Сергей Терентьевич Семенов. В юности он встретился с писателем графом Львом Толстым, который лестно отозвался о первых рассказах крестьянского юноши. Впоследствии Семенов уехал в Англию, в 1904–1905 годах жил у толстовца В. Г. Черткова и присоединился к обществу толстовцев, разделив их религиозное учение. Когда Семенов вернулся в Россию, правительство арестовало его за антигосударственную пропаганду, и он был приговорен к ссылке, которая была заменена разрешением на выезд за границу. Большевицкие идеологи писали о нем как о выдающемся деятеле, который вернулся в деревню, чтобы «отдаться в ней до конца жизни всевозможной культурной, просветительской, реформистской работе, борясь со всевозможными препятствиями, борясь с властью духовной тьмы, окружавшей его, подвергаясь сыску и преследованиям царской власти, высланной его на несколько лет за границу за “вредное влияние на население”».

3 декабря 1922 года Семенов был убит недалеко от села. В убийстве были обвинены местный зажиточный крестьянин Григорий, одно время бывший председателем местного совета, и его семья – жена, сыновья, дочери, а также муж дочери, начальник районного отделения милиции. Крестьяне, будучи арестованными, признали себя виновными в убийстве, объяснив, что мотивом убийства явилось многолетнее преследование и домогательство Семеновым жены Григория, Аграфены, закончившееся изменой мужу. Воинствующие безбожники решили превратить этот процесс из уголовного в антирелигиозный и арестовали вместе с убийцами протодиакона Николая, зная, что народ почитает

его за святого. Основанием для обвинения явилось знакомство Аграфены с отцом Николаем и то, что она ездила к нему за советом, как поправить неустройство и отсутствие мира в семье. «И сказал ей один раз волоколамский соборный дьякон, — писала месяц спустя после убийства центральная газета “Правда”, — читают его все за святого:

— Надо внутреннего врага извести».

При аресте у отца Николая был изъят его дневник, в котором он делал записи не только о внешних событиях жизни, но главным образом записывал помыслы, хорошо понимая, что только тот будет успешен в борьбе с врагом спасения человека — дьяволом, кто побивает его на подступах, когда он приступает к человеку, нашептывая те или иные греховные помыслы, пытаясь вовлечь в беседу с собой и отвлечь от Господа.

Все обвиняемые, однако, несмотря на усилия следователей, категорически отказались признать наличие каких бы то ни было религиозных мотивов в убийстве. «Вы в Бога веруете?» — спросил следователь Григория. Тот только выругался в ответ.

В конце апреля 1923 года выездная сессия Московского Губернского суда в Волоколамске рассмотрела дело в публичном заседании. Суд продолжался в течение двух дней с утра и до позднего вечера, и его ход освещался в центральных газетах. Процесс проходил в городском театре. Протодиакона Николая приводили на суд под усиленным конвоем, но в зале суда он сидел отдельно от остальных обвиняемых. Центральная газета «Известия» так описывала этот процесс. Одним из последних был допрошен протодиакон волоколамского собора Цветков. Его в округе считают чуть ли не за святого. Он раздавал бедным девицам «счастливые» рубрики. И был также всеобщим молитвенником. В данном деле предварительным следствием было выяснено, что Цветков неоднократно отзывался о покойном Семенове как о черно книжнике и человеке, в котором сидит дьявол. Давая показания суду, протодиакон отрицает какое-либо участие в подстрекатель-

стве к убийству. Он будто бы всегда проповедовал идею всепрощения и любви к ближнему. Все же, в конце концов, подсудимому приходится признаться, что он относился враждебно к толстовскому учению и недолюбливал Семенова, который был последователем и распространителем этого учения.

На суд защитой были вызваны крестьяне, которые пытались показать в пользу протоиерея Цветкова, характеризуя его добрым, отзывчивым человеком, помогавшим бедным и обездоленным.

Старшая дочь Григория Вера показала, что ходила к волоколамскому святому протоиерею Цветкову, который сказал ей о Семенове: «Раз он своих детей не крестит, в церковь не ходит, икон дома не держит, стало быть, в нем дьявол, дьявольская сила».

Спрошенный о том, протоиерей ответил: «Не упомяну... может, и говорил насчет дьявола... Счастливые рубли давал молодым девицам... и старым девам, многодетным...» Судья, прочитав отрывок из дневника, в котором протоиерей записал свои помыслы, стал спрашивать, каким образом он согрешил с девицей. Отец Николай в ответ на это вздохнул и спросил: «А там как написано, в помыслах или на деле?»

Судья снова стал зачитывать отрывки из дневника подвижника, стараясь его всячески высмеять. Отец Николай спокойно и с достоинством отвечал, что в дневнике изложены его мысли. Он уже не пытался оправдаться, он видел, что его решили осудить, и принял все происходящее как волю Божию. Он не подходил новой власти, и она решила его уничтожить.

Девять часов совещался суд, прежде чем принять решение о виновности и степени наказания подсудимых. Наконец был зачитан приговор, в котором обвиняемые были приговорены к десяти, девяти и восьми годам заключения. Протоиерей Николай был приговорен к десяти годам тюремного заключения и к трем годам ссылки.

После приговора отец Николай содержался в тюрьме в Воло-

коламске. В это время умерла от тифа его старшая дочь, которой был тогда двадцать один год. Отец Николай просил администрацию тюрьмы отпустить его проститься с дочерью, но ему не позволили, и дочь похоронили без отца.

Вскоре протодиакона Николая перевели из Волоколамска в пересыльную тюрьму в Москве, а затем — в Лефортовскую тюрьму, где он пробыл шесть лет, из них два года — в одиночной камере. Зимой камера не отапливалась и стены покрывались инеем. Вместо отопления, вносили жаровню с горящими угольями, которая давала мало тепла, но зато нещадно чадила, и от угарного дыма вскоре начинала болеть голова.

Через некоторое время администрация тюрьмы позволила передать узнику иконки, восковые свечи, кое-какие книги; в тюрьме он много молился и вполголоса служил молебны. Ему разрешили вести переписку. Верующая благочестивая девушка однажды написала ему: «Я хочу подражать святым девам». «Вы пишете мне, что вы хотите подражать святым девам, — написал в ответ отец Николай. — Это гордость, гордость. Нам бы хоть немножко быть похожими на них».

В 1929 году протодиакон Николай был по амнистии освобожден. За время его заключения власти отобрали дом, где жили его жена с дочерью, и они уехали в Москву. Отец Николай поселился в селе Ярополец неподалеку от Волоколамска у своего брата, диакона Сергия, служившего в местном храме. Затем он жил у своих духовных детей то в Москве, то в Волоколамске, то в селе Парфеньково, опасаясь находиться на одном месте продолжительное время, чтобы не подвергнуть неприятностям приютивших его хозяев. Весть об освобождении протодиакона Николая быстро облетела окрестности, люди стали идти к нему, прося помолиться, испрашивая совета. Вскоре об этом узнали власти и искали удобного случая, чтобы арестовать праведника.

24 сентября 1931 года председатель Парфеньковского сельсо-

вета Василий Юдин пришел в дом председателя церковного совета Казанской церкви в селе Парфеньково Марии Шишаевой, у которой в то время остановился отец Николай, и арестовал его. Вместе с ним была арестована насельница уже закрытого Бородинского монастыря Прасковья Булеева, которая пришла в этот день к Марии, чтобы помочь ей убрать картофель. Когда узнали об аресте отца Николая и послушницы, к дому Марии стали приходиться верующие, пытаясь убедить председателя сельсовета освободить ни в чем не повинных людей, и говорили ему: «Зачем забираешь нашего отца, он никому ничем не мешает».

В тот же день председатель сельсовета отправил арестованных к уполномоченному Волоколамского ОГПУ, послав с ними сопроводительную записку, в которой писал: «Настоящие господа держали прочную связь с председателем церковного совета Марией Шишаевой, каковая во время ареста устроила целую демонстрацию. Подробно мы можем поговорить после, наедине, но только, пожалуйста, избавьте нас от этих гостей, которые держат всю несознательную бедноту в своих руках».

Арестованные протоиерей Николай и послушница Прасковья были заключены в Волоколамскую тюрьму. 29 сентября власти допросили отца Николая. Отвечая на вопросы следователя, отец Николай сказал: «Мария Владимировна Шишаева попросила меня заехать к ней денька на два, то есть до 25 сентября. Я исполнил ее просьбу и остановился у нее. Пробыв у нее два дня, я был задержан председателем сельсовета и отправлен в милицию. Со мной вместе была задержана Прасковья Николаевна Булеева из села Гарутино, которая работала у Марии Владимировны Шишаевой. Меня многие желали повидать и поговорить со мной, но из-за боязни — разговаривать остерегались, чтобы не повредить мне».

Следователь спросил, каково отношение протоиерея к современным мероприятиям советской власти на селе. Отец Николай ответил: «В настоящее время всюду и везде строятся колхозы,

но население в силу своей темноты к колхозам относится недоброжелательно; причем колхозы надо бы развивать медленнее, надо бы было бы показать один хороший колхоз, а затем строить другие. Также я считаю, что население не совсем подготовлено к организации колхозов в силу культурной отсталости».

Следователь сообщил, что протодиакона обвиняют в том, что он сеял слухи о пришествии антихриста, и спросил, что он может сказать по этому поводу. Отец Николай ответил: «Разбирая настоящее положение в стране, можно отметить два признака пришествия антихриста на землю. Первый – это появление ненависти друг к другу. Часто можно слышать, когда человека осудили на восемь лет, не сожаление о нем, а такие, например, выражения: “Мало, надо бы осудить на десять лет”. И второй признак – совершенно пропала любовь друг к другу. В настоящее время посещение церкви по сравнению с дореволюционным временем сильно сократилось. Я считаю, что главной причиной слабого посещения церкви является запрещение священникам проповедовать слово Божие. Через собеседование с верующими, а также через проповедь многие талантливые ораторы могли бы хорошо разъяснить Божие учение, но они молчат из-за боязни ареста». «Я считаю, что наш волоколамский собор, – ответил отец Николай на последний интересующий следователя вопрос, – закрыли не по решению верующих, он верующим не мешал, а просто закрыли по решению власти».

За несколько дней перед допросом отца Николая были допрошены свидетели, в основном это были официальные представители советской власти в селе. Председатель сельсовета в селе Ярополец Михаил Карулин сказал: «Монашка Булеева распространяла слухи по селениям о том, что из тяжелой неволи вернулся “святой” отец Николай, то есть Николай Иванович Цветков, который по своей святости предсказывает о будущем. Ежедневно к Цветкову собиралось по вечерам до двадцати женщин, и он говорил им: “Тяжелые наступили времена, антихрист спустил своих

слуг на землю за прегрешенья людские; каждодневно, ежечасно слуги антихриста запутывают в свои сети прегрешивших людей. Надо больше молиться Господу Богу и не впадать в искушение”. Многие женщины задавали вопросы о том, как им быть, вступать в колхоз или нет, на что протоиерей Цветков говорил: “Колхозы посланы на нашу землю за великие наши грехи, колхоз ведет к разорению православной веры. Надо остерегаться вступать в него”. В силу этой агитации протоиерея Цветкова с весны сего года по октябрь месяц рост коллективизации по всему Ярополецкому району идет очень медленно. Эта агитация сильно действует на религиозную часть женщин, и в результате этой агитации по селению Гарутино рост коллективизации стоит на месте, слабо поступают хлебозаготовки, самообложение и страховые платежи».

Председатель Парфеньковского сельсовета, арестовавший отца Николая, Василий Юдин, показал против него: «Николай Иванович Цветков и монашка Прасковья Николаевна Булеева в селе Парфеньково вели систематическую антисоветскую и антиколхозную агитацию, используя для этой цели религиозную часть женщин и мужчин. По вечерам к Цветкову приходили женщины, в основном беднячки. В результате этой агитации в селе Парфеньково рост коллективизации стоит на месте. На собраниях единоличников, а также на общих собраниях часто по вопросу коллективизации слышны такие возгласы: “Колхоз – это барщина, в колхозе будет голод, в него мы не пойдем. У нас нет ничего, мы погибаем с голоду, а вы нас обираете”. В результате контрреволюционной работы Цветкова и Булеевой в селе Парфеньково до сих пор не собран совхоз, слабо поступают страховые платежи, не выполнены заготовки, самообложение проведено с большими трудностями и уплата по самообложению поступает слабо, рост коллективизации стоит на месте».

26 октября 1931 года состоялся расширенный пленум Парфеньковского сельсовета, на котором Юдин сделал доклад. В итоге пленум постановил: «Принимая во внимание доклад о под-

польной работе Цветкова и Булеевой, просим... ОГПУ изолировать данных граждан из нашего района, как активных работников антисоветского характера, тормозящих в продолжение года рост коллективизации селения Парфеньково».

25 ноября 1931 года тройка ОГПУ приговорила протоиерея Николая Цветкова и послушницу Прасковью Булееву к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

После того как приговор стал известен, верующие Волоколамска направили прошение в Священный Синод, чтобы он ходатайствовал перед ВЦИКом об освобождении протоиерея Николая. В этом письме они писали: «Протоиерей Николай Цветков во время своего 20-летнего служения в соборе города Волоколамска всегда был для нас примером искренней веры в Бога, кротости, воздержания и благоговейного служения; но особенно он явил пример апостольского терпения во время заключения в тюрьмах с 1923 по 1929 год. Слова “какая темница не имела тебя узником” отчасти применимы и к нему: он сидел в Волоколамском доме заключения, затем в Московских тюрьмах: в Сокольниках, в Таганке; особенно долгое, шестилетнее, заключение он, Цветков, провел в Лефортовском изоляторе, терпя двухлетнее пребывание в одиночной холодной камере, отчего он застудил ноги и у него появились раны. Все это он терпел, подражая апостолу, сказавшему: “Я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем” (Гал. 6, 17). Кроме болезни и холода Цветков нес физические труды при колке дров для отопления, при переносе дров и каменного угля на носилках с улицы в корпус, приходилось переносить и мешки с картофелем в подвал осенью, а также бревна и кирпичи во время строительства тюремных построек. Эти последние работы были возлагаемы на него в наказание за то, что он писал много писем, исполненных духовного утешения и укреплявших верующих в благочестии. В настоящее время протоиерей Цветков снова заключен в Волоколамске, будучи осужден на трехлетнее пребывание в исправительно-трудовом лагере. Мы, верующие

города Волоколамска и Волоколамского района, нижайше просим членов Священного Синода ходатайствовать пред ВЦИКом об освобождении протодиакона Цветкова из заключения на пользу нас, верующих, осиротевших без своих пастырей».

Из Волоколамской тюрьмы отец Николай писал письма верующим, насколько позволяли обстоятельства. Незадолго до праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы ему было разрешено свидание с послушницей Прасковьей, которая, зная, что отец Николай страдает от болезни ног, связала и передала ему чулки. В записке он написал ей:

«Благодарю, мой милочек, за праздничный подарочек.

“Ангели вхождение Пречистыя видевшие удивишася, како Дева вниде во святая святых”.

Здравствуйте, моя незлобивая Паша!

Шлю праздничное приветствие и благодарность за посещение и драгоценный подарок — чулочки. Тут, моя милочка, шерсть и ниточка. Как вас благодарить?

Предлагаю вам загадку о любимом вам ленке. Били меня, били, ключьями рвали, колотили, колотили, по полю валяли, под ключ запирали, на стол сажали. И отгадку: лен, пряжа, холст, скатерть.

Народная песня о льне: всем селом на загон под июнь сеять лен, ты родись-родись силен и силен и длинен, волокнистый белый лен. Как под цвет отцветешь, пожелтеешь и поспеешь, мы по осени придем, дергать будем, обобьем, околотим семена — получи, хозяин, на! А хозяйке волокно и зимой веретено.

За новенький подарок прилагаю три новенькие бумажки, рублевые новые».

13 декабря отец Николай был отправлен из Волоколамской тюрьмы в Бутырскую в Москве, а затем — в Мариинские лагеря в Сибири. Условия содержания здесь были суровые. Некоторые заключенные, зная о безответности отца Николая на причиняемое ему зло, пользовались этим, чтобы облегчить свое положение.

Однажды некий заключенный донес на отца Николая, будто тот нарушил лагерный режим. И хотя это было неправдой, заключенный получил некоторое облегчение в условиях содержания, а протоиерей Николай был заключен в карцер, который не отапливался, и если днем, когда пригревало солнце, еще можно было согреться, то при наступлении ночи карцер становился ледником. Только усердная молитва и физическая закалка спасли его от смерти. Отец Николай еще на свободе приучил себя ко всякого рода лишениям. Зимой, несмотря на лютый мороз, мог даже купаться в реке.

Все помещения, в которых были размещены заключенные в этом лагере, представляли собой палатки с железной печкой посередине. Кто был посильней и понаглей, те устраивались около печки, остальные мерзли у обледенелых брезентовых стен. В лагере отец Николай слыл за Божьего человека, который не отстаивал свое физическое место под солнцем, но которого не всякий решался обидеть.

Однажды заключенным дали по «уроку» — обработать по большому участку земли. За невыполнение задания лишали пайка. Все справились с заданием, один отец Николай отстал, и тогда один из заключенных, татарин, который свою работу закончил, принялся делать работу отца Николая и с успехом закончил ее. Заключенными это было сочтено за явное чудо и проявление милости Божией, так как норма была едва посильной для одного человека.

В Мариинском лагере отец Николай был немало утешен встречами с монахинями из Волоколамска, которых отправили отбывать заключение в этот лагерь. Поначалу они, и столкнувшись с ним, его не узнали. Он был одет в лохмотья, одна нога у него была в сапоге, а на другую надет лапоть, а сапог висел за спиной, так как он не мог его надеть из-за раны на ноге, которая в течение долгого времени его мучила и не поддавалась никакому лечению. Встретившись и узнав друг друга, они некоторое время плакали

от радости и не могли остановиться в изъяснении чувств, затем монахини промыли рану и, добыв чистых тряпиц, перевязали ее. Они сшили протоиереевскому некое подобие простыни и одеяла и купили в лагерном ларьке еды. Утром следующего дня отец Николай им сообщил: «Пришел хорек и все уволок». Почти все три года заключения отец Николай оставался без лагерного пайка, нередко у него отнимали и скудный лагерный обед, оставляя его ни с чем. Отец Николай все это смиренно переносил и говорил об этих случаях: «Я могу терпеть, а они нет».

18 июня 1934 года протоиерей Николай был освобожден из Мариинского исправительно-трудового лагеря и 27 июня приехал в Волоколамск; некоторое время он жил здесь у своих духовных детей, затем у брата диакона и у своих духовных детей в селах.

27 августа 1937 года власти арестовали его. Первое время он содержался во временной тюрьме, устроенной властями в одном из сел. 6 сентября уполномоченный НКВД допросил протоиерея.

— Чем вы занимаетесь в настоящее время? — спросил его следователь.

— Определенного места и занятий я в настоящее время не имею. Ни в какой церкви я богослужение не совершаю, но от своего сана я не отказался.

— Следствию известно, что вы среди населения проводите контрреволюционную агитацию. Признаете ли вы это?

— Выйдя из заключения, я разговаривал с верующими, когда они обращались ко мне за советами и с жалобами на тяжелую жизнь. Я им подтверждал, что жизнь настала тяжелая, и говорил, что нужно надеяться на Бога и Его помощь, молиться, чтобы Бог избавил нас от дальнейших тягостей.

После допроса протоиерей Николай был переведен в Таганскую тюрьму в Москве. Здесь 22 сентября уже другой следователь снова допросил его, задав всего два вопроса.

— Признаете себя виновным в антисоветской агитации?

- Нет, не признаю, — ответил отец Николай.
- Вы лишались избирательных прав?
- Все время был лишен избирательных прав. Все имущество было конфисковано по суду в 1922 году.

26 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Цветков был расстрелян на следующий день, 27 сентября 1937 года, и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 10035, д. П-37194, д. П-65948.
«Известия». 1922, 7 декабря; 1923, 24 апреля, 27 апреля.
«Правда». 1923. 11 января, 12 января, 4 мая.
Владиславлев И. В. Литература великого десятилетия (1917–1927). Т. 1. М., 1928.
Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001.

Сентября 19 (2 октября)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Константин (Голубев)

и иже с ним два мученика

С конца XVIII века пределы Саратовской губернии были заселены разного толка раскольниками, многие из которых приехали из Польши вследствие указа императрицы Екатерины II. В это время здесь еще не было ни самостоятельной епархии с центром в Саратове (она была образована только в 1828 году), ни тем более достаточного числа духовенства для успешной миссионерской деятельности на обширных степных пространствах.

Вольский уезд в то время состоял из полусотни сел с прилегающими к ним деревнями. Причем большинство селений было заражено лжеучениями. Православных селений не набиралось и десяти. Центр местного раскола находился в городе Вольске, где во второй половине XVIII века раскольники основали целые слободы. Рядом с Вольском впадает в Волгу река Иртыш, здесь раскольники организовали несколько монастырей. Своего расцвета раскол в этих местах достиг в конце XVIII – начале XIX столетия. В то же время, настоятели этих обителей, отличавшиеся глубоким и искренним благочестием, смогли к 1797 году заложить в Саратовской губернии начало единоверия. Однако и после принятия единоверия, благодатного священства и присоединения части

Кочмантин Алексей Иванович

раскольников к православию раскол в этих местах был еще очень силен и угрожал поглотить целые селения. Из тридцати тысяч человек, населявших Вольск, десять тысяч принадлежало к раскольникам. Численный перевес в городе имели беглопоповцы, а по богатству и общественному влиянию — последователи Белокрыницкой иерархии.

Село Барановка Вольского уезда не представляло исключения и в значительной степени было населено сектантами и раскольниками. В селе было даже несколько раскольничьих сект: спасовская, поморская, беглопоповская и австрийская. Больше половины было спасовцев, треть — поморцев. Как всегда бывает с расколом, он сам со временем стал разделяться на секты. Спасовская секта разделилась на четыре толка. Первый толк считал, что хотя никакие таинства не совершаются в Православной Церкви, однако креститься и венчаться следует в церкви. Второй толк в Барановке составил из стариков и старух, которые не желали ни с кем сообщаться, ни в ком не видели правости и желали спастись уединенно, по примеру, как они считали, древних пустынных, представляя в этом отношении образцовое воплощение прелести. Третий толк утверждал, что антихрист разогнал истинное священство и оно теперь живет скрытно, в тайных местах, поэтому ради таковых обстоятельств совершать таинство крещения может простец-начетчик. Четвертый толк — спасовцев имел наименование *нетовцев*. Они считали, что со времени патриарха Никона антихрист уничтожил Церковь и никакие таинства не совершаются, и заставляли маленьких детей надевать кресты на новорожденных некрещеных младенцев и то не рукой, а лучинкой.

Дерзость и самомнение раскольников были настолько велики, что вынуждали их выходить за пределы простых здравых понятий. Только себя они считали во всем правыми и, подобно западноевропейским протестантам, едва ли не спасшимися и святыми. На остальных они смотрели сверху вниз, почитая только себя за высоконравственных и все знающих людей. Они открыто

и без всякого смущения совести говорили, что хорошо знают, как достичь Царства Небесного. Сидит, бывало, такой «праведный» мужичок на завалинке у своего дома и рассматривает проходящих, чтобы по обыкновению сектантов цепляться к ним. Видит — идет женщина, судя по времени, в храм на литургию. Мужик остановил ее и, словно дух-искуситель, начинает вопрошать:

— Куда ты идешь?

— В церковь, батюшка мой, — ответила женщина.

— Как бы я тебе не велел туда идти. Чему там ныматься-то* доброму. Пришла бы ты к нам. Уж вот всему научат. Уж скажу хоть про себя, похваюсь: умею и могу сготовить себе Царство Небесное.

Женщина, услышав надменные слова, полные самомнения и гордости, постаралась скорее уйти в церковь, а зазывавший ее в свое религиозное общество человек вскоре умер — без покаяния, без таинств, вне Церкви.

Упрямство и упорство саратовских раскольников были настолько велики, что их не вразумляли и явные чудеса. У одного крестьянина заболела оспой пятилетняя дочь. В первые дни, несмотря на нестерпимые страдания, она могла еще говорить с окружающими, но по прошествии десяти дней болезни от сильной боли совершенно умолкла и лежала, ничего не видя и не говоря в течение пяти суток, так что родители считали, что она вот-вот отойдет. Раскольники между тем предложили перекрестить девочку по раскольничьему обряду, обещая за это ее родителям материальную помощь. Равнодушие к Православной Церкви и материальная заинтересованность склонили мать к расколу, и она известила о своем согласии раскольников.

Девочку уложили в передний угол под образа и зажгли перед иконой свечу. В это время пришли позванные старик-раскольник и девка-раскольница, которые приготовили большую кадущ-

---

* Nabраться-го.

ку с водой. Весть о предстоящем перекрещивании собрала множество любопытных. Когда все было приготовлено, среди присутствующих воцарилась напряженная тишина, и вдруг девочка, не видевшая солнечного света уже более недели и не говорившая, обращаясь к стоявшему рядом отцу, сказала:

— Тятка, что это вы делаете? Вы не думаете ли меня перекрещивать? Разве я некрещеная? Я еще маленькая крещена в церкви, вы мне сами это говорили, а два раза никого не крестят. Батюшка Истинный Христос один раз крестился!

При этих словах умирающей девочки старик-раскольник, очнувшись от изумления, тихонько подошел к ней и едва слышно проговорил:

— Ничего, дочка, мы хотим тебя искупать в тепленькой водичке и надеть на тебя белую рубашечку.

— Знаю, знаю, — ответила девочка, — поди-ка ко мне, старый, поближе, я тебе бороду выщиплю, ты и других потопил и меня хочешь туда же, не хочу я! Тятка, прогони их отсюда!

Последние слова поразили отца девочки, и он, доселе молчавший, сказал старику:

— Дедушка, оставь ее, коли не хочет креститься, так и не нужно!

Тогда стала уговаривать девочку мать:

— Милая доченька! Ведь ты умираешь, тебя нужно искупать и надеть белую рубашечку!

Но девочка продолжала говорить:

— Господь Истинный один раз крестился, я не хочу, чтобы вы меня потопили.

Это было очевидное чудо, происшедшее на глазах многих, — маленькая девочка вслух проповедовала Христа и истинность Церкви, и раскольники, почувствовав себя обличаемыми, потихоньку покинули дом. Впрочем, озлобление и ненависть к Церкви были столь велики, что раскольница, уходя, зло вслух сказала:

— Это беси ее мучают, беси ей представляются.

Через некоторое время после ухода раскольников, почти перед самой смертью, девочка сказала отцу:

— Тятка, что вы не ходите в церковь, ходите туда и там молитесь.

Из-за множества раскольников и сектантов в храм села Барановки при многочисленности жителей людей ходило немного, и в праздники и в воскресные дни церковь была почти пустой. Если раскольники и заходили в храм, то в будние дни и только те, кому их идеология позволяла посещать православные храмы. Этими-то случаями и старался воспользоваться священник Матфей Васильев. Хорошо зная состояние раскола в своем приходе и суть учения раскольников, отец Матфей, если видел среди своих прихожан пришедших раскольников, то сразу же начинал проповедовать им относительно их лжеучений, касающихся Церкви, таинств и священства, стараясь брать примеры для своих проповедей и поучений из жизни и быта слушателей, чтобы они были понятны им, и в свое время это принесло плоды — сектанты все серьезнее задумывались о спасении, сомневались — истинный ли путь они избрали.

Здесь, в селе Барановке, в 1852 году родился Константин Голубев. Его отец, Алексей Голубев, служил в храме псаломщиком и умер, когда мальчику было всего девять лет. Константин поступил в Саратовскую Духовную семинарию и окончил ее по первому разряду. В это время ему исполнилось двадцать четыре года и он почувствовал в себе дар служения миссионерскому делу, который преизобильно был в нем укреплен богословскими знаниями, полученными в семинарии. Для Константина Алексеевича это были не формальные знания, свод мертвых законов и правил, а само откровение Духа. И невозможно этому истинному церковному знанию не научить других, оставить богатство сокровищницы церковной сокрытым.

В 1867 году в Саратовской епархии было организовано церковное Братство Святого Креста, которое ставило своей задачей

деятельность миссионерскую, просветительно-религиозно-нравственную и благотворительную. Миссионерская работа проводилась в Саратове и в селениях Саратовской епархии, сведения о русском расколе специально преподавались учащимся 6-го класса Саратовской Духовной семинарии, и Константин Голубев еще в семинарии подробно ознакомился с различными ответвлениями раскола и вполне освоил их учение.

Братство Святого Креста имело книжный склад, занималось изданием «Саратовских епархиальных ведомостей», устраивало религиозно-нравственные чтения для народа в праздничные и воскресные дни, а также содержало школу. Многие из обучавшихся в ней детей находились на полном обеспечении Братства. Большое значение придавалось учреждению в селах, зараженных расколом, библиотек, которые снабжались всеми необходимыми книгами, касающимися раскола. Часть из них была старопечатная, и приобретение таких книг требовало значительных расходов.

Один из первых миссионерских станов Братства Святого Креста в Вольском уезде был организован в селе Барановке, здесь была устроена противораскольническая библиотека с прекрасным подбором книг, сюда направлялись воспитанники Саратовской Духовной семинарии для практических бесед на тему раскола.

Константин Алексеевич вступил в Саратовское Братство Святого Креста и получил благословение епископа Саратовского и Царицынского Тихона (Покровского) отправиться в родное село Барановку в качестве миссионера Братства.

Он начал свою миссионерскую деятельность с того, что основал церковноприходскую школу, где был и директором, и учителем по многим предметам, в частности по Закону Божию. Он был уверен, что раскол и секты образуются там, где недостаточно проповедуется православие, где нет церкви, церковной проповеди и вместе с нею подлинного просвещения. Настоятель храма священник Матфей поддержал миссионера, понимая, что Констан-

тин Алексеевич идет на подвиг, беря на себя крест проповеднической деятельности в приходе, наполовину зараженном расколом.

Через некоторое время, в основном усилиями Константина Алексеевича и отца Матфея, число раскольников здесь стало заметно сокращаться и образовалась из местных крестьян большая группа ревнителей православия, для которых отстаивание чистоты и истины православия стало смыслом жизни; проповедь раскольническая и сектантская воспринималась ими как дело далеко не безопасное, так как она увлекала непросвещенных или равнодушных людей в сети лжи и вечной гибели. В конце концов благодаря ревности православных в церковь стали приходить и закоренелые раскольники, которые, увидев подвизающихся в Бозе людей, словно очнулись от спячки и поняли, что жизнь, которую проводят они, совсем не та, к какой призывал Господь.

Беседы с православными и старообрядцами Константин Алексеевич проводил в церковной сторожке во все воскресные и праздничные дни. Большинство старообрядцев поначалу недоверчиво отнеслись к беседам и хотя приходили, слушали и, по видимому, со многим внутренне соглашались, но предпочитали молчать, надмеваясь своей мнимонравственной жизнью и многознательством. Однако ревностный миссионер не отступался, не терял надежды, и это впоследствии стало давать плоды. Одним из упорных спорщиков с миссионером был уважаемый раскольниками расколоучитель Иван Бородин. И вдруг, после многих бесед с Константином Алексеевичем, в конце 1877 года он пришел в церковную сторожку, где велись беседы, и в присутствии всех своих единоверцев сказал, что признает правоту православного учения и всего того, что говорит Константин Голубев, когда поучает народ.

— Да зачем же ты сам пребывал в расколе?! — с удивлением стали восклицать присутствующие.

— По заблуждению, — ответил Иван.

Вскоре после этого он на общественном сходе предложил ста-

рикам-сельчанам отслужить в православной церкви благодарственный молебен за победу русского оружия при Карсе и сам на молебне с благоговением молился Богу.

Бывало, что жизненные обстоятельства подталкивали человека к углубленным размышлениям. Некий двадцатидвухлетний молодой человек, родители которого принадлежали к поморскому согласию, задумал жениться, но у поморцев нет таинства венчания, и он со смущением в сердце обвенчался в православной церкви. Однако чем больше он размышлял о поморском согласии, тем больше у него возникало сомнений в его правильности и православности, а спросить, кроме Константина Голубева, было не у кого. Он был единственным миссионером в этих местах, но обратиться к нему молодой человек боялся, и главным образом потому, что еще недавно прилюдно бранил всех, кто шел в церковную сторожку побеседовать с миссионером. Но все же он преодолел себя и зашел к Константину Голубеву побеседовать. Потом зашел еще и еще раз, а затем стал приходить к Константину Алексевичу все чаще и в конце концов убедился вполне, что поморцы являются людьми, заблудившимися в вере.

Люди слушали убежденного в правоте Православной Церкви миссионера, спрашивали и спорили с ним, но главное — сам миссионер не жалел времени для уяснения истин веры и раскрытия заблуждений, иногда беседы длились по четыре и по пять часов. И в конце концов произошло в селе до того небывалое — люди потянулись к православной вере и церкви; не причащавшиеся по пятнадцать лет, а то и всю жизнь, стали говеть и причащаться; стали причащаться дети из школы, которой заведовал Константин Алексеич, притом, что родители многих из этих детей были раскольниками.

За два года, благодаря миссионерским трудам Константина Алексеича, из раскола к Православной Церкви присоединилось тысяча пятьсот человек.

В 1876 году Константин Голубев представил написанные им пробные лекции и по рассмотрении их епископом Тихоном был

утвержден учителем русско-славянского языка Вольского Духовного училища и назначен, как миссионер Братства Святого Креста, руководителем миссионерских бесед и блюстителем противораскольнической библиотеки в городе Вольске.

Первые собеседования с раскольниками в Вольске были начаты только в начале семидесятых годов священниками Иоанном Красновым и Евгением Тихомировым. Но по новизне дела и при отсутствии необходимых книг, в частности книг, содержащих тексты, на которые обычно ссылаются раскольники и которые были изданы только спустя годы, — беседы между священниками и раскольниками вынужденно прекратились.

Первым возобновил беседы с раскольниками и сектантами Константин Алексеевич Голубев. В отличие от своих предшественников на миссионерском поприще в Вольске он оказался прекрасно подготовленным миссионером. Уроженец села, пораженного сектами и расколом, он в семинарии особое предпочтение оказывал изучению предметов, изъясняющих существо раскола и различных сект. Он сам был деятельным участником бесед с раскольниками, проводившихся в Саратове, а также на своей родине в селе Барановке. Беседы в Вольске Константин Алексеевич проводил поначалу по воскресеньям в здании епархиального училища. Местные раскольники точно очнулись, дремотная замкнутость раскольничьего общества была разрушена. Оживились, увидев в Константине Алексеевиче блистательного защитника истины, и православные. Появились деятельные и талантливые защитники со стороны раскольников, но явились и местные защитники православия. Людей, особенно в осеннее и зимнее время, а также во время постов, собиралось так много, что зал училища не вмещал всех желающих услышать собеседования раскольников и православных. На собеседованиях разбирались все вопросы, которые волновали раскольников: о клятвах Собора 1667 года, а также об исправлениях книг. Некоторые статьи по этим вопросам, как, например, о клятвах Собора 1666 и 1667 годов, Константин Алексеевич опубликовал позже в «Саратовских

епархиальных ведомостях». Скоро беседы в Вольске приобрели известность и среди раскольников уезда, которые стали приезжать в город, чтобы присутствовать на них.

В 1879 году епископ Саратовский Тихон назначил Константина Алексеевича на должность разъездного епархиального миссионера, и с этого времени его беседы в Вольске были переведены из епархиального училища в более поместительный Предтеченский собор. Здесь при соборе Константин Алексеевич собрал противораскольническую библиотеку, где были все необходимые для бесед книги. Постепенно стало проясняться, что раскол не так крепок и упорными остаются только люди старшего поколения, а молодое поколение готово рассматривать и обсуждать предметы веры. Трудность его деятельности заключалась главным образом в том, что он был единственным в то время миссионером в Вольске, и ни учителя духовного училища, ни местное духовенство, поглощенное целиком исполнением священнических обязанностей, не могли ему оказать никакой помощи. А между тем в городе число раскольников достигало семи тысяч человек, и многие из них обнаруживали значительную начитанность и серьезность в обсуждении предмета.

В обязанности Константина Алексеевича входили поездки по всей обширной Саратовской губернии, во все те поселения, где или не было православного пастыря, или у пастыря не было достаточной подготовки для борьбы с сектантами, или он робел перед ними, так как в иных случаях они показывали большую сплоченность и организованность. Но Константин Алексеевич безбоязненно шел с возглавителями сектантских и раскольнических обществ на прямой и прилюдный диалог, чем стяжал себе всеобщую любовь духовенства и жителей, не исключая и самих раскольников и сектантов. Его неоднократные беседы с известным апологетом Белокриницкой иерархии Климентом Перетрухиным и с беспоповцем Худошиным, в результате которых Перетрухин и Худошин бежали от своих разъяренных собратьев-рас-

кольников, имели своим следствием то, что множество раскольников обратилось от заблуждения и присоединилось к Православной Церкви. Многих православных, склонявшихся к расколу и переходу в мистические и рационалистические секты, Константин Алексеевич удержал от такого перехода, утвердил в православии и наставил в истинной вере своими беседами. В селе Салтыковском Сердобского уезда вначале в храм по великим постам ходили молиться и исповедоваться не более восьми человек, а в 1890 году таковых уже было четыреста человек.

С благословения епископа Саратовского Николая (Налимова) и епископа Воронежского Анастасия (Добрадина) Константин Алексеевич ездил в Воронежскую епархию по просьбе духовенства и в селах Новохоперского уезда проводил беседы с сектантами. Некоторые селения Константин Алексеевич посещал по два, по три и даже по четыре раза, что делалось для закрепления достигнутых ранее благоприятных результатов, а также по просьбе старообрядцев, которые были озадачены сделанными миссионером разъяснениями на прежних беседах и, видя бессилие своих местных руководителей-начетчиков доказать правоту своих мнений, обращались к содействию более сильных, по их мнению, начетчиков, звали их к себе на помощь и в таких случаях приглашали и православного миссионера в надежде на то, что Перетрухины, Худошины, Шаровы и прочие защитят их перед обличениями миссионера; иногда такие посещения происходили по приглашению православных, смущаемых раскольниками.

В Московской губернии одним из самых зараженных расколом и сектантством был Богородский уезд*. Происходило это отчасти потому, что здесь были расположены фабрики богатых раскольников, принадлежавших к Белокриницкой иерархии. Богородско-Глуховская община старообрядцев австрийского согла-

---

* Ныне Ногинский район Московской области.

сия была в России второй по величине после общины, имевшей своим центром храм на Рогожском кладбище. Глава семейства Морозовых, владелец текстильных мануфактур в Богородске, Арсений Морозов, помогал раскольничьим обществам по всей России, но в первую очередь жившим в Богородске и Богородском уезде. Положение хозяина фабрики, где в начале XX столетия работало около десяти тысяч человек, облегчало влияние, тем более что на самой фабрике работало много старообрядцев. Арсений Морозов оказывал широкую благотворительную помощь многим городским учреждениям, в результате чего городские власти смотрели сквозь пальцы на распространение раскола, принципиально игнорируя отличие раскольничьего общества от Православной Церкви. Городскому чиновнику различия между православными и старообрядцами австрийского согласия казались исключительно внешними, формальными: какая разница, к какой внешней форме прибегает человек для своего обращения к Богу, тем более, если этот человек — щедрый благотворитель для города. Не оставалось без щедрых пожертвований от богатых раскольников и местное духовенство.

В результате всего этого православие в городе и уезде мáлилось, становилось едва ли не преследуемой верой, а раскол торжествовал и укреплялся. Епархиальные власти в меру сил старались исправить положение, посылая епархиальных миссионеров в этот донельзя растленный расколом и сектантством уезд, но успеха миссионеры не имели, потому что со стороны духовенства местных приходов они вместо поддержки встречали враждебное отношение, так как православные священники зависели материально от раскольников. Миссионеры же, видя столь пагубное явление торжества раскольников в православных приходах, не имели реальной власти для воздействия на нерадивых священников.

В 1893 году на Московскую кафедру был назначен семидесятичетырехлетний митрополит Сергей (Ляпидевский). По мнению некоторых жизнеописателей, «высокопреосвященный Сер-

гий обладал той единоспасающей православной церковностью, которая предохраняет пасомых от всяких явных и скрытых опасностей. Он был глубоко проникнут верой в вечную истину Православной Церкви, где ничего нельзя ни прибавить, ни убавить без искажения истины. Подобно митрополиту Филарету, он хранил церковность, как святыню. Во имя церковной правды он старался поддержать и возвысить высокий дух в служителях Церкви, памятуя, однако, и границы человеческих сил, а потому, не впадая в обманчивую строгость непримиримого ригоризма, он охранял права Церкви с той же осмотрительностью; его любимым наставлением было правило, что должно достигать торжества правды, а не огорчения противника. Эту осмотрительность, эту обязательную зрелость и взвешенность всякого решения не могли не уважать сами нетерпеливые ревнители, склонные видеть в ней медлительность».

После назначения владыки на Московскую кафедру его посетили с хлебом-солью старообрядцы австрийского согласия.

«Под благословение ко владыке старообрядцы не подошли, а просили только принять от них хлеб-соль. Владыка спросил, с какою целью подносят они ему это. Старообрядцы ответили, что они рады его приезду в Москву и в знак уважения к нему, по русскому обычаю, подносят ему и просят принять хлеб-соль.

Владыка ответил:

— Понятно, когда вы, соблюдая, как говорите, русский обычай, подносите хлеб-соль светским лицам, которым подчинены; но я — лицо духовное, от которого вы не состоите ни в какой зависимости. Когда кто из православных подносит мне хлеб-соль, то прежде подходит под благословение, и я, хотя человек грешный, но получивший преемственно от апостолов епископскую благодать, преподаю им благословение, и получившие мое благословение сознают, что сподобляются благодати по своей вере. Посему, когда случалось мне, при обозрении епархии, принимать хлеб от деревенских жителей, я имел обыкновение, благо-

словив его, преломлять на части. Вкушал сам и раздавал предстоящим и поднесшим, в знак духовного общения. А теперь могу ли я сделать так?.. Вы не подходите ко мне под благословение, потому и от благословленного мною хлеба вкушать не будете... Как же я могу принять от вас хлеб-соль, когда вы вкусить от благословленного мною хлеба считаете невозможным? Если вы не можете принять моего благословения, то и я не могу принять вашего приношения. Принять его было бы противно моей совести, и этим я ввел бы себя в зазорие у православных.

Старообрядцы, однако, настаивали, чтобы владыка принял хлеб-соль просто по русскому обычаю, не благословляя.

Владыка ответил:

— То же говорили мне люди разных исповеданий, и даже евреи, поднося хлеб-соль; о духовном общении тут не могло быть и речи, они не делали о том никакого упоминания и оставались при своей вере, считая ее истинною. Так и у вас, старообрядцев, сколько есть различных толков, или согласий, сколько разделений, и каждое общество себя только полагает быть правым и почитает святою соборною и апостольскою церковью. Прочих всех — еретиками. Если я от вас приму хлеб-соль, то придут ко мне разных толков беспоповцы, придут ваши неокружки, ссылаясь на вас, будут говорить: “Как принял от них хлеб-соль, так прими и от нас; притом мы лучше их — мы одни правоверующие, мы только и составляем собою соборную и апостольскую церковь”. И когда приму от вас хлеб-соль, то надо принимать и от всех, за что и вы не похвалите меня.

Старообрядцы продолжали просить.

Владыка сказал:

— Вы настаиваете, чтоб я принял от вас хлеб-соль, а под благословение не подходите; скажите, за кого вы меня почитаете, кому подносите хлеб-соль? Я с вами говорю откровенно, — а вы со мною говорите уклончиво. Не принимая моего благословения, вы этим прямо даете знать, что признаете меня за еретика.

Старообрядцы возразили:

— Мы под благословение не подходим, потому что, как сами знаете, еще в предках наших сделалось разделение.

Владыка ответил:

— Предки ваши от Церкви отделились несправедливо, ошиблись, а вы обязаны ли следовать их ошибке?

Старообрядцы сказали, что они следуют старине.

Владыка ответил:

— В старых книгах есть обряды ваши и наши, — есть двуперстие, есть и троеперстие. Когда то и другое есть в старых книгах, из-за чего же разделяться и раздирать Церковь? А притом Церковь в обрядах делает вам всевозможные уступки...

Старообрядцы сказали:

— Ваши предшественники от нас принимали хлеб-соль.

Владыка ответил:

— Я действую по моему убеждению и объяснил уже вам, по каким причинам не могу принять.

Старообрядцы сказали:

— Митрополит Иннокентий, принимая нас, сказал: нужно молиться, и благодать поможет рассмотреть истину. И Господь сказал в Евангелии: “никто не может прийти ко Мне...” — но дальнейшие слова умолчали.

Владыка на это сказал:

— Господь сказал в Евангелии: “никто не может прийти ко Мне, аще не Отец, пославый Мя, привлечет его”.

Старообрядцы возразили:

— Видите, только благодать привлекает человека!

Владыка сказал:

— Благодать упорных и нехотящих не привлекает. Сам Господь сказал: обратитесь ко Мне, и обращуся к вам; велено испытывать Писания, чтобы уразуметь истину.

Старообрядцы согласились, что нужно рассматривать истину.

Владыка сказал:

— Если хотите рассматривать истину, то можете всегда придти ко мне; я готов всякому сказать правду.

Затем, не приняв приношения, митрополит отпустил старообрядцев».

Увидев, в каком плачевном религиозно-нравственном отношении находятся жители Богородского уезда, митрополит Сергей пригласил в Московскую епархию Константина Алексеевича Голубева, который столь успешно действовал уже около двадцати лет против разного рода раскольников и сектантов.

4 марта 1895 года Константин Алексеевич Голубев был определен митрополитом Сергием на протоиерейскую вакансию к Богоявленскому собору города Богородска с правом первостояния между всеми священниками Богородского и Павло-Посадского уездов. Под его начало отошли шестнадцать приходов. Православные в городе и уезде вздохнули с облегчением и стали смотреть на будущее с надеждой, справедливо полагая, что дело миссионерства в уезде будет теперь поставлено на надлежащую высоту, а уездные миссионеры в лице Константина Голубева получат защиту и не будут терпеть тех невзгод и преследований, каким они подвергались прежде.

12 марта епископ Можайский Тихон (Никаноров) рукоположил Константина Алексеевича в сан священника. На одном из богослужений, которое он совершал соборно с духовенством Богородска, отец Константин после литургии обратился с молитвенным пожеланием как к своей православной пастве, так и к раскольническому обществу, именуяшему себя старообрядцами. В ответ староста собора произнес приветственную речь и поднес отцу Константину от лица прихожан икону святителя Николая чудотворца в серебряной вызолоченной ризе. В тот же день отца Константина посетили представители приходских селений. Сергиевское общество хоругвеносцев города Богородска поднесло ему икону Спасителя в серебряной ризе.

Вскоре отец Константин вошел в число директоров Богородского уездного отделения попечительного о тюрьмах комитета и стал принимать активное участие в его деятельности и в совершении богослужений в тюремном храме, пока туда не был определен постоянный священник.

Весной 1896 года его назначили председателем Богородского Богоявленского отделения Кирилло-Мефодиевского Братства. В том же году отец Константин был награжден фиолетовой скуфьей, через год за ревностное служение Церкви Божией — камилавкой, а за обращение православных из раскола и сектантства — наперсным крестом. В 1897 году он был поставлен заведующим Истомкинской при фабрике Шибяевых церковноприходской школой, в которой в 1901 году стал законоучителем.

В 1897 году протоиерей Константин Голубев был избран на три года членом попечительного совета Богородской женской прогимназии. Занятия в попечительном совете выявили проблемы религиозного образования и просвещения женщин в России, от которых в значительной степени зависело религиозно-нравственное воспитание народа. Какими будут женщины в стране, какова будет их вера и религиозная просвещенность, такими будут и граждане России. Это имело особенное значение для фабричных городов, каким был Богородск в то время. И в 1900 году отец Константин открыл при Богоявленском соборе женскую церковноприходскую школу, в которой стал заведующим и законоучителем. В 1901 году отец Константин был избран членом Богородского комитета народной трезвости. При всех своих обширных начинаниях отец Константин не оставлял миссионерской деятельности, и по приезду в Богородск им было организовано более десяти публичных бесед как в самом городе, так и в селах и деревнях Богородского уезда. Беседы разъясняли старообрядческие заблуждения, причем поскольку они проводились публично и вне стен храма, то были открыты для любых вопрошаний и диспутов.

В декабре 1895 года газета «Московские ведомости» писала об отце Константине: «С осени текущего года в местном соборе (в Богородске. — *И. Д.*) открыты противораскольнические беседы миссионером — благочинным отцом Константином Голубевым. Так как Богородск и его уезд населены раскольниками, преимущественно приемлющими австрийское лжесвященство (всего в уезде около 57 000 раскольников обоого пола), то предметом бесед отца Голубева служит положительное учение о святой Церкви и о священстве, каковым учением и разоблачаются заблуждения именуемых старообрядцев. Беседы, основанные исключительно на слове Божиим, на учении святой Церкви и на старопечатных книгах, чужды даже намеков на укоризну, а потому они охотно посещаются и слушаются как православными, так и раскольниками, которые являются к беседам в огромном количестве, хотя и не выступают с возражениями. И если в настоящее время плод бесед отца Голубева обнаружился в присоединении нескольких старообрядцев ко святой Церкви, то в будущем, и, пожалуй, недалеко, от бесед можно и должно ожидать больших плодов.

С другой стороны, беседы приносят пользу и в том отношении, что предохраняют православных от раскольнических заблуждений, предупреждают случаи совращения православных в раскол и возвышают дух православного народа, здесь приниженого массой старообрядцев. А ведь недавно еще у нас были случаи, что православные учительницы переходили в раскол и даже выходили замуж за евреев, крестившихся и перешедших в раскол. И все это проходило безнаказанно, благодаря покровительству богачей-раскольников.

Раскольники составляют у нас в уезде по преимуществу богатый класс населения. В числе их попадаются крупные и известные коммерсанты, благодаря которым раскол держится в наших краях, по-видимому, прочно.

“Ведь осерди его (капиталиста-раскольника), нигде места потом не найдешь... Везде тебя измарает хуже худшего. Ведь мы что?”

Так себе, ничтожество, а ему, небось, везде двери открыты...” — так обыкновенно отзываются бедняки-раскольники о богачах-раскольниках, у которых состоят в кабале. И надо думать, это горькая правда...

Стоит ли говорить о том, что раскольничьи лжепопы ходят у нас открыто в рясах, что доселе год от году множились моленные раскольников, что раскольничьи лжевладыки, заезжая в глушь наших деревень, служат открыто “со славой”. И все это, опять-таки благодаря мощным покровителям раскола, не брезгующим никакими средствами, чтобы поддержать раскол, проходило доселе безнаказанно.

«Что-то будет впереди?»

Отец Константин участвовал во многих церковных мероприятиях в Богородском уезде, в освящении нововоздвигаемых храмов, в съездах преподавателей церковных школ. Одним из центральных вопросов первого съезда преподавателей, состоявшегося в 1900 году, был вопрос о том, «как вести преподавание Закона Божия, церковного пения, славянской грамоты в связи с историей и обличением раскола в тех школах, где вместе с православными детьми учатся дети старообрядцев». И здесь немалым подспорьем явились советы и помощь отца Константина.

В феврале 1911 года в городе Богородске состоялось пастырское миссионерское собрание священников и диаконов двух благочиннических округов Богородского уезда с участием московского епархиального миссионера Николая Юрьевича Варжанского, собравшее тридцать пять священнослужителей.

«Епархиальный миссионер сделал доклад собранию о тяжелом настоящем времени для Православия от крайне сильного развития сектантства так называемых “братчиков”, а также баптистов, пашковцев и адвентистов. Миссионер указал, как утверждается и развивается сектантство, а также сообщил о главных причинах этого развития. Как на средство противодействия сектантскому натиску было указано на необходимость религиоз-

ного просвещения и нравственно-церковного оздоровления православного народа, для чего желательна катехизация народа, устройство приходских народно-миссионерских курсов, внебогослужебных бесед и чтений с световыми картинками, образование кружков ревнителей православия, братств трезвости, народно-миссионерских библиотек и распространение церковно-нравственной и противосектантской литературы, чему может способствовать открытие отделов Братства Воскресения Христова, имеющего целью церковно-религиозное просвещение православных и церковноприходских братств трезвости.

Собрание, по предложению отца протоиерея Константина Голубева, единогласно постановило открыть в возможно скорейшем времени отдел Братства Воскресения Христова и немедленно же, не дожидаясь открытия отдела Братства, учредить склад необходимых миссионерских книг и пособий для катехизации народа и церковно-религиозной литературы, с таким расчетом, чтобы к Великому посту все присутствовавшие на собрании пастыри могли покупать необходимую литературу при первом благочинническом округе Богородского уезда. Было затем выражено желание формального открытия фактически давно уже существующих церковноприходских братств трезвости и учреждения новых, а также сделаны указания, как поступать при появлении сектантов, как воздействовать на их пропаганду.

Несмотря на то, что собрание длилось около пяти часов без перерыва, среди присутствующих было большое воодушевление».

В 1913 году скончалась после двух с половиной лет тяжелой болезни жена отца Константина Мария, бывшая на протяжении многих лет его верной помощницей. Спустя три года после ее кончины их сын Леонид, студент Духовной академии, писал о ней: «...В продолжение всей своей жизни она была глубоко верующей. Она очень боялась, как бы не умереть вдруг, неожиданно, — а при ее болезни всегда можно было ожидать внезапной смерти, — и горячо молилась, чтобы Господь даровал ей христианскую

Протоиерей Константин Тюбев

кончину жизни — безболезненную, непостыдную, мирную, и желала, горячо желала причаститься по возможности незадолго до смерти. В ночь своей смерти она молилась: “Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих кое есть?!” — и призывала в молитве Филарета Милостивого, память которого — в день ее смерти, 1-го декабря. И Господь услышал ее. Она осуществила и подтвердила слова венценосного пророка Давида: “Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому”.

В последние три дня своей жизни она причащалась ежедневно. В последнюю ночь, в субботу, сидя на своей постели, она выразила желание причаститься на другой день — в воскресенье за ранней литургией, — но потом, чувствуя ухудшение, попросила причастить ее поскорее. Выслушав молитвы к причащению, она сама прочла “Верую, Господи, и исповедую” и причастилась около трех часов ночи.

Вскоре после этого она сказала: “Филарет Милостивый услышал меня... умираю... Ныне первая ектеня заупокойная будет за новопреставленную рабу Божию Марию...”

Стала читать “Ныне отпускаеши...”. Затем проговорила: “Господь Бог мой, Иисус Христос, спасет и помилует меня! Отче! В руки Твои предаю дух мой!..” Сказала громко, ясно, отчетливо. Затем ей предложили: “Не почитать ли молитвы?” — разумея молитвы на исход души. — “Скорее читайте, скорее!.. я и забыла!..” — беспокойно сказала она... И лишь начали читать, она несколько успокоилась. Когда ей пытались оказывать помощь, она громко говорила: “Уйдите, не мешайте!.. не трогайте! Дайте спокойно умереть...” К четырем часам утра она стала принимать все более и более умиротворенный вид, и затем уже трудно было в точности определить, когда окончилась ее жизнь...»

Пришло время гонений на Православную Церковь, и в первую очередь они обрушились на делателей Христовых, на исповедников святого православия. В 1918 году еще не вполне и не везде была установлена советская власть, но отец Константин уже был

арестован, заключен в тюрьму и без суда осужден на смертную казнь. По-видимому, о том, что он будет расстрелян, ему было в конце концов объявлено, так как после этого он передал из тюрьмы детям свой наперсный крест и служебник. Священник не просил, чтобы его освободили, он знал, что осужден на смерть, и был к ней готов. Не знал он только того, что злодеи, вполне испытав силу веры священника за время его нахождения в тюрьме, избрали для исповедника казнь мучительную. Отец Константин это понял тогда, когда эта казнь началась. Но и тогда он не о том просил, чтобы его отпустили, а чтобы, уже решив убить, убивали скорее, без того мучительного изуверства, к которому прибегли палачи.

Неглубокая могила была вырыта на опушке соснового бора на дне небольшого карьера, откуда когда-то бралась земля для различных технических нужд. Архимандрит Сергей (Шеин), которому было поручено на Соборе 1917/18 годов сделать доклад о гонениях на Церковь и о новых мучениках, так описывает смерть отца Константина: «При расстреле в Богородске Московской епархии протоиерея отца Константина Голубева убийцы нанесли ему только рану и еще живого бросили в яму и стали засыпать землю. Несчастный подымал из ямы голову и молил прикончить его; находившаяся при этом дочь его на коленях, с рыданиями умоляла также, чтобы ее отца не хоронили живым, но ничто не помогло, и злодейство было доведено до конца — его засыпали живым».

О предстоявшей казни священника было известно заранее. Протоиерей Константин прослужил в Богородске двадцать три года и за это время стал духовным отцом многих православных жителей города. Когда отряд красногвардейцев вывел священника из тюрьмы и повел к месту казни, за ним двинулась густая толпа людей. Те, кто шли рядом с ним, слышали, как отец Константин вслух сказал: «Не ведают, что творят».

Церковные предания сохранили сведения, что фамилия начальника отряда красногвардейцев была Белов. После расстрела

отца Константина священник стал являться ему. Однажды, когда в комнату вошла с распущенными волосами его жена, он принял ее за убитого им священника, выстрелил в нее и убил. И затем застрелился сам.

Долгое время место погребения отца Константина было почитаемо жителями Богородска. На могиле часто служились панихиды, горела лампада, сюда приносились иконы и цветы. Безбожники, обнаруживая эти знаки почитания, уничтожали могильный холм, зарывали оставшиеся на могиле цветы, иконы и свечи, и со временем место захоронения было утрачено. Но память о выдающемся миссионере-священнике, засвидетельствовавшем верность Христу своим мученичеством, дошла до нашего времени. И в канун праздника архистратига Божия Михаила, 20 ноября 1995 года, были обретыены мощи священномученика и перенесены в Тихвинский храм города. При обретеннии были обнаружены останки двух других мучеников, пострадавших одновременно с протоиереем Константином Голубевым. Один из них был солдатом, состоявшим в отряде красногвардейцев, родом из Богородска. Он отказался стрелять в священника и был за это убит.

ИСТОЧНИКИ:

- ЦГИАМ. Ф. 1490, оп. 2, ед. хр. 2.
 РГИА. Ф. 833, оп. 1, ед. хр. 26.
 Саратовские епархиальные ведомости. 1894, № 2; 1896, № 1.
 «Московские ведомости». 1895, № 354.
 Московские церковные ведомости. 1911, № 10; 1916, № 49–50.
 Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи.
 Куйбышев, 1966. Машинопись. Ч. 6.
 Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники
 благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.
 Кн. 5. Тверь, 2001.

Сентября 30 (13 октября)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Петр (Соловьев)

Священномученик Петр родился в 1871 году в селе Подлесная слобода Луховицкого уезда Рязанской губернии в семье псаломщика Введенской церкви Тимофея Соловьева, у которого было пятеро детей; двое из его сыновей стали священниками. Петр Тимофеевич окончил Рязанскую Духовную семинарию и женился на Александре, дочери священника Стефана Кедрова, служившего в храме во имя Казанской иконы Божией Матери в селе Карташово. Впоследствии у Петра Тимофеевича и Александры Степановны родилось пятеро детей.

В июле 1896 года Петр Тимофеевич был рукоположен в сан священника ко храму, где служил его тесть, священник Стефан Кедров. К этому времени село Карташово перестало существовать, так как слилось с селом Астанкино, где находилась как сама церковь, так и церковноприходская школа и дома церковнослужителей, и потому все это место называлось Поповка. Прихожанами Казанского храма были жители сел Астанкино, Астапово, Новоселки, Выселки и Новая деревня. В этом храме отец Петр прослужил настоятелем всю свою жизнь. Здесь он был возведен в сан протоиерея и назначен благочинным округа.

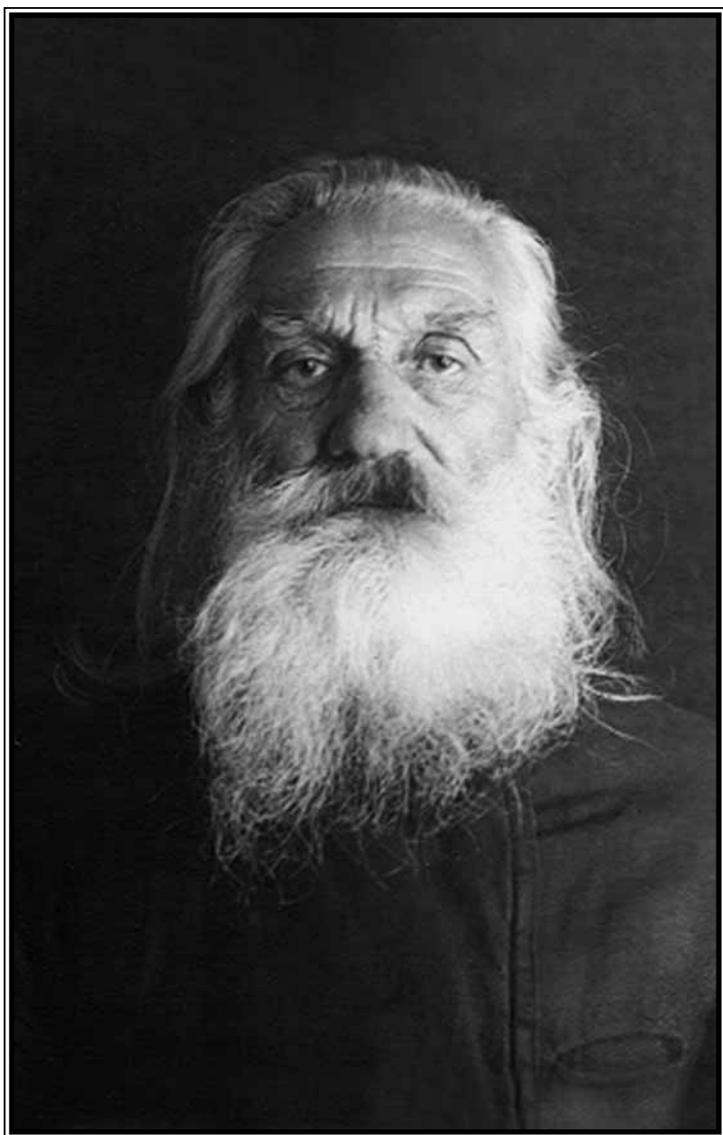
Семья отца Петра была дружная, священник воспитал детей в любви к храму и к сельскому труду, так что все крестьянские работы дети производили вместе с отцом. Сами пахали, косили сено для скотины — до тех пор пока власти не отобрали хозяйство и

часть дома. Среди жителей села отец Петр пользовался любовью и авторитетом.

Во второй половине 1937 года усилились гонения на Русскую Православную Церковь. 2 сентября 1937 года на основании беседы с председателем колхоза в селе Астанкино сотрудники НКВД составили протокол следующего содержания. В 1936 году председатель колхоза будто бы пришел в дом к священнику, чтобы просить его подписаться на государственный заём. Священник отказался подписываться и сказал, что он советской власти помогать не будет, так как она преследует священнослужителей и отняла у них все гражданские права. «Вы вот пришли просить меня подписаться на заём, а где же я деньги возьму, когда нас советская власть ограбила и до сих пор это продолжается? Нам не дают возможности зарабатывать своими трудами, запрещая ходить с молебнами по приходу». «В январе 1937 года я шел мимо дома попа, — показал председатель, — и, повстречавшись с ним, сказал: “Пора бы отказаться от богослужения”. Но он на это заявил: “Этого никогда не будет. Я же пастырь Божий; наши деды и прадеды так жили, и мы будем так доживать. А что сейчас время такое тяжелое и смутное, оно, поверь мне, изменится”».

В тот же день был допрошен председатель сельсовета, который заявил, будто бы священник говорил ему: «Советская власть привыкла нас грабить и до сих пор не перестает делать это. Законно или незаконно, а вам все подавай. Нам вы воспрещаете ходить с молебнами по приходу, а мы только на это и живем, между тем, согласно новой конституции, мы вправе это делать. Вы от народа утаиваете, что в новой конституции написано относительно религии». «В мае 1937 года священник призывал население не считаться с работами в колхозе и ходить в церковь, — показал председатель, — он говорил: “Вас никто не может принудить работать в колхозе в праздники, и никто не может притеснять вас за ваши религиозные убеждения. Согласно произведенной переписи, государство учло, что верующих пока имеется большинство, и нам нужно проводить в жизнь то, что предоставила нам советская

Протоиерей Петр Соловьев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

власть в новой конституции, — свободу религии. Нужно больше самим посещать храм Божий и привлекать тех, кто отошел, и в особенности молодежь”. В июле 1937 года при проведении подписки на заём в моем присутствии священник Соловьев сказал: “Мы много помогаем советской власти, а нам от этого нет никаких улучшений. Но чтобы вы больше не приставали, я могу пожертвовать десять рублей. Вы с нас просите на заём, а сами нам по приходу ходить воспрещаете, а я бы вам тогда пожертвовал не десять рублей, а сто”».

8 сентября 1937 года НКВД выписал ордер на арест священника. Сотрудники НКВД приехали к нему домой в село Астанкино, но не застали его и пришли к председателю колхоза спросить, где священник. Тот сказал, что, вероятнее всего, он находится у своего зятя в Коломне. Сотрудники НКВД направились туда. Дочь отца Петра Клавдия по окончании епархиального училища в Рязани работала учительницей в школе в селе Новоселки. Ее муж, священник Сергей Кочуров, служил в храме пророка Божия Илии в Коломне; он был арестован позднее, в 1940 году. 8 сентября отец Сергей и Клавдия праздновали именины дочери Наталии. Был на именинах и отец Петр; во время празднования он был арестован и препровожден под конвоем в тюрьму.

На следствии протоиерей Петр держался мужественно и с большим достоинством, и, как почти всегда бывало в таких случаях, представители безбожных властей, натолкнувшись на непоколебимую веру священника и готовность отстаивать свои убеждения до конца, ограничились всего лишь одним допросом.

— Следствию известно, что вы призывали население не вступать в колхоз, то есть вели контрреволюционную деятельность. Признаете ли вы это?

— Нет, это я отрицаю.

— Следствию известно, что вы высказывали террористические настроения против коммунистов. Признаете ли вы это?

— Нет, это я отрицаю, так как никогда ничего подобного я не высказывал.

— Следствию также известно, что вы среди населения высказывали контрреволюционную клевету на советскую власть. Признаете ли вы это?

— Нет, это я отрицаю и виновным себя в контрреволюционной деятельности против советской власти не признаю.

10 октября 1937 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Петр Соловьев был расстрелян 13 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-60095.

Насилов Д. М. Воспоминания. Рукопись.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Сентября 30 (13 октября)

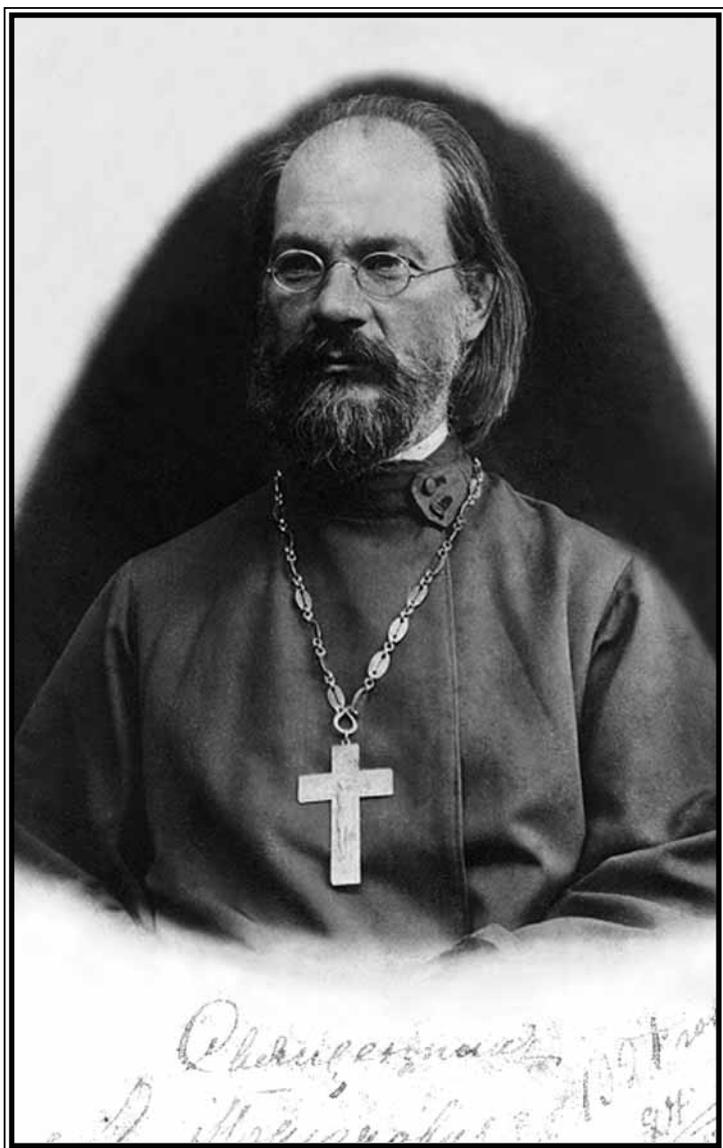
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Леонид (Прендкович)

Священномученик Леонид родился 22 марта 1874 года в Москве в семье священника Александра Прендковича. Родители его умерли рано, и Леонид с братом Иваном жили и воспитывались в семье старшей сестры Варвары, которая была замужем за служившим в одном из московских храмов священником Александром Дмитриевичем Харитоновым. Отец Александр воспитал братьев Леонида и Ивана и определил их в семинарию.

В 1899 году Леонид Александрович окончил Московскую Духовную семинарию, а через год – курс Московского епархиального училища иконописания. С 26 октября 1899 по 2 июня 1900 года он служил учителем Троице-Ратмановской церковноприходской школы Богородского уезда, откуда был перемещен на должность законоучителя в Юркинскую церковноприходскую школу и затем, 4 января 1902 года, – на должность учителя в Верейскую городскую церковноприходскую школу.

К этому времени Леонид Александрович познакомился со своей будущей женой, Анастасией. Она заканчивала институт благородных девиц в Москве, куда ее определил дядя, занимавший должность инспектора подобного рода институтов. Не имея своих детей, он заботился о воспитании и образовании детей сестры. Анастасия была дочерью священника Петра Соколова, который служил в Богоявленском храме в городе Верее. По окончании института Анастасия Петровна вернулась в Верею и обвенча-

Обязанник Ассониг Крэнгобори

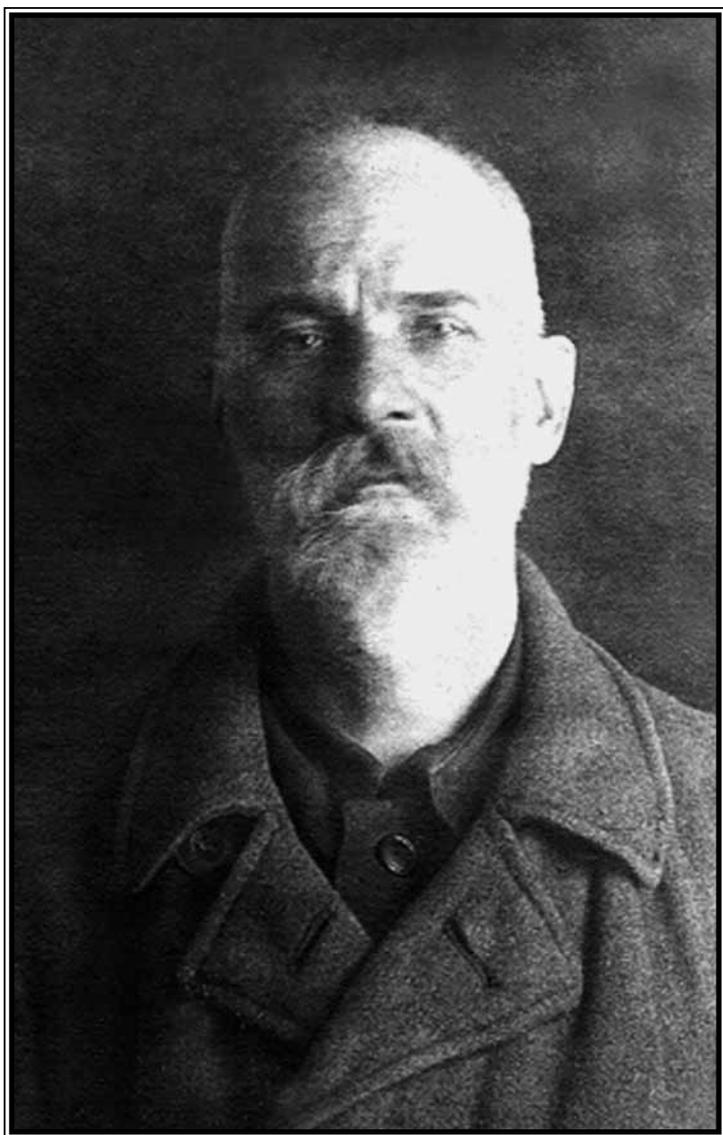
лась с Леонидом Александровичем. Впоследствии у них родилось пятеро детей.

В 1903 году Леонид Александрович был рукоположен во священника к Богоявленскому храму в городе Верее, а после смерти тестя назначен настоятелем этого храма. Одновременно отец Леонид продолжал служить законоучителем в Верейских училищах: в пригородном министерском двухклассном училище, в низшей ремесленной школе и в двухклассном приходском женском училище.

В память 25-летия существования церковноприходских школ он был награжден серебряной медалью на Александровской и двойной Владимирской лентах. С сентября 1904 года отец Леонид состоял членом Верейского отделения Кирилло-Мефодиевского Братства, а с марта 1911 года – товарищем председателя Верейского отдела Братства Воскресения Христова. В январе 1913 года отец Леонид был назначен лектором и заведующим Верейских народных катехизаторских курсов. С 1910 по 1914 год он был членом благочиннического совета 1-го округа Верейского уезда, а с 1914 года – духовником священноцерковнослужителей 1-го округа Верейского уезда. В 1907 году он был награжден набедренником, в 1913 году – фиолетовой скуфьей. Возведен в сан протоиерея.

В октябре 1918 года во время крестьянского восстания в селе Вышегороде отец Леонид был арестован Верейским исполкомом и некоторое время находился в заключении в качестве заложника.

Знавшие отца Леонида вспоминали о нем как о человеке необыкновенно добром. Он был противником применения строгих мер даже в воспитательных целях и никогда не повышал голоса. Как ни тяжело было жить, он никогда не устанавливал цен на требы, и верующие давали кто сколько мог. В любое время дня и ночи его могли позвать пособоровать или причастить больного, и, хотя он был человеком слабого здоровья, безотказно собирался и шел.

Протоиерей Леонид Тренкович

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

Отец Леонид всегда ходил по городу в рясе, и во время проводимых государством антирелигиозных кампаний мальчишки выкрикивали ему вслед разные прозвища и бросали камни. Власти реквизировали часть его дома и имущества. Прихожане любили священника и старались ему помочь, но, боясь властей, делали это тайно. Так, они в складчину купили корову и сено для нее и привели ее ночью к дому священника. В голодное время благодаря ей священник и его семья выжили.

В начале 1937 года отца Леонида вызвали в НКВД и предложили поступить на службу осведомителем. При этом ему пригрозили, что в случае несогласия его арестуют. Отец Леонид сказал в ответ: «Я не способен такими вещами заниматься, можете меня оставить здесь». В тот раз его отпустили, но через некоторое время, 8 сентября 1937 года, он был арестован и заключен в тюрьму в городе Можайске.

— Следствие располагает материалами, что вы являетесь участником контрреволюционной группировки. Подтверждаете вы это? — спросил следователь.

— Такой группировки у нас в городе Верее нет, и участником ее я не являюсь.

— Следствием также установлено, что вы в вашем доме собирали нелегальные собрания.

— Никаких нелегальных собраний у меня не было, но Пушкинский и Серебренников ко мне иногда заходили.

— Когда к вам заходили Серебренников и Пушкинский, вы вели между собой контрреволюционные разговоры?

— Нет, мы разговаривали только на религиозные и семейные темы.

— Вы говорили: «я коммунистам не сочувствую и денег добровольно давать не хочу»?

— Нет, я этого не говорил, я не подписался на заём потому, что у меня не было денег в момент подписки.

— Вы все говорите неверно. Вы систематически вели контрреволюционную агитацию и участвовали в контрреволюционной

группировке. Следствием это установлено, и мы требуем дать правильный ответ.

– Я говорил все правильно и от дальнейших ответов отказываюсь.

7 октября 1937 года протоиерей Леонид Прендкович был приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Отца Леонида отправили на лесоразработки, откуда он написал, что живет хорошо, целый день на воздухе, в лесу, «а я к такой жизни привычный». Через четыре месяца родственники послали священнику посылку, но она вернулась обратно – в 1938 году протоиерей Леонид Прендкович умер в лагере.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 20692.

ЦИАМ. Ф. 2090, оп. 1, д. 1.

Прендкович Н. Д. Воспоминания. Рукопись.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Сентября 30 (13 октября)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Петр (Пушкинский)

Священномученик Петр родился 23 декабря 1891 года в селе Барково Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника Василия Пушкинского.

После Перервинского Духовного училища он поступил в Московскую Духовную семинарию, которую окончил по первому разряду в 1913 году. По постановлению педагогического собрания правления семинарии Петру Васильевичу была присуждена особая награда за отличное составление и произнесение проповедей. В течение года Петр Васильевич преподавал Закон Божий в Орехово-Зуевском народном училище.

В 1914 году он женился на Зинаиде, дочери протоиерея Василия Смирнова, настоятеля церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в селе Дьяковском. Вскоре Петр Васильевич был рукоположен в сан священника и назначен настоятелем церкви Илии Пророка в городе Верее и законоучителем Верейской женской прогимназии. С 1915 года отец Петр состоял лектором и секретарем Верейских народных катехизаторских курсов.

Когда началась Первая мировая война, в городе Верее был устроен лазарет имени «Всероссийского союза», где отец Петр безвозмездно исполнял обязанности священника.

После революции из-за разрухи в стране, из-за скученности больных в госпитале началась эпидемия черной оспы и тифа.

Протоиерей Петр Лукинский с сыном и Сергеем

Отец Петр ходил в лазарет причащать больных и отпевать умерших. Обычно он отпевал один, так как в помещения, где лежали инфекционные больные, никого не пускали. И хотя ему самому пришлось переболеть тифом, он не переставал ходить к страждущим.

В 1918 году отец Петр был арестован карательным отрядом латышей, направленным большевиками в Верейский уезд для подавления крестьянского восстания. Его арестовали прямо на улице в то время, когда он сопровождал покойника на кладбище, и провели в городскую управу, а затем в тюрьму. Причем и сам арест, и конвоирование в тюрьму совершались таким образом, чтобы как можно больше устроить узника. В тюрьме отца Петра поместили в камеру, где в качестве заложников были собраны священники, купцы и богатые горожане. Все они вышли на волю, уплатив за себя выкуп, а отец Петр был освобожден бесплатно, как арестованный на улице случайно.

Во время Гражданской войны отца Петра призвали в городское ополчение. Как человека грамотного, его назначили работать секретарем. Однажды начальник попросил его задержаться вечером на службе, а этот день был предпраздничным, и должна была быть всенощная. Отец Петр сказал, что он не может остаться, так как должен служить в храме. Его отпустили, но наутро он получил извещение о высылке в Серпухов. Здесь его определили на гарнизонную конюшню – чистить помещение и лошадей. Из конюшни его перевели в продовольственный отдел тыла, но легче ему здесь не стало.

Однажды к нему явился красный командир и потребовал выписать сухой паек, между тем как документа, дающего право на его получение, он не имел. Отец Петр направил его к начальнику продовольственного отдела. Вечером, возвращаясь домой, он увидел на противоположной стороне улицы этого командира, который подзывал его подойти и сам уже направился навстречу священнику. Поняв, что не с доброй целью хочет видеть его вооруженный военный, отец Петр быстро развернулся и ушел домой.

В следующий раз священник причащал больного в больнице и, когда вышел из больничного барака, столкнулся с тем же красным командиром; тот несколько раз выстрелил в него, но промахнулся.

По окончании Гражданской войны отец Петр вернулся служить в Ильинскую церковь. Был возведен в сан протоиерея.

В 1920 году епископом Верейским был назначен Иларион (Троицкий). Несмотря на многочисленные поручения, которые ему приходилось исполнять как помощнику Патриарха Тихона, владыка часто служил в храмах и монастырях Верейского уезда. В это время были не редкостью диспуты между духовенством и безбожниками. Участниками одного из таких диспутов стали епископ Иларион и священник Петр Пушкинский. К концу диспута для всех стало очевидно, что безбожники терпят поражение, и тогда присутствовавшие на нем комсомольцы предложили поставить на голосование вопрос об аресте епископа и священника. Пока обсуждали и голосовали, отец Петр черным ходом вывел епископа Илариона из клуба и привел к себе в дом. Владыка поужинал, переночевал у священника, а наутро уехал.

В тяжелое и голодное время по инициативе отца Петра для прихожан Ильинской церкви был выделен покос. Священник Петр Пушкинский, врач Дмитрий Волков и еще несколько человек организовали сельскохозяйственную кооперацию; в течение ряда лет они сеяли рожь, выращивали овощи и так пережили это трудное время.

В двадцатых годах в городе вспыхнула эпидемия скарлатины. Отец Петр и заведующий больницей Дмитрий Волков организовали борьбу с ней. Священник составил подписные листы, с которыми ходил по домам и собирал деньги на лекарства, а у кого денег не было, за того платила церковь, которой помогал тогда староста храма Михаил Федорович Митюгин, человек состоятельный и добрый. До революции он был купцом и имел торговые ряды в Верее, после революции он некоторое время еще сохранял материальный достаток. Собрав деньги, отец Петр поехал

в Москву за вакциной, затем врачи сделали прививки, и вскоре эпидемия в городе прекратилась.

Отец Петр много внимания уделял воспитанию в прихожанах благоговейного отношения к храму и богослужению. Церковные службы в Ильинском храме проводились в субботу, воскресенье и в праздники. Священник служил ничего не сокращая, даже если было мало народа.

Несмотря на гонения и террор по отношению к Русской Православной Церкви, отец Петр создал большой церковный хор, в котором участвовало около сорока человек, руководил им врач Дмитрий Волков. Среди певчих были люди самых разных профессий – учителя, врачи, служащие учреждений, городские ремесленники. Спевки устраивались на квартире священника. И хотя хористов тогда еще прямо не преследовали, но каждая спевка привлекала пристальное внимание милиции, которая высылала наряд своих сотрудников, и они располагались вокруг священнического дома, ведя за ним наблюдение и переписывая всех проходящих для применения к ним впоследствии репрессивных мер.

В 1922 году во время кампании по изъятию церковных ценностей к Ильинскому храму подъехала подвода с комиссаром и солдатами. Верующие заволновались и готовы были оказать физическое сопротивление, которое могло окончиться кровопролитием. Отец Петр, зная, что случаи кровопролития уже были в некоторых местах, вышел на паперть и обратился к прихожанам с просьбой успокоиться и не препятствовать работе приехавших представителей власти, так как они исполняют распоряжение правительства и сопротивление бесполезно.

В двадцатые годы народ был доведен до крайнего обнищания, и священнику ради материальной поддержки семьи приходилось подрабатывать ремеслом: он шил сандалии, подшивал валенки и вытачивал на токарном станке «косточки» для бухгалтерских счетов. Но и тогда он не устанавливал в храме цены на требы. На во-

прос, сколько стоит крещение или венчание, священник всегда отвечал: «Сколько дадите».

Несмотря на материальные трудности, священник никогда не отказывал в помощи бедным, за что его супруга не раз делала ему выговор. По большим праздникам он всегда ходил с молебнами по домам, но домой мало что приносил. Идет из дома в дом, ему дают и деньги, и пироги, и разные продукты — все, что у людей было. А дойдет до дома бедной вдовы, на попечении которой осталось семеро детей, ей все и оставит — и деньги, и пироги.

Отец Петр поддерживал близкие отношения с протоиереем Алексием Мечевым, и когда тот бывал в Верее, то всегда служил в храме Илии Пророка. После смерти в 1923 году отца Алексия к отцу Петру стал приезжать его сын, священник Сергей Мечев, который вместе с членами своей общины часто отдыхал в Верее, где они снимали дачи. В 1925—1927 годах в семье отца Петра жили двое детей-беспризорников, которых прислал к нему отец Сергей Мечев.

Гонения на Русскую Православную Церковь принимали разные формы. В конце двадцатых годов священник мог быть арестован, например, за хранение мелкой серебряной или медной монеты. Власти, пользуясь возможностью произвести обыск, старались отыскать эти несколько десятков рублей мелочи, чтобы затем арестовать. Однажды после большого праздника, когда отец Петр ходил по домам с иконой и служил молебны, к нему домой пришли сотрудники ОГПУ с обыском, но нашли всего лишь двадцать восемь рублей мелочью и удалились.

Несколько раз к отцу Петру в дом приходили агенты ОГПУ и убеждали его оставить священство: «Вы молодой, вы должны уйти, вы должны объявить с амвона о том, что вы с течением времени отошли, осознали, что вы отрекаетесь от Христа и Церкви», — говорили они и предлагали деньги. Несколько раз его вызывали в Москву и там также предлагали деньги. Отец Петр отвечал всегда одинаково: «Я категорически против».

Как-то его вызвали на допрос в ОГПУ в Можайск. Здесь от него с угрозами потребовали отступить от Церкви. Затем следователь, ничего не добившись от священника, вышел из кабинета, но через некоторое время вернулся, вытащил пистолет и прицелился, как бы готовясь выстрелить, но и это не принесло желаемых результатов.

Из-за постоянных преследований, угроз и вызовов в ОГПУ родственники отца Петра стали сторониться его, опасаясь, как бы эти преследования не коснулись и их, не повлияли на их карьеру; они стали настойчиво уговаривать священника перестать служить, но отец Петр не уступил и им.

Священника арестовали 31 июля 1937 года, обвинили в контрреволюционной деятельности и заключили в тюрьму в городе Можайске.

Лжесвидетелем по делу отца Петра выступил благочинный — священник Виктор Озеров, который сказал, что священник Петр Пушкинский относится к советской власти враждебно; о сталинской конституции будто бы говорил: «Что нам ждать от этой конституции, ни на какие выборы я не пойду, это для смеха-то идти? Все восхищаются конституцией, а что в ней нового, люди мало сознают, восторгаются именно Сталиным, все газеты наполнены этим, и получается деланное восхваление одной личности». Лжесвидетель показал, что Пушкинский имел тесную связь со священниками города Москвы отцом и сыном Мечевыми, известными монархистами, которые под видом благотворительности собирали денежные суммы и помогали репрессированным священникам. Квартира Пушкинского являлась пристанищем для контрреволюционно настроенного духовенства.

Священник Виктор Озеров, как и большинство лжесвидетелей, не был арестован; он скончался вместе с женой от голода в 1942 году — во время оккупации города Вереи немцами. Оказавшись в беде во время оккупации, многие старались друг другу помочь; однако, зная, какую роль этот священник сыграл в гибели других, ему не помог никто.

Основываясь на показаниях лжесвидетеля, отца Петра спрашивали на допросах о том, знал ли он священника Алексея Мечева и знаком ли с его сыном, Сергием Мечевым, который был арестован за контрреволюционную деятельность, а также о том, помогал ли он находившимся в заключении священнослужителям. Отец Петр ответил, что Мечевых он знал, а также помогал жене священника, находившегося в заключении, который являлся его родственником. Обвинение в контрреволюционной деятельности отец Петр категорически отверг.

9 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Петра к расстрелу. Протоиерей Петр Пушкинский был расстрелян 13 октября 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20692.

ЦИАМ. Ф. 2090, оп. 1, д. 1.

Пушкинский Сергей Петрович. Воспоминания. Рукопись.
Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники
благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.
Кн. 6. Тверь, 2002.

Сентября 30 (13 октября)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Вячеслав (Занков)

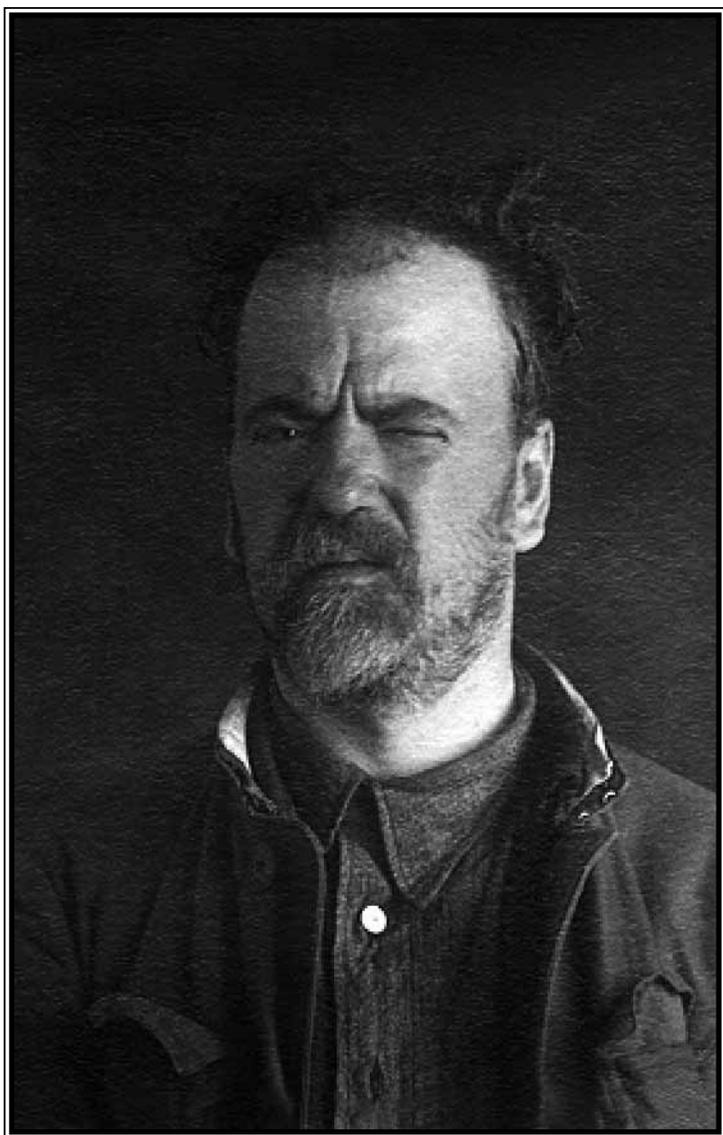
Священномученик Вячеслав родился в 1892 году в городе Сычевка Смоленской губернии в дворянской семье. Его отец Сергей Занков служил инспектором народных училищ Москвы и Московской губернии.

В 1914 году Вячеслав Сергеевич поступил в Московский университет, который окончил в 1918 году и стал работать учителем школы № 11 Рогожско-Симоновского района Москвы.

В 1920 и 1921 годах он работал в отделе народного образования Рогожско-Симоновского района, а в 1921–1923 годах был сотрудником отдела высших учебных заведений Народного комисариата просвещения. В это время он уже был священником.

Вячеслав Сергеевич был рукоположен во священника в 1920 году ко храму Святой Троицы, что в Зубове в Москве, в котором он прослужил до 1932 года, когда был переведен в храм святителя Николая в Хамовниках. Возведен в сан протоиерея. В 1934 году награжден крестом с украшениями. В том же году был переведен в Покровскую церковь в селе Черкизово, а в 1936 году назначен служить в Казанский храм села Котельники.

На новом месте он организовал ремонт храма, продолжал неустанно проповедовать слово Божие, призывал прихожан к усердной молитве. Позднее председатель сельсовета обвинил его в том, что «он ведет агитацию... среди подростков и детей. Заставляет их молиться». А свидетельница по делу показывала: «во время похорон моего ребенка в церкви были дети», и священник

Протоиерей Вячеслав Занков

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

Занков сказал им: «вы, девочки, молитесь и пойте за мной». Одну из этих девочек вызвали на допрос в НКВД, и она подтвердила, что «многие школьники ходят в церковь к Занкову».

Свидетели показали, что женщинам отец Вячеслав говорил об абортах: «Многие из-за плохой материальной обеспеченности убивают своих детей и греха не боятся, так как жизнь у них такая, что некогда думать о своих грехах и о жизни после смерти. Вы, женщины, не соблазняйтесь, как соблазнились многие».

Протоиерея Вячеслава арестовали в ночь с 16 на 17 сентября 1937 года и, обвинив в контрреволюционной деятельности, содержали под стражей в Таганской тюрьме. При аресте у него были найдены напечатанные на машинке лекции профессора Московской Духовной академии Н.Д. Кузнецова по курсу «Обоснования христианского мировоззрения», прочитанные тем в 1922 году, рукопись 1912 года «Односторонность в суждениях по вопросу о содержании духовенства» священника Воскресенской церкви города Самары Василия Красносамарского и конспект лекций по курсу «Современная апологетика» 1923 года, написанный рукой отца Вячеслава. Эти апологетические сочинения стали объектом пристального внимания следователей НКВД.

— У вас при обыске изъяты контрреволюционные рукописи... Для чего вы их хранили? — спросил следователь.

— Как память о профессоре Н.Д. Кузнецове, — отвечал отец Вячеслав.

— Кому вы давали читать и как размножали?

— Никому не давал читать и никак не размножал.

— Признаетесь виновным в хранении контрреволюционных рукописей?..

— Нет.

Следователя интересовали также подробности ремонта храма: кто собирал деньги на ремонт. Отец Вячеслав отвечал, что он прочитал проповедь и верующие собрали.

— Следствие требует правдивых показаний о вашей контрреволюционной деятельности.

- Отрицаю.
- Вы вели среди населения церкви контрреволюционную агитацию? Дайте показания.
- Отрицаю.
- Вы в церкви читали проповеди и призывали к сплоченности против советской власти?
- Отрицаю.

9 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Вячеслава к расстрелу. Протоиерей Вячеслав Занков был расстрелян 13 октября 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-65008.

ЦИАМ. Ф. 2303, д. 276.

АМП. Послужной список.

Сентября 30 (13 октября)

МУЧЕНИК

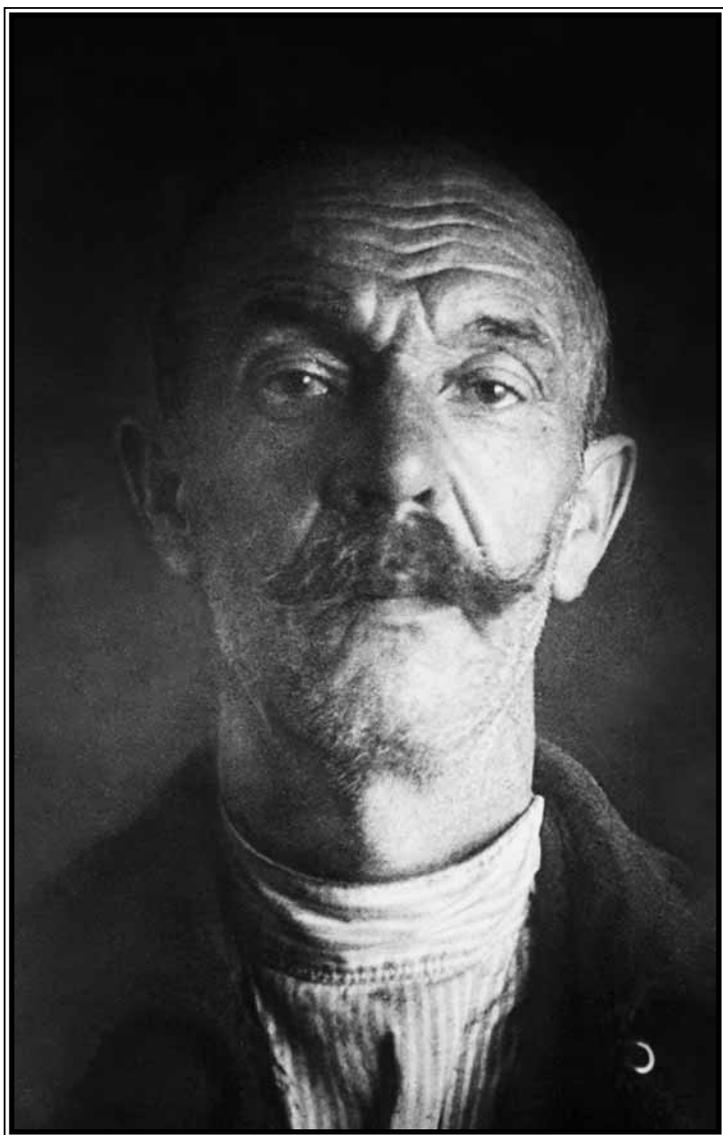
Алексий (Серебрянников)

*М*ученик Алексей (Алексей Николаевич Серебрянников) родился 1 октября 1882 года в селе Васильевском Лихвинского уезда Московской губернии. Окончил уездное училище. С 1914 по 1916 год он служил делопроизводителем полицейского управления в городе Звенигороде Московской губернии. С 1918 по 1926 год Алексей Николаевич служил сначала в канцелярии народного суда, а затем в Земельной компании в городе Верее Московской области.

С 1 января 1926 года он был псаломщиком Христорождественской соборной церкви в Верее. В январе 1930 года собор был закрыт, и Алексей Николаевич стал служить в церкви Богоявления в том же городе.

9 сентября 1937 года, во время усилившихся гонений на Русскую Православную Церковь, власти арестовали его и заключили в тюрьму в городе Можайске. Вызванные на допрос лжесвидетели показали, что Алексей Николаевич вел антисоветскую пропаганду, говорил, что люди в колхозах работать стараются, а за работу получают мало, и о Тухачевском сказал: жаль, что хороших людей расстреливают.

Вызванный на допрос, Алексей Николаевич виновным в предъявленных ему обвинениях себя не признал, а на вопрос о Тухачевском ответил, что даже не знал, кто он такой, никогда о

Пла.ю.щик Алексей Серебрянников

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

нем не читал и услышал о нем лишь тогда, когда везде стали писать, что он арестован.

9 октября 1937 года тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Псаломщик Алексей Серебренников был расстрелян 13 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20692.

ЦИАМ. Ф. 2090, оп. 1, д. 1.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Октября 1 (14)

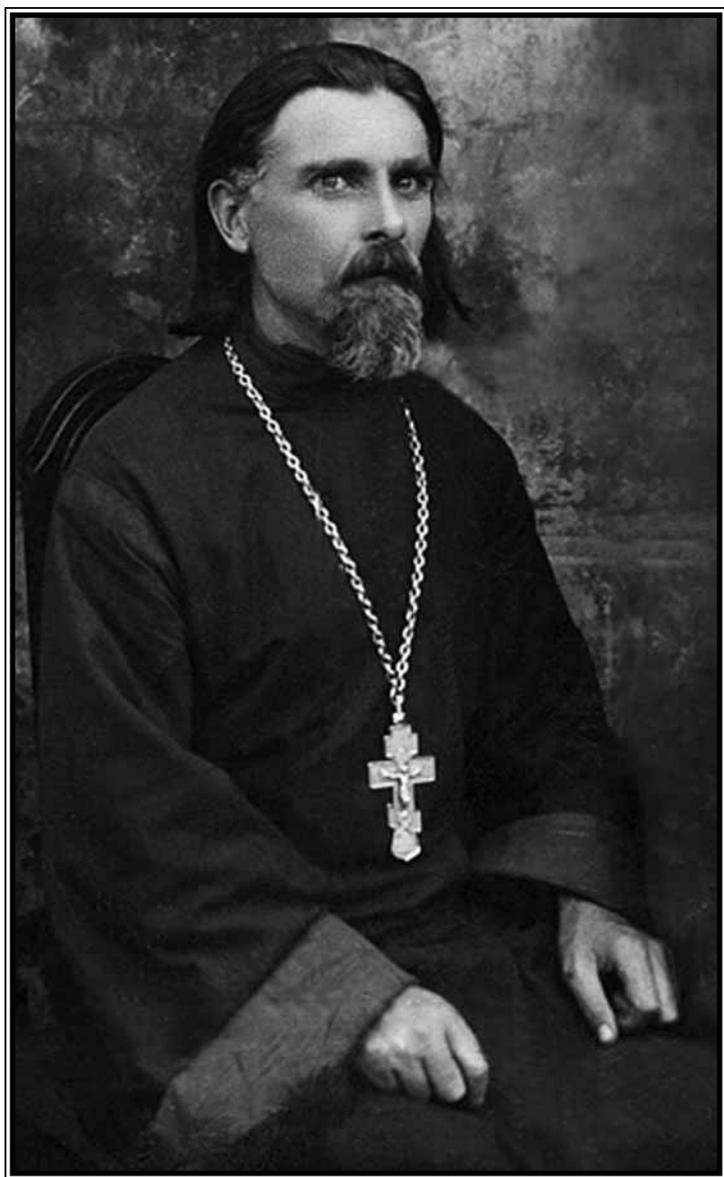

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Александр (Агафоников)

Священномученик Александр родился 3 декабря 1881 года в селе Медяны Вятского уезда Вятской губернии в семье псаломщика Владимира Агафоникова. По окончании в 1903 году 5-го класса Вятской Духовной семинарии Александр Владимирович поступил учителем в Сычевскую церковноприходскую школу. 18 июня 1904 года он был рукоположен во диакона ко храму в селе Кырчан Нолинского уезда Вятской губернии, а 29 октября 1906 года – во священника ко храму в селе Тойкино Сарапульского уезда и назначен преподавателем Закона Божьего в Тойкинском земском училище. В 1911 году отец Александр был избран депутатом от духовенства на епархиальный съезд, а в 1913 году – депутатом на окружной училищный съезд.

В 1914 году отец Александр был переведен в храм в селе Спасо-Талицы Орловского уезда Вятской губернии и назначен законоучителем женского и мужского земских училищ. В 1915–1917 годах отец Александр избирался депутатом на епархиальные съезды, а в 1917 году был избран благочинным 1-го округа Орловского уезда. С 1917 года отец Александр стал служить в городе Вятке, а с 1919 года – в Спасо-Троицком соборе в городе Котельнич и вскоре был назначен благочинным. На состоявшемся в 1923 году благочинническом собрании было принято решение просить Патриарха Тихона об учреждении в Котельничах отдель-

Обязецник Александр Агафоников

ного викариатства. Отец Александр предложил в качестве кандидата на занятие епископской кафедры иеромонаха Флавиана (Сорокина), подвизавшегося в Златоустовском монастыре в Москве.

В начале 1924 года иеромонах Флавиан был хиротонисан во епископа Котельнического, викария Вятской епархии. По приезде в Котельничи епископ Флавиан был вызван в уездный исполнительный комитет, где у него спросили, собирается ли он создавать при себе епархиальное управление, на что он ответил, что нет. В этот период отец Александр исполнял обязанности городского благочинного и был ближайшим помощником архиерея. Епископ Флавиан управлял викариатством около года, а затем был арестован и сослан. Из ссылки он написал отцу Александру, что попал в чрезвычайно тяжелые материальные обстоятельства и нуждается в самом необходимом; в ответ на просьбу о помощи отец Александр стал ежемесячно высылать епископу деньги.

В это время в Котельничах развязалась борьба обновленцев с православными; обновленцы были активно поддержаны советской властью, и ОГПУ стало собирать сведения обо всех наиболее непримиримых противниках обновленцев. В конце 1926 года сотрудники ОГПУ составили свое заключение о деятельности отца Александра Агафоникова, в котором писали, что он, «будучи благочинным, в 1925 году сгруппировал вокруг себя реакционный элемент из духовенства города Котельничи и монашек и повел усиленную работу по укреплению в пределах уезда “старого православия” для более усиленной борьбы с так называемой группой обновленческого духовенства. Он повел работу по организации в городе Котельничи специальной епископской кафедры, что ему и удалось. В конце 1925 года в город Котельничи приехал епископ Флавиан, который вскоре Коллегией ОГПУ был сослан за антисоветскую деятельность.

Перед арестом Флавиан дал Агафоникову строгий наказ держаться за “старое”, быть стойким и не бояться никаких преследований со стороны существующей власти и поручил ему нелегаль-

но исполнять должность наместника управляющего епархией.

Будучи реакционно настроен против советской власти, Агафоники в церкви устраивал посвященные “страдальцам за веру православную” молебны, на которых демонстративно произносил многолетия страдальцам за веру православную, изгнанникам архиепископу Павлу*, епископам Виктору** и Флавиану, этим самым фанатично верующую публику натравливал на существующий государственный строй.

После приезда в город Котельнич митрополита Кирилла*** Агафоники сгруппировал вокруг него черносотенно-реакционный элемент. Способствовал агитации монашек среди неверующего населения о прибытии в Котельнич “святого митрополита” и паломничеству к нему той же публики».

Отец Александр Агафоники был арестован в сочельник Рождества Христова – 6 января 1927 года. 20 января следователь зачитал ему постановление о предъявлении обвинения, что «после ареста епископа Флавиана он возглавлял нелегально Котельничское епархиальное управление, на каковое производил денежные сборы и концентрировал их в фонд помощи антисоветскому элементу, находящемуся в ссылке. Являлся организатором денежных сборов тому же элементу. Вокруг себя сгруппировал черносотенный реакционный элемент города Котельнич, из которого намеревался организовать нелегальный сестринский кружок, ставивший своей целью содействие антисоветской деятельности проживавшего в городе Котельнич административно ссыльного митрополита Кирилла. После пожара в городе Котельнич поступавшие пожертвования на погорельцев Агафоники вопреки желаниям населения расходовал на ремонт церквей и частично из них отправлял осужденному за контрреволюционную деятельность епископу».

---

* Борисовскому.

** Островидову.

*** Смирнова.

25 января священник был допрошен. Отвечая на вопросы следователя, отец Александр сказал: «Прошло приблизительно полгода после отъезда епископа Флавиана, когда я получил от него письмо, в котором он указывал на свое тяжелое материальное положение. Из чувства долга и сострадания к нему я послал пятьдесят рублей, а после того, как узнал его постоянный адрес, стал посылать ежемесячно по пятьдесят рублей. Деньги, собранные на епархиальные нужды, я считаю, должны находиться в полном распоряжении епископа Флавиана, так как у нас другого епископа нет, почему и считаю просьбы его о высылке денег вполне законными просьбами. Деньги, поступившие на ремонт церкви, расходовались по прямому назначению, и все они своевременно оприходовались в приходно-расходный журнал. Митрополиту Кириллу также оказывал материальную помощь из средств епископа».

20 марта 1927 года уполномоченный секретного отделения 6-го отдела ОГПУ Казанский, составляя окончательное заключение по делу священника Александра Агафоникова, охарактеризовал его как «наиболее активного антисоветского церковного деятеля города Котельничи, агитировавшего во время Кронштадтского мятежа среди церковников “о конце власти”, создателя и руководителя реакционных мирянских объединений, организатора помощи высланному за антисоветскую деятельность епископату».

27 марта 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило проходивших по одному делу митрополита Кирилла (Смирнова) и священника Александра Агафоникова к трем годам ссылки в Сибирь. По окончании срока ссылки отцу Александру было запрещено жить в ряде крупных городов, в которые, однако, не входила Вятка, куда он и приехал и где жил под надзором ОГПУ три года.

Когда срок надзора окончился и отец Александр мог ехать куда пожелает, он воспользовался предложением своего брата, протоиерея Николая, переехать в Московскую область и был назна-

чен в Ильинскую церковь в селе Лемешево Подольского уезда.

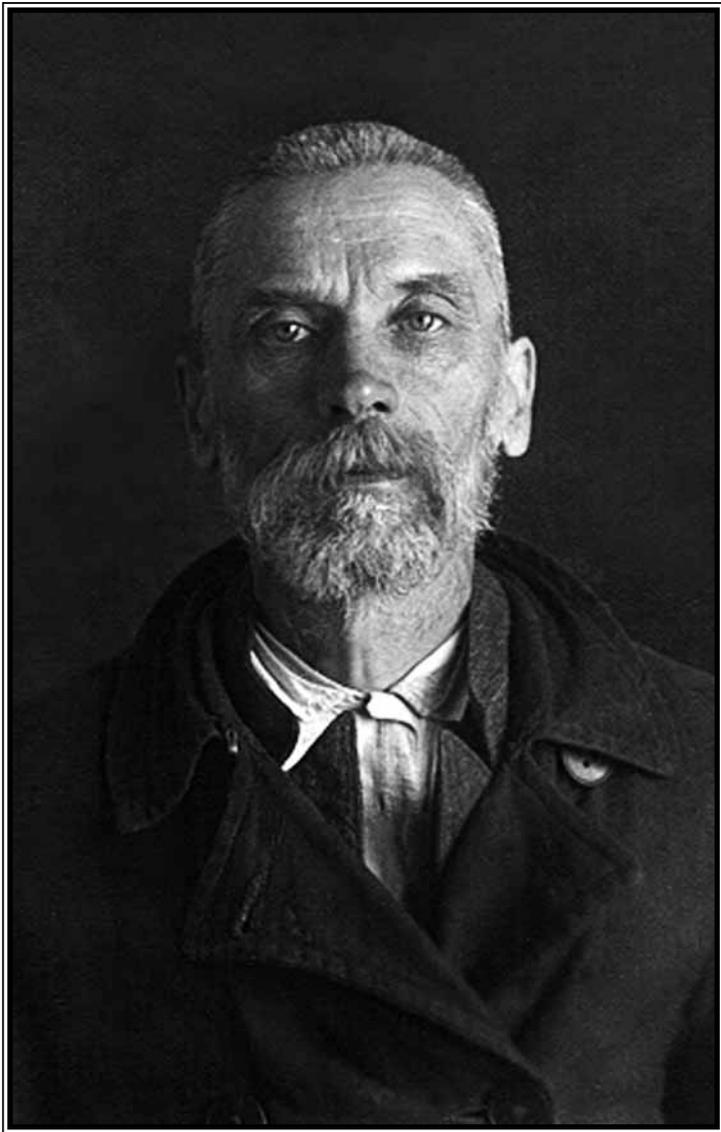
14 сентября 1937 года отец Александр был арестован, заключен в тюрьму в городе Серпухове и на следующий день допрошен. На убеждения следователя признать себя виновным он ответил отказом, сказав, что виновным себя не признает. В тот же день были допрошены лжесвидетели.

Один из них, колхозный сторож, сказал: «Агафоников в беседе со мной неоднократно выказывал свои враждебные взгляды на советскую власть, заявляя о том, что советская власть их притесняет, прижимает во всем, “вот возьми, например, меня: сидел в тюрьме, находился в ссылке, а за что советская власть высылала – ни за что, напрасно, потому что она не дает народу свободы вероисповедания и, не считаясь с требованием верующих, высылает нас, чтобы уничтожить религию”».

Другой свидетель, местный уроженец, рабочий и член коммунистической партии, показал: «В начале августа я шел к церкви, где был улей с моими пчелами. У церкви я встретился с Агафониковым, который разговаривал с верующими. О чем он с ними беседовал до того, как я подошел, не знаю. Агафоников, остановив меня, завел сначала разговор о пчелах, в дальнейшем он перевел на разговор о плохой жизни при советской власти, заявив в присутствии верующих: “С каждым днем все тяжелее становится жить народу, доходов у крестьян стало мало, и живут они впроголодь”. Я ему стал возражать и доказывать обратное, но Агафоников разговор со мной прекратил и пошел вместе с верующими к своему дому».

После этих «показаний» следователь снова допросил отца Александра.

– Весной 1937 года вы в своем доме неоднократно вели контрреволюционные разговоры против советской власти с повстанческим направлением, заявляя, что рабочим и колхозникам плохо живется, крестьянство терпит от советской власти бедствия и что это долго продолжаться не будет и окончится крестьянским восстанием. Признаете ли вы себя виновным?

Священник Александр Агафоников

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

– Нет, я таких разговоров не вел и виновность свою отрицаю.
– Следствием установлено, что вы в августе 1937 года в группе верующих около церкви вели контрреволюционную агитацию против существующего строя и о плохой жизни при советской власти. Признаете ли вы себя виновным и будете ли вы давать правдивые показания?

– Виновность свою я отрицаю, таких разговоров я с верующими не вел, а если и были разговоры, то о службе на могилках.

10 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. Священник Александр Агафоников был расстрелян 14 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-34901.
Архив УФСБ РФ по Кировской обл. Арх. № 6991.
ГАКО. Ф. 152, оп. 1, д. 16.

Октября 1 (14)

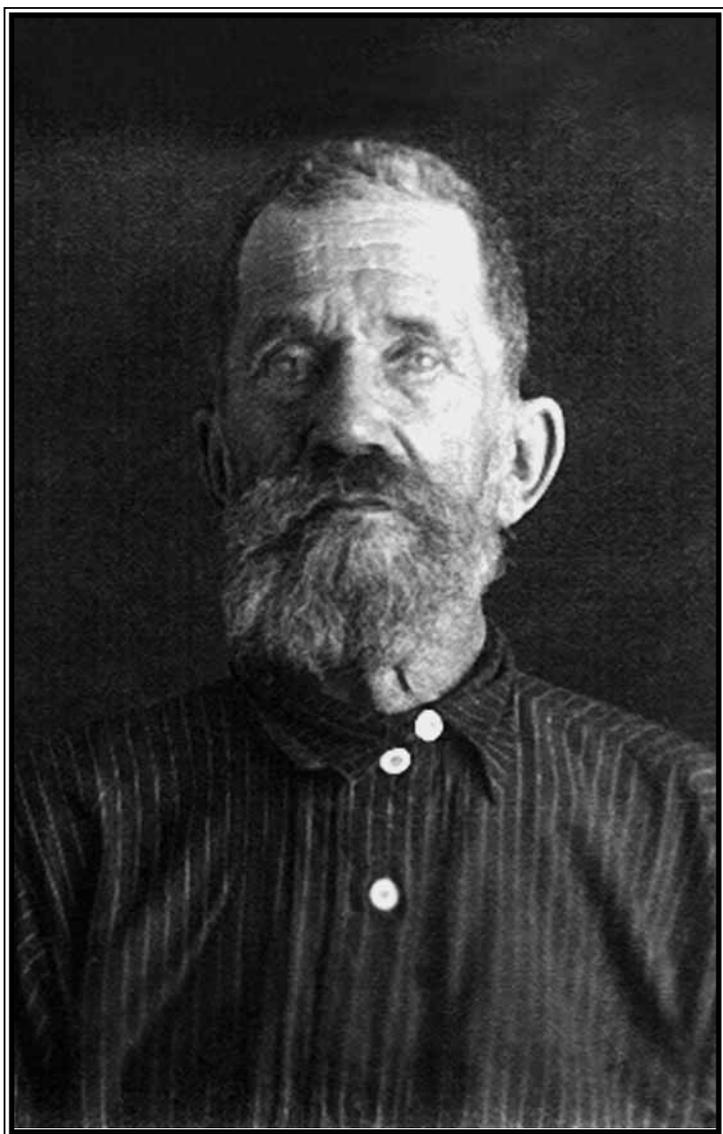
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Георгий (Архангельский)

Священномученик Георгий родился в 1872 году в селе Ярополец Волоколамского уезда Московской губернии в семье псаломщика Федора Архангельского. После окончания духовного училища он поступил в семинарию, проучился в ней один год, а затем стал служить псаломщиком в храме.

В 1908 году Георгий Федорович был рукоположен в сан диакона, а в 1917-м — в сан священника; служил до самого ареста в храмах Наро-Фоминского района. В 1935 году он служил в храме Усекновения главы Иоанна Предтечи в селе Афинеево; незадолго до своего ареста он был назначен настоятелем храма Рождества Богородицы в селе Руднево. Вокруг этого храма собралась небольшая община монахинь из закрытой Зосимовой пустыни. Монахини помогали отцу Георгию в храме, а также пели на клиросе.

В 1937 году председатель сельсовета в Рудневе по требованию начальника Наро-Фоминского отдела НКВД составил об отце Георгии справку, где написал, что священник Георгий Архангельский объединил монахинь закрытого монастыря Зосимова пустынь и является их руководителем. Все монахини, проживающие в окрестных селах, каждый воскресный день посещают церковь, а также бывают на квартире священника. Пение монахинь в церкви отвлекает верующих от колхозной работы; политика Ар-

Священник Георгий Архангельский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

хангельского заключается в том, чтобы привлечь как можно больше верующих в храм.

4 сентября 1937 года отец Георгий был арестован и заключен в Наро-Фоминскую тюрьму, где его жестоко избивали, принуждая к тому, чтобы он оговорил себя. Были вызваны лжесвидетели – священник и псаломщик, которые подписали показания, нужные следователям.

– Довольны ли вы тем, что вокруг вас собирались монашки? – спросил следователь отца Георгия.

– Да, доволен, так как я заинтересован в этом, потому что они помогают мне в церкви, например поют в церкви, благодаря чему больше людей ходит в храм.

– Дайте следствию показания об антисоветской деятельности этой группы монашек! – потребовал следователь.

– Ничего об антисоветской деятельности этих монахинь мне не известно, – ответил священник, – также не известны их настроения и мнения о советской власти.

– Дайте следствию показания о вашей контрреволюционной деятельности! – вновь потребовал следователь.

– Контрреволюционной деятельностью я не занимался и избегал вести с кем-либо разговоры на эти темы, – ответил священник.

На этом следствие было завершено, и священника перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 9 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Георгия к расстрелу. Священник Георгий Архангельский был расстрелян 14 октября 1937 года и погребен в известной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19045.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Октября 5 (18)

ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИК

Гавриил (Игошкин)

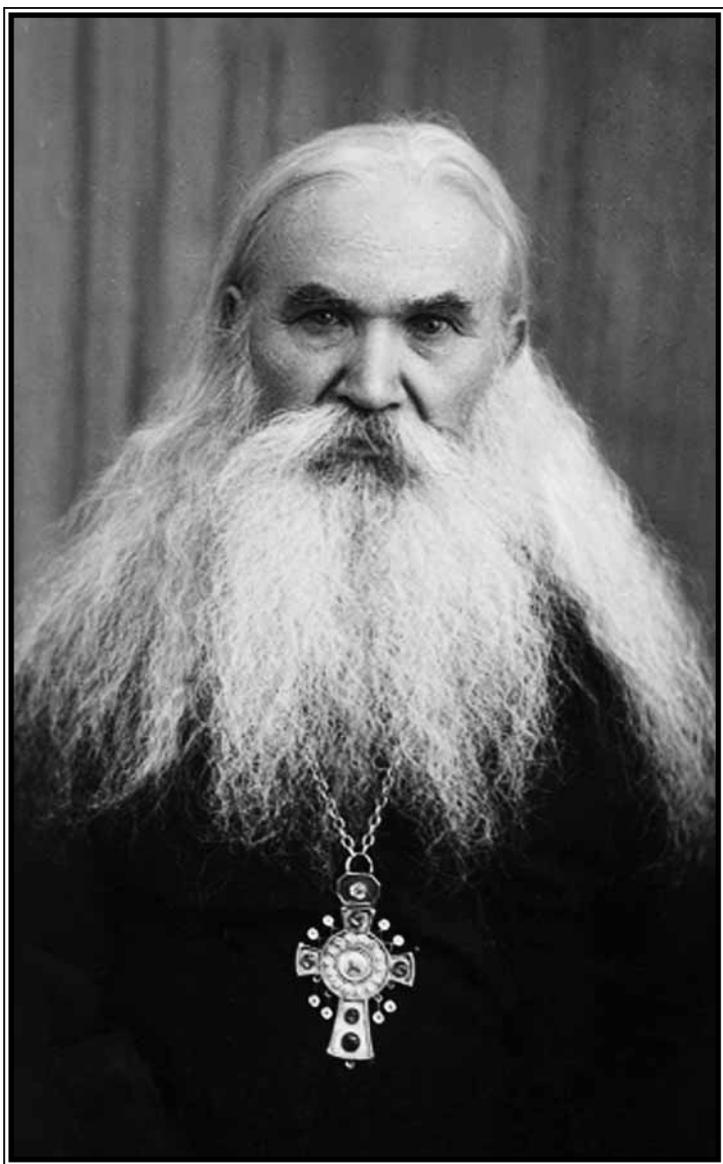
*П*реподобноисповедник Гавриил родился 23 мая 1888 года в деревне Самодуровка* Пензенской губернии в семье крестьянина Ивана Игошкина. Во святом крещении младенцу нарекли имя Иоанн, потому что в этот день, 23 мая, праздновалась память Ростовского чудотворца — блаженного Иоанна Власатого Милостивого.

Родители его, Иван Павлович и Варвара Павловна, отличались богобоязненностью и простотой. С детства Иоанн познакомился с тяжелым крестьянским трудом, помогая своему отцу в работе.

Родители воспитали сына в заветах строгого благочестия, и посянное семя принесло добрый плод. Иоанн был старшим сыном в семье. Когда он подросток, его отдали учиться грамоте. Родители смотрели на обучение грамоте как на дело священное: грамота давала ключ к чтению и уразумению Божественных писаний. Приходилось ходить на учебу за десять километров в Русский Качим, — именно там находилось двухклассное духовное училище. Иоанн полюбил храм Божий, в свободное от учебы время посещал его, а дома все свободное время посвящал чтению духовных книг и молитве.

---

* Ныне село Сосновка.

Архи.иандрит Гавриил (Азюкин)

Еще будучи отроком, Иоанн обнаружил склонность к подвижничеству, с годами его ревность к благочестию возрастала все более и более. Закончив учебу, он решил оставить мир с его соблазнами и ушел 12 ноября 1903 года в монастырь Жадовская пустынь Корсунского уезда Симбирской губернии.

В 1909 году послушника Иоанна призывают на военную службу в город Ковно. В Ковенской крепостной артиллерии на должности певчего при военном соборе он прослужил до конца марта 1913 года. Возвратившись домой, Иоанн вместе с родителями занялся крестьянским трудом, но в 1914 году, в связи с начавшейся Первой мировой войной, был призван в действующую армию, где служил псаломщиком и делопроизводителем при 25-м военном госпитале. В конце 1917 года Иван Игошкин был демобилизован по болезни и вернулся к родителям в Самодуровку. В 1922 году родители его скончались.

В январе 1921 года Иоанн был рукоположен во диакона к Свято-Троицкой церкви города Покровска, а в 1922 году – во священника к тому же храму. В 1922 году архиепископа Уральского Тихона (Оболенского) переводят в Москву, и он забирает с собой священника Иоанна.

С 1922 года отец Иоанн служил вторым священником Покровского храма Марфо-Мариинской обители сестер милосердия, что на Большой Ордынке, основанной в 1908 году преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Федоровной. Духовник обители и настоятель Покровского храма архимандрит Сергей (Сребрянский) стал для батюшки живым образцом пастырского служения, и у него он многому научился. Отца Сергия в 1926 году арестовали и сослали. В послевоенное время отец Иоанн, уже сам отбывший многие годы в лагерях, посетил своего любимого наставника и духовника, который жил тогда в ссылке в селе Владычня Тверской области.

Отец Иоанн прослужил в храме обители до 1928 года, после его закрытия его перевели в храм святителя Николая в Пыжах.

В 1929 году отец Иоанн принял монашеский постриг в Московском Богоявленском монастыре с именем Гавриил. В 1930 году иеромонах Гавриил был возведен в сан игумена.

Первый раз отца Гавриила арестовали 14 апреля 1931 года, он был осужден и заключен в концлагерь сроком на три года. Срок отбывал в Вишерском лагере Екатеринбургской области. Здесь он пробыл до 29 июня 1932 года, после чего по состоянию здоровья был освобожден досрочно и выслан в город Ростов Ярославской области под наблюдение местного отдела ОГПУ, через полтора месяца отправлен в город Владимир отбывать оставшийся срок ссылки — до декабря 1933 года. По окончании срока ему был выписан паспорт, и он вернулся в Москву, где был назначен настоятелем храма святителя Николая в Пыжах.

В 1934 году игумен Гавриил был возведен в сан архимандрита. В июле 1934 года храм, где служил архимандрит Гавриил, захватили обновленцы, и он перешел служить в храм Воскресения Христова в Кадашах.

19 августа 1934 года в праздник Преображения Господня во время богослужения его арестовали, обвинив в принадлежности к активной контрреволюционной церковно-монархической группировке.

3 октября 1934 года он был освобожден за недоказанностью вины. Вскоре церковь, в которой служил отец Гавриил, была закрыта, и его перевели в храм Покрова Богородицы села Звягино Пушкинского района Московской области. Среди прихожан московских храмов отец Гавриил пользовался большим авторитетом, и многие, несмотря на расстояние, стали ездить в Звягино. Это был пастырь, просвещенный благодатью Божией, умудренный жизненным опытом, находивший путь к каждому сердцу. Ему были чужды осуждение и равнодушное отношение к людям. После службы в храме, а иногда и дома он проводил духовные беседы, разъясняя Священное Писание.

Отец Гавриил со своими духовными чадами собирал пожертвования для отправки в лагерь высланным священникам.

В октябре 1936 года местные комсомольцы совершили поджог церкви, в которой служил отец Гавриил. Он очень скорбел об этом и говорил о гонении на Православную Церковь со стороны властей, о безнаказанности за поджог. Его перевели в храм Сошествия Святого Духа города Пушкино. 4 ноября 1936 года во время богослужения на праздник в честь иконы Казанской Божией Матери отца Гавриила арестовали, обвинив в контрреволюционной деятельности. Содержался отец Гавриил в Бутырском изоляторе, где на многочасовых допросах спрашивали о священнике Вениамине Воронцове, с которым он служил пять лет в Марфо-Мариинской обители. На вопросы отец Гавриил отвечал уклончиво: «Я с ним не поддерживаю связи». Задавали вопросы и о других священниках и руководителях Марфо-Мариинской обители, в частности о великой княгине Елизавете Федоровне. На все вопросы он отвечал: «Ничего не знаю и общаюсь только с теми людьми, что касается службы в церкви».

В день Рождества Христова — 7 января 1937 года отцу Гавриилу предъявили обвинительное заключение, и 20 января Особое совещание при Народном комиссариате внутренних дел СССР за участие в контрреволюционной группе приговорило его к пяти годам исправительно-трудового лагеря. Отца Гавриила отправили этапом в город Чибью в Коми область.

Отец Гавриил во время пребывания в лагерях претерпел много издевательств. Были случаи избияния чуть не до смерти, выводили в 40-градусный мороз на улицу босиком, где держали по несколько часов. Однажды решили подсыпать ему яд в пищу, но Господь открыл батюшке умысел зложелателей, — он помолился, перекрестил еду и сказал: «Напрасно вы меня травите. Вы мне яду подсыпали. Я съем эту еду, как вы этого хотите, и она не причинит мне вреда». Злоумышленники переглянулись, стали смеяться

и ждать, что батюшка умрет. Но с Божией помощью он остался жив и невредим.

Срок заключения закончился в конце 1941 года, но в связи с войной отец Гавриил был освобожден только в июле 1942-го. После освобождения работал в этом лагере до октября 1942 года. В октябре 1942 года он уехал в город Кузнецк Пензенской области к своей сестре Пелагее. Прожив у сестры около месяца, он решил идти пешком в Ульяновск, чтобы получить назначение на службу, так как в Ульяновск была эвакуирована Московская Патриархия во главе с митрополитом Сергием (Страгородским).

По пути зашел к известному в то время блаженному старцу Василию Струеву, проживавшему в селе Копышовка Тагайского района Ульяновской области, чтобы получить от него благословение, как и где ему жить. В дороге он занемог, и старец Василий благословил пожить ему в двух километрах от него в Базарном Урене у престарелых сестер, которые не побоялись принять в свой дом старца. Он пришел в деревню в длинном кафтане, в резиновых галошах на шерстяной носок, завязанных веревкой, как лапти.

Отец Гавриил тайно совершал в их доме Божественную литургию, исповедовал, причащал Святых Христовых Тайн, совершал требы. Частенько бывал у старца Василия в Копышовке, подолгу они вели духовные беседы; бывало, служил у него в доме литургию, причащая старца и всех желающих. На исповеди говорил так, что все плакали. Отец Гавриил обращался к иконе Спасителя и говорил: «Господи, прими эти слезы покаяния и прости их согрешения». Батюшка сказал однажды: «Я рад, что, живя здесь, успел сказать 33 проповеди». Везде старался он выполнять свой пастырский долг, окормляя верующих.

Архимандрит Гавриил, прожив в Базарном Урене до начала мая 1946 года и немного поправив свое здоровье, обратился с прошением о принятии в клир к епископу Ульяновскому и Мелекесскому Софронию (Иванцову), который назначил его настоя-

телем церкви в честь иконы Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина» города Ульяновска.

Батюшке была присуща любовь к богослужению, благоговеющая строгость в исполнении церковного устава. Божественную литургию он совершал с особым духовным подъемом, со слезами молясь за прихожан. Неотъемлемой частью богослужения считал проповедь. Говорил он проникновенно и убедительно. Поучения его были глубоки по смыслу и вместе с тем доступны пониманию молящихся. Власти, видя, каким он стал пользоваться авторитетом и уважением, решили отказать ему в прописке, и он был переведен настоятелем Никольской церкви в город Мелекесс*.

По приезду в Мелекесс он купил небольшой домик, благодаря денежной помощи брата Григория, который проживал в Москве и работал на заводе.

С началом служения отца Гавриила в Никольской церкви духовная жизнь прихожан оживилась. В воскресные и праздничные дни стали проводиться духовные беседы, на которых толковались прочитанные во время литургии главы из Евангелия, изучались молитвы. Батюшка не выдерживал большого напряжения из-за слабого здоровья, поэтому беседы начинались после вечернего богослужения. Духовные беседы проводились по благословию епископа Ульяновского и Мелекесского Серафима (Шарапова). В церковь стало ходить много молодежи и детей. Отец Гавриил, добрый и снисходительный к другим, сам вел строгую монашескую жизнь, имел всецелое послушание своим архипастырям и искренне любил их.

Архимандрит Гавриил был необычайно строг к себе, а также к церковному причту, не терпел пьянства и безнравственности. Не всем это нравилось. Некоторые – регент хора, церковный староста, председатель ревизионной комиссии – вели себя неблагочестиво. Приходили в церковь в пьяном виде, устраивали сканда-

---

* Ныне город Димитровград.

лы, деньги из церковной кассы расходовали на свои нужды. Замечания, сделанные батюшкой, им пришлось не по душе, и они стали писать клеветнические письма и доносы в Патриархию, правящему епископу, уполномоченному по делам религии при Ульяновском облисполкоме и в органы государственной безопасности. Батюшка сам обращался к архиерею с просьбой о переводе на служение в другую церковь, но получил отказ.

Регент хора написал очередной донос на батюшку, и 8 июня 1949 года отец Гавриил был арестован сотрудниками государственной безопасности во время богослужения. Прихожане все плакали. Когда его вывели из церкви, арестовывавшие остановили проезжавшую автомашину с углем и с насмешкой посадили батюшку на нее, чтобы довезти его до отдела милиции. Многие прихожане бежали за машиной со слезами, чтобы получить благословение и попрощаться с ним. Когда машина подъехала к милиции, батюшку было не узнать — он был весь черный от угольной пыли. Сразу подошли верующие, и им было сказано с усмешкой: «Вот сидит ваш поп». Одна верующая, Анна, осмелилась подойти ближе к машине и с сожалением спросила: «Отец Гавриил, за что вас так?» А он отвечал: «За грехи, люди нашлись и написали клевету. Последний мой суд будет». А когда он слез с машины, народ стал подходить к нему под благословение, но милиция не допустила.

Отца Гавриила сначала поместили в мелекесскую тюрьму, а 9 мая перевели во внутреннюю тюрьму управления Министерства государственной безопасности по Ульяновской области.

Архимандрита Гавриила обвинили в том, что он является враждебно настроенным к политике коммунистической партии и советского правительства, среди верующих на протяжении ряда лет проводит антисоветскую пропаганду. Возглавляемую им мелекесскую церковь превратил в духовную школу, в которой в праздничные и воскресные дни после церковной службы с верующими проводил собеседования, беседы по изучению молитв, при-

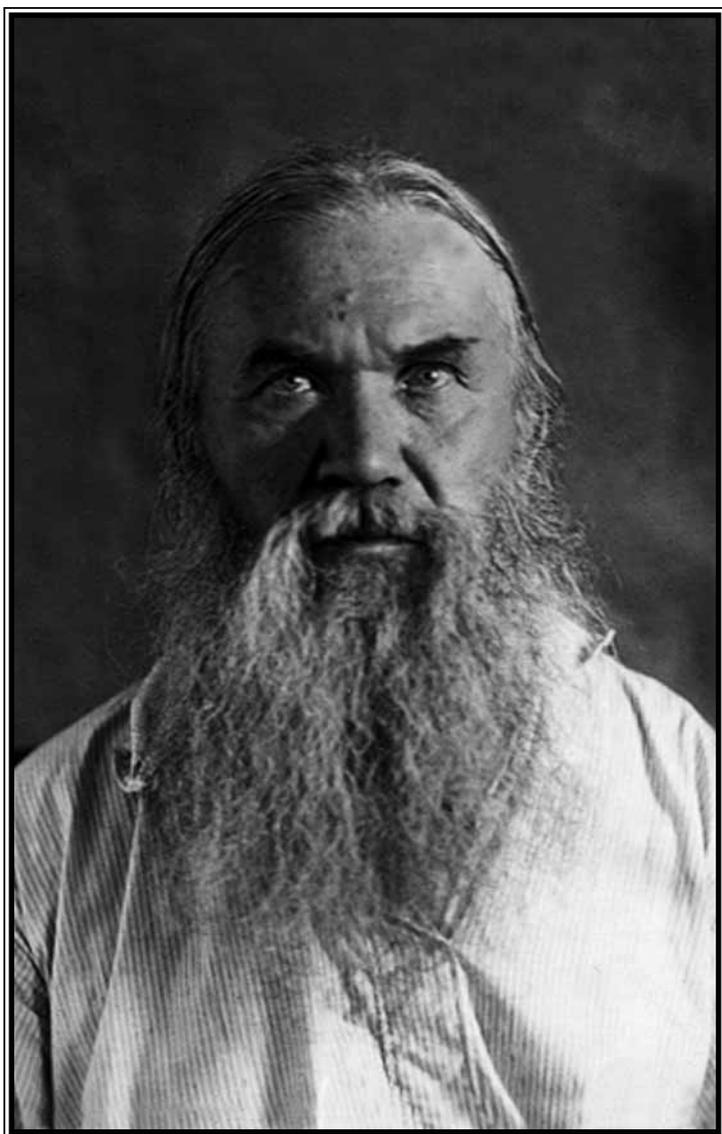
влекал к церкви молодежь и детей школьного возраста. В одной из проповедей сказал: «Родители, чтобы не допустить детей к неповиновению, нужно им всегда внушать слово Божие. Утром встанет дитя — заставить его молиться, приучать к страху Божию, тогда дети будут расти послушными». Игнорировал марксистско-ленинские науки. Во время церковной службы упоминал врага революционного движения отца Иоанна Кронштадтского.

По поводу «антисоветской настроенности и агитации» отец Гавриил ответил: «Настроен я религиозно, я человек верующий, антисоветской агитацией никогда не занимался. Нигде и никто не слышал от меня враждебных слов в адрес советской власти и ее вождей. Собирищ не собирал, проповеди говорил только в церкви, призывал верующих к честному труду и исполнению своих гражданских обязанностей, заботе о семье и быть полезным членом общества и государства».

На обвинение в том, что он игнорирует науку, ответил: «Это неправда, науку я люблю и всю жизнь учусь и другим советую учиться, ибо учение — свет, а неучение — тьма. Наука облагораживает человека и облегчает ему жизнь. Пред людьми науки я преклоняюсь и превозношу их имена, труды и открытия. О сотворении на земле жизни и человека говорил, как написано в Святом Писании, по-другому и не мог сказать... Проповеди произносились в строго церковном духе, ни в какой мере не касался политики. А остальное, что говорят так называемые свидетели, это клевета».

29 декабря 1949 года областной суд приговорил его к 10 годам лишения свободы. Этапом в товарном вагоне в лютовую январскую стужу отец Гавриил был отправлен в лагерь в город Мариинск Кемеровской области.

По прибытии в лагерь его поселили в бараке, где содержались уголовники-рецидивисты. Когда надзиратель первый раз вел отца Гавриила в камеру по длинному коридору, батюшка несколько раз, из-за одышки и сильной сердечной боли, просил отдох-

Архимандрит Гавриил (Усовкин)

Ульяновская тюрьма. 1949

нуть. Надзиратель внимательно смотрел на батюшку и думал, что в первую же ночь убьют его, ведь без убийства не проходило ни одной ночи. Когда открыли дверь камеры, батюшка вошел туда и возгласил: «Мир вам!» Отец Гавриил сразу сказал, что он священник, и попросил разрешения помолиться. Сначала сокамерники возмутились, но потом как-то притихли и стали слушать молитву, в которой отец Гавриил поминал всех страждущих и озлобленных... В лагере отец Гавриил продолжал свое пастырское служение: вел беседы с заключенными, исповедовал, отпевал умерших. Все это запрещалось лагерным начальством, и за нарушение полагался карцер, поэтому богослужения совершались в строжайшей тайне.

В Мариинский лагерь отцу Гавриилу приходило от его духовных чад много посылок с продуктами, которыми он оделял всех живущих вместе с ним. Делить продукты в камере доверяли только отцу Гавриилу, как старшему. Зачастую он отдавал свой кусок хлеба самым истощенным из собратьев по несчастью, лечил обмороженных.

4 сентября 1953 года отец Гавриил написал очередную жалобу в Верховный суд СССР, в которой просил отменить решение Ульяновского областного суда как незаконное и построенное на клеветнических показаниях свидетелей.

Отец Гавриил оставил большое духовное наследие — это и проповеди, и многочисленные письма, и повести. В одной из них, «Беседа двух старцев», батюшка описывает случай, который произошел в лагере: «Однажды под давлением всего пережитого я лег на свое убогое ложе с намерением скорее заснуть. Измученный переживаниями целого дня, я действительно в ту же минуту погрузился в глубокий сон.

Увидел я себя стоящим в конце площадки перед баракком. Одноэтажный длинный барак тянулся с северо-востока на юго-запад, перед ним была небольшая площадка, где в свободное время гуляли заключенные. День был пасмурный, но дождя не было. Я

стоял на конце площадки с южной стороны. Там стояли и другие, преимущественно старики, народу было немного. Окинувши взглядом площадку, я посмотрел и на барак, и дальше на запад. Взор мой прикован был чудным видением. Низко на облаках плыла величественная женщина – Монахиня, одетая во все черное и с черным апостольником на голове. Взор Ея блистал, лицо светилось, красоты было неопишущей. Величественно Она плыла по воздуху и плавно опустилась на середину площадки к стоящему народу. В мыслях у меня промелькнуло, что это Мать Божия пришла посетить нас, скорбящих, и подать утешение в печали. Скорыми шагами я направился к Ней, но здесь глазам моим представилась другая – жуткая картина. Недалеко от того места, где Она опустилась, далее к востоку среди народа стоял огромного роста бурый медведь. Он стоял, как копыла, вернее, сидел на задних лапах с вытянутыми вперед передними лапами. Я задрожал от испуга, что этот великан-зверь растерзает Монахиню. Она же шла прямо на него. И что же? Она не дошла до него. Как только увидел Ее этот страшный великан-зверь, рассыпался, как прах, исчез бесследно. Не убежал, не спрятался и не скрылся куда-либо, но рассыпался в прах и исчез, не оставив после себя никакого следа, так что никаких признаков его существования на площади не осталось.

Мать Божия двигалась по тому же направлению, как и вначале, то есть дальше на восток. Народ подходил к Ней, и Она каждого благословляла, что-то давала каждому в руку. Все с радостью спешили к Ней получить благословение и получить во утешение то, чем Она оделяла всех. Спешил и я, но вследствие того, что я стоял на самом конце площадки, скоро не мог подойти, и тем более когда весь народ тесным кольцом окружил Ее со всех сторон. Когда подошел я к первым получившим от Нее гостинцы, спросил: что Она раздает? Один благообразный старичок показал мне только что полученную от Нее круглую небольшую лепешечку размером, видом и цветом наподобие печенья; разломивши по-

полам, старичок половину отдал мне. С радостью я взял как дар и благословение Матери Божией, а сам употреблял все меры, чтобы самому подойти и лично получить от Нее благословение и гостинец. Но сего по моим грехам не удостоился, ибо, только я получил половину лепешечки, врученную мне старичком как небесный дар, как благодать Божию, как небесный хлеб, данный людям в благословение, освящение и подкрепление духовных и телесных сил, я с благоговением принял его во уста и тут же проснулся, чувствуя сладость во устах.

Проснулся я с большим сожалением, как бы потерявши сокровище и драгоценности, не удостоившись лично получить от Матери Божией то, чем Она утешала многих. Я сокрушался и был в великой печали, что по своим грехам не удостоился получить благословение. Во время такого печального раздумья меня осенили отрадные мысли. В них слышался мне как бы голос, отрадный голос Самой Матери Божией, ласково и непонятно откуда раздававшийся в ушах моих: “Не печалься, — вещал сей таинственный голос, — видение сие для тебя не окончено, а только прервано, оно продлится для тебя в самой жизни. Ты идешь и стремишься получить благословение и милость. Не ослабевай, терпеливо продолжай путь, вместе с благословением получишь милость и дар”. Настоящие мысли ободрили меня.

Хотя лично я не удостоился получить от Матери Божией гостинец, которым Она оделяла подходящих к ней, однако и не лишен был благодатного утешения, которое получил через старичка в виде половины сладостного печенья. И оно имело для меня пророческое значение, а именно: я пробыл в лагере на этот раз половину срока, данного мне, после которого я удостоился уже наяву получить благословение на возвращение домой, как вещал мне сей таинственный голос, и дар освобождения».

Отец Гавриил даже в трудные лагерные годы не нарушал постов, как бы ему это трудно ни было. Ольга, отбывавшая с батюшкой свой срок и работавшая на кухне в лагере, любила повторять,

что отец Гавриил из тюрьмы сделал тайный монастырь. Как-то подошел отец Гавриил к Ольге и предрек скорое освобождение, так как она была осуждена, будучи совершенно невиноватой, как вскрылось позже. Она заплакала: «Батюшка! Не хочу уходить от вас». Он в ответ: «Мы еще увидимся...» И действительно, после освобождения Ольга переехала в Мелекесс и купила домик на улице Неверова, на которой жил батюшка. Позже, когда отец Гавриил был освобожден, они и встретились на этой улице.

Начальник лагеря относился к отцу Гавриилу с большим уважением. У него тяжело болела жена, обошла всех врачей и к профессорам обращалась, но помощи ни от кого не получила. И тогда он стал просить отца Гавриила, чтоб он полечил жену. «А как лечить? Идите к врачу». — «Полезь нет!» — «А я ведь молюсь и прошу у Господа, чтоб исцелил болящего». — «А я это и прошу вас». Начальник пригласил отца Гавриила домой. Он жил у него две недели. И по молитвам отца Гавриила его жена получила от Господа полное исцеление. Теперь и начальник стал хлопотать о его досрочном освобождении. И вот 3 октября 1954 года состоялось заседание Кемеровского областного суда, на котором было вынесено определение о досрочном освобождении отца Гавриила по болезни, и он был освобожден из-под стражи 23 октября, отбыв половину срока.

Находясь вдали от духовных чад, архимандрит Гавриил поддерживал их молитвенно, не оставлял без пастырского попечения, хотя сам находился в несравненно более тяжелом положении. Он постоянно присылал в своих письмах наставления и проповеди. Свои письма он начинал, испрашивая милость, мир и благословение на всех словами: «Возлюбленные о Господе чада, боголюбивые братия и сестры!.. Возлюбленные чада, не меняйте свои сокровища духовные на страсти и пороки, делами милосердия отправляйте их в страну вечности, там они будут вашим богатством духовным. Украшайте свои души добрыми делами, чтобы быть достойными Небесного Жениха Иисуса Христа. Тогда,

как отправитесь в путь и пришедше в страну вечной жизни, услышите от Него радостный призыв: придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное от создания мира». Он призывал хранить верность Богу во всех обстоятельствах жизни.

Трижды судимый, отец Гавриил пробыл в лагерях в общей сложности семнадцать с половиной лет, но никогда не жаловался на ужасы лагерной жизни. О себе он почти ничего не говорил, хотя все знали, какая судьба выпала на его долю, а он все это воспринимал как испытание его в вере и любви к Богу. Только говорил: «На все воля Господня. Слава Богу за все!» Он непоколебимо верил в благой Промысел Божий о каждом человеке, в Покров Царицы Небесной над каждым из нас, безропотно и мужественно переносил страдания все долгие годы заключения. Он говорил: «Я рад, что Господь сподобил меня пострадать вместе с моим народом и потерпеть сполна все скорби, которые не единожды выпали на долю православных; испытания посылаются человеку от Бога и необходимы для его очищения и освящения».

После освобождения из лагеря архимандрит Гавриил вернулся в Мелекесс. Дом его был конфискован. И он пошел в церковь, надеясь на добрых людей. Многие боялись пригласить к себе батюшку. Но вот нашлась добрая душа Евдокия Васильевна, которая не побоялась принять отца Гавриила, хотя домик ее был небольшой и в семье четыре человека.

6 января 1955 года Президиум Верховного суда РСФСР рассмотрел жалобу отца Гавриила и постановил: приговор Ульяновского областного суда от 29 декабря 1949 года и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 23 февраля 1950 года в отношении Игошкина И.И. отменить и дело производство прекратить, из-под стражи освободить, полностью реабилитировать.

Начались хлопоты по поводу конфискованного дома, который вскоре был возвращен. В знак благодарности к Евдокии Васильевне и ее семье отец Гавриил пригласил жить в свой дом ее и

всю ее семью, так как их дом был ветхим, сказав: «Будете за мной ухаживать, я человек больной, долго не проживу, а дом подпишу на вас». Так он и сделал.

Батюшка вернулся после лагеря именно в Мелекесс, как он сам говорил, молиться за своих врагов, строго следуя заповедям Божиим. Пастырь, которому было свойственно полное самоотвержение ради ближнего, безграничная любовь к несчастным, больным, душевно и телесно страждущим, не знал покоя ни днем ни ночью и еще при жизни был прославлен Богом даром прозорливости и исцеления.

После освобождения, пока позволяло здоровье, архимандрит Гавриил несколько раз бывал в Москве. Очень скорбел о том, что храмы, в которых он служил, были закрыты и там царили мерзость и запустение.

После лагеря отец Гавриил не служил в церкви из-за слабого здоровья, служил Божественную литургию у себя дома.

Отец Гавриил последний раз посетил родные пензенские места в июне 1956 года. Молва о приезде батюшки быстро облетела близлежащие села. Всем хотелось увидеть его и получить духовное наставление и благословение. Он всех принимал и внимательно выслушивал. Обойдя пешком села Сыреси, Самодуровку, Шугурово, Шкудим, Качим, где проживали его родные, в их домах служил Божественную литургию, причащал Святых Христовых Тайн немощных и больных. Служил молебны, совершал крещения, служил панихиды на могилах, и все это делал при большом стечении верующих. С великой радостью вместе со своими односельчанами совершал молитвы, призывая на них милости Божии. Тогда же совершил последнюю панихиду на могиле родителей.

Годы земной жизни старца завершались. Душа его постоянно пребывала в молитве, в ней он черпал силы. Он благодарил Бога за все полученные от Него милости, оплакивал все свои прегрешения, готовился к переходу в горний мир. Состояние здоровья

ухудшилось. С каждым днем телесные силы слабели. До последнего часа были вокруг него его чада. За три дня до смерти он видел необыкновенный свет и в нем Господа и разговаривал с Ним.

В воскресенье 18 октября 1959 года батюшка отслужил Божественную литургию, причастился Святых Христовых Тайн. Как и всегда, во время «Тебе поем» очень сильно плакал. В течение дня много писал, вечером отслужил всенощную. После нее вышел на улицу немного погулять, затем был ужин, но когда ему принесли еду, он попробовал две ложки и отказался. Попросил прочитать акафист «Иисусу Сладчайшему», слушал лежа, и вдруг стал говорить: «Грудь давит и тяжело дышать».

Предчувствуя смерть, попросил прочитать «Канон при разлучении души от тела». Стал прощаться со всеми, велел крестить его с головы до ног, окинул взглядом все четыре стороны света и почил, как бы тихо заснув.

Отец Гавриил был похоронен на городском кладбище. 5 (18) октября 2000 года состоялось обретение мошей преподобноисповедника Гавриила, которые ныне покоятся в Никольском соборе города Димитровграда.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-78582, д. П-27265.

ЦИАМ. Ф. 1215.

РГВИА. Ф. 11128, 11545.

Архив УФСБ по Ульяновской обл., д. П-3375.

ГАПО. Ф. 182.

ГАСО. Ф. 5, 32, 353, 360, Р-4187.

ГАУО. Ф. 134, 3022, 3705.

Симбирские Епархиальные Ведомости. 1911, №17; 1912, №12.

Баженев Н. Статистическое описание соборов, монастырей, приходских и домовых церквей Симбирской епархии по данным 1900 года.

Симбирск, 1903.

Октября 8 (21)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Димитрий (Добросердов)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКИ Амвросий (Астахов),
Пахомий (Туркевич) и Варлаам (Ефимов)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК Иоанн (Хренов)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА Татиана (Бесфамильная)

МУЧЕНИК Николай (Рейн)

МУЧЕНИЦЫ Мария (Волнухина)

и Надежда (Ажгеревич)

Священномученик Димитрий (в миру Иван Иванович Добросердов) родился 22 января 1864 года в селе Пахотный Угол Тамбовской губернии в семье священника. По окончании в 1885 году Тамбовской Духовной семинарии он был назначен учителем земской школы в Моршанском уезде, где работал до 1889 года. За это время он неоднократно получал благодарность от Моршанского земского собрания и Тамбовского губернского училищного совета за усердные и успешные труды на поприще народного просвещения. Женился. 6 мая 1889 года Иван Иванович был рукоположен в сан священника к Николаевской церкви села Мамонтово Тамбовской губернии, в котором проживало тогда около двух ты-

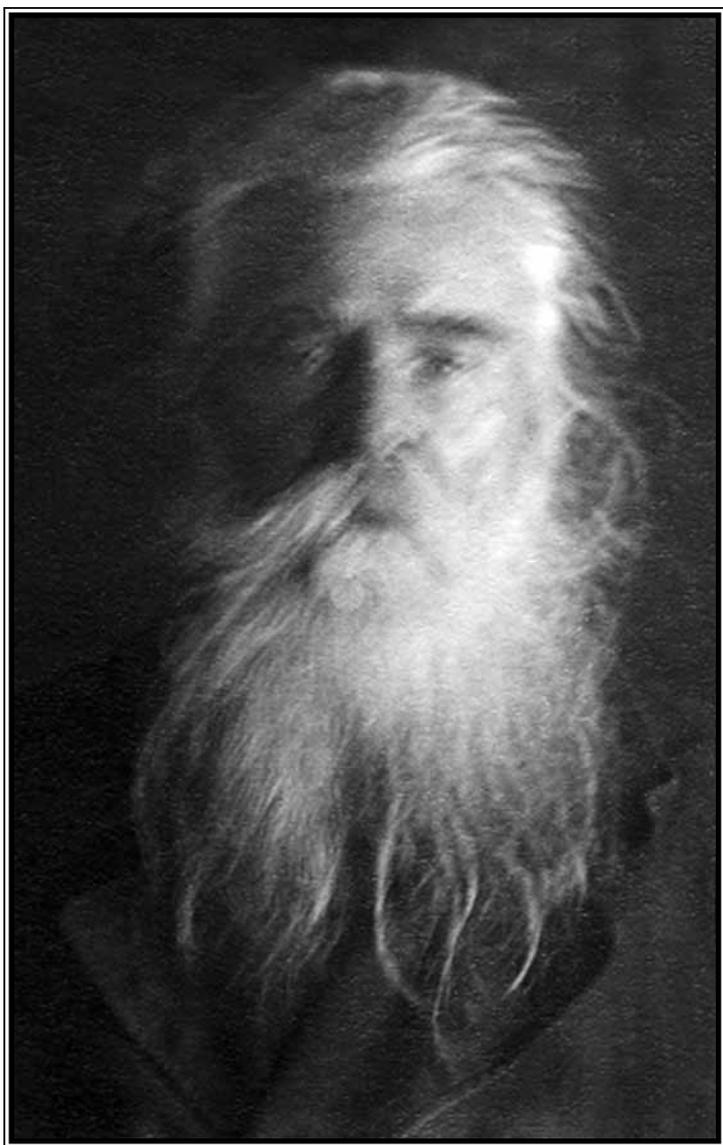

сч человек, и назначен заведующим и законоучителем Мамонтовской церковноприходской школы.

Вскоре у отца Иоанна умерли жена и дети. Оставшись один, он уехал из Тамбовской губернии и в 1894 году поступил в Московскую Духовную академию. По окончании ее в 1898 году со степенью кандидата богословия он был назначен законоучителем 4-й Московской гимназии и священником гимназической церкви. 10 апреля 1899 года митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) поставил иерея Иоанна настоятелем Благовещенской церкви при гимназии. В том же году Педагогическое общество при Императорском Московском университете избрало его своим действительным членом, а отделение Педагогического общества по вопросам религиозно-нравственного образования и воспитания избрало его своим секретарем. 6 мая 1908 года за заслуги по духовному ведомству он был награжден наперсным крестом. В это время митрополит Московский Владимир пригласил отца Иоанна к себе и сказал: «Отец Иоанн, у нас в основном два пути: семейный путь и монашеский. Семейный путь для вас закрыт. Я вам советую принять монашество». Отец Иоанн согласился и в декабре 1908 года в Смоленской Зосимовой пустыни Московской епархии был пострижен в монашество с наречением ему имени Димитрий, возведен в сан архимандрита и назначен синодальным ризничим и настоятелем церкви Двенадцати апостолов в Кремле.

В 1909 году архимандрит Димитрий был назначен наблюдателем послушнических школ ставропигиальных монастырей. В 1910 году его избрали в действительные члены церковно-археологического отдела при Обществе любителей духовного просвещения. В это время он был также действительным членом Попечительства над учащимися в Москве славянами Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

18 мая 1914 года в Успенском соборе Кремля архимандрит Димитрий был хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии и назначен настоятелем Саввино-Сторо-

Архиепископ Дмитрий (Добросергов)

Москва. Тюрма НКВД. 1937

жевского монастыря. С того же года он стал исполнять обязанности заведующего богословскими педагогическими курсами в Москве. Тогда же на него было возложено главное руководство и наблюдение за изданием научного художественно-иллюстрированного описания Патриаршей ризницы.

В 1921 году преосвященный Димитрий был назначен епископом Ставропольским. Обновленцы в Ставропольской епархии одержали почти полную победу над православными, которые лишились большинства приходов. Одной из причин этого было массовое уничтожение духовенства в эпоху гражданской войны в 1918–1921 годах. Под натиском обновленцев епископ Димитрий был вынужден покинуть епархию и переехать в Москву.

В 1922 году православные Тамбовской епархии вели упорную борьбу с обновленцами. На первых порах обновленцам в некоторых городах удалось захватить большинство храмов. В городе Козлове к обновленцам отошло четырнадцать храмов, только два храма остались православными. Православный народ, однако, обновленческие храмы не посещал, а ходил в мужской Троицкий монастырь, расположенный в трех километрах от города. После освобождения в 1923 году Патриарха Тихона из заключения епархиальный совет города Козлова направил в Москву своих представителей с просьбой назначить к ним православного архиерея.

26 сентября 1923 года преосвященный Димитрий был назначен епископом Козловским, викарием Тамбовской епархии и временно управляющим Тамбовской епархией. После приезда преосвященного Димитрия в город обновленцы принесли покаяние и все храмы за исключением одного перешли к православным. Преосвященный Димитрий служил во всех храмах города; он был прекрасным проповедником. С течением времени его популярность среди православных все более возрастала.

Обновленческому движению в епархии грозило полное поражение. Уполномоченный Тамбовского отдела ОГПУ по Козловскому уезду писал: «Во главе тихоновского движения в городе Козлове и уезде, а также всей Тамбовской губернии стоит епис-

коп Димитрий, очень хитрый и осторожный человек, пользующийся громаднейшим авторитетом среди верующих, а в особенности у кулаков и темного элемента. Епископ Димитрий очень хитро проводит политику назначения своих попов на места, занятые попами-обновленцами, то есть попу, обращающемуся к нему за назначением, он предлагает идти в село и достать от группы верующих протокольное постановление о желании иметь посланного епископом Димитрием попа в приходе; конечно, при таком подходе к делу посланному попу ничего не остается делать, как вести агитацию против находящегося в приходе попа, обвиняя его в еретичестве, коммунизме и тому подобном. Со времени упразднения Епархиального управления вся полнота власти перешла в руки епископа Димитрия... которому... подчиняются попы, так как иначе неподчиняющийся при помощи агитации посланных Димитрием попов рискует потерять место и превратиться в еретика. Благодаря авторитетности и политике Димитрия, тихоновское движение в городе Козлове и уезде растет не по дням, а по часам. Громаднейшим злом для обновленческого движения являются также монахи, назначение которых Димитрий отрицает, ссылаясь на то, что и здесь он ни при чем, так как монахи опять-таки являются избранниками народа. Возвращение Пятницкой города Козлова церкви по распоряжению ВЦИКа тихоновцам от обновленцев дало возможность еще более поднять головы тихоновцам и еще более укрепить свой авторитет, в частности авторитет епископа Димитрия... А всего духовенства, последователей бывшего Патриарха Тихона, в городе Козлове и уезде имеется до 90%. В области работы среди духовенства нами приняты следующие меры: производится... срочный учет всего духовенства, принимаются меры к расторжению договоров групп тихоновского толка в пользу обновленцев... Предполагается создание Епархиального управления с равным процентом тихоновцев и обновленцев...»

Великим постом 1925 года епископа Димитрия стали часто вызывать на допросы в ОГПУ. Иногда после допросов он сразу

шел в храм, где его ждали, чтобы начать богослужение. Власти настаивали, чтобы владыка покинул Козлов, но он отказывался. Ему стали угрожать заключением. В конце концов он, ссылаясь на болезнь сердца, попросил власти отпустить его в Египет для лечения. Ему был выписан заграничный паспорт, и он отправился в английское посольство в Москве, чтобы получить разрешение на въезд в тогдашнюю английскую колонию. Благополучно оформив все документы, преосвященный Димитрий на следующий день отправился в Сергиев Посад, чтобы попрощаться с Александром Дмитриевичем Самариним, бывшим когда-то обер-прокурором Святейшего Синода, с которым владыка был в дружеских отношениях. На пути к дому Самарина его остановил верховой, и епископ был арестован. Из тюрьмы в Сергиевом Посаде он был отправлен в тюрьму на Лубянку в Москве, где пробыл неделю, а затем с приказанием ехать в Козлов был освобожден. В Козлове его арестовали и препроводили в Тамбов. В Тамбове епископ Димитрий был освобожден из тюрьмы и уехал в Москву, где ему довелось на всенощной накануне празднования памяти великомученицы Екатерины сослужить Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Петру. Для Местоблюстителя это была последняя служба, через три дня он был арестован.

В 1926 году епископ Димитрий служил в московских храмах и в Подмосковье. В июле 1926 года владыку вызвал к себе уполномоченный ОГПУ Тучков и потребовал, чтобы он покинул столицу. Сославшись на больное сердце, владыка сказал, что уедет в Кисловодск. Перед отъездом епископ Димитрий пошел к заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому), который, ввиду чрезвычайных обстоятельств по управлению Церковью в условиях беспрестанных гонений, разделил Ставропольскую епархию на две и поручил епископу Димитрию управление новосозданной Пятигорской епархией.

Владыка поселился в Кисловодске, где снимал комнату в районе, который назывался Рябова Балка, на окраине города за железнодорожным вокзалом, неподалеку от Пантелеимоновской церкви, в которой он часто служил.

14 апреля 1932 года епископ Димитрий был возведен в сан архиепископа. 23 марта 1934 года назначен архиепископом Можайским, викарием Московской епархии.

В Москве владыка поселился в сторожке при Ильинской церкви на Большой Черкизовской улице, где и жил до ареста.

Архиепископ Димитрий был арестован 29 сентября 1937 года и заключен в Бутырскую тюрьму. Сразу же после ареста начались допросы, которые 9 октября были оформлены в виде протокола и подписаны архиепископом.

Архиепископ Димитрий не признал себя виновным и не согласился кого-либо оговорить.

— Следствие располагает данными, что вы среди окружающих заявляли о том, что в СССР существуют гонения на религию и духовенство. Вы это подтверждаете? — спросил следователь.

— Я это не подтверждаю, и об этом я никому не заявлял, — ответил архиепископ.

— Следствию известно о том, что вы распространяли контрреволюционные провокационные слухи, что якобы митрополит Петр расстрелян советской властью. Откуда вам это известно?

— Мне известно от митрополита Сергия (Страгородского) о том, что митрополит Петр в декабре 1936 года умер в ссылке, а о расстреле его я ни от кого не слышал и таких слухов не распространял.

Вместе с архиепископом Димитрием были арестованы архимандрит Амвросий (Астахов), игумен Пахомий (Туркевич), диакон Иоанн Хренов, монах Варлаам (Ефимов), инокиня Татьяна (Бесфамильная), миряне Николай Рейн, Мария Волнухина и Надежда Ажгеревич.

Преподобномученик Амвросий (в миру Алексей Аникеевич Астахов) родился в 1860 году в селе Борисовка Лебедянского уезда Тамбовской губернии в крестьянской семье. До 1925 года он жил в монастыре, а после его закрытия — в разных селах Московской области, в частности в селе Аксиньино Красногорского района, и

духовно окормлял монахинь и послушниц Головинского монастыря.

— Кто и в каких целях вас посещал на квартире? — спросил следователь.

— Меня посещали мои почитатели, которые обращались ко мне за различными советами, — ответил архимандрит Амвросий.

— Какие советы вы давали своим почитателям?

— Я давал советы только по вопросам семейной жизни.

— Следствие располагает данными, что вы своих почитателей обрабатывали в антисоветском духе. Вы это подтверждаете?

— Да, я действительно говорил, что советская власть на религию и духовенство устраивает гонения, говорил, что советская власть есть власть антихриста, посланная в наказание народу за грехи.

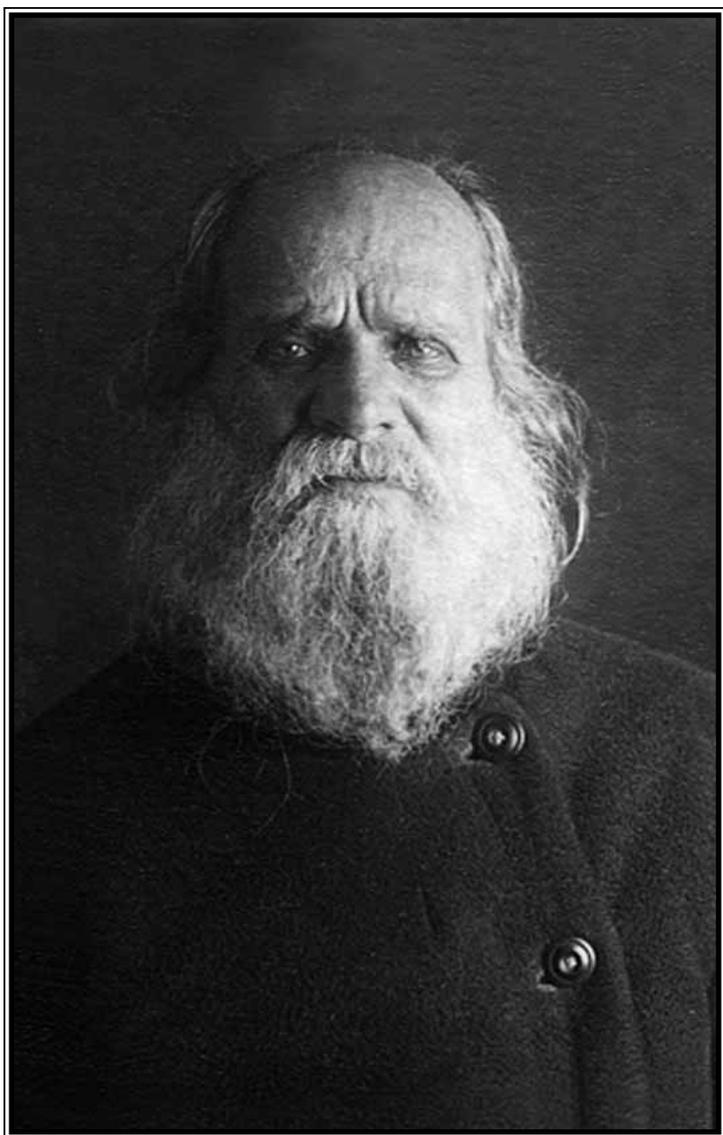
— Изложите ваши взгляды на советскую власть.

— К советской власти я отношусь враждебно, считаю, что советская власть разрушает храмы, ссылает совершенно безвинное духовенство и верующих. По своим убеждениям я являюсь монархистом, а советскую власть я рассматриваю как временное явление... Люди в России, которые по своей глупости свергли царя, сейчас в этом раскаиваются, потому что видят очень много несправедливости от советской власти, чего не было при царе.

Преподобномученик Пахомий (в миру Павел Акимович Туркевич) родился в 1864 году в местечке Миляновичи Ковельского уезда Волынской губернии в семье кузнеца. Подвизался в Златоустовском монастыре до его закрытия в 1923 году. В конце двадцатых — начале тридцатых годов, будучи в преклонных летах, жил в Москве у своих духовных детей.

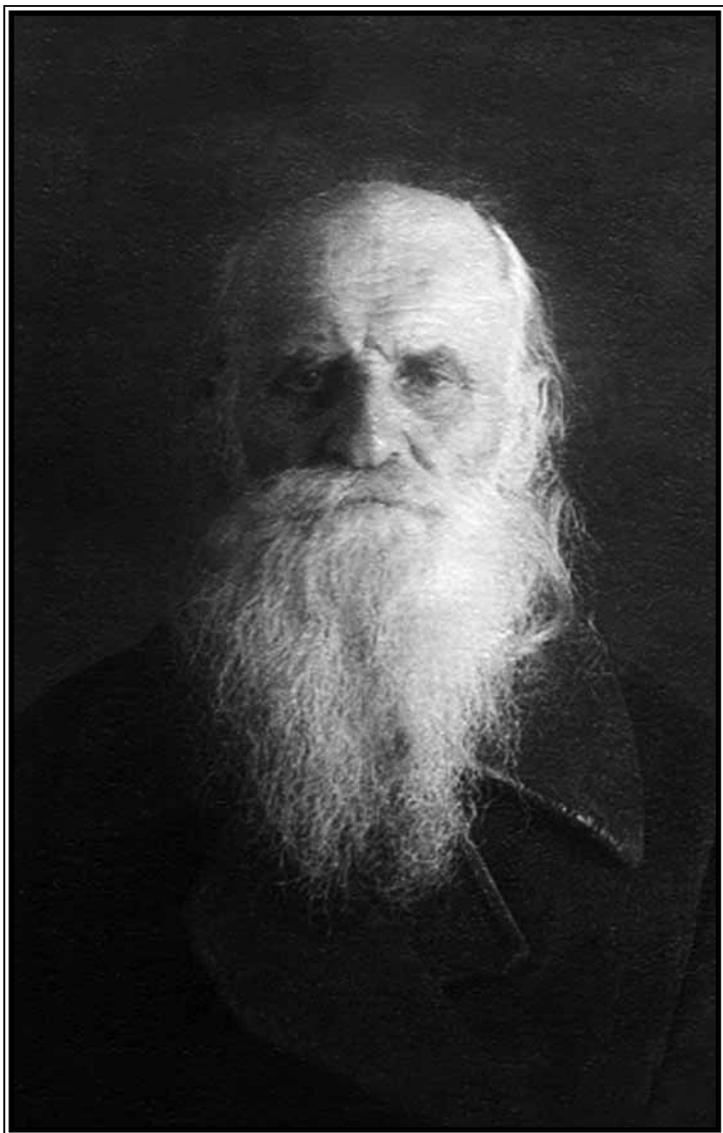
— Ваше отношение к советской власти, — спросил следователь игумена Пахомия во время допроса.

— Я советскую власть считаю властью антихриста, которая послана Богом народу в наказание.

Архимандрит Амвросий (Астахов)

Москва. Тюрма НКВД. 1937

Узун Пашоимий (Туркочив)

Москва. Тюрма НКВД. 1937

Священномученик Иоанн родился 3 сентября 1888 года в городе Москве в семье служащего Таганской тюрьмы Семена Хренова. Семья была очень религиозная и благочестивая. Иван с раннего детства ходил молиться в Новоспасский монастырь, расположенный неподалеку от дома, где они жили. Со временем он стал петь на клиросе вместе с монахами и на некоторых богослужениях был чтецом. В 1907 году Иван Семенович окончил педагогический институт, но учителем не стал; он не почувствовал в себе призвания к этой профессии и увидел, что сталкивается с большими трудностями в объяснении детям учебного материала. Он сначала устроился бухгалтером в Таганскую тюрьму, а затем иеросхимонах Аристоклий, с которым Иван Семенович был хорошо знаком, помог ему устроиться бухгалтером в Московский купеческий банк. В 1911 году Иван Семенович женился на девице Евдокии. Она была из благочестивой семьи и прихожанкой Новоспасского монастыря, где они познакомились.

После национализации в 1917 году банков Иван Семенович стал работать бухгалтером в государственных учреждениях города Москвы. После закрытия Новоспасского монастыря он, как и все прихожане монастыря, начал ходить в расположенный рядом с обителью храм Сорока мучеников; там ему предложили принять сан диакона. Выбор был очень серьезным, и Иван Семенович отправился в храм святителя Николая на Маросейке к протоиерею Алексию Мечеву, чтобы посоветоваться с ним и взять благословение. Отец Алексей благословил, и в 1921 году епископ Верейский Иларион (Троицкий) рукоположил его в сан диакона ко храму Сорока мучеников. При храме тогда еще существовала воскресная школа, которой диакон Иоанн стал руководить. Прослужил он здесь около года; в храме в это время начались распри, и он ушел из него. Затем служил некоторое время в Троицком храме в Котельниках. Во время служения в храме Сорока мучеников и в Троицком храме диакон Иоанн продолжал работать бухгалтером. Семья отца Иоанна, состоявшая из супруги и дочери, была дружной; все свободное время в будни они посвящали чтению ду-

ховных книг, и в особенности житий святых, читая жития на каждый день. В воскресные дни и в праздники и при любой возможности они шли в храм. В начале 1930 годов отца Иоанна вызвали в ОГПУ и сказали ему:

— Вы хороший работник, мы проверили вас, мы предлагаем вам работать у нас агентом, сообщать нам обо всех, кто с вами работает.

Отец Иоанн ответил на это:

— Я не могу этого делать, потому что на мне сан диакона.

— А вы снимите с себя сан диакона.

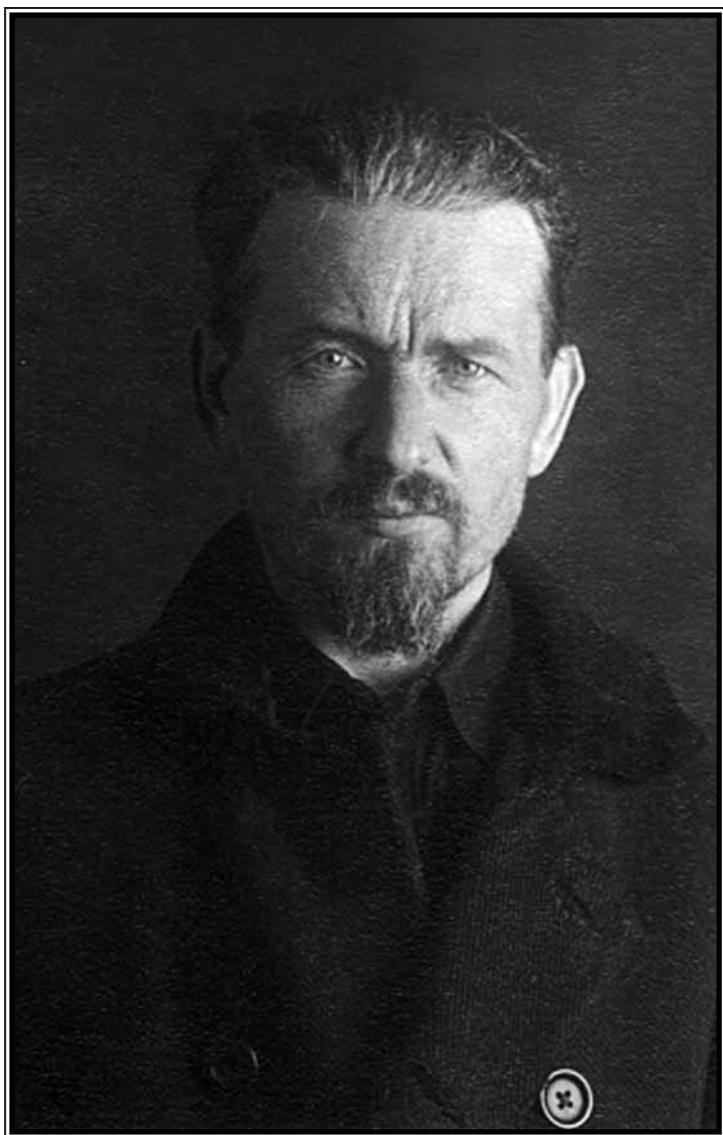
— Бог дал, Бог с меня снимет, — ответил отец Иоанн.

Сотрудники ОГПУ не стали более настаивать, и один из них сказал:

— Нам бы побольше таких стойких людей.

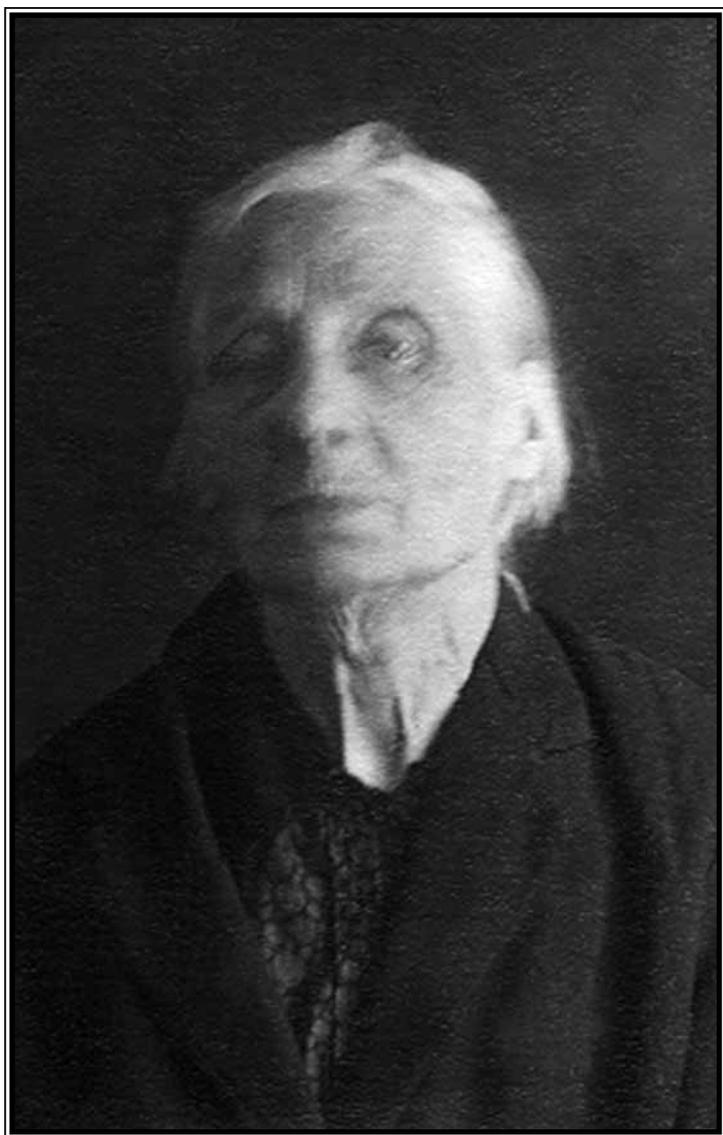
В 1937 году на диакона Иоанна донесли, что его квартиру посещает много духовенства, и к нему пришли сделать обыск и арестовать. Во время обыска у него нашли справку, что он рукоположен в сан диакона. «Ну, вот еще одно дело», — удовлетворенно сказал один из обыскивавших. На допросах отец Иоанн подтвердил, что он до сего времени носит сан диакона и не желает с себя снимать сан. А что касается обвинений в контрреволюционной деятельности, то в этом он виновным себя не признает.

Преподобномученик Варлаам (в миру Василий Севастьянович Ефимов) родился 12 апреля 1903 года в семье благочестивых московских жителей Севастьяна и Мавры Ефимовых. Работал курьером в 33-м отделении милиции. В 1935 году он тайно принял монашеский постриг с именем Варлаам. Он был арестован 29 сентября 1937 года. Его обвинили в том, что он, «будучи враждебно настроенным по отношению к советской власти, среди окружающих проводил систематическую антисоветскую агитацию. Свою квартиру он предоставил для совершения тайных богослужений и ночлега возвратившемуся из ссылки духовенству. В 1935

Диакон Иоани Хренов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

Шокина МатIANA (Софья Ильевна)

Москва. Тюрма НКВД. 1937

году он принял пострижение в тайное монашество, к чему склонял и других своих единомышленников».

Следователь спросил его, как в его квартиру попало священническое облачение. Василий Севастьянович ответил, что оно оставлено иеросхимонахом Аристоклием, которого глубоко почитала вся его семья и который несколько раз совершал молебны в их квартире. Но «в данное время его нет в живых, так как он умер лет пять тому назад», — пояснил Василий Севастьянович. Виновным он себя ни в чем не признал. 17 октября 1937 года тройка НКВД приговорила монаха Варлаама (Ефимова) к десяти годам заключения, и он был отправлен в Локчимлаг в Коми область, где вскоре скончался.

Преподобномученица Татиана (Татьяна Николаевна Бесфамильная) родилась 10 января 1866 года в Москве. В возрасте пяти лет она была отдана матерью в приют Рождественского монастыря, где прожила до самого его закрытия в 1923 году, не выходя все это время за пределы обители. Подвизаясь на различных послушаниях, она окончила в монастыре церковноприходскую школу. В 1920 году Татьяна приняла иноческий постриг. После закрытия обители и до самого своего ареста она жила в квартире неподалеку от монастыря, продолжая совершать свой иноческий подвиг, зарабатывая на жизнь рукоделием и шитьем. Будучи арестованной, виновной себя не признала.

Мученик Николай родился 21 января 1892 года в селе Сосновка Моршанского уезда Тамбовской губернии в семье потомственного почетного гражданина Александра Рейна. По рождению Александр Рейн был прусским подданным, приехавшим в Россию в качестве управляющего имением, но в 1903 году он принял русское подданство. В 1911 году Николай Александрович окончил гимназию Креймана, а в 1918 году — сельскохозяйственный институт. С 1920 по 1930 год он работал научным сотрудником

Тимирязевской академии в Москве, а затем, по день своего ареста, — в институте овощного хозяйства. Во время гонений на Церковь от безбожной власти он приютил в своем доме афонского иеромонаха Илариона (Громова) и оказывал ему материальную помощь.

— Следствие располагает данными, что вы среди верующих распространяли провокационные слухи о якобы имеющемся в СССР гонении на религию. Вы это подтверждаете?

— Я не отрицаю, что говорить о существующем гонении на религию мог, но провокационных слухов среди верующих не распространял, — ответил Николай Александрович.

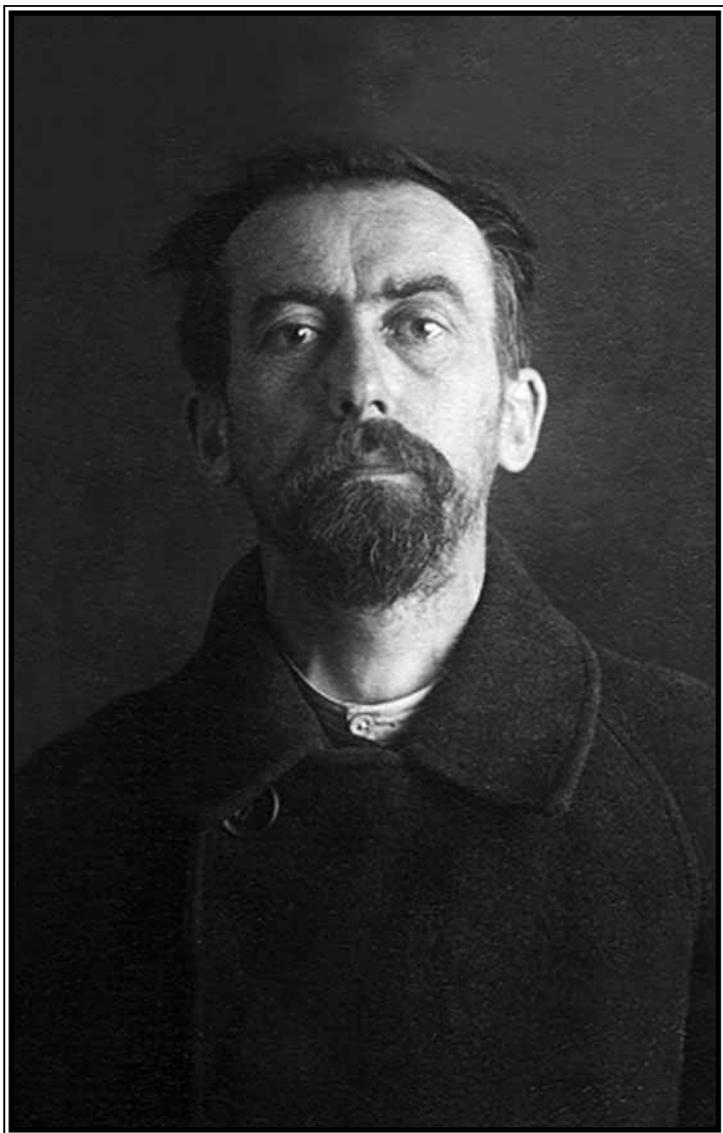
— Следствие располагает данными, что на квартире у вас и знакомых вам прихожан производилось тайное богослужение. Подтверждаете ли это?

— Тайного богослужения ни у меня, ни у близких священника Илариона не было. Я не отрицаю, что богослужения на квартире у меня и знакомых проводились, но это было связано с выполнением ряда религиозных обрядов (похорон, праздничных молебнов и прочего).

— Ваши убеждения и взгляды на советскую власть.

— Советскую власть я считаю законной властью, но она не считается с мировоззрением верующих, она борется с религией и Церковью как с контрреволюционными организациями...

Мученица Мария (Мария Николаевна Волнухина) родилась 3 марта 1876 года в Москве в семье торговца. Она вышла замуж за фабриканта Ивана Герасимовича Волнухина. Оба были глубоко верующими людьми, для которых вера была главной ценностью и содержанием жизни. Вскоре после революции Мария Николаевна потеряла мужа. В 1927 году все ее имущество было национализировано. В 1932 году Мария Николаевна была приговорена к трем годам ссылки в Северный край, в город Котлас, но вскоре оттуда уехала и с этого времени начала странствовать, не имея определенного места жительства. Среди верующих почиталась за

Николай Александрович Лейн

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

подвижническую жизнь и прозорливость. Будучи арестованной, она не признала себя виновной.

— На какие же средства вы существовали? — спросил ее следователь.

— Я существовала на средства, которые получала от нищенства.

— Где вы проживали после вашего возвращения из ссылки?

— Определенного места жительства я не имела, проживала у своих знакомых, назвать которых я отказываюсь.

Мученица Надежда родилась в 1877 году в деревне Головенщицы Сверженской волости Минской губернии в семье крестьянина Григория Ажгеревича. Она была глубоко верующим человеком, имела благословение на принятие монашества, но принять постриг не успела. Дома своего не имела и жила у монахинь закрытых монастырей в Москве и Московской области. Будучи арестованной, виновной себя не признала.

— Чем вы занимались и на какие средства существовали? — спросил следователь.

— Я нахожусь без определенных занятий, бродяжничаю и занимаюсь нищенством.

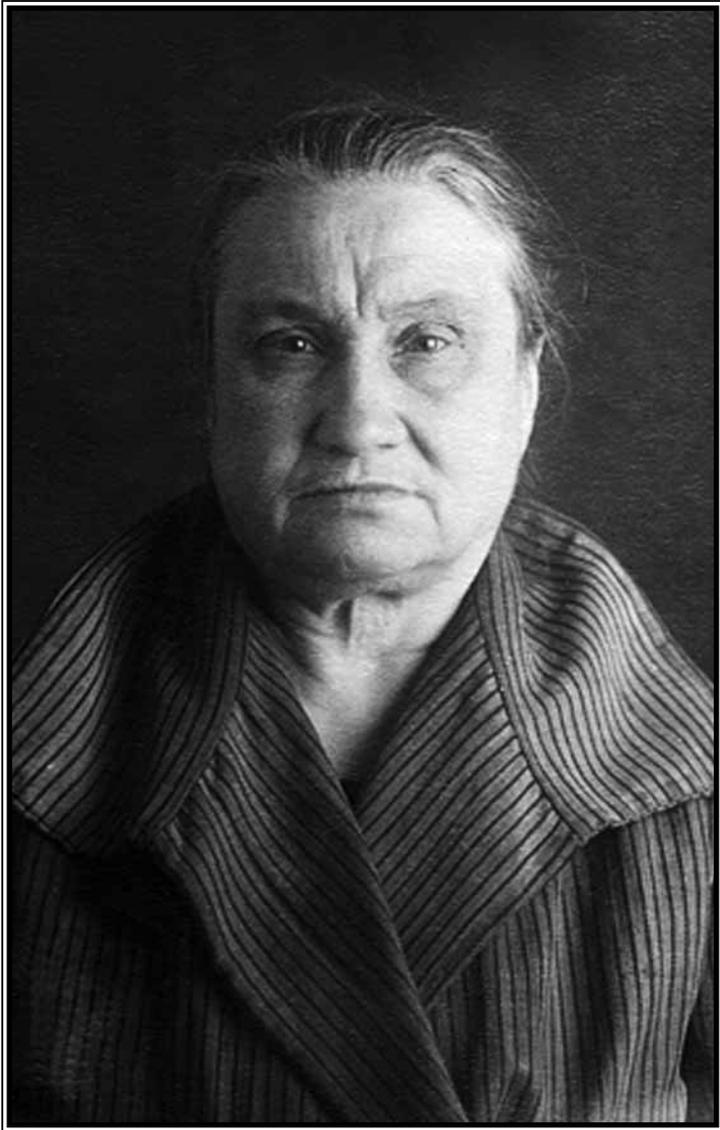
— Следствие располагает данными, что вы среди верующих производили денежные сборы для оказания материальной помощи высланным за контрреволюционную деятельность. Вы это подтверждаете?

— Я не отрицаю того, что оказывала материальную помощь арестованным из тех средств, кои мне удавалось собрать.

— Вы распространяли слухи о якобы имеющемся в СССР голоде?

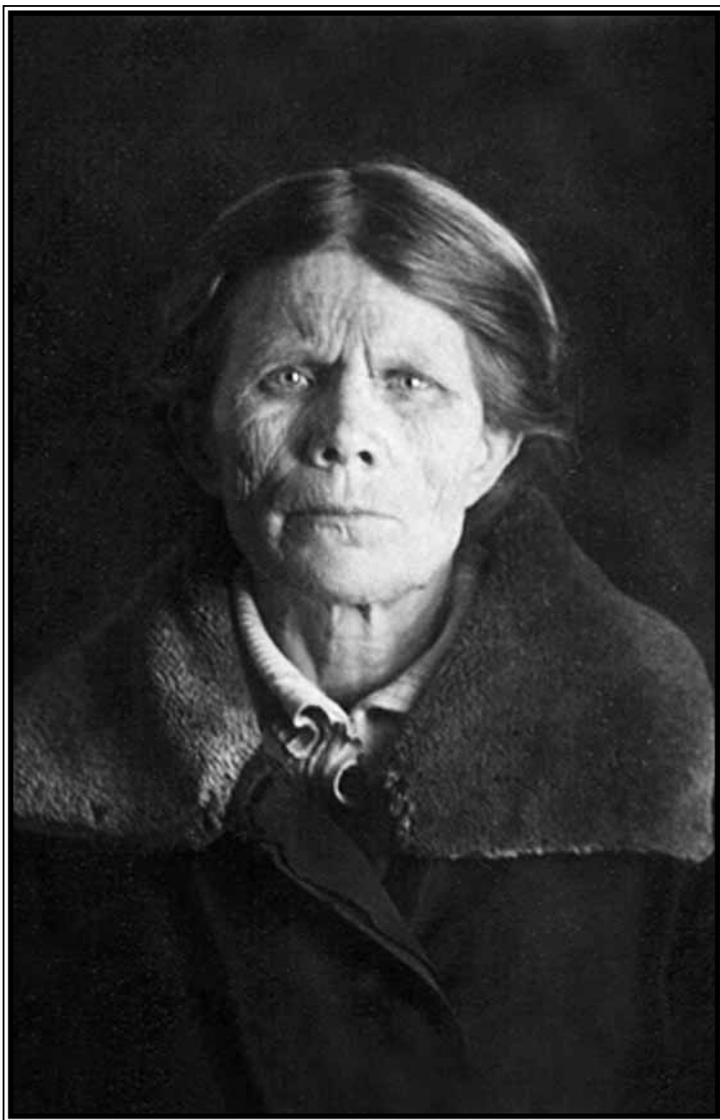
— Я этого не говорила, без меня все видели, как у церквей сидели голодные, приехавшие с Украины, которые просили себе на пропитание.

— Вы распространяли провокационные слухи о якобы имеющемся в СССР гонении на религию и духовенство?

Мария Николаевна Волынкина

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

Надежда Тригорьевна Ажгеревич

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

– Да, я говорила, что советская власть арестовывает безвинных людей, бесчинствует и расстреливает безвинный народ.

– Назовите своих почитателей, которые вам предоставляли ночлег.

– Ночлег я получала от своих почитателей, но их фамилии и адреса мне неизвестны.

17 октября 1937 года тройка НКВД приговорила арестованных к расстрелу. 21 октября архиепископ Димитрий (Добросердов), архимандрит Амвросий (Астахов), игумен Пахомий (Туркевич), диакон Иоанн Хренов, инокиня Татиана (Бесфамильная) и миряне Николай Рейн, Мария Волнухина и Надежда Ажгеревич были расстреляны на полигоне Бутово под Москвой и погребены в общей безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20816.

РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 320.

ГАТО. Ф. Р-18, оп. 1, д. 230.

Справочная и памятная книжка по Тамбовской епархии на 1893 год. Козлов, 1893.

Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной иерархии на 1917 год. Петроград, 1917.

Московский журнал. 1991, № 12.

За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956. Кн. 1. М., 1997.

Артамонов В. Б. Архиепископ Димитрий (Добросердов, 1864–1937): материалы к жизнеописанию. Рукопись. 1998.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 5. Тверь, 2001.

Октября 8 (21)

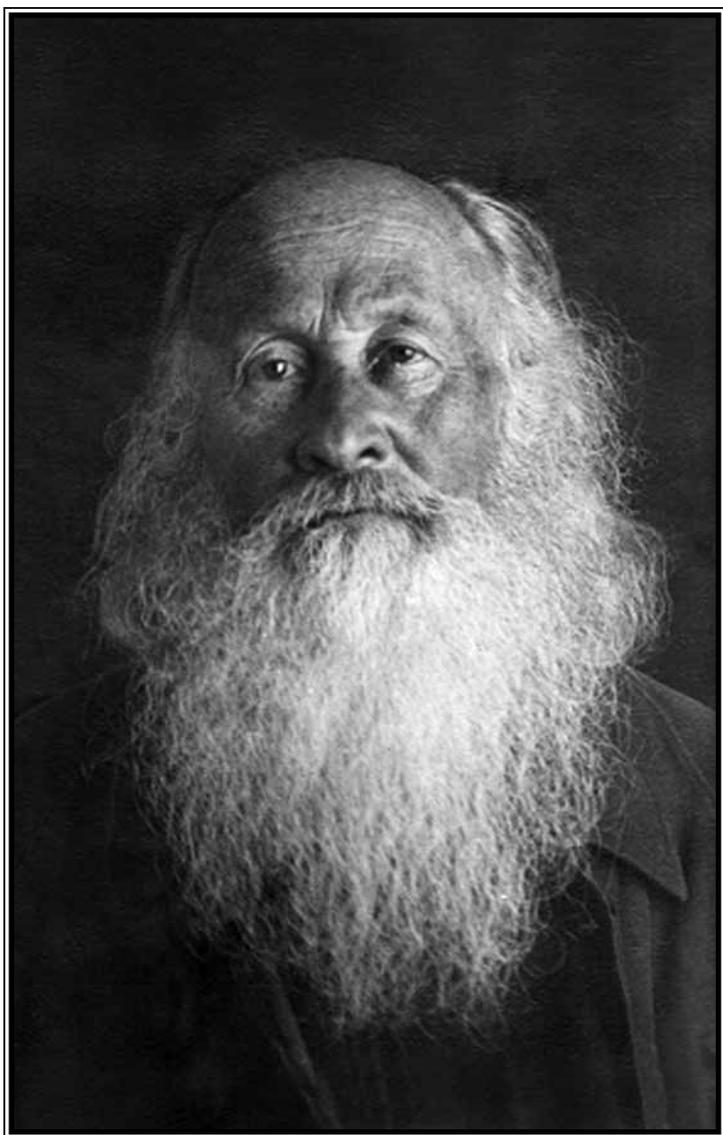

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Иона (Лазарев)

Священномученик Иона (в миру Иван Иванович Лазарев) родился в 1869 году в селе Лучино Санкт-Петербургской губернии в семье священника. В 1892 Иван Иванович окончил Новгородскую Духовную семинарию и был определен надзирателем в Звенигородское Духовное училище. Он учился в Новгородской семинарии в тот период, когда ректором ее был архимандрит Тихон (Никаноров), впоследствии архиепископ Воронежский, в 1919 году претерпевший мученическую кончину от воинствующих безбожников.

4 ноября 1892 года Иван был пострижен в монашество с наречением имени Иона, а 3 декабря того же года рукоположен в сан иеродиакона. 23 декабря 1893 года иеродиакон Иона был зачислен в число братии Саввино-Сторожевского монастыря, а 6 января 1895 года рукоположен в сан иеромонаха. 30 декабря 1899 года иеромонах Иона по ходатайству епископа Полоцкого Тихона (Никанорова) был зачислен в число братии Полоцкого архиерейского дома, а 5 января 1900 года назначен казначеем и ризничим Полоцкого архиерейского дома. 27 ноября того же года иеромонах Иона был назначен настоятелем Невельского Спасо-Преображенского заштатного необщежительного монастыря. 2 сентяб-

Епископ Иона (Лазарев)

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

ря 1902 года он был переведен на должность настоятеля Новгородского Сковородского необщежительного третьеклассного монастыря и через год возведен в сан архимандрита.

В 1907 году епископ Тихон жил в ставропигиальном Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, исполняя должность его настоятеля. Перед тем как покинуть монастырь и занять архиерейскую кафедру, владыка предложил Святейшему Синоду назначить на должность настоятеля Новоиерусалимского монастыря архимандрита Иону, которого он давно и хорошо знал с самой лучшей стороны, и 22 марта 1911 года архимандрит Иона был назначен на должность настоятеля этого монастыря. В январе 1918 года архимандрит Иона был отправлен в распоряжение архиепископа Воронежского и Задонского Тихона.

29 января 1926 года архимандрит Иона был рукоположен во епископа Невельского, викария Витебской епархии, но приступить к своим обязанностям он по независимым от него обстоятельствам не смог. 14 мая 1926 года он был уволен на покой с благословением заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия проживать в селе Батюшково Дмитровского района Московской области. Живя здесь, он служил в Никольском храме в этом селе. Многие почитали епископа Иону за дар рассуждения и приезжали, чтобы получить от него духовные наставления. В тридцатых годах на территории Дмитровского района была создана система исправительно-трудовых лагерей, заключенные в них занимались строительством каналов и шлюзов. Среди узников этих лагерей было много духовенства, и епископ через заключенных, имевших свободный выход из лагеря, помогал находящимся в неволе священникам.

Во время гонений 1937 года епископ Иона был арестован по обвинению в том, что он под видом церковных проповедей вел контрреволюционную агитацию. На допросах он виновным себя

не признал. 17 октября тройка НКВД приговорила владыку к расстрелу. Епископ Иона (Лазарев) был расстрелян 21 октября 1937 года и погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20714.

РГИА. Ф. 831, оп. 1, д. 172.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 5. Тверь, 2001.

Октября 8 (21)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

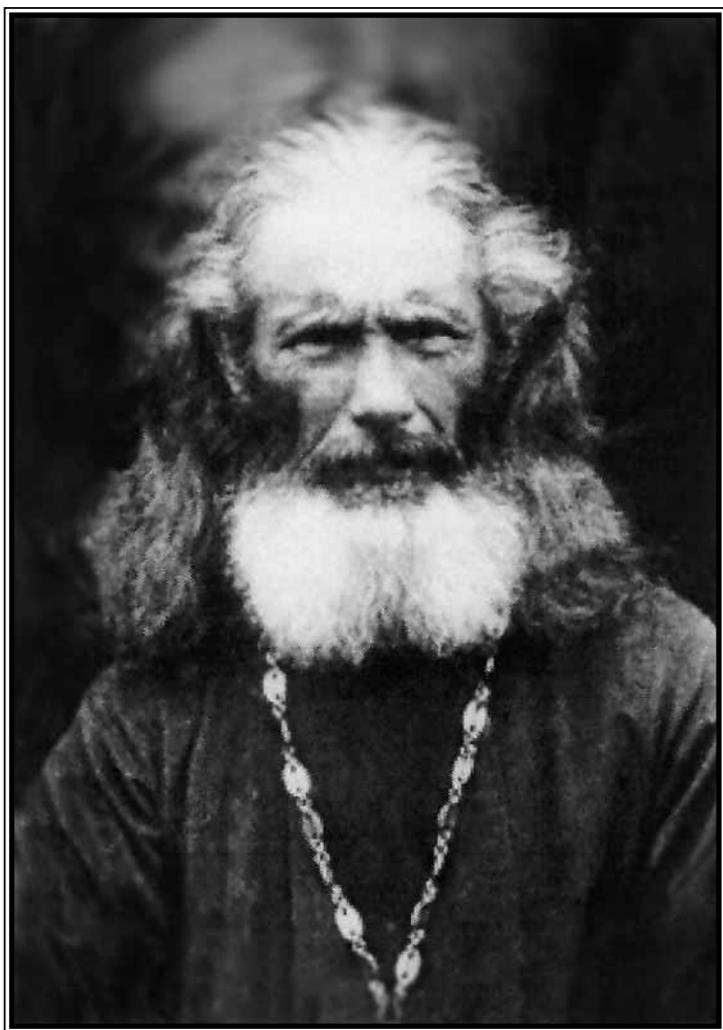
Павел (Преображенский)

Священномученик Павел родился 10 декабря 1882 года в городе Коломне в семье священника Платона Павловича Преображенского.

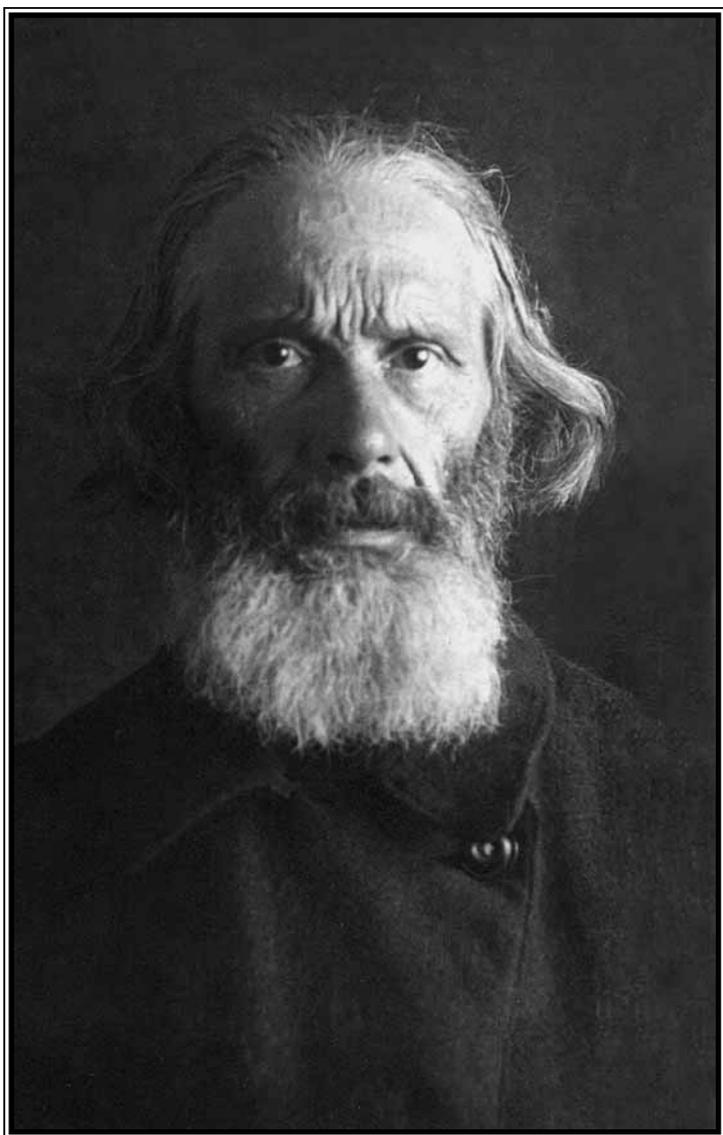
В 1905 году Павел Преображенский окончил Московскую Духовную семинарию. В 1907 году он женился на дочери протоиерея Иоанна Митропольского Анастасии и в 1908 году был рукоположен во диакона к Московскому Рождественскому монастырю.

В 1917 году диакон Павел был рукоположен во священника ко храму Рождества Пресвятой Богородицы села Мишутино Московской губернии. Приход был очень бедным, и приходилось заниматься летом сельским хозяйством, а зимой извозом. Недалеко от села была роща, в которой мужики рубили лес на дрова. Вместе с крестьянами и отец Павел ездил в рощу, грузил дрова на телегу и возил их в Сергиев Посад. Семья батюшки с трудом сводила концы с концами.

В трех километрах от Мишутина служил священник Иоанн Инюшин. Инюшины и Преображенские были дружны. В праздники они встречались семьями, на Рождество устраивали елку,

Протоиерей Павел Троицкий

Протоиерей Павел Преображенский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

которую дети украшали самодельными игрушками, яблоками и конфетами.

В конце 1928 года отец Павел был назначен настоятелем Ильинской церкви села Синьково. Уезжая из Мишутина, он продал дом, чтобы в Синькове купить новый, но денег за него не получил: покупатель, вселившийся в дом священника, заявил, что попу денег не полагается. Поэтому жилье пришлось снимать. Жили в одной комнате. Уголок священника был отгорожен гардеробом.

В середине тридцатых годов отец Павел был возведен в сан протоиерея.

В общении священник был прост и добросердечен. Прихожане любили батюшку и бывали частыми гостями у него в доме: кто с вопросами приходил, кто за книгой, а кто нуждаясь в духовной поддержке. «Добрейшей души человек», — говорили они. Его пастырское участие распространялось на каждого, кто к нему обращался.

В середине июня 1937 года у него в гостях оказалась женщина, перешедшая на агентурную службу советской власти и не скрывавшая этого, — Раиса Уклонская. Отец Павел принял осведомительницу у себя дома и сказал ей: «Зря вы... ушли из Церкви, ведь не прочна ваша новая платформа, не верьте ей».

30 сентября 1937 года отец Павел был арестован.

Несколько дней его продержали в милиции в Рогачеве, затем отправили в дмитровскую тюрьму. Транспорта не дали никакого — погнали пешком до Дмитрова, двадцать четыре версты. Когда его вели через Синьково, соседи позвали супругу Анастасию. Она выбежала из дома и в последний раз увидела мужа. Он едва передвигал ноги. В тюрьму он был доставлен больным.

Оснований для ареста отца Павла не было никаких. Несмотря на это, священника признали виновным в «контрреволюционной агитации, направленной на подрыв мощи советского государства».

19 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Павла к расстрелу. Протоиерей Павел Преображенский был расстрелян 21 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф.10035, д. 20552.
Вся Москва. М., 1908. Рождественский монастырь.

Октября 8 (21)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

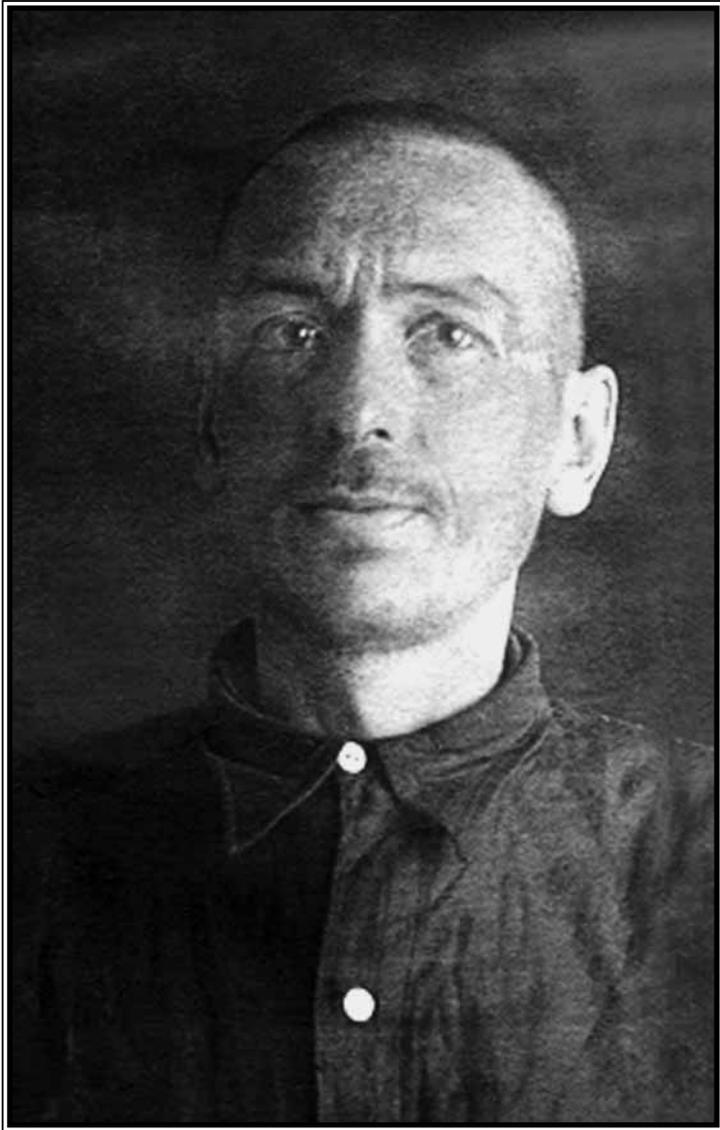
Петр (Озерецковский)

Священномученик Петр родился 10 июня 1889 года в селе Еганово Бронницкого уезда Московской губернии в семье псаломщика Александра Николаевича Озерецковского. В 1903 году Петр окончил Донское Духовное училище и поступил в Московскую Духовную семинарию. По окончании семинарии с 1909 по 1912 год работал учителем. В 1912 году он был рукоположен во священника ко храму Иоанна Предтечи села Новорождественое Бронницкого уезда, где служил в течение 25 лет до самого его закрытия в 1937 году.

В новую волну гонений в октябре 1936 года Мособлисполком принял решение о закрытии и сносе храма в селе Новорождественое. Отец Петр с председателем церковного совета Надеждой Кисловой ездили в Москву в Синод за советом — как можно воспрепятствовать закрытию храма. Там им посоветовали написать ходатайство во ВЦИК. 11 мая 1937 года верующие получили в ответ постановление ВЦИКа о закрытии храма.

Отец Петр перешел служить в единоверческий храм Михаила Архангела села Михайловская слобода Раменского района. Но служить там ему пришлось недолго. 4 сентября 1937 года его арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности и заключили под стражу в Таганскую тюрьму.

— С какого времени вы стали на путь контрреволюции? — спросил следователь.

Священник Петр Озеруковский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

— По пути контрреволюции я никогда не шел, — отвечал отец Петр.

— Назовите конкретные факты контрреволюционной деятельности попа Богословского, дьячка Ильинского, церковного старосты Кисловой и активистки-церковницы Евдокимовой.

— Никаких фактов контрреволюционной деятельности со стороны указанных лиц я не знаю.

— Признаете себя виновным?

— Нет, не признаю.

17 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Петра к расстрелу. Священник Петр Озерецковский был расстрелян 21 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-67406.

РГИА. Ф. 831, д. 232.

Дубинский А. Ю. Московская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). «Прометей», М., 1998.

Октября 8 (21)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

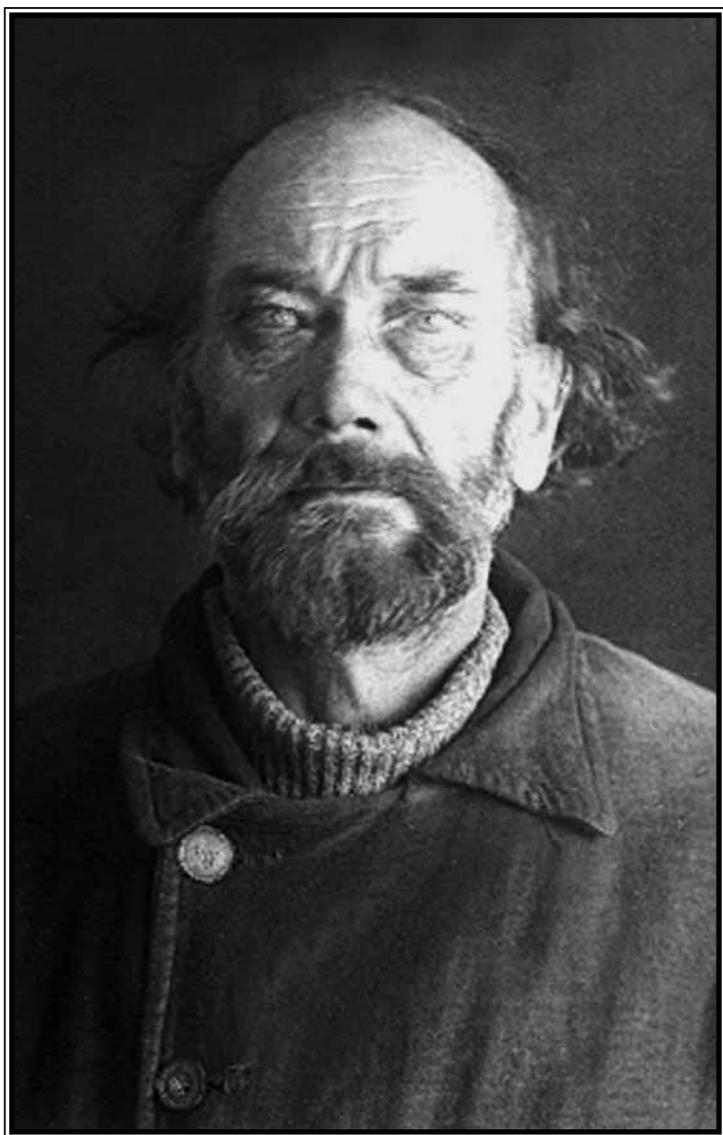
Василий (Озерецковский)

Священномученик Василий родился 31 декабря 1885 года в селе Лобаново Московского уезда Московской губернии в семье священника Иоанна Озерецковского. Образование Василий Иванович получил в Московской Духовной семинарии. С 1904 года он служил псаломщиком в московском Покровском соборе и учителем в Московской Зачатьевской церковноприходской школе, а с 1908-го — псаломщиком в Покровской церкви в селе Локотни Звенигородского уезда. В 1915 году он был направлен служить в храм Рождества Богородицы в село Руднево Верейского уезда.

В 1920 году Василий Иванович был рукоположен в сан диакона и в том же году в сан священника ко храму Смоленской иконы Божией Матери в селе Рыжково неподалеку от Наро-Фоминска.

В 1921 году он был переведен в храм святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова в село Ирининское Подольского уезда. С начала тридцатых годов до своего ареста в 1937 году отец Василий служил в храме Рождества Богородицы в селе Ивано-Теремец Михневского района Московской области.

5 октября 1937 года отец Василий был арестован и заключен в тюрьму в городе Кашире по обвинению «в распространении контрреволюционной клеветы о руководителях ВКП(б) и советской власти и в активной обработке колхозников в религиозном духе».

Священник Василий Озерцовский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

Виновным в предъявленных ему обвинениях священник себя не признал.

17 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Священник Василий Озерцовский был расстрелян 21 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20730.

РГИА. Ф. 831, оп. 1, д. 280.

ЦИАМ. Ф. 1371, оп. 1, д. 41.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Октября 17 (30)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Неофит (Любимов)

Священномученик Неофит (Неофит Порфирьевич Любимов) родился в 1846 году в селе Таборы Самарского уезда Самарской губернии. Высшее образование получил в Киевской Духовной академии, окончив ее кандидатом богословия. С 1876 по 1882 год был преподавателем русского языка и гражданской истории в Симбирском епархиальном женском училище, с 1885 года — законоучителем и инспектором классов того же училища. Преподавал также в Мариинской женской гимназии Симбирска и Симбирском кадетском корпусе.

В 1885 году Неофит Порфирьевич был рукоположен во священника к церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы епархиального училища. До нас дошло восемь Слов, произнесенных во Введенском храме в дни престольных праздников. В одном из них отец Неофит говорил, обращаясь к своей молодой пастве: «И вы, боголюбивые чада, по примеру Пресвятой Девы, Которая, пребывая под кровом храма Божия, воспитывала Свое сердце в духе веры и святости, должны, находясь также под сению дома Господня, возрастать духовно-нравственно, восходить от силы в силу, основывая свое просвещение и нравственное совершенствование на истинах спасительной веры. По учению свя-

тых апостолов, лучшее украшение жены-христианки — ее сокровенное сердце, в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, и чистое богобоязненное житие, в вере и любви и в святости с целомудрием, что драгоценно перед Богом и прилично женам, посвящающим себя благочестию (1 Тим. 2, 9—12, 15). Силою и влиянием благовоспитанного сердца просвещенной жены-христианки достигается тот идеал нравственного совершенства, который делает семейную и общественную жизнь источником полной радости и утешения, создает истинное благо и счастье, воспитывает добрых сынов святой Церкви и доблестных слуг престола и отечества».

Сам отец Неофит, будучи ревностным и взыскательным духовным наставником и даровитым педагогом, стремился воспитать благоговейных и верных чад святой Церкви. Напутствуя воспитанниц на выпускном акте в Симбирском епархиальном училище 15 июня 1898 года, он произнес слово пастырского назидания: «Как отец, пекущийся о чадах своих, при вступлении их на самостоятельный жизненный путь, благословляя их именем Божиим, молится о том, чтобы Господь сподобил их в жизни земной всего доброго, хорошего, прекрасного, даровал бы им счастье и благополучие, так и я, бывший ваш нравственный и религиозный руководитель в школе, направлявший все ваши деяния и мысли ко благу и благополучию временному и вечному... от искреннего сердца, как ваш родной отец, прошу и молю Господа — да подаст Он вам на новом поприще вашей жизни все те высшие блага, какие предназначены Им для Его чад, живущих на земле».

Свою педагогическую деятельность отец Неофит строил на той православно-просветительской традиции, которая берет начало в святоотеческом опыте. Вслед за великими церковными наставниками отец Неофит говорил о неотделимости образования от воспитания. Знания «являются неполными и слабыми, мертвыми и безжизненными, мрачными и безотрадными, а иногда вредными и губительными, если не утверждаются и не восполня-

Протоиерей Неофит Любушов

ются словом Божиим, не оживляются Духом Премудрости и Разума, не озаряются светом веры Христовой и не управляются истинною любовью христианской». Отец Неофит настойчиво указывал матерям, что Господь возложил на них сугубую ответственность — воспитывать добрую нравственность своих чад.

В Словах и поучениях отца Неофита содержатся также особые назидания воспитанницам епархиального женского училища, многим из которых предстояло стать женами священнослужителей: «Старайтесь вы, чада, поддерживать благодетельные обычаи нашей древней святой Руси в просвещении народа, создайте в своей школе и дома тихий рай, где все дышало бы верою и любовью, где ваши питомцы из людей темных и неверующих делались бы просвещенными христианами, из существ природы — сынами и дочерьми Божиими...»

Тридцать три года жизни протоиерей Неофит посвятил трудам священническим. Это служение он проходил с сознанием великой ответственности, возложенной на него Богом. Вступая в должность приходского священника, он сказал: «Священник должен неленостно возвещать людям всю волю Божию, проповедовать слово Божие великим и малым, образованным и необразованным, богатым и бедным; должен усердно и благоговейно совершать службу Божию, преподавать в чистоте духа и тела священные таинства верующим, исполнять молитвословия и в храме, и в домах прихожан вразумительно, неспешно и нерассеянно, вообще быть достойным орудием и проводником благодати Божией в души верных; как пастырь стада Христова, он должен быть советником и руководителем пасомых на пути к вечному спасению: неверующего научить, согрешившего вразумить, заблудшего направить, печального утешить, ожесточенного умиливать; ему подобает быть всегда на страже, чтобы не унижить чем-нибудь своего звания».

Нет сомнений, что отец Неофит всеми данными ему свыше силами стремился приблизиться к этому высокому идеалу право-

славного священника. Он призывает пасомых быть в послушании у пастыря и взыскательно относиться к своему наставнику: «Не требуйте от меня уклонения от прямого долга, не желайте человекоугодничества, чтобы чрез это мне заслужить ваше расположение... Что до меня, буду служить спасению вашему не шадя ни сил, ни здоровья, ни спокойствия, верой и правдой, со всею ревностью».

В 1893–1895 годах, оставаясь в должности инспектора классов женского училища, он преподавал гомиетику в Симбирской Духовной семинарии. 14 апреля 1899 года отец Неофит был назначен преподавателем греческого языка в Симбирском Духовном училище и уволен с должности инспектора классов в епархиальном женском училище. В начале 1900-х годов отец Неофит проходил пастырско-приходское служение в церкви Всех святых города Симбирска.

В 1902 (или 1903) году он был назначен настоятелем церкви Воскресения Словущего на Ваганьковском кладбище в Москве. В Москве он принимает активное участие в образовательных чтениях для фабрично-заводских рабочих, читает лекции для рабочих в Московском епархиальном доме.

В 1906 году отец Неофит был возведен в сан протоиерея. Ревностный проповедник и защитник православия, он основал собственное миссионерское издательство, в котором публиковались работы архиепископа Антония (Храповицкого) против пашковцев, Н.Ю. Варжанского – против различного вида сектантства, работы самого протоиерея Неофита. В 1914 году вторым, дополненным изданием вышли проповеднические труды протоиерея Неофита. Основанием к переизданию стали высокие отзывы православных людей о его проповедях.

Н. Раевский писал: «Многие “Слова” представляют недуги современного общества... и указывают средства для их врачевания. При обстоятельной полноте содержания они излагаются живою современною и вполне изящною речью». В другой рецен-

зии отмечалось: «В “Словах” и речах отца Любимова надо отметить удивительный тон автора, его ясную, точную, всегда весьма рассудительно проводимую и отчетливо передаваемую раздельность мысли, логичность суждения и вместе с тем глубоко проникающую все содержание бесед и учений церковность. Спокойно, шаг за шагом, довод за доводом автор составляет из своих сжато высказанных, но всегда полно предмет исчерпывающих мыслей одну красивую и стильную, целесообразную речь».

Протоирей Неофит православно-церковные убеждения соединял с патриотической настроенностью и твердыми воззрениями на благодетельную силу царской власти. В годы открытого и дерзкого выступления против законной самодержавной власти со стороны революционеров и либералов протоиерей Неофит издал специальный труд о духовной природе царской власти и обязанности православных людей хранить и укреплять ее. «Власть царя, установленная Самим Богом, есть власть самодержавная и единодержавная... На превосходство ее перед другими формами власти указывается в Священном Писании. Где бы ни говорилось в нем о власти, везде на первом плане стоит: Царь — как истинный законодатель, охранитель закона, судия за его нарушения, независимый самодержавный управитель». Власть царя освящена: «Дух Святой через таинство миропомазания сугубо подается и Государям нашим (как он был подан святому Давиду), почивает на них, и получают они незримую благодать, умудряющую и укрепляющую их на предлежащий подвиг царского служения». Отец Неофит открыто и ясно предостерегал: если прекратится царская власть, начнется непрекращающаяся череда бедствий. «Неужели они — эти разорители закона и служители дикой зверской страсти — могут быть хорошими господами и властителями. Путь насилия, жестокости, крови, каким идут они, явно показывает, чем они стали бы, если очутились в положении полновластных распорядителей народным имуществом и народными силами».

Последним местом служения протоиерея Неофита стала церковь святителя Спиридона на Козьем болоте, настоятелем которой он был несколько лет.

В мае 1918 года был арестован зять протоиерея Неофита – православный миссионер Николай Юрьевич Варжанский. 13 июня отец Неофит написал письмо Ленину с просьбой освободить Николая Варжанского: «В скорбные дни моей личной жизни имею смелость обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. О своей личности имею долг сообщить следующее. Я служил в Симбирске вместе с Вашим родителем. Он был директором народных школ, а я преподавателем Мариинской женской гимназии, Кадетского корпуса и Духовной семинарии. Родитель Ваш мне хорошо известен и знаком, я с ним весьма нередко встречался в частных домах и на собраниях, где обсуждались дела педагогические. Скончался он при мне, я был молитвенником тогда, да и теперь молюсь за него... Во дни своей настоящей невзгоды я осмеливаюсь обратиться к Вам... с покорнейшей просьбой: мой сын (зять) Николай Юрьевич Варжанский совершенно случайно попал под арест: вошел в квартиру протоиерея Восторгова, где в это время производился обыск, и вместе с другими был арестован и отправлен сначала в следственное предварительное заключение, а потом переправили его в Бутырскую тюрьму. И в газетах было написано, и словесно слышал от лиц, заслуживающих доверия, что за Варжанским вины, за которую следовало бы посадить в тюрьму, не найдено. Невзгоды были в семье Вашего дорогого родителя, они касались и Вас, и Вы были дороги для своих родителей. Тяжело и мне переносить невзгоду моей дочери и своего сына (зятя). Покорнейше прошу принять участие в моем горе: благоволите отпустить моего зятя от всяких преследований и от тюрьмы или же отдать его мне на поруки. Он человек благонамеренный, советское правительство признает и подчиняется ему, каких-либо контрреволюционных выступлений нигде никогда не имел, он проповедник слова Божия – миссионер и только. Про-

шу Вас... ради памяти Вашего родителя, моих заслуг по отношению к Вашей родной сестре Марии Ильиничне в деле образования и воспитания помочь мне в моем горе: освободить Варжанского из тюрьмы и возвратить его в семью...» Ответа на это письмо не последовало.

21 июля 1918 года протоирей Неофит, по предложению Александра Дмитриевича Самарина, отслужил в храме панихиду по «убиенном новопреставленном бывшем царе Николае». Вечером того же дня сотрудники ВЧК арестовали священника. Протоирей Неофит был обвинен в «агитации против советской власти», в том, что «служил панихиду по “помазаннике Божиим” Николае Романове». 17 сентября 1918 года Президиум Коллегии отдела по борьбе с контрреволюцией из трех человек приговорил протоиерея Неофита к расстрелу, — и он был расстрелян. Тело его погребено на Калитниковском кладбище в могиле, ставшей ныне безвестной.

ИСТОЧНИКИ:

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-80.

Отчет о состоянии Симбирского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1893–94 учебный год. Симбирские епархиальные ведомости. 1895, № 1–2.

Любимов Н., священник. Слова и речи. М., 1903.

Любимов Н., священник. О необходимости заниматься воспитанием детей самим матерям. Симбирск, 1894.

Симбирские епархиальные ведомости. 1901, № 24.

Варжанский Н. Против пьянства телесного и духовного (о «Братцах» и «Беседчиках»). М., 1909.

Вера и Церковь. 1904, № 10.

Октября 18 (31)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Андрей (Воскресенский)

Священномученик Андрей родился 2 октября 1884 года. Его отец, протоиерей Владимир Андреевич Воскресенский, был настоятелем храма Смоленской иконы Божией Матери, находившегося на Смоленской площади в Москве. Он был членом благотворительного общества, учрежденного великой княгиней Елизаветой Федоровной. В июле 1923 года власти арестовали его за участие в собрании духовенства благочиния, целью которого было обсуждение вопросов, связанных с защитой арестованного Патриарха Тихона. Впоследствии дело было прекращено в связи с объявленной в августе 1923 года амнистией. В 1931 году протоиерея Владимира вновь арестовали; ему было тогда уже восемьдесят лет, и по дороге в ссылку он скончался.

В 1898 году Андрей Владимирович окончил Заиконоспасское Духовное училище, а в 1904 году – Московскую Духовную семинарию. В том же году он поступил в Московскую Духовную академию, которую окончил в 1908 году со степенью кандидата богословия, и в 1909 году был назначен на должность помощника инспектора в Новгородскую Духовную семинарию. Женился на Верре Сергеевне Булатовой.

В 1912 году он был рукоположен в сан священника к московскому храму Успения Божией Матери, что в Казачьей слободе, и состоял законоучителем в 4-м мещанском Мариинском женском городском училище и в частной женской гимназии А. С. Стрелко-

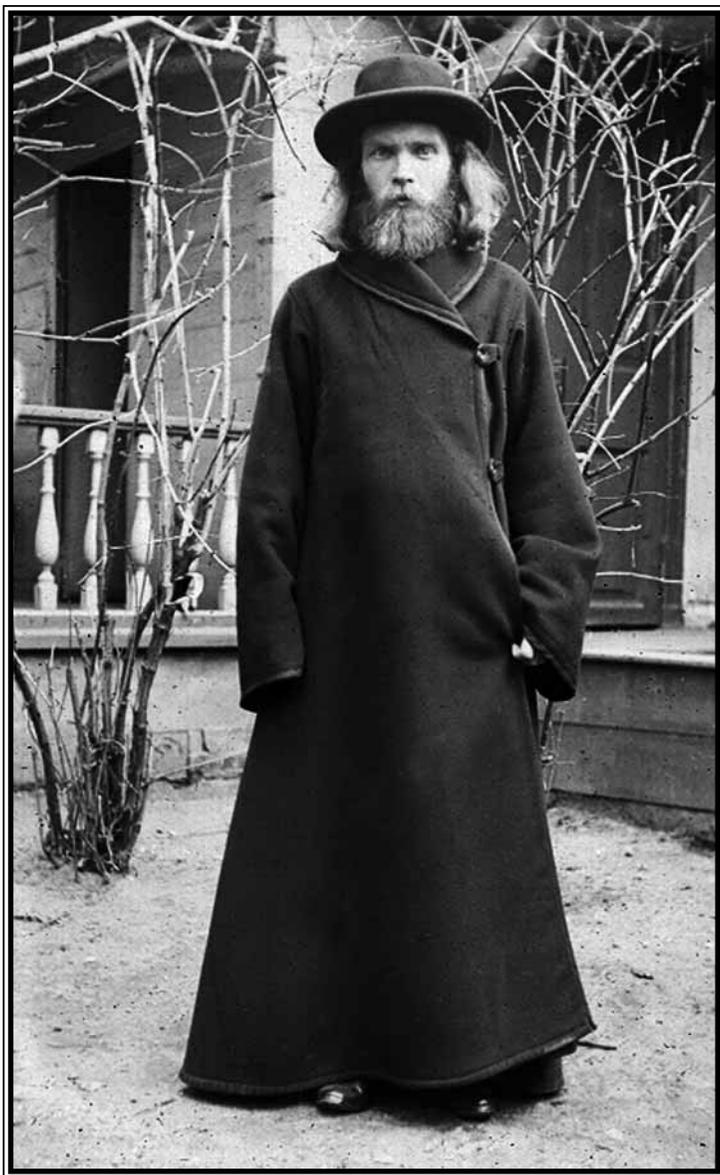
вой. В 1915 году отец Андрей был награжден набедренником, в 1917 году – скуфьей, в 1920 году – камилавкой, в 1923 году – наперсным крестом. Вскоре он был возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем. В это время при поддержке старосты храма он готовил публикацию об истории этого храма и жизни казачества в Москве, основанную на изучении церковного архива. Все эти материалы погибли при закрытии церкви в 1930 году.

Отец Андрей был назначен служить в храм святителя Григория Неокесарийского на Большой Полянке, а затем в храм Живоначальной Троицы на Воробьевых горах. Последним местом его служения стала церковь Михаила Архангела в селе Карпово Воскресенского района Московской области. Здесь, как и в Москве, прихожане полюбили доброго пастыря, который старался помогать им и словом и делом. По первой же просьбе он шел исполнять требы, в любую погоду – и во время проливного дождя, и в трескучий мороз. Он всегда находил время, чтобы вскопать огород или накосить сена одинокому старику. Он был человеком, который старался жить в мире со всеми и которого равно любили как прихожане, так и домашние. Когда он приезжал из села Карпово в Москву, где жила его семья, вся местная детвора бежала ему навстречу, и для каждого он находил приветливое слово и маленький гостинец.

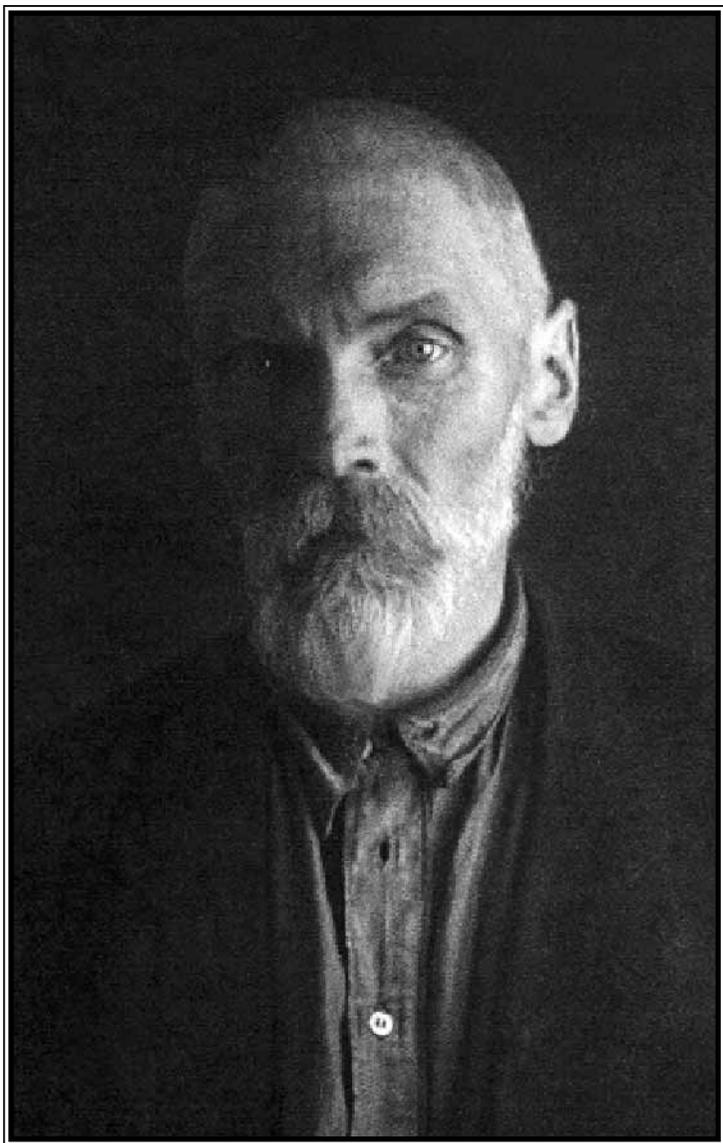
Протоиерей Андрей был арестован 7 октября 1937 года по обвинению в «агитации против руководителей советского правительства и колхозов» и заключен в тюрьму города Коломны. Были вызваны лжесвидетели, которые дали показания, нужные следователю. Затем эти показания были зачитаны отцу Андрею, и он последовательно одно за другим опроверг все лжесвидетельства. В конце концов, следователь на последнем допросе спросил:

– На следствии вы уличены свидетельскими показаниями в контрреволюционной деятельности. Почему вы это отрицаете?

– Я могу только подтвердить, что никакой контрреволюционной деятельности я не вел и все свидетельские показания отрицаю.

Промоуеруъ Ангреуъ Вокресенскіи

Протоиерей Андрей Воскресенский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

17 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Андрея к расстрелу. Протоиерей Андрей Воскресенский был расстрелян 31 октября 1937 года и погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20681.

РГИА. Ф. 831, оп. 1, д. 232, 243.

ЦИАМ. Ф. 229, оп. 4, д. 813.

Воскресенская Людмила Андреевна. Воспоминания. Рукопись.

Казачьи ведомости. Спец. вып. газ. «Вести Замоскворечья». 1990, 28–30 июня.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 5. Тверь, 2001.

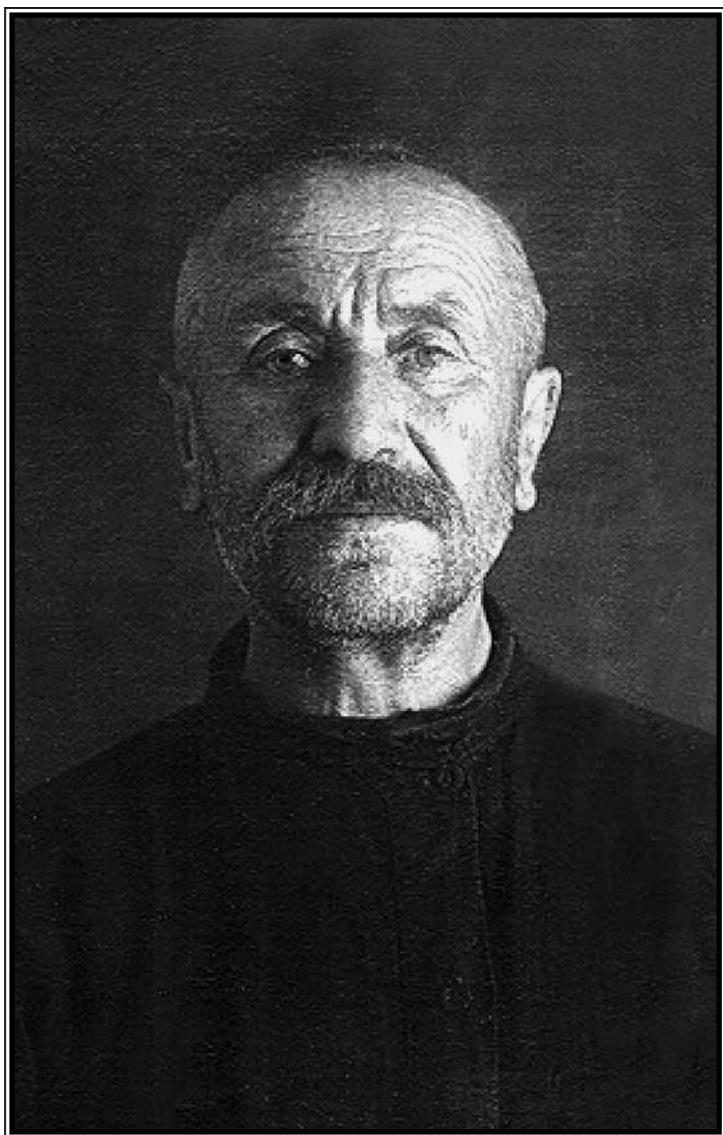
Октября 18 (31)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Сергий (Бажанов)

Священномученик Сергей родился 3 февраля 1883 года в селе Сандыри Коломенского уезда Московской губернии в семье псаломщика Петра Бажанова. Он окончил три класса Московской Духовной семинарии и был рукоположен в сан диакона к коломенскому Успенскому собору. В 1918 году диакон Сергей был рукоположен в сан священника к Троицкой церкви села Троицкие Озерки Коломенского уезда. В 1923 году он был переведен в Иоанно-Предтеченскую церковь в селе Городищи того же уезда, а с 1930 года стал служить в Никольской церкви в селе Городня Луховицкого района. Отец Сергей был награжден набедренником, скуфьей, а в 1928 году епископ Коломенский Феодосий (Ганецкий) наградил его камилавкой.

В конце двадцатых – начале тридцатых годов власти усилили гонения на Русскую Православную Церковь. В марте 1930 года начальник районного отдела ОГПУ допросил крестьянина из села Городня в надежде, что он даст показания против священника, но тот, ни словом не обмолвившись о священнике, сказал: «Признаю, что 3 марта сего года мое выступление на общем собрании против ссыла семян в общие амбары вызвало срыв собрания, хотя я не думал, что так случится, и не хотел этого. Также я допускал отдельные высказывания недовольства тем или иным меро-

Священник Сергей Сажанов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

приятием. Признаю свои ошибки и, как бывший рабочий, проработавший до 1917 года 30 лет на коломенском и других заводах, — обещаюсь больше никогда этих ошибок не допускать, а помогать советской власти проводить ее мероприятия, и как я боролся с 1917 года за революцию, так буду бороться и теперь за укрепление власти советов».

Тогда же был допрошен сторож церкви, в которой служил отец Сергей. Он сказал: «Признаю свою вину в том, что я во время проведения сельсоветом работы по засыпке в общие амбары семфонда выступил на собрании 3 марта против этой засыпки... я признаю, что дня за два до собрания на квартире у священника отца Сергея вечером собрались священник Сергей, Василий Ефимович Карпухин и его жена Марья, я — Михаил Хренкин. Мы разговаривали по поводу сбора семян и о колхозах. Отец Сергей говорил, что советская власть обдирает и душит крестьян, что семена засыпать в общественные амбары не нужно, таким способом советская власть хочет загнать крестьян в колхозы. Мы поддерживали священника, я и Карпухин тоже говорили, что нужно семян не давать. Священник Сергей — личность явно противосоветская, и всегда в разговоре с Карпухиным, у которого он живет на квартире, а также и со мной, когда я прихожу к ним, выявляет свое недовольство тем, что на него наложили 500 рублей налога и 300 рублей самообложения, и по этому поводу он говорит, что советская власть душит не только попов, но и крестьян, облагая их непосильными налогами».

В тот же день был допрошен и отец Сергей. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «За собой вины против советской власти никакой не знаю, антисоветской агитации не вел, церковников, антисоветски настроенных, вокруг себя не группировал, никакой работы по разложению колхозов не вел, внушением населению мысли — незасыпки семян в общественные амбары — не занимался. Я выражал недовольство лишь тем, что тяжело платить мне налоги».

Через два дня, 8 марта 1930 года, власти арестовали священника. Первое время он содержался под стражей в районном отделе НКВД, а с 24 марта – в тюрьме в городе Коломне.

18 марта следователь допросил Карпухина, хозяина дома, где жил священник, и тот сказал: «Чистосердечно признаю свою вину в том, что в связи со сбором семенного фонда я действительно говорил, что у нас столько нет земли, сколько спустил сельсовет собрать семян в своих контрольных цифрах. Также подтверждаю показания Хренкина о том, что перед общим собранием по поводу ссыпки семян в общие амбары у меня в доме были гражданин Хренкин, священник Сергей Бажанов, я и моя жена Марья; разговаривали о ссыпке семян и о колхозах. Священник Бажанов говорил: “Налоги тяжелые, не только попов, но и вас, крестьян, душат этими налогами”. В отношении семян он говорил: “Семена ссыпать не стоит, и вы от ссыпки воздержитесь, семенами коммунисты хотят вас загнать в колхозы. Вы семян не ссыпайте и предупредите других”. Хренкин, поддерживая священника, говорил, что “эти семена пахнут колхозами”».

Кроме крестьян, которые не ходили в храм, были допрошены и верующие крестьяне. Старушка Анна Ивановна Журавлева, отвечая на вопросы следователя, сказала: «Несколько дней тому назад, число и день не помню, гражданка нашей деревни Прасковья Демова, живущая напротив моего дома, увидев меня на крыльце, позвала к себе и сказала, что нашего батюшку забрали, пойдем к Медведевой и узнаем, за что его взяли. По пути следования к нам примкнуло еще несколько женщин, и мы, пригласив Медведеву, церковную старосту, пошли в сельсовет узнать о причине ареста. В сельсовет мы пришли, но нам там ничего не сказали, и мы ушли по домам, погоревав о батюшке. Батюшку нам было жаль, потому что некому будет нас схоронить».

Вслед за этим была допрошена Мария Кузьминична Медведева, и она, отвечая на вопросы следователя, сказала: «Я состою членом церковного совета со времени открытия церкви в селе Го-

родня около двух лет тому назад. Со священником Бажановым жила всегда дружно. Недовольств с его стороны на советскую власть никогда не слышала. Обычно он всегда советовал нам власти подчиняться, заявлял, что в такое время живем и надо терпеть. Когда батюшку забрали, я его очень жалела, думая, что его арестовали понапрасну. Дня четыре или три тому назад ко мне в дом пришли Лукерья Кузьминична Зимина и Анна Журавлева и стали посылать меня в совет узнать, за что взяли нашего батюшку. Я идти одна отказалась, и мы все трое пошли в совет, а в пути к нам присоединилось еще около семи женщин, и мы, придя в совет, хотели узнать причину его ареста, но нам этого не сказали, и мы разошлись по домам».

Старик-фельдшер, которого обвинили в близком знакомстве со священником, лаконично ответил следователю: «Личного знакомства со священником Бажановым я никогда не имел. О его антисоветской агитации против засыпки семян ничего не знаю. Больше показать ничего не могу».

После допросов свидетелей вновь был допрошен отец Сергей. Он сказал: «Виновным себя ни в чем не признаю, никакой антисоветской и антиколхозной агитацией не занимался... Когда я был на квартире у себя и разговаривал с квартирным хозяином, я действительно жаловался на большие налоги, наложенные на меня, но о налогах вообще, и о колхозах, и о жизни крестьян я не говорил, и никаких советов я никому не давал».

После всех этих допросов следователь составил обвинительное заключение, в котором писал, что священник будто бы «с 1930 года вел систематическую агитацию, направленную на срыв проводимых партией и советской властью мероприятий в деревне, благодаря его внушению в селе Городня было сорвано создание семенного фонда к весенней посевной кампании 1932 года».

3 июня 1932 года тройка ОГПУ приговорила отца Сергия к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен на строительство Беломорско-Балтийского кана-

ла в Медвежьегорск. Вернувшись из заключения, он снова стал служить в том же храме.

14 октября 1937 года отец Сергей был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

Следователь на допросе стал спрашивать об аресте священника в 1932 году.

— В 1932 году вы вели контрреволюционную агитацию против колхозного строительства? — спросил он. — Подтверждаете ли это?

— Этого я не подтверждаю, — ответил священник.

— В 1936 году среди колхозников вы вели контрреволюционную агитацию?

— Этого я не признаю.

— В мае 1937 года вы среди колхозников вели контрреволюционную агитацию на религиозные темы?

— Этого я не подтверждаю.

25 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу. Священник Сергей Бажанов был расстрелян 31 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-38239, д. 18936.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Октября 23 (5 ноября)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

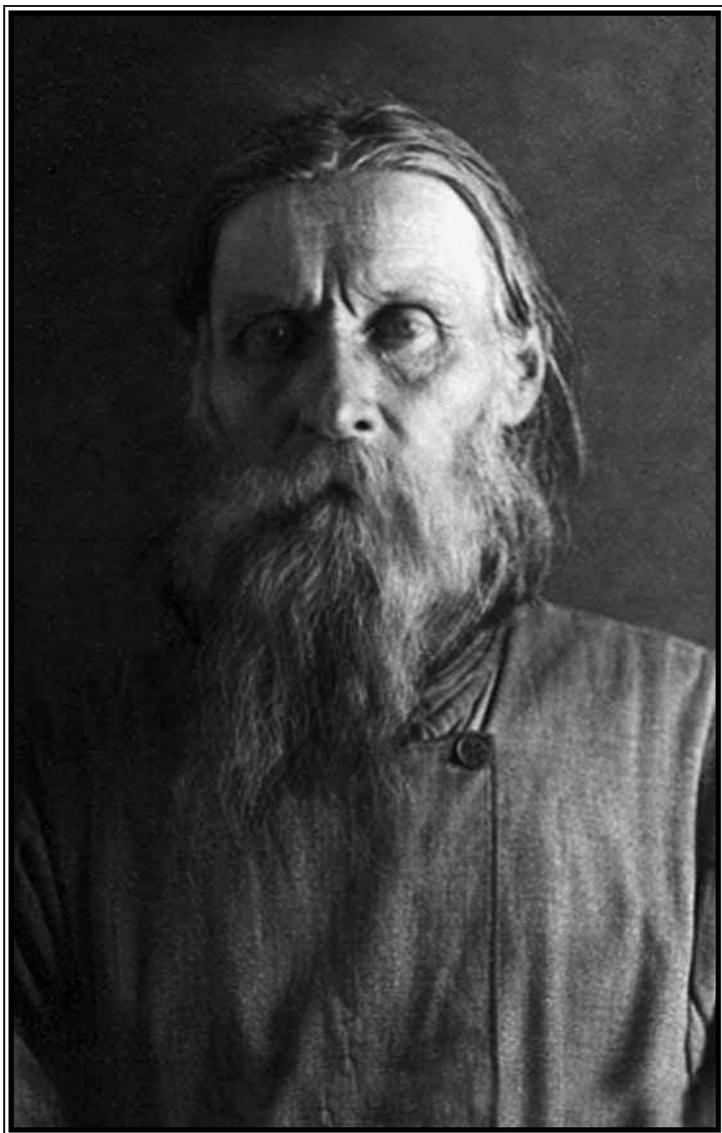
Николай (Агафоников)

Священномученик Николай родился 1 сентября 1876 в селе Лекма Слободского уезда Вятской губернии в семье псаломщика Владимира Агафоникова и был назван в честь Николая Чудотворца.

«По смерти последнего сына, младенца Иоанна, — писал впоследствии отец Николай в своих воспоминаниях, — моя дорогая мамаша дала обещание святителю Николаю Чудотворцу (Великорецкому), что если по молитвам его перед Господом у нее будет сын, то она посвящает его ему, называя его именем, когда бы он ни родился, и при первом удобном случае отправляется на место явления его святой иконы на Великую реку и там служит благодарственный молебен...

Жизнь текла мирно, спокойно, хотя и бедно, но жизнерадостно и часто, часто озарялась... идиллиями незабвенных певческих сумерек, этих первых наших дорогих музыкально-певческих дошкольных материнских уроков.

Таким образом, мы росли в церковной и музыкально-певчес-

Протоиерей Николай Азарфонов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

кой атмосфере с самого раннего возраста, чем постепенно облагораживались наши сердца, смягчались наши души, которые могли загубить под влиянием бедной жизни, грубой деревенской среды и нелегких вообще условий нашей жизни.

Лет пяти с половиной-шести я, сначала с матерью, стал вставать на клирос и пел с нею, обычно в унисон, своим звонким дискантом, но с течением времени я уже один, самостоятельно, настолько привык к церковному пению, что отлично подпевал на все гласы все церковные песнопения, кроме разве ирмосов, причем, конечно, не знал еще смысла и перевода по-русски многих молитв... Годов семи уже... я читал часы, а затем шестопсалмие, отлично знал пономарское дело, и можно было действительно про меня сказать известной скороговоркой: “нашего пономаря не перепономаривать стать”, и все это церковное дело для меня с ранних лет было стихией.

Бывало, ранним-рано поднимался я в праздники вместе с родителями часов в 5—6 утра, чтобы вовремя успеть к началу утрени и подготовить кадило и все прочее, чтобы с первым же ударом колокола все было готово — и у отца на клиросе, и у меня в пономарской. К восьми годам я настолько изощрился в чтении, пении и пономарстве церковном, что был настоящим церковником и предметом внимания и удивления молящихся».

Вскоре семья псаломщика Владимира Агафоникова переехала в село Медяны, находившееся неподалеку от Лекмы. Отслужив молебен Господу, Матери Божией, святителю Николаю Чудотворцу, покровителям просвещения равноапостольным Мефодию и Кириллу, преподобному Сергию Радонежскому, святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову и пророку Науму, родители отдали отрока Николая, которому было тогда семь лет, в первый класс Медянского мужского земского начального училища.

В 1887 году Николай поступил в Вятское Духовное училище,

а по его окончании – в Вятскую Духовную семинарию, в которой завершил образование в 1897 году и поступил псаломщиком в Никольский собор города Слободского Вятской губернии. В 1899 году Николай Владимирович женился на дочери священника Василия Федорова Нине и в том же году был рукоположен во священника ко храму в селе Загарье Вятского уезда. Здесь он прослужил семнадцать лет, став для крестьян любимым и уважаемым пастырем, помогая им в вопросах не только духовных, но и практических, зачастую являясь для них щедрым благотворителем. В 1910 году священник был назначен заведующим Загарской церковноприходской школой.

В 1916 году отец Николай по избранию был определен наблюдателем церковноприходских школ Вятского уезда. В 1917 году назначен священником при Вятском женском монастыре, где прослужил до февраля 1923 года, когда был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, которая, по мнению советских властей, заключалась в противодействии обновленцам. После нескольких месяцев нахождения в заключении отец Николай был освобожден и направлен священноначалием настоятелем Царево-Константиновской церкви в городе Вятке и возведен в сан протоиерея.

В 1926 году временно управляющий Вятской епархией епископ Виктор (Островидов) незаслуженно заподозрил отца Николая в сочувствии к обновленцам, и тот вынужден был покинуть епархию. «Тяжело... жить на свете, когда своя своих не познают и бьют», – писал он по этому поводу родным.

В декабре 1927 года протоиерей Николай был назначен в храм в селе Ворсино Подольского района Московской области, а в 1928 году – в Покровский храм в селе Ерино того же района, где он прослужил до своего ареста. В 1930 году протоиерей Николай был назначен настоятелем храма и благочинным Подольского

округа, в 1933 году награжден митрой.

15–16 сентября 1937 года сотрудники НКВД допросили свидетелей, знавших отца Николая. Один из них, крестьянин, показал: «В мае 1937 года я шел из деревни Сальково и на реке Пахре со мной повстречался Агафонилов, который, остановив меня, высказал мне свои контрреволюционные убеждения, о жизни при советской власти сказав следующее: “Ну как, все так же живешь, маешься при советской власти? До чего дожили, ничего нет – ни хлеба, ни денег нет, приходится перебиваться. Хорошо, что есть еще люди, которые помогают нам, а то хоть помирай с голоду”. Зимой 1937 года в феврале я ходил в церковь и зашел в сторожку погреться. В сторожке живет Николай Агафонилов. Точно сейчас не помню, с чего у нас начался разговор, но помню, что коснулся он судебного процесса над врагами народа – троцкистами. Агафонилов по этому поводу сказал: “Это не наше дело вмешиваться и обсуждать эти дела. Кто что делает, за то он и отвечает, а наше дело сторона”. Кроме того, Агафонилов, когда говорил проповедь в церкви, обращал внимание верующих на то, что воспитание в настоящее время развращает детей, и советовал принять меры, чтобы воспитывали детей».

Другой свидетель, Подузов, псаломщик в храме, где служил отец Николай, сам к тому времени арестованный, сказал: «Мне известно, что при встречах Александра Агафонилова и его брата Николая Агафонилова у них завязывались беседы на разные темы и они неоднократно касались вопроса о существующем строе и высказывали свои антисоветские взгляды о плохой жизни при советской власти. Так, весной или зимой, примерно в феврале 1937 года, я, зайдя на квартиру к Николаю Агафонилову, застал там сидящим Александра Агафонилова. Точно сейчас не помню, при каких обстоятельствах зашел разговор, но помню, что Николай Агафонилов сказал о том, что сейчас, при советской власти, тяжело жить, раньше мы были всем обеспечены, жили сытно, а

теперь, при советской власти, приходится во всем себе отказывать. Александр Агафонилов с доводами соглашался, поддакивал, что жизнь при советской власти очень тяжела и раньше всем лучше жилось».

Протоиерей Николай был арестован спустя месяц после этих показаний, 16 октября 1937 года, заключен в тюрьму в городе Серпухове и в тот же день допрошен.

— С кем вы имеете общение из служителей культа в Подольском районе? — спросил следователь.

— Как благочинный, общаюсь по службе со всеми священниками Подольского района, близких же отношений ни с кем не имел.

— Следствием установлено, что вы в феврале 1937 года в присутствии Подузова вели со своим братом контрреволюционные разговоры о плохой жизни при советской власти, высказывая враждебные взгляды на советскую власть. Признаете ли вы себя виновным?

— Контрреволюционных разговоров я не вел, но, действительно, я говорил брату о том, что советская власть в принципе смотрит на духовенство как на контрреволюционеров, говорил, что раньше мы жили лучше, обеспеченней, чем сейчас. Враждебных взглядов на советскую власть я не высказывал.

— В феврале 1937 года вы в своем доме среди верующих вели пораженческую контрреволюционную агитацию, притупляя бдительность граждан в отношении врагов народа. Признаете ли вы себя виновным?

— Контрреволюционной агитации в отношении судебного процесса над врагами народа я не вел, — наоборот, среди верующих возмущался поступками врагов народа.

— Следствием установлено, что вы вели среди населения контрреволюционную агитацию. Признаете ли вы себя виновным?

— Не признаю и виновность отрицаю.

Это был последний ответ священника. 3 ноября тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Агафонилов был расстрелян 5 ноября 1937 года и погребен в известной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 18809.

АМП. Послужной список.

Николай Агафонилов, протоиерей. Воспоминания. Рукопись.

Семибратов В. К. Мученик за веру протоиерей Николай Агафонилов. // Сборник «Слободской и слобожане». Материалы IV научно-практической конференции. Слободской, 2001.

Октября 23 (5 ноября)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Архангельский)

Священномученик Николай родился 7 ноября 1878 года в городе Верее Московской губернии в семье священника Александра Николаевича Архангельского. В 1893 году Николай Александрович окончил Перервинское Духовное училище, в 1899 году – Московскую Духовную семинарию и был назначен учителем в церковноприходскую школу.

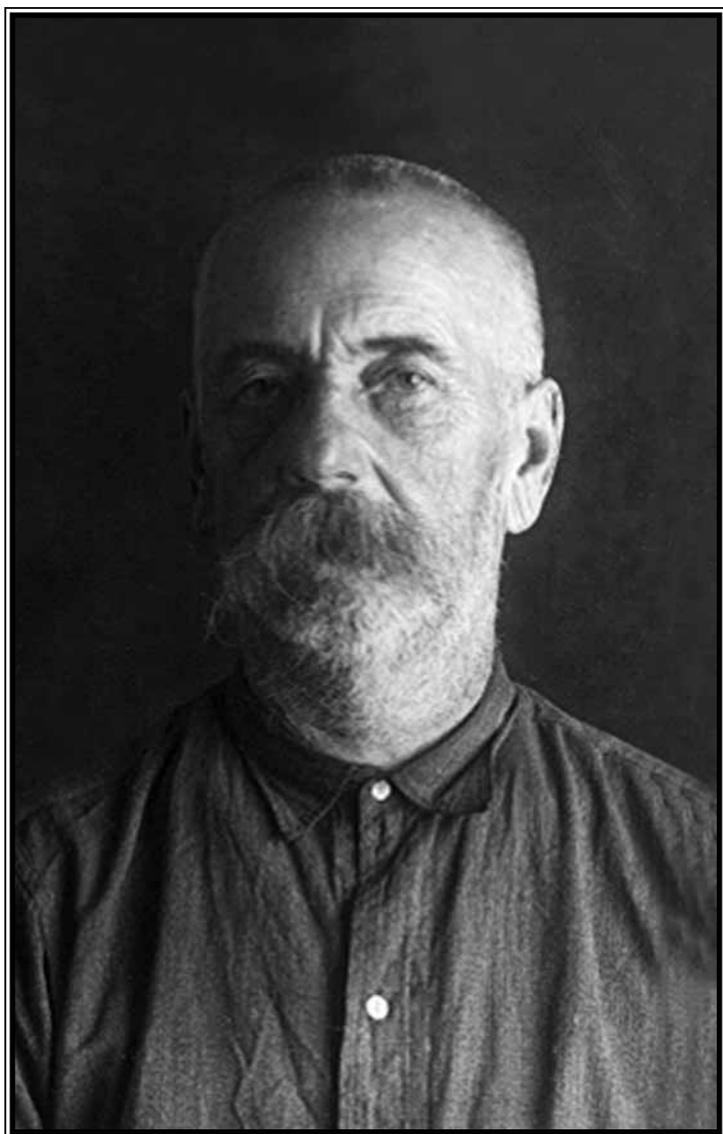
В 1915 году Николай Александрович был рукоположен во священника к Александро-Невской церкви Аббакумовой пустыни Верейского уезда Московской губернии. В 1918 году назначен в храм в село Константиново Бронницкого уезда. Затем в связи с закрытием храмов служил в разных храмах Московской епархии.

В январе 1930 года власти арестовали священника по обвинению в контрреволюционной деятельности, но за недоказанностью обвинения через месяц освободили.

В 1931 году отец Николай был возведен в сан протоиерея. В 1934 году назначен в Троицкий храм погоста Чижы Павлово-Посадского района.

6 октября 1937 года протоиерей Николай был арестован и заключен в тюрьму в городе Ногинске.

– Следствие располагает данными, изобличающими вас в

Протоиерей Николай Архангельский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

том, что вы вели систематическую антисоветскую агитацию. Виновным себя в этом признаете? — спросил следователь.

— Антисоветской агитацией не занимался. Виновным себя в этом не признаю, — ответил священник.

— По поводу обложения вас налогами вы в разговорах жаловались, что советская власть совсем хочет вас разорить, и высказывали мнение, что скоро советской власти будет конец... Подтверждаете вы эти разговоры? — спросил следователь.

— По поводу обложения я разговор имел, но в этом разговоре сказал, что налог мне выплатить трудно. С кем я вел этот разговор, не помню. Но что я в разговоре выражал мнение о скором падении советской власти, это я отрицаю и виновным себя в этом не признаю.

На этом допрос был окончен, и дело было передано на решение тройки НКВД. 3 ноября 1937 года тройка приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Архангельский был расстрелян 5 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 17229.

ЦИАМ. Ф. 234, оп. 1, д. 2095.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Октября 23 (5 ноября)

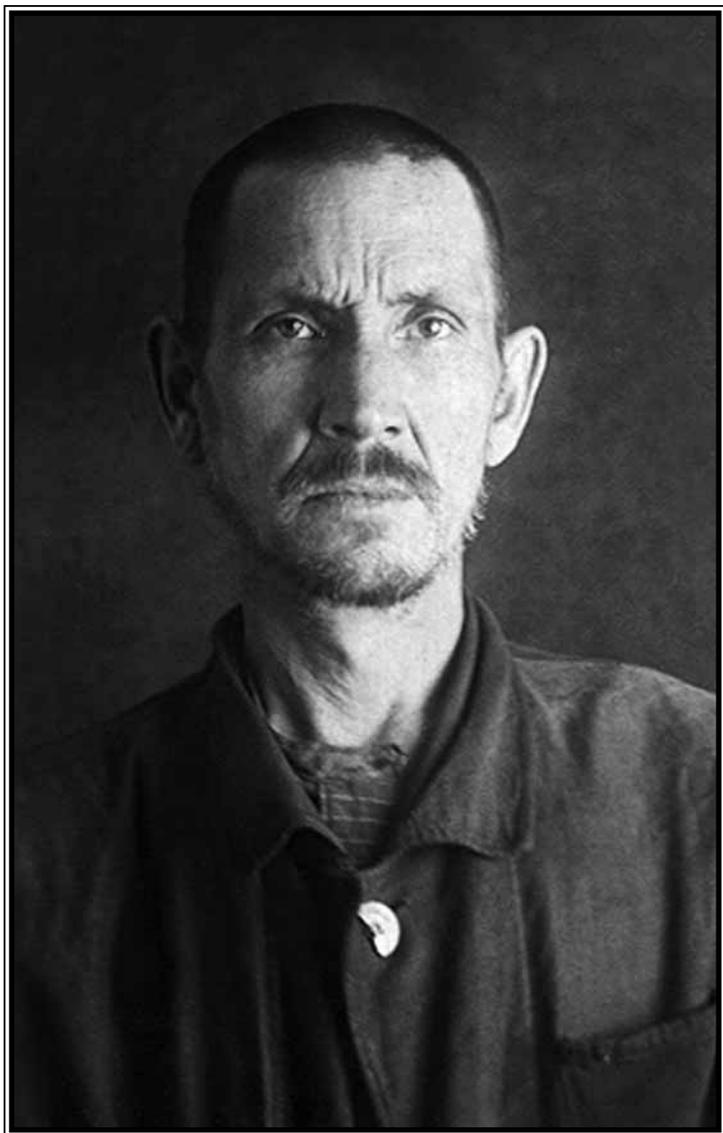
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Александр (Соловьев)

Священномученик Александр родился 5 августа 1893 года в селе Богородском Коломенского уезда Московской губернии в семье священника Иоанна Соловьева. Окончил два класса Московской Духовной семинарии и стал служить псаломщиком в Покровской церкви села Таширово Верейского уезда Московской губернии, а затем был переведен на должность псаломщика к Преображенскому храму в селе Слепушкино того же уезда, где прослужил до июля 1916 года.

Александр Иванович был женат на дочери священника Иннокентия Грузинова, служившего в храме в селе Рождественском Московской епархии, Зое; у них родилось пятеро детей. В 1916 году Александр Иванович был рукоположен во диакона к Ильинской церкви погоста Стребуково Московской епархии. В феврале 1919 года переведен служить в Покровскую церковь села Покровского Самарской епархии. 30 августа 1921 года диакон Александр был рукоположен во священника к Богородице-Казанскому храму села Королевка Мелекесского уезда Самарской губернии.

В 1924 году отец Александр был определен к Преображенскому храму села Сляднево Волоколамского района Московской области, где прослужил до мученической кончины. Для прихожан он был пастырем строгим, но справедливым. Гонения от безбож-

Священник Александр Соловьев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

ных властей и условия жизни в этом селе и в окружающих селах оказались настолько суровы, что не хватало средств на пропитание, и отец Александр с детьми вынуждены были ходить в лес собирать грибы и заготавливать ивовое корье, которое они меняли на хлеб.

В 1933–1934 годах наступило голодное время. В школе помогали только детям колхозников, а детей лишенцев, к которым относились и дети священников, не кормили. Детям колхозников, хоть в каком-то количестве, на обед кашу и картошку давали, а детям отца Александра — ничего. И, бывало, в то время, когда другие ели, они, голодные, плакали.

Зимой детей колхозников везли на санях, а детям отца Александра не разрешали сесть в сани, и они брели пешком. Разве иногда кто сжалится и не испугается расплаты за милосердие, оказанное детям священника, и подвезет их до школы. После школы дети трудились, добывая хлеб. Летом они собирали белые грибы. Шляпки грибов сдавали государственным закупщикам и на полученные деньги покупали хлеб, а ножки оставляли себе и сушили, и они становились главным их пропитанием в течение целого года. В селе было двое нищих, которые жили милостыней, и жена священника покупала у этих нищих лишние куски хлеба.

Когда хлеб появился в свободной продаже, его продавали только в Волоколамске, и за ним выстраивались огромные очереди. Дети священника еще ночью приходили к булочной и ложились спать на булыжную мостовую перед дверью и таким образом занимали очередь. Вокруг бегало множество крыс, но спящих детей они не трогали. В то время хлеба купить можно было только два килограмма, и детям приходилось дважды занимать очередь, чтобы принести хлеб для всей семьи. Купив его, они сначала ели сами и, только несколько подкрепив силы, шли с хлебом домой.

В 1936 году власти закрыли храм в селе, и на некоторое время богослужение прекратилось, но после больших хлопот отцу Александру удалось настоять на открытии храма, и в 1937 году

службы в храме возобновились, что стало великой отрадой как для самого священника, так и для верующих.

Отца Александра арестовали 9 октября 1937 года в двенадцатом часу ночи. Забрали все немногие принадлежавшие ему вещи — книги, и среди них Евангелие, и серебряный крест. Когда священнику объявили, что он арестован и должен проследовать за сотрудниками НКВД, выяснилось, что обуть ему нечего, так как в семье были всего лишь одни сапоги, в которых ушел восемнадцатилетний сын священника Георгий. Когда сын вернулся, отец Александр обул сапоги и под конвоем сотрудников НКВД был уведен к ожидавшей его машине, где уже сидел один из арестованных жителей села. Дочь священника рванулась бежать вслед за отцом и закричала что было сил. Машина тут же тронулась с места, и ни дети священника — своего отца, ни прихожане — своего пастыря на земле уже не увидели. Отец Александр был заключен в тюрьму в городе Волоколамске.

После ареста священника стали вызывать свидетелей. 22 октября следователь допросил председателя колхоза в селе Сляднево, который рассказал, что он давно замечал, что «священник Соловьев антисоветски настроен к существующему в СССР строю. Среди колхозников ведет агитацию, направленную на срыв работы в колхозе. В 1937 году во время колхозных работ Соловьев говорил некоторым членам колхоза, чтобы они помогли храму, так как храм разрушается и требует ремонта, а также он просил оказать помощь в уплате налога и говорил при этом: “Православные, от Церкви не отшатывайтесь, Церковь еще вам поможет в деле спасения вашей души”. В результате отдельные колхозники помогали ему. В момент сельскохозяйственных заготовок в 1937 году Соловьев в моем доме говорил моему старику отцу: “Налогам мучают не только меня, но и вас, колхозников. Вот, посмотрите, вы работаете, работаете — и все на налоги, а себе ничего не остается, сидите голодные, холодные”. Соловьев, используя в деревне отсталые слои населения, в особенности стариков и старух,

рздает им церковные книги и при этом зачитывает выдержки из них. Соловьев свои действия, направленные на срыв колхозного строительства, переносит и в соседнюю деревню Бутаково, предлагая свои услуги в качестве счетовода колхоза. Колхоз обещал его взять при условии, если он снимет с себя сан, на что Соловьев ответил: “Этого я сделать не могу. Я поставлен Богом и должен служить Богу”».

23 октября следователь допросил священника.

– Следствие располагает материалами о вашей антисоветской агитации среди населения. Настаиваю на даче правильных показаний, – заявил следователь.

– Никакой антисоветской агитации я не вел и не веду, – ответил отец Александр.

– Вам зачитываются показания ряда свидетелей о вашей антисоветской деятельности. Подтверждаете вы их?

– Показания свидетелей, зачитанные мне, я слышал и тако-вые отрицаю, за исключением того, что я просил верующих оказать мне денежную помощь, необходимую для ремонта храма и уплаты налогов.

На этом допросы были окончены. 3 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. Священник Александр Соловьев был расстрелян 5 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 18812.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

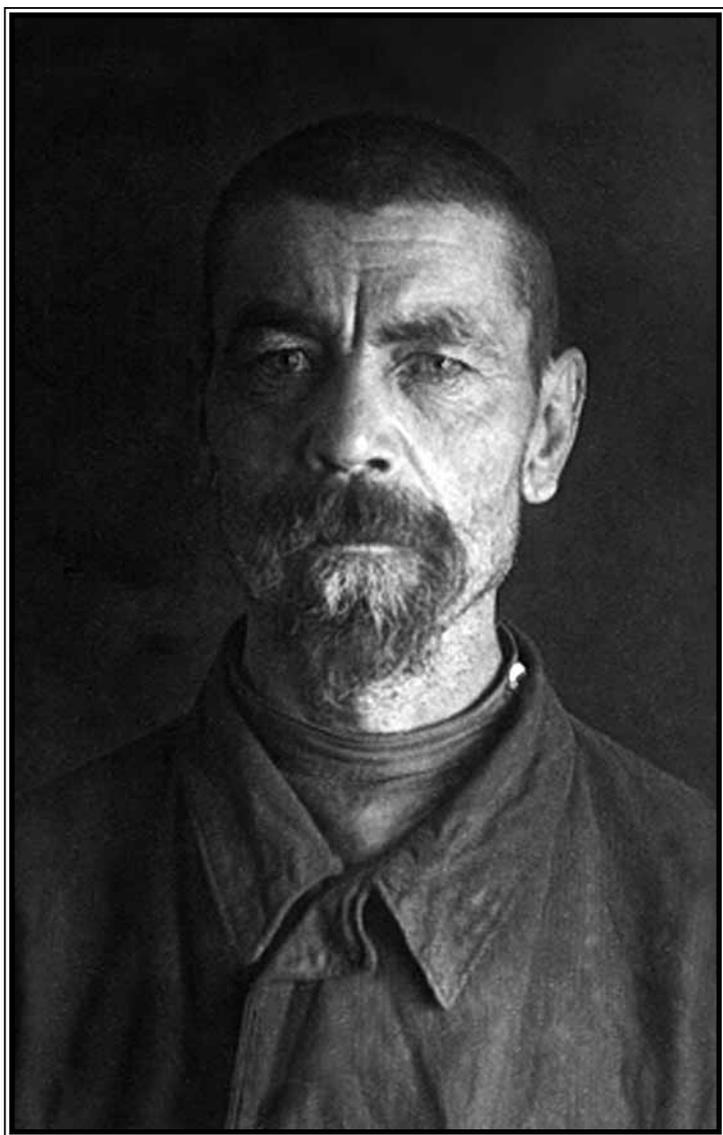
Октября 23 (5 ноября)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Емилиан (Гончаров)

Священномученик Емилиан родился 5 августа 1882 года в селе Старо-Полтавка Саратовской губернии в семье крестьянина Антона Гончарова. Окончил в 1904 году учительскую семинарию в городе Владимире. С 1914 года Емельян Антонович исполнял послушание псаломщика. В 1921 году он был рукоположен в сан диакона и затем в сан священника. Вначале он служил в храмах Саратовской епархии. В 1932 году знакомый отцу Емилиану священник Константин Сперанский предложил ему перевестись в храм Рождества Христова в селе Рождествено Ново-Петровского района Московской области, где он сам когда-то служил и где теперь умер священник. Отец Емилиан согласился и, получив благословение священноначалия, начал служить на новом месте. В 1933 году отец Емилиан был награжден набедренником, в 1936 году — скуфьей.

7 октября 1937 года власти арестовали священника и заключили в тюрьму в городе Волоколамске. При обыске в амбаре, который ранее принадлежал церкви, а ко времени служения здесь отца Емилиана стал принадлежать школе, было найдено двадцать пять патронов к винтовке. На основании того, что священника видели заходившим в этот амбар, ему приписали хранение этих патронов и участие в контрреволюционной деятельности.

Вязанник Е.и.иан Тончаров

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

В тот же день был вызван на допрос в качестве свидетеля председатель сельсовета, который сказал: «В августе 1937 года священник, придя в сельсовет, говорил: “Почему вы мне не разрешаете ходить с иконами по домам верующих? В конституции пишут, что можно ходить, а вы не разрешаете”. Тогда я ему ответил, что без справки от врача мы вам не разрешим. На эти слова Гончаров заявил: “Советская власть выпустила конституцию для обмана народа, в конституции пишут одно, а на деле делают другое”».

— Гражданин Гончаров, вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность, которую вы вели вместе с членами контрреволюционной группы! — заявил следователь.

— Никакой контрреволюционной работы среди населения я не вел и членом контрреволюционной группы не состоял, — ответил священник.

Это был последний вопрос допроса. 3 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Емилиана к расстрелу. Священник Емилиан Гончаров был расстрелян 5 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 18818.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

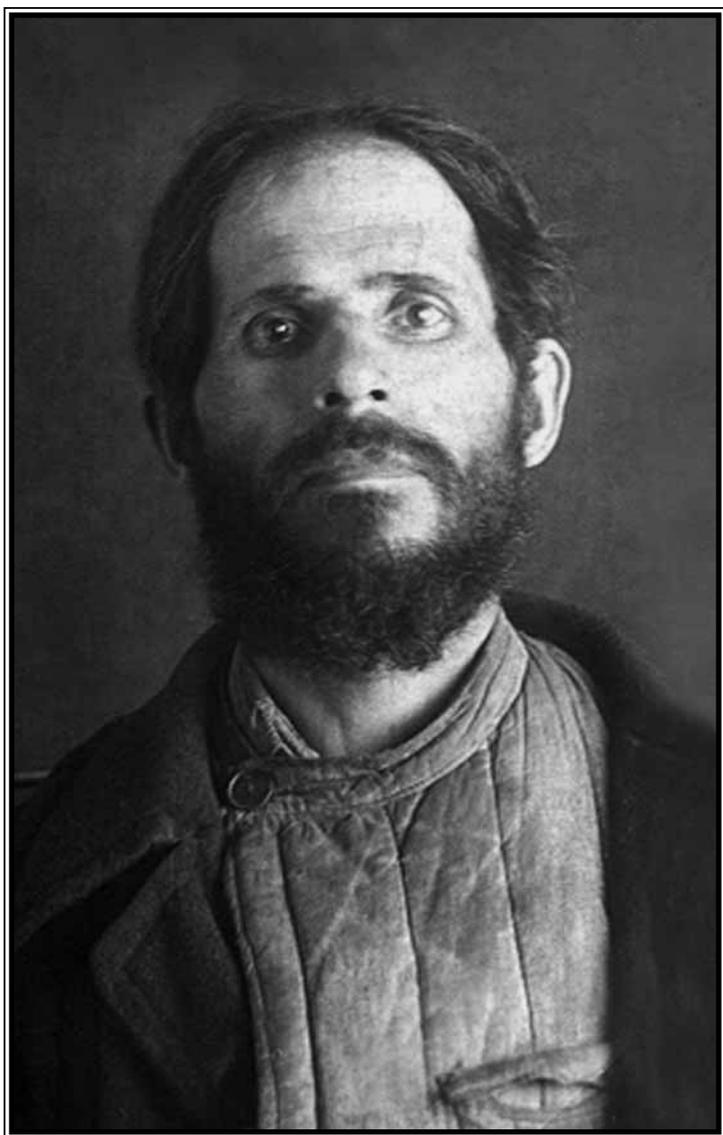
Октября 23 (5 ноября)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Созонт (Решетиллов)

Священномученик Созонт родился 21 сентября 1894 года в селе Кочержинцы Уманского уезда Киевской губернии в семье крестьянина Федора Решетилова. По окончании церковноприходской школы он поступил послушником в монастырь, где пробыл до 1915 года, когда был призван в действующую армию. Он прослужил в ней в звании младшего унтер-офицера до 1918 года.

В 1918 году Созонт Федорович женился на Екатерине Степановне Таргонской, глубоко верующей девушке из благочестивой семьи. Решив избрать служение священника, он окончил пастырские курсы и в 1921 году был рукоположен во диакона к Александро-Невскому собору в городе Умани. В декабре 1921 года диакон Созонт был рукоположен во священника к Свято-Николаевской церкви села Коряжево-Кут Бабанского уезда Киевской губернии. В 1924 году переведен в село Томашовка Черкасской области. В 1928 году власти арестовали его за неуплату налогов и осудили на три месяца тюремного заключения. В 1930 году церковь была властями закрыта и отец Созонт остался без прихода. В 1931 году он был назначен служить в храм села Сычовка Христиновского района Киевской области, а затем стал служить в род-

Связанный Созонт Лешетилев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

ном селе Кочержинцы. Но здесь он пробыл недолго, причиной чему послужили усилившиеся гонения на Церковь, а также конфликт с семьей горячо им любимой сестры, которая вышла к этому времени замуж за одного из партийных руководителей района. Не раз отец Созонт беседовал о вере с мужем сестры, но, несмотря на все усилия священника, тот остался непреклонен в своем безбожии.

В 1932 году отец Созонт переехал в Московскую область и стал служить в Никольском храме в селе Мишино Зарайского района. По свидетельству всех знавших отца Созонта, он был человеком убежденным в вере и ревностным, праведной жизни паствырем.

После принятия безбожными властями решения о беспощадных гонениях на Русскую Православную Церковь сотрудники НКВД в Зарайске стали собирать лжесвидетельства против священника. Один из таких лжесвидетелей показал, будто отец Созонт публично возражал против закрытия храма и говорил: «Советская власть нас кругом ограбила. Требуется заплатить непосильный налог с той целью, чтобы закрыть церковь. Православные, вы же знаете, что церковь нам нужна, в ней мы можем показать свою преданность Богу, и потому прошу вас оказать помощь в уплате налога. Советская власть под всевозможными причинами лишает нас права на отправление религиозных треб».

21 октября 1937 года около часа ночи в дом к священнику пришли три сотрудника НКВД и арестовали его. Отец Созонт встретил их спокойно, он был уже давно готов к аресту. В течение трех дней священника допрашивали в тюрьме города Зарайска. На допросах отец Созонт все выдвинутые против него обвинения в антисоветской и контрреволюционной деятельности категорически отверг. После допросов он был перевезен в тюрьму в городе Коломне.

3 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Созонта к расстрелу. Священник Созонт Решетиллов был расстрелян 5 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 18830.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Октября 23 (5 ноября)

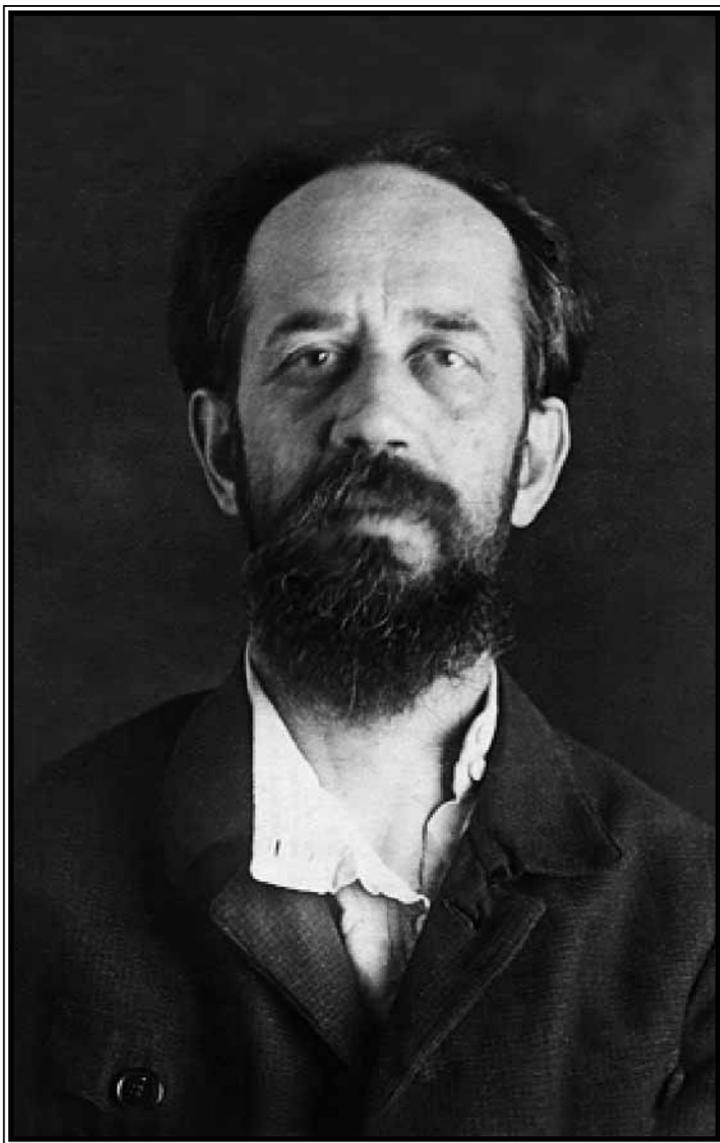
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Владимир (Амбарцумов)

Священномученик Владимир родился 20 сентября 1892 года в городе Саратове. Его отец Амбарцум Егорович Амбарцумов вместе с Федором Андреевичем Рау был одним из основоположников обучения и воспитания глухонемых в России. Овдовев, с тремя маленькими детьми он приехал в немецкую колонию Сареπτу под Царицыном в поисках воспитательницы для осиротевших младенцев. В местной кирхе ему порекомендовали добропорядочную девицу из лютеранской семьи Каролину Кноблех.

Взяв на себя заботы о детях Амбарцума Егоровича, Каролина Андреевна со временем полюбилась отцу воспитываемых ею сирот и вышла за него замуж. Во втором браке у Амбарцума Егоровича родилось еще трое детей, младшим из которых был Владимир. Детей воспитывали в лютеранской вере.

В Саратове, по семейному преданию, Амбарцум Егорович содержал частную школу для глухонемых. Будучи человеком милостивым, нестяжательным (детей бедных людей он учил безвозмездно) и непрактичным, он не смог поставить бытие своей школы на прочную материальную основу и разорился. Из Саратова семья Амбарцумовых в конце 1890-х годов переехала в Москву и поселилась на Шаболовке. Владимир Амбарцумович поступил

Священник Владимир А. Ибардулов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

учиться в Московское Петропавловское училище при Петропавловской лютеранской церкви, находившееся в Петроверигском переулке. После окончания училища для продолжения образования он переехал в Берлин, где жили в то время братья его матери Каролины Андреевны.

В 1913–1914 годах, учась в Берлинском политехникуме, Владимир Амбарцумович давал частные уроки. Тогда же он впервые познакомился с христианским молодежным движением.

Однажды утром в июле 1914 года Владимир Амбарцумович проснулся и почувствовал с исключительной остротой, что ему надо возвращаться в Россию. Завершив в течение дня все неотложные дела, он выехал из Берлина на одном из последних поездов, уходящих в Россию перед началом Первой мировой войны.

По возвращении в Россию Владимир поступил на физико-математический факультет Московского Императорского университета. В годы обучения в университете он стал членом Христианского студенческого кружка и перешел в баптизм. Целью христианского студенческого движения была проповедь слова Божия среди молодежи, а основной формой деятельности – изучение Евангелия в небольших кружках. В России в христианском студенческом движении принимала широкое участие и православная интеллигенция.

В Христианском студенческом кружке Владимир познакомился с Валентиной Алексеевой, с которой его связывали общие духовные устремления, и в 1916 году женился на ней.

После окончания университета Владимир, будучи талантливым физиком, оставил научную деятельность, устроился преподавателем и решил полностью посвятить свою жизнь проповеди Евангелия. Смыслом жизни молодой четы стало развитие деятельности молодежного христианского кружка. Такое душевное устройство, при котором религиозные интересы ставились выше всех других, Владимир унаследовал от своих предков, среди кото-

рых были миссионеры и религиозные деятели. Искание «единого на потребу» влекло его сердце к православию.

В годы Гражданской войны из-за голода в Москве Владимир Амбарцумович с семьей и близкими друзьями переехал в Самару и устроился на работу в музей. Владимир Амбарцумович организовал в Самаре около десяти христианских кружков, в каждый из которых входило от десяти до пятнадцати человек. Собрания кружков вначале устраивались на частных квартирах, а затем был приобретен дом пятистенки, в одной половине которого поселилась семья Владимира Амбарцумовича, а в другой проводились занятия и собрания кружков. За активную деятельность по организации молодежного христианского движения Владимир Амбарцумович впервые был арестован в 1920 году и привезен в Москву. Через пять недель он был освобожден из заключения с подпиской о невыезде из столицы.

Валентина Георгиевна с сыном Евгением возвратилась из Самары в Москву. Владимир, восстановив связь с московским студенчеством, организовал новый христианский кружок. В Кречетниковском переулке был найден брошенный дом и силами студентов приведен в порядок. В этом доме поселилась семья Владимира Амбарцумовича и наиболее активные члены кружка, здесь проводились занятия с молодежью по изучению Евангелия.

В начале 1920-х годов христианское студенческое движение получило развитие во многих городах России. Объединяющим центром движения стал Центральный комитет Христианских студенческих кружков, председателем которого был избран Владимир Амбарцумов. Центральный комитет вел организационную работу, устраивал съезды представителей кружков.

24 мая 1923 года у Владимира Амбарцумова умерла от пищевого отравления жена, оставив ему пятилетнего сына Евгения и годовалую дочь Лидию. Прощаясь с мужем, она сказала: «Я умираю, но ты не очень скорби обо мне. Я только прошу тебя: будь

для детей не только отцом, но и матерью... Времена будут трудные. Много скорби будет. Гонения будут. Но Бог даст сил вам, и все выдержите...»

Заботу о детях взяла на себя Мария Алексеевна Жучкова (будучи православной, она при крещении Евгения и Лидии в 1925 году стала их крестной матерью). После смерти жены Владимир Амбарцумович целиком посвятил себя работе в кружке и жил в основном на его средства (время от времени он находил работу, не требовавшую от него большой отдачи: в 1922–1923 годах он состоял на службе в Рентгеновском институте, а в 1923–1924 годах – в Союзе коммунальников).

До 1924 года христианские студенческие кружки пользовались всеми правами легальных общественных организаций, проводили публичные лекции на религиозные темы, в том числе и в Политехническом музее. В 1924 году деятельность христианского студенческого движения советской властью была запрещена, и многие руководители движения были готовы подчиниться запрещению. Но Владимир Амбарцумович рассудил иначе. Он считал, что в такое сложное и бурное время, какими были послереволюционные годы, христианское просвещение в России необходимо, и принял решение продолжать деятельность нелегально. Занятия кружков проводились на частных квартирах, и даже организовывались съезды представителей кружков.

В этот период жизни Владимир Амбарцумович чудом избежал ареста. Однажды ночью в дом Николая Евграфовича Пестова, где находился Владимир Амбарцумов, с ордером на обыск и арест пришли сотрудники ОГПУ. Чекист, проводивший обыск, не зная, что Владимир Амбарцумович является председателем движения, продержал его всю ночь и наутро отпустил, арестовав Николая Евграфовича.

После этого случая Владимир Амбарцумович изменил свою наружность (сбрил бороду и постриг волосы), уволился с граж-

данской службы и не имел постоянного места жительства, но, несмотря на опасность положения, продолжал работу в кружке.

В середине 1920-х годов круг общения Владимира Амбарцумовича обновился, среди его знакомых появилось много православных людей; тогда же он познакомился с протоиереем Валентином Свенцицким, оказавшим большое влияние на его духовную жизнь. 5 декабря 1925 года в Никольской церкви на Ильинке отец Валентин крестил детей Владимира Амбарцумовича – Евгения и Лидию.

Глубокая внутренняя сосредоточенность на предметах веры, искание правды Божией и истинного ее исповедания привели Владимира Амбарцумовича в начале 1926 года, в возрасте тридцати трех лет, к решительному переходу в православие.

Став прихожанином Никольского храма на Ильинке, он начал прислуживать и читать в церкви, принял участие в организации и осуществлении большого паломничества в Дивеево и Саров. По семейному преданию, блаженная Мария Ивановна Дивеевская сказала ему, что он примет священство.

В конце 1927 года Владимир Амбарцумович, по рекомендации протоиерея Валентина Свенцицкого, был направлен в город Глазов к единомысленному с отцом Валентином епископу Ижевскому и Воткинскому Виктору (Островидову).

4 декабря в кафедральном Преображенском соборе он был рукоположен епископом Виктором во диакона, а 11 декабря – во иерея и определен на служение к Георгиевской церкви города Глазова. 25 декабря 1927 года отец Владимир был перемещен на службу в Московскую епархию и назначен настоятелем московского Князе-Владимирского храма в Старосадском переулке.

Отец Владимир имел попечение преимущественно о молодежи и подростках. Со свойственной ему ревностью он заботился о благолепии храма, уделял много внимания церковному хору.

В 1928 году отец Владимир перешел под духовное руководст-

во архимандрита Георгия (Лаврова). Декларация от 29 июля 1927 года митрополита Сергия (Страгородского) вызвала резкий протест у отца Валентина Свенцицкого; после ее выхода он почти до самой своей кончины не признавал духовной власти митрополита Сергия. Отец Георгий, напротив, убеждал своих духовных чад не вносить новых разделений в Церковь, и без того бедствующую, и остался на стороне Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В мае 1928 года отец Георгий был арестован и после вынесения приговора выслан в Казахстан, в поселок Кара-Тюбе.

Летом 1928 года отец Владимир по просьбе священника Василия Надеждина, с которым его связывали подлинно братские отношения, временно служил в храме святителя Николая у Соломенной Сторожки.

В 1929 году Князе-Владимирский храм был закрыт. Оставшись без места, отец Владимир с сыном Евгением пытался проехать к отцу Георгию в Кара-Тюбе, но из-за голода и болезни сына вынужден был с дороги вернуться в Москву. В октябре отца Василия Надеждина арестовали и приговорили к заключению в исправительно-трудовой лагерь. В лагере он заболел и 19 февраля 1930 года скончался в Кеми. Перед кончиной он написал письмо своим духовным детям и отцу Владимиру, прося его возглавить осиротевший приход. Отец Владимир откликнулся на предсмертную просьбу своего друга и перешел служить в Никольский приход.

В храм ходило много молодежи, но преимущественно прихожанами его являлись жители поселка при Петровско-Разумовской академии, жизнь которых была наполнена служением науке и практическому сельскому хозяйству России.

Отец Владимир сумел сохранить и укрепить приход, созданный отцом Василием. Служа в Никольском храме, он много проповедовал. Прихожанам запомнились его проповеди на темы

Апостольских Посланий и Евангелия; они были содержательными и поучительными, но более рациональными, чем проповеди отца Василия.

Весной 1931 года благочинный предложил духовенству следовать формуле поминовения властей, введенной Временным Патриаршим Священным Синодом при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском), и определить свое отношение к июльской Декларации 1927 года. В случае несогласия предлагалось уволиться на покой, чтобы не попасть под запрещение в священнослужении. Отец Владимир принял решение выйти за штат. В сентябре 1931 года он поступил на гражданскую службу в Научно-исследовательский институт птицеводства заведующим группой измерительных процессов.

5 апреля 1932 года отец Владимир был арестован органами ОГПУ как «активный участник Всесоюзной контрреволюционно-монархической организации “Истинно Православная Церковь”». Будучи допрошенным следователем, он сказал: «Как верующий человек я, естественно, не могу разделять политики советской власти по религиозному вопросу. В Институт птицеводства я поступил 8 сентября 1931 года, дал несколько изобретений – приборов по птицеводству. О том, что я лишен избирательных прав и был священником, в институте не знали. Фамилии своих знакомых предпочитаю не называть, дабы не навлечь на них неприятностей... Ведя организованную работу среди молодежи, я ставил перед собой задачу удовлетворения их личных запросов, в духе христианского понимания жизни... Повторяю, что назвать персонально этих людей я отказываюсь по моральным и религиозным причинам...»

Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ СССР 7 июля 1932 года он был приговорен к ссылке в Северный край сроком на три года, но затем вышло постановление приговор считать условным

и обвиняемого «из-под стражи освободить». Об освобождении отца Владимира ходатайствовало руководство Академии наук, где он в то время работал.

В 1933 году повсеместно проводилась паспортизация, и отцу Владимиру для получения паспорта пришлось уехать на год в город Россосшь и там жить и работать. В 1934 году он возвратился в Москву и устроился на работу в Институт климатологии в поселке Кучино. В Кучине отец Владимир снял две комнаты и переехал туда вместе с детьми и Марией Алексеевной; в 1935 году представилась возможность переехать в Никольское – ближе к Москве. Живя в Никольском, семья отца Владимира посещала храм в честь Почаевской иконы Божией Матери у станции Салтыковка; в этом храме отец Владимир обычно молился в алтаре. В 1930-е годы он продолжал руководить своими духовными детьми, совершая богослужения в домах наиболее близких из них.

После перехода на гражданскую службу отец Владимир выполнял много договорных работ, которые высоко оплачивались. Значительную часть заработанных средств он отдавал семьям сосланных или умерших в заключении священнослужителей. Духовные чада отца Владимира, имевшие достаток, по послушанию духовному отцу также помогали семьям ссыльных, причем отец Владимир строго следил за тем, чтобы эта помощь оказывалась своевременно и соответствовала оговоренным суммам.

Семья же самого отца Владимира имела только необходимое, ни в пище, ни в одежде не допускалось никакого излишества. Однажды дочери Лидии подарили спортивные тапочки, и они ей очень нравились.

– У тебя есть туфли, а у других ничего нет, – сказал отец Владимир дочери, и подаренные ей тапочки передал нуждающимся.

В августе 1937 года начались массовые аресты. В ночь с 8 на 9 сентября сотрудники НКВД явились в дом, где жил отец Владимир со своей семьей, и предъявили ордер на обыск и арест. В ке-

росиновой лампе, стоявшей на шкафу, был спрятан антиминс, который с особенным тщанием искали следователи. Они разворачивали и внимательно рассматривали каждую шелковую тряпочку, но антиминса не обнаружили, ибо «яко одушевленному Божию Кивоту, да никакоже коснется рука скверных». Производившие обыск сотрудники НКВД клали на стол бумаги, письма, книги, молитвословы, положили и медальон с мощами святителя Николая. Мария Алексеевна глазами показала Жене на медальон, и он осторожно взял его со стола и положил себе в башмак. Когда уводили отца Владимира, решили, что лучше ему переобуться в ботинки сына, бывшие менее изношенными. Женя сумел снять ботинки так, что медальон с мощами остался при нем, — таким образом святыня сохранилась в семье.

Отец Владимир был заключен в Бутырскую тюрьму.

— Следствие располагает данными, что вы у себя на квартире проводили тайные богослужения. Дайте показания по этому вопросу, — потребовал следователь.

— Тайных богослужений у себя на квартире я не проводил. Начиная с 1931 года я как священник не служу, и с тех пор богослужениями не занимаюсь вообще, хотя сана с себя не снимал — не отказывался...

— Вы указали, что советская власть религиозных людей не понимала и не понимает, таким образом, на этой почве вы высказали явную враждебность к советской власти. Объясните это положение.

— Я враждебно к советской власти не настроен, и мой ответ так рассматривать нельзя...

— Вы вчера отказались дать показания в отношении лиц, входивших в организацию в 1920 году, известных вам сейчас как по месту жительства, так и по месту работы. Следствие настаивает, чтобы вы перечислили их.

— Так как я не усматриваю в деятельности этой организации

ничего контрреволюционного, то я окончательно отказываюсь называть фамилии ее членов.

— 20 сентября сего года вы точно так же отказались назвать круг ваших деловых и бытовых связей, то есть людей, с коими вы имеете связь и общение в настоящее время. Следствие требует перечислить их.

— Личных знакомств у меня нет, кроме отношений по службе и по договорным работам...

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю...

3 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Владимира к расстрелу. Священник Владимир Амбарцумов был расстрелян 5 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 63970.

ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39811. Т. 1, 2, 3.

Амбарцумов Владимир Амбарцумович, священник. // За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956. М., 1997.

Каледа-Амбарцумова Л. Соломенная Сторожка: О храме святителя Николая и его последних настоятелях. Московский журнал. 1992, № 10.

[Прот. Глеб Каледа]. Он всю жизнь искал Бога. Лампада. 1997, № 27.

Краткое жизнеописание отца Владимира Амбарцумова (1892–1937). Вестник РХД. 1990, № 160 (III).

Октября 31 (13 ноября)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Всеволод (Смирнов)

Священномученик Всеволод родился 25 марта 1874 года в селе Троицком Звенигородского уезда Московской губернии в семье священника Василия Смирнова. В 1897 году Всеволод Васильевич окончил Московскую Духовную семинарию и был назначен учителем в школу в село Бумерово Звенигородского уезда. Здесь он женился на Надежде Алексеевне Уваровой. В 1900 году Всеволод Васильевич был рукоположен в сан священника к Успенской церкви в селе Дерменцово Волоколамского уезда. За безупречное служение отец Всеволод в 1926 году был возведен в сан протоиерея.

Осенью 1929 года в ОГПУ пришли сведения, будто священник в день празднования памяти Илии Пророка сказал в проповеди: «Народ весь прегрешил перед Богом, Бог насылает разные кары на него. Ему надо покаяться, Бог простит. Когда жил на земле Илья пророк, народ также развратился, и Бог послал голод, и весь народ голодал. Так же и теперь, если народ не покается, будет голод и разные бедствия».

Основываясь на этом донесении, уполномоченный ОГПУ сделал вывод, что священник «систематически, как в проповедях, так и в частных беседах, проводит антисоветскую агитацию, называя советскую власть “Божьей карой за прегрешения наро-

да”», и, «принимая во внимание, что дальнейшее пребывание» священника на свободе будет иметь «отрицательное влияние на настроение населения к советской власти», 19 октября 1929 года постановил арестовать отца Всеволода. В тот же день он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. На допросах, отвечая на вопросы следователя, протоиерей Всеволод сказал:

— Антисоветской агитации я ни при каких обстоятельствах не вел. В проповедях я затрагиваю чисто религиозные вопросы. Разговоров на политические темы никогда ни с кем не вел и политикой не интересуюсь. Будучи болезненным человеком, веду уединенный образ жизни и ни с кем дружбы не веду.

— Говорили ли вы в проповеди 2 августа сего года, что «народ весь прегрешил перед Богом и Он за это посылает на него разные кары, как-то: голод и тому подобное»? — спросил следователь.

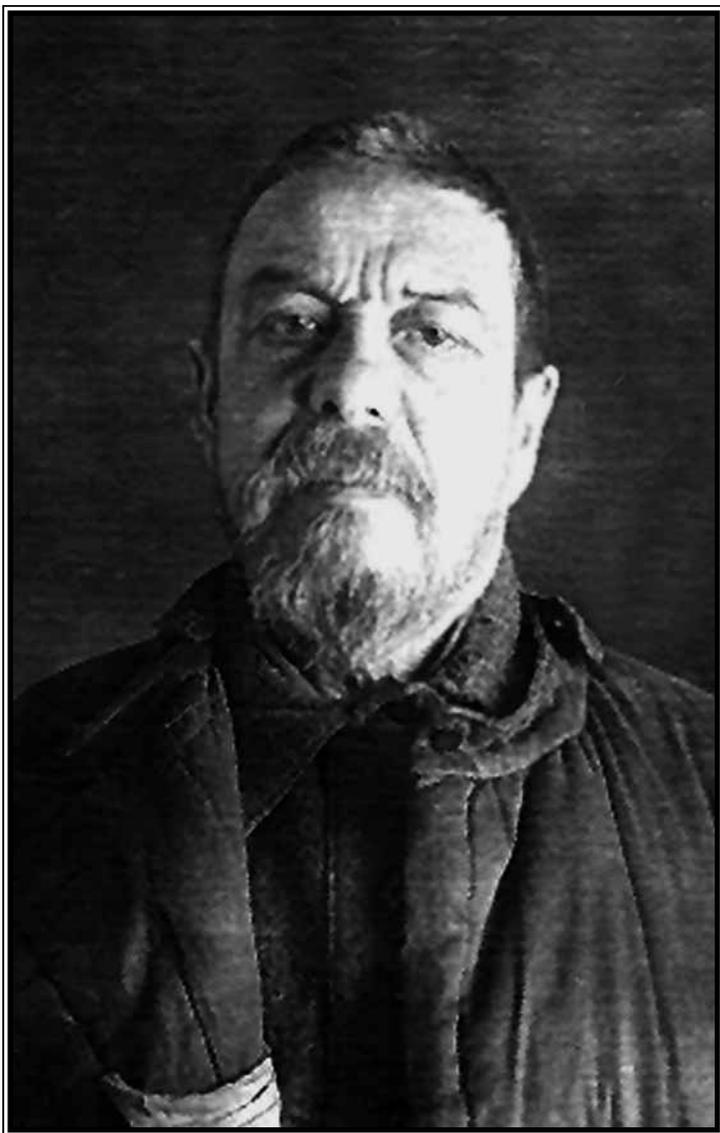
— Этого я никогда не говорил.

— Кто может подтвердить отсутствие с вашей стороны антисоветских действий? — спросил следователь.

Отец Всеволод попросил вызвать некоторых свидетелей, которые подтвердили бы его невиновность. Следователь, однако, не стал никого вызывать, передав «дело» на рассмотрение Особого Сопровождающего при Коллегии ОГПУ. 18 ноября 1929 года он был приговорен к трем годам ссылки в Северный край — в село Лешу-конское Архангельской области.

Отец Всеволод здоровья был слабого и страдал в это время многими болезнями. В конце 1932 года он был освобожден. Прихожане храма в селе Дерменцово обратились к священноначалию, чтобы священника направили снова в их храм, и 22 января 1933 года протоиерей Всеволод получил назначение в храм в селе Дерменцово. Здесь он прослужил до гонений 1937 года.

10 октября 1937 года власти арестовали протоиерея Всеволода по обвинению в том, что он «распространял гнусную клевету на советскую власть, высказывал пораженческие настроения, вел антисоветскую агитацию против проводимых на селе кампаний».

Протоиерей Всеволод Смирнов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

Зачитав текст обвинения, следователь предложил отцу Всеволоду дать показания.

— Контрреволюционной и антисоветской агитацией я не занимался, — ответил священник.

— Вы показываете ложно. По вашему делу допрошены свидетели, которые подтверждают факты вашей контрреволюционной и антисоветской агитации. Следствие требует от вас правдивых показаний.

— Еще раз заявляю, что контрреволюционной и антисоветской агитацией я не занимался, — ответил священник.

На этом допрос был закончен. 11 ноября тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Всеволод Смирнов был расстрелян 13 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-51806, л. 19224.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Октября 31 (13 ноября)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Александр (Воздвиженский)

Священномученик Александр родился 29 августа 1876 года в селе Ведерницы Дмитровского уезда Московской губернии в семье диакона Михаила Воздвиженского. Окончил в 1892 году Дмитровское Духовное училище, в 1899 году Вифанскую Духовную семинарию; в 1901 году был рукоположен в сан диакона. В 1903 году диакон Александр был рукоположен во священника ко храму в селе Богослово Богородского уезда Московской губернии, где служил до 1917 года, а затем был переведен в храм села Турово Серпуховского уезда. В 1931 году он стал служить в храме в селе Казанское Павлово-Посадского района, а в 1935 году был переведен в Никольскую церковь в селе Ново-Загарье того же района. В 1935 году отец Александр был возведен в сан протоиерея.

Во второй половине тридцатых годов безбожные власти приняли решение о начале самых беспощадных гонений за все двадцать лет своего правления. Чтобы подвергнуться аресту, достаточно было быть церковнослужителем.

7 октября 1937 года отец Александр был арестован и заключен в тюрьму в городе Ногинске*. На следующий день следователь допросил священника.

---

* Ранее Богородск.

— Следствие располагает материалами, что вы враждебно настроены к политике советской власти и систематически высказывали контрреволюционные суждения о проводимых ею мероприятиях. Признаете себя в этом виновным? — спросил он.

— Нет, виновным себя не признаю и никогда контрреволюционных суждений по вопросам политики советской власти не высказывал.

— Летом 1937 года в разговоре с диаконом загарской церкви Быловым вы высказывали контрреволюционные суждения и неодобрительно отзывались по вопросу колхозного строительства. Признаете себя в этом виновным?

— С диаконом загарской церкви мне приходилось часто беседовать по вопросу политики советской власти, но этого факта я не могу припомнить. Может быть, и говорил что на эту тему.

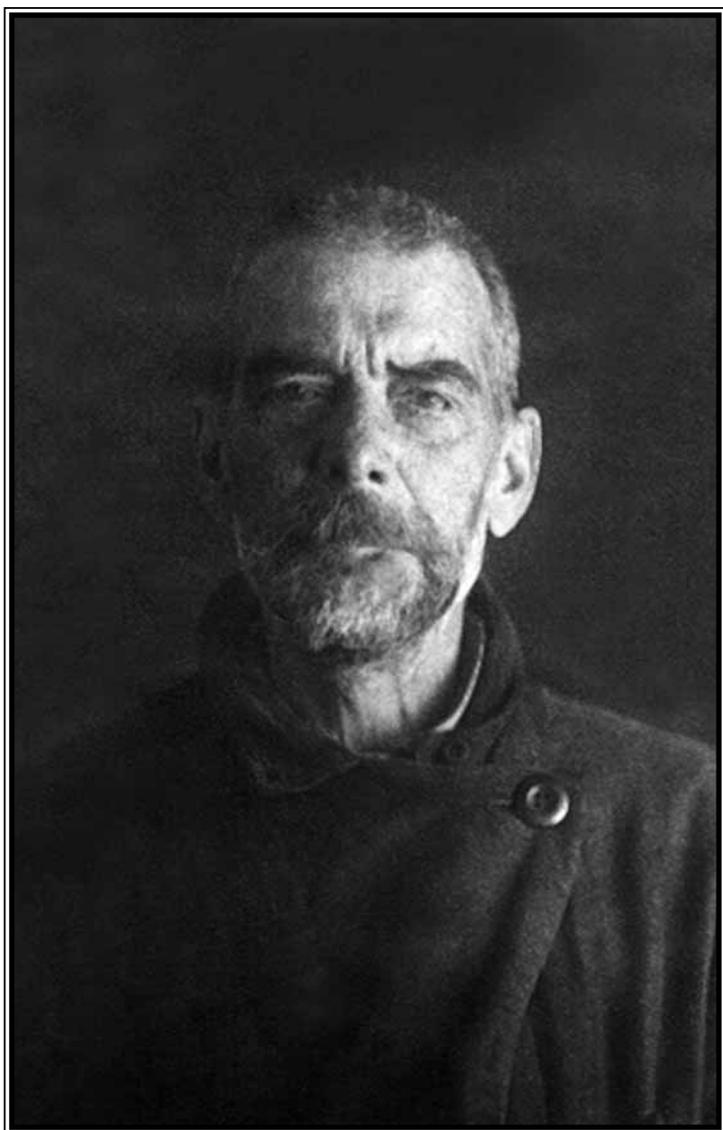
— Летом 1937 года вы в беседе с диаконом неодобрительно отзывались о конституции, опошляли ее сущность, говоря, что она урезана. Признаете себя в этом виновным?

— Разговоры о конституции имели место не раз с диаконом, но о том, что она урезана, я не говорил. Я говорил, что конституция всеобъемлюща, так что диакон, вероятно, перепутал.

— Следствие располагает материалами, что вы высказывали контрреволюционные суждения и неодобрительно отзывались по адресу налоговой политики советской власти. Признаете себя в этом виновным?

— Да, этого я не отрицаю, я говорил: «Налогам советская власть духовенство не щадит».

— Следствию известно, что вы высказывали контрреволюционное суждение, говоря, что ищут врагов среди духовенства, а они находятся среди верхушки большевиков, при этом вы ссылались на изменника Тухачевского и других. Признаете себя виновным?

Протоиерей Александр Воздвиженский

Москва. Тюрма НКВД. 1937

— Да, я так говорил и этого не отрицаю.

Были допрошены свидетели, но они ничего убедительного в доказательство антигосударственной деятельности священника не показали.

25 октября тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. Протоиерей Александр Воздвиженский был расстрелян 13 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-25285.

ЦИАМ. Ф. 234, оп. 1, д. 2095.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Октября 31 (13 ноября)

С В Я Щ Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Василий (Колоколов)

Священномученик Василий родился 19 января 1873 года в селе Варварино Московской губернии в семье псаломщика Иоанна Колоколова.

После окончания в 1898 году Духовной семинарии Василий Иванович устроился работать учителем. В 1900 году он был рукоположен во священника и всю жизнь прослужил в Иоанно-Предтеченском храме села Грибаново Лотошинского района Московской области.

В 1922 году отец Василий был первый раз арестован в связи с делом об изъятии церковных ценностей и осужден на восемь месяцев лишения свободы условно.

В 1929 году за невыполнение хлебозаготовок священник Василий Колоколов был приговорен к трем годам ссылки. После отбытия четырех месяцев наказания областной суд отменил приговор.

17 октября 1937 года, в разгар гонений на Русскую Православную Церковь, отец Василий был арестован. Следователь допросил двух лжесвидетелей. Один из них показал: «В апреле 1936 года я был в церкви... После службы поп Колоколов обратился к верующим со “словом” по вопросу о налогах на церковь и его самого, причем заявил: “Церковь была неправильно обложена со-

ветской властью большим налогом, я добился снижения налога, но на меня самого советская власть неправильно наложила непосильный налог, уплатить я не в силах, и меня за это посадят в тюрьму, и вы останетесь без церкви. Помогите мне уплатить налог»».

Второй лжесвидетель, председатель колхоза, рассказав о том, как отец Василий говорил о сталинской конституции, заключил: «Вообще, бывая по колхозам по тем или иным требам, Колоколов вел антисоветскую агитацию».

Следователь допросил священника.

— Вы арестованы за контрреволюционную агитацию. Дайте по этому вопросу правдивые показания.

— Нет, это я отрицаю.

— Вы показываете ложно: в октябре 1936 года вы среди колхозников распускали контрреволюционную клевету на сталинскую конституцию. Этот факт признаете?

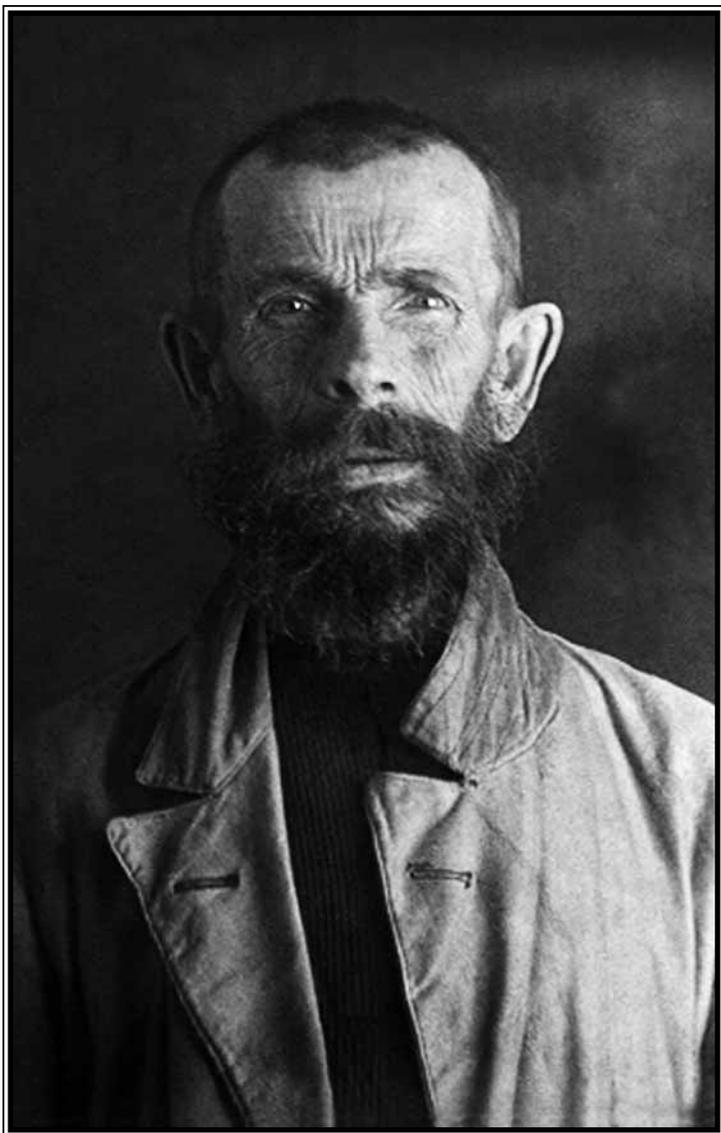
— Нет, я это не признаю и полностью отрицаю.

— Обвиняемый Колоколов, в апреле 1936 года вы также распускали контрреволюционную клевету на советскую власть и ее мероприятия.

— В этом виновным себя признаю. Действительно, в апреле 1936 года я выступал в церкви и говорил в отношении налога на церковь, использовал этот случай и контрреволюционно клеветал на советскую власть, что налоги у ней непосильные. В подтверждение этого я привел свой налог и просил верующих помочь мне уплатить его...

В тот же день он был еще раз допрошен.

— Вы среди колхозников выступали с контрреволюционной клеветой на сталинскую конституцию и говорили: посмотрите глубоко, какова будет свобода слова, печати и собраний. Должна быть представлена полная свобода выступлений двух сторон за и против власти. Если этого не будет, то конституция сталинская будет куцая, как и конституция 1905 года. Это вы признаете?

Священник Василий Колоколов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

— Это было в 1936 году, в феврале. Мной в беседе говорилось, что свобода слова будет на бумаге, а если бы была дана свобода слова с обеих сторон за и против, то была бы действительно свобода не на бумаге, а на деле. Этого же нет, и конституция остается на бумаге, кушая, как и конституция 1905 года. Кроме того, я также в беседе с колхозниками в лавке кооперации говорил в феврале 1937 года: «Конституция отняла свободу, закрепила за колхозами землю, а кооперация не дает хлеба, крестьяне все подавлены, умирают с голоду, но сказать ничего не могут — все запуганы. Надо сейчас объединиться всем колхозам и требовать у советской власти хлеба, все встанут против советской власти». Признаю это.

— Что еще вы можете добавить к своим показаниям?

— Больше добавить ничего не могу.

На этом допросы и следствие, которое заняло один день, были закончены. На следующий день — 22 октября священника Василия Колоколова перевели в Волоколамскую тюрьму, а затем в Таганскую тюрьму в Москве.

11 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Священник Василий Колоколов был расстрелян 13 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19103.

Октября 31 (13 ноября)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Сергий (Розанов)

Священномученик Сергей родился в 1905 году в семье псаломщика Алексея Розанова, служившего в Михаило-Архангельской церкви в селе Белый Раст Московского уезда Московской губернии. Сергей Алексеевич поступил в Духовную семинарию, но проучиться в ней ему пришлось всего два года: обучение было прервано революцией 1917 года и начавшимися после нее гонениями на Русскую Православную Церковь. С 1923 по 1925 год Сергей Алексеевич работал сторожем храма Архангела Михаила в родном селе, а с 1926 года служил в нем псаломщиком.

В 1927 году Сергей Алексеевич был рукоположен в сан диакона ко храму села Ильинского Дмитровского района. В 1931 году отца Сергия призвали в армию в тыловое ополчение. Вернувшись через год, он вновь стал служить диаконом в храме села Ильинского. В 1933 году он был рукоположен во священника к Богородице-Рождественской церкви села Якоть Дмитровского района. В 1936 году его перевели в Покровский храм в селе Кикино. Здесь он прослужил полгода и был переведен в Ильинский храм села Ильино.

10 октября 1937 года власти арестовали священника и заключили в Таганскую тюрьму в Москве.

— Следствию известно, что вы среди колхозников ведете активную контрреволюционную деятельность. Дайте об этом показания, — потребовал следователь.

— Это я отрицаю. Никакой контрреволюционной деятельности я не вел, — ответил священник.

— С тем чтобы разложить трудовую дисциплину среди колхозников, вы в контрреволюционных целях предсказывали голод, неурожай, говорили, что бесполезно работать в колхозах. Признаете вы это?

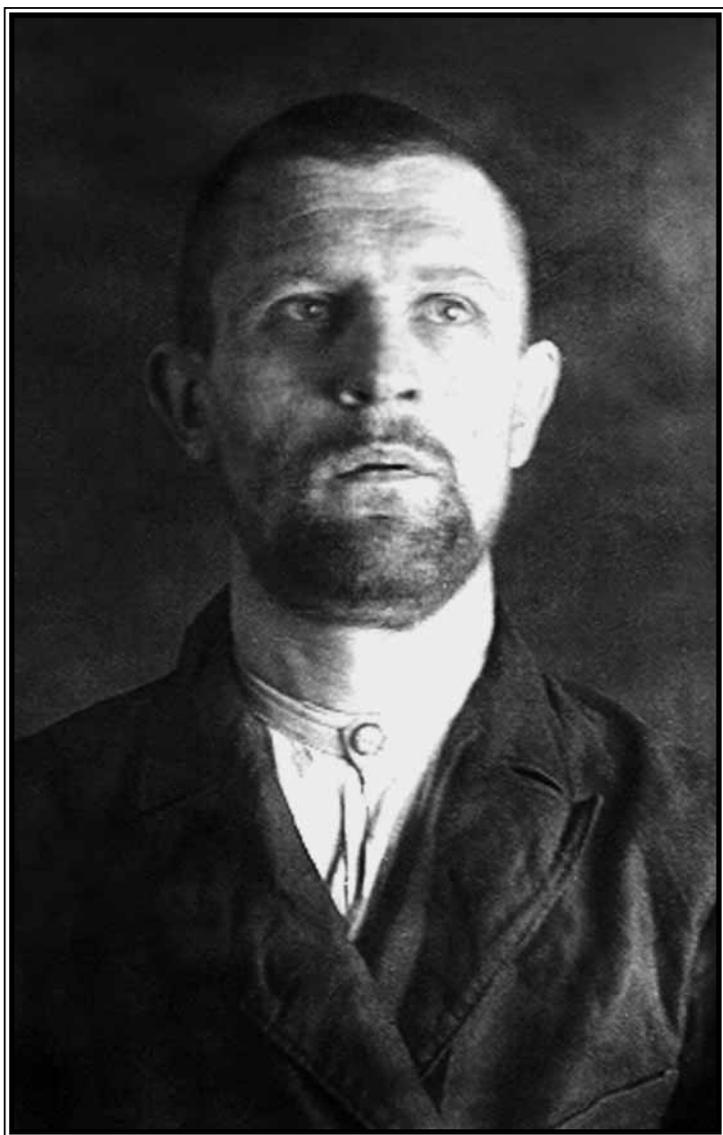
— Это я также отрицаю.

— Вы среди детей-пионеров вели религиозную пропаганду с целью развалить пионерскую организацию, запугивали их ответственностью перед Богом. Признаете вы это?

— Это я также отрицаю, никакой религиозной пропаганды среди детей я не вел.

После допроса священника следователи стали допрашивать лжесвидетелей. Один из них, сторож церкви, где служил отец Сергей, сказал: «Об антисоветской деятельности Розанова мне известно, я сам являлся свидетелем того, как Розанов отвлекал от работы колхозников. Для этого он использовал религиозные чувства. Это дело было в начале 1937 года, поп Розанов среди колхозников говорил: “Православные, зря работаете в колхозе, все равно в этом году будет неурожай, так об этом говорится в Священном Писании, лучше давайте помолимся Богу”».

Другой лжесвидетель сказал: «В 1935 году в религиозный праздник Крещение я, будучи дома, наблюдал следующую историю. Розанов ходил по селу с молебном по домам, пришел и к нам, в это время я был в другой комнате, но что говорил мой отец с попом Розановым, я слышал хорошо. В это время поп жаловался на то, что и в Крещение верующие не смогли вынести икону на Иордань из-за того, что советская власть отказала в этом. После этого у них разговор перешел о Пасхе, при этом поп Розанов отцу говорил: “Нам следует сплотиться вокруг церкви, подходит 1 мая и

Священник Сергей Розанов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

Пасха, большевики будут показывать свою мощь, и нам следует Пасху продемонстрировать, как мощь церковную, и показать, что она еще не так слаба, как думают. Вот у вас в Якоти, — продолжал Розанов, — постановили закрыть церковь, но известным желанием верующих это можно отстоять”. Во время этого разговора домой пришел десятилетний мой братишка — Егор, в тот момент он состоял пионером. Его Розанов стал укоризненно стыдить, при этом говорил: “Вот ты хороший мальчик, надел красный галстук, а в церкви я тебя не вижу”. Обращаясь к отцу, Розанов сказал: “Вам нужно заставить ходить его в церковь, а то плохо будет на том свете”».

11 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу. Священник Сергей Розанов был расстрелян 13 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19240.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.

Кн. 6. Тверь, 2002.

Октября 31 (13 ноября)

МУЧЕНИК

Иаков (Блатов)

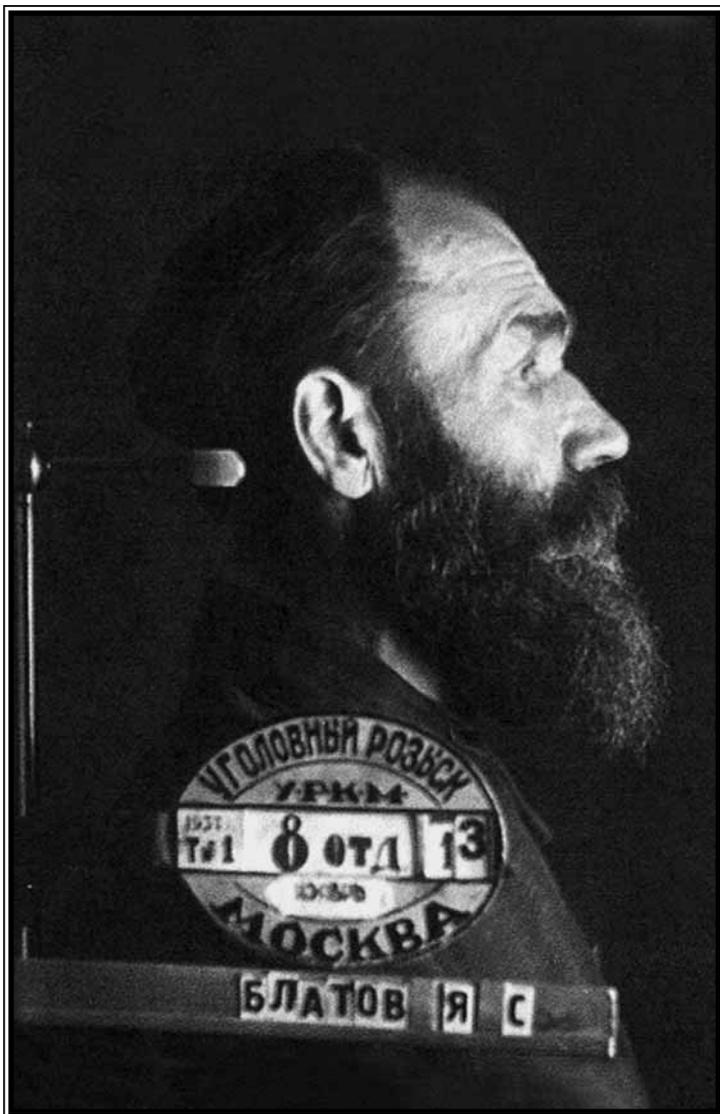
*М*ученик Иаков родился в 1880 году в селе Старое Малинского уезда Московской губернии в семье крестьянина Степана Блатова. Иаков окончил церковноприходскую школу. Отслужил в армии рядовым.

До 1914 года Яков Степанович вместе с отцом держал портновскую мастерскую в Москве, которая обслуживала кадетский корпус в Лефортове. В мастерской работало от 7 до 15 мастеров и от 5 до 8 мальчиков-учеников. В селе у Блатовых было хозяйство, в котором работали сезонные и наемные рабочие, и Яков Степанович изредка приезжал из Москвы, чтобы рассчитаться с ними и решить вопросы найма на зимний сезон.

После революции Яков Степанович некоторое время продолжал работать в мастерской, но в 1925–26 годах он, подарив мастерскую детям, переехал в село.

Как активный прихожанин, он помогал в устройении храмовых праздников, молебнов и крестных ходов, помогал в покупке свечей, в выпечке просфор. Был членом церковного совета, казначеем церкви Рождества Богородицы, а с 1934 года до дня ареста – председателем церковного совета.

Яков Степанович был арестован 15 сентября 1937 года и заключен в тюрьму в городе Кашире.

Яков Степанович Блатов

Москва. Тюрма НКВД. 1937

На допросах он показал: «Контрреволюционной деятельностью среди колхозников я не занимался. Правда, я человек свободомыслящий, и, считая, что существует свобода слова, я иногда высказывал свои мысли по отдельным мероприятиям советской власти.

Я сказал в связи с тем, что на собрании встал вопрос о трудовой дисциплине: “Раньше на барина и то работали три дня, а сейчас заставляют работать круглый год”.

Так как распоряжение о постройке зерносушилок идет от руководителей правительства и партии товарищей Сталина и Молотова, а в колхозе железа нет, то нужно обратиться за советом к товарищам Сталину и Молотову, чтобы они порекомендовали, где нам достать железа. Они руководители страны и знают, где его достать. И когда представитель района, ставивший вопрос о постройке зерносушилки, посмотрел удивленно, я добавил: “Что тут удивительного? К царю раньше ходили, а почему к ним нельзя?”».

Виновным себя Яков Степанович не признал. Обвинительное заключение было составлено на основе показаний лжесвидетелей, и 11 ноября 1937 года он был приговорен к расстрелу.

Яков Степанович Блатов был расстрелян 13 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. У-19237.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 года
прославлены в лике новомучеников
и исповедников Российских
XX века:

Священномученик Алексей (Зиновьев)

Священномученик Иоанн (Бороздин)

Священномученик Константин (Голубев)

и иже с ним два мученика

Священномученик Петр (Соловьев)

Священномученик Леонид (Прендкович)

Священномученик Петр (Пушкинский)

Священномученик Вячеслав (Занков)

Мученик Алексей (Серебренников)

Священномученик Александр (Агафоников)

Священномученик Георгий (Архангельский)

Преподобноисповедник Гавриил (Игошкин)

Священномученик Димитрий (Добросердов)

Преподобномученик Амвросий (Астахов)

Преподобномученик Пахомий (Туркевич)

Преподобномученик Варлаам (Ефимов)

Священномученик Иоанн (Хренов)
Преподобномученица Татиана (Бесфамильная)
Мученик Николай (Рейн)
Мученица Мария (Волнухина)
Мученица Надежда (Ажгеревич)
Священномученик Иона (Лазарев)
Священномученик Петр (Озерецковский)
Священномученик Василий (Озерецковский)
Священномученик Неофит (Любимов)
Священномученик Андрей (Воскресенский)
Священномученик Сергей (Бажанов)
Священномученик Николай (Агафоников)
Священномученик Николай (Архангельский)
Священномученик Александр (Соловьев)
Священномученик Емилиан (Гончаров)
Священномученик Созонт (Решетилов)
Священномученик Владимир (Амбарцумов)
Священномученик Всеволод (Смирнов)
Священномученик Александр (Воздвиженский)
Священномученик Сергей (Розанов)
Мученик Иаков (Блатов)

В Собор новомучеников и исповедников Российских XX века
в послесоборное время были включены

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 27 декабря 2000 года:*

Священномученик Николай (Цветков)

Священномученик Павел (Преображенский)

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 6 октября 2001 года:*

Священномученик Василий (Максимов)

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 26 декабря 2001 года:*

Священномученик Василий (Колоколов)

Издание подготовлено Фондом

«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

В задачи Фонда входит подготовка материалов, касающихся подвига мучеников и исповедников XX столетия, и в соответствии с этим — изучение архивных документов, личных свидетельств и составление жизнеописаний.

ФОНД ВЫПУСТИЛ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

- *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1992–2002. В 7 книгах.
- *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. Житие священномученика Фаддея, архиепископа Тверского. Тверь, 1997.
- *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. Житие священномученика Феодора и иже с ним пострадавших. Тверь, 1998.
- *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. Новомученики Тверской епархии XX столетия. Тверь, 1999.
- *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Житие священноисповедника Романа (Медведя; 1874–1937). Тверь, 2000.
- *Священник Олег Митров*. Житие священномученика Арсения. Тверь, 2001.
- *Б. П. Балувев*. Споры о судьбах России. Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь, 2001.
- *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Житие священномученика Петра (Зверева; 1878–1929). Тверь, 2001.
- Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Январь–Май; Июнь–Август; Сентябрь–Октябрь. Тверь, 2002–2003.
- *Священномученик Фаддей (Успенский; 1872–1937), архиепископ Тверской*. ТВОРЕНИЯ. Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Книга I. Проповеди. Книга II. Записки по дидактике. Тверь, 2002–2003.

Электронную версию всех изданий Фонда, сведения о его деятельности, календарь новомучеников и аудиоматериалы можно найти на сайте Фонда в Интернете:

www.fond.ru

Почтовый адрес Фонда для переписки и заказа книг:
103051 а/я 7. Фонд «Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»

Тел. Фонда 908 76 13

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Сентябрь — Октябрь

Издательство «Булат»
при участии регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

Редактор – Новикова Г. В.
Художник – Новиков Н. М.

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II**

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ
И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА

МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Ноябрь

Под общей редакцией
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых
Митрополита Крутицкого и Коломенского
Ювеналия

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БУЛАТ

ТВЕРЬ 2004

Издание подготовлено под руководством и общей редакцией
Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия,
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых

Над сбором и изучением архивных материалов работали:

игумен Дамаскин (Орловский),
клирик города Москвы, член Синодальной Комиссии по канонизации святых,
Председатель регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»;

священник Максим Максимов,
клирик Московской епархии, секретарь Синодальной Комиссии по канонизации святых,
секретарь Московской епархиальной Комиссии по канонизации святых;

священник Олег Митров,
клирик Московской епархии, член Московской епархиальной Комиссии
по канонизации святых;

Романова Светлана Николаевна, кандидат исторических наук;

Иноземцева Зинаида Петровна, кандидат исторических наук;

Злых Наталья Владимировна;

Гринь Галина Николаевна;

Канурская Ирина Николаевна;

Зверев Геннадий Владимирович

Особая благодарность
руководителю Федеральной Архивной службы России, члену-корреспонденту
Академии Наук Российской Федерации, доктору исторических наук

Козлову Владимиру Петровичу,
сотрудникам Росархива, дирекции и сотрудникам Государственного архива Российской
Федерации (ГАРФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА),
Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ)

Издание осуществлено
благодаря финансовой поддержке регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

ББК 86
Ж74

Редактор – *Новикова Галина Васильевна*
Художник – *Новиков Николай Михайлович*

ISBN

© Региональный общественный Фонд «Память мучеников
и исповедников Русской Православной Церкви». 2004
© Текст – составители житий. 2004
© Макет и оформление – Новиков Н. М. 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Ноября 1 (14)

**Священномученики Александр (Смирнов)
и Феодор (Ремизов)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....12

Ноября 3 (16)

Священномученик Сергей (Кедров)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....20

Священномученик Викентий (Смирнов)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....30

Священномученик Владимир (Писарев)

Составитель священник Олег Митров.....33

Священномученик Александр (Парусников)

Составитель священник Олег Митров.....36

Священномученик Василий (Архангельский)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....41

Священномученик Василий (Покровский)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....44

Священномученик Петр (Орликов)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....48

**Священномученики Иоанн (Кесарийский),
Петр (Косминков) и Симеон (Кречков)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....51

Священномученик Николай (Пятницкий)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....59

Ноября 4 (17)

Священномученик Арсений (Троицкий)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....62

Ноября 6 (19)

Священномученик Никита (Делекторский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	77
Преподобномученик Варлаам (Никольский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	83

Ноября 9 (22)

Священномученик Димитрий (Русинов) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	87
Священномученик Константин (Немешаев) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	90

Ноября 12 (25)

Священномученик Константин (Успенский), мученик Борис (Успенский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	93
Священномученик Владимир (Красновский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	98

Ноября 14 (27)

Преподобномученик Аристарх (Заглодин-Кокорев) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	102
Священномученик Василий (Лихарев) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	105
Священномученик Сергий (Знаменский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	112
Священномученики Николай (Виноградов), Димитрий (Лебедев) и мученик Гавриил (Безфамильный) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	138
Священномученик Александр (Быков) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	144

Мученица Анна (Зерцалова)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	148

Ноября 19 (2 декабря)

Преподобномученик Иоасаф (Крымзин)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	158

Преподобномученик Петр (Мамонтов)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	161

Священномученик Сергей (Махаев)	
<i>Составитель священник Максим Максимов</i>	164

Ноября 20 (3 декабря)

Преподобномученик Иларион (Писарец)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	173

Священномученик Александр (Сахаров)	
<i>Составитель священник Максим Максимов</i>	176

Священномученик Алексей (Никатов)	
<i>Составитель священник Олег Митров</i>	180

Священномученик Владимир (Медведюк) и преподобномученица Татiana (Фомичева)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	182

Ноября 22 (5 декабря)

Преподобномученик Герасим (Мочалов)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	194

Священномученик Иаков (Соколов)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	196

Священномученик Феодор (Гусев)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	199

Преподобноисповедница Параскева (Матиешина)	
<i>Составитель священник Максим Максимов</i>	202

Ноября 25 (8 декабря)

Священномученик Иоанн (Тарасов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	213
Священномученик Александр (Вершинский), мученики Павел (Кузовков) и Николай (Копнинский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	217
Священномученик Григорий (Воинов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	230
Священномученик Ярослав (Савицкий) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	234
Священномученик Косма (Коротких) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	237
Священномученик Василий (Парийский) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	239

Ноября 26 (9 декабря)

Священномученики Георгий (Колоколов), Назарий (Грибков) и мученик Петр (Царапкин) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	242
Священномученик Иоанн (Виноградов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	259

Ноября 27 (10 декабря)

Священномученик Николай (Добронравов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	265
Преподобномученик Кронид (Любимов) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	274
Преподобномученик Иоасаф (Боев) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	289
Преподобномученик Николай (Салтыков) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	302

Священномученик Николай (Андреев) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	305
Священномученик Василий(Соколов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	308
Священномученик Борис (Ивановский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	314
Священномученик Алексей (Сперанский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	317
Священномученик Феодор (Дорофеев) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	320

Ноября 28 (11 декабря)

Священномученик Николай (Крылов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	324
Священномученик Алексей (Веселовский) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	329
Священномученик Петр (Ворона) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	331

ПРИЛОЖЕНИЕ.....	335
-----------------	-----

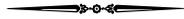
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМП – Архив Московской Патриархии
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГАПО – Государственный архив Пензенской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Самарской области
ГАТО – Государственный архив Тамбовской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ЖМП – Журнал Московской Патриархии
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСТБИ – Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РОГА – Рязанский областной государственный архив
ТСЛ – Троице-Сергиева Лавра
ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ
ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы

ЖИТИЯ

Ноябрь

Ноября 1 (14)

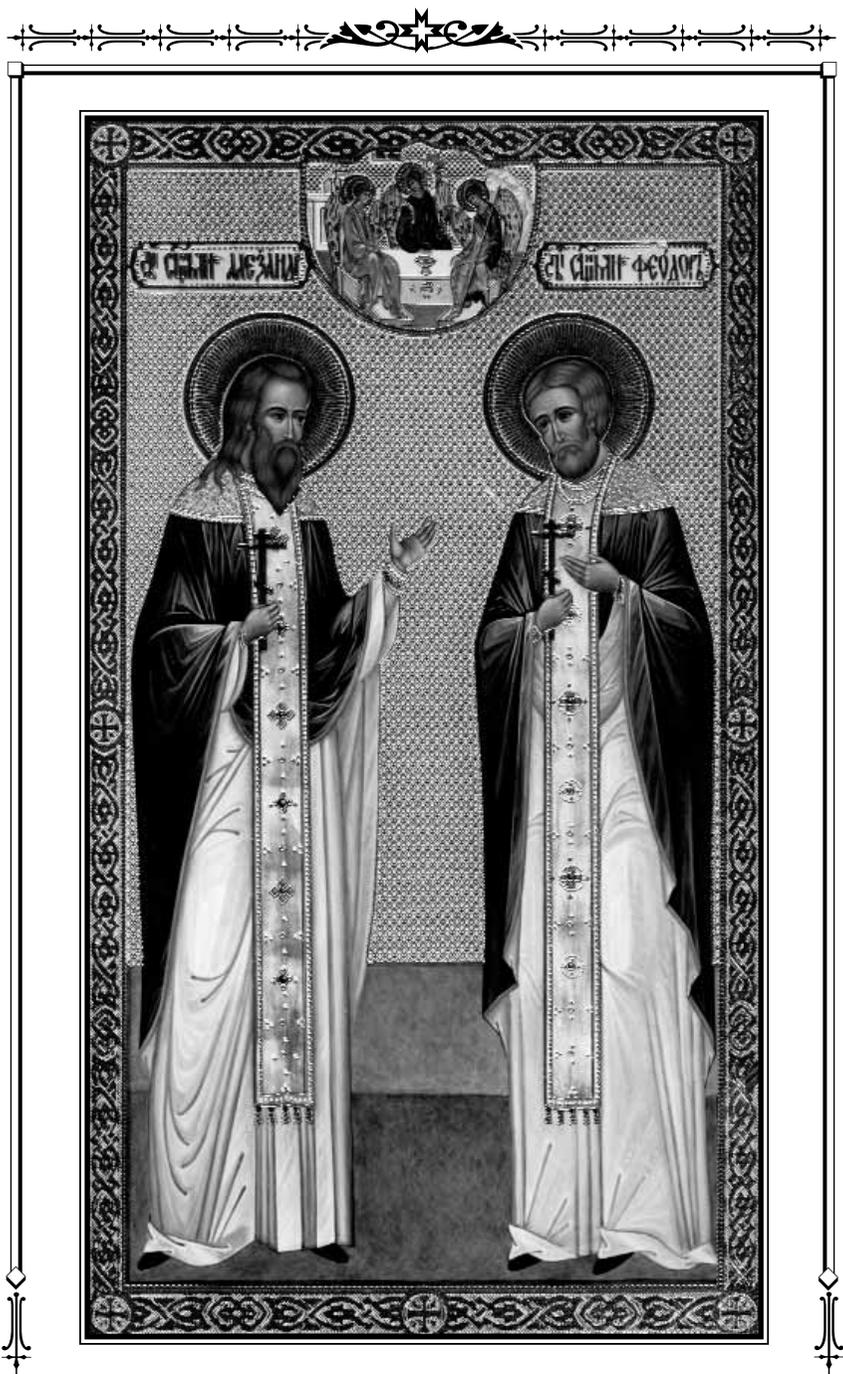
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К И

Александр (Смирнов) Феодор (Ремизов)

Священномученик Александр родился в 1875 году в семье почетного гражданина Василия Смирнова. В 1898 году Александр Васильевич окончил Московскую Духовную семинарию и поступил законоучителем в церковноприходскую школу в селе Круглино Дмитровского уезда Московской губернии. В 1903 году он был рукоположен во священника к Крестовоздвиженской церкви села Вышегород Верейского уезда. Храм был построен в 1754 году тщанием графа Александра Ивановича Шувалова. В 1913 году стараниями местного помещика Шлиппе при храме был выстроен дом для псаломщика, а священник жил в помещении, принадлежавшем тому же помещику, бесплатно. Храм находился в четырнадцати верстах от города Вереи и полуверсте от Ризоположенской церкви. У прихода была церковноприходская школа в деревне Паново и земская школа в деревне Сотниково.

В 1903–1904 годах отец Александр был законоучителем в Сотниковской земской школе, а с 1904 года — законоучителем и заведующим Пановской церковноприходской школой. В феврале 1911 года он был избран членом благочиннического совета.

За простоту в обращении и милосердие отец Александр был любим своими прихожанами. Когда кому-нибудь из них требовалась помощь, он оказывал ее просто и без сомнений. Неукоснительно исполнял церковный устав, не допуская сокращений или

отступлений в службах, за что пользовался большим уважением старообрядцев, которых много тогда жило в этом уезде. Был наделен от Бога красивым и сильным голосом, так что церковное начальство не раз хотело перевести его в Москву в один из соборных храмов.

В 1918 году советская власть издала декрет об отделении Церкви от государства, подобный антихристианским эдиктам языческих императоров Рима, ставивших своей целью уничтожение Церкви. Декрет советской власти запрещал любую форму проповеди, что подразумевало даже и ношение священником рясы вне храма. Кое-где угрозами принуждали священников изменить свой облик и, бывало, за неподчинение убивали.

Местные власти потребовали и от отца Александра, чтобы он перестал ходить по селу в рясе и остриг волосы. После совета со своим старцем-священником отец Александр сказал, что никогда не подчинится беззаконному распоряжению и не откажется от облика православного пастыря.

В Верейском районе особой жестокостью отличался тогда милиционер Мужеров. Возмущенные его злодействами крестьяне, не найдя на него управы у местных начальников, убили его. В отместку из Москвы был послан отряд карателей-латышей числом в пятьдесят всадников, которые должны были жестокостью казней устроить крестьян. Однако не только крестьян они собирались казнить, но и всех священников, которых удастся захватить. И только отречение от Бога могло спасти жизнь.

Священномученик Феодор родился в семье священника Николая Ремизова. Он был рукоположен во священника к Ризоположенской церкви села Вышегород Верейского уезда Московской губернии. Деревянная церковь была построена в 1791 году графиней Екатериной Александровной Головиной, урожденной Шуваловой. В храме было два престола: один во имя Положения ризы Пресвятой Богородицы, другой – во имя бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана. Домов для священника и псаломщика не было, и они жили в наемных сырых и холодных крестьянских избушках. Помещения эти, как сообщают об этом клиро-

вые ведомости, были ниже всякой критики, но «за неимением других свободных приходилось причту с семействами ютиться в таких». До 1917 года в Ризоположенском храме служил брат отца Феодора, священник Александр Ремизов. У них с женой Александрой Емельяновной было шестеро детей; жить семье было негде, и отец Александр перевелся на другой приход, а на его место пришел служить его брат, у которого детей не было.

14 ноября 1918 года в селе отмечался престольный праздник — память бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, на который съехалось духовенство и миряне со всей округи. После литургии, молебна и общей трапезы священники разъехались по приходам.

В тот же день, ближе к вечеру, в расположенную рядом с Вышегородом деревню Новая Борисовка въехал вооруженный отряд латышей. По пути им повстречался церковный сторож, и они зарубили его.

Крестьяне, заподозренные в убийстве милиционера, были без всякого суда казнены.

Узнав, что отец Александр дома, каратели послали к нему фельдшерицу, чтобы она пригласила его в сельсовет.

— Зачем я пойду? — прямо и просто ответил священник. — Я ни в чем перед властью не виноват.

— Как хотите, — ответила та и ушла, но в голосе ее прозвучала угроза.

Жена отца Александра со старшей дочерью Еленой решили сами пойти к сельсовету, чтобы посмотреть, что там происходит. В доме остались лишь священник и его четырехлетний сын Александр. Вскоре раздался громкий стук в дверь.

Отец Александр открыл, и сразу же дом наполнился вооруженными латышами. Они потребовали:

— Собирайтесь, вас вызывают к начальнику.

— Я не могу покинуть дом, где остается только маленький мальчик, — ответил священник.

— Но начальник не может ждать! — со злобою и угрозами приступили они. И уже сами брали и зажигали свечи потолок.

Делать нечего, да будет воля Твоя! Помолившись, отец Александр надел новую теплую рясу, шапку и вышел на улицу.

Был тихий осенний вечер, недавно выпал первый снежок, и из тьмы светом, символом земной чистоты, разливалась вокруг белизна. Держа горящие свечи, палачи вели отца Александра по направлению к сельсовету, участь его была решена. Как живого покойника, предназначенного для погребения, сопровождало его кошунственное шествие истязателей. Им хотелось надругаться над ним, осыпать насмешками, но они не смели, смутились, вьявье ощутив благодатную силу идущего рядом священника.

На пути они встретили идущего под конвоем отца Феодора, и тогда священникам объявили, что они будут сейчас казнены.

— Тогда надо помолиться, — сказал отец Александр.

— Молись, — разрешил начальник отряда.

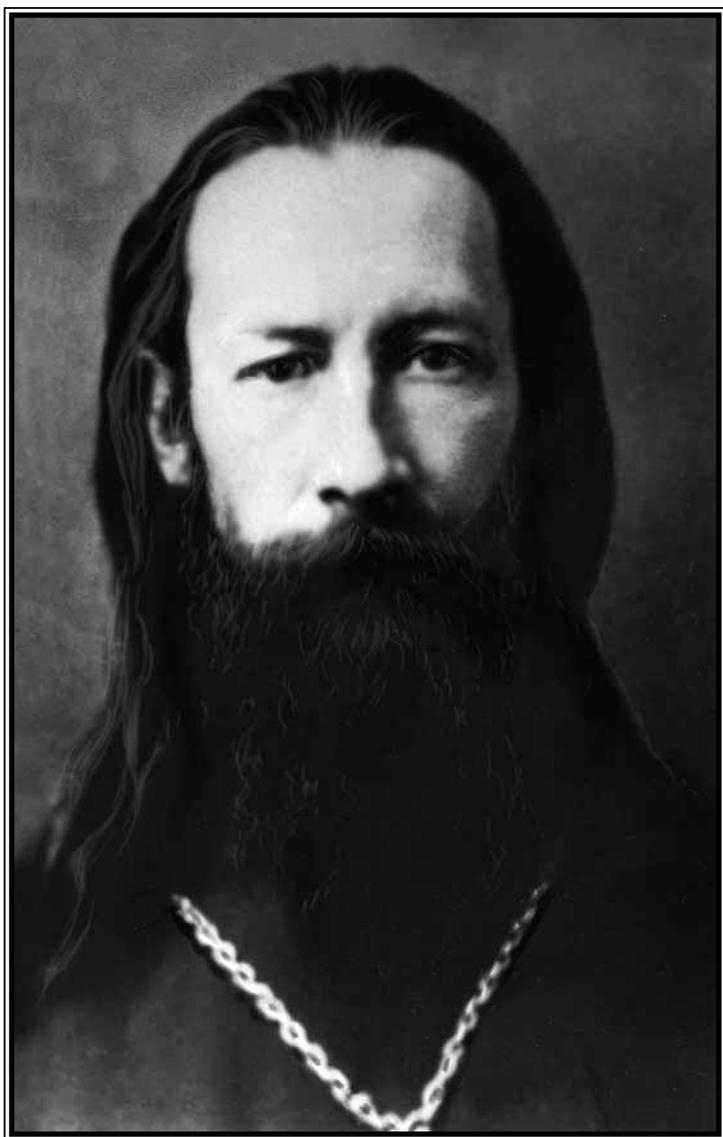
Священники, преклонив колена, стали молиться Богу. Блаженна и свята кончина мучеников, и светозарен непорочный Христов жребий. Получив уверение свыше о том, что душа его будет удостоена мученического венца, и даже о ближайшей участи палачей, отец Александр сказал:

— Я готов. Теперь делайте со мной, что хотите, но знайте, что все вы вскоре погибнете.

Только лишь он это сказал, палач взмахнул шашкой и рассек ему голову от правого виска до темени. Священник упал на колени и поднял руку для крестного знамения. Последовал второй удар шашкой. Но священник был жив. Палачи выстрелили в голову и в шею и дважды проткнули живот штыком до спины и единой поперек от бока до бока.

Но диво! Священник был силою Божией жив. Страх напал на мучителей. И тогда один из них, подойдя к отцу Александру вплотную, нанес последний удар — в сердце.

После этого палачи приступили к отцу Феодору, который стал обличать их в жестокости и убийствах. В ответ они начали бить его по лицу, и когда он упал, палач дважды выстрелил в него. Одна пуля попала в ухо, другая — в плечо. Отец Феодор был еще жив, но они не стали его добивать: таково было впечатление

Священник Александр Суиринов

от убийства безвинных священников, что каратели спешили по-кинуть скорей место казни.

Крестьянам в деревне они говорили:

— Ну и поп этот Александр, никогда еще таких мы не видели. И далее рассказали об участи, которую он им предвозвестил.

Слова отца Александра исполнились в точности. Через несколько дней весь отряд карателей был уничтожен под селом Ба-лабановым.

Свидетелями мученической кончины священников явились некие горожане, которые запаслись в деревне продуктами и собирались домой. Завидев отряд карателей, они спрятались и из укрытия наблюдали за происходящим, но как только каратели уехали, опрометью бросились бежать, лишь через некоторое время рассказав, как было дело.

На следующий день рано утром один из местных жителей при въезде в Новую Борисовку услышал стоны. Он слез с лошади и увидел лежащего на снегу отца Феодора. Неподалеку обнаружил тело отца Александра. Он объявил об этом крестьянам, но когда они пришли, отец Феодор уже скончался.

На третий день состоялось отпевание и погребение священномучеников. На похороны собралось множество народа. Сразу же после убийства власти из боязни перед народом поспешили признать священников невиновными и прислали на погребение своих представителей, которые шли среди прихожан с белым знаменем в знак невиновности мучеников.

На девятый день после кончины отец Александр явился во сне дочери Елене и повелел ей собрать оставшиеся на месте убийения косточки головы, указав ей и само место. Примерно через год после кончины он явился сыну Александру, одетый в ризы ослепительной белизны.

В двадцатых годах дом священника был сожжен. Из всего имущества уцелела среди пепелища лишь фотография отца Александра, обгоревшая по краям.

Мощи священномучеников Александра и Феодора были обретены 8 октября 1986 года, и с тех пор все прибегавшие к молит-

венной помощи священномучеников получали ее от скорых ходатаев и заступников. Священномученики Александр и Феодор были прославлены на Архиерейском Соборе 2000 года. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Высокопреосвященнейшего митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия 20 сентября 2003 года мощи священномучеников Александра и Феодора были помещены в храме Казанской иконы Божией Матери в городе Реутове, где 24 февраля 2001 года был освящен придел во имя Собора новомучеников и исповедников Российских.

ИСТОЧНИКИ:

ЦИАМ. Ф. 2090, оп. 1, д. 1.

Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 2. Тверь, 1996. С. 401–404.

Ноября 3 (16)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Сергий (Кедров)

Священномученик Сергей родился 10 августа 1880 года в деревне Константиново Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Павла Кедрова. По окончании в 1901 году Московской Духовной семинарии Сергей Павлович был направлен учителем в Старниковскую церковноприходскую школу в Бронницком уезде, где проработал до 1908 года.

5 октября 1908 года в Троицком храме села Фаустово Сергей Павлович обвенчался с Людмилой Александровной, дочерью настоятеля этого храма Александра Григорьевича Зверева.

Храм, в котором служил священник Александр Зверев, известен с XVII века и построен тщанием царя Алексея Михайловича. В этом храме служил священник Иван Афанасьев; его преемниками были священники Василий Иванов, Петр Васильев, Сергей Петров, Иван Сергеев, Филипп Иванов, Сергей Филиппов. После священника Сергея Филиппова с 1830 года в храме стал служить его зять, Григорий Афанасьевич Зверев, благодарная память о котором сохранялась среди жителей села как о священнике, много потрудившемся для благоустройства прихода. С 1870 года его место занял сын, священник Александр Григорьевич Зверев, чья дочь вышла замуж за Сергея Павловича Кедрова.

17 октября 1908 года Сергей Павлович был рукоположен во диакона, а через день, 19 октября, епископ Дмитровский, викарий Московской епархии Трифон (Туркестанов) рукоположил

Сергей Кегров

его во священника к Троицкой церкви села Фаустово Бронницкого уезда Московской губернии.

В селе было два храма: Живоначальной Троицы с верхней холодной частью и с нижней теплой – во имя Благовещения Пресвятой Богородицы; другой храм, во имя соловецких чудотворцев преподобных Зосимы и Савватия, был холодным. Приход состоял из села Фаустово и расположенной в трех верстах от него деревни Юрасово и включал в себя двести сорок восемь домов, в которых проживало около тысячи шестисот прихожан. В селе была церковноприходская школа, которой заведовал отец Сергей, в ней училось около пятидесяти мальчиков и сорока девочек. В школе отец Сергей устроил особый певческий класс, где обучались дети, способные к пению и регентскому искусству; впоследствии из них составил прекрасный церковный хор, причем они оказались настолько верны своему храму, что и во время наступивших при советской власти гонений, преследований и угроз не оставили клироса.

В 1922 году отец Сергей был арестован по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей и приговорен к пяти годам заключения в концлагере. В 1923 году власти амнистировали всех осужденных по процессам, касающимся сопротивления изъятию церковных ценностей, и отец Сергей после полутора лет, проведенных в концлагере, был освобожден и вернулся служить в Троицкий храм в селе Фаустово.

В двадцатых годах отец Сергей заболел тифом и его положили в больницу в Бронницах. Людмила Александровна спросила врача, каково состояние здоровья священника, и тот ответил, что оно безнадежно. Матушка тогда дала обет Богу, что будет в течение некоторого времени ходить по воскресным дням в село за двадцать пять километров, где в храме был чудотворный образ Иерусалимской иконы Божией Матери. Матушка усердно молилась Матери Божией, и отец Сергей выздоровел. Мать Божия спасла его тогда от смерти, сохранив для мученического венца.

За двадцать с лишним лет служения отец Сергей стал родным для своих прихожан, и они называли его Сергием Фаустовским;

*Сергей Павлович Кедроав
и его супруга Людмила Александровна. 1908 год*

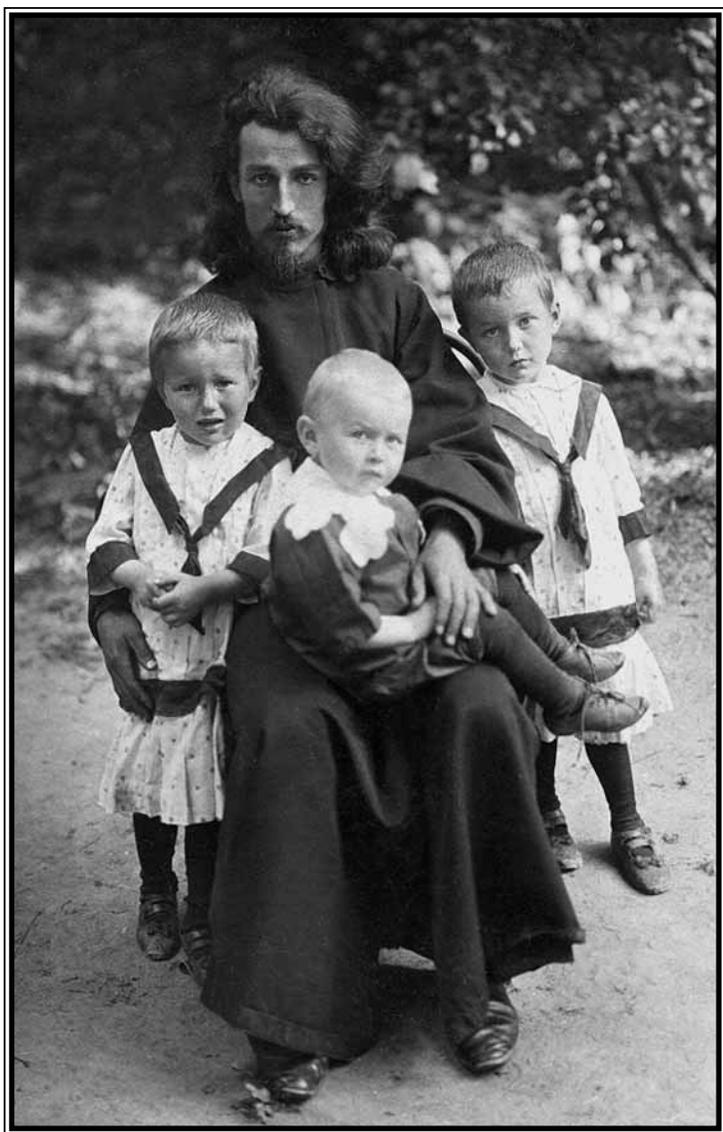

он был для них заботливым отцом и усердным попечителем о спасении их душ. По большим праздникам священник посещал с молебнами дома всех сельчан; заходя к бедным прихожанам, он старался незаметно оставить в их доме милостыню. Однажды, отслужив молебен в доме, где жили сироты, он достал из кармана деньги и положил незаметно под блюдечко, а псаломщику, служившему с ним, тихонько сказал: «Не обижайся, это я свои деньги положил».

За усердное и ревностное служение отец Сергей к Пасхе 1929 года был возведен в сан протоиерея и назначен благочинным 6-го округа Бронницкого уезда. Это был первый священник, награжденный саном протоиерея за всю историю существования храма в Фаустове. 19 апреля 1932 года отец Сергей был награжден крестом с украшениями.

Он был усердным проповедником и неопустительно говорил на каждом богослужении поучения — ясные, конкретные и простые. Например, причастившимся Святых Христовых Тайн он в проповеди сказал: «Приняв таинство, что мы получаем и что должны далее делать? В этих таинствах мы получаем прощение грехов, примираемся с Богом, делаемся достойными получать от Него всякие милости и помощь Его. Получаем, и даже часто сами чувствуем силу, которая нас укрепляет как в обыкновенных делах, так, в особенности, и в духовных. Мы более охотно покоряемся воле Божией, переносим разные житейские невзгоды, становимся более твердыми, чтобы устоять против греха. Молитва тоже бывает более чиста и более усердна. Надежда на Бога тоже укрепляется, и нас уже не так пугают всякие незадачи и бедствия.

Поэтому, получив в этих таинствах помощь и укрепление духовных сил своих, мы не должны успокаиваться на том, будто нами все сделано и можно совсем забыть о посте, молитве и добродетелях. Нет, наоборот. Получив подкрепление в этих таинствах, мы должны со свежими силами идти далее по пути спасения. Раз мы раскаялись в своих грехах и дали обещание оставить их, то и должны более твердо стоять против грехов. Мы часто, раскавав-

Священник Сергей Кедров с детьми.
Дети (с.лева направо): Любовь, Александр, Валентина

шись и дав обещание бросить свои грехи, тут же опять их начинаем сначала. Почему так бывает? А потому, что думаем, что отгосвели, можно теперь и отдохнуть. Нет, напротив. После покаяния надо приносить, по возможности, благие плоды, то есть за каждый грех нести какое-нибудь наказание, за каждое такое дело делать какое-нибудь добро. Например, если ты имеешь привычку осуждать, гневаться, обижать, то впредь положи себе за правило, чтобы за каждый гнев, за каждую обиду и пересуд класть хотя бы по одному или несколько поклонов. Если ты имеешь привычку ругаться неподобными словами, в особенности при детях, которые невольно запоминают все эти матерные слова и с малых лет часто перегоняют в этом искусстве своих родителей, то, если желаешь бросить этот грех и совсем отстать от него, опять дай себе правило — за каждое матерное ругательство класть один или несколько поклонов. Так в борьбе со всяким грехом можно с успехом пользоваться таким способом.

Конечно, может, кто скажет: все равно ничего не выйдет. Очень просто сказать, что ничего не выйдет. А может быть, что-нибудь и выйдет. В прошлый год не бросил грехов, может быть, в нынешнем году бросишь. Если всех грехов не бросишь, то хотя бы один какой-нибудь грех победишь и бросишь. Ведь если не брать совсем книжки в руки, то, конечно, и читать никогда не выучишься.

Без труда ничего не сделаешь. По словам Спасителя, Царство Божие усилием приобретается и только усердные искатели входят в него.

Притом если при всех твоих усилиях ты не отстанешь от худой какой-нибудь привычки, то и это одно уже хорошо, что ты трудился. Только не переставай трудиться — если не нынче, то завтра, рано или поздно Господь поможет тебе победить грех твой, только молись Ему усердно. Господь знает нашу человеческую слабость, потому терпит нас и прощает нам бесконечное число раз.

Конечно, Бог не будет прощать нам, если мы не желаем и палец о палец ударить для Царства Небесного.

Итак, раскаявшись во грехах, будем по силам нашим приносить плоды, достойные покаяния, чтобы покаяние наше было искреннее, а не простая формальность».

Сотрудники НКВД арестовали священника 25 октября 1937 года, в ночь под празднование чтимой в этих местах Иерусалимской иконы Божией Матери, перед которой когда-то молилась его матушка, прося исцеления отцу Сергию от смертельной болезни. Накануне праздника протоиерей Сергей отслужил всенощную, а около двух часов ночи его пришли арестовывать председатель Фаустовского сельсовета и участковый милиционер. Они постучались. Отец Сергей вышел на крыльцо и поздоровался с ними.

— Ну, давайте собирайтесь, — сказал милиционер.

— Вы извините, но я еще не готов, сейчас я приготовлюсь, — сказал священник. — Подождите здесь, дайте мне Богу помолиться.

И таково было уважение и любовь народа к священнику, что даже представители местных властей не вошли в дом, не стали устраивать обыск, но терпеливо ждали, когда пастырь выйдет, чтобы исполнить приказ об аресте.

Отец Сергей долго и усердно молился и наконец, причастившись Святых Христовых Тайн, вышел к ним.

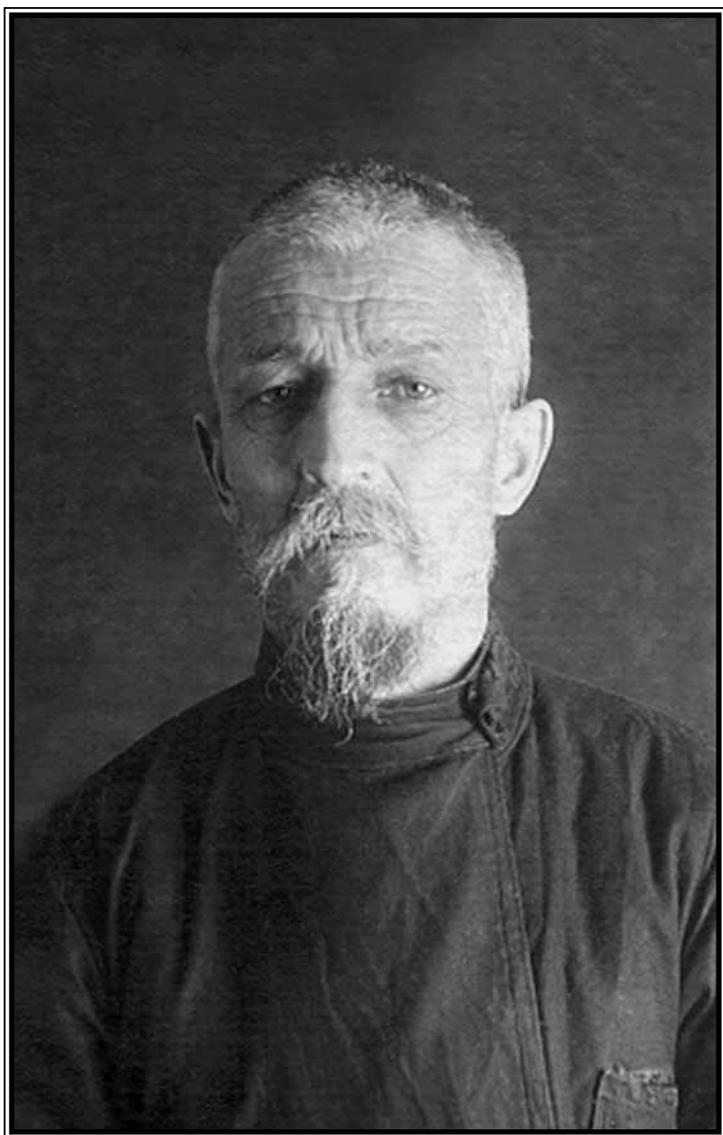
На следующий день верующие пришли на литургию и узнали, что церковь закрыта, а священник арестован.

Протоиерей Сергей был заключен в тюрьму в городе Коломне. На допросе он все воздвигнутые против него обвинения отверг.

— Дайте показания о своей антисоветской деятельности! — потребовал от него следователь.

— По этому вопросу дать показания не могу, так как никакой антисоветской деятельностью я никогда не занимался, — ответил отец Сергей.

В поисках доказательств вины священника следователь стал вызывать на допросы жителей села. Одна из женщин показала, что хорошо знает священника, как проживающего в селе с давних

Протоиерей Сергей Кедров

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

лет. Сама она в храме в селе Фаустово за весь 1937 год была всего один раз на праздник Успения Пресвятой Богородицы. В тот день отец Сергей сказал проповедь, как он и всегда говорил, и в особенности в большие праздники. Он призывал укреплять веру, чаще ходить в храм, не забывать Бога. В заключение своей проповеди он сказал: «Православные, не забывайте православную веру и Церковь, ходите чаще в храм и молитесь Богу. Святые угодники и раньше жили в тяжелых условиях, но переносили все в надежде на милость Божию». Дом священника, показала свидетельница, расположен неподалеку от колхозного двора, и однажды в присутствии колхозников отец Сергей сказал, что, мол, много пишут и говорят о колхозах, что они улучшают материальное благосостояние колхозников, но в действительности дело обстоит не так, жизнь колхозников с каждым годом становится все хуже; по видимому, со временем колхозы изживут себя.

Этим и ограничились все доказательства обвинения, которые удалось собрать против священника.

15 ноября тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу. Протоиерей Сергей Кедров был расстрелян на следующий день, 16 ноября 1937 года, и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19143.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 259–270.

Ноября 3 (16)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

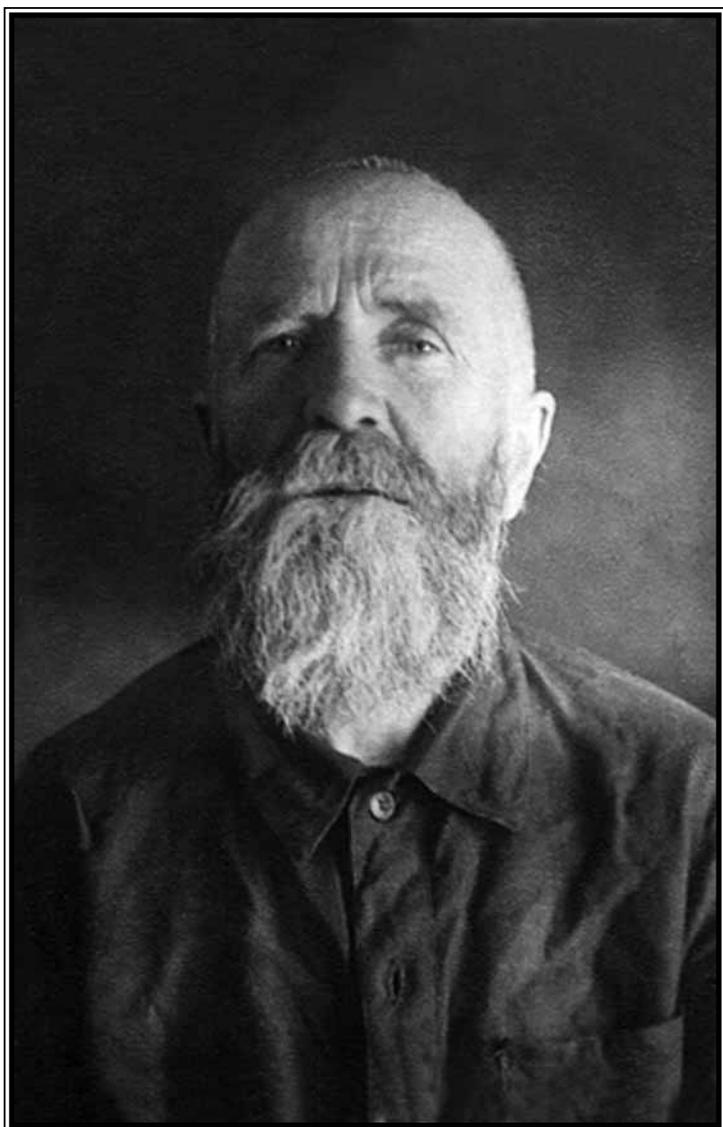
Викентий (Смирнов)

Священномученик Викентий родился в 1881 году в селе За-
семенье Клинского уезда Московской губернии в семье диакона
Михаила Смирнова. Образование получил в Духовной семина-
рии и был рукоположен в сан священника. Детей у них с супругой
Евдокией Ивановной не было. За долгую и безупречную службу
отец Викентий был возведен в сан протоиерея и в 1930 году на-
значен настоятелем храма в поселке Химки, неподалеку от Моск-
вы.

26 октября 1937 года, в период самых жестоких гонений на
Православную Церковь, протоиерей Викентий был арестован и
заключен в камеру при Красногорском районном отделении ми-
лиции.

Лжесвидетели показали о протоиерее Викентии, будто он го-
ворил, что советская власть всех порядочных людей обездолила.
Ведь духовенство — это цвет нации, а сейчас у власти сидят не
разберешь кто и ворочают как им вздумается. Как бы большеви-
ки ни старались уничтожить веру в Бога, все-таки это им не
удастся, у меня в церкви всегда народу битком, наше дело не сов-
сем еще потеряно, и мы должны сделать так, чтобы православная
вера не пошатнулась. Правда, жить стало трудно, ну что ж, Бог
терпел, и мы будем терпеть в ожидании будущего.

Допрашивая священника на следующий день после ареста,
следователь сказал:

Протоиерей Всеволод Свиридов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

— Следствием установлено, что вы, будучи контрреволюционно настроены, среди окружающих проводили контрреволюционную агитацию. В частности, вы говорили, что советская власть измучила крестьян своими колхозами, превозносили духовенство и охаивали советскую власть и коммунистов.

— Никогда никаких разговоров против советской власти и колхозов я не вел, все это я отрицаю, это наговорено на меня по злобе.

И далее на все вопросы отец Викентий отвечал:

— Ничего подобного я никогда и нигде не говорил, даже газет и тех я не читаю.

На этом допросы были закончены. 14 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Викентий Смирнов был расстрелян 16 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Супруге священника Евдокии Ивановне в то время сказали, что ее муж приговорен к многолетнему заключению. 19 ноября она написала начальнику НКВД Берия заявление, в котором просила пересмотреть «дело» мужа: «Я считаю, что дело его тройка не разбирала, а постановляла, а потому я не знаю причину ареста и столь строгого наказания, и сам арестованный вряд ли знает причину столь тяжкого наказания и поспешной его высылки. Еще раз прошу вас пересмотреть его дело...» Ответа на это письмо она не получила, да и не могла получить.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20627.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 271–272.

Ноября 3 (16)

С В Я Щ Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Владимир (Писарев)

Священномученик Владимир родился 11 июля 1881 года в селе Костино Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника Александра Писарева, настоятеля храма Тихвинской иконы Божией Матери. После смерти отца мать, Серафима Федоровна, стала просфорницей в этом храме.

В 1911 году Владимир Александрович женился на дочери священника Феодора Архангельского Олимпиаде. Позже ее отец переехал в Москву и служил в храме Смоленской иконы Божией Матери.

В 1911 году Владимир Александрович был рукоположен во диакона ко храму Тихвинской иконы Божией Матери в селе Костино.

У отца Владимира с супругой было трое детей — двое сыновей и дочь, которых они воспитывали в вере и благочестии. Старший сын в пять лет уже читал шестопсалмие и впоследствии стал прекрасным знатоком церковного Устава, и к нему многие обращались за советом.

Последствия гонений на Русскую Православную Церковь затронули и отца Владимира. Его хозяйство было разрушено, и он, как священник, был лишен гражданских прав. Приход был небольшой и бедный, и отцу Владимиру приходилось много работать самому, чтобы прокормить семью. Часто он вставал в четыре утра, работал в поле, а потом шел служить.

Протоиерей Владимир Тисарев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

В 1930 году отец Владимир был рукоположен во иерея, в 1937 году стал протоиереем. В это время ему приходилось также окормлять приход соседнего села Горки.

Отца Владимира арестовали 27 октября 1937 года по обвинению в контрреволюционной деятельности и заключили под стражу в Таганскую тюрьму. Обвинения в контрреволюционной деятельности он не признал.

15 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Владимира к расстрелу. Протоиерей Владимир Писарев был расстрелян 16 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

После ареста священника храм в селе Костино закрыли, а дом сожгли, и вдова с детьми вынуждена была искать приюта у родственников.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-20750.

ЦГАМО. Ф. 66, оп. 25, д. 119, д. 180.

Дубинский А.Ю. Вифанская духовная семинария.

Алфавитный список выпускников 1901–1917 годов
(краткий генеалогический справочник). «Прометей». М., 1999.

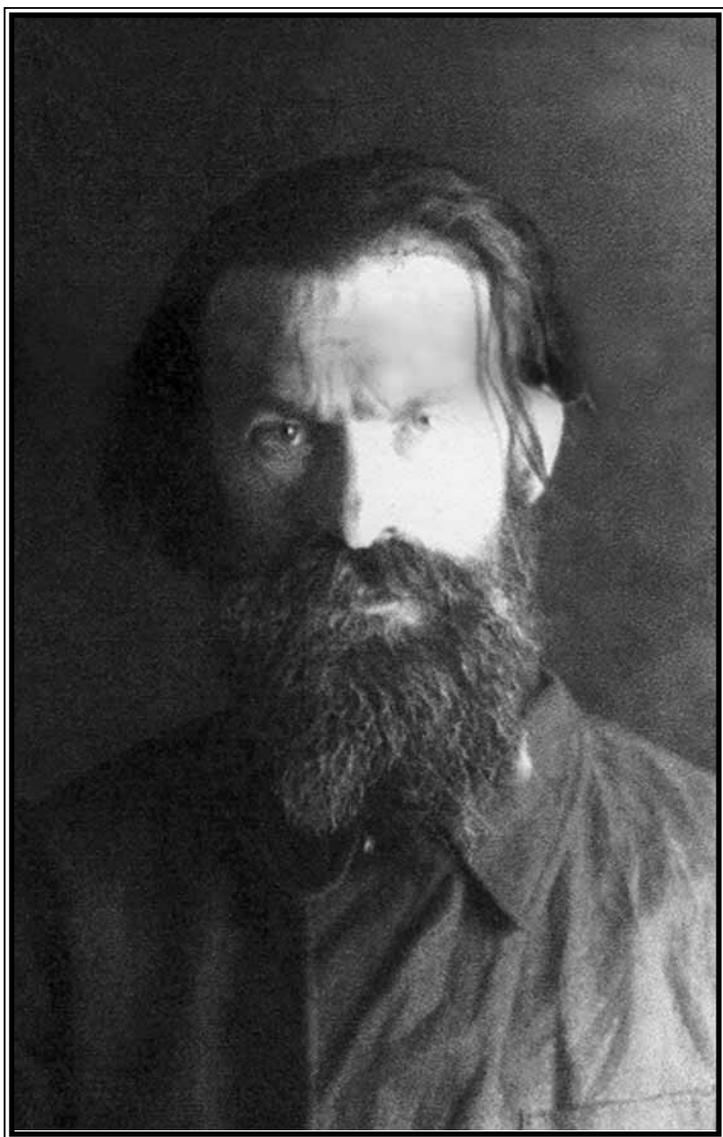
Ноября 3 (16)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Александр (Парусников)

Священномученик Александр родился 24 ноября 1891 года в селе Алешино Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника Николая Васильевича Парусникова. Это была православная семья, и неудивительно, что Александр Парусников избрал именно священническое служение. Перед ним был пример его отца, дяди, священника Иоанна Парусникова, и старшего брата Николая, который учился в Вифанской Духовной семинарии. Александр окончил Рижское Духовное училище и в августе 1907 года также поступил в Вифанскую семинарию. Успешно окончив ее в 1913 году, 8 мая он был посвящен в стихарь и вскоре рукоположен во диакона и во священника.

Незадолго до этого Александр Николаевич женился на дочери протоиерея Иоанна Муравьева Александре. Протоиерей Иоанн состоял инспектором школ Дмитровского уезда и был известен своей благотворительностью. Он часто устраивал детские праздники, содержал стол для бедных, и паства его очень любила. Он умер на Рождество после литургии. Хоронить его собрался весь город. Оба брата Александры Ивановны также были церковнослужителями, один – в сане священника, другой – псаломщика. В Дмитрове Александра Ивановна окончила гимназию. Трудно было найти лучшую спутницу жизни, с детства впитавшую христианские идеалы милосердия и самоотверженного служения.

Протоиерей Александр Карусников

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

В 1914 году отец Александр Парусников был назначен настоятелем храма в селе Большое Ивановское Бронницкого уезда. Молодая семья переехала на новое место, где им предстояло жить ближайшие десять лет. В те годы Александра Ивановна работала учителем в сельской школе. У супругов родилось трое детей. Растить их помогала няня Прасковья. После революции Парусниковы не смогли платить ей жалованье, но она, привязавшись к этим добрым людям, сказала лишь: «И не надо, только не гоните» — и осталась в семье.

Отец Александр часто служил, духовно окормляя многочисленную паству, однако революция 1917 года оборвала мирное течение жизни прихода. Последствия войны, голода, произвола властей испытала на себе и семья Парусниковых. Так, в 1918–1921 годах отца Александра периодически привлекали к тыловым работам, а в начале 1920-х их с супругой лишили избирательных прав, что означало в те годы лишение и гражданских прав.

В 1924 году отец Александр был назначен настоятелем Знаменского (с приделом в честь святых мучеников Космы и Дамиана) храма в селе Кузьминское Михневского района Московской области. Сюда, поближе к сыну, из села Алешино перебрались и родители отца Александра (отец Николай Парусников до самой смерти служил в храме села Хонятино Глебовской волости Коломенского уезда и вместе с женою был похоронен около Знаменского храма села Кузьминское). В Кузьминском у отца Александра с супругой родилось еще трое детей.

Будучи настоятелем Знаменского храма, отец Александр был возведен в сан протоиерея и назначен благочинным Михневского района. Духовный рост священника по-своему отметили и власти: в декабре 1929 года он по обвинению в контрреволюционной деятельности был арестован Серпуховским окружным отделом ОГПУ и содержался под стражей в течение месяца.

В это время в стране развернулось колхозное строительство. Хотя семья Парусниковых и была лишена земли, лошади и сельскохозяйственного инвентаря, но на многочисленные вопросы

прихожан, идти ли им в колхоз, отец Александр отвечал, что «жить и работать надо при любой власти», и благословлял вступать в колхоз.

В 1934 году многодетную семью Парусниковых выселили из дома, который к этому времени стал принадлежать колхозу. Сначала их переселили на кухню, а в остальной части дома устроили колхозный клуб, а потом и совсем выбросили на улицу. В этот тяжелый момент Парусниковых приютила прихожанка храма Наталья Николаевна Демидова. Они прожили у нее зиму, потом продали корову и на вырученные деньги построили деревянный дом. Большой семье было очень трудно прокормиться без коровы, и чтобы выжить, они купили теленка и вырастили его.

Служение отца Александра в 1930-е годы можно без преувеличения назвать пастырским подвигом. Несмотря на непосильные налоги, преследования со стороны властей, отсутствие клира (единственный псаломщик – Александр Васильевич Протопопов не вынес этих трудностей и ушел в сапожники), отец Александр регулярно совершал богослужения. Часто ему приходилось служить одному в пустом храме. В 1930-х годах храм ограбили – украли серебряные сосуды. После этого случая батюшка стал забирать сосуды домой. Наступление на храм продолжалось, и уже незадолго до закрытия, примерно в 1935–1936 годах, с него были сброшены колокола.

Отец Александр как благочинный много ездил по селам района. В те годы большинство храмов было закрыто, и он духовно окормлял эти приходы. Так, в 1930 году был арестован его близкий друг – протоиерей Павел Смирнов, настоятель храма в селе Ильинское, и отец Александр стал регулярно служить и там. Как позднее отметил в характеристике Парусникова председатель сельсовета Муравьев, «Парусников работает священником селения Кузьминское-Ильинское, обслуживает весь Барыбинский район».

Волна репрессий 1937–1938 годов не могла обойти стороной такого ревностного пастыря, как отец Александр. Однако перед арестом органы безопасности решили склонить его к сотрудни-

честву. За две недели до ареста отца Александра забрали в НКВД и предложили стать осведомителем. Он решительно отказался, хотя прекрасно сознавал, к каким это приведет последствиям. Когда сотрудники НКВД пришли с ордером на арест, отца Александра дома не оказалось — он поехал прощаться с сестрами, поэтому арестовали его утром на следующий день — 30 октября 1937 года, в праздник святых мучеников Космы и Дамиана.

На допросах 30, 31 октября и 13 ноября следователи пытались добиться от него признания в контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации. Стойко и мужественно держась на допросах и никого не оговорив, отец Александр не признал себя виновным ни по одному пункту обвинения. «Я говорил только о том, что надо молиться Богу и быть честным тружеником», — сказал он.

14 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. Протоиерей Александр Парусников был расстрелян 16 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 70327, д. П-18808.

ЦИАМ. Ф. 427, оп. 1, д. 4148.

ЦГАМО. Ф. 66, оп. 11, д. 220; оп. 25, д. 116, д. 146, д. 189.

РГИА. Ф. 831, д. 237.

Ноября 3 (16)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Василий (Архангельский)

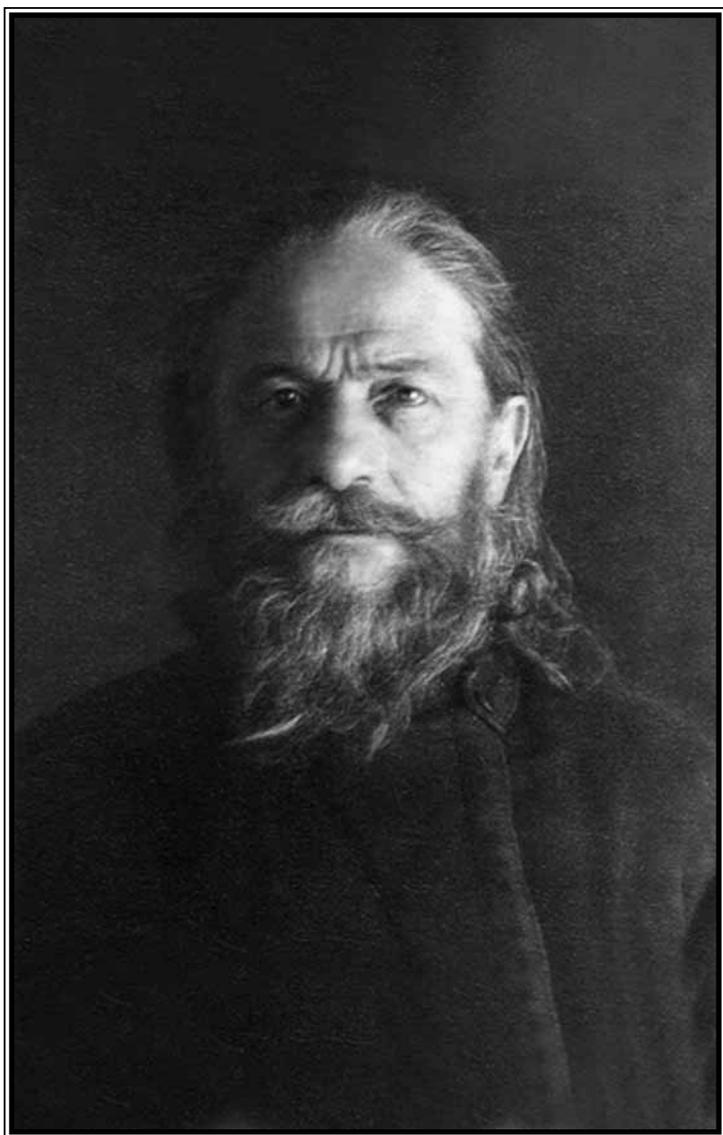
Священномученик Василий родился 20 января 1874 года в селе Русалкино Тульской губернии в семье диакона Михаила Архангельского. Окончил Тульскую Духовную семинарию и женился. Впоследствии у них с супругой родилось шестеро детей. Василий Михайлович был рукоположен в сан священника. В последние годы перед арестом служил в храме села Люблино Каширского района Московской области.

В начале тридцатых годов власти, намереваясь закрыть храм и изгнать священника из прихода, предложили ему уплатить налог в виде сельскохозяйственной продукции. Отец Василий не смог этого сделать и в 1931 году был приговорен к трем годам ссылки. Видя свою абсолютную невиновность и несправедливые и незаконные действия местных властей, отец Василий подал прошение о пересмотре дела, и областным судом был оправдан.

27 октября 1937 года власти вновь арестовали священника. Сразу же начались допросы. Его обвиняли в контрреволюционной антисоветской деятельности. Отец Василий виновным себя не признал.

— Следствию известно, что вы вели контрреволюционную агитацию среди населения об уничтожении коммунистов и обязательном посещении детьми церкви, — сказал следователь.

— Я агитации об уничтожении коммунистов никогда не вел. С некоторыми женщинами в церкви я говорил и спрашивал их,

Священник Василий Архангельский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

приучают ли они своих детей молиться, а также и своих родственников, — ответил священник.

14 ноября тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Василий Архангельский был расстрелян через день, 16 ноября 1937 года, и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20628.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 7. Тверь, 2002. С. 176–177.

Ноября 3 (16)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

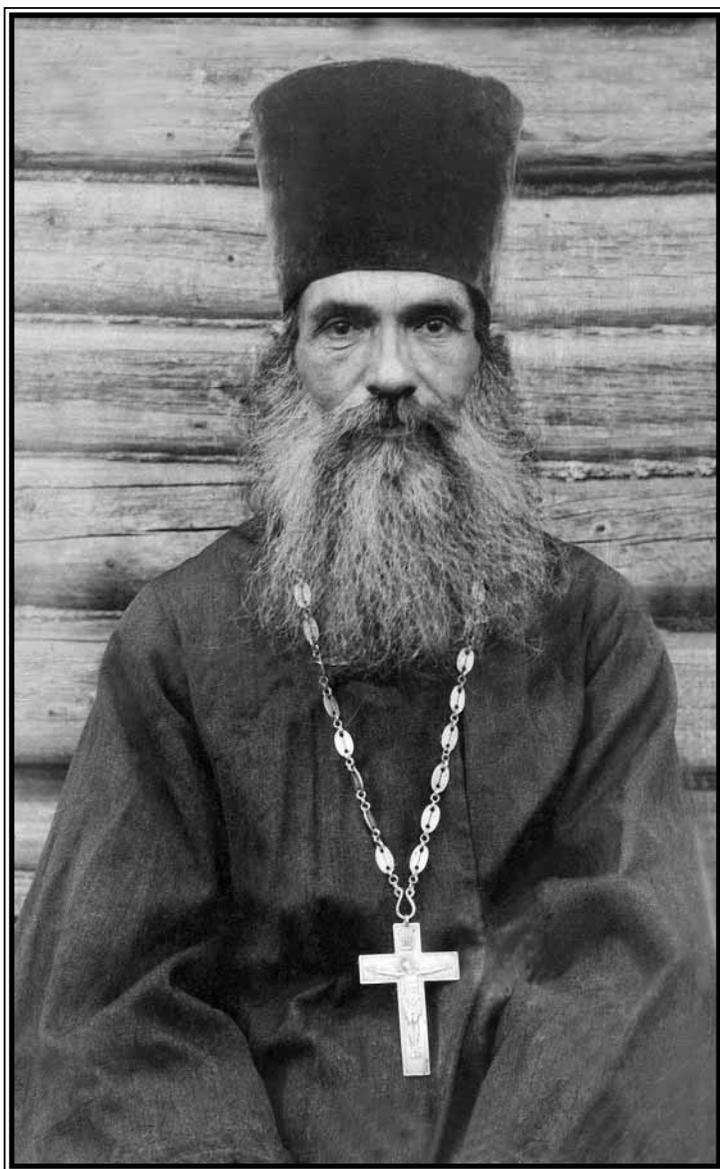
Василий (Покровский)

Священномученик Василий родился 26 июля 1875 года в селе Голоперово Переяславльского уезда Ярославской губернии в семье диакона Василия Покровского. Окончил Владимирскую Духовную семинарию и женился на дочери священника Петра Ефимовича Соколова Клавдии. Вскоре после этого Василий Васильевич был рукоположен в сан священника и стал служить в храме села Гольцово. У них с женой родилось трое детей — сын и две дочери.

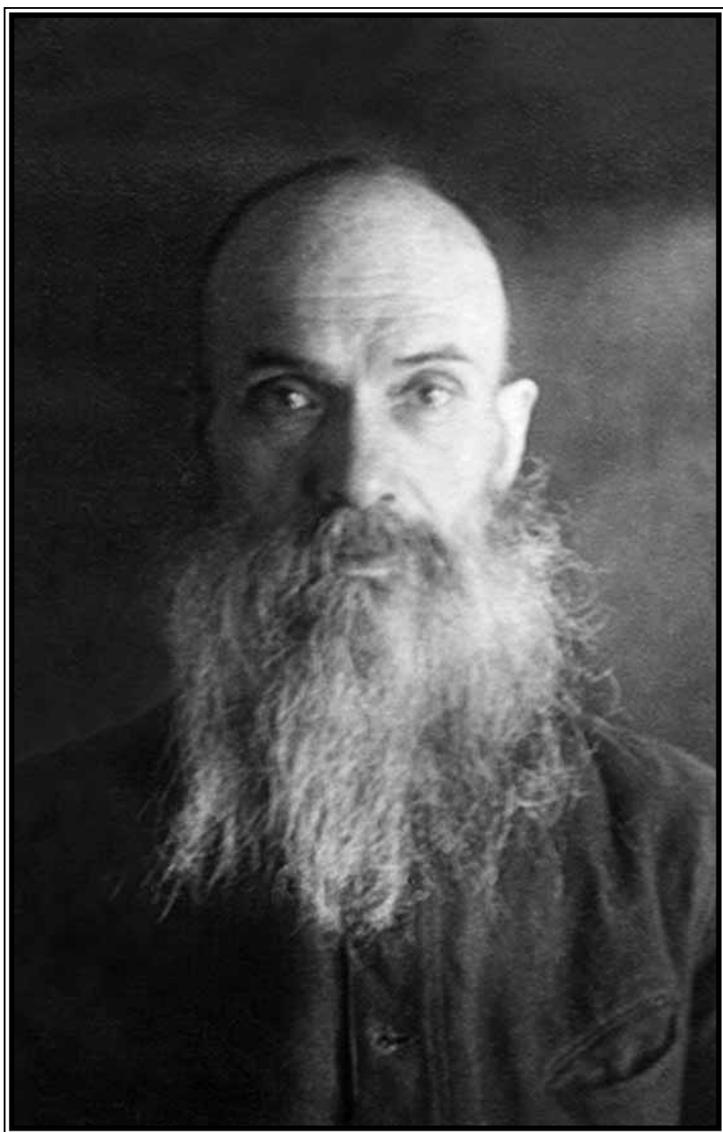
В 1929 году дом и все имущество священника было описано и конфисковано властями, но затем часть вещей была возвращена. В тридцатых годах отец Василий служил в храме в селе Пустое Рождество Московской области Константиновского района.

Отца Василия арестовали в церкви во время службы в день празднования иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», 6 ноября 1937 года. После ареста он был заключен в тюрьму в городе Загорске. На допросах на требования следователей признать свою вину отец Василий отвечал: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении в распространении провокационных слухов о войне и высказывании террористических настроений по адресу коммунистов среди населения я не признаю. Больше показать ничего не могу».

В тот же день следствие было закончено и его материалы переданы на рассмотрение тройки НКВД, но после этого следователь снова допросил священника.

Священник Василий Покровский

Священник Василий Покровский

Москва. Таганская тюрьма. 1937

– Признаете себя виновным в том, что вели антисоветскую агитацию? – спросил он.

– Нет, не признаю, – ответил священник.

Через неделю после ареста, 14 ноября 1937 года, тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Священник Василий Покровский был расстрелян 16 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19202.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 273–277.

Ноября 3 (16)

С В Я Щ Е Н Н О М У Ч Е Н И К

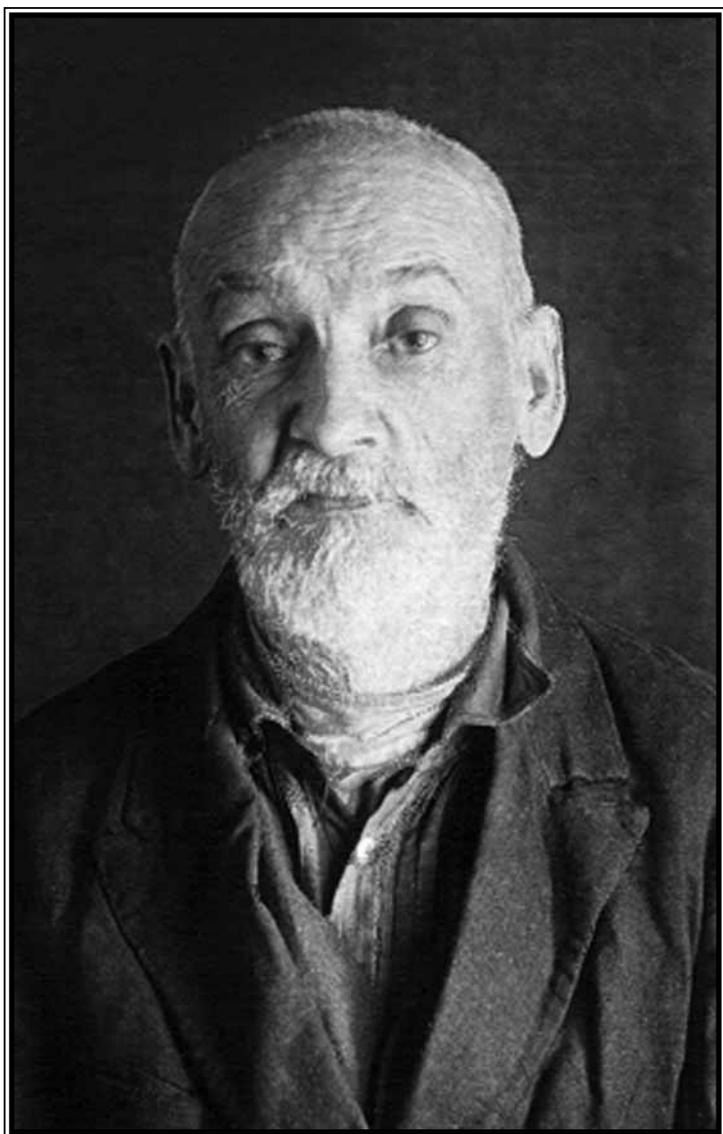
Петр (Орлинок)

Священномученик Петр родился 25 декабря 1876 года в селе Воскресенском Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Измаила Орлиноква.

Петр Измаилович в 1890 году окончил Донское Духовное училище, в 1896 году – Московскую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. Служил в храмах Московской епархии. В 1930 году он был назначен служить в Воскресенский храм в село Кондреево Коломенского района. В июле 1937 года церковь под предлогом будто бы плохого состояния здания была закрыта.

28 октября 1937 года отец Петр был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и заключен в тюрьму в городе Коломне. Были вызваны лжесвидетели. Одна из вызванных женщин сказала: «26 сентября Орлинок среди населения возле церкви говорил: “Вот, граждане, советская власть заставляет меня ходить с сумой. Под предлогом непригодности церкви ее закрыли, а мы на это смотрим спокойно. Мы забываем новую конституцию, согласно которой сейчас можно делать свои дела”».

– По имеющимся у нас сведениям нам известно о том, что вы среди населения деревень Селькино, Кондреево и других ведете резкую контрреволюционную агитацию. Признаете себя виновным в этом? – спросил священника следователь.

Священник Петр Орликов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

— В проведении контрреволюционных разговоров я себя виновным не признаю, никаких контрреволюционных разговоров я не вел, — ответил отец Петр.

15 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Петр Орлинков был расстрелян на следующий день, 16 ноября 1937 года, и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 19219.

ЦИАМ. Ф. 234, оп. 1, д. 2095.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 278–279.

Ноября 3 (16)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К И

Иоанн (Кесарийский)

Петр (Косминков)

Симеон (Кречков)

Во время гонений на Русскую Православную Церковь было, что воинствующие безбожники арестовывали не только священника, но и весь клир, а также членов церковного совета из числа наиболее активных мирян, как это произошло в селе Быково Раменского района. Здесь были арестованы священники Иоанн Кесарийский и Петр Косминков, диакон Симеон Кречков, староста храма Евдокия Сафронова, а также члены церковного совета Петр Пискарев-Молоков и Александр, Екатерина и Дмитрий Чиликины.

Они были арестованы в течение трех дней – с 1 по 3 ноября 1937 года – и заключены в Таганскую тюрьму в Москве.

Священномученик Иоанн родился 30 января 1878 года в селе Одишево Кинешемского уезда Костромской губернии в семье священника Никанора Кесарийского. Окончил Духовную семинарию и в 1903 году – Московскую Духовную академию. В 1904 году он был рукоположен в сан священника и служил в храмах

Московской епархии, в последнее время – в храме Владимирской иконы Божией Матери в селе Быково.

Допросы начались в день ареста. Следователь спрашивал, с кем священник знаком. Отец Иоанн отвечал, что знает служащего с ним священника и диакона, старосту храма и некоторых членов церковного совета, с которыми если встречался и беседовал, то исключительно на церковные темы.

Следователь не удовлетворился этим ответом, и допрос продолжился на следующий день.

– Вы один из организаторов церковной группы в селе Быково, – обратился следователь к священнику, имея в виду то, что тот был настоятелем храма, – назовите, кто входит в состав данной группы.

– Это мне неизвестно, и организатором группы я не являюсь, – ответил священник.

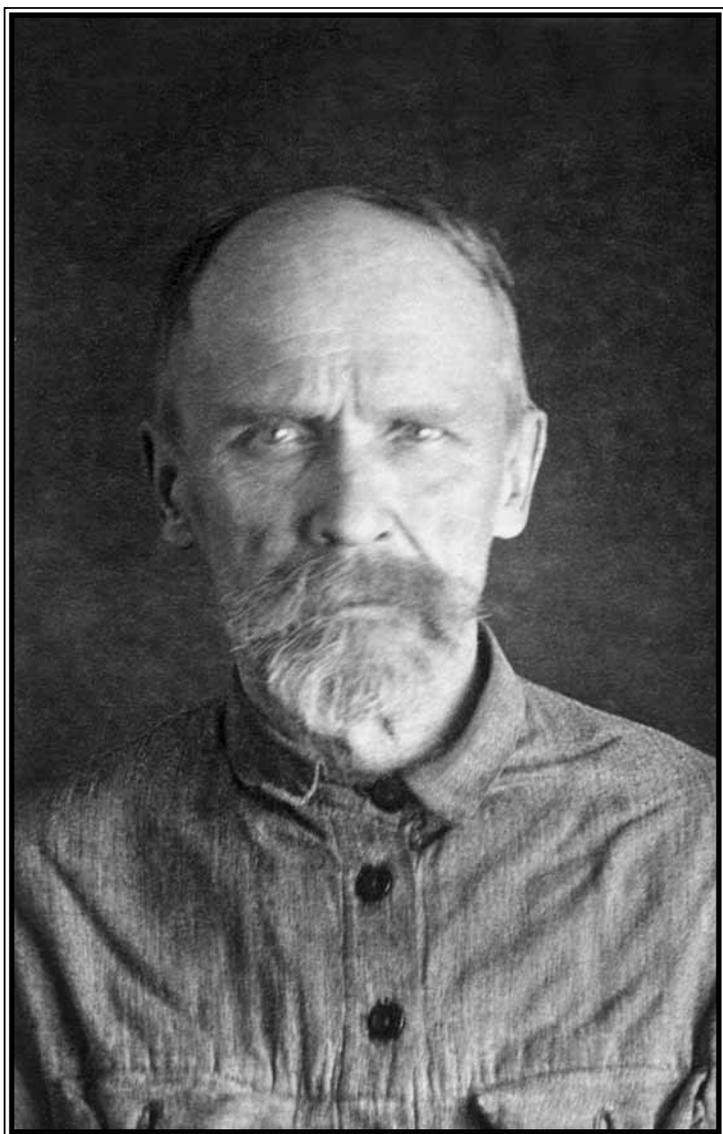
– Где происходили нелегальные собрания контрреволюционной группы церковников села Быково?

– Это мне неизвестно, так как на нелегальных собраниях я не присутствовал.

Следователь потребовал от священника, чтобы тот признал себя виновным в том, будто он обсуждал вопрос о совершении террористического акта по отношению к председателю колхоза. Священник это обвинение отверг.

– Известно, – продолжал спрашивать следователь, – что вы распространяли клевету о советской власти и колхозах. Подтверждаете вы это?

– Контрреволюционной клеветы о советской власти я никогда не высказывал и не распространял. Меня могли неправильно понять, когда я однажды в церковной сторожке за чаем рассказывал случай, о котором было напечатано в газете, как в один колхоз приехал председатель райисполкома, зашел на конюшню, увидел худой хомут, надел его на шею колхознику и сказал: «Вы раньше ходили в хомуте и теперь будете ходить в хомуте». Причем этот случай я рассказал как случившийся факт, без всякой клеветы на колхозы.

Священник Иоанн Кесарійскій

Москва. Таганская тюрьма. 1937

– Дайте показания о контрреволюционной деятельности каждого участника контрреволюционной группы церковников села Быково, – потребовал следователь.

– О контрреволюционной деятельности церковников села Быково мне неизвестно, и участников данной группы я не знаю, – ответил священник.

На этом допрос был закончен.

Священномученик Петр родился 4 января 1887 года в селе Пархино Подольского уезда Московской губернии в семье Василия Петровича Косминкова, служившего псаломщиком в Троицкой церкви в этом селе. Петр Васильевич в 1901 году окончил Перервинское Духовное училище, в 1907 году – Московскую Духовную семинарию и был направлен работать учителем. В 1910 году он был рукоположен в сан священника и служил в храмах Московской епархии, с 1918 года – в храме Владимирской иконы Пресвятой Богородицы в селе Быково.

– Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, дайте показания по этому вопросу, – потребовал следователь.

– Никогда контрреволюционной деятельности я не вел и вести не мог, – ответил священник.

– Вы один из организаторов контрреволюционной группы церковников, назовите ее участников.

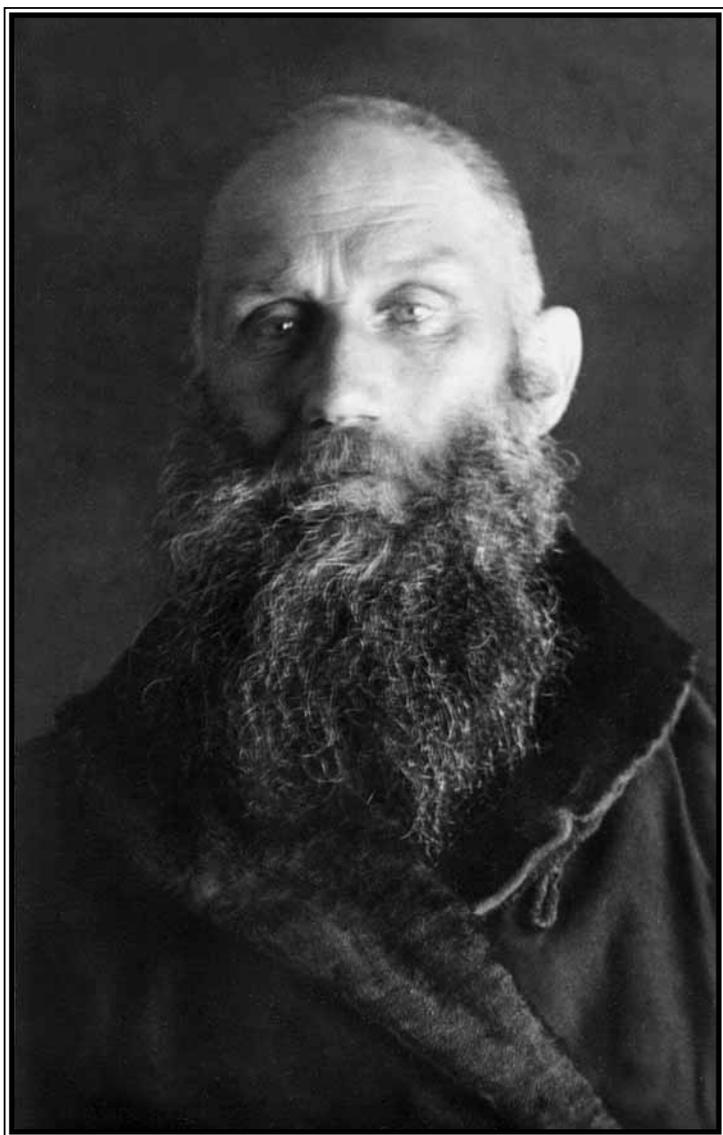
– Никаким организатором контрреволюционной группы я не являюсь и участников никого не знаю.

– Где проводились нелегальные собрания контрреволюционной группы церковников?

– Нелегальных собраний контрреволюционной группы никогда не было, и мне неизвестно о ее существовании, но члены церковного совета собирались, собирались они главным образом в церкви.

– Какие вопросы обсуждались на нелегальном собрании церковников?

– Собрания актива церковников, проводимые в церкви, были

Священник Петр Косминков

Москва. Таганская тюрьма. 1937

всегда легальными, и вопросы на них обсуждались исключительно хозяйственного значения, касающиеся церкви.

— Следствию известно, что на нелегальном собрании контрреволюционной группы церковников обсуждался вопрос о совершении террористического акта против председателя колхоза... Подтверждаете вы это?

— Не подтверждаю.

— Дайте показания о контрреволюционной деятельности каждого участника группы церковников.

— Я уже показал, что о существовании контрреволюционной группы церковников мне неизвестно, а потому мне неизвестно и о контрреволюционной деятельности каждого участника.

Священномученик Симеон родился в 1876 году в селе Понизовье Верейского уезда Московской губернии в семье псаломщика Николая Кречкова. Образование получил в Перервинском Духовном училище, а затем в Московской Духовной семинарии, которую окончил в 1900 году. Сначала работал учителем, а в 1903 году был рукоположен в сан диакона ко храму Владимирской иконы Пресвятой Богородицы в селе Быково, где и служил до ареста в 1937 году.

— Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Дайте показания по этому поводу.

— Я никакой контрреволюционной деятельности не вел и не веду, а поэтому показаний дать не могу.

— Вы участник контрреволюционной группировки в селе Быково. Назовите всех ее участников.

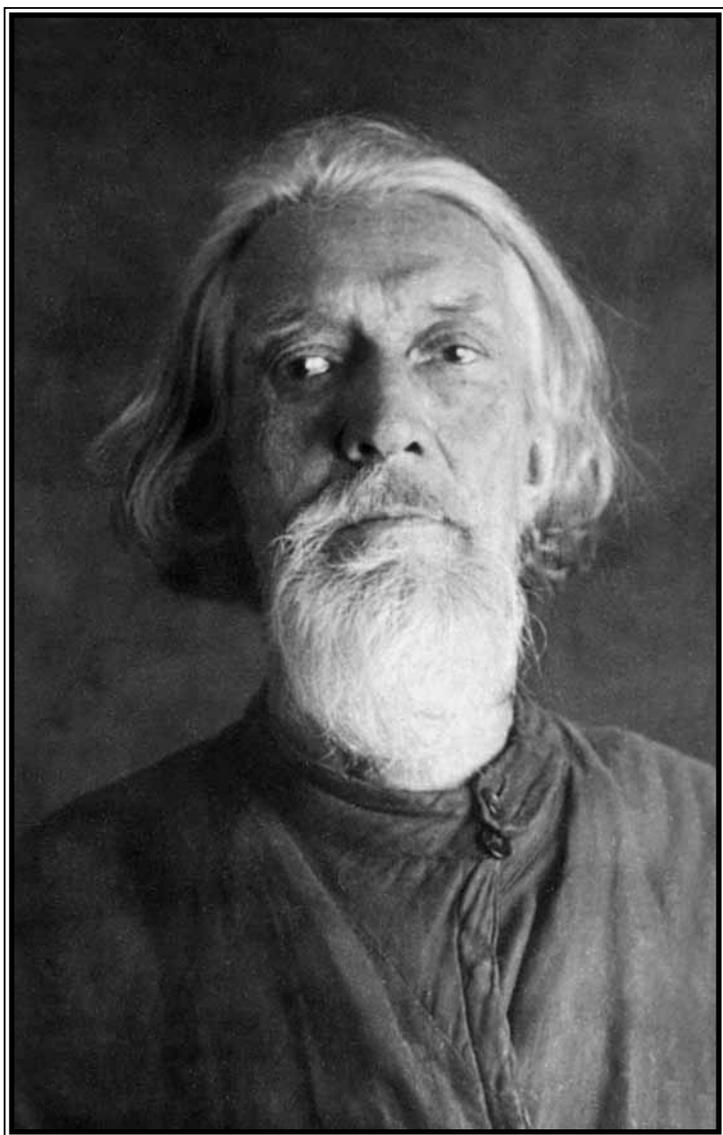
— Я не состою ни в какой контрреволюционной группировке и не знаю такой.

— Кто организатор ее?

— Не знаю как о самой организации, так и о ее организаторах.

— Где собирались нелегальные собрания контрреволюционной группировки церковников?

— Не знаю я ничего о собраниях и контрреволюционной груп-

Диакон Симеон Кречков

Москва. Таганская тюрьма. 1937

пировке, — ответил диакон, не согласившись оклеветать себя или других.

15 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила священников Иоанна Кесарийского, Петра Косминкова и диакона Симеона Кречкова к расстрелу. Александр Чиликин и его сын Дмитрий были приговорены к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Петр Пискарев-Молоков, Евдокия Сафронова и Екатерина Чиликина были приговорены к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Священники Иоанн Кесарийский, Петр Косминков и диакон Симеон Кречков были расстреляны 16 ноября 1937 года и погребены в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Александр Чиликин был отправлен в Беломорско-Балтийский лагерь, Евдокия Сафронова и Екатерина Чиликина — в Тайшетлагерь, Петр Пискарев-Молоков и Дмитрий Чиликин — в Сиблаг.

Евдокия Сафронова умерла в заключении 25 августа 1938 года и была погребена в безвестной могиле, Петр Пискарев-Молоков умер в лагере 9 апреля 1938 года и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20591.

Дубинский А. Ю. Московская Духовная семинария. М., 1998. С. 39.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 280–287.

Ноября 3 (16)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

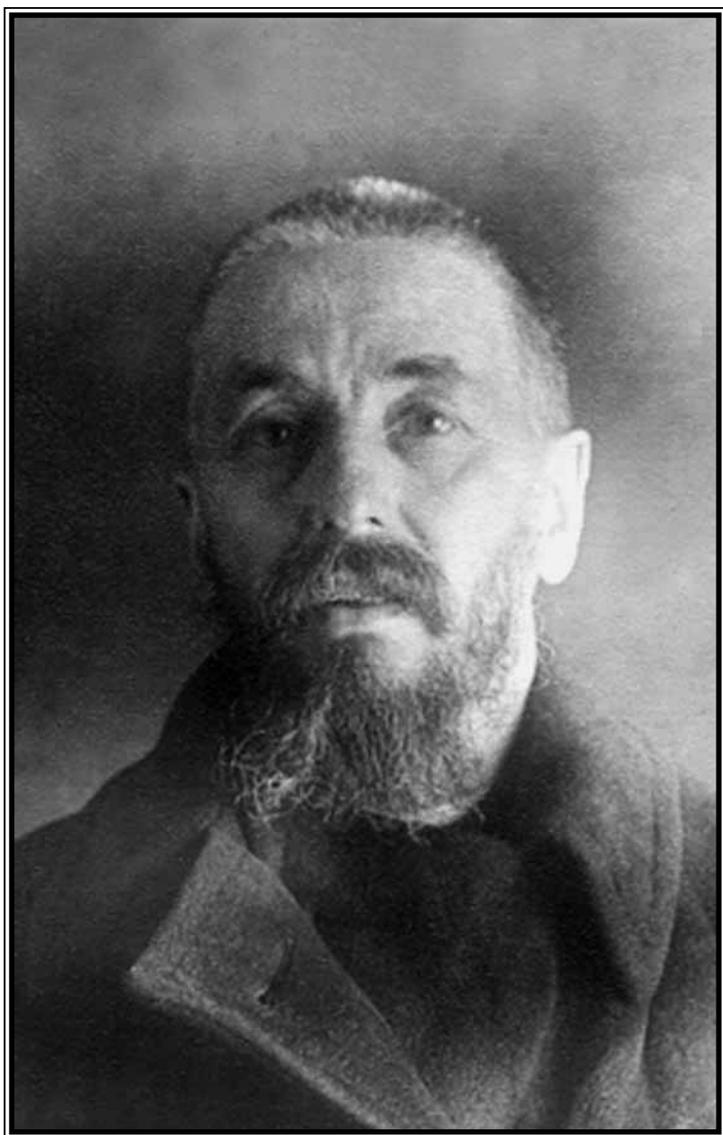
Николай (Пятницкий)

Священномученик Николай родился 3 марта 1884 года в городе Лодейное Поле Санкт-Петербургской губернии в семье псаломщика Алексия Пятницкого. По окончании духовного училища он поступил служить псаломщиком в храм в селе Кривой Пояс. В 1910 году он был переведен в храм в селе Кривандино Егорьевского уезда Рязанской губернии.

В 1913 году Николай Алексеевич был рукоположен в сан священника к одному из храмов в городе Тюмени. В 1919 году Тюмень была занята войсками Колчака, вместе с которыми при общем отступлении белых отец Николай дошел до Томска. Когда стало очевидно, что белое движение будет разгромлено, он решил не уходить вместе с белыми за рубеж и вернулся в Тюмень на прежнее место служения. В 1921 году священник был переведен в один из храмов города Ялуторовска Тюменской области и служил здесь до 1931 года.

В 1931 году Тюменское ОГПУ арестовало священника, и около полугода он находился в тюремном заключении. После освобождения он переехал в Московскую область и служил в храме села Никольский Погост.

29 октября 1937 года отец Николай был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и распространении провокационных слухов о советской власти и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Все обвинения священник отверг.

Заключенник Николай Пятницкий

Москва. Таганская тюрьма. 1937

14 ноября тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Священник Николай Пятницкий был расстрелян 16 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 19138.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 288–289.

Ноября 4 (17)

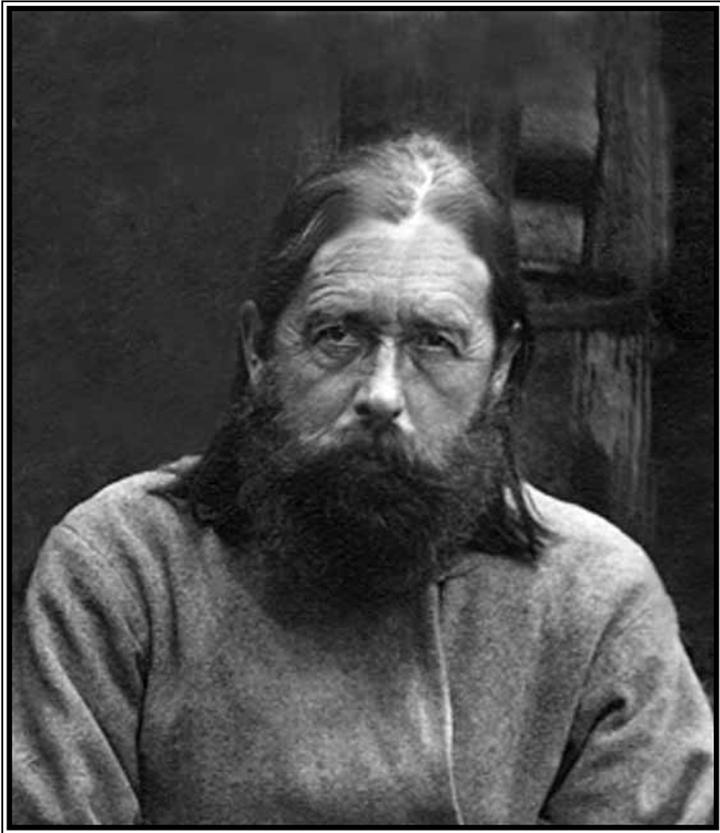
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Арсений (Троицкий)

Священномученик Арсений родился 28 октября 1880 года в селе Гридьево Тверского уезда Тверской губернии в семье священника Сергия Троицкого. Поступил в Тверскую Духовную семинарию, которую окончил в 1903 году. Во время обучения в семинарии он нес послушание учителя певчих архиерейского хора и часто приглашался проповедником на архиерейские богослужения.

30 января 1903 года в день празднования памяти великих святителей и учителей вселенских Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого архиепископ Тверской и Кашинский Димитрий (Самбикин) совершил литургию в храме Трех святителей в Твери. Произнесение проповеди на богослужении было поручено Арсению Троицкому. В этой проповеди он, в частности, сказал: «Мы, православные служители, в настоящий день творим память трех великих святителей и наставников наших – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого; воспоминаем их благочестивую жизнь и те великие подвиги и труды в деле проповедания слова Божия, которыми так полна жизнь этих трех великих столпов веры Христовой.

Для чего же мы совершаем это воспоминание? Если скажем, что для того, чтобы прославить и возвеличить имя их, то они уже прославлены и возвеличены не только на земле, но и на небе, не только от человек, но и от Бога, ибо они уже не *странни и пришельцы, но сожителе святым и приснии Богу* (Еф. 2, 19). К чему же тогда настоящее торжество в память их?

Протоиерей Арсений Троицкий

Город Кимры. Тюрьма. 1930

Ответим на это словами апостола Павла: да взирающе на скончание жительства, подражаем вере их (Евр. 13, 7), то есть чтобы мы, чтущие память их, поучались примером их добродетельной жизни, подражали вере их, благодаря которой они содеяли правду, получили обетования, стяжали себе неувядаемые венцы жизни вечной. Для каждого члена Церкви Христовой вера есть единственное средство для получения живота вечного, и вся жизнь христианина есть один непрерывный подвиг веры и добродетели, который он благополучно может совершить, подражая вере своих наставников — святых угодников Божиих. Но спросим себя, православные слушатели, идем ли мы на этот подвиг веры, совершаем ли его и подражаем ли вере своих руководителей? Подвиг этот велик, и редко кто из нас благополучно совершает его. Он состоит в том, чтобы жить свято, в правде и истине, чтобы во всех делах и начинаниях предавать себя на волю Божию, жить для Бога и так быть верным Ему и надеяться на Его благость и милосердие, чтобы ни мучения, ни самая смерть не могли заставить нас отречься от веры в Него...

Далее, спросим себя, можем ли мы, ученики и последователи святых наставников наших, подражать той ревности и твердости в вере и правде, из-за которой они претерпевали всякие гонения и лишения? Поистине, наше сердце содрогается и трепещет при воспоминании тех страданий и мучений, которые они терпели за имя Христово. Для нас кажется это очень и очень трудным подвигом. Но они безболезненно идут пред судилища, ведутся на мучения, даже радуются, что сподобились за имя Господа Иисуса Христа бесчестие прияти (Деян. 5, 41): ничто не может разлучить их от любви Божия, яже о Христе Иисусе, — ни смерть, ни живот, ни начала, ни власти, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая (Рим. 8, 38, 39). Так, воспоминаемый ныне угодник Божий святитель Василий Великий, когда царский епарх Модест, желая привлечь его на сторону еретиков, именем царя стал грозить ему изгнанием и другими бедствиями, отвечал: “Изгнания я не боюсь, потому что вся земля моя, или, лучше сказать, Божия. Мучений я не боюсь, потому что они приведут меня к желанному концу, и ты окажешь мне милость, что скорее пошлешь меня к Богу”.

Вот как подвизались святые угодники, вот как они побеждали мир и грех, и победой этой была вера их. Но не такова наша жизнь, наши дела, наша вера, в сравнении с их верой. Отчего же это происходит? Или, может быть, они были высшие, отличные от нас существа? Нет, они были такие же люди, как и все мы... Но, быть может, они имели большие обетования, надеялись получить большие награды за свои подвиги? Нет, всем одинаково принадлежат те высокие обетования и та великая награда на небесах, тот венец правды, который уготовал Господь любящим Его (2 Тим. 4, 8).

Чего же нам недостает для достижения совершенства и для получения истинного блага?

Недостает одного, именно: веры и любви к Богу, такой любви, какую пламенели души святых наставников наших, которая не останавливалась бы ни пред какими несчастьями и бедствиями жизни, ради которой мы всегда были бы готовы положить душу за други своя, от которой не могли бы разлучить нас ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни глад, ни нагота, ни беда, ни меч (Рим. 8, 35)».

Учась в семинарии и исполняя послушание учителя певчих архиерейского хора, Арсений служил псаломщиком в Успенской единоверческой церкви в Твери.

В 1903 году Арсений Сергеевич женился на девице Татьяне, дочери протоиерея Павла Плетнева, служившего в храме Ильи Пророка в селе Селихово Корчевского уезда Тверской губернии. Вскоре он был рукоположен в сан диакона, а 17 октября 1903 года – в сан священника к Ильинской церкви в селе Селихово. Отец Арсений со всей ревностью глубоко верующего человека принялся за пастырский труд, не ограничивая его только рамками богослужения. Он сразу же вступил в благотворительное общество имени великомученицы Варвары, целью которого было оказание помощи бедным воспитанницам Тверского епархиального училища, и стал щедрым жертвователем и активным деятелем этого общества.

В 1908 году отец Арсений в соответствии с пожеланиями и благословением епархиального архиерея Алексия (Опоцкого) уч-

редил при храме в селе Селихово церковноприходской совет, состоящий из двенадцати человек. Его целью стало поддержать в приходе «угасающий дух религиозности и любви к святому храму и богослужению, развить приходскую благотворительность, ослабить сильно распространившийся порок пьянства, организовать библиотеку-читальню». За полгода деятельности совета была открыта при содействии Корчевского земства прекрасная библиотека-читальня и назначен заведующий, на оплату труда которого стали выделяться постоянные средства.

Все крестные ходы и молебны в домах прихожан совершались при огромном стечении народа и с великим благоговением. Все это стало происходить благодаря разъяснениям священника сути церковных таинств. Собирались денежные средства, которые раздавались нуждающимся во время пасхальных празднеств, были собраны средства на устройство богадельни при храме.

Отчет о деятельности приходского совета Ильинской церкви правящий архиерей отправил для публикации в «Тверских епархиальных ведомостях» в качестве примера добрых начинаний для других приходов.

В те годы становится насущной необходимостью выработка программы преподавания Закона Божия для просвещения народа. В епархии были проведены совещания представителей епархиального и губернского училищных советов и священников-законоучителей начальных школ. Одним из самых активных участников этих совещаний, проходивших с 4 по 6 марта 1914 года в Твери, стал священник Арсений Троицкий.

Когда началась Первая мировая война, отец Арсений вместе с прихожанами стал помогать больным и раненым воинам. В 1916 году за усердную пастырскую службу он был награжден камилавкой. 17 февраля 1917 года отец Арсений был назначен помощником благочинного 1-го округа Корчевского уезда. За ревностное и усердное служение он был возведен в сан протоиерея.

В послереволюционное время отец Арсений не стал уступать воинствующему безбожию, но, продолжая воспитывать своих прихожан в православном духе и укреплять в вере, организовывал многочисленные паломничества к православным святыням.

С 24 по 26 июля 1921 года священник возглавил паломничество в Николаевский Пешношский монастырь, находящийся в Дмитровском уезде Московской губернии. По окончании паломничества его участники образовали союз ревнителей христианского благочестия под небесным покровительством преподобного Мефодия, основателя Пешношского монастыря, вдохновившего сердца паломников объединиться в братский союз для религиозного просвещения и большего преуспевания духовного в делах веры и благочестия. Протоиерей Арсений составил устав религиозного союза ревнителей благочестия. В летнее время члены союза стали принимать активное участие в крестных ходах, устраиваемых различными приходами, а в зимнее — в проведении бесед на религиозные темы.

24 ноября 1922 года за противодействие обновленческому расколу власти арестовали епископа Старицкого Петра (Зверева), исполнявшего в то время обязанности управляющего Тверской епархией. В тот же день в Никольской, что на Плацу, церкви в Твери состоялось собрание тверского духовенства и представителей приходских общин. Руководители собрания впоследствии составили выписку о принятых на нем решениях для сведения духовенства и мирян.

После длительного обсуждения собрание постановило настоятельно необходимым созыв Поместного Собора, «с соблюдением принятых ранее правил свободного избрания представителей от духовенства и мирян на окружных уездных и епархиальных собраниях; причем Собор должен состоять из православных христиан, и если намеченный “Живой церковью” и ВЦУ Собор не будет отвечать даже элементарным требованиям справедливости свободного избрания достойных представителей, то его игнорировать и озаботиться с разрешения предлежащей власти созывом другого, канонически законного и вполне правомочного Собора... Заслушав заявление группы верующих о желательности ходатайства за арестованных епископа Петра, протоиерея А. К. Бенеманского, мирян А. И. Соколова, А. М. Преображенского и протоиерея В. П. Куприянова ввиду полной неизвестности о причинах их ареста... единогласно постановили: принимая во

внимание хорошо известную членам собрания политическую благонадежность арестованных лиц, их совершенную лояльность по отношению к советской власти и, с другой стороны, крайнюю желательность видеть их на свободе как лиц, способных действовать в умиротворяющем духе среди верующих масс, в особенности в настоящее время, ввиду возбуждения умов под влиянием действий чуждой верующим организации “Живая церковь” и, наконец, болезненного состояния епископа Петра, — избрать... (далее идет перечень фамилий. — *И. Д.*) и уполномочить их войти с ходатайством в губернское политическое управление и прокуратуру о выяснении причины ареста и освобождении их, если потребуется, под поручительство всех членов настоящего собрания».

Далее собрание выслушало телеграмму от духовенства и мирян Кашинского викариатства следующего содержания: «Узнав о прибытии в Тверь назначенного ВЦУ епископа Александра, заявляем, что Александра не признаем, распоряжениям его не подчиняемся... По обмену мнениями постановили: сообщить епископу Александру (Надеждину), что... единственным епископом, управляющим Тверской епархией, духовенство и миряне признают избранного ими епископа Петра или назначенного им; причем ни в коем случае не желают и не допустят к себе других епископов или священников, в особенности старой марки, вроде членов духовных консисторий или бывшего государственного совета, каковым является и епископ Надеждин, как элементов сомнительных и нежелательных...»

30 ноября 1922 года епископ Петр был перевезен из Твери в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. 4 декабря епископ Осташковский Гавриил (Аболымов) направил послание духовенству и мирянам Тверской епархии, в котором писал: «За отсутствием управляющего епархией преосвященного Петра, епископа Старицкого, в порядке управления по его поручению и по вызову тверского духовенства и паствы, я с 1 декабря вступил в управление Тверской епархией. Извещая о сем духовенство епархии через отцов благочинных, прошу всех пребывающих в молитвенном и каноническом общении с нами не принимать и не испол-

нять распоряжений иных духовных лиц или церковных организаций... присланного в Тверь от ВЦУ епископа Александра Надеждина (бывшего Кашинского) единодушно отвергнуть и поэтому рассылаемым представителями ВЦУ бумагам не верить и не придавать значения».

Представители православного духовенства в разъяснение происходящих событий дали пояснения священнослужителям и мирянам Тверской епархии. Они писали: «В Тверь прибыл епископ Гавриил из Осташкова и вступил в управление епархией. От “Живой церкви” и ВЦУ хозяйствуют три представителя Христовой церкви – епископ Александр (Надеждин), бывший священник в Пречистом Бору и Торжке Раевский и бывший протоиерей Покровской города Твери церкви Н. Ф. Троицкий, изгнанный приходом. Захватили канцелярию епископа Петра, захватили Желтиков монастырь, но с ними никто не служит».

5 декабря епископ Александр (Надеждин) и обновленческое епархиальное управление выпустили послание, обращенное к благочинным Тверской епархии.

25 января 1923 года состоялось собрание отдельных благочиний Кимрского округа. На следующий день состоялось собрание представителей духовенства и мирян всего Кимрского уезда. Съезд проходил в Воскресенском соборе города Корчевы, как центрального места в Кимрском уезде. Всего, кроме публики, присутствовало двадцать шесть священников, четыре диакона, восемь псаломщиков и пятьдесят два мирянина. Председателем съезда был избран мирянин Федор Роднов, товарищами председателя – благочинный 1-го округа протоиерей Иоанн Преображенский и мирянин Илья Трубач, секретарями – протоиерей Арсений Троицкий и протоиерей Арсений Покровский.

Первым выступил протоиерей Иоанн Преображенский, который глубоко и поучительно раскрыл сущность, красоту и величие Православной Церкви как служительницы миру в духе Христа, Его святого Евангелия. Затем он определенно и ярко нарисовал резко противоположный образ нового реформаторского движения, возглавляемого ВЦУ.

Содокладчиком выступил протоиерей Арсений Троицкий, который главное внимание уделил переживаемому моменту церковного развала, выражающемуся в сознательном походе на православие. Он сделал анализ программы «Живой церкви» на основании данных, опубликованных в журнале «Живая церковь», а также исходя из личных впечатлений от выступлений живоцерковников. В результате он пришел к выводу, что дух учения живоцерковников резко противоположен духу православия.

В конце заседания была принята следующая резолюция: «В многочисленных голосах представителей Кимрского уезда, в первую очередь прямых служителей алтаря – пастырей Церкви, а с ними равно их сотрудников, клира и мирян, собравшихся на совещание для выяснения вопроса, как относиться к новому церковному реформаторскому движению “Живой церкви”, – звучало одно твердое убеждение, что наша Православная Церковь есть столп и утверждение истины; в ней, как в теле Христовом, все вечно-юно, все вечно-живо, все благодатно-действенно; Русская Православная Церковь – есть хранительница истины Христовой в лице тех многочисленных праведников, которые, как солнце, зажигают своим благодатным светом служителей слова Божия, простые сердца верующих, внушая тем и другим свято сохранять в чистоте и неповрежденности православную апостольскую святоотеческую веру. А потому и говорить, в особенности пастырям, о необходимости какой-то другой “Живой церкви”, внушать верующим, что будто бы нужно переменить свой прежний древлеотеческий взгляд на православие, собрание признало делом совершенно излишним, недопустимым, весьма вредным для внутреннего благосостояния Православной Церкви как единого тела Христова... Собрание нашло необходимым твердо и определенно заявить: “Никаких реформ и нововведений в Церкви без правомочного Собора Русской Поместной Церкви отнюдь не допускать”.

Поэтому, видя, как никем не уполномоченные представители реформаторских групп самочинно захватили в свои руки Высшую Церковную Власть в Русской Церкви и дерзают назначать в губернские города своих епископов, бесстыдно изменивших ис-

тине, собрание считает ВЦУ, а равно и его ставленника на Тверскую кафедру епископа Александра, делом законопреступным, неправомочным, самозванным и насильнически прервавшим законную церковную высшую власть; а также собрание негодует на то, что живоцерковники путем наговоров и клеветы ухищряются смещать законных пастырей Церкви, вполне лояльно относящихся к государственной власти; следовательно, собрание находит совершенно излишним и необязательным подчиняться ВЦУ и его ставленникам...»

1 марта 1923 года за проведение этого собрания были арестованы протоиереи Иоанн Преображенский, Арсений Троицкий, Арсений Покровский, Макарий Комаров, Александр Молчанов, Василий Рубцов и миряне Федор Роднов и Илья Трубач и заключены в тюрьму ОГПУ в Твери. Тогда же был арестован и епископ Гавриил.

6 марта следователь допросил протоиерея Арсения Троицкого. На заданные ему вопросы священник ответил: «В предъявленном мне обвинении в нелегальной противосоветской деятельности... получении от епископа Гавриила директив и материалов для агитации, призывающей на мученичество и на борьбу с антихристами — гонителями Церкви и тому подобное, виновным себя не признаю... Мирян к себе в сотрудники я набирал с целью использования их для разъяснения ближайшему населению положения церковной жизни и программы “Живой церкви”, чтобы сохранить православное настроение в своем приходе».

9 марта все арестованные были переведены в тюрьму ОГПУ в Москве. 20 апреля следствие было закончено и вынесено следующее заключение: «Дело возникло в Тверском отделе ОГПУ на основании имеющихся материалов о том, что Аболымов (епископ Гавриил) распространяет среди церковников контрреволюционные воззвания, разжигающие национальную вражду, в особенности против обновленческих течений, называя их врагами Церкви. В результате этих воззваний епископа Гавриила церковники Комаров М. И., Молчанов А. Г., Покровский А. П., Рубцов В. Г. и миряне Трубач И. А., Роднов Ф. И. под руководством Преображенского и Троицкого созывают уездный съезд духовенства, на

котором выдвигают вопрос о создании специального органа, ведающего учетом сил сторонников тихоновского течения и вербовкой сотрудников из мирян для возбуждения национальной вражды и подготовки народного мнения... На основании вышеизложенного нахожу, что Аболымов, Преображенский, Троицкий, Комаров, Молчанов, Покровский, Рубцов, Трубач и Роднов являются яркими реакционерами и ведут антисоветскую деятельность, что подтверждается агентурными, имеющимися в деле материалами, а потому... вышеназванных заключить в концлагерь сроком на три года каждого».

16 мая 1923 года Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила протоиерея Арсения и других арестованных к трем годам заключения в концлагере. Заключение отец Арсений отбывал в Соловецком концлагере. Освободившись в 1926 году, он вновь стал служить в селе Селихово.

В 1929 году советская власть стала проводить мероприятия по уничтожению священнослужителей Православной Церкви и свободных крестьян. 18 февраля 1930 года двадцатилетний секретарь комсомольской ячейки в селе Марьино Герман Гушин, обратившись к агенту ОГПУ, сказал, что может дать показания о некоторых крестьянах села. «Недели полторы тому назад, — сказал он, — при посещении помещения Роднова я заметил у него две приобретенные кровати и швейную машину. Я спросил его, где он приобрел кровати. Роднов мне про детскую кровать сказал, что дал ему Кротов, как ненужную. Привез кровать Роднов на моих глазах в ноябре 1929 года. Про другую кровать он замаялся, ничего не сказал, а также не сказал, откуда у него взялась машина... Причем дополняю, что лишенец Кротов стал производить распродажу имущества после того, как объявлено было о раскулачивании. Первая опись имущества у Кротова была за неуплату налога в декабре месяце; тогда как он не должен распродавать после этого имущество, при описи финагентом часть имущества была укрыта, что доказывает проданный стол и кровать. А также укрыл имущество лишенец Башилов, как-то: швейную машину ножную он передал Роднову. От него машина полетела к Мареву, машина не попала в опись, машина в настоящее время находится у Марев-

ва, до описи спрятана была у Роднова. Также Башилов передал кровать Роднову».

Затем были допрошены несколько крестьян, которые дали весьма расплывчатые показания. В результате 15 августа 1930 года были арестованы протоиерей Арсений Троицкий, церковный староста Василий Кротов и крестьяне Андрей Башилов, Василий Трусов и Михаил Воронин и заключены в тюрьму в городе Кимры.

Допрошенный 20 августа Герман Гушин сказал: «Свои протоколы опроса, где я опрошен агентом розыска, я подтверждаю. Воронин до сего времени антисоветски настроен, при всяком удобном случае в группе крестьян он бросает шпильки по адресу советской власти, бедняцкой части деревни, дружбу он ведет с Башиловым, Кротовым, иногда бывает Роднов. Взаимоотношения с попом Троицким самые хорошие у Воронина, кроме того, с попом Троицким в особых хороших отношениях все кулаки деревни Марьино, в особенности, как я выше сказал, Воронин, Башилов, Кротов, Трусов; поп бывает у них во время молебствия; ходят ли они домой к Троицкому, сказать не могу, но во время праздников ходят в церковь. Кротов же, как бывший церковный староста, был часто у попа дома».

27 августа 1930 года следователь допросил Андрея Башилова, который сказал: «Найденная у меня серебряная разменная монета в сумме сто три рубля двадцать копеек составила у меня таким образом. Во время служения молебнов священником Троицким из села Селихово последний собрал по деревням большое количество монеты, как серебра, так и меди. Проходя по деревням, поп Троицкий зашел служить молебен ко мне в дом. Когда он отслужил молебен, я вынул пятидесятирублевую бумажку, из которой получил сдачи 49 рублей, так как за молебен подал Троицкому один рубль. Я у попа не просил исключительно серебряную монету, а просил дать мне сдачу. Троицкий мне ответил: “Если у меня есть, я тогда дам”. Троицкий таковые мне сдал. Я эти деньги положил в мешочек и спрятал в сундук. За время нахождения этих денег, то есть серебряных, мне приходилось кое-кому платить — например, за починку колеса я заплатил 1 рубль 75 копеек,

и еще кой-кому. Я весной этого года имел несколько пар валяной обуви, которые продал, в счет чего получил также серебряную монету. О том, что чувствовалась недостача в мелкой серебряной монете, я не знал, так как никуда не хожу. Я эти деньги хранил на “черный день” и на уплату налогов. Во время обыска у меня было найдено еще 48 рублей бумажных денег. Я при обыске сказал, что в сундуке имеются бумажные деньги и старые бумажки и документы, потому что думал, что речь идет не о серебряных деньгах, а вообще производится обыск».

2 сентября следователь допросил отца Арсения, и тот, отвечая на вопросы, сказал: «В отношении найденного серебра у Андрея Башилова, я помню, что во время Пасхи, когда мы обходили деревню Марьино с молебнами, мы зашли в дом Башилова совместно с причтом в лице псаломщика и диакона.

Отслужили молебен в доме Башилова; последний, вынув пятидесятирублевую бумажку, предложил получить 1 рубль за молебен и получил сдачи 49 рублей серебром. Просил ли он серебряной монетой сдачу или бумажными купюрами, я этого обстоятельства не помню. Я думаю, что он хранил найденное у него серебро исключительно как сбережения, а не как метод укрытия серебра от его движения. Я посещал дом Башилова с религиозными требованиями и других посещений не делал.

С Кротовым у меня большой дружбы не было. Я бывал у него дома исключительно по делам церкви. То же самое было, когда Кротов, будучи церковным старостой, посещал мой дом.

В своих проповедях я никогда не касался политики советского правительства, и проповеди носили исключительно религиозный характер. Проповеди мои привлекали много молящихся, как мужчин, так и женщин. Я пользуюсь авторитетом среди населения в нашей общине, так как служу в этом приходе около двадцати семи лет. Существовавший в селе Селихово колхоз развалился в то время, когда я находился в заключении, и по возвращении моем из него колхоза уже не было.

Виновным себя в передаче серебра Башилову с целью укрытия такового и в агитации против мероприятий советской власти не признаю».

3 сентября следствие было закончено с таким заключением: «Троицкий, Башилов, Кротов, Воронин, Трусов достаточно изобличаются в том, что в период тяжелого положения с разменной серебряной монетой с целью подрыва финансового положения в СССР священник села Селихово Арсений Троицкий передал около 50 рублей серебряной мелкой монеты гражданину деревни Марьино Андрею Башилову, который к этой сумме еще скопил 53 рубля 2 копейки и составил сумму в 103 рубля 2 копейки, каковые были у него обнаружены во время обыска. Те же, Башилов, Троицкий и граждане Воронин, Кротов и Трусов, бывший городской, будучи тесно между собой связаны как по своей классовой принадлежности, так и по имущественному положению, вели агитацию против мероприятий советской власти, проводимых на селе. Свою агитацию проводили главным образом среди отсталой части населения, а священник Троицкий — среди прихожан своей церковной общины. Кротов, будучи церковным старостой, во всем помогал священнику Троицкому, с которым был в дружественных отношениях... Воронин и Трусов, будучи связаны с Башиловым как валялы, вели работу среди населения против политики советской власти на селе по отношению к лишенцам и зажиточному классу».

22 ноября 1930 года тройка ОГПУ приговорила протоиерея Арсения к трем годам ссылки в Казахстан, старосту Василия Кротова — к трем годам ссылки на Урал, крестьяне Андрей Башилов, Михаил Воронин и Василий Трусов были из-под стражи освобождены. Ссылку отец Арсений отбывал в Актюбинске.

Вернувшись, он стал служить в храме Покрова Пресвятой Богородицы в селе Власово Шатурского района Московской области.

28 октября 1937 года власти арестовали весь клир Покровского храма — трех священников и двух диаконов. Первые допросы проходили в сельском отделении НКВД.

4 ноября протоиерей Арсений подписал протоколы, составленные следователем, с признанием вины в руководстве контрреволюционной группой церковников. На вопрос следователя, признает ли он себя виновным в систематической контрреволю-

ционной деятельности, отец Арсений ответил: «Я враждебно настроен к ВКП(б), но после возвращения из ссылки я против советской власти открытой агитации не вел».

После первых допросов отец Арсений был переведен в Таганскую тюрьму в Москве, и здесь 16 ноября священника допросил другой следователь, но с применением тех же самых угроз. На этот раз отец Арсений занял твердую позицию и не стал подписывать никаких лжесвидетельств.

— Вы арестованы как руководитель контрреволюционной группы духовенства. Признаете себя виновным? — спросил следователь.

— Виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю. Действительно, я не отрицаю того, что являлся настоятелем данной церкви, но все лица собирались и обсуждали вопросы религиозных обрядов, своих мыслей против советской власти я не высказывал, — ответил священник.

— Вас уличают в контрреволюционной деятельности обвиняемые. Намерены вы давать следствию откровенные показания?

— Никакой агитацией я не занимался. Все улики, которые мне предъявлены, являются клеветой на меня.

17 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Арсений Троицкий был расстрелян в тот же день и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-25115.

Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 8083-С; № 16564-С.
Тверские епархиальные ведомости. 1903. № 1, 3, 5–9, 11, 17, 23, 30;
1910. № 1; 1915. № 12–13; 1916. № 13–14; 1917. № 9–10.

Приложение к епархиальным ведомостям. 1914.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 290–310.

Ноября 6 (19)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Никита (Делекторский)

Священномученик Никита (в миру Федор Петрович Делекторский) родился 22 декабря 1876 года в городе Покров Владимирской губернии в семье священника. В 1897 году Федор Петрович окончил Владимирскую Духовную семинарию и был направлен преподавателем Закона Божия в Южское училище в Вязниковском уезде.

В 1898 году Федор Петрович женился на Антонине Николаевне Флоринской, дочери соборного протоиерея города Александрова. 3 августа 1898 года Федор Петрович был рукоположен в сан священника ко храму Николаевского женского монастыря города Переславля.

С 1901 по 1907 год отец Феодор состоял председателем Ревизионного комитета при Переславском Духовном училище. С 1903 по 1907 год он нес послушание законоучителя церковной школы Николаевского женского монастыря и состоял заведующим и законоучителем Успенской церковноприходской школы города Переславля. В 1907 году от него ушла жена, и, по-видимому, обстоятельства сложились таким образом, что семью невозможно было восстановить; но детей у них не было, не было и необходимости заботиться ему о семье. 22 августа 1909 года отец Феодор был уволен по прошению за штат и 31 августа того же года стал вольнослушателем Московской Духовной академии. 16 октября 1910 года он был утвержден в звании студента.

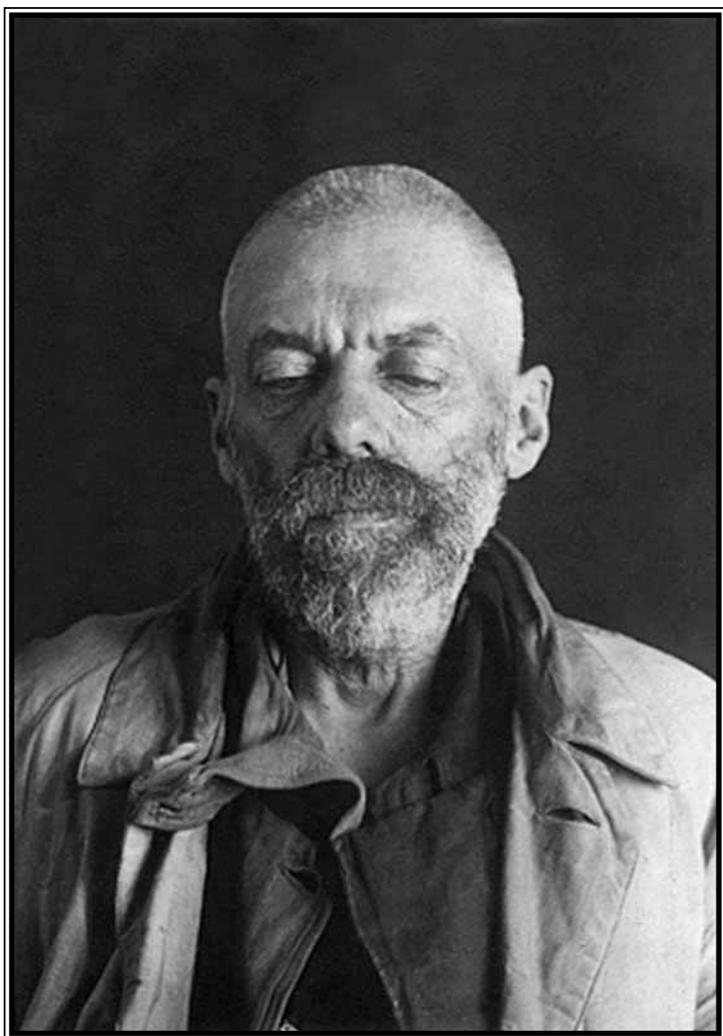
В 1915 году отец Феодор окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. Его кандидатская работа «Ветхозаветные пророки как пастыри» заслужила высокую оценку рецензентов.

С 1 октября 1915 года по 27 декабря 1916 года отец Феодор был помощником секретаря Совета и правления Московской Духовной академии. 17 июля 1916 года он был награжден камилавкой за особые труды по обстоятельствам военного времени. 27 декабря 1916 года священник Феодор Делекторский по приглашению епископа Пермского и Кунгурского Андроника (Никольского) был назначен настоятелем Петропавловского кафедрального собора в городе Перми и преподавателем теории словесности и истории иностранной литературы в Пермском епархиальном женском училище. В 1919 году отец Феодор был возведен в сан протоиерея и в том же году Высшим Временным Сибирским Церковным Управлением, которое возглавлял архиепископ Сильвестр (Ольшевский), награжден золотым наперсным крестом. При отступлении Белой армии он остался в Перми.

В это время протоиерей Феодор решил всецело посвятить себя служению Церкви и принять монашеский постриг, о чем и сообщил епископу Пермскому Сильвестру (Братановскому), который принял соответствующее решение: «Ввиду безвестного отсутствия в течение 15-ти лет Антонины Делекторской и расторжения брака протоиерея Феодора Делекторского с нею в гражданском суде, церковное благословение с нее как таинство снимается для предоставления возможности протоиерею Феодору Делекторскому всецело посвятить себя служению святой Церкви в безбрачном состоянии».

В 1922 году протоиерей Феодор вернулся из Перми на родину во Владимирскую епархию и был назначен настоятелем Христорождественского собора в городе Александрове и благочинным всех городских церквей.

7 мая 1924 года Святейший Патриарх Тихон и Священный Синод постановили открыть в Самарской епархии викарную ка-

Евгений Жуков (Делекторский)

Москва. Таганская тюрьма. 1937

федру в городе Бугульме. 9 мая в храме Валаамского подворья в Москве митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский) постриг протоиерея Феодора в монашество с именем Никита и возвел в сан архимандрита. 12 мая архимандрит Никита был хиротонисан во епископа Бугульминского, викария Самарской епархии.

По прибытии епископа Никиты в Бугульму ОГПУ арестовало его, обвинив в связи с белочехами во время Гражданской войны. Но это ложное обвинение следователи не сумели доказать, и после месяца, проведенного в тюрьме, епископ был освобожден. В 1925 году власти снова арестовали епископа и обвинили его в том, что он совершал богослужение без разрешения местных властей как православный епископ, подчиняющийся Патриарху Тихону, между тем как законной религиозной организацией они признавали лишь обновленцев. Кроме того, преосвященный Никита был обвинен в том, что за богослужением поминал Святейшего Патриарха Тихона. После полутора месяцев пребывания в тюрьме в городе Мелекесе владыка был освобожден.

В 1926 году преосвященный Никита был назначен епископом Орехово-Зуевским, викарием Московской епархии, и с тех пор поселился в этом городе, где у него появилось много духовных детей. В 1927 году он был уволен по его прошению за штат. Жить, однако, он остался в Орехово-Зуеве. Он нес подвиг старчества, крайнего нестяжания и юродства. Иногда он выезжал в Москву и тогда останавливался у неких благочестивых людей, принимавших странников. Здесь в 1930 году он был арестован и приговорен к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь и отправлен на строительство Днепрогэса, где ему пришлось работать конюхом и ночным сторожем.

В 1934 году владыка вернулся в Орехово-Зуево и поселился в комнате общежития, населенного в основном милиционерами кавалерийского взвода. Милиционеры знали, что это ушедший за штат епископ Орехово-Зуевский, но относились к нему доброжелательно, видя его совершенную нестяжательность и доброту. Духовные дети помогали владыке материально, но все, что ему

давали, он раздавал нуждающимся, зарабатывая себе на жизнь сбором утильсырья. Он стал нищим, который благотворил нуждающимся. Среди некоторых людей, его знавших, его юродство вызывало недоумение, недоверие, и они указывали епископу, что сам его вид располагает к пожертвованиям. Однажды он ответил на недоумение одного из жертвователей: «Вы видели и знаете, что имеете дело с человеком, который страдает за свои убеждения и не мирится с... жизнью, полной обмана, предательства и пошлости... Да не подумайте вы, что мое ремесло — попрошайничанье. Ваши жертвы переданы мною неимущим бедным людям, и они всегда могут вам о том засвидетельствовать. Данное вами через нас взаим — дано Богу, Который в свое время и возвратит вам, ибо ничто у Него не пропадает».

Получив летом 1937 года распоряжение о начале массовых гонений, власти Орехово-Зуева стали собирать сведения через служивших в орехово-зуевском соборе обновленцев обо всех проживавших в их городе духовных лицах, и в частности о преосвященном Никите.

13 октября, когда епископ проходил мимо собора, сотрудники НКВД арестовали его. Он был заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Сразу же после ареста начались допросы, которые продолжались беспрерывно в течение трех суток.

— Вы имеете определенное место жительства и место службы? — спросил следователь.

— Определенного места жительства и места службы я не имею, — ответил епископ.

— По каким документам вы проживаете и прописаны ли вы на жительство где-либо?

— Документов я никаких не имею, и нигде на жительство я не прописан.

— В каком сане вы состояли ранее и какой имеете в данный момент?

— Ранее я состоял в сане епископа и имею этот сан епископа до настоящего времени.

Убедившись, что перед ним епископ, следователь счел доста-

точным для осуждения сан владыки и уже не стал ничего спрашивать о его антисоветской деятельности.

19 октября был допрошен один из лжесвидетелей, который сказал, что знает епископа с 1936 года, что епископ имеет большой круг единомышленников и почитателей во многих городах Советского Союза, что будто бы владыка говорил ему: обязанность каждого истинного пастыря – это побуждать верующих к защите Церкви, не допустить закрытия церквей, организовать верующих вокруг церкви для ее защиты. В заключение лжесвидетель сказал, что епископ юродствует и к нему обращаются как к прозорливому, который может провидеть грядущее.

17 ноября тройка НКВД приговорила преосвященного Никиту к расстрелу. Епископ Никита (Делекторский) был расстрелян через день после приговора, 19 ноября 1937 года, и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 10035, д. 19180.
РГИА. Ф. 831, оп. 1, ед. хр. 263.
Владимирские епархиальные ведомости. 1907. № 42.
Богословский вестник Московской Духовной Академии. 1912. Т. 1. Ч. 4. С. 431–432.
Журналы собраний Совета и Правления Императорской Московской Духовной Академии за 1915 год. М., 1916. С. 542.
Памятная книжка Московской Духовной Академии. 1916.
Пермские епархиальные ведомости. 1917. № 1.
Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001. С. 337–340.

Ноября 6 (19)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Варлаам (Никольский)

Преподобномученик Варлаам (в миру Василий Михайлович Никольский) родился в 1872 году в городе Люторичи Епифановского уезда Тульской губернии в семье волостного писаря.

Василий окончил духовное училище и в 1895 году поступил послушником в Чудов монастырь в Москве, где вскоре был пострижен в монашество с именем Варлаам. Около 1909 года он был рукоположен в сан иеродиакона, а затем — в сан иеромонаха.

С 1917 по 1925 год иеромонах Варлаам служил в Москве в церкви Никола-Плотники на Арбате, с 1925 по 1929 год — в храме Спас-Пески на Арбате. В 1929 году он был возведен в сан игумена.

28 декабря 1930 года игумен Варлаам был арестован. В это время были проведены аресты священнослужителей и насельников монастырей, многие из которых после закрытия обителей жили на частных квартирах или при храмах.

31 января 1931 года следователь допросил игумена Варлаама, и он сказал: «На заданный мне вопрос о моем отношении к существующему строю показываю: я монах, сторонник Церкви тихоновской ориентации, поэтому привык к повиновению, и поскольку такая политическая власть дана Богом, то, следовательно, я ей полностью подчиняюсь и даже поддерживаю. Родственников, как в пределах Союза, так и за границей, кроме упомянутого мною брата, не имею и переписки также, поэтому вращаюсь исключительно в среде своих прихожан».

По окончании допроса следователь подписал постановление, в котором говорилось: «Имеющиеся в деле материалы полностью подтверждают контрреволюционную деятельность Василия Михайловича Никольского, выразившуюся в антисоветской агитации».

На этом следствие было закончено, и Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило игумена Варлаама к трем годам ссылки в Казахстан.

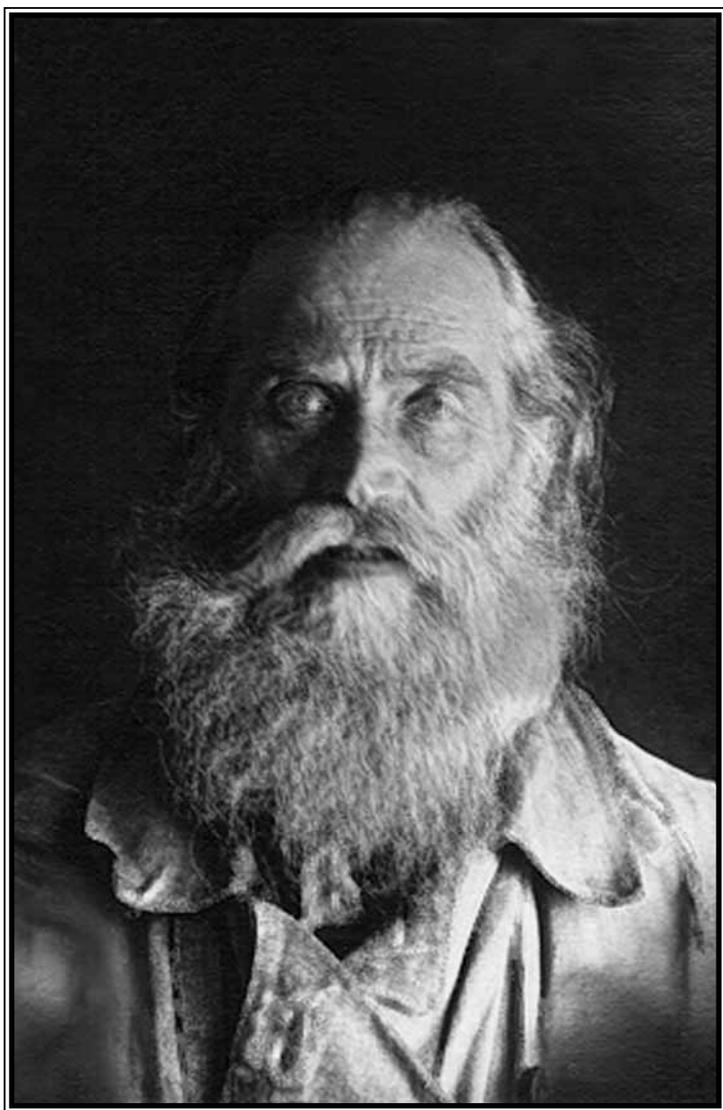
После возвращения из ссылки отец Варлаам был направлен служить в Покровский храм в село Дьяково Московской области. 20 октября 1936 года он был переведен служить в Покровскую церковь в село Андреевское Дмитровского района.

5 ноября 1937 года власти арестовали его и заключили в Таганскую тюрьму в Москве.

Жесвидетели показали, что игумен Варлаам «за последнее время всячески пытается расширить и укрепить влияние Церкви на население, и в этих целях он участил службы в церкви; вместо того чтобы служить только по воскресным дням, ввел службы и в выходные дни для рабочих Яхромской фабрики, причем сами службы тянутся очень долго. Кроме этого, священник в целях расширения своего влияния и авторитета пытается вмешиваться в вопросы воспитания детей в школе и ведет среди школьников религиозную пропаганду. В мае 1937 года он, проходя мимо школы, говорил школьникам, что в школе неверно преподают о происхождении человека. Когда ребята-школьники сказали ему, что в школе им учитель говорит, что человек произошел от человекообразного животного, священник им на это ответил: “Ваш учитель врет, человека сотворил Бог”. После этого священник благословил ребят и ушел. Из указанных фактов явствует, что Никольский к существующему строю настроен враждебно».

Будучи допрошен, отец Варлаам виновным себя не признал.

— Вы среди населения, используя религиозные предрассудки, вели антисоветскую агитацию — в частности, говорили: «Советская власть счастья не принесет, надо венчаться в церкви»? Дайте об этом показания.

Узун Варлаам (Никольский)

Москва. Таганская тюрьма. 1937

— Я действительно среди населения говорил о том, чтобы граждане венчались в церкви, советовал это приходящим ко мне, но антисоветской агитации не вел.

— Вы среди населения распространяли клевету о выборах в органы советской власти?

— По этому поводу я говорил лишь о том, что нас все равно на выборы не позовут. Никакой агитации я не вел.

— Вы среди детей-школьников пытались вести религиозную пропаганду? В частности, говорили о том, что в школах неверно объясняют происхождение человека?

— В прошлом году я проходил мимо школы, и ко мне обратился ученик школы с вопросом, откуда произошел человек, сказав, что учитель говорил на уроке о том, что человек произошел от обезьяны, и спросил меня, как я считаю, а я на это ответил ему, что от Бога. Больше я ничего не говорил.

— Признаете ли вы себя виновным в том, что вели среди населения антисоветскую агитацию?

— Виновным себя в этом не признаю.

17 ноября тройка НКВД приговорила отца Варлаама к расстрелу. Игумен Варлаам (Никольский) был расстрелян 19 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19322.
РГАДА. Ф. 1207, оп. 1, ед. хр. 953.
ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-6656. Т. 3.
АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 311–313.

Ноября 9 (22)

С В Я Щ Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Димитрий (Русинов)

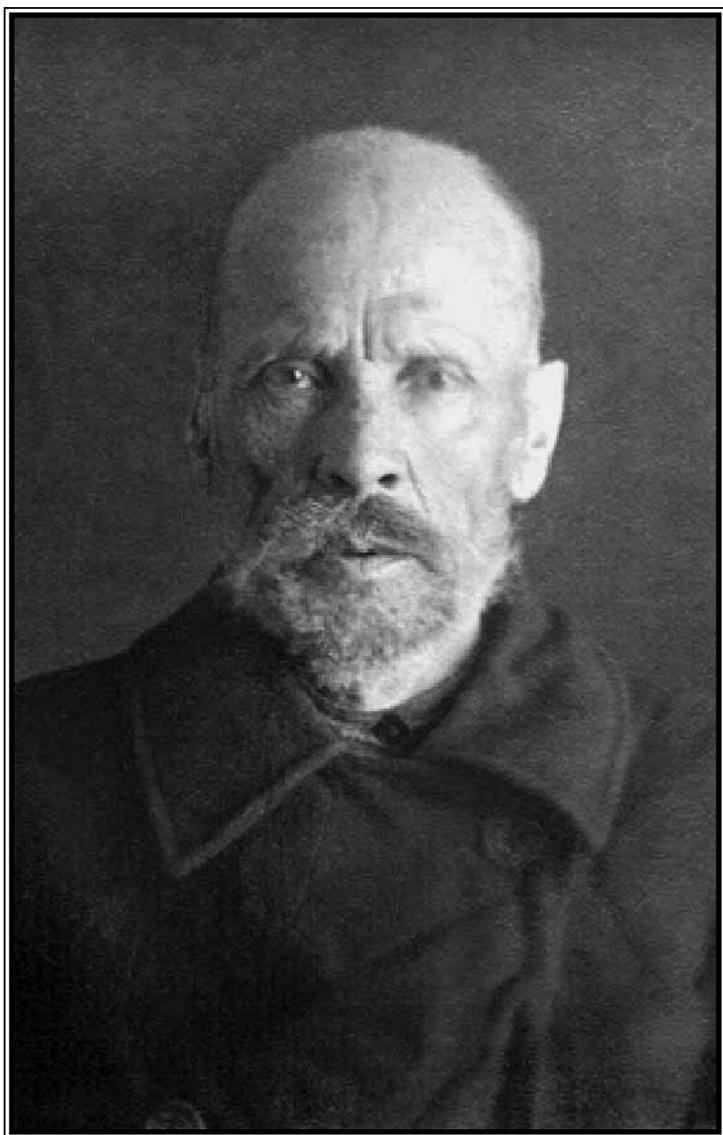
Священномученик Димитрий родился в 1871 году в селе Куркино Московского уезда Московской губернии в семье священника Владимира Петровича Русинова. Впоследствии отец Владимир за многолетнюю усердную службу был награжден многими церковными наградами и возведен в сан протоиерея.

В 1893 году Дмитрий Владимирович окончил Московскую Духовную семинарию. О месте служения отца Димитрия после рукоположения ничего не известно, но из показаний свидетелей следует, что он до 1924 года служил в храме Трех святителей села Кобяково Озерского района Московской области, а после его закрытия переведен в храм Преображения Господня села Бояркино того же района. Возведен в сан протоиерея.

Отца Димитрия арестовали 28 октября 1937 года по обвинению в контрреволюционной агитации и заключили под стражу в Коломенскую тюрьму.

— По имеющимся у нас сведениям... вы среди населения деревень Кобяково и Бояркино ведете контрреволюционную агитацию. Признаете себя виновным в этом? — спросил следователь.

— Виновным в проведении контрреволюционных разговоров я себя не признаю, — ответил священник.

Протоиерей Дмитрий Русинов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

19 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Димитрия к расстрелу. Протоиерей Димитрий Русинов был расстрелян 21 ноября 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19283.
РГИА. Ф. 831, д. 281.

Ноября 9 (22)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

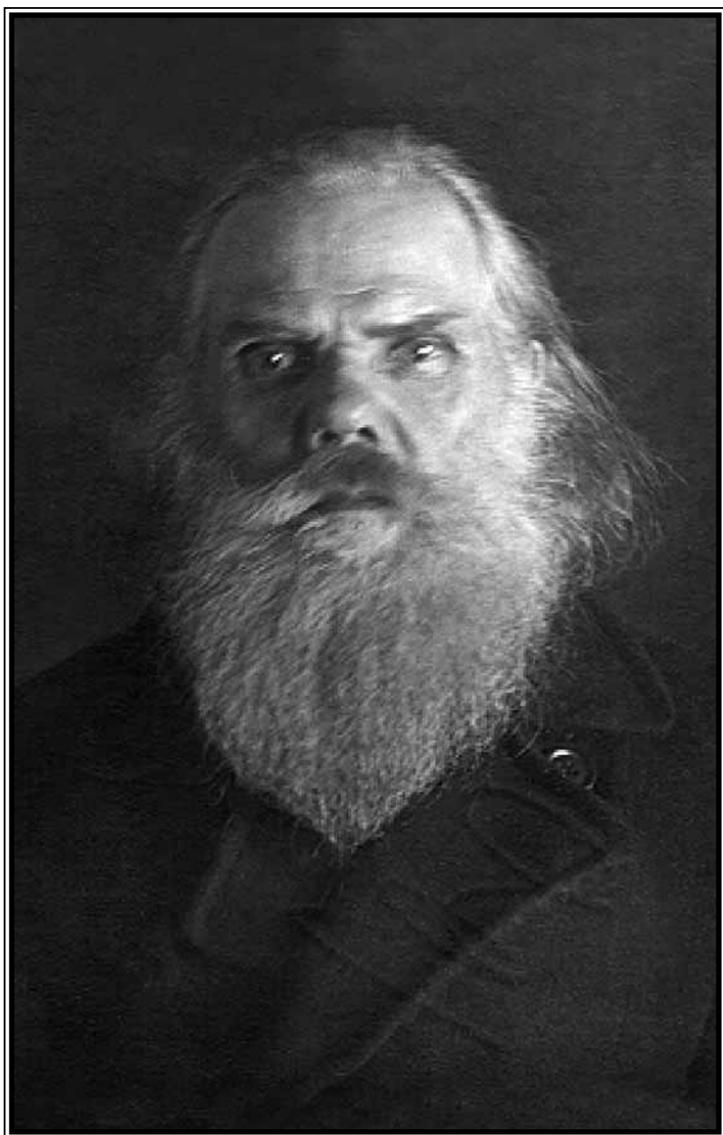
Константин (Немешаев)

Священномученик Константин родился 23 ноября 1879 года в селе Песочном Жиздринского уезда Калужской губернии в семье священника Георгия Немешаева. Пойдя по стопам отца, Константин поступил в Калужскую Духовную семинарию. По окончании семинарии женился, и у них с супругой родилось четверо детей.

До 1930 года местом служения отца Константина, вероятно, было его родное село. Там он с семьей встретил революцию и пережил все лишения последующих лет. Отца Константина несколько раз арестовывали — в 1921-м и в 1930-м годах. Второй арест окончился судом и изъятием имущества.

Отец Константин с семьей был вынужден переехать в Московскую область, в село Ведены Рузского района. Органы ОГПУ и здесь продолжали преследование священника и его семьи. У них на квартире произвели обыск, но ничего не нашли. В 1930 году семья Немешаевых переехала в село Дединово Луховицкого района, где отцу Константину предстояло служить вплоть до ареста в 1937 году.

Следующая волна репрессий 1937–38 годов не могла не затронуть такого пастыря, как отец Константин. Даже в страшные тридцатые годы храм, в котором он служил, был полон народа. Его арестовали 6 ноября 1937 года по обвинению в активной контрреволюционной деятельности и содержали под стражей в Коломенской тюрьме.

Священник Константин Нелешаев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

– Вы среди населения вели контрреволюционную клеветническую агитацию. Признаете ли это? – спросил следователь.

– Среди населения контрреволюционную агитацию я никогда не вел, – ответил священник.

17 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Константина к расстрелу. Священник Константин Немешаев был расстрелян 21 ноября 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф.10035, д. 19324.

Ноября 12 (25)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Константин (Успенский)

М У Ч Е Н И К

Борис (Успенский)

Священномученик Константин родился 9 апреля 1872 года в селе Алексеевском Московской губернии в семье псаломщика Василия Успенского. В 1892 году Константин Васильевич окончил Московскую Духовную семинарию и был назначен учителем Николо-Богоявленского училища. Вскоре он женился на девице Анне, дочери священника Никольской церкви в селе Васютино на Мху Богородского уезда Московской губернии Петра Делицына. В 1895 году отец Петр был по прошению уволен за штат и на его место по рукоположении в сан священника был назначен отец Константин. По преданию, храм на этом месте был основан преподобным Сергием Радонежским, когда он искал уединенное место для молитвы. Современное здание храма было возведено в 1787 году вместо древнего деревянного.

Отец Константин был назначен законоучителем Васютинского приходского земского училища, а с 1902 года — заведующим и законоучителем приходской школы грамоты в деревне Дальней.

За усердное и безупречное служение отец Константин был награжден в 1901 году набедренником, в 1906-м — фиолетовой скуфьей, в 1913-м — камилавкой, в 1921-м — золотым наперсным

крестом. В 1925 году отец Константин был возведен в сан протоиерея, в 1929-м — награжден палицей, в 1932-м — крестом с украшениями.

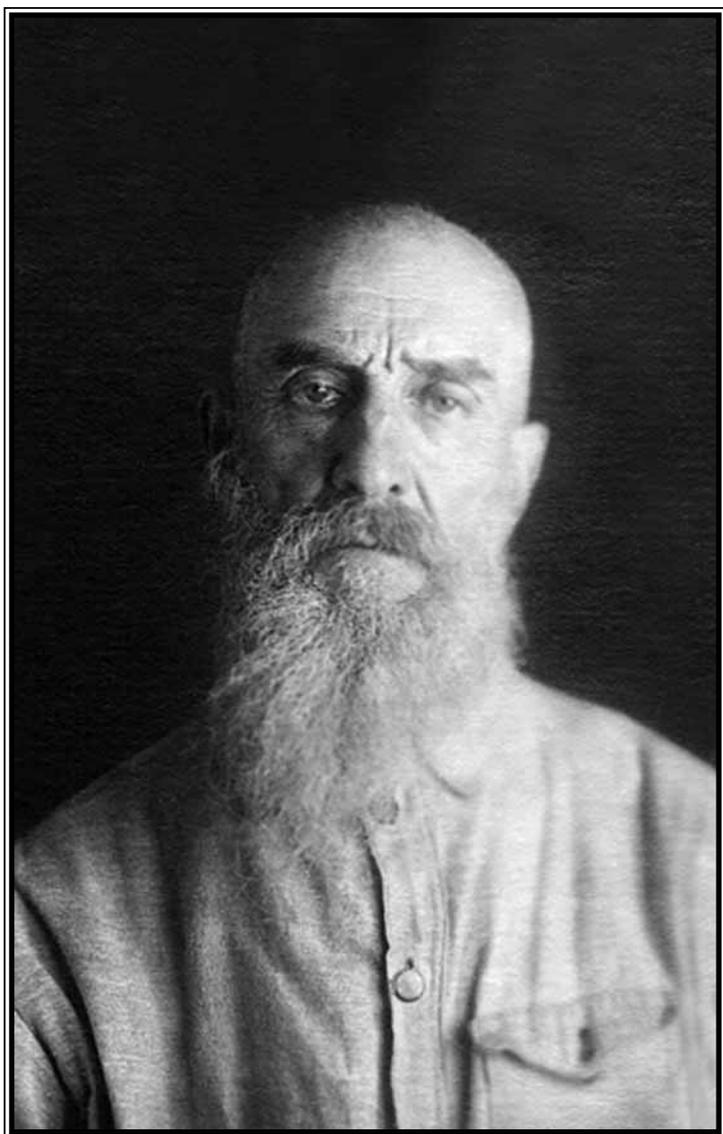
Более сорока лет прослужил отец Константин в Никольской церкви, явив себя добрым пастырем вверенных ему Господом словесных овец. Местные крестьяне жили небогато, например, фруктовых садов не было в то время ни у кого. Отец Константин насадил у своего дома яблоневый сад, и в праздник Преображения Господня спелые плоды из этого сада в больших корзинах приносились в храм и после освящения раздавались прихожанам. Яблоки из батюшкиного сада были любимым лакомством сельской детворы.

Когда начались гонения на Русскую Православную Церковь, они коснулись и Никольского прихода. В начале тридцатых годов в селе Васютино был организован колхоз имени Седьмого съезда советов. Местная школа, где некогда отец Константин преподавал Закон Божий, стала местом проведения собрания безбожников. В декабре 1935 года заведующая васютинской школой организовала в ней чтение доклада на антирелигиозную тему. Время доклада совпало с временем богослужения, и почти весь народ пошел в храм молиться.

В июле 1936 года по приглашению прихожан деревни Алексеево отец Константин служил в домах крестьян молебны о ниспослании дождя, но из одного дома был силою изгнан местным безбожником.

В 1936 году в Васютине был запрещен колокольный звон и безбожники стали снимать колокола. Нашлись молодые люди из местных, которые не побоялись кощунствовать, и колокола были сброшены. Но вслед за этим в селе начался сильный пожар, от которого дотла выгорело двадцать четыре дома. Пламя дошло до церкви. Отец Константин вышел на крыльцо храма с иконой, и огонь по молитвам священника прекратился у самой ограды.

После того как руководство страны летом 1937 года приняло решение о массовых арестах и расстрелах священноцерковнослужителей и закрытии храмов, сотрудники НКВД стали принуждать некоторых жителей села к лжесвидетельству для последующего ареста священника.

Протоиерей Константин Зеленский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

4 октября 1937 года была допрошена заведующая васютинской школой, которая на вопрос следователя, что она знает об антисоветской деятельности священника Константина Успенского и живущего с ним его сына Бориса, ответила, что всегда, когда в селе проводится антирелигиозная работа среди населения, Успенские стараются на это время назначить службу в церкви и этим отвлекают народ от антирелигиозных лекций и докладов. Например, на Рождество 1935 года проводился доклад на антирелигиозную тему, а Успенские организовали богослужение, в результате чего на лекцию пришло всего восемь человек, остальные пошли в церковь.

6 ноября 1937 года протоиерей Константин и его сын Борис были арестованы и заключены в тюрьму в городе Ногинске.

— В августе 1937 года во время службы в церкви вы раздавали яблоки верующим? — спросил следователь отца Константина.

— Да, — ответил священник, — в августе я раздавал в церкви яблоки верующим.

— С какой целью была организована раздача верующим яблок?

— В этот день был праздник Преображения. По нашему церковному уставу в этот день полагается освящать в храме яблоки и раздавать их верующим.

— Что вы говорили верующим, раздавая яблоки?

— Яблоки я раздавал молча и ничего не говорил.

— Раздавая яблоки верующим, вы допустили антисоветские высказывания, заявляя, что колхозные яблоки — от сатаны. Вы это признаете?

— Этого я не говорил. Я утверждаю, что при раздаче яблок я ничего не говорил, а раздавал их молча.

— В сентябре 1937 года вы, собрав около церкви колхозников, говорили им, что на работу в колхоз выходить не надо, мотивируя это тем, что это не дело верующих. Вы это подтверждаете?

— Нет, я это не подтверждаю. Никогда ничего подобного я никому не говорил.

— Вы убеждали колхозников, что если они не будут посещать церковь, то не будет урожая. Это вы признаете?

— Возможно, я так и говорил, но сейчас я этого не помню.

— Вы колхозникам говорили, что если они в праздничные дни будут работать в колхозе, то урожая не будет. Это верно?

— Нет, я колхозникам этого никогда не говорил.

И далее следователь допрашивал священника по каждому пункту обвинений, возводимых на него лжесвидетелями, но отец Константин все обвинения отверг. Не признал себя виновным и арестованный вместе с ним его сын Борис.

Борис Константинович Успенский родился 24 июля 1895 года в селе Караваево Владимирской губернии. Он был старшим, в семье кроме него было пятеро детей. Борис окончил Духовную семинарию, а поскольку в это время началась Первая мировая война, обращенная затем большевиками в войну гражданскую, он был мобилизован в Красную армию, где служил писарем. После демобилизации работал счетоводом, последние годы жил вместе с отцом. Лжесвидетели показали, будто Борис Константинович говорил, что «во время богослужения грех работать, а нужно идти в церковь и молиться Богу, Господь пошлет хороший урожай».

12 ноября тройка НКВД приговорила протоиерея Константина к расстрелу, а его сына Бориса — к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Протоиерей Константин Успенский был расстрелян 25 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой. Борис Константинович Успенский умер в Сиблаге, в Кемеровской области, 15 декабря 1942 года.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20847.

РГИА. Ф. 831, оп. 1, д. 237.

ЦИАМ. Ф. 2127, оп. 1, д. 465.

АМП. Послужной список.

Московские церковные ведомости. 1895. № 17—18, 43.

Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999. С. 302—303.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 314—317.

Ноября 12 (25)

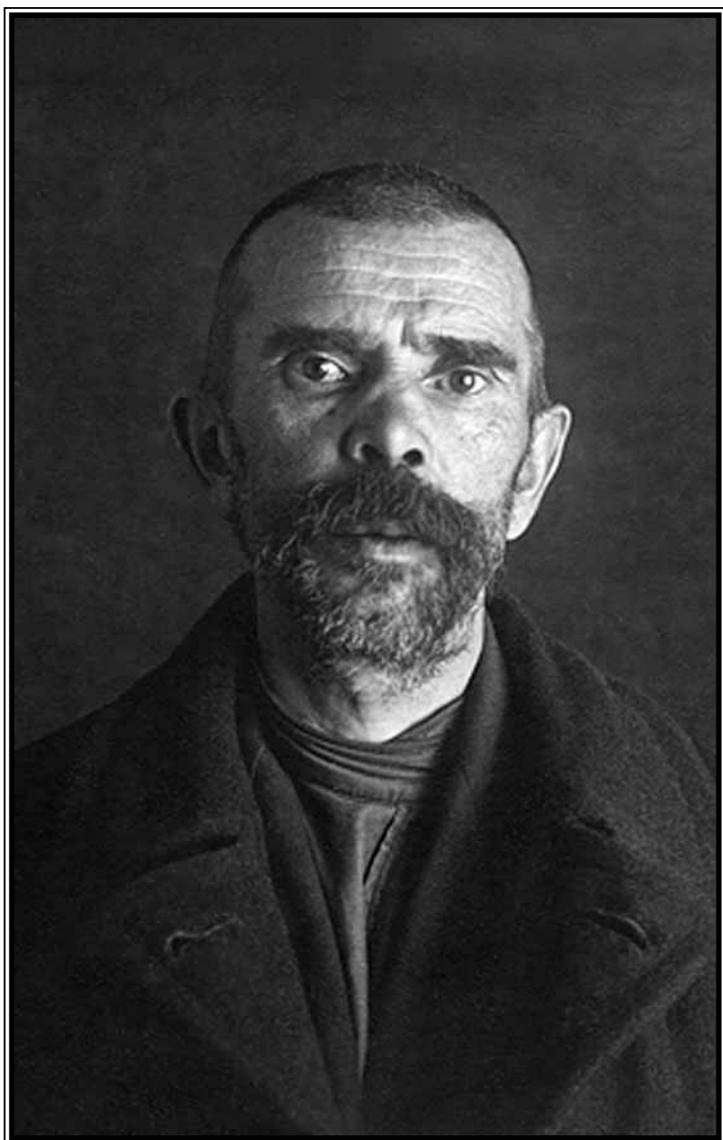
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Владимир (Красновский)

Священномученик Владимир родился 5 июля 1889 года в селе Измайлово под Москвой в семье псаломщика Платона Красновского; мать его была при храме просвирней. Отец умер еще до наступления гонений на Русскую Православную Церковь, мать – в 1918 году. Владимир окончил Перервинское Духовное училище, некоторое время служил псаломщиком, как его отец. В 1923 году он был рукоположен епископом Клинским, викарием Московской епархии, Гавриилом (Красновским) в сан диакона и стал служить в церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в селе Ассаурово Дмитровского района.

В 1925 году освободилось место священника в Свято-Духовском храме в селе Дубровки, и собрание прихожан единогласно постановило: просить епископа Дмитровского Серафима (Звездинского) рукоположить диакона Владимира в сан священника для служения в их храме. Просьба была тогда же исполнена. В 1930 году храм был властями закрыт, и в 1931 году отец Владимир был назначен служить в храм в селе Легчищево Лопаснинского района Московской области.

11 ноября 1937 года власти арестовали священника, и он был заключен в тюрьму в городе Серпухове. Основанием для ареста послужили показания «двух свидетелей на негласном допросе», как говорится об этом в документе следствия. В тот же день священник был допрошен, и ему были заданы вопросы в соответствии с показаниями этих свидетелей.

Священник Владимир Красновский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

— Следствие располагает данными о том, что вы среди окружающего вас населения, колхозников, вели контрреволюционную агитацию, направленную против существующего строя и проводимых мероприятий. Признаете ли вы это? — спросил следователь.

— Агитации против советской власти я не вел, так как я в политике этой не могу разобраться, — ответил священник.

— Следствию известно о том, что вы систематически вели контрреволюционную агитацию при исполнении своих служебных обязанностей, например при похоронах и тому подобном. Признаете ли вы это?

— Контрреволюционной агитацией я никогда не занимался, — ответил священник.

— В деревне Пикалово во время обеда после похорон вы вели контрреволюционную агитацию среди колхозников, распространяя гнусную клевету по адресу руководства советской власти. Признаете ли вы это?

— Нет, этого никогда не было.

Далее следователь стал цитировать показания тех, кто оговорил священника, но и здесь отец Владимир отверг их как ложные.

— Этого я никогда и нигде не говорил, все это на меня показано ложно, — сказал он.

— Еще раз следствие требует от вас правдивых показаний, довольно вам давать лживые показания! — потребовал следователь от священника.

Но отец Владимир на это ответил:

— Честное слово, я нигде никому не говорил о том, что конституция вызывает много вопросов; я ее читал и с ней был согласен.

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении? — спросил следователь напоследок.

И отец Владимир сказал:

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю, так как я этого нигде и никогда не говорил.

17 ноября тройка НКВД приговорила отца Владимира к расстрелу. Священник Владимир Красновский был расстрелян 25 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19320.

Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999. С. 133.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 318–321.

Ноября 14 (27)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Аристарх (Заглодин-Кокорев)

Преподобномученик Аристарх (в миру Александр Федорович Заглодин-Кокорев) родился 8 марта 1886 года в деревне Пашуково Богородского уезда Московской губернии в крестьянской семье. Окончил церковноприходскую школу. В 1908 году Александр Федорович поступил послушником в Свято-Никольский Пешношский монастырь в Дмитровском уезде Московской губернии. После назначения в 1919 году преосвященного Серафима (Звездинского) епископом Дмитровским послушник Александр стал его келейником и иподиаконом. В 1920 году он был пострижен в монашество с именем Аристарх и рукоположен в сан иеродиакона. В 1926 году епископ Серафим рукоположил его в сан иеромонаха.

В 1931 году иеромонах Аристарх был направлен служить в храм в селе Чернеево Дмитровского района Московской области, но прослужил он здесь недолго – 24 сентября того же года, во время массовой кампании по аресту насельников упраздненных монастырей, он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве – на основании тех скудных сведений, которые следователям удалось получить от ранее арестованных. Его обвинили в том, что он производил демонстративное поминовение в церкви русских царей и вел агитацию против мероприятий советской

власти. 30 сентября власти допросили его. Следователь составил протокол допроса, но отец Аристарх отказался подписаться под ним. 7 октября власти снова допросили его.

На вопросы следователя отец Аристарх так ответил: «В Нико-ло-Пешношском монастыре я проживал с 1908 года по день его ликвидации в 1927 году. После этого я совместно со старыми монахами – Афанасием (умер в 1929 году), Николаем (умер в 1929 году), Герасимом (умер в 1929 году), Владимиром (умер в 1930 году) – поселился на бывшем монастырском конном дворе и жил там до конца 1929 года. В конце 1929 года нам предложили убраться с территории монастыря, и мы перешли в деревню Кочергино, где я прожил до мая 1930 года, после чего вместе с игуменом Варнавой ушли в село Негодяево, где жили до начала 1931 года. В апреле 1931 года я поступил на должность священника в село Чернеево. В агитации против колхозов и других мероприятий советской власти и распространении провокационных слухов виновным себя не признаю».

13 ноября 1931 года тройка ОГПУ приговорила иеромонаха Аристарха к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. 17 ноября он был отправлен этапом до станции Лодейное Поле в Свирские исправительно-трудовые лагеря.

Вернувшись из заключения, иеромонах Аристарх отправился в Тверскую епархию к архиепископу Фаддею (Успенскому) и 5 марта 1936 года был им направлен служить в храм в селе Старенькое Оршинского района. Во время гонений в 1937 году отец Аристарх снова был арестован.

Были допрошены «дежурные свидетели». Один из них, председатель сельсовета, показал, что иеромонах Аристарх собирает верующих в доме одного из своих единомышленников для спевки, причем вызывает их на спевку, обходя каждого, чем отрывает колхозников от работы и разлагает трудовую дисциплину в колхозе. Колхозники уходят по окончании спевки в церковь, бросая колхозную работу. После допросов «дежурных свидетелей» следователь допросил отца Аристарха, который на вопросы следователя и на зачитанные ему показания лжесвидетелей ответил:

«Никакой антисоветской деятельности среди населения я не вел. Зачитанные мне показания я не подтверждаю».

25 ноября тройка НКВД приговорила отца Аристарха к расстрелу. Иеромонах Аристарх (Заглодин-Кокорев) был расстрелян 27 ноября 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-75373.

Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 21774-С.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001. С. 415–416.

Ноября 14 (27)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Василий (Лихарев)

Священномученик Василий родился 25 марта 1871 году в селе Тишилово Клинского уезда Московской губернии в семье диакона Алексея Дмитриевича Лихарева. Окончил в 1886 году Дмитровское Духовное училище, в 1894 году Вифанскую Духовную семинарию и был рукоположен во священника ко храму Казанской иконы Божией Матери Головинского монастыря, где прослужил до самого его закрытия.

Женский монастырь в селе Головино Московской губернии был образован в 1893 году. Решением схода крестьян и на пожертвования помещиков было организовано строительство церкви в монастыре, которое было окончено в 1900 году. При монастыре выстроили больницу и гостиницу.

В русско-японскую войну отец Василий был направлен полковым священником в действующую армию. По окончании военных действий он вернулся служить в монастырь. К 1914 году в монастыре были построены собор, колокольня и богадельня.

Во время гонений на Русскую Православную Церковь в конце двадцатых годов власти отобрали у монастыря деревянную церковь, но служба продолжалась в соборе.

В декабре 1928 года, незадолго до праздника Рождества Христова, в церковную сторожку пришли два представителя волостного исполнительного комитета и попросили разрешения осмотреть колокольню на предмет того, как они объяснили, чтобы ее

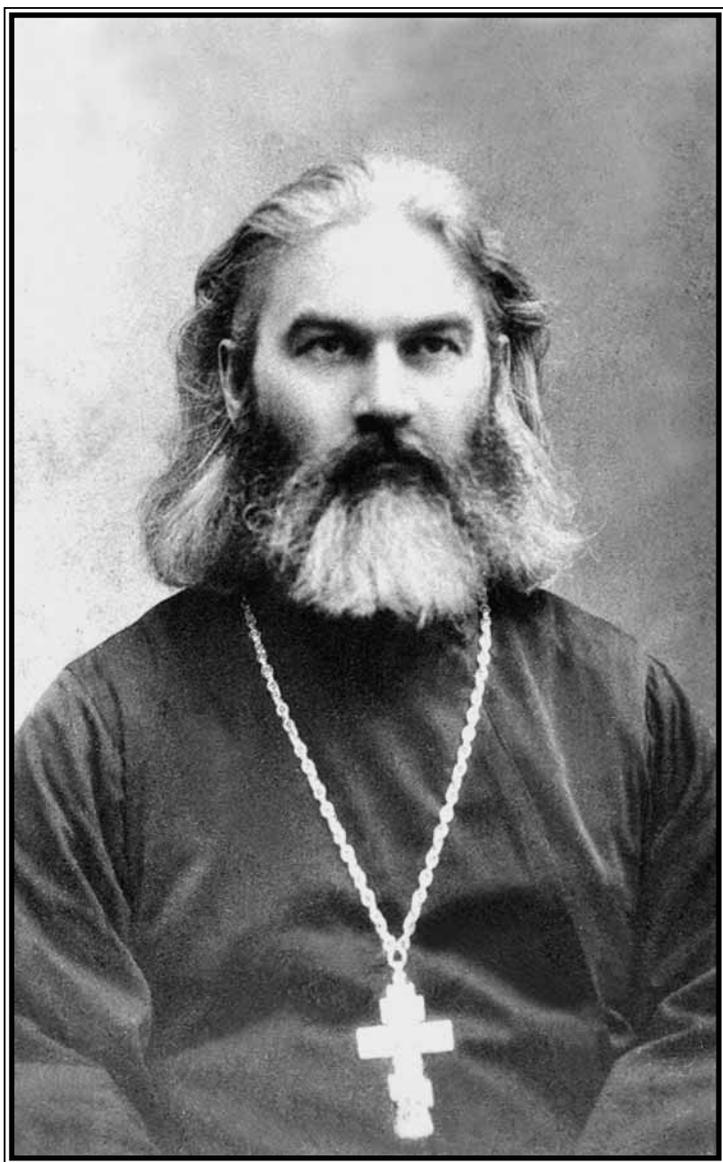

сломать. Отец Василий разрешил впустить их на колокольню, но в тот же день вечером было собрано экстренное совещание церковного приходского совета, которое постановило послать своих представителей к местным властям с соответствующими документами, показывающими, что все церковные помещения, которые арендует община, не могут быть произвольно уничтожены, поскольку с ее стороны нет нарушений, а в данном случае все церковные здания, включая колокольню, выстроены и поныне здравствующими жителями села. Власти объяснили посылку своих представителей недоразумением и заявили, что они вовсе не собираются ломать колокольню.

4 мая 1929 года, в Страстную Пятницу, власти устроили собрание рабочих местных фабрик и жителей села Головино, которое постановило возбудить ходатайство перед центральными властями в Москве о закрытии храма. Когда известие об этом решении достигло верующих жителей села Головино и окрестных селений, это вызвало сильнейшее недовольство народа, что власти отнесли целиком на счет авторитета монахинь обители, которые после ее закрытия не покинули этих мест, поселившись поблизости.

В пасхальную ночь 1929 года безбожники запланировали показ в клубе антирелигиозного фильма, причем сеанс должен был начаться в двенадцать часов ночи, во время крестного хода, а клуб находился рядом с храмом. Предполагалось, что демонстрация антирелигиозного фильма не только отвлечет молодежь от участия в церковной службе, но и настроит ее агрессивно по отношению к Церкви. Многие верующие считали, что безбожники для того показывают антирелигиозный фильм, чтобы натравить затем молодежь на хулиганский разгром храма.

В первом часу ночи, когда начался крестный ход вокруг храма, в клубе погасло электричество и демонстрация кощунственного фильма прекратилась. Вскоре выяснилось, что были повреждены провода, и поскольку исправление повреждения заняло много времени, показ фильма пришлось отменить, а церковная служба шла своим чередом без какого бы то ни было вмешательства безбожников.

Священник Василий Лукарев

На следующий день началось расследование, и верующие были обвинены в намеренном повреждении проводов, — будто бы они этим не только сорвали антирелигиозное мероприятие, но и имели намерение сжечь собравшихся в клубе безбожников живо, так как были обрезаны и электрические провода, ведущие к насосной станции, и в случае пожара не хватило бы воды, чтобы его затушить.

В связи с начавшимся расследованием были допрошены местные безбожники. Член коммунистической партии Лидия Кох показала, будто церковный староста говорил ей: «Вы против нас собираетесь сегодня выступать, но мы вам обезьянничать не дадим и сожжем вас в вашей церкви (то есть в клубе) живьем». А бывший церковный староста, по показаниям Кох, будто бы говорил жене сотрудника ОГПУ: «Вы собираете подписи граждан с целью закрыть церковь, вовлекаете и наших детей в ваши нечестивые организации и развращаете их. Это вам даром не пройдет...»

Материалы по этому «делу» были высланы в Москву Тучкову, который потребовал прислать ему список всех монахинь Головинского монастыря, проживавших в окрестности.

Проведенное следствие не обнаружило никакого участия верующих в повреждении проводов, однако цель безбожников закрыть храм осталась прежней. 1 июня 1929 года был вызван повесткой в ОГПУ на Большую Лубянку в Москве казначей храма Александр Иванович Дрындин и здесь в приемной ОГПУ арестован. На допросе 12 июня Александр Иванович сказал: «На второй день Пасхи, то есть 7 мая 1929 года, я утром выгонял коров в стадо. Ко мне подошел Владимир Андрианов и сказал, что с 5 на 6 мая были порезаны электрические провода, идущие в поселок Головино. Я слова Андрианова оставил без ответа. Кто их перерезал, я не знаю, в этот момент я был в церкви Головинского монастыря. Перед Пасхой заседания церковного приходского совета не было. И в частных беседах среди членов церковного приходского совета разговора о том, как бы сорвать антипасхальную постановку в клубе, не было».

21 июня сотрудники ОГПУ вызвали отца Василия повесткой на Большую Лубянку и в приемной арестовали. Отвечая на вопросы следователя, отец Василий сказал: «6 мая сего года, когда я проходил мимо столба, на котором были порезаны электрические провода, кто-то из толпы мне сообщил, что в ночь с 5 на 6 мая кем-то были перерезаны электрические провода. Толпа состояла из пяти-шести человек. На столбе, по-видимому, происходила починка проводов».

16 августа 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Александра Ивановича Дрындина к лишению свободы сроком на четыре месяца, а священник Василий Лихарев был из тюрьмы освобожден с запрещением три года жить в Москве и Московской области, а также еще в пяти крупных городах с прилегающими к ним областями. Отец Василий выбрал местом ссылки близкий к Москве город Тулу, куда приехал в конце августа.

По окончании административной ссылки 28 июля 1932 года ему было разрешено выехать, куда он пожелает, и отец Василий вернулся домой. За время его ссылки обитель была приведена безбожниками в плачевное состояние: собор обратили в клуб, в склепе, где были похоронены основатели монастыря, устроили склад зерна. Здание богадельни, в котором жили несколько престарелых монахинь, отобрали, и отец Василий приютил их в своем доме. Сам он стал служить в Знаменской церкви в селе Аксиныно, расположенном в нескольких километрах от его дома. За свое долгое и мужественное служение святой Церкви отец Василий был возведен в сан протоиерея и награжден митрой. В это время к нему за духовным советом и утешением стало обращаться множество народа — крестьяне, учителя, ученые.

Во время усилившихся в 1937 году гонений представители властей стали допрашивать всех, кто мог дать показания против священника. 28 сентября 1937 года сотрудники НКВД вызвали некоего человека, который снимал в доме отца Василия комнату, и попросили рассказать о священнике, предполагая, что он охарактеризует его как контрреволюционера. Он рассказал, что зна-

ет священника с 1929 года, с того времени, как стал снимать в его доме комнату. Отец Василий живет в доме с женой, сыном и дочерью. К нему часто ходят в гости священники, например брат его жены протоиерей Артоболевский, когда-то преподававший в Московской Духовной семинарии, который является завзятым контрреволюционером, если, конечно, судить по тому, что советские власти его уже высылали. Еще приходит какой-то священник, а также священник храма, где служит сам отец Василий. Часто к священнику приходят две учительницы, одна — дочь генерала, а другая — полковника, и, судя по этому, они явно антисоветские личности. Сам священник Василий Лихарев ведет активную проповедническую деятельность, и особенно среди молодежи, влияя на их родителей, и в частности тем, что оказывает им всевозможную помощь. В результате учащается посещение храма крестьянами в селе Аксиньино. Священник Василий Лихарев пользуется большой популярностью среди местного населения, а местные власти не оказывают ни малейшего противодействия этому явлению.

— Дайте показания об антисоветских разговорах и антисоветской деятельности священника Василия Лихарева, — потребовал следователь от свидетеля.

— Больше показать ничего не могу, — ответил свидетель, — так как нахожусь в недружественных отношениях с Лихаревым и он меня избегает.

2 октября власти допросили второго свидетеля, который на вопрос, что он может сказать об антисоветских высказываниях священника Лихарева, ответил, что летом 1936 года священник поделился своими впечатлениями об увиденном им в газете проекте архитектурного исполнения Дворца советов, который ему напомнил вавилонскую башню, и как постройка той башни разрушилась, заметил священник, так разрушится и строительство власти советов. Свидетель стал ему возражать, что власть не рухнет, на что отец Василий сказал, что все в руках Божиих, но он уверен, что это случится.

15 ноября 1937 года сотрудники Красногорского отделения НКВД арестовали отца Василия и заключили в Таганскую тюрьму в Москве. При аресте сотрудники НКВД забрали у священника награды, полученные им во время русско-японской войны, позолоченный наперсный крест и митру. 19 ноября следователь допросил священника, пересказав ему показания свидетелей. Выслушав, священник ответил, что не подтверждает ни одно из этих показаний и никогда не занимался какой бы то ни было антисоветской агитацией. На следующий день следствие было завершено, и следователь составил обвинительное заключение для передачи его на рассмотрение тройки НКВД.

25 ноября тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Василий Лихарев был расстрелян через день, 27 ноября 1937 года, и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19397.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-41257.

Их страданиями очистится Русь. М., 1996. С. 170–172.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 330–336.

Ноября 14 (27)

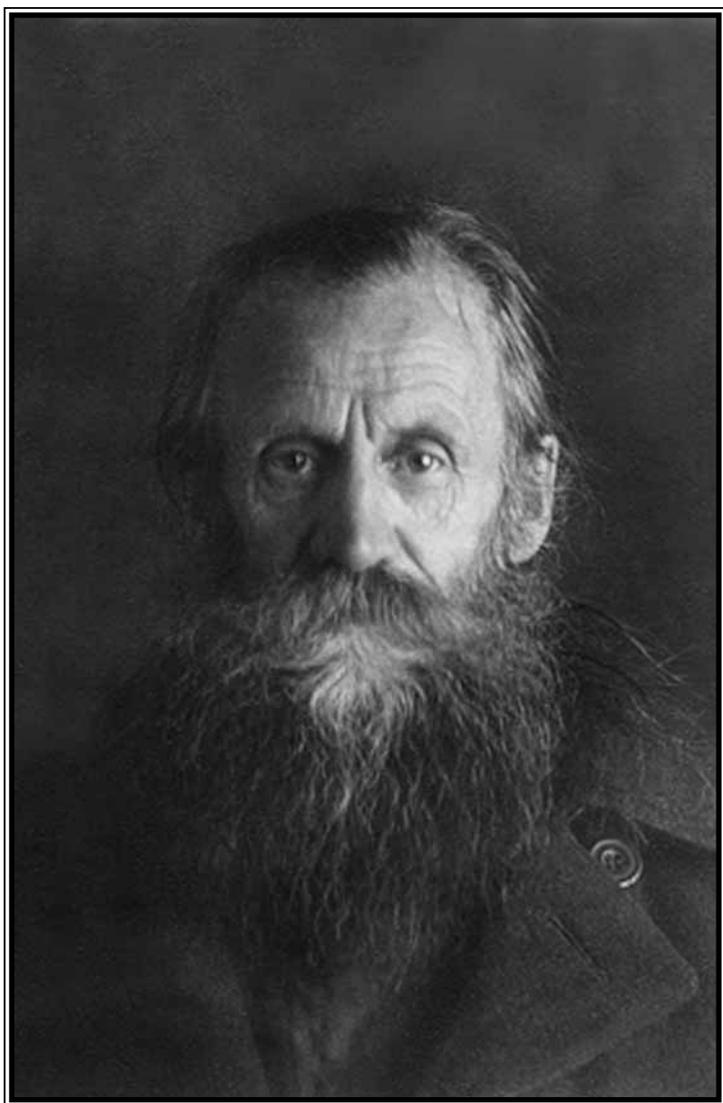
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Сергий (Знаменский)

Священномученик Сергей родился 10 апреля 1873 года в городе Чите в семье священника Иоанна Знаменского. Отец умер рано, и Сергей воспитывался в доме деда — сельского псаломщика. В 1913 году он окончил Казанскую Духовную академию и женился; у них с супругой Марией Лукьяновной было две дочери. В 1913 году Сергей Иванович был рукоположен в сан священника к кафедральному собору в городе Чите. На него были возложены обязанности миссионера среди языческих племен бурят и монголов.

Когда началась Первая мировая война и потребовались полковые священники, отец Сергей был командирован на фронт священником 234-го Борисоглебского пехотного полка. Он пробыл на фронте до конца войны. За самоотверженное служение отец Сергей был награжден двумя орденами и Георгиевским крестом 4-й степени. В 1917 году он был возведен в сан протоиерея и награжден крестом с украшениями и митрой.

После распада фронта отец Сергей отправился домой в Читу, но в это время началась гражданская война и почти остановилось движение на железных дорогах. Разруха застала его в то время, когда он находился в Симбирске, и архиепископ Симбирский Вениамин (Муратовский) назначил его в Троицкую церковь в село Чуфарово Симбирского уезда, куда к нему приехала жена с до-

Протоиерей Сергей Знаменский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

черью. Здесь своей активной деятельностью, проповедями, тем, что никому из крестьян не отказывал в исполнении треб, куда бы и в какую погоду его ни звали, священник вскоре завоевал себе значительный авторитет, причем как среди крестьян, так и у представителей местных властей.

Однако среди местных коммунистов у него оказались противники, которыми предводительствовал председатель волостной коммунистической ячейки Степан Шарагин. Они занимались поборами с крестьян и грабежом, и им не нравилось, что священник видит организуемый ими разбой и говорит об этом, и они стали предпринимать усилия, чтобы убрать священника из села.

Излагая ход событий, протоиерей Сергей писал в заявлении в уездный комитет партии: «Целых два года горе-коммунист Шарагин ведет против меня травлю, находя в этом себе и помощников... Первоначально, стараясь замарать меня пятном контрреволюции перед Отделом управления уездом и Губчека, они силились зачислить меня на службу в тыловое ополчение. Но это их желание не исполнилось: несколько раз меня вызывали в уездный военкомат, но в конце концов мобилизационный отдел выдал мне удостоверение, что, как родившийся в 1873 году, я не подлежу ни учету, ни мобилизации. Потерпев неудачу здесь, меня арестовывают и отправляют в Тагайский Райоперштаб, дабы мобилизовать на работы. Райоперштаб мобилизует меня на Чураковский ссыпной пункт. Так как это отлучало меня от прихожан, то последние ходатайствуют об оставлении меня в Чуфарове. Губпродком отменяет мобилизацию Райоперштаба и мобилизует на должность секретаря Чуфаровского сельсовета... Я по должности секретаря стал обнаруживать злоупотребления и хищения при государственных разверстках, меня вышвырнули с этой должности и начали употреблять усилия, чтобы арестовать и засадить в тюрьму. Делали доносы в Губчека, обвиняя меня в контрреволюции...»

В 1920 году недоброжелателям священника не удалось удалить его из села — отец Сергей был освобожден из ЧК со следующим удостоверением: «Дано оно священнику села Чуфарово

Симбирской губернии протоиерею Знаменскому в том, что по возвращении своем из города Симбирска (где он находился на допросе в Губчека) по месту своего жительства он не подлежит ни аресту, ни каким-либо другим репрессиям без ведома и согласия Губчека. Виновные в неисполнении вышеизложенного будут привлечены к ответственности, как за неисполнение распоряжений».

Но Шарагин не прекратил попыток удалить священника из села и 12 марта 1921 года послал в Симбирскую Губчека заявление: «Поп Знаменский ввиду отлучения Церкви от государства образовал себе церковный совет из кулацкого элемента, распродавших своих лошадей и покупивших двухлеток с целью не гонять никаких подвод, собирает самовольно сельские сходы, на которых решают крупные дела, как, например, на днях сам поп производил ревизию и учет приказчику Чуфаровского общества потребителей Никите Лаврентьеву, на которого сделал недочет куриного мяса, за что и отдал его под суд, хотя на это не имел никакого полномочия. Затем возбуждал вопросы против посевкомов и против гоньбы подвод, и действительно, в Чуфарове народ религиозный поверил больше попу, чем правительству, почему от организации посевкомов отказались. Ведет каждый праздник длинные проповеди против коммунистов, называя их масленщиками, яичниками, мясниками, живодерами и так далее, и так далее. Одним словом, Знаменский полный контрреволюционер, идет против распоряжений советской власти и коммунистов и не дает последним никакого ходу. Всячески обзывает их, издевается над ними и делает всякие насмешки».

16 марта он направил еще одно заявление в уездный комитет партии, в котором писал: «Чуфаровская волкомячейка РКП сообщает, что священник села Чуфарова Знаменский разносит провокационный слух среди крестьянского населения, будто бы город Петроград взят повстанцами, коммунистов всех убивают и скоро будут бить здесь, в Симбирской губернии, и этим самым возмущает массу. Подобные слухи среди крестьянского населения недопустимы, а посему просим губернский районный коми-

тет партии принять меры к прекращению провокационных слухов».

18 марта заявление было передано в ЧК города Симбирска. Получив его, один из уполномоченных ЧК распорядился: «Попа арестовать, вести следствие, написать волостному совету, что попытки к ревизии не допустимы».

20 марта верующие направили в Симбирский Революционный трибунал заявление: «Церковный совет доводит до вашего сведения, что гражданин села Чуфарова, к сожалению коммунист, С. С. Шарагин уже неоднократно добивался через свою клевету от советской власти незаслуженных притеснений и даже чуть не арестов нашего священника, протоиерея Сергея Знаменского. Но благодаря его невиновности дело в Симбирской Губчека производством прекращено, и ему выдано удостоверение, что он никаким арестам ни обыскам не подлежит. В настоящее время коммунист Шарагин занялся агитацией против нашего священника, собирая обманным путем подписи граждан под клеветой на священника. Но пока ему это не удалось, но со временем, может быть, и удастся, так как есть люди, которые по запугиванию его, Шарагина, и под давлением его могут и подписаться, а потому церковный совет в лице президиума просит вас, как блюстителя порядка и спокойствия в губернии, предотвратить и в корне пресечь начатое Шарагиным позорное дело, оскорбляющее чувства верующих, что программой коммунистов повелевается бережно охранять, и, кроме того, когда по неотложным делам потребовалась подвода для поездки в город Симбирск, то тот же Шарагин ходил по селу и запугивал граждан, что если кто поедет с уполномоченным и священником, то будет им арестован или отправлен на принудительные работы. А потому церковный совет просит вас, как защитника и блюстителя порядка, оградить нашу независимость и свободу нашей религии».

Протоиерей Сергей был арестован 21 марта 1921 года в то время, когда находился по делам в Симбирске, и заключен в тюрьму ЧК.

Еще до своего ареста отец Сергей послал телеграмму Ленину:

«Письмом к Вам, на которое не получалось ответа, я, хотя и поп, но честный гражданин Советской республики, просил Вас защитить меня от бесчестного председателя коммунистической ячейки села Чуфарова Степана Шарагина, который все время грозит засадить меня в тюрьму за то, что я обличал его мерзкие поступки, чернящие не только коммуниста, но всякого гражданина. Ныне он свои угрозы привел в исполнение, меня вызвали в Губчека и после опроса хотя и отпустили домой, но делавший допрос товарищ Теряев заявил, что тюрьма ждет меня. У местной власти нет защиты, не верят не только моим показаниям в моем деле, но в делах всего общества, не принимают во внимание общественных приговоров, официальных донесений волисполкома и по догадочным причинам верят одному Шарагину. Прикажите Губчека мое дело передать кому-либо другому высланному из центра, если это найдется возможным, ибо из-за Шарагина страдаю не один я, но он клеветает и на общество, и на исполком».

Ленин распорядился спросить об этом деле губернский комитет партии и губернский исполком. Но это не привело к облегчению участи священника. Степан Шарагин со своими сообщниками к этому времени договорились обо всем показывать одинаково, придя к выводу, что наиболее убедительным и достигающим их цели будет обвинить священника в контрреволюции.

Через некоторое время протоиерей Сергей был допрошен. Следователь спросил его:

- Вы говорили когда-нибудь в церкви проповеди?
- Говорил.

— Почему вы в своих проповедях называете коммунистов насмешливыми прозвищами «масленщиками», «яичниками», «мясниками» и так далее ?

— В своих проповедях я не только не называл коммунистов какими бы то ни было прозвищами, но даже и не упоминал о коммунизме.

- Почему в селе Чуфарово не организовался посевком?
- Совершенно ничего не знаю.
- Не говорили ли вы в проповедях о пришествии антихриста

на основании того, что разрешены законные гражданские разводы и браки.

— О пришествии антихриста я не говорил, и это было бы глупо с моей стороны.

— Зачем вами говорилось, что Петроград взят белыми, коммунистов убивают и скоро будут бить здесь?

— Никогда мною это не говорилось.

— Какие у вас доказательства того, что советская власть «грабит», как это вы говорили?

— Про грабеж, имея в виду советскую власть, я никогда не говорил. И если были мои проповеди о хищении, то они были обличительными против тех, кто из государственных разверсток утаивал в свою пользу.

— Зачем вы, когда прихожане просят вас о совершении религиозных треб, предлагаете им обратиться к коммунистам, они-де отслужат?

— Это было так. В октябре, в каких числах я не помню, по жалобе Шарагина я вызывался в Губчека. Будучи в крайне нервном состоянии и озлоблении на клеветника, а также торопясь к выезду в город Симбирск, допустил следующую нетактичную фразу: «Из-за Шарагина я вызываюсь в Губчека, пусть он и служит».

— Какие были у вас основания говорить, что на второй неделе поста будет переворот? О каком перевороте вы говорили прихожанам?

— Никогда не говорил.

— Если вы считаете некоторых отдельных личностей из членов РКП в Чуфарове своими врагами, то почему вы, как просвещенный, образованный интеллигент, не как руководитель религиозного культа, не пробовали облагоразумить, просветить своим заразительным примером, привлечь на свою сторону их симпатии? Разве не нашлось бы другого способа, как только ругательства с церковного амвона?

До сего времени ответы на вопросы записывал следователь, далее отец Сергей ответы на вопросы записал собственноручно, так как ему показалось, что следователь не сможет записать ответ

вполне точно.

— Ругательного способа в проповедях я никогда не употреблял, и именно по той причине, что считаю себя несколько образованным, и с моей стороны не только как для служителя культа, но и просто как для интеллигентного человека было бы низко и недостойно употреблять какие-либо выражения, а, наоборот, я всегда стараюсь своим проповедям придать стилистическую отделку. Почему я мягко не убеждал, например, Шарагина, Лаврентьева, Панкратьева, так это понятно: они меня как «попа» не слушают.

— У вас, по вашим словам, строгая дисциплина, относящаяся и распространяющаяся даже на бессловесных покойников, которых за непосещение исповеди вы лишаете почестей погребения, а почему вы с такой же строгостью не следите за своими речами, которые восстанавливают народ против власти, которую вы же считаете «от Бога», и таким образом вносите смуту в среду крестьян?

— Повторяю, что ни в каких проповедях я авторитет власти никогда не подрывал. Что же касается погребений, то на это есть правило, по которому не бывших три года у причастия мы погребаем только с разрешения епископа, но у нас не было такого случая, чтобы я кого лишил христианского погребения.

— А почему вы не доверяете местной симбирской власти, что явствует из посланной вами телеграммы товарищу Ленину?

— Потому что Шарагин оставался безнаказанным, а я от него все время страдал. Личностью Шарагина, который, если можно так выразиться, в маске коммуниста подрывает и чернит и власть, и свою партию, не доволен и возмущаюсь не только я, но и многие граждане села Чуфарова. Если бы не Шарагин, то в нашем селе коммунистическая партия была бы значительно многочисленнее, нежели теперь (три человека). Так, например, я знаю, что учительница Марина Щипакина, фельдшер Кузнецов, Федор Ананьев, Афанасий Николаев подавали заявления, что они выходят из партии только потому, что не хотят быть в одном лагере с Шарагиным. А перечисленные мною лица как члены просвети-

тельского кружка были бы, без сомнения, не лишними для советской власти.

20 апреля 1921 года Коллегия ЧК Симбирской губернии постановила заключить священника на пять лет в концлагерь. 23 апреля он был заключен в Симбирский губернский концентрационный лагерь принудительных работ.

Оказавшись в лагере, отец Сергей не перестал настаивать на своей невинности и направил одному из уполномоченных Симбирской Губчека заявление, в котором писал: «21 марта сего года уполномоченным Губчека товарищем Титовым я арестован и заключен под стражу первоначально при Губчека, потом в Исправдом, затем в Губтюрьму и наконец постановлением Коллегии заключен на пять лет в концентрационный лагерь, где в настоящее время и отбываю наказание, исполняя тяжелые физические работы, несмотря на имеющиеся у меня медицинские документы, что по состоянию своего здоровья на это не способен.

Во всех этих злоключениях я являюсь жертвой злостной клеветы личных моих врагов. Самой же горькой каплей в чаше моих страданий является терзание за жену и дочь, которые без меня остались с одним пудом муки и без всяких других жизненных припасов. Сколь тягостно быть лишенным свободы безвинно, единственно по клевете врагов, мне думается, Вы поймете это сами, а насколько мучительны мои моральные страдания о семье, для этого даже не нахожу слов, чтобы передать. После своего визита к Вам, после разговора с Вами моя супруга передала мне свое впечатление, которое она вынесла от этого знакомства и разговора. По ее словам, Вы по своим душевным качествам человека являетесь диаметральной противоположностью своего предшественника Титова. Вы были в своих отношениях к ней весьма деликатным и с большим вниманием выслушали все, что она говорила, а Титов не хотел и слушать меня, даже на вопросы отвечал молчанием; Вы не проявили такого предубежденного взгляда на меня как служителя культа, который сквозил во всех словах и поступках по отношению ко мне Титова (он три раза предлагал мне снять рясу и не быть обманщиком народа). А главное, что было

отрадно для моей жены и для меня, это то, что, по словам ее, Вы как будто сочувственно, во всяком случае человечно, отнеслись к ее горькой в настоящее время доле и к моим переживаниям.

Сделавшись жертвой судебной ошибки, я не хотел протестовать, а думал нести молча свой крест насколько хватит сил, но крайне тяжелое, критическое положение семьи моей вынуждает меня обратиться к Вам с убедительнейшей просьбой: будьте так добры и любезны, выслушайте мой правдивый рассказ, в котором не будет и скрупула лжи или неправды о том, почему я оклеветан, за что несу наказание, отнеситесь к моим словам с беспристрастием, отрешитесь от мысли, что я “поп”, и из чувства сострадания (а мне жена передала свое впечатление, что Вы — человек с сердцем) к невинно осужденному не откажитесь взять на себя инициативу пересмотра моего дела.

Из допроса, мне произведенного, и из газетной статьи я узнал, в чем меня обвиняют. В нижеследующих строках я изложу эти обвинения и свои возражения.

Обвиняют меня в том, что защищаю интересы кулацкого элемента.

Возражаю на это следующее: дело обстоит как раз наоборот. В Чуфарове есть два квартала: так называемый “монастырь”, в котором живут люди состоятельные и богатые, и “голодяевка”, где, как показывает самое название, исключительно ютится в маленьких хижинах беднота. Прежний священник “монастырю” всегда оказывал особое почтение: в праздники к ним шел к первым с крестом и молебнами, а “голодяевка” всегда оставалась в конце. Не так поступаю я: духовное утешение несу прежде к обездоленным, а уже потом по долгу службы захожу и к богачам, а потому мои враги, которые и клеветают на меня, из “монастыря”, а в “голодяевке” нет таковых. Наоборот, зайдите в самую убогую землянку Петра Филина — первого в селе бедняка, и он назовет меня другом. А кто мои клеветники: Степан Шарагин и Никита Лаврентьев? Они вот действительно кулацкого происхождения. Первый — друг и приятель урядников да становых, с которыми, по рассказам сельчан, ходил в обнимочку, а второй — бывший ла-

вочник, а ныне приказчик кооперативной лавки, не оставивший привычек лавочника.

Обвиняют меня, что будто бы из-за меня не прошел на селе посевком.

Отвечаю на это, что общественное собрание на эту тему и вынесение приговора состоялось тогда, когда я даже не был в селе, а вместе с гражданами Ф. Ананьевым и С. Кузнецовым в Симбирск ездил.

Называет меня газетная статья врагом трудящихся.

Протестую против этого эпитета самым решительным образом, ибо никогда таковым не был и не буду: воспитанный в селе в доме бедного дедушки дьячка, я жил среди бедноты, не оставил бедный люд и потом, а получив высшее академическое образование, я, как отец Кирилл в рассказе Потапенко “На действующей службе”, пошел к бедноте, и в моих ушах всегда раздается завет поэта: «Иди к униженным, иди к обиженным и будь им друг. Где тяжело дышится, где горе слышится, тут первый будь”.

Обвиняют меня, что будто бы с церковного амвона я говорил о пришествии антихриста, будто бы называл таковым советскую власть.

Возражаю на это, что тут явная ложь, и обвинять меня в этом может лишь тот, кто недооценил моего богословского образования или сам в этом деле профан. Наоборот, я постоянно разубеждаю своих пасомых, когда они начинают говорить на эту тему, так как антихрист — это определенная личность, а не собирательное лицо (каковым является советская власть).

Обвиняют меня, что я с церковной кафедры говорил что-то о кронштадтском мятеже и пророчествовал о каком-то перевороте на второй неделе Великого поста.

Возражаю на это в высшей степени несуразное обвинение, что я не так глуп, как думают обо мне мои обвинители, чтобы в столь тревожное время стал говорить на эту тему, а, во-вторых, “Божия с кесаревым” я никогда не смешивал и не смешиваю. Темы моих проповедей не политика, а Бог, душа, добродетельная жизнь и вечное спасение.

Обвиняют меня, что обращающихся ко мне с требованиями прихо-

жан я отсылаю к коммунистам.

Возражаю на это, что никто не может указать ни одного случая, чтобы когда-нибудь и кому-нибудь я отказал. Наоборот, выражаясь словами поэта, “в жнитво и в сенокос, в глухую ночь осеннюю иду, куда зовут”, по первому требованию, оставляя тотчас же все свои личные дела. Правда, был один подобный факт, в нетактичности которого по своей нервозности мне приходится сознаться. У меня уже давно идут личные счёты со Степаном Шарагиным, и не раз по его обвинениям мне приходилось оставлять приход для личных объяснений с вызывающими меня властями. Так было и в одно из воскресений октября месяца, когда я должен был явиться в Губчека. Тогда, отслужив обедню и торопясь выехать, я не стал служить ни молебнов, ни панихид, а нервно расстроенный сказал: “Из-за Шарагина мне приходится ехать, пусть Шарагин и служит”. В этой нетактичности признаю себя виновным и извиняюсь.

Обвиняют меня в том, что я в своих проповедях ругаю коммунистов.

Возражаю на это, что, как человек интеллигентный, я никогда не говорю ругательных проповедей. Обличительные проповеди, правда, произношу. Но и эти проповеди отнюдь не касаются коммунистов, ибо если бы я это сделал, то сие было бы вторжением в область политики, чего я не только по личным убеждениям никогда не допускаю, но даже не могу допустить в силу распоряжений и Симбирского архиепископа, и Всероссийского Патриарха, которые своими распоряжениями это запретили. Обличения мои касаются лишь отдельных личностей, и то, конечно, как учит наука о проповедях гомилетика, не указывая определенных. Если мои обличения попали кому-либо не в бровь, а в глаз, то в целях исправления того человека я считал бы себя счастливым. Но горе мое в том, что обличаемые хотя и узнали себя в моих проповедях, как в зеркале, но, не имея и скрупула мудрости, не возлюбили меня за это (“обличай премудрого, — говорит Соломон, — и он возлюбит тебя”), а вознегодовали, в чем сбылись другие слова — “не обличай безумца, ибо он возненавидит тебя”.

Кто же мои враги? Каковы они? За какие обличения меня воз-

ненавидели? И каковыми побуждениями я руководствовался, избобличая их? Мне думается, что решение этих вопросов не только не безынтересно для Вас, но в деле справедливого заключения необходимо, а потому считаю необходимым в нижеследующих строках с этим Вас познакомить.

Главными своими врагами я считаю: Никиту Лаврентьева, Владимира Панкратьева и Степана Шарагина.

Никита Лаврентьев – бывший лавочник, а ныне приказчик кооперативной лавки и, как таковой, избобличен ревизионной комиссией... в растрате государственных разверсток...

Владимир Панкратьев – бывший волостной писарь Загудаевской волости, а ныне секретарь волисполкома. В бытность в Загудаевке, по упорным слухам, был выгнан оттуда за растрату казенных денег. У нас в исполкоме избобличен в том, что, выдавая красноармейкам жалованье, удерживал у них в свою пользу некую толику. За это был судим, просидел шесть месяцев в тюрьме, а теперь опять на этой же должности.

Степан Шарагин – приятель бывших станových и урядников, а ныне присосавшийся к коммунистической партии и ее чернящий следующими поступками. С воза гражданина села Маклауш Димитрия Суркова украл баранью тушу, воз был предназначен для окопного страдальца красноармейца. Вместе с гражданином села Маклауш Василием Каниным незаконно реквизирует у кого-то двенадцать овчин; с гражданина села Чуфарова Семена Михайловича Николаева взял взятку мукой, мясом, медом за разрешение ему производить помол и велел варить для него самогонку, угрожая в противном случае мельницу передать в другие руки; ревизионной комиссии, производившей учет государственных разверсток, приемщиком шерсти Данилой Николаевым было заявлено, что Шарагин вместе с Лысенковым и Степаном Киселевым взяли у него одиннадцать фунтов шерсти.

Вот обличение этих их деяний вызвало с их стороны злобу и клевету. Но главным образом они возненавидели меня не за проповеди, а за следующее: я был мобилизован на должность секретаря сельсовета... Зная, что все разверстки по нашему селу испол-

нены своевременно, что граждане страдают от недобропорядочности своих же сограждан, я об этом обществу заявил. Общее собрание выбрало ревизионную комиссию, которая и разоблачила хищение. Теперь спрашивается, чем я руководствовался, разоблачая это? Считаю это долгом секретаря, ибо в противном случае я был бы соучастником. Раскрывая это, мне хотелось поддержать у граждан то хорошее впечатление, которое произвел на них много и глубоко уважаемый председатель Ревтрибунала товарищ Румянцев. Он на митинге в годовщину Октябрьской революции говорил, что обществам, которые исполнили разверстку, будет выдана мануфактура, а наше общество, исполнив таковую и не получая мануфактуры, начинало говорить: “И этот наболтал”. Желая доказать, что не он наболтал, а свои бесчестные граждане все это сделали, я и старался все изобличить. Но в результате сам я лишен свободы на пять лет!

В сказанном одна чистая правда, и я, таким образом, являюсь жертвой судебной ошибки. Болея душой и сердцем о своей семье, ужасаясь тому, как она будет жить, зная болезненность своей супруги, я раздираюсь на части, а потому обращаюсь к вашей человечности и умоляю пересмотреть мое дело».

22 февраля 1924 года Комиссия НКВД по административным высылкам изменила приговор на два года ссылки в Зырянский край. Через восемь месяцев отец Сергей был освобожден; возвращаясь в Симбирск, он остановился в городе Вятке, так как не имел средств сразу доехать до Симбирска. На следующий день по его приезде в Вятку епископ Авраамий (Дернов) назначил протоиерея Сергея настоятелем Успенского собора в городе Яранске. 3 ноября он отслужил первую службу в соборе и с тех пор служил часто, проповедуя за литургией и всенощной, и деятельно участвовал во всех церковных событиях города. Это было время тяжелое для церковной жизни Вятской епархии, так как власть захватили обновленцы, и бывали периоды, когда на кафедре не оставалось православного епископа, а обновленческие спешили рукоположить своих священников. В результате, когда во главе епархии все же становился православный епископ, клиры храмов раз-

делялись, так как одни священники были рукоположены православными архиереями, а другие обновленческими, причем зачастую обновленцы, когда их храм переходил под омофор православного архиерея, отказывались приносить покаяние. Все это порождало нестроение и смуту в приходах. Такое положение было и в Успенском храме.

В начале января 1925 года в Яранск прибыл направленный сюда Патриархом Тихоном епископ Нектарий (Трезвинский), который назначил протоиерея Сергия своим секретарем; в этой должности отец Сергей пробыл до ареста владыки.

После того как во главе Яранского викариатства стал православный епископ, духовенство усилило борьбу против обновленцев, которые при помощи советской власти отнимали храмы у православных и достигли в этом некоторых успехов. Теперь же многие приходы возвращались в православие. 27 февраля 1925 года протоиерей Сергей направил рапорт Святейшему Патриарху Тихону, в котором писал: «Два года Яранская епископия была обновленческой под управлением Сергия Корнеева. Но верующая душа, которая по природе — христианка, чутьем своим опознала ложный путь, указываемый ей, не подчинилась водительству изменника православия, изгнала его и вступила в каноническое общение с Вашим Святейшеством. Ныне под духовным водительством Преосвященнейшего епископа Нектария она вся православная. Главными деятелями в такой перемене и восстановлении православия были церковный староста собора Иван Васильевич Охотников и следующие граждане: Николай Павлович Стародумов и братья Михаил и Иаков Алексеевичи Чернышевы. О первом я уже делал доклад его Преосвященству, и последний представил его к благословению Вашего Святейшества. Но было бы несправедливо оставить без внимания деятельность и последних трех, вместе с Охотниковым перенесших за свое святое дело тюремное заключение, а посему, вспомнив о них, когда я ехал к Вашему Святейшеству, решил их также представить к благословению Вашего Святейшества с выдачею грамот, будучи вполне убежден, что его Преосвященство вполне будет согласен с тако-

вым моим представлением».

14 марта Святейший Патриарх Тихон написал на рапорте свою резолюцию: «Указанным здесь лицам изъявляю признательность и призываю на них Божие благословение».

Обновленцы пытались отомстить епископу Нектария и стали жаловаться на него Патриарху Тихону. Патриарх переслал жалобу владыке и благословил разобраться в происходящем. В результате 18 марта 1925 года настоятель Успенского собора протоиерей Сергей, а также все благочинные Яранского викариатства направили Патриарху Тихону рапорт о положении церковных дел в Яранском викариатстве, в котором писали: «Враг рода человеческого, нередко являющийся с целью обольстить, аще возможно, и избранных во образе Ангела света, во образе епископа Сергия Корнеева, при его благообразной наружности и внешней доброте сердца, подкупающей ласковости и обходительности, два года обманывал верующих паствы Яранской, пася словесных овец Христовых среди болот и раскола, ереси и отступления от православия и говоря, что ведет на чистый и ароматный луг вертограда Господня. Но пасомые увидели обман своего пастуха и изгнали его вместе с его помощником, настоятелем кафедрального собора отцом Турутиным. Оставшись одни среди этого болота, верующие молили Пастыреначальника Господа послать им “пастыря добра”, который бы душу свою готов был положить за вверенные ему Богом люди, а не наемника, подобного изгнанному Корнееву, который ради временных своих благ, ради собственного спокойствия, из-за тщеславия (архиепископства ради) и шкурничества вел к гибели всю паству свою.

Бог вложил Вашему Святейшеству назначить нам епископа Нектария. Теперь мы видим, что такого первосвященника нам и подобает иметь. Он сразу исторг плевелы Сергия Корнеева. Кораблю Яранской церкви сразу дал верный курс и руль его держит крепкими руками. Правда, он горяч, но эта горячность есть ревность по Бозе, по вере, по святому делу душеспасения, что так ценно в очах Божиих, Которому ненавистна теплохладность.

Почему и просим не придавать значения жалобам на нашего

епископа, унижающим авторитет нашего архипастыря».

Активная церковная деятельность православных привлекла внимание властей, и ОГПУ составило следующее заключение о происходящих событиях: «Агентурными действиями ОГПУ было установлено, что в декабре 1924 года сгруппировавшийся в церковном совете Успенского кафедрального собора города Яранска кулаческо-монархический элемент – купцы Чернышевы, Охотников, думец Стародумов и другие, называя себя примыкающими к тихоновской ориентации, грубой физической силой религиозной толпы этой же ориентации разогнав в городе Яранске так называемые обновленческие церковные советы, захватив все церкви под свое руководство, послали к бывшему Патриарху Тихону в Москву делегата Чернышева за епископом. Тихоном был послан в Яранск епископ Нектарий Трезвинский, совершенно неизвестный населению Вятской губернии.

Трезвинскому во всей работе помогал вернувшийся только что из ссылки священник Знаменский».

5 апреля 1925 года епископ Нектарий был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму Вятского ОГПУ.

22 мая сотрудники ОГПУ допросили протоиерея Сергея и, отвечая на их вопросы, священник сказал: «С епископом Нектарием я всегда служил обедню. Точно сказать относительно его проповедей я не могу, так как проповеди говорились всегда в конце обедни, когда я был занят в алтаре. Лично я также говорил проповеди, в каждой из которых касался обновленцев и что путем погибельным они ведут; имел выражения: лучше идти постарому с Богом, чем по-новому без Бога. В проповедях своих о советской власти я никогда не говорил».

На следующий день сотрудники ОГПУ произвели в доме священника обыск.

Видя, что дело, начавшееся арестом епископа Нектария, идет, при поддержке властей, к захвату собора обновленцами и аресту всех сопротивляющихся этому, отец Сергей решил ехать в Москву.

26 мая был допрошен в качестве свидетеля один из священни-

ков Успенского собора, Милославский, который, отвечая на вопросы следователя, сказал: «Вместе с епископом Нектарием в Советск приезжал и протоиерей Сергей Знаменский. Но служил он только в одной Спасской церкви и ограничился двумя проповедями за всенощной и за обедней на тему “Разбор обновленческого течения”, в которых указывал на неканоничность образования ВЦУ, на неканоничность Собора 1923 года, безблагодатность обновленческого священства (но что он под этим подразумевал, я не знаю) и призывал верующих отклониться от обновленческого течения, как церковной организации, не дающей верующим спасения.

Я лично читал его послужной список, в котором значится, что в империалистическую войну Знаменский был продолжительное время добровольцем — полковым священником на передовых позициях в боях, за что был представлен корпусным офицерством к награде и был награжден двумя “Аннами” и бриллиантовым крестом, который был надет на Знаменского собственноручно бывшим императором Николаем. Отношение Знаменского к советской власти и существующему строю было отрицательное, а на одном богослужении за всенощной в проповеди Знаменский открыто публично закончил проповедь словами: “лучше при старом строе, но с Богом, чем при новом, но без Бога”».

Окончив допрос, следователь вручил священнику повестку на вызов для допроса протоиерея Сергея Знаменского и просил передать ему. Перед отъездом в Москву отец Сергей зашел в дом к священнику Милославскому попрощаться, и тот хотел передать ему повестку, но отец Сергей не взял ее. От Милославского он сразу же пошел на вокзал и в тот же день уехал в Москву, решив найти священническое место в другой епархии.

В Москве он узнал, что только епископа Серафима (Звездинского) можно застать в Дмитрове. В Дмитровском районе, однако, не оказалось свободной священнической вакансии, и отец Сергей уехал в Нижний Новгород, затем в Арзамас, а оттуда отправился пешком в Саровскую обитель помолиться преподобному Серафиму. В Сарове он прожил больше недели, усердно про-

ся преподобного о помощи. Из Сарова он выехал во Владимир, оттуда в Муром, и здесь ему сообщили, что вскоре освободится место священника, о чем его известят. Отец Сергей уехал в Москву и вскоре получил телеграмму, что место освободилось. Выехав в Муром, он прибыл туда в тот день, когда там развернулась многолюдная ярмарка.

Обо всем происшедшем с ним на ярмарке отец Сергей писал впоследствии супруге Марии: «Господь послал для меня новое испытание... В Муроме 25 июня старого стиля, в день Петра и Февронии, Муромских чудотворцев (я в этот день служил в соборе и у раки святых молился о благополучном исходе твоей болезни), я задержан, арестован и заключен в Муромскую тюрьму, где просидел недолго, этапом через Московскую Таганскую переправлен во Владимир. Теперь сижу здесь. Через два дня будет две недели (9 июля), как я за решеткой... Видно, Господу не угодно пока, чтобы мы устроились так, как было хотели... Заключенные со мною, которые убедились из моих слов в моей невинности, говорят, что это — судьба, злой рок. Долго сам я даже недоумевал, как мог очутиться в таком положении, но священники и архиереи, находящиеся в тюрьме, видят в этом верх испытания, которым Господь испытует мою веру и любовь. Этим они меня успокоили... Перенесем оба, что еще суждено, стоически, и верь, что после этого на нашем небосклоне туч и гроз не будет! Только слушай же спокойно, как Господь меня испытует.

25 июня я пошел прогуляться по Мурому, чтобы посмотреть этот город, и между прочим направился в район ярмарки поинтересоваться, думая, что она нечто вроде Нижегородской. Было очень душно, а ты знаешь, какой я потливый; посему шел, обтираясь и обмахиваясь платком. Зная, что на ярмарках оперируют искусно карманники, я вынул из кармана свое портмоне и нес его в руках. Неоднократно мне навстречу попадали одни и те же лица (район ярмарки очень невелик). Между прочим раз 7–8 встречал какую-то маленькую (от горшка два вершка) девчонку. На это я не обращал никакого внимания, но когда она подозвала к себе какого-то мальчишку и указала на меня, это меня заинтересова-

ло. Я стал следить за мальчишкой. Он шел впереди, а я сзади. Когда, идя за ним, я таким образом очутился в самой гуще ярмарки — у карусели, то, сочтя неудобным для себя тут быть, повернул обратно. Мальчишка тогда догоняет меня и спрашивает: “Что тебе надо?” — “Дам деньги, куплю и сделаю, что мне надо, без тебя”, — сказал я и, подумав, что тут афера карманников, поспешно удалился от него на другую сторону, даже вне района ярмарки, куда не достигал и свет электричества. Здесь вышеупомянутая девочка опять прошла мимо меня. Все это время ни я ей, ни она мне ничего не говорили. Но вдруг в этот самый момент меня приглашают в ярмарочное отделение милиции и составляют протокол о покушении на изнасилование малолетней (!). Потом редакция исправляется: “приглашение девочки с неизвестной целью”...

Народу набежала масса. Кто-то нарядился в мою рясу, когда производился личный обыск, и стал благословлять народ, другой... дергает меня за волосы, смеясь над “гривой”, третий допускал циничные, нецензурные замечания по моему адресу... В результате всего я уже почти две недели сижу в тюрьме. В Муроме я потребовал очной ставки с этой девочкой. Она была устроена. Вот вопросы ей и ее ответы.

— Приглашал ли вас гражданин Знаменский и что говорил?

— Ничего он не говорил, а махал кошельком и рукой.

— Почему вы думаете, что эти его действия не произвольны, а относились к вам?

— Он проходил мимо меня не раз.

— Преследовал ли вас Знаменский?

— Не знаю, но он ходил около меня с час.

Вот и весь допрос. Где же тут покушение на изнасилование, развращение или даже просто приглашение для неизвестных целей?! Вот мальчишка (ее брат, оказывается) говорил, что я его призывал и давал ему денег, чтобы он что-то сделал. А что? — не объясняет...

Лично за себя успокоился, благодарю Бога, что смиряет мою гордость. Я вижу, что Промысел Божий привел меня во Владимирскую тюрьму не напрасно... заключением в тюрьму из-за де-

вочки Господь смиряет мою гордыню, чтобы я не гордился тюрьмой как местом страданий за Церковь, что было прежде...»

Во время этапа из Муромской тюрьмы во Владимирскую отцу Сергию встретились две женщины, которые хорошо знали эту девочку и охарактеризовали ее как крайне развращенную.

31 августа следствие по делу о развращении девочки было прекращено, и затем продолжено дело, начатое еще в Вятке, куда протоиерей Сергей был отправлен вскоре этапным порядком, прибыв в тюрьму при Вятском ОГПУ 21 сентября 1925 года. В тот же день священник был вызван на допрос и собственноручно написал свои показания: «Я знаю, в чем меня обвиняют, а посему даю такие показания:

119 статья УК, которая мне инкриминируется, гласит: “Использование предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям”. Какое тяжелое обвинение: свержение власти! противление ее законам! да еще даже возбуждение масс ко всему этому! Я не буду увеличивать и удлинять свои показания богословско-философскими рассуждениями о недопустимости всего этого со стороны священника, как проповедника диаметрально противоположного всему этому, не буду скреплять своих рассуждений ссылками на цитаты Священного Писания, вроде: “нет власти, которая была бы не от Бога”, и потом: “необходимо повиноваться всякой власти, не только благой, но и злой” и “воздавать всем должная: кому честь, кому страх, кому подать”. Не буду потому, что все это по естественному к обвиняемому недоверию не достигнет цели и лишь, может быть, вызовет у человека неверующего ироническую улыбку, чему я не желаю подвергать свое религиозное credo. Умолчу и о том, что обвинение во всем этом кого бы то ни было в настоящее время уже не современно. Власть, готовящаяся к 10-летнему юбилею и признанная всеми державами, уже настолько окрепла и заслужила симпатии народа, что говорить о какой-либо контрреволюции, и тем более церковной (об этом не раз печаталось в газетах), не приходится. Приступим прямо к разбору тех конкретностей, что мне приписыва-

ют как обвинение по 119 статье УК.

Первое. Будто бы в одной из проповедей я сказал: “Лучше со старым строем, но с Богом, нежели с новым, но без Бога”. – Этого я не говорил. А раз не говорил, то таким кратким заявлением можно бы и ограничиться, берущий на себя этот труд должен о речах давать стенографический отчет, а не выхватывать фразы в неточной редакции. Но я догадываюсь, о какой моей проповеди идет речь, припоминаю ее содержание, помню даже и то, что в числе слушателей я заметил одного, который (потом мне сказали, что это обновленческий псаломщик) записывал мои слова, на которого я во время своей речи устремлял свой взор и ближе к которому пододвигал аналой, дабы он, пришедший, видимо, с целью передать мою речь своим попам-обновленцам, ее не исказил (а он все же исказил!). Эту речь я говорил в Спасской церкви города Советска. Там начинало развиваться обновленчество. Приезжал даже обновленческий епископ Филарет, которого я называл в проповеди “дядя Филарет”. Но его православные изгнали, пастырей своих заставили принести покаяние и, присоединившись к православному Яранскому епископу Нектарию, пригласили его и меня служить в городе Советске. И вот за богослужением в Спасской церкви я по распоряжению епископа должен был в проповеди разъяснить разницу между православием и обновленчеством. Делал я это, проводя параллели между тем и другим, указывая на то, что Христос основал Новый Завет, когда все было исполнено из Ветхого; я спрашивал: “А исполнили ли мы Новый Завет, захотев какого-то новейшего?” Остановившись же на одной из статей журнала “Христианин”, в которой отрицается (или, по крайней мере, имеется к этому тенденция) Божество Христа, я говорил: “Лучше идти старым путем, но с Богом, нежели новым – обновленческим, но без Бога”. Вот в подлинной редакции приписываемая мне фраза. Но возьмем ее даже в той редакции, в которой цитирует ее мой неведомый обвинитель. К его неудовольствию, даже и в этой редакции она не может завинить человека, если взять ее в контексте речи. Если бы он был человек интеллектуально развитый, то не вырывал бы отдельной фразы, а

улавливал бы смысл. Ведь строй может быть всякий: государственный, общественный, семейный, церковный. Об этом последнем у меня и была речь. Всякий, я уверен, мою речь так и понял. Думается, что и сообщивший о ней понять иначе не мог, а если доносит иначе, то явно со злостной целью. А раз моя речь носила характер чисто церковный и касалась вопроса спорного между нами, церковниками, “*pro sua domo*”*, то ни обновленцы в силу 13-й статьи конституции не имеют права указывать, что говорить и что не говорить, чтобы этим не вмешаться в дела другой религиозной общины, ни советская власть не станет вопреки декрету от 20.01.1918 года входить во взаимоотношения группы верующих. Ибо, если бы последняя это допустила, то сие было бы нарушением инструкций НКЮ и НКВД от 19.06.1923 года, запрещающих “административным вмешательством поддерживать какой-либо культ в ущерб другому”. Посему вышеуказанная моя проповедь, из которой кто-то сделал перефразированное извлечение, обвинением для меня быть не может, и в произнесении таковой проповеди я не считаю себя виновным.

Второе. Что касается другой проповеди, которую я говорил в городе Яранске 8 марта перед крестным ходом, то и она не должна служить мне обвинением. Проповедь была вероучительная. А вероучительные проповеди постановлением ВЦИК 13.04.1921 года не запрещаются, а, наоборот, по циркуляру НКЮ 3.01.1919 года было бы незаконно преследовать за них, так как циркуляром НКЮ 19.06.1923 года бороться с религиозной пропагандой надо не репрессиями, а другими указанными мерами. Перед крестным ходом 8 марта я говорил проповедь об историческом происхождении крестных ходов, об их значении, а закончил приблизительно так: “Говорят, христианство отжило, умерло, а я вижу вас в таком количестве собравшихся – и мужчин и женщин, и старых и молодых, и образованных и простецов – и радуюсь пастырским сердцем. Возьмем же священные хоругви, эти наши знамена, изнесем их на стогны града. Крестный ход есть смотр религиозным силам. Пусть неверующие видят силу, мощь христианства, которое не

---

* *Pro domo sua* – в свою защиту, в своих интересах (лат.).

умерло, но живет”. Может ли тут быть речь о каком-то антисоветском натравливании?! Здесь не только нельзя говорить о том, о чем гласит 119-я статья УК, но даже и о пропаганде, за которую по 69-й статье УК наказываются нарушители 119-й статьи. Если и может быть речь о какой пропаганде, то чисто церковной, религиозной, а таковая по конституции РСФСР допускается наравне с антирелигиозной.

Рассматривая эти две свои проповеди под этим же углом или через эту же призму, а также и по толкованию 119-й статьи УК профессором П. В. Гидуляновым в его статье, помещенной в № 1–2 журнала “Революция и Церковь” за 1924 год, я никак не могу признать себя виновным перед гражданским законом.

Теперь в заключение всего остается сказать несколько слов о причине, побудившей меня выехать из Яранска, так как это разъяснит, от кого и от чего я скрываюсь.

В город Яранск прибыл обновленческий поп Турутин, ранее бывший настоятелем собора, но прихожанами изгнанный. Он начал по своему приезду оттягивать собор. Епископ Нектарий был в это время как раз арестован, а предстояла борьба, которая всей тяжестью ложилась на мои плечи, и я, таким образом, находился между молотом и наковальней, между Сциллой и Харибдой, между двумя огнями. Долг пастыря и прихожане требовали одно, долг семьянина – другое. Религиозная община заставляла защищать и бороться, жена умоляла удалиться от этой борьбы. Уже по опыту зная, на какие низости способны обновленцы, я согласился с супругой и выехал из Яранска, во-первых, чтобы отдохнуть, что еще в феврале месяце мне было предписано московскими врачами, а во-вторых, найти себе новое место служения, где бы не пришлось вести борьбу с обновленцами.

Что же касается того, что я скрылся, то это и правда и неправда.

Правда: я скрылся (но не здесь и не перед советской властью мне каяться) от дела Божия: увидел волка грядуща и, как наемник, убежал, оставив стадо на расхищение. Что же касается скрывательства от гражданской власти, то с одной стороны официально этого нельзя сказать: я никем не был обязываем к явке в ГПУ.

Правда, когда у меня уже был куплен на городской станции билет в Москву и когда я уезжал, зашел к священнику Милославскому, то он показал мне повестку ГПУ, но я от него ее не принял, сказав ему: “Ты не милиционер, не курьер и не агент”. В этом я виноват, признаюсь, и прошу два с половиной месяца, что я нахожусь под стражей, зачесть достаточным к сему наказанием, ибо этот мой поступок законом не предусмотрен, а если его рассматривать как побег из-под стражи (и то из-под стражи!) без взлома замков и насилия охране, то карается четырнадцатидневным арестом.

У меня дома в настоящее время жена без гроша денег, без куса хлеба с родившейся без меня дочерью. Прошу пожалеть бедного ребенка, который требует покоя и лучшего питания матери, войти в положение несчастного отца, еще не видавшего своей дочери, и освободить меня в возможно скором времени, дабы скорее мог добыть хлеба обездоленной семье».

5 октября 1925 года протоиерей Сергей из Вятской тюрьмы при ОГПУ был переведен в Вятскую городскую тюрьму. 6 октября следствие по его делу было закончено, и следователь ОГПУ вынес следующее заключение: «Считая предъявленное обвинение гражданину Знаменскому доказанным, следственное дело законченным и преступные действия его умышленными, за что он уже был сурово наказан, полагаю: данное следственное дело представить на внесудебное рассмотрение Особого Совещания Коллегии ОГПУ с предложением гражданина Знаменского Сергея Ивановича из пределов Вятской губернии изолировать и лишить его возможности антисоветской деятельности как неисправимого».

Затем дело было переслано в Москву на рассмотрение 6-го отделения секретного отдела ОГПУ. Секретарь отделения порекомендовал отправить священника на два года в концлагерь.

26 марта 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Сергея к двум годам заключения. С открытием навигации на Белом море он был отправлен в Соловецкий концлагерь. По окончании в 1927 году срока заключения он был направлен в Екатеринбург под надзор ОГПУ. Вскоре свя-

щенник был снова арестован и приговорен к трем годам ссылки в Узбекистан.

Вернувшись из ссылки, протоиерей Сергей стал служить в храме мучеников Флора и Лавра в городе Кашире Московской области.

В 1937 году власти арестовали священника, обвинив его в хулиганстве. Но обвинение было настолько нелепым, что суд вынужден был его оправдать. Однако 17 ноября 1937 года власти снова арестовали его. На допросах священник виновным себя не признал.

— Дайте правдивые показания о вашем отношении к советской власти, — потребовал следователь.

— После совершения Октябрьской революции я долгое время считал эту революцию за крамолу, бунтарство и делом временным, — ответил протоиерей Сергей.

— Вы точнее скажите о своем отношении к советской власти, — сказал следователь.

— А точнее могу сказать, что враждебное.

— Будучи враждебным человеком к советской власти, где вы проявляли активные действия против нее?

— Я открытых враждебных действий против советской власти не проявлял.

На этом допрос был закончен. 25 ноября тройка НКВД приговорила отца Сергея к расстрелу. Протоиерей Сергей Знаменский был расстрелян 27 ноября 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19395.

Архив УФСБ РФ по Ульяновской обл. Арх. № П-7255.

Архив УФСБ РФ по Кировской обл. Арх. № СУ-3930.

За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь.

1917–1956. Кн. 1. М., 1997. С. 462–463.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 342–362.

Ноября 14 (27)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К И

Николай (Виноградов)

Димитрий (Лебедев)

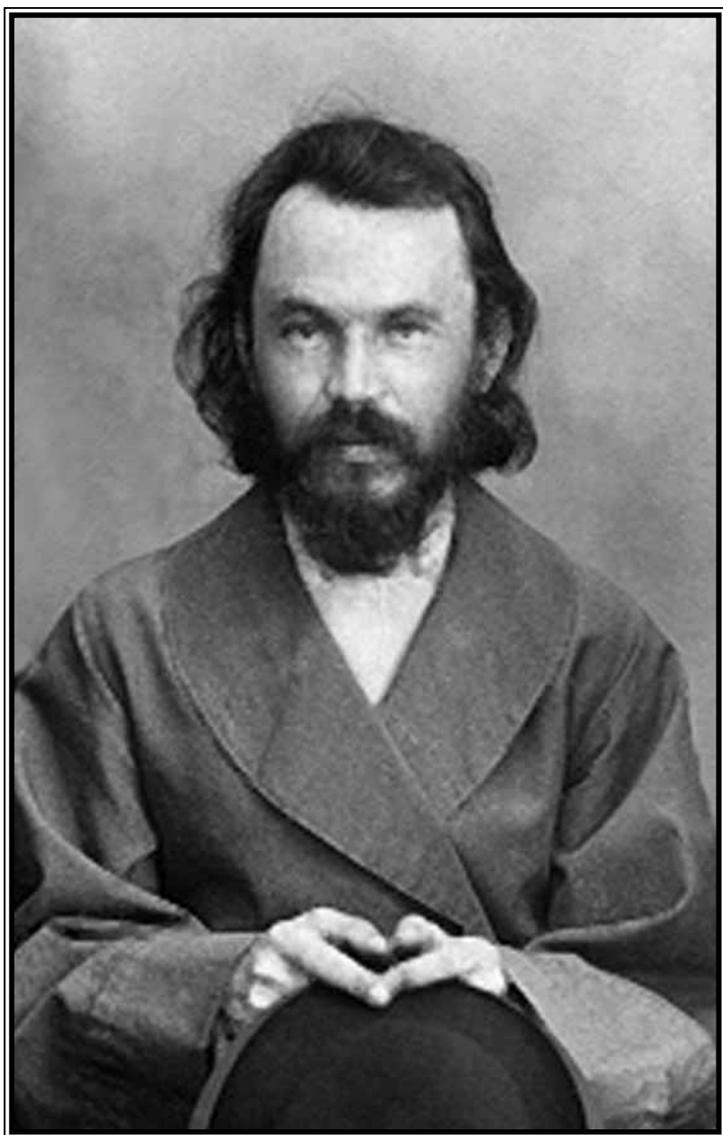
М У Ч Е Н И К

Гавриил (Безфамильный)

Во время гонений 1937 года власти часто арестовывали всех членов причта, после чего опустевшие храмы разрушали. 21 октября 1937 года были арестованы настоятель Вознесенского храма в селе Теряева Слобода Волоколамского района Московской области протоиерей Николай Виноградов, диакон храма Петр Смирнов и вместе с ними мирянин Гавриил Безфамильный, а также настоятель церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в соседнем селе Спирово протоиерей Димитрий Лебедев.

Священномученик Николай родился 21 апреля 1876 года в городе Дмитрове Московской губернии в семье диакона Иоанна Виноградова. В 1901 году он окончил Московскую Духовную академию. Женился на Екатерине Павловне Соколовой и был рукоположен в сан священника.

В 1914 году отец Николай был удостоен степени магистра богословия. В это время он был настоятелем храма Московского Александровского института, а также законоучителем в этом ин-

Священник Николай Виноградов

ституте. В 1918 году его перевели на должность настоятеля церкви святителя Николая на Пупышах.

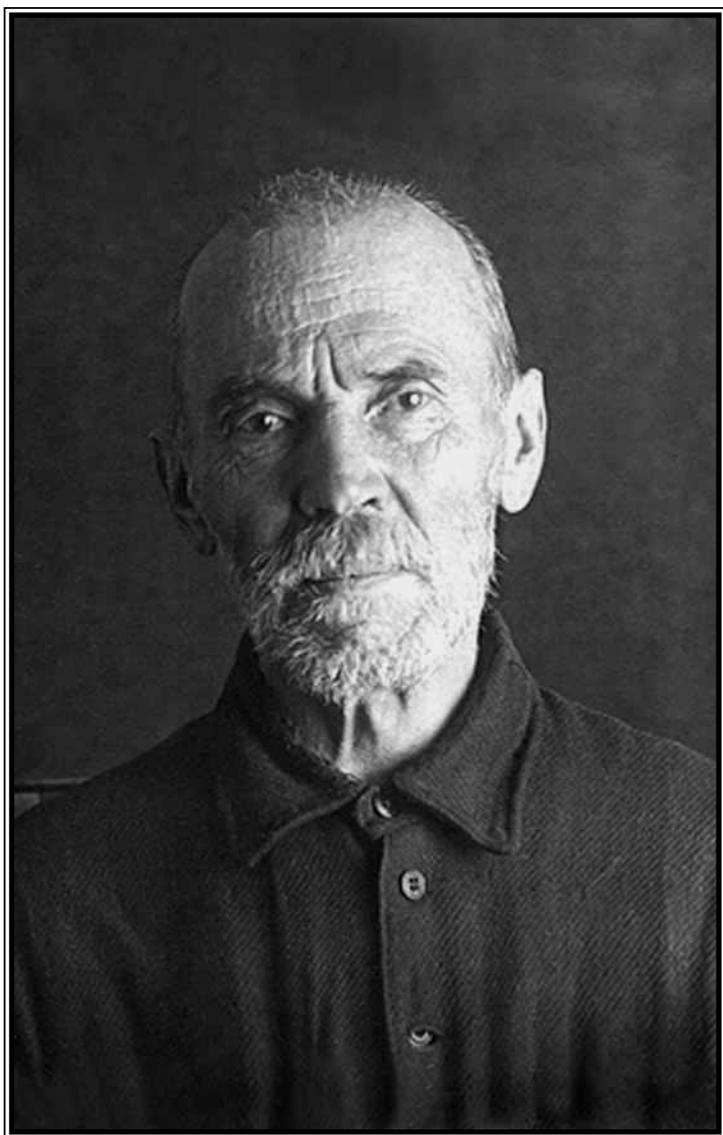
В 1920 году отец Николай был возведен в сан протоиерея. В 1924 году митрополит Петр (Полянский) назначил его благочинным 1 отдела Замоскворецкого сорока, а с 8 сентября 1927 года он был назначен благочинным и 3 отдела того же сорока. В том же году награжден митрой.

В 1929 году протоиерея Николая назначили настоятелем храма святых мучеников Флора и Лавра на Зацепе. В конце двадцатых годов власти склонили протоиерея Николая к сотрудничеству, он дал согласие, но исполнить то, что от него требовало ОГПУ, из нравственных соображений не смог. 1 января 1933 года он был арестован вместе с другими членами причта и некоторыми из членов церковной двадцатки и заключен в Бутырскую тюрьму.

На следующий день после ареста следователь допросил священника. Отвечая на вопросы следователя, он сказал, что действительно рассказывал анекдот о 15-летию Октябрьской революции, — это был случай, который он увидел на улице. Он сказал также, что рассказывал и другие анекдоты, в которых «высмеивалась личность Сталина». Что касается «произнесенных мною проповедей за церковными службами, то они антисоветского характера и критики существующего строя не носили».

19 февраля следствие было закончено. Священники обвинялись в том, что «являлись участниками контрреволюционной группировки церковников при церкви так называемых Флора и Лавра. Основное содержание контрреволюционной деятельности обвиняемых заключалось в систематической антисоветской агитации пораженческого и антиколхозного характера и в устройстве нелегальных антисоветских собраний по квартирам участников группировки».

15 марта 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Николая к трем годам ссылки, которую он отбывал в городе Каргополе Архангельской области. 2 января 1936 года отец Николай был освобожден и 21 января направлен служить в Вознесенский храм в селе Теряева Слобода Московской области.

Протоиерей Николай Виноградов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

21 октября 1937 года протоиерей Николай был арестован и заключен в тюрьму в Волоколамске. Его обвинили в том, что он благословил прихожанина Вознесенского храма Гавриила Безфамильного продать помянники для записи имен живых и почивших. Его также обвинили в том, что он, придя в сельсовет, в присутствии секретаря сельсовета говорил о конституции, о выборах в Верховный Совет и о религии. На следствии протоиерей Николай ответил, что если он и говорил на эту тему, то только в том духе и смысле, который следует из документов заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия и который нашел свое выражение в молитве о властях предрержащих на великой ектении, когда Церковь молится «О державе Российской и о властях ее», и на сугубой ектении «О державе Российской и о властях ее, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте».

— Вы, проживая в Теряевой Слободе, вели среди населения антисоветские и контрреволюционные разговоры. Дайте ваши показания: где и какие именно?

— Никаких антисоветских и контрреволюционных разговоров я нигде не вел.

— Вам зачитывается ряд свидетельских показаний о том, что вы вели антисоветские разговоры. Подтверждаете вы это?

— Зачитанные мне свидетельские показания я отрицаю, за исключением того, что мы совершили крестный ход в церковной ограде без разрешения сельсовета.

Священномученик Дмитрий родился в 1871 году в селе Спирово Волоколамского уезда Московской губернии в семье священника Александра Лебедева. В 1892 году Дмитрий Александрович окончил Московскую Духовную академию и был рукоположен в сан священника. Он служил в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Спирово, известной своей скульптурной иконой святителя Николая Чудотворца и крестными ходами с этой иконой. Отец Дмитрий всю жизнь прослужил в этом храме. Был возведен в сан протоиерея.

Во время гонений от безбожных властей священник был арестован и по обвинению в антисоветской агитации выслан на три года в Казахстан. Когда он вернулся в село, власти потребовали от него уплатить налоги и выполнить задание по сельскохозяйст-

венным заготовкам. Отец Димитрий этого сделать не смог, был выселен из дома, и все его имущество было конфисковано. 21 октября 1937 года отец Димитрий был снова арестован.

— Следствию известно, что вы в церкви в Спирово говорили проповедь, в которой призывали верующих держать связь с церковью и помогать ей. Следствие настаивает на даче вами правильных показаний, — потребовал следователь.

— Моя проповедь была посвящена теме Первого Вселенского Собора в Никее... В заключение проповеди я сказал, чтобы верующие держали связь с церковью и боролись с заблудшими, — ответил священник.

— Кого вы называете заблудшими? — спросил следователь.

— Заблудшие это те, кто не признает православной веры, — ответил священник.

На допросах отец Димитрий виновным себя не признал.

Мученик Гавриил (Гавриил Гаврилович Безфамильный) родился в 1880 году в Москве. Окончил школу и затем работал водопроводчиком и прислуживал в храме. В 1924 году Гавриил Гаврилович переехал в село Ярополец Волоколамского района. 21 октября 1937 года власти арестовали его по обвинению в антисоветской и контрреволюционной агитации; он виновным себя не признал, сказав лишь, что действительно продал два помянника верующим.

23 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила священников Николая и Димитрия и мирянина Гавриила к расстрелу. 27 ноября 1937 года протоиерей Николай Виноградов, протоиерей Димитрий Лебедев и мирянин Гавриил Безфамильный были расстреляны и погребены в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20776.
ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-35331.
АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 337–341.

Ноября 14 (27)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

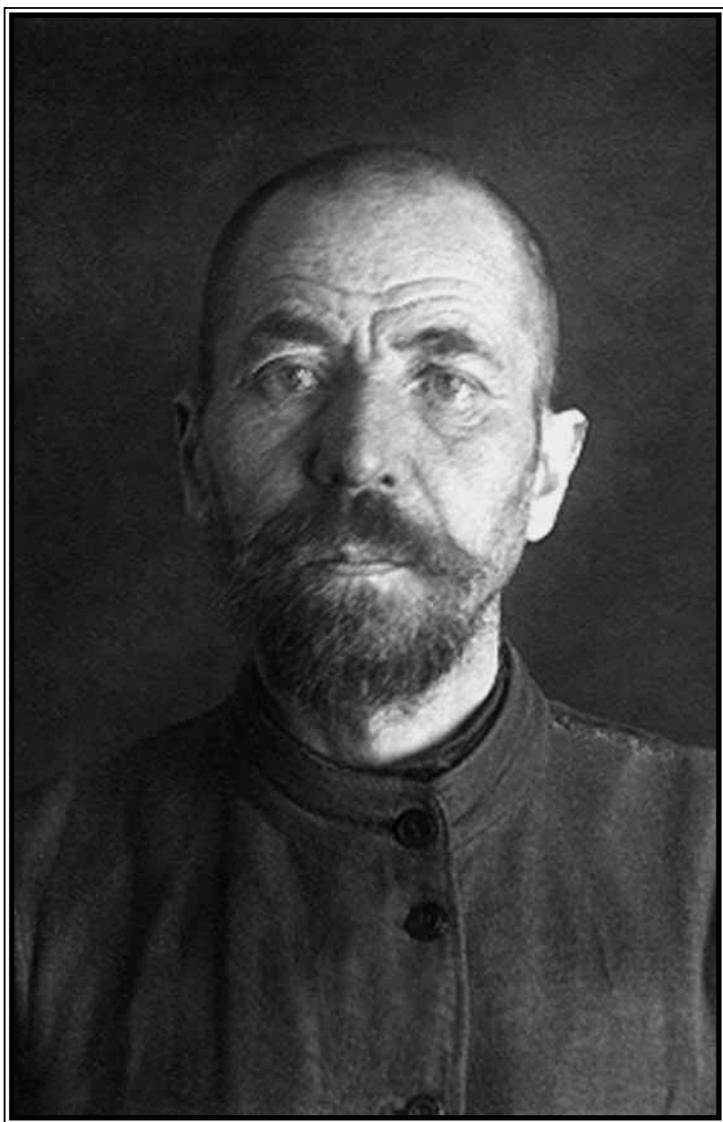
Александр (Быков)

Священномученик Александр родился 8 августа 1881 года в селе Кельи Волоколамского уезда Московской губернии в семье торговца Иакова Быкова. Окончив земскую школу, Александр стал помогать отцу в торговле, а недостаток образования восполнил со временем самообразованием. Он женился на девице Марии, впоследствии у них родилось десять детей.

В 1908 году Александр Яковлевич с семьей поселился в Москве и стал самостоятельным владельцем цветочного магазина и теплиц, где разводил множество сортов цветов. Сразу же после того, как произошла Февральская революция, он оставил торговлю и все с нею связанное имущество и 1 октября 1917 года поступил псаломщиком в церковь села Щеглятьево Московской губернии.

23 сентября 1921 года Александр Яковлевич был рукоположен в сан диакона. С 1923 по 1926 год он служил в Москве в храме на Большой Дмитровке. С 10 февраля 1926 года он был назначен служить в Введенскую церковь в селе Хранево Волоколамского района. 18 июня 1930 года епископ Воскресенский Иоанн (Васильевский) рукоположил его во священника к Знаменской церкви в селе Судниково Лотошинского района. 1 января 1931 года отец Александр был вновь определен к Введенской церкви села Хранево, в которой прослужил до дня ареста.

29 октября 1937 года был допрошен в качестве свидетеля председатель колхоза, и он показал: «Мне известны следующие

Священник Александр Брыков

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

факты антисоветской деятельности, которая проводилась и проводится Александром Яковлевичем Быковым. В июне 1937 года в колхозной кузнице колхоза “Заря”, когда поп Быков пришел сделать кузнецу заказ, чтобы ему изготовили тележку, он заявил, что “колхозники сейчас сами еле ходят, так как их лошади заняты на выполнении государственных обязательств, и я решил купить свою лошадь и объехать весь приход”.

В мае 1937 года, когда мы, колхозники, вешали колокол для извещения на работу колхозников, в это время проходил поп Александр Яковлевич Быков, который заявил: “Вот, хорошо вы делаете, оставьте для себя колокол, он ведь для нас пригодится, так как скоро большевиков заставят опять вешать колокола на церкви”».

В тот же день следователем был вызван председатель другого колхоза, который показал: «В июле 1937 года поп Быков заявил, что “скоро придет время, когда все, которые некрещенные и невенчаные, будут креститься и венчаться; это значит, что советская власть будет заменена другой”».

Отец Александр был арестован 12 ноября 1937 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

На допросах следователь попросил священника рассказать о себе.

Отец Александр ответил:

— В 1921 году меня за преданность вере рукоположили, и я служу священником в Введенской церкви.

— Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность, проводимую вами среди колхозников, вы проводили среди верующих контрреволюционную пропаганду о гибели советской власти. Следствие от вас требует искренних показаний по существу предъявленного вам обвинения.

— Я человек религиозный и готов страдать за веру, так же как страдал Иисус Христос за нас. При существующем строе положение религии должно быть свободно, но власть нас прижимает и не дает нам проповедовать слово Божие. Церкви разоряют, поносили колокола, чего власти не должны делать. На эту тему я

говорил в храме проповеди и призывал крестьян не отрекаться от Бога, посещать церковь. Но я также говорил, что всякая власть от Бога. Я также говорил крестьянам, что сейчас мы дожили до такой жизни и ни у кого ничего не стало лишь потому, что Бог наказывает нас всех за грехи.

– Следствие располагает данными о том, что вы в 1937 году в день Пасхи говорили контрреволюционную проповедь о гибели существующего строя.

– Я в день Пасхи действительно проповедовал верующим, призывая верующих не оставлять веру в Бога и не отказываться от Бога, но я не говорил, что скоро настанет конец этой власти.

На последнем допросе следователь спросил священника:

– Вы обвиняетесь в том, что вели контрреволюционную агитацию. Признаете себя виновным?

– Контрреволюционной агитации я не вел. Виновным себя не признаю.

– Вы показываете неправду. Следствие располагает показаниями свидетелей, уличающими вас в контрреволюционной агитации. Дайте правдивые показания.

– Я еще раз повторяю, что контрреволюционной агитации я не вел.

23 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. Священник Александр Быков был расстрелян 27 ноября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19444.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 363–366.

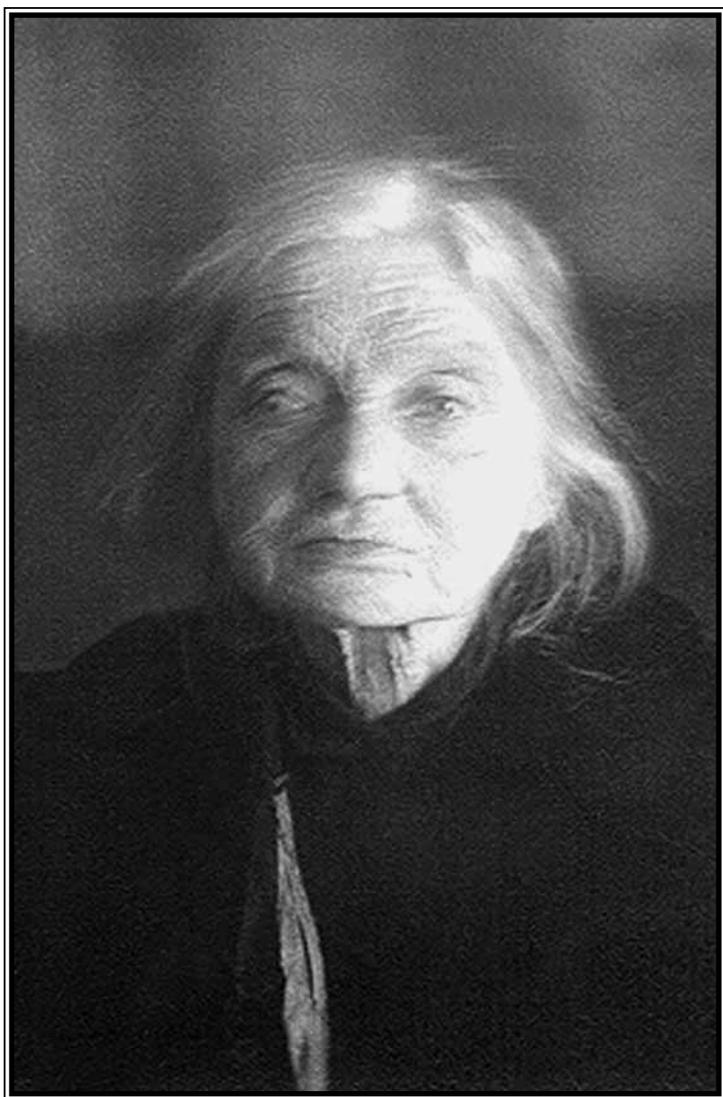
Ноября 14 (27)

МУЧЕНИЦА

Анна (Зерцалова)

*М*ученица Анна родилась 31 января 1875 года в Москве в семье губернского секретаря Ивана Алексеевича Зерцалова, который в последние годы своей жизни состоял на службе в управлении Смоленской железной дороги. Родители ее держались строгих нравственных правил, но православие воспринимали преимущественно с обрядовой стороны, поэтому начатки религиозного воспитания, которые дали они своей дочери, были непрочными. «Малое чувство веры, которое тлело во мне слабым огоньком, — писала она впоследствии, — быстро стало ослабевать и гаситься тлетворным дыханием пагубного влияния маловерия... Научные идеи, приправленные веянием ложных принципов, плотно разместились в моей голове и стали распоряжаться там полновластными хозяйками, отвлекая меня от всего истинного, духовного, прекрасного».

В шестнадцать лет Анна окончила гимназию, получив аттестат, который давал ей возможность занять место домашней учительницы. «Родители, желая дополнить мое образование, в ущерб своим силам и здоровью предоставили мне уроки музыки, они хотели возрастить меня светской благонаравной девицей, но они забыли, что бессмертная душа человека тоже требует пищи и удовлетворения, они забыли, что только Господь — единственная ее радость и утешение, а без Него никакие отрады, никакие увеселения не могут удовлетворить сердечной жажды. Господь — единственное наше счастье. Один только Он может усладить наши мысли и желания; без Него — всюду скука и томление».

Анна Ивановна Зеркова

Москва. Бутырская тюрьма. 1937

Анна Ивановна, будучи уже взрослой девушкой, в течение нескольких лет лишь формально исполняла правила христианской жизни: ходила в храм, молилась, изредка говела, но внутренняя ее жизнь шла в русле чисто мирских занятий — общение со знакомыми, театр, усиленное чтение светских книг. Однако такой образ жизни не удовлетворял ее; душа томилась и ни в чем не могла найти утешения. «Бессмертный дух рвался наружу, он тяготился однообразием и бесцельностью жизни, он требовал пищи и удовлетворения... Наконец нашел и возрадовался: он увидел светлый маяк, который ярко, величественно засветил ему среди бушующих волн грозного житейского моря, он нашел пастыря, который все раскрыл ему: и духовное небо с его непостижимыми красотами, и Всеблагость Творца-Промыслителя, и духовную красоту созданий Божиих, и пользу труда и деятельности», — вспоминала она с благодарностью.

Возрождение души Анны Ивановны, внутреннее воцерковление совершилось в кремлевском храме, посвященном святым равноапостольным Константину и Елене. Настоятелем храма в 1874—1892 годах был чтимый всей православной Москвой протоиерей Валентин Амфитеатров. Придя туда по совету своей подруги по гимназии, Анна Ивановна увидела обыкновенного священника средних лет. Когда закончилось всенощное бдение, она подошла к нему и попросила благословить ее на поездку. «Я вас в первый раз вижу. Что я вам могу сказать? — слышались строгие отрывистые слова, которые все-таки поразили меня».

Анне Ивановне предстояло уехать в Ярославскую губернию в одно семейство, куда в качестве учительницы рекомендовала ее родственница. Подойдя вновь 13 мая 1891 года после Божественной литургии и молебна к отцу Валентину за благословением на поездку, она услышала от него слова, которые для нее оказались пророческими: «Место, место... посадили цветочек в горшочек, ухаживали за ним, поливали его, и вот появились наконец первые листочки; смотрите, крепко берегите свои молодые листочки; пока еще поправить можно, а после и поправить нельзя будет».

Анна Ивановна попала в семью убежденных безбожников. Для молодой православной христианки жизнь в таком семействе

стала исповедничеством. «Сколько деликатных намеков и насмешек приходилось мне выслушивать по поводу моего обособленного религиозного настроения! Сколько тонких ядовитых стрел пущено было в меня с намерением наставить меня в духе излюбленного ими либерализма. Всевозможные антирелигиозные сочинения выбирались главою семьи с целью исправить мою якобы отсталость и извращенность, — и вот по вечерам устраивались долгие изнурительные чтения, на которых просили меня обязательно присутствовать.

О, как ужасны были эти чтения!.. Как осужденная на духовную смерть слушательница, я должна была сидеть и выслушивать эти “чтения”, резко и быстро отталкивая от себя налепляющуюся на меня ядовитую сорочку».

Храм был в шести верстах от дома. Приходилось ходить пешком, так как из семьи на службу никто не ездил. «Пост, не соблюдаемый никем, заставлял меня тоже выделяться и быть у всех бельмом на глазу. “Крепко берегите свои молодые листочки” — как громовая труба Страшного Суда постоянно звучало у меня в ушах; и, осмеянная, приниженная, “притча во языцех”, я твердо стояла на своем камне духовного делания и горячо молила Господа простить окружающим людям их заблуждения, просветить помраченные их умы светом Своей Божественной благодати».

Мать семейства не позволяла домашней учительнице воспитывать своих детей, и потому Анна Ивановна после уроков была совершенно свободна. Имея время, она устроила школу грамотности в деревне, собирала крестьянских детей и занималась с ними. После ее отъезда это начинание не прекратилось, и на основе организованной ею школы возникло училище, которое впоследствии получило все необходимые права и средства.

Деятельность Анны Ивановны по просвещению деревенских детей, чуждая материальной расчетливости, расположила в конце концов к ней ее работодателей. Для нее стали готовить постную пищу. «Лошади для езды в храм всегда были к моим услугам; даже отпускала со мною восьмилетняя ученица — это было особенное небывалое доверие. Мне, застенчивой от природы, было очень неловко принимать знаки особого благоволения; по прав-

де сказать, я очень тяготилась всем этим, так как на эту лужайку пришлось перейти через мост ужасной духовной пытки».

По благословиению отца Валентина Анна Ивановна в декабре 1891 года покинула семью, в которой она прожила семь месяцев. Вернувшись в Москву, она стала активной прихожанкой храма святых равноапостольных Константина и Елены, а позже Архангельского собора, после назначения отца Валентина настоятелем этого кремлевского храма.

Отец Валентин помог ей найти учеников, и Анна Ивановна порой с утра до позднего вечера занималась с ними. Почти двадцать лет она духовно окормлялась у отца Валентина. В результате многолетних трудов она укрепилась в вере, осознавала ее как данное Богом сокровище. «Это – великое богатство духа; это великая услада души, – писала она, – с верой и сами скорби, сами страдания кажутся малыми, нижними. Радость по Бозе наполняет всю душу, все существо человека, и душа рвется в высоту, прославляя и восхваляя Господа в торжественных гимнах».

В 1908 году скончался протоиерей Валентин. Смерть духовного отца вся его паства переживала как большое горе. «Тут только поняла она, кого она потеряла; тут только постигла она глубочайшее ангельское попечение о ней батюшки, неутешно зарывав самими искренними, горькими воплями.

Не стало незабвенного общего отца и благодетеля, не стало дорогого утешителя; тучи самой безутешной скорби окружили гроб пастыря... Бесчисленная толпа сопровождала шествие; с немую скорбью и страданием шли духовные дети, не зная, как они смогут жить после такой тяжкой утраты.

Кончилась лития, понесли гроб пастыря к приготовленной могилке и зарыли ее. Тут только все вздрогнули и как бы опомнились при совершившемся печальном событии – кончине дорогого, незабвенного пастыря, который был для всех знавших его счастьем и утешением в жизни. Постояли несчастные одинокие сироты и разошлись по домам, полные тяжкого горя. Теперь одна отрада – прийти к дорогой могилке и выплакать на ней свои скорби и страдания. Да, тяжкое горе испытывают теперь все истинно любящие дорогого батюшку; тяжелое время одиночества и сиротства переживают они...

Преславный пастырь всю свою жизнь положил на нас, чтобы очистить нашу духовную храмину и сделать ее доступной к восприятию высших духовных наслаждений. Направим же всецело свой ум, сердце и волю к достойному принятию Божественной святости Тела и Крови Христовых; будем усердно посещать храмы Божии; будем ревностными сынами Церкви Православной и по вере, и по жизни. Это будет лучший надгробный венок нашему дорогому отцу и пастырю.

О чудесный незабвенный пастырь! Я ли, малая, ничтожная былинка, смогу описать все славные разновидности твоей поразительной, блестящей духовной деятельности; я ли, малое, неопытное существо, смогу разобраться во всех дивных, мудрых движениях твоего разума и мышления?»

Анна Ивановна с помощью духовных детей отца Валентина выпустила четыре книги, в которых содержится описание его выдающейся пастырской деятельности, рассказывается о его прозорливости и даре чудотворений. По ее записям, которые она вела в продолжение многих лет, была составлена и опубликована книга «Духовные поучения, проповеди Валентина Николаевича Амфитеатрова, бывшего настоятеля Московского придворного Архангельского собора, записанные с его слов одной из его духовных дочерей».

В 1916 году некая благотельница по имени Евдокия пожертвовала Анне Ивановне три тысячи рублей на постройку дома вблизи Ваганьковского кладбища, где был погребен отец Валентин. Живя неподалеку от могилы праведника, на которую стекалось со временем все больше людей, она стала записывать свидетельства о чудесах, происходивших на могиле. В результате Анной Ивановной была составлена книга, где были собраны все эти свидетельства, но издать ее уже не удалось, потому что после революции 1917 года начались гонения на Русскую Православную Церковь.

Безбожники писали о ней в 1929 году: «Против кладбища живет некая Анна... Здесь можно купить фотографию “святого”, здесь продаются книги – “Истинный пастырь Христов”, “Святильник православия”, “Подвижник веры и благочестия”. Здесь еще недавно кормили нищих и всех, кто приходил помолиться на

могиле Амфитеатрова. Сейчас (очевидно, с введением карточек) кормежка прекратилась. Здесь справляются поминки, а в годовщину смерти “святого” на его могиле бывают тысячи молящихся».

В 1932 году власти отобрали у Анны Ивановны дом, отобрали документы и потребовали, чтобы она выехала из Москвы и поселилась не ближе ста километров от нее. Но Анна Ивановна осталась в Москве и жила у верующих, которые хорошо ее знали и любили, как истинную христианскую подвижницу. Жила она жертвованиями и тем, что получала за уроки французского и немецкого языка.

Борясь с любыми проявлениями почитания святых, власти 27 октября 1937 года арестовали Анну Ивановну и заключили в Бутырскую тюрьму в Москве. На допросе следователь спросил ее:

— Кто является автором книг жизнеописаний священника Валентина Амфитеатрова и чудес, якобы происшедших по его молитвам?

— Автором книг жизнеописаний священника Валентина Амфитеатрова и чудес, происшедших по его молитвам при жизни, а равно и после его смерти, являюсь я, Анна Ивановна Зерцалова. Первую книгу я выпустила примерно в 1910 году, то есть через два года после его смерти, отпечатав ее в типографии. До революции я издала четыре книги тиражом каждая книга по тысяче экземпляров. После революции я издала пятую книгу об исцелениях на могиле священника Валентина Амфитеатрова. Последняя книга издавалась уже не типографским способом, а была отпечатана на пишущей машинке в количестве 20–25 штук. Ввиду того что тираж последней книги был ограничен, а число желающих иметь такую преувеличало его в несколько десятков раз, почитатели священника Валентина Амфитеатрова переписывали ее, и она распространялась в рукописях.

— Какую цель вы преследовали, издавая вышеупомянутые книги и распространяя его фотографии?

— Я являюсь почитательницей священника Валентина Амфитеатрова, поэтому преследовала цель как можно шире популяризировать последнего среди широких масс верующих.

— Назовите следствию лиц, которые способствовали вам в прославлении священника Валентина Амфитеатрова.

— После смерти священника Валентина Амфитеатрова я поставила своей задачей издать отдельной книгой его жизнеописание. Об этом узнали многочисленные его почитатели, и они помогли мне при составлении этой книги, рассказывая отдельные эпизоды из его жизни, а также о полученных ими исцелениях. Большинство из лиц, принимавших участие в выпуске этих книг, к настоящему времени умерло.

— Следствие требует от вас показаний в отношении лиц, которые размножали вам его фотографии и перепечатывали ваши рукописи на машинке в последнее время. Назовите их фамилии.

— Назвать фамилии лиц, которые помогали мне в размножении фотографий священника Валентина Амфитеатрова, а также перепечатывали последнюю, пятую, книгу, я, Зерцалова Анна Ивановна, отказываюсь.

— Следствие располагает данными, что вы среди окружающих прославляли священника Валентина Амфитеатрова как святого. Вы это подтверждаете?

— Не отрицаю, что я действительно священника Валентина Амфитеатрова среди верующих прославляла как старца, по молитвам которого ряд его почитателей получил исцеления как при его жизни, так и после его смерти. С этой целью я использовала выпущенные мною книги, его фотографии, а также рассказывала то, что мной не было записано в книгах. Что священник Валентин Амфитеатров — старец, считаю не только я, но считают и другие его почитатели. Нами после его смерти ведутся записи, которые свидетельствуют о его необыкновенных свойствах; они выражаются в том, что люди получают исцеления, о которых свидетельствую я и другие.

— Следовательно, вы священника Валентина Амфитеатрова готовили к канонизации как святого?

— Да, я, Зерцалова Анна Ивановна, и группа почитателей священника Валентина Амфитеатрова вели подготовительную работу на предмет его канонизации. Но поскольку невозможно в условиях советской власти канонизировать его как святого и от-

крыть мощи, то мы рассчитывали на падение советской власти, после чего при любой другой власти это сделать вполне возможно.

— С какого момента в ваших книгах записаны случаи исцелений по молитвам священника Амфитеатрова?

— В моих книгах записи о происшедших исцелениях по молитвам священника Валентина Амфитеатрова ведутся как о совершившихся при его жизни, так и после его смерти, примерно до 1927 года.

— Ваше отношение к советской власти?

— К советской власти я отношусь безразлично. Но я не согласна с советской властью в вопросах, касающихся религии. А именно: советская власть, как я считаю, проводит гонения на Церковь и верующих, закрывает без согласия верующих церкви, высылает безвинно духовенство. Все это вызывает недовольство не только у меня, но и у большинства верующих. В силу этого большинство верующих не любит советскую власть. Кроме того, советская власть совершенно безвинных людей лишает крова, как, в частности, меня, что также порождает недовольство со стороны несправедливо обиженных ею.

— Кому из своих знакомых вы излагали свои взгляды на советскую власть?

— Излагать свои взгляды о советской власти мне нет необходимости; об ее отношении к нам, верующим, им очевидно, и они полностью разделяют мои взгляды.

— Вы возводите клевету на советскую власть и граждан СССР, заявляя, что они враждебно настроены к советской власти. Вы это подтверждаете?

— Нет, я это клеветой не считаю. Я сама вижу, как советская власть разрушает наши храмы, высылает наше духовенство и уничтожает церковные книги; в школах запрещено преподавание слова Божьего; все это свидетельствует о гонении со стороны советской власти на религию. Это видят другие верующие, и это вызывает у них недовольство.

— Следствие располагает данными, что вы среди своих единомышленников распространяли контрреволюционные провока-

ционные слухи, что советская власть есть власть антихриста.

— Это я отрицаю.

21 ноября следствие было закончено. Анну Ивановну обвинили в том, что она «является активной участницей контрреволюционной церковно-монархической группировки, в контрреволюционных целях прославляла могилу умершего попа Амфитеатрова Валентина, на которую организовывала паломничества верующих, и инсценировала “чудеса”. Среди почитателей попа Валентина распространяла фотокарточки с его изображением».

23 ноября тройка НКВД приговорила ее к расстрелу. Анна Ивановна Зерцалова была расстреляна 27 ноября 1937 года и погребена в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

В одной из книг о протоиерее Валентине, изданной в 1912 году, она писала: «Верующая душа не боится смерти: она встречает ее радостно, спокойно, так как знает, что смерть приведет ее к небесному отечеству, в вечную страну нашей новой, лучшей жизни. И разве Сам Человеколюбец Господь не примет к Себе и не упокоит ту душу, которая стремится к Нему, горячо блаженно любит Его, горячо блаженно верует в Него?!»

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-74889.

Светильник Православия. Пастырская деятельность бывшего настоятеля

Московского придворного Архангельского собора протоиерея

Валентина Николаевича Амфитеатрова. М., 1919. С. 125–128, 130, 137–139, 151.

Безбожник у станка. 1929. № 17.

Подвижник веры и благочестия. Протоиерей Валентин Амфитеатров. М., 1995. С. 69–72, 74.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 367–373.

Ноября 19 (2 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Иоасаф (Крымзин)

*П*реподобномученик Иоасаф (в миру Иван Павлович Крымзин) родился 7 сентября 1880 года в селе Румянцеве Нижегородского уезда Нижегородской губернии в крестьянской семье Павла Ивановича и Людмилы Ивановны Крымзиных. В селе Румянцеве Иван Павлович окончил начальную школу и в 1904 году поступил в Екатерининскую пустынь Московской епархии. В монастыре, по его собственному признанию, он получил духовное образование, назидаясь монастырским богослужением, слушая слово Божие, учась исполнять евангельские заповеди.

Проходить путь монашеской жизни в Екатерининской пустыни в те годы было нелегко. Обитель, основанная в 1658 году на месте явления святой великомученицы Екатерины царю Алексею Михайловичу, в начале XX столетия стала местом, куда из разных монастырей переводились на исправление монахи, не исполнявшие монашеских обетов. Епитимийцы составляли половину ее насельников.

6 апреля 1909 года послушник Иван Крымзин был определен в число братии, 9 января 1912 года — пострижен в мантию с именем Иоасаф, а 30 июля 1912 года рукоположен в иеродиакона и вскоре назначен заведующим монастырским подворьем в Москве. 19 марта 1917 года он был рукоположен во иеромонаха, а 20 февраля 1918 года Екатерининская пустынь была передана эвакуированному из Гродненской епархии в Первую мировую войну

Узун Васил (Крузин)

Москва. Тюрма НКВД. 1937

Красноостокскому женскому монастырю, братия же Екатеринбургской пустыни была переведена в Серпуховской Высоцкий монастырь. Иеромонах Иоасаф изъявил желание перейти на жительство в Спасо-Преображенский Гуслицкий монастырь. В 1919 году он проходил в монастыре священническое и клиросное послушания, а с 1921 года — послушание эконома. В 1929 году Гуслицкий монастырь был властями закрыт, и отец Иоасаф с 1931 года стал служить в Никитской церкви в селе Бывалино Павлово-Посадского района. 24 сентября 1935 года отец Иоасаф был возведен в сан игумена.

Вторым священником в Никитском приходе был также бывший насельник Гуслицкого монастыря иеромонах Петр (Мамонтов).

18 ноября 1937 года отец Иоасаф был арестован, заключен в тюрьму города Ногинска и 21 ноября допрошен.

— Вы арестованы за систематическое ведение контрреволюционной агитации, направленной вразрез проводимых мероприятий партией и правительством. Признаете себя в этом виновным? — спросил следователь.

— Нет, я никогда никакой антисоветской агитацией не занимался и виновным себя не признаю, — ответил отец Иоасаф.

Также и на все другие вопросы, задаваемые следователем, отец Иоасаф ответил, что виновным себя не признает.

25 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Иоасафа к расстрелу. Игумен Иоасаф (Крымзин) был расстрелян 2 декабря 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19063, д. 19392, д. 19524.

РГИА. Ф. 796, оп. 445, д. 564.

ЦИАМ. Ф. 1371, оп. 1, д. 55; Ф. 2127, оп. 1, д. 95; Ф. 2303, оп. 1, д. 4.

Жития преподобномученика Иоасафа и священномученика Ярослава.

Редакторы-составители: А.А. Трофимов, Л.А. Головкова. М., 2002. С. 3–16.

Ноября 19 (2 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Петр (Мамонтов)

Преподобномученик Петр (в миру Павел Иванович Мамонтов) родился 7 июня 1880 года в селе Дединове Зарайского уезда Рязанской губернии в крестьянской семье. Окончив церковноприходскую школу, Павел в 1893 году переехал в Москву и поступил работать мальчиком в магазин, но в том же году он ушел в Спасо-Преображенский Гуслицкий монастырь, где прожил один год, так как ему предстоял призыв в армию. Оставив монастырь, он в ожидании призыва в армию поступил работать на фарфоровый завод в Дулеве. В 1901 году он был призван на военную службу, но, прослужив всего один месяц как ополченец, вернулся на завод, на котором проработал полгода, и уже окончательно в 1902 году ушел в монастырь.

Спасо-Преображенский Гуслицкий монастырь, насельником которого стал Павел Мамонтов, был основан в середине XIX столетия в местности, населенной старообрядцами, как монастырь миссионерский, должный служить цели преодоления раскола.

13 октября 1908 года Павел Иванович был определен в число братии монастыря, 29 июня 1912 года пострижен в мантию с именем Петр, а 18 апреля 1914 года рукоположен во иеродиакона. В Гуслицком монастыре иеродиакон Петр пребывал до его закрытия в 1929 году. В 1919–1921 годах он был мобилизован в тыловое ополчение и служил в московском ветеринарном гарнизонном лазарете.

В 1930 году отец Петр был направлен служить в Никитскую церковь в селе Бывалино Павлово-Посадского района Московской области. В 1933 году иеродиакон Петр был рукоположен во иеромонаха к этому храму.

27 сентября 1937 года, в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, отец Петр обратился к прихожанам Никитской церкви с просьбой пожертвовать, кто сколько может, на содержание священноначалия. Прихожане откликнулись на призыв пастыря, и был произведен денежный сбор, что впоследствии при аресте было вменено отцу Петру в вину.

В начале ноября 1937 года были допрошены лжесвидетели, и на основе их «показаний» отец Петр был обвинен в том, что «систематически ведет антисоветскую агитацию, направленную на подрыв мероприятий, проводимых партией и правительством».

18 ноября 1937 года отец Петр был арестован и заключен в тюрьму города Ногинска, а 22 ноября допрошен.

— Следствие располагает материалами, что вы систематически занимались антисоветской агитацией, направленной против мероприятий, проводимых партией и правительством. Признаете себя в этом виновным?

— Нет, никогда никакой антисоветской агитацией не занимался и виновным себя не признаю.

— Следствие располагает материалами о том, что вы систематически ведете контрреволюционную агитацию среди верующих и колхозников, прикрываясь религией; по этому вопросу требуем от вас подробных и откровенных показаний.

— Нет, я никакой контрреволюционной агитацией не занимался и по этому вопросу показать ничего не могу.

— Следствию известно о том, что вы систематически ведете контрреволюционную агитацию, высказываете свои недовольства по отношению к существующему строю и распространяете провокационные слухи, что советская власть делает гонение на религию. Признаете вы это?

— Нет, я это не признаю, никогда и нигде ничего такого я не высказывал.

— Вам поставлен ряд вопросов о вашей контрреволюционной деятельности, но вы все еще продолжаете отрицать; следствие еще раз требует от вас откровенных и правдивых показаний.

— Нет, я никакой контрреволюционной деятельностью не занимался и остаюсь при ранее данных мною показаниях, больше показать ничего не могу...

25 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Петра к расстрелу. Иеромонах Петр (Мамонтов) был расстрелян 2 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19393.
ЦИАМ. Ф. 2127, оп. 1, д. 95.

Ноября 19 (2 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

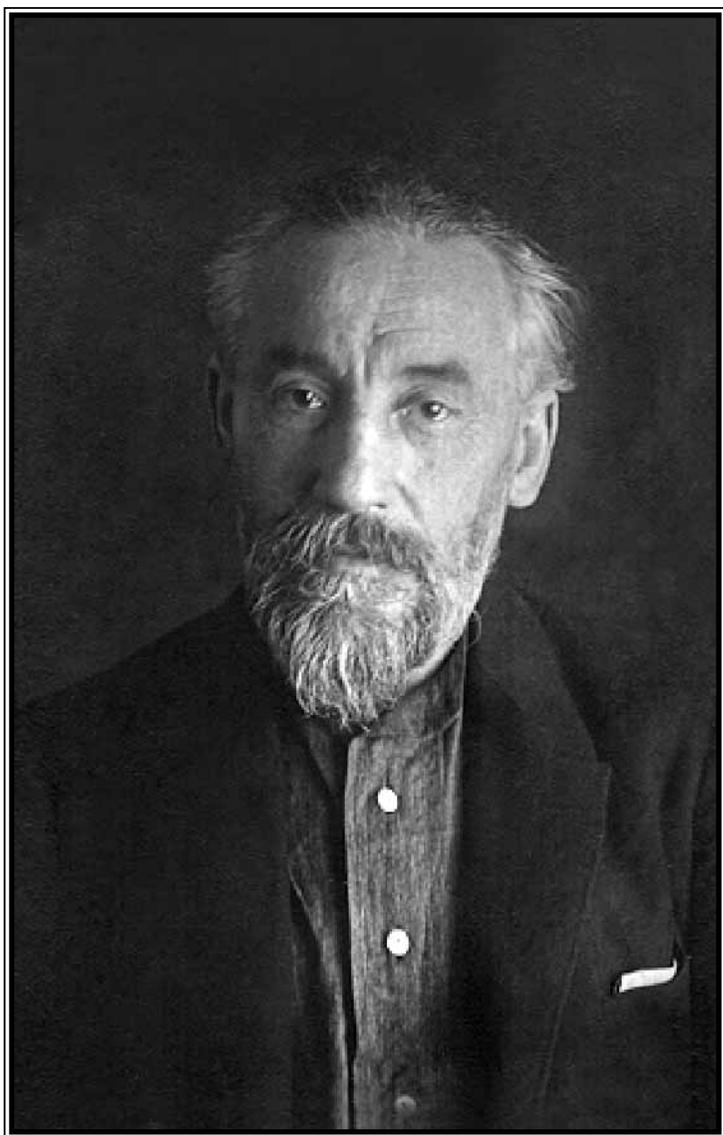
Сергий (Махаев)

Священномученик Сергей родился 6 сентября 1874 года в семье священника Константина Георгиевича Махаева, служившего в Спасской церкви села Усово Московского уезда, где находилось имение великого князя Сергея Александровича.

Духовное образование Сергей Константинович получил в Вифанской Духовной семинарии, которую он окончил по первому разряду в июне 1895 года. По окончании семинарии он был определен в псаломщики к московской церкви святителя Николая Чудотворца в Кошелях.

С самого начала своей церковной деятельности Сергей Константинович проявил себя как педагог и ревностный проповедник слова Божия. Будучи псаломщиком, он исполнял обязанности учителя в Николо-Мясницкой двухклассной церковноприходской школе (с января 1896 по сентябрь 1897 года), причем делал это безвозмездно, затем (с сентября 1897 по август 1900 года) занимал должность учителя русского языка в старшем отделении Сергиевской в Рогожской слободе церковноприходской школы. В эти же годы он женился на Людмиле Сергеевне Цветковой, дочери московского священника Сергия Цветкова. Детей супруги Махаевы не имели.

В 1900 году при Московской Иверской общине сестер милосердия Красного Креста, почетными попечителями которой являлись великий князь Сергей Александрович и великая княгиня

Протоиерей Сергей Махаев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

Елизавета Феодоровна, была построена церковь в честь Иверской иконы Божией Матери. На священническую вакансию в этой церкви 29 июля 1900 года был назначен псаломщик Сергей Махаев. Преосвященный Парфений (Левицкий), епископ Можайский, 15 октября 1900 года рукоположил его во диакона и 17 октября того же года во священника. В этой церкви отец Сергей прослужил девятнадцать лет.

Став священником, отец Сергей получил возможность продолжить педагогическую деятельность уже в качестве законоучителя. С 10 сентября 1901 года с разрешения епархиального начальства он одновременно состоит законоучителем основных классов Петровско-Серпуховского городского начального училища и Торговых классов Московского общества распространения коммерческого образования. Он также становится членом-сотрудником Московской комиссии Императорского Православного Палестинского Общества.

С осени 1905 года по просьбе великой княгини Елизаветы Феодоровны отец Сергей начинает учить Закону Божию и будущих сестер Иверской общины. В качестве члена Попечительского совета Иверской общины он являлся ее представителем в Особой комиссии Красного Креста по церковному сбору, в Комиссии по сбору пожертвований при Московском местном управлении Российского общества Красного Креста. Кроме того, он являлся особо уполномоченным по церковному сбору на Красный Крест в Замоскворечье.

С 1908 года отец Сергей состоял законоучителем школы при Доме бесплатных квартир на Якиманке Московскою купеческого общества.

Занимаясь с сестрами общины, отец Сергей старался духовно развивать своих подопечных, готовить их к предстоящему служению помощи страждущим и укреплять тех, кто уже подвизался на этом поприще, уча черпать силы в благодати Божией и прибегать к предстательству святых. Он совершал с сестрами паломнические поездки в Троице-Сергиеву Лавру, вел с ними беседы о духовной жизни, наставлял их на примере отечественных подвиж-

ниц благочестия. Примером таких бесед служат изданные им в 1914 году в Москве книги «Беседы пастыря с сестрами милосердия» и «Подвижницы милосердия. Русские сестры милосердия: краткие биографические очерки». В этой последней книге отец Сергей на примере известных и малоизвестных отечественных тружеников на ниве милосердия показывает своим подопечным, каким образом посреди обыкновенных, будничных и малопривлекательных трудов может быть вполне исполнена заповедь Христа о любви к Богу и ближнему.

Отца Сергия отличала особая духовная настроенность, которая проявлялась по отношению к окружавшим его людям и событиям. Примером тому служат некоторые из его слов, опубликованные в дореволюционных церковных периодических изданиях. Когда по окончании военных действий в 1905 году отряд Иверской общины вернулся в Москву с Дальнего Востока, отец Сергей встретил прибывших в храме общины приветственной речью. В этой речи мало обычных для такого случая похвал и поздравлений. Отец Сергей, напоминая известные слова Спасителя, риторически спросил вернувшихся: «Что смотреть ходили вы в пустыню?» (Мф. 11, 7). Далее он сказал о том, что война также является пустыней — пустыней духа, где попираются и отрицаются высшие стремления людей к единению в любви. Но как в пустыне являлись многие великие подвижники духа, так и в этой пустыне духа просияли многие подвижники, не только среди воинов, но и среди многих тружеников, отправившихся на поля военных действий для дел милосердия и любви. Каков же плод этих дел для самих тружеников?

«Вы видели воочию, как немногие, силу и власть греха, несущего ужасы войны и страданий людских. Что же, созерцание всего этого внушило ли вам сильнейшее отвращение к первопричине этих несчастий — греху? Вид постоянной смерти — последствия того же греха — научил ли вас быть мертвыми плоти и греху и живыми Богу? Вид ужасных страданий согрел ли сердце ваше жалостью и искреннею любовью ко всякому меньшему брату, преисполнил ли вас чувством глубочайшей благодарности к Про-

мыслителю за то, что эти страдания выпали не на вашу долю; внушило ли все это вам сознание, что Всемилостивый “не по беззакониям нашим” воздает нам? Видя лишения, испытываемые воинами, научились ли вы быть довольными тем малым, что дает вам Господь? Видя терпение и безропотное несение болезней и несчастий искалеченных, изуродованных братьев своих, научились ли вы от них христианскому терпению в несении добровольно возложенного на себя Креста Христова? Слыша и видя постоянную готовность и желание других умереть во имя долга, навывали ли и вы быть готовыми всю жизнь свою отдать на дело любви и не только не получить никакой награды земной или похвалы за дело служения своего, а, наоборот, получить, может быть, оскорбление, гонение, болезнь и самую смерть?

Если таковы результаты вашего путешествия, то дело милосердия приобрело в лице вашем великих, истинных служителей... Приветствуя вас с благополучным возвращением, молю Господа, да поможет Он вам уподобиться шедшим из пустыни Иорданской с проповеди Иоанна, возвращавшимся в духе покаяния и сокрушения о грехах, но, вместе, и в радостном ожидании скорого спасения, с горячим желанием последовать за грядущим Спасителем и быть достойными Его, с чувством глубокой благодарности к Богу. Аминь».

6 мая 1915 года по представлению Православного Палестинского Общества за пятнадцатилетние безвозмездные и ревностные труды на пользу Общества в качестве члена его Московской комиссии отец Сергей был награжден камилавкой. 29 июня 1917 года он был награжден золотым наперсным крестом.

После октябрьского переворота 1917 года отец Сергей продолжал служить в Иверском храме. Поскольку община была лишена средств, на которые обеспечивалось прежде ее существование, и был ликвидирован капитал, на проценты от которого содержался причт, он, подобно многим другим священникам в это время, устроился на государственную службу. Местом его работы стал Юридический отдел Замоскворецкого Совдепа. Именно в качестве служащего Юридического отдела 5 февраля 1919 года

поставил он свою подпись на договоре общины верующих с Моссоветом о пользовании Иверским храмом и его имуществом. Встречается его подпись и на подобных договорах других церквей Замоскворечья. О том, что и в этой деятельности он оставался верен Церкви, свидетельствует составленный в январе 1920 года запрос, в котором Отдел юстиции Моссовета требует в срочном порядке объяснить, на каком основании Замоскворецким Совдепом, вместо ликвидации, домовые церкви сохранены и сданы группам верующих.

24 июня 1919 года отец Сергей был назначен настоятелем храма во имя святых апостолов Петра и Павла на Большой Якиманке. В августе 1919 года батюшка хлопотал о передаче в храм, настоятелем которого он стал, богослужебного имущества из закрытого домового храма святого Александра Невского и о разрешении богослужения в этом храме. Не оставлял он и преподавания Закона Божия. Он являлся секретарем Совета приходских общин во имя Святого Духа в Замоскворечье, которым были организованы богословские чтения для взрослых в храме святых апостолов Петра и Павла на Якиманке и для юношества — в храме святителя Николая в Голутвине.

26 марта 1920 года митрополитом Крутицким Евсевием отец Сергей был возведен в сан протоиерея. В феврале 1922 года отцу Сергию «за выдающиеся пастырские труды разрешено Московским епархиальным советом принять и носить золотой с украшениями наперсный крест, поднесенный прихожанами».

В том же 1922 году он был арестован по подозрению в преподавании Закона Божия детям и содержался две недели в Доме предварительного заключения, но был освобожден.

4 апреля 1922 года проходило изъятие церковных ценностей в храме святых апостолов Петра и Павла. В июне — начале октября 1922 года протоиерей Сергей был членом Московского епархиального управления, которое в этот период находилось в руках обновленцев. В качестве члена Московского епархиального управления он присутствовал на собрании духовенства третьего отделения Замоскворецкого сорока. В условиях обновленческой

смуты отец Сергей был поначалу в числе тех, кто признал обновленческое Высшее Церковное Управление.

19 июля 1922 года по поручению обновленческого Высшего Церковного Управления отец Сергей выступал на благочинническом собрании священноцерковнослужителей второго округа Звенигородского уезда. Собравшиеся под председательством благочинного протоиерея Виноградова постановили «...единогласно присоединиться к резолюции московских столичных благочинных и обратить внимание ВЦУ на необходимость сохранения неизменности догматов веры и основных канонов Церкви... Считать необходимым скорейший созыв Всероссийского Церковного Собора».

Однако, когда отец Сергей разобрался в истинной сути и источниках обновленческой смуты, он отошел от обновленцев и занял по отношению к ним непримиримую позицию.

В феврале 1924 года протоиерей Сергей, стоявший во главе православной общины, организовал активное сопротивление общине «Союза церковного возрождения», захватившей церковь Петра и Павла. Он подавал апелляцию заместителю наркома юстиции и даже сдал группу обновленцев, начавших переоборудовать храм по своему вкусу, в отделение милиции, так что обновленческий «епископ» Антонин (Грановский) вынужден был оправдываться. Отец Сергей с прихожанами организовали охрану храма. Когда явились обновленцы, то были заперты внутри, и отец Сергей привел к храму милицию, которая потребовала прекращения работ и препроводила участников в отделение для составления протокола, пообещав вернуть отцу Сергию ключи от храма.

В связи с этим 22 февраля Антонин написал на отца Сергия в Московский Совдеп донесение, которое заканчивалось словами: «Возрожденческая община просит Отдел управления принять меры к ликвидации махаевщины и содействия ей ко вступлению и пользованию храмом соответственно обряду “Союза возрождения”».

1 марта 1924 года отец Сергей подал митрополиту Крутицко-

му Петру (Полянскому) прошение следующего содержания: «Ввиду передачи нашего храма Управлением Моссовета группе верующих “Союза возрождения”, прошу причислить временно, впредь до решения дела в Наркомюсте, к храму святого Марона Чудотворца, что в Старых Панех, прихожан, состоящих в каноническом общении со Святейшим Патриархом Тихоном, и причет в составе меня, диакона Федора Чемичева и просфорницы Марии Введенской».

В том же году отец Сергей был арестован и содержался в заключении три месяца.

В 1925 году он служил вторым священником в храме святого Марона Чудотворца в Старых Панех до его закрытия в 1930 году.

В 1937 году отец Сергей был назначен настоятелем Богоявленского собора города Ногинска (Богородска).

В августе 1937 года были арестованы все члены церковного совета Богоявленского собора. Чтобы избежать закрытия храма, отец Сергей организовал создание новой двадцатки. В обстановке массовых арестов некоторые члены новой двадцатки заявили о своем выходе из нее; впоследствии это дало повод обвинять отца Сергия в том, что, организуя новый церковный актив, он оказывал давление на верующих и, кроме того, ввел в церковный совет «антисоветски настроенных лиц».

22 ноября 1937 года отец Сергей был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» и заключен в тюрьму города Ногинска. В тот же день он был допрошен.

— Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность, признаете вы это?

— Никакой контрреволюционной деятельности я не проводил.

— Следствием установлено, что вы подложным, обманным путем привлекали верующих в церковную двадцатку. Дайте показания по этому вопросу.

— Обманным путем я верующих в церковную двадцатку не привлекал.

— Следствием установлено, что вы в одной из бесед с верую-

щими по возвращении из Московской епархии высказывали террористические намерения против коммунистов. Признаете вы это?

— Никогда я террористических намерений не высказывал.

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Виновным в предъявленном мне обвинении я себя не признаю.

25 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу.

Протоиерей Сергей Махаев был расстрелян 2 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-61005, д. П-71646, д. П-74887.

РГИА. Ф. 831, оп. 1, д. 235, д. 240, д. 255, д. 281.

ЦГАМО. Ф. 66, оп. 18, д. 70, д. 106, д. 214, д. 217, д. 273, д. 291.

ЦИАМ. Ф. 203, оп. 1, д. 18; Ф. 1176, оп. 1, д. 100; Ф. 2121, оп. 1, д. 1719;

Ф. 2303, оп. 1, д. 163, д. 270, д. 278.

ЦМАМ. Ф. 1215, оп. 3, д. 58, д. 81; оп. 4, д. 7.

Московские церковные ведомости. 1905. 13 ноября. № 46; 17 мая. № 20—21.

Священник С. К. Махаев. Подвижницы милосердия. Русские сестры милосердия: краткие биографические очерки. М., 1914. С. 144.

Ноября 20 (3 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Иларион (Писарец)

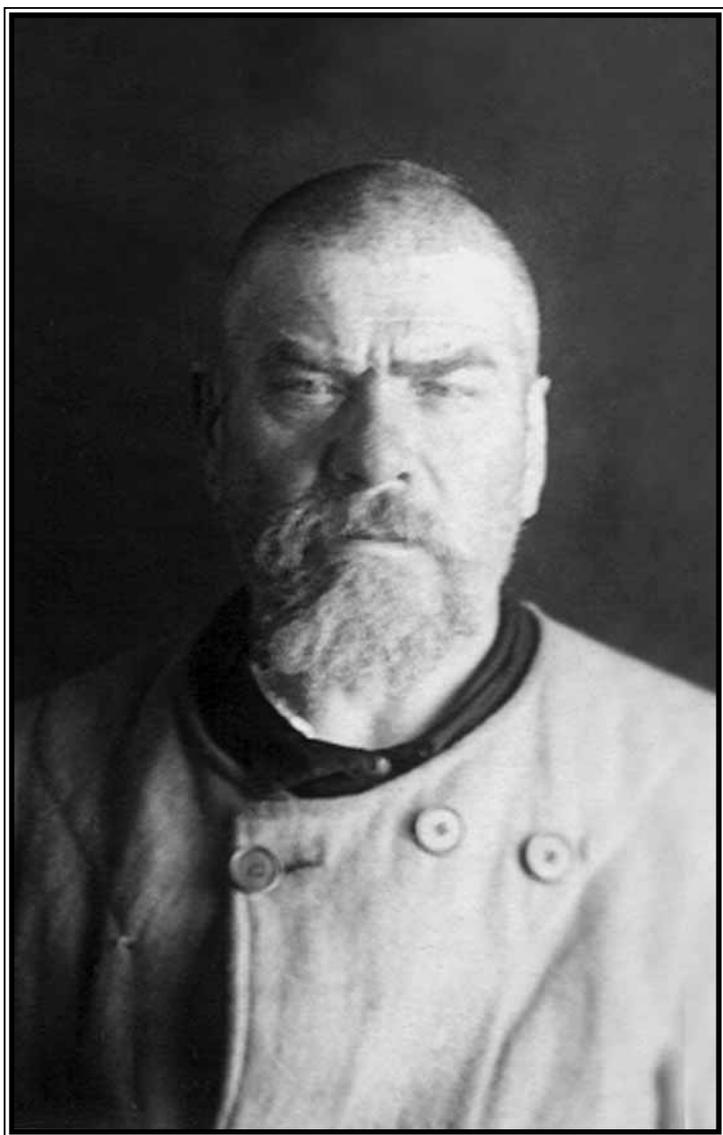
*П*реподобномученик Иларион родился в 1871 году в селе Собичево Киевской губернии в семье крестьянина Павла Писарца. В 1893 году он поступил послушником в Глинскую пустынь в Курской губернии, где пробыл до 1914 года; здесь он принял монашеский постриг.

В 1914 году монах Иларион был рукоположен во иеромонаха; впоследствии он стал служить в Москве. В 1927 году жители села Рождество Наро-Фоминского района Московской области, где не было в то время священника, стали просить иеромонаха Илариона к себе на приход. Он согласился и был священноначалием направлен служить в этот храм.

15 октября 1937 года председатель сельсовета направил заявление в НКВД, в котором сообщал, что на праздник Покров «по домам с молебнами ходил рождественский поп, не имея на это разрешения... Со стороны попа и ранее были нарушения... он собирал подписи верующих, просим принять соответствующие меры».

26 ноября 1937 года иеромонах Иларион был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. На следствии он категорически отверг все предъявленные ему обвинения.

29 ноября тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Иеромонах Иларион (Писарец) был расстрелян 3 декабря 1937 года и

Сергeеионах Сeартои (Тисарец)

Москва. Таганская тюрьма. 1937

погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 19464.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 374–375.

Ноября 20 (3 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

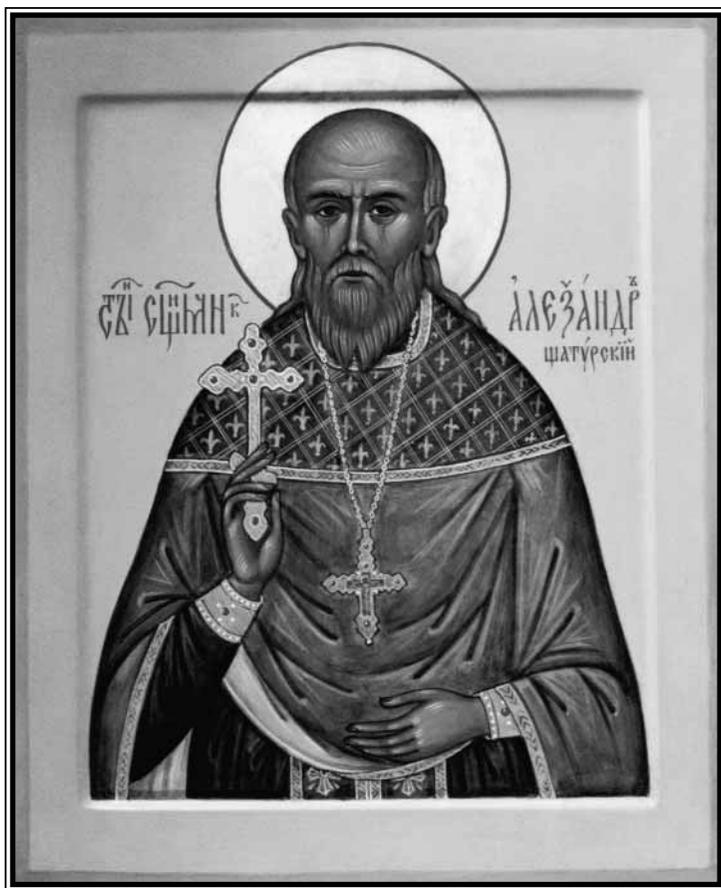
Александр (Сахаров)

Священномученик Александр родился 15 августа 1875 года в селе Кривандино Егорьевского уезда Рязанской губернии в семье диакона Нестора Сахарова.

В 1890 году после окончания Зарайского Духовного училища Александр поступил в Рязанскую Духовную семинарию. На шестом курсе в декабре 1895 года епископом Рязанским Иустином (Полянским) Александр Несторович был посвящен в стихарь для проповедования слова Божия с церковной кафедры.

В 1896 году после окончания семинарии Александр Сахаров был определен учителем и преподавателем Закона Божия в Низковское начальное народное училище Васильевской волости Егорьевского уезда. Поскольку здание училища пришло в крайнюю ветхость, его пришлось закрыть. В сентябре 1897 года Александра Сахарова перевели учителем в Преображенское народное училище в селе Преображенский Погост Егорьевского уезда.

В 1897 году по благословиению епископа Рязанского и Зарайского Мелетия (Якимова) между деревнями Петровской и Левашево Егорьевского уезда было начато строительство храма в честь Казанской иконы Божией Матери. Крестьяне направили владыке прошение, в котором просили «назначить нам в настоящее время священника к Казанской церкви окончившего курс семинарских наук Александра Сахарова». Со своей стороны Александр Несторович тоже подал прошение об определении его во священника строящейся Казанской церкви. Владыка одобрил оба эти прошения.

13 ноября 1897 года состоялась диаконская, а на следующий день иерейская хиротония отца Александра, которую епископ Мелетий совершил в кафедральном соборе в честь Рождества Христова.

К заботам о строительстве храма прибавилось послушание законоучителя в Петровском начальном училище, куда отец Александр был определен в 1898 году. Первое время, когда строилась церковь и дома причта, священник с семейством испытывал трудности и нужду. Приходилось жить в крестьянских избах, нанятых самими прихожанами, а жалованья из казны он пока не получал. 25 мая 1900 года храм был освящен.

В октябре 1907 года отца Александра духовенство округа избрало членом благочиннического совета Второго Егорьевского округа. В 1920 году он был награжден наперсным крестом, а в 1925 году возведен в сан протоиерея и назначен благочинным. В 1931 году протоиерей Александр Сахаров был награжден митрой.

В 1930 году отец Александр был приговорен к 6 месяцам тюремного заключения и 5 годам высылки за то, что использовал труд домработницы. Однако он опротестовал это решение и окружным судом был оправдан. В 1931 году у семьи Сахаровых советская власть отняла последнюю корову. Их дети уже выросли и жили к тому времени отдельно от родителей.

Бывало, что когда отец Александр нес домой какие-нибудь продукты, полученные за исполнение треб от прихожан, ему встречался кто-нибудь из детей, особо нуждающихся в помощи, и тогда батюшка останавливался и раздавал все детворе.

На Пасху и престольный праздник отец Александр совершал водосвятные молебны, обходя дома прихожан.

Летом 1937 года в клубе села Петровское местные коммунисты несколько раз проводили собрания, на которых обсуждался вопрос о закрытии Казанской церкви и переоборудовании ее под школу. Тогда же были сброшены с церкви колокола.

В конце лета 1937 года начались массовые аресты священнослужителей и мирян. Отец Александр предчувствовал свой неминуемый скорый арест. В беседе с одним из знакомых он сказал: «Меня, наверное, скоро возьмут».

В ночь с 15 на 16 ноября 1937 года протоиерей Александр был арестован и заключен в камеру предварительного следствия в городе Шатуре, откуда через несколько дней его перевели в Егорьевскую тюрьму.

— Сколько времени вы служите служителем религиозного культа? — спросил следователь.

— Священником я служу 40 лет, то есть с 1897 года, — ответил отец Александр.

— Перечислите всех ваших знакомых, с которыми вы встречались вне службы.

— Знакомых, с которыми бы я встречался вне службы, не имею.

— Следствию известно, что вы проводите антисоветскую деятельность, создаете приют всяким бродячим священникам и группируете вокруг церкви контрреволюционный монашеский и юродивый элемент, дайте по этому вопросу показания.

— Никогда у меня бродячих священников и монашествующих не было. Антисоветской агитацией я не занимался и виновным себя в этом не признаю.

27 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. Он был доставлен в Таганскую тюрьму города Москвы.

Протоиерей Александр Сахаров был расстрелян 3 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19412.

АМП. Послужной список.

РОГА. Ф. 627, оп. 240, св. 27, д. 43.

Клировые ведомости Рязанской епархии,

2-го Егорьевского округа церкви села Петровского за 1899, 1905, 1910, 1914 гг.

Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999.

Ноября 20 (3 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Алексий (Никатов)

Священномученик Алексей родился в 1875 году в Польше, в селе Дофнары Брест-Литовского уезда Гродненской губернии в семье сельского учителя Гавриила Никатова. Вскоре после его рождения семья переехала в Россию. Здесь Алексей рос, учился, окончил один класс Духовной семинарии. С 1899 по 1901 год служил рядовым в армии. После армии он женился на девице Елизавете.

В 1905 году Алексей Гаврилович поступил псаломщиком в храм села Княжево Можайского уезда Московской губернии. В 1906 году он переехал в село Петровское Верейского уезда и служил там до 1920 года, сначала псаломщиком, затем диаконом, а последний год — священником. У них с матушкой было пятеро детей.

Революция и Гражданская война резко изменили судьбы многих людей, в том числе и отца Алексия Никатова. С августа 1920 года по июль 1921 года он служил учителем в деревне Суверная Сердобского уезда Саратовской губернии, в этом же году получил место священника при храме села Воскресенки Подольского уезда.

В 1923 году отец Алексий был переведен служить в храм во имя Тихвинской иконы Божией Матери в село Игнатово Дмитровского района Московской области. За многолетние пастырские труды отец Алексий был награжден многими церковными

наградами, в том числе и саном протоиерея. Из показаний свидетелей видно, что у отца Алексия была многочисленная паства и к нему часто приезжали люди из других городов и сел.

С двадцатых годов отец Алексий был лишен избирательных прав как священнослужитель, его хозяйство реквизировали, и многодетной семье было нелегко прокормиться в те голодные годы.

Арестовали отца Алексия 19 ноября 1937 года по обвинению в активной контрреволюционной деятельности и агитации, направленной на развал колхозов, «гнусной клевете по адресу советской власти» и террористических настроениях. С 19 ноября 1937 года его содержали под стражей в Таганской тюрьме. Все обвинения отец Алексий отрицал, виновным себя ни в чем не признал.

Решением судебной тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области от 27 ноября 1937 года протоиерей Алексий Никатов был приговорен к расстрелу. Казнь священника состоялась 3 декабря 1937 года на Бутовском полигоне, где он был затем погребен в общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф.10035, д. 19406.
ЦГАМО. Ф. 66, оп. 25, д. 119, д. 180.

Ноября 20 (3 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Владимир (Медведюк)

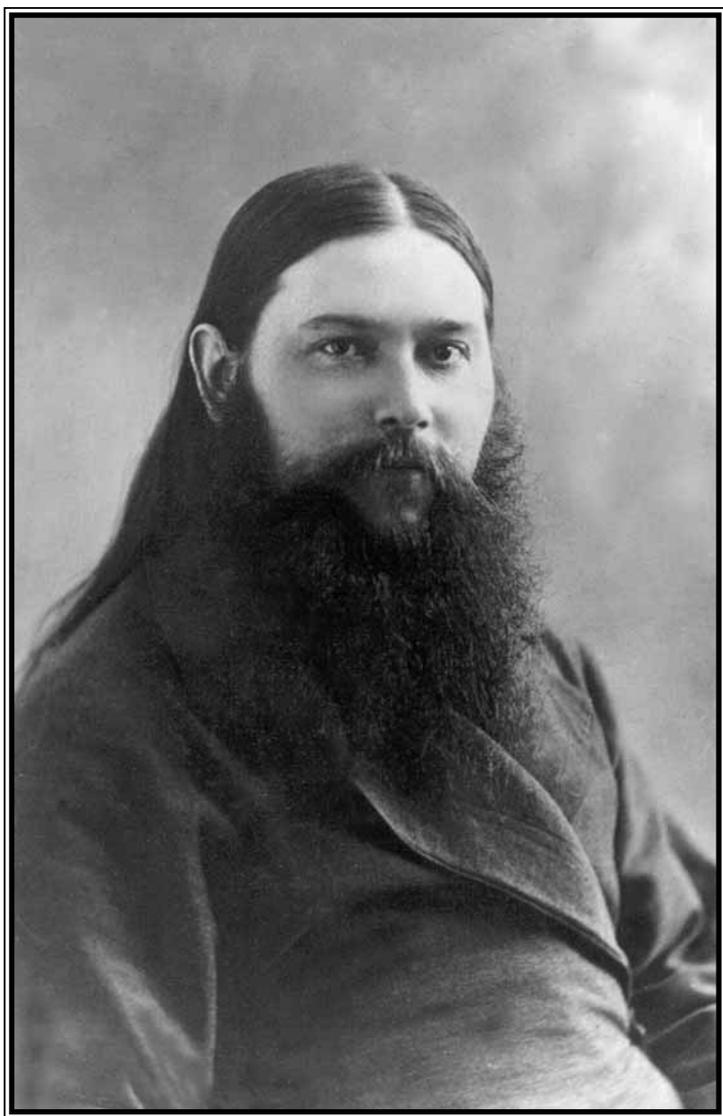
П Р Е П О Д О Б Н О М У Ч Е Н И Ц Я

Татиана (Фомичева)

Священномученик Владимир родился 15 июля 1888 года на территории современной Польши в городе Луков Седлецкой губернии в благочестивой семье железнодорожного рабочего Фаддея Медведюка. Умирая, отец сказал сыну Владимиру: «Дитя мое, как хотелось бы мне видеть тебя священником или даже псаломщиком, но только служителем Церкви». Сын ответил ему, что это является также и его желанием.

Окончив в 1910 году духовное училище, Владимир служил псаломщиком в Радомском соборе в Польше. Мирное течение жизни было прервано Первой мировой войной, и Владимир Фаддеевич, как и тысячи других, оказался в положении беженца. Приехав в Москву, он познакомился с Варварой Дмитриевной Иванюкович, которая происходила из глубоко верующей семьи из Белоруссии и так же, как и он, была беженкой. В 1915 году они повенчались.

В 1916 году Владимир Фаддеевич был рукоположен во диакона ко храму мученицы Ирины, что на Воздвиженке в Москве. Здесь он прослужил до 1919 года и был рукоположен во священ-

Облаженник Благоусп Мегбегрок

ника ко храму Саввинского подворья на Тверской улице. В 1921 году он был назначен настоятелем храма святителя Митрофана Воронежского в Петровском парке в Москве.

С первых дней служения в храме святителя Митрофана отец Владимир стал пытаться наладить приходскую жизнь. В том океане страстей, бед и страданий, который представляла собой в это время советская Россия, для верующих этот приход стал островком любви. Молодой священник ревностно отнесся к своим пастырским обязанностям, и к нему сразу потянулась верующая молодежь, которой он старался привить любовь к православному богослужению и храму. В храм святителя Митрофана часто приезжали хоры из разных церквей, что привлекало многих молящихся и любителей церковного пения, так что бывали случаи, когда храм не мог вместить всех желающих.

Во время разгула обновленчества, когда раскольники при помощи безбожных властей дерзко захватывали храмы, отец Владимир, чтобы избежать такого самочинного захвата, сам запирали после богослужения двери храма и уносил ключи домой. Увидев, что не могут захватить храм без согласия на это священника, обновленцы пригласили отца Владимира к обновленческому епископу Антонину (Грановскому); тот, потребовав у священника ключи от храма, закричал на него:

— Отдай ключи!

— Не отдам, владыка, не отдам! — ответил отец Владимир.

— Убью! Как собаку убью!

— Убейте, — ответил священник. — Перед престолом Божиим мы с вами вместе предстанем.

— Ишь, какой! — сказал епископ Антонин, но настаивать больше не стал. И храм не удалось захватить обновленцам.

В 1923 году отец Владимир был награжден камилавкой. В 1925 году власти арестовали священника и, предъявив ему обвинения, стали угрожать заключением в концлагерь. Освободиться, по их словам, можно было лишь согласившись на сотрудничество с ОГПУ. Отец Владимир дал согласие на это и был освобожден. ОГПУ давало ему какие-то задания, в основном касающиеся Ме-

стоблюстителя митрополита Петра, которые он исполнял, но чем дальше, тем больше он входил в разлад с совестью и тем мучительнее переживал свое положение. Ни ревностное служение в храме, ни пастырская добросовестность не могли утишить этой жгучей душевной боли. В конце концов отец Владимир решил прекратить свои отношения с ОГПУ в качестве секретного сотрудника и исповедал грех предательства духовнику. 9 декабря 1929 года следователь ОГПУ вызвал его повесткой в один из кабинетов на Большой Лубянке и потребовал от него объяснений. Отец Владимир заявил ему, что отказывается от дальнейшего сотрудничества. В течение трех суток его уговаривали переменить свое решение, но отец Владимир на это не согласился, заявив, что он все равно уже рассказал обо всем священнику на исповеди. 11 декабря был выписан ордер на его арест, и ему было предъявлено обвинение в «разглашении... сведений, не подлежащих оглашению». 3 февраля 1930 года Коллегия ОГПУ приговорила отца Владимира к трем годам заключения в концлагерь, которое он отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

Семья его в это время была выселена из церковного дома и осталась без крова. Этого всего более опасался священник. Находясь в заключении, он стал усердно молиться преподобному Сергию и его родителям, схимонаху Кириллу и схимонахине Марии, чтобы их молитвами семья нашла себе пристанище. И они нашли себе кров в Сергиевом Посаде. Вначале им помогла в этом Ольга Серафимовна Дефендова, известная в свое время благотворительница, которая в двадцатые годы ухаживала в Николо-Угрешском монастыре за больным митрополитом Макарием (Невским).

В 1930 году на праздник Воздвижения Креста Господня сын отца Владимира Николай пошел в Ильинский храм в Сергиевом Посаде. Когда он подошел к елеопомазанию, настоятель храма отец Александр Маслов сказал ему:

— Я вас, молодой человек, первый раз вижу в нашем храме.

— У нас, батюшка, большое горе, — сказал Николай. — Нас пять человек осталось, папу взяли. Вот мама с Ольгой Серафи-

мовной ходили два дня по городу. Как узнают, что пять человек детей, никто не пускает на квартиру. Не знаем, что делать.

Отец Александр подозвал одну из прихожанок и сказал ей:

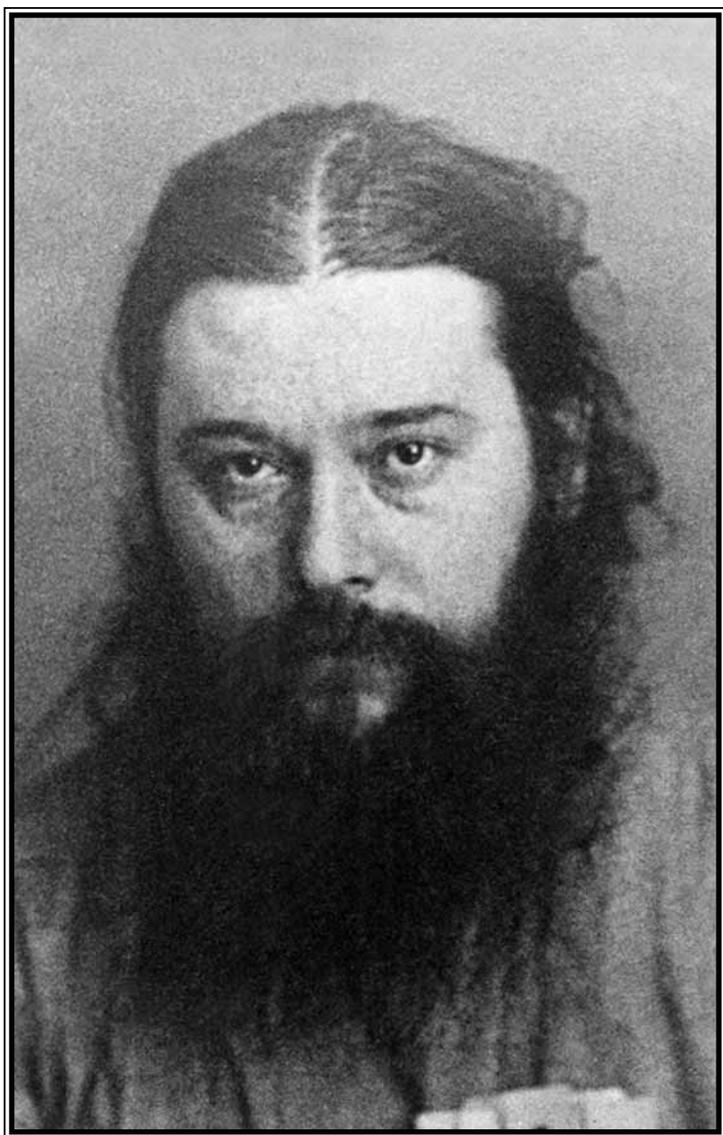
— Надежда Николаевна, у вас самих большое горе, вы должны понять и принять эту семью.

— Благословите, — ответила она.

Так они оказались в семье Аристовых; глава семьи, диакон Вознесенской церкви, за несколько месяцев перед этим был арестован и расстрелян. Этот дом стал пристанищем для семьи отца Владимира на многие годы. После окончания в 1932 году срока заключения отец Владимир поселился вместе с семьей в Сергиевом Посаде, а служить ездил в Москву в храм святителя Митрофана. В 1933 году храм был закрыт властями, и отец Владимир получил место в Троицком храме в селе Язвище Волоколамского района.

В 1935 году отец Владимир был возведен в сан протоиерея. В Язвище ему дали для житья небольшую, в два окна, церковную сторожку, куда переехала вся семья. Жить было тесно, но у прихода не было другого помещения. Однажды к ним пришел сосед, живший напротив, и сказал: «Отец Владимир, предлагаю вам свой дом. Живите сколько хотите, мне ни копейки от вас не надо». В доме этого благодетеля семья протоиерея Владимира прожила десять лет.

В то время в Волоколамском районе жили многие из тех, кто вернулся из ссылки и кому было запрещено жить в Москве. Среди других в Волоколамске жил протодиакон Николай Цветков, которого верующие почитали за подвижническую жизнь и прозорливость. Протоиерей Владимир часто ходил к нему для разрешения тех или иных затруднительных вопросов. Однажды протодиакон Николай попросил его послужить ночью у него в доме. Окна были плотно занавешены. Они облачились; было всего несколько человек молящихся. И вдруг во время службы кто-то постучал в окошко. Память о тюремном заключении и лагере была еще свежа, и отец Владимир стал снимать облачение. «Отец Владимир, не малодушествуйте, стойте как стояли. Сейчас мы узна-

Священник Владимир Медведков

Москва. Тюрьма ОГПУ. 1929

ем», — сказал отец Николай. Оказалось, что это постучал случайный путник, который хотел узнать, как проехать на станцию.

Последний раз отец Владимир пришел к протоиереевскому Николаю весной 1937 года, чтобы поздравить его с днем тезоименитства. Но тот даже не вышел, только из-за двери сказал: «Христос воскрес!» — и все. Отец Владимир попросил послушницу праведника сказать ему, что это отец Владимир из села Язвище пришел поздравить его с днем Ангела. Она все передала, и отец протоиерей повторил ей: «Скажи ему: воистину воскрес!» Отец Владимир расстроился, так как понял, что это было сказано прозорливым старцем в том смысле, что они больше в этой жизни не встретятся.

Летом 1937 года начались массовые аресты. В ноябре протоиерей Владимир ездил в Москву и, когда вернулся, сказал, что уверен, что его вскоре арестуют. «Не ссылки и смерти я боюсь, — сказал он, — боюсь этапов, когда гонят заключенных по несколько десятков километров в день, и падающих, обессилевших конвоиры добивают прикладами, и звери потом терзают их трупы».

11 ноября 1937 года в районное отделение НКВД Волоколамска поступила докладная записка о том, что в селе Язвище было проведено собрание, на котором почти не было молодежи. И будто потому ее не было, что сын протоиерея Владимира Николай собрал неподалеку от избы-читальни, где проходило собрание, домовник, и вся молодежь пошла туда. В записке также утверждалось, что к священнику ежедневно приходит до двадцати человек, в основном старух и стариков из разных колхозов Волоколамского и Новопетровского районов. 24 ноября 1937 года был выписан ордер на арест священника.

25 ноября отец Владимир собирался служить заказную заупокойную литургию и накануне вечером, стоя у окна в своей комнате, вычитывал священническое правило. В доме, кроме семьи священника, находились две монастырские послушницы, Мария Брянцева и Татьяна Фомичева, которые после закрытия монастыря жили при Троицкой церкви в Язвище, исполняя послушания псаломщицы и алтарницы. Они в этот вечер помогали супру-

ге священника рубить капусту. Вдруг отец Владимир увидел, что мимо его окна идут председатель сельсовета и милиционер. «Кажется, сейчас за мной придут», — сказал отец Владимир дочери. Через несколько минут они были уже в доме. «Дойдем до сельсовета, надо кое-что выяснить», — сказал один из них. Отец Владимир стал со всеми прощаться, причем сотрудник НКВД нарочито его торопил, говоря, что он скоро вернется. Но отец Владимир знал, что уже никогда не вернется, всех благословил и сказал дочери: «Вряд ли, деточка, мы теперь увидимся». Тогда же вместе с ним были арестованы послушницы Татьяна и Мария.

В тот же день супруга священника Варвара Дмитриевна собрала передачу и понесла в сельсовет, но ее не допустили к мужу, а сказали, что придут к ней вечером с обыском. Поздно ночью пришел тот же сотрудник НКВД и с яростным шумом стал производить обыск. Трещали полки, падали книги. Обыск свелся к тому, что он взял все, что попало под руку, и побросал без описи в мешки.

Допросы начались почти сразу после ареста. 26 ноября были вызваны председатель сельсовета, участвовавший в аресте священника, секретарь сельсовета и «дежурные свидетели», которые подписали показания, написанные следователем. В тот же день был допрошен протоиерей Владимир.

— Следствие располагает данными, — заявил следователь, — что вашу квартиру часто посещают монашки и верующие из окружающих селений Волоколамского и Новопетровского районов. Дайте показания по этому вопросу.

— Фомичева и Брянцева мою квартиру посещали, но очень редко. Верующие мою квартиру посещают только с требой.

— Следствию известно, что у вас на квартире устраиваются сборища. На сборищах вы обсуждаете политику партии и советской власти.

— Сборищ у меня на квартире никогда не было.

— Следствие располагает данными, что вы среди окружающих вас лиц занимаетесь контрреволюционной и антисоветской агитацией.

— Контрреволюционной и антисоветской агитацией я не занимался.

— Вы показываете ложно. По вашему делу допрошен ряд свидетелей, которые подтверждают вашу контрреволюционную и антисоветскую агитацию. Следствие требует от вас правдивых показаний.

— Еще раз заявляю, что контрреволюционной и антисоветской агитацией я никогда не занимался.

В тот же день были допрошены послушницы Мария Брянцева и Татьяна Фомичева.

Послушница Мария родилась в 1895 году в селе Северово Подольского уезда Московской губернии в семье крестьянина Григория Брянцева. Хозяйство у отца было небольшое — дом с надворными постройками, два сарая, амбар, лошадь и корова. В 1915 году, когда девушке исполнилось двадцать лет, она поступила послушницей в монастырь. После революции подвизалась в Борисоглебском монастыре в Воскресенском уезде до его закрытия в 1928 году. В этом же году она выехала на родину в Подольский район.

Послушница Татиана родилась в 1897 году в селе Надовражное неподалеку от города Истра Московской губернии в семье крестьянина Алексея Фомичева. В 1916 году она поступила послушницей в монастырь и после революции была на послушании в Борисоглебском монастыре. В 1928 году власти закрыли монастырь, и она переехала к родителям в село Надовражное.

В 1931 году власти начали преследовать монахов и монахинь закрытых монастырей. Многие из них, несмотря на закрытие обителей, старались придерживаться в своей жизни монастырского устава. Некоторые поселялись неподалеку от обителей, зарабатывали на пропитание, подобно древним пустынноикам, ружьём, а молиться ходили в ближайшую приходскую церковь. В начале 1931 года ОГПУ создало «дело» против монахинь Крестовоздвиженского монастыря, расположенного рядом с селом Лукино Подольского района. До революции в Крестовоздвижен-

ском монастыре подвизалось около ста монахинь. После революции монастырь был закрыт, но монахини добились разрешения на открытие в стенах обители сельскохозяйственной артели, состоящей из бывших монастырских сестер. Таким образом монашеская жизнь продлилась здесь до 1926 года, когда монастырь был окончательно упразднен, а в его корпусах разместился дом отдыха имени Карпова. Двенадцать сестер обители и тогда не ушли отсюда, частью устроившись работать в доме отдыха, частью поселившись в соседних деревнях и рукодельничая. Молиться все ходили в Ильинский храм в селе Лемешево. Хор при храме также состоял из инокинь и послушниц закрытых монастырей. Среди других в хоре пели послушницы Мария Брянцева и Татьяна Фомичева.

Допрошенный 13 мая 1931 года следователем ОГПУ директор дома отдыха показал, что «в бывшем монастыре, где находится сейчас дом отдыха, еще до сих пор висят колокола, кресты, стенные гравюры икон и разные церковные украшения, а за оградой монастыря находится церковь. Чем объясняется, что до сего времени не сняты колокола и монастырь не переделан в нормальный вид, трудно сказать. Однако пребывание до сего дня двенадцати монашек и их антисоветская деятельность дает основание полагать, что отсталое население окружающих деревень находилось под их влиянием и не подписывалось за снятие колоколов с монастыря. Двенадцать монашек составляют не что иное, как общину вокруг бывшего монастыря... эти двенадцать монашек имеют общение между собой, проживают при монастыре, связаны с кулацким элементом, агитируют среди крестьян против мероприятий советской власти, часто вращаясь среди крестьянства, имеют общение с отдыхающими, всячески стараясь воздействовать на них, показывая себя обманутыми советской властью».

Допрошенный следователем ОГПУ культработник дома отдыха показал: «Выскажу свое мнение о “святом” очаге вокруг церкви. Хотя я сталкивался всего два-три раза с этим очагом во время обследования местности, кладбища, церкви, и причем очень поверхностно, тем не менее я ярко ощутил именно гнездо и рассадник, враждебный нам, со своими зловещими старухами,

проклинающими нашу установку. Характерно отметить, как сильно их влияние. Девушки-крестьянки в возрасте до двадцати пяти лет, с которыми я разговаривал около церкви, веруют в Бога и на мои попытки разубедить их сначала прислушались, но скоро отмахнулись и пошли в церковь, руководимые старухами-монашками. Зимой были отмечены случаи, когда отдыхающие также ходили в церковь, поэтому мое мнение таково, что нужно вообще ликвидировать этот очаг вплоть до снесения церкви».

18 мая 1931 года послушницы Мария и Татьяна были арестованы и заключены в Бутырскую тюрьму в Москве. Всего тогда было арестовано семнадцать монахинь и послушниц из различных обителей, поселившихся вблизи от закрытого Крестовоздвиженского монастыря.

Хозяйка дома в селе Лемешево, где жила послушница Татьяна, показала, что послушница занимается рукоделием, которое продает крестьянам соседних деревень, и что она настроена против мероприятий советской власти. Одна из лжесвидетельниц показала, что послушница Татьяна является ярой церковницей и ведет активную антисоветскую деятельность. Другой свидетель показал, что послушница Мария говорила крестьянам: «Зачем вам нужны колхозы и зачем идти в них, когда там делают насилие над крестьянами. Сейчас вы, крестьяне, загнаны в такой хлев, в котором никакие законы не писаны». И крестьяне будто бы закричали в ответ на слова одной из послушниц: «Правильно говорят матушки, они все же больше нашего знают».

На допросе послушница Мария сказала: «К советской власти я отношусь с презрением. Советская власть нас задушила. На Церковь коммунисты устроили гонения, закрывая храмы и требуя уплаты больших налогов. Виновной в антисоветской агитации я себя не признаю».

29 мая 1931 года тройка ОГПУ приговорила послушниц Марию и Татьяну к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Освободившись в 1934 году, Мария поселилась в селе Высоково, а Татьяна — в деревне Шелудьково Волоколамского района, и стали помогать в Троицком храме протоиерею Владимиру. Они были арестованы в 1937 году вместе с ним.

Допрошенные 26 ноября 1937 года, послушницы категорически отказались подтвердить обвинения, возводимые на них следователями, и не согласились никого оговаривать. 28 ноября следствие было закончено, и на следующий день тройка НКВД приговорила протоиерея Владимира к расстрелу, а послушниц Татьяну и Марию – к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

В это время жене отца Владимира Варваре Дмитриевне сообщили, что заключенных готовят к отправке в Москву и поезд пройдет через ближайшую от их села станцию в три часа дня. Ей сказали, что заключенных повезут в первом вагоне, который будет с решетками. Варвара Дмитриевна с детьми подошла к поезду, взяв с собой вещи, – их она полагала передать мужу. Поезд остановился, но вагон с заключенными окружила охрана, никого не подпуская к нему близко. Они стали пристально всматриваться в зарешеченные окошки и вдруг увидели, как в одном из них появилась рука и священническим благословением благословила их. Поезд стоял на станции три минуты, которые показались им одним мгновением. После отхода поезда не было сил идти назад три километра и нести вещи, предназначенные для отца Владимира. В это время подошел подросток, живший в селе Язвище, и спросил, что случилось. Они объяснили, и он помог им донести вещи до дома.

Протоиерей Владимир Медведюк был расстрелян 3 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой. Послушница Мария Брянцева после окончания срока заключения вернулась домой, а послушница Татьяна Фомичева приняла смерть в заключении.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76328, д. П-7590.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001. С. 417–426.

Ноября 22 (5 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Герасим (Мочалов)

*П*реподобномученик Герасим (в миру Григорий Игнатьевич Мочалов) родился в 1870 году в селе Маринино Дмитровской волости Дмитровского уезда Московской губернии в крестьянской семье. Образование Григорий получил в сельской школе.

6 сентября 1903 года Григорий Игнатьевич был принят в число послушников Смоленской Зосимовой пустыни во Владимирской губернии, послушание проходил в слесарной мастерской; 13 декабря 1906 года он был зачислен в братство обители, а 2 апреля 1908 года — пострижен в мантию с именем Герасим. В 1910 году монах Герасим был рукоположен во иеродиакона, а в 1920-ом — во иеромонаха.

В 1923 году Зосимова пустынь была безбожной властью закрыта, и отец Герасим перешел служить в Николаевский Песношский монастырь в Дмитровском уезде, в котором он прослужил до его закрытия, а затем был назначен в храм в селе Гари, когда-то входившем в состав Дмитровского уезда. С 1936 года иеромонах Герасим стал служить в Покровском храме в селе Кикино Дмитровского района.

Иеромонах Герасим был арестован 27 ноября 1937 года, заключен в Таганскую тюрьму в Москве и в тот же день допрошен.

— Следствию известно, что вы среди населения ведете активную антисоветскую деятельность. Дайте по этому вопросу показания, — потребовал следователь.

– Никакой антисоветской деятельности я не вел и это отрицаю.

Следователь стал расспрашивать о хозяйке дома, в котором жил отец Герасим, и настаивать, что тот собирал в доме антисоветские сборища из числа верующих, среди которых вел антисоветскую агитацию. Но отец Герасим категорически отверг эти вымыслы, подтвердив только то, что он там жил, и если кто к нему и приходил, то лишь договориться о совершении церковных таинств. Следователь вновь стал настаивать на признании иеромонахом контрреволюционной деятельности, но отец Герасим все эти обвинения категорически отверг.

Лжесвидетели подписали необходимые следствию протоколы допросов, и 1 декабря тройка НКВД приговорила отца Герасима к расстрелу. Иеромонах Герасим (Мочалов) был расстрелян 4 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19486.
РГАДА. Ф. 1204, оп. 1, д. 25168.

Ноября 22 (5 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

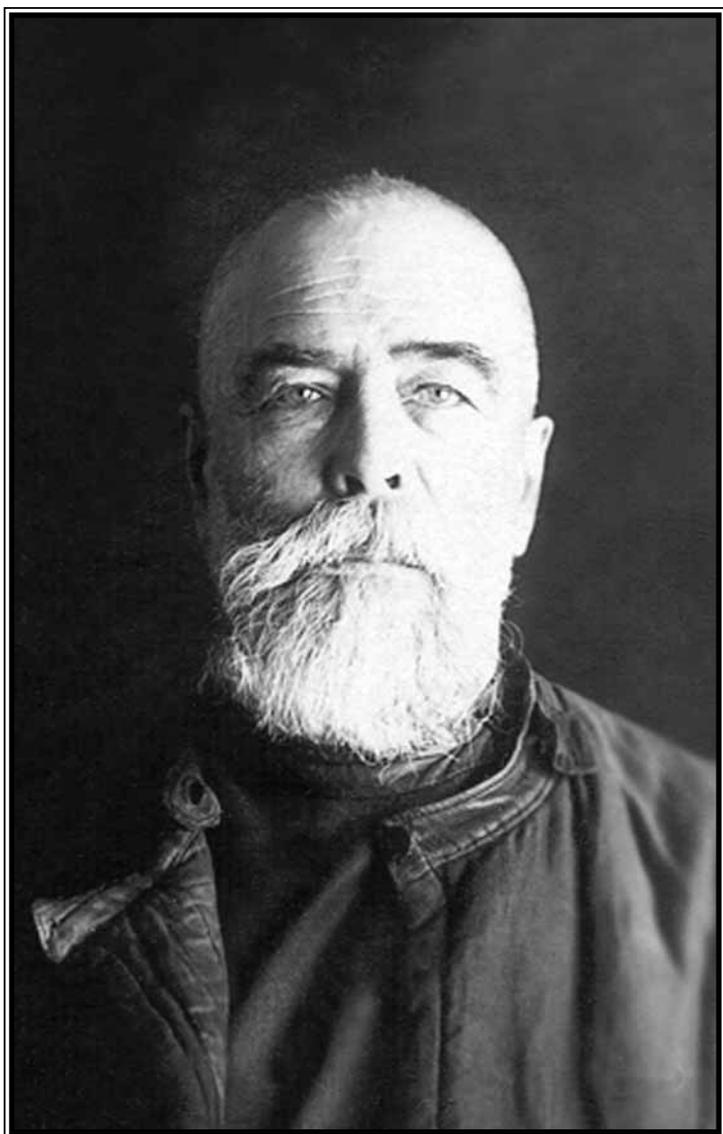
Иаков (Соколов)

Священномученик Иаков родился в 1874 году в селе Тимоново Дмитровского уезда Московской губернии в семье псаломщика Ивана Соколова. Окончил двухклассное училище и в 1893 году был назначен служить псаломщиком в Введенскую церковь погоста Черная Грязь. В 1914 году митрополит Московский Макарий (Невский) рукоположил его в сан диакона, а в 1921 году епископ Дмитровский Серафим (Звездинский) — в сан священника к той же церкви.

В 1930 году за неисполнение задания по хлебозаготовкам власти арестовали священника и приговорили к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Отцу Иакову, однако, удалось доказать свою невиновность, и после одиннадцати месяцев заключения по решению Московского областного суда его освободили.

27 ноября 1937 года власти снова арестовали священника, и он был заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Лжесвидетели показали, что к священнику домой приходят верующие из других приходов (при этом окна дома закрываются ставнями) и что он высказывал враждебные взгляды по отношению к советской власти.

Отец Иаков был допрошен сразу после ареста. Он не признал себя виновным в антисоветской деятельности и объяснил, что к нему домой приходили певчие для репетиций, но фамилий их он не знает.

Священник Иаков Соколов

Москва. Таганская тюрьма. 1937

1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Иакова к расстрелу. Священник Иаков Соколов был расстрелян 4 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19485.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 376–377.

Ноября 22 (5 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Феодор (Гусев)

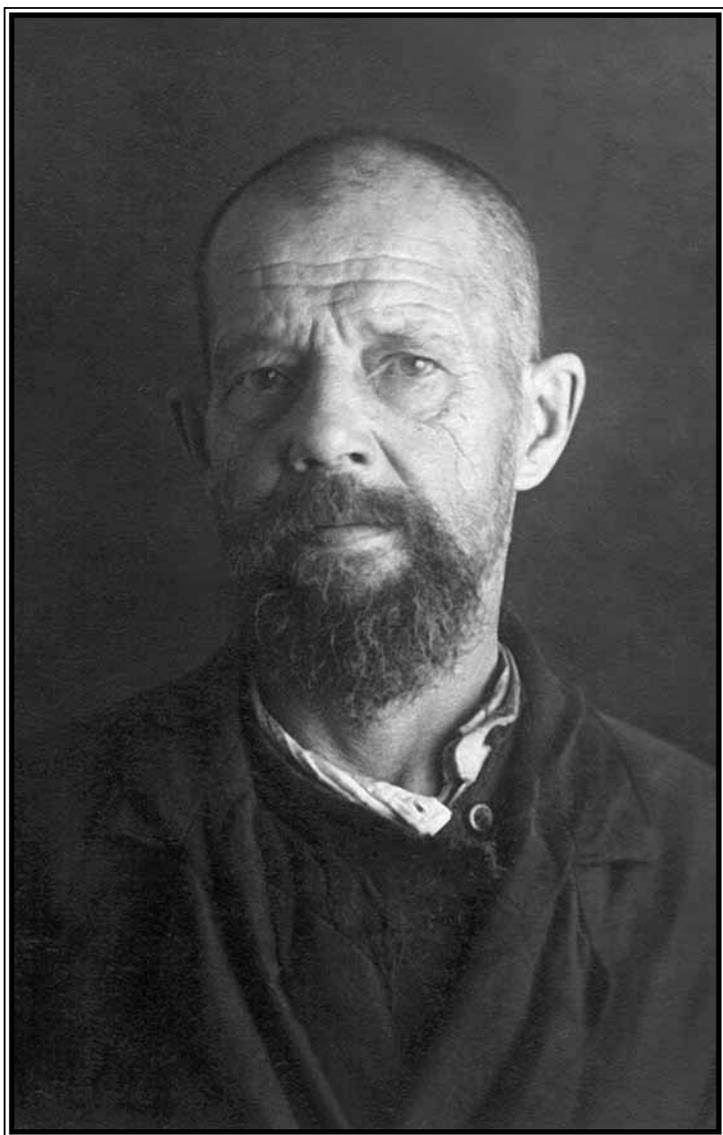
Священномученик Феодор родился 2 февраля 1875 года в семье священника села Никольское Клинского уезда Московской губернии Евдокима Гусева. Окончил Дмитровское Духовное училище. С 1899 по 1901 год Федор Евдокимович служил в армии рядовым. В 1903 году он стал служить псаломщиком в Успенской церкви села Изосименье Волоколамского уезда и прослужил в этом храме всю жизнь. В 1912 году митрополит Московский Владимир (Богоявленский) рукоположил его в сан диакона.

В ноябре 1929 года священник Успенской церкви был арестован и сослан на три года за невыполнение хлебопоставок. Служить стало некому, и в декабре храм был закрыт. 31 марта 1930 года по ходатайству прихожан храм вновь был открыт, в нем стали попеременно служить священники из соседних приходов. 15 мая 1934 года церковь была вновь закрыта за неуплату налогов. В августе того же года прихожане вновь добились ее открытия.

8 ноября 1936 года епископ Волоколамский Иоанн (Широков) рукоположил диакона Феодора во священника к этому храму.

21 ноября 1937 года отец Феодор был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Во время допроса следователь спросил его:

— С кем вы поддерживаете связи и кого вы хорошо знаете в районе?

Священник Георгий Тусев

Москва. Таганская тюрьма. 1937

— Я поддерживал связь со священником Грибовской церкви Василием Ивановичем Колоколовым, в настоящее время арестованным органами НКВД.

— В чем заключалась связь с указанным вами лицом?

— Связь моя с Колоколовым заключалась в том, что я часто обращался к нему за советами, касающимися богослужений.

— Вы арестованы за контрреволюционную антисоветскую деятельность, проводимую вами среди окружающего населения. Следствие требует ваших искренних показаний по существу предъявленного вам обвинения.

— В июле 1937 года по вопросу налоговой политики я среди колхозников говорил: «Советская власть на нас налагает непосильные налоги. Нет больше сил платить». Других разговоров против советской власти среди общины верующих я никогда не вел и виновным себя в этом не признаю.

1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Феодора к расстрелу. Священник Феодор Гусев был расстрелян 4 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19488.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 378–379.

Ноября 22 (5 декабря)

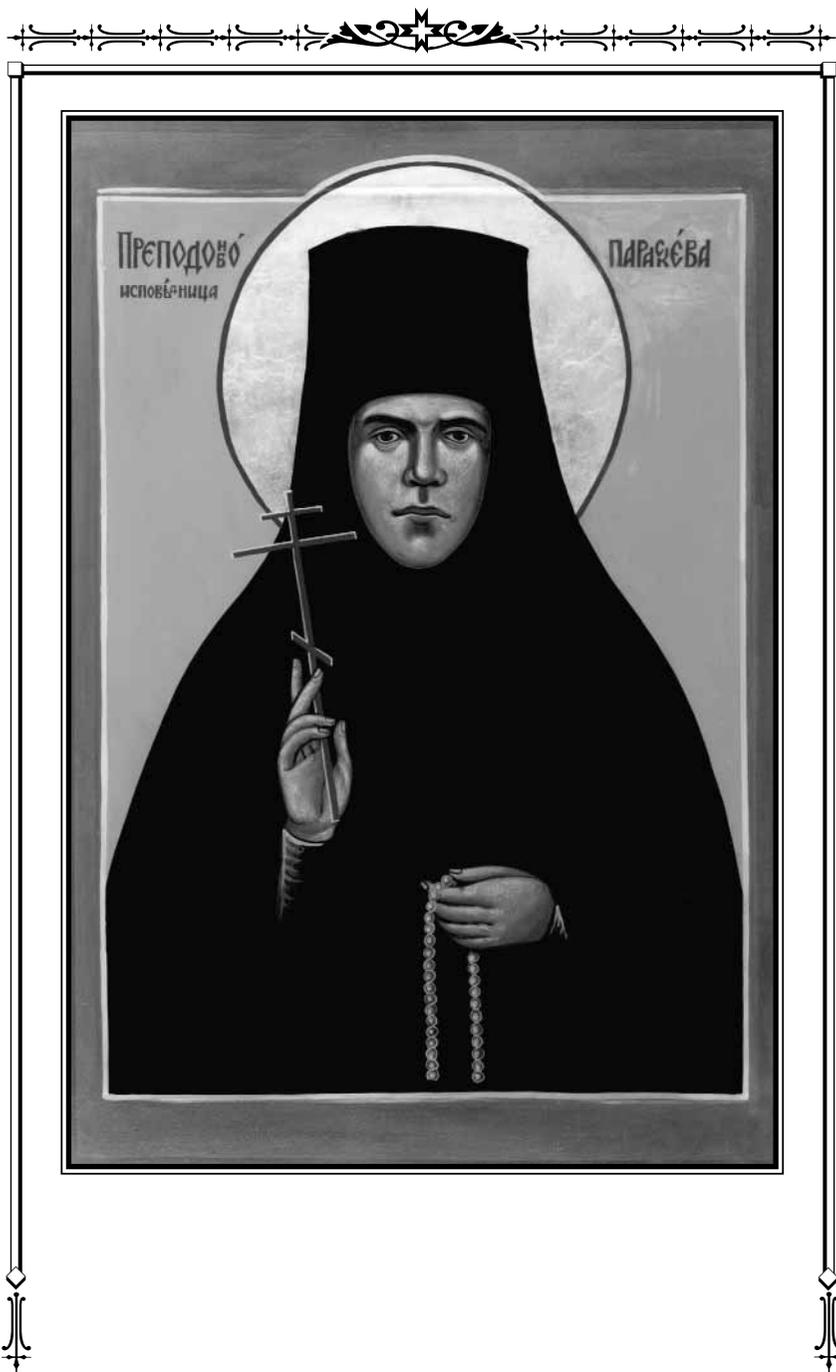
ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИЦА

Параскева (Матиешина)

*П*реподобноисповедница Параскева родилась 28 октября 1888 года в селе Песчаное Каменец-Подольского уезда Подольской губернии в крестьянской семье Федора и Матроны Матиешиных.

Семья была религиозной, благочестивой и патриархальной. «По вечерам мы не знали другого времяпрепровождения, как чтение Священного Писания или житий святых, и не представляли, что может быть иначе», — вспоминала матушка. Еще в младенческом возрасте она пережила первое значительное событие духовной жизни. Ей было три года, когда ее стали приучать к посту. Сначала девочка не хотела поверить, что Великим постом нужно отказаться от любимого молока, просила его, капризничала. Но через день сильно заболела и почувствовала связь между болезнью и нежеланием соблюдать пост, поняла, что пост — это серьезно. Тогда она дала свое первое обещание Богу: постом никогда не пить молока. Через два дня она поправилась и с этого времени всегда легко и с радостью постилась.

Примерно в том же возрасте проявилась в девочке любовь к богослужению и церковному пению. Однажды в церкви Великим постом на нее особенное, глубокое впечатление произвело пение «Аллилуиа». Когда оно закончилось, Параскева заплакала. Вернувшись домой, она пропела его матери по памяти и запомнила на всю жизнь.

Преподобно
исповѣница

Параке́ва

Грамоте ее выучил дед Амвросий по Библии. Впоследствии она очень хорошо знала Священное Писание, но особенно любила читать послания Апостолов и Евангелие от Иоанна Богослова. Она называла его невидимым первым руководителем в духовной жизни: «Во время его чтения так делалось сладко и хорошо на душе, и я забывала о земле и о земном. Я даже выразить не умею, как мне было хорошо».

Когда Параскеве исполнилось восемь лет, умерла мать, за нею бабушка и младшая сестренка. После отца Параскева стала главной работницей в доме. Отправляясь вместе на работу, они любили по дороге петь псалмы.

У отроковицы рано появилось желание пойти в монастырь. Бабушка не позволяла ей об этом и думать. Нашелся и жених. Но Параскева ласково объяснила молодому человеку, что замуж не пойдет, потому что собирается в монастырь. Молодой человек последовал ее примеру, уехал на Афон и принял монашеский постриг.

Бабушка говорила Параскеве, что ей не вынести трудностей монастырской жизни. Девушка стала усиленно поститься и работать над собой, чтобы приготовить себя к лишениям. Она еще и мучила себя: например, вкладывала в обувь щепки, чтобы приучиться терпеть боль. Наконец, бабушка разрешила ей уйти в монастырь, убедившись, что жизнь в миру пользы внучке не принесет.

Узнав адрес миссионерского монастыря, в который принимали без внесения денежного вклада, Параскева написала туда письмо и, получив согласие на приезд, вместе с подругой ушла из дома. Это было в 1907 году. Почти без денег, легко одетые, подчас голодные, претерпев много лишений, девушки чудом добрались до Теолинского Спасо-Преображенского монастыря Августовского уезда Сувалкской губернии, расположенного в 25 верстах от станции Гродно, и были приняты послушницами.

Еще до поступления в монастырь Параскева просила у Господа указания, куда ей пойти. Однажды увидела она во сне икону Божией Матери, сияющую ослепительным светом, стоявшую углом на солее и окруженную синей лентой, на которой была над-

пись: «В этом монастыре ты будешь жить». Но в Теолинском монастыре она не нашла ничего подобного.

Через несколько лет Параскева отпросилась на побывку домой. По дороге заехала в Турковичский монастырь Варшавско-Холмской епархии, где была чудотворная икона Божией Матери. Дорога была трудная, она измучилась и заболела. Пришлось задержаться в монастыре. И здесь, когда чтимую икону перенесли в зимний храм и поставили наискосок на солею, Параскева, войдя в церковь, узнала увиденное во сне. В 1912 году ее приняли в число сестер Турковичской обители.

В 1914 году, при занятии немцами Польши, монастырь эвакуировался в Москву, затем в Дмитров. В 1918 году, после окончания войны, монастырь возвратился в Турковичи, а послушница Параскева была оставлена для отправки монастырского имущества вслед за уехавшими. Однако вскоре Турковичский монастырь прекратил свое существование, и Параскева осталась в Дмитрове, сняла квартиру на окраине города в селе Подлипичье и прислуживала в местном храме Казанской иконы Божией Матери.

Один крестьянин попросил Параскеву обучить свою дочь церковному пению. К ней присоединились другие. Хор девочек стал быстро расти, его численность достигла 60 человек, и стало два хора. Параскева не только преподавала пение, но наставляла учениц в Законе Божиим, объясняла, как жить по-христиански. Она считала не нужной излишнюю нежность в воспитании, потому что это расслабляет душу, была внешне несколько сурова к своим ученицам, но любила их, как родных дочерей.

В 1920 году Параскева познакомилась с Дмитровским епископом Серафимом (Звездинским) и стала его духовной дочерью. Владыка сурово вел ее в духовной жизни, но другим говорил о ней с уважением. В дневнике матушки сохранилась такая запись: «Молитвами святого старца моего, доброго окормителя и мудрого водителя на многоволненном пути житейского моря, я теперь благодушествую и пою: утвердися сердце мое во Господе. Теперь Господь показал мне, как мудро вел меня от тьмы к свету отец мой. Радуюсь и благодарю Бога, давшего мне столь мудрого авву,

благодарю старца своего, что вел меня так, а не иначе, хотя признаюсь, весьма было трудно и болезненно, когда господин мой старец так беспощадно лишал пищи мое самолюбие. Сколько муки и борьбы тогда было в моем беспокойном, самолюбивом и лукавом сердце. Теперь я опытом познала, как тяжела и упорна битва, когда борются самолюбие и любовь. И теперь я радостным взором смотрю, как любовь и преданность старцу низложили самолюбие, саможаление и самоцен, и вижу сих бездушных истуканов разбитыми, которым так недавно я все еще поклонялась. Я со многими слезами благодарным сердцем многократно лобызаю стопы моего мудрого старца, этого второго кроткого Давида, так просто и метко поразившего во главу моего Голиафа. Теперь я смотрю, как трудно остаться верным чадом отцу своему, духовному окормителю, когда он с корнем вырывает самолюбие, когда он распинает или умерщвляет ветхого человека: на этом пути не выдержит ни один падший сын Адамов, если не поддержит Десница свыше молитвами старца».

Епископ Серафим в 1921 году постриг Параскеву в рясофор, не переменяв ей имени, и определил в Спасо-Влахернский монастырь.

После пострига инокиня Параскева поселилась в Спасо-Влахернском монастыре, а вскоре на имя владыки поступило прошение прихожан Казанской церкви села Подлипичье вернуть инокиню Параскеву в Дмитров для продолжения обучения детей их прихода чтению и пению. Они обещали обеспечить ее квартирой и продовольствием. 25 июля 1921 года епископ Серафим написал резолюцию: «Согласно усиленной просьбе крестьян, в целях укрепления веры и Слова Божия, инокиня Спасо-Влахернского монастыря Параскева Матиешина за святое послушание вызывается из обители для миссионерской работы в деревне, числясь в то же время в числе сестер Спасо-Влахернского монастыря. Надеюсь и уверен, что матушка игуменья и сестры отпустят инокиню Параскеву из обители без тени какого-либо ропота или недовольства и с радостью благословят ее на великое Божие дело, памятуя тяжкое время неверия, ныне переживаемое, памятуя, как

Унокья Параскева Мамешина

преподобный Сергей из своей обители отпустил двух иноков на защиту Церкви Святой от нападения вражеского...»

27 ноября 1921 года инокиня Параскева была посвящена владыкой по древнему чину в диакониссы, на алтарное служение. С этого времени она стала прислуживать в Казанской церкви села Подлипичые, в которой очень часто служил епископ Серафим и возле которой он жил. Ведя Параскеву к духовному совершенствованию путем строгим, мудрый старец считал ее одной из близких своих духовных дочерей.

«Не умею выразить словом, как многополезна, утешительна моя последняя поездка к моему господину старцу, — писала в дневнике инокиня Параскева. — Мир, радость, спокойная совесть, освобожденная от пленниц греха, просветление ума и сердца, перемена во всем существе моем, словно я другая. Господи, какое благо даровано падшему — покаяние. Какая великая власть дана святым апостолам вязать и решить. Благословен тот час и день, когда Господь приводит предстоять честнейшему лицу святого старца и принимать столь непостижимые Тайны. О, глубина премудрости! О, бездна милосердия! Я, маленькая песчинка, теряюсь в этой бездне: ничтожная, скверная, преступная, оплеванная, изувеченная, изнуренная и изможденная грехом, растерзанная и изможденная своим неразумием, опять оживленная, успокоенная, исцеленная, поднятая, очищенная, одетая. Видя такие дары, туне даваемые лишь по единому милосердию Божию, что можно сказать или как возблагодарить? Нет слов. Тут бранные уста смыкаются. Да молчит всякая плоть и да стоит со страхом и трепетом. О, если бы и всегда пред очами Божьими ходить со страхом и трепетом, но как грустно, обидно, но вместе и преступно, получая такие дары и такую милость, паки опутываться пленницами греха, как страшно, как страшно за свою немощь и непостоянство. Боже мой, Боже мой, как же мне быть: я так слаба, так непостоянна, так грехолюбива. О, поддержи, подкрепи, не дай мне пасть, затвори хляби греха и положи предел, да не прогневаю Тя больше и да хожу во Истине Твоей молитвами старца моего и всех святых».

Много трудов положила матушка Параскева в Дмитрове, созидавая и церковный хор, и души своих учениц. В 1924 году она была вызвана в ОГПУ, где ей приказали прекратить занятия. Но и после этого, не имея возможности учить девушек, она не оставила попечения о них и руководства хором. В 1928 году, спустя десять лет после основания хора, она написала слово к своим певчим: «Слава Богу за все, как всегда в скорби и радости говорил великий иерарх святитель Иоанн Златоуст. Скажем же и мы от всей души эти слова в десятую годовщину нашего пения: вот, слава Богу, десять лет прокатилось с того дня, когда мы впервые начали наше пение, наше славословие в вышних Богу, Творцу неба и земли, Отцу светов, от Которого всякое даяние и всяк дар исходят... Всякое дыхание и вся тварь да хвалит Господа, как говорится в одной молитве церковной; Тебе поет солнце, Тебе славит луна, Тебе хвалит вся тварь. И какое же счастье нам даровал Господь, и мы, маленькие люди, тоже поем, славим и хвалим Творца... Да, деточки мои во Христе, родные, милые, великое счастье славить, петь, хвалить Господа. Но оглянемся мы назад и просмотрим наши протекшие годы и подумаем, достойно ли мы славили, хвалили, благословляли и благодарили Господа? Всегда ли исполняли этот честный долг пения с любовью, со вниманием, с миром и благоговением? Не пели ли мы иногда недостойными усты, с досадою в сердце, с негодованием, невниманием, огорчением и озлоблением? Увы, о горе, с грустью и сожалением надо сказать, что за эти десять лет много недостатков и много грубых ошибок вижу я прежде всего в себе. Все вышеупомянутые грехи имели широкий простор в моем грехолюбивом сердце; и, видя себя столь негодной, я всегда трепетала от страха, не заразить бы мне этими грехами ваши юные души, ибо знала я по собственному опыту и из книг Священного Писания, что грехи и страсти, как зловонная зараза, как проказа, заразительно и разрушительно действуют на душу ближнего. Вот я всегда и боялась, дабы не соблазнить единого из малых сих, ибо знала страшный приговор соблазнителям, что лучше бы обесити ему жерновный камень и потопить в глубине морской, нежели соблазнить одного из малых

сих. Теперь десять лет, как я живу и вращаюсь среди вас, и благодарю всегда Бога, что Он умудрил вас покрыть любовью все мои немощи, все мои недостатки, ибо одна лишь любовь все покрывает и никогда не отпадает. Она всегда верна: так и вы, деточки, горящие любовью Христовой, пребыли со мною верны во всех моих скорбях и напастях, злключениях и гонениях. Не поколебали вашей верности и любви ни клевета, на меня возведенная, ни поношения, которые часто падали из-за меня и на вас. Все это я видела и чувствовала, хотя никогда вам об этом не говорила. А не говорила потому, что знаю и твердо верю, что есть Всевидящее Око, Которое видит все и воздаст за все. Благодарю вас, девочки, за все: за любовь, покорность, за смирение и терпение, за постоянство и труд и молю Господа, дабы утвердил Он вас в правой вере и благочестии и дабы было бессмертно ваше пение, возносились бы вечно от уст и сердец ваших вечное славословие во веки веков».

Закрытие в 1928 году Спасо-Влахернского монастыря не изменило жизни матушки. Она продолжала прислуживать в Казанской церкви. «Параскева — пятницу страданий Христовых помни», — писал ей владыка. Памятуя благословение своего аввы в ночь воспоминания святых спасительных Страстей Христовых читать 150 раз молитву «Отче наш», матушка в Великую Пятницу 20 апреля 1929 года всю ночь провела в молитве, вычитывая еще раз всю службу с размышлением и затем правило, назначенное владыкой. И тогда первый раз в жизни поняла, что «куплена Ценою, что все члены мои назnamenованы печатью страданий Христа».

27 мая 1931 года инокиня Параскева была арестована. На вопросы следователя она отвечала: «Я лишена избирательных прав как монахиня. В монастырь я поступила в 1912 году в Холмской губернии... Пробываю до 1914 года, потом нас всех монашек перевезли в Москву, где мы и находились до 1918 года. В 1918 году я приехала в Дмитров. Сняла квартиру в Подлипецкой слободе и прислуживала в церкви. Участвовала в хоре, обучала детей церковному пению. В 1924 году меня вызвали в ОГПУ и воспретили обучать девушек церковному пению. С тех пор я кончила занятия

с девушками и была хору как руководительница. Себя я в антисоветской деятельности виновной не признаю».

28 июня 1931 года тройка ОГПУ приговорила инокиню Параскеву к 5 годам ссылки в Казахстан. Перед отъездом матушка сподобилась видения святых апостолов Петра и Павла, которые благословили ее и ее спутников.

Параскеву привезли сначала в Алма-Ату, а затем определили на работу неподалеку от города: она была поварихой в большой рабочей артели, состоявшей из ссыльных. За проявляемые ею к рабочим заботу и сострадание они называли ее сестрой.

Спустя некоторое время инокиню перевели в Алма-Ату. На государственную работу устраиваться не стала, поскольку за несколько месяцев, проведенных в артели, была истощена — питалась чем придется.

В Алма-Ате матушка неожиданно встретила со своим духовным отцом, епископом Серафимом, направленным туда в ссылку в августе 1932 года. Он прожил в городе три месяца, и матушка могла в это время утешаться совместными молитвами и духовными советами своего аввы.

Вскоре ее перевели в город Барабинск. Питалась она большей частью лепешками, которые ссыльные пекли из муки собственного помола, изготовленной из зерен колосков, подобранных в поле после уборки урожая.

Ссылка окончилась в 1935 году, и матушка, сильно ослабевшая и больная, поселилась в Астрахани, а затем перебралась в город Кирсанов Тамбовской области. Узнав о болезнях инокини Параскевы, воспитанницы позвали ее в Дмитров, поближе к родным местам. Здесь ее застала война и связанный с нею голод. Матушка заболела абсцессом легких и тяжело страдала. Лекарства не помогали, состояние ее считали безнадежным. Она уже готовилась к смерти, но однажды ночью во второй раз сподобилась видения святых апостолов Петра и Павла. Апостол Петр обещал ей выздоровление и, подавая ключи, бывшие у него в руках, сказал: «Ты еще будешь этими ключами отворять церковные двери в Подлипичье». С этого дня, вопреки ожиданиям врачей, матушка стала поправляться. Окрепнув, она поехала на Украину к род-

ным, которые приняли ее очень радушно. Поправившись, она вернулась в Дмитров, где вновь стала трудиться в Казанской церкви Подлипичья, отпирала ее по утрам, читала, пела и управляла своим хором. Сначала ей нашли комнату недалеко от церкви. Но вскоре пришлось найти другое жилье, дальше от храма. Матушке каждый день приходилось по дороге в церковь подниматься в гору. Со временем это для нее становилось все труднее.

Во все годы ее жизни к инокине Параскеве тянулись души, ищущие Бога. Матушка терпеливо выслушивала приходивших и затем давала ответ.

Со временем здоровье матушки вновь пошатнулось. Возобновился абсцесс легкого. Прибавились артрит, фурункулез. Она со смирением старалась лечиться. На время ей стало легче, но болезнь не прошла. В церковь удавалось ходить все реже и реже. Она потеряла квартиру в городе, и пришлось переехать в деревню Бирлово. Больная нуждалась в уходе, который там никто не мог ей обеспечить. С ней случился паралич, и она стала совсем беспомощной. Страдания матушки были очень велики, особенно от нарывов и пролежней.

Инокиня Параскева скончалась в день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы 4 декабря 1953 года и была погребена на кладбище города Дмитрова.

Всю свою многоскорбную жизнь она осуществляла то, чему была научена и чему всех постоянно учила: «Будьте смиренны, Христу Спасу подобны».

11 сентября 2001 года были обретены святые мощи преподобноисповедницы Параскевы. 30 сентября состоялось их торжественное перенесение из Борисо-Глебского Дмитровского монастыря в Спасо-Влахернский женский монастырь в селе Деденево Дмитровского района.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-75419.

Все вы в сердце моем. Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима, епископа Дмитровского. ПСТБИ. М., 2001. С. 539–548.

Ноября 25 (8 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Иоанн (Тарасов)

Священномученик Иоанн родился 18 февраля 1867 года в селе Бородино Клинского уезда Московской губернии в семье крестьянина Якова Ивановича Тарасова. Иван окончил городскую начальную школу и с десятилетнего возраста служил у состоятельных торговцев в Клину, а затем перешел служить в контору прокурора Шмидта. С 1895 года и до самой революции 1917 года Иван Яковлевич работал у многих крупных торговцев, а после революции поступил чиновником в Народный комиссариат путей сообщения, откуда уволился по болезни и по возрасту в 1921 году. С этого времени он посвятил свою жизнь служению Церкви, поступив псаломщиком в московский храм Живоначальной Троицы в Листах, и к этому же храму в 1923 году он был рукоположен диаконом.

В 1924 году диакон Иоанн был рукоположен в сан священника к Дмитровской церкви в селе Шевырева Слобода Епифаньского района Тульской области. В 1925 году он был награжден набедренником и скуфьей и в том же году переведен в Успенский храм в селе Обухово Клинского района Московской области. В 1928 году отец Иоанн был награжден камилавкой, в 1930 году — назначен в Константино-Еленинский храм в селе Майдаково. В 1931 году священник был награжден наперсным крестом, в 1934 году — возведен в сан протоиерея и в том же году переведен в Николаевскую церковь в селе Голенищево. В 1935 году протоиерей

Иоанн был назначен в Одигитриевскую церковь в селе Воронино, в 1936 году – в Казанскую церковь в селе Фроловское, а в августе 1937 года был переведен в храм Рождества Пресвятой Богородицы погоста Вырки Орехово-Зуевского района.

Эти частые перемещения священника с прихода на приход избавили его от нескольких арестов, которым он безусловно бы подвергся, оставаясь на одном месте. Но пришло время столь беспощадных гонений, что от них, по замыслу гонителей, не должен был ускользнуть никто.

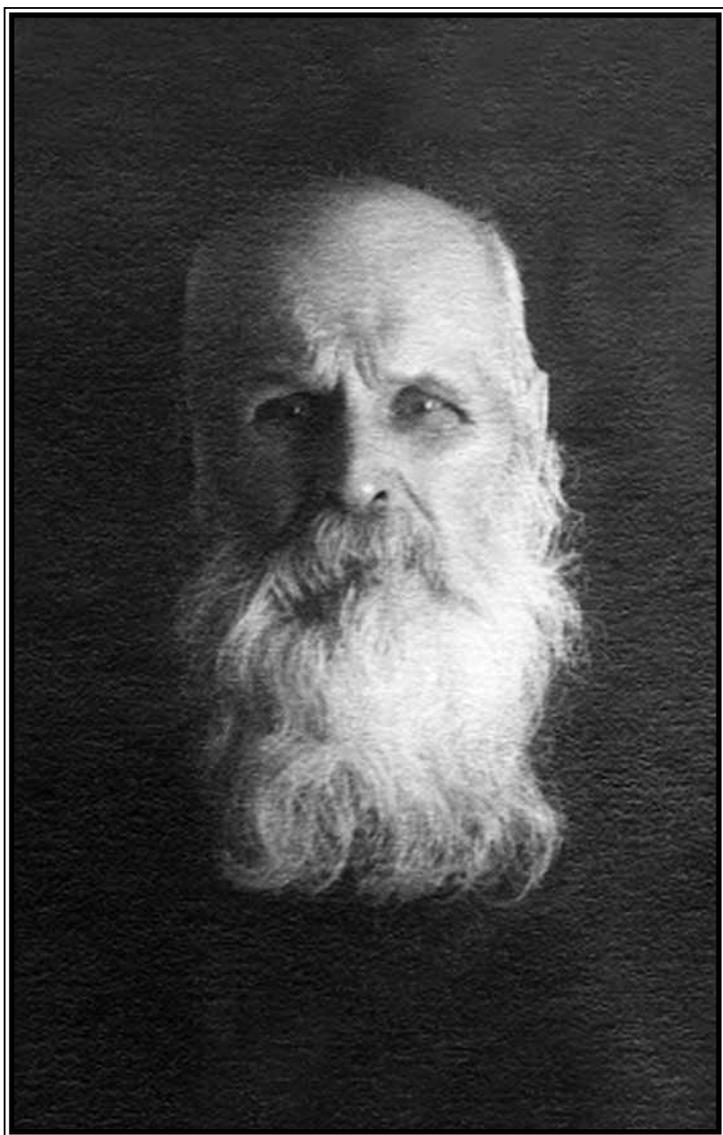
22 октября 1937 года был допрошен председатель Нестеровского колхоза, который показал: «Иван Яковлевич Тарасов враждебно настроен к советской власти и ВКП(б), часто высказывает среди населения антисоветские настроения. В начале сентября 1937 года Тарасов в личной беседе со мной заявил: “У вас, видно, дела-то плохо обстоят в колхозе. Есть ли крестьянам интерес в дальнейшем работать сообща в колхозе? Не думают ли у вас колхозники опять быть единоличниками? Посмотрю я на ваших колхозников, товарищ председатель, и думаю, что не люди стали, а тени. Все они замучены, изнурены непосильной работой в колхозе. Сразу видно, что они при такой колхозной жизни долго не проживут”».

26 октября 1937 года протоиерей Иоанн был арестован, заключен в тюрьму в Орехово-Зуеве и тут же допрошен. Ему были предъявлены показания лжесвидетелей, в том числе и председателя колхоза, но все показания отец Иоанн категорически отверг. Следствие длилось около месяца, и 16 ноября следователь снова допросил священника, надеясь, что условия содержания в тюрьме и примененные к священнику меры воздействия изменят его позицию.

– Подтверждаете ли вы свои показания, данные вами 26 октября? – спросил он.

– Да, эти показания я полностью подтверждаю, – ответил священник.

– С какого времени вы являетесь служителем культа? – спросил следователь.

Протоиерей Иоанн Тарасов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

Отец Иоанн ответил.

— Вы арестованы за антисоветскую агитацию. Дайте следствию показания о вашей контрреволюционной деятельности, — потребовал следователь.

— Контрреволюционной деятельностью я не занимался — виновным себя не признаю, — ответил отец Иоанн.

29 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Иоанн Тарасов был расстрелян 8 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19469.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 380–382.

Ноября 25 (8 декабря)

С В Я Щ Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Александр (Вершинский)

М У Ч Е Н И К И

Павел (Кузовков)

Николай (Копнинский)

Священномученик Александр родился 6 марта 1873 года в селе Кунганово Старицкого уезда Тверской губернии в семье диакона Андрея Вершинского. Диакон Андрей был большим почитателем отца Иоанна Кронштадтского. 22 февраля 1906 года протоиерей Иоанн служил в храме погоста Упировичи Новоторжского уезда, и диакон Андрей специально приехал туда, чтобы послужить с праведником. В 1907 году диакон Андрей ушел за штат по состоянию здоровья.

В 1897 году Александр окончил Тверскую Духовную семинарию и в том же году поступил псаломщиком в Борисоглебский собор в городе Старице. Женился на дочери священника Ильинской церкви в городе Торжке Михаила Никольского Еликониде. У священника Михаила Федоровича Никольского и его жены Евгении Михайловны родилось тринадцать детей, в живых осталось шестеро. Старшая дочь Еликонида родилась в 1878 году, младший сын Аркадий – в 1900 году. Семья была благочестивая, Евгения Михайловна отличалась добротой, честностью и справедли-

востью. После смерти мужа она стала старостой Ильинской церкви.

30 января 1900 года псаломщик Александр был рукоположен во диакона к Борисоглебскому собору в городе Старице. 6 февраля того же года он был рукоположен во священника к церкви Архистратига Михаила в селе Михайловском Тверского уезда. С 20 августа по декабрь 1901 года отец Александр состоял законоучителем в Яковлевской земской школе Тверского уезда.

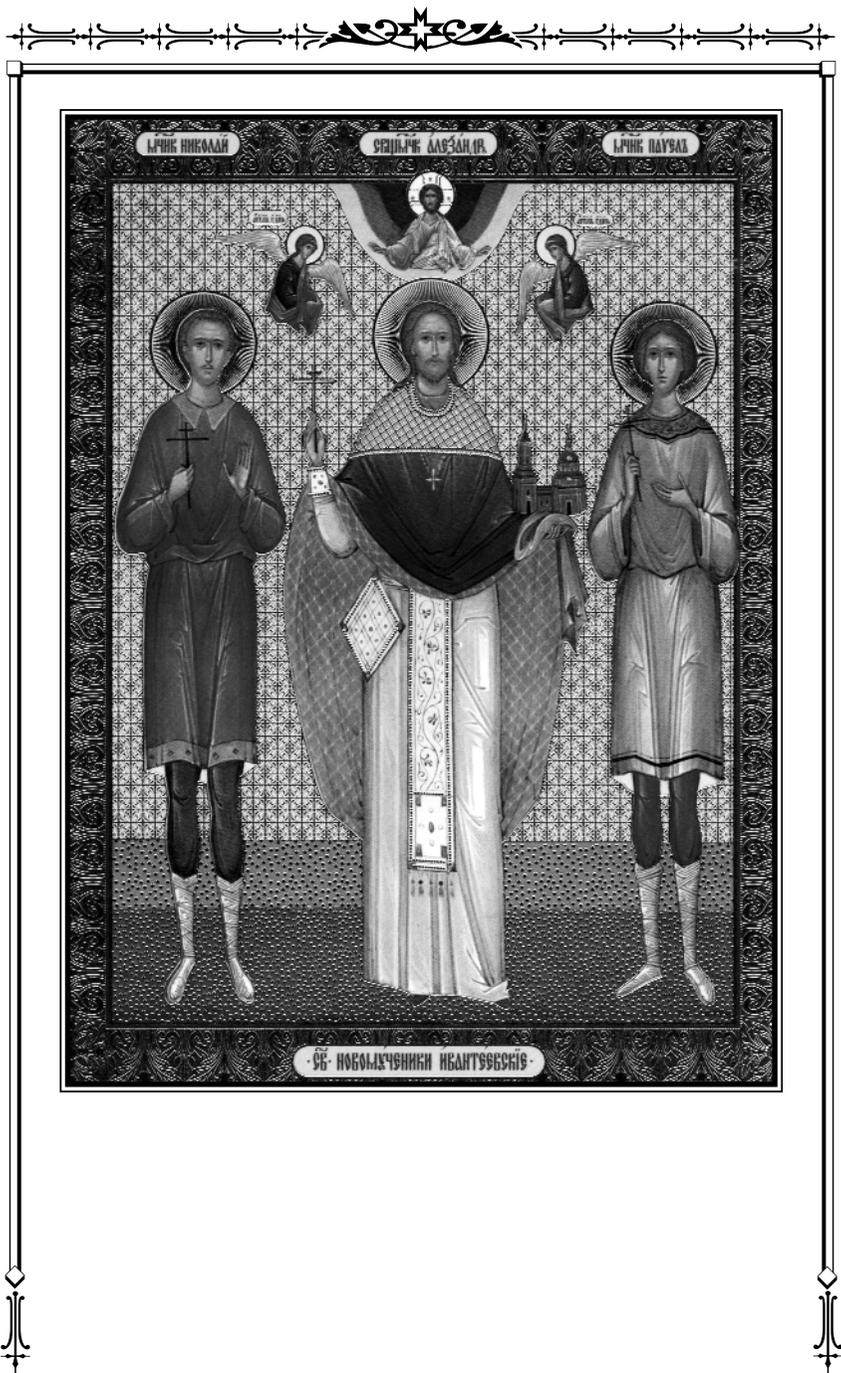
3 декабря 1901 года умер тесть отца Александра священник Михаил Никольский, и отец Александр 10 декабря того же года был переведен в Ильинскую церковь в городе Торжке, в которой прослужил до дня ее закрытия воинствующими безбожниками в 1927 году. С 1902 по 1917 год он был в Торжке законоучителем в училище Министерства просвещения.

У отца Александра и Еликониды Михайловны родилось трое детей – две дочери, в 1912 и в 1914 годах, и сын Николай в 1918 году. Николай во время богослужений помогал отцу в алтаре; с началом Отечественной войны он был призван на фронт в состав 325-го стрелкового полка 14-й стрелковой дивизии и во время ожесточенных боев 11 сентября 1944 года пропал без вести.

После смерти тестя на плечи молодого священника легли все заботы о его многочисленной семье, притом что некоторые дети были еще малы. В 1920 году отец Александр был награжден наперсным крестом, в 1922 году возведен в сан протоиерея.

При наступлении гонений на Русскую Православную Церковь отец Александр нисколько не усомнился в выбранном им пути служения Богу и, обладая большим авторитетом среди духовенства и верующих, был в 1923 году избран ими первым благочинным 1-го округа Тверского уезда и затем утвержден в этой должности епархиальным архиереем. В том же году он был назначен благочинным Борисоглебского монастыря в Торжке. В 1924 году протоиерей Александр был награжден палицей, в 1925 году к 25-летию его служения святой Церкви – золотым наперсным крестом с украшениями.

После закрытия властями в 1927 году Ильинской церкви архиепископ Тверской Фаддей (Успенский) благословил общину

ІРІС НІСААН

СІДІЛІС ДАВІАН ІР

ІРІС ПАУВА

СБ НОВАЖУЧІНІСІ НІАНТЪВЪСІС

перейти в Спасо-Преображенский собор в городе Торжке и назначил отца Александра настоятелем. Здесь он прослужил до закрытия собора в 1931 году, а затем был переведен в Николо-Пустынскую церковь. В 1932 году протоиерей Александр был награжден митрой. В марте 1937 года храм при активной поддержке властей был захвачен обновленцами и протоиерей Александр остался без места.

Повсюду разливалось пламя все более беспощадных гонений, это ясно видел и отец Александр, однако он ни на минуту не колебался в своем решении продолжать служение Церкви. Будучи хорошо известен священноначалию, он был приглашен в марте 1937 года в Смоленский храм в поселке Ивантеевке Пушкинского района Московской области*, где прослужил до дня своего ареста.

24 октября один из сотрудников администрации школы в Ивантеевке подал донос секретарю партийного комитета, который одновременно был и секретарем поселкового совета в Ивантеевке. Составитель доноса вызвал в школу диакона Александра Якиманского, дети которого учились в этой школе, и, поговорив с ним, составил следующее донесение: «Гражданин Александр Павлович Якиманский (диакон церкви в поселке Ивантеевка) передает следующее: священник церкви в поселке Ивантеевка Александр Андреевич Вершинский говорит проповеди по праздничным дням. Эти проповеди носят монархический характер. Он неоднократно был предупреждаем гражданином Якиманским и священником Успенским, чтобы не говорил проповеди, но Вершинский не обращает внимание на предупреждения и продолжает говорить проповеди.

“У нас возникает мысль — с какой целью он, Вершинский, сюда прибыл, когда он в городе Торжке был благочинным, пользовался авторитетом, имел двухэтажный собственный дом”, — говорит Якиманский. Например, он говорил проповеди на Воздвижение относительно Креста Господня, на Рождество Богородицы, где говорил о библейской истории царя Давида, царя Кон-

---

* Ныне город областного подчинения.

*Священник Александр Вершинский
с супругой Е.иконигой Михайловной и дочерью Маргаритой*

стантина (Византийская империя). Перед Пасхой говорил проповедь о распятии Иисуса Христа, Который был распят властями. Устраивает торжества, которые раньше не устраивались в церкви, – например, на третий день Успения организовал вынос плащаницы и погребение Божией Матери и ход по церкви. Есть подозрение, думает диакон Якиманский, что священник Вершинский состоит в какой-то партии».

10 ноября диакон Александр был вызван на допрос в НКВД, где, отвечая на вопросы следователя, дал следующие показания: «Я знаю, что Вершинский пользуется большим авторитетом. Я предполагаю, что он завоевал себе авторитет среди женщин своими проповедями, которые он часто произносил в церкви; если говорить о его церковной службе, то служит он неважно. Поначалу, когда Вершинский только приехал в Ивантеевку, он в церкви говорил проповеди чисто религиозные. Впоследствии он стал в своих проповедях протаскивать монархические идеи, при этом восхвалял бывший царский род и отдельных царей. Во все бывшие религиозные праздники, имевшие свое значение в Церкви в дореволюционное время, Вершинский устраивает торжественное богослужение, и в некоторые такие праздники он говорит проповеди, в которые протаскивает свои монархические идеи; так, в частности, в один из праздников весной 1937 года восхвалял отдельных царей, как-то: царя Давида и других. Осенью 1937 года в своей проповеди говорил о царе Константине и его деятельности, при этом старался преподнести слушателям все в лучших красках. Весной 1937 года в одной из проповедей Вершинский, связывая свою проповедь с ожившей после зимы природой, говорил: “Природа расцвела... мы должны искать лучшей жизни, раньше жизнь была лучше”».

21 ноября 1937 года сотрудники НКВД арестовали протоиерея Александра, а через день – председателя церковного совета Павла Васильевича Кузовкова и члена церковного совета Николая Ивановича Копнинского. Все они были заключены в Таганскую тюрьму в Москве.

25 ноября диакон Александр Якиманский снова был вызван на допрос к следователю. Отвечая на вопросы, он показал: «Коп-

нинского и Кузовкова я знаю с момента моего поступления на должность диакона в село Ивантеевку, то есть с 18 февраля 1937 года, а Вершинского знаю с марта 1937 года. До последнего времени мои с ними отношения были нормальные, но примерно с половины октября они обострились на почве доходов. Связь Вершинского, Кузовкова и Копнинского была очень тесная и заключалась в том, что они, находясь во главе церковного совета, совместно решали все вопросы, касающиеся церкви, и вообще у них были личные, дружественные отношения. Я могу заявить, что Вершинский, Копнинский и Кузовков были настроены антисоветски. Вдохновителем антисоветских настроений и недовольств является Вершинский, и он фактически является вдохновителем этой группы. Вершинский в своих проповедях высказывал чисто монархические взгляды; так, например, на праздники Воздвижение и Рождество Богородицы он восхвалял древних царей Давида, Константина и других. В частных разговорах Вершинский говорил: «В настоящее время жизнь тяжела и жить невозможно, виновата в этом советская власть». Сидя за столом в присутствии посторонних, Вершинский, обращаясь к посторонним, говорил: «Празднования надо участить и сопровождать крестными ходами, этим мы больше привлечем на свою сторону верующих»».

Затем диакон дал показания против Павла Кузовкова и Николая Копнинского, закончив их следующим образом: «Собрания церковного совета собирались примерно два раза в месяц и в разных местах: то в церкви, то в квартире Кузовкова, то у других частных лиц. И поскольку уже много приведено фактов контрреволюционных разговоров и все эти разговоры связаны в той или иной степени с церковным советом, то, по моему мнению, собрания церковного совета являлись поводом для контрреволюционных разговоров и эти разговоры в очень скрытой форме передавались окружающему населению».

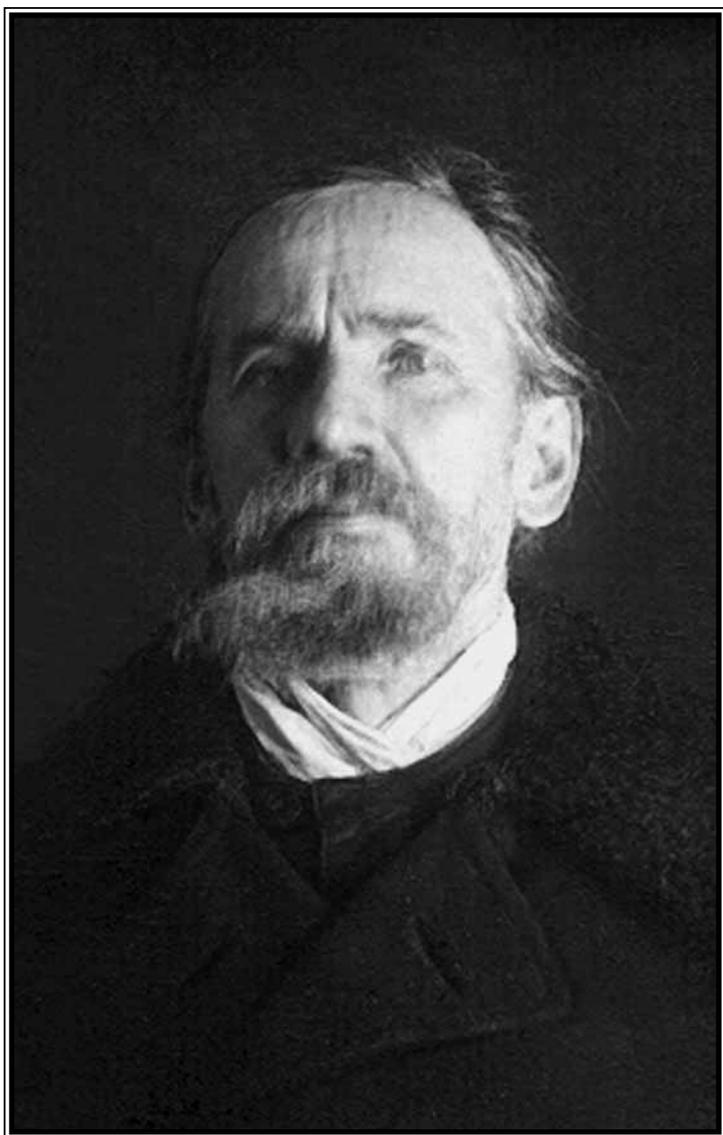
В тот же день был допрошен священник Смоленского храма в Ивантеевке Николай Михайлович Успенский, который показал: «Вершинский, Кузовков и Копнинский находились между собой в хороших взаимоотношениях, часто посещали квартиры друг друга и особенно часто собирались в доме Кузовкова, где систе-

матически разделяли между собой контрреволюционные взгляды. Вершинский, Кузовков и Копнинский настроены явно враждебно к существующему в СССР строю. Руководителем и вдохновителем данной контрреволюционной группы, как в церковных делах, так и в контрреволюционных высказываниях, был Вершинский. В марте 1937 года Вершинский рассказывал о своей работе в Торжке и говорил, что он устраивал там крестный ход, который комсомольцы хотели сорвать, но он был хорошо знаком с членами партии и они заранее его информировали, что дало ему возможность предупредить верующих и дать надлежащий отпор комсомольцам. В марте 1937 года после окончания службы в церкви Вершинский о применяемых к духовенству репрессиях говорил: “Духовенство за маленькие преступления, за слово сказанное страдает пятилетней ссылкой или еще чем-нибудь; вообще, преступления не соответствуют наказанию”. После этого разговора он стал высказывать свои контрреволюционные взгляды по вопросу о выборах в Верховный Совет. После ареста Вершинского на другой день ко мне в дом пришел Кузовков и просил меня написать заявление во ВЦИК по вопросу о закрытии церкви. Я заявление писать отказался. После этого мы с Кузовковым пошли к Копнинскому, и Копнинский говорил, что на религию идет жестокое гонение со стороны правительства, а Кузовков сказал: “Конституция написана только для заграницы, а не для СССР”».

В тюрьме, отвечая на вопросы следователя, отец Александр сказал:

— В поселке Ивантеевка я находился в хороших взаимоотношениях с председателем церковного совета Павлом Васильевичем Кузовковым, у которого бывал в доме. Также знаком с Николаем Ивановичем Копнинским, который хотя и подал заявление о выходе из церковного совета, но все же церковный совет продолжал посещать. Других знакомых в Ивантеевке у меня нет. Сколько раз в мое отсутствие собирался церковный совет, я не знаю. Но я присутствовал на четырех совещаниях. На первом совещании под Пасху обсуждался вопрос об оплате певчим за пение на Пасху. На втором совещании, в конце мая, обсуждался вопрос

Протоиерей Александр Вершинский

Москва. Таганская тюрьма. 1937

о финансовом отчете. В третий раз, в июне, в здании церкви, обсуждали вопросы по ремонту церкви. И в четвертый раз, в церкви, обсуждали процесс самого ремонта, то есть говорили рабочим о ремонте, договариваясь о цене.

— Следствие располагает фактами, что в поселке Ивантеевка существовала контрреволюционная группа церковников, в которую входили Павел Васильевич Кузовков и Николай Иванович Копнинский, вдохновителем являлись вы. Следствие предлагает вам подробно рассказать, для какой цели вы проводили контрреволюционную работу, и назвать других лиц, которые входили в вашу группу, — потребовал следователь.

— В поселке Ивантеевка среди церковников никакой контрреволюционной группы не было, из числа названных лиц никто контрреволюционной агитацией не занимался и своих недовольств советской властью не высказывал, — ответил священник.

— В июле вы в церкви среди верующих говорили, что советская власть душит священнослужителей и за каждое оплошное слово дает им по пять лет. Этим вы пытались у присутствующих верующих вызвать жалость к священникам и ненависть к советской власти. Тогда же и там же вы говорили, что у духовенства нет возможности участвовать в выборной кампании, так как их все равно выбросят из органов власти верхи, хотя они будут избраны низами. Этими разговорами вы пытались дезорганизовать выборную кампанию среди верующих. Расскажите следствию, для какой цели вы занимались контрреволюционными разговорами.

— Подобных разговоров по окончании службы в церкви я никогда не вел.

— Когда вы читали проповеди в церкви, вы в этих проповедях протаскивали контрреволюционные монархические идеи. В частности, в праздник Воздвижения восхваляли благочестие царей Константина, Давида и цариц, ставя своей целью дать понять верующим о существовавших благочестивых царях, хорошо относившихся к народу.

— Действительно, на праздник Воздвижения я говорил проповедь о значении этого праздника. В проповеди я говорил о царице Елене, так как она связана с праздником, но о царях Давиде

и Константине с восхвалением их благочестия я не говорил.

— С какого времени и на какой основе у вас сложились контрреволюционные взгляды?

— У меня контрреволюционных взглядов не было.

— Следствие предъявляет вам следующий факт вашей контрреволюционной деятельности. Вы рассказывали, что для увеличения числа верующих пошли на обман органов власти и добились открытия в городе Торжке мощей княгини Юлиании. Тогда же и там же распространяли провокационные слухи с целью компрометации компартии, уверяя присутствующих, что якобы многие коммунисты были с вами в сделке и предупреждали вас о предстоящих демонстрациях комсомола против крестных ходов.

— Может быть, я и говорил о перенесении мощей из подвала в храм, и такое перенесение мощей с разрешения церковной и гражданской власти было. В отношении комсомольцев и коммунистов я ничего не говорил.

Следователь продолжал спрашивать, приводя все новые и новые «факты» о якобы контрреволюционной деятельности священника, но на все вопросы отец Александр отвечал:

— Нет, не признаю себя в этом виновным.

Мученик Павел родился 15 июня 1875 года в селе Ивантеевка Московской губернии в семье рабочего Василия Кузовкова. Окончил сельскую школу. В 1887 году поступил на фабрику и работал на подсобных работах, а затем, став квалифицированным рабочим, проработал на фабрике до 1904 года. С 1904 по 1906 год он работал на вагоноремонтном заводе. С 1907 по 1932 год Павел Васильевич работал сукновалом на фабрике Лыжина. С 1932 года и по день ареста работал дежурным на водонасосной станции. 1 января 1937 года Павел Васильевич был избран председателем церковного совета храма Смоленской иконы Божией Матери и за это был арестован.

— Советскому обществу из учения Ленина известно, что религия — это дурман для народа. Чем можно объяснить тот факт, что вы являетесь ярым сторонником и защитником религии и Церкви?

— Я ярым защитником религии и Церкви не являюсь, я только был народом выбран председателем церковной двадцатки.

— Следствию известно, что весной текущего года вы ездили в Москву в епархиальное управление за советом, что надо делать, чтобы не закрыли церковь, а в ноябре вы обращались в Пушкинский райисполком за разрешением собрания верующих по этому вопросу. Почему вы следствию говорите неправду?

— В епархиальное управление я ездил. А в райисполком я ходил взять разрешение на собрание, чтобы оповестить верующих о закрытии церкви.

— Следствием установлено, что контрреволюционная группа церковников в составе Вершинского, Копнинского и вас часто собиралась у вас на квартире, а иногда и в церкви, где велись контрреволюционные разговоры, направленные против мероприятий советской власти. Почему вы скрываете это от следствия?

— У меня на квартире несколько раз собирались члены церковного совета, но контрреволюционных разговоров там не было.

Мученик Николай родился 20 ноября 1876 года в селе Ивантеевка Московской губернии в семье рабочего Ивана Копнинского. В 1888 году окончил сельскую школу и поступил на работу в контору к фабриканту Лыжину, где проработал до 1899 года, когда был призван в армию. В армии он прослужил четыре года, сначала рядовым, а затем писарем 13-го пехотного Белозерского полка, квартировавшего в Польском городе Ломжа. В 1903 году он вернулся на фабрику Лыжина и стал работать конторщиком, а затем с 1908 по 1914 год — конторщиком в Московской соединенной биржевой артели. В 1914 году Николай был призван в армию и прослужил до 1918 года в инженерном интендантстве в Москве; затем вернулся в Ивантеевку и занимался крестьянским хозяйством. С 1921 по 1930 год Николай Иванович работал конторщиком на разных фабриках в Ивантеевке. В 1930 году он попал в железнодорожную катастрофу и вследствие тяжелой травмы получил инвалидность.

С 1935 года он был секретарем ревизионной комиссии при церковном совете и за это в 1937 году был арестован.

— В каких взаимоотношениях вы находились с председателем церковного совета Кузовковым и попом Вершинским? — спросил следователь.

— Кузовкова я посещал, а также и он меня лишь потому, что он был председателем церковного совета, а я до 17 марта 1937 года — секретарем ревизионной комиссии при церковном совете. В отношении Вершинского, как он меня, так и я его никогда не посещал.

— В феврале 1937 года проходило собрание церковного совета; после окончания собрания вы среди присутствующих высказывали явно контрреволюционные взгляды против советской власти.

— Собрание церковного совета в феврале 1937 года было, но контрреволюционных взглядов я не высказывал и виновным себя в этом не признаю.

1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила протоиерея Александра Вершинского и председателя церковного совета Павла Кузовкова к расстрелу, а члена приходского совета Николая Копнинского — к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Протоиерей Александр Вершинский и мирянин Павел Кузовков были расстреляны 8 декабря 1937 года и погребены в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой. Мирянин Николай Копнинский был заключен в Мариинские лагеря в Кемеровской области и здесь 15 марта 1938 года скончался.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. П-77316.

Тверские епархиальные ведомости. 1900. № 5, 13; 1902. № 1; № 7–8; 1907. № 20; 1911. № 16.

Книга памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Т. 3. М., 1993. С. 478.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 383–396.

Ноября 25 (8 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

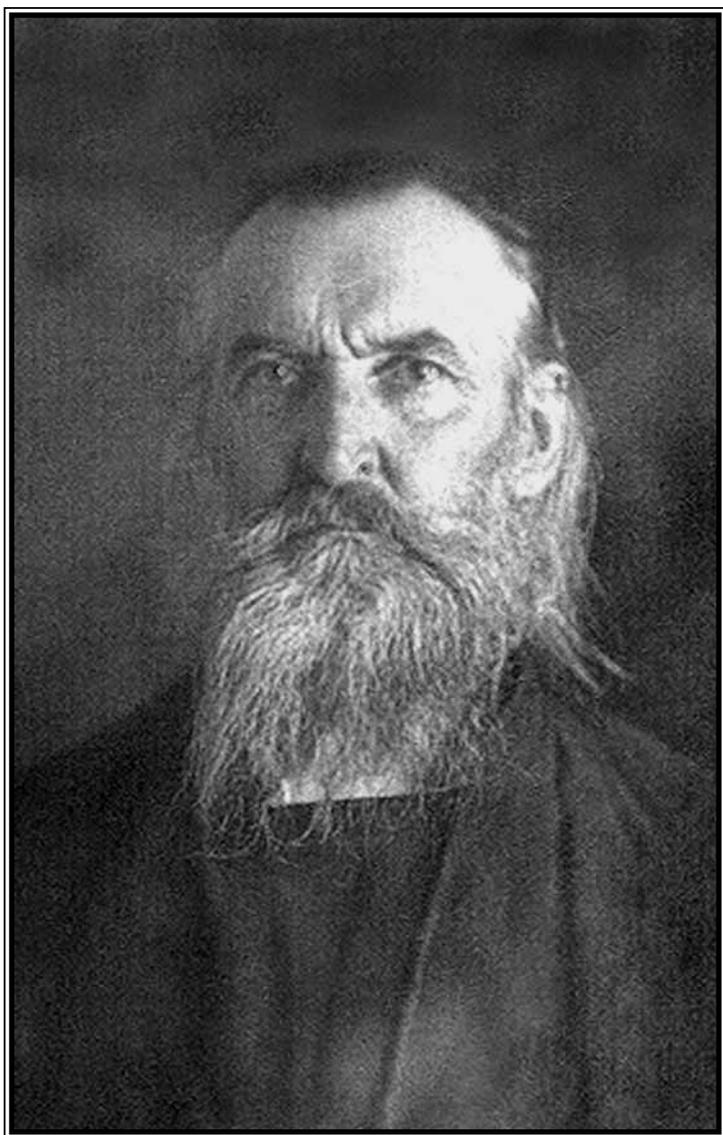
Григорий (Воинов)

Священномученик Григорий родился 26 января 1875 года в селе Теплый Стан Московской губернии в семье псаломщика Александра Воинова. По окончании в 1898 году Вифанской Духовной семинарии он поступил учителем в церковноприходскую школу при храме Казанской иконы Божией Матери у Калужских ворот. Женился, впоследствии у них с женой родилось шестеро детей.

27 июня 1900 года Григорий Александрович был рукоположен в сан священника к Троицкой церкви в селе Теплый Стан, где прослужил до 1931 года. В 1907 году он был награжден набедренником, в 1912 году – скуфьей, в 1916 году – камилавкой.

В 1922 году во время изъятия церковных ценностей отец Григорий возразил против изъятия из храма серебряного креста, пожертвованного храму в XVII веке. В тот же день уполномоченный комиссии по изъятию церковных ценностей направил сообщение в уездный отдел милиции, в котором писал: «Во время изъятия церковных ценностей из Троицкой церкви на мои слова, что ценности идут для помощи голодающим, священник в присутствии всех граждан начал антисоветскую агитацию, применяя слова, что золото и серебро вы переливаете себе на портсигары. Прошу принять к нему меры».

На основании этого сообщения начальник районного отделения милиции 6 мая 1922 года предписал арестовать священника. В тот же день отец Григорий был арестован и 16 мая допрошен.

Протоиерей Григорий Войнов

Москва. Таганская тюрьма. 1937

На вопросы следователя священник ответил: «Во время изъятия из нашей церкви Святой Троицы у нас брали серебряный крест, в котором весу всего около полфунта. Этому кресту около трехсот лет. Я начал просить, чтобы крест нам оставили, так как все равно за границей в Америке или еще где-нибудь его перельют на портсигар, а для нас он является древностью весьма ценной. Никакой агитации против изъятия ценностей я не вел».

Дело было передано в Революционный трибунал. На состоявшемся в ноябре – декабре 1922 года процессе отец Григорий виновным себя не признал, повторив свои показания, данные на предварительном следствии. Что касается воззвания Патриарха Тихона, то «я его не получал, а посему не оглашал. Агитации я никакой и никогда не вел. Изъятие прошло спокойно. Сажу в тюрьму восьмой месяц. Прошу трибунал вернуть меня к моей семье».

Революционный трибунал приговорил отца Григория к трем годам заключения. Первое время он сидел во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке, затем в Лефортовской и Таганской тюрьмах в Москве. Через семь месяцев власти освободили его.

В 1924 году отец Григорий был награжден наперсным крестом, в 1928 году возведен в сан протоиерея.

20 июня 1931 года протоиерей Григорий был переведен в Михаило-Архангельский храм в селе Кубинка Звенигородского района.

27 ноября 1937 года отец Григорий был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Его обвинили в том, что он будто бы пришел 25 октября 1937 года на стадион «Кубинский обувщик» на митинг, посвященный выдвижению кандидатов в Верховный Совет. Когда стали обсуждать кандидатуру главы НКВД Николая Ежова, священник махнул рукой и сказал: «Все равно наших людей не наметят. Советская власть намечает своих людей. Мне здесь делать нечего». А затем что-то проворчал и удалился.

Ночью 29 ноября следователь допросил священника и, в частности, спросил его, за что он арестовывался раньше. Отец Григорий ответил:

— Второй раз я был привлечен к ответственности в 1923 году за нанесение побоев корове. Был суд, по суду я был оправдан как невиновный.

— С кем вы поддерживаете связь? — спросил следователь.

— С братом Петром, который служит священником в селе Покровском Наро-Фоминского района. Я изредка бываю у него, и он бывает у меня. Больше ни с кем связи я не поддерживаю.

— Вы обвиняетесь в проведении контрреволюционной деятельности. Требую от вас откровенных показаний по существу предъявленного вам обвинения.

— Виновным в проведении контрреволюционной деятельности я себя не признаю, — ответил священник.

На этом допрос был окончен. 3 декабря тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Протоиерей Григорий Воинов был расстрелян 8 декабря 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19539.

Архив УФСБ РФ по Москве и Московской обл. Арх. № 1103. Т. 5, 12.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 397–399.

Ноября 25 (8 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Ярослав (Савицкий)

Священномученик Ярослав родился 28 марта 1882 года в селе Пухлое Бельского уезда Гродненской губернии в семье диакона Исаака Савицкого. Как это часто бывало в семьях духовенства, Ярослав Савицкий решил пойти по стопам отца. Он поступил в Духовную семинарию, которую окончил в 1903 году, после чего работал сначала учителем, а затем псаломщиком. В 1905 году он был рукоположен во священника. Незадолго до принятия священного сана Ярослав Исаакович женился на Ольге Федоровне. У них родилось два сына и дочь.

Место служения отца Ярослава в этот период неизвестно, но есть основания предполагать, что это был Гродненский Красностоцкий женский монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, основанный в 1901 году. Во время Первой мировой войны, в связи с наступлением немецких войск и угрозой католической экспансии, духовенство и насельницы монастыря вынуждены были покинуть Гродно и переехать в Екатерининскую пустынь Подольского уезда Московской губернии, где в то время располагался мужской монастырь.

В 1919 году мужской монастырь в Екатерининской пустыни был ликвидирован, но насельницы бывшего Красностоцкого монастыря организовали сельскохозяйственную трудовую коммуну, и в такой форме обители удалось просуществовать до 1929 года. Сохранился «Протокол № 1 общего собрания гражданок сельскохозяйственной трудовой коммуны Екатерининской пус-

тыни от 17 февраля 1921 года». Среди вопросов, стоявших на повестке дня, был и вопрос «о лицах, проживающих в пределах коммуны, не состоящих членами в ней». Собрание постановило: «Оставить при приходской церкви священника Ярослава Савицкого и диакона Иакова Ференца». Остальных четырех священников забрали в ополчение.

В 1919 году отец Ярослав за ревностное служение Церкви Божией был возведен в сан протоиерея. А в ноябре 1923 года игуменья Елена обратилась с просьбой о награждении отца Ярослава очередной наградой: «Отец Ярослав Савицкий... перенес все невзгоды войны и беженства, а теперь, с 1918 года, в пустыни, не оставил ее и много помогал приходской общине и ревностно исполнял пастырские обязанности. Считаю долгом... усердно ходатайствовать о награждении его, за верную службу, — палицею». На этом прошении стоит резолюция Патриарха Тихона: «Удостоить».

В двадцатые годы отец Ярослав и члены его семьи были лишены избирательных прав.

В 1929 году сельскохозяйственную артель разогнали, а храм закрыли. К этому времени в пустыни оставалось 117 монахинь и послушниц. В 1929 году отец Ярослав был назначен настоятелем храма святых мучеников Флора и Лавра села Ям Подольского района Московской области.

В это время “строители светлого будущего” провозгласили курс на коллективизацию. Эта безжалостная кампания обрушилась и на крестьян села Ям. Конечно, отец Ярослав не мог оставаться в стороне от бед и горестей своей паствы. Выражаясь языком его будущих обвинителей, «контрреволюционную деятельность Савицкий Ярослав начал в селе Ям развивать явно с момента коллективизации, т.е. с 1930 года. 18 марта 1930 года Савицкий совместно с кулаками, ныне высланными, устроил в селе Ям демонстрацию, направленную на срыв коллективизации. В демонстрации принимало участие до 170 человек. Организована она была в церкви и под руководством Савицкого с пением духовных песней направилась к сельсовету, откуда по предложению членов сельсовета была распущена. В период ликвидации кулачества Са-

вицкий в церкви служил молебны за здоровье высланных кулаков».

Когда отец Ярослав с семьей переехал в село Ям, церковный дом у прихода уже отняли и жить им стало нелегко. Их приютила прихожанка храма Мария Федоровна Кишенкова. В ее доме, в маленькой комнатке, семья Савицких прожила до самого ареста отца Ярослава в 1937 году. По воспоминаниям дочери хозяйки дома, никакого имущества, кроме немногочисленных личных вещей, у них не было.

По свидетельству жителей села Ям, батюшка был очень добрым человеком и все прихожане его очень любили. Все отмечают его образованность, ум и силу характера. Эти качества, а также твердая вера и ревность в пастырском служении вызвали преследования со стороны властей. Так, в 1933 году он был судим Подольским народным судом за покупку свечей и приговорен к пяти годам лишения свободы. Дело было настолько грубо сфабриковано, что Мособлсуд отменил это решение.

Отца Ярослава арестовали 27 ноября 1937 года по обвинению в активной контрреволюционной деятельности. Сотрудники органов НКВД приехали за ним около двух часов ночи. С 27 ноября 1937 года его содержали под стражей в Серпуховской тюрьме. Обвинения в антисоветской агитации он не признал.

Решением судебной тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области от 1 декабря 1937 года отец Ярослав был приговорен к расстрелу. Протоиерей Ярослав Савицкий был расстрелян 8 декабря 1937 года и погребен на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф.10035, д. 20818.

РГИА. Ф. 831, оп. 1, д. 241.

ЦГАМО. Ф. 66, оп. 11, д. 233, д. 8007. Ф. 66, оп. 25, д. 128, д. 146. Ф. 2482, оп. 1, д. 30.

Воспоминания жительницы села Старый Ям Зинаиды Александровны Кишенковой.

Воспоминания жительницы села Старый Ям Галины Николаевны Расторгуевой (со слов ее дочери Маргариты Иосифовны Воловиковой).

История Русской Церкви, кн. 8, ч. II. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1997.

Ноября 25 (8 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Косма (Коротких)

Священномученик Косма родился 25 октября 1886 года в день памяти преподобного Космы епископа Маиумского в селе Большая Уса Больше-Усинского уезда Пермской губернии в семье крестьянина Родиона Коротких. С детства избрав путь служения Богу, Косма оставил родительский дом и уехал учиться в Москву, где окончил пастырскую школу. Вскоре он женился, и у них с супругой Прасковьей Ивановной родились дочь и сын.

С 18 лет Косма исполнял послушание псаломщика, а в 1912 году был рукоположен во диакона. Точно неизвестно, где он начал свое диаконское служение, но в личных бумагах отца Космы есть упоминание о том, что в 1917 году он являлся диаконом Благовещенского Воткинского собора Сарапульского уезда Пермской губернии. Кроме службы в храме, с 1916 по 1919 год отец Косма преподавал Закон Божий в 6-ом Воткинском смешанном начальном училище. В 1921 году он был рукоположен во священника к Благовещенскому собору.

Гонения, обрушившиеся на Русскую Православную Церковь в 1920–30 годах, в полной мере коснулись и его. В 1927 году он дважды находился под стражей в Сарапульском исправдоме и вынужден был много раз менять место служения. 30 марта 1927 года епископ Воткинский Онисим (Пылаев) благословил отца Косму продолжить свое служение в качестве настоятеля кладбищенской церкви. Позже отец Косма был священником Богоявленского храма села Нечкино Сарапульской епархии, а уже 27 сентября

1928 года единоверческий епископ Кержинский Павел благословил отца Косму на служение при единоверческом храме города Ижевска.

О дальнейших скитаниях семьи Коротких документов не сохранилось, однако к середине 1937 года отец Косма с матушкой поселились в селе Лукино Подольского уезда Московской области, где до революции действовал Крестовоздвиженский женский монастырь.

Семья Коротких жила бедно, никакого имущества у них не было. Не стяжав земного богатства, священник Косма проповедовал богатство истинное. Он говорил: «Кто верит в Бога до конца, тот останется верным сыном Христа».

Отец Косма духовно окормлял не только жителей Лукина и окрестных сел, но, как позже показывали свидетели на допросах, в религиозные праздники к нему приезжали монахини из Москвы, которые пели в церковном хоре.

Ревностное служение отца Космы не могло остаться незамеченным органами НКВД. Его арестовали 27 ноября 1937 года и с этого дня держали под стражей в Серпуховской тюрьме по обвинению в систематической контрреволюционной агитации. Протокол единственного допроса отца Космы от 28 ноября состоит из трех коротких вопросов и ответов. Виновным себя в антисоветской агитации отец Косма не признал.

Решением судебной тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области от 1 декабря 1937 года отец Косма был приговорен к расстрелу. Казнь священника состоялась 8 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой, где он был затем и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20818.

История Русской Церкви, кн. 9. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1997.

Ноября 25 (8 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

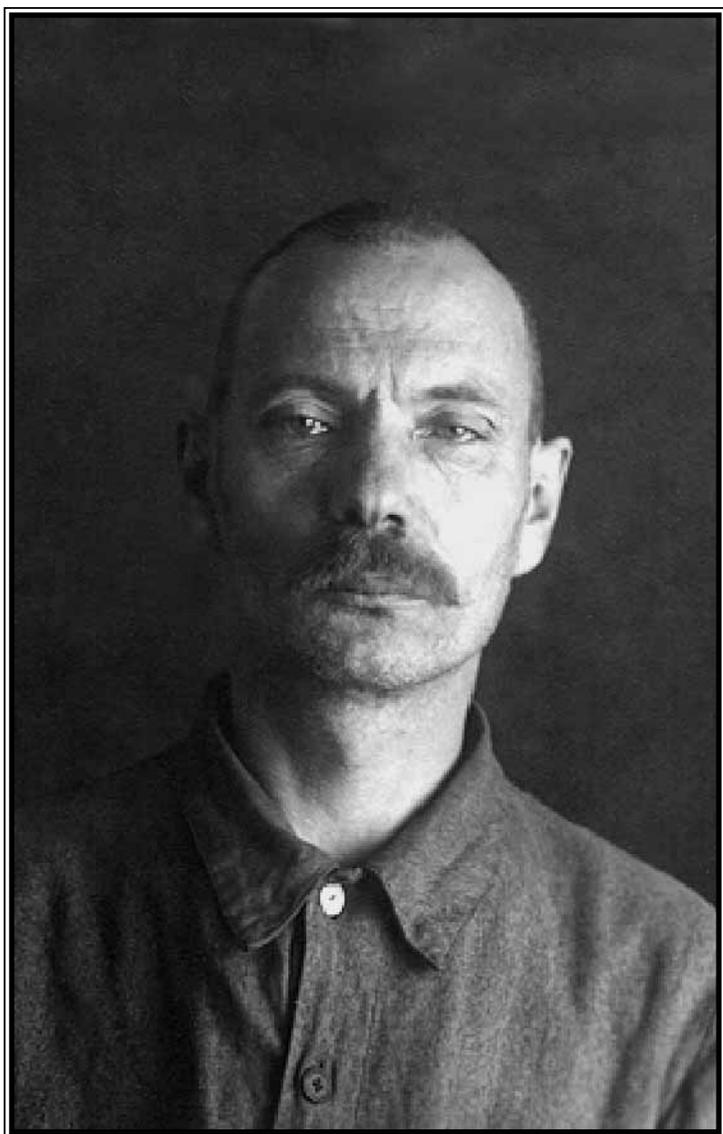
Василий (Парийский)

Священномученик Василий родился 28 июля 1894 года, в день, когда Церковь празднует память равноапостольного великого князя Владимира, во святом крещении Василия, в одном из сел Александровского уезда Владимирской губернии в семье псаломщика Василия Парийского.

В 1912 году Василий окончил Переяславское Духовное училище и поступил во Владимирскую Духовную семинарию, где окончил только первый курс, и поступил псаломщиком в храм в родном селе. С 1919 по 1922 год он служил в армии, а затем снова псаломщиком. В это время он женился, и у них с женой Верой Ивановной родилось трое детей. В 1925 году Василий Васильевич был рукоположен во диакона ко храму в селе Успенское Ивановской области, а в 1928 году во священника ко храму в честь Тихвинской иконы Божией Матери села Титовское Загорского района Московской области, где он служил до 1936 года. В октябре 1936 года отец Василий перешел в Успенский храм села Красное Куровского района Московской области, где и служил до самого ареста в 1937 году.

Как и все священнослужители того времени, отец Василий и его семья лишались избирательных прав. Во время коллективизации их выселили из дома и отняли имущество.

Арестовали отца Василия 27 ноября 1937 года по обвинению в контрреволюционной агитации и содержали под стражей в Таганской тюрьме.

Священник Василий Парийский

Москва. Таганская тюрьма. 1937

— Следствие располагает материалами о том, что вы среди односельчан... проводили систематическую контрреволюционную агитацию, — сказал следователь.

— Я это не подтверждаю, контрреволюционной агитации я не проводил, — ответил священник.

— Следствие от вас требует по данному вопросу дать правдивые показания.

— Других показаний по данному вопросу я дать не могу.

Отец Василий не признал себя виновным ни в одном из предъявленных ему обвинений.

1 декабря 1937 года судебная тройка при Управлении НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Священник Василий Парийский был казнен 8 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19493.

Ноября 26 (9 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К И

Георгий (Колоколов)

Назарий (Грибков)

М У Ч Е Н И К

Петр (Царапкин)

*В*о время гонения на Русскую Православную Церковь в 1937 году зачастую арестовывался сразу весь причт храма — все священники, псаломщики и певчие, и в особенности если они были монахинями или послушницами.

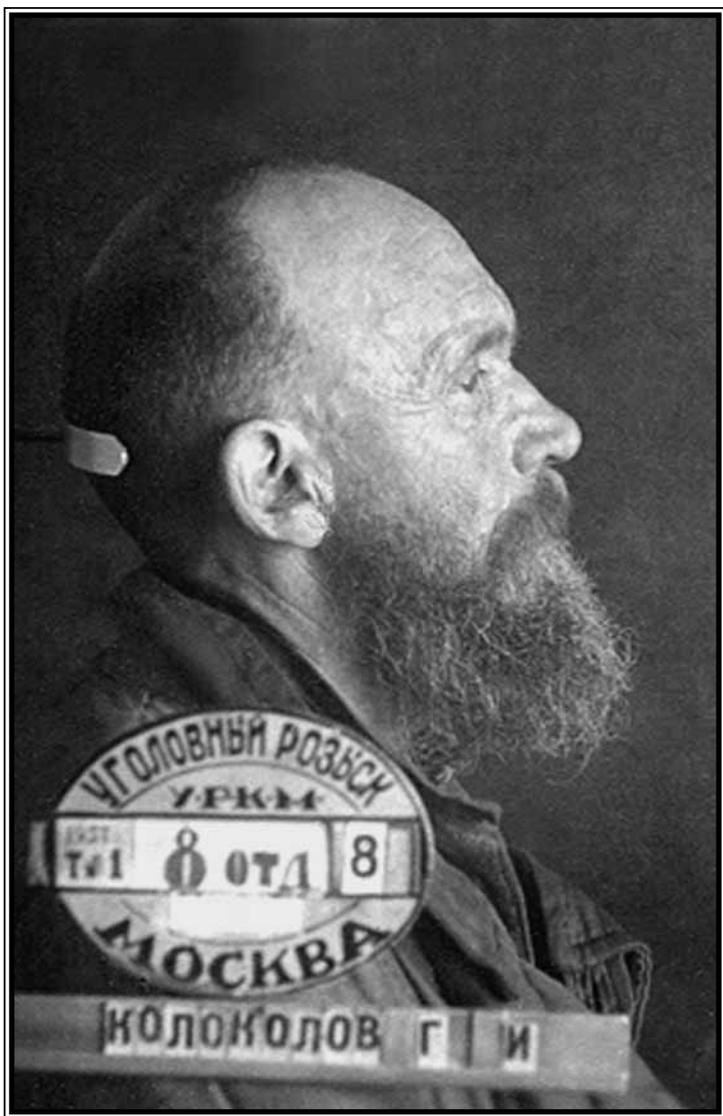
21 ноября 1937 года сотрудник НКВД допросил секретаря сельсовета в селе Туголес Шатурского района Московской области Василия Языкова, который после беседы с ним подписал показания, свидетельствующие об антисоветской деятельности священников, служивших в храме великомученицы Параскевы в этом селе: «Мне известно, что в деревне Туголес существует контрреволюционная группа церковников, в которую входят попы Назарий Грибков... Георгий Иосифович Колоколов... дьячок Царапкин, звать не помню, все они тесно связаны между собой, часто собираются у попа Назария Грибкова, среди населения ведут открытую контрреволюционную деятельность, направленную к подрыву мощи нашей страны... всю свою контрреволюци-

онную деятельность указанная группа направляет на подрыв колхозного строительства и всех проводимых мероприятий советской властью в деревне. В уборочную кампанию умышленно затягивали службу по целым дням, тем самым тормозили ход уборочной кампании. Кроме того, открыто среди населения ведут антисоветскую агитацию, как-то: Назарий Грибков и Георгий Колоколов среди колхозников распускают разную клевету о лагерях, говорят, что советская власть, заключая людей в лагеря, не исправляет людей, а издевается над людьми; заставляют работать непосильную работу, кормят безобразно плохо, в лагерях люди мрут, никто на это не обращает внимания, условия жизни создают невыносимые, большая часть людей, осужденных и отбывающих наказание в лагерях, не выносит создаваемых условий и остается там... Дьячок Царапкин в октябре месяце колхозникам говорил: “Большевики в конституцию вписали пункт, что у нас в Советском Союзе каждый может выбирать и каждый может быть избранным. Это все ерунда, никогда этого не допустят, вы сами теперь видите, что людей начинают забирать, значит, выбирать будут не все”».

В тот же день был допрошен один из колхозников, Иван Крылов. Сотрудники НКВД вызвали его к себе, угостили водкой, дали денег на выпивку, и он подписал все, что те требовали от него: показания, аналогичные показаниям председателя сельсовета.

27 ноября сотрудники НКВД арестовали протоиерея Георгия Колоколова и псаломщика Петра Царапкина, а на следующий день – протоиерея Назария Грибкова. Все они были заключены в Бутырскую тюрьму в Москве.

Священномученик Георгий родился 22 октября 1876 года в городе Москве в семье диакона Иосифа Колоколова. Окончил в 1898 году Московскую Духовную семинарию. В 1899 году он был рукоположен в сан диакона к Преображенской церкви села Спасское-Тушино Московского уезда. В 1904 году диакон Георгий был рукоположен в сан священника к Николаевской церкви села Аксиньино Звенигородского уезда и назначен законоучителем Аксиньинского народного училища и уездной церковноприход-

Протоиерей Георгий Колоколов

Москва. Бутырская тюрьма. 1937

ской школы, в этой должности он состоял до 1918 года. С 1908 года он нес послушание учителя Закона Божия Липкинского училища, находившегося в том же уезде. С 1909 по 1918 год отец Георгий состоял членом Совета Звенигородско-Саввинского отделения Кирилло-Мефодиевского Братства.

В 1924 году за ревностное и усердное служение отец Георгий был награжден наперсным крестом, в 1927 году возведен в сан протоиерея, а в 1930 году награжден палицей.

В 1931 году власти арестовали его и приговорили к пяти годам заключения. Год он пробыл на каторжных работах на строительстве Беломорско-Балтийского канала, а с марта 1932 года по июнь 1933 года работал счетоводом в одном из отделений Соловецких исправительно-трудовых лагерей на лагерном пункте Сеннуха.

По возвращении протоиерея Георгия в 1933 году из заключения епископ Орехово-Зуевский, викарий Московской епархии Иоанн (Широков) назначил его настоятелем храма великомученицы Параскевы в селе Туголес. В 1934 году протоиерей Георгий был награжден наперсным крестом с украшениями, а в 1935 году – митрой.

27 ноября 1937 года власти арестовали его. Следователь спросил священника:

– Скажите, какие среди вас, Грибкова Назария Степановича и Царапкина Петра Сергеевича, существуют взаимоотношения?

– Среди меня, Грибкова и Царапкина взаимоотношения самые дружеские, все мы служим в одной церкви, я священником, Грибков вторым священником, а Царапкин псаломщиком, бываем друг у друга очень часто и ведем всевозможные деловые разговоры.

– Следствие располагает данными о том, что вы среди населения вели антисоветскую контрреволюционную агитацию против существующего строя. Признаете это?

– Я лично антисоветской контрреволюционной агитации среди населения не вел.

– Вы говорите неправду, следствие требует от вас дачи правдивых показаний. Вы вели антисоветские разговоры о непосиль-

ной жизни в лагерях и издевательстве над народом. Подтверждаете это?

— Я действительно среди населения говорил, что в лагерях жизнь мучительная, трудная и издеваются над народом, это я признаю.

Священномученик Назарий родился 22 октября 1879 года в деревне Огрызково Егорьевского уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Степана Грибкова. Первоначальное образование он получил в Егорьевском Хлудовском училище. В это время он стал петь в хоре мальчиков в церкви, тогда у него и обнаружились значительные певческие дарования. Через пение Назарий полюбил и саму церковную службу и в конце концов захотел стать церковнослужителем. Он окончил 5 и 6 классы Рязанской Духовной семинарии и с 1899 года стал служить псаломщиком, с 1906 года — в соборе города Егорьевска.

В 1916 году Назарий Степанович обвенчался с девицей Клавдией. Ее отец, Алексей Елисеев, был человеком в этих местах известным и состоял членом дворянского собрания. Жили Елисеевы в селе Шелогурово Егорьевского уезда. В семье у них было четыре сестры: Анна, Елизавета, Пелагия и Клавдия — и брат Петр. Из всех сестер Клавдия отличалась особой добротой.

В 1916 году епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии Амвросий (Смирнов) рукоположил псаломщика Назария в сан диакона. В 1919 году архиепископ Рязанский и Зарайский Иоанн (Смирнов) рукоположил его во священника к Богородице-Рождественской церкви села Березовка Рязанской епархии. В 1926 году отец Назарий был награжден наперсным крестом, в 1928 году возведен в сан протоиерея.

У отца Назария и Клавдии около десяти лет не было детей. Врачи убеждали ее, что, если она и будет беременна, не сможет родить из-за серьезной болезни, сердечной недостаточности. В 1926 году она забеременела. Врачи предупредили ее, если она будет рожать, то сама при этом может умереть. Клавдия выразила полное смирение перед предстоящим ей испытанием. Но мужа она попросила: «Если родится мальчик и останется жив, то назо-

ви его Николаем». Она очень почитала и любила святителя Николая.

Клавдия скончалась во время родов, но сын родился здоровым, и его в соответствии с завещанием матери называли Николаем. Первое время священник сам кормил младенца из бутылочки, а затем его взялась выкормить жившая в этом же селе женщина по имени Пелагия. Она кормила своего грудного ребенка, выкормила и сироту. Отец Назарий впоследствии всегда говорил сыну, что одна из величайших христианских добродетелей — это благодарность, и он всегда наставлял его молиться за своих благодетелей и среди них за свою кормилицу.

В это время отец Назарий служил в селе Починки Егорьевского района. Смерть жены явилась для него большим потрясением, и он попросил архиерея перевести его в храм в другое село. В 1929 году архиепископ Орехово-Зуевский, викарий Московской епархии Питирим (Крылов) назначил его в храм великомученицы Параскевы в село Туголес.

Когда отец Назарий переехал в село Туголес, он вместе с сыном поселился в доме Дарьи Дмитриевны Гореловой и Параскевы Александровны Степановой. Дом у них был — пятистенная изба, разделенная на две половины, одну из которых и занял священник. Дарья и Параскева стали нянями и воспитательницами его сына. Они были не родственницы, а во Христе сестры, жили дружно, любя друг друга и друг о друге заботясь. У Дарьи не было от рождения ноги до колена, Параскева с ней дружила, потом стала за ней ухаживать и ей помогать, а затем они стали и жить в одном доме. Зарабатывали они тем, что стегали одеяла и шили одежду для детей.

В селе жили и помогали в храме две монастырские послушницы, сестры Мария и Матрона Грошевы. Их в селе любили, они всех опекали и всем помогали, и в селе их называли нянями. Даже для Дарьи и Параскевы монастырские послушницы были нянями, и они их так и называли нянями. Вместе с послушницами Дарья и Параскева пели на клиросе.

Воспитанием маленького Николая были полностью заняты Параскева и Дарья. Они и научили его молиться. С большим ува-

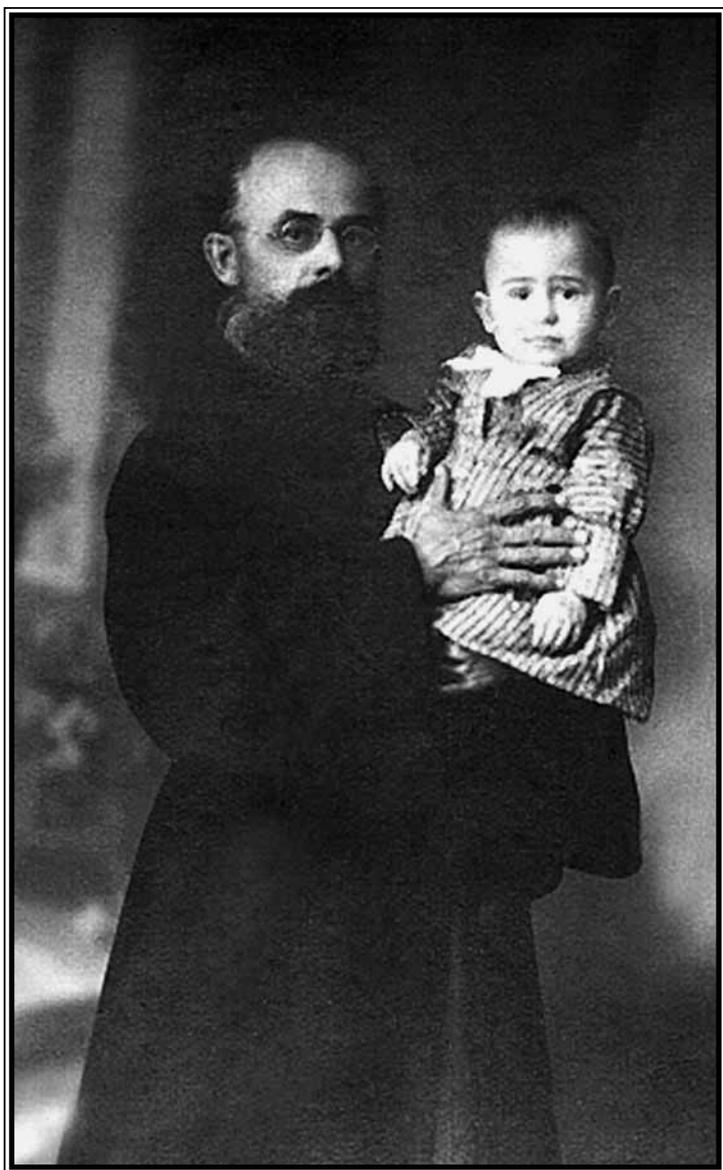
жением относясь к отцу Назарию, они научили мальчика одной молитве, которая поражала его тем, что все испрошенное в ней исполнялось. Молитва же была такая: «Молитвами отца моего, протоиерея Назария, Господи, помоги так-то и так-то...» Молитвами отца-мученика и прожил Николай всю жизнь.

В феврале 1931 года в селе Туголес появилась странница по имени Варвара Крюкова. Родом она была из деревни Доможирово Богородского уезда Московской губернии. Придя в село Туголес, она поселилась у монахинь, прислуживавших в храме, порой ходила по деревням и тогда останавливалась у крестьян.

В начале марта местными властями стали усиленно проводиться мероприятия по самообложению крестьян и созданию колхозов. В одной из деревень, в доме, где на этот раз остановилась странница, у крестьян были отобраны за недоимку коровы. Хозяйка дома выбежала на улицу и закричала: «Уводят коров, нас разоряют, давайте отбивать скотину у сельсовета». Собралась толпа народа, которая попыталась забрать обратно у сельсовета свою скотину. Попытка эта ни к чему не привела, но стали искать виновных, и странница была заподозрена в подстрекательстве.

22 марта секретарь сельсовета арестовал ее и отправил в тюрьму в город Шатуру. При обыске у нее нашли переписанное от руки письмо религиозного содержания, а также обращение к православному народу Поместного Собора 1917 года. Это оказалось достаточным, чтобы предположить связь странницы со священниками храма села Туголес и обвинить в том, что священники занимались агитацией против создания колхозов.

23 марта были арестованы священники Пятницкого храма Назарий Грибков и Иоанн Боголепов, которому было в то время шестьдесят восемь лет, председатель церковного совета Иван Леонтьевич Панкратов, а также дочь диакона Александра Семеновна Яблонская. Ее обвинили в том, что она свидетельствовала о чуде обновления иконы. Ей принадлежал образ Черниговской иконы Божией Матери. Лик на иконе был почти не виден. Она отдала икону одной женщине, а через некоторое время та объявила, что лик на иконе стал виден совершенно отчетливо. Икону принесли в храм, и отец Иоанн Боголепов отслужил перед ней

Протоиерей Назарий с сыном Николаем. 1927 год

водосвятный молебен. Впоследствии это было поставлено властями священникам в вину.

Вызванный для допроса секретарь сельсовета, арестовавший странницу, показал, что священник Назарий Грибков «во время развернувшейся работы по коллективизации сельского хозяйства выступил с церковного амвона с проповедью, говоря, что урожай зависит от Бога. Мол, что Бог задумает, то и сделает. Этой проповедью он довел молящихся до плача. Цель же проповеди была в том, чтобы сорвать коллективизацию, так как если урожай зависит от Бога, зачем же строить колхозы, нужно только молиться и в колхоз не идти».

Будучи допрошенными, обвиняемые виновными себя не признали.

Следователей интересовали знакомства отца Назария с некоторыми людьми, а также не вели ли они с ним антисоветских разговоров. Отец Назарий со следователями держался сухо и на вопросы отвечал скупой, хотя и не без некоторой доли шутки. «В селе Туголес я прожил около полутора лет, туда я перевелся из деревни Починки по причине семейных обстоятельств. Тогда я и познакомился со священником Боголеповым, председателем церковного совета Панкратовым и Яблонской, до этого же я никого из них не знал. С момента моего переезда Боголепов и Панкратов иногда у меня бывали, в частности перед заговеньем Боголепов был у меня в гостях. Мы выпили с ним чаю и разошлись. В беседе о прошлом священник Боголепов говорил: “Вот я пришел с матушкой — проститься по старинному обычаю”. Я ответил: “В старину на масленице рыбку ели, может быть, она у кого и есть, а у меня сейчас нет, и угостить нечем”. Больше он у меня не бывал. Панкратов когда ко мне заходил, то мы говорили исключительно о церковных делах, что нет масла и тому подобного для церковных надобностей. Варвару Крюкову и Александру Яблонскую я знаю, но связи с ними никакой не имел. Об обновлении иконы и о листочке с молитвой я слышал, но кто служил молебен и кем распространялась молитва, мне неизвестно. Проповеди я говорил, но не касался советской власти и ее мероприятий. В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, так

как антисоветской агитации я не вел и с крестьянами на политические темы не беседовал».

4 апреля следствие было завершено. В составленном обвинительном заключении следователь писал: «Дело возникло из поступивших в Шатурский Райаппарат ПП ОГПУ МО сведений о том, что в деревне Туголес Шатурского района Московской области существует антисоветская группировка, возглавляемая попом Боголеповым Иваном Андреевичем. Из этих же данных усматривалось, что названная группировка систематически проводит по деревням антисоветскую и противоколхозную агитацию среди крестьян, используя при этом религиозные убеждения, а также обрабатывает в антисоветском духе отдельных крестьян-бедняков.

Кроме этого, для более успешного осуществления своей деятельности участниками группировки в начале марта 1931 года была пущена легенда о том, что якобы имеющаяся икона у Яблонской Александры обновила свой лик, в честь чего по инициативе фигурантов группировки был отслужен в церкви торжественный молебен, с большим стечением крестьян из окружающих деревень...

В деревнях Туголес, Лузгарино, Пустошь, Черусти, Варюковка и ряде других Шатурского района в 1930–1931 годах действительно имели место случаи срыва собраний и общественно-политических кампаний и мероприятий советской власти, как, например: хлебозаготовок, сенозаготовок и скотозаготовок, коллективизации, весенне-посевной кампании и так далее.

Срывы являлись результатом организованной деятельности группы церковников и их приверженников крестьян, антисоветски настроенных, руководимых попом Боголеповым Иваном Андреевичем, — в составе и при активном участии попа Грибкова Назария Степановича, председателя церковного совета Панкратова Ивана Леонтьевича, дочери дьякона, жены умершего фельдшера Яблонской Александры Семеновны и Крюковой Варвары Николаевны.

Обвиняемые хотя и не группой в целом, но по два человека собирались преимущественно у попа Боголепова и в церковной

сторожке, проводя всевозможные беседы антисоветского характера, которые впоследствии стремились прививать отдельным крестьянам с использованием их религиозных убеждений, что неоднократно успешно осуществляли на практике, на протяжении указанного периода времени...

Фигуранты группы, связавшись со странницей, распространяющей антиколхозную агитацию, Варварой Крюковой, как через последнюю, так и сами совершали обманные действия с целью возбуждения суеверия среди крестьян о чудесах, а на почве этого агитировали за невхождение в колхозы и стремились срывать мероприятия, проводимые советской властью в деревне...

В 1930 году при проведении весенне-посевной кампании поп Боголепов, стремясь сорвать это мероприятие, отказавшись от выполнения твердого задания по распашке земли, агитировал: “Выполнять это задание я не буду, это безобразие, задавили своими планами, пускай что хотят со мной делают, но усадьбу распахивать я не буду и никакого хлеба сдавать государству также не буду. Грабители заставляют нас страдать, но ладно, потерпим”.

Куранов Александр Яковлевич, секретарь сельсовета, показал: поп Боголепов использовал церковный амвон для антисоветской агитации в произносимых проповедях; агитируя против налогов 10 ноября 1930 года, заявил: “Православные христиане, меня задавили налогами, советская власть ободрала всех священников, вот с меня сдирают 1700 рублей, ведь это грабеж”. В момент произношения таких проповедей молящиеся крестьяне в церкви плакали...

Свидетель Чистяков Максим Петрович, кандидат ВКП(б), служащий, показал: не менее важную роль играл в антисоветской деятельности и фигурант группировки председатель церковного совета Панкратов Иван Леонтьевич, который, посещая чайную села Курьяниха, систематически вел антисоветскую и противоколхозную агитацию; 16 апреля 1930 года, находясь в чайной, используя временные продзатруднения, среди крестьян агитировал: “Вот дожили, что не стало хватать хлеба при советской власти, договорились, доагитировались коммунисты, а мужики, дураки, дошлепались в ладоши, но это еще цветики, а будет еще хуже — все у нашего брата заберут, и будем с голоду сдыхать”.

20 марта 1931 года, в этой же чайной и также в связи с временными продзатруднениями, Панкратов, агитируя против коллективизации, доказывал крестьянам: “Дозвонились коммунисты, что крестьяне с голодудохнут, довела советская власть нашу страну до обнищания, но нам нужно ей давать отпор и не допускать до того, чтобы загнали в колхоз, ведь там одни антихристы, нужно Богу молиться, просить Его, чтобы Он вступился за нас, грешников”.

Волков Иван Тимофеевич, церковный сторож, бедняк, и Куранов Александр Яковлевич, секретарь сельсовета, показали: после наложения на церковный совет налога за аренду помещения обвиняемый Панкратов 22 февраля 1931 года, агитируя в помещении сельсовета, в присутствии крестьян говорил: “Что у меня, кузница что ли, где я вам столько денег возьму для уплаты налога, да хотя бы кузница была, и то на вас не накуешься, скоро и драть не с кого будет, уже и так всех ободрали, промотали коммунисты все, ничего у них нет, только на нас выезжают, уж больно им охота церковь закрыть”.

Для более успешного осуществления своей антисоветской деятельности эта группа, возглавляемая попом Боголеповым, распространила слух о якобы обновившейся иконе Божией Матери, и в марте месяце 1931 года обвиняемой Яблонской были собраны деньги с крестьян, на которые ею был заказан попам Боголепову и Грибкову торжественный молебен обновленной иконе, причем на этом молебне было большое стечение крестьян окружающих деревень...

Обвиняемые виновными себя в антисоветской деятельности не признали... Являясь участниками антисоветской группировки, систематически вели антисоветскую агитацию и срывали политические и общественные мероприятия советской власти в деревне в течение 1930 и 1931 годов, а также распространяли слухи о чудесах и являются инициаторами торжественного молебна у якобы обновившейся иконы Божией Матери».

В тот же день отец Назарий написал заявление уполномоченному ОГПУ: «Я имею на руках четырехлетнего сына, оставленного в чужих людях вследствие моего ареста, можно сказать, на произвол судьбы. Сегодня, 4 апреля, мне объявлено, что следствие

по моему делу закончено, и, следовательно, дальнейший ход дела едва ли хоть сколько-нибудь может изменить или отрицательно повлиять на исход его. А посему прошу впредь до суда освободить меня из-под стражи».

Но в этом ему было отказано. 10 апреля 1931 года тройка ОГПУ приговорила священников Иоанна Боголепова и Назария Грибкова к пяти годам ссылки в Казахстан, Ивана Панкратова – к трем годам ссылки. Варвара Крюкова была приговорена к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Александра Яблонская приговорена к трем годам ссылки условно и освобождена.

После высылки отца Назария его сына Николая воспитывали Дарья и Параскева. Перед отъездом священника в ссылку они сказали ему: «Отец Назарий, не берите Колю с собой, пусть он будет у нас, и мы о нем позаботимся».

Два с половиной года отец Назарий пробыл в Алма-Ате и два года – в Актюбинске. Из ссылки он присылал им яблоки. У них своего сада не было, и посылка священника была для них большой радостью. А однажды он прислал сыну валенки из верблюжьей шерсти, которые тот долго носил.

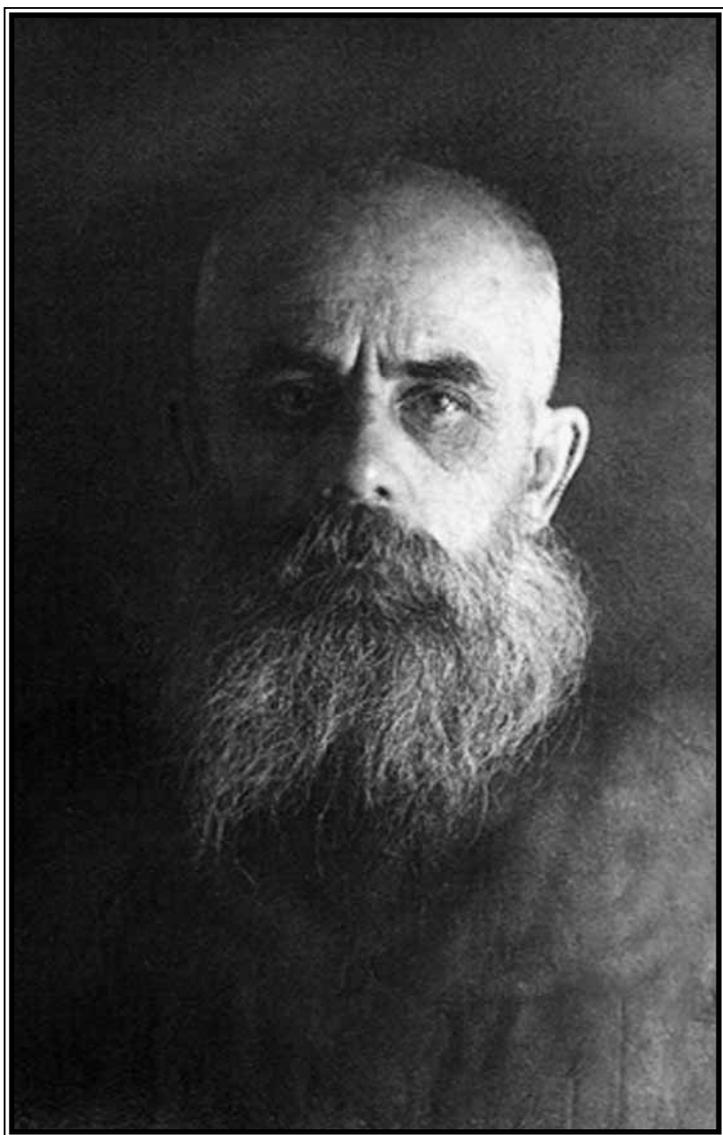
В 1934 году Параскева поехала с Николаем в гости к отцу Назарию в Актюбинск. Священник встретил их на перроне. За время ссылки он сильно постарел. От вокзала они шли пешком. Почти весь город был одноэтажным и построен из глины. В одной из глиняных мазанок жил отец Назарий. Он жил один и работал в то время бухгалтером. В ссылке он со многими подружился, в том числе со ссылными офицерами царской армии. За труд в бухгалтерии отцу Назарию платили достаточно, и он не был стеснен в средствах. Параскева с Николаем прожили у него месяц.

Весной 1936 года отец Назарий вернулся из ссылки домой. Однажды раздался стук в дверь. Параскева спросила:

– Кто там?

– Свои, – ответил отец Назарий.

Радости о возвратившемся из ссылки священнике не было конца, и Дарья тут же затеяла пироги.

Протоиерей Назарий Трубков

Москва. Бутырская тюрьма. 1937

Вернувшись из ссылки, протоиерей Назарий стал служить в том же храме. На каждую службу он брал с собой сына. Ставил его около северных дверей в алтаре и объяснял, когда что нужно делать, — хотел, чтобы он помогал как алтарник. Отец Назарий, памятуя, какое значение в его жизни имело церковное пение, поначалу пытался научить ему и сына, но у того не оказалось музыкальных способностей, и обучение пению пришлось оставить. В жизни отец Назарий был гостеприимным и хлебосольным, и у него часто бывали гости, которых он щедро угощал всем, что у него было.

Духовным отцом Николая стал служивший в том же храме протоиерей Георгий Колоколов. Оба священника жили душа в душу, точно стремясь превзойти друг друга добродетелями, и между ними никогда не было никаких споров или ссор. Для Николая отец Георгий стал духовным благодетелем, и за него он впоследствии молился всю жизнь.

Это было время грозных гонений, и однажды друг отца Назария протодиакон Сергей Павлович Туриков, служивший в Бого-явленском соборе в Москве, предложил ему переехать в столицу: «Отец Назарий, поехали со мной в Москву, там не так, как в деревне, преследуют и забирают священство. Оставь сына Николая на время няням, а сам со мной поезжай».

Отец Назарий на это ответил: «Да я ни в чем не виноват, что мне бояться-то. Зачем я сына буду оставлять и куда-то уезжать? Нет, отец Сергей, я уж здесь со своими останусь».

28 ноября 1937 года протоиерей Назарий был арестован. В этот день Николай пошел вместе с деревенскими мальчишками кататься на коньках по замерзшему болоту, которое начиналось сразу же за огородами. Но катание не заладилось: что-то случилось с коньком, он отвязался от валенка и его никак не удавалось поставить на место. Николай пошел домой и, подходя, увидел, что у дома стоит грузовик, а в самом доме хозяйничают председатель сельсовета Василий Языков и два милиционера. Тут же были и Дарья с Параскевой. Отец Назарий собирал в последний путь вещи. Из особо чтимых священником икон в доме был образ, на котором было изображено явление Божией Матери преподобно-

му Сергию Радонежскому. С этой иконой он никогда не расстался и брал ее в ссылку в Алма-Ату и Актюбинск. И рассказывал, что молитва перед этим образом всегда была действенна и помогла ему. Перед тем как уйти, священник благословил иконой сына и передал ему ее, вручив заботу о сыне Божией Матери и преподобному Сергию.

За окном в это время шел снег, белым покрывалом устилая землю. Председатель сельсовета Языков стал притворно успокаивать сына священника:

— Коль, мы его скоро отпустим, скоро привезем.

— Я знаю вас, знаю, как вы его привезете. Никогда вы его не отпустите.

Дарья и Параскева вышли на крыльцо. Отца Назария посадили в машину и увезли. Молча смотрели женщины вслед уходящей машине. Николай не вышел из дома, а сел на кровать и горько заплакал. Долго он после этого дня горевал, вставал на венский диванчик у стены, над которым висела фотография отца, где он был изображен с сыном-младенцем на руках, и, подолгу глядя на отца, плакал.

Отца Назария в селе все любили, и эта любовь к священнику перешла на его сына. Прихожане, когда увидят его, то обязательно скажут: «Ой, это Коля, сын отца Назария». Господь с детства окружил его хорошими людьми, и он не пережил того, что пережили многие другие дети и родственники расстрелянных священников, от которых требовали, чтобы они отреклись или от отца, или от мужа. «Благодарю Бога за то, — вспоминал Николай, — что избавил меня от такого позора. За всю мою жизнь, какие бы ни приходилось мне заполнять анкеты или писать биографию, нигде и ни перед кем я не отказывался от отца и свое происхождение не скрывал, но писал как есть».

Следователь на допросе спросил отца Назария:

— Вы знакомы с Царапкиным и Колоколовым?

— Да, я хорошо знаком. Взаимоотношения у меня с ними очень хорошие, ссоры и вражды я с ними никогда не имел.

— Следствие располагает данными о том, что вы среди населения вели активную антисоветскую контрреволюционную агита-

цию против советской власти. Признаете это?

— Я антисоветской контрреволюционной агитации среди населения не вел и в этом себя виновным не признаю.

Мученик Петр родился 10 декабря 1883 года в деревне Бобошино Московской губернии в семье сапожника Сергея Царапкина. Окончил церковноприходскую школу. Переехав в Москву, освоил профессию ретушера и работал в фотографических мастерских. Но главное, чему он посвящал все свободное время, было церковное пение. Он пел в хоре Данилова монастыря и во многих московских церквях. После революции 1917 года Петр Сергеевич устроился работать на завод «Искра», одновременно оставаясь регентом и организатором хоров в московских храмах. В 1933 году за принадлежность к Русской Православной Церкви власти сочли его социально опасным элементом и выслали из Москвы. С этого времени он стал псаломщиком в храмах Московской области.

В марте 1937 года Патриархия направила его псаломщиком в храм великомученицы Параскевы в село Туголес. 27 ноября 1937 года Петр Сергеевич был арестован. На допросах он виновным себя не признал.

5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила протоиерея Георгия и протоиерея Назария к расстрелу, а псаломщика Петра Царапкина — к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, где он и скончался.

Протоиерей Георгий Колоколов был расстрелян 9 декабря, а протоиерей Назарий Грибков 11 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой, оба погребены в безвестных общих могилах.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 8357, д. П-58379.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 400—417.

Ноября 26 (9 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Иоанн (Виноградов)

Священномученик Иоанн родился 5 января 1879 года в селе Преображенском Серпуховского уезда Московской губернии в семье псаломщика Павла Виноградова. В 1901 году Иван Павлович окончил Московскую Духовную семинарию и был назначен законоучителем и учителем церковнославянского языка в Спасо-Наливковскую церковноприходскую школу города Москвы. В 1903 году Иван Павлович женился на Марии Федоровне Чертковой и в этом же году был рукоположен во диакона ко храму московского Никитского женского монастыря. В 1905 году он был рукоположен в сан священника и направлен служить в церковь, находившуюся на монастырском хуторе.

Кроме служения в храме отец Иоанн нес и другие церковные послушания. С 1905 по 1917 год он был заведующим и законоучителем Серафимовской церковноприходской школы, с 1910 по 1918 год — законоучителем Пучковского земского училища, с 1911 по 1915 год — председателем Серафимовского Братства трезвости и заведующим народным домом и библиотекой при нем на фабрике братьев Крестовниковых, в 1914—1916 годах — попечителем семейств запасных и председателем комитета о беженцах при той же фабрике. В те же годы он состоял членом Московского уездного отделения епархиального училищного совета.

В 1914 году отец Иоанн тяжело заболел, что потребовало ухода за ним. Духовной дочери, ухаживавшей за ним во время болезни, отец Иоанн написал: «Возлюбленной во Христе Паше Фила-

товой на молитвенную память от духовного отца и молитвенника. Благодарю за истинно христианский уход во время болезни ноги грешного иерея Иоанна Виноградова. Молись, трудись и терпи, и войдешь в чертоги твоего возлюбленного Жениха, Господа Иисуса Христа». В 1919 году священник тяжело заболел сыпным тифом и был помещен в больницу при фабрике братьев Крестовниковых. Хотя он и выздоровел, но болезнь впоследствии давала о себе знать слабостью сердца и расширением вен на ногах.

В 1919 году отец Иоанн был награжден наперсным крестом, а в 1921 году возведен в сан протоиерея. В 1922 году протоиерей Иоанн был назначен настоятелем Никольской церкви села Чашниково Московского уезда. С 1922 по 1924 год он состоял членом благочиннического совета, а с 1924 года – благочинным 3-го округа Московского уезда и членом Московского епархиального совета при Святейшем Патриархе Тихоне.

Все усиливающиеся гонения приводили священника к мысли о неизбежности ареста и страданий, и отец Иоанн в декабре 1927 года заранее написал и носил при себе записку, которую бы нашли в случае ареста и смерти на этапе: «Адрес мой и местожительство: Савеловская ж. д., станция Хлебниково, село Павельцово. Протоиерей Иван Павлович Виноградов. 48 лет. Довести до сведения родных, если в пути что случится трагическое».

25 февраля 1930 года в связи с деятельностью отца Иоанна как благочинного власти арестовали его, обвинив в том, что он «организовал вокруг себя окрестное духовенство, собирал нелегальные совещания у себя на квартире, на которых инструктировал духовенство в его антисоветской деятельности».

На допросах отец Иоанн не согласился с лжесвидетельствами о себе и сказал: «Предъявленное мне обвинение в антисоветской агитации считаю результатом оговора лиц, недоброжелательно по отношению ко мне настроенных. Заявляю: никогда и нигде против советской власти не говорил. Все читаемые мною проповеди носят исключительно религиозный характер, и ничего антисоветского в них нет. С прихожанами имею общение только церковного характера».

Священник Иоанн Виноградов

22 марта 1930 года тройка ОГПУ приговорила отца Иоанна к трем годам ссылки в Архангельск.

По возвращении в 1934 году отца Иоанна из ссылки епископ Орехово-Зуевский, викарий Московской епархии Иоанн (Широков) назначил его настоятелем Никольского храма в селе Вышелец. В том же году протоиерей Иоанн был награжден митрой.

Отец Иоанн был человеком необыкновенной кротости и смирения, никогда не повышал голоса, но со своими детьми бывал строг в тех случаях, когда они этого заслуживали, когда шалости обращались в проступки. В обращении с прихожанами он был бессребреником и принципиально не брал денег за требы. Люди помогали ему кто чем мог, чаще всего продуктами, так как сами были бедны и деньги мало у кого в то время были.

Однажды его позвали к умирающему довольно далеко от села, где жил священник. За ним прислали лошадей, и он поехал. Исповедал и причастил умиравшего, но обратно ехать на лошадях отказался: «Завтра лошади вам самим в хозяйстве будут нужны, а я домой потихоньку пешком дойду».

Время было уже вечернее, дорога шла густым старым лесом. Вечер быстро перешел в ночь, и в лесу стало непроглядно темно. Пока светила луна, он еще как-то различал, куда идти, но когда луна скрылась, дороги не стало видно, и отец Иоанн заблудился. Долго он ходил, высматривая, не мелькнут ли между деревьев крыши деревенских домов или купол храма. Но сколько ни шел, сколько ни высматривал – ничего не было видно, а чем дальше, тем становилось все холоднее. Устав, отец Иоанн присел отдохнуть и увидел, что рядом, совсем недалеко от него, сидит на пне старец, весь в белом. Старец спросил его:

- Ты что ищешь, отче?
- Ищу свой храм, дом свой ищу. Заблудился я, отец.
- Что же ты ищешь, вон – прямо перед тобой твоя церковь-то.

Глянул отец Иоанн, присмотрелся, и действительно, он недалеко был от храма. Хотел он поблагодарить старца, оглянулся, но того уже не было. Придя домой, он первым делом отслужил бла-

годарственный молебен святителю Николаю, в честь которого был освящен храм.

27 ноября 1937 года власти вновь арестовали священника и заключили в Бутырскую тюрьму в Москве. Отец Иоанн был обвинен в проведении подрывной антисоветской деятельности, выражавшейся в том, что он высказывался вслух о незаконности своей ссылки в 1930 году и говорил, что по воле большевиков многие люди страдают в лагерях безвинно. Кроме того, священника обвинили в том, что он с целью подрыва колхозного строя устраивал торжественные церковные службы и затягивал их дольше обычного времени, что будто бы привело к массовым невыходам на работу крестьян.

Протоиерей Иоанн категорически отверг все возводимые на него обвинения.

— Дайте показания о вашей церковной деятельности, — потребовал следователь.

— Моя церковная деятельность началась с 1903 года, сначала диаконом, затем священником и продолжается по настоящее время, — ответил священник.

— Какие вы имеете награды и поощрения за церковную деятельность?

— Я награжден Священным Синодом наперсным крестом, саном протоиерея и митрой.

— Вы обвиняетесь в антисоветской деятельности, признаете ли вы себя виновным?

— Антисоветской деятельностью я не занимался, виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

На этом допросы были закончены. 5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Иоанн Виноградов был расстрелян 9 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

После ареста священника его супруга Мария Федоровна всю себя посвятила духовной и церковной жизни. Все мирское ее перестало интересовать, из дома она ходила лишь в церковь. Дочь ее работала в сельсовете, и поэтому им выделили небольшую хи-

барку, в которой жили Мария Федоровна и ее дочь Антонина с сыном. Мария Федоровна ходила в храм в селе Виноградово и пела там на клиросе. Жила она в чуланчике, выгороженном из веранды. Она ни с кем не разговаривала, потому что ее интересовало только церковное, а окружающих ее людей — мирское. После ареста отца Иоанна Мария Федоровна с сыном Серафимом пытались узнать о судьбе священника. Но в конце концов им в НКВД сказали: «Если будете сюда ходить, то мы вас выселим. Не ходите и не ищите его».

В селе Вышелец было две церкви: одна летняя, а другая зимняя, обе деревянные. Одна церковь вскоре после ареста священника сгорела. Другую церковь разорили. Нашлись из местных жителей такие, что таскали из храма иконы, кололи их и топили ими печи. Этим особенно отличился один из жителей села, впоследствии погиб и он, и вся его семья. После войны в храме содержались пленные немцы, которые также пожгли много икон. Затем местный председатель построил из церкви себе дом, но жить в нем не смог, страшно стало. И он решил отдать этот дом под клуб. Его разобрали, перевезли в село Кривандино, снова собрали, но вскоре он сгорел.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-46623, л. 19552.

РГИА. Ф. 831, оп. 1, д. 281.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 418–427.

Ноября 27 (10 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Добронравов)

Священномученик Николай (в миру Николай Павлович Добронравов) родился 21 ноября 1861 года в селе Игнатовка Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника. В 1881 году Николай Павлович окончил Московскую Духовную семинарию, а в 1885 году — Московскую Духовную академию и стал преподавать богословие и Священное Писание в Вифанской Духовной семинарии. Женился. Был рукоположен в сан священника, служил в храме Александровского военного училища и преподавал Закон Божий в 7-й московской мужской гимназии, в гимназии Поливановой и в гимназии Арсеньевой. После революции 1917 года и закрытия Александровского военного училища отец Николай был переведен в храм Всех Святых на Кулишках. Он был одним из активнейших участников Поместного Собора 1917–1918 годов.

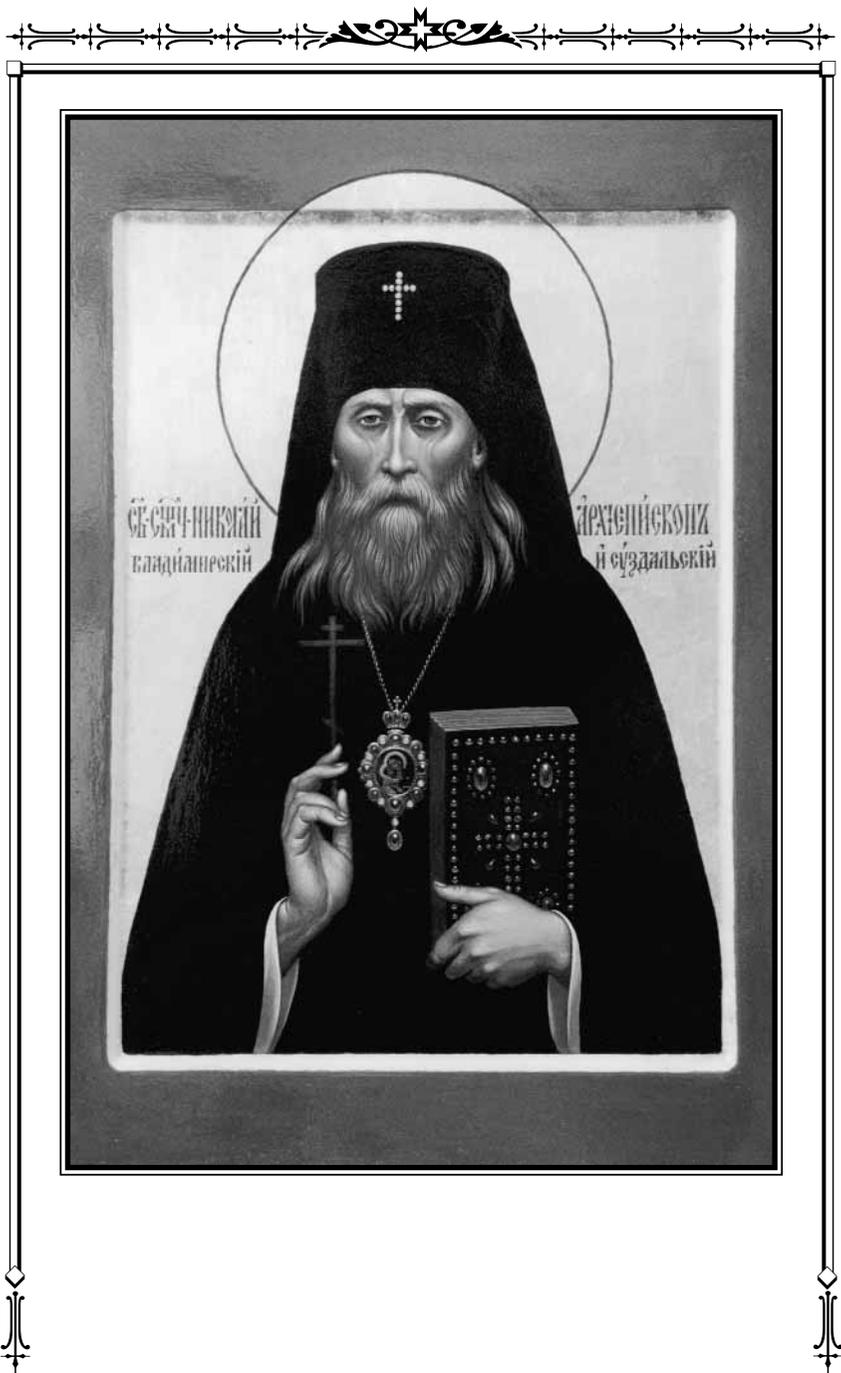
Летом 1918 года власти приняли решение арестовать священника. 19 августа сотрудники ЧК во главе с комиссаром Реденсом пришли к храму Всех Святых, чтобы произвести обыск. Церковь была закрыта, и чекисты, найдя настоятеля храма протоиерея Николая, потребовали, чтобы он выдал им ключи. Отец Николай ответил, что при обыске храма необходимо присутствие председателя приходского совета. После такого ответа священник был арестован и отвезен в тюрьму ЧК на Лубянке. На допросе следователь спросил, у кого находятся ключи от храма, и отец Николай ответил, что у церковного старосты. Во время обыска чекисты обнаружили дневники священника с краткими заметками, касающимися, в частности, восстания большевиков 3–5 июля 1917 года в Петрограде, а также сопротивления юнкеров большевикам в

ноябре 1917 года. Под датой 2 (15) ноября 1917 года отец Николай записал: «Страшный день сдачи большевикам». Допрошенный относительно всех этих событий протоиерей Николай ответил, что в июле 1917 года он действительно выезжал в Петроград по вызову Святейшего Синода для принятия участия в предсоборных совещаниях. В подавлении восстания большевиков никакого участия не принимал, находясь в это время на совещании. В то время, когда на улице началась стрельба, председательствующий архиепископ Сергей (Страгородский), обратившись к присутствующим, предложил не прерывать собрания и продолжать работу. «Во время Октябрьской революции я находился в своей квартире в Александровском военном училище, где занимал должность законоучителя и настоятеля церкви. Там же находились юнкера, так как училище было штабом юнкеров. Училище находилось под обстрелом. 1 ноября тяжелым снарядом были разбиты стена и окно в моей квартире. В эту же ночь у меня ночевало несколько семейств офицеров. 2 ноября училище было сдано большевикам. 3 ноября происходила сдача оружия. В выступлении юнкеров я никакого участия не принимал. Как настоятель собора, я принимал участие в похоронах юнкеров и офицеров, погибших в Гражданскую войну. Проповеди в церкви произносил не особенно часто, содержания чисто религиозного, не касаясь политической жизни. Против новой власти никогда не агитировал, ни к какой партии не принадлежал».

По окончании следствия Реденс написал свое заключение: «Из допроса гражданина Добронравова я вынес впечатление, что он принимал участие в политической жизни... хотя у меня нет материалов, дабы установить его роль в событиях июля 1917 года, а также в Октябрьской революции; из всего же видно, что это вредный для революции “тип”, который, будучи на свободе, наверняка спокойно сидеть не будет. Поэтому предлагаю отправить его в концентрационный лагерь».

3 декабря 1918 года президиум Коллегии отдела ЧК принял решение о заключении отца Николая в концлагерь. Однако руководители ЧК отправили дело на исследование, и в конце концов 16 апреля 1919 года было принято решение, что, поскольку явных улик против священника нет, его следует освободить.

В начале 1921 года протоиерей Николай был назначен настоятелем Крутицкого Успенского собора. К этому времени он овдовел и в 1921 году был пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Звенигородского, викария Московской епархии. В 1922 году в связи с появлением обновленцев были арестованы многие архиереи из числа тех, кто не согласился поддержать раскольников. Среди других был арестован и епископ Николай. Власти приговорили его к одному году ссылки в Зырянский край.

По возвращении в Москву он был возведен в сан архиепископа. Владыка стал одним из ближайших сподвижников Патриарха Тихона, оказывая ему помощь в защите Церкви от натиска обновленцев.

16 апреля 1924 года безбожники арестовали архиепископа и заключили в Бутырскую тюрьму в Москве. Его привлекли в качестве обвиняемого по некоему делу об избииении члена рабочекрестьянской инспекции, а также обвинили в том, что он, имея большой авторитет, проводил среди духовенства контрреволюционную агитацию. Вызванный на допрос, архиепископ сказал, что под его руководством находится Звенигородское викариатство, а также три благочиния Замоскворецкого района Москвы, в которых находится сорок четыре храма. «Связь с благочинными я поддерживаю путем приемов, не носящих регулярного характера. Специальных собраний или совещаний с благочинными мною никогда не устраивалось. Не имели место и антисоветские выступления или выпады с моей стороны, так как в сношениях с благочинными я придерживался узко церковной области. Что касается моих проповедей, то они носили чисто моралистический характер».

14 июня 1924 года архиепископ был освобожден. В этом же году он был назначен архиепископом Владимирским и Суздальским. Хорошо знавший владыку священник вспоминал, что это было время, когда шла трудная борьба с обновленчеством, когда становилось модным крикливое и вычурное пение в церкви; твердо держась православной традиции, архиепископ Николай «настойчиво и властно боролся против человеческих врываний в святая святых и нередко выходил победителем в борьбе за Церковь».

После кончины Патриарха Тихона владыка стал одним из ближайших помощников Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра. Впоследствии, когда под давлением ОГПУ возник григорианский раскол и архиепископ Григорий добивался того, чтобы Местоблюститель передал церковное управление церковной коллегии, Местоблюститель первым в списке архиереев, которым он выражал абсолютное доверие, поставил имя архиепископа Николая, зная его как исповедника, человека твердых убеждений и опытного труженика на ниве церковной. 11 ноября 1925 года комиссия по проведению декрета об отделении Церкви от государства приняла решение ускорить процессы раскола в Церкви, для чего было необходимо арестовать архиереев, которые противились проводимой государством антицерковной политике. 11, 20 и 30 ноября 1925 года были арестованы одиннадцать архиереев из числа ближайших сподвижников митрополита Петра, и среди них архиепископ Николай, а также многие священники и миряне.

В тюрьме архиепископа Николая спрашивали о том, знал ли он о письме историка Сергея Павловича Мансурова к Местоблюстителю, в котором обосновывалась необязательность с канонической точки зрения следования тому курсу, который изложен в так называемом «завещании» Патриарха Тихона. Следовательно пытался добиться от архиепископа, чтобы тот оговорил непричастных к этому делу людей. Но разумные и спокойные ответы святителя убедили следователя отказаться от этой попытки. Священник Сергей Сидоров, арестованный по этому же делу, вспоминал впоследствии: «На первом моем допросе в ноябре 1925 года следователь потребовал от меня выдачи автора письма к митрополиту Петру. Я отказался его назвать, и Тучков потребовал очной ставки моей с архиепископом Николаем. Помню серую мглу сумерек... хриплый крик Тучкова и нечленораздельный возглас... следователя, который все время целился поверх моей головы в окно маленьким браунингом. Архиепископ Николай вошел, взглянул... на меня и остановил внимательный взгляд свой на следователе. На владыке была сероватая ряса и зимняя скуфья. Утомленные глаза были холодно-строги. Встав со стула, следователь разразился такими воплями, что звякнули стекла дверей и

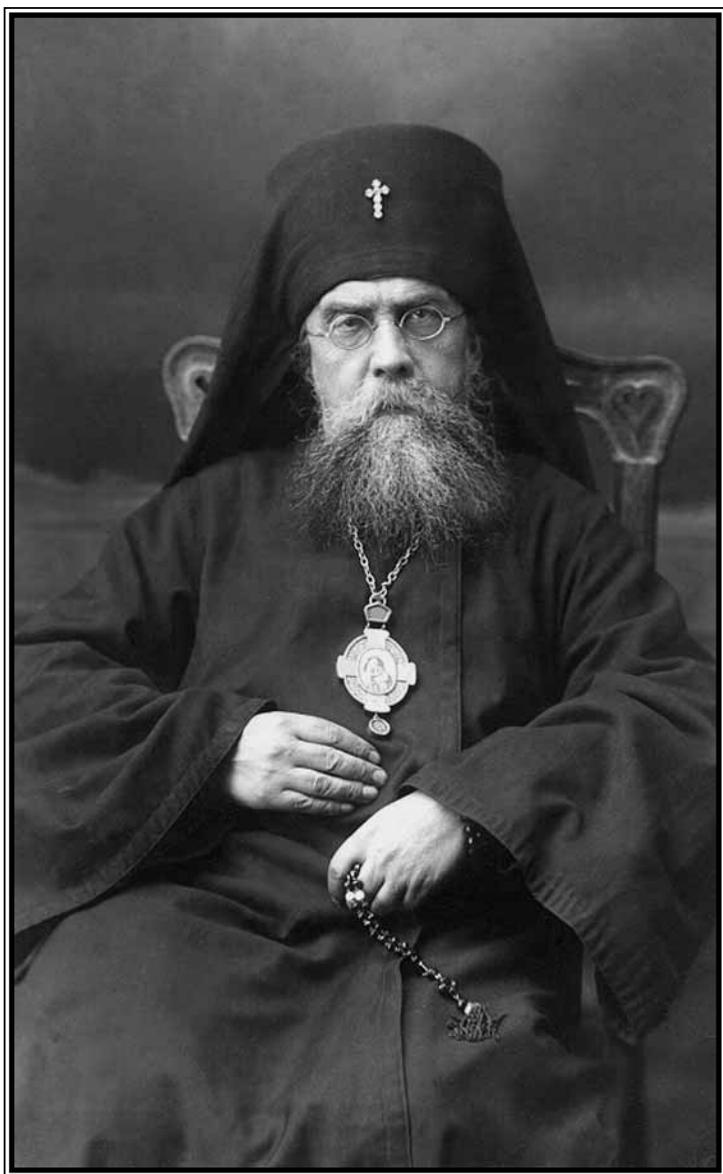
окон. Высокопреосвященный Николай властно прервал его: “Выпейте валерьянки и успокойтесь. Я не понимаю звериного рычания и буду отвечать вам тогда, когда вы будете говорить по-человечески. И спрячьте вашу игрушку”. Чудо совершилось. Следователь спрятал револьвер и вежливо стал спрашивать владыку, который давал ему, как и Тучкову, какие-то дельные показания. Во время этого допроса владыке удалось совершенно обелить Сергея Павловича Мансурова...

Когда рассеялись ужасы сидения в тюрьме, то мне удалось узнать подробности пребывания владыки Николая на Лубянке. Я с ужасом узнал об издевательствах над ним, о его сидении в подвале тюрьмы и о постоянных ночных допросах. И с тем большей благодарностью я склоняюсь перед величием его духа, благодаря которому владыке удалось спасти многих и сохранить многие церковные тайны. В московской тюрьме особенно ярко выявился его строгий и правдивый лик, смелый лик человека, забывающего о себе и готового к смерти за веру.

Много благодарен я ему лично за свою судьбу. К 8 января 1926 года у меня было двадцать три допроса, всю ночь под 9 января я был почти под непрерывным допросом. Утомленный и нравственно и физически, я готов был сдать на требование следователей, готов был наклеветать на себя и друзей. Пробыло четыре часа утра, когда меня вызвали к следователю. Его допрос вертелся на одном месте, он обычно требовал выдать людей, непрichастных к письму митрополиту Петру. Привели архиепископа Николая. “Я требую, — сказал владыка, — чтобы вы оставили в покое Сидорова. Я его знаю как нервнобольного человека, а вам, — обратился он ко мне, — я запрещаю говорить что бы то ни было следователю властью епископа”. Меня увели в коридор, я слышал неистовую ругань следователя.

Вряд ли эти мои строки будут прочтены многими, но если... близкие прочтут их, пусть они склонятся перед дивным ликом архиепископа Николая, некогда в застенках ГПУ избавившего меня от самого большого несчастья — от выдачи друзей врагам веры и Церкви».

Священник Сергей Сидоров и Сергей Павлович Мансуров были тогда освобождены, но архиепископ Николай Особым Со-

Архиепископ Владимирский и Суздальский Николай

вещанием при Коллегии ОГПУ 21 мая 1926 года был приговорен к трем годам ссылки в Сибирь. После окончания ссылки ему было разрешено свободное проживание везде, кроме шести крупных городов, с прикреплением к определенному месту жительства на три года.

Когда срок юридического поражения в правах закончился, архиепископ Николай поселился в Москве. Во время гонений 1937 года власти ставили своей целью уничтожение большинства священноцерковнослужителей и для этого опрашивали всех тех, кто мог бы стать свидетелем обвинения. 10 ноября 1937 года сотрудники НКВД допросили одного из московских священников, который показал, что знал архиепископа Николая с 1924 года, служа с ним в разных храмах Москвы. Архиепископ Николай – один из самых авторитетнейших архиереев Русской Православной Церкви. Будучи долгое время священником Александровского военного училища, он имел большое влияние на юнкеров и до сего времени тесно связан с бывшими военными кругами. Что касается антисоветской деятельности архиепископа, то он неоднократно заявлял, что «Русская Православная Церковь и весь русский народ переживают тяжелое положение исключительно по своей простоте и недалекости, доверились различным проходимцам, и вот результат, у власти стоит “апокалиптический зверь”, который расправляется с русским народом и духовенством». Добронравов среди окружающих говорил также о необходимости защиты Церкви и духовенства, заявляя, что «каждый верующий должен противодействовать мероприятиям советской власти, не допускать закрывать церкви, собирать подписи, подавать жалобы, а самое главное, что духовенство должно разъяснять верующим смысл происходящих событий... что советская власть есть явление временное...».

27 ноября власти арестовали владыку и заключили в Бутырскую тюрьму. На допросе следователь спросил архиепископа:

– Какое участие вы принимали в работе Поместного Собора Русской Православной Церкви?

– Я был членом Поместного Собора Православной Церкви, в работах которого принимал деятельное участие, входя в так называемую профессорскую группу.

— Когда и где вы встречали Сахарова, Стадницкого и Дамаскина?

— Епископ Афанасий Сахаров являлся моим помощником по управлению Владимирской епархией, судился по обвинению в контрреволюционной деятельности. После его возвращения из ссылки он заезжал ко мне в Москву навестить меня и получить от меня указания на свою дальнейшую пастырскую деятельность. С епископом Дамаскиным Цедриком я познакомился в ссылке, после его возвращения из ссылки он заезжал ко мне в Москву навестить меня. Митрополит Арсений Стадницкий — мой единомышленник, он посещал меня в Москве, где мы с ним обсуждали создавшееся тяжелое положение по управлению Православной Церковью.

— Вы обвиняетесь как участник контрреволюционной организации церковников.

— Нет, это я отрицаю.

— Следствие располагает данными, что вы являетесь участником контрреволюционной монархической организации церковников, и требует от вас правдивых показаний.

— Я это отрицаю, я признаю лишь то, что встречался с епископом Дамаскиным Цедриком, митрополитом Арсением Стадницким и епископом Афанасием Сахаровым, которые в прошлом были судимы по обвинению в контрреволюционной деятельности.

На этом допрос был закончен. 7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила владыку к расстрелу. Архиепископ Николай (Добронравов) был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-34923, л. 19597.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-25756, № Н-3677. Т. 2, 4.

Журнал «Златоуст». М., 1993. № 2. С. 298—302.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001. С. 427—435.

Ноября 27 (10 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

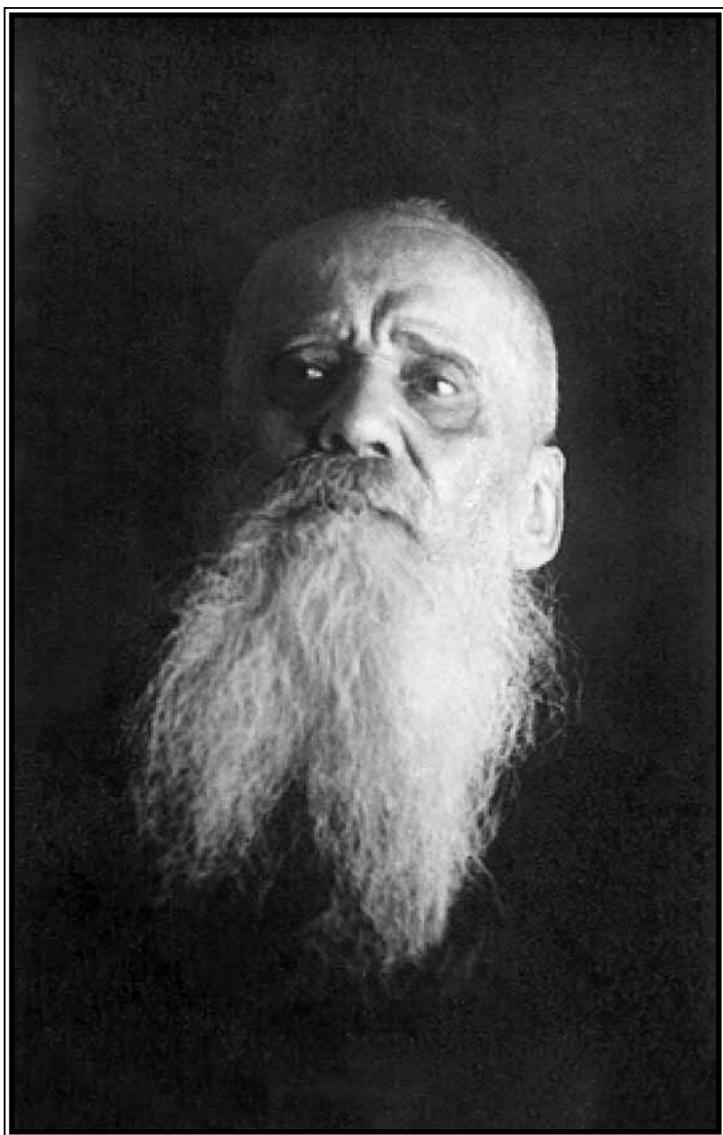
Кронид (Любимов)

Преподобномученик Кронид родился 13 мая 1859 года в подмосковном селе Левкиево, недалеко от Волоколамска, в семье псаломщика Петра Любимова. Во святом крещении младенец был наречен Константином.

Родители его Петр Федорович и Агафия Васильевна отличались благочестием и глубокой верой, которые они смогли передать и своему сыну. Родители воспитывали своих детей в страхе Божием и любви к святой Церкви, являя собой пример добродетельной жизни. Агафия Васильевна усердно молилась о том, чтобы кто-нибудь из ее детей принял священный сан. Впоследствии Константин стал монахом и наместником Лавры преподобного Сергия, а его брат Лука — священником.

По достижении семилетнего возраста Константин Любимов был определен в Волоколамское Духовное училище, но курса не окончил. В 1878 году он поступил в Троице-Сергиеву Лавру послушником. Лавра после кончины в 1877 году преподобного Антония Радонежского хранила его дух — дух благоговейной сосредоточенности, усердия к подвижничеству, снисхождения к немощам ближних.

В 1880 году Константин Петрович Любимов был призван в армию. Не имея никаких льгот, он не питал ни малейшей надежды на избавление от военной службы. Покорный воле Божией, он был готов с любовью исполнить долг перед Родиной, хотя ему было очень тяжело расставаться с обителью преподобного Сергия. Впоследствии архимандрит Кронид вспоминал: «В глубине

Архимандрит Кронид (Любимов)

Москва. Таганская тюрьма. 1937

души у меня не ослабевало упование на Всевышнего, Который лучше меня знает полезное для моей души. Вопрос обо мне должен был решиться 1 ноября в Волоколамске. По благословению наместника Лавры архимандрита Леонида (Кавелина) я выехал из обители преподобного Сергия 15 октября 1880 года...» Ночь на 1 ноября он почти не спал. Около часа ночи, забывшись в дремоте, Константин увидел знаменательный сон: дивной красоты старец в схиме вышел из ворот обители, прикрыл его полой своей мантии и повел за собой. Проснувшись, Константин понял, что на военную службу его не возьмут. И действительно, в воинском присутствии после жеребьевки прием закончился 274-м номером, а Константин вынул 283-й. Таким образом, очередь до него не дошла, и он был зачислен в ратное ополчение. «Выйдя из воинского присутствия, — вспоминал отец Кронид, — мы с родителем направились в собор поклониться местной святыне — образу святителя Николая Чудотворца. При виде лика святителя Николая во мне родилось чувство неопишуемой благодарности к Богу, Спасителю моему, Его угоднику преподобному Сергию Радонежскому и к великому Мирликийскому святителю».

Константин Любимов благополучно вернулся в Троицкую обитель. 4 января 1883 года он подал прошение о принятии его в число послушников Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. К тому времени прошло пять лет его испытательного срока. 31 января Учрежденный собор Лавры обратился к митрополиту Московскому и Коломенскому Иоанникию (Рудневу) с прошением о принятии Константина Любимова в число лаврских послушников, свидетельствуя о его хорошем поведении и способностях. 2 февраля митрополит Иоанний утвердил это ходатайство.

Послушник Константин был назначен келейником наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрита Леонида (Кавелина), ученика Оптинских старцев и одновременно ученого монаха. Как и другие насельники, он окормлялся у духоносных старцев, в том числе у затворника Зосимовой пустыни иеросхимонаха Алексия (Соловьева; 1846–1928).

Вскоре начались искушения, неизбежно встречающие подвижника, начинающего путь духовной жизни. Одно из них было

связано с ежегодным путешествием на родину. Проезжая через Москву, Константин останавливался у своего дяди, помощника начальника Николаевского вокзала. Жизнь дяди была светской: он ни в среду, ни в пятницу пост не соблюдал. Бывая в семье дяди, послушник Константин вкушал молоко и яйца даже в эти постные дни. «В сознании моем, — вспоминал отец Кронид, — тогда обычно пролетала мысль: “Что я за человек, чтобы для меня специально готовили пищу”. Потому я ел все, что мне предлагали». За год до своего пострижения в монашество он увидел сон. Будто бы стоит он в каком-то большом храме. Храм необычен, как бы небесной красоты. Позади правого клироса — большая икона Богоматери с Предвечным Младенцем на руках. Божия Мать была изображена величиной в рост человека и в короне. Иконные черты напоминали Черниговский образ Божией Матери. Видя чудный лик Богоматери и поражаясь его красотой, Константин преклонил свои колени пред святым образом и стал просить милости и предстательства Ее пред Господом. Но, к своему ужасу, он увидел, что Мать Божия отвергает от него Свой лик. Тогда он в страхе и трепете воскликнул: «Мать Божия! Чем я оскорбил Тебя, что Ты отверщаешь Свой Божественный лик от меня, недостойного?» И услышал в ответ: «Нарушением поста! Ты в среду и пяток позволяешь себе вкушать скоромную пищу и не почитаешь страданий Моего Сына. Этим оскорбляешь Его и Меня». На этом видение закончилось, но, по словам отца Кронида, оно было уроком для его души на всю последующую жизнь.

28 марта 1888 года соборный иеромонах Авраамий в Гефсиманском скиту Лавры совершил постриг послушника Константина в монашество с наречением имени Кронид. В день памяти преподобного Сергия 25 сентября 1889 года в Троицком соборе Лавры монах Кронид был рукоположен во иеродиакона Преосвященным Христофором (Смирновым), епископом Волоколамским.

23 мая 1892 года в Крестовой домово́й церкви в честь Казанской иконы Божией Матери митрополит Московский и Коломенский Леонтий (Лебединский) рукоположил иеродиакона Кронида в сан иеромонаха. Отец Кронид был назначен смотрите-

лем лаврской мастерской по производству литографий и фотографий, а с 1896 года состоял смотрителем находящегося при Лавре Епархиального училища иконописания. Отец Кронид состоял членом экзаменационной Комиссии по испытанию братии при представлении к рукоположению в священный сан. В 1901 году он был награжден наперсным крестом.

17 января 1905 года в Духовный собор Лавры поступил указ митрополита Московского и Коломенского Владимира о назначении иеромонаха Крониды экономом Санкт-Петербургского Троицкого подворья. Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в XVIII веке занимало обширный участок набережной реки Фонтанки, прилегающей к Невскому проспекту с юго-запада. В 1800 году на части этой территории, купленной князьями Белосельскими-Белозерскими, был выстроен дворец, в 1880-х годах перешедший в собственность великого князя Сергея Александровича, в это время вступившего в брак с Елизаветой, принцессой Гессенской. На территории лаврского подворья в 1772 году была выстроена церковь во имя преподобного Сергия, а в 1873 году была возведена новая церковь во имя Пресвятой Троицы. Троицкое лаврское подворье сыграло немаловажную роль в воцерковлении Великой княгини Елизаветы Федоровны, принявшей православие в 1891 году.

Отец Кронид развернул в Петербурге активную деятельность по восстановлению сильно запущенного ко времени его назначения Троицкого подворья. 11 мая 1906 года отец Кронид был возведен в сан игумена, а 9 мая 1908 года — в сан архимандрита. Дальнейшие усердные труды отца Крониды были отмечены многими церковными наградами: орденом святой Анны III степени (6 мая 1911 г.), серебряным жетоном для ношения на груди — за труды по сооружению храма в Царском Селе (20 августа 1912 г.), орденом святой Анны II степени (1914 г.).

Архимандрит Кронид был не только талантливым хозяйственником, но опытным духовным наставником своей паствы, и прежде всего братии Лавры. Его забота о ближних выражалась и в руководстве к благочестивой жизни, и во врачевании греховных

болезней, и в поддержании мужества среди искушений. Самоотверженная любовь к людям была той нравственной силой, которая привлекала к отцу Кронида современников. За помощью и советом к нему обращались многие выдающиеся его современники.

Архимандрит Кронид был ревностным проповедником. Будучи всегда проникнут любовью к ближним, он был убежден в том, что проповедь слова Божия есть прямой и естественный долг пастырского служения. Основным источником проповедей отца Крониды было Священное Писание, истолкованное Церковью в лице святых отцов. Отличительной особенностью его поучений является простота изложения и сердечность. Беседы архимандрита Крониды являются источником духовного света, который помогает христианину выбрать истинный путь ко спасению и следовать ему. Проповедник беседует со слушателями, как любящий отец со своими детьми; как мудрый старец, искусный в монашеской жизни, он делится своим духовным опытом.

Видя ослабление веры в русском обществе, архимандрит Кронид призывал своих соотечественников к покаянию, предупреждая о грядущих от распространяющегося вольнодумства и неверия бедах. В его проповедях слышны отголоски обличительных ветхозаветных пророчеств, его слово дышит провидческим предчувствием грядущих страданий народов России. Только покаяние могло избавить страну от потрясений и казней, следствия ширящегося отступления от веры и Церкви: «Если русский народ не опомнится и не придет к Богу в покаянии, то стране нашей, несомненно, грозит опасность гибели от безбожия и безначалия. В городе — дневной и ночной грабеж, и некому будет спасать от этого.

Не придется ли тогда и нам поступать так же, как сделали наши предки, пославшие к варягам послов просить их к себе в начальники, говоря: “Земля наша велика, а порядка в ней нет: придите и княжите над нами”. Но может случиться нечто худшее этого: враги сами придут к нам незванные, как некогда приходили монголы, и, пользуясь междоусобием, овладеют нашей страной и будут водворять в ней порядок по-своему».

9 января 1915 года архимандрит Кронид был назначен наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, вместо уволенного на покой архимандрита Товии (Цимбала). Отныне ему вверялись исторические судьбы дорогой для всякого русского человека обители преподобного Сергия. Такая огромная ответственность легла на плечи отца наместника накануне грозных и трагических событий отечественной истории. Одним из первых дел новоназначенного наместника было учреждение в Лавре лазарета для раненых воинов.

Наступил 1917 год. С началом работы Поместного Собора Русской Православной Церкви, членом которого он был, отец Кронид переехал в Москву, где прожил всю осень и зиму. Первое столкновение Лавры с новой безбожной властью произошло 31 августа в Гефсиманском скиту, который был приписан Лавре: чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем здесь был произведен обыск.

Архимандрит Кронид был тесно связан с Патриархом Тихоном, священноархимандритом Лавры. В скорбные дни после большевистского переворота отец Кронид обращался к Предстоятелю Церкви со словами поддержки и надежды.

Осенью началась конфискация имущества, принадлежащего Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, о чем Духовный собор 13 октября 1918 сообщил в своем докладе Святейшему Патриарху Тихону.

После конфискации у Лавры земель Наркомпрос 1 ноября 1918 года утвердил Комиссию по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры. В начале 1919 года в сергиево-посадской газете «Трудовая неделя» стали появляться статьи о Лавре, о мощах преподобного Сергия и возможности их вскрытия. В дни Великого поста в Трапезном храме Лавры по этому поводу состоялось большое собрание верующих. Отец наместник сказал краткую, но проникновенную речь, в которой призвал верующий народ защитить от поругания «священное место, где отпечатались стопы отца нашего преподобного Сергия». После этих слов отец Кронид земно поклонился народу, который отвечал ему тем же, и все запели тропарь преподобному. Вскоре по-

сле этого в храмах Лавры, в академическом храме и посадских приходских церквях стали собирать подписи под прошением Совнаркому не вскрывать мощи преподобного Сергия.

4 марта 1919 года братия Лавры во главе с наместником архимандритом Кронидом также обратилась к председателю Совнаркома с просьбой запретить вскрытие раки с мощами преподобного Сергия: «В Посаде, а затем и в столичной печати появилось известие о желании некоторой группы лиц вскрыть и подвергнуть осмотру мощи Преподобного Сергия.

Неуместно здесь доказывать святость Преподобного и то искреннее благоговейное чувство любви, которое питаем к нему мы, часть русского народа, наконец, вся Русская Церковь.

Не место здесь говорить, чем является Преподобный для нас и других верующих и сколько признания находит также и в среде неверующих как великий исторический деятель, как пример любви и кротости — тех нравственных начал, на которых только и может строиться человеческая жизнь, в ее личном проявлении и в общественно-государственном. Отсюда понятно, как дорог для нас, для общества, для Русской Церкви преподобный Сергий и все, решительно все, связанное с его памятью. Мы чтим его идеи, мы чтим его останки, мы чтим то небольшое, бесконечно для нас дорогое, что сохранилось от великого молитвенника, великого единителя разрозненной тогда России, единителя во имя братской любви и мира народа. Ведь материальные остатки былой жизни всегда священны в глазах всех народов, и прах отцов всегда мыслился и мыслится неприкосновенным; но тем более он дорог, когда дело идет о духовном родоначальнике, связь с которым не только родовая, но и идейная...

Мы, недостойная братия Троице-Сергиевского монастыря, преемственно несущая на себе долг охраны памяти Преподобного, обращаемся с настоящей докладной запиской к Народным Комиссарам во имя любви и мира, святых заветов основателя великой русской Лавры: не допустите того, что часть общества назовет кощунством, а что вы назовете по меньшей мере политической ошибкой. Наместник Лавры Архимандрит Кронид. Всего: 77 подписей братии».

20 марта Святейший Патриарх Тихон обратился к председателю Совета Народных Комиссаров по поводу кампании по вскрытию мощей: «Вскрытие мощей нас обязывает встать на защиту поругаемой святости и отечески вещать народу: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам».

Но, несмотря на просьбы верующих, вопрос о вскрытии мощей преподобного Сергия был решен на пленуме местного Совета 1 апреля 1919 года, который признал необходимым вскрыть мощи преподобного Сергия. Решение местного Совета было подтверждено Московским губисполкомом 4 апреля 1919 года.

Вскрытие мощей преподобного Сергия произошло 11 апреля 1919 года, накануне Лазаревой Субботы. С утра в храмах была отслужена литургия Преждеосвященных Даров, затем днем читали правило исповедникам и была исповедь. В исполкоме было решено провести вскрытие вечером, когда в Лавре будет меньше молящихся. В исполкоме были вызваны церковные старосты из близлежащих приходов по «срочному делу». Из Вифании был вызван иеромонах Порфирий, из Гефсиманского скита — иеромонах Ионафан (Чистяков). Ввиду опасности волнений была мобилизована рота помещавшихся в Лавре курсантов. В шестом часу вечера, для предупреждения набатного звона, ими была занята колокольня, у всех ворот расставлены патрули, находились красноармейцы и на стенах Лавры.

В шесть часов вечера были закрыты ворота Лавры, но народ продолжал прибывать, и вскоре вся площадь была заполнена верующими. Позади людей стала конная милиция. На площади слышались плач, стоны, молитвы. Во все время вскрытия мощей преподобного Сергия на площади перед святыми воротами непрерывно пелся молебен с акафистом.

В Троицкий собор вошел наместник архимандрит Кронид с некоторыми из братии. Было зачитано постановление исполкома о вскрытии мощей преподобного Сергия. Отец Кронид тихим голосом сказал в ответ:

— Я должен предупредить, что никто из нас не знает, что лежит в святой гробнице. Это — религиозная тайна, проникнуть в которую никто не смеет, мощи никогда не свидетельствовались,

с самого времени их открытия. Но и я сам, и отец... — наместник указал рукой на рядом стоящего плачущего монаха... — были свидетелями самых разнообразных чудес от гроба Преподобного. Ровно восемь лет тому назад в эту самую Лазареву пятницу ко гробу приползла не владевшая ногами женщина. Отслужили молебен, и вдруг по всему храму пошел треск как бы от ломающихся человеческих костей. Женщина встала и пошла из храма совершенно здоровая.

— Но вы не отказываетесь, конечно, вскрывать мощи? — спросил председатель исполкома.

— Сам не могу; вскрывать мощи будет иеромонах Иона, благочинный Лавры.

— Однако чем мотивируете вы свой отказ?

Наместник после минутного молчания тяжело произнес:

— По нравственному чувству не могу... Страшусь...

— Но как же Иона? Он не страшится? — допытывается председатель.

— Отец Иона должен исполнить это за послушание.

Отец наместник отошел в сторону. Иеромонах Иона облачил-ся в богослужебные ризы. Два иеродиакона в синих стихарях подошли к раке и совершили каждение. Покадив, отходят. К раке подходит отец Иона, падает ниц, совершает перед гробницей три поклона, затем кланяется отцу наместнику. Братия начинает петь величание преподобному Сергию, но председатель исполкома обрывает их.

Вскрытие мощей продолжалось с 20 часов 50 минут до 22 часов 50 минут. Все это время шла киносъемка. На раку была положена крышка из толстого зеркального стекла, скрепленная с ракой сургучными печатями Наркомюста.

В начале 1919 года вышло постановление президиума Московского Совета о передаче монастырских помещений Отделу народного просвещения. В Лавре была создана трудовая артель. Духовный собор подал комиссару Лавры именной список артели в количестве 224 человек, но 3 ноября 1919 года ночью лаврских монахов неожиданно выселили в Гефсиманский скит. Все храмы и келии в Лавре были опечатаны. 26 марта 1920 года вышло поста-

новление Президиума Мосгубисполкома «О закрытии Троице-Сергиевой Лавры и передаче мощей Лавры в Московский музей». Закрытие Лавры произошло 7 мая 1920 года.

Патриарх Тихон 10 мая 1920 года выступил с обращением в Совнарком в связи с закрытием монастыря и предполагаемым увозом из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры святых мощей преподобного Сергия для показа их в качестве экспоната в одном из московских музеев. В обращении говорилось: «...Мы прибегли к письменному обращению и заявили, что закрытие лаврских храмов и намерение вывезти оттуда мощи самым существенным образом затрагивает нашу религиозную совесть и является вторжением гражданской власти во внутреннюю жизнь и верование Церкви, что стоит в противоречии с декретом об отделении Церкви от государства, с неоднократными заявлениями высшей центральной власти о свободе вероисповеданий и с разъяснениями, что нет никакого общего распоряжения об изъятии из храмов предметов культа...» Мощи преподобного Сергия остались в Лавре.

Монастырь просуществовал некоторое время и после закрытия. Оставленные в Лавре при охране музея 43 монаха образовали «малую Лавру». Все это время велся журнал Духовного собора. Братия просила для богослужений одну из церквей обители, но в этом им было отказано. Богослужения в «малой Лавре» проходили в Пятницкой церкви. Там в воскресные дни служили соборно, были и седмичные священники, пел хор из пятнадцати монахов. Распорядком служб, в зависимости от занятости при музее, ведал игумен Михай. К 1926 году оставленные при музее монахи были уволены, и в мае 1928 года лаврские храмы на Подоле были закрыты.

После закрытия Лавры часть монахов осталась жить в Гефсиманском скиту, а другие, в том числе и архимандрит Кронид, поселились в Сергиевом Посаде на частных квартирах. Архимандрит Кронид после закрытия Троице-Сергиевой Лавры был оставлен как староста охраны Лавры. В 1920–1922 годах архимандрит Кронид жил в селе Братовщина у старосты храма, в 1922–1926 годах – в Гефсиманском скиту, в 1926–1929 годах – в скиту Пара-

клит, с 1929 года до кончины — в частном доме недалеко от Кукуевского кладбища в Сергиевом Посаде.

Он продолжал оказывать поддержку инокам, заботился о духовном окормлении своих духовных чад из мирян. Они, в свою очередь, также проявляли заботу о своем духовном отце, оказывая ему материальную помощь и утешая в скорбях. С 1935 года отец Кронид стал быстро слепнуть.

21 ноября 1937 года отец Кронид был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Дело по обвинению архимандрита Кронида носило название «Ипполит». Это было связано с тем, что в доме, где на момент ареста жил наместник, более десяти лет проживал девяностотрехлетний старец, лаврский духовник и библиотекарь, много лет стоявший у святых мощей преподобного Сергия, «гробовой монах», игумен Ипполит, почитаемый как человек высокой духовной жизни. Хотя старец и не был арестован, но связь с ним вменялась в вину всем проходившим по делу архимандрита Кронида. В дни, когда шло следствие, игумен Ипполит скончался.

Архимандрит Кронид обвинялся в том, что фактически оставался наместником Троице-Сергиевой Лавры, владел и пользовался печатью наместника. По его благословию благочинный округа назначал вернувшихся из ссылок и заключений монахов Лавры на приходы округа (им были устроены на приходы более пятидесяти иеромонахов). Пожертвования, которые приносили верующие архимандриту Крониду и игумену Ипполиту, посылались священнослужителям, находящимся в ссылках и тюрьмах.

Дом, где нашел приют отец Кронид, в следственном деле называется «домашним монастырем», «продолжением Лавры». Здесь совершались богослужения по монастырскому чину, проходили тайные монашеские постриги. К архимандриту Крониду приезжала братия монастыря, вернувшаяся из ссылок и тюрем.

В день ареста следователь Булыжников допросил отца Кронида.

— Кто из бывшей царской семьи посещал бывший Сергиевский монастырь, где вы были наместником? — спросил следователь.

— Бывший Сергиевский монастырь пользовался особенным покровительством бывшего дома Романовых, мне как наместнику монастыря неоднократно приходилось принимать в монастыре различную придворную знать, сановников и членов царствующего дома.

— Сколько всего было монахов, когда вы были наместником?

— В 1917 году перед революцией в монастыре и его отделениях было около 900 монахов и вольнонаемных рабочих около 700 человек.

— Сколько монахов проживает в Загорском и других близлежащих районах?

— Мне лично известно, что часть братии устроилась приходскими священниками в Загорском и других близлежащих районах. Всего я приблизительно знаю около 25–30 таких монахов...

— Кто посещает вашу квартиру в Загорске?

— Меня, как бывшего наместника монастыря, периодически посещали монахи Лавры.

— Объясните цель посещения вашей квартиры монахами бывшей Лавры?

— Мою квартиру в Загорске периодически посещали монахи Лавры, которые приходили меня навещать как бывшего наместника и руководителя и за советами.

— Следствие располагает данными, что вы продолжаете руководить монахами бывшей Лавры. Вы это подтверждаете?

— Нет, я это отрицаю. Но, действительно, были случаи, мою квартиру посещали монахи, специально для этого приезжавшие из района повидаться со мной как бывшим наместником, монахи в большинстве приезжали по своим делам в город и заходили ко мне.

— Ваше отношение к советской власти?

— Я по своим убеждениям являюсь монархистом... существующую советскую власть признаю как верующий: она послана народу как испытание его веры в Промысл Божий.

— Из ваших показаний видно, что вы продолжаете руководить монахами бывшей Лавры, поэтому требуем от вас правдивых показаний.

— Монахи меня действительно посещали, но руководства над ними с моей стороны совершенно не было.

— Вы обвиняетесь как участник контрреволюционной группировки церковников, предлагаем дать правдивые показания о вашей контрреволюционной деятельности.

— Я повторяю, что по своим убеждениям я являюсь монархистом до настоящего времени, в таком же духе воспитывались мною монахи бывшего монастыря... Подтверждаю, что меня в Загорске периодически посещали монахи бывшей Лавры, но участником контрреволюционной группировки не признаю.

— Назовите ваших единомышленников... из числа монахов.

— На поставленный вопрос показания давать отказываюсь...

— Следствие располагает данными, что вы систематически производили на своей квартире прием своих почитателей, вы это подтверждаете?

— Прием своих почитателей, знакомых и родственников я производил на своей квартире в городе Загорске, куда они приезжали из разных мест, но в большинстве из Москвы.

— Объясните цель посещения вас в городе Загорске вашими почитателями.

— Меня посещали исключительно с целью навестить, справиться о моем здоровье и с целью оказания мне материальной помощи.

— Следствие требует назвать лиц, приезжавших к вам в Загорск.

— Меня до последнего времени посещали в Загорске мои почитатели, назвать которых я отказываюсь, быстро забываю имена и фамилии.

7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Кронида к расстрелу. Архимандрит Кронид была расстрелян 10 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

Последователь Христа во время земной жизни должен быть крестоносцем и с благодушием переносить различные житейские скорби. «Скорби рассеяны по нашим путям на земле, — наставлял архимандрит Кронид, — а любовь Божия к нам горит вечным

солнцем и льет свой свет туда, где темно, грустно, скорбно. А чтобы проникал этот свет в наши сердца, нужно с любовью и верой взирать на Источник Света — Господа Иисуса Христа и всегда носить в душе Его слова любви и утешения: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы (Мф. 11, 28)».

«Жизнь на земле есть училище любви. Тому невозможно быть в раю, кто здесь не приучится любить всех».

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 151, оп. 1, ед. хр. 558; ф. 353, оп. 1, ед. хр. 774; ф. 10035, л. П-59458.
Георгий (Тертышников), архимандрит. Жизнеописание архимандрита Кронида (Любимова), наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // Вышенский паломник, 1998, № 1(6).
Кронид (Любимов), архимандрит. Беседы и проповеди. Т. 1 и 2. ТСЛ, 1998.

Ноября 27 (10 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Иоасаф (Боев)

Преподобномученик Иоасаф (в миру Иван Васильевич Боев) родился 20 апреля 1879 года в Москве. Во время одного из арестов при требовании следователя рассказать о себе отец Иоасаф написал: «Я сын крестьянина Орловской губернии Малоярославского уезда Краснинской волости села Красного, родился в Москве в Красных Казармах 20 апреля 1879 года; отслуживши службу, отец поступил в Голицынскую больницу, где я и возрастал при окладе 7 рублей жалованья, при готовой квартире, отоплении и освещении. Семья состояла из пяти человек. Отец, мать, я — один сын, и две дочери. По бедности отец не мог мне дать образования, и я едва кончил два класса городского училища и был отдан на одиннадцатом году учиться сапожному мастерству. Как мне не хотелось быть сапожником! Я два раза бежал от подрядчика ввиду строгого отношения и побоев. Отец выпорол меня за побег и отправил опять в сапожную мастерскую, только к другому хозяину. Прослуживши у последнего четыре года, я вышел мастером из ученья и работал до двадцати одного года у разных хозяев. Но я не вмещал этой жизни ввиду пьянства и разврата, так как в праздники приходилось работать, а понедельник и вторник похмеляться; жениться у меня не было призвания, и я ушел в монастырь в сорока верстах от Москвы в Богородском уезде, под названием Берлюковская пустынь.

В 1912 году получил монашество с именем Иоасаф, в 1914 году в мае месяце был послан на экзамен во диакона к епископу Можайскому Димитрию (Добросердову. — *И. Д.*), жившему на

Саввинском подворье по Тверской улице. На экзамене епископ Димитрий сделал мне предложение перейти к нему на службу, на что я согласился. По возведении меня в иеродиакона в Москве в Андроньевом монастыре архиепископом Владимиром, я был переведен на службу к епископу Димитрию на Саввинское подворье, где и служил до 1918 года, а потом был переведен в Никольский единоверческий монастырь в Москве у Преображенской заставы.

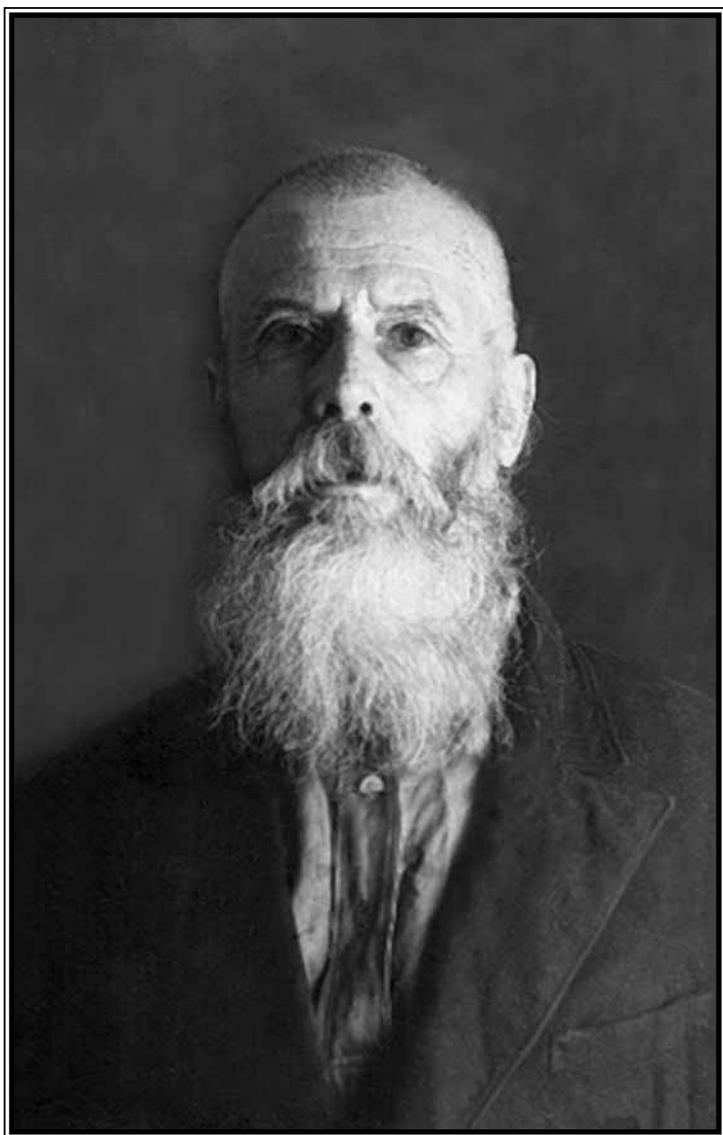
В 1921 году я был рукоположен во священника епископом Богородским Никанором в церкви этого монастыря, и в том же году я был мобилизован в тыловое ополчение, но как специалист по пчеловодству был освобожден от службы с тем, чтобы работать в Московском земельном отделе в качестве пчеловода, и был командирован на ферму “Бодрое детство” и назначен помощником заведующего Штильбаха.

В 1922 году пасека была перевезена в имение бывшего фабриканта Корзинкина за Пресненскую заставу. В том же году я был командирован земельным отделом в Уфимскую губернию за покупкой воска для выделки вошины для государственных пасек.

Приехавши в Уфу, я не мог приобрести такого количества воска и отправился по железной дороге по деревням искать воска. Доехавши до станции Мусалинка, я пешком пошел до близстоящего села Тюбиясь, где встретился с архимандритом Антонием, настоятелем бывшего единоверческого Воскресенского монастыря, который находится в шести верстах от разъезда. Единоверец, с которым я познакомился случайно в 1917 году, приезжал в Москву на церковный Собор и временно останавливался в доме Саввинского подворья. Разговаривая с ним, я ему сказал, что с удовольствием переехал бы на Урал священником, так как раньше, бывши на Урале, я был восхищен природой. Он мне сделал предложение поступить в село Новая Пристань в восьми верстах от станции Сулия, но я отказался ввиду того, что состою на службе, но просил его не оставить меня в будущем.

В 1923 году заведующий пасекой Штильбах ушел со службы и я был поставлен на его место заведующим. В конце 1923 года пасека была ликвидирована, и я возвратился опять в монастырь.

В монастыре в это время было два священника, и мне было

Архимандрит Исааф (Иосиф)

Москва. Таганская тюрьма. 1937

отказано в вакансии ввиду сложившихся трудных обстоятельств. Хотя я состоял в это время членом артели в Москве, где мною был внесен пай, но получить место я не мог и согласился быть сторожем в этом же монастыре, превращенном к этому времени в дом коммуны завода радио.

Весной мне было предложено комендантом Баберкиным принять фруктовый сад, как знакомому с садоводством, привести его в порядок, здесь я работал до июля месяца. В этом месяце я был приглашен церковной общиной в село Аратское в качестве священника. Это случилось таким образом. Архимандрит Антоний в 1924 году перешел из села Тюбелясь в завод Усть-Катавский и был назначен благочинным окружающих церквей, в том числе и села Аратского.

Село Аратское очень бедное, около двухсот дворов, вот они и обратились к благочинному, архимандриту Антонию, с просьбой назначить им священника одинокого, чтобы не так было трудно его содержать и ввиду квартирного вопроса, так как дом, в котором жил священник, был занят под школу. Архимандрит Антоний, вспомнив обо мне, предложил им послать протокол общего собрания о приглашении меня, на что я согласился и 20 июля 1924 года переехал из Москвы в село Аратское. Приехав в село Аратское, я обратил внимание на здание церкви, мне бросилась в глаза заржавленная крыша и неисправность печей в церкви.

Прожив месяц, я стал просить крестьян, чтобы они, согласно договору с советской властью, сделали ремонт в церкви. Получив ответ, что у них нет денег, я им указал на 7-ю статью договора с советской властью, что можно сделать добровольный сбор без принуждения, на что они согласились.

В первых числах января 1925 года они произвели добровольный сбор мукой, овсом и деньгами и пригласили меня, чтобы и я принял участие, на что я согласился. Узнав об этом, местная власть сбор арестовала, предъявив вину, что на сбор не было взято разрешения. Я и крестьяне извинились, что сбор был сделан не по гордости, а по незнанию. Я был арестован и отправлен в Катав-Ивановский завод для допроса, после допроса я был освобожден, и со сбора арест был снят. На собранные средства был произведен ремонт печей и покрашена крыша.

4 марта 1926 года умер священник Иванов в Симском заводе, и на его место симская община просила меня, на что я согласился, и 14 марта 1926 года переехал на жительство в Симский завод, и тут увидел ту же разруху в отношении здания храма, как и в селе Аратском. Весь отдавшись церковному делу, я просил симскую общину обратить внимание на церковное здание, которое им дано в бесплатное пользование согласно договору с советской властью, — с тем чтобы произвести ремонт. Тут же было приступлено к промывке купола и вставке двадцати стекол в окнах, которые были забиты досками; этим же летом были переложены четыре печи в храме и заново были сложены две печи в алтаре и в сторожке.

25 октября 1926 года в Симский завод был приглашен на престольный праздник епископ Усть-Катавский Антоний (Миловидов. — *И. Д.*), который говорил проповедь на всенощной о пришествии антихриста и о последнем времени и кончине мира, где он в проповеди поминал о жидях и о печати антихриста. Через несколько дней после праздника я был приглашен в Симский сельсовет на допрос агентом Павловым, где мне было предъявлено обвинение, будто бы я заманиваю детей в церковь конфетами. Я действительно на другой день после праздника угощал у себя на квартире певчих, в том числе были и дети, которые пели в хоре. На вопрос Павлова, какую проповедь говорил архиерей, я ему ответил, что о пришествии антихриста и кончине мира. На это Павлов мне заметил, что епископ Антоний дипломатичный и очень тонкий человек, его проповеди надо понимать иначе, и, обратясь к председателю сельсовета, он сказал ему, что это говорено по поводу нас, как будто нам, коммунистам, конец.

20 июня 1927 года я был арестован уполномоченным ОГПУ Павловым и представлен в Златоустовский изолятор. На допросе 5 июля мне было предъявлено обвинение по 58-й статье в том, что занимаюсь контрреволюцией, будто я говорил с советом церкви, что коммунисты все жиды и скоро им будет конец.

Происхожу из пролетарской семьи и уже двадцать семь лет как монашествую; я не потерпел от революции ничего, так как не имел никакого имущества. Клянусь своей честью, что я никогда не был контрреволюционером и не буду.

Теперь является мне вопрос, не страдаю ли я безвинно, потому что я никогда не говорил такой глупости в церкви с амвона, какую мне предъявляет обвинение...»

24 июня 1927 года состоялось общее собрание прихожан Дмитриевской церкви Симского завода. На собрании его председатель сообщил об аресте архимандрита Иоасафа. Присутствующие постановили избрать из среды верующих двух человек, которые должны обратиться с ходатайством к прокурору о скорейшем освобождении архимандрита Иоасафа, «так как он нужен группе верующих для совершения религиозных обрядов».

Отца Иоасафа между тем заключили в тюрьму в городе Златоусте. Во время допроса следователь спросил его:

— Откуда вы знаете и почему говорите крестьянам, что коммунисты одни жиды, советская власть представляет из себя антихриста и что скоро этой власти будет конец?

— Никогда никому я такого не говорил.

— Какие отношения у вас существуют с епископом Антонием и часто ли у него бываете, и вообще, куда выезжаете из Сима?

— За время своего нахождения я у епископа Антония был раз десять по церковным делам. Взаимоотношения у меня с ним хорошие. Бывал еще в городе Уфе у зубного врача и был не очень давно в Уфе у епископа Андрея (Ухтомского. — *И. Д.*), который меня приглашал проститься с ним перед отъездом в Москву. Последняя моя поездка была в деревню Мапояс, куда меня приглашали отпеть умершую женщину. Больше никуда не выезжал. В 1925 году был в Москве у Патриарха Тихона.

— Производили ли вы сборы среди крестьян без разрешения сельсовета?

— Производил в 1926 году на покупку церковной утвари, это было в Симу и было в селе Аратском в 1925 году. Собирали на ремонт церкви также без разрешения, за это на собранные продукты, муку, овес и деньги наложили арест, меня посылали в Катавский РИК, где разобрались, и меня отпустили. Кроме того, когда председатель сельсовета села Аратского сказал, что этого делать нельзя, то мы просили прощения и извинились. На заданные мне вопросы о моей агитации, критике советской власти и коммунистов, о том, что я якобы устраивал в церкви разные со-

брания верующих под видом службы, где говорил якобы против советской власти и где группировал вокруг себя кулачество, заманивал в церковь детей, и вообще будто бы сопротивлялся всем мероприятиям советской власти, — на это я категорически заявляю: ничего подобного не было, я такой глупости не говорил, никаких собраний не собирал — и добавляю, что мне мстить советской власти не за что. Также ничего нигде не говорил о расколе компартии, об отношениях с другими державами, почему иностранные державы не доверяют нам и так далее.

Спустя полтора месяца после ареста отца Иоасафа следователи стали допрашивать свидетелей, у которых надеялись получить показания, подтверждающие предъявленные священнику обвинения. Допросили кандидата в члены коммунистической партии Павла Зиновьева, который сказал: «Попа Боева я знаю с момента его приезда в село Аратское. За все время пребывания Боева в селе Аратском лично я за ним или от него не слышал ничего, вернее, может быть, и слышал, но не помню. От населения, особенно от верующих, я слышал, как они его одобряли, что это хороший батюшка, то есть крепко держится за религию. Часто слышал от советски настроенного населения о том, что Боев всегда говорит в церкви против советской власти и коммунистов, но точно не могу указать, так как я и сам мало обращал на это внимания. Но что Боев был враждебно настроен против власти, я в этом уверен, но фактов указать не могу».

Допрошенный крестьянин Николай Мурыгин сказал: «Попа Боева я знаю с того времени, как он приехал в село Аратское. За все его пребывание в селе Аратском, как я от людей слышал, он всегда ругал советскую власть и коммунистов. Кто говорил мне это, я не помню, слышал я от людей его слова, что советская власть большими налогами задушила крестьянство. Однажды Боева вызвали в Сертивку в сельсовет, и один гражданин, фамилию не помню, спросил Боева: “Куда, батя, пошел?” Боев ответил, что “его требуют в Пилатову контору”, что означает сельсовет».

Была допрошена член коммунистической партии Александра Филиппович, которая сказала: «При обследовании работы среди женщин в Миньяре 3 мая сего года мне сказали, что священник в Симу Боев привлек на свою сторону пионеров, они сейчас ходят

в церковь и поют, а священник им покупает за это пряники и конфеты. Когда я приехала в Сим и на собрании женского актива поинтересовалась этим вопросом, мне женщины рассказали, что у них в Симу учительницы религиозны, ходят в церковь и поют на клиросе и сумели привлечь часть учеников, из них есть пионеры. В привлечении ребят в церковь много помог учителям священник, так как он им покупает пряники, и ребята заинтересованы подачкой и бегут в церковь. Вот какой ответ я получила на интересующий меня вопрос. На мой вопрос, как на подарки папа реагируют женщины, мне сказали, что женщины ему очень симпатизируют, считают, что он очень хороший радетель для церкви, из своих денег он ребят угощает пряниками, и это говорит о его рдении к приходу. Вот какие мне дали сведения на интересующие меня вопросы о симском священнике».

24 августа 1927 года следователь объявил архимандриту Иоасафу об окончании следствия и спросил, не желает ли он что-либо сказать в дополнение. Отец Иоасаф в ответ на это сказал: «Предъявленное мне обвинение я не признаю, прошу спросить верующих общины села Аратского, и главным образом бедноту, пускай они покажут о моих действиях. Признаю я только то, что делал совместно с крестьянами сборы в пользу церкви, но это было по незнанию, и когда нам было сказано, что мы делаем неправильно, то мы слушались и прекращали сбор».

В отношении того, что я якобы учил детей Закону Божьему, это я тоже отрицаю, никогда никого не обучал, за исключением того, что приходившим ко мне верующим давал для прочтения религиозные книги. Детей-пионеров я в церковь не привлекал, но был такой случай в прошлом году в октябре месяце: пионеры еще до моего прихода в церковь пели на клиросе, и после этого на другой или третий день эти певчие и несколько детей собрались у меня в квартире. Я их угощал чаем, конфетами и другими гостинцами. Кроме этого, я вообще давал детям денег, кому на карандаш, на тетрадку и так далее. После мне сказали, чтобы я ребятам не давал денег, что ребята на эти деньги покупают папиросы и курят. Я после этого сходил на почту и купил тетрадок, и когда у меня ребята просили денег на тетрадь, я давал готовые, купленные мной тетради. И вообще я многим помогал бедным, шел всегда

навстречу, но никогда я не говорил детям, чтобы они не ходили в пионерский клуб, такого случая не было, и я это отрицаю. Проповедей антисоветского характера никогда верующим не говорил...»

После ответа священника снова были вызваны и допрошены свидетели. Свидетель Кирилл Хализов показал: «Из процесса моего личного наблюдения за ходом церковной жизни я констатировал ряд характерных моментов следующего характера. До приезда в Симский завод священника Боева тяготение граждан к церкви было гораздо слабее, но с момента его приезда положение изменилось, церковь стали посещать помимо старух молодежь и различные служащие. Из разговоров с гражданами выяснялись такие факты, что он церковную жизнь настолько сумел улучшить, что даже коммунисты носят своих детей (тайком) крестить в церковь и так далее. Как человек он был весьма со всеми обходителен, хорошо изучил психологию человека, умел приспосабливаться, и все это суммированное и послужило к завоеванию им симпатий со стороны граждан».

Вызванный в качестве свидетеля Александр Тюрин сказал: «Приехавший в Симский завод поп Боев оживил церковную работу и привлек на свою сторону даже тех людей, которые и в церковь не ходили. Он главным образом курс держал на более бедную часть населения и детей из бедняцких семей, которые состояли в пионерских отрядах, переманивая их к себе в церковь путем покупки конфет, платочков, платьев и так далее, давал им читать из церковной библиотеки религиозные книжки. Мною лично у двоих пионеров в школе отняты были книжки, о которых те говорили, что им их дал батюшка. Часто изъятие книг производили сами учителя. Я лично признаю такие поступки попа явно контрреволюционными. Помимо этого, у него на квартире систематически собирались группами как дети, так и взрослые. От граждан слышал, что батюшка читает очень хорошие проповеди».

Комсомолец Иван Брылкин показал: «Будучи членом бюро коллектива ВЛКСМ, я наблюдал такие факты. Арестованный ОГПУ поп Боев привлекал к себе путем покупки сладостей, платочков и так далее и даже деньгами пионеров, которые, благодаря этому, из отрядов уходили, сдавая галстуки и переходя в церковь».

У нас была проведена на Пасху специальная кампания по борьбе с этим явлением, но реальных результатов получилось мало, и большой процент пионеров на Пасху был в церкви».

5 декабря 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архимандрита Иоасафа к трем годам ссылки. Он был сослан в Тобольский округ. По окончании ссылки власти запретили ему проживание в восьми областях и обязали выбрать определенное место жительства, чтобы ОГПУ удобнее было за ним вести надзор.

Весной 1930 года архимандрит Иоасаф приехал в Уфу и стал здесь служить в Симеоновском храме. В ноябре 1931 года из Уфы в Москву отправился один из священников, намереваясь встретиться с епископом Андреем (Ухтомским), который в то время освободился из заключения и жил в Москве. При встрече епископ дал ему письма к верующим Уфы, а также попросил передать письмо священнику из Бугуруслана. Причем все письма имели церковный, лишенный какого бы то ни было политического содержания, характер. На обратном пути со священником в поезде познакомился агент ОГПУ, которому тот рассказал, что должен передать письма для священника из Бугуруслана. В Бугуруслане агент принял решение арестовать священника. Священник, увидев, чем окончился его разговор с попутчиком, попытался сначала бежать, а затем уничтожить письма, но был схвачен и арестован. ОГПУ сочло поездку священника с письмами весомым доказательством наличия в городе Уфе контрреволюционной церковной организации и арестовало в Уфе и ее окрестностях пятьдесят одного человека — одиннадцать священнослужителей, и в их числе архимандрит Иоасаф, двадцать восемь монахинь и двенадцать мирян.

ОГПУ выяснило, что при Симеоновском храме проводились беседы с верующей молодежью, а также широкая благотворительная деятельность. Обвиняемые, не находя в этой деятельности ничего предосудительного, и не отрицали ее. Одна из обвиняемых монахинь сказала: «Как я стала монашкой? С 1924 года я стала болеть активным туберкулезом легких и находилась, что называется, в безнадежном состоянии, ибо врачи даже отказывались лечить меня. Я дала обет, что, если вылечусь, приму тайный

постриг в монашество. Действительно, я выздоровела и в 1930 году приняла тайный постриг в монашество. Моя религиозная деятельность заключается в том, что я два раза проводила религиозные беседы с верующими в Симеоновской церкви, имея целью укрепление религиозности среди верующих. На этих беседах бывало большое количество верующих, в том числе и молодежь... Знаю о благотворительной деятельности при Симеоновской церкви, которая заключалась в следующем. При церкви имелась специальная кружка для бедных. Собранные деньги расходовались на устройство бесплатных обедов в церкви для бедных и нуждающихся. От верующих принимались пожертвования, на кои делались передачи и отправлялись посылки заключенным и ссыльным церковникам... Посылки и передачи заключенным и ссыльным церковникам имели своей целью утешить и морально поддержать их, что я со своей стороны считаю христианским долгом...»

Одна из свидетельниц показала: «Монах Иоасаф Боев систематически проводил у себя на квартире беседы с молодыми девушками, организовав кружок в количестве до двенадцати человек, которых обрабатывал в противосоветском духе. Когда я бывала на таких беседах осенью прошлого года, то слышала от него следующее: “Вы, молодежь, позабыли веру и Бога, стали увлекаться комсомолом, разными безбожными увлечениями, не стали посещать храмов Божиих, принимать Святые Тайны. Но помните, что если вы не будете веровать в Бога, то погубите свои души. Ведь все эти ваши увлечения есть соблазн сатаны. Кто не хочет погубить своих христианских душ, должен немедленно стать настоящим христианином”».

Другая посетительница религиозных бесед показала: «Про архимандрита Иоасафа... могу сообщить следующее: с весны сего года по приезде из ссылки Иоасафа в Уфу он стал обрабатывать молодежь в противосоветском духе под видом “религиозного воспитания благочестия”. Дело это практиковалось таким образом: в доме, где проживал Иоасаф, собиралась постоянно молодежь, главным образом девушки из рабочих и служащих, где была несколько раз и я, которым Иоасаф внушал остерегаться коммунистического, комсомольского и советского вообще влияния

и воспитания, доказывая, что во всех этих организациях существует только один блуд и грех, что нужно крепко верить в Бога, посещать аккуратно церковные службы, чаще исповедоваться в грехах и так далее. Про советскую власть он отзывался как о временной победе антихриста на земле, который повсюду сеет безбожие и хочет погубить христианские души. Запугивал нас грехом перед Богом и муками ада на том свете, если мы отступим от веры в Бога и пойдем по пути с безбожниками – коммунистами и комсомольцами. Как-то летом сего года он, встретив меня, стал упрекать и запугивать, говоря: “Ты не стала ходить в церковь, превратилась в безбожницу, но помни, что плохо будет тебе, будешь большой грешницей и понесешь мучения на том свете. Не думай, что современное безбожие в лице советской власти будет долго существовать и распространять корни среди христианства. Господь этого никогда не допустит и сокрушит власть сатаны”. Тут же он для спасения души предложил мне ходить петь в церковном хоре и предложил постричь в монашки”».

Вызванный на допрос, архимандрит Иоасаф, отвечая на вопросы, сказал: «В 1930 году, действительно, иногда заходили девушки, среди которых я постоянно говорил о необходимости сохранения ими религиозной нравственности, чтобы не забывали веру в Бога, твердо веровали и жили согласно евангельскому учению... Виновным себя в антиколхозной агитации я не признаю и за другими подобной агитации не замечал...»

По окончании следствия архимандриту Иоасафу было предъявлено обвинение в том, что он «возглавлял контрреволюционную организацию церковников, которая под флагом защиты Церкви проводила контрреволюционную деятельность... Совместно с другими обвиняемыми во время ночных нелегальных сборищ в Семеновской церкви среди верующих крестьян – приезжих из окрестностей Уфы – под видом “благочестивых” бесед агитировал: “В колхозы вступать не нужно, так как там царит мрак безбожия и греха, нужно твердо верить и защищать религию от нападков безбожников...” Организовал “кружок молодежи” из девушек в количестве 10–12 человек, с которыми проводил беседы у себя в квартире в целях обработки таковых, в противовес коммунистической и комсомольской идеологии, внушая:

“Остерегайтесь влияния коммунистов и комсомола, там один блуд и грех, нужно твердо верить, советская власть хочет погубить христианские души, всех отступников от Бога ожидают муки ада на том свете”. Состоял в нелегальном Братстве помощи политссыльным и церковникам, призывал верующих оказывать материальную помощь политссыльным».

13 апреля 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архимандрита Иоасафа к трем годам заключения, которое он отбывал в Красно-Вишерских исправительно-трудовых лагерях. После возвращения из заключения отец Иоасаф служил в храме на Таганке в Москве, а затем в апреле 1937 года переехал в село Никольское Звенигородского района Московской области и служил в Никольском храме.

27 ноября 1937 года архимандрит Иоасаф был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. На допросах отец Иоасаф категорически отказывался признавать себя виновным и говорил: «Виновным себя в проведении контрреволюционной деятельности, направленной против советской власти, не признаю».

5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Архимандрит Иоасаф (Боев) был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-77325.

Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Арх. № П-8761.

Архив КГБ Башкортостана. Арх. № 3180.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 428–437.

Ноября 27 (10 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Николай (Салтыков)

Преподобномученик Николай (в миру Николай Васильевич Салтыков) родился 12 июля 1884 года в деревне Григорьево Кимрского уезда Тверской губернии. Его отец, Василий Салтыков, как и большинство жителей города Кимры и ближайших к нему деревень, занимался шитьем сапог. Николай окончил сельскую школу и до восемнадцати лет жил с родителями, а в 1902 году поступил в Николо-Пешношский монастырь Дмитровского уезда Московской губернии, где был четырнадцать лет на различных послушаниях. В 1916 году он был пострижен в мантию и рукоположен в сан иеродиакона, а в 1919 году – в сан иеромонаха.

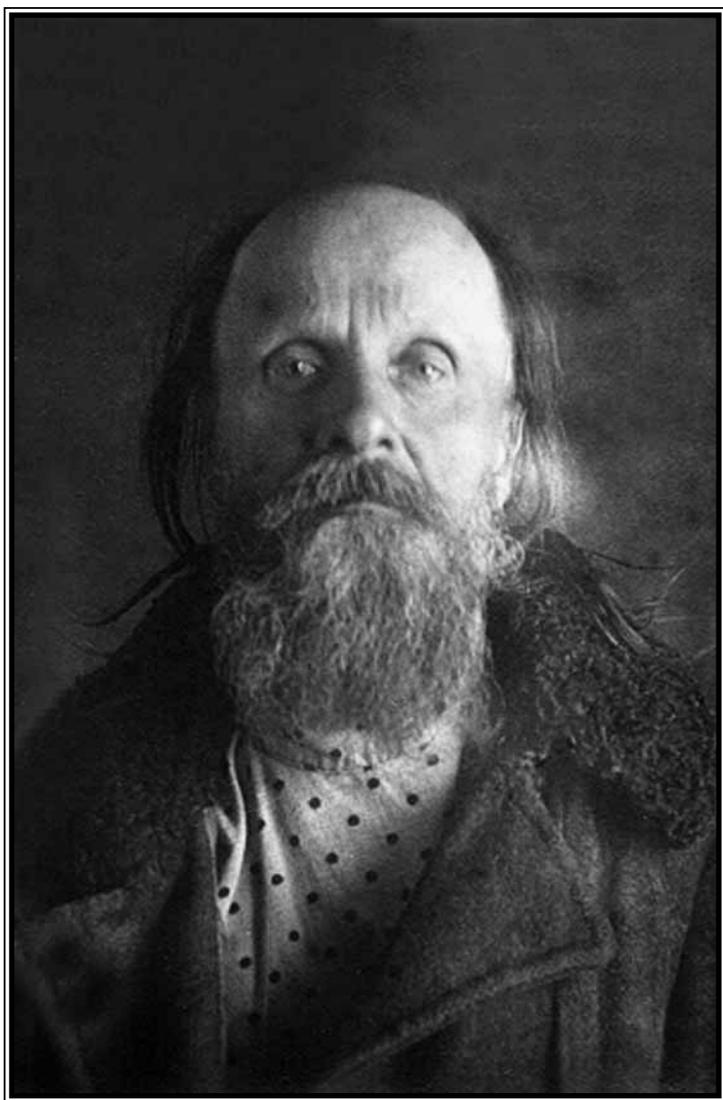
После закрытия монастыря иеромонах Николай служил в селе Дьяково и в селе Шуколово, с 1933 года – в селе Семеновском, с 1934 года – в селе Ивановском, с 1936 года – в Спасском храме села Ведерницы Дмитровского района. Возведен в сан игумена.

5 декабря 1937 года власти арестовали игумена Николая и заключили в Таганскую тюрьму в Москве. На допросе в день ареста следователь потребовал от священника:

– Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность. Дайте по данному вопросу показания.

– Контрреволюционной деятельности я не вел и виновным себя в этом не признаю, – ответил отец Николай.

Следователь спросил, с кем из священников и монахов обвиняемый поддерживал отношения. Отец Николай ответил, что

Игумен Николай (Салтыков)

Москва. Таганская тюрьма. 1937

поддерживал отношения со многими монахами, некоторые из которых находились в заключении, и он им помогал материально.

Через несколько дней следствие было закончено, и 9 декабря тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Игумен Николай (Салтыков) был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19616.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 438–439.

Ноября 27 (10 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Андреев)

Священномученик Николай родился 8 февраля 1869 года в семье священника Александра Андреева в городе Виндаве Курляндской губернии. Окончил начальную школу и учительскую семинарию. Был рукоположен в сан священника к одному из храмов города Риги. Во время Первой мировой войны он вместе с семьей был эвакуирован в Московскую губернию и назначен служить в Богоявленский собор в городе Богородске*, где служил до своего ареста в 1937 году. За ревностную и беспорочную службу он был возведен в сан протоиерея.

26 ноября 1937 года власти арестовали отца Николая, и он был заключен в тюрьму в городе Ногинске. На следующий день были допрошены лжесвидетели, один из которых сказал, что священник после богослужения говорил верующим: «Православные, нашу двадцатку арестовали коммунисты, и поэтому для укрепления веры прошу вас подойти к столу и подписать лист — не давайте советской власти закрывать наш собор».

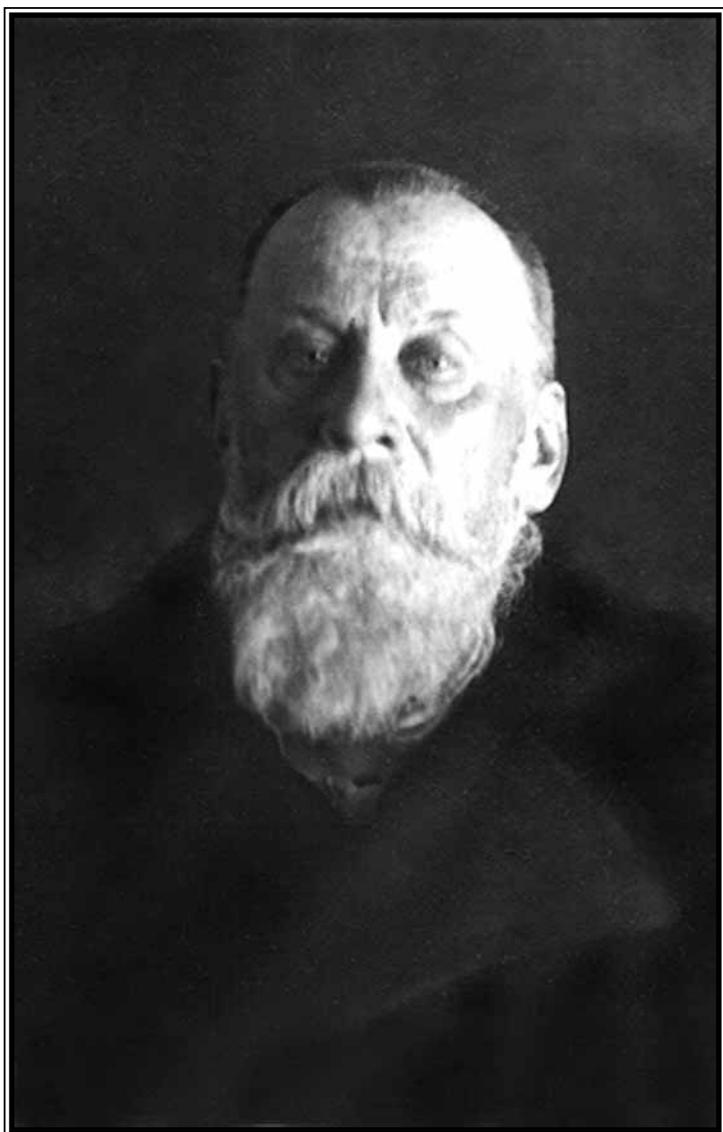
На следующий день был допрошен священник.

— Когда вы прибыли в Советский Союз? — спросил следователь.

— В Советский Союз я прибыл из Латвии в 1917 году во время эвакуации города Риги во время войны.

---

* Ныне город Ногинск.

Протоиерей Николай Андреев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

— Чем вы занимались, проживая в Латвии?
— Проживая в Латвии, я был священником.
— Следствием установлено, что вы в 1936 году в ногинском соборе после богослужения среди верующих читали контрреволюционные проповеди.

— Да, действительно, я читал верующим проповеди, но по книгам.

— Следствие располагает данными, что вы в сентябре 1937 года после ареста церковного совета среди верующих распространяли гнусную контрреволюционную клевету на советскую власть и коммунистов.

— После ареста церковного совета я среди верующих контрреволюционную клевету на советскую власть и коммунистов не высказывал.

— Признаете ли вы себя виновным в том, что среди верующих вели активную контрреволюционную деятельность?

— Виновным себя я не признаю, — ответил протоиерей Николай.

На этом допросы были закончены. 1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Николай Андреев был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 20810.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 440–441.

Ноября 27 (10 декабря)

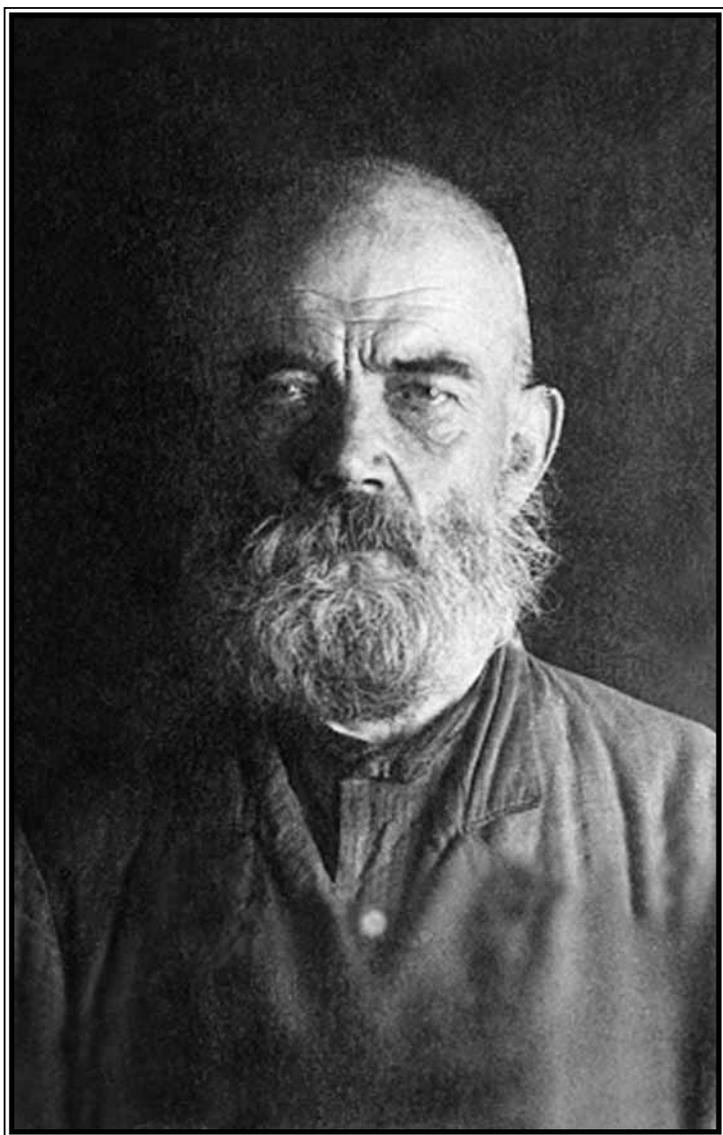
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Василий (Соколов)

Священномученик Василий родился в 1872 году в селе Любаново Московской губернии в семье псаломщика Михаила Соколова. В 1895 году Василий Михайлович окончил Вифанскую Духовную семинарию. Женился, но рано овдовел, у них с женой был один сын. В 1897 году Василий Михайлович был рукоположен во священника к церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в селе Афинеево Верейского уезда Московской губернии. В 1924 году отец Василий был возведен в сан протоиерея, в 1927-м — награжден крестом с украшениями, в 1931-м — палицей.

В начале 1932 года к районному уполномоченному ОГПУ поступил донос, что «в селе Афинеево священник Василий Михайлович Соколов ведет систематическую антисоветскую агитацию и антиколхозную деятельность. Методом борьбы с советской властью Соколов избрал организацию различных торжественных богослужений и юбилеев, на одном из которых Соколов поминал бывшего царя Николая».

9 апреля следователь допросил жителя села Афинеево, который сказал: «Соколов к советской власти настроен враждебно, неоднократно я замечал с его стороны агитацию против колхоза, например, в ноябре 1931 года у нас вышла вся соль и моя жена пошла к соседям занять соли, но у соседей также не оказалось соли или они просто не хотели почему-либо дать. Тогда моя жена зашла в дом священника Соколова, он дал моей жене соль и спро-

Протоиерей Василий Соколов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

сил: “Ну как, Варвара, как у вас в колхозе дела идут?” Жена ответила, что дела идут хорошо, все убрали. Тогда Соколов сказал: “Ну, подождите, увидите, как будет хорошо. Вот загонят всех в колхоз и потом с вами церемониться не будут, а будут гонять на работу палкой; сейчас они стесняются круто с вами поступать, потому что другие в колхоз не пойдут, а вот как взойдут все, то тогда увидите, как будет хорошо”.

В конце марта мне крестьянка села Афинеево Бобылева проговорила, что некоторые женщины ходили советоваться к батюшке Соколову о том, что вступать им в колхоз или нет, на что Соколов им ответил: “Какое мне дело, я вам советовать не могу, разве вы не видите, как живут в колхозе, сейчас вы как хотите, так и работаете, а в колхозе вас будут посылать насильно, болен ты или здоров, а иди работай; по-моему, в колхозе ничего хорошего нет”. Как я ни пытался узнать, кто ходил советоваться к Соколову, так и не узнал, так как Бобылева мне не сказала. По всему чувствуется, что Соколов на наши селения имеет большое влияние, к нему на дом ходят советоваться женщины не только нашего села, но и из соседней деревни Мартемьяново, отчего в нашем селе Афинеево единоличники плохо готовятся к весеннему севу».

На следующий день, 10 апреля 1932 года, отец Василий был арестован и заключен в тюрьму в городе Наро-Фоминске. 14 апреля следователь допросил его и, отвечая на вопросы, протоиерей Василий сказал: «Я против колхозного строительства агитации не вел. Бывали случаи, ко мне действительно обращались женщины за советом, вступать им или не вступать в колхоз, на что я им никогда никакого ответа не давал, а говорил, что это дело ваше. Что касается того, что на моем 35-летнем юбилее во время богослужения будто бы я поминал царя, то это неверно; неграмотная женщина не разобрала молитву, мы пели “Царю Небесный”, а она подумала, что мы пели про царя Николая. В отношении моих убеждений относительно советской власти я скажу прямо, что политика советской власти относительно религии мне не нравится, и я своего мнения в этом отношении не изменю».

8 мая 1932 года тройка ОГПУ приговорила священника к трем годам ссылки в Казахстан, все имущество его было конфисковано.

По возвращении в 1934 году из ссылки он стал служить в церкви апостола и евангелиста Иоанна Богослова в селе Каменки Волоколамского района; в 1937 году протоиерей Василий был награжден митрой.

Осенью 1937 года против священника было организовано новое «дело» на основании заявления руководства каменского колхоза, будто священник Василий Соколов занимался вместе с живущими в том же селе монахинями хищением травы с колхозных полей. Отец Василий не признал себя виновным в хищении колхозного имущества и сказал, что помогал хворой монахине косить траву и заготавливать сено, так как желал ей помочь из-за слабого ее здоровья. Суд приговорил священника к выплате пятисот рублей штрафа, но отец Василий уже не смог их заплатить, так как 27 ноября этого же года власти снова арестовали его. Незадолго до ареста, 19 ноября, он получил назначение на новое место служения — в храм Рождества Христова в селе Вешки Уваровского района, но воспользоваться им уже не успел.

Протоиерей Василий был обвинен в том, что «сгруппировал вокруг церкви церковный актив, регулярно проводил с ними беседы. После того, как сельсоветом организованы были десятидворки по изучению сталинской конституции и проведению разъяснительной работы по выборам в Верховный Совет, он к этим десятидворкам прикрепил активных церковников и дал им указание, чтобы они сообщали все церковному совету, что делается на десятидворках, чтобы обрабатывали колхозников в церковном духе и с десятидворок приглашали их в церковь, а самое главное, чтобы обрабатывали активистов-колхозников. Таким методом Соколов перетаскил на свою сторону ряд членов сельсовета и рядовых активных колхозников, вовлек их в церковный совет и церковными старостами, последние стали реже посещать собрание колхозников и хуже работать в колхозе».

На допросе следователь спросил священника:

— Следствием установлено, что вы проводили совместно с монашками и служителем культа Виноградовым контрреволюционную антисоветскую деятельность. Дайте показания по этому вопросу.

— Это я отрицаю. Контрреволюционной антисоветской деятельностью я не занимался. Виноградова я узнал, вернувшись из-под стражи, с 11 октября; с монахинями, которые стали петь в церковном хоре, познакомился только в 1936 году.

— Кто вам дал установку о перемене места службы и с какой целью?

— Установок о перемене места службы я ни от кого не получал.

— Вы показываете не правильно... Следствие располагает данными, что вы получили назначение на новое место служения в связи с контрреволюционными установками, имеющими цель скрыться от преследований за контрреволюционную антисоветскую деятельность. Дайте правильные показания.

— Категорически отрицаю; такой установки я от епископа Сергия не получал.

Вместе с отцом Василием был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности священник Николай Виноградов, который, находясь за штатом, иногда служил в каменной церкви. На допросе следователь спросил его:

— Когда вы были у епископа Сергия и какие получали от него установки?

— Последний раз я был у епископа Дмитровского Сергия в апреле 1937 года, просил работу, он мне установки никакой не давал и в службе отказал как пьянице; другим, более заслуженным попам давал и в последнее время говорил им: «НКВД начал производить массовые аресты священников, меняйте свои приходы, скрывайтесь от арестов». И давал им путевки для службы в церквях в других районах, в том числе дал путевку священнику Соколову на службу в Уваровском районе, в селе Вешки. Вообще епископ Сергий... дает контрреволюционные установки попам.

— Что вы можете сказать о контрреволюционной деятельности попа Соколова?

— Поп Соколов вместе с церковной старостой укрыли от финотдела серебряные церковные вещи: чашу серебряную позолоченную, дискос, звездицу, лжицу, три лампы, одно кадило, два серебряных позолоченных креста, дарохранительницу и другие вещи. Соколов с монахинями договорились красть сено в колхозе, что и делали. После попа поймали и судили. У Соколова на квартире часто собирались монахини и весь церковный актив, где они обсуждали свою антисоветскую работу. После этого Соколов вместе с монахинями ходили по домам и агитировали против власти, а в последнее время против предвыборной кампании. Меня они недолюбливали и сторонились. Меня называли красным попом.

— Что вы еще хотите сказать о епископе Сергии и протоиерее Василии Соколове?

— Оба они являются контрреволюционерами, советскую власть ненавидят.

5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила протоиерея Василия Соколова к расстрелу, а священника Николая Виноградова — к десяти годам заключения.

Протоиерей Василий Соколов был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-36595, л. 20865.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 442—446.

Ноября 27 (10 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Борис (Ивановский)

Священномученик Борис родился в 1897 году в городе Москве в семье почтового служащего Павла Ивановского. Окончил реальное училище и Духовную семинарию — в то время, когда в России совершился государственный переворот и к власти пришли безбожники. До 1923 года Борис Павлович работал редактором в Российском Телеграфном агентстве РОСТА. В 1923 году он был рукоположен в сан священника и служил в храмах Павлово-Посадского района.

В 1930 году на стенах Покровско-Васильевского монастыря в Павловом Посаде появились листовки, которые властями были расценены как контрреволюционные. По подозрению в расклеивании листовок власти арестовали отца Бориса, но, продержав его две недели под стражей, освободили.

В конце 1930 года отец Борис был направлен служить в Москву в храм Живоначальной Троицы в Листах на улице Сретенке. В тридцатых годах храм был закрыт и отец Борис был переведен в храм святителя Григория Неокесарийского на Большой Полянке. За беспорочную службу он был возведен в сан протоиерея. Жил он в селе Леоново на окраине города. Здесь же жили священник, служивший в Ризоположенской церкви села Леоново, — Павел Филицин, и священник Александр Кедров, служивший в храме на Пятницком кладбище в Москве, принадлежавшем тогда обновленцам. 15 ноября 1937 года все они были арестованы и заключены в Таганскую тюрьму.

Вызванный на допрос священник Александр Кедров показал: «Я служу священником с 1919 года; ранее был тихоновской ори-

Протоиерей Борис Ивановский

Москва. Таганская тюрьма. 1937

ентации, а сейчас, с 1935 года, стал постепенно отходить от тихоновцев, но Филицин и Ивановский являются убежденными тихоновцами и проявляют большую злобу к советской власти. Борис Ивановский заявлял мне: “Наступит наше время, когда мы всех коммунистов в порошок сотрем с лица земли”. Я такие убеждения осуждал и не поддерживал».

Протоиерей Борис на допросе сказал:

– Церковь, где я служу, принадлежит тихоновскому направлению. Сам я по убеждению тоже тихоновец, ни к каким другим церковным течениям не принадлежу.

– Кого вы знаете из служителей религиозного культа в Леонове? – спросил следователь.

– В Леонове я знаю живших там священников Кедрова и Павла Филицина.

– Где вы собирались с названными вами священниками?

– Вместе с названными лицами я нигде не собирался, за исключением случайных встреч мимоходом.

– Вы даете неправильные показания, так как известно, что вы, собираясь совместно, проводили контрреволюционную агитацию.

– Нет, я этого не подтверждаю и отрицаю. Никакой антисоветской агитации я не вел, за исключением того, что я, священник, обязан заинтересовать граждан, чтобы они верили в Бога.

На этом допросы были закончены. 5 декабря тройка НКВД приговорила протоиерея Бориса к расстрелу. Другие обвиняемые были приговорены к различным срокам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Протоиерей Борис Ивановский был расстрелян 10 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-30358.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 447–449.

Ноября 27 (10 декабря)

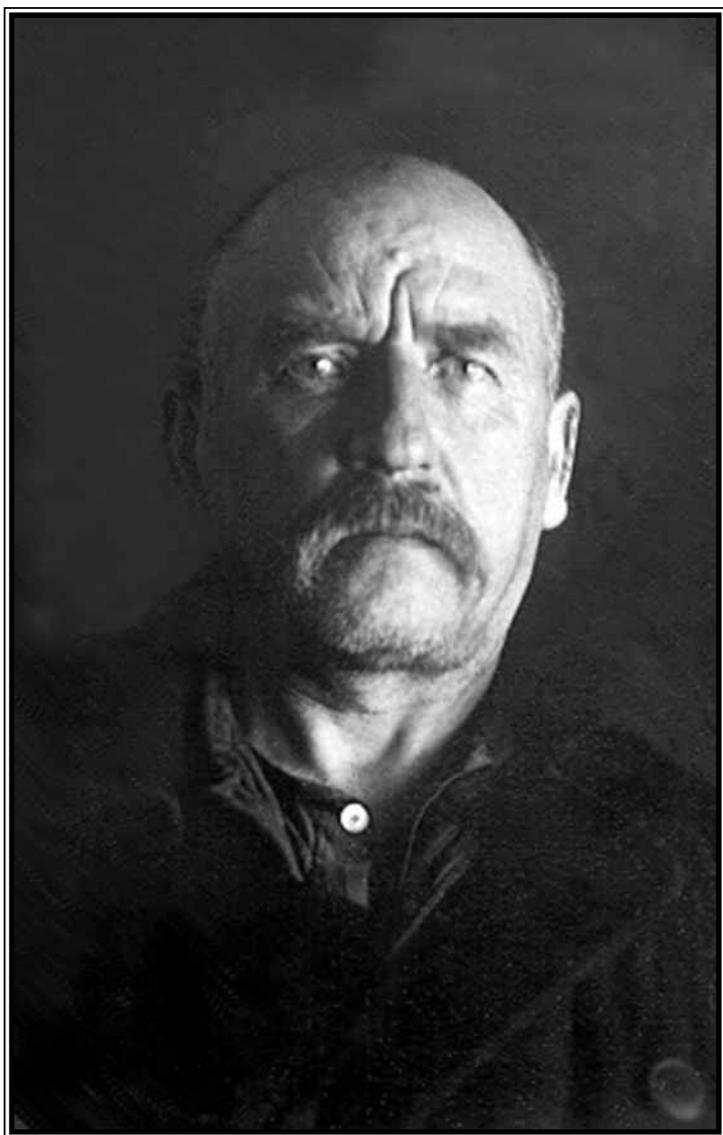
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Алексий (Сперанский)

Священномученик Алексей родился 16 марта 1881 года в селе Минеево Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника Александра Сперанского. По окончании в 1899 году Вифанской Духовной семинарии он стал учителем церковноприходской школы. В 1902 году Алексей Александрович был определен псаломщиком в Борисоглебский храм в селе Зюзино Московского уезда, а в 1909 году переведен в Богородице-Рождественский храм при ремесленной богадельне в городе Москве.

В 1917 году Алексей Александрович был рукоположен в сан священника к Успенскому храму села Богослово Богородского уезда Московской губернии, где служил в то время его престарелый отец, и назначен на должность законоучителя в Бульковскую земскую школу. В 1920 году отец Алексей был награжден набедренником, в 1923 году епископ Богородский, викарий Московской епархии Платон (Руднев) наградил его скуфьею. В селе Богослово отец Алексей прослужил всю свою жизнь.

Власти преследовали священника и начиная с 1929 года стали его штрафовать. В середине тридцатых годов отец Алексей, не оставляя службу в храме, устроился работать в колхоз кузнецом. Когда приходили в кузницу с просьбами покрестить, повенчать или отпеть, он снимал фартук и шел совершать требы. Но по субботам и воскресеньям он неопустительно совершал службы в церкви и во время богослужений всегда говорил проповеди.

Священник Алексей Сперанский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

25 ноября 1937 года власти распорядились арестовать священника. Формальным основанием для ареста послужили пересказанные кем-то его слова: «Православные, надо укреплять веру в Бога, самим чаще посещать храм Божий и других, поддавшихся дурному влиянию, привлекать к церкви». Отец Алексей был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и заключен в Ногинскую тюрьму. Виновным себя священник не признал.

1 декабря тройка НКВД приговорила отца Алексея к расстрелу. Священник Алексей Сперанский был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19511.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 450–451.

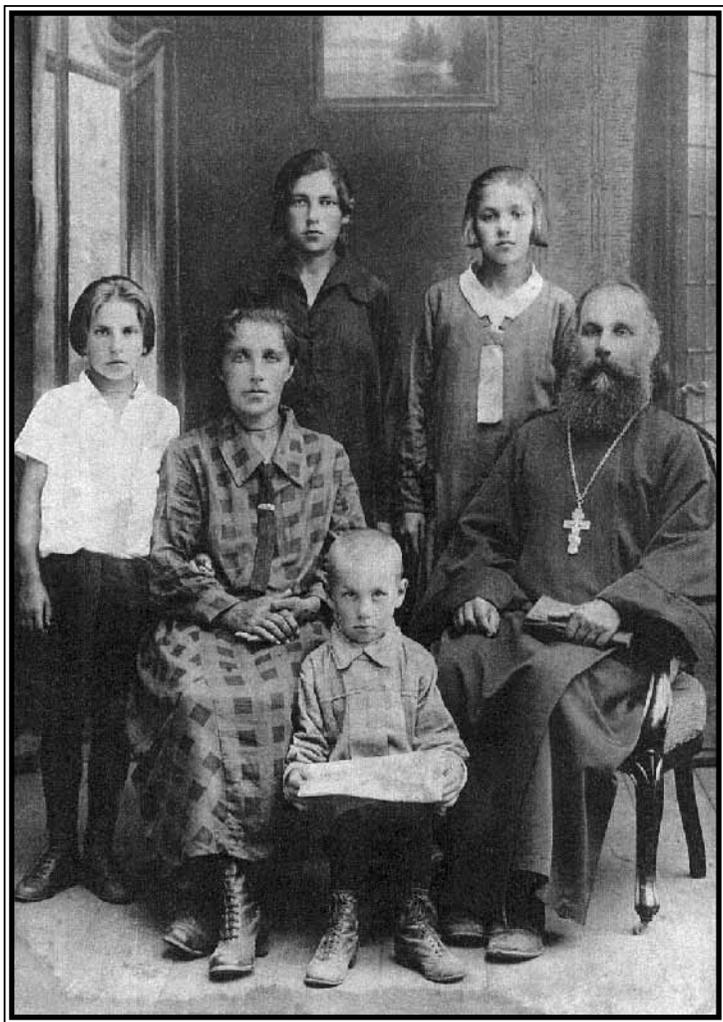
Ноября 27 (10 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

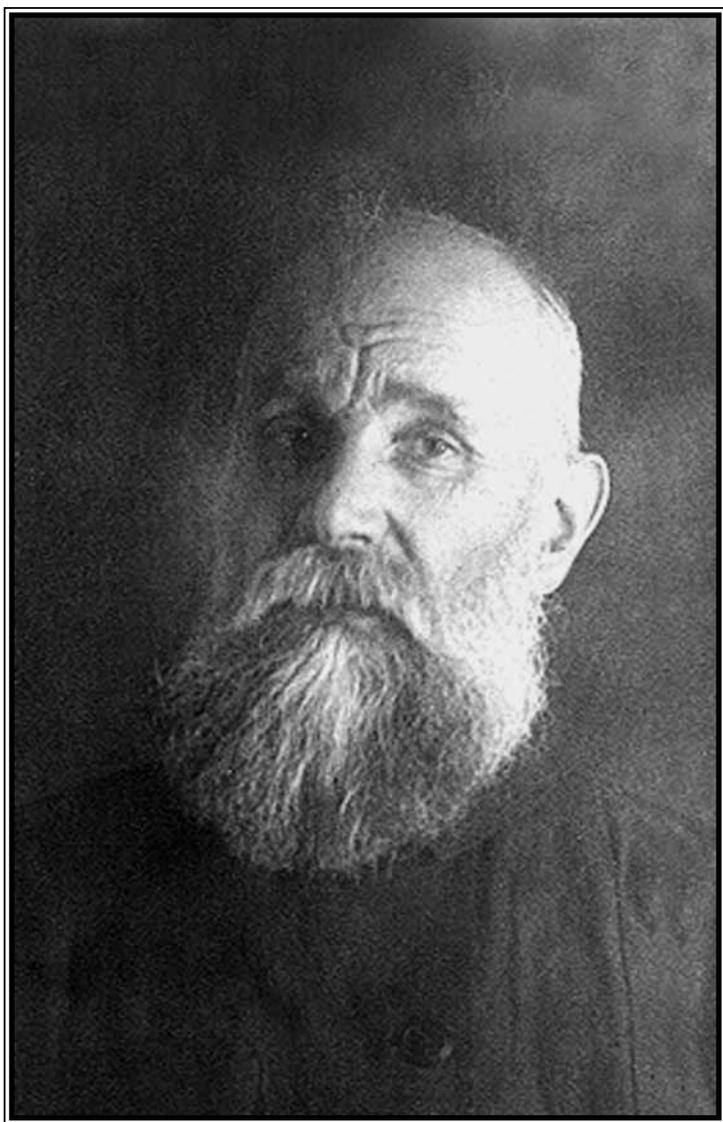
Феодор (Дорофеев)

Священномученик Феодор родился 7 июня 1885 года в деревне Козлаково Андреевской волости Владимирской губернии в семье крестьянина Евфимия Дорофеева. Окончил Владимирскую Духовную семинарию. В 1906 году женился на Александре Нарбековой, родители которой были крестьянами того же села. Был рукоположен в сан диакона и служил в храме села Выпуклово Александровского уезда Владимирской губернии. По рукоположении в сан священника служил в Сретенском храме в селе Константиново Московской губернии.

Во время гонений, в 1931 году, храм в селе был закрыт, и священник вместе с прихожанами принялись усиленно хлопотать о его открытии. В это время отец Феодор служил в домах своих прихожан. В декабре 1932 года священник и наиболее активные из членов двадчатки были арестованы по обвинению в создании антисоветской контрреволюционной группировки церковников, которая будто бы ставила своей целью срыв мероприятий советской власти и развал колхозов; они будто бы собирали нелегальные собрания крестьян, на которых читали и разъясняли в антисоветском духе религиозную и антисемитскую литературу, возбуждая таким образом суеверия в отсталых группах населения. Кроме этого, отец Феодор был обвинен в том, что во время богослужений призывал верующих оказать помощь храму.

*Священник Георгий Дорофеев,
его супруга Александра Михайловна, их дочери
(стоят, слева направо): Катиолена, Зинаида, Валентина,
впереди - сын Николай. 1927 год*

Священник Георгий Дорофеев

Москва. Таганская тюрьма. 1937

Священник в предъявленных ему обвинениях виновным себя не признал. 21 января 1933 года тройка ОГПУ приговорила его к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Вернувшись из заключения, отец Феодор стал служить в храме преподобного Сергия Радонежского в селе Зятьково Талдомского района Московской области, который был выстроен в память победы русских войск в Отечественной войне 1812 года.

Осенью 1937 года были допрошены лжесвидетели, которые показали, что отец Феодор сетовал, что прихожане мало стали заказывать молебнов и панихид, что священники в последнее время оказываются без средств к существованию, и убеждал верующих оказать помощь и призвать к тому же других. 31 октября 1937 года отец Феодор был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

На допросе следователь спросил священника:

– Гражданин Дорофеев, следствием установлено, что вы, будучи священником, вели антисоветскую деятельность против существующего строя в Советском Союзе. Вы признаете себя виновным в этом?

– Виновным себя в этом не признаю, – ответил отец Феодор.

– Следствием установлено, что вы в качестве священника в апреле 1937 года вели среди детей антисоветскую пропаганду на срыв подготовки к 1 мая, призывали народ к посещению церкви.

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Феодора к расстрелу. Священник Феодор Дорофеев был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-74526, д. П-63885.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 452–459.

Ноября 28 (11 декабря)

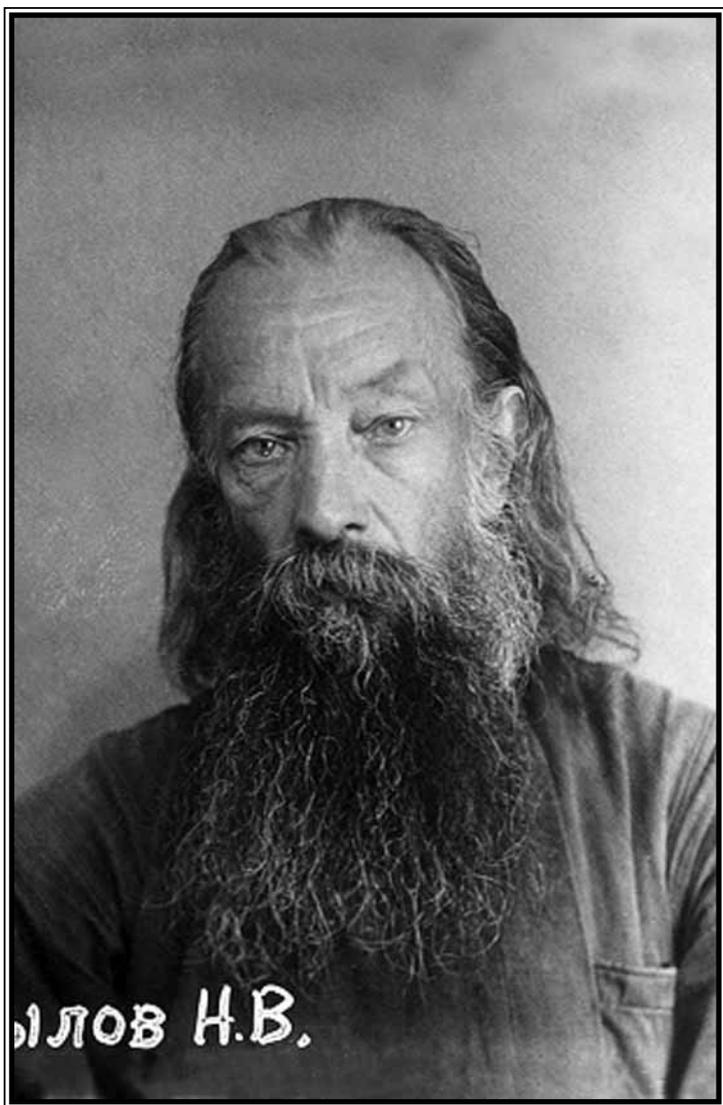
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Крылов)

Священномученик Николай родился 26 апреля 1875 года в селе Петровском Верейского уезда Московской губернии в семье псаломщика Василия Федоровича Крылова. Николай окончил 3 класса Звенигородского Духовного училища и был призван на военную службу, которую проходил в качестве писаря.

26 марта 1896 года епископ Можайский Тихон (Никаноров) определил Николая Васильевича на должность письмоводителя Московского епархиального училищного совета Кирилло-Мефодиевского братства, поскольку, вернувшись с военной службы, тот пожелал служить в духовном ведомстве. Одновременно, с 1 сентября 1898 года и по 10 июня 1900 года, Николай Васильевич работал учителем-воспитателем при Василие-Кесарийской церковноприходской школе и в приюте приходского попечительства той же церкви в Москве.

30 мая 1900 года Николай Васильевич был назначен псаломщиком к Казанской церкви села Подлипичье Дмитровского уезда Московской губернии. С сентября того же года Николай Васильевич стал руководить общим церковным пением во время богослужений и вести внебогослужебные собеседования с народом. 24 января 1909 года он был рукоположен во диакона к Спасской церкви Спасо-Влахернского монастыря. В 1911 году он стал слушателем Московских епархиальных миссионерских курсов. С 1912 года диакон Николай начал руководить общеприходским пением, введенным по его предложению в обители. Во время

Протоиерей Николай Крылов

Москва. Бутырская тюрьма. 1936

Первой мировой войны диакон Николай нес послушание духовного попечения о раненых, размещенных в монастырском лазарете и лазарете духовенства, и регулярно проводил с ними религиозно-просветительские чтения и собеседования. С 23 декабря 1915 года диакон Николай стал законоучителем в Ново-Спасском Деденевском начальном училище. 16 мая 1917 года на общем благочинническом собрании он был избран членом благочиннического совета и депутатом от благочиния на Московский епархиальный съезд духовенства и мирян.

21 сентября 1921 года епископ Дмитровский Серафим (Звездинский) возвел диакона Николая в сан протодиакона. В 1925 году епископ Серафим рукоположил его во священника к Спасской церкви Спасо-Влахернского монастыря и назначил настоятелем храма и духовником сестер обители. В 1928 году монастырь был закрыт, власти приняли решение закрыть Дмитровскую кладбищенскую церковь и приспособить ее под электростанцию, а также использовать колокольню Спасской церкви под водонапорную башню. Прихожане и сестры обители составили прошение с просьбой не делать этого. Это прошение властям в Москве отвез отец Николай. Однако те отказались удовлетворить просьбу верующих.

В начале 1930-х годов отец Николай был возведен в сан протоиерея.

Протоиерей Николай продолжал служить в Спасской церкви, многие монахини после закрытия обители поселились в близлежащих деревнях и ходили на службы в Спасскую церковь, и отец Николай по-прежнему оставался их духовником. В Спасской церкви были частицы мощей многих святых, и отец Николай обыкновенно служил службы в дни их памяти. Верующие знали это и просили сугубо помолиться о них у этих святынь, что потом было поставлено священнику в вину.

В 1935 году власти закрыли Спасскую церковь, и отец Николай перешел служить в храм в село Батраково.

13 августа 1936 года протоиерей Николай был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Его обвинили в том, что он «по сво-

им убеждениям является ярым монархистом и последователем “ИПЦ”... на протяжении ряда лет вокруг себя сгруппировал наиболее реакционную часть верующих, монашество бывшего Влахернского монастыря, среди которых проводил систематическую антисоветскую агитацию, распространял провокационные слухи о якобы имеющихся в СССР гонениях на религию, склонял своих почитателей к принятию тайного монашества... среди своих почитателей проводил большие денежные сборы для оказания материальной помощи высланному за контрреволюционные действия монашеству и духовенству».

— Кто к вам обращался за помощью и врачеванием? — спросил его следователь.

— Врачеванием я не занимался, но не отрицаю, что по просьбе своих почитателей я пересылал святую богоявленную воду и артос, — ответил отец Николай.

— Кому и через кого вы пересылали святую воду и артос?

— Фамилии и имена я не знаю. Ко мне приезжали в большинстве своем женщины, которые обращались ко мне с просьбой дать им для группы верующих святой воды и артоса. Я, как священник, не мог в просьбе отказать верующим и давал просимое ими.

— В числе изъятой у вас переписки имеются письма с благодарностью за полученные у вас исцеления. Что за исцеления получали ваши почитатели при вашей помощи?

— Получаемые мной благодарности приносились мне за то, что я по их просьбе совершал молитвы перед имеющимися во Влахернском монастыре частицами мощей, которых насчитывалось здесь более ста. Эти частицы, по убеждениям верующих и моим убеждениям, обладают целебными свойствами. В дни праздника памяти этих святых верующие совершают к ним паломничества.

Следователь спросил, признает ли себя священник виновным в контрреволюционной деятельности, на что отец Николай ответил, что не признает и с обвинениями, выдвинутыми против него, не согласен.

2 декабря 1936 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило отца Николая к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен в Карлаг.

В 1942 году супруга отца Николая получила из лагеря открытку, написанную мужем, где поверх его текста было надписано: «Ваш батюшка, отец протоиерей Николай, мирно опочил в ночь с 11 на 12 декабря». Накануне он был обобран уголовниками и замерз.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-33328.
ЦИАМ. Ф. 821, оп. 2, д. 87; Ф. 2303, оп. 1, д. 15.
ЦГАМО. Ф. 66, оп. 2, д. 8056.

Ноября 28 (11 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Алексий (Веселовский)

Священномученик Алексей родился 15 февраля в 1873 года в селе Губино Можайского уезда Московской губернии в семье псаломщика Александра Веселовского. В 1887 году окончил Перервинское Духовное училище, в 1894 – Вифанскую Духовную семинарию и работал учителем народной школы. В 1908 году Алексей Александрович был рукоположен во священника к Введенскому храму в селе Клеменьево Рузского уезда Московской губернии, где прослужил до 1910 года. Затем в течение 26 лет, с 1911 по 1937 год, отец Алексей служил в храме Рождества Богородицы в селе Старая Руза Рузского района Московской области.

Твердая вера и ревность отца Алексия вызывали преследования со стороны властей. В двадцатые годы священника лишили избирательных прав, его хозяйство было реквизировано, а в 1930 году отец Алексей был арестован и выслан из Рузского района. Через два года он вернулся в Старую Рузу и продолжил пастырское служение на прежнем месте.

К моменту ареста священник остался один – его жена умерла, а трое детей выросли и жили отдельно, и отец Алексей полностью посвятил себя служению Церкви. Несмотря на угрозу новых репрессий и слабеющее здоровье, он продолжал проповедь Христа.

Арестовали отца Алексия 29 ноября 1937 года по обвинению в проведении активной контрреволюционной агитации и заключили под стражу в Бутырскую тюрьму города Москвы. Во время

допроса следователя интересовали связи отца Алексея, но он никого не назвал. Также не признал он и обвинение в контрреволюционной деятельности.

Решением судебной тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области от 5 декабря 1937 года отец Алексей Веселовский был приговорен к расстрелу. Казнь священника состоялась 11 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой, где он и был погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19574.
ЦГАМО. Ф. 66, оп. 25, д. 125, д. 187.

Ноября 28 (11 декабря)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Петр (Ворона)

Священномученик Петр родился 30 июня 1884 года в селе Бакуры Волковысского уезда Гродненской губернии, на территории Царства Польского, входившего в состав Российской Империи. Отец его, Иосиф Ворона, был крестьянином.

После окончания в 1901 году церковноприходского училища отрок Петр покинул родительский дом и перебрался в Москву, где зарабатывал пением в церковном хоре. С 1905 по 1908 год он был помощником регента Саввинского архиерейского хора.

Окончив в 1908 году обучение в Московском музыкально-хоровом обществе, Петр Иосифович до 1910 года был регентом в Преображенском храме в селе Слепушкино Верейского уезда Московской губернии, а затем — в храме Рождества Пресвятой Богородицы в селе Шестаково Клинского уезда.

6 апреля 1912 года после сдачи экзамена Московской епархиальной комиссии Петр Иосифович был назначен псаломщиком в Николаевскую церковь в селе Кувекино Подольского уезда. 12 сентября того же года викарий Московской епархии епископ Можайский Василий (Преображенский) посвятил его в стихарь.

19 декабря 1915 года епископ Можайский Димитрий (Добросердов) определил Петра Иосифовича псаломщиком в Успенский храм в селе Александрово Подольского уезда; здесь он стал регентом церковноприходского хора и учителем пения при Алек-

сандровской церковноприходской школе. В 1916 году его назначили учителем пения при Шаповской земледельческой школе.

С 1918 по 1922 год псаломщик Петр Ворона был членом благочиннического совета, в который был избран на съезде духовенства и мирян Подольского округа.

На собрании прихожан и церковного совета Подольского Троицкого кафедрального собора Петр Ворона 14 июня 1926 года был избран во псаломщика и утвержден епископом в этой должности.

28 января 1928 года по ходатайству настоятеля Троицкого собора и церковноприходского совета епископ Подольский Иннокентий (Летяев) рукоположил Петра Иосифовича во диакона, а 13 сентября 1931 года – во священника к Покровской церкви в селе Покрова-Разницы; в мае 1932 года он определил его к Николаевской церкви в селе Домодедово Подольского уезда.

20 июня 1933 года, согласно ходатайству церковноприходского совета и по согласию соборного причта, управляющий Московской епархией архиепископ Дмитровский Питирим (Крылов) определил отца Петра обратно в Троицкий собор для исполнения должности псаломщика и регента соборного хора.

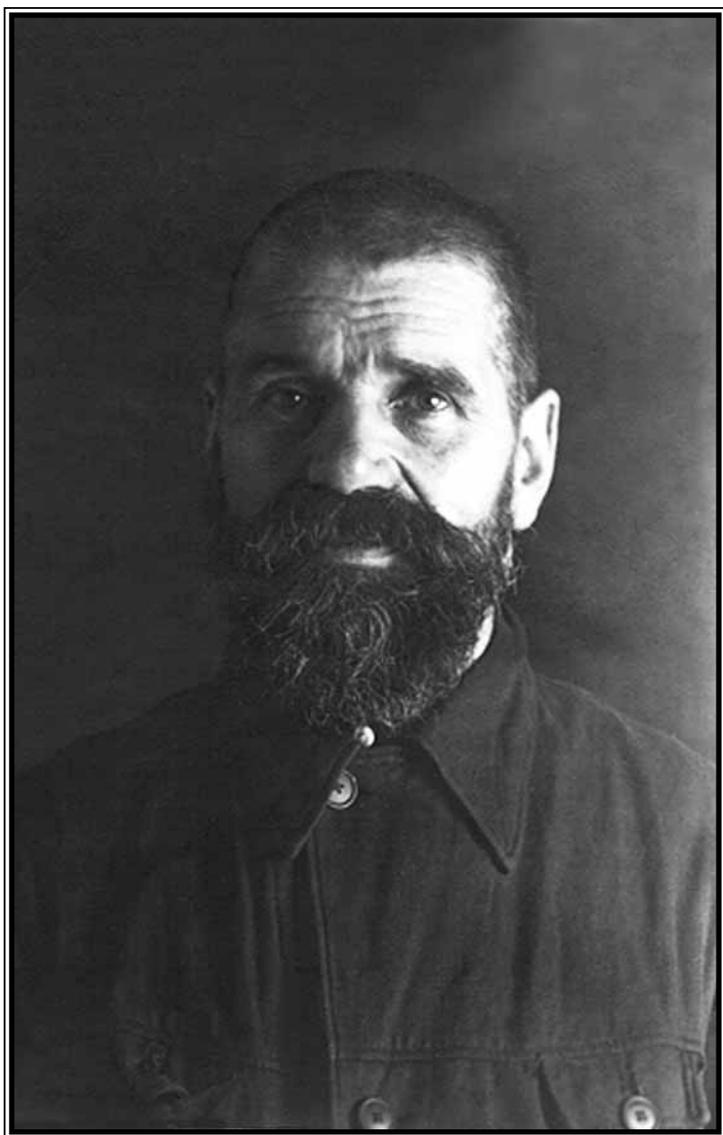
Ко дню Святой Пасхи 1934 года архиепископ Питирим наградил отца Петра набедренником «за трезвое и усердное служение Церкви Божией в качестве священника и регента Троицкого собора».

В 1937 году началось самое беспощадное гонение на Русскую Православную Церковь. Повсеместно шли аресты духовенства и мирян.

27 ноября 1937 года отец Петр был арестован и заключен под стражу в Серпуховскую тюрьму.

– Признаете ли вы себя виновным в том, что среди граждан города Подольска проводили антисоветскую агитацию? – спросил следователь.

– К советской власти я в 1931 году был настроен враждебно, потому что она меня обкладывала непосильными налогами... последнее время антисоветских действий не проявляю.

Священник Петр Ворона

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

Следователем были вызваны на допрос несколько лжесвидетелей, которые подписали необходимые следствию показания, в том числе певчий Троицкого собора, которого вызывали обычно для дачи показаний о священниках Подольского района.

Считая обвинение священника в антисоветской деятельности доказанным, следователь передал дело на рассмотрение тройки НКВД, которая 5 декабря 1937 года приговорила отца Петра к расстрелу.

Священник Петр Ворона был расстрелян 11 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19546.
ЦИАМ. Ф. 1371, оп. 1, д. 39.
АМП. Послужной список.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 года

прославлены в лике новомучеников и исповедников Российских XX века:

Священномученик Александр (Смирнов)	Преподобномученик Иларион (Писарец)
Священномученик Феодор (Ремезов)	Священномученик Александр (Сахаров)
Священномученик Сергей (Кедров)	Священномученик Алексей (Никатов)
Священномученик Владимир (Писарев)	Священномученик Владимир (Медведюк)
Священномученик Александр (Парусников)	Преподобномученица Татиана (Фомичева)
Священномученик Василий (Архангельский)	Преподобномученик Герасим (Мочалов)
Священномученик Василий (Покровский)	Священномученик Иаков (Соколов)
Священномученик Петр (Орлинков)	Священномученик Феодор (Гусев)
Священномученик Иоанн (Кесарийский)	Священномученик Ярослав (Савицкий)
Священномученик Петр (Косминков)	Священномученик Косма (Коротких)
Священномученик Симеон (Кречков)	Священномученик Георгий (Колоколов)
Священномученик Николай (Пятницкий)	Священномученик Назарий (Грибков)
Священномученик Никита (Делекторский)	Мученик Петр (Царапкин)
Преподобномученик Варлаам (Никольский)	Священномученик Иоанн (Виноградов)
Священномученик Константин (Успенский)	Священномученик Николай (Добронравов)
Священномученик Василий (Лихарев)	Преподобномученик Кронид (Любимов)
Священномученик Сергей (Знаменский)	Преподобномученик Иоасаф (Боев)
Священномученик Николай (Виноградов)	Преподобномученик Николай (Салтыков)
Священномученик Дмитрий (Лебедев)	Священномученик Николай (Андреев)
Мученик Гавриил (Безфамильный)	Священномученик Василий (Соколов)
Священномученик Александр (Быков)	Священномученик Борис (Ивановский)
Мученица Анна (Зерцалова)	Священномученик Алексей (Сперанский)
Преподобномученик Иоасаф (Крымзин)	Священномученик Феодор (Дорофеев)
Преподобномученик Петр (Мамонтов)	Священномученик Алексей (Веселовский)
Священномученик Сергей (Махаев)	Священномученик Петр (Ворона)

В Собор новомучеников и исповедников Российских XX века
в послесоборное время были включены

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 22 февраля 2000 года:*

Священномученик Александр (Вершинский)
Мученик Павел (Кузовков)
Священномученик Григорий (Воинов)

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 27 декабря 2000 года:*

Священномученик Димитрий (Русинов)
Священномученик Константин (Немешаев)
Священномученик Владимир (Красновский)
Преподобномученик Аристарх (Заглодин-Кокорев)
Преподобноисповедница Параскева (Матиешина)
Священномученик Иоанн (Тарасов)
Священномученик Василий (Парийский)
Священномученик Николай (Крылов)

*Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 17 июля 2001 года:*

Священномученик Викентий (Смирнов)
Священномученик Арсений (Троицкий)
Мученик Борис (Успенский)
Мученик Николай (Копнинский)

ЖИТИЯ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Ноябрь

Издательство «Булат»
при участии регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

Редактор – Новикова Г. В.
Художник – Новиков Н. М.

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II**

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ
И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА

МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Декабрь

Под общей редакцией
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых
Митрополита Крутицкого и Коломенского
Ювеналия

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БУЛАТ

ТВЕРЬ 2004

Издание подготовлено под руководством и общей редакцией
Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия,
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых

Над сбором и изучением архивных материалов работали:

игумен Дамаскин (Орловский),
клирик города Москвы, член Синодальной Комиссии по канонизации святых,
Председатель регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»;

священник Максим Максимов,
клирик Московской епархии, секретарь Синодальной Комиссии по канонизации святых,
секретарь Московской епархиальной Комиссии по канонизации святых;

священник Олег Митров,
клирик Московской епархии, член Московской епархиальной Комиссии
по канонизации святых;

Романова Светлана Николаевна, кандидат исторических наук;

Иноземцева Зинаида Петровна, кандидат исторических наук;

Злых Наталья Владимировна;

Гринь Галина Николаевна;

Канурская Ирина Николаевна;

Зверев Геннадий Владимирович

Особая благодарность
руководителю Федеральной Архивной службы России, члену-корреспонденту
Академии Наук Российской Федерации, доктору исторических наук

Козлову Владимиру Петровичу,
сотрудникам Росархива, дирекции и сотрудникам Государственного архива Российской
Федерации (ГАРФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА),
Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ)

Издание осуществлено
благодаря финансовой поддержке регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

ББК 86
Ж74

Редактор – *Новикова Галина Васильевна*
Художник – *Новиков Николай Михайлович*

ISBN

© Региональный общественный Фонд «Память мучеников
и исповедников Русской Православной Церкви». 2004
© Текст – составители житий. 2004
© Макет и оформление – Новиков Н. М. 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Декабря 2 (15)

Преподобномученик Данакт (Калашников) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	8
Священномученик Николай (Виноградский) <i>Составитель священник Олег Митров</i>	17
Священномученик Иоанн (Державин) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	20
Священномученик Константин (Некрасов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	25
Священномученик Владимир (Проферансов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	35
Священномученик Сергей (Фелицын) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	43

Декабря 7 (20)

Священномученик Сергей (Голошапов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	46
---	----

Декабря 7 (20)

Священномученик Михаил (Успенский) <i>Составитель Романова С. Н.</i>	63
--	----

Декабря 9 (22)

Священномученики Василий (Ягодин) и Александр (Буравцев) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	65
---	----

Декабря 15 (28)

Священномученик Иларион (Троицкий) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	69
---	----

Декабря 24 (6 января)

Священномученик Сергей (Мечев) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	156
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ.....	175
-----------------	-----

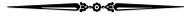
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМП – Архив Московской Патриархии
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГАПО – Государственный архив Пензенской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Самарской области
ГАТО – Государственный архив Тамбовской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ЖМП – Журнал Московской Патриархии
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСТБИ – Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТСЛ – Троице-Сергиева Лавра
ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ
ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы

ЖИТИЯ

Декабрь

Декабря 2 (15)

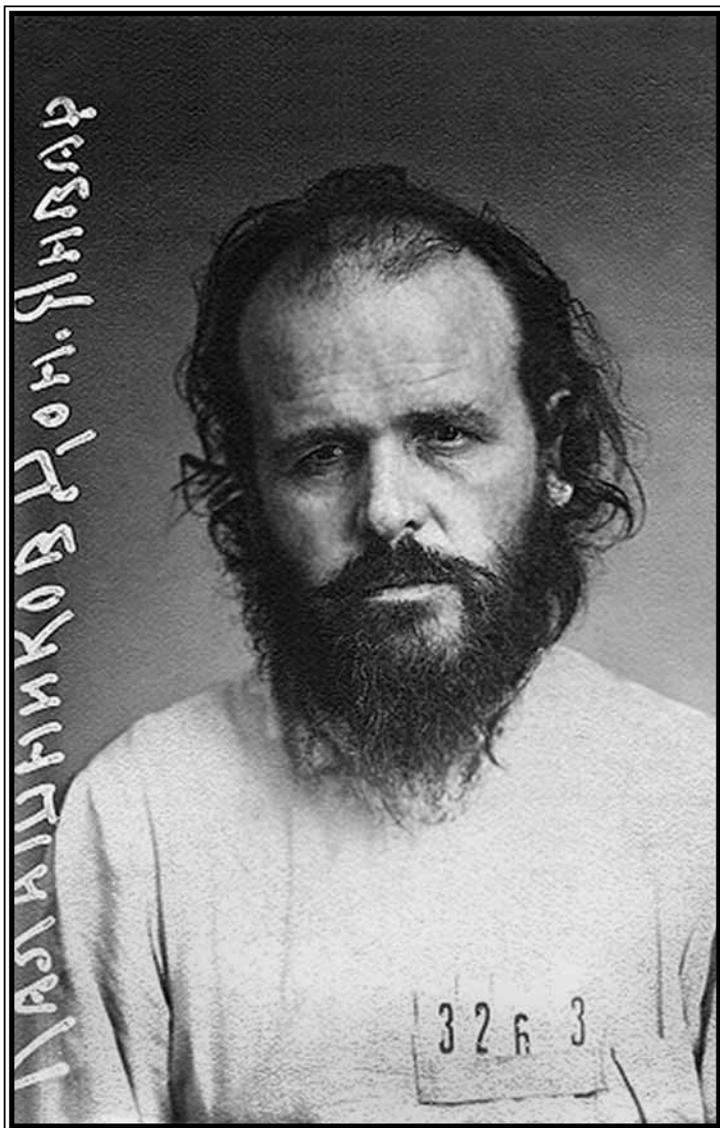
ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Данакт (Калашников)

*П*реподобномученик Данакт (в миру Дометиан Ианнуариевич Калашников) родился в 1881 году в селе Самородок Киевской губернии в крестьянской семье. Обучался сначала дома, а затем в церковноприходской школе. Когда юноше исполнился двадцать один год, он поступил в число братии Афонского монастыря, где пребывал на различных послушаниях. Был пострижен в мантию с именем Данакт. С 1914 года он находился на различных послушаниях на Афонском подворье в Москве, числясь в составе братии Афонского монастыря.

В 1923 году монах Данакт стал подвизаться в Покровском монастыре в Москве. В 1929 году он был рукоположен в сан иеродиакона.

В начале 1929 года началось разграбление кладбища Покровского монастыря. Мародеры расхищали надгробные памятники, разбирали и увозили металлические ограды. Иеродиакон Данакт пытался остановить расхитителей, но это не привело ни к какому результату — расхищение памятников продолжалось по-прежнему. Окна кельи, где жил отец Данакт, выходили на кладбище, и, увидев расхитителей, иеродиакон неоднократно обращал внимание сторожа на происходящий грабеж. Но это лишь озлобляло воров, которые стали думать, как избавиться от монаха.

Церодиакон Ванакт (Калашиков)

Москва. Тюрьма ОГПУ. 1929

14 августа отец Данакт, выйдя после службы из храма, встретил знакомого прихожанина, который сообщил, что хочет продать свой дом для уплаты налога. Отец Данакт сказал, что, конечно, надо продавать и уплатить налог. Сразу после того, как он распроштался с прихожанином, к нему подошел некий человек и поинтересовался, о чем они разговаривали. Иеродиакон ответил. Выслушав, тот возразил, что слышал весь разговор, который был направлен против советской власти. Отец Данакт отверг эти домыслы. Тогда неизвестный потребовал, чтобы иеродиакон следовал за ним в отделение милиции. За всем происходящим наблюдали трое молодых людей, и задержавший отца Данакта человек, бывший одним из компании тех, кто занимался разграблением кладбища, пригрозил, что если иеродиакон откажется, что разговор был антисоветским, то он призовет трех свидетелей.

Иеродиакон отправился с незнакомцем в отделение милиции, и здесь тот дал такие показания: «Сегодня около восьми часов вечера я находился на Семеновском кладбище. На кладбище я увидел неизвестного гражданина, который сидел на лавочке со священником, и последний ему что-то говорил. Я подошел к нему и услышал, что священник давал гражданину советы, то есть учил его, как жить; говорил ему, чтобы он не платил налоги, чтобы он выступал против политики советской власти. Когда я сел на лавочку, то они встали и пошли от меня. Я незаметным образом опять пошел за ними, но они все время меня избегали и наконец вошли в церковь. Я пошел за ними, неизвестный мне гражданин скрылся среди молящихся, а священник хотел другим выходом выйти из церкви, но я остановил его и попросил пройти со мной в отделение милиции. По дороге в отделение милиции он убедительно просил меня отпустить его, но я все-таки доставил его в отделение милиции».

На следующий день следователь милиции допросил отца Данакта. Отвечая на его вопросы, иеродиакон сказал: «Винновым

себя в агитации не признаю. Вчера вечером около восьми часов я, окончив службу, вышел во двор и встретил своего знакомого, которого я знаю лет восемь, Сергея Алексеевича Ажаева. Зная, что Ажаев, бывший торговец овощами на Болотном рынке, должен фининспектору заплатить налоги, я у него спросил, заплатил ли он долг. Он ответил, что нет. Тогда я ему сказал, раз он должен, то необходимо налог заплатить, хотя бы путем продажи своего дома. Я его не агитировал и не советовал, чтобы он налоги не платил, и чтобы он выступал против советской власти, я ему также не говорил. Тот же человек, который меня привел в отделение милиции, заявил на меня потому, что я из окна своего дома вижу, как он во-зврат свинец, и сообщаю об этом сторожу».

16 августа отец Данакт был переведен в тюрьму ОГПУ, а дело, заведенное на него, отправлено в 6-е отделение секретного отдела Тучкову, который переправил его уполномоченному 6-го отделения секретного отдела Фрейбергу, чтобы тот его взял в производство.

20 августа Фрейберг допросил иеродиакона, который, отвечая на его вопросы, сказал: «Сергея Алексеевича Ажаева я знаю около восьми лет, проживает он за Даниловской заставой в недавно выстроенном собственном доме. В разговоре со мной он мне сообщил, что он еще не заплатил налог и для уплаты его собирается продать свой дом. Совета не платить налог я не давал и о мероприятиях советской власти в отношении налоговой политики я ничего не говорил».

Через месяц в качестве свидетеля был допрошен Ажаев, который сказал: «Мосфинотдел продал мой дом за недоимки. К иеродиакону Данакту я приходил посоветоваться в отношении продажи дома. Дом свой я предлагал продать через Мосфинотдел, имел намерение продать еще комнаты монахам, но они, и в частности иеродиакон Данакт, отказались купить, и дом был продан Мосфинотделом».

10 октября Фрейберг снова приступил к отцу Данакту с допросом, но на этот раз интересовался уже не одними советами отца Данакта относительно уплаты налогов, но и тем, кого он как диакон поминал за богослужением. Выслушав вопросы следователя, иеродиакон ответил: «Я действительно как диакон поминал вслух за богослужением убиенных и заточенных — духовенство и мирян. Агитации против советской власти я никогда не вел. С гражданином Ажаевым я говорил лишь о продаже дома. Совет о неплатеже налога я, как мне помнится, не давал».

На этом следствие было закончено, и следователь вынес заключение: «В церкви Покровского монастыря, во время службы, неоднократно с амвона поминал убиенных, заключенных в тюрьмы советской властью — духовенство и мирян. Бывшему крупному купцу Ажаеву советовал не выплачивать налоговую задолженность и выступить против советской власти».

14 октября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило иеродиакона Данакта к трем годам заключения в концлагере, и он был отправлен в город Кемь. Впоследствии концлагерь был заменен на ссылку в Коми область на тот же срок. К концу срока, 23 июля 1932 года, руководство ОГПУ по Коми области дало свои рекомендации относительно дальнейшей судьбы отца Данакта: «Находясь в ссылке в Коми области, Калашников с положительной стороны себя не проявил, имеет связи исключительно с реакционно-монархическим антисоветским духовенством, в религиозных убеждениях тверд, свои взгляды по отношению политики мероприятий советской власти к культам выражает с враждебной стороны, что и стремится проводить среди населения. По окончании срока ссылки запретить Калашникову свободное проживание в 12-и пунктах СССР, объявленных в приказе ОГПУ № 19/10 от 11/1 1930 года».

16 декабря Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило лишить иеродиакона Данакта права проживания в двенад-

цати пунктах и в Уральской области с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года.

Вернувшись из ссылки в 1933 году, он поселился во Владимире и здесь был рукоположен в сан иеромонаха к Рождественской церкви. В 1935 году иеромонах Данакт был направлен служить в Михаило-Архангельский храм села Архангельское Шаховского района Московской области.

В ноябре 1937 года председатель сельсовета по требованию сотрудников НКВД составил характеристику на иеромонаха Данакта, написав, что тот «настроен враждебно, ведет активную агитацию за веру в Бога как среди взрослых, так и среди детей».

Вызванный на допрос 25 ноября 1937 года председатель сельсовета показал, что священник сначала жил на частных квартирах, но затем верующие сообща построили ему мазанку. Об эксплуатации верующих была даже напечатана заметка в местной газете. Он показал, что священник вел с верующими активную работу, собирал их у себя в доме, где беседовал на религиозные темы и призывал больше молиться Богу. Кроме этого, среди верующих вел контрреволюционную агитацию против советской власти. Так, в начале ноября 1937 года говорил: «Советская власть нас зажала в тиски и хочет отнять у нас, верующих, религию, облагает и церковь и нас непосильными налогами». Накануне церковных праздников Калашников ходил по домам и напоминал верующим, что завтра праздник, призывал идти в церковь. Среди детей вел агитацию за веру в Бога. Так было и сегодня, 25 ноября. Калашников встретил детей, идущих из школы из деревни Косилово в село Архангельское, и сказал им: «Дети, завтра будет праздник, будет интересная служба, приходите в церковь. Вы не слушайте учителей, которые говорят, что нет Бога, они вам врут, их заставляют говорить вам так коммунисты, а сами они веруют в Бога». Часто Калашников вел агитацию за веру в Бога среди населения у колодца в селе Архангельском, где приходящим за водой

колхозникам говорил: «Приходите завтра в церковь, завтра будет праздник и будет интересная служба». Так он говорил 5 ноября, накануне родительской субботы.

28 ноября 1937 года сотрудники НКВД арестовали иеромонаха Данакта, и он был заключен в тюрьму в Волоколамске. Сразу же начались допросы.

— Следствие располагает данными о том, что вы в октябре 1937 года вели контрреволюционную агитацию против государственных обязательств. Дайте показания по этому вопросу! — потребовал следователь.

— Никакой контрреволюционной агитации против государственных обязательств я не вел, — ответил священник. — Все обязательства выполняю.

— А за что же вас оштрафовали на двести рублей?

— Меня оштрафовали за то, что я якобы несвоевременно представил декларацию о доходах, а фактически я ее послал по почте своевременно.

— Следствие располагает данными о том, что вы вели контрреволюционную агитацию против налоговой политики советской власти в отношении Церкви, дайте показания по этому вопросу.

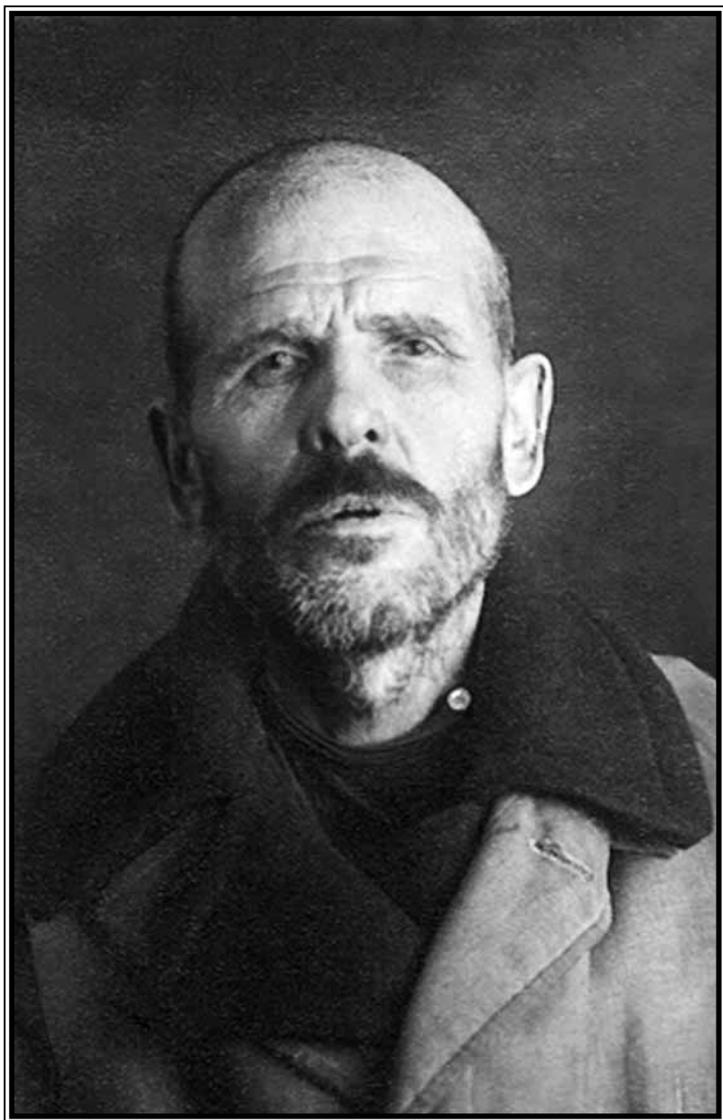
— О том, что мне приходится платить большие налоги, я вел разговоры, но они не носили контрреволюционного характера.

— Следствие настаивает на даче вами откровенных показаний о вашей контрреволюционной деятельности!

— Никогда я контрреволюционной деятельностью не занимался и не вел агитации против существующего строя.

— Вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, — ответил священник.

Сергей Иванович Данилов (Калашников)

Москва. Тюрма НКВД. 1937

На этом следствие было завершено. 3 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Данакта к расстрелу. Иеромонах Данакт (Калашников) был расстрелян 15 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 19529.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-29787.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 7. Тверь, 2002. С. 220–225.

Декабря 2 (15)

С В Я Щ Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Николай (Виноградский)

Священномученик Николай родился 3 сентября 1873 года в Москве в семье священника Троицкой в Зубове церкви Василия Ильича Виноградского. Как это часто бывало в семьях духовенства, Николай Виноградский решил пойти по стопам отца. Он поступил в Волоколамское Духовное училище, а после его окончания в 1887 году продолжил образование в Московской Духовной семинарии, которую окончил в 1894 году. С 1895 года Николай Васильевич работал учителем в церковноприходской школе Спасского на Песках в Каретном ряду храма в Москве. Через два года он был рукоположен во священника и направлен в Крестовоздвиженский храм села Крестовоздвиженское Клинского уезда Московской губернии. В 1899—1901 годах отец Николай служил в городе Москве, затем, в течение 17 лет, с 1901 по 1918 год, в селе Рюховское Волоколамского уезда.

Революция и последовавшие гонения на Церковь многое изменили в жизни отца Николая. Ему пришлось сменить много приходов: в 1918 году его направили в город Волоколамск, в 1924 году перевели в село Егорье Волоколамского района, затем в 1929 году — в село Лехачево Московского района, в 1931 году — в село Федоскино Дмитровского района. В двадцатые годы отец Николай был лишен избирательных прав как священнослужитель.

В мае 1937 года он был переведен на последнее место своего служения – в село Михайловское Рузского района Московской области, где стал настоятелем храма в честь Архангела Михаила. К этому времени за ревностное служение Церкви отец Николай был возведен в сан протоиерея.

Отец Николай Виноградский являл собою образец нестяжательного пастыря – у него никогда не было никакого имущества. И на последнем месте своего служения он жил в приходском доме, а заботу о его пропитании взяла на себя церковная община.

Отец Николай жил одиноко, семьи у него не было. В неотправленном письме от 27 октября 1937 года он писал: «Живу теперь я один... вот так по-монашески с Богом».

У отца Николая и его новой паствы сложились самые хорошие отношения. В этом же письме он пишет: «Приходской церковный совет очень заботится обо мне». Из материалов дела видно, что самоотверженное служение отца Николая привлекало в храм много людей. За короткое время новому настоятелю удалось завоевать любовь и уважение прихожан, что особенно раздражало власти. По словам свидетеля обвинения, председателя колхоза, «Виноградский... в дни религиозных праздников созывает в церкви многолюдные собрания верующих, задерживая последних по целым дням и тем самым срывает полевые работы». Очевидно, что новая волна репрессий 1937 года не могла обойти стороной такого пастыря.

Арестовали отца Николая 27 ноября 1937 года по обвинению в контрреволюционной агитации и заключили под стражу в Бутырскую тюрьму. На допросе следователь потребовал назвать людей, с которыми отец Николай поддерживал тесные связи. Понимая, что это может иметь самые трагические последствия, отец Николай ответил: «Связи я ни с кем не поддерживаю». Обвинения в контрреволюционной деятельности он не признал. Решением судебной тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области от 5 декабря 1937 года протоиерей Николай Вино-

градский был приговорен к расстрелу. Казнь священника состоялась 15 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой, где он и был погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19551.
ЦИАМ. Ф. 234, оп. 1, д. 2048, д. 2062.
ЦГАМО. Ф. 66, оп. 25, д. 117, д. 179.

Декабря 2 (15)

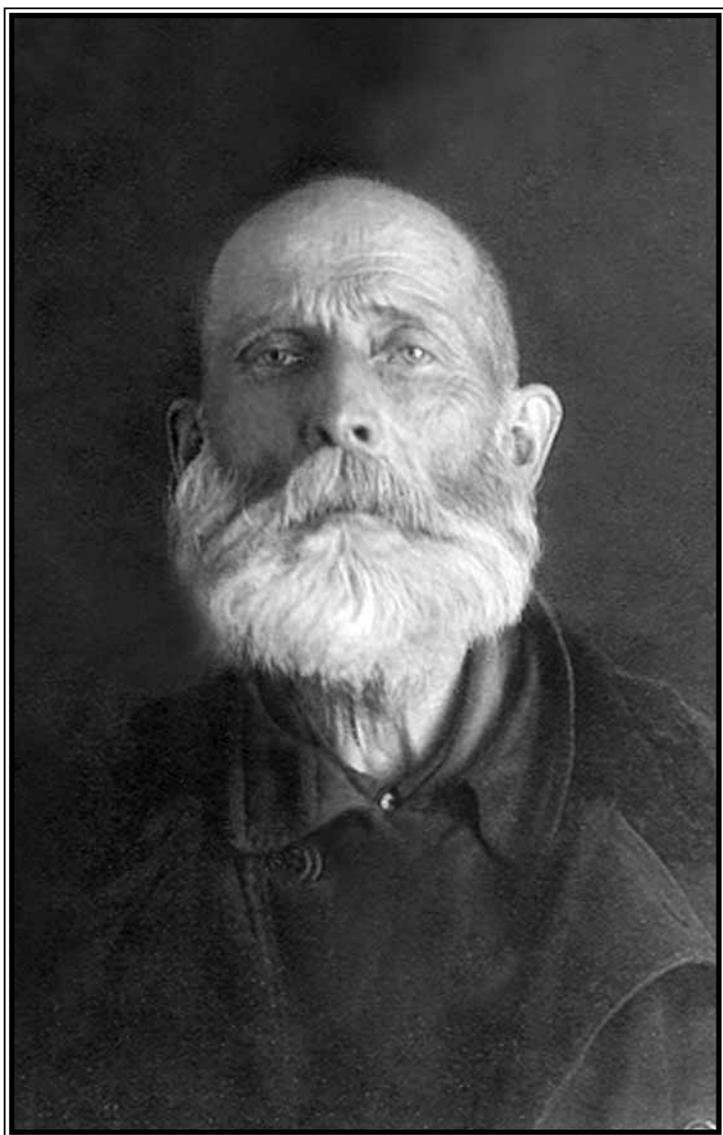
С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Иоанн (Державин)

Священномученик Иоанн родился 25 мая 1878 года в селе Ануфриево Никольской волости Рузского уезда Московской губернии в семье псаломщика Николая Державина. В 1894 году он окончил Коломенское Духовное училище, а в 1901 году – Московскую Духовную семинарию и был назначен учителем церковноприходской школы при Богородице-Рождественской церкви в селе Вихорево Серпуховского уезда, а с 1902 по 1904 год был учителем и законоучителем в Горшковской церковноприходской школе Гуслицкого округа Богородского уезда. Женился, впоследствии у них с супругой Пелагией Петровной родилось девять детей.

7 августа 1904 года епископ Дмитровский, викарий Московской епархии Трифон (Туркестанов) рукоположил Ивана Николаевича в сан священника к Никольской церкви в селе Милет Богородского уезда. С этого же времени он стал законоучителем в Милетском земском начальном училище. За благоговейное исполнение священнических обязанностей и за усердное проповедание слова Божия отец Иоанн в 1911 году был награжден набедренником. В рапорте благочинного отмечалось, что отец Иоанн Державин, «отличаясь кротким и добрым характером, пользуется уважением и любовью своих прихожан».

Храм в селе Милет был выстроен в усадьбе, принадлежавшей

Протоиерей Иоанн Державин

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

князьям Голицыным и Ухтомским. Только в начале XX века здесь появилась приходская церковь. Приход был малочисленным, а с началом гонений на Русскую Православную Церковь и упадком веры и вовсе обезлюдел. Отец Иоанн и его семья бедствовали, продавая из имущества все, что только можно было продать, но священник не покинул приход.

В 1929 году усилились гонения на Русскую Православную Церковь, власти стали искать лжесвидетелей и допрашивать их. В декабре 1929 года один из лжесвидетелей показал:

— Священник Иван Николаевич Державин выступал с проповедями, в которых говорил, что советская власть — власть безбожная, религию насилует, надо с безбожниками вести борьбу, несмотря на все невзгоды. За это получите награду. Придет время, и не будет такого насилия над верой. Проповедей Державин не говорит около полугода, а число, когда он говорил, не помню, но он мне лично говорил, что теперь проповеди говорить нельзя, за это посадят, нам нужно потихоньку вести работу среди крестьян, это принесет больше пользы.

— Говорил ли с вами Державин или с кем-либо другим против власти? — спросил следователь.

— Я точно не помню. В разговоре со мной он сказал, что советская власть задавила налогами. Религию угнетает. Всех задавила непосильными налогами, фабрикантов обобрали, купцов тоже, теперь возьмутся за крестьян. Власть духовенство давит, меня лично гонят из дома. Дожили при этой власти до того, что ничего нет. Это Бог наказывает за наше безбожие.

Другой лжесвидетель сказал, что священник систематически выступал с проповедями, в которых призывал бороться за укрепление религии; указывал, что теперь детей при советской власти в школах Закону Божию не учат и надо их учить дома. Призывал граждан помочь церкви, собрать деньги среди верующих. Спасибо тем гражданам, которые еще не забыли Бога и посещают храм,

им Бог за это поможет. У нас стало много безбожников, забыли Бога, жить стало худо, храм разваливается, ничего не стало. Бог нас за это накажет.

Опираясь на эти показания, ОГПУ 3 февраля 1930 года арестовало священника, и он был заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. На следующий день, отвечая на вопросы следователя, отец Иоанн сказал: «Никакой антисоветской агитации нигде и никогда я не вел. Проповеди я не произношу уже около года. Ранее произносил проповеди часто, но они носили исключительно религиозный характер, и ничего противосоветского в них не было. В частных разговорах от бесед на политические темы воздерживаюсь. С прихожанами имею общение только по чисто церковным делам».

На этом дело было закончено. 22 марта 1930 года тройка ОГПУ приговорила священника к трем годам ссылки в Северный край и дана была рекомендация на все ходатайства о смягчении его участи отвечать отказом.

Вернувшись из ссылки, отец Иоанн был направлен служить в храм в село Ильинское-Ярыгино Сычевского района Смоленской области. 12 февраля 1935 года он был назначен служить в храм в село Ново-Александровка Шаховского района Московской области, а 5 марта 1937 года в Троицкую церковь в село Каменка Ногинского района; жил он с семьей в селе Милет Реутовского района. За самоотверженную и безупречную службу отец Иоанн был возведен в сан протоиерея и награжден крестом с украшениями.

29 ноября 1937 года он был арестован и заключен в тюрьму в городе Ногинске. На священника донесли, будто бы он говорил, что верующие стали забывать Бога и мало посещают храмы, что советская власть зверски преследует веру и верующих, сажает невинных людей в тюрьмы, что священник призывал, стоя в церковном дворе: «Православные, возьмите себя в руки, вы позабы-

ли веру и Бога, мало ходите в церковь и больше слушаете этих антихристов-коммунистов, пора вам взяться за ум».

Священника обвинили в активной контрреволюционной деятельности, но отец Иоанн не признал себя виновным.

— Следствием установлено, что вы в августе в ограде церкви запугивали верующих контрреволюционной клеветой с целью привлечения к Церкви и создания недовольства среди верующих советской властью. Признаете ли это? — спросил следователь.

— Никогда я верующих с целью привлечения к Церкви и создания недовольства советской властью не запугивал, — ответил священник.

3 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу. Протоиерей Иоанн Державин был расстрелян 15 декабря 1937 года и погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19528.
АМП. Послужной список.

А. Ю. Дубинский. Московская Духовная семинария. М., 1998.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 7. Тверь, 2002. С. 210–213.

Декабря 2 (15)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Константин (Некрасов)

Священномученик Константин родился 15 октября 1872 года в городе Можайске Московской губернии в семье псаломщика Никиты Некрасова. В 1887 году Константин окончил духовное училище, а в 1893 году – Вифанскую Духовную семинарию. Женился, впоследствии у них с женой Александрой Петровной родилось четверо детей. Константин Никитич был рукоположен в сан священника к одному из храмов города Можайска и через некоторое время назначен настоятелем Никольского собора и одним из благочинных епархии. Отец Константин был одним из деятельнейших священников епархии, он организовал в Можайске Общество трезвости и постоянно вел работу среди крестьян, делая все, чтобы они исцелились от пагубной страсти винопития, и для этого неустанно открывал им духовные сокровища Церкви, питающие душу «живою водою».

В 1923 году, во время гонений на Русскую Православную Церковь от безбожных властей, священник был арестован за активную церковную деятельность и приговорен к двум годам ссылки в город Березов Тобольской губернии.

Вернувшись из ссылки, отец Константин стал служить в храме Покрова Божией Матери в селе Алексино Рузского района.

9 мая 1930 года сотруднику ОГПУ Малькову один из доноси-

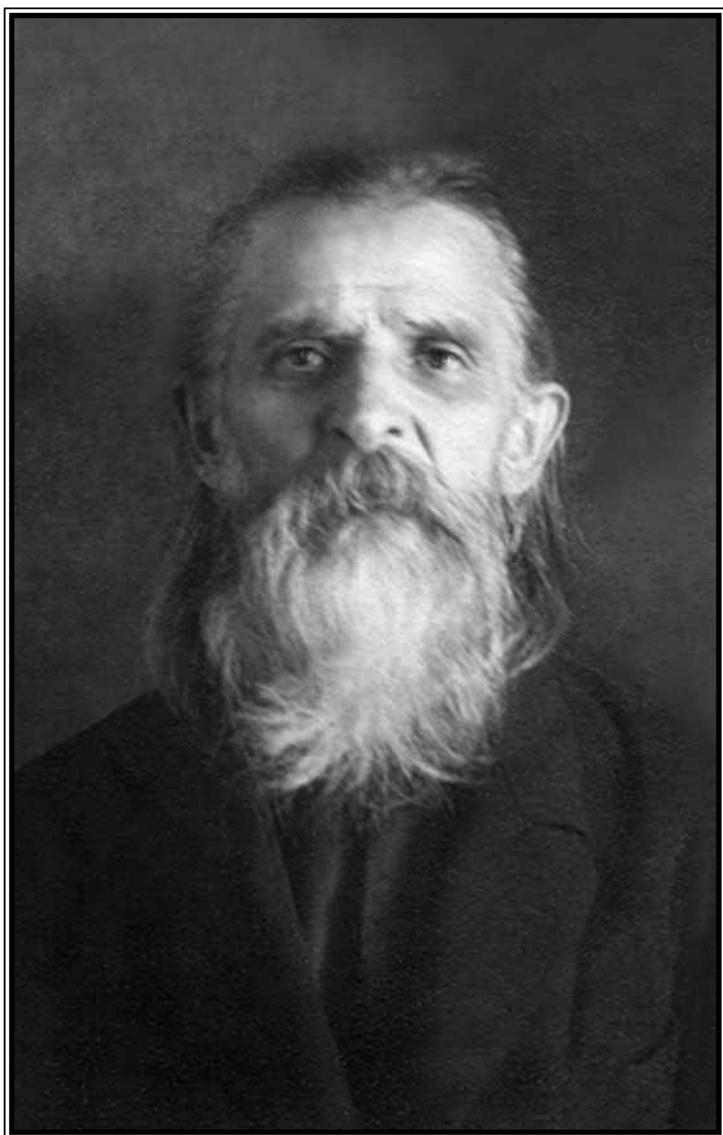

телей сообщил, что «в селе Алексино имеется в настоящее время сильная группа церковников, в результате антисоветской работы которой мероприятия советской власти проходят с трудом...

Эта группа состоит из попа Константина Некрасова, лет пятидесяти, в селе Алексино живет 3—4 года, приехал в село прямо из ссылки, в каковую был сослан за антисоветскую деятельность; дьякона Знаменского Семена Ивановича, сорока лет; жены умершего попа Александры Ивановны Розановой, пятидесяти пяти лет, служит сейчас дьячком; монашки Бородинского монастыря Можайского района Прасковьи Романовны Жуковой, сорока лет, из крестьян села Алексино; монашки Анны Осиповой из Дубровского монастыря; церковного старосты Семена Дмитриевича Грязнова, семидесяти лет, имеет зажиточное сельское хозяйство».

13 и 14 августа следователь допросил некоторых жителей села Алексино, из тех, кто враждебно относился к Церкви, начав с председателя сельсовета и члена коммунистической партии Бирулькина, причем он был допрошен в один день дважды.

Сначала он показал: «В селе Алексино проживает монашка Прасковья Жукова, которая с малолетства была в Бородинском монастыре и в Алексино переехала года два тому назад. В настоящее время она является сторожем церкви и лишена избирательных прав. Жукова имеет огромное влияние на женщин села Алексино, многие ходят к ней в дом. Во время хлебозаготовок в 1929 году Жукова была одной из активных участниц срыва таковых; приходившим к ней женщинам она говорила, что советская власть вас обирает, а вы плохо относитесь к религии, надо не слушать лиц, которые к вам приезжают, так как они все врут и возьмут у вас все, что есть. С попом Некрасовым она имеет тесное знакомство, они устраивают чаепития, приглашая некоторых верующих... В июле Жукова после молебна от засухи среди женщин говорила, что “вот помолились, и стал дождь, кроме Бога никто вам не даст дождя, ни колхозы, ни советы”. Жукова ведет

Священник Константин Некрасов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937

систематическую агитацию вместе с попом Некрасовым, и село Алексино поэтому считается самым реакционным селом».

На втором допросе он показал: «В селе Алексино, которое я обслуживаю как председатель сельского совета, существует группа духовенства, которая своей работой и агитацией всячески противодействует мероприятиям советской власти... В ноябре 1929 года поп Некрасов в один из праздников призывал верующих “держаться религии и не слушать слуг антихристовых”... Во время коллективизации Некрасов собирал у себя нелегальные собрания. На одном из таких собраний в феврале Некрасов говорил присутствующим, что “в колхоз приходится идти, когда загоняют силой, там будут держать на пайке и морить голодом”... С трудом организованный колхоз вскоре же развалился, благодаря агитации церковников. У верующих Некрасов слывет священником, который говорит трогательные проповеди... Когда на духовенство наложили порядочно налога, Некрасов говорил, что “советская власть совсем нас хочет ограбить”, и ездил жаловаться в Москву, это было в апреле или в мае сего года».

Была допрошена учительница школы в селе Алексино Тищенко, бывшая одновременно секретарем местного союза безбожников. Она показала: «Некрасов очень часто говорит проповеди, мне несколько женщин рассказывали, что Некрасов говорит очень трогательные проповеди. Так, в июле Некрасов говорил проповедь, в которой указывал на страдания Христа и далее говорил, что “народ сейчас также страдает, его прижимают слуги антихристовы, берут непосильные подати; придет такое время, что опять восторжествует вера Христова и слуги антихристовы будут уничтожены”. В нашем селе вследствие такой агитации плохо проходят мероприятия советской власти.

Большая группа крестьян, имеющая связь с Некрасовым, всегда защищает интересы духовенства, им общество под влиянием попа Некрасова и зажиточной верхушки деревни отпускает покос; так, крестьяне скосили около школы участок покоса и не да-

ли его на нужды школы, а попам дали около школы. При этом некоторые зажиточные говорили, что учителям что и даст советская власть, а священникам, кроме того, что платить налог, ничего не дают. Вместе с тем Афанасьев и Грязнов, церковные старосты, говорили, что таких учителей надо убрать, так как они защищают власть и идут против духовенства. Грязнов и Афанасьев имеют тесное знакомство с Некрасовым. Кроме того, с Некрасовым дружит Иван Князев, середняк, который выручает Некрасова продуктами и прислуживает в церкви. Иван Князев выступает против мероприятий советской власти, на собрании Князев говорил, что учителя мешают нам, они нападают на духовенство, их нужно убрать. Весной этого года указанные лица ходили по деревне с подписным листом, в котором было требование убрать секретаря союза безбожников учителя Тищенко».

Основываясь на подобного рода показаниях, сотрудник ОГПУ Мальков 20 августа 1930 года арестовал священника Константина Некрасова и монахиню Параскеву Жукову, которые были заключены в камеры при Ружском отделе ОГПУ.

В тот же день был допрошен еще один свидетель, продавец местного магазина, который сказал: «Поп Некрасов в марте в проповеди с амвона говорил: “Православные, приходят последние времена. На нас теперь гонения, как на Христа. Над нами издеваются. Крестьян обобрали налогами и тягают в колхозы”».

Жукова, обходя крестьян, агитировала, чтобы последние не ходили на собрание. Некрасов является вдохновителем этой агитации. Многие верующие обращаются за советами к попу Некрасову, так как последний пользуется большим авторитетом. Так, например, во время засухи в июне на вопрос крестьянина, почему нет дождя, Некрасов ответил: “Теперь мы отбились от Бога, слушаемся приезжих безбожников, а потому Бог на нас рассердился. Если мы и впредь будем так делать, то у нас получатся вторые Содом и Гоморра”.

После этого среди населения пошли разговоры о том, что на-

до служить молебен, а то дождя не будет. В пасмурную погоду был отслужен молебен, после молебна на второй день пошел дождь, так как во время молебна были тучи. После этого дождя монашка Жукова в воскресный день говорила: “Вот видите, Бог нам всегда поможет, нам только чистосердечно надо ему помолиться”.

Жукова очень тесно связана с попом Некрасовым, по протекции которого она была принята церковным сторожем. С этого времени в сторожке ежедневно стали собираться женщины, но о чем они там говорили, я не знаю, так как там я не был, но неоднократно замечал, как оттуда выходили заплаканные женщины; одна крестьянка, разговорившись со мной, сказала, что Жукова им рассказывала о Страшном Суде».

На следующий день после ареста священника следователь допросил его и отец Константин сказал: «Проживая в селе Алексинно, я никакой антисоветской деятельностью не занимался. Если говорят, что я в своих проповедях призывал граждан не подчиняться распоряжениям существующей власти и власть как такую считал “властью антихриста”, — это не верно. Я не настолько глуп, чтобы говорить в своих проповедях такую грубую чушь. Кроме того, я, как искренне верующий, всякую власть признаю властью от Бога, поэтому агитировать против нее — это равносильно тому, что идти против воли Божией.

Кроме того, я никогда не жил богато, и стремиться к какой-то лучшей жизни не в моих интересах, тем более, что я бескорыстен и желаю только нравственного и духовного мира. Правда, я говорил проповеди, но всегда старался говорить только слово Божие, стараясь научить верующих любви и миру.

Что я могу сказать в свое оправдание? Говорят, что я проводил работу антисоветского характера, чем якобы срывал хлебозаготовки. Но какое мне дело до хлебозаготовок? Это дело общественное. Говорят, что я имею авторитет среди граждан; может быть, это и правда, но ведь мой авторитет держится не на том, что я иду против власти, а потому, что я поступаю как истинный хри-

стианин. Разве в этом есть какое-либо преступление против законов власти и человечества?

Если несколько человек говорят против меня, я думаю, что больше найдется таких, которые подтвердят мою невиновность. Я не против того, чтобы власть наказывала меня как преступника, но если я не виновен, то считаю, что будет мало целесообразно, если я буду сидеть за решеткой или выслан, как мученик. Вот и все, что я могу сказать по существу выставленных против меня обвинений в контрреволюционной деятельности».

Служившая в церкви сторожем Параскева Жукова, будучи допрошена, отвергла все предъявленные ей обвинения.

23 апреля следствие было закончено; священник в протокол об окончании следствия попросил записать: «По существу предъявленного мне обвинения виновным себя не признаю. В оправдание себя прошу допросить верующих, которые, надеюсь, подтвердят, что я никогда противозаконными делами не занимался. Все материалы считаю ложными, и исходят они от тех лиц, которые желают меня убрать из села Алексино».

После этого отец Константин попытался передать близким на волю записку, в которой, в частности, писал: «Ступайте сейчас в ГПУ и просите у уполномоченного Малькова разрешения на свидание, он мне говорил, что разрешит, тогда и поговорим. Если же почему-либо не удастся видаться, то знайте, что следственное дело окончено, обвиняюсь в агитации против советской власти, в срыве собраний, будто бы был против коллективизации и хлебозаготовок. Все это ложь, и есть надежда, что она обнаружится. Конечно, хорошо было бы, если бы в скором времени сами верующие с подписями подали бы письмо, так как все знают, что я никакого участия в общественных делах не принимал и против власти ничего и в уме-то не имею. Но да будет воля Божия! Если задержусь, то необходимо мне денег (10–15 рублей), мочалку, мыло, карандаш и бумагу».

Тогда же он написал заявление в Коллегию ОГПУ, в котором

писал: «23 августа уполномоченным ОГПУ Мальковым было мне объявлено постановление – обвинение меня по статье 58, пункт 10. Из прочитанного выяснилось, что обвинение основано на доносе неизвестных мне лиц, и все положительно ложно. Чтобы положить настоящее правильное определение по возникшему делу, необходимо проверить данные показания, а посему покорнейше прошу опросить лиц, кои всегда видели мои деяния и слышали все мои слова (причт, соседей и всех верующих моего прихода). И, удостоверившись в ложности доноса, поставить на вид доносителям, чтобы они впредь не утруждали власти своей клеветой, а сообщали бы одни действительные факты. Служа в Алексинском приходе всего три года, я никакого слова и дела против советской власти не проявил, а между тем еще осенью минувшего года слышал слова местных комсомольцев, что “одного священника убрали, а этого-то в два счета уберем, стоит только написать – нам все поверят”. И вот кто-то и написал. Но я надеюсь, что власти не подвергнут себя обману и установят истину. Если же мое дальнейшее пребывание в Алексинском приходе кому-то не желательно, то я, не подвергаясь невинному мученичеству, согласен оставить службу приходского священника в селе Алексино и, по выходе на свободу, буду просить епархиальную власть уволить меня за штат с правом совершения литургии в одном из храмов города Можайска. Что же касается Прасковьи Жуковой, обвиняемой вместе со мной, то я утверждаю, что никакого общего дела между нами не было, видал ее лишь при исполнении обязанности церковного сторожа и никак не могу предположить, чтобы она, безграмотная, малоразвитая женщина-крестьянка, имела какие-то злостные намерения против советской власти. Она всем обеспечена и довольна и ни к коллективизации, ни к хлебозаготовкам отношения никакого не имеет и к агитации не способна, но если что-либо я бы услышал, то я непременно остановил бы ее, так как я отлично сознаю, что не дело церковников вмеши-

ваться в общественные и политические дела».

Заявление это не было передано начальству ОГПУ, а присоединено следователем к делу. 25 сентября 1930 года тройка ОГПУ приговорила священника к трем годам ссылки в Казахстан, которую он был отправлен отбывать в Семипалатинск.

По окончании ссылки отец Константин приехал в Можайск и был назначен служить в храм Илии Пророка. 5 декабря 1937 года священник был вновь арестован и заключен в тюрьму в городе Можайске. Через день состоялся допрос.

— Признаете ли вы вождя народа, товарища Сталина? — спросил следователь.

— Признаю как гениального вождя всего народа, — ответил священник.

— Сознательно или не сознательно вы на отрывном календаре от 21 декабря 1937 года нанесли химическими чернилами цифру 8 на лице вождя народа товарища Сталина?

— Я писал числа старого стиля для церковных праздников механически и совершенно не заметил, как поставил цифру 8 на изображении Сталина.

— Что вам известно о контрреволюционной деятельности со стороны служителей культа?

— О контрреволюционной деятельности духовенства мне не известно.

— Какую вы проводили и проводите контрреволюционную деятельность?

— Я не проводил ее и не провожу.

В тот же день был допрошен в качестве свидетеля диакон храма святых праведных Иоакима и Анны Петр Соколов.

— Что вам известно о контрреволюционной деятельности Некрасова? — спросил его следователь.

— Контрреволюционной деятельности со стороны Некрасова я не замечал, но помню один случай, когда Некрасов был органи-

затормозил Общество трезвости, то есть отвлекал крестьян от употребления водки и вел религиозную работу с ними на предмет привлечения к церкви. Некрасов после ссылки за антисоветскую агитацию все же церкви не бросил и служит в данный момент священником Ильинской церкви.

На следующий день было составлено обвинительное заключение, где были изложены обвинения против священника, заключавшиеся, в частности, в том, что он проводил большую работу «по сколачиванию церковного актива, для этой цели им был организован хор из бывших монашек и активных церковников... При обыске у Некрасова обнаружен листок календаря с портретом товарища Сталина, лицо которого Некрасов запачкал чернилами, чего и сам Некрасов при допросе не отрицает. Это действие Некрасова еще раз подтверждает его враждебное отношение к советской власти и руководителям партии».

9 декабря тройка НКВД приговорила отца Константина к расстрелу. Священник Константин Некрасов был расстрелян 15 декабря 1937 года и погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-46694, д. 19623.

А. Ю. Дубинский. Вифанская Духовная семинария. М., 2002.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 7. Тверь, 2002. С. 203–209.

Декабря 2 (15)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Владимир (Профферансов)

Священномученик Владимир родился 29 июня 1874 года в Москве в семье священника Александра Профферансова.

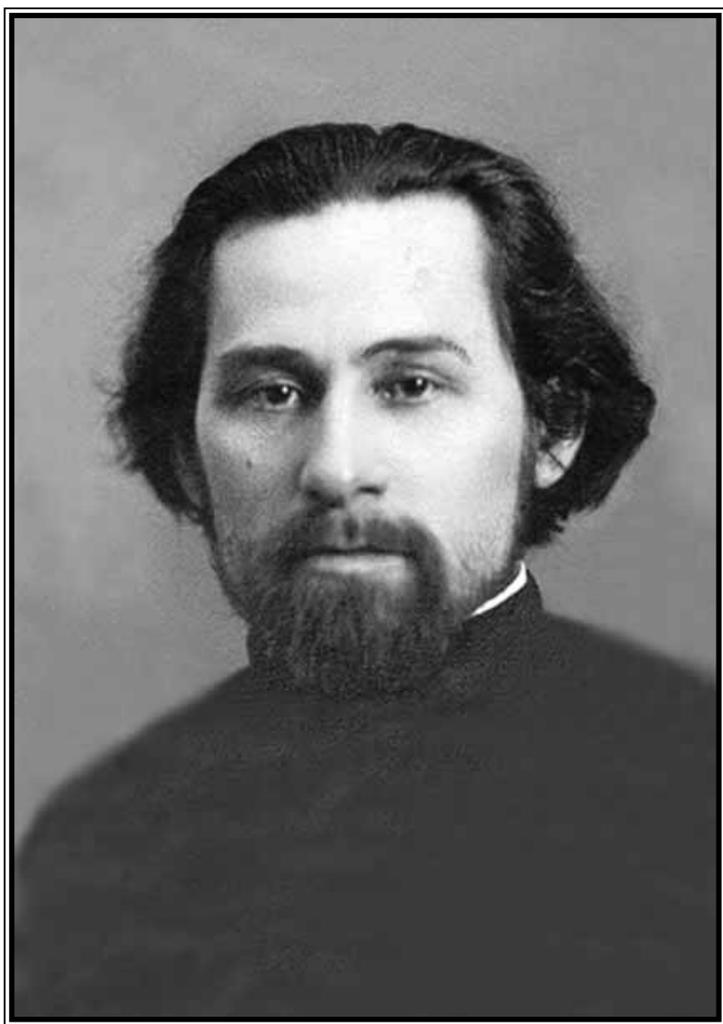
В 1898 году Владимир Александрович окончил Московскую Духовную семинарию и стал служить учителем.

В 1902 году он был определен псаломщиком к Георгиевской церкви, что на Лубянке. С 1905 года состоял действительным членом Московского общества народных чтений и библиотек. В 1907 году за усердные труды на поприще народного просвещения он получил благодарственную грамоту от Святейшего Синода. В 1909 году был награжден серебряной медалью на Александровской ленте и в том же году – серебряной медалью на Владимирской ленте в память 15-летия приходских школ, а в 1914 году – золотой медалью на Аннинской ленте.

С 1915 года он стал исполнять обязанности старосты в Георгиевской церкви. В 1916 Владимир Александрович был рукоположен в сан диакона к Георгиевской церкви. В 1917 году диакон Владимир был назначен делопроизводителем Георгиевского приходского попечительства. С 1918 года он состоял сотрудником Московского епархиального совета. В 1920 году диакон Владимир был награжден двойным орарем. В том же году рукоположен в сан священника к Георгиевской церкви. С 1923 года он состоял секретарем при Святейшем Патриархе Тихоне. В 1924 году отец Владимир был награжден наперсным крестом за труды по

Владимир Александрович Проферансов

Священник Владимир Проферансов

канцелярии Церковного управления при Святейшем Патриархе Тихоне.

Высокое положение священника, хорошо знавшего как Патриарха Тихона, так и заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия, у которого он исполнял многие церковные поручения, а также близкое расположение храма, где служил отец Владимир, к зданию ОГПУ на Лубянке натолкнули сотрудников ОГПУ на решение привлечь священника к сотрудничеству.

9 января 1932 года власти вызвали протоиерея Владимира для допроса и предложили сотрудничество с ОГПУ. Но священник не согласился на это предложение ни под влиянием уговоров, ни под нажимом угроз, и следовательно вынужден был потребовать от него расписку, что тот обязуется «хранить в абсолютной тайне от всех лиц происходивший разговор между мною и представителем ОГПУ и в случае разглашения я буду отвечать перед Коллегией ОГПУ вплоть до применения ко мне самой высшей меры наказания». 8 февраля священник был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. На следующий день состоялся допрос.

— Что вы можете сказать по поводу группирования вокруг себя антисоветски настроенных церковников? — спросил следователь.

— Никакой группировки я не устраивал, — ответил священник.

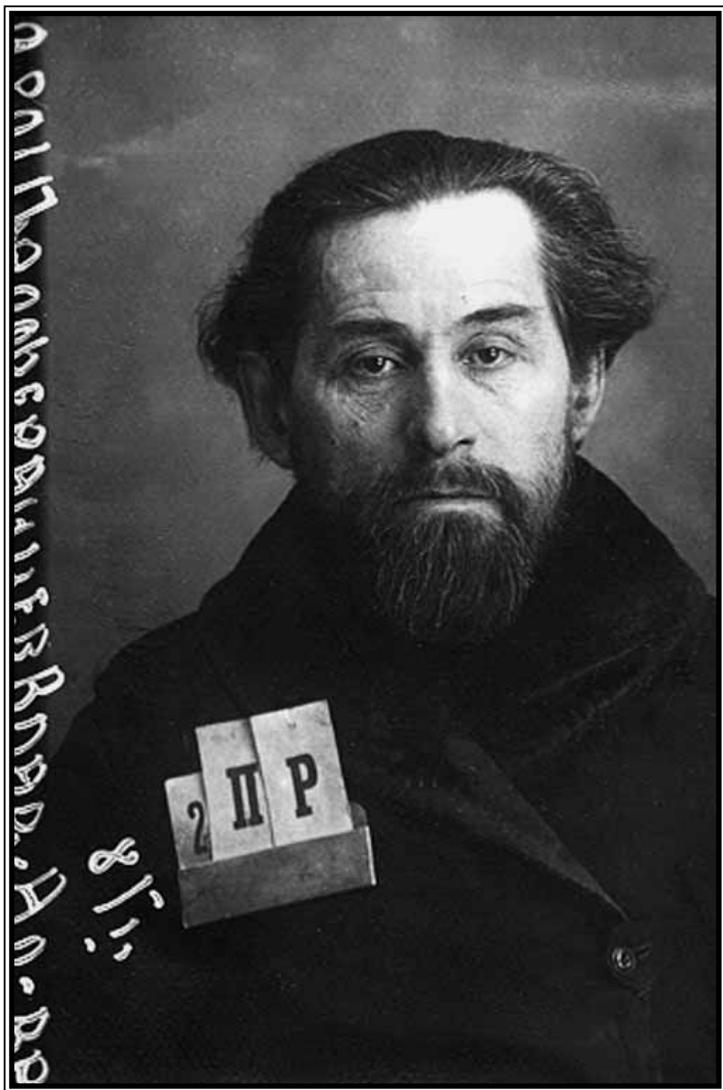
— Происходили ли нелегальные собрания актива церкви при вашем руководстве?

— Таких собраний не было. У нас при церкви вообще собраний почти не было.

— Часто ли вами поминаются в церкви заключенные за контрреволюционную деятельность?

— Насколько часто, я сказать не могу, но когда подаются записки о поминовении заключенных, я всегда поминую.

— Говорили ли вы среди верующих о том, что скоро конец советской власти и Россией будет управлять царь, потерпите не-

Протоиерей Владимир Трофимов

Москва. Бутырская тюрьма. 1932

много и так далее?

— Никогда против советской власти я не говорил.

15 февраля ОГПУ приняло окончательное решение об аресте священника. 25 февраля, после нескольких дней угроз, снова состоялся допрос. Но священник держался мужественно и спокойно, казалось отсутствуя на допросе, и следователь вынужден был спросить его:

— Слышали ли вы, в чем вас обвиняют?

— Да, слышал.

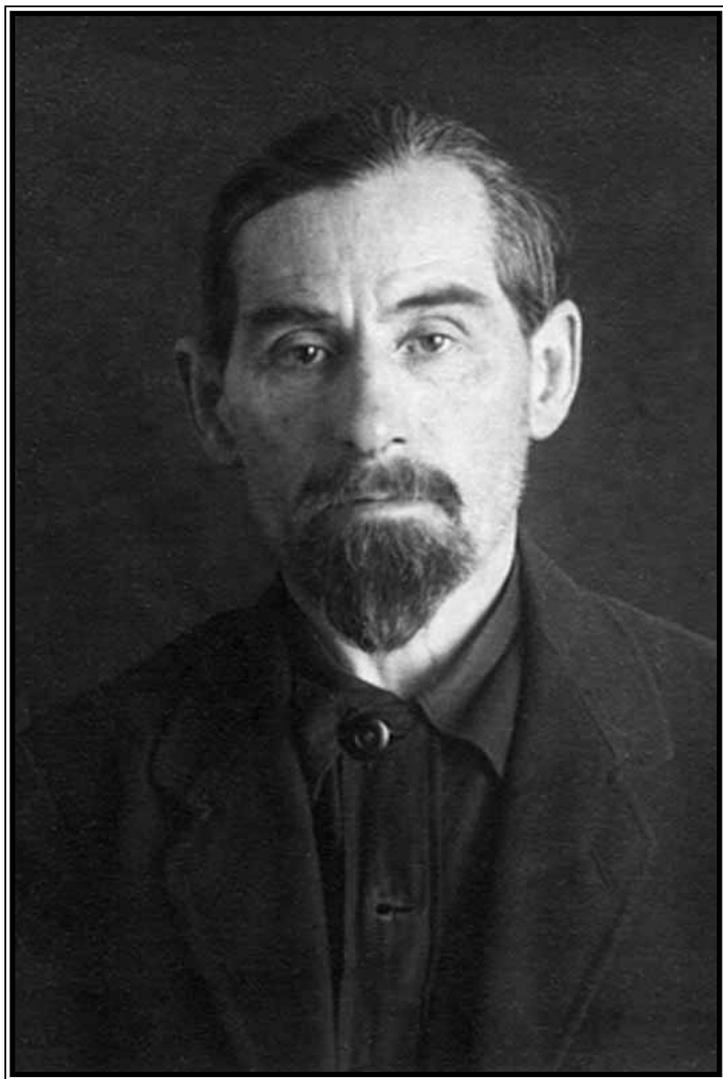
— Признаете ли вы себя виновным в этом?

— Виновным себя в антисоветской агитации и группировке вокруг себя антисоветского элемента не признаю.

2 марта 1932 года уполномоченный ОГПУ составил заключение по «делу» отца Владимира, где написал: «По своим убеждениям Проферансов является реакционно настроенным человеком. Долгое время работал в канцелярии у Патриарха Тихона, а в последующем — в Синоде митрополита Сергия. Одновременно являлся священником церкви Георгия на Лубянской улице, где группировал вокруг себя антисоветский элемент и занимался систематической антисоветской агитацией».

14 марта 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Владимира к трем годам ссылки в Семипалатинск. Здесь он познакомился со священником Константином Некрасовым, который, по-видимому, и пригласил его приехать по окончании срока ссылки в город Можайск, зная, что отбывшим ссылку запрещено жить в Москве.

В 1935 году отец Владимир вернулся из ссылки и поселился в Можайске. Вернулся он тяжело больным. Власть вновь предложила священнику стать осведомителем и в обмен за согласие на сотрудничество обещали дать хороший приход, но отец Владимир от этих предложений отказался, и за это власти не дали ему возможности служить. Свой дом в Москве, где жила его жена, Мария Петровна, он мог посещать только тайно, не задерживаясь

Протоиерей Владимир Проферансов

Москва. Таганская тюрьма. 1937

в нем более суток.

5 декабря 1937 года власти арестовали священника, и он был заключен в тюрьму в Можайске. Отца Владимира обвинили в том, что он, «имея крепкие связи со священниками, возвратившимися из ссылки, проживающими в городе Можайске, и с другим контрреволюционным элементом, проживающим вне города Можайска, будучи враждебно настроен против советской власти, среди окружающего населения проводил скрытую контрреволюционную деятельность».

— Что вам известно о контрреволюционной деятельности со стороны духовенства? — спросил его следователь.

— О контрреволюционной деятельности мне ничего не известно.

— Какую контрреволюционную деятельность вы проводили и проводите в данный момент?

— Никакой контрреволюционной деятельности я не проводил и не провожу, — ответил священник.

9 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила протоиерея Владимира к расстрелу. Священник Владимир Проферансов был расстрелян 15 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19624.
РГИА. Ф. 831, л. 282, л. 247; л. 236.
ЦИАМ. Ф. 203, оп. 763, л. 146.
ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-30690.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001. С. 436—441.

Декабря 2 (15)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Сергий (Фелицын)

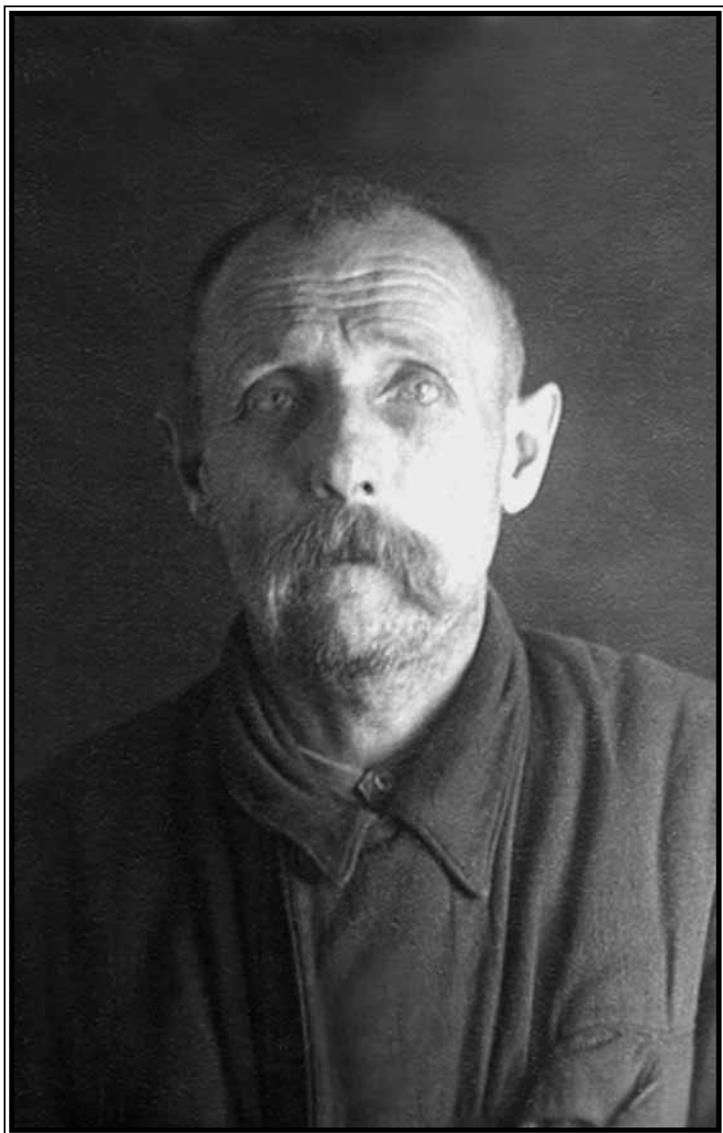
Священномученик Сергей родился 18 февраля 1883 года в селе Вороново Подольского уезда Московской губернии в семье священника Василия Фелицына. Сергей Васильевич окончил Перервинское училище и три класса Московской Духовной семинарии и в 1904 году был определен псаломщиком в Преображенскую церковь в село Бужарово Звенигородского уезда.

В 1907 году он был переведен в Воскресенскую церковь в село Сертякино Подольского уезда. Здесь он женился на уроженке этого села Вере Сергеевне Осетровой. Впоследствии у них родилось восемь детей.

В 1918 году Сергей Васильевич был рукоположен в сан диакона, в 1921 году – в сан священника к Воскресенскому храму села Сертякино, в котором прослужил до дня своего ареста. Был награжден набедренником и камилавкой.

Приход состоял из жителей села Сертякино и деревень Малое и Большое Толбино и Никулино, находившихся в пяти километрах от храма. Отец Сергей больше всего запомнился прихожанам христианской добротой.

27 ноября 1937 года в два часа ночи отец Сергей был арестован и заключен в тюрьму города Серпухова. Арест отца Сергея потряс его супругу так, что у нее пропал голос, и она знаками отвечала на требования сотрудников НКВД показать все места, которые они хотели обыскивать. Священника обвинили в том, что

Священник Сергей Юсупов

Москва. Тюрма НКВД. 1937

он «враждебно настроен к советской власти и имел тесную связь с контрреволюционно настроенным кулаком Заренковым, арестованным за контрреволюционную деятельность». Священник был допрошен сразу же после ареста.

— Кого из священников Подольского района вы знаете? — спросил следователь.

Отец Сергей ответил, что знает священника ближайшего к нему прихода, а также священника, который ранее был благочинным, и благочинного в настоящее время.

— Следствию известно, что вы среди населения распускали провокационные слухи о том, что советская власть и коммунисты идут по пути, изложенному в Священном Писании. Расскажите об этом.

— Я против советской власти и партии среди населения ничего не говорил, — ответил священник.

— Вы признаете себя виновным в том, что среди населения проводили антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию советской власти и партии?

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю, потому что среди населения села Сертякино я антисоветской агитации не вел, — ответил священник.

На этом допрос был закончен. 1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Сергея к расстрелу. Священник Сергей Фелицын был расстрелян 15 декабря 1937 года и погребен в известной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-61291.

РГИА. Ф. 831, оп. 1, д. 280.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 460—462.

Декабря 7 (20)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Сергий (Голощапов)

Священномученик Сергий родился 6 июня 1882 года в Московской губернии в деревне Баньки, в которой располагалась в то время Знаменская мануфактура Полякова, где его отец Иван Голощапов долгое время работал художником по тканям. В семье было пятеро детей, отец часто болел и по этой причине оставался без работы. Это обстоятельство еще более ограничивало скудные средства семьи. Вскоре после рождения младшего сына, Сергея, вся семья переехала в село Алексеевское, расположенное на окраине тогдашней Москвы. Здесь прошли его детство и юность. Здесь он получил первые религиозные впечатления и представления о Церкви и церковной жизни.

В своем очерке о святом праведном Иоанне Кронштадтском он, касаясь впечатлений детства, писал: «Я был еще ребенком, когда в нашем доме впервые узнали о дивном пастыре. Однажды моя мать пришла от своей хорошей знакомой и сказала: “В Кронштадте, за Петербургом, есть необыкновенный священник — отец Иоанн. Его окружают толпы народа; он раздает деньги бедным, предсказывает будущее и исцеляет больных. Народ окружает его тысячами”. Как сейчас помню нашу маленькую квартиру, где весть об отце Иоанне впервые коснулась моего слуха, проникла в сердце, в самую душу и там глубоко запала. О нем говорили часто наши родные и знакомые, о нем неслись печатно и устно новые и новые вести, ходило много толков в народе; и с той же поры мысль об отце Иоанне Кронштадтском уже не

Сергей Уланович Толуцанов. 1908

*Сергей Уланович Голощанов (крайний слева),
его супруга Ольга Борисовна (на стуле перед ним).
Ташкирия. Лечение ку.мысо.и. 1913*

покидала ни меня, ни всех членов нашей семьи... Часто заочно моя мать обращалась к нему с горячей просьбой помолиться о том или другом деле за нас пред престолом Божиим. При этом говорила она, что замечала, когда о чем попросит его, то исполняется. Этой заочной просьбе к нему она и меня научила. И пишущий эти строки сам, много раз просив о чем-либо заочно молитв отца Иоанна, получал желаемое».

С ранних лет Сергей отличался большой религиозностью, он пел в церковном хоре и прислуживал в алтаре. Преподаватель Закона Божия в начальной школе, видя благочестивое настроение мальчика и учитывая бедность семьи, порекомендовал его родителям отдать Сергея для дальнейшего образования в Заиконоспасское Духовное училище, где обучение было бесплатным. Родители последовали его совету. Окончив духовное училище, Сергей поступил в Московскую Духовную семинарию. Здесь он познакомился с отцом Иоанном Кронштадтским, сподобившись великой чести прислуживать ему в алтаре. «О Боже, можно ли описать то состояние, в котором находился я во время этой литургии, совершаемой отцом Иоанном! — писал впоследствии Сергей Иванович. — Это было что-то поистине необыкновенное, невыразимое, что можно было чувствовать, воспринимать непосредственно душою».

По окончании в 1904 году семинарии Сергей Иванович был принят в Московскую Духовную академию, которую успешно окончил в 1908 году и был оставлен при ней на один год профессорским стипендиатом. Во время обучения в академии Сергей Иванович активно печатался в различных церковных изданиях. Будучи профессорским стипендиатом, он написал и с успехом защитил кандидатскую диссертацию на тему «Божественность христианства», после чего был назначен на должность помощника инспектора в Московскую Духовную семинарию.

В 1908 году он женился на девице Ольге Борисовне Кормер из села Алексеевское, которую он знал с детства. После свадьбы они поселились в Сергиевом Посаде, где Сергей Иванович был назначен на освободившуюся должность преподавателя семинарии на кафедре философии, логики и психологии, полагая препода-

ванию и ученым занятиям посвятить всю свою жизнь. Получив высшее богословское образование, он по соображениям идейным не хотел становиться священником: будучи человеком свободомыслящим, претерпев многие скорби и трудности в своем нищем детстве и юности, когда получение образования было связано для него с усилиями чрезвычайными, он находил неудовлетворительным положение Православной Церкви в государстве. На вопрос следователя в 1937 году, почему, окончив академию, он не стал служить священником, отец Сергей ответил, что в то время государственные и церковные законы обязывали священника быть на службе у государства, а это его не устраивало.

Несколько лет, наполненных напряженным трудом, привели от природы слабое здоровье Сергея Ивановича в полное расстройство, и в конце концов появились признаки заболевания туберкулезом. В 1913 году Сергей Иванович вместе с женой отправился в Башкирию, чтобы пройти курс лечения кумысом.

В 1914 году началась Первая мировая война, и Сергей Иванович должен был быть призван в армию, но по причине расстроенного здоровья он был освобожден от службы. Взамен этого он должен был нести дополнительное послушание — преподавать на курсах при Покровской общине сестер милосердия, находившейся на Покровской улице в Москве. Несмотря на занятость на преподавательском поприще, Сергей Иванович не оставлял мысли о научной работе и в марте 1916 года представил в академию для защиты магистерскую диссертацию, которая по неизвестным причинам не была защищена. К этому времени Сергей Иванович опубликовал более двадцати статей, очерков и заметок в периодической церковной печати.

В 1917 году в России установилась богоборческая власть, с приходом которой прекратилось существование Духовной семинарии, прекратилась и преподавательская деятельность Сергея Ивановича.

В 1917–1918 годах в Москве проходил Поместный Собор Русской Православной Церкви, к работе которого Сергей Иванович был привлечен в качестве делопроизводителя, и здесь он познакомился с Патриархом Тихоном.

Сергей Иванович Блощиков. 1918-1919

В это время семью Сергея Ивановича выселили из казенной квартиры при семинарии — сначала на улицу, а затем дали маленькую комнату в коммунальной квартире на Сретенке. В доме, несмотря на зимнее время, не было ни отопления, ни освещения. В качестве отопительного прибора посреди комнаты стояла небольшая железная печка, которую топили сначала мебелью, а затем книгами.

После закрытия семинарии Сергей Иванович стал преподавать русский язык и литературу в средней школе (бывшей гимназии Баумерт), в которой и среди преподавателей, и среди учеников царили нищета и голод: все сидели на уроках в верхней одежде, и у учителей, и у учеников случались голодные обмороки. Сергея Ивановича пригласили читать по совместительству лекции на курсах политпросвета в одной из воинских частей, что несколько облегчило материальное положение семьи, так как здесь вознаграждение ему выдавалось не деньгами, а продуктами.

Страдания людей, гонения на Русскую Православную Церковь, любовь к отечеству привели его к решению принять сан священника, которое окончательно утвердилось после беседы с Патриархом Тихоном. В феврале 1920 года Сергей Иванович был рукоположен в сан диакона, а в мае того же года — в сан священника и назначен настоятелем храма святителя Николая в Покровском, напротив Покровской общины сестер милосердия. Рядом с храмом был церковный дом, в котором две комнаты были отведены настоятелю. Со всей энергией пастыря, только что вступившего на священническое поприще, отец Сергей взялся за дело благоустройства и просвещения прихода. Кроме богослужений он организовал при храме некое подобие начальной школы для прихожан, где в доступной форме разъяснял содержание Священного Писания, церковных служб и учил церковному пению. В 1921 году отец Сергей был возведен в сан протоиерея. Все это время он продолжал преподавать русский язык и литературу в школе.

В 1922 году власти стали чинить препятствия тем, кто одновременно со служением в храме занимался преподавательской деятельностью в советских общеобразовательных учреждениях.

На следствии в 1937 году протоиерей Сергей сказал, что оставил служение в храме в 1922 году ввиду опубликования декрета, запрещающего священнослужителям быть преподавателями. Уйдя из Никольского храма, отец Сергей служил без зачисления в штат в Никольском единоверческом монастыре, где в это время служил его товарищ по академии епископ Никанор (Кудрявцев).

В 1926 году протоиерей Сергей решил оформить пенсию по инвалидности, что было связано с угрозой новой вспышки туберкулезного процесса в легких. Пенсию по инвалидности он получал небольшую, но оформление его отношений с гражданской властью позволило ему избавиться от того двусмысленного положения, в котором он оказался, будучи одновременно преподавателем советской школы и священником в храме; став пенсионером, он вернулся в клир Московской епархии.

В том же году отец Сергей был назначен настоятелем в храм Святой Троицы в Никитниках в центре Москвы. Основное помещение храма к тому времени было закрыто, и богослужения совершались в подклети церкви, где был расположен придел в честь Грузинской иконы Божией Матери. Первой заботой отца Сергия было восстановление богослужения в соответствии с уставом, — и со временем богослужение здесь стало совершаться так, как оно совершается в монастырях. Пелись и читались все положенные стихиры.

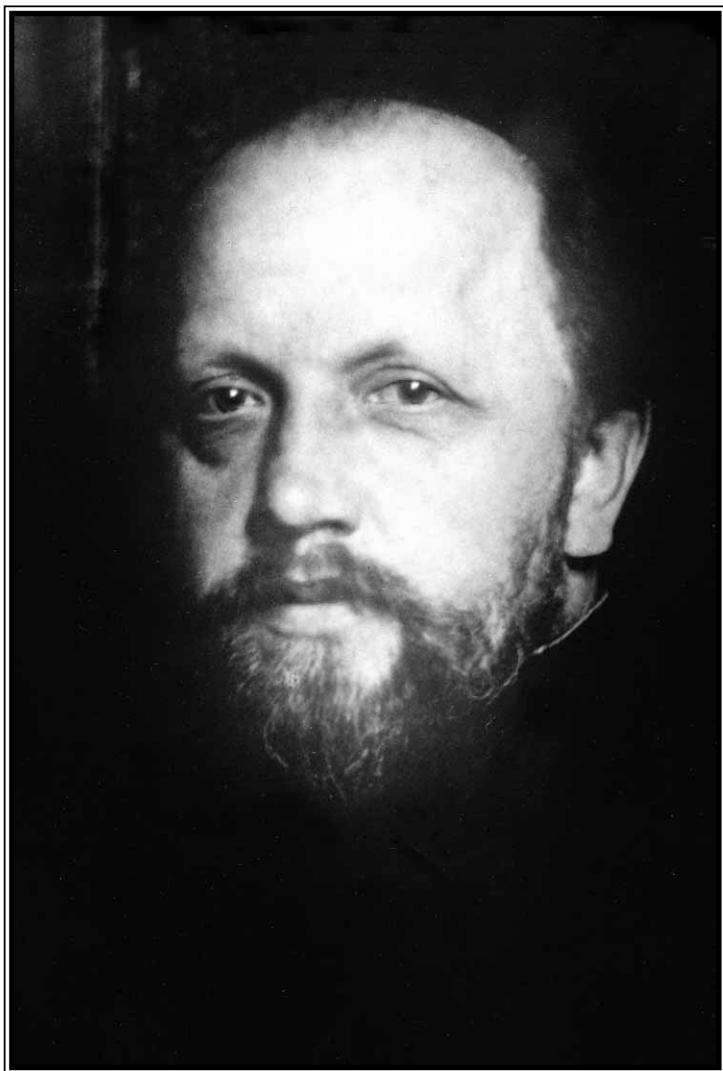
Это явление было характерно и для некоторых других храмов Москвы, где настоятелями оказывались ревностные и неленостные пастыри. В эпоху беспощадных гонений для многих верующих стала очевидна особая значимость молитвы, и прежде всего — молитвы церковной. Молитва оказывалась зачастую самым надежным путем ко спасению и единственной оградой, поддержкой и защитой среди гонений, бед и искушений. Вокруг Троицкого храма собрался крепкий приход. Здесь все прихожане делали сами — пели, прислуживали в алтаре, читали за богослужением. И все это делалось бесплатно. Свечи прихожане брали сами, опуская посылную лепту в ящик.

Один из прихожан храма, Василий Петрович Савельев (впоследствии архимандрит Сергей), так описывает богослужение в

храме: «После литии почти все свечи и лампы были погашены и храм погрузился во мрак. Молящиеся — их было немного, человек тридцать, — сели на скамьи и сидя слушали поучение, полагавшееся на этот праздничный день. После чтения поучения и кафизм все светильники вновь были зажжены и певчие дружно запели псалом «Хвалите имя Господне», и не в четырех стихах, как поется обычно в храмах, а полностью. В этот момент из алтаря вышел священник, держа в руках пук горящих свечей, которые тут же были розданы молящимся. В храме стало светло, тепло и богато. Большие восковые свечи пред иконами горели ярко; подсвечники блестели золотом; паникадило сияло от восковых свечей; тихо мерцали разноцветные лампы; белоснежные узорчатые полотенца нежно облегли темные лики старинных икон; лица молящихся светились радостью, а певчие дружно, обиходным московским распевом продолжали петь стихи хвалебного псалма. «Иже порази языки многи и изби цари крепки», — пели вдохновенно на одном клиросе, и столь же вдохновенно продолжал другой клирос: «Сиона царя Амореиска, и Ога царя Васанска, и вся царства Ханаанска».

Окончив этот псалом, певчие с еще большим подъемом запели другой псалом, в котором повествуется о том, как велик и чуден наш Господь Бог. По окончании этого псалма пели величание. Последний раз величание пели все присутствующие в храме. Это был момент наибольшего молитвенного подъема. Было радостно, так светло, так празднично, как бывает только на Пасху. Дальше следовало чтение Евангелия, в котором слова «Сей есть Сын Мой возлюбленный» звучали как непреложная, Божественная истина, озаряющая нашу жизнь и возводящая нас от земли на небо. Во время чтения первого часа почти все светильники были погашены и храм снова погрузился во мрак. Вокруг все стихло, и храм наполнился молитвою. Только ровный и спокойный голос чтеца нарушал благоговейную тишину и разносил по храму слова псалмов, которые сладко западали в размягченную душу. Законы и понятия чувственного мира, которые обычно поработают нас, куда-то исчезли. Вместо них раскрылись законы и понятия другой жизни, духовной, Христовой, которая вне времени и прост-

Священник Сергей Толощанов. 1926

ранства и которая чудесно преображает всех прикоснувшихся к ней чистым сердцем. “Яко тысяща лет пред очима Твоима, Господи, яко день вчерашний, иже мимо иде”, — слышались в затихшем храме слова псалмопевца.

Так, в молитвенной тишине закончилась праздничная утренняя... Под большие праздники совершались “всенощные бдения”. Это означало, что мы начинали службу около десяти часов вечера и оканчивали в пять-шесть утра. Хотя внешнее убожество наших богослужений в такие праздничные дни было особенно очевидно, но мы его не видели. Теплота соборной молитвы все преображала, нищета раскрывалась богатством, а души наши преисполнялись светлой радости. По окончании службы была братская трапеза. Она была убога, так, кое-что, но и в ней сладость духовная была неизъяснимой. Она была отзвуком “вечери любви” первых христиан».

Однако попытка восстановления богослужения на основе следования букве церковного устава и поставление именно его в центр приходской жизни оказалась не вполне удачной. Архимандрит Сергей (Савельев) писал: «Воссоздание церковного устава в богослужениях не могло быть простым копированием того, что написано в уставе, так как для такого богослужения необходимы люди, не только любящие устав, но и живущие в соответствии с ним. А таких людей почти не было...

Протоиерей Сергей Голошапов этого не понимал. Он был убежден, что уставное богослужение найдет горячий отклик среди верующих и поддержка ему будет обеспечена. Но этому не суждено было осуществиться. Оказалось, что совершение уставных служб с “неуставными” людьми было таким трудным и неблагодарным делом, что даже и любители старины не проявляли рвения к тому, чтобы его поддержать. Они заходили в храм, выражали свое сочувствие отцу Сергию, но далеки были от того, чтобы разделить с ним его повседневные трудности.

Единственными помощниками настоятеля в совершении уставных служб и в заботах о храме была небольшая группа молодежи. Но и она была связана с ним не столько внутренне, сколько внешне.

Причина этого заключалась в том, что настоятель имел на жизнь Церкви и на ее будущее безнадежно-унылый взгляд. Для него восстановление церковного устава было самоцелью. Он смотрел на жизнь Церкви, как на догорающую свечу, в горести склонив голову. Имея такой взгляд, он замкнулся в своих уставных увлечениях и своих духовных детей старался напитать тем же. Но его духовные дети были еще слишком молоды, чтобы удовлетвориться такой пищей. Для них само понятие “догорающей свечи” было чуждым. Догорать и чадить может все, но не Святая Церковь.

Для молодых самоцелью могла быть только жизнь во Христе. Восстановление же строгого уставного богослужения было необходимо им лишь в той мере, в какой оно эту жизнь помогало утвердить.

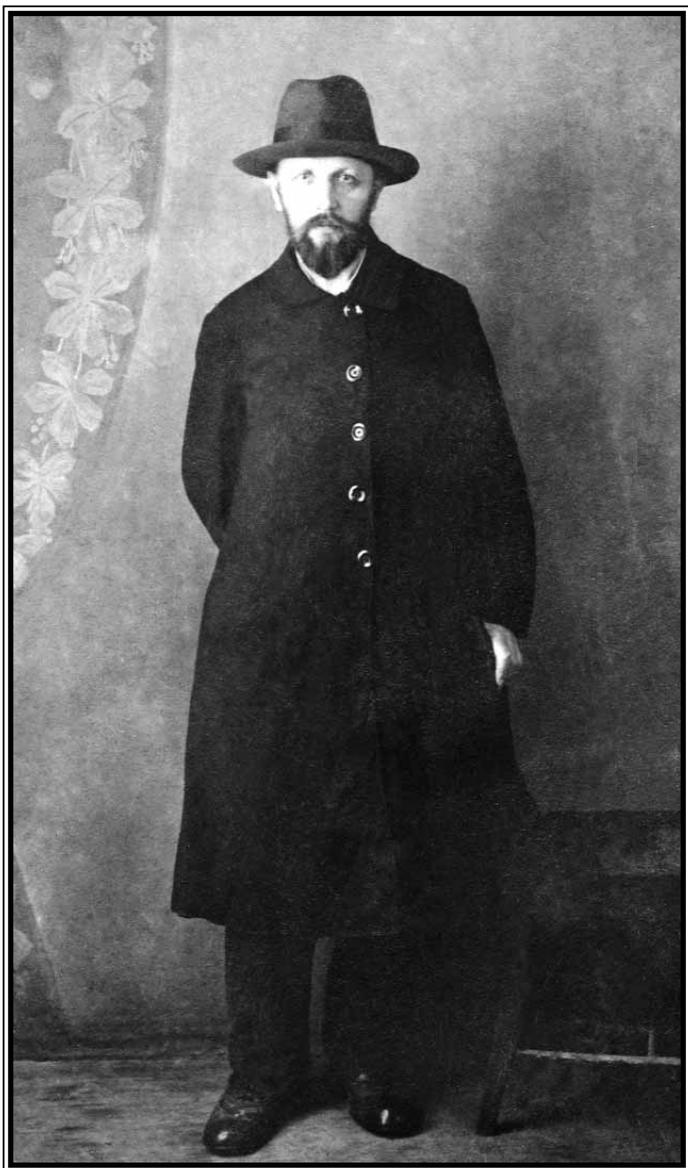
Это разномыслие между протоиереем Сергием Голощаповым и наиболее жизнедеятельной частью общины с течением времени все более нарастало и углублялось. А так как протоиерей Голощапов не способен был преодолеть это разномыслие, то община была обречена на распад. Этот распад произошел довольно быстро и совершенно неожиданным образом.

В 1927 году митрополит Сергей, замещавший тогда Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, находившегося в заключении, обратился к верующим с воззванием, которое породило в церковной жизни глубокое волнение.

Часть церковного общества осудила митрополита Сергия и откололась от него. В числе непримиримых противников его оказался и настоятель Грузинской общины протоиерей Сергей Голощапов...»

В конце двадцатых годов началась новая волна гонений на Русскую Православную Церковь. 30 сентября 1929 года Троицкий храм был закрыт, а 28 октября его настоятель протоиерей Сергей был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму.

11 ноября следователь Александр Казанский допросил священника. На заданные ему вопросы отец Сергей ответил таким образом: «Принадлежа к Дмитровской группе в силу подчинения ее митрополиту Петру Крутицкому, я интересовался только цер-

Священник Сергей Толстов

Соловецкий концлагерь. 1930

ковной стороной их деятельности, а их политическую физиономию я не представляю себе до сего времени. Правда, мне иногда приходилось знакомиться с их документами или с документами их сторонников, но я как-то, по-моему, проглядывал антисоветские места в них. Во всяком случае, я таких документов, четко антисоветских, не помню».

20 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Сергея к трем годам заключения в Соловецком лагере особого назначения.

По прибытии в лагерь священник сразу же был отправлен на общие работы на лесные разработки, находившиеся в глубине большого Соловецкого острова, представляющего собой топкое, болотистое и непригодное для жилья место. На Соловки он попал в то время, когда там еще не окончилась эпидемия тифа, и после недели работы в лесу отец Сергей тяжело заболел и был помещен в центральную больницу лагеря.

Здесь выяснилось, что он хорошо знает латынь и имеет высшее, хотя и богословское, образование. После выздоровления начальник санчасти предложил священнику сдать экзамен на помощника лекаря. Сдав экзамен, отец Сергей остался в санчасти в качестве помощника лекаря, что помогло ему выжить, несмотря на слабое здоровье, в условиях лагеря.

В санчасти было много верующих, и под большие праздники они совершали богослужения, что являлось для них большим утешением. Однако службы эти лагерным начальством не разрешались, и время от времени администрация лагеря обыскивала бараки, изымая все вещи и книги, относящиеся к богослужению. Так, в октябре 1930 года у протоиерея Сергея были изъяты богослужебные книги, епитрахиль, поручи, просфоры, запасные Дары, иконки, кадильница и ладан.

Сразу же после ареста священника его семья была выселена в комнату, которая являлась сторожкой, где когда-то жил один сторож, теперь она была разгорожена дощатыми перегородками на четыре темных и сырых комнатушки.

Летом 1931 года протоиерей Сергей был выслан из Соловков в город Мезень Архангельской области. Тогда же в Москве была

арестована его жена, которая также была сослана в Мезень. Условия жизни здесь были крайне суровыми, работа если и была, то только физическая, которая и отцу Сергию, и его жене была не по силам. Жили они, снимая проходную комнату у не отличавшихся доброжелательностью хозяев, а кормились тем, что удавалось выручить за даваемые ими уроки и от продажи бумажных цветов, которые они научились здесь делать.

Летом 1934 года срок ссылки окончился и им разрешено было выехать из Архангельской области в центральную Россию. Они поселились в городе Муроме Владимирской области. Через полтора года им разрешили переселиться ближе к Москве, но не ближе ста километров. Они выбрали Можайск и поселились здесь. Можайск в то время был переполнен людьми, вернувшимися из ссылок и лагерей, было трудно найти квартиру и невозможно было найти работу. У отца Сергия в это время обострились его болезни и к бывшим прибавились трофические язвы на ногах. В 1936 году жене священника Ольге Борисовне разрешили вернуться в Москву. Она устроилась домработницей, и с этого времени у семьи появился небольшой, но постоянный заработок.

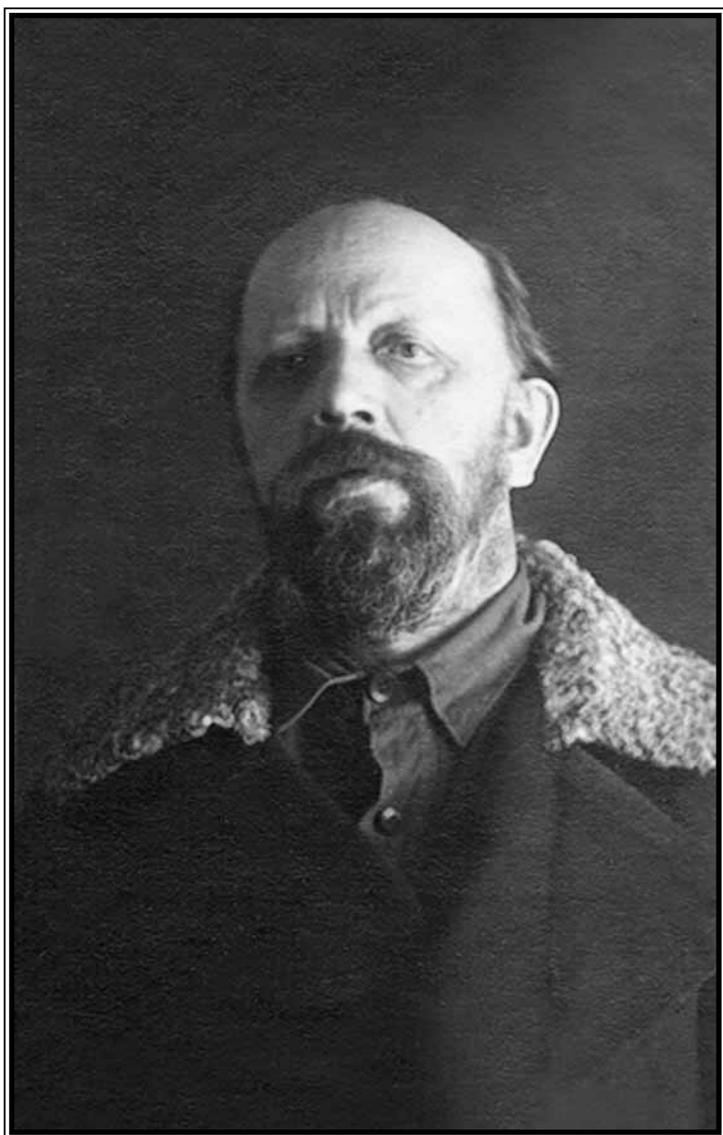
По свидетельству сына, священник в это тяжелое время, когда не виделось никакой перспективы на улучшение обстоятельств жизни в будущем, не только не падал сам духом, но и поддерживал всех, кто обращался к нему за помощью. В крохотной комнатке, которую он снимал в Можайске, отец Сергей устроил маленький алтарь и здесь совершал утренние и вечерние службы, горячо молясь за всех страждущих и гонимых христиан.

Протоиерей Сергей был арестован 7 декабря 1937 года во время совершения всенощной в своей крохотной комнатке и заключен в тюрьму в городе Можайске. На следующий день состоялся допрос.

— Чем вы занимались, проживая в Можайске? — спросил следователь.

— Проживая в Можайске в течение двух лет, я нигде не работал. Периодически я давал уроки на дому в Москве.

— Для какой цели вы имеете облачение и ряд других церковных вещей?

Протоиерей Сергей Толоцков

Москва. Таганская тюрьма. 1937

– Я интересовался и интересуюсь археологической и художественной стороной церковных вещей, и собирал их в течение всей своей жизни.

– Занимаетесь ли вы незаконным богослужением и где?

– Незаконным богослужением я не занимался.

– Какую вы вели контрреволюционную деятельность среди населения?

– Никакой контрреволюционной агитации среди населения я не вел.

В тот же день был допрошен хозяин дома, в котором жил отец Сергей; он показал, что ему приходилось бывать в комнате, где жил священник, и видеть в ней церковное облачение, дарохранительницу, церковные сосуды, подсвечники, чаши, кадило, ладан, свечи и уголь для кадила. Исходя из этого он полагает, что священник уходил по вечерам с сумкой и занимался незаконным богослужением, не возвращаясь на квартиру по два-три часа.

– Что вам известно о контрреволюционной деятельности священника? – спросил свидетеля следователь.

– О контрреволюционной агитации священника сказать ничего не могу, так как он вел себя очень скрытно и мне с ним не приходилось разговаривать.

На следующий день было составлено обвинительное заключение, в котором говорилось: «Будучи допрошенным в качестве обвиняемого, Голощапов виновным себя не признал, но достаточно уличается показаниями свидетеля».

16 декабря тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Сергей Голощапов был расстрелян 19 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. П-32867.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-29853.

Сергий Голубцов, Павел Голощапов. Исповедник и мученик протоиерей Сергей Голощапов. М., 1999.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 7. Тверь, 2002. С. 248–256.

Декабря 7 (20)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Михаил (Успенский)

Священномученик Михаил родился в 1874 году в селе Кишино Михневской волости Серпуховского уезда Московской губернии в семье псаломщика Алексея Успенского, происходившего из крестьянского сословия.

Образование Михаил Алексеевич получил домашнее, затем сдал экзамен на псаломщика в церковной школе и был определен в 1905 году на место псаломщика Покровской церкви села Авдулово Коломенского уезда*. 27 мая 1907 года он был посвящен в стихарь. 2 февраля 1920 года Михаил Алексеевич был рукоположен во диакона к Покровской церкви в селе Авдулово .

С 23 сентября 1916 года по 1 сентября 1917 года Михаил Алексеевич состоял на военной службе.

В 1933 году диакон Михаил был рукоположен во священника к Покровской церкви, и в том же году власти арестовали его и приговорили к 5 годам лишения свободы, но после кассационной жалобы он был оправдан.

Семья отца Михаила состояла из жены, Евдокии Павловны, сына и двух дочерей. В доме отца Михаила находили приют все нуждающиеся и гонимые священноцерковнослужители.

---

* Ныне Малинский район Московской области.

5 декабря 1937 года отец Михаил был арестован и заключен в Каширскую тюрьму. Виновным себя не признал.

9 декабря 1937 года он был приговорен к расстрелу. Священник Михаил Успенский был расстрелян 19 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19656.
РГИА. Ф. 831, оп. 1, д. 234.
АМП. Послужной список.

Декабря 9 (22)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К И

Василий (Ягодин) и Александр (Буравцев)

11 декабря 1937 года был арестован весь причт московского кафедрального Богоявленского собора в Дорогомилове, в том числе настоятель собора протоиерей Василий Ягодин и священник Александр Буравцев.

Священномученик Василий родился 11 апреля 1870 года в селе Ключи Керенского уезда Пензенской губернии в семье священника Александра Ягодина. В 1890 году окончил Пензенскую Духовную семинарию. Женился, семья его состояла из супруги Юлии Яковлевны и трех дочерей. В 1890 году Василий Александрович был назначен псаломщиком и учителем церковноприходской школы. В 1891 году он был рукоположен в сан священника ко храму в селе Ильмино Пензенской губернии. В 1895 году отец Василий был назначен военным священником в укрепление Чикишляр Закавказской области, в 1904 году – священником 221-го пехотного Троице-Сергиевского полка в Москве и благочинным 56-й пехотной дивизии.

В 1911 году отца Василия назначили настоятелем собора в крепости Свеаборг в Финляндии, и в том же году митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским) он был возведен в

сан протоиерея. В 1918 году община храма преподобного Харитона Исповедника в Москве обратилась к священноначалию с просьбой назначить в этот храм протоиерея Василия, и просьба была удовлетворена. В 1921 году протоиерей Василий был награжден палицей, а в 1923 году Патриарх Тихон наградил его митрой.

Весной 1937 года, в связи с арестом настоятеля Богоявленского дорогомилевского собора в Москве протоиерея Александра Лебедева, протоиерей Василий был назначен настоятелем собора и прослужил здесь до ареста. На допросах протоиерей Василий виновным себя не признал.

Один из допрошенных лжесвидетелей показал, будто священник был тесно связан с высшим офицерским составом царской армии и проводил большую работу по привлечению советской молодежи к церкви, что ему лично протоиерей Василий говорил: «Мы – старики, нам жить осталось мало, нужно молодежь воспитывать в духе христианской истины, молодежи необходимо рассказывать о великом прошлом русского народа, который снова возродится как великая национальная держава...»

– Вы обвиняетесь в том, что были участником контрреволюционной группы церковников, – заявил следователь.

– В контрреволюционной группе я никогда не состоял, – ответил священник.

– Вы обвиняетесь в том, что распространяли контрреволюционные слухи о якобы имеющемся гонении на религию и духовенство в Советском Союзе. Подтверждаете вы это?

– Контрреволюционных слухов я никогда не распространял.

– Вы обвиняетесь в том, что восхваляли старый монархический строй и распространяли ложные слухи о плохой жизни в Советском Союзе. Признаете вы себя в этом виновным?

– Повторяю, что я никогда не занимался агитацией и распространением слухов.

– Вы обвиняетесь в том, что среди верующих говорили, что

если советская власть закроет все церкви, то мы откроем свои не-легальные церкви. Подтверждаете вы это?

— Разговор о тайных церквях я отрицаю.

— Вы обвиняетесь в том, что во время выборной кампании вели агитацию, направленную на срыв этой кампании. Дайте показания по этому вопросу.

— Агитации, направленной против выборной кампании, я никогда не вел. Больше к своим показаниям добавить ничего не могу.

Священномученик Александр родился 30 мая 1886 года в селе Спасском Павшинского уезда Московской губернии в семье священника Сергия Буравцева. Окончил Московскую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. До 1929 года служил в храмах Московской области. В 1929 году отец Александр был арестован за то, что не смог выполнить назначенный ему сельсоветом налог — сдать пятнадцать пудов овса. За это он был приговорен к одному году заключения. Отец Александр подал жалобу на несправедливый приговор, был оправдан и освобожден. После этого он уехал в Москву и служил в разных храмах города, с 1934 года — в Богоявленском дорогомилковском соборе. Будучи арестован, виновным себя не признал.

— Следствие располагает материалами, что вы являетесь участником контрреволюционной монархической организации церковников. Подтверждаете вы это?

— Свое участие в контрреволюционной группе церковников я отрицаю.

— Вы среди окружающих восхваляли старый монархический строй и говорили, что в Советском Союзе народ голодает и мучается от непосильного труда. Подтверждаете вы это?

— Старый монархический строй я никогда не восхвалял. К советской власти я настроен не враждебно.

— Вы говорите ложь. Показания других участников группы

обличают вас как врага советской власти. Следствие требует правдивых показаний.

– Участником контрреволюционной группы я никогда не был. Говорю только правду.

20 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила священников Василия и Александра к расстрелу. 22 декабря 1937 года протоиерей Василий Ягодин и священник Александр Буравцев были расстреляны и погребены в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20894.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 7. Тверь, 2002. С. 257–258.

Декатра 15 (28)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Иларшон (Трошцкшй)

Священномученнк Иларшон (в мшру Владимир Алексеевщ Трошцкшй) родшлся 13 сентября 1886 года в селе Лшпшцы Кашшрско-го уезда Тульско-й губерннш в семье священннка. Дед будущешо святштеля, Петр Трошцкшй, священствовал в этом же селе. Пршхожане сохранили память о нем как о человеке необыкновенном. Когда он умшрал, все жштели села пршшли простшться с ним и получить от него последнее благословенше.

Жена отца Алексея Трошцкшого умерла рано, и ему самому пршлось воспитывать детей, которых у него было пятеро: трш сына и две дочери. Два сына — Владимир и Дмштршй — стали епшскопами, третшй сын Алексей — священнником. После смерти жены отца Алексея большое участие в воспитаннш сшрот пршняла ее незамужншя сестра Надежда, учительншца церковнопршходско-й школы; когда Владимира не с кем было оставшть, она брала его с собой на занштя. Мальчшк рано выучшлся читать, с пяти лет он стоял на клиросе, читал часы и шестопсалмше.

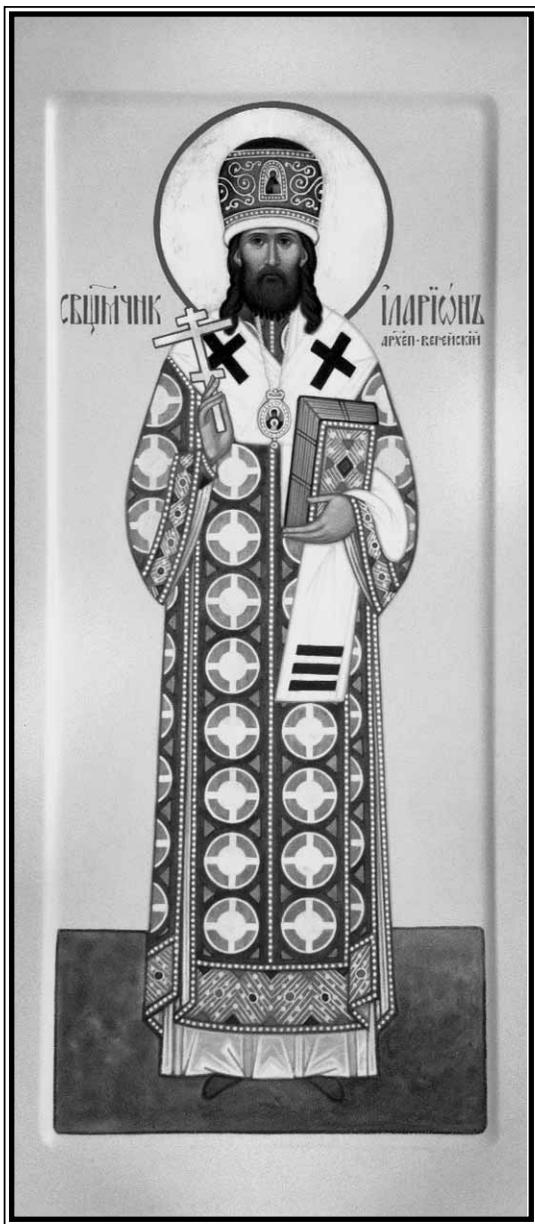
Первоначальное образование будущшй святштель получил в Туле — в духовном учшлшще, затем в семинаршш, и был послан на казенншй счет в Московскую Духовную академшю для продолженшя образования.

Владимир Алексеевщ поступшл в академшю в 1906 году, «когда чад и угар революцшонншй, пршнкшщшй и за стены акаде-

мии, — как писал об этом один из современников, — только что начал рассеиваться, но не исчез еще окончательно». Владимир Алексеевич много переживал, видя, как он говорил, «позор академии, променявшей светлые ризы чистой и трезвой науки на яркие, но грязные разноцветные лохмотья уличной политики», позор той академии, которую он любил, как «свою возлюбленную невесту»... Но гроза прошла не без пользы для Владимира Алексеевича: его всеанализирующий ум не мог успокоиться, пока не отыскал причины, почему пронесшийся шквал захватил столь широкие круги образованного русского общества: одним из главнейших условий, определивших такой масштаб движения, была, по его пониманию, бесцерковность общества, утратившего связь с Церковью, порвавшего с ее исконными традициями... Как только это определилось для него с достаточной ясностью, он стал посвящать почти все свои сочинения разработке вопроса о Церкви и церковности.

Влечение чистого сердца, воспитанного в правилах глубокой церковности, в благодатной атмосфере православного богослужения и целостности истины, которая может быть только в Православии (а все, что отделяется от него, лукаво советует идти своим путем, вне Православия, — все это от пленяющего душу греха, человеческой узости и несвободы, не имущей в себе любви и свободы Христовых), и сделало его пребывание в академии необычайно важным и ценным для него. Здесь он нашел то, что искал, — истину. Но поиски не лишены были трудностей и разочарований. В академии ему пришлось столкнуться с плодами учения Запада, излагавшего свои представления о Боге. Ничего более по сути своей безбожного и иссушающего душу он не читал. И насколько это разнилось с трудами святых отцов, писавших о том, что было для них смыслом всей жизни, более того, вопросом вечной жизни или вечной гибели, к чему невозможно было подходить лишь как к системе исключительно умственных построений. То и хорошо в Православии, что оно есть явленная истина и не требует каких-либо логических натяжек или лукавых

умозаключений, чтобы согласовать частную жизнь человека с церковной, а Церковь с истиной, как она глаголана Духом Святым через евангелистов и предание Церкви. Та же истина была в святоотеческом богословии, та же в церковном богослужении, та же и в слове Божиим. Иногда от этой освежающей душу истины захватывало дух и хотелось дерзко высказать лежащему долу теплохладному миру, откуда и куда он ниспал. Студент четвертого курса Московской Духовной академии Владимир Троицкий в день празднования 95-й годовщины со дня ее основания так выразил одну из своих заветных мыслей: «С гордостью часто говорит наш современник: богат есмь и обогатихся и ни в чем не имею нужды; но не знает он того, что он несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг (Откр. 3, 17). И все это потому, что вера Христова перестала быть жизнью, что не единому Богу поклоняются люди, а натворили себе несчетное множество кумиров, кумиров бездушных, которые не могут одухотворить жизнь и сделать ее содержательной.

Идолы все больше и больше вытесняют Христа из жизни людской. Все касающееся веры более и более становится в наши дни “частным делом”, даже таким, которое постоянно нужно прятать в самой сокровенной “клетки”, которому нет и быть не должно никакого места в жизни. В наши дни христианство проявляется только как личное потаенное благочестие, но совсем оскудела христианская жизнь. Христианская жизнь возможна только в Церкви, только Церковь живет Христовой жизнью... Общество предпочитает идти на торжище скучного мира, мечется там в потемках от одного блуждающего огонька к другому, гибнет духовным голодом, питается от рожец, приличных лишь свиньям, и не хочет избыточествовать хлебы в дому небесного Отца, Который есть святая Церковь Православная. А если и говорят некоторые об участии в жизни церковной, то под этой жизнью разумеют не созидание тела Христова в общем братолюбии и духовных подвигах, нет, под жизнью Христовой Церкви разумеют ведение хозяйства, заведование столами торжников (Мф. 21, 12) да борьбу за

*Священник
Алексий Троицкий с деть.ми:
(слева направо) Влади.мир, Алексей,
Д.митрий (крайний справа)*

*Владимир Алексеевич Троицкий,
преподаватель Московской Духовной академии*

какие-то права. И на месте святе хотят поставить свой бездушный мирской кумир!

В отношениях к Церкви больше всего проявляется современное идолопоклонство. Многие ожесточились, злословя единственный путь Христов (Деян. 19, 9), путь церковный. Создаются “новые пути” с именем Христовым, но без Церкви, “около стен церковных”. Эти “новые пути” оказываются очень удобными именно для того, чтобы сохранить имя Христово, а кланяться своим любезным идолам. Поэтому и привлекательны все эти “новые пути”. Они легки и потворствуют страстям. От действительной Христовой веры, содержащейся в святой Церкви, на этих путях остаются иногда благочестивые, а чаще уродливые мечты, не имеющие никакого отношения к жизни... Многие избегают говорить о Православии и еретических западных исповеданиях – католичестве и лютеранстве, – а говорят только о каком-то общем христианстве. Сочувствовать еретику, стать и стоять на стороне врага Христовой Церкви – разве считается теперь это позорным и пагубным преступлением, раздиранием нешвейного хитона Христова?..

Еретики, пользуясь беспросветным невежеством общества в вопросах веры и благочестия, прикрываясь громкими, но совершенно пустыми словами, проповедают самые невозможные, самые бессмысленные и отвратительные учения, а сыны Церкви, нисколько не задумываясь, еретическую ложь поставляют выше православной истины. Отлученного от Церкви за богохульные ереси открыто именуют великим учителем, устраивают в честь него празднества, ездят к нему на поклон. Мало того, осмеливаются еще поносить стражей Христова стада за то, что они волков отгоняют от вверенных им Богом овец. Враги Церкви осыпают достояние Божие неисчетными хулами, от которых в ужас приходит душа, любящая Бога и святую Церковь...

Недостаток преданности единому Богу вместе с желанием соединить поклонение Богу и идолам создали в наше время, преимущественно у западных еретиков, взгляд на богословие как на

одно только внешнее знание. Что такое богословие? Оно для многих есть только знание богословских истин, но не знание Бога. Знание же Бога есть наука опытная. Только чистые сердцем Бога узрят, и потому истинное богословие должно быть благочестием, и только тогда принесет оно плод по роду своему».

Еще учась в академии, Владимир Алексеевич стал обнаруживать себя как крупнейший русский богослов, сосредоточив свое внимание на историко-догматической апологии девятого члена Символа веры, то есть на раскрытии православного учения о Церкви. В академии им — студентом, а затем преподавателем — были написаны и опубликованы работы: «Христианство или Церковь», «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету», «О церковности духовной школы и богословской науки», «О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры», «Триединство Божества и единство человечества», «Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве» и другие.

В 1910 году Владимир Алексеевич Троицкий окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия и был оставлен в академии профессорским стипендиатом, а через год — назначен исправляющим должность доцента по кафедре Священного Писания Нового Завета. С этого времени началась его преподавательская деятельность, которая продолжалась до самого закрытия Духовной академии и принесла много плодов как на поприще непосредственно преподавания, так и в области богословских исследований, ибо в его лице Духовная академия обрела глубоко православного ученого-богослова. Как и во время учения, он тщательно готовился к лекциям, но теперь взял себе за правило: написав текст в тетради, всегда оставлять ее дома и читать лекцию, не пользуясь никакими записями. Сначала было, конечно, боязно, но затем он так освоился, что эта привычка придавала ему даже особенную уверенность, он стал чувствовать себя на кафедре — сначала Духовной академии, а потом и церковной — вполне на своем месте.

В свободные от преподавания часы Владимир Алексеевич писал магистерскую диссертацию на тему «Очерки из истории догмата о Церкви». Этой теме он придавал огромное значение, видя, что девятый член Символа веры стал камнем преткновения и соблазна для современных людей. Для него было существенно важно живое слово истины, душа его искала этого слова и насыщалась им; для него не существовало формального знания, богословие было для него прямо связано с жизнью, было тем, без чего невозможно обходиться ни одного часа. В этом смысле он был православным русским человеком, впоследствии православным русским архиереем, для которого слова Христова Евангелия были прямым, обращенным к душе повелением. В нем совершенно не было лукавства. Для него безусловную значимость имели слова «ищите прежде Царствия Божия...» (Мф. 6, 33) и «какой выкуп даст человек за душу свою» (Мф. 16, 26). Имея живой ум, будучи глубоко образованным человеком, он сразу обратил внимание на то, что центральным по значимости вопросом для современных людей стал вопрос не о божестве Иисуса Христа, не о крестных страданиях Богочеловека, а о Церкви, без которой нет спасения, без которой и сама вера становится прелестной, бесовской. Признать за католичеством или протестантизмом, что и они Церковь, значило встать на путь или самоуничтожения, или недостойного имени христианина лукавства. А кто же тогда в западных исповеданиях спасается? — спрашивают люди маловерующие, а чаще неверующие. Но, увы, часто люди вовсе и *не хотят* спастись и быть со Христом. Они в своей жизни ставят какие угодно цели, желают чего угодно, но только не жизни во Христе, не жизни с Богом. В таких городах, как Содом и Гоморра, почти не было людей, желавших жить благочестиво, взыскующих святой жизни; и Иерусалим искал власти и богатства и, будучи последовательным в своих исканиях, распял Богочеловека и Творца. С предельной резкостью религиозного исповедания этот выдающийся богослов писал: «Я никак не могу думать, что православие и католичество — почти одно и то же, что это — две поместных Церкви. Я испо-

ведую, что Церковь едина, и католики для меня – не Церковь, а следовательно, и не христиане, ибо христианства нет без Церкви».

Может быть, именно потому, что для него был столь важен вопрос о значении Церкви, он впоследствии обратил свое пристальное внимание на сочинения Алексея Степановича Хомякова и впервые среди церковных богословов дал им объективную научно-богословскую характеристику, определив их место среди богословских сочинений и установив их связь с богословием древних учителей Церкви, таких, как святой Игнатий Богоносец, святой Ириной Лионский, Тертуллиан, святой Киприан Карфагенский, блаженный Августин. «А. С. Хомяков, – писал он, – собрал и усвоил то, что говорили на Востоке и на Западе в течение нескольких веков по разным поводам, применил все это к западным исповеданиям, дополнил различными весьма глубокими философскими и историческими соображениями, изложил, наконец, в совершенно новой форме и тоном вдохновенным. Хомяков сказал “по-новому”, и в этом его громадная заслуга для богословской науки. Сокровищница святоотеческой письменности – богатство неисчерпаемое, и кто выносит оттуда на свет Божий хоть какую-нибудь часть, того можно только благодарить.

В частности, на сочинения А. С. Хомякова должны обратить свое внимание современные полемисты, которым приходится вести борьбу с ересями и заблуждениями. Нося на себе яркий отпечаток святоотеческой полемики, полемика А. С. Хомякова представляет собой светлую и блестящую точку на мрачном фоне полемики с западными исповеданиями.

Древнецерковная полемика и полемика А. С. Хомякова – принципиальна, она рубит дерево заблуждения под корень. Тесно связанная с идеей Церкви, она не останавливается исключительно на отдельных заблуждениях, а указывает их общий корень в противлении догмату о Церкви, а отсюда решительное нравственное осуждение всякого отделения от Церкви. Poleмические сочинения А. С. Хомякова представляют именно опыт

применения принципов древнецерковной полемики к западным исповеданиям».

Весной 1912 года Владимир Алексеевич закончил работу над магистерской диссертацией и отдал ее для прочтения рецензентам.

Уже не в первый раз летом во время каникул он отправлялся в путешествия, чаще всего за границу. Имея любознательный характер, он везде хотел все повидать и узнать, чем живут люди в каждой стране, как они ощущают истину Христову и живут ли ею вообще. Летом 1908 года он объехал восточноевропейские страны и Балканы. Теперь, в 1912 году, он посетил Германию, Швейцарию и Францию. Ему было важно увидеть плоды европейской культуры – католичества и протестантства, для него жизнь вполне продолжала его ученые занятия богословием, а благочестие полагало основы для объективного видения окружающей жизни. Все его наблюдения и впечатления оченьгодились и оказались весьма ценны, когда началась война с Германией, война между миром славянским и германским, война между миром христианским и миром, имевшим приблизительное и смутное представление о Христе, а часто и враждебным Ему. Путешествие заняло месяц, но при живости характера путешественника, при том, что ему хотелось все самому посмотреть и затем осознать, само время путешествия явилось как бы уплотненным, для него не осталось теперь ничего загадочного и интересного в Западной Европе. В техническом и культурном своем развитии западноевропейские страны зашли в тупик, а их духовное развитие оказывалось настолько плоско, что не имело даже намека на содержательную глубину.

Посетив после путешествия на Запад родное село, Владимир Алексеевич вернулся в Сергиев Посад, где принялся за печатание магистерской диссертации, которую он писал в течение двух лет. В конце ноября назначенные рецензенты – профессора С. С. Глаголев и М. Д. Муретов – весьма высоко отозвались о труде автора. В отзыве С. С. Глаголева говорилось: «Такие книги, как

книга господина Троицкого, не часто являются на Руси. Появление их есть праздник богословской науки». Свой отзыв профессор М. Д. Муретов закончил словами: «Если бы от меня зависело, я без всяких колебаний признал бы диссертацию Троицкого вполне достойной не только магистерской, но и докторской степени». 11 декабря 1912 года Владимир Алексеевич успешно защитил диссертацию. 16 января 1913 года Святейший Синод утвердил его в звании магистра богословия и в должности доцента. За лучшее магистерское сочинение ему была присуждена премия митрополита Московского Макария.

Однако сам автор ни от таких отзывов, ни от присуждения премии ничуть не возгордился. Имея высокие критерии, каким должна соответствовать работа на столь ответственную тему, он понимал, сколько еще нужно бы сделать и изучить, чтобы раскрыть ее насколько возможно полно и достойно такого драгоценного предмета, как Церковь. Как глубокий богослов и смиренный человек, он был достаточно защищен от уязвляющей душу гордости, которая могла бы обнаружиться после высоких похвал уважаемых профессоров.

После защиты диссертации Владимир Алексеевич отправился в путешествие в Киев и в Житомир. Здесь он встретился с епископом Прокопием (Титовым), с которым был весьма дружен. Вместе с ним он в этот приезд много раз бывал у архиепископа Антония (Храповицкого), к которому, как многие студенты Духовной академии, и в особенности желавшие принять монашество, относился с большим уважением.

Подошел Великий пост 1913 года, подошло и время прехождения Владимира Алексеевича к иному пути. В детстве он получил строго православное воспитание; можно сказать, что его главной воспитательницей была Православная Церковь с ее возвышенным, ни с чем не сравнимым богослужением, с воспитующим волю к добру уставом. Лишь став студентом и приступив к писанию работ о Церкви, он смог осознать и понять то, что чувствовал с детства. Теперь он знал, за что и почему любил право-

славное богослужение, и эта любовь, соединенная с желанием единения, привела его к мысли принять монашество. Останавливало в решении принять иноческий постриг только одно: он знал, что, став монахом, не будет свободен в выборе церковного послушания и может быть определен на любую церковно-административную должность, к чему он не чувствовал в себе ни малейшего призвания. Иночества, молитвы, научных занятий — вот чего он жаждал для своей души. Но в выборе любого жизненного пути есть риск — найдя то, что желаешь, найти и то, чему противится душа. Наконец Владимир Алексеевич все же решился и в день празднования Торжества Православия подал прошение о пострижении.

Постриг был назначен на 28 марта в пустыни Святого Параклита, находившейся неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры. Владимир Алексеевич сам выбрал эту уединенную суровую пустынь для своего пострига. Популярность молодого доцента среди профессоров академии и студентов была столь велика, что на постриг приехали многие преподаватели академии и студенты.

После того как постриг был совершен, ректор Духовной академии преосвященный Феодор (Поздеевский), выйдя на амвон, сказал новому иноку напутственное слово: «Истина Христова проста, и лишь сами люди усложнили и усложняют ее различными мирскими и житейскими мудрованиями. Эта истина в том, что самое ценное, самое важное для жизни — это выяснение в своем внутреннем человеке образа Христа. Он, этот образ, бывает темен, как темен лик на древней иконе; но как опытный художник может очистить его от копоти времени и позднейших наслоений, так и живущий в нас нетленный лик Христа можно освободить от посторонних теней. Это можно сделать слезами, терпением, борьбой, причем эта борьба может быть и не без крови, значит, и не без жертвы. Нужно быть готовым жертвовать ради высшей цели всем, как бы дорого нам что-либо ни было, как бы важно ни казалось. Ради этого следования Христу должно пожертвовать и наукой, и академией, потому что они без Хрис-

та — ничто, а во Христе всякий везде может принести пользы больше, чем в свещнице академической науки. Пример тому — великие подвижники и древних и новых времен, которые, сами того не желая, оказывались славными в делах государственных, следуя только Христу и монашеским обетам!..»

Перед принятием монашества Владимир Алексеевич писал своим родственникам: «Простите меня, дорогие мои, за все мои преступления против вас, ведомые и неведомые. Земно кланяюсь вам и прошу забыть все злое мое. Помолитесь за меня, особенно 28 вечером (около девяти часов), когда будет в Параклите мое пострижение в монашество. Иду в путь свой светло и с радостью. Теперь уже томлюсь, — скорее бы загородиться от преследующего меня по пятам мира черными одеждами. Прошу вас всех не отворачиваться от меня и впредь своею любовью. Простите!» И через месяц: «Итак, вот уже почти месяц, как я монах. Много пережито, много перечувствовано. Будто какая высокая волна подняла меня, да и до сих пор еще не отпустила. 28 марта в Параклите состоялся мой постриг. Что я пережил, не умею рассказать, но после почувствовал себя помолодевшим, совсем мальчиком. В духовной радости пробыл пять дней в храме. Вернулся в академию, но еще до сих пор не вернулся к своим прежним делам. Началась Страстная, Пасха... Все это в нынешнем году для меня было особенное. В Великий Четверг впервые прошел царскими вратами — посвящен в сан иеродиакона и начал ежедневную почти службу, которая каждый раз доставляет мне великое утешение. В прошедшие дни моего монашества я переживал преимущественно чувство радости и душевного мира.

Что я теперь духовный, это меня почти не удивляет: как будто так и следовало, — даже странным стал казаться прежний светский вид. К новому имени привык, хотя и мирское еще не забыто. И так в радости встречал я Светлый праздник — “от смерти бо к жизни Христос Бог мя приведе”.

Вместе с куцыми одеждами сброшено что-то такое, что тяготило, беспокоило; стало легче, покойнее. Говорят опытные люди,

что это всегда новонаначальному монаху подается вкусить душевного мира, чтобы он знал, ради чего должен он подвизаться при всех будущих искушениях.

А все же своих “мирских” друзей вспоминаю очень часто. Думается мне, что в отношении к ним и в монашестве я не имею повода перемениться. Интересно, конечно, как вы рассуждаете обо мне теперь: “Пропал человек неизвестно из-за чего”, “Что сделал с собой?” Эх, мир, мир! Я мир понял и примирился с ним, и очень жаль, что мир вовсе не хочет примириться с монашеством. А стоит только сознаться: “ведь не одна же форма жизни должна быть для всех”. Я избрал ту, которая мне казалась, а теперь и оказалась наиболее подходящей. Не жалейте, а сорадуйтесь, потому что я теперь радуюсь. А что значит Иларион? Веселый».

11 апреля он был рукоположен в сан иеродиакона; 2 июня, на Троицу, в сан иеромонаха. Прошло всего два месяца, как он был пострижен, и случилось то, чего он больше всего опасался, ради чего откладывал постриг, — 30 мая отец Иларион был назначен на административную должность инспектора Московской Духовной академии. С этого времени он потерял мир и покой. Об этой поре своей административной деятельности владыка Иларион всегда вспоминал как о каком-то кошмаре, почти равном по тяжести тюремному заключению, когда жаждущего уединения инока, неопытного в делах административных и житейских, влекли на житейское торжище, вменяя ему в обязанность принимать ответственные решения в качестве хотя и небольшого, но все же начальства.

5 июля 1913 года он был возведен в сан архимандрита; это был самый молодой архимандрит и профессор в России того времени.

С получением нового назначения жизнь его совершенно переменялась. Он писал родным: «Сейчас чувствую больше всего одно: совершенно выбит из колеи, разрушены до основания мои планы и намерения касательно ближайшего будущего, а оно у меня намечено было на целые годы. Настроение подавленное. Дел целая куча, в квартире базар, человек пятьдесят в день перебива-

ет. Письма, телеграммы... Отвечать нужно, а иногда едва одно письмо за день написать ухитришься. Да и не скоро войдешь в новую колею. Летом, по крайней мере июль весь, придется сидеть в академии: буду я в своей особе совмещать и ректора, и инспектора, и помощника инспектора... Роптать не ропшу, потому что монах — церковная вещь. Личной жизни у него нет — один. Куда поставят — берись и работай. Три года уж каникул у меня не было, на нынешние было рассчитывал, но вышло не по-моему. Слава Богу за все!»

Но бывали и прямо тяжелые переживания, связанные с некоторыми поручениями Синода. Летом 1913 года архиепископ Никон (Рождественский) уехал на Афон разбирать дело тамошних монахов, и с ним предполагалось командировать архимандрита Илариона, чего ему никак не хотелось, но, по счастью, командировали преподавателя духовного училища С. В. Троицкого. Неприятное дело, связанное с афонскими монахами, настигло архимандрита Илариона через год. В марте 1914 года он писал своим родственникам: «За последнее время меня стали донимать поручениями высшего начальства. Когда требовалось что-нибудь написать, я принимал поручение все же благодушно, но на днях такое получил от Синода поручение, что сразу потерял покой и хожу осунувшимся. Придется после Пасхи жить в Москве и вести дело увещания афонских монахов. Дело это вообще грязноватое, крайне ответственное, к моему образу... мало подходящее, требующее немалой книжной подготовки, которой я не имею вовсе, а времени и мало остается, и главное — без того не знаю, как справиться с академическими делами. Это поручение меня прямо угнетает...»

Соприкасаться с этим делом близко ему никак не хотелось, и Господь миловал — через месяц он об этом писал: «Дело с афонцами разрешается без моего участия. Возможно, что тревога была у меня напрасно, но она была, и времени у меня пропало много. Ведь до июня остается чуть больше месяца, а остается прочитать сорок четыре семестровых сочинения (прочитал на этой неделе

восемь!), пять кандидатских, еще восемь экзаменов, а праздники, службы. Поневоле начнешь помышлять лишь о том, как бы дожить до июня, когда горизонт несколько разъяснится. А теперь только помогай Бог!..»

Через год после пострига, подводя вкратце итог прожитому, архимандрит Иларион писал родным: «Хорошая вещь монашество, но оно прошло мимо меня почти мельком. Беда моя вся в том, что у меня нет одиночества, а без одиночества мне жить трудно: теряется покой. Уж это хуже чего нет, если беспокойство и огорчение гонятся даже в твоё жильё... В науке застой... грехов всяких чуть разве поменьше прежнего, а душевного покоя совсем незаметно. В этом не монашество виновато, а инспекторство мое. Инспектор я плохой...»

Впрочем, здесь сказывался не столько недостаток способностей к исполнению административной должности, сколько недостаток опыта, благодаря которому можно было отличить события важные, требовавшие применения административных мер, от несущественных. Скоро, однако, все происходящее окрасилось особыми переживаниями — началась Первая мировая война, которую в то время называли Отечественной, и было предчувствие, что ее последствия никого не оставят незатронутым. Первые месяцы после начала военных действий архимандрит Иларион иногда целыми днями читал газеты, пока фронт не стабилизировался и не стал вырисовываться затяжной характер войны. В тот год академия праздновала столетний юбилей. Теперь по служебному положению архимандрита Илариона все праздники и юбилеи непосредственно его касались, но в этом году из-за начавшейся войны юбилейные торжества были отменены, не было даже обычного ежегодного акта.

Во время всенародного молебствия на площади в Сергиевом Посаде архимандрит Иларион обратился к собравшемуся народу: «Православные русские люди! Не с радостью пришли мы сюда. Нет, не с радостью... Грозная туча народного горя и народной бе-

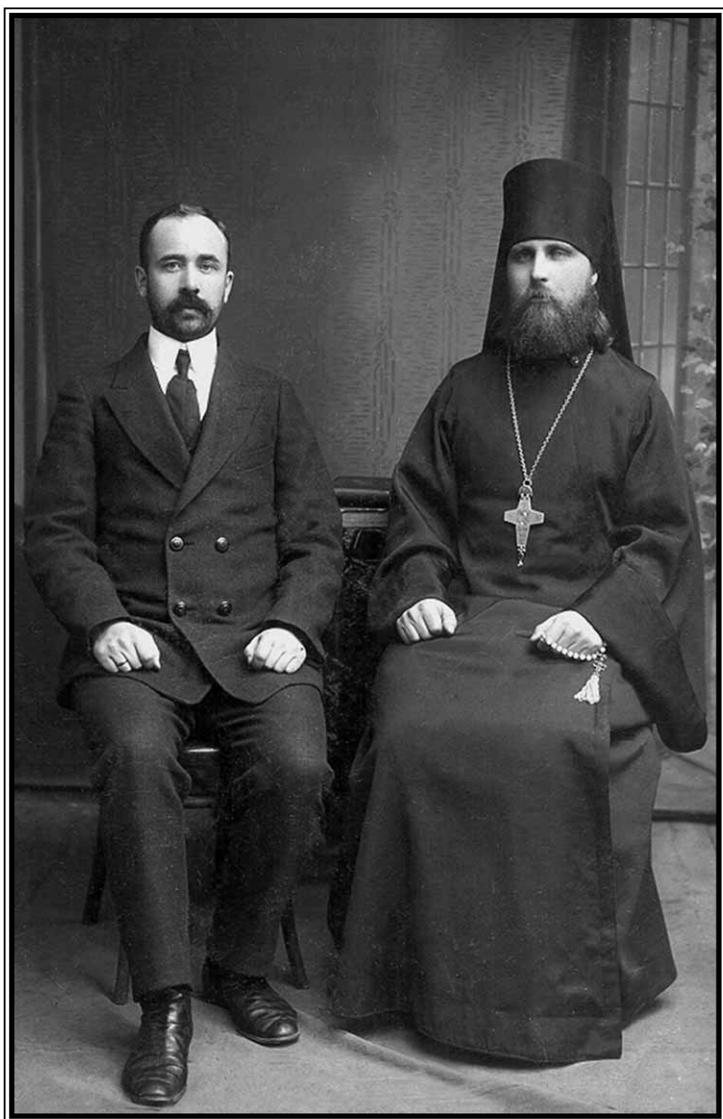

ды нависла над родиной нашей. Не капли дождя — капли слез горячих, капли крови алой, бесценной, падают из этой тучи ужасной на землю родную. Может быть, суждено пролиться целым потоком крови и слез. Отечество в опасности! Отечество в нужде и обстоянии! Отечество требует жертв от нас. Оно уже у многих из нас взяло родных и близких и — кто знает? — взяло, может быть, навсегда. Оно требует имений наших и даже самой жизни нашей. В наступающие дни нам всем придется немало перестрадать сердцем и душой.

Пробил грозный час суда над Русской землей. За последние десять лет мы все немало грешили. Мы, русские люди, допустили в нашей родной земле распространиться неверию. У нас небывалое прежде развращение нравов. Мы, русские люди, грешны пред нашей славной историей. Мы грешны пред памятью и заветами наших предков. Мы грешны пред нашими родными святынями. Стали мы терять страх Божий. Разучились любить Царя и Родину. Мы привыкли поносить и хулить все свое и родное, хвалить и превозносить все чужое.

Пришел час искупить пред Богом наши народные вины, наши народные грехи...»

Чем дольше длилась война, тем тяжелее и определеннее стучалось в сердце предчувствие. И прежде всего потому, что война не проясняла главного и единственно важного — ее значения и смысла для России, что идет война между страной, где основой народной жизни почти тысячелетие являлось Православие, и страной, которая почти тысячу лет назад отпала от Церкви, многие стороны жизни и культуры которой стали враждебны христианству. Беда была не в самом факте войны, но в том, что большая часть русского образованного общества, являвшегося наследником реформ Петра I, была, по существу, антинародна, настроена враждебно ко Христу и жаждала гибели отечества. Этот настрой тогдашнего общества оказался для него важнее, существеннее национальных, общенародных интересов, и оно готово было

Архи.иангрит Уларсон

уничтожить и самый народ, только бы не сходить с той позиции, которую оно мыслило как западноевропейскую и свою собственную и которая в те времена заключалась в безбожии и материализме.

Такое умонастроение интеллигенции оказало влияние и на часть духовенства и вызвало, в частности, бесчисленные нападки на монашество. В 1915 году думское духовенство составило «Записку», в которой были следующие строки: «Нынешние семинарии не умеют привить своим питомцам искренней веры и сердечной любви к Церкви. Из многих недостатков духовной школы следует прежде всего указать на неудовлетворительный подбор руководителей школ, которые по преимуществу выбираются из монашествующих лиц, в большинстве случаев молодых и малоопытных в педагогическом деле. Можно указать на сотни случаев, когда монах, почти только что сошедший со студенческой скамьи, в 25–26 лет назначается смотрителем или инспектором семинарии».

Ложь думских политиков была настолько возмутительна, что архимандрит Иларион счел своим долгом ее опровергнуть. Чтобы не быть голословным, он поднял отчеты обер-прокурора за 1913 и 1915 годы. Из официального отчета следовало, что монахов среди учащихся в духовно-учебных заведениях было всего 2,7%, остальные — белое духовенство и (большей частью) светские люди. По официальному отчету, среди лиц, занимавших в духовно-учебных заведениях административные должности в 1915 году, светских было 60%, белого духовенства — 30%, монахов — 10%.

Приведя эти цифры, архимандрит Иларион написал в заключение: «Где же *преимущественное* назначение в руководители школ лиц монашествующих? Где обещанные *сотни* 25–26-летних монахов на инспекторских и смотрительских местах?»

Если подбор руководителей духовных школ неудовлетворителен, то почему в этом виноваты только монахи, если их на административных постах только 10%, а вообще на духовно-учебной службе и всего лишь 2,7%.

Но я ни на минуту не сомневаюсь, что статистически опровергаемая неправда будет неустанно повторяться и в печати и в обществе, истина невыгодная — никому не дорога!»

В августе 1916 года во вступительной лекции в Московской Духовной академии архимандрит Иларион сказал: «Ныне мы опять переживаем тяжелую Отечественную войну и снова воочию видим неприглядную изнанку европейской культуры. Неужели и эта война пройдет бесплодно для русского общества, как без пользы пережита была Отечественная война сто лет назад? А ведь у нас и теперь раздаются голоса о том, что мы воюем не с западноевропейской культурой, а только с прусским милитаризмом. А эта война, казалось, могла бы научить русских людей многому, — прежде всего тому, что для излечения разъедающих русскую душу ран необходимо раскаяться в двухвековом грехе против Церкви, возвратиться всем к вере отцов и дать Православной Церкви прежнее место в жизни государственной и общественной.

Перед началом войны Церковь в России была унижена до крайности. Прежде, по Регламенту, Церковь была подчинена Государю; это можно было оправдывать. Но русский монарх призвал к жизни конституционные законодательные учреждения. Церковная жизнь в новом законодательстве совершенно не выделена из круга ведения представительных учреждений. И теперь юридически обсуждать и решать многие вопросы даже внутренней церковной жизни получили право и Фридман, и Чхеидзе. Порабощение Церкви государством достигло окончательного развития. И это в то самое время, когда и раскольники, и сектанты, часто вредные России, выросшие из немецкого семени, получили полную свободу. Открываешь газету и видишь, как легко раскольникам собраться на собор. Вспоминаешь, как и высланный теперь из России Фетлер устраивал съезды баптистов в древней православной Москве. И только Православная Церковь не может составить собора и поставить на нем законного главу, согласно 34-му апостольскому правилу!

Тяжело иногда бывать в Московском Успенском соборе. Это тогда, когда видишь там людей не молящихся, а “осматривающих достопримечательности”. Эти люди ходят по собору, будто по музею. Даже раки святителей московских ничего им не говорят, и они пред ними не только не поклонятся, даже не перекрестятся. Но пришлось мне в этом году служить в Успенском соборе раннюю обедню. Едва добрался до алтаря — так наполнен был собор простым народом. Бесконечные вереницы богомольцев шли и благоговейно лобызали мощи великих святителей во всех четырех углах собора. Понял я, что жива еще русская душа и древний священный собор не обратился для нее в бесчувственный археологический музей, за каковой его почитают чуждые церковной жизни интеллигенты! Но еще больше, чем всегда, было видеть пустое патриаршее место! Хотелось воскликнуть: доколе, Господи! Когда же взойдет на это место верховный пастырь русского народа, возьмет в свои святительские руки свирель и палицу и соберет в единое Христово стадо всех русских людей, включая тех горохишных овец, которые разбежались теперь по Воробьевым горам и пасутся по чужим и вредным пажитям?»

Хорошо понимая, что война имеет религиозный характер, что люди умирают или за веру, или борясь с верой, архимандрит Иларион принял живое участие в миссионерской и противораскольнической деятельности. По поручению Святейшего Синода он частью отредактировал, а частью составил сам двадцать четыре полемических листка против унии и напечатал их в количестве шестисот тысяч экземпляров. Особое недоумение у него вызывало, когда какой-нибудь преподаватель и специалист, например по современному сектантству, проникнутый патриотическими чувствами, подавал прошение об увольнении из академии, чтобы принять участие в боях действующей армии. Так, преподаватель недавно созданной кафедры по истории обличения русского сектантства А. В. Ремизов подал прошение о разрешении поступить на инженерные курсы для последующего служения в армии. Такое разрешение ему было дано. Архимандрит Иларион высказал,

однако, по этому поводу совершенно отрицательное суждение. Он писал: «Долг патриотизма требует оставаться на своем месте и заниматься своим прямым делом, на которое поставлен и к которому приговорен».

А между тем борьба с немцами идет не только на поле брани, идет она и в торговле, и в промышленности, и в науке. Борьба с сектантством, с этою “немецкой верою”, есть борьба с тем же вражеским духом и вражеской мыслью. Эта борьба есть прямая обязанность господина Ремизова, и при исполнении этой обязанности он, несомненно, может быть более полезен, как имеющий уже подготовку своим образованием».

С 7 по 14 июля 1917 года по благословению Святейшего Синода в Московской Духовной академии состоялся съезд ученого монашества, на котором присутствовало около семидесяти монахов. На заседаниях съезда обсуждалось положение ученого монашества на учебной и неучебной службе. Было решено создать братство ученых монахов, утверждалась необходимость иметь этому братству свои монастыри и учебные заведения. Обсуждался также вопрос о том, чтобы сделать Духовную академию чисто монашеской с подбором профессоров из числа монашествующих.

Горячим сторонником такого рода реформы был епископ Федор (Поздеевский). Перед его взором предносился идеал строго монашеского, аскетического и строго православного учебного заведения. Этот идеал, страстное желание чаемого затмевало видение действительности, того, что русская жизнь стала далека от этого идеала и попытка достичь его административным путем ни к чему привести не могла. Большинством в тридцать голосов против девятнадцати при остальных воздержавшихся была проведена предложенная им резолюция: «Съезд ученого иночества считает необходимым, чтобы церковный собор в ограждение чистоты православно-богословской науки от той опасности, которая угрожает ей при реформе академий на началах автономности, оставил хотя одну из существующих академий не затронутой этой

реформой, реорганизовав ее на началах строго церковных в смысле устава дисциплины и быта и обеспечив ее профессорами из лиц священного сана (преимущественно монашествующих), а равно и мирян строго церковного настроения, и сделав ее органом проявления деятельности братства».

Голосовавшие против этой резолюции профессора Московской Духовной академии архимандрит Иларион и иеромонах Варфоломей (Ремов) подали свое отдельное мнение: «Считая желательным, чтобы церковная власть организовала одну Духовную академию с особым уставом, определяющим ее управление и быт на строго церковных началах, не находим, однако, никакой возможности согласиться с принятой съездом резолюцией. Особая академия в резолюции предлагается “в ограждение чистоты православно-богословской науки от той опасности, которая угрожает ей при реформе академии на началах автономности”. В этих словах резолюции выражено осуждение существующих академий, совершенно ими не заслуженное, потому что считать профессоров академий врагами православной веры нет каких-либо достаточных оснований. История академической науки вообще заставляет с большой осторожностью бросать профессорам академий обвинение в неправославии, так как общеизвестны факты, когда положения ученых работ, поспешно объявленные вредными для Православия, скоро становились общепризнанными истинами. Не грозит какой-либо особой опасностью для православной богословской науки и вводимая в жизнь академическая автономия, потому что деятели академические остаются те же, и автономия не сделает их врагами Церкви, какими они не были раньше...

Признавая бесполезным устройство особой церковной академии, не можем, однако, желать, чтобы эта академия была сделана органом проявления деятельности монашеского братства. За последнее время церковная власть препятствовала образованию ученого монашества в тесном смысле этого слова, направляя академических монахов обыкновенно по пути церковно-

практической деятельности и не давая монахам возможности надолго оставаться на академических профессорских кафедрах. Поэтому нельзя не признать того факта, что ученое монашество в настоящее время в общем не близко к богословской науке, а часто, к сожалению, относится к ней без должного уважения. Та программа деятельности, которая предлагается для образуемого монашеского братства, носит характер по преимуществу практический. А потому это братство мы и не можем считать достаточно авторитетным в глазах широкого церковного общества для того, чтобы иметь своим органом, между многими другими, и высшую богословскую школу. Мы очень опасаемся, как бы братство на первых же порах своего существования, взявшись за непосильное дело, не доставило радости своим недоброжелателям».

После февральской революции в 1917 году открылся Поместный Собор. Архимандрит Иларион, принимавший самое деятельное участие в его работе, так описывал обстановку, при которой начинался Собор, на страницах «Богословского вестника»: «Церковный Собор... За последние двенадцать лет эти слова не сходили с уст всех церковных людей, не сходили со страниц духовной и светской печати, слышались с высоты парламентских трибун. И однако... Собора все не было. Будто какое заклятие висело над соборной жизнью Церкви Русской. Высочайшая резолюция 31 марта 1905 года на докладе Святейшего Синода о созыве Собора: “Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия, и обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных императоров, дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления”. Годы шли за годами; в несколько изменившихся условиях государственной жизни положение Православной Церкви становилось невыносимым. Церковная жизнь приходила все в большее и большее расстройство. За Русскую Православную

Церковь болели душой даже и чужие для нее люди. Прежде гонимые религиозные общины получили свободу. В древней православной Москве беспрепятственно заседали соборы раскольников, собирались съезды баптистов. Для Православной же Церкви все еще не наступало лето благоприятное. Самодержавие царское, по петровскому идеалу образовавшееся, все время было враждебно к самостоятельности русской национальной Церкви и в этом отношении, себе на погибель, осталось верно себе до самого конца. Потребовался стихийный переворот, ниспровержение самого царского престола, чтобы наступило и для Православной Церкви благоприятное время созвать Собор, которого она лишена была двести тридцать пять лет. Отношение царствовавшей династии к Православной Церкви — это исторический пример неблагодарности. Триста лет назад Церковь требовала национальной династии, отвергая династию иноверную. Первосвященитель Русской Церкви Святейший Патриарх Ермоген претерпел за идею национальной династии мученическую кончину. А эта династия скоро обратилась в совершенно чуждую русскому народу, уничтожила патриаршество, поразила пастыря Русской Церкви и лишила рассеянных овец возможности собираться воедино, доведя тем самым Церковь до крайне бедственного состояния. Ужасным позором и тяжким всенародным бедствием оканчивается петербургский период русской истории...

Состав Собора так же пестр и многообразен, как сама стомиллионная Российская Православная Церковь...

И радостно было видеть эту разнообразную массу соборных членов, и вместе с тем жутко и боязно. Радостно потому, что наконец осуществилась мечта многих поколений русских православных людей о возвращении Церкви канонического соборного управления, так нагло в ней поруганного со времен Петра. Боязно потому, что так долго не было соборов, так много накопилось в церковном теле недоразумений, взаимного непонимания, иногда вражды и недоброжелательства. Эти люди столь разнообразны, столь далеки друг от друга, так отвыкли друг от друга — смо-

гут ли они объединиться в общей любви и единомыслии, понять друг друга, оценить друг друга, простить друг другу прошлое ради лучшего будущего? Все эти тревожные вопросы неотступно волновали мысль и создавали беспокойное состояние духа.

Были моменты особенного духовного подъема. Таков был момент открытия Собора после литургии в Успенье. Со всей Москвы собрались крестные ходы во главе со святителями. На помосте среди собора в полном облачении стояло несколько десятков святителей Русской Церкви. К ним присоединилось множество архимандритов, протоиереев и иереев. Члены Собора миряне вышли на середину же собора. Первосвяtitель — Киевский митрополит читает краткую грамоту об открытии Собора. Члены Собора запели Символ веры. Момент был потрясающий, у многих на глазах слезы. Тотчас длинной вереницей члены Собора вышли из собора и, зайдя к святителю Алексию в Чудов монастырь, направились на всенародное молебствие на Красную площадь. Ясный, солнечный день, площадь залита многими тысячами народа, целый лес хоругвей возвышается над чернеющей толпой. По особому чину совершено было молебствие на Лобном месте, и среди хоругвей члены Собора через Никольские ворота возвратились в Кремль. Около иных хоругвей стояли почти целые приходы православных москвичей со своими духовными пастырями. Иные приходы встречали проходящий мимо Собор пением тропарей. Во все время пути слезы невольно застилали глаза. То были слезы умиленной радости, согревающей сердце и умягчающей душу...»

Событиями, происходящими на Соборе, интересовалась тогда вся академия, ее профессора и студенты. Когда стало известно, что Собор предполагает восстановить патриаршество, мнения в академии разделились. Часть профессоров и студентов считали нежелательным восстановление патриаршества, которое может воспрепятствовать начинающимся «свободам» и поведет к поставлению вместо смещенного «царя земного» — «царя церковного», могущего узурпировать власть Собора. Узнав, что в академии

высказываются мнения против восстановления патриаршества, архимандрит Иларион срочно поехал в Сергиев Посад и вечером того же дня прочел в академии лекцию на тему: «Нужно ли восстановление патриаршества в Русской Церкви?» На лекции, продолжавшейся около трех часов, присутствовали почти все профессора и все студенты. Архимандрит Иларион говорил о патриаршем периоде в Русской Церкви, а затем о том, какие беды простекли от уничтожения патриаршества: сделалось как бы законным вмешательство в дела Церкви светских людей, чиновников, многие из которых были иноверцы, часто карьеристы, готовые забыть о Царе Небесном ради угождения царю земному, а иногда и совершенно неверующие люди. Возражая тем, кого смущали границы патриаршей власти, архимандрит Иларион сказал: «Теперь наступает такое время, когда не царским венцом будет венец патриарший, скорее венцом мученика и исповедника, которому придется самоотверженно руководить кораблем Церкви в его плавании по бурным волнам моря житейского».

Лекция завершилась бурными аплодисментами присутствовавших, среди которых едва ли еще оставались люди, убежденные в необходимости синодального устройства Русской Православной Церкви. Архимандрит Иларион мог со спокойной душой вернуться в Москву на Собор.

Сбывались чаяния отца Илариона о восстановлении канонического строя Русской Православной Церкви. Но на Соборе патриаршество имело и своих противников, зачастую смотревших на Православную Церковь не как на Богом основанную и управляемую Духом Святым, а как на земное учреждение и организацию, для которой важны рамки прав и обязанностей, имеющих скорее земной, юридический характер. Архимандрит Иларион выступил на Соборе с речью в защиту патриаршества. «Везде и всегда, — говорил он, — меняются формы высшего управления Поместных Церквей, меняются сами Поместные Церкви, но неизменно сохраняется тот закон высшего управления, по которому оно возглавляется первоиерархом. Имена и объем власти первоиерарха

изменяются, но непоколебимо стоит сам принцип первоиерарха в каждой Поместной Церкви. Печальным исключением является наша несчастная Русская Церковь со своим Синодом. Вся Вселенская Церковь Христова до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без первоиерарха. Никогда и Русская Церковь не была без первоиерарха. Наше патриаршество уничтожено было Петром I. Кому оно помешало? Соборности Церкви? Но не во время ли патриархов было особенно много у нас Соборов? Нет, не соборности и не Церкви помешало у нас патриаршество. Кому же?.. Московскому единодержавию, преобразованному Петром в неограниченное самодержавие, помешало русское патриаршество. В столкновении с государственной властью угасло на время русское патриаршество, и во главе Русской Церкви стала неведомая всей Христовой Церкви коллегия, в которой скоро воцарился дух монарха, потому что приставленный к ней обер-прокурором какой-нибудь гусар “сонмом архиерейским, как эскадроном на ученье, командовал”. Учреждение коллегии было, во всяком случае, новостью в Церкви Христовой; новость эта создана была по голландско-немецким образцам и вовсе не ради пользы церковной...

И хочется мне обратиться ко всем тем, кто почему-то считает еще нужным возражать против патриаршества. Отцы и братие! Не нарушайте радости нашего единомыслия! Зачем вы берете на себя неблагодарную задачу? Зачем говорите безнадежные речи? Ведь против церковного сознания боретесь вы. Бойтесь, как бы не оказаться вам богоборцами (Деян. 5, 39)! Мы и так уже согрешили, согрешили тем, что не восстановили патриаршества два месяца назад, когда приехали в Москву и в первый раз встретились друг с другом в Большом Успенском соборе. Разве не было кому тогда больно до слез видеть пустое патриаршее место? Разве не обидно было видеть, что Московский митрополит за всенощной под Успенье стоял где-то под подмостьями? Разве не горько было видеть на историческом патриаршем месте грязную доску, а не Патриарха? А когда мы прикладывались к святым мощам чу-

дотворцев московских и первопрестольников российских, не слышали ли мы тогда их упрека за то, что двести лет у нас вдовствует их первосвятительская кафедра?..

Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа, должно биться русское православное сердце. Орел петровского, на западный образец устроенного самодержавия выклевал это русское православное сердце. Свято-татственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Российский от Бога данной ему властью снова поставит Московского Патриарха на его законное, неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет Святейший Патриарх на свое историческое священное место в Успенском соборе, тогда будет великая радость на земле и на небе».

В значительной степени благодаря выступлению архимандрита Илариона прекратились словопрения по поводу патриаршества, голоса противников умолкли, загражденные мужественно произнесенными словами правды, и само слово хотя и было высказано одним человеком, но прозвучало как голос Церкви, против которого могли возражать только прямые ее враги.

Зиму 1918–1919 годов архимандрит Иларион целиком посвятил лекциям в Духовной академии, службам в московских церквях с обязательной проповедью, а также занятиям в комиссии по устройству мировой конференции христианства, где он держался ясной и твердой позиции. В своем письме секретарю комиссии по устройству мировой конференции христианства Гардинеру архимандрит Иларион писал: «По Вашему убеждению все именующие себя христианскими общества составляют единую Христову Церковь, но лишь ослабленную в ее единстве... Такое учение о Церкви принять *совершенно невозможно*, так как оно, безусловно, неведомо древней Церкви, в которой не знали никакого ослаб-

ленного понятия о единстве Церкви... Основную истину христианства, его великую тайну — воплощения Сына Божия, признают все христианские вероисповедания. Но это одно не может сливать их в единую Церковь. Ведь бесы, по апостолу Иакову, веруют (2, 19), и веру свою, по свидетельству Евангелия, исповедовали, подобно апостолу Петру (Мф. 16, 16; Мк. 1, 24; Лк. 8, 28)».

Зная, что ведутся какие-то совещания по поводу сближения Православной Церкви и католичества, студент Духовной академии Сергей Волков задал архимандриту Илариону вопрос о том, не предвидится ли соединение Церквей. «Эти собрания происходят под моим председательством, — ответил архимандрит, — а потому вряд ли может быть от них какой-нибудь положительный результат... Впрочем, если Рим покается, то...» — начал он говорить, но не закончил фразу, так как несколько не верил в покаяние Рима.

После прихода к власти большевиков сразу же начались гонения на Церковь, и уже 10 марта 1919 года архимандрит Иларион был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Своим близким он писал из тюрьмы: «Поздравляю вас с праздником. И приехал бы я на праздник, да не пускают меня. Завтра исполнится два месяца, как я арестант, и продолжаю состоять таковым, а сколько мне остается быть таковым — не знаю. Вызывали меня к следователю. “Дело” мое и следователю показалось смешным, и вины он никакой не нашел. “Завтра, — говорит, — об этом доложу в коллегии”. Увы! После допроса прошло 16 дней, а я ничего о себе не знаю. Вопрос: почему? в нашей славной республике вообще ведь неуместен.

Живу я по-прежнему хорошо: совсем здесь обжился, будто так и нужно. Здесь я даже поправился, потолстел, физически чувствую себя совсем хорошо. Чтобы усилить циркуляцию крови — начал я ходить на работу, например выкачивать воду из тюремных подвалов. Хорошо, что несколько часов проведешь на воздухе и немного мускулы разовьешь. За работу еще фунт хлеба прибавляют. Питаюсь по настоящему времени прекрасно. Время

идет незаметно; даже досадно, что, например, книги медленно читаются. Жизнь идет размеренная, правильная. Будь все это где-нибудь в хорошей местности, прямо санаторий. Весна что-то плохо о себе заявляет в природе, а потому как-то не обидно быть за стенами и решетками...

Сейчас в камере собралось у нас три профессора. Читаем время от времени лекции; прошли курс стенографии. Прямо считаю нужным сказать, что эти два месяца прожил я и не без пользы, и даже интереснее, чем жил бы вне тюрьмы».

Это первое его тюремное заключение продолжалось около трех месяцев.

24 мая 1920 года, в полдень, в храме Троицкого патриаршего подворья состоялось наречение архимандрита Илариона во епископа. При наречении архимандрит Иларион, обращаясь к Патриарху Тихону и присутствовавшим здесь архиереям, сказал: «В сей наречения день благодарю Бога, глубиною мудрости человеколюбно вся о мне строившего и всегда полезная мне подававшего.

Благодарю Бога, из небытия в бытие меня приведшего и подавшего мне в наслаждение высочайший дар Своей любви и благодати — бытие, озаренное сознанием.

Благословен Бог, просвещаяй и освещаяй всякого человека, грядущего в мир, и меня, бессловесного младенца, банею пакибытия возродивший, сочетававший меня с Собою и с избранным Своим стадом спасаемых.

Благодарю Бога, показавшего мне сей чувственный свет в доме служителя Своего, приведшего меня в мир сей от духовных предков, почему с детства своего приблизился я ко храму святому Его и не знал иного там места, кроме клироса и алтаря.

Буди имя Господне благословенно и за то, что не имел я изнеженного воспитания в детстве своем, вырастая среди лугов, полей и лесов моей родины в любезной простоте трудового быта, почему если и стыжуся просити, то копати могу (Лк. 16, 3), и требованию моему могут послужить мне руки мои сии (Деян. 20, 34).

Благодарю Бога, от дней детства отверзшего мой ум, вложившего в него жажду знания и проведшего меня не через иную какую школу, но через школу духовную.

Наипаче и непрестанно благодарю Бога за то, что Он даровал мне великую радость и счастье жить и учиться в Московской Духовной академии. В детстве лишившийся матери-родительницы, в юности обрел я в академии мать-воспитательницу, которая вот уже четырнадцать лет насыщает меня не млеком точию, но и твердою пищею богословия. До конца дней моих хотел бы я паче быть последним служителем ее и избыточествовать хлебы, нежели быть кем бы то ни было вдали от нее и лишиться.

Благодарю Бога, сподобившего меня немало лет пожить под благодатным кровом игумена русской земли — преподобного Сергия, видеть там веру народную, иногда ею до слез умиляться, видеть там жажду духовную и самому распалиться желанием подать народу жаждущему хотя бы каплю питания духовного.

Благо мне, яко смирил мя еси, Господи, яко да научуся оправданием Твоим (Пс. 118, 71), ибо горд я был и скор на гнев судити чуждому рабу (Рим. 14, 4), и Господь, Который вся ходящая в гордости может смирить (Дан. 4, 34), вразумил меня грешных людей понимать, грешным людям сострадать, грешных людей прощать.

Слава Богу и за все то, что пережито и передумано за эти последние годы бури и смятения, когда предана есть земля в руке нечестивого (Иов. 9, 24), когда русское государство, отделив себя от Церкви Христа, вступило в теснейший союз с синагогой сатаны (Откр. 2, 9). В эти годы лишь окрепла моя вера в Церковь и утвердилось сердце мое в надежде на Бога. Когда до основания разрывают старый мир, чтобы лишь на развалинах его строить новый фантастический мир, когда очень многое из дел человеческих оказалось построенным на зыбучем песке, когда падоша сильнии (2 Цар. 1, 25, 27) многие, твердое основание Божие (2 Тим. 2, 19) — Церковь Божия стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багряницею и виссом, кровью новых мучеников. Что мы знали из церковной истории, о чем читали у древних, то

ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят (Иларий, Отр. 7, 4). Враги хотели бы почитать нас отжившими, умершими, но вот мы живы (2 Кор. 6, 9), и жива будет душа наша (Пс. 118, 175). Не веруем только, но и видим, что врата адовы бес- сильны пред вечным Божиим созданием. Среди ветров лжеуче- ний, среди мутных яростных волн злобы, лжи и клеветы неисто- вых врагов как скала стоит Церковь, та Русская Православная Церковь, о которой так любили недавно повторять, что она в па- раличе, что лишь полицейской силой государства держится она. Но вот силы государства направились против Церкви, и наша Церковь дала больше мучеников и исповедников, нежели преда- телей и изменников. Наблюдая все это и размышляя над всем этим, чувствую я, что распространились стопы мои подо мною (Пс. 17, 37) и на камне поставил Господь ноги мои (Пс. 39, 3), да не ослабеет сердце мое (Втор. 20, 3).

Сие последнее Божие благодеяние наипаче таить не могу в сей час, когда стою перед сонмом вашим, архипастыри Церкви, призванный к служению епископскому. Молодой вол трясет го- ловой, когда на него надевают ярмо, потому что это ярмо для не- го непривычно. Ново и для меня то иго, какое вы ныне на меня налагаете, и вымя моя трепещет этого ига. Со дней детства опреде- лил я себя на служение Церкви и ей одной служил доселе, сколь- ко позволяла мне леность моя. Всю свою деятельность ученую и профессорскую почитал я служением Церкви и в этом служении видел высший и единственный смысл всей нашей академической работы. Но то служение Церкви, какое я проходил доселе, оно совсем иное, нежели предстоящее мне служение епископское. Прежде я читал книги, теперь должен читать сердца человечес- кие, эти мудренейшие и часто вовсе непонятные письмена. Тогда писал я чернилами на бумаге, отныне предстоит мне благодатью писать образ Божий в душах человеческих. Прежде учил я; ныне должен вести ко спасению. Раньше мог я оставаться под спудом, ныне вы поставляете меня на свещнице церковном. Прежде мог я скрываться от людей и быть в любезной неизвестности, отныне

должен я светить людям светом добрых дел. Всей душой любил я жизнь академическую, от мира отрешенную, над миром возвышенную, уединенную, как бы пустынную. Больше всего за последнее время жалел я о том, что терял свое единственное сокровище — возлюбленную пустыню. Ныне вы отнимаете у меня надежду в эту пустыню снова и всецело возвратиться. Епископ должен быть всегда в круговороте жизни человеческой. У него ежедневное стечение людей, которое можно назвать нападением по вся дни (2 Кор. 11, 28), всем он должен быть вся (1 Кор. 9, 22), всем себя поработить (1 Кор. 9, 19), для немощных быть немощным (1 Кор. 9, 22), изнемогать с изнемогающим (2 Кор. 11, 29), одних утешать, других наставлять, а иных и обличать (2 Тим. 4, 2).

Привыкнув к прежнему своему служению и всей душой его полюбив, я боялся архиерейства и всегда немало говорил против своего епископства. А ныне стою перед вами, архипастыри, приняв звание ваше, и нимало вопреки глаголю, ибо тверда моя надежда на Господа. Вижу ныне ясно, что велика нужда в делателях на ниве Божией. Знаю теперь твердо, что воля Божия управляет Церковью и не без Божией воли поставляются в Церковь епископы. Слышу пророческое увещание: благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей (Плач. 3, 27) — и склоняю выю свою под омофор епископа. Господь милосердый да примет душу мою, сию малую лепту, вметаемую в сокровищницу Церкви для употребления на общую пользу. Воля Господня да будет (Деян. 21, 14).

Но исповедую и то, что ныне смущает бедную душу мою. Был я грешным мирянином, стал грешным монахом, сделался грешным иереем, но быть грешным архиереем — трепещу. “Чем столько согрешила Церковь Божия, чем так прогневала Владыку своего, чтобы быть ей предоставленною мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению?” Так восклицает Иоанн Златоуст (О священстве. 6, 12). Какими же словами скажу я, грешный и окаянный паче всех человек? Как осмелюсь я отверзать уста свои, зная грозное слово псалма: грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя? Обличу тя и пред-

ставлю пред лицом твоим грехи твоя (Пс. 49, 16, 21). А грехи мои, яко бремя тяжкое, отяготеша на мне, возсмердеша и согниша духовныя раны моя от лица безумия моего (Пс. 37, 5–6). Паче блудницы беззаконновав, слез токи отнюдь не принесох. Человеколюбче щедре, от скверны дел моих избави мя, да не буду стяжание ни брашно чуждему, и, проповедуя другим, сам останусь неключим (1 Кор. 9, 27).

Прошу вас и молю, святители Божии, непрестанно о мне молитесь Христу Богу, да сподобит Он меня причаститься благодати архиерейства не в суд или во осуждение, да возгревает сия Божественная благодать углие огненное в совести моей, попялая терние всех моих прегрешений в прочее время жизни моей, и да не низведен буду по грехам моим на место мучения, когда окончу поприще сей временной жизни земной».

На следующий день архимандрит Иларион был хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. С этого дня жизнь его совершенно изменилась. Если до хиротонии он имел еще время на ученые занятия, на чтение духовных книг, неизменно находя в них подкрепление своей душе, то теперь у него времени не было: он служил почти ежедневно, утром и вечером; бывало, что в день ему приходилось говорить по две проповеди. Домой он приезжал днем только на два часа, которые использовал для отдыха перед вечерней службой, а то и по нескольку дней не ночевал дома вовсе. Он посещал со службами храмы и монастыри Верейского уезда, и такие поездки перерастали иногда в путешествия, которые длились по месяцу. Если выдавался свободный от богослужений день, то с утра до позднего вечера владыка принимал приходивших к нему за разрешением насущных проблем людей. И от всего этого уклониться было нельзя.

Это было служение архипастырское, когда он словом, примером поддерживал колеблющихся и малодушных, научал малознающих. За год своего архиерейства он отслужил сто сорок две обедни, более ста сорока всенощных и произнес триста тридцать проповедей, и это при том, что в тот год он два месяца проболел

тифом, причем месяц ему пришлось пробыть дома безвыходно. Болезнь вызвала осложнение на сердце, и впоследствии при всяком переутомлении это давало о себе знать.

Сообщая о себе, епископ Иларион писал своим близким: «Совсем потерял свободу. Будто арестант, прикованный к своей тачке, — так и живу. Не только дней нет свободных, нет и часа свободного, когда мог бы я заняться тем, чем хочется, а не тем, что нужно к спеху. Уж хоть бы в Бутырку на отдых взяли. Это единственная доступная нам дача или санаторий. Не знаю, как-то сил еще хватает, хотя нередко и силы падают, и дух оскудевает». «Лето (1921 года. — *И. Д.*) все прошло в непрерывных разъездах по Москве и по Московской губернии. Ведь и по Москве бывают концы больше десяти верст. Времени совсем не хватает, и все спешишь. Нередко и устаешь. Хорошо еще, что, уставши, скоро я отхожу — видно, еще молод.

А за последний месяц опять осложнение жизни: снова арестовали преосвященного Петра (Полянского. — *И. Д.*), и опять за его стол сел принимать людей, чающих... преимущественно развода. Нет у меня ни утра, ни вечера... некогда читать, некогда писать, некогда... даже грешить. Ради третьего, может быть, Господь и устраивает мне такую жизнь».

Активная церковная деятельность святителя, его проповеди за богослужениями и помощь Патриарху Тихону, его блестящие выступления на диспутах были с раздражением отмечены властями. 22 марта 1922 года епископ Иларион был арестован. Его обвинили в том, что он исполнял поручения Патриарха, принимал в патриаршем подворье посетителей, приходивших за советом по церковным делам, устраивал диспуты и, обладая большой эрудицией в богословских вопросах, дискредитировал выступавших против него оппонентов-безбожников. 22 июня Коллегия ГПУ постановила выслать епископа на один год в Архангельскую губернию.

4 июля 1922 года епископ Иларион вместе с этапом заключенных прибыл в Архангельск и 10 июля был освобожден из тюрьмы.

После ежедневной и ежечасной загруженности, после следствия и этапа ссылка показала неожиданным отпуском. Большой город, почти в центре города — дом, в котором хозяева выделили ему отдельную комнату с выходящими на солнечную сторону окнами.

Первое время он почти целыми днями ходил по набережной величественной Северной Двины, наслаждаясь свежим воздухом, покоем и свободой. Тем, что не надо постоянно усиливаться и принуждать себя к тому, чтобы переделать все необходимое, чего уже нельзя отложить, но для совершения чего уже нет сил. Правда, природа была непривычной, отовсюду наступали на жилье лес или болота, и почти совсем не было открытых пространств. «Чтобы луг или поле устроить, нужно среди болота поискать сухой пригорок: там лес. Лес нужно свести — получится “чишемина” — вот и заводи луг или поле. К нему нужно устроить дорогу через болото: насыпают опилки... бросают доски, палки и так далее. Получается своеобразная дорога. А болото или с мелким и редким лесом, или чистое.

Мох всяких сортов. В первый раз увидел, как клюква растет... Представьте сплошной ковер мха светло-коричневого, и по нему разбросаны, наполовину в нем утопая, красные ягоды величиной с небольшую вишню... Когда ее много, будто кто рассыпал по мху ягоды».

Одно было прискорбно и заботило — невозможность, как ссыльному, постоянно служить в храме и известия о церковных событиях.

Родным епископ писал: «Служу я очень мало. 15 июля тихонько в церкви около дома послужил, а сегодня в соборе кафедральном. И только.

А это верно: в праздники мне скучно без службы, хотя ведь в будни тоже никакого дела. Одним словом, в моей жизни много и хорошего, главное — свободное время и можно учиться. Пригодится ли это учение когда — не знаю. Ну, для себя! Хочу на бухгалтера научиться: курс лекций по счетоводству уже лежит на столе.

А уж “оживляют” Церковь пусть другие; нам с ними не по пути. Интересно, что на съезде для “оживления” только и надумали: 1) жениться архиерею, 2) жениться монахам с оставлением в сани, 3) жениться священнику на вдове, 4) жениться священнику вторично, 5) жениться на свояченице, 6) жениться на двоюродной сестре. Итак, шесть “жениться” – и только! Как просто-то оказывается! Ну что ж! На здоровье! А уж мы лучше по ссылкам поездим, а преклоняться перед наглостью, бессовестностью и глупостью не преклонимся. Дело-то не Божие, а потому разорится рано или поздно.

А главная гнусность – сплошная политическая провокация. Всегда наши либералы первыми за городскими бежали...

“Живая церковь” в Москве и Петрограде совсем переругалась, так что оказалась и очень *viva**. Постановление съезда похоже на бред каких-либо товарищей... “Новоиспеченных” по канонам нельзя признавать в сани, потому что все поставления их незаконны. Такого взгляда и держусь. По пути “оживления” идти не могу – поздно, уже не годен, “оживительница” сбежит».

«Осень у нас на редкость теплая и хорошая, до сих пор ниже четырех градусов не спустилась температура; деревья зеленые стоят, например тополя. Сейчас, например, пишу (половина двенадцатого вечера) с открытым окном. Я сижу против окна в холщовом старом подрясничке. Окно и не думаю заставлять пока, а то задохнешься. Никак не ждал такой осени. Все Гольфстрем-батьюшка старается. Да Новая Земля помогает, запирая входы в Карское море. Я ведь здесь географию Севера изучил по разным книгам, иногда очень серьезным. Времени-то у меня достаточно. Впрочем, не хватает. Книг много, и сразу их не прочтешь. А там систематических занятий предположительно немало. Да все от них отрываюсь. Хоть докторскую степень и есть за что присудить, но не за что будет мне ее присуждать долго еще. Здесь сделать ни-

---

* Живая (лат.).

чего нельзя. Можно делать что-то только около академической библиотеки. Буду опять ждать, куда сошлют.

В Москве совсем спятили с ума. Соберутся человек тридцать-сорок случайных людей с улицы: “Давайте “Живую церковь” устроим! Давайте! Готово!” Ну не идиоты? А ведь и “Живая церковь” состоит из одних аферистов. Говорят, Троицкий Посад прямо в кабак обратили. А сколько безобразий самых гнусных! Я ведь за всем слежу. А что в газетах разных печатается, то и там много любопытного сообщают. Но, конечно, связь с ВЧК дает самозванцам видимость силы. Трусливые люди! А что по провинции делается! Столпотворение! “Смешение языков”. Например, за одной службой соборной в одном губернском городе епископ поминает ВЦУ, протодиакон – тоже, второй диакон и певчие – Патриарха. Много еще всякой гадости будет. Так, видно, суждено. Русские пережили и такое унижение и поругание от своих иуд и предателей. Ну, а я надеюсь никогда не вступать в общение с ВЦУ и с разными самозванцами, хотя бы пришлось и много лет по ссылкам кататься...

Со здешним епископом* у нас хорошие отношения. Часто у него бываю (две минуты ходу), делимся новостями, какие кто узнал. Служил я за три месяца всего пять раз. Пока здесь никакой мерзости не было. Но ведь может всякий день появиться или приехать. Тогда будет хуже. Да мне-то что, совсем замкнусь в жилище своем...»

Как жил владыка в архангельской ссылке в 1922 году и что занимало его мысли, хорошо видно также из писем к Елизавете Аполлоновне Воронцовой, его знакомой по Сергиеву Посаду.

5/18, в день памяти преподобного Сергия: «Нынешний день не могу мыслью быть нигде, кроме Посада и Лавры. С утра я нахожусь все там, вспоминаю я прошлые дни... Вы, может быть, уже знаете, куда Господь направил стопы мои. После довольно тяго-

---

* Епископ Архангельский Антоний (Быстров).

стной, изморенной жизни в течение трех с половиной месяцев в Москве попал я на крайний довольно неприветливый Север. В этом событии жизни своей вижу явную милость Божию, потому что не знаю, что могло бы случиться, если бы я остался в Москве. Бездна сумасшествия еще, по-видимому, исчерпана не до дна. Со дна поднялись самые густые остатки грязи... Еще не все для себя выяснил, не все мне известно, но уже вижу много глупости и низости, лжи и неправды. А для меня пока начинается время, которого напрасно я дожидался за последнее время. Маленькая комната (шесть на три аршина), книжки и свободное время. Господь помог и здесь устроиться, так что можно жить без назойливых забот, а убожество обстановки несколько не огорчает мою пролетарскую душу...»

4 августа: «И сам не знаю причины, почему я переселился сюда. “Дела” у меня никакого не было. Все обошлось “без суда и следствия”. Видно, так нужно. Промысел Божий может действовать и через злодеев. Они думают, что свою злую волю творят, а на деле не то, волю Божию благую исполняют. Как и со мною. Мне, несомненно, благо уже в том, что скрылся я от мятежа человеческого... Что же касается смуты церковной, кроме глупости и безобразия, в ней ничего не вижу. Неудобно только писать подробно... Знаю и некоторых новых “деятелей”. Ждать от них добра — это то же, как если бы идти в кучу крапивы и искать малины. Зла от этих деятелей будет очень много. И многим от них придется пострадать, так как они имеют власть и казнить. И это при отделении Церкви от государства. Я думаю, что в моей личной жизни настоящее мое положение только начало болезни*, вероятно, немало лет пройдет в заключениях, в скитаниях повсюду, в нужде и лишениях. Но, зная церковную историю, несколько не смущаюсь, избираю “страдать с людьми Божьими” лучше, нежели называться “сыном дщери Фараоновой”...»

---

* В те годы словом «болезнь» обозначали в письмах арест и заключение.

Осень того же года: «Я уже так и думал, что Вы, Елизавета Аполлоновна, уехали куда-либо на берега Волги, а Вы, оказывается, все на месте сидите. Сижу и я на месте, только разве несколько раз сделал прогулки в окрестности, больше по воде. Суша-то ведь здесь плохая, тотчас в болото попадешь. Хоть я и далеко забрался, но о московских делах хорошо осведомлен из разных источников, все эти сведения нарушают мирное течение жизни моей. Я могу быть равнодушен к моей собственной судьбе и жизни, но дело Церкви мне всегда будет дорого и близко. Сейчас вижу только одно: сатана работает без передышки и завертел иных даже разумных людей. Правда, среди новых “деятелей” подавляющее большинство авантюристы и аферисты, от этих нечего и ждать, кроме глупостей, безобразия и озорства. Но прискорбно, что иные, кого считал порядочными, по каким-то соображениям взбесились. Надеюсь, что Вы не повторите теперь своего совета, будто нужно вместе с ними работать. Нет, лучше жить в ссылках и в изгнании; но играть Церковью и ее законами, говорить глупости — извините. Во всем виновата, конечно, Ваша возлюбленная, перед которой Вы так слепо преклоняетесь, то есть советская власть. Она искусственно создала расстройство церковного управления, арестовав людей, не имеющих никакого отношения к политике. Она, вопреки своим собственным законам, поддерживает группу головоотяпов... А где же закон об отделении Церкви от государства? А ведь все время твердят об этих законах. Какое же лицемерие, какая бессовестность. Явное гонение на всех, кто верен святому православию...»

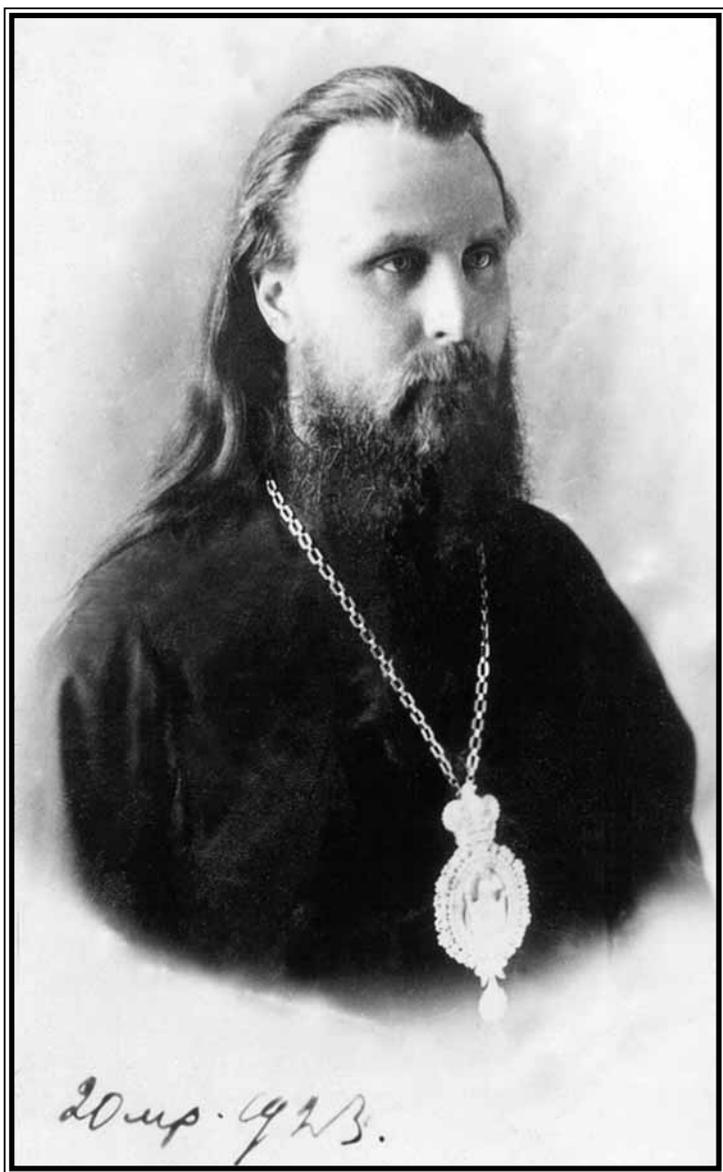
«Трудная и даже изнурительная жизнь, которую по воле Божией я вел последние пять лет, имела следствием для моей личной жизни успокоение страстей, если и не полное, то весьма значительное... После двенадцати лет службы ничего не имею, и желания иметь у меня нет. Иной бы ужаснулся, увидя меня сидящим в этой убогой комнате, и сказал: и это ты получил за двенадцать лет служения! А я очень доволен и рад тому, что живу здесь, главное — свободное время и книги... Вести о московской смуте

доходят, и удивляюсь я низости человеческой и трусости крайней, за свое благополучие готовы все подписать, чему и не сочувствуют. Значит, никаких убеждений нет у людей. Я же надеюсь к грехам своим не прибавить еще отступничество, хотя бы и пришлось еще много путешествовать...»

«Теперь можно положительно сказать, что изъятие ценностей было ненужным предприятием. Судя по отчетам, ценностей получено не более как на двадцать миллионов золотых рублей. Теперь сосчитайте, чего стоит самое изъятие, перевозка, переливка (с угаром и... утечкой). Ведь в иных местах ящики для упаковки стоили столько же, сколько самые ценности. Прибавьте еще расходы по содержанию в тюрьмах тысяч арестованных по этому делу. Расходы на следствия и суды... Боюсь, не пришлось бы переплатить... Ведь в газетах лгали, что в храмах такие миллиарды, что ценностей будет поездов семь верст длины (это так писали бессовестные люди)... Бесчестные диоклетианы, нероны, декии прямо говорили: нельзя быть христианами, иначе казнь. А Ваши любимцы говорят и трубят на весь свет: у нас свобода совести самая полная, у нас отделение Церкви от государства. И в то же время на практике: а, вы не хотите подчиняться Красницкому, пожалуйста в кутузку, в ссылки. Только дайте свободу совести, и “Живая церковь” слохнет, но этой-то свободы и нет... Покров я провел в тоске и скорби. На всенощной, которую служил в одной приходской церкви, даже расплакался, когда запели: “О, великое заступление печальным еси, Богородице чистая”. Повторяю слова псалма 136-го по адресу тех, кто разрушил наш сион. У Вас есть “Книга правил”. Посмотрите... Вы увидите, что все красные попы и новые архиереи не имеют никакого священного сана и с ними нельзя иметь никакого общения. На этом я и утверждаюсь, что бы ни случилось при нашей “свободе” совести...»

«Меня совершенно не интересует моя личная судьба, потому что внешнее положение для меня не составляет ничего важного... Но я не могу не страдать и не говорить горячо, видя и понимая страдания Русской Церкви. Смута, произведенная негодьями...

Епископ Клирион. Архангельск. 1923 год

на чем держится? Она держится только на том, что сейчас преступно отменена свобода совести и уничтожено отделение Церкви от государства, установленные в основных законах... Есть люди, которых ссылают в дальние края именно как православных иереев, очищая место разным прохвостам. Это бессовестное издевательство над государственными законами людей, ослепленных своей глупой и тупой враждой к Православной Церкви, меня возмущает до глубины души. И разве это можно сколько-нибудь извинять? Это просто мерзко и больше ничего. Негодные люди были всегда, но никогда им не было такой свободы не только действовать, но и верховодить и “начальствовать”... Печальные мысли о церковных делах часто нарушают мой покой. Так что у меня за последнее время какой-то невроз, во сне все ругаюсь с самозванцами и отступниками, редкую ночь не вижу их во сне. Иногда даже за чтением внимание отвлекается от книги. Но благодаря Богу за все. Как у меня тихо, например, сейчас, поздно вечером, и целые дни свободен. Служу только два-три раза в месяц, больше нельзя по разным причинам, потому что нет свободы совести, то есть вероисповедания. Живу я очень скромно и убого, но душа моя насыщается за обильной трапезой книг по русской церковной истории. А ведь в Нижнем-то ересь господствует. Евдоким — один из предателей, взявший белый клобук из грязных и поганых рук “Живой церкви”. Молиться с таковыми нельзя...»

Так епископ Иларион прожил в Архангельске до конца года. Наступил Великий пост 1923 года, за ним — пасхальные дни, а там уже недалеко было и до окончания срока.

Владыка писал родным: «Провел первую неделю хорошо. Читал канон в храме и вообще был за чтеца и певца за службами. Сейчас я живу будто ничего себе; да только кто может поручиться хотя бы и за один день жития нашего?..

“Самозванщина” у нас на носу, но еще ее нет. Ведь в “Живой церкви” самое главное — самозванство ее управителей, никем не выбранных, и никем не назначенных, и никому не нужных. Потому благодати на самозванных архиереях здесь столько же, сколь-

ко на любом татарине. И с ними в общение я никогда не вступлю, что бы ни было. А что будет? Ну постранствую пять, может быть, десять лет. Что ж? И странствовать может быть хорошо. Так, как я здесь живу, жить еще можно...

Не красна наша изба углами, а пироги в ней бывают. Приносят люди добрые. Вообще никогда в жизни я столько пирогов не ел, сколько здесь. В праздники, например, до пяти разных сортов приходилось есть — с семгой, с треской, с омулем, с клюквой, с селедками свежими: их в нынешнем году небывалый улов в устье Двины. За последнее время что-то значительно увеличилось число мирносиц и приношений разных. Пост, должно быть, умягчает сердца».

Епископ Иларион в это время получал много писем, часть из них приходила с оказией, часть по почте. Обширная переписка послужила причиной того, что ГПУ решило арестовать владыку и произвести у него обыск. Прочитав ордер на обыск и арест, епископ спросил: “Что же, вы арестуете меня независимо от результатов обыска?” Получив утвердительный ответ, владыка остался совершенно спокоен. Увидя, что сотрудник ГПУ откладывает письма, епископ заметил, что напрасно он это делает, потому что все они прошли через ГПУ и просмотрены; вот и на днях он получил очень неаккуратно заклеенное письмо, что ясно свидетельствует о том, что его в ГПУ уже прочитали. Пришедший во время обыска митрополит Серафим (Чичагов), также находившийся в ссылке, заметил, что это, вероятно, какое-то недоразумение, которое обязательно выяснится, и владыку освободят. Епископ Иларион только рукою махнул — какое уж там недоразумение.

Однако, несмотря на все попытки составить против епископа обвинение, этого сделать не удалось, и он был освобожден из тюрьмы. Но ГПУ не оставило намерения арестовать епископа, и за несколько дней до окончания срока ссылки, 13 июня 1923 года, в его квартире был снова произведен обыск. На этот раз вовсе ничего не нашли, кроме нескольких номеров газеты «Наука и религия». Один из сотрудников ГПУ спросил:

— А где же письма, которые вы получали?

— Письма я сразу прочитывал, писал ответ и уничтожал, — ответил епископ.

За день до окончания ссылки, вечером 21 июня, преосвященного Илариона вызвали в Архангельское ГПУ и здесь объявили, что ему разрешено уехать.

5 июля он уже был в Москве. В тот же день в шесть часов вечера он отслужил всенощную в храме Сретенского монастыря, где до этого служили обновленцы. Перед началом богослужения владыка совершил чин освящения. Обращаясь к духовенству монастыря, он призвал его покаяться в обновленчестве и противлении Патриарху, причем принести покаяние принародное; непокаявшихся он не допустит до службы и не разрешит им входить в алтарь.

На следующий день, в праздник Владимирской иконы Божией Матери, в Сретенском монастыре служил Патриарх. Народу собралось столько, что храм не мог вместить всех, и многие стояли в монастырской ограде. В проповеди владыка говорил о празднике, о современной церковной жизни, об обновленчестве, о самозванцах-епископах. Впечатление от проповеди было такое, что люди стали выкрикивать, что признают только Патриарха Тихона, многие плакали. Служба, начавшаяся утром, закончилась только в шесть часов вечера, после того как Патриарх благословил весь народ.

Реакция обновленцев была незамедлительной. Через три дня после состоявшегося в Сретенском монастыре богослужения, 9 июля 1923 года, Московский епархиальный совет (обновленческий) в составе епископа Леонида (Скобеева), «епископа» Иоанникия (Чанцева), «епископа» Георгия (Добронравова) и некоторых других подал заявление в ГПУ. В нем говорилось: «Московский Епархиальный Совет настоящим сообщает, что выступления епископа Илариона (гражданина Владимира Алексеевича Троицкого) во время его служения по храмам Москвы носят явно контрреволюционный и погромный характер; своими выступле-

ниями означенный епископ возбуждает одну часть верующих на другую, в своих речах он ориентируется на самых крайних реакционеров и возбуждает их к активным действиям. В результате его речей в толпе поднимаются разговоры о необходимости восстановления монархии: “одного хозяина нашли, найдем и другого”. Приводятся в разговорах цитаты из Апокалипсиса: что вслед за возвращением пастыря должен явиться и князь. Открыто ведутся речи о необходимости погрома евреев и прочее, что первый враг русского народа советская власть, а второй – обновленческое церковное движение. Открыто высказываются ожидания скорого падения власти. В результате его речей происходят столкновения между разными группами, и отрицательные отношения и настроения тихоновской толпы растут с каждым днем, и в ближайшее время можно ожидать уличных столкновений. Считая своим гражданским долгом сообщить о сем Госполитуправлению, Епархиальный Совет обращает внимание на общественную опасность от речей епископа Илариона».

В тот же день один из руководителей обновленческого движения, священник Владимир Красницкий, написал в ГПУ: «Усердно прошу обратить внимание на крайне провокаторскую контрреволюционную деятельность тихоновского ассистента Илариона. 6 июля, проповедуя в Сретенском монастыре, он произнес такую погромную речь, что в толпе в ограде и на улице произошли физические столкновения, и дело окончилось арестами.

За пережитые десять дней тихоновцы чрезвычайно обнаглели, держат себя вызывающе и готовы перейти к избиению, и это настроение – определенно погромное и ярко антисоветское – создается им, епископом Иларионом.

Если его явно контрреволюционной деятельности не будет положен предел, то неизбежны общественные беспорядки и избиение церковных обновленцев».

Сразу же после возвращения епископа Илариона из ссылки Патриарх Тихон возвел его в сан архиепископа. Ближайший помощник Святейшего, преосвященнейший Петр (Полянский),

был еще в это время в ссылке, и архиепископ Иларион стал помощником Патриарха.

Летом 1923 года обновленцы стали вести переговоры о примирении с православными и созыве церковного Собора, на котором предполагалось предложить Патриарху Тихону уйти на покой – с тем чтобы захватить управление Церковью. Если бы Патриаршая Церковь не пошла на примирение, то и тогда сам факт ведения переговоров православных с обновленцами, за которыми стояло государство, был на руку последним, поскольку это могло вызвать в среде православных смятение и подорвать авторитет как самого Патриарха Тихона, так и его ближайших помощников.

Православную Церковь представляли на этих переговорах архиепископы Серафим (Александров) и Иларион (Троицкий), а также протоиерей Василий Виноградов. Со стороны обновленцев были архиепископ Евдоким (Мещерский) и некий Новиков. Встреча состоялась 26 августа 1923 года в день тезоименитства Патриарха Тихона, когда в Москву съехались, чтобы поздравить Святейшего, несколько десятков архиереев. Сам он в этот день служил в большом соборе Донского монастыря.

Встреча с обновленцами продолжалась около двух часов. В основном говорил архиепископ Евдоким, который требовал, чтобы Патриарх ради мира и блага Церкви отрекся от власти и чтобы члены патриаршей делегации сделали Патриарху такое предложение. Выслушав его “предложение”, члены православной делегации ответили, что им поручено вести переговоры о примирении обновленцев с Патриархом, а не обсуждать вопрос об отречении Патриарха. Единственное, что они могут сделать, это передать с возможной точностью содержание речи архиепископа Евдокима и тем самым проинформировать Патриарха о действительных намерениях и взглядах его и возглавляемого им управления.

По возвращении в Донской монастырь делегация доложила Святейшему о наглых и провокационных предложениях обнов-

ленцев. Патриарх Тихон, выслушав, с добродушной улыбкой сказал: «Так я и предполагал обман; от Евдокима другого и ожидать было нельзя». Тогда же Патриарх благословил собрать не успевших разъехаться по епархиям архиереев, чтобы члены делегации поставили их в известность о действиях обновленцев. В тот же день в Михайловской церкви Донского монастыря состоялся собор двадцати семи архиереев, на котором архиепископ Серафим (Александров), исполняя поручение Патриарха, рассказал архипастырям о результатах встречи с главой обновленцев.

И хотя ни о каком примирении с обновленцами на таких условиях не могло быть и речи, однако их цель была отчасти достигнута: была встреча их главы с православными архиереями, и обновленцы вместе с Тучковым, пользуясь средствами государственной печати, могли о ней писать что угодно, в то время как православные не могли отвечать, так как в их распоряжении оставалось только устное и рукописное слово.

В тот же день архиепископ Евдоким написал на имя своего рязанского управления, а также на имя митрополита Антония (Храповицкого) письмо, которое вскоре было опубликовано в газете «Известия» и вызвало немалое смущение среди православных: «В Донском началось полное разложение и смятение. Тихон прислал уже к нам трех депутатов с просьбой о перемирии и примирении. На объединенном заседании даже его сторонники вынесли резолюцию: “сложить все полномочия и отдать себя на суд Собора епископов”. Резолюция уже вручена Тихону... Бывший Патриарх Тихон запутался совершенно и, поняв это, подал заявление в Священный Синод о примирении с отколовшимися от него духовенством и народом. Смешанная комиссия, устами даже его ярых защитников (епископ Иларион Троицкий), вынесла ему следующую резолюцию: сложить все полномочия, удалиться в монастырь, ждать над собою суда Собора епископов. Резолюция вручена».

В конце октября обновленцы снова предложили встретиться, предварительно заверив православных, что никакие неисполни-

мые условия ставиться не будут. Обновленцев на переговорах представляли архиепископы Алексей (Баженов) и Серафим (Руженцев). Православных – архиепископы Серафим (Александров) и Иларион (Троицкий). Встреча состоялась 20 октября 1923 года. Представители обновленцев прежде всего заявили, что сообщения архиепископа Евдокима о ходе переговоров не соответствуют действительности. Более того, они уже вовсе не настаивают на выставленных условиях. Православные иерархи потребовали от обновленцев запрещения в священнослужении женатых архиереев, второбрачных и третьобрачных клириков и признания Святейшего Патриарха законным главой Российской Церкви. Делегация обновленцев заверила, что она согласна с такими условиями. Но уже через неделю архиепископ Евдоким уведомил архиепископов Илариона и Серафима, что дальнейшие переговоры считает возможными только «при условиях, признанных вами ранее приемлемыми, а именно:

- а) удаление бывшего Патриарха Тихона от дел управления,
- б) удаление бывшего Патриарха Тихона на жительство впредь до Собора в Гефсиманский скит,
- в) перенесение окончательного решения дела бывшего Патриарха Тихона на Собор».

Возмущению православных архиереев, получивших провокационную бумагу, не было границ. В тот же день по благословению Святейшего участники переговоров – архиепископы Серафим (Александров), Иларион (Троицкий) и Тихон (Оболенский) – отправили архиепископу Евдокиму ответное письмо, где описывали бывшие в действительности содержание и ход переговоров. В нем они, в частности, писали: «Мы полагаем, что прежде всяких новых переговоров должен быть исправлен тот вред, который нанесен делу церковного мира Вашими известиями, противоположными истине. По нашему убеждению, простой моральный долг обязывает Вас и Ваш Синод опубликовать разъяснение о том, что вышедшие от Вас известия о небывалом заявлении Святейшего Патриарха и никогда не существовавшей резо-

люции, которая будто бы была ему вручена, не соответствуют подлинной действительности.

Кроме того, мы не можем не обратить внимания на разосланный от имени Вашего Синода циркуляр, ныне напечатанный в № 1 “Вестника Священного Синода”, стр. 16. Здесь на Святейшего Патриарха возводится явная неправда, будто бы он объединяет реакционные общественные силы для нового политического мятежа и взрыва и будто бы он управляет черносотенством и белогвардейщиной... Вовсе не какие-либо политические вождения заставляют нас собраться вокруг Святейшего Патриарха, а только желание сохранить верность своему архиерейскому обещанию и соблюсти непоколебимым канонический порядок иерархического преемства. И в наших переговорах с Вами и с другими представителями Вашего Синода нами руководило исключительно одно желание – воссоединить со Святой Церковью отторгнувшихся от ее единства во время печальной смуты церковной. Это желание побуждает нас не уклоняться и от дальнейших переговоров, несмотря на тяжелые огорчения, которые доставили нам выше нами перечисленные факты; но эти переговоры, по нашему убеждению, возможны лишь в том случае, если не только подобные факты не будут повторяться вновь, но и имевшие место будут по возможности исправлены...»

Разумеется, обновленцы не стали публиковать опровержения, а все попытки православных сообщить об истинном положении дел наталкивались на сопротивление ГПУ.

Тучков, однако, продолжал энергичную деятельность по разрушению Церкви. Теперь он задумал учинить в Православной Церкви раскол введением в богослужебную жизнь григорианского календаря. Вот как описывает эти события протоиерей Василий Виноградов. Советская власть требовала, чтобы Православная Церковь перешла на новый стиль, так как рабочие «фабрик и заводов празднуют и не работают в великие церковные праздники по новому стилю (тогда большевики еще сохраняли эти праздники в своем законодательстве), но когда эти праздники наступа-

ют и по старому стилю, они массовым образом самовольно уклоняются от работы в эти дни: для государства получается громадный хозяйственный ущерб». Но и Патриарх возражал: «Введение нового стиля означало бы откол Русской Церкви от всей Восточной Православной Церкви, от единства церковной жизни со всеми восточными патриархами и поместными Церквями».

В 1923 году в Константинополе прошел «Всеpravославный церковный конгресс» под председательством Константинопольского Патриарха Василия. Конгресс, не имея законных полномочий, принял решение ввести новый стиль в богослужебную жизнь Православной Церкви. Представители советской власти получили от Патриарха Василия официальную копию этого постановления и вручили ее Патриарху Тихону, скрыв от него, что оно было принято далеко не всеми восточными патриархами и патриархатами.

«По поручению Патриарха епископ Иларион составил соответствующее патриаршее послание, где введение нового стиля мотивировалось ссылкой на постановление “Всеpravославного конгресса”, возглавленного Константинопольским Патриархом, и необходимостью сохранять единство богослужебной жизни со всей Православной Церковью, уже принявшей новый стиль. Опубликование этого патриаршего послания последовало 1 октября старого стиля в праздник Покрова Божией Матери при патриаршем служении в московском Покровском монастыре. До самого момента “запричастного стиха” никто из сослуживших Патриарху не знал, кому он поручит прочтение своего послания... Но вот Патриарх вдруг подозвал старейшего по положению из сослуживших ему иереев... протоиерея Виноградова и, вручив ему рукописный... текст послания, предложил ему тотчас прочесть послание перед народом. Обладая слабым голосом, отец Виноградов пытался отказаться, ссылаясь на то, что при слабости голоса и плохой акустике громадного храма мало кто услышит его чтение. Но Патриарх с обычной ему улыбкой возразил: “Ну это ничего, ничего, прочитайте Вы, прочитайте”. В результате недо-

статочно громкого чтения отца Виноградова, только передние ряды богомольцев могли, и только частично, расслышать кое-что из послания; до подавляющей же массы богомольцев долетали только отдельные слова, из которых она могла лишь понять, что речь идет о новом стиле; а что именно об нем здесь возвещалось — осталось для нее неясным...

Чтобы фактически ввести новый стиль в церковную жизнь возможно менее болезненно, необходимо было, чтобы послание было напечатано и разослано епархиальным архиереям при указах Священного Синода, а по всем приходам всех епархий при указах соответствующих епархиальных управлений, и притом с таким расчетом времени, чтобы экземпляры послания и сопроводительные указы дошли всюду своевременно...

После того как патриаршее послание о новом стиле было торжественно оглашено за богослужением в присутствии самого Патриарха пред массой народа и об этом факте оповещено было во всех советских газетах, как центральных, так и на местах, и в московских церквях везде начали служить по новому стилю, Тучков решил, что теперь Патриархом сделан шаг бесповоротный, такой шаг, которым он уже окончательно обязал себя пред русским народом и всем миром фактически ввести новый стиль. Тучков решил поставить дело так, чтобы народ оказал на почве введения нового стиля возможно большую оппозицию Патриарху. А так как все основания к такой оппозиции очень убедительно устранялись содержанием патриаршего послания, то Тучков решил лишить Патриаршее Управление возможности разослать вместе с указами о введении нового стиля и объясняющее весь вопрос патриаршее послание. По его указанию типография задерживала печатание со дня на день, оправдываясь недостатком времени... Послание не было напечатано и в советских газетах. А вместо того в центральных советских газетах, по инспирации Тучкова, была в это время напечатана заметка...

В этой заметке сообщалось, что так называемый “Всеправославный конгресс”, вынесший решение о введении в церковную

жизнь нового стиля, был обновленческого характера, а создавший его Патриарх Константинопольский — обновленцем. Таким образом народу внушалось, что введением нового стиля Патриарх Тихон и сам переходит на сторону обновленцев... Патриаршее Управление послало к Тучкову делегацию с протестом против помещения такой заметки... На вопрос, почему послание до сих пор не печатается, последовал равнодушный ответ: “Да я говорил, но они почему-то меня не послушали; поговорите сами с типографией”. Делегация спросила, почему он сам относится к этому теперь так равнодушно, тогда как все время настойчиво требовал от патриархии немедленного введения нового стиля, обещая даже за это легализацию Патриаршего Управления. Тучков ответил: “Раньше я все же думал, что вы перестанете быть контрреволюционерами, но теперь я не имею на это надежд”. Делегация указала, что, если в течение ближайших дней послание не будет напечатано, будет уже поздно и придется возвратиться к старому стилю. Будучи вполне убежден, что возвращение к старому стилю для Патриарха теперь уже совершенно невозможно, Тучков ответил тем же равнодушно-холодным тоном: “Ну уж вы там как хотите... дело ваше”. Когда оказалось, что и к 5 ноября нового стиля послание еще не напечатано, Патриаршее Управление, опираясь на неосторожно брошенную Тучковым делегации фразу “делайте как хотите”, сочло себя вправе возвратиться на старый стиль.

С согласия Патриарха, по распоряжению архиепископа Илариона (как управляющего Московской епархией) Московский Епархиальный Совет около означенного числа разослал по московским церквям указы, в которых сообщалось, что вследствие задержки с печатанием патриаршего послания введение нового стиля откладывается на неопределенное время. Получив такие указы, все московские приходы, три недели тому назад хотя и вполне спокойно и покорно воле Патриарха, но с большим прискорбием перешедшие на новый стиль, теперь тотчас же с большой радостью возвратились на старый...»

После того как 8 ноября 1923 года Патриарх отменил свое распоряжение о введении в церковное употребление нового стиля, агенты ГПУ по приказу Тучкова изъяли из канцелярии Патриарха текст послания, отпечатали его в типографии и расклеили на афишных тумбах, надеясь ввести таким образом в заблуждение церковных людей, приезжавших в Москву из провинции.

«Но и здесь Тучков имел мало успеха: все приезжающие в Москву церковные люди, смущенные тем, что они читали в послании, спешили обратиться за справками в ближайшую московскую церковь, а там им с торжеством объясняли, что “это было, да прошло”».

Столкнувшись с невозможностью учинить новый раскол в Православной Церкви ни через «примирение» с обновленцами, ни через введение нового стиля и, вероятно, вина в этом ближайших помощников Патриарха, Тучков вызвал Святейшего в ГПУ. Здесь он в резких выражениях предъявил ему ультиматум. Патриарх Тихон должен немедленно принять «митрополита» Евдокима и совместно с ним выработать декларацию о примирении. Отказ от примирения будет рассматриваться советской властью как контрреволюционное действие, вследствие чего Патриарх будет арестован.

Святейший категорически отверг все предложения Тучкова, резко заявив, что никто не навяжет ему таких действий, которые отвергает его совесть.

Все это время архиепископ Иларион принимал активное участие в докладах и религиозных диспутах, которые тогда устраивались в Москве. 17 августа 1923 года архиепископ прочел в аудитории Политехнического музея лекцию на тему: «Тихоновцы и обновленцы, что их разделяет?». Лекция продолжалась с девяти часов вечера до двенадцати часов ночи с перерывом в пятнадцать минут. Архиепископ дал оценку обновленчеству как попытке части духовенства избежать преследования властей с помощью ухода в раскол, рассказал о том, на какие подлоги и подлость шли обновленцы в борьбе с Церковью. Говоря о съезде белых епископов

на Троицком подворье, владыка заявил, что епископы Православной Церкви не признают этого съезда, так как туда собралось духовенство обновленческого движения, многие из епископов которого были посвящены с нарушением уставов Православной Церкви.

Вскоре после доклада, 4 сентября, в аудитории Политехнического музея состоялся диспут на тему: «Обновленческий Собор 1923 года». Порядок диспута был такой: сначала архиепископ Иларион прочитал доклад, а затем давалось слово оппонентам – каждому по десять минут. В качестве оппонентов выступали обновленцы, православные, старообрядцы и сектанты-толстовцы. Архиепископ выделил несколько характерных черт обновленческого движения: «Во-первых, подлог своих полномочий, с которого начала инициативная группа белого духовенства “Живая церковь”, – присвоение себе административной церковной власти, в то время как Патриарх согласился лишь на посредничество этих лиц по передаче его, Патриарха, канцелярии назначенному им заместителю, что не помешало этим лицам присвоить себе власть и ввести в заблуждение других; во-вторых, подлог общественного мнения – печатание победных реляций о всеобщем якобы обновленчестве, о переходе к обновленцам ряда епископов; в-третьих, подлог иерархии, выразившийся в поставлении самочинных архиереев, распоряжении и помыкании остальными епископами; в-четвертых, неканоничное и недопустимое с точки зрения Православной Церкви поведение съезда “Живой церкви”, имевшего место в августе 1922 года.

На съезде, съезде узкопартийном, не представлявшем большинства Церкви, принят ряд решений крупного характера, проводившихся затем всеми правдами и неправдами в жизнь. В общем отмечается резко профессиональный характер съезда: единая церковная касса, вопрос о вторичных браках духовенства и так далее.

Эти моменты с достаточной яркостью выявили сущность всего обновления. Постепенно от него отходят все лица, примыкав-

шие к нему вследствие ли своего увлечения этим движением, примкнувшие ли к нему “страха ради иудейска”».

Затем владыка отметил, что инструкция по избранию членов Собора была составлена так, чтобы обеспечить большинство устроителей. По инструкции запрещалось присутствовать на Соборе лицам, привлеченным к церковному суду за противообновленческую деятельность. Было обязательным присутствие на Соборе обновленческих центральных комитетов, уполномоченных ВЦУ и самого ВЦУ, что составляло сто восемьдесят человек из приблизительно четырехсот восьмидесяти присутствовавших. Да и сам Собор проходил далеко не так торжественно, как это описывают «Деяния Собора». С самого начала возникли недоразумения с сибирской иерархией. В Сибири тремя епископами, находившимися под запрещением, были рукоположены два женатых епископа. Они рукоположили в епископы Петра Блинова, который затем единолично рукоположил шестнадцать епископов. Все они затем приехали на Собор, хотя, по мнению самих обновленческих архиереев, не имели права принимать участие в богослужении, предварявшем открытие Собора. Епископ Антонин (Грановский) протестовал против участия в священнослужении самого Блинова. Поскольку в соответствии с канонами Церкви только два епископа могут посвятить кого-либо в епископа, а Блинов действовал один, то епископ Антонин счел, что благодати на этих епископах — половина, и во время службы в Заиконоспасском монастыре произвел «дорукоположение» их. Обновленческий Собор можно сравнить со Вторым Эфесским Собором, который назван разбойничьим. Главным вопросом лжесобора 1923 года был вопрос о лишении сана Патриарха и суда над ним. Но суд над Патриархом не правомочен уже потому, что подсудимому не прислали вызов, его даже не уведомили. Обновленческий Собор принял резолюцию, в которой говорится, что Поместный Собор 1917 года состоял из дворян, лиц, принадлежавших к привилегированному сословию, и отъявленных контрреволюционеров. «Хотя на нем и были дворяне, — сказал архиепископ, — но они отнюдь не

составляли большинства. Отрицательное отношение Собора к октябрьской революции возникло потому, что все общество увидело тогда грозное лицо этой революции, испугалось ее и не могло дать себе ясного отчета в происходящем. Да и кто тогда, – спросил владыка, обращаясь к залу, – мог себе представить, что это правительство продержится так долго? Не мог этот Собор заигрывать с властью, в продолжительное существование которой он не верил. Обновленческий Собор сыграл некрасивую роль – он санкционировал преступления против Церкви, совершенные в разное время представителями группы “Живая церковь” и другими обновленцами. Но с Соборами всегда повторяется одно и то же: есть какая-то таинственная сила, заставляющая верующих постановления одних Соборов признавать, других – отвергать. Эта сила – против Собора 1923 года».

Доклад высокопреосвященного Илариона закончился под аплодисменты всего зала, после чего был объявлен перерыв.

После перерыва защитником обновленчества выступил бывший обер-прокурор Синода Львов, чье появление было встречено таким шумом, что он едва смог говорить. Затем выступил епископ Серафим (Мещеряков), он вышел в изодранной красной рясе. Его речь не прерывали. Он сказал, что начиная с IV века административная церковная власть подпала под влияние государства и часто во епископы поставлялись недостойные люди. Так было и у нас в России со времен Петра I. И епископы, которые назначались Синодом, обер-прокурором, лицами светскими, были даже менее достойными людьми, чем епископы живоцерковнические.

Выступивший православный священник из Московской епархии рассказал о методах привлечения к “Живой церкви” сельского духовенства, о том, как обновленцы на Троицком подворье предлагали ему подписать протест против приговора священников к расстрелу, а на лицевой стороне этой бумаги была отпечатана формула признания ВЦУ и фамилия, имя и отчество священника.

Выступивший старообрядец говорил о несерьезности спора между тихоновцами и обновленцами и предлагал им примириться. Толстовец пожаловался, что сначала обновленцы звали всех сектантов на Собор, обещая им всякие льготы, желая с их помощью обеспечить себе большинство на Соборе, а когда дошло до дела, то на Собор не пустили.

13 октября в здании Политехнического музея состоялся диспут на тему: «Кто враги Церкви?». Диспут продолжался с восьми часов вечера до двенадцати часов ночи. В нем участвовали архиепископ Иларион и обновленческий священник Александр Введенский. Первым выступил Введенский. Он сказал, что обновленческое движение началось еще при монархическом строе и что священники при монархии были чиновниками охраны, а Собор 1917 года – собрание контрреволюционеров.

Его выступление прерывалось шумом и выкриками, и когда он стал говорить о Патриархе Тихоне, что последний был связан с зарубежной контрреволюцией и был противником помощи голодающим, в зале разразилась буря протестов, шум продолжался четверть часа. Причем всякий раз, когда Введенский говорил «Тихон», зал дружно кричал – «Патриарх».

Вслед за Введенским выступил архиепископ Иларион. Его появление было встречено аплодисментами. Когда он начал говорить, наступила полная тишина. Владыка сказал, что, конечно, были и при старом государственном строе недостойные священнослужители, но не все были такие, большинство служило исключительно Церкви. Обновленцы говорят, что они против всякой политики, что они есть свободная церковь, а между тем, когда он служил в пятнадцати верстах от Москвы, обновленческий священник грозил, что если в храме будет служить архиепископ Иларион, то приходской совет и сам архиепископ будут арестованы. Вряд ли власть им дала таковые полномочия, но, скорее всего, они сами присваивают себе политическую власть. Говоря о Патриархе, архиепископ сказал, что Патриарх Тихон – не контрреволюционер и никогда не был противником изъятия церковных ценностей, но он считал, что нельзя отдавать освященные

предметы. Свое выступление архиепископ Иларион заключил словами, что Патриарх Тихон никогда от своих убеждений не отступится и не пойдет с обновленцами на компромиссы.

В конце диспута Введенский заявил, обращаясь к православным: «Мы с вами ругались и будем ругаться». Во время его речи ему не давали говорить и часть слушателей начала уходить.

На следующий день снова был диспут, названный учредителями «Почему Тихон и Иларион враги Церкви», в котором участвовали архиепископ Иларион и Александр Введенский.

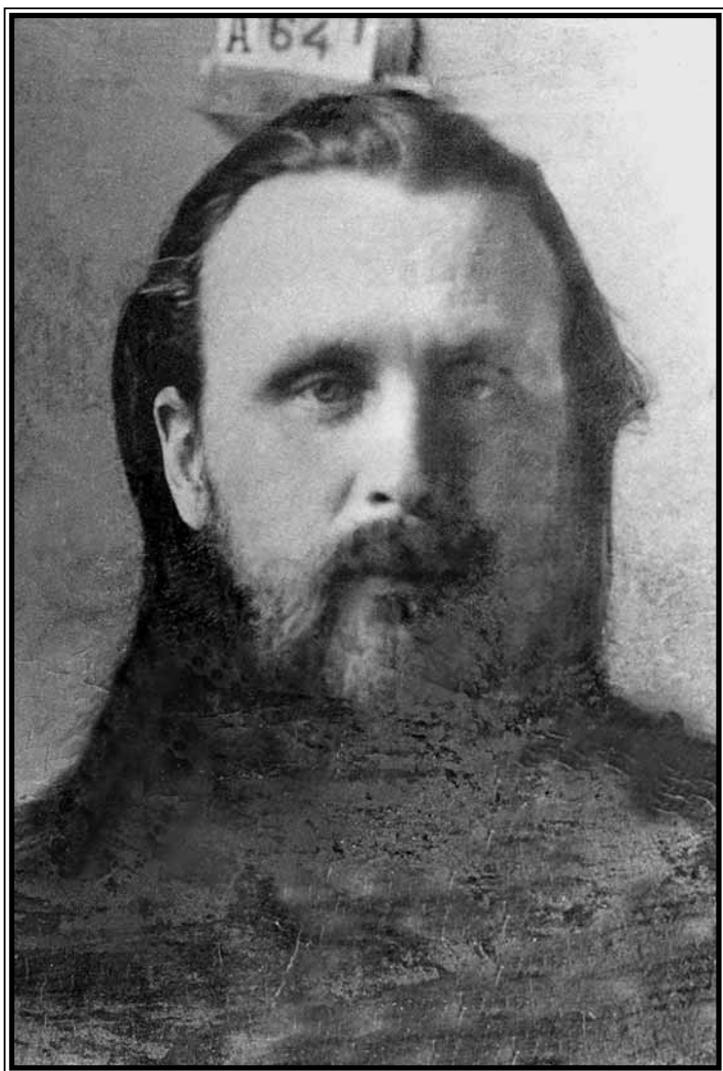
Зачастую диспуты в Москве проводились между наркомом просвещения Луначарским и главой обновленцев Введенским, которые все вопросы разрешали заранее. Но картина совершенно менялась, когда в диспутах дозволялось участвовать архиепископу Илариону. Владыка держался просто, серьезно, с достоинством, в его речи чувствовалась непоколебимая вера в правоту всего того, что он говорил; он, казалось, лишь делился своими знаниями и опытом; слушая архиепископа, присутствовавшие забывали и о наркOME просвещения Луначарском, и о предателе Церкви Введенском. Однажды, желая искутить архиепископа, Луначарский спросил его:

— Как же так, вы, служители культа, совершенно погрязли в противоречиях. С одной стороны, для вас Священное Писание — это нечто непререкаемое, а с другой, там ведь неоднократно говорится, что несть власти не от Бога. А советскую власть вы не любите. А советскую власть вы ругаете, недовольны ею. Как вы, гражданин Троицкий, ответите на этот вопрос?

— А мы разве говорим, что советская власть не от Бога? — сказал архиепископ. — Да, конечно, от Бога! В наказание нам за грехи...

15 ноября 1923 года архиепископ Иларион был арестован.

20 ноября Святейший Патриарх Тихон направил письмо в 5-й отдел Народного комиссариата юстиции, в котором выражалась просьба о расследовании причин ареста архиепископа Илариона и об ускорении его освобождения, так как Патриарху «по его возрасту и состоянию здоровья... его помощь, как епископа

Архиепископ Слармон

Москва. Тюрьма ОГПУ. 1923

энергичного и высокообразованного, крайне необходима и незаменима». Далее Патриарх выражал опасения, что этот акт, если он не вызывается серьезной государственной необходимостью, «может создавать безо всякой нужды нежелательное тревожное настроение среди верующего населения». Тучков на это письмо ответил отказом: «Троицкий арестован за контрреволюционную деятельность, выразившуюся в антисоветской агитации на устраиваемых им диспутах, лекциях и распространении контрреволюционных слухов, так что просьбу бывшего Патриарха Тихона удовлетворить не нахожу возможным».

7 декабря комиссия НКВД по административным высылкам приговорила владыку к трем годам заключения на Соловках.

В январе 1924 года архиепископ прибыл на пересыльный пункт на Поповом острове. Здесь его застало известие о смерти Ленина. В то время, когда в Москве помещали во временный мавзолей гроб с телом Ленина, заключенные по распоряжению лагерного начальства должны были молча стоять пять минут. Владыка Иларион лежал на нарах, когда посреди барака стоял строй заключенных, среди которых были и священнослужители. «Встаньте, все-таки великий человек, да и влетит вам, если заметят», — убеждали его заключенные. Все кончилось, однако, благополучно, а владыка, обращаясь к духовенству, сказал: «Подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, без сам какое торжество!»

Прибыв на Попов остров, владыка узнал, что обновленцы распространяют о нем через советскую прессу «сведения» о его якобы примирительном отношении к ним. Во избежание умножения соблазна архиепископ 17 июня 1924 года обратился к православным людям с соответствующим письмом: «Пастырям и чадам Православной Церкви! С крайним негодованием узнал я из газет о том, как бессовестно оклеветал меня вождь обновленческой церкви, бывший архиепископ Евдоким, который на своем нечестивом сборище заявил, будто я подал кому-то прошение, где раскаиваюсь в каких-то неведомых заблуждениях и признаю их самозванный синод.

Призывая Бога во свидетели, своею архиерейской совестью удостоверяю, что заявление бывшего архиепископа Евдокима есть бессовестная заведомая ложь — никакого прощения никому я не подавал и самозванного синода их никогда не признавал и не признаю, ибо, сохраняя верность своему архипастырскому обещанию, пребываю в полном послушании единого законного первосвященника Российской Православной Церкви Святейшего Патриарха Тихона.

Наглая ложь, бесстыдная ложь предводителя самозванного раскола показывает, что отпавшие от истинной Церкви теряют благодать Духа Святого и находятся в полной власти дьявола, который во истине не устоял, но говорит ложь (Ин. 8, 44).

Клевета на меня, конечно, имела целью посеять соблазн и смущение среди православных людей. Будьте осторожны, зная, что отступившие от Церкви раскольники способны на всякую, даже заведомую ложь, за которую да будет им Бог судьбою».

В конце июня 1924 года после открытия навигации архиепископ Иларион был отправлен на Соловецкий остров; здесь он взял сети на Филимоновой рыболовной тоне, был лесником, сторожем в Филипповой пустыни. Для него начался новый тернистый путь испытаний — не вольная теперь была ссылка, а узы, концлагерь. Но владыка и к этому испытанию был вполне подготовлен. То, что для другого могло явиться камнем преткновения и тяжелым переживанием, для него, православного богослова, стало украшением души.

Он писал верующим женщинам, помогавшим ему во время его ссылки в Архангельске.

30 октября 1924 года: «Я был очень рад, когда получил от Вас столь обширное и интересное письмо. Приношу Вам за него и вообще за память Вашу обо мне глубокую Вам благодарность. Господь да сохранит Вас от всякого зла. Да сохранит и Церковь архангельскую от таких искушений, какие она не в силах будет перенести. Я теперь давно уже не у дел; отдыхаю и живу мирно на Соловках. Жизнь моя здесь совершенно благополучная. Никакого горя, нужды или утеснения я не испытываю. Архангельский

Архиепископ Клирион (во втором ряду третий справа)

Соловецкий концлагерь

год мне памятен, и я часто его вспоминаю. Вспоминаю с благодарным чувством и всех добрых архангельцев... Сердечно благодарю всех и за гостинцы. Все я получил, и все так мне напоминает любезный Архангельск... Обо мне знайте только то, что я живу очень хорошо, крепок здоровьем, бодр духом...»

12 ноября: «Многоуважаемая Екатерина Ивановна! Спасибо Вам за Ваши письма с подробными известиями. Да поможет Господь архангелогородцам победить нечистую силу самозванщины. Передайте мой привет всем помнящим и поминающим меня. Я доселе живу совершенно благополучно, гораздо лучше, нежели живут многие и многие на так называемой “свободе”. Мне здесь очень нравится, и я не чувствую почти никакой тяготы. Мне живется легко физически и нравственно...»

9 декабря: «Достоуважаемая Екатерина Ивановна! Извещаю Вас, что все Ваши посылочки я получил. Что предназначалось другим, — отдал им. За все приношу благодарность Вам и всем, кто помнит меня и кто желает прийти на помощь мне. Живу я доселе в полном благополучии и благодушии. Соловки мне очень понравились, и я не вижу особой тяготы здесь жить. Никак я не думал, что так хорошо буду себя чувствовать в соловецкой ссылке. Моя московская жизнь была несравненно тяжелее, там я был занят все время и страшно трепал свое здоровье и свои нервы. Здесь я на покое. Такова, видно, Божья воля, чтобы мне работать пока здесь, а не служить святой Церкви...»

В лагере владыка сохранил монашескую нестяжательность, детскую незлобивость и простоту. Он просто отдавал всем все, что у него просили. Ни на какие оскорбления окружающих никогда не отвечал, казалось не замечая их. Он всегда был мирен и весел, и если даже что и тяготило его, он не показывал этого. Из всего происходящего с ним он всегда стремился извлечь духовную пользу, и, таким образом, ему все служило ко благу.

На Филимоновой рыболовной тоне в десяти километрах от главного Соловецкого лагеря он находился вместе с двумя епископами и несколькими священниками. Об этой своей работе он говорил добродушно: «Все подает Дух Святой: прежде рыбаки

богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы рыбаки показаны».

Советская власть в это время всем давала равные сроки: и выдающемуся архиерею, славно потрудившемуся рядом с Патриархом Тихоном в борьбе со злыми врагами Церкви — обновленцами, и молодому иеромонаху из Казани, чье «преступление» состояло в том, что он снял орарь с дьякона-обновленца и не позволил ему вместе с собою служить.

«Любочестив бо сый Владыка, — говорил по этому поводу архиепископ Иларион, — приемлет последнего, якоже и первого; упокоевает в едионадесятый час пришедшего, якоже делавшего от первого часа. И дела приемлет, и намерения целует, и деяния почитает, и предложения хвалит».

Архиепископ Иларион, будучи подлинным христианским богословом, старавшимся видеть Бога везде, на всяком месте, во всякое время, и самый Соловецкий лагерь воспринимал как суровую школу добродетелей — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения и трудолюбия. Его было нельзя опечалить ничем — и это его настроение поднимало дух окружающих.

Ко всем он относился с подлинной любовью и пониманием. В каждом человеке он ощущал образ и подобие Божие, жизнью каждого человека интересовался искренне. Он часами мог говорить и с офицером, и со студентом, и с профессором, и с представителем уголовного мира, каким-нибудь известным вором, которого он с любопытством расспрашивал о его «деле» и жизни. Владыка всем был доступен. Его простота скрашивала и смягчала недостатки его собеседников. Воистину он был кроток и смирен сердцем, находя в этом покой не только для своей души, но вселяя мир и покой в смятенные души окружавших его людей.

Знавшие его в Соловках писали о нем: «Он доступен был всем... с ним легко всем. Самая простая внешность — вот что такое был владыка. Но за этой заурядной формой веселости можно было постепенно усмотреть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие,

высокое нравственное совершенство. Его обыкновенный вид скрывал от людей внутреннее делание и спасал его самого от лицемерия и тщеславия. Он был решительным врагом всякого лицемерия и показного благочестия. Каждого прибывавшего в Соловецкий лагерь священника владыка подробно расспрашивал обо всех предшествовавших заключению обстоятельствах.

— За что же вас арестовали? — спросил владыка прибывшего в лагерь игумена одного из монастырей.

— Да служил молебны у себя на дому, когда монастырь закрыли, — ответил тот, — ну, собирался народ, и даже бывали исцеления...

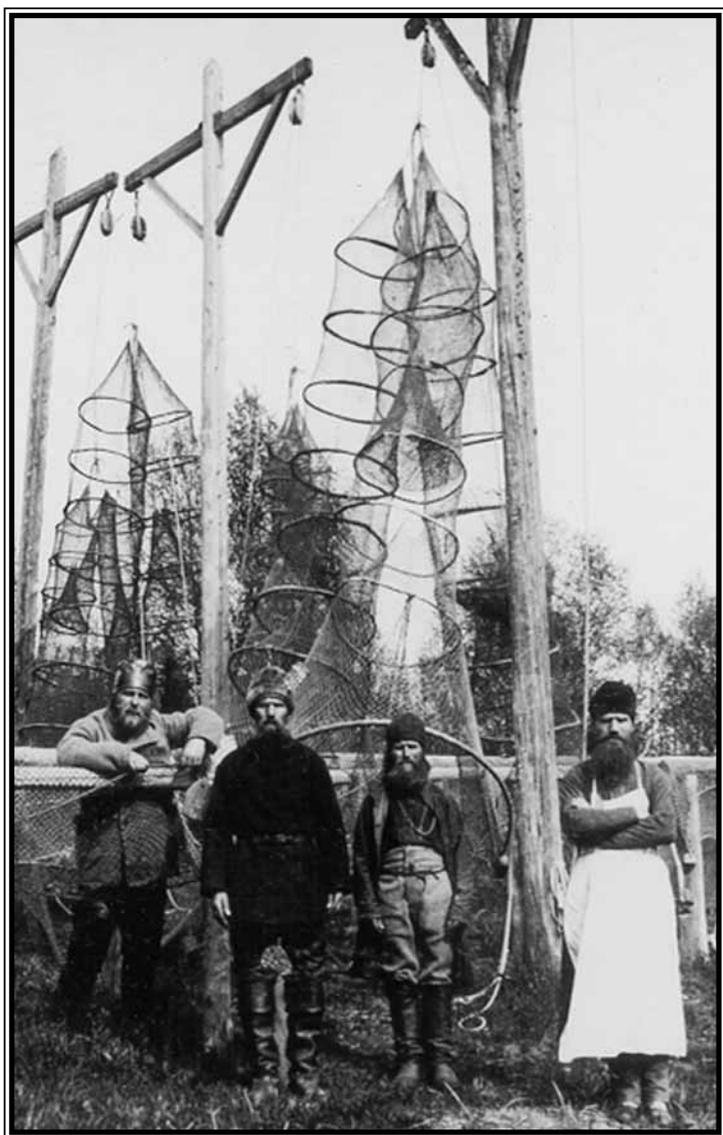
— Ах вот как, даже исцеления бывали... Сколько же вам дали Соловков?

— Три года.

— Ну, это мало, за исцеления надо бы дать больше, советская власть недосмотрела...»

Далеко был ныне владыка от церковных событий. В лагере он узнал о смерти великого святителя Русской Церкви Патриарха Тихона, здесь же узнал, что во главе Русской Церкви стал высокопреосвященнейший Петр, митрополит Крутицкий, к которому архиепископ Иларион относился с огромным уважением и почтением, и был рад такому избранию Божию.

В это время советское правительство и ОГПУ планировали новый раскол в Церкви. На этот раз его должен был возглавить архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), с которым Тучков уже провел переговоры и тот выразил согласие возглавить соответствующую группу иерархов. В эту группу желательно было ввести архиерея, обладавшего бесспорным авторитетом, за которым пошли бы другие иерархи. И, конечно, лучше было бы, если бы этот архиерей в данный момент находился в заключении, то есть длительное время был лишен всей полноты сведений о происшедших церковных событиях, тогда его можно было бы ограниченно ставить о них в известность, даже и с помощью подлинных церковных документов.

Архипескоч Цлармон (крайний слева)

Соловецкий концлагерь

Желая вовлечь архиепископа Илариона в раскол, Тучков распорядился перевести его из Соловков в Ярославское ОГПУ, предоставить ему отдельную камеру, возможность заниматься научной работой, вести деловую переписку и получать любые книги с воли, а тем временем хотел попытаться уговорить его на сотрудничество с ОГПУ.

5 июля 1925 года архиепископ Иларион был перевезен из Соловецкого лагеря в Ярославский политический изолятор. Из тюрьмы он писал своей родственнице: «Ты спрашиваешь, когда же кончатся мои мучения? Я отвечаю так: мучений я не признаю и не мучаюсь. При моем “стаже” меня ведь тюрьмой не удивишь и не испугаешь. Я уже привык не сидеть в тюрьме, а жить в тюрьме, как ты живешь в своей квартире. Конечно, нелепого в моей жизни и было и есть немало, но нелепое для меня более смешно, чем мучительно. Зато есть у меня преимущества в моей жизни, из-за которых я согласен терпеть и разные нелепости... В самом деле. Имею здесь отдельную келию с достаточным освещением, с почти достаточным отоплением — и все это бесплатно. Нужно тратить только несколько рублей в месяц, чтобы пансион был достаточным, — конечно, для такого безразличного к этим делам человека, как я. Но главное... самое милое то, что я могу без помехи отдаться своей первой и постоянной любви — науке, с которой жизнь было меня совсем разлучила... Здесь... меня ничто и никто не отвлекает. Кроме двух часовых прогулок в день да нескольких минут на обед или чай — остальное время я провожу за книгами. Я себе задал громадную тему, которую разве только в десяток лет можно разработать. Самый большой вопрос, конечно, книжный. Но на первое время я использую книги, которые можно достать. Доселе недостатка не имею и в книгах. Почти каждый месяц получаю от друзей из Москвы по ящику книг и каждый месяц их возвращаю, сделав нужные выписки. Это только при моем теперешнем положении можно браться за чтение собраний сочинений в тысячи и даже десятки тысяч страниц. Не один десяток тысяч страниц я уже и проштудировал. Иные книги десяток лет ле-

жали у меня, и все некогда было прочитать. Еще бы, если книга тысяча — тысяча двести страниц немецкого текста! А тут и до этих книг очередь дошла.

Словом, у меня настроение и духовное содержание жизни такое же, как было пятнадцать лет назад. Не хватает одного — академической библиотеки! Будь академическая библиотека, я бы попросил здесь приюта не до конца этого года, а по крайней мере до конца этого десятилетия. Что же поделаешь, если место для науки, интересной и важной для меня, только в тюрьме? Я тут не виноват ни в чем.

Ведь вот как устраивает Господь (через ОГПУ) жизнь мою: живу без нужды и без забот вот уже четыре года. Только и думаешь, какие и как книги достать. И это по моим указаниям добрые люди успешно исполняют. Вот и сегодня повестку получил: целый пуд книг пришел, а вон у стены стоит ящик с прочитанными, приготовленными к отправке. Вот и все мои заботы! А беззаботность — это для меня самое милое дело!

Всех поцелуй и всем Расскажи, как я нашел свою судьбу в тюрьме».

Тучков дважды встречался с архиепископом Иларионом. Первый раз Тучков пришел к нему в камеру, где беседовал о церковных делах и о церковной жизни. Но поскольку владыка не был осведомлен о церковных событиях последних лет, проведя это время в концлагере, о чем он и упомянул, то беседа вышла мало-содержательной. Во второй раз Тучков вызвал архиепископа в тюремную канцелярию и здесь снова завел разговор о церковных событиях последнего времени и между прочим предложил освободить его и возвратить на Московскую кафедру, но с условием, что он поддержит одну из групп духовенства, имелись в виду григорианцы. Архиепископ ответил, что ему сначала нужно переговорить с ними, так как некоторые ему незнакомы, а о других он знает слишком мало. Далее разговор коснулся современного положения Православной Церкви, и в частности организации Высшего Церковного Управления. Владыка сказал, что по настоя-

щим обстоятельствам Высшее Церковное Управление может быть только временным, но организация такого временного управления весьма желательна. Причем оно в своем начале не должно быть самозванным, то есть должно организоваться с согласия патриаршего Местоблюстителя. Это церковное управление должно действовать в согласии с епископатом и объединять епископат. Оно ни в малейшей степени не должно напоминать характер деятельности так называемого обновленческого ВЦУ 1922–1923 годов. Православное церковное управление должно свою задачу считать ограниченной: его задача – созыв Собора, которому будет принадлежать полнота церковной власти. Что касается Собора, то он должен быть собран, а не подобран, как это было сделано ВЦУ в 1923 году. Собор должен организовать постоянное Церковное Управление, и при этом он должен рассеять подозрения, что за религиозной православной внешностью кроются политические вождедения.

Выслушав архиепископа, Тучков предложил письменно изложить его взгляды на церковные нужды настоящего времени, что и было им сделано. Он написал документ в двух экземплярах: один был адресован Тучкову, другой – заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому).

Текст этой «декларации» совершенно не удовлетворил Тучкова. Переговоры не привели ни к чему. Владыка был непримирим к обновленцам, отказался поддержать григорианский раскол, выставил требования, чтобы новое церковное управление непременно имело благословение Местоблюстителя.

У архиепископа Илариона и у Тучкова почти по всем пунктам были разные взгляды. Владыка предлагал представителям государства сотрудничать с Церковью, но на основании независимости Церкви, на основании положительного роста и духовной силы самой православной паствы, члены которой являются также и гражданами государства и, следовательно, составляют и его силу. Тучков хотел добиться сотрудничества иерархов на основе полного подчинения Церкви государству и в конце концов потребо-

вал прямого осведомительства, как если бы владыка был одним из сотрудников ОГПУ. Тучков желал прежде физического уничтожения своего врага уничтожить его нравственно. Архиепископ ответил на эти предложения резким, категорическим отказом. Видя, что склонить на свою сторону этого выдающегося иерарха не удастся, Тучков зло сказал: «Приятно с умным человеком поговорить. А сколько вы имеете срока в Соловках? Три года?! Для Илариона три года! Так мало?!»

26 февраля 1926 года архиепископа перевели из отдельной камеры в общую камеру тюрьмы в Коровниках. 15 марта владыка писал родственнице о происшедших в его жизни переменах: «Есть здесь и плюсы и минусы. Плюсы: более свободная жизнь, неограниченная переписка... Минусы: я потерял свое милое одиночество, а вместе с ним и возможность заниматься так, как занимался раньше. Днем-то у нас еще хорошо: в огромной камере всего шесть человек остается и можно немного почитать и пописать, но вечером собирается целых двадцать человек, и тогда открывается такой дивертисмент, что просто беда. Камера, куда меня поселили, считается лучшей, в ней больше “интеллигенция”, но увы! — теперь и интеллигенция мало отличается от дикарей по своим нравам.

Удивительное дело! Никто меня к тюремному заключению не приговаривал, и все-таки я сижу в тюрьме, где сидят все по определенным судебным приговорам. Но... удивляться уже давно перестал. Только почему это все со мной такие фокусы происходят? Ведь никого во всей тюрьме нет без приговора, кроме меня. Все наши прочие спокойно живут в Соловках, а я вот уже на второе место перебираюсь. Что-то еще неожиданного преподнесет мне время? Некоторые основания ждать нового у меня есть, но будет ли это все к добру — не знаю. Вообще у меня образовалась уже привычка к такой ненормальной и нелепой жизни. Как я тебе, помнишь, писал, я не сижу, а живу в тюрьме».

Отношение владыки к обновленцам и всякого рода раскольникам оставалось непримиримым. И один из обновленческих ар-

хиереев, Гервасий Малинин, желая подчеркнуть эту непримиримость ближайшего помощника Патриарха Тихона, писал о нем в обновленческом журнале: «Я встретился на прогулке по двору в Ярославской тюрьме “Коровники” с архиепископом Иларионом Троицким. Он меня узнал и удивился, зачем я попал в тюрьму.

Он мне сказал:

— Зачем вы отошли от Патриарха Тихона и нарушили ту клятву, которую вы давали при хиротонии во епископа, что ничего общего не будете иметь с так называемой “Живой церковью”?

На это я сказал:

— Клятвы я не нарушал. С “Живой церковью” я не имел и не имею ничего общего.

— Вы отпали от Церкви, — сказал мне архиепископ Иларион.

— Это неправда, а вот вы, тихоновцы, фактически отпали. Восточные патриархи не с вами, а с нами.

— Какие мы тихоновцы; что вы треплете имя покойного Святейшего Патриарха Тихона? Мы православные. Восточные патриархи с нами, это я знаю документально, обновленцы врут. Введенский ваш изолгался...

Мне не пришлось с архиепископом Иларионом долго беседовать, потому что я тюремной администрацией был отозван и тут же освобожден из тюрьмы. На прощание мне архиепископ Иларион сказал:

— Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю...»

1 апреля архиепископу Илариону стало определенно известно, что в ближайшие дни его отправят с этапом на Соловки. Узнав об этом, он писал родным: «Это переселение для меня, пожалуй, приятно. Ведь сидеть взаперти мне вовсе не следует. А там куда свободнее. Да и знакомые мне все места-то там. Друзей у меня там масса. С ними охота и повидаться. Вот одно только не особенно приятно, это — путешествие. Пожалуй, до самой Пасхи буду я странствовать до берега, то есть до Попова...

И зачем только меня тащили-то сюда? Пожалуй, и нужно было кое о чем поговорить, и говорили, да видно не очень-то речи

мои понравились. Ну, что Бог ни делает, все к лучшему. Надеюсь, что и на этот раз будет именно к лучшему...»

В пересыльный лагерь на Попов остров владыка прибыл незадолго до Пасхи. Здесь нужно было дожидаться начала навигации, когда заключенных переправляли на Соловки. Здесь он встретил и великий праздник Пасхи. Вот как описывает это событие священник Павел Чехранов.

«Кругом лес, колючая проволока, на высоких столбах будки... Людей нагнали в пункт видимо-невидимо. Вследствие весенней распутицы лесные разработки закончились. И более тысячи человек возвращались обратно в лагерь. А весь лагерь рассчитан на восемьсот человек. Клуб закрылся и переделан под жилое помещение с нарами. В прочих бараках проходы застроены нарами, двойные нары переделаны в тройные — в три этажа. Даже в привилегированном канцелярском бараке теперь двойные нары, и вместо шестидесяти человек стало там сто двадцать. Кипятку сплошь и рядом не отпускалось, так как все котлы занимались под обед и ужин.

Приближалась Пасха. И как хотелось, хотя и в такой обстановке, совершить службу. «Как это так, — думал я, — даже и сейчас, когда просунуться поговорить через толпу затруднительно, как не пропеть “Христос воскрес!” в пасхальную ночь?..» И я решил подготовить свою братию. Повел разговоры с благодушнейшим епископом Нектарием (Трезвинским), епископом Митрофаном (Гриневым), епископом Рафаилом (Гумилевским) и епископом Гавриилом (Абалымовым). Последний и не подозревал, какая ему писанка готовится. Из прочей братии были оповещены отец Филумен и постоянный компаньон владыки Илариона (Троицкого) шахматист отец Аркадий Маракулин.

Однако только архиепископ Иларион и епископ Нектарий согласились на пасхальную службу в незаконченной пекарне, где только одни просветы были прорублены, ни дверей, ни окон. Остальные порешили совершить службу в своем бараке, на третьей полке, под самым потолком, по соседству с помещением ротного

начальства. Но я решился вне барака пропеть пасхальную службу, дабы хотя бы в эти минуты не слышать сквернословия.

Сговорились. Настала Великая Суббота. Арестантский двор и бараки, как бочки с сельдью, были наполнены прибывшими с лесозаготовок. Но нас постигло новое испытание. Последовало распоряжение коменданта ротным командирам не допускать и намеков на церковную службу и с восьми часов вечера не впускать никого из других рот. С печалью сообщили мне епископы Митрофан и Гавриил это известие. Однако я своему “причту” настаивал: “Все же попытаемся в пекарне устроить службу”. Епископ Нектарий сразу согласился, а архиепископ Иларион нехотя, но все же попросил разбудить в двенадцать часов.

В начале двенадцатого я отправился в барак, где помещался владыка Нектарий. Двери были настежь открыты, и мне, быстро вошедшему, преградил дорогу дневальный.

— Не велено пускать никого из других рот.

Я остановился в нерешительности. Однако владыка Нектарий был наготове.

— Сейчас, сейчас, — сказал он мне.

Я отправился к владыке Илариону. Войдя стремительно в барак, я направился мимо дневального, который оказался несколько знакомым и расположенным ко мне.

— Пожалуйста, поскорее делайте и уходите. Не приказано...

Я кивнул ему головой, подошел к владыке Илариону, который, растянувшись во весь свой великий рост, спал. Толкнул его в сапог, владыка приподнялся.

— Пора, — сказал я ему шепотом.

Весь барак спал. Я вышел.

На линейке меня ожидал владыка Нектарий. Вскоре к нам присоединился владыка Иларион, и мы гуськом тихо направились к задней стороне бараков. За дорогой стоял остов недоконченной пекарни с отверстиями для окон и дверей. Мы прошмыгнули к нему поодиночке. Оказавшись внутри здания, выбрали стену более укрывавшую нас от взора проходящих по дорожке и

плотнее прижались к ней; слева – владыка Нектарий, посредине – владыка Иларион, а я – справа.

– Начинайте, – проговорил владыка Нектарий.

– Утреню? – спросил владыка Иларион.

– Нет, все по порядку, с полунощницы, – ответил владыка Нектарий.

– Благословен Бог наш... – тихо произнес владыка Иларион.

– Волною морскою... – запели мы полунощницу.

И странно, странно отзывались в наших сердцах эти с захватывающим мотивом слова. “...Гонителя, мучителя под землю скрывша...” И вся трагедия преследующего фараона в этой особенной обстановке чувствовалась нашими сердцами как никогда остро. Белое море с белым ледяным покровом, балки для пола, на которых мы стояли, как на клиросе, страх быть замеченными надзором. А сердце дышало радостью, что пасхальная служба совершается, вопреки строгому приказу коменданта.

Пропели полунощницу. Архиепископ Иларион благословил заутреню.

– Да воскреснет Бог и расточатся врази Его... – не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, владыка Иларион.

Мы запели “Христос воскрес!” Плакать или смеяться от радости, думал я. И так хотелось нажать голосом чудные ирмосы! Но осторожность руководила нами. Закончили утреню.

– Христос воскрес! – сказал владыка Иларион, и мы все трое облобызались. Владыка Иларион сделал отпуст и ушел в барак. Епископ Нектарий пожелал и часы с обедницей совершить. И мы совершили вдвоем. Только я был за предстоятеля, владыка Нектарий за псаломщика, так он сам пожелал, ибо знал все песнопения, равно и чтения, наизусть.

Эта пасхальная служба осталась в памяти у владыки Илариона... В 1927 году в мае он писал мне: “Вспоминаю прошлогоднюю Пасху. Как она отличается от сегодняшней! Как торжественно мы справили ее тогда!”

Да, обстановка Пасхи 1926 года была необычайна. Когда мы втроем ее справляли в недостроенной пекарне, в это время там, в

Ростове, в залитом электрическим светом кафедральном соборе (захваченном обновленцами. — *И. Д.*) при участии чудного хора городское духовенство совершало тоже пасхальное торжественное богослужение. Но!.. Думается нам, наша кемская Пасха в пекарне без окон и дверей, при звездном освещении, без митр и парчовых риз дороже была для Господа, чем великолепно обставленная ростовская».

С началом навигации архиепископ Иларион был отправлен на Соловки. В это время там по благословению архиепископа Евгения (Зернова) была написана церковная декларация, которая, по мнению ее составителей, должна была определить положение Православной Церкви в новых исторических условиях, а также взаимоотношения Церкви и государства. Когда владыка прибыл на остров, текст декларации был уже одобрен большинством архиереев. Единомыслен был с ними и архиепископ Иларион, лишь выразил сомнение, не будет ли некорректным поучать заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия, но по размышлении согласился, что это послание будет иметь для митрополита значение совета, который он волен принять или нет.

О встрече с владыкой в это время Олег Волков в своих воспоминаниях писал: «Иногда Георгий уводил меня к архиепископу Илариону, поселенному в Филипповской пустыни, верстах в трех от монастыря. Числился он там сторожем. Георгий уверял, что даже лагерное начальство поневоле относилось с уважением к этому выдающемуся человеку и разрешало ему жить уединенно и в покое.

Преосвященный встречал нас радушно. В простоте его обращения было приятие людей и понимание жизни. Даже любовь к ней. Любовь аскета, почитавшего радости ее ниспосланными свыше.

Мы подошли к его руке, он благословил нас и тут же, как бы стирая всякую грань между архиепископом и мирянами, прихватил за плечи и повлек к столу. И был так непринужден... что забывалось о его учености и исключительности, выдвинувших его на

одно из первых мест среди тогдашних православных иерархов.

Мне были знакомы места под Серпуховом, откуда был родом владыка Иларион. Он загорался, вспоминая юность. Потом неизбежно переходил... к суждениям о церковных делах России.

— Надо верить, что Церковь устоит, — говорил он. — Без этой веры жить нельзя. Пусть сохраняются хоть крошечные, еле светящиеся огоньки — когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер... Я вот зиму тут прожил, когда и дня не бывает — потемки круглые сутки. Выйдешь на крыльцо — кругом лес, тишина, мрак. Словно конца им нет, словно пусто везде и глухо... Но “чем ночь темней, тем ярче звезды...” Хорошие это строки. А как там дальше — вы должны помнить. Мне, монаху, впору Писание знать».

В ноябре заканчивался трехлетний срок заключения архиепископа, и перед концом навигации он был перевезен с острова на материк. 19 ноября 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ снова приговорило владыку к трем годам заключения на Соловках. Его обвинили в том, что он разгласил содержание разговоров с Тучковым. Прибыв на Соловки, владыка шутил: «На повторительный курс остался».

Своим архангелогородским помощникам владыка писал в это время: «8 августа. Глубокоуважаемая Ольга Павловна! Шлю Вам и Екатерине Ивановне свой сердечный привет. Благодарю Вас и прочих добрых людей за добрую память обо мне. По милости Божией вот уже пятое лето живу на берегах Белого моря и совсем сроднился с севером, Вам родным. Рад всегда слышать что-либо об Архангельске и тамошней жизни, наипаче о дорогой жизни церковной. Надеюсь, что сохранит всех Вас Господь от чрезмерных искушений. Я жив и здоров. Живу благополучно, даже лучше, чем рассчитывал раньше, когда впервые ехал сюда... Уже четвертый год истек, как я расстался с Архангельском, а кажется, будто совсем еще недавно я из него уезжал...»

Осенью 1927 года началось новое смятение в церковной жизни, отчасти связанное с публикацией декларации митрополита

Сергия. Архиепископ Иларион, отличавшийся большой выдержкой и мудростью, обладая широким историческим кругозором, собрал в «келью архимандрита Феофана полтора десятка епископов, некоторые из которых стали соблазняться происходящим на воле смятением, и убедил святителей ни при каких условиях не идти на раскол. “Никакого раскола! — сказал он. — Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это как на провокацию!”»

Летом 1928 года архиепископ писал по этому поводу: «Что реку о сем? А то, что всем отделяющимся я до крайней степени не сочувствую. Считаю их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным. Не напрасно каноны 13–15 Двукратного Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. То или другое административное распоряжение, хотя и явно ошибочное, вовсе не есть “casus belli”*. Точно так же и все касающееся внешнего права Церкви (то есть касающееся отношения к государственной политике и подобное) никогда не должно быть предметом раздора. Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения. Ну а возьмите деятельность хотя бы Синода с 1721 по 1917 год. Там, пожалуй, было больше сомнительного, и, однако, ведь не отделялись. А теперь будто смысл потеряли, удивительно, ничему не научились за последние годы, а пора бы, давно пора бы... Утверждаются часто на бабьих баснях... Что подделаешь. Ухищрения беса весьма разнообразны. А главное, есть tertius quadeus**, и ему-то все будто подрядились доставлять всякое утешение. Да, не имеем мы культуры и дисциплины. Это большая беда...»

«Открытку Вашу получил. Рад, что письмо мое Вы получили, которого долго ждали, но только не по моей вине долго дождать-

---

* Повод к войне (лат.).

** Третий радующийся (лат.), то есть человек, выигрывающий от распри двух сторон.

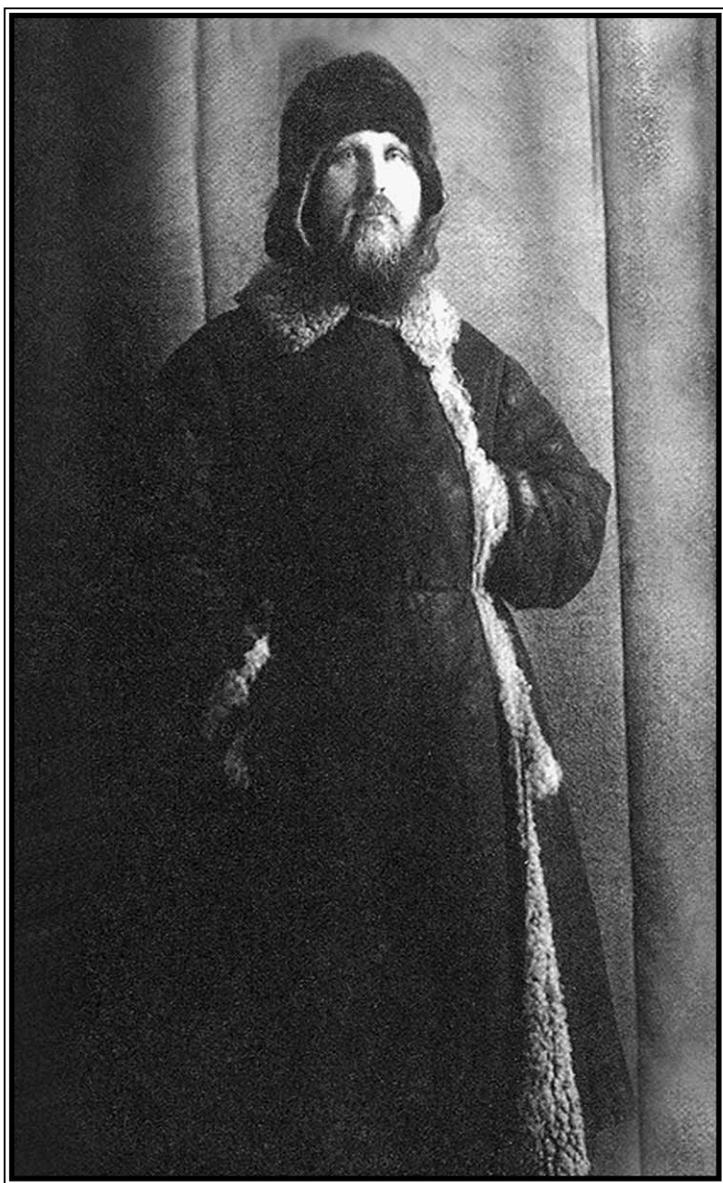
ся не могли. Больше тут Ваши приятели виноваты, которые совсем нехорошо поступают, что хоть не пиши совсем. Ну, еще какие письма получил, то скажу так. Везде писаны пустяки, кто напротив пишет. Какую штуку выдумали! Он (митрополит Сергей. — *И. Д.*), мол, отступник. И как пишут. Будто без ума они. Сами в яму попадают и за собой других тащат. А Осиповы* письма уж очень не понравились. Будто и не он пишет вовсе. У него будто злоба какая. И самый главный грех тот, что его на другую должность перевели. Значит, и отступник. Это глупость. Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Допрежде по каким пустякам должность меняли и еще рады были, а теперь заскандалили. А теперь для пользы дела, не по интересу какому. Лучше дома жить, это что говорить, да от кого это зависит. С ним ничего не поделаешь, хоть об стенку лбом бейся, все то же будет. Значит, ругается по пустякам и зря, вред и себе и другим делает...»

Пошел новый трехлетний срок, снова пришлось переживать зиму на Соловках. Хотя и вместе с архиереями-друзьями, такими, как архиепископ Херсонский Прокопий (Титов), а все же в неволе. Неволя делала зыбким и непрочным всякое начинание. Ты начал исследование, употребил немало времени и сил для успешного его продвижения, а завтра тебя переводят в другое место, хотя бы и в пределах того же Соловецкого острова, но надзиратели устраивают обыск, и от трудов твоих не остается следа. Работать и что-либо записывать в таких условиях было почти то же, что стараться написать книгу, находясь на корабле во время неумеряющегося шторма. Только то, может быть, и было утешительно, что сходить в праздник Крещения на реку и видеть, как у иордани три оленя остановились и смотрят на это чудо освящения вод.

Родственнице архиепископ в это время писал: «Меня хоть ни кто дедушкой не называет. Однако иной раз случалось, что стариком назовут, и то странно слышать. Меня больно уж борода вы-

---

* Митрополит Иосиф (Петровых).

Архиепископ Марион в заключении

дает — поседела, как неведомо что. Однако душа, чувствуется, еще не постарела. Интересы в ней всякие живут и рождаются. Интересы эти приходится удовлетворять чтением, потому что для настоящих занятий нет, понятно, соответствующих условий. Часто является досадливая мысль: вот если бы иметь столько свободы от работ и столько досуга в академической обстановке! Но подосадуешь, подосадуешь, да тем и ограничишься. А раскроешь книгу посерьезней — оказывается, далеко не всегда ее можно читать — внимание рассеивается тем, что окружает и что вовсе не интересно.

С внешней стороны жизнь моя сравнительно сносная — голоден не бываю, в квартире не мерзну, одеться имею во что (хотя нередко так одет, что и ты бы не узнала), поговорить есть с кем, забот на душе почти никаких. Видишь, сколько преимуществ имею! Но, конечно, долгонько зажился я на Белом море...

Выкинут я стихией на далекий остров. Но сожаления я стараюсь не растравливать в душе моей, на окружающее стараюсь не обращать внимания, а жизнь наполнять тем, чем можно. И так за долгие годы привык и живу не тужу. На лучшее не надеюсь, от худшего не отрекаюсь. Какова есть о мне воля Божия — так пусть и будет».

Подходил к концу очередной срок заключения. В конце лета и осенью 1929 года владыка писал родственнице: «Живу я все по-прежнему, вполне благополучно, без нужды и горя. Никуда я не трогаюсь с места. Вот уже два года, как живу в одном и том же доме, среди леса, между морским заливом и озером... Про свое ближайшее будущее ничего, конечно, не знаю. Хоть ничего хорошего не жду. Вот сейчас я не чувствую себя переутомленным, потому что здесь мне легче жить, нежели было всегда раньше, только не вырос я духовно ничуть, а только поглупел. Но в этом вина не моя одна, хотя есть и моя. Вероятно, можно было бы прожить эти годы с большей пользой...»

«Получил от тебя известие о Липицах... А вот мне придется ли когда-нибудь увидеть родные места, где так много перемен, где

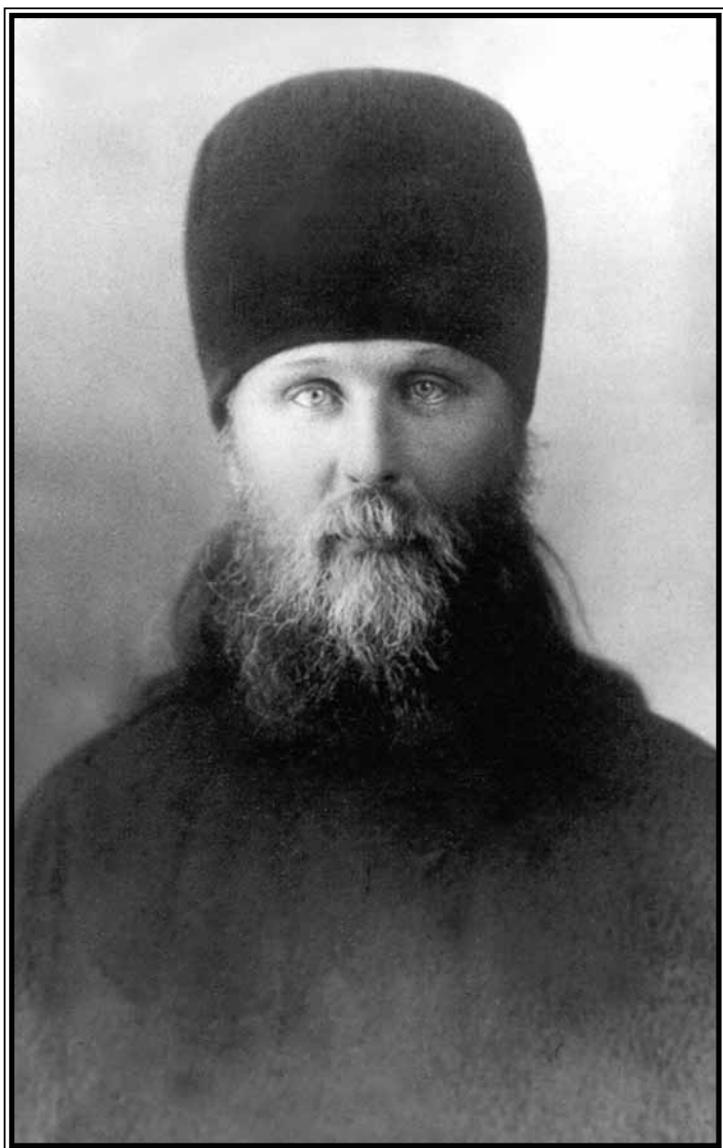

одни выросли, другие совсем исчезли. Не знаю, но мне порой очень хотелось бы в тех местах побывать. Правда, до так называемого срока остается всего месяц один: да ведь это ровно ничего не значит. Одно разве только значит: бери вещи через плечо, да и начинай странствовать, причем самым неудобным и гнусным способом...

Живу-то я без нужды, но жизнь невеселая и малосодержательная. Так только время пропадает неважно, и иной раз приходят такие мысли. Вот, например, за шесть лет с 1906 до 1912 года прошел курс академический. Сколько наук прошел, сколько сочинений написал! Магистерскую даже защитил. Из мальчика, приехавшего из Тулы, стал совсем человеком. А за последние шесть лет — что? Одно горе, одна грусть! Пропали лучшие годы, а их не так уж много впереди осталось. Больше осталось позади. Вот эта потеря невознагражима. И сколько их пропадет еще!

Вот такие мысли приходят порой, и, понятно, невесело от них становится. Но успокаиваешься на том, что ты сам во всем насколько не повинен. Видно, в такую полосу историческую попал, что должна жизнь пропадать без дела и без пользы. И еще есть утешение в том, что не один ты в таком положении, а иные и в худшем. Ведь у меня нет еще борьбы за кусок хлеба, а сколько людей в этой борьбе опустошают жизнь свою...»

Незадолго до окончания срока и выезда с Соловков архиепископ писал родным: «Дожил я уже до осени и этого года. Только осень у нас прямо удивительная — доселе нет ни холода, ни снега: иной раз дождичек сыплет и сыплет, а иной раз и сухо станет. А в прошлые годы в это время всегда ходил по льду озера. 15 ноября исполняется пять лет, как я странствую, — если, конечно, считать, что лето 23-го года я жил сколько-нибудь оседло (а это весьма сомнительно). Сейчас я переживаю не вполне приятное состояние полной неизвестности: уеду ли я отсюда или опять останусь. Если уеду, то скоро, но сменяю ли я в этом последнем случае ястреба на кукушку — тоже неизвестно. Словом, внутри у меня неизвестность и неопределенность. Чего пожелать самому себе — тоже

Архиепископ Климон

Соловецкий концлагерь. 1929

не знаю. Ведь в иных отношениях у нас здесь лучше вашего, да и прижился за долгие годы. Только душа просит нового...»

14 октября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа к трем годам ссылки в Казахстан. Самое мучительное было в том, что теперь от Белого моря через всю страну до самых южных границ он должен был проехать этапным порядком, многократно останавливаясь на неопределенный срок в пересыльных тюрьмах. По сравнению с тем, что ему предстояло теперь, Соловки были отдыхом. Почти сразу же после отправки на материк его обокрали, и в Петроградскую тюрьму он прибыл в кишасе паразитами рубище. Впереди его ждал новый срок. Но у Господа был свой срок жизни праведника. На этапе владыка заболел тифом и 19 декабря был помещен в тюремную больницу, путь к которой он, изнемогая от болезни, прошел пешком. Из больницы он писал: «Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, по дороге; в субботу, 28 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли переживу...»

В больнице ему сказали, что его надо обрить; владыка ответил: «Делайте со мной теперь, что хотите...» В бреду он говорил: «Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет...»

За несколько минут до кончины к нему подошел врач и сказал, что кризис миновал и теперь он может поправиться. Святитель в ответ едва слышно сказал: «Как хорошо! Теперь мы далеко от...» — и с этими словами тихо скончался.

Это было 28 декабря 1929 года. Митрополит Серафим (Чичагов), занимавший тогда Санкт-Петербургскую кафедру, добился, чтобы тело святителя было отдано из тюремной больницы для церковного погребения. Тело почившего владыки в белом архиерейском облачении было положено в приготовленный гроб и перевезено в храм Новодевичьего монастыря, где состоялось отпевание. В отпевании и погребении святителя участвовали митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Алексей (Симан-

ский), епископ Амвросий (Либин), епископ Сергей (Зенкевич) и множество духовенства.

Отпевание закончилось в четыре часа дня. После этого подняли гроб и понесли на кладбище Новодевичьего монастыря под пение ирмоса «Помощник и Покровитель бысть мне во спасение...». Дойдя до могилы, поставили гроб, отслужили последнюю литию, поклонились почившему архипастырю и стали опускать гроб в могилу. Епископ Амвросий первый бросил на гроб ком земли. Быстро вырос небольшой холмик, и был поставлен белый крест с надписью: «Архиепископ Иларион Троицкий». Затем все стали расходиться с кладбища; и в это время торжественно и празднично затрезвонили колокола, обгоняя друг друга. И вспомнились одному из участников погребения слова псалма, звучавшие на отпевании: «Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней. Той на морях основал ю есть, и на реках уготовал ю есть. Кто взыдет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сердцем... Сей примет благословение от Господа, и милостыню от Бога, Спаса своего...» (Пс. 23, 1–5). И понял он, о чем этот звон, как будто пасхальный, — «это ангелы на небе радовались новому святому...»

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 5263, л. 55.
 ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-43193. Т. 1, 2; Арх. № Р-43791.
 Архив УФСБ РФ по Архангельской обл. Арх. № П-321.
 Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 494–495.
 Письма архиепископа Илариона к священнику Леониду Михайловичу Архангельскому и его жене Лидии Павловне, двоюродной сестре архиепископа. Московские церковные ведомости. 1913. № 17; 1914. № 32.
 Богословский вестник. С. Посад, 1916. № 2; 1917. № 6–7; № 8–9.
Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Т. 1. Джорданвилл, 1949.
Проф. прот. В. Виноградов. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона. 1923–1925. Мюнхен, 1959. С. 22–32.
Волков О. В. Погружение во тьму. М., 1989. С. 75–76.
Волков С. Последние у Троицы. Воспоминания о МДА (1917–1920). М.-СПб., 1995. С. 113.
Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 4. Тверь, 2000. С. 378–445.

Декабря 24 (6 января)

С В Я Ш Е Н Н О М У Ч Е Н И К

Сергий (Мечев)

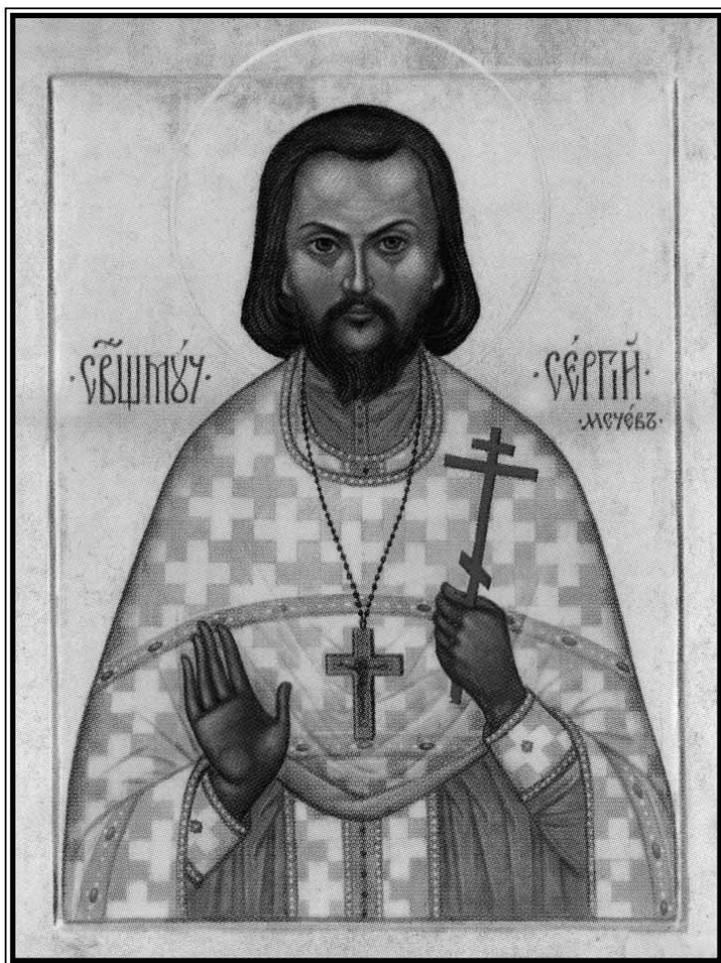
Священномученик Сергей родился 17 сентября 1892 года в семье известного московского старца протоиерея Алексия Мечева*, настоятеля храма святителя Николая в Кленниках (с 1893 по 1923 год). К моменту его рождения состояние здоровья матери, имевшей врожденное заболевание сердца, от непомерных нагрузок значительно ухудшилось. Ребенок родился на два месяца раньше срока, его с трудом выносили. Мальчик был четвертым ребенком в семье и рос в благодатной атмосфере церковной жизни, глубокой веры и любви к Богу.

В 1902 году скончалась мать Сергея. В это же время он поступил в первый класс Третьей Московской мужской гимназии, которую окончил в 1910 году с серебряной медалью. Духовное воспитание мальчика проходило в храме, где он прислуживал в алтаре, помогая отцу. Будучи очень музыкальным и имея хороший тенор, он стал петь на клиросе. Отец Алексей желал иметь в сыне своего преемника, но, будучи убежденным противником любого проявления насилия, никогда ему это не высказывал, предоставляя сыну свободу выбора.

Образование Сергей Мечев продолжил в Московском университете на словесном отделении историко-филологического факультета. Из преподававшихся там предметов его особенно заинтересовала древнерусская литература. Много он занимался и

---

* Прославлен в лике праведных на Архиерейском Соборе 2000 года.

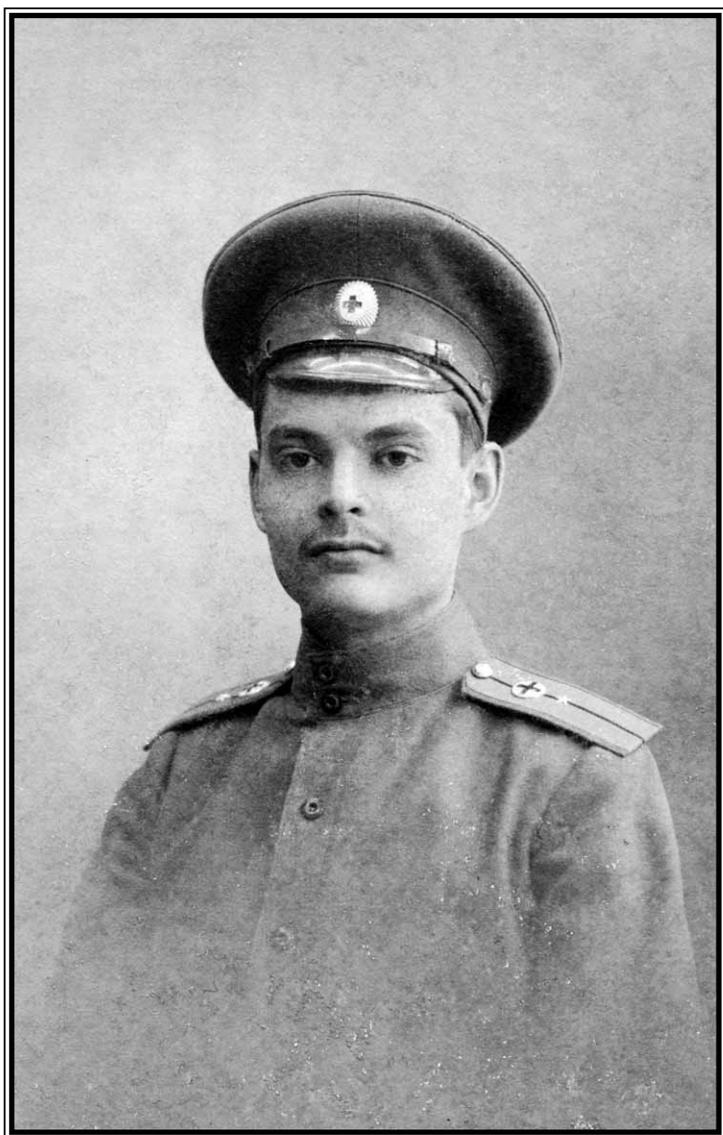
историей Русской Церкви, слушал лекции профессора С.И. Смирнова, преподававшего также в Духовной академии. Впоследствии отец Сергей с большой теплотой отзывался о профессоре Смирнове и называл его своим учителем; особенно ценил его книги, посвященные истории пастырства Востока и Древней Руси («Духовный отец древневосточной церкви» и «Древнерусский духовник»).

Имея желание ознакомиться с достопримечательностями Запада, Сергей посетил в 1913 году, во время летних каникул, города Швейцарии и Италии. Знакомясь с религиозной живописью прославленных художников эпохи Возрождения, он пришел к выводу, что древнерусская икона значительно превосходит своей духовностью и глубиной достижения западного искусства.

Учение в университете продлилось для Сергея Мечева гораздо дольше, чем намечалось. В августе 1914 года началась Первая мировая война. Как и другие студенты-патриоты, он, прервав занятия, прошел подготовку в госпитале и уехал на фронт добровольцем-санитаром (как единственный сын в семье, направлению в действующую армию он не подлежал). Службу нес в прифронтовой зоне во 2-м Подвижном Лазарете Красного Креста Московского Купеческого и Биржевого Общества. Это был ближайший к полю боя медицинский пункт, где все числившиеся санитары выполняли в первую очередь работу братьев милосердия.

В июне 1916 года Сергей Алексеевич вернулся с фронта и возобновил университетские занятия. Одновременно он участвовал в работе студенческого Богословского кружка имени святителя Иоанна Златоуста, организованного в Москве по инициативе епископа Арсения (Жадановского) при Златоустовском монастыре. В нем изучались творения святых отцов, читались и обсуждались доклады на богословские темы.

В 1917 году, по окончании университета, Сергей Алексеевич был призван в армию, но по состоянию здоровья в 1918 году был демобилизован.

Брат милосердия Сергей Алексеевич Мечев. 1915

В 1917 году была создана Комиссия Русской Православной Церкви по сношению с гражданской властью. Члены Комиссии были избраны на собрании в храме Христа Спасителя; в списке, напечатанном в газетах, значился солдат С. А. Мечев. Вероятно, участие в этой комиссии и дало ему возможность присутствовать на Всероссийском Поместном Соборе. Тогда же произошло его знакомство с Патриархом Тихоном. После армии он поступил на работу в Наркомпрос педагогом-инструктором. Сотрудники его уважали не только как хорошего специалиста, но и как незаурядную личность, оказывавшую на них нравственное влияние.

В 1918 году Сергей Алексеевич женился на студентке Высших женских курсов Евфросинии Николаевне Шафоростовой, происходившей из благочестивой купеческой семьи. Будучи гимназисткой, она однажды сопровождала мать, приехавшую к отцу Алексею Мечеву просить его молить о родственнике, не подававшем вестей. Батюшка обнадежил мать, а девочке, уловив момент, сказал: «Ты будешь моей невесткой». Девочка отца Алексея близко не знала, так как семья относилась к другому приходу.

Сергей Алексеевич и Евфросиния Николаевна впервые встретились после начала Первой мировой войны, когда служили в прифронтовой зоне во 2-м Подвижном Лазарете. Вскоре после свадьбы отец Алексей сказал невестке, что очень желал этого брака и хочет, чтобы Сережа стал священником.

Решение стать священником было принято Сергеем Алексеевичем осенью 1918 года в Оптиной Пустыни во время беседы со старцем иеросхимонахом Анатолием (Потаповым). К этому любвеобильному старцу он потянулся душой с первого своего приезда в Оптину и чувствовал большую духовную близость его с батюшкой отцом Алексием.

Весной 1919 года, в Лазареву субботу, Сергей Мечев был рукоположен во диакона, а в Великий Четверг (17 апреля) в Даниловом монастыре — во иерея. Совершал хиротонию настоятель монастыря архиепископ Феодор (Поздеевский). Служить отец

Сергий стал вместе с родителем в храме святителя Николая в Кленниках.

В те годы клир храма пополнился молодыми образованными диаконами и священниками. Помимо богослужебной чреды и проповедей в их обязанности входило проведение после богослужений духовных бесед. Это было ново и интересно для многих — на беседы охотно собирались слушатели. Излюбленной темой бесед отца Сергия было учение святых отцов о духовной жизни, о Церкви, о грехе, о страхе Божиим, о совести, о рассудительности, о послушании. И всегда он призывал «читать святых отцов деяньми», то есть претворять их наставления в жизнь.

Особым его детищем стал кружок по изучению творений святых отцов, возникший по инициативе студентов философского отделения историко-филологического факультета Московского университета.

22 июня 1923 года во время летнего отдыха в городке Верее Московской области скончался отец Алексей. Хоронила его вся Москва. День и ночь, одна за другой приходили церковные общины во главе с пастырями прощаться с почившим старцем, пели панихиды. В день похорон на Лазаревское кладбище прибыл Святейший Патриарх Тихон, только что освобожденный из заключения.

После смерти родителя начался трудный этап в жизни отца Сергия. Сомнения, неуверенность в своих силах неотступно мучили его. Внезапный арест и заключение в Бутырскую тюрьму сосредоточили его на молитве и ожидании проявления воли Божией.

В ночь на сороковой день по смерти батюшки отец Сергий отчетливо почувствовал присутствие отца и весь день испытывал светлую радость. Освободившись 15 сентября, он прямо из тюрьмы поехал на Лазаревское кладбище. В душе отца Сергия окрепла решимость принять батюшкино наследство, и этому он посвятил всю дальнейшую жизнь.

Отец Сергей ревностно боролся против обновленчества, а когда вернувшегося из заключения Патриарха Тихона власть заставляла ввести в Русской Православной Церкви новый стиль, отец Сергей, взволнованный этим, пришел к Патриарху со словами: «Святейший Владыко, не считайте меня бунтовщиком, но моя церковная совесть не позволяет мне принять новый стиль» — и подчеркнул основные положения общецерковного восприятия богослужения. Святитель Тихон ответил ему по-отечески: «Какой же ты бунтовщик, Сережа? Я знаю тебя! Но вот с меня требуют введения нового стиля...»

Став после смерти отца настоятелем храма святителя Николая в Кленниках и духовником прихода, отец Сергей перенапрягался, уставал, сомневался, хватит ли у него сил и умения наладить жизнь общины. Для решения наболевших вопросов он поехал к Оптинскому старцу Нектарию в Холмищи, но из-за дорожных неурядиц не смог до него добраться.

Вернувшись, отец Сергей в день храмового праздника — осенней Казанской иконы Божией Матери вечером, после параклиса перед Феодоровской иконой Божией Матери, которая была вынесена в Казанский придел, собрал всех сестер и братьев и рассказал им о своих трудностях и переживаниях, об ощущении подчас напрасной траты сил и здоровья. Сказал и о решении продолжить свой труд до конца, пока не прекратится он по воле Божией.

В память об этом дне в храме еженедельно по средам после вечернего богослужения стал совершаться молебен-параклис, певшийся на два хора. Среда была выбрана по желанию духовных детей, как день, на который пришелся тогда престольный праздник.

После смерти в 1922 году старца Анатолия отец Сергей стал обращаться к старцу Нектарию. Первые контакты легкими не были — отец Сергей не смог сразу принять юродство старца, его шуточек при разговоре на серьезные темы. Но постепенно общение становилось все более глубоким и прочным. Отец Сергей ду-

шой привязался к старцу, а тот отвечал ему любовью и уважением. За глаза отец Нектарий обычно величал его отцом протоиереем, говаривал, что отца Алексия знала вся Москва, а отца Сергия знает только пол-Москвы, а потом он будет выше отца. Узнав о неудавшейся поездке отца Сергия, старец Нектарий просил передать ему, что все равно не благословил бы его на уход от паствы.

Отец Сергей стремился к тому, чтобы заветы Христовы и поучения святых отцов претворялись его паствой в жизнь. Он непрестанно проповедовал покаяние для очищения души, а церковную общину именовал покаяльно-богослужебной семьей. Проповеди отца Сергия за богослужениями выслушивались с особым вниманием.

Заботился отец Сергей о благолепии храма. Нанятые опытные мастера-реставраторы из старообрядцев в 1926–1928 годах провели ремонт фасадов храма, восстановив утраченные во время многочисленных пожаров элементы декора, в частности наличники на окнах. Была восстановлена также древняя архитектура нижнего этажа, по имевшимся в стенах нишам определили, что в левой части его находился алтарь. Здесь был воссоздан придел во имя преподобного Алексия, человека Божия.

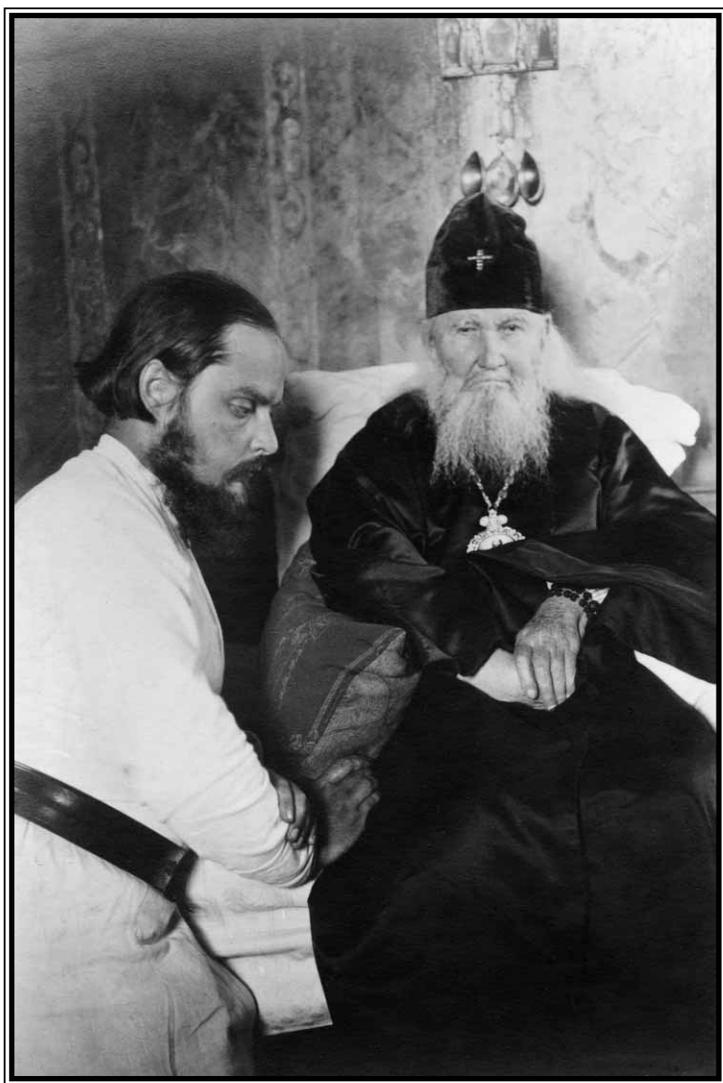
Отец Сергей благословил свою духовную дочь – художницу Марию Николаевну Соколову обучаться иконописи. Она стала его верной и преданной ученицей, а в дальнейшем – известным иконописцем, начавшим возрождение древней иконописной традиции в Русской Церкви в XX веке.

В 1924 году богомольцы храма во главе с отцом Сергием посетили подмосковный Николо-Угрешский монастырь, где проживал на покое парализованный восьмидесятилетний старец, митрополит Московский Макарий, апостол Алтая*, которого отец Сергей называл живым русским святым.

В 1928 году тяжело заболел Оптинский старец Нектарий. В апреле отец Сергей приезжал к нему в Холмищи. Отец Нектарий

---

* Прославлен на Архиерейском Соборе 2000 года.

*Священник Сергий Мечев
у митрополита Макария (Невского)
в Николю-Сузревско-и монастыре. 1924*

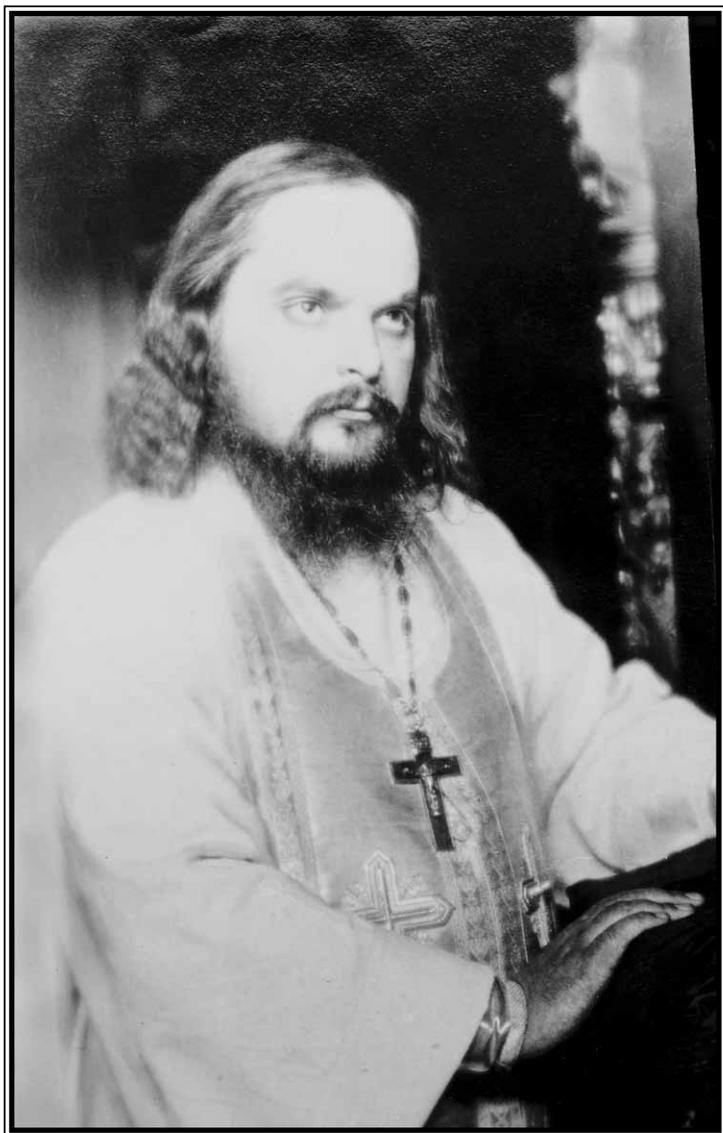

высказал пожелание, чтобы именно отец Сергей был около него в час смерти и отпел его. Он сказал отцу Сергию: «О Вас не беспокоюсь». Но дать затем телеграмму на Маросейку об ухудшении состояния старца не смогли из-за сильного разлива рек. На похороны старца приехало много мирян и священников. Отпевание возглавлял отец Сергей Мечев.

В 1929 году снова начались массовые аресты священнослужителей и верующих. Отец Сергей был арестован в ночь с 28 на 29 октября. Находясь во второй раз в Бутырках, отец Сергей снова молился, чтобы Господь показал ему, правилен ли его путь. И если да, то просил отправить его из Москвы в день памяти очень чтимого им исповедника — преподобного Феодора Студита. Обстоятельства так и сложились, поезд с арестантами отбыл вечером 11/24 ноября в Архангельск. Там отец Сергей, осужденный на три года ссылки, получил направление в небольшой город Кадников Вологодской области, находившийся в 17 километрах от железнодорожной станции Сухона и в 10 километрах от пристани Рабанга на реке Сухона.

Отец Сергей снял в Кадникове две смежные комнаты в тихом доме у пожилой хозяйки. Здесь он совершал богослужения. Ходил он в священнической одежде (со времени посвящения гражданского платья не имел). На лето и зимние каникулы к нему привозили детей. Матушка приезжала лишь на время отпуска, так как поступила работать в больницу медсестрой.

В годы ссылки к отцу Сергию приезжали некоторые из духовных дочерей и привозили много писем. Отвечая одной из духовных чад, просившей благословение на иноческий постриг, он писал: «Отречение от мира шире пути иноческого. Иночество есть один из видов этого отречения, его высшая форма. Заживите по настоящему для Господа и Его жизнью и почувствуйте, что идете тем же путем, что и иноки... Только не забывайте, что сейчас время особенного служения ближним... Никогда еще не страдали так братия Его меньшие, как теперь. Главное — живите для Бога и в Нем с людьми, выполняя в меру все положенное каждому хрис-

*Священник Сергей Мечев. Во время исповеди
Конец, 1920-х*

тианину. Тогда в свое время, если благословит Господь, войдете и в лик ангелоподобных. Только так, а не иначе».

Из Кадникова отцом Сергием были написаны и пять общих писем членам маросейской общины. В них проявляется отеческая любовь пастыря к пасомым, беспокойство об их душевном состоянии и духовном росте, забота о неослабном продвижении по пути покаяния, очищения души в непрестанной борьбе со своими недостатками. Напоминается, как важно выказывать заповеданную Христом любовь друг ко другу, своим ближним и врагам.

Последней службой в маросейском храме была литургия в день Благовещения в 1932 году. Единственный священник храма – иеромонах Александр (Ильин) по дороге из церкви был арестован, осужден и сослан в Нарым. Через шесть месяцев после прекращения богослужения – 6 октября храм окончательно закрыли, внутри стали все ломать и выбрасывать, и он был отдан соседним учреждениям как подсобное помещение. Прихожане забрали к себе что смогли. Чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери вынесла и сохранила Мария Николаевна Соколова.

В апреле 1932 года были арестованы многие миряне и среди них супруга отца Сергия Евфросиния Николаевна. Бутырская тюрьма была переполнена. В ней слышались исполнявшиеся духовенством по памяти песнопения Страстной седмицы. В Пасхальную ночь запели во весь голос в мужских и женских камерах Пасхальную заутреню. Надзиратели не решились это пение оставить.

Евфросиния Николаевна получила три года ссылки с последующим запрещением проживать в двенадцати крупных городах и стокилометровой зоне вокруг них. Она поехала к мужу в Кадников.

Четырех детей отца Сергия, в возрасте от шести с половиной до двенадцати лет, по существовавшим установкам, полагалось направить на перевоспитание в разные детские дома. Младший неженатый брат Евфросинии Николаевны Глеб Николаевич Шафоростов после ее ареста без промедления перешел жить к детям

в уплотненную, ставшую коммунальной, квартиру отца Алексея и взял над ними опеку.

Закрытие храма исполнило сердце отца Сергия неизбывной скорбью. В своем последнем, пятом письме к своей пастве он написал, что совершающееся в России — неожиданно и непонятно для живущих в миру. Но русские подвижники XVIII—XIX веков предвидели это страшное время и оставили о нем свидетельства. Отец Сергей приводит высказывания святителей Тихона Задонского, Игнатия (Брянчанинова), Филарета Московского, которые видели, что истинное благочестие оставляется даже в иноческих обителях, и предрекали грядущую катастрофу.

К концу 1932 года у значительного числа ссыльных подходили сроки освобождения, но оно не последовало. Весной 1933 года по городам и весям начались аресты как отбывших сроки ссыльных, так и местных жителей. Приговоры стали более суровыми, чем в предыдущие годы.

В Кадникове аресты были проведены вечером 8 марта. Арестованных отправили в Вологодскую тюрьму. Пересылки в лагеря начались в августе. Отец Сергий получил пять лет лагерей, стал носить гражданскую одежду и был отправлен, в день Успения Пресвятой Богородицы, на лесопильные работы у Кубенского озера. Зимой бригада заключенных была перебросена на реку Сухону разгружать лес со вмерзшей в лед баржи.

Придя на очередное свидание с мужем, матушка увидела, что баржи стоят пустыми. Заключенных увезли в Вологду и, как в дальнейшем выяснилось, в ту же ночь отправили по этапу в расположенный значительно севернее лагерь. Ближайший поезд шел в Вологду лишь на следующий день утром, и матушка осталась ночевать на Рабанге в доме местного священника отца Александра. Семья его давала ей и старшим детям приют, когда они, возвращаясь летом после свиданий с отцом Сергием в Вологодской тюрьме, сходили в поздний час на этой пристани с теплохода.

*Священник Сергей Мечев. Во время богослужения
Конец 1920-х*

Священник Сергей Мечев (во втором ряду второй слева)

Конец 1920-х

Условия общих работ и лагерный быт были очень тяжелыми, уголовники отбирали все, что присылалось из дома. Состояние здоровья отца Сергия резко ухудшилось. После обращения в Красный Крест он был переведен с общих работ на фельдшерский прием. Медицинские работники имели право свободно передвигаться. Благодаря зачетам за добросовестный, так называемый «ударный» труд отец Сергий был отпущен на свободу годом раньше.

По освобождении работал в поликлинике в Твери, вел самостоятельный фельдшерский прием в отоларингологическом кабинете. Там он мог до начала приема исповедать и причастить приехавших из Москвы ранним поездом духовных детей.

Не имея права проживать в областном центре, отец Сергий снимал часть дома в пригороде, где жил со своим духовным сыном В.Ф. Евдокимовым, также вернувшимся из заключения. В домашних условиях они правили церковные службы.

В лагере отец Сергий вступил на путь сугубого покаяния и отрешения от мирских дел и пристрастий. Во всем он себя ограничивал и утеснял. Не ел, например, никаких конфет кроме самых простеньких – подушечек. Духовный сын его Валерий Поведский, впоследствии протоиерей, служивший в Никольском храме в Таллине, рассказывал его дочери, как, приехав в жаркий день в Тверь, с удовольствием выпил несколько кружек вкусного кваса, продававшегося из бочек на улице, а отец Сергий позволил себе выпить лишь одну, заметив, что лучше себя сдерживать.

В церковных делах положение было очень напряженное: большинство архиереев находились в лагерях и тюрьмах. Некоторые из алтарников маросейского храма хотели тайно послужить Церкви Христовой в священном сане. Жена одного из них, который также проживал с семьей в пригороде Твери, узнала через друзей, что неподалеку нелегально находится епископ, знакомый ей по Данилову монастырю и постригший в инокини ее свекровь.

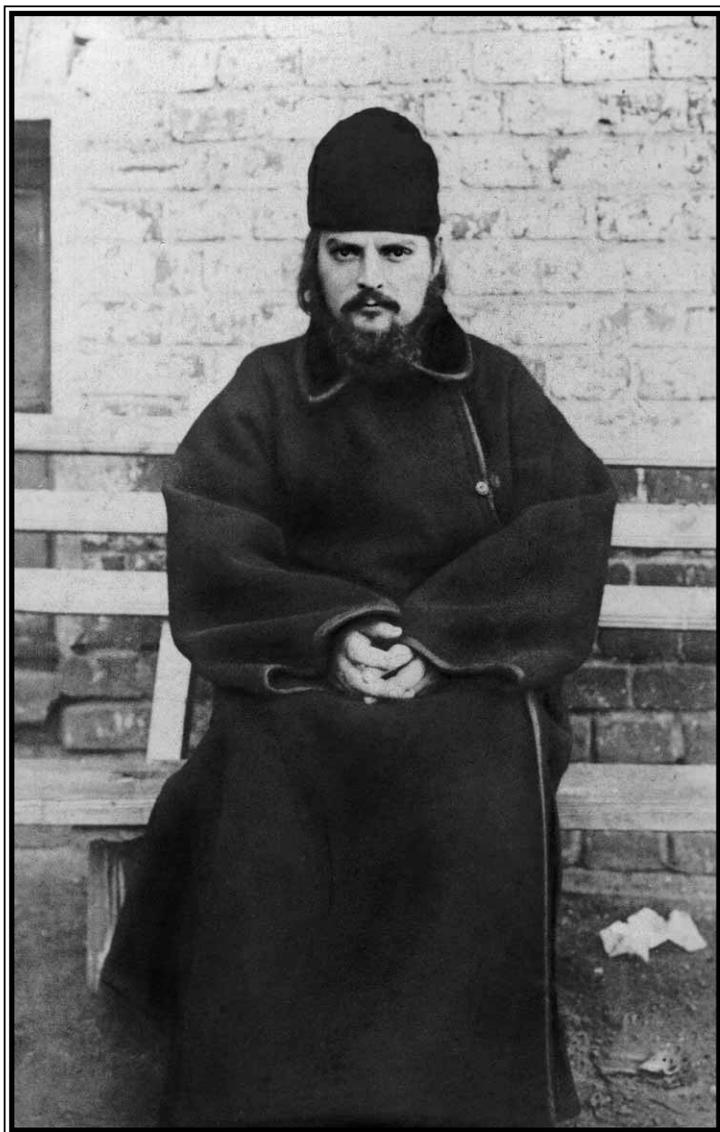
Отец Сергей не был расположен обращаться к этому архиерею, но та не отступала и не переставая твердила, что всех архиереев скоро расстреляют и Православная Церковь в России может перестать существовать. В итоге возобладало мнение, что поторопиться следует, и четыре члена общины были рукоположены во священники.

В 1939 году этого епископа арестовали, предъявив ему обвинение в антисоветской деятельности. Он указал на отца Сергея как на «главу подпольной антисоветской организации». Выразил сожаление, что дал вовлечь себя «в антисоветскую работу по заданию Мечева».

Суд над архиереем и арестованной вместе с ним женщиной состоялся в январе 1940 года в городском суде Москвы. По окончании процесса одна из обвиняемых, признанная невиновной, была отпущена на свободу прямо из зала суда. При этом ей дали на руки обвинительное заключение, которое являлось, в сущности, обвинением отца Сергея. Епископу ставилось в вину соучастие, и он был приговорен к десяти годам лишения свободы. У освобожденной женщины вскоре отобрали выданный ей документ. Но его уже переписали и передали одной из маросейских прихожанок.

Узнав об этом, отец Сергей усилил молитвы о новопосвященных. Он молил Господа и преподобного Феодосия Тотемского, чтобы никто из них не пострадал, а в ответе за всех был лишь он один.

В марте 1940 года отец Сергей переехал в Рыбинск, где устроился на работу в городской поликлинике фельдшером. Жилье было найдено в пригороде, на другом берегу Волги. Из-за вероятной слежки отец Сергей вынужден был встречаться с жившими в Рыбинске близкими людьми в лесу. В ноябре того же года он сломал правую ногу, долго лечился и получил затем инвалидность второй группы. Это обстоятельство позволило ему уехать из Рыбинска и жить какое-то время то у одних, то у других знакомых в разных местах.

Облаченник Сергий Мереб

Ввиду неминуемого ареста отцу Сергию советовали уехать куда-нибудь подальше, например в Среднюю Азию, но он не смог на это решиться. Было найдено жилье в одной из отдаленных деревень на Волге под Тутаевом, где отец Сергей собирался прожить лето 1941 года с одной из сестер храма. В последний момент эта сестра из-за семейных дел поехать не смогла и ее заменила Елизавета Александровна Булгакова. Это было промыслительно, так как она лишь недавно вошла в маросейскую общину и о церковных делах и трудных обстоятельствах жизни отца Сергия не знала.

7 июля 1941 года в день Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна отец Сергей был арестован в Рыбинске, куда ему пришлось поехать по делам прописки и заночевать.

На допросе отец Сергей категорически отказывался называть знакомых, мотивируя это нежеланием подвергать их ответственности. За уклонение от требуемых показаний отцу Сергию назначили заключение в карцер на пять суток.

В ходатайстве о продлении сроков следствия по делу обвиняемых Мечева и Булгаковой указано, что они по религиозным убеждениям отказались дать показания о составе своей церковной группы и ее антисоветской деятельности.

12 ноября 1941 года Е.А. Булгаковой объявили об освобождении. По молитвам отца Сергия никто из тайно рукоположенных священников арестован не был.

Военный трибунал войск НКВД по Ярославской области приговорил отца Сергия к расстрелу. Протоиерей Сергей Мечев был расстрелян 6 января 1942 года и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

Архив УФСБ по Ярославской области. Д. № С-12434.
Надежда: Христианское чтение. Франкфурт/Майн. Посев, 1985. Вып. 12.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 года
прославлены в лике новомучеников
и исповедников Российских
XX века:

Преподобномученик Данакт (Калашников)
Священномученик Николай (Виноградский)
Священномученик Иоанн (Державин)
Священномученик Константин (Некрасов)
Священномученик Владимир (Проферансов)
Священномученик Сергей (Фелицын)
Священномученик Михаил (Успенский)
Священномученик Василий (Ягодин)
Священномученик Александр (Буравцев)
Священномученик Иларион (Троицкий)
Священномученик Сергей (Мечев)

В Собор
новомучеников и исповедников Российских XX века
в послесоборное время был включен
Определением Святейшего Патриарха и Священного Синода
от 27 декабря 2000 года:

Священномученик Сергей (Голощапов)

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Декабрь

Издательство «Булат»
при участии регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

Редактор – Новикова Г. В.
Художник – Новиков Н. М.

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II**

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ
И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА

МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Дополнительный том

I

Под общей редакцией
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых
Митрополита Крутицкого и Коломенского
Ювеналия

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БУЛАТ

ТВЕРЬ • 2005

Издание подготовлено под руководством и общей редакцией
Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия,
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых

Над сбором и изучением архивных материалов работали:

игумен Дамаскин (Орловский),

клирик города Москвы, член Синодальной Комиссии по канонизации святых,

Председатель регионального общественного Фонда

«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»;

священник Максим Максимов,

клирик Московской епархии, секретарь Синодальной Комиссии по канонизации святых,

секретарь Московской епархиальной Комиссии по канонизации святых;

священник Олег Митров,

клирик Московской епархии, член Московской епархиальной Комиссии

по канонизации святых;

Романова Светлана Николаевна, кандидат исторических наук;

Иноземцева Зинаида Петровна, кандидат исторических наук;

Злых Наталья Владимировна;

Гринь Галина Николаевна;

Канурская Ирина Николаевна;

Зверев Геннадий Владимирович

Особая благодарность

руководителю Федерального архивного агентства «Росархив», члену-корреспонденту

Академии Наук Российской Федерации, доктору исторических наук

Козлову Владимиру Петровичу,

сотрудникам «Росархива», дирекции и сотрудникам Государственного архива Российской

Федерации (ГАРФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА),

Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ)

Издание осуществлено

благодаря финансовой поддержке регионального общественного Фонда

«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

ББК 86

Ж 74

Редактор – *Новикова Галина Васильевна*

© Региональный общественный Фонд «Память мучеников
и исповедников Русской Православной Церкви». 2005

© Текст – составители житий. 2005

ISBN 5-902112-36-2

© Макет и оформление – Новиков Н.М. 2005

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В данный том вошли жития святых,
включенных в Собор новомучеников и исповедников
Российских XX века определениями
Святейшего Патриарха и Священного Синода
в 2000—2002 годах

Января 10 (23)

Священноисповедник Петр (Успенский)

*Составитель священник Максим Максимов.....*12

Января 25 (7 февраля)

Священноисповедники Петр (Розанов) и Павел (Любимов)

*Составитель священник Олег Митров.....*16

Февраля 4 (17)

Священномученик Борис (Назаров)

*Составитель священник Максим Максимов.....*24

Священномученик Михаил (Рыбин)

*Составитель священник Максим Максимов.....*27

Священномученик Николай (Голышев)

*Составитель священник Максим Максимов.....*30

Священномученик Александр (Покровский)

*Составитель священник Максим Максимов.....*37

Священномученик Аркадий (Лобцов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*41

Преподобномученик Серафим (Вавилов)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*45

Преподобномученица Рафаила (Вишнякова)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*50

Мученик Василий (Иванов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*53

Февраля 8 (21)

Священномученик Сергей (Любомудров)

*Составитель священник Максим Максимов.....*57

Февраля 9 (22)

Священномученик Иоанн (Фрязинов)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*61

Февраля 13 (26)

Священномученик Владимир (Покровский)

*Составитель священник Максим Максимов.....*65

Священномученик Парфений (Грузинов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*69

Февраля 15 (28)

Священномученик Алексей (Смирнов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*73

**Священномученики Алексей (Никитский)
и Симеон (Кулямин)**

*Составитель священник Максим Максимов.....*78

Февраля 22 (7 марта)

Преподобномученик Антипа (Кириллов)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*85

Преподобномученик Сергей (Букашкин)

*Составитель священник Максим Максимов.....*90

Священномученик Сергей (Белокуров)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*94

Священномученик Иоанн (Орлов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*98

Марта 1 (14)

Преподобномученица Дария (Зайцева)

*Составитель священник Максим Максимов.....*102

Марта 3 (16)

Мученик Михаил (Строев)

*Составитель священник Максим Максимов.....*105

Марта 5 (18)

Преподобномученик **Феофан (Графов)**

Составитель священник Максим Максимов.....108

Марта 7 (20)

Преподобномученица **Евдокия (Синицына)**

Составитель священник Максим Максимов.....112

Преподобномученица **Екатерина (Константинова)**

Составитель священник Максим Максимов.....117

Марта 12 (25)

Священномученик **Сергий (Скворцов)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....121

Священноисповедник **Александр (Державин)**

Составитель священник Максим Максимов.....127

Марта 28 (10 апреля)

Священноисповедник **Николай (Постников)**

Составитель священник Максим Максимов.....132

Апреля 10 (23)

Мученик **Димитрий (Вдовин)**

Составитель священник Максим Максимов.....134

Апреля 12 (25)

Преподобномученик **Сергий (Крестников)**

Составитель священник Максим Максимов.....139

Юния 3 (16)

Преподобномученик **Киприан (Нелидов)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....144

Юния 21 (4 июля)

Преподобномученик **Иона (Санков)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....148

Священномученик **Николай (Розанов)**

Составитель священник Максим Максимов.....154

Июля 28 (11 июля)

Священномученик Григорий (Самарин)

*Составитель священник Максим Максимов.....*158

Августа 27 (9 сентября)

Священномученик Иоанн (Лебедев)

*Составитель священник Максим Максимов.....*163

Сентября 1 (14)

Преподобномученица Татиана (Грибкова)

*Составитель священник Максим Максимов.....*169

Сентября 10 (23)

Мученица Татиана (Гримблит)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*174

Сентября 15 (28)

Священномученик Петр (Петриков)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*187

Сентября 26 (9 октября)

Священномученик Афанасий (Докукин)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*194

Октября 8 (21)

Священномученик Петр (Никотин)

и мученики Виктор (Фролов), Иоанн (Рыбин),

Елизавета (Куранова), Николай (Кузьмин)

*Составитель священник Максим Максимов.....*197

Октября 16 (29)

Священноисповедник Георгий (Троицкий)

*Составитель священник Максим Максимов.....*213

Октября 18 (31)

Священномученик Николай (Соколов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*216

Мученица Елизавета (Крымова)

*Составитель священник Максим Максимов.....*220

Октября 31 (13 ноября)

Священномученик Петр (Воскобойников)

*Составитель священник Максим Максимов.....*224

Ноября 6 (19)

Преподобномученик Гавриил (Гур)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*228

Ноября 9 (22)

Священномученик Иосиф (Сченснович)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*240

Ноября 12 (25)

Священномученик Матфей (Алоин)

*Составитель священник Максим Максимов.....*244

Священномученик Димитрий (Розанов)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*248

Ноября 14 (27)

Священномученик Сергей (Руфицкий)

и мученик Димитрий (Рудаков)

*Составитель священник Олег Митров.....*253

Ноября 20 (3 декабря)

Священномученик Алексей (Аманов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*258

Ноября 25 (8 декабря)

Священномученик Иоанн (Янушев)

*Составитель священник Максим Максимов.....*263

Ноября 26 (9 декабря)

Священномученик Василий (Студницын)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*267

Священномученик Даниил (Мещанинов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*272

Священномученик Илия (Зачатейский)

*Составитель священник Максим Максимов.....*275

Ноября 27 (10 декабря)

Преподобномученик Аполлос (Федосеев)

Составитель священник Максим Максимов.....280

Декабря 28 (10 января)

Священномученик Арефа (Насонов)

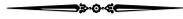
Составитель священник Максим Максимов.....284

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

-
- АМП – Архив Московской Патриархии
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГАПО – Государственный архив Пензенской области
ГАРО – Государственный архив Рязанской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Самарской области
ГАТО – Государственный архив Тамбовской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ГИЦ МВД – Главный информационный центр МВД
ЖМП – Журнал Московской Патриархии
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСТБИ – Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТСЛ – Троице-Сергиева Лавра
ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ
ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга
ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области
ЦГА СПб – Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы

ЖИТІЯ

Январь-Декабрь

Января 10 (23)

СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК
Петр (Успенский)

Священноисповедник Петр родился в 1863 году в селе Меньшины Сапожковского уезда Рязанской губернии в семье священника Николая Успенского.

После окончания в 1884 году Рязанской Духовной семинарии Петр Успенский был назначен учителем начального народного училища в селе Князево-Займище Скопинского уезда, а затем в селах Юраково и Панкино Пронского уезда Рязанской губернии.

В 1894 году викарий Рязанской епархии епископ Михайловский Иоанникий рукоположил Петра Успенского во священника к церкви в честь Рождества Богородицы в селе Маково Михайловского уезда.

В 1903 году отца Петра перевели в церковь Рождества Богородицы в селе Радушино Зарайского уезда. Этот храм один из древнейших в Зарайском крае. Деревянная церковь здесь стояла уже в 1616 году, а каменную церковь построили в 1772 году. В состав прихода входили деревни: Машоново, Пенкино, Широково, Титово.

В этом храме отец Петр прослужил двадцать семь лет до самого ареста. В селе Радушино он состоял законоучителем и заведующим местной церковноприходской школой и законоучителем соседнего Пенкинского земского училища.

В 1914 году священник Петр Успенский был назначен благочинным Первого Зарайского благочиннического округа.

С 1923 по 1928 год правящим архиереем Рязанской епархии был епископ Борис (Соколов). В октябре и декабре 1925 года протоиерей Петр Успенский вызывался на допросы, где расспраши-

Протоиерей Нестр Изенчукъ

1915 год

вался о деятельности своего епископа. При допросе отец Петр дал такие показания:

— Против существующего строя ничего от него не замечал. Незаконного в деятельности епископа Бориса я ничего не видел. Циркуляры епископа Бориса я распространял среди духовенства подведомственного мне округа... Виновным себя в совершении каких-либо преступлений не признаю; что касается епископа Бориса, то последний был не политичен в своих действиях.

21 февраля 1928 года епископ Борис умер. На Рязанскую кафедру был назначен архиепископ Иувеналий (Масловский).

22 декабря 1929 года Зарайским отделением ОГПУ было задержано письмо-открытка, которую послал в Рязань священник села Карино Селезнев. Содержание письма показалось сотрудникам ОГПУ подозрительным, и они решили, что это зашифрованная записка, а поэтому у священника немедленно был проведен обыск. Было обнаружено много разного рода переписки, написанных проповедей, несколько отчетов, которые он подавал своему благочинному. В этих отчетах указывалось о церковной деятельности, которую вел священник, а также давалась характеристика села с примерным указанием количества верующих, неверующих, сектантов, отдельно указывалось число коммунистов и комсомольцев.

Был произведен обыск и у отца Петра, у него обнаружили, помимо переписки, черновики его благочиннических отчетов в епархию и циркуляры, полученные от правящего епископа. Отца Петра арестовали 3 января 1930 года. Отвечая на вопросы следователя, он сказал:

— Рязанским архиереем Борисом по благочинным были разосланы циркуляры, устанавливающие порядок нашей деятельности при современном строе. Таковые циркуляры были получены мною, по приходам я их не рассылал, но приходящим ко мне священникам читать давал. Хранил их до сих пор, теперь они изъяты при обыске. Отчеты от приходских священников я потребовал о состоянии прихода, количестве верующих и неверующих, на ос-

новании предписания епархиального начальства. Некоторые священники в числе неверующих указывали коммунистов и комсомольцев. В связи с районированием, которое производилось по гражданской линии, у нас в Рязанской епархии архиепископом Иувеналием также применительно к этому стало проводиться районирование. По его требованию я в ноябре 1929 года доставлял сведения о состоянии своего округа. Один из циркуляров о нравственности и влиянии на молодое поколение в религиозном духе и о сохранении их от соблазнов и пороков я читал на заседании церковного совета. Был также циркуляр об организации при церкви библиотеки с книгами против дарвинизма, атеизма, материализма, о чем я передавал священникам своего округа, но, за отсутствием средств, библиотеки никто не организовывал. Со священником Иваном Лебедевым, служащим в селе Пронюхолово, я, как сосед приходами, нахожусь в более близких отношениях, бываем друг у друга, но он у меня бывает чаще. В разговорах с ним он постоянно высказывался о плохой жизни при советской власти, но все эти разговоры происходили между нами, среди крестьян мы ничего об этом не говорили. Сведения о состоянии округа я готовил Коломенскому епископу Петру.

Один из допрошенных следователем свидетелей показал, что отец Петр летом 1929 года часто говорил в церкви проповеди, разъяснял о неверии, призывал народ не поддаваться соблазнам.

15 января 1930 года состояние здоровья отца Петра сильно ухудшилось. Содержание в Коломенском доме заключения обострило болезнь сердца. Он был доставлен в больницу. Врач констатировал, что у отца Петра воспалилась нижняя доля правого легкого, наблюдается сердечная слабость вследствие миокардита и расширения сердца.

Протоиерей Петр Успенский умер в больнице 23 января 1930 года. Его тело было отдано родственникам для погребения. Место нахождения могилы ныне неизвестно.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-49503.

Января 25 (7 февраля)

СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИКИ

**Петр (Розанов)
и Павел (Любимов)**

Священноисповедник Петр Федорович Розанов родился в июне 1864 года в селе Спасское-Андреевское Еремеевской волости Звенигородского уезда Московской губернии в семье священнослужителя. В 1887 году он окончил курс Московской Духовной семинарии и 4 января 1888 года был определен во священники Космодамианского храма села Меткино Подольского уезда.

Незадолго до этого он женился на Анастасии Васильевне. У них в семье родилось девять детей: Сергей, Александр, Борис, Алексей, Василий, Иван, Мария, Анна, Евгения. Старшие сыновья Сергей, Александр и Борис в разное время окончили Перервинское Духовное училище и Московскую Духовную семинарию.

С 1902 по 1918 год отец Петр состоял законоучителем и заведующим церковной школой в селе Меткино. По воспоминаниям, дети батюшку уважали, на его уроках была тишина и порядок. Он привлекал к преподаванию в церковноприходской школе и своих детей. Отец Петр собрал замечательную библиотеку. С 1903 года отец Петр был духовником священно- и церковнослужителей 6-го благочиннического округа Подольского уезда и выполнял это послушание до 1923 года.

Протоиерей Петр Лозанов с сыном

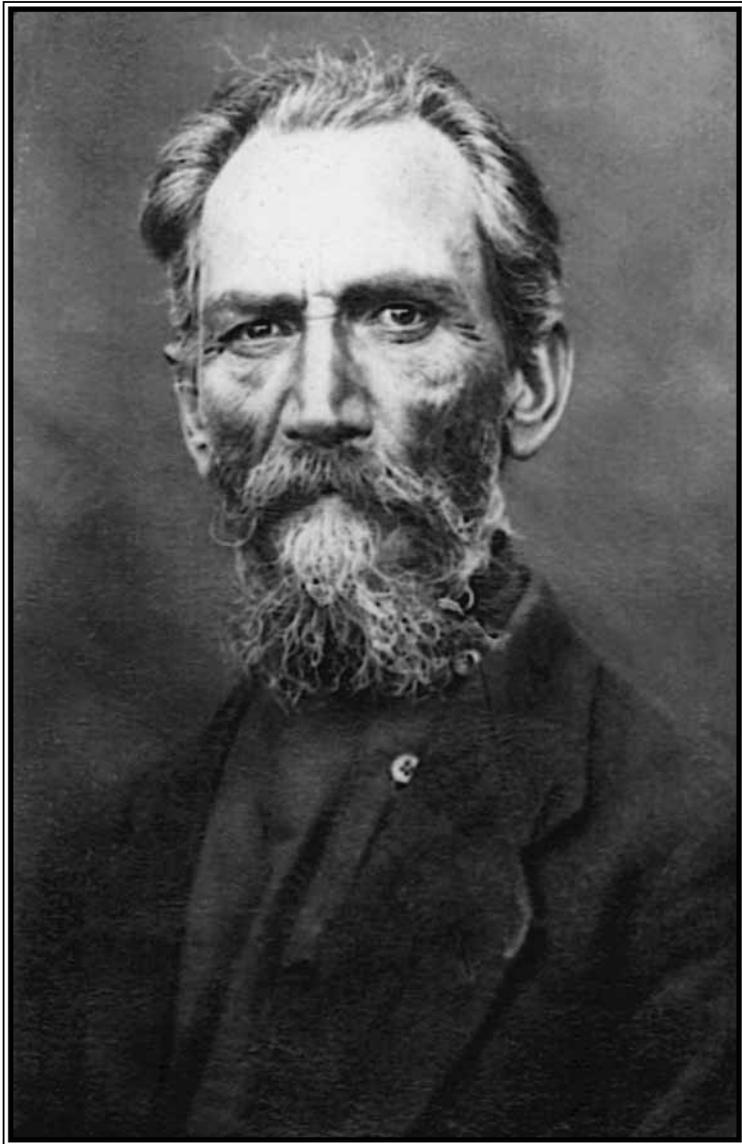
В 1905 году за ревностное исполнение пастырских обязанностей отца Петра наградили набедренником, в 1909 году – скуфьей, в 1914 году – камилавкой, а в 1919 году – наперсным крестом.

Вот как характеризовал в 1908 году служение отца Петра благочинный 5-го округа Подольского уезда протоиерей Николай Воскресенский в рапорте митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру (Богоявленскому): «...считаю заслуживающим награды священника Космодамиановской села Меткино церкви Петра Розанова. Он, Розанов, в бедном приходе, состоящем из 213 душ мужского пола, состоит священником уже 20 лет. По бедности прихода, до поступления священника Розанова в село Меткино, храм Божий находился в бедном, а не благолепном состоянии. С поступлением же Розанова, при его личном старании, храм стал приходить в более благолепный вид, именно: внутренние стены храма, вместо клеевой краски, окрашены масляною и украшены живописью. При его старании большой разбитый колокол в 120 пудов перелит в 150 пудов. Вокруг храма не имелось никакой ограды, при священнике же Розанове храм обнесен каменною, прочною оградой. Приход по своей бедности и нерадению не имел никакой школы для обучения детей, священник же открыл в селе сем церковноприходскую школу, сначала в крестьянской избе, а потом изыскал средства на устройство прекрасного помещения для школы, в которой состоит заведующим и законоучителем. С 1903 года он, Розанов, состоит в благочинии духовником священнослужителей».

Позднее отец Петр был возведен в сан протоиерея. Хотя он 6 июля 1923 года уволился за штат, но продолжал служить вплоть до закрытия храма в 1930 году (всего более 40 лет).

По воспоминаниям, отец Петр Розанов был человеком духовным, строго вел службу. Все шли к нему за советом, помощью и утешением.

Его друг и помощник **диакон Павел Гаврилович Любимов** тоже происходил из духовного звания. Он родился в 1870 году в селе

Духовнъ Павелъ Кобяковъ

Меткино. В 1886 году Павел Гаврилович окончил курс в Николо-Перервинском Духовном училище. 23 ноября 1890 года он был определен в псаломщики храма Космы и Дамиана родного села, а через двадцать шесть лет, 5 июня 1916 года, посвящен в сан диакона. С 1918 года отец диакон состоял членом благочиннического совета 6-го округа Подольского уезда. Всего отец Павел прослужил в Меткино сорок лет.

Отец Павел был женат на Анне Васильевне (до замужества — тоже Любимовой). У них были дети: Александра, Василий, Сергей, Петр, Наталья и Константин, который умер в 14 лет. Известно, что сын Сергей с 1914 года учился в Виленском Духовном училище.

По воспоминаниям, отец Павел был высокого роста, крепкого телосложения, составляя резкий контраст с отцом Петром, который, наоборот, был худощавый, небольшого роста, слабый физически. Отец диакон имел поставленный, сильный, красивый голос, часто напевал из службы. Он был трудолюбивым хозяином, все делал своими руками. Хотя сам жил небогато, всегда помнил о тех, кто живет беднее. На Пасху и другие большие праздники Любимовы пекли большое количество хлеба и пирогов для угощения прихожан.

Отец Павел с любовью и большим уважением относился к священнику отцу Петру Розанову. Отцы Петр и Павел жили рядом, в соседних домах. Дружили не только они, но и их семьи. Все невзгоды, обрушившиеся на них после революции, они переносили вместе. В двадцатые годы они оба овдовели.

Местные власти были озлоблены против священника и более снисходительно относились к отцу Павлу, и он добровольно принимал нападки против отца Петра на себя, стараясь облегчить положение друга. Родным он говорил: «Мы друзья и должны пройти один путь».

В начале апреля 1929 года в селе Меткино произошел бунт. Когда умер коммунист-безбожник Горшков, местные власти ре-

шили похоронить его в церковной ограде. Выкопали могилу у самого алтаря, прямо под иконой Пресвятой Богородицы, находившейся на наружной стене алтаря. Собравшийся народ возмутился: «Зачем коммуниста хоронить у церкви, да еще под самый алтарь. Даже православных людей так близко к алтарю не хоронили».

Среди недовольных в основном были женщины. Приехала милиция с собаками. Несколько человек забрали в тюрьму. Позднее это дело послужило поводом для ареста отца Петра, отца Павла, церковного старосты Григория Владимировича Сазина и учительницы Хоргиной, хотя они никакого отношения к этому не имели. Отец Петр хотя и проходил мимо, но не стал вступать в спор, а отец Павел вообще в это время был дома.

7 октября 1929 года началось административное дело в отношении отца Петра. На допросе он показал: «Я виновным себя в подстрекательстве граждан Меткино на совершение хулиганства в день похорон не признаю».

15 января 1930 года власти провели собрание граждан села Меткино, которое постановило: «Церковь закрыть и использовать на культурные нужды. Колокола сдать государству на нужды индустриализации». Безбожное собрание также решило «вызвать на соревнование жителей соседних сел — Шебанцева и Данилова». Так храм был закрыт.

Вскоре, 2 февраля 1930 года, был арестован отец Петр Розанов. Все церковные книги при аресте были изъяты. 4 февраля арестовали и отца Павла Любимова. После ареста их держали под стражей в Каширской тюрьме. Собрав показания многих лжесвидетелей, следствие предъявило им обвинение в подрыве советской власти.

На допросе отец Петр сказал: «...Во время проповеди я имел беседу с прихожанами, чтобы они воспитывали детей в страхе Божиим, да боятся и любят Бога, как своего Отца Небесного, а также в отношении самих родителей, чтобы они сами были примерными возле своих детей».

Следователь спрашивал:

– Что еще можете сказать по существу вашего вопроса?

– Добавляю, что вся моя вина в том, что я совершал и исполнял свои обязанности, как-то: богослужение, указания епархиального начальства... совершал требы, учил прихожан, как должно себя и своих детей воспитывать. Вину свою я ни в чем не признаю.

Отец Павел также не признал себя виновным в предъявленном обвинении.

3 марта 1930 года Коллегия ОГПУ приговорила священника Петра Розанова, диакона Павла Любимова и церковного старосту Сазина Григория Владимировича к высылке в Северный край сроком на три года. Коллегия также постановила их семьи выслать в Северный край, имущество конфисковать.

Дети отца Павла много раз ездили в Москву в ОГПУ, хлопотали, чтобы отменили семьям высылку в Северный край, поскольку они имели малолетних детей.

23 июня 1930 года Коллегия ОГПУ пересмотрела дело и отменила высылку семей отца Павла и Сазина Григория Владимировича и конфискацию у них имущества. Хотя семью Любимова не сослали, но из дома, который был напротив храма, выгнали. Переселили их в самый бедный дом в селе, развалившийся, перекошенный и прогнивший. А в доме священника расположилось правление колхоза. Затем его семью пустили обратно в дом, но отдали им одну кухню.

Старосту Сазина Григория Владимировича оставили в Архангельске на три года на вольном поселении. После окончания срока он вернулся в Меткино и умер в 1949 году.

Через год после ареста от отца Петра пришло письмо с Соловков. Он писал, что в лагере цинга, бани год не было. Это было последнее известие от него.

Протоиерей Петр Розанов умер в ссылке в конце 1930 года, а диакон Павел Любимов – в начале 1931 года. Оба они погребены в неизвестных могилах.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 10035, оп.1, д. П-49463.
РГИА. Ф. 831, д. 237, д. 238, д. 279.
ЦИАМ. Ф. 203, оп. 763, д. 66.
ЦИАМ. Ф. 234, оп. 3, д. 55.
ЦИАМ. Ф. 234, оп. 1, д. 2245, д. 2230.
ЦГАМО. Ф. 66, оп. 25, д. 128, д. 146.
ЦМАМ. Ф. 1215, оп. 1, д. 368.
История Русской Церкви. Т. 8.
Воспоминания Любимовой Е.Г., Шегалевой Л. А., Карабанова Н. Н.,
Розанова П. И., Кочкиной Л. М.

Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Борис (Назаров)

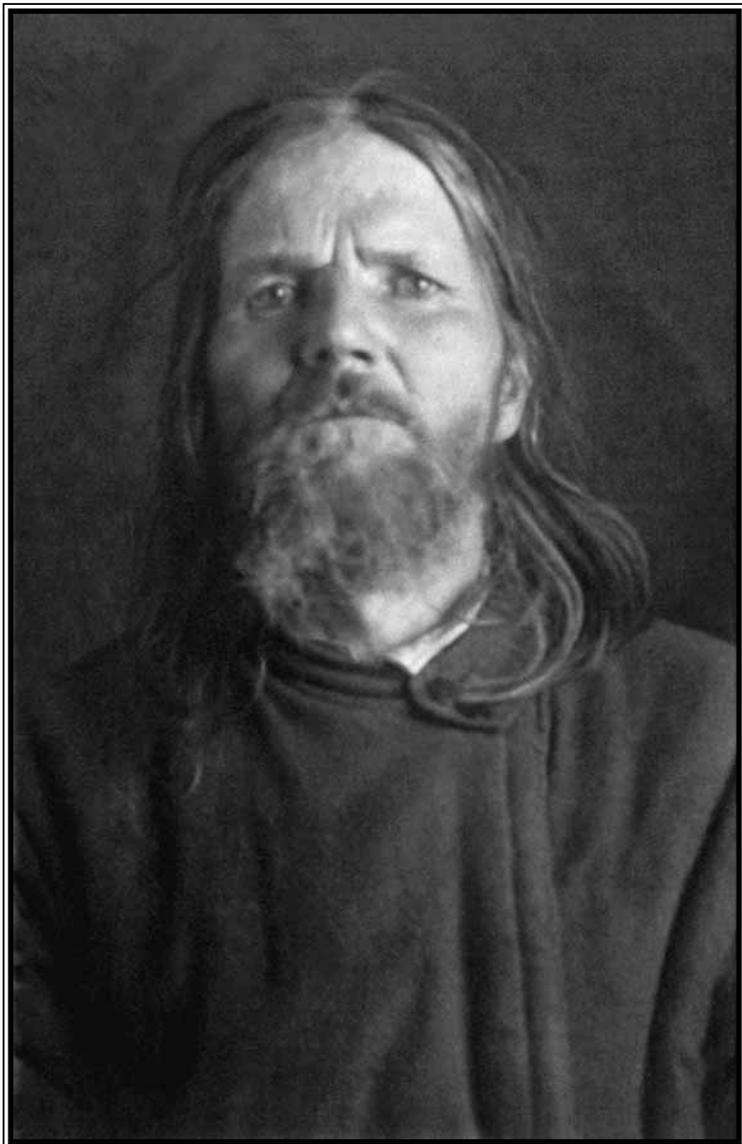
Священномученик Борис родился в 1884 году в городе Москве. Его отец Николай Егорович Назаров служил нотариусом. В 1902 году Борис Николаевич окончил Московскую Третью гимназию и поступил в Московский университет, где обучался два года на математическом отделении.

В 1907 году Борис Назаров выдержал экзамен по богословским предметам при Московской Духовной семинарии и в 1908 году был рукоположен во священника к Знаменской церкви села Ильинское Коломенского уезда Московской губернии, где прослужил до 1910 года.

До 1923 года отец Борис служил в Преображенском храме в селе Крюково. В 1924 году он был переведен в Успенский храм села Картино Рузского уезда. За время служения в этом храме отец Борис был награжден в 1928 году наперсным крестом, а в 1931 году удостоен сана протоиерея.

Последним местом служения протоиерея Бориса Назарова стал Никольский храм в селе Протасьево Верейского района Московской области, куда его назначили служить в 1931 году.

25 января 1938 года власти арестовали протоиерея Бориса Назарова и заключили в Можайскую тюрьму, а затем он был переведен в Таганскую тюрьму в городе Москве. 26 января он был допрошен. Все выдвинутые следователем обвинения отец Борис категорически отверг, заявив: «За что я арестован, не знаю. Ника-

Протоиерей Борис Назаров

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

кой контрреволюционной деятельности я не вел. Никогда среди колхозников я с контрреволюционной клеветой против советской власти не выступал».

Лжесвидетелем по делу отца Бориса выступил священник Виктор Озеров, часто вызывавшийся в НКВД для дачи ложных показаний против собратий. Лжесвидетель сказал, что протоиерей Борис Назаров настроен антисоветски, о чем часто высказывается при разговорах. В частности, о существующем в стране положении он будто бы говорил: «Приходит тяжелое время, нужно так или иначе действовать, с религией ведут борьбу, поэтому прежде всего нужно обратить внимание на Церковь... Советская власть – власть темная, с которой нужно бороться, а колхозы – это печать антихриста, они к улучшению жизни не приведут... Вот смотрите, какое кругом безобразие, забирают и забирают нашего брата. Конечно, при таких порядках добром дело не кончится, крестьяне возмутятся, так как и из них арестовывают массами, не считаясь ни с чем: ни с семьей, ни с годами арестованных... Конституция дает свободу, а на самом деле происходит какое-то головотяпство властей, народу хотят показать одно, а на деле другое, вот увидите, после кулаков и нас примутся за колхозников, чтобы создать своими действиями какой-то непонятный террор».

2 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Бориса к расстрелу.

Протоиерей Борис Назаров был расстрелян 17 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19793.
АМП. Послужной список.

Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Михаил (Рыбин)

Священномученик Михаил родился 26 октября 1877 года в селе Молоди Подольского уезда Московской губернии в семье крестьянина Федора Рыбина. Окончил сельскую школу.

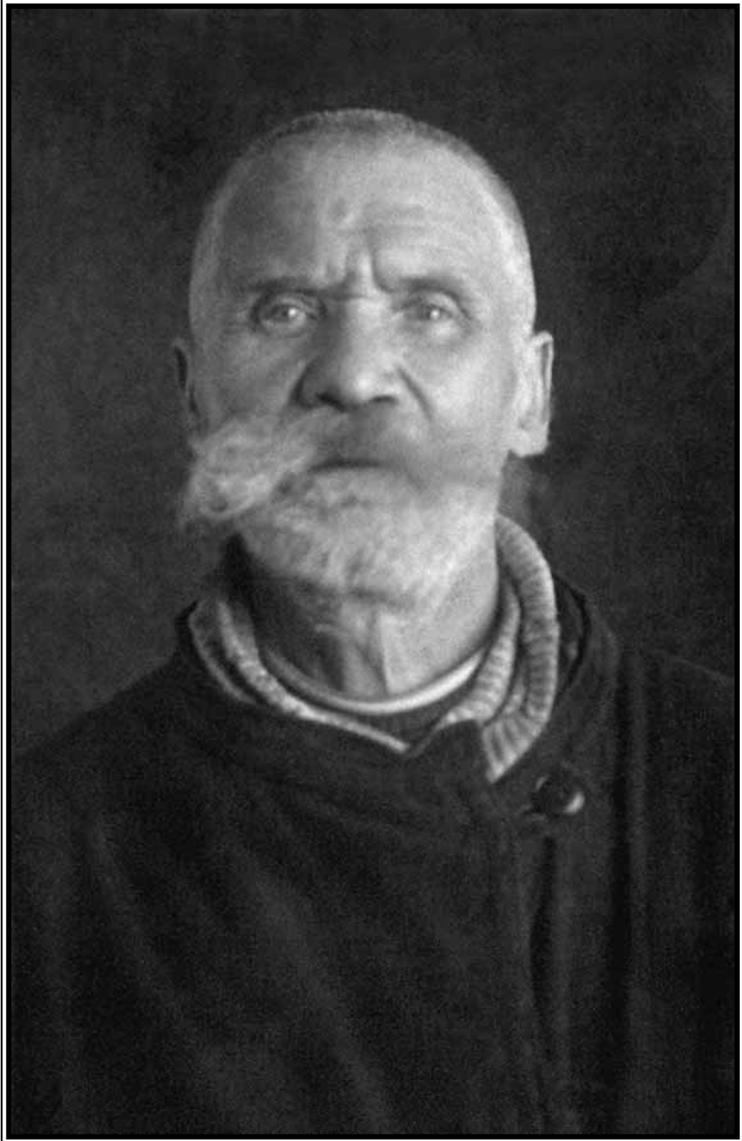
С 1919 года Михаил Федорович стал служить псаломщиком в храме. В 1925 году он был рукоположен во священника.

Отец Михаил служил в различных приходах Московской епархии: в Благовещенской церкви в селе Матвеевское, в Успенской церкви села Кузьменки. Последним местом его служения был храм в честь Воскресения словушего в родном селе Молоди Чеховского района. За усердное служение Церкви Христовой отец Михаил был награжден наперсным крестом.

Во время массовых арестов духовенства и верующих в 1937–1938 годы власти приняли решение арестовать священника Михаила Рыбина. Следователь Подольского районного отделения НКВД 19 января 1938 года допросил четверых свидетелей, которые подписали протоколы допросов, необходимые следствию.

25 января 1938 года священник Михаил Рыбин был арестован и заключен под стражу в Серпуховской тюрьме. В день ареста он был допрошен.

— Кого из служителей культа в Подольском районе вы хорошо знаете и с кем имели связь и знакомство? Назовите их фамилии и где они сейчас находятся, — сказал следователь.

Священник Михаил Лыбин

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

— Из священников я хорошо знаю следующих лиц, служивших и проживавших в Подольском районе: священника Петра Ворона, священника Михаила из села Валищево, священника Евгения из села Прохорово, священника Сергия из селения Сертякино и благочинного протоиерея Николая Агафоникова. Все они в данное время арестованы органами НКВД.

— От кого вам стало известно об аресте перечисленных вами служителей культа и когда вы об этом узнали?

— Об аресте указанных мною священнослужителей Подольского района я узнал от своих прихожан и частью от прихожан, где они ранее служили, так как они обращались ко мне с просьбой прибыть к ним для исправления треб, и я выезжал в село Сертякино, в село Сергеевку и в Климовский поселок, и узнал я вскоре после их ареста, но точно дату не припомню, а также не припомню лиц из числа прихожан, кто мне об этом говорил.

— Вы среди населения проводили антисоветскую агитацию, высказывая недовольство против политики советской власти и коммунистической партии, признаете в этом себя виновным?

— Я никогда не высказывался против проводимых мероприятий советской властью, и виновным себя в предъявленном мне обвинении, то есть в антисоветской агитации, я не признаю.

2 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Михаила к расстрелу.

Священник Михаил Рыбин был расстрелян 17 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19765.

Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Николай (Гольшев)

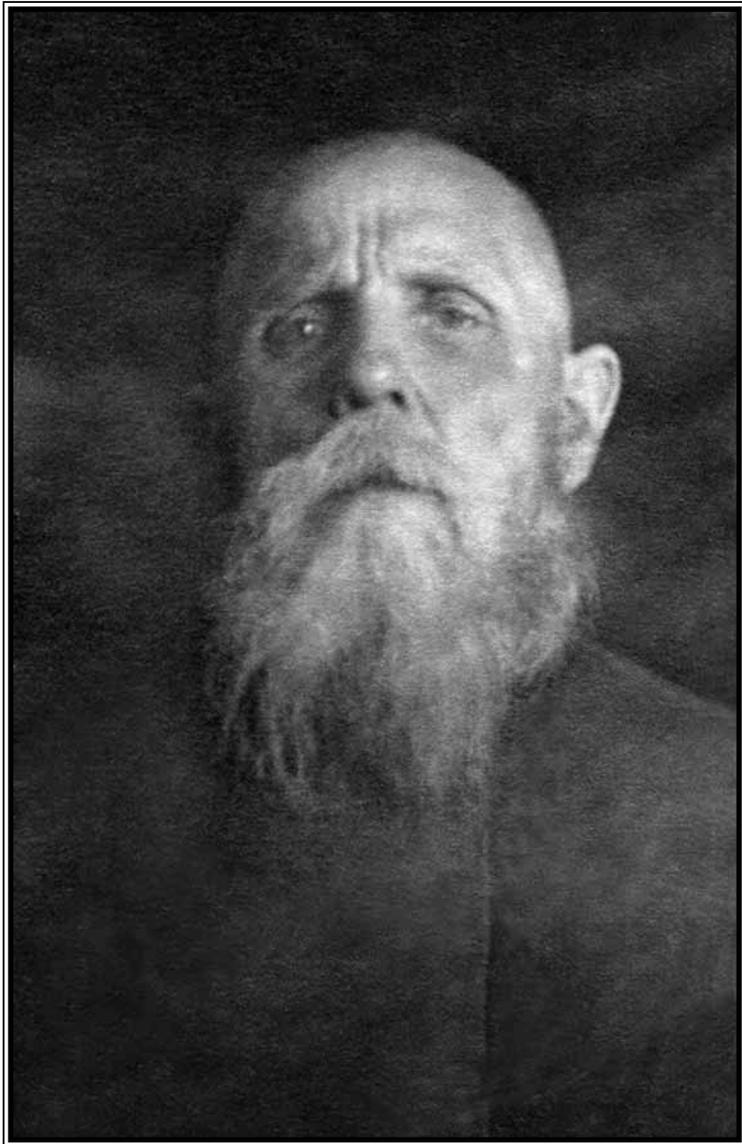
Священномученик Николай родился 3 мая 1882 года в селе Губино Бронницкого уезда Московской губернии в семье крестьянина Власия Гольшева.

Николай Власович окончил земскую школу и в 1903 году поселился в Егорьевске, где устроился работать конторщиком на фабрике Бардыгина. В 1914 году его приняли на работу в городскую управу помощником бухгалтера. В этой должности он проработал до 1917 года, когда устроился в Егорьевском финотделе заведующим сметно-кассовым подотделом.

Николай Власович был музыкально одаренным человеком, хорошо играл на скрипке. Молиться он ходил в величественный Успенский Белый собор города Егорьевска, где пел на клиросе. 5 ноября 1917 года Николай Гольшев женился на Александре Сергеевне Ермоловой. Во время венчания в Успенском соборе пел сводный хор из певчих всех хоров города. Впоследствии у Николая и Александры Гольшевых родилось трое детей: Татьяна, Вера и Сергей. Старшая дочь умерла во младенческом возрасте.

В апреле 1920 года Николай Гольшев был рукоположен в сан диакона к Успенскому собору города Егорьевска, где прослужил до 1929 года.

В 1929 году его рукоположили во священника к Никольскому храму в селе Крутины. На погосте Крутины уже в середине XVI века стояла деревянная церковь во имя святителя Николая.

Священник Николай Тольшев

Москва. Тюрма НКВД. 1938 год

Каменный храм был построен в 1859 году. Здесь и прослужил отец Николай до ареста.

3 февраля 1931 года священник Николай Гольшев был арестован и обвинен в том, что ведет антисоветскую агитацию, организовал вокруг себя группу, которая под его влиянием также ведет антисоветскую деятельность, направленную против мероприятий советской власти в деревне. В вину священнику, в частности, ставилось то, что он «с 9 марта 1930 года в течение недели ходил по приходу якобы с молебствием, в то время как по церковным правилам в это время никаких хождений с молебствиями не полагалось, результатом чего начался массовый отлив крестьян из колхозов. Так, в одной только деревне Холмы вышло сорок хозяйств». После ареста священника заключили в Бутырскую тюрьму в городе Москве.

12 февраля, в день памяти трех вселенских великих учителей и святителей, отец Николай был допрошен. На вопросы следователя священник ответил: «С политикой советской власти, являющейся властью безбожной, я расхожусь, но молюсь за то, чтобы Бог просветил ее. По отношению к советской власти, которая поносит имя Божие, я являюсь противником... В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю и показываю: никакой агитации против колхозного движения я не вел, никаких провокационных слухов я не распространял. Виновным себя признаю в том, что в религиозном вопросе я являюсь противником советской власти. Еще признаю себя виновным в том, что отказался подписать протокол описи имущества, а вместо подписи написал, что это есть гонение на меня, как на священнослужителя».

25 февраля 1931 года тройка ОГПУ приговорила священника Николая Гольшева к пяти годам заключения в концлагерь в Сибирь. По отбытии наказания отец Николай вернулся на родину и продолжал служить в Никольском храме. Отец Николай много и долго молился дома, стоя на коленях с воздетыми руками. Осо-

бенно батюшка любил Псалтырь. Имея большое усердие к богослужению, ревностный пастырь порой даже в полном одиночестве совершал службу, за что нередко получал упреки со стороны жены: «Зачем служить, если в храме никого нет?»

«Служить Богу — моя святая обязанность», — отвечал отец Николай. На праздники и во время постов, когда много богомольцев приходило в храм, чтобы исповедаться и причаститься Святых Христовых Таин, отец Николай подолгу исповедовал их после вечернего богослужения. Пришедшие из дальних деревень могли найти ночлег в церковной сторожке, где жил сам батюшка. Матушка для таких богомольцев готовила что-нибудь поесть. При наступлении Страстной седмицы отец Николай имел благочестивый обычай ничего не вкушать с Великого Четверга и до самого дня Светлого Христова Воскресения.

Доброта и бескорыстие отца Николая были исполнены христианского смирения. Он помогал косить траву одиноким престарелым женщинам. Бывало, дадут ему рубль за работу, а он его незаметно под скатерку положит. Такая нестяжательность вызывала непонимание в семье: в те тяжелые времена они сами были вынуждены продавать или закладывать свои вещи.

Никольский храм неоднократно подвергался разбойным нападениям местных безбожников. Отец Николай сам дежурил по ночам около храма, стараясь оградить его от бесчинств.

В конце 1930-х годов власти начали самое беспощадное гонение на Русскую Православную Церковь, поставив перед собой цель физического уничтожения духовенства и верующих, а также закрытия храмов.

В ноябре—декабре 1937 года следователи Егорьевского отделения НКВД допросили четырех лжесвидетелей, которые дали необходимые показания против священника Николая Голышева.

Некий Воронов рассказал, что во время похорон отца в марте 1937 года священник в проповеди сказал: «Ты, дедушка, отжил свой век, ты был не без греха, но ты веровал в Бога. Но не все та-

кие, как ты, есть у тебя дети, которые другого духа, — ну что же теперь делать, эти дети пошли не по твоим стопам». Сестра Воронова, которая была председателем церковного совета, показала: «Я знаю Голышева как человека контрреволюционно настроенного. Он под прикрытием религии ведет борьбу с советской властью. В 1936 году после обедни в церкви Голышев произносил проповеди среди посетителей церкви, призывал граждан уважать религию, говоря: нам, православным, надо подражать святым и православной вере, надо также соблюдать посты, они установлены Богом».

Другой лжесвидетель пересказал следователю разговор священника с прихожанкой, которая сетовала на тяжелую жизнь в колхозе, куда она не ходит работать, и на свою дочь, которая вышла замуж, но венчаться не стала. Выслушав ее, отец Николай, по его словам, дал ей такой совет: «Ты, матушка, работать в колхоз не ходи, а лучше ходи молиться Богу, а дочке твоей надо повенчаться...»

На праздник Богоявления 19 января 1938 года сотрудники НКВД арестовали отца Николая и заключили в тюрьму Егорьевского района. 23 и 25 января отец Николай был допрошен.

— Круг ваших знакомых в Егорьевском районе и других местах Советского Союза? — спросил следователь.

— Знакомых у меня, кроме Андрея Ивановича Ясенева, ныне благочинного церковей Егорьевского района, не имеется. С ним я по службе встречался в церкви и у него на квартире.

— Ваше отношение к мероприятиям партии и советской власти?

— К мероприятиям советской власти и партии я отношусь с хорошей стороны.

— Органы следствия располагают данными, подтвержденными показаниями свидетелей, о том, что вы систематически занимаетесь клеветой на советскую власть, почему об этом скрываете?

— Клеветой на советскую власть я никогда нигде не занимался.

— В октябре 1937 года при разговоре по вопросу обложения вас, как служителя культа, налогом вы делали клеветнические выпады по адресу советской власти. Почему об этом скрываете?

— Клеветнических выпадов по отношению к советской власти я не делал.

— Следствие располагает данными о том, что на церковные праздники в 1937 году в церкви селения Бережки вы неоднократно обращались за денежной помощью к верующим и делали вместе с этим клеветнические выпады по адресу советской власти.

— За денежной помощью к верующим на праздники в церкви я действительно обращался, но клеветнические выпады по адресу советской власти не делал...

— Вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Нет, не признаю.

Через два дня после последнего допроса отец Николай смог передать своей семье записку. «Христос посреди нас! Здравствуй, дорогая Шура и милые деточки Верочка и Сереженька! Молю Бога о вашем благополучии. Я ожидаю этапа, до 4-го едва ли уцелею. На допросе был три раза: 23-го — один раз и 25-го — два раза. Обвиняюсь по 58 статье, пункт 10 в том, что я в церкви просил у верующих помощи и клеветал на советскую власть; 2-е — говорил в церкви, чтобы не ходили в колхоз; 3-е — чтобы сплотились за храм и не шли бы за советскую власть. Все обвинения я отрицал, кроме одного: что просил помощи. Но беда вся в том, что мне не верят, а верят моим предателям, а их много, как говорит следователь. Хотя следствие, как уверяет следователь, не закончено, но думается, что меня больше вызывать не будут, а отправят в Москву. Сегодня вы были у ворот, но я вас не видел. Как бы хотелось вас увидеть. Окно нашей камеры против ворот; если стать у столба, противоположного тюремному дому, хорошо видно, самое удобное время — в 2 часа дня; если в этап не угонят, в это время

всегда буду смотреть вас. Относительно пищи обо мне не заботьтесь, хлеба дают 600 грамм, обед из двух блюд и чай три раза, сахару — два пиленых кусочка, заключенные довольны. Белье тоже дают. Смущают немного сапоги, и то, если разрешат иголки, и те зашью. Забота о вас. У вас нет ничего. Слава Богу, что Верочка получила пенсию. Деньги мне больше не присылайте, а берегите себе, у вас нужды больше. А главное, будьте осторожны, потому что в тюрьме у нас сидят и женщины, и подростки, и старики. Храни вас Господь, мои дорогие, крепитесь и молитесь за меня, не поминайте меня лихом, потому что страдаем мы за мои грехи, а не за те обвинения, которые мне предъявляют. Простите меня Христа ради. Иметь при себе у нас ничего не разрешается, кроме питания и белья. Деньги отбирают. Но мы на них выписываем, что нам потребуется на питание. Я выписал 2 кило черного хлеба и 1 килограмм белого, которые у меня почти целы. Отца Андрея (вероятно, отца благочинного протоиерея Андрея Ясенева. — М.М.) видел на следствии. Глазами с ним поклонился, и больше ничего. Целую вас и молю Бога, чтобы Он сохранил вас. Не забывайте Бога, Божию Матерь и святителя Николая, под покровительство святителя Николая я вас отдаю. До гроба любящий вас папочка».

2 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу.

Священник Николай Голышев был расстрелян 17 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-75392, д. П-77988.

Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Александр (Покровский)

Священномученик Александр родился 5 июля 1889 года в селе Аксиньино Коломенского уезда Московской губернии в семье священника Семена Покровского.

После окончания второго курса Московской Духовной семинарии Александр Покровский Преосвященным Василием, епископом Можайским, в феврале 1910 года был определен во псаломщика к храму в честь Архистратига Божия Михаила в селе Муравлево Бронницкого уезда Московской губернии, а в октябре того же года посвящен в стихарь.

29 августа 1911 года Александр Покровский был рукоположен епископом Дмитровским Трифоном (Туркестановым) во диакона к храму в честь Рождества Богородицы в селе Верхоляны Коломенского уезда Московской губернии. С 1911 по 1917 год отец Александр состоял законоучителем в Костомаровской земской школе.

22 июля 1916 года епископ Можайский Димитрий (Добросердов) рукоположил диакона Александра во священника к Никольскому храму в селе Аксиньино. В мае 1917 года священник Александр Покровский был переведен в село Верхоляны.

В 1930 году за неуплату налога отец Александр был приговорен к одному году заключения в исправительно-трудовом лагере. В 1931 году отец Александр был приговорен за неуплату налога к двум годам лишения свободы, срок был сокращен на один год.

В июле 1937 года отец Александр был назначен в храм Воскресения Христова в селе Минеево Талдомского района Московской области.

В ноябре 1937 года с отцом Александром произошел несчастный случай: переходя через канал «Москва–Волга», он оступился и упал в воду. Выбравшись из воды, он зашел в деревню Федоровку, в дом знакомого крестьянина обсушиться и согреться.

Пока отец Александр находился в доме, к хозяину пришли гости, и у них начался разговор о предстоящих выборах в Верховный Совет. Впоследствии один из присутствующих, вызванный в НКВД в качестве свидетеля, показал, что отец Александр говорил: «Что вам дал хорошего вождь народов? Колхозников довел до нищеты, накладывают большие налоги, отбирают последний кусок хлеба у колхозников, посылая их по миру. Советская власть всех хороших людей посажала в тюрьмы, а те, кого давно надо было пересажать, находятся у власти... Вы бы лучше не газеты, а Евангелие бы читали почаще».

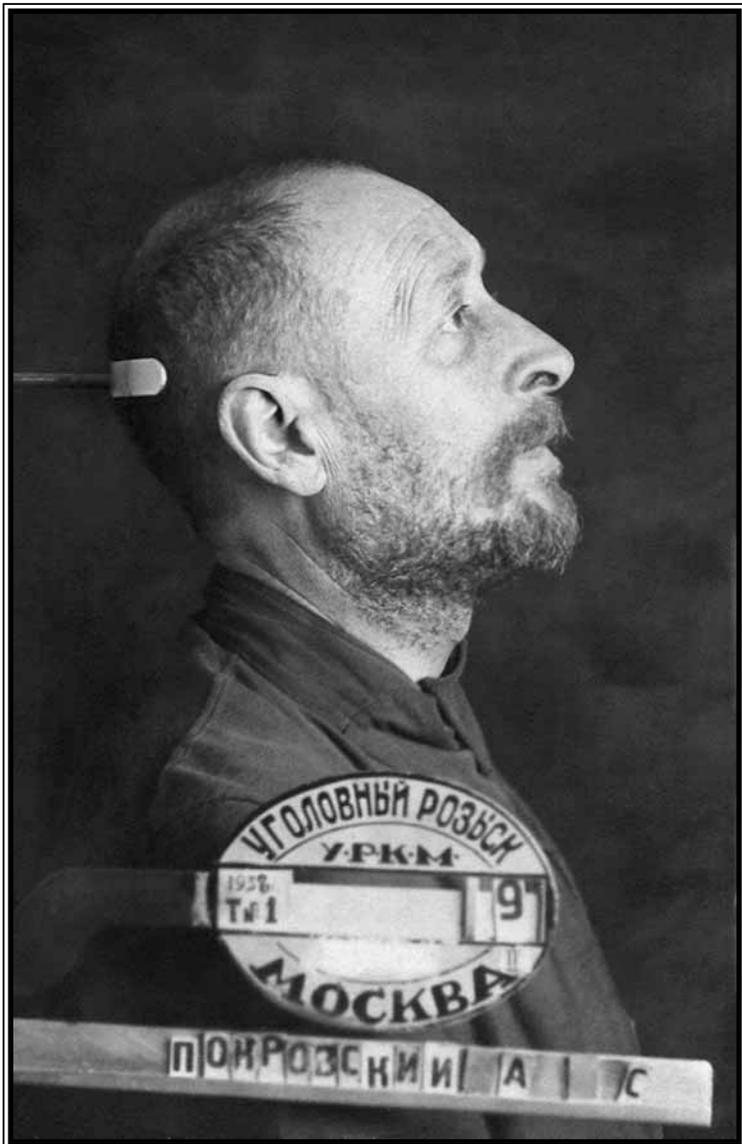
26 января 1938 года священник Александр Покровский был арестован и заключен сначала в Талдомское отделение милиции, а потом переведен в Бутырскую тюрьму в Москве. 27 января состоялся допрос.

— Обвиняемый Покровский, следствие предъявляет вам обвинение в том, что вы среди колхозников вели контрреволюционную деятельность, направленную против политики партии и советской власти. Признаете себя в этом виновным?

— Виновным себя в этом обвинении не признаю.

— Следствием установлено, что в ноябре 1937 года в деревне Федоровке среди колхозников вы высказывали контрреволюционную клевету и враждебные взгляды по адресу вождя партии. Следствие требует вашего признания в этом.

— Этого я никому не говорил и виновным себя в этом не признаю.

Священник Александр Покровский

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

8 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу.

Священник Александр Покровский был расстрелян 17 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19826.
РГИА. Ф. 831, д. 242.

Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Аркадий (Лобцов)

Священномученик Аркадий родился 22 января 1895 года в городе Переславле Ярославской губернии в семье псаломщика Ивана Лобцова.

В 1909 году Аркадий Лобцов окончил Переславльское Духовное училище, после чего два года работал рассыльным у судебного пристава, а в 1912 году устроился псаломщиком.

В 1919 году его мобилизовали в Красную армию. В 1920 году на Польском фронте он был вместе с другими солдатами взят в плен. В конце июля 1921 года Аркадий Иванович вернулся из Германии и снова стал служить псаломщиком в селе Жирославское Кольчугинского района Иваново-Промышленной области. В конце 1922 года он был рукоположен во священника к храму в том же селе, где прослужил до 1929 года.

В апреле 1929 года священник Аркадий Лобцов был назначен в храм в честь Грузинской иконы Божией Матери в селе Якшино Лопасненского района Московской области, где прослужил до своего ареста.

Показания свидетелей к аресту священника органы НКВД начали собирать в конце 1937 года. 27 ноября были допрошены два лжесвидетеля. Один из них, председатель сельсовета соседней деревни, как факт, подтверждающий антисоветскую деятельность священника, назвал то обстоятельство, что отец Аркадий

беседует с верующими стариками, которым «дает разные контрреволюционные поручения по распространению антисоветских слухов. Он заново сумел отремонтировать церковь, производил разные нелегальные денежные сборы с верующих, ходил безо всякого на то разрешения с молебствием по приходу и, со слов колхозников, в это время вел агитацию о том, что при советской власти жизнь крестьянства во много раз хуже, чем до революции, что теперь у власти люди беззаконные; если кто осмелится сказать правду, того посадят».

27 января 1938 года священник Аркадий Лобцов был арестован и заключен в Серпуховскую тюрьму, откуда затем был переведен в Таганскую тюрьму в городе Москве. 29 января отец Аркадий был допрошен.

— Будучи в 1920 году взятым в плен немцами, вы вербовались ли на службу в Белую армию и вызывались ли в жандармское управление? — спросил следователь.

— Когда нас захватили в плен, то всех поместили в лагерь, куда приезжали белые офицеры для вербовки красноармейцев в Белую армию; некоторые записывались, я же не вербовался и в жандармское управление не вызывался.

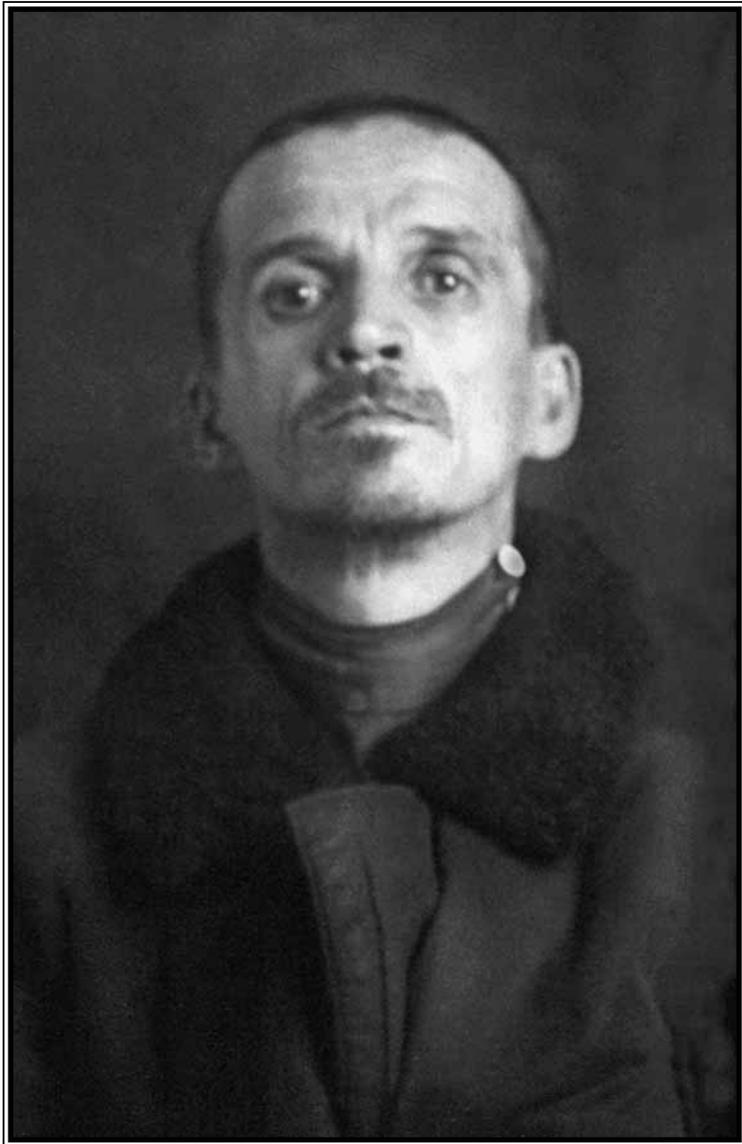
— С кем вы поддерживаете хорошие отношения в вашем районе и за его пределами?

— Со всеми верующими я был в хороших отношениях, но особой дружбы ни с кем не имел.

— Следствием установлено, что вы среди верующей части населения ведете активную контрреволюционную деятельность, используя для этого верующих.

— Никакой контрреволюционной деятельности среди населения я не вел...

— Вы даете ложные показания, следствие требует от вас откровенных признаний обо всей вашей контрреволюционной деятельности.

Вязанник Аркадий Лобов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

— Никакой контрреволюционной и антисоветской деятельности я нигде не вел. Виновным в предъявленном мне обвинении себя не признаю.

— Где у вас припрятано ценное церковное имущество и для чего вы это делали?

— У меня дома хранятся церковные ценности: крест серебряный, сосуд серебряный с прибором, серебряная дароносица. Эти вещи я принял по акту у фининспектора на хранение и для исполнения религиозных обрядов. Лежат эти вещи у меня дома. Никакого другого церковного имущества не имею.

11 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Аркадия к расстрелу.

Священник Аркадий Лобцов был расстрелян 17 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19892.

Февраля 4 (17)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Серафим (Вавилов)

Преподобномученик Серафим родился 27 июля 1899 года в городе Ярославле в семье Александра Васильевича Вавилова, сына ефремовского купца второй гильдии, и его супруги Параскевы Ивановны и в крещении был наречен Владимиром. Александр Васильевич работал приказчиком у купца Перлова. Со временем семья Вавиловых переехала в Санкт-Петербург. Первоначальное образование Владимир получил дома; когда мальчику исполнилось десять лет, отец подал прошение директору Санкт-Петербургской 7-й гимназии. Однако, ввиду того, что Владимир тяжело заболел воспалением легких, сдачу экзаменов в гимназию пришлось отложить, и он поступил туда в следующем, 1910-м году.

Обучение в гимназии показалось, однако, юноше недостаточным, и 22 августа 1917 года он подал прошение директору Петроградской консерватории о допущении к экзаменам для поступления в консерваторию по классу рояля, а 30 сентября 1918 года он отправил прошение ректору Петроградского университета с просьбой зачислить его на юридический факультет.

Живя в Петрограде, Владимир был прихожанином Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, и его духовником стал иеросхимонах Серафим (Богатов), происходивший из крестьян Тамбовской губернии, начинавший монашескую жизнь в Саровской пустыни, а с 1882 года подвизавшийся в Александро-Невской Лавре в Петрограде; в 1905 году он был пострижен в схиму.

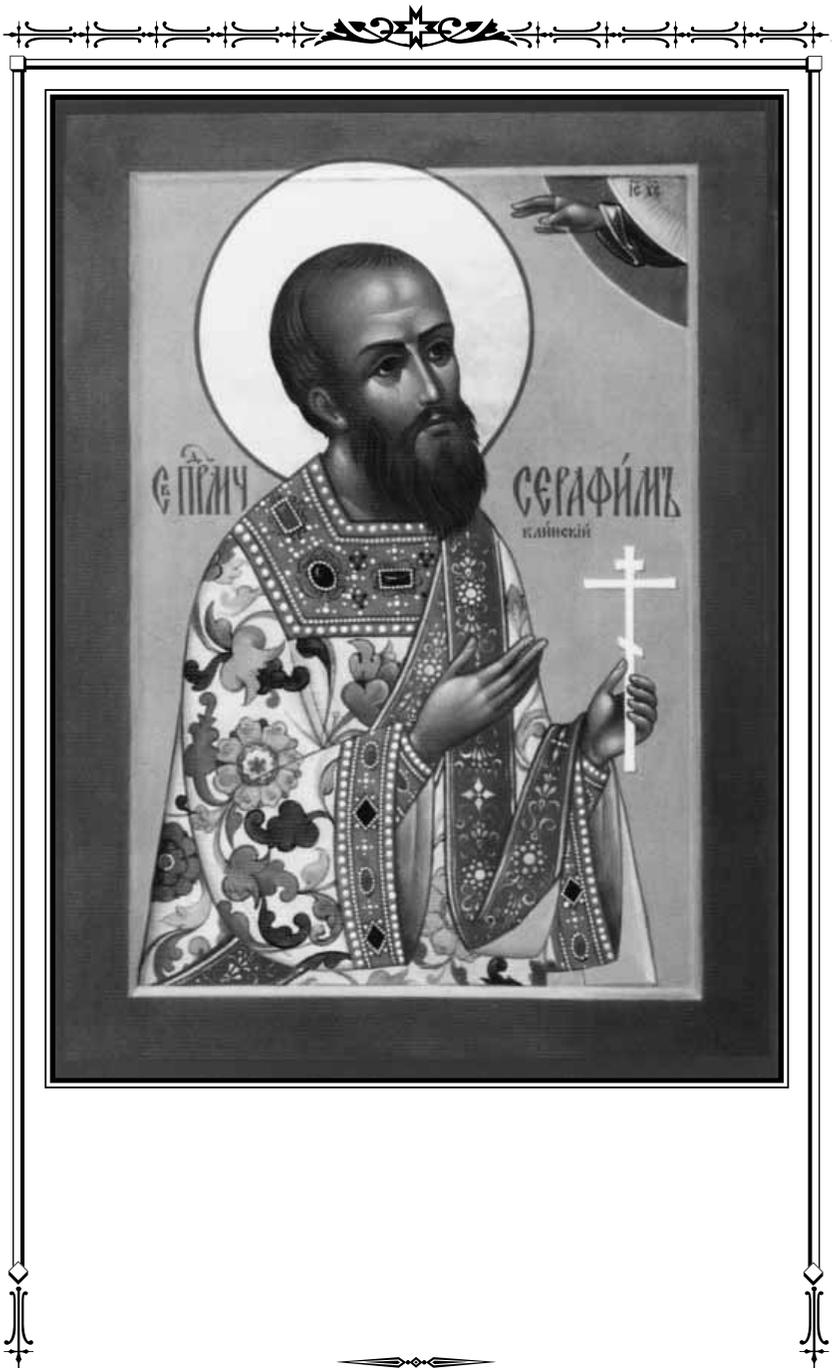

Скончался отец Серафим 2 октября 1919 года и был погребен на лаврском братском кладбище.

На следующий день после кончины духовника Владимир подал прошение митрополиту Петроградскому Вениамину (Казанскому) о принятии его в число насельников Лавры и постриге в монашество. Он писал: «Это мое давнее желание, которое неоднократно одобрял ныне почивший иеросхимонах Серафим, оставивший мне как бы в исполнение своего завета клубок и параман. Оставшись на положении сироты после кончины моего старца-наставника и духовника, я очень желаю начать новую жизнь его смертью». Митрополит Вениамин благословил принять Владимира послушником и назначить пономарем. Помимо послушания в алтаре, он дежурил у святых мощей святого благоверного князя Александра Невского. С декабря 1919 года ему пришлось, кроме того, нести послушание сторожа при лаврской Николо-Кладбищенской церкви.

24 ноября 1919 года послушник Владимир направил прошение наместнику Лавры архимандриту Виктору (Островидову) с просьбой постричь его в монашество. Состоявшееся 27 ноября заседание Духовного Собора Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры поддержало его прошение, и 26 февраля 1920 года послушник Владимир был пострижен в монашество и наречен Серафимом, а 29 февраля рукоположен во иеродиакона.

Летом 1922 года при поддержке советских властей был организован обновленческий раскол и храмы в Лавре захватили обновленцы. Братия Лавры разделилась, часть придерживалась той точки зрения, что необходимо признать обновленческое ВЦУ, другие были категорически против присоединения к группе предателей Церкви, и им пришлось покинуть Лавру; среди них был и иеродиакон Серафим; 3 июля 1922 года он просил Духовный Собор отпустить его в бессрочный отпуск, и, получив разрешение, был определен на должность псаломщика ко храму великомученицы Екатерины, что на Васильевском острове в Петрограде.

В 1923 году храм великомученицы Екатерины был также захвачен обновленцами, и с 12 апреля 1923 года иеродиакон Серафим стал служить на Никифоровском подворье в Петрограде. 25 декабря 1924 года за ревностное служение он был награжден Патриархом Тихоном грамотой. 12 апреля 1928 года иеродиакон Серафим вернулся в Александро-Невскую Лавру, заместителем которой стал в это время строгий ревнитель православия епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев). В 1929 году иеродиакон Серафим был возведен в сан архидиакона.

27 ноября 1935 года власти города приняли решение об окончательном закрытии всех храмов Лавры. «В связи с тем, — писали они, — что бывшая Александро-Невская Лавра превратилась в большой советский городок, насчитывающий 17 различных учреждений и школ, где и нежелательно нахождение церкви, и, кроме того, идя навстречу наказам избирателей... и массовому ходатайству ряда предприятий и учреждений и физкультурников... о закрытии церкви, так как помещение необходимо под районный дом физкультуры, — церковь закрыть, а здание использовать для указанной цели». После закрытия в январе 1936 года последнего действующего на территории Лавры храма во имя Сошествия Святого Духа отца Серафима вызвали в НКВД в качестве свидетеля и безуспешно пытались склонить к даче ложных показаний против других.

В отместку следователь взял с него подписку, что в трехдневный срок тот покинет город, и архидиакон Серафим уехал в город Клин Московской области и стал служить в Скорбященском храме.

Архидиакон Серафим был арестован 26 января 1938 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Один из дежурных свидетелей показал, что архидиакон, придя к благочинному, говорил: «Большевики, как хорошие музыканты, сменяют свою игру. Смотри, у нас по новой конституции голосовать будут все. Я нахожу в их игре одну их ловушку, не больше, тут надо быть осторожным, а то попадешь в их каземат».

Следователь допросил архиерея:

– Вы были монахом?

– Да, я был монахом с 1919 года и остаюсь им в соответствии со своими убеждениями до настоящего времени.

– Следствие вам предъявляет обвинение в том, что вы, являясь служителем религиозного культа, высказывали антисоветские суждения против советской власти. Вы признаете себя в этом виновным?

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

– В частности, вы говорили о высылке вас из Ленинграда и в связи с этим высказывались антисоветски. Вы это признаете?

– О высылке, может, и говорил, но против власти не выражался.

8 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила архиерея Серафима к расстрелу. Архиерей Серафим (Вавилов) был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 10035, д. 19803.
АМП. Послужной список.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 298, оп. 2, д. 446.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 136, оп. 2, д. 1642; д. 785.
ЦГА СПб. Ф. 7240, оп. 2, д. 503.
ЦГА СПб. Ф. 7384, оп. 33, д. 97.
РГИА. Ф. 815, оп. 11, д. 16.
РГИА. Ф. 815, оп. 14, д. 99; д. 114; д. 162.

Февраля 4 (17)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Рафаила (Вишнякова)

*П*реподобномученица Рафаила родилась в 1887 году в деревне Вилятово Новогрудского уезда Минской губернии в семье крестьянина Архипа Вишнякова и в крещении была названа Мариной. Когда ей исполнилось девятнадцать лет, Марина поступила в женский монастырь в Гродненской губернии; во время Первой мировой войны монастырь был эвакуирован в глубь России и она поселилась в Спасо-Влахернском монастыре Московской губернии. Неизвестно, когда она приняла монашеский постриг, но уже во времена гонений при советской власти она была пострижена в схиму с именем Рафаила. Определенного места жительства она не имела, живя понедолгу у верующих и у монахинь.

21 января 1938 года схимонахиня Рафаила была арестована вместе с большой группой монахов Троице-Сергиевой Лавры и верующих и заключена в Бутырскую тюрьму в Москве. В тот же день следователь допросил схимонахиню. Первое, что интересовало следователя, это — где и на какие средства она живет, на что схимонахиня Рафаила ответила, что определенного места жительства не имеет и живет на пожертвования. Следователь потребовал рассказать, у кого она останавливалась, живя в Москве, но на это схимонахиня ответила, что на этот вопрос отвечать не будет. То, что она схимонахиня, следователю казалось достаточным преступлением, и он даже ее не спросил, признает ли она себя виновной в антисоветской деятельности, а при аресте сотрудники

Схимонахиня Рафаила (Вишнякова)

НКВД, сфотографировав ее в схимническом облачении, сочли это существенной уликой, подтверждающей эту преступную деятельность.

Вызванные для допроса дежурные свидетели показали, что схимонахиня Рафаила враждебно настроена против советской власти, что она все время посещает святые места и проводит большую антисоветскую деятельность, что схимонахиня говорила, что это Бог, наказывая за грехи народа, послал нам безбожную власть, но Он смилуется, будет война, огнем очистится эта власть антихристова; свидетели показали также, что схимонахиня занимается предсказаниями, доказывая неизбежную гибель советской власти. Схимонахиня Рафаила «проживает нелегально без паспорта, ходит по московским церквям... распространяет... слухи... о якобы существующем в СССР гонении на религию, духовенство, монахов, верующих. Так, она в церкви Знамения у Крестовской Заставы говорила, что советская власть — это власть антихриста, устраивает гонение на религию, ломает святыни, а духовенство и монахов невинно арестовывает и высылает в отдаленные места России, где их подвергают пыткам». Во время голодования в Верховный Совет она своим почитателям говорила: «Не ходите голосовать за антихристов, которые только и знают, что разрушать православную веру».

14 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила схимонахиню Рафаилу к расстрелу. Схимонахиня Рафаила (Вишнякова) была расстреляна 17 февраля 1938 года и погребена в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-77438.

Февраля 4 (17)

МУЧЕНИК

Василий (Иванов)

*М*ученик Василий родился в 1869 году в городе Москве в семье кузнеца Сергея Иванова. Окончил городское училище. С ранних лет начал он обучаться кузнечному делу у своего отца и всю жизнь тоже проработал кузнецом. До революции 1917 года им была организована кузнечная мастерская, в которой трудилось десять человек. До 1920 года в его владении было два дома, которые он сдавал в аренду жильцам, — в этом году дома были национализированы. С 1925 года он сам стал их арендовать и арендовал до 1928 года. С 1925 по 1928 год у Василия Сергеевича была кузнечная мастерская, где работало два-три человека. Василий Иванов многие годы состоял членом церковноприходского совета храма Николы Студенцы, что на Таганской улице в Москве.

Василий Сергеевич был арестован 26 апреля 1932 года по обвинению в антисоветской деятельности и заключен в Бутырский изолятор в Москве. На допросе следователь ОГПУ Булыжников спросил его:

— Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Нет, не признаю.

Следователем был вызван в качестве свидетеля некто Самсонов, проживавший в одном доме с Василием Ивановым на Большой Калитниковской улице в Москве. Рассказав, что ему извест-

но о жизни Василия, он закончил свои показания тем, что охарактеризовал его как человека, настроенного против советской власти, принимающего «активное участие в церковных делах, его посещают иногда попы, но больше он сам ходит к попам».

Постановлением тройки ОГПУ 22 июня 1932 года Василий Иванов был приговорен условно к высылке в Северный край сроком на три года. Несмотря на арест и заключение, Василий Сергеевич продолжал исполнять должность церковного старосты.

Во время очередных гонений на Русскую Православную Церковь в конце 1930-х годов, когда безбожные власти поставили своею целью физически уничтожить служителей Церкви и активных мирян, закрыть оставшиеся храмы, Василий Иванов был арестован 17 января 1938 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Справку на арест выписал тот же Бульжников, занимавший в это время должность начальника 8-го отделения НКВД. 28 января начались допросы.

— Чем вы занимаетесь в данное время? — спросил следователь.

— В последнее время я, как верующий человек, исправляю должность церковного старосты в церкви на Гороховской улице.

— Почему вы не участвуете в жизни церкви, которая расположена рядом с вашим домом, а оказались избранными в состав тройки в церкви, которая расположена на противоположном конце города?

— Я принадлежу к истинно-православным христианам, церковь же, расположенная рядом с моим домом, принадлежит к обновленческому течению, которое я не признаю, а поэтому я и оказался избранным в той церкви, в которой бываю и которую признаю.

— У вас при обыске изъят альбом с фотографиями бывшей царской семьи Романовых. Кому принадлежит этот альбом?

— Альбом с портретами бывшего царя Николая Романова, а также и других членов семьи бывшего дома Романовых принадлежит мне.

— В каких целях вы хранили у себя альбом с портретом бывшего царя и членов его семьи?

— Я по своим политическим убеждениям являюсь монархистом, что соответствует моему религиозному убеждению, так как Православная Церковь считает царя Помазанником Божиим. Из уважения к этому я и сохранял у себя портреты бывшего царя и членов его семьи.

— Ваше отношение к советской власти?

— Советскую власть я признаю, как и всякую власть, и ей подчиняюсь.

— Вы разделяете мировоззрение советской власти полностью?

— Полностью мировоззрений советской власти я разделять не могу, поскольку я человек верующий, а советская власть — власть безбожная, отрицающая вообще Бога.

— Что вы по данному вопросу говорили с окружающими?

— Об отношении советской власти к религии я с окружающими ничего не говорил, потому что они сами видят, какое отношение советской власти к Церкви, религии и верующим.

— Вы даете ложные показания. Следствие располагает данными, что вы среди окружающих распространяли контрреволюционные провокационные слухи о якобы имеющемся в СССР гонении на религию. Вы это подтверждаете?

— Я считаю, что со стороны советской власти на религию и верующих идет гонение, но об этом я никому не говорил, а это лишь мое внутреннее убеждение.

— Вы выражали недовольство на советскую власть?

— Я недовольства на советскую власть не выражал.

В качестве лжесвидетеля следователем для дачи показаний был вызван обновленческий священник Павел Парадизов, служивший в захваченной обновленцами церкви Калитниковского кладбища в Москве. Лжесвидетель подписал все необходимые следствию показания, оговорив Василия Иванова как человека, который относится к советской власти враждебно, считает, что

«духовенство арестовывают безвинно, только потому, что они священники».

14 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила церковного старосту Василия Иванова к расстрелу.

Василий Иванов был расстрелян 17 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 38907, д. 22985.

Февраля 8 (21)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Сергий (Любомудров)

Священномученик Сергий родился 4 июля 1878 года в селе Мышцы Касимовского уезда Рязанской губернии в семье священника Ивана Любомудрова.

В 1899 году Сергей Иванович по окончании третьего класса Рязанской Духовной семинарии поступил псаломщиком в собор в городе Пронске, где прослужил до 1906 года.

1 октября 1906 года Сергий Любомудров был рукоположен в сан диакона к храму в честь Казанской иконы Божией Матери в селе Сушково Зарайского уезда. В 1916 году отца Сергия рукоположили во священника к тому же храму, где он прослужил до самого ареста в феврале 1938 года.

Следователь НКВД в ноябре 1937 года собрал необходимые для ареста показания лжесвидетелей. В январе 1938 года лжесвидетели были передопрошены другим следователем и подтвердили ранее данные показания о контрреволюционной и антисоветской деятельности священника.

6 февраля 1938 года священник Сергий Любомудров был арестован Луховицким районным отделением НКВД и заключен в Коломенскую тюрьму. В день ареста начались допросы.

- Когда и за что вы были судимы?
- Я никогда ни за что не судился.
- В апреле 1937 года вы устраивали похороны умершему архиерею Ганицкому. Расскажите, как это было?

— Архиерею Феодосию (Ганицкому) было около восьмидесяти лет, он служил в Коломне, а года три тому назад прибыл из ссылки и поселился в селе Сушково на квартире Васильевой. Он умер весной 1937 года. Хоронил его я как приходской священник, о его смерти я никого из духовенства не извещал и населению ничего не говорил. На похороны приехал архимандрит Никон из Волоколамска, священник из села Борки Димитрий Миловидов, священник из села Озерыц, как фамилия не знаю, священник из Троицкой церкви в Коломне, как фамилия не знаю. Всего нас из духовенства было пять человек. Служили обедню трое. Повторяю, из духовенства я никого не собирал и народ не оповещал...

— Следствие располагает материалами, что вы распространяли слухи, что покойный архиерей Ганицкий был святой. Верно это?

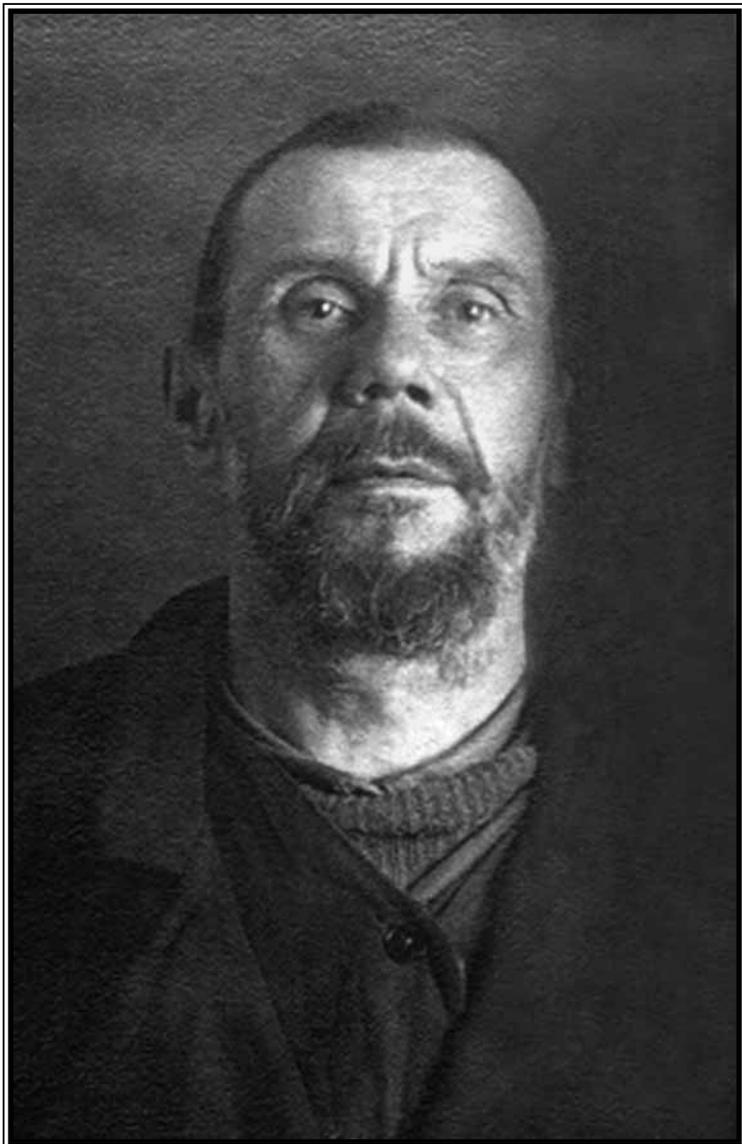
— Нет, таких слухов я не распускал.

— Сколько всего раз вы служили на могиле Ганицкого панихиды, их кто заказывал или вы это делали по своей инициативе?

— Я отслужил на могиле епископа Феодосия примерно пятьдесят панихид. Служил я по своей инициативе, панихиды служил и в церкви, и на могиле, были случаи, очень немного, когда панихиды заказывались из числа верующих.

— Вы верующих агитировали за то, чтобы они требовали разрешения от сельсовета производить вам подворный обход с молебном?

— В 1936 году я сам пошел в сельсовет в Сушково разузнать, можно ли мне ходить по приходу служить молебен. Мне ответили, что нельзя. Тогда я сослался на статью конституции, — мне подтвердили, что все равно нельзя. Я пошел в кунаковский сельсовет с этим же вопросом. Там мне сказали то же самое. Я этим не удовлетворился, пошел к прокурору и спросил его по этому же вопросу. Прокурор мне ответил, что без разрешения ходить нельзя. Я и не ходил совсем. А перед маем 1937 года церковный староста Кириллин меня спросил, пойду ли я по приходу? Я ему отве-

Священник Сергей Лобовудров

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

тил, что если сельсовет даст разрешение, то пойду. Кириллин пошел в сельсовет, но ему разрешения не дали. Больше никто не ходил и я никого не посылал.

— Вы вели агитацию против существующего строя, против советской власти?

— Нет, я агитации против советской власти никогда не вел.

— Вы всю жизнь посвятили служению Церкви из убеждений или материальных выгод?

— Я служу Церкви из своих убеждений.

— Вам известно, что религия, которую вы проповедуете, есть дурман народа и идет вразрез с наукой?

— Лично я религию дурманом народа не считаю. Что касается того, что религия идет вразрез с наукой, то с этим я согласен.

16 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу. Священник Сергей Любомудров был расстрелян 21 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 21164.

Февраля 9 (22)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Фрязинов)

Священномученик Иоанн родился 23 апреля 1882 года в селе Сильвачево Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Василия Фрязинова. Окончив первый курс Вифанской Духовной семинарии, он поступил учителем в школу. В 1913 году Иван Васильевич был рукоположен во диакона к Успенской церкви села Шубино Бронницкого уезда. В 1919 году он был переведен в Георгиевскую церковь села Сильвачево. В 1924 году диакон Иоанн был рукоположен во священника к этому храму. Прихожане полюбили его за добросовестное служение, за то, что он легко отзывался на всякую просьбу, а если кто приходил из неимущих крестить, никогда не требовал платы.

В конце 1930-х годов храм в селе закрыли, богослужения в нем прекратились, но отец Иоанн по-прежнему окормлял своих прихожан — крестил, исповедовал, причащал, соборовал и отпевал. Когда во второй половине 1937 года прокатилась массовая волна арестов, его брат, священник, стал просить отца Иоанна перестать совершать требы и вообще скрыться, уехать, хотя бы ради детей, но отец Иоанн отказался. В 1937 году он был награжден наперсным крестом.

21 января 1938 года следователь НКВД допросил священника Василия Крестова, служившего в Бронницком районе в селе Салтыково. На вопрос следователя, что ему известно об антисоветской агитации священника Фрязинова, он ответил: «Мне извест-

но, что Фрязинов среди населения Сильвачево систематически ведет контрреволюционную агитацию против проводимых мероприятий советской власти. В начале января 1938 года Фрязинов заявлял: “При царском правительстве весь народ жил во много раз лучше, чем сейчас при советской власти, каждый имел возможность купить себе все, что ему нужно. Теперь же, хотя есть и деньги, но ничего нет, за исключением кондитерских. Жизнь стала тяжелая, народ все же одумается, и придет время, пойдем души всех правителей-коммунистов”».

25 января на основании этих показаний была составлена справка на арест отца Иоанна. Священник Иоанн Фрязинов был арестован в ночь на 26 января и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. 31 января состоялся допрос.

— Следствие располагает материалом, что вы в июне 1937 года распространяли среди граждан селения Сильвачево клеветнические слухи о войне и поражении в этой войне СССР и восхваляли фашизм, дайте по этому поводу показания, — потребовал следователь.

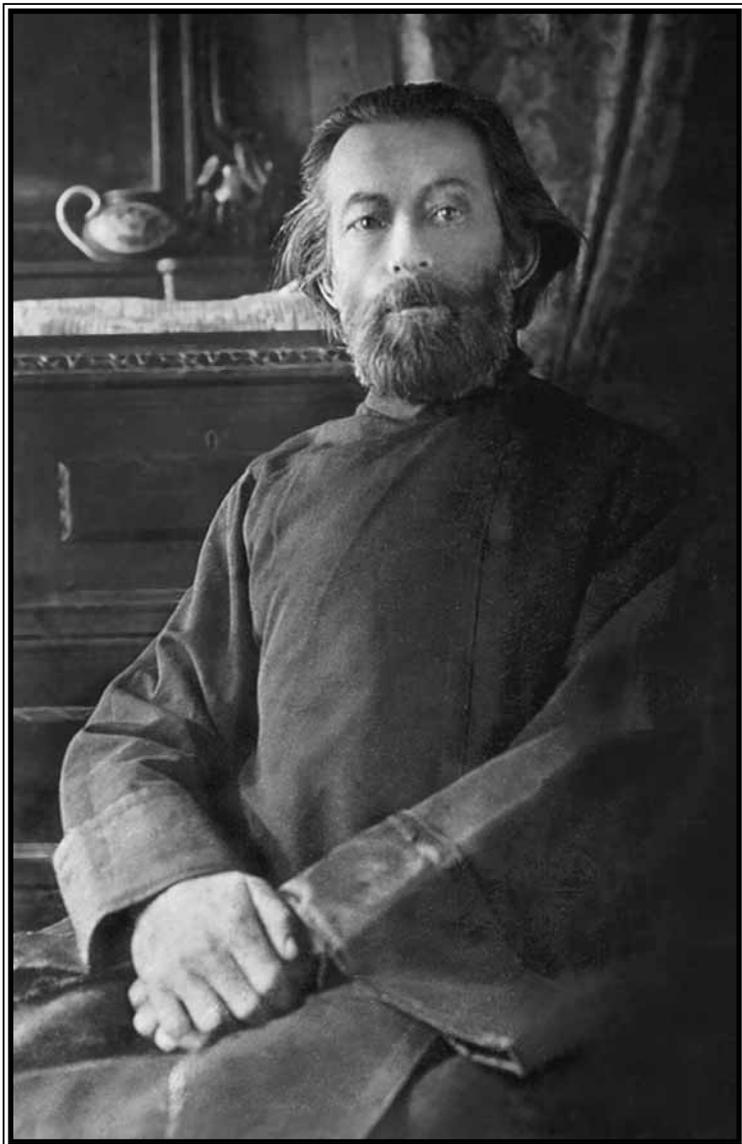
— Такого случая и факта не было, каких-либо слухов о войне я не распространял и фашизм не восхвалял, — ответил священник.

— В том же месяце вы высказывались против займа. Дайте по этому вопросу объяснения.

— Высказываний с моей стороны против займа не было, если я и говорил, то только против того, что предлагали одну сумму подписки, а я просил меньше.

— Вы лжете, следствию известно, что вы в январе 1938 года высказывались среди граждан села Сильвачево о применении репрессий против коммунистов и восхваляли старый строй. Признаете себя виновным?

— Каких-либо настроений против коммунистов и о применении репрессий к ним не высказывал, этого не было, а также и не восхвалял старый строй. Виновным себя не признаю.

Священник Иоанн Брязин

8 февраля следствие было закончено. 11 февраля тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу. Священник Иоанн Фрязинов был расстрелян 22 февраля 1938 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

После расстрела священника храм в селе разорили, он стал разрушаться и его превратили в коровник, который вскоре сгорел.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23934.

АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Февраля 13 (26)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Владимир (Покровский)

Священномученик Владимир Алексеевич Покровский родился 6 июня 1871 года в городе Москве.

После окончания Духовной семинарии Владимир Алексеевич в 1894 году был рукоположен во священника к Вознесенской церкви села Бурцево Верейского уезда Московской губернии. В этом храме отец Владимир прослужил всю жизнь.

За два дня до ареста отца Владимира следователем был допрошен Александр Протасов, сын псаломщика. Когда следователь попросил его рассказать об антисоветской деятельности отца Владимира, тот ответил: «Мне известно, что Покровский вокруг себя группирует монашек и других религиозных и антисоветских людей. Сам Покровский крайне настроен антисоветски, высказывает свое резкое недовольство советской властью. 10 ноября 1937 года, будучи у Покровского на дому и ведя с ним беседу, последний мне говорил: “Вот какая сейчас настала тяжелая жизнь, никому спокойно жить не дают. Никак не дождемся перемены и хорошей жизни. Вот раньше действительно была хорошая жизнь, все тебя уважали и почитали, а сейчас, кроме презрения, ничего хорошего не видишь. Издали конституцию, которой только обманывают народ, какое-то издевательство. Ну что же, мы сейчас бессильны, подождем своего времени и заживем по-старому”».

26 января 1938 года в дом к священнику пришел человек, посланный из сельсовета, и сказал, чтобы тот немедленно пришел

туда, нужно разобраться по какому-то вопросу. Отец Владимир собрался и пошел. В здании сельсовета его арестовали и заключили сначала в камеру при Наро-Фоминском районном отделении НКВД, а затем перевели в Таганскую тюрьму в Москве.

27 января начались допросы отца Владимира.

— Были ли вы когда-либо судимы за уголовные дела, антисоветскую и контрреволюционную деятельность? — спросил следователь.

— Нет, я никогда ни за что не судился.

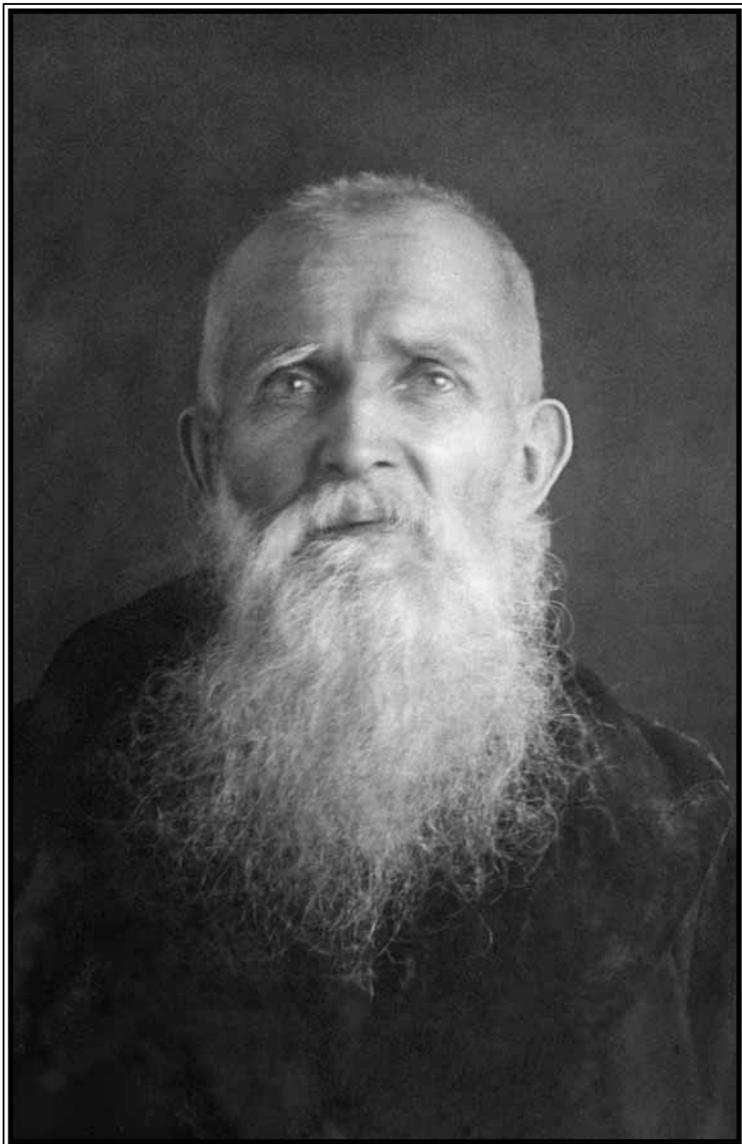
— Были ли вы раскулачены и когда?

— Раскулачен я никогда не был.

— Следствие имеет материалы, что вы среди населения проводите антисоветскую и контрреволюционную деятельность против проводимых мероприятий советской власти. Поэтому вам предлагается дать правдивые показания по данному вопросу.

— Нет, я среди населения ни антисоветской, ни контрреволюционной деятельностью не занимался.

На следующий день, 28 января, следователем был вызван на допрос священник села Петровское Сергей Павлов, который дал показания, необходимые следователю, охарактеризовав отца Владимира как противника советской власти. Тогда же был вызван еще один лжесвидетель, им оказался брат Александра Протасова, псаломщик Иван, который уже не в первый раз привлекался в качестве лжесвидетеля по делам духовенства Наро-Фоминского района. Иван, охарактеризовав священника Владимира Покровского как антисоветского человека, в подтверждение привел разговор, который будто бы состоялся у них в ноябре 1937 года; отец Владимир тогда якобы сказал: «Написали новую конституцию, это не конституция — а кусок бумаги, написанная для обмана народа. По конституции нас сделали равноправными с остальными, а на самом деле всех сажают и не дают нам никакого житья. Хорошо пожить, наверное, не придется».

Священник Владимир Покровский

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

21 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Владимира к расстрелу.

Священник Владимир Покровский был расстрелян 26 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ, Ф. 10035, д. 21377.

Февраля 13 (26)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Парфений (Грузинов)

Священномученик Парфений родился 30 января 1874 года в селе Троицкое-Рязанцево Богородского уезда Московской губернии в семье Василия Грузинова, прослужившего в течение тридцати лет псаломщиком.

После окончания Духовного училища Парфений Грузинов обучался в Духовной семинарии, а в 1900 году он окончил Московскую Духовную академию. Отец умер в 1885 году, поэтому образование юноша получил за казенный счет.

В 1901 году митрополитом Московским Владимиром (Бого-явленским) Парфений Васильевич был назначен псаломщиком к церкви святого архидиакона Стефана за Яузой. В 1903 году он был перемещен на должность псаломщика к Московской Софийской на Лубянке церкви.

В различных храмах Москвы Парфений Грузинов служил псаломщиком до 1933 года, когда был рукоположен во священника к храму святого архидиакона Стефана за Яузой в Москве.

В 1935 году отца Парфения назначили служить в Михайло-Архангельскую церковь села Михайловское Звенигородского района Московской области. В этом храме отец Парфений прослужил до самого ареста.

По требованию сотрудников НКВД в Михайловском сельсовете 22 января 1938 года на священника Парфения Грузинова была составлена справка, в которой ему давалась следующая характеристика: «...со дня прибытия его в село Михайловское среди

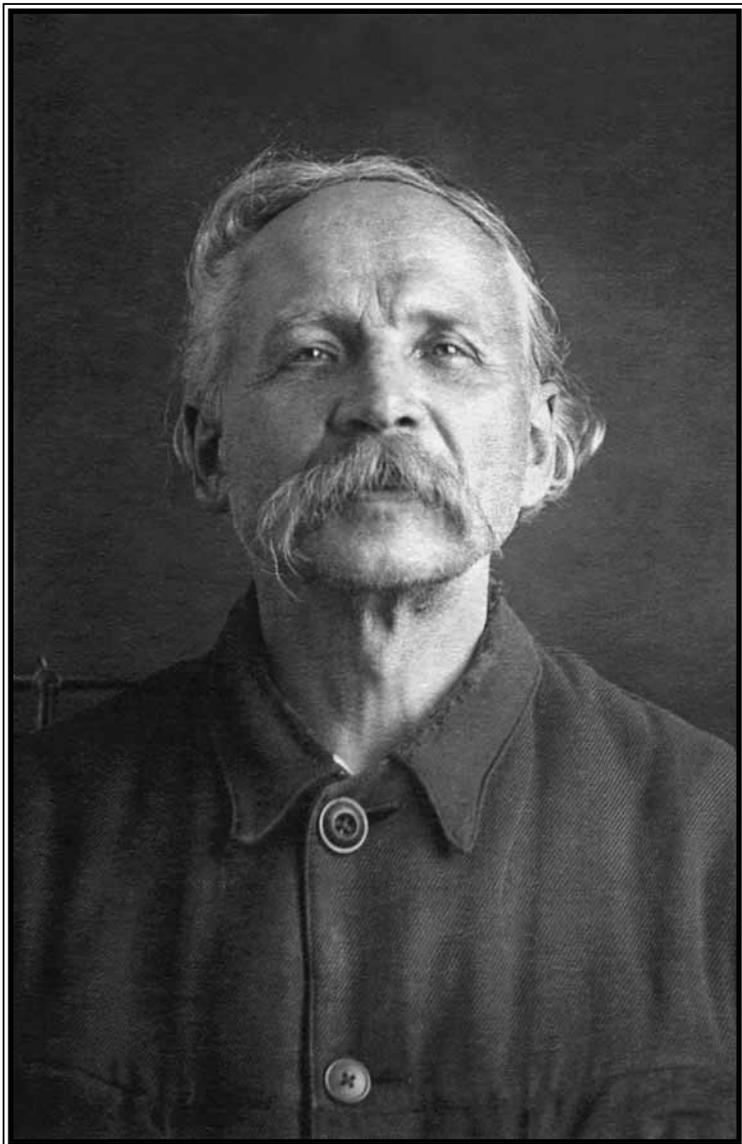

колхозников повел антисоветскую и антиколхозную агитацию за невыход на колхозную работу, за настроение колхозников против мероприятий партии и советского правительства, отчего колхоз в 1936 и 1937 годах имеет большие хозяйственные недоделки. Лично по его агитации в каждый религиозный праздник колхозники не выходят на работу по 2—3 дня... Агитировал против сталинской конституции, утверждая, что она неустойчивая и создана не надолго, что большевики народ вредный, за ними нам не идти. В декабре 1937 года также агитировал против выборов в Верховный Совет СССР, доказывал, что выставленные кандидатуры в Верховный Совет люди не наши, а коммунисты, от которых для нашей религии большой вред, а поэтому старайтесь не голосовать вовсе. За то, что сельсовет не дает разрешения ходить ему, Грузинову, по домам верующих, он всячески старается компрометировать руководителей...»

Следователями 8 и 9 февраля были допрошены в качестве свидетелей четыре жителя села Михайловское. Один из них дал такие показания: «...я замечал, что Грузинов собирает верующих летом где-либо в поле у леса и что-то им рассказывает. Каждый раз после сборищ всегда получались какие-либо прорывы в колхозе: как-то были случаи порчи косилок во время уборки овса из-за того, что в поле оказались набиты колья, об которые ломались части косилки. А также был случай во время косьбы ржи в 1937 году. Трактор попал в замаскированную яму, вследствие чего трактор сделал простой полный день. Эти все вредительские действия получались на второй-третий день после того, как происходил сбор верующих Грузиновым... Если бывают религиозные праздники, то колхозники совершенно не выходят на работу».

Председатель колхоза, тоже привлеченный как свидетель, заявил, что священник «в своей квартире среди верующих агитировал, что нужно действовать против колхоза, ибо церковь нашу закроют».

На праздник Сретения Господня 15 февраля 1938 года священник Парфений Грузинов был арестован и заключен в Можайскую тюрьму. На следующий день состоялся допрос.

Священник Парфений Трусинов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

— Скажите, с кем вы поддерживаете связь.

— Связей я ни с кем не имел, за исключением высшего духовенства и благочинного Цицарева, проживавшего в Больших Вяземах, с ним встречался последний раз в 1937 году в июле, в настоящий момент арестован органами НКВД.

— Вы занимаетесь контрреволюционной деятельностью и распространяете клевету против советского правительства и проводимых мероприятий партии и советской власти. Требую от вас правдивых показаний по предъявленному обвинению в контрреволюционной деятельности.

— В предъявленном мне обвинении в контрреволюционной деятельности в распространении клеветы в отношении советского правительства и проводимых мероприятий правительства я виновным себя не признаю.

19 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Парфения к расстрелу. Священник Парфений Грузинов был расстрелян 26 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

В 1939 году сотрудники Звенигородского отделения милиции, в том числе и те, кто участвовал в осуждении отца Парфения, были арестованы и по обвинению в фальсификации уголовных дел приговорены к различным срокам лишения свободы. В качестве вещественного доказательства, среди прочих, было рассмотрено дело по обвинению священника Парфения Грузинова. Военный трибунал войск НКВД 13 марта 1940 года определил пересмотреть это дело. Однако постановлением следственной части НКВД было принято такое решение: «учитывая социальное лицо осужденного к высшей мере наказания Грузинова... решение тройки... оставить в силе».

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 59681.

Февраля 15 (28)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Алексий (Смирнов)

Священномученик Алексий родился в 1867 году в селе Гремячево Веневского уезда Тульской губернии в семье псаломщика Петра Смирнова.

Отец умер, когда Алексею было семь лет, поэтому воспитывал мальчика дед, тоже псаломщик, служивший в Москве.

В 1890 году Алексей Смирнов окончил Московскую Духовную семинарию и был рукоположен в сан священника. С 1898 по 1938 год прослужил отец Алексий священником в храме в честь Рождества Христова в селе Филатово Истринского района Московской области.

После прихода безбожной власти отец Алексий с семьей как служитель Церкви был лишен гражданских прав и в связи с этим они попали в бедственное положение. В октябре 1928 года церковный совет храма обратился к верующим с просьбой «помочь нашему священнику в необходимом предмете, в хлебе, ввиду отказа ему в выдаче пайка, в самом необходимом для существования и жизни. Граждане, просим помочь нашему священнику зерном ржи или мукой, кто сколько может».

Как предлог для закрытия храмов власти использовали налогообложение служителей Церкви и общин за пользование храмом и землей, на котором он стоит. При неуплате налога росла задолженность, и если ее вовремя не могли уплатить, то храм закрывался, а священник арестовывался.

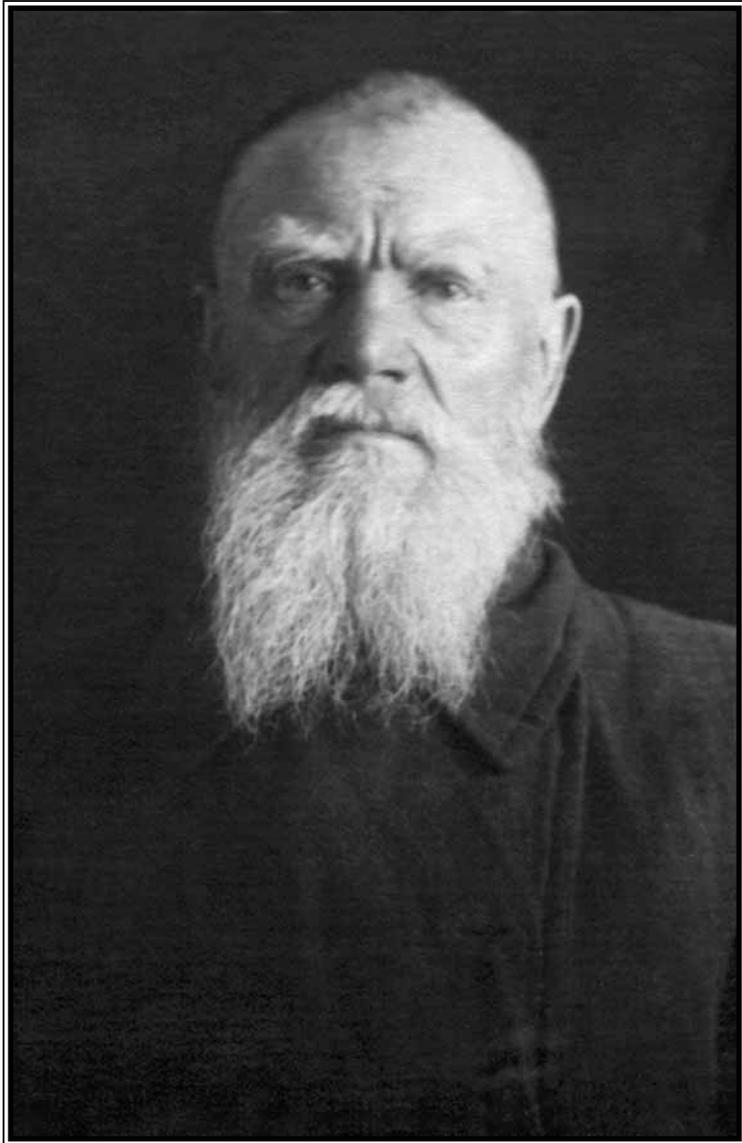
В 1937 году Истринский районный исполнительный комитет потребовал от церковного совета церкви Рождества Христова уплаты очередного налога. Поскольку денег из-за постоянных поборов не было, то обратились к верующим. «Прихожане, обращаемся к вам с просьбой пожертвовать от трех рублей и выше на свою мать – филатовскую церковь, так как на днях получили из Истринского РИКа два извещения на налог: земельную ренту в сумме 140 рублей и страховка в сумме 246 рублей. Церковных денег нет на уплату налога такой большой суммы. Просим срочно оказать свое усердие, ибо срок платы короток».

В 1938 году священник Алексей Смирнов был обложен «культурным и подоходным налогом» в размере 5805 рублей. При этом сумму налога нужно было уплатить в феврале 1938 года. Поскольку денег у священника не было, он снова обратился к верующим оказать помощь в уплате налога.

В связи с развернувшейся очередной беспощадной волной гонений на Русскую Православную Церковь, власти приняли решение об аресте отца Алексия. Сотрудники НКВД приступили к сбору материалов, необходимых для ареста священника.

Председатель Филатовского сельсовета по требованию работников НКВД выдал справку с такой характеристикой отца Алексия: «...десятки лет служит в филатовской церкви... несколько раз облагался государственными налогами, собирает к себе престарелых старушек, чтобы они ходили по всем окружающим деревням, собирали деньги в уплату налога. Собирает малолетних детей к себе в дом, обсуждает религиозные вопросы, внушает о религии».

4 февраля были допрошены три лжесвидетеля. Один из них сказал, что отец Алексей «неблагонадежный человек, ведет агитацию против советской власти». Другой сказал, что ему известен случай, когда отец Алексей в доме одного колхозника говорил: «разгромили религию, незаконно сделали. Церкви ломают, превращают их неизвестно во что, придет время – обратно религия вернется, а коммунистов не будет»; третий свидетельствовал: «не-

Вязеник Алексей Свиринов

Москва. Тюрма НКВД. 1938 год

правильно угнетают религию, невинных людей, которые совершенно не мешают, сажают в тюрьму».

16 февраля 1938 года священник Алексей Смирнов был арестован и заключен в тюрьму города Волоколамска. 18 февраля состоялся первый допрос.

— Кого вы знаете из бывших кулаков, попов, из полиции жандармов?

— Ранее знал попов и кулаков, а теперь их нет, все умерли.

— Следствие предлагает вам быть правдивым. Дайте показания о вашей контрреволюционной агитации.

— О контрреволюционной агитации показать ничего не могу, с моей стороны агитации не было.

— Следствие располагает материалами о том, что в ноябре и декабре 1937 года среди колхозников деревни Филатово вы вели агитацию: политика партии неправильна, из-за неразборчивого руководства Сталина привела всех в болото.

— Агитации с моей стороны не было. По домам в праздники с молебнами ходил, среди колхозников против советской власти разговоров не вел.

— Признаете вы себя виновным в контрреволюционной агитации?

— В контрреволюционной агитации я себя виновным не признаю.

На следующий день допрос продолжился.

— Скажите, в данное время производите службу в церкви и какой?

— В настоящее время служу в двух церквях: Филатовской и Глебовской.

— Следствие располагает данными, что вы в феврале 1938 года собирали деньги с крестьян... для уплаты подоходного налога и говорили, что советская власть наложила непосильный налог с целью закрыть церковь?

— Действительно, деньги собирал с крестьян... среди прихожан говорил, что наложили непосильный налог и советская власть хочет закрыть церковь.

— При обыске у вас была обнаружена церковная литература. Вы распространяли ее среди крестьян? Дайте по данному вопросу показания.

— Церковной литературой пользовался сам и раздавал крестьянам, которые посещали церковь.

— ...Следствие располагает данными, что в августе 1937 года вы говорили: тот, кто хочет делать покушения на вождей, никогда не будет разыскан, а сейчас советская власть судит и проводит террор против невинных людей?

— Да, я это говорил и виновным себя признаю в этом.

— Признаете ли вы себя виновным в контрреволюционной агитации среди населения?

— В контрреволюционной агитации среди населения в 1937 году виновным себя признаю, агитацию я вел в силу того, что не приемлю советскую власть.

Следствие было закончено. Следователь считал доказанным выдвинутое обвинение в том, что священник Алексей Смирнов «непримиримый враг партии и правительства, на протяжении ряда лет среди местного населения ведет активную контрреволюционную деятельность».

23 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Алексея к расстрелу. Священник Алексей Смирнов был расстрелян 28 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23897.

Февраля 15 (28)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ

Алексий (Никитский) и Симеон (Кулямин)

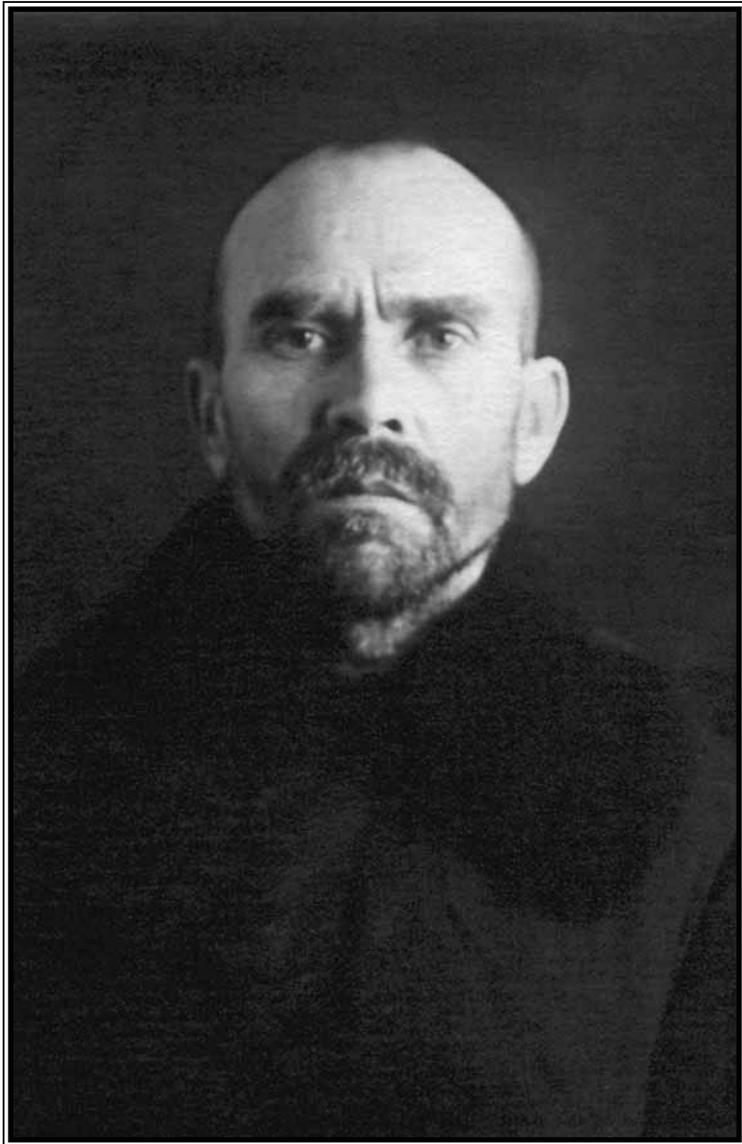
Священномученик **Алексий** родился 6 марта 1891 года в селе Михалево Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Михаила Никитского.

В 1906 году он окончил Донское Духовное училище, в 1912 году – Московскую Духовную семинарию, после чего стал учителем начальной школы в Балашихе.

5 декабря 1913 года он был рукоположен во священника к храму Рождества Христова в селе Михалево, на место умершего отца.

В начале 1918 года отец Алексий был призван в тыловое ополчение Красной армии. Он служил рядовым в городе Бронницы при губернском конском запасе. Его обязанностью было ухаживать за лошадьми. Потом отца Алексия перевели в строительный отряд, где он работал конторщиком. После этого он работал телефонистом в Управлении по снабжению воздушного флота, располагавшемся на Ходынке в Москве.

В 1921 году после демобилизации отец Алексий подал прошение в Московскую епархию о назначении на приход священником. В марте 1922 года он был определен священником к Троицкому храму в поселке Удельная Раменского района, где и прослужил до дня ареста. В 1929 году у отца Алексия, как лишённого избирательных прав, отняли дом. Притеснение служителей

Священник Алексей Фукимский

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

Церкви со стороны советской власти в это время выжалось и в непосильном налоге как на них самих, так и на общины, которые должны были платить налог за использование здания церкви. Сумма налогообложений была такой высокой, что выплатить ее стоило большого труда и самопожертвования. И священноначалие, и рядовые пастыри писали заявления с протестом против фактического ограбления верующих. Делали такие заявления и служители Троицкой церкви в поселке Удельная. Одно из таких заявлений они написали в 1937 году после того, как районный финансовый отдел в несколько раз по сравнению с предыдущим годом увеличил налог с дохода причта. Сотрудники НКВД произвели негласное следствие в отношении священнослужителей Троицкого храма, результатом чего стал их арест, который произошел 26 января 1938 года.

Первый раз следователь допросил отца Алексея 30 января. На следующий день допрос был продолжен.

— Где вы писали ваше заявление о снижении налога и какую цель вы преследовали данным заявлением? — спросил следователь.

— Я данное заявление о снижении налога писал сам лично у себя на квартире в 1937 году. После я это заявление принес в церковь, где к нему, после окончания службы, подписались Львов, Жуков и Кулямин, подписывались они в алтаре. Цели у нас никакой не было, но мы в заявлении просили только снизить нам налог, каковой нам не под силу было внести. Данное заявление мы писали согласно указанию районного финансового инспектора Панкова.

— Следствию известно, что вы 2 мая 1937 года собирались на квартире митрополита Чичагова*, где обсуждали контрреволюционные вопросы. Какие вопросы вы обсуждали и с кем?

* Недалеко от станции Удельная в 1934 году поселился митрополит Серафим (Чичагов), вышедший по болезни на покой. В ноябре 1937 года он был арестован. Прикованный к постели 82-летний святитель был вынесен из дома на носилках и на машине «скорой помощи» доставлен в Таганскую тюрьму. 11 декабря он был расстрелян на полигоне Бутово под Москвой. Прославлен в лике священномучеников на Архиерейском Соборе 1997 года.

— Я действительно 2 мая 1937 года был на квартире митрополита Серафима в поселке Удельная, но я был им приглашен, чтобы отслужить молебен... после молебна я выпил стакан чаю, и мы все из квартиры Чичагова ушли по своим квартирам. Митрополит Серафим на Рождество и Пасху всегда приглашал нас отслужить у него на квартире молебен, так как по старости посещать церковь он не может... я никакую контрреволюционную агитацию среди верующих против мероприятий советской власти не вел и против налогов и займов не выступал... в предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю... Я, будучи священником удельнинской церкви, только выполнял свои обязанности как священник.

6 февраля состоялся последний допрос.

— Следствию известно, что вы вместе с диаконом Куляминым вели агитацию среди верующих за незакрытие церквей.

— Я никакой с диаконом Куляминым агитации среди верующих не вел и в отношении незакрытия церквей вопрос нигде не ставил и ни с кем не говорил и не обсуждал.

Священномученик Симеон родился 1 сентября 1874 года в селе Ратмирово, которое впоследствии вошло в состав Собинского района Ивановской области, в семье крестьянина Федора Кулямина.

С 11-летнего возраста Семен Кулямин поступил учеником на текстильную фабрику Собинской мануфактуры. 28 лет он работал садовником у фабриканта Лосева. В 1917 году Семен Федорович переехал в поселок Ильинское, где работал в Центросоюзе.

В 1921 году он устроился псаломщиком в Троицкий храм в поселке Удельная Московской области, а в 1925 году был рукоположен во диакона к той же церкви. В ней он и прослужил до своего ареста 26 января 1938 года.

27 января следователь допросил диакона Симеона.

— Дайте подробные показания, в чем выражалась взаимная связь церковников поселка Удельная?

— Совместная служба в удельнинской церкви сблизила меня со священниками Сергеем Алексеевичем Львовым, Алексеем Михайловичем Никитским, Ленинградским митрополитом Серафимом (Чичаговым), а также с активными церковниками... Взаимная связь выражалась в том, что мы, как наиболее религиозно убежденные верующие люди, прилагали все усилия к тому, чтобы сохранить удельнинскую церковь, не допустить ее закрытия и распространять среди населения религиозные убеждения — не допустить отмирания христианского вероисповедания.

— Дайте показания о священнике Никитском Алексее Михайловиче.

— Священника удельнинской церкви Алексея Михайловича Никитского я знаю как человека глубоко религиозно убежденного... по социальному происхождению из семьи священника, неоднократно излагал мне свои недовольства против гонения на Церковь, служителей культа...

— Дайте показания о нелегальных сборищах церковников на квартире Жилкиной.

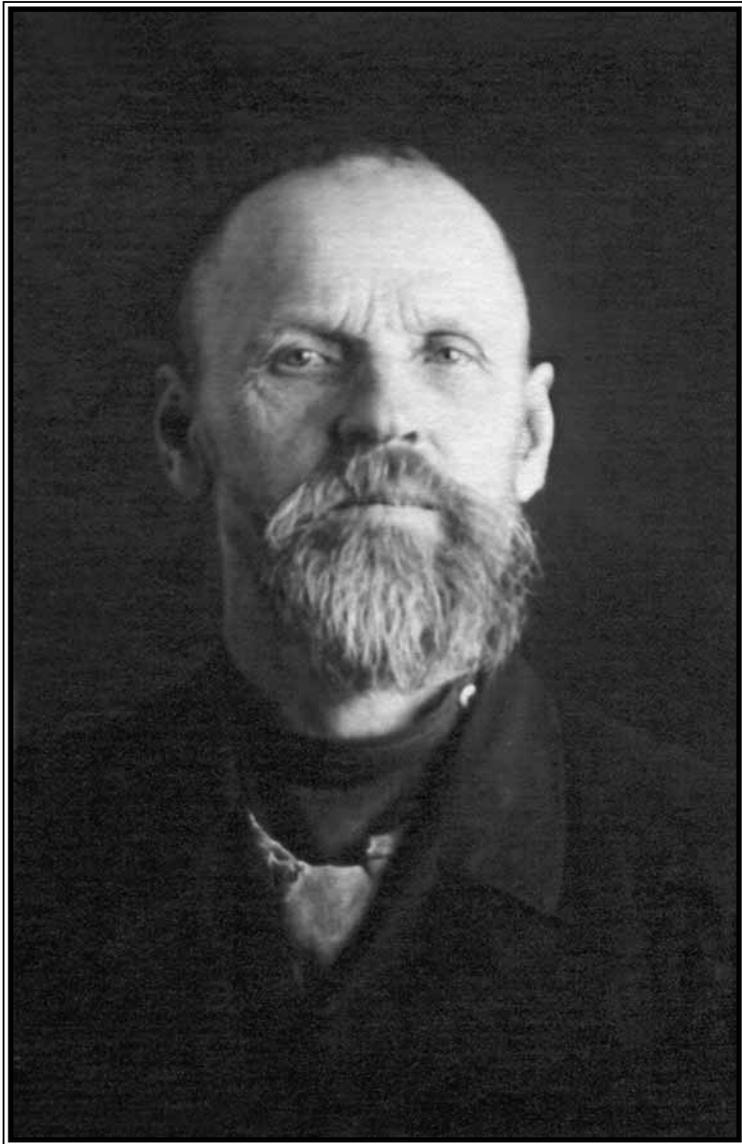
— О нелегальных сборищах в квартире Жилкиной я показать не могу, так как о них не знаю...

1 февраля состоялся следующий допрос.

— Следствию известно, что вы, совместно с другими церковниками удельнинской церкви, 2 мая 1937 года на квартире бывшего митрополита Чичагова принимали участие в проводимом собрании по обсуждению сталинской конституции.

— Да, я действительно 2 мая 1937 года был на квартире митрополита Серафима, со мной еще были три человека... все мы собирались по приглашению митрополита, у него на квартире служили молебны в честь Пасхи, и собрания никакого не проводилось на квартире, и в этот момент сталинская конституция нами не обсуждалась...

— Дайте показания о вашей контрреволюционной деятельности.

Диакон Симеон Куляшин

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

— Я контрреволюционную деятельность не проводил и не провожу, а также я никакой агитации против советской власти не производил...

Все время непродолжительного следствия арестованные священник и диакон провели в Таганской тюрьме в Москве.

16 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила их к расстрелу. Священник Алексей Никитский и диакон Симеон Кулямин были расстреляны 28 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребены в безвестной общей могиле. Перед расстрелом в этот же день фотограф Таганской тюрьмы сфотографировал их, чтобы при проводимых в это время массовых расстрелах палач не ошибся.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-54393.

Февраля 22 (7 марта)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК
Антипа (Кириллов)

Преподобномученик Антипа (в миру Антон Петрович Кириллов) родился 3 августа 1870 года в селе Братки Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в крестьянской семье. Он окончил церковноприходскую школу и до двадцати семи лет жил с родными. Будучи с детства глубоко религиозно настроенным, он в 1898 году поступил в число братии Афонского монастыря и подвизался в нем до 1912 года; в этом году он был зачислен в братию Новоспасского монастыря в Москве. В мантию с именем Антипа он был пострижен или на Афоне, или в Новоспасском монастыре. После революции 1917 года он выехал на родину в село Братки и здесь служил в храме псаломщиком.

В 1929 году монах Антипа был рукоположен во иеромонаха ко храму в селе Козловка Борисоглебского района Тамбовской области. В 1931 году отец Антипа переехал в Москву и был направлен священноначалием в храм Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня в село Татаринцево Бронницкого района Московской области, здесь он прослужил до своего ареста.

За шесть лет служения иеромонаха Антипы в Татаринцево прихожане полюбили его за благочестивую жизнь, за то, что он всецело посвятил себя служению Господу и в этом всем был примером, за проповеди, за то, что всегда, в любое время к нему можно было прийти за советом. В 1937 году отцу Антипе исполнилось

шестьдесят семь лет, жизнь подходила к концу, никого из близких родственников не оставалось, и для души открывался просторный путь служения Богу и ближним. И уже приближалось время, когда пора было сказать «ныне отпускаеши». Последнюю службу отец Антипа отслужил на праздник Сретения Господня, 16 февраля 1938 года власти арестовали его и он был заключен в тюрьму в Коломне. Допрашивали его начальник районного отделения НКВД и начальник паспортного стола Бронницкого отделения милиции. Допросы начались почти сразу же после ареста и продолжались более суток.

— Следствие располагает сведениями, что вы в августе 1937 года распространяли клевету на советскую власть, что эта власть — наказание Божие, что самых лучших людей советская власть ссылает и сажает. Признаете ли вы себя виновным в этой антисоветской агитации?

— Я этого не говорил, потому что я верующий, я говорил, что всякая власть от Бога и мы ей покоряемся.

— Все это сущая ложь, следствию известно, что в декабре 1937 года вы оскорбительно высказывались о сталинской конституции.

— Я это не говорил и факт этот отрицаю, — решительно отверг обвинения отец Антипа.

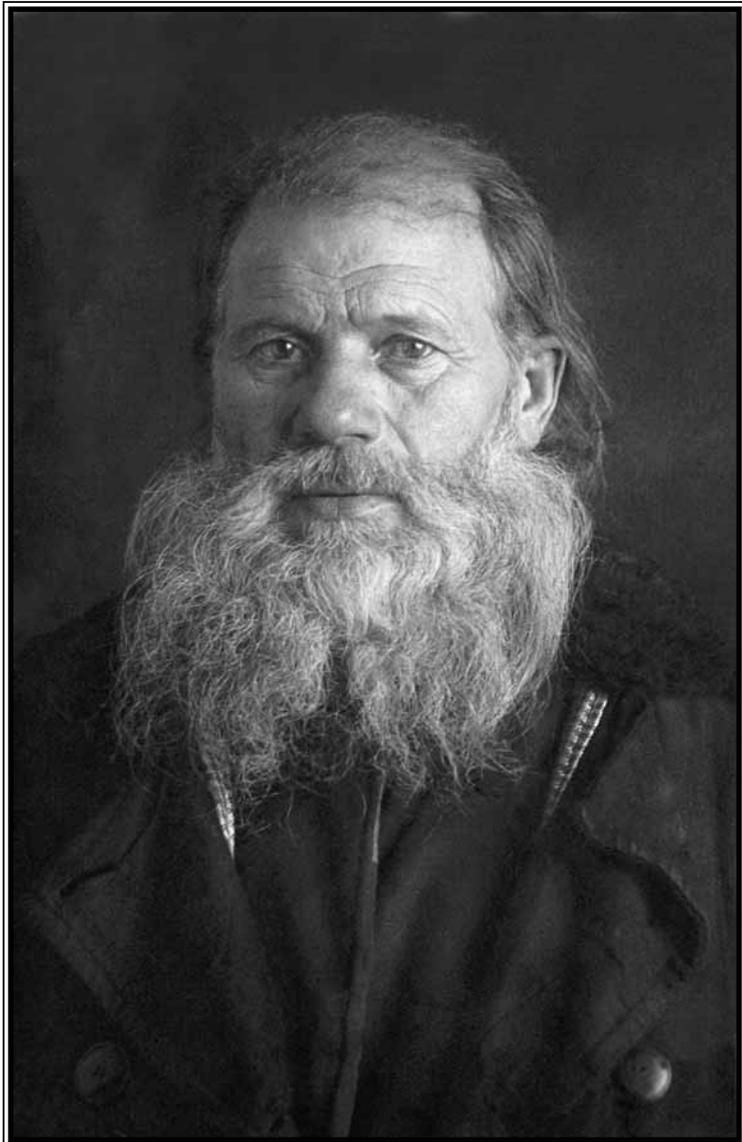
Видя, что священник отвергает все навязываемые ему следствием обвинения, следователь с нетерпением спросил:

— В чем же вы себя сами признаете виновным, то есть в какой антисоветской или контрреволюционной агитации вы себя считаете виновным?

— Ни в какой антисоветской и контрреволюционной агитации я себя виновным не признаю.

— Из ваших рукописей видно, что в проповедях вы внушали верующим покорность, смирение.

— Я говорил в проповедях, что богатство и бедность — все от Бога. Говорил я и то, что не только мы верим, но и многие талант-

Сергей Иванович Антина (Курьелов)

Москва. Тюрма НКВД. 1938 год

ливые люди, о которых я в проповедях говорил, что они также были верующими, и, приводя примеры, перечислял имена этих людей. Из календаря я взял лист, где говорится о естествоиспытателе Линнее, с тем чтобы показать, что даже советская власть и то его хвалит как талантливого человека и одновременно говорит о нем, что он был человеком религиозным. Все это делалось для укрепления веры.

— Следствию известно, что вы во время выборов в Верховный Совет отказались от голосования. Дайте показания по этому вопросу.

— Я не голосовал, потому что за мной не прислали лошадей, хотя и обещали.

— Следствию известно, что к вам приходили на квартиру, чтобы пригласить голосовать, но вы категорически отказались.

— Этого факта не было, — ответил иеромонах Антипа. На этом допросы были окончены.

Следователи допросили двух священников из сел Давыдово и Салтыково Бронницкого района, которые служили в то время при НКВД дежурными свидетелями и осведомителями, и они подписали соответствующие показания, необходимые для обвинения иеромонаха Антипы. Затем следователь допросил одного из жителей села Татаринцево, согласившегося выступить в качестве лжесвидетеля, он показал, что иеромонаха Антипу знает со времени приезда последнего в Татаринцево, что с самого начала заметно его влияние на колхозниц, которые в некоторые религиозные праздники перестали выходить на работу, стали чаще ходить в церковь, что отец Антипа перед выборами в Верховный Совет говорил: «На что нам выбирать, кто они, кого нам выдвигают в кандидаты коммунисты, такие же антихристы, они продолжают дело, начатое большевиками, не нужно голосовать». «Деревня, где проживает Кириллов, находится в расстоянии одного километра от той, где проходило голосование, священник мог бы дойти пешком, как другие. Когда мы к нему пришли на

квартиру и спросили, что он не идет голосовать, он ответил: «Власть не наша, власть антихриста, и мне за нее голосовать нечего».

27 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Антипу к расстрелу. Иеромонах Антипа было расстрелян 7 марта 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23027.
Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999. С. 258.

Февраля 22 (7 марта)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Сергий (Букашкин)

Преподобномученик Сергий родился 23 января 1884 года в селе Чертаново Волоколамского уезда Московской губернии в семье крестьянина Василия Букашкина и при крещении был наречен Иоанном.

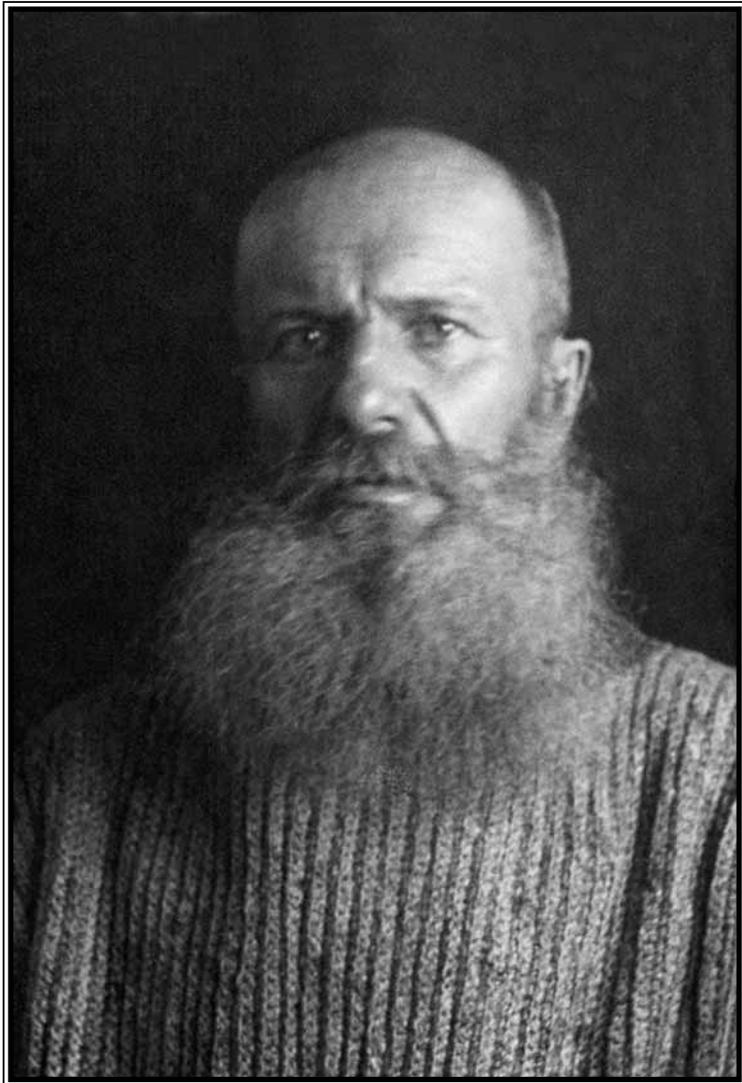
До тринадцати лет Иван проживал в родительском доме, а потом был отдан ими в Чудов монастырь, что располагался в Московском Кремле. Здесь отрок выполнял клиросное певческое послушание.

Проучившись три класса в Духовной семинарии, послушник Иоанн сдал экзамен на звание учителя начального училища.

В 1914 году он был пострижен в монашество и наречен Сергием. В 1916 году из Чудова монастыря монаха Сергия перевели в Московский Покровский монастырь, где в том же году он был рукоположен во иеродиакона.

После закрытия монастыря иеродиакон Сергий в 1919 году был назначен служить в Преображенскую церковь в селе Спас-Осташевское Волоколамского района Московской области. В 1930 году его рукоположили во иеромонаха к тому же храму. В 1935 году он был награжден наперсным крестом.

В феврале 1937 года отец Сергий был назначен служить в храм во имя преподобного Александра Свирского в селе Ново-Александровка Шаховского района.

Уро.ионах Сергей (Букашкин)

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

Летом 1937 года безбожная власть начала очередное, на этот раз самое беспощадное гонение на Русскую Православную Церковь.

Следователем НКВД в январе 1938 года были вызваны на допрос лжесвидетели, которые подписали протоколы допросов, необходимые для ареста отца Сергия.

Один из лжесвидетелей на требование рассказать, что известно ему о контрреволюционной деятельности священника, ответил: «Проживая в селе Ново-Александровка, Букашкин как в самом селе, так и в окружающих селениях группирует вокруг себя верующих и ведет среди них агитацию за веру в Бога, в то же время ведет контрреволюционную агитацию против мероприятий партии и советской власти, проводимых на селе. Так, в декабре 1937 года он около церкви среди верующих, прося помощи духовенству и церкви, среди группы верующих говорил: “Жизнь для нас в условиях советской власти стала очень плохая, советская власть нас задушила налогами окончательно. Если вы, верующие, не поможете духовенству и храму сему, то из-за неуплаты налога церковь закроют”. После этого под руководством церковной старосты среди верующих был произведен сбор сельскохозяйственных продуктов и средств в помощь духовенству и церкви. В октябре 1937 года я, как начальник добровольной пожарной дружины, будучи в церкви для проверки печей, предложил священнику все печи, имеющиеся в церкви, привести в порядок, во избежание возникновения пожара. Священник Букашкин по данному вопросу мне говорил: “Я и так все до копейки от дохода сдаю советской власти, меня и без этого кругом всего обобрали, и средств на ремонт у меня нет”».

Иеромонах Сергей был арестован 17 февраля 1938 года и на следующий день допрошен.

— Следствие располагает данными, что в декабре 1937 года около церкви среди присутствующей массы верующих вы открыто вели контрреволюционную агитацию против существующего

закона советского правительства. В октябре 1937 года и в январе 1938 года высказывали недовольство к существующему строю, вели контрреволюционную агитацию против проводимых мероприятий советской власти. Дайте показания по данному делу.

— Среди массы и вообще где-либо контрреволюционную агитацию против проводимых мероприятий партии и советской власти я не вел, недовольств к существующему строю не высказывал.

— Вам предъявляется обвинение в контрреволюционной агитации против проводимых мероприятий советской власти, признаете ли себя виновным?

— В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, так как с моей стороны контрреволюционной агитации среди массы никогда не велось.

В тот же день следствие было закончено. После недолгого пребывания в Волоколамской тюрьме отец Сергей был переведен в Таганскую тюрьму в Москве. 27 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила его к расстрелу.

Иеромонах Сергей (Букашкин) был расстрелян 7 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23019.
АМП. Послужной список.

Февраля 22 (7 марта)

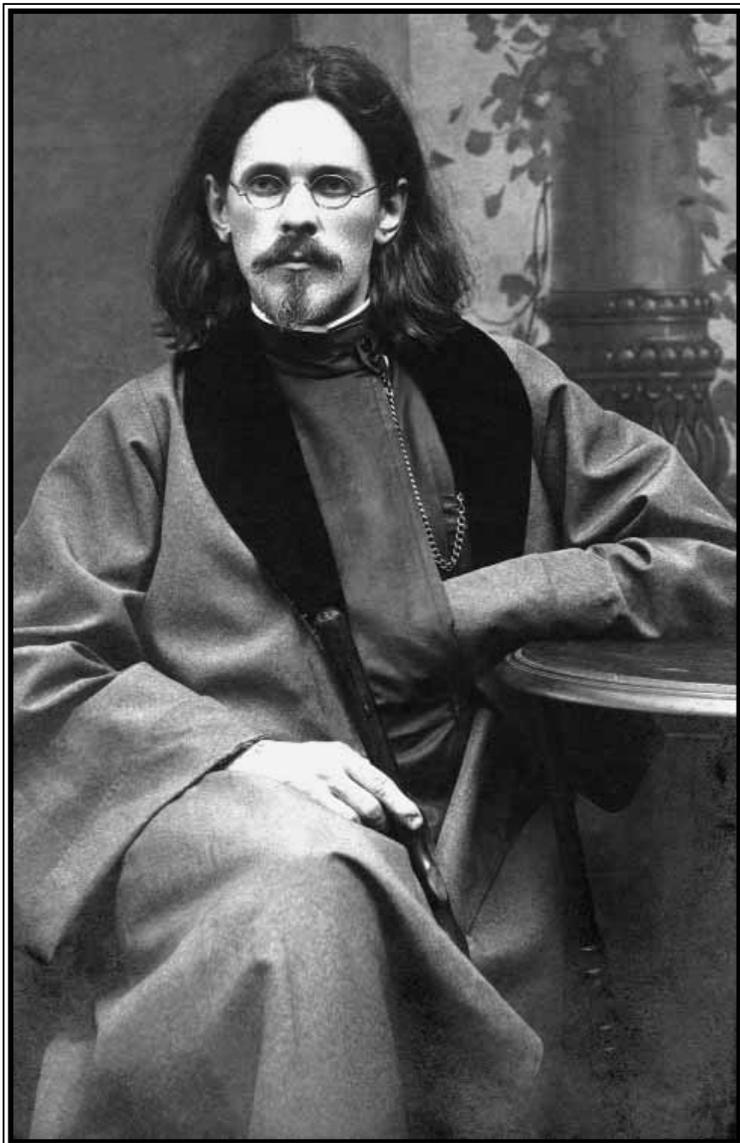

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Сергий (Белокуров)

Священномученик Сергей родился 24 сентября 1880 года в городе Волоколамске Московской губернии в семье псаломщика Ивана Белокурова, служившего в городском Воскресенском соборе. В 1895 году Сергей Иванович окончил Волоколамское Духовное училище, в 1902 году – Вифанскую Духовную семинарию и поступил учителем в церковноприходскую школу при Иосифо-Волоколамском Успенском мужском монастыре. В 1904 году умер отец Сергея Ивановича, который был к тому времени уже за штатом, и в этом же году Сергей Иванович был рукоположен в сан диакона и стал служить в Троицкой церкви в селе Раменском.

В 1919 году диакон Сергей был рукоположен во священника к Троицкой церкви. Почти сразу же после рукоположения он был призван в Красную армию. Отец Сергей стал ходатайствовать об освобождении его от военной службы, ходатайство поддержали прихожане Троицкой церкви. Они мотивировали свою просьбу тем, что отец Сергей не только священник, но и хороший врач и уже многим в Раменской волости оказал врачебную помощь; при нехватке врачей, жители просят оставить им в качестве врача священника. 19 июля 1920 года дело разбиралось в суде, и суд постановил удовлетворить ходатайство священника и жителей города и согласно декрету об отделении Церкви от государства «освободить священника Белокурова от военной службы с предоставле-

Священник Сергей Делокуров

нием ему просто деятельности по лечению граждан села Раменского».

17 февраля 1938 начальник Раменского отделения НКВД Элькснин допросил работавшую осведомительницей жительницей Раменского Савлову, которая о священнике Сергии Белокурова показала: «Я живу в фабричных корпусах и вижу священника Белокурова в фабричных корпусах почти ежедневно. К кому он ходит, я не знаю... Я с ним поздоровалась и спросила: “Где же вы были в гостях?” Он мне ответил: “Я был у своих”, но у кого, не сказал. Причем добавил: “Жить надо спешить, ведь все равно, если не сегодня, то завтра, советская власть задавит”. Я ему ответила, что это ерунда, наоборот, советская власть ведет к веселой и радостной жизни. На это он мне ответил: “Это вам только говорят; хорошая, радостная жизнь в Кремле, рабочему Сталин хорошей жизни не даст”».

20 февраля была выписана справка на арест отца Сергия, а 22-го он был арестован и помещен в камеру предварительного заключения при Раменской милиции. Через три дня следователь допросил его.

— Как часто вы, Парусников и Фетисов собирались в церковной сторожке?

— В церковной сторожке мы собирались после каждой обедни.

— Какие вопросы вы обсуждали в церковной сторожке?

— Обыкновенно вопросы служебного характера. В феврале, числа какого не помню, мы, отслужив обедню, собрались в церковной сторожке, где стали обсуждать вопрос о присланном нам непосильном налоге.

— Скажите, какое недовольство выразили вы во время подписки на заем?

— На заем я не подписался лишь потому, что у меня и так много сделано подписок на заем. Недовольства не выражал.

— Как часто вы бываете в рабочих корпусах фабрики «Красное знамя» и других местах?

— Ходил в корпуса и другие места по требованию верующих, близких знакомств и связей не имею.

— Признаете ли вы себя виновным в антисоветских разговорах в церковной сторожке и других местах?

— Виновным себя не признаю.

Это был последний допрос, и на этом следствие было закончено. 27 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу. Священник Сергей Белокуров был расстрелян 7 марта 1938 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-77338.

А. Ю. Дубинский. Вифанская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 годов (краткий генеалогический справочник). М., 1999. С. 7.

Февраля 22 (7 марта)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Орлов)

Священномученик Иоанн родился 1 ноября 1881 года в деревне Любучаны Подольского уезда Московской губернии в семье священника Ивана Орлова, служившего в кладбищенском Воскресенском храме города Подольска.

В 1897 году Иван окончил Перервинское Духовное училище и поступил в Московскую Духовную семинарию, которую окончил в 1903 году. Был рукоположен во священника и служил в Троицком храме в селе Троицкое на Истре Московской области.

В конце 1930-х годов, когда безбожная власть приняла решение о повсеместном закрытии храмов и приступила к массовым арестам служителей Церкви, местные безбожники в городе Истре решили закрыть Троицкий храм. Председатель сельсовета совершил продажу школьного помещения под дачу некоему профессору, а школу и учащихся решил разместить в маленькой деревянной Троицкой церкви. Община храма обратилась с жалобой на действия председателя сельсовета. Комиссия разобрала дело и обязала председателя сельсовета расторгнуть договор о продаже школы, поэтому церковь не была закрыта.

Летом 1937 года сотрудники НКВД приступили к массовым арестам священнослужителей и верующих. 7 ноября 1937 года был арестован священник Александр Машков, который вместе с отцом Иоанном служил в Троицком храме. Во время допросов он

Священник Иоанн Орлов

оговорил себя, а также отца Иоанна, диакона Петра Троицкого и старосту храма Михаила Строева в том, что они под его руководством организовали контрреволюционную группу для борьбы с советской властью.

Вместе с другими служащими Троицкого храма священник Иоанн Орлов был арестован 18 ноября 1937 года. В тот же день начались допросы.

— Вы арестованы как участник контрреволюционной группы. Дайте показания по этому вопросу.

— Участником контрреволюционной группы я не являюсь.

— Знаете ли вы ныне арестованного по линии НКВД гражданина Машкова?

— Священника Троицкой церкви Александра Машкова я знаю хорошо, примерно с 1911 года.

— Показаниями обвиняемого Машкова вы учитаетесь как участник контрреволюционной группы. Дайте показания по этому вопросу.

— Утверждаю о том, что я участником контрреволюционной группы не являюсь.

— Следствие предлагает вам быть правдивым и дать показания о вашем участии в контрреволюционной группе.

— Заявляю, что я участником контрреволюционной группы не являюсь.

— Вам зачитываются показания обвиняемого Машкова, подтверждаете ли вы это?

— Не подтверждаю.

— Когда и за что вы судились?

— Никогда не судился.

— Знаете ли вы граждан Машкова, Троицкого и Строева и какие у вас взаимоотношения?

— Священника Александра Машкова, диакона Петра Троицкого и церковного старосту Михаила Строева я знаю хорошо. Взаимоотношения у меня с ними нормальные.

- Посещали ли вы их квартиры и ходили ли они к вам?
- Бывали.
- Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?
- В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

После допросов в Истре священника Иоанна Орлова перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 27 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Священник Иоанн Орлов умер в Мариинском лагере НКВД близ города Новосибирска 7 марта 1938 года и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-49395.

Марта 1 (14)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Дария (Зайцева)

*П*реподобномученица Дария родилась в 1870 году в селе Богослово Рязанской губернии в семье крестьянина Петра Зайцева.

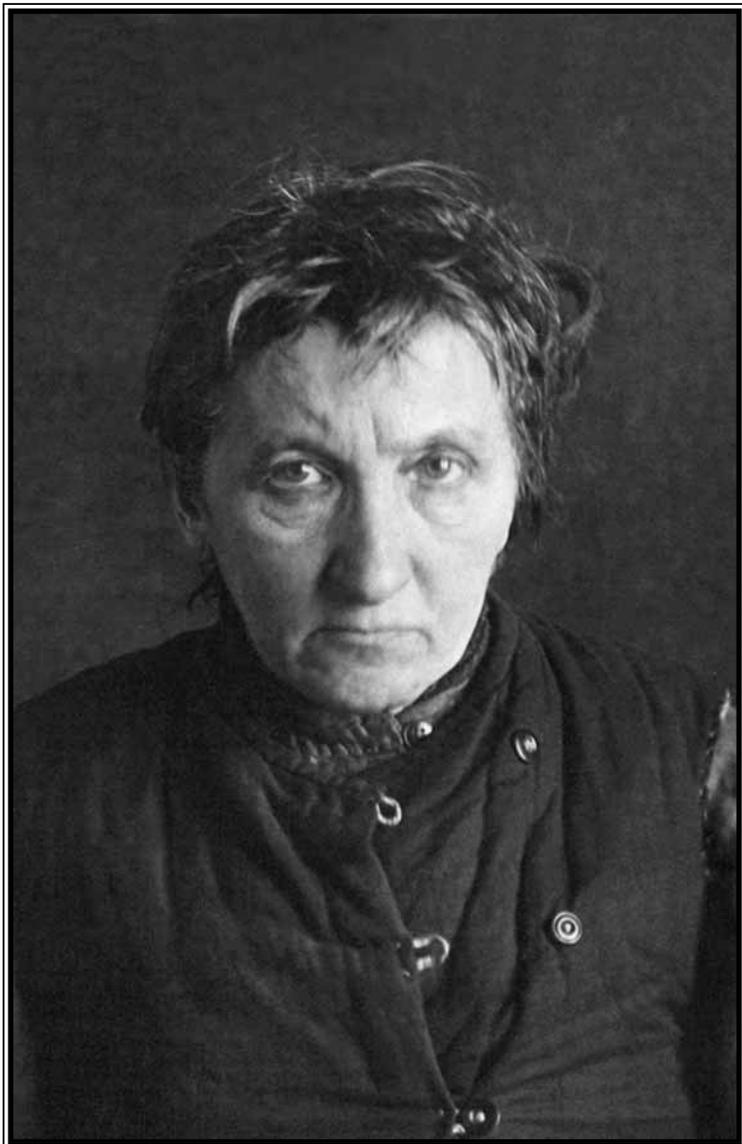
В 19 лет она ушла в Аносин Борисоглебский женский монастырь, располагавшийся в 15 верстах от города Звенигорода, на берегу реки Истры. Здесь послушница Дария подвизалась до 1928 года, когда обитель была ликвидирована советской властью.

После закрытия монастыря послушница Дария поселилась в Истринском районе в селе Холмы и стала прислуживать в Знаменской церкви. Жила она в церковном доме. В 1934 году ее избрали церковной старостой.

2 марта 1938 года послушница Дария была арестована Истринским отделением милиции и заключена в камеру предварительного заключения. 3 марта состоялся допрос.

— Дайте показания о вашей контрреволюционной агитации, проводимой вами среди населения села Холмы?

— После прихода к власти коммунистов нам, православным, жить стало хуже, стали нас притеснять, закрывать церкви. Пересажали в тюрьму всех священников, диаконов, монашествующих. Вот я приготовила себе вещи и ожидала, когда меня посадят... В 1937 году зимою приходили ко мне в сторожку женщины деревни Холмы, где я вела разговор без всякой на то злобы, что нужно больше молиться Богу и просить, чтобы Бог помог изба-

Пос.приница Дария (Зайцева)

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

виться нам от власти и послал нам другую. При этой власти стало жить очень тяжело крестьянам, и к нам крестьяне в церковь не ходят, забыли Бога, вот нам и послана такая власть... Власть сейчас делает гонения на крестьян и православных, и я умру за веру и батюшку царя...

— Почему вы недовольны существующим строем и проводите контрреволюционную деятельность?

— Недовольна существующим строем лишь потому, что закрывают церкви и делают гонения на религию и православных, и поэтому смириться с существующим строем не могу.

8 марта 1938 года тройка НКВД приговорила послушницу Дарию к расстрелу.

Послушница Дария (Зайцева) была расстреляна 14 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23869.

Марта 3 (16)

МУЧЕНИК

Михаил (Строев)

*М*ученик Михаил родился 6 сентября 1876 года в городе Истре (тогда Воскресенске) Звенигородского уезда Московской губернии. Отец его Степан Строев был крепостным живописцем, приписанным к Ново-Иерусалимскому монастырю.

Когда Михаилу исполнилось девять лет, отец умер. С двенадцатилетнего возраста Михаил стал помогать деду, тоже живописцу, который заменил ему отца и стал первым учителем живописи. Михаил стал впоследствии иконописцем.

В 1902 году Михаил Степанович женился на работнице текстильной фабрики Анне Григорьевне Григорьевой. В 1904 году для повышения образования Михаил Степанович поступил на вечерние курсы Строгановского училища живописи и ваяния.

В 1916 году Михаила Степановича призвали в армию. Он служил солдатом в Астраханском запасном полку. После революции в октябре 1917 года он вернулся к семье, которая состояла из тринадцати человек.

Чтобы прокормить семью, Михаилу Степановичу и Анне Григорьевне пришлось много трудиться. Детям и внукам Михаил Строев часто любил повторять: «Труд кормит, а лень – портит».

Многие годы Михаил Строев являлся церковным старостой в Троицком храме в селе Троицкое на Истре. Однажды, это было в 1937 году, Михаил Степанович шел вместе со священником

Александром Машковым, служившим в том же храме, после службы домой. Разговор зашел о колхозах. Оба они сошлись в том мнении, что крестьяне из колхозов бегут в город, потому что жизнь в колхозе плохая.

Летом 1937 года сотрудники НКВД приступили к массовым арестам священнослужителей и активных верующих. 7 ноября 1937 года был арестован священник Александр Машков. Во время допросов он оговорил себя, духовенство и старосту Троицкого храма Михаила Строева в том, что они под его руководством организовали контрреволюционную группу для борьбы с советской властью. Все они были арестованы 18 ноября.

– Вы арестованы как участник контрреволюционной группы. Дайте показания по этому вопросу, – потребовал следователь от Михаила Степановича.

– Участником контрреволюционной группы я не являлся.

– Знаете ли вы ныне арестованного по линии НКВД Машкова?

– Священника Троицкой церкви Александра Машкова знаю хорошо, примерно с 1912 года.

Далее следователь стал расспрашивать о том, что он знает о священнике Машкове. Михаил Степанович рассказал о том разговоре, который у них был в отношении колхозной жизни.

– Какие другие вам известны факты контрреволюционной деятельности Машкова?

– Других фактов контрреволюционных суждений мне не известно.

– Расскажите, кто разделял контрреволюционные взгляды Машкова?

– Такие взгляды на советскую жизнь разделял я, а кто их разделял помимо меня, мне не известно.

– Показаниями обвиняемого Машкова вы уличаетесь как участник контрреволюционной группы. Дайте показания по этому вопросу.

— Заявляю, что я участником контрреволюционной группы не являюсь.

— Вам зачитываются показания обвиняемого Машкова, подтверждаете ли вы это?

— Эти показания я отрицаю.

— Знаете ли вы граждан Орлова, Троицкого и какие у вас с ними взаимоотношения?

— Священника Ивана Орлова и диакона Петра Троицкого я знаю хорошо, и взаимоотношения у меня с ними хорошие.

— Посещаете ли вы их квартиры и ходят ли они к вам?

— По долгу службы их я посещал, а также и они меня.

После допросов Михаила Строева перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 27 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Михаил Строев умер 16 марта 1938 года, отбывая наказание на Алтае, в Сусловском отделении Сиблага, где работал на свиноферме. Место погребения его неизвестно.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 49395.

Марта 5 (18)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК
Феофан (Графов)

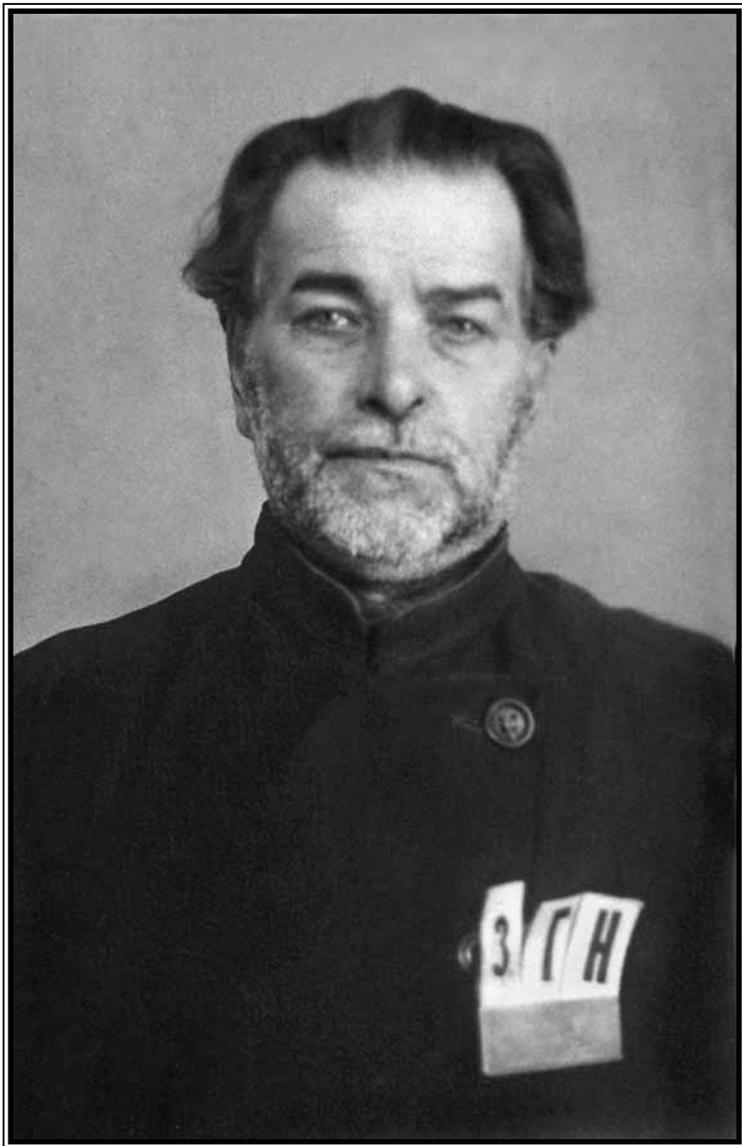
Преподобномученик Феофан родился 6 января 1874 года в селе Никитская Слобода близ города Переславль-Залесский Владимирской губернии в семье крестьянина Феодора Графова. При крещении младенец был наречен Феодосием.

В 1896 году он поступил послушником в Борисоглебский Ростовский монастырь, где в 1907 году был пострижен в монашество с именем Феофан и через год рукоположен во иеродиакона. В 1923 году монастырь был закрыт, а из монахов была организована сельскохозяйственная артель. В 1929 году артель была ликвидирована и монахи разогнаны.

Пробыв на родине в Никитской Слободе несколько месяцев, отец Феофан в конце 1930 года переехал в Сергиев Посад Московской области, переименованный безбожниками в Загорск, и был определен на служение в Успенский храм города.

Отец Феофан был арестован 21 октября 1935 года Загорским районным отделением НКВД и заключен в Бутырскую тюрьму города Москвы. Допросы проводил известный своей хитростью и жестокостью следователь Булыжников. Расспросив о знакомых, с которыми отец Феофан поддерживает связь, гонитель спросил:

— Следствие располагает данными о том, что вы среди верующих распространяли ложные слухи о якобы проводимом гонении за религиозные убеждения в СССР. Что вы можете сказать по этому вопросу?

Черогуаков, Георгий (Трафков)

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

— С такими вопросами ко мне никто не обращался, и я также никому не говорил по вопросам гонения верующих в СССР, — ответил отец Феофан.

— А как вы отвечали верующим, обращавшимся к вам с вопросами о закрытии церквей?

— С такими вопросами ко мне никто не обращался.

— Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Я виновным себя не признаю, потому что против власти я нигде не говорил и общения с лицами, антисоветски настроенными, не имел.

Следователем для дачи свидетельских показаний были вызваны благочинный Загорского округа протоиерей Дмитрий Баянов, священники Леонид Багрецов и Александр Маслов. По требованию следователей НКВД они оговорили иеродиакона Феофана и других священников, арестованных вместе с ним, подписав лжесвидетельства против них.

Один из лжесвидетелей, в частности, сказал: «Графов вообще враждебно настроен по отношению к советской власти, он мне говорил, что в городе Москве и повсеместно происходит массовое закрытие церквей. Советская власть закрытие церквей производит помимо воли и желания верующих, а действует самостоятельно. Лучшее духовенство советская власть высылает безвинно».

8 января 1936 года тройка НКВД приговорила иеродиакона Феофана (Графова) к трем годам ссылки в Северный край. В феврале этапом отец Феофан был направлен в город Архангельск, где местом ссылки ему был определен город Каргополь. Чтобы заработать на хлеб и платить за жилье, отец Феофан пилил дрова.

Летом 1937 года безбожные власти начали повсеместные аресты духовенства и верующих, коснулись они и тех из них, кто отбывал различные сроки наказания в лагерях или ссылке.

Иеродиакон Феофан был арестован 25 сентября 1937 года.

– Расскажите о вашей контрреволюционной деятельности и ваших соучастниках, – потребовал следователь.

– Контрреволюционной деятельностью не занимался и соучастников не имею, – ответил отец Феофан.

– Расскажите о ваших знакомых в городе Каргополе и за его пределами.

– Знакомые есть только по ссылке и по работе. Знаю несколько ссыльных священников. Кроме этих лиц знакомых нет, и за пределами города также никого нет.

На этом допросы и следствие были закончены. 15 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Феофана к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Отбывая наказание, иеродиакон Феофан умер 18 марта 1938 года в городе Каргополе и погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-77092.
Архив УФСБ Архангельской области. Арх. № П-3319.

Марта 7 (20)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА
ЕВДОКИЯ (СИНИЦЫНА)

*П*реподобномученица Евдокия (Синицына) родилась в 1879 году в селе Тропарево Можайского уезда Московской губернии.

Она подвизалась в Князь-Владимирском женском монастыре Московской епархии до 1929 года, когда монастырь был закрыт. Эта обитель находилась в 25 верстах от Москвы, при сельце Филимонках. Она была основана в 1890 году княгиней Святополк-Четвертинской, и во время пребывания здесь монахини Евдокии в ней подвизалось около 100 сестер, имелось два каменных храма: Троицкий и Успенский.

После закрытия монастыря послушница Евдокия осталась жить в домике в Филимонках, в котором проживала вместе с родственницей Татьяной Жуковой, тоже ранее жившей в монастыре, имевшей больную мать. Евдокия ухаживала за больной старушкой, а Татьяна работала.

Иногда Евдокия выезжала в Москву, встречалась с другими монахинями. Одна из них проживала на Малой Грузинской улице. В январе 1938 года некий коммунист, живший в этом же доме, написал на Евдокию в НКВД донос. 25 января была выписана справка на арест послушницы, где в качестве обвинения значилось: «После закрытия монастыря Синицына совместно с другими лицами проводит в деревне контрреволюционную работу, направленную на срыв мероприятий партии и правительства.

Послушница Елгокия (Ситицына)

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

Распространяет церковную литературу, внушает религиозные убеждения, вовлекает в круги церковников молодежь и детей...»

Доносчик был вызван на допрос, где рассказал следователю, что послушница Евдокия «распространяет церковную литературу, внушает религиозные убеждения, вовлекает в кружки церковников, особенно резкую работу она ведет среди молодежи и детей, благодаря чему многие выходят из комсомола... Сеницына вместе с другими монашками ходят по районам, где расположены военные заводы и другие промышленные пункты, где особенно ведут свою агитационную работу... возможно, ведут шпионскую работу. Эта группа располагает большими средствами, но источник их я не знаю (возможна связь с заграницей)... Сеницына приезжала в Москву с целью подорвать выборы, распространяла контрреволюционные слухи... лично меня старалась вовлечь в свою организацию, давала церковную литературу, старалась отклонить меня от правильного пути... во время проводимой коллективизации вела разлагательскую работу, благодаря чему очень многие вышли из колхозов...»

Поскольку Евдокия проживала в Филимонках Красно-Пехорского района Московской области, все собранные материалы были отправлены в местное районное отделение НКВД «для разработки по территориальности».

Следователь стал вызывать различных свидетелей, чтобы собрать необходимые для ареста материалы. Был вызван на допрос председатель сельсовета, который сказал, что послушница Евдокия, проживая в селе, «ведет агитацию за Церковь и Бога».

Другой лжесвидетель рассказал, что слышал, как послушница беседовала с колхозником о том, «что Бог есть и настанет скоро время, когда откроются церкви и будут все верить в Бога». А еще один дал такие показания: «В разговоре со мной Сеницына говорила, что советская власть отделена от Церкви и неверно делает советская власть, что нападает на служителей культа, арестовывают попов и монахов... скоро придет время и настанет конец изде-

вательствам над религией и попами. Проживая по соседству, я неоднократно замечал, как в дом к Сеницыной приходят неизвестные лица по вечерам, в том числе священники. А по этому видно, что в доме Сеницыной собирается подпольное собрание церковников, а возможно, и врагов народа...»

14 февраля председатель сельсовета по требованию сотрудников НКВД написал характеристику, где так отрекомендовал Евдокию Сеницыну: «бывшая монашка монастыря, она аккуратно подпольно ведет антисоветскую работу... к этим монашкам, живущим в Филимонках, ходит бывший поп монастыря. Какие у них идут разговоры — ясно, что не в пользу советской власти. Там еще есть бывшие монашки Жукова и прочие, которые ездят часто в Москву как агенты фашизма».

25 февраля послушница Евдокия (Сеницына) была арестована и заключена в Серпуховскую тюрьму. На следующий день состоялись допросы.

— Следствию известно, что вы занимаетесь антисоветской агитацией против существующего строя. Как-то после закрытия монастыря вы говорили, что «все равно советская власть существовать долго не будет и все церкви и монастыри будут скоро работать».

— После закрытия монастыря с 1929 года мне приходилось часто говорить о монастыре с разными лицами. В разговорах я только говорила, что некоторым монашкам жилось раньше в монастыре хорошо, а сейчас им плохо, а что касается разговоров против советской власти, то я ничего не говорила.

— Следствию известно, что вы среди молодежи ведете антисоветскую агитацию и внушаете им религию, предлагаете им записываться в религиозные кружки.

— Каждое лето я часто встречаюсь с детьми рабочих и колхозников лишь потому, что возле моего дома всегда растут цветы, а этими цветами я часто оделяла детей, но религию я им не внушала.

— В октябре 1937 года в разговорах с рабочими вы говорили, что «Церковь отделена от государства, а советская власть все притесняет попов и монахов, это она неправильно делает. Попы и монахи неплохую агитацию проводят за Бога, а их за это презирают»?

— В октябре 1937 года — точно не помню, какого числа, — в моем доме действительно был священник, приходил он приобщать больную женщину, которая проживает в моем доме. О Церкви и религии мы действительно в этот раз говорили, но не против советской власти.

— Признаете вы себя виновной в предъявленном вам обвинении, т.е. в антисоветской агитации против существующего строя?

— Виновной я себя признаю только в том, что я действительно говорила о том, что раньше в монастыре некоторым монашкам жить было лучше, чем сейчас. Сказала это я лишь потому, что сама монашка и хорошо знаю, как раньше жили монахи в монастырях. А остальные факты, приписываемые мне в обвинении, я отрицаю.

8 марта 1938 года тройка НКВД приговорила Евдокию к расстрелу.

Послушница Князь-Владимирского монастыря Евдокия (Синицына) была расстреляна 20 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23861.

Марта 7 (20)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Екатерина (Константинова)

*П*реподобномученица Екатерина родилась в 1887 году в деревне Саврасово неподалеку от Москвы в семье Григория Константинова. Отец ее был зажиточным крестьянином, имевшим столярную мастерскую и бакалейную лавку. С приходом новой власти в 1917 году все имущество у него было отнято.

В 1905 году Екатерина стала послушницей Московского Скорбященского монастыря, что располагался близ Бутырской Заставы. Эта обитель, основанная в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», именовалась в народе Скорбященской. Учрежден монастырь был в 1890 году княжной А.В. Галициной. Ко времени прихода в него послушницы Екатерины в обители имелось четыре храма и женское училище.

После революции монастырь был закрыт и послушница Екатерина уехала в родное село Саврасово Солнечногорского района. После вступления в колхоз она по состоянию здоровья вышла из него. На жизнь она зарабатывала тем, что стегала одеяла, чинила для колхоза мешки.

Послушница Екатерина была арестована 24 февраля 1938 года и заключена в камере предварительного заключения Солнечногорского отделения милиции. В тот же день состоялся допрос.

— Принимали ли вы участие в подавлении революционного движения против советской власти?

— В подавлении революционного движения я никакого участия не принимала, а работала в монастыре, шила белье. В 1918 году у меня померла сестра и у ней осталось трое детей. Последних я воспитывала по настоящее время, родители мои... и я лишались избирательных прав, раскулачены, после восстановлены.

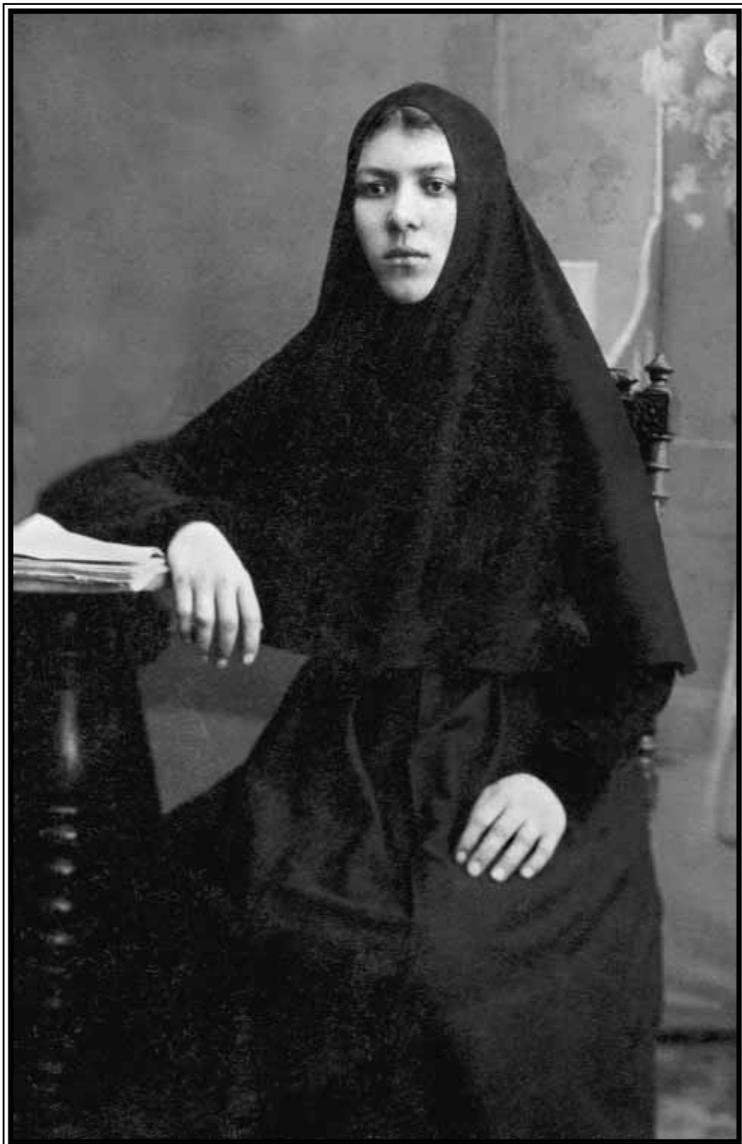
— С кем вы имеете связь из монашек и попов?

— Из монашек в настоящее время я имею связь с Антониной Леоновой, в гостях у нее я бываю очень редко, с ней мы раньше были в одном монастыре. Двух моих знакомых, к которым я ездила в гости, арестовали органы НКВД в 1938 году — Фирсову Екатерину и Анну, проживали в Москве, — какая улица, не знаю, не замечала. Имею еще ряд знакомых монахинь, вместе ходим молиться в церковь «Нечаянная Радость» в Марьиной Роще, — какая улица, я не знаю. Имею знакомых монашек на Сходне, встречалась я с ними только в церкви, в настоящее время они арестованы, на квартире у них я была один раз...

— Следствие располагает данными, что вы систематически вели контрреволюционную агитацию против коммунистической партии и советской власти.

— Виновной себя в контрреволюционной агитации не признаю. Среди населения и между собой с монахинями мнениями делились, что хорошо было при царской России и что плохо при советской власти. Я лично припомнить не могу, что мы говорили.

Следователем для дачи свидетельских показаний был вызван на допрос односельчанин, который рассказал, что «Екатерина Константинова в настоящее время обряд свой монашеский не бросила, имеет связь с попом Нарвским, систематически ведет среди населения и колхозников контрреволюционную агитацию. Имелся случай в последних числах октября 1937 год: она лично при мне подошла к парникам колхозным и говорит: “Вот сколько колхоз затратил денег на парники, а все равно овощей мало дают, и так во всех колхозах безобразия такое. Сколько ни строит советская власть, а все прахом идет. Смотри, какие овощи доро-

Пос. грузинка Екатерина (Константинова)

гие против прежнего времени. У нас, бывало, в монастыре и то лучше были огороды без всяких парников, и овощи дешевле были, да и лучше мы жили в сто раз. Вот что значит не почитают Господа Бога, Он за то вас и карает. И если будете работать, все равно пользы нисколько в колхозе не будет. При мирной обстановке с голоду умирают, а я когда была в монастыре, и в военное время у нас всего было много и дешево. Вот если бы руководство бы старое опять все ожило бы, а то вот теперь мучаетесь, бросили бы все и ушли, пусть бы сами коммунисты копались в огородах и строили парники». На основании этих и других, подобных им, показаний следователь посчитал вину послушницы Екатерины доказанной.

11 марта 1938 года тройка НКВД приговорила ее к расстрелу. Послушница Скорбященского монастыря Екатерина (Константинова) была расстреляна 20 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в безвестной общей могиле.

В 1940 году в связи с тем, что работники Солнечногорского районного отделения милиции были привлечены к ответственности за использование незаконных методов расследования дел, было пересмотрено дело по обвинению послушницы Екатерины. Передопрошенные свидетели свои предыдущие показания изменили, показав на допросах, что «она была верующая, часто ходила в церковь, но никогда от нее разговоров против колхозов не слышали». Было доказано, что дело в отношении матушки оформлено незаконно. 21 марта 1940 года решение тройки от 11 марта 1938 года было отменено и дело прекращено.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 21490.

Марта 12 (25)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Сергий (Скворцов)

Священномученик Сергей родился 4 июля 1896 года в деревне Смольниково Клинского уезда Московской губернии в семье Иосифа и Екатерины Скворцовых. Отец Сергея был печником. В 1914 году Сергей Иосифович окончил учительскую семинарию и поступил работать учителем в начальные классы школы. Вскоре он женился на Клавдии Николаевне Михайловой, дочери служащего железной дороги; впоследствии у них родилось трое детей — Лидия, Николай и Александр.

В 1918 году в самом начале безбожных гонений, когда Русская Православная Церковь была поставлена большевиками вне закона, Сергей Иосифович был рукоположен в сан диакона, а в 1926 году — в сан священника ко храму мученицы Параскевы Пятницы в поселке Дрезна Орехово-Зуевского района, в котором он прослужил до своего ареста. В начале 1930-х годов он был назначен настоятелем этого храма. Прихожане любили отца Сергия за то, что он все силы и время отдавал приходу и для всех неимущих требы совершал бесплатно. В 1926 году храм попытались захватить обновленцы, позиции которых были очень сильны в Орехово-Зуевском районе, но отцу Сергию удалось отстоять церковь от их захвата. Тогда власти решили храм закрыть. Отец Сергей принял в это время деятельное участие в отстаивании храма. После многих хлопот и поездок во ВЦИК священнику и прихожанам удалось храм сохранить. Он был закрыт в 1953 году.

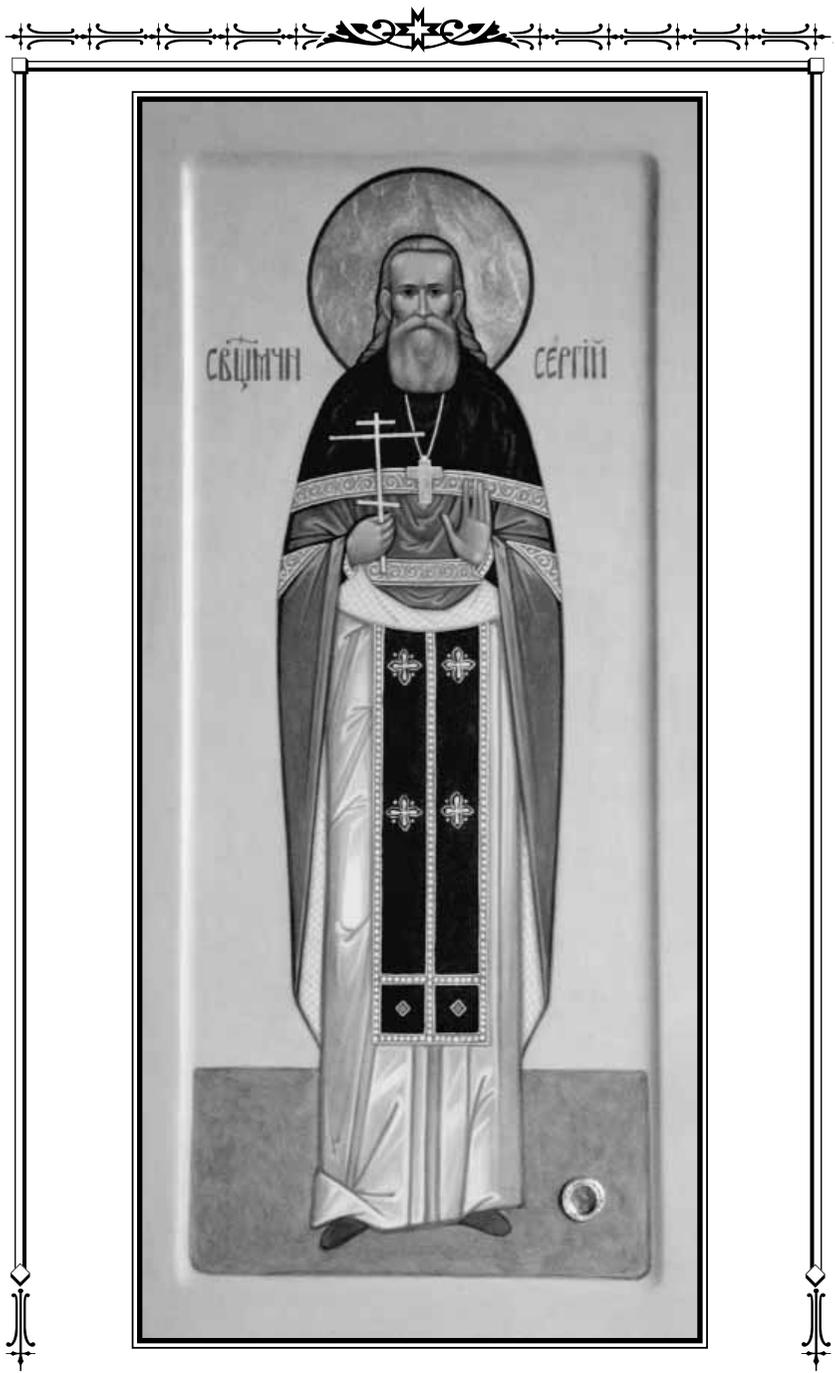
Ставя своей целью закрытие храма, власти угрожали отцу Сергию арестом и требовали от него, чтобы он снял с себя сан через заявление в газету и написал, что не верит в Бога и дурманит народ. Но он с негодованием отверг это предложение. Тогда ему стали предлагать скрыться, уехать. «Уедешь, и, может быть, минет тебя “чаша сия”», – говорили ему «доброжелатели». Но и это предложение он не принял, сказав: «Куда я уеду? Как я буду смотреть народу в глаза?»

Весной 1937 года тяжело заболела его жена Клавдия Николаевна. Поначалу болезнь казалась не грозной, так как это была обыкновенная простуда, но затем она получила стремительное развитие и перешла в туберкулез, от которого 30 апреля 1937 года Клавдия Николаевна скончалась, оставив троих детей: четырнадцати, двенадцати и девяти лет. Дети жили с отцом Сергием и с бабушкой Екатериной Никитичной.

Власти арестовали отца Сергия 28 сентября 1937 года. Отслужив литургию на престольный праздник в храме великомученика Никиты в селе Кабаново, где незадолго перед этим был арестован друг отца Сергия, протоиерей Василий Максимов, он вернулся домой. Глубокой ночью кто-то постучался в окно. Отец Сергий давно ждал этого часа и спокойно сказал: «Это за мной». Затем он встал, оделся и открыл дверь.

В дом вошли трое сотрудников НКВД. Они все перерыли, но ничего не нашли. После этого один из них сказал: «Ну, собирайтесь. Берите всё теплое». Дети и бабушка заплакали. Отец Сергий попрощался со всеми, благословил, поцеловал и ушел. Арест отца вызвал у детей нервное потрясение, дочь Лидия, выскочив на улицу, безотчетно стала кричать «караул», и состояние ее было таково, что она не могла остановиться. Сотрудники НКВД, чтобы утихомирить девочку, стали стрелять в воздух.

Первое время после ареста отец Сергий находился в тюрьме в городе Покров; бабушка и дети приносили ему туда продукты и вещи. Однажды священник передал им из тюрьмы белье и прядь своих волос, и дети поняли, что их отца остригли. Вскоре свя-

щенника перевели в Таганскую тюрьму в Москве. Были допрошены лжесвидетели. Один из них, фотограф Цветков, показал, что «Скворцов, используя сан священника, часто проводит беседы с верующими».

Председатель сельсовета в Дрезне сказал о священнике: «Скворцов среди верующих и граждан поселка Дрезна проводит антисоветскую агитацию, группируя вокруг себя активных церковников. Он поддерживал связь с арестованным недавно попом кабановской церкви Максимовым. Скворцов весной этого года около сельсовета в антисоветском духе заявлял: “Плохо стало верующим. Советская власть с нас берет великие налоги. Хотя государство и говорит, что оно не вмешивается в церковные дела, что Церковь отделена от государства, а все же нас притесняет”».

Выслушав лжесвидетельства, отец Сергей не согласился с ними и потребовал от следователя, чтобы ему была устроена очная ставка, но следователь ему в этом отказал.

3 и 4 октября 1937 года следователь допросил священника.

— Дайте показания о контрреволюционных высказываниях Максимова.

— Мне во время бесед от священника Максимова относительно новой конституции приходилось слышать: «При новой конституции нам будет лучше». Высказываний контрреволюционного характера от него слышать не приходилось.

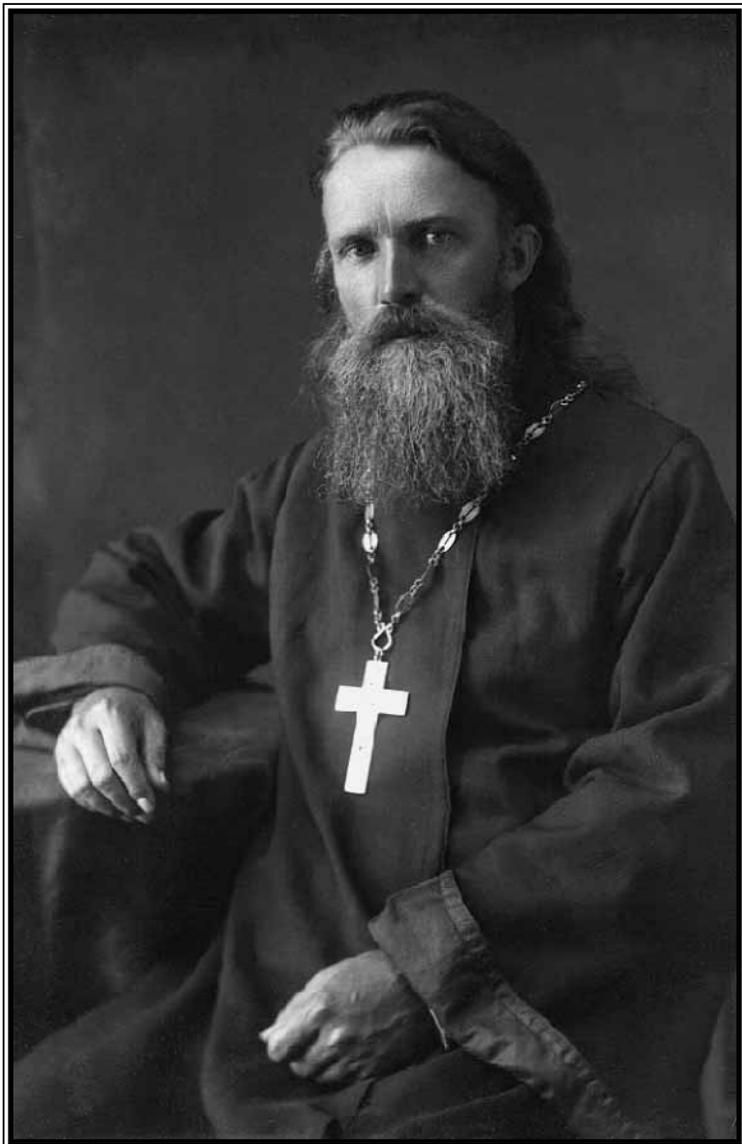
— Следствие располагает данными, что вы среди верующих поселка Дрезна проводили антисоветскую агитацию. Признаете ли вы это?

— Нет, я этого не признаю.

— Следствие располагает данными, что весной 1937 года, будучи в сельсовете, вы высказывали антисоветские суждения о советской власти, доказывая, что государство притесняет верующих.

— Нет, этого я не признаю.

— Дайте конкретные показания о ваших контрреволюционных связях с попом Максимовым и о его антисоветской деятель-

Священник Сергей Оксотов

ности. Нам известно, что вы заявляли: «Поп Максимов арестован за проповеди с амвона и антисоветские высказывания на поминках». Какие это были высказывания? Дайте показания.

— Я никаких связей контрреволюционного характера со священником Максимовым не имел, антисоветских высказываний Максимова не знаю и не слышал. Я слышал о причинах ареста священника от фотографа Цветкова.

На этом допросы были прекращены, и 5 октября следствие было закончено. 13 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Сергия к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Из Таганской тюрьмы священник был отправлен в 13-е отделение Бамлага, расположенное в Биробиджане. Только здесь ему объявили, что он приговорен к десяти годам заключения. Из Бамлага он был через некоторое время отправлен в Южлаг, в город Улан-Удэ, а затем в Безымянлаг Самарской области. В Дрезне у отца Сергия остались дети, которые жили с бабушкой, им помогали священники храма мученицы Параскевы Пятницы, отдавая семье арестованного священника десятую часть дохода, а также прихожане. Екатерина Никитична посылала посылки отцу Сергию, но с началом Великой Отечественной войны у них у самих положение настолько ухудшилось, что они уже с великим трудом находили продукты, чтобы послать их священнику. В 1943 году они получили от отца Сергия последнее письмо, в котором он написал: «Детки вы мои дорогие, дела мои плохи, я заболел дизентерией».

Священник Сергей Скворцов умер в Безымянлаге 25 марта 1943 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ, Ф. 10035, л. 15797.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.
Крутова (Скворцова) Лидия Сергеевна.

Марта 12 (25)

СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК

Александр (Державин)

Священноисповедник Александр Державин родился в 1864 году в селе Зеленцино Клинского уезда Московской губернии.

После окончания в 1887 году Духовной семинарии он был рукоположен во священника к Богородице-Рождественскому храму села Александрово Звенигородского уезда. В 1897 году его перевели в село Троицкое того же уезда, где он служил в Троицком храме до самого ареста.

С приходом в 1917 году новой безбожной власти начались гонения на Русскую Православную Церковь. Тяжелое, порой бедственное положение духовенства, которое было вынуждено платить большие налоги, терпеть различные запреты и социальную несправедливость по отношению к себе и своим семьям, усугублялось еще и тем, что власти, создавая новые экономические отношения, в своих неудачах и промахах нередко винили священников и верующих. Церковная жизнь в стране не могла развиваться спокойно. Каждый год приносил новые запреты, штрафы и лишения. Повсеместно арестовывалось духовенство и активные миряне. Очередная волна беспощадных широкомасштабных гонений на Церковь началась в 1929 году.

С 1 на 2 января 1930 года в 10 часов ночи в доме отца Александра был произведен обыск. Все книги, письма и вещи были перерыты. После обыска, без предъявления священнику какой-либо вины, он был арестован и отвезен на станцию Кубинка и поме-

щен до прибытия поезда в отдельную комнату как арестант. В 5 часов утра прибыл поезд до Москвы. С вокзала в закрытом автомобиле он был доставлен на Лубянку в ОГПУ. 3 января 1930 года отец Александр был допрошен.

— Меня арестовали я не знаю за что. Антисоветской агитации я не вел и вообще стою в стороне от политики. Большого показать ничего не могу, — ответил священник на вопросы следователя.

— Что вы знаете по поводу восстания против советской власти в Звенигороде? — спросил следователь.

— Я ничего по поводу этого восстания не знаю...

Допрошен отец Александр был один раз. 5-го января его перевели в Бутырскую тюрьму в Москве. После обыска он был помещен в камеру. В Бутырках его еще раз вызывал к себе следователь на допрос. 15 января предъявили обвинение в том, что он, совместно с активом церкви, «будучи тесно между собой связаны по церковным делам, в продолжение долгого времени систематически вели злостную антисоветскую агитацию, направленную к срыву проводимых советской властью и партией мероприятий в деревне...».

Следователь приступил к опросу свидетелей, высказавшихся за «необходимость изоляции таких». Крестьянин села Троицкое рассказал о том, как отец Александр Державин на собрании верующих, где присутствовало 62 человека, по вопросу о ликвидации церковного совета сказал: «Никакой общины организовывать не нужно, она у нас есть. Сейчас председатель сельсовета ходит по домам и переписывает, кто верует и кто не верует, и делает это потому, что нам не верит. Мы даем наши сведения, кто в наших списках записан не за страх, а за совесть, а большевики, наоборот, не за совесть, а за страх».

Другой крестьянин рассказал следователю, как священник говорил, что «мы должны власть поминать только исходящую от Бога и Церкви. Бог сотворил мир, и мы должны Ему повиноваться».

31 января 1930 года следствие было закончено. 13 февраля тройка ОГПУ приговорила выслать священника Александра Державина на три года в Северный край.

После приговора отец Александр еще месяц просидел в тюрьме и уже 15 марта был отправлен этапом в Архангельск. В Архангельске провел ночей пять, но эти ночи, как записал впоследствии отец Александр в дневнике, «для меня были тяжелее Бутырской тюрьмы. Дни и ночи я проводил в доме сезонника — ночлежка грязная, народа ссыльного в доме масса, грязь страшная, пьянство, разврат, вши одолели. Воровство, буйство. Наконец всем священникам дали паспорта на жительство в Часовенском сельском совете на реке Лодье в 25 верстах от Архангельска».

Отец Александр вместе с другими ссыльными священниками, Николаем Златоустовым и Федором Воскресенским, наняли в городе подводу и 23 марта прибыли в Часовенский сельский совет. 24 марта поселились на жительство в деревне Кондратьево в доме крестьянина. Поскольку по возрасту отец Александр уже не мог устроиться на физически тяжелую работу, а другой за большим количеством ссыльных не было, пришлось жить только посылками и деньгами, которые присылали дети. Из-за отдаленности места ссылки почтовые переводы приходили не регулярно, посылки порой разрывались, да и получить их можно было только в то время года, когда не было распутицы. По этой причине часто приходилось голодать, терпеть лишения. У отца Федора Воскресенского положение было еще хуже, он практически ни от кого не получал помощи, поэтому отец Александр чем мог помогал собрату.

Храма в Кондратьеве не было, это очень сильно угнетало. «Все-таки тяжело жить на свете без веры в Бога и людям. Везде и во всем Божия воля», — написал в день Святой Троицы отец Александр в дневнике.

Летом пришло распоряжение ехать в Архангельск, поскольку власть решила изменить место отбывания ссылки тем из духовенства, кто не был задействован на физически тяжелых работах.

10 июля 1930 года место высылки было заменено на Коми АССР, Усть-Цилемский район. Вместе с отцом Федором и отцом Николаем они 14 дней прожили в Архангельске и 14 дней добирались до Усть-Цильмы. Здесь начали искать квартиру. И наконец нашли клоповник на два лица. Здесь, в Усть-Цильме, 14 августа впервые за многие месяцы сходили в храм. «Слава Богу, что есть где помолиться, легче душе», — записал отец Александр. 18 августа он исповедался и приобщился Святых Христовых Таин.

В конце августа среди ссыльного духовенства прошел слух о том, что всех нетрудоспособных священников (около 100 человек) из Усть-Цильмы хотят выслать поверх Печоры в деревни за 300 верст на реку Шар. «Не знаю, перенесу ли это путешествие, многие священники и сейчас лежат еще в больнице от сыпного тифа и чувствуют себя плохо. Трудоспособные будут посланы на лесопильный завод на работы. Везде беда и скорби».

22 августа отец Александр в очередной раз пошел отмечаться в ОГПУ, где ему сказали, что из Усть-Цильмы он должен ехать на жительство в деревню Усть (верст 35 от Усть-Цильмы). «Что делать, воля Божия. Из моих товарищей никого со мной не назначают, приходится жить одному. Посылается со мной священников человек двадцать».

По приезде оказалось, что храма в селе нет, живут раскольники старообрядцы беглопоповского толка. По дороге отец Александр застудил ноги. Здоровье священника стало еще более страиваться. Он начал понимать, что два года в таких условиях он навряд ли проживет. Отец Александр стал проживать в одном доме со священниками Алексеем Никольским и Георгием Троицким, тоже ссыльными. Квартира, в которой поселились священники, приглянулась местному учителю, поэтому духовенство заставили с нее съехать и искать новую.

29 октября 1931 года от брюшного тифа умер священник Георгий Троицкий. Чтоб рассчитаться за гроб, пришлось продать местным жителям подрясник и сапоги отца Георгия. Отец Алек-

сандр отпевал его, в девятый, двадцатый и сороковой дни поминовения ходил служить панихиду на его могилу.

20 марта 1932 года удалось причаститься Святых Христовых Таин.

В конце марта все ссыльное духовенство в округе было вновь собрано в Усть-Цильму и направлено на жительство в другие места. Вместе с отцом Алексеем Никольским они просились остаться в Усть-Цильме. Им разрешили. Из-за дороговизны квартир, сдаваемых внаем, пришлось поселиться в 4-х километрах от Усть-Цильмы в селении Коровий Ручей.

31 мая 1932 года пришло распоряжение из ОГПУ, чтобы отец Александр явился в Усть-Цильму с вещами. В ОГПУ ему объявили, что он должен отправляться в местечко Зигрнь.

Сын отца Александра Петр написал письмо в ОГПУ, что согласен взять отца на иждивение. Срок наказания подходил к завершению и 2 января 1933 года истек. Однако никто в округе не получал разрешения выбыть домой. Не получил его и отец Александр.

4 марта отец Александр причастился Святых Христовых Таин. По той ли причине, что он надорвался, или от переохлаждения начались сильные боли в животе. Поехать к фельдшеру он не смог, было очень холодно. С каждым днем боли усиливались и состояние здоровья становилось хуже.

25 марта 1933 года священник Александр Державин умер. На похороны отца поехал сын Виктор. Погребен отец Александр, вероятно, в селе Зигрнь. Точное место нахождения могилы неизвестно.

6 апреля 1933 года постановлением тройки ОГПУ отцу Александру было разрешено свободное проживание.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 49441.

Дневник священника Державина Александра Сергеевича (1930–1933). Рукопись.

Марта 28 (10 апреля)

СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК

Николай (Постников)

Священноисповедник Николай (Николай Яковлевич Постников) родился в 1857 году в городе Касимове Рязанской губернии. В 1878 году он окончил Духовную семинарию и по предложению директора народных училищ стал работать учителем истории и географии в Касимовском уездном училище. В том же году Николай Постников был определен директором Курловского одноклассного образцового училища в Касимовском уезде и преподавателем Закона Божия.

В 1883 году он был рукоположен во священника к Воскресенскому храму в селе Любичи Рязанской губернии и назначен законоучителем Ларинского приходского училища. В 1885 году за усердную законоучительскую деятельность отцу Николаю была объявлена благодарность от епископа Рязанского Феоктиста. В том же году он был назначен председателем церковноприходского попечительства при Воскресенской церкви села Любичи.

С 1889 по 1902 год отец Николай состоял окружным миссионером в борьбе с расколом, а с 1893 по 1906 год — членом благочиннического совета. В 1901 году священник Николай Постников был удостоен награждения наперсным крестом, а впоследствии возведен в протоиереи. В 1912 году по благословению епископа Рязанского и Зарайского Димитрия в память 30-летней годовщины Любического попечительства священнику Николаю Постникову от прихожан в знак признательности за

труды по попечительству и пастырскому служению был преподнесен золотой крест.

По избранию прихожан и с согласия отца Николая архиепископ Рязанский Иувеналий (Масловский) поручил ему в декабре 1929 года окормлять прихожан Иоанно-Богословского храма в селе Тимошкино. Здесь отец Николай прослужил до конца января 1930 года, при этом продолжая служить и в селе Любичи.

В день праздника Крещения Господня 19 января 1930 года следователь Коломенского ОГПУ вызвал на допрос члена церковного совета Воскресенской церкви села Любичи Лазутина, который об отце Николае сказал: «В беседе с Николаем Постниковым я неоднократно слышал от него, что советской властью религия гонима, налог большой на церковь и духовенство введен с той целью, чтобы храмы закрыть, а духовенство задушить... колхозы кроме разорения и закабаления крестьянских хозяйств ничего не дадут...»

28 января 1930 года ОГПУ арестовало отца Николая. Его заключили в Коломенскую тюрьму и в тот же день допросили. Отвечая на вопросы следователя, священник ответил: «Были случаи, я в беседе с гражданами говорил, что жить теперь тяжело, налоги большие, прежде всем лучше жилось. На религию идет гонение, а остального против совхоза и колхоза ничего не говорил».

В тот же день отцу Николаю объявили об окончании следствия. 23 февраля 1930 года тройка ОГПУ приговорила протоиерея Николая Постникова к высылке в Северный край сроком на три года.

Отбывать наказание отец Николай был отправлен в город Архангельск. Протоиерей Николай Постников скончался в Соломбальской больнице города Архангельска 10 апреля 1931 года и погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-49492.
ГАРО. Ф. 627, оп. 240, д. 52.

Апреля 10 (23)

МУЧЕНИК

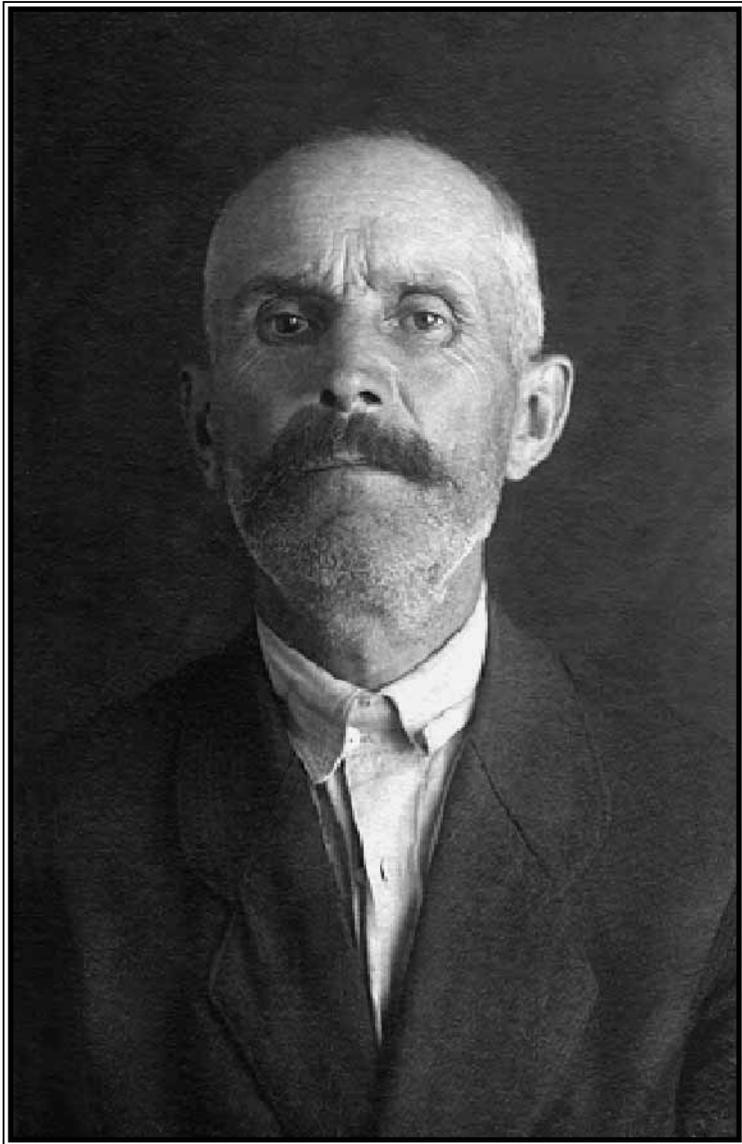
Димитрий (Вдовин)

*М*ученик Димитрий родился 3 февраля 1883 года в городе Коломне в семье возчика Михаила Вдовина. Окончил городское четырехклассное училище в Коломне. С 1904 по 1906 год Дмитрий Михайлович был на военной службе, где исполнял должность переписчика.

После возвращения в Коломну Дмитрий Михайлович устроился работать продавцом в магазине, принадлежавшем его брату. В 1910 году он женился на Надежде Ивановне Архиповой, впоследствии у них родилось трое детей. В 1912 году Дмитрий Михайлович открыл посудную лавку в Коломне и занялся торговлей. В 1918 году он устроился работать по найму в Коломенскую артель кондитеров. С 1919 по 1920 год служил в Красной армии переписчиком в запасном батальоне Западного фронта, а после демобилизации работал служащим в Коломенском уездном отделе здравоохранения.

С 1924 по 1927 год Дмитрий Михайлович снова занимался торговлей, а с 1928 по 1932 год – кустарным промыслом, изготовлением крестьянских сит и решёт. До 1935 года он трудился на различных коломенских предприятиях, а затем устроился на работу в Озерский райпромкомбинат.

Всецело преданный гонимой Церкви Христовой, Дмитрий Михайлович в тяжелое для всех верующих время проявил себя истинным христианином. С 1922 по 1929 год он был церковным старостой Коломенского Успенского кафедрального собора, а за-

Дмитрий Михайлович Бговин

Тюрьма НКВД. 1937 год

тем Троицкой церкви. Он очень любил богослужение и церковное пение и эту любовь старался передать своим детям.

Во время массовых арестов духовенства и верующих в 1937 году власти приняли решение об аресте Дмитрия Михайловича Вдовина.

22 августа он был арестован и заключен в Коломенскую тюрьму. В тот же день начались допросы.

— Кто из ваших родственников привлекался к судебной ответственности? — спросил следователь.

— К судебной ответственности из моих родственников никто не привлекался.

— Следствие располагает данными, что вы являетесь одним из активных церковников тихоновской ориентации. Вы подтверждаете это?

— Да, я действительно состою церковником тихоновской ориентации.

— Дайте показания о вашей церковной деятельности, — потребовал следователь на следующем допросе, состоявшемся в день ареста.

— В период с 1922 по 1929 год я являлся активистом церкви тихоновской ориентации и состоял членом церковного совета. С 1929 года членом церковного совета я не состою, но остался приверженцем тихоновской ориентации и до сегодняшнего дня...

— Следствие располагает данными, что вы систематически среди населения вели контрреволюционную агитацию. Дайте показания.

— Нет, я контрреволюционной агитации среди населения никогда не проводил.

— Вы даете лживые показания следствию, из показаний Можая и Волкова видно, что вы враждебно относились к советской власти и проводили контрреволюционную работу. Требуем справедливого показания по данному вопросу.

— Вторично утверждаю, что контрреволюционной агитации мною не проводилось...

— Вы арестованы как участник контрреволюционной церковно-монархической организации. Вы признаете это?

— Категорически отрицаю.

— Вы лжете перед следствием. Следствие располагает данными, изобличающими вас в участии в контрреволюции. Требуем от вас правдивого показания, — продолжал настаивать следователь.

— Вторично утверждаю, что я членом контрреволюционной церковно-монархической организации никогда не состоял.

— Предлагаем вам прекратить запирательство и приступить к исчерпывающим показаниям о вашей контрреволюционной деятельности.

— Я еще раз утверждаю, что контрреволюционной деятельности никогда и нигде не проявлял.

28 августа следователь провел очную ставку между Дмитрием Михайловичем и священником Стефаном Можаяевым, который на допросах оговорил себя, Дмитрия Михайловича Вдовина и многих священнослужителей. Во время очной ставки лжесвидетель повторил ранее данные показания о том, что якобы весной 1937 года завербовал Вдовина в состав контрреволюционной организации.

— Обвиняемый Вдовин, вы подтверждаете показания Можаяева Степана Сергеевича?

— Показания Можаяева я категорически отрицаю, так как я никогда ему согласия в участии в контрреволюционной организации не давал.

Через некоторое время Дмитрия Михайловича перевели в Таганскую тюрьму в Москве, где он снова был допрошен.

— Вы обвиняетесь в контрреволюционной деятельности, дайте показания.

— Я контрреволюционной деятельности не вел.

— Как участник контрреволюционной организации вы уличаетесь не только показаниями свидетелей, но и самих обвиняемых, требуем от вас правдивых показаний.

— Я ни в какой контрреволюционной организации не состоял и виновным в этом себя не признаю.

Впоследствии, в 1957 году, органами внутренних дел было проведено расследование, которое вскрыло факты нарушения в 1937 году сотрудниками Коломенского районного отделения НКВД законности. В частности, было установлено, что следователи арестовывали людей без всяких оснований, во время следствия заставляли подписывать выдуманные показания. К тем, кто отказывался это сделать, применяли непрерывные, так называемые «конвейерные», допросы, длившиеся несколько суток и сопровождавшиеся оскорблениями, угрозами, многочасовыми стояниями и побоями. Но и эти испытания не сломили Дмитрия Михайловича.

9 октября 1937 года тройка НКВД приговорила Дмитрия Михайловича к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Наказание он был отправлен отбывать в Бамлаг на станцию Известковая, поселок Кульдур Бирского района.

В лагерь Дмитрий Михайлович прибыл с этапом 16 ноября 1937 года и сначала работал на лесоповале. Затем он заболел флегмоной ног, вследствие чего в феврале 1938 года был помещен на излечение в сангородок. В октябре 1938 года комиссией врачей он был актирован как инвалид, с поражением левой ноги, вследствие флегмоны, и потерей общей трудоспособности. Лагерное начальство назначило его экономистом. Жена Дмитрия Михайловича Надежда Ивановна в феврале 1940 года подала в НКВД жалобу с просьбой пересмотреть дело мужа, а в сентябре того же года жалобу подал и сам Дмитрий Михайлович. Но обе эти жалобы остались без последствий.

Дмитрий Михайлович Вдовин умер 23 апреля 1942 года в Средне-Бельском исправительно-трудовом лагере от туберкулеза легких и погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-50945.
ИЦ МВД Амурской области.

Апреля 12 (25)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Сергий (Крестников)

Преподобномученик Сергий родился 1 июля 1893 года в городе Москве в семье рабочего Александра Крестникова. В 1905 году, когда Сергию исполнилось 12 лет, он был принят в хор Московского Покровского монастыря и десять лет участвовал в его деятельности.

С 1915 по 1918 год Сергий нес певческое послушание в различных московских храмах. В 1918 году он был принят в число послушников Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. В 1922 году Лавра безбожными властями была закрыта, поэтому послушник Сергий перешел служить певчим в Пятницкую церковь, расположенную в непосредственной близости от стен древней русской обители.

В 1928 году в связи с закрытием Пятницкой церкви послушник Сергий перешел в храм Всех Святых, что на Кукуевском кладбище в Сергиевом Посаде, где был погребен преподобный Алексей Зосимовский (Соловьев).

Кроме певческого послушник Сергий нес еще послушание сторожа, а впоследствии был избран председателем церковного совета храма Всех Святых.

Как и многие из братии, послушник Сергий продолжал поддерживать духовную связь с последним перед закрытием наместником Лавры архимандритом Кронидом (Любимовым).

Вместе с духовенством храма Всех Святых архимандритом Маврикием (Полетаевым) и игуменом Максимилианом (Марченко), а также со старостой храма Василием Кондратьевым послушник Сергей был арестован 21 октября 1935 года Загорским районным отделением НКВД и заключен в Бутырскую тюрьму города Москвы.

На первом допросе следователь расспрашивал о знакомых, с которыми послушник Сергей поддерживает связь.

— Скажите, какие беседы на квартире проводил игумен Марченко? — спросил следователь.

— Игумен Максимилиан часто на квартире проводил беседы на религиозно-духовные темы...

— Следствие располагает данными о том, что вы среди окружающих вас лиц проводили антисоветскую агитацию, распространяя провокационные слухи о войне и якобы скорой гибели советской власти. Что вы можете сказать по этому вопросу? — спросил следователь на следующем допросе.

— О войне и гибели советской власти я ничего никому не говорил. В отношении религиозных вопросов я говорил, что советская власть ведет борьбу с религией, закрывает церкви, ни за что высылая духовенство, не давая им возможности жить... Священников сейчас всячески притесняют, лишая права голоса, а раньше им жилось гораздо лучше.

— С какой целью вы распространяли ложные слухи об «исцелительности» могилы старца Алексия?

— Я этого не говорил.

— Как вы реагировали на закрытие церквей?

— Советская власть закрывает церкви без согласия верующих и делает это неправильно, а также ни за что высылает духовенство, лишая его нормальной жизни.

— В чем вы выражали недовольство советской властью окружающим вам лицам?

Послушник Сергей (Крестников)

Тюрьма НКВД. 1938 год

— Я советской властью недоволен тем, что она насильно без согласия верующих закрывает церкви, ни за что высылает духовенство и верующих.

— Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Я настроен антисоветски, потому что советская власть организовала гонение на религию, высылает ни за что верующих и духовенство, без согласия верующих закрывает церкви.

Следователем для дачи свидетельских показаний были вызваны благочинный Загорского округа протоиерей Дмитрий Баянов, священники Виталий Лукашевич, Михаил Поздеев, Леонид Багрецов и Александр Маслов. По требованию следователей НКВД они оговорили арестованных, а вместе с ними и послушника Сергия (Крестникова), подписав лжесвидетельства против них.

Один из лжесвидетелей, в частности, сказал: «Крестников является организатором богослужений монастырского характера, стремился к выполнению монастырского церковного устава и служению акафистов, также старался укрепить монастырский распорядок в общине».

8 января 1936 года тройка НКВД приговорила послушника Сергия (Крестникова) к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. В феврале этапом послушник Сергей был направлен в город Чибью в распоряжение начальника управления Ухтпечлага НКВД.

В лагере послушник Сергей нес обязанности дневального. С лета 1937 года безбожные власти начали повсеместные аресты духовенства и верующих, коснулись они и тех из них, кто отбывал различные сроки наказания в лагерях или ссылке. 21 января 1938 года послушник Сергей был арестован и обвинен в том, что, «отбывая наказание в Ухтпечлаге НКВД, вошел в контрреволюционную группу, проводил среди заключенных контрреволюционную деятельность, направленную на дискредитацию проводимой политики партии и советского правительства».

После ареста послушник Сергей был заключен в следственный изолятор в городе Чибью. В день ареста состоялся допрос.

— Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении? — спросил следователь.

— Виновным себя не признаю. Я говорил заключенным, что в лагере жить тяжело. Больше показать ничего не могу.

15 марта 1938 года тройка НКВД приговорила послушника Сергия к расстрелу. 25 апреля послушник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Сергей (Крестников) был расстрелян и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-77092.
Архив УФСБ по Республике Коми. Арх. № К-16095.

Июля 3 (16)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Киприан (Нелидов)

Преподобномученик Киприан (в миру Константин Алексеевич Нелидов) родился 14 июля 1901 года в городе Казани в семье врача, потомственного дворянина Алексея Павловича Нелидова и его супруги Веры Алексеевны. Родители Константи-на развелись вскоре после рождения сына; отец переехал в Ниж-ний Новгород и впоследствии, уже в советское время, работал врачом в амбулатории ОГПУ, а мать уехала жить в Житомир. Константин воспитывался у бабушки, Александры Барсовой, ма-чехи Веры Алексеевны, которая жила в Нижнем Новгороде. По окончании школы Константин был призван в армию и с 1920 по 1924 год служил в ней рядовым. В 1925 году митрополит Ниже-городский Сергей (Страгородский) постриг его в мантию с име-нем Киприан и рукоположил в сан иеромонаха. В 1928 году вла-дыка послал его на служение в город Кзыл-Орду.

В начале 1932 года митрополит Сергей пригласил иеромонаха Киприана в Москву для работы в канцелярии Священного Сино-да. В августе отец Киприан переехал в Москву и был назначен на-стоятелем храма апостола Иоанна Богослова на Тверской улице. Большую часть времени он проводил в канцелярии Синода и в храме, а жил в то время в квартире архитектора Виталия Ивано-вича Долганова; там же жили мать хозяина Елизавета Фотиевна, его сестры Фаина и Валентина и находившийся за штатом епис-коп Варнава (Беляев).

Церковник Кирьян (Неугов)

Москва. Тюрьма ОГПУ. 1933 год

15 марта 1933 года ОГПУ арестовало епископа Варнаву, иеромонаха Киприана и сестер Фаину и Валентину Долгановых. В этот же день отец Киприан был допрошен в комендатуре ОГПУ на Лубянке. После вопросов о том, кто живет в квартире вместе с ним, кто к ним приходит в гости и о чем велись беседы, отец Киприан сказал: «Во время чаепитий были разговоры, делились впечатлениями, где кто жил и какие там условия жизни. На политические темы разговоров не было». На следующий день после допроса он был перевезен в Бутырскую тюрьму.

8 апреля иеромонах Киприан снова был вызван на допрос и следователь спросил его, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении. «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю», — ответил отец Киприан.

23 апреля следствие было закончено. Арестованных обвинили в создании на квартире Долгановых нелегального монастыря и в том, что они вели отношения с молодежью с просветительскими целями. «Вербуемым в монашество внушалась мысль, что при существующей советской власти молодежь развращается, необходимо спасаться от развращения, уходя в монашество для защиты религии», — написал следователь.

10 мая 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Варнаву (Беляева) и иеромонаха Киприана (Нелидова) к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, а Фаину и Валентину Долгановых — к трем годам ссылки в Северный край. Отец Киприан был отправлен в лагерь на Алтае, где заключенные занимались строительством Бийского тракта.

Монахиня Екатерина (Чичерина), находившаяся в том же лагере, вспоминала об отце Киприане: «Всегда ровный, светлый, ясный. Сначала определили ему земляные работы, а потом назначили кладовщиком. И тут посыпались беды. За честность, неподкупность, нежелательную для окружающих, его оклеветали и отправили в штрафную командировку к самым отъявленным раз-

бойникам и жуликам...* Более мрачное место трудно представить. Среди горных хребтов бурно бежит речка Катунь, но ее не видно с той площадки, на которой расположился лагерь; только прачечная и баня стоят на краю реки, но к ним надо добираться узкой и крутой тропкой, почти вертикально сбегаящей глубоко вниз по круче обрыва. Обрыв высокий, а горы так расположены, что солнце видели только те люди, которые уходили на дорожные работы за выступ горы. Сам же лагерь всегда был покрыт тенью от нее. На площадке, лишенной солнечного света, расположились два лагерных отделения: одно просто конвойное, другое – строго конвойное. Последнее было отделено частоколом, окружено вышками со “скворечником” – солдатом с ружьем». В лагере вместо барачных стояли палатки с двухэтажными нарами, которые обогревались железными печурками. Здесь отцу Киприану многое пришлось претерпеть – его окружали грубость, распушенность и развращенность. «Но он все побеждал своей кротостью. Будучи дневальным в палатке этих разнузданных людей, он им не перечил, не укорял, старался услужить, любил их, и когда вскоре умер в больнице, то один из них вспоминал о нем со слезами». Смерть отца Киприана произвела большое впечатление на заключенных, даже на уголовников, и все горько сожалели о его кончине, так как увидели в нем истинного ученика Христова.

Иеромонах Киприан (Нелидов) скончался 16 июня 1934 года и был погребен в ущелье Коркучи в отдельной могиле. Впоследствии монахиня Екатерина, посетив его могилу, выложила на ней небольшой крест из камней.

ИСТОЧНИКИ:

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-2718.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

У Бога все живы. Воспоминания о Даниловском старце архимандрите Георгии (Лаврове). М., 1996.

---

* В ущелье Коркучи.

Июня 21 (4 июля)

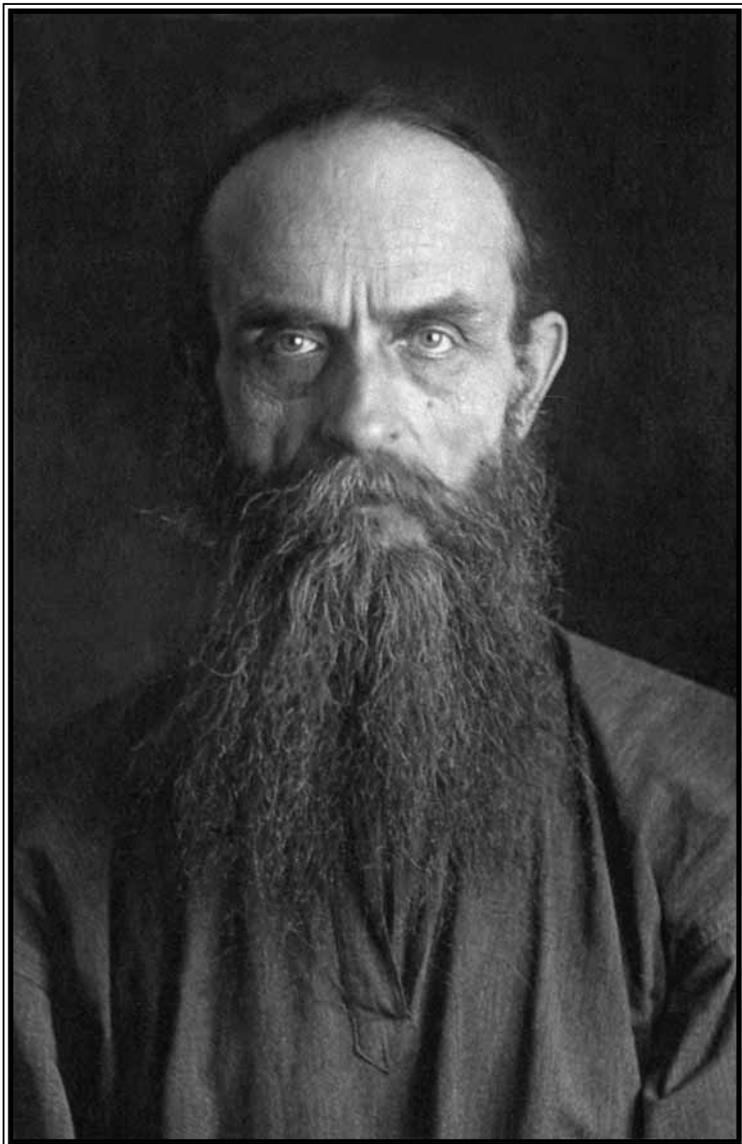
ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Иона (Санков)

Преподобномученик Иона (в миру Иван Андреевич Санков) родился 20 июля 1873 года в селе Солчино Луховицкого уезда Рязанской губернии* в благочестивой купеческой семье. Отец его, Андрей Никитович Санков, занимался хлебной торговлей в Москве, и вся семья в это время жила вместе с ним. В 1884 году, когда Ивану исполнилось одиннадцать лет, тяжело заболела его мать и по совету врачей она уехала на родину в село Солчино, где у семьи был дом и небольшой земельный участок, и взяла его с собой. Живя в Солчино, Иван окончил два класса, но тут скончалась мать, и он возвратился в Москву к отцу. Здесь он закончил свое образование и стал заниматься вместе с отцом торговлей, но сердце благочестивого юноши не было расположено ни к занятию торговлей, ни к семейной жизни. В их семье было традицией, чтобы кто-то из детей посвящал свою жизнь служению Богу, становясь молитвенником за всех родных, — и Иван пожелал уйти на Афон и принять монашество. Отец с радостью дал на это свое согласие и родительское благословение. В 1893 году, когда юноше исполнилось двадцать лет, он отправился на Афон и поступил послушником в Пантелеимонов монастырь. Здесь в славной и древней обители и завершилось, по его словам, его духовное образование, здесь через некоторое время он был

---

* Ныне Луховицкий район Московской области.

Церо.ионах Цона (Санков)

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

пострижен в мантию с именем Иона, а затем рукоположен в сан иеромонаха.

1 марта 1914 года иеромонах Иона был командирован на подворье Пантелеимонова монастыря в Константинополь, где он прослужил до начала войны Турции с Россией в июле 1914 года, когда все русские подданные были из Константинополя высланы. Отец Иона выехал из Константинополя поездом вместе со служащими русского консульства. По прибытии в Россию он был определен служить на подворье Пантелеимонова монастыря в Одессе и прослужил здесь до закрытия подворья при безбожной власти в 1923 году. Лишившись храма, отец Иона перешел служить в Благовещенскую церковь в Одессе, где прослужил до 1927 года, когда власти церковь закрыли. Отец Иона стал служить в храме Всех Святых на кладбище, но в 1930 году и эта церковь была закрыта.

В этом же году отец Иона получил с родины письмо, в котором его знакомые писали, что у них в селе Алпатьево, находящемся в нескольких километрах от села Солчино, скончался священник и они приглашают его служить в этом храме. Отец Иона тут же отправился на родину и был направлен священноначалием служить в храм в село Алпатьево, и прослужил здесь до своего ареста.

В конце 1937 года, в связи с проходящими массовыми репрессиями против Русской Православной Церкви, сотрудники НКВД допросили председателя сельсовета и председателя колхоза в Алпатьево, а также дежурных свидетелей. Те показали, что в 1937 году был поставлен вопрос о закрытии храма и передаче здания под школу. По этому поводу было созвано собрание. Узнав об этом, священник сообщил верующим, которые тут же пошли на собрание и воспрепятствовали закрытию храма, едва не доведя и само собрание до срыва. Священник ежедневно беседует с женщинами, особенно со вдовами, и те собираются к нему в сторожку при церкви, где он живет. Лжесвидетели показали, будто священник

говорил про урожай, что в прошлом году был плохой урожай, и это было для колхозников плохо, а в этом году – хороший урожай, и это тоже для колхозников плохо, так как все равно весь урожай мыши съедят, для колхозников ничего не останется. Когда отца Иону спросили, почему он ночами сидит впотьмах, света не зажигает, то он ответил, что из-за того, что керосина дают всего одну бутылку на год.

Одна из женщин показала, что хотя она сама разговоров между священником и верующими никаких не слышала, так как при ее приближении верующие тут же прекращают беседу, но благодаря его агитации хозяйка дома, где она снимает комнату, заставляет своих детей молиться Богу.

Другая свидетельница показала, будто однажды священник обратился к прихожанам с проповедью в храме, в которой ругал местные власти, которые намереваются закрыть храм, а также призывал верующих записываться в двадчатку и таким образом отстоять храм от закрытия. Также он пришел к ней домой и пытался уговорить ее мужа вступить в члены церковного совета. В это время он ругал советскую власть, говоря, что надо платить тысячу рублей налога, а народ в церковь не ходит и скоро ее, наверно, закроют; вот тогда народ затужит, но только советская власть храма уже не откроет. Свидетельница также показала, что хотя отец Иона и занес ее в члены двадчатки, но она в ней не состоит и своей подписи не давала, а это священник делает против власти, чтобы не закрыли церковь.

24 февраля 1938 года отец Иона был арестован и заключен в тюрьму в городе Коломне. При аресте священнику было предъявлено постановление на арест и предложено его подписать, но отец Иона отказался подписывать. В тот же день следователь допросил священника.

– Среди вашей переписки найдена записка следующего содержания: «Говорил о предстоящем пришествии антихриста, сперва коллективного, а затем воплощенного в отдельном лице».

Скажите, кто это говорил и как понимать содержание вашей записки? — спросил следователь.

— Эта записка написана мной, выписана из Библии, но что эти слова значат, разъяснить и я не могу, и сам заинтересовался этими словами и выписал их, — ответил отец Иона.

— Вас обвиняют в контрреволюционной агитации среди населения и распространении контрреволюционной клеветы о руководителях партии и правительства, а также в высказывании недовольства против существующего строя.

— Контрреволюционной агитацией и распространением контрреволюционной клеветы против существующего строя я не занимался и виновным себя в этом не признаю, — ответил священник.

После допросов священника следователь снова допросил свидетелей. Один из них показал, что видел, как священник разговаривал с церковной старостой в присутствии других верующих, фамилий которых он не знает. И староста сказала, что вот скоро выборы и хорошо бы, чтобы от верующих была кандидатура, но отец Иона ее перебил и сказал, что организация наша не зарегистрирована и от нас кандидатуры не примут. На это староста сказала, что если наши люди не будут выбраны, то нашу церковь могут закрыть. Также свидетель показал, что священник будто бы говорил: «Конституция — это только бумага, в ней никакого равенства нет. С кого налог берут тридцать рублей, а со священника две тысячи, а в конституции указано, что все равны, а тут и понимай, кто тут равный. Налог наложили, чтобы закрыть церковь. Это вы должны понимать, а раз это так, то должны не допустить закрытия церкви и собрать деньги».

После допросов свидетелей следователь снова приступил к допросу священника, который к этому времени уже третий месяц находился под арестом в тюрьме.

— Признаете ли вы себя виновным в том, что среди колхозников села Алпатьева вели контрреволюционную агитацию против

существующего строя, распространяли гнусную контрреволюционную клевету на руководителей партии и правительства? В июле 1937 года вы организовали женщин выступить против закрытия церкви. Подтверждаете ли вы это? — спросил следователь.

— В предъявленном мне обвинении в контрреволюционной агитации виновным себя не признаю. Также не было с моей стороны никакой агитации среди женщин в июле 1937 года против закрытия церкви.

7 июня 1938 года тройка НКВД приговорила отца Иону к расстрелу. После решения тройки отец Иона был перевезен в Таганскую тюрьму в Москве, и 13 июня тюремный фотограф снял с него фотографию для палача. Иеромонах Иона (Санков) был расстрелян 4 июля 1938 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ, Ф. 10035, д. 24215.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Июня 21 (4 июля)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Николай (Розанов)

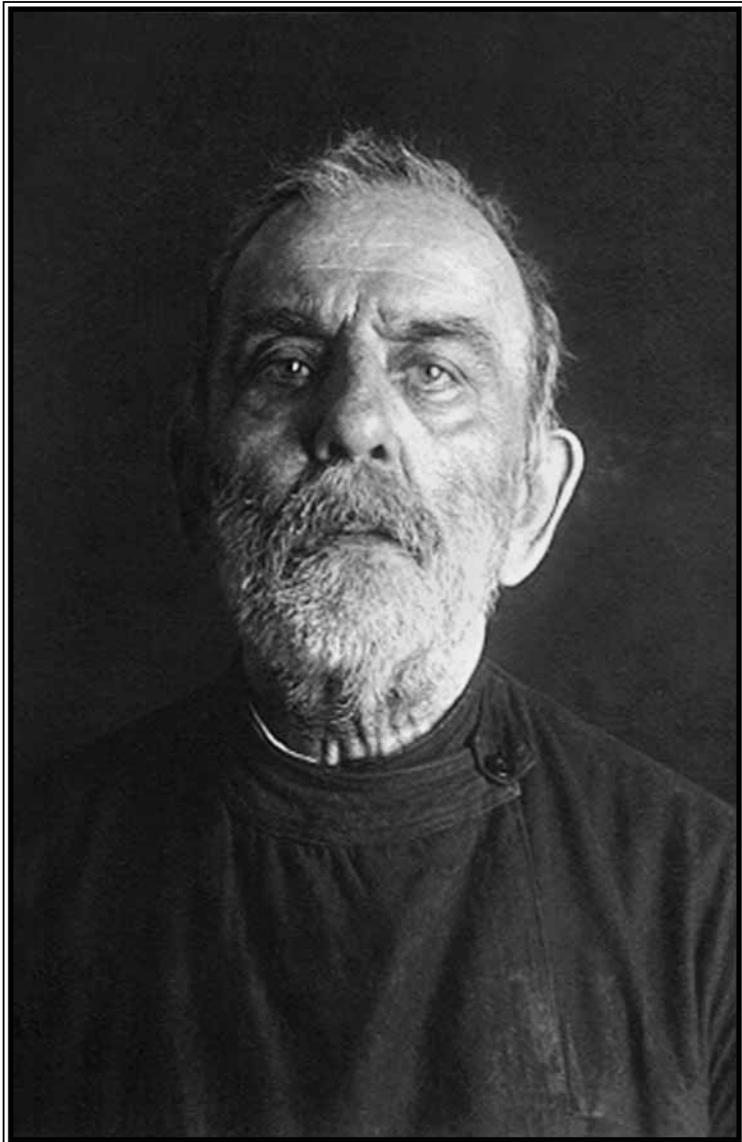
Священномученик Николай родился в 1867 года в селе Муромцево Дмитровского уезда Московской губернии в семье священника Петра Розанова.

В 1886 году Николай Петрович окончил Вифанскую Духовную семинарию и в 1890 году был рукоположен во диакона к Покровскому храму села Куликова Дмитровского уезда. В этом храме отец Николай прослужил диаконом четырнадцать лет.

В 1904 году он был рукоположен во священника к Никольскому храму в селе Черленково Волоколамского уезда. В 1914 году отец Николай был переведен сначала в Москву в храм Михаила Архангела, а в 1920 году в Звенигород в Александро-Невский храм. В 1928 году отец Николай был возведен в сан протоиерея, а впоследствии удостоен митры.

Александро-Невский храм, где служил отец Николай, был построен в 1902 году в честь почившего императора Александра III. Эта небольшая церковь сначала замышлялась как часовня на городском кладбище при Вознесенской церкви (и кладбище и церковь были в советское время разрушены), но потом было принято решение о строительстве вместо часовни храма. Отец Николай был последним настоятелем перед его закрытием, прослужив в нем до февраля 1938 года.

18 февраля 1938 года в Звенигородское отделение НКВД поступил донос от инспектора финансового отдела Петушкова, ко-

Протоиерей Николай Розанов

Москва. Тюрма НКВД. 1938 год

торый просил «принять соответствующие меры к недопустимым явлениям со стороны служителя культа, фамилия мне неизвестна, но из города Звенигорода». Доносчик писал, что якобы ехал с отцом Николаем в поезде из Москвы и разговаривал с ним о конституции, которую тот ругал.

На следующий день Петушков был вызван следователем для дачи свидетельских показаний. Следователь спросил его, «хорошо ли он признал священника Розанова». Лжесвидетель ответил, что курсы московского финансового отдела в городе Звенигороде расположены рядом с домом священника, поэтому отца Николая он «хорошо знает».

22 марта протоиерей Николай Розанов был арестован и сразу же допрошен. Расспросив отца Николая о его биографии, родственниках, социальном и имущественном положении, следователь прервал допрос. Следующий допрос состоялся лишь 8 мая.

— Вы обвиняетесь в высказывании в феврале 1938 года клеветы в отношении советской власти, — сказал следователь.

— Виновным себя в высказывании клеветы в отношении советской власти я не признаю, — ответил священник.

— Вы обвиняетесь в высказывании в ноябре 1937 года клеветы в отношении советской власти.

— Виновным себя не признаю. Я высказывал недовольство в отношении советской власти на непосильные налоги, которые были наложены на меня райфинотделом как на священника.

Такие ответы не удовлетворили следователя. 13 мая отца Николая вызвали на очную ставку с одним из лжесвидетелей. Но и тогда отец Николай категорически отверг все вымышленные обвинения против него.

После ареста некоторое время отца Николая держали в Звенигородском отделении милиции, а потом перевели в Сретенскую тюрьму в Москве. К моменту ареста батюшке было семьдесят три года. Здоровье его было крайне расстроено. У него было большое сердце, сильно отекали ноги, беспокоила грыжа.

7 июня 1938 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Розанов был расстрелян 4 июля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 24210.

Июня 28 (11 июля)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Григорий (Самарин)

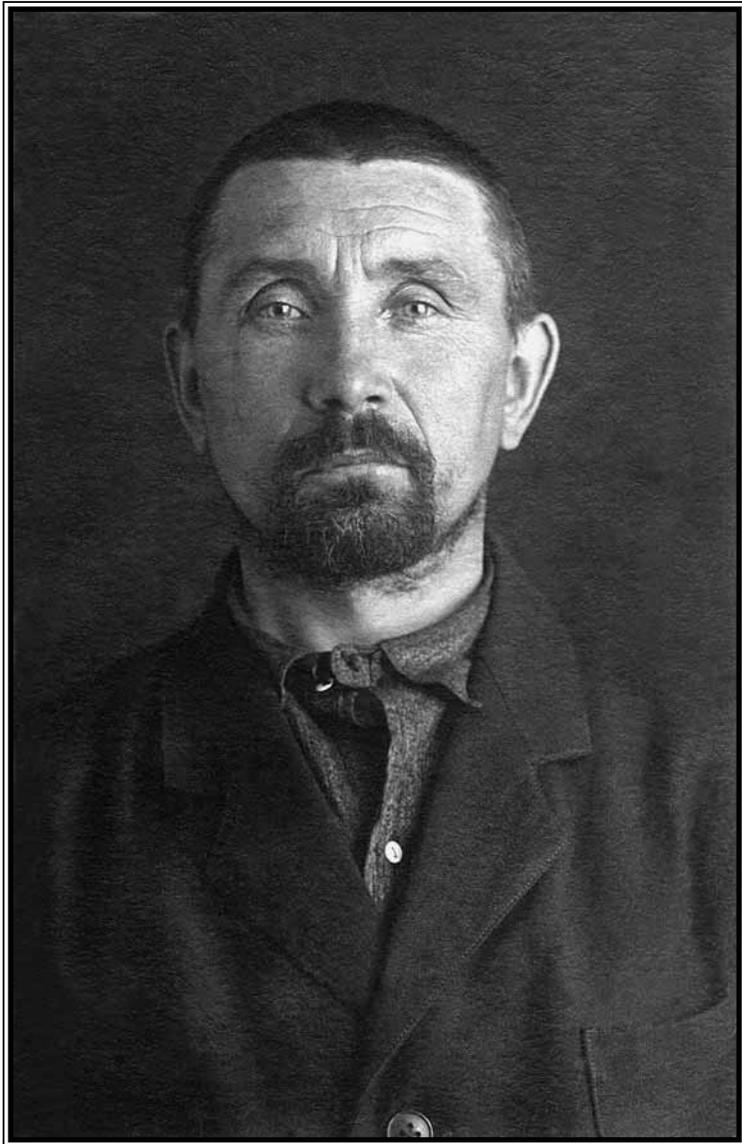
Священномученик Григорий родился 9 января 1893 года в селе Салмановка Пензенской губернии в семье крестьянина Василия Самарина. Окончил Пензенское Духовное училище.

Григорий Васильевич с 21 октября 1914 года нес послушание псаломщика в храме Михаила Архангела города Керки Закаспийской области. В октябре 1919 года он был назначен псаломщиком к Покровской церкви села Высокого Чемкентского уезда Сыр-Дарьинской области. 9 февраля 1920 года он был рукоположен во диакона к этому храму.

27 сентября 1922 года отца Григория назначили диаконом Иосифо-Георгиевской соборной церкви города Ташкента. В августе 1923 года по благословию епископа Пензенского и Саранского Филиппа диакон Григорий Самарин стал служить на родине в храме Архангела Михаила в селе Салмановка.

В 1925 году отец Григорий переехал в город Беднодемьянск Пензенской губернии и в мае был назначен на служение в Вознесенскую церковь. В 1931 году отец Григорий вместе с семьей переехал в Московскую область и 20 апреля получил назначение в храм святых мучеников Адриана и Наталии города Лосиноостровска Московской области.

26 августа 1933 года диакон Григорий Самарин был награжден двойным орарем. 20 апреля 1935 года отца Григория назначи-

Диакон Григорий Саварин

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

ли диаконом к Петропавловской соборной церкви города Коломны. В Коломне смогли снять маленькую комнатку, в которой утилась семья отца Григория, состоящая из шести человек.

Отец Григорий служил благоговейно и часто, детей водил в храм на службу, учил молитвам. В Коломне он встретился со священником Василием Горбачевым, с которым познакомился еще до революции. Отцу Василию и его семье долго не давали разрешения на прописку в Коломне, и отец Григорий убеждал друга потерпеть, не возмущаться.

11 августа 1937 года диакон Григорий Самарин был арестован и заключен в Коломенскую тюрьму. Во время ареста у отца Григория были изъяты ноты церковных песнопений, девять церковных книг и настольная книга священно- и церковнослужителя, составленная протоиереем Сергием Булгаковым.

В день ареста начались допросы.

— Вы арестованы как участник контрреволюционной организации. Вы подтверждаете это? — спросил следователь.

— Нет, участником контрреволюционной организации я не являюсь.

— Вы лжете перед следствием, следствие располагает материалами, изобличающими вас в участии в контрреволюционной церковно-монархической организации. Требую от вас правдивых показаний по этому вопросу.

— Свой предыдущий ответ подтверждаю. Участником контрреволюционной церковно-монархической организации я не являюсь.

Следователь начал зачитывать показания арестованных священников города Коломны Алексева, Сердобольского, Руднева, которые обвинили отца Григория в контрреволюционной деятельности, которую он якобы проводил. Все эти лжесвидетельства отец Григорий категорически отверг. 29 августа состоялся еще один допрос.

— На протяжении нескольких дней вы упорно продолжаете скрывать от следствия свое участие в контрреволюционной церковно-монархической организации. Требую от вас прекратить ваше упирательство и приступить к исчерпывающим показаниям, — потребовал следователь.

— Я дал вам показания и считаю, что они являются исчерпывающими, больше показать ничего не могу, и виновным себя в участии в контрреволюционной церковно-монархической организации я не признаю.

Через некоторое время отца Григория перевели в Таганскую тюрьму в Москве, где он 5 сентября снова был допрошен.

— Вы обвиняетесь как участник контрреволюционной группировки. Требуем от вас показаний.

— Я ни в какой контрреволюционной организации не состоял и антисоветской деятельности не вел.

Впоследствии, в 1957 году, органами внутренних дел было проведено расследование, которое вскрыло факты нарушения следствия в 1937 году сотрудниками Коломенского районного отделения НКВД. В частности, было установлено, что следователи арестовывали людей без всяких оснований, во время следствия заставляли подписывать выдуманные показания. К тем, кто отказывался это сделать, применяли непрерывные, так называемые «конвейерные», допросы, длившиеся несколько суток и сопровождавшиеся оскорблениями, угрозами, многочасовыми стояниями и побоями. Но эти испытания не сломили отца Григория.

9 октября 1937 года тройка НКВД приговорила диакона Григория Самарина к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Наказание он был отправлен отбывать в Бурлаг НКВД. Ольга Михайловна, жена отца Григория, обратилась в НКВД с просьбой пересмотреть дело мужа. В 1939 году дело было пересмотрено, однако жалоба была «оставлена без последствий, за несостоятельностью мотивов».

Из лагеря, незадолго до смерти, отец Григорий послал своим детям письмо, в котором наставлял их читать душеполезные книги, учиться и помогать маме.

Диакон Григорий Самарин умер от воспаления легких в лагере в Хабаровском крае на станции Известковая 11 июля 1940 года.

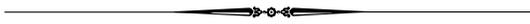
ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-50945.
АМП. Послужной список.

Августа 27 (9 сентября)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Лебедев)

Священномученик Иоанн родился 9 октября 1869 года в селе Воронцово Егорьевского уезда Рязанской губернии в семье псаломщика Федора Лебедева.

После окончания в 1892 году Рязанской Духовной семинарии он был назначен законоучителем в Пажинскую церковноприходскую школу Егорьевского уезда. В 1896 году Иван Федорович женился на дочери бывшего настоятеля храма в честь Рождества Христова села Поповичи (впоследствии Пронюхлово) Зарайского уезда Рязанской губернии священника Мартина Сампсоновича Липягова Надежде. Вскоре епископ Михайловский Полиевкт рукоположил Иоанна Лебедева во священника к этому храму.

Церковь в селе существовала с XVI века. К началу XIX века здание храма сильно обветшало. По преданию, крестьянами села чудесным образом был обретен крест. Это было истолковано как повеление возобновить церковь. В 1839 году большая каменная Христорожественская церковь с приделом в честь святителя Николая была освящена. Обнаруженный чудотворный крест хранили в храме на святом престоле, а у крестьян утвердился благочестивый обычай совершать молебны Животворящему Кресту Христову.

В селе Пронюхлово отец Иоанн преподавал Закон Божий в местной церковноприходской школе, а также в Секиринском и затем Мендюкинском земских училищах.

В 1910 году зарайское духовенство избрало отца Иоанна членом Правления Зарайского Духовного училища. За усердное многолетнее служение Церкви отец Иоанн был удостоен сана протоиерея.

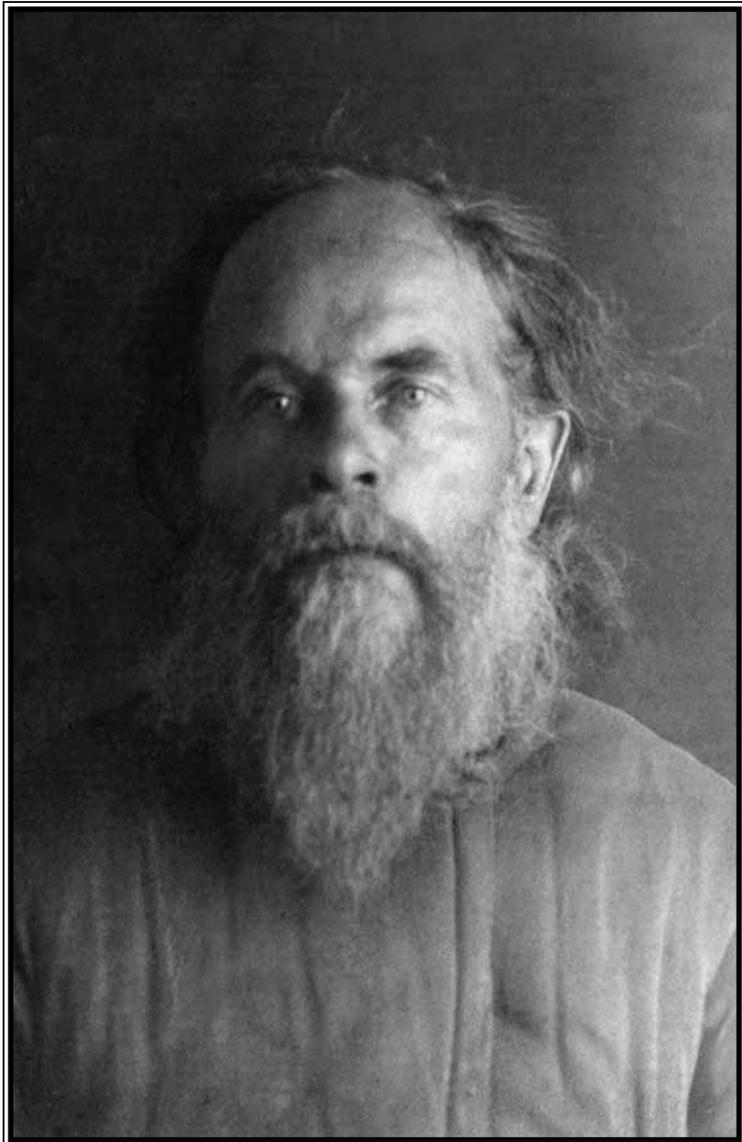
С приходом к власти большевиков начались гонения на Русскую Православную Церковь. Предчувствуя надвигающиеся тяжелые испытания для верующих, отец Иоанн часто повторял своим духовным чадам: «Только не отрекайтесь!»

Безбожная власть обложила его большим налогом. Денег у общины не было. Чтобы храм не закрыли, отец Иоанн ходил по селу и сам собирал пожертвования верующих для уплаты налога. 31 декабря 1929 года помощник прокурора Коломенского округа «за производство сборов с граждан» предложил начать уголовное дело в отношении отца Иоанна. Вызванные свидетели подтвердили факт сбора. Нашлись лжесвидетели, которые обвинили священника в проводимой им антисоветской агитации.

Священник Селезнев, вызванный в качестве свидетеля, дал такие показания следователю: «К числу реакционно-монархического духовенства я отношу своего коллегу, арестованного по моему делу священника Лебедева, имевшего крепкое хозяйство, человека, близкого к Рязанскому епископу Борису, долго и упорно боровшемуся с советской властью, а Лебедев был его последователем».

Вместе с другими священниками Зарайского района протоиерей Иоанн Лебедев был арестован и заключен в тюрьму в Коломне. 4 января 1930 года он был допрошен и дал следующие показания:

– С благочинным протоиереем Петром Успенским как с соседом нахожусь в дружеских отношениях, я изредка бываю у него. Отчетов о состоянии своего прихода я ему не посылал со дня революции. Циркуляров умершего епископа Бориса (Соколова) я от Успенского не получал, только читал у него на дому, како-

Протоиерей Иоанн Лебедев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

вые, по моему мнению, антисоветского ничего не имели, — сказал священник следователю.

3 февраля 1930 года тройка ОГПУ приговорила протоиерея Иоанна к трем годам ссылки в Северный край.

По отбытии ссылки отец Иоанн вновь стал служить в храме в селе Пронюхлово. 30 ноября 1933 года протоиерей Иоанн был назначен исполнять священнические обязанности и в храме Рождества Богородицы в селе Радушино, где до него служил его друг протоиерей Петр Успенский. Таким образом, он стал окормлять приходы двух храмов.

Накануне праздника Рождества Христова в декабре 1936 года отец Иоанн обратился к председателю сельсовета за разрешением совершить по просьбам верующих в праздник Рождества молебны в домах колхозников. Сославшись на имеющиеся в округе случаи эпидемических заболеваний, председатель сельсовета в просьбе священнику отказал. В августе 1937 года председатель сельсовета был допрошен в качестве свидетеля следователем НКВД. На допросе он рассказал, что священник в ответ на отказ, прозвучавший с его стороны, сказал: «Советские законы издаются для того, чтобы затемнять головы народу, в законе пишут о свободном вероисповедании, а в действительности этого нет, и православных под видом всевозможных причин лишают права на отправление религиозных треб. Народ требует, чтобы я ходил с молебнами по домам православных. Я должен вас предупредить, что вы этим самым ставите себя против населения, я все им расскажу, как вы нас притесняете. Я с молебнами как ходил, так и буду ходить. Против народа вы бессильны, народ идет и пойдет за нами, вы только и держитесь за счет насилия, которому неизбежно придет конец. За ваши бесчинства придется расплачиваться». Действительно, поп Лебедев по домам нашего селения с молебнами ходил и говорил: «Я как пастырь свой долг перед вами выполняю честно, несмотря ни на какие противодействия и кары власти; мы уверены в том, что этой антихристовой власти придет

конец, терпению народа тоже настанет конец, они за все и за нас мучеников расплатятся”».

В разгар очередных гонений на Русскую Православную Церковь протоиерей Иоанн Лебедев был арестован и 20 августа 1937 года заключен в одну из тюрем Коломенского района.

— Следствию известно, что вы, посещая граждан, вели контрреволюционную агитацию. Признаете ли вы это? — спросил следователь во время допроса.

— Посещая граждан, я говорил среди колхозников, что в колхозе работать тяжело, так как колхозники работают без перерыва.

— Следствию также известно, что вы призывали население организовать и выступить против советской власти. Признаете ли вы это?

— Нет, я это отрицаю, так как этого я не говорил.

29 августа отца Иоанна допросил следователь одной из московских тюрем, куда его перевели из Коломны.

— Когда вы вернулись из ссылки?

— В 1933 году, срок ссылки отбыл полностью.

— Вы обвиняетесь в распространении среди крестьян антисоветской агитации. Признаете себя виновным?

— Нет, не признаю.

— Вы были у председателя сельсовета в декабре 1936 года, по какому вопросу вы ходили к нему?

— Я ходил к нему по вопросу разрешения ходить с молебнами по домам крестьян в связи с праздником Рождества Христова.

— Что вы говорили председателю после отказа вам хождения по домам?

— Он мне отказал в хождении, и я ему на это ничего не ответил.

8 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу. Протоиерей Иоанн Лебедев был расстрелян 9 сентября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

После ареста отца Иоанна храм в селе закрыли. Когда об этом стало известно, люди забрали иконы, какие смогли, по домам. Прихожанка Пелагия Костюхина бережно хранила у себя дома храмовую икону Божией Матери «Взыскание погибших» и чудотворный напрестольный крест. В 1960-х годах она передала эти святыни в Благовещенскую церковь города Зарайска.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-49503, л. 20940.

Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, за XVI–XVIII, а также XIX столетия со списками настоятелей и библиографическими сведениями. Зарайск. 1884. С. 189–190.

Послужные списки священно- и церковнослужителей Христорожественской церкви села Поповичи Зарайского уезда за 1914 год.

Сентября 1 (14)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Татиана (Грибкова)

Преподобномученица Татиана родилась в 1879 году в деревне Шукино Московского уезда Московской губернии в семье крестьянина Ивана Грибкова.

В 1896 году Татьяна поступила в Казанский Головинский женский монастырь, находившийся в девяти верстах от Москвы. Обитель была основана в 1876 году, — сначала именовалась общиной, а в 1886 году была обращена в монастырь. Здесь было два каменных и два деревянных храма, больница, богадельня, иконописная мастерская и школа, подвизалось без малого двести сестер. В 1925 году монастырь был советской властью ликвидирован. Татьяна поселилась вместе с сестрой в родном селе.

Во время жестоких гонений на Русскую Православную Церковь, очередная волна которых прихлась на 1937 год, были оформлены с помощью лжесвидетелей показания, обвиняющие послушницу Татьяну.

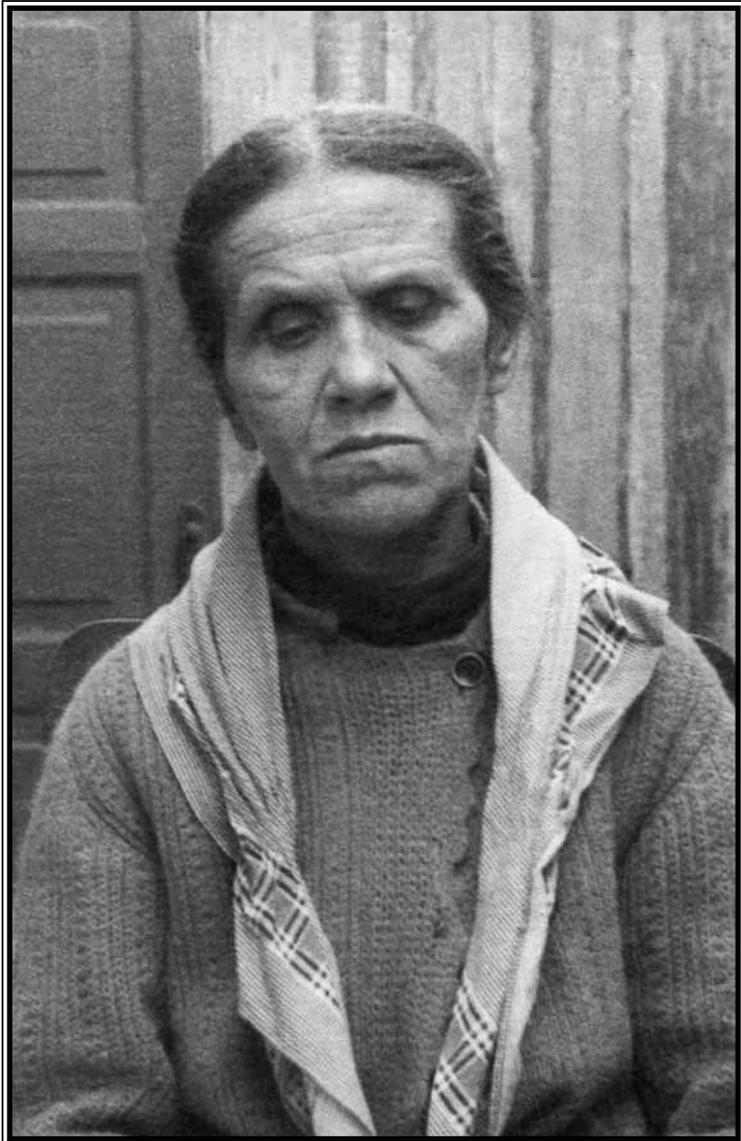
Двадцатипятилетний коммунист Кузнецов, снимавший в доме Татьяны комнату, написал на нее 13 мая 1937 года донос начальнику НКВД Кунцевского района. Закончил он его просьбой: «Для более конкретного подтверждения я могу оказать вам помощь, но прошу моего имени ей не сообщать, так как я с ней живу в одной квартире и это приведет к некоторой неприятности».

30 мая лжесвидетель был вызван на допрос. Следователь спросил его, что он может сказать о Татьяне Грибковой.

— В доме Грибковой проживаю с октября 1935 года, — отвечал лжесвидетель. — Она в прошлом монашка, в данное время нигде не работает, живет с сестрой, которая работает активно в колхозе. В доме Грибковой проживает четыре семейства, на средства от эксплуатации жилплощади она в большей мере и живет, к тому же занимается кустарным ремеслом — стегают одеяла, ее посещает очень много народу... Часто ее посещает монашеская публика, посещает ее еще одна гражданка, которая берет у Грибковой литературу, бывают также местные жители, и сама Грибкова по вечерам посещала очень многих, особенно перед религиозными праздниками. Кроме того, она перед религиозными праздниками уезжает в Москву, где посещает всякую поповскую братию и своих бывших монастырских знакомых. Она, по-видимому, имеет хорошие знакомства с высшим духовенством, знает архиерея Питирима* и других священнослужителей и бывает в таком обществе, где якобы ведутся интимные беседы о том, что скоро должен прийти Гитлер. Она бывает осведомлена о тех назначениях попов, которые происходят в Москве в Синоде. Например, об аресте Питирима она говорила: если бы его на Пасху не забрали, то во всех церквях была бы тьма народу. По всем данным, у ней сохранились золотые запасы, так как в первые годы революции она проводила сборы золота на помощь царю Николаю для борьбы за «отечество». Имеет много религиозных книг и брошюр. По своим настроениям она враждебная личность, проводит антисоветские беседы, распускает слухи о приходе антихриста, причем первым антихристом она считает товарища Ленина. Колхозы она считает барщиной; говорила в феврале 1937 года, что туда согнали людей, но лишают их свободы, хлеба им не дают. По вопросу религии она держится определенного мнения, что в скором времени власть должна измениться и религия восторжествует. По отноше-

---

* Имеется в виду архиепископ Питирим (Крылов), который с 1929 по 1936 год был на Дмитровской кафедре викарием Московской епархии; в 1936 году переведен на кафедру в Великий Устюг; в 1937 году арестован и расстрелян.

Поэтриница Матиана (Срибкова)

Тюремная фотография. 1937 год

нию вождей партии и правительства она произносила ряд оскорбительных выражений, с заключением того, что поскольку у власти нет наших русских, то, несомненно, они должны предать русский народ...

Несмотря на донос и показания лжесвидетеля, послушница не была тогда арестована. Арест состоялся лишь 9 августа 1937 года после указа Сталина от 5 августа 1937 года о проведении массовых арестов.

Она была заключена в Новинскую тюрьму в Москве. 10 августа начались допросы.

– Собирали ли вы в 1917 году золото в помощь царю Николаю?

– Нет, не собирала никогда.

– Следствием установлено, что ваш дом посещают различные служители религиозного культа, и в частности из бывшего монастыря. Подтверждаете ли вы это?

– Нет, меня никто не посещает, за исключением того, что раньше посещала меня одна монахиня, моя родственница.

– Следствием установлено, что вы среди населения распространяете религиозную литературу. Подтверждаете ли это?

– Нет, никому религиозной литературы я читать не давала.

– Следствием установлено, что вы систематически ведете антисоветскую агитацию, восхваляете Гитлера. Подтверждаете ли это?

– Это я полностью отрицаю, никакой антисоветской агитации я не проводила.

– Следствием установлено, что вы распространяете разную клевету на вождей советской власти. Подтверждаете ли это?

– Отрицаю. Никакой клеветы я никогда не распространяла.

– Свидетель Кузнецов уличает вас в том, что вы в его присутствии неоднократно высказывали контрреволюционные мысли по адресу советской власти и ее руководства. Почему вы это скрываете от следствия?

— Я при нем никогда контрреволюционных мыслей не высказывала. Вообще, я ничего не скрываю, то, что не говорила, то отрицаю...

— Следствием установлено, что вы вели контрреволюционную агитацию среди колхозников. Признаете ли вы себя виновной?

— Виновной себя в контрреволюционной агитации не признаю, так как никогда ее не вела.

10 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила Татьяну к расстрелу.

Послушница Казанского Головинского монастыря Татиана (Грибкова) была расстреляна 14 сентября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 78631.

Сентября 10 (23)

МУЧЕНИЦА

Татиана (Гримблит)

*М*ученица Татиана родилась 14 декабря 1903 года в городе Томске в семье служащего акцизного управления Николая Гримблита. Образование Татьяна получила в Томской гимназии, которую она окончила в 1920 году. В этом же году скончался ее отец, и она поступила работать воспитательницей в детскую колонию «Ключи». Воспитанная в глубоко христианском духе, желая подвига и зыскуя совершенства в исполнении заповедей Господних, она, едва окончив школу, посвятила свою жизнь помощи ближним. В 1920 году завершилась на территории Сибири гражданская война и начались репрессии против народа, а вскоре и сама Сибирь с ее обширными пространствами стала местом заключения и ссылки. В это время благочестивая девица и ревностная христианка Татьяна постановила себе за правило почти все зарабатываемые средства, а также то, что ей удавалось собрать в храмах города Томска, менять на продукты и вещи и передавать их заключенным в Томскую тюрьму. Приходя в тюрьму, она спрашивала у администрации, кто из заключенных не получает продуктовых передач, — и тем передавала.

В 1923 году Татьяна повезла передачи нуждающимся заключенным в тюрьму в город Иркутск. Здесь ее арестовали, предъявив обвинение в контрреволюционной деятельности, которая заключалась в благотворительности узникам, но через четыре месяца ее освободили. В 1925 году ОГПУ снова арестовало Татьяну

Николаевну за помощь заключенным, но на этот раз ее освободили через семь дней. После освобождения она по-прежнему продолжала помогать заключенным. К этому времени она познакомилась со многими выдающимися архиереями и священниками Русской Православной Церкви, томившимися в тюрьмах Сибири.

Ее активная благотворительная деятельность все более привлекала внимание сотрудников ОГПУ и все более раздражала безбожников. Они стали собирать сведения для ее ареста, которые в конце концов свелись к следующей характеристике подвижницы, ставшей со временем всероссийской благотворительницей: «Татьяна Николаевна Гримблит имеет связь с контрреволюционным элементом духовенства, которое находится в Нарымском крае, в Архангельске, в Томской и Иркутской тюрьмах. Производит сборы и пересылает частью по почте, большинство с оказией. Гримблит во всех тихоновских приходах имеет своих близких знакомых, через которых и производятся сборы».

6 мая 1925 года начальник секретного отделения ОГПУ допросил Татьяну Николаевну о том, помогала ли она сосланному духовенству и кому именно, а также через кого она пересылала посылки в другие города. Татьяна Николаевна ответила:

— С 1920 года я оказывала материальную помощь ссыльному духовенству и вообще ссыльным, находящимся в Александровском центре, Иркутской тюрьме и Томской и в Нарымском крае. Средства мной собирались по церквям и городу, как в денежной форме, так и вещами и продуктами. Деньги и вещи посылались мной по почте и с попутчиками, то есть с оказией. С попутчиком отправляла в Нарымскую ссылку посылку весом около двух пудов на имя епископа Варсонофия (Вихвелина). Фамилию попутчика я не знаю. Перед Рождеством мною еще была послана посылка на то же имя, фамилию попутчика тоже не знаю. В Александровском центре я оказывала помощь священникам, в Иркутской тюрьме епископу Виктору (Богоявленскому), в Нарым-

ской ссылке священникам Попову и Копылову, епископам Евфимию (Лапину), Антонию (Быстрову), Иоанникию (Сперанскому), Агафангелу (Преображенскому) и заключенному духовенству, находящемуся в Томских домах заключения, и мирянам; вообще заключенным, не зная причин их заключения.

— Обращались ли вы к духовенству с просьбой оказать содействие по сбору средств на заключенных и ссыльных? — спросил следователь.

— Да, обращалась, но получала с их стороны отказ, — ответила Татьяна, не желая впутывать в это дело никого из знакомого ей духовенства.

— Кого вы знаете из лиц, производивших помимо вас сборы на заключенных и ссыльных?

— Лиц, производивших помимо меня сборы, не знаю.

На следующий день ОГПУ выписало ордер на ее арест, и она была заключена в Томское ОГПУ.

18 мая следствие было закончено и ОГПУ постановило: «Принимая во внимание, что дознанием не представляется возможность добыть необходимые материалы для гласного суда, но виновность... все же установлена, а посему дознание считать законченным и, согласно приказу ОГПУ за № 172, таковое направить в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ для применения... внесудебного наказания — административной ссылки». Татьяна Николаевна вместе с некоторыми другими арестованными священниками рассматривалась как «вдохновительница тихоновского движения в губернии. С удалением их из губернии значительно поколеблется устои тихоновской организации». Документы дела были препровождены в ОГПУ в Москве, а после того, как здесь было принято решение о репрессиях против арестованных, 26 марта 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать Татьяну Николаевну в Зырянский край на три года. 1 июля 1926 года Татьяна Николаевна по этапу была доставлена в Усть-Сысольск.

15 июля 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать Татьяну Николаевну этапом через всю страну в Казахстан на оставшийся срок. 15 декабря она прибыла в Туркестан. 19 декабря 1927 года Особое Совещание постановило освободить ее, предоставив ей право жить, где пожелает. О том, что она освобождена, сотрудники ОГПУ в Туркестане сообщили ей только 10 марта 1928 года, и 16 марта Татьяна Николаевна выехала в Москву. Она поселилась неподалеку от храма святителя Николая в Пыжах, в котором служил хорошо ей знакомый священник архимандрит Гавриил (Игошкин). Татьяна стала постоянной прихожанкой храма Николы в Пыжах, где она стала петь на клиросе. Вернувшись из заключения, она еще активней помогала оставшимся в ссылках и находящимся в тюрьмах заключенным, многих из которых она теперь знала лично. Посещения заключенных и помощь им стали ее подвигом и служением Христу. По выражению многих святителей, стяжавших впоследствии мученический венец, она стала для них новым Филаретом Милостивым. В подвиге милосердия и помощи, безотказности и широте этой помощи ей не было равных. В ее сердце, вместившем Христа, никому уже не было тесно.

В начале тридцатых годов поднялась очередная волна безбожных гонений на Русскую Православную Церковь, когда были арестованы несколько десятков тысяч священнослужителей и мирян. Сотни их были арестованы и в Москве, и среди них 14 апреля 1931 года была арестована и Татьяна. Через несколько дней следователь допросил ее. Она рассказала, что действительно помогала ссыльным и заключенным, но только она, особенно вначале, помогала всем заключенным, вовсе не интересуясь, церковные это люди или нет, и даже по политическим ли они осуждены статьям или по уголовным, для нее было важно только то, что они нуждались и не имели того, кто бы им помогал.

30 апреля 1931 года Особое Совещание приговорило Татьяну Гримблит к трем годам заключения в концлагере, и она была от-

правлена в Вишерский исправительно-трудовой лагерь в Пермской области. Здесь, в лагере, она изучала медицину и стала работать фельдшером, что как нельзя лучше соответствовало выбранному ею подвижническому пути – беззаветному служению ближним. В 1932 году она была освобождена с запретом на оставшийся срок жить в двенадцати городах. Местом жительства она избрала город Юрьев-Польский Владимирской области. После окончания в 1933 году срока Татьяна Николаевна поселилась в городе Александрове Владимирской области и устроилась работать фельдшером в больнице. В 1936 году она переехала в село Константиново Московской области и стала работать лаборанткой в Константиновской районной больнице.

Работая в больнице, и зачастую много больше, чем ей полагалось по ее обязанностям, она почти все свои средства, а также и те, что ей жертвовали для заключенных верующие люди, отдавала на помощь находящемуся в заключении духовенству и православным мирянам, со всеми ними ведя активную переписку. Для страждущих была ощутима не только ее материальная поддержка, но и поддержка словом – в письмах, которые она посылала. Для некоторых она в иные периоды становилась единственным корреспондентом и помощником. Епископ Иоанн (Пашин) писал ей из лагеря: «Родная, дорогая Татьяна Николаевна! Письмо Ваше получил и не знаю, как Вас благодарить за него. Оно дышит такой теплотой, любовью и бодростью, что день, когда я получил его, – был для меня один из счастливых, и я прочитал его раза три подряд, а затем еще друзьям прочитывал: владыке Николаю и отцу Сергию – своему духовному отцу. Да! Доброе у Вас сердце, счастливы Вы, и за это благодарите Господа: это не от нас – Божий дар. Вы – по милости Божией – поняли, что высшее счастье здесь – на земле – это любить людей и помогать им. И Вы – слабенькая, бедненькая – с Божьей помощью, как солнышко, своей добротой согреваете обездоленных и помогаете, как можете. Вспоминаются слова Божии, сказанные устами святого апостола

Павла: “Сила Моя в немощи совершается”. Дай Господи Вам силы и здоровья много-много лет идти этим путем и в смирении о имени Господнем творить добро. Трогательна и Ваша повесть о болезни* и дальнейших похождениях. Как премудро и милосердно устроил Господь, что Вы, перенеся тяжелую болезнь**, изучили медицину и теперь, работая на поприще лечения больных, страждущих, одновременно и маленькие средства будете зарабатывать, необходимые для жизни своей и помощи другим, и этой своей святой работой сколько слез утрате, сколько страданий облегчите... Работаете в лаборатории, в аптеке? Прекрасно. Вспоминайте святого великомученика Пантелеимона Целителя и его коробочку с лекарствами в руках (как на образах изображают) и о имени Господнем работайте, трудитесь во славу Божию. Всякое лекарство, рассыпаемое по порошкам, разливаемое по склянкам, да будет ограждено знамением Святого Креста. Слава Господу Богу!»

Архиепископ Аверкий (Кедров), находившийся в ссылке в городе Бирске в Башкирии, писал Татьяне Николаевне: «Получил Ваше закрытое письмо, а вслед за ним открытку. За то и другое приношу Вам сердечную благодарность. Слава Богу — они по-прежнему полны бодрости и света, крепкой веры и твердого упования на промыслительную десницу Всевышнего. Слава Богу! Да никогда не иссякнет и не умалится в душе Вашей этот живоносный источник, который так облегчает здесь на земле восприятие жизненных невзгод, несчастий, ударов, неудач и разочарований. Не длинен еще пройденный путь Вашей благословенной от Господа жизни, а между тем сколько бурь пронеслось над Вашей главой. И не только над головой: как острое оружие они прошли и через Ваше сердце. Но не поколебали его и не сдвинули его с краеугольного камня — скалы, на которой оно покоится, — я разумею Христа Спасителя. Не погасили эти штормы в Вашем милом

* Имеется в виду арест — на условном языке переписки тех лет.

** Имеется в виду пребывание в заключении.

сердце ярко горящий и пламенеющий огонь веры святой. Слава Богу – радуюсь сему и преклоняюсь пред Вашим этим подвигом непоколебимой преданности Творцу, пред теми болезненными скорбями, испытаниями, страданиями нравственными, через которые лежал Ваш путь к этой победе в Вашей душе Христа над Велларом, неба над землей, света над тьмой. Спаси Вас Христос и сохрани, помоги Вам и впредь неустрашимо и непоколебимо стоять на божественной страже своего святого святых...»

Больше всего из земных мест Татьяна Николаевна любила Дивеево, куда она приезжала часто и где служил ее духовный отец протоиерей Павел Перуанский. В одном из писем, написанном 5 сентября 1937 года архиепископу Аверкию (Кедрову), еще находившемуся в то время в ссылке в городе Бирске, беспокоясь о его судьбе, так как отовсюду стали приходиться известия об арестах духовенства и мирян, она писала: «Дорогой мой Владыка Аверкий! Что-то давно мне нет от Вас весточки. Я была в отпуске полтора месяца. Ездил в Дивеево и Саров. Прекрасно провела там месяц. Дивно хорошо. Нет, в раю не слаще, потому что больше любить невозможно. Да благословит Бог тех людей, яркая красота души которых и теперь передо мной. Крепко полюбила я те места, и всегда меня туда тянет. Вот уже третий год подряд бываю там, с каждым разом все дольше. Навсегда б я там осталась, да не было мне благословения на то. А на поездку во время отпуска все благословили.

Откликайтесь, солнышко милое. А то я беспокоюсь, не случилось ли с Вами чего недоброго. Напомните мне географию. Далеко ли Бирск от Уфы? Пишите мне, я уже крепко соскучилась о Вас, родной мой».

Вечером, в тот день, когда Татьяна писала это письмо, она была арестована. Сотрудники НКВД пришли ее арестовывать, когда она писала очередное письмо священнику в ссылку, остановив ее на полуслове. Уходя в тюрьму, она оставила записку подруге, чтобы та обо всем происшедшем уведомила ее мать. Сохра-

няя даже в эти минуты мир и спокойствие, Татьяна Николаевна писала: «Ольга родная, прости! Прибери все. Получи белье от Дуни. Белье прибери в коробку, которая под кроватью. Постель и одежду зашей в мешки (мешка здесь два, но ты найди целые и чистые, в которых можно было бы все послать маме). Когда меня угонят отсюда, то только через десять дней пошли все маме, известив ее сначала о моем аресте письмом. Напишешь письмо, а потом через пару дней шли вещи. Деньги на пересылку у тебя будут. Деньги после десяти дней вслед за вещами отправить маме, она мне переводить будет и пересылать что надо. Ну, всех крепко целую. За все всех благодарю. Простите. Я знала, надев крест, тот, что на мне: опять пойду. За Бога не только в тюрьму, хоть в могилу пойду с радостью».

Допрашивал Татьяну начальник Константиновского районного отделения НКВД Судаков.

— Обвиняемая Гримблит, при обыске у вас изъята переписка с указанием массы адресов. Какие вы имеете связи с указанными лицами и кто они по положению? — спросил он.

— Шесть человек, указанные в адресах, являются священнослужителями, и все они были в заключении и в этапах, а в данное время они находятся в заключении и в минусах. Связь у меня с ними есть лишь письмами. Остальные адреса моих родственников, работающих в Москве и в Александрове.

После допроса заместитель начальника Константиновского НКВД Смирницкий допросил в качестве свидетелей сослуживцев Татьяны по Константиновской районной больнице — врача, медсестру и бухгалтеров.

Они показали: «Мне известно, что Гримблит посетила больного, лежащего в госпитале, к которому Гримблит не имела никакого отношения по медицинскому обслуживанию. В результате на другое утро больной рассказал врачу, что ему всю ночь снились монастыри, монахи, подвалы и так далее. Этот факт наводит меня на мысль, что Гримблит вела с больными беседы на религи-

озные темы. На собрании сотрудников больницы по вопросу о подписке на вновь выпущенный заем Гримблит ни за, ни против в прениях не выступала, но при голосовании за подписку на заем не голосовала».

«Гримблит зимой 1937 года, сидя у тяжело больного в палате, в присутствии больных и медперсонала после его смерти встала и демонстративно его перекрестила. В разговорах, сравнивая положение в тюрьмах царского строя с настоящим, Гримблит говорила: “При советской власти можно встретить безобразных моментов не меньше, чем прежде”. Отвечая на вопросы о том, почему она ведет скудную жизнь, Гримблит говорила: “Вы тратите деньги на вино и кино, а я на помощь заключенным и церковь”. На вопрос о носимом ею на шее кресте Гримблит неоднократно отвечала: “За носимый мною на шее крест я отдам свою голову, и пока я жива, с меня его никто не снимет, а если кто попытается снять крест, то снимет его лишь с моей головой, так как он надет навечно”. В 1936 году при обращении приехавшего одного из заключенных Дмитлага для ночевки Гримблит при встрече с ним спросила, по какой статье он сидит, и, получив ответ, что он сидит по 58 статье, с удовольствием уступила для ночлега свою комнату, заявив, что она для людей, сидящих по 58-ой статье, всегда готова чем угодно помочь. У Гримблит в период ее работы в больнице были случаи ухода с работы в церковь для совершения религиозных обрядов».

«Мне известно, что Гримблит очень религиозный человек, ставившая религию выше всего. В день Преображения в разговоре со мной Гримблит сказала: “Теперь стал не народ, а просто подобно скоту. Помню, как было раньше, когда я училась в гимназии. Сходишь в церковь, отдохнешь, и работа спорится лучше, а теперь нет никакого различия, но придет время, Господь покарает и за все спросит”. Мне также приходилось часто от Гримблит слышать слова: “Придет все же время, когда тот, кто не верует, будет после каяться и пострадает за это, как страдаем в данное

время мы, верующие”. Кроме того, Гримблит использовала свое служебное положение для внедрения религиозных чувств среди стационарных больных. Находясь на дежурстве, Гримблит выдачу лекарств больным сопровождала словами: “С Господом Богом”. И одновременно крестила больных. Слабым же больным Гримблит надевала на шею кресты».

«Относительно воспитания детей в настоящее время Гримблит неоднократно говорила: “Что хорошего можно ожидать от теперешних детей в будущем, когда их родители сами не веруют и детям запрещают веровать”. И, упрекая родителей, говорила: “Как вы от Бога ни отворачиваетесь, рано или поздно Он за все спросит”. В 1936 году моя девятилетняя дочка рассказывала мне, что Гримблит ее выучила креститься, за что дала ей гостинцев».

После допросов свидетелей заместитель начальника НКВД Константиновского района допросил Татьяну.

— Обвиняемая Гримблит, не состояли ли вы и не состоите ли в настоящее время в какой-либо религиозной секте, если состоите, то каковы ее цели?

— Ни в какой секте я не состояла и не состою.

— Обвиняемая Гримблит, из каких средств вы оказывали помощь заключенным и не являетесь ли вы членом какой-либо организации, ставящей своей задачей оказание им помощи, а также внедрение религии в массы?

— Я ни в какой организации никогда не состояла и не состою. Помощь заключенным и кому могу помочь я оказываю из своих заработанных средств. Внедрением религии в массы я никогда не занималась и не занимаюсь.

— Какова причина вашей помощи в большинстве случаев политзаключенным, а также причина ведения вами переписки исключительно с политзаключенными?

— Являясь религиозным человеком, я и помощь оказывала только заключенным религиозникам, с которыми встречалась на этапах и в заключении, и, выйдя на свободу, переписывалась с

ними. С остальной же частью политзаключенных я никогда не имела никакой связи.

— Как вы проявлялись как религиозный человек относительно советской власти и окружающего вас народа?

— Перед властью и окружающими я старалась проявить себя честным и добросовестным работником и этим доказать, что и религиозный человек может быть нужным и полезным членом общества. Своей религиозности я не скрывала.

— Обвиняемая Гримблит, признаете ли вы себя виновной в ведении вами антисоветской агитации за время службы в Константиновской больнице?

— Никакой антисоветской агитации я нигде никогда не вела. На фразы, когда, жалея меня, мне говорили: «Вы бы лучше оделись и поели, чем посылать деньги кому-то», я отвечала: «Вы можете тратить деньги на красивую одежду и на сладкий кусок, а я предпочитаю поскромнее одеться, попроще поесть, а оставшиеся деньги послать нуждающимся в них».

После этих допросов Татьяна была помещена в тюрьму в городе Загорске. 13 сентября 1937 года следствие было закончено и составлено обвинительное заключение. 21 сентября перед отправкой обвинительного заключения на решение тройки сотрудник НКВД Идельсон вызвал Татьяну на допрос и, узнав, за что и когда она арестовывалась раньше, спросил:

— Вы обвиняетесь в антисоветской агитации. Признаете ли себя виновной?

— Виновной себя не признаю. Антисоветской агитацией никогда не занималась.

— Вы также обвиняетесь в проведении вредительства, сознательном умертвлении больных в больнице села Константиново. Признаете себя виновной?

— Виновной себя не признаю, вредительской деятельностью никогда не занималась.

Прочитав протокол допроса, Татьяна подписалась под фразой, оканчивающей протокол: «Записано с моих слов верно, *мной лично прочитано*».

22 сентября тройка НКВД приговорила Татьяну к расстрелу. На следующий день она была отправлена в одну из московских тюрем, где перед казнью с нее была снята фотография для палача. Татьяна Николаевна Гримблит была расстреляна 23 сентября 1937 года и погребена в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-78635.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-1086.

Архив УФСБ РФ по Томской обл. Арх. № 11803-П.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Сентября 15 (28)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Петр (Петриков)

Священномученик Петр родился 19 января 1903 года в городе Можайске Московской губернии. Его отец, Сергей Петрович Петриков, родился в 1873 году в селе Енкаево Темниковского уезда Тамбовской губернии; в восемь лет он остался сиротой, работал батраком и пас в селе скот, затем поступил в солдаты, а после окончания службы остался в Москве. Добрые люди помогли ему получить образование, и он поступил работать на железную дорогу. Был сначала сторожем, конторщиком, а затем помощником начальника станции Тучково Александровской железной дороги. Мать священномученика Петра, Татьяна Михайловна, происходила из семьи самарских купцов. Когда Сергей Петрович получил должность помощника начальника станции, его семье выделили большой участок земли и помогли выстроить дом.

Когда Петру было восемнадцать лет, он обратился к комиссару здравоохранения Н. А. Семашко с прошением о содействии в приеме на медицинский факультет Московского университета: «Первые годы жизни моей пробежали быстро, быстро... В 7 лет поступил я во 2-й класс приходского училища при станции Батюшково Александровской железной дороги. В связи с переводами моего отца учился я в Батюшкове, Вязьме, Кубинке, затем поступил в реальное в городе Можайске, где и прожил еще 7 лет вдали от семьи...

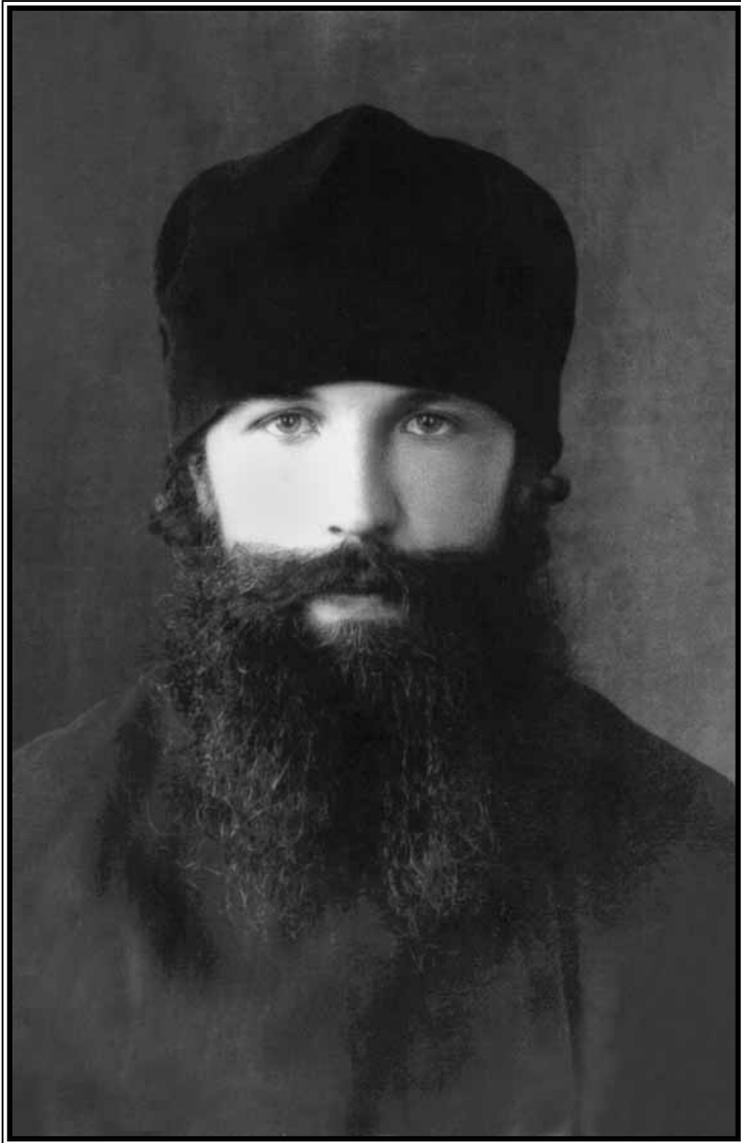
Осенью 1920 года очень хотел поступить на медицинский факультет университета; помешала главным образом болезнь отца: его к этому времени разбил паралич... Отца лечили в университетских клиниках: теперь служит опять помощником заведующего станции Тучково.

Во время болезни отца зимой 20–21 года пробовал учиться телеграфу: необеспеченность семьи помешала занятиям...

Можно прибавить еще: я занимался и занимаюсь искусствами – пишу стихи, очерки... рисовал... но теперь уже год не имею возможности брать палитру; больше других видов искусств люблю музыку, но заниматься музыкой не было возможности... Творчески-вдохновенный, порывный, сознаю я и чувствую близость цельности душевной, так сказать; начинает формироваться и строго очерчиваться личность моя. Источники вечной юности и радости открываются во мне...»

Семашко поддержал юношу, и в 1921 году Петр был принят на медицинский факультет Московского университета. Учась на втором курсе, он переутомился от занятий и тяжело заболел. Лечился он в амбулатории при железнодорожной больнице, и лечение продолжалось около двух лет. За эти годы в его душе произошел переворот. Источники вечной юности и радости, существование которых он предчувствовал раньше, нашел он теперь во Христе.

В это время Петр познакомился со старцем Нектарием Оптинским, духовным сыном которого стал, сблизился с кругом молодых людей, и среди них – с Андреем Эльбсоном, так же, как и он, бескомпромиссно искавшим истину в том море лжи, которое все большим мраком окутывало страну. В июне 1925 года епископ Можайский Борис (Рукин) рукоположил Петра в сан диакона, и в том же году Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Крутицкий Петр (Полянский) рукоположил его во священника.

Священник Непт Нептук

В Москве отец Петр поначалу не имел прихода и служил иногда в храмах, где служили знакомые ему священники, — например, в храме Александрийского подворья в Москве, где священником был Андрей Эльбсон. В марте 1931 года он был определен в храм Николы в Кленниках, известный долгим подвижническим служением в нем протоиерея Алексия Мечева, но прослужил здесь лишь до 14 апреля того же года. В этот день отец Петр был арестован в числе пятидесяти священнослужителей, монахов и мирян и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

На вопрос следователя о его прошлом отец Петр рассказал о своем происхождении и обучении и о том, что принял сан священника по внутреннему убеждению. Этого для следователя оказалось достаточным, так как отец Петр свидетельствовал о себе как о человеке, чуждом безбожному новому строю.

5 июня 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Петра к трем годам заключения в концлагерь, и он был отправлен в Мариинские лагеря. Когда стало известно место нахождения лагеря, туда приехали мать и духовная дочь священника Вера Петровна Миронович, которая впоследствии стала его келейницей и помощницей. Поселившись неподалеку от лагеря, они стали хлопотать об отмене несправедливого приговора, так как обвинение в контрреволюционной деятельности не только не было доказано, но и вопроса такого на следствии не ставилось, — и 17 сентября 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило освободить священника из-под стражи, лишив его права проживания в двенадцати городах сроком на три года.

Отец Петр после освобождения поселился в городе Муроме и здесь в мае 1932 года снова был арестован. Следователь на допросе 3 июня 1932 года задал священнику ряд вопросов, ответы на которые отец Петр написал собственноручно: «Шифров никаких не знаю (и никакими шифрами не пользовался). Богослужений у

меня на квартире не совершалось (и участия в них никто не принимал).

Власть признаю, как говорят, не за страх, а за совесть. Всегда исполнял все касавшиеся меня законоположения, — не знаю ни одного случая нарушения мною таковых. Пользуюсь свободой верить во что мне угодно, по основному закону страны — конституции. Во всем происшедшем в стране вижу пути Промысла Божьего, всегда ведущего нас во благое, дарующего всегда нам полезное.

Церковь — «не от мира сего». Мои интересы — интересы чисто духовные: получение благодати и приобретение совершенств, которыми обладает Бог, в Которого верю. Вопросами политики никогда не занимался и в политических вопросах не разбираюсь. Власти подчиняюсь по совести и готов пожертвовать для нее всем, чем только могу, если это будет нужно. Только верой в Бога не могу пожертвовать никому, если когда-либо будут этого требовать. От разговоров на политические темы прошу меня освободить, так как в этих вопросах я ничего не понимаю».

17 августа 1932 года следователь, ведший дело, постановил из-за недостатком следственного материала следствие прекратить и арестованных освободить. После освобождения отец Петр жил до лета 1936 года в Муроме, а затем уехал на родину в Можайск, куда вслед за ним приехала его духовная дочь и где посещали его знакомые священники и родные. Здесь отец Петр снял комнату, устроил в ней домовую церковь и до самого ареста, по образу древних, служил литургию, как служили в домах христиан во время гонений от язычников.

Летом 1937 года возобновились массовые аресты верующих и духовенства, но прежде начала этих гонений сотрудники НКВД принялись арестовывать тех священников, монахов и мирян, о которых у них были какие-либо сведения и которых они подозревали в нелояльности к советской власти, то есть тех, кто воцарив-

шееся на русской земле безбожие считали за величайшее зло, губящее русский народ. В феврале—апреле 1937 года в Москве было арестовано полтора десятка священников и мирян, и среди них — 10 апреля 1937 года — отец Петр.

Сотрудники НКВД формулировали преступную деятельность арестованных таким образом: «После принятия сталинской конституции участники контрреволюционной нелегальной церковно-монархической организации активизировали свою контрреволюционную деятельность, в феврале 1937 года в городе Москве несколько раз созывали нелегальные собрания участников контрреволюционной организации... Были приняты решения активизировать... организационную работу среди верующих... насаждать на местах контрреволюционные ячейки из духовенства, монашества, возвратившихся из ссылки... создавать тайные молитвенные здания. В этих целях... было приобретено и арендовано несколько домов в городе Можайске, Малом Ярославце, Кимрах, где были поселены возвратившиеся из ссылки монашество и духовенство».

11 и 13 апреля следователь допросил священника. На большую часть вопросов отец Петр отзывался незнанием и плохой памятью. 10 мая следователь снова допросил священника, задав почти те же вопросы. Но и на этот раз он также отозвался незнанием, категорически заявив, что никаких политических разговоров не вел.

Следователь допросил в качестве свидетеля одного из жителей города Можайска, с которым отец Петр познакомился на этапе, и тот показал, что священник совершал в своей квартире в Можайске богослужения, на которых в качестве псаломщика была его духовная дочь, на этих же богослужениях присутствовали и заезжавшие к отцу Петру знакомые ему священники. Он также показал, что священник Петр Петриков «принадлежит к так называемому течению «истинно-православной церкви», которое по

своему содержанию является крайне реакционным и антисоветским».

В июле стало известно о предстоящих новых массовых арестах, и потому окончательное решение участи отца Петра и всех арестованных было отложено. 26 августа был допрошен дежурный свидетель из числа священников, который показал, что знает Петрикова как антисоветски настроенного и ненавидящего советскую власть и партию.

21 сентября 1937 года следствие было закончено. Отца Петра обвинили в том, что он будто бы «являлся участником контрреволюционной церковно-нелегальной организации, являлся руководителем Можайского филиала, организовывал тайную домовую церковь у себя на квартире, где периодически собирались его единомышленники из города Москвы и из других мест».

26 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Петра к расстрелу. Священник Петр Петриков был расстрелян на следующий день, 27 сентября 1937 года, и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 10035, д. П-25682.
ЦМAM. Ф. 714, оп. 6, д. 1851.
ЦА ФСБ России, д. Р-35593.
Архив УФСБ России по Владимирской обл., д. П-8540.
Газ. «Красное Знамя». 27 октября 2001 года.
Московский журнал. 2002. № 1. Н.А. Малахова.

Сентября 26 (9 октября)

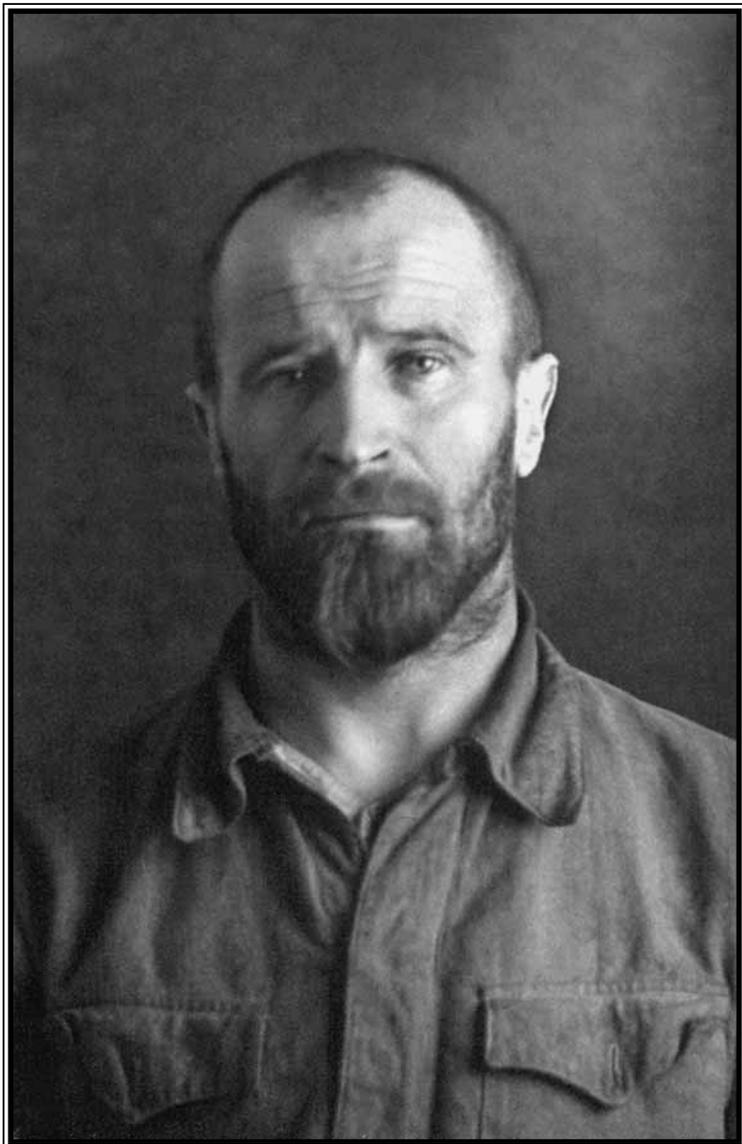
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Афанасий (Докукин)

Священномученик Афанасий родился 18 января 1899 года в селе Верхний Любаш Любашского уезда Курской губернии в семье крестьянина Василия Докукина. Когда Афанасию исполнилось пятнадцать лет, он лишился отца и матери и перешел жить к своей тетке. По окончании второклассного училища он стал с 1914 года служить псаломщиком в одном из храмов Фатежского уезда Курской губернии. В 1923 году митрополит Курский и Обо-янский Назарий (Кириллов) рукоположил его в сан диакона к Михаило-Архангельской церкви в селе Линцы Фатежского райо-на, а в 1925 году — во священника к Введенской церкви села Ко-четно Льговского района.

В 1933 году власти арестовали отца Афанасия за неуплату на-логов и приговорили к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Освободившись в 1935 году, он был направлен служить в храм в село Стариково Талдомского района Москов-ской области, а в августе 1936 года переведен в Никольскую цер-ковь в село Никульское, где служил до дня ареста.

3 сентября 1937 года сотрудник НКВД допросил одного из лжесвидетелей, пастуха местного колхоза, и он согласился под-писать показания, необходимые НКВД. 4 сентября отец Афанасий был вызван в местное отделение милиции для допроса, но поскольку все сотрудники НКВД были заняты, его допросила па-спортистка, задавая ему вопросы биографического характера.

Священник Афанасий Докукин

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

11 сентября священник все же был арестован и первое время находился в тюрьме в городе Загорске. 14 сентября следователь допросил его.

– Обвиняемый Докукин, признаете ли вы себя виновным в распространении антисоветских слухов о войне, а также в проведении антисоветской деятельности и агитации?

– Виновным в проведении антисоветской деятельности и антисоветской агитации я себя не признаю, так как антисоветской деятельности не проводил и антисоветской агитацией не занимался. Больше показать ничего не могу.

15 сентября следствие было закончено и отец Афанасий был переведен в одну из тюрем города Москвы. Здесь, 22 сентября, его снова допросили.

– Кто из вашей семьи раскулачивался, лишился избирательных прав или получал твердое задание? – спросил следователь.

– Твердое задание я получил в 1932 году, с 1919 года лишен избирательных прав, в 1933 году хозяйство было раскулачено.

– Признаете вы себя виновным в проводимой вами контрреволюционной работе?

– Нет, – ответил священник.

На этом допросы были закончены. 26 сентября тройка НКВД приговорила отца Афанасия к расстрелу. Священник Афанасий Докукин был расстрелян 9 октября 1937 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20635.
АМП. Послужной список.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Октября 8 (21)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Петр (Никотин)

И МУЧЕНИКИ

**Виктор (Фролов),
Иоанн (Рыбин),
Елизавета (Куранова),
Николай (Кузьмин)**

Священномученик **Петр** (Петр Федорович Никотин) родился 5 октября 1889 года в селе Болхуны Енотаевского уезда Астраханской губернии. Окончив семинарию, Петр Никотин поступил в Казанскую Духовную академию и вскоре был рукоположен во священника. В 1919 году отец Петр окончил академию со степенью кандидата богословия, которую получил за сочинение на тему: «Домашнее чтение Священного Писания у древних христиан». В стране шла гражданская война, и отца Петра призвали в тыловое ополчение Красной армии, в которой он служил до 1920 года.

С 1920 по 1924 год отец Петр трижды подвергался кратковременным арестам. Некоторое время он служил священником в городах Царицыне и Астрахани, а потом переехал в Москву, где служил в различных храмах: в Иерусалимской церкви, в церкви

мученика Никиты, что у Яузских ворот, в храме в честь первоверховных апостолов Петра и Павла в Лефортове.

В конце 1935 года протоиерей Петр был назначен в храм преподобного Сергия Радонежского, что на Рогожской Заставе в Москве.

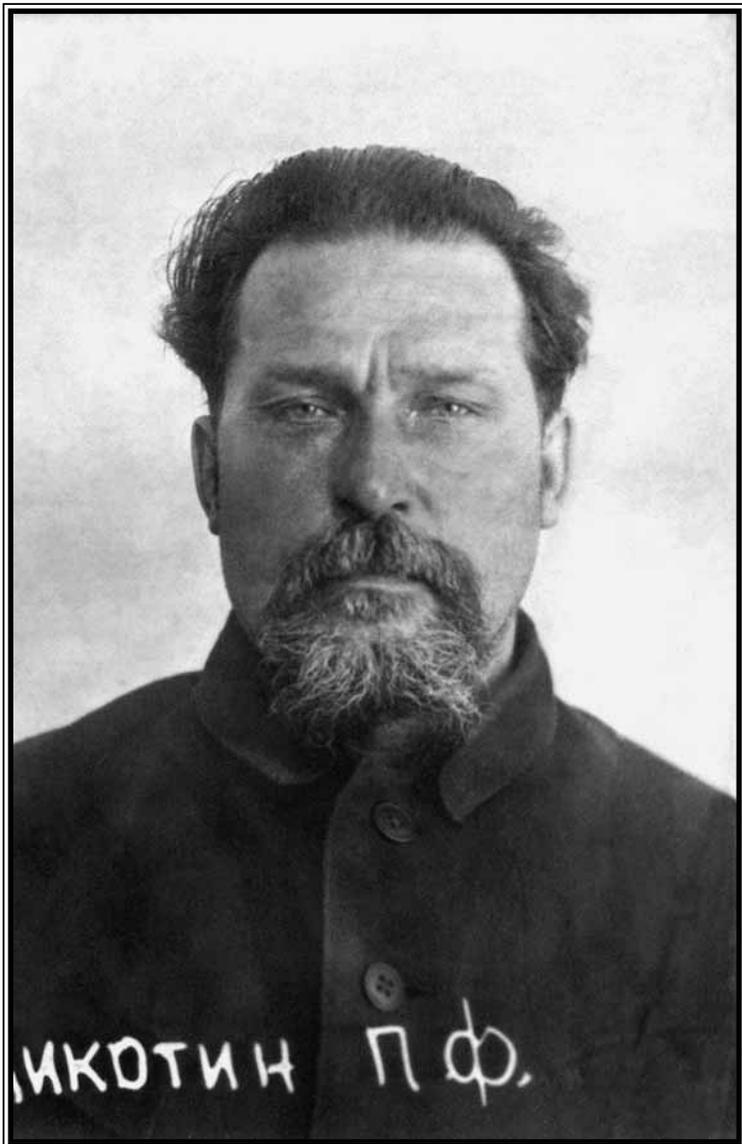
Отец Петр почитался верующими за ревностное исполнение пастырских обязанностей. Особенно его любила молодежь, с которой он беседовал на церковные темы после богослужений. Несколько монахинь из закрытых московских монастырей – Кремлевского Вознесенского и Ивановского на Солянке – опекались под его духовным руководством.

В июле 1936 года в НКВД начали собирать сведения об отце Петре Никотине и других верующих, активно посещающих храм преподобного Сергия на Рогожской Заставе. Агентурной разработкой руководил следователь Булыжников, который много времени занимался борьбой с Церковью.

В 1937 году началось самое беспощадное гонение на Русскую Православную Церковь. Повсеместно шли аресты духовенства и мирян. 20 августа 1937 года отец Петр был арестован и заключен под стражу в Бутырскую тюрьму в Москве.

– Расскажите подробно, за что вы были арестованы и находились под следствием в 1920, 1922 и 1924 годах? – спросил следователь.

– Примерно в конце июля 1920 года я был арестован органами ЧК вместе с другими и мне было предъявлено обвинение в попытке создания контрреволюционной организации, которое следствием доказано не было, и в ноябре того же года я был освобожден. В 1922 году летом я был арестован за то, что я своевременно не сдал хранящуюся у меня аровскую муку, предназначенную для раздачи голодающим. Под арестом я находился месяца два и был освобожден за не доказанностью предъявленного мне обвинения. В 1924 году я был арестован как подозреваемый в связи с человеком, который также подозревался в проведении

Протоиерей Петр Никотин

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

контрреволюционной деятельности, но обвинение было не доказано, и я был освобожден. Арестован был в летнее время и был под стражей около двух месяцев.

— Следствие располагает данными о том, что вы на протяжении продолжительного времени среди населения ведете контрреволюционную и антисоветскую агитацию. Подтверждаете ли это?

— Я это категорически отрицаю.

— Следствие располагает данными о том, что вы среди верующих выдавали себя за блаженного, целителя от злых духов, прозорливого. Признаете ли вы это?

— Из вышеперечисленного я признаю только то, что на одной из церковных служб перед самым причастием женщина, которую я совершенно не знаю, начала кричать, причем так сильно, что другой священник и диакон оробели и не знали, что делать. Тогда я подошел к этой женщине, наложил на нее епитрахиль, произнес молитву, и она перестала кричать. Если это признается как случай исцеления, то да, такой случай был. Других случаев исцелений не было.

— Когда вы отказали в причастии одной гражданке из-за того, что она не знала, кто такой Христос, и знала, кто Ленин?

— Случай с гражданкой, которой я отказал в причастии, был не помню в какой пост. Я ее спросил: кто Христос? Она ответила: я не знаю. Тогда я спросил: а кто Ленин? Она ответила: вождь пролетариата. Меня это оскорбило, и я ей в причастии отказал.

— Был ли случай, когда вы, держа в руках газету «Правда», присутствующим сказали, что газета «Правда» стоит 10 копеек потому, что в ней правды только на 10 копеек, а остальное неправда?

— Да, такой случай был.

— Как вами освещался вопрос о новой конституции в СССР?

— По вопросу конституции я среди окружающих подвергал критике пункт о свободном отправлении религиозных убеждений. Я говорил, что свобода, о которой сказано в конституции,

осталась на бумаге. На самом деле в СССР по-прежнему происходит притеснение вероисповедания и духовенства, и что на получение свободы для отправления религиозных убеждений без помощи извне рассчитывать нельзя. И я продолжаю это думать, так как не вижу, в чем заключается свобода отправления религиозных убеждений в новой конституции СССР.

— Скажите, совпадает ли ваше мировоззрение советскому?

— Мое мировоззрение не соответствует советскому, так как я нахожу положительным в системе власти только то, что советская власть проводит громадную работу. Остальное же, то есть всю систему советской власти, я признаю неправильной. И дело не в том, что у меня не сходятся взгляды с советской системой на религиозные убеждения, а дело в том, что страной у нас должна управлять другая система, не советская.

— Вы говорили о том, что советская власть умышленно сократила процент «неверующих» в процессе проведения переписи среди населения.

— Да, я это говорил и обращался к настоятелю церкви с тем, чтобы он выяснил у епископата, как поступать с теми, кто скрыл свою принадлежность к верующим. Епископ дал ответ: в отношении согрешающих остается одно средство — покаяние. Никаких других целей в данном вопросе я не преследовал.

— Следствию известно, что вы в кругу своих знакомых, обсуждая процесс над троцкистами, высказывали враждебные взгляды против советской власти и партии. Дайте показания по существу этой улики.

— Разговор о процессе над троцкистами был... я смотрю на этот процесс с той точки зрения, что здесь *своя своих не познаша*, здесь борьба за власть, а в этой борьбе всегда победит сильная сторона, так оно и случилось... обычно искали контрреволюцию среди нашего брата — духовенства, а она оказалась вон где — в высших правящих кругах, которые вместе когда-то боролись за победу революции.

— Следствие располагает материалами о том, что вы являетесь организатором и руководителем контрреволюционной группы церковников. Расскажите о составе этой группы и ее деятельности.

— Прихожане питали ко мне чисто личную симпатию. Они обращались ко мне с вопросами религиозного содержания, на которые я им давал ответы в своих беседах. Встречался я с ними только в церкви. Организатором же группы и руководителем таковой я себя не признаю, так как никакой контрреволюционной группы церковников я не организовывал.

Вместе с отцом Петром был арестован сторож Сергиевского храма. Во время допросов следователь попросил его охарактеризовать с политической точки зрения отца Петра. На это требование он ответил: «Никотин антисоветски настроенный человек. Он выражал резкое недовольство политикой советской власти в отношении религии... кроме того, свое недовольство советской властью Никотин проявляет в действиях: призывал верующих к тому, чтобы они водили своих детей в церковь, учили их молитвам; в прошлом году провел специальный молебен для школьников перед началом учебного года, кроме исповеди для верующих читает еще общие проповеди, развивая у них религиозный фанатизм и безразличие к окружающей жизни и событиям».

Были допрошены как свидетели священнослужители, которые служили с отцом Петром и хорошо его знали. Проявив малодушие, они оговорили его. Один из них, священник Павел Цветков, сказал: «Никотина я могу охарактеризовать как человека, враждебно настроенного к советской власти... Так, Никотин неоднократно высказывал недовольство советской властью, заявляя, что большевики устроили гонение на религию и духовенство, закрывают храмы, отбирают насильственно храмы у тихоновцев и передают обновленцам».

Другой лжесвидетель, протодиакон Устин, оговорил отца Петра и всех арестованных с ним прихожан Сергиевского храма.

Будучи секретным осведомителем, Устин постоянно доносил о них в НКВД. Характеризуя отца Петра, он сказал: «В большие религиозные праздники он произносит проповеди антисоветского характера, вот например: «Без Христа человечество жить не может. Где нет Христа, там ссоры, драки, ругань, там нет ни чести, ни стыда»... Для воспитания детей в духе веры он систематически среди женщин матерей распространяет церковную литературу... Проповедует Церковь как единственное место спасения для души человеческой...»

Вместе с протоиереем Петром Никотиным были арестованы миряне Виктор Фролов, Иван Рыбин, Елизавета Куранова и Николай Кузьмин.

Мученик Виктор родился в 1913 году в городе Москве в семье рабочего Василия Фролова. Работал бухгалтером на заводе. До 1929 года учился, а потом устроился на работу по найму.

Первый раз Виктор Фролов был арестован в 1934 году вместе со своим другом на квартире архимандрита Алексия (Патрикеева). Просидев четыре часа в милиции, они были допрошены о причинах посещения отца Алексия и отпущены. Под кровом своего дома он давал приют монашествующим, странникам, бежавшим из ссылки, и проживающим нелегально в Москве верующим. Виктор Фролов был арестован 27 августа 1937 года и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

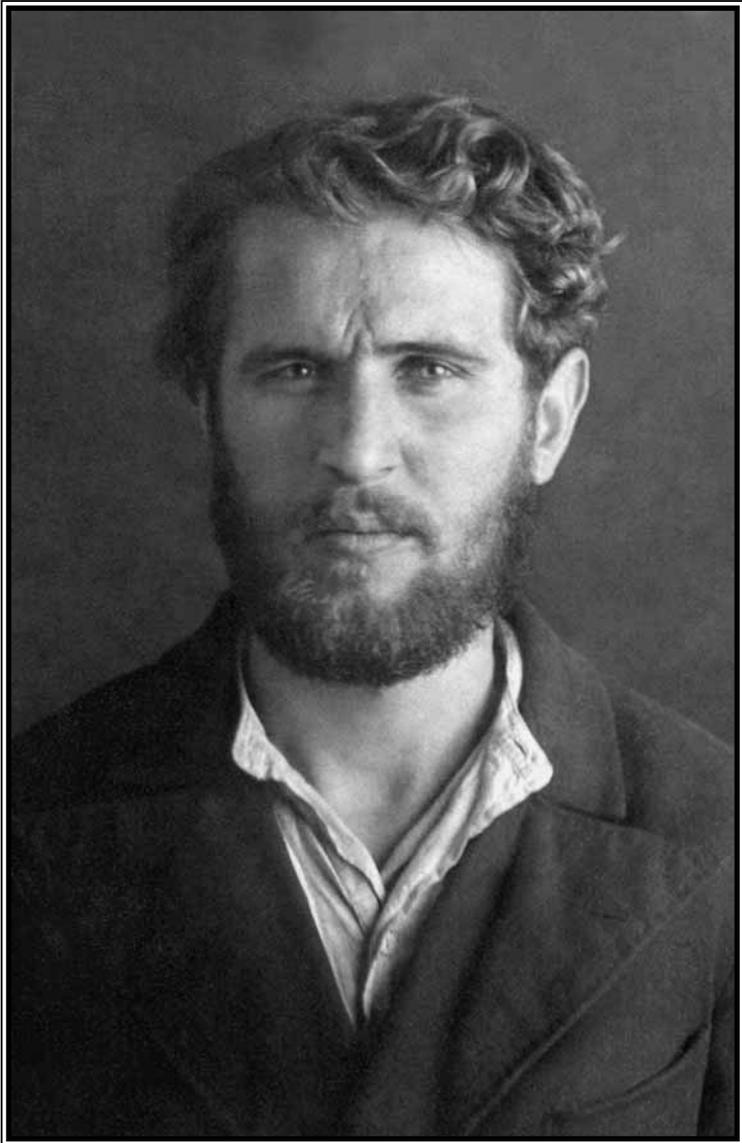
— Какое участие вы принимали в богослужениях в церкви и в качестве кого? — спросил следователь.

— Я принимал участие в богослужениях в церкви в качестве чтеца, при этом облачался в стихарь.

— Следствие располагает данными, что вы являетесь иподиаконом.

— Да, меня в церкви знакомые и священнослужители считают иподиаконом...

— Следствие уличает вас в даче ложных показаний в отношении отправления вами обязанностей иподиакона. Следствие требует правдивых показаний.

Виктор Васильевич Жорюлов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

— На протяжении нескольких лет я отправлял обязанности иподиакона. Служить я начал еще до архиепископа Серафима (Силичева), с которым позже продолжал служить до момента его отъезда в Саратов... Я собирался, как только приедет архиепископ Серафим, уйти со службы в советском учреждении на службу в Церковь с архиепископом Серафимом...

— Расскажите о круге знакомств протоиерея Никотина. Где он встречается со своими знакомыми?

— Я знаком с ним как посещающий церковь... Церковь посещает молодежь, но кто из нее связан с протоиереем Никотиным, я не знаю.

— С какого времени вы знаете архиепископа Серафима и в чем выражается ваша связь с ним в настоящее время?

— Знаю архиепископа Серафима с 1935 года. С тех пор, как он уехал в город Саратов, я о нем ничего не знаю.

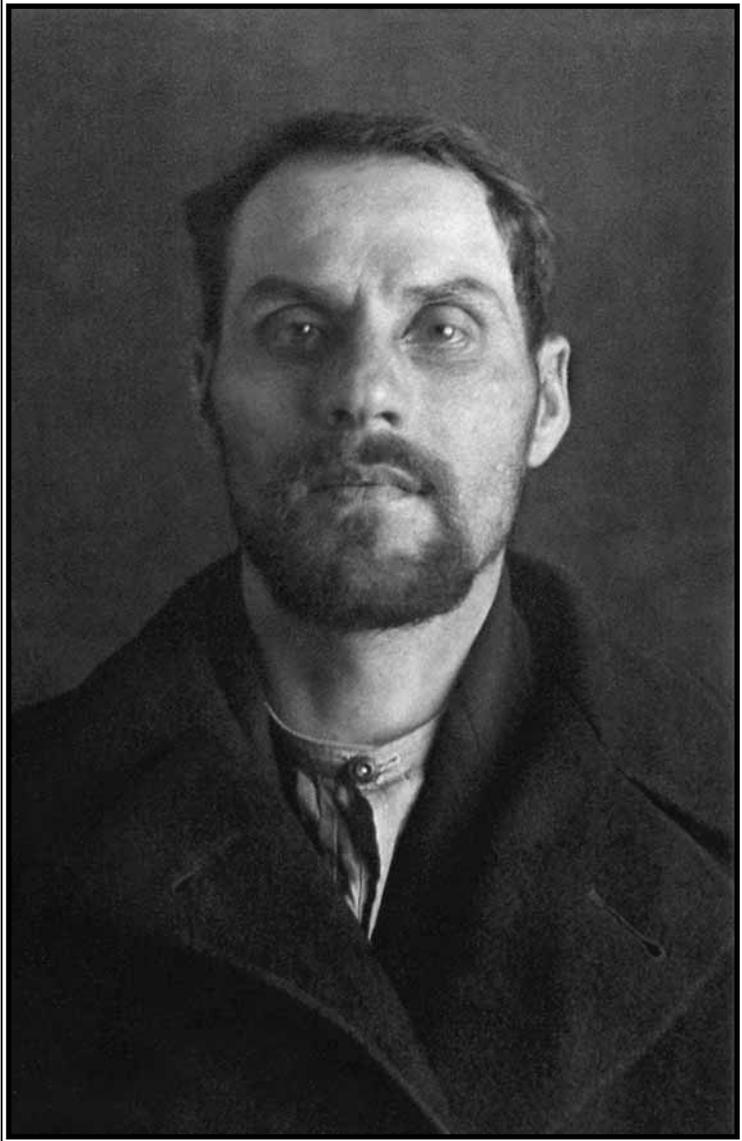
— Следствие располагает материалами о том, что вы систематически занимаетесь контрреволюционной агитацией, как среди своих знакомых, так и верующих. Дайте показания по существу.

— Ни я, ни мои друзья антисоветской агитацией не занимались.

Мученик Иоанн родился 1 апреля 1898 года в деревне Черная Грязь Богородского уезда Московской губернии в семье крестьянина Николая Рыбина. В 1917 году служил рядовым в Царской армии, а в 1920 году четыре месяца рядовым в Красной армии. Перед арестом Иван Николаевич проживал в церковной сторожке при храме святых апостолов Петра и Павла в Лефортове, где он работал дворником и истопником. Иван Рыбин был арестован 21 августа 1937 года и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

— Какую работу вы исполняли при церкви? — спросил следователь.

— Часто, по своим религиозным убеждениям и по настоянию своего духовника священника церкви Петра и Павла в Лефортово Цветкова Дмитрия, я производил разную работу в церкви: вы-

Иван Николаевич Рыбин

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

тирал и переставлял иконы, подсвечники, а также производил уборку по окончании служб.

— Кто твой духовный отец?

— Священник Андрей Иванович Куницын, ныне сослан за контрреволюционную деятельность. Его я хорошо знал, среди верующих прославлял как избавителя от всех земных тягот, который поэтому пользовался большой популярностью среди верующих. Он читал мне духовные наставления, готовил меня к монашеской жизни.

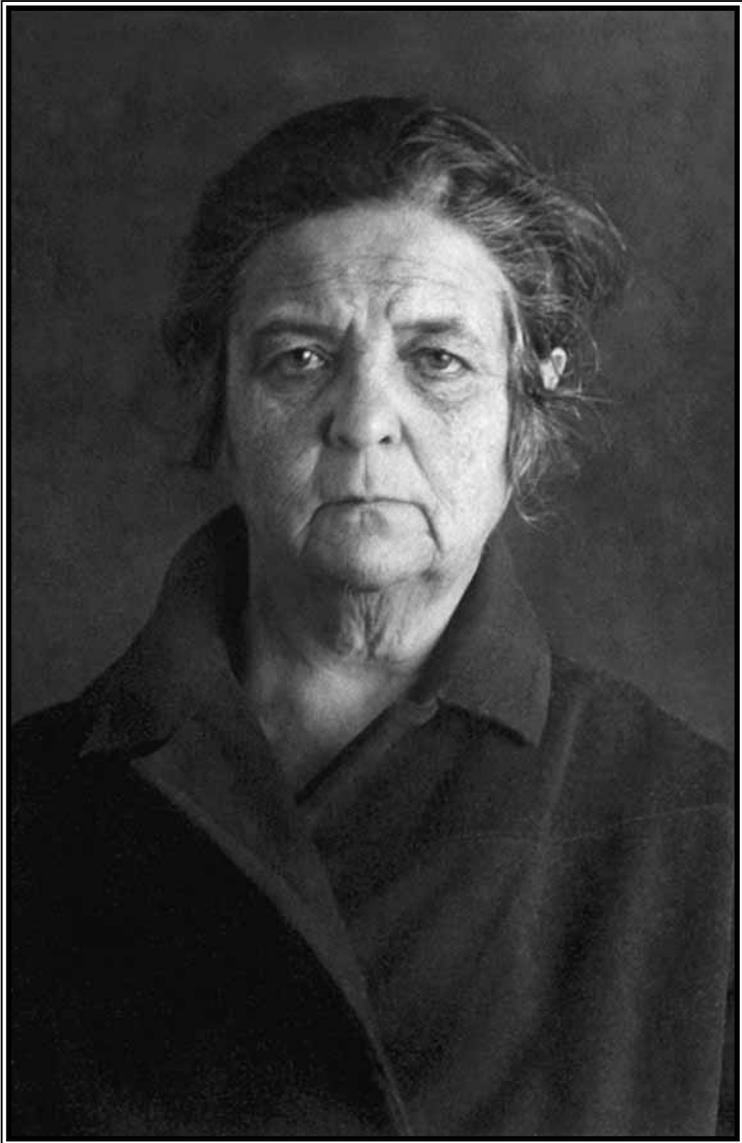
— Вы имеете материальную и письменную связь с высланным Андреем Ивановичем Куницыным?

— Да, я имею письменную и материальную связь с отцом Андреем Куницыным. После его высылки я ему писал письма и от него получал ответы на мои письма. Последнее письмо я ему написал перед моим арестом. В этом письме я просил у отца Андрея руководства, как вести себя, с кем иметь связь, как лучше принести пользу для веры и как лучше отдать себя в жертву ради спасения веры. Материальная связь у меня с отцом Андреем заключается в денежной помощи с моей стороны. Я после его ареста в место ссылки высылал ему деньги и посылки. Последний раз высылал ему деньги в июле 1937 года...

— Следствие располагает материалами о том, что вы занимались антисоветской агитацией среди окружающих. Вы подтверждаете это?

— В связи с арестом священника Андрея Куницына я среди духовных братьев и сестер ругал советскую власть за то, что она арестовала нашего духовного отца, старого и бессильного. Когда это было, точно не помню.

Мученица Елизавета (Елизавета Викторовна Куранова) родилась в 1877 году в городе Москве. Воспитывалась она в детском доме. Вышла замуж. В 1930 году мужа Елизаветы Викторовны, который работал на заводе, обвинили во вредительстве и по приговору тройки ОГПУ расстреляли. Дом, где они проживали, был

Елизавета Викторовна Куранова

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

конфискован, и она, как административно высланная, вынуждена была покинуть Москву и поселиться в подмосковном городе Звенигороде. Елизавета Куранова была арестована 9 сентября 1937 года и заключена в Бутырскую тюрьму в Москве.

— Следствие располагает данными, что вы собирали среди граждан деньги и продукты для оказания помощи заключенным и высланным, которые посылали последним. Вы подтверждаете это?

— Нет, не подтверждаю. В 1937 году я посылала две посылки заключенному священнику Сергею Григорьевичу Зарубину. Все эти продукты приобретались мною за свои средства.

— Расскажите о вашей контрреволюционной деятельности.

— Никакой контрреволюционной деятельности я не вела.

— Уточните род ваших занятий, чем вы занимаетесь?

— Я одинокая и без определенных занятий. Работаю на случайных работах.

— Следствие располагает данными о том, что вы имеете связь с лицами, сосланными за контрреволюционную деятельность.

— Да, я имею письменную связь со священником Сергеем Зарубиным, с которым я познакомилась девять лет назад. Кроме письменной связи, я послала за 1936 и 1937 годы около четырех посылок. Сбором же средств на стороне не занималась.

— Будучи недовольны советской властью, вы среди верующих занимались антисоветской агитацией. Дайте показания по существу.

— Я потому недовольна советской властью, что пережила расстрел мужа, конфискацию имущества и высылку. Но открыто своего недовольства среди окружающих не выражала, антисоветской агитацией я не занималась. Я считаю, что меня арестовали за то, что я посещаю церковь и участвую в церковном хоре.

Мученик Николай (Николай Васильевич Кузьмин) родился 10 октября 1899 года в городе Москве. Отец его был заведующим епархиальной свечной лавкой. В 1917 году Николай окончил

коммерческое училище и в 1918 году был призван на службу в Красную армию. Служил до 1921 года в главном артуправлении делопроизводителем. С 1921 по 1929 год работал в морском научном институте в качестве заведующего хозяйством, а также участвовал в экспедициях в качестве научно-технического сотрудника. В 1929 году сильно заболел и до 1932 года нигде не работал. В 1933 году устроился агентом снабжения в военный совхоз Главвоенпорта. В 1935 году Николай Кузьмин переехал в Москву, где устроился певчим хора Сергиевского храма на Рогожской Заставе. Николай Кузьмин был арестован 29 сентября 1937 года и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

Арестованный ранее сторож Сергиевского храма на вопрос следователя о том, что он знает о Николае Кузьмине, ответил: «Ярый церковник, недовольный советской властью. Свое недовольство советской властью он выразил среди верующих так: “я не признаю никаких партий и власти, кроме партии Христа, членом которой я состою”...»

— Как у вас сложились твердые религиозные убеждения и когда? — спросил следователь у Николая.

— Раньше я к религии относился критически, особенно после революции, не посещал церковь и не выполнял религиозных обрядов. Твердые религиозные убеждения у меня сложились после болезни в 1929 году, когда я, будучи при смерти, обратился с молитвой к Богу, в результате чего выздоровел. Мои религиозные убеждения тверды, на основе их я строю всю свою жизнь и отношение к людям. Свое отношение к советской власти я вывожу из учения Христа: любите враги ваша и не сопротивляйтесь предержавшим властям... Все мои родственники критически относятся к моим религиозным убеждениям.

Следователь потребовал от Николая Кузьмина дать политическую характеристику протоиерею Петру Никотину и другим знакомым и рассказать об их отношении к советской власти. На это

Николай Васильевич Кузьмин

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

требование Николай ответил, что знает их только по отношению к Церкви, а об отношении их к советской власти ничего не знает.

– Следствие располагает данными о том, что вы занимаетесь антисоветской агитацией среди верующих. Дайте показания по существу этого дела.

– Антисоветской агитацией я не занимался. Сказать о том, что не пойду на демонстрацию, а скорее пойду в церковь, если в ней совершается служба, я мог... Предъявленные мне факты антисоветской агитации среди верующих я отрицаю.

17 октября 1937 года тройка НКВД приговорила арестованных к расстрелу.

Протоиерей Петр Никотин и миряне Виктор Фролов, Иоанн Рыбин, Елизавета Куранова были расстреляны на полигоне Бутово под Москвой 21 октября 1937 года, а Николай Кузьмин – 31 октября 1937 года. Все они погребены в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ, Ф. 10035, д. 20812.

Октября 16 (29)

СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК

Георгий (Троицкий)

Священноисповедник Георгий Александрович Троицкий родился в 1873 году в деревне Дакиши Коломенского уезда Московской губернии. Окончил Московскую Духовную семинарию и учительствовал в церковноприходской школе Николо-Угрешского монастыря. В 1898 году рукоположен во священника. Отец Георгий до 1903 года служил в различных селах Серпуховского района Московской области.

В 1903 году священноначалие назначило его в Спасский храм села Рай-Семеновское Серпуховского района. Каменная церковь в этом селе строилась за два периода с 1765 по 1783 год, нижний придел был посвящен святителю Димитрию Ростовскому. В Спасском храме священник Георгий Троицкий прослужил до 1930 года и был последним в нем настоятелем. После ссылки священника храм был закрыт и разорен. Богослужения возобновились в нем в 90-х годах XX века.

Жители сел Рай-Семеновское, Станково и ряда других, входивших в приход Спасского храма, в 1929 году приняли решение о закрытии церкви. 18-летний комсомолец, председатель кружка местных безбожников, на заседании сельсовета поставил вопрос о вовлечении крестьянства в союз безбожников. Тогда же и был поставлен вопрос о закрытии церкви.

На Рождество Христово 1930 года сельсовет запретил отцу Георгию ходить по домам прихожан. «На Рождественские праздники, — как рассказал впоследствии отец Георгий на допросе, — после службы я сообщил своим верующим о том, что есть слухи о

закрытии храма, а также сообщил им, что есть постановление сельсовета, чтобы я на праздниках не ходил по приходу. Означенное сообщение я делал, чтобы поставить верующих в известность. Также мною было сказано о налогах, которые наложили на церковь, и как нужно поступить, так как в церкви денег нет. На мои сообщения верующие мне сказали, что как же могут закрыть церковь, когда есть верующие... просили меня, чтобы я ходил по приходу. Но боясь, чтобы не получилось какой неприятности, я их просил, чтобы они написали заявление. Здесь же заявление было написано и подписано верующими».

В этих действиях священника власти увидели антисоветское выступление и начали расследование обстоятельств случившегося.

Председатель Рай-Семеновского сельсовета, вызванный 22 января на допрос, засвидетельствовал, что «со стороны нашего священника антисоветских выступлений не наблюдалось».

Несколько свидетелей сказали, что отец Георгий призывал оказать сопротивление намерениям власти закрыть в селе храм. На допросе отец Георгий виновным себя не признал, заявив, что «антисоветской деятельности не вел».

2 февраля 1930 года священник Георгий Троицкий был арестован и заключен в Серпуховский исправительно-трудовой дом.

В результате расследования было составлено обвинительное заключение, в котором вина священника была сформулирована так: «В январе 1930 года священник Троицкий в Рай-Семеновской церкви с амвона произнес речь, в которой жаловался на плохое житье, что церковь задавили налогами и т.д. Зажигательные слова Троицкого настолько подействовали на присутствующих, что последние учинили шум и делали всевозможные выкрики против отдельных представителей власти. Ввиду того, что по делу не собрано достаточно доказательств для предания виновного суду, дальнейшее следствие прекратить, но, принимая во внимание усилившуюся активность и сопротивление классовых врагов и социальную опасность обвиняемого, в порядке поста-

новления ВЦИК от 20 марта 1924 года, объявленного в приказе ОГПУ № 142 от 2 апреля 1929 года, дело по обвинению Троицкого Георгия Александровича направить в Особое Совещание при коллегии ОГПУ для внесудебного разбирательства».

23 февраля 1930 года был вынесен приговор: выслать через ОГПУ в Северный край на три года.

После этапа в августе 1930 года отец Георгий вместе со священником Александром Державиным, также высланным ОГПУ в Северный край, поселились на жительство в деревне Усть (верст 35 от Усть-Цильмы).

По приезду оказалось, что храма в селе нет, живут раскольники старообрядцы. Квартира, в которой поселились священники, приглянулась местному учителю, поэтому духовенство заставили с нее съехать и искать новую.

Работать устроиться было негде, тяжелую физическую работу по возрасту отец Георгий выполнять не мог. Жили в большой нужде и тесноте. Порой есть было совсем нечего. На присылаемые деньги купить что-либо было негде.

6 августа 1931 года отец Георгий заболел. Прошло несколько дней, болезнь усилилась: открылась сильная рвота, боль в животе. Отец Георгий перестал есть и пить. В таком состоянии он пролежал несколько дней. Отец Георгий медленно угасал, и 29 октября 1931 года он умер, предположительно от брюшного тифа.

Похоронили его в селе Усть. Все время болезни за ним ухаживал священник Александр Державин, который и позаботился о его погребении. Чтобы рассчитаться за гроб, пришлось продать местным жителям подрясник и сапоги отца Георгия. Отец Александр отпевал его, в дни памяти ходил служить панихиду на его могилу. Место погребения священноисповедника Георгия теперь неизвестно.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 49451.

Дневник священника Державина Александра Сергеевича (1930–1933). Рукопись.

Октября 18 (31)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Николай (Соколов)

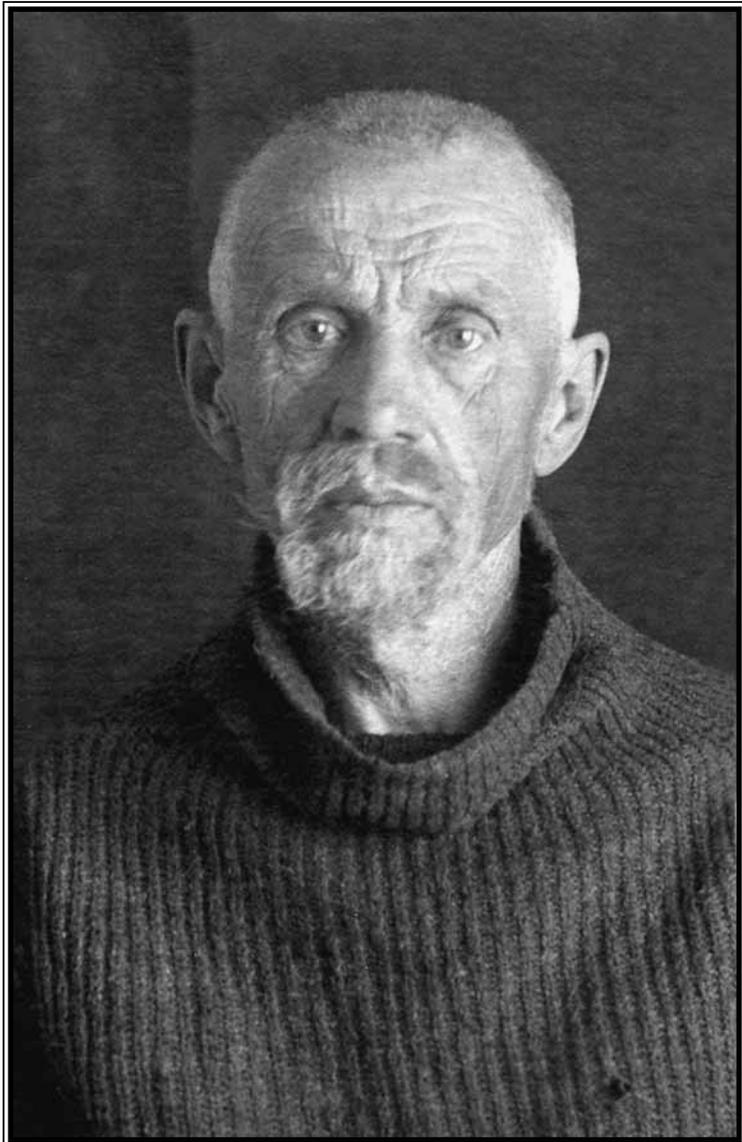
Священномученик Николай родился 20 марта 1877 года в селе Андреевское Рузского уезда Московской губернии в семье пономаря Александра Соколова.

В 1892 году Николай Соколов поступил в Московскую Духовную семинарию и по окончании ее был в 1898 году определен на должность учителя церковноприходской школы в селе Крымское Верейского уезда Московской губернии.

2 сентября 1899 года викарием Московской епархии епископом Дмитровским Нестором (Метаниевым) он был рукоположен во священника к Преображенскому храму в селе Крымское. В том же году отец Николай был назначен заведующим Крымской церковноприходской школой и законоучителем, а также преподавателем Закона Божия в земской школе того же села. С 1902 по 1909 год он был законоучителем в Якшинской земской школе, а с сентября 1909 года преподавал Закон Божий в земской школе в селе Наро-Осаново и состоял членом благочиннического совета третьего округа Рузского уезда.

С 1909 по 1915 год отец Николай состоял членом Рузского отделения Епархиального училищного совета. В 1911 году он был избран в правление Звенигородского Духовного училища.

За долгое время служения отец Николай был удостоен многих церковных наград. В 1924 году он был возведен в сан протоиерея,

Протоиерей Николай Соколов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

а в 1931 году награжден митрой. В 1930-х годах он был благочинным церковью Верейского и Можайского районов.

В 1930 году хозяйство священника было обложено большим сельскохозяйственным налогом, который выполнить отец Николай не смог. Лошадь и три коровы пришлось продать. В том же году его раскулачили, продав колхозу еще одну лошадь, две коровы и 20 пчелиных ульев. В 1931 году отца Николая арестовали и, продержав под следствием месяц, отпустили.

В разгар гонений на Русскую Православную Церковь 11 октября 1937 года протоиерей Николай был арестован и заключен сначала в тюрьму в Можайске, а затем в Таганскую тюрьму в Москве.

Первый допрос состоялся 13 октября. Следователь, расспросив отца Николая, с кем он поддерживает знакомства, стал обвинять его в контрреволюционной деятельности:

— Следствие располагает материалами, что вы являетесь членом контрреволюционной группы, состоящей из священников Верейского района Пушкинского, Прендковича, Юркова, Семенчука и других. Требуем дать правильные показания по существу.

— Хотя встречи у меня с этими священниками были, но членом контрреволюционной группы я не состоял и не знаю о существовании таковой.

— Следствие располагает материалами, что вы при встречах со священниками Пушкинским, Прендковичем, Юрковым, Семенчуком и другими вели контрреволюционные разговоры. Подтверждаете ли вы это?

— В своих беседах никаких контрреволюционных разговоров мы не вели. Наш разговор был официального порядка по вопросам чисто церковного характера.

— Вы говорите неверно. Следствием установлено, что вы в мае этого года вели разговор, что репрессии к духовенству, несомненно, ведутся из-за того, что перепись населения выявила нежела-

тельные для власти явления, большой процент верующих, — вот поэтому в газетах подняли шум, что попы вострепнулись, а безбожники и комсомол спят и не ведут борьбы с религией...

— Этого я не помню, чтобы с моей стороны были сделаны такие разъяснения, и не могу допустить мысли о том, чтобы я это мог сказать, так как сведений о результатах переписи по религиозному вопросу я не имею... Были случаи, когда я делился впечатлениями по вопросам раскрытия шпионских и вредительских групп, о чем сообщалось в газетах, но чтобы придавать им значение такое, как это поставлено в вопросе, категорически отрицаю...

На допросе, состоявшемся 16 октября, следователь пытался обвинить священника в том, что он проводит в местном совхозе «Дубки» антисоветскую деятельность. Но и это священник категорически отверг.

28 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу.

Протоиерей Николай Соколов был расстрелян 31 октября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

В 1940 году супруга священника, ничего не зная о судьбе отца Николая, обратилась в органы НКВД с прошением пересмотреть дело. Помощник прокурора по спецделам, пересмотрев материалы следственного дела, составил заключение, в котором говорилось: «...решение тройки... вынесено в соответствии с материалом в деле, мера наказания соответствует содеянному, поэтому жалобу оставить без удовлетворения».

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 10035, д. 20599.
АМП. Послужной список.
ЦИАМ. Ф. 203, оп. 763, д. 67.
ЦИАМ. Ф. 592, оп. 1, д. 1214, д. 1217.
ЦИАМ. Ф. 1371, оп. 1, д. 1, д. 47.

Октября 18 (31)

МУЧЕНИЦА

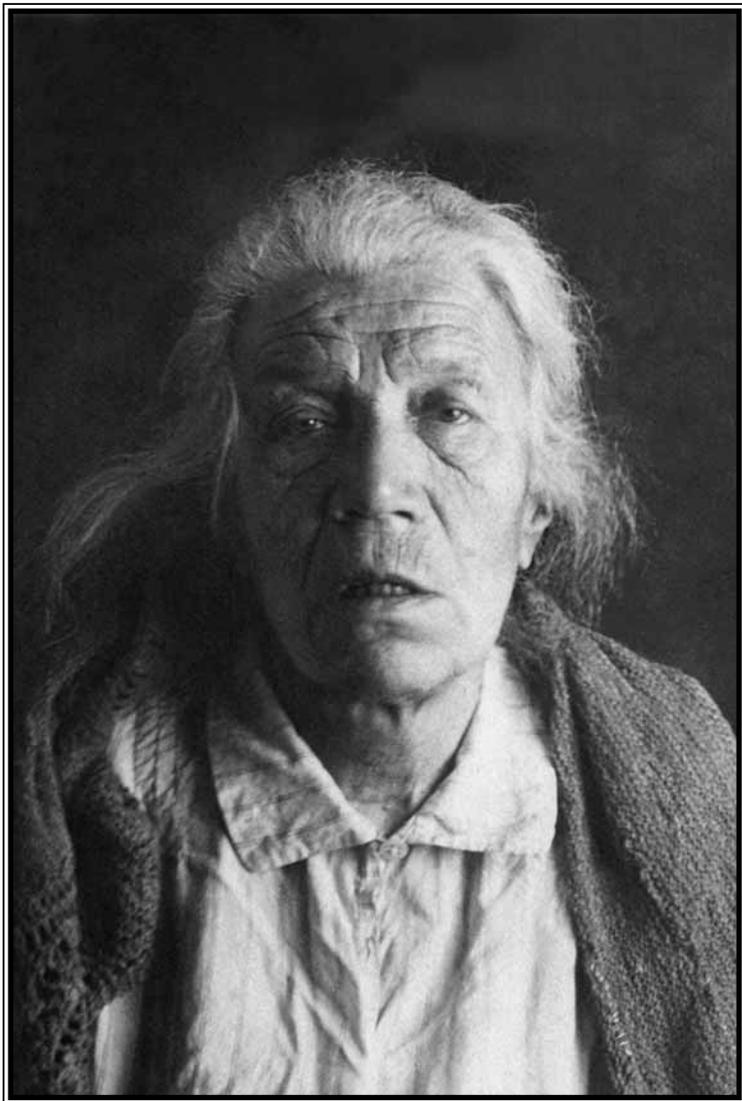
Елизавета (Крымова)

*М*ученица Елизавета родилась в 1877 году в городе Серпухове Московской губернии в семье рабочего Николая Крымова. Семья была бедная. Отец вскоре умер, мать, работая прачкой, не могла прокормить детей, поэтому вынуждена была отдать Елизавету в приют.

До 1917 года Елизавета Николаевна жила в приюте, где работала белошвейкой. После 1917 года Елизавета стала проживать в городе вместе с братом, который был инвалидом и нуждался в постоянной помощи. Несмотря на слабость здоровья, он устроился на фабрику конторщиком, и сестра жила на его иждивении, занимаясь хозяйством.

До закрытия в 1924 году Владычного Алексеевского серпуховского женского монастыря она ходила туда молиться, на протяжении всей жизни поддерживая самые близкие отношения с монахинями этого монастыря и чем могла помогая им.

19 мая 1931 года в Серпухове были арестованы более тридцати священнослужителей и монахинь Владычного монастыря, а вместе с ними и Елизавета Крымова. Их обвинили в том, что они «имели целевую установку – создание недовольства среди населения различными мероприятиями, проводимыми советской властью... Для своей контрреволюционной деятельности использовали церкви и свои квартиры, где вели организованную антисоветскую обработку верующего населения».

Елизавета Николаевна Крылова

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

На вопросы следователя Елизавета Крымова ответила: «Проживая в городе Серпухове, я ходила в церковь Успения. За богослужением в нашей церкви поминаются митрополиты Петр Крутицкий и Сергей, а также епископ Иоасаф. С политикой советской власти в религиозном вопросе я не согласна, ибо это оскорбляет мои религиозные чувства. В 1929 году у меня дома монахини проживали».

16 июля 1931 года тройка ОГПУ приговорила Елизавету Крымову к трем годам ссылки. Этапом она была направлена из Бутырской тюрьмы, где содержалась во время следствия, в Казахстан.

Брат Елизаветы Николаевны подал заявление в ОГПУ с просьбой, ввиду слабости его здоровья и отсутствия возможности помогать сестре материально, а в ссылке она не имеет возможности получить какой-либо заработок, пересмотреть ее дело и смягчить приговор. Однако это заявление было оставлено без последствий.

Елизавета Николаевна вернулась в Серпухов в 1934 году.

В это же время из ссылки вернулся иеромонах, который был назначен служить в городе Серпухове в храм святителя Николая, прозванный в народе храм Николы Бутки. Не имея жилья в городе, он обратился к Елизавете Крымовой и ее брату за помощью, и те любезно приютили его в своем доме.

В разгар гонений на Русскую Православную Церковь Елизавета Крымова 2 октября 1937 года была вместе с проживавшим у нее иеромонахом арестована и заключена под стражу в Серпуховской тюрьме. Во время следствия, не выдержав натиска следователей, иеромонах оговорил Елизавету, что она якобы вместе с ним занималась антисоветской деятельностью.

— С кем из граждан города Серпухова вы были арестованы в 1931 году? — спросил следователь.

— В 1931 году я была арестована как активная церковница с несколькими монахинями, проживавшими в городе Серпухове.

— Вы обвиняетесь в том, что с возвращением из ссылки среди населения проводили антисоветскую агитацию. Признаете себя в этом виновной?

— Связи я поддерживала с духовенством, антисоветскую агитацию среди населения я не проводила, и виновной в предъявленном мне обвинении я себя не признаю.

Елизавете Николаевне было в это время шестьдесят лет, и, по заключению тюремных врачей, она была совершенно неспособна к физическому труду из-за старческой дряхлости и миокардита.

Вскоре Елизавету Николаевну перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 17 октября 1937 года тройка НКВД приговорила ее к расстрелу.

Елизавета Николаевна Крымова была расстреляна 31 октября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76243, д. 20550.

Октября 31 (13 ноября)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

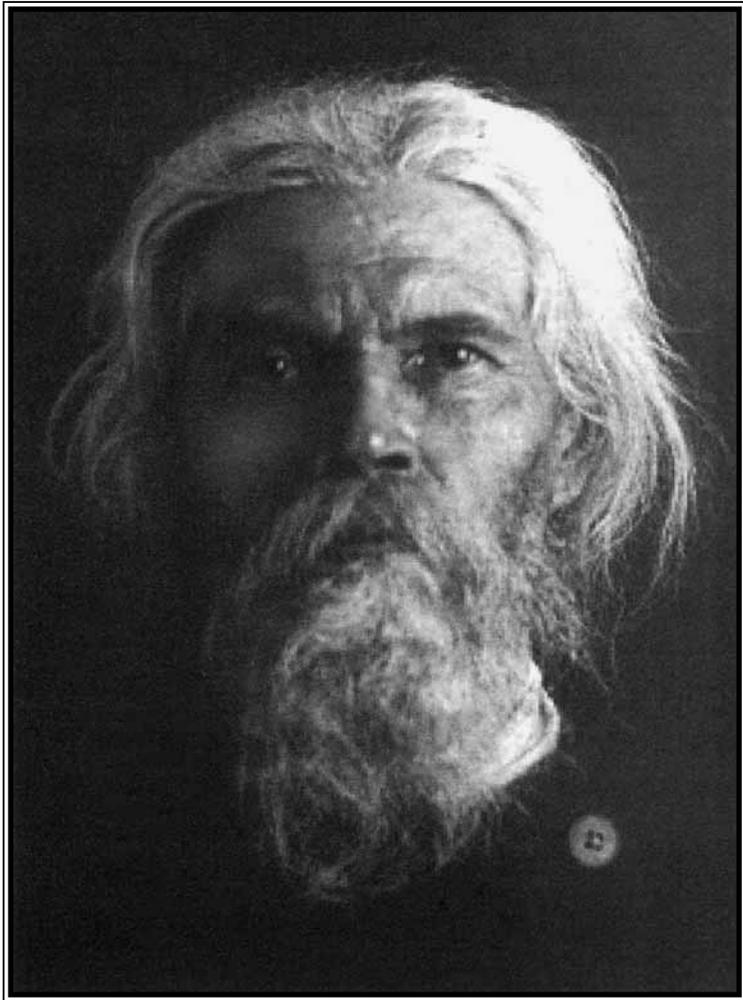
Петр (Воскобойников)

Священномученик Петр родился в 1867 году в селе Покровское Новосельского уезда Тульской губернии в семье священника Алексея Воскобойникова, служившего в Казанском храме села Баткополье Каширского уезда.

Петр Алексеевич окончил Тульскую Духовную семинарию. После рукоположения во священника он был определен на служение в село Баткополье, в храм, где служил его отец. В декабре 1933 года отец Петр был возведен в сан протоиерея. Вся пастырская жизнь отца Петра прошла в этом селе, здесь же он был и арестован в 1937 году.

В январе 1937 года сотрудник Каширского отделения НКВД составил своему начальнику донесение, в котором писал: «В колхозе Красное Гритчино... гражданка Ляпина, 70 лет, исключена из колхоза, распространяет среди колхозников антисоветские разговоры, говорит, что кого перепись застанет в колхозе, тот вечно будет в колхозе, и если скажет кто, что верую в Бога, тому хлеба не дадут...»

На этом донесении начальник Каширского отделения НКВД написал: «В разработку на попа из Баткополья». В августе 1937 года органы НКВД приступили к массовым арестам священнослужителей и мирян, стремясь физически уничтожить Русскую Православную Церковь.

Протоиерей Петр Воскобойников

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

9 сентября 1937 года отец Петр был арестован и заключен в Каширскую тюрьму. 11 сентября священник был допрошен начальником Каширского отделения НКВД.

— Когда и за что вы привлекались к ответственности? — спросил следователь.

— При советской власти я арестовывался ОГПУ один раз. После допроса я был освобожден, — за что привлекался, не знаю. Кроме того, меня несколько раз раскулачивали. Также я облагался твердыми заданиями по хлебозаготовкам.

— Вы среди населения проводили антисоветскую агитацию. Признаете ли это?

— Я антисоветской агитации нигде не проводил.

Сотрудник НКВД приступил к опросу свидетелей. 16 сентября был вызван на допрос председатель сельсовета, который показал: «Непосредственно от Воскобойникова я антисоветских высказываний не слышал, но мне известны его антисоветские настроения. Воскобойников ведет антисоветскую деятельность, активно помогает из средств церкви семьям репрессированных советской властью... Воскобойников очень активно ходит по деревням с исполнением религиозных треб без разрешения сельского совета... старательно пытается сблизиться со мной... не знаю, с какой целью, но, по-видимому, не в интересах социалистического строительства... С целью развала колхозов и с целью сокрытия своей враждебности успешно рекомендует всем посещать церковь...»

К делу отца Петра был приложен протокол допроса свидетеля Гавриила Забродина. Следователь допрашивал его еще в октябре 1935 года. На вопрос о том, что ему известно о раздаче отцом Петром денег в порядке помощи беднякам, Забродин ответил: «Мне из рассказов члена церковного совета Степанова, проводившего ревизию в церкви, известно, что священник Воскобойников в 1935 году из церковных сумм производил выдачу беднякам крестьянам денег как помощь...»

Считая обвинение на священника в антисоветской деятельности доказанным, следователь передал дело на рассмотрение тройки НКВД, которая 11 ноября 1937 года приговорила отца Петра к расстрелу.

Протоиерей Петр Воскобойников был расстрелян 13 ноября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19100.

Ноября 6 (19)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Гавриил (Гур)

*П*реподобномученик Гавриил родился 24 апреля 1898 года в деревне Огородники Царевской волости Слуцкого уезда Минской губернии в семье крестьянина Ивана Гура. Образование получил в церковноприходском училище в городе Гжатске Смоленской губернии. После смерти в 1918 году отца он поступил послушником в Николаевский монастырь Челябинской епархии, где подвизался до закрытия обители в 1922 году, после чего отправился на Афон, где пробыл до 1925 года. 22 января 1925 года он был пострижен в монашество в Николаевском кафедральном соборе в городе Баку с именем Гавриил, а 6 ноября того же года рукоположен во иеродиакона к кафедральному собору. С 4 марта 1929 года иеродиакон Гавриил стал служить в Благовещенской церкви в Павловой Слободе Воскресенского района Московской области.

В октябре 1929 года в Дорогомиловском кафедральном соборе Москвы он был рукоположен во иеромонаха к Успенской церкви села Левкиево Шаховского района Московской области. До отца Гавриила в храме служил священник Александр Протопопов, который 1 ноября 1929 года снял с себя сан «по тем причинам, — как он заявил, — что я учел момент и чувствовал, что наша работа являлась тормозом в проведении мероприятий советской власти. Кроме того, из послания апостола Иакова видно, что вся-

Александр Таврич (Тур)

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

кая власть дана от Бога, но постольку, поскольку в данное время власть от народа и кто власти не подчиняется, тот не подчиняется Самому Богу, и из этого рассуждения я считаю, что религия это есть опиум».

Когда в ноябре 1929 года отец Гавриил вместе со старостой храма подъезжали к селу, им навстречу попался Протопопов и спросил старосту: «Кого везешь?» А затем, обратившись к отцу Гавриилу, с усмешкой сказал: «Вот мы теперь завтра и послужим вместе!» На что отец Гавриил ему строго ответил: «Я вас до церковной ограды не допущу, не только в церковь!»

Сразу же, по приезде в село, отец Гавриил наладил благоговейное богослужение. Он крестил родившихся младенцев, зачастую не спрашивая, имеют ли родители на руках документы об их рождении. За это время отец Гавриил произнес две проповеди, но, будучи человеком некнижным и не наделенным даром слова, читал проповеди по дореволюционным книгам, в основном священника Григория Дьяченко, или составлял их сам по книгам, а затем читал.

11 декабря 1929 года был вызван для допроса Александр Протопопов, который показал: «После снятия с себя сана священника церковь я не посещаю, а поэтому лично мне не приходилось слышать, какие говорил проповеди Гур, но из разговоров с просвирней Протопоповой Марией Дмитриевной я узнал, что Гур говорил две проповеди, как-то: 1) о мучениях и страданиях двух святых: Варула и Романа, где говорится о том, что эти два святых переносили на земле разные мучения, а затем попали или надели венцы Царства Небесного; 2) о втором пришествии Христа, где говорится, что явится на небе крест, который будет служить доказательством второго пришествия Христа на землю, и будет каждому суд, то есть верующие попадут в Царство Небесное, а неверующие получают по заслугам наказание. Эти проповеди в данный период, то есть при строительстве советского государства, я считаю неуместными, так как масса может перевернуть по-своему,

то есть могут принять во внимание, что они якобы страдают в данный момент и что, если они пойдут с советской властью, которая борется с религией, то они могут также пострадать при втором пришествии Христа... Затем в отношении этих проповедей было разъяснение о том, чтобы они не применялись, так как епископ Герман был снят из Волоколамска и сослан за такие проповеди. Я твердо могу сказать, что такие проповеди, как говорил и Гур, здорово влияют на массу, а в особенности на темную и некультурную, которая только и ходит в церковь».

В тот же день был допрошен и отец Гавриил, который заявил, что не признает себя виновным в том, что «читал... проповеди, которые бы разлагали и настраивали против советской власти», и затем пояснил: «За время моего нахождения в селе Левкиево в течение около полутора месяцев читал всего две проповеди, из коих одна на тему святого причащения и покаяния и вторая о введении во храм Пресвятой Богородицы, в каких проповедях и тени нет на то, чтобы говорилось в них о каком-либо страдании народа и о том, чтобы народ терпел до прихода или второго пришествия Христа на землю, Который будет судьей, и неверующие будут наказаны. Точно описать эти проповеди, что в них говорится, не могу ввиду моей малограмотности... Читал проповеди я по книгам, то есть не по книгам, а по списанному из книг. Первую проповедь я читал по книге, а вторую с листа бумаги, переписанную также из книги. Между прочим в первой проповеди говорилось о двух мучениках Варуле и Романе...»

31 декабря 1929 года состоялось заседание сельсовета, на котором обсуждалась деятельность священника. Был поставлен вопрос о запрещении ему хождения по селу с молебнами. При этом было отмечено, что новый священник для советской власти значительно хуже прежнего. Тот ходил с молебнами только для того, чтобы набить свой карман, а этот с совершенно иной целью, и говорит такие немыслимые проповеди, что с этими проповедями он скоро засыплется.

Во время своего служения в селе Левкиево отец Гавриил успел прочесть всего две проповеди — о святых мучениках Романе и Варуле и на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Вызванная 8 января 1930 года в качестве свидетельницы учительница местной школы показала, что священник «говорил проповедь в какой-то праздник двух святых — в первых числах ноября месяца. Им было рассказано о жизни этих святых, о их мучениях и страданиях. Поп говорит: “Когда эти люди — два мученика перенесли земные страдания, то они, попадая в райские обители, получили венцы Царства Небесного. Точно так же, православные христиане, обращаюсь и к вам с просьбой, чтобы вы так же при земной жизни переносили все страдания и мучения, которые вам встречаются в жизни. Терпите, православные! И вы получите в райской обители венцы Царства Небесного”. Этим же попом была сказана и вторая проповедь, приблизительно в первых числах декабря месяца... о втором сошествии на землю Господа Бога; когда Он явится на землю, то будет конец мира, так как Господь Бог будет всех верующих и неверующих судить, — конечно, верующие пойдут в одну сторону, а неверующим должна придти кончина. Предвестником этого сошествия на небе явится огненный крест — тогда-то и возопиют все неверующие, но уже будет поздно. Так что, православные, как можно чаще посещайте храм Божий и не отрекайтесь от Господа Бога».

В тот же день, 8 января, отец Гавриил был арестован, и 17 января вероотступник Протопопов снова дал против него показания и, подтвердив содержание проповедей, которых он не слышал, так как в храм после снятия сана не ходил, заявил: «Обе проповеди я рассматриваю так, что Гур говорил о теперешних страданиях народа при советской власти и призывал к страданию и мучению, эти слова Гура никак не могут не влиять на верующих граждан, что поводом к массовому выходу из колхозов, а в особенности женщин, также служило. Я с своей стороны считаю, что эти сказанные Гуром две проповеди при колхозном строительст-

ве, как тормозящие, являются неуместными, ибо несознательная масса должна понимать так, что при организации колхозов придется страдать народу, и от таких проповедей несознательная часть деревни в колхоз не пойдет, а потому сплошная коллективизация Шаховского района будет не осуществима, и лиц, как Гура, тормозящих коллективизацию, из данного района нужно выселять».

Видя, что дело клонится к его осуждению, так как сотрудники ОГПУ вызывают только враждебных Церкви свидетелей и отказываются вызывать тех, кто действительно слышал проповеди, отец Гавриил направил заявление одному из местных начальников, в котором писал: «Ввиду того, что меня обвиняют, якобы я говорил проповеди и разлагал народную массу в церкви, то таких не было, и я говорил только по книгам... и при допросе по моей малограмотности я не мог объяснить словесно мою проповедь, посему прошу Вашего распоряжения отпустить меня с охраной милиции для доставления таковой проповеди в суд для точного расследования. Проезд милиционера и все расходы будут оплачены мною».

Проповеди были доставлены следователю. В первой проповеди, произнесенной 18 ноября, отец Гавриил сказал: «Святые мученики Роман и Варул отрок, память коих ныне, пострадали при Максимиане, в начале IV века. Когда Максимиан воздвиг гонение на христиан, то Роман, встретив епарха Асклипиада, шедшего на идольский праздник с толпою народа, начал убеждать всех оставить идолов и обратиться ко Христу. Епарх приказал мучить его. Святой Роман, увидев во время мучений отрока Варула, сказал епарху: “Этот отрок хотя и мал, но разумнее тебя, ибо знает истинного Бога”. Тогда Асклипиад, отдав приказание задушить святого Романа, спросил отрока: “кого он почитает Богом?” — “Иисуса Христа”, — отвечал отрок. “Почему же ты Его почитаешь?” — “Потому, что Он истинный Бог, а ваши боги — бесы”. Посрамленный епарх приказал бить отрока крепкими прутьями,

желая вымучить у него отречение от Христа; но святое дитя терпело мужественно жестокое биение. Измученное, истекшее кровию, томимое жаждою, оно просило у предстоящих только несколько воды, чтоб утолить жажду; но когда мать его, стоявшая тут же в народе, упрекнула его в малодушии, убеждая терпеть все за Христа Господа в несомненном уповании жизни вечной, оно переносило уже безмолвно все терзания мучителей. Еще более посрамленный не только разумом, но и терпением дитяти, епарх приказал отсечь ему голову. Тогда благочестивая мать его взяла его в свои объятия и сама понесла на место казни. Дорогой она с матернею любовью и нежностью убеждала его не страшиться смерти, напротив, радоваться, что он идет к Господу Иисусу Христу, узрит Его Божественную славу и будет жить с Ним вечно в неизреченной радости, ликуя со святыми Его ангелами. Не дивно после сего, что это святое дитя не только небоязненно, но охотно и с радостью преклонило свою голову под меч палача...

Видите ль, братия мои, с какой точностью сбывается слово Господне, что Отец небесный утаил святую истину Свою от премудрых и разумных и открыл ее младенцам? Не то же ли видим и теперь? Посмотрите на воспитанное в благочестии христианском дитя, которое на вопрос ваш: откуда произошел мир? — ответит вам со всею искренностью сердечной веры: Бог сотворил небо и землю силою всемогущего слова Своего. Не разумнее ли оно тех мудрецов, которые пишут большие книги, чтобы разными изворотами ума закрасить и выдать за новый вывод науки очень старую языческую басню, будто мир самобытен, что материя сама в себе имеет силы, которыми мало-помалу, в течение неисчислимых веков вырабатывается все, что видим ныне в окружающем нас мире? Если бы кто согласился с этой безумной басней, тот должен согласиться и с тем, что и дом сам собой построился, и книга составила само собой из рассыпанных наугад букв, без всякого участия какой-либо разумной силы. Но если и такие ничтожные вещи, как построить дом или написать книгу, нельзя со-

вершить без разумной воли человека, то кто же кроме безумного может утверждать, что столь дивный, столь прекрасный, столь премудро и целесообразно устроенный мир, с бесчисленными творениями Божиими, мог сам собой из случайного сцепления частиц устроиться и развиваться по известному плану? Или, когда на вопрос ваш: откуда произошел человек? — дитя скажет вам, что Господь Бог создал тело человека из земли и оживотворил его душою разумною и бессмертною, созданною по образу и подобию Божию, не умнее ли оно в тысячу раз тех разумников, которые хвалятся новым открытием своей обьяуродевшей мудрости, что они выродились от животных и что жребий человеку и жребий скотам жребий един есть? Поистине, *Господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем. Ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою* (Мф. 11, 25–26). Так наказуешь Ты слепотою тех, которые отвращаются от Тебя, Света истиннаго, просвещающаго всякаго человека! Так обуяешь Ты премудрость мира сего, *понеже бо в премудрости Божией не разуме мир премудростию Бога* (1 Кор. 1, 21). Так предаешь Ты в неискусен ум творити неподобная тех, которые не хотят познать *Тебе единаго истиннаго Бога, и Егоже послал еси Иисус Христа* (Ин. 17, 3)! Так оставляешь идти путем вечной тьмы и погибели тех, которые не хотят последовать с искреннею верою и любовию Тому, Который есть путь, истина и живот!..

Особенно поучительно для нас, братия, то обстоятельство, что в древней христианской Церкви благочестивые родители почитали святым долгом своим не только научить детей своих истинам веры Христовой с самого раннего возраста, едва начнут только развиваться их душевные силы, но воодушевить их той крепкой, непобедимой любовью к Господу Иисусу Христу, которая укрепляла самых младенцев к перенесению страшных мучений за имя Христово, и тем живым упованием вечной жизни во Христе Иисусе, которое делало для них не страшною, а радостною самою смертью за Христа. Отрок Варул — так назывался этот дивно-

прекрасный дитя-мученик — не был приготовляем каким-либо особым образом к такому испытанию в вере. Он взят был внезапно из числа подобных ему детей и, однако же, оказался не только совершенным в познании Христа Господа, но и готовым страдать и умереть за святое и поклоняемое имя Его. В этом-то истинно христианском воспитании детей и состоит истинная любовь родительская к детям; потому что только такое воспитание делает истинно счастливыми не только детей, а и самих родителей. Несчастливы те родители, которые, не напитав детей своих с самого юного возраста млеком слова Божия и учения христианского, не оживотворив сердца их любовью к Господу Иисусу Христу, не укоренив в душе их спасительного страха Божия, принуждены бывают плакать потом об их умственном и нравственном развращении. Они и здесь, на земле, приемлют достойную мзду за свое небрежение; что же ожидает их за гробом? Помните ль, с какою любовью и благостию принимал Господь Иисус Христос входящих к Нему детей: *объемь их, возложь руце на них, благословляше их* (Мк. 10, 16). Так драгоценна в очах Божиих омытая кровию Христовою душа дитяти христианина! Кто бережет ее для Царствия Божия, тот окажет драгоценнейшую услугу Господу Иисусу Христу. «Оставьте детей и не браните им приходи ко Мне: таковых бо есть Царствие Божие»...

Возлюбленные во Христе Иисусе, Господе нашем, братия и сестры! Запечатлеем эти уроки в наших сердцах и будем молить Господа, да подаст Он Свою небесную помощь следовать им, дабы не лишиться нам жизни вечной и не погубить для нее своим небрежением наших детей. Аминь».

Во второй проповеди 21 ноября отец Гавриил сказал: «Вспоминая вход Богоотроковицы в храм Божий, и мы должны стараться как можно чаще с благоговением посещать церковь Божию, так как присутствие в ней при Божественных службах есть одно из главных средств для нашего освящения. Молитва, принесенная в храме, имеет особенную силу и благодатные последст-

вия, и если молящийся иногда и не так усердно возносит свои мольбы к Господу, то молитвою священнослужителей и верующих они подкрепляются. В церкви душа наша назидается слушанием чтения Евангелия и Апостола и поучением пастырей. Здесь посредством Святых Таин преподается исцеление от душевных болезней, и как бы велики ни были наши грехи, но искреннее раскаяние и сердечное исповедание совершенного нами дает нам возможность очистить себя и даровать здравие душе. Наконец, в церкви же, пред лицом Бога, у Которого нет мертвых, молясь за усопших родных и близких, мы через эти молитвы приближаемся к ним духом и облегчаем свою печаль о разлуке с ними. В церкви и просвещение души, и милость, и прощение, и радость, и утешение для сердца.

Благочестие христианина не должно ограничиваться только присутствием в святом храме. Святой храм есть духовная лечебница для человека, откуда он должен почерпнуть врачевство для души своей. Для больного не довольно еще, чтобы только выслушать советы от врача, но он должен стараться по уходе от него исполнять их. И для человека, одержимого болезнями духовными, не довольно, чтобы только в святом храме выслушать спасительные советы от святых апостолов и евангелистов, — он должен по выходе из храма приводить их в действие. Он должен стараться припомнить все слышанное им в храме; по выходе из храма не тотчас должен предаваться мирским занятиям, а употребить хоть несколько времени на размышление о том, что слышал и видел он во святом храме; должен дать себе строгий отчет в проведенном там времени и спросить себя самого: что приобрел он от присутствия во святом храме? Не прогневал ли в чем Бога? О чем тогда он помышлял? На что обращал особенное внимание? Какие чувствования пробуждались в душе его при совершении таинства причащения? Такие и подобные мысли необходимо должен пробуждать в душе своей христианин по выходе из святого храма.

Присутствование в храме Божиим не останется для нас, братие, бесплодным, низведет на нас Божие благоволение, если, стоя в нем, не будем забывать, что мы стоим в доме Божиим, образующим собою небо, в доме молитвы, где совершаются великие и страшные таинства, если будем стоять в нем со вниманием, благоговением и страхом Божиим».

13 февраля 1930 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило иеромонаха Гавриила к трем годам заключения в концлагерь, и он был отправлен в Печерские лагеря.

Вернувшись из заключения в 1932 году, он был направлен служить в Вознесенскую церковь в селе Рахманово Пушкинского района, а затем переведен в храм в Савинской Слободе Звенигородского уезда, где ему пришлось прослужить всего один месяц, так как советские власти отказались его прописывать. Отец Гавриил уехал в Клинский район и служил в Троицкой церкви села Бирева, Одигитриевской — села Воронина и Николаевской — села Голенищева. Все переводы были связаны с опасением нового ареста. 10 июня 1936 года иеромонах Гавриил оставил службу в храме и устроился работать электромонтером на Клинский стекольный завод, здесь он проработал до 3 февраля 1937 года, а по уходе с завода был направлен священноначалием в храм в село Лесинцево Наро-Фоминского района, где прослужил до 22 июня того же года и был переведен в храм святых апостолов Петра и Павла в селе Лыткарино Ухтомского района; здесь ему пришлось прослужить совсем недолго ввиду надвинувшихся грозных гонений.

Иеромонах Гавриил был арестован 29 сентября 1937 года и допрашивался в течение месяца.

— Ваше отношение к советской власти? — спросил его следователь.

— Мое отношение к советской власти лояльное.

— В каких же целях вы распространяли ложные провокационные слухи о якобы имеющемся в СССР гонении на религию и духовенство?

— Нет, таких слухов я не распускал.

— Следствию известно, что вы распространяли контрреволюционные провокационные слухи о якобы имеющемся голоде в колхозах. Вы это подтверждаете?

— Это я отрицаю.

— Вы продолжаете давать ложные показания, за антиколхозную агитацию вы задерживались милицией. Следствие предлагает дать правдивые показания.

— Что мог, все дал, больше дать не могу.

Был вызван в качестве лжесвидетеля псаломщик храма в селе Лесинцево, который показал, что был у священника дома три раза и может засвидетельствовать, что иеромонах Гавриил «человек, антисоветски настроенный», что относительно новой конституции он говорил: «Эта новая конституция сейчас нам никакой пользы не приносит, она написана только на бумаге для обмана народа. Новая конституция, а расстрелов стало больше, ждать хорошего от этой новой конституции нам не приходится, — наоборот, на нас стало больше гонения». Кроме того, был вызван в качестве дежурного свидетеля один из священников города Москвы.

13 ноября 1937 года следствие было закончено, 17 ноября тройка НКВД приговорила отца Гавриила к расстрелу. После приговора он был перевезен в Таганскую тюрьму в Москве. Иеромонах Гавриил (Гур) был расстрелян 19 ноября 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-49069, д. 19182.
АМП. Послужной список.

Ноября 9 (22)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

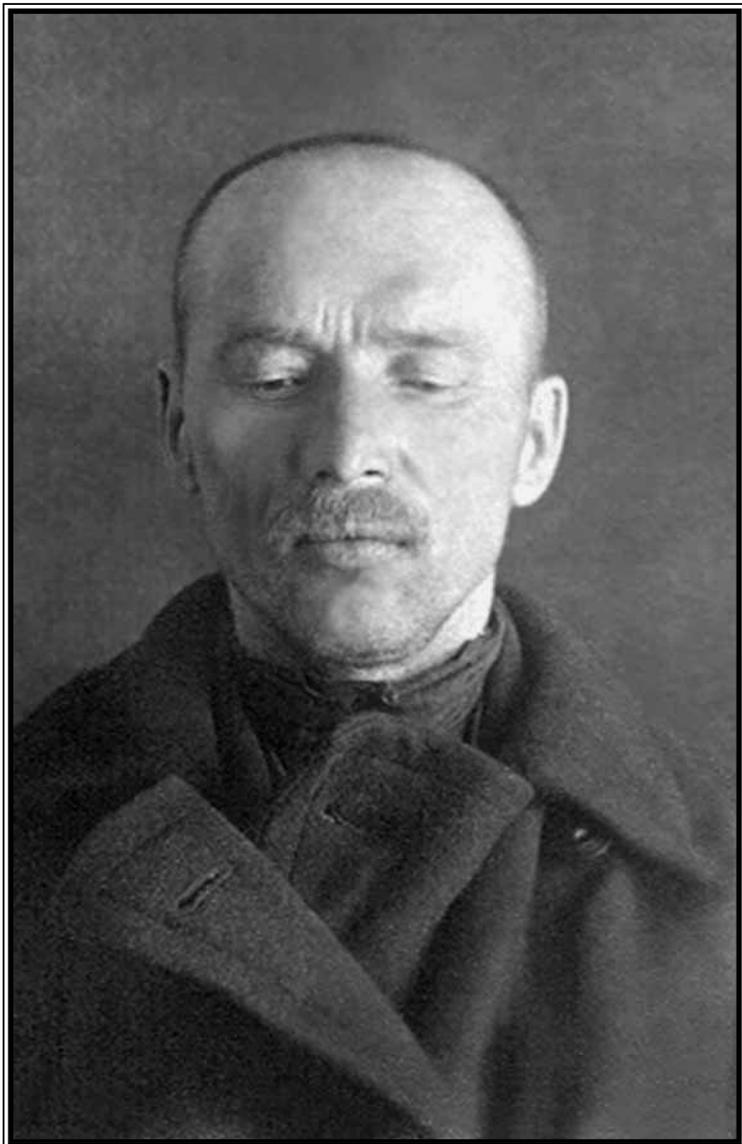
Иосиф (Сченснович)

Священномученик Иосиф родился 7 июня 1886 года в местечке Жировицы Слонимского уезда Гродненской губернии в семье белорусского крестьянина Антония Сченсновича. Настрой семьи был глубоко православным, и Иосиф с юности посвятил свою жизнь служению Церкви. В 1901 году Иосиф окончил Жировицкое Духовное училище. В 1903 году он окончил курсы псаломщиков в городе Гродно и был определен псаломщиком в храм в селе Великий Лес Брестского уезда Гродненской губернии, где прослужил до 1915 года.

30 августа 1915 года, из-за начавшихся военных действий, Иосиф был вынужден эвакуироваться и в начале 1916 года прибыл в Москву. Здесь он поступил псаломщиком в храм преподобного Сергия, что в Рогожской Слободе, по совместительству работая в товарной конторе Северной железной дороги.

В 1918 году Иосиф Антонович выехал из Москвы в Воронежскую губернию в село Алексеевку и в том же году переехал в слободу Лашиновка Старобельского уезда Харьковской губернии, где стал служить псаломщиком. В 1921 году он окончил пастырские курсы в городе Старобельске. В 1922 году он стал служить псаломщиком в храме в селе Счастье Старобельского уезда.

В 1924 году Иосиф Антонович был рукоположен в сан диакона ко храму в поселке Высокое Харьковской области, где прослу-

Дуакон Уосиф Олененович

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

жил пять лет. В 1929 году он стал служить диаконом в храме Петра и Павла у Яузских ворот в Москве, с 1930 года — в Троицком храме поселка Купавна Ногинского района Московской области. В том же году за безупречное церковное служение он был награжден двойным ораером. В это время у них с женой Александрой было трое детей, причем младший сын только родился. У диакона Иосифа были родственники, оставшиеся на территории, которая отошла к Польше; они писали ему, что живут в материальном отношении вполне сносно, и приглашали приехать. В 1933 году диакон Иосиф отнес документы в Польское посольство, предполагая выехать к братьям в Польшу, но из этого ничего не вышло.

5 ноября 1937 года руководители НКВД по Московской области Якубович, Персиц и Васильев выписали справку на арест диакона Иосифа. В ней они писали, что «в поселке Купавна Ногинского района Московской области группа церковников ведет среди населения контрреволюционную агитацию, внедряя в сознание масс веру в сверхъестественные силы. Иосиф Антонович Сченснович с контрреволюционной целью посещает квартиры отдельных работников, распропагандируя их в контрреволюционно-церковном духе, оказывая некоторым материальную помощь. В результате его посещений гражданка Митина, ранее не посещавшая церковь, стала активной церковницей».

10 ноября были допрошены свидетели, одна из них показала, что «диакон Сченснович своих детей принуждает посещать церковь. Семья под влиянием главы настроена крайне религиозно».

12 ноября 1937 года власти арестовали настоятеля Троицкой церкви в поселке Купавна священника Димитрия Богоявленского, диакона Иосифа Сченсновича и члена церковной двадцатки Сергея Фрыгина, заключив их в тюрьму в городе Ногинске. На следующий день после ареста диакон Иосиф был допрошен.

— Следствию известно, что вы вели контрреволюционную агитацию, распуская провокационные слухи о СССР, — сказал следователь.

— Контрреволюционной агитации и провокационных слухов я не распускал, а высказанные мною настроения о Советском Союзе, побудившие меня обратиться в Польское посольство с просьбой о выезде в Польшу, были настроениями лично моими и моей семьи.

— Следствием установлено, что вы совместно с Богоявленским и Фрыгиным среди верующих проводили контрреволюционную деятельность.

— Лично я контрреволюционной работы среди населения не проводил, а о Богоявленском и Фрыгине ничего не знаю. Мне только известно, что Богоявленский является настоятелем церкви, с ним я проживал в одном доме, а Фрыгин — церковник и посещал церковь.

— Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

На этом допросы были закончены. Через несколько дней, 19 ноября, тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Диакон Иосиф Сченснович был расстрелян 21 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ, Ф. 10035, д. 62614.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Ноября 12 (25)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Матфей (Алоин)

Священномученик Матфей родился 1 августа 1879 года в селе Стенькино недалеко от Рязани в семье священника Александра Алоина.

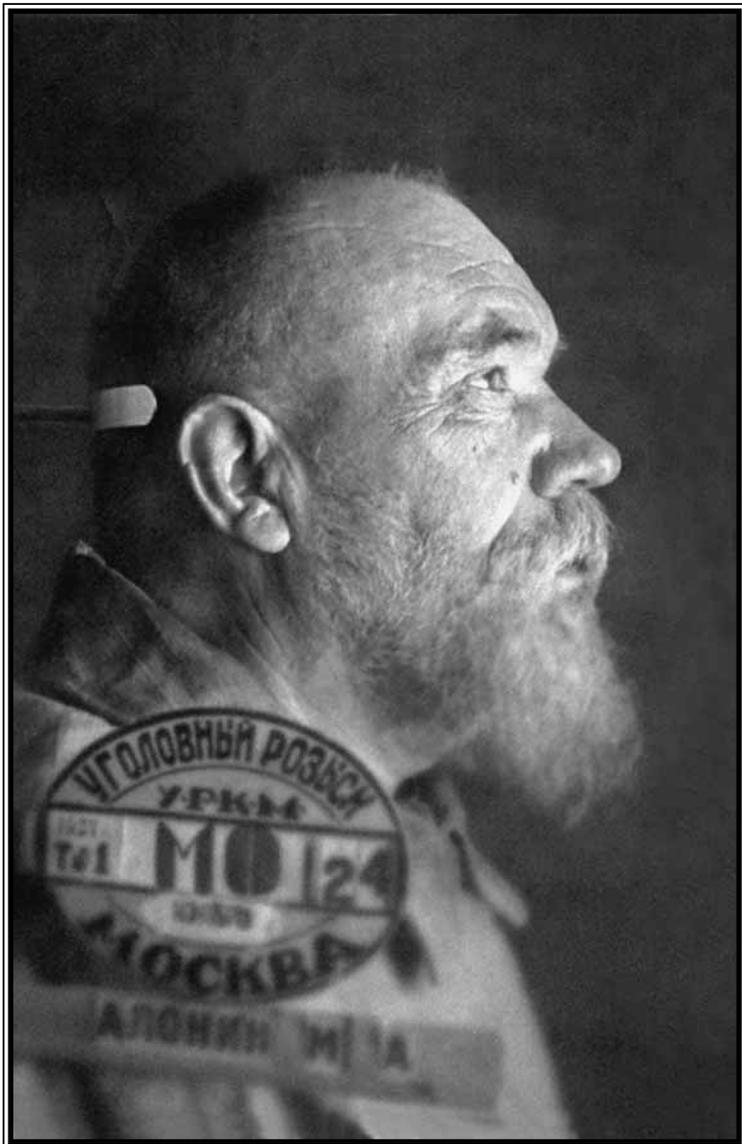
После окончания Рязанской Духовной семинарии Матфей Александрович был рукоположен в 1899 году в сан диакона, а в 1909 году в сан священника. В 1929 году отец Матфей был возведен в сан протоиерея.

Отец Матфей последовательно служил в различных епархиях: сначала в Черниговской в селе Лысье, а затем перевелся в Рязанскую епархию, где служил в селах Хавертово и Поляны.

Последние годы жизни отец Матфей служил в храмах Коломенского района Подмосковья: в Никольской церкви в селе Погост Старки, а в 1936 году, незадолго до мученической кончины, его перевели в Успенский храм в селе Мячково.

В 1937 году советская власть решила Успенский храм в селе Мячково закрыть и переделать в зернохранилище. Для этого было проведено собрание граждан, которые, как планировали безбожники, должны были высказаться за скорейшее закрытие церкви. Однако верующие, пришедшие на собрание, сумели отстоять храм от закрытия.

Летом 1937 года безбожники начали беспощадное гонение на Русскую Православную Церковь. В октябре 1937 года сотрудники Коломенского районного отделения НКВД решили арестовать

Протоиерей Матфей Алоин

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

отца Матфея. Для дачи показаний было вызвано несколько человек, жителей села Мячково, которые подписали необходимые показания. Как доказательство антисоветской деятельности священника они привели факты, что отец Матфей выступал против закрытия храмов, против воспитания молодежи в атеистическом духе, о чем часто беседовал с верующими в храме и на улице, а также хорошо относился к тем, кого советская власть считала кулаками.

31 октября 1937 года протоиерей Матфей Алоин был арестован сотрудниками НКВД и заключен в Коломенскую тюрьму.

— Вы арестованы за проведение активной антисоветской деятельности, требую дать показания, — потребовал следователь.

— Никакой антисоветской деятельности я не вел.

— Следствие имеет данные, что вы являетесь участником контрреволюционной церковно-монархической группы и участником контрреволюционной кулацкой группы в селе Мячково. Требую дать правдивые показания.

— Я участником контрреволюционной церковно-монархической группы и участником контрреволюционной кулацкой группы в селе Мячково не являлся и о существовании их ничего не знал.

Следователь зачитал все показания лжесвидетелей.

— Еще раз требую в последний раз чистосердечных показаний, — сказал следователь.

— Я показания свидетелей отрицаю, антисоветской агитации и деятельности я не вел.

Вскоре отец Матфей был переведен в Таганскую тюрьму в Москве. Здесь священника 13 ноября допросили еще раз.

— Вы обвиняетесь в том, что вели активную контрреволюционную агитацию. Признаете себя виновным?

— Нет, виновным себя не признаю.

— Подтверждаете свои предыдущие показания по данному делу?

— Да, подтверждаю.
— С какого времени вы являетесь служителем религиозного культа?

— С 1899 года по 1909 год диакон, после все время священник.

Допросы на этом закончились. На следующий день — 14 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Матфея к расстрелу.

Протоиерей Матфей Алоин был расстрелян 25 ноября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19105.
АМП. Послужной список.
Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999.

Ноября 12 (25)

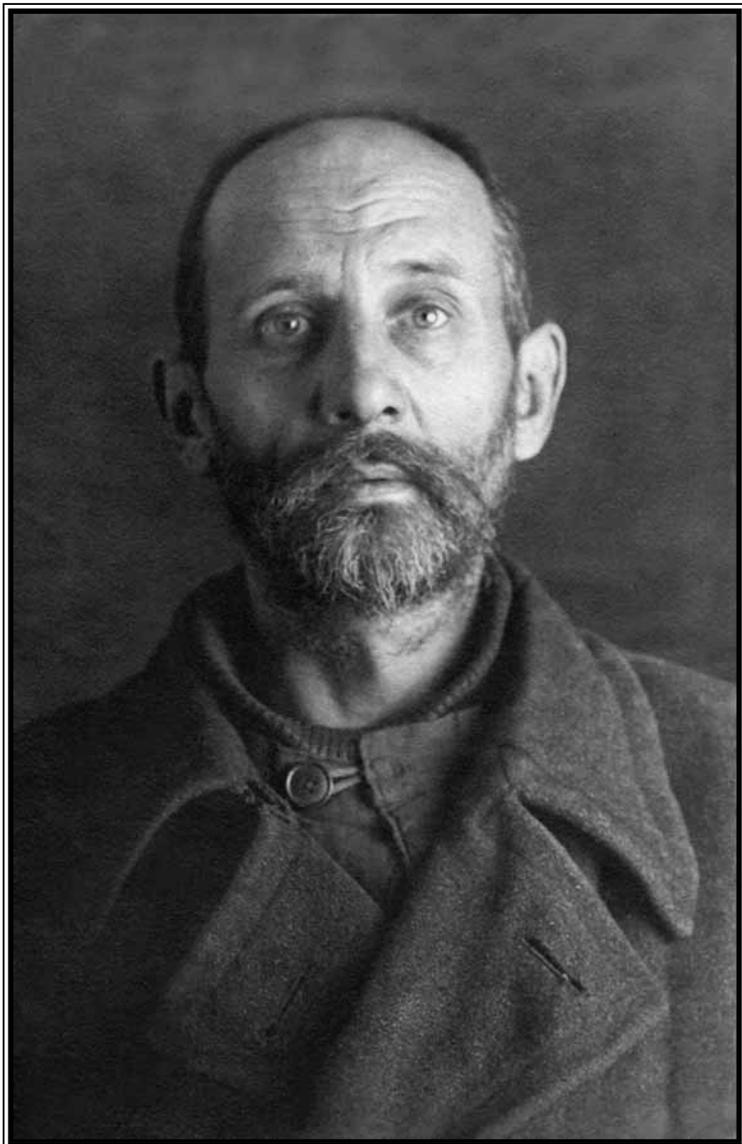
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Димитрий (Розанов)

Священномученик Димитрий родился 15 августа 1890 года в Москве в семье священника Иоанна Петровича Розанова. Отец Иоанн служил в одном из храмов Москвы до самой своей кончины в 1920 году. В 1911 году Дмитрий Иванович окончил Московскую Духовную семинарию и в 1912 году был рукоположен во диакона ко храму в селе Шестаково Глинского уезда Екатеринославской губернии. В 1914 году он был переведен в один из московских храмов и возведен в сан протодиакона. В 1919 году протодиакон Димитрий был рукоположен в сан священника и служил впоследствии в храме святых мучеников Флора и Лавра на Зацепе.

1 января 1933 года он был арестован вместе со священниками, диаконом и членами церковного совета храма святых мучеников Флора и Лавра. Все они были заключены в Бутырскую тюрьму. Власти обвинили отца Димитрия в том, что он «являлся участником контрреволюционной группы церковников, члены которой устраивали сборища, где в антисоветском духе обсуждалась политика советской власти и рассказывались антисоветские анекдоты».

На вопрос следователя, рассказывал ли он антисоветские анекдоты и велись ли антисоветские разговоры, когда священники и прихожане собирались вместе, отец Димитрий ответил: «При мне никаких антисоветских разговоров не велось. Посещая

Священник Дмитрий Розанов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

квартиры прихожан и совершая церковные требы, после таковых никогда на политические темы разговоров не вел».

На следующем допросе следователь в надежде получить какие-либо сведения, компрометирующие или самого священника, или других, спросил, знает ли тот архимандрита Филарета (Студиникина). Отец Димитрий ответил, что знает: «Он служил в селе Юсупово, станции Барыбино, в настоящее время переехал служить в Волоколамский уезд. По его словам, в селе Юсупово, до его назначения туда, священник ушел в колхоз, который организовался в том же селе. Состоит ли тот священник сейчас в колхозе, сказать не могу».

10 февраля, будучи вызван на последний допрос, отец Димитрий сказал: «Нового добавить к своим прежним показаниям ничего не могу».

15 марта 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило его к трем годам высылки в Северный край.

Ссылку он был отправлен отбывать в город Каргополь и здесь познакомился с протоиереем Александром Зверевым. После окончания ссылки отец Александр пригласил его жить в Волоколамский район, где он служил вместе с другим священником Павлом Андреевым в церкви Рождества Богородицы в селе Возмище. Свободной священнической вакансии в то время в благочинии не было, и отец Димитрий, поселившись в селе Возмище в ожидании вакантного священнического места, стал работать упаковщиком в волоколамской артели «Швейник» и по мере возможности служил в храме Рождества Богородицы, сослужа протоиереям Павлу и Александру.

8 октября 1937 года власти арестовали его и заключили в Волоколамскую тюрьму. Священника обвинили в том, что он предложил сделать надпись на ленте погребального венка одному из скончавшихся сотрудников артели, употребив слово «товарищ», а тот был в прошлом, с точки зрения властей, кулак, и власти сочли

предложение священника контрреволюционным. 10 октября следователь допросил священника.

— Следствием установлено, что вы вели контрреволюционную антисоветскую деятельность, — заявил он.

— Контрреволюционной антисоветской деятельностью я не занимался, — ответил священник.

— Вам зачитывается показание свидетеля, уличающего вас в контрреволюционной антисоветской деятельности: «Я присутствовал при изготовлении венка от артели швейников бывшему кулаку Алексею Ксенофонтовичу Куварову. Розанов среди присутствующих членов артели вел контрреволюционную агитацию, говоря: “Теперь по новой конституции все люди равны, и надо написать: дорогому товарищу от швейников”».

— Контрреволюционной антисоветской деятельности я не вел. Что же касается зачитанного мне факта... Действительно, при обращении ко мне я предложил текст для ленты: «Алексею Ксенофонтовичу Куварову от признательных товарищей». Что же касается контрреволюционных и антисоветских высказываний, я это отрицаю.

— Следствие располагает данными, что вы участвовали в сборищах попов и монахинь, на которых составлялся сговор относительно ведения контрреволюционной, антисоветской деятельности среди населения.

— На сборищах попов и монахинь я не присутствовал. С монахинями и священниками я виделся только во время отправления службы в церкви, где я иногда принимал участие в пении.

— Какие церкви вы большей частью посещали?

— Большой частью я посещал Покровскую церковь, но были случаи, когда я посещал церкви власьевскую и возмищенскую.

— Следствие располагает данными, что вы вели антисоветскую деятельность в селе Возмище среди колхозников, направленную на развал колхоза.

— Это я отрицаю. Контрреволюционной антисоветской агитации среди колхозников я не вел и антисоветскими высказываниями не занимался.

На этом допрос священника был закончен. 27 октября следователь снова вызвал его на допрос, на котором был задан всего один вопрос, признает ли себя священник виновным в антисоветской деятельности, на что тот ответил, что не признает.

14 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Димитрия к расстрелу. Священник Димитрий Розанов был расстрелян 25 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 41848.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-35331.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Ноября 14 (27)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Сергий (Руфицкий)

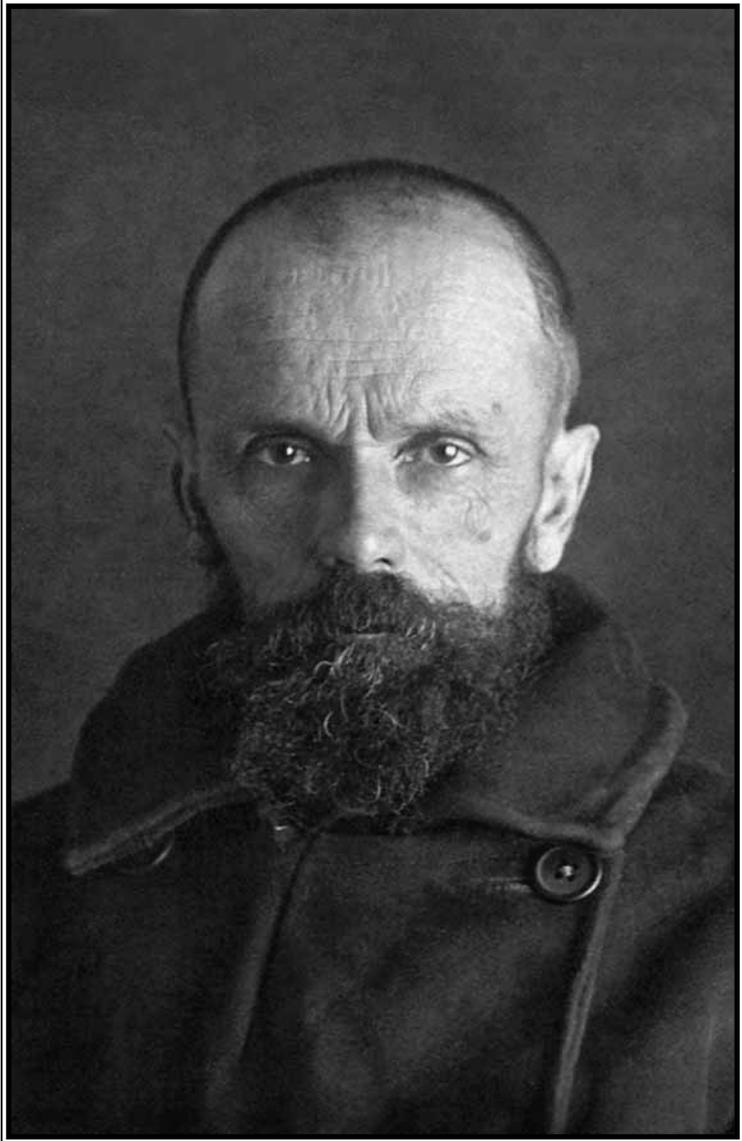
и мученик Димитрий (Рудаков)

Священномученик **Сергий** родился 6 августа 1884 года в селе Ельцино Владимирской губернии в семье священника Михаила Ивановича Руфицкого. Отец Михаил служил в храме Тихвинской иконы Божией Матери села Иваново, с которым тесно связана судьба его сына Сергея. Все четверо сыновей отца Михаила окончили Владимирское Духовное училище и Владимирскую Духовную семинарию и стали священниками. В советское время все они приняли мученическую кончину.

Сергей Михайлович окончил семинарию в 1904 году, в 1907 году он был рукоположен во священника и направлен служить в храм села Седиково.

В 1907 году овдовела его сестра, муж которой — настоятель храма Тихвинской иконы Божией Матери села Иваново — наследовал это место у их отца священника Михаила Руфицкого, умершего в 1896 году. В 1919 году отец Сергей Руфицкий был переведен в этот храм, и заботы о содержании сестры легли на его плечи. Здесь он служил до своего ареста в 1937 году. Псаломщиком в храме в это время был Дмитрий Иванович Рудаков, с которым у отца Сергия сложились добрые отношения.

Мученик Димитрий родился 20 октября 1879 года в селе Покров Владимирской губернии в семье священника Иоанна Рудакова. В 1889 году он окончил три класса духовного училища. С 1901 по 1914 год служил псаломщиком в храме села Гаврильцево,

Протоиерей Сергей Луфинский

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

а в 1914 году перешел в приход храма Тихвинской иконы Божией Матери села Иваново, где и служил до своего ареста. После смерти супруги Дмитрий Иванович вторично женился, у них с Татьяной Федоровной в 1919 году родилась дочь Надежда.

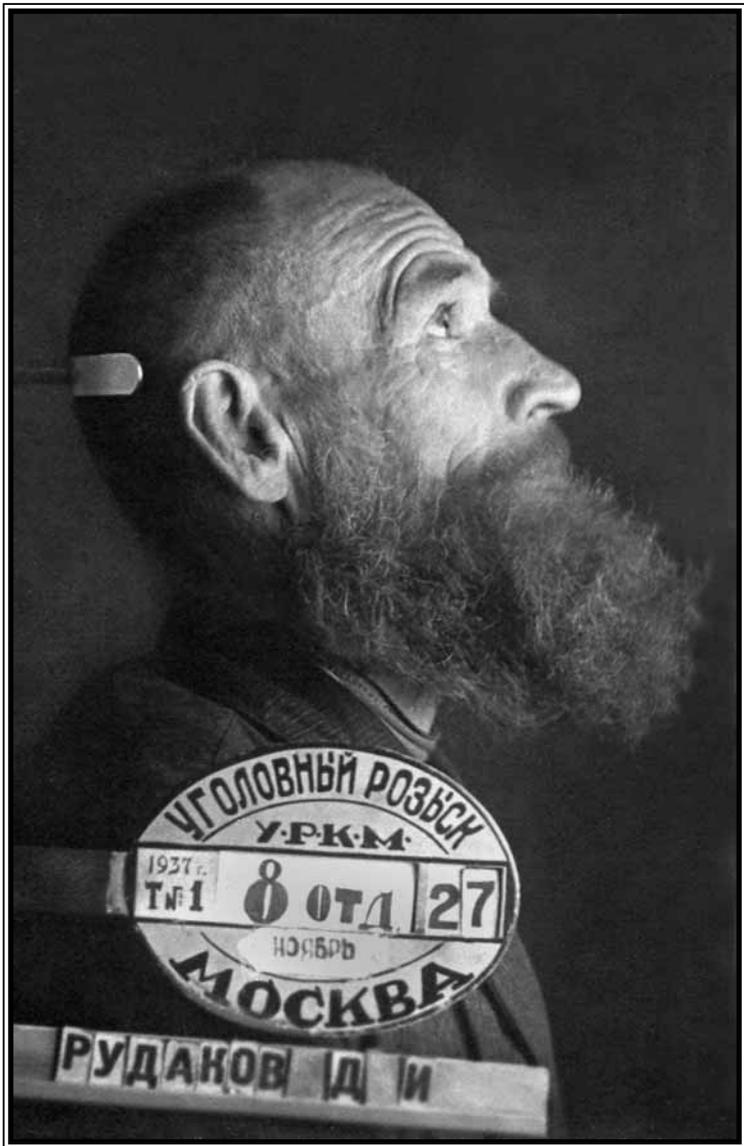
По воспоминаниям прихожан, примерно в 1930 году всем клирикам храма власти предложили публично отречься от веры. Настоятель храма протоирей Сергей Руфицкий и псаломщик Дмитрий Иванович Рудаков категорически отказались от этого. На сделку с властями пошел только диакон храма Николай. Его отречение происходило в клубе перед сельчанами. Он «покаялся» перед людьми в том, что обманывал их, затем ему обрезали длинные волосы, и после этого он немедленно уехал из села.

После отказа от отречения семью Рудаковых раскулачили — у них отняли корову и лошадь, выгнали из дома, а самого Дмитрия Ивановича в 1931 году судили и приговорили к трем годам лишения свободы. Сначала он несколько месяцев провел в Покровской пересыльной тюрьме, а затем был выслан в Вологодскую область. Его супруга Татьяна Федоровна и дочь Надежда сперва мыкались по углам, но вскоре отец Сергей Руфицкий сумел устроить их в церковной сторожке и даже выправить им документы на проживание в ней. Отец Сергей старался всем, чем мог, помогать семье Дмитрия Ивановича, пока тот находился в ссылке.

Татьяне Федоровне подсказали, что можно отправить документы в Москву на пересмотр дела. Она так и поступила. Ходатайство было успешным, в деле были обнаружены нарушения, и приговор отменили. После полутора лет разлуки с близкими Дмитрий Иванович вернулся домой и вновь стал служить псаломщиком в Тихвинском храме.

По воспоминаниям прихожан, в 1933–34 годах с колокольни храма сбросили колокола. Самый большой колокол упал и не разбился, и его потом добивали его же «языком». Сразу после этого отец Сергей начал ремонт колокольни.

Гонения еще больше сблизили отца Сергея и Дмитрия Ивановича. Они много времени проводили вместе, службу в храме

Пса.ло.мшцк Дм.штршй Рудаков

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

совершали неукоснительно. Близкие вспоминают, что церковная молитва в последние годы перед их арестом стала особенно сосредоточенной.

Арестовали священника и псаломщика вечером 17 ноября 1937 года после всенощного бдения. Очевидцы говорят, что, прежде чем сесть в «воронок», они перекрестились на храм и поклонились присутствующим односельчанам. После ареста они находились в Таганской тюрьме. Единственный допрос священника состоялся 19 ноября 1937 года. Следователь пытался добиться признания в антисоветской агитации:

— Обвиняемый Руфицкий, следствие располагает данными, что вы... проводите антисоветскую агитацию. Подтверждаете ли вы это?

— Я это отрицаю, никакой антисоветской агитации я не проводил и не занимался.

В тот же день следователь допросил и Дмитрия Ивановича Рудакова:

— Обвиняемый Рудаков, следствие располагает данными, что вы, проживая в деревне Иваново, проводили антисоветскую агитацию в контрреволюционном духе. Подтверждаете ли вы это?

— Я это отрицаю, никогда никакой антисоветской агитации я не проводил, — ответил Дмитрий Иванович.

Все обвинения в контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации священник и псаломщик не признали.

21 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила протоиерея Сергия Руфицкого и псаломщика Димитрия Рудакова к расстрелу. Казнь мучеников состоялась через несколько дней — 27 ноября 1937 года — на полигоне Бутово под Москвой, там же в безвестной могиле они были погребены.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, оп. 1, д. 19340, л. 19346.
Воспоминания дочери Надежды Дмитриевны Рудаковой и прихожан храма Тихвинской иконы Божией Матери.

Ноября 20 (3 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
АЛЕКСИЙ (АМАНОВ)

Священномученик Алексей родился 9 февраля 1870 года в городе Касимове Рязанской губернии в семье псаломщика Иоанна Аманова, три сына которого впоследствии стали священниками.

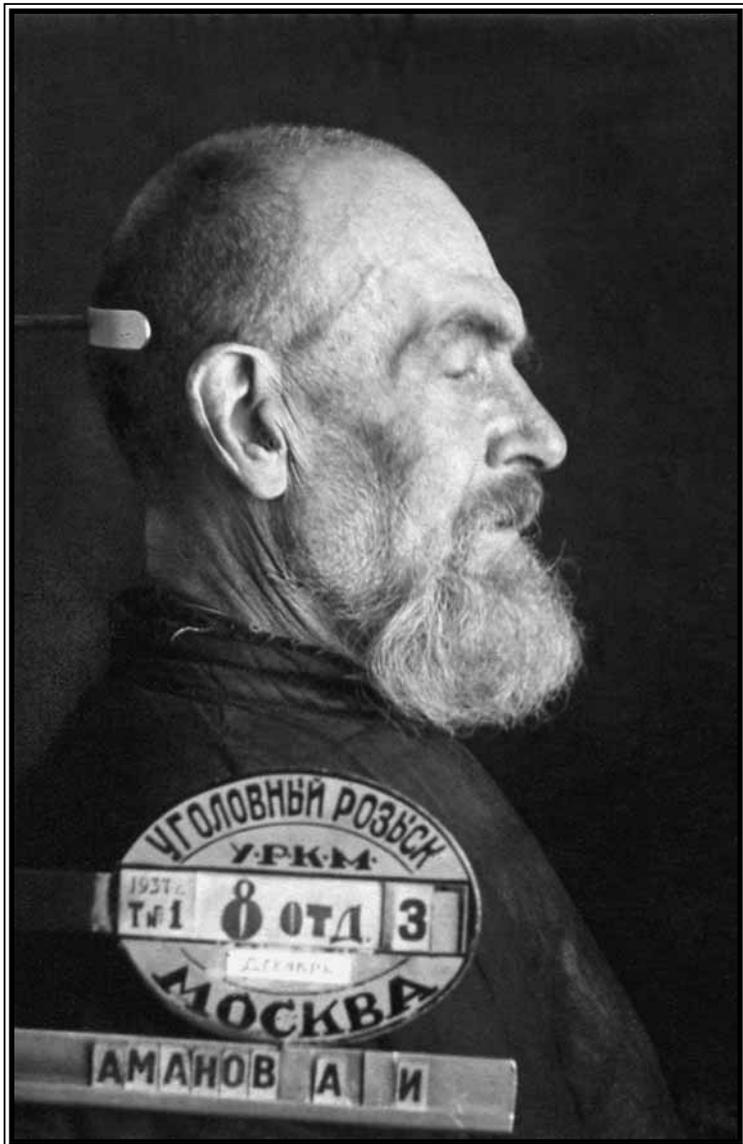
Два года Алексей Аманов обучался в Рязанской Духовной семинарии. После заключения брака с Серафимой Андреевной Анохиной он был рукоположен в сан священника.

С 1914 по 1927 год отец Алексей служил в селе Балыки Почепского района Брянской области. В самом начале 1920-х годов произошел в селе случай. Во двор священника однажды въехало несколько всадников. Зашли в дом. В разговоре с отцом Алексием один из них сказал, чтобы он никуда не уходил, что они через час вернутся и его публично расстреляют. После этого они уехали.

Отец Алексей вышел в сад, где начал молиться. Весть о случившемся быстро разнеслась по селу, и люди стали собираться к дому священника, чтобы защитить его, что им и удалось.

В 1927 году отец Алексей перешел служить в Московскую епархию. Поскольку в Зарайске проживали сестры его жены, он попросил, чтобы ему разрешили служить в этом городе. Священноначалием он был назначен настоятелем в Никольский храм села Маслово, где прослужил до 1930 года.

1 декабря 1930 года он был переведен в Спасский храм города Зарайска. 24 ноября 1931 года отец Алексей был возведен в сан протоиерея. В 1935 году протоиерея Алексия Аманова назначили

Протоиерей Алексей Аманов

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

настоятелем Ильинского храма в том же городе, где он прослужил до своего ареста.

Супруга отца Алексея Серафима Андреевна была регентом в храме. Ильинская церковь была маленькая и располагалась на окраине города. Доход в храме был невелик, однако с Божией помощью удавалось вовремя платить налоги, которые безбожная власть налагала на церковь. Нередко внуки священника ходили по храму с тарелкой, собирая подаяние богомольцев.

Порой семья священника голодала. Старшие внуки отца Алексея, десятилетний Василий и семилетняя Зоя, весной бродили по оттаявшим картофельным полям. В вязкой сырой земле дети искали гнилую прошлогоднюю картошку. Они с большим удовольствием ели картофельные дранки, которые приготавливала из принесенного картофеля Серафима Андреевна.

Зимой не хватало сена, чтобы прокормить козу; Василий и Зоя в торговый день шли с мешками на базарную площадь, чтобы там набрать хоть сколько-нибудь сена. Отец Алексей, провожая их, предупреждал: «Из-под морды лошади сено не сметь брать, иначе хозяин ударит вас кнутом».

Лошади у священника не было, на все требы в любую погоду он ходил пешком, а на Пасхальной неделе несколько дней посещал дома прихожан. Еще в Балыках отец Алексей получил травму ноги. Молодой жеребенок ударил его передним копытом по колену, отчего произошел излом коленного сустава. В начале 1930-х годов отец Алексей заболел глаукомой, левым глазом он практически ничего не видел.

В 1930 году хозяйство священника было записано как кулацкое. Ночью в дом явилось несколько человек, которые предъявили документ о раскулачивании. Пришедшие начали выносить из дома вещи. Внучка отца Алексея Зоя, жившая в то время в доме священника, от шума проснулась. Серафима Андреевна просила оставить перовый матрасик, на котором лежала маленькая девочка, однако одна из пришедших женщин выдернула его и унесла с собой.

В дом к священнику часто приходили люди, чтобы получить совет в том или ином житейском деле: как составить письмо в суд, как поступить, к кому обратиться в той или иной сложной ситуации. Отец Алексей, чем мог, старался им помочь, не оставлял в беде, за что очень уважался народом.

Во время беспощадных гонений на Русскую Православную Церковь в конце 1930-х годов безбожные власти поставили перед собой задачу произвести повсеместно массовый арест духовенства и закрытие храмов. По всей стране с новой силой начались аресты и расстрелы священнослужителей и мирян.

В середине ноября 1937 года следователь Зарайского отделения НКВД Крысанов допросил двух человек, которые согласились дать лжесвидетельства против отца Алексея. Одна лжесвидетельница, в частности, показала, что отец Алексей «в сентябре 1937 года высказывался среди населения против советской власти и коммунистов, говорил: антихристова власть опять возвратилась к арестам, в Москве арестовали много священников. Это коммунисты боятся, что их по новой конституции не выберут в советы, поэтому они всю вину кладут на духовенство. Все равно, сколько они ни арестовывай, нас много, да и ведь народ шел за нами, так и пойдет, — они перед народом бессильны».

Другой лжесвидетель показал, что в марте 1937 года отец Алексей ругал сталинскую конституцию и при этом говорил: «...В конституции пишут о свободном вероисповедании, а в действительности этого нет, и верующих под видом всевозможных причин лишают права на отправление религиозных обрядов. Народ требует, чтобы я ходил по домам православных, а советская власть нам этого не разрешает... Я народу везде буду рассказывать, как представители власти нас притесняют, — я как ходил, так и буду ходить. Веру свою православную не брошу...»

Отец Алексей был арестован 24 ноября 1937 года у себя дома. Прощаясь с супругой, он сказал ей: «Спасибо тебе, верной ты была мне женой! Пойду я по стопам Спасителя».

В тот же день протоиерей Алексей был допрошен.

– Следствию известно, что вы среди населения вели контрреволюционную работу. Признаете ли вы это? – спросил следователь.

– Нет, я это отрицаю, это не признаю.

– Следствию известно, что вы среди населения высказывали контрреволюционного характера клевету на советскую власть и пораженческое настроение. Признаете ли это?

– Нет, я это отрицаю, этого не говорил.

– Следствию известно, что вы призывали население не подписываться на заем и высказывали террористическое настроение против коммунистов. Признаете ли это?

– Нет, я это отрицаю, этого не делал.

– Следствию известно, что вы призывали население при выборах в советы голосовать против коммунистов. Признаете ли это?

– Нет, это я отрицаю и виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю.

На этом допрос был закончен. С момента ареста и все время непродолжительного следствия отец Алексей содержался в тюрьме Коломенского района, а затем был переведен в Таганскую тюрьму в Москве.

29 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Алексея к расстрелу.

Протоиерей Алексей Аманов был расстрелян 3 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле. За несколько часов перед смертью фотограф Таганской тюрьмы сфотографировал священника, чтобы при множестве проводимых в те дни расстрелов палач не ошибся.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 9480.

АМП. Послужной список.

Голубев Василий Петрович, Голубева Зоя Петровна, Женевская Маргарита Александровна, Аманов Алексей Валентинович. Воспоминания. Рукопись.

Ноября 25 (8 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Янушев)

Священномученик Иоанн родился 6 мая 1877 года в городе Москве в семье диакона Василия Янушева.

После окончания в 1897 году Московской Духовной семинарии Иван Васильевич поступил в Казанскую Духовную академию, которую окончил в 1902 году.

В 1903 году Иван Янушев поступил псаломщиком в Архангельский собор Московского Кремля, а 18 мая 1908 года был определен во священника в Спасский собор Москвы.

22 сентября 1917 года отец Иоанн был перемещен священноначалием в Благовещенский собор Кремля, а 7 (20) мая назначен исполняющим обязанности сакеллария этого собора. После закрытия советской властью всех кремлевских соборов и монастырей отец Иоанн был назначен настоятелем храма в честь святителя Спиридона Тримифунтского, расположенного на улице Спиридоновке за Никитскими воротами. В этом храме отец Иоанн служил до его закрытия и разрушения. 1 августа 1930 года священноначалием он был назначен служить в храм Рождества Христова, что в Палашах.

За усердное пастырское служение священник Иоанн Янушев в 1920 году был удостоен сана протоиерея, в 1924 году награжден палицей, в 1927 году крестом с украшением.

В 1935 году протоиерей Иоанн Янушев был назначен в храм Успения Пресвятой Богородицы в поселке Вешняки*.

---

* Ныне район Москвы.

16 ноября 1937 года отец Иоанн был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в городе Москве. 23 ноября начались допросы.

– В Царской армии служили? – спросил следователь.

– Нет.

– Вы были судимы?

– Да, я судился в 1937 году за крещение ребенка без согласия родителей и присужден к одному году принудительных работ. Кассационная коллегия меня оправдала.

– Следствие располагает материалом, который вас изобличает как контрреволюционера, ведущего пропаганду против существующего советского строя. Признаете ли это?

– Нет, я это не признаю.

– Следствие от вас требует искренних показаний о вашей контрреволюционной деятельности, дайте по этому вопросу показания.

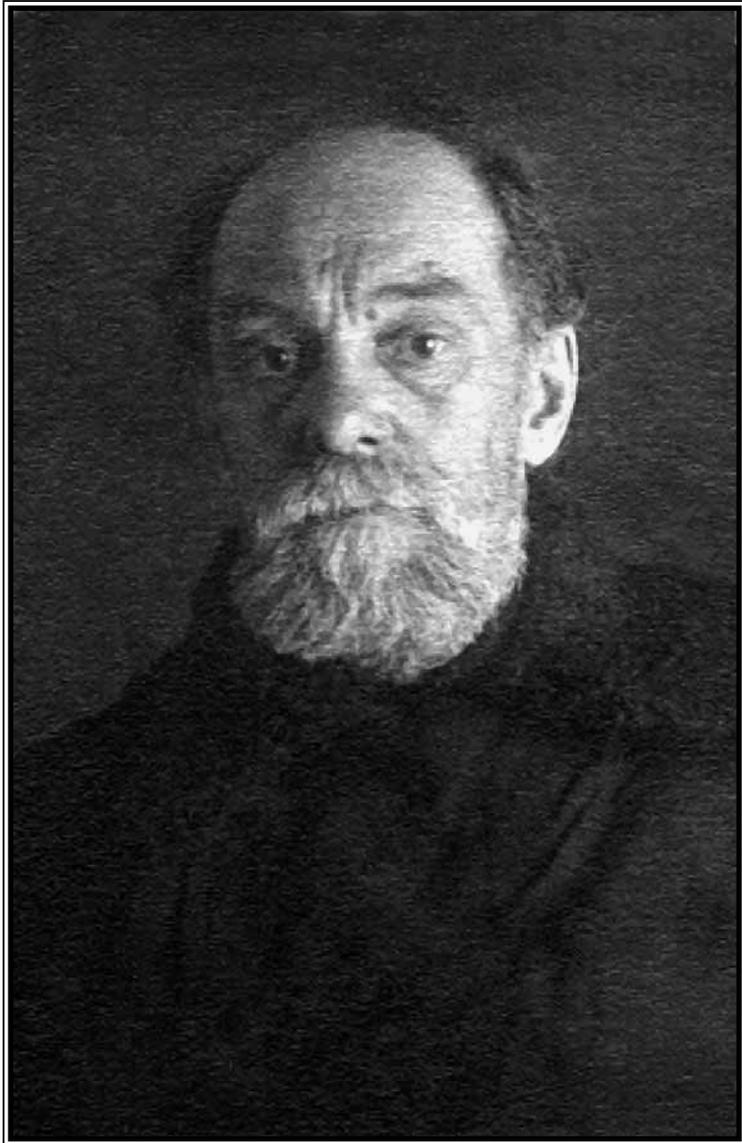
– Я контрреволюционной деятельности никакой не проводил.

– В предъявленном вам обвинении виновным себя признаете?

– Виновным себя не признаю.

Вызванные следователем на допросы лжесвидетели рассказали следствию, что знают отца Иоанна как человека, настроенного антисоветски.

Одна лжесвидетельница показала, что в сентябре 1937 года будто бы беседовала с отцом Иоанном около станции Вешняки. Речь зашла о конституции, по поводу которой священник сказал: «Конституция написана красивыми фразами, коммунисты только и способны писать красивые декларации и кричать на каждом углу о всеобщих выборах, о демократии, о признании свободной религии. А те же коммунисты закрывают церкви, на каждом шагу выступают против верующих и не дают возможности отправлять религиозные обряды, родителям не дают возможности крестить младенцев, а окрестить, так осудят. Это не жизнь, а гонение на православных. Пышными фразами конституция написана для

Протоиерей Иоанн Вукиев

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

того, чтобы заслужить доверие среди народа, которого коммунисты не имеют. Но все равно коммунистам, гонителям православных, с их конституцией скоро придет конец».

1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу.

Протоиерей Иоанн Янушев был расстрелян 8 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле. В день расстрела фотограф Таганской тюрьмы сфотографировал его, чтобы при массовых расстрелах, которые производились в это время, палач не ошибся.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19512.
АМП. Послужной список.

Ноября 26 (9 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

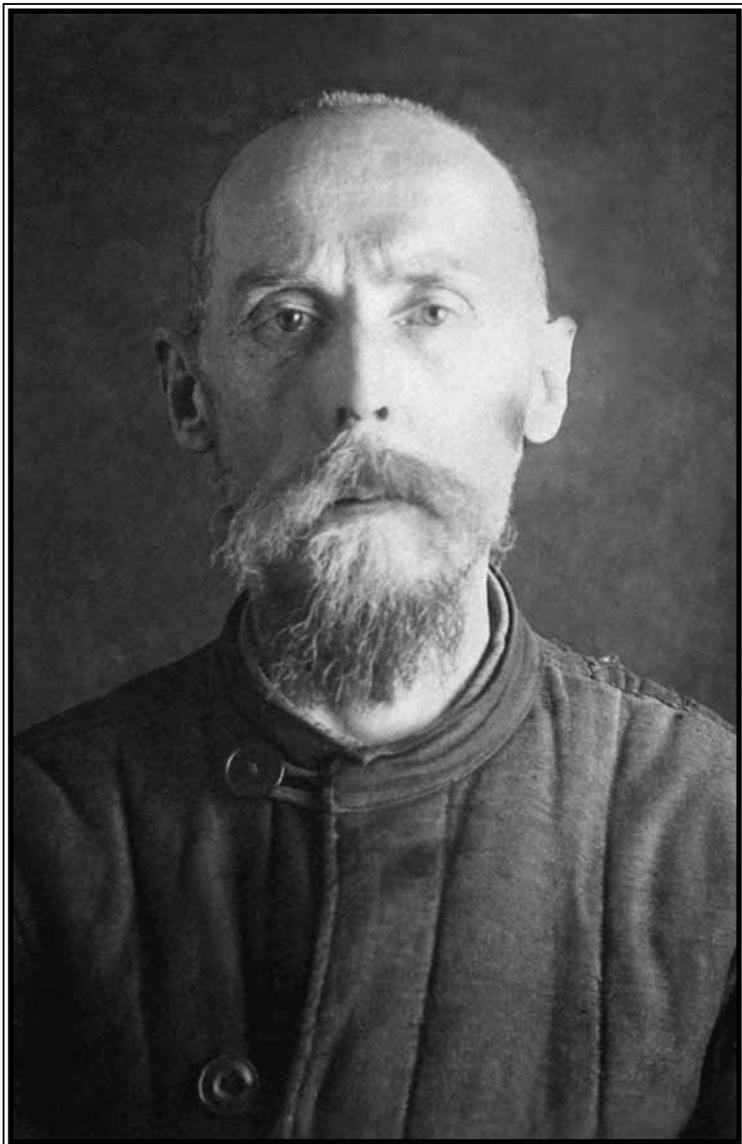
Василий (Студницын)

Священномученик Василий родился 18 марта 1890 года в городе Серпухове Московской губернии в семье псаломщика Алексея Студницына. В 1914 году Василий Алексеевич окончил Московскую Духовную семинарию и поступил псаломщиком в кладбищенскую церковь Всех Святых в Серпухове. В 1920 году он был рукоположен в сан священника, в 1929 году – переведен в Троицкую церковь в Серпухове. В 1930 году отец Василий был арестован за неуплату налога и приговорен к одному году заключения в исправительно-трудовой лагерь. Вернувшись из заключения, он снова стал служить в Троицкой церкви, был возведен в сан протоиерея и в 1936 году назначен благочинным приходов Серпуховского округа.

14 апреля 1937 года власти вызвали для допроса священника Алексия Синайского, бывшего настоятелем Успенской церкви города Серпухова, согласившегося давать показания об отце Василии. «Василия Алексеевича Студницына я знаю как священника Троицкой церкви, – сказал отец Алексей. – Из личных бесед со Студницыным мне известно, что он зарегистрировался в горсовете как благочинный духовенства Серпуховского района. Мои взаимоотношения со Студницыным до настоящего дня были нормальными, все его указания я лично, как настоятель Успенской церкви, всегда исполнял в соответствии требованию канонического устава Церкви. В 1936 году Студницын, зарегистриро-

вавшись благочинным духовенства по городу Серпухову и району, довел до сведения духовенства, что он вступил в отправление обязанностей благочинного и потребовал строгого сохранения канонических правил в отпадлении религиозных обрядов. Вместе с этим он является на сегодня связующим звеном духовенства города и деревни с епископатом, через Студницына передаются церковные средства на содержание епископата, назначение, отстранение того или иного священнослужителя. Наряду с этим Студницын, считая себя представителем Православной Церкви в городе и районе, облеченный званием благочинного, требует от настоятелей церквей представления сведений о составе двадцаток, членов церковного совета, служителей культа; поступающие сведения передает в Серпуховской горсовет.

Кроме этого Студницын, считая себя благочинным, в период 1936–1937 года посещал ряд церквей в городе и районе в особо торжественные дни, где отправлял службы. Своим участием в службе Студницын пропагандировал великолепие церковного богослужения, ставя задачу – привлечение молящихся в церковь; приезд благочинного в тот или иной церковный приход заранее афишировался среди прихожан. Студницын, являясь священником Троицкой церкви, ввел служение двух литургий – ранней и поздней. Наряду с этим, для пропагандирования церковных отпадлений при Троицкой церкви до сего времени используются три монашки, одна из них, Аглаида, исполняет обязанности внутреннего церковного сторожа: открывает церковь, зажигает лампы, убирает церковь, подает кадило, принимает поминания, продает свечи. Надо сказать, что Студницыну хорошо известно, что монашка Аглаида судилась, была в ссылке, вернулась; проживая в Серпухове, является помощницей Студницына в пропагандировании церковного движения. Помимо монашек Троицкая церковь имеет хорошо сколоченный церковный актив, за счет средств церковного ящика созданы великолепия внутри церкви, приглашаются с оплатой хоры певчих.

Протоиерей Василий Студитский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

Из личных бесед со Студницыным за период с 1929 года по настоящее время у меня сложилось твердое убеждение, что Студницын является враждебно настроенным к мероприятиям советского правительства. Так, например, при проведении колхозного строительства он открыто говорил, что советская власть загоняет крестьян в кабалу. В неоднократных беседах он говорил, что советская власть устраивает гонения на Православную Церковь, закрывает храмы, снимает колокола, облагает духовенство налогами. Такое настроение у Студницына осталось до сегодняшнего дня, и это подтверждается тем фактом, что налог за него оплатил церковный совет из средств дохода церкви – церковного ящика, а церковный совет мог оплатить только тогда, когда он получил просьбу от священника о помощи в уплате налога.

В 1929 году Студницын группе священников говорил, что духовенство преследуют, заставляют молчать. Позже, в 1930 году, в одной из бесед в церковной сторожке Студницын говорил: “Нам надо не выпускать из наших рук селения возле Серпухова и осторожно среди крестьян вести работу, показывая им, как они жили раньше и как живут сейчас”. Студницын предлагал использовать монашек в проведении агитации против колхозов. В связи с развертывающейся антирелигиозной работой Студницын говорил: “Нам надо создавать твердую массу против вылазок врагов Церкви – коммунистов, безбожников”. С возвращением по отбытии принудительных работ в 1932 году, Студницын избегал бесед, но в последнее время, с получением положения благочинного, проводит активную церковную деятельность».

26 ноября 1937 года протоиерей Василий был арестован, заключен в тюрьму в городе Серпухове и несколько дней допрашивался.

– Уточните следствию, какого течения вы придерживаетесь, старотихоновского или новообновленческого?

– Старотихоновского, в настоящее время возглавляемого митрополитом Сергием.

— Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, проводимую среди населения против политики партии и советской власти, и поэтому следствие предлагает вам дать правдивые показания.

— Я был в селе Кузьминки Серпуховского района на похоронах Варвары Палицыной. После похорон во время обеда я говорил о трудностях жизни при существующей советской власти, так как советская власть облагает непосильными налогами, в особенности духовенство; что еще говорил, не помню. Это я не отрицаю, это я говорил.

— Следствие располагает достаточным материалом о том, что вы среди населения проводили контрреволюционную деятельность против политики партии и советской власти, а поэтому следствие еще раз предлагает вам дать более правдивые показания о вашей контрреволюционной деятельности.

— Данные мною показания следствию считаю правильными. Я признаюсь, что среди верующих высказывал свое недовольство советской властью, говорил о трудностях жизни при советской власти.

30 ноября следствие было закончено. 5 декабря тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Священника перевезли в Москву в одну из тюрем НКВД, перед расстрелом сотрудники НКВД сфотографировали его. Протоиерей Василий Студницын был расстрелян 9 декабря 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 34722.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Ноября 26 (9 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Даниил (Мещанинов)

Священномученик Даниил родился в 1870 году в селе Новинки Серпуховского уезда Московской губернии в семье крестьянина-бедняка Феодота Мещанинова. Из-за бедности семьи Даниил получил только первоначальное образование и в раннем возрасте устроился рабочим.

В 1916 году Даниил Мещанинов был призван в армию, где прослужил рядовым до 1917 года. После возвращения из армии он до 1920 года был рабочим.

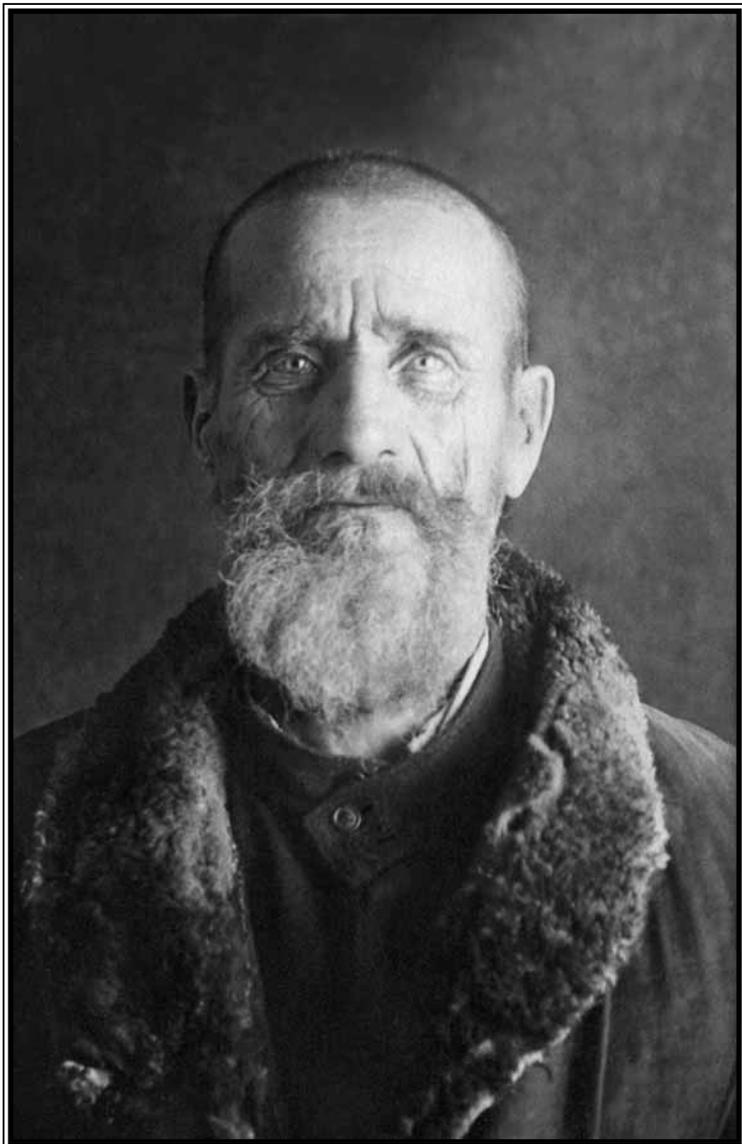
В 1920 году Даниил Феодотович, которому уже исполнилось пятьдесят лет, решил посвятить свою жизнь Церкви, которая в это время уже подверглась яростному беспощадному гонению со стороны новой безбожной власти.

С 1920 по 1932 год Даниил Мещанинов служил псаломщиком в Покровской церкви села Мартьянова Серпуховского района, а в 1932 году Преосвященным Иннокентием (Летяевым), епископом Подольским был рукоположен во священника к тому же храму.

В ночь на 28 ноября 1937 года священник Даниил Мещанинов был арестован и заключен в Серпуховскую тюрьму. В тот же день состоялся допрос.

— Скажите, кого вы знаете из духовенства и какую вы имеете с ними связь.

— Из духовенства я знаю благочинных Студницаина, Уарова, Некрасова как своих прямых начальников, только по работе.

Священник Даниил Мещанинов

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

— Признаете вы себя виновным в том, что среди колхозников через проповеди проводили антисоветскую агитацию во время коллективизации? В 1930 году вы открыто агитировали не вступать в колхозы, говоря, что в колхозе жить хуже, что при колхозах закроют церкви, что в колхозе богато жить нельзя, а «то не попадете в рай».

— 19 ноября 1937 года я действительно в церкви во время похорон среди верующих говорил проповедь, что «в колхозе богато жить не надо, а то не попадете в рай», а также в 1937 году просил колхозников мне помочь, говоря, что налоги дают непосильные, не считаясь ни с чем, если не поможете, то меня посадят и церкви закроют и некому будет хоронить и крестить, и ваши дети будут нехристи. В отношении того, чтобы крестьяне не вступали в колхоз, я никогда ни с кем не говорил.

В этот же день следствие было закончено.

На следующий после ареста отца Даниила день, 30 ноября, работники милиции пришли в дом священника и конфисковали корову, телку и бычка, погрузили на грузовую машину пчелиные ульи и вещи, включая детские, рясу и книги отца Даниила.

5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Даниила к расстрелу. К этому времени его уже перевели в Таганскую тюрьму в Москве.

Священник Даниил Мещанинов был расстрелян 9 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле. В день расстрела фотограф Таганской тюрьмы сфотографировал его, чтобы при массовых расстрелах, которые производились в это время, палач не ошибся.

Прошло немного времени, и Покровскую церковь в селе Мартьяново начали ломать. Поскольку здание храма простой разборке не поддавалось, его взорвали и растащили тракторами.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19548.

Ноября 26 (9 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Илия (Зачатейский)

Священномученик Илия родился 12 июля 1884 года в селе Чаплыгино Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Александра Николаевича Зачатейского, служившего в Богородице-Рождественском храме того же села.

По окончании в 1899 году Коломенского Духовного училища Илья Александрович поступил в Московскую Духовную семинарию, которую окончил в 1905 году.

С 1912 года и до самой мученической кончины священник Илия Зачатейский прослужил в Покровском храме села Купелицы Верейского района Московской области.

Здесь он встретил события 1917 года и был очевидцем восстания крестьян против жестокостей новой власти, произошедшего в 1918 году в Верейском уезде.

Как священнослужитель, отец Илия был лишен избирательных прав и обкладывался большими налогами. В 1929 году он был в первый раз осужден «за злостное уклонение от уплаты сельскохозяйственного налога».

1 октября 1929 года диакон церкви, в которой служил отец Илия, после литургии попросил у него разрешения обратиться к народу. Получив согласие, диакон в своей речи всенародно отказался от сана. На этот шаг он пошел для сохранения возможности пользоваться церковной землей, которую у него, равно как и у священника и псаломщика Покровского храма, изъял местный

сельсовет. За возбуждение недовольства в народе мероприятиями власти были арестованы отец Илия, диакон, снявший с себя сан, и псаломщик Иван Шувалов.

Священник Илия Зачатейский был арестован 7 января 1930 года и заключен в тюрьму в городе Верее по обвинению в том, что не донес власти заранее о контрреволюционных высказываниях и намерениях диакона, которого власти обвинили в контрреволюционной деятельности. На допросах отец Илия никого не оговорил и все обвинения в свой адрес и в адрес арестованных с ним категорически отверг.

3 марта 1930 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило священника к шести месяцам тюремного заключения, которые он отбыл частично в Верее, а частично в Бутырской тюрьме. В том же году хозяйство отца Илии подверглось раскулачиванию.

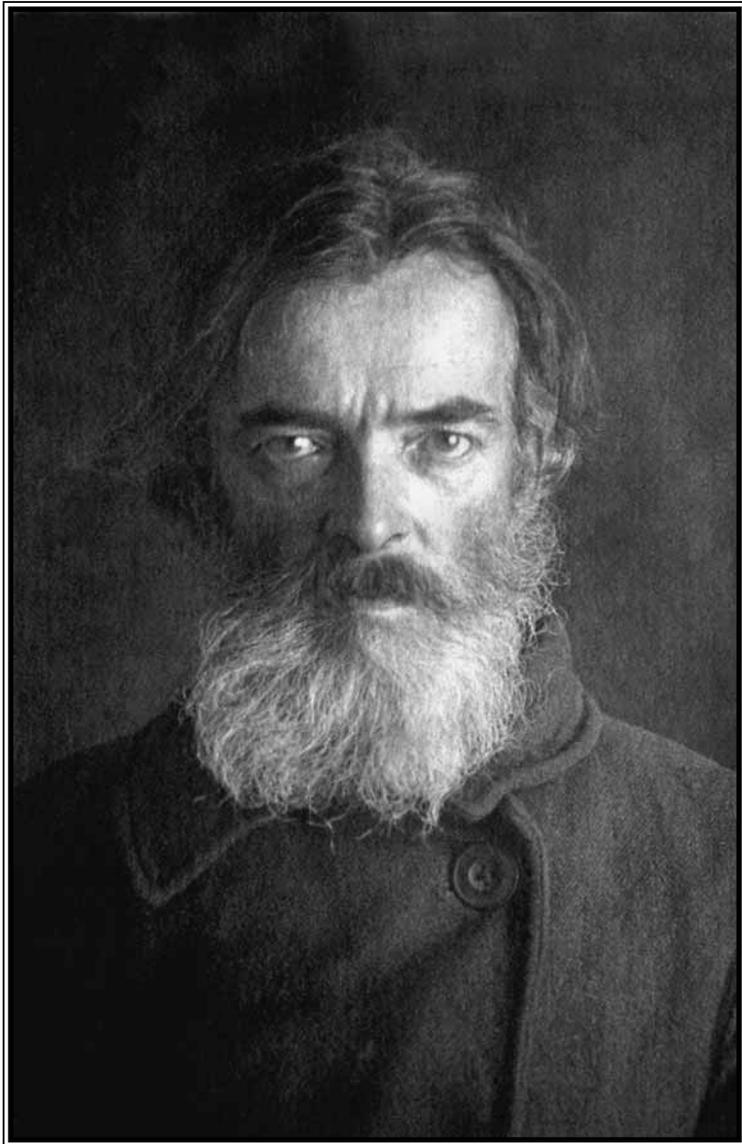
Нелегко было священнику, имеющему кроме супруги шестерых детей, выжить в таких обстоятельствах. Каждый год власти облагали семью большим налогом.

Неоднократно власти пытались закрыть храм. В 1935 году были сняты колокола, самому отцу Илии запрещали ходить по домам верующих для совершения молебнов и других треб.

В разгар гонений на Русскую Православную Церковь в конце 1930-х годов власти решили арестовать священника. Были допрошены лжесвидетели.

В справке, данной по требованию Верейского районного отделения УНКВД одним из них — председателем купелицкого сельсовета, говорится, что хозяйству отца Илии «доводилось твердое задание, затем хозяйство раскулачивалось, изъята часть имущества, члены семьи лишались избирательных прав голоса, вел агитационную работу среди своих прихожан против закрытия церкви...».

Два других лжесвидетеля, многие годы знавшие священника, оговорили его, сказав, что при снятии колоколов в 1935 году отец Илия побуждал верующих к сопротивлению, говоря: «Советская

Священник Улья Зарачейский

Москва. Тюрма НКВД. 1937 год

власть грабит и разоряет храмы Божии, снимут колокола, а потом и храмы позакрывают, и будете вы как нехристи ходить, погрязая в грехах».

Лжесвидетели также показали, что священник, не уплачивая государственных налогов, говорит населению: «Требуют налоги, а где их брать — советская власть весь доход у нас отняла, молиться запрещает, а налог давай, разве это не грабеж».

25 ноября 1937 года священника Илию Зачатейского арестовали и заключили в Можайскую тюрьму. На следующий день состоялся допрос.

— Следствием установлено, что в 1918 году вы принимали активное участие в контрреволюционном кулацком Верейском восстании. Подтверждаете ли вы это?

— Активного участия в восстании я не принимал, а только отдал ключи от церкви восставшим, а они, отперев колокольню, звонили в колокола, призывая население к восстанию.

— Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, и следствие требует от вас правдивого показания о вашей контрреволюционной деятельности.

— Показания дать не могу, так как контрреволюционной работы не вел никогда.

— Вы показываете неверно. В 1935 году во время снятия колоколов вы высказывались: «советская власть грабит и разоряет храмы Божии» и т.д. Подтверждаете ли это?

— Высказывания мои по вопросу снятия колоколов произошли под влиянием снятия, и смысла антисоветского характера я в них не вкладывал.

— После запрещения ходить с молебнами вы среди населения говорили: «вот смотрите, православные, советская власть не дает нам молиться» и т.д. Подтверждаете ли вы это?

— Да, подтверждаю. Я говорил, что нам не дают молиться потому, что власть разрешения не дала и разъяснения по этому вопросу мы не добились.

Все последующие обвинения, навязываемые следователем, священник категорически отверг и виновным себя ни в чем не признал.

29 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Илию к расстрелу.

Священник Илия Зачатейский был расстрелян 9 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 49462, д. 20858.

ЦИАМ. Ф. 234, оп. 1, д. 2130.

Ноября 27 (10 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК
Аполлос (Федосеев)

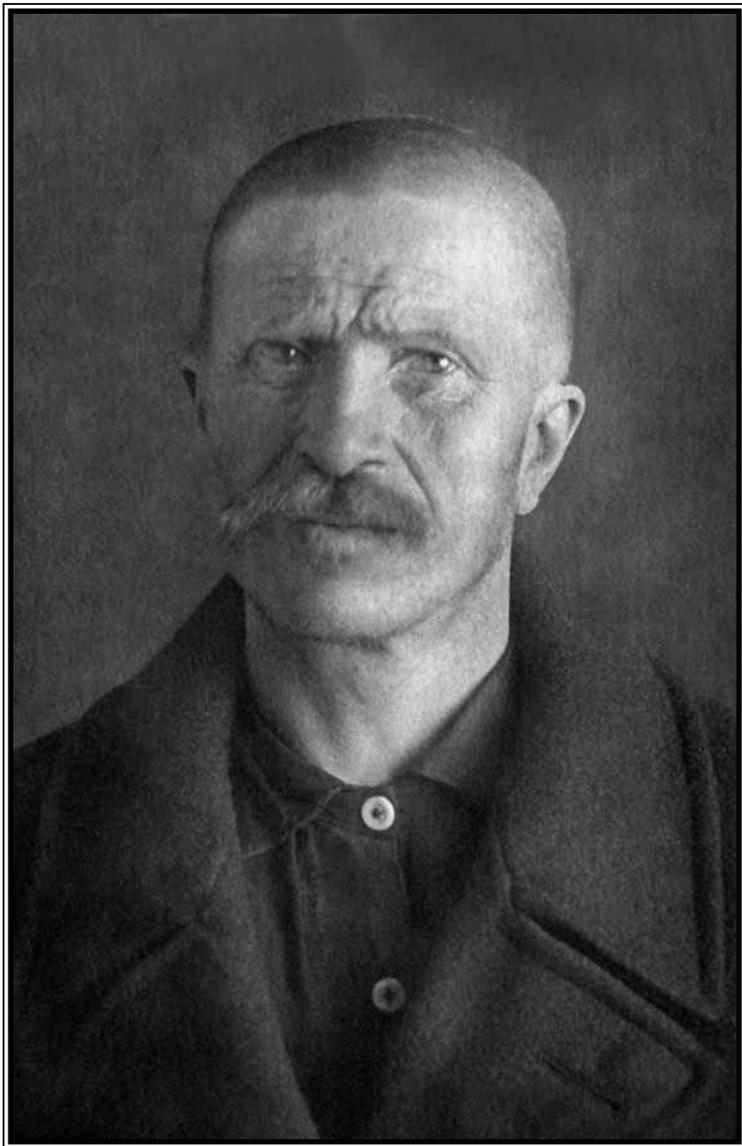
*П*реподобномученик Аполлос родился 11 марта 1892 года в деревне Моносеино Московской губернии в семье крестьянина Василия Федосеева. Мальчика нарекли во святом крещении Алексеем. Он получил домашнее образование.

В 1914 году Алексей Федосеев был принят послушником в Валаамский Спасо-Преображенский монастырь Финляндской епархии.

В 1916 году, в связи с начавшейся войной, он был призван в армию, в которой прослужил до 1917 года. 27 сентября 1918 года Алексей Федосеев поступил послушником в Иоанно-Богословский Черемнецкий монастырь Петроградской епархии. Через три месяца он был призван на службу в Красную армию.

В 1920 году Алексей Васильевич вернулся в Черемнецкий монастырь. Эта обитель основана, по преданию, в 1476 году в двадцати километрах от города Луги на острове Черемнецкого озера. В обители было два храма, в одном из которых, посвященном евангелисту Иоанну Богослову, находилась чудотворная икона апостола.

1 января 1922 года Алексей Федосеев был пострижен в мантию с именем Аполлос. В связи с закрытием монастыря, 14 января 1929 года он был рукоположен в сан иеродиакона и назначен служить в храм в селе Успенский Погост.

Церо.ионах Ано.иос (Бегосев)

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

15 марта 1931 года в Свято-Духовской церкви Александро-Невской Лавры епископ Лужский Амвросий рукоположил иеродиакона Аполлоса во иеромонаха к храму в селе Климентовский Погост Оредежского района Ленинградской области.

В 1933 году иеромонах Аполлос перевелся служить в Московскую епархию, где был определен к Знаменской церкви села Корневское Лотошинского района.

В 1934 году он был переведен служить в храм в селе Фрол-Радушкино Коробовского района, а в июле 1936 года — в Свято-Троицкий храм села Пески того же района. В этом храме иеромонах Аполлос прослужил до своего ареста.

Иеромонах Аполлос был арестован 4 декабря 1937 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

— Вами преднамеренно затягивались церковные службы с целью срыва полевых работ в колхозе. Дайте правдивые показания, — потребовал следователь.

— Церковные службы я не затягивал и такой цели не ставил.

— Вы ходили по домам под видом церковных треб, вели антисоветскую агитацию, дайте показания по этому вопросу.

— Подтверждаю, с требами по домам прихожан церкви я ходил, антисоветской агитации я не вел.

— Вы обвиняетесь в антисоветской деятельности. Признаете ли себя виновным в этом?

— Виновным себя в антисоветской деятельности не признаю, и такую деятельность я не вел.

Следователем был допрошен лжесвидетель — пекарь из соседней деревни, который, рассказывая об антисоветской деятельности отца Аполлоса, показал, что ему известен такой «случай: когда попу Федосееву сельсовет запретил ходить по домам со сборами и церковными служениями, то поп Федосеев стал говорить, что он возмутит народный гнев против угнетателей Православной Церкви».

В течение одного дня следствие было закончено и передано на рассмотрение тройки.

9 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Аполлоса к расстрелу. За день до расстрела отца Аполлоса сфотографировали.

Иеромонах Аполлос (Федосеев) был расстрелян 10 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19657.
АМП. Послужной список.

Декабря 28 (10 января)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Арефа (Насонов)

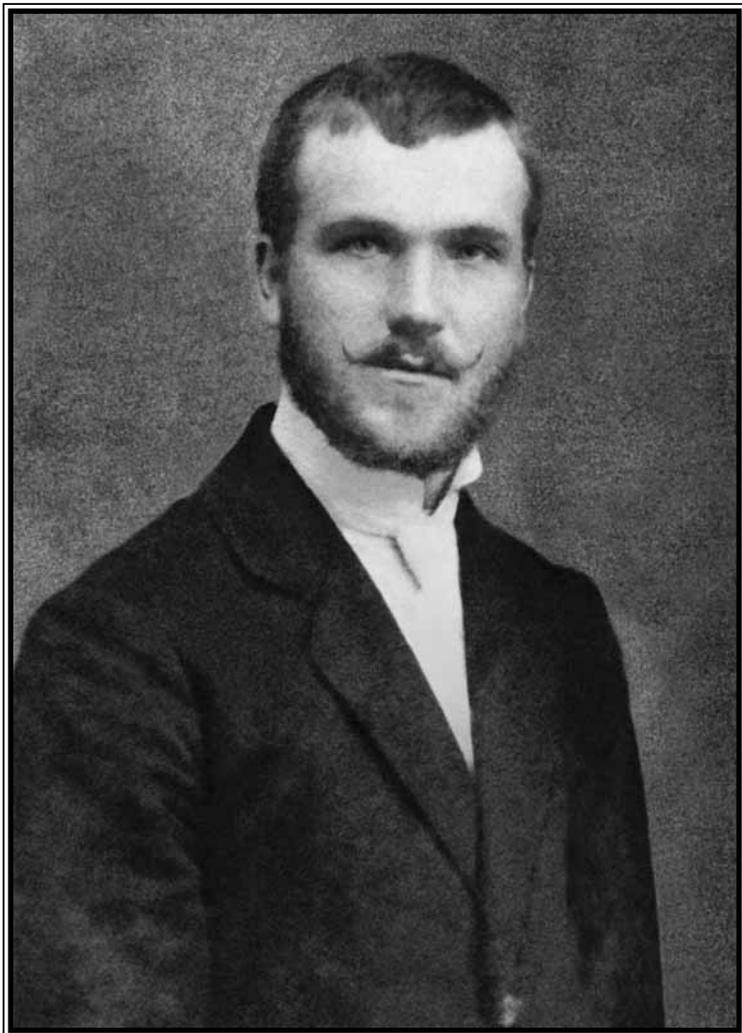
Священномученик Арефа родился 24 октября 1888 года в селе Должик Житомирского уезда Волынской губернии в семье крестьян Иоакима и Анны Насоновых.

После окончания министерского училища и сдачи экзаменов, необходимых, чтобы занять должность сельского учителя, Арефа Акимович с 1913 года стал преподавать в селе Должик. Он женился на Агриппине Григорьевне Поляковой, окончившей гимназию и работавшей учителем. 1 августа 1914 года Арефа Насонов был рукоположен во священника к храму в том же селе, при этом он не оставил своих преподавательских занятий. Молодой священник отличился тем, что многих раскольников обратил в православие, за что особо уважался управлявшим Волынской епархией архиепископом Антонием (Храповицким).

В 1916 году отец Арефа переехал в село Гольшево Ровенского уезда Волынской губернии и в этом же году эвакуировался в село Андреевку Чембарского уезда Пензенской губернии. Здесь он служил до 1931 года.

В 1931 году отец Арефа был арестован ОГПУ. Продержав священника две недели в заключении, власти отпустили его, так и не выдвинув никаких обвинений и ни разу не допрашивая.

После революции отец Арефа был лишен избирательных прав и семья его числилась лишенцами. С 1929 года священник облагался индивидуальным налогом, а в 1930 году за неуплату гособязательств у семьи была отнята корова.

Арефа Аки.овичи Пасонов

В 1931 году отец Арефа перебрался в Можайск, где до 1932 года служил в храме святых Иоакима и Анны. Священник вместе с женой и семью детьми проживал в сторожке при церкви. Власти предприняли попытку закрыть храм, отняв у верующих ключи. Но эта попытка не удалась. Храм святых Иоакима и Анны один из немногих, который в советское время не закрывался.

3 сентября 1932 года отца Арефу арестовали и 4 сентября поместили в Бутырский изолятор, где он содержался все время следствия. Его обвинили в том, что он, будучи священником, «проживал в 3-х километровой зоне военсклада... систематически обрабатывал в антисоветском духе граждан, посещавших церковь». На следствии священник подтвердил, что он принадлежит «к течению тихоновцев». Все возводимые на него обвинения отец Арефа отверг, заявив, что виновным себя не признает.

Показания на него, кроме других лжесвидетелей, дал священник Феодор Казанский. Будучи допрошенным в качестве свидетеля, он сказал, что отец Арефа монархист, осуждает колхозное строительство и не может примириться с существованием советской власти, ожидает скорейшей ее гибели, и вообще, «Насонов является опасным элементом в условиях можайской действительности».

11 сентября 1932 года тройка ОГПУ приговорила священника Арефу Насонова к трем годам ссылки в Казахстан. Через 8 месяцев отец Арефа бежал из ссылки и уехал в Пензенскую область, где когда-то прожил около 15 лет. В Пензенской области он скрывался до 1936 года, но, видимо, уже не мог оставаться без службы и попросился у священноначалия на приход.

В 1936 году он был назначен служить в храм святых бессребреников Космы и Дамиана в селе Бычки Сараевского района Рязанской области.

Власти вновь арестовали отца Арефу 19 декабря 1937 года, в день памяти святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских.

— Вы арестованы и обвиняетесь в том, что среди населения проводили антисоветскую агитацию, направленную против советской власти.

— Никакой агитации среди населения я не проводил.

— Вы даете ложное показание. Следствие располагает достаточными материалами, подтверждающими вашу антисоветскую агитацию. Требуем от вас правдивых показаний.

— Агитации я не проводил...

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

31 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Арефу к расстрелу. Священник Арефа Насонов был расстрелян 10 января 1938 года и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-39505.
ГАРО. Ф. Р-6775, оп.1, д. 75; ф. 627, оп. 240, д. 58.
Архив УФСБ по Рязанской области. Арх. № 11577.

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Дополнительный том

I

Издательство «Булат»
при участии регионального общественного Фонда

**«Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»**

Лицензия ИД № 05066 от 04.06.01 г.

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93, том 2; код 953000 — научно-историческая литература.

Подписано в печать 11.03.2005 г.

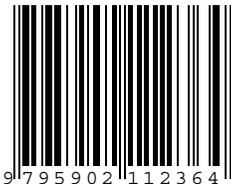
Формат 60x90/16. Тираж 3000 экз. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18. Изд. № 371. Заказ №

ООО «Издательство «Булат», г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 9.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 5-902112-36-2

9 795902 112364

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексея II**

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ
И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА

МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Дополнительный том

II

Под общей редакцией
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых
Митрополита Крутицкого и Коломенского
Ювеналия

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БУДАТ

ТВЕРЬ • 2005

Издание подготовлено под руководством и общей редакцией
Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия,
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых

Над сбором и изучением архивных материалов работали:

игумен Дамаскин (Орловский),

клирик города Москвы, член Синодальной Комиссии по канонизации святых,

Председатель регионального общественного Фонда

«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»;

священник Максим Максимов,

клирик Московской епархии, секретарь Синодальной Комиссии по канонизации святых,

секретарь Московской епархиальной Комиссии по канонизации святых;

священник Олег Митров,

клирик Московской епархии, член Московской епархиальной Комиссии

по канонизации святых;

Романова Светлана Николаевна, кандидат исторических наук;

Иноземцева Зинаида Петровна, кандидат исторических наук;

Злых Наталья Владимировна;

Гринь Галина Николаевна;

Канурская Ирина Николаевна;

Зверев Геннадий Владимирович

Особая благодарность

руководителю Федерального архивного агентства «Росархив», члену-корреспонденту

Академии Наук Российской Федерации, доктору исторических наук

Козлову Владимиру Петровичу,

сотрудникам «Росархива», дирекции и сотрудникам Государственного архива Российской

Федерации (ГАРФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА),

Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ)

Издание осуществлено

благодаря финансовой поддержке регионального общественного Фонда

«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

ББК 86

Ж 74

Редактор – *Новикова Галина Васильевна*

© Региональный общественный Фонд «Память мучеников
и исповедников Русской Православной Церкви». 2005

© Текст – составители житий. 2005

ISBN 5-902112-37-0

© Макет и оформление – Новиков Н.М. 2005

СОДЕРЖАНИЕ

В данный том вошли жития святых,
включенных в Собор новомучеников и исповедников
Российских XX века определениями
Святейшего Патриарха и Священного Синода
в 2002–2003 годах

Января 7 (20)

Священномученик **Василий (Архангельский)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)..... 12

Мученик **Иоанн (Мальшев)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)..... 14

Января 18 (31)

Священномученик **Сергий (Лебедев)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)..... 17

Января 23 (5 февраля)

Преподобномученик **Серафим (Булашов)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)..... 21

Января 26 (8 февраля)

Мученик **Иоанн (Попов)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)..... 24

Февраля 4 (17)

Священномученик **Петр (Соколов)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)..... 56

Священномученик **Иоанн (Тихомиров)**

Составитель священник Максим Максимов..... 59

Священномученик **Алексий (Княжеский)**

Составитель священник Максим Максимов..... 63

Священномученик **Андрей (Беднов)**

Составитель священник Максим Максимов..... 67

Священномученик Димитрий (Кедроливанский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	70
Преподобномученица Анна (Ефремова) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	77
Мученик Димитрий (Казамацкий) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	81
Мученик Феодор (Пальшков) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	84
<i>Февраля 5 (18)</i>	
Мученик Михаил (Амелюшкин) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	88
<i>Февраля 13 (26)</i>	
Священномученик Михаил (Попов) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	90
Священномученик Иоанн (Калабухов) и исповедник Иоанн (Летников) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	93
Священномученик Иоанн (Косинский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	101
Преподобномученица Ирина (Хвостова) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	104
<i>Февраля 17 (2 марта)</i>	
Священномученик Михаил (Никологорский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	106
<i>Февраля 22 (7 марта)</i>	
Священномученик Андрей (Яснев) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	110
<i>Марта 1 (14)</i>	
Священномученик Вениамин (Фаминцев) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>	116
Священномученик Михаил (Букринский) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>	121

<p>Преподобномученицы Евдокия (Архипова) и Ольга (Жильцова), мученик Василий (Архипов) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>.....</p>	125
<p><i>Марта 7 (20)</i> Преподобномученицы Антонина (Новикова) и Надежда (Круглова) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>.....</p>	132
<p><i>Марта 8 (21)</i> Мученик Владимир (Ушков) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>.....</p>	136
<p><i>Марта 9 (22)</i> Преподобномученица Александра (Самойлова) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>.....</p>	139
<p><i>Марта 18 (31)</i> Священномученик Димитрий (Розанов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>.....</p>	142
<p><i>Марта 20 (2 апреля)</i> Священномученик Василий (Соколов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>.....</p>	144
<p><i>Марта 28 (10 апреля)</i> Мученик Иоанн (Чернов) <i>Составитель священник Максим Максимов</i>.....</p>	146
<p><i>Апреля 24 (7 мая)</i> Мученик Сергий (Архангельский) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>.....</p>	151
<p><i>Мая 9 (22)</i> Священномученик Василий (Колосов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>.....</p>	154
<p><i>Мая 18 (31)</i> Священномученик Василий (Крылов) <i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский)</i>.....</p>	158

Мая 30 (12 июня)

Священномученик **Василий (Смоленский)**

Составитель священник Максим Максимов.....162

Июня 17 (30)

Мученица **Пелагия (Балакирева)**

Составитель священник Максим Максимов.....168

Июля 15 (28)

Священномученик **Петр (Троицкий)**

Составитель священник Максим Максимов.....171

Августа 17 (30)

Священномученик **Димитрий (Остроумов)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....175

Августа 31 (13 сентября)

Священномученик **Димитрий (Смирнов)**

Составитель священник Максим Максимов.....181

Сентября 10 (23)

Преподобномученик **Гавриил (Яцик)**

Составитель священник Максим Максимов.....185

Сентября 11 (24)

Священномученик **Николай (Широгоров)**

Составитель священник Максим Максимов.....189

Сентября 12 (25)

Священномученик **Николай (Житов)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....191

Ноября 26 (9 декабря)

Священномученик **Василий (Агафоников)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....194

Ноября 27 (10 декабря)

Преподобномученик **Серафим (Крестьянинов)**

Составитель священник Максим Максимов.....200

Священномученик Иоанн (Смирнов)	
<i>Составитель священник Максим Максимов.....</i>	<i>204</i>
Священномученик Сергей (Аманов)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....</i>	<i>208</i>
<i>Ноября 28 (11 декабря)</i>	
Священномученик Алексей (Смирнов)	
<i>Составитель священник Максим Максимов.....</i>	<i>214</i>
<i>Ноября 30 (13 декабря)</i>	
Священномученик Иоанн (Честнов)	
<i>Составитель священник Максим Максимов.....</i>	<i>219</i>
<i>Декабря 2 (15)</i>	
Священномученик Феодор (Алексинский)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....</i>	<i>231</i>
Священномученик Димитрий (Благовещенский)	
<i>Составитель священник Олег Митров.....</i>	<i>236</i>
<i>Декабря 5 (18)</i>	
Священномученик Илия (Четверухин)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....</i>	<i>240</i>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМП – Архив Московской Патриархии
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГАПО – Государственный архив Пензенской области
ГАРО – Государственный архив Рязанской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Самарской области
ГАТО – Государственный архив Тамбовской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ГИЦ МВД – Главный информационный центр МВД
ИЦ ГУВД – Информационный центр ГУВД
ЖМП – Журнал Московской Патриархии
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСТБИ – Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТСЛ – Троице-Сергиева Лавра
ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ
ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы

ЖИТИЯ

Январь-Декабрь

Января 7 (20)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Василий (Архангельский)

Священномученик Василий родился в 1889 году в селе Жово Кленовской волости Подольского уезда Московской губернии в семье священника Александра Архангельского. В 1908 году Василий Александрович окончил второклассное училище в селе Чашниково Московской губернии и поступил учителем в школу в селе Мышецкое Московского уезда. В 1910 году он был переведен учителем в школу в деревню Петрищево Верейского уезда.

В 1913 году Василий Александрович был рукоположен во диакона к Ильинскому храму в селе Синьково Дмитровского уезда. В январе 1919 года диакон Василий был мобилизован в Красную армию и отправлен на оборонительные работы под Серпухов. В 1920 году он был рукоположен во священника к Ильинской церкви. В 1926 году его перевели в храм во имя иконы «Всех скорбящих Радость» в селе Ассаурово Дмитровского района, построенный в 1810-х годах на средства прихожан.

Отец Василий был арестован во время массовых гонений на Русскую Православную Церковь, 27 ноября 1937 года, и в тот же день допрошен.

— Следствие имеет данные, что вы среди населения ведете антисоветскую агитацию, — сказал следователь.

— Антисоветской агитации среди населения я не веду, — ответил священник.

— Вы среди населения вели антиколхозную агитацию, призывали колхозников отказаться от работы в колхозе? Дайте показания.

— Антиколхозной агитации среди населения я не вел и колхозников отказаться от работы в колхозе не призывал.

— Признаете ли вы себя виновным по существу предъявленного вам обвинения? — задал следователь последний вопрос.

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю, так как антисоветской агитации среди населения я не вел, — ответил священник.

29 ноября сотрудник Дмитровского отделения НКВД допросил свидетелей. Один из них, секретарь ассауровского сельсовета, показал: «Во время религиозных праздников Архангельский вел работу среди верующих, чтобы не ходили на колхозные работы, а ходили в церковь. По этому поводу он во время уборочной кампании 1937 года говорил: “Мы, православные, не должны религиозные интересы менять ни на что, ни на свои личные, ни на колхозные, а должны почитать Господа Бога и молиться Ему”. По поводу подоходного налога Архангельский говорил: “Советская власть совсем загнала Христову веру, служителей ее задушила налогами, тем самым добиваясь, чтобы священники отказались от службы в церкви”. Относительно выборов в Верховный Совет СССР Архангельский говорил: “Мы не должны принимать участия в выборах в советы, потому что советская власть хотя и говорит, что каждый может быть избранным, а на самом деле останутся те же дармоеды, которые находятся сейчас у власти и пьют народную кровь. Наше дело только слушать и выполнять, что говорят, а не к власти нам лезть”».

29 ноября следствие было закончено, и отца Василия перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 3 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Священник Василий Архангельский скончался 20 января 1939 года в заключении в Свердловской области и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 15540.
ГИЦ МВД РФ. Справка за № 34/12/3–2097 от 21.10.02.

Января 7 (20)

МУЧЕНИК

Иоанн (Малышев)

*М*ученик Иоанн родился в 1891 году в селе Остров Богородского уезда Тверской губернии* в семье крестьянина Василия Малышева. Образование он получил в сельской школе. С началом Первой мировой войны Иван был мобилизован в армию, где служил по 1917 год рядовым. В 1918 году он был мобилизован в Красную армию и до 1921 года служил фуражиром.

В двадцатых годах Иван Васильевич вместе с семьей переехал в Москву и поселился на Николо-Ямской улице рядом с храмом преподобного Сергия Радонежского у Рогожской Заставы, прихожанином которого он и стал, со временем все активнее участвуя в жизни прихода. Работал он электриком на заводе «Серп и Молот», расположенном неподалеку от храма. Иван Васильевич выполнял в храме все работы, касающиеся электричества, к праздникам убирал вместе с прихожанами храм, устраивал гирлянды из электрических лампочек вокруг икон, ходил во время богослужения с тарелкой для пожертвований. В декабре 1937 года он стал членом двадцатки, и если и раньше много времени отдавал церкви, то теперь он проводил здесь все свободное время.

Весной 1938 года сотрудники НКВД проводили последние операции, касающиеся массовых арестов духовенства и верующих в соответствии с распоряжением Сталина и советского пра-

---

* После революции Талдомский район Московской области.

вительства. Собрав сведения о наиболее активных церковных людях, живущих в районе, они приняли решение об аресте Ивана Васильевича, и 26 апреля 1938 года он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Допросы продолжались в течение месяца, но, несмотря на все усилия следователей, им не удалось склонить его к лжесвидетельству. К этому времени многие сотрудники НКВД были сами арестованы за незаконное ведение следствия, и теперь надо было более убедительно обосновывать арест рядового электрика. Во время обыска у Ивана Васильевича были найдены граммофон и двадцать дореволюционных пластинок с церковными песнопениями и государственным гимном «Боже, Царя храни». Это сочли достаточным для обвинения.

27 мая 1938 года следователь допросил Ивана Васильевича. Выяснив, что он принимал самое активное участие в жизни прихода и не собирается отречься от этого, следователь спросил, где он приобрел пластинки, на что тот ответил, что на Кузнецком мосту у случайного прохожего, вместе с граммофоном. Узнав, что Иван Васильевич проигрывал пластинки, которые следователь сразу определил как контрреволюционные, он спросил его:

— Следствие располагает данными о том, что вы, будучи враждебно настроенным к советской власти, систематически вели среди окружающего населения контрреволюционную фашистскую агитацию. Вы это подтверждаете?

— Нет, я это не подтверждаю.

— Признаете ли вы себя виновным по существу предъявленного вам обвинения по статье?

— Я признаю себя виновным только в том, что хранил и проигрывал контрреволюционные церковно-монархические граммофонные пластинки.

В тот же день следствие было закончено. 27 июля 1938 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Ивана Васильевича к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь; он был отправлен на Колыму и работал на лагпункте

прииска Фролыч. От непосильной работы и бесчеловечных условий содержания он зимой 1940 года тяжело заболел. Врач в стационаре лагпункта определил у него острое воспаление почек, порок сердца, водянку живота и отек легких. Иван Васильевич Малышев скончался в праздник Крещения Господня на рассвете, 19 января 1940 года, и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. П-47941.

Января 18 (31)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Сергий (Лебедев)

Священномученик Сергий родился 16 сентября 1895 года в семье священника Петра Михайловича Лебедева, служившего в Благовещенской церкви в селе Сальково Подольского уезда Московской губернии. В 1910 году Сергей окончил Донское духовное училище, а в 1916 году – Московскую Духовную семинарию. Сразу же после окончания семинарии в связи с войной он был мобилизован в армию, где прослужил до 1917 года. В 1920 году Сергей Петрович был рукоположен во священника. В это время его отец служил в храме Воздвижения Креста Господня в селе Алтуфьево Московского уезда; в 1927 году отец Петр скончался, и в Воздвиженском храме стал служить его сын. В 1929 году хозяйство отца Сергия было записано как кулацкое и все имущество реквизировано, но затем после хлопот и просьб оно было возвращено.

В 1937 году в связи с приказом НКВД о начале массовых репрессий оперуполномоченный Мытищинского отделения НКВД, в территориальное подчинение которого входило в то время село Алтуфьево, начал оформлять документы на арест отца Сергия. В декабре 1937 года и в начале января 1938 года он вызвал к себе нескольких свидетелей. Протоколы с показаниями у него были написаны заранее, и требовалось только их подписать. Свидетелям он объяснял, что дело на священника уже составлено и только требуется всего лишь его дооформить. Говорил он это, впрочем, таким тоном, что свидетелю казалось, что если он не

подпишет протокол с предложенными показаниями, то его самого непременно арестуют. Некоторые свидетели были дежурными и подписывали не читая свидетельские показания не только на священника, но и на других жителей села. Один из дежурных свидетелей был инициатором создания колхоза и корреспондентом местной газеты, впоследствии он стал председателем сельсовета в Алтуфьеве.

Отец Сергей Лебедев был арестован в самый праздник Богоявления, 19 января 1938 года, и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. На следующий день следователь вызвал его на допрос, и затем священника допрашивали в течение двух дней непрерывно.

Выяснив у отца Сергея, что его брат арестовывался в 1930 году, следователь сказал:

— Вам известно, что ваш брат был судим за совершение террористического акта над председателем сельсовета села Виноградово, а также известно, что соучастники его дела 1930 года в 1937 году вновь были арестованы и осуждены. Что вы скажете теперь?

— Об этих фактах я слышал, но утверждать не могу, — ответил священник.

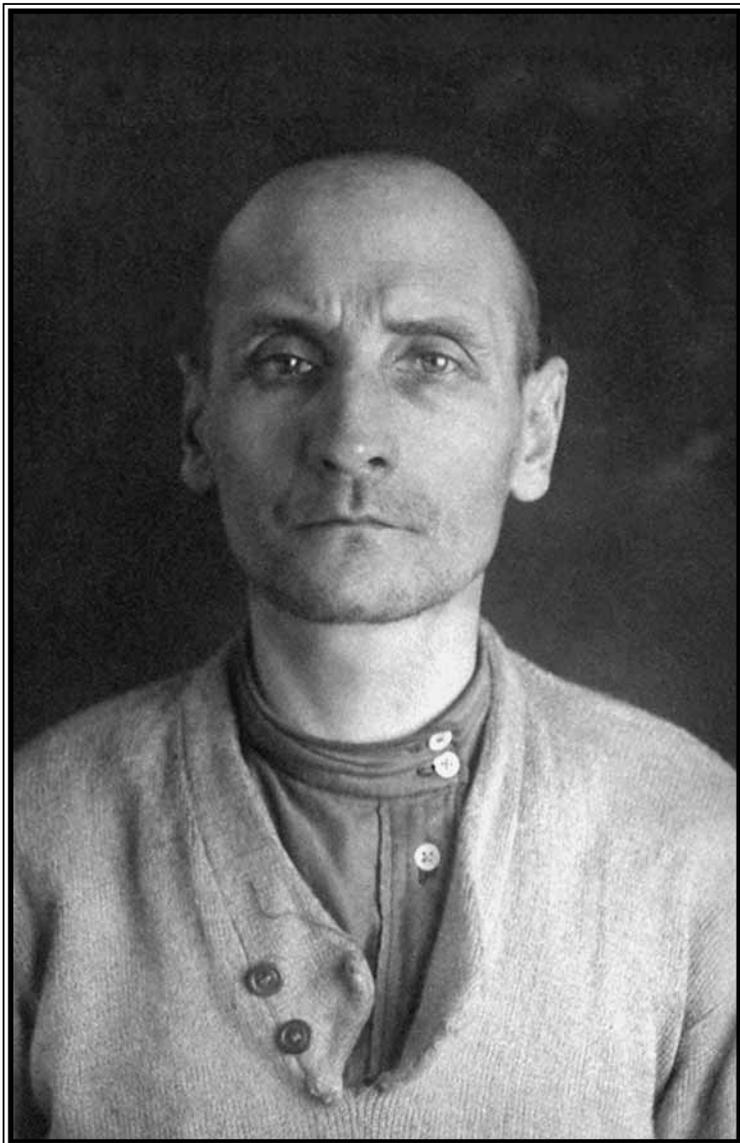
— Следствие располагает данными, что вы, проживая в зоне специального обслуживания, часто посещали запретную зону. Для какой цели вы посещали запретную зону?

— В запретной зоне я никогда не был. Я совершал прогулки по лесу, поскольку это мне рекомендовали врачи. Никаких других целей я не преследовал.

— Следствию известно, что вы во время выборов в Верховный Совет выступали с контрреволюционной клеветой на политику Советского Союза. Что вы скажете по данному вопросу?

— Контрреволюционных выступлений с моей стороны не было.

— Намерены ли вы давать следствию правдивые показания о вашей контрреволюционной деятельности? — задал следователь священнику последний вопрос.

Священник Сергей Лебедев

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

— Никакой контрреволюционной деятельности никогда и нигде не вел, — ответил отец Сергей.

На этом следствие было закончено. 26 января 1938 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Сергей Лебедев был расстрелян 31 января 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в общей безвестной могиле.

В августе 1938 года некоторые из сотрудников Мытищинского отделения НКВД были арестованы по обвинению в практиковавшихся ими незаконных методах следствия. При аресте оперуполномоченный, ведший следствие по делу отца Сергея, покончил жизнь самоубийством, застрелившись.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-53531.

Дубинский А. Ю. Московская духовная семинария.
Алфавитный список выпускников 1901–1917 годов
(краткий генеалогический справочник). М., 1998. С. 45.

Января 23 (5 февраля)

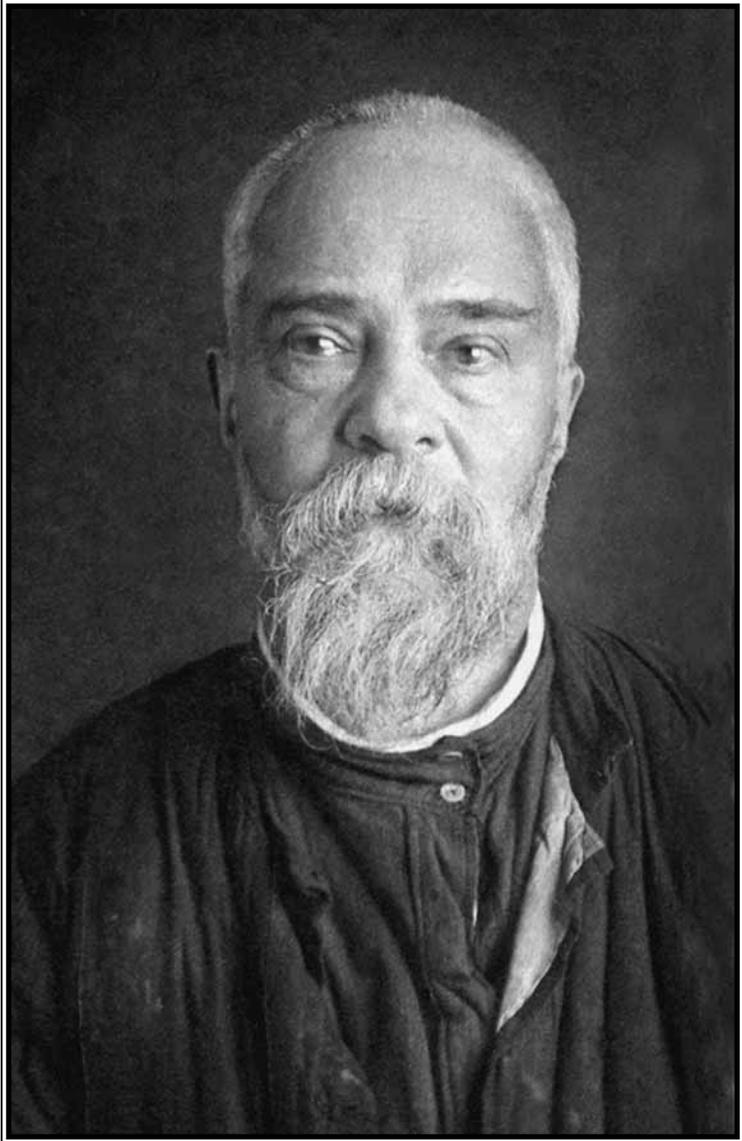
ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Серафим (Булашов)

Преподобномученик Серафим (в миру Николай Семенович Булашов) родился в 1872 году в Москве в семье раскольников-поповцев. С 1893 по 1897 год Николай служил в армии в чине старшего унтер-офицера. 19 ноября 1899 года Николай был присоединен к Православной Церкви и в этот же день поступил в Никольский единоверческий монастырь. Два года он проходил в монастыре послушание свечника; в 1902 году стал келейником настоятеля. 28 июня 1903 года Николай был определен в число монастырских послушников, а 26 февраля 1904 года пострижен в монашество с именем Серафим. С 1903 по 1905 год он был письмоводителем настоятеля монастыря.

23 ноября 1906 года монах Серафим был рукоположен во иеродиакона. Начав служить, он продолжал исполнять послушание письмоводителя, к которому присоединилось клиросное послушание. В 1911 году иеродиакон Серафим стал исполняющим должность благочинного Никольского монастыря. 13 апреля 1912 года он был рукоположен во иеромонаха. В 1915 году отец Серафим перешел в Гуслицкий Спасо-Преображенский монастырь, который был основан специально для того, чтобы вести просветительскую деятельность среди старообрядцев.

В феврале 1930 года был арестован священник храма Ахтырской иконы Божией Матери в селе Яковлево, и прихожане стали просить согласия отца Серафима служить у них. Отец Серафим

Игумен Серафим (Жулашов)

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

согласился и направил прошение епархиальному архиерею. 4 июня 1930 года он был назначен служить в храм Ахтырской иконы Божией Матери и 10 июня 1931 года был возведен в сан игумена. Он прослужил здесь почти восемь лет.

25 января 1938 года игумен Серафим был арестован, заключен в Таганскую тюрьму в Москве и на следующий день допрошен. Отец Серафим на обвинение, предъявленное следователем, ответил, что виновным себя не признает, никогда никакой агитации он не вел.

Тогда были призваны два лжесвидетеля, которые подтвердили обвинения, выдвинутые следователем. 2 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Серафима к расстрелу. Игумен Серафим (Булашов) был расстрелян 5 февраля 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19750.
ЦИАМ. Ф. 1181, оп. 1, д. 62.

Января 26 (8 февраля)

МУЧЕНИК

Иоанн (Попов)

*М*ученик Иоанн родился 17 января 1867 года в городе Вязьме Смоленской губернии в семье священника Воскресенской церкви города Вязьмы Василия Михайловича Попова и его супруги Веры Ивановны. 19 января он был крещен в Спасо-Преображенской церкви города Вязьмы своим дедом, протоиереем Михаилом Поповым. В 1888 году Иван Васильевич окончил Смоленскую Духовную семинарию, в 1892-ом — Московскую Духовную академию и был оставлен на год для приготовления на вакантную преподавательскую должность. В 1893 году он был назначен временно исполняющим должность доцента по кафедре патристики. Первую пробную лекцию он прочел о Тертуллиане*. В 1897 году Иван Васильевич защитил магистерскую диссертацию «Естественный нравственный закон. (Психологические основы нравственности)», в которой разбирались происхождение и обоснование нравственности как с философской, так и с богословской точек зрения, и был утвержден в должности доцента академии. В 1898 году Иван Васильевич был назначен экстраординарным профессором по кафедре патристики. В 1899 году он опубликовал библиографические заметки на богословские статьи, появившиеся в это время за рубежом, под названием

---

* Тертуллиан (ок. 160, Карфаген — после 220, там же), христианский богослов и писатель.

«Библиография. Новости иностранной литературы по патрологии», а в 1901 году в «Богословском вестнике» поместил статью «Обзор русских журналов. Древнецерковная жизнь и ее деятельность в текущей духовной журналистике», где им были проанализированы практически все вышедшие в то время работы на эту тему.

В 1901—1902 годах Иван Васильевич был направлен за границу для прослушивания лекций по богословию в Берлине и Мюнхене, откуда он писал своему давнишнему другу доценту Духовной академии Сергею Ивановичу Смирнову: «Целый месяц уже слушаю лекции в университете и участвую в практических занятиях по разным предметам. Все профессора произносят здесь свои лекции без тетрадки... Говорили они, очевидно, без предварительного заучивания, потому что при многочисленности лекций у них не могло бы хватить на это времени, и чувствуют себя на кафедре совершенно свободно. Что касается содержания лекций, то мне особенно нравится их сжатость: нет никаких отступлений и излишних подробностей...

Профессоров на богословском факультете не много, и каждый читает самые разнообразные предметы... Я удивляюсь, каким образом у них хватает времени, чтобы изучить все эти разнообразные предметы. Мы кое-как успеваем овладеть только частью одного предмета. Это повергает в уныние.

Лекции посещаются студентами очень исправно. Каждый является с тетрадкой, чернильницей и пером и тщательно записывает. В этом отношении особенно возмутительна исправность курсисток, которые пробрались-таки и на богословский факультет. После лекций у них между собою (студенты посматривают здесь на них довольно косо) начинается проверка и воспроизведение записанного. Исправность студентов, кроме, разумеется, самого качества лекций, в значительной степени, мне кажется, объясняется тем, что за лекции плачены деньги и каждый хочет использовать свой расход.

Со студенчеством я знаком мало. Оно распадается на корпоративных... и стоящих вне корпораций... Корпорации сохраняют средневековую организацию. Они строго замкнуты и служат постоянным источником вражды и столкновения между партиями. Вместе с этим корпоранты занимаются более кутежами и фехтованием, чем наукой. Поэтому на каждом шагу встречаешь здесь изрезанные морды. В противовес корпоративным студентам противники корпораций учредили всеобщий студенческий ферейн*, который преследует главным образом научные цели. Есть также несколько богословских ферейнов.

Либерализм не мешает профессорам и студентам оставаться протестантами... Выбросив все догматическое содержание христианства, они приспособили его к современному научному мирозерцанию. Но в том, что у них остается положительного, они вовсе не являются независимыми мыслителями или христианами, стоящими вне сект: они [истые] протестанты. Каждая выходка профессора против католичества вызывает в аудитории шепот одобрения; действительными членами богословских ферейнов могут быть только студенты евангелического исповедания. Недавно я был на религиозном собрании студентов. Во главе кружка стоит некто граф [Нуклер]. Когда я вошел, все пели под фисгармонию. Потом встал [Нуклер], который был председателем, и начал говорить проповедь на тему о немилосердном заимодавце. Я не знаю, пережил ли этот человек много или просто он — фанатик, но речь его была страстная и окончилась истерическим криком: “только через Христа” (то есть мы спасаемся только благодатью Христа, о чем им все время было говорено. Последнюю фразу он повторил раз восемь). Потом он стал на колени и начал импровизировать молитву и произнес так, как иногда дети чего-нибудь неотступно просят. Во время проповеди и молитвы он не-

---

* Ферейн — общество, союз.

сколько раз плакал, лицо его принимало то очень приятное, то совершенно отталкивающее выражение. После окончания молитвы он предложил собранию, на которое, по его мнению, снизошла благодать, обнаружить плоды Духа в каких-нибудь личных заявлениях. Тотчас же поднялся один господин и рассказал, что он очень опечален смертью своего брата, недавно умершего в страшных мучениях. На это заявление последовало предложение со стороны одного очень молодого студента помолиться об утешении скорби этого господина. Большинство присутствующих встали на колени и уткнулись головой в спинку стульев, а молодой человек стал импровизировать молитву. В заключение опять стали петь под фисгармонию. Я вышел из этого собрания со смешанными чувствами. Лично я оказался слишком позитивным для того, чтобы подобное представление могло на меня подействовать. Но можно говорить за искренность некоторых, по крайней мере, членов собрания. Были, однако, и совершенно скучающие физиономии. Порой мне казалось, что граф просто играет в пастора, а другие фальшивят, подделываясь к его вкусам...»

Вернувшись из-за границы, Иван Васильевич в 1903 году был назначен на должность редактора «Богословского вестника», и с этого времени у него прибавилось много хлопот, связанных с публикацией различных статей и с цензурой. Особенно стало трудно, когда в 1905 году в русском обществе, не исключая академических кругов, разгорелись страсти, касающиеся политических вопросов. «Богословский вестник» был обвинен в либерализме, и в 1906 году Иван Васильевич подал прошение о снятии с себя обязанностей редактора.

В 1904 году Иван Васильевич опубликовал работу «Религиозный идеал святого Афанасия Александрийского», в 1908-ом — «Святой Иоанн Златоуст и его враги». В 1911—1912 годах была издана его книга «Конспект лекций по патрологии», в основу которой были положены записи студентами его лекций.

С 1910 года, в связи с введением нового устава в Духовных академиях, он стал экстраординарным профессором по 1-ой кафедре патрологии.

С 1894 по 1916 год Иван Васильевич «неоднократно участвовал в магистерских и докторских диспутах и давал отзывы на магистерские и докторские сочинения, а также рекомендации для присуждения премий за различные богословские и исторические труды». С 1907 года Иван Васильевич состоял приват-доцентом историко-филологического факультета Московского университета по кафедре истории Церкви. В 1917 году он защитил докторскую диссертацию «Личность и учение блаженного Августина», которая явилась фундаментальным трудом на эту тему.

Один из исследователей историко-богословского наследия Ивана Васильевича Попова, характеризуя его как человека, отличавшегося «кристальной честностью и высокой религиозно-нравственной настроенностью», пишет о нем: он «был человеком больших дарований и исключительного трудолюбия. В своих патрологических трудах он умело сочетал богословский и философский анализ с исторической демонстрацией. Истина святоотеческой веры им воспринимается и показывается как истина разума или как разум истины. Творения святых отцов для него были всегда живым выражением внутренней жизни Церкви, свидетельством ее неоскудевающей духовности в различных условиях исторического бытия и развития. Он намеревался представить историю Церкви в “лицах” святых отцов — в плане единого Предания Церкви, положить основы к построению своего рода исторического богословия».

Один из студентов, слушавших лекции Ивана Васильевича в академии, писал о нем в своих воспоминаниях: «...Пожилой мужчина с аскетически строгим, худым, окаймленным небольшой бородой лицом на первый взгляд не привлекал внимания, и только приглядевшись можно было увидеть в его глазах глубокую со-

средоточенность и внутреннюю силу. Последнюю он смог вполне проявить позднее, во время своих неоднократных ссылок и в изгнаниях, когда в крайне трудных условиях жизни не терял стойкости и бодрости духа, перенося лишения с мужеством мученика древних времен, как мне рассказывали об этом живые свидетели его подвигов.

Свои лекции он читал интересно... чувствовалось, что за его словами скрывается глубокое содержание и прекрасное знание своей дисциплины. Философия святых отцов вырисовывалась перед нами как непосредственное продолжение древней эллинской мысли и, одновременно, как глубочайший корректив, исходивший из божественного откровения, ко всему ценному, что внесла в мир античность. Христианизированную философию Востока он связывал с аналогичной философией Запада, а затем и с течениями западноевропейской средневековой мысли, показывая основное расхождение Востока, с его проникновенным логизмом и софийностью, и Запада, с его односторонними рационалистическими устремлениями, которые привели в конце концов к замене онтологии* узкими рамками гносеологии**.

Член Всероссийского Церковного Собора, доктор богословия, погруженный в древность... он активно откликнулся на все современное, причем не только по вопросам церковной жизни. В нем не было повального осуждения того нового, что шумело и кипело вокруг. Напротив, он старался понять смысл совершавшихся перемен, понять причины, породившие их именно в данной форме, пытался предсказать то, что последует в дальнейшем...

В обстановке тяжелых и мучительных 1919–1920 годов он пытался провидеть более светлое и отрадное будущее, веря в душевную доброту и неискоренимую ясность мудрости народной, в ко-

---

* Онтология (греч.) – философское учение о бытии.

** Гносеология (греч.) – теория познания, раздел философии.

торой разуверились многие из тогдашних писателей и мыслителей. История и философия, особенно философия блаженного Августина, свидетеля древнего катаклизма, над которой Попов работал долго и прилежно, заставляли его и мыслить соответственно, не иронизируя над многими тяжелыми нелепостями переживаемой поры, а стараясь осмыслить общий ход истории и наметить хотя бы малый, но светлый прогноз, который ободрил бы человека и дал бы ему силы для жизни и действия. И, в целом, его прогноз был положительным, хотя уже тогда он предвидел много мрачного и тяжелого в судьбах Русской Церкви на последующие годы».

В 1917 году Иван Васильевич был избран членом Поместного Собора от Московской Духовной академии и заместителем председателя по отделу Духовной академии. На Соборе он принимал активное участие в обсуждениях, касающихся высшего духовного образования.

После окончания деятельности Поместного Собора Иван Васильевич преподавал в Московской Духовной академии и в Московском университете. В 1919 и в 1920 годах на время каникул Иван Васильевич уезжал в село Самуйлово Гжатского уезда Смоленской губернии.

2 января 1919 года он писал из Самуйлова Михаилу Михайловичу Богословскому*: «Доехал до Самуйлова благополучно, хотя и без всякого комфорта. Прежде чем сесть в вагон, пришлось простоять на холодной платформе в очереди около пяти часов. Весь поезд состоял из товарных вагонов с железными печками посередине... Когда печь топили, в вагоне становилось тепло, но весь он наполнялся дымом, разъедающим глаза, а когда топка прекращается и воздух очищается от дыма, температура в вагоне

---

* Богословский Михаил Михайлович (1867–1929), ординарный профессор Московской Духовной академии и Московского университета, читавший курс русской гражданской истории. С 1921 года – член Академии наук. Автор около 90 работ по русской истории.

быстро падает. Я поместился под нарами на длинной поперечной доске. Сидеть на ней нельзя, потому что нары не дают выпрямиться, но зато я всю дорогу на ней лежал, а ведь какой-то философ сказал, что лежать лучше, нежели сидеть. Гораздо приятнее было ехать на лошади из Гжатска в Самуилово: зимняя тишина, безлюдье и ровная белая пелена кругом так успокоительно действует на душу, постоянно возмущенную там, где теперь кипит котел с помоями. В доме у нас все благополучно. После бури крестьянского восстания, унесшего много бесполезных жертв, все снова успокоилось. В деревне “затишье, снежок, полумгла...”»

5 февраля Иван Васильевич писал ему: «Из Самуилова думаю выехать 13 февраля, а когда и как доберусь до Москвы — сказать трудно, потому что единственный уцелевший поезд бывает переполнен пассажирами и пробраться в вагон на промежуточной станции, каков Гжатск, очень трудно...»

Газеты я здесь читаю исправнее, чем в Москве. Мой племянник, как народный судья, по обязанности выписывает “Известия”, а раз газеты приносят к вам в дом, трудно воздержаться, чтобы в них не заглянуть. По официальным сообщениям слежу за ужасным ростом голода, болезней и разрухи. На душе тяжелым камнем лежит ожидание еще больших бедствий, а вследствие этого плохо отдыхаю и поправляюсь, несмотря на самые благоприятные условия для здоровья, в которых я живу. И таково не мое только настроение, но и огромного большинства крестьян. “Сосет за сердце”, говорят они...»

16 марта 1920 года Иван Васильевич писал Михаилу Богословскому: «Я живу здесь тихо и спокойно. Конечно, продовольственное положение здесь страшно ухудшилось по сравнению с прошлым годом. Осенью в мое отсутствие были сделаны лишь очень небольшие запасы. Теперь они подходят к концу, пополнить их уже трудно, потому что все излишки у крестьян отобрали, да и не по карману. С осени у нас были заготовлены рожь и

овес... в восьмидесяти верстах от нас, но никто не соглашается дать лошадь для поездки туда, потому что у крестьян все лошади крайне измучены нарядами для подвозки дров и сена к железной дороге. Хлеба все-таки нам хватает, а кроме того остается только капуста, картофель и молоко в ограниченном количестве. Живем мы в лесу, а дрова достаются с величайшим трудом. Нарубленных дров не продают, а отводят деревья на корню, предоставляя покупателям рубить их своими средствами. Сами мы по отсутствию сноровки к этому совершенно не способны, а крестьяне за деньги рубить не нанимаются. Пришлось из своих небольших запасов расплачиваться картошкой и старыми штанами, которые в прежнее время стыдно было бы подать нищему. Берут по мере картофеля за сажень, то есть по довоенным ценам двадцать копеек. Так дешево тогда никто не стал бы работать, но при настоящих ценах на продукты это очень дорого. В конце концов дрова нарезали. Теперь задача, как их перевезти. Все время, свободное от этих хозяйственных забот, отдано занятиям, которые идут довольно успешно. В Москве за всю осень не пришлось ничего сделать, но здесь я порядочно написал для курса и подготовил материалы для дальнейших работ...»

3 апреля 1920 года Иван Васильевич писал ему: «Если бы можно было, я с большим удовольствием остался бы здесь и на лето. Это было бы очень полезно не только для моего здоровья, но и для хозяйства, которое я предполагаю расширить. Беру себе землю для второго огорода. Не прочь был бы взять одну десятину и в поле, чтобы посеять овса и кормовой свеклы, но у меня нет ни лошади, ни земледельческого инвентаря, а земли безлошадным у нас не дают. Во всяком случае, вновь устраиваемый огород надо будет разрабатывать, а для этого нужно мое личное присутствие, потому что без меня в хозяйстве все идет очень вяло...

В Гжатске, в Вязме и более глухих уездных городах нашей губернии свирепствует тиф... Свое письмо Вы заканчиваете мрач-

ными опасениями и выражением безнадежных чувств. Конечно, жизнь наша полна бедствий и не сулит пока ничего хорошего. Но все же будем надеяться на Бога. Душа успокаивается, когда отдал себя на Его волю».

В феврале 1920 года Иван Васильевич писал профессору Петроградской Духовной академии Николаю Глубоковскому: «Участь Вашей Академии ожидает и нашу. Я уверен, что в будущем году она функционировать не будет. Из зданий нас постепенно вытесняют, а денег на содержание Академии у Церкви нет. Это очень горько. Я думаю не о своей личной судьбе: мы все, конечно, где-нибудь пристроимся и найдем себе кусок хлеба... Нет. Не личная судьба, а гибель учреждения, которое любил и которому добросовестно служил 26 лет, — вот что угнетает. А затем, хотелось бы оформить все сделанное за четверть века и издать в виде ученого и подробного курса... мои конспекты. Но как это сделать вдали от библиотеки и при отсутствии необходимого досуга...»

После закрытия в 1920 году Духовной академии Иван Васильевич продолжал до 1923 года преподавать в Московском университете на кафедре философии древних веков.

В связи с обновленческим расколом, возникшим в 1922 году, и с тем, что часть архиереев вернулась в православие, а часть осталась в обновленчестве, некоторыми церковными людьми стали составляться списки архиереев — православных и находящихся в обновленческом расколе. Иван Васильевич попросил достать ему такой список своего ближайшего ученика, занимавшегося под его руководством церковной историей и патрологией, Антония Тьевара*. Список этот оказался далеко не полон, и Иван Васильевич, как человек, хорошо знавший церковную жизнь, стал его

---

* Преподобномученик Серафим (в миру Антоний Максимович Тьевар), прославлен Русской Православной Церковью в Соборе новомучеников и исповедников Российских. Память празднуется ноября 23/декабря 6.

дополнять. Весьма важным для такого списка было и настоящее положение епископата, то есть находятся ли архиереи на кафедре или они отправлены в тюрьмы и ссылки. С этой целью Иван Васильевич добавил к нему отдельную графу. Составление такого списка было тем более необходимо, что, по сведениям, дошедшим до Патриарха Тихона, на 1925 год намечалось созвать Собор всех Православных Восточных Церквей. Иван Васильевич познакомил с этим списком Патриарха Тихона и спросил его, возможно ли уточнение фамилий архиереев, на что Патриарх ответил, что на память их не знает, и благословил Ивана Васильевича работать над полным списком канонических архиереев Русской Православной Церкви. Предполагалось, что если Собор состоится и на него будут приглашены представители Русской Церкви, то Иван Васильевич будет отправлен туда делегатом. При составлении списка канонических архиереев Ивану Васильевичу приходилось постоянно консультироваться с митрополитом Крутицким Петром (Полянским).

В 1923 году Иван Васильевич стал хлопотать о получении визы, чтобы выехать для лечения в Чехословакию, но хлопоты оказались безрезультатными. В том же году Патриарх Тихон поручил одному из своих сотрудников передать за границу указ о назначении митрополита Платона (Рождественского) управляющим Северо-Американскими приходами. У того, однако, не было возможности это осуществить, и он обратился за помощью к Ивану Васильевичу, который в свою очередь обратился к сотруднику Чехословацкой миссии, с которым был уже знаком ранее, с просьбой переслать письмо и указ Патриарха профессору Новгородцеву, чтобы тот переслал его в Америку. Сотрудник миссии поначалу отказался, сказав, что в политические дела они не вмешиваются, но поскольку Иван Васильевич настаивал, тот попросил разрешения прочитать пересылаемый документ, а прочитав и увидев, что это всего лишь официальный указ, согласился его переслать.

10 декабря 1924 года Иван Васильевич был арестован и заключен в тюрьму ОГПУ в Москве. С этого времени закончилась его деятельность на поприще изучения церковной истории и преподавания патрологии, он сам стал участником этой истории и на своем личном примере должен был показать тот образ христианина, коим прославились и просияли святые отцы и учителя Церкви.

Сразу же после ареста его допросил начальник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Тучков.

— Что вы можете показать о списках архиереев, составленных с целью учета высланных и заключенных советской властью?

— Списки в одном экземпляре я получил от лица, назвать которое не желаю. Списки были написаны от руки чернилами на листе бумаги. Получил я эти списки с месяц тому назад.

— Где вы получали списки?

— Получил я их на своей квартире, продержав их недели две, передал другому лицу — фамилию которого назвать также не желаю.

— Кому вы показывали эти списки и на какой предмет?

— Списков я не показывал, а только один раз приходил к Патриарху Тихону осведомиться о некоторых епископах, об их фамилиях.

— Что вам на это ответил Патриарх Тихон?

— Он ответил, что фамилий этих епископов он не знает.

— О каких именно епископах вы интересовались у Патриарха Тихона?

— Теперь не припомню.

— Как часто и по какому поводу вы бываете в Чехословацкой миссии?

— В Чехословацкой миссии в течение лета я был несколько раз, последнее мое посещение состоялось в ноябре сего года. Ходил я туда по своему личному делу — по поводу получения визы на лечение в Карлсбаде.

— Велся ли у вас разговор с Чехословацкой миссией о вышеупомянутых списках?

— Такого разговора не велось.

— Велся ли разговор об этих списках с гражданином Тьеваром?

— Разговор с Тьеваром об этих списках был, но не в специальной по этому поводу беседе.

— Сколько раз вы с Тьеваром говорили об этих списках?

— Возможно, несколько раз.

— Давали ли вы Тьевару поручения о дополнении списков и их уточнении?

— Возможно, и давал, но точно не помню.

— Посылали ли вы письмо митрополиту Петру с просьбой дать вам сведения о епископате?

— Да, посылал, но ответа не получал.

Следователь попросил профессора изложить свою позицию относительно советской власти. Иван Васильевич ответил: «Я, как христианин, не сочувствую в современном порядке вещей антирелигиозному и аморальному уклону; последний может отчасти вытекает из первого. Кроме этого, в советском государстве мне не нравится отсутствие некоторых институтов, имеющих в других государствах, как-то: свободы слова, неприкосновенности личности и так далее; вообще, я принципиальный противник какой бы то ни было диктатуры. Я считаю, что для разрешения социальных проблем метод эволюции предпочтительнее методу революции и что задачи социалистической революции были бы вернее разрешены первым путем. В общем же я безусловно подчиняюсь советской власти».

Объясняя, каким образом велась работа над уточнениями сведений, касающихся современного положения архиереев, Иван Васильевич сказал: «Я имею основание думать, что если бы вопрос о подготовке встал бы перед Патриархом, то обратились бы и ко мне, как к одному из немногих оставшихся в живых профессоров академии. Мне казалось, что для работы Собора по

ликвидации обновленческого раскола и информации его же о взаимоотношениях Церкви и государства такой список мог быть полезен. Для составления сведений по существу последней графы, а также для получения сведений, в целях пополнения и поправок списка вообще, я обращался к некоторым знакомым, в том числе к Антону Максимовичу Тьевару, моему бывшему ученику, которого я знал как преданного делу Церкви, интересующегося текущей церковной жизнью и богословской наукой... Тьевара я просил пособирать, при случае, сведения по существу списка, что последним было исполнено в очень небольшой степени и ограничивалось передачей нужных сведений на словах. Главным образом список составлялся только мной, по личным сведениям, из прессы, в порядке частной информации от некоторых лиц, припомнить которых затрудняюсь, так как сведения эти слагались у меня в голове в течение нескольких лет...»

В конце декабря 1924 года следователь вновь допросил профессора и среди прочего спросил:

— Что вы говорили... относительно способа пересылки списков на Вселенский Собор?

— Я предполагал, что меня может командировать Патриарх на Вселенский Собор в качестве специалиста богослова и эти списки мне были бы в качестве материалов, форма использования их для меня была не ясна. Если бы интересы Церкви того потребовали, я бы на Вселенском Соборе огласил списки полностью.

— Сообщите фамилию лица, которому вы передали на сохранение списки?

— Нет, не скажу.

После некоторого перерыва, уже после смерти Патриарха Тихона, когда Местоблюстителем Патриаршего престола стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский), в конце апреля 1925 года допросы возобновились.

— Вы сможете поручиться, что составленные вами списки правильны? — спросил следователь Ивана Васильевича.

— Нет, поручиться не могу, так как списки мною не закончены. Мое намерение было составить их как можно точнее. Это было необходимо, чтобы не ввести в заблуждение Вселенский Собор.

— Сознаете вы то, что, думая оглашать за границей списки епископата, подчеркивая в списке епископов арестованных, сосланных советской властью, не давая объяснений, почему это произошло, вы тем самым вызывали враждебное отношение к советской власти со стороны капиталистических государств?

— Я это думал делать в интересах Церкви; как это могли истолковать гражданские власти капиталистических государств, это меня не касалось. Я лично думаю, что официальные акты правительства, судебные и другие, компрометировать власть не могут. Я думаю, что закон не налагает обязанности на граждан умалчивать об этих актах.

27 апреля Ивану Васильевичу было предъявлено обвинение в «сношениях с представителями иностранных государств с целью вызова со стороны последних интервенции по отношению к советской власти, для каковой цели Поповым давалась последним явно ложная и неправильная информация о гонениях... Церкви и епископата».

На обороте листа с обвинительным заключением Иван Васильевич написал: «С формулировкой обвинения не согласен. Возражения свои изложу после того, как мне дана будет возможность прочесть формулировку предъявленных статей в кодексе законов».

19 июня 1925 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к трем годам заключения, и он был отправлен в Соловецкий концлагерь. Туда же был отправлен и его ученик Антоний Тьевар.

Свидетель пребывания Ивана Васильевича на Соловках протоирей Михаил Польский писал о нем: «Иван Васильевич был учителем школы грамотности при Соловецком лагере... Говорить

об учено-богословской работе Ивана Васильевича Попова – особая отдельная задача. Во всяком случае, в России патрология, как наука, впервые создана им... Характеризуя его ученость, архиепископ Иларион (Троицкий) говорил: “Если бы, отцы и братья, все наши с вами знания сложить вместе, то это будет ничто пред знаниями Ивана Васильевича”».

Профессор Иван Васильевич Попов был автором текста обращения православных епископов к правительству СССР, известного как «Памятная записка соловецких епископов», которое было принято всеми заключенными в Соловецком концлагере архиереями. В этом обращении подробно описывались идейные различия между идеологией коммунизма, принятой советской властью за государственную доктрину, и церковным мировоззрением и каковы сложившиеся на тот момент отношения между Церковью и государством; в нем отмечались общие принципы взаимоотношений между Церковью и государством, основанные на признании закона об отделении Церкви от государства. В этом обращении, в частности, говорилось: «Православная Церковь не может по примеру обновленцев засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она бы пользовалась полной свободой. Она не скажет вслух всего мира этой позорной лжи, которая может быть внушена только или лицемерием, или сервилизмом, или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного осуждения в ее служителях... Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели; она никогда не призывает к оружию и политической борьбе; она повинуетя всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в пол-

ной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей конституцией, и не может стать слугой государства...

В Республике всякий гражданин, не пораженный в политических правах, призывается к участию в законодательстве и управлении страной, в организации правительства и влиянию, в законном установленной форме, на его состав... Церковь вторглась бы в гражданское управление, если бы, отказавшись от открытого обсуждения вопросов политических, стала влиять на направление дел путем пастырского воздействия на отдельных лиц, внушая им либо полное уклонение от политической деятельности, либо определенную программу таковой, призывая к вступлению в одни политические партии и к борьбе с другими. У каждого верующего есть свой ум и своя совесть, которые должны указывать ему наилучший путь к устройению государства. Отнюдь не отказывая вопрошающим в религиозной оценке мероприятий, сталкивающихся с христианским вероучением, нравственностью и дисциплиной, в вопросах чисто политических и гражданских Церковь не связывает их свободы, внушая им лишь общие принципы нравственности, призывая их добросовестно выполнять свои обязанности, действовать в интересах общего блага, не с малодушной целью угождать силе, а по сознанию справедливости и общественной пользы...

Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если хатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целостности внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагает свое упование на необоримую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания».

Протоиерей Михаил Польский, вспоминая, как обсуждалось и принималось это обращение к правительству, писал: «В день

отдания Пасхи, 26 мая 1926 года, в монастырском кремле Соловецкого острова, в продуктовом складе лагеря заключенных, собрались по возможности все заключенные здесь епископы для заслушания доклада другого узника, профессора Московской Духовной академии Ивана Васильевича Попова. Складом продуктов и их раздачей заключенным заведовал игумен из Казани отец Питирим Крылов, имевший группу сотрудников из духовенства... Отец Питирим предоставил епископам свое помещение для секретного совещания, которое и приняло так называемую “Памятную записку соловецких епископов”, должную быть представленной на усмотрение правительства...

Иван Васильевич Попов, благочестивый старец-аскет, профессор святоотеческой литературы, автор ценнейших печатных трудов, при составлении “Записки” руководился указаниями старшего среди архиереев на Соловках архиепископа Евгения*. С ним он по преимуществу совещался, но до общего собрания епископов читал “Записку” и небольшой группе епископов и духовенства, подвергая ее многосторонней критике...»

4 ноября 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к трем годам ссылки, и он был отправлен в ссылку на реку Обь под Сургут.

«Первое время, — писал о нем протоиерей Михаил, — квартирные условия были плохие и он не имел возможности заниматься своими учеными трудами, а собирал и сушил грибы, которые посылал своим друзьям в центр России, откуда получал посылки. Через несколько месяцев он был переведен в другое место, и там ему было лучше жить. С ним жил ссыльный епископ Онуфрий**, относившийся к нему с особенной любовью. Здесь Иван Васильевич трудился над сочинением о святителе Григории Нисском».

---

* Архиепископ Евгений (Зернов), священномученик. Память празднуется сентября 7/20.

** Епископ Онуфрий (Гагалюк), священномученик. Память празднуется мая 19/июня 1.

Находясь в ссылке, Иван Васильевич наладил переписку с находившимся в этих же местах Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Петром (Полянским), которого он давно и хорошо знал. Через Ивана Васильевича заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) посылал деньги для митрополита Петра. Пересылая их, Иван Васильевич никогда не говорил, от кого эти деньги, но однажды все же написал, что эти денежные переводы от митрополита Сергия. Узнав об этом, Местоблюститель не счел возможным получать помощь от своего заместителя через посредника и отписал Ивану Васильевичу, чтобы тот сообщил митрополиту Сергию, что денег присылать больше не нужно, он ни в чем не нуждается.

11 декабря 1930 года истек срок ссылки, но Ивану Васильевичу выехать из Сибири не разрешили. В конце декабря против него было возбуждено новое дело, и 8 февраля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к лишению права проживания в ряде областей и краев России, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года. В тот же день он был вновь арестован и заключен в тюрьму в Сургуте по обвинению в проведении антисоветской агитации. «Пока я сидел в Сургутском арестном доме, — писал Иван Васильевич, — в Сургуте была арестована группа крестьян-переселенцев с обвинением по ст. 58, п. 11 (организация... с целью свержения советской власти в Сургуте), к которой я был причислен... С ними в марте был отправлен в Тобольскую тюрьму, все лето шло следствие, в конце сентября оно было закончено, и недели через две я был освобожден из тюрьмы и получил три года ссылки в Самарово Тобольской области...» А затем он был переселен в село Реполово Тюменской области.

После опубликования в 1927 году декларации митрополита Сергия (Страгородского) гонения на Церковь не только не уменьшились, но еще более ужесточились, и у многих церковных людей осталось горькое чувство напрасности этой жертвы, и со

временем это публичное заявление стало восприниматься как лицемерие. Находились, однако, люди, которые всецело разделяли необходимость написания подобной декларации и считали, что нужно идти на любые унижения и ложь ради физического сохранения церковной организации. Бывший секретарь Святейшего Синода Михаил Гребинский, хорошо знавший митрополита Сергия и профессора Ивана Васильевича Попова, писал последнему, что он совершенно и безоговорочно согласен с декларацией, так как, благодаря ей, Церковь получает возможность сохраниться физически. Но для Ивана Васильевича такая позиция была неприемлема, и он ответил Гребинскому довольно резко, написав: «Его поступок неизвинителен, и его не могут оправдать никакие выгоды. Его позорная и бесстыдная ложь, явная для всякой тумбы, которая торчит на улице, наносит такой моральный ущерб самому существу дела, который не может быть вознагражден никакими внешними приобретениями. Ослаба, про которую вы пишете, во-первых, совершенно ничтожна по сравнению с нанесенным вредом, и во-вторых, явилась “не потому”, а “несмотря на то”. Я не знаю, в какую форму выльется моя оппозиция, но вопрос об отношении к С. для меня совершенно ясен. Это – Сарзиз*, соучастник и пособник».

Хотя это письмо было личным, Гребинский сделал из него в нескольких экземплярах выписки и стал их рассылать людям, не согласным с позицией Ивана Васильевича, – в частности, он послал такие выписки и митрополиту Сергию (Страгородскому). Один из экземпляров выписки был обнаружен у Гребинского во время обыска сотрудниками ОГПУ, и, хотя по выписке нельзя было понять, кому принадлежало письмо, Гребинский рассказал,

---

* Саркис (Сарзиз) – персонаж армянской мифологии, перенявший функции древнего божества ветра и бури. Сарзиз – красавец, вооруженный всадник на белом коне; поднимает ветер, бурю, метель. Душит тех, кто его не почитает, помогает вызывающим о помощи. Всегда содействует влюбленным, которые обращаются к нему за помощью, поэтому его часто называют «осуществляющим заветную мечту».

что его автором является Иван Васильевич Попов. Впоследствии следователи весьма пристрасно допрашивали Ивана Васильевича об этом письме.

Вернувшись из ссылки в 1934 году, Иван Васильевич поселился в Люберцах под Москвой и восстановил связи с оставшимися в живых учениками и знакомыми по академии. Встречи чаще всего происходили на квартире архиепископа Варфоломея (Ремова), который приглашал к себе архиереев, приезжавших на сессии Синода. В июне 1934 года Иван Васильевич встретился здесь с митрополитом Арсением (Стадницким) и архиепископом Николаем (Добронравовым), с ними же он виделся и при обсуждении церковных вопросов в сентябре 1934 года. В феврале 1935 года на одной из встреч присутствовал митрополит Анатолий (Грисюк).

По показаниям, данным на следствии арестованным архиепископом Варфоломеем, на этих встречах говорилось о том, что Русская Церковь находится в крайне тяжелом положении. Архиепископ Николай (Добронравов), высказывая недовольство позицией митрополита Сергия, говорил, что, «вместо того чтобы, как это подобает главе Церкви, защищать ее интересы», тот «ведет соглашательскую линию в отношении советской власти» и тем самым ухудшает положение Церкви. Архиереи с ним согласились.

По одному делу с архиепископом Варфоломеем в феврале 1935 года было арестовано двадцать два человека. 21 февраля 1935 года Иван Васильевич был арестован. 26 февраля следователь допросил профессора.

— Где состоялась встреча с митрополитом Арсением в 1934 году?

— Я был у него на даче в Пушкино.

— Я имею в виду другую встречу с Арсением.

— Другая встреча имела место на квартире архиепископа Ремова во Всехсвятском осенью 1934 года.

— Кто там был еще?

– Помимо митрополита Арсения, архиепископа Варфоломея и меня, там был еще архиепископ Николай.

– Предшествовала ли этой встрече предварительная договоренность?

– Да, предшествовала.

– Какие вопросы тогда и в 1935 году на этих встречах обсуждались?

– Вопросов никаких не обсуждалось, были разговоры чисто житейские.

– Вновь настаиваю на правдивых ответах. Я располагаю данными, что эти встречи были по своему характеру совещаниями, на которых обсуждалось положение Церкви в СССР.

– Я это отрицаю.

– Как же вы это отрицаете, когда на этих совещаниях, участником которых вы являетесь, всеми присутствующими констатировалась гибельность для Церкви линии, проводимой митрополитом Сергием.

– Я повторяю, что этих вопросов мы не касались.

На этом допросы были окончены. 26 апреля 1935 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Ивана Васильевича Попова к пяти годам ссылки в Красноярский край. Во время обыска сотрудники НКВД забрали у него некоторые предметы, не имевшие отношения к следствию, и Иван Васильевич, приехав на место ссылки в деревню Волоковское Пировского района Красноярского края, 28 ноября 1935 года отправил заявление в НКВД, в котором писал: «При моем аресте 22 февраля сего года в моей квартире... у меня были отобраны... 12 столовых серебряных ложек, 8 чайных серебряных ложек, одна десертная серебряная ложка, золотой нагрудный крестик, две сберегательных книжки с остатком по 5 рублей каждая, одна торгсиновская книжка с остатком на 12 рублей 20 копеек и две столовые ложки белого металла... альбом с семейными фотографиями, альбом с фотографическими видами моей родины, мое сочинение в руко-

писи под заглавием «Дидим Слепой» и документы: справка из Московского университета о продолжительности моей службы в нем в качестве профессора и два удостоверения о моей службе в философском исследовательском институте, состоявшем при 1-ом Государственном университете...

Прилагая при сем доверенность на имя “Помощи Политическим Заключенным”, прошу НКВД выдать этому учреждению для возвращения мне как перечисленные ценности, так и перечисленные предметы, взятые для следствия. При этом считаю необходимым объяснить, что не могу представить квитанции на отобранные у меня ценности, которая была выдана мне на руки при переводе меня из изолятора НКВД на Лубянке, куда я был доставлен после ареста, в Бутырскую тюрьму, и не могу указать ее номера, который своевременно не записал. Квитанция эта была у меня отобрана в Бутырской тюрьме при объявлении мне постановления Особого Совещания о моей ссылке для затребования по ней, как мне объяснили, из Лубянского изолятора подлежащих возвращению мне моих ценностей (вечером 1 мая), но через два дня я был уже вызван на этап для отправления на место ссылки, и при этом мне не выдали ни ценностей, ни отобранной квитанции, объясняя это тем, что квитанция и ценности еще не присланы из Лубянского изолятора. Ввиду этого я просил администрацию тюрьмы оставить меня до следующего этапа, чтобы получить перед отправлением или мои ценности, или отобранную квитанцию, но разрешения на это не получил и вынужден был уехать, не добившись возвращения мне документа на отобранные ценности... прошу... выдать мои ценности и другие перечисленные предметы “Помощи Политическим Заключенным”».

Через некоторое время Ивана Васильевича перевели в село Игнатово того же района и поселили в доме пастуха. Дом состоял из двух половин, Ивану Васильевичу выделили отдельную комнату, жена хозяина готовила ему пищу. В ссылке у него было много книг, присланных ему друзьями, так что в какой-то мере он

смог продолжить свои научные занятия. Но началась новая волна гонений, когда всех ссыльных и находящихся в лагерях по приказанию Сталина и советского правительства стали вновь арестовывать и большей частью расстреливать. 9 октября 1937 года был арестован и заключен в тюрьму в Енисейске и Иван Васильевич Попов.

11 октября был допрошен в качестве свидетеля один из ссыльных по фамилии Виолович, который показал об Иване Васильевиче: «Отбывая срок ссылки в селе Игнатово, где также находился Иван Васильевич Попов, мне неоднократно приходилось вести разговоры с Поповым на политические темы. Будучи чрезвычайно осторожен и всячески смягчая впечатления, Попов все же стал выражать свои контрреволюционные взгляды... в разговоре с Поповым 7 июня 1937 года последний... заявил: “Экспедиция на Северный полюс, так шумно рекламируемая нашими газетами, есть средство и попытка отвлечь внимание масс от политической злобы дня, смазать наиболее серьезные и острые противоречия”.

Продолжая разговор, Попов привел другой пример контрреволюционного содержания: “Стахановское движение есть тоже такая попытка создать шумиху вокруг пустяковых вопросов, кроме этого есть отрицание проблемы качества работы и погоня за количеством, успехом у масс эти методы работы пользоваться не могут”. Я возражал Попову, что приведенные им примеры не отвечают действительности, но Попов настаивал на своем.

Второй раз мне с Поповым пришлось встретиться 19 июня 1937 года после вынесения приговора над шпионами-фашистами восьмерки Тухачевского... По поводу расстрела этой шпионской восьмерки Попов высказал свои контрреволюционные взгляды следующего содержания: “Расстрел восьми крупных военных работников, а также последние репрессии вообще показывают, что монолитность ВКП(б) есть мыльный пузырь, так как на самом деле мы видим уход из партии и расстрел самых видных ее деятелей, в прошлом ее организаторов. Законы революции вообще та-

ковы, что самые ее видные деятели всегда пугаются широты и размаха того движения, которое они вызвали, и идут на эшафот, так было во Французской революции, так происходит и сейчас в СССР”. На мой вопрос о том, почему, по его мнению, везде разоблачают шпионов и диверсантов, Попов ответил: “Это явилось результатом того, что всех зажали, говорить позволяют и высказываться только в смысле восхваления и славословия. Нужно думать, что сейчас свирепствуют сильные репрессии, многие люди пользуются этим моментом для сведения личных счетов...” Надо заметить, что за последнее время Попов свою контрреволюционную деятельность активизировал, более откровенно, открыто стал высказывать свои контрреволюционные взгляды. Я приведу такой факт.

В сентябре 1937 года Попов пригласил меня зайти к нему на квартиру, где, разговаривая на разные темы, Попов прямо высказал свои социально-политические взгляды, он говорил: “Я считаю абсурдными всякие разговоры о классовой борьбе, классовой борьбы не существует — все это вздор и чепуха. Я всегда был и остаюсь идеалистом, и, по-моему, не какая-то экономическая и классовая борьба является двигателем истории, а духовные интересы разных наций. Руководящая же роль в развитии истории, конечно, принадлежит религии”.

19 сентября 1937 года, когда колхозники изучали положение о выборах в Верховный Совет СССР, на сей счет Попов выразился: “После опубликования новой конституции отсутствие настоящей свободы и демократии дало себя еще больше почувствовать, ибо конституция опубликована только для внешнего употребления и представляет клочок бумаги, на деле же народам СССР она абсолютно никакой свободы не дает”... В беседе с Поповым 8 октября 1937 года по вопросу “национальной политики” Попов говорил, что “советская власть ведет неправильную национальную политику. Там, где на самом деле не было ничего национального, никакой национальной культуры, большевики вопили

о национальном самоопределении, о культивировании и чистоте национальной культуры. Неудивительно, что теперь сказывается результат этой политики. Потому эти люди и стали шовинистами, так как раздули национальное самоопределение и создавали национальные культуры там, где их не было. Это лишний раз говорит о несостоятельности и непрочности политики коммунизма”.

В заключение всего показанного мною в протоколе допроса заявляю, что Иван Васильевич Попов враждебно настроен к политике партии и советской власти. Высказываемые Поповым контрреволюционные взгляды я не разделял и всегда старался в таких случаях удаляться от Попова».

В тот же день был допрошен хозяин дома, в котором жил профессор. Он показал: «Припоминаю такой разговор Попова, что “советская власть с крестьян-колхозников налоги берет разными платежами, что раньше этого не было”. Он еще много таких контрреволюционных слов говорил, всего сейчас не припомнишь, и многое я у него не понял, так как немного недослышу».

На следующий день, 12 октября, следователь допросил Ивана Васильевича.

— Кого из знакомых вы имеете за границей, назовите их имена, фамилии и адреса.

— Из знакомых за границей, например в Париже, проживает мой бывший товарищ по академии митрополит Евлогий Георгиевский, Иван Александрович Ильин, бывший профессор Московской Духовной академии, — проживает в Швейцарии, а Павел Иванович Новгородцев в Праге. Связи с ними я никакой не имею.

— Откуда вы знаете указанных лиц, адреса, место нахождения?

— О месте нахождения Новгородцева и Ильина мне кто-то сообщал, или же я слышал еще в Москве, сейчас точно не помню. Что касается митрополита Евлогия Георгиевского, я знал из переписки, которую он вел с митрополитом Сергием, заместителем

Местоблюстителя Патриаршего престола; с Сергием я знаком по академии, в то время он был профессором Духовной академии, а затем инспектором. Кроме того, я виделся с ним в 1934 году в Москве.

— Разговоры проходили у вас на политические темы?

— Разговоры проходили о нашей прежней работе, учебе, весь разговор был воспоминанием из жизни академии, был и разговор относительно экспедиции на Северный полюс. По этому вопросу был разговор и с Виоловичем, я говорил, что «полету экспедиции на Северный полюс слишком много уделяют внимания в газетах, пишут все одно и то же, так что становится скучно читать».

— Следствие располагает материалами, что вы совместно с Виоловичем проводили агитацию контрреволюционного содержания по вопросу стахановских методов труда. Расскажите следствие об этом.

— Стахановскими методами труда я никогда не интересовался, так как это от моих интересов далеко и читать и разговаривать об этом мне скучно, я занимаюсь наукой отвлеченного порядка.

— Следствие требует от вас дать по этому вопросу правдивые показания.

— Я говорю только правду и добавить ничего другого не могу.

— Следствием установлено, что вы высказывали контрреволюционные взгляды по вопросу новой конституции, в частности о репрессиях. Расскажите, как это было.

— В отношении новой конституции я говорил, что наравне с утверждением конституции должен измениться и уголовный кодекс в сторону смягчения репрессий, что конституция в данный момент выполняется частично, полностью в действие по всем статьям не применена. По национальному вопросу я говорил, что имеются изменения в части развития национальной культуры, что касается контрреволюционной агитации, ее я не проводил.

— Свидетельскими показаниями Павловой и других установлено, что вы выражали недовольство политикой ВКП(б) и совет-

ской власти, что якобы в Советском Союзе насильно уничтожают религию. Подтверждаете это?

— Не помню, в какое время и где, но я говорил, что религия в Советском Союзе поставлена в очень тяжелое положение, что много имеется еще религиозных людей, которые бы желали молиться в церкви, но ввиду больших налогов они открыть церковь не в состоянии, других каких-либо разговоров контрреволюционного содержания я не вел.

— Были ли разговоры по вопросу безработицы и что на сей счет вы высказывали?

— Да, разговор о безработице был, я говорил лично о себе, что, вернувшись в 1934 году из ссылки, я продолжительное время не мог найти себе работу и что впоследствии устроился на работу и то с большим перерывом, такое же положение может случиться и после освобождения из ссылки и сейчас, относительно вообще безработицы в Советском Союзе я не говорил.

— Следствие располагает материалами, что вы высказывали пошлые клеветнические слова по адресу руководителей партии и советского правительства. Скажите, чем это было вызвано.

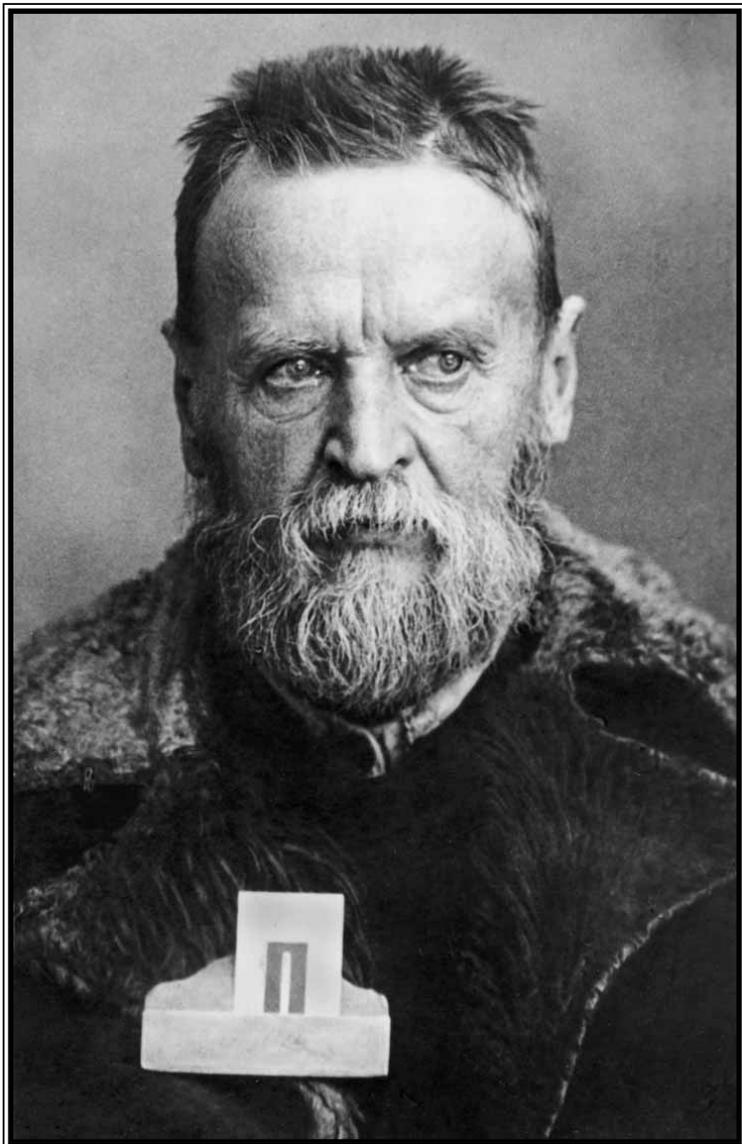
— Не помню таких разговоров, возможно, что-нибудь в отношении зажима критики я говорил, о которой за последнее время много пишется в газетах.

— Следствие настаивает на том, чтобы вы дали откровенные показания по поводу клеветы на руководителей партии и советского правительства.

— Я сказал, что подобных разговоров сейчас не помню и ничего по этому вопросу пояснить не могу.

— Следствием установлено, что вы по поводу последнего процесса над восемью фашистскими шпионами высказывали сожаление о них, говорили о неустойчивости и немонолитности партии ВКП(б).

— Разговор по поводу расстрела этой восьмерки был, но жалеть я их не жалел, что касается неустойчивости и немонолит-

Иван Васи́льевич Коно́в

Москва. Внутренняя тюрьма НКВД. 1935 год

ности партии, это действительно так, поскольку в партии образовались три фракции: троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы; ясно, что при таких разногласиях партия не может быть монолитной.

6 ноября следователь снова вызвал Ивана Васильевича на допрос и спросил:

– Вы работали в Духовной академии и готовили кадры священников?

– Да, на протяжении тридцати лет моей службы в Духовной академии я в основном готовил и воспитывал священнослужителей, так как и цель Духовной академии была направлена на выпуск епископов и священников.

2 декабря была устроена очная ставка со лжесвидетелем, который подтвердил все данные им ранее показания, после чего следователь спросил профессора:

– Вы подтверждаете показания свидетеля?..

– Нет, показания... я не подтверждаю и виновным себя не признаю.

Когда свидетеля увели, следователь еще раз спросил Ивана Васильевича:

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Виновным себя в предъявленном обвинении... не признаю.

3 декабря 1937 года следствие было закончено. В енисейской тюрьме Иван Васильевич встретил день своего рождения, ему исполнился семьдесят один год. 5 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила Ивана Васильевича к расстрелу. Иван Васильевич Попов был расстрелян 8 февраля 1938 года в 9 часов вечера, в канун празднования памяти вселенского учителя и святителя Иоанна Златоустого, имя которого он, по-видимому, и носил.

Один из очевидцев жизни мученика в соловецком узилище писал о нем: «В светском звании Иван Васильевич был истинным монахом, безбрачным и девственником, смиренным тружеником, воздержником в пище и питии, благоговейным молитвен-

ником к Богу. Сему все знавшие его — свидетели. Имея дар благодати Божией — *слово знания* (1 Кор. 12, 8), он трудами удесятерил талант, послужил им Церкви с великой пользой и прославил ее своей мученической кончиной».

ИСТОЧНИКИ:

- ЦИАМ. Ф. 229, д. 5166.
 ОР РГБ. Ф. 280, к. 18, № 23.
 Архив УФСБ России по Свердловской обл. Д. П-36640.
 ЦА ФСБ России. Арх. № 40838.
 Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Арх. № П-18234.
 Гос. Ист. Музей. Отдел письменных источников. Ф. 442, ед. хр. 53.
Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские. Т. 1.
 Джорданвилл, 1949. С. 177, 201—202.
Скурат К. Е. Патрологические труды профессора МДА И. В. Попова
 // Богословские Труды. № 30. М., 1990. С. 83—116.
 Сосуд избранный. История российских духовных школ.
 Сост. Марина Склярова. СПб., 1994. С. 258.
Сергий Голубцов, протодиакон. Профессура МДА в начале XX века. М., 1999.
Сергий Голубцов, протодиакон. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999.
Одинцов М. И. Русские патриархи XX столетия. М., 1999. С. 164—165, 200, 229—230, 233, 236.
Сергей Волков. Возле монастырских стен. М., 2000. С. 106—108.

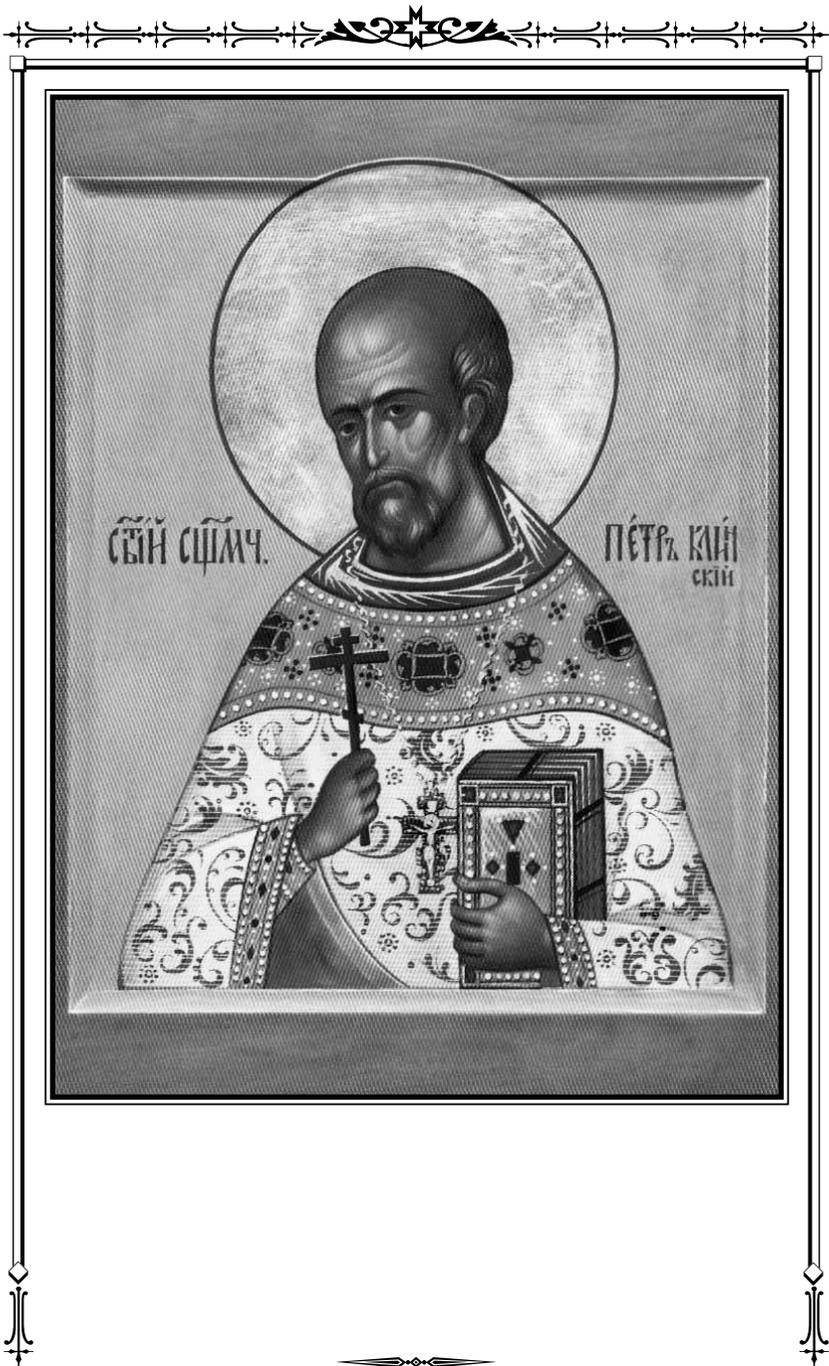
Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Петр (Соколов)

Священномученик Петр родился 15 января 1873 года в селе Мотома Череповецкого уезда Новгородской губернии в семье священника Василия Соколова. Первоначальное образование Петр получил в родном селе в школе, подведомственной Министерству просвещения, а затем, по окончании Белозерского Духовного училища, поступил в Новгородскую Духовную семинарию и окончил ее в 1892 году. В том же году Петр Васильевич был определен псаломщиком в собор при военной крепости в городе Двинске, в 1895 году он был переведен в Москву в одну из церквей при воинской части, в 1896-ом — рукоположен во диакона ко храму святителя Николая в Старом Ваганькове при Румянцевском музее. Духовенство этого храма окормляло военнслужащих артиллерийского ведомства Московского военного округа, в это время настоятелем храма был священник Леонид Чичагов, впоследствии митрополит Серафим, закончивший жизнь мученически. В 1902 году диакон Петр был перемещен к церкви при 1-й Гренадерской артиллерийской бригаде на Ходынском поле. В 1908 году он был рукоположен во священника и служил в храме при Сергиево-Елизаветинском трудовом училище увечных воинов города Москвы.

В 1919 году в связи с закрытием всех дореволюционных училищных храмов отец Петр был назначен в Константино-Еленинский храм в селе Майданово Клинского уезда Москов-

ской губернии, в 1930 году – переведен в Скорбященскую церковь в Клину. В 1921 году отец Петр был возведен в сан протоиерея, в 1930 году награжден митрой. В 1925 году протоиерей Петр был назначен благочинным Клинского района, а в 1936 году и Солнечногорского.

В Скорбященской церкви отец Петр прослужил до ареста в 1938 году. В конце января был допрошен дежурный свидетель, а в самый день ареста священника, 2 февраля, житель соседнего дома, который подписал показания, составленные следователем. Протоиерей Петр был допрошен на следующий день после ареста.

– Кого вы знаете из служителей религиозного культа в Клинском районе и с кем персонально поддерживаете связь и в чем она выражается?

– Я знаю всех по своему служебному положению и связь имею со всеми также по долгу служебного положения, других личных связей я не имею.

– Вам предъявляется обвинение, что вы высказываете антисоветские суждения и недовольство политикой партии и советской власти. Подтверждаете вы это?

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю, никаких антисоветских суждений и недовольства против политики партии и советской власти я не высказывал.

В тот же день следствие было закончено. 11 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Петра к расстрелу. Протоиерей Петр Соколов был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19864.
АМП. Послужной список

Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Тихомиров)

Священномученик Иоанн родился 13 августа 1876 года в городе Владимире в семье мелкого чиновника Петра Тихомирова. В 1897 году Иван Петрович окончил Владимирскую Духовную семинарию и вскоре был рукоположен во священника.

До 1930 года он служил в Покровском соборе города Меленки, который входил тогда в состав Ивановской Промышленной Области. В 1926 году отец Иоанн был удостоен сана протоиерея, а в 1932 году награжден палицей.

В апреле 1930 года отец Иоанн был переведен в село Воспушка Петушинского района Московской области, а 17 декабря 1932 года был вновь назначен в Покровский собор в Меленки.

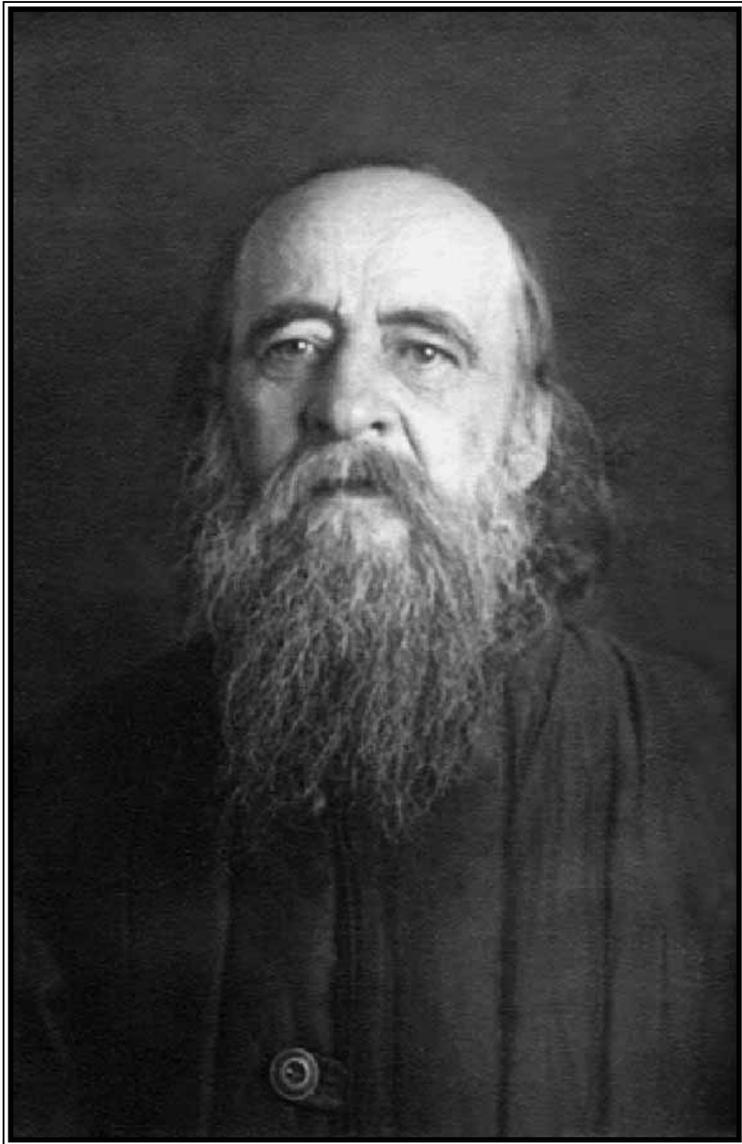
С 17 апреля 1933 года по март 1936 года протоиерей Иоанн служил в селе Власовском Коробовского района Московской области, потом до июня 1936 года в селе Новоселебное. Последним местом его служения, куда он был определен 1 июня 1936 года, был Казанский храм села Петровское Шатурского района Московской области. Настоятелем этого храма в течение 40 лет являлся протоиерей Александр Сахаров.

Во время начавшихся летом 1937 года массовых гонений на Русскую Православную Церковь отца Александра Сахарова в ночь с 15 на 16 ноября арестовали, а 3 декабря расстреляли на полигоне Бутово под Москвой.

Власти готовились арестовать и отца Иоанна. В январе 1938 года следователь Шатурского районного отделения НКВД Сироткин допросил нескольких лжесвидетелей, которые дали такие показания: «Поп Тихомиров враждебно настроен к существующему советскому строю. Будучи попом в церкви в селе Петровское, Тихомиров группировал вокруг себя антисоветский и церковный элемент, совместно с коими проводил контрреволюционную деятельность, направленную к подрыву советской власти. В ноябре 1937 года он среди колхозников, сожалея об арестованном за контрреволюционную деятельность попе Сахарове, с которым Тихомиров поддерживал близкие взаимоотношения, распространял контрреволюционную клевету на неправильные, по его заявлению, аресты и говорил: “Большевики мучают попов. Вот попа Сахарова арестовали и мучают ни за что. В день выборов будут голосовать не только за депутатов, но и за закрытие церкви, поэтому на них ходить не следует”. В 1937 году поп Тихомиров неоднократно у себя на квартире укрывал всяких бродячих попов и контрреволюционных церковников».

В 1957 году один из свидетелей, который в то время занимал должность начальника жилищного управления при городском совете, был передопрошен и рассказал, как развивались события в 1937–1938 годах. «На основании указаний горкома партии Петровский актив решил закрыть церковь. При наличии попа это сделать было очень трудно. Одного попа Сахарова убрали, через некоторое время по ходатайству граждан прислали второго, Тихомирова. Я и мой друг Кирсанов решили зайти посоветоваться со следователем Сироткиным, каким образом его убрать. Он сказал нам, что все оформит, только вы зайдите распишитесь. На следующий день мы к нему зашли и расписались в протоколах. Что в них было написано, мы не читали, не придавали этому особого значения, поскольку надо было любой ценой закрыть церковь. После того, как мы расписались, попа арестовали».

Протоиерей Иоанн Тихомиров

Москва. Тюрма НКВД. 1938 год

Отец Иоанн был арестован 26 января 1938 года и заключен в тюрьму Егорьевского района. На следующий день состоялся допрос.

— Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность. Дайте по этому вопросу показания, — потребовал следователь.

— Контрреволюционной деятельности я не вел и виновным себя не признаю.

— Вы показываете ложно, следствием установлено, что вы проводили контрреволюционную деятельность. Настаиваю на даче правдивых показаний.

— Вторично заявляю, что никакой контрреволюционной деятельности я не вел и виновным себя не считаю.

Следствие на этом было закончено. 11 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу.

Протоиерей Иоанн Тихомиров был расстрелян 17 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-41050.
АМП. Послужной список.

Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Алексий (Княжеский)

Священномученик Алексий родился 9 сентября 1884 года в селе Урей Краснослободского уезда Пензенской губернии в семье крестьянина Ильи Княжеского.

В 1909 году Алексей Ильич окончил Нижегородскую Духовную семинарию. Был рукоположен во священника и служил в селе Ореховец Глуховского уезда Нижегородской губернии.

В 1929 году за неуплату налога отец Алексий был оштрафован, а в декабре 1931 года по той же причине Глуховский народный суд приговорил священника к трем годам высылки из Нижегородского края с конфискацией имущества.

Отец Алексий поселился в селе Великий Двор Талдомского района Московской области и был определен на служение в местный храм. Поскольку в соседнем селе Сляднево священника не было, то отец Алексий окормлял верующих и этого села.

Летом 1937 года начались массовые аресты священнослужителей и верующих. Следователь Талдомского отделения НКВД в ноябре 1937 года и в январе 1938 года, собирая материал для ареста отца Алексия, допросил нескольких свидетелей. Один из них показал, что в сентябре 1937 года слышал разговор двух женщин. «Одна из них говорила: хорошо сегодня с нами поп проводил службу, а главное, мне понравилась его проповедь, в которой он нас призывал к вере в Бога, он нам велел все религиозные праздни-

ки соблюдать, ходить в церковь, в колхозе он не велел работать в праздники». Другие лжесвидетели показали, что священник выступал против выборов в Верховный Совет, призывал не выходить на работу в религиозные праздники, с его приходом в селе увеличилось число крещений детей и венчаний.

Сотрудники НКВД арестовали отца Алексия 26 января 1938 года, и на следующий день он был допрошен.

— Обвиняемый Княжеский, следствие предъявляет вам обвинение в том, что вы, являясь служителем религиозного культа, среди верующих колхозников вели контрреволюционную деятельность, направленную против политики партии и советской власти, — признаете себя в этом виновным? — спросил следователь.

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю.

— Следствием установлено, что в ноябре 1937 года вы среди колхозников вели контрреволюционные разговоры, направленные против выборов в Верховный Совет СССР, — в этом вы признаете себя виновным?

— Не признаю, этого я совершенно не говорил.

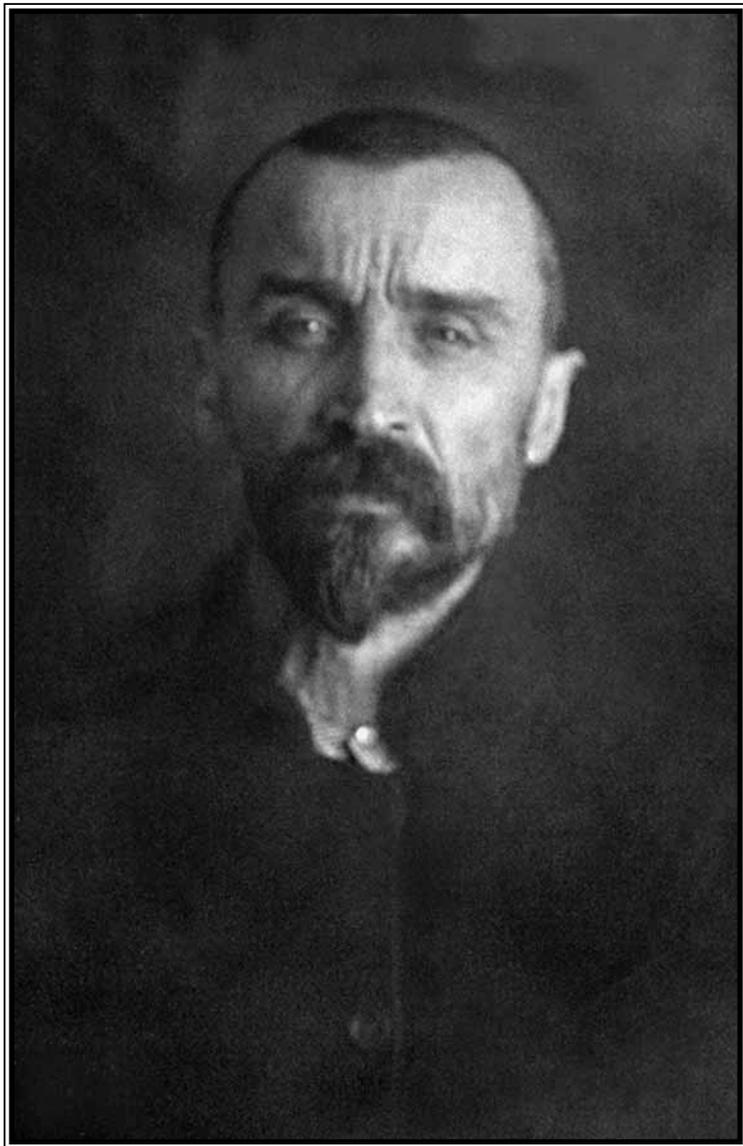
— Свидетельскими показаниями вы уличаетесь в том, что в сентябре 1937 года в церкви среди верующих вы читали проповеди контрреволюционного содержания, — в этом вы признаете себя виновным?

— Не признаю.

— Следствие располагает данными, что летом 1937 года среди колхозников вы вели разговоры на религиозную тему в контрреволюционном духе, — вы подтверждаете это?

— Отрицаю, так как я таких разговоров среди колхозников не вел.

— Вы следствию даете ложные показания, следствие требует от вас правдивых показаний и признаний в предъявленном вам обвинении.

Овощевник Алексей Княжеский

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

— Свои показания я считаю правильными, и виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю.

После ареста отца Алексея заключили в камеру предварительного заключения в городе Талдоме, а затем его перевели сначала в Бутырскую тюрьму, а оттуда, после вынесения приговора, в Таганскую тюрьму в Москве.

8 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Алексея к расстрелу.

Священник Алексей Княжеский был расстрелян 17 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19825.

Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Андрей (Беднов)

Священномученик Андрей родился 5 августа 1885 года в селе Сколково Московского уезда Московской губернии в семье крестьянина Георгия Беднова.

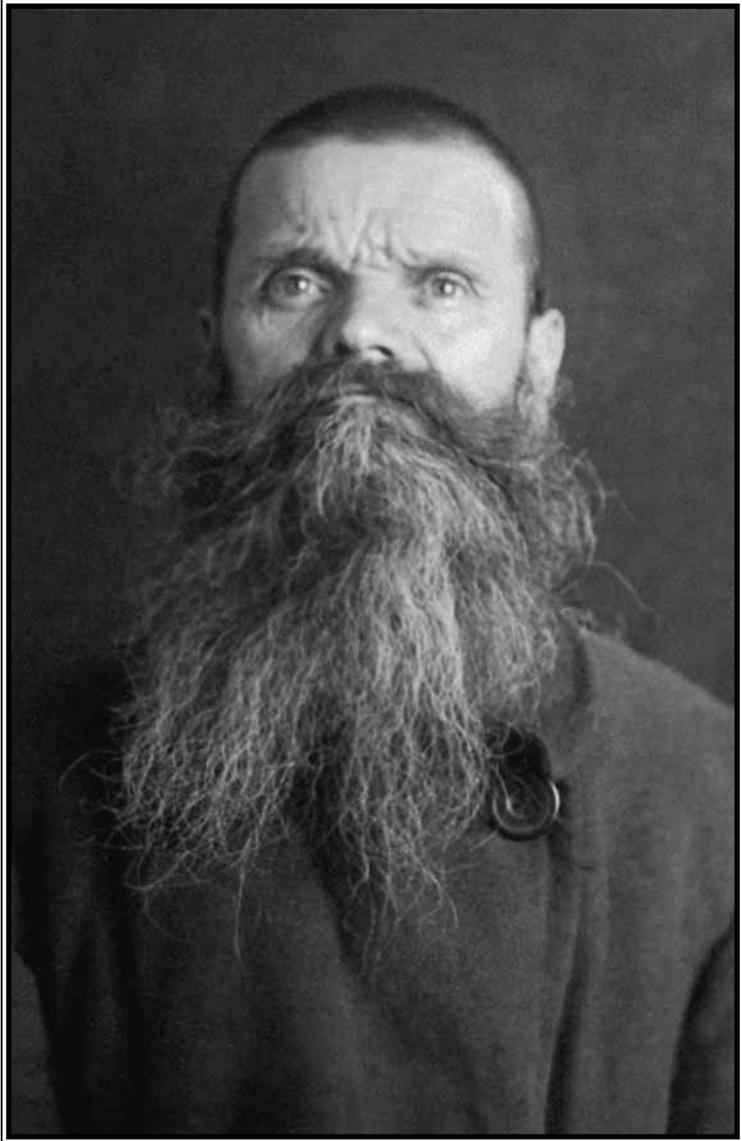
С детства мальчик прислуживал в храме. Семья была бедная: отец работал сезонным рабочим, а мать занималась сельским хозяйством. Андрей Беднов до 1923 года нанимался работать на дачные участки. Получить систематическое образование он не смог, но усердно занимался самообразованием.

В 1923 году по своему горячему желанию послужить гонимой Церкви Христовой Андрей Беднов принял священный сан и был определен на служение в Георгиевскую церковь села Ганусово Бронницкого района Московской области.

В очередную волну беспощадных гонений на Русскую Православную Церковь в конце 1930-х годов власти приняли решение арестовать отца Андрея.

Начальник Бронницкого отделения НКВД в конце января 1938 года вызвал на допрос двух священнослужителей Бронницкого района, которые уже неоднократно привлекались сотрудниками НКВД в качестве дежурных свидетелей. Они приписали отцу Андрею различные антисоветские выступления, которые якобы слышали от него.

В ночь с 27 на 28 января 1938 года священник Андрей Беднов был арестован и заключен сначала в Бронницкое отделение ми-

Священник Андрей Беднов

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

лиции, а потом — в Таганскую тюрьму в Москве. 28 января состоялся допрос.

— Следствию известно, что вы занимаетесь антисоветской агитацией, — признаете себя в этом виновным? — спросил следователь.

— Антисоветской агитацией я не занимаюсь и не занимался, этого факта не было, и виновным себя в этом не признаю, — ответил отец Андрей.

Следователь зачитал показания лжесвидетелей, требуя от отца Андрея признания в возводимых на него клеветнических обвинениях. Однако священник все их отверг, категорически заявив, что виновным себя ни в чем не признает.

11 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Андрея к расстрелу.

Священник Андрей Беднов был расстрелян 17 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19878.

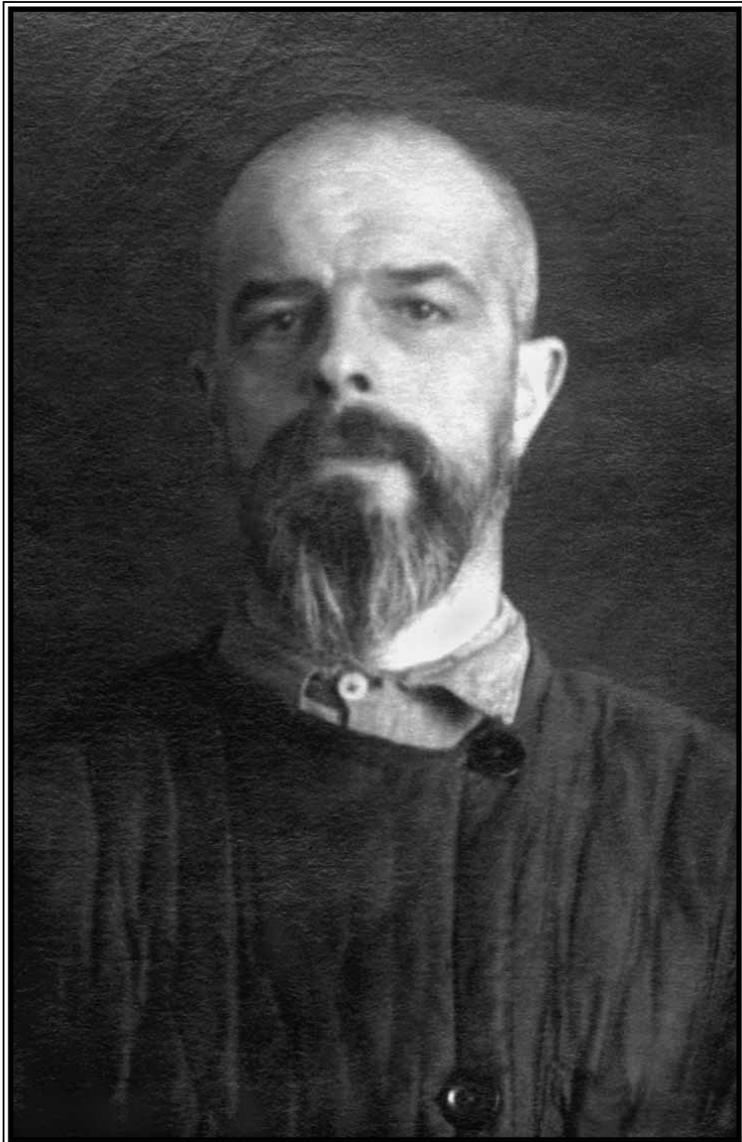
Февраля 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Димитрий (Кедроливанский)

Священномученик Димитрий родился 15 мая 1890 года в селе Шарاپово Егорьевского уезда Рязанской губернии в семье псаломщика Василия Никодимовича Кедроливанского и его супруги Любви Ивановны, урожденной Перехвальской, она была в храме просфорницей. По окончании духовного училища Дмитрий поступил в Рязанскую Духовную семинарию, но окончить ее не пришлось: умер его отец и мать попросила сына вернуться домой, как единственного кормильца, так как на ее иждивении осталось трое детей.

Дмитрий поступил в Троицкий храм в селе Шарاپово псаломщиком, здесь он прослужил несколько лет. Дмитрий Васильевич женился на Александре Никандровне Преображенской и был направлен псаломщиком в храм в селе Кузнецы Егорьевского уезда; в 1922 году он был переведен в Троицкий храм в селе Шарاپово, а в 1925 году рукоположен во диакона к этому храму. В том же году отец Димитрий был приговорен к штрафу за выступление на общем собрании против самообложения. В 1929 году он был арестован и приговорен к пяти годам ссылки за то, что не сумел уплатить в срок сельскохозяйственный налог. Ссылку он был отправлен отбывать в город Козлов Тамбовской области, куда за ним уехала и вся семья. В Козлове он стал служить диаконом. Это было время, когда два года в области был неурожай и наступил

Заключенник Дмитрий Керго-Иванов

Москва. Бутырская тюрьма. 1938 год

голод. Люди в поисках пропитания старались хоть как-то передвигаться и часто умирали на ходу на улицах города. Голодала и семья отца Димитрия, и дело дошло до того, что одна из дочерей от голода уже не вставала с постели.

Архиерей предложил отцу Димитрию поехать служить в храм в село, — предполагалось, что там он найдет хоть какое-то продовольствие. Тот согласился и был рукоположен во священника ко храму в селе Сычевка.

Когда отец Димитрий служил в селе Сычевке, в его священнической практике был случай, который он запомнил на всю жизнь. Умерла в его приходе женщина, и родственники на третий день пригласили его к себе домой совершить отпевание. Покойница лежала в гробу, и отец Димитрий начал совершать чин отпевания. Вдруг он увидел, что рука покойницы пошевелилась, он подошел к ней сбоку и увидел, что она открыла глаза. Он прекратил отпевание, женщина приподнялась из гроба и спросила:

— Батюшка, а что это вы пришли?

Отец Димитрий, смутившись, сказал:

— Я пришел посмотреть, как вы себя чувствуете, и соборовать.

— Нет, я вижу, не за тем вы пришли. Нет. — И она встала.

Жители села после этого спрашивали, что она видела в загробном мире, и она, что могла сказать, отвечала. Она скончалась после отпевания через две недели, довершив все, ради чего Господь продлил ее жизнь.

За две недели до окончания срока ссылки к отцу Димитрию пришел председатель сельсовета и предупредил: завтра вам принесут большой налог, и тогда вы не сможете выехать, так как за неуплату налога вас будут стараться опять посадить. В ту же ночь семья собрала все вещи, нашли лошадь с возницей и уехали в Шарاپово. Здесь в Троицком храме настоятелем в это время был протоиерей Николай Сперанский, и отец Димитрий стал служить вторым священником, поселившись с семьей в доме псаломщи-

ка, так как их собственный дом власти отобрали. Но отец Димитрий смиренно относился к происходящему, он и его семья понимали, что это не какая-то случайная несправедливость, а идет гонение на всю Церковь и страдать приходится всем. В 1936 году отец Димитрий испросил благословение архиерея на служение в другом селе, так как в Шарапове ему стало трудно содержать семью с пятью детьми, и архиерей направил его в храм во имя святителя Николая в селе Круги, где служил в это время престарелый священник, который через полгода ушел за штат. Приход состоял из самого села и трех деревень и был бедным, так что у прихожан часто не было средств платить за требы. Бывало, умрет человек, скажут:

- Батюшка, надо бы похоронить.
- Ну что ж, конечно похороним, – ответит отец Димитрий.
- Да денег у нас нет.
- Ну о чем речь. Надо хоронить, похороним.

То же самое было, когда приходили крестить. Близкие крещаемых в это время боялись идти в крестные, и крестными – почти трети села – стали дети священника.

Летом 1937 года гонения на Русскую Православную Церковь усилились, и с осени того же года сотрудники НКВД стали собирать сведения о священнике. Председатель сельсовета дал НКВД справку, что священник заставлял старушек «ходить по дворам и собирать деньги для церкви и их запугивал, в случае если не соберут они денег, то церковь закроется». Допрошенная следователем уборщица храма, монахиня, показала, что священник говорил: «Колхозник работает много, но за свою работу получает мало, весь урожай советская власть заберет и колхознику ничего не оставит. Духовенству жить стало трудно, религию советская власть притесняет. Кедроливанский восхвалял воспитание в старой школе и, возводя клевету на советское воспитание детей, говорил: “При советской власти дети стали распущенными, раньше дети были воспитаннее и старших почитали”».

В 1937 году отца Димитрия пригласили в гости. Здесь присутствовал местный милиционер. Отцу Димитрию предложили выпить, что было лишним, и между ним и милиционером завязался спор, и в результате милиционер сказал священнику: «Ну, завтра я тебя посажу!»

За два месяца до ареста власти стали вызывать отца Димитрия на «беседы» и предложили ему снять с себя сан, публично выступить в клубе с заявлением о снятии сана и написать заявление об этом в газету, обещая, что в этом случае не арестуют его. Отец Димитрий категорически от этого предложения отказался. Супруга отца Димитрия со своей стороны стала его уговаривать, чтобы он все же снял с себя сан, так как в противном случае трудно будет поставить детей на ноги, которым всюду чинят препятствия в получении образования, как детям священника, но и этим уговорам он не поддавался.

Отец Димитрий был арестован в час ночи 20 января 1938 года и заключен в тюрьму в городе Егорьевске. Незадолго перед этим священнику пришлось уплатить полагавшийся налог, и после его ареста семья осталась без средств к существованию. Александра Никандровна очень горевала и не знала, как теперь прокормить себя и детей, но в тот же день стали приходить один за другим прихожане и приносить деньги. Некоторые говорили: «берите, матушка, я батюшке должна за похороны», «я за крестины», а многие и так жертвовали по любви и уважению к пастырю, так что средств на первое время хватило.

В тюрьме работал надзирателем молодой человек из села Круги, он сообщил матушке, где находится отец Димитрий, и передал от него записку. Матушка в свою очередь написала мужу записку и передала через надзирателя, а отец Димитрий написал ответ. В одном из последних писем он написал, чтобы ввиду зимы ему принесли валенки, а сапоги он отдаст. Дочери священника разрешили передать в тюрьму валенки и вынесли сапоги.

На допросе следователь сказал священнику:

— Следствие располагает данными о том, что весной 1937 года вы среди колхозников занимались восхвалением жизни при царском строе и клеветали на советскую власть.

— Жизнь при царском строе я не восхвалял и клеветой на советскую власть не занимался, — ответил священник.

— Вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Нет, не признаю, так как контрреволюционной клеветой я не занимался.

11 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Дмитрия к расстрелу, и администрация тюрьмы намеревалась перевезти его в числе других заключенных в одну из тюрем в Москву. Надзиратель, узнав об этом, сообщил матушке, чтобы кто-нибудь пришел к 12 часам ночи к воротам тюрьмы — отца Дмитрия будут перевозить. Хозяйка дома, где жила семья священника, собрала узелочек с едой для передачи священнику. На улице бушевала метель, когда в 12 часов ночи распахнулись ворота тюрьмы и оттуда вышла колонна заключенных, человек двадцать, окруженная сворой собак. Дочь Клавдия стала смотреть, не увидит ли она отца... Священник шел среди заключенных в третьем ряду и окликнул ее. Увидев отца, она попыталась передать ему узелочек с едой, но как только она приблизилась к колонне, собаки начали рваться с поводков охранников и не допускать близко. Так ей и не удалось его передать. Отец Дмитрий, глядя на дочь, закричал: «Клава, иди домой! Иди домой!» До станции было два километра, и дочь пошла вслед за колонной, не в силах оставить в таком положении отца. Заключенных подвели к вагону, окна которого были закрыты частой решеткой. Отец Дмитрий, поднимаясь в вагон, обернулся и закричал дочери: «Клава! иди домой. Иди домой, я скоро вернусь». Он был перевезен в Бутырскую тюрьму, и 15 февраля тюремный фотограф сфотографировал его.

17 февраля 1938 года отец Дмитрий был привезен на полигон Бутово под Москвой и помещен в барак. Сотрудник НКВД сверил по фотографии отца Дмитрия, этот ли человек перед ним, и тут же объявил, что тройкой НКВД он приговорен к расстрелу. Затем вывел его из барака и передал палачам, которые повели священника к краю рва, начинавшегося в нескольких десятках метров от барака. Священник Дмитрий Кедроливанский был расстрелян и погребен здесь же, во рву, в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-51062.

Пэнэжко Олег, священник. Егорьевский уезд. Храмы Егорьевского и Шатурского районов. Ликино-Дулево. Б.г. С. 33.

Февраля 4 (17)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА
Анна (Ефремова)

*П*реподобномученица Анна родилась 25 марта 1882 года в деревне Гнездилово Курской губернии в семье крестьянина Афанасия Ефремова.

В 1903 году она стала послушницей Московского Скорбященского монастыря, что располагался близ Бутырской Заставы.

В монастыре Анна пребывала до 1928 года, когда советская власть окончательно разогнала монашескую общину, существовавшую как сельскохозяйственная артель. Послушница Анна вместе с другими сестрами поселилась в доме недалеко от обители. Труд швеи, которым она овладела, подвизаясь в монастыре, давал возможность зарабатывать самой и уделять часть средств на помощь нуждающимся.

17 января 1938 года, накануне праздника Богоявления, послушница Анна была арестована сотрудниками НКВД и заключена сначала в Бутырскую, а затем в Таганскую тюрьму.

Для дачи свидетельских показаний был вызван лжесвидетель, который подписал следующие показания: «Анну Афанасьевну Ефремову я знаю лет 10 как верующий и прихожанин церкви Рождества Богородицы... Ефремова являлась организатором монашескующего элемента в доме, где она проживала, играла главенствующую роль в организации вокруг себя скитской монашеской обстановки, среди окружающих ее лиц занималась рели-

гиозной пропагандой... одновременно с этим Ефремова среди окружающих ее лиц систематически проводила контрреволюционную агитацию, направленную против партии и советской власти... так, например, Ефремова говорила: «Советская власть, прикрываясь конституцией, где говорится о свободе отправления религиозных обрядов, на самом деле устраивает гонения на религию и арестовывает ни в чем невинное духовенство, высылая их не знаю за что. Вот если бы меня сослали, это было бы неудивительно».

Начался допрос послушницы Анны.

— Следствие располагает данными о том, что вы оказывали помощь монашкам, высланным за контрреволюционную деятельность. Вы это подтверждаете? — спросил следователь.

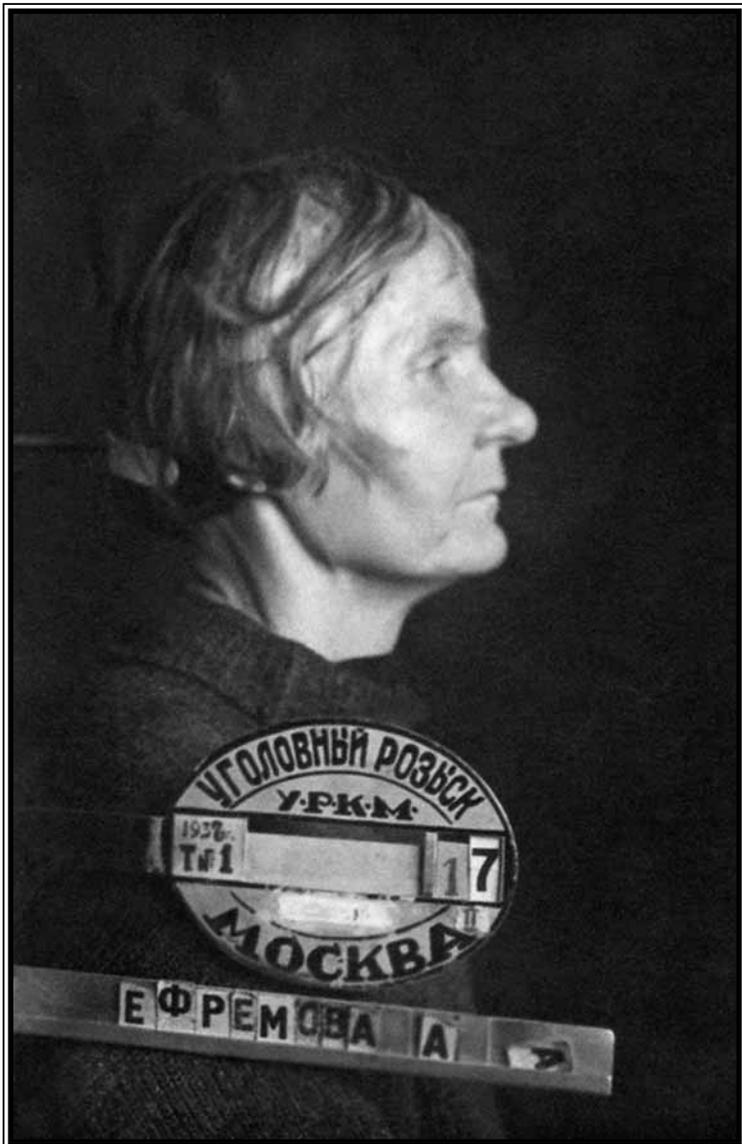
— Я действительно оказывала материальную помощь монахиням, высланным за контрреволюционную деятельность. Так, например, я посылала посылки монахине Екатерине Белогубцевой, высланной в Казахстан.

— Следствие располагает данными о том, что вы среди окружающих вас лиц вели систематическую контрреволюционную агитацию о якобы имеющем место в СССР гонении на религию, а также на всех верующих, в особенности на духовенство и монашествующих, — вы это подтверждаете?

— Да, я... заявляла: конституция Советского Союза о свободе вероисповедания и исправления религиозных обрядов является ширмой, прикрывающей на самом деле гонения на религию и существующие в настоящее время сильные аресты ни в чем не повинного духовенства, а также монашествующих лиц.

— Ваше отношение к советской власти?

— Мое отношение к советской власти является враждебным, потому что она арестовывает монашествующих лиц, высылает ни в чем не повинное духовенство, закрывает церкви и вообще организовала гонение на религию.

Пос. ушница Анна (Ефремова)

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

— За что вы арестованы?

— Я считаю, что я арестована за то, что являюсь монахиней, которых сейчас арестовывают без всякой вины.

14 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила послушницу Анну к расстрелу.

Послушница Анна (Ефремова) была расстреляна 17 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19934.

Февраля 4 (17)

МУЧЕНИК

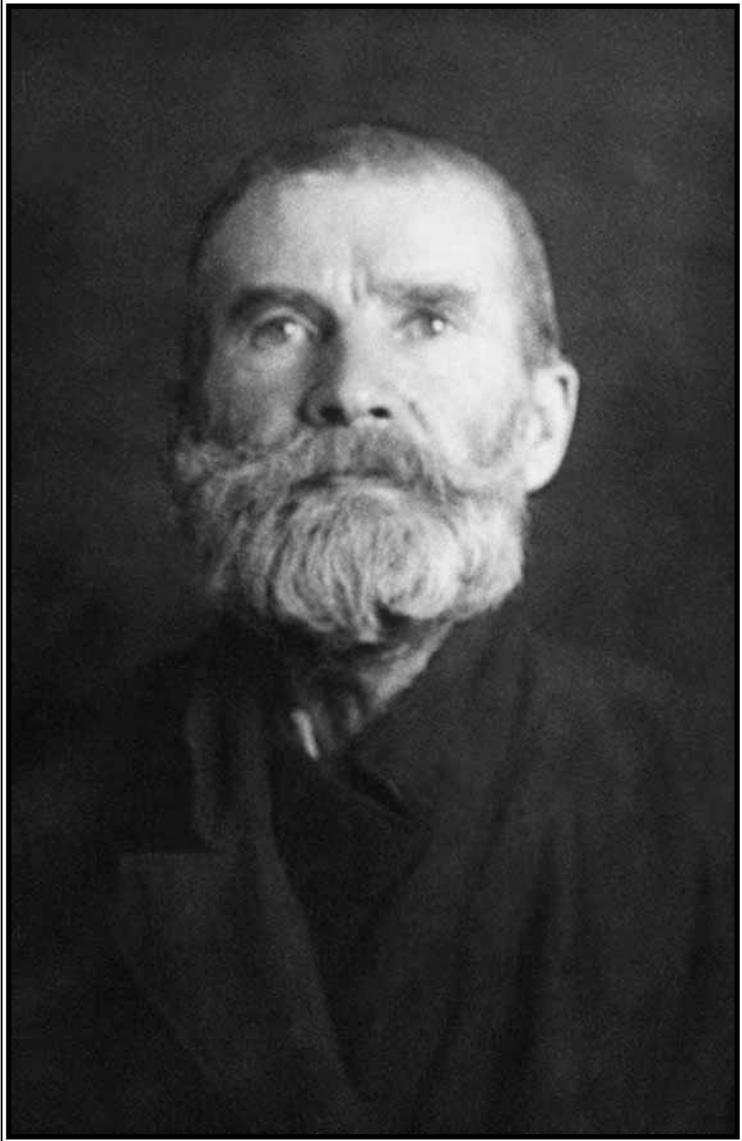
Димитрий (Казамацкий)

*М*ученик Димитрий родился в 1871 году в селе Крюково Наро-Фоминской волости Звенигородского уезда Московской губернии в семье крестьянина Василия Казамацкого. Образование получил в сельской школе. С 1893 по 1897 год служил в армии в чине унтер-офицера. С 1908 по 1917 год служил урядником в Волоколамском уезде Московской губернии. С 1924 года Дмитрий Васильевич стал исполнять обязанности псаломщика в храме в селе Деденево Наро-Фоминского района, а затем был псаломщиком в Преображенском храме в селе Крюково Наро-Фоминского района. До самого своего ареста он был певчим в храме.

При наступлении массовых гонений на Русскую Православную Церковь сотрудники НКВД вызвали двух дежурных свидетелей – председателя колхоза и председателя сельсовета, которые подписали протоколы со лжесвидетельствами. Вскоре после этого, 26 января 1938 года, Дмитрий Васильевич был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве и на следующий день допрошен.

Выяснив, сколько лет Дмитрий Васильевич служил псаломщиком, следователь заявил:

– Следствие располагает данными о вашей контрреволюционной деятельности. Дайте показания о вашей антисоветской контрреволюционной деятельности.

Пса.го.шук Ди.итрий Каса.ауфкий

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

— Лично я никакой антисоветской, контрреволюционной деятельности не вел и показаний об этом дать не могу.

На этом следствие было закончено, и 11 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила Дмитрия Васильевича к расстрелу. Дмитрий Васильевич Казамацкий был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ, Ф. 10035, д. 19898.

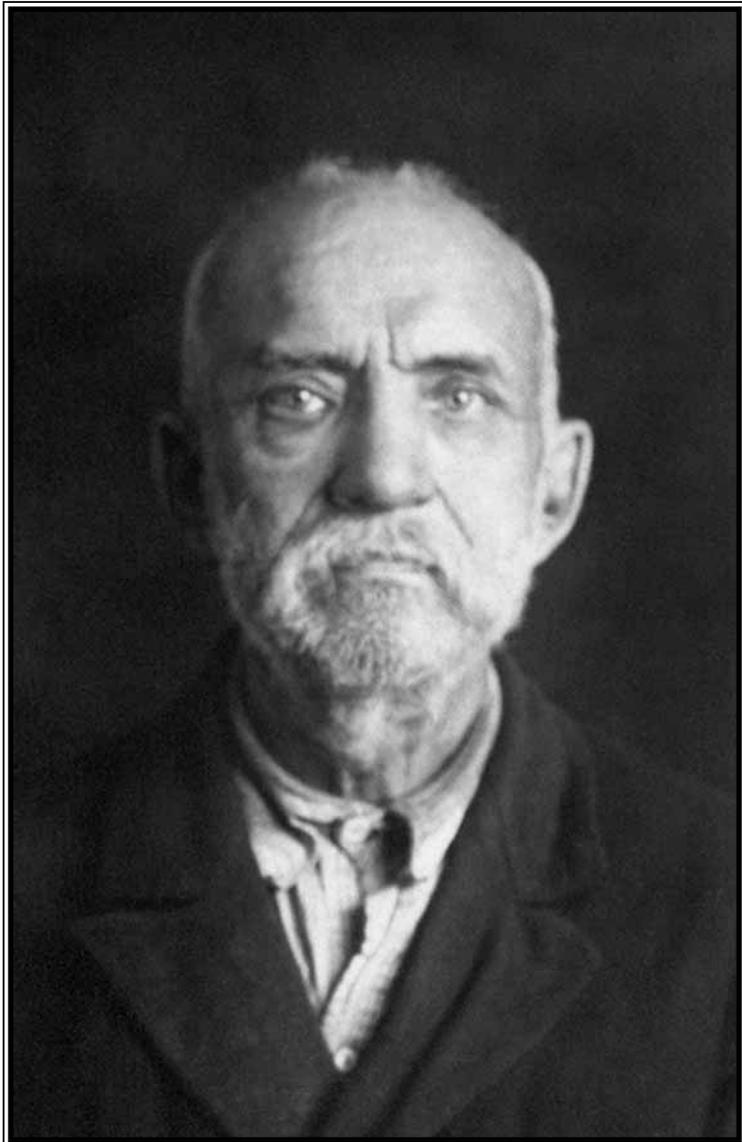
Февраль 4 (17)

МУЧЕНИК

Феодор (Пальшков)

*М*ученик Феодор родился в 1871 году в селе Прудки Касимовского уезда Рязанской губернии в семье псаломщика Луки Павловича и его супруги Александры Федоровны Пальшковых. В 1894 году Федор окончил Московскую Духовную семинарию и стал безвозмездно преподавать в московской Скорбященской двухклассной церковноприходской школе в Ямской Коломенской слободе. В 1896 году была освящена Скорбященская церковь при Алексеевской психиатрической больнице на Канатчиковой даче в Москве и Федор Лукич был назначен туда псаломщиком. Церковь и некоторые здания больницы начали строиться в 1890 году в соответствии с решением Московской Городской Думы на средства благотворителей и, в частности, городского головы Николая Александровича Алексева. В 1896 году епископ Можайский, викарий Московской епархии Тихон (Никаноров) освятил здание храма, расположившегося в верхнем этаже центрального административного здания.

В 1901 году Федор Лукич был избран членом Комиссии по устройству публичных народных чтений в Москве. С 1903 года он стал преподавать в воскресной школе при чайной Даниловского отделения 1-го Московского Общества трезвости, а с 1904 года стал учителем церковноприходской школы при этом обществе. Все это время он продолжал служить псаломщиком в Скорбя-

Пса.и.ишук Феодор Пса.ишук

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

шенской церкви, а с 1905 по 1935 год был псаломщиком в храмах Московской епархии.

В 1935 году Федор Лукич попытался поселиться в Москве, но уже скоро, в 1936 году, был вызван в паспортный стол, где у него отобрали паспорт и велели выезжать из Москвы, и он поселился у брата в Можайске. Незадолго перед арестом, в 1937 году, он устроился работать сторожем.

Федор Лукич был арестован 17 января 1938 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

— Будучи активным участников тихоновского течения — «истинно-православной церкви», с появлением обновленческой церкви вы на сегодняшний день какое признаете течение правильным — тихоновское или обновленческое? — спросил следователь.

— Будучи активным деятелем и почитателем патриарха Тихона, я, по своим убеждениям, считаю правильным тихоновское течение, которое поддерживаю по настоящее время, и в нем, как единственно правильном, достаточно убежден.

— Таким образом, вы советскую власть как власть, не данную Богом, не признаете?

— Хотя я и являюсь активным деятелем и почитателем патриарха Тихона, но я советскую власть как таковую признаю.

— Ваше отношение к советской власти?

— Мое отношение к советской власти враждебное.

— Скажите, в чем выражается ваше враждебное отношение к советской власти?

— В том, что я, будучи ущемлен политикой советской власти как служитель культа гонениями советской власти на религию и духовенство, был лишен избирательных прав, лишен свободного проживания в Москве и получения паспорта. Все это приводило меня к тому, что я неоднократно высказывал свое недовольство советской властью и проводимой ею политикой среди окружающих меня лиц.

— Скажите, когда, где, в присутствии кого и что именно вы говорили против партии и советской власти?

— Когда, где и в присутствии кого я говорил против партии и советской власти, я не помню, но знаю, что я говорил: «Советская власть жестоко расправляется с религией и духовенством. Духовенство сейчас повсеместно арестовывается и выселяется в отдаленные места, церкви разрушаются. Раньше при царском правительстве этого не было...» О конституции я говорил: «В конституции написано, что Церковь отделена от государства, а на самом деле государство вмешивается в церковные дела и разрушает церкви, а духовенство и верующих арестовывает только за то, что они веруют в Бога». Отсюда как вывод, что советская власть пишет одно, а на деле делает обратное.

— Скажите, кто из ваших единомышленников поддерживал ваши высказывания?

— Мои высказывания никто не поддерживал, а, наоборот, меня предупреждали, чтобы я был осторожен в этих высказываниях, так как это могло привести к тому, что я буду арестован.

После допросов Федора Лукича были допрошены дежурные свидетели, которыми оказались его соседи по улице; они подписали необходимые протоколы, и 9 февраля 1938 года следствие было завершено. 14 февраля тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Псаломщик Федор Лукич Пальшков был расстрелян 17 февраля 1938 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19926.
ЦИАМ. Ф. 2121, оп. 1, д. 1867.
Клировые ведомости за 1904 год.

Февраля 5 (18)

МУЧЕНИК

Михаил (Амелюшкин)

*М*ученик Михаил родился 24 сентября 1893 года в селе Починки Богородского уезда Московской губернии в семье крестьянина Спиридона Амелюшкина. Окончил сельскую школу и занимался крестьянским трудом. С 1914 по 1917 год Михаил Амелюшкин служил в Царской армии рядовым.

Проживал Михаил Спиридонович в родном селе. Будучи глубоко верующим человеком, он, несмотря на начавшиеся с приходом безбожной власти гонения на Русскую Православную Церковь, еще более утвердился в исповедании своей веры во Христа. Молиться он ходил в храм в честь Рождества Христова в селе Ямкино Ногинского района Московской области.

В разгар гонений на верующих во Христа власти решили арестовать Михаила Спиридоновича. По их требованию местный сельсовет выдал справку для Ногинского районного отделения НКВД. В ней говорилось, что Михаил Амелюшкин «ведет разлагательскую работу среди колхозников, агитируя против советской власти и партии, склоняя массу к религии».

На допрос были вызваны лжесвидетели. Один из них показал: «В конце апреля 1937 года Амелюшкин, в целях срыва первомайской демонстрации, среди населения говорил: колхозники, все приходите в церковь на пасхальное богослужение, а на демонстрацию не ходите. Пусть коммунисты одни ходят с красными флагами. 29 апреля 1937 года Амелюшкин в беседе со священником Покровским и диаконом Широгородовым говорил: я ваше указа-

ние выполню, сделаю так, что ни один колхозник в день Пасхи на работу в колхоз не выйдет, и 1 мая на демонстрацию не пойдет, а в церкви народу будет полно. Я уже договорился со всеми старыми певчими, чтобы они пришли в церковь, мы устроим особо торжественное богослужение».

26 ноября 1937 года Михаил Спиридонович вместе с настоятелем храма протоиреем Николаем Покровским и диаконом Николаем Широоровым был арестован и заключен в Ногинскую тюрьму. На следующий день он был допрошен.

— С какого и по какой период вы являлись служителем религиозного культа? — спросил следователь.

— Служителем религиозного культа, а именно псаломщиком, я служил пять месяцев: с июня 1937 года по день ареста. До этого я несколько лет являлся регентом церковного хора в селе Ямкино. Одновременно работал на производстве, — ответил Михаил Спиридонович.

— Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Признаете себя в этом виновным?

— Контрреволюционной деятельности я не вел, виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю.

28 ноября следователь закончил расследование и написал обвинительное заключение. 1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила псаломщика Михаила к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

В 1939 году жена Михаила Амелюшкина Мария Александровна написала в НКВД жалобу с просьбой пересмотреть дело мужа. Прокурор по спецделам Шмуклер в просьбе отказал, посчитав, что «жалоба безмотивна, а поэтому оснований для представления дела на предмет пересмотра нет».

Находясь в лагере, псаломщик Михаил Амелюшкин умер 18 февраля 1942 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ, Ф. 10035, д. 20815.
Сообщение ИЦ ГУВД Московской области.

Февраля 13 (26)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Михаил (Попов)

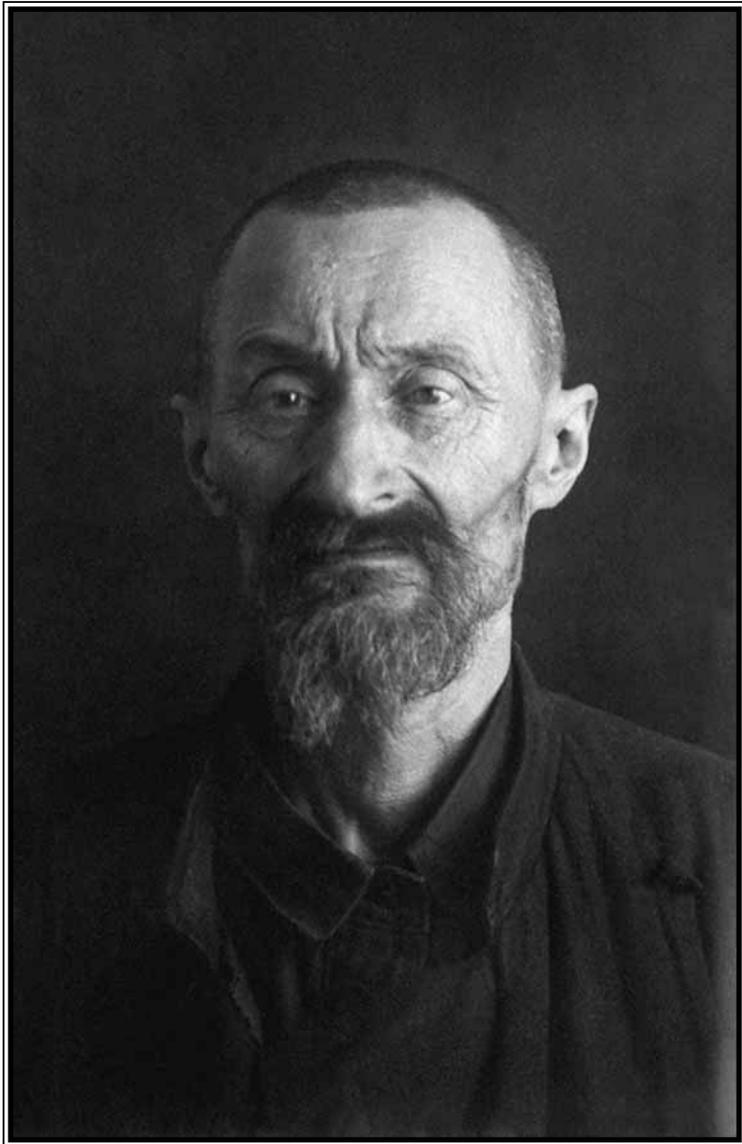
Священномученик Михаил родился 22 февраля 1872 года в селе Подлесная Слобода Зарайского уезда Рязанской губернии в семье священника Михаила Попова. Через шесть лет после рождения сына отца Михаила перевели служить в соседнее село Горетово, и он вместе с семьей переехал туда жить. Здесь Михаил окончил сельскую школу, после чего поступил в Зарайское Духовное училище, а затем в Рязанскую Духовную семинарию.

По окончании в 1894 году семинарского курса Михаил Попов был определен преподавателем Закона Божия и учителем в Кутуковскую церковноприходскую школу. В 1896 году Зарайским училищным советом Михаил Михайлович был переведен в Вакинское земское училище на ту же должность.

В 1902 году епископом Рязанским и Зарайским Полиевктом он был рукоположен во священника к Введенской церкви в селе Жилконицы и назначен законоучителем в местное земское училище.

В 1917 году священник Михаил Попов был переведен в Христорождественский храм в селе Нижнее Маслово, вошедшее впоследствии в состав Луховицкого района Московской области. Здесь отец Михаил прослужил до своего ареста.

В июне 1937 года власти приняли решение закрыть храм и использовать его под зернохранилище. Для этого требовалось, чтобы такое решение жители приняли на общем собрании. Отец

Священник Михаил Конов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

Михаил сумел сплотить верующих, которые выступили на собрании против произвола безбожников. Большинство голосов церковь не была закрыта.

В 1937 году началась самая беспощадная волна гонений на Русскую Православную Церковь. 17 февраля 1938 года священник Михаил Попов был арестован Луховицким районным отделением НКВД и заключен в Коломенскую тюрьму. В тот же день состоялся допрос. Расспросив отца Михаила о его биографии, следователь сказал:

— Вы обвиняетесь в контрреволюционной агитации против существующего строя, в неподчинении советским законам, в высказывании террористического намерения в отношении руководителей и членов ВКП(б) и правительства.

— Я контрреволюционной агитацией не занимался и никогда не выходил из подчинения советским законам, а также никогда террористических намерений против вождей ВКП(б), правительства и членов ВКП(б) не высказывал, в чем и не признаю себя виновным.

На этом следствие было закончено. В тот же день следователь составил обвинительное заключение и отправил дело на рассмотрение тройки НКВД, которая 21 февраля приговорила отца Михаила к расстрелу.

Священник Михаил Попов был расстрелян 26 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23061.
ГАРО. Ф. 627, оп. 240, д. 52.

Февраля 13 (26)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Калабухов)

И ИСПОВЕДНИК

Иоанн (Летников)*

Священномученик Иоанн родился 13 ноября 1873 года в селе Толобино Серпуховского уезда Московской губернии в семье священника Луки Калабухова.

С 1900 года Иван Калабухов работал в Москве в булочной фирме приказчиком. В 1908 году он переехал в Архангельск, где один год работал весовщиком на железнодорожной станции, а потом приказчиком у частного булочника. В 1915 году Иван Лукич поступил в Архангельскую Духовную семинарию, которую окончил экстерном. В апреле 1917 года он был рукоположен во священника ко храму в селе Ваймуга Холмогорского уезда Архангельской губернии.

В 1920 году отец Иоанн перешел служить в село Смотратовское Шенкурского уезда той же губернии. С 1919 по 1920 год Архангельская губерния находилась под властью белых. В 1920 году отец Иоанн был приговорен судом города Шенкурска за антисоветскую проповедь к трем месяцам лишения свободы.

---

* Память исповедника Иоанна празднуется октября 12/25.

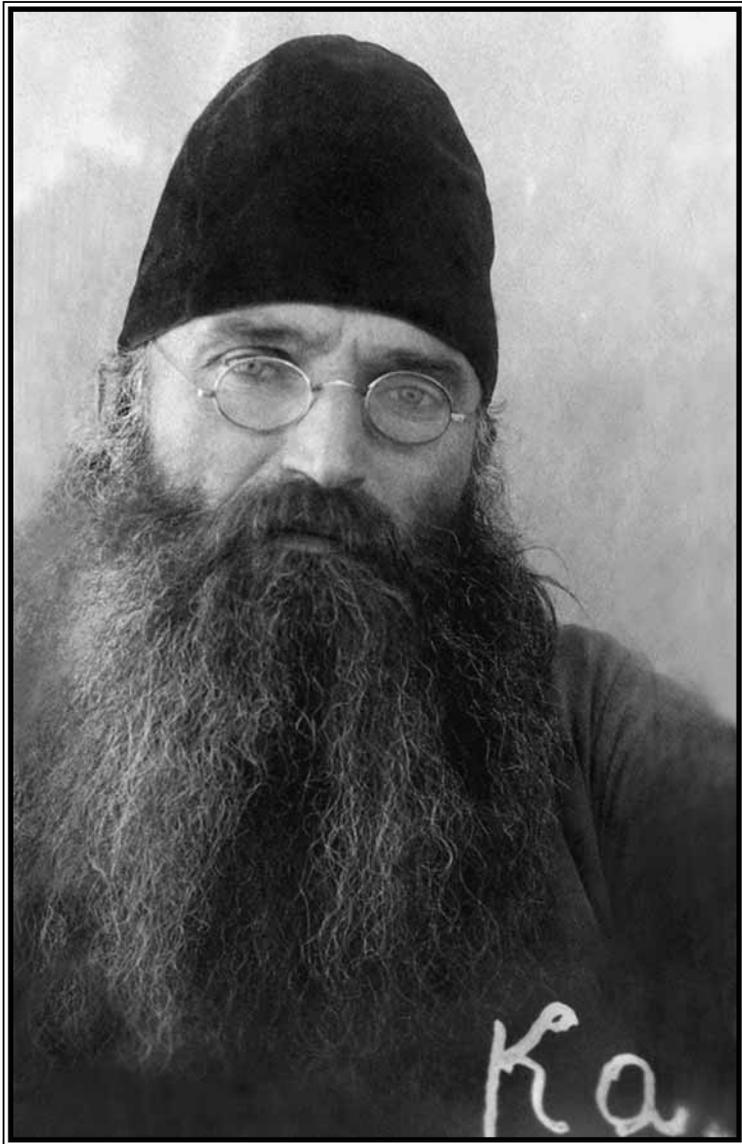

В Шенкурском уезде отец Иоанн прослужил до 1925 года. В соседнем селе Боголюбском поселился высланный советской властью священник Георгий Беляев, по рекомендации которого отец Иоанн поехал на его место в село Протопопово Коломенского уезда Московской губернии. Среди верующих села Протопопова отец Георгий имел высокий авторитет, поэтому на приходском собрании отец Иоанн был единогласно избран кандидатом на занятие вакантного священнического места в Троицком храме.

После утверждения его кандидатуры правящим епископом отец Иоанн стал здесь служить, как и отец Георгий заботясь о благолепии храма. Верующие добровольно собирали средства для текущего ремонта и закупки всего необходимого. После отбытия срока ссылки отец Георгий в 1925 году по благословению Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) был пострижен епископом Коломенским Феодосием (Ганицким) в монашество с именем Никон и назначен настоятелем в Старо-Голутвин Богоявленский монастырь города Коломны. Несколько раз до своего нового ареста и ссылки отец Никон вместе с отцом Иоанном совершали богослужение в Троицком храме в селе Протопопово.

В конце 1920-х годов советская власть снова начала беспощадные гонения на Русскую Православную Церковь.

В сентябре 1929 года в селе Протопопово умерла пожилая женщина. Ее дети жили со своими семьями отдельно, с ней проживала только старшая дочь, которая была активной безбожницей. Узнав, что остальные родственники пригласили отца Иоанна совершить отпевание, дочка покойной пришла в дом к отцу Иоанну и запретила ему приходить, так как желала проводить гражданские похороны с оркестром и не хотела, чтобы мать была предана земле по-православному. При этом она подчеркнула, что ее мать была неверующей. Отец Иоанн знал, что умершая была верующей, так как сам ее недавно исповедовал и причащал; знал

Священник Иоанн Калабухов

Коломенская тюрьма. 1929 год

он и о том, что она, будучи больным старым человеком, всецело находилась в материальной зависимости от неверующей дочери и поэтому старалась не проявлять своего отношения к Церкви.

На требование пришедшей отец Иоанн ответил, что в дом к ней не пойдет, но если родственники принесут гроб в церковь, то отпевать будет. Узнав о случившемся, родственники умершей добились, по совету отца Иоанна, письменного разрешения от местного сельсовета на право церковного погребения. Вечером 21 сентября он пришел в дом для совершения заупокойного богослужения.

В доме у гроба почившей отца Иоанна встретила дочка-безбожница.

— Зачем ты пришел? — спросила она священника.

— Вот, ваши родственники дали мне письменное разрешение от власти, я и пришел, — ответил отец Иоанн.

Дочь начала плакать. Мужчины, бывшие в это время в доме, вывели ее в соседнюю комнату.

26 сентября уполномоченный Коломенского отдела ОГПУ Чесноков завел следственное дело на священника Иоанна Калабухова. В вину ему ставилось то, что «Калабухов всеми мерами и провокационными действиями добивался искоренения безбожия в селе Протопопово». В этот же день отца Иоанна арестовали и допросили.

Следователь поинтересовался отношением отца Иоанна к советской власти. «После революции 1917 года с переходом власти к советам мое отношение к советской власти не было сочувственное, — ответил отец Иоанн. — Причиной этому было следующее: в церковь врываются без всякого соблюдения порядка и приличия, входили в шапках, курили и чуть ли не устраивали танцы. На меня, как на человека религиозного, это действовало отрицательно, и приход советской власти мною не был встречен сочувственно. В дальнейшем советскую власть я рассматривал как и всякую власть — от Бога».

В качестве свидетельницы 1 октября была допрошена учительница села Протопопова, которая сказала: «Религиозная работа церковников в селе чувствуется на учащихся. Среди детей моей группы замечаются иногда выражения недовольства против введения каких-либо новшеств, были случаи — ученики высказывали недовольство против занятий в воскресенье. Двое учеников долгое время в церкви прислуживали священнику, и только когда весь класс стал над ними смеяться, один из них прислуживание прекратил... Многие из учеников ходят петь на клиросе, бывает так, начинаются занятия, а часть ребят поют в церкви... Кроме того, неоднократно мне со стороны учеников были заявления, что священник при встрече кого-либо из них или при обходе с молебнами домов заставлял, убеждал обязательно ходить в церковь... С неделю тому назад мне была подброшена анонимная записка следующего содержания: “Не хотим учиться в воскресенье и отдыхать во вторник, долой вторник, да здравствует воскресенье”».

1 и 2 октября состоялись заседания церковного совета Троицкого храма. Собравшиеся говорили, что священник арестован необоснованно, ничего противозаконного он не совершал, поэтому за него надо хлопотать, чтобы его освободили. Чтобы не навлечь подозрений на церковный совет, было принято решение в ближайшее время провести собрание всего прихода, чтобы на этом собрании верующие сами выступили с этой инициативой.

Через несколько дней ОГПУ были арестованы псаломщик, заместитель председателя церковного совета, а также церковный староста Иван Летников.

Исповедник Иоанн (Иван Леонтьевич Летников) родился в 1860 году в селе Протопопово Коломенского уезда Московской губернии. Вместе с тестем Андреем Салтыковым, во владении у которого было несколько барж и пароходов на реке Оке, Иван Летников занимался покупкой ржи, которую перемалывали затем в муку и отвозили в Москву на продажу. Впоследствии Иван стал лесопромышленником, имел свой лесопильный завод и

мельницу. В 1918 году он добровольно отдал государству лесопильный завод и занялся крестьянским трудом.

Троицкая церковь в селе Протопопово была перестроена Андреем Салтыковым. В 1897 году были отстроены приделы во имя Святогорской иконы Божией Матери и во имя преподобного Андрея Критского. С 1904 по 1929 год Иван Леонтьевич был старостой этого храма.

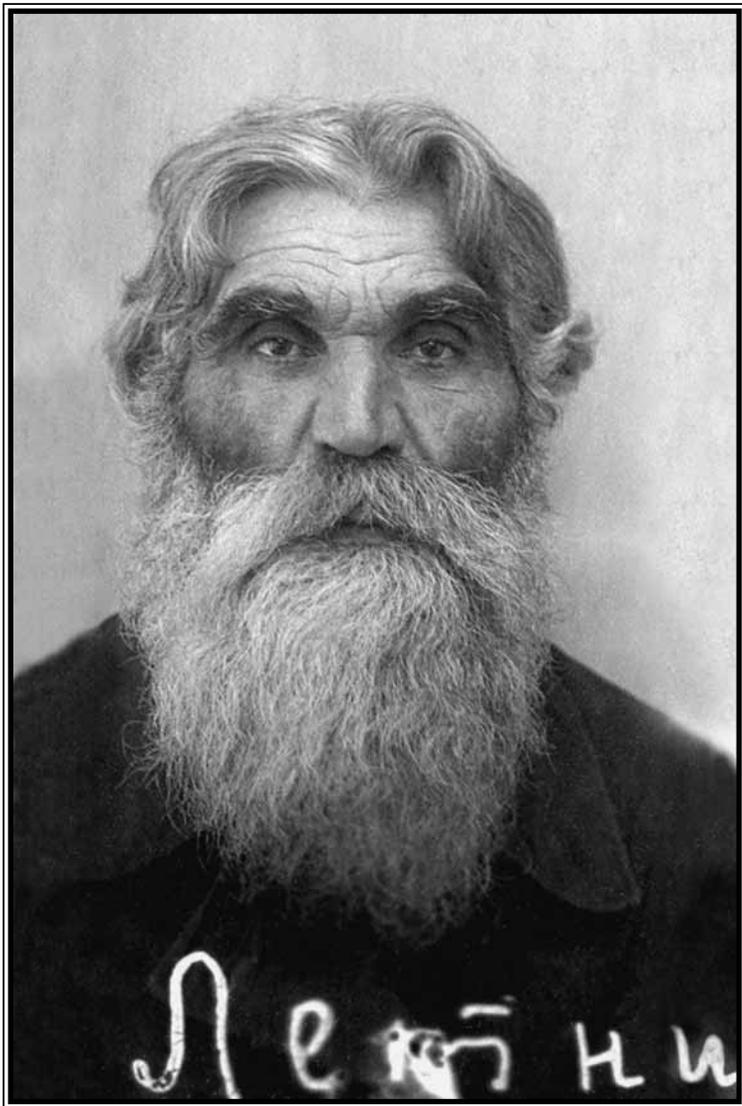
Иван Леонтьевич был арестован 5 октября 1929 года. Будучи допрошен, Иван Леонтьевич не признал себя виновным и не согласился оговорить священника. 12 октября следователь зачитал ему постановление о предъявлении обвинения, подписывать которое Иван Леонтьевич отказался. 17 октября состоялся дополнительный допрос, и в тот же день ему было объявлено об окончании предварительного следствия. «Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю», — заявил он следователю.

Все время заключения священник Иоанн Калабухов и церковный староста Иван Летников содержались под стражей в Коломенской тюрьме. 23 декабря 1929 года тройка ОГПУ приговорила отца Иоанна к трем годам заключения в концлагерь, а Ивана Летникова к высылке в Северный край на три года.

Тяжелые условия заключения, этапа и жизни на Крайнем Севере подорвали здоровье Ивана Леонтьевича, которому исполнилось тогда 70 лет. 25 октября 1930 года он умер в городе Архангельске и был погребен в неизвестной могиле.

В 1932 году, по отбытии наказания в лагере в городе Котлас, отец Иоанн вернулся в село Протопопово и восстановил служение в Троицком храме. Во время выдачи паспорта ему, как бывшему заключенному, запретили проживание в режимной зоне, и с 1933 года он переселился в село Озерицы Луховицкого района и служил в Ильинском храме.

В разгар беспощадных гонений в конце 1930-х годов против Русской Православной Церкви священник Иоанн Калабухов был 16 февраля 1938 года арестован и сразу же допрошен.

Иван Леонтьевич Летников

Коломенская тюрьма. 1929 год

— В 1937 году на праздник Ильин день вы говорили в церкви проповедь о том, что настало смутное время и со стороны коммунистов идет гонение на Церковь, потерпите, скоро придет конец. Говорили вы такую проповедь?

— Нет, такой проповеди я не мог говорить и не говорил, и вообще я проповедей не говорил совсем.

— В январе 1938 года вы ходили в селе Ивняги с молебном по домам или нет?

— Нет, не ходил. На это нужно разрешение сельсовета. Я один раз попробовал, обратился в 1936 году в сельсовет за разрешением, но сельсовет разрешения не дал, и я больше не обращался и с молебнами по приходу не ходил.

— Что это за проповедь письменная отобрана у вас под заглавием «Христос Воскресе», зачем она у вас, кто ее писал и для чего?

— Эта проповедь оставлена моим предшественником, эта проповедь — огласительное пасхальное слово Иоанна Златоустого.

— Признаете себя виновным в том, что вы вели агитацию среди населения в церкви и по домам колхозников против коммунистов и существующего строя или нет?

— Нет, такой агитации я не вел, да и вести не мог, так как хорошо знаю, что это делать нельзя. К советской власти я совершенно лоялен.

17 февраля отец Иоанн был переведен в Коломенскую тюрьму, а оттуда в Таганскую тюрьму в Москве. 21 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу.

Священник Иоанн Калабухов был расстрелян 26 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. П-49279, л. П-65493.
Сообщение ИЦ УВД по Архангельской области, № 18/5588 от 2 июля 2002 года.
Коломенская Церковь. Исторические очерки. М., 2001. С. 66.

Февраля 13 (26)

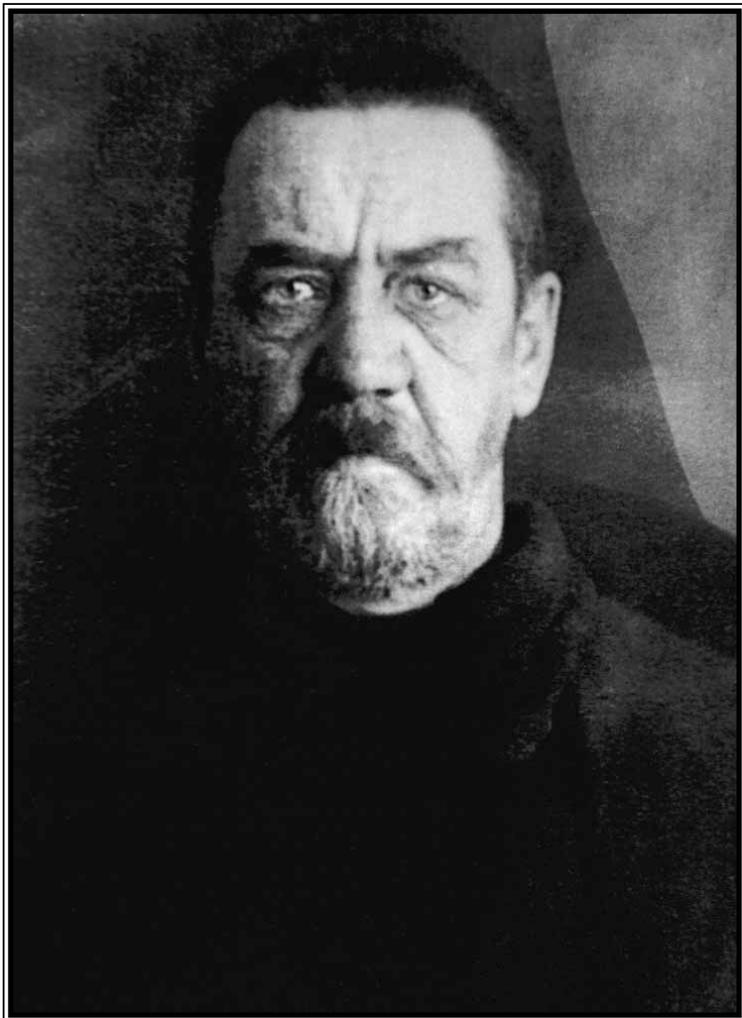
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Косинский)

Священномученик Иоанн родился 12 апреля 1887 года в Москве в семье священника Владимира Косинского. Окончил Перервинское Духовное училище. С 1909 года был учителем в церковноприходской школе, в 1914 году был рукоположен во диакона. В 1919 году отец Иоанн был мобилизован в тыловое ополчение Красной армии, где его поставили на тяжелые, черные работы. В 1920 году он был рукоположен во священника и служил в Троицком храме в селе Заворово Бронницкого уезда Московской губернии.

В первый раз отец Иоанн был арестован в 1927 году по обвинению в нарушении 168-й статьи уголовного кодекса, грозившей лишением свободы до двух лет за «присвоение, то есть удержание с корыстной целью, чужого имущества, вверенного для определенной цели...». В данном случае отец Иоанн судим был за то, что продал принадлежавшую ему корову, описанную властями за неплату налогов. Священника приговорили к одному месяцу исправительно-трудового лагеря. Вторично отца Иоанна арестовали в 1930 году, обвинив в антиколхозной агитации. После двух с половиной месяцев, проведенных под стражей, он был освобожден и до своего последнего ареста служил в Троицкой церкви.

В начале 1938 года священники-осведомители, служившие в храмах в селе Салтыково и в селе Давыдово Бронницкого района, дали сотрудникам НКВД требуемые ими показания и затем, ког-

Священник Иоанн Косицкий

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

да отец Иоанн был арестован, выступили в качестве дежурных свидетелей, подписав протоколы со лжесвидетельствами.

Отец Иоанн был арестован 26 января 1938 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Почти сразу же начались допросы.

— Следствию известно, что вы занимаетесь антисоветской агитацией, направленной против колхозов. Признаете себя в этом виновным?

— Антисоветской агитацией, направленной против колхозов я не занимаюсь, этого факта не было, виновным себя не признаю.

— Следствию известно, что вы занимаетесь антисоветской агитацией, восхваляя врагов народа. Скажите, верно ли это и признаете ли вы себя в этом виновным?

— Я уже сказал, что антисоветской деятельностью я не занимаюсь, таких фактов, чтобы я восхвалял врагов народа, не было, виновным себя не признаю.

— Во всех данных вами ответах вы лгали, так скажите правду, признайте себя виновным в антисоветской агитации!

— Виновным себя в антисоветской агитации не признаю, таких фактов не было, — повторил священник.

11 февраля тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу. Священник Иоанн Косинский был расстрелян 26 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23933.

За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956.

Книга первая. ПСТБИ. М., 1997. С. 625.

Пэнэжко Олег, священник. Бронницкий уезд. Храмы Раменского района. Б.м. б.г. С. 36–37.

Февраля 13 (26)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА
Ирина (Хвостова)

*П*реподобномученица Ирина родилась в 1882 году в селе Агинтово Дмитровского уезда Московской губернии в семье крестьянина Михаила Хвостова.

Ирина окончила сельскую школу и поступила послушницей в Новодевичий монастырь в Москве. Обитель советской властью в 1922 году была закрыта. В зданиях монастыря разместились различные организации, часть помещений была занята под жилье. В обители послушница Ирина прожила до 1932 года, а затем уехала в село Никульское.

В ходе массовых гонений на Церковь и верующих власти решили арестовать послушницу Ирину.

23 января 1938 года следователь НКВД вызвал двух человек на допрос, чтобы они дали необходимые для ее ареста показания. Один из лжесвидетелей, двадцативосьмилетний колхозник, проживавший в селе Никульское, рассказал, что в декабре 1937 года слышал, как Ирина возле своего дома говорила колхозникам: «Не работайте в колхозе, все равно будете сидеть голодными, так как Бог от вас отказался и урожая хлеба хорошего не дает и не даст до тех пор, пока не будете признавать Его и верить в Него».

Другой лжесвидетель, двадцатитрехлетний колхозник, рассказал, что слышал от Ирины, как она говорила в декабре 1937 года в разговоре с колхозниками: «Вот Бог какое наказание создал вам, работаете в колхозе день и ночь, а сидите голодные. Вы луч-

ше бросили бы работать, а молились бы Богу, и то сытнее было бы. Вот тогда бы коммунисты осознали бы, как вы сидели голодными, а то они живут за вашей спиной и беспощадно грабят».

31 января 1938 года Ирина Михайловна была арестована и заключена в Загорскую тюрьму. В этот же день она была допрошена. Следователь, поинтересовавшись ее происхождением и социальным положением, спросил:

— Обвиняемая Ирина Михайловна Хвостова, признаете ли вы себя виновной в распространении антисоветской агитации?

— Виновной себя в антисоветской агитации, высказывании гнусной контрреволюционной клеветы против советской власти не признаю, но поясняю, что в декабре 1937 года я действительно говорила, что сейчас в СССР идет война, Япония уже пришла на территорию СССР, а поэтому коммунисты хороших людей арестовали и сослали в ссылку, сейчас ввиду этого и не пропускают писем. Я виновной себя признаю в том, что я среди населения проводила антисоветскую пропаганду, а именно: «Бог есть, и Он существует, и нам надо полагаться на Него».

На этом допрос был окончен. 19 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила ее к расстрелу.

Послушница Московского Новодевичьего монастыря Ирина (Хвостова) была расстреляна 26 февраля 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ, Ф. 10035, д. 21328.

Февраля 17 (2 марта)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

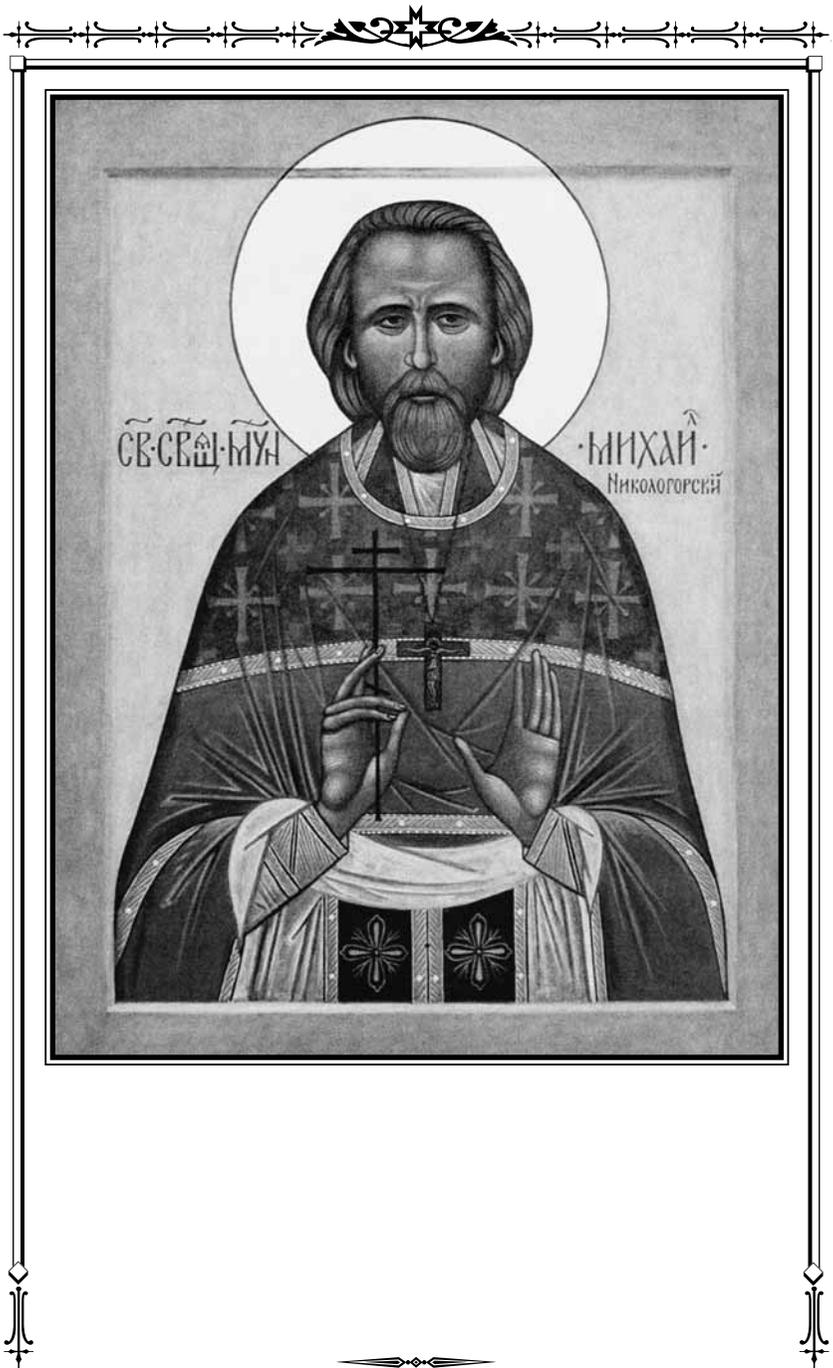
Михаил (Никологорский)

Священномученик Михаил родился в 1883 году в селе Гребнево Щелковской волости Богородского уезда Московской губернии в семье псаломщика Михаила Никологорского, служившего в Никольской церкви в Гребневе. По окончании духовного училища Михаил Михайлович с 1902 года стал служить псаломщиком в храме во имя Иоанна Предтечи в селе Фряново Аксеновской волости Богородского уезда*. В 1917 году Михаил Михайлович был рукоположен во диакона к этой церкви, а в 1921 году – во священника. В этом храме отец Михаил прослужил до своего ареста.

После того, как был отдан секретный приказ о начале массовых арестов, оперуполномоченный Щелковского отдела НКВД допросил свидетелей, которые могли дать показания о священнике Михаиле Никологорском. Один из жителей поселка Фряново показал, что отец Михаил в разговоре о жизни при советской власти будто бы говорил, что он первое время боялся, что при советской власти народу православного мало будет, не будут в церковь ходить. Но оказалось наоборот, православные ходят в церковь. Не все еще с ума сошли. А скоро и все вразумятся, ведь советская власть – это явление временное, это как костер – пока сухой, горит, а как намокнет, так и потухнет. Свидетель также по-

---

* Ныне Щелковский район Московской области.

казал, что когда в 1931–1932 годах власти хотели закрыть церковь, священник собирал в храме собрания верующих, организовывал бригады из верующих, которые ходили по деревням и собирали подписи, чтобы храм был оставлен.

В качестве свидетеля был вызван снявший сан диакон Предтеченской церкви Михаил Тихомиров, он сказал, что хорошо знает священника Михаила Никологорского, так как тот служил во Фряновской церкви псаломщиком, а сам он диаконом. Свидетель показал, что в 1918 году он от сана отрекся, а Никологорский остался служить. «Политические взгляды Никологорского антисоветские, так как Никологорский систематически высказывает свои недовольства существующим строем... Мне не раз приходилось доказывать ему, что он говорит не верно, но Никологорский оставался при своих мнениях».

В качестве свидетельницы была допрошена председатель сельсовета, жившая во Фрянове по соседству с отцом Михаилом, она показала: «В сентябре 1937 года у Никологорского было организовано сорище, куда явились ярые вероисповедницы и певчие церковного хора. Последние производили всевозможные пения церковных молитв и песен. По окончании Никологорский, обращаясь к присутствующим, сказал: “Молитесь больше. Главное — Бога не забывайте”».

Отец Михаил был арестован 5 декабря 1937 года и сразу же допрошен.

— Следствие располагает данными, что вы вели антисоветскую деятельность. Подтверждаете ли вы это?

— Нет, не подтверждаю. Я антисоветской деятельности не вел.

— Вы говорите следствию неправду. Следствие предлагает вам рассказать о своей антисоветской деятельности.

— Никакой антисоветской деятельности я не вел.

— Следствие располагает данными, что вы в сентябре 1937 года вели контрреволюционный разговор по вопросу о жизни при советской власти. Подтверждаете ли вы это?

— Нет, не подтверждаю.

На этом допросы и следствие были закончены, и отец Михаил был перевезен в Таганскую тюрьму в Москве. 7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Михаила к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Отец Михаил был отправлен на общие работы в лагерь на Беломорско-Балтийском канале и прожил недолго. Священник Михаил Никологорский скончался в заключении 2 марта 1938 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-18831.
ИЦ МВД Республики Карелия. Картотека ББК.

Февраля 22 (7 марта)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Андрей (Яснев)

Священномученик Андрей родился 12 августа 1868 года в селе Ясенок Рязанской губернии в семье диакона Ивана Яснева.

После окончания в 1889 году Рязанской Духовной семинарии Андрей Яснев был рукоположен во диакона. 22 апреля 1891 года отец Андрей был рукоположен во священника к Владимирской семинарской церкви города Рязани.

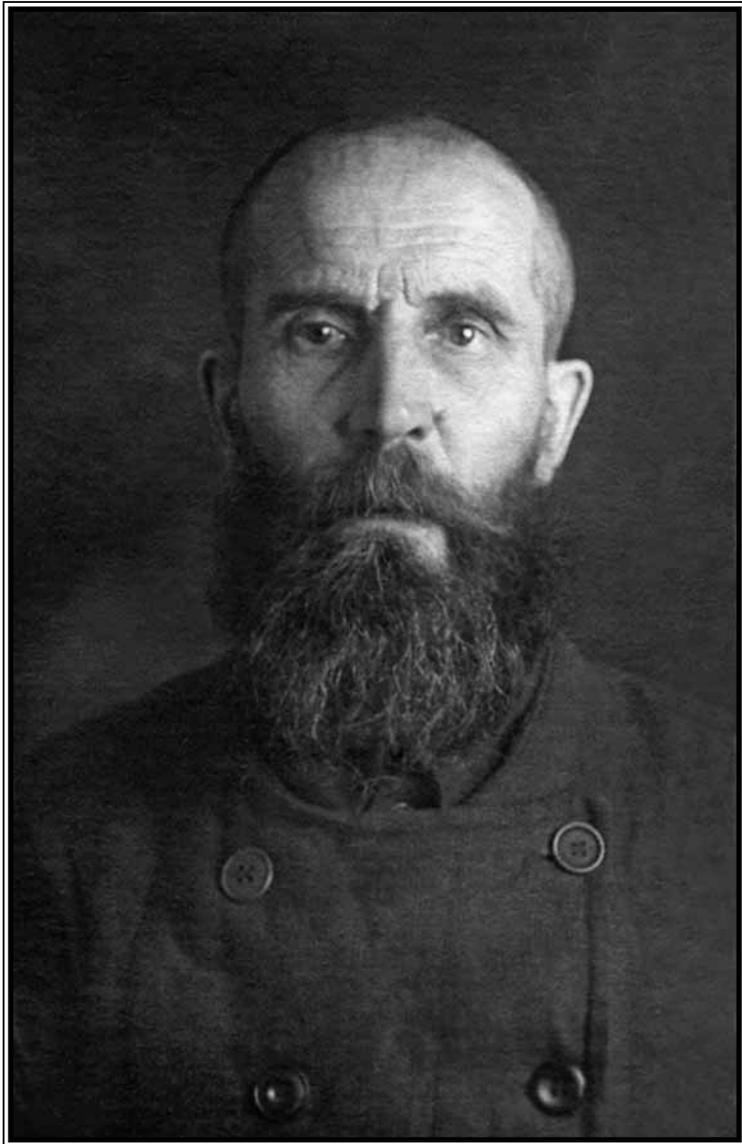
С мая 1890 по 1913 год он исполнял послушание эконома Рязанской Духовной семинарии, а также — с 1897 года — заведовал книжным складом Рязанского епархиального училищного совета.

В 1913 году отец Андрей был назначен служить в Успенскую соборную церковь города Егорьевска и заведующим Вишневской церковноприходской школой и законоучителем Егорьевской церковноприходской школы, Первого женского и Второго мужского городских приходских училищ.

С 1914 года отец Андрей стал заведующим миссионерской библиотекой. В Егорьевске он служил сначала в Успенском соборе, а затем в храме святителя Алексия, митрополита Московского, и исполнял обязанности благочинного.

За многолетнее служение Церкви Христовой протоиерей Андрей был награжден митрой и правом совершать литургию с открытыми царскими вратами до Херувимской песни.

В разгар гонений на Русскую Православную Церковь безбожные власти приняли решение арестовать отца Андрея. 18 января

Протоиерей Андрей Руснев

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

1938 года следователь НКВД вызвал на допрос соседа отца Андрея по дому. На вопрос следователя о том, что известно ему об антисоветской деятельности протоиерея Андрея Ясенева, тот ответил: «Через несколько дней после выборов в Верховный Совет я случайно встретился с Ясеныным около дома. Я спросил, ходил ли он голосовать? На это он мне ответил: ходить-то я ходил голосовать, да только ведь вы, коммунисты, все равно выберете того, кого захотите, а нас как преследовали, так и будут преследовать. Напрасно советская власть устраивает гонение на духовенство. Этим она только озлобляет народ, ведь народ еще остался верен Православной Церкви, а если некоторые рабочие и не ходят в церковь, то это только из-за боязни, что их будут преследовать за это, а вот когда сменится власть, увидите, как все пойдут в церковь... Проживая в одном доме с Ясеныным, я часто вижу, как к нему заходят попы и другие служители религиозного культа, а также заходит много неизвестных мне лиц. Иногда засиживаются у него до поздней ночи. О чем у них там идут разговоры, мне неизвестно».

Протоиерей Андрей Яснев был арестован 23 января 1938 года и заключен в тюрьму Егорьевского района.

— Следствию известно, что у вас на квартире часто собираются попы и другие лица духовного звания, а также разные другие лица. С какой целью собираются эти лица? — спросил следователь.

— Действительно, у меня бывают священники и другие лица по церковным служебным делам, так как я являюсь благочинным Егорьевского района. Граждане приходят ко мне с просьбами для совершения тех или других религиозных обрядов — похорон, крещения и других.

— При обыске у вас обнаружены списки лиц служителей религиозного культа по Егорьевскому району. В числе прочих вопросов имеется вопрос о судимости. Для чего вам нужно знать сведения об их судимости?

— Форма списка с графой о судимости мне была прислана из Московской Патриархии. Для чего потребовались сведения о судимости служителей, я не знаю.

— При обыске у вас также обнаружены списки лиц церковных советов и двадцаток по церквам Егорьевского района. Причем в списке имеется графа о судимости этих лиц и где они работают. Для чего вам нужны эти списки и тем более сведения об их месте работы и судимости?

— Списки эти требовались Московской Патриархией.

— У вас при обыске обнаружена записка священника Никольского, который просит вас разъяснить ему, как должна проводиться служба в день выборов в Верховный Совет и должно ли духовенство идти на выборы. Дайте показания по существу этой явно антисоветской записки.

— Мне самому непонятно, почему священник Никольский обратился ко мне с подобным вопросом, так как он должен был знать советскую конституцию. Я ему на эту записку ничего не ответил.

— У вас при обыске обнаружена записка за подписью некоего игумена Пимена из села Ксенофонтова с явно антисоветским клеветническим содержанием на органы советской власти, в которой указанный игумен Пимен пишет, что органы советской власти якобы гоняют крестьян на работу с целью не дать возможности им посещать церковь. Дайте показания по существу этой записки.

— Считаю, что эта записка по своему содержанию действительно является антисоветской клеветой на органы советской власти. Почему же писал мне он об этом, я не знаю. Я ему на эту записку ничего не отвечал.

— Заявляли ли вы в какие-либо органы советской власти о двух этих записках?

— Никаким органам советской власти я об этих записках не заявлял.

— Таким образом, вы скрыли от органов советской власти антисоветские выступления этих лиц?

— Этим фактам я не придавал значения.

— Вы обвиняетесь в активной антисоветской деятельности. Признаете ли себя виновным?

— Виновным себя в антисоветской деятельности я не признаю.

— Следствию известно, что на протяжении ряда лет вы ведете антисоветскую деятельность. Дайте по существу этого вопроса показание.

— Антисоветской деятельности я не вел и не веду.

Следователем был вызван на допрос диакон Кутуков, который 31 января 1938 года дал показания о том, что отец Андрей группирует вокруг себя духовенство, вернувшееся из лагерей и ссылок, назначает их служить на приходы, вместе с ними активно занимается антисоветской деятельностью, под видом хора группирует монашествующих, многие из которых также отбыли ссылку. 4 февраля следователь допросил отца Андрея еще раз.

— С какого времени вы являетесь благочинным Егорьевского района?

— С ноября 1936 года. Также был благочинным с 1929 по март 1934 года.

— Кем назначаются и по чьему ходатайству служители религиозного культа по Егорьевскому району?

— Служители религиозного культа назначаются епископом. Ходатайство о назначении возбуждается общиной и благочинным. Назначение служителя производится епископом.

— Следствие располагает данными, что вы, используя свое положение благочинного, группировали в городе Егорьевске и Егорьевском районе служителей религиозного культа, ранее судимых за антисоветскую деятельность. Дайте показания, с какой целью вы группировали этих лиц.

— Специально я их не группировал. Служители религиозного культа, ранее судимые за антисоветскую деятельность и являющиеся сейчас служителями Церкви в городе Егорьевске и в Егорьевском районе, прибыли с разрешения епископа. Те же служители, которые ранее высылались из Егорьевского района и вновь возвратившиеся в Егорьевский район, получали назначения на должности служителей по их заявлениям, которые я направлял епископу, и только с его разрешения они назначались в ту или иную церковь.

— Следствию известно, что вы, группируя ранее судимых служителей религиозного культа, вели организованную антисоветскую деятельность. Дайте показания, кто из служителей религиозного культа входил в состав контрреволюционной организации?

— Никакой контрреволюционной организации я не создавал и никакой контрреволюционной работы не вел.

27 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила отца Андрея к расстрелу. К этому времени его уже перевели в Таганскую тюрьму в Москве.

Протоиерей Андрей Ясенев был расстрелян 7 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 21304.

АМП. Послужной список.

ГАРО. Ф. 267, оп. 240, д. 58, св. 32. 1914 г.

Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999.

Марта 1 (14)

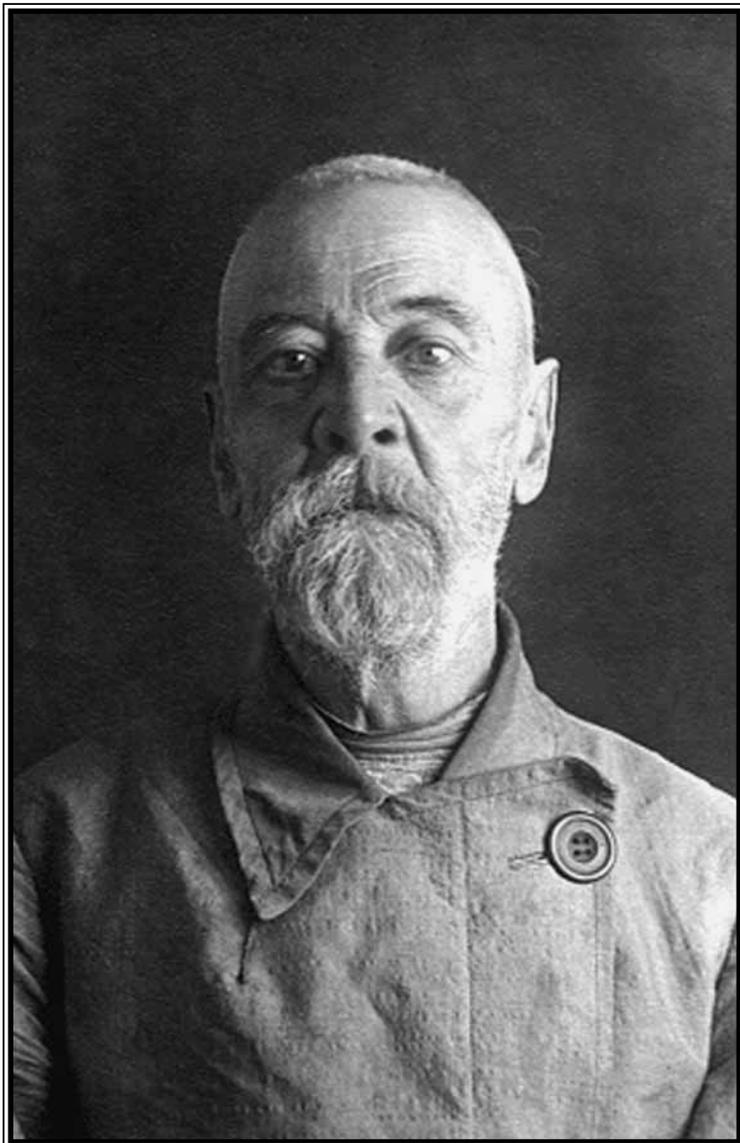
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Вениамин (Фаминцев)

Священномученик Вениамин родился 19 января 1873 года в городе Коломне Московской губернии в семье Иоанна и Марии Фаминцевых; отец Иоанн служил священником в одной из церквей города Коломны. Образование Вениамин получил в Московской Духовной семинарии, которую окончил в 1893 году.

В 1894 году он поступил псаломщиком в храм в городе Клин Московской губернии. В 1901 году Вениамин Иванович был рукоположен во диакона ко храму в селе Карпово Богородского уезда, а в 1906 году — во священника к Троицкому храму в селе Троицком Бронницкого уезда Московской губернии. С 1912 по 1917 год он служил в Преображенском храме в селе Гари Дмитровского уезда, а в 1918 году был переведен в Крестовоздвиженский храм в городе Коломне. С 1919 года он стал служить в храме Рождества Богородицы в селе Мещерино Коломенского уезда. В 1925 году отец Вениамин был возведен в сан протоиерея, а в 1931 году награжден крестом с украшениями. В семье у него было двое детей, сын и дочь. Сын Серафим, будучи больным от рождения, скончался в 1934 году в возрасте двадцати пяти лет, дочь, которая была на два года его моложе, жила отдельно; супруга отца Вениамина давно умерла, и он жил одиноко, все свое время и всего себя посвящая служению Церкви.

В 1936 году Мещеринский сельсовет запретил священнику ходить с молебнами по домам прихожан. До этого, чтобы ходить с молебнами, нужно было получить справку из мещеринской амбулатории, что в селе нет эпидемических заболеваний;

Протоиерей Вениамин Яковлев

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

с 1936 года амбулатория отказалась давать церковному совету такие справки, а без справки сельсовет не давал разрешения на молебны в домах. Приходской совет обратился с просьбой в сельский совет: если нельзя ходить с иконами и крестами, к которым прихожане прикладываются, то разрешите ходить хотя бы с кружкой, к которой никто не прикладывается и в которую прихожане добродушно могут опускать деньги на содержание храма после того, как священник поздравит их с праздником. Но и этого сельсовет не разрешил, мотивируя тем, что в селе эпидемия скарлатины, хотя всем известно было, что тогда всего лишь несколько жителей болело ангиной.

7 марта 1936 года приходской совет храма направил заявление во ВЦИК, в котором прихожане храма писали: «Приходской совет постановил обратиться за разрешением этого вопроса ввиду предстоящей Пасхи в постоянную Центральную комиссию при ВЦИКе. Если нельзя ходить с иконами и крестом, к которым прикладываются, то нельзя ли ходить безо всего, поздравляя с праздником и собирая священнику на прожитие и на уплату налогов, а старосте — на поддержание церкви и также на уплату налогов...

Внутрицерковные доходы слишком малы, потому что народ, занятый в колхозах, не всегда имеет время ходить в церковь, следовательно, остается главным доходом требоисправление (крестины, похороны), которых также немного, и хождение в праздники по приходу.

Приходской совет просит Культкомиссию дать то или иное разъяснение по этому вопросу».

Ответа на это письмо прихожане не получили. Летом 1937 года резко усилились гонения на Русскую Православную Церковь. 26 ноября 1937 года в районной газете «Вперед» появилась статья под названием «Совещание селькоров и редакторов стенгазет», в которой, как пример «подрывной» деятельности «церковников», было написано о священнике Вениамине Фаминцеве: «Мещеринский поп всеми способами пытается “подружиться” с колхоз-

никами и “приблизиться” к ним. Он не прочь почитать газету колхозникам, “побеседовать” с ними о выборах, написать какое-нибудь заявление и т. д. В каждом таком случае любой факт, любую газетную заметку он пытается истолковать в выгодном для себя свете, клеветая на советскую власть, ведя контрреволюционную агитацию».

Прочитав эту ложь, отец Вениамин отправился к начальнику местной мешеринской почты узнать, кто автор этой статьи, чтобы лично объясниться с ним и спросить, на основании каких фактов была написана статья. Но начальник почты отвечать на этот вопрос отказался, сказав, что, мол, это секрет. Отец Вениамин, услышав такой ответ, только рукой махнул, сказав в сердцах, что «советской власти больше писать не о чем, как только собирать эти кляузы», — и вышел.

В начале 1938 года сотрудники НКВД потребовали от секретаря Мешеринского сельсовета, чтобы тот составил соответствующую интересам НКВД характеристику на священника. Секретарь написал, что отец Вениамин занимался эксплуатацией ребятишек, заставив их однажды колоть дрова, проводил незаконно таинство крещения, не спросив на это разрешения сельсовета, ходил по некоторым домам, где люди настроены антигосударственно, ведя с ними работу, что отразилось «на работе и настроении колхозников».

Стали допрашивать свидетелей, один из них, девятнадцатилетний учитель мешеринской школы, показал, что священник в начале января 1938 года сагитировал одного из учителей школы; тот стал читать Евангелие и ходить в храм, за что был из школы уволен и уехал из села неизвестно куда, по поводу чего священник, по утверждению лжесвидетеля, сказал: «Вот видите, большевики спохватились, стали переходить в православную веру, образованный учитель перешел в православную веру, а говорят все — Бога нет, скоро все коммунисты креститься будут».

27 февраля 1938 года отец Вениамин был арестован, заключен в тюрьму в городе Кашире и 2 марта допрошен.

— Следствие располагает материалами, что вы на похоронах... восхваляли Муссолини и политику фашизма. Вы подтверждаете это?

— Такого разговора я не припомню. Возможно, и был какой разговор о международном положении, но восхвалять фашистов я не мог.

— Как вы смотрите на заметку про вас, напечатанную в газете «Вперед» 26 ноября 1937 года?

— Это чистая клевета, нет правдивого ни одного слова.

— Следствием установлено, что вы при получении данной газеты в помещении почты клеветали на советскую печать. Признаете это?

— Действительно, я в этот момент был на почте, говорил, что напечатана чистая ложь, и просил назвать мне фамилию селькора, на что мне ответили, что это секрет, с этим я и ушел.

— Как и при каких обстоятельствах вы агитировали педагога Чекалина, который стал посещать церковь?

— Летом 1937 года я сидел на берегу реки. Ко мне подошел Иван Тихонович Чекалин и спросил меня: «Есть ли Бог?» Я ответил, что да. И после этого мы с ним говорили часа два о жизни Христа. Он попросил у меня Евангелие. Я дал ему, после этого он стал посещать церковь.

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— В предъявленном мне обвинении я виновным себя не признаю.

На этом допросы были окончены, и 6 марта 1938 года следствие было завершено. 9 марта тройка НКВД приговорила отца Вениамина к расстрелу. Протоиерей Вениамин Фаминцев был расстрелян 14 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 5263, д. 1157; ф. 10035, д. 23160.
АМП. Послужной список.

Марта 1 (14)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Михаил (Букринский)

Священномученик Михаил Алексеевич Букринский родился 19 ноября 1869 года в селе Булыгино Рязанской губернии в семье священнослужителя. В 1890 году Михаил Алексеевич окончил Рязанскую Духовную семинарию. В 1894 году он был рукоположен во священника к храму села Зименки Зарайского района, где и прослужил 44 года, вплоть до своего ареста.

В 1929 году отец Михаил был первый раз привлечен к судебной ответственности и приговорен к трем годам лишения свободы, которые, после подачи кассационной жалобы, были заменены Мособлсудом на денежный штраф в размере 100 рублей.

В 1930 году его оштрафовали на 1242 рубля. В начале тридцатых годов от отца Михаила потребовали уплатить налог по всем видам заготовок. За неуплату все его имущество было конфисковано. В 1931 году он был оштрафован на 400 рублей и в том же году четвертый раз был привлечен к суду, который приговорил его к трем годам ссылки, но приговор был отменен.

В конце тридцатых годов, в связи с массовыми арестами священнослужителей, отец Михаил окормлял сразу две церкви: в селе Зименки и в селе Ильицино.

В феврале 1938 года сотрудники Зарайского районного отделения НКВД допросили трех человек, которые дали лжесвидетельства против священника. Летом 1936 года случилась засуха и

женщины, работницы колхоза, попросили священника отслужить молебен, что отец Михаил и исполнил. Лжесвидетели же добавили, что перед молебном и после него отец Михаил говорил проповеди, в которых ругал советскую власть, коммунистов и колхозы, призывал хранить веру и бросить работу в колхозе.

2 марта 1938 года отец Михаил был арестован и в тот же день допрошен.

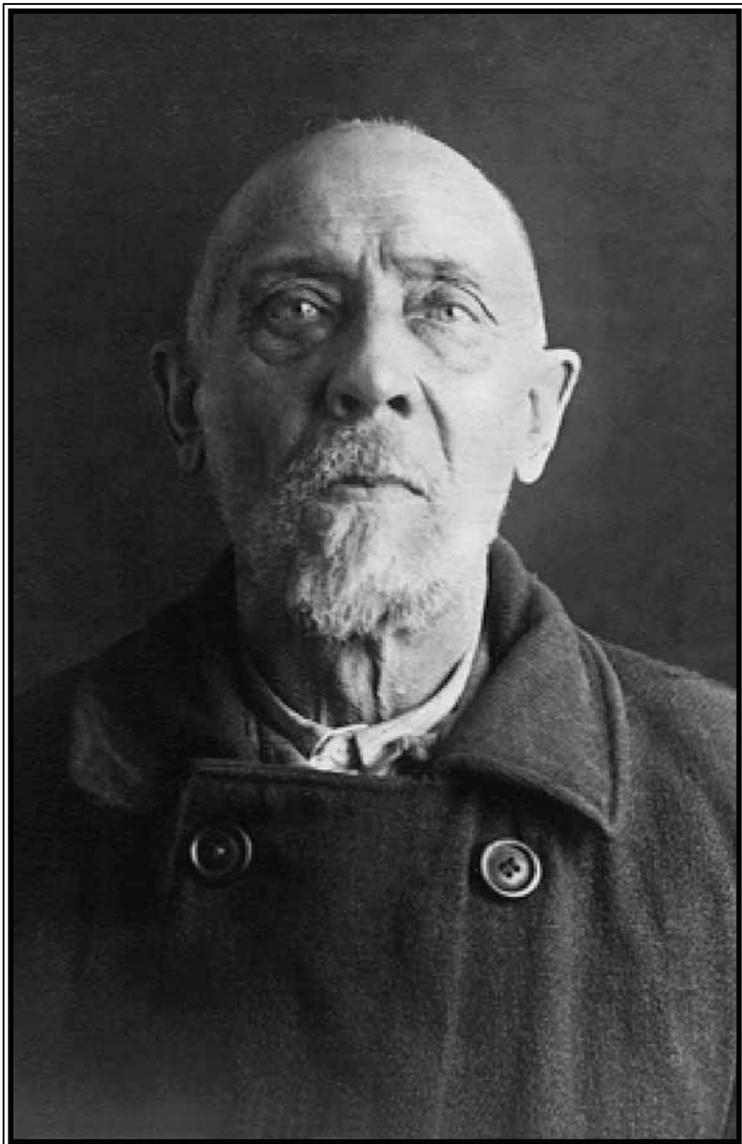
— Следствием установлено, что вы, будучи недовольны существующим советским строем, вели контрреволюционную и антисоветскую деятельность, высказывали гнусную клевету на советскую власть и партию, призывали народ к восстанию, чтобы открыть церковь, клеветали на новую сталинскую конституцию, сожалели о расстрелянных врагах народа и высказывали террористические настроения. Признаете ли себя в этом виновным?

— Я никакой антисоветской и контрреволюционной деятельности, направленной против советской власти и партии, не проводил и нигде не высказывал своих мнений. Действительно, я лично считаю сталинскую конституцию куцей, так как в ней записано одно, а на деле проводится другое, например: в конституции записано о свободном вероисповедании, а на самом деле большевики закрывают церкви, запрещают молиться, священников арестовывают и ссылают, тем самым насильственным путем запрещают вероисповедание, что явно делается против воли народа.

Во время следующего допроса следователь спросил:

— Следствием установлено, что в 1934 году вы призывали народ пойти с требованием об открытии церквей. Вы говорили: «Пока не поздно, идите требовать в райисполком открыть церковь, а если не пойдете, то большевики ее сломают. Большевики грабят не только вас, но и уничтожают церкви».

— Я никогда не призывал народ, чтобы он требовал открытия церкви, и не клеветал на советскую власть. Я считал, что требования бесцельны, хотя, действительно, ко мне верующие обраща-

Священник Михаил Тукчинский

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

лись с просьбой ходатайствовать, но я сам отказался ходатайствовать и предлагал хлопотать им самим...

— В чем вы считаете себя виновным? — спросил, заканчивая допросы, следователь.

— Виновным себя я ни в чем не считаю, — ответил отец Михаил, — антисоветской агитацией я не занимался, я честно исполнял религиозные требы...

С момента ареста и все время непродолжительного следствия отец Михаил содержался под стражей в тюрьме в Коломенском районе, а затем был переведен в Таганскую тюрьму в Москве.

7 марта 1938 года тройка НКВД приговорила отца Михаила к расстрелу.

Священник Михаил Букринский был расстрелян 14 марта 1938 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23175.

Марта 1 (14)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ
Евдокия (Архипова)
и Ольга (Жильцова)
И МУЧЕНИК
Василий (Архипов)

Преподобномученица Евдокия родилась в 1886 году в селе Горетово Луховицкого уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Сергея Архипова. Первоначальное образование она получила, проучившись год в сельской школе.

Десять лет до революции 1917 года Евдокия Сергеевна была послушницей Казанского Явленского монастыря в городе Рязани. Обитель эта была основана в XVI веке на месте явления Казанской иконы Божией Матери. При обители существовало женское училище, больница с аптекой, две гостиницы для паломников. Монастырем управляла игуменья, в подчинении у которой находилось без малого 400 сестер.

Революционные преобразования разрушили традиционный уклад жизни. Новая безбожная власть начала гонение на Русскую Православную Церковь. Сразу после революции монастырь был закрыт. Послушница Евдокия уехала в родное село Горетово, жи-

ла с родителями и помогала им по хозяйству. Своему стремлению к монашескому житию она не изменила. Молиться она ходила в Пятницкую церковь в селе Горетово и в 1935 году была избрана старостой этого храма.

Начальник Луховицкого районного отделения НКВД в ноябре 1937 года получил донесение от неких двух местных жителей (один из них был заведующим Луховицким районным финансовым отделением), в котором говорилось, что «22 ноября происходило конспиративное совещание служителей культа... Собрание происходило с 9 часов утра до 16 часов дня, причем помещение было закрыто изнутри дома и занавешены окна...»

Власти приступили к опросу свидетелей. Послушница Евдокия была арестована 16 февраля 1938 года и в тот же день допрошена.

— 22 ноября 1937 года какое собрание у вас было в квартире?.. — спросил следователь.

— Во время престольного праздника у меня на квартире после обедни был чай... собрания не было и никаких вопросов не разбирали.

— Каким порядком вы собирали деньги с населения на ремонт церкви? Кто руководил сбором денег и кто непосредственно ходил по селу?

— Деньги собирала я, как староста церкви. Граждане давали свои пожертвования в церкви, по домам колхозников я не ходила. На ремонт церкви я собрала примерно 300 или 400 рублей, а всего на ремонт церкви затрачено около 3000 рублей. Эти деньги все церковные, собирались с 1935 года. По колхозникам ходить собирать деньги я никому не поручала, допускаю возможность, может быть, ходили старушки, между собой собирали деньги, но я не знаю.

— Когда вы на собрании обсуждали вопрос о производстве ремонта церкви, кто персонально этот вопрос поднял: вы или священник — и кто из вас предложил собирать средства с населения?

Пос. yunitsa Евдокия (Аржинова)

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

— В 1936 году у меня в доме была проверка ревизионной комиссией церковного совета. В этот раз мы — все члены ревизионной комиссии и церковного совета — решили отремонтировать церковь, так как еще ранее нас понуждал это делать председатель сельсовета. Мы решили обратиться с просьбой к верующим о денежной помощи на ремонт церкви. Так и сделали. Верующие в церкви нам давали кто сколько может. Оповещение верующих о пожертвовании происходило в одиночку: кто подойдет брать свечку, ему скажут. А после уже знали один от другого.

— Почему вы ругаете колхозы и уговариваете, чтобы вам пожертвовали на церковь, а на заем не подписывались?

— Сама я по домам собирать деньги не ходила и колхоз не ругала, и не говорила, что колхозу долго не существовать. И против займа я тоже не говорила. Виновной себя в этом не признаю. Признаю себя виновной только в том, что собирала деньги на нужды церкви.

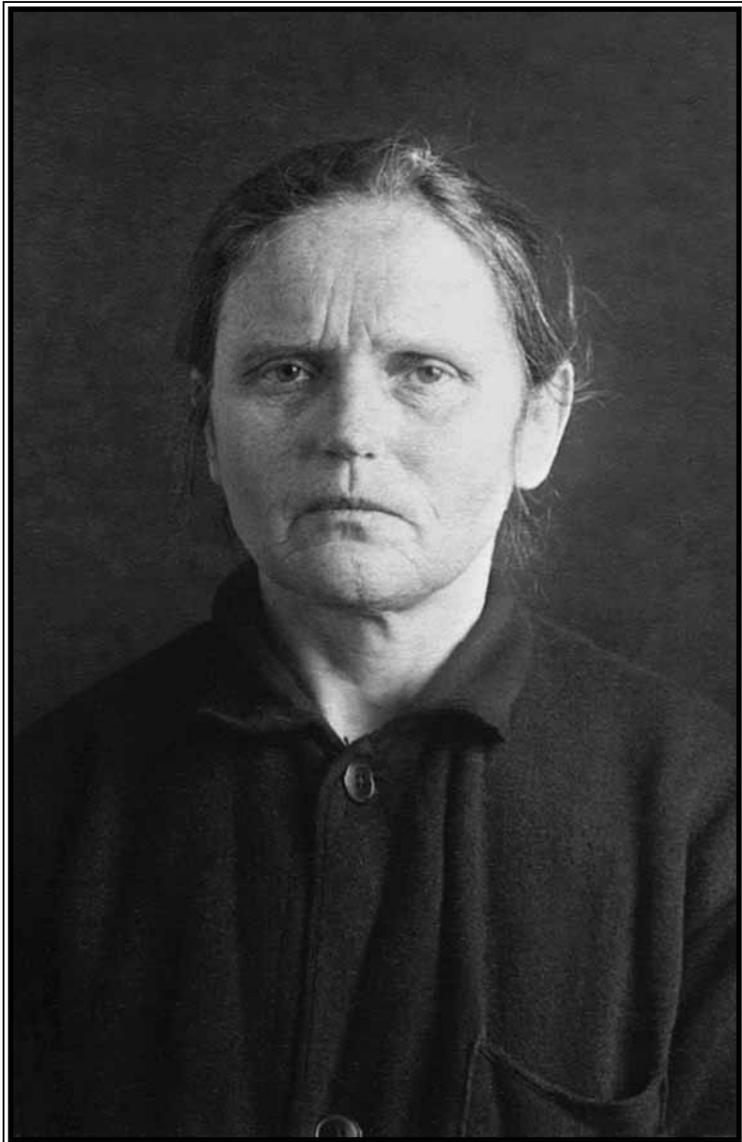
26 февраля 1938 года власти арестовали послушницу Ольгу Жильцову и псаломщика Василия Архипова, о которых, как и о послушнице Евдокии Архиповой, власти собрали показания лжесвидетелей еще в ноябре 1937 года.

Преподобномученица Ольга родилась в 1887 году в селе Горетово Луховицкого уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Георгия Жильцова. Образование получила, проучившись две зимы в сельской школе.

В 18 лет она ушла послушницей в Казанский Явленский монастырь в городе Рязани. После революции монастырь стали занимать под квартиры. Послушница Ольга выехала на родину в село Горетово, где проживала вместе со старушкой матерью.

— Сколько вы набрали денег вместе со старостой церкви Архиповой и попом на ремонт церкви и как вы собирали, расскажите, — потребовал следователь.

— Я денег на церковь не собирала, членом церковного совета я не состояла и ничего про собрание денег не знаю. На какие

Послужница Ольга (Жиглова)

Москва. Тюрма НКВД. 1938 год

деньги произведен ремонт церкви, я не знаю, и не слышала, как священник говорил с амвона верующим, чтобы ему помогли деньгами заплатить налог.

— Вы в селе вели агитацию по вовлечению в группу верующих колхозников, собирали деньги для попа, вели агитацию против государственного займа и вели антисоветскую работу. Признаете себя виновной в этом?

— Виновной себя ни в чем не признаю. Агитацией я не занималась, колхозников в группу верующих не вовлекала, против государственного займа не агитировала, деньги для священника не собирала и про это ничего не знаю.

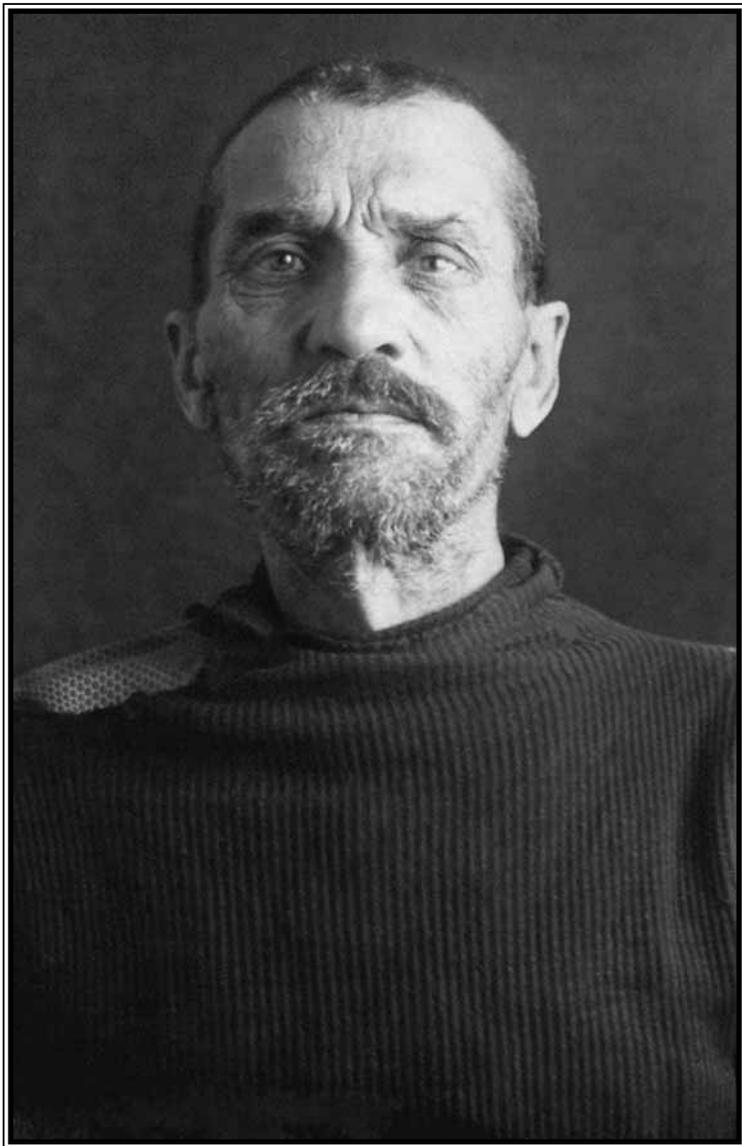
Мученик Василий родился 26 июля 1876 года в селе Горетово Луховицкого уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Максима Архипова. Вместе с отцом он занимался сельским хозяйством. С 1916 по 1917 год Василий Архипов служил солдатом в армии.

После смерти отца в 1921 году братья разделили имущество. Василий Максимович до 1932 года трудился в своем хозяйстве, а затем вступил в колхоз.

От природы он имел хороший голос и пел в церкви на клиросе. В 1937 году настоятель храма предложил ему официально занять должность псаломщика в Пятницкой церкви в родном селе. С поручительной запиской Василий Максимович ездил в Московскую Патриархию на прием к архиерею, чтобы получить благословение на занятие штатной должности псаломщика. Владыка выслушал его, благословил трудиться в храме, пообещав через благочинного выслать специальное распоряжение о его назначении. Однако начавшаяся волна гонений помешала это сделать.

В день ареста Василий Максимович был допрошен. Следователь, расспросив его о сборе денег на ремонт церкви, сказал:

— Вы, как псаломщик, вели агитацию среди населения за вовлечение колхозников в группу верующих, а также говорили колхозникам, что советская власть дана нам в наказание. Вели агита-

Псаломщик Василий Архипов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

цию против конституции, говоря: имеется конституция, а на деле гонение на Православную Церковь. Признаете вы себя виновным в том, что вели антисоветскую агитацию?

– Нет, агитацией я не занимался, колхозников по вовлечению в группу верующих не агитировал, против конституции борьбы не вел, и агитацию против советской власти я не вел, виновным себя в этом не признаю.

После допроса в тот же, то есть в день ареста обвиняемых, следователь закончил дело и составил обвинительное заключение. 27 февраля некто из начальников рассмотрел материалы дела и на обложке написал: «Доследовать. Надо следствием установить контрреволюционную деятельность каждого обвиняемого. По делу не видно, в чем заключается антисоветская деятельность Жильцовой. По вопросу о нелегальном собрании обвиняемые не допрошены. Не надо заострять вопросы только на сборе денег для ремонта церкви. Несомненно, у этой группы была организованная деятельность».

Однако найти других свидетелей не удалось. Дело было направлено на рассмотрение тройки НКВД, которая 8 марта 1938 года приговорила их к расстрелу.

Послушницы Казанского Явленского Рязанского женского монастыря Евдокия (Архипова) и Ольга (Жильцова) и псаломщик Василий Архипов были расстреляны 14 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребены в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-55103.
Православные монастыри России. Справочник. Новосибирск, 2000. С. 160.

Марта 7 (20)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ

Антонина (Новикова)

и Надежда (Круглова)

Преподобномученица Антонина родилась в 1880 году в селе Горки Зарайского уезда Рязанской губернии в семье владельца кирпичного завода Андрея Новикова.

16 лет она подвизалась послушницей в Троицком монастыре города Егорьевска. С 1918 года, когда обитель была закрыта, Антонина проживала на различных квартирах, продолжая ходить в монастырский храм на службы. В 1929 года храм был закрыт, и послушница Антонина переехала в село Алешино Егорьевского района, где прислуживала в храме в качестве сторожа церкви. Через два дня после переезда в Егорьевск – 19 мая 1931 года она была арестована и заключена в Егорьевскую тюрьму.

20 мая она была допрошена. «С 8 лет, – показала она о себе, – была у тетки в монастыре в городе Рязани, училась грамоте один год, тетка была в монастыре монахиней. Я часто ездила к ней в гости, была душой отдана вере».

Послушница Антонина была арестована вместе с 29 другими монахинями и послушницами, проживавшими в городе Егорьевске и округе. Среди них была послушница Надежда (Круглова), многие годы подвизавшаяся с послушницей Антониной в одном монастыре.

Преподобномученица Надежда родилась в 1887 году в деревне Денисово Егорьевского уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Георгия Круглова.

19 мая 1931 года она была арестована и заключена в Егорьевскую тюрьму.

21 мая ее допросили. «С 9 лет я пошла в школу, — рассказала Надежда о себе, — проучилась три года, после чего пошла помогать родителям по хозяйству... С 20 лет ушла в монастырь, родители этому не препятствовали, там я и жила все время». После закрытия в 1918 году монастыря послушница Надежда перешла жить на квартиру, продолжая прислуживать в монастырском храме до 1929 года, когда храм был закрыт.

26 мая 1931 года следователь составил обвинительное заключение, так изложив вину арестованных сестер: «Монашки, после закрытия в 1918 году Троицкого монастыря города Егорьевска, остались здесь на постоянное жительство, монашествовали и монастырские правила продолжали до последнего времени. Часть монашек купили собственные дома, которые и являлись местом постоянных сборищ и выполнения монастырских правил — молитв. В церковной сторожке при соборе из монашек до последнего времени существовал хор... В 1930 году общим собранием граждан деревень Савино и Поминово было постановлено старое кладбище закрыть, имеющееся помещение церкви использовать под клуб, открыть новое кладбище. Тогда монашки среди крестьян повели агитацию против закрытия кладбища, в результате общим же собранием постановление о закрытии кладбища было отменено. В последнее время среди крестьян поднялась религиозность, увеличилось количество верующих. Допрошенные монашки виновными себя в антисоветской агитации не признали. Признались лишь в том, что они по выходе из монастыря до настоящего времени продолжали монашествовать».

29 мая 1931 года тройка при ПП ОГПУ приговорила послушниц Антонину (Новикову) и Надежду (Круглову) к пяти годам ссылки в Казахстан.

Послушница Надежда отбывала наказание в городке Аулиата, в 1934 году была освобождена, вернулась в Егорьевск и устроилась работать на фабрику, а затем уборщицей в школе. Поскольку послушница Антонина вернулась из ссылки нетрудоспособной, послушница Надежда приютила ее у себя, взяв на свое иждивение. По возвращении из ссылки обе послушницы восстановили связь с другими монахинями и игуменьей монастыря, которая к этому времени вернулась из ссылки и поселилась в Егорьевске.

2 марта 1938 года послушницы Антонина и Надежда были арестованы и заключены в Егорьевскую тюрьму, а затем переведены в Таганскую тюрьму в Москве.

Следователь добивался от них лжесвидетельств, требовал оговаривать друг друга, священника, недавно вернувшегося из ссылки и поселившегося по соседству, и других людей. На все требования следователя они отвечали категорическим отказом.

11 марта 1938 года тройка НКВД приговорила послушниц Антонину и Надежду к расстрелу.

Послушницы Троицкого Егорьевского монастыря Антонина (Новикова) и Надежда (Круглова) были расстреляны 20 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребены в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-75118, д. П-78607.

Марта 8 (21)

МУЧЕНИК

Владимир (Ушков)

*М*ученик Владимир родился в 1885 году в селе Конобеево Бронницкого уезда Московской губернии в семье крестьянина Егора Ушкова. В свое время Владимир окончил сельскую школу и, придя в возраст, женился; у них с женой родилось четверо детей. Имея большую семью, Владимир Егорович, кроме сельского хозяйства, занимался извозом. Призванный в 1914 году на Первую мировую войну, он был тяжело ранен, потерял руку и был демобилизован. После революции Владимир Егорович в поисках средств к существованию завел мастерскую по выделке пуговиц. В двадцатых годах он был избран старостой в Троицкой церкви в родном селе Конобеево.

В 1930 году все его имущество было описано и отобрано властями. Вслед за этим ему предложили уплатить налоги, но поскольку налоги ему стало нечем платить, то 2 февраля 1930 года он был арестован и осужден на пять лет заключения в исправительно-трудовом лагере и на пять лет ссылки. Владимир Егорович обжаловал приговор, и в апреле 1930 года было принято решение о его освобождении на том основании, что если он и занимался торговлей, то «не систематически, а лишь потому, чтобы иметь средства к существованию, так как обременен многочисленным семейством, сам же Ушков инвалид империалистичес-

кой войны, работать на постоянной работе не может». 25 апреля 1930 года Владимир Егорович был освобожден из Коломенской тюрьмы, вернулся в село и приступил к исполнению обязанностей церковного старосты, а со второй половины тридцатых годов он стал служить при храме псаломщиком.

Владимир Егорович был арестован во время массовых гонений на Русскую Православную Церковь — 19 января 1938 года, и после непродолжительных допросов, произведенных в районной тюрьме, его заключили в Таганскую тюрьму в Москве. В качестве лжесвидетеля следователь допросил председателя местного колхоза, который показал, что Ушков хотя и состоит в колхозе, но на работу не ходит, говорит, что работать в колхозе грех, ведет религиозную агитацию, говорит, что в церковные праздники на колхозных полях работать нельзя, это великий грех. Председатель колхоза также указал, как на свидетельство преступности Владимира Егоровича, на то, что он служит в церкви.

23 января следователь допросил Владимира Егоровича.

— С какого времени вы являетесь псаломщиком конобеевской церкви? — спросил он.

— Около года. До этого я был членом церковного совета.

— Как часто вы посещали священника конобеевской церкви?

Владимир Егорович ответил, что встречался со священником большей частью в церкви, но бывал и дома: когда священник уезжал из села, он оставался у него в доме ночевать. На вопрос, не встречал ли он у него в доме кого из посторонних, псаломщик ответил, что никого не встречал.

— На протяжении 1937 года вы занимались в селе Конобеево контрреволюционной деятельностью. Вы это признаете?

— Нет, не признаю.

Следователь стал цитировать показания лжесвидетелей и спрашивать, признает ли обвиняемый их справедливость, но Владимир Егорович все их отверг, сказав, что они ложны.

9 июля 1938 года следствие было закончено, и 19 сентября Особое Совещание при НКВД приговорило Владимира Егоровича к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Псаломщик Владимир Ушков скончался в заключении в Онеглаге 21 марта 1942 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-48321.

Марта 9 (22)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Александра (Самойлова)

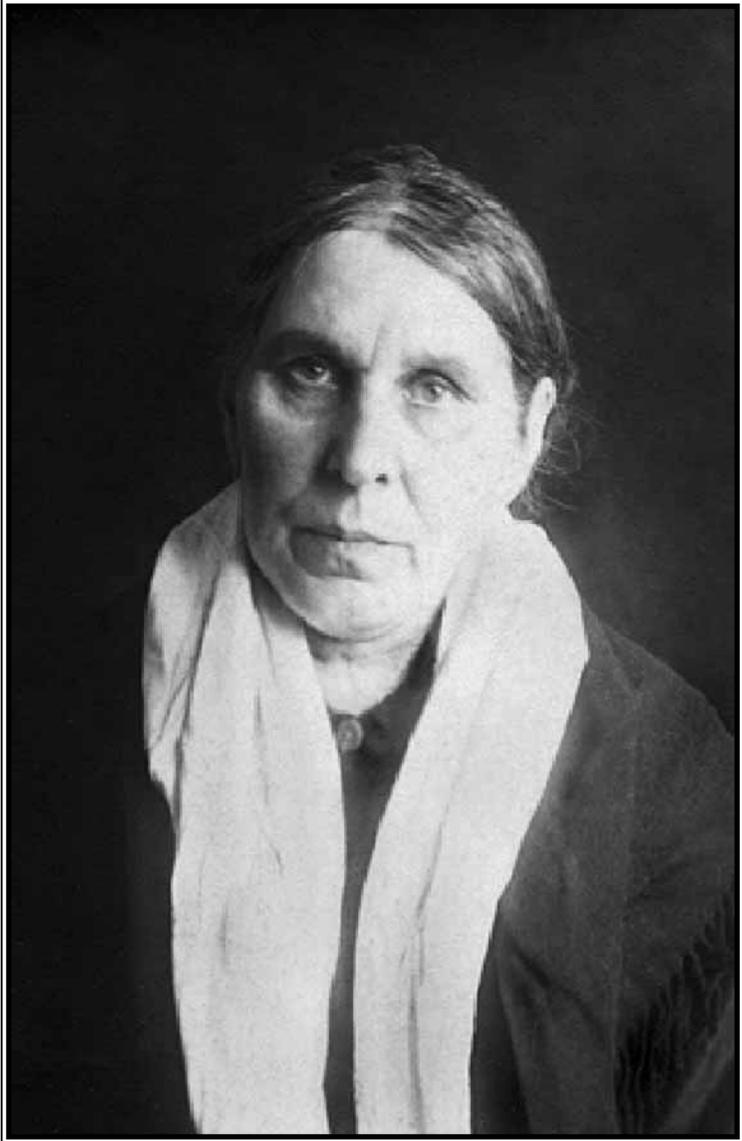
*П*реподобномученица Александра родилась 23 апреля 1882 года в деревне Гриднево Гжатского уезда Смоленской губернии в семье крестьянина Никиты Самойлова, брат и сестра которого были монашествующими, их примеру последовала и Александра.

В 15-летнем возрасте она ушла подвизаться в Спасо-Бородинский женский монастырь, основанный известной подвижницей XIX века игуменией Марией (Тучковой), муж которой погиб на Бородинском поле в сражении с французами за Москву в 1812 году. Обитель стала памятником воинам, павшим за освобождение Родины. Уставом монастыря предписывалось неукоснительное поминовение всех за веру и Отечество на месте сем убиенных.

Спасо-Бородинский монастырь после революции стал существовать в виде трудовой сельскохозяйственной коммуны. В обители инокиня Александра подвизалась 33 года, пока монастырь не был окончательно разогнан в 1931 году.

Инокиня Александра поселилась на родине в селе Гриднево с матерью и стала петь на клиросе в Рождественской церкви.

В 1937 году началась новая волна беспощадных гонений на Русскую Православную Церковь. Для ареста и расправы над духовенством, монашествующими и мирянами безбожники использовали любой повод. 12 декабря 1937 года проходили выборы

Унокина Александра (Св.иой.лова)

Москва. Тюрма НКВД. 1938 год

в Верховный Совет СССР – высший орган власти в стране. Инокиня Александра на выборы идти не собиралась, поэтому, когда накануне и в сам день выборов к ней в дом пришли члены избирательной комиссии уговаривать ее идти голосовать, она ответила отказом. Избирательной комиссией был составлен рапорт для НКВД.

Инокиня Александра была арестована 27 января 1938 года и заключена в Можайскую тюрьму. 11 марта состоялся допрос.

– В ноябре вы занимались чтением религиозной литературы среди женщин? – спросил следователь.

– Религиозную литературу я читаю только для себя, приходящим ко мне гражданам я религиозную литературу не читала.

– 12 декабря 1937 года в день выборов в Верховный Совет по какой причине вы не явились на голосование?

– В день выборов в Верховный Совет я не пришла на голосование по своим религиозным убеждениям.

– Следствием установлено, что вы высказывали контрреволюционные убеждения, направленные к срыву выборов в Верховный Совет.

– Никаких контрреволюционных убеждений я не высказывала... виновной себя не признаю.

В этот же день следствие было закончено. 15 марта 1938 года тройка НКВД приговорила ее к расстрелу.

Инокиня Спасо-Бородинского монастыря Александра (Самойлова) была расстреляна 22 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 22855.

Марта 18 (31)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Димитрий (Розанов)

Священномученик Димитрий родился 10 октября 1889 года в селе Бардино Коломенского уезда Московской губернии в семье псаломщика Павла Розанова. По окончании в 1907 году Коломенского Духовного училища он был назначен псаломщиком в храм Михаила Архангела в село Починки Коломенского уезда* и женился на Елизавете Павловне Кедровой. После большевистского переворота и начала гражданской войны он был в 1918 году мобилизован в тыловое ополчение Красной армии, в котором прослужил до 1921 года. 21 ноября 1921 года Дмитрий Павлович был рукоположен во диакона к Михаило-Архангельской церкви в селе Починки, а 8 мая 1922 года — во священника, к той же церкви.

В то время одной из форм борьбы безбожных властей с Церковью было требование уплаты произвольно назначаемых сумм в виде различных налогов. В 1931 году за неуплату одного из налогов отец Димитрий был приговорен к четырем месяцам принудительных работ. Мера наказания не была связана с лишением свободы, и священник во все церковные праздники приезжал в село и совершал богослужение.

В 1933 году отец Димитрий был награжден наперсным крестом. В 1937 году власти, в связи с распоряжением советского правительства о физическом уничтожении Церкви, приняли решение арестовать священника, а храм закрыть. В октябре 1937 года

---

* Ныне Ступинский район Московской области.

были собраны показания лжесвидетелей о том, что священник якобы занимался предвыборной агитацией, направленной против кандидатов, которые выдвигались местными коммунистами, и предлагал в кандидаты верующих людей, из-за чего население проголосовало против коммунистических кандидатов. Председатель местного сельсовета подал в НКВД справку, в которой писал, что, благодаря агитации священника, коммунистических избранных только со второго раза удалось провести в кандидаты. «Дальнейшее пребывание Розанова в селе Починки невозможно», – заключил председатель.

Группа граждан села Починки, которые являлись одновременно и лжесвидетелями, направила в НКВД заявление, прося привлечь священника и активных членов двадцатки к уголовной ответственности за срыв выборов, так как были предложены не те кандидаты, которые предлагались представителями советской власти.

12 ноября 1937 года отец Димитрий был арестован, заключен в Каширскую тюрьму и через день допрошен. На допросах следователь повторил все лжесвидетельства, но на каждый вопрос, с описанием несовершеннолетних преступлений и произнесенных слов, отец Димитрий отвечал однозначно: «Этого я не говорил и виновным себя не признаю».

16 ноября следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, в котором были оставлены нелепые обвинения священника. 19 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Димитрия к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. В марте 1938 года родные получили от него письмо со станции Известковая Уссурийской железной дороги, и на этом всякая их связь со священником прекратилась. Священник Димитрий Розанов скончался в Бамлаге 31 марта 1938 года и был погребен в неизвестной лагерной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-28180.

Марта 20 (2 апреля)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Василий (Соколов)

Священномученик Василий родился в 1879 году в селе Сабурово Сергиевской волости Дмитровского уезда Московской губернии в семье диакона Николая Соколова. В 1896 году Василий Николаевич окончил духовное училище и стал служить псаломщиком в Успенском соборе города Дмитрова. В 1920 году он был рукоположен во диакона к Успенскому собору. В 1926 году диакон Василий был награжден двойным орарем, в 1927-ом — возведен в сан протодиакона. С 1932 года он стал служить в Казанском храме в селе Подлипичье Дмитровского района.

24 ноября 1937 года следователи допросили свидетелей, которые показали, что протодиакон Василий говорил: «Неужели конституция не для Церкви? Несмотря ни на что большевики закрывают храмы, устраивают гонения на верующих. И когда только нас Господь избавит от этих большевиков?! Ведь уже живем тише воды, ниже травы, а все-таки нам не дают жить спокойно. Скорей бы пришел конец советской власти». Также он будто бы говорил: «Я на выборное собрание пойду, только если прикажет гражданская власть, а так ни за что не пойду, да и ходить нам туда незачем, все равно нас не выберут».

27 ноября протодиакон Василий был арестован, заключен в Таганскую тюрьму и допрошен.

— Следствием установлено, что вы среди населения ведете антисоветскую деятельность, используя религиозные предрассудки. Дайте показания по этому вопросу, — потребовал следователь.

— Антисоветской деятельности среди населения я не вел, и я это отрицаю, — сказал протоиерей.

— Признаете ли вы себя виновным в том, что среди населения ведете антисоветскую деятельность?

— Виновным себя не признаю.

В тот же день следствие было окончено, и 2 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила протоиерея к десяти годам заключения. Протоиерей Василий Соколов скончался в заключении 2 апреля 1938 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-18309.
АМП. Послужной список.

Марта 28 (10 апреля)

МУЧЕНИК

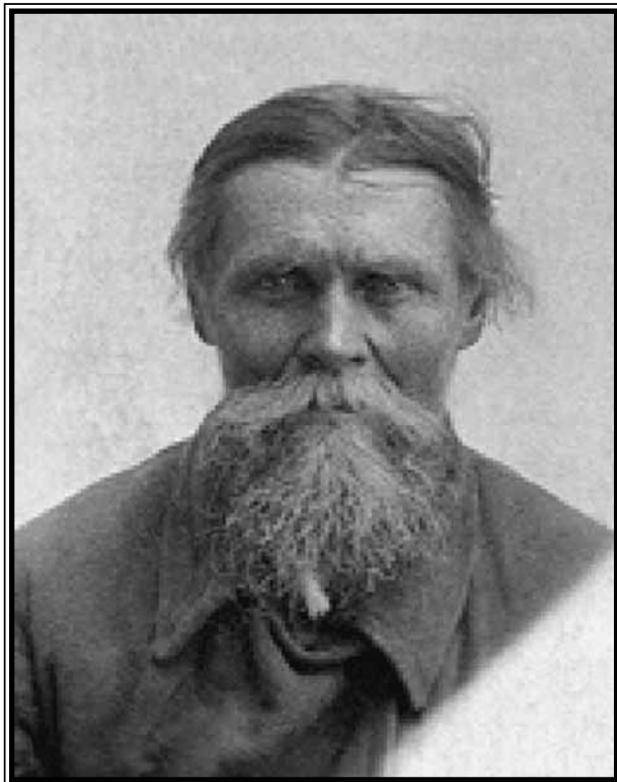
Иоанн (Чернов)

*М*ученик Иоанн родился в 1880 году в селе Алексеевка Верейского уезда Московской губернии в семье крестьянина Алексея Чернова.

Начавшиеся после прихода к власти безбожников гонения на Русскую Православную Церковь не только не изменили отношения Ивана Алексеевича к гонимой Матери Церкви, но еще более укрепили его в ревности исповедания православной веры; при Петровской церкви он исполнял должность псаломщика. Власти, не добившись того, чтобы он прекратил посещать храм Божий, уволили его с Наро-Фоминской фабрики, где он одно время работал. Дочь Ивана Алексеевича избрала монашеское житие, за что стала подвергаться гонениям и арестам.

В 1937 году должны были пройти выборы в Верховный Совет СССР – высший законодательный орган власти в стране. Иван Алексеевич, не имея возможности встретиться с кандидатом от Наро-Фоминского округа, в состав которого входила деревня Алексеевка, опустил в урну для голосования вместе с бюллетенем письмо.

«Добрый день тебе, многоуважаемый наш помощник и посредник народа Михаил Петрович... – написал он. – Мы граждане Советской Республики считаем себя свободными гражданами.

Пса.го.музик Уоани Аеруб

По сталинской конституции, можем свободно свои нужды выявлять. Мы от лица верующих в Бога и Святую Церковь просим подействовать за нас, старичков и старушек, дайте нам молиться Богу за весь мир и за вас, чтобы нам под вашим руководством проводить тихую, мирную жизнь и ходить в церковь молиться Богу, где мы ощущаем отраду души. Мы радуемся за конституцию, которая в статье 124-й говорит о свободе отправления религиозных обрядов. Вот что нам дороже всего на свете. Молодым нужно повеселиться, песни попеть. А нам, старичкам и старушкам, в Божий храм сходить, приобщиться, отпеть усопшего. Вот нам это дороже всего земного богатства, это все на земле временно, а за гробом вечно.

Дорогие наши собратья и друзья, почтите нашу старость. Нам нужно псалмопение, молитва, пост, кротость, повиновение властям. Всякая власть от Бога. Глас народа — глас Божий. Дорогой друг! Народа будь защитником, партийным и беспартийным, верующим в Бога и неверующим. Будь ко всем равным».

Письмо не было подписано, и арестовали Ивана Алексеевича не сразу. Зимой 1938 года верующие выбрали его ходатайствовать за открытие храма в селе Котово. Было составлено прошение властям: «Мы, нижеподписавшиеся жители деревни Алексеевка, желаем быть прихожанами Введения Пресвятой Богородицы церкви села Котово, и желаем иметь священника, который будет выполнять наши требы, и желаем продолжить Божественную службу, и просим передать ключи от церкви группе верующих».

Эта просьба была оставлена властями без внимания. При встречах с односельчанами Иван Алексеевич не стеснялся говорить о вере, напоминал людям о Боге и Его Церкви, о вечности и Божиим Суде. Безбожные власти решили арестовать Ивана Алексеевича и начали вызывать на допросы односельчан.

Один из них показал: «10—11 декабря 1937 года перед днем голосования в Верховный Совет СССР Чернов ходил по домам деревни Алексеевки, среди колхозников говорил, чтобы не ходили

на выборы, говоря: нам колхозникам не нужно ходить голосовать и выбирать советскую власть, нам нужно в первую очередь избирать церковный совет и открыть церковь, а советская власть нам не нужна. Будем молиться Богу, будем лучше жить, как жили раньше. В феврале и в марте 1938 года Чернов ходил по деревне и собирал подписи на открытие церкви при селе Котово, в связи с чем среди колхозников проводил религиозную пропаганду, говоря о необходимости верить в Бога и улучшение жизни через милость Божию, когда откроем церковь и будем ходить и молиться. В конце мая 1938 года Чернов среди колхозников распространял контрреволюционную провокацию, говоря: вот видите, колхозники, сегодня год неурожая, в поле все пропало, нам нужно было помолиться Богу, а то вот ничего не родится, мы и будем работать даром, с голоду умрем. Вот мы до чего дожили при советской власти, ни у кого ничего не стало, раньше мы были сами по себе хозяева, а теперь, что ни задумай сделать, все у кого спросись да доложись».

Подобные показания дали и прочие свидетели, среди которых был псаломщик Иван Протасов, являвшийся штатным свидетелем и подписывавший любые показания, которые требовал следователь.

28 июня 1938 года Иван Алексеевич был арестован. Он содержался сначала в тюрьме в Наро-Фоминске, а затем был переведен в Бутырскую тюрьму в Москве.

— Скажите, вы писали в день выборов в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 года письмо на имя депутата Верховного Совета товарища Петрова? Если писали, то куда вы его дели? — спросил следователь.

— Да, в день выборов в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 года я писал письмо на имя товарища Петрова. Содержание письма религиозного характера, без моей подписи. Это письмо я опустил при голосовании в урну в конверте вместе с бюллетенем...

- Кем вы служили в Петровской церкви?
— Я в Петровской церкви официально не служил, а временами исполнял должность псаломщика.

Следователь провел три очные ставки со свидетелями, в том числе и с псаломщиком Протасовым, но Иван Алексеевич твердо отвечал: «Анτισоветской агитацией я среди колхозников не занимался и не занимаюсь».

19 сентября 1938 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило Ивана Алексеевича к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Наказание он был отправлен отбывать на Беломорско-Балтийский канал, куда прибыл с этапом 8 ноября 1938 года. Иван Алексеевич Чернов умер в одном из Беломорско-Балтийских лагерей 10 апреля 1939 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-48297.
Сообщение ИЦ УФСБ по Республике Карелия.

Апреля 24 (7 мая)

МУЧЕНИК

Сергий (Архангельский)

*М*ученик Сергей родился 4 сентября 1898 года в селении Погост Десятая Пятница Богородского уезда Московской губернии в семье священника Василия Архангельского. В 1910 году Сергей окончил сельскую школу, а в 1915 году — Перервинское Духовное училище. В 1916 году он поступил в Московскую Духовную семинарию, но окончить ее уже не успел, так как произошла безбожная революция и все духовные учебные заведения были большевиками закрыты. В 1919 году Сергей Васильевич был призван в Красную армию и исполнял обязанности экспедитора. С 1922 года и до дня ареста он служил псаломщиком в храме Рождества Богородицы в селе Саурово-Уползы Павлово-Посадского района.

Сергей Васильевич был арестован 27 ноября 1937 года и заключен в тюрьму в городе Ногинске.

— Вы лишались права голоса? — спросил его следователь.

— Да, лишался. С 1922 года по день опубликования конституции.

— Кто еще лишался избирательных прав из ваших родственников?

— Отец, Василий Дмитриевич Архангельский, как священник. Двоюродная сестра Мария Аркадьевна Зачатейская, живущая в селе Купелицы Верейского района Московской области, как жена священника.

— Дайте показания, кто из ваших родственников был репрессирован органами НКВД.

— Муж двоюродной сестры Илья Александрович Зачагейский.

— Следствие располагает материалом о том, что вы систематически ведете антисоветскую агитацию, направленную против проводимых партий и правительством мероприятий. Следствие требует от вас правдивых показаний. В чем выразалась ваша антисоветская деятельность?

— Никакой антисоветской агитацией я не занимался и по этому вопросу показать ничего не могу.

— Следствию известно, что вы вели агитацию за крах советской власти, говорили, что скоро придут Деникин, Колчак, сметут советскую власть и мы тогда повесим всех коммунистов. Признаете себя виновным в этом?

— В агитации за крах советской власти и повешение коммунистов виновным себя не признаю. Этого я ни с кем никогда не говорил.

— Следствию известно, что вы говорили, что советская власть задушила налогами, — вы не имеете ни скота, ни земли, а налоги давай плати. Признаете себя в этом виновным?

— Между мной, Никольским, Соколовым и Померанцевым действительно был разговор о том, что я не имею скота, дома и ничего, а меня почему-то обязали мясопоставкой. Также среди нас был разговор, что сейчас арестовывают священнослужителей. Другого мы ничего не говорили.

— Вы продолжаете отрицать, не хотите давать показания, хотите скрыть от следствия свою контрреволюционную деятельность. Еще раз требуем от вас откровенных показаний.

— Никакой контрреволюционной деятельностью я не занимался и остаюсь при ранее данных мной показаниях.

— Что вы говорили относительно ареста священнослужителей?

— Относительно ареста священнослужителей у нас был разговор со священником Соколовым и дьяконом Никольским о том, что к нам приходят часто из других приходов люди, чтобы окрестить ребенка, которые говорят, что у них арестовали священника, но за что арестовали и своих мнений по этому вопросу никто не высказывал.

На этом допросы были закончены, а 29 ноября и все следствие было завершено. 3 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила псаломщика к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Псаломщик Сергей Архангельский умер в заключении 7 мая 1938 года и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 16890.

ГИЦ МВД России. Справка за № 34/12/3–2089 от 21.10.02.

Пэнэжко Олег, священник. Павловский Посад и храмы Павлово-Посадского района.
Ликино-Дулево. Б.г.

Мая 9 (22)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Василий (Колосов)

Священномученик Василий родился в 1891 году в селе Спас-Дошатый Зарайского уезда Рязанской губернии в семье священника Алексия Колосова. По окончании Рязанской Духовной семинарии до 1927 года он служил псаломщиком в Введенском храме в селе Подлесная Слобода Луховицкого района Московской области. В этом же году Василий Алексеевич был рукоположен во священника к Введенскому храму. Первое время своего служения он часто говорил в храме проповеди, но вскоре до него стали доходить сведения, что некоторые его проповеди истолковываются как антисоветские, и он перестал проповедовать.

В Подлесной Слободе было всего триста домов, но поскольку в селе размещался сельсовет, то было много коммунистических активистов и активных безбожников, готовых перетолковать всякое слово священника; для них он в силу самого церковного служения был врагом и социальным противником.

В декабре 1929 года ОГПУ арестовало нескольких крестьян из Подлесной Слободы, предъявив им обвинение в агитации против создания колхозов. Начав ограбление крестьянских хозяйств, местные власти потребовали уплаты налога и со священника, оценив его годовой доход в 800 рублей, и отец Василий, хотя и с большим трудом, выплатил 300 рублей, которые от него требовали. Как только это произошло, они пересчитали сумму дохода и стали утверждать, что священник получает за год 1800 рублей, и по-

требовали уплаты налога в сумме дополнительных 300 рублей. Поскольку у священника такой суммы не было, 27 января 1930 года сельсовет реквизировал часть его имущества, но и этого не хватило на покрытие долга.

30 января 1930 года председатель сельсовета Подлесной Слободы дал показания против арестованных крестьян и еще не арестованного священника. Он заявил, что священник систематически проводит антисоветскую агитацию, заключающуюся в утверждениях, что советская власть, отбирая землю у единоличников, вскоре их всех оставит без земли, а коллективам это ничего кроме закабаления и разорения не даст. В коллективах будет барщина и крепостное право, но скоро придет конец этому издевательствам.

В тот же день отец Василий был арестован и допрошен. Священник показал: «Чистосердечно сознаюсь, что в беседе с гражданами выказывал свое недовольство тяжестью налогов на духовенство и церковь. Что же касается совхоза и колхоза, то я об этом ничего не говорил».

После допроса отца Василия перевезли в Коломенскую тюрьму и его дело присоединили к делу ранее арестованных крестьян. В тот же день священнику и крестьянам объявили, что следствие закончено, но если они желают, то могут дать дополнительные показания. Отец Василий заявил на это следователю, что признает только то, что действительно говорил о тяжести налогов, в остальном себя виновным не признает.

3 марта 1930 года Коллегия ОГПУ приговорила отца Василия к пяти годам заключения в концлагерь. К различным срокам заключения и ссылки были приговорены и девять крестьян. В дополнение ОГПУ приговорило и все семьи осужденных к высылке в Северный край с конфискацией имущества. Но с этим уже категорически были не согласны осужденные крестьяне и священник, и 29 апреля они направили из тюрьмы заявление в прокуратуру, в котором писали: «Отдельные члены наших семейств по

определению Коллегии ОГПУ сосланы на разные сроки в Северный край. К ним применялась статья 58-10, которая обязывает полагать, что им ставится в вину агитация против совхозного и колхозного строительства. Нам совершенно неизвестны причины затронутого вопроса, но мы знаем, что вся вина построена на одном из протоколов общего собрания, где говорилось о политической неблагонадежности наших родственников, которые тут же огульно были признаны кулаками. Мы твердо заявляем, что наши родственники явились простыми козлами отпущения, так как бывшая с ними история случилась в разгар раскулачивания и по зависти отдельных граждан к нашим не кулацким имуществам. Вышеназванная “политическая неблагонадежность” была принята на собрании без положительного голосования, и указанная цифра бывшего протокола – присутствовало 185 – не отвечала действительности. Протокол на собрании не зачитывался, и его читки никто не требовал, ибо была полоса некоторого зажима. Когда гражданам нашего селения стало известно о результатах: высылке наших родственников, то на всех очередных собраниях говорили об ошибке и пересмотре – в смысле исправления бывшей характеристики. В результате появились два собрания, говорящих обратное и в пользу наших родных... Мнение общества в пользу наших высланных родственников основано не на жалости, а оно явилось как результат осознания грубой ошибки, совершенной во время стихийного раскулачивания виновного и правого... на основании вышеизложенного просим возвратить наших родственников... В наших семействах есть красноармейцы, сражавшиеся с действительными врагами советской власти, и рабочие, инвалиды и много детворы...»

13 августа 1930 года решение ОГПУ о высылке семей крестьян и священника было отменено, они остались на месте, а сами приговоренные были отправлены в различные концлагеря.

В 1934 году отец Василий вернулся из заключения домой и был направлен служить в Преображенский храм в село Струпа

Зарайского района, где он прослужил до начала нового периода гонений на Церковь и своего ареста. Отец Василий был арестован 27 сентября 1937 года и заключен в одну из тюрем Коломенского района. На следующий день следователь допросил священника.

— Следствию известно, что вы занимались активной контрреволюционной деятельностью. Признаете ли вы это? — спросил он.

— Нет, я это отрицаю, так как никакой контрреволюционной деятельностью не занимался.

— Следствию известно, что вы высказывали террористические настроения против коммунистов. Признаете ли вы это?

— Нет, я это отрицаю, я этого не говорил и виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю.

После допроса священника были вызваны лжесвидетели, которые подписали соответствующие показания, и 3 октября следствие было закончено. 13 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Василия к десяти годам заключения, и он был направлен в лагеря Бамлага. В 1939 году он оказался в одном из лагерей Свердловской области, последнем месте своего земного пребывания. Священник Василий Колосов скончался в заключении 22 мая 1939 года и был погребен в безвестной лагерьной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-54535, д. 15774.

Мая 18 (31)

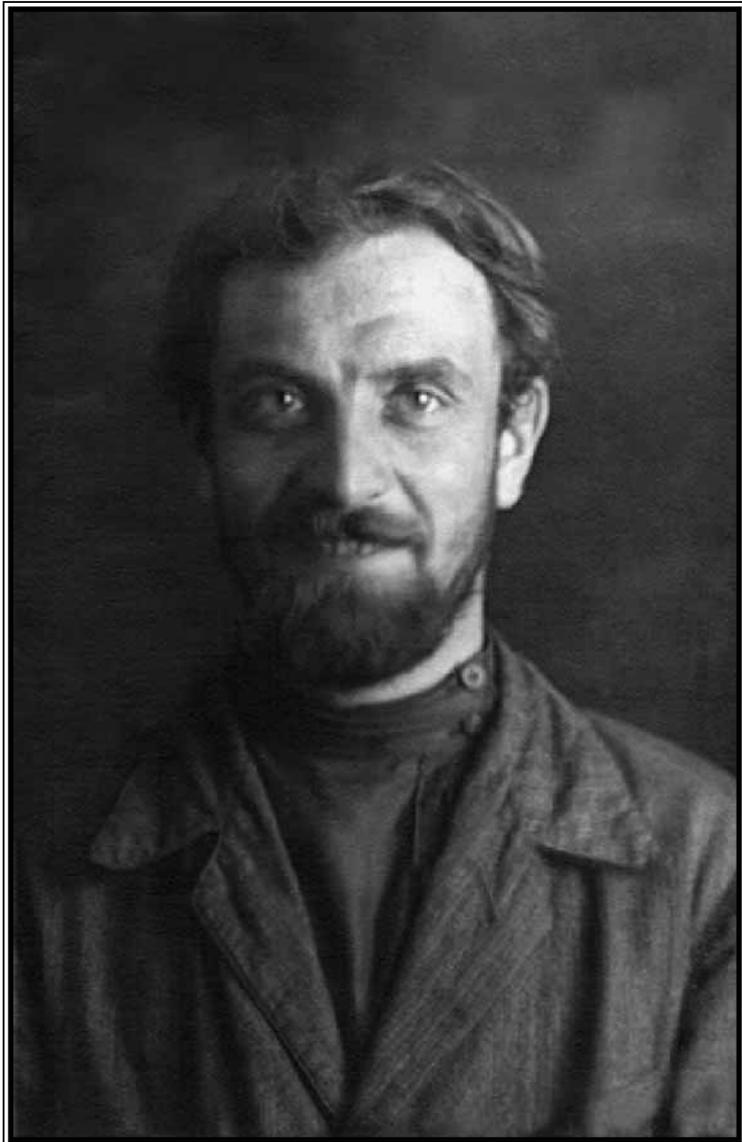
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Василий (Крылов)

Священномученик Василий родился в 1906 году в селе Подлипичье Дмитровского уезда Московской губернии в семье псаломщика Сергея Крылова. Василий окончил сельскую школу, и родители в 1917 году отдали его в Дмитровское Духовное училище. Здесь ему удалось проучиться всего лишь один год, так как в 1918 году училище было закрыто пришедшими к власти безбожниками. Поскольку Василий был сыном псаломщика, то ни в какие другие учебные заведения его не приняли; в это время стал болеть его отец, и Василий стал служить в храме, помогая отцу. В 1923 году отец скончался, и викарий Московской епархии епископ Бронницкий Иоанн (Васильевский) направил Василия Сергеевича псаломщиком в храм Казанской иконы Божией Матери в селе Марково Бронницкого уезда.

22 октября 1926 года епископ Орехово-Зуевский Никита (Делекторский) рукоположил Василия Сергеевича во диакона к Спасской церкви в селе Ведерницы Дмитровского района. Вскоре он был определен диаконом к Богоявленской церкви, что в Елохове в Москве. В 1929 году диакон Василий был переведен в Вознесенскую церковь в селе Раменье Дмитровского района.

19 февраля 1931 года архиепископ Звенигородский, управляющий Московской епархией Филипп (Гумилевский) рукоположил его во священника ко храму Рождества Христова в селе Рож-

Священник Василий Крылов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

дество на Истре Солнечногорского района. Почти сразу же после рукоположения отец Василий, как лишенный избирательных прав по причине его служения в церкви и как человек, по возрасту годный для тяжелых работ, 4 июня 1931 года был взят на трудовой фронт в тыловое ополчение, откуда вернулся 29 июня 1934 года и был направлен служить в Троицкий храм в селе Рязанцы Щелковского района Московской области. Отец Василий приступил к священническому служению со всей ревностью молодого пастыря, для которого, благодаря глубокой вере, ничего не казалось невозможным в приведении молодежи, воспитанной государством в безбожии, к вере.

После принятия НКВД секретного приказа о массовых арестах отец Василий 16 августа 1937 года был арестован одним из первых в Щелковском районе и сразу же допрошен.

— В предъявленном обвинении виновным себя признаете? — спросил следователь.

— В предъявленном обвинении виновным себя не признаю. Никогда нигде контрреволюционной деятельностью не занимался.

— Я зачитаю вам ряд выдержек из показаний свидетелей о вашей контрреволюционной деятельности.

И следователь, зачитав показания лжесвидетелей, снова спросил:

— Признаете ли себя виновным и подтверждаете ли показания свидетелей?

— Зачитанные мне выдержки из показаний свидетелей я не подтверждаю, категорически отрицаю и виновным себя не признаю, так как никогда нигде антисоветских провокационных разговоров и настроений я не высказывал, — ответил отец Василий.

23 сентября следователь перед окончанием следствия снова допросил священника.

— Что вы можете показать дополнительно по своему делу? — спросил он.

— Дополнить ничего не могу, все показания обо мне свидетелей считаю ложью.

— Какие у вас будут ходатайства по делу?

— Никаких ходатайств по делу у меня не имеется.

На этом следствие было закончено, и отец Василий был отправлен в одну из московских тюрем, где уже другой следователь 8 октября 1937 года допросил его, интересуясь более фактами его биографии как священника, давно ли он служит и насколько ему чужда, как представителю враждебного социального слоя, советская власть. Выяснив это, следователь спросил:

— Какую вы вели агитацию против существующего строя?

— Никакой.

— В предъявленном вам обвинении признаете себя виновным?

— Виновным себя не признаю.

13 октября 1937 года тройка НКВД приговорила священника к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Священник Василий Крылов скончался 31 мая 1942 года в Севжелдорлаге, располагавшемся тогда в Коми области.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 16071.

Мая 30 (12 июня)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

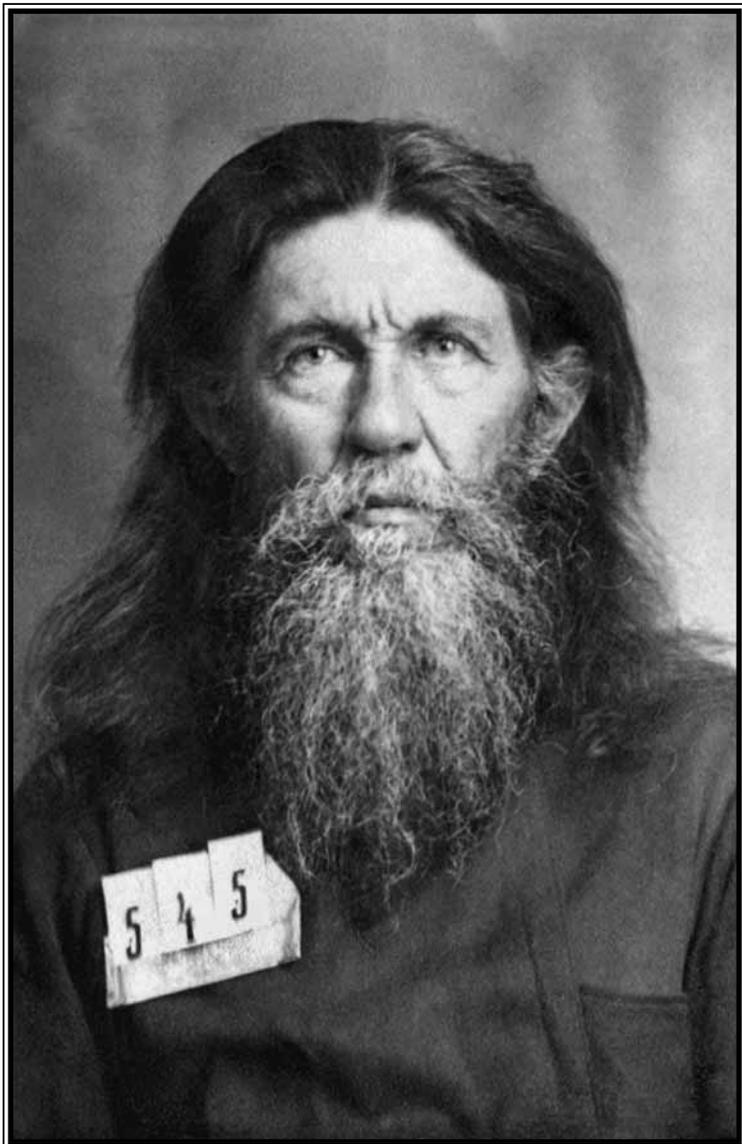
Василий (Смоленский)

Священномученик Василий родился в 1869 году в селе Савельево Серпуховского уезда Московской губернии в семье псаломщика Петра Смоленского.

В 1891 году Василий Петрович Смоленский окончил Московскую Духовную семинарию и был рукоположен во священника к Казанскому храму села Ламишино Звенигородского уезда. Первая деревянная церковь была основана здесь в 1670 году, а каменный храм начали строить при отце Василии в 1902 году. 11 сентября 1905 года новый храм был освящен епископом Можайским Серафимом. В 1908 году церковь была расписана.

В 1929 году власти решили храм закрыть. Для этой цели в сентябре в ОГПУ были вызваны на допрос два молодых комсомольца.

Семнадцатилетняя комсомолка, секретарь местной ячейки ВЛКСМ, сообщила следователю, что она разговаривала с отцом Василием на улице по вопросу устраиваемого в Великую Субботу антипасхального спектакля и ответила на его вопрос угрозой: «Еще посмотрим, кому будет плохо и хорошо». Свою неприязнь к священнику она высказала следователю на допросе, охарактеризовав деятельность отца Василия такими словами: «Наш район слишком верующий. Смоленский у крестьян на хорошем счету. В отношении религии Смоленский производит большое влияние на окружающее население, что отмечается в период антирелиги-

Протоиерей Василий Смоленский

Москва. Бутырская тюрьма. 1929 год

озных кампаний, когда крестьяне активно противоречат мероприятиям комсомола».

Комсомолка вместе с родителями проживала по соседству с отцом Василием. Спустя годы она вспоминала о событиях тех лет: «Отец Василий был очень простым, сердечным, порядочным. Семья у него была дружная, трудолюбивая. Отец Василий был уважаемым всеми на хуторе человеком... После революции просил меня, в то время бывшую секретарем комсомольской ячейки, не ставить во время Страстной седмицы спектаклей для молодежи, проводившихся в противовес богослужениям в храме. Под страхом выселения семьи меня заставили подписать показания против отца Василия об угрозах в адрес комсомольцев... Всю оставшуюся жизнь меня мучила совесть за эти показания на глабоко уважаемого мною человека».

По доносу этой комсомолки и еще одного комсомольского активиста из соседней деревни ОГПУ арестовало отца Василия 19 октября 1929 года и заключило в Бутырскую тюрьму.

В анкете арестованного, которую следователь разрешил отцу Василию заполнить самостоятельно, о своем прошлом он написал: «По наговору (ложному доносу) был взят в Звенигородский арестантский дом 7 сентября 1918 года и после разбора дела следователем был выпущен на волю, пробыв в заточении семь дней».

Продержав отца Василия в Бутырской тюрьме две недели, 2 ноября 1929 года его вызвали на допрос.

— Антисоветской деятельностью я нигде, никогда не вел. В частных разговорах я воздерживаюсь от политических тем. Читаемые мною проповеди носят чисто религиозный характер, и ничего в них антисоветского нет, — сказал отец Василий следователю.

— Угрожали ли вы комсомольцам расправой за то, что они ведут работу по безбожию?

— Никому никогда я не угрожал.

— Говорили вы комсомольцу Воронцову, что если он не прекратит вовлекать детей в пионеры, то ему будет плохо?

— Ничего подобного я ему не говорил. Считаю, что возведенное на меня обвинение является ложью.

18 ноября 1929 года тройка ОГПУ приговорила священника Василия Смоленского к высылке в Северный край на три года.

Ссылку отца Василия отправили отбывать в город Онегу. 14 августа 1933 года он вернулся в родное село, однако вскоре священнику пришлось покинуть Ламишино и уехать в село Холмец Шаховского района Московской области. Так пришлось сделать в связи с запретом проживать в стокилометровой зоне от Москвы.

24 октября 1933 года отец Василий был назначен на служение в Никольскую церковь села Холмец, где он прослужил до мая 1941 года. В 1934 году протоиерей Василий Смоленский был награжден митрой.

В мае 1941 года отца Василия в административном порядке из Московской области выселили. Он уехал на жительство в село Ново-Никольское Ярославской области, но и там местные власти отказали ему, как священнослужителю, в регистрации.

Отец Василий уехал в село Кончеево Кармановского района Смоленской области, где проживал с 20 сентября по 15 октября 1941 года. В связи с наступлением немецких войск и приближением фронта, протоиерей Василий уехал обратно в село Холмец.

Через несколько дней после его приезда село было занято фашистами. При них отец Василий открыл храм, который во время его отсутствия советской властью был закрыт. В селе стало регулярно совершаться богослужение. Службы посещали жители соседних деревень Костино и Артемки.

В январе 1942 года войска Красной армии освободили от немцев село Холмец, однако церковь сразу не закрыли, и отец Василий продолжал совершать в ней богослужения до начала марта, когда его арестовали по обвинению в пособничестве немцам. 6 марта начались допросы.

— Вам известно, за что вы арестованы?

— О причинах моего ареста мне неизвестно.

— Вы арестованы за антисоветскую подрывную деятельность.

Предлагаю вам дать показания в данном разрезе.

— Антисоветской подрывной деятельностью я не занимался и виновным себя не признаю...

— О приближении немцев к селу Холмец вам было известно?

— Да, было известно.

— Почему же вы из села Холмец от немцев не побежали?

— В селе Холмец я остался со всеми верующими.

— То есть стали дожидаться немцев?

— Нет, немцев я не ждал, а остался служить.

— Где и кому служить?

— Являясь служителем культа в селе Холмец, я остался служить в церкви верующим.

— Когда вы открыли церковь?

— Церковь я открыл 26 октября 1941 года, когда село уже было занято немцами.

— Почему же вы сразу не открыли церковь?

— Я был больной, а затем колебался в возможности открытия церкви, а когда пришли немцы, я ее открыл без всяких препятствий.

— Покажите о вашей связи с немцами.

— В доме, где я проживал, вместе со мной жили два офицера и их денщики. Перед отступлением немцев из села дня за два в моем доме размещался немецкий штаб.

— На какие темы вам приходилось разговаривать с немецкими офицерами?

— ...Я их только слушал, сам ничего не говорил.

— ...Кто из граждан села вызывался в немецкий штаб?

— При мне немцы никого в штаб из граждан села не вызывали.

— ...Покажите, какие вы получили задания от немцев при их отступлении из села Холмец?

— Никаких заданий от немцев я не получал.

— Когда немцев Красная армия выгнала из села?

— Точно не помню, но примерно 17 января 1942 года немцы были выгнаны из села частями Красной армии.

— Вас когда арестовали?

— 2 марта 1942 года...

— Сколько раз вы служили молебен о победе немецкой армии?

— Таких молебнов я не служил.

— А проповеди произносили?

— И проповедей о том, чтобы победа была на стороне немецкой армии, я не произносил.

— Вы говорите неправду.

— Я показываю так, как было.

— Покажите о своей предательской деятельности.

— Предательской деятельностью я не занимался...

Следствие было закончено. До вынесения приговора отец Василий, содержащийся после ареста в Таганской тюрьме, заболел и был помещен в тюремную больницу.

Протоиерей Василий Смоленский умер 12 июня 1942 года в тюремной больнице и погребен в неизвестной могиле.

15 июля 1942 года Особым Совещанием при НКВД отец Василий, к тому времени уже умерший, был приговорен к расстрелу.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 51836, д. 34002.

АМП. Послужной список.

Воспоминания Э. Куслапу и Н. Горшковой.

Июля 17 (30)

МУЧЕНИЦА

Пелагия (Балакирева)

*М*ученица Пелагия родилась 8 октября 1901 года в селе Спирино Егорьевского уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Никиты Балакирева. Окончила школу в селе. С 1927 года она стала жить при Свято-Троицкой церкви в селе Шарاپово Егорьевского района Московской области, исполняя обязанности сторожа.

Около двух лет перед арестом она несла послушание церковной старосты. Проживая в сторожке при церкви, Пелагия помогала настоятелю протоиерею Николаю Сперанскому по делам храма и в исполнении церковных треб.

Здание церковной сторожки при Троицком храме обветшало. Приходской совет и прихожане храма в 1937 году решили произвести капитальный ремонт. После того, как был начат ремонт сторожки, Пелагия нашла приют в доме отца Николая.

18 ноября 1937 года Пелагия была арестована вместе с протоиереем Николаем Сперанским и заключена в тюрьму в городе Егорьевске.

— Следствию известно, что вы собирали подписи под жалобу на сельсовет ввиду отказа в застройке сторожки на колхозной земле. Дайте показания по этому вопросу? — потребовал следователь.

— Да, я действительно собирала подписи прихожан под данную жалобу.

— Следствию известно, что вы совместно с благочинным умышленно затягивали церковную службу с целью срыва полевых работ в колхозе. Дайте показания по этому вопросу?

— Да, действительно, церковные службы обычно кончались в 12 часов, когда были престольные праздники или исполнялись требы, чем срывали колхозные работы.

— Вы обвиняетесь в проведении антисоветской агитации. Признаете ли себя виновной в предъявленном вам обвинении?

— Да, признаю себя виновной в том, что вела антисоветскую агитацию.

Начальник Коробовского районного отделения НКВД, ознакомившись 20 ноября с материалами следствия, остался недоволен показаниями обвиняемых и решил произвести дополнительные допросы самостоятельно.

— Подтверждаете ли вы свои показания? — спросил он Пелагию Никитичну.

— Показания свои подтверждаю, за исключением того, что я антисоветской агитации не вела и виновной себя не признаю.

— На какие средства живете?

— Я проживаю у благочинного Сперанского на средства церковной общины.

— Какие обязанности вы выполняете в церковной общине?

— Помимо поручений священника при его службе, я исполняю обязанности церковного старосты.

— Что еще можете показать?

— Больше показать ничего не имею.

Поскольку заранее были допрошены лжесвидетели, которые оговорили обвиняемых, дав необходимые следователю показания, начальник отделения закончил допросы.

Через несколько дней Пелагию Никитичну перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 27 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила ее к восьми годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

В 1940 году Пелагия Никитична написала заявление с просьбой пересмотреть дело. Несмотря на то, что ряд свидетелей на этот раз не подтвердили своих прежних показаний, помощник прокурора посчитал, что «данные ими показания в органах НКВД подтверждаются», и заключил: «мера наказания соответствует содеянному, а потому жалобу оставить без удовлетворения».

Пелагия Никитична Балакирева скончалась 30 июня 1943 года в исправительно-трудовом лагере в Вологодской области и была погребена в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20021.

Июля 15 (28)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Петр (Троицкий)

Священномученик Петр родился 9 июня 1897 года в городе Истре (в то время Воскресенске) Звенигородского уезда Московской губернии в семье псаломщика Ивана Троицкого. Окончив обучение в семилетней школе, Петр устроился работать на телеграф. С августа 1918 по 1919 год он служил в Красной армии писарем. С 1919 по 1922 год Петр Троицкий находился в Польше в плену.

После освобождения он вернулся в Истру, где работал на телеграфе. В 1925 году Петр Иванович оставил гражданскую службу, стал часто посещать храм и устроился служить псаломщиком, а в 1930 году он был избран старостой.

22 мая 1931 года вместе с иеромонахом Василием (Красноковым) Петр Троицкий был арестован, заключен в Истринский арестантский дом и 20 июня допрошен. «Антисоветской агитации и агитации против колхозного строительства я не вел. Виновным себя не признаю. Соприкасаясь с духовенством, я их контрреволюционной деятельности никогда не замечал. В 1930 году верующие посылали меня ходить в чайные и разяснять сущность религии и убеждать за веру в Бога. С этой целью в чайные я ходил», — ответил на следствии Петр Иванович.

Через неделю следователем в качестве свидетеля был допрошен бухгалтер Истринского отдела связи, который показал:

«Троицкий является самым реакционно настроенным элементом по отношению к советской власти. Работая 6 лет тому назад на почте, всегда был враждебным к пролетарской революции, считал Бога и религию идеалом любви, связывающей человечество. Ушел со службы на иждивение церкви, став самым ярким ее активистом, вплоть до того, что стал церковным старостой. Вел большую агитационную работу среди верующих крестьян за борьбу с теми, кто идет против религии. Особенно сильно проявлял себя в дни массового посещения церкви во время постов, в дни говения и на Пасху. Вел беседы, доказывал, что Бог был и есть и что без религии человечество как без воздуха существовать не может. Пользовался всеми средствами и возможностями, чтобы противодействовать антирелигиозной работе на селе. Помню, когда в 1930 году на общегородском собрании встал вопрос о закрытии в городе церкви, Троицкий обегал все окрестные деревни и оповестил о готовящейся беде верующих. Все крестьяне как по набатному звону пришли в город и добились снятия вопроса с повестки дня... При встречах и разговорах с ним, когда его уговаривали бросить это гнусное дело, отвечал решительно: умру во имя Христа и буду всегда агитировать против всех, кто против Бога. Элемент реакционный, вредный, необходима изоляция», — заключил лжесвидетель.

Поскольку следствием предъявленное обвинение доказано не было, уполномоченный по Истринскому районному отделению ОГПУ 1 сентября 1931 года дело за недоказанностью прекратил, иеромонах Василий (Красноков) и староста Петр Иванович Троицкий из-под стражи были освобождены.

В 1933 году Петр Иванович был рукоположен во диакона и служил в Вознесенском храме в городе Истре. В 1934 году его перевели в Троицкий храм села Троицкое на Истре. Летом 1937 года начались массовые аресты священнослужителей и верующих.

7 ноября 1937 года был арестован священник Александр Машков, который вместе с диаконом Петром служил в Троицком храме. Во время допросов он оговорил себя, а также священника Иоанна Орлова, диакона Петра Троицкого и старосту храма Михаила Строева в том, что они под его руководством организовали контрреволюционную группу для борьбы с советской властью. 18 ноября 1937 года Истринское районное отделение НКВД арестовало диакона Петра. В тот же день начались допросы.

— Вы арестованы как участник контрреволюционной группы. Дайте показания по этому вопросу.

— Участником контрреволюционной группы я не являюсь.

— Следствие предлагает вам быть правдивым и дать показания о вашем участии в контрреволюционной группе.

— Утверждаю, что участником контрреволюционной группы я не являюсь.

— Знаете ли вы ныне арестованного по линии НКВД Машкова?

— Священника Троицкой церкви Александра Машкова я знаю хорошо с начала 1937 года.

— Показаниями обвиняемого Машкова вы уличаетесь как участник контрреволюционной группы. Дайте показания по этому вопросу.

— Утверждаю, что я участником контрреволюционной группы не являюсь.

— Вам зачитываются показания обвиняемого Машкова, подтверждаете ли вы это?

— Эти показания я отрицаю.

— Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

После допросов в Истре отца Петра перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 27 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Диакон Петр Троицкий умер 28 июля 1938 года в Бамлаге и был погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. П-3804, л. 49395.
АМП. Послужной список.

Августа 17 (30)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Димитрий (Остроумов)

Священномученик Димитрий родился 5 февраля 1869 года в селе Кузьминка Серпуховского уезда Московской губернии в семье священника Иоанна Остроумова. В 1899 году Дмитрий Иванович окончил Московскую Духовную семинарию и был направлен учителем в Московскую Преображенскую 2-х классную церковноприходскую школу. В 1906 году он был рукоположен во священника к Троицкой церкви села Минеево Дмитровского уезда Московской губернии. В 1909 году отец Димитрий был назначен настоятелем Благовещенской церкви в селе Федосьино Московского уезда, в которой прослужил до своего ареста в 1937 году. За долгое и беспорочное служение отец Димитрий был возведен в сан протоиерея.

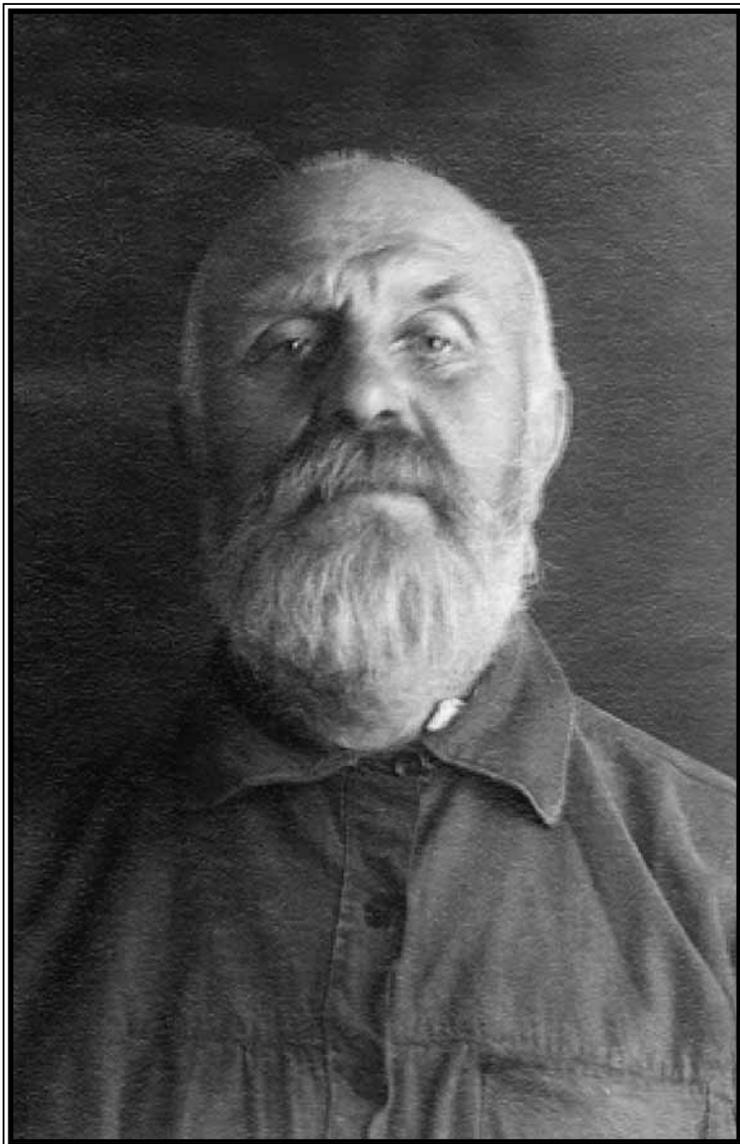
Отец Димитрий был известен среди своей паствы как ревностный и благочестивый священник. Его супруга Олимпиада Васильевна во всем помогала мужу, и поскольку хорошо разбиралась в лечении травами, то крестьяне со всей округи приходили к ней при разных недомоганиях и болезнях. Впоследствии отца Димитрия обвинили в том, что это он занимался лечением, хотя в данном случае он только помогал супруге.

В первый раз отец Димитрий был арестован ЧК в 1919 году по обвинению в дезертирстве, в том, что он не явился отбывать трудовую повинность. Но вскоре священника отпустили, так как он

имел освобождение от трудовой повинности в связи с болезнью. В 1930 году отца Дмитрия арестовали по обвинению в хранении валюты и оружия. Но ОГПУ не сумело доказать ложного обвинения, и священник был освобожден. В том же году его осудили к заключению за невыполнение твердого задания, но поскольку это задание было выполнено, хотя и не в срок, приговор был отменен. В 1932 году отца Дмитрия привлекли к ответственности, обвинив в антисоветской агитации, но, продержав полтора месяца в заключении, отпустили.

В 1936 году начальник Кунцевского районного отделения НКВД Кузнецов начал собирать через осведомителей сведения о священнике из села Федосьино. 1 января 1936 года секретный осведомитель по кличке Печник сообщил, что «поп Остроумов, чтобы избежать налогов, перевел все хозяйство на дочь». 23 июля осведомитель по кличке Заказной сообщал, что некий «кулак, лишенец, ходил к попу Остроумову советоваться, как ему быть с налогами, поп ему дал совет: “Никаких налогов советской власти не плати и в колхоз не ходи”». На основании этого сообщения начальник районного отделения НКВД распорядился взять «попа в проработку». 29 мая 1937 года секретный осведомитель по кличке Май сообщил, что «к Федосьинскому попу Дмитрию Ивановичу Остроумову часто приезжает его старая знакомая Мария Кирхгов, она преподавательница иностранных языков в кремлевской школе ВЦИКа. Все это я узнал в беседе с гражданином села Федосьина. У меня просто напала такая мысль, что это знакомство связано со шпионством. У этой гражданки был раньше брат, который имел свою дачу около деревни Суково, где сейчас находятся глухонемые. Вот все, что я мог узнать». Осведомитель по кличке Бинобль сообщил, что 5 января 1936 года священник Остроумов в поезде в беседе с некими людьми «по вопросу убийства товарища Кирова говорил: “Христос тоже вел борьбу; по Писанию, даже разрешается соврать или убить, если это делается с пользой для человечества; есть притча: человек, убивший одного

Протоиерей Димитрий Остроуков

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

бандита, спасет десятки жизней христиан”. Осведомитель по кличке Зоркий 3 июля 1937 года сообщил: «В личности попа Остроумова чувствуется антисоветское настроение, но скрывает и при удобном случае может этим жалом уязвить власть советов; имеет знакомство с некой гражданкой Кирхгов, она преподавательница английского, немецкого и французского языков в школе ВЦИКа в Кремле, знакомство ведет вот уже около пяти лет; одним словом, человек не пролетарский и не колхозно-настроенный». Сотрудник НКВД переделал эту фразу в «контрреволюционно настроенный».

В редакцию газеты был направлен даже коллективный донос, в котором, в частности, писалось: «В нашем Советском Союзе нет такой отрасли производства, нет такого хозяйства, нет такого рабочего, заработок которого бы не облагался подоходным налогом, а вот есть человек, который, наживая большие барыши от выпечки просфор, скрывает свой доход и этим уклоняется от подоходного налога; этот человек есть поп федосьинский; мало того, занимается лечением, так называемой гомеопатией подпольного характера, конечно не имея на это никакого медицинского права, и берет за бутылку по рублю и более, это тоже укрывает и уклоняется от подоходного налога, и этим поступком он крадет у государства... Может, что есть здесь написанное и не по существу, но я хочу заострить внимание финорганов на приведенных фактах продажи просфор, а также и органы здравоохранения на лечении гомеопатией подпольного характера, чем эксплуатируются честные граждане колхозники для личных целей. Вот вкратце обратная сторона федосьинского попа, эксплуатацию которого нужно в корне ликвидировать».

В ночь на 8 августа 1937 года отец Димитрий был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Сразу же после ареста начались допросы.

— Знаете ли вы гражданку Кирхгов и поддерживаете ли вы с ней связь?

— Гражданку Кирхгов я знаю, она была преподавательницей немецкого языка, она неоднократно, то есть пять раз за время знакомства, приезжала к нам. В настоящее время она проживает в городе Георгиевском на Северном Кавказе.

— Какие разговоры у вас происходили с ней на политические темы?

— С гражданкой Кирхгов во время посещения моей квартиры, а также когда я заходил к ней на квартиру, разговоров на политические темы у меня никогда не было.

— Следствию известно, что вы в селе занимались нелегальным лечением больных.

— Я у себя в личном пользовании имею домашний лечебник и гомеопатическое лекарство. Я не отрицаю, что, когда к нам обращались односельчане, я за плату давал лекарство, то есть мне оплачивалась стоимость лекарства.

— Следствию известно, что вы, будучи человеком, недовольным существующим строем, систематически высказывали резкие антисоветские настроения и свою злобу против руководителей партии и советского правительства.

— Никогда ни с кем разговоров на политические темы я не вел.

— Следствие требует от вас правдивых показаний. Следствию известно, что в июле месяце сего года в беседе с односельчанами в связи с приговором над врагами народа вы высказывались в защиту террористов и высказывали злобу по адресу советской власти.

— Нет, никогда на политические темы я разговоров не вел, и это также категорически отрицаю.

В качестве свидетеля был вызван председатель колхоза в Федосьине. Он показал, что летом 1936 года священник Остроумов «организовал нелегальное хождение по домам с молебнами. В это время в сельсовете был представитель Кунцевского райисполкома, который, вызвав священника в сельсовет, предложил ему прекратить хождение по домам. Он формально согласился, но по

выходе из сельсовета направил двух активных церковниц-старух по селу, которые распространили провокационные слухи о том, что советская власть притесняет верующих. Через некоторое время в помещение сельсовета ворвалась большая толпа народа и чуть ли не организовали восстание церковников. Летом 1937 года Остроумов сагитировал в Ильин день не производить никаких работ в колхозе».

Были вызваны в районное отделение НКВД еще несколько свидетелей. Следователь спрашивал их, что-то при этом записывал в протокол, а затем, не читая, показывал, где надо расписаться, и люди, почти не думая, подписывались под лжесвидетельствами. Одного из свидетелей следователь спросил, что он думает, если бы в деревне не было колокольного звона и молебнов. Свидетель ответил, что не нужно в деревне колокольного звона и молебнов, так как службы в церкви отрывают колхозников от работы. Пока свидетель отвечал, следователь что-то писал, а затем дал, не зачитывая, подписаться под лжесвидетельствами против отца Димитрия.

Оформив показания лжесвидетелей, 25 августа следователь снова вызвал на допрос отца Димитрия.

— Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Дайте подробные показания, какую конкретно вы проводили контрреволюционную работу.

— Контрреволюционной работы я никакой не проводил и контрреволюционной деятельностью не занимался.

28 августа тройка НКВД приговорила отца Димитрия к расстрелу. Протоиерей Димитрий Остроумов был расстрелян 30 августа 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-23962.

РГИА. Ф. 831, д. 280, л. 86.

Августа 31 (13 сентября)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Димитрий (Смирнов)

Священномученик Димитрий родился в 1868 году в селе Черняево Дмитровского уезда Московской губернии в семье Василия Тимофеевича Смирнова, 47 лет прослужившего священником. В 1883 году Дмитрий Васильевич окончил Звенигородское Духовное училище и несколько лет проживал вместе с родителями.

В апреле 1889 года Дмитрий Смирнов поступил псаломщиком в Казанскую церковь в селе Котельники Московского уезда. В ноябре 1910 года он был перемещен на должность псаломщика во Влахернскую церковь в селе Влахернское-Кузьминки того же уезда. 18 марта 1912 года он был рукоположен во диакона к этому храму. За безупречное служение Церкви Христовой диакон Димитрий Смирнов в 1920 году был удостоен от Святейшего Патриарха Тихона Благословенной грамоты, а в 1924 году награжден двойным орарем.

В марте 1924 года диакон Димитрий Смирнов был назначен в Николаевский храм в селе Аксиньино Звенигородского уезда.

21 сентября 1928 года отец Димитрий был рукоположен в сан священника к Троицкому храму в селе Ершово Звенигородского района Московской области. В 1932 году отец Димитрий был переведен в Троицкий храм села Троицкое того же района. В 1937 году он был награжден наперсным крестом.

Как и все священнослужители, отец Димитрий обкладывался безбожными властями большим налогом, который с трудом удавалось заплатить. В 1937 году в связи с неуплатой очередного налога он был оштрафован, и поскольку штраф тоже не удалось заплатить, в феврале 1938 года у него было описано все имущество.

Безбожные власти летом 1937 года приняли решение физически расправиться с Русской Православной Церковью. Гонения повсеместно усилились, кругом арестовывались священнослужители и миряне, которые без всякой вины осуждались к расстрелу или длительному заключению в лагерь. В октябре 1937 года безбожники арестовали и через месяц расстреляли родного брата отца Димитрия протоиерея Всеволода Смирнова, служившего в Успенской церкви в селе Дерменцево Волоколамского района Московской области.

15 марта 1938 года следователи Звенигородского районного отделения НКВД вызвали на допрос несколько свидетелей, которые дали необходимые гонителям показания против отца Димитрия. Председатель колхоза в селе Троицком, в частности, сказал: «Как служитель культа, Смирнов разлагательно действует на колхоз. Так, в период весеннего сева, а также в уборочную и посевную кампанию он собирает в дни религиозных праздников в церкви колхозниц и колхозников, где ведет агитацию о том, что Бога надо бояться и любить, а колхозы нам все равно ничего хорошего не дают. В дни религиозных праздников колхозники на работу не идут, а идут в церковь, чем срывают колхозную работу и разлагают трудовую дисциплину. Летом 1937 года... все колхозники стали убедительно требовать, чтобы разрешили устроить молебен о дожде. Несмотря на запрет со стороны сельсовета, молебен Смирновым был устроен тайно и все колхозники были в церкви и работа в колхозе не производилась весь день. В церкви он говорил: вот видите, дождя нет, все сохнет, это потому, что вы в своем колхозе забыли про Бога. Если будете забывать Бога и веру, то вы в своем колхозе умрете с голоду. 23 февраля 1938 года

председатель сельсовета ходила описывать имущество у Смирнова за неуплату штрафа. В это время Смирнов сказал: берите, что хотите, мне теперь все равно, ведь советской власти грабить не привыкать».

22 марта священник Димитрий Смирнов был арестован и помещен в камеру предварительного заключения в городе Звенигороде, а потом переведен в Сретенскую тюрьму в Москве. На следующий день следователь допросил священника.

— С кем вы поддерживаете личную связь? — спросил он.

— Личные связи я поддерживаю с родным братом протоиереем Всеволодом Смирновым, ныне арестованным органами НКВД. Больше связи ни с кем не поддерживаю.

— Вы обвиняетесь в контрреволюционной деятельности и высказывании террористических настроений против советской власти и руководителей партии, — и далее следователь начал зачитывать выдержки из показаний лжесвидетелей.

— В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, — ответил отец Димитрий.

5 мая следователем были проведены три очных ставки между лжесвидетелями и священником Димитрием Смирновым. В его присутствии они подтвердили данные ранее показания.

— Признаете ли себя виновным в приведенных свидетелями фактах вашей контрреволюционной деятельности? — спросил следователь священника.

— Из всех приведенных фактов я подтверждаю только то, что я высказывал недовольство советской властью, поскольку она много налога берет со священников, а также что люди забыли Бога и веру, отчего и живут плохо, а также что я ходил по деревням и проводил молебны, возможно, что и говорил в отношении советской власти, сейчас не помню по своему старому возрасту... Что касается описи у меня имущества, то я говорил, что советская власть накладывает много налога, не по доходу... Что касается молебна о дожде, то я его служил и присутствующим на молебне

говорил: вот видите, дождя нет, все сохнет, это потому, что вы, работая в колхозе, забыли про Бога, и если будете забывать про веру и Бога, то за хорошее будет хорошее, а за плохое – плохое.

5 мая 1938 года следствие было закончено. 9 августа 1938 года Особое совещание при НКВД приговорило отца Дмитрия к ссылке в Казахстан сроком на пять лет.

Священник Дмитрий Смирнов, очевидно еще находясь в Москве, умер 13 сентября 1938 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-48250.
АМП. Послужной список.

Сентября 10 (23)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Гавриил (Яцик)

Преподобномученик Гавриил родился 20 ноября 1880 года в городе Борзна Черниговской губернии в семье торговца Петра Яцика, содержавшего небольшую кожевенную мастерскую.

В 1901 году юноша окончил в Киеве учительскую семинарию и в 1906 году поступил послушником в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Исполнял послушание в лаврской типографии, где был помощником заведующего.

В мае 1917 года был мобилизован и направлен рядовым в 56-й полк в Кремлевские казармы. В 1918 году в Троице-Сергиевой Лавре принял монашеский постриг с именем Гавриил.

В 1919 году монах Гавриил был арестован Саратовской ЧК по подозрению в том, что он является профессиональным военным и белогвардейцем. После того, как в ЧК убедились, что это не так, он был освобожден.

В 1920 году монах Гавриил поселился в Донском монастыре и в том же году был рукоположен во иеродиакона. В стенах этой древней московской обители в 1920-х годах часто служил исповедник веры Христовой Святейший Патриарх Тихон, здесь его многие месяцы содержали под строгим домашним арестом.

В 1924 году иеродиакон Гавриил был рукоположен во иеромонаха, а в 1929 году — возведен в сан архимандрита. Вскоре Донской монастырь был закрыт и отец Гавриил был назначен насто-

ятелем Петропавловской церкви села Петровское-Лобаново Красногорского района Московской области.

В разгар гонений на Русскую Православную Церковь отец Гавриил 7 сентября 1937 года был арестован и заключен под стражу в Таганскую тюрьму.

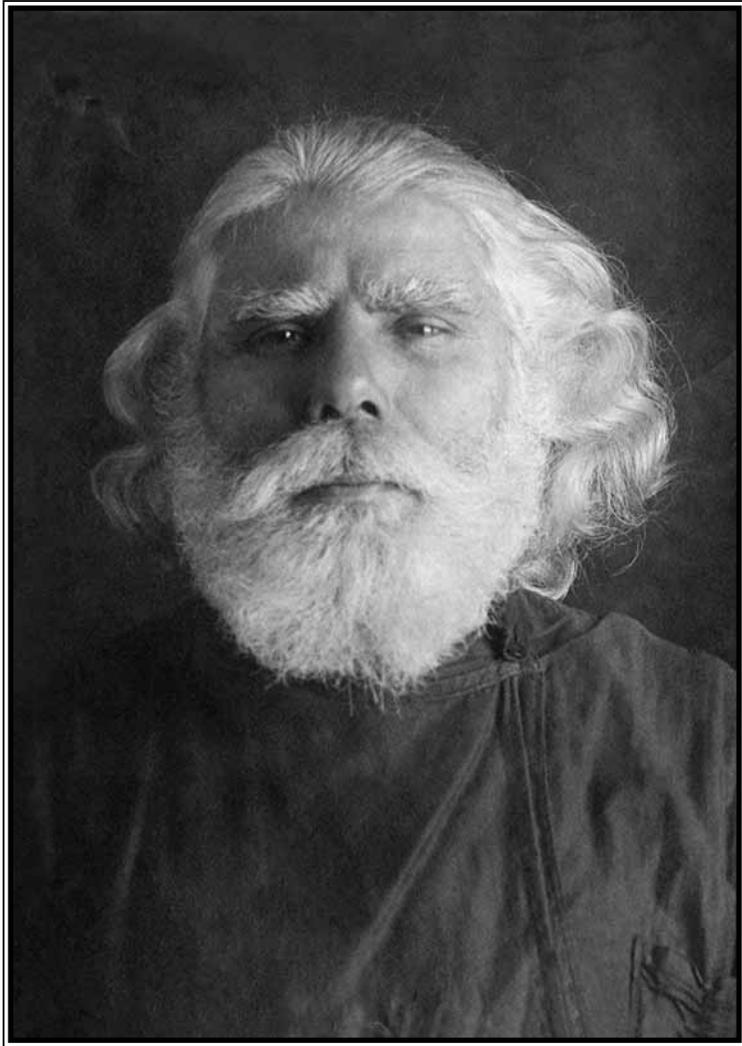
При обыске во время ареста в доме среди церковной литературы были найдены две книги: «Первые дни христианства» Ф.В. Фаррара и «Великое в малом» Сергея Нилуса.

На первом допросе, состоявшемся 8 сентября, следователь спросил:

– Для какой цели вы использовали эти книги?

– Обе эти книги я взял еще до революции в 1912 году в Троице-Сергиевой Лавре, где они печатались, а я работал в этой типографии помощником заведующего. Книга «Первые дни христианства» сочинения Ф.В. Фаррара является и до сих пор моей настольной книгой, отдельные положения из которой я использую для проповедей в церкви. Вторую книгу «Великое в малом» я храню у себя для коллекции, она издавалась при участии известного архиепископа Вологодского Никона (Рождественского). Используя в беседах с гражданами некоторые положения из указанной книги, я по вопросу о гонении на веру православную ничего не говорил, кроме только того, что я заявлял: гонение на веру Христову было, есть и будет; не удивляйтесь этому...

11 сентября следователем был допрошен в качестве свидетеля священник Виктор Румянцев, служивший в соседнем храме в селе Аксинино, который на поставленные вопросы отвечал, что отец Гавриил «внешне создает видимость подражания в образе своей личной жизни житиям святых, которые он часто читает, как бывший монах... Сам он был враждебно настроен к советской власти... цитируя из Откровения Иоанна Богослова, Язык указывал на правильность ряда его положений, так как знамение этого он видит в распространении безверия, что, по его мнению, “подтверждает о близком пришествии царства антихриста. Сейчас со-

Архимандрит Таврин.л (Рыук)

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

ветская власть, закрыв монастыри и церкви, сеет безверие”. В этом Ящик обвинял власть советскую».

15 сентября следователь снова допросил отца Гавриила.

– Вы выдавали себя среди населения поселка Химки за «святого, целителя недугов». Дайте по существу этого показания.

– За святого себя не выдавал, а отвечал на просьбы чтением молитв по желанию, другого по этому вопросу ничего не могу сказать... Никогда никакой агитации против советской власти не проводил и себя виновным в этом не могу признать.

16 сентября следователь допросил служившего вместе с отцом Гавриилом в Петропавловском храме священника Николая Докучаева. На предложение следователя рассказать «о контрреволюционных разговорах Ящика среди окружающих» лжесвидетель дал такой ответ: «Священник Ящик Гавриил Петрович ярый противник советской власти...»

20 сентября следователь в последний раз допросил отца Гавриила.

– Чем вы занимались до ареста?

– Я служил священником в Петровском-Лобанове.

– Вы обвиняетесь в антисоветской агитации. Признаете себя виновным в этом?

– Нет, не признаю.

22 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Гавриила к расстрелу.

Архимандрит Гавриил (Ящик) был расстрелян 23 сентября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 22899.
АМП. Послужной список.

Сентября 11 (24)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Николай (Широгоров)

Священномученик Николай родился 9 ноября 1904 года в селе Здехово Богородского уезда Московской губернии в семье священника Дмитрия Широгорова. Окончил 4 класса сельской школы и 2 класса духовного училища. Получить полное богословское образование Николай Дмитриевич не успел, так как в стране к власти пришли безбожники, которые первым делом закрыли все православные учебные заведения.

Во время гражданской войны Николай Широгоров был на некоторое время призван в тыловое ополчение Красной армии. После демобилизации он был рукоположен во диакона и направлен служить в храм в честь Рождества Христова в селе Ямкино Ногинского района Московской области.

Летом 1937 года власти начали широкомасштабные беспощадные гонения на Русскую Православную Церковь. В Ногинском районном отделении НКВД приняли решение арестовать отца Николая. В вину ему вменялось то, что «после ареста ряда церковников говорил: граждане верующие, религию христианскую советская власть преследует, невинных священников сажают в тюрьмы. А вы обходите все это молчанием. Нужно организованно требовать от советской власти прекратить эти гонения на веру. Они же, коммунисты, пишут, что свобода вероисповедания, а на самом деле ежедневно арестовывают верующих и священни-

ков. Если мы организованно объявим протест, то этим спасем нашу христианскую веру от антихристов».

Диакон Николай Широгоров был арестован 26 ноября 1937 года и заключен в Ногинскую тюрьму. Вместе с ним были арестованы настоятель храма протоиерей Николай Покровский и псаломщик Михаил Амелюшкин. На следующий день отец Николай был допрошен.

— Обвиняемый Широгоров, вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Признаете себя в этом виновным? — спросил следователь.

— Контрреволюционной деятельности я не вел, — ответил отец Николай.

— Следствию известно, что вы вместе с попом Покровским и дьячком Амелюшкиным вели антисоветскую деятельность.

— Общение с ними я имел, но антисоветской деятельности я не вел.

— Следствию известно, что вы вместе с попом Покровским среди населения вели контрреволюционную деятельность, направленную на срыв проведения предвыборных собраний.

— Контрреволюционной деятельности, направленной на срыв предвыборных собраний, я не вел.

28 ноября следствие было закончено. 1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила диакона Николая Широгорова к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Наказание отец Николай был отправлен отбывать в Безымянский исправительно-трудовой лагерь НКВД, располагавшийся около Самары.

Диакон Николай Широгоров умер в лагере 24 сентября 1942 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 20815.
Сообщение ГИЦ МВД РФ.

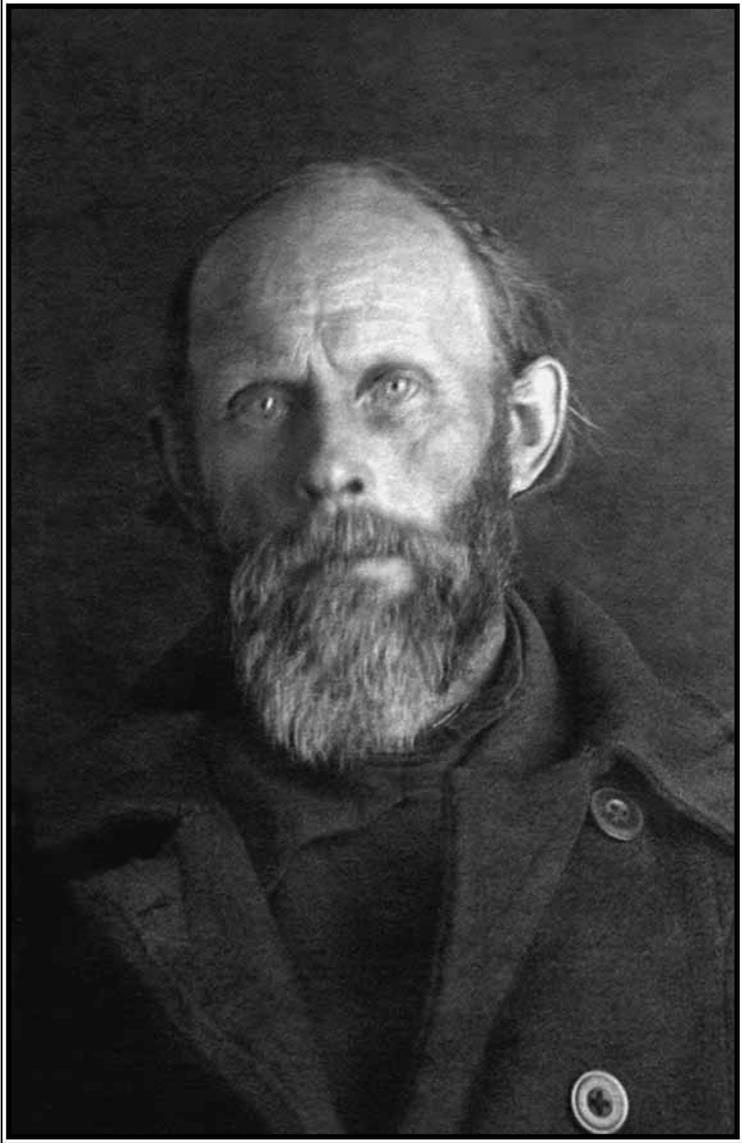
Сентября 12 (25)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Николай (Житов)

Священномученик Николай родился в 1888 году в селе Пыжово Зарайского уезда Рязанской губернии в семье псаломщика Иакова Житова; окончив духовное училище, он с 1905 года служил псаломщиком в Воскресенском храме в родном селе. В 1915 году Николай Яковлевич был рукоположен во диакона к Георгиевскому храму в городе Зарайске, в 1917 году — переведен в кладбищенскую церковь в Зарайске. В 1920 году диакон Николай был рукоположен во священника к Воскресенской церкви села Пыжово. В 1930 году он был переведен в Николаевскую церковь в селе Апонитищи, в 1931 году — в Казанский храм в селе Слемские Борки Луховицкого района, в 1934 году вновь назначен служить в Николаевскую церковь в селе Апонитищи. В 1930 году отец Николай был награжден наперсным крестом, в 1936-ом — возведен в сан протоиерея. В августе 1937 года начались самые жестокие гонения на Русскую Православную Церковь, и 4 сентября священник был арестован.

В НКВД были вызваны свидетели — председатель колхоза и некая супружеская пара, к которой, бывало, заходил отец Николай; в ответ на предложение следователя рассказать о священнике они рассказали о нем все, что знали. О том, что он вырос в бедной крестьянской среде и во время гонений лишился последнего имущества, но это не смутило священника, так как отец Николай ко всякому труду был привычен. В первую очередь он был добро-

Протоиерей Николай Житов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

совестным пастырем, но не гнушался и никакой крестьянской работой, зарабатывая себе зачастую на жизнь тем, что вставлял стекла в домах крестьян и делал им кадки.

Пока свидетели рассказывали о священнике, следовательно что-то писал на листе и, когда те закончили, подал им подписать протокол допроса. И настолько были велики – у одних доверие, а у других страх перед НКВД, что они, не прося его зачитать и не читая сами, расписались под тем, что написал следователь о контрреволюционной и антисоветской деятельности священника. 5 сентября следователь, допрашивая отца Николая, сказал:

– Следствию известно, что вы среди населения вели контрреволюционную работу. Признаете вы это?

– Нет, я это отрицаю, так как никакой контрреволюционной работы не вел.

– Следствию также известно, что вы среди населения клеветали на советскую печать. Признаете вы это?

– Нет, я это отрицаю, – ответил священник.

Поскольку у следователя было достаточно подписанных лже-свидетельств, он не слишком домогался признаний от священника в его антигосударственной деятельности и уже 8 сентября составил обвинительное заключение и передал его на решение тройки. 22 сентября тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Николай Житов был расстрелян 25 сентября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-33813.
АМП. Послужной список.

Ноября 26 (9 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Василий (Агафоников)

Священномученик Василий родился 5 марта 1885 года в селе Медяны Вятского уезда Вятской губернии в семье Владимира Яковлевича и Марии Андреевны Агафониковых. Его отец служил псаломщиком в Свято-Троицкой церкви в селе Медяны, мать была дочерью псаломщика Андрея Яковлевича и Пелагии Ивановны Трониных. Мария Андреевна обладала прекрасным слухом и хорошим голосом и знала наизусть около трехсот народных песен, в которых отражались нравственные воззрения и исторические предания русского народа, что оказало немалое влияние на Василия и его старших братьев Николая и Александра.

Большое влияние имел на братьев известный в Вятской земле пастырь и проповедник Николай Михайлович Зубарев, который был крестным отцом Александра и Василия Агафониковых, и впоследствии, когда Александру пришло время учиться, отец Николай настоял, чтобы родители отдали Александра в женскую церковноприходскую школу, которой он заведовал, а не в мужскую земскую, куда тот должен был идти и в которой, как и почти во всех земских школах, в то время процветало безбожие. После поступления в школу старшего брата Александра туда же поступил и Василий, хотя ему в то время исполнилось всего шесть с половиной лет.

По окончании Вятской Духовной семинарии Василий женился на девице Клавдии Кошурниковой и был рукоположен во свя-

щенника ко храму в селе Мелянда Уржумского уезда, а через год переведен в Введенскую церковь в селе Немы Нолинского уезда и тогда же утвержден заведующим и законоучителем Власовской школы Вятского братства святителя и чудотворца Николая, а также законоучителем Немской земской школы.

Летом 1910 года отец Василий был переведен в родное село Медяны, где служил его престарелый отец, в марте этого же года рукоположенный в сан священника. В январе 1913 года отец Василий был переведен в Покровскую церковь в селе Ситьма Нолинского уезда, а в марте 1920 года назначен служить в Благовещенскую церковь в селе Бобино Вятского уезда.

Село Бобино было одним из старейших и обширнейших в уезде. Первое здание храма здесь было построено в 1603 году, последнее – в 1787 году, прихожан в начале двадцатого века насчитывалось более семи тысяч. Через село проходил Лешуконский тракт – торговый путь на Шестаково, Лекму и далее; через село проходил и путь крестного хода из Вятки на реку Великую – место явления чудотворной иконы святителя Николая. В 1929 году храм в селе был закрыт, но, благодаря хлопотам отца Василия и прихожан, в феврале 1930 года власти дали разрешение на совершение в храме богослужений. В 1929 году отец Василий был возведен в сан протоиерея.

4 ноября 1930 года сотрудники ОГПУ произвели обыск в доме священника. При обыске присутствовал председатель Бобинского сельсовета, который дал священнику такую характеристику: «Избирательных прав лишен как служитель культа. В Красной армии никто не служит. Имущества кроме носильной одежды и мелкого инвентаря не имеет. Семья состоит из шести человек, из коих трудоспособны два человека».

6 ноября 1930 года отец Василий и пять его прихожан были арестованы и заключены в тюрьму в городе Вятке. В тот же день следователь допросил священника. Отвечая на его вопросы, отец Василий сказал: «Никаких собраний у нас не было, кроме как в

марте 1930 года по разрешению Вятского РИКа; на нем стоял вопрос об избрании церковного старосты. В 1929 году на церковь была наложена страховка, которую церковь самостоятельно не в силах была уплатить, а поэтому я обратился к прихожанам, с тем чтобы последние в этом содействовали. Во время богослужения они собирали, ходя с кружкой, и таким образом было выплачено все полностью. Проповеди читал чисто евангельские, не касаясь как власти, так и колхозов и коммун и не задевая никаких мероприятий, проводимых советской властью. На квартире у меня кроме Сапожникова никто не бывает; Сапожников как член церковного совета захаживает исключительно по церковным делам. Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю. Добавляю, что во время открытия церкви в проповеди говорил: «Слава Богу! Храм наш снова открыт, но он нуждается в ремонте; необходимо за него уплатить страховую премию». Поэтому, обращаясь к прихожанам, я просил о пожертвовании».

30 ноября следствие было закончено и сотрудник Вятского отделения ОГПУ в обвинительном заключении написал: «Церковь открылась 20 февраля 1930 года. Агафонилов говорил, что Бог не допустил богохульникам еретикам-большевикам закрыть церковь. «Горе, горе будет всем им». Агафонилов говорил, что современные школы и учительство развращают детей, учат баблству, приучают мальчиков и девочек с малых лет к разврату. Группа кулаков во главе с попом Агафониловым на протяжении целого ряда лет вела антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий, проводимых советской властью в селе, и против существования самой советской власти. Поп Агафонилов свою кафедру в церкви села Бобина использовал для антисоветской агитации, где под видом проповедей внушал присутствующим вредность коллективизации сельского хозяйства и существования советской власти. Кроме того, поп Агафонилов собирал как в церковной палатке, а также у себя на квартире конспиративные собрания кулачества, и после них кулачество по намечен-

ному плану, совместно вся группа, каждый в своей деревне одинаковыми методами противодействовали проведению в жизнь коллективизации сельского хозяйства, самообложения, сельхозналога, расширения посевной площади и противопоставляли против советской власти крестьянство».

29 декабря 1930 года тройка ОГПУ приговорила отца Василия к пяти годам заключения в концлагерь.

Впоследствии, когда священник во время служения в Московской епархии заполнял послужной список, он написал: «С 1 марта 1931 года по 22 марта – в Усольском концлагере; с 22 марта – в Забайкалье; с 25 сентября по 1 октября – Владивостокская бухта; с 9 октября – бухта Нагаево на Охотском море; с 15 июля 1932 года по 24 июля 1934 года – сельхозуправление на побережье Охотского моря; с 17 ноября 1934 года – исполнял обязанности священника в селе Сущево Горьковского края Спасского района; с 26 февраля 1935 года – в селе Понюково Московской области Шаховского района».

В последние годы жизни отец Василий служил в Николаевском храме в селе Губино Можайского района Московской области.

30 ноября 1937 года власти арестовали отца Василия и он был заключен в тюрьму в городе Можайске. В тот же день председатель сельсовета составил для НКВД справку на священника, в которой писал, что священник «проводит контрреволюционную агитацию среди колхозников, каковой подрывает мощь колхоза, и проводит агитацию за срыв перевыборов в Верховный Совет».

Председатель местного колхоза в своем заявлении в НКВД написал: «Священник Агафонилов уговаривал посещать богослужения, особенно в периоды сева и уборки, до 13–14 часов. В церкви каждый раз бывает от 70 до 350 человек. С Лавровым (священником юрловской церкви) ведет какие-то длительные беседы. Я просил бы, чтобы убрали от нас попа-кровопийцу, чтобы не разлагал трудовой дисциплины. Из-за него затягивается

уборочная, в колхозе Балабково осталось большое количество неподнятого льна и часть осталась нескошенных лугов».

Допрошенные лжесвидетели показали, что священник «со дня прибытия в село Губино ведет контрреволюционную деятельность, выбирает удобное время дня, когда мужчины уходят на работу и дома остаются одни старухи, идет по домам обрабатывать старушек продолжать верить в православную церковь, посещать ее всегда во все религиозные праздники, не работать в частности. Благодаря его агитации церковь стало посещать много колхозников, даже многие колхозники, которые раньше не ходили в церковь, а работали в колхозе, теперь стали посещать церковь и отказываются работать в религиозные праздники. Агафонилов во время обхода колхозников по домам села Губино призывал колхозников 12 декабря, в день выборов, приходить в православную церковь».

1 декабря 1937 года следователь допросил священника.

— С какого времени вы служите священником?

— Священником я служу с 1906 года, все время в сельских церквях.

— В чем конкретно заключалась ваша контрреволюционная деятельность в 1930 году?

— В 1930 году мне было предъявлено обвинение в том, что я в церкви произносил проповеди контрреволюционного содержания. Фактически я таких проповедей не произносил, все было наговорено на меня на почве личной неприязни.

— Какую контрреволюционную деятельность вы вели в селе Губино Можайского района?

— Никакой.

— Какие связи вы имели со священником юрловской церкви Лавровым?

— Никаких связей я со священником юрловской церкви не имел, посещать его я не посещал.

— С кем и какие связи вы имели среди духовенства города Можайска?

— Никаких связей с духовенством города Можайска я не имел. Никого из них не знаю.

В тот же день следствие было закончено. 3 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Протоиерей Василий Агафонилов был расстрелян 9 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19540.

АМП. Послужной список.

Архив УФСБ РФ по Кировской обл. Арх. № СУ-2648.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Кордюков В.И. Поколенная роспись рода Агафон(н)иковых. Рукопись. 2000.

Ноября 27 (10 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Серафим (Крестьянинов)

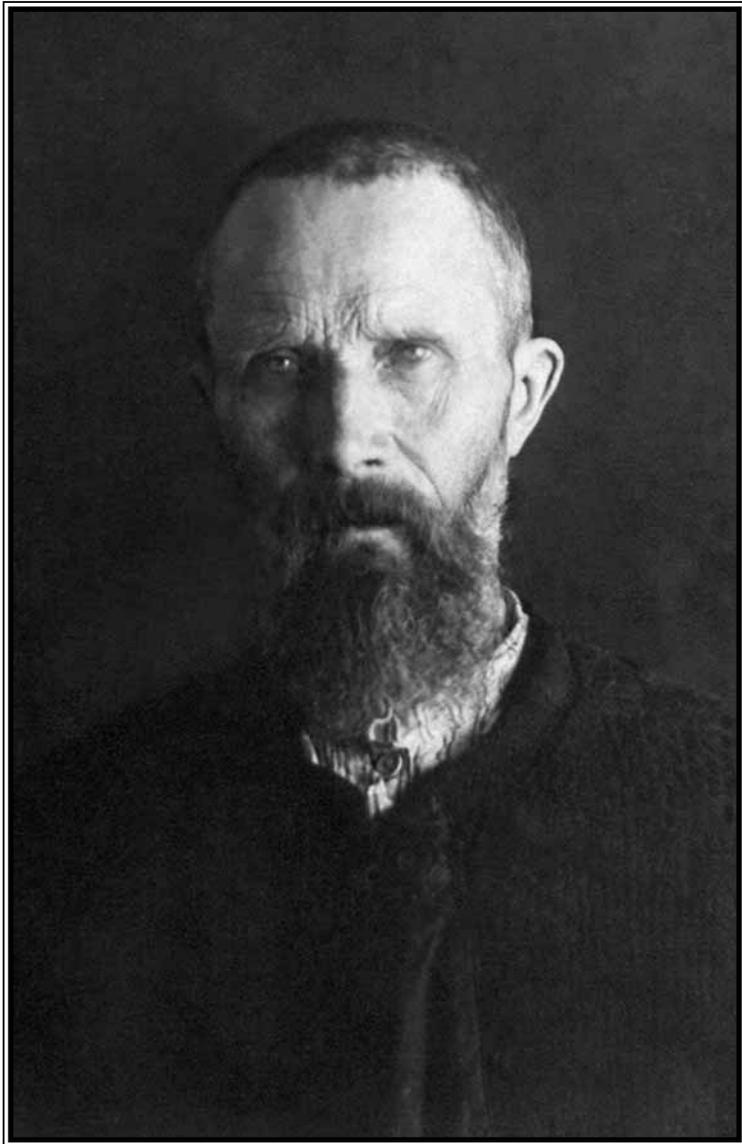
*С*реподобномученик Серафим родился 25 сентября 1875 года в селе Саликово Подольского уезда Московской губернии в семье крестьянина Алексея Крестьянинова и при крещении был наречен Сергеем.

В 1910 году Сергей Крестьянинов поступил послушником в основанный святителем Московским Филаретом (Дроздовым) в 1844 году Гефсиманский скит при Троице-Сергиевой Лавре. Здесь состоялся его постриг, при котором он был наречен Серафимом.

В скиту отец Серафим в 1917 году был рукоположен во иеродиакона, а в 1924 году во иеромонаха. В 1926 году он перешел в пустынь Параклита, Святого Духа Утешителя. Сама пустынь была приписана к Троице-Сергиевой Лавре и находилась от нее в нескольких километрах. Лавра и пустынь в 1928 году были окончательно закрыты, а существовавшие при них монастырские сельскохозяйственные артели разогнаны.

С 1928 по 1930 год иеромонах Серафим был вынужден проживать у родных, пока, наконец, не удалось устроиться на служение в Покровскую церковь села Сабурова Загорского района Московской области. В 1935 году отец Серафим был возведен в сан игумена.

26 ноября 1937 года игумен Серафим был арестован Загорским отделением НКВД и заключен в Таганскую тюрьму. Гоне-

Узун Серафим (Крестьяшинов)

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

ния на Русскую Православную Церковь были в самом разгаре. Отец Серафим был арестован по одному делу с архимандритом Кронидом (Любимовым), последним перед закрытием наместником Троице-Сергиевой Лавры. Власти арестовали отца Кронида и с ним еще четырнадцать священнослужителей и мирян. Арестованных обвинили в создании «контрреволюционной монархической группировки монахов и духовенства».

— Кого вы знаете из монахов и попов? — спросил следователь.

— Знаю игумена Азария, я с ним встречался в церкви и городе.

— Какие разговоры велись у вас при встрече?

— Мы говорили о том, что церкви посещает мало народа, что появились колхозы и народ перестает ходить в храмы, нужно усиленно разъяснять людям Священное Писание, с тем чтобы привлечь их к Церкви. Кроме того, с моей стороны были разговоры о том, что советская власть арестовывает священнослужителей и верующих за то, что они верующие...

— Являясь активным церковником, вы вели церковную пропаганду с целью привлечения народных масс на сторону Церкви?

— Да, я, как активный церковник, вел церковную пропаганду с целью привлечения масс к Церкви.

— Любимова Константина Петровича вы знаете?

— Любимова Константина Петровича, в монашестве Кронид, я знаю.

— Дайте ему политическую характеристику.

— Архимандрит Кронид в прошлом настоятель Троице-Сергиевой Лавры, подробно охарактеризовать его я не могу...

— Какие разговоры у вас велись с другими священнослужителями?

— Велись разговоры о том, что трудно стало жить трудящимся при советской власти, что советская власть сажает верующих в тюрьмы...

— Следствию известно, что вы прославляли портрет царя, который был изъят у вас при обыске.

— Портрет царя Николая II у меня при обыске действительно изъят. Царь для меня является человеком, которого я признаю, но прославлять его открыто я не прославлял.

На этом допрос был закончен. Следователь посчитал вину отца Серафима вполне доказанной. 7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Серафима к расстрелу.

Игумен Серафим (Крестьянинов) был расстрелян 10 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

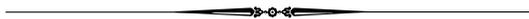
ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-59458.
АМП. Послужной список.

Ноября 27 (10 декабря)

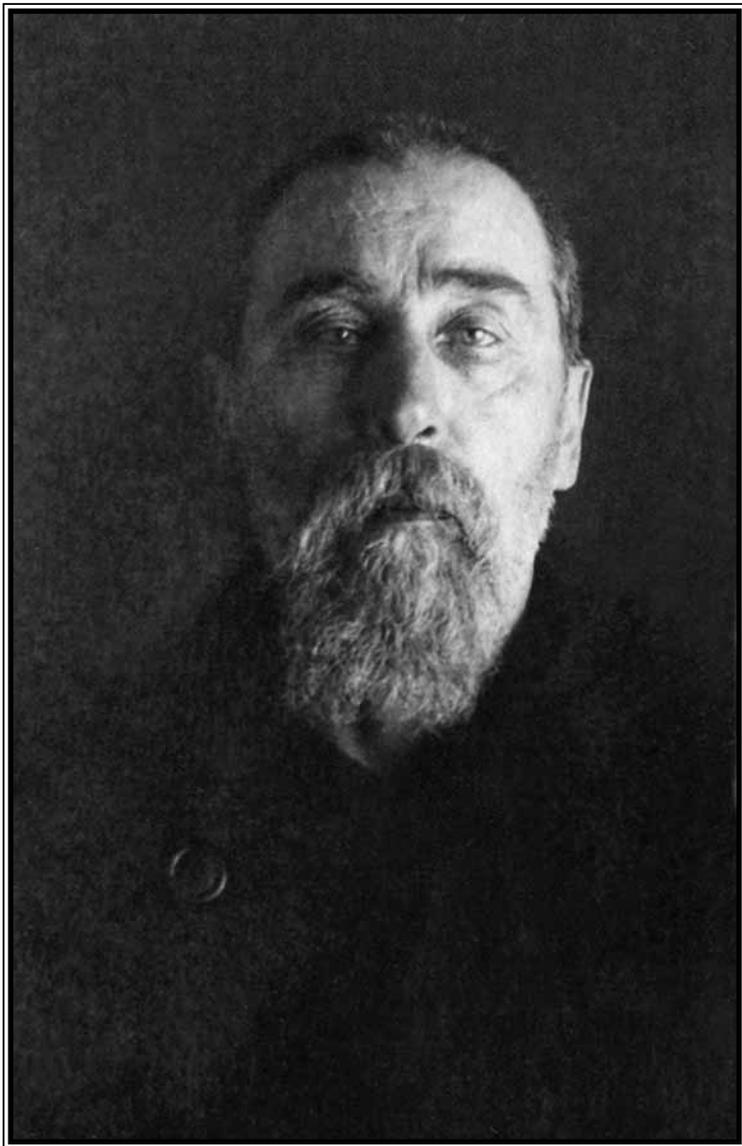
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Смирнов)

Священномученик Иоанн родился 25 января 1879 года в селе Лопасня Серпуховского уезда Московской губернии в семье священника Михаила Смирнова, который умер еще до рождения сына. Чтобы прокормить семью, матушка отца Михаила поехала в Москву к своему брату священнику, который помог ей устроиться просфорницей в Ильинский храм на Воронцовом Поле; наряду с этим она еще и шила на дому.

После окончания в 1899 году Московской Духовной семинарии Иван Михайлович был в 1901 году рукоположен в сан диакона и служил в Москве при домово́й Вознесенской церкви на Большой Серпуховской улице, а также состоял законоучителем в некоторых московских женских городских училищах. В 1907 году отец Иоанн поступил в Московскую Духовную академию, которую окончил в 1911 году и в том же году был рукоположен в сан священника.

С 1914 по 1918 год священник Иоанн Смирнов занимал кафедру славистики в Московской Духовной академии. Протоиерей Иоанн получил степень магистра богословия в 1918 году за работу «Синайский патерик в древнеславянском переводе». Во время работы над своей диссертацией он сделал ряд церковно-исторических открытий и был удостоен Макарьевской премии. После

Протоиерей Иоанн Свиринов

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

закрытия в 1919 году Московской Духовной академии отец Иоанн до 1923 года служил в городе Бутурлиновка Воронежской губернии.

С 1923 по 1932 год священник Иоанн Смирнов служил в Свято-Духовской церкви, что на Лазаревском кладбище в Москве. В 1925 году он стал настоятелем этого храма. В один из воскресных дней 1932 года храм был внезапно оцеплен милицией, настоятелю объявили о его закрытии и конфискации имущества.

С 1932 по 1935 год он служил в Тихвинской, что в Сушеве, церкви, откуда 25 марта 1935 года был переведен в Троицкую церковь на Пятницком кладбище.

30 декабря 1935 года он был назначен на служение в Знаменскую церковь у Крестовской Заставы. Здесь отец Иоанн прослужил до своего ареста 22 ноября 1937 года. В тот же день священник был допрошен.

— Кого вы знаете из священников, которые арестованы за контрреволюционную деятельность, и назовите их фамилии.

— Я знаю Бориса Павловича Ивановского, который служил в церкви святителя Григория Неокесарийского священником. Сейчас он арестован за контрреволюционную деятельность. С ним я был знаком и поддерживал связь до его ареста, знаю его как бывшего сослуживца на Пятницком кладбище.

— Имеете ли вы связь с границей и с кем именно?

— Я связей с границей не имел и не имею.

— Следствию известно, что вы являетесь участником контрреволюционной группы и проводили антисоветскую пропаганду среди верующих. Признаете ли вы себя в этом виновным?

— Я в контрреволюционной группе не состоял и контрреволюционную агитацию не проводил. Со священником Ивановским знаком, с ним связь поддерживал как с бывшим сослуживцем, который в данное время арестован органами НКВД.

7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Иоанна к расстрелу.

10 декабря 1937 года, в день престольного праздника Знаменской церкви, где служил протоиерей Иоанн Смирнов, он был расстрелян на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 31440.

Голубцов С., протодьякон. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999. С. 53–55.

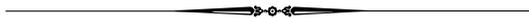
Умолкнувшие колокола. Новомученики Российские. Жизнеописания.

Сборник статей. М., 2002. С. 6–13.

Ноября 27 (10 декабря)

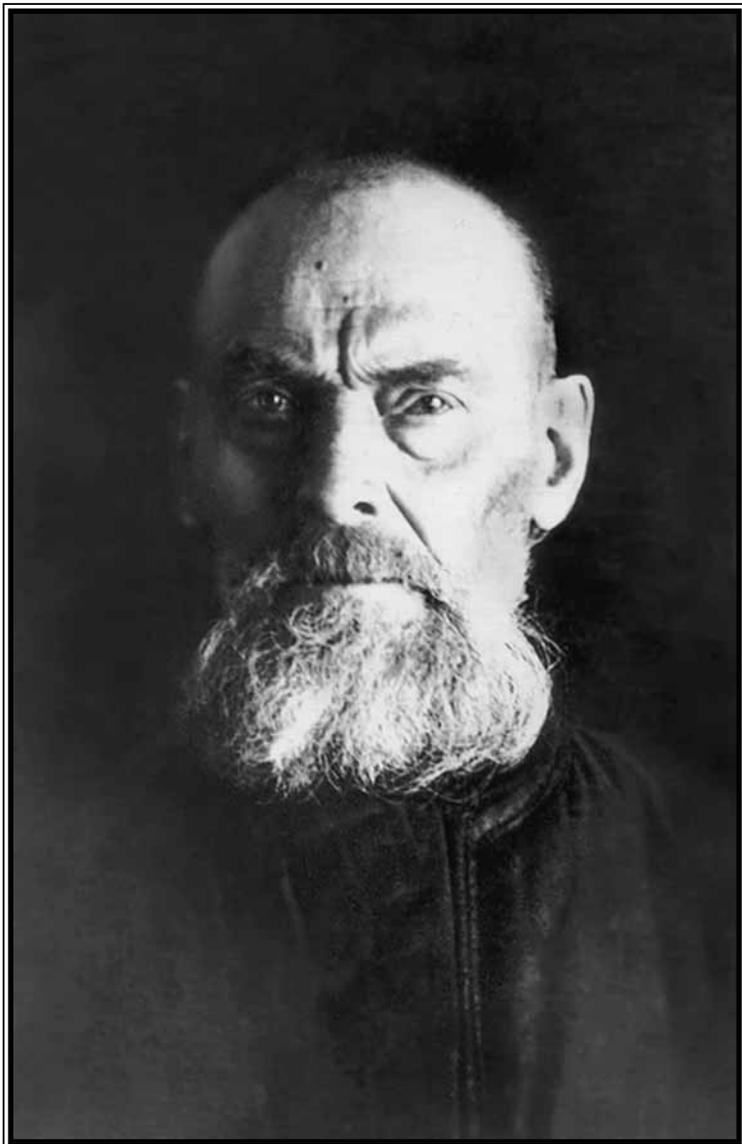

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Сергий (Аманов)

Священномученик Сергий родился 1 апреля 1873 года в городе Касимове Рязанской губернии в семье псаломщика Ивана Аманова. Отец Сергия умер в 1916 году. В 1894 году Сергей Иванович окончил Рязанскую Духовную семинарию, женился и в 1897 году был рукоположен в сан священника ко храму в селе Колесня Михайловского уезда Рязанской губернии. Село было очень бедное и по тем временам небольшое, всего около двухсот домов. Здесь у отца Сергия и его супруги Марии Яковлевны родилось одиннадцать детей, трое из них умерли в младенчестве. С началом гонений на Русскую Православную Церковь большевики сделали попытку в 1918 году убить священника и пришли к нему в дом. Спасло его тогда от смерти лишь то, что он уехал в другое село, где надо было отпеть почившего священника.

В 1929 году в связи с коллективизацией от жителей села Колесня потребовали сдачи зерна в таком количестве, в каком крестьяне никогда раньше не собирали, причем от отца Сергия потребовали зерна больше всех. Крестьяне, посоветовавшись, решили, что могут сдать только половину этой нормы. «При проведении кампании по хлебозаготовкам» местные власти, как они о том сами писали впоследствии, «столкнулись с фактом несдачи крестьянами хлеба более 50% нормы». Это обстоятельство, особенно в связи с осложнениями, при которых проходило утверждение пла-

Священник Сергей Иванов

Тюрьма НКВД. 1937 год

на хлебозаготовок на пленуме сельсовета и общем собрании граждан, навело их на мысль, что есть какая-то сила, противодействующая ходу хлебозаготовок.

24 сентября 1929 года следователь допросил священника, предъявив ему обвинение в противодействии хлебозаготовкам и в антисоветской деятельности. Выслушав обвинения, отец Сергей сказал: «Виновным себя не признаю. По делу могу лишь показать: в церкви я действительно обратился к верующим и просил мне помочь материально деньгами. О непосильности наложенных на меня налогов я не говорил, а говорил лишь только о том, что мне трудно выплатить все платежи, так как вы сами, некоторые верующие, мне ничего не платите, тогда как с меня учитывают в полной мере, за весь приход. О заготовках хлеба — в церкви не было сказано ни слова. На Пасху я действительно приветствовал христиан и говорил, что мы должны хранить в себе веру, но о власти не было произнесено ни одного слова. Я совершенно лояльно отношусь к советской власти, и когда утверждали устав нашего религиозного общества, я произнес речь, в которой указал на то, что в нашем обществе ни в коем случае не должно быть противников власти, и всегда я старался государственные повинности выполнить первый. К толпе я никогда не обращался, а обращался, если было нужно, прямо к центральной власти. Я считаю наложенную на меня норму хлеба неправильной и непосильной, так как у меня не было такого урожая. От секретаря сельсовета я узнал, что на меня наложено сто семьдесят пять пудов ржи, он указал, что сегодня вечером будет пленум сельсовета, на котором я могу подать свое заявление, так как сам он от меня его не принял. Когда я пришел к сельсовету, выяснилось, что пленума не было».

23 октября 1929 года власти арестовали отца Сергия и шестерых крестьян. В тот же день священник подал следователю заявление, в котором писал: «Начальник милиции при Захаровском ВИКе при мне доложил начальнику милиции Рязанского округа,

что я будто бы отказывался платить хлеб и агитировал граждан не платить хлеб. Не знаю, откуда начальник милиции почерпнул сведения, но эта кляуза не соответствует действительности.

Прошу допросить всех членов сельсовета и председателя комитета взаимопомощи, что я еще 5 сентября подал письменное заявление, где обещался сдать немедленно излишки хлеба, но просил приставить контроль при обмолоте моей ржи и очистке зерна за мой счет. И после неоднократно просил сельсовет о том же. Это исполнимо. Требовалось только распоряжение, а каждый член сельсовета рад бы был при других условиях заработать при безработице. Но было не выгодно контролировать меня, так как членам сельсовета пришлось бы последовать моему примеру — выяснить добросовестно у себя и у других граждан наличие излишков хлеба, устроить соревнование в сдаче хлеба. А у них у первых были излишки хлеба... Они не удовлетворили моего ходатайства, а я еще в сентябре сдал бы рожь. Говорят, что у нас много дворов, тогда бы пришлось и у них контролировать. Но это неверно фактически. Никто не заявлял желанья контроля у себя, и забегать вперед, говорить о них не было основания. А если бы нашлись таковые граждане, то это следовало бы приветствовать и даже устроить бы соревнование. Ни труда, ни расхода для сельсовета, а для государства была бы польза. Не потребовалось бы ходить по амбарам, рыться в сундуках, арестовывать и увеличивать делопроизводство в судах. Я уверен, что, глядя на членов сельсовета, и граждане не очень бы беспокоили своими просьбами сельсовет.

5 октября председатель сельсовета указала мне машину, и я 6 октября обмолотил. Одна копна не обмолочена по случаю поломки машины, после она ручным способом обмолочена. Ждал очереди получить веялку. Не дождавшись, перевеял поломанной веялкой и сдал государству.

Итак, я стремился сдать, что имел. Но от покупки ржи для сдачи я отказался. Кляуза обо мне исходит от тех, которые устро-

или ширмы из меня для прикрытия своих фактических излишков».

22 ноября следствие было закончено. Отца Сергия обвинили в том, что будто бы он, «используя религиозные предрассудки крестьян, в особенности женщин, в целях ослабления мощности советской власти произносил в церкви проповеди, указывая в них на невыполнимость хлебозаготовок, а также на то, что советская власть одурачивает крестьян, соблазняет их и тому подобное».

29 января 1930 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Сергия к трем годам заключения в концлагерь. Наказание он отбывал в Пенюжском, Архангельском и Вишерском лагерях. В феврале 1932 года отец Сергей вернулся домой, и ему пришлось устроиться счетоводом в совхозе. Через полгода он был уволен по сокращению штатов. Полгода он был без работы, а затем был назначен настоятелем Пятницкой церкви в селе Мягкое Серебрянопрудского района.

22 ноября 1937 года отец Сергей был арестован, заключен в тюрьму при районном отделении НКВД в Тульской области и через несколько дней допрошен.

— Допрошенные нами свидетели Крюков, Пименов и другие показали, что в разговорах с ними вы проводили антисоветскую агитацию, — и следователь зачитал показания свидетелей. — Следствие требует от вас признания своей вины.

— Никаких антисоветских разговоров я во время крестин никогда ни с кем не вел. Я считаю, что показания свидетелей по этому вопросу являются ложными, ни на чем не основанными. Я хорошо помню, что в деревне Есипово я причащал одну молодую девушку — фамилии ее я сейчас не помню, — которую через несколько дней я хоронил. Но никаких антисоветских разговоров я в это время не вел. Правда, перед выносом тела этой девушки для похорон я при большом стечении народа сказал, что умершая умела работать и умела молиться, она пожелала, чтобы

я ее причастил и она вкусила Святых Таин. Больше я ничего не говорил.

— Почему вы так упорно отрицаете свою вину в антисоветской агитации? По показаниям свидетелей Пименова, Крюкова, Соловьева и других, вы проводили активную антисоветскую деятельность. Признаете ли вы наконец себя виновным?

— Нет, виновным себя в антисоветской деятельности я не признаю. Не отрицаю, что во время похорон девушки Андреевой из села Есипово я обратился к присутствующим колхозникам с утешительной речью, что она, умершая, умела и работать, умела и молиться Богу, причастилась и вкусила Святых Таин. Это для нее дороже всего. В разговоре с колхозником Пименовым я также никакой антисоветской агитации не вел. Я не отрицаю, что осенью 1936 года я у него в доме хоронил квартиранта по имени Павел, а так как за похороны я с него ничего не брал, то в связи с наложением на меня налога, который я считал неправильным, я обратился к Пименову с просьбой о выдаче мне справки о бесплатных похоронах квартиранта, никаких других разговоров я с ним не вел.

26 ноября 1937 года следствие было закончено. 2 декабря тройка НКВД приговорила отца Сергея к расстрелу. Священник Сергей Аманов был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-65259.

Архив УФСБ РФ по Рязанской обл. Арх. № 1044.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Ноября 28 (11 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Алексий (Смирнов)

Священномученик Алексий родился 8 февраля 1890 года в селе Редино Солнечногорской волости Клинского уезда Московской губернии в семье псаломщика Александра Смирнова.

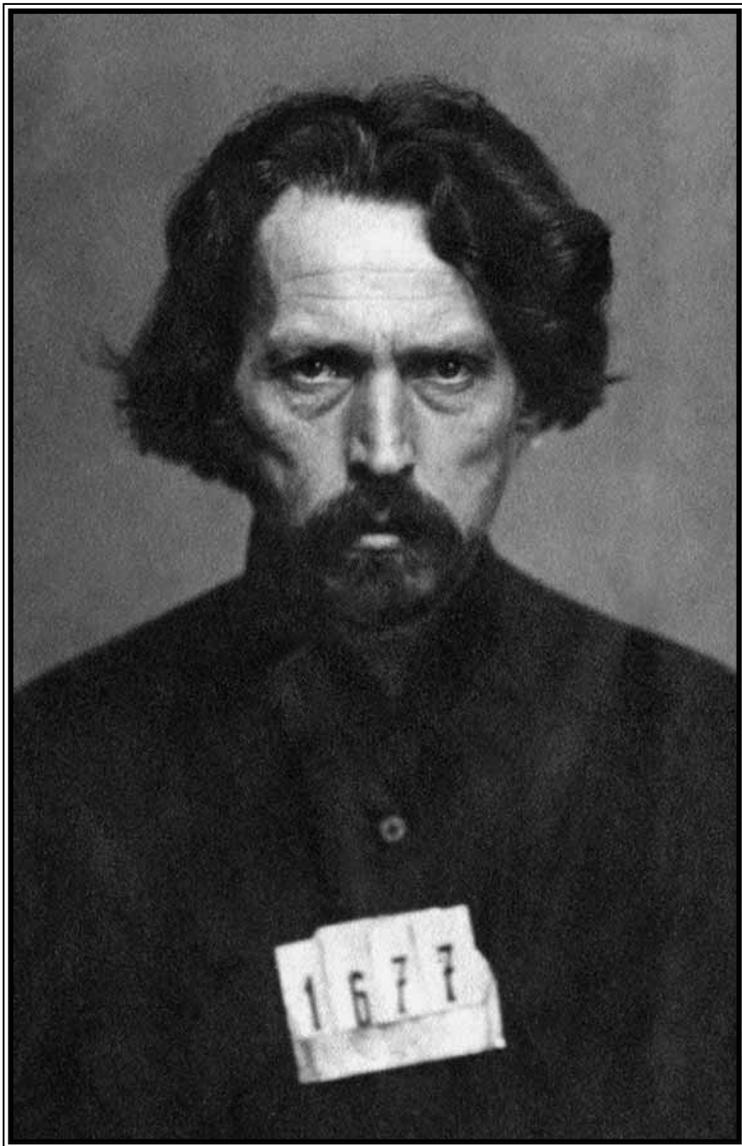
Поступив в Вифанскую Духовную семинарию, Алексий Смирнов окончил ее в 1915 году и 22 сентября был определен псаломщиком в Тихвинский храм родного села.

21 апреля 1916 года он был рукоположен во священника к Воскресенскому храму села Мерзлого Клинского уезда. В 1922 году отца Алексея перевели служить в Успенскую церковь Пречистенского Погоста того же уезда.

Хозяйство священника после революции было обложено большим налогом. За его неуплату он был осужден на один месяц принудительных работ.

Поскольку новая безбожная власть поставила своей целью уничтожение Русской Православной Церкви, то все ее мероприятия были направлены для достижения намеченного. Одним из средств для этого служили большие налоги, которыми обладалось как духовенство, так и общины верующих.

По вопросу выплаты очередной страховки и налогов за пользование церковью 4 декабря 1929 года, в день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, состоялось собрание прихожан Успенского храма, на котором верующие приняли решение собрать требуемую сумму и уплатить налог.

Взвешенник Алексей Смирнов

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

30 декабря 1929 года ОГПУ арестовало священника Алексея Смирнова и старосту церкви Григория Сивохина, обвинив их в распространении ложных слухов о скорой войне и возбуждении недовольства у населения советской властью. После ареста их заключили в Бутырскую тюрьму в Москве.

4 января 1930 года состоялся допрос священника.

— 4 декабря собрание состоялось в церкви после обедни, — сказал отец Алексей. — Собрание было по вопросу уплаты налогов, и на нем присутствовало около 200 человек. На этом собрании выступал Сивохин, который говорил, что «необходимо совместно уплатить присланную сумму, иначе у нас церковь закроют». Выступал ли кто-либо еще кроме Сивохина, я не помню. Со стороны граждан, присутствовавших на данном собрании, были предложения собрать деньги со всех. В результате было принято решение собрать по рублю со двора. Никаких эксцессов во время собрания и после не было.

— Говорил ли Сивохин о том, что «большевики собираются у нас закрыть церковь»?

— Ничего подобного он не говорил.

— Выступали ли вы на данном собрании?

— Нет, не выступал и ничего не говорил.

23 февраля 1930 года Коллегия ОГПУ приговорила священника Алексея Смирнова к заключению в концлагерь сроком на пять лет. Отбывать наказание священник был отправлен в Беломорско-Балтийский лагерь.

Вследствие зачета рабочих дней и применения льгот срок отбывания наказания отцу Алексею был сокращен на один год. В декабре 1933 года он получил документы об освобождении из лагеря.

30 мая 1934 года отец Алексей был назначен священноначалием служить в том же Успенском храме Пречистенского Погоста Солнечногорского района.

В конце 1930-х годов началась очередная волна гонения на Русскую Православную Церковь. Отца Алексея арестовали в день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы 4 декабря 1937 года и заключили в Таганскую тюрьму в Москве. 5 декабря он был допрошен.

— Назовите Ваших знакомых, их фамилии и адреса.

— Близких знакомых у меня никого нигде нет.

— Следствие располагает данными о том, что вы среди населения систематически вели контрреволюционную агитацию.

— В контрреволюционной агитации я себя виновным не признаю.

— Вы одновременно среди населения высказывали провокационные слухи о гибели советской власти.

— Провокационных высказываний с моей стороны никогда нигде не было.

По требованию сотрудников НКВД председатель сельсовета 5 декабря 1937 года выдал справку, в которой дал такую характеристику священнику: «...священник гражданин Смирнов Алексей проживал на хуторе Успенье Мостовского сельсовета с 1935 года и по настоящее время. За время пребывания гражданин Смирнов занимался духовенством и кроме того, под видом подшивки сапог, вел антисоветскую работу среди избирателей, и особенно среди тех людей, которые ходили в церковь по воскресеньям и другим праздникам».

Следователем в тот же день, 5 декабря, были допрошены лже-свидетели. Один из них показал, что в день ареста беседовал со священником, который сказал: «Боюсь, что меня скоро заберут. В Клинском районе всех попов арестовали, и что только советская власть делает с религией — исключительно делает гонение... ссылают в лагеря людей невиновных с такой целью, чтобы они там умирали с голоду, там хлеба дают очень мало, жить очень трудно».

Последний допрос состоялся 7 декабря.

– Следствие располагает данными, что вы среди населения вели систематическую контрреволюционную агитацию?

– Я себя виновным в ведении контрреволюционной агитации среди населения не признаю.

9 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Алексея к расстрелу.

Священник Алексей Смирнов был расстрелян 11 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20298, д. 19659.

Ноября 30 (13 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Честнов)

Священномученик Иоанн родился 30 января 1874 года в деревне Запоторье Богородского уезда Московской губернии в семье священника Петра Честнова.

В 1904 году по окончании четвертого курса Московской Духовной семинарии Иван Честнов подал прошение об увольнении. В мае того же года он сдал экзамен на звание учителя церковноприходской школы.

29 июня 1904 года епископ Можайский, vicарий Московской епархии Парфений (Левицкий) определил Ивана Петровича на должность псаломщика Знаменской церкви в селе Амерево Богородского уезда. В 1905 году он был посвящен в стихарь.

В июле 1907 года Иван Честнов был переведен на место псаломщика в Крестовоздвиженский храм в селе Новое при реке Волге Клинского уезда.

В 1908 году Иван Честнов был рукоположен во диакона и митрополитом Московским Владимиром (Богоявленским) определен на служение к Воскресенской кладбищенской церкви в городе Подольске. С 1910 года он был также законоучителем в мужском и женском училищах города.

С 20 марта 1917 года диакон Иоанн состоял членом исполнительного уездного комитета духовенства и мирян, а в июле того же года был избран членом благочиннического совета Первого Подольского округа. За усердное служение Церкви Божией ко

дню Святой Пасхи 1919 года диакон Иоанн Честнов был удостоен Патриаршего благословения.

В 1920 году отца Иоанна рукоположили во священника, и 1 сентября митрополитом Крутицким Евсевием (Никольским) он был определен во священника в Знаменский храм в селе Захарьино Подольского уезда. 3 января 1921 года его снова перевели в Воскресенскую кладбищенскую церковь в городе Подольске.

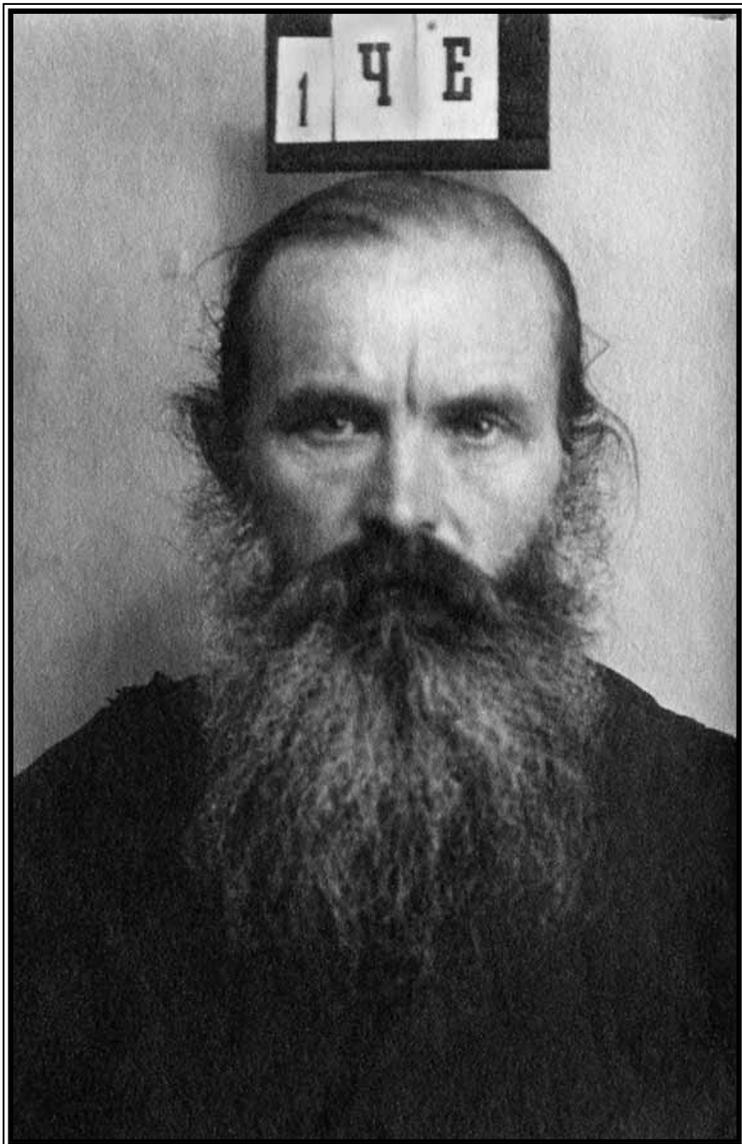
По благословению епископа Подольского Иннокентия (Летяева) в конце декабря 1928 года отец Иоанн был направлен в Михайло-Архангельскую церковь в селе Вертлинское Солнечногорского района Московской области. Здесь отец Иоанн в 1929 году был в первый раз арестован. Пробыв пять с половиной недель в заключении, он был освобожден.

Из-за невозможности постоянно платить большой налог, который безбожная власть накладывала на служителей Церкви, у отца Иоанна в феврале 1930 года в счет причитающихся недоимок была конфискована корова и часть имущества. Не имея постоянного жилья, он был вынужден просить архиерея перевести его на другой приход.

Преосвященным епископом Воскресенским Иоанном (Васильевским) 24 января 1930 года отец Иоанн Честнов был переведен в Успенский храм села Гжель Раменского района Московской области.

В начале 1930 года власти решили снять колокола с Успенского храма. Настоятель храма протоиерей Александр Виноградов пытался предотвратить это намерение безбожной власти. Женщины, прихожанки церкви, пришли на собрание граждан села Гжель и выступили против снятия колоколов. Из-за поднятого шума собрание чуть было не сорвалось.

На 1929 и 1930 годы пришелся один из периодов беспощадных гонений на Русскую Православную Церковь. Многие священнослужители в то время были арестованы, часть из них рас-

Священник Иоанн Цестюв

Москва. Тюрьма ОГПУ. 1930 год

стреляна, другие были приговорены к заключению или ссылке, где нередко умирали от болезней и голода.

Намереваясь арестовать священника, следователь ОГПУ в октябре 1930 года допросил несколько свидетелей. Все допрошенные дали необходимые следователю показания, ложно обвинив священника в различных антисоветских выступлениях. Эти лжесвидетельства подтвердил диакон Солертовский, служивший в одном храме с отцом Иоанном. Он рассказал, как в разговоре отец Иоанн однажды сказал: «...Несмотря на эти гонения, все же вера православная не угаснет и после гонения восторжествует». Эти и другие слова священника диакон представил как антисоветскую агитацию, заявив, что «попы Честнов и Виноградов при всяком удобном случае используют религию во вред существующему строю».

31 октября 1930 года отец Иоанн был арестован и 1 ноября допрошен. На вопросы следователя священник ответил: «На заданный мне вопрос относительно современного положения и существующей власти отвечу. Всякая власть дается от Бога, поэтому-то Бог в наказание за наши грехи и посылает власть. Народ достоин той власти, которая ему послана Богом. Если народ творит беззаконие, то Господь для исправления посылает тяжелую власть, и до тех пор, пока народ не обратится к Богу, ниспосланная Им власть будет продолжаться долго, а когда народ замолит свои грехи перед Богом, то существующая власть дойдет до такого положения, когда она сама придет к Богу и изменит свое отношение к религии, и тогда народ этот будет достоин своей власти. Для пояснения вышесказанного укажу свое мнение... В известный период на душу человека налетает нечто вроде пепла, отчего душа и сознание затемняются, человек теряет веру в Бога. Но это явление временное, так как если это затемнение проходит, то человек, именовавший себя безбожником, становится верующим. Как на пример из Священного Писания укажу на святого апостола Павла, который был гонителем веры Христовой, а потом стал

ревностным проповедником учения Христа. На поминках мне кто-то из присутствующих задал вопрос, который в точности я не припомню, но на который я ответил: стало много хулиганства, и все это потому, что родители плохо смотрят за своими детьми. Что же касается указания на то, что не нужно доверяться школьному воспитанию, то этого я не говорил... Виновным себя признаю в том, что, не имея права высказывать свою точку зрения на существующую власть и положение в местах большого собрания людей, я все же высказывал, но оговариваюсь, что к высказыванию меня вынуждали вопросы верующих, сам же я никогда беседы не начинал. В призывах к срыву уборочной кампании колхоза и угрозах колхозникам я виновным себя не признаю. Мои беседы и ответы верующим я суммирую следующими словами: народ делает зло друг другу, и я как пастырь хотел привести народ к миру. Мои призывы и беседы имели целью вразумить народ и привести их к вере Христовой, так как если вера Христова укрепитя, то и существующая власть также подойдет к этой вере, и вот тогда-то и установится власть, угодная Богу».

22 ноября 1930 года тройка ОГПУ приговорила священника Иоанна Честнова к трем годам ссылки в Казахстан.

После отбытия срока наказания отец Иоанн вернулся в Московскую область. Поскольку проживать в стокилометровой зоне от Москвы ему было запрещено, он поселился в городе Можайске, где был священноначалием назначен служить в Вознесенский храм города. В 1934 году с помощью обновленцев власти решили закрыть храм. О всех трудностях этого времени, о том, как верующие защищали храм, подробно рассказывается в сохранившемся письме-заявлении общины Вознесенского храма, направленном 21 августа 1934 года в Московский областной исполнительный комитет в отдел по вопросам культа.

«В мае 1933 года в наш храм Вознесения Господня, — говорится в заявлении, — совершенно неожиданно и безызвестно для православно-верующих был зарегистрирован приехавший свя-

щенник обновленческой ориентации. Несмотря на наши протесты, он упорствовал в своем направлении и тем самым заставил нас оставить этот храм своим посещением и перейти, несмотря на все трудности, неудобства и неуспеваемость исполнителей религиозных потребностей, в соседний храм. Для своего существования он дерзнул некоторые церковные вещи продать и тем самым подпасть под уголовное дело, скрылся, поставив на свое место заместителя, который от чрезмерного употребления алкоголя и голода лишился жизни и был найден семидневным трупом в подполе церковной сторожки, какового, к великому прискорбию и низости обновленцев, милиция города Можайска хоронила за свой счет.

Это было в январе 1934 года, тогда же в январе был зарегистрирован третий их священник Максимов, который, приняв еще при жизни покойного ценности храма и ключи, не показываясь верующим, не передав ключи в районный исполнительный комитет, с ключами уехал в Москву неизвестно для какой цели. Мы верующие не знали, в чем же дело? Храм стоит запертым, службы в нем не происходит. Стали спрашивать, почему храм закрыт и у кого же ключи? Обращались периодически ко всем органам власти о месте нахождения церковных ключей, но ответ получали отрицательный: никто не знает, где ключи, и власть храма не отбирала и не закрывала. Предложили подать заявление о существующем положении. Православно-верующие подали в горсовет заявление. Горсовет, рассмотрев заявление, разрешил подыскать мастера и подобрать ключи, и, если в храме не препятствует техническое состояние храма-здания, подыскивайте себе священника и отправляйте свою молитву. В таком положении было все исполнено. 11 июля зарегистрировали в районном исполнительном комитете избранного нами священника. Приведя храм в полный порядок и совершив три-четыре службы, являются — после семимесячного укрывательства и молчания — обновленцы с каким-то полномочием от Мособлисполкома,

просят председателя районного исполнительного комитета опечатать храм Вознесения. 23 июля храм опечатали как бы на один день до выяснения этого вопроса с верующими 25 июля сего года. 25 июля явились в районный исполнительный комитет и горсовет верующие и не являвшийся более семи месяцев обновленческий служитель культа Максимов с каким-то своим представителем, но не имеющим никакого отношения к храму и приходу, и после долгих дебатов пошли в храм, опечатали все в ризнице... Районный исполнительный комитет дал разрешение на созыв общего собрания православно-верующих на 29 июля 1934 года. Собрание состоялось. Исполнительный орган избран, и протокол общего собрания представлен в районный исполнительный комитет, каковой велел явиться за результатом через один-два дня. Явившись за результатом 31 июля, 1 августа нам районный исполнительный комитет в решении отказывает ввиду того, что от обновленцев поступило заявление о протесте. И обновленческий служитель культа Максимов стал собирать подписи и набрал, как известно, до 11 человек, совершенно лиц не относящихся не только к приходу и храму, но и к вере, и на основании этих одиннадцати подписей председатель районного исполнительного комитета дал распоряжение его зарегистрировать... Ставится теперь невольно вопрос: кому же сдается молитвенное здание? Служителю культа для эксплуатации или же верующим для исполнения своих религиозных потребностей, для чего они избирают себе служителей культа? Коренной приход сего храма — деревни и часть города — совершенно обновленцев не желает и отказывается от уплаты при них каких бы то ни было налогов. А посему, на основании вышеизложенного, ходатайствуем и просим Московский областной исполнительный комитет, отдел по вопросам культа дать распоряжение районному исполнительному комитету и горсовету о передаче храма Вознесения в пользование коренному православно-верующему населению нашей общины».

Властями храм так и не был отдан верующим. Отец Иоанн обратился к священноначалию о назначении его на другой приход. Поскольку в этот период храмы в большом количестве закрывались безбожными властями, многие священнослужители лишились приходов. Кроме того, другие священнослужители вернулись из ссылок и лагерей, имея запрет на проживание в крупных городах страны. Заштатное духовенство порой долго ожидало назначения на приход. Поскольку отец Иоанн имел запрет на проживание в стокилометровой зоне вокруг Москвы и милиция отказывалась его регистрировать в Московской области, священноначалие посоветовало ему обратиться с прошением к архиереям соседних с Московской епархий о принятии в клир и назначении на приход.

Отец Иоанн в октябре 1934 года послал прошение архиепископу Тамбовскому Вассиану (Пятницкому) о принятии в клир Тамбовской епархии. В феврале 1935 года был получен ответ от секретаря епархии, что «число приходов все более сокращается и в то же время растёт число безместного духовенства, которое неделями и месяцами ждёт очереди на командировку в тот или иной приход. При таких условиях замещений вакансий Владыка не находил удобным вызывать Вас и ставить Вас в очередь “ожидающих”. Но если Вы хотите рискнуть, то приезжайте, запасшись всеми необходимыми документами, хотя хороших приходов в настоящее время очень мало. Если Вам никоим образом нельзя устроиться в Московской или иной епархии, то можете на свой страх и риск приехать к Владыке».

В конце февраля 1935 года отец Иоанн обратился с прошением к архиепископу Тверскому Фаддею (Успенскому). 1 марта владыка прислал ответ: «В настоящее время нет свободных мест вообще, за сокращением приходов».

10 марта 1935 года отец Иоанн был назначен на служение в Михайло-Архангельский храм города Талдома Московской области. На праздник Пасхи Христовой власти запретили ему совершать обход домов верующих с молебнами. В первый день Пасхи

отец Иоанн пришел по приглашению церковного старосты Волкова к нему в дом на чаепитие. Кроме отца Иоанна присутствовали и прихожане храма. Был там и некто Агентов, который занимался изготовлением свеч для прихода. За чаем зашел разговор о современных событиях в мире, об антирелигиозной агитации и воспитании детей.

19 мая 1935 года следователь НКВД допросил Агентова в качестве свидетеля, который так рассказал об этой беседе: «За чаем возник разговор на политическую тему, в процессе которого Честнов произнес антисоветскую по содержанию речь: если бы русский народ твердо держался своей православной веры и был бы вооружен духом русского патриотизма, тогда бы не посмела советская власть арестовать ни одного нашего священника, потому что народ единодушно, все как один вышли бы на защиту духовенства. Русский народ попал под пагубную агитацию большевиков, забыл свою православную веру и потерял дух патриотизма. Германия так сильна потому, что в ней силен дух патриотизма, сильна любовь к своему отечеству. Во всех странах Европы каждая нация, каждая религиозная группа дорожит и поддерживает свою самостоятельность... Честнов делал вывод о неизбежности войны, заявляя, что вся международная политика сейчас сводится к тому, чтобы заставить Германию уничтожить большевизм, ибо она является виновницей этого, потому что она в Россию привезла в запломбированном вагоне товарища Ленина. Продолжая говорить, Честнов заявил: сейчас Германия под давлением всех держав должна начать войну против СССР, а за ней пойдут все остальные державы, имея одну цель — уничтожить большевизм, который угрожает всему миру».

В тот же день, 19 мая, отец Иоанн был арестован. На обороте ордера на арест он написал: «Прочитанное мне настоящее постановление подписывать отказываюсь, так как в предъявленном мне обвинении, изложенном в настоящем постановлении, виновным себя не признаю». Начались допросы.

— Следствием установлено, что вы, гражданин Честнов, будучи в квартире церковного старосты Волкова, рассуждали на политическую тему, высказывались, в частности, о том, что русский народ подпал под вредное влияние большевиков, забыл православную веру и потерял дух патриотизма, высказывая необходимость укрепления православной веры и русского патриотизма в стране, то есть в бывшей России, приведя в пример этого Германию. Вы себя в этом виновным признаете?

— Виновным себя в антисоветской агитации в доме Волкова я не признаю. Когда я был у него в доме, то вел разговор следующего характера. Люди, именующие себя христианами, в сущности, потеряли дух христианский, не так, как другие вероисповедания, в частности мусульманское, иудейское и лютеранское, центром которого считается Германия.

— Следствием также установлено, что вы во время совершения службы в церкви проводили коллективную исповедь, в которой призывали верующих не слушать безбожную агитацию, а также всеми силами стремились к разрушению воспитания детей, получаемого ими в школе, призывали родителей воспитывать их, наоборот, в богобоязненности и послушании. Признаете ли себя в этом виновным?

— Воспитания советской школой детей я во время исповеди не касался совершенно, я только говорил родителям, что мы, как христиане, должны воспитывать своих детей по-христиански.

Следователь провел несколько очных ставок между отцом Иоанном и свидетелями. 21 мая состоялась третья очная ставка, на этот раз между священником и прихожанином, который, судя по всему, был приставлен для наблюдения и передачи в НКВД всего того, что священник говорил народу.

— Скажите, свидетель, во время исповеди говорил вам гражданин Честнов, что нужно не слушать безбожную агитацию, потому что она вредна для души человека? — спросил следователь.

— Во время исповеди Честнов, получив ответ от исповедующихся на вопрос: «Веруете ли вы в Бога?», говорил следующее: многие не стали верить в Бога, внимая усилившейся безбожной агитации, нужно не слушать ее, потому что эта агитация вредна для души человека, — ответил лжесвидетель.

— Во время проведения коллективного исповедания говорили ли вы присутствующим о необходимости не слушать безбожную агитацию? — спросил у отца Иоанна следователь.

— Моя нравственная обязанность как священника оберегать своих пасомых от безбожия. И в этом сказанном мною не могу считать себя виновным.

— Скажите, свидетель, призывал ли священник Честнов во время исповеди присутствующих всеми силами стремиться к разрушению воспитания детей, преподаваемого им школой, а воспитывать детей в богобоязненности и послушании? — снова обратился к лжесвидетелю следователь.

— Во время исповеди священник Честнов говорил присутствующим, что в школе детям вселяют в души безбожное учение, которое родители дома должны всеми силами и средствами разрушать, воспитывая детей в духе богобоязненности и послушания, — ответил тот.

— Признаете ли вы себя виновным в том, что при проведении коллективного исповедания вы призывали участников всеми силами и средствами разрушать в детях воспитание, полученное ими в школе, заменяя таковое воспитанием в духе богобоязненности и послушания? — обратился следователь к священнику.

— Чтобы всеми силами и средствами разрушать школьное воспитание ребенка, мною так не говорилось. Я призывал родителей оберегать нравственное воспитание детей, как подобает христианину в молитве утром и вечером, и научать их по возможности молитвам до пятнадцатилетнего возраста.

После окончания следствия отца Иоанна перевели в Бутырский изолятор в городе Москве. 8 июня 1935 года тройка НКВД

приговорила священника Иоанна Честнова к трем годам ссылки в Казахстан.

Наказание отец Иоанн отбывал на станции Чу Чуйского района Казахской ССР. 23 ноября 1937 года он был арестован Чуйским районным отделением НКВД. После ареста состоялся допрос:

– Следствие располагает достаточными материалами, что вы вели, будучи в ссылке, антисоветскую работу. Дайте следствию правдивые показания.

– Повторяю, что, будучи в ссылке, я не вел никакой антисоветской работы, а поэтому и дать каких-либо показаний не могу.

На этом допрос и следствие были закончены. 4 декабря было составлено обвинительное заключение, где сказано, что «Честнов, отбывая ссылку в Чуйском районе, занимался нелегально исполнением религиозных обрядов, среди населения вел антисоветскую агитацию».

10 декабря 1937 года тройка УНКВД Алма-Атинской области приговорила отца Иоанна к расстрелу.

Священник Иоанн Честнов был расстрелян 13 декабря 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 49364, л. 42124.
ДКНБ по городу Алма-Ате и Алма-Атинской области. Д. П-1839.

Декабря 2 (15)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Феодор (Алексинский)

Священномученик Феодор родился 21 октября 1875 года в селе Каменки Мышкинского уезда Ярославской губернии в семье священника Николая Алексинского. В 1890 году Федор поступил в Ярославскую Духовную семинарию, а по ее окончании — в Московскую Духовную академию, которую он окончил в 1900 году со степенью кандидата богословия и был назначен учителем русского и церковнославянского языков в Краснохолмское Духовное училище.

В 1909 году он был рукоположен в сан священника к Страстному монастырю в Москве, в котором прослужил до его закрытия безбожными властями в двадцатых годах. После закрытия монастыря отец Феодор был назначен служить в храм Знамени Божией Матери на Каретной улице в Москве.

14 апреля 1931 года власти арестовали отца Феодора и он был заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Отца Феодора и всех арестованных, более тридцати священнослужителей и мирян, обвиняли в том, что они, «монахи и монашки ликвидированных монастырей, члены церковных советов, попы и бывшие торговцы, будучи активными церковниками-антисоветчиками, считающими советскую власть “властью антихриста”, группируясь во круг реакционных московских церквей, проживая группами и в одиночку, занимались активной антисоветской деятельностью, выражавшейся в организации нелегальных антисоветских “сест-

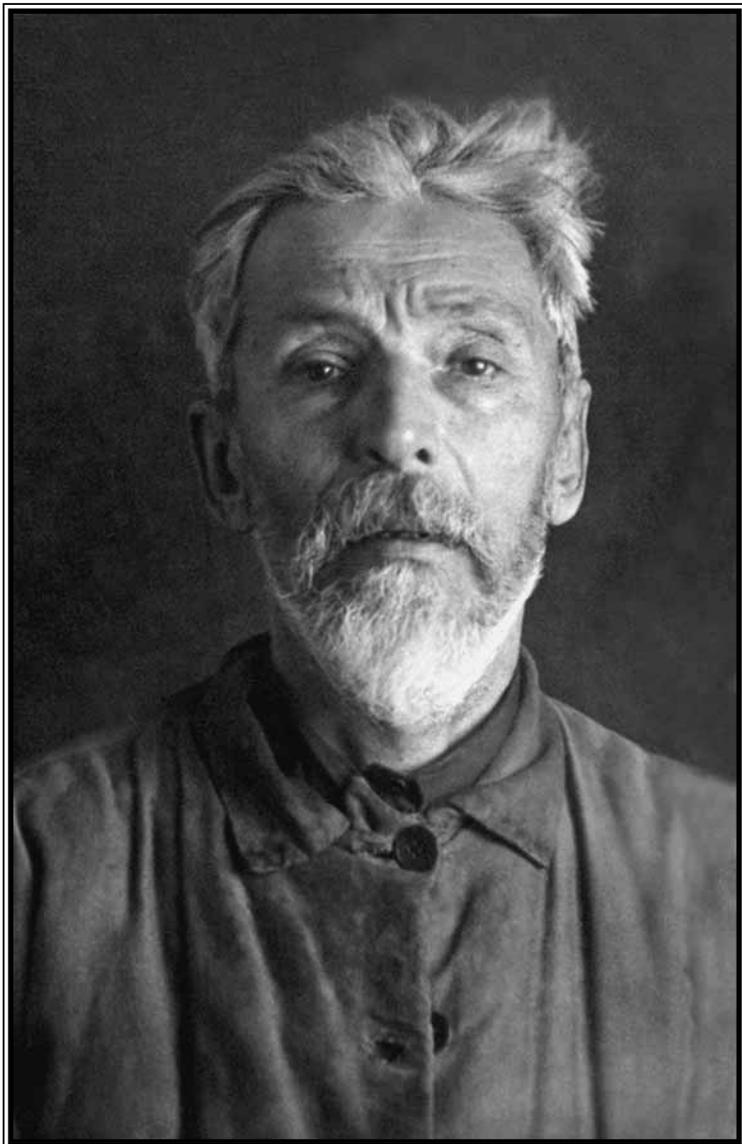
ричеств” и “братств”, оказании помощи ссыльному за контрреволюционную деятельность духовенству, произнесении проповедей контрреволюционного характера, антисоветской агитации о религиозных гонениях, якобы чинимых советской властью...» Будучи допрошен, отец Феодор сказал, что ни сам не вел антисоветских разговоров, ни при нем его знакомые таких разговоров не вели, а что было без него и какие разговоры вели его знакомые в его отсутствие, он не знает.

30 апреля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Феодора к трем годам ссылки в Северный край. Из ссылки он вернулся в 1934 в Москву, где оставалась его семья, но власти не разрешили ему жить в городе и заявили, что он может поселиться не ближе ста километров от Москвы. Отец Феодор выехал в Тулу, как ближайшую от Москвы область, но здесь не смог получить места священника и поехал в Патриархию, которая направила его священником в храм в селе Ивакино Уваровского района Московской области.

Отец Феодор был арестован 1 декабря 1937 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. 2 декабря сотрудники НКВД допросили его и лжесвидетелей.

Первым был допрошен сын расстрелянного в 1918 году священника; в тридцатых годах он стал учителем начальной школы в поселке. Он показал, что старушка, хозяйка дома, в котором жил отец Феодор, говорила ему, что священник после службы сказал верующим: «Православные, настало тяжелое время. Жить становится все хуже и хуже. Все идет по Священному Писанию. Скоро настанет время кровопролития». В августе 1937 года он, возвратившись из школы, зашел к священнику домой, и тот будто бы сказал ему: «Вот смотрите, если вы следите, а я знаю, что вы человек ученый, какое есть сходство со Священным Писанием. Писано, что церкви будут разоряться, на нас будут гонения».

Затем был допрошен председатель колхоза в деревне Потапово, где отец Феодор жил с августа 1937 года. Он показал, что со

Священник Георгий Алексиевич

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

времени перехода священника на жительство в деревню Потапково стало заметно падение дисциплины в колхозе, колхозники стали посещать церковь, а контрреволюционная деятельность священника проявилась в факте посещения домов колхозников. Священник даже пытался заходить в правление колхоза и вести разговоры о религиозных обрядах, но им, председателем, был дан отпор. В августе священник вел среди колхозников разговоры на религиозные темы, говоря: «Православные, грешно в праздничные дни работать, Бог вам за это не даст хорошей жизни. У Бога всё, от Него зависит ваша судьба — и в вашей семейной жизни, и в крестьянстве без Бога ни до порога». «В сентябре 1937 года священник пришел в канцелярию колхоза, — свидетельствовал председатель, — и просил, чтобы я не притеснял колхозников и разрешил им ходить в церковь, и говорил: “Трудное время настало. Бога забыли, а Бог вас стал забывать. Всюду настало уныние, войны, и придет время, что люди опомнятся, но будет поздно”. Я с ним не стал разговаривать и попросил выйти».

Затем был допрошен отец Феодор.

— Следствием установлено, что вы в августе 1937 года в беседе о существующем государственном строе высказывали недовольство советской властью и распространяли провокационные слухи о войне. Вы признаете это? — спросил священника следователь.

— Нет, не признаю. Это клевета на меня. Я против советской власти никогда ничего не высказывал.

— Следствием установлено, что вы среди колхозников деревни Потапково проводили агитацию за то, чтобы колхозники в религиозные праздники не работали. Этим самым вы разлагали трудовую дисциплину в колхозе. Вы признаете в этом себя виновным?

— Нет, я не признаю себя виновным. Я такой агитации не проводил. Никому я не говорил, что в религиозные праздники нельзя работать, — ответил священник.

На этом допросы были закончены и следствие завершено. 5 декабря тройка НКВД приговорила отца Феодора к расстрелу. Священник Феодор Алексинский был расстрелян 15 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19568.
ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-1086.
ЦИАМ. Ф. 229, оп. 4, д. 50.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Декабря 2 (15)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Димитрий (Благовещенский)

Священномученик Димитрий родился 22 октября 1879 года в селе Тимонино Богородского уезда Московской губернии в семье диакона Феодора Благовещенского.

По окончании духовной школы Дмитрий поступил в Московскую Духовную семинарию, где отучился один год. 22 мая 1900 года епископом Дмитровским Нестором (Метаниевым) он был определен во псаломщика к Знаменской церкви села Ильинское Коломенского уезда, а через год также епископом Нестором посвящен в стихарь. В 1904–1906 годах, состоя псаломщиком, Дмитрий Федорович безвозмездно проходил должность помощника учителя Ильинской церковноприходской школы.

20 сентября 1906 года указом митрополита Владимира (Богоявленского) он был переведен в Воскресенскую церковь села Ивойлово Воскресенского уезда на штатную диаконскую вакансию и 20 октября того же года епископом Серпуховским Анастасием (Грибановским) рукоположен во диакона. К этому же храму он был определен священником после рукоположения 1 января 1931 года.

До рукоположения Дмитрий Федорович женился на Павле Васильевне. Своих детей у них не было, но они взяли на воспитание девочку-сироту Катю 1910 года рождения, которая была им как родная дочь.

После революции власти неоднократно арестовывали отца Дмитрия: в 1918 и 1919 годах, в 1928 году и три раза в 1931 году — за то, что он был не в состоянии уплатить огромные налоги. В 1929 году в кампанию по раскулачиванию у Благовещенских отняли надел земли, корову, лошадь и увеличили налог вдвое — с 50 рублей до 106 рублей. Затем за неуплату этого налога и невыполнение твердого задания по древозаготовкам было конфисковано и другое имущество семьи.

В октябре 1931 года отец Дмитрий был осужден к высылке из Московской области, опять за невыполнение твердого задания. Храм мог остаться без священника. В одно из воскресений ноября отец Дмитрий после литургии зачитал приговор суда, заплакал и попросил прихожан о помощи. Люди в храме тоже плакали, потом собрали священнику денег, продуктов, и на какое-то время удалось отложить закрытие храма.

10 апреля 1932 года отец Дмитрий был вновь арестован, на этот раз по обвинению в антисоветской агитации, и отправлен в Волоколамский домзак.

На первом допросе священник сказал:

— Я, Благовещенский, против центральной советской власти никогда не возражал. Но против низовых представителей власти, работающих в деревне, в районе, как коммунистов, председателей сельсоветов и других лиц, я всегда проявлял и проявляю недовольство в силу того, что на местах к трудовому народу, а тем более к служителям культа, относятся... неверно; это я испытал на себе — когда меня за последние 2—3 года несколько раз привлекали к уголовной ответственности... что меня обижало, и я еще больше проявлял недовольство...

Меня не только притесняли по линии налогов, но и местная власть не разрешала иногда проводить молебны по домам прихожан... Как меня местная власть ни обижала, но всегда народ помогал, верующие мне очень сочувствуют.

На следующий день на другом допросе отец Димитрий добавил к своим словам:

— С полной откровенностью заявляю, что я никак не могу примириться с существующей советской властью и ее установленными порядками. Я считаю, что советская власть к народу применяет исключительно насилие. Возьмем вопрос религии. Религию изгоняют, притесняют и изживают, а служителей культа просто выкидывают за борт жизни. Куда служитель культа может деваться? Никуда. Создали такие условия, что везде нас изгоняют... а ведь существовать нам нужно. И все это проводится вопреки воле народа. Мы знаем, что как советская власть ни ведет работу, но все-таки... большинство из трудового народа... церковь любит и без религии жить не может.

Второе, я считаю, управление страной проходит очень неумело, в большинстве люди, поставленные руководить, не отвечают своему назначению, сами своими действиями вызывают недовольство среди населения, особенно среди служителей культа. Взять в пример меня — меня в течение революционного периода, а особенно в последние 2 года, несколько раз судили, налагали налоги, давали задания и обижали, даже несчастную собаку и то секретарь ячейки... застрелил — к чему это все? Разве это не издевательство, не насилие?..

Возьмем вопрос колхозного строительства — вместо добровольного в колхозы мужиков загоняют насилием, и каждый мужик, боясь репрессий, вынужден входить в колхоз, а что сейчас делается в колхозах? Крестьяне голодают... скот тоже находится без корма... сенокосы остались нескошенными... только потому, что у крестьян нет никакого желания работать на колхоз...

Я лично... свою точку зрения по отношению недовольства к советской власти не раз высказывал среди отдельных прихожан, и со мной вполне разделяли мое мнение... В предъявленном мне обвинении в проведении антисоветской агитации виновным себя признаю».

Начавшееся 11 апреля следствие уже к 13 апреля выдвинуло обвинение, а 27 апреля 1932 года судебная тройка при ОГПУ приговорила отца Дмитрия к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года.

Он был сослан в лагерь ОГПУ в Мурманской области. 15 декабря 1932 года священник Дмитрий Благовещенский скончался в 4-м лагерном пункте города Кемь Карельской АССР и погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, оп. 1, д. П-36760.
РГИА. Ф. 831, д. 236.

Декабря 5 (18)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Илия (Четверухин)

Священномученик Илия родился 14 января 1886 года в Москве в семье Николая Михайловича и Марии Николаевны Четверухиных. Николай Михайлович был сыном учителя, выходца из солдатского сословия; по окончании учительской семинарии он более 45 лет прослужил учителем; в последние годы жизни он преподавал русскую словесность в Военно-фельдшерской школе в Лефортове; за многолетнюю преподавательскую деятельность он получил орден Святого Владимира IV степени, дававший ему право на вступление в дворянское сословие, но в дворянство он записываться не стал.

В 1904 году Илья окончил с золотой медалью 2-ю мужскую гимназию на Разгуляе в Москве и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Здесь он глубоко заинтересовался вопросами духовной жизни. Чтение духовных книг привело его к серьезным размышлениям о смысле человеческой жизни. Впоследствии в одной из своих проповедей он рассказал, как еще девятнадцатилетним студентом читал труды святителя Феофана Затворника, которые его потрясли до глубины души. «Вся жизнь должна быть перевернута до дна. Постоянно надо помнить Бога, чему содействует непрестанная молитва». И вместе с тем он стал думать не только о себе, но и о других — «никто в бабки и в лапту не играет религиозно, воспитатели мо-

Священник А.И. Четверухин

1912 год

литвы Иисусовой не читают. А дальше — на улице и везде — во всей Руси — люди, чуждые христианского духа». Илья спросил у священника, как же спасаются. Священник ответил: «Предоставь всех Богу и не суди, а заботься о себе».

В 1906 году на первой неделе Великого поста Илья Николаевич поехал в Гефсиманский скит с надеждой побывать у старца, иеромонаха Варнавы (Меркулова). Отец Варнава назначил ему исповедь на утро пятницы. Исповедовав Илью Николаевича и еще двух монахов, отец Варнава отправился исповедовать в дома призрения Кротковой в Сергиевом Посаде. После исповеди он вошел в алтарь, опустился на колени перед святым престолом и отдал Богу свою праведную душу. Так Илья Николаевич, едва узнав старца, потерял его.

8 мая 1906 года Илья Николаевич поехал в Зосимову пустынь к иеромонаху Алексию (Соловьеву). Он довольно долго беседовал со старцем и исповедался у него с семилетнего возраста, как требовал того отец Алексей у всех, кто просил его принять в число духовных детей. «Отныне я беру вас в свое попечение, — сказал старец, — я должен буду ответ за вас давать на Страшном Суде, но вы должны мне за то обещать полное со своей стороны послушание».

Интересы духовные и религиозные стали с этого времени для Ильи Николаевича преимущественными, и он, оставив университет, летом 1907 года сдал экстерном экзамены за весь курс Духовной семинарии и поступил в Московскую Духовную академию. Поселившись в общежитии, он сразу же подружился со многими студентами; среди них были Николай Звездинский*, Сергей Садковский** и Владимир Троицкий***.

---

* Впоследствии епископ Серафим.

** Впоследствии епископ Игнатий.

*** Впоследствии архиепископ Иларион.

Протоиерей Улья Четверужин

1929 год

6 февраля 1908 года Илья Николаевич обвенчался с Евгенией Леонидовной Грандмезон, на свадьбе Сергей Садковский и Николай Звездинский были у него шаферами. Впоследствии у Ильи Николаевича и Евгении Леонидовны родилось шестеро детей. После свадьбы, в тот же день вечером, они выехали в Сергиев Посад и, отстояв на другой день литургию в Лавре, отправились в Зосимову пустынь, где встретились с отцом Алексием. Благословив и поздравив их, батюшка дал им большую просфору и сказал: «Я вам не желаю ни богатства, ни славы, ни успеха, ни даже здоровья, а мира душевного. Это – самое главное. Если у вас будет мир – вы будете счастливы». Их приезд в монастырь и говение отец Алексей очень одобрил и сказал им: «За то, что первые дни после брака вы посвятили пребыванию в монастыре и говению, вас Господь благословит и никогда не оставит».

В 1911 году Илья Николаевич окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия. Тема его кандидатской работы была «Жизнь и труды аввы Исаака Сирина». В этом же году Илья Николаевич был рукоположен в сан священника и первое время служил в храме при Ермаковской богадельне в Сокольниках. В начале 1919 года Ермаковская богадельня была большевиками закрыта, а вместе с нею закрыта и вскоре разрушена церковь, и отец Илия остался без прихода. Весной 1919 года скончался настоятель храма Николы в Толмачах протоиерей Михаил Фивейский, и отец Илья пожелал служить в этом храме, главным образом потому, что здесь в течение двадцати восьми лет в сане диакона служил его духовный отец иеросхимонах Алексей. Главный престол храма – в честь Сошествия Святого Духа на апостолов, южный придел – святителя Николая, северный – Покрова Пресвятой Богородицы.

Став настоятелем Николо-Толмачевского храма в 1919 году, отец Илья нашел его в бедственном положении. Богатые прихожане, бывшие раньше благотворителями храма, или умерли, или в связи с гражданскими смутами уехали, а в их домах поселилась

беднота. Диакон и псаломщик уволились. Не было ни дров, ни муки, ни свечей, ни деревянного масла для лампад, ни церковного вина. Первую зиму храм не отапливался и внутри искрился от инея. Богомольцев почти не было. Но все же всегда находилось немного муки, масла и вина, и служба не прекращалась. Отец Илья решил служить каждый день. Службы проходили благоговейно, торжественно, спокойно и строго. Отец Илья прилагал много усилий, чтобы каждое слово, произнесенное в алтаре или на клиросе, дошло до молящихся.

Постепенно в храм стало приходиться и приезжать все больше людей. Появились помощники и помощницы. Особенно привлекала личность священника – его доброжелательность, ум, всесторонняя образованность и личное обаяние. Исповедь отец Илья проводил на клиросе, исповедуя индивидуально и обстоятельно, часто предлагая советы и поучения. И постепенно сложилось общество людей, любивших и уважавших друг друга, привязанных к храму и к своему духовному отцу. Все прихожане с радостью принимали участие в уборке и украшении храма, в пении и чтении. Аналоги с книгами стояли уже не на клиросе, а в храме, так как священнику хотелось, чтобы как можно больше молящихся участвовало в богослужении.

Протоиерей Илья так описывал в 1924 году положение в храме в письме к епископу Звенигородскому, викарию Московской епархии Николаю (Добронравову), прося наградить наиболее усердных прихожан: «Скоро будет пять лет, как я поступил в Толмачевский приход. Трудно мне было начинать свое здесь служение. В первый же год я остался один из причта. Один из псаломщиков умер, другой перешел в богатый приход, диакон уехал в хлеботородные губернии и принял там сан священника, просфорня отказалась печь просфоры и уехала из прихода, трапезника, сторожа и звонаря не было при самом моем поступлении. Бог не оставил меня и расположил сердца прихожан помочь мне. Прихожане звонили на колокольне, убирали улицу около храма, пекли

просфоры, читали и пели в храме. И приходская жизнь в Толмачах не только не погасла, а разгорелась, не умерла, а расцвела».

Пение в храме было заведено простое, обиходное, без вычурности. Чтение было неспешное, четкое и громкое. По возможности полно соблюдался богослужебный устав, так что даже жившие по соседству старообрядцы стали заходить в храм. Проповеди отец Илья произносил не только за литургией, но и за каждой почти службой. Иногда это было слово на прочитанный евангельский или апостольский текст или ответы на вопросы прихожан. В этих случаях отец Илья, не готовясь заранее, принимал на несколько минут головой к святому престолу — и выходил на амвон. Говорить он мог и час, и полтора. Речь его лилась свободно, слова звучали ясно и убедительно. Они доходили до всех присутствующих в храме и глубоко проникали в их души. Перед праздниками и постами темой проповеди становилось событие предстоящего праздника. Ради сознательного восприятия заранее раздавался текст предстоящей службы. Отец Илья не забывал напоминать прихожанам, чтобы благодарили Бога за все — за себя, за других, за полученные блага: здоровье, имущество и тому подобное.

В одной из проповедей отец Илья сказал: «Некоторые говорят: мы не решаемся говеть, потому что боимся не оправдать доверия Господа, так как, получив прощение и милость Божию, опять будем оскорблять Его и только большее осуждение соберем на свою голову; лучше уж совсем воздержаться от причастия, не обманывая Господа. Но такой взгляд заключает в себе противоречие.

Говорящие так, ожидают чуда, которого не требует от них Господь: они хотят сразу после исповеди и Святого причастия сделаться совсем другими, чтобы зло уже не притягивало их, а добро влекло к себе и чтобы творить его без всякого труда. Но это будет насилие над человеческой грешной природой, если человек без всякого труда сделается хорошим, и никакой цены в глазах Божиих иметь не будет. Господу важно наше доброе произволе-

ние, наше желание встать на путь добра. Он никогда насильно не заставляет человека идти по этому пути.

Но скажут: мы имеем доброе желание исправиться, и в соединении с благодатью Божией это желание должно произвести перемену в нас, отчего же мы этой перемены не видим? Отчего мы остаемся такими же грешными после таинства покаяния и причащения, не чувствуем никакой перемены к лучшему? Но это говорит нетерпение. Невозможно требовать сразу перемены всего существа; греховные навыки, страсти не могут сразу покинуть душу.

Эта перемена происходит постепенно, медленно, незаметно для самого человека. Семя брошено в землю, и человек *спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он* (Мк. 4, 27). Целая жизнь нужна, чтобы выросло это семя и стало крепким деревом. Может быть, тайна сроков нашей жизни обусловлена ростом этого дерева. Господь как бы стоит над нами и следит за тем, как развивается этот пока еще слабый росточек под действием благодатной влаги и тепла; и когда он вырастет и укрепится, Господь и прекращает жизнь нашу.

Мы должны верить в свое спасение. И наше доброе желание, наша вера, с которой мы подходим к Святой Чаше, наши молитвы — все это не пропадает даром, все это сохраняется и собирается в глубине нашего естества, где происходит зарождение нового человека. Пусть этот человек еще мал, еще младенец, который не может пока шевелить ручками и ножками, который живет еще внутриутробной жизнью в утробе нашего духа, но важно, что этот младенец родился, важно, что у нас есть способность жить вечной жизнью, и эта способность, эта жизнь поддерживается в нас Святой Церковью. Таинства, молитвы, посты — все это составляет питание нового человека, который растет и развивается, может быть, незаметно для нашего взора. И если после раздражительности, злобы к родной матери, например, или иных чувств ветхого человека вдруг является нежность к ней, то это уже не ветхий человек говорит, а это начинает шевелиться новый человек. Царст-

во Божие наследует новый человек, который откроется в нашем естестве после смерти».

В то время как в храме шла глубокая духовная жизнь и преображение душ человеческих и возносились горячие молитвы к Богу о мире и благополучии родной страны, напротив церкви дверь в дверь в здании бывшей церковноприходской школы, превращенной в клуб имени Карла Маркса, велась антирелигиозная пропаганда: провозглашались и развешивались лозунги, призывающие к насилию и диктатуре. Под церковные праздники устраивались антирелигиозные мероприятия, и тогда навстречу крестному ходу двигалось шествие с богохульными транспарантами, в адрес молящихся неслись насмешки и ругань, а в священника бросали камни.

В эти годы в связи с декретом о всеобщей трудовой повинности священник и его жена обязаны были устроиться на работу, так как служба в церкви таковой не считалась. Отец Илья устроился научным сотрудником в Третьяковскую галерею, а Евгения Леонидовна стала работать делопроизводителем во Всеобуче. Священник и его жена рано утром уходили в храм, затем — в должность, затем снова шли в храм и уже после этого — домой.

В 1923 году власти арестовали отца Илью и он был заключен в Бутырскую тюрьму по обвинению в распространении контрреволюционных слухов, касающихся отношения властей к Патриарху Тихону. В тюрьме священника продержали три месяца. Вернувшись из тюрьмы, отец Илья рассказывал, как они молились в камере, как вызывали людей ночью и днем на допрос, этап или освобождение, как талантливо и задушевно пела шпана. Отец Илья, живший до этого в замкнутом, тихом мире, окунувшись в кипящий котел человеческих страданий, вышел из тюрьмы потрясенным. Особенно его поразила личность епископа Луки (Войно-Ясенецкого) — святителя и врача.

Одним из пристрастий священника была тогда любовь к книгам. У него была собрана огромная и бесценнейшая библиотека.

Здесь были книги и духовного, и светского содержания, старообрядческие рукописи, книги на греческом, фолианты с гравюрами, журналы и альбомы литографий. Всякую лишнюю копейку отец Илья употреблял на покупку ценных и редких книг. Всякий раз, когда отец Илья уходил на книжные развалы или на склады, оставшиеся от Афонского подворья, он возвращался со связками книг. Супруга с упреком говорила ему, что семье нечего есть. На это отец Илья, оправдываясь и возражая, говорил: «Ты только посмотри, что я принес! Это же мне очень нужно! Я об этой книге еще в академии читал! Ей же цены нет!»

В начале 1924 года власти предложили отцу Илье оставить храм или уйти с работы в Третьяковской галерее. Священник пришел домой расстроенный, а его жена перекрестилась и с облегчением сказала: «Слава Богу, Илюша! Наконец-то ты не будешь раздваиваться, а станешь настоящим батюшкой!» С этого времени священника записали в лишенцы, лишив каких бы то ни было гражданских прав. В соответствии с этим отобрали в доме часть комнат, а оставшиеся две обложили громадным налогом. Но на помощь пришли прихожане, которые всячески стремились облегчить жизнь семьи. Одна из них вспоминала об этом периоде своей жизни и о семье священника: «Батюшка служил тогда в храме в Толмачевском переулке. Приход был маленький, доходов — никаких, и немалой семье батюшки жилось трудно. Все мы старались облегчить им жизнь, но средств у нас в то трудное время было мало.

В Толмачевском храме службы были ежедневно. Утром — литургия, вечером — всенощная, которая затягивалась до девяти часов, так как батюшка сам канонаршил стихиры, а после службы нередко толковал нам тексты из Священного Писания, разъяснял, приучал нас понимать и любить богослужение или читал творения святых отцов.

Дорогой нам Толмачевский храм, сиявший мрамором и чистотой, озаренный мерцанием лампад, был до того холодный, что

к концу службы ноги примерзали к полу и еле двигались. Счастливое, незабываемое время! Матушка была неленостной помощницей батюшки. Она ежедневно утром и вечером была в храме. Получив музыкальное образование и обладая хорошими музыкальными способностями, матушка и читала, и пела, и регентовала. Часто, перекрестившись, она произносила с благоговением: «Слава Богу за всё!» Все беды, все испытания она принимала, как из рук Божиих, с верой и покорностью воле Божией».

Храм святителя Николая в Толмачах закрыли сразу же после главного храмового праздника — Дня Святого Духа — 24 июня 1929 года. Сын отца Ильи Серафим так рассказал об этом событии: «Это не произошло внезапно. На Пасхе пришли какие-то люди из Третьяковской галереи и сказали, что общее собрание сотрудников галереи постановило потребовать закрытия Николо-Толмачевской церкви и передать это здание галерее для расширения экспозиции. Пришедшие, вполне интеллигентного вида люди, благожелательно советовали сразу же согласиться с решением собрания и не протестовать, не заниматься бесполезными хлопотами. Они давали понять, что храм ожидает неплохая участь, ведь он попадает в культурные руки.

Среди сотрудников галереи, живших по соседству, было немало давних прихожан нашего храма, которые, плача, признавались священнику, что, по немощи человеческой, по боязни, они тоже голосовали “за”.

Услышав тягостное, но неувидительное по тем временам сообщение, отец Илья и приходской совет решили сделать все от них зависящее, чтобы отстоять храм, а там — да будет воля Божия! Было подано заявление в Моссовет, потом апелляция в Президиум ВЦИКа. Каждый день усиленно молились о сохранении дорогой святыни. Приглашенный фотограф запечатлел на память вид главного иконостаса, приделов, росписи, сфотографировал и священника, произносящего поучение. Заснял группу прихожан во главе с ним у северной стены главного храма и вид на коло-

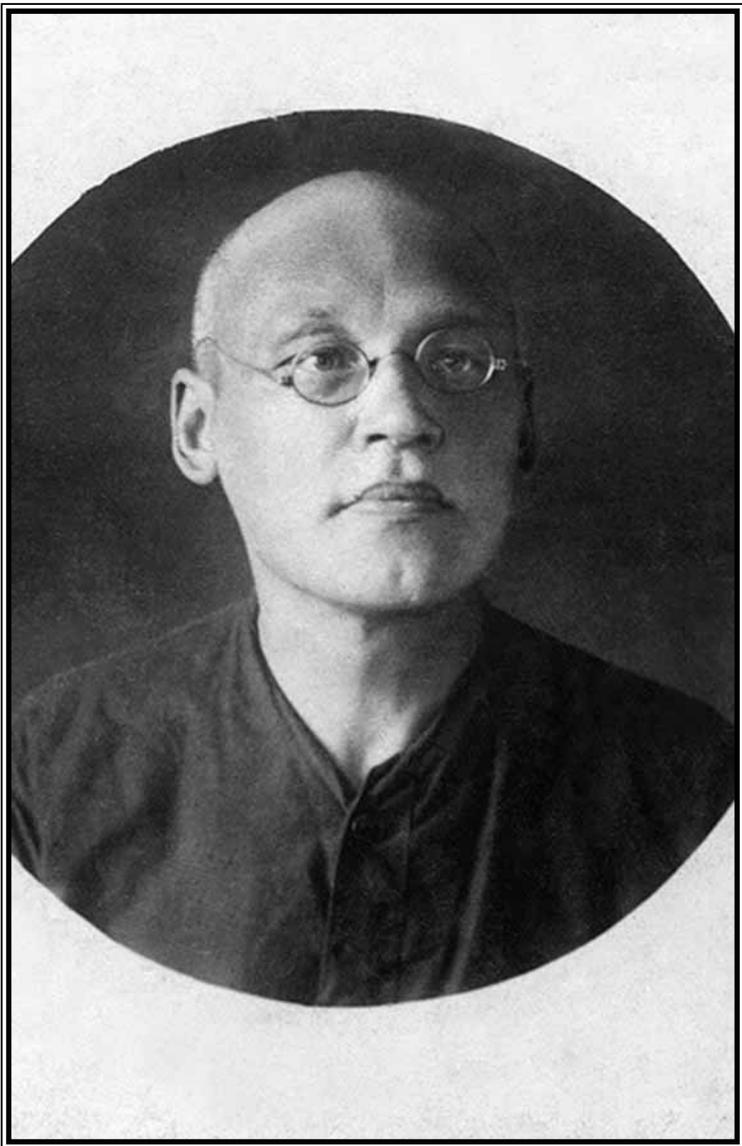
кольную. Господь решил по-своему, и хлопоты не увенчались успехом — везде было отказано.

Однажды, когда отец Илья вернулся из храма от литургии, в дверь постучали. Вошедший сказал, что он просит священника открыть храм и достать опись имущества, так как пришла комиссия принимать храм. Священник перекрестился, послал меня к матушке Любове за ключами, взял большие конторские книги, где были записаны иконы, облачения, утварь, книги и лампы, принадлежащие храму, и пошел на паперть. На ступенях, ведущих к храму, стояли незнакомые люди, вошедшие вместе с нами в отпертые матушкой Любовью двери. Не все из них сняли кепки.

Отец Илья после этого неделю лежал с сердечным приступом; новый владелец, люди, обязанные по долгу службы ценить и хранить красоту, быстро расправились с приобретением. Опустошили внутренность, сняли не только кресты, но и купола, и даже барабаны, разбили на куски певучие колокола, а потом разобрали до основания дивную, стройную колокольню. И вместо всяческой красоты остался на этом месте безобразный, лишенный жизни обрубок».

Оправившись после болезни, отец Илья стал служить в храме святителя Григория Неокесарийского на Полянке, куда перешли и его духовные дети. В этих обстоятельствах отцу Илье пришлось встретить 20-летие своего служения Церкви. Духовные дети собрались в доме у священника, и был зачитан благодарственный адрес, ими составленный, в котором, в частности, говорилось: «Сегодня исполнилось 20 лет со дня принятия Вами, дорогой батюшка, благодати священства, наполнившей Вас своими дарами, которые Вы свято храните в своей пастырской деятельности.

Сегодня в тесном кружке духовных детей, живущих под Вашим руководством, нам хочется сказать только об одном наиболее важном: руководстве и воспитании нас, Ваших больших возрастом, но малых духовным разумом детей, в духе Христовом. К каждому и в каждом случае Вы подходите особенно. Как апос-

Протоиерей Семья Четверужин

Вишерский лагерь. 1932 год

тол Павел говорил о себе, что он *всем бых вся* (1 Кор. 9, 22), так же можно сказать и про Вас. Кто бы ни пришел к Вам, с чем бы ни пришел, каждый находит отклик на всякую свою заботу или печаль. Иному нужна строгость, иному утешение, и каждому Вы даете именно то, что нужно ему.

Где, в каком храме можно видеть, чтобы священник, не жалея себя, исповедовал с утра до полудня и вечером до поздней ночи, как Вы?

Всех нас Вы знаете почти как самого себя. По лицу, по одному только выражению, даже только по тому, кто как подходит под благословение, Вы узнаете, в каком кто находится состоянии, и соответственно тому и сами отвечаете, как нужно, на это, как мы того заслуживаем. Вы не только заботитесь о нас, как родной отец. Там, где Вы не можете помочь делом, там помогает Ваша молитва. И невольно со всеми огорчениями и горестями мы прибегаем к Вам, потому что у Вас всегда находим участие, а главное — молитвенную помощь. Как часто бывало, что, когда Вы особенно пожалеете и помолитесь, — приходило облегчение, отходила неприятность, проходило нездоровье.

Даже вне храма, вне Вашего дома, на службе, в общении с миром — везде за нами следуют Ваши молитвы и невидимой броней одевают нас.

Много говорили Вы и говорите нам о любви к Богу и людям, но не только словами Вы учите нас, но и самым своим примером. Может быть, первое время в Толмачах многим из нас непонятны были слова о любви к ближним и мало говорили душе. Теперь же, когда мы узнали Вашу любовь, совсем иначе звучат те же слова. С Божией помощью и Вашими молитвами мы, бывшие некогда чужими, стали теперь близкими и родными между собой людьми».

На следующий день отец Илья остановил одну из своих духовных дочерей, которая была составительницей текста, и сказал ей: «Знаешь, этот адрес потряс меня до глубины души. Ведь здесь сказано всё, больше уже нечего говорить, всей моей деятельнос-

ти здесь подведен итог, теперь осталось только написать надгробную эпитафию».

Спустя год после этого отец Илья был арестован. Случилось это так. Некоторые из духовных детей священника работали в институте методов внешкольной работы. 23 сентября 1930 года в этом институте было проведено собрание, посвященное докладу о вредительстве в рабочем снабжении. После доклада была принята резолюция с требованием смертной казни для политических врагов. От сотрудников института потребовали, чтобы все проголосовали. Верующие женщины воздержались от голосования. Одна из них, Мария Ивановна Михайлова, заявила, что общее собрание не суд, что она против того, чтобы судить кого-либо, против смертной казни и вообще против насилия и суровых мер. Администрация института приняла решение об исключении ее из института. Однако нашлись верующие и не верующие, но сочувствующие ей люди, и они стали хлопотать перед властями о восстановлении справедливости, доказывая, что увольнение было незаконным. Тогда ОГПУ решило арестовать женщин и вместе с ними арестовать их духовного отца протоиерея Илью, а также наказать некоторых, помогавших им хлопотать, уволив их с работы.

26 октября 1930 года власти арестовали протоиерея Илью и он был заключен в Бутырскую тюрьму. Евгения Леонидовна вспоминала об аресте мужа: «За ним пришли поздно ночью. После краткого обыска наши “гости” собрались уходить. Когда батюшка совсем оделся, я сказала, что теперь надо помолиться. Они не протестовали, стояли без шапок. Я прочитала молитву, поклонилась в землю своему дорогому, он меня благословил, я его перекрестила и поцеловала.

Все вместе вышли из дома. Я его спросила: “Что ты сейчас чувствуешь?” — “Глубочайший мир, — ответил он. — Я всегда учил своих духовных детей словом, а теперь буду учить их и своим примером”».

В тюрьме отец Илья был помещен в небольшую общую камеру, где было столько людей, что на полу между нар лечь было негде, и первое время он спал на заплыванном, грязном полу под нарами. Через некоторое время ему уступил свое место на верхних нарах один добрый юноша. Место было очень узким, всего в одну доску, рядом с парашей. В тюрьме шпана сразу же обворовала священника.

Дело отца Ильи вел сотрудник секретного отделения ОГПУ Брауде, который настойчиво добивался, чтобы священник оговорил себя и других, подтвердив следственные домыслы, будто бы он состоял вместе с духовными детьми в контрреволюционной монархической организации.

Отвечая на его вопросы, отец Илья сказал, что он «священник тихоновского толка, с заграницей никакой связи не имеет. От всякой политики отошел. Как человек верующий, с коммунизмом я идти не могу. Идеи монархизма в настоящее время мне кажутся нелепыми. Вредительство я считаю подлостью; если человек не согласен с политикой советской власти, он должен говорить прямо. На эту ложь нет Божьего благословения. Михайлова подошла ко мне уже после своего выступления на митинге по поводу вредителей. Пришла и рассказала об этом. Она сказала, что выступила так, потому что это собрание и темы о вредительстве были для нее неожиданными и она была не подготовлена. Михайлова — моя духовная дочь и руководствовалась моим мнением, поэтому она и обратилась ко мне после своего выступления. Я ей ответил, что нельзя смешивать духовную жизнь с политикой. Голосуя против, она выступит против государства, и поэтому ей не нужно было этого делать. Больше у нас разговора с Михайловой на эту тему не было».

По окончании следствия сотрудник секретного отдела ОГПУ Брауде в обвинительном заключении написал: «По имеющимся в 5-м отделении секретного отдела ОГПУ проверенным сведениям, эта правая группировка педагогов, собираясь нелегально на

частных квартирах, обсуждала создавшееся положение и решила выступить в защиту Михайловой, используя этот инцидент для антисоветской агитации и борьбы с советской властью части сотрудников института.

Предпринятыми 5-м отделением секретного отдела ОГПУ мерами было установлено, что Михайлова является церковницей, тихоновкой, тесно связанной с активными контрреволюционными монархическими кругами, и в своем выступлении являлась их рупором. Было установлено также, что Михайлова усиленно посещает церкви, попов и квартиры многих других церковников-тихоновцев, известных ОГПУ как контрреволюционный, монархический элемент. В частности, Михайлова постоянно посещала квартиру давно известного ОГПУ монархиста, попа церкви Григория Неокесарийского Четверухина.

Привлеченная к следствию по обвинению в участии в контрреволюционной монархической группировке и антисоветской агитации, Михайлова показала, что происходит из духовного звания, до 1928 года жила на средства своей бабушки-попадьи. В Москве проживает с 1923 года. Отношение к советской власти лояльное. Всегда была верующей, церковницей тихоновского толка. Постоянно посещала церковь Григория Неокесарийского на Большой Полянке и квартиру священника этой церкви Четверухина, духовной дочерью которого считает себя и по настоящее время. На вопросы — с кем она встречалась на квартире у этого попа и какие там велись разговоры — Михайлова отвечать категорически отказалась. Отказалась также назвать всех своих знакомых.

Привлеченный к следствию по обвинению в участии в контрреволюционной монархической группировке и в антисоветской агитации поп Четверухин свое участие в монархической группировке отрицал».

23 ноября 1930 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Илью к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. 3 декабря ему был объявлен приговор.

5 декабря его этапом отправили в лагерь. В этот день его в последний раз видели прихожане при посадке в тюремный вагон, когда он благословил всех провожавших широким священническим крестом.

В начале декабря ударили сильные морозы, и это сделало его переезд мучительным, так как этап с заключенными ехал в нетопленном переполненном узниками вагоне. Затем пришлось идти пешком более ста километров от Соликамска до Вишеры. Дорогой отца Илью обокрали, отняв у него все теплые вещи, включая шапку, но он не обморозился, потому что у него все же сохранились валенки и шарф, которым он закутывал голову вместо шапки.

30 декабря священник написал супруге из лагеря: «Сегодня у меня первый раз выходной день в лагере, и я пользуюсь случаем, чтобы написать тебе. Если и впредь будут у меня выходные дни или я как-нибудь иначе приспособлюсь, буду писать тебе чаще. Однако не сразу, может быть. Дело в том, что здесь очень трудно достать открытки, конверты, бумагу, марки. Хотя ты и положила эти вещи в мою корзиночку, но их мало осталось, пропали где-то. Поэтому прошу прислать как можно больше открыток, конвертов и бумаги.

У меня пропала фетровая черная новая шляпа; что пропало из белья, не могу точно установить. Тут все пользуются всем казенным: верхним платьем, и бельем, и обувью, но все это делается по одному образцу на средний рост, поэтому мне подходящего ничего нет — ни шапки, ни шубы, ни пальто, ни брюк, ни валенок, ни белья, все мне придется иметь свое (рост 180 см.). Очень благодарен за валенки, я не могу себе представить, как я был бы без них и в дороге, и тут на работах. Очень благодарен за вязаный черный шарф, он очень мне нужен, я им завязываю свою голову на морозе, который доходит до сорока градусов. Очень благодарен за теплые варежки, за теплый подрысник, за фуфайки, одним словом — за все, чем снабдили меня мои родные. Пока что у меня теперь все есть и ни в чем я не нуждаюсь. Вот разве только прислали бы

мне на запас ложки две алюминиевые: ваша сломалась, с трудом достал деревянную, она тоже сломалась, достал с большим трудом теперь третью, которая служит мне. Купить здесь ложку очень трудно. Кружку вашу у меня украли, купить ее здесь также нельзя; к счастью, у одного из товарищей крестьян оказалась лишняя, алюминиевая, и он мне дал. Еще меня беспокоят мои очки. Если они у меня как-нибудь сломаются, я буду беспомощным. Поэтому, очень прошу, постарайтесь сделать другой экземпляр и прислать мне. Пришлите в футляре, без которого теперь мне трудно беречь очки. Ведь мы спим на нарах, очень скученно, ни столика, ни ящика, ни полочки для них нет. Я пока здоров, только страдаю сильным кашлем. Работаю все время на вольном воздухе: первые девять дней — землекопом, а потом, до сих пор, чернорабочим на стройке. Встаем в 5.50 утра, выходим на работу с 7 часов утра, с 12 до часу дня обедаем в роте, в 4 часа пополудни возвращаемся с работы, ужинаем, в 5.30 — вечерняя проверка, чай, и я, усталый от работы, валюсь спать.

Поесть дают: 1 кг черного хлеба каждый день, на обед порцию супа, на ужин — порцию каши или винегрета. Сахару на месяц 600 грамм. Кроме того, нам выдали продовольственные карточки, по которым мы можем получать дополнительно по 200 грамм хлеба каждый день, сахару 200 грамм в месяц, макарон 400 грамм в месяц, конфет 400 грамм в месяц.

Крепко, крепко тебя целую, мой милый несравненный друг. Я не падаю духом, и ты не унывай.

Моим знакомым передай поклон и привет. Всех их вспоминаю с теплой благодарностью.

8. II. 1931 года

...Теперь расскажу о себе. Живу я теперь в 3-й роте. Сплю на верхних нарах. В моем распоряжении 2,5 арш. длины и 3,5 арш. ширины. Тут и все мое имущество, которое частью висит и лежит над головой. Работаю по пять дней. Шестой день — выходной. Работаю по 8—9 часов в день. Одну пятидневку с 8 часов утра до 4 ча-

сов дня, другую с 4 часов дня до 12 часов ночи, третью — с 12 часов ночи до 8 часов утра. Раньше работал землекопом (9 дней), чернорабочим на стройке (9 дней), теперь рабочим на лесопильном заводе при ящичной мастерской (где пилят дощечки для ящичков). Моя работа — выгребать опилки из-под машин, выносить вон отрезки досок: “рейки” — края досок и “сухари” — концы досок. Работа не тяжелая, но очень утомительная, потому что продолжается без малейшего перерыва, все время на ногах, в движении и напряжении, и много приходится нагибаться к полу, что вызывает во мне пот и одышку. Я очень похудел, говорят — осунулся, но привык к физическому труду, и мне теперь стало легче, чем было сначала.

Ко мне в мастерской и в роте относятся хорошо, с уважением, даже с приязнью. Спасибо добрым людям!

Морозы большие, до тридцати восьми градусов по Цельсию. У меня украли из кармана в мастерской тот черный пуховый шарф, который ты мне передала при разлуке. Он был мне крайне нужен, пока я работал на вольном воздухе (землекопом и на стройке); теперь я работаю под крышей в отапливаемом помещении и могу обойтись без него. Меня одевают в казенное платье...

9.VII.1931 года

...Я писал тебе, что работаю теперь помощником делопроизводителя в больнице “Вишхимз” (т. е. Вишерского химического завода). Работаю много: я и регистратор при ежедневных амбулаторных приемах днем и вечером, я — табельщик стационарных больных и служащих больницы, я ежедневно переписываю порционные требования на довольствие больных, я слежу за поступлением больных в стационар, выясняю их документы, завожу истории их болезней, я, наконец, составляю весь медицинский отчет, ежемесячный и годовой по всем отраслям деятельности больницы, собирая для этого кропотливо, с большим трудом и с препятствиями массу разнообразных статистических сводок. Кроме того, еще несу труды и по текущей переписке больницы с

разными лицами и учреждениями. Ухожу на работу к 9 часам утра, возвращаюсь не раньше 9, а то и позже, вечера. Очень устаю, и некогда мне ни почитать что-нибудь для себя, ни подумать, и скоро ложусь спать. Может быть, отсутствие свободного времени мне на пользу, потому что думы мои летели бы к вам, мои любимые, и я тосковал бы больше и острее».

В начале августа 1931 года к священнику на свидание в Вишерский лагерь приехал его сын. Отец Илья рассказал ему, что «сейчас в лагере много заключенных монахов, священников, архимандритов. Есть даже члены приходских советов. Такие заключенные стараются общаться и помогать друг другу. Молиться и креститься на виду нельзя, это делается только под одеялом. Он уже начал привыкать к лагерной жизни, к своей 3-й, слабосильной роте, куда он наконец попал. От работы на свежем воздухе, при скудном, но в общем достаточном питании сил у него прибавилось, сердце стало работать лучше. Он говорил, что ко всему, даже к самому тяжелому, можно как-то приспособиться, и тогда станет жить легче».

Ко времени приезда сына отец Илья уже знал, что вся его с такой любовью и такими трудами собиравшаяся библиотека полностью пропала и супруга боялась, что это доставит священнику тяжелые переживания, и потому он велел передать ей: «Боюсь, что ты очень огорчилась из-за меня. Успокойся. Я уже не тот. Мне теперь кажется, что любовь к книгам мешала мне должным образом любить вас, мои дорогие. Слава Богу за всё! Он дал — Он и взял. Буди имя Его благословенно!..»

В конце мая 1932 года к священнику в лагерь приехала его супруга Евгения Леонидовна, которая спустя многие годы написала воспоминания о своем пребывании в Вишере. «В пять часов вечера, — писала она, — когда я, усталая, присела на койку, вдруг отворилась дверь и в ней показалась высокая худощавая фигура в желто-коричневом пальто — мой самый дорогой друг, мой ба-тюшка. Я услышала его слова: “Тут Четверухина?” Стрелой бро-

сила я к нему навстречу со словами “Христос воскрес!” и просила меня благословить. Батюшка отказался это сделать (тут были мои соседки — посторонние для нас люди), сказав, что он тут только заключенный. В продолжение шести вечеров батюшка рассказал мне о себе многое. Каждый день он вспоминал что-нибудь недосказанное и пополнял свою повесть. Сначала он говорил о самых тяжелых переживаниях, а напоследок уже о более легких, незначительных.

По приезде на Вишеру в декабре 1930 года он был определен на общие работы. Сначала приходилось в сорокаградусный мороз копать землю, которая едва поддавалась лому, затем пилить бревна, потом выгребать из-под лесопильной машины опилки, а для этого то и дело нагибаться к полу. И эта последняя работа настолько утомляла, что однажды он в изнеможении упал на опилки и уже не мог сам подняться. Его отправили в больницу, где он пробыл более двух недель. Едва только выписали из больницы, он должен был идти в командировку в Буланово, за пятьдесят четыре километра от Вишеры, а силы его еще не восстановились после болезни.

Начальство, отправляя заключенных работать, обещало, что они пойдут с отдыхом, проходя лишь по семнадцать километров в день, на деле вышло иначе. Им пришлось сделать этот тяжелый переход в продолжение одних суток. Под конец пути отец Ильи, совершенно обессиленный, падал на снег через каждые пять шагов, других же тащили под руки конвоиры. Наконец, поздно ночью доплелись до Буланова. Для ночлега отвели пустую нетопленную избу с выбитыми стеклами. Ныло все тело, и холод сковывал члены.

Пришло утро. Погнали их пилить хвойный лес. Батюшка не знал, как взяться за пилу: никогда он не был на такой работе. Снег был в лесу по грудь, и, прежде чем начать пилить деревья, надо было его притоптать. Отец Ильи стал объяснять начальнику, что он не может выполнять такую работу, и просил дать ему канцелярскую.

В ответ на это тот ответил язвительно: “Ты опять филонишь. Я тебя еще в Усолье заметил. Ты и там все от работы отлынивал”. А батюшка на Усолье и не жил, только мимо проходил. И пришлось ему покориться, и начал он вместе с другими валить лес. И пилил он до тех пор, пока не сломалась пила. Тут снова на него посыпались ругательства. Но вскоре приехал другой начальник, нужно было вести отчетность. Увидев его, он позвал: “Эй ты, очкастый, грамоте учился?” – “Учился”. – “Арифметику знаешь? Ну, будешь табельщиком”.

К 1 мая 1930 года отец Илья вместе с другими заключенными вернулся на Вишеру. Вскоре снова послали его на общие работы. Надо было с 7 часов утра до 11 вечера в паре с другим заключенным таскать по две толстых доски с берега на баржу. Чтобы успеть выполнить “урок” вовремя, на берег подымались чуть не бегом. К концу дня все плечи были до крови натерты, все тело болело.

В первый день “урок” был выполнен на все 100%, однако наутро, когда снова послали их на ту же работу, они сговорились таскать по одной доске — уж очень болели израненные плечи. К 11 часам вечера “урок” был выполнен только на три четверти, пришло начальство и приказало закончить сегодня же. И пришлось им доканчивать ночью.

Только в 3 часа ночи кончили “урок”, а в 5 часов надо было снова вставать на ту же работу. И в глубокой тоске он возопил ко Господу: “Господи, Пресвятая Богородица, святитель Николай, я всегда вам молился, и вы мне помогали, а теперь вы видите, что я совсем изнемог, что я готов умереть на этой непосильной работе, и вы меня забыли. Ну что же. Или мне больше уж вас не просить ни о чем?” Лег на нары, но спать не мог от сильной во всем теле боли и горько заплакал. Но к утру вдруг душа снова замолилась, смягчилось его сердце, и снова явилась преданность и вера в Промысел Божий. “Нет, Господи, — шептал он, — хотя бы я умерал в моих страданиях, я никогда не перестану молиться и верить

Тебе”. И тут произошло чудо. Когда в 6 часов утра все пошли на переключку, чтобы идти на работу, начальник, читая фамилию Четверухин, запнулся и вспомнил, что батюшку требовали в учетно-распределительную часть для какого-то дела. Оказалось, что он понадобился для написания отчета о работе в Буланово. Таким образом Господь избавил его от непосильной работы.

Рассказывал отец Илья о своих друзьях — заключенных священнослужителях, их было много в то время на Вишере. Как они старались держаться ближе, помогая друг другу. Как вместе молились, читая всенощную или вечерню, как исповедовались и даже причащались, как-то доставая Святые Дары.

Духовником батюшки на Вишере был архимандрит Донского монастыря отец Архип. Исповедоваться удавалось в необычной обстановке: колют вместе дрова, например, и батюшка в это время исповедует свои грехи, а по окончании исповеди отец архимандрит положит на его голову свою руку и прочитает разрешительную молитву. А молиться, класть на себя крестное знамение и причащаться Святых Таин можно было только лежа на нарах, закутавшись с головой одеялом.

После подачи отчета за батюшку стал хлопотать протоиерей Гирский, тоже заключенный. Он просил определить батюшку на Вишерский химический завод, и хлопоты эти увенчались успехом. Батюшка был назначен санитаром в больницу, но это была только одна из его многочисленных обязанностей. Он был и делопроизводитель, и регистратор, и еще много всяких обязанностей пришлось ему выполнять. Пришлось в продолжение почти восьми месяцев трудиться часто по шестнадцать часов в день без выходных. Но у него был отдельный кабинет с печкой, на которой он мог вскипятить воду для чая и погреться.

Однажды ему пришлось послужить одной туберкулезной больной. Она была очень плоха, лежала в больнице, и захотелось ей перед кончиной исповедаться и причаститься Святых Христо-

вых Таин. Он пришел в больницу как санитар, долго с ней беседовал, исповедал ее и причастил Святых Таин. Нельзя передать того счастья, которое испытывала эта страдалница. Она вскоре мирно скончалась, и родным удалось над ее могилой поставить крест. Там же был похоронен и иеромонах Антоний (Тъевар), бывший ученик профессора Московской Духовной академии И.В. Попова. Обе эти могилы украшались с любовью.

Все, начиная от самого главного начальника, врачи, сестры и санитары ценили отца Илью как усерднейшего работника и как прекрасного человека и любили его. Но кому-то это было неприятно, на батюшку наклеветали, арестовали и посадили в изолятор. Это было в конце января 1932 года. Помещение было не отапливаемое, с выбитыми стеклами, то и дело бегали крысы. Отцу Илье не говорили, в чем он виноват, а когда кто-то захотел за него попросить, ему ответили, что Илья Четверухин — величайший государственный преступник. В первый день в изоляторе была только одна шпана и было очень тяжело, но на следующий день его перевели в особое, изолированное от других помещение, и тут он ожил и был даже счастлив. Тем временем началось следствие. Стали поочередно вызывать из больницы медперсонал и младший штат служащих и допрашивать. И все давали о нем самые лучшие отзывы. Отец Илья просидел в изоляторе двадцать дней. По его словам, в изоляторе он обрел мир души: “Обретут покой только те, кто научился кротости и смирению”.

Вместе с ним в больнице работал художник Кирсанов. Он так привязался и полюбил священника, что написал с него большой портрет, жаль только, что он не успел его отделать, — это было как раз перед изолятором, за три дня. Этот портрет батюшка с позволения начальника отдал мне со словами: “Возьми домой. Будете на него смотреть и меня вспоминать”.

Из первого вечера... мне особенно ярко запомнилось наше прощание и разговор. Было ясное безоблачное светлое небо, на

далеком горизонте чуть алела заря. Стоя во весь свой высокий рост на фоне этого светлого неба, батюшка мне говорил, отчеканивая каждое слово: “Ты в своих письмах часто занимаешься совершенно бесполезным занятием: считаешь дни, сколько прошло со дня нашей разлуки и сколько еще осталось до дня моего возвращения домой. Я этого не жду. Я уверен, что в вечности мы будем с тобой вместе, а на земле нет. Мне, вероятно, дадут еще три года. Здесь я прохожу вторую духовную академию, без которой меня не пустили бы в Царство Небесное. Каждый день я жду смерти и готовлюсь к ней”.

Лагерь отец Илья воспринимал с трех сторон – во-первых, с отрицательной: шпана, пьянство, обиды, насилия, бесчеловечное отношение, побои; во-вторых, здесь был целый сонм самых прекрасных людей, а третья сторона – то, как все это переживалось, отражалось и преломлялось в его душе. И в результате он всегда чувствовал на себе милость и любовь Божию, дивный Его Промысел, и потому делался ближе к Богу и любил Его все больше и больше. Никакой внешней религиозности он проявить не мог, но в душе все пережитое, глубоко скорбное и тяжелое, сделало его еще более религиозным. Раньше он был религиозен более разумом, а теперь всей душой и всем сердцем полюбил Господа Иисуса Христа. “Нет Его краше, нет Его милее”, – говорил он мне. Он чувствовал себя здесь подобно живущему в монастыре. “Ведь тут как раз упражняешься в тех добродетелях, которые требуются от монаха, когда он принимает постриг: полное отречение от своей воли, нестяжание и целомудрие”».

После отъезда супруги отец Илья писал ей из лагеря: «Ты спрашиваешь меня, в чем заключаются мои теперешние работы? Я тебе писал, что я с 8 августа по неизвестным для меня причинам снят на общие работы. Общие работы – это всевозможные черные физические работы, большей или меньшей трудности, к каким привлекается наравне с 1-й и со 2-й категорией и категория

3-я, к которой я причислен. Я послан работать в Зональную опытную станцию, там я вспахивал навоз ручным способом в теплицах, таскал землю, таскал воду, качал воду пожарным насосом для поливки прибрежных насаждений, заготавливал колышки для парниковых растений и так далее. Бывало и трудно, и не трудно. В 3-ю категорию я, по-видимому, переведен из-за моего сердца; оно, конечно, стало хуже, так что один раз у меня случилось что-то вроде сердечного припадка.

Ты пишешь, что считаешь дни. Ты уже целый год, кажется, занимаешься этим бесполезным делом. Лучше считай месяцы. Мне с зачетом рабочих дней скинули три месяца из данного мне срока, так что конец срока для меня не 26 октября, а 26 июля 1933 года, значит, я уже разменял последний год срока, и теперь нужно считать не годы, а месяцы. После года надеюсь получить не высылку, как я ждал раньше, а минус какой-нибудь, что сделает меня более доступным для тебя. Впрочем, будущее еще темно и много еще воды утечет до тех пор, пока кончится мой срок...»

«Живу за проволокой, работаю за пять километров от лагеря, — писал отец Илья в следующем письме, — несу труды разного рода, в последнее время копаю при помощи лопаты в поле картофель. В продолжение восьми часов кряду не разгибать спины и сидеть на корточках, без привычки, не легко мне: болят поясница и ноги.

Продолжу ответы на твои вопросы, как я живу, как работаю и как питаюсь. На работу я выхожу в 7. 30 часов утра, прихожу с работы в 6. 30 часов вечера. С 12 до 2 часов отдыхаю в поле, когда нет дождя, и завтракаю черным хлебом. Придя с работы, обедаю и ужинаю сразу: на обед и ужин дают по ковшу щей (обед) и супа из пшенной крупы (ужин). Тут же пью чай и часа через полтора, в 9, ложусь спать. Встаю утром в 6. 30 часов. В моем распоряжении место на нарах — полтора метра длины и полметра ширины. Здесь моя постель, здесь хранятся мои все вещи, посуда, обувь и

пища. Как я работаю? Работа моя по непривычке моей к физическому труду, и по здоровью, и по возрасту — тяжела мне, но в то же время она — мое единственное развлечение. В выходные дни хожу еще на ударную работу по пилке дров для лагеря. Ходят разговоры в лагере, что нас могут перевести скоро на новое место жительства — в новый лагерь, но мне хотелось бы закончить свой срок в Вишере, не люблю новизны...»

«Время идет. Конец срока приближается, — писал отец Илья 9 декабря 1932 года. — Но когда он будет, не знаю точно. Раньше я думал, что он, с зачетом рабочих дней, будет в мае месяце, но теперь у меня есть опасение, что он может быть значительно позже, а после срока мне могут дать не освобождение, а ссылку в Архангельскую губернию на три года. Я спокойно приму и это, потому что, повторяю, привык уже принимать скорби и покоряться. Но, может быть, будет и не так. Поживем — увидим...»

18 декабря 1932 года, накануне дня памяти святителя Николая, в 4 часа дня в лагерном клубе случился пожар. Друзья священника знали, что в клубе в это время находился и отец Илья, и направились искать после пожара его останки, но не смогли их найти.

Накануне смерти отец Илья, разговаривая с заключенным врачом Сергеем Алексеевичем Никитиным*, на прощанье сказал ему: «Прохор Мошнин так говорил: “Стяжи мир души, и около тебя тысячи спасутся”. Я тут стяжал этот мир души, и если я хоть маленький кусочек этого мира привезу с собой в Москву, то и тогда я буду самым счастливым человеком. Я многого лишился в жизни, я уже не боюсь никаких потерь, я готов каждый день умереть, я люблю Господа, и за Него я готов хоть живой на костер».

---

* Впоследствии епископ Стефан.

20 марта 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ, уже после смерти протоиерея Ильи, приговорило его к трем годам ссылки в Северный край и направило распоряжение в лагерь — отправить священника этапом в город Вологду для дальнейшего прохождения наказания.

ИСТОЧНИКИ:

РГИА. Ф. 831, л. 281.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-33810.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002.

Четверухин Н. И. Воспоминания.

Четверухины Серафим и Сергей. Слава Богу за все. М., 1998.

Журнал «К свету». № 14. Протоиерей Илья Четверухин, Евгения Четверухина. Старец Алексей и Зосимова пустынь.

Настоящее издание
подготовлено Фондом

**«Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»**

В задачи Фонда
входит подготовка материалов, касающихся
подвига мучеников и исповедников XX столетия,
и в соответствии с этим — изучение архивных документов,
личных свидетельств и составление жизнеописаний.

Электронную версию всех изданий Фонда,
сведения о его деятельности, календарь новомучеников,
аудио- и видеоматериалы можно найти
в Интернете на сайте Фонда:

www.fond.ru

Почтовый адрес Фонда для переписки и заказа книг:
103051 а/я 7. Фонд «Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»

Тел. Фонда: **(095) 363 01 26**

✠ ————— ✠

**Фонд «Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»**

ВЫПУСТИЛ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

- *Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. В 7 книгах.* Тверь, Булат, 1992–2002.
- *Дамаскин (Орловский), иеромонах. Житие священномученика Фаддея, архиепископа Тверского.* Тверь, Булат, 1997.
- *Дамаскин (Орловский), иеромонах. Житие священномученика Феодора и иже с ним пострадавших.* Тверь, Булат, 1998.
- *Дамаскин (Орловский), иеромонах. Новомученики Тверской епархии XX столетия.* Тверь, Булат, 1999.
- *Дамаскин (Орловский), игумен. Житие священоисповедника Романа (Медведя; 1874–1937).* Тверь, Булат, 2000.
- *Дамаскин (Орловский), игумен. Житие священномученика Петра (Зверева; 1878–1929).* Тверь, Булат, 2001.
- *Митров Олег, священник. Житие священномученика Арсения.* Тверь, Булат, 2001.
- *Балуев Б.П. Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа».* Тверь, Булат, 2001.
- *Дамаскин (Орловский), игумен. Серия брошюр: Жития мучеников и исповедников Русской Православной Церкви.* Тверь, Булат, 2002–2004.

- **Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Январь—Май; Июнь—Август; Сентябрь—Октябрь; Ноябрь; Декабрь; Дополнительные тома I и II.** Тверь, Булат, 2002—2005.

- **Священномученик Фаддей (Успенский; 1872—1937), архиепископ Тверской. ТВОРЕНИЯ. Книга I. Проповеди. Книга II. Записки по дидактике. Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».** Тверь, Булат, 2002—2003.

- **Священноисповедник Амвросий (Полянский; 1878—1932), епископ Каменец-Подольский и Брацлавский. Учение о Царстве Божиим по сочинению блаженного Августина «О Граде Божиим». Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».** Тверь, Булат, 2003.

- **Священномученик Петр (Зверев; 1878—1929), архиепископ Воронежский. Экзегетический анализ первых двух глав Послания апостола Павла к Евреям. Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».** Тверь, Булат, 2004.

- **Священномученик Андроник (Никольский; 1870—1918), архиепископ. ТВОРЕНИЯ. Книга I. Статьи и заметки. Книга II. Проповеди, обращения, послания. Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».** Тверь, Булат, 2004.

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Дополнительный том

II

Издательство «Булат»
при участии регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»

Лицензия ИД № 05066 от 04.06.01 г.
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93, том 2; код 953000 — научно-историческая литература.

Подписано в печать 14.03.2005 г.

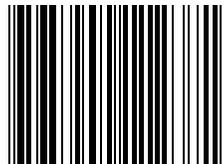
Формат 60x90/16. Тираж 3000 экз. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17. Изд. № 372. Заказ №

ООО «Издательство «Булат», г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 9.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 5-902112-37-0

9 795902 112371

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ
ЕПАРХИИ

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексея II**

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ
И ИСПОВЕДНИКОВ
РОССИЙСКИХ
XX ВЕКА

МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Дополнительный том

III

Под общей редакцией
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых
Митрополита Крутицкого и Коломенского
Ювеналия

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БУЛАТ

ТВЕРЬ • 2005

Издание подготовлено под руководством и общей редакцией
Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия,
Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых

Над сбором и изучением архивных материалов работали:

игумен Дамаскин (Орловский),
клирик города Москвы, член Синодальной Комиссии по канонизации святых,
Председатель регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»;
священник Максим Максимов,
клирик Московской епархии, секретарь Синодальной Комиссии по канонизации святых,
секретарь Московской епархиальной Комиссии по канонизации святых;
священник Олег Митров,
клирик Московской епархии, член Московской епархиальной Комиссии
по канонизации святых;
Романова Светлана Николаевна, кандидат исторических наук;
Иноземцева Зинаида Петровна, кандидат исторических наук;
Злых Наталья Владимировна;
Гринь Галина Николаевна;
Канурская Ирина Николаевна;
Зверев Геннадий Владимирович

Особая благодарность
руководителю Федерального архивного агентства «Росархив», члену-корреспонденту
Академии Наук Российской Федерации, доктору исторических наук
Козлову Владимиру Петровичу,
сотрудникам «Росархива», дирекции и сотрудникам Государственного архива Российской
Федерации (ГАРФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА),
Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ)

Издание осуществлено
благодаря финансовой поддержке регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»

ББК 86
Ж 74

Редактор – *Новикова Галина Васильевна*

ISBN 5-902112-38-9

© Региональный общественный Фонд «Память мучеников
и исповедников Русской Православной Церкви». 2005
© Текст – составители житий. 2005
© Макет и оформление – Новиков Н.М. 2005

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В данный том вошли жития святых,
включенных в Собор новомучеников и исповедников
Российских XX века определениями
Святейшего Патриарха и Священного Синода
в 2003–2004 годах

Февраля 22 (7 марта)

- Священномученик **Иоанн (Парусников)**
Составитель священник Максим Максимов.....14
- Преподобномученица **Параскева (Макарова)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....18
- Мученик **Стефан (Франтов)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....21
- Мученица **Елизавета (Тимохина)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....25

Февраля 25 (10 марта)

- Священномученик **Александр (Виноградов)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....29

Марта 1 (14)

- Преподобномученица **Александра (Дьячкова)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....33

Марта 4 (17)

- Священномученик **Александр (Лихарев)**
Составитель священник Максим Максимов.....38

Марта 19 (1 апреля)

- Преподобномученица **Матрона (Алексеева)**
Составитель священник Максим Максимов.....41

Марта 23 (5 апреля)

Преподобномученик Илия (Вятлин)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*43

Мая 4 (17)

Священномученик Иоанн (Васильев)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*47

Юня 3 (16)

Священномученик Михаил (Марков)

*Составитель священник Максим Максимов.....*50

Юня 10 (23)

Священномученик Тимофей (Ульянов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*53

Юня 14 (27)

Священномученик Павел (Иванов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*56

Юня 25 (8 июля)

Священномученик Василий (Протопопов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*59

Юня 27 (10 июля)

Священномученик Петр (Остроумов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*62

Юля 27 (9 августа)

Священномученик Иоанн (Соловьев)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*65

Августа 3 (16)

Священномученик Николай (Померанцев)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*67

Августа 5 (18)

Священномученик Иоанн (Смирнов)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....70

Сентября 9 (22)

Священномученик Александр (Виноградов)

Составитель священник Максим Максимов.....72

Сентября 10 (23)

Священномученик Петр (Юрков)

и мученик Симеон (Туркин)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....75

Сентября 16 (29)

Священномученик Сергей и мученица Варвара (Лосевы)

Составитель священник Максим Максимов.....81

Сентября 17 (30)

Преподобномученица Ирина (Фролова)

Составитель священник Максим Максимов.....85

Сентября 19 (2 октября)

Священномученик Нил (Смирнов)

Составитель священник Максим Максимов.....88

Преподобномученица Мария (Мамонтова-Шашина)

Составитель священник Максим Максимов.....93

Сентября 21 (4 октября)

Священномученик Василий (Крымкин)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....97

Сентября 26 (9 октября)

Мученик Иоанн (Золотов)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....99

Мученик Николай (Гусев)

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....102

Сентября 28 (11 октября)

Преподобномученик **Иларион (Громов)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....105

Преподобномученица **Михаила (Иванова)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....109

Сентября 30 (13 октября)

Священномученик **Симеон (Лилеев)**
Составитель священник Максим Максимов.....113

Преподобномученица **Александра (Червякова)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....117

Мученик **Матфей (Соловьев)**
Составитель священник Максим Максимов.....122

Мученица **Аполлинария (Тупицына)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....125

Октября 1 (14)

Мученик **Иоанн (Артемов)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....128

Октября 8 (21)

Преподобномученик **Серафим (Щелоков)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....131

Священномученик **Владимир (Сперанский)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....135

Октября 16 (29)

Священномученик **Алексий (Никонов)**
Составитель священник Максим Максимов.....142

Октября 18 (31)

Священномученик **Сергий (Гусев)**
Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....149

Октября 29 (11 ноября)

Священномученик Леонид (Муравьев)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*152

Октября 31 (13 ноября)

Священномученик Василий (Архангельский)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*155

Ноября 1 (14)

Мученик Петр (Игнатов)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*161

Ноября 4 (17)

Священноисповедник Николай (Виноградов)

*Составитель священник Олег Митров.....*167

Ноября 9 (22)

Священномученик Илия (Рылько)

*Составитель священник Максим Максимов.....*171

Ноября 11 (24)

Священномученик Евгений (Васильев)

*Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....*174

Ноября 14 (27)

Священномученик Василий (Никольский)

*Составитель священник Максим Максимов.....*178

Священномученик Феодор (Грудаков)

*Составитель священник Максим Максимов.....*181

Ноября 19 (2 декабря)

Священномученик Иаков (Бриллиантов)

*Составитель священник Максим Максимов.....*185

Мученик Тимофей (Кучеров)

*Составитель священник Максим Максимов.....*190

Ноября 20 (3 декабря)

Священномученик **Николай (Зеленов)**

Составитель священник Максим Максимов.....194

Ноября 23 (6 декабря)

Преподобномученик **Серафим (Тъевар)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....199

Исповедник **Иоанн (Васильев)**

Составитель священник Максим Максимов.....207

Ноября 25 (8 декабря)

Священномученик **Виктор (Смирнов)**

Составитель священник Максим Максимов.....214

Священномученик **Андрей (Шершнев)**

Составитель священник Максим Максимов.....217

Ноября 26 (9 декабря)

Преподобномученик **Тихон (Бузов)**

Составитель священник Максим Максимов.....220

Ноября 27 (10 декабря)

Преподобномученик **Никон (Беляев)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....224

Преподобномученик **Ксенофонт (Бондаренко)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....235

Священномученик **Николай (Покровский)**

Составитель священник Максим Максимов.....242

Декабря 2 (15)

Священномученик **Николай (Заболотский)**

Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....247

Священномученик **Павел (Понятский)**

Составитель священник Максим Максимов.....252

Преподобномученица Мария (Цейтлин)	
<i>Составитель священник Максим Максимов.....</i>	<i>256</i>
Мученица Матрона (Конюхова)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....</i>	<i>258</i>
<i>Декабря 10 (23)</i>	
Священномученик Алексей (Введенский)	
<i>Составитель священник Максим Максимов.....</i>	<i>262</i>
<i>Декабря 18 (31)</i>	
Священномученик Николай (Кобранов)	
<i>Составитель игумен Дамаскин (Орловский).....</i>	<i>267</i>
<i>Декабря 21 (3 января)</i>	
Священномученик Леонтий (Строцюк)	
<i>Составитель священник Максим Максимов.....</i>	<i>282</i>

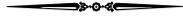

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

-
- АМП – Архив Московской Патриархии
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГАПО – Государственный архив Пензенской области
ГАРО – Государственный архив Рязанской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Самарской области
ГАТО – Государственный архив Тамбовской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ГИЦ МВД – Главный информационный центр МВД
ЖМП – Журнал Московской Патриархии
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСТБИ – Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТСЛ – Троице-Сергиева Лавра
ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ
ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга
ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области
ЦГА СПб – Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы

ЖИТІЯ

Февраль-Декабрь

Февраля 22 (7 марта)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

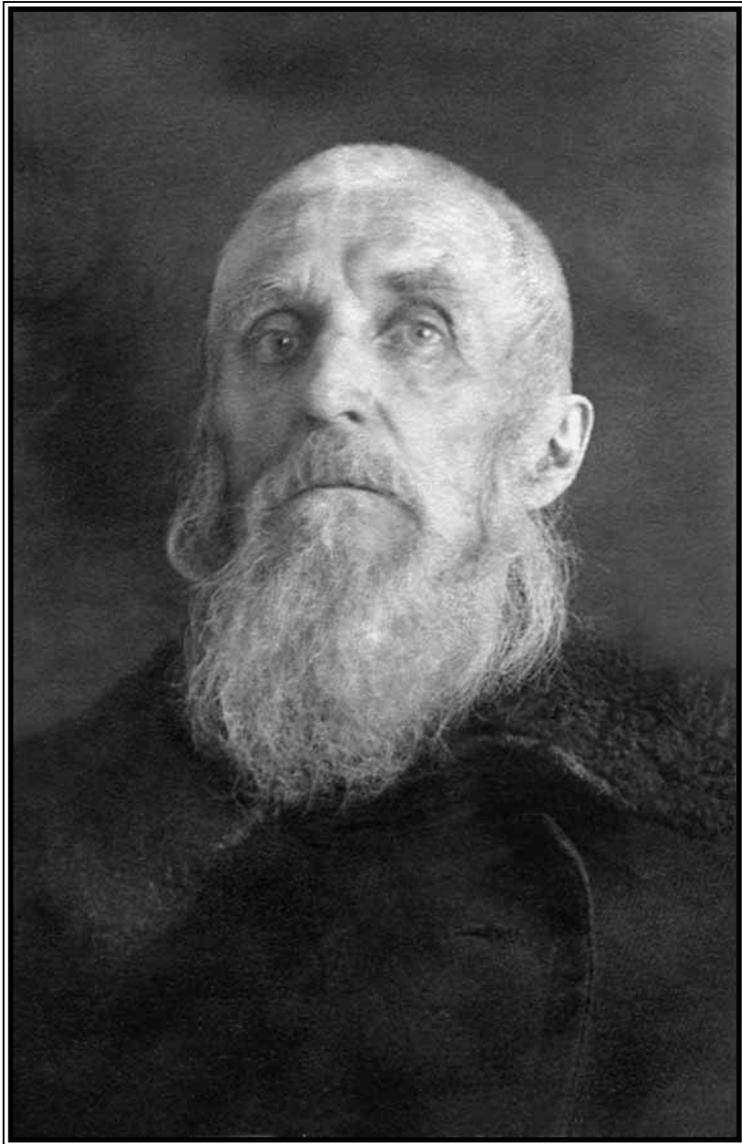
Иоанн (Парусников)

Священномученик Иоанн родился 2 июня 1869 года в селе Захарово Клинского уезда Московской губернии в семье диакона Василия Парусникова. В 1890 году он окончил Московскую Духовную семинарию и два года был учителем церковноприходской школы.

2 марта 1892 года он был рукоположен во священника, в 1920 году возведен в сан протоиерея и в 1931 году награжден митрой. 27 августа 1934 года отец Иоанн был назначен в Успенский храм в селе Успенское Ногинского района Московской области. Храм этот ко времени назначения отца Иоанна уже претерпел погубание от безбожников. В ведомости о церкви за 1935 год сообщалось: «Храм каменный, крепкий, с такою же колокольней, крыша требует ремонта и покраски. Ризница до января 1930 года была богатая, в это же время все было растащено и храм обращен в клуб. В июле того же года храм был возвращен, и все было восстановлено в скромном, но приличном виде».

Через некоторое время, в конце 1936 или в 1937 году, отец Иоанн был назначен служить в храм Рождества Божией Матери в селе Нестерово на реке Вырке Орехово-Зуевского района Московской области.

Летом 1937 года по всей стране начались массовые аресты верующих, закрывались и разорялись храмы. 10 февраля 1938 года

Протоиерей Иоанн Карусников

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

протоиерей Иоанн Парусников был арестован и заключен в тюрьму в Орехово-Зуеве. Подходил к концу сорок шестой год служения отца Иоанна Церкви Христовой. Господу было угодно, чтобы свой многолетний пастырский труд отец Иоанн завершил мученической кончиной.

Готовясь арестовать священника, следователи 22 октября 1937 года допросили двух лжесвидетелей, которые подписали требуемые от них протоколы. Имея на руках показания лжесвидетелей, власти, тем не менее, арестовали отца Иоанна только через несколько месяцев — 10 февраля 1938 года.

14 февраля он был единственный раз допрошен. Расспросив о происхождении и имущественном положении, следователь спросил его:

— Следствие располагает данными, что вы, будучи настроены против советской власти и партии, среди колхозников вели контрреволюционную агитацию. Признаете ли вы это?

— Это я отрицаю. Среди колхозников никакой контрреволюционной агитации я не вел. Не отрицаю того, что неоднократно на улице и в других местах колхозники выражали недовольство советской властью. Иногда это было, например, при перевозке меня куда-либо на лошади, перевозивший выражал свое недовольство. Также были случаи и на поминках, — отвечал отец Иоанн.

— В октябре 1937 года вы среди колхозников вели агитацию в контрреволюционном духе. Признаете вы это?

— Этого я не признаю, так как в октябре 1937 года я среди колхозников в контрреволюционном духе ничего не говорил.

— Летом 1937 года вы выражали недовольство советской властью, а также в контрреволюционных настроениях говорили по вопросу будущей войны?

— Это я совершенно отрицаю, по вопросу будущей войны летом 1937 года я ничего не говорил.

17 февраля следствие было закончено, отца Иоанна перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 19 февраля тройка НКВД приговорила его к расстрелу.

Протоиерей Иоанн Парусников был расстрелян 7 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 22987.

Февраля 22 (7 марта)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА
Параскева (Макарова)

Преподобномученица Параскева родилась в 1878 году в деревне Макарово Волоколамского уезда Московской губернии в семье Космы Макарова, который кроме крестьянского хозяйства имел небольшую торговлю в Москве и в деревне. После его смерти в 1907 году семья оставила торговлю и стала заниматься только крестьянством. Параскева окончила сельскую школу и в 1903 году поселилась в одном из женских монастырей Калужской губернии, где подвизалась до закрытия обители в 1925 году. После этого она некоторое время жила в Москве, а в 1929 году уехала на родину в Макарово.

В октябре 1937 года Макаровский сельсовет по требованию сотрудников НКВД выдал справку на послушницу Параскеву, в которой значилось, что она «имеет тесную связь с попами и другими церковниками, участвует при выносе покойников и своим пением собирает к умершему толпы людей».

9 февраля 1938 года сотрудники НКВД арестовали послушницу, она была заключена в Волоколамскую тюрьму и через два дня допрошена.

— Вы арестованы за контрреволюционную агитацию, следствие требует от вас искренних показаний.

— По делу контрреволюционной агитации сказать ничего не могу, контрреволюционную агитацию среди колхозников не проводила.

Пос. утвинца Параскева (Макарова)

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

— Обвиняемая Макарова, следствие располагает материалом, что вы среди колхозников выражали недовольство существующим строем, и категорически предлагает дать искренние показания по существу предъявленного вам обвинения.

— Искренние показания я давать отказываюсь, так как никакой агитации не проводила и виновной себя ни в чем не признаю.

На этом допросы были закончены. В тот же день следователь допросил свидетелей, крестьян, живших в той же деревне, что и послушница, они подписали протоколы с показаниями, в которых следователь написал, что послушница на Троицу в 1937 году уговаривала крестьян пойти вместо работы в церковь, говоря при этом, что «хотя большевики Церковь и презирают, а все же Бог есть и будет, а власть советская скоро слетит». Также и на праздник Успения в 1937 году она увела женщин в церковь, в результате чего были сорваны полевые работы, а она еще и сказала: «Что работать в колхозе? Все равно вам получать будет нечего, давайте лучше молиться Богу, это будет лучше, Бог подаст скорей, все будете сыты».

15 февраля следствие было закончено, и 25 февраля тройка НКВД приговорила послушницу Параскеву к расстрелу, после чего она была перевезена в Таганскую тюрьму в Москве. Послушница Параскева Макарова была расстреляна 7 марта 1938 года и погребена в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 21284.

Февраля 22 (7 марта)

МУЧЕНИК

Стефан (Франтов)

*М*ученик Стефан родился 17 декабря 1877 года в селе Нащекино Бронницкого уезда Московской губернии в семье крестьянина Федора Франтова. Образование Степан получил в сельской школе и некоторое время помогал отцу управляться с крестьянским хозяйством, а затем переехал в Москву и стал работать экспедитором при складе. В 1920 году Степан Федорович вернулся в родное село. В это время по уезду был распространен указ советской власти, что все, у кого есть велосипеды, должны сдать их для нужд Красной армии. Степан свой велосипед не сдал и был приговорен к трем месяцам заключения.

Степан Федорович регулярно ходил на богослужения в Преображенскую церковь в селе Спас-Михнево и пел на клиросе; через год он организовал здесь хор и стал регентом и псаломщиком. Власти моментально отреагировали на его активную церковную жизнь: Степан Федорович был лишен избирательных прав, а хозяйство – конфисковано. Однако это не остановило его, и он по-прежнему ходил в церковь.

В 1931 году коллективизация в селе и его разгром достигли вершины, и все, что можно было разграбить, местные коммунисты разграбили; Степан Федорович переехал в Москву, где прожил три года, и снова вернулся в родное село. Он устроился рабочим при складе в Борисовской артели и служил псаломщиком в Преображенском храме.

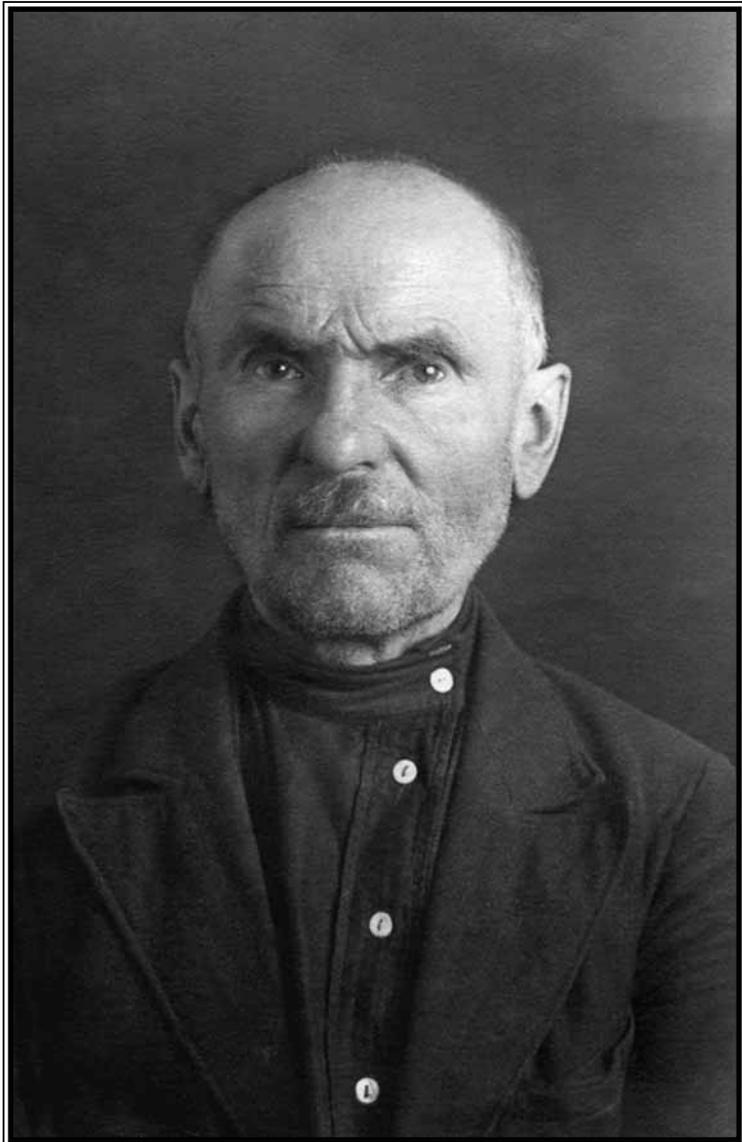
В связи с усилением гонений на Русскую Православную Церковь во второй половине тридцатых годов о Степане Федоровиче стали собираться сведения; председатель Нашекинского сельсовета показал, что, когда в августе 1937 года было решено устроить в селе зерносушилку, стали разбирать церковную ограду. Ограда была старинной, украшена коваными решетками и представляла собой местную достопримечательность. Франтов, по показаниям свидетеля, не допускал ломать ограду и, обращаясь к верующим, говорил: «Спасайте, последний наш храм коммунисты разорят». Когда Залесский колхоз приступил к разбору ограды, к храму пришли верующие женщины и потребовали прекратить ломать ограду. В результате пришлось работы прекратить.

Другой свидетель показал, будто в августе 1937 года Франтов, ведя антисоветскую агитацию среди колхозников, говорил: «Советская власть и коммунисты разорили все церкви, по окружающим деревням церкви почти все заняты под колхозные амбары, а частью сломаны, и это оттого, что мы мало ходим в церковь. Надо не бросать нашу церковь, а то коммунисты заберут ее под амбар, а церковь является для нас домом утешения и отдыха, а что вас агитируют не ходить в церковь и работать в праздничные дни, то вы не слушайте, коммунисты-антихристы что хочешь наболтают, а мы не должны забывать своей православной веры». «Благодаря активной агитации Франтова за укрепление религии, из Нашекино порядочное количество ходит в церковь, особенно активно посещают ее те, что состоят в церковном хоре, организованном Франтовым».

16 февраля 1938 года Степан Федорович был арестован и заключен в тюрьму в городе Коломне. Через день после ареста следователь допросил его.

— Следствию известно, что вы занимались антисоветской агитацией. В чем признаете себя виновным?

— Антисоветской агитацией я не занимался и виновным себя ни в чем не признаю.

Пса.ло.ицик Степан Браитов

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

— Вы говорите неправду. Следствие располагает точными данными, что вы в августе 1937 года распространяли антисоветские настроения, высказывали недовольство советской властью. Дайте по этому вопросу правдивые показания.

— Никогда и никому я не высказывал антисоветских настроений и недовольств советской властью. В тот момент, когда разбирали ограду у церкви, я жил в деревне и работал в артели, и в отношении того, чтобы верующие протестовали ее ломать, я ни с кем не разговаривал.

27 февраля тройка НКВД приговорила псаломщика Степана к расстрелу, и он был переведен для ожидания исполнения казни в Таганскую тюрьму в Москве. Псаломщик Степан Франтов был расстрелян 7 марта 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 23033.

Февраля 22 (7 марта)

МУЧЕНИЦА

Елизавета (Тимохина)

*М*ученица Елизавета родилась в 1881 году в городе Вене-ве Тульской губернии в семье крестьянина Александра Мартынова. В 1912 году Елизавета вышла замуж за вдовца с четырьмя детьми Тимофея Герасимовича Тимохина, служившего жандармским унтер-офицером при станции Голицыно под Москвой. Хотя Тимофей Герасимович и служил в жандармском отделении, но фактически сотрудничал с революционерами, предупреждая их об обысках и арестах, которые намечало произвести жандармское отделение. Сразу же после революции его, как бывшего жандарма, арестовали, но по ходатайству одного из революционеров перед Дзержинским он был вскоре освобожден. Елизавета Александровна до замужества зарабатывала портняжным ремеслом, а когда стала семейной, то занялась воспитанием детей. В 1922 году она была избрана в церковный совет Преображенского храма в селе Большие Вяземы Звенигородского уезда. С этого времени она много времени и сил стала посвящать жизни прихода, в котором тогда возникало немало проблем из-за гонений от безбожных властей, стремившихся закрыть храм.

В связи с распоряжением в 1937 году Сталина о проведении массовых репрессий, штатных сотрудников НКВД стало не хватать и для проведения арестов и следствия по политическим ста-

тням стали привлекаться сотрудники милиции, причем целыми отделениями. В январе 1938 года Звенигородский отдел НКВД получил распоряжение провести аресты и следствие по делам по 58-й статье относительно людей, живущих на подведомственной ему территории. Начальник Звенигородского отделения милиции сам составил список лиц, подлежащих аресту, в которой попала и Елизавета Александровна как член церковного совета и как жена бывшего жандармского унтер-офицера. Затем была подобрана группа лжесвидетелей, состоявшая из людей, согласившихся вслепую подписывать необходимые следствию показания как на людей, ими лично знаемых, о которых некоторые из лжесвидетелей охотно давали необходимые показания сами, так и на не знаемых ими. Кроме того, были привлечены и нейтральные свидетели, которых милицейские следователи пытались обмануть, давая им подписать чистый лист бумаги или вписывая в их показания то, что им было нужно, и это при подписании не зачитывая. После того, как следственное дело было оформлено, арестовывались жертвы.

Елизавета Александровна была арестована 16 февраля 1938 года и в тот же день допрошена.

— Вы уличаетесь в контрреволюционной деятельности, то есть в распространении клеветы по адресу советской власти, — заявил следователь.

— Я никогда не распространяла никакой клеветы по адресу советской власти. Но я церковница, и мне по долгу своей работы как члену церковного совета приходится уделять внимание церкви.

— От вас следствие требует чистого признания в предъявленном вам обвинении, — потребовал следователь.

— Виновной себя в предъявленном мне обвинении не признаю и ничего больше показать не могу, — ответила Елизавета Александровна.

Елизавета Александровна Тимошина

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

На этом следствие было завершено и дело передано на решение тройки НКВД. 27 февраля 1938 года тройка приговорила Елизавету Александровну к расстрелу. Елизавета Александровна Тимохина была расстреляна 7 марта 1938 года и погребена в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-46301.

Февраля 25 (10 марта)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Александр (Виноградов)

Священномученик Александр родился 30 августа 1883 года в деревне Станинская Егорьевского уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Федора Виноградова. Александр окончил церковноприходскую школу и до 1910 года работал ткачом на фабрике Князева в городе Егорьевске и по близости города к родной деревне занимался крестьянством. В 1910 году он поступил псаломщиком в храм и до 1918 года служил псаломщиком в Казанской церкви в Егорьевске. В 1920 году он стал служить псаломщиком в Сергиевской церкви в селе Ивановское.

24 декабря 1929 года Александр Федорович был рукоположен во диакона к Знаменской церкви в селе Алешино, а 18 мая 1930 года – во священника ко храму Рождества Христова в селе Юрьево Егорьевского района, где он и прослужил до своего ареста. Во время служения в Юрьеве ему пришлось претерпеть все гонения и преследования, которые переносили тогда священнослужители Русской Православной Церкви и которые до некоторой степени описали впоследствии свидетели.

Секретарь Юрьевского сельсовета так охарактеризовал священника в своей справке, составленной в 1938 году для НКВД. Он написал, что священник «сумел сагитировать отсталых колхозников, говоря, что жить стало плохо, питаться стало нечем, ему колхозники стали носить кто молоко, кто творог, кто яйца».

Священник, когда на него наложили налог, сумел перед сельским исполнительным комитетом настоять, чтобы его сняли, как с престарелого. Но сельсовет проявил бдительность и сообщил в исполнительный комитет, что священнику нет еще и шестидесяти, и потребовал, чтобы он сдал в качестве налога шестьдесят килограммов мяса. Но священник в день Рождества Христова, 7 января, когда в храме присутствовало более трехсот человек, обратился к присутствующим со словами: «Православные, помогите, меня задавили налогами, стало невозможно жить, если я не уплачу в срок, меня посадят, а церковь закроют». После этих слов он пошел с тарелкой по церкви, набрав рублей 500 или более. Когда ему сообщили, что ему снова надо платить налог, священник, по словам секретаря сельсовета, «набрался нахальства, пришел в сельсовет, говоря, что вы неверно сделали это – по новой конституции я имею одинаковое право, как и все, я считаю себя семьей красноармейца, так как сын у меня в армии на Дальнем Востоке». «Каким способом он пробрался в армию, это еще надо проверить», – заключил свою характеристику председатель сельсовета.

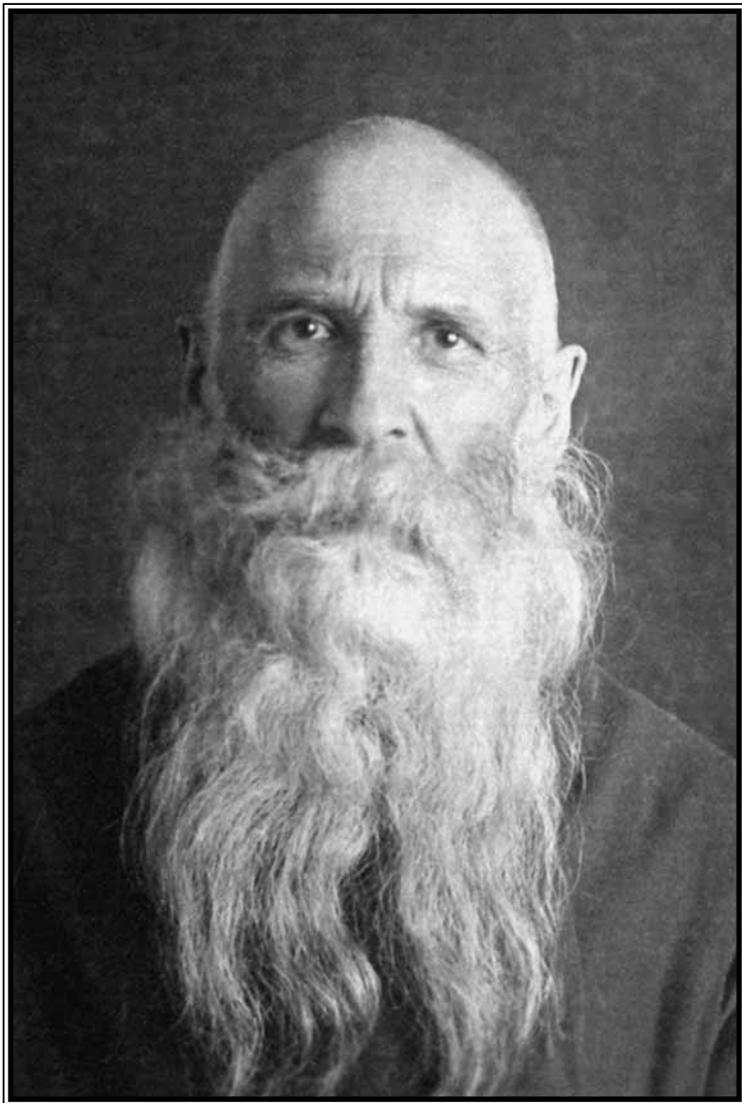
Одна из свидетельниц показала, что, когда ломали один из храмов, отец Александр говорил: «за сломку этой церкви Бог вас накажет», и остальные колхозники стали возмущаться, восприняв эти слова так, что советская власть пытается закрыть церковь.

27 февраля 1938 года отец Александр был арестован и допрошен.

– Ваше отношение к советской власти? – спросил его следователь.

– У меня к советской власти и ее политике хорошее отношение. Я доволен советской властью.

– Говорили ли вы во время службы в церкви 7 января верующим: «Православные, помогите, нас обложили большими налогами, а заплатить у нас средств нет; советская власть нас жмет, чтобы мы отказались от религии»?

Взвешенник Александр Виноградов

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

— 7 января во время службы я обратился к верующим за разрешением пройти с тарелкой на нужды, мне верующие разрешили, и я произвел денежный сбор. Но я не говорил, что меня обложили большим налогом, чтобы я отказался от религии.

— Во время сломки старой церкви говорили вы, что «за сломку этой церкви Бог вас накажет»?

— Во время сломки старой церкви я этих слов никому не говорил.

— В предъявленном вам обвинении в активной контрреволюционной антисоветской деятельности виновными себя признаете?

— Виновным себя не признаю. Я антисоветской агитацией не занимался.

На этом допросы были окончены, и 24 февраля закончено следствие. 2 марта 1938 года тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. Священник Александр Виноградов был расстрелян 10 марта 1938 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 21523.
АМП. Послужной список.

Марта 1 (14)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Александра (Дьячкова)

*П*реподобномученица Александра родилась в 1893 году в селе Черноголовка Ивановской волости Богородского уезда Московской губернии в семье крестьянина Ивана Дьячкова. Александра окончила сельскую школу и жила вместе с родителями, помогая им по хозяйству. В 1914 года она поступила послушницей в Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь в Клинском уезде Московской губернии неподалеку от села Акатово, почему и монастырь зачастую называли Акатовским. Он был открыт в 1890 году, сначала в виде общины, а в 1898 году получил статус монастыря с общежительным уставом. В обители было в то время два храма, две гостиницы и странноприимный дом. Всего здесь подвизалось около семидесяти сестер.

Придя к власти, безбожники потребовали закрытия монастыря, и тогда сестры преобразовали его в сельскохозяйственную артель, которой по-прежнему руководила игумения. Но в 1927 году безбожники стали закрывать и все артели, где подвизались монахини. Монашеская трудовая община в селе Акатове была разогнана, а игумения арестована. Послушница Александра вернулась на родину в село Черноголовку и поселилась в родительском доме. Однако любовь к обители, где было положено начало спасению, была столь велика, что Александра вновь уехала в Акатово и поселилась в одной из деревень вблизи монастырских стен.

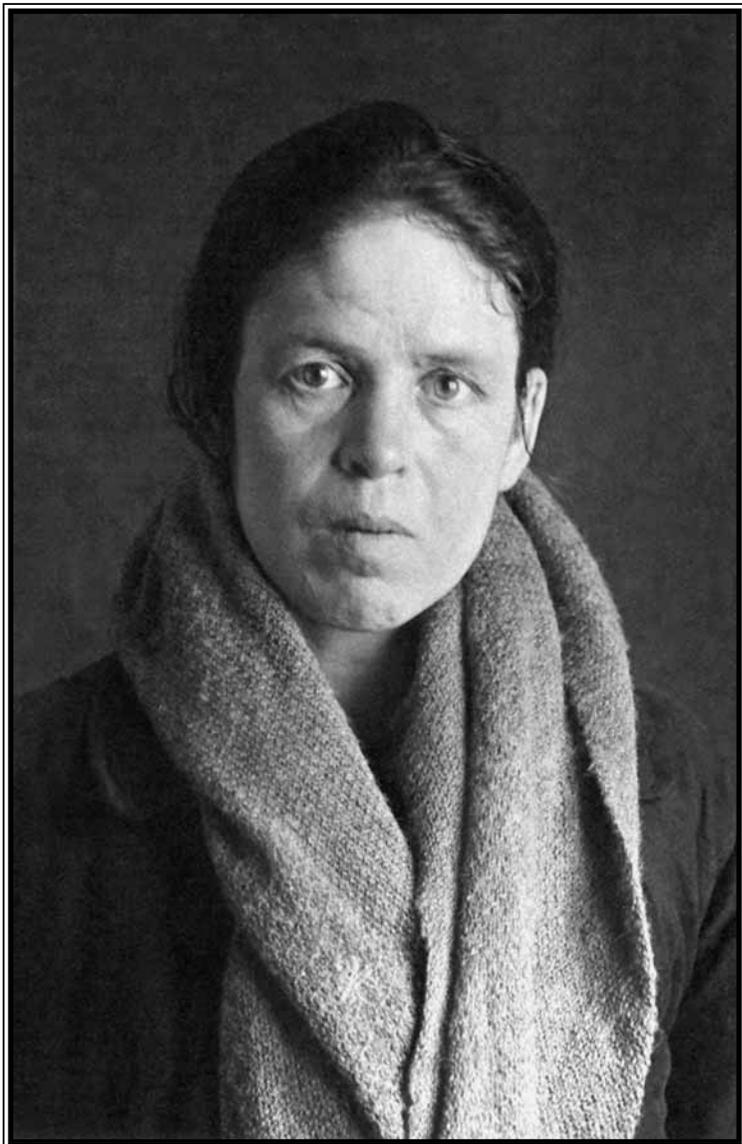
С 1930 года надзор за монахинями, жившими вблизи закрытых обителей, усилился, ужесточились направленные против них репрессии, и Александра снова возвратилась в родительский дом. Сельская их церковь к этому времени лишилась пастыря, и Александра активно начала хлопотать о назначении к ним священника. В конце концов ей это удалось, и она взялась обустроить жизнь священника на новом месте.

Сотрудники ОГПУ в это время принялись за аресты духовенства и иноков закрытых обителей. 21 мая 1931 года в числе других монашествующих была арестована и заключена в тюрьму в городе Ногинске и Александра. Были допрошены свидетели, один из которых показал, что «Дьячкова распространяет нелепые слухи о нашем колхозе, говоря, что у нас колхозники голодные, скот дохнет, молоко сдают, а дети умирают с голоду... Дьячкова активный организатор оформления религиозных праздников».

Послушнице предъявили обвинение в агитации против колхозного строительства, в том, что «в 1930 году в момент перевыборов сельсоветов она говорила: “Все равно в колхоз никто из честных крестьян не пойдет, там собираются одни лодыри, которые не хотят работать, пусть коммунисты с ними работают”».

Вызванная на допрос, послушница Александра сказала, что она действительно в течение многих лет подвизалась в монастыре и ушла из него только после того, как он был закрыт и в качестве сельскохозяйственной артели, а игуменья была заключена в Бутырскую тюрьму. А что касается предъявленного ей обвинения, то «агитации против колхозов я не вела», заключила послушница.

29 мая 1931 года тройка ОГПУ приговорила послушницу Александру к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и она была отправлена на строительство Беломорско-Балтийского канала. В 1934 году Александра Ивановна была освобождена и поселилась в родном селе. В том же году скончалась ее мать. Прожив около полутора месяцев дома, она уехала в Воло-

Пос.приница Александра (Васькова)

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

коламский район, где меньше была вероятность подвергнуться аресту как отбывшей лагерный срок и поселившейся вблизи Москвы. Александра Ивановна жила у своих знакомых в разных деревнях, занимаясь той или иной поденной работой. В 1937 году скончался в Черноголовке ее отец. В октябре 1937 года послушница устроилась работать сторожем и уборщицей в храм Рождества Богородицы в селе Шестаково Волоколамского района и поселилась в церковной сторожке. В той же сторожке жил и священник. Вскоре священника арестовали, и хотя храм не закрыли, но службу вести стало некому. Послушница Александра была арестована 28 февраля 1938 года и заключена в тюрьму в Волоколамске.

Допрошенный в качестве свидетеля секретарь сельсовета показал, что Дьячкова недовольна советской властью и существующим в СССР строем, что она ведет среди колхозников антисоветскую и антиколхозную агитацию, ходит по вечерам по домам колхозников и говорит им, что советская власть незаконно арестовала местного хорошего и ни в чем не виновного священника, что в церквях нет службы, а между тем, когда организовывали колхозы, то власти обещали не закрывать храмы, обещали, что священники будут служить, а как организовали колхозы, то урожая не стало и хлеба нет, а советская власть стала снимать с церковной колокола, а все равно ничего нет: придешь в магазин и все пусто, в колхозах урожай плохой и колхозники сидят без хлеба.

— В декабре 1937 года, будучи в магазине Теряевского сельпо в селе Шестаково, вы высказывали недовольство советской властью и партией, в частности относительно ареста попов. Дайте показание по этому вопросу, — потребовал от Александры Ивановны следователь.

— Да, действительно, в магазине я была, но контрреволюционных и антисоветских выступлений с моей стороны не было, за исключением того, что я говорила, что священника в нашей церкви еще нет, и то я это говорила, отвечая на вопросы колхозников.

— Вам зачитываются выдержки из показаний свидетелей о вашей контрреволюционной и антисоветской деятельности, которые достаточно уличают вас в этом. Следствие требует дать по этому вопросу правдивые показания.

— Контрреволюционной и антисоветской деятельности я не вела, но колхозников я призывала, чтобы они посещали церковь и молились Богу, — ответила послушница.

4 марта 1938 года тройка НКВД приговорила Александру Ивановну к расстрелу, после чего она была перевезена в Таганскую тюрьму в Москве. Послушница Александра Дьячкова была расстреляна 14 марта 1938 года и погребена в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 75865, д. 21428.

Марта 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Александр (Лихарев)

Священномученик Александр родился 25 января 1876 года в селе Сеньково Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Петра Лихарева. В 1896 году окончил Московскую Духовную семинарию и стал учительствовать в сельской начальной школе в селе Иславском Звенигородского уезда.

В 1909 году Александр Лихарев был рукоположен во диакона к Тихвинской на Бережках Дорогомиловской церкви в Москве. В 1920 году его рукоположили во священника к этому же храму.

В 1929 году отца Александра перевели в Дорогомиловский Богоявленский кафедральный собор, здесь он прослужил три года и был переведен в город Мытищи. Но и здесь ему пришлось служить не долго, всего девять месяцев. В скором времени он был назначен в Никольскую церковь в городе Солнечногорске.

Во время массовых арестов верующих власти приняли решение арестовать отца Александра. 27 ноября 1937 года священник был арестован, заключен в камеру при Солнечногорском отделении милиции и допрошен.

— Следствие располагает данными о том, что вы среди населения вели контрреволюционную деятельность, — сказал следователь.

— В контрреволюционной деятельности я виновным себя не признаю, — ответил отец Александр.

В тот же день на допрос был вызван сослуживец отца Александра диакон Никольской церкви Иван Смирнов, который сказал: «Лихарев иногда проявлял недовольство советской властью, говорил, что советская власть делает гонение на религию, не дает спокойно жить верующему населению, при этом приводил примеры о том, кого из попов арестовали».

2 декабря отца Александра допросили еще раз.

— Следствие располагает данными, что вы систематически среди населения вели контрреволюционную агитацию, — сказал следователь.

— Виновным себя в контрреволюционной деятельности среди населения не признаю, — ответил священник.

3 декабря следователем был допрошен некий «служитель религиозного культа» Александр Смирнов, который показал, что отца Александра он знает около трех недель, в ноябре 1937 года у них был частный разговор, во время которого отец Александр сказал: «Советская власть выпустила конституцию, казалось бы, всем гражданам должна быть полная свобода, а получается наоборот. Особенно делают гонения на религию, служителей культа гоняют из района в район, нигде их не прописывают, при этом привел пример, что одного священника послали в пятнадцатое место и нигде его не прописывают. И получается большевистское пустословие, а не конституция».

После окончания следствия отец Александр был переведен в Таганскую тюрьму в Москве. 5 декабря тройка НКВД приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

Этапом отец Александр был отправлен в Сиблаг НКВД на станцию Суслово Красноярской железной дороги Кемеровской

области, свиноферма Бамлага НКВД Новый городок. Священник Александр Лихарев скончался в исправительно-трудовом лагере в Кемеровской области 17 марта 1938 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-18850.

Марта 19 (1 апреля)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Матрона (Алексеева)

*П*реподобномученица Матрона родилась в 1862 году в деревне Замятино Зубцовского уезда Тверской губернии в семье Иакова Алексеева. О ее жизни нам известно немного. Она была монахиней и подвизалась в Московском Новодевичьем монастыре, посвященном Смоленской иконе Божией Матери.

Новодевичий монастырь в 1922 году безбожными властями был закрыт, его помещения были переделаны под жилье, и в них заселили людей. После закрытия монастыря монахиня Матрона осталась проживать на территории разоренной обители. К ней на квартиру часто приходили священники и монахини, поселившиеся недалеко от Новодевичьего монастыря. В начале декабря 1937 года власти допросили свидетелей, которые в своих показаниях оговорили сестер как враждебно настроенных по отношению к советской власти, очень религиозных, поэтому часто собирающихся вместе для бесед.

Во втором часу ночи 22 марта 1938 года монахиня Матрона была арестована и заключена под стражу в 7-ом отделении милиции города Москвы. После ареста состояние здоровья 76-летней

монахини сильно ухудшилось. Ее определили на лечение в Московскую областную тюремную больницу НКВД, где она 1 апреля 1938 года скончалась, так ни разу и не быв допрошена. Место ее погребения неизвестно.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-19432.

Марта 23 (5 апреля)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Илия (Вятлин)

Преподобномученик Илия родился 24 февраля 1867 года в селе Каринское Александровского уезда Владимирской губернии в семье крестьянина Ивана Вятлина, воспитавшего сына в вере и благочестии. Придя в возраст, Илья Иванович женился и в 1892 году у них с женой родился сын Павел. Илья Иванович работал на ткацкой фабрике в городе Александрове ткачом и прислуживал в церкви. Овдовев, он принял твердое решение уйти в монастырь. Вопросы собственного спасения, молитвы и веры всегда стояли у него на первом месте, и для него казалось неважным, что произошла революция и начались гонения. В 1920 году он поступил в Лукианову Рождества Богородицы пустынь, находившуюся в двенадцати километрах от Александрова, и был здесь пострижен в монашество. В 1932 году монашеское общежитие было безбожной властью разорено; монах Илия был рукоположен во иеромонаха и стал служить в одном из храмов в городе Александрове. Летом 1937 года храмы в Александрове были закрыты, а священство арестовано. Отец Илия не был тогда арестован, вероятней всего потому, что НКВД счел его слишком старым, ему тогда исполнилось семьдесят лет.

27 июня 1937 года он поселился в селе Еремеево Истринского района Московской области и стал здесь служить в храме Вознесения Господня. Однако волна арестов не миновала и это село.

12 февраля сельсовет выдал для НКВД справку, что отец Илия «по социальному положению является человеком чуждым. Вследствие изменения материальных жизненных условий питает недоверие к советской власти. Во время религиозных служб отвлекает некоторых колхозниц от работы в колхозах».

16 и 20 февраля были допрошены некоторые жители села и, в частности, хозяин квартиры, где жил священник, но ничего компрометирующего они сказать не могли, ссылаясь на то, что слишком мало его знают, так как он живет в этих местах чуть более полугода. 20 февраля 1938 года местный оперуполномоченный НКВД отправил своему начальству рапорт с ходатайством арестовать священника «как отъявленного врага народа». 25 февраля была выдана справка на арест священника, в которой писалось, что отец Илия говорил: «Советская власть всех крестьян загнала в колхоз и мучает их, а нас, священников, советская власть совсем задушила. Большевики здесь нас не забирают, вот где я раньше служил священником, там всех забрали и посадили в тюрьму».

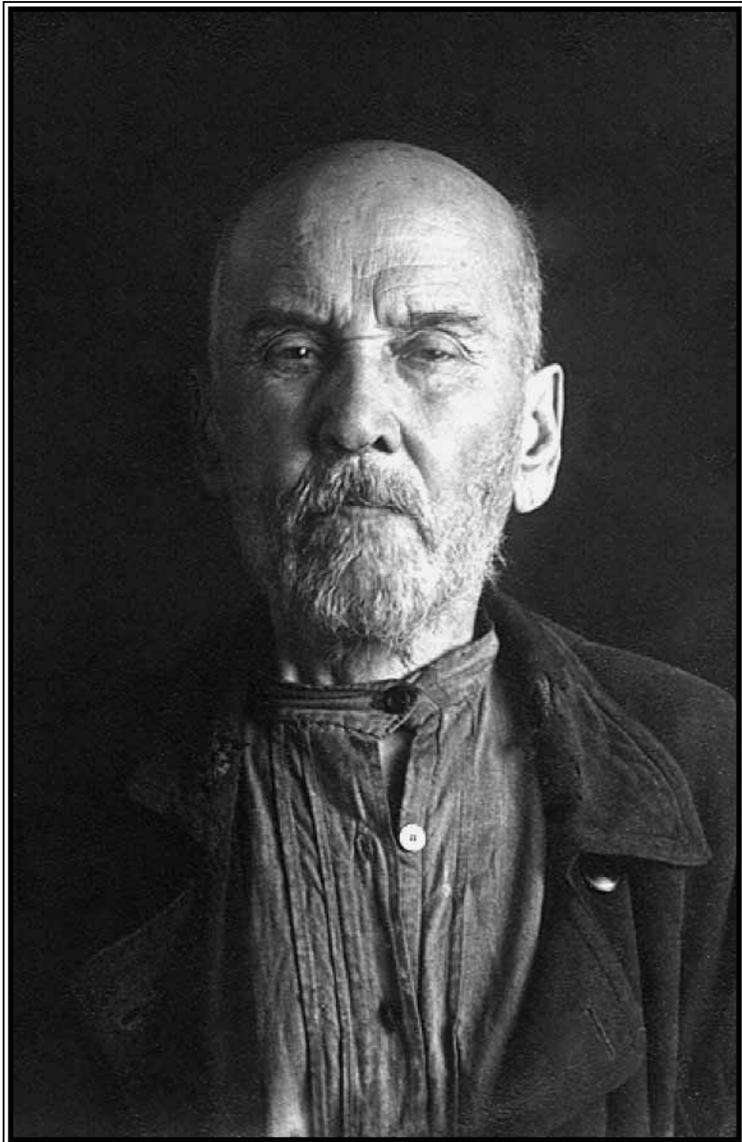
28 февраля 1938 года отец Илия был арестован и 1 марта допрошен.

— Что вас заставило в 1920 году стать монахом, а затем священником? — спросил следователь.

— Мои религиозные убеждения и то, что мне уже было тогда пятьдесят лет, — ответил отец Илия.

— Следствию известно, что вы среди населения в селе Еремеево проводили контрреволюционную агитацию и говорили: «Советская власть всех крестьян загнала в колхоз и их мучает, а нас, священников, совсем задушили большевики. Вот скоро фашисты расправятся с Испанией, а потом будут расправляться с большевиками. Крестьяне мало стали посещать церковь, и нет дохода священникам. Это потому, что большевики агитируют против религии». Дайте на этот счет показания.

— Поскольку я человек, убежденный в вере, то мне действительно не нравится политика советской власти, которая агитиру-

Сергeевиx Улья (Вят.улл)

Москва. Тюрьма НКВД. 1938 год

ет против религии, поэтому я действительно говорил прихожанам, что советская власть окончательно задушила религию и нас, священников; и крестьян в колхозах мучают и не дают веровать в Бога. Но в отношении расправы фашистов над коммунистами я ничего никогда не говорил, и даже не понимаю, что за фашисты.

После допроса отец Илия в ожидании приговора был заключен в тюрьму в Волоколамске. 2 марта тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Иеромонах Илия (Вятлин) был расстрелян 5 апреля 1938 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-77648.

Мая 4 (17)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Васильев)

Священномученик Иоанн родился в 1886 году в деревне Черные Грузди Осташковского уезда Тверской губернии в семье крестьянина Иакова Васильева. Образование получил в Осташковском Духовном училище. В 1915 году Иван Яковлевич был мобилизован на военную службу и до 1917 года служил в армии рядовым. С 1917 по 1928 год он работал в сельскохозяйственной артели на Северном Кавказе. Будучи глубоко верующим человеком, он часто посещал храм и пел на клиросе; в конце концов он принял твердое решение посвятить свою жизнь служению святой Церкви. Он был женат, но с женой Марфой Степановной у них детей не было. В 1928 году Иван Яковлевич поступил в один из храмов Владимирской епархии псаломщиком и все свое свободное время стал посвящать самообразованию. Один из местных священников согласился подготовить его к принятию священного сана.

В марте 1929 года Иван Яковлевич был рукоположен во диакона, а 12 июля того же года – во священника ко храму в селе Рогозино Владимирской епархии. С 1930 года отец Иоанн стал служить в храмах Московской епархии. Служил в селе Прохорово Подольского района, в селе Юркино Истринского района, в селе Чаплыгино Воскресенского района и в Георгиевской церкви в се-

ле Передельцах Краснопахорского района. В 1936 году отец Иоанн был награжден наперсным крестом.

В феврале 1937 года скончалась казначея Георгиевского храма, и казначеем пришлось быть супруге отца Иоанна. Власти, однако, предупредили священника, что они с женой не имеют права касаться церковного ящика. После того, как все дела были сданы женщине, согласившейся быть казначеем, та отказалась, и никто из верующих в селе не согласился пойти на эту должность. Власти тогда предупредили священника, что поскольку у прихода нет казначея, то он должен службу прекратить.

6 сентября 1937 года отец Иоанн отправил прошение архиерею, где писал, что, поскольку в Георгиевском храме власти запрещают служить, он просит дать ему другой приход. Архиерей направил его в один из храмов Виноградовского района, и он поселился рядом с храмом в селе Усадищи. Отцу Иоанну пришлось прослужить здесь чуть более месяца, потому что в это время уже повсеместно шли гонения на Русскую Православную Церковь. Он был арестован 26 ноября 1937 года и заключен в тюрьму в городе Коломне.

Спросив отца Иоанна о его деятельности в качестве священника и убедившись, что выбор его служить Церкви был принципиальным, следователь счел это достаточным для осуждения священника и задал ему всего лишь один вопрос:

— Проживая в деревне Усадищах, вы проводили контрреволюционную деятельность? Признаете себя в этом виновным?

— Нет, виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю, — ответил священник.

На этом допросы и следствие были закончены и дело передано на решение тройки НКВД, а сам священник переведен в Таганскую тюрьму в Москве.

5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Иоанна к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Священник Иоанн Васильев скончался в заключении 17 мая 1942 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-28223.

АМП. Послужной список.

Июня 3 (16)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Михаил (Марков)

Священномученик Михаил родился 4 ноября 1881 года в селе Горетово Можайского уезда Московской губернии в семье священника Михаила Маркова. В 1899 году он окончил Звенигородское Духовное училище, а в 1905 — Вифанскую Духовную семинарию.

В 1909 году Михаил Марков был рукоположен во священника к Троицкой церкви в селе Горетово, на место недавно скончавшегося отца.

В 1933 году власти приняли решение о закрытии Троицкого храма. Церковный совет по наставлению священника начал сбор подписей в защиту церкви от закрытия. 11 марта 1933 года священник Михаил Марков был арестован и заключен в Можайскую тюрьму. Во время допроса 13 марта он дал такие показания: «В 1929 году я был судим за агитацию на страховочный сбор на храм и был приговорен к восьми годам ссылки. Но областной суд данное решение отменил, и я был осужден к 300 рублям штрафа. Мое хозяйство с 1927 года признано зажиточным и до него было доведено твердое задание. С того же года по 1932 год включительно я, как служитель религиозного культа, облагался индивидуальным налогом от 230 до 400 рублей. С 1918 года я лишен избирательных прав и являюсь лишенцем до сего времени. На советскую власть я смотрю как верующий и считаю, что советская власть, так же как и остальные власти, являются от Бога.

В 1933 году по моей инициативе были посланы ходатаи из крестьян, члены церковного совета, в Москву с ходатайством об отмене постановления сельсовета о закрытии нашей церкви. Помимо церковных служб, в нашей церкви часто собирались совещания членов церковного совета, на которых, по их просьбе, присутствовал и я, но с правом совещательного голоса. Ставился ли на совещании верующих вопрос о колхозном строительстве и вообще о власти, я не помню. Но в период моего присутствия этого не было. В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю».

22 апреля 1933 года тройка ОГПУ приговорила отца Михаила к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, а 29 апреля 1934 года постановление было изменено: на оставшийся срок заключения отец Михаил был выслан этапом в ссылку в Казахстан.

Отбыв срок ссылки, отец Михаил вернулся в село Горетово. 25 апреля 1937 года он был назначен служить в Преображенскую церковь в селе Горячкино Можайского района.

29 ноября 1937 года отец Михаил был арестован и заключен в Можайскую тюрьму. 4 декабря он был допрошен.

— С кем вы имели связь в селе Горячкино? — спросил следователь.

— Связь в селе Горячкино я имел с председателем церковного совета по делам службы...

— Какую контрреволюционную деятельность вы вели среди населения?

— Я антисоветской агитации среди населения не вел... к тому же за это могут посадить в тюрьму.

Один из свидетелей, опрошенный о том, какое влияние оказывает священник Марков на колхозников, сказал: «Из разговора ряда колхозников можно слышать, что Марков хороший священник, который крепко стоит за религию и делает все, чтобы не забывали Бога».

В этот же день после единственного допроса следствие было окончено и дело передано на рассмотрение тройки НКВД, которая 7 декабря 1937 года приговорила отца Михаила к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Этапом он был отправлен в Мариинский лагерь НКВД. По прибытии в Мариинск его по причине болезни поместили в сангородок. 16 июня 1938 года священник Михаил Марков умер и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-1479, д. П-18809.

Дубинский А. Ю. Вифанская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). М. 1999.

Июня 10 (23)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Тимофей (Ульянов)

Священномученик Тимофей родился 3 мая 1900 года в селе Трубинка Воронежской губернии в семье крестьянина Константина Ульянова. Три года он проучился в сельской школе.

В 1917 году он начал служить на родине в церкви псаломщиком. В 1931 году Тимофей Константинович переехал в Подольский район Московской области. Через год он был рукоположен сначала во диакона, а затем во священника к Вознесенской церкви в селе Сатино-Русское Подольского района Московской области. Тяжелое материальное положение вынуждало его перейти на служение в другой приход. Председатель церковного совета Вознесенской церкви убедительно просил его остаться в Сатино-Русском и продолжить служение. После некоторых колебаний отец Тимофей остался на этом приходе.

26 ноября 1937 года отец Тимофей был арестован Подольским районным отделением НКВД и заключен в тюрьму в городе Серпухове. На следующий день состоялся допрос. Поинтересовавшись у отца Тимофея, с кем из священнослужителей района он поддерживает связь и о чем у них бывает разговор при встречах, следователь спросил:

— С кем вы поддерживали связь в Подольском районе до ареста?

— Являясь священником церкви в селе Сатино-Русское, я, помимо этого прихода, обслуживал клиновский приход, выполняя отдельные требы.

— Объясните, последователем какой ориентации вы были ко дню вашего ареста?

— Ко дню моего ареста я являлся последователем тихоновской ориентации.

На этом допросы были закончены. В тот же день в качестве свидетеля был допрошен председатель колхоза села Сатино-Русское. Следователь попросил его рассказать о влиянии священника на колхоз. «Колхозники, — отвечал лжесвидетель, — очень жаловались, что вот нас ты не пускаешь в церковь, а заставляешь все работать, все люди вот идут в церковь, а нам это не представляется возможным. Влияние на граждан Ульяновых оказывал значительное».

Для дачи свидетельских показаний 29 ноября был вызван председатель церковного совета, который, давая показания об антисоветской деятельности отца Тимофея, сказал, что осенью 1937 года на поминках «Ульянов высказывал свои враждебные взгляды на существующий строй, восхваляя прежнюю жизнь, говорил: раньше гораздо лучше жилось, все было дешево и вдоволь, а теперь при советской власти дорого, жить стало тяжело всем. Советская власть накладывает на нас большие налоги, которые невозможно выплатить. Это делают для того, чтобы изжить духовенство».

Кроме этих двух лжесвидетелей были допрошены еще трое. 1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Тимофея к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Отбывая наказание, священник Тимофей Ульянов умер от голода 23 июня 1940 года в лазарете № 2 Нижне-Амурского исправительно-трудового лагеря города Советская Гавань Хабаровского края и 25 июня был погребен на лагерном кладбище.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ, Ф. 10035, л. 17928.
Сообщение УИН по Хабаровскому краю.

Июля 14 (27)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Павел (Иванов)

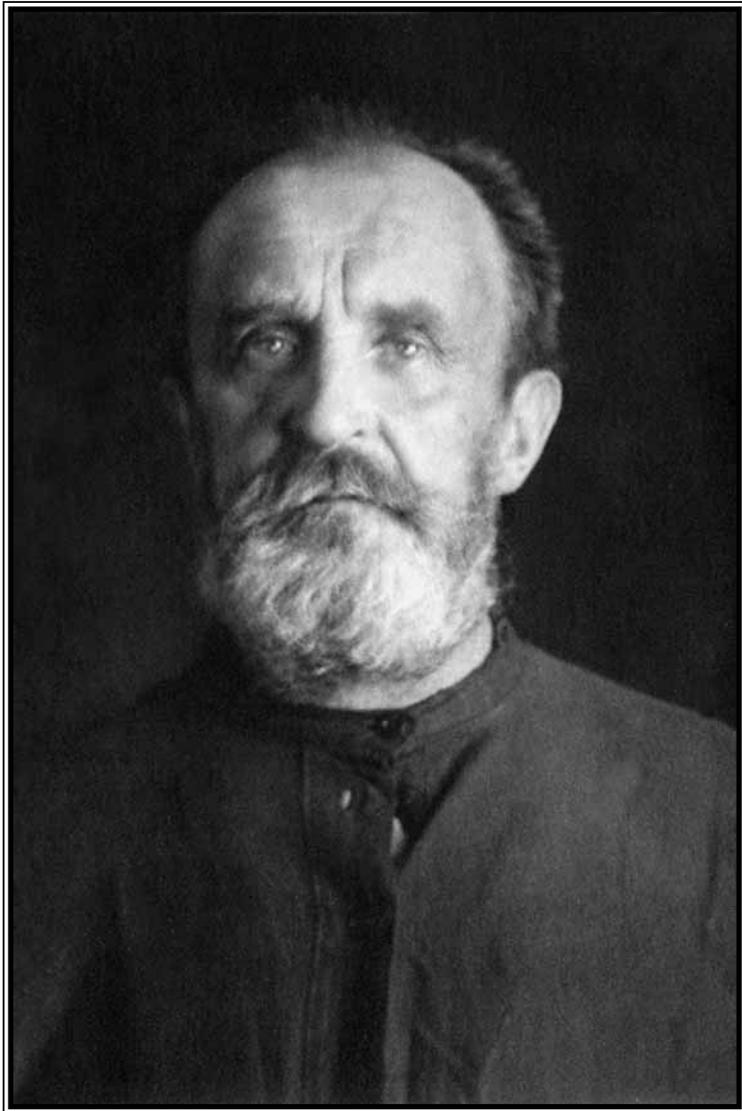
Священномученик Павел родился в 1875 году в селе Цуриково Смоленского уезда Смоленской губернии в семье священника Ивана Иванова. Окончив духовное училище, он поступил в духовную семинарию.

В 1898 году после окончания семинарии Павел Иванов был назначен учителем в село Болшево Бельского уезда Смоленской губернии. В 1901 году у него умер отец и его рукоположили во священника на место отца в село Цуриково.

В январе 1910 года отец Павел был определен полковым священником в 7-ой Туркестанский стрелковый полк, который располагался в городах Коканде, Скобелеве и Андижане. После революции 1917 года в стране началась гражданская война. Отец Павел до 1919 года служил в 108-ом госпитале, обслуживавшем раненых армии Деникина.

После разгрома деникинских войск отец Павел служил на Украине в селе Тупичево Роднянского уезда. В 1926 году он переехал в Московскую область и был назначен в Успенский храм в селе Обухово Солнечногорского района.

В марте 1938 года сотрудники НКВД допросили пять свидетелей, которые подписали необходимые следствию показания. 23 марта отец Павел был арестован и помещен в камеру предва-

Священник Павел Иванов

Москва. Таганская тюрьма. 1938 год

рительного заключения при районном отделении милиции города Солнечногорска. 25 марта состоялся допрос.

— Следствие располагает данными, что вы занимаетесь контрреволюционной деятельностью, а именно: в июне 1937 года, находясь в доме одного колхозника села Обухова, вы говорили, что большевики поработают народ, судят ни за что, сгоняют на строительство канала «Москва—Волга», говорили, что канал сооружен невинными людьми. Выражали уверенность, что скоро будет война и вернется обратно царская власть и вы усилите религиозную службу, чтобы привлечь больше верующих. В июле 1937 года говорили, что большевики притесняют религию, разрушают церкви, непосильными налогами притесняют служителей, только благодаря западным странам у нас еще существует религия, — заявил следователь.

— Виновным себя в предъявленной мне контрреволюционной деятельности не признаю и ее отрицаю, таких высказываний я никогда не делал, — ответил священник.

В скором времени отца Павла перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 2 июня 1938 года тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Священник Павел Иванов был расстрелян 27 июня 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 15460.

Июня 25 (8 июля)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Василий (Протопопов)

Священномученик Василий родился в 1886 году в селе Извольском Юхновского уезда Смоленской губернии в семье псаломщика Сергея Протопопова.

После окончания Смоленской Духовной семинарии Василий Сергеевич был назначен учителем школы в селе Торбеево Сычевского уезда Смоленской губернии. В мае 1915 года он был рукоположен во священника к храму в селе Новый Покров Уваровского района Московской области.

В 1928 году суд оштрафовал отца Василия за принятие помощи от верующих для уплаты налога. В 1931 году за неуплату очередного налога отец Василий был осужден на восемь месяцев исправительно-трудовых работ, также у него был отнят дом и имущество. После подачи жалобы приговор был отменен, но имущество возвращено не было.

19-летний комсомолец, заведующий избой-читальней соседнего села Острицы, 20 ноября 1937 года написал в Уваровское районное отделение НКВД заявление, в котором просил «принять меры к служителю церковного культа Ново-Покровской церкви». На следующий день заявитель был вызван в НКВД для дачи свидетельских показаний. Следователь попросил рассказать его, что он знает о контрреволюционной деятельности священника.

«Ввиду того, — заявил лжесвидетель, — что у нас в деревне Острицы церковь закрыта, Протопопов взял в свой приход и наш

Острицкий сельсовет, то и дело ходит по деревням, ведет контрреволюционную агитацию среди населения, чтобы ходили в церковь и молились Богу. Об этом мне неоднократно приходилось слышать от молодежи и от школьников, приходящих в избучитальню... Кроме этого нужно сказать, что Протопопов взял под свое влияние учительницу, имеющую высшее образование, с которой он имеет тесную связь, к которой он часто ходит в дом. Она в настоящее время бросила работать в школе, занимается исключительно своим домашним хозяйством и регулярно посещает церковь, где поет как певчая... В сентябре 1937 года я был в кооперативе в селе Новый Покров. Выходя из магазина, встретился с Протопоповым... Я задал ему вопрос: вы все еще работаете в церкви? Пора бы кончить, ведь, наверное, к тебе в церковь никто не ходит? На это Протопопов ответил: вы не думайте, что все люди такие тупые, как у вас в Острицах, которые допустили, что вы надругались над Божиим храмом, загрязнили его пылью и зерном. Это безобразие. Нужно верующим решительно идти за то, чтобы очистить храм от зерна и более решительно требовать открытия церкви. В конституции и то сказано, что вероисповедание свободное, а вы здесь на месте нарушаете это, закрываете церкви. Недолго осталось вам сбивать людей, чтобы они шли против Бога, скоро этому подойдет конец...»

24 ноября 1937 года священник Василий Протопопов был арестован и заключен в камеру предварительного заключения. 1 декабря он был допрошен начальником районного отделения НКВД.

— Следствием установлено, что вы среди населения вели антисоветскую деятельность, распространяете контрреволюционную клевету против советской власти. Вы подтверждаете эти данные следствия? — спросил следователь.

— Антисоветской деятельности и клеветы против советской власти я не высказывал. Это ложные данные, — ответил отец Василий.

2 декабря следствие было закончено. Отца Василия перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Отбывая наказание в Темниковском лагере, священник Василий Протопопов умер 8 июля 1940 года и был погребен на лагерном кладбище.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П- 49362.
Сообщение ИЦ ГУВД МО.

Июня 27 (10 июля)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Петр (Остроумов)

Священномученик Петр родился в 1875 году в селе Троицкое Клинского уезда Московской губернии в семье диакона Петра Остроумова. В 1896 году он окончил учительскую семинарию в Подольском уезде и стал работать учителем в Звенигородском уезде Московской губернии.

В 1899 году он был рукоположен во диакона к Христорождественскому храму в селе Петровское Клинского уезда, а в 1909 году — во священника к Троицкому храму в родном селе Троицком.

С 1918 по 1920 год отец Петр служил в селе Петровское, а затем снова продолжил служение в селе Троицкое. В 1929 году власти начали повсеместно закрывать храмы. Безбожниками было принято решение и о закрытии Троицкой церкви в селе Троицкое. 18 октября 1929 года отец Петр был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

Председатель сельсовета, вызванный в ОГПУ для допроса, дал такие показания: «Из разговоров и слухов я знаю, что поп нашей церкви Петр Остроумов рассказывал проповеди, направленные на подрыв советской власти, говорил, что необходимо верить в Бога, коммунисты ведут вас к пропасти и придет то время, когда вы все, обманутые коммунистами и советской властью, покаетесь. После вынесенного волостным съездом решения о закрытии церкви поп Остроумов, совместно с церковным советом, созывал собрания верующих (иногда даже без разрешения, и та-

кие собрания закрывались сельсоветом), на которых собирал подписи против закрытия церкви... Поп Остроумов очень хитрый и аккуратный человек, он свою антисоветскую деятельность проводит скрытно, замечать ее трудно, но его влияние на селе по отношению верующих чувствуется».

1 ноября 1929 года священник был допрошен.

— Антисоветской агитации ни в частных разговорах и нигде я никогда не вел. Проповеди, которые я произношу очень редко, носят чисто религиозный характер, и ничего антисоветского в них нет, — отвечал на вопросы следователя отец Петр.

— Собирали ли вы подписи против закрытия церкви?

— Никаких подписей не собирал.

— Кем собирались подписи?

— Церковным старостой и членами церковного совета.

12 ноября было составлено обвинительное заключение, в котором вина отца Петра была сформулирована так: «...являясь священником, использовал религиозные настроения верующих в целях антисоветской агитации, собирал подписи против закрытия церкви, параллельно с этим провоцируя верующих на массовое выступление».

Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ 23 ноября 1929 года священник Петр Остроумов был приговорен к трем годам ссылки в Северный край.

После возвращения из ссылки отцу Петру было запрещено проживать в стокилометровой зоне вокруг Москвы, поэтому он был назначен служить в Волоколамский район Московской области. В мае 1937 года он был переведен в Покровскую церковь в селе Покровское Волоколамского района.

В конце ноября 1937 года в НКВД от доносителей поступили сведения, что священник Петр Остроумов 8, 21 и 22 ноября проводил службы, которые длились с шести часов утра до двух часов дня. Также сообщалось, что за этими службами священник проповедовал, призывал не бросать Церковь; эти службы посещают

неизвестные, верующие расходятся группами, бывали на службах и маленькие дети, а 5 и 12 декабря, в день конституции и в день выборов в Верховный Совет, такие службы будут совершены вновь.

2 декабря священник был арестован и заключен в тюрьму в городе Волоколамске. Председатель сельсовета, допрошенная в качестве свидетеля, сказала, что «священник Остроумов часто ходит по домам, где среди верующих говорил, что скоро будет война, нужно говеть, ведь теперь пост, вот возьмут меня, и церковь не будет служить. Остроумов покупает конфеты детям и раздает им как гостинцы».

— Следствию известно, что вы среди верующих вели антисоветские разговоры, вы это скрываете. Вам зачитывается целый ряд свидетельских показаний, уличающих вас в антисоветской и антиколхозной деятельности. Подтверждаете ли вы это? Дайте ваши верные показания, — потребовал следователь на допросе.

— Заявляю, что я антисоветскими и антиколхозными разговорами не занимался. Что же касается проповедей, то, действительно, я проповеди говорил лишь в начале моего приезда в село Покровское, то есть весной сего года, на тему о мирном житии. В настоящее время я проповедей не произношу. Зачитанные уличающие свидетельские показания я отрицаю. Больше по делу показать ничего не могу, — ответил отец Петр.

Допрос состоялся в день ареста — 2 декабря. Тогда же следствие было закончено, а дело передано на рассмотрение тройки НКВД, которая 5 декабря 1937 года приговорила отца Петра к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Священник Петр Остроумов отбывал наказание в Амурлаге НКВД в Амурской области, где и умер 10 июля 1939 года и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-51861, д. П-17270.
Сообщение ГИЦ МВД РФ.

Юлия 27 (9 августа)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Соловьев)

Священномученик Иоанн родился 26 января 1894 года в селе Николаевка Михайловского уезда Рязанской губернии в семье псаломщика Михаила Соловьева. Обучался в Рязанской Духовной семинарии. В 1912 году поступил псаломщиком в храм в селе Красное Пронского уезда Рязанской губернии. В 1917 году Иван Михайлович был рукоположен во диакона ко храму в селе Апонитищи Зарайского уезда Рязанской губернии. В 1930 году диакон Иоанн был рукоположен во священника ко храму Рождества Богородицы в селе Кончаково Луховицкого района Московской области.

В конце ноября 1937 года были допрошены дежурные свидетели, в частности председатель сельсовета, давшие необходимые следователю показания, и 16 декабря 1937 года отец Иоанн был арестован, заключен в одну из тюрем Коломенского района и на следующий день допрошен.

— Следствию известно, что вы, будучи недовольны существующим строем, высказывали контрреволюционную клевету, пораженческие настроения против советской власти и террористические против коммунистов. Признаете ли вы это?

— Это я не признаю.

— Следствию также известно, что вы призывали население не голосовать за коммунистов. Признаете ли вы это?

– Этого не было, это я не признаю, так как никогда против коммунистов не говорил и виновным себя в этом не признаю.

В тот же день следствие было закончено. 20 декабря тройка НКВД приговорила отца Иоанна к десяти годам заключения. Священник Иоанн Соловьев скончался 9 августа 1941 года в концлагере и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 17102.
АМП. Послужной список.

Августа 3 (16)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Николай (Померанцев)

Священномученик Николай родился 11 ноября 1881 года в селе Спасское на Сетуни Московского уезда Московской губернии в семье псаломщика Петра Семеновича Померанцева. В 1897 году Николай окончил Заиконоспасское Духовное училище, в 1904-ом – Московскую Духовную семинарию. До 1917 года Николай Петрович служил псаломщиком в одном из московских храмов, а в этом году был рукоположен во священника к Владимирской церкви в селе Осташево Бронницкого уезда, где он прослужил до 1929 года. В 1929 году отец Николай был переведен в Троицкую церковь в село Новлянское Волоколамского района.

В 1931 году священник скрыл от описи властями часть церковной утвари, находившейся в храме, за что был приговорен к максимальному сроку заключения по этой статье – к трем месяцам исправительно-трудовых работ. Вернувшись из заключения, он продолжал служить в храме до наступления очередного периода гонений на Русскую Православную Церковь.

3 ноября 1937 года следователи НКВД допросили дежурных свидетелей, которые показали, что священник вел контрреволюционную деятельность во время выборов в Верховный Совет. Один из них показал: «В момент сбора колхозников Померанцев вышел из дома, к нему подошел и я. “Чтой-то вы бегаете?” – спросил он. Я ему сказал, что у нас сейчас будет проходить пере-

выборное собрание. Тогда Померанцев заявил: “Надо сперва товарищу Сталину накормить и обути колхозников, а потом и собираться на собрания, а то колхозники подымают с голода”. В это же время ехал наш партприкрепленный. Померанцев меня спросил: “Кто это едет?” Я ответил ему: “Это наш партприкрепленный по выборам в Верховный Совет”. Померанцев сказал: “Опять едет очки втирать колхознику” — и повторил, что надо товарищу Сталину накормить сперва, обути и одеть колхозников. Весной 1937 года при обмене и вывозке семян Померанцев говорил колхозникам: “Возите, возите, а потом сами подохнете с голоду”. Этими словами он агитировал колхозников, чтобы они не возили государству семян. Нам на весенний сев был спущен план, и при обсуждении такового присутствовал Померанцев, так как это было на общем собрании. И Померанцев заявил: “Вам планы дают не под силу, можно сеять и без их планов, а планы доведут вас до нищенской суммы, и не миновать вам с этими планами голодать”».

3 ноября 1937 года отец Николай был арестован и заключен в одну из тюрем в Волоколамском районе. 11 ноября следователь допросил его.

— Следствие располагает данными, что вы среди населения занимались сбором подписей для разрешения хождения по домам с молебнами. Следствие предлагает вам дать показания по этому вопросу.

— Подписи с населения на разрешение хождения по домам с молебнами я не собирал.

— Следствие располагает данными, что вы среди населения занимались контрреволюционной и антисоветской агитацией. Следствие предлагает вам дать показания по этому вопросу.

— Контрреволюционной и антисоветской агитацией я не занимался.

— Вы показываете ложно. По вашему делу допрошены свидетели, которые подтверждают вашу контрреволюционную и антисоветскую агитацию. Следствие требует от вас правдивых показаний.

— Еще раз заявляю, что контрреволюционной и антисоветской агитацией я не занимался, — ответил священник.

На этом допросы были закончены, и он был перевезен в Таганскую тюрьму в Москве.

22 ноября следователь еще раз допросил в тюрьме отца Николая, в основном интересуясь, кто рукоположил его во священника и когда, за что он был ранее судим, и в последнюю очередь спросил — признает ли он себя виновным в антисоветской агитации, на что священник еще раз заявил, что в этом он себя виновным не признает. На следующий день, 23 ноября 1937 года, тройка НКВД приговорила отца Николая к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Священник Николай Померанцев скончался в заключении 16 августа 1938 года и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-17145.

Дубинский А.Ю. Московская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). М., 1998.

Августа 5 (18)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иоанн (Смирнов)

Священномученик Иоанн родился 16 марта 1887 года в селе Карачарово Московского уезда Московской губернии в семье крестьянина Иакова Смирнова. Образование получил в духовном училище, а затем с 1910 по 1918 год служил в армии в должности писаря в звании старшего унтер-офицера. В 1926 году он был рукоположен во диакона к Успенскому храму в селе Косино Ухтомского района Московской области.

27 ноября 1937 года, в разгар массовых гонений на Церковь, диакон Иоанн был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. 30 ноября отцу Иоанну было зачитано постановление о привлечении его к ответственности за контрреволюционную деятельность, но, ознакомившись с ним, отец Иоанн отказался его подписать, так как был совершенно с ним не согласен.

— Следствие имеет материалы, которые говорят, что вы враждебно настроены к советской власти. Подтверждаете вы это? — спросил следователь.

— Нет, этого я не подтверждаю, — ответил диакон Иоанн.

— На основании имеющегося следственного материала, свидетельскими показаниями вы изобличаетесь как контрреволюционер. Дайте по этому вопросу отчет.

— Я контрреволюционером не был и контрреволюционной работы не вел.

— Вы следствию хотите рассказать о вашей контрреволюционной деятельности?

— Об этом мне совершенно не о чем говорить, так как я никакой контрреволюционной деятельности не вел.

— А что вы можете рассказать о контрреволюционной деятельности ваших сослуживцев?

— Ничего не могу сказать, так как этого не замечал.

7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Иоанна к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен на Дальний Восток. Диакон Иоанн Смирнов скончался 18 августа 1939 года в исправительно-трудовом лагере в Амурской области и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-18912.

Сентября 9 (22)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Александр (Виноградов)

Священномученик Александр родился 1 июня 1884 года в семье заштатного псаломщика Ивана Михайловича Виноградова, служившего трапезником при Воскресенской церкви, что на Ваганьковском кладбище в Москве. В 1899 году Александр окончил Донское Духовное училище, а в 1905 году – Московскую Духовную семинарию.

1 октября 1909 года в день Покрова Божией Матери он был рукоположен во священника и определен на служение в Преображенскую церковь в селе Люберцы Московской губернии.

В 1920 году отца Александра на несколько месяцев призвали на военную службу, которую он проходил в тыловом ополчении. В 1929 году он был возведен в сан протоиерея, а в 1932 году награжден палицей.

В подмосковном селе Перхушково Звенигородского района в ноябре 1933 года скончался священник, и священноначалие 21 ноября назначило протоиерея Александра Виноградова в Покровский храм этого села, где он прослужил до самого ареста.

Во время начавшихся летом 1937 года массовых арестов верующих власти приняли решение арестовать протоиерея Александра. 27 ноября 1937 года он был арестован и заключен в камеру предварительного заключения при Звенигородском отделении милиции, а через несколько дней переведен в Таганскую тюрьму

в Москве. На следующий день после ареста в двенадцатом часу ночи состоялся допрос, который продлился до пяти часов утра 29 ноября.

— С кем поддерживаете связь? — спросил следователь.

— Письменной связи я ни с кем не поддерживаю. Личную связь я поддерживаю со своим благочинным... Поддерживаю связь с Цветковым Иваном Алексеевичем, священником юдинской церкви, он является моим духовником. У него только бываю в Великий, Успенский и Рождественский посты. У меня он также бывает...

— Вы обвиняетесь в проведении контрреволюционной деятельности, направленной против советской власти. Требую от вас дать откровенные показания по существу предъявленного вам обвинения.

— Виновным признаю себя в том, что до утверждения новой конституции я в разговорах с духовенством и отдельными прихожанами певчими, посещающими мою квартиру, высказывал недовольство на существующее бесправное положение духовенства. Больше я себя ни в чем виновным не признаю.

Вечером 29 ноября в начале десятого часа ночи отца Александра вызвали еще на один допрос, продолжавшийся без малого пять часов.

— Следствием установлено, что вы проводили контрреволюционную деятельность против советской власти. Требуем от вас правдивых показаний, — сказал следователь.

— Контрреволюционной деятельности я не проводил, — ответил священник.

— Когда и зачем к вам приходили бывшие ссыльные из числа духовенства?

— В мае 1937 года на Пасху ко мне в церковь приходил иподиакон... отрекомендовавшись, сказал, что прибыл вместе с владыкой из ссылки, и от его имени попросил помощи. Я ему дал 15 рублей... Пробыв у меня часа полтора-два, он уехал искать

квартиру... Примерно в сентябре 1937 года ко мне на квартиру заходил тамбовский священник, возвращавшийся из ссылки из города Архангельска, который также попросил у меня помощи. Я дал ему три рубля, хлеба, сельдей; пробыв 5–10 минут, он ушел, – куда, мне неизвестно. Спустя 3–4 дня после этого ко мне заходил диакон, также возвращавшийся из ссылки и просивший помощи. Получив от меня три рубля, он тут же ушел. В октябре 1937 года ко мне заходил священник из села Кудиново, вернувшийся из ссылки из Северного края, попросил у меня помощи. Я дал ему три рубля, пообедал с ним, и он ушел, поехал на станцию Перово.

– Вы лжете, следствие требует от вас дать правдивые показания о причинах посещения вас бывшим ссыльным духовенством.

– Приходившее ко мне ссыльное духовенство просило помощи, других причин к этому не было.

5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Александра к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. С этапом заключенных он был отправлен на Дальний Восток. 22 сентября 1942 года протоиерей Александр Виноградов скончался от пеллагры в городе Свободный и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-16835.

Дубинский А. Ю. Московская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). М. 1998.

Монастыри и храмы Московской епархии. М., 1999.

Сообщение ИЦ ГУВД Московской области и ИЦ УВД Амурской области.

Сентября 10 (23)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Петр (Юрков)

И МУЧЕНИК

Симеон (Туркин)

Священномученик **Петр** родился 24 июня 1880 года в селе Вышегород Верейского уезда Московской губернии в семье крестьянина Алексея Юркова. Петр окончил сельскую школу, женился и стал вести свое крестьянское хозяйство. В 1915 году во время Первой мировой войны ввиду ухудшения положения русских войск на фронте он был мобилизован в армию и служил до 1917 года в чине старшего унтер-офицера. Демобилизовавшись, он поселился в Москве и работал бухгалтером на фабрике. Но главным в его жизни было пение в церковном хоре, в котором принимали участие и несколько человек с их фабрики.

В 1926 году Петр Алексеевич был рукоположен во диакона ко храму в городе Верее, а через некоторое время во священника и был переведен в Успенскую церковь в селе Симбухово Верейского района. Поскольку в это время преследования Русской Православной Церкви все усиливались, то старших детей отец Петр оставил в Вышегороде, а сам с супругой жил в Симбухове.

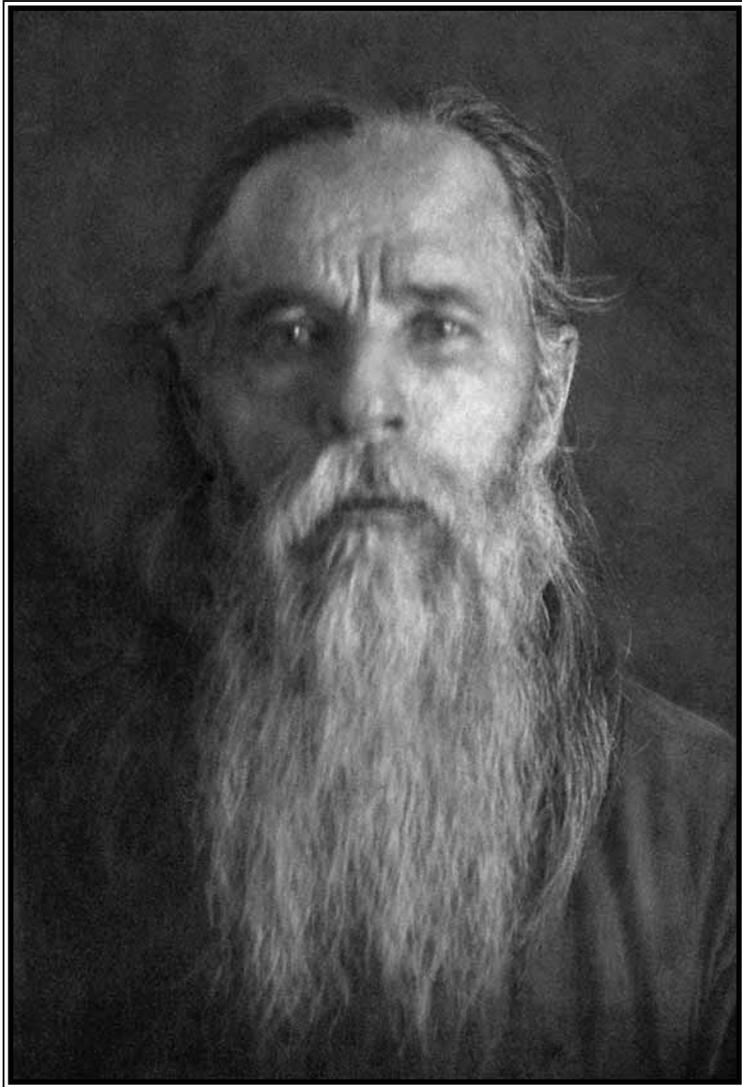
Мученик Симеон родился 1 февраля 1870 года в селе Симбухово Верейского уезда Московской губернии в семье крестьянина

Иакова Туркина. Окончил сельскую школу; с 1894 по 1897 год он служил в армии в чине унтер-офицера; по окончании службы несколько месяцев был урядником в Наро-Фоминске, а затем жил в родном селе, где некоторое время был волостным старшиной.

В 1918 году он стал свидетелем восстания крестьян в Верейском уезде. Узнав о происшедшем возмущении против советской власти, Семен Яковлевич пошел сначала посмотреть, что происходит, а затем попытался уговорить крестьян разойтись, но его никто не послушал, и он ушел. На обратной дороге его арестовал ехавший на подавление восстания отряд латышей и отправил под конвоем в Верею. После допроса Семен Яковлевич был освобожден. В двадцатых годах он организовал строительную артель, брал подряды и строил дома.

В 1933 году он был выбран старостой Успенского храма в Симбухове. В конце тридцатых годов начались беспощадные гонения на Русскую Православную Церковь. Настоятель Успенского храма Петр Алексеевич Юрков и староста Семен Яковлевич Туркин были арестованы 8 сентября 1937 года и заключены в тюрьму в городе Можайске. Были вызваны дежурные свидетели, которые показали, что священник и староста занимались антисоветской деятельностью, что везде и повсюду они старались завербовать себе побольше сторонников, что для этого староста храма в чайной села Симбухова специально заводил с колхозниками разговор на религиозную тему, что он грозил разными карами людям, не посещающим церковь, и доказывал, что по новой конституции церковь приобрела большие права и ее теперь никто тронуть не может. Свидетели утверждали, что Семен Яковлевич среди строительной артели заводил антисоветские разговоры, говоря, что советская власть — дело неустойчивое и недолго продержится; они заявили также, что священник и староста вели религиозную пропаганду: священник, воспользовавшись праздником, призывал колхозников возвратиться к вере, говоря, что при-

Священник Степ Юрков

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

дет время, да поздно будет, — забыли церковь, забыли Бога, но это вам вспомнится.

Одновременно с дежурными свидетелями следователь допросил отца Петра, заявив:

— Следствие располагает материалом, что вы совместно с церковным старостой Туркиным вели систематическую контрреволюционную агитацию среди колхозников. Дайте ваши показания по этому вопросу.

— Контрреволюционной деятельности я никогда не вел и с церковным старостой имел чисто деловые отношения.

— Следствие располагает материалами о том, что вы в апреле сего года высказывались о тяжелой жизни при советской власти и говорили, что нужно ожидать еще худшего. Дайте ваши показания по этому вопросу.

— Такого разговора я не помню и показаний дать не могу.

— Следствие располагает материалами, что вы вели контрреволюционную агитацию против советской власти. Подтверждаете ли вы это?

— Нет, не подтверждаю. Может, и был разговор против советской власти, но я этого не помню.

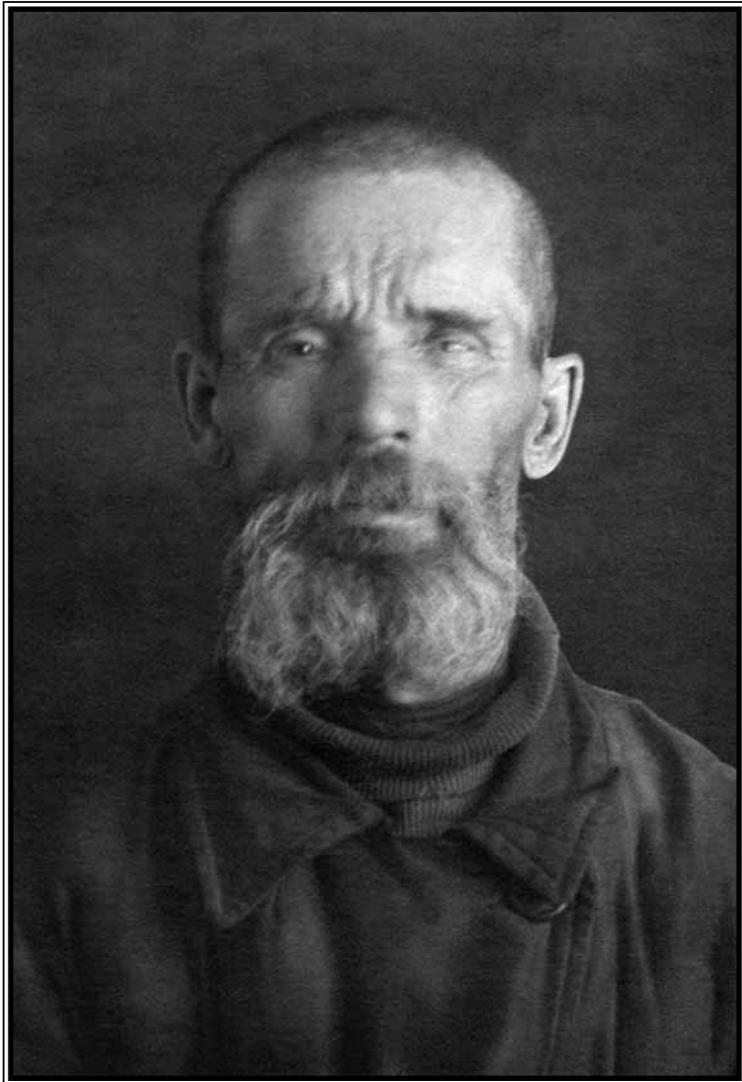
— Признаете ли вы себя виновным в том, что вы вели антисоветскую агитацию? — повторил дважды следователь.

— Виновным себя не признаю, но вторично заявляю, что, может, и был разговор против советской власти, но я этого не помню.

Тогда же был допрошен и староста Семен Яковлевич.

— Вы арестованы за антисоветскую деятельность, которую вели совместно со священником Юрковым. Дайте правдивые показания по этому вопросу.

— Я в течение четырех лет служу церковным старостой и, естественно, имею связь со священником нашей церкви Петром Алексеевичем Юрковым по совместной работе, но антисоветской агитации мы никогда не вели.

Семен Павлович Туркин

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

— Следствию известно, что вы, в момент выпуска проекта сталинской конституции, в чайной в присутствии посетителей говорили, что партия одумалась и дала права Церкви. Дайте ваши показания.

— Не отрицаю, что разговор о конституции в чайной был, но произошло это следующим образом. Я пришел в чайную, где мне гражданин, фамилию его не помню, начал говорить, что, мол, конституцию новую выпускают и мы закроем вашу церковь, на что я ему возразил, что теперь не закроете, раз дали свободу и отделили Церковь от государства, мы теперь можем свободно поведовать. Больше я ничего не говорил.

— Следствие располагает материалами, что в 1936 году вы совместно с Юрковым проводили нелегальные собрания верующих. Дайте показания по этому вопросу.

— Не отрицаю, что в 1936 году мы собирались в церкви, но Юркова в это время не было, собирались для разрешения церковных дел.

— Следствие располагает материалами, что вы выступали против советской власти, заявляя, что этой власти осталось недолго существовать. Требуем от вас правдивых показаний по данному вопросу.

— Категорически это отрицаю, так как я против советской власти никогда не выступал и виновным себя в этом не признаю.

22 сентября тройка НКВД приговорила священника и старосту к расстрелу. Священник Петр Юрков и староста храма Семен Яковлевич Туркин были расстреляны на следующий день, 23 сентября 1937 года, и погребены в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 22938.

Сентября 16 (29)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Сергий

И МУЧЕНИЦА

Варвара* (Лосевы)

Священномученик Сергий родился 20 сентября 1893 года в селе Ванилово Московской губернии в семье псаломщика Александра Лосева.

В 1908 году Сергей Александрович окончил Коломенское Духовное училище, в 1915 году – Московскую Духовную семинарию, после чего устроился псаломщиком. Через два с половиной месяца он был рукоположен в сан диакона, а в скором времени и во священника.

В 1926 году отец Сергий был назначен на служение в храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы в селе Капотня** Ухтомского района Московской области. В этом храме отец Сергий прослужил до дня своего ареста 27 ноября 1937 года. На следующий день начались допросы.

– Кто у вас имеется из знакомых служителей религиозного культа и где они проживают? – спросил следователь.

---

* Память мученицы Варвары (Лосевой) празднуется февраля 22/7 марта.

** Ныне это село вошло в состав Москвы, дав название району столицы.

— Я хорошо знаю благочинного отца Владимира Воздвиженского, проживающего в Ухтомском под Москвой.

— Вы посещали Воздвиженского?

— Да, я посещал его три-четыре раза.

— А он вас?

— Нет.

— Следствию известно, что вы организовывали сбор средств среди рабочих завода и колхозников села Капотни на содержание себя.

— Сборы средств я организовывал, только я отрицаю, что деньги собирались на мое содержание, собранные средства пошли на нужды церкви.

— Следствию известно, что вы умышленно устраивали богослужения в уборочную кампанию, чтобы сорвать работу в колхозе.

— В уборочную кампанию я богослужения в церкви устраивал, колхозники и рабочие, посещавшие храм, отрывались от работы, но в этом с моей стороны никакой цели и умысла не было.

— Следствию известно, что вы среди колхозников и рабочих вели контрреволюционную агитацию.

— Это я отрицаю.

— Следствию известно, что вы устраивали у себя на квартире сборы колхозников села Капотни, где обсуждали мероприятия советской власти и коммунистической партии. Признаете вы это?

— Отрицаю.

Следователем для дачи свидетельских показаний были вызваны председатель и секретарь сельсовета и заведующий избой-читальней, которые подписали заранее заготовленные следователем протоколы, содержащие обвинения священника в антисоветской деятельности и высказываниях против советской власти и конституции.

Все время непродолжительного следствия отец Сергей содержался в Таганской тюрьме в Москве. 7 декабря 1937 года тройка

НКВД приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Отбывая наказание в Азербайджане близ города Баку, отец Сергей скончался в лагере 29 сентября 1942 года и был погребен в безвестной могиле.

В феврале 1938 года один из лжесвидетелей, подписавший показания против отца Сергея, написал в НКВД донос на супругу священника Варвару Ивановну Лосеву, заявив, что «попадья Варвара Лосева ведет контрреволюционную агитацию».

В НКВД приняли решение арестовать Варвару Ивановну, предварительно собрав свидетельские показания. Три лжесвидетеля, среди которых был и доносчик, подписали необходимые следователю показания. На основании этих показаний 16 февраля 1938 года Варвара Ивановна была арестована и заключена под стражу в Егорьевскую тюрьму.

Мученица Варвара (Лосева) родилась в 1894 году в Москве. Отец ее Иоанн был сапожником. После замужества она год учительствовала, а потом все время была домохозяйкой и помощницей мужа-священника.

— Следствие имеет данные, что вы после ареста мужа среди населения вели контрреволюционную деятельность. Дайте ответ, — потребовал следователь.

— Это я отрицаю.

— Следствию известно, что вы после ареста вашего мужа наносили угрозы членам ВКП(б) и активистам, угрожая с ними расчитаться.

— Это я отрицаю.

— Скажите, как было настроено духовенство в момент Октябрьской революции к власти?

— Духовенство встретило Октябрьскую революцию враждебно.

— А как вы встретили Октябрьскую революцию?

— Так же, как и все граждане.

— Скажите, за что арестован ваш муж?

– Мне это не известно. Но я считаю, что он вреда никому не приносил.

– Признаете ли вы себя виновной в контрреволюционной агитации среди населения и выражали ли вы недовольство к ВКП(б) и руководителям власти?

– Виновной себя в контрреволюционной агитации не признаю, и ничего я не говорила.

25 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила Варвару Ивановну к расстрелу.

Варвара Ивановна Лосева была расстреляна 7 марта 1938 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 16888, д. 21255.

Дубинский А. Ю. Московская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901– 1917 гг. М., 1998.

Сентября 17 (30)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Ирина (Фролова)

Преподобномученица Ирина родилась в 1899 году в селе Левино Медынского уезда Калужской губернии в семье крестьянина Федора Фролова. До 25 лет она проживала с родителями и занималась сельским хозяйством.

В 1924 году она поступила послушницей в Спасо-Бородинский женский монастырь Можайского уезда Московской губернии. После упразднения монастыря послушница Ирина осталась трудиться в Бородинской сельскохозяйственной коммуне, которую образовали сестры на территории закрытой обители.

В конце 1920-х годов власти приняли решение разогнать все трудовые коммуны, организованные при монастырях. В 1928 году, когда власти распускали Бородинскую монастырскую коммуну, монахини поручили послушнице Ирине не уходить из монастыря, а жить в нем, как бы стеречь монастырь. Будучи глубоко церковным человеком, послушница Ирина приняла это послушание. Все сестры расселились в близлежащих селениях, устроившись при храмах псаломщицами или сторожами. Украдкой некоторые монахини приносили ей продукты, но поскольку все жили в большой нужде, то помощь эта была весьма скудной и недостаточной.

Один свидетель впоследствии рассказал на следствии о послушнице Ирине, что когда ее «попытались выселить из квартиры, то она с одной иконкой забралась на чердак и там жила. При выселении с чердака она с одной иконкой перебралась зимой в совершенно холодный сарай и, невзирая на такие лишения, все-таки жила в монастыре до ареста и информировала монашек и священника Бородинского монастыря о состоянии монастыря и коммуны, обо всех беспорядках и случаях. При обращении к ней членов правления и других Фролова ничего никогда не отвечала и не хотела отвечать».

Вместо прежней трудовой общины власти организовали новую — из местных крестьян, но в нее Ирина не вступила. Несколько раз ее ловили и выгоняли, но каждый раз она снова возвращалась обратно. Видя ее непреклонность, послушницу Ирину оставили в покое, а иногда даже стали поручать какую-либо работу, за которую давали ей продукты или деньги. Если за них надо было расписываться, послушница Ирина отказывалась, искренно считая, что поскольку государство преследовало православную веру и Церковь, то есть прониклось антихристовым духом, то ставить свою подпись под любыми документами этого государства — значит участвовать в его антицерковной деятельности.

19 мая 1931 года власти арестовали послушницу Ирину, а вместе с ней еще 14 монахинь и священника Бородинского монастыря, обвинив их в сопротивлении мероприятиям советской власти на селе. Все они были заключены в Можайскую тюрьму.

24 мая следователь вызвал ее на допрос, где предъявил обвинение «в антисоветской деятельности и распространении слухов о войне». Давать какие-либо показания, подписывать протокол допроса и другие документы послушница Ирина наотрез отказалась.

10 июня 1931 года тройка ОГПУ приговорила послушницу Ирину к трем годам заключения в исправительно-трудовой ла-

герь. Находясь в Можайской тюрьме, Ирина заболела туберкулезом легких, поэтому была помещена в тюремную больницу.

30 сентября 1931 года послушница Ирина (Фролова) скончалась в больнице и была погребена в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П -37115.

Сентября 19 (2 октября)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Нил (Смирнов)

Священномученик Нил родился 5 ноября 1881 года в селе Пересыпкино Кирсановского уезда Тамбовской губернии в семье учителя народной школы Михаила Смирнова. Мать Нила Михайловича была дочерью священника.

Окончив Кирсановское городское училище, Нил Михайлович с 1897 по 1921 год работал на железной дороге в должностях: конторщика товарной конторы, помощника товарного кассира, помощника билетного кассира, билетного кассира, телеграфиста, заведующего хозяйственной частью Юбилейного поселка рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги.

В 1921 году Нил Михайлович подал прошение о рукоположении и принятии его в клир города Москвы. Дяконом он служил в церкви Воскресения Христова в Сокольниках. Через две недели после рукоположения в диаконы, 22 октября 1921 года, отец Нил был поставлен во священника к храму святых бессребреников Кира и Иоанна при Сербском подворье в Москве.

В ноябре 1921 года Патриарх Тихон утвердил его в должности штатного священника Воскресенской церкви в Сокольниках. В августе 1923 года отца Нила перевели в храм Успения Божией Матери при погосте Картино Можайского уезда. В ноябре 1925 года отца Нила вновь назначили в церковь Воскресения Христова в Сокольниках. В 1930 году он стал исполнять обязан-

ности настоятеля, а через год был утвержден в этой должности. В 1931 году отец Нил был возведен в сан протоиерея.

17 февраля 1933 года протоиерей Нил был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Некий лжесвидетель, допрошенный еще в июне 1932 года, рассказал следователю, что отец Нил «всегда говорит зажигательные проповеди... пользуется среди верующих темных масс рабочих и бывших людей, торговцев большим авторитетом и не раз верующие его предупреждали, что он слишком открыто выступает против советской власти».

23 февраля, давая показания следователю, отец Нил сказал: «Я принял сан священника в то время, когда борьба с неверием приняла ожесточенные формы, когда начался усиленный отход верующих от Церкви, и я, видя такой отлив народа от православия, решил ей посвятить свою жизнь и стать церковным деятелем... В своих проповедях, произносимых в церкви, я старался призывать верующих к соблюдению нравственных правил, все эти проповеди призывали к борьбе с неверием и безбожием... В предъявленном обвинении виновным себя не признаю».

Особое Совещание при Коллегии ОГПУ 22 марта 1933 года приговорило отца Нила к высылке в Северный край сроком на три года. Наказание он отбывал в городе Каргополе, работал на разгрузке леса с плотов, складывал его в штабеля, а также на пилке дров.

Вернувшись из ссылки в 1936 году, отец Нил был назначен служить в Богоявленскую церковь села Буйгород Волоколамского района Московской области.

В мае 1937 года отец Нил по приглашению священника Бориса Недумова стал служить в Иоанно-Предтеченском храме села Ивановское на Ламе Лотошинского района.

Прокурор Лотошинского района уже в апреле 1937 года направил начальнику местного районного отделения НКВД два письма, в которых излагал контрреволюционные действия священников и предписывал произвести расследование.

В одном из них говорится, что «священник (кто именно, не называется) Афанасиевской церкви учеников вызывает к себе и заставляет их читать молитвы, за это он некоторым дает деньги. Так это было с десятилетним учеником... которому священник дал 50 копеек за то, что он рассказал ему молитву».

В другом письме излагались конкретные факты контрреволюционной деятельности священников Бориса Недумова и Нила Смирнова, «которые, находясь в селе всего полтора месяца, приняли ряд мер к оживлению религиозной пропаганды. Оба священника имеют фисгармонию, баян и скрипку, при помощи которых они собирают вечеринки... на которых, помимо музыкальных номеров, ставили вопрос о поднятии духа религии... Организовали хор, в котором... подобраны враждебные люди... Причем, по утверждению некоторых лиц, имеют своей задачей обслужить и колхозников, если они будут согласны на это... Ведут агитацию, содержание которой сводится к тому, что церковь 1 мая работать не будет и что они вместе со всеми колхозниками хотят выйти на демонстрацию... Производят сбор средств... и, по разговорам, сбор выражается по 50 копеек и 1 рублю. Всего собрано, по условным данным, до 1 000 рублей...»

В марте, устраивая дочь Екатерину в школу в селе Буйгород, отец Нил разговаривал с директором школы, указав ему в беседе, что его дочь верующая, ходит в церковь и носит крестик, поэтому всякая проводимая в школе антирелигиозная работа ее касаться не должна, а также не нужно заставлять ее вступать в пионерский отряд. После ареста в 1937 году отца Нила директор школы был привлечен в качестве свидетеля и, вспоминая об этом разговоре, показал следователю: «...Ношение открыто креста его дочерью имеет влияние на остальных учеников, в данном случае не мало учеников стало посещать церковь. Кроме того, в апреле у... подруги дочери священника Смирнова было найдено в классе Евангелие».

В августе 1937 года отец Нил ездил в Епархиальное Управление с просьбой о назначении его в село Нижнее Васильевское Ло-

тошинского района, но, еще до принятия решения, был 20 августа арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

— Следствие располагает материалами, что вы состоите членом контрреволюционной группы и активно вели контрреволюционную работу. Предлагается вам дать правдивые и откровенные показания по этому вопросу.

— Это я не признаю и отрицаю.

— Вы даете ложные показания. Следствие имеет факт, что 26 июля 1937 года в проповеди верующим вы заявили: «На духовенство наложили большие налоги, я прошу прихожан помочь духовенству деньгами». Этот факт признаете?

— Да, признаю...

— Во время пасхальной службы 1937 года вы обратились к верующим и заявили, что по новому закону теперь Церковь государственной не является и советское правительство не имеет права к ней прикасаться. Признаете это?

— Да, это действительно было, и я так говорил.

— В мае месяце 1937 года вы распускали нелепый слух о том, что скоро будет жить лучше, так как вождь партии решил объявить себя президентом?

— Нет, этого я не говорил и этот факт отрицаю.

— Состоя членом контрреволюционной организации, вы вели агитацию о том, что полет на Северный полюс — дело темных сил и что тут Божией помощи нет, что все это приведет к гибели?

— Нет, этого я не признаю.

— Проживая на территории Лотошинского района, вы проводили контрреволюционную агитацию среди населения. Признаете вы это?

— Я в своей работе никаких контрреволюционных действий не вижу. Действительно, я очень часто выступаю среди верующих с амвона с проповедями... По вопросу привлечения молодежи в церковь я говорил, как приятно видеть в церкви много детей. И я им обещал помощь Божию, и если вы ее будете принимать, то у

ваша жизнь будет цветущая. По вопросу антирелигиозной работы среди молодежи в школе я директору школы заявлял, чтобы они не насильствовали людей антирелигиозной работой.

22 сентября протоиерей Нил Смирнов был в последний раз допрошен в Таганской тюрьме.

— Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Признаете себя в этом виновным?

— Нет, не признаю.

На этом допросы были закончены.

9 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Нила к десяти годам заключения в лагере.

Протоиерей Нил Смирнов был отправлен в Бамлаг Амурской области на станцию Известковая, где и скончался 2 октября 1938 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20694.
ЦА ФСБ России. Д. Р-35571.
АМП. Послужной список.

Сентября 19 (2 октября)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Мария (Мамонтова-Шашина)

Преподобномученица Мария родилась в 1890 году в селе Дединово Зарайского уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Ивана Шашина. Девочка окончила сельскую школу. После смерти отца она устроилась работать по найму, а в 1914 году ушла подвизаться послушницей в Колычевский женский монастырь, посвященный Казанской иконе Божией Матери, располагавшийся в 18 верстах от города Егорьевска.

Безбожная власть в 1920 году закрыла монастырь. Вместе с другими сестрами она поселилась в родном селе. Основным занятием ее было шить одеяла. Во время богослужения она пела на клиросе, а также по просьбе верующих читала Псалтирь по усопшим.

Власти в 1930 году намеривались закрыть в селе храм, поскольку община не могла выплатить большой налог. Монастырские сестры обошли дворы соседних деревень и собрали необходимую сумму, а также ездили в Москву хлопотать о том, чтобы церковь не была закрыта. Часть сестер была арестована в 1930 году.

1 июня 1931 года послушницу Марию арестовали и заключили в Рязанскую тюрьму, а 16 июня допросили. Следователь спросил ее о жизни в монастыре, чем она занималась после закрытия обители, поинтересовался, был ли богат монастырь и какие в нем были святыни. «По делу показать ничего не могу, —

отвечала послушница. — Монастырь, в котором я жила, считался богатым, поскольку имел землю и лес. Из икон чудотворных у нас была Казанская икона Божией Матери».

Следователь так писал о вине послушницы Марии: «В селе Дединово проживающие монашки Добрякова Валерия и Шашина Мария, имея между собой организованность и дружбу, находясь все время на службе в церкви, через собирающихся к ним женщин собирали деньги с крестьян для служителей культа, на уплату налогов, тем самым вызвали резкое недовольство крестьян по отношению существующих порядков. Эти же монашки, когда общественные организации в прошлом году поставили на обсуждение вопрос о закрытии церкви, активно повели агитацию против этого решения, в результате чего крестьяне церковь закрывать не согласились».

Тройка ОГПУ 28 июня 1931 года приговорила послушницу Марию к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Этапом она была отправлена в Казахстан в город Акмолинск, где была до августа 1934 года.

После возвращения на родину послушница Мария была избрана членом церковного совета. В 1936 году власти устроили в церкви склад. Как показал впоследствии секретарь сельсовета, послушница Мария среди колхозников говорила: «Вот, отобрали у нас православных последнее утешение, где же мы должны теперь молиться, разве у советской власти другого помещения не было под склад, кроме как церковь?»

Другой свидетель рассказывал, что слышал, как послушница Мария ругала сталинскую конституцию, говоря: «Вот конституция пишет, что всем предоставлены одинаковые права, а попробуй что-нибудь скажи, тебя сразу арестуют, где же тут свобода слова?», а во время уборки сена среди женщин говорила: «Как вам не стыдно, что вы отказываетесь совершенно от Церкви, в храм перестали ходить даже в престольные праздники, за это вам придет Божие наказание».

Во время массовых гонений на Русскую Православную Церковь 24 сентября 1937 года она была арестована и заключена в Рязанскую тюрьму. 25 сентября состоялся допрос.

– Почему у вас двойная фамилия? – спросил следователь.

– Фамилия Мамонтова по матери, по отцу моя фамилия Шашина. На селе больше меня знают как Мамонтову, фактически у меня двойная фамилия – Мамонтова-Шашина.

– Сколько лет вы были монахиней?

– Монахиней я была с 1914 по 1920 год, после чего нас из монастыря выселили...

– Во время высылки вас из монастыря вы вели гнусную контрреволюционную клевету против ВКП(б). Признаете ли это?

– Нет, это я отрицаю.

– Вы говорите неправду, мы требуем от вас правдивых показаний.

– Нет, этого я не признаю.

– Следствие располагает данными, что в 1934 году по прибытии из ссылки вы у себя устраивали богослужения, приглашая попов и монашек. Подтверждаете ли это?

– Нет, это я отрицаю.

– В 1935 году во время одного из молебствия у себя на дому вы вели контрреволюционный разговор о партии и советской власти. Признаете ли это?

– Нет, этого я не признаю.

– В дни религиозных праздников с целью срыва колхозных работ вы у себя на дому устраивали просмотр панорамы церквей и монастырей, приглашая с этой целью женщин колхозниц.

– Это я признаю. Действительно, в 1936 году в нашем доме у диакона в комнате были женщины колхозницы, я им дала панораму для просмотра.

– В 1937 году в августе среди колхозников вы вели антисоветскую агитацию в связи с арестом кулаков вашего села. Признаете ли это?

— Нет, этого я не признаю.

— В 1936 году вы среди женщин колхозниц в контрреволюционных целях вели контрреволюционную агитацию против колхозов, используя религиозные убеждения некоторых из них. Подтверждаете ли это?

— Нет, я это отрицаю.

На все дальнейшие вопросы, сколько бы следователь ни запутывал и ни угрожал, послушница неизменно отвечала, что обвинения не признает и показания лжесвидетелей, а их было допрошено семь человек, отрицает.

13 октября 1937 года тройка НКВД приговорила послушницу Марию к восьми годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Этапом она была отправлена сначала в Бутырскую тюрьму в Москве, а затем в Бамлаг НКВД.

Послушница Мария (Мамонтова-Шашина) умерла в лагере 2 октября 1938 года и погребена в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-38133, д. П-16488.
Сообщение ИЦ ГУВД Московской области.

Сентября 21 (4 октября)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Василий (Крымкин)

Священномученик Василий родился в 1901 году в селе Протасово Троекуровского уезда Тамбовской губернии в семье крестьян Ивана Алексеевича и Марфы Леонтьевны Крымкиных. Когда Василию исполнилось восемь лет, он поступил в Троицкий монастырь, располагавшийся в полутора верстах от города Лебедянь Тамбовской губернии. Здесь он окончил монастырскую церковноприходскую школу и до 1928 года был в монастыре послушником. После того как монастырь был безбожной властью закрыт, он вернулся в родное село и служил псаломщиком в храме.

В 1930 Василий Иванович был рукоположен во священника и служил в Троицком храме в селе Остафьево Подольского района Московской области. 4 декабря 1937 года отец Василий был арестован, в тот же день допрошен, и на этом следствие было закончено.

— Следствию известно, что вы среди верующих вашего прихода проводили контрреволюционную антисоветскую агитацию, направленную против проводимых партией и правительством мероприятий, распускали провокационные слухи о скором падении советской власти. Изложите об этом подробнее, — сказал следователь.

— Антисоветской агитации среди верующих моего прихода я не проводил и провокационных слухов не распускал, — ответил священник.

— Вы признаете себя виновным в том, что вы среди населения села Остафьева распускали всевозможные нелепые провокационные слухи о скором падении советской власти? Изложите об этом следствие.

— Я виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю, потому что антисоветской агитации среди населения не вел.

7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Василия к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Священник Василий Крымкин скончался в исправительно-трудовом лагере в Самарской области 4 октября 1942 года.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 15641.

Сентября 26 (9 октября)

МУЧЕНИК

Иоанн (Золотов)

*М*ученик Иоанн родился в 1897 году в деревне Куприяново Дмитровского уезда Московской губернии в семье крестьянина Павла Золотова. С какого-то времени он жил в Москве, женился, и у них с женой родился сын. Будучи человеком глубоко церковным, Иван Павлович приютил у себя в 1932 году схимонахиню Александру (Червякову), с которой познакомился еще в 1924 году; он оформил ее как свою иждивенку и некоторое время, сколько ей было удобно, она жила у него.

Иван Павлович был арестован вместе со схимонахиней Александрой 26 августа 1937 года и заключен в Бутырскую тюрьму. 7 сентября он был вызван на допрос, поначалу он отказался отвечать на какие бы то ни было вопросы, подписывать протоколы допросов и вообще в какой-либо мере участвовать в следствии, но затем все же стал отвечать на вопросы.

— Как часто вы бываете у Червяковой? — спросил его следователь.

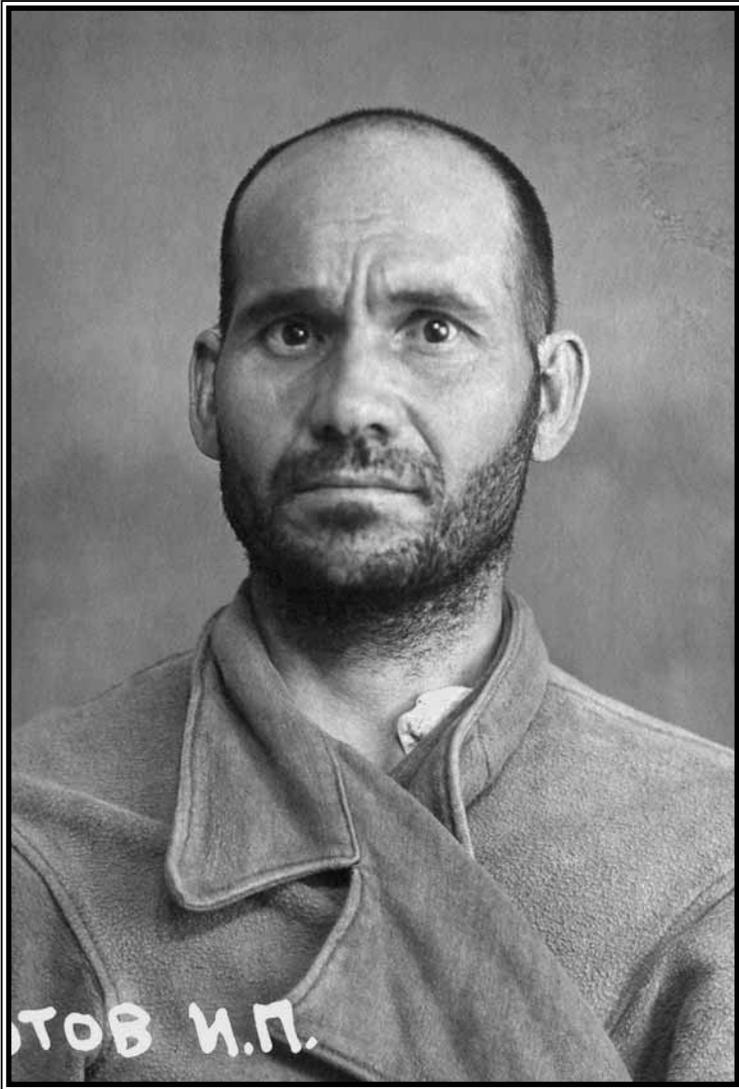
— Червякову я посещаю один-два раза в три месяца.

— Обвиняемый Золотов, вы даете ложные показания. Следствию известно, что вы посещали Червякову один-два раза в пять дней.

— Нет, я это отрицаю.

— Расскажите о цели вашего посещения Червяковой.

— Цель моего посещения заключается в оказании ей помощи.

Иван Павлович Золотов

Москва. Бутырская тюрьма. 1937 год

— Расскажите, в какой сумме выражалась денежная помощь, которую вы оказывали Червяковой.

— Моя помощь заключалась в 20–25 рублях в месяц.

— Когда вы были в последний раз у Червяковой?

— У Червяковой я был в последний раз 23–24 августа и передал ей, насколько помню, пятнадцать рублей.

— Червякова вам не была родственницей, почему же вы ей оказывали денежную помощь, когда, по вашим словам, и сами нередко находились в денежном затруднении? Вы говорите, что вам не хватало денег на обеспечение семьи.

— У меня до пятидесяти штук кур, яйца от них я продавал, это выходило сто пять рублей в месяц. Из этой суммы я и помогал Червяковой, жалея ее как убогую.

— Следствию известно, что у вас на квартире проживает схи-монахиня Горюшкина. Расскажите, сколько времени она у вас живет и как ее зовут.

— Да, у меня на квартире проживает Евфросинья Горюшкина, и живет она у меня пятнадцать лет.

— Следствие располагает данными, что вы прославляли Червякову, она же блаженная Александра, как блаженную и прозорливую. Вы это подтверждаете?

— Нет, я это отрицаю.

Иван Павлович был обвинен в том, что «являлся участником контрреволюционной церковно-монархической группы... оказывал большую материальную помощь высланному монашеству и духовенству».

8 октября 1937 года тройка НКВД приговорила Ивана Павловича к расстрелу. Иван Павлович Золотов был расстрелян 9 октября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76575, т. 1.

Сентября 26 (9 октября)

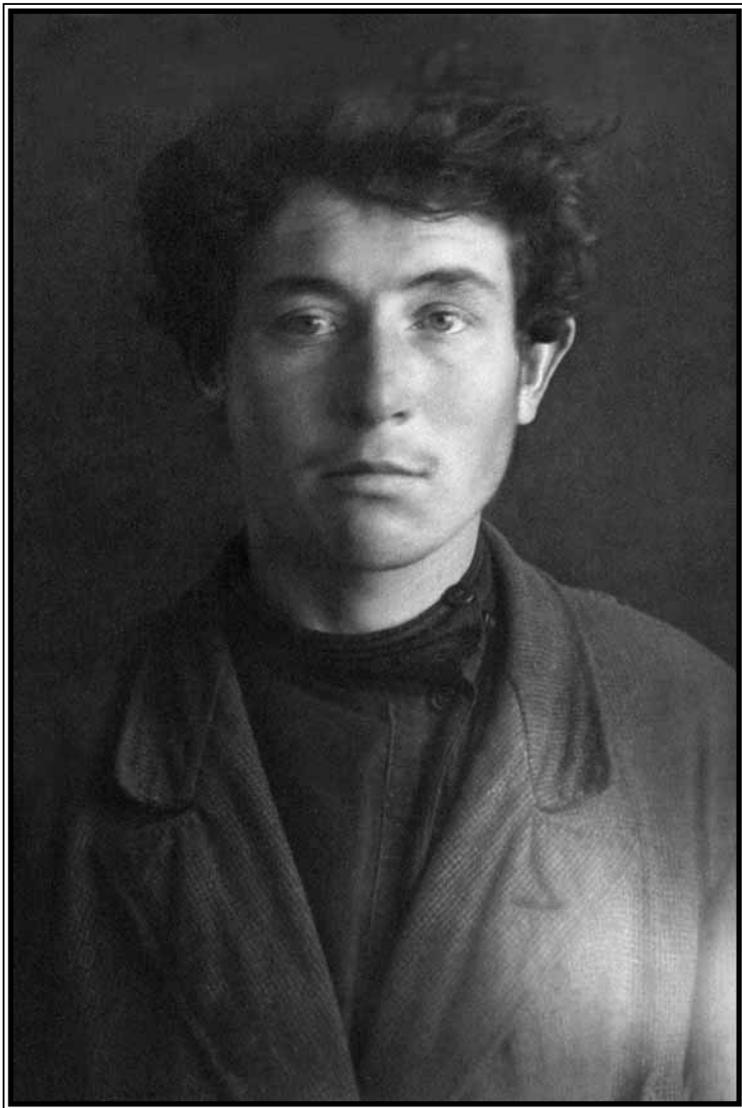

МУЧЕНИК

Николай (Гусев)

*М*ученик Николай родился 9 декабря 1919 года в городе Москве в семье кузнеца Ивана Гусева. Родителей своих Николай не помнил, так как отец умер во время гражданской войны, а мать в 1920 году и мальчик воспитывался у бабушки; в 1926 году она скончалась, и из родственников у Николая осталась только тетка в Москве, у которой он время от времени и находил себе приют. Потеряв дом внешний, он нашел свой дом в церкви; лишившись родственников кровных, он обрел больших родственников во Христе. В тридцатых годах Николай выстроил себе шалаш и вырыл землянку в лесу неподалеку от Реутова, вблизи святых источников у села Косино. Зарабатывал он тем, что собирал и сдавал утильсырье, а также собирал и продавал грибы, и на эти средства жил.

Впоследствии, собирая материал для обвинения Николая, следователь спросил одного из свидетелей, знает ли он Колю и кто он такой и чем занимается. Свидетель ответил: «Да, Колю я знаю. Это Николай Иванович Гусев, блаженный Николай. Проживал он в шалаше, километрах в восьми от Косино в Никольском лесу. Занимается он исцелениями обращающихся к нему верующих, считает себя за блаженного и прозорливого. В шалаше он имеет иконы, лампады. Исцеления он проводит путем выдачи пузырьков с водой. Прославившись блаженным и прозорливым, Гусев имеет среди верующих большой авторитет, в силу чего к не-

Николай Иванович Тычев

Москва. Бутырская тюрьма. 1937 год

му началось большое паломничество верующих с целью получения исцеления. Кроме того, Гусев благоустраивает новые святые источники на святом озере, которых им на сегодняшний день открыто уже четыре. Всем необходимым, питанием и одеждой Гусев снабжался церковницей из села Косино. К Гусеву приезжают на исцеление из разных мест».

Сотрудники НКВД, устроив засаду в лесу неподалеку от шалаша, в котором жил Николай, 19 сентября 1937 года арестовали его. Он был заключен в Бутырскую тюрьму в Москве и в тот же день допрошен. Отвечая на вопросы следователя, Николай сказал: «Паспорта у меня нет, жить мне негде. Я решил построить себе шалаш в лесу и там проживать. Шалаш строил я один и сам. В этом шалаше я повесил иконы и устроил пять лампадок. Масло для лампадок я приобретал в аптеке. Сегодня я проходил по лесу, возвращаясь из Реутова в свой шалаш, и встретился с неизвестной мне гражданкой, которая меня спросила, где я живу. Я ей показал свой шалаш. Тогда эта женщина спросила, не страшно ли мне одному жить в лесу. Я ей ответил, что не страшно. И только хотел войти в шалаш, как меня задержали работники милиции и доставили в отделение».

— Кто строил шалаш в лесу Реутовского района? — спросил следователь.

— Шалаш строил я среди лета для жилья, — ответил Николай.

Это был последний вопрос краткого допроса. Когда следователь потребовал, чтобы Николай расписался под протоколом допроса, тот категорически от этого отказался. 8 октября тройка НКВД приговорила Николая к расстрелу. Николай Иванович Гусев был расстрелян 9 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76575, т. 1.

Сентября 28 (11 октября)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Иларион (Громов)

*П*реподобномученик Иларион (в миру Иван Андреевич Громов) родился в 1864 году в селе Крупшево Каблуковской волости Тверского уезда Тверской губернии в крестьянской семье. Иван Андреевич поступил послушником в Пантелеимонов монастырь на Афоне, где подвизался до 1914 года, когда был переведен на подворье Афонского монастыря в Москве. Здесь он принял монашеский постриг с именем Иларион, был рукоположен во иеромонаха и назначен старшим монахом, руководил различными монастырскими послушаниями.

С 1922 года, в связи с начавшимися гонениями на Русскую Православную Церковь и массовым закрытием монастырей, иеромонах Иларион стал служить сверхштатным священником в храме Григория Неокесарийского в Москве.

В декабре 1930 года ОГПУ по распоряжению советского правительства приступило к мероприятиям по выселению из Москвы священнослужителей, монахов и монахинь закрытых монастырей и активных мирян. 17 января 1931 года иеромонах Иларион был вызван в ОГПУ на допрос. Убедившись из расспросов, что перед ним иеромонах, следователь спросил его, ведет ли он агитацию против советской власти, а также что он отвечает верующим, когда те спрашивают, есть ли в настоящее время гонения советской власти на религию. Отец Иларион ответил: «Агитации против советской власти я не веду, верующим, которые обращаются ко мне по вопросу о гонении на религию, я всегда объясняю

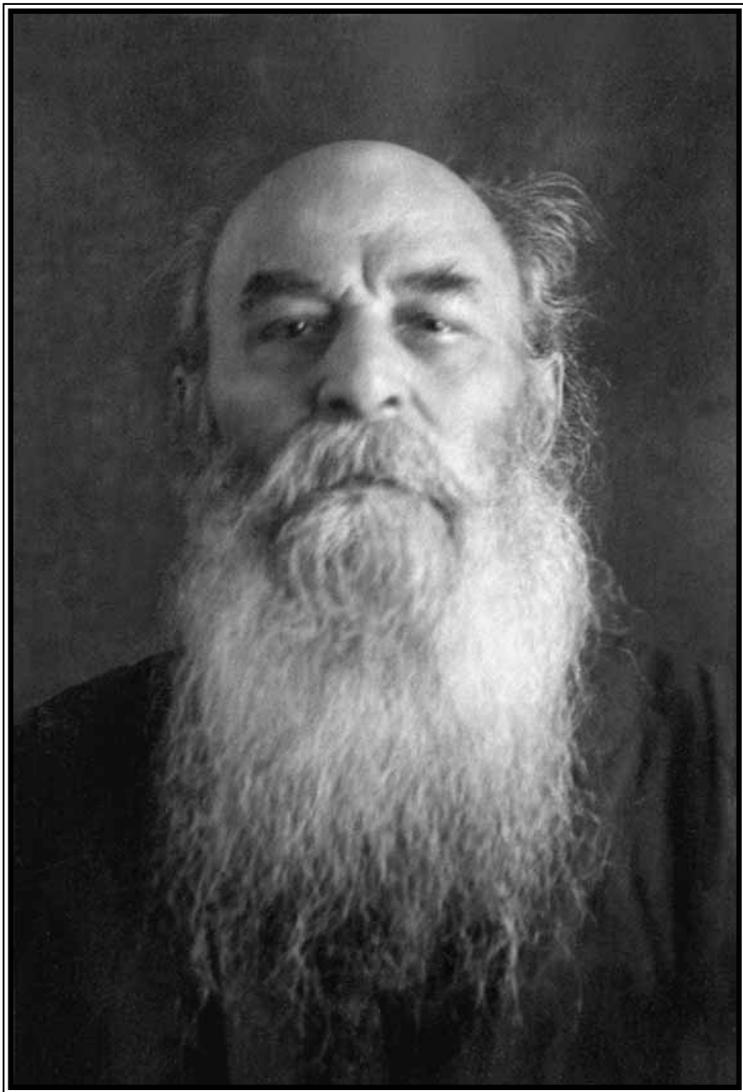
так, что всякая власть дается от Бога, а поэтому всякой власти надо подчиняться и переносить все гонения на религию».

Выяснив, что иеромонах Иларион считает, что при советской власти гонения есть, следователь отпустил его, взяв подписку о невыезде.

Всего в Москве было допрошено и подготовлено к выселению монахов, монахинь и мирян более четырехсот человек. Их объединяли в группы, которыми занимались отдельные следователи. 29 января 1931 года следственные действия, касающиеся той группы, в которую входил иеромонах Иларион, были закончены и составлено обвинительное заключение, где писалось, что они, «монахи, монашки, бывшие домовладельцы и торговцы, будучи активными церковниками-монархистами, группируясь вокруг реакционных московских церквей, систематически ведут антисоветскую агитацию о религиозных гонениях, чинимых советской властью... Квартиры их являются убежищем для всякого рода контрреволюционного элемента».

8 февраля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило всех арестованных к трем годам ссылки. Половина арестованных была отправлена в Казахстан, а половина, в которую попал и иеромонах Иларион, в Северный край на строительство железнодорожной ветки в глухой тайге, где условия работы и жизни были самые тяжелые. Сюда было сослано много духовенства, и многие здесь умерли от болезней и непосильного труда.

В 1934 году, по окончании срока ссылки, отец Иларион вернулся в Москву и попытался по документам, выданным в ссылке, получить паспорт, но ему в этом было отказано. Он уехал во Владимир, получил документы и поселился у своего духовного сына в городе Петушки, где прожил несколько лет, время от времени приезжая в Москву для духовного окормления своих духовных чад. Здесь он ходил в храм Ризоположения на Донской улице, но поскольку ввиду надзора властей за церковной жизнью служить не мог, служил на квартирах своих духовных детей, — во многих из

Церо.ионах Ц.лармон (Тро.иов)

Москва. Бутырская тюрьма. 1937 год

них были устроены небольшие домашние церкви, в частности в квартире диакона Иоанна Хренова, служившего когда-то в храме Сорока Мучеников вблизи Новоспасского монастыря. Материально помогал отцу Илариону его духовный сын Николай Рейн.

В один из приездов в Москву 10 января 1937 года отца Илариона сбил трамвай. Травма была не смертельна, но все же за ним потребовался уход, и его взяла к себе духовная дочь, которая выправила ему паспорт по документам, данным ему во Владимире. Впоследствии в течение нескольких месяцев он жил у разных духовных детей, поскольку на одном месте оставаться долго было опасно — гонения на Церковь не только не утихали, но все более и более усиливались.

26 августа 1937 года иеромонах Иларион был арестован, заключен в Бутырскую тюрьму в городе Москве и допрошен. Отец Иларион не признал себя виновным, и следователь не настаивал, для него было достаточно показаний лжесвидетеля, с которым отец Иларион был знаком, а также и того, что священник был судим за контрреволюционную деятельность в 1931 году.

5 октября 1937 года следствие было закончено. Отца Илариона обвинили в том, что «он являлся активным участником контрреволюционной церковно-монархической группы, на квартирах своих единомышленников совершал тайные богослужения, проводил систематическую антисоветскую агитацию, высказывал фашистские настроения, распространял контрреволюционные провокационные слухи о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство».

8 октября тройка НКВД приговорила отца Илариона к расстрелу. Иеромонах Иларион (Громов) был расстрелян 11 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76575, т. 1.
ЦА ФСБ России. Д. Н-6656, т. 11.

Сентября 28 (11 октября)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Михаила (Иванова)

*П*реподобномученица Михаила (в миру Марфа Ивановна Иванова) родилась в 1867 году в деревне Иванино Рузского уезда Московской губернии в крестьянской семье. В юности она поступила в Казанский Головинский монастырь, основанный при селе Головино в 1876 году московским купцом Никитой Игнатьевичем Сидоровым. В начале XX века здесь подвизалось более ста семидесяти монахинь и послушниц. После прихода к власти воинствующих безбожников монастырь был закрыт, а на его месте устроен санаторий; но монахини не покинули стен обители. Послушница Марфа осталась жить в селе Головино, молиться ходила в бывший монастырский храм и работала посудомойкой в санатории. Таким образом она прожила здесь пять лет, пока начальство не стало увольнять из санатория послушниц и монахинь, и многим из них пришлось расселиться по ближайшим селам или переехать в Москву.

Духовным отцом Марфы в то время, как и многих других послушниц и монахинь Головинского монастыря, был архимандрит Амвросий (Астахов), который после закрытия монастырей поселился в селе Аксиньино Красногорского района Московской области. В начале тридцатых годов он постриг Марфу Ивановну в схиму с наречением ей имени Михаила. Она уже имела опыт монашеской жизни и стала строгой и благочестивой монахиней и

среди верующих вскоре стала известна своей праведной жизнью.

Схимонахиня Михаила была арестована 26 августа 1937 года при наступлении наиболее ожесточенных гонений на Русскую Православную Церковь и через несколько дней допрошена.

— На какие средства вы существуете? — спросил ее следователь.

— Я живу на средства, которые получаю от своих почитателей. Также мне немного помогал церковный совет храма в селе Аксиньино.

Следователь поинтересовался, не склоняла ли монахиня Михаила мирских людей к принятию монашества, на что та ответила:

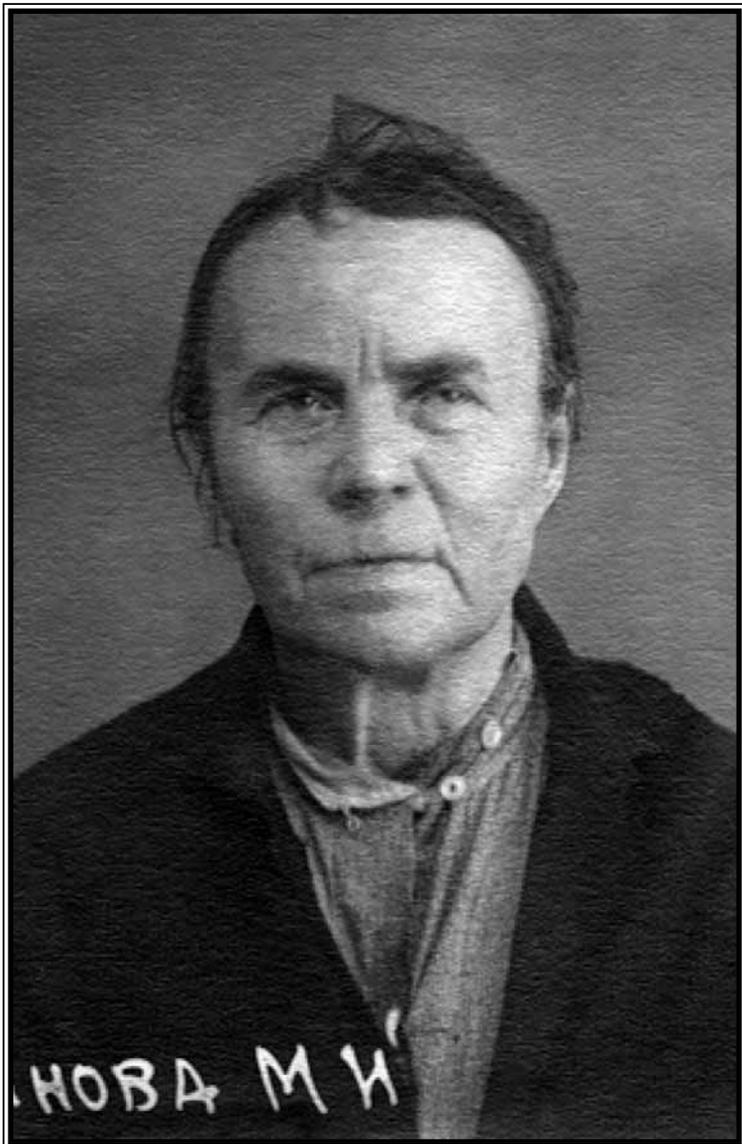
— До пострижения в монашество я со всеми этими лицами вела беседы, они со мной советовались, принимать монашество или нет. Я в зависимости от их подготовленности давала советы, после этого они находили духовников, которые и подготавливали к принятию монашеского пострига, и совершали постриг.

— Следствие располагает данными, что вы себя среди верующих выдавали за блаженную и прозорливую. Вы это подтверждаете?

— Сама себя я среди верующих не выдавала за блаженную и прозорливую, но не отрицаю, что мои почитатели считали меня и прославляли как блаженную и прозорливую.

— Объясните цель посещения вас вашими почитателями.

— Ко мне приходили за советами, молитвами у кого, например, родственники в ссылке или больны. Они просили меня помолиться за них. Ко мне обращались с вопросами, скоро ли будет война; некоторые из моих посетителей хотели, чтобы поскорее была война и слетела бы эта власть, так как считают, что при ней очень трудно жить. Также у меня в доме были разговоры, что советская власть на религию ведет гонение и народ арестовывают безвинно и высылают; также спрашивали меня те, кто приезжает из деревни, вступать ли им в колхоз, другие говорили, что советская власть состоит из одних евреев и что сейчас еврейское засилье.

Схищонажия Михаила (Иванова)

Москва. Тюрма НКВД. 1937 год

– Следствие располагает данными, что у вас на квартире проводились тайные богослужения. Вы это подтверждаете?

– Не отрицаю, действительно у меня на квартире тайные богослужения были.

Один из дежурных свидетелей 21 сентября дал такие показания сотрудникам НКВД о схимонахине Михаиле: «Схимонахиня Михаила также среди своих почитателей известна как блаженная и прозорливая; ее квартира, по существу, представляла из себя тайную церковь, где производятся тайные пострижения в монашество и тайные богослужения. Она говорила, что на религию и духовенство сейчас проводятся гонения со стороны советской власти, что люди безвинно арестовываются и высылаются и гибнут от голода и холода. У себя на квартире схимонахиня давала приют возвратившимся из ссылки попам и монахам».

Схимонахиню Михаилу обвинили в приеме на своей квартире верующих, в участии в монашеских постригах и в богослужениях на квартире. 8 октября 1937 года тройка НКВД приговорила схимонахиню Михаилу к расстрелу. Схимонахиня Михаила (Иванова) была расстреляна 11 октября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

- ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76575, т. 1.
Православные Русские обители. СПб., б. г. С. 345–346.
Справочник по административно-территориальному делению Московской губернии (1917–1929 гг.). М., 1980.

Сентября 30 (13 октября)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Симеон (Лилеев)

Священномученик Симеон родился 2 февраля 1873 года в селе Малое Алексино Александровского уезда Владимирской губернии. Отец его Петр Лилеев был сначала псаломщиком, а впоследствии служил в селе Малое Алексино диаконом. В 1887 году Симеон окончил Переславльское Духовное училище и поступил в семинарию.

По окончании в 1893 году Вифанской Духовной семинарии он пять лет работал учителем в Алексинской земской начальной школе.

В 1898 году Симеон Лилеев был рукоположен во священника к Никольскому храму в селе Дерюзино недалеко от города Сергиева Посада Московской губернии. В 1904 году отца Симеона перевели в Покровский храм в селе Заболотье, где он и прослужил до 1936 года. За многолетнее служение отец Симеон был возведен в сан протоиерея.

В 1936 году безбожные власти закрыли Покровский храм. Отец Симеон предпринимал все возможное с его стороны, чтобы сохранить храм от закрытия. Однако это не удалось.

Летом 1937 года началась очередная волна гонений на Русскую Православную Церковь. Повсеместно начались аресты духовенства и верующих. Отец Симеон в это время нигде не служил. Он поселился в деревне Копалово Константиновского рай-

она Московской области. Здоровье его ухудшилось, он стремительно терял зрение.

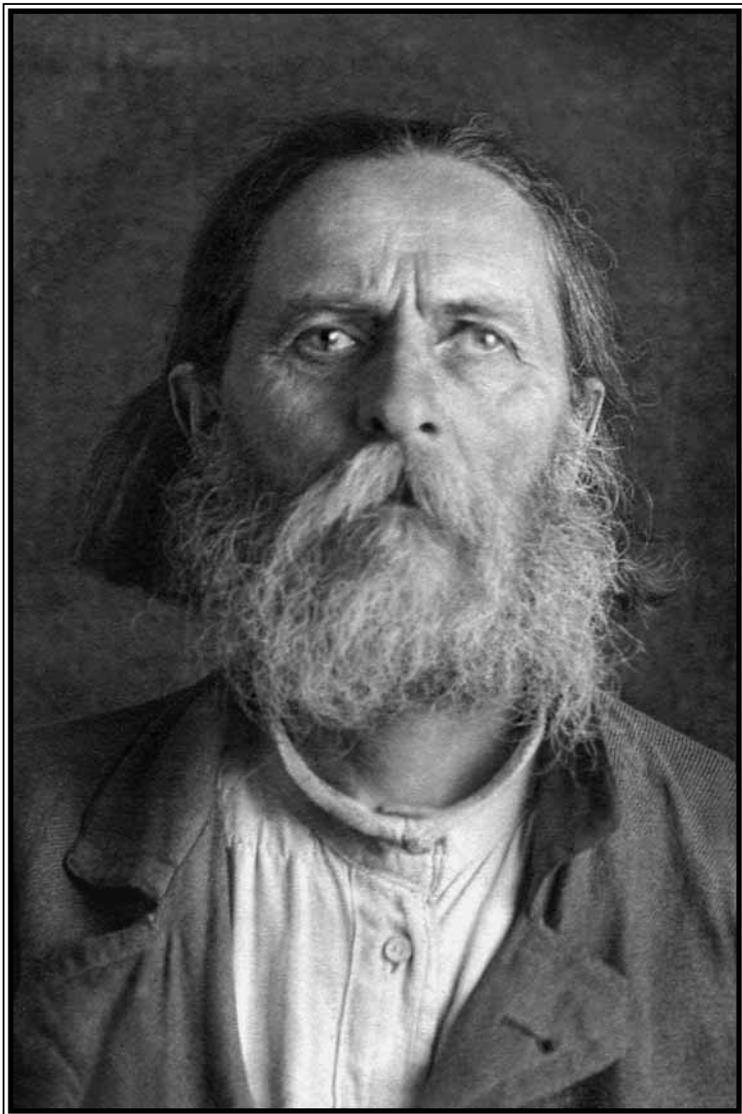
В сентябре 1937 года власти приняли решение об аресте отца Симеона. 11 сентября Константиновское районное отделение НКВД арестовало протоиерея Симеона и он был заключен в Загорскую тюрьму.

Для дачи свидетельских показаний 15 сентября был вызван 32-летний секретарь Константиновского районного исполнительного комитета, который сказал: «Мне известно, что в 1936 году при закрытии по постановлению ВЦИК заболотской церкви поп Лилеев активно сопротивлялся против закрытия церкви, не давал комиссии по закрытию церкви ключи от последней и одновременно разослал нарочных по окрестным деревням с целью организации восстания в селе Заболотье. После закрытия церкви в период 1936–1937 года организовал вокруг себя актив церковников, вел систематическую работу, организовывая массы на борьбу за открытие церкви путем созыва совещаний указанной группы, написания различных ходатайств перед вышестоящими организациями, а также 12 июля 1937 года организовал в селе Заболотье без соответствующего на это разрешения властей собрание верующих 13 деревень, на каковое явилось более ста человек и требовали перед председателем Заболотского сельсовета возвращения ключей и открытия церкви...»

На следующий день отец Симеон был допрошен.

— Обвиняемый Лилеев, признаете ли вы себя виновным в распространении гнусной клеветы против вождя партии, проведении антисоветской агитации и организации масс на борьбу за открытие церкви? — спросил следователь.

— Виновным себя признаю лишь в помощи верующим заболотьевской церкви в работе по ее открытию путем писания мною различных ходатайств в вышестоящие организации об открытии церкви... в остальном предъявленном мне обвинении я виновным себя не признаю.

Протоиерей Силеон Милев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

На этом следствие было закончено. Из Загорской тюрьмы отца Симеона перевели в одну из московских тюрем НКВД.

10 октября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Симеона к расстрелу.

Протоиерей Симеон Лилеев был расстрелян 13 октября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 18799.

Дубинский А.Ю. Вифанская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1881–1900 гг. (краткий генеалогический справочник). М., 2002.

Сентября 30 (13 октября)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА

Александра (Червякова)

Преподобномученица Александра (в миру Мария Афанасьевна Червякова) родилась в 1873 году в городе Курске. Отец ее занимал должность эконома в Дворянском собрании города Курска. Неизвестно, в каком монастыре подвизалась Мария Афанасьевна и где приняла монашеский постриг, но в начале двадцатых годов, когда многие монастыри были уже разорены, а их насельники рассеяны по городам и весям советской России, она приняла постриг в схиму с именем Александра в память святого благоверного князя Александра Невского. К этому времени схимонахиня Александра уже стала хорошо известна православным как благочестивая и прозорливая старица. Все последние годы своей жизни она тяжело болела, почти ослепла, приходящих к ней она зачастую могла узнать только по голосу, но все недуги и скорби она переносила с величайшим смирением; для верующих ее долготерпение, неропотливость и смиренное принятие креста Христова были образцом христианского устроения. В московский дом, где она поселилась, за советом и с просьбой помолиться приходило множество народа — монахи и священники московских церквей, благочестивые миряне; те, кто жил в других городах, писали ей письма, задавая вопросы, испрашивая благословения и прося помолиться. У нее в квартире останавливались возвращающиеся из ссылки священники и постоянно находилось несколько послушниц, так что образовывалась небольшая

Схи.ионахия Александра (Червякова)

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

монашеская община и служилась литургия. На вопросы приходящих схимонахиня Александра отвечала, используя куклы. Верующие помогали ей материально, но все, что она получала, она отсылала многим и многим нуждающимся, в которых тогда не было недостатка в обездоленной и страждущей Руси, о чем свидетельствуют многие письма с выражением глубокой благодарности и признательности за оказанную милость.

Один из священноиноков писал в ответ на полученную от схимонахини Александры поддержку: «Боголюбивая и многоуважаемая всечестнейшая матушка Александра! Шлю Вам глубокий чистосердечный привет и нижайший поклон в стопочки Ваши... Спаси Христос за помощь на квартирку. О, как я благодарен, не могу Вам и выразить словом, что я чувствую за такую материнскую Вашу помощь мне в моей крестноносной жизни. Ничем не могу отблагодарить Вас, как только молитвой о Вас и день, и ночь, в храме и дома... Питание мое скудненькое, больше чаем да сухариками. Но за всё слава Богу. Еще раз выражаю Вам, дорогая милая матушка Александра, мою глубокую от полноты души благодарность за помощь... да воздаст Вам Господь благами своими и милостями, а в будущей жизни обителями небесными. О, как дорога такая помощь в таком положении... Прошу, помяните и меня, недостойного, в своих святых молитвах, да водворится в моей душе мир и терпение».

Одной из старинных благочестивых традиций православных людей было совершение паломничеств к святыням, в частности ко святым источникам. Одним из таких был в то время источник в селе Косино под Москвой, сюда приходило много верующих помолиться и взять воды. Когда спрашивали схимонахиню Александру, куда пойти еще помолиться, чтобы получить исцеление от телесной немощи, то она всегда советовала пойти на святые источники в Косино. Кроме того, и в Филях, где жила схимонахиня, ею были указаны четыре чудотворных источника, из которых она брала воду сама и советовала брать верующим. Властями

такие паломничества расценивались как преступление, и впоследствии эти советы схимонахини Александры были поставлены ей в вину.

Схимонахиня Александра была арестована 26 августа 1937 года и заключена в Бутырскую тюрьму в Москве. 2 сентября она была допрошена.

– Вы находитесь без определенных занятий, на какие же средства вы существуете? – спросил следователь.

– Средствами к существованию служат мне приношения, которые я получаю от своих почитателей.

– Следствие располагает данными, что вы среди своих почитателей выдавали себя за блаженную и прозорливую. Вы это подтверждаете?

– Я себя за блаженную и прозорливую не выдавала, но не отрицаю, что меня считали блаженной и прозорливой.

– Следствие располагает данными, что вы среди своих почитателей распространяли различные контрреволюционные провокационные слухи и занимались врачеванием. Вы это подтверждаете?

– Не отрицаю, ко мне обращались за помощью и различными советами, но я больных не врачевала; за советами ко мне обращались больше всего по семейным делам, чтобы я помогла в семейной жизни, у одних муж пьет, у других бросил семью. Я им рекомендовала больше уважать мужей, больше молиться, детей воспитывать в страхе Господнем и учить их слову Божию. О советской власти я говорила, что советская власть послана нам в наше наказание.

Один из дежурных свидетелей, священник, давая показания сотруднику НКВД о схимонахине Александре спустя месяц после ее ареста, сказал: «В присутствии своих почитателей блаженная Александра высказывала и террористические настроения. Так, в моем присутствии возник разговор о героях Советского Союза. Блаженная Александра заявила: “Героем был бы тот, кто с авиоплана бросил бы бомбу на правителей во время их демонстрации,

тогда все бы свободно вздохнули. И он был бы национальным героем»».

Схимонахиня Александра была обвинена в том, что «являлась активной участницей контрреволюционной церковно-монархической группы. В контрреволюционных целях выдавала себя за блаженную, проводила массовый прием верующих... Высказывала террористические и фашистские настроения, своих почитателей склоняла к принятию тайного монашества. У нее на квартире совершались тайные богослужения и тайные пострижения в монашество».

8 октября тройка НКВД приговорила схимонахиню Александру к расстрелу. Схимонахиня Александра (Червякова) была расстреляна на полигоне Бутово под Москвой 13 октября 1937 года и погребена в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76575, т. 1, 2.

Сентября 30 (13 октября)

МУЧЕНИК

Матфей (Соловьев)

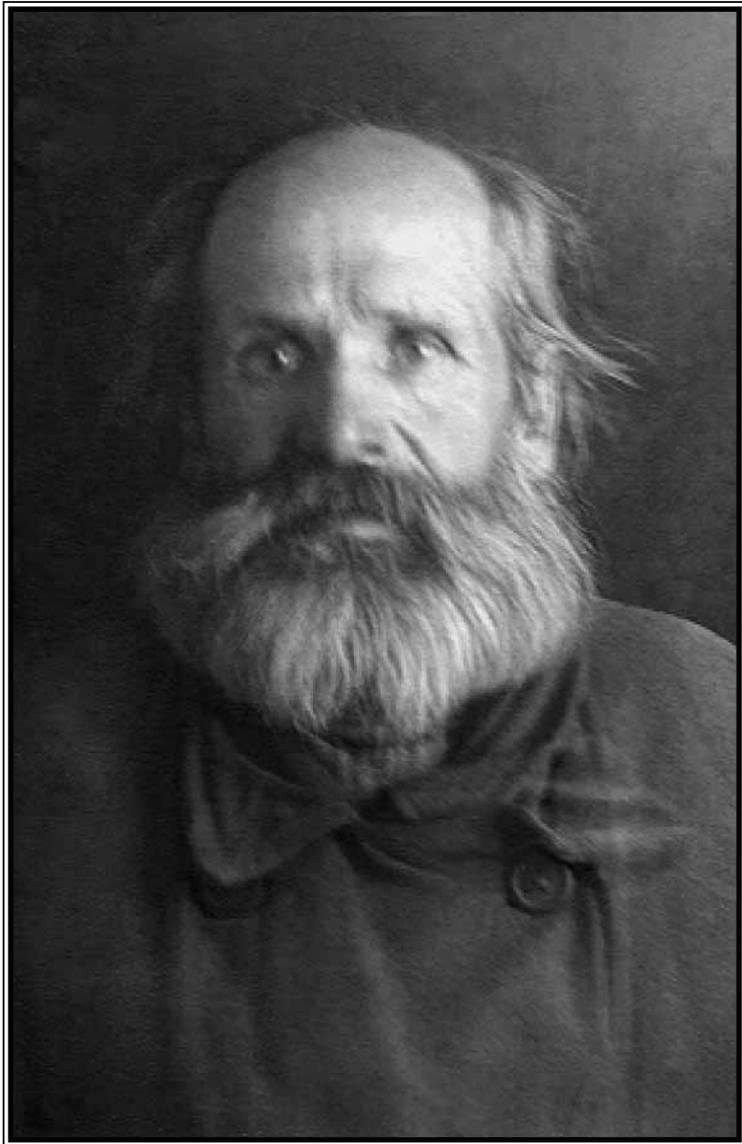
*М*ученик Матфей родился 10 октября 1868 года в деревне Сенино Талдомского уезда Тверской губернии в семье крестьянина Ефима Соловьева.

С 1889 по 1893 год он служил в городе Кронштадте в 148-ом полку в качестве младшего унтер-офицера. С 1894 по 1902 год Матфей Ефимович служил в Семеновской и Озерской волостях в полиции урядником.

После революции Матфей Соловьев поселился в деревне Сенино и занялся сельским хозяйством. В 1929 году он был избран председателем церковного совета Благовещенской церкви села Георгие-Хотча Талдомского района, а также нес послушание псаломщика в той же церкви.

На предложения безбожников отказаться от службы в храме и вступить в колхоз он отвечал категорическим отказом. Властями у храма была отнята церковная сторожка, которую переделали в пекарню. Матфей Ефимович ездил в Москву хлопотать об отмене этого решения. «Проездив даром, — сказал он в ответ одному из вопросивших о результатах этой поездки, — куда ни придешь, нигде толку не добьешься, на нас и внимания не обращают, все руководители заняты; делами занялись — троцкистов ищут».

Летом 1937 года безбожные власти начали самые беспощадные гонения на Русскую Православную Церковь. Всюду шли аре-

Поэт. шуйка Матфей Соловьев

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

сты духовенства и верующих, безбожники задались целью уничтожить Церковь Христову.

10 сентября 1937 года Талдомское районное отделение НКВД арестовало псаломщика Матфея Соловьева и он был заключен в камеру предварительного заключения в городе Талдоме. На следующий день состоялся допрос. Следователь, подробно расспросив о жизни и о службе в полиции, стал обвинять Матфея Ефимовича в антисоветских высказываниях, которые заключались в критике колхозной жизни, и антисоветской деятельности, которую он якобы проводил среди крестьян. Все эти ложные обвинения Матфей Ефимович категорически отверг.

— С кем вы за последнее время поддерживаете близкие связи по деревне? — поинтересовался следователь.

— ...Имел близкое отношение со священником Александром Невским, с ним я вместе служил в одной церкви, часто заходил к нему на квартиру по церковным делам.

— Какие разговоры вы вели с ним на политические темы?

— На политические темы у меня с ним разговоров не было.

16 сентября следствие было закончено. Из Талдома Матфея Ефимовича перевели в Таганскую тюрьму города Москвы.

10 октября 1937 года тройка НКВД приговорила псаломщика Матфея к расстрелу.

Председатель церковного совета псаломщик Матфей Соловьев был расстрелян 13 октября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19046.

Сентября 30 (13 октября)

МУЧЕНИЦА

Аполлинария (Тупицына)

*М*ученица Аполлинария (Аполлинария Петровна Тупицына) родилась 24 декабря 1878 года в деревне Шелюбинской Вельского уезда Вологодской губернии в крестьянской семье. Образование получила в прогимназии в городе Вельске. До революции она работала медсестрой, а после революции стала странствовать, занимаясь в Москве то стиркой белья, то зарабатывая на жизнь в качестве няни. Но все свободное время она отдавала церкви.

Лжесвидетель впоследствии показал, что знает ее «как контрреволюционную личность. Тупицына мне известна с 1936 года, когда она в церкви “Знамень” у Крестовской Заставы сколотила вокруг себя контрреволюционную группу и проводила активную антисоветскую деятельность. В случаях, когда к Тупицыной обращались за исцелением, она всегда начинала антисоветскую пропаганду. Мне известны случаи, когда Аполлинария, начиная свои исцеления, говорила, что не будет молиться до тех пор, пока гражданин, обратившийся к ней, не откажется от власти сатаны. Она говорила колхозникам, ходившим к ней, что они болеют потому, что в колхозе имеют дело с сатаной. Когда к ней пришла жена какого-то милиционера по поводу болезни ног у ее мужа, то она заявила: “Молиться буду только в том случае, и Бог поможет, когда твой муж уйдет из милиции”».

Ано.м.шнарца Петровна Шупицына

Москва. Бутырская тюрьма. 1937 год

Аполлинария Петровна была арестована 17 сентября 1937 года и заключена в Бутырскую тюрьму в Москве. Выяснив ее образ жизни, следователь вполне удовлетворился показаниями лже-свидетелей и не стал добиваться того, признает ли она, что ведет антисоветскую деятельность. 8 октября тройка НКВД приговорила ее к расстрелу. Аполлинария Петровна Тупицына была расстреляна 13 октября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76575.

Октября 1 (14)

МУЧЕНИК

Иоанн (Артемов)

*М*ученик Иоанн родился 25 марта 1887 года в селе Санино Покровского уезда Владимирской губернии в семье сельского плотника Ивана Андреевича Артемова. Получив техническое образование, Иван Иванович многие годы работал строителем, специалистом по сметам. Переехав на работу в Москву, он продолжал поддерживать отношения с жителями родного села, где его знали как глубоко верующего и благочестивого человека.

В 1935 году местные власти в селе Санино сделали попытку закрыть храм, по причине того, что старая церковная двадцатка распалась, но это тут же было опротестовано верующими, была собрана новая двадцатка, куда вошел и Иоанн Артемов. Члены двадцатки отправили жалобу в Областной исполнительный комитет, и тот, рассмотрев ее, нашел все просьбы верующих законными и отписал в местный исполнительный комитет, чтобы немедленно открыли церковь, зарегистрировали священника и не чинили «общине препятствий к выполнению ею своих религиозных потребностей».

Храм в селе был открыт, но поскольку община попала в трудное материальное положение, — так как ей пришлось платить налоги, несмотря на то, что службы в храме не совершались, — то Ивана Ивановича попросили оказать помощь храму и собрать у православных знакомых в Москве какие-нибудь средства, что

Иван Иванович Артемонов

Москва. Бутырская тюрьма. 1937 год

было с успехом им выполнено. Впоследствии это было поставлено ему в вину.

В Москве в квартире Ивана Ивановича зачастую жили священники из закрытых храмов, оказавшиеся без места, монахи и верующие, а также и в его доме в селе жил священник. На это обратили внимание сотрудники НКВД, которые скоро выяснили, что он ведет среди строительных рабочих религиозные беседы, а также собирает деньги для храма. Это было по тем временам вполне достаточно для ареста, и 22 августа 1937 года Иван Иванович был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

В начале сентября следователь, чтобы собрать материал, допросил его соседей по квартире, а после этого допросил и самого обвиняемого.

— Следствию известно, что вы в контрреволюционных целях обрабатывали рабочих в религиозном духе, проповедовали, что у власти скоро будет везде фашизм, а советскую власть надо перестрелять. Признаете вы себя в этом виновным?

— Против советской власти я ничего не говорил и виновным себя в этом не признаю.

— Находясь в Москве на постоянном жительстве, почему вы собирали деньги на восстановление церкви, что вас заставляло?

— Я по временам бывал на родине, и меня там знали как очень религиозного человека.

7 октября 1937 года тройка НКВД приговорила Ивана Ивановича к расстрелу. Иоанн Артемов был расстрелян 14 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19037.

Октября 8 (21)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК
Серафим (Щелоков)

Преподобномученик Серафим родился в 1877 году в городе Бузулуке Самарской губернии в семье мастерового Прокопия Щелокова. Окончив городскую школу, он поступил в Спасо-Елиазаров Великопустынский монастырь Псковской губернии, где в это время подвизался преподобный Гавриил (Зырянов); здесь преподобномученик был пострижен в монашество с именем Серафим и в 1909 году рукоположен во иеромонаха. В 1917 году он перешел в Седмиозерную Богородицкую Вознесенскую пустынь Казанской губернии, в которой в конце своей жизни подвизался и где был погребен преподобный Гавриил и где среди монашествующих было много его духовных детей. Здесь отец Серафим прослужил до дня закрытия пустыни в 1928 году, а затем духовными детьми отца Гавриила был приглашен в Москву в Свято-Данилов монастырь. В 1930 году он был назначен исполняющим обязанности наместника монастыря. В том же году монастырь был закрыт и отец Серафим стал служить в храме Воскресения словущего, что в Даниловке.

В 1931 году ОГПУ провело ширококомасштабную операцию по аресту священнослужителей, монахов и монахинь, и в ночь на 15 апреля отец Серафим был в числе других арестован, заключен в Бутырскую тюрьму в Москве и в тот же день допрошен. Следователь спросил о знакомых священника. Отец Серафим ответил,

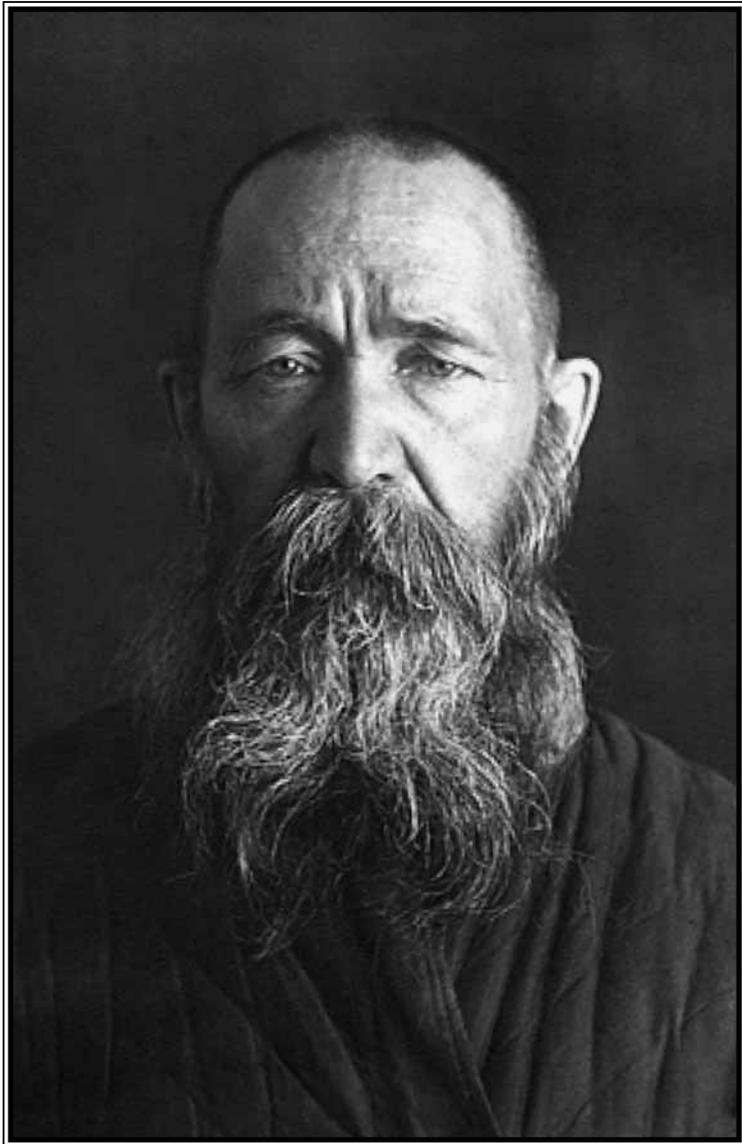
что знаком со священником, с которым служил в одном храме; хозяев квартиры, в которой живет, плохо знает, так как только недавно в ней поселился; также знает живущего вместе с ним брата диакона. «Мы только сели ужинать, как нас забрали, — сказал отец Серафим. — Разговоры на политические темы у нас не было». Во время этого небольшого разговора последовало предложение о сотрудничестве с ОГПУ в качестве секретного осведомителя, но отец Серафим отказался.

Через десять дней после начала следствие, по которому проходило около пятидесяти человек, было завершено. Отца Серафима, как и других, обвинили в том, что они, «будучи активными церковниками-антисоветчиками... группируясь вокруг реакционных московских церквей, проживая группами и в одиночку, занимались активной антисоветской деятельностью, выражающейся в организации нелегальных антисоветских “сестричеств” и “братств”, оказании помощи ссыльному за контрреволюционную деятельность духовенству, произнесении проповедей контрреволюционного характера, в антисоветской агитации о религиозных гонениях, якобы чинимых советской властью, и распространении всевозможных провокационных слухов среди населения».

30 апреля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Серафима к трем годам ссылки в Северный край, и он был отправлен в Усть-Кулом Коми области.

Вернувшись из ссылки, отец Серафим поселился в городе Кашире Московской области. Служить он стал в городском соборе и вскоре был возведен в сан архимандрита.

10 сентября секретный осведомитель по кличке Бывший общил, что 8 сентября архимандрит Серафим устраивал у одного прихожанина молитвенный вечер и на нем сказал: «Времена настали лютые, верующие должны быть мудры, как змеи, чтобы победить врага; надо молиться и все терпеть; если не время еще прийти антихристу, Церковь еще будет господствовать».

Архимандрит Серафим (Мелокв)

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

25 сентября 1937 года архимандрит Серафим был арестован и заключен в Каширскую тюрьму. Узнав, что священник был некоторое время наместником Данилова монастыря в Москве и знал арестованного архиепископа Феодора (Поздеевского), следователь спросил:

– Какую вы имеете связь с Феодором?

– После его ссылки я с ним связи не имею.

– Какие вы имеете связи с монашками, проживающими в Кашире?

– Я знаю, что некоторые монахини, – Матрона, Евдокия, Конкордия, Авраамия, – приходят в собор и поют в церковном хоре.

– Какую антисоветскую деятельность проводят эти монашки?

– Мне об этом ничего не известно.

12 октября 1937 года следствие было закончено, и 19 октября тройка НКВД приговорила отца Серафима к расстрелу. Архимандрит Серафим (Щелоков) был расстрелян 21 октября 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 20733.
ЦА ФСБ России. Д. Р-1086.

Октября 8 (21)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Владимир (Сперанский)

Священномученик Владимир родился 23 марта 1877 года в городе Суздале Владимирской губернии в семье священника Василия Сперанского. В 1899 году Владимир Васильевич окончил Владимирскую Духовную семинарию и в течение двух лет работал учителем. В 1901 году он был рукоположен во диакона и затем во священника. Первым местом его служения стал храм в селе Петрово Екатеринославской губернии. До 1933 года он служил в этой области и последним местом его служения здесь был храм в городе Александрия. В 1933 году отец Владимир переехал в Московскую область и был направлен служить в Талдомский район в храм во имя Преображения Господня в селе Запрудня, которое жители по старинке продолжали называть село Гари, как называлось оно в XVII веке, когда здесь была построена деревянная церковь, на месте которой в XVIII веке была построена каменная.

Как-то в январе 1937 года молодой человек, служивший в то время в Егорьевском военкомате писарем, пришел на побывку в село Запрудня, из которого был родом, а затем стал возвращаться в часть. Идти нужно было пешком до железнодорожной станции Вербилки. Попутчиком его оказался священник из храма в Запрудне, он стал расспрашивать солдата о жизни в армии, о бытовых условиях военнотружущих и вообще, как военному человеку живется и насколько он обеспечен довольствием и оружием. Свя-

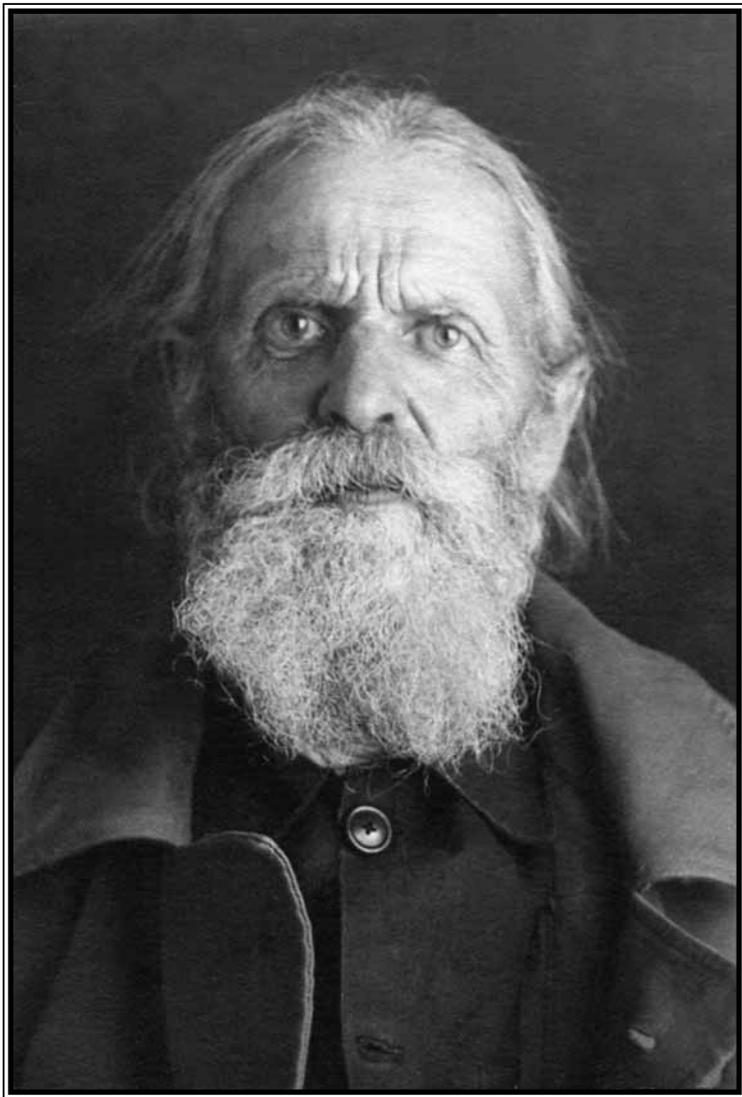

щеннику, например, от некоторых прихожан стало известно, что дети их жалуются на недостаток пищи в армии и просят в посылке прислать сухарей. Сам он со своей стороны сообщил, что знает, что Советская армия на Дальнем Востоке снабжена всем необходимым и имеет в достаточном количестве необходимое вооружение. Писарь спросил, что он думает о существующем строе и удовлетворяет ли он его. Священник ответил, что раньше был царь, а сейчас Сталин – разницы никакой, у нас приветствуют Сталина, а в Германии Гитлера. После того, как они расстались, писарю показался подозрительным разговор со священником, и он написал в НКВД донесение, что священник интересуется сведениями разведывательного характера.

Вслед за этим писарь был вызван в НКВД и 17 апреля 1937 года допрошен. Следователь спросил его, из чего он сделал вывод, что священник занимается сбором информации о вооружении Советской армии. Писарь ничего убедительного не мог показать, сказал лишь, что ему показалось подозрительным, что священник так подробно осведомлен о вооружении армии на Дальнем Востоке.

На этом все и закончилось, но в августе 1937 года в отделение НКВД пришел приказ о проведении массовых арестов и перечислены были категории лиц, которых следовало арестовать, к ним относились и священнослужители. Сотрудник Талдомского отдела НКВД вызвал к себе одного из секретных осведомителей и попросил раздобыть сведения о служившем в селе Запрудня священнике. Штатных осведомителей в те годы было так много, что, наверное, не было человека, с которым бы такой осведомитель не состоял в дальнем или близком знакомстве. И осведомитель нашел человека, знавшего священника из Запрудни, и тот, нимало не ведая, для чего это нужно, все рассказал о священнике.

15 августа 1937 года осведомитель уже сообщил обо всем, что узнал, сотруднику НКВД. «В отношении служителя культа села Гари гражданина Сперанского от гражданина фабрики “Вербил-

Священник Владимир Сперанский

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

ки”, – сообщил он, – пришлось почерпнуть следующие сведения. Действительно, Сперанский служил где-то далеко, жил, как говорят, припеваючи, имея много земли, лес, сад и скот, чувствовал, одним словом, себя настоящим помещиком. Был выслан, отбыл и вернулся, но ввиду сложившихся пережитков у Сперанского до сих пор хранится какая-то затаенная неприязнь к советской власти. Сперанский здоровый скрытый политик. Своих тайн и своих убеждений он не высказывает никому, разве только своему близкому верному человеку.

Народ относится к нему с большим доверием и уважением, считая его за человека разумного и влиятельного, а потому охотно спешит послушать его проповеди, которые он обычно произносит каждый праздник; посещают его на дому, но о чем там ведутся беседы, остается тайной. Правда, проповеди он произносит на евангельские темы, но все же для большего внушения и эффекта выводы приурочивает к современному положению.

Считаю не лишним указать один пример его проповеди, которую он произносил в Неделю о слепом. Говорил он об исцелении слепого, который действительно был лишен всякого зрения и ему простительно было ходить и блуждать где придется. Но эту евангельскую слепоту он приурочил к современному положению, в том смысле, что все мы, имея зрение, все же стали слепы, не видим, куда идем, блуждаем, путаемся, как слепые... Вот, видимо, его бо́льшая струнка при переходе к выводам от Евангелия к социализму. О предоставлении права по новой сталинской конституции служителям культа быть избирателями и быть избранными Сперанский рассуждает так: “Выборы служителям культа не нужны и ходить на них не следует, живо попадешь в агитаторы; служители культа должны твердо стоять на своем посту и только с церковной кафедры, особенно теперь, когда предоставлено право свободы слова, бороться за Церковь и религию, особенно в настоящее время, когда агитационная работа и антирелигиозная пропаганда значительно увеличиваются”».

21 августа 1937 года отец Владимир был арестован и в течение двух дней допрошен. Следователь попросил священника рассказать о себе и, выяснив, что он жил на территории Екатеринославской губернии в 1919 году, когда там шла гражданская война, спросил:

— В селе Осокоровка, где вы служили, проходили ли расстрелы и аресты коммунистов и других советски настроенных лиц со стороны белых и банд?

— Расстрелов в селе Осокоровка я не помню, аресты и порки были. В период нахождения власти в руках Скоропадского австрийские войска арестовывали крестьян, участвовавших в разгроме имения графа Воронцова-Дашкова, и уводили для порки в это имение, в котором был расположен штаб австрийских войск. Во время пребывания банды Махно были случаи насильственного увода с лошадьми некоторых крестьян.

— Вы подвергались допросу штабом австрийских войск в имении графа Воронцова-Дашкова?

— Не подвергался.

— Вы были знакомы с графом Воронцовым-Дашковым?

— Нет.

— А с управляющим его имением?

— Был знаком, бывал у него в доме не раз.

— Когда происходили расправы с крестьянами в имении графа, тогда там был управляющий его имением?

— Не знаю.

— Следствие вам предъявляет обвинение в том, что вы, будучи служителем религиозного культа, вели антисоветскую деятельность.

— В этом я виновным себя не признаю.

— Следствие располагает данными, что вы, находясь на территории, занятой контрреволюционными войсками, входили с ними в контакт и содействовали очищению территории от советски настроенных людей. Признаете ли вы себя в этом виновным?

- В этом виновным я себя не признаю.
- Следствие располагает данными, что вы в январе сего года по дороге на станцию Вербилки обрабатывали в контрреволюционном духе красноармейца. Признаете вы себя в этом виновным?
- Виновным себя в этом не признаю. Я не отрицаю того, что в январе я действительно шел вместе от Запрудни к станции Вербилки и вел разговор о службе в Красной армии. В этом разговоре я интересовался бытовыми условиями в Красной армии, правда ли, что ухудшилось питание в Красной армии.
- О вооружении на Дальнем Востоке вы передавали сведения при разговоре с красноармейцем? Откуда вы эти сведения получили?
- Таких сведений я ему не передавал, возможно, что о вооружении на Дальнем Востоке мы и вели разговор, но я еще раз повторяю, что никаких сведений не передавал, так как, кроме того, что пишут в газетах, я о вооружении на Дальнем Востоке представления не имею.
- Следствие предъявляет вам обвинение в том, что вы как служитель религиозного культа во время службы в церкви произносили проповеди антисоветского содержания.
- Признаю только то, что проповеди во время службы я произносил, все мои проповеди являлись по своему содержанию чисто религиозными, но признаю и то, что в этих проповедях я затрагивал и осуждал учение безбожников.
- Следствие еще раз предлагает вам искренне признаться в антисоветской деятельности против существующего строя.
- В этом виновным я себя не признаю, считаю, однако, необходимым признать, что я по своему мировоззрению являюсь идеалистом религиозного характера и учение материалистическое не признаю в корне и считаю его своему мировоззрению враждебным. Поэтому я не согласен с действиями коммунистической партии в нашей стране, когда она навязывает свое мировоззрение другим гражданам, мыслящим по-другому.

29 августа следствие было закончено и священник был заключен в Таганскую тюрьму в Москве, где и находился все время в ожидании решения своей участи. 19 октября тройка НКВД приговорила отца Владимира к расстрелу. Священник Владимир Сперанский был расстрелян на полигоне Бутово под Москвой 21 октября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20658.

Священник Олег Пэнэжко. Г. Талдом. Храмы Талдомского района.
Ликино-Дулево, 2001.

Октября 16 (29)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Алексий (Никонов)

Священномученик Алексий родился 15 октября 1881 года в Москве. Отец его Михаил Никонов работал землемером. В 1902 году Алексей Михайлович окончил Московское коммерческое училище и с 1903 года служил в армии. В 1905 году Алексей Никонов оставил службу и поступил в Московскую Духовную академию, которую окончил в 1910 году.

С 1911 по 1914 год Алексей Михайлович был учителем в городе Данкове Рязанской губернии. С началом Первой мировой войны он был призван в армию и служил в Могилевской губернии прапорщиком в 11-ой Сибирской стрелковой дивизии 43-го Сибирского стрелкового полка. В 1917 году его перевели в 712-й полк, который располагался в Пинских болотах.

С декабря 1917 года по июль 1918 года Алексей Никонов командовал взводом караульной роты в городе Данкове и был помощником военного руководителя. С 1918 года Алексей Михайлович возобновил учительскую деятельность. В 1921 году он стал псаломщиком и через год, в конце августа 1922 года, был рукоположен во священника и служил в Успенской церкви подмосковного города Клин.

В мае 1922 года возник обновленческий раскол. Епископ Клинский Иннокентий (Летяев) признал незаконное обновленческое ВЦУ и тем самым уклонился в раскол. На его место

Патриархом Тихоном был назначен епископ Гавриил, который выступил против раскола и антицерковной деятельности его представителей. В этом ему помогал благочинный города Клин священник Алексей Воробьев. Священник Алексей Никонов вместе со священником Алексием Воробьевым были арестованы 26 сентября 1924 года по обвинению в том, что они «без разрешения местной власти устроили в церкви города Клина собрание верующих, на котором произносили агитационные речи о гонении советской властью православия».

2 октября 1924 года родственники арестованных принесли заключенным передачу с запиской, в которой они писали: «Дорогие батюшки, отцы Алексии! Шлем все вам привет. Передаем одному отцу, Воробьеву: две пары белья, теплую рубашку, носки и портянки, а другому – две пары белья, одни теплые чулки, а другие холодные. Белье грязное смените и вышлите сейчас же нам, а также ненужную вам посуду (разумеется, пообедайте, и мы обождем). Пищу посылаем обоим общую, что можем. Не унывайте, Бог даст, скоро выпустят. Все кланяются. Хорошо бы вы были вместе, все веселей. Еще посылаем две открытки, напишите, где будете, дабы нам знать, куда приехать и вам привезти поесть. Не знаем, можно ли вам с собой взять деньги. Вы узнайте. Еще посылаем молитвенник, если таковой разрешат иметь при себе».

16 октября отец Алексей Никонов был вызван на допрос.

– Скажите, гражданин Никонов, принимали ли вы участие в нелегальном собрании, устроенном по инициативе гражданина Воробьева? – спросил следователь.

– Собрания такого не было, а священник Воробьев, созвав священника Успенского, диакона Щедрова и председателя церковного совета Еремеева, объявил им и случайно собравшемуся народу, что собрания как такового нет, а будет объявление резолюции епископа Гавриила, – ответил священник.

– Что заставило вас распространять провокационные слухи о связи ВЦУ с ОГПУ и советской властью?

— Таких слухов я не распространял.

До вынесения приговора отец Алексей находился в Бутырской тюрьме в Москве. Поскольку вины священников следствие доказать не могло, их держали несколько месяцев в тюрьме не допрашивая. 27 февраля 1925 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило священника Алексея Никонова к высылке в Нарымский край на два года.

После отбытия срока ссылки отцу Алексию было три года запрещено проживать в шести крупных областях страны. Отец Алексей поселился в селе Спас-Дошатый Зарайского района Московской области и стал служить здесь в Преображенском храме, стараясь строго исполнять богослужебный устав, во всем проявляя себя преданным пастырем Церкви Христовой.

Некий коммунист написал уполномоченному ОГПУ заявление, в котором просил «принять срочные меры для выяснения личности священника села Спас-Дошатый, который работает около двух лет в церкви попом, ведет контрреволюционную работу. Главным образом обрабатывает молодежь, рассказывает проповеди каждую службу, не по одной, а по две или по три проповеди... Я, как человек партийный, заявляю, что необходимо принять срочные меры о высылке его».

По обвинению в антисоветской деятельности отец Алексей в феврале 1930 года был арестован и заключен в Зарайском административном отделе. 10 февраля священника допросили. На вопросы следователя он ответил: «В проповедях против советской власти не выступал, говорил в отношении духа неверия, что если человек не верит, то жизнь сама обязательно приведет его к вере, но, однако, советской власти не касался. В проповедях я говорил, что в школах детей учат читать и писать, а дома верующие могут учить Закону Божьему. Против коллективизации я никогда не выступал, и это не мое дело. Виновным себя в антисоветской агитации не признаю. Могу добавить, что я болен туберкулезом лег-

ких с утратой восьмидесяти процентов трудоспособности, на что имеется свидетельство».

На основании свидетельских показаний было составлено обвинительное заключение, в котором вина священника была сформулирована так: «...В 1927 году, получив должность в церкви при селе Спас-Дошатый, снова повел контрреволюционную агитацию среди населения путем частых выступлений с проповедями, в которых внушал верующим, что религия жива и непобедима и будет существовать до скончания века, несмотря на гонение со стороны власти и безбожников-коммунистов. До приезда Никонова в село церковь своего лица не имела, служба совершалась только по праздникам, верующие почти не ходили. С приездом же Никонова церковь оживилась, богослужение совершалось каждый день утром и вечером с продолжительностью 4–7 часов, а также частые произнесения проповедей привлекали много верующих и в особенности женщин, не только старух, но и молодых. Никонову удалось организовать хор, куда входили преимущественно женщины и дети несовершеннолетних лет. Кроме призыва верующих к защите религии, Никонов старался запугивать верующих и такими моментами: “аборты делать большой грех. Советская власть позволяет убивать детей, чего никогда не было, это делают только безбожники-большевики. Гражданские брак и похороны — это временная стихия, придет время, буря стихнет, православная вера будет на своей высоте”... В одну из проповедей в конце 1929 года призывал верующих помочь ему в уплате налога, ходил сам по домам своего прихода, собирал деньги и распространял контрреволюционные слухи».

Прокурор Коломенского округа, которому дело было послано на утверждение, вернул его, посчитав, что «оснований к привлечению священника Никонова к ответственности собрано недостаточно, так как показания свидетелей... не могут служить основанием для привлечения к ответственности по статье 58/10,

а посему полагал бы: дело производством прекратить и Никонова из-под стражи отпустить».

Старший уполномоченный Коломенского окружного отдела ОГПУ Чесноков, ввиду вынесенного прокурором заключения о прекращении дела, решил направить его на рассмотрение тройки ОГПУ. 30 апреля 1930 года на заседании тройки было принято решение зачесть отцу Алексию в наказание срок предварительного заключения и из-под стражи освободить.

После освобождения отец Алексей продолжал служить в Преображенском храме. С августа по ноябрь 1936 года Московским управлением НКВД были арестованы несколько священников и мирян. Среди них был и отец Алексей, которого арестовали 25 сентября 1936 года. Власти обвинили его в том, что он «среди населения ведет контрреволюционную агитацию против существующего строя советской власти. В проповедях... в церкви среди верующих заявил: юношам, девицам и детям у нас в стране не дают возможности свободно посещать церковь, советская власть делает гонение на верующих. Среди духовенства делал призывы к тому, чтобы все себя вели мужественно в случае, если придется пострадать за веру».

26 сентября отец Алексей был допрошен в Зарайске.

— Где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Федором Поздеевским и Поликарпом Соловьевым?

— С архиепископом Федором (Поздеевским) я знаком с 1909 года в бытность его ректорства в Московской Духовной академии. После, в 1917 и 1918 годах, я с ним встречался в Даниловском монастыре, где он был настоятелем, и в 1933 году я встречался с ним в городе Зарайске у своей тещи... у которой он проживал на квартире. С архимандритом Поликарпом (Соловьевым) знаком по совместной учебе в Московской Духовной академии, и с того времени я с ним встречался до ареста, то есть до 1924 года. После освобождения я с ним встречался с 1932 года по день его отъезда из Зарайска, до начала 1936 года... Мои встречи с архи-

епископом Феодором продолжались до его ареста, то есть до 3 ноября 1934 года... При наших встречах с архиепископом Феодором и архимандритом Поликарпом возникали беседы на тему церковной жизни дореволюционного периода и после, при существующем строе советской власти, и главным образом касались вопроса закрытия духовных учебных заведений, разгона и закрытия монастырей и уменьшения числа верующих.

Через некоторое время отец Алексей был переведен в Бутырскую тюрьму в Москве. 9 декабря его допросил следователь Бульжников.

— Кто из попов принимал участие в обсуждении дополнений к проекту новой конституции?

— В обсуждении дополнений к проекту новой конституции принимали участие священники Иван Смирнов, Петр Соловьев и я, Никонов.

— Кто является автором контрреволюционной рукописи «Дополнение к проекту новой конституции»?

— Автором рукописи являюсь я. Написал я ее по своему собственному убеждению.

— Изложите содержание вашей рукописи «Дополнение к проекту новой конституции».

— Я в своей рукописи в качестве дополнения к проекту новой конституции выдвигал вопрос об изменении статьи 124, по которой сохраняется свобода антирелигиозной пропаганды за всеми гражданами. Я предлагал статью 124 дополнить в том смысле, чтобы нам, служителям культа, по новой конституции была представлена полная свобода религиозной пропаганды, как в церкви, так и вне ее. Устройство религиозных бесед в домах и общественных местах, религиозная пропаганда за всеми гражданами в общественных местах и в домах верующих также должны быть подтверждены новой конституцией. Выдвигал я и другие вопросы: об оживлении церковной деятельности, об ограждении церковной жизни от административного вмешательства местных сельсове-

тов и райсоветов, сосредоточив все это в руках верховной власти. Это все я хотел сделать через Синод легальным порядком.

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленном обвинении?

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

20 января 1937 года Особое Совещание при НКВД приговорило отца Алексея к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет.

Священник Алексей Никонов был отправлен этапом в Севжердорлаг и, находясь в заключении, скончался 29 октября 1938 года. Тело отца Алексея было погребено на отведенном кладбище поселка Кылтово Княжпогостского района Коми области на расстоянии от поселка 2, 5 километра на юг.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-46597, д. П-78582.

ЦА ФСБ России. Д. Р-40944.

Сообщение архива УИН Минюста РФ по Республике Коми.

Октября 18 (31)

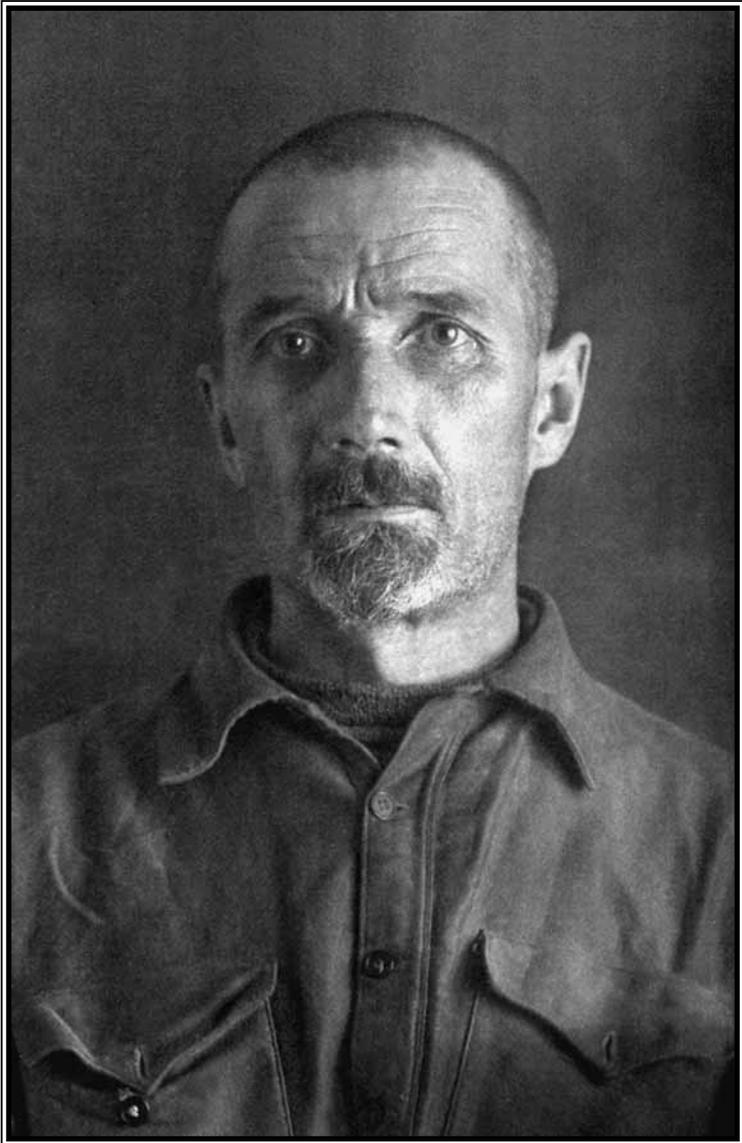
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Сергий (Гусев)

Священномученик Сергий родился 5 июля 1886 года в селе Горбасьево Завидовского уезда Тверской губернии в семье священника Петра Гусева. В 1906 году Сергей окончил епархиальное училище иконописания и с 1907 года был учителем в церковно-приходской школе. В 1914 году он был взят на фронт, а в 1918 году мобилизован в Красную армию и служил на Кавказе начальником банно-прачечного отряда. В 1921 году Сергей Петрович был демобилизован и стал служить псаломщиком в Троицкой церкви села Бирево Клинского района Московской области. 19 марта 1922 года он был рукоположен во диакона к Троицкой церкви.

В 1927 году диакон Сергий был переведен в Воскресенскую церковь Николо-Железовского погоста Клинского района. 24 сентября 1934 года он был рукоположен во священника к этому храму.

Осенью 1937 года сотрудники НКВД стали собирать сведения для ареста священника. Некоторые свидетели, вызванные на допрос, показали, будто отец Сергий говорил, что «обильный урожай 1937 года вызван не успехами экономической системы новой власти, а милостью Божией, так как Господь увидел, что народ голодает девятнадцать лет при советской власти, и этому голодному народу послал урожай». Другие свидетели показали, что

Священник Сергей Тусев

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

священник часто посещал верующих женщин, живущих в рабочих казармах при Высоковском хлебокомбинате. Представитель местных властей, плохо знавший отца Сергия, ничего о нем не мог показать, и тогда следователь сам заполнил протокол допроса и прочитал его вслух. Но свидетель не согласился с прочитанным, однако ему «убедительно» было доказано, что протокол необходимо подписать, и он его подписал.

8 октября 1937 года отец Сергий был арестован, заключен в Таганскую тюрьму в Москву и в течение пяти дней беспрестанно допрашивался.

– Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, дайте показания по этому вопросу.

– Контрреволюционной деятельности я не вел.

– Следствие обличает вас во лжи. Вам зачитываются показания свидетеля... о вашей контрреволюционной деятельности. Подтверждаете ли вы их?

– Показания свидетеля я отрицаю.

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

13 октября следствие было закончено, и 25 октября тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу. Священник Сергий Гусев был расстрелян 31 октября 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-36058.
АМП. Послужной список.

Октября 29 (11 ноября)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Леонид (Муравьев)

Священномученик Леонид родился 18 апреля 1868 года в селе Алешино Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Владимира Ивановича Муравьева. Отец Владимир прослужил в Космодамианской церкви в селе Алешино сорок три года. В 1888 году Леонид Владимирович окончил Московскую Духовную семинарию и стал работать учителем. В 1896 году он был рукоположен во священника к Крестовоздвиженской церкви в селе Марьинка Бронницкого уезда, в которой прослужил сорок два года, до дня своего ареста.

В 1931 году сотрудники НКВД решили арестовать и осудить отца Леонида, обвинив его в том, что он нанес вред колхозной собственности: в колхозе умерли поросята, а поскольку колхоз поместил их на скотный двор к священнику, в гибели животных обвинили его. Однако, несмотря на все показания нужных свидетелей, этого не удалось доказать, так как из показаний выходило, что в гибели животных виноваты сами колхозники и ветеринар. Тогда власти потребовали от священника исполнения твердого задания, то есть он должен был сдать определенное количество сельскохозяйственной продукции, чего он исполнить не смог, потому что у него ее не было. В 1932 году суд поначалу приговорил отца Леонида к конфискации всего имущества, но впоследствии приговор был отменен.

Когда в конце тридцатых годов ужесточились гонения на Русскую Православную Церковь, председатель сельсовета, составляя характеристику на священника, написал 16 марта 1938 года: «Муравьев... среди населения ведет антисоветский разговор. Ходит по домам, крестит новорожденных в грязных бочках». А один из местных жителей написал заявление в НКВД, что отец Леонид крестит на дому в присутствии учащихся и это может плохо повлиять на их учение.

В марте 1938 года следователь допросил дежурных свидетелей и местных начальников, которые стали говорить, будто отец Леонид занимался антисоветской агитацией и крестил местных жителей. К этому делу были приобщены протоколы допросов свидетелей за 1931 год, в которых священник обвинялся в гибели колхозной живности. 31 марта 1938 года отец Леонид был арестован и заключен в тюрьму в городе Кашире.

— Во время коллективизации в 1931 году вы вели антисоветские разговоры о том, что кто записался в колхоз, того вешать будут? — спросил следователь.

— С моей стороны антисоветских разговоров относительно колхозного строительства не было, за исключением того, что был случай, когда говорил колхозникам, что в колхозе работать очень тяжело и что в единоличном хозяйстве жилось лучше.

— Следствию известно, что вы во время службы в церкви верующим говорили, что всякая власть от Бога.

— Действительно, с моей стороны разговор о власти был, но только согласно Священному Писанию. Это я признаю.

— Признаете ли вы себя виновным в антисоветской деятельности среди колхозников? — задал следователь последний вопрос.

— Виновным себя в антисоветской агитации не признаю, этого с моей стороны не было.

Отец Леонид не попал в волну массовых репрессий и три с половиной месяца просидел в заключении, ожидая приговора.

16 июля 1938 года тройка НКВД приговорила его к десяти годам заключения. Врач, освидетельствовавший его, назвал болезни, добавив в заключение, что священник здоров. Отец Леонид был отправлен в Мариинские лагеря в Кемеровской области, но недолгим было его там пребывание. Священник Леонид Муравьев скончался в заключении 11 ноября 1941 года и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-19474.

Октября 31 (13 ноября)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Василий (Архангельский)

Священномученик Василий родился 24 февраля 1864 года в городе Серпухове Московской губернии в семье псаломщика Василия Архангельского. В 1884 году Василий Васильевич окончил Московскую Духовную семинарию. Женился, впоследствии у них с супругой родилось четверо детей. Был рукоположен во священника и с 1885 по 1891 год служил в храме в селе Матвеевском Подольского уезда. В том же году он был переведен в храм Ахтырской иконы Божией Матери в селе Ахтырка Хотьковской волости Дмитровского уезда. В деревнях своего прихода он организовал три церковноприходских школы. В 1914 году отец Василий был награжден золотым наперсным крестом, в 1919 году — возведен в сан протоиерея.

После прихода к власти безбожников отец Василий в 1920 году был арестован и приговорен к трем месяцам заключения условно по обвинению в контрреволюционной деятельности. В 1925 году протоиерей Василий был награжден наперсным крестом с украшениями, а в 1929 году — палицей.

В связи с усилением гонений на Русскую Православную Церковь в 1929 году, сотрудники ОГПУ с помощью осведомителей стали собирать сведения об отце Василии и на их основании выдвинули против него обвинение в том, что «священник использовал свой авторитет среди верующих для ведения злостной анти-советской агитации», а также в том, что он «повсеместно, как в

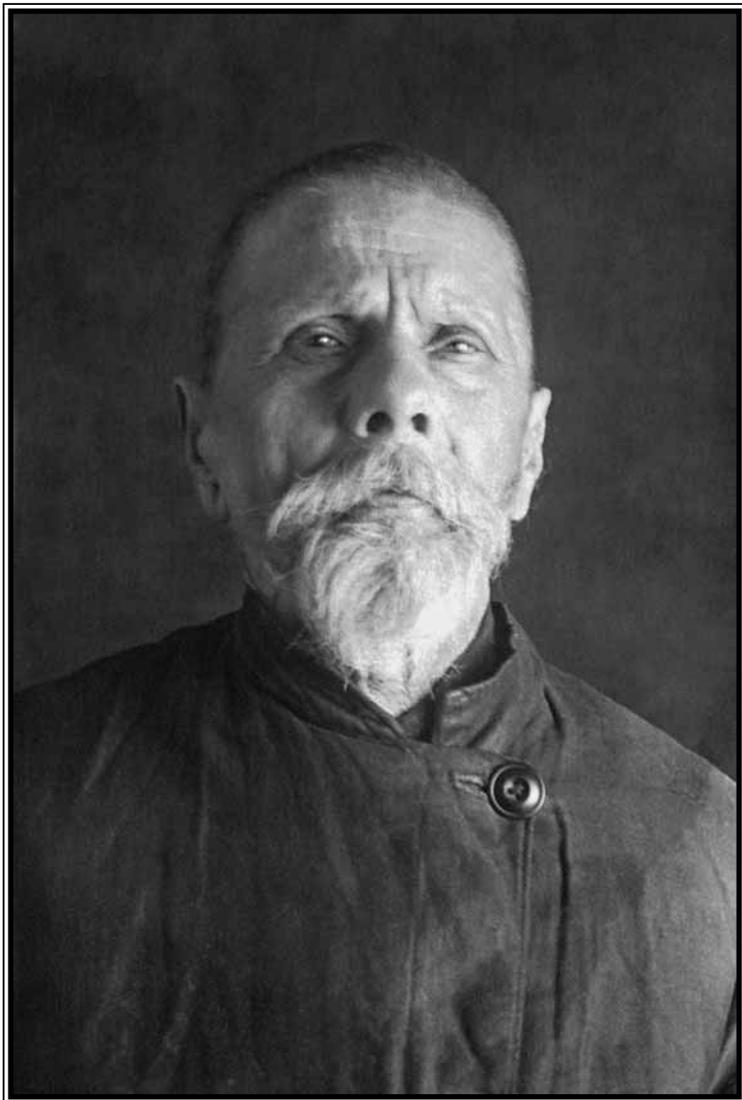

частных беседах, так и в проповедях, ведет злостную антисоветскую и антисемитскую агитацию, затрагивая политические темы», так что «дальнейшее пребывание его на свободе имеет отрицательное влияние на настроение населения к советской власти». В ночь со 2 на 3 сентября 1929 года отец Василий был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

3 сентября была допрошена жительница деревни Комякино, входившей в приход отца Василия. Она показала, что 9 июля, когда по домам в их деревне с молебнами ходили священник с диаконом, ее дома не было, а когда она пришла, то узнала, что они только что ушли. Она послала свою дочку за ними. Отец Василий пришел и отслужил молебен, а затем сказал, что «нехорошо, что я избегаю священника, так как этим я лишуюсь Божьего благословения. Я стала оправдываться, говоря, что сделала это не по злому умыслу, а потому, что у меня не было денег. После этого он сказал: “Плохо, что некоторые дома, наслушавшись большевиков, отказались от икон, их за это постигнет Божья кара”. Он мне еще много говорил по-ученому, так что я не могу вам передать полностью его слов, так как не могу вспомнить».

На следующий день следователь допросил отца Василия. Выслушав его вопросы, священник сказал: «Никакой антисоветской агитацией среди крестьян я не занимался, и разговоров с крестьянами на политические темы я не вел. Я не агитировал крестьян и порвавшим с церковью не говорил, что их смутили большевики. Книгу Нилуса, в которой идет речь о протоколах Сионских мудрецов, я не имел и не имею. Нилуса я читал лишь о монастырях. Заявляю, что политическими вопросами я не интересуюсь. Выписывая журнал “Безбожник”, я его читаю исключительно с желанием узнать, что пишут о религии. Многому из него я не верю и не допускаю мысли, чтобы факты, о которых пишут в “Безбожнике”, творились в нашей среде».

12 сентября следователь допросил диакона, Алексея Архангельского, служившего раньше в Хотьковском монастыре, с ко-

Протоиерей Василий Архангельский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

торым отец Василий ходил служить молебны, и тот показал: «В разговоре со мной священник Архангельский действительно выражал недовольство советской властью, говоря, что власть находится в руках жидов: начиная от Совнаркома и до низов всё делают по их указке, что правительство, объявив свободу вероисповедания, всех верующих притесняет. Кроме того, в доме в деревне Комякино он говорил, что те дома, которые не принимают священника, лишаются Божьего благословения. Это оттого, что они наслушались большевиков».

17 сентября сотрудники ОГПУ допросили еще одну жительницу села; отвечая на вопросы следователя, она сказала: «Я бывала у священника Архангельского и иногда с ним разговаривала. В его разговорах что-либо плохого о советской власти не было, он просто говорил, что в настоящее время вера среди народа падает и это приведет всех к плохому концу. Разговаривая о войне, он мне говорил, что лучше, если войны не будет».

23 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Василия к трем годам ссылки в Северный край по обвинению «в антисоветской и антисемитской агитации». Отец Василий был сослан в город Барабинск в Западной Сибири, а затем переведен в Вологодскую область.

Когда он освободился из ссылки в 1932 году, ему не было позволено было селиться ближе ста одного километра к Москве, и таким образом он был назначен служить в храм Рождества Богородицы в село Тимашево Волоколамского района Московской области. В 1935 году протоиерей Василий был награжден митрой.

В 1937 году начался период самых беспощадных гонений на Русскую Православную Церковь. Протоиерей Василий был арестован 22 сентября 1937 года и заключен в тюрьму в городе Волоколамске. Во время обыска, который был проведен очень тщательно, ничего не нашли кроме 17 серебряных советских монет по 50 копеек, которые и были изъяты.

На следующий день сотрудники НКВД допросили председателя сельсовета. Он показал, что протоиерей Василий, «отбыв срок наказания, проживает в селе Тимашево, систематически занимается контрреволюционной антисоветской деятельностью, направленной на срыв мероприятий, проводимых советской властью и партией. 22 сентября 1937 года в момент проведения ареста и обыска он заявил, что вы зря у меня что-то ищете, писем от Троцкого у меня не найдете, да и что было, я все пожег в печке, и сейчас вам у меня ничего не найти. Архангельский среди колхозников занимается агитацией. Летом в моем присутствии и колхозников говорил, что всем плохо живется в колхозе, потому что не стали жить в соответствии с Божьим Писанием, Бога забыли, в церковь перестали ходить, а все слушают коммунистов, которые доведут до того, что с голоду будетедохнуть как мухи, хлеб на полях скоро родиться не будет. Весной 1937 года во время проведения пробного выезда в колхозе Архангельский, указывая на колхозные бригады, заявил: “Глядите, сколько их осталось, посевов много, а народа нет, все, что и посеяно, им не убрать, а если уберут, то все равно ничего не получают — все государство заберет, а колхозники получают только солому. Вот и идите в колхозники, работайте задаром”».

Следователь на допросе потребовал от отца Василия:

— Дайте показания о вашей контрреволюционной антисоветской деятельности.

— Контрреволюционной антисоветской деятельностью я не занимался, — ответил священник.

— Когда у вас делали обыск при вашем аресте, вы заявили, что писем к Троцкому и от Троцкого вы не найдете, я их все сжег. Объясните следствию, почему вы так заявили.

— Когда у меня делали обыск, то, когда осматривали церковные книги, я заявил, шутя, что писем Троцкого вы не найдете, я их все сжег.

На этом допросы были закончены, и начальник Волоколамского отделения НКВД написал в характеристике семидесяти-трехлетнего священника, что тот хотя и пожилой, но физически крепкий. 11 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Протоиерей Василий Архангельский был расстрелян 13 ноября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-51865, д. П-76765.
АМП. Послужной список.

Ноября 1 (14)

МУЧЕНИК

Петр (Игнатов)

*М*ученик Петр родился в 1904 году в деревне Андреевские Палики Жиздринского уезда Брянской губернии в семье крестьянина Ивана Игнатова. В деревне он окончил сельскую школу и женился на девице из той же деревни, Анастасии, которая была круглой сиротой с одиннадцати лет; ей самой приходилось зарабатывать на хлеб, нанимаясь поденно на хозяйственные работы; она была с детства очень религиозной и часто посещала храм. Когда Петру исполнилось двадцать два года, он был мобилизован на срочную службу и направлен в войска ОГПУ, где прослужил три года рядовым. В то время, пока он служил в армии, его жена Анастасия переехала в село Кунцево под Москвой и устроилась работать на фабрику ткачихой.

После демобилизации Петр поселился у жены в Кунцево. В 1933 году супруги поехали на родину в Брянскую область, но, прожив здесь несколько месяцев, вернулись обратно в Кунцево, и Петр устроился работать сторожем на склад Мослгпрома, и они поселились с женой в общежитии.

За время службы Петра в армии Анастасия всецело прилепилась сердцем к Богу и к церкви, так что и образом своей жизни уже стала походить на монахиню. Вернувшись из армии, Петр был весьма удивлен благочестием своей супруги; и если раньше он не смотрел столь серьезно на вопросы веры и на то, сколь важ-

но жить по заповедям Господним и сколь существенно в этом деле личное благочестие, то теперь, глядя на жизнь супруги, он глубоко задумался над этим и потянулся вслед за ней в храм, к службам, стал читать духовные книги и в конце концов вполне проникся сознанием, что перспектива вечной жизни куда важнее, чем сиюминутная суета. Начало этой вечной жизни и плоды благочестия он уже ощущал в своей собственной душе — что, действительно, *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21), а если оно внутрь есть, то и ощутиться человеком может изнутри уже здесь, на земле. С тех пор как он вернулся из армии, жизнь супругов стала воистину монашеской, и уже не о супружеской плотской жизни они помышляли, а о том, как спастись, как угодить Господу; соответственно этому не было у них чад земных, а вместо них были дела благочестия, которыми они и служили Богу, людям и своему спасению. Даже внешне изменился облик Петра Ивановича, и он стал походить более на монаха, чем на мирянина. Обрели они себе и духовного наставника-старца в одном из живущих в Сергиевом Посаде монахов, которых после закрытия Лавры много поселилось тогда неподалеку от столь дорогой их благочестивому сердцу обители.

Сотрудники НКВД в селе видели этих благочестивых православных супругов и 20 октября 1937 года приняли решение об их аресте. Но никаких свидетельских показаний и материалов у них не было, и они стали вызывать на допросы соседей по дому, где жили супруги, хозяина квартиры, у которого они жили прежде, директора и некоторых рабочих склада.

— Следствию известно, что Игнатовы люди верующие, расскажите следствию, к какой вере они принадлежат, каковы их религиозные убеждения, — спросил следователь хозяина квартиры.

— Игнатовы являются людьми верующими, очень часто посещают церковь, часто читают на квартире религиозные книги и прочитанное обсуждают между собой. Судя по их религиозным убеждениям, они принадлежат к православной вере.

Следователь вызвал на допрос сотрудника склада, где работал Петр Иванович, и спросил его:

— Расскажите, что вам известно о религиозных убеждениях Игнатовых и вообще, к какой вере они принадлежат.

— Мне известно, что Игнатовы являются верующими, они часто посещают церковь в Кунцево и в Москве, читают религиозные книги и о прочитанном ведут между собою беседы. Из разговоров с ними мне известно, что они являются людьми православными.

— Расскажите следствию, почему и при каких обстоятельствах вам стало известно, что Игнатовы принадлежат к глубоко убежденным верующим православного исповедания.

— О том, что Игнатовы являются глубоко убежденными верующими православного исповедания, мне стало известно из разговоров с ними, особенно с Петром Ивановичем. Я также являюсь человеком православным, и на этой почве мы с ним познакомились.

— Давно ли вы являетесь верующим?

— Особую привязанность к религии я стал иметь после моего знакомства с Игнатовыми.

— Расскажите следствию, в чем заключалось их влияние и какие разговоры они вели при встречах.

— Я встречался с Игнатовыми у себя на квартире и у них на квартире. При встречах с ними разговоры всегда велись на религиозные темы. Петр Иванович говорил, что жизнь на земле есть всего лишь временная жизнь, но что есть еще вечная жизнь и кто неверующий на земле, того ожидают вечные муки. Также он говорил, что в Священном Писании сказано, что надо любить ближних, прощать обиды своим врагам и так далее. Такие беседы с Игнатовыми на религиозные темы мне нравились и оказывали на меня влияние. В разговоре иногда Петр Иванович говорил, что теперь власть притесняет верующих, закрывает церкви, но вместе с тем он всегда добавлял, что всякая власть от Бога и что «нам,

грешным, Господь послал такую власть за грехи и приходится терпеть».

3 ноября 1937 года был допрошен начальник склада, где работал Петр Иванович. Следователь попросил его рассказать, что он знает о супругах Игнатовых.

— С политической стороны я могу охарактеризовать Игнатовых как людей, враждебно настроенных против существующего строя и мероприятий советской власти, — ответил он. — В доказательство этого я могу привести нижеследующие факты. По своим убеждениям Игнатова до настоящего времени осталась сильно религиозной женщиной. Игнатов... из религиозных убеждений никогда не брился... Они оба реально соблюдают религиозные обряды, очень часто посещают церковь как в Кунцево, так и в Москве. В то время, когда он служил сторожем, его дежурство иногда совпадало с религиозными праздниками, и в таких случаях он нанимал за себя других сторожей, а сам обязательно шел в храм. Как-то я предложил ему вступить в члены профсоюза, но, несмотря на большую разъяснительную работу, он отказался вступать, заявив, что профсоюз ему пользы никакой дать не может и по своим религиозным убеждениям состоять в профсоюзе он не может. В момент реализации займа обороны он, несмотря на разъяснительную кампанию об этом займе и несмотря на то, что зарабатывал прилично, категорически отказался подписываться на таковой, заявив, что «в случае надобности он с охотой пойдет воевать за православную веру».

— Что вам известно о контрреволюционной деятельности Игнатовых?

— Петр Иванович гордится тем, что он верующий. В беседе с рабочими склада в моем присутствии он говорил, что православная вера — единственная правая вера, если кто не будет соблюдать этой веры, тот на том свете будет вечно гореть в огне и мучиться. Вместе с тем он говорил, что советская власть, коммунисты на-

прасно притесняют верующих, закрывают церкви, запрещают молебны под открытым небом, они этим перед Богом совершают великий грех, за что на том свете будут держать ответ.

В тот же день Петр Иванович и его супруга Анастасия были арестованы и заключены в разные тюрьмы Москвы. Петр Иванович был заключен в Таганскую тюрьму.

— Когда и кем вы с женой были завербованы членами «евангельских христиан»? — спросил Петра Ивановича следователь.

— Никто никогда меня не вербовал ни в какую секту, ни в какой секте я никогда не состоял, не состояла и моя жена. Принадлежу я к числу верующих, так же как и моя жена. Верующим я стал после демобилизации из Красной армии, в основном повлияла на меня жена, которая раньше моего была верующей и регулярно посещала православную церковь.

— Следствием установлено, что вы с женой состоите членами секты «евангельских христиан» и ведете активную контрреволюционную деятельность среди населения города Кунцева. Дайте об этом показания.

— Как я уже показал, членами секты «евангельских христиан» мы никогда не состояли и никакой сектантской контрреволюционной деятельностью не занимались.

— Вы себя считаете верующим, расскажите следствию, к какой вере вы принадлежите, к какой церкви, тихоновской или обновленческой. В чем заключается ваша вера?

— Я принадлежу к старой тихоновской Православной Апостольской Церкви. Вера моя заключается в том, что я часто посещаю церковь, где молюсь Богу. Из Священного Писания и учения Православной Церкви мне известно, что жизнь земная временна, а есть на том свете жизнь вечная; Священное Писание учит также прощать обиды врагам.

— Свидетельскими показаниями установлено, что вы с женой, состоя членами «евангельских христиан», вербуете в свою

секту молодежь, устраиваете у себя на квартире и в общежитии сборища, где проводите духовные беседы. Дайте об этом правдивые показания.

— Я категорически отрицаю свою принадлежность к секте «евангельских христиан» и об этой секте не имею представления, вербовкой верующих я никогда не занимался, сборищ у себя на квартире и в общежитии не устраивал. Приходилось иногда с верующими в церкви и возле говорить о том, что советское правительство притесняет верующих и закрывает церкви. Более добавить ничего не могу, протокол мне зачитан и записан с моих слов правильно.

19 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила Петра Ивановича и его супругу Анастасию к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Петр Иванович Игнатов скончался 14 ноября 1941 года в исправительно-трудовом лагере города Норильска и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ, Ф. 10035, д. 17727.

Ноября 4 (17)

СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК

Николай (Виноградов)

Священноисповедник Николай Павлович Виноградов родился 4 ноября 1873 года в городе Клин Московской губернии и происходил из духовного звания.

Поступив в Московскую Духовную семинарию, он окончил ее в 1896 году по второму разряду. Затем до 1898 года преподавал в Прохоровской церковноприходской школе Подольского уезда. Женился. 17 апреля 1898 года определен священником в храм села Данилово Подольского уезда, освященного в честь Смоленской иконы Пресвятой Богородицы.

Село Данилово одно из старейших сел Домодедовской подмосковной волости. Первое упоминание о церкви в селе относится к XVII веку, а каменный храм, в котором служил священник Николай Виноградов, был построен в 1755 году.

Здесь отцу Николаю и его близким суждено было прожить 32 года. Здесь в семье Виноградовых в 1900 году родилась дочь — Надежда, в 1902 году сын — Николай, а в 1904 году вторая дочь — Людмила, здесь отцу Николаю дано было Богом понести нелегкий крест вдовства.

Молодой священник много потрудился на ниве церковного просвещения. В ноябре 1898 года, вскоре после рукоположения и

назначения на приход, отец Николай открыл в селе Данилово школу грамоты, где и преподавал сам безвозмездно. В 1901 году школа была преобразована в церковноприходскую, и отец Николай был ее бессменным заведующим и законоучителем до 1918 года. Кроме того, в 1908–1911 годы отец Николай состоял заведующим Воскресенской церковноприходской школой, которая располагалась близ села Растуново, и преподавал детям Закон Божий в земской школе самого села Растуново с 1909 по 1917 год.

В 1915 году отец Николай был назначен помощником благочинного шестого округа Подольского уезда, а в 1916 году – благочинным того же округа, и это послушание проходил до 1917 года. А в 1919–1920 годах по назначению епархиального начальства временно заведовал благочинием. В 1920 году был избран собранием духовенства и мирян в совет благочиния и до 1923 года нес это послушание. В 1923 году отец Николай был назначен духовником шестого благочиннического округа.

За ревностное служение Церкви Христовой отец Николай был награжден многими церковными наградами, в том числе в 1921 году – наперсным крестом.

Как и все священнослужители того времени, отец Николай был лишен избирательных прав, а в феврале 1930 года раскулачен. Поскольку никакого имущества у него уже не было, его просто выгнали из дома, и после этого он жил в доме одного из своих прихожан.

В декабре 1929 года отец Николай понял, что власти хотят закрыть церковь, поэтому на престольный праздник – день памяти святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских – он обратился к верующим с проповедью, в которой сказал: «...настали тяжелые времена, без нашего согласия закрывают церкви». Прихожане решили бороться за свой храм. 10 марта состоялось общее собрание, на котором верующие пытались протестовать против

закрытия храма. Но 17 марта сельсовет на своем собрании постановил: просить удалить духовенство (то есть отца Николая) из «данной местности».

Этим вопросом занялось ОГПУ. Были допрошены председатель сельсовета, заместитель председателя колхоза и другие лже-свидетели, которые дали необходимые показания об антисоветской деятельности священника.

В середине марта 1930 года был допрошен и отец Николай. Следователь интересовался церковными серебряными сосудами, найденными у священника во время описи имущества в конце января 1930 года. Отец Николай показал, что в августе 1926 года знакомый священник, отец Николай Калугин, при переезде с места на место оставил у него на хранение узелок с вещами. Причем он даже не знал, что в нем находится. Узелок он положил на божницу, «где он и пролежал до того момента, пока ко мне не пришли с описью имущества».

22 марта 1930 года отец Николай был арестован в административном отделе Михневского районного исполнительного комитета и 24 марта допрошен повторно. На этом допросе священник полностью подтвердил свои предыдущие показания и заметил, что «какой-либо антисоветской агитации я не вел». В этот же день уполномоченный ОГПУ постановил избрать мерой пресечения — содержание под стражей в Серпуховском исправтруддome. 19 апреля было сформулировано обвинительное заключение, в котором предъявлялось обвинение в антисоветской агитации, и 25 апреля 1930 года тройка ОГПУ приговорила священника Николая Виноградова к высылке в Северный край сроком на три года.

Еще не старый священник не выдержал тяжелых условий северной ссылки. 17 ноября 1931 года в Емецком районе Архангельской области священник Николай Виноградов умер и был погребен в неизвестной могиле.

После ареста священника служба в храме перестала совершаться, двадцатка, необходимая для регистрации прихода, распалась, а в 1934 году постановлением Президиума Михневского районного исполнительного комитета от 14 марта храм был закрыт. Богослужение в храме возобновилось только в 2000 году.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-47541.

РГИА. Ф. 831, д. 237, д. 279.

ЦИАМ. Ф. 203, оп. 746, д. 1858; оп. 763, д. 74, д. 156.

ЦГАМО. Ф. 5739, оп. 1, д. 123; ф. 4570, оп. 1, д. 248.

Николай Чулков. Записки краеведа. Домодедово, 1996.

Архивная справка ИЦ УВД Архангельской области от 24.04.2003 г. за №18/3409.

Ноября 9 (22)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Илия (Рылько)

Священномученик Илия родился в 1881 году в селе Ридомле Толочинского уезда Витебской губернии в семье крестьянина Игнатия Рылько. Окончил учительскую семинарию.

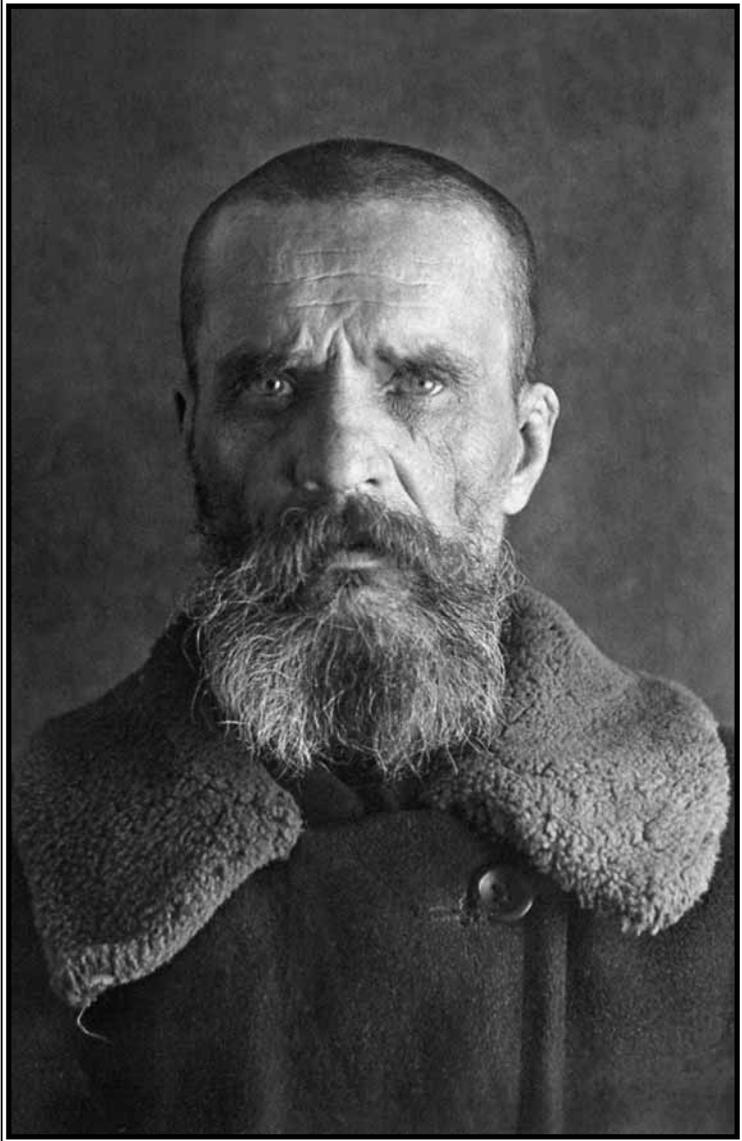
С 1906 по 1913 год Илья Рылько служил псаломщиком в селе Хлебное. После принятия священного сана в 1914 году отец Илья поочередно служил в селах Усохское-Буул, Хлебное, Благовичи.

В 1934 году он переехал в Московскую область, где был определен на служение в Никольскую церковь села Никольское-Гагарино Ново-Петровского района Московской области. Село Никольское было в 1775 году куплено князем Сергеем Сергеевичем Гагариным и по фамилии владельца стало называться Никольское-Гагарино. В 1783 году была построена каменная церковь в честь святителя Николая, в которой и служил последние годы своей жизни отец Илия. В 1936 году он был возведен в сан протоиерея.

23 сентября 1937 года отца Илию назначили в Ильинскую церковь погоста Ильинское Солнечногорского района Московской области.

30 октября 1937 года протоиерей Илия был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

— С кем вы имели хорошую связь и в чем она выражалась? — спросил следователь.

Протоиерей Илия Дылко

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

— Хорошие знакомства я имел со Смоляковым и священником Казанцевым, ныне они оба арестованы за антисоветскую агитацию. Связь моя с ними выражалась в том, что мы ходили друг ко другу в гости, в частной беседе вели разговоры о колхозах и о церкви, других разговоров мы не вели.

— Вы арестованы как активный член контрреволюционной группы Смолякова, которая проводила контрреволюционную агитацию среди населения. Следствие требует ваших показаний.

— Членом контрреволюционной группы я не состоял и агитации против советской власти не вел, со Смоляковым и священником Казанцевым я имел связь только личного характера, против советской власти мы никогда ничего не говорили и не агитировали, виновным в этом я себя не признаю.

Следователем был допрошен председатель колхоза, который сказал, что слышал от священника, как тот говорил: «В конституции пишут, что свобода религии, можно ходить по домам верующих с иконами, а на самом деле этого не дают, советская власть жмет попов налогами, чтобы совсем покончить с религией. В конституции пишут одно, а на самом деле другое».

Другой лжесвидетель сказал: «Поп вовлекает детей в церковь, в числе этих детей был и мой пятилетний сын. Был такой случай: мой сын был вовлечен в церковь, там поп угостил его “святым медом” и каким-то пряником, кроме того учил его креститься и бить поклоны».

19 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Илию к расстрелу. Протоиерей Илия Рьлько был расстрелян 21 ноября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19173.
АМП. Послужной список.

Пэнэжко Олег, священник. Город Руза. Храмы Рузского района. Владимир. 2000. С. 31–33.

Ноября 11 (24)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
ЕВГЕНИЙ (ВАСИЛЬЕВ)

Священномученик Евгений родился 20 декабря 1892 года в городе Москве в семье священника Василия Васильева. Получив первоначальное духовное образование, он поступил в Московскую Духовную академию, но окончить ее ввиду захвата власти безбожниками не успел и продолжил обучение в частном порядке, сдавая экзамены профессорам академии. Евгений Васильевич был рукоположен во священника и через некоторое время назначен настоятелем Успенской церкви в селе Косино Ухтомского района Московской области и помощником благочинного.

В 1936 году до секретного отдела НКВД стали доходить сведения об увеличении числа паломников в Успенский храм и на Святое озеро, расположенное рядом с храмом. Паломники, отслужив молебен в церкви, шли на озеро, откуда брали воду, и некоторые из них купались. Были часты случаи исцелений, о которых знали как сами верующие, так и священник.

Предположив, что все это происходит благодаря активной деятельности настоятеля отца Евгения, власти решили его арестовать. 31 марта 1936 года отец Евгений был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

— Следствие располагает данными, что вы в контрреволюционных целях распространяли ложные слухи о якобы имевших место случаях чудесного исцеления на Святом озере от различных болезней.

Священник Евгений Васильев

Москва. Бутырская тюрьма. 1936 год

— Я не отрицаю, что ко мне в церковь в село Косино приезжали верующие из различных мест, служили в церкви молебны, после этого из церкви уходили на Святое озеро за водой, купались в нем с целью получить исцеление от болезней. В летнее время бывали отдельные дни, когда ко мне в церковь приезжало по 10–15 человек верующих.

Допрошенные свидетели показали, что встречали за службой в церкви в селе Косино много верующих из различных районов Московской области, которые специально приезжали к священнику Евгению Васильеву отслужить молебен и на Святом озере набрать воды, которая имеет целебную силу и помогает от всяких болезней. Верующие по окончании церковной службы по указанию священника шли на озеро купаться, пили воду и набирали ее из озера в привезенную посуду и расходились по домам, рассказывая при этом, что они получили исцеление от болезней, которыми страдали продолжительное время.

«Священник Евгений Васильев на мой вопрос, почему он дает указания верующим пить грязную воду из озера, ответил: “Что вы говорите? Это Святое озеро раньше очень почиталось верующими, на озеро приезжало много народу со всех концов, было много случаев чудесных исцелений от различных болезней, и сейчас снова верующие стали приезжать отслужить молебен, набрать воды, а некоторые выкупаться. Я лично знаю несколько человек, которые получили исцеление после купания в Святом озере. Правда, сейчас власть очень преследует за это, все приходится делать очень скрытно. В этом году немного стало проще, а то попросту поставили сторожей. До революции на Святое озеро стекалось несколько тысяч богомольцев, среди которых были различные больные, и многие по вере уходили вполне здоровыми. Так и сейчас многие в это лето, помолившись в нашем храме и выкупавшись в озере, исцелились. Вот вам доказательство того, как еще крепко народ верит в Бога... многие из них обошли все больницы и пришли сюда”. В феврале 1936 года, — утверждал

свидетель, — священник Васильев пригласил меня из церкви в дом, где в моем присутствии говорил: “Коммунисты и молодежь постановили закрыть нашу церковь и засыпать ее хлебом, но я сумел организовать верующих, и мы снова отстояли наш храм. Конечно, это не надолго, но, возможно, Бог смилуется над нами, будет война, и тогда мы отмучаемся от этой проклятой власти”. Верующие после окончания церковной службы и молебна по указанию священника Евгения Васильева шли на озеро — купаться, умываться, пить воду, отдельные верующие во время купания пели молитвы, плакали по выходе из озера и распускали слухи, что они исцелились от болезней, чем еще больше привлекали паломничество верующих на Святое озеро. Мне лично священник Васильев говорил, что за лето 1935 года на Святом озере было несколько случаев чудесного исцеления от болезней, и при этом привел пример двенадцатилетней девочки, дочери цыганки, которая была совершенно слепой и впоследствии получила исцеление».

Этих обвинений для властей было достаточно, и 2 июля 1936 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило священника к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Отец Евгений был выслан сначала в Мариинский лагерь в Новосибирской области, а затем в Хабаровск. Священник Евгений Васильев скончался 24 ноября 1937 года в исправительно-трудовом лагере в городе Хабаровске и был погребен в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-43315.

Ноября 14 (27)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

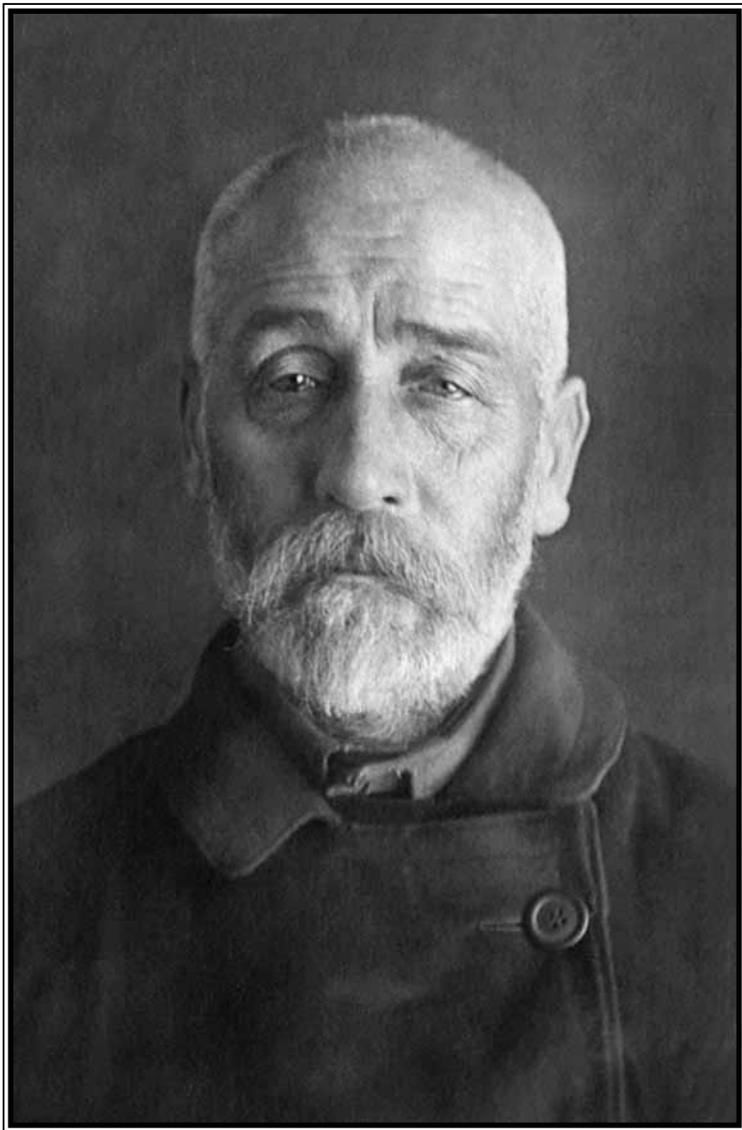
Василий (Никольский)

Священномученик Василий родился 27 декабря 1877 года в селе Нестерово Орехово-Зуевского уезда Московской губернии в семье псаломщика Евгения Никольского. Он окончил полный курс духовного училища и после сдачи экзамена получил звание учителя церковноприходской школы.

С 1894 по 1909 год Василий Никольский учительствовал, а с мая 1909 по декабрь 1910 года служил псаломщиком. В 1910 году он был рукоположен во диакона к Крестовоздвиженскому храму в селе Дуброво Бронницкого уезда, а в марте 1924 года — во священника к этому же храму.

В 1926 году отец Василий был назначен благочинным церковью Орехово-Зуевского района, а в 1932 году еще и благочинным церковью Павлово-Посадского района. В октябре 1929 года он был возведен в сан протоиерея.

Власти в 1931 году закрыли Крестовоздвиженскую церковь. По распоряжению епархиального начальства вместе с общиной верующих отец Василий был переведен в Зуевский Рождества Пресвятой Богородицы кафедральный собор и назначен его настоятелем. Обязанности благочинного и настоятеля собора он выполнял до 1934 года, после чего продолжал служение в штате собора. В 1935 году протоиерей Василий был награжден крестом с украшениями.

Протоиерей Василий Никольский

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

Во время начавшихся массовых гонений на Русскую Православную Церковь протоиерей Василий Никольский был арестован 16 ноября 1937 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. Властями были допрошены два лжесвидетеля, которые рассказали следователю, что якобы слышали от отца Василия разговоры против сталинской конституции и стахановского движения. 19 ноября отец Василий был допрошен. На все поставленные следователем вопросы он отвечал, что виновным себя в предъявленном обвинении не признает. В тот же день было составлено обвинительное заключение и дело передано на рассмотрение тройки НКВД.

21 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Протоиерей Василий Никольский был расстрелян 27 ноября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. П-20749.

Ноября 14 (27)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Феодор (Грудаков)

Священномученик Феодор родился 13 февраля 1889 года в деревне Песья Подольского уезда Московской губернии в семье крестьянина Василия Грудакова. После окончания в 1905 году Перервинского Духовного училища Федор поступил в Московскую Духовную семинарию.

В 1911 году после окончания семинарии Федор Грудаков был рукоположен во священника к Тихвинскому храму в село Богородское-Ватутинки Подольского уезда.

В 1919 году в Подольском уезде началось восстание против большевистской власти, часть населения организовала вооруженный отряд, которым руководил некто по фамилии Зеленый. Отец Феодор был призван на несколько месяцев в тыловое ополчение Красной армии, но с июня 1919 года продолжил свое служение в Тихвинском храме.

15 августа 1930 года отец Феодор по обвинению в антисоветской деятельности был арестован сотрудниками ОГПУ и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

Один из свидетелей, священник Сергей Горский, рассказал: «Священник Грудаков в декабре 1929 года прислал мне письмо, где писал: “Утешать и успокаивать не буду, потому что и сам в неопределенном положении, но я все-таки чувствую себя сейчас спокойно. Да подумай: волнуясь, можем ли мы улучшить свое положение? Ведь мы вне закона. Слухов о нас везде много, но доверяться этим слухам рискованно. Меня вызвали в ОГПУ, шпиговали там около двух часов; по-видимому, им хотелось обвинить

меня, но не удалось. Пусть воинствующее безбожие объявило поход против Церкви, но декретом нам разрешено организовывать общины, отнимут храм, будем совершать богослужение по домам... не унывай, будем верить, что сверх сил Бог испытаний не пошлет, а умирать когда-либо придется». Кроме того, священник Грудаков, — продолжал свои показания священник Горский, — в период коллективизации являлся защитником и организатором всего духовенства. Поддерживая духовенство, он говорил: «Спокойствие, ибо эту власть мы переживем и будем жить, как жили раньше»... В разговорах о коллективизации он выражал мнение, что для народа от коллективизации нет никакой пользы, а для нас, духовенства, это есть гибель... Он прекрасно знает все законы, и духовенство обращается к нему за справками».

Другой свидетель — священник Владимир Беляев — из-за страха оговорил отца Феодора в том, что слышал от него антисоветские высказывания.

Во время допроса отец Феодор, понимая, что любое слово о ком-либо может повредить этому человеку, пожелал отвечать на все вопросы следователя сдержанно.

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю. В практике моей службы как священника Богородской церкви никогда не произносил никаких проповедей, касающихся положения в стране, а также на темы антисоветского характера. Будучи аполитичным, в личных беседах с крестьянами я никогда никаких недовольств по отношению к советской власти не высказывал, в период коллективизации я никаких разговоров и бесед ни с кем не имел... Из духовенства связи ни с кем не имею, ни к кому не хожу, и никто у меня не бывает, а также ни с кем никакой переписки не веду.

— Вы писали когда-либо письма священнику Горскому?

— Нет, не писал...

На следующем допросе следователь стал спрашивать об отношении отца Феодора к запрету преподавать Закон Божий в школах. «Издание декрета советским правительством о запрещении

преподавания Закона Божия в школе меня обескуражило, — ответил священник. — Я психологически не мог с этим примириться, считал, что это насилие над человеческой совестью. На собрании в школе предложил послать письмо Всероссийскому Поместному Собору от имени верующих с просьбой ходатайствовать о разрешении проводить преподавание Закона Божия в школе. Никогда я не арестовывался. В Подольске находился с ноября 1918 по июнь 1919 года в тыловом ополчении, исполнял всякие хозяйственные работы. В восстании Зеленого участия не принимал и сочувственно к нему не относился... Со всеми мероприятиями советской власти я соглашался и соглашаюсь, за исключением вопроса о том, что религия — враг народа. На основании этого убеждения я среди верующих пытаюсь путем бесед и проповедей привить мысль, что религия не есть враг народа, а способна его утешить и развивать чувства милосердия и братских отношений».

Следствие в начале сентября 1930 года было закончено. Следователь, формулируя обвинительное заключение, в частности, написал: «В своих показаниях обвиняемый Грудаков не отрицает, что ведет среди населения агитацию с целью привить мысль, что религия не есть враг народа, с тем чтобы разбить установку советской власти, что таковая — дурман».

5 сентября 1930 года тройка ОГПУ приговорила священника Феодора Грудакова к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Наказание он отбывал на строительстве Беломорского канала и затем на строительстве Сорбского порта. В апреле 1934 года отец Феодор был освобожден. Сначала он служил в Рязанской епархии, а в апреле 1937 года получил назначение в храм в честь святых мучеников бессребреников Космы и Дамиана в селе Старая Кашира Каширского района Московской области.

В 1937 году председатель колхоза в селе Старая Кашира послал в районное отделение НКВД с нарочным заявление, в котором просил срочно арестовать отца Феодора. Свою просьбу он мотивировал тем, что священник сорвал важное мероприятие. Вечером 3 декабря планировалось собрать колхозников для бесе-

ды о предстоящих выборах в Верховный Совет, а отец Феодор, как писал доносчик, «этот враг трудящегося народа, собрал вечерню, созвал к себе в церковь всех избирателей, огораживая себя праздником Введения».

Священник Феодор Грудаков был арестован 4 декабря 1937 года Каширским районным отделением НКВД и в тот же день допрошен. Свидетели, вызванные для дачи показаний, рассказали, что отец Феодор призывал людей ходить молиться в храм, и авторитет его, несмотря на непродолжительный срок служения в селе, очень высок.

— Вы арестованы за антисоветскую агитацию, которую проводили среди колхозников. Вы это признаете? — спросил следователь.

— Никакой антисоветской агитации среди колхозников я никогда не вел и виновным себя в этом не признаю.

— Вам зачитываются показания свидетеля, уличающие вас в антисоветской агитации. Вы эти показания подтверждаете?

— Нет, не подтверждаю. Никогда антисоветской агитации я не вел.

В тот же день следствие было закончено. Отца Феодора перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила его к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

27 декабря 1937 года с этапом заключенных отец Феодор прибыл в Самарлаг НКВД, где и умер от непосильного труда и голода 27 ноября 1940 года и был погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-72939, д. 18065.

Дубинский А. Ю. Московская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). М. 1998.

Ноября 19 (2 декабря)

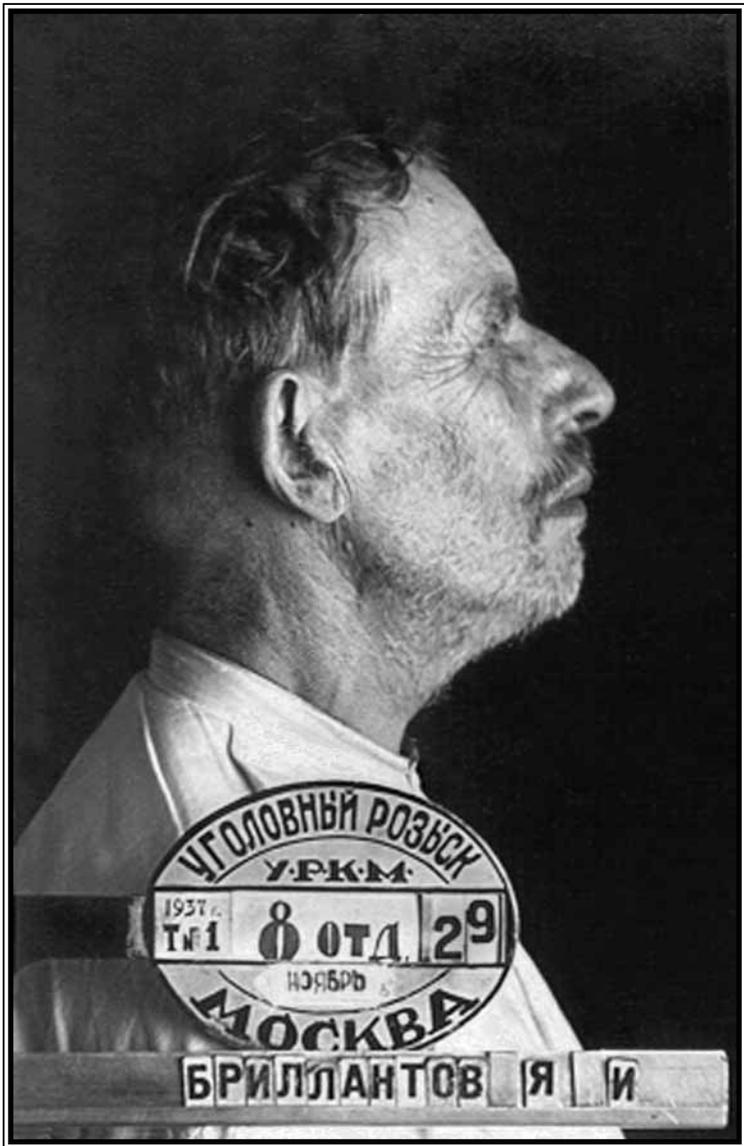
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Иаков (Бриллиантов)

Священномученик Иаков Бриллиантов родился 7 марта 1871 года в селе Никулино Бронницкого уезда Московской губернии. В 1893 году Яков Иванович окончил Московскую Духовную семинарию. После рукоположения в сан священника он до 1927 года служил во Владычнем женском монастыре города Серпухова. После закрытия обители его назначили в Троицкую церковь в селе Лужки Серпуховского уезда, а в 1929 году перевели в Богоявленский храм города Коломны. С 1 июля по 1 сентября 1931 года он исполнял обязанности благочинного.

В 1930 году сотрудники Коломенского ОГПУ пытались привлечь отца Иакова к сотрудничеству. В апреле его вызвали на допрос и стали спрашивать о том, кто из знакомых ему купцов и священников занимается контрреволюцией. Давать какие-либо показания отец Иаков отказался и вскоре был отпущен. Сколько раз проводили такие беседы с отцом Иаковым, неизвестно, но 5 июня он подписал документ о сотрудничестве, причем понимая его совсем не так, как понимали это сами представители ОГПУ.

12 декабря 1931 года его снова вызвали на допрос и арестовали. Во время допроса он заявил следователю, что «шпионом и провокатором он не будет, за все время с апреля 1930 года по настоящее время я ни на кого не доносил, никого не подводил. Я считаю, что в настоящее время, а также и в царское время, если бы я узнал

Священник Иаков Бриллиантов

Москва. Тюрма НКВД. 1937 год

что-либо против советской власти или против царя, я как гражданин должен был бы сообщить об этом органам власти. Сейчас священники боятся всего, боятся говорить, боятся самих себя. Я сам думаю, что мне придется при советской власти пострадать за свою правду и искренность. Я считаю, что работа в органах ОГПУ связана с провокаторством и шпионством, а поэтому вторично заявляю: помогать органам ОГПУ отказываюсь, шпионом и провокатором не буду». 3 января 1932 года священника отпустили, думая, что, побывав в тюрьме, он «исправится».

29 марта 1932 года отца Иакова арестовали и заключили в Коломенский дом заключения. В этот же день состоялся допрос. На вопросы следователя священник отвечал: «Я еще раз подтверждаю свое показание при допросе 12 декабря 1931 года и заявляю, что шпионом и провокатором я работать не буду, так как считаю это дело для священника безнравственным. Подписку, данную мною 5 июня 1931 года, я понимал своей обязанностью сообщать в ОГПУ об организации заговоров против советской власти, каких за все время со дня дачи мною подписки от людей, с которыми я вращаюсь, не было. Отдельные недовольства мероприятиями советской власти и партии среди верующих имеются и имелись, но сообщать о них я считал не нужным, а недовольным я говорил, что нужно терпеть. Среди духовенства наблюдается то, что они все запуганы арестами, проводимыми органами ОГПУ, и высказываться открыто о политике советской власти боятся».

1 апреля следователем был вызван на допрос священник Михаил Дмитриевич Покровский, служивший также в Коломне, который хоть и заявил, что мало знает отца Иакова, однако полностью оговорил его, подписав показания, нужные следствию, а именно, что отец Иаков ярый монархист, недоволен советской властью и всегда ее ругает.

На очередном допросе 8 апреля следователь спросил отца Иакова об отношении к советской власти, о взаимоотношениях его с духовенством Коломны, ранее арестованным ОГПУ.

— В 1929 году, — отвечал священник, — вскоре после моего прибытия в город Коломну священник Миролюбов сообщил мне, что епископа Феодосия и священников Страхова и других, всего десять человек, в ноябре 1929 года арестовало ОГПУ за непоминование во время службы советской власти. Мне о возникновении этого разделения в церквях города Коломны стало известно до приезда в Коломну, когда я еще был в Серпухове. В августе или сентябре 1929 года я написал письмо своему зятю священнику Миролюбову, указав ему на необходимость помянуть во время службы советскую власть так же, как поминали раньше царскую власть. Я стал помянуть советскую власть с 1925 года, то есть на два-три года раньше распоряжения митрополита Сергия, так как узнал об этом от своего шурина священника Боголепова, который, будучи в Москве, видел распоряжение Патриарха Тихона о необходимости помянуть советскую власть... О своем нахождении под арестом с духовенством я не разговаривал. Когда мне верующие жаловались на действия советской власти и большевиков, говоря, что большевики закрывают церкви, заставляют работать в праздники, я им отвечал: советская власть поступает правильно, вы сами отказались от Церкви, работаете в праздники, и советскую власть в этом винить нельзя.

— Вы себя считаете человеком, преданным советской власти, и одобряете ее мероприятия, значит, не будете чувствовать морального унижения, если будете помогать советской власти бороться с ее классовыми врагами, которые стараются свою работу направить к свержению советской власти? — спросил следователь.

— Я как священник нахожу, что для меня несовместимо всеми мерами работать для советской власти, — ответил отец Иаков.

19 апреля уполномоченный Коломенского районного отделения ОГПУ составил обвинительное заключение, где вина священника Иакова Бриллиантова была сформулирована так: «Дело возникло на основании поступивших сведений о том, что поп Бриллиантов, являясь нашим секретным осведомителем, поми-

мо того, что игнорировал взятые на себя обязательства как специального осведомителя путем отрыва от работы, ведет среди духовенства и верующих антисоветскую агитацию».

8 мая 1932 года тройка ОГПУ приговорила священника Иакова Бриллиантова к ссылке в Казахстан сроком на три года. После отбытия срока наказания отец Иаков вернулся в Московскую область и поселился в селе Горы Озерского района. Священноначалием он был определен служить в храм в честь преподобного Сергия Радонежского в том же селе.

В конце 1930-х годов власти предприняли меры по физическому уничтожению Русской Православной Церкви. В разгар гонений священник Иаков Бриллиантов 21 ноября 1937 года был арестован и заключен в Коломенскую тюрьму.

— Вы общественно-полезным трудом когда-нибудь в жизни занимались или нет? — спросил следователь.

— За всю свою жизнь я общественно-полезным трудом не занимался.

— У следствия имеются показания свидетелей о том, что вы среди населения вели контрреволюционную агитацию. Признаете ли вы себя виновным?

— Виновным себя в том, что я вел контрреволюционную агитацию среди населения, я не признаю, для меня каждая власть от Бога. Предъявленные мне факты моей контрреволюционной агитации с моей стороны никогда не произносились, антисоветской деятельностью я никогда не занимался.

23 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Иакова к расстрелу. Священник Иаков Бриллиантов был расстрелян 2 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-37134, л. 20886.

Ноября 19 (2 декабря)

МУЧЕНИК

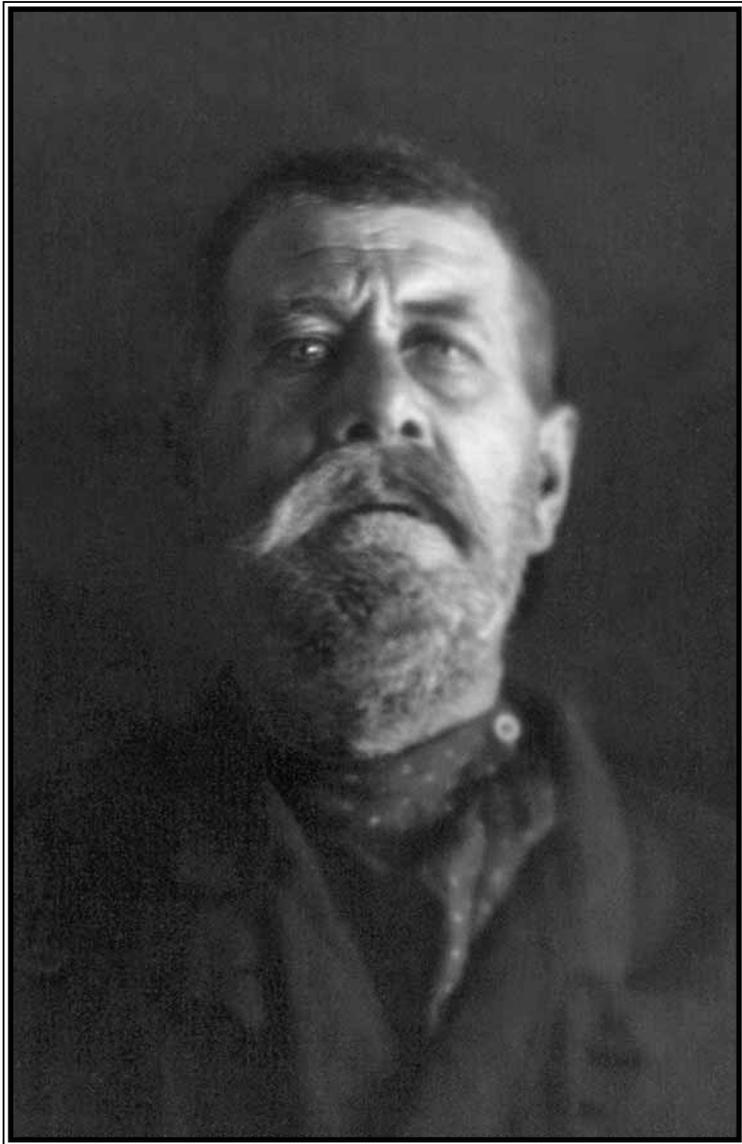
Тимофей (Кучеров)

*М*ученик Тимофей родился в 1871 году в селе Степаново Михайловского уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Ивана Кучерова.

В 1893 году Тимофей Кучеров был призван на военную службу, где пробыл до 1896 года. После возвращения из армии он устроился служить в полицию и впоследствии исполнял обязанности старшего городского при Первом Хамовническом участке Москвы. В его подчинении было более 70 городских участка. За успешную службу он был награжден двумя серебряными медалями.

В 1917 году Тимофей Иванович был призван в армию, откуда вернулся в 1918 году и работал чернорабочим. В тяжелые для Русской Православной Церкви годы, когда безбожная власть беспощадно преследовала духовенство и верующих, Тимофей Кучеров укрепился в желании послужить Церкви Христовой. В 1930 году его избрали председателем церковного совета одного из старинных и красивейших храмов Москвы – церкви святителя Николая в Хамовниках, прихожанином которой он был. Богом данный талант организатора и руководителя он, как мог, применял в обустройстве и сохранении церковной жизни храма, несмотря на суровые обстоятельства времени.

Намереваясь арестовать Тимофея Кучерова, сотрудники НКВД допросили ряд свидетелей, которые подписали необходи-

Мл.иофей Иванович Кучеров

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

мые следствию показания, в которых он изобличался в антисоветской контрреволюционной деятельности — как «бывший полицейский и активный церковник».

Председатель правления жилищного актива, в ведение которого входил дом, где проживал Тимофей Кучеров, составил для НКВД справку, в которой, перечислив известные ему факты из жизни Тимофея Ивановича, написал: «Кучеров долгие годы, а именно до 1936, был председателем церковного совета церкви Николая в Хамовниках, иногда на квартиру Кучерова приходили попы. Через открытые окна, выходящие в Пуговишников переулок, неоднократно слышны были пение грампластинки «Боже, царя храни» и другие божественные антисоветские пластинки».

31 октября 1937 года Тимофей Кучеров был арестован и заключен в Таганскую тюрьму. 18 ноября он был допрошен.

— Какое участие вы принимали в казни революционеров на Хамовнической площади? — спросил следователь.

— На Хамовнической площади вешали революционеров, это было примерно в 1906—1907 году. Личного участия в этом я не принимал.

— Вы говорите неправду. Следствие располагает данными, то есть свидетельскими показаниями, о том, что ни одна казнь не проходила без вашего участия. Следствие требует от вас правдивых показаний.

— Я лично никакого участия в казнях не принимал. Все это выполнялось специальным нарядом, но из кого этот наряд состоял, я не знаю.

— Следствие располагает данными о том, что вы были активным церковником и вели антисоветскую агитацию среди отсталой части рабочих и вербовали их в свою секту.

— С 1930 по 1935 год я был активным церковником, был председателем церковного совета при хамовнической церкви, где вся организационная работа принадлежала мне как председателю

церковного совета и двум другим членам, но вербовать я никого не вербовал, ходили те, кто хочет.

— Вы обвиняетесь в проявлении контрреволюционных анти-советских высказываний среди рабочих и жильцов вашего дома. Дайте показания по этому вопросу.

— С моей стороны никаких антисоветских высказываний никогда не было и каких-либо высказываний против порядка, а также руководства партии и правительства я не говорил.

29 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила Тимофея Кучерова к расстрелу.

Староста храма святителя Николая в Хамовниках Тимофей Иванович Кучеров был расстрелян 2 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, л. 20853.

Ноября 20 (3 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Николай (Зеленов)

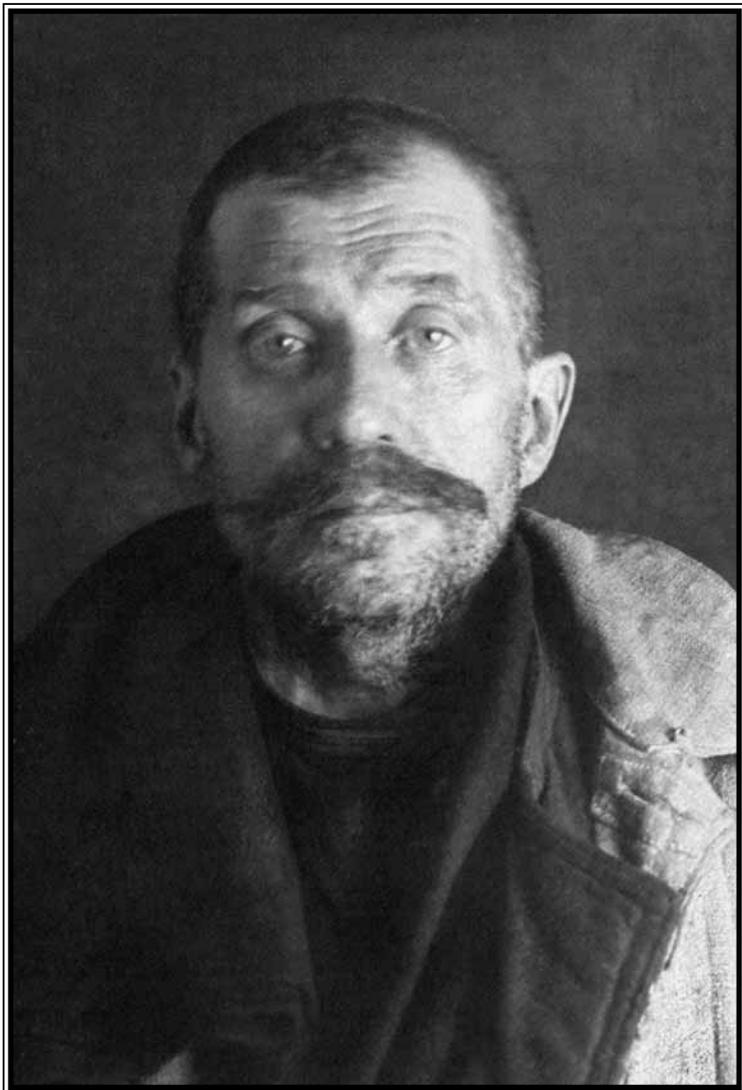
Священномученик Николай родился в 1887 году в селе Бочевино Бронницкого уезда Московской губернии в семье крестьянина Поликарпа Зеленова.

С 1897 года он был певчим церковного хора. Окончив в 1907 году Владимирскую Духовную семинарию, Николай Поликарпович стал учителем церковноприходской школы села Яковцево Муромского уезда.

В 1911 году он служил диаконом в селе Загарино того же уезда, а в 1912 году был рукоположен во священника к приходу в селе Голенищево Муромского уезда, где прослужил до июня 1917 года, когда был назначен священником в село Загарино.

Прослужив в Загарино до 1926 года, отец Николай был переведен в деревню Марково Покровской волости, а с 1928 года до первого ареста отец Николай служил в селе Сеньго-Озеро Петушинского района Орехово-Зуевского округа. Жители села любили священника и приобрели ему корову. Детей у них с матушкой не было, жили они весьма скромно, не владея практически никаким имуществом.

Поводом к аресту послужила статья в местной газете «Колотушка» под заголовком «Поп агитирует против колхоза», опубликованная 24 октября 1929 года. Приехавший в колхоз лектор-антирелигиозник недоумевал, почему в селе Сеньго-Озеро, где

Вященик Николай Зеленев

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

числится 150 дворов, в колхозе состоит меньше 10 процентов. «Установлено, что немаловажную роль в борьбе с колхозами играет местный поп... в противовес культурной работе избы-читальни, организовал церковный хор, молодежь, под звуки поповской скрипки, изучала духовные песнопения», — писала газета. Вырезка из газеты подшита к делу с резолюцией, датированной 26 октября: «Завести дело и взять под стражу».

Уже на следующий день началось дознание и были допрошены свидетели: председатель Сеньго-Озеровского колхоза и ряд колхозников, которые выступили против священника, утверждая, что он мешает развитию колхозной деятельности, ведет религиозную пропаганду среди молодежи.

3 ноября 1929 года отца Николая арестовали и заключили под стражу в арестный дом города Орехово-Зуева. На следующий день состоялся допрос. Священник сказал, что в колхозе «Заря будущего» все жители села видели пример полной бесхозяйственности: собранный урожай вовремя не убирался в хранилище, работники колхоза работают с неохотой и вяло, не так, как в своем хозяйстве. Об этих недостатках знали все. Что же касается молодежного хора, то он организован был не им, а еще раньше женой бывшего до него священника.

— Виновным себя в провокации против колхозного строительства не признаю, — закончил свой ответ на допросе отец Николай.

Другим обвинением против отца Николая был отказ с его стороны совершить крещение младенца, крестной матерью которого была колхозница. Якобы после этого случая отношение к колхозу, особенно среди тех, кто в него еще не вступил, стало настроенным: будешь членом колхоза — священник детей крестить не будет.

Сама крестная мать в своих показаниях опровергла этот факт. Отец ребенка сказал о том, что священник сначала отказался крестить ребенка, потому что крестная мать, тоже недавно родив-

шая, еще не брала молитву сорокового дня. Но, узнав, что молитва ей была дана в другой церкви, ребенка окрестил.

Многие допрошенные по делу указывали, что дом священника часто посещается молодежью, особенно в дни, когда в колхозе проводится собрание или какое-нибудь общественное мероприятие, направленное на привлечение в колхоз новых членов.

Отец Николай подтвердил, что спевки в его доме проводились в предпраздничные дни, приходило 6–8 певчих, не считая слушателей. «Я понимаю, — сказал священник, — что, если бы я не устраивал у себя дома религиозных спевок, молодежь пошла бы на посиделки, так как в то время ни клуба, ни народного дома и избы-читальни в деревне не было... Виновным себя в агитации против колхозов я не признаю».

Во время следствия прихожане обратились к властям с прошением освободить священника «... на поруки до решения суда, так как у нас другого священника нет, приходы другие от нас очень далеко... церковь остается без службы, кроме того, бывают новорожденные, умершие и больные, требующие христианского обряда». Прощение подписали около ста человек. Но оно осталось без последствий.

6 февраля 1930 года отца Николая перевели в арестный дом города Покрова. Особое Совещание при Коллегии ОГПУ 23 февраля 1930 года приговорило священника Николая Зеленова к заключению в концлагерь сроком на три года.

Отбыв наказание, отец Николай был назначен служить в Покровскую церковь села Пустошей Шатурского района Московской области.

18 апреля 1933 года священник Николай Зеленов подал прошение епископу Коломенскому о переводе его на имеющуюся в Коломенском викариатстве вакансию. Владыка определил отца Николая священником к Богородице-Рождественской церкви села Старынино Зарайского района Московской области. На этом приходе священник Николай Зеленов прослужил до своего ареста.

Отец Николай был арестован 22 ноября 1937 года Зарайским районным отделением НКВД и в тот же день допрошен.

— Следствию известно, что вы среди населения вели контрреволюционную деятельность. Признаете ли вы это?

— Нет, я это отрицаю...

— Следствию также известно, что вы среди населения высказывали контрреволюционную клевету на советскую власть и пораженческое настроение. Признаете ли это?

— Нет, я это отрицаю...

— Следствию известно, что вы призывали население при выборах в советы голосовать против коммунистов. Признаете ли это?

— Нет, я это отрицаю...

— Следствию известно, что вы высказывали террористические настроения против коммунистов. Признаете ли вы это?

— Нет, я это отрицаю и виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю.

Допрос был закончен. С момента ареста и во все время непродолжительного следствия отец Николай содержался под стражей в тюрьме Коломенского района.

27 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу.

Священник Николай Зеленов был расстрелян 3 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-49488, д. 19407.

Ноября 23 (6 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Серафим (Тьевар)

Преподобномученик Серафим (в миру Антоний Максимович Тьевар) родился 30 июля 1899 года в Москве. Отец умер, когда Антонию исполнилось шесть лет, а его брату Максиму один год, и детей воспитывала мать, Наталия Дмитриевна. Антоний окончил реальное училище и в 1917 году поступил статистиком на Дедовскую мануфактуру. В 1918–1919 годах Антоний учился в Московском университете.

В 1919 году он поступил на курсы внешкольного политпросвещения и в том же году в качестве военнообязанного был направлен библиотекарем на фронт Южной армии, но затем оставлен в Москве и служил в политуправлении Реввоенсовета республики в должности библиотекаря-инструктора. В 1920 году он участвовал в организации съезда библиотечных работников Красной армии, а после съезда стал работать помощником начальника библиотеки. В 1922 году Антоний был демобилизован и до 1924 года работал библиографом Главполитпросвета.

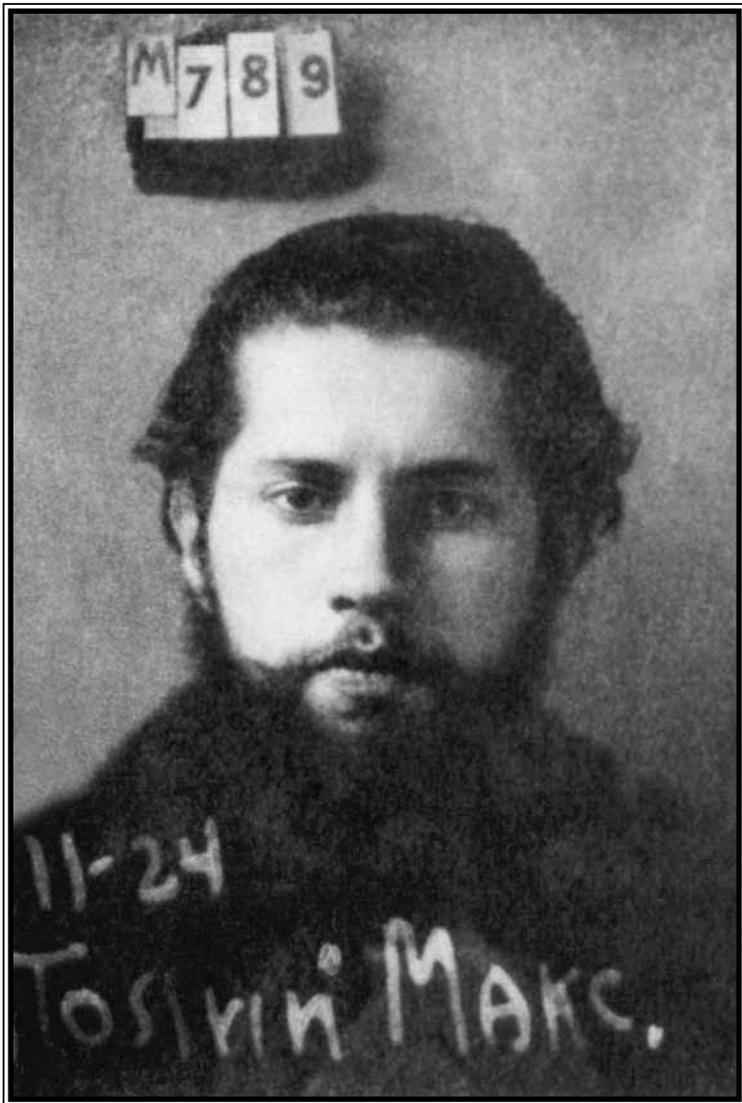
В 1920 году он познакомился с профессором Московской Духовной академии Иваном Васильевичем Поповым и стал ближайшим учеником выдающего ученого-патролога. Изучение святых отцов звало к тому, чтобы и самому вести жизнь подвижническую, тем более, что аскетом-подвижником был и сам наставник его. Иван Васильевич в свою очередь старался передать ученику все те знания, которыми обладал сам.

В 1924 году в связи с многочисленными расколами возникла насущная необходимость в составлении полного списка епископата, как православного, так и раскольнического, а кроме того, всех тех, кто к тому времени оказался в ссылках и лагерях и, следовательно, не мог занять ту или иную пустующую кафедру. Патриарх Тихон благословил на составление такого списка Ивана Васильевича, а тот привлек помощником Антония Тъевара. Антоний переписал и принес ему список архиереев, ходивший тогда среди верующих людей в рукописном виде. Главной работой, которую поручил ему Иван Васильевич, было собирание сведений и богословских суждений об имябожниках, так как Иван Васильевич на Поместном Соборе входил в состав Подотдела об афонском движении, связанном с почитанием имени Божия. Этот вопрос на Поместном Соборе 1917–1918 годов не был разрешен, и некоторые из оставшихся в живых членов Подотдела продолжали над ним работать. Патриарх Тихон был извещен о готовящемся будто к весне 1925 года VIII Вселенском Соборе, и предполагалось, что если такой Собор состоится, вынести на него и этот вопрос.

Антоний был арестован по одному делу со своим учителем 10 декабря 1924 года и заключен в тюрьму ОГПУ на Лубянке. 19 декабря он был вызван следователем на допрос.

— Когда вы познакомились с профессором Иваном Васильевичем Поповым, где и при каких обстоятельствах?

— Я познакомился с Поповым года три тому назад, не помню точно, или в читальне Румянцевского музея, или в Университете, я слушал его лекции по философии. Еще я слушал его лекции в 1922–1923 годах в храме Троицы в Листах на Сретенке о патрологии и истории Церкви. Когда мы сблизились с Поповым настолько, что он стал заходить ко мне на квартиру и я к нему, я не помню. Я получал от Попова интересующие меня книги по истории Церкви и патрологии.

Церковник Серафим (Тъевар)

Москва. Тюръма ОГПУ. 1931 год

- Поручал ли вам Попов какие-либо работы?
- Попов поручал мне работы по истории Церкви древних и средних веков. О последних событиях церковной жизни я не помню, чтобы Попов давал мне какие-либо поручения.
- Перечислите круг ваших знакомых, кто к вам ходит и к кому вы ходите.
- Я на частные квартиры ни к кому не хожу... У меня почти нет знакомых. Я ни к кому не хожу, и ко мне никто не ходит.
- Кроме Попова, кто еще вам давал указания по работе по истории Церкви?
- Более никто не давал, так как я более ни с кем не знаком.
- Поручал ли вам Попов составление списков епископов, находящихся в расколе, канонических епископов и арестованных и высланных советской властью?
- Нет, этого он мне не поручал, я такого списка не могу составить.
- Не поручал ли вам Попов переписывать такие списки?
- Не могу сказать точно, не помню.
- Какую работу вам поручил Иван Васильевич Попов в связи с открывающимся весной 1925 года Вселенским Собором?
- Никакой не поручал.
- В какое время, где и от какого лица вы получили списки канонических епископов?
- В августе 1924 года, я говорю приблизительно, не помню, в каком храме, я получил списки епископов канонических, писанные от руки. Не помню, от кого я получил эти списки, я эти списки переписал своей рукой; вскоре, приблизительно через месяц, я передал переписанный мною список Ивану Васильевичу Попову по его просьбе. Я получил списки от незнакомой девушки, с которой я разговорился в храме по поводу хиротонии. Я переписал этот список, потому что он был изорванный и грязный. Я этот список уничтожил. Иван Васильевич Попов просил этот список передать ему после того, как у меня уже был этот список.

— Скажите, какой разговор у вас был с Иваном Васильевичем Поповым по поводу Вселенского Собора?

— По вопросу о Вселенском Соборе я имел с Иваном Васильевичем Поповым следующий разговор: говорили о возможности открытия этого Собора, о вопросах, какие могут обсуждаться на этом Соборе, в частности о браках духовенства, об автокефалии, о расколе в Церкви. Иван Васильевич Попов поручил мне работу по имябожникам, возможно, что эта работа была также связана с открываемым Вселенским Собором... Я слышал от Ивана Васильевича Попова, что списки епископов, в составлении которых я принимал участие, предназначались для Патриарха Тихона. Имелась ли связь в составлении списков с открываемым Вселенским Собором, я не знаю.

— Скажите, какой у вас был разговор с Иваном Васильевичем Поповым относительно поездки последнего за границу?

— Такого разговора у меня с Поповым не было.

— Скажите, какой у вас был разговор относительно отсылки составленных вами совместно с Поповым списков епископата за границу?

— Я не знаю, разговора не было.

19 декабря 1924 года Антоний написал следователю заявление: «Прошу разрешить мне передачу, так как я, будучи вегетарианцем, не могу есть тюремной пищи. Если возможно, верните мне книжечку “Новый Завет”, отобранную у меня в комендатуре в день ареста».

4 мая 1925 года следствие было закончено. Антония признали виновным «в сношениях с представителями иностранных государств, с целью вызова со стороны последних интервенции по отношению советской власти, для какой-либо цели Тъеваром давалась последним явно ложная и неправильная информация о гонениях со стороны советской власти... Церкви и епископата».

19 июня 1925 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Антония к трем годам заключения в Соловецкий

концлагерь. В Соловки он прибыл вместе с Иваном Васильевичем, и их поселили в одном бараке.

Протоиерей Михаил Польский писал об Антонии: «Говоря об Иване Васильевиче, нельзя не вспомнить его “душеприказчика”, прекрасного юношу Антония Тьевара, с которым они вместе прибыли на Соловки, — так иногда в шутливой форме назывались молодые кандидаты на профессорскую должность, которых старики профессора готовили на свои кафедры, передавая им по возможности все свое ученое достояние, свои познания. Антоний Тьевар (предки его — французы) был учеником и другом профессора. Вместе они жили, занимали кровати рядом, вместе кушали, гуляли. Ученик работал над учением о Христе... святителя Афанасия Великого и писал и читал в свободные от работы минуты». В лагере его послушанием стала работа в канцелярии.

В конце декабря 1927 года у Антония Максимовича окончился срок заключения, и в январе 1928 года он выехал в Москву и поселился с матерью. В это время вместе с Натальей Дмитриевной в квартире жили ее брат и сестра. Заработком Антоний избрал литературную работу по договору.

После возвращения с Соловков во время Великого поста 1928 года Антоний Максимович отправился в Дивеево и Саров и Страстную неделю пробыл в Арзамасе. На Страстной неделе епископ Серпуховской Арсений (Жадановский) постриг Антония в мантию с именем Серафим, а затем он был рукоположен во иеромонаха. Наталья Дмитриевна приняла монашеский постриг с именем Пантелеимона. Они поселились в Москве в своей квартире, где иеромонах Серафим стал совершать келейно богослужения.

В начале 1931 года в связи с усилением гонений на Русскую Православную Церковь были проведены аресты священнослужителей, монахов и мирян. В ночь с 14 на 15 апреля был арестован и иеромонах Серафим. Отвечая на вопросы следователя, иеромонах Серафим сказал: «Я, Тьевар Антоний Максимович,

сознаюсь перед органами ОГПУ в том, что я действительно принял тайное монашество. Постриг я принял от руки епископа Арсения (Жадановского) в городе Арзамасе. Мое монашеское имя Серафим.

В силу своих религиозных убеждений я в 1920 году поступил в Богословскую академию, каковую не окончил вследствие ее закрытия. Посещал я академию параллельно со службой в политуправлении Реввоенсовета, — конечно, о моем пребывании в академии не знала моя служба.

Из церковников я никого не знаю. Посещаю систематически одну только церковь Вознесения на улице Герцена.

Отношение мое к советской власти отрицательное в плоскости вопросов, а именно: ссылки духовенства, закрытия и уничтожения церквей и т.п. Я — антимилитарист, следовательно, в случае нападения на Советский Союз врагов — защищать его с оружием в руках я не буду, но согласен служить в санитарных».

По этому же делу были арестованы архимандрит Гавриил (Игошкин), священник Феодор Алексинский, благодетельница многих ссыльных Татьяна Гримблит, — всего было арестовано тридцать девять человек.

«Привлеченные по делу обвиняемые, — писал в обвинительном заключении следователь, — бывшие монахи и монашки ликвидированных монастырей, члены церковных советов, попы и бывшие торговцы, будучи активными церковниками — антисоветчиками... группируясь вокруг реакционных московских церквей, проживая группами и в одиночку, занимались активной антисоветской деятельностью, выражающейся в организации нелегальных антисоветских “сестричеств” и “братств”, оказании помощи ссыльному за контрреволюционную деятельность духовенству, произнесении проповедей контрреволюционного характера, антисоветской агитации о религиозных гонениях, якобы чинимых советской властью, и распространении всевозможных провокационных слухов среди населения. На основании изло-

женного полагаю: 1. Предъявленное вышеуказанным лицам обвинение по 58/10 статье УК считать доказанным. 2. Дело о них передать на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ».

30 апреля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило иеромонаха Серафима к трем заключения в концлагерь, и он был отправлен в Вишерские лагеря в Пермскую область. Тем же этапом в Вишерский лагерь был отправлен архимандрит Гавриил (Игошкин) и Татьяна Гримблит. Иеромонах Серафим (Тъевар) скончался 6 декабря 1931 года в 1-ом отделении Вишерского исправительно-трудового лагеря. Все любили кроткого и ревностного подвижника, над его могилой был поставлен крест, и долгое время еще она с любовью украшалась находившимися в лагере исповедниками.

ИСТОЧНИКИ:

ЦА ФСБ России. Д. Р-45797, д. Р-1086.
Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские.
Джорданвилл, 1949. Т. 1. С. 201.

Ноября 23 (6 декабря)

ИСПОВЕДНИК

Иоанн (Васильев)

*У*споведник Иоанн родился в 1869 году в селе Мартьянково Серпуховского уезда Московской губернии в семье рабочего-слесаря Сергея Васильева.

С 1884 года он работал в харчевной лавке фабрики Рябова, где стал со временем приказчиком. После увольнения он в 1922 году открыл свою торговлю.

С 1919 года Иван Васильев был церковным старостой Никольского храма в селе Бутурлино Серпуховского уезда Московской губернии, а настоятелем в храме являлся священник Константин Уаров.

В 1927 году комсомольцы в селе Бутурлино решили установить радиоприемник на церковной колокольне, однако верующие воспротивились этому, и затея молодых безбожников не удалась.

В июле 1929 года в селе умер 18-летний комсомолец Аксенов. Родители купили гроб и все необходимое для похорон, пригласили священника отпеть умершего, договорившись это сделать на следующий день утром у себя дома. Накануне похорон к матери пришел председатель комсомольской ячейки Белоусов и сказал, что комсомольцы желают хоронить товарища сами, для чего ими собраны деньги на венок и духовой оркестр, куплена красная ткань для обивки гроба. При этом Белоусов настаивал, чтобы похороны были без священника. Мать не согласилась, «так как я

уже купила гроб за свои деньги, а если бы они раньше сказали, то я бы согласилась», — сказала она впоследствии следователю.

В 11 часов утра отец Константин пришел совершать отпевание. Брат покойного, активный комсомолец, не дождавшись окончания отпевания, вместе с другими комсомольцами взяли гроб и понесли в красный уголок.

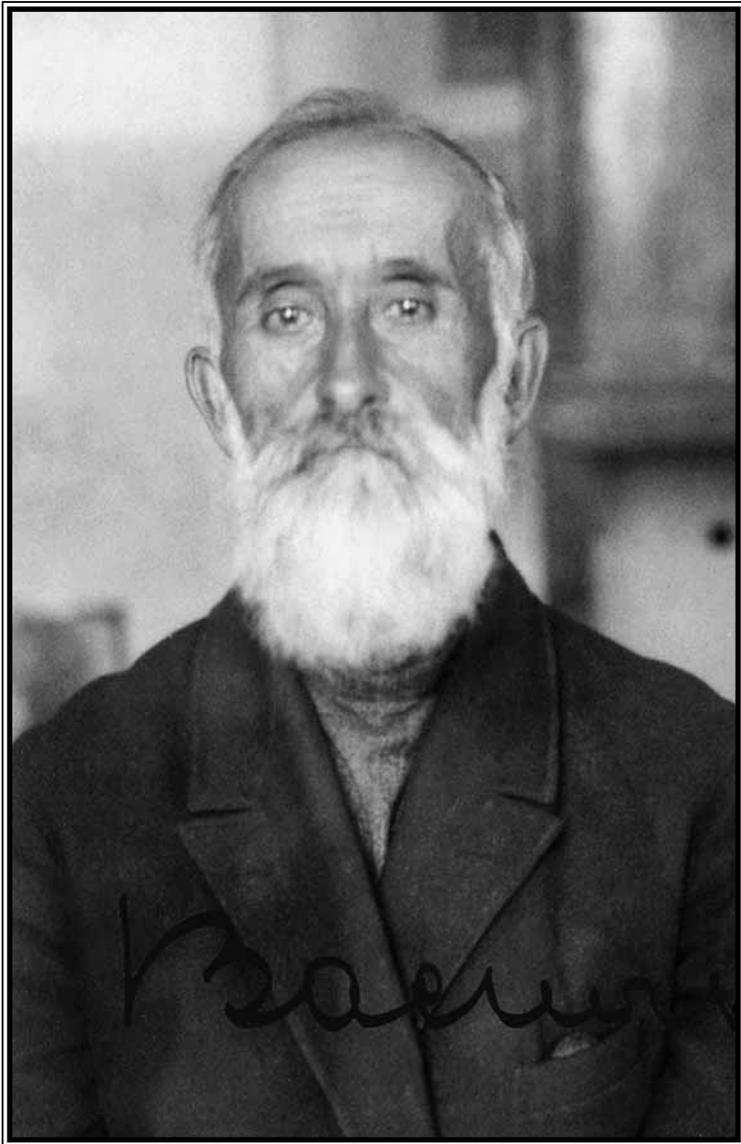
Отец Константин шел какое-то время с кадилом за гробом. Белоусов сказал священнику: «Довольно тебе кадить, ты, может, с нами и в красный уголок пойдешь?» Батюшка остановился и, ничего не сказав, пошел к себе.

Придя в красный уголок, комсомольцы обили гроб красным полотном, устроили почетный караул. Через четыре часа пришел фотограф и сфотографировал их с гробом, а когда пришел оркестр, с музыкой понесли гроб на кладбище.

Первый митинг был устроен комсомольцами около красного уголка, присутствовало до 100 человек. Из села Левашово понесли гроб в Бутурлино. На площади против церкви был устроен еще один антирелигиозный митинг. Выступавшие говорили о том, что гражданские похороны лучше церковных. Из народа, которого собралось человек 500, стали разноситься реплики: «Отдайте покойника священнику, что вы так хороните, как скотину». Уверенные в своей вседозволенности, комсомольцы понесли гроб на кладбище, где снова хотели устроить митинг.

Народ стал срамить мать, говоря ей о том, что хоронить так, без священника, грех и ей должно быть стыдно, неужели так и похоронят ее ребенка без священника, который должен предавать тело земле. Мать и сестры покойного не дали опустить гроб в могилу. Поднялся крик и шум, толпа людей отстранила комсомольцев от могилы, отняла гроб с телом и понесла его в церковь.

Отец Константин в храме какое-то время ожидал, не принесут ли тело в церковь. Но гроб пронесли мимо церкви. Отец Константин, диакон Сергей Троицкий и другие, бывшие в церкви, стали собираться домой. Приходит родственник умершего и про-

Иван Сергеевич Васильев

Москва. Тюръма ОГПУ. 1929 год

сит батюшку придти на кладбище. Сначала отец Константин посчитал неудобным идти туда, но потом согласился. Подходя к кладбищу, он увидел, что идут гражданские похороны. Жена отца Константина, а также жена диакона и другие люди посоветовали ему вернуться обратно в церковь. Через несколько минут снова приходит родня покойного и вторично просит отца Константина придти на кладбище. Пока они договаривались, гроб с телом был принесен в храм, и отец Константин вместе с причтом закончил отпевание.

26 июля 1929 года в газете «Набат», издаваемой коммунистами Серпуховского уезда, была напечатана заметка под заголовком «Силой унесли гроб в церковь», подписанная псевдонимом Безбожник.

«В деревне Бутурлино, — писала газета, — произошел случай, по своей наглости превосходящий все остальные, которые обнаглевшая поповщина выкидывает за последнее время. В начале июля комсомольская ячейка хоронила своего члена тов. Аксенова по договоренности с родителями без попа. В четыре часа дня из помещения красного уголка деревни Левашово похоронная процессия с оркестром двинулась по направлению к Бутурлино. Но поп свои позиции без боя решил не сдавать. Для достижения своей цели он мобилизовал весь церковный актив. Похоронную процессию церковный актив стал встречать группами человек по 10–15, и тотчас же приступили к агитации против гражданских похорон. Руководил агитацией священник, который шел в толпе за гробом. На митинге, устроенном на площади комсомольцами с целью разъяснения гражданских похорон, представителю от просвещения тов. Чайкиной не дали окончить речь. После окончания митинга гроб понесли на кладбище, где комсомольцы хотели произнести надгробное слово. Но толпа, собранная попом, не дала возможности выговорить ни одного слова. Когда комсомольцы стали готовиться забить гроб, то жена попа, жена дьячка и крестьянка Быкова подняли истерический крик: без

предания земле хоронить нельзя... Местным органам власти нужно привлечь хулиганов к ответственности».

По поручению начальника Серпуховского районного административного отдела было проведено расследование обстоятельств описанного в статье происшествия и сделан вывод, что факты в статье изложены неверно, со стороны священника «хулиганских действий проявлено не было, и данный случай произошел по вине комсомольской организации, так как последняя не согласовала вопрос с родственниками умершего, что они будут его хоронить без священника».

30 августа 1929 года ОГПУ завело уголовное дело в отношении священника Константина Уарова, служившего в Никольском храме в Бутурлино. Староста храма Иван Сергеевич Васильев был обвинен «в распространении ложных слухов о невинности попа».

Нашлись лжесвидетели, которые донесли в ОГПУ, что Иван Васильев говорил: «Вот в Михневском районе на съезде, как напечатано в “Набате” 31 июля, говорилось, что 39 церковью будет использовано на культурные нужды района, надо заявлять в ВКП(б), что огромное большинство крестьян разумно смотрит на это дело, лучше новые школы строить, а старые здания сохранять», на что «бывшие тут до 300 человек прихожан кричали Васильеву: большевики не знают, что делают, ты правильно говоришь».

3 сентября Иван Васильев был арестован и заключен в Серпуховской дом заключения. В тот же день его допросили. На вопросы следователя он ответил: «Во время похорон я не присутствовал и поэтому ничего не видел и не знаю. Со слов священника Уарова, его просила мать умершего комсомольца отслужить всенощную и на следующий день отпеть покойника. Почему священник Уаров отпевал его в церкви, я не знаю».

16 сентября следствие было закончено. Староста храма Иван Васильев был обвинен в том, «что пытался создать общественное

мнение в защиту священника Уарова и агитировал среди религиозно-настроенных рабочих и крестьян за организованную борьбу против политики советской власти по отношению к Церкви».

Следователь, однако, констатировал, что «в деле не имеется достаточных свидетельских показаний, указывающих на прямое участие Уарова и Васильева в совершении преступления, приписываемого им по статье 58-10 ч. 2 УК, в порядке статьи 202 УПК настоящее дело дальнейшим следствием прекратить, но, принимая во внимание... социальную опасность обвиняемых, постановил... дело направить в Особое Совещание при ОГПУ с ходатайством о применении административной высылки... сроком на три года для каждого».

4 ноября 1929 года тройка ОГПУ приговорила отца Константина к заключению в концлагерь на три года, а Ивана Васильева к высылке на три года в Казахстан.

Иван Васильев был отправлен в местечко Жамши, станция Караганда Каунрадского района, Актогай, куда этапом он добирался вместе с уголовниками полгода. Срок высылки истек 3 сентября 1932 года, но освобождения он не получил. Из-за суровых условий ссылки Иван Сергеевич, будучи уже пожилым человеком, сильно заболел ревматизмом ног. Из-за острых болей он не мог ходить. Землянка, в которой он жил, была размером 3,5 на 3,5 метра, и в ней обитало три человека. Место ссылки находилось более чем в 400 верстах от железной дороги, почему даже и по окончании срока больному человеку нелегко было выехать оттуда.

Сын Ивана Сергеевича ходатайствовал о досрочном освобождении отца, указывая и ту причину, что срок наказания истекает в октябре, и если бумаги об освобождении задержатся хотя бы на месяц, то из-за погодных условий и полной непроходимости пустыни в это время отец не сможет выехать в течение 7–8 месяцев. 4 декабря 1932 года родственники получили телеграмму, а потом письмо от священника Скворцова, отбывавшего наказание вмес-

те с Иваном Сергеевичем, где было сказано, что их отец смертельно болен, у него отнялись руки и ноги и помочь ему нечем.

Иван Сергеевич Васильев умер 6 декабря 1932 года и был погребен в неизвестной могиле.

Отец Константин был отправлен этапом в Соловецкий лагерь. Согласно постановлению центральной Комиссии ОГПУ по разгрузке СЛАГ, в апреле 1931 года отец Константин был освобожден и 6 мая 1931 года на оставшийся срок выслан в Северный край, в город Котлас. Когда началась Великая Отечественная война, он вернулся в Бутурлино, где 30 августа 1942 года умер и был погребен около Никольского храма, закрытого после его ареста.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-49415.

Ноября 25 (8 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Виктор (Смирнов)

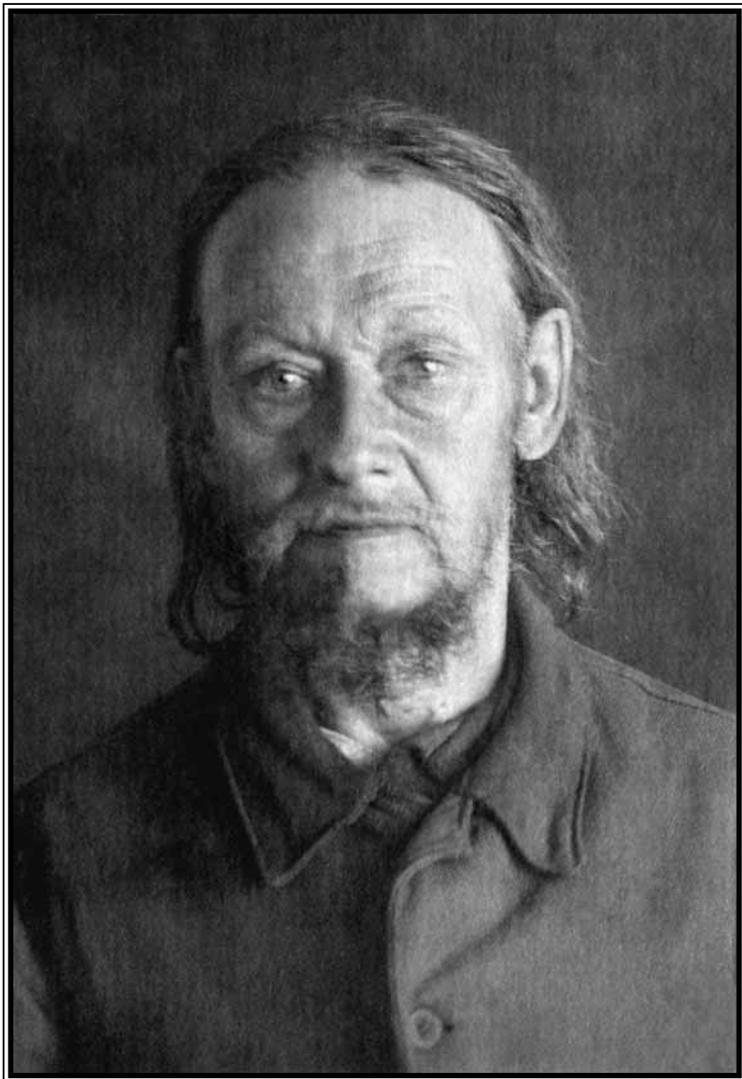
Священномученик Виктор родился 20 октября 1875 года в селе Ильинское Звенигородского уезда Московской губернии в семье псаломщика Павла Смирнова. В 1891 году он окончил Звенигородское Духовное училище, а в 1898 году — Вифанскую Духовную семинарию, по окончании которой поступил учителем в одну из церковноприходских школ Можайского уезда Московской губернии.

7 ноября 1902 года Виктор Павлович был рукоположен во священника к Ильинскому храму в селе Сандыри Коломенского уезда. В апреле 1930 года отца Виктора перевели в храм в честь Рождества Христова погоста Хотяиново Коломенского района, а в марте 1934 года — в Троицкий храм селения Протопопово, вошедшего теперь в состав города Коломны.

За многолетнее усердное служение отец Виктор в 1927 году был возведен в сан протоиерея, в 1930 году награжден крестом с украшением, в 1936 году — палицей.

В 1930 году за неуплату налога отец Виктор был приговорен к трем месяцам принудительных работ. 27 ноября 1937 года протоиерей Виктор Смирнов был арестован и заключен в одну из тюрем города Коломны.

На следующий день, 28 ноября, следователь вызвал двух свидетелей, которые были хорошо знакомы отцу Виктору. Оба лже-свидетеля подписали протоколы показаний, в которых оговори-

Протоиерей Виктор Смирнов

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

ли священника в проведении активной антисоветской деятельности. На допрос был вызван отец Виктор.

— Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Признаете ли себя виновным? — спросил следователь.

— Контрреволюционной деятельности я не проводил, виновным себя в этом не признаю, — отвечал священник.

— Следствие располагает данными, что вы проводили контрреволюционную деятельность, высказывали антисоветские настроения. Требуем от вас правдивых показаний по существу.

— Контрреволюционной антисоветской деятельности я никогда не проводил.

Следователь спросил, знакомы ли ему свидетели. Получив утвердительный ответ, следователь прочитал отцу Виктору их показания и потребовал, чтобы он признал себя виновным. Отец Виктор ответил категорическим отказом.

— Вас уличают в проведении контрреволюционной деятельности свидетели. Подтверждаете ли их показания и признаете ли себя виновным? — спросил следователь.

— Показания свидетелей я отрицаю и виновным себя в проведении контрреволюционной деятельности не признаю.

В тот же день следствие было закончено и отец Виктор был переведен в Таганскую тюрьму в Москве. 1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила его к расстрелу.

Протоиерей Виктор Смирнов был расстрелян 8 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-61290.

АМП. Послужной список.

Дубинский А. Ю. Вифанская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1881–1900 гг. (краткий генеалогический справочник). М., 2002.

Ноября 25 (8 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

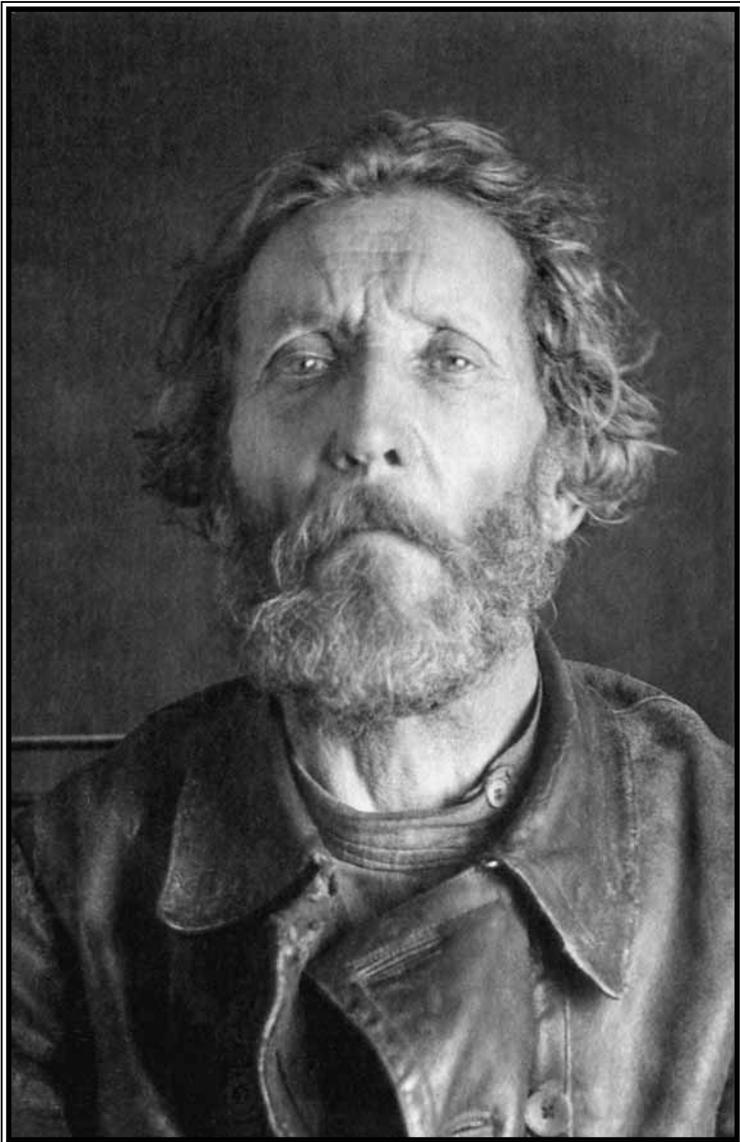
Андрей (Шершнев)

Священномученик Андрей родился в 1869 году в селе Нижнее Маслово Зарайского уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Владимира Шершнева.

В 1882 году Андрей Шершнев уехал в Петербург, где работал половым в трактире. В столице он заочно обучался в учительской семинарии и усиленно занимался самообразованием. В 1890 году он уехал в Киевскую губернию, где был принят на работу учителем в школу грамотности. За восемь лет он проработал в четырех школах, продолжая заниматься самообразованием. С 1898 по 1921 год Андрей Шершнев работал учителем в трех школах Зарайского уезда Рязанской губернии.

В начале 1920-х годов он заболел и жил на иждивении сына. Андрей Шершнев посещал храм Рождества Христова в селе Пронюхлово. В этом храме одно время он, как любитель церковного пения, исполнял обязанности псаломщика.

В 1931 году Андрей Владимирович Шершнев был рукоположен во священника к Благовещенской церкви в селе Степановском Бронницкого района Московской области. В 1932 году его перевели в Троицкую церковь в селе Озерок Коломенского района, в 1933 году – в Введенскую церковь села Чанки того же района. В 1935 году отец Андрей был переведен в Троицкую церковь в селе Троицкие-Озерки недалеко от Коломны.

Священник Андрей Шеринев

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

Летом 1937 года в НКВД поступили заявления двух крестьян, в которых они оговаривали отца Андрея в антисоветской деятельности, которую тот якобы проводил во время обхода домов верующих, где совершал молебны.

По требованию НКВД на отца Андрея в сельсовете была составлена справка, в которой говорилось, что «Шершнева будет мешать на селе и мы считаем, что его нужно изжить как класс». Следователи НКВД допросили пять лжесвидетелей, которые дали показания против отца Андрея.

27 ноября 1937 года священник Андрей Шершнева был арестован и заключен в Коломенскую тюрьму, а потом переведен в Таганскую тюрьму в Москве. Во время допроса следователь зачитывал отцу Андрею показания лжесвидетелей, требуя подтвердить их. Но на все угрозы священник отвечал, что показания эти не подтверждает и виновным себя ни в чем не признает.

1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Андрея к расстрелу. Священник Андрей Шершнева был расстрелян 8 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-49342, д. 19509.
АМП. Послужной список.

Ноября 26 (9 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Тихон (Бузов)

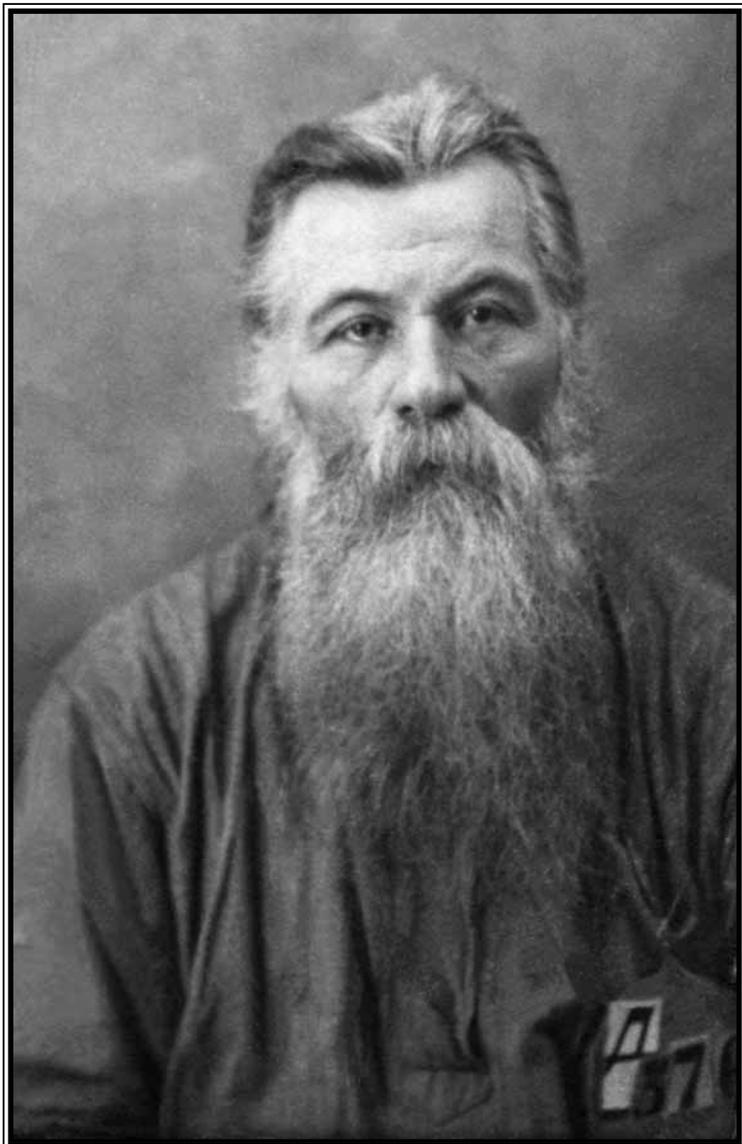
*Т*реподобномученик Тихон родился 16 сентября 1873 года в селе Шенгуты Тетюшевского уезда Казанской губернии в семье крестьянина Петра Бузова. При крещении мальчик был наречен Иосифом. Родители желали, чтобы отрок овладел грамотой, поэтому отдали его в земскую школу.

Когда Иосифу исполнилось 18 лет, он ушел в Седмиозерную Богородицкую Вознесенскую мужскую пустынь, находящуюся в 17 верстах от Казани, где был принят в число послушников. В 1901 году Иосиф принял монашеский постриг, в котором его нарекли Тихоном. Вскоре он был рукоположен во иеромонаха.

Во время революционных волнений в стране, начавшихся в 1905 году, Казань, как и многие города России, была охвачена волнениями рабочих и студентов. За связь с революционно настроенными студентами отец Тихон был выслан в Троицкий Чебоксарский монастырь, где исполнял обязанности певчего. Эта древняя обитель была основана в 1566 году с миссионерскими целями.

С 1910 по 1914 год иеромонах Тихон служил при архиерейском доме в городе Архангельске. В 1911–1912 годах иеромонах Тихон слушал миссионерские курсы в Уфе.

Отец Тихон в 1914 году был переведен в Донской монастырь города Москвы. В 1915 году он был награжден наперсным крес-

Архимандрит Никон (Сузов)

Москва. Бутырская тюрьма. 1927 год

том, а в 1924 году Святейший Патриарх Тихон возвел его во игумена. В 1926 году он был возведен в сан архимандрита.

В связи с распространением слухов об убийстве большевиками Патриарха Тихона, в ОГПУ стали вызывать братию монастыря. 15 ноября 1927 года был вызван в ОГПУ и отец Тихон, где его арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму. 23 ноября его допросили. «Я лично, — показал отец Тихон, — никогда не говорил, что Патриарх Тихон замучен большевиками. И когда об этом бывал разговор при монастыре, то всегда говорил, что это неправда. Переписки с высланным настоятелем я лично не имею. Материальную помощь настоятелю мы посылаем из средств кружечного сбора. Последний раз было разделено по 23 рубля, и точно такую же сумму послали настоятелю. Кто посылает деньги, мне не известно. На заседании церковноприходского совета братства я никогда не участвовал, и какие обсуждались вопросы на совете, мне не известно».

9 января 1928 следствие было закончено. В своем заключении уполномоченный 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Жикин написал: «Гражданин Бузов ведет агитацию среди посетителей могилы Патриарха Тихона с целью возбуждения таковых против советской власти, распространяет слухи, что Патриарх замучен большевиками, и оказывает материальную помощь ссыльным церковникам, как невинно пострадавшим от советской власти». 27 января 1928 года Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ архимандрит Тихон был приговорен к ссылке с запретом проживать в шести главных городах и губерниях страны сроком на три года.

Местом ссылки отец Тихон избрал город Казань. Здесь он служил заштатным священником и одновременно работал по найму.

По возвращении из ссылки, 23 мая 1933 года архимандрит Тихон был назначен митрополитом Сергием (Страгородским) в Покровский храм в селе Ильмяны Коробовского района Москов-

ской области. 27 ноября 1937 года власти арестовали его и заключили в Таганскую тюрьму в Москве. В день ареста отец Тихон был допрошен.

— Следствию известно, что вы входили в группу церковников и вели активную контрреволюционную агитацию среди населения. Дайте искренние показания по данному вопросу, — потребовал следователь.

— В состав группы церковников я не входил и никакой агитации нигде не вел.

— Следствию известно, что вы распространяли провокационные слухи о войне, голоде, повальных болязнях и смерти, посылаемых Богом за неверие в Него, высказывали пораженческие взгляды. Дайте показания по этим вопросам.

— Я никогда этого не делал.

— Вы обвиняетесь в том, что входили в состав группы церковников и вели активную антисоветскую агитацию среди населения. Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Виновным себя не признаю, так как никакой агитации я не вел.

5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Тихона к расстрелу. Архимандрит Тихон (Бузов) был расстрелян 9 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 20866.

АМП. Послужной список.

ЦА ФСБ России. Д. Р-43927.

Православные монастыри России. Справочник. Новосибирск, 2000.

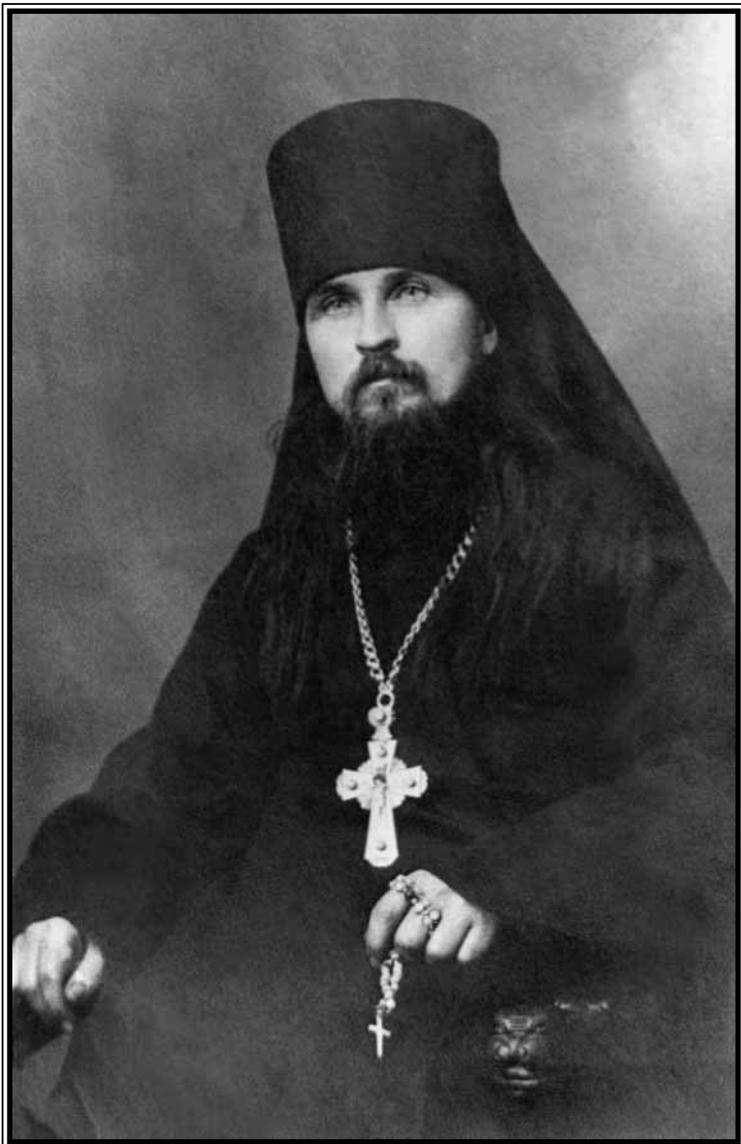
Ноября 27 (10 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Никон (Беляев)

*П*реподобномученик Никон (в миру Георгий Николаевич Беляев) родился 15 августа 1886 года в селе Савельево Серпуховского уезда Московской губернии в семье священника Николая Николаевича Беляева. В 1902 году Георгий окончил Коломенское Духовное училище, в 1908 году — Московскую Духовную семинарию и был назначен учителем в школу в селе Чашниково Московского уезда. При школе был интернат, где дети жили во время обучения, и Георгий Николаевич со временем стал для них не только учителем, передающим знания, но и мудрым воспитателем, и любящим отцом. За несколько лет он настолько с ними сроднился, что, живя среди них как в большой семье, уже не помышлял о своей. Воспитывая детей, он заботился о просвещении и воспитании и их родителей. Поскольку рост всякой добродетели зависит от того, насколько человек рабствует греху, а одним из самых распространенных пороков тех лет было пьянство, то им в селе для борьбы с этим пороком было создано Троице-Алексеевское братство трезвости и при нем миссионерский кружок.

Желая получить для кружка как можно больше полезных книг и брошюр, Георгий Николаевич обратился к архиепископу Никону (Рождественскому), занимавшемуся в то время миссионерской и издательской деятельностью, с которым Георгий Николаевич

Архиепископ Никон (Белиев)

1929 год

находился в давних и близких отношениях. Выслав книги и брошюры, владыка в феврале 1917 года писал Георгию Николаевичу: «Радуюсь, что открывается ваш кружок миссионерский. Помогите вам Бог. Если бы мое здоровье позволяло, сам бы поехал на его открытие. Приветствую его от души. Пишите: какие будут нужны пособия и листки. Нельзя дольше дремать. Волки бродят кругом... И пастыри, и подпаски — все должны стоять на стороже».

В марте 1918 года Георгий Николаевич был рукоположен во священника, но до августа 1918 года оставался и учителем в школе. В это время тяжело заболел его отец, служивший в Троицкой церкви в селе Протопопово Коломенского уезда, и туда священником был назначен отец Георгий.

Архиепископ Никон, узнав о болезни священника Николая Беляева, писал 20 ноября 1918 года его сыну: «Дорогой отец Георгий, благослови Вас Господи. Господь судил послужить Вам болящему родителю, свято исполните сей священный долг Ваш... Время страшное: видны знамения антихристовы... Молим Господа, чтобы Он еще и еще потерпел грехам нашим и еще раз отвернул бы этого сына погибели, но слышно его гнусное дыхание, и не видно со стороны верующих ему должного отпора. Творится что-то невероятное. Православных на бумаге набирается до 80—90 миллионов в России — их отец и Первоиерарх арестован, и где же они? А ведь сказано в Писании: поражу Пастыря и разыдутся овцы.

Но это — только внешние показатели великой скорби церковной. Предсказанное Апостолом Павлом отступление (2 Сол. 2, 3—4) совершается воочию... Вспомните скорбное слово Спасителя: когда придет Он, Сын Человеческий, едва ли обрящет веру на земле, до того она оскудеет!

Но довольно! И то думаю: не прочитали бы эти строки антихристовы слуги, богоотступники, их так много развелось на Руси. Лучше жгите те письма, чтобы не нажить Вам беды и не быть, как говорится, бестолковым мучеником. Мое сердце стало очень

плохо. Силы упали. Особенно грозят “перебои”. Видимо, недалеко и конец. Все думаю освятиться елеем. Причащаюсь часто, но уже в келье. За все слава Богу!

А Вы, посвятив себя Единому Богу, отдайтесь всецело Ему на служение. Свободные от семьи, Вы сугубо должны это сделать. А служите Ему там, где Он укажет Сам. Повторяю, что лично говорил Вам, — молитесь: скажи мне, Господи, путь вонже пойду.

От болящего Архиерея болящему иерею Николаю — Божие благословение, и Вам, его чаду возлюбленному».

Став священником, отец Георгий первое, что решил, это не брать вознаграждений за исполнение треб, но пользоваться лишь тем, что прихожане подадут сами, по своей милости и вразумлению Божию. Но в приходе кроме священника были псаломщик и сторож, и в августе 1919 года по его инициативе был устроен сбор продуктов на их содержание. Когда продукты были уже собраны и отвезены старосте, туда явились представители власти, все было реквизировано, а отец Георгий арестован и отправлен в Коломенскую тюрьму. Через три дня ему объявили, что он осужден на две недели принудительных работ.

Вернувшись в село, он еще ревностней приступил к исполнению своих священнических обязанностей, так как явственно ощущал, что время коротко и пока есть возможность делать добро и не появились те, кто поведут, куда не хочешь, надо эту возможность использовать. Отец Георгий ежедневно неустанно проповедовал в храме, каждое воскресенье вечером устраивал беседы на религиозные темы, собирал детей для уроков по Закону Божию — сначала в нанятом им частном доме, а затем у себя, и подарил каждому из детей небольшое Евангелие, как напутствие на их дальнейшую христианскую жизнь.

В марте 1920 года заведующий военным отделом при Протопоповском волостном исполкоме предложил священнику обратиться к властям, чтобы устроить публичный диспут с безбожниками, на что отец Георгий ответил, что он на этот счет дает ответ

отрицательный: «Нет никакого смысла устраивать, да и выступать... Истина не требует защиты, и безумцы, восстающие на истину, сами разобьют свои пустые головы о ее твердыни».

Перед праздником Рождества Христова были собраны кое-какие продукты на содержание Коломенского епископа и для бедствующих прихожан. Поскольку собрано было немного, то все было роздано только неимущим прихожанам. Волостной исполком, узнав об этом, запросил священника, на каком основании и для каких целей он собирал продукты. На это отец Георгий ответил, что волостной исполком не имеет права требовать отчета в этом отношении и даже проявлять интерес, так как такой поступок исполкома есть вмешательство во внутренние дела Церкви. От священника потребовали, чтобы он сообщил имена жертвователей, но отец Георгий отказался это делать, памятуя случаи, когда приход снимал дом у вдовы для занятий с детьми по Закону Божию и председатель волостного совета, узнав об этом, отказал ей в разрешении на получение дров в отместку за то, что она сдает дом для церковных нужд.

Местными осведомителями были предприняты особые усилия для получения сведений о жизни прихода, но безуспешно, и один из них, отчитываясь, написал: «Дела, проделываемые попом, делаются так секретно, что пока никак не удастся мне проникнуть в его кружок, так как чужих людей они остерегаются, а своих хорошо знают».

В январе 1921 года политбюро Коломенского уезда получило из села Протопопова сообщение о том, что на паперти храма висит написанное большими буквами объявление: «Религия – свет для народа». Написано оно было по случаю празднования Крещения Господня – начала всеобщего просвещения.

В январе 1921 года местный осведомитель ЧК и надзиратель за политическими настроениями народа в волости писал в своем рапорте начальству: «Политическое состояние волости удовлетворительно. Сообщаю третий раз, что священник села Протопо-

пово ведет агитацию против советской власти, устраивает разные беседы, преподает Закон Божий. Прошу принять меры...»

После Пасхи 1921 года отца Георгия пригласили в деревню прихода, чтобы он и там отслужил пасхальный молебен. В деревне Сычеве священник обошел всех прихожан, а затем все с иконами отправились в часовню, расположенную посреди деревни, где был отслужен пасхальный молебен. Из любопытства в часовню пришли и жившие в деревне старообрядцы. После молебна священник, обращаясь к молящимся, воскликнул: «Христос воскрес!» Но ответили ему «Воистину воскрес!» одни православные, а старообрядцы промолчали.

Увидев это, отец Георгий обратился ко всем собравшимся с горячей проповедью: «Не все ли равно — сказать два раза аллилуйя, не все ли равно — сказать и три раза, не все ли равно, что помолиться тремя пальцами и что двумя. Перед нами стоит общий наш враг — и этот враг неверие. Враг этот очень сильный и опасный, с которым мы с вами должны бороться. Борьба эта зависит от каждого из вас. Ни в одной стране, ни в одном государстве нет таких порядков, как у нас теперь на Руси святой. Кучка людей ведет за собой массу, как стадо баранов. Народ наш темный, необразованный, послушают какого-либо оратора, похлопают ему в ладоши. Выступает другой оратор, потом третий, говорят совсем другое, а люди хлопают и им. Теперь масса людей, детей, оторванных от отцов и матерей, воспитываются по усмотрению неверующих. Люди эти становятся развратниками и хулиганами, и их у нас много теперь. Я бываю в Коломне, бываю и в Москве, некоторые дети бросаются ко мне, просят благословения, целуют крест, другие проходят мимо с насмешками, насмеваются, как и взрослые. Это стало корнем зла, великого зла, с которым мы с вами должны бороться, как с нашим общим врагом... Сегодня наш общий праздник Воскресения Христова, который мы с вами празднуем в великоторжественном веселии, а потому и говорю я вам: “Христос воскрес!”»

И на этот раз все согласно ответили: «Воистину воскрес!»

4 ноября 1921 года в доме священника был произведен обыск, отец Георгий был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

На допросах в ГПУ, узнав, что именно интересуется следователя, отец Георгий сказал: «Я всецело отдался церковной деятельности. Смотрю на личную и общественную жизнь с христианской точки зрения... Считаю долгом своей совести подчиняться существующей власти. Царская власть упала, как дерево, у которого подгнили корни. Священник сегодня не полноправный гражданин, в правах мы урезаны. Меня, так настроенного, это нисколько не печалит, потому что я хотел бы отдать себя всецело церковной деятельности. Я живу в приходе, исполняя священнические обязанности; если приходится исполнять какие-либо гражданские обязанности, то таковые я также выполняю, сознавая необходимость и полезность государства... Что касается бесед с прихожанами, то таковые происходят в храме во время богослужений. Начиная с середины осени до Пасхи беседы бывают на дому и в церковной сторожке... Говорил проповеди, раскрывая положительную сторону христианского вероучения, говорил против неверия, касаясь лишь мировоззрений и стараясь лишь о том, чтобы вложить в душу слушателей христианский взгляд на природу человека, на его назначение в жизни... По вечерам в храме совершался молебен с пением его всеми присутствующими, во время молебна произносились проповеди, такого же характера, как и за литургией. Молящиеся были преимущественно женщины, человек тридцать. В прошлом году беседы велись в доме церковного старосты на религиозные темы, слушателями были мужчины и женщины, мужчин было человек пять, женщин человек десять».

7 февраля 1922 года отец Георгий был приговорен к ссылке в Архангельскую губернию на неопределенный срок. 25 февраля священник под конвоем двух солдат прибыл в Архангельск, отку-

да был отправлен дальше в город Мезень. Здесь выяснилось, что никакой работы ему найти нельзя, а приискать работу за пределами маленького городка ему не дозволено властями, и отец Георгий написал прошение в Красный Крест. Он писал, что по всему видно, что его обвиняют не за конкретное преступление, а за контрреволюционное направление вообще, хотя «его деятельность заключалась только в исполнении священнических обязанностей и в удовлетворении связанных с ними нужд по оказанию материальной и духовной помощи его прихожанам». Красный Крест стал ходатайствовать, чтобы священнику Георгию Беляеву было разрешено вернуться на родину или, по крайней мере, самому выбирать место жительства в пределах Архангельской губернии. Домой вернуться ему не разрешили, позволив лишь «свободное передвижение в пределах Архангельской губернии».

В 1925 году отец Георгий вернулся на родину и епископ Коломенский Феодосий (Ганицкий) ради укрепления духовной жизни в Старо-Голутвином монастыре предложил священнику принять монашеский постриг и возглавить монашеское братство, на что отец Георгий дал свое согласие. В августе 1925 года епископ Феодосий постриг его в монашество с именем Никон, возвел в сан архимандрита и поставил наместником монастыря.

В 1929 году началось очередное гонение на Русскую Православную Церковь, в данном случае имевшее своей целью закрытие всех без исключения монашеских обителей, и Старо-Голутвин монастырь был закрыт. 14 мая 1929 года ОГПУ арестовало архимандрита Никона, обвинив его в антисоветской агитации при произнесении проповедей.

Будучи допрошен, отец Никон сказал: «Иногда я произношу проповеди для укрепления веры в слушателях. В отдельных проповедях приходится касаться безбожников, так, по моему мнению, легко относящихся к вопросам веры, при этом ссылаюсь на более авторитетные лица, которые вопрос о бытии Бога решали не так легко.

В праздничные дни я читаю специальную молитву, списанную мной в Московском Петровском монастыре... содержание выдержки следующее: “Господи Боже наш, Великий и Многоликий! Сохрани под крылами Твоя благодати вся православныя архиереи, даждь им Церковь Российскую сохранить и управити, верныя овцы Христовы негиблемы соблюсти, злыя же волки далече отогнати и козни их сокрушити. Сохрани и вся люди Твоя от тлетворных учений, от церковных соблазнов, неверия. В напастех терпение подаждь нам”...

Под волками подразумеваются все восстающие на Церковь и веру, сюда же относятся активные безбожники, но кто они, безбожники, это нас не касается. Под напастями я понимаю всякое несчастье в жизни человека, ссылка и арест верующих тоже относятся к несчастьям – напастям. Под врагами Церкви я понимаю всех, кто разрушает веру и Церковь. Член ВКП(б) как коммунист для меня безразличен, но коммунист активный безбожник – враг, разрушитель веры».

26 июля 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архимандрита Никона к трем годам заключения в Соловецком концлагере. 9 августа 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ уже без рассмотрения дела прибавило к этому три года ссылки в Северный край, отправив туда отца Никона с тюремным этапом.

Вернувшись из ссылки, отец Никон был назначен в храм Трех Святителей в село Белоомут Луховицкого района Московской области, но вскоре он был переведен во Власьевскую церковь в Волоколамске. Служа в Волоколамске, священник в 1936 году был приговорен судом к штрафу в двести рублей за то, что отпел умершего прихожанина без регистрации смерти в государственных учреждениях.

В 1937 году, во время очередного гонения на Русскую Православную Церковь, секретарь Волоколамского горсовета по требованию НКВД дал следующую характеристику деятельности

священника: «В городе проводит оживленную работу среди церковников, устраивая всякого рода собрания граждан и мобилизуя их на религиозную пропаганду...»

27 ноября 1937 года архимандрит Никон был арестован и заключен в тюрьму в Волоколамске. Были вызваны свидетели, один из них, сосед отца Никона, показал: «Его дом систематически посещают служители культа из сельской местности, в его квартире проходят тайные контрреволюционные сборища, но что на них обсуждают, мне не известно... Квартиру часто посещали верующие из близлежащих селений, которых Беляев дружески принимал. Кроме этого, весной 1937 года в магазине, где присутствовало человек десять колхозников, Беляев заявил: “Издана советская власть закон о свободной продаже хлеба, а сама его не выполняет, крестьяне собирают хлеб, а целыми днями стоят в очередях, хлеб разбирают по учреждениям, а горожане остаются голодными”. Кроме этого, в ноябре 1937 года к нему в дом постучались три колхозника из деревни Ченцы. К ним вышел Беляев и около дома говорил: “Меня, наверно, скоро арестуют коммунисты. Они сейчас усиливают гонение... я вас прошу, реже посещайте мою квартиру...” Летом 1937 года священник возвращался домой после совершения в церкви всенощной с группой лиц, ночью я никого из них не узнал. Беляев около своего дома говорил: “У советской власти правды ни в чем нет и не будет, вот меня судили три раза ни за что. Также будет и с новой конституцией, останется она на бумаге, а в жизни будут проводиться такие же репрессии, как и раньше”».

28 ноября следователь допросил священника.

— Вы арестованы как активный организатор контрреволюционной группы, в которую входили служители культа... совместно с ними проводили контрреволюционную антисоветскую деятельность, направленную на срыв мероприятий советской власти. Следствие от вас требует правдивых показаний по этому вопросу, — сказал следователь.

— Я в контрреволюционной организации не состою и контрреволюционной антисоветской деятельностью никогда не занимался, — ответил отец Никон.

— Вы показываете ложно, по вашему делу допрошен ряд свидетелей, которые в категорической форме показывают о вашей контрреволюционной деятельности, проводимой вами среди окружающих вас лиц. Следствие настаивает на даче соответствующих показаний по этому вопросу.

— Я еще раз заявляю, что ни в какой контрреволюционной организации я не состоял и контрреволюционной антисоветской деятельностью не занимался.

На этом допросы были окончены. 5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Никона к расстрелу. Архимандрит Никон (Беляев) был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-58601, д. 19564.
ЦА ФСБ России. Д. Р-41342.

Дубинский А. Ю. Московская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). М., 1998.

Ноября 27 (10 декабря)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК

Ксенофонт (Бондаренко)

Преподобномученик Ксенофонт (в миру Константин Андреевич Бондаренко) родился 13 мая 1886 года в селе Никитовка Валуйского уезда Курской губернии в крестьянской семье. Окончив Копано-Никитовское народное училище, он помогал отцу по хозяйству. 21 января 1910 года Константин поступил в Троице-Сергиеву Лавру; 28 мая 1916 года он был зачислен послушником, а 15 июня того же года пострижен в мантию с именем Ксенофонт и состоял келейником наместника Лавры архимандрита Кронида (Любимова). В 1918 году монах Ксенофонт был рукоположен во иеродиакона, а в 1926 году — во иеромонаха.

После закрытия в 1919 году Лавры отец Ксенофонт остался в ней в качестве слесаря при Комиссии по охране памятников искусства и старины. В 1924 году он переехал в Петроград и работал на разных заводах механиком, но затем вернулся в Москву и был священноначалием направляем в храмы, где была нужда в священнике. В 1932 году отец Ксенофонт служил в храме села Михайловского Звенигородского района Московской области. Имея желание остаться здесь служить постоянно, он подал свой паспорт в сельсовет, но председатель сельсовета, увидев, что свя-

щенник в паспорте записан рабочим, так как получил его во время работы на заводе, отослал паспорт в ОГПУ. Отцу Ксенофонту из опасения преследований пришлось возвратиться в Москву, и он был направлен в храм в селе Коньково под Москвой, где прослужил около года, пока не стало ясно, что ОГПУ собирается его и здесь арестовать. Во избежание ареста священноначалие направило его в храм в селе Алексеевское Солнечногорского района Московской области.

В январе 1935 года сотрудник ОГПУ допросил диакона, служившего вместе с отцом Ксенофонтом в храме в селе Алексеевском, и тот оговорил священника. После этого были допрошены и некоторые жители села Алексеевского, которые также дали показания, угодные следователям. Отец Ксенофонт был арестован 12 марта 1935 года и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве.

— Ряд лиц из села Алексеевское при допросе нам показали, что вы за период проживания в селе Алексеевском среди крестьян вели разговоры на политические темы и не советовали им входить в колхоз. Вы подтверждаете это? — спросил отца Ксенофонта следователь.

— Разговоров на политические темы с крестьянами я не вел и относительно колхозов с ними не разговаривал.

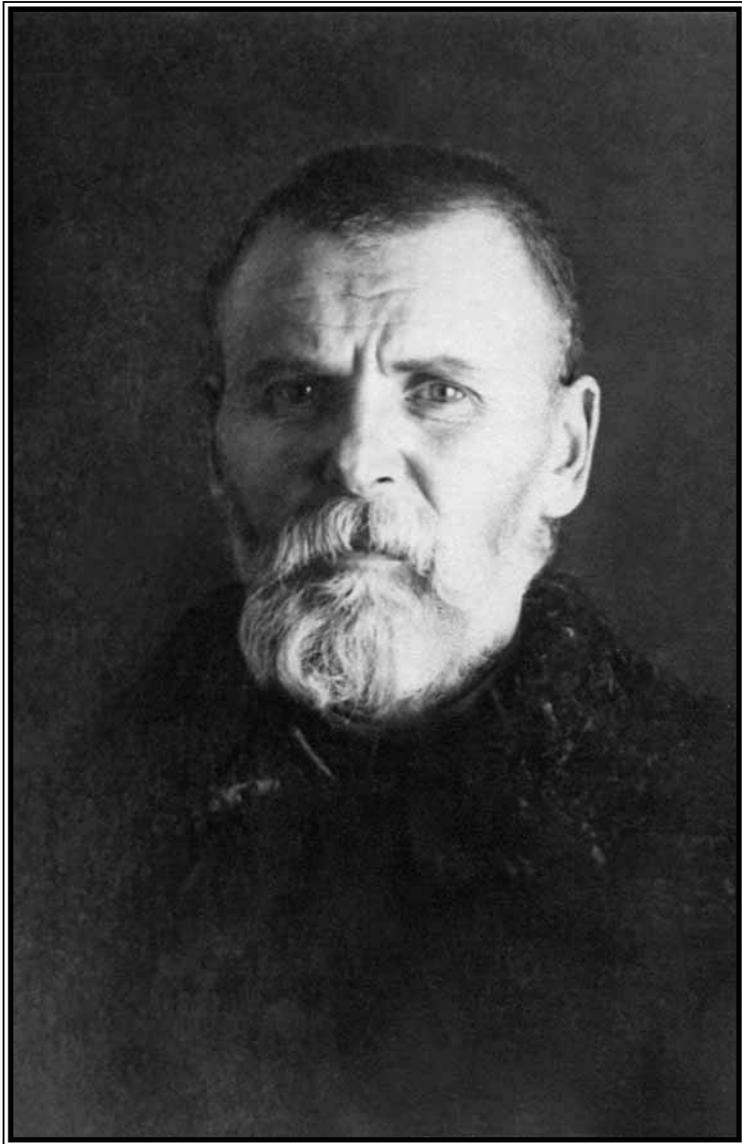
— Федору Григорьевичу Гусеву вы не советовали входить в колхоз. Верно это?

— Наоборот, я ему советовал вступить в колхоз.

— Вы с Гусевым вели беседы о колхозной жизни?

— Да, я с Гусевым о колхозной жизни говорил раза два и советовал ему вступить в колхоз.

— Странно получается, что вы одновременно являлись активным пропагандистом религиозных убеждений и агитировали крестьян вступать в колхоз. Получается, что вы противоречите сами себе.

Церковник Ксенофонт (Бонгаренко)

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

— Я считаю, что колхоз Церкви не мешает, — ответил священник.

После допроса следователь устроил отцу Ксенофону очную ставку со свидетелем и, обращаясь к Федору Гусеву, спросил:

— При допросе вы нам показали, что Бондаренко агитировал вас не входить в колхоз и терпеть, как терпели святые отцы. Вы подтверждаете свои показания?

— Да, я свои показания целиком подтверждаю. Меня Бондаренко агитировал не входить в колхоз, доказывая невыгодность колхозного хозяйства.

— Вы признаете, что у вас с Гусевым были разногласия по вопросу колхозного строительства и вы не советовали ему входить в колхоз? — спросил следователь отца Ксенофонта.

— О колхозах мы говорили, но я Гусеву не говорил, чтобы он не входил в колхоз.

— Когда вы подали заявление в колхоз и об этом узнал Бондаренко, что он вам говорил по этому вопросу? — спросил следователь Гусева.

— Бондаренко мне говорил, что ты теперь не наш, отошел от нас, нарушил православную веру.

— Бондаренко, этот случай вы подтверждаете?

— Нет, таких разговоров не было.

— Бондаренко, граждане села Алексеевское подтверждают, что вы занимались антисоветской деятельностью. По-вашему, они лгут, наговаривают на вас?

— Виновным себя в антисоветской агитации не признаю.

— Что же, по-вашему, люди на вас все наговаривают, лгут?

— На этот вопрос я ответить не могу.

21 марта 1935 года следствие было закончено. Иеромонах Ксенофонт обвинялся в том, что «среди крестьян села Алексеевское систематически вел антисоветскую агитацию, обрабатывал крестьян в антисоветском духе, распространял провокационные

слухи о гибели советской власти; в результате этой деятельности колхоз в селе Алексеевском к началу 1935 года оказался в глубоком прорыве».

31 марта 1935 года Особое Совещание при НКВД приговорило отца Ксенофонта к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен в Темлаг в город Потьму, где провел все время заключения.

В августе 1937 года он вернулся из Темниковского лагеря и поселился в городе Александрове Владимирской области, ближе к Москве ему как вернувшемуся из заключения запрещено было жить. В это время уже начинались широкие гонения на Русскую Православную Церковь и сотрудники НКВД собирали сведения и следили за всеми, кто, с их точки зрения, подлежал аресту, а это в первую очередь было духовенство. Поэтому посещение отцом Ксенофонтом в Загорске бывшего наместника Лавры архимандрита Кронида (Любимова) не осталось незамеченным. Он посетил архимандрита Кронида 19 сентября, заехал к нему как к своему старому другу и единомышленнику, чтобы рассказать о своем аресте и о жизни в заключении. Рассказ произвел такое впечатление, что старец стал его утешать и призывать к терпению, так как в то время повсеместно пастыри терпели гонения и притеснения от безбожных властей.

Отец Ксенофонт спросил, стоит ли ему устраиваться в храм священником, но архимандрит посоветовал не идти в храм, а устроиться на какое-нибудь гражданское предприятие, так как только в этом случае он может скрыть то, что судился за контрреволюционную деятельность, и не быть сразу же вновь арестованным. Настали тяжелые времена, сказал старец, на пастырей Церкви и верующих идет гонение, и им живется сейчас нелегко, много труднее, чем раньше.

После этого визита отец Ксенофонт посещал архимандрита Кронида еще несколько раз и, в частности, был у него и 20 нояб-

ря 1937 года, когда отец Кронид и его келейник были арестованы. Застав в доме отца Ксенофонта, сотрудники НКВД сначала попросили его расписаться в ордере на обыск в качестве свидетеля, а затем, уведя архимандрита и его келейника, арестовали и иеромонаха Ксенофонта. Все арестованные монахи были заключены в Таганскую тюрьму в Москве.

— Следствие располагает точными данными о том, что вы являетесь активным участником контрреволюционной монархической монашеской группы. Вы подтверждаете это? — спросил отца Ксенофонта следователь.

— Нет, не подтверждаю, — ответил отец Ксенофонт.

— Следствию известно, что вы, являясь секретарем Кронида Любимова, имели с ним общение и тесную связь. Даже после заключения вас в Темниковские концлагеря вы имели с ним письменную связь, а по возвращении из лагерей после отбытия трехгодичного заключения за контрреволюционную деятельность неоднократно посещали последнего, несмотря на то, что вам в зону Московской области въезд был воспрещен. Вы подтверждаете это?

— Действительно, я был у отца Кронида послушником и выполнял все его поручения. После ареста в 1935 году за контрреволюционную деятельность, будучи направлен для отбытия наказания в Темниковские концлагеря на три года, я написал ему оттуда одно письмо, а по отбытии срока наказания в августе 1937 года я три раза приезжал на квартиру архимандрита Кронида в город Загорск Московской области, где мне запрещено было жить. Целью посещения было то, что я приезжал его навестить как прежнего знакомого ввиду его престарелости.

— Следствие располагает точными данными о том, что вы вели антисоветские разговоры на квартире Кронида против выборов в Верховный Совет. Следствие требует от вас правдивых показаний.

— Даю совершенно правдивые показания, что я нигде не говорил против выборов в Верховный Совет и никакой антисоветской деятельностью не занимался.

На этом допросы были окончены. 7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Ксенофонта к расстрелу. Иеромонах Ксенофонт (Бондаренко) был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

РГАДА. Ф. 1204, оп. 1, ч. 15; д. 25235, л. 126 об.—127.
ГАРФ. Ф. 10035, д. П-52407, д. П-59458.

Ноября 27 (10 декабря)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Николай (Покровский)

Священномученик Николай родился 14 августа 1890 года в селе Архангельское Волоколамского уезда Московской губернии в семье диакона Дмитрия Покровского. В 1905 году Николай Дмитриевич окончил Волоколамское Духовное училище, в 1912 – Вифанскую Духовную семинарию и был определен учителем церковноприходской школы в деревне Губинское Покровского уезда Владимирской губернии.

В 1915 году он был рукоположен во диакона и направлен в Покровский Хотьков монастырь близ Сергиева Посада. В 1916 году его перевели служить в Москву в Троицкую церковь, что в Троицком на Самотечной улице. В 1919 году он был рукоположен во священника к тому же храму. После революции отец Николай был призван в тыловое ополчение Красной армии и служил в топливном отделе Управления Кремлем и домами ВЦИК.

После увольнения отец Николай был вновь определен на служение в Троицкий храм. В 1923 году его перевели служить в Спаскую на Песках в Каретном ряду церковь, а в 1930 году – в Знаменскую церковь во 2-ом Колобовском переулке. Отец Николай был возведен в сан протоиерея.

Летом 1930 года ОГПУ арестовало двоюродного брата отца Николая священника Александра Покровского, служившего

Протоиерей Николай Покровский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

в храме при Дорогомиловском кладбище, ложно обвинив его в «подготовке совершения террористических действий против членов советского правительства». По подозрению в соучастии 6 октября 1930 года власти арестовали и протоиерея Николая Покровского и заключили его в Бутырскую тюрьму в Москве.

На допросе, который состоялся 21 октября, отец Николай на вопрос о брате ответил: «Сейчас он арестован, за что — не знаю. Я у него бывал очень редко. За последний год был только два раза. Первый раз в январе и второй раз в июле 1930 года. Заходил я к нему в июле с сослуживцем по церкви диаконом Александром Козловым, просто как к родственнику, пробыли часа два или три. Пили чай, беседовали о церковных делах, кому сколько налога прислали, вспоминали о родственниках. На политические темы я с ним не беседовал».

Составляя обвинительное заключение, следователь написал: «В процессе следствия факт подготовки террористического акта конкретными данными не установлен... Учитывая социальный состав данной группы... есть основания полагать, что со стороны указанной группы велась подготовка к совершению террористических действий по отношению членов советского правительства, в первую очередь — товарища Сталина».

30 ноября 1930 года тройка ОГПУ приговорила протоиерея Николая Покровского к трем годам заключения в концлагерь.

После отбытия срока наказания отец Николай стал служить настоятелем храма в честь Рождества Христова в селе Ямкино Ногинского района Московской области.

19 ноября 1937 года в селе Ямкино было назначено участковое предвыборное собрание в помещении, ранее принадлежавшем церкви, в котором безбожники устроили клуб. На собрание людей пришло очень мало, вину за срыв собрания возложили на отца Николая. Осведомители сообщили в НКВД, что отец Николай якобы говорил: «Эти антихристы коммунисты посрамили святой храм и превратили его в публичный дом. Вы, верующие, во спасе-

ние своей души в это помещение ни на какие собрания не ходите, иначе будете наказаны на том свете за посрамление храма».

Некий лжесвидетель, вызванный на допрос, сообщил: «Поп Покровский часто после богослужения произносил проповеди антисоветского содержания. Например, в августе после богослужения, обращаясь к верующим, говорил: православные, надо укреплять веру в Бога, не бояться гонений и преследований со стороны советской власти, вы сами чаще посещайте церковь и других, отшатнувшихся, привлекайте к ней».

Другой лжесвидетель показал, что священник Покровский «часто после богослужений произносит проповеди антисоветского характера. Так, летом в одной из проповедей он говорил: православные, терпите все преследования, как терпел их апостол Петр. Он хотя и отрекался от Христа, но снова пришел к Нему. Так и вы, укрепляйте веру в Бога и всем своим знакомым говорите, чтобы они приблизились к Церкви и посещали храм».

26 ноября 1937 года протоиерей Николай Покровский был арестован и заключен в Ногинскую тюрьму. В тот же день были арестованы диакон Николай Широгоров и псаломщик Михаил Амелюшкин, служившие вместе с отцом Николаем в одном храме, а также священник Дмитрий Беляев из соседнего села Воскресенское, к которому отец Николай ходил исповедоваться. 27 ноября состоялся допрос.

— Следствием установлено, что вы вместе с другими служителями религиозного культа проводили контрреволюционную деятельность, — заявил следователь.

— Связь я со служителями религиозного культа: диаконом Николаем Широгоровым, регентом церковного хора Михаилом Амелюшкиным и священником Дмитрием Беляевым — действительно имел, но контрреволюционной деятельности не вел, — ответил отец Николай.

— Следствию известно, что вы в процессе бесед на политические темы высказывали антисоветские настроения.

— Беседы на политические темы у нас имели место, но анти-советских настроений я в этих беседах не высказывал.

— Следствию известно, что вы летом 1937 года в церкви после богослужения произносили проповедь антисоветского характера.

— Проповедь антисоветского содержания я в церкви не произносил, а говорил чисто официального порядка о церковных службах и их времени.

— Следствию известно, что вы вместе с Амелюшкиным и Широшовым в начале мая с целью срыва первомайской демонстрации устроили в церкви торжественное богослужение.

— Этого мы не делали.

— Следствию известно, что вы среди населения проводили антисоветскую деятельность, направленную на срыв проведения предвыборных собраний в селе Ямкино.

— Антисоветской деятельности, направленной на срыв предвыборных собраний, мы не вели.

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признаю.

Через день следствие было закончено. 1 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу.

Протоиерей Николай Покровский был расстрелян 10 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-63016, д. 20815.

Дубинский А. Ю. Вифанская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). М. 1999.

Декабря 2 (15)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Николай (Заболотский)

Священномученик Николай родился 24 апреля 1876 года в городе Вязьме Смоленской губернии в семье протоиерея Николая Заболотского, служившего в городе в Воскресенской церкви. В 1895 году Николай окончил Вяземское Духовное училище и поступил в Московскую Духовную семинарию. В 1899 году он перешел в Вифанскую Духовную семинарию, которую окончил в 1902 году. По окончании семинарии Николай поступил в Юрьевский университет. Но Богу, по-видимому, было не угодно, чтобы юноша выбрал светский путь, — он тяжело заболел, и по этой причине ему пришлось оставить учебу в университете. В 1905 году он поступил преподавателем в мужскую гимназию в городе Вязьме.

В 1910 году Николай Николаевич был рукоположен во священника ко храму в селе Будаево Гжатского уезда, а в 1913 году переведен служить в храм в селе Федотково Юхновского уезда. С 1917 по 1926 год он служил в храме в селе Марьинское Рославльского уезда, а затем в храме в селе Коробкино Гжатского уезда. С 1931 года он стал служить в селе Некрасово Уваровского района Московской области. Отец Николай был возведен в сан протоиерея и назначен благочинным.

Весной 1937 года в связи с усилением гонений на Русскую Православную Церковь представители местных властей стали

писать жалобы в НКВД, что отец Николай совершает таинства и требы в домах прихожан не только не спрашивая на это разрешения сельсовета, но и, будучи спрошен, почему он делает это, не дает ответа, считая, что не дело властей спрашивать о том, что касается церкви и его священнической деятельности.

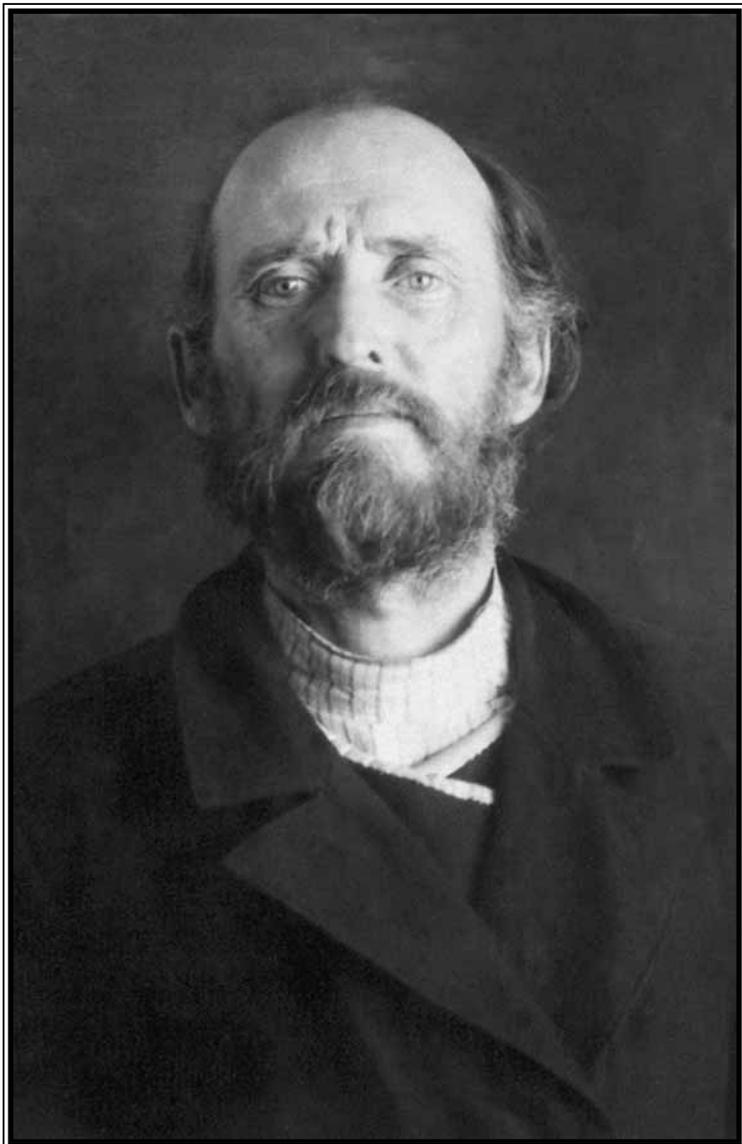
28 июня 1937 года заведующий отделом политучебы Уваровского райкома комсомола направил начальнику Уваровского НКВД докладную записку, в которой утверждал, что священник ведет в приходе агитацию, чтобы верующие не работали в первый день Пасхи и в религиозные праздники, а также что он лечит людей и домашнюю скотину. «Я считаю, — писал заведующий, — Заболотский никакого права не имеет на лечение людей и животных, за это он должен быть привлечен к ответственности».

Работник Уваровского райкома ВКП(б) написал, что «в 1935 году во время весеннего сева, на который попадала Пасха, граждане... побывши в церкви как в первый, а также и во второй день Пасхи, не работали и не выполняли план сева, заявляя: “Батюшка говорил, что урожай зависит не от того, чтобы работать в святые дни Пасхи, раньше не работали по целой неделе в дни Пасхи, а урожай собирали хороший”».

19 ноября 1937 года протоиерей Николай был арестован и заключен в тюрьму в городе Можайске. Через несколько дней после ареста священника на допрос был вызван председатель сельсовета, которого спросили, что он знает об антисоветской деятельности священника в селе. На это председатель ответил:

— Об антисоветской деятельности Заболотского мне стало известно с мая 1937 года, когда он появился в деревне Жихарево и начал обходить дома колхозников с целью окрестить колхозных ребятшек и предлагая причаститься престарелым мужчинам и женщинам в деревне Жихарево.

— Что вам лично известно об антисоветской деятельности гражданина Заболотского? — спросил следователь.

Протоиерей Николай Заболотский

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

— Мне известно, что примерно 10 мая 1937 года я лично как председатель сельсовета был свидетелем, что Заболотский крестил двоих детей у гражданина деревни Жихарево.

— Как вы реагировали на факт крещения детей?

— Когда я зашел в избу колхозника, то, увидев священника Заболотского, я спросил: «Что вы тут делаете без ведома сельского совета?» А он, Заболотский, ответил: «А вам какое дело? И что тебе от меня нужно?» Тогда я ему ответил: «Я являюсь председателем сельского совета на данной территории, и для того, чтобы сделать то и иное дело, вы должны были меня поставить в известность прежде всего». Тогда Заболотский ответил: «Дело не ваше, мы с вами не связаны». На это я ему сказал: «Вы, совершая обряд крещения детей в непригодной посуде, можете заразить детей какой-либо болезнью». Тогда он закричал: «А, это Андреев! Мне про него говорили!» И в заключение добавил: «Вы сами разносите коммунистическую заразу». Я спросил: «Что значит коммунистическую заразу?» Он ответил: «Вы в клубе собираете по пятьсот человек населения и прививаете этому населению коммунистическую заразу».

В тот же день была допрошена некая колхозница, которая показала, что «в мае 1937 года священник Заболотский пришел в деревню Жихарево без ведома сельсовета и стал ходить по домам колхозников, предлагая населению свои услуги, чтобы отслужить в доме молебен. Здесь пришел председатель сельсовета к священнику Заболотскому и сказал: “Вы без ведома сельсовета ходите из дома в дом и разносите заразу, так как у нас в домах имеются больные сыпным тифом”. Священник Заболотский начал высказывать недовольство коммунистической партией, говоря: “Вы больше разносите коммунистическую заразу, у вас бывает кино, а люди на постановку приходят всякие”».

2 декабря следователь допросил священника.

— Вы в мае 1937 года были в деревне Жихарево? — спросил следователь.

— Да, был. Я был приглашен в деревню Жихарево для крещения ребенка.

— Следствие располагает проверенными материалами, что вы, находясь в деревне Жихарево, распространяли контрреволюционную клевету против советской власти и партии ВКП(б). Вы признаете себя в этом виновным?

— Это ложь...

— Следствием установлено, что вы среди населения ведете активную антисоветскую агитацию, направленную против существующего строя. Вы признаете себя в этом виновным?

— Антисоветской агитации я среди населения не вел. Я живу изолированно, на погосте, в церковной сторожке. В селения хожу только по приглашению.

На этом допросы были закончены. 5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Заболотский был расстрелян 15 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19571.

Дубинский А. Ю. Вифанская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). М., 1999.

Декабря 2 (15)

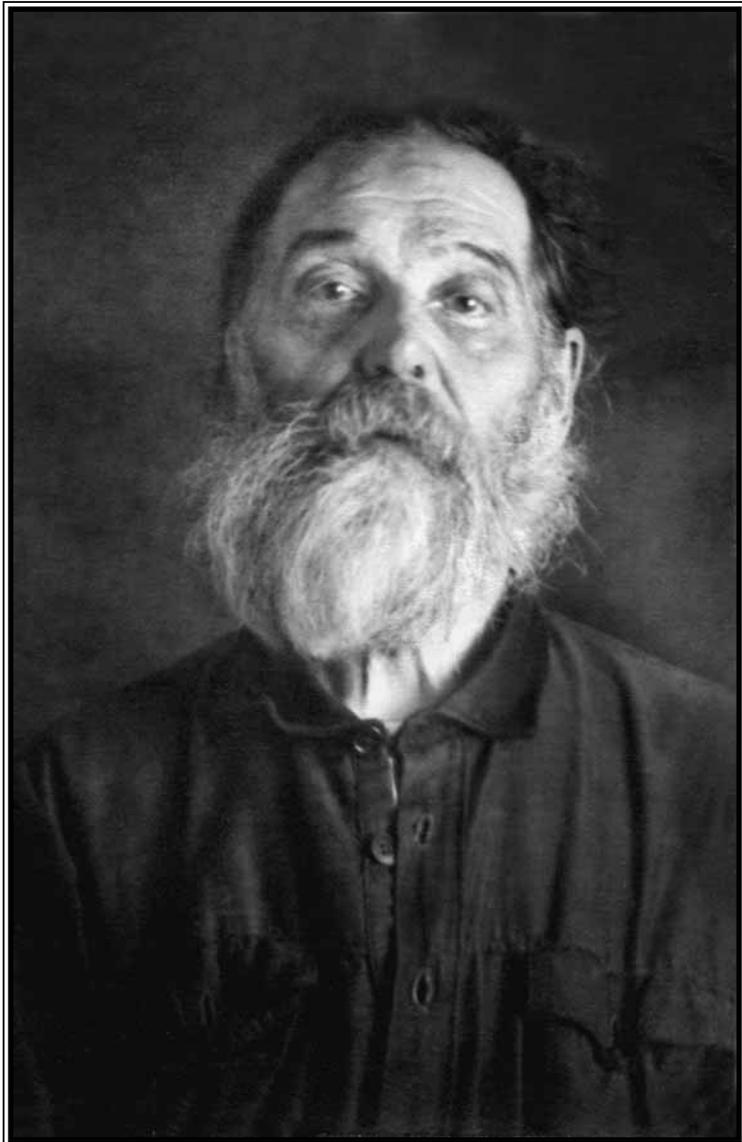
СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Павел (Понятский)

Священномученик Павел родился 20 июня 1867 года в селе Бородино Можайского уезда Московской губернии в семье священника Александра Понятского. Окончил духовное училище и был в 1896 году рукоположен во диакона к Вознесенскому собору города Можайска. В начале 1920-х годов он был рукоположен во священника к тому же храму.

17 ноября 1932 года власти арестовали отца Павла, выдвинув обвинение в том, что он «организовал контрреволюционную антисоветскую группировку из числа бывших монахинь и священников церквей, окружающих город Можайск, руководил деятельностью данной группировки, направленной против хозяйственных, политических мероприятий советской власти». После ареста священник был помещен в Можайскую тюрьму.

«В церковной сторожке Вознесенской церкви, — показал отец Павел на допросе 11 декабря, — я поселился на жительство в феврале 1931 года. В этой сторожке проживали монахини несколько человек. Меня посещали священники близлежащих к Можайску церквей. Проживавшие в сторожке монашки вместе со мной по религиозным праздникам ходили по деревням, входящим в церковный приход, а также ходили без меня по сбору подаяний. Занимались ли монашки антисоветской агитацией, я не знаю. Посещавшие меня священники разговоров антисоветского характера не вели. Считаю, что советская власть — Божие попущение,

Священник Павел Понятский

Москва. Таганская тюрьма. 1937 год

посланное за грехи людей. От дальнейших суждений в этом направлении отказываюсь. В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю».

16 февраля 1933 года тройка ОГПУ приговорила священника Павла Понятского к ссылке в Казахстан сроком на три года. 17 января 1934 года отец Павел был от ссылки освобожден Кустанайским отделением ОГПУ и через некоторое время выехал в Можайск. В 1934 году обновленцы захватили Вознесенский храм. В том же году властями он был окончательно закрыт.

Прибыв в Можайск, отец Павел нигде не служил, жил на иждивении детей, но продолжал встречаться с духовенством города. 5 декабря 1937 года он был арестован по обвинению в том, что «установил свои прежние связи со священниками, прибывшими из ссылки, контрреволюционно настроенными монашками и другим контрреволюционным элементом и систематически ведет контрреволюционную деятельность». После ареста священник был заключен в Можайскую тюрьму и 7 декабря допрошен. Поинтересовавшись, кого из священников города Можайска отец Павел знает, следователь спросил:

– С кем из них вы имеете хорошие связи?

– Самые хорошие связи у меня со священником Константином Никитичем Некрасовым, которого я знаю с детства, вместе с ним я учился в духовном училище, и по день ареста я несколько раз ходил молиться в Ильинскую церковь, где он служит настоятелем, и также приходилось встречаться с ним в городе.

– Какие вы вели разговоры со священником Некрасовым во время вашей встречи?

– При встрече мы с ним вели разговоры о здоровье, о домашних делах, о службе в церкви.

– Какую контрреволюционную деятельность вы вели среди населения?

– Антисоветской агитации среди населения я не вел и виновным себя не признаю.

В тот же день следователь допросил двух свидетелей — женщин, которые занимались агитационной работой по выборам 12 декабря 1937 года в Верховный Совет СССР. Одна из них о контрреволюционной деятельности священника показала: «На мой вопрос: все ли вам понятно о технике голосования в день выборов и за кого вы будете голосовать, священник Понятский, улыбаясь, ответил: как же, знаю, знаю, только чего же их выбирать, когда они уже выбраны. Я ему ответила, что наши кандидаты еще не выбраны, и стала рассказывать, кто имеет право выдвигать кандидатов. Во время беседы священник Понятский спрашивал, можно ли в бюллетень вписывать своих кандидатов, поэтому мне вторично пришлось объяснять порядок выставления кандидатов. “У вас только можно голосовать за, а если против, то нужно вычеркивать?” — спрашивает Понятский. Я ему ответила, что можно вычеркивать».

8 декабря следствие было закончено и отца Павла перевели в Таганскую тюрьму в Москве. 9 декабря тройка НКВД приговорила его к расстрелу.

Священник Павел Понятский был расстрелян 15 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле. Перед казнью тюремный фотограф сфотографировал его, чтобы при массовых расстрелах, производимых в то время, палач не ошибся.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-2736, д. 9625.

Декабря 2 (15)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА
Мария (Цейтлин)

Преподобномученица Мария родилась в 1869 году в городе Ярославле в семье рабочего Василия Цейтлина. Желая послужить Господу в равноангельном чине, она в 1886 году поступила послушницей в Богородице-Смоленский Новодевичий монастырь, располагавшийся тогда на самой окраине Москвы. Как и все обители, монастырь после революции был безбожной властью разграблен и закрыт.

Подобно другим сестрам монахиня Мария поселилась вблизи монастыря на Большой Пироговской улице. Осведомители, которые проживали в одном доме с монахиней Марией либо по соседству, регулярно сообщали в НКВД, что сестры монастыря собираются временами вместе и ведут беседы, сравнивая нынешнюю жизнь с дореволюционной. Во время массовых гонений, когда повсеместно арестовывались кроме священников и монашествующие уже давно закрытых монастырей, власти приняли решение арестовать монахиню Марию.

21 марта 1938 года был выписан ордер на ее арест. В два часа ночи 22 марта сотрудники НКВД арестовали монахиню и заключили под стражу в седьмом отделении милиции города Москвы. На следующий день она была допрошена.

— Ваши убеждения и как вы смотрите на существование советской власти? — спросил следователь.

— Как верующий человек, я смотрю так: всякая власть от Бога и мне безразлично, кто у власти в настоящий момент в Советском Союзе, — ответила монахиня.

— Будучи монашкой, подвергались ли вы репрессиям со стороны советской власти?

— Как монахиня я была лишена избирательных прав.

— Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, которую проводили совместно с другими монахинями Новодевичьего монастыря. Следствие требует по данному вопросу правдивых показаний.

— К монахиням Евдокии (Головановой) и Матроне (Липатовой) я ходила на квартиру. В доме у них я говорила, что пришло тяжелое время, церкви закрывают, верующие недовольны советской властью... советская власть грабит монастыри, закрывает церкви, но скоро они поплатятся жизнью, все тогда узнают, что есть Бог.

3 июня 1938 года тройка НКВД приговорила монахиню Марию (Цейтлин) к восьми годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. 7 декабря 1938 года она прибыла в Сиблаг, где через несколько дней, 15 декабря 1938 года, находясь в пересыльном пункте лагеря, умерла и была погребена в безвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-19432.
Сообщение ИЦ ГУВД Новосибирской области.

Декабря 2 (15)

МУЧЕНИЦА

Матрона (Конюхова)

*М*ученица Матрона родилась в 1848 году в Москве в семье крестьянина Степана Конюхова. До нас не дошли сведения о ее жизни до наступления гонений на Русскую Православную Церковь, но известно, что в тридцатых годах она уже пользовалась большим авторитетом среди православных, которые ее почитали как подвижницу, обращаясь к ней с просьбой помолиться, как к человеку, угодившему Богу. Матрона Степановна была арестована сотрудниками НКВД 26 августа 1937 года. В это время ей уже исполнилось восемьдесят девять лет. 31 августа следователь допросил ее.

— На какие средства вы существуете, поскольку вы находитесь без определенных занятий?

— Я существую на средства, получаемые от своих многочисленных почитателей.

— Назовите ваших почитателей.

— Меня на квартире посещает большое число почитателей, большей частью я их знаю только по имени, а большей частью они мне неизвестны даже по имени. Меня посещает Анна Ивановна Зерцалова, бывшая учительница, Наташа, работает где-то в детских яслях, Феврония — пенсионерка, Мавра — пенсионерка, Александра — духовная дочь умершего священника Валентина Амфитеатрова, Прасковья — приезжает из деревни, и другие, фамилии и имена которых мне неизвестны.

— Объясните цель посещения вас вашими почитателями.

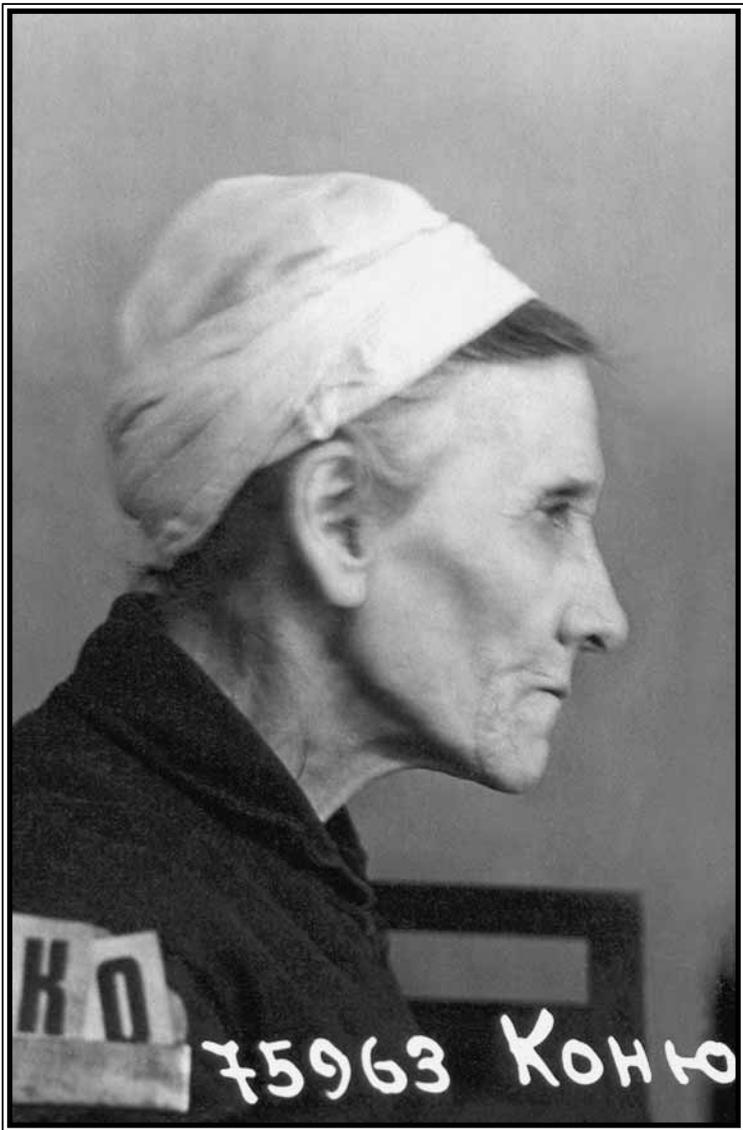
— Мои почитатели приходят ко мне для того, чтобы оказать мне материальную помощь, посоветоваться о своих делах, у кого кто-нибудь заболел или арестуют — опять идут ко мне посоветоваться, как им быть. Я им посоветую, чтобы они терпели и молились, направляла их в церкви и на могилу священника Валентина Амфитеатрова. Также ко мне обращались и спрашивали, вступать ли в колхозы? Я в этих случаях давала уклончивые советы, говорила: «Смотрите сами, вам виднее, где народ живет лучше. Если можете потерпеть, конечно, лучше не вступать, потому что если вступишь в колхоз, то придется тебе забыть о церкви». Были случаи, когда ко мне приходили возвратившиеся из ссылки и спрашивали, как им получить документы, прописаться или же возвратить отобранное у них имущество. В этих случаях я им могла посоветовать больше молиться.

— Следствие располагает данными, что вы среди верующих выдавали себя за блаженную и прозорливую. Вы это подтверждаете?

— Да, мои почитатели считают меня блаженной и прозорливой, но я сама этого никому не говорила.

— Следствие располагает данными, что вы на могилу священника Валентина Амфитеатрова организовали паломничество и выдавали его за святого. Вы это подтверждаете?

— Да, я не отрицаю, что умершего священника Валентина Амфитеатрова прославляла как святого и всех своих почитателей направляю на его могилу. Для прославления священника Валентина Амфитеатрова я своим почитателям рассказываю о происшедших исцелениях по его молитвам как при его жизни, так и после смерти на могиле, распространяю его фотокарточки и его жизнеописание. Мы, почитатели священника Валентина Амфитеатрова, подготавливаем открытие его мощей, ведем записи обо всех происшедших исцелениях как при его жизни, так и после его смерти, которые в рукописях распространяются среди его духовных детей и моих почитателей для его прославления. Также для

Матрона Степановна Кожухова

Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год

его прославления с могилы священника Валентина Амфитеатрова верующим раздается песок, цветы и другие реликвии как святыни. Все это делается для его прославления и канонизации как святого.

Матрона Степановна была обвинена в том, что, «являлась участницей контрреволюционной церковно-монархической группы, себя среди верующих выдавала за прозорливую, у себя на квартире проводила многочисленные приемы своих почитателей... В контрреволюционных целях прославляла могилу умершего попа Валентина Амфитеатрова, распространяла контрреволюционные провокационные слухи о якобы происходивших исцелениях на его могиле и организовывала паломничества верующих».

7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила Матрону Степановну к расстрелу. 15 декабря фотограф сделал ее фотографию для палача. Матрона Степановна Конохова была расстреляна 15 декабря 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребена в неизвестной общей могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-76575, т. 1.

Декабря 10 (23)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

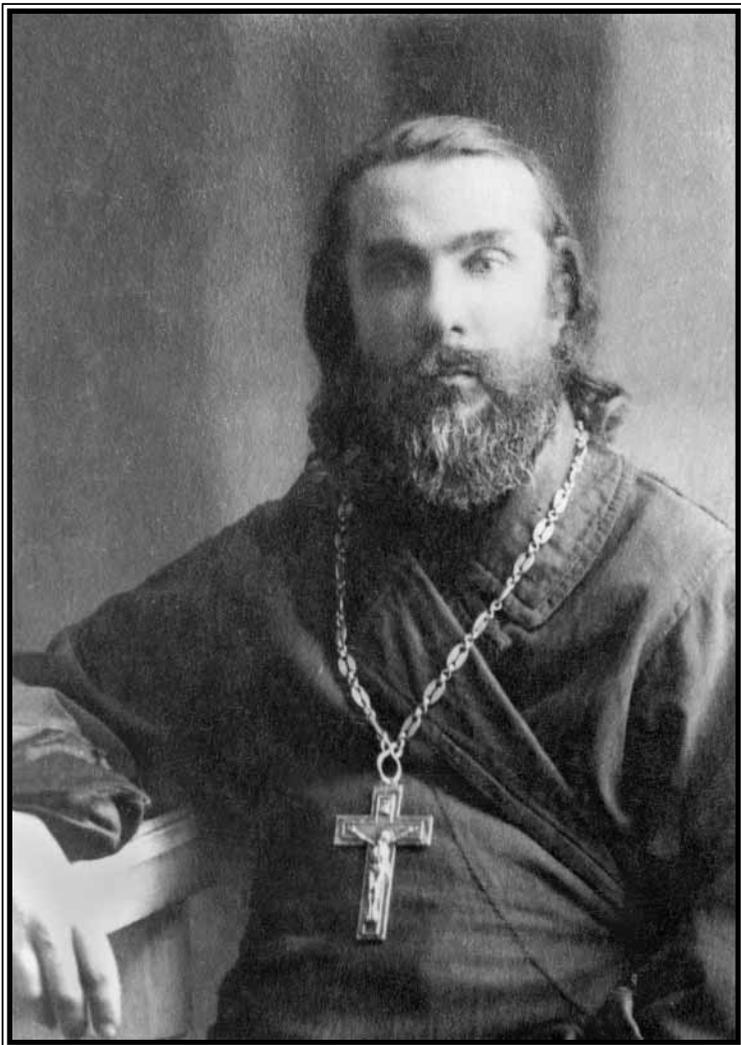
Алексий (Введенский)

Священномученик Алексий родился 16 мая 1890 года в селе Данилово Подольского уезда Московской губернии в семье псаломщика Григория Введенского. В 1904 году Алексей Григорьевич окончил Донское Духовное училище, в 1911 году — Московскую Духовную семинарию. В годы обучения в семинарии отец Алексий посещал иеромонаха Варнаву (Меркулова), а позже — старца Ипполита, духовника разогнанной братии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

По окончании семинарии Алексей Григорьевич был назначен учителем в школу в селе Левково Дмитровского уезда Московской губернии.

В 1912 году Алексей Григорьевич женился на выпускнице Филаретовского епархиального женского училища Елене Александровне Воскресенской. В 1913 году умер священник в селе Левково, на его место к Ильинской церкви был рукоположен во священника Алексей Введенский. Впоследствии отец Алексий был возведен в сан протоиерея, а в 1936 году награжден палицей.

С приходом безбожной власти начались гонения на Русскую Православную Церковь. В 1930 году у отца Алексия были отняты дом и имущество. Отец Алексий вместе с супругой и двумя детьми перебрался в деревню Самаровка Болшевского района Московской области. Некоторое время он служил в храме Рождества Богородицы в селе Костино.

Облагоденник Алексий Благенский

23 июня 1930 года протоиерей Алексей Введенский был назначен настоятелем храма Сретения Господня в Новой Деревне Пушкинского района Московской области. Семья поселилась в маленькой церковной избушке около храма. Поскольку управлять церковным хором было некому, Елена Александровна стала прислуживать в церкви как регент и псаломщик.

В апреле 1931 года во время Великого поста сельсовет предложил отцу Алексею «приступить к пилке леса для моста в свободное время от богослужений». Кроме этого отец Алексей как священнослужитель был обложен различными налогами, которые с трудом удавалось платить.

В 1932 году отец Алексей приехал в очередной раз к отцу Ипполиту. Во время беседы он спросил у старца: не переведут ли его на другой приход? Старец ответил: «Сколько лет служил твой предшественник? Семь? Вот и ты семь лет послужишь».

27 ноября 1937 года руководители НКВД Московской области Якубович, Булыжников и Персиц подписали справку на арест отца Алексея. В одиннадцатом часу вечера того же дня к церкви подъехала машина. Из нее вышли трое человек и направились к домику священника. Постучали, предъявили ордер и арестовали отца Алексея. Посадив священника в машину, сотрудники НКВД отвезли его в камеру предварительного заключения при районном отделении милиции в городе Пушкино. Утром Елена Александровна вместе с младшим сыном Валентином пошла отнести передачу. Стоя около тюремных окон, она увидела в одном из них отца Алексея, который сумел помахать ей рукой и крикнуть: «Береги Валю».

В скором времени отца Алексея перевели в Таганскую тюрьму в Москве. Здесь 1 декабря он был допрошен.

— Ваше отношение к советской власти? — спросил следователь.

— Мое отношение к советской власти лояльное, — ответил отец Алексей.

— Вы следствию говорите неправду. Следствие располагает точными данными о том, что вы, будучи враждебно настроенным к советской власти, среди окружающих проводили антисоветскую агитацию. Следствие требует от вас правдивых показаний.

— Никакой антисоветской агитации я не вел. В сентябре 1937 года я выражал свое недовольство к советской власти за то, что я финансовыми органами был обложен подоходным налогом больше моих собратьев, работающих в церквях городского значения. Об этом я говорил в кругу близких мне братьев по службе, среди населения я об этом не говорил.

— Расскажите следствию о вашей контрреволюционной деятельности.

— Никакой контрреволюционной деятельности я не вел.

Следователями были допрошены два штатных свидетеля: священники Михаил Толузаков и Степан Марков, которые служили в Москве и никогда не встречались с отцом Алексием. Они подписали необходимые показания.

7 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Алексия к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. С этапом заключенных он прибыл в Самарлаг НКВД. В один день с ним был осужден к такому же сроку заключения священник Феодор Грудаков. Вместе они учились в одном классе семинарии, а теперь вместе отбывали наказание на строительстве Самарской теплоэлектростанции. По здоровью отец Алексей сразу получил третью категорию инвалидности.

Из заключения отец Алексей направил супруге несколько писем. Последнее она получила 11 декабря, а через некоторое время было получено письмо от отца Феодора.

«Глубокоуважаемая Елена Александровна! Сообщаю Вам печальную и грустную весть: не стало Алексея Григорьевича. В ночь с 22 на 23 декабря в 3 часа 45 минут он скончался. Не нахожу слов, да и бесполезны они, чтобы утешить Вас. И словами не залечишь той раны душевной, которую Вы получаете при такой утрате.

Но надеюсь, Вы найдете утешение в том, в чем утешал себя Алексей Григорьевич, — в вере.

Конечно, постарайтесь сделать то, что ему как христианину нужно. Мне не пишите. Представится случай, сообщу все подробности о его жизни и смерти. С полным сочувствием и соболезнованием к Вам. Берегите себя для Вашего мальчика. Оставшиеся на его счету деньги, думаю, будут Вам высланы. Об этом с сообщением Вашего адреса сделано заявление мною».

Отец Феодор умер в лагере от непосильного труда и голода 26 ноября 1940 года и был, как и отец Алексей, погребен в безвестной могиле. Елена Александровна до самой смерти, которая последовала в 1965 году, трудилась в Сретенском храме сторожем и уборщицей, пекла просфоры.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-46835.

Введенский В.А. Воспоминания.

Дубинский А. Ю. Московская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. (краткий генеалогический справочник). М. 1998.

Декабря 18 (31)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Николай (Кобранов)

Священномученик Николай родился 10 мая 1893 года в селе Благовещенье Дорогобужского уезда Смоленской губернии в семье диакона Иакова Кобранова. В 1913 году Николай окончил Смоленскую Духовную семинарию и поступил на юридический факультет Варшавского университета, в котором проучился три года. В 1918 году он оказался в Крыму, был сначала певчим в симферопольском соборе, а затем иподиаконом у Таврического архиерея. В 1920 году он был рукоположен во диакона к крестовой церкви в Симферополе, а в 1921 году во священника. Во время отступления армии Врангеля из Крыма отец Николай принял решение остаться в России и служил в храме в одном из сел в Мелитопольском уезде. В 1922 году он в течение полугода служил в Новоспасском монастыре в Москве, а в 1923 году был направлен служить в храм в село Воскресенское Можайского уезда Московской губернии.

В 1925 году священноначалие направило отца Николая настоятелем в храм Святой и Живоначальной Троицы в Кожевниках в Москве, и он был возведен в сан протоиерея. Храм был выстроен в 1689 году и носил на себе следы древнего величия и щедрой благотворительности благочестивых купеческих семейств. Но в начале XX столетия прежнее величие храма стало быстро угасать, что было связано со строительством заводов в этом районе, — со всех сторон он оказался окруженным фабричными и заводскими

постройками. Резко уменьшилось число прихожан, и в храме стал ощущаться недостаток средств, так что назначавшиеся сюда священники старались как можно быстрее перейти на другой приход, смотря на это место как на беспокойное и ненадежное. Разруха резко увеличилась после безбожной революции, и дело кончилось тем, что в 1925 году храм был закрыт. Две недели храм простоял без богослужений, когда в него был назначен отец Николай. Священник начал с того, что создал вокруг этого храма живой приход.

Понимая, что поддержание благолепия храма — это дело самих прихожан, он обратился к ним с воззванием, в котором писал: «Пусть придет на помощь... общехристианское безгранично-великое милосердие. Помогите на ремонт храма. Гибель святыни — есть гибель чести нашей славной и благочестивой веры».

Отец Николай часто служил и за всеми богослужениями проповедовал; он устраивал богословские беседы, приглашая на них известных и авторитетных профессоров. Беседы проводились в воскресенье вечером и стали подлинным духовным утешением и приобретением для прихожан в оскудевшее духовными сокровищами, проникнутое духом злобы время. В храм по просьбе отца Николая приносились из других храмов для сугубых молений чудотворные иконы Богоматери и святого мученика и чудотворца Трифона. Из числа прихожан было создано общество постоянных жертвователей на ремонт и благоустройство храма: они жертвовали по двадцать рублей на содержание храма четыре раза в год, и им выдавался билет, в котором значилось, что они имеют нравственное право участвовать во всех церковных делах прихода, и напоминалось, что «храм существует только жертвами прихожан».

Было заведено как добрый порядок, чтобы настоятель храма ежегодно отчитывался перед собранием прихожан о сделанном в приходе и потраченных средствах. В третий год своего настоятельства отец Николай, обращаясь к прихожанам на приходском собрании, сказал: «Дорогие и любезные друзья мои, третий год

Протоиерей Николай Кобранов

Москва. Бутырская тюрьма. 1936 год

вернул нас назад к первому году нашей работы, то есть приход средств в храм выразился в сумме около 10 500 рублей, когда второй, предпоследний год дал 12 500 рублей. Причины уменьшения приходной суммы в нашем храме — осмеливаюсь указать — следующие: ...стесненность в средствах у всех. Те многочисленные слухи и толки, которые усиленно распространялись в приходе некоторыми известными вам лицами, желавшими лишить меня вашего священного и любезного доверия. Говорилось, что я на церковные средства посещаю курорты, говорилось, что я безрасходно трачу средства на торжественные богослужения, на устройство бесед, на длительные богослужения и даже — на ремонт и украшение храма. Враждебность против нашей любви к храму доходила до того, что отчет за прошлый год стал в подробностях известен гражданским учреждениям, хотя он был составлен только для приходской среды. Мне приходилось доказывать, что мы насильно руководимся расходом, а не приходом средств, и разными усиленными способами дотягиваем приход до расхода. Мы просим, умоляем всех о помощи, занимаем, нуждаемся всегда в средствах и всегда год оканчиваем с долгом и в самых тяжелых материальных условиях. Вся эта враждебность, противодействие и безразличие к храму досужих и бесполезных прихожан имели плохие последствия на поступление средств в храм.

Создалось пагубное мнение, что я один что-то могу сделать без вашей помощи. Напуганные запустением родного и близкого храма вы лучше мне помогали в первые годы, чем потом. Помните, что запустение отдалено нашими совместными усилиями, но оно не уничтожено и может вновь наступить, если вы меня одного оставите.

Многие оставляли храм и возвращались, но всегда с храмом было Милосердие Божие. Наш храм порой из приходского обращался в беспризорного, ищущего общехристианского милосердия, но Всемогущая Рука Божия провела нашу жизнь с честью и через третий год. Я выматывал жилы своими просьбами о помо-

щи храму, по словам соседнего священника, а Бог родил жалость в сердце человеческом к этому дивному храму. И мы чудом, не видимою, но явно осязаемою помощью Божественною в этом году сделали ремонт храма, сшили два облачения, черное и белое, поправили три Евангелия, приобрели сосуд, крестильный ящик, ризу на икону Богоматери, две иконы преподобного Серафима. Я говорю это, чтобы вы воздали славу Богу, дивно действующему через нас, недостойных и немощных, во святом этом храме молящихся».

Затем, поблагодарив некоторых из прихожан поименно за оказанную помощь, отец Николай сказал: «Не смею вам указывать и предлагать, что нужно сделать в четвертом году нашей работы и пребывания в этом храме. Я глубоко верю, что ваше сердце не изменит и в этом году храму Святой и Животворящей Троицы, дающей поущение бедности, заброшенности, оставленности, но по вере и дивно помогающей во всем».

К престольным праздникам и к памятным дням отец Николай отправлял поздравительные открытки прихожанам, которые иногда сопровождал наиболее созвучными его сердцу стихами русских поэтов; одной из прихожанок, например, он отправил в поздравление стихи Хомякова:

«Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе,
Высший подвиг — в терпенье,
любви и мольбе.
Если сердце заныло
перед злобой людской
Иль насилье хватило
тебя цепью стальной,
Если скорби земные
жалом в душу впились, —

С верой бодрой и смелой
ты за подвиг берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них,
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
гордой черни людской.
Подвиг есть и в сраженье,
Подвиг есть и в борьбе,
Высший подвиг – в терпенье,
любви и мольбе.

Не забудьте храм своею милостью в праздник святой мученицы Параскевы», — закончил свое письмо отец Николай.

Власти пристально следили за ревностным пастырем, и 28 октября 1929 года он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. 2 ноября состоялся допрос. Отвечая на вопросы следователя, отец Николай сказал: «Я являюсь священником Троицкой церкви, которая представляет из себя историческую ценность... и приходится принимать усиленные меры к изысканию средств на его поддержание, к тому же этот район чисто рабочий, где мало верующих людей.

Сестричество организовано мной в начале моего назначения в этот храм... на него возложена главная забота о храме, чем оно и занимается... Для этой же цели были введены членские взносы от верующих, которые поступают и вносятся в книги прихода.

В притворе храма при входе висит доска для объявлений, на которой объявляется о богослужениях. Таким путем мной вывешено объявление о взносах на храм.

Мной были посылаемы сестры-прихожанки с подписными листами с целью сбора средств на нужды прихода. На престольный праздник мучеников Кира и Иоанна были торжественные службы с участием архиепископа. Я, как молодой священник, сознательно цели борьбы с советской властью не ставил, и если обращался к верующим, то только в силу своих религиозных убеждений для поддержания храма».

Сразу же после допроса следователь на основании сказанного только что священником заявил, что отец Николай «организовал группу верующих для ведения антисоветской пропаганды под церковным флагом. И вел пропаганду также и сам лично, и в печати, а потому... привлечь Кобранова Николая Яковлевича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по 58 статье УК...»

20 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило заключить протоиерея Николая на три года в концлагерь, и он был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. По окончании заключения отец Николай был отправлен на три года в ссылку в Казахстан, откуда он вернулся в 1935 году и поселился в деревне Кукарино Можайского района. Бывая в Москве, отец Николай встречался с монахинями и игумениями, иногда совершал в квартире богослужения, что впоследствии ему и было поставлено в вину.

27 апреля 1936 года отец Николай был арестован и заключен в 48-ю камеру Бутырской тюрьмы в Москве. В тот же день состоялся допрос.

— Признаете ли вы себя виновным в том, что, вернувшись из ссылки в 1935 году, начали организовывать нелегальный монастырь? — спросил следователь Байбус отца Николая.

— Нет, не признаю. Я не организовывал никаких нелегальных монастырей.

— Вы устраивали нелегальные богослужения на квартире игуменьи?

— Да, устраивал. Я совершил молебное пение.

— На этом собрании вы вели контрреволюционные беседы?

— Нет, не вел.

— Вы говорите неправду. Следствию известно, что вы высказывали контрреволюционные взгляды и допускали выпады против руководимого советской властью государства. Что вы можете показать?

— Это я отрицаю. Я ни с кем на эту тему не говорил. Мое личное отношение к советской власти заключается в несогласии с ней по религиозному вопросу, так как она разрушает... храмы и репрессирует невинно верующих и духовенство.

Следствие продолжалось в течение месяца. На одном из допросов следователь спросил священника:

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении в том, что, являясь активным участником контрреволюционной группы, участвовали в нелегальных собраниях группы и вели антисоветскую агитацию?

— Виновным в предъявленном мне обвинении себя не признаю, — ответил отец Николай.

— Вы признаете, что организовали нелегальные группы, вернувшись из ссылки?

— Нет, не признаю.

— С какой же целью вы устраивали нелегальные собрания на квартире?

— На квартире я нелегальных собраний не устраивал, а совершал богослужение.

— Вы зарегистрированы как служитель религиозного культа в административном отделе?

— После возвращения из ссылки я в административном отделе не регистрировался, также не регистрировался и в Синоде.

— Вы на нелегальных собраниях группы распространяли контрреволюционную клевету! Это вы признаете?

— Нет, не признаю.

— Вы говорите неправду. Известно, что на нелегальных собраниях вы распространяли контрреволюционную клевету о том, что в Советском Союзе жить стало совершенно невозможно, такого рабства, насилия и репрессий нигде нет. Вы это подтверждаете?

— Это я отрицаю. Контрреволюционной клеветы я не распространял.

Во время допроса Байбус, желая уязвить священника, заявил, что даже жена священника считает его помешанным на религиозной почве и вскоре пришлет ему развод. «Но не беспокойтесь, святым вас не сделаем», — зло сказал он.

16 мая 1936 года отец Николай подал заявление прокурору по надзору за органами НКВД с объявлением, что он начинает бессрочную голодовку до освобождения.

20 мая 1936 года следствие было закончено и следователь, вызвав отца Николая на допрос, спросил, желает ли он чем дополнить следствие, на что тот сказал, что не желает, и подал следователю заявление, в котором писал, что просит считать его голодовку не протестом против советской власти, а средством для обретения внутреннего равновесия в условиях крайнего насилия. Переносить тюрьмы и репрессии в обстановке крайней несправедливости он может, только прибегая к крайним средствам, могущим вернуть ему самообладание, каковым и является для него голодовка-пост. Он писал, что просит вести его дело без задержек, но не настаивать на отказе от голодовки. «Мы не терзаем, не казим, но вместе жить мы не хотим». Насилия не переносу всякого», — писал в своем заявлении отец Николай.

В тот же день администрация тюрьмы, пригласив известных профессоров, освидетельствовала священника на предмет его психического здоровья и дала заключение, что душевным заболеванием отец Николай не страдает, а в его поступках проявляется его личный характер и фанатичная вера. Начальник секретного

политического отдела НКВД Тимофеев в свою очередь пообещал священнику, что лагерь ему заменят ссылкой.

21 мая 1936 года Особое Совещание при НКВД приговорило отца Николая к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

29 июня 1936 года он был доставлен в Ухтпечлаг в город Чибью, а затем на лагпункт Шор. 1 декабря 1936 года отец Николай вновь объявил голодовку, требуя заменить лагерь тюремной одиночкой или ссылкой. 9 декабря начальник лагпункта отправил своему начальству сообщение, что священник, «находясь за неимением отдельного помещения для его изоляции среди массы этапников в общем бараке, своими выступлениями и проповедованием явно антисоветских идей разлагающе действует на массу.

На основании сего приму срочное распоряжение об изоляции его, так как дальнейшее содержание на лагпункте Шор крайне нежелательно и невозможно».

17 декабря отец Николай был освидетельствован врачами, состояние его здоровья было найдено крайне тяжелым, и он был помещен в лазарет.

21 января 1937 года священник отправил заявление, адресованное через наркома НКВД Ежова начальнику секретного политического отдела НКВД Тимофееву. В нем он писал: «Сегодня 260 дней моего третьего заключения (с 27.4.36 г. по 21.1.37 г.). Сегодня 130 дней моей голодовки с 16 мая 1936 года... Причины в Вас и в Байбусе...

Байбус так поставил вопрос, что совершение литургии мной на дому есть государственное преступление. Не изменяя клятве священства и Деснице Всевышнего до смерти, не могу согласиться, что литургия в какой бы то ни было обстановке может быть преступлением.

Не соглашусь с Байбусом, что я должен домашнюю молитву регистрировать у гражданской власти после отделения Церкви от

государства. Я законный священник, избранный народом, в этой области подчиняюсь только признаваемому мной Епископу.

Грубо нарушены принципы веротерпимости и законы отделения Церкви от государства. Здоровьем и жизнью, мукой крайней вынужден в революционной среде защищать неприкосновенность убеждений».

Заявление было «оставлено без удовлетворения», и 4 февраля 1937 года протоиерей Николай направил еще одно письмо на имя Ежова, прося заменить заключение в лагере на тюремную одиночку, но и оно осталось без последствий.

Однако отец Николай продолжал требовать если и не освободить его, то по крайней мере поместить в тюремную одиночку, и прокурор под обещание снять голодовку заявил, что требование священника будет выполнено, и 15 июля 1937 года тот снял голодовку.

Состояние здоровья отца Николая было столь тяжелое после длительного голодания, что врачи оставили его в стационаре. С этого времени последовал целый ряд доносов в оперативную часть лагеря от начальника учетно-распределительной части Читтадзе, бывшего члена партии, осужденного на десять лет заключения за воровство, которому сотрудник лагерной учетно-распределительной части, также из заключенных, сообщил, что он оказался в лазарете вместе со священником и тот лежал в лазарете как голодающий, а на самом деле не голодал (в это время тот действительно прекратил голодовку). Впоследствии он об отце Николае показал: «В период моего нахождения в лазарете проводилась кампания по зачету рабочих дней заключенным, и больные, сидя возле помещения лазарета, беседовали по этому вопросу. Проходивший в это время заключенный Кобранов, обратившись к заключенным, сказал: “Вы что здесь греетесь на солнышке, идите, там в клубе большевики временем торгуют”. Перед принятием пищи заключенный Кобранов демонстративно крестился, а по утрам, становясь в угол, молился. На себе он носил крест. В ла-

зарете он пользовался большим вниманием со стороны администрации...»

23 июля 1937 года начальник 3-й части 3-го отделения распорядился, чтобы отец Николай был переведен из лазарета на общие работы, о чем было уведомено начальство лазарета 1-го промысла, в котором находился священник. Заведующий лазаретом ответил, что этого сделать нельзя, так как состояние здоровья Николая Кобранова после длительной голодовки очень тяжелое.

16 августа отец Николай был выписан из лазарета на общие работы, а 27-го заключен под стражу в следственный изолятор и ему было предъявлено обвинение в проведении антисоветской агитации. Отец Николай заявил, что отказывается подписывать это постановление, а также и давать показания. Поскольку большую часть заключения отец Николай пробыл в лазарете, то с начальника лазарета была спрошена характеристика на священника; он написал, что священник «лазаретному режиму подчинялся. Религиозен. По мере возможности старался соблюдать религиозные обряды (посты, молитвы)».

Так для отца Николая началось новое и последнее следствие. Во множестве были доброшены свидетели, и одни лгали, находясь в том же положении заключенных, что и священник, надеясь ложью облегчить свою участь, а другие говорили правду.

Допрошенная медсестра лазарета показала: «В отношении его состояния здоровья я как медсестра должна сказать, что он был не здоров — у него были отеки на ногах, а это свидетельствовало о расстройстве сердечной деятельности, царапины на его теле заживали очень медленно и осложнялись гнойными воспалениями. Это говорит о его болезненности как, очевидно, результате его голодовки. Об антисоветских проявлениях заключенного Кобранова я ничего не знаю и ни от кого не слышала. Знаю, что он священник».

28 августа в три часа утра протоиерея Николая вызвали для медицинского осмотра лекпом и сотрудники следственного изо-

лятора; священник заявил, что медицинское освидетельствование он производить не желает, так как голодает, и с представителями 3-го отдела и медицинскими работниками разговаривать не желает.

11 сентября 1937 следователь допросил священника.

— Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении по статье 58, пункт 10, часть 1 УК РСФСР, которое изложено в постановлении, вторично вам объявленном и от подписи которого вы вторично отказались? — спросил его следователь.

— Виновным себя в антисоветской агитации я себя не признаю, но заявляю, что я человек собственного мировоззрения и говорю то, что я думаю. Сказать о своих суждениях — являются они антисоветскими или нет, я не могу, потому что в этом вопросе совершенно не разбираюсь.

— Что можете добавить к следствию?

— Я не переношу современной суматохи жизни, и для меня совершенно безразлично, дадут ли мне бессрочное заключение, смертный приговор, — я готов принять все, но на волю я не хочу, то есть определяю себя оторванным от настоящей жизни. Я с прибытием в Ухтпечлаг все время голодал по той причине, что в Москве начальник секретного политического отдела Тимофеев дал мне слово не направлять меня в лагерь, но, однако, я вопреки этому обещанию был направлен. Я очень признателен администрации Ухтпечлага за внимательность ко мне во время моей голодовки, которая является не протестом, а видом самообладания в чуждой обстановке. Конкретно я прошу для себя тюремного одиночного заключения, обещанного мне прокурором прокуратуры СССР Седовым, и прошу этот процесс ускорить.

От подписи под постановлением в предъявленном ему обвинении отец Николай отказался, и следователями был составлен акт, что «на поставленные ему вопросы по существу доказанности его виновности... заявил, что он категорически отказывается отвечать на такого характера вопросы, а в противном случае пре-

кратит всякий разговор по его делу, а также отказался от производства очных ставок. Кроме того, заявил, что он человек своих убеждений — иного мира воззрений, что о своих убеждениях он открыто говорил в свое время на Лубянке 2, что с убеждениями можно бороться только или смертью, или терпимостью и что его, Кобранова, может исправить только могила».

В этот же день следствие было закончено, и следователь спросил священника, желает ли тот ознакомиться с материалами следственного дела и что-либо добавить к следствию. Взяв ручку, тот написал: «С материалами следствия ознакомиться желания не имею. Все мое мировоззрение и отношение к Власти изложено начальнику секретного политического отдела Тимофееву и в заявлениях в органы Власти, и комментарии показателей отвожу, как излишне участвующих в ясной договоренности».

В тот же день дело было передано на решение тройки НКВД. 29 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Николая к расстрелу. Протоиерей Николай Кобранов был расстрелян 31 декабря 1937 года и погребен в неизвестной могиле.

И когда был на свободе, и из заключения отец Николай посылал своим духовным детям и прихожанам стихи, и одно из них было такое:

Молись в день радужного счастья,
Пред трудным подвигом — молись!
Молись, когда грозит несчастье,
Когда смущаешься — молись!

Молись, когда обиду сносишь,
Когда в опасности — молись!
Молись, когда за милых просишь,
За злого недруга молись!

Молись, когда слабеют силы,
Когда возносишься — молись!
Молись у дорогой могилы,
За жизнь рожденную — молись!

Молись в минуту искушенья,
Коль победил себя — молись!
Молись в печальное мгновенье,
Чтоб Бог простил тебя — молись!

ИСТОЧНИКИ:

ЦА ФСБ России. Д. Н-5552, д. Р-35879.
Архив УФСБ России по РК. Д. П-8393.

Декабря 21 (3 января)

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК

Леонтий (Строцюк)

Священномученик Леонтий родился в январе 1878 года в селе Сагрань Грубешовского уезда Холмской губернии в украинской семье псаломщика Иосифа Строцюка.

В 1904 году он был определен псаломщиком в Троицкий храм в родном селе, а в 1907 году рукоположен в сан диакона к тому же храму. В 1918 году отец Леонтий был переведен на служение в Московскую епархию и определен в Казанскую церковь в селе Коломенское Московского уезда. В 1921 году он был награжден двойным орарем.

25 ноября 1937 года в Садовниковском сельсовете по требованию НКВД выдали справку. В ней было написано, что диакон Леонтий: «является организатором всех верующих сельсовета, со своей стороны считаем, что он не советский человек и своей агитацией мешает проводить все кампании на селе». 25 и 26 ноября следователи допросили свидетелей, которые подписали необходимые показания.

1 декабря власти арестовали благочинного протоиерея Валентина Кострова, заштатного священника Петра Успенского и диакона Леонтия Строцюка, заключив их в Таганскую тюрьму в Москве. На следующий день после ареста отец Леонтий был допрошен.

— Когда и за что вы привлекались к судебной ответственности? — спросил следователь.

— К судебной ответственности я не привлекался.

— Какие у вас взаимоотношения с гражданами, проживающими в селах Коломенском и Садовниках?

— Взаимоотношения с гражданами, проживающими в селах Коломенском и Садовниках, нормальные, ссор и личных счетов ни с кем не имел и не имею.

— Вы обвиняетесь в том, что совместно с Костровым и Успенским вели активную контрреволюционную деятельность. Дайте показания.

— Никакой антисоветской деятельности я не вел.

— Показаниями свидетелей, допрошенными по вашему делу, вы достаточно изобличаетесь в том, что вели активную контрреволюционную деятельность.

— Хотя я и уличаюсь свидетельскими показаниями в своей антисоветской деятельности, но лично я не вел никакой антисоветской агитации.

— Следствие вам не верит. Вы лжете и не даете правдивых показаний.

— Я следствию даю правдивые показания.

— Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Виновным в предъявленном мне обвинении я себя не признаю.

На этом допросы были закончены. 3 декабря дело было передано на рассмотрение тройки НКВД, которая 7 декабря 1937 года приговорила диакона Леонтия Строцюка к десяти годам заключения в лагере. Этапом он был отправлен в Амурлаг Амурской области.

8 апреля 1939 года отец Леонтий подал заявление, в котором просил пересмотреть его дело, потому что никакого преступле-

ния он не совершал. Поскольку разбирательство шло долго, отец Леонтий 27 октября 1939 года подал еще одно заявление. В это время он уже находился в лазарете Малая Нюкжа первого отделения Амурлага.

Были передпрошены свидетели, а также вызваны на допрос другие. Все они подтвердили, что отец Леонтий высказывался в защиту Церкви, был недоволен закрытием храмов и поруганием святынь. Его просьбы были оставлены без последствий.

Диакон Леонтий Строцюк скончался 3 января 1941 года в Бамлаге НКВД в Амурской области и был погребен в неизвестной могиле.

ИСТОЧНИКИ:

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-18845.
АМП. Послужной список.
Сообщение ИЦ УВД Амурской области.

Настоящее издание
подготовлено Фондом

**«Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»**

В задачи Фонда
входит подготовка материалов, касающихся
подвига мучеников и исповедников XX столетия,
и в соответствии с этим — изучение архивных документов,
личных свидетельств и составление жизнеописаний.

Электронную версию всех изданий Фонда,
сведения о его деятельности, календарь новомучеников,
аудио- и видеоматериалы можно найти
в Интернете на сайте Фонда:

www.fond.ru

Почтовый адрес Фонда для переписки и заказа книг:
103051 а/я 7. Фонд «Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»

Тел. Фонда: **(095) 363 01 26**

— — — — —

**Фонд «Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»**

ВЫПУСТИЛ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

- *Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. В 7 книгах.* Тверь, Булат, 1992–2002.
- *Дамаскин (Орловский), иеромонах. Житие священномученика Фаддея, архиепископа Тверского.* Тверь, Булат, 1997.
- *Дамаскин (Орловский), иеромонах. Житие священномученика Феодора и иже с ним пострадавших.* Тверь, Булат, 1998.
- *Дамаскин (Орловский), иеромонах. Новомученики Тверской епархии XX столетия.* Тверь, Булат, 1999.
- *Дамаскин (Орловский), игумен. Житие священноисповедника Романа (Медведя; 1874–1937).* Тверь, Булат, 2000.
- *Дамаскин (Орловский), игумен. Житие священномученика Петра (Зверева; 1878–1929).* Тверь, Булат, 2001.
- *Митров Олег, священник. Житие священномученика Арсения.* Тверь, Булат, 2001.
- *Балуев Б.П. Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа».* Тверь, Булат, 2001.
- *Дамаскин (Орловский), игумен. Серия брошюр: Жития мучеников и исповедников Русской Православной Церкви.* Тверь, Булат, 2002–2004.

- **Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Январь—Май; Июнь—Август; Сентябрь—Октябрь; Ноябрь; Декабрь; Дополнительные тома I, II, III.** Тверь, Булат, 2002—2005.

- **Священномученик Фаддей (Успенский; 1872—1937), архиепископ Тверской. ТВОРЕНИЯ. Книга I. Проповеди. Книга II. Записки по дидактике. Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».** Тверь, Булат, 2002—2003.

- **Священноисповедник Амвросий (Полянский; 1878—1932), епископ Каменец-Подольский и Брацлавский. Учение о Царстве Божием по сочинению блаженного Августина «О Граде Божием». Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».** Тверь, Булат, 2003.

- **Священномученик Петр (Зверев; 1878—1929), архиепископ Воронежский. Экзегетический анализ первых двух глав Послания апостола Павла к Евреям. Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».** Тверь, Булат, 2004.

- **Священномученик Андроник (Никольский; 1870—1918), архиепископ. ТВОРЕНИЯ. Книга I. Статьи и заметки. Книга II. Проповеди, обращения, послания. Серия «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».** Тверь, Булат, 2004.

ЖИТИЯ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ XX ВЕКА
МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Дополнительный том

III

Издательство «Булат»
при участии регионального общественного Фонда
«Память мучеников и исповедников
Русской Православной Церкви»

Лицензия ИД № 05066 от 04.06.01 г.
Налоговая льгота – Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93, том 2; код 953000 – научно-историческая литература.
Подписано в печать 31.03.2005 г.
Формат 60x90/16. Тираж 3000 экз. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18. Изд. № 373. Заказ №
ООО «Издательство «Булат», г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 9.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 5-902112-38-9

